

ЦВЕТЫ
СЛИВЫ
В ЗОЛОТОЙ
ВАЗЕ,

или
ЦЗИНЬ
ПИН,
МЭЙ

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке](#)
[Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Ланьлинский насмешник

**Цветы Сливы в Золотой Вазе
или Цзинь, Пин, Мэй**

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ» (I)^[1]

Полагаю, весьма разумно поступил Ланьлинский Насмешник, что в повести «Цзинь, Пин, Мэй» поведал свои мысли через изображение нынешних обычаев и нравов.

Ведь семь страстей^[2] волнуют человека. И самая сильная из них печаль. У тех, кто отличается высоким умом и просвещенностью, она рассеивается как туман, тает будто лед, потому не о них должно вести речь, как и не о тех, кои уступают им, но, вняв рассудку, сохраняют самообладание и не доводят себя до терзаний. Зато сколь редко случается, чтобы не приковала она к постели людей невежественных, кто не сообразуется с разумом и тем паче не умудрен знаниями.

Посему мой друг Насмешник, исчерпав до глубины повседневную жизнь, и сочинил эту повесть объемом в сто глав. Язык ее удивительно свеж и по душе каждому. Сочинитель не ставил себе иной цели, как прояснить деловые отношения между людьми, отвратить от порока, отделить добро от зла; помочь познать, что усиливается и расцветает, а что увядает и гибнет. Будто воочию видишь, как свершаются в книге воздаяние за добро и кара за зло. Так и слышится во всем живое биение. Кажется, тысячи тончайших нитей вздымаются, но никогда не спутываются под сильнейшими порывами ветра. Оттого, едва взявшись за книгу, читатель улыбается и забывает печаль.

Сочинитель не чурается просторечия и грубых выражений. В книге говорится о «румянах и белилах».^[3] Однако, не в этом, скажу я вам, ее суть. Ведь песни, вроде «Утки кричат»,^[4] «весьма игривы, но вместе с тем вполне пристойны; весьма трогательны, но вместе с тем не ранят душу».^[5] Всякий жаждет богатства и знатности, но редкий довольствуется ими разумно и в меру; всякий ненавидит горе и страдание, но лишь редким не сокрушают они душу.

Читал я сочинения «певцов скорби»,^[6] прошлых поколений – «Новые рассказы под оправленной лампой» Лу Цзинхуэя^[7] «Повесть об Инъин» Юань Чжэня, «Убогое подражание» Чжао Би,^[8] «Речные заводы» Ло Гуаньчжуна,^[9] «О любви» Цю Цзюня,^[10] «Думы о любви» Лу Миньбао, «Чистые беседы при свечах» Чжоу Ли,^[11] а также и более

поздние сочинения – «Повесть о Жуи» и «Юйху».^[12] Слог их точен и изящен, но усладить душу они не могут. Читатель откладывает их, не дойдя до конца.

Другое дело – «Цзинь, Пин, Мэй». Хотя повесть наполняют самые обыкновенные толки, какие слышишь на базарах и у колодцев; ссоры, доносящиеся из женских покоев, – ею упиваешься, как упивается соком граната ребенок, – так она ясна и понятна. Пусть ей и недостает прелести отделанных сочинений древних авторов, ее литературные достоинства привлекательны во многих отношениях.

Повесть приносит пользу еще и тем, что проникнута заботою об устоях и нравах повседневной жизни, прославляет добродетель и осуждает порок, избавляет от гнетущих дум и очищает сердце. Взять к примеру влечение плоти. Всякого оно и манит и отвращает. Но люди ведь не мудрецы, вроде Яо или Шуня,^[13] а потому редким удается его преодолеть. Стремление к богатству, знатности и славе – вот что не дает человеку покоя, совращает его с пути истинного.

Посмотрите, сколь величественны громады палат и дворцов с подернутыми дымкой окнами и теремами! Как красивы золотые ширмы и расшитые постели! С каким изяществом ниспадает прическа-туча и как нежна полная грудь юной красавицы! Сколь неумоима в игре пара фениксов! Какая расточительность в одежде и пище! Как созвучны шепот красавицы и шелест ветерка с подлунной песнею юного таланта! Как чарует мелодия, безудержно льющаяся из ароматных уст! Сколько страсти в женских ласках! «Руки нежно белые уж соединились и сплелись. „Золотые лотосы“ взметнулись и опрокинулись...» Вот в чем наслаждение. Но в пору наивысшего счастья, увы, стучится горе. Так скорбью омрачается чело в разлуке, так всякий ломает ветку сливы-мэй пред расставаньем, потом гонцов почтовых ждут, шлют длинные посланья. Не миновать страдания, отчаянья, разлуки. Не укрыться от меча, занесенного над головой. В мире людей не уйти от закона, на том свете не миновать демонов и духов. Чужую жену совратишь, твоя начнет другого соблазнять. Кто зло творит – накличет беду, кто добро вершит – насладится счастьем. Никому не дано этот круг обойти. Вот отчего в природе весна сменяется летом, осень – зимою, а у людей за горем приходит радость, за разлукою – встреча, и в этом вовсе нет ничего странного.

Будешь жить по законам Природы, покой и довольство сопутствовать будут тебе до самой кончины, а дети и внуки продолжают навеки твой род. А воспротивишься воле Природы, в мгновенье нагрянет беда – погубишь себя и имя свое.

В нашем мире одно поколение сменяет другое. Да, это так. Но счастье тому лишь, кого минуют горе и позор.

Вот почему я и говорю: да, разумно поступил Насмешник, что создал эту повесть.

Весельчак^[14] писал на террасе в Селенье Разумных и Добротельных

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Повесть «Цзинь, Пин, Мэй» сочинил один из крупнейших мастеров слова, особо прославившийся в царствование покойного Государя Императора.^[15] История эта вымышленная, а потому таит шипы и колючки. Автор, в самом деле, обнажает самые уродливые явления жизни, но разве не также поступил Первоучитель, когда отказался изъять песни царств Чжэн и Вэй?^[16]

Каков бы ни был исход того или иного события из описанных в книге, он всякий раз обусловлен, порою тщательно скрытой причиной. Ведь великой любовью и состраданием переполнялось сердце писавшего эту книгу, и ныне те, кои распространяют ее, совершают подвиг примерный.

Людам неосведомленным, которые замечают в книге только непристойности, особо разъясняю: вы не только не понимаете авторского замысла, но также извращаете намерения тех, кто книгу распространяет.

Двадцатиштриховый^[17]

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЦЗИНЬ, ПИН, МЭЙ» (II)^[18]

Да, в «Цзинь, Пин, Мэй» изображен порок. (В хвалебном отзыве, с которым поспешил выступить Юань Шигун,^[19] излито скорее его собственное недовольство, нежели дана оценка произведения). Правда, у автора были на то свои основания. Ведь он предостерегал от порока читателей. Так, из многих героинь он выбрал только Пань Цзиньянь, Ли Пиньэр и Чуньмэй, имена которых составили название книги. И в этом скрыт глубокий смысл. Ведь от своего же коварства сошла в могилу Цзиньянь, грехи погубили Пиньэр, стала жертвой излишеств Чуньмэй. Как раз их судьбы оказались куда трагичнее судеб остальных героинь.

Автор сделал Симэнь Цина живым воплощением тех, кого на сцене играют с разрисованным лицом, Ин Боцзюэ – живым воплощением малого комика, а распутниц – живыми воплощениями женщин-комиков и женщин с разрисованным лицом,^[20] да настолько убедительно, что от чтения книги прямо-таки бросает в пот, поскольку предназначена она не для наущения, но для предостережения.

Вот почему я постоянно повторяю: блажен тот, кто проникается жалостью к героям «Цзинь, Пин, Мэй»; достоин уважения тот, кто устрашается; но ничтожен – восхищающийся и подобен скотине – подражающий.

Мой друг Чу Сяосю взял как-то с собой на пир одного юношу. Когда дело дошло до представления «Ночной пир гегемона»,^[21] у юноши даже слюнки потекли. «Вот каким должен быть настоящий мужчина!» – воскликнул он. «Только для того, чтоб, как Сян Юй, окончить свою жизнь в волнах Уцзяна?!» – заметил Сяосю, и сидевшие рядом сочувственно вздохнули, услышав его справедливые слова.

Только тому, кто уяснит себе эту истину, позволительно читать «Цзинь, Пин, Мэй». Иначе, Юань Шигун был бы глашатаем разврата. Люди! Прислушайтесь к моему совету: ни в коем случае не подражайте Симэню!

Играющий жемчужиной из Восточного У набросал по дороге в

Цзиньчан в конце зимы года дин-сы в царствование Ваньли^[22]

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭПИГРАФ

В романсе^[23] поется:

О, сколь прекрасны Острова Бессмертных,^[24]

О, сколь роскошны парки у дворцов.

Но мне милее сень лачуги тесной

И скромная краса лесных цветов.

Ах, что за радость здесь и наслажденье

Весной

И летом

И порой осенней.

Вино согрелось, дышит ароматом.

Мой дом – блаженства и беспечности приют.

Заглянут гости – что же, буду рад им,

Пусть и они со мною отдохнут.

Какое счастье мне в удел дано!

Я сплю,

Пою

И пью вино.

Хоть тесновато в хижине убогой,

Но там вдали, за крошечным окном

Мне холмик кажется уже горой высокой

И морем – обмелевший водоем.

Прислушаюсь – какая тишина!

Прохлада,

Тучи

И луна.

Вино все вышло. Чем же гостя встречу?

Я в глиняные чашки чай налью

И разговор наш боль души излечит,

В беседе тихой он забудет скорбь свою.

Так мало – и уж счастлив человек!

Циновка,

Стол

И прелесть гор и рек.

Немного отойду и возвращаюсь,

Любуюсь — до чего красиво здесь.
Вот домик мой, вот ручеек журчащий,
А вот тростник поднялся словно лес.
Глаза туманятся слезой невольной.
Просторно,
Тихо
И привольно.
Чем скрасить мне досуг потока дней счастливых?
Я каждое мгновение берегу,
Чтоб видеть игры рыбок шаловливых,
Цветов цветенье, лунный блеск в снегу.
Устану и светильник зажигаю,
Беседую,
Читаю
И мечтаю.
Я вымел пыль. В моей лачуге чисто.
Но ты, безжалостное время, пожалей
Украшивший крыльцо багрянец листьев
И сизый мох в расщелинах камней.
Вот слива-мэй роняет лепестки.
Сосна,
Бамбук
И рябь реки.
Деревья и цветы, посаженные мною, —
Дань благодарности природы чудесам.
Она меня вознаградит весною,
Ведь я по веснам счет веду годам.
Так я обрел бессмертие в тиши:
Довольство,
Негу
И покой души.

РОМАНСЫ О ПРИСТРАСТИЯХ

ПЬЯНСТВО

Вино – источник гибели людей,
Вино – источник грубости и ссор,
Вино врагами делает друзей,
Вино – семей проклятье и позор.
Не пей, не пей благоуханный яд,
Богатства своего не расточай.
И чтоб не ведать горечи утрат,
Гостей отныне чаем угощай.

СЛАДОСТРАСТИЕ

Отврати свой взор от женщин,
От их пудры и румян.
Пусть они красою блещут,
Не поддайся на обман.
Век распутника недолог,
Что ж, ему и поделом.
Ты ж, подняв над ложем полог,
Почивай спокойным сном.

АЛЧНОСТЬ

Золото и жемчуг крепче запирай,
Темными путями их не добывай.
В алчности ведь можно друга потерять,
Позабыть в корысти и отца и мать.
Не вертись без толку, не тянись рукой,
И душе, и телу возврати покой.
О богатстве внуков хлопоты пусты –
Их не осчастливишь жемчугами ты.

СПЕСЬ

Научите гнать свой гнев,
Спесь и чванство бросьте.
В ярости – как опьянев,
Как ослепнув – в злости.
Лучше мир, а не война,

Не кулак – пожатие.
Даже если есть вина,
Научись прощать ее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У СУН УБИВАЕТ ТИГРА НА ПЕРЕВАЛЕ ЦЗИНЬЯН

НЕДОВОЛЬНАЯ МУЖЕМ ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ КОКЕТНИЧАЕТ С ПРОХОЖИМИ

*В романсе поется:
Богатырь все сокрушит,
Лишь сверкнет меч узкий крюк,^[25]
Но сробеет, задрожит
Пред красавицею вдруг.
Уж на что герой Лю Бан,^[26]
Уж на что храбрец Сян Цзи,^[27]
Но погибли не от ран,
А от страсти к Юй и Ци.^[28]*

В этом романсе говорится о чувстве и страсти, которые слиты воедино и вместе проявляются. Только страсть горит в глазах, а чувства волнуют сердце. Как неотделимы сердце и глаза, так порождают друг друга чувства и страсть. С давних времен об этом не забывают достойные мужи. Ведь еще при династии Цзинь^[29] некто сказал: «Я сам – сосредоточие чувства»^[30] Магнит скрыто влечет к себе железо, и никакие преграды ему нипочем. Так ведут себя бесчувственные предметы, что ж говорить о человеке?! День-деньской обуревают его чувства и страсти.

Лишь сверкнет меч узкий крюк... так называли в древности знаменитый меч. Были в старину мечи Гань Цзяна и Мое, тайэ и узкий крюк, юйчан и чжулоу.^[31] В романсе и поется о твердом, словно гранит, могущественном, как небеса, богатыре, который покорился

женщине.

В свое время гегемон Западного Чу по фамилии Сян, по имени Цзи, по прозванию Юй, вместе с правителем Царства Хань – Лю Баном, которого звали иначе Лю Цзи, поднял войска против Циньского Шихуана,^[32] потому что тот нарушил праведный путь: на юге покорил Пять вершин,^[33] на севере возвел Великую стену,^[34] на востоке засыпал Большое море,^[35] а на западе построил дворец Эфан;^[36] присоединил к своим владениям Шесть царств,^[37] живыми закапывал ученых и сжигал их книги.^[38] Вот и поднялись Сян Юй и Лю Бан, как циновку свернули земли Циньские, уничтожили империю Шихуана и поделили покоренную Поднебесную.^[39] между собою по реке Хунгоу^[40]

Тогда Сян Юй прибег к хитроумному плану полководца Фань Цзэна,^[41] и в схватке, а она была семьдесят второй в его жизни, разбил войско Лю Бана. Но Сян Юй был влюблен в женщину по имени Юй, красотой своей повергающей в прах целые города. И в сражениях не расставался он с ней ни днем, ни ночью. Разбил его однажды Хань Синь^[42] и преследуемый вражескими войсками ночью бежал Сян Юй в Иньлин – искал спасения гегемон на востоке от Янцзы. Но и тогда он не смог расстаться с красавицей Юй, да еще услышал чуские песни со всех сторон.

Обнаруженный там, он тяжело вздохнул:

Я был когда-то полон силы,
Весь мир я попираю стопой.
Но вот судьба мне изменила,
И замер конь мой вороной.
Как быть мне, Юй?
Что делать, Юй, скажи?

Кончил он петь, и слезы потекли у него из глаз.

– Великий князь, – обратилась к нему Юй, – неужели из-за меня, ничтожной наложницы, потерпели вы великое поражение?

– Не то говоришь, – отвечал Сян Юй. – Я был не в силах расстаться с тобой, и в этом причина. Ты прелестна, а Лю Бан – пьяница и сладострастник. Как увидит тебя, так к себе возьмет.

– Лучше умереть с честью, чем жить опозоренной.

Юй попросила у гегемона знаменитый меч и покончила с собой. В отчаянии обезглавил себя и Сян Юй.

Летописец на сей печальный случай сложил стихи:^[43]

Герой повержен, рухнули надежды.

Кровь обагрила обнаженный меч.
Недвижен конь. Его хозяин прежний
Ушел за Юй, чтобы любовь сберечь.

Ханьский Лю Бан служил раньше начальником подворья.^[44] в Верхней Сы^[45] Начал он с того, что на горе Мандан мечом в три чи^[46] отрубил голову Белому змею, за два года покорил Цинь, а через пять лет уничтожил правителя Чу и подчинил своей власти всю Поднебесную. Но и его пленила женщина из рода Ци, которая родила ему сына Жуи – князя Чжао. Императрица Люй^[47] решила из зависти погубить его, и было неспокойно на душе у Ци.

Занемог как-то государь и прилег, положив голову на колени красавице Ци.

– Ваше величество! – в слезах обратилась к нему Ци. – Кто станет опорой матери-наложницы после кончины вашего величества?

– Не горюй! – отвечивал император. – А что ты скажешь, если я завтра же на аудиенции лишу престола сына императрицы, а твоего назначу моим наследником, а?

Едва сдерживая слезы, Ци благодарила за высочайшую милость. Дошли такие слухи до императрицы Люй, и вступила она в тайный заговор с Чжан Ляном.^[48] Тот назвал ей четверых старцев-отшельников с Шанских гор, которые возьмутся охранять законного наследника. И вот однажды явились старцы в императорский дворец, сопровождая наследника. Увидал белобородых старцев в парадных одеяниях император и спросил, кто они. Старцы отрекомендовались: одного звали Дунъюань, другого – Цили Цзи, третьего – Сягуан и четвертого – Лули.

– Почему, почтенные господа, вы не явились, когда мы вас приглашали? Почему ныне изволили сопровождать моего сына? – спросил изумленный император.

– Наследник – главная опора трона, – отвечали старцы.

Невесело стало императору. Дождавшись, пока старцы выйдут из дворца, помрачневший государь пошел к Ци.

– Хотел было лишить трона законного наследника, но ему покровительствуют те четверо, – указал он в сторону удалявшихся старцев. – У птенца отросли крылья. И мы не в силах ничего изменить.

Ци не смогла сдержать слез, и государь стал успокаивать ее в стихах:

Лебедь едва подрастет –
В поднебесье бескрайнем плывет;

Только родится дракон –
Бездну вод во владенье берет.
Не вспугнуть их укусами стрел,
Не упрятать под вязью тенет!

Так и не удалось государю посадить на престол князя Чжао Жуи,^[49] а после кончины императора вдовствующая Люй не успокоилась, пока не отравила князя Жуи ядом в вине и не свершила страшную казнь над Ци.^[50]

Поэт рассказал о двух государях вплоть до их кончины. И правду сказать, ведь Лю Бан и Сян Юй были настоящими героями! Но даже их воля и доблесть не устояли перед женщиной. То верно, что положение жены и наложницы неодинаково, но судьба Ци была куда страшнее, трагичнее, нежели Юй. А коли так, то женщины удел – служить супругу своему. Кто хочет голову сберечь, стоит за занавеской. Да, конечно, это нелегко! Глядишь на сих правителей, как им бывшая доблесть изменила! Разве не встречи с Юй и Ци тому причиной?!

Героям доблесть их бывшая изменила,
И их возлюбленных судьба была одна.
Ты знаешь, государь, где Ци твоей могила?
Ведь знают все, где Юй погребена.

Отчего это, спросите вы, рассказчик завел речь о чувстве да страсти: да оттого, что недобродетелен мужчина, который кичится своими способностями, и распутна женщина, которая обладает чрезмерной красотой. Только тот добродетелен и та высоко нравственна, кто умеряет рвущееся наружу, кто сдерживает переливающееся через край. Тогда нечего будет опасаться гибели. Так исстари повелось и относится в равной мере и к знатному, и к худородному.

Книга эта повествует об одной красавице, которая была обольстительной приманкой для мужчин, о любовных похождениях этой распутницы и щеголя, промотавшего родительское состояние, об их каждодневных утехах и наслаждениях, конец которым положил вонзенный меч... и Желтый источник.^[51] И с тех пор больше не нужны стали ни узорные шелка, ни тончайший газ, ни белила, ни румяна.

А вздумайте спокойно, отчего это случилось. В том, что она погибла, нет странного нисколько, но ею увлеченный – рослый мужчина, здоровяк – расстался с жизнью; в нее влюбленный, он потерял несметные богатства, и это потрясло всю область Дунпин,

всколыхнуло весь уезд Цинхэ.^[52] Ну, а кто ж все-таки она, чья жена, кому потом принадлежала и от кого смерть приняла?

Да,

Чуть молвишь – пожалуй вершина Хуа^[53] покосится,
В реке Хуанхэ течение вспять устремится...

Так вот, в годы под девизом Мира и Порядка сунский император Хуэй-цзун,^[54] доверился четверке преступных сановников – своим фаворитам Гао Цю, Ян Цзяню, Тун Гуаню и Цай Цзину^[55] которые навлекли на Поднебесную великую смуту. Люди забросили свои занятия, народ попал в безвыходное положение. Кишмя кишели разбойники. Взволновались живущие под Большой Медведицей, всполошился двор Великих Сунов и весь мир. Во всех концах империи поднялись разбойники: Сун Цзян – в Шаньдуне, Ван Цин – в Хуайси, Тянь Ху – в Хэбэе и Фан Ла – в Цзяннани.^[56]

Эти самозванцы величали себя князьями, громили округа, грабили уезды, жгли и убивали. Только Сун Цзян в своих деяниях не расходился с велением Неба:^[57] искоренял неправедных, убивал продажных чиновников-казнокрадов, злодеев и клеветников.

* * *

Жил в то время в уезде Янгу, в Шаньдуне, некий У Чжи, старший сын в семье.^[58] И был у него брат родной единоутробный У Сун – богатырского сложения силач, ростом в семь чи. Он искусно владел копьем и палицей, а У Чжи ростом не достигал и трех чи. Тщедушный и до смешного простак, он, когда все шло спокойно, делал свое дело и на рожон не лез, стоило же случиться голоду, как он продал родительский дом и поселился отдельно от брата в уездном центре Цинхэ.

У Сун избил как-то во хмелю Тун Гуаня – члена Тайного военного совета – и, незамеченный, бежал в поместье к Чай Цзиню – Малому Вихрю, который жил в Хэнхайском округе Цанчжоу.^[59] Чай Цзинь привлекал к себе героев и богатырей со всей Поднебесной, справедливых и бескорыстных, за что его и прозвали вторым Правителем Мэнчана.^[60] Господин Чай – прямой потомок Чай Шицзуна, императора Чжоуской династии.^[61] У него-то и укрылся У Сун. Хозяин оставил богатыря у себя. У Сун потом подхватил лихорадку... Так и прожил у Чай Цзиня больше года. Решил он как-то повидаться с братом, простился с хозяином и пустился в путь.

Через несколько дней добрался У Сун до Янгу. В те времена на

границе Шаньдуна был перевал Цзинъян, а в горах обитал белолобый тигр со свирепыми глазами. Он поедал людей, и оттого лишь изредка попадались прохожие на опустевшей дороге. Местные власти обязали охотников изловить тигра в заданный срок, а по обеим сторонам шедшей к перевалу дороги вывесили распоряжения. В них купцам предписывалось через перевал проходить только группами и засветло. Узнав об этом, У Сун громко расхохотался и зашел в дорожный кабачок, выпил несколько чарок вина, стал еще храбрее, тряхнул палицей, и отмеряя сажени, зашагал к перевалу. Не прошел он и пол-ли,^[62] как очутился у храма божества горы. К воротам было приклеено отпечатанное распоряжение. У Сун принялся читать: «На перевале Цзинъян завелся чудище-тигр, загубивший множество душ, а посему, ежели кто из селян или охотников изловит зверя в назначенный срок, получит от местных властей награду в тридцать лянов серебра.^[63] Торговым гостям и прочему люду разрешается проходить группами лишь с шестой по восьмую стражу.^[64] Одиноким же путникам во избежание несчастного случая подниматься на перевал запрещается даже днем, о чем и доводится до сведения».

– Какого черта мне бояться! – воскликнул У Сун. – Сейчас же пойду да погляжу, что там еще за чудище такое!

Храбрец привязал сбоку палицу и стал подниматься к перевалу. Обернулся, видит – солнце садится за гору. Стояла десятая луна:^[65] дни были короткие, а ночи длинные, не заметишь, как темнеет. Прошел У Сун еще немного, давало знать хмельное. Вдали показался дремучий лес. Бросился к нему У Сун, видит – прямо перед ним темнеет гладкий-прегладкий камень-великан, похожий на лежащего быка. Прилег У Сун к камню, палицу рядом положил и уже собрался было соснуть. А как глянул на небо, видит – откуда ни возьмись налетел бешеный ураган.

Только поглядите:

Вихрь-невидимка в душу проникает,

Этот вихрь за год все с земли сметет.

Лишь земли коснется – листья ввысь взметает,

Лишь ворвется в горы —тучи с круч сорвет.

Ведь дракон рождает тучи, а тигр – ветер.^[66] При каждом порыве только и слышался шум срываемых листьев. Вдруг что-то рухнуло на землю, и выскочил белолобый тигр. Глаза навывкате, полосатый, величиной с быка.

– Ой! – воскликнул У Сун, тотчас отскочил от каменной глыбы,

схватил палицу и молнией бросился за валун.

Тигра мучили голод и жажда. Он вцепился передними лапами в землю, скреб когтями, а потом, готовясь к прыжку, ударил несколько раз хвостом с такой силой, будто грянул гром, раскаты которого потрясли горы и скалы. Страшно стало У Суну. Холодным потом выступил хмель, – все произошло куда быстрее, чем в нашем рассказе. Видит У Сун, что тигр вот-вот на него набросится, увернулся и встал у него за спиной. А у тигра шея короткая, назад не повернется, никак ему не уследить за У Суном. Уперся зверь передними лапами в землю, присел, чтоб ударить задними лапами, но богатырь успел отбежать в сторону. Опять ничего не вышло у тигра. Он так заревел, что задрожали холмы и горы. Надобно сказать, что нападая, тигр бросается на жертву, бьет задними лапами или хвостом. Если же эти приемы ему не удаются, он наполовину теряет силы. У Сун схватил палицу и что было мочи ударил обессилевшего зверя, уже собравшегося было отступить. Раздался оглушительный треск: обломился целый сук. Оказалось, У Сун промахнулся и угодил прямо по дереву. Пополом разлетелась палица. У смельчака в руке остался только обломок. Испугался богатырь, а тигр заревел от ярости, ударил хвостом, вызывая ветер, а потом бросился на У Суна. Тот успел отбежать шагов на десять и был вне опасности. Снова зверь впился когтями в землю. У Сун отбросил обломок палицы и, выждав удобный момент, обеими руками вцепился в пятнистый тигриный лоб и изо всех сил прижал его мордой к земле. Тигр старался вырваться, но у него иссякали силы, а храбрец ни на мгновение не выпускал его, продолжал бить ногами по морде и глазам. Тигр рычал, выворачивал лапами глыбы земли. Под ним образовалась яма, куда и угодил У Сун. Размахнувшись, он что было мочи стал бить кулаком тигра до тех пор, пока зверь не испустил дух. Бездыханный, он лежал неподвижно, как мешок с тряпьем.

Сохранилось стихотворение в старинном стиле, где воспевается борьба У Суна с тигром на перевале Цзинъян.

Только поглядите:

Вот буря над вершиною Цзинъяна,
Громады туч затмили небосвод.
В багровых отблесках река, как пламя,
И бурой кажется трава вокруг вод.
Спускается к земле туман холодный,
Над мрачным лесом зорька все светлей,
Но вот раздался рык громоподобный,

И вылетел из чащи царь зверей.
Он поднял морду, он клыки оскалил,
Лисиц и зайцев распугал всех вмиг.
Олени и косули ускакали,
Подняли обезьяны страшный крик.
Тут Бянь Чжуан^[67] и тот бы растерялся,
Тут Ли Цуньсяо^[68] стал бы сам не свой.
Когда ж У Сун со зверем повстречался,
Храбрец, как видно, был еще хмельной.
И тигр, взбешенный голодом и жаждой,
Лавиной горной ринулся вперед.
Но встал скалой пред ним У Сун отважный,
В жестокой схватке кто из них падет?
Один бьет кулаком, все сокрушая,
Другой вонзает когти и клыки,
Удары, словно град, и кровь стекает,
Обагрены уж кровью кулаки.
Дух падали стоит в бору сосновом,
Шерсть клочьями кружится на ветру...
Зверь не сломил У Суна удалого,
Взгляни, лежит в траве злодея труп.
И шкуры уж поблек узор,
И не горит злодейский взор.

За время, нужное для обеда, храбрец У Сун голыми руками покончил со свирепым тигром, однако и сам едва переводил дыхание. Прежде чем отправиться на опушку лесной чащи за сломанной палицей, он на всякий случай еще раз десять ударил тигра. Зверь лежал бездыханный. «Надо собраться с силами и стащить его с перевала», – подумал У Сун и, обхватив тигра обеими руками, хотел было вытащить из лужи крови, но не тут-то было! У богатыря ослабели и руки, и ноги. Только он опустил на камень немного передохнуть, как на травяном склоне послышался шорох. «Темно становится, – подумал испуганный У Сун. – А что, если еще один явится? Пожалуй, не одолею». И не успел он так подумать, как у подножия показались два тигра.

– Ой! – воскликнул У Сун в ужасе. – Вот где смерть моя!

Тигры вдруг поднялись на задние лапы. Богатырь взгляделся: оказалось, это были люди в тигровых шкурах, с масками на лицах, а в руках они держали пятизубые рогатины.

– Кто ты, храбрец? Человек или божество? – спросили

подошедшие, склонив головы и приветствуя У Суна. – Не иначе, как съел ты сердце крокодила, барсову печень и львиные лапы, вот и стал таким бесстрашным.^[69] А то не справиться бы тебе с кровожадным чудовищем, в сумерках, один на один, да еще голыми руками. Мы все время следили за тобой. Ну и герой! Скажи, как величать тебя?

– Иду иль сижу, имени не меняю. Родом из Янгу, а зовут У Суном, младший у отца, – отвечал единоборец. – А вы кто будете?

– Не станем скрывать, смельчак. Мы здешние охотники. Завелся на перевале тигр, каждую ночь на добычу выходил. Немало людей погубил. Одних нас, охотников, человек восемь. А сколько прохожих растерзал – не счесть. И вот господин правитель приказал нам в установленный срок покончить со зверем. За поимку тридцать лянов серебра пообещал, а не изловим, быть нам битыми. А как подступишься к такому чудовищу! Кто на него пойти решится?! Тогда мы да несколько десятков деревенских жителей расставили луки и отравленные стрелы, а сами спрятались в ожидании зверя. Тут-то мы и увидали, как ты спокойно спустился с перевала, как в смертельной схватке голыми руками убил чудовище. Ну и силушки у тебя, богатырь! Просто уму непостижимо! Тигра наши увяжут, а ты спускайся, смельчак, да иди к правителю и проси награду.

Крестьяне и охотники – собралось их человек восемьдесят – подняли зверя и понесли впереди. У Суна усадили в носилки, и вся процессия двинулась к селению. У ворот их встречала толпа со старостой деревни во главе.

Тушу положили на траву. Все почтенные старцы пришли познакомиться с храбрецом да расспросить, как он справился со зверем.

– Вот герой! Ну и молодец! – восклицали в толпе.

Охотники принесли дичи и устроили в честь У Суна пир. После обильного возлияния его проводили в особо прибранную гостевую, а на другое утро староста доложил о нем правителю уезда. Для тигра соорудили носилки, а У Суну предложили красный цветастый паланкин, и торжественная процессия двинулась к уездной управе. Правитель распорядился встретить героя и проводить во внутреннюю залу.

Слух о приезде смельчака, убившего свирепого тигра на перевале Цзинъян, разнесся по всему городу. На улице шумели толпы встречавших. Тигра положили у здания управы. Из паланкина вышел У Сун. Правитель оглядел богатыря и молвил про себя: «Без такого храбреца не покончить бы со зверем». Потом он пригласил У Суна в

приемную. После аудиенции У Сун снова рассказал по порядку, как он убил тигра. Стоявшие по обеим сторонам чиновники остолбенели от страха. Правитель поднес смельчаку несколько чарок и велел казначею выдать тридцать лянов серебра.

– Ваше превосходительство, – обратился к нему У Сун, – вы и так осчастливили ничтожного. А тигра я убил совсем не потому, что у меня какие-то способности, а так – случайно. Не смею я принять награду. Отдайте ее охотникам. Ведь им из-за тигра немало доставалось от вашего превосходительства. Раздайте им серебро. Этим вы проявите вашу милость, и я посчитаю, что выполнил свой долг.

– Если так, – заявил правитель, – быть, как говорит герой!

У Сун тут же в зале вручил серебро охотникам. Уездный решил возвысить удальца – щедрого и преданного малого, а к тому ж героя.

– Родом ты, правда, из Янгу, но от него рукой подать до Цинхэ, – сказал правитель, – поэтому я назначаю тебя старшим по охране уезда от разбойников, которые скрываются на реках. Что ты на это скажешь?

– За такую милость, – произнес, вставая на колени, У Сун, – я буду вам вечно благодарен, ваше превосходительство.

Правитель вызвал писаря и велел составить бумагу. В тот же день У Суна произвели в старшины местной охраны. Пир длился дней пять. Так собирался У Сун в Янгу навестить брата, а нежданно-негаданно стал старшим охраны в Цинхэ. На радостях целый день бродил он по улицам. Имя его стало известно в обоих уездах области Дунпин.

О том же говорят и стихи:

Силач У Сун, однажды бывши пьян,
Решил пойти на перевал Цзинъян.
Он тигра там убил – владыку гор –
И тем прославился с тех пор.

* * *

Однако, оставим пока У Суна, а расскажем об У Чжи. После того как братья разделились, случился голод, и У Чжи переселился в Цинхэ, где снял дом на Лилювокаменной улице. Слабого и жалкого, его постоянно обманывали и дразнили за вытянутую клином голову и грубую кожу: «Сморщен, как кора, ростом три вершка». А он не обижался, только прятался с глаз людских.

Послушай, дорогой читатель! Ведь нет на свете страшнее нрава людского: если ты добр, тебя норовят обмануть, а ежели зол – робеют; твердого стараются сломить, а мягкого – уничтожить.

Верно говорится в старинных изречениях:

Мягкое, доброе – жизни исток, сердцевина;
Твердое, злобное – гибели первопричина.
Истинно мудрому чужды житейские бури:
Если соседям везенье, он брови не хмурит.
Жизнь человека – весенние грезы, не боле.
Часто ль таланты встречаем мы в нашей юдоли?
Если, довольный судьбою, не станешь гоняться
Вечно за счастьем – сумеешь ты целым остаться.

Так вот, жил У Чжи торговлей. Целыми днями бродил он по улицам с коробом на плече, продавая пшеничные лепешки. И постигло его однажды горе: умерла жена. Остались они вдвоем с дочкой – шестнадцатилетней Инъэр. Но не прошло и полгода, как У Чжи понес убыток и пришлось им переехать на Большую улицу к богачу Чжану, где им отвели домишко у самой дороги. И снова взялся за торговлю У Чжи.

Сочувствуя тяжелому положению У Чжи, слуги Чжана старались чем могли ему помочь – за лепешками присматривали, в свободное время к нему заглядывали, и тогда он угождал каждому как мог. Все его любили и старались замолвить о нем словцо перед хозяином, и богач не требовал с нового жильца даже платы за дом. А владел Чжан не одним десятком домов, состояние его исчислялось десятками тысяч связок монет. Ему перевалило за шестьдесят, но детей у него не было. Жена его, из рода Юй, строго следила за порядком, не допуская в дом ни одной красивой служанки.

Как-то богач тяжело вздохнул и ударил себя в грудь кулаком.

– Что вздыхаешь? – спросила жена. – Ведь у тебя вон какие богатства и никаких забот.

– Я уж стар, – отвечал богач, – но нет у меня ни сына, ни дочери. Что проку в моем богатстве?

– Если на то пошло, – молвила хозяйка, – я велю свахе купить двух служанок. Обучим их музыке и пению, и пусть они за тобой ухаживают.

Старый Чжан обрадовался и поблагодарил жену.

Через некоторое время хозяйка и в самом деле позвала сваху, через которую и купила для хозяина служанок. Одну звали Пань Цзиньлянь, другую – Бай Юйлянь.

Пань Цзиньлянь, шестая дочь портного Паня, жившего за Южными воротами города, еще девочкой отличалась красотой. За прелестные маленькие ножки ее и называли Цзиньлянь – Золотая лилия.^[70] Со смертью портного жене стало не под силу кормить детей, и она

продала девятилетнюю Цзиньянь в дом полководца Вана,^[71] где ее обучали музыке и пению. Там она обрела навык подводить брови и ресницы, пудриться, румяниться и делать высокую прическу. Она умела рисоваться и кокетничать, носила платья, плотно облегавшие фигуру. От природы смышленная и расторопная, Цзиньянь к пятнадцати годам искусно вышивала, играла на духовых и струнных инструментах, особенно на лютне.^[72]

Когда полководец Ван умер, мать чуть не с дракой вытребовала дочку обратно и за тридцать лянов перепродала ее в дом к богачу Чжану, куда девушка попала вместе с Бай Юйлянь. Цзиньянь продолжала учиться игре на лютне, а Юйлянь – на цитре.

Юйлянь родилась в семье музыканта. Ей было всего шестнадцать лет. За бледно-белое лицо она и прозывалась Юйлянь – Нефритовая лилия. Девушки не расставались друг с дружкой ни днем, ни ночью. Вначале они пользовались особым расположением жены Чжана. Хозяйка не посылала их на кухню, не заставляла убирать комнаты и даже дарила им золотые и серебряные украшения. Но Юйлянь внезапно умерла, и Цзиньянь осталась одна. Ей к тому времени минуло восемнадцать. Старый Чжан давно заглядывался на ее тонкие изогнутые полумесяцем брови, нежные, цвета персика, ланиты, да все боялся своей суровой хозяйки.

Но вот как-то ее пригласила в гости соседка, и старый богач, воспользовавшись отсутствием жены, тайком увлек к себе в комнату юную Цзиньянь и насладился ею.

Да,

Так чистая, хрупкая яшма,
Однажды тебя растоптали.
Познавшей греховные ласки
Вернешь непорочность едва ли!..

Но тут на старика напали недуги – целых пять: в пояснице заломило, заслезились глаза, заложило уши, из носа потекло и закапала урина. А о шестом недуге и поведать-то неудобно. Старик средь бела дня клевал носом, а под вечер принимался без конца чихать. Хозяйка, сообразив в чем дело, стала жестоко избивать Цзиньянь и осыпать мужа бранью. Ругалась она несколько дней подряд. Чжан понял, что оставить служанку в доме не удастся. Тогда, наперекор жене, он распорядился выделить Цзиньянь приданое и подыскать подходящего жениха. Слуги в один голос называли У Чжи. Человек он, мол, честный и великодушный, к тому же вдов и живет тут же, в усадьбе. На том и

порешили.

Чтобы ежедневно любоваться на Цзиньянь, богач не взял с жениха ни медяка. А как стал о нем заботиться! Если У Чжи не на что было печь лепешки, он совал ему потихоньку лянов пять, а когда торговец уходил с коробом на плечах, богач незаметно проникал к нему в дом на свидание с Цзиньянь. Как-то У Чжи застал их вместе, но не посмел и рта раскрыть. Старик продолжал приходить по утрам и сидел до вечера, да вот, наконец, разбил его паралич, и он, увы, испустил дух.

Как узнала жена Чжана, что свело ее мужа в могилу, она в гневе приказала молодому слуге тотчас же прогнать из дома Цзиньянь и У Чжи.

После этого У Чжи удалось снять две комнатки в доме императорского родственника Вана на западном конце Лиловокаменной, и он опять стал торговать лепешками.

Выйдя замуж, Цзиньянь сразу возненавидела мужа-простака за его смирение и трусость, часто с ним ссорилась и роптала на богача Чжана: «Неужели на этом свете все мужчины перевелись, что выдали меня за этакое сокровище? Каждый раз тащишь его – не идет, а ударишь – с ног валится. Только вино и знает. Когда нужно, его хоть шилом коли, ни с места. За какое прегрешение в прошлой жизни выпало мне такое наказание?»^[73] Да, горькая моя судьба!»

Цзиньянь забиралась в укромное местечко и, перебирая струны, изливала свою тоску в романсе на мотив «Овечка с горного склона»:^[74]

С ним потому я жизнь свою связала,
Что некогда его мужчиной посчитала.
Теперь скажу, не скромничая ложно,
Мне, паве, ворон парой стать не может!
Я – слиток золотой, сокрытый под землей.
Кто он в сравнении со мной?!
Он – только медь, блестящая несмело,
Он – грубый камень, поднятый с земли.
Ему ли оценить нефритовое тело?!
Я – как цветок, раскрывшийся в пыли.
Из сердца моего ушел покой.
Что делать? Как мне поступить?
Ведь слиток золотой
В грязи не может долго быть...

Все идет по-хорошему, дорогой читатель, когда красивая и умная

женщина становится женой настоящего мужчины. Попадись же такой, как У Чжи, она, невзирая на все его достоинства, все равно станет питать к нему отвращение. Но испокон веков красавицам редко доставались талантливые мужья, как торговцам золота редко встречаются его покупатели.

У Чжи обычно с утра забирал короб и уходил до позднего вечера, а Цзиньлянь оставалась одна. Делать ей было нечего. Поест, попьет и за туалет принимается. Нарядится, подкрасится, встанет у дверной занавески и перемигивается с прохожими, провожает их многозначительными взглядами. Жившие по соседству гуляки-шалопаи скоро заметили смазливую жену У Чжи, разгадали, что она податлива, как былинка на ветру, и стали у ее дома зубоскалить.

– И как это такой лакомый кусочек псу в пасть угодил? – нараспев кричали они.

Что У Чжи человек щедушный и слабый, это знали все, но кто бы мог подумать, что женат он на такой кокетливой и бойкой красотке, которая ловка во всем, а прежде всего в умении обмануть мужа.

О том говорят и стихи:

Златая Лилия – само очарованье,
Бессильно здесь любое описание.
Вздыхает по повесе молодом,
Чтоб с ним потом утешиться тайком.

Изо дня в день, проводив мужа за ворота, Цзиньлянь принималась грызть тыквенные семечки у дверей и, выставив свои прелестные маленькие ножки, завлекала гуляк, ни на день не оставлявших в покое дом У Чжи. Они перебирали струны, распевали песни, отпускали сальные шутки, дразнили и чего только не выделявали. Не выдержал, наконец, У Чжи и сказал жене о намерении уехать с Лилювокаменной.

– Эх, дуралей бестолковый! И ничего ты не соображаешь, – набросилась на него Цзиньлянь. – Снял убогую хижину – только людям на смех. Подкопил бы серебра да присмотрел подходящий дом, хотя бы из двух построек, было бы куда солиднее, не стали бы всякие шалопаи издеваться. Зло меня берет – мужчина, а сделать ничего не можешь.

– Да откуда ж я такие деньги возьму? – заикнулся было У Чжи.

– Тьфу! Дурак! – прервала жена. – Так уж и негде раздобыть? Да вон, продай мои гребни и шпильки, а деньги заведутся, новые купим.

После разговора с женой У Чжи собрал десять с чем-то лянов серебром и снял отдельный дом с башенкой у ворот уездной управы на

Западной улице. Они поселились в четырех комнатах внизу. К дому примыкали два крохотных, но чистых двора.

И на новом месте У Чжи не оставил торговлю. Как-то, бродя по улицам, он повстречал красный узорчатый паланкин, который сопровождал отряд воинов, вооруженных пиками с бахромой. Удары гонгов и барабанов сотрясали небо. На мягких подушках в паланкине восседал его родной брат У Сун. За поимку тигра на перевале Цзинъян уездный правитель назначил его старшим в охранном войске. Поздравить и проводить героя к управе вышли все, даже почтенные старцы. Шествие поравнялось с У Чжи.

– Брат, – У Чжи протянул руки, – сделался начальником и замечать перестал?

У Сун обернулся. Братья обнялись. Обрадованный У Чжи пригласил брата к себе, провел наверх и позвал жену.

– А вот мой брат – твой младший деверь, – обратился он к Цзиньянь. – Это он убил на днях тигра на перевале, и его начальником охраны назначили.

– Тысячу благ вам, деверь, – приветствовала Цзиньянь гостя, подходя к нему со сложенными на груди руками и низко кланяясь. Когда же У Сун низко поклонился, она удержала его. – Полноте, деверь! Достойна ли я таких почестей?

– Низайшее вам почтение, невестка.

Они еще раз отвесили друг другу низкие поклоны, и с церемониями было покончено.

Инъэр подала чай. Пока хозяин расставлял на столе вино и закуски, У Сун и Цзиньянь занялись чаем. Очаровательная хозяйка заставила гостя потупить взор. Затем хозяин пригласил гостя к столу. Разговор только завязался, как У Чжи понадобилось спуститься вниз купить еще вина и закусок, и он оставил У Сун наедине с Цзиньянь. Она окинула взглядом мощную фигуру деверя, его мужественное лицо и подумала: «Да, у него хватит сил поднять тысячу цзиней,^[75] а то разве убил бы такое чудовище. Ведь родной брат, а какой высокий и здоровый! Вот мне бы за кого замуж! А что мой коротыш? На треть человек, а на две – бес. За что мне такая кара на этом свете? У Сун – силач. Приглашу-ка его жить к нам! Кто знает, может, улыбнется судьба?» Лицо Цзиньянь расцвело улыбкой, и она обратилась к гостю: – А где вы живете, дорогой деверь? Кто вам готовит?

– Ваш покорный слуга стал старшим охраны. Все время связан с начальством. Пока при уездной управе поселился – жить далеко неудобно. А прислуживают мне два солдата.

– Почему бы вам не перейти в свою семью? – предложила невестка. – Тогда и солдаты не понадобятся, и поесть можно повкуснее. Ведь домой когда ни приди, все стол накрыт. А для дорогого деверя я сама приготовлю не хуже солдат.

– Премного вам благодарен, невестка.

– Быть может, вы женаты? – любопытствовала Цзиньянь. – Тогда милости просим и вашу супругу.

– Не женат я.

– Сколько весен прожили вы? – не унималась хозяйка.

– Впустую прожито^[76] двадцать восемь лет.

– О, вы на три года старше меня. Издалека пожаловали?

– Больше года прожил в Цанчжоу, – объяснял гость. – Думал, брат все на старом месте обитает, а он вот, оказывается, где.

– Всего сразу не расскажешь, – начала жаловаться Цзиньянь. – Чего я только не натерпелась, как вышла за вашего брата. Будь муж такой же храбрец, как вы, никто б и пикнуть не посмел. А с ним одни обиды терпеть приходилось... Вот и переселились сюда.

– Да, брат всегда был спокойнее меня.

– Ну что вы! – засмеялась хозяйка. – Как раз наоборот. Говорят, без силы да отваги не обрешь и покоя. А я по натуре живая и терпеть не могу увальней неповоротливых.

О том же говорят и стихи:

Увидев деверя-скитальца в первый раз,
Желаньем ложе с ним делить она зажглась;
Пустила в ход прельстительную речь,
Чтобы разжечь У Суну и завлечь.

Все более недвусмысленными становились намеки Цзиньянь.

– Не огорчайтесь, невестка, – успокаивал ее У Сун. – С братом беды не наживете.

Приход хозяина помешал им продолжить разговор. У Чжи принес мяса, овощей, фруктов и сладостей и оставил все на кухне.

– Цзиньянь! – крикнул он, поднимаясь по лестнице. – Ступай приготовь. – Вот бестолковый! Тут гостя некому занять, а он вниз гонит.

– Обо мне не беспокойтесь, невестка, – вмешался У Сун.

– Какой несообразительный! – продолжала ворчать Цзиньянь. – Что ты, не можешь попросить мамашу Ван похозяйничать, да?

И хозяин тотчас отправился за старой Ван. Когда все было готово, наверху накрыли стол. Чего тут только не было: рыба, мясо, фрукты,

сладоcти и прочая cнедь. Принесли вина, и У Чжи предложил Цзиньлянь занять место хозяйки.^[77] Гость cел напротив, а хозяин cбоку. Он разлил вино и перед каждым поставил чарку.

– Отведайте, деверек, нашего пресного винца, – поднимая чарку, обратилась к У Суну хозяйка. – Не обессудьте за скромное угощение.

– Что вы, невестка! Я вам очень благодарен, – заверил ее гость.

У Чжи все время бегал за вином и наполнял чарки. Ему было не до жены, а она с сияющей улыбкой не переставала потчевать деверя.

– А мясо вы так и не отведали, – подавая блюдо, говорила она.

Прямой и скромный, У Сун относился к Цзиньлянь как следовало относиться к жене родного брата. Ему и в голову не приходило, что она, бывшая служанка, окажется такой искусной кокеткой да еще примется его соблазнять. Добродушный и слабыхарактерный хозяин не умел занимать гостя и полагался целиком на жену, которая глаз не сводила с У Суна, а он даже не замечал этого и не смотрел на нее. Когда изрядно закусили и выпили, У Сун стал собираться.

– Если не спешишь, посиди еще, – упрасивал брата У Чжи.

– Простите за беспокойство, – отвечал У Сун. – Зайду как-нибудь в другой раз.

Хозяева спустились вместе с гостем вниз.

– О переезде подумайте, – напомнила Цзиньлянь, когда они вышли за ворота, – а то над нами смеяться будут. Ведь родной брат – свой человек. И недоразумение какое выйдет, так все обойдется.

– Вы так гостеприимны, невестка! – благодарил У Сун. – Я нынче же перенесу к вам вещи.

– Не забудьте, ждать буду, – отозвалась Цзиньлянь, которая все время предавалась пылким мечтам.

Да,

Сколь долгим было страстное томленье

Цветок почуял ветерок весенний.

О том же говорят и стихи:

Золотая Лилия, кто постиг тебя?

Ты таишь в молчании дух весенней страсти.

Лишь У Суна славного не возьмут напасти,

Ни золото, ни чары – нет, не усыпят!

Вернувшись домой, У Сун собрал постель и вещи и велел солдатам отнести все в дом к брату.

При появлении деверя Цзиньлянь так обрадовалась, будто ей клад открылся. Комната для него была уже готова. У Сун остался ночевать,

а солдата отпустил. Проснулся он рано, и хозяйка принесла ему горячей воды. Он умылся, причесался, надел на голову повязку^[78] и отправился на утренний прием в управу.

– Отметитесь и побыстрее к завтраку приходите, – обратилась к нему Цзиньлянь.

У Сун ответил согласием, но в управе пробыл целое утро. Хозяйка все приготовила загодя. К его приходу был накрыт стол. Завтракали втроем.

– Сколько вам из-за меня хлопот! – заметил У Сун, когда Цзиньлянь подала ему чай. – Я ни есть, ни пить не могу спокойно. Завтра же пришлю солдата вам в помощники.

– Зачем вы так беспокоитесь, деверь! – прервала его Цзиньлянь. – Ведь не за чужим ухаживаем. У нас и дочка есть, Иньэр. Она, правда, только взад-вперед бегают, так я даже ей довериться не могу, а то солдату. Разве он чисто приготовит... Терпеть не могу солдат.

– Но я вам заботы прибавил, – пытался возразить У Сун.

О том же говорят и стихи:

У Сун-красавец сдержан был как лед.

Но страсть невестке не дает покоя!

Как в сети, завлекла его в покои,

К усладам тучки и дождя^[79] зовет.

Однако, хватит вдаваться в подробности. Как-то У Сун дал брату серебра, чтобы тот купил печенья, сладостей и фруктов и пригласил соседей. Те собрали немного денег и поднесли У Суну в знак уважения подарки. У Чжи снова устроил угощение, но не о том пойдет речь.

А еще через несколько дней У Сун подарил невестке отрез цветастого атласа.

– Ну что вы! – смутилась было Цзиньлянь. – Но раз вы дарите, я не смею отказать. – И она с поклоном, улыбаясь, приняла атлас.

Так и зажил У Сун в доме брата, а хозяин, как и раньше, торговал лепешками. У Сун с утра уходил на службу, и когда б он ни появлялся дома, его ждал стол, а веселая невестка всячески за ним ухаживала, обольщая соблазнительными речами. Неловко делалось У Суну, да обо всем скоро не расскажешь.

Так незаметно прошло больше месяца. Наступила одиннадцатая луна. Несколько дней подряд дул сильный северный ветер. Сплошные тучи густой пеленой заволокли весь небосвод. На землю, кружась и играя, падал снег.

Только поглядите:

Багровые тучи на тысячи ли заволокли небосвод. И запорхали в воздухе благовещие пушинки,^[80] пустились в пляс под стрехою бело-яшмовые цветы. Вот в такую же пору в ночи на горном потоке Янь беглады укротил Ван Цзыю.^[81] И скоро укрыл белоснежный покров террасы и терема. Серебром отливая, смешались, слились бурные реки и горы. Порхали, резвились снежинки повсюду – от земли и до самых небес. А в хижине своей убогой тогда бедняком горевал Люй Мэнчжэн.^[82]

Снег перестал только к первой страже. Земля оделась в серебряный наряд. Весь мир казался выточенным из нефрита.

На другой день У Сун ушел в управу, а Цзиньлянь пораньше выпроводила мужа и попросила старуху Ван купить вина и мяса. Настал полдень, а деверь все не приходил. Цзиньлянь вошла к нему в комнату и разожгла жаровню. «Сегодня я должна его покорить, – думала она. – Не верится мне, что его нельзя увлечь». Затем, откинув занавеску, она встала у двери и заметила вдали запорошенную снегом фигуру У Суна. Он шел домой, приминая снег, яшмовым ковром устлавший все вокруг.

– Замерзли, должно быть? – с улыбкой встретила его невестка, откидывая занавес.

– Спасибо за внимание, – ответил У Сун, переступая порог.

Цзиньлянь протянула было руки, чтобы принять у него широкополую войлочную шапку, но он, поблагодарив любезную хозяйку, сам стряхнул с шапки снег и повесил ее на стену. Потом развязал пояс, скинул зеленый, цвета попугая, халат и вошел в дом.

– Что же вы завтракать не приходили? Я все утро прождала.

– Утром меня пригласил на завтрак один мой знакомый, а тут другой повстречался, звал на чарку вина, но я отказался.

– Погрейтесь у огонька, – пригласила Цзиньлянь.

– Прекрасно! – воскликнул У Сун и, сняв зимнюю с промасленной подошвой обувь, сменил носки, надел домашние туфли и пододвинул скамейку поближе к огню.

Инъэр было велено загодя запереть наружную дверь и задние ворота. Хозяйка тем временем припасла закуски, подогрела вина и, войдя в комнату, накрыла на стол.

– А где брат? – спросил У Сун.

– Брат ваш, как всегда, торгует. Давайте выпьем вдвоем чарочку-другую.

– Вот вернется брат, тогда и выпьем, – заметил У Сун.

– Да его разве дождешься? – не унималась Цзиньлянь и поднесла

вина. – Выпейте эту чарку до дна.

У Сун взял у нее из рук чарку и разом осушил.

– Погода стоит холодная, – заговорила невестка, предлагая вторую чарку. – Выпейте и эту – будет пара.

– И вы пейте, невестка, – налил ей У Сун.

Цзиньлянь отпила несколько глотков и поставила на стол другой кувшин.

– Прослышала я, будто вы, деверек, певичку содержите против управы. Это правда? – Цзиньлянь улыбнулась, чуть приоткрыв свою пышную грудь. Ее черные, как тучи, локоны рассыпались по плечам.

– Мало ли что болтают злые языки. Я, У Младший, не из таких.

– Не верю я вам. Сдается мне, что на языке у вас одно, а на сердце совсем другое.

– Не верите, так брата спросите, – настаивал деверь.

– Ах, лучше не говорите вы мне о нем! – оборвала Цзиньлянь. – Что он знает, когда живет как впотьмах. Если б он хоть немножко в жизни смекал, не торговал бы лепешками. Выпейте еще, деверь.

У Сун осушил несколько чарок, но хозяйка все не отставала от него. В ней пламенем горела страсть, и она, едва сдерживаясь, не встречая ответного чувства, продолжала заигрывать с деверем. У Сун понял в чем дело и опустил голову. Когда она встала из-за стола и удалилась подогреть вина, У Сун стал мешать угли в жаровне.

Цзиньлянь вернулась не скоро. Проходя мимо У Суна с кувшином, она тронула его за плечо.

– Вы так легко одеты?! Вам не холодно?

У Суну стало не по себе, но он сдержался.

– Не так вы жар мешаете, – Цзиньлянь взяла щипцы. – Дайте я сама разожгу. Враз разогреетесь – горячей жаровни.

Гнев охватил У Суна, но он не проронил ни слова. Ничего не подозревая, Цзиньлянь отложила щипцы, налила чарку и, отпив несколько глотков, опять обратилась к деверю:

– Если у вас есть сердце, допейте мою чарку.

У Сун вырвал у нее из рук чарку, бросил ее на пол, а потом так оттолкнул Цзиньлянь, что она чуть не упала.

– Постыдилась бы, невестка. Я, У Младший, твердо стою на ногах. Я в здравом уме и твердой памяти и не стану попираť устои, с невесткой на блуд не пойду. И прекрати свое бесстыдство! А то не посмотрю, что ты невесткой доводишься, кулаки в ход пушу.

– Да я же пошутила, – покраснев, оправдывалась Цзиньлянь и принялась убирать со стола. – Не надо все принимать всерьез.

Неужели вы не видите, как я вас уважаю?

Цзиньлянь собрала посуду и ушла на кухню.

О том же говорят и стихи:

Грубо все приличия поправ,
Забывая все моральные устои,
Страсть вином разжечь хотела, пир устроив,
Но суровым был героя нрав.

После резкой отповеди У Суна Цзиньлянь поняла, что соблазнить деверя – пустая затея. Рассерженный У Сун между тем сидел у себя в комнате, погрузившись в раздумье. Было уже далеко за полдень и шел снег, когда с коробом на плечах вернулся У Чжи. Он отворил дверь, снял короб и вошел в комнату. Жена сидела с заплаканными глазами.

– С кем это ты поссорилась, а? – спросил он.

– Все из-за тебя. Ты за себя постоять не можешь, вот всякий надо мной и насмехается, – отвечала жена.

– Кто ж посмел тебя унижать?

– Ты и сам прекрасно знаешь, кто! Братец твой. Гляжу: снег валит, и он идет. Я с самыми добрыми намерениями решила поскорее приготовить обед, чтобы вместе закусить да выпить. А он увидел, что тебя нет, и взялся со мной заигрывать. Вон Инъэр спроси. Она собственными глазами видела.

– Нет, мой брат не из таких! – оправдывал У Суна старший брат. – Он – человек честный. Да ты не кричи, не услышали бы соседи, смеяться будут.

У Чжи оставил жену и пошел к брату.

– А, братец, – начал У Чжи, – ты, верно, сладостей нынче не пробовал. Так давай полакомимся вместе.

У Сун молчал. После долгих размышлений он снял шелковые туфли, опять обул зимние, нахлобучил войлочную шапку, запахнулся в халат и, застегивая пояс, вышел.

– Брат, ты куда? – окликнул его У Чжи.

У Сун промолчал.

– Что с братом?! – спросил У Чжи жену. – Я его спрашиваю, а он ни слова. Прямо к управе зашагал.

– Бестолочь! Чего ж удивляться?! Стыдно ему, вот и ушел. Какими глазами стал бы он смотреть на тебя? По-моему, он пошел за солдатами. Хочет взять вещи и уйти от нас. И ты его, будь добр, не удерживай.

– Если он уйдет, над нами опять станут смеяться, – заметил У Чжи.

– Дурень бестолковый! – ругалась Цзиньянь. – А если он будет ухаживать за мной, думаешь, не будут смеяться? А не согласен, так ступай и живи себе вместе с ним. Но я не из таких! Или давай мне развод!

Подавленный бранью жены, У Чжи рта открыть не смел. Пока они ругались, У Сун велел солдату захватить шест, коромысло,^[83] и они направились к дому У Чжи.

– Брат, но почему ты уходишь? – кричал У Чжи вслед удалявшемуся У Суну, который вместе с солдатом уносил вещи.

– Лучше не спрашивай, – отвечал У Сун. – Скажу, тебе ж неловко будет. Я уйду и все.

У Чжи не решился удерживать брата, не посмел расспрашивать, что к чему.

– Ушел, и очень хорошо! – ворчала Цзиньянь. – По мне, раз начальником стал, значит помогать родным должен, а для него деньги дороже родной семьи. Он, видите ли, еще и обижается. Правду говорят: хорош виноград, да зелен. Надо небо и землю благодарить, что съехал, скрылся с глаз долой.

Но У Чжи никак не мог понять в чем дело и беспокоился. Торгуя на улицах лепешками, он все хотел разыскать брата да поговорить по душам, но Цзиньянь строго-настрого ему запретила. А он не смел ее послушаться.

О том же говорят и стихи:

Мечтам не сбыться и наполовину!

Подумайте: нашла коса на камень.

Пришлось У Суну дом родной покинуть,

Так близкие расстались врагами...

Если вы хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.^[84]

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ВИДИТ В ОКНЕ ЦЗИНЬЛЯНЬ

АЛЧНАЯ СТАРУХА ВАН РАЗЖИГАЕТ СТРАСТЬ

*Ошибся в этом браке Лунный дед.^[85]
Цзиньянь цветка прекрасного милей,
Прохожий взглянет – и на сердце нет
Покоя от полуночных страстей.
Коварный план подстроен сводней Ван,
Юньгэ-лоточник мщеньем обуян.
Кто ж думал, что кровавые следы
Оставит на полу приход беды.*

Так вот, вскоре после того, как У Сун переехал от старшего брата, небо прояснилось. Прошло каких-нибудь дней десять...

Но тут мы должны сказать о правителе уезда. За два с лишним года пребывания на посту у него скопилось немало золота и серебра, и он решил переправить его родственнику в Восточную столицу,^[86] чтобы потом, когда выйдет трехлетний срок службы, одарить высокое начальство. Только одного побаивался правитель: как бы не ограбили по дороге. Долго он присматривал человека надежного и сильного, пока его выбор не пал на У Суна. «Вот у кого смелости хватит. Это дело сделает», – подумал он и вызвал У Суна в управу.

– Есть у меня в Восточной столице родственник, – начал правитель, – главнокомандующий дворцовой гвардией Чжу Мян.^[87] Хотел бы отправить ему подарки и письмо, только вот добраться туда нелегко, но ты бы сумел. Услужи, щедрую награду получишь.

– Ваш покорный слуга был так возвышен вашей милостью, – говорил У Сун. – Не посмею отказаться. Только прикажите! Готов

хоть сей же час отправиться в путь. Мне никогда не доводилось бывать в столице. Лицезреть блеск империи – для меня высокая честь.

Правитель остался доволен, угостил У Суна тремя чарками вина и дал десять лянов на дорожные расходы, но не о том пойдет речь.

Так вот. Выслушал У Сун наказ начальника, вышел из управы и направился к себе. Дома он распорядился, чтобы солдат купил вина и закусок, и они пошли к старшему брату. У Чжи тем временем возвращался домой. Видит – сидит У Сун и наказывает солдату отнести на кухню закуски.

Не охладело к деверю сердце Цзиньянь. Как завидела его с вином, про себя подумала: «Наверняка обо мне вспомнил! А то к чему б ему приходить? Видно, меня из сердца не выкинешь! Надо будет у него исподволь выпытать». И она поднялась вверх, напудрилась, поправила прическу, переделась в яркое платье и вышла к дверям встречать У Суна.

– Чем это мы вам не угодили, деверек? – спросила она, поклонившись. – давно к нам не заглядывали. Я уж не знала, что и подумать. Каждый день мужа к управе посылала, но он вас так и не нашел. Как хорошо, что вы снова дома! Только зачем же зря тратить?

– Я по делу пришел, – отвечал У Сун. – С братом поговорить.

– В таком случае проходите наверх, присаживайтесь.

Втроем поднялись наверх, и У Сун предложил брату с невесткой занять главные места, а сам сел на скамейку сбоку. Солдат расставил на столе горячие закуски и вино. У Сун стал потчевать хозяев. Цзиньянь не отрывала от деверя глаз, но он не обращал на нее никакого внимания – знай себе ел да пил. Когда осушили по нескольку чарок, У Сун попросил Инъэр принести круговую чашу и велел солдату наполнить ее вином.

– Мой уважаемый старший брат! – обратился он к У Чжи с чашей в руке. – Я получил распоряжение правителя ехать по делам в столицу и завтра же должен отбыть. Вернусь в лучшем случае через месяц, а то и через два или три. Вот и пришел поговорить с тобой. Человек ты слабый. Не стали бы тебя обижать, пока меня не будет. Так что если ты продавал за день, скажем, десять противней лепешек, то с завтрашнего дня продавай пять. Попозже выходи, пораньше домой возвращайся, ни с кем не выпивай. А придешь, спускай занавеси и запирай ворота – меньше будет неприятностей. А будут приставать, не связывайся. Меня обожди. Я приеду – сам разберусь. Договорились? Согласен со мной? Тогда выпей до дна эту чашу.

– Верно ты говоришь, – согласился У Чжи и взял чашу. – Так и буду делать.

Он осушил чашу, и У Сун, снова наполнив ее вином, обратился к Цзиньянь:

– Вы, невестка, говорить не приходится, женщина умная, а брат мой слишком простодушен и во всем полагается на вас. Только, как говорится, чем решительность свою всем напоказ выставять, не лучше ль хранить ее в своем сердце. Если вы будете вести себя как подобает, брату не придется волноваться. Ведь еще в старину говаривали: ни один пес не пролезет, пока изгородь крепкая.

От этих слов Цзиньянь так вся и вспыхнула, а потом побагровела до самых ушей.

– Дурак ты бестолковый! – указывая пальцем на У Чжи, напустилась она. – Что ты людям наговариваешь, меня позоришь? Да, верно, я головную повязку не ношу, но я мужчине не уступлю, на кулаке удержу – себя в обиду не дам. У меня по руке лошадь проскачет, по лицу человек пройдет – все вынесу. Я не из тех черепак, которых хоть насквозь проколи, крови не увидишь. С тех пор как я замужем за У Старшим, у меня в дом букашка не вползала, а ты говоришь – собака! Что ты ерунду-то городишь? Смотри, доиграешься! Камень – не мяч, подбросишь – себе в голову и угодишь.

– Если бы невестка навела в доме порядок, лучшего и желать не надо, – говорил, улыбаясь, У Сун. – Хорошо, когда слово с делом не расходится. Дурно, когда на уме одно, а на языке другое. Но я запомню ваши слова, невестка. А теперь выпейте чашу.

Цзиньянь оттолкнула вино и стремглав бросилась вниз. Пробежав половину лестницы, она крикнула:

– Считаешь себя умным, а не знаешь, должно быть, что невестку старшего брата следует, как мать родную, почитать. С самой нашей свадьбы ни о каком девере не слыхала. Откуда только заявился такой родственничек?! Хозяина из себя строит, невестку позорит. Ишь, какие штучки выделяет!

И Цзиньянь со слезами стала спускаться по лестнице.

О том же говорят и стихи:

Сказал он горькие, но верные слова,

И гневом замутилась голова.

Цзиньянь в смятении сбежала,

Могла б – У Суна растерзала.

Весь свой характер выказала Цзиньянь. Братья между тем выпили

по несколько чарок. Им не сиделось. Захмелев, они спустились вниз и расставались со слезами.

– Побыстрее приезжай, брат, – наказывал У Чжи.

– А ты бросай-ка совсем свою торговлю и сиди дома, – советовал перед уходом У Сун. – А на расходы денег я тебе с посыльным вышлю. Не забывай, что я тебе говорил.

У Чжи кивнул головой.

У Сун простился с братом и пошел к себе, собрал вещи и прихватил на всякий случай оружие. На другой день навьючил он золотом, серебром и подарками уездного правителя свою лошадь и отправился в столицу, но не о том пойдет речь.

Скажем только, что после разговора с У Суном дня четыре ругала мужа Цзиньянь, а тот будто язык прикусил. Пусть, мол, ругается, буду делать, как брат велел. Продаст он, бывало, лепешек вполровину меньше прежнего и пораньше домой идет. Снимет короб, опустит занавеску, запрет дверь и сидит дома. Злило все это Цзиньянь.

– Башка бестолковая! – ругалась она. – Я с обеда света белого не вижу, сидя взаперти. Уж соседи зубоскалят. Мы, говорят, от злых духов спасаемся. Должно быть, вдолбил тебе братец в голову всякую ерунду. Хоть перед людьми бы постыдился.

– Ну и пусть смеются, – отвечал У Чжи. – Брат верно говорит. Так меньше неприятностей.

– Тыфу, тварь ты ничтожная! – зарычала Цзиньянь. – А еще мужчина. Нет, чтобы самому в доме распоряжаться, он по чужой указке живет.

– Ну и что ж! Брат верный совет дал.

Так с отъездом брата У Чжи стал раньше выходить, быстрее домой возвращаться и запирать двери. Сильно это злило Цзиньянь. Не один раз она ругалась с мужем, но потом свылась: к его приходу сама стала опускать занавески и запирать ворота. И муж был доволен. «Так-то лучше!» – приговаривал он про себя.

О том же говорят и стихи:

Ворота замыкал он на замок,
Но бесполезны крепкие запоры –
Ведь между ними взгромоздились горы.
Страстей весенних спутался клубок.

Как белый конь, мелькавший мимо расщелины, несло солнце, как челноки в станке, сновали дни и месяцы. Наступила двенадцатая луна – пора цветения сливы-мэй. А потом дело пошло к лету.

И вот однажды, в третьей луне, когда было по-весеннему ярко и нарядно, Цзиньянь приделась по-праздничному и стала ждать ухода мужа. Как только он удалился, она встала у ворот, а потом, перед его возвращением, принялась опускать занавески. И надо ж было тому случиться! Говорят, не будь случая, не выйдет и сказа. И в делах сердечных, оказывается, не обходится без случайности. Так вот, взяла Цзиньянь бамбуковый шест и только хотела опустить занавеску, как налетел ветер. Шест вырвало у нее из рук, и он угодил – надо ж тому статься! – прямо по голове прохожему.

Смущенная Цзиньянь улыбнулась и увидела самого что ни на есть разбитного малого лет двадцати пяти или двадцати шести. На голове у него красовались шапка с кистью, золотые филигранной работы шпильки и ажурный нефритовый ободок. Стройную фигуру облегал зеленый шелковый халат. Чулки цвета родниковой воды обтягивали темные, расшитые шелком наколенники, а обут он был в туфли на толстой подошве, какие шьют в Чэньцяо. Он держал крапленый золотом сычуаньский веер. Внешностью напоминал студента Чжана, [88] красотой не уступал Пань Аню.[89] Словом, красавец – глаз не оторвешь. Настоящий шеголь и «ветротекучий жуир».[90]

Когда шест угодил ему по голове, он опешил, но, обернувшись, вдруг увидел перед собой обворожительную красавицу.

Только поглядите:

Ее волосы чернее воронова крыла; изогнуты, как месяц молодой, подведенные брови. Глаз миндалины блестящи, неподвижны. Благоуханье источают губы-вишни; прямой, будто из нефрита выточенный нос; румянами покрытые ланиты. Миловидное белое лицо округлостью своей напоминает серебряное блюдо. Как цветок грациозен легкий стан; напоминают перья молодого лука тонкие нежные пальцы; как ива талия гибка; пышно мягкое тело; изящны остроконечные ножки – белы и стройны. Высокая полная грудь; нечто крепко-накрепко связанное, алое с гофрировкой, белое свежeparное, черно-бархатистое, а что, не знаю сам. Все ее прелести не в силах описать.

А какая прическа! Какие наряды! Только поглядите:

Блестящие, как смоль, волосы туго стянуты, собраны сзади в пучок – благоуханную тучу. Воткнуты в ряд мелкие шпильки вокруг. На лоб ниспадают золотые подвески, сбоку держится гребнем, красуется ветка с парюю цветков. Не поддаются описанию брови – тоньше ивового листка. Трудно преувеличить красоту ланит, как персик алых, серьгами обрамленных, игравших на свету. Чего стоит

ее нежная, пышная грудь, что подтянута туго и полуоткрыта. Накинут цветастый платок на кофту шерсти голубой с длинными отделанными бахромой рукавами. Невидимые благовонья источают аромат. Виднеются чулочки из-под юбки бархата сычуаньского.

А теперь поглядите вниз:

Обута она в туфельки из облаками расшитого белого шелка на толстой подошве. Изящно вздернуты кверху, как коготь орлиный остры их носки. Ее золотые лотосы – ножки – ступают, словно по пыльце, ароматной и нежной. Малейшее движение – шагнет или присядет – вздымает ветер юбку, надувая шелк розовых шальвар – и иволги в цветах, на них расшитые, порхают.

Алые ее уста струят благоуханье мускуса и необычных орхидей. Едва улыбка губ коснется, чаровница становится похожей на только что раскрывшийся цветок. Раз довольно взглянуть на нее – и совсем потеряешь рассудок, сразит наповал красотой своей.

Увидел ее прохожий и тут же смягчился. Возмущение будто рукой сняло, и на лице появилась улыбка. Цзиньлянь почувствовала, что виновата, и, сложив руки, отвесила низкий поклон.

– Простите меня, пожалуйста! – извинилась она. – Это ветром вырвало шест, и он нечаянно упал прямо на вас, сударь.

– Ну что вы! Какой пустяк! – сказал незнакомец, поправляя шапку и склоняясь почти до самой земли.

Эту сцену наблюдала хозяйка чайной старая Ван, которая жила по соседству. «Кто бы это мог быть? Кого так угостили шестом по голове?» – зубоскалила она про себя.

– Я сам виноват, – заметил, улыбаясь, прохожий. – Надо ж было подвернуться. Не беспокойтесь, сударыня!

– Не осудите, – упрасивала его с улыбкой Цзиньлянь.

– Да кто вас посмеет осуждать, сударыня!

Прохожий еще раз поклонился и вперил в красавицу свой лукавый взгляд. Он не первый год совращал женщин и слыл в таких делах большим мастером. Прежде чем уйти, незнакомец не раз оборачивался, потом исчез, обмахиваясь веером.

О том же говорят и стихи:

Дул теплый ветерок, неспешно шел повеса,
Красавица в окне открыла занавеску.
Весенних чувств она унять не в силах,
Волна разлучных слез ланиты оросила.

Убедилась тут Цзиньлянь, что незнакомец предан радостям жизни,

сладкоречив и делами не обременен, и у нее еще сильнее вспыхнула привязанность к нему, хотя она и не знала ни кто он такой, ни где живет. «Стал бы он столько раз оборачиваться, если б я ему не приглянулась. Может, мой суженый?» – размышляла она у окна, а сама все глядела вдаль. Только когда незнакомец исчез из виду, она опустила занавеску, заперла дверь и ушла к себе в комнату.

Послушай, дорогой читатель! Неужели у того щеголя не было ни дома, ни хозяйства?! Был он отпрыском некогда богатых, но разорившихся торговцев в уездном центре Цинхэ и держал лавку лекарственных трав напротив уездной управы. С детства рос баловнем и бездельником, неплохо дрался, питал пристрастие к азартным играм – двойной шестерке,^[91] шашкам, костям и иероглифическим загадкам.^[92] И чего он только не знал!

В последнее время он связался с уездными чиновниками – вел кое-какие дела, зарабатывал на тяжбах как поручитель. Так поднажился и обрел известность. Все в городе стали его бояться. Фамилия его была Симэнь, звали Цин, первый в роду. Раньше его звали просто Симэнь Старший, а когда он разжился и приобрел известность, стали величать господин Симэнь Старший. Родители у него умерли, братьев не было. Первую жену он похоронил рано. После нее осталась дочка. Не так давно он женился на У Юэнян, дочери начальника левого гарнизона Цинхэ.^[93] Держал несколько служанок и женщин. Давно он состоял в близких отношениях с Прелестницей Ли из веселого квартала, и теперь тоже взял ее к себе. Поселил он у себя и Потерянную Чжо,^[94] изгнанную из заведения на Южной улице, у которой до того числился в постоянных поклонниках.

Симэнь Цин был большой мастер игр ветра и луны,^[95] то бишь знал одни лишь наслаждения, соблазнял жен порядочных людей. Брал их к себе в дом, а как только они ему надоедали, просил сваху продать. Чуть не каждый день навещался он к свахам, и никто не решался ему перечить. Стоило Симэню увидеть Цзиньлянь, как он, придя домой, стал раздумывать: «А хороша птишка! Как бы ее поймать?» Тут он вспомнил про старую Ван из чайной по соседству с домом красавицы. «А что! Если она сумеет обделать дельце, – рассуждал он, – можно и разориться на несколько лянов серебра. Чего мне стоит?!» У Симэня даже аппетит пропал. Пошел он прогуляться, а сам прямо к чайной свернул. Отдернул дверную занавеску и сел за столик.

– А, господин Старший пожаловали! Как вы любезно раскланивались... – старуха засмеялась.

– Поди сюда, мамаша, – позвал ее Симэнь. – Хочу тебя спросить:

чья это пташка с тобой рядом живет?

– Это сестра великого князя тьмы Яньло,^[96] дочь полководца Пяти дорог,^[97] а в чем дело?

– Брось шутики шутить. Я серьезно спрашиваю.

– А вы разве ее не знаете, сударь? – удивилась старуха. – Хозяин-то ее прямо против управы съестным торгует.

– Уж не жена ли Сюя Третьего, который пирожки с финиками продает?

– Нет, – махнула рукой Ван. – Будь он мужем, была бы пара подходящая. Отгадывайте еще.

– Значит, торговца пельменями Ли Третьего?

– Опять не угадали, – развела руками старуха. – И это была бы чета.

– Может, Лю Татуированные руки?

– Нет, – смеялась Ван. – И это была бы парочка хоть куда. Еще подумайте, сударь.

– Нет, – заключил Симэнь, – видно, мне не догадаться.

– Скажу, смеяться будете, – и Ван сама расхохоталась. – Муж ее – знаете кто? – торговец лепешками У Старший.

– Уж не тот ли самый У, которого дразнят: «Сморщен, как кора, ростом три вершка»? – Симэнь тоже засмеялся и даже ногой притопнул.

– Он самый и есть, сударь, – подтвердила старуха.

– Ну и угодил же лакомый кусочек псу в пасть! – подсадовал Симэнь.

– В том-то и дело! Так вот и случается: добрый конь несет простака, красавица-жена ублажает дурака. Такова уж, знать, воля Лунного старца.

– Сколько же с меня за чай и фрукты, мамаша? – спросил Симэнь.

– Да пустяки, сударь, потом сочтемся.

– Так с кем, говоришь, уехал твой сын-то Ван Чао, а?

– И сама не знаю. Взял его с собой один хуайский гость,^[98] и вот до сих пор ни слуху ни духу. Жив ли, нет ли?

– Что ж ты его ко мне не прислала? Парень он вроде расторопный и умный.

– Если б вы взялись за него, ваша милость, да вывели в люди, вот бы я была вам благодарна, сударь, – говорила старуха.

– Погоди, приедет, тогда и потолкуем, – решил Симэнь, поблагодарил хозяйку и вышел из чайной.

Не минуло и двух страж, как он снова появился в чайной, сел у

двери и стал смотреть на дом У Чжи.

– Может, господин Старший откушает сливового отвару? – предложила вышедшая к нему Ван.

– Только покислее.^[99]

Ван приготовила отвар и подала Симэню.

– А ловко ты стряпаешь, мамаша! Немало, должно быть, надо про запас держать, чтобы на любой вкус угодить, а?

– Да вот, всю жизнь сватаю. Какой же прок дома-то держать? – смеясь, отвечала старуха.

– Я тебе про отвар говорю, а ты мне про сватовство.

– Послышалось, вы сказали, ловко сватаю.

– Раз сватаешь, помоги и мне. Щедро отблагодарю.

– Шутите вы, сударь. А старшая жена узнает? Достанется мне затрещин.

– Жена у меня покладистая. Мне не одна женщина прислуживает, да нет ни единой по сердцу. А у тебя есть на примете хорошенькие. Сосватай мне, а? Как приглядишь, прямо ко мне приходи, не бойся. Ничего, если бы и замужем была, только б по сердцу пришлась.

– Была тут на днях красавица. Да вряд ли вам подойдет.

– Если хороша собой и сумеешь сосватать, щедро вознагражу.

– Женщина она прекрасная. Правда, возраст великоват, – заметила старуха. – Красавицу, говорят, и в годах можно взять. Ну, а сколько ж ей?

– Родилась в год свиньи,^[100] и к новому году ей исполнится ровно девяносто три.

– Ты, знать, помешалась, старуха! – засмеялся Симэнь. – Тебе бы только шутки отмачивать.

С этими словами Симэнь Цин встал и с хохотом удалился из чайной.

Темнело. Старая Ван зажгла огонь и пошла запирать двери. Но в это время снова появился Симэнь. Отдернув занавеску, он вошел в чайную, уселся около двери на скамейку и впился глазами в дом У Чжи.

– Может, откушаете супу брачного согласия?^[101] – предложила хозяйка.

– Только послаще.

Ван подала чашку супа, и Симэнь Цин просидел у нее допоздна.

– Подсчитай, мамаша. Завтра расплачусь.

– Как вам будет угодно. Спокойной ночи, сударь. Завтра приходите и обо всем потолкуем.

Симэнь, улыбаясь, направился домой. Он не мог ни есть, ни спать. Все его мысли были поглощены красавицей Цзиньлянь, но о том вечере говорить больше не будем.

На следующий день рано утром старуха открывала чайную. Только она выглянула на улицу, Симэнь Цин был тут как тут и сразу завернул к хозяйке. «А метла чисто метет, – подумала старуха. – Прилепила-таки ему на нос сахару – слизнуть не может. Ничего, он весь уезд обирает, вот и ко мне в руки попался. Пусть-ка поделится, а уж я сдору с него не одну связочку монет».

Надобно сказать, что старуха Ван не отличалась порядочностью. Многие годы не знала она покоя: и свахой была, и посредницей, и перепродажей занималась. Принимала младенцев, помогала при родах, слыла мастерицей разыгрывать злые шутки и устраивать кое-что еще, о чем и не скажешь. Казалась она простоватой и даже глуповатой, но попробуй распознай подноготную этой старухи.

Только поглядите:

Слово скажет – обманет Лу Цзя, рот откроет – померкнет Суй Хэ.^[102] Красноречьем Шесть царств.^[103] помирит, склонит к дружбе три области Ци^[104] Одинокого феникса соединит в мгновение с подругой. Девуцу с бобылем сумеет сочетать при первой же встрече. Теремную затворницу принудит очаровать святого. Заставит отрока, послушника при Нефритовом государе,^[105] поманить и заключить в объятия прислужницу самой богини Сиванму.^[106] Немного хитрости подпустит – и архат,^[107] прильнет к монашке молодой. Чуть-чуть смекалки ей довольно, чтобы Ли, небесный царь^[108] мать демонов.^[109] обнял. От ее речей медоточивых смутится сам Фэншэ^[110] Пред словом вкрадчивым ее не устоит фея Магу.^[111] Ей стоит только извернуться – и дева непорочная будет любовною тоскою сражена. Ей стоит только изловчиться – и заведет себе любовника лунная Чангэ.^[112]

Да, этой старухе не привыкать устраивать любовные дела и скандалить у казенных домов.

Ван открыла свое заведение и принялась суесться у чайного котла. Тут она заметила Симэнь Цина. Он опять сновал взад и вперед, а потом откинул бамбуковую занавеску, вошел в чайную и уставил неподвижный взгляд на дом У Чжи. Хозяйка же знай себе мешала угли и не выходила к посетителю, притворившись, будто его не замечает.

– Мамаша, две чашки чаю, – крикнул Симэнь.

– А, это вы пожаловали, сударь, – протянула старуха. – Давненько вас не видала. Присаживайтесь, прошу вас.

Вскоре хозяйка вынесла две чашки крепкого чаю и поставила на стол.

– Выпейте со мной чайку, мамаша, – предложил Симэнь.

– К чему же это мне с вами пить, сударь? Ведь я даже тени вашей зазнобы не напоминаю, – захихикала старуха.

Симэнь рассмеялся.

– А чем, скажи мне, торгуют твои соседи? – спросил он.

– Продают поджаренные пампушки, вяленое мясо удава, мясные пельмени, фаршированные клецками; начиненные лапшей и устрицами пирожки, остро наперченные сласти и крутой кипяток.

– Ах ты, сумасбродная старуха! – засмеялся Симэнь. – Одни глупости у тебя на уме.

– Почему же глупости? Каждый по-своему с ума сходит.

– Я тебе серьезно говорю. Если они в самом деле хорошо пекут, я взял бы у них полсотни лепешек.

– Купить желаете – обождите. Скоро придет хозяин. Зачем же вам самому-то к ним ходить?

– Ты права, мамаша.

Симэнь Цин выпил чаю, посидел немного и вышел.

Старуха долго еще суетилась у котла, но глаз не спускала с Симэня. А тот все прохаживался у чайной. То на восток посмотрит, то на запад обернется. Так он прошелся туда и обратно несколько раз и опять очутился у чайной.

– А, господин Старший! Давненько не заглядывали! Можно с удачей поздравить?

Симэнь Цин рассмеялся, достал лян серебра и протянул хозяйке.

– Возьми! Это тебе на чай. – К чему ж так много? – Бери, не стесняйся.

«Наконец-то он мне попался! – подумала старуха и взяла серебро.

– Он мне еще за пристанище выложит!» И она обратилась к гостю: – Вижу, жажда вам покоя не дает. Может, чайку выпьете? Авось и пройдет.

– А ты откуда знаешь, мамаша?

– Да неужто трудно догадаться? Исстари говорят: войдя в дом, не спрашивай о житье-бытье, а загляни хозяину в глаза, и сам все поймешь. Сколько мне на своем веку приходилось отгадывать и не таких загадок!

– У меня дело сердечное, – продолжал Симэнь. – Догадаетесь, пять лянов поднесу.

– Не нужно семи пядей во лбу – дело тут ясное. Нагнитесь-ка,

сударь. Что я вам на ушко скажу. Моя соседушка вам покоя не дает. Ведь верно говорю?

– Ты, мамаша, и точно умом посоперничаешь с Суй Хэ, смекалкой превзойдешь Лу Цзя. Откровенно говоря, я и сам не знаю, что со мной. Как угодил тогда в меня этот шест, как взглянул на нее, так она у меня будто и сердце, и душу отняла. Днем и ночью предо мной стоит. Ни пить, ни есть не могу. Ко всему охота пропала. Не поможешь ли как-нибудь, мамаша?

– Сказать вам всю правду, сударь, – Ван захихикала. – Я так же чаем торгую, как черт стражу отбивает. Чтобы не соврать, когда ж я в последний раз от чаю выручила? Да года три назад в десятой луне третьего дня, когда снег выпал. И вот до сих пор не везет. Только то да се – тем и кормишься.

– Что это значит – то да се? – поинтересовался Симэнь.

– Тридцати шести лет я осталась без мужа. Жить нам с малолетним сыном было нечем. Сперва сватала, потом вещи перепродавала. И роженицам помогала, и повивальной бабкой по домам ходила. При случае любовников свожу, тайные свидания устраиваю. Прижиганием и иглами болящих пользую. Случалось, и приворовывала...

– Вот не знал! – недослушав старуху, Симэнь, улыбнулся. – А ты, оказывается, на все руки! Устрой мне свиданье с этой пташкой, дам десять лянов на гроб.

Старая Ван расхохоталась.

О том же говорят и стихи:

Снедает Симэня-бездельника похоть,
Ему по красотке вздыхать бы да охать,
Однако везет ему... Ловкая сводня
С Сян-ваном^[113] бы Фею свела и сегодня.

Если хотите узнать, что за план придумала старуха и что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТАРУХА ВАН ВЫДВИГАЕТ ДЕСЯТЬ УСЛОВИЙ ТАЙНОГО СВИДАНИЯ

СИМЭНЬ ЦИН РАЗВЛЕКАЕТСЯ В ЧАЙНОЙ С ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ

*Красотка голову закружит
И до несчастья доведет.
Ты будешь выглядеть все хуже,
Иссохнет мозг и мощь уйдет.
Семью пороки разрушают,
И тут лечение не впрок.
Родится в роскоши порок,
И о беде, что ждет, – не знает.*

Так вот, поведал Симэнь Цин старухе Ван о своем страстном желании встретиться с пташкой и говорит:

– Если устроишь встречу, десять лянов не пожалею.

– Послушайте, что я вам скажу, – начала старуха. – Всего труднее улучшить момент для изъявления благосклонности. Спросите, что это значит? А то, что теперь обыкновенно называют тайным свиданием. Чтобы его устроить наверняка, необходимо: обладать внешностью Пань Аня, мощью ишака, богатством Дэн Туна,^[114] быть молодым да покладистым, но в то же время и напористым, вроде иголки в вате, и, наконец, располагать досугом.

– Не скрою, мамаша, я обладаю всеми этими качествами. Пусть я не так красив, как Пань Ань, но и недурен собой. С молодых лет перебивал я во всех веселых домах города и готов похвастаться выносливостью. Мощь у того самого, что у громадной черепахи.

Может, я и уступаю Дэн Туну, но состояния моего вполне хватит на жизнь. Я самый терпеливый человек. Ударь меня хоть четыре сотни раз, руки не подыму. Наконец, у кого столько досуга, как у меня? Будь я занят, я б не смог так часто тебя навещать. Устрой мне свиданье, щедро награжу. Когда Симэнь выложил все свои намерения, Ван продолжала:

– Да, дорогой мой, все это хорошо. Но потребуется еще одно условие. Оно-то и может оказаться главной помехой.

– Какое же?

– Не обижайтесь, если скажу прямо. В таком деле нельзя деньги жалеть. Бывает, до последнего медяка истратишься, но ничего не выйдет. А вы, сударь, знаю, скуповаты, не больно щедро раскошеляетесь.

– Это пустяки. Я готов делать все, что ты скажешь.

– Если не пожалеете серебра, могу предложить вам такой искусный план, который наверняка приведет к встрече с пташкой. Так вы согласны во всем меня слушать, сударь?

– Что бы ни было, все буду по-твоему делать. Что ж это за план?

– Сейчас уж поздно. Вам пора домой. А вот через полгодика или, скажем, месяца так через три заходите, тогда и потолкуем, – засмеялась старуха.

– Ну, не смейся, мамаша, – упрасивал Симэнь. – Дашь с ней повидаться, хорошо заработаешь.

– Опять вам не терпится, – захохотала Ван. – Быть может, мне храма, как победоносному князю Учэн-вану,^[115] не воздвигнут, жертв приносить не станут, как знаменитым стратегам, но уж Сунь-цзы,^[116] я во всяком случае не уступлю. Он девиц воинами делал, я же девять девиц из каждого десятка могу захватить да в ваше распоряжение передать. Так послушайте, что я вам расскажу про красотку. Она из низов, но умна и сметлива. А как поет и играет, какая рукодельница! Чего она только не умеет – все лучшие песни поет, в двойную шестерку и шашки играет. Зовут ее Цзиньянь, по фамилии Пань, дочь портного Паня, что за Южными воротами живет. Сперва ее богачу Чжану продали. Там музыке и пению обучали. Потом хозяин состарился, и выдали ее за У Старшего. С него ни медяка не взяли. Так с ним и живет. У Чжи – человек слабый, мелкой торговлей занят. Рано уходит, поздно возвращается. А пташка ждет его одна, скучает. Выпадет у меня время, иду к ней – досуг скоротать. Что бы у нее ни случилось, ко мне за советом спешит. Приемной матерью меня зовет. Эти дни муж у нее рано торговать выходит. Так что если хотите свое

желание исполнить, купите голубого и белого шелка по куску, кусок белой тафты да на десять лянов лучшей парчи и принесите мне. Я пойду к ней и попрошу выбрать по календарю благоприятный день^[117] чтобы пригласить портного. Если она день выберет, а шить сама не пожелает, то все рухнет. Если же обрадуется и скажет: «Не надо никакого портного, я сама сошью», значит на одну десятую план удался. Тогда я попрошу ее шить у меня, и это будет следующий шаг. Когда она придет, я приготовлю к обеду вина, закусок и приглашу ее к столу. Если она откажется и пойдет домой, все пропало. Если ж останется, то и третий шаг пройден. Но вы пока не показывайтесь. А вот на следующий день к полудню являйтесь при полном параде. Встаньте у дверей, кашляните разок-другой – условный знак будет – и крикните: «Давно не видал мамашу. Дай-ка чашку чайку». Я выйду и приглашу зайти. Если, увидев вас, она встанет и удалится, – не буду ж я ее удерживать! – значит, расстроился весь план. Если ж она и не шевельнется, считайте, и четвертое препятствие миновали. Когда вы сядете за стол, я обращусь к пташке с такими словами: «А это и есть тот самый благодетель, большое ему спасибо, который одарил меня шелком». Тут я начну всячески превозносить ваши достоинства, а вы похвалите ее рукоделие. Если она не откликнется на вашу похвалу, рухнула, выходит, вся затея, а заговорит с вами, полдела сделано. «Затрудняю я тебя, дорогая, своим шитьем, – скажу я. – Как мне благодарить вас, доброхоты вы мои! Один деньгами помогает, другая усердным трудом своим. И надо же быть такому совпаденью – как раз и благодетельница моя тут оказалась. Так нельзя ль попросить вас, милостивый сударь, угостить госпожу за ее старание?» Тут вы выложите серебра и велите мне сходить за покупками. Если она тоже пойдет, – а я не посмею ее удерживать! – наш план провалился, а останется, значит, все идет как надо. Считайте, преодолено шесть преград. Я возьму серебро и скажу ей перед уходом: «Будь так добра, займи господина». Если она начнет собираться домой, – а препятствовать ей я не решусь, – все на этом и оборвется. Если ж останется, дело идет как по маслу – значит, обошли и седьмое препятствие. Я выложу покупки на стол и скажу: «Собирай-ка свою работу, дорогая, и давайте пропустим по чарочке. Ведь не зря ж мы господина в расходы ввели». Коли не пожелает с вами за стол сесть и уйдет, конец, стало быть, нашему плану. Может, скажет: «Мне пора домой», а сама останется, значит, волноваться нечего – взята и восьмая преграда. Когда она изрядно выпьет и заведет с вами доверительную и задушевную беседу, я сделаю вид, будто кончилось вино и попрошу у

вас денег. Вы дадите серебра и опять велите купить вина и фруктов. Я запру вас вдвоем в комнате. Если она рассердится и убежит, выходит, все пропало. Если ж уходить и не подумает, значит, и девятый шаг позади. Останется последний рубеж, но он-то и самый трудный. Когда окажетесь наедине с ней, усладите ее проникновенными медовыми речами. К делу приступать не торопитесь – все расстроите. Тогда на себя пеняйте. Сначала палочки рукавом будто невзначай со стола смахните, потом нагнитесь поднять, а сами коснитесь ее ножки. Если запротестует, неприятность я улажу, но поправить дело будет поздно. А ни слова не скажет, выходит, покороены все десять преград. Значит, и она полна желания. Чем вы меня тогда отблагодарите, а?

– Да, с таким планом во дворец Линьянгэ,^[118] может, и не попадешь, но придумано ловко, – выслушав старуху, воскликнул обрадованный Симэнь.

– Только смотрите, про обещанные десять лянов не забудьте!

– Кто отведаст хоть мандаринную корочку, тот не забудет озера Дунтин.^[119] Когда же сбудется этот план?

– За ответом нынче вечером приходите, сударь. А я сейчас, пока ее муж торгует, пойду попрошу у нее календарь да потолкую как следует. А вы тоже не мешкайте! Быстрее несите шелк и парчу.

– Только устрой все, а я не подведу.

Симэнь Цин простился со старухой и вышел из чайной. По дороге он купил три куска шелка и на десять лянов лучшей парчи с серебристым отливом. Дома позвал доверенного слугу Дайяня, велел ему увязать покупки и отнести в чайную старухе. Ван с радостью приняла узел и отпустила слугу.

Да,

Когда еще придет желанный миг –

А чуский Сян уж терем ей воздвиг.

О том же говорят и стихи:

Сильна искусной сводни власть.

Одну зажжет в обоих страсть.

И хитрый разработав план,

На страсти той набьет карман.

Получив шелк, тафту и парчу, Ван вышла черным ходом и направилась прямо к дому У Чжи. Ее встретила Цзиньлянь и провела наверх.

– Что это ты, милая, старуху совсем забыла, даже чайку не зайдешь выпить?

– Нездоровилось мне эти дни, мамаша, – отвечала Цзиньянь. – Даже с места сдвинуться не было охоты.

– У тебя, наверно, найдется численник? Дай-ка мне, пожалуйста, взглянуть. Хочу день для шитья выбрать.

– А что вы шить собираетесь, мамаша? – поинтересовалась Цзиньянь.

– Да вот, болезни и недуги одолевают. Как бы ненароком чего не случилось. И сына дома нет...

– Куда он исчез? Совсем его не видно.

– Уехал с торговым гостем в дальние края. Нет ни письмеца, ни весточки. Целыми днями себе места не нахожу.

– Сколько лет сыну?

– Семнадцать.

– А чего вы его не жените? И вам была бы в доме помощница.

– Вот и я говорю. И то и другое – все самой. Прямо забегалась. И то уж присматриваю. Женю, только бы приехал. Удушье и кашель замучили меня, старуху. Ни днем, ни ночью не дают покою. Давно зарекалась сшить себе на смерть. Спасибо, один состоятельный человек нашелся. Частенько ко мне в чайную заглядывает. Я тоже у него бывала – больных лечила, сватала, служанок покупала. Знает, что на меня можно всегда положиться, во всем мне помогает. Вот и шелку подарил – старухе на смерть. Тут шелк, тафта и немного парчи – на все хватит. Уж больше года лежит, все никак не соберусь. А как немного освободилась, решила сшить. Здоровье никуда, да и год високосный. Пошла было к портному, а он так дорого запрашивает и на дом отказывается идти. Работы, говорит, много, некогда. Так меня расстроил!

– Я эти дни свободна и могла бы вам пошить, мамаша, если, конечно, вы не против. Только, боюсь, не ужоу, – сказала, улыбаясь, Цзиньянь.

– Если б ты сшила своими драгоценными ручками, мне б и умереть было легко, – старуха расплылась в улыбке. – Давно слыхала, какая ты мастерица, да попросить не решалась.

– Ну что вы! Если я обещала, сделаю. Пойду численник принесу, а вам благоприятный день выберут.

– Не вводите, милая, старуху в заблуждение. Вы ведь знаете песни, романсы и все арии на свете. К чему же просить кого-то посмотреть численник?

– Я не училась с детства, – сказала, улыбаясь, Цзиньянь.

– Будет скромничать! – Ван достала численник и подала

Цзиньянь.

– Завтра счастья не предвещает, – проговорила Цзиньянь, – послезавтра тоже дурной день, а вот следующее число для шитья подходит. Тогда и начнем.

Старуха взяла у нее из рук численник и повесила его на стену.

– Само твое желание сделать мне доброе дело означает счастье, – сказала она. – Зачем еще какой-то день выбирать! Мне уж объясняли: завтра, мол, день тяжелый. А я вот что скажу: для шитья нет плохих дней, и беспокоиться тут нечего.

– Да, на смерть шить как раз и надо в тяжелый день, – поддержала ее Цзиньянь.

– Согласна, милая? Ну вот, и мне от души отлегло. Значит, завтра ко мне и приходи.

– Зачем же? У вас я шить не смогу, – возразила Цзиньянь.

– Но мне хотелось бы поглядеть, как пойдет работа, да и дом не на кого оставить.

– Тогда я завтра с утра приду.

Старая Ван долго благодарила Цзиньянь, потом спустилась вниз и ушла. Вечером она рассказала обо всем Симэню, и они условились, что он придет на третий день. О том вечере говорить больше не будем.

На другой день рано утром старуха прибрала комнату, припасла иголки с нитками, поставила чай и стала ждать Цзиньянь. У Чжи тем временем позавтракал, взял коромысло с лепешками и ушел торговать. Цзиньянь повесила занавеску и наказала Ингэр присматривать за домом, а сама вышла черным ходом и направилась в чайную. Ван безмерно обрадовалась ее приходу, провела в комнату, предложила присматриваться и подала чашку крепкого чаю, заваренного с грецкими и буковыми орехами. Хозяйка чисто-начисто вытерла стол и выложила шелк. Цзиньянь отмерила материю и, покончив с раскройкой, принялась шить.

– Ну и мастерица! – глядя на шитье, притворно расхваливала старуха. – За шестьдесят перевалило, но, право, такой искусницы еще не видывала.

Когда наступил полдень, Ван приготовила лапшу, вина и закусок и пригласила Цзиньянь к столу. После обеда она шила до самых сумерек, потом собрала работу и пошла домой. В это время воротился и У Чжи с коромыслом в руках. Цзиньянь закрыла за ним дверь и спустила занавеску.

– Ты где-то была? – спросил муж раздумывавшую жену.

– Да у соседки, мамыши Ван. Попросила меня сшить ей на смерть

одежды. Потом обедом покормила и вина поставила.

– Ты уж лучше не садись у нее за стол. Может, и нам когда придется к ней обращаться. Раз попросила шить, сшей, а обедать домой приходи. К чему старого человека утруждать? Завтра пойдешь, денег захвати, купи вина с закусками да угости ее. Говорят, лучше сосед вблизи, чем родной вдали. Нельзя злоупотреблять людской добротой. А откажется принять угощение, забирай шитье и работай дома.

О том же говорят и стихи:

Старухи ловкая ловушка –
И муж-глупец в ее плену.
Он выдал деньги на пирушку
И уступил свою жену.

Пань Цзиньянь выслушала мужа, но об этом вечере говорить больше не будем.

На другой день после завтрака У Чжи взял коромысло и отправился торговать. Только он ушел, появилась старуха Ван, пригласила к себе Цзиньянь, и они вместе направились в чайную. Цзиньянь вынула работу и села шить, а хозяйка тем временем заварила чаю и стала ее потчевать. К обеду Цзиньянь достала из рукава^[120] триста медяков и сказала:

– Вот деньги. Теперь позвольте мне вас угостить.

– Ну что вы! – запротестовала старуха. – Где ж такое заведение, чтобы человека об услуге просили да с него ж еще и деньги брали?! Может, тебе мое вино не по вкусу?

– Мне так муж велел, – объяснила Цзиньянь. – Если не согласны, я пойду домой шить, а как кончу, принесу.

– Муж у тебя, милая, человек порядочный, понимает что к чему.

Коль настаиваешь, деньги я возьму, – смекнула Ван, опасаясь, как бы не испортить дело.

Она немного добавила своих, купила лучшего вина, закусок и дорогих фруктов. Вернувшись с покупками, старуха принялась пуще прежнего ухаживать за гостьей.

Послушайте, дорогой читатель! Стоит вам хоть немного польстить любой, даже самой умной и проницательной женщине на свете, как она собьется с пути. И таких оказывается девять из каждого десятка.

Старуха поставила вино, закуски и сладости и пригласила Цзиньянь к столу. После обеда Цзиньянь шила до вечера, а потом, от души поблагодарив хозяйку, ушла домой, но не будем останавливаться

на мелочах.

На третий день после завтрака старая Ван едва дождалась, когда уйдет У Чжи, и тотчас же проникла с черного хода к Цзиньянь.

– Дорогая! Опять осмеливаюсь... – только и успела крикнуть она, как ее прервала Цзиньянь.

– Иду, – крикнула она сверху, и они вместе зашагали в чайную.

* * *

Цзиньянь разложила шитье и принялась за работу, а старуха готовила чай. Потом они занялись чаепитием.

Расскажем теперь о Симэнь Цине. С нетерпением ждал он этого дня.

Приоделся как полагается, прихватил лянов пять серебра, взял в руку крапленый золотом сычуаньский веер и, помахивая им, отправился на Лиловокаменную к старухе.

– Давно я к тебе не заглядывал, мамаша! – кашлянув, крикнул Симэнь у дверей чайной.

– Кто там? – быстро оглянувшись, отозвалась хозяйка.

– Это я.

– А, сам почтенный господин пожаловали, а мне и невдомек, – приветствовала его старуха. – Кстати, очень кстати пришли, сударь. Милости прошу, проходите.

Ван взяла Симэнь Цина под руку и ввела в комнату.

– Это и есть тот самый благодетель, который преподнес старухе все эти шелка, – глядя на Цзиньянь, пояснила Ван.

Симэнь Цин внимательно смотрел на занятую шитьем Цзиньянь, на ее связанные узлом волосы-тучи, бирюзовые головные украшения, на весеннюю свежесть ланит, легкую белую кофту из полотна, ярко-красную юбку и голубую безрукавку.

При виде Симэня она опустила голову. Он отвесил ей низкий поклон.

Она отложила работу и ответила на его приветствие.

– Больше года, сударь, пролежали у меня ваши шелка, – заговорила хозяйка.

– Спасибо надо говорить соседке – взялась сшить, что нужно. Подите взгляните, сударь, какая работа! Будто на станке точит. Стежок к стежку – люблю поглядеть.

– Как можно научиться так шить?! – взяв в руки шитье, стал расхваливать Симэнь. – Изумительно! Золотые руки!

– Вы шутите, сударь, – смущенно отвечала Цзиньянь.

– Нельзя ль узнать, мамаша, где живет такая искусница? – нарочно спросил Симэнь.

– Угадайте, сударь.

– Разве мне догадаться!

– Тогда прошу вас, садитесь, – старая Ван захихикала. – Сейчас все расскажу.

Симэнь Цин сел напротив Цзиньянь.

– Так знайте, милостивый сударь, – начала хозяйка. – Помните, вы еще под окном проходили и в вас так ловко угодил бамбуковый шест?

– Это когда у меня шапку с головы сбило, да? Но я так и не знаю, кто была та госпожа.

Цзиньянь приподнялась и, поклонившись Симэню, тихо промолвила:

– Простите, сударь. Это я нечаянно ударила вас.

– Ну, что вы, что вы! – стал тут же успокаивать ее Симэнь, отвечая ей низкими поклонами.

– Она самая, – сказала старуха, – моя соседка, супруга господина У Старшего.

– О, вы, оказывается, и есть супруга господина У Старшего? Я знаком с вашим супругом. Деловой человек, хороший хозяин. Торговлей занимается. Ни старого, ни малого не обидит и деньги зарабатывать умеет. Прекрасной души человек! Таких редко встретишь.

– Вот именно! – вставила хозяйка. – Госпожа с самой свадьбы во всем мужа слушается. Вот и живут в мире и согласии.

– Не шутите надо мной, сударь, – сказала Цзиньянь. – Муж у меня человек никчемный.

– Вы ошибаетесь, сударыня, – возразил Симэнь. – Древние говорили: в слабом – основа жизни, в сильном – зародыш беды. При таком супруге, как ваш, сударыня, из огромного потока ни капли не прольется. Супруг ваш – человек честный, что ж в этом дурного?

Хозяйка только поддакивала Симэнь Цину, который знай нахваливал У Чжи.

– А вы, милая, знакомы с господином? – глядя на Цзиньянь, спросила, наконец, Ван.

– Нет, не знакома.

– Этот господин – из здешних богачей. С его превосходительством уездным правителем дружбу водят. Господином Симэнем Старшим величают. У господина лавка лекарственных трав перед управой. Денег – горы, выше Северного Ковша.^[121] От зерна амбары ломаются.

Богатства несметные. Желтое в доме – золото, белое – серебро, круглое – жемчуг, блестящее – драгоценные камни. Есть и носорожьи бивни, и слоновая кость. А знакомства какие! Господ из управы ссужают. Это ведь я господину Симэню старшую жену сватала. Тоже не из простых – дочь тысяцкого У. Умнейшая женщина! – старуха обернулась к Симэню и спросила: – Что-то вы давненько не заглядывали, сударь?

– Никак не мог выбраться, мамаша, у дочери помолвка была.

– За кого же выдаете барышню? Что ж старуху посватать не позвали?

– За Чэнь Цзинци^[122] из Восточной столицы выдаю. Чэни приходится родственниками его превосходительству Яну, командующему восьмисоттысячной придворной гвардией. Жениху всего семнадцать, еще учится. Мы бы, конечно, вас пригласили, мамаша, да они тетушку Вэнь прислали, а с нашей стороны была торговка головными украшениями тетушка Сюэ. Они и засвидетельствовали помолвку. Мы небольшое угощение устраиваем. Если желаете, я за вами пришлю.

– Я шучу, сударь, – громко засмеялась Ван. – Все здешние свахи – сучьи дети. Когда сватают, меня не зовут. Разве допустят, чтоб из их заработка перепало?! Не зря говорят: кто одно дело делает, друг друга терпеть не может. Но после свадьбы я все же загляну, подарочек поднесу. И мне, глядишь, со стола перепадет. Что тут особенного! К чему отношения портить!

Старуха продолжала лстить Симэню, тот что-то бормотал ей в ответ, а Цзиньянь, опустив голову, занималась шитьем.

О том же говорят и стихи:

Нрав женщин – прихотливый ручеек,
Любовник есть, а мужу невдомек.
Цзиньянь Симэню сердцем отдалась,
Но обнаружить все ж боится страсть.

Симэнь Цину было приятно видеть, как страсть овладевает всем существом Цзиньянь, и он с нетерпением ждал счастливых минут. Хозяйка подала две чашки чаю. Одну – Симэню, другую – Цзиньянь.

– Займи, милая, почтенного господина, – обратилась она к Цзиньянь.

– Выпейте по чашечке чайку.

Хозяйка заметила многозначительные взгляды, которыми обменивались Симэнь и Цзиньянь, и, глядя на Симэня, провела рукой

по щеке. Симэнь понял, что половина дела сделана. Так уж повелось: за чаем любовники сговариваются, за вином в любви сливаются.

– Если бы вы не соблаговолили заглянуть к старухе, я б не посмела пойти к вам с приглашением, сударь. Но знать судьбе было так угодно: вы сами пожаловали, и так кстати. Говорят: один проситель двух господ не беспокоит. Вы же, ваша милость, помогли старухе деньгами, а госпожа – трудами своими. Как мне только благодарить вас! Счастливый случай свел вас. Нельзя ли попросить вас, сударь, занять место хозяина, потратиться немного на вино да кушанья и угостить госпожу за ее старание?

– У меня с собой серебро, а мне и невдомек. – Симэнь вынул около ляна и передал старухе Ван, чтобы та купила вина и закусок.

– Ну что вы! Из-за меня, пожалуйста, не беспокойтесь! – воскликнула Цзиньянь, но осталась на своем месте.

– Будь добра, займи пока господина, а я сейчас приду, – сказала старуха и вышла за покупками.

– Не уходите, мамаша, – протянула Цзиньянь, но с места не сошла.

Все текло как по маслу. Ведь у них было одно желание. Хозяйка удалилась, оставив Симэня наедине с Цзиньянь. Симэнь, не отрывая глаз, смотрел на красавицу. Она была покорена его красотой, но, опустив голову, сосредоточенно шила и лишь украдкой бросала взоры на гостя.

Вскоре появилась старуха. Она внесла на блюдах и подносах жирного гуся и поджаренную утку, самого свежего мяса и изысканных фруктов и расставила кушанья на столе.

– Ну, убирай работу, дорогая, и садись за стол, – пригласила хозяйка.

– Не смею я! – сказала Цзиньянь. – Вы сами покушайте с гостем, мамаша.

– Что ты говоришь! Ведь господин Симэнь тебя угощает, – изумилась старуха и подвинула яство поближе к Цзиньянь.

Они сели за стол, налили вино. Симэнь взял полную чарку и, поднося ее Цзиньянь, сказал:

– Выпейте, пожалуйста, эту чарку до дна, сударыня.

– Я вам весьма признательна, сударь, за ваше внимание, но мне не выпить так много, – благодарила его Цзиньянь.

– Вы пить можете, дорогая, я знаю, – вставила старуха. – От чарки-другой ничего с вами не случится.

О том же говорят и стихи:

Достойно сожаления, пожалуй,
Кокетничать с любовником случайным.
С Сянжу Вэньцзюнь когда-то^[123] убежала,
Теперь Цзиньлянь Симэня повстречала.

Цзиньлянь взяла чарку и поклонилась Симэню и хозяйке.

– Мамаша, прошу вас, предложите госпоже закуски, – беря палочки, обратился Симэнь к старухе.

Та принялась потчевать Цзиньлянь самыми лакомыми кусками. Вино обошло три круга, и хозяйка пошла подогреть еще.

– Позвольте спросить, сколько цветущих весен видели вы, сударыня? – обратился Симэнь к Цзиньлянь.

– Впустую прожила двадцать пять лет. Родилась я в год дракона, девятого дня в первой луне, в полночь.

– Значит, вы, сударыня, ровесница моей жене. Она с того же года. У нее день рождения пятнадцатого в восьмой луне, поздно вечером. Она на семь месяцев моложе вас.

– Вы убиваете меня, сравнивая небо с землей.

– Как умна и рассудительна супруга господина У! – вмешалась в разговор хозяйка. – Как сметлива! Недаром в шитье мастерица! Всех философов знает, играет в двойную шестерку, шашки, кости, знает шарады. А как пишет!

– О, другой такой не найти! – воскликнул Симэнь. – Господину У просто повезло.

– Не хочу вас обидеть, сударь, – продолжала старуха. – Женщин-то у вас в доме много, это верно, но похожа ли хоть одна из них на супругу господина У?

– Что правда, то правда, – вздохнул Симэнь. – Сразу всего не расскажешь. Не везет мне. Никак себе по сердцу не найду.

– У вас первая жена была замечательная, – заметила Ван.

– И не говори! Если б она была жива! А то нет у меня хозяйки.

Дом разваливается. Едоков собралось достаточно, а что проку? До хозяйства никому дела нет.

– И давно вы живете без хозяйки? – спросила Цзиньлянь.

– Нелегко мне об этом говорить. Моя первая жена, урожденная Чэнь, была женщина умная и сметливая, хоть и вышла из низов. Во всем мне помогала. Но три года назад ее, увы, не стало. Я женился, но эта жена все время болеет и домашних дел не касается. А раз в хозяйстве беспорядок, и домой идти не хочется.

– Правду вам скажу, сударь, только не сердитесь, – начала старуха. – Госпожа своим шитьем побьет и вашу первую супругу, и

теперешнюю. Да и красотой своей тоже.

– Да и манерами, и своим обхождением госпожа превосходит даже мою первую жену.

– Ну, а как та зазноба? – спросила, смеясь, старуха. – С Восточной улицы. Почему не пригласите старуху чайку попить?

– Это Чжан Сичунь, что ли? Протяжные романсы петь искусница? Не нравится она мне. Уж больно ветреная.

– А Ли Цзяоэр, что за изогнутыми перилами^[124] обитает? Вы ведь с ней давно знакомы.

– Она у меня живет. Если бы могла она хозяйство вести, я б на ней женился.

– Вы и с барышней Чжо близки были, – продолжала Ван.

– И Чжо Дюэр в дом привел. Третьей женой сделал. Недавно серьезно заболела, никак не поправится.

– Ну, а если б нашлась по сердцу такая, скажем, как эта госпожа, могли бы без помех в дом привести, а?

– Родители у меня умерли. Я сам себе хозяин. Кто мне посмеет перечить?

– Я шучу, конечно, – завершила его старуха, – но такую разве быстро сыщешь?

– Так уж и не найти?! Просто не везет мне в женах. Никак по себе не подберу.

Симэнь и старая Ван обменялись еще несколькими фразами.

– Не успели распробовать, а кувшин уж опустел, – заметила хозяйка. – Еще бы винца не мешало. Простите, что надоедаю, сударь.

– Вот, возьми, мамаша, да купи побольше, а что останется, себе оставь.

Симэнь Цин протянул ей около четырех лянов. Старуха поблагодарила Симэня и посмотрела на красавицу Цзиньянь. От трех чарок вина она вспылала страстью и непринужденно болтала с Симэнем. Они отлично понимали друг друга. Цзиньянь опустила голову и уходить не собиралась.

Да,

Кто тайные ее желанья разгадает?

Придет весна – и алый персик расцветает.

О том же говорят и стихи:

Ничем не скроешь взора вожделенья,

Судьба свела любовников в тиши.

А сводня ублажает их томленье

И про себя считает барыши.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БЛУДНИЦА НАСЛАЖДАЕТСЯ УКРАДКОЙ ОТ У ЧЖИ

РАССЕРЖЕННЫЙ ЮНЬГЭ ПОДЫМАЕТ ШУМ В ЧАЙНОЙ

*Вино и женщины несут погибель странам,
Красавицы – мужьям несчастный дар.
Дацзи сгубила Чжоу – иньского тирана,^[125]
А в царстве У – Си Ши.^[126] разрушила
алтарь^[127]*

*В любви отрады и веселья ждешь –
Не забывай, что к гибели идешь!
Опутанный Цзиньлянь любовною игрою,
Симэнь оставил лань, погнавшись за
сайгою.*

Так вот, взяла старая Ван серебро и перед уходом обратилась к Цзиньлянь:

– Я пойду за вином, а тебя, дорогая, попрошу поухаживать за гостем. Тут еще немного осталось. Вам по чарочке хватит. Думаю на Восточную улицу сходить – там вино получше. Так что немного задержусь. Лицо старухи расплылось в улыбке.

– Не ходите, мамаша, – попросила Цзиньлянь, – и этого хватит.

– Ай, милая! Вы с господином не чужие, небось. Посидите, по чарочке пропустите – ничего тут особенного нет, – уговаривала Ван.

Цзиньлянь все еще упрашивала хозяйку, но сама не уходила. Старуха поплотнее прикрыла дверь, завязала скобку веревкой, а сама села у дороги и принялась сучить нитки, оставив любовников с глазу на глаз в запертой комнате.

Симэнь Цин очей не спускал с Пань Цзиньлянь. У нее чуть

распустилась прическа, приоткрылась пышная грудь, на лице играл румянец. Симэнь наполнил чарку и поднес Цзиньянь, потом притворился, будто ему душно, и скинул зеленый шелковый халат.

– Можно вас побеспокоить, сударыня? Будьте так добры, положите на кан.

Цзиньянь приняла у него халат и положила на кан. Симэнь нарочно провел рукой по столу и смахнул палочки. На счастье, они упали прямо под ноги Цзиньянь. Он тотчас же нагнулся за ними и увидел два золотых лотосовых лепестка – маленькие остроносые ножки, ровно в три цуня.^[128] Ему стало не до палочек, и он сжал в руках расшитую цветами туфельку.

– Вы уж чересчур, сударь, – рассмеялась Цзиньянь. – Если у вас вспыхнуло желание, то ведь и я не лишена чувств. Вы в самом деле хотите обладать мною?

– Будь моей, дорогая, – проговорил он и опустился перед ней на колени.

– Только как бы не застала мамаша, – проговорила Цзиньянь и обняла Симэня.

– Не так страшно. Она все знает.

Они сняли одежды и легли, отдавшись наслаждениям.

Только поглядите:

Мандаринка-уточка и селезень шеи сплели, на воде резвятся. Прильнул к подружке феникс – порхают в цветах. И парами свиваясь, ликуют, шелестят неугомонно ветки. Сладки, прекрасны узы, связавшие любовников сердца. Жаждают страстного поцелуя его губы алые, румяные ее ланиты того ж нетерпеливо ждут. Вот чулочек шелковый взметнулся высоко, и над его плечами два тонких серпика луны взошли в одно мгновенье. Упали, свисли шпильки золотые, и ложе затмила черных туч гряда. В любви клянутся вечной, нерушимой, игру ведут на тысячу ладов. Стыдится тучка, робеет дождь. Еще хитрее выдумки, искуснее затей. Кружась, щебечет иволга, не умолкая. Нектаром уста упоены. Страстно вздымается талия-ива и жаром пылают вишни-уста. Как звезды сверкают глаза с поволокой, украшают чело ароматные перлы. Волнами колышется пышная грудь, капли желанной росы устремляются к самому сердцу пиона.

Да,

Такого наслажденья не знали никогда.

Особо сладок вкус запретного плода.

Едва они встали, чтобы привести себя в приличный вид, как

открылась дверь и появилась старуха.

– Ах, вот вы чем тут занимаетесь! – захлопала она в ладоши, изобразив удивление и испуг.

Любовники всполошились.

– Так, так, – продолжала хозяйка. – Я пошить мне на смерть тебя пригласила, а ты блудить начала? Узнает муж – мне не поздоровится. Лучше, пожалуй, самой все ему рассказать.

С этими словами старая Ван повернулась и пошла к У Чжи, но ее ухватила за подол испуганная Цзиньянь.

– Мамаша, простите! – упав на колени перед старухой, умоляла она.

– Вы должны исполнить одно мое требование, – сказала хозяйка.

– Что одно – целых десять исполню, – заверила ее Цзиньянь.

– Отныне и впредь ты никогда не будешь противиться желаниям господина Симэня и все скроешь от мужа. Когда б ни позвал тебя господин Симэнь – рано или поздно – ты должна прийти. А не явишься хоть раз, все скажу У Старшему.

– Буду во всем вас слушаться, мамаша, – обещала Цзиньянь.

– Вам, сударь, я говорить ничего не собираюсь. Вы и сами видите, наш план полностью удался. Помните обещанное, не нарушайте слова. Но если исчезнете, все станет известно У Старшему.

– Будь покойна, мамаша. Я свое слово сдержу.

– Обещать вы горазды, а где доказательства? – продолжала старуха. – Пусть каждый из вас обменяется чем-нибудь на память. Это и будет залогом вашей искренности.

Симэнь выдернул из прически золотую шпильку и воткнул ее в черное облако Цзиньянь, но она спрятала ее в рукав, чтобы не вызвать подозрений у мужа. Потом она достала из рукава платочек и протянула его Симэню. Они вдвоем выпили еще по несколько чарок. Было за полдень.

– В это время муж приходит, – сказала, вставая, Цзиньянь. – Я пойду.

Она поклонилась хозяйке и Симэню и пошла черным ходом. Только она опустила занавеску, как явился У Чжи.

Но вернемся в чайную.

– Ну, как мой план? – спросила Симэня старуха.

– Много я тебе хлопот доставил, мамаша, – проговорил Симэнь. – Да ты превзошла Суй Хэ и затмила Лу Цзя! От тебя не уйдут девять из десяти воительниц.

– Как пташка в любовном поединке? Довольны?

– Слов нет! Не-от-ра-зи-ма!!!

– Она из певиц. Ко всему приучена, – заметила Ван. – Мне спасибо говорите. Если б не старуха, не видать бы вам красавицы. Только обещанного не забудьте.

– О награде не беспокойся. Как до дому доберусь, пришло. От обещанного не отказываются!

– Да видят очи мои триумфальные знамена, да слышат уши мои радостные вести. Ой, не пришлось бы мне после выноса по соседям бегать – деньги плакальщикам собирать.

– Кто отведал хоть мандаринную корочку, не забудет озера Дунтин.

Симэнь заметил, что на улице никого нет, приспособил глазную повязку^[129] и, довольный, покинул чайную, но не о том пойдет речь.

На другой день он опять заглянул к Ван выпить чайку. Хозяйка усадила гостя и тут же подала крепкого чаю. Симэнь достал из рукава серебряный слиток весом в десять лянов и вручил старухе.

И чего только не сделает смертный ради денег!

Когда увидала Ван своими черными глазами белое, сверкавшее как снег, серебро, радости ее не было предела. Она взяла слиток и отвесила Симэню два поклона.

– Премного вам благодарна, сударь, – повторяла она. – У Чжи вроде еще дома. Я сейчас сбегая. Скажу, фляжка из тыквы-горлянки^[130] понадобилась, а сама погляжу.

Старуха прошла черным ходом в дом У Чжи. Цзиньлянь кормила мужа завтраком, когда услышала стук в дверь.

– Кто там? – спросила она у Инъэр.

– Тетя Ван пришла, горлянку просит, – отвечала падчерица.

Цзиньлянь быстро спустилась вниз.

– А, мамаша! Вон горлянка. Возьми, пожалуйста. Зашла бы да посидела.

– Дом без присмотра оставила, – проговорила старуха, беря горлянку и делая знак рукой.

Цзиньлянь поняла, что ее ждет Симэнь. Она постаралась поскорее накормить и выпроводить мужа, а сама поднялась наверх, напудрилась, подрумянилась и вырядилась в новое пестрое платье.

– Хорошенько за домом смотри, – наказала она Инъэр. – Я буду у тети Ван и скоро вернусь. Как появится отец, приди мне скажи. Ослушаешься, быть тебе битой, негодница!

Инъэр поклонилась в ответ, но не о том пойдет речь.

Цзиньлянь отправилась в чайную и опять разделила ложе с

Симэнем.

Да,

Слива сплелась с абрикосом весной –
Пусть делят другие печали с тоской.
О том же сложен и романс с двояким смыслом:
Горлянка, горлянка
Толста, как лоханка,
А горлышко узко.
Была по весне она тоньше, моложе,
И ветер дыханьем, бывало, тревожит
Да треплет за гузку.
И как она стала быстрее, чем в полгода,
Колода колодой!
Толстуха, срамница,
Могла ль с бедняком Янь Хуэем^[131] ужиться!..
Теперь – по течению плывет.
Вот свален тщедушный,
Вот сбит равнодушный –
Где делом, где телом прижмет.
Давала горлянка испытать на конюшне,
В трактире, подлянка, имела успех,
Да вот не у всех,
Кому бы направить хотела струю.
Теперь от нее отказался б Сюй Ю.^[132]
Хоть розово горлышко – темень внутри,
А что в ней за зелье – смотри!

Симэнь Цину казалось, что Цзиньянь к нему с неба спустилась. Они сели рядом, плечом к плечу. Старуха подала им крепкого чаю и спросила Цзиньянь:

– Муж ни о чем не расспрашивал?

– Спрашивал, все ли сшила. Одежды, говорю, закончила, остались туфли и чулки.^[133]

Хозяйка накрыла стол, поставила вина, и они, никем не стесняемые, стали наливать друг другу чарки. Симэнь пристально рассматривал Цзиньянь. Она казалась еще прекрасней, чем накануне. После нескольких чарок на лице ее заиграл румянец. Гладко начесанные букли ниспадали на подфабранные виски. Своими чарами она затмила бы бессмертную с небес, превзошла бы лунную фею Чанъэ.

О том же поется в романсе на мотив «Пьянит восточный ветерок»:

Волнует она чувственной красой
И манит своей шпилькой золотой
И легкой юбки нежной бирюзой.
Ее прическа – туч ночных черней,
Наверно то с луны сошла Чаньэ;
И золото красы ее бледней.

Симэнь не находил слов, чтобы выразить свое восхищение красавицей. Он заключил ее в объятия и приподнял юбку, дабы взглянуть на ее ножки. Обутые в атласные, чернее воронова крыла, туфельки, они вызвали в нем неописуемый восторг. Любовники пили чарку за чаркой и вели непринужденную беседу.

– Разрешите узнать, сколько вам лет? – поинтересовалась Цзиньлянь.

– Мне двадцать семь. Родился в год тигра, поздно вечером двадцать восьмого в седьмой луне.

– Много у вас в доме женщин?

– Три или четыре, кроме жены. Только ни одной по сердцу.

– А сколько сыновей?

– У меня только дочь, да и та вот-вот выйдет замуж.

Тут Симэнь начал расспрашивать Цзиньлянь. Он достал из рукава серебряную с позолотой коробочку, в которой хранился особый ароматный чай с корицей, положил плиточку^[134] себе на язык и отправил ее прямо в рот Цзиньлянь. Они обнимались, сливались в страстных долгих поцелуях, когда языки проникали друг дружке в уста и ласкались кончиками. Старуха то и дело заходила в комнату – приносила кушанья, подавала вино и не обращала никакого внимания на все их шалости, не мешала их радостям.

Через некоторое время вино распалило их чувства настолько, что Симэнь, сгорая от желания, показал ей то самое, дал коснуться нежными пальчиками. Симэнь, надобно сказать, смолodu перебивал у многих красоток в переулках и аллеях. Воитель его не расставался с умашенной особыми составами серебряной подпругой, отчего обретал еще большую солидность, тверже стоял на ногах, являя грозный вид – лик, багровеющий в обрамлении черной бороды. Словом, молодец!

О том же говорят и стихи:

Детина, прямо скажем, лучший сорт:
То в обращеньи мягок он, то тверд;
То мается-шатается, как пьяный,

А то застынет, вроде истукана.
Привык он, забияка неумный,
Туда-сюда сновать в пещере темной.
Ютится он в Обители у Чресел,
Два сына всюду неразлучны с ним.
Проворен и отзывчив, бодр и весел,
Красотками он ревностно любим.

Вскоре и Цзиньянь сняла одежды. Симэнь прильнул к ее прелестям – ничем не затененному, бело-ароматному, густо цветущему, пышно-нежному, розоватому с бахромою, упруго-связанному – тому, что любят тысячи, жаждут десятки тысяч и сами не ведая, что это такое.

О том же говорят и стихи:

Горячи, упруги губы,
Всем желанны и не грубы;
В играх держатся пристойно,
Поиграют – спят спокойно,
Обитают у обрыва,
Где трава совсем скудна.
Кто-то юркнет к ним, игривый,
И начнется бой шутливый.
Вмиг желанье и упорство
Одолеют непокорство –
Тем и кончится война.

С тех пор Цзиньянь каждый день встречалась в чайной с Симэнем. Связало их сердца обоюдное чувство, прилепила как клеем, друг к другу любовь.

Истари так повелось: добрая слава дома сидит, а дурная – за тысячу верст бежит. Не прошло и полмесяца, как про тайную связь Цзиньянь и Симэня узнали все соседи. Только У Чжи оставался в неведении.

Да,

Он в праведных трудах проводит дни и ночи,
А как пресечь позор – и помышлять не хочет.
О том же говорят и стихи:
О добрых делах ничего не известно,
А слава дурная звенит повсеместно.
Бедняга У Чжи, его участь жалка –

С Симэнем жена его тайно близка.

Тут наш рассказ раздваивается.

* * *

Расскажем теперь о пареньке по фамилии Цяо, который жил в том же уездном городе. Было ему лет шестнадцать. Поскольку родился он и вырос в округе Юнь, куда был отдан в солдаты его отец, мальчика стали звать Юньгэ – Юньский сынок. Жили они вдвоем со старым отцом. Юньгэ был малый смысленный, торговал свежими фруктами у кабачков, которых немало разместилось по соседству с управой. Частенько перепадало ему и от Симэня.

В тот день, о котором речь, Юньгэ раздобыл корзину первых груш и пошел искать Симэня. Один отменный болтун сказал ему:

– Юньгэ! Если он тебе нужен, скажу, куда надо идти – сразу найдешь.

– Скажи, говорливый дядя, – попросил пострел. – Эх, найти бы мне его, получил бы медяков тридцать, а то и пятьдесят старому батюшке на пропитание.

– Вот что я тебе скажу, – продолжал говорун. – Он с женой торговца лепешками У Старшего развлекается. Целыми днями на Лиловокаменной у старой Ван в чайной пропадает. Зайди утром, зайди вечером – все там сидит. Ты – малыш, и придешь, так тебе ничего не будет.

Поблагодарил Юньгэ болтуна, взял корзину и направился прямо на Лиловокаменную к старухе Ван. Она сидела на скамейке и сучила нитки. Юньгэ поставил корзину на землю и поклонился.

– Ты зачем пришел, Юньгэ? – спросила Ван.

– Его милость ищу. Может, медяков тридцать или полсотни заработаю старому батюшке на пропитание.

– Что еще за его милость?

– Того самого – известно кого.

– У каждого имя есть.

– Того, кто двойную фамилию носит,^[135] – пояснил Юньгэ.

– Это кто ж такой?

– Шутить изволите, мамаша? Говорить хочу с его милостью господином Симэнем.

И Юньгэ направился было в чайную, но его задержала старуха.

– Ты куда, макака? В чужом доме есть приемная, но есть и внутренние покои!

– А я вот пойду и разыщу.

– Ах ты, обезьяний выродок! – заругалась старуха. – Какого тебе еще Симэня в моем доме понадобилось?

– Что ж, мамаша, думаешь все сама съесть, а со мной и крохами не желаешь поделиться, да? Что, я не понимаю, что ли?

– Да что ты, молокосос, понимаешь! – наступала Ван.

– Настоящая ты сводня, старая карга! Тебе бы капусту рубить да ни листика не уронить. А если я брату-лоточнику все расскажу, что тогда?

Эти слова так и подкосили старуху.

– Обезьянье ты отродье! – вскипела она от злости. – К старому человеку подходишь да всякую чушь мелешь!

– Я, говоришь, макака, а ты – старая сводня, собачье мясо!

Ван схватила Юньгэ и задала две звонких пощечины.

– За что бьешь? – закричал пострел.

– Ах ты, подлая макака, мать твою...! Еще кричать будешь? Вот вышвырну за дверь, – ругалась старуха.

– За что бьешь, я тебя спрашиваю, старая гнида? Что я тебе сделал?

Старуха надавала подростку тумачков и выпихнула на улицу. Потом вышвырнула на дорогу корзину с грушами, которые раскатились во все стороны. Убедившись, что ему не одолеть сводню, Юньгэ с руганью и плачем пошел прочь, подбирая груши.

– Ну, погоди, старая гнида! Ты у меня еще поплачешь, – указывая в сторону чайной, ругался Юньгэ. – Не будь я Юньгэ, если не скажу ему обо всем. Вот разрушу твоё логово, тогда не больно-то разживешься.

С этими угрозами сорванец взял корзину и пошел искать того, кто ему был теперь нужен.

Да,

За все, в чем старуха была виновата,

Теперь неизбежно наступит расплата.

Пусть будет разжалован дух преисподней^[136] –

Найдется кому рассчитаться со сводней.

Если хотите узнать, кого пошел искать Юньгэ и что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЮНЬГЭ, ИЗОБЛИЧИВ ЛЮБОВНИКОВ, ОБРУШИВАЕТСЯ НА СТАРУХУ ВАН

РАСПУТНИЦА ОТРАВЛЯЕТ У ЧЖИ

*Погрязнешь в таинствах страстей
Счастливым брак сочтешь обузой.
Лишь простота влечет людей,
Холодный взгляд претит союзу.
Цветов не надо ярких рвать,
Покой нисходит к душам честным.
Пуškai семью считаешь пресной –
Все ж на красоток меньше трать.*

Итак, побитый Юньгэ не знал, как бы ему выместить обиду. Он подхватил корзину с грушами и пошел разыскивать У Чжи. Пройдя несколько улиц и переулков, он заметил, наконец, торговца с коромыслом на плечах.

– Давно не видались, – проговорил Юньгэ, останавливаясь и разглядывая У Чжи. – А ты, брат, раздобрел.

– Мне толстеть не с чего. Я всегда такой, – отвечал У Чжи, ставя коромысло на землю.

– Как-то нужны мне были отруби, все лавки обошел – нигде нет. А у тебя, говорят, хоть отбавляй.

– Откуда у меня отруби? Я ни гусей, ни уток не развожу.

– Не разводишь, говоришь? А отчего ж разжирел и размяк, как

селезень? Бери тебя, в котле вари, ты и голоса не подашь.

– А, ты оскорблять меня, макака негодная? Моя жена ни с кем шашни не водит, как же ты смеешь называть меня селезнем?^[137] – возмутился У Чжи.

– Шашни не водит, а путается вовсю, – выпалил малый.

– С кем путается, говори! – остановил его У Чжи.

– Вот чудак! Да ты меня-то не хватай, лови лучше того, кто у нее под боком.

– Братец! Скажи, кто он, – допытывался У Чжи. – Десяток лепешек дам.

– Причем лепешки! Выпить пригласи, тогда скажу.

– Пойдем!

У Чжи поднял коромысло и повел Юньгэ в кабачок. Там он опустил коромысло, достал лепешек, заказал мяса и вина и пригласил Юньгэ.

– Вина хватит, а мяса пусть еще подрежут, – попросил паренек.

– Ну, говори же, брат.

– Не торопи. Поем, тогда и расскажу. И не волнуйся. Я тебе помогу любовников поймать.

– Ну, говори! – не унимался У Чжи, видя как Юньгэ поглощает мясо и вино.

– Хочешь знать, вот пощупай у меня на голове шишку, – начал сорванец.

– Где это тебе подсветили?

– А дело было так. Иду я с корзиной груш, ищу господина Симэня. Все исколесил, нигде нет. Тут один и говорит: «Он в чайной у старой Ван с женой У Старшего забавляется. Каждый день наведывается». Пошел туда. Может, думаю, медяков тридцать или полсотни заработаю. И представь себе. Старая карга не пустила меня к Симэню, избила, сука, и выгнала вон. Вот я и пошел за тобой. Сперва подразнил немножко, чтоб расшевелить, а то бы ты и не поинтересовался.

– Это правда? – спросил У Чжи.

– Ну, опять за свое! Говорю, никудышный ты человек! Жена там с Симэнем тешится, только и ждет, как ты за ворота. Сразу к старухе бежит, а ты не веришь. Неужели врать буду?!

– Не скрою, брат, – сказал У Чжи, выслушав мальчишку, – жена, верно, каждый день к старухе ходит – то платье шьет, то туфли. А домой зайвится – румяная такая. У меня ведь дочка от первой жены, так она ругает и бьет ее с утра до ночи, есть не дает. А эти дни совсем не в себе. Меня увидит, не улыбнется. Я и сам стал подозревать. Верно

ты говоришь. А что если я оставлю коромысло да пойду накрою любовников на месте преступления, а?

– Ты взрослый человек, а понятия у тебя никакого! Эту тварь Ван ведь ничем не запугаешь. Ну, как ты их накроешь? У них условные знаки. Стоит старой карге тебя только завидеть, сразу жену твою спрячет. А Симэнь – ого! Таких как ты, два десятка уложит. Его ты не схватишь, а кулаков его отведает. У него ведь и деньги, и положение. На тебя ж потом и жалобу подаст. Засудит, а за тебя кто заступится? Только себя погубишь.

– И то верно. Но как же ему отплатить?

– Мне тоже старухе отплатить надо, – сказал Юньгэ. – Вот что я тебе посоветую. Сейчас ступай домой и молчи, виду не подавай. А завтра лепешек возьми поменьше и выходи торговать. Я тебя у переулка подожду, а как заявится Симэнь, позову. Ты возьмешь коромысло и будешь наготове поблизости. Я разозлю старую каргу, она начнет меня бить. Как только я выброшу на дорогу корзину, вбегай в чайную. Старуху я постараюсь задержать, а ты врывайся прямо во внутреннюю комнату и чини над ним расправу. Верно я говорю?

– Не знаю, как мне благодарить тебя, брат, – сказал У Чжи. – Есть у меня несколько связок медяков, на, возьми. А завтра пораньше приходи на Лиовокаменную. Буду ждать.

Юньгэ получил вместе с деньгами лепешек и удалился. У Чжи расплатился за вино, взял коромысло и пошел торговать, но вскоре вернулся домой. Цзиньянь обыкновенно ругала и всячески унижала мужа, но в последние дни у нее, видно, совесть заговорила, и она немного смягчилась. А У Чжи, как всегда, молчал.

– За вином сходить? – спросила она.

– Да я только что выпивал с приятелем, – отозвался муж.

Цзиньянь накрыла стол, и они сели ужинать, но о том вечере говорить больше не будем.

Наутро после завтрака У Чжи припас всего три противня лепешек. Цзиньянь ничего не заметила. Ведь она думала лишь о Симэне. Муж прихватил коромысло и отправился торговать, чего только и ждала жена. Она тут же шмыгнула в чайную и стала поджидать любовника.

Но вернемся к У Чжи. В самом начале Лиовокаменной он встретил Юньгэ. Тот стоял с корзиной в руке и озирался по сторонам.

– Ну как? – спросил У Чжи.

– Рановато еще. Ступай поторгуй немного и приходи. Молодчик вот-вот пожалует. А ты будь поблизости, далеко-то уж не уходи.

У Чжи побежал продавать лепешки и немного погодя опять подошел к пареньку.

– Как выброшу корзину, так и выбегай.

У Чжи оставил коромысло, но не о том пойдет речь.

О том же говорят и стихи:

Сообщник есть у тигра, есть у птиц.

Силки расставишь, но не мало ль сил?

Юньгэ с Симэнем потягаться порешил,

Но далеко юнцу до всемогущей свахи.

Итак, подхватил Юньгэ корзину и вошел в чайную.

– Ты меня за что вчера избила, старая свинья? – заругался он.

– Ах ты, макака проклятая! – вскочив с места, с гневом набросилась на него Ван. – Чего тебе тут нужно? Опять пришел старуху оскорблять, да?

– За тем же самым, старая сводня, собачье мясо! ... тебе, случница!

Старуха так рассвирепела, что схватила Юньгэ и давай его бить.

– На, бей! – крикнул юнец и выбросил на улицу корзину.

Хозяйка только было хотела удержать Юньгэ, как он с криком «На, бей!» наклонился ей до пояса и так ударил головой в живот, что, не будь сзади стены, старуха так бы и опрокинулась навзничь. Сорванец изо всех сил припер ее к стене, а тем временем в чайную ворвался, на ходу сбрасывая халат, У Чжи. Старая Ван попыталась было его удержать, но не тут-то было. Юньгэ крепко-накрепко припер старуху, и та только крикнула:

– У Старший идет!

Цзиньлянь и Симэнь не знали, что делать. Цзиньлянь бросилась припирать дверь, а Симэнь залез под кровать. У Чжи толкнул дверь, но открыть не смог.

– Вот вы, оказывается, чем занимаетесь! – закричал он.

Цзиньлянь держала дверь.

– Ты же хвастался, драться больно ловок, – в полной растерянности говорила она Симэню, – а когда нужно, так от тебя никакого проку. Перед бумажным тигром струсил?

Цзиньлянь явно намекала Симэню, чтобы он схватился с У Чжи и выбрался из чайной. Тут только Симэнь смекнул, что ему предпринять.

– И вовсе я не испугался, – оправдывался он, вылезая из-под кровати, – просто сразу не сообразил.

Он вынул задвижку, открыл дверь и крикнул:

– Стой!

Муж хотел схватить любовника, но тот ударил его ногой. У Чжи был мал ростом, удар пришелся ему прямо под сердце. Он вскрикнул и рухнул на пол. Симэнь дал тягу. Видя, что дело плохо, Юньгэ отпустил старуху и бросился бежать. Соседи знали, каким влиянием пользуется Симэнь Цин, потому не посмели вмешиваться. Старуха стала поднимать У Чжи. Из рта у него текла кровь, лицо пожелтело точно воск. Она кликнула Цзиньянь и велела ей принести воды. Когда У Чжи стал приходить в себя, женщины, поддерживая его под руки, отвели черным ходом домой и уложили наверху в постель, но о том вечере говорить больше не будем.

Когда Симэнь убедился, что история не получила огласки, он как и раньше стал наведываться в чайную на свиданья с Цзиньянь, надеясь, что У Чжи умрет своей смертью.

Пять дней пролежал У Чжи в постели. Вставать он не мог, и никто не давал ему ни пить, ни есть. Он звал жену, но она не откликалась, видел, как она наряжалась, подкрашивалась и уходила, а потом, разбурянная, возвращалась домой. Инъэр она запретила даже подходить к отцу.

– Смотри, негодница! Воды без спросу подашь, отвечать будешь, – предупреждала Цзиньянь.

После такого наказа Инъэр не решалась ни накормить, ни напоить отца. Не раз У Чжи просил о помощи, от крика терял сознание, но никто к нему не подходил. Как-то он позвал жену и сказал ей:

– Я знаю все твои проделки, собственными руками схватил твоего любовника. Это ты подговорила его ударить меня ногой под самое сердце. Я при смерти, а ты продолжаешь наслаждаться с любовником. Я умру, и вам меня бояться нечего, но у меня есть брат У Сун, а ты знаешь его нрав. Он рано или поздно вернется и дело так не оставит. Если пожалеешь меня, поухаживаешь за больным, ничего ему не скажу. Но если бросишь, то приедет брат, он с вами посчитается.

Цзиньянь ничего не ответила мужу, а когда пошла в чайную, все рассказала старой Ван и Симэню. От ее слов любовника будто в ледяную воду окунули.

– О, горе! – раскаивался он. – Я же знал, кто такой старший охранник У Сун. Ведь это он убил тигра на перевале Цзиньян. Первый храбрец во всем Цинхэ! И я все-таки втрескался в его невестку, да так, что расстаться не могу. Что ж теперь делать!? Вот беда!

– Я корабль веду, да не волнуюсь, – усмехнулась старуха. – А ты не успел за руль встать и уж растерялся.

– Всегда я вел себя как настоящий мужчина, а тут прямо-таки ума не приложу, что можно сделать, – оправдывался Симэнь. – Может, ты, мамаша, что-нибудь придумаешь, нас укроешь, а?

– Знаю, как убережь вас от опасности, – отвечала старуха. – Скажите, долго ль, коротко ль, вы собираетесь делить ложе?

– А что это значит? – спросил Симэнь.

– А то, что если коротко, значит – нынче сошлись, завтра расстались. Когда У Чжи поправится, попросите у него прощения, и он брату ничего не скажет. Вы обождете, пока У Сун снова отлучится по делам и тогда опять можете спокойно устраивать свидания. Если же собираетесь стать супругами навсегда, то должны встречаться каждый день и не трусить, а для этого я придумала чудный план. Только вряд ли вас вразумишь.

– Мы хотим быть мужем и женой навсегда. Пособи нам, мамаша, – просил Симэнь.

– Для этого одна вещь понадобится. Ни у кого ее нет, а вам, сударь, покровительствует само Небо. У вас найдется.

– Глаза свои вырву и отдам, если пожелаешь, только скажи, что это за штука.

– Пока простак при смерти, легче дело сделать. Вы возьмете у себя в лавке немного мышьяку, а госпоже велим купить лекарства от сердечной боли, подмешаем в него яду и дадим карлику. Тут ему и конец придет. А тело огню предадим! Фьють! – сгорит и никаких следов. Пусть тогда сам У Сун приезжает. Не к чему будет придраться! Говорят: сперва родители выдают, потом по своему усмотрению выходят. Не станет младший деверь в ее личные дела вмешиваться! Пройдет полгода, год, кончится по мужу траур, пошлет тогда господин Симэнь паланкин и возьмет госпожу в дом. Вот и будет соединение на веки вечные. Блаженствуйте тогда до самой старости. Ну, как мой план?

– План чудесный, мамаша, – заключил Симэнь. – Издавна говорят: хочешь радости вкусить, не пожалей труда. Эх, была не была! Не брался – сторонись, а взялся – доводи до конца.

– Ну и прекрасно! – поддержала старуха. Это и значит вырвать сорняк с корнем, чтобы ростков больше не давал. А скосишь, корни останутся, он весной опять полезет – не справишься. Идите, сударь, домой да принесите поскорее, что я вас прошу. А там я сама все госпоже объясню. Выйдет дело, вы должны будете меня щедро вознаградить.

– Разумеется, об этом не стоит беспокоиться, – заверил старуху

Симэнь.

О том же говорят и стихи:

В одно слились и страсть, и грезы,
Готов на все влюбленный в розу.
Такое мыслимо ль, скажи:
Коварства жертвой пал У Чжи.

Так вот. Вскоре вернулся Симэнь и отдал старухе завернутый мышьяк.

– Я научу тебя, дорогая, как дать его мужу, – начала старая Ван, обратившись к Цзиньлянь. – Ведь просил он, чтобы ты выходила его, да? Вот ты этим и воспользуйся. Поухаживай за мужем, лаской ему польсти. А попросит лекарства, мышьяку и подмешай. Как проснется, смесь эту в рот ему и влей, а сама уходи. Подействует яд, начнут рваться внутренности, кричать будет, а ты его одеялом накрой, чтобы никто не услышал. Как следует накрой, все углы подоткни, да заранее приготовь котел горячей воды и тряпку в нем прокипяти. Кровь у него хлынет отовсюду, губы станут кусать. А как кончится, одеяло снимешь и кровь натекающую тряпкой вытрешь, ну а потом – в гроб, вынос и сожжение. Все будет в порядке.

– Так-то оно так, – проговорила Цзиньлянь. – Только управлюсь ли одна с покойником-то?

– Об этом не волнуйся, – успокоила ее старуха. – Постучишь мне в стенку, я сейчас же приду.

– Ну, делайте как нужно, – сказал Симэнь, – а я до рассвета к вам загляну.

Он ушел, а старая сводня растерла мышьяк и передала его Цзиньлянь.

Она поднялась наверх проведать мужа. Он едва дышал. Казалось, вот-вот отойдет. Цзиньлянь села на кровать и притворилась будто плачет.

– Что ж ты плачешь? – спросил У Чжи.

– Каюсь. Совратил меня этот Симэнь. И надо ж было ему прямо под сердце угодить. Я хорошее снадобье разыскала, а купить не решилась. Еще сомневаться, думаю, будешь, принять откажешься.

– Если спасешь меня, все тебе прощу, забуду, что было. И У Суну не скажу. Иди, купи лекарство, помоги мне.

Цзиньлянь взяла несколько медяков и пошла к старухе, будто бы попросить ее сходить за лекарством, а вернувшись, показала порошок мужу.

– Вот средство от сердечной боли. Доктор велел выпить в полночь и накрыть тебя как следует одеялом, чтобы пропотел. Завтра встанешь.

– Вот и хорошо! – отозвался У Чжи. – Сколько тебе со мной хлопот! Ты уж сегодня не спи, дождись полночи.

– Спи спокойно, все сделаю.

Сгушались сумерки. Цзиньянь зажгла лампу, приготовила котел кипятку, проварила в нем тряпку. Пробили третью стражу. Она всыпала мышьяк в чашку, налила белого отвару и пошла наверх.

– Где у тебя лекарство? – спросила она мужа.

– У подушки под циновкой. Дай поскорее.

Цзиньянь приподняла подстилку, вылила яд в чашку и размешала головной шпилькой. Поддерживая одной рукой мужа, она другой поднесла ему смесь.

– Ух, какое противное! – промолвил У Чжи, отпив глоток.

– Разбирать не приходится. Лишь бы помогло.

У Чжи отпил еще глоток. Тогда Цзиньянь влила ему в рот остальное, опустила его на подушку и поспешно слезла с кровати.

– У меня боль в животе! Ой, ой! Терпенья нет! – закричал он.

Цзиньянь схватила два припасенных одеяла и с головой накрыла мужа.

– Мне душно! – простонал У Чжи.

– Доктор говорит, надо пропотеть, и тебе полегчает.

У Чжи хотел еще что-то сказать, но Цзиньянь испугалась, что он начнет противиться, вскочила на постель и села на мужа верхом, крепко держа одеяла.

Да,

Масло кипело в груди, огнем обжигало нутро. Будто шилом кололо в самое сердце, словно кто-то резал ножом живот. То бросало в озноб, потом хлынула кровь отовсюду. Крепко стиснул он зубы, к убиенным невинно^[138] отлетала душа. Все во рту пересохло, душа расставалась со светом. В царстве теней стало одним отравленным больше, в мире же здешнем двое могли свободно отдаться любви.

У Чжи застонал. Его мучило удушье. Внутри будто все оборвалось, и он умер. Цзиньянь сорвала с него одеяла. Он лежал, неподвижный, закусив губы. Темнели потеки крови. Цзиньянь в испуге соскочила с кровати и застучала в стену. Услышав стук, старая Ван приблизилась к задней двери и кашлянула. Цзиньянь опустила и открыла ей дверь.

– Кончился? – спросила вошедшая.

– Да. А у меня руки-ноги отнялись. Не знаю, что и делать.

– Ничего, я помогу.

Старуха засучила рукава, налила бадью кипятку, бросила туда тряпку и полезла наверх. Она свернула постель, первым делом протерла губы, потом смыла запекшуюся кровь и накрыла покойника. Они потихоньку, шаг за шагом, перенесли У Чжи вниз, положили на старую дверь, причесали покойника, одели, повязали головной повязкой, надели чулки и обули, накинули на лицо белый шелк и покрыли усопшего чистым одеялом. После этого они поднялись наверх и вымыли спальню. Старуха ушла, а Цзиньлянь принялась голосить, притворившись будто оплакивает кормильца.

Послушайте, дорогой читатель! Надобно сказать, что плачут женщины по-разному: одни громко рыдают и слезы льют, другие молча обливаются слезами, а третьи голосят без слез. Весь остаток ночи проголосила Цзиньлянь.

В пятую ночную стражу, до рассвета, к старухе Ван пришел Симэнь Цин. Сводня посвятила его во все подробности. Симэнь дал на гроб и похороны. Они позвали Цзиньлянь, чтобы посоветоваться с ней о дальнейшем.

– У Чжи умер, – сказала вошедшая Цзиньлянь, – и ты теперь единственная у меня опора. Во всем на тебя полагаюсь. Не бросай меня как старую головную повязку.

– Ну, что ты зря беспокоишься?

– А вдруг обманешь, тогда как?

– Обману, считай меня вторым У Чжи.

– Ну, хватит болтовней заниматься, – прервала их старуха. – Теперь главное – на рассвете в гроб положить. А что если у следователя подозрение возникнет, а? У них за главного Хэ Девятый. Человек опытный и осторожный. Возьмет да и не даст хоронить.

– А, ерунда! – засмеялся Симэнь. – Я с Хэ сам поговорю. Пусть только попробует против меня пойти!

– Тогда нечего мешкать, сударь, поскорее с ним договаривайтесь, – торопила старуха.

Симэнь Цин оставил старухе серебра на гроб, а сам отправился к Хэ Девятому.

Да,

Коснуться в силах кто светил сиянья?

Себя рождает мирозданье.

Если хотите узнать, что сказал Симэнь следователю Хэ и что случилось потом, приходите в другой раз.

Цаплю белую на снеге выдал взмах огромных крыл,

Попугай на ветке ивы криком сам себя открыл.[\[139\]](#)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ПОДКУПАЕТ ХЭ ДЕВЯТОГО

СТАРАЯ ВАН, ПОЙДЯ ЗА ВИНOM, ПОПАДАЕТ ПОД ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ

*Безумец, коль цветок полюбишь,
С красоткой горестей хлебнешь –
И самого себя погубишь,
И в дом несчастье принесешь.
Не поноси, что заурядно,
Какой в минутных встречах прок?
Пора придет, и беды грянут –
Коварства сводни Ван итог.*

Итак, Симэнь отправился к Хэ Девятому, а мы расскажем теперь о старой Ван. Взяла она серебро и пошла за гробом и похоронными принадлежностями.^[140] Она купила благовония, свечи, бумажные жертвенные деньги и все необходимое для погребения и, вернувшись домой, посоветовалась с Цзиньянь. Та зажгла перед покойником жертвенный светильник. В дом стали заходить соседи, чтобы выразить вдове соболезнование. Цзиньянь прикрывала лицо и делала вид, будто плачет.

– От чего скончался У Старший? – спрашивали входившие.

– Муж жаловался на сильные боли в сердце, – отвечала вдова. – С каждым днем ему становилось все хуже. Видно было, что не жилец. И вот в третью стражу его не стало. Какое горе!

Цзиньянь громко завопила. Соседи понимали, что со смертью У Чжи не все ладно, но расспрашивать не осмеливались и только

утешали хозяйку:

– Умер, ну что ж теперь поделаешь? А живым жить надобно. Не убивайся так, дорогая! Вон на дворе жара какая стоит!

Цзиньлянь сделала вид, что сердечно благодарит их за участие, и соседи разошлись по домам. Старая Ван тем временем распорядилась, чтобы внесли гроб, и вышла встретить старшего следователя Хэ Девятого. Уже было закуплено все, что потребуется дома и при сожжении останков. Из монастыря Воздаяния пригласили двоих монахов отслужить молебен. Прибыли и помощники следователя Хэ.

Но расскажем о нем. Был вечер, когда он не спеша подходил к Лиловокаменной. На углу улицы ему повстречался Симэнь Цин.

– Куда путь держишь? – спросил Симэнь.

– Да вот У Старший, торговец лепешками, умер. Иду в гроб положить.

– Погоди, поговорить надо, – задержал его Симэнь.

Хэ последовал за Симэнем. Они свернули за угол в небольшой кабачок. Когда оба оказались в небольшой комнате наверху, Симэнь обратился к следователю:

– Прошу занять место гостя!

– Посмеет ли слуга занимать место рядом с вашей милостью, сударь?

– Не стесняйся, присаживайся! Прошу тебя.

После взаимных уговоров они, наконец, сели за стол. Симэнь заказал кувшин хорошего вина. Вскоре на столе появились закуски, фрукты, сладости и подогретое вино. Хэ мучили подозрения. «Симэнь Цин никогда раньше меня не угощал, – думал он, – а тут вдруг вино ставит. Должно быть, неспроста».

Они долго сидели, пили вино. Наконец, Симэнь достал из рукава слиток блестящего как снег серебра и положил его перед Хэ.

– Не побрезгуй скромным подношением. Потом еще отблагодарю.

– Что вы, ваша милость! Смею ли я принять серебро! Ведь я вам не оказывал никаких услуг, – сложив на груди руки, отказывался следователь. – Прикажите, что вам угодно, не посмею послушаться.

– Не отказывайся, друг. Возьми серебро.

– Только скажите, что вам угодно, – просил Хэ.

– Да ничего особенного. Там ты за труды само собой получишь. Об одном прошу, чтобы при положении в гроб У Старшего все обошлось как надо. Без лишних разговоров... Накрой парчовым покрывом, и чтоб дело с концом.

– Я-то думал, что-нибудь особенное, – заверил Симэня

следователь, – а то пустяки какие. Да разве я могу за это серебро брать!

– Если не возьмешь, значит не хочешь сделать, что прошу.

Хэ Девятый давно побаивался коварного Симэня, который всю управу в своих руках держал, и взял серебряный слиток. Они выпили еще, и Симэнь кликнул полового:

– Подсчитай! Завтра в лавку за деньгами приходи.

Они спустились вниз и вышли из кабачка.

– Смотри, друг, никому не болтай, потом еще награжу, – предупредил следователя Симэнь и удалился.

«Почему он дал мне целых десять лянов? – раздумывал Хэ. – Только за то, чтобы я разрешил положить У Чжи в гроб? Нет, тут что-то не все ладно». У ворот дома У Чжи он встретил своих заждавшихся помощников и старуху Ван.

– От чего умер У Старший? – спросил он помощников.

– Жена говорит, от сердечной боли, – отвечали те.

Следователь отдернул занавеску и вошел в дом.

– Что-то вы поздновато пожаловали, господин Хэ? – спросила старуха. Мы вас прямо заждались. И геомант^[141] давно пришел.

– Все дела. Вот и задержался.

Следователь заметил вышедшую к нему Цзиньянь, одетую в грубое платье бледного цвета, с белой бумагой^[142] в волосах. Она притворилась плачущей.

– Не расстраивайтесь, сударыня, – успокаивал ее Хэ, – душа вашего супруга возносится на небеса.

– Не выразить словами моего горя, – вытирая слезы, проговорила Цзиньянь. – У мужа болело сердце, и вот в несколько дней его не стало. Какой удар!

Следователь оглядел Цзиньянь и подумал: «Раньше я только слышал про жену У Чжи... Вот, оказывается, какую красавицу он себе взял! Не зря Симэнь Цин десять лянов отвалил!» Когда он подошел к покойнику, геомант уже совершил над усопшим таинства. Хэ снял покров, откинул с лица лоскут белого шелка и, сосредоточившись, стал внимательно всепронзающим взглядом осматривать покойника – его почерневшие ногти, темно-синие губы, пожелтевшее лицо и выпученные глаза. Ему сразу стало ясно, что У Чжи отравлен.

– У него что-то и лицо посинело, и губы закусены... И кровь изо рта... – недоуменно говорили подручные следователя.

– Будет глупости болтать! – оборвал их Хэ. – Вон солнце так и палит. Как тут тленом не тронуться?

И подручные по наущению старой Ван поспешно положили покойника в гроб и навсегда забили гвоздями. Старуха передала следователю связку медяков и попросила разделить их между обоими помощниками.

– Когда вынос? – спросил Хэ.

– Госпожа хотела бы на третий день совершить сожжение за городской стеной, – ответила Ван.

Подручные удалились. В этот вечер Цзиньянь устроила угощение с вином. На другой день четверо буддийских монахов читали заупокойные молитвы, а рано утром, в пятую стражу третьего дня состоялся вынос. Гроб подняли подручные следователя. Проводить У Чжи вышли кое-кто из соседей. Одетую в траур Цзиньянь несли в паланкине. Всю дорогу она притворно оплакивала кормильца. На пустыре сожжения усопших гроб с останками У Чжи предали огню, а пепел бросили в пруд. За панихиду и поминки расплачивался Симэнь Цин.

Вернувшись домой, Цзиньянь поднялась наверх и установила табличку, на которой было написано: «Здесь покоится душа усопшего мужа У Старшего^[143]». Перед табличкой была зажжена глазурная лампада, установлен золотой траурный стяг, разложены бумажные медяки, слитки золота и серебра и другие жертвенные предметы.

Старуху Ван вдова отправила домой, а сама в тот же день разделила ложе с Симэнем. Как только они не наслаждались наверху в доме У Чжи! Что там бывало – в чайной! Все укрادкой да урывками. Теперь, когда У Чжи не стало, никто больше не мешал им быть вместе всю ночь. Вначале Симэнь Цин еще побаивался соседей. Зайдет, бывало, к старухе, у нее немного посидит. Со смертью У Чжи он брал с собой приближенного слугу и черным ходом проходил прямо к Цзиньянь. Крепко они привязались к друг другу, прилепились – не разлучишь. Симэнь частенько дня по три, а то и по пять домой не заявлялся, отчего там царил беспорядок и недовольны были все домашние – от мала до велика. Ведь только попади к такой чаровнице в вертеп, себя же погубишь.

О том же поется и в романе на мотив «Турачьи небеса»:^[144]

Рабы всесильного желанья,
Соединивши мысль и страсть,
Грядущее презрев в лобзаньях,
Они не жаждут прозреть.
Но, чувств глубоких порожденье,
Тоска и боль живут в груди.

У и Юэ^[145] нет примиренья!

От воли Неба не уйти!

Быстро летело время, как челноки сновали дни и луны. И вот прошло больше двух месяцев с того дня, когда Симэнь Цин впервые встретил Пань Цзиньянь. Близился праздник начала лета.^[146]

Только поглядите:

С зеленых ив свисали витые нити бирюзы, алели кругом румяны гранатов. Нежный ветерок колыхал покрывало, со свистом веер навевал холодок. Всюду встречали лето, у каждого над праздничным столом порхали кубки.

Возвратясь из храма духа-повелителя Тайшань – Великой горы,^[147] Симэнь зашел в чайную. Старуха поспешно подала ему чаю и спросила:

– Далеко ль ходили, сударь? Что ж это вы госпожу-то не навестите?

– В монастыре был. Надо, думаю, в большой праздник ее повидать. Вот и пришел.

– Матушка ее родная, тетушка Пань, у нее в гостях. Кажется, еще тут. Погодите, я погляжу.

Старая Ван прошла черным ходом к Цзиньянь. Та угощала вином свою мать. Завидев соседку, Цзиньянь стала потчевать и ее.

– Вот кстати явилась, мамаша, – говорила она с улыбкой. – Присаживайся, выпей по случаю встречи чарочку да и за то, чтобы крепыш родился.

– Да у меня и мужа-то нет, – засмеялась Ван. – Откуда мне приплода ждать? Это вот тебе только наследником и обзаводиться – ты молодая, в самом расцвете сил.

– Говорят, молодые цветы красотою манят, а старые, поблекшие – плодами дарят.

– Слышишь, дорогая, – обратилась Ван к Пань Старшей, – как твоя дочка меня, старуху, обзывает? Я, говорит, оборванка^[148] – поблекший цветок. Что ж, посмотрим, не понадобится ли ей завтра эта оборванка!

– Вы уж на нее не обижайтесь, – заметила та. – Она у меня с малых лет на язык остра.

Надобно сказать, что с тех пор как Ван свела Симэня с Цзиньянь, ей, старухе, и впрямь целыми днями покоя не было: то на стол накрывала, то за вином бегала. Но и себя она, разумеется, не забывала: руки около них грела.

– Да, дочка у вас бойкая и сметливая, – расхваливала она Цзиньянь. – Прекрасная женщина! Только какому счастливцу

достанется?

– На то вы, почтенная, и сваха. На вас вся надежда, – заметила Пань Старшая, пододвигая сводне чарку и палочки.

Цзиньлянь налила вина.

Старая Ван осушила подряд не одну чарку, и лицо ее стало багровым. Чтобы не заставлять Симэня долго ждать, она подмигнула Цзиньлянь и, попрощавшись, пошла домой. Цзиньлянь поняла, что ее ждет Симэнь. Она постаралась поскорее отделаться от матери, и когда та ушла, прибрала комнату, зажгла благовония, унесла остатки трапезы и снова накрыла стол. Едва она приготовилась к встрече Симэня, как он вошел к ней через террасу. Хозяйка спустилась к нему навстречу, отвесила поклон, и они вместе поднялись наверх.

Надобно сказать, что сразу же после смерти мужа Цзиньлянь перестала блюсти траур, а табличку души покойного отставила в сторону и накрыла листом белой бумаги. Никаких жертвенных блюд перед алтарем новопреставленного мужа она не ставила. Только и знала краситься да румяниться. Одевалась она в яркие платья и, завлекая Симэня, предавалась с ним любовным усладам. Стоило ему оставить ее дня на два, на три, как она обрушивалась на него с руганью:

– Ах ты, негодный! Бросил меня на произвол судьбы, изменник. Где завел зазнобу, а? Я ему не нужна стала! Сиди, мол, себе одна, мерзни!

– Да у меня младшая жена померла. Хоронили, некогда было. А сегодня в монастырь ходил. Купил тебе головные украшения, жемчуг и платья.

Цзиньлянь сильно обрадовалась. Симэнь позвал слугу Дайяня, и тот стал вынимать из узла один подарок за другим. Цзиньлянь с благодарностью приняла вещи. Своими побоями она до того запугала падчерицу Иньэр, что уж больше не скрывала своей связи с Симэнем. Цзиньлянь велела ей подать гостю чашку чаю, а сама накрыла стол и села рядом с ним.

– Ну зачем ты тратишься! – заметил Симэнь. – Я дал мамаше серебра. Вина, мяса, закусок и фруктов она принесет. Мне просто захотелось побыть с тобой в праздник.

– У меня мать была – ее угощала. Тут нетронутые кушанья. Чего время терять? Давай пока закусим, а то когда старуху дождешься.

Цзиньлянь подсела к Симэню, прильнула щекой к его лицу, положила ногу ему на колено и так, крепко прижавшись друг к другу, они пили вино.

Но расскажем о старой Ван. С корзиной в одной руке и безменом – в другой она вышла из дому купить вина и мяса. Стояло начало пятой луны – пора ливней. Только что в небе ярко светило солнце, и вдруг, откуда ни возьмись, набежала туча. Дождь хлынул как из ведра.

Только поглядите:

Со всех сторон сгустились черные тучи, был во мрак заточен небосвод. Затмили солнце летящие струи, разбивались капли о широкие листья бананов. Тут бешеный ветер пришел на подмогу. Выкорчевывал он вековые могучие сосны. Загрохотали потом и грома раскаты, сотрясая Великой горы вершину, пики Хуа и Сун.^[149] Дождь жару прогнал, смыл палящий зной и влагой напоил он всходы хлебов. Дождь жару прогнал, смыл палящий зной, и возжелала чаровница красотами природы насладиться. И влагой напоил он всходы хлебов, и путник забыл про дорожную слякоть и грязь.

Да,

В Цзяне и Цзи, в Хэ и Хуай^[150] воды весны гомонят!

Ярко блестит мокрый бамбук, смутно алеет гранат.

Купила Ван кувшин вина и целую корзину рыбы, мяса, курицу, гуся, овощей и фруктов. Только она вышла на улицу, как ее застал ливень. Старуха бросилась под крышу и повязала голову платком, но сама промокла насквозь. Постояла немного, и когда ливень начал утихать, стремглав бросилась домой. Вино и мясо оставила на кухне, а сама вошла в комнату. Цзиньянь и Симэнь пили вино.

– Хорошо вам тут пировать-то! Поглядите, вся до нитки промокла старуха, – Ван рассмеялась. – Вы уж мне потом подкиньте, сударь.

– Ну что за человек! Всегда на ком-нибудь да отыграется!

– Ни на ком я отыгрываться не собираюсь, а вы, сударь, извольте мне купить кусок темно-синего полотна.

– Выпейте, мамаша, подогретого винца, – предложила Цзиньянь.

Старуха осушила залпом три чарки.

– Пойду на кухню сушиться.

Ван удалилась на кухню, просушила одежду, приготовила курицу и гуся, сварила рису. Нарубила и нарезала все как полагается, разложила кушанья на тарелки, фрукты на подносы и понесла в комнату. Когда она поставила на стол подогретое вино, Симэнь и Цзиньянь снова наполнили чарки и стали наслаждаться яствами. Прижавшись друг к другу, они пили из одной чарки. Симэнь вдруг заметил висевшую на стене лютню.

– Слыхал, ты хорошо играешь, – сказал он. – Сыграй мне что-нибудь, а я под музыку выпью.

– Я в детстве немного училась, – Цзиньлянь улыбнулась. – Так что не смейтесь, если нескладно получится.

Симэнь снял со стены лютию и посадил Цзиньлянь к себе на колени, наблюдая, как изящно она распрямила свои нежные яшмовые пальчики, едва коснувшись застывших струн, не спеша заиграла и запела на южный напев «Две головки»:

Не нужны ни румяна, ни пудра –
Тучи-волосы смяты под утро,
Их я шпилькой стяну золотой,
И надену наряд я простой.
Благовонья свечу возжигая,
На ночь полог открой, дорогая,
Как Си Ши, несравненна в любви,
Я в покои проникну твои.

Пение привело Симэня в восторг. Он обнял Цзиньлянь за нежно-белую шею и поцеловал.

– Какая ты, оказывается, умница! – хвалил он Цзиньлянь. – Немало встречал я певиц с кривых террас, но ни одна не играла и не пела так прекрасно, как ты.

– Вы так меня выделяете, сударь! – засмеялась Цзиньлянь. – Ради вас я готова исполнить все, что только пожелаете. А вы не бросите меня потом, а?

– Как можно тебя забыть?! – Симэнь погладил ее благоухающие ланиты.

Они смеялись и резвились. Вдоволь насладившись «игрою тучки и дождя», Симэнь снял вышитую туфельку с ножки Цзиньлянь, вылил в нее чарку вина и осушил туфельку-кубок.

– Не шутите, сударь. Смотрите, какие у меня маленькие ножки.

Немного погодя они захмелели, заперли дверь и, сняв одежды, легли, продолжая забавы.

Старая Ван заперла ворота и, пройдя на кухню к Иньэр, принялась что-то жевать.

А в комнате порхали феникс с подругой, резвились, точно рыбки в воде. И в любви Цзиньлянь была куда искуснее любой певички. Как только ни услаждала она Симэня! И он копьё уверенно метал. Они переживали ту удивительную пору молодости, когда женщина чарует красотой, а мужчина покоряет доблестью и мощью.

Вот и стихи об этой паре. Они гласят:

До времени тихо в спальне —
холод и пустота,
Пока не затеют игры
Талант и сама Красота.
Вот красную опрокинут свечу^[151]
погаснет она,
И тут же ладью влюбленных в ночи
подхватит волна.
Ни играм их, ни утехам
нет конца и предела.
Стрекозы разбились по парам
ради брачного дела.
Крадется к цветку за нектаром
жаждущий мотылек.
Из уст черепахи волшебной
извергнется вдруг поток.

В тот день Симэнь пробыл с Цзиньянь до самого вечера. Перед тем как уйти, он оставил ей на расходы несколько лянов мелкого серебра. Как ни старалась она удержать его, он все-таки приладил глазную повязку и оставил любовницу. Цзиньянь опустила занавеску, заперла ворота, выпила еще чарочку со старой Ван, потом удалилась и старуха.

Да,

Провожая его, прислонилась к дверям —
В дымке персиков алых он путь потерял.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТЕТУШКА СЮЭ СВАТАЕТ МЭН ЮЙЛОУ

ЗОЛОВКА ЯН В СЕРДЦАХ БРАНИТ ДЯДЮ ЧЖАНА ЧЕТВЕРТОГО

*Я сваха. Я искусна и хитра.
Я хлопочу с утра и до утра.
Коль надо, я уговорю жениться –
Хоть бобыля, хоть юную девицу.
Коль повезет – задарят серебром
И угостят за свадебным столом.
Увы, не каждый мне сулит везенье –
Удача здесь, там ждут лишь огорченья.*

Так вот. Однажды тетушка Сюэ, которая поставляла домашним Симэнь Цина головные украшения из перьев зимородка, подхватила корзину и отправилась искать самого хозяина. Не найдя его, она обратилась к слуге Дайяню:

– Где ж хозяин?

– Батюшка^[152] в лавке, с дядей Фу Вторым счета подводят, – ответил слуга.

Надобно сказать, что, открыв лавку лекарственных трав, Симэнь нанял приказчиком некоего Фу Мина, носившего также имя Цзысинь. Он был вторым среди братьев, потому и звали его обычно дядей Фу Вторым.

Тетушка Сюэ направилась прямо к лавке. Отдернув занавеску, она увидела Симэня с приказчиком, кивнула хозяину головой, и тот торопливо вышел. В укромном месте тетушка отвесила ему поклон, и

он спросил, в чем дело.

– Пришла с вами насчет женитьбы поговорить, сударь, – начала Сюэ. – Если по душе придется, будет вам по гроб третьей женой. Я только что от старшей госпожи. Купила она у меня цветов, посидели, чайку попили. Только сказать ей не решилась. Вот и поспешила к вам, сударь. Да вы ее знаете. Первая жена торговца холстом Яна. За Южными воротами живет. Солидным состоянием владеет. У нее пара двуспальных нанкинских кроватей, наряды на всякое время года, а расшитыми платьями сундуков пять битком набито. А еще жемчужные браслеты да кольца, диадемы из драгоценных камней, золотые и серебряные запястья... Всего не перечесать. Только чистого серебра тысяча с лишним лянов, кусков триста лучшего полотна. Но случилась беда. Уехал муж по торговым делам да и умер на стороне. Уж больше года вдовой живет. Детей у нее нет, остался, правда, брат покойного мужа, но ему лет десять, не больше. Молодая, цветущая, чего ей, спрашивается, вдовой сидеть?! Да и тетка не прочь ее выдать. Ей не больше двадцати пяти, стройна и мила, а приоденется – прямо красавица писаная. Кокетлива, игрива и умна. А какая хозяйка и рукодельница! Ну, конечно, играет в двойную шестерку и в шашки. Не стану таить: фамилия ее Мэн, третья в семье. Живет в Вонючем переулке. А как на лютне играет! Стоит вам, сударь, хоть разок на нее взглянуть, и стрела любви угодит прямо в сердце. Подумайте, сударь, какое вам подваливает счастье – и богатое приданое и добрая жена!

Приятно стало Симэню, когда он услышал, что она играет на лютне.

– Когда же можно будет с ней повидаться? – спросил он.

– Я так полагаю: свидание, сударь, – это пустяки. Дело в том, что у них тетка – всему голова. Есть, правда, еще дядя Чжан Четвертый. Только он как орех-дичок – одна скорлупа, а нутро пустое. Тетка ее была замужем за Сунем-Кривошеим, который жил в доме почтенного Сюя, с улицы Дражайшей половины на северной окраине. Сунь умер, и она, должно быть, лет сорок, как вдовой живет, бездетна. Племянник ее и кормил. Нынче уж поздно, а завтра я к вам загляну, сударь. Идти надо прямо к тетке. Просить, говорят, так Чжан Ляна, кланяться, так Хань Синю.^[153] Старуха деньги любит и доподлинно знает, что у невестки есть чем поживиться. А за кого выдать, ей все равно. Лишь бы ей деньжат перепало. Так что вам, сударь, я бы посоветовала на серебро не скупиться. Потом у вас и лучшего атласа в избытке. Прихватите кусок атласу, подарочки кое-какие и пойдем навестим старуху, все обговорим. Вы ее враз покорите. А как она порешит, так и будет. Никто не посмеет ей перечить.

От свахиных слов глаза Симэня радостно заблестели, и он расплылся в улыбке.

Да, дорогой читатель, у всех свах одно желание – как бы поднажиться. Все им нипочем: из простого смертного сделают чиновника, из наложницы – жену полновластную. У них вся жизнь на лжи строится, а правды – лучше не спрашивай.

Да,

Сваха рассуждает, так и сяк

Сладостную Мэн суля ему.

Если суждено, сто ли – пустяк,

Нет – так и встречаться ни к чему.

Договорились они на другой день, который, кстати, предвещал удачу, купить подарки и навестить тетку Ян. Тетушка Сюэ, подхватив корзину, удалилась, а Симэнь засел за счета с приказчиком Фу, но о том вечере рассказывать больше не будем.

Проснулся Симэнь рано, приделся как полагается, припас кусок атласа, купил четыре подноса отборных фруктов и нанял носильщика. Ехал он верхом в сопровождении слуг, а тетушка Сюэ указывала дорогу. По улице Дражайшей половины добрались они до дома почтенного Сюя и остановились у ворот госпожи Ян. Первой вошла сваха.

– К вам, сударыня, пожаловал засвидетельствовать свое почтение и посвататься к невестке один очень состоятельный господин – мой сосед, – обратилась к хозяйке тетушка Сюэ. – Я сказала ему, что хозяйка всему вы, сударыня, что первым делом надобно встретиться с вами, а потом уж повидаться и с вашей невесткой. Вот и проводила его к вам. Он у ворот ожидает.

– Помилуй! – воскликнула старуха. – Что ж ты мне раньше-то не сказала!

И она наказала служанке приготовить место для гостя, прибрать комнату и заварить лучшего чаю, а тетушке Сюэ просить господина.

Изо всех сил старалась сваха угодить старухе. Прежде всего внесли коробки и выложили подарки. Только после того как убрали пустые коробки, пригласили Симэня. Он был в большой пальмовой шляпе и в отделанных шнуром черных туфлях на белой подошве.

– Соболаговолите, сударыня, принять мое самое искреннее к вам расположение, – отвесив четыре низких поклона, не раз повторял он, когда заметил, что хозяйка, опираясь на костыль, собирается ответить поклоном на его приветствия.

После долгих церемоний гость и хозяйка заняли свои места. Сваха села между ними.

– Как изволите вас величать, сударь? – обратилась к Симэню хозяйка.

– Я вам только что называла господина, – вставила сваха, – а вы уж и запомнили? Это и есть господин Симэнь Старший. Первый во всем городе богач. Огромную лавку против управы держат, чиновникам займы дают. Денег у них – гора, до Северного ковша достанет. Вот только нет в доме хозяйки. Как прослышали, что ваша невестка собирается замуж, решили навестить да посвататься. Ну вот и свиделись. На глазах-то ведь нитки не утаишь, так что все выкладывайте, чтобы потом на нашего брата не пенять: сваха, мол, нагородила. Вы, матушка, глава семьи. К кому же, как не к вам, и обращаться?!

– Если вы, сударь, намерены просить руки моей невестки, – начала старуха, – так прямо и приходили бы. Зачем было обременять себя подношениями? Мне и отказаться от них было бы неучтиво, да и принять как-то неловко.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, достопочтенная тетушка! – успокаивал ее Симэнь. – Какие это подарки!

Хозяйка поблагодарила гостя двумя поклонами и приняла подношения. Сваха взяла поднос и вышла из комнаты, но скоро вернулась и села на свое место. Подали чай.

– Скажу вам, что у меня, старухи, на душе, – заговорила тетушка Ян, когда выпили чай. – Племянник мой в свое время нажил немалые деньги, но, увы, его не стало. Изрядная доля попала к невестке. На худой конец у нее тысяча с лишним лянов серебра. Будет она у вас женой-хозяйкой или наложницей, меня это не касается. Об одном прошу, чтобы отслужили, как полагается, панихиду по покойному племяннику, но и меня чтобы не обошли – ведь я ему тетка родная – чтобы деньгами на гроб одарили. Лично вашего, сударь, я не прошу. А уж я ни на кого не посмотрю, без зазрения совести гиеной наброшусь на старого пса Чжана, но на своем настою. Ну и после свадьбы вы уж отпускайте ее, скажем, на праздники или на мой день рождения... Знайтесь с нами, бедными родственниками, мы вас не разорим.

– Будьте совершенно спокойны, сударыня, – заверил ее Симэнь. – Я все прекрасно понял. Но раз уж вы изволили заметить, я вам, сударыня, столько серебра дам, что его хватит не на один, а на целый десяток гробов. – Он вытащил из голенища шесть слитков высокопробного белого, как снег, серебра общим весом в тридцать

лянов и разложил их перед хозяйкой. – Это вам пока, сударыня, на чай. А после свадьбы семьдесят лянов поднесу и два куска атласа на погребенье. А по праздникам она будет непременно вас навещать.

Да, дорогой читатель, деньги в нашем мире – это то, что у всех смертных на уме. Они любого за самое живое заденут.

Зрочки расширились у старухи при виде слитков блестящего серебра, и лицо расплылось в улыбке.

– Не судите меня за мелочность, сударь, – промолвила она. – Ведь так уж исстари повелось: начнешь с уговора – не познаешь раздора.

– Как вы, право, недоверчивы, – вмешалась сваха. – К чему такая расчетливость! Только мой господин, скажу я вам, не из таких: ни с того ни с сего при первом же знакомстве и вон какими подарками одарил! Ведь со всеми правителями округов да уездов в дружбе. Какие знакомства! Вот размах! Что им эти подношения!

Хозяйка больше не в силах была сдерживать переполнявший ее восторг, который прямо-таки рвался из нее наружу. Уже дважды подавали чай, и Симэнь стал собираться, хотя его все время удерживала хозяйка.

– Ну вот, сегодня повидались и договорились с хозяйшккой, – проговорила сваха. – А завтра можно будет и невестку навестить.

– Помилуйте, сударь! Да вам и не стоит утруждать себя разговорами с ней, – заверила Ян. – Вы только передайте ей мои слова: если, мол, за такого господина выходить не желаешь, так какого ж тебе нужно?

Симэнь Цин встал и начал прощаться с хозяйкой.

– Не ожидала я, что вы осчастливите меня, старуху, своим прибытием, сударь, и ничего не приготовила, – извинялась тетушка Ян. – Не осудите, сударь, что отпускаю с пустыми руками.

Опираясь на палку, она хотела было проводить гостя, но тот упросил ее вернуться.

– Ну как? Здорово я придумала?! – обратилась тетушка Сюэ к Симэню, когда приблизилась к лошади. – Лучше сразу поклониться старухе, чтобы потом лишних разговоров не было. А теперь поезжайте, сударь. А мне еще нужно будет кое-что ей сказать. Значит, завтра прямо к ней. Я уж у нее побывала...

Симэнь Цин протянул свахе лян серебра на осла, а сам оседлал коня и отправился домой.

До самого вечера просидела сваха за чаем и вином у госпожи Ян, но хватит об этом распространяться.

На другой день Симэнь нарядился, положил в рукав кошелек и сел

на белого коня. Его сопровождали слуги Дайань и Пинъань. Сваха ехала на осле. Они миновали Южные ворота, Свиной рынок и добрались до дома Янов.

Передний флигель представлял собою солидное здание, в котором разместилось бы четыре обширных комнаты. Пять флигелей располагалось в глубине. Первой вошла сваха. Симэнь спешился, привязал лошадь и стал ждать у ворот в сторожке, где высился обращенный к югу черно-белый экран.^[154] Вовнутрь вели парадные лиловые ворота, за ними изгородью тянулся стройный бамбук. Во дворе в кадках росли гранатовые деревья, на возвышении в ряд выстроились чаны с синей краской, тут же двумя рядами стояли длинные скамьи для отбивки холста.

Тетушка Сюэ открыла двустворчатую красную дверь в просторную гостиную. Перед сиденьями для гостей висели изображения милосердной Гуаньинь.^[155] с отраженной в воде луной и отрока Шаньцзя^[156] Стены были украшены пейзажами известных мастеров. Около мраморного экрана стояли две высокие вазы для метанья стрел.^[157] Блестели начищенные столы и стулья. Дуновения ветерка колыхали тончайший шелк занавесок. Сваха пригласила Симэня присесть, а сама исчезла во внутренних покоях, но скоро вернулась и зашептала Симэню на уху:

– Обождите немного. Госпожа занята утреним туалетом.

Слуга подал лучшего фуцзяньского^[158] чаю и, как только гость кончил пить, унес прибор. Тетушка Сюэ – на то она и сваха! – жестами да знаками объяснила Симэню:

– У них, если не считать тетушку Ян, эта госпожа за главную. Есть у нее, правда, деверь, да он мал и ничего не смыслит. Раньше, при муже, они одних только медяков по две корзины в день выручали. О серебре я уж и не говорю. Брала мы у них черный холст на туфли. Так они, бывало, по три фэня,^[159] за чи^[160] драли – и ни медяка не уступят. Человек до тридцати одних красильщиков постоянно держали. И всем молодая хозяйка управляла. У нее две служаночки. Старшей – лет пятнадцать, зовут Ланьсян, ей уж прическу сделали^[161] а другой, Сяолуань, – двенадцать. Они вместе с госпожой к вам в дом перейдут. А у меня вот какое желание: поженю вас, а сама, чем в захолустье на окраине ютиться, сниму домик побольше. Такая даль, что и к вам не зайдешь. А вы, сударь, не один кусок полотна мне еще в прошлом году посулили – помните, когда Чуньмэй покупали? – да так и не дали. Впрочем, сейчас нечего говорить – потом уж за все отблагодарите. Да! Вы видали какие у ворот два прилавка для холста? – продолжала

сваха. – Вот какими сам-то деньгами ворочал! Один дом, считай, сот семь, а то и восемь стоит. Пять построек вглубь – вплоть до той улицы тянутся. И все меньшому брату отойдет.

Пока они вели разговор, вошла служанка и позвала тетушку Сюэ. Наконец, послышался звон дорогих украшений, пахнуло нежным ароматом мускуса и орхидей, и явилась красавица в переднике с голубым единорогом,^[162] в вытканной цветами кофте из тонкого шелка и ярко-красной юбке с широким подолом. Жемчуг с бирюзой и торчащая сбоку шпилька-феникс украшали ее прическу.

Глазом не моргнув, смотрел на красавицу Симэнь Цин.

Только поглядите:

Величава, стройна, разодета – похожа на яшмовое изваянье. Не худа, не полна, не высока и не низка. Едва заметные рябинки ей придавали неподдельное очарованье. Выглянув из-под юбки, всякого восхищали ее золотые лотосы-ножки. Что за гармоничное создание! Как она мила собой! Сверкали жемчуга в золотых сережках, свисавших до самых плеч. Красовался в прическе феникс двуглавый – шпилька. При малейшем движении мелодично звенели нефритовые ожерелья. Стоило ей сесть – и разливалось дивное благоуханье мускуса и орхидей.

Да,

Будто Чаньэ на мгновенье
покинула Лунный чертог,
Будто небесная фея
Вниз, по хрустальным ступеням
ступает соцветьями ног.

Симэнь был очарован ее красотой. Тетушка Сюэ поспешно отдернула занавеску, чтобы впустить прелестную хозяйку, и та, скромно поклонившись гостю, села напротив. Симэнь не сводил глаз с чаровницы, рассматривая ее с головы до пят. Она потупила взор.

– У меня умерла жена, – начал гость. – И я хотел бы, чтобы вы вошли ко мне в дом и вели мое хозяйство. Каково будет ваше мнение, сударыня?

– Позвольте узнать, сколько вам лет, сударь, и давно ли вы живете без хозяйки?

– Впустую прожито двадцать восемь. Родился я в полночь двадцать восьмого дня в седьмой луне. Увы, больше года как умерла жена. Осмелюсь спросить, сколько цветущих весен видели вы, сударыня?

– Мне тридцать.

– Значит, вы на два года старше меня...

Тут в разговор вмешалась сваха:

– Когда жена старше на два, богатству день ото дня расти, а на три – целые горы его обрести.

Не успела она договорить, как вошла служанка с тремя чашками и засахаренными апельсинами. Она заварила чай в отделанные серебром лаковые чашечки с серебряными ложечками в форме абрикосового листка. Хозяйка встала, протерла чашку своими изящными тонкими пальчиками и с поклоном поднесла Симэню, который не замедлил ее принять.

Тут тетушка Сюэ, быстро нагнувшись, приподняла хозяйкин подол, чтобы показать гостю пару прелестных золотых лотосов-ножек, величиною точь-в-точь в три цуня, с очаровательными острыми-преострыми носками, обутих в ярко-красные расшитые золотыми облаками туфельки на толстой подошве из белого шелка. Симэнь пришел в восторг. Вторую чашку хозяйка подала свахе Сюэ, и только потом села за чай сама.

После чая Симэнь велел Дайаню внести квадратную коробку с подарками. Два узорчатых платка, пару дорогих шпилек и полдюжины золотых колец выложили на поднос и преподнесли хозяйке. Сваха намекнула ей, чтобы она поблагодарила гостя.

– Когда же вы, сударь, намерены прибыть с подарками? – спросила хозяйка. – Мне хотелось бы сделать кое-какие приготовления.

– С вашего согласия, сударыня, – отвечал Симэнь, – двадцать четвертого в этом месяце я мог бы привезти вам свои скромные подарки, а второго в следующей луне устроим свадьбу.

– В таком случае я завтра же пошлю на окраину города своего слугу уведомить тетушку Ян, – заметила хозяйка.

– Его милость вчера навестили почтенную госпожу и обо всем переговорили, – вставила сваха.

– Что ж изволила сказать тетушка? – поинтересовалась Мэн.

– Как она обрадовалась, узнав, по какому поводу прибыл господин Симэнь! Велела мне пригласить его милость к вам, сударыня, и сказать: «Если за такого господина выходить не хочет, то за кого же еще?! Такова, говорит, моя воля, и я на своем настаю».

– Если так сказала тетушка, значит все обойдется благополучно, – заключила Мэн.

– Дорогая вы моя! – воскликнула Сюэ. – Не подумайте, что если сватаю, значит, обманываю.

Симэнь распрощался с хозяйкой. С ним вышла и тетушка Сюэ.

Когда они подошли к концу переулка, сваха спросила:

– Ну, как невеста?

– Доставил я тебе хлопот, мамаша.

– Ну, поезжайте, сударь, а мне еще надо ей кое-что сказать.

Симэнь сел верхом и отбыл в город.

– А не дурно выйти за такого господина, не правда ли? – начала сваха, вернувшись в покои Мэн.

– Ведь у него есть жены, чем же они занимаются? – спросила хозяйка.

– Верно, дорогая моя, дом не пустует. Только, спрашивается, найдется ли среди них хоть одна с головой. Не верите – скоро сами убедитесь. А хозяина кто не знает! Другого такого богача во всем Цинхэ не встретишь. Известный торговец лекарственными травами. Чиновникам взаймы дает. С областными и уездными правителями дружбу водит, а недавно с самим командующим придворной гвардией Яном породнился. С такой родней кто ему посмеет перечить!

Хозяйка накрыла стол, поставила вина и закуску. Только они сели, как явился Аньтун, слуга тетки Ян. Он принес в коробке деревенские сласти – четыре выпеченных из рисовой муки пирожных с финиками, леденцы и крендели с начинкой. У хозяйки он спросил, дала ли она согласие Симэнь Цину, и продолжал:

– Моя госпожа велела сказать: «Если не хочет выходить за этого господина, так за кого же еще?»

– Поблагодари свою госпожу за внимание, – отвечала Мэн, – и передай, что я согласна.

– Вот видите! – подхватила Сюэ. – Небо свидетель! Мы, свахи, зря не скажем. Сама госпожа прислала к вам этого господина.

Хозяйка выложила подарки и, до отказа наполнив коробку сладостями и солониной, передала Аньтуну.

– Низко кланяйся госпоже, – наказала она слуге, наградив его полсотней медяков. – Скажи, что на двадцать четвертое договорились о приезде жениха с подарками, а второго в будущей луне будет свадьба.

– Что это вам прислала почтенная госпожа? – не удержалась сваха, когда слуга удалился. – Вы уж со мной бы поделились, матушка. Надо ж дома ребятишек побаловать.

Хозяйка дала свахе леденцов и с десяток кренделей, и та, рассыпаясь в благодарностях, отправилась восвояси, но об этом говорить не будем.

А теперь расскажем о дяде Чжане Четвертом. Ссылаясь на младшего племянника Ян Цзунбао, дядя Чжан задумал прибрать к рукам состояние невестки, поэтому настойчиво рекомендовал ее в качестве второй жены ученому Шану, сыну помощника областного правителя, который имел ученую степень цзюйжэня^[163] и жил на Большой улице. Если бы к ней сватался какой-нибудь простой смертный, тогда другой разговор, а тут Чжану пришлось столкнуться с Симэнь Цином, у которого лавка против управы и сама управа в руках. С ним тягаться – горя не оберешься. Долго он размышлял, прикидывал и так и сяк и, решив наконец, что самое верное – расстроить женитьбу, направился к невестке.

– Откажи Симэню! – настаивал он. – Иди-ка ты лучше по моему совету за ученого Шана. Сын помощника областного правителя, человек образованный, знает поэзию, обряды и этикет. У него поместье, земля. Будешь жить припеваючи. А что Симэнь Цин?! Мошенник бесстыжий! Уж который год всю управу в руках держит. И старшая жена у него, знаю, есть – дочь тысяцкого У. Каково тебе покажется, а? Была старшей, да станешь младшей. У него одних жен не то три, не то четыре, не говоря уж о служанках. Семья большая. К нему попадешь – хлебнешь горя.

– Говорят, как ни много лодок, а всякая себе путь находит, – возражала ему Мэн. – Есть старшая жена, так я готова называть ее старшей сестрой, а сама стану младшей. Женщин много, говорите? Но кто бы мужу ни полюбился, ему все равно не закажешь, а разлюбит, так не удержишь. Будь у него сотня человек – не побоюсь. Да что говорить о богатых! У них по четыре да по пять жен у каждого. Возьми уличных нищих – одного ведет, другого на руках несет, у каждого хвост – сам четвертый. Вам, дядя, не стоит особенно волноваться. Перейду к нему, буду себя вести как подобает, и все пойдет по-хорошему.

– А еще слышал, – продолжал свое дядя, – что он живыми душами торгует. Жен своих избивает и мучает. Чуть какая не угодит, зовет сваху и велит продать.^[164] Неужели и тебе хочется такое терпеть?!

– Не то вы говорите, дядя. Какой бы строгий муж ни был, жену он бить не будет, если она расторопна и услужлива. А я так себя поведу, что сама лишнего не скажу и разговоры слушать не стану. Что он мне сделает! Конечно, если жена поест любит послаще, ленива да с длинным языком, такая сама на свою голову неприятности накликает. Такую и стоит бить как собаку.

– погоди! – не унимался Чжан. – У него, говорят, дочь лет

четырнадцати, незамужняя. Вот на нее нарвешься, а языков хоть отбавляй – изо всех углов начнут на тебя шипеть, что тогда?

– Ну что вы, дядя, все говорите! Взрослые – взрослыми, а дети – детьми. К каждому свой подход. С ребенком надо быть ласковой, тогда не придется опасаться, что муж разлюбит или дочь ослушается. Не боюсь я, будь у него куча детей.

– Посмотри, до чего он беспутный! Домой не заявляется – спит среди цветов, ночует под ивами.^[165] Ничтожество – одна лишь внешность и есть. Скольких он обобрал! Не погубил бы он и тебя.

– И опять вы не правы, дядя, – стояла на своем Мэн. – Ну и что ж из того, что муж гуляет. Наше женское дело – в заднем флигеле распоряжаться, а что там, за дверьми нашими делается, – нас не должно касаться. Ведь не бегать же за мужем по пятам! А счастье человека – оно как деньги – приходит и уходит. Один бедствует, другой роскошью наслаждается. Случается, и у государя казана пустеет, тогда и ему приходится к придворному конюшему за займами обращаться. Кто, – про купцов я и не говорю, – будет деньги как сокровище хранить! Достаток на подоле приходит. И к чему вы, дядюшка, так расстраиваетесь?

Удостоверился Чжан Четвертый, что невестка на язык остра, ее не переубедишь, побледнел от досады, выпил чашку-другую жидкого чаю и ушел.

О том же говорят и стихи:

Напрасно расточались словеса,
Уж, видно, брак угоден небесам.
Симэнь красотки сердцем овладел –
И Чжан тут без толку шумел.

Пристыженный дядя Чжан вернулся домой и рассказал обо всем жене. Решили обождать до свадьбы, чтобы тогда сослаться на племянника Ян Цзунбао и не дать невестке увезти добро, но об этом пока распространяться не будем.

* * *

Наступило двадцать четвертое число, когда Симэнь Цин должен был прибыть с подарками. Он пригласил и старшую жену У Юэнян. Нагрузили тюков двадцать одежд и украшений, нарядов на все сезоны года, лучших фруктов и сладостей, шелков и парчи. Приглашены были тетушка Ян и Мэн Старшая, но об этом говорить подробно не будем.

Еще через два дня позвали, как просила золовка, двадцать монахов

отслужить заупокойную службу по усопшему мужу. После поминок предали сожжению табличку покойного.

Перед самым отъездом Мэн дядя Чжан позвал в дом соседей, чтобы поговорить с невесткой в их присутствии.

Симэнь Цина сопровождала тетушка Сюэ. Чтобы перевезти постель невесты и сундуки с приданым, они прихватили нескольких бездельников и человек двадцать солдат охраны. Но их удержал дядя Чжан:

– Именем Неба прошу! Обождите грузить! – кричал он. – Мне надо кое-что сказать.

Чжан пригласил всех в дом.

– Послушайте, уважаемые соседи! – обратился он к собравшимся, когда все вошли в дом и уселись. – Вот и сама хозяйка здесь. Всем известно, что твой муж, Ян Цзунси, – Чжан обернулся к Мэн, – и его меньшей брат, Ян Цзунбао, – мои племянники, дети моей старшей сестры. Племянник, увы, скончался. Он оставил после себя солидное состояние. Ты вот в другой раз замуж выходишь, нам, родственникам, неудобно, конечно, вмешиваться в твои дела. Что верно, то верно. Но как быть с малолетним чадом Ян Цзунбао, как, я вас спрашиваю? За какие такие грехи в прошлой жизни возлагается на меня его содержание?! Ведь он родной брат твоего покойного мужа. И у него есть доля в братнином наследстве. Ты в дом к мужу уходишь и иди себе, мы тебя не держим, но открой при соседях сундуки, чтобы все знали, что ты берешь. Что ты на это скажешь, а?

– Почтенные соседи, – с плачем начала Мэн. – Не прав мой дядя. Ведь ничего я мужу дурного не сделала, его не губила. К своему позору я в другой раз выхожу замуж.^[166] А какие у него водились деньги, каждый знает. Было у него кое-какое серебро, да только все на дом пошло. Но дом-то я ведь с собой не беру, брату мужа оставляю. И до мебели я не дотронулась. А на три или четыре сотни долговых обязательств, векселей и расписок! Я их вам передала. Вернут деньги, вам же на расходы пойдут. О каких деньгах вы толкуете?!

– Серебра у тебя, допустим, нет. А сундуки ты все-таки открой. Пусть соседи поглядят. Мне твоего не нужно!

– Может, тебе захотелось на ноги мои поглазеть? – спросила Мэн.

Во время замешательства, опираясь на клюку, появилась тетушка Ян.

– Госпожа Ян идет, – слышались голоса, и все собравшиеся поклонились.

Ян с поклоном приветствовала присутствующих и села в

предложенное ей кресло.

– Достопочтенные соседи! – начала она. – Я – тетка родная и должна вам сказать, что как тот, кого не стало, был моим племянником, так и тот, кто здравствует, мне такой же племянник. Когда кусают один палец, болят все десять. Нечего тебе считать, сколько серебра осталось после ее мужа. Пусть будет целый миллион, но ты только погляди на нее: одинокая, слабая женщина, а ты не даешь ей выйти замуж. Зачем ты, спрашивается, ее держишь?

– Правду говорит госпожа! – раздалась громкие голоса соседей.

– Разве она не вправе взять с собой то, что ей принадлежит?! – продолжала золовка. – Не подумайте, будто у меня с ней какой-то тайный сговор. Но защитить ее требует моя совесть. Не скрою, мой племянник был добр, справедлив и сдержан, и потому мне нелегко с ней расставаться. А то б я и не подумала вмешиваться.

– А ты не дура! – перебил ее стоявший рядом Чжан. – Где сирот да бедно, там феникс не садится.

Это вывело тетку Ян из себя. Лицо ее налилось и побагровело от злости.

– Не болтай глупости, Чжан! – тыча ему пальцем в лицо, заругалась она. – Кто бы я ни была, в доме Янов я – полновластная хозяйка. А ты – болтун! Какое ты имеешь к Янам отношение?

– Да, я другой фамилии, но обоих племянников вырастила моя родная сестра. Женщина на сторону уходит, а ты одной рукой воду льешь, а другой – норовишь пожар разжечь.

– Ах ты, старый бесстыдник, собачья кость! Какой же прок ее, слабую, дома оставлять, а? Или ты сам задумал за ней поволочиться? А может, хочешь пожить за ее счет, а?

– На деньги я не зарюсь, – не отступал Чжан. – Но обоих племянников растила моя сестра. Оплошаешь раз, потом жить будет нечем. Я ведь не такой палач, как ты, желтая кошка – черный хвост, и на всех, как ты, не набрасываюсь.

– Ах ты, рабское твоё отродье, наплодил нищих, краснобай несчастный! Не плети вздор и заткнись! Подохнешь – веревки на вынос не дам.

– Пустомеля! Пожить захотела, погреть свой хвост, старая шлюха? Удивляться не приходится, что у тебя детей нет.

Еще пуще разозлилась старуха.

– Ах ты, старый хрыч! Боров проклятый! Лучше совсем не заводить детей, чем по монастырям околачиваться, с монахами спать, как твоя женушка, пока ты хранишь, старый пес!

Они чуть было не схватились драться, но их вовремя удержали соседи.

– Дядя Чжан, ладно! – уговаривали они. – Уступите ей.

Сваха Сюэ, завидя переполох, позвала слуг Симэня и солдат из охраны. Пока шла ругань, они спешно погрузили кровать, полог, приданое и быстро удалились. Чжан сильно разгневался, но перечить больше не решался. Соседи, наблюдавшие сцену, сперва хотели было их уговорить, но вскоре разошлись.

Второго дня в шестой луне Симэнь Цин пожаловал в паланкине, украшенном четырьмя парами обтянутых в шелк красных фонарей. Проводить сестру пришла Мэн Старшая. Ехал на коне Ян Цзунбао. Ему к этому времени сделали прическу и одели в светлый шелковый халат. Симэнь подарил ему кусок лучшего атласа и отделанный жемчугом пояс. Невесту сопровождали служанки Ланьсян и Сяолуань. Нагрузили многочисленные постели, а сзади шел пятнадцатилетний слуга Циньтун.

На другой день по случаю рождения Мэн к Симэню прибыли тетушка Ян и жены братьев, Старшего и Второго. Симэнь поднес тетушке семьдесят лянов серебра и два куса шелка.

С тех пор не прекращалась их дружба. Симэнь приготовил для Мэн три комнаты в западном флигеле и сделал ее своей третьей женой. Она стала называться Юйлоу – Яшмовый теремок. Все в доме величали ее госпожой Третьей. Три ночи провел в ее покоях Симэнь Цин.

Да,

Под парчовым одеялом – новой парочки утечи,

Но, увы, в употреблении уже ржавые доспехи.

О том же говорят и стихи:

Отчего-то игривую встретьте девицу,

Горемычный калека – и тот соблазнится.

Лишь повея ветерок – и повес не ищи –

Их под ивы сманила уже чаровница.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ НОЧЬ НАПРОЛЕТ ЖДЕТ СИМЭНЬ ЦИНА

МОНАХИ, СЖИГАВШИЕ ДЩИЦУ УСОПШЕГО, ПОДСЛУШИВАЮТ СЛАДОСТНЫЕ ВЗДОХИ

*Дом опустел, я томлюсь у окна,
Ты меня бросил, не шлешь мне вестей.
Кожа еще ароматом полна,
Но покрывается пылью постель.
Зеркальце в руки давно не беру,
Локоны, словно ковыль на ветру.
Нет тебя – все проглядела глаза,
Ложь пустое – в напрасных слезах.*

Так вот, после женитьбы Симэнь Цин был настолько счастлив, что, казалось, его прилепили, приклеили к Мэн Юйлоу. А тут еще Чэни прислали тетушку Вэнь с письмом. Предлагали привозить барышню Симэнь, чтобы уже двенадцатого в шестой луне сыграть свадьбу. Симэнь в спешке даже кровать не успел заказать. Пришлось ему отдать дочери широкую кровать из приданого Юйлоу – ту самую, работы мастеров из Южной столицы,^[167] которая была покрыта ярким лаком и золотыми украшениями. Больше месяца длилась суматоха, так что Симэню и повидаться с Цзиньянь не довелось.

А она каждый день стояла у ворот. Все глаза проглядела. Сколько раз просила старую Ван разузнать в чем дело. Однако слуги Симэня, догадываясь, кто посылает старуху, даже внимания на нее не

обращали. Знай отвечали: занят, мол, хозяин. Цзиньянь ждала его с нетерпением, но Ван возвращалась ни с чем. Тогда Цзиньянь обрушивалась на падчерицу. И ее посылала искать Симэня. Да разве хватило бы у девчонки смелости войти не то что в покои, но хотя бы во двор солидного дома! Приблизится она к воротам, постоит-постоит, увидит – нет Симэня, и домой уходит. В лицо ей плевала, пощечинами награждала, с бранью набрасывалась на нее Цзиньянь – никуда, дескать, не годишься, на колени ее ставила, есть не давала, до самого обеда голодом морила.

Время стояло самое знойное – настоящее пекло. Совсем изнемогая от жары, Цзиньянь задумала принять ванну и наказала Иньэр нагреть таз воды да приготовить противень пельменей в надежде угостить Симэня, но он так и не показывался.

В одной тонкой рубашке Цзиньянь села на скамейку, поворчала немного, с досады обругала бессовестного любовника и умолкла, погрузившись в меланхолию. Потом тонкими нежными пальчиками сняла красную туфельку и попробовала на ней погадать, не придет ли ее возлюбленный.

Да,

Коль случайно встретится – глаз не поднимаешь,

А тайком на милого дальнего гадаешь.

О том же поется и в романсе на мотив «Овечка с горного склона»:

Чулочек шелковый трепещет –

Как облачко на небе блещет,

Чуть розовея.

Поведай, туфелька, о том, кто всех милее,

Ты – лотоса росток,

Лилии цветинка,

Ивовый листок,

Крохотинка...

Меня забыл он,

Я ж по нем грущу,

Взгляну на дверь –

И занавес спущу.

О, этой ночи тишь!

Что ж – быть одной

И клясть себя велишь?!

Когда же ты ко мне придешь,

Мне брови подведешь?

Оставь цветок туманный свой, молю!

Кто держит твоего коня?
Ты обманул меня,
Но я тебя – люблю.

Погадала Цзиньлянь, но Симэнь так и не появлялся. Сама того не заметив, она истомилась в тоске и прилегла отдохнуть. Минула почти целая стража прежде чем она пробудилась, но дурное расположение все не покидало ее.

– Мыться будете, матушка? Вода готова, – сказала Инъэр.

– А пельмени сварила? Принеси покажи.

Инъэр тотчас же принесла. Цзиньлянь пересчитала пельмени. Их было тридцать, а теперь, как она считала, выходило двадцать девять.

– Одного не хватает. Куда девала? – спросила Цзиньлянь.

– Я не видала, – отвечала падчерица. – Может, вы обсчитались, матушка?

– Я два раза пересчитывала. Было тридцать. Я хотела господина Симэня угостить, а ты воровать, рабское твое отродье? Чтоб тебя, распутницу, от обжорства скрутило! Что дают, то в глотку не лезет. Ей, видите ли, пельмени по душе. Только и мечтала тебе угодить!

И недолго думая Цзиньлянь стащила с падчерицы одежды и обрушила на нее ударов тридцать плетью. Девчонка так кричала, будто ее резали.

– Не сознаешься, целую сотню всыплю, – приговаривала Цзиньлянь.

– Не бейте меня, матушка, – взмолилась Инъэр. – Я сильно проголодалась и украдкой съела...

– Ага! Украла! А еще на меня сваливаешь, арестантка: я, мол, обсчиталась. Я ж вижу, это ты, корень зла, ты, непутевая, стащила. Жив был роконосец, – черепашьё отродье, ему плакалась – из мухи слона делала. Теперь к кому побежишь?! Вот передо мной и хитришь. Смотри, все кости переломая, арестантка непутевая!

Цзиньлянь ударила падчерицу еще несколько раз, потом разрешила прикрыть наготу, приказала встать рядом и обмахивать веером.

– Подойди поближе и подставь свою рожу! – немного погодя крикнула мачеха. – Дай ущипну тебя как следует.

Инъэр покорно подставила лицо, и Цзиньлянь так ущипнула острыми ногтями, что у падчерицы на щеке появились две кровоточащих отметки. Только после этого Цзиньлянь простила Инъэр.

Потом хозяйка подошла к зеркалу, переделалась и встала у ворот. И судьба сжалась над нею. Неожиданно к дому подъехал верхом на

коне слуга Дайань. Под мышкой он держал сверток. Цзиньянь окликнула его и спросила, куда держит путь.

Дайань, малый речистый и смысленный, частенько сопровождал Симэнь Цина, когда тот ходил к Цзиньянь. А коль скоро и ему от нее кое-что иногда перепало, он перед хозяином старался замолвить о ней доброе слово.

И вот, едва завидев Цзиньянь, Дайань повернул лошадь и спешился.

– Хозяин посылал подарок отвезти. От начальника гарнизона еду, – объяснил слуга.

Цзиньянь пригласила его в дом.

– Что делает хозяин? Почему не навестит? Его и след простыл. Должно быть, зазнобу завел, а меня бросил как старую головную повязку?

– Никого он не заводил, – отвечал Дайань. – Все эти дни занят был по горло, вот и не сумел к вам выбраться.

– Пусть дела, но не показываться целых полмесяца, даже весточки не прислать?! Нет, забыл он меня и все. Хотелось бы знать, чем же он все-таки занят? – спросила она, наконец.

Дайань только улыбался, но не решался говорить.

– Дело было, – нехотя проговорил он. – Но зачем вы у меня выпытываете?

– Гляди, какой изворотливый! Не скажешь, буду весь век на тебя зла.

– Я вам расскажу, сударыня. Только потом хозяину не говорите, что от меня слышали, ладно?

– Ну конечно.

Так, слово за слово, все от начала до конца рассказал Дайань о женитьбе на Мэн Юйлоу.

Не услышь этого Цзиньянь, все шло бы своим чередом, а тут по ее благоухающим ланитам невольно покатались, точно жемчужины, слезы.

– Так и знал, что вы будете расстраиваться из-за пустяков, – всполошился слуга, – потому и не хотел говорить.

– Ах, Дайань, Дайань! – Цзиньянь прислонилась к двери и глубоко вздохнула. – Ты не знаешь, как мы друг друга любили! И вот ни с того ни с сего бросил.

Слезы так и брызнули у нее из глаз.

– Ну, к чему ж так убиваться? – уговаривал ее Дайань. – Наша госпожа и та махнула на него рукой.

– Послушай, Дайань, что я тебе скажу. – И она излила душу в романсе на мотив «Овечка с горного склона»:

Коварного друга
Месяц уже не видала.
Тридцать ночей пустовало
Расшитое мной одеяло.
Ты меня бросил, милый,
Глупая, жду уныло.
Зачем я тебя полюбила?!

Говорят: что без труда найдешь, то легко и потеряешь. Счастье скоротечно —такова жизнь! – заключила Цзиньлянь и заплакала.

– Не плачьте, сударыня. Мой господин, наверное, навестит вас на этих днях. Ведь скоро его день рождения. А вы напишите ему письмо, – посоветовал он. – Я передам. Как прочтает, так и прибудет.

– Сделай такое одолжение. Буду ждать. Если придет, пожелаю ему долгих лет, а тебе красные туфли поднесу. Не придет, ты, болтунишка, виноват будешь. Ну, а как спросит, зачем у меня был, что скажешь?

– Скажу: остановился лошадь напоить, тут подходит тетушка Ван, говорит: госпожа Пань зовет. Вот письмо велела передать, а еще кланяется и просит зайти.

– Да, на такого речистого можно положиться, – засмеялась Цзиньлянь. – Ни дать ни взять, вторая Хуннян.^[168]

Цзиньлянь наказала Интэр подать гостю тарелку пельменей и чаю, а сама удалилась в комнату, достала лист цветной бумаги, осторожно взяла яшмовую кисть, поправила волоски и написала романс на мотив «Обвилася повилика»:

«То, что душе несет страданье,
Бумаге вверю, чтоб ему послать.
Я помню первое свиданье,
Когда стук сердца не могла унять.
Ты изменил, ты приходить не хочешь.
Тогда верни мой шелковый платочек!»

Цзиньлянь сложила послание квадратиком и передала Дайаню.

– Скажешь, низко, мол, кланяется и будет специально ждать в день рождения, так что должен прийти во что бы то ни стало.

Дайань полакомился сладостями, получил не один десяток медяков и уже собрался было ехать.

– Скажи хозяину, – остановила его Цзиньлянь, – я на чем свет

стоит его ругая и предупреди: если не заглянет, сама в паланкине пожалую.

– Вы, сударыня, видно, лишние неприятности нажить решили. Тюремщику свою невиновность не докажешь, а пеньковой каши с кулачной приправой отведаешь вдоволь. Кого на деревянного осла посадили да гвоздями прибили,^[169] тот ни семечки от скуки лущить, ни носом клевать не станет.

С этими словами Дайань удалился.

Изо дня в день ждала любовника Цзиньянь, но он будто в воду канул – и след простыл. Седьмая луна подходила к концу, близился его день рождения. Цзиньянь казалось, что день тянется целую осень, ночь идет долгих пол-лета. Так томилась она в ожидании, но так и не дождалась: ни сам не заявлялся, ни весточки не прислал. Невольно стискивала она свои серебристо-белые зубы, втихомолку проливала потоки слез из блестящих, как звезды, глаз, а однажды вечером поставила вина с закусками и пригласила старую Ван.

Когда сели за стол, Цзиньянь вынула из своей прически серебряную с золотой головкой шпильку и, вручая старухе, попросила ее сходить за Симэнем.

– После вина да перед чаем? – удивилась сводня. – Да разве он пойдет в эту пору! Я уж лучше завтра с утра пораньше к нему наведаюсь.

– Только смотрите не забудьте, мамаша!

– Да что ты! Можно ль свое-то дело упустить?!

Старая Ван без денег шагу не ступала, а тут получила серебряную шпильку. От угощения у нее заиграл румянец.

Проводив старуху, Цзиньянь легла, укрывшись благоухающим одеялом, на котором красовалась вышитая мандаринская уточка.^[170] Но ей не спалось. Она поправляла фитиль в серебряном светильнике, то и дело вздыхала и ворочалась с боку на бок.

Да,

Этой ночью не раз
прикасались к струнам руки –
Одинокой тоской
истерзали сердце звуки.

Тогда Цзиньянь взяла лютню и запела на мотив «Спутался шелк»:

Душу я тебе, хлыщу, открыла,
Благовонья тонкие курила
И на память волосы дарила...

Ложе страсти я с тобой делила!
И тайком обманывала мужа,
Пересудов, сплетен не боялась.
Пролита вода – ее из лужи
Вычерпать не просто оказалось.
Разве можешь ты мне изменить? –
Легче рыбку в роще изловить.
Думала ль я, что найдешь другую!
Душит гнев меня, скорблю, горюю.
К положу припала и тоскую,
Вспоминаю прошлое в бреду я.
Так решу я, этак ли прикину –
Не пойму, за что меня покинул.
Я пишу, а ты молчишь доныне...
Знать бы, по какой такой причине?
Если ты любовь мою презрел,
Месть Небес грядет тебе в удел!
Серебро ль твое меня прельщало? –
Страсть твоя, проворство искушало:
Мотыльком к цветку летел, бывало,
Ароматом я тебя встречала.
Мотылек мой, ты напился сока,
Улетел навеки... Как жестоко!
Холодно, тоскливо, одиноко.
Боли ни предела нет, ни срока.
Рок нас пожелал соединить,
Но крепка ль связующая нить?
Места я себе не нахожу,
Время безрассудно провожу:
То в тоске по комнате брожу,
То ничком лежу, дрожу, тужу.
Друг без друга не были мы дня,
Так зачем покинул ты меня?
Если пожелал ты, мотылек,
На другой перепорхнуть цветок,
Отыщу владыки моря храм,
На тебя там жалобу подам.

Так, ворочаясь с боку на бок, кое-как скоротала она бессонную
ночь, а едва рассвело, позвала Инъэр:

– Ступай, узнай, была ли тетушка Ван у господина или нет.

Инъэр ушла.

– Тетушка давно у господина, – вскоре доложила она.

* * *

А пока скажем о старухе. Поднялась она рано, умылась, причесалась и направилась к Симэнь Цину.

– Его милость дома? – спросила она привратника.

– Не знаю, – послышался ответ.

Старуха встала у ворот напротив. Однако ждать ей пришлось недолго. Немного погодя появился приказчик Фу и стал открывать лавку. Ван бросилась прямо к нему.

– Позвольте узнать, дома ли ваш господин? – спросила она, отвешивая поклон.

– По какому такому делу, почтенная тетушка, вам понадобился мой господин? – спросил Фу и добавил: – Хорошо, что меня встретили. Другие вам ничего бы толком не сказали. Хозяин вчера справлял день рождения. То дома с друзьями пировали, а под вечер всей компанией в веселый квартал отбыли. И до сих пор нет. Идите-ка туда. Там его и отыщите.

Старуха поблагодарила приказчика и направилась к управе. Она миновала Восточную улицу и очутилась у переулка «кривых террас». Тут-то она и заметила вдали Симэнь Цина. Он ехал верхом с востока, сопровождаемый двоими слугами. От вина у него рябило в глазах и качало в седле со стороны на сторону.

– Да, лишнего вы заложили, ваша милость, – громко крикнула Ван и остановила лошадь.

– Мамаша Ван? – пробормотал хмельной Симэнь. – В чем дело?

Старуха зашептала ему на ухо.

– Да, да, мне слуга говорил. Знаю, сердится. Ну вот, к ней и поеду.

Так, слово за слово, сами того не заметив, оказались они у дома Цзиньянь. Первой вошла сводня.

– Радуйтесь, сударыня! – воскликнула она, обращаясь к хозяйке. – Стоило старухе взяться, как и часу не прошло, а его милость уж ждет у ворот.

Цзиньянь приказала Инъэр немедленно прибрать комнаты, а сама вышла встретить Симэня.

Долгожданный гость, полупьяный, обмахиваясь веером, проследовал в дом и поклонился хозяйке.

– Давно не заглядывал! – Цзиньянь поклонилась в ответ. – Бросил и на глаза не показываешься. Впрочем, до меня ль тебе! К новой

госпоже прилепился – не оторвешь. А меня-то заверяли, будто ваша милость никогда не изменит...

– Какая новая госпожа? Что за вздор! – воскликнул Симэнь. – Я дочь замуж выдавал, потому и прийти не мог.

– Да будет уж врать-то! Новых услад ищешь, вот и рыщешь повсюду. Пока жизнью не поклянешься, ни за что не поверю.

– Пусть меня покроют язвы величиною с чашку, – начал Симэнь, – три, нет, пять лет изводит желтуха, пусть во мне копошатся черви по коромыслу в длину, если я изменил тебе...

– Ах, изменник негодный! Ну причем тут чашки и коромысла!

С этими словами Цзиньянь сорвала с Симэня новую четырехугольную шапку с кисточкой и бросила ее на пол.

– Ты обижалась, не хочет, мол, старуха его милость пригласить, – вмешалась Ван, поднимая шапку и кладя ее на стол, – а сама шапку срываешь. Чтобы голова простыла, да?

– Чтоб он совсем замерз, изменник! Ни капельки не пожалею.

Цзиньянь выхватила у него золотую шпильку и стала разглядывать. Шпилька хранила следы масла для волос, на ней выделялись выгравированные строки:

«Конь с уздечкой золотой
Ржет средь трав благоуханных,
В башне яшмовой, весной,
Я в цветах, от счастья пьяный».

Шпилька принадлежала Юйлоу,^[171] но Цзиньянь решила, что ее подарила Симэню певичка, а потому она спрятала ее себе в рукав.

– Еще будешь клясться, не изменял? Ее шпильку носишь, а мою куда девал?

– Выпил как-то лишнего, ехал верхом, ну и упал с лошади. Шапка слетела, волосы рассыпались. Искал-искал, так и не нашел.

– Ишь ты! Напился! Глаза застило! Да так, что аж шпильку не нашел. Да тебе младенец не поверит!

– Не сердись, моя дорогая, – вмешалась старуха. – Его милость вдаль зорки – разглядит, как за городом муха оправляется, а у своих ворот на слона натывается.

– От одной не отделаешься, а тут другая с прибаутками лезет, – заметил Симэнь.

Тут взор Цзиньянь привлек позолоченный сычуаньский веер, которым обмахивался Симэнь. Она вырвала его из рук гостя и поднесла к свету. На красных косточках, которые соединяла золотая

бляха, Цзиньлянь, будучи искушенной в любовных интригах, тотчас же нашла отпечатки зубов. Значит, та чаровница поднесла ему и веер, рассудила Цзиньлянь, и, не говоря ни слова, переломила его пополам. Симэнь хотел было ее удержать, но от дорогого опахала остались одни обломки.

– Это подарок моего друга Бу Чжидао,^[172] – пояснил Симэнь. – Третьего дня преподнес, а ты сломала.

Цзиньлянь не унималась, пока Инъэр не подала чай. Хозяйка велела ей поставить поднос и низко поклониться гостю.

– Ну, повздорили и довольно, – заметила старуха. – К чему зря время тратить? Я на кухню пойду.

Цзиньлянь наказала падчерице накрыть в комнате стол, чтобы отпраздновать день рождения Симэня. Вскоре на столе появились вино, а потом жареные куры и гусь, свежая рыба, мясо, подливки, деликатесы из фруктов и прочая снедь.

Цзиньлянь достала из сундука подарки и разложила перед Симэнем. Рядом с черными атласными туфлями на подносе лежали темно-коричневые штаны для верховой езды. Их украшала бахрома – неременный знак согласия и любви, на коленях пестрели цветы, а с боков выделялись сосна, бамбук и слива-мэй в цвету – друзья, стойко переносящие зимнюю стужу. Отделанный лиловыми нитями пояс на блестящей подкладке из зеленой луской тафты был расшит благовещими облаками и изображением восьми сокровищ,^[173] а розовый нагрудник источал благоухание зашитых внутри трав. Среди подарков лежала шпилька в виде двуглавого лотоса с вырезанным четверостишием:

«Лотос ажурный, двуглавый,
Милому я подарила.
И никогда пусть лукаво
С ним не расстанется милый!»

Довольный подарками Симэнь обнял и поцеловал Цзиньлянь.

– Вот, оказывается, какая умница и умелица! Прямо на редкость!

Хозяйка велела Инъэр подать кувшин вина. Наливая кубок, Цзиньлянь низко поклонилась Симэню. Была до того грациозна, что напоминала то прямую стройную свечу, стоящую на подсвечнике, то от одного дуновения ветерка плавно колышущуюся гроздь цветов.

Симэнь, не мешкая, привлек ее к себе, и они сели рядышком, угощая друг друга и меняясь кубками. С ними за компанию пировала и старая Ван. Она не ушла, покуда не осушила несколько кубков, отчего

лицо ее залилось густым румянцем. Иньэр заперла за ней ворота, а сама удалилась на кухню, оставив возлюбленных наедине.

Они пировали и наслаждались до самого заката.

Только поглядите:

Густыми облаками закрылись горные вершины. Вечерняя мгла обложила весь небосклон. Мириады звезд луне не уступят в сиянии, блики волн с небесной лазурью поспорят. Воротились древние монахи в свои обители. Кричат и кружат над лесом вдалеке вороны. И ищет путник второпях селение глухое. Из деревень уснувших доносится собачий лай. Лунной ночью на ветке кукует кукушка, в саду порхают бабочки, играя в цветах.

Симэнь приказал слуге отвести лошадь домой, а сам остался у Цзиньлянь. В тот вечер неистовые, как парящие над жертвою ястребы, они устремились друг к другу, отдавшись безмерным утехам.

Но, как говорится, в разгар веселья стучится печаль, в пору самого счастья приходит беда.^[174] Быстро летело время.

* * *

А теперь расскажем об У Суне.

С письмом и подарками уездного правителя покинул он Цинхэ. В Восточной столице У Сун вручил письмо и выюки главнокомандующему Чжу, за несколько дней осмотрел город, а когда получил ответ, вместе с сопровождающими вышел на большую дорогу и направился обратно в Шаньдун. Из дому он выехал не то в третьей, не то в четвертой луне, а возвращался на исходе лета в преддверии осени. Непрерывные дожди на целых три месяца задержали его приезд. Непокойно было у него на душе, что-то так и тянуло домой, к брату. Наконец он не выдержал: послал вперед солдата-гонца, чтобы тот доложил обо всем правителю и передал письмо его брату, У Чжи, в котором сообщал, что прибудет совсем скоро, в восьмой луне.

Солдат вручил пакет правителю, а потом направился искать У Чжи. Ворота его дома оказались заперты, но гонцу повезло. Только он постучал, как его окликнула старая Ван, очутившаяся рядом:

– Вам кого?

– От начальника стражи У. Старшему брату письмо привез.

– У Старшего нет дома. Все на кладбище ушли. А письмо могу взять. Как придет, передам.

– Есть! – отдал честь гонец, достал письмо и, передав его старухе, быстро вскочил на иноходца и поскакал во всю прыть.

Старая Ван тут же прошла черным ходом к Цзиньлянь. Ей открыла

Инъэр. Приближался обед, а Цзиньянь и Симэнь все еще спали после буйно проведенной ночи.

– Вставайте, мои дорогие! – крикнула Ван. – Дело срочное. У Сун гонца с письмом прислал. Пишет брату: скоро, мол, приеду. Гонца я отпустила. А вам время терять нельзя. Действовать надо, и чем быстрее, тем лучше.

Не услышь этого Симэнь, все бы шло своим чередом, а тут его будто в ледяную воду окунули – совсем голову потерял.

Вскочили Симэнь и Цзиньянь с постели, оделись и впустили старуху. Та вошла в спальню и протянула Симэню письмо. У Сун сообщал, что вернется к празднику осени. Любовники всполошились.

– Что же нам теперь делать? – обратился к старухе Симэнь. – Помогите нам, мамаша! Не забуду твоей милости, щедро награжу. Ведь заявись только У Сун, нам придется расстаться, а жить в разлуке мы не в силах. Наши чувства глубже океана – так крепко любим мы друг друга. Как быть, а?

– Ну что вы так убиваетесь? – успокаивала его Ван. – Я ведь вам говорила: только первый брак родители устраивают, а во второй по собственной воле вступают. А потом, деверь к невестке не вхож, так уж исстари повелось. Я вот что скажу: сотый день по смерти У Чжи подходит. Тебе, дорогая, надо будет пригласить монахов для предания огню таблички покойного. Вам же, сударь, до появления У Суна паланкин за госпожой прислать да к себе ее взять. А с У Суном говорить уж предоставьте мне. Ничего он вам не сделает. Тогда век себе живите, не тужите.

– Да, мамаша права, – заключил Симэнь. – Говорят, будь тверд – и покой придет.

После завтрака Симэнь с Цзиньянь порешили шестого в восьмой луне, как раз в сотый день по кончине У Чжи, пригласить монахов, а восьмого числа под вечер устроить переезд невесты в дом жениха. Только они так условились, как за Симэнем пришел Дайань и привел коня. Однако не об этом пойдет речь.

Стрелой летело время, как челноки сновали дни и луны. Незаметно подоспел шестой день восьмой луны.

Симэнь прихватил несколько лянов серебра мелочью, две меры риса на поминки и пожертвование монахам и направился к Цзиньянь. Он попросил старуху пригласить из монастыря Воздаяния шестерых монахов, чтобы они принесли жертвы духам водным и земным и избавили У Чжи от загробных мук, а на закате предали сожжению табличку – обиталище души усопшего.

В начале пятой ночной стражи монастырские служители принесли сутры, соорудили алтарь и развесили изображения будд. Старуха подсобляла повару готовить трапезу, а Симэнь проводил время с Цзиньянь.

Вскоре прибыли монахи. Послышались удары в гонг и звон колокольцев. После песнопений из «Лotosовой сутры».^[175] они читали «Покаяние Лянского государя».^[176] Утром же вознесли молитвы Трем Буддам,^[177] дабы вняли они благочестию и вкусили жертвы. Ровно в полдень призывали душу усопшего для кормления, но говорить об этом подробно нет надобности.

Следует сказать, что Цзиньянь ни поста, ни воздержания, разумеется, не соблюдала. Близился полдень, а они с Симэнем все еще почивали. Лишь после того как монахи пригласили хозяйку поставить свою подпись, возжечь благовония и преклонить колена пред святыми ликами будд, она встала, причесалась, умылась и, облачившись в безупречный траурный наряд, вышла для свершения обряда.

Едва появилась жена У Чжи, как среди монахов началось замешательство. У одного за другим куда только девалась вся отрешенная от мирских соблазнов созерцательность! Помутились их в вере просветленные души. Так взыграла в них обезьянья прыть и жеребья резвость – ни в какую не уймешь. Перед красавицей совсем растаяли.

Только поглядите:

Старший монах обезумел и обалдел настолько, что имя Будды святое переврал, запутался в писаньи и забыл молитвенный напев. Воскуритель фимиама с цветами вазу опрокинул, а послушник вместо свечи держал коробку с пудрой. Державу Великих Сунов они вдруг Танскою стали величать. Усопшего У Чжи во время ектеньи старшим отцом-наставником назвали. Старик-монах – взыграла прыть бывая – брата за руку схватил и ею, будто колотушкой, в гонг начал ударять. А юный послушник в томлении любовном пестом огрел по бритой голове^[178] старейшего из братии. В миг иноки забыли про обет смирения, и целая тьма стражей Будды была б не в силах их унять.

Цзиньянь воскурила благовония, поставила подпись и склонилась в молитве перед ликами будд. Потом она ушла к себе в спальню, где они с Симэнем пили вино, закусывали скоромным и предавались утехам.

– Если что понадобится, сама распорядись, – наказал Симэнь старой Ван. – Госпожу не беспокой.

– Не волнуйтесь, сударь! Наслаждайтесь, пожалуйста, в свое полное удовольствие, – захохотала старуха. – С этими лысыми я и сама управлюсь.

Да, дорогой читатель, редко можно встретить благочестивого монаха, который устоял бы, когда красавица в объятиях. Еще предки наши говаривали: словом назовешь – монах, двумя – лукавый искушитель, тремя – голодный демон сладострастия. А вот что писал Су Дунпо: «Пока не брит, не ядовит; не ядовит – значит не брит. Станет злодеем – голову обреет; голову обреет – соблазн одолеет».^[179] Это рассуждение касается как раз монашеского обета. Живут себе монахи в палатах высоких и хоромah просторных, в обителях святых и кельях светлых да проедают денежки, которые текут к ним от жертвователей со всех концов земли. Не пахут, не сеют, а трижды в день трапезничают. И никаких волнений не знают. Одна у них забота – как свою плоть ублажить. А возьмите любого мирянина – чиновного ли звания или землепашца, ремесленника или торговца, богатого да знатного, старейшину или даже сановного придворного – все равно – гложет его корысть да честолубие, дела да труды покою не дают. Будь рядом и жена-красавица иль наложница молодая, а как вспомнит невзначай о делах, так в душу закрадываются тревога да заботы. Либо риса не осталось, либо дрова вышли, и сразу всю радость как рукой снимет. А у монахов этого добра хоть отбавляй.

О том же говорят и стихи:

Обезьяны хвостатые, блудодеи-злодеи,
Что готовы распутничать хоть на каждом пороге!
На деревьях селиться б им, все заветы поправшим.
Почему ж им отводятся расписные чертоги?!

Глубоко запал в душу монахам образ обольстительной и игривой вдовы. Когда они возвратились из монастыря после полуденной трапезы, Цзиньянь развлекалась с Симэнем. Ее спальню отделяла от комнаты, где свершалось бдение, всего лишь тонкая деревянная перегородка. А случилось так, что один из монахов пришел раньше других. Приблизившись к окну хозяйкиной спальни для омовения рук, он расслышал дрожащий голос Цзиньянь и нежные вздохи... словом, то, что сопровождает любовное сражение. Монах остановился и, делая вид, будто моет руки, долго вслушивался.

– Милый, перестань, не жди, пока соломенные туфли истреплются о камни, – шептала нежным голоском Цзиньянь, – ну хватит! Сколько можно! А то еще монахи услышат. Пожалей, довольно!

– Не спеши, – просил Симэнь. – Дай еще курительную свечу на панцире краба^[180] возжечь.

И невдомек им было, с каким удовольствием подслушал весь их шепот лысый негодник.

Прибыли остальные монахи и начали панихиду. Один рассказал другому, другой третьему, и все узнали, что вдова держит при себе любовника. От такой вести у монахов невольно руки в движение пришли, ноги в пляс пустились. В конце панихиды, под вечер, совершали вынос таблички усопшего и жертвенных предметов. Еще до этого Цзиньянь сняла траур и, одевшись в яркое платье, встала за занавеской рядом с Симэнем, чтобы посмотреть, как монахи предадут огню табличку. Старая Ван поднесла ковш и горящий факел. В положенный час, когда табличка и изображения будд были сожжены, лысый разбойник устремил лукавый взгляд на занавеску, за которой отчетливо вырисовывались силуэты хозяйки и ее любовника. Они стояли, прислонившись друг к другу. Монах вспомнил, что говорили днем, и, как ошалелый, давай бить в гонг. У него снесло шапку и обнажился голый блестящий череп, но он внимания не обращал – знай барабанил колотушкой и покатывался со смеху.

– Ведь и бумажный конь^[181] уже огню предан, к чему же вы, отец наставник, в гонг-то все бьете? – спрашивала старая Ван.

– Не спеши и дай еще «курительную свечу на панцире краба возжечь», – отвечал расходившийся инок.

Услышав эту реплику, Симэнь велел сводне поскорее расплатиться с монахами.

– Мы желали бы лично поблагодарить ее милость, устроительницу панихиды, – сказал старый монах.

– Скажите им, мамаша, это совсем ни к чему, – отозвалась Цзиньянь.

– Если так, тогда что ж? «Ну хватит!» И в самом деле, «сколько можно!» – хором подхватили монахи и с хохотом удалились.

Да,

Любой поступок неизбежно свой оставляет след.

Вот только алому пиону нужны ль румяна? – Нет!

О том же говорится и в стихах:

Покуда свершали монахи

Поминовенья обряды,

Подслушали охи да ахи

Вдовьей греховой улады.

Возможно вдове безутешной

Простит даже блуд ее грешный
Всемиловейший Будда.
Лишь духу усопшего худо...

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ЖЕНИТСЯ НА ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ

ГЛАВНЫЙ СТРАЖНИК У ПО ОШИБКЕ УБИВАЕТ ДОНОСЧИКА ЛИ

*Нас Небом уготованные страсти
Бросают в сети чувственных утех.
Мы наслаждаемся любовным счастьем,
Не ведая, что кара ждет за грех.
Сегодня ты в страстях погрязнешь весь,
А молодец меж тем задумал месть.
Для всех у Неба есть предназначенье:
Тому – триумф, другому – поражение.*

Так вот, как только предали огню табличку покойного У Чжи, Цзиньлянь нарядилась в яркое платье и вечером устроила пир. На прощание она пригласила и старую Ван, чтобы отдать ей на попечение падчерицу.

– Вернется У Сун, – наказывала она старухе, – скажешь: невестке, мол, жить стало трудно, и мать посоветовала ей выйти замуж. Просватали, скажешь, за приезжего, с ним и уехала в дальние края.

Все свое добро Цзиньлянь загодя переправила к Симэнь Цину, а что осталось – обноски и ветхую мебель – отдала старухе.

Симэнь из благодарности вручил Ван лян серебра.

На другой день за Цзиньлянь прислали паланкин с четырьмя фонарями. Дайань выступал за провожатого, а старая сводня – за родительницу невесты. Кто из соседей не знал об этой женитьбе! Но хотя бы один решился вмешаться. Все опасались злодея Симэнь Цина.

Ведь у него и деньги, и связи.

Однако на улице тогда сложили меткий стишок:

И смех и грех – бесстыж Симэнь,
С любовницей ввязался в срам.
Везет блудницу паланкин,
Бредет старуха по пятам.

Симэнь отвел Цзиньянь довольно просторный флигель с теремом, расположенный в саду.^[182] Внизу по одну сторону располагалась передняя, а по другую – спальня. За шестнадцать лянов Симэнь купил ей покрытую черным лаком с позолотой и разноцветными узорами кровать. На нее спускался крапленый золотом полог из красного газа. Были со вкусом расставлены отделанные слоновой костью шкафы с посудой, расписанные цветами столы, стулья и обтянутые парчою круглые табуреты. К флигелю примыкал отдельный дворик с едва заметной среди обилия цветов калиткой. Редко кто заглядывал в этот укромный уголок.

Старшая жена У Юэнян держала двух горничных – Чуньмэй и Юйсяо. Чуньмэй по приказанию Симэня перешла к Цзиньянь. На кухне ей стала прислуживать купленная за шесть лянов Цюцзюй. А для Юэнян хозяин купил за пять лянов молоденькую горничную Сяюй.

Цзиньянь вошла в дом пятой женою Симэня, так как место четвертой заняла стройная миловидная Сунь Сюэ. Ей было лет двадцать. Пришла она в дом Симэня вместе с его первой женой, урожденной Чэнь, в услужении у которой находилась. Потом волею хозяина Сюэ рассталась с девической челкой. Так она стала четвертой женою, а Цзиньянь, как было сказано, пятой. Но об этом говорить больше не будем.

Ни хозяйке, ни младшим женам не по душе пришлась женитьба Симэня на Цзиньянь.

Да, дорогой читатель! Сколь ревнивы женщины! Стоит только мужу привести наложницу, как жена, даже самая благоразумная, самая покладистая на свете, если сразу и не выкажет недовольствия, то потом, увидев, как муж уходит делить радости с наложницей, сразу от ревности насулит брови и тяжело станет у нее на душе.

Да,

Как жаль, сегодня светит полная луна,
А счастье не мне, – другим дано сполна.

Симэнь остался у Цзиньлянь. Они резвились как рыбки в воде, наслаждались любовью и счастьем, до краев переполнявшими их сердца.

На другой день Цзиньлянь уложила прическу и нарядилась по-праздничному. После чаю, который подала ей Чуньмэй, она пошла в задние покои к У Юэнян, чтобы познакомиться с остальными женами Симэня и преподнести туфельки хозяйке дома.

Юэнян сидела на возвышении. Она внимательно и пристально оглядела вошедшую, которой было не больше двадцати шести. А какая она была красивая!

Только поглядите:

Брови как ранней весной тонкие ивы листочки – в них таится тоска по любовным уладам. Ланиты будто персика алые цветы на исходе весны – они жаждут ласки интимных встреч. Исполнен грации стан ее тонкий и хрупкий. Как ласточка в силках томна, как иволга нетороплива. Алых губ нежный цветок манит шмелей, смущает мотыльков. Нефритовое изваянье – и даром речи награждена она. Редчайшая яшма – и дивный аромат источает она.

У Юэнян оглядела Цзиньлянь с головы до ног, потом с ног до головы, и обаяние неизменно сопутствовало ее взору. Красавица блистала чарами, как жемчужина, перекатывающаяся на хрустальном подносе, напоминала грацией ветку алых абрикосовых цветов, озаренную лучами восходящего солнца. Юэнян ничего не сказала, но про себя подумала: «Вот, оказывается, почему слуги в один голос твердят: „Ну и жена у лоточника У“. Теперь и сама вижу, как она прекрасна. Недаром муженек в нее влюбился».

Цзиньлянь низко поклонилась хозяйке и поднесла туфельки. После того как Юэнян приняла подарок и ответила поклоном, Цзиньлянь обратилась к Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу и Сунь Сюээ, которых приветствовала как своих сестер, и встала сбоку. Юэнян распорядилась подать ей сиденье и пригласила присаживаться. Прислуге было велено называть ее госпожой Пятой.

Цзиньлянь глаз не спускала с хозяйки, которой было лет двадцать семь. Родилась она пятнадцатого в восьмой луне, поэтому ей дали имя Юэнян, то есть Лунная дева.^[183] Лицо у нее было чистое, как серебряное блюдо, а прорезь глаз напоминала формой зернышко абрикоса. В мягких движениях ее угадывалась кротость. Она отличалась сдержанностью и немногословием.

Вторая жена – Ли Цзяоэр, бывшая певичка из веселого дома, отличалась округлостью форм и по солидности своей имела

обыкновение покашливать, когда к ней обращались. Хотя Цзяоэр и слыла искусной в любви, она далеко уступала Цзиньлянь.

Третья жена – недавно взятая Мэн Юйлоу, лет тридцати, высокая и стройная как ива, с овальным лицом нежнее грушевого цветка. Редкие едва заметные рябинки придавали ей какую-то особую привлекательность и естественную красоту. Видневшиеся из-под юбки изогнутые золотые лотосы были не больше ножек Цзиньлянь.

Четвертая жена – Сунь Сюээ, вышла из горничных. Стройная, легкая и подвижная, она была отменной кухаркой, которой больше всего удавались изысканные блюда.

Стоило только Цзиньлянь приглядеться к женам Симэня, как она уже знала отличительные черты каждой из них.

Прошло три дня. С раннего утра уходила Цзиньлянь в задние покои. То что-нибудь шила хозяйке, то кроила туфельки. Одним словом, на все напрашивалась, за все бралась. «Сударыня» – то и дело, как служанка, обращалась она к Юэнян и вскоре своими знаками внимания так ей польстила, что та души в ней не чаяла: звала Цзиньлянь сестрицей, дарила свои самые любимые наряды и головные украшения. Пили, ели они за одним столом. Не нравилась такая привязанность хозяйки к новенькой ни Цзяоэр, ни остальным женам.

– Мы тут не первый день, но нас она и в расчет принимать не желает, – ворчали они. – Совсем Старшая в людях не разбирается. Давно ль Пятая заявила, а так к ней липнет.

Да,

Передних колесниц уже свалились сотни,
Но задние за ними вслед летят.
Нетрудно разобрать, где тракт, где подворотня,
Но истине внимать немногие хотят.

Так вот, взял, стало быть, Симэнь к себе Цзиньлянь, поселил ее в дальние покои, в большие палаты, одарил нарядами и драгоценностями, и переживали они ту удивительную пору молодости, когда женщина чарует красотой, а мужчина покоряет доблестью и мощью. Симэня будто клеем приклеили к Цзиньлянь – так неотступно он следовал за ней, исполняя все ее желания. И не проходило дня без утех и наслаждений, но не о том сейчас пойдет речь.

* * *

Расскажем теперь об У Суне. В начале восьмой луны возвратился он в Цинхэ и вручил письмо уездному правителю. Когда правитель

убедился, что золото, серебро и драгоценности переданы по назначению, то на радостях одарил У Суна десятью ляннами серебра и устроил в его честь угощение, но говорить об этом подробно нет надобности.

Дома У Сун переоделся, переобулся, повязал на голову новую повязку, запер дверь и отправился прямо на Лиловокаменную.

При появлении У Суна соседей даже пот прошиб со страху.

– Вот и нагрянула беда! – приговаривали они. – Тайсуй^[184] воротился – дело миром не кончится. Что-то будет!

Очутившись перед домом брата, У Сун отдернул дверную занавеску и шагнул в прихожую. Там он заметил Инъэр. Она сидела в коридоре и сучила нитки.

– Уж не померещилось ли мне? – подумал У Сун и крикнул невестку, но ответа не последовало. Он стал звать брата – снова молчание. – Оглох я что ли? Никого не слышу.

У Сун подошел к Инъэр и заговорил с ней. Испуганная появлением дяди, племянница молчала.

– Где отец с матерью? – допытывался У Сун.

Инъэр залилась слезами, но не проронила ни слова.

Старая Ван по голосу поняла, что прибыл У Сун. Боясь огласки, она бросилась к Инъэр с намерением заговорить зубы богатырю.

У Сун поклоном приветствовал старуху, а потом спросил:

– Куда брат девался? И почему не видать невестки?

– Присаживайтесь, почтенный, – молвила Ван. – Сейчас все расскажу. Как вы отбыли, брат ваш захворал и в четвертой луне помер.

– В какой день умер? От чего? Кто его лечил?

– В двадцатый день ни с того ни с сего начались нестерпимые боли в сердце, дней девять промучался. Всем богам молились, гадателей звали. Каких только снадобий ему не давали! Но ничего не помогло... Так и помер.

– Как же так вот и помер?! Он никогда на сердце не жаловался, – недоумевал У Сун.

– Как вы, начальник, легко рассуждаете! Небо не предупреждает, когда бурю найдет. С утра человек счастьем наслаждается, а под вечер с горя убивается. Нынче разулся – не знаешь, придется ли завтра обуваться. Коли быть беде, ее не минуешь.

– А где ж его похоронили?

– Как брата вашего не стало, в доме ни медяка не оказалось. А хозяйка, – одно слово, баба! – куда пойдет? Где ей место погребения выбрать?! Спасибо, благодетель солидный отыскан, с покойником

знакомство водил, – гроб пожертвовал. Что оставалось делать?! Через три дня состоялся вынос и сожжение...

– Ну, а невестка где ж?

– Невестка – женщина молодая, слабая. Без медяка в кармане перебивалась, а как кончился траур, мать уговорила ее выйти замуж. За приезжего вышла, с ним и уехала. А мне вот чадо свое на шею посадила, кормить-поить наказала до вашего приезда. Вот заботы дала...

Тяжело стало У Суну. Вышел он на улицу и побрел домой. Переодевшись в траур, он наказал солдату купить пеньковую веревку, чтобы препоясаться ею, пару мягких туфель и траурную шапку, а также фруктов, сладостей, ароматных свечей, жертвенных денег и прочие предметы.

В доме брата снова соорудили алтарь усопшего, расставив перед ним жертвенную снедь. На столе были зажжены светильники и благовонные свечи, поставлено вино и закуски, вокруг развешены траурные стяги. На приготовления ушло добрых две стражи.

Когда пробили первую стражу, У Сун возжег благовония, пал ниц и стал причитать:

– Пребудь рядом со мною, душа старшего брата моего! Человек ты был слабый и тщедушный. Как ты скончался, мне неизвестно. Но знай, если тебя жестоко обидели и свели в могилу, явись мне во сне. Я отомщу за тебя насильникам.

И У Сун возлил вино, предал огню деньги и жертвенные предметы, затем, рухнув на пол, снова громко зарыдал. Вместе с ним скорбели и зашедшие в дом прохожие и растроганные соседи. Успокоившись, У Сун пригласил воинов и Инъэр разделить с ним поминальную трапезу, потом достал две циновки и велел солдатам укладываться на ночлег в соседней комнате. Инъэр легла в задней, а себе У Сун постлал циновку прямо у жертвенного стола.

Близилась полночь, но У Суну не спалось. Он тяжело вздыхал, ворочался с боку на бок. Солдаты, растянувшись во весь рост, спали как убитые – только храп раздавался. У Сун встал. На столе тускло мерцали свечи. Он сел на циновку и заговорил сам с собой:

– Брат был слабый и хилый. Как он умер?...

Не успел У Сун договорить, как из-под стола налетел порыв холодного ветра.

Только поглядите:

Без плоти и без тени, не мгла и не туман. Кружит как смерч, пронзает до костей. То холодом наскочит, душу леденя. Яркий огонь

на жертвенном столе вдруг сник, померк. Едва-едва теплится светильник пред усопшего табличкой. Вдруг взметнулись жертвенные деньги на стене. Погребальный стяг затрепетал, отравленного душу сокрывая.

От ледящего ветра у богатыря волосы встали дыбом. Посмотрел он и видит: из-за стола появилась фигура. Раздался крик:

– О брат мой! Какую страшную я принял смерть!

У Сун не мог разглядеть говорившего, но только он метнулся в его сторону, как холод рассеялся и видение исчезло.

– Странно, – размышлял У Сун, поворачиваясь на циновке. – Сон это или явь? Ведь брат только что собирался мне все рассказать, а я своей ретивостью спугнул его душу. Ей-ей, что-то скрывают от меня о его кончине.

Пробили третью ночную стражу. У Сун обернулся. Солдаты крепко спали. Не по себе стало У Суну. Он ждал рассвета. Чтобы скоротать время, прилег. В пятую ночную стражу запели петухи. Светало. Встали солдаты и принялись греть воду. У Сун умылся и позвал Иньэр. Она осталась домовничать, а У Сун с солдатами отправился порасспросить соседей, как умер его брат и за кого вышла невестка. Соседи прекрасно все знали, да боялись Симэнь Цина и не желали вмешиваться в дело.

– К чему вы, начальник, нас спрашиваете? Тетушка Ван рядом живет, ее лучше спросите. Она вам все расскажет, – говорили они.

А один, поразговорчивей, добавил:

– Лучше всего, начальник, расспросите торговца грушами Юньгэ или следователя Хэ Девятого. Они-то всю подноготную знают.

У Сун пошел разыскивать Юньгэ, но нигде на улице его не было видно. Пострел между тем распродал рис и с пустой корзиной в руке возвращался домой.

– Братец, постой, – окликнул его У Сун.

– Опоздали вы, начальник, – проговорил Юньгэ, узнав У Суна. – Ничего теперь, наверное, не выйдет. Показания я бы дал, если б не старик отец. Ему шестьдесят. Кто кормить будет?

– Пойдем со мной, братец, – предложил У Сун и повел паренька в харчевню.

Они поднялись наверх. У Сун заказал две чашки рису и обратился к Юньгэ:

– Ты, братец, молодец! Такой молодой, а как об отце заботишься! Так и нужно! – он вынул пять лянов серебра мелочью и, протягивая их Юньгэ, продолжал: – На, возьми. Отцу на пропитание годятся. А

поможешь мне, еще дам десять лянов. Настоящую торговлю откроешь. Только рассказывай все по порядку. С кем брат не ладил? Кто его загубил? Кто невестку взял? Все говори, ничего не скрывай.

Юньгэ взял серебро, а про себя смекнул: «Этих пяти лянов хватит отцу, пожалуй, месяца на три, а то и на все пять. Этак и в свидетели можно пойти».

– Так слушайте, что я вам скажу, – обратился он к У Суну. – Только тяжело вам будет, начальник!

И Юньгэ рассказал, как он торговал грушами и искал Симэнь Цина, как его избила старая Ван, когда он пытался проникнуть в чайную, как он помог У Чжи уличить любовников, как, наконец, Симэнь Цин ударил У Чжи под самое сердце и тот, пролежав несколько дней с сердечной болью, внезапно умер. Обо всем от начала до конца поведал У Суну уличный торговец.

– Правду ты говоришь? – спросил, выслушав его, У Сун. – Ну, а невестка с кем уехала?

– Ее Симэнь Цин взял. Хотите все до дна вычерпать, сами ее расспросите.

– Глупостей не болтай! – заметил У Сун.

– Глупости?! Да я и на суде то же скажу.

– Ну, если так, то ешь.

Вскоре на столе появились солидные блюда и чашки. Они принялись за еду. У Сун расплатился. Когда они спустились вниз, он наказал Юньгэ:

– Ступай домой и отдай деньги отцу, а завтра утром приходи к управе. Подтвердишь, что мне рассказал. Да... где живет следователь Хэ Девятый?

– И вы собираетесь отыскать Хэ Девятого? Да он за три дня до вашего приезда исчез.

У Сун отпустил парнишку, а на другой день с утра отправился к почтенному Чэню и попросил его написать жалобу. Когда богатырь подошел к управе, его уже поджидал Юньгэ. Они вместе вошли в приемную и встали на колени. У Сун подал жалобу.

– Что у тебя за жалоба? – удивился уездный правитель, увидев перед собой У Суна.

– Злодей Симэнь Цин в стоворе с моей невесткой Пань, своей любовницей, ударил моего брата ногой в грудь. Потом по наущению старой Ван они загубили брата, а Хэ Девятый, не разобравшись, поспешил предать тело огню, чтобы скрыть следы отравления. Невестку забрал в наложницы Симэнь Цин. Вот Юньгэ все

подтвердит. Только на вашу милость уповаю.

У Сун вручил жалобу.

– А где ж Хэ Девятый? – спросил правитель, принимая жалобу.

– Хэ Девятый учуял недоброе и скрылся, – ответил У Сун.

Правитель допросил Юньгэ и вместе со своими помощниками удалился на совещание.

Надобно сказать, что и сам правитель, и его помощники, и архивариус, и писарь – все сверху донизу поддерживали с Симэнем Цином дружбу, а потому единодушно решили дело замять.

– У Сун, – заявил вошедший в приемную правитель, – ты же служишь старшим в уездной страже, а порядков не знаешь. Чтобы уличить прелюбодеев, их надо застать на месте, чтобы обвинить в воровстве, нужно предъявить награбленное, а когда подозревают убийство, осматривают раны. Так ведется исстари. В данном же случае нет даже трупа твоего брата, да и прелюбодеев никто не застал. Сам посуди, могу ли я разбирать дело об убийстве, полагаясь только на показания этого подростка? Можно ли допустить такую несправедливость?! Не торопись и подумай, стоит ли затевать дело.

– Ваше превосходительство! – сказал У Сун. – Это не моя выдумка, а сущая правда.

– Встань! – прервал его правитель. – Я еще раз обдумую. И если сочту нужным, арестую кого следует.

У Сун встал и пошел домой, а Юньгэ задержали в управе.

Кто-то уже успел донести о случившемся Симэню. Известие о возвращении У Суна, его жалобе в управу и вызове Юньгэ в качестве свидетеля привело Симэня в замешательство. Он немедленно выделил толику серебра и с доверенными слугами Лайбао и Лайваном отправил его уездным властителям.

На другой день У Сун ранним утром явился в управу и просил правителя арестовать преступников. Ему и в голову не приходило, что правитель получил взятку и не думал заниматься его жалобой.

– У Сун, – начал он, – не слушай, что тебе наговаривают болтуны. Они захотели поссорить тебя с Симэнь Цином. Дело тут темное, в нем нелегко разобраться. Как говорил мудрец: сомневаюсь даже в том, что вижу своими глазами, как же поверю тому, что говорят за спиной. Не горячись!

– Начальник! – вмешался в разговор стоявший рядом писарь, обращаясь к У Суну. – Ты же сам служишь в управе и должен знать порядок. Когда дело касается убийства, должны быть все улики налицо: труп, раны, причина смерти, орудия убийства и его следы.

Только в таком случае ведется дознание. У нас нет даже тела твоего брата.

– Если вы не желаете братья за дело, я разберусь в нем сам, – заключил У Сун и, взяв обратно жалобу, покинул управу.

Юньгэ он отпустил домой, а сам невольно обратил свой взор к небу и тяжело вздохнул. Зубовный скрежет то и дело прерывался проклятиями, которые он посылал в адрес невестки-преступницы. Чтобы дать выход гневу, У Сун бросился прямо к лавке Симэня с намерением избить насильника, но за прилавком стоял только приказчик Фу Второй.

– Хозяин дома? – крикнул ворвавшийся в лавку У Сун.

– Хозяина нет, – ответил приказчик, узнав У Суна. – Что ему передать?

– Поди сюда! Мне с тобой поговорить нужно.

Фу Второй не посмел послушаться. У Сун отвел его в сторону и схватил за шиворот. Глаза у него зловеще сверкали.

– Выбирай – жизнь или смерть?

– Пощади, начальник! – взмолился приказчик. – Что я тебе плохого сделал, начальник? С чего так разгневался?

– Умереть захотел, так молчи, скажешь правду, будешь жить. Где этот Симэнь, я тебя спрашиваю? Когда к нему невестка ушла? Ну! Все как есть говори, тогда пощажу.

Приказчик Фу был человек робкий. При одном виде богатыря он весь затрясся со страху.

– Успокойся, начальник. Я ведь всего только служу у него. За два лян серебра месячного жалования в лавке торгую. Знать не знаю, какие дела делает хозяин. Его нет дома. Он недавно ушел с приятелем в кабачок на Львиную. Честно вам говорю.

У Сун отпустил приказчика и вихрем помчался на Львиную, а перепуганный Фу Второй долго еще не мог двинуться с места. Когда У Сун очутился у моста на Львиной перед самым кабачком, Симэнь Цин, оказывается, угощал местного посыльного Ли. Этот Ли только тем и занимался, что обивал пороги управы, совал нос в казенные дела, пронюхивал везде и всюду. Так и наживал деньги. Его подкупали и истец, и ответчик, он же оказывался посредником того и другого, когда требовалось подмазать власти. Потому-то его и прозвали в уезде Ли Доносчик.

В тот же день, только узнав, что правитель вернул У Суну жалобу, Доносчик немедленно доложил об этом Симэню. Тот на радостях пригласил его в кабачок и одарил пятью лянми.

Пир был в самом разгаре, когда Симэнь случайно выглянул в окно и увидел У Суна. Вид у богатыря был свирепый. Он бежал от моста прямо к кабачку. Почуввав недоброе, Симэнь вышел, будто за нуждой, сам же выпрыгнул в заднее окно на гребень прилежавшей к кабачку стены, а с нее в соседний двор.

В это время в кабачок ворвался У Сун.

– Симэнь Цин здесь? – спросил он слугу.

– Господин Симэнь наверху. Со знакомым пируют.

У Сун скинул одежду и стрелой взлетел по лестнице. За столом сидел один посетитель, сбоку расположились две певички. Узнав в посетителе Доносчика Ли, У Сун сразу понял, кто донес Симэню, и бросился прямо к нему.

– Куда делся Симэнь Цин?

У Ли от испуга язык отнялся.

У Сун пинком опрокинул стол. Вдребезги разбились тарелки и чашки, напуганные певички застыли на месте. У Сун бросился к Доносчику и саданул его кулаком. Доносчик с криком вскочил на скамейку, пытаясь спастись через заднее окно, но У Сун схватил его обеими руками, подтащил к переднему окну и выбросил на самую середину улицы. Он так грохнулся, что у него помутился рассудок. Никто не решался к нему подойти. Наблюдавшие буйство У Суна слуги в кабачке трепетали, охваченные страхом. Вытаращив глаза, стояли, как вкопанные, прохожие. Кипевший от гнева У Сун бросился вниз. Доносчик, полумертвый, распластался на самой дороге и только шевелил глазами. У Сун раза два пнул его в живот. Тот застонал и испустил дух.

– Ты обознался, начальник, – заговорили в толпе, – ведь это не Симэнь Цин.

– А чего он молчал, когда его спрашивали?! Ну, и ударил. Я убивать не собирался. Так вышло, – сказал У Сун.

Околоточный видел убитого, но забрать У Суна не решался, потом осмелел, потихоньку подошел к нему и ловким движением скрутил У Суну руки. Вместе с хозяином кабачка Ван Луанем и певичками Бао и Нью его отвели в управу, где они предстали перед правителем.

Между тем бурлила Львиная улица, волновался весь уездный центр Цинхэ. На улицу валом валили зеваки. Шли настойчивые слухи: Симэнь Цин, мол, остался невредим и где-то скрывается, а этот погиб ни за что ни про что.

Да,

Чжан пьет вино, а Ли пьянеет живо;

Тутовник гнут, а рушится-то ива!

И так случается: один крадет, другой под суд идет.

О том же говорят и стихи:

Осудят героя, что выместил злобу в досаде, —

Не вступятся и Небеса справедливости ради.

Безвинному к желтым истокам пришлось удалиться;

Виновница смерти его между тем веселится...

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

У СУНА ССЫЛАЮТ В МЭНЧЖОУ ЖЕНЫ СИМЭНЬ ЦИНА ПИРУЮТ В ЛОТОСОВОЙ БЕСЕДКЕ.^[185]

*То он священные каноны все твердит,
То от напастей заклинания творит.
Сажает тыкву – тыкву уберешь,
Бобы посадишь – вырастут бобы;
Затеешь зло – спасенья не найдешь,
Жестокому помогут ли мольбы?
Спуститься ль в ад, подняться ль к
Небесам –
Любой себе готовит участь сам.*

Так вот. О том, как У Суна отвели в управу к уездному правителю, мы уже говорили.

А теперь расскажем о Симэнь Цине. Выпрыгнул он из окна кабачка на гребень стены и, спустившись по ней, очутился на чужом дворе, где и спрятался. А двор, надобно сказать, принадлежал почтенному Ху, местному врачу. В то самое время вышла за нуждой толстая служанка. Только она присела, как видит: у самой стены притаился человек.

– Воры, караул! – что есть силы закричала служанка, не будучи в состоянии бежать.

На крик тотчас же вышел хозяин.

– А, это вы, ваша милость! – сказал он, узнав Симэня. – Как я рад, что вы спаслись от У Суна. Он убил другого, и его забрали в управу. Смерти ему не миновать, а вы, сударь, можете преспокойно идти домой. Симэнь поблагодарил врача Ху и с беззаботным видом отправился к себе. Дома он подробнейшим образом рассказал о случившемся Цзиньянь. На радостях они даже в ладоши захлопали,

полагая, что избавились от беды. Цзиньянь подговорила мужа денег не жалеть, чтобы покончить с У Суном раз и навсегда. Симэнь послал преданного слугу Лайвана поднести уездному правителю серебряный винный прибор с позолотой и пятьдесят лянов серебра высокой пробы. Щедро одарил он и его помощников, чтобы судили У Суна без снисхождения.

На другой день утром в приемной зале появился правитель. Выведенный под охраной У Сун, а также свидетели – хозяин кабачка и певицы – стояли перед уездным правителем на коленях. Подкупленный Симэнем тот заговорил совсем другим тоном:

– У Сун! – воскликнул он. – Как ты смеешь преступать закон?! Вчера ты оклеветал ни в чем не повинных, сегодня ни за что ни про что убил человека. Отвечай!

– Будьте, ваше превосходительство, мне судьей, – взмолился У Сун, склоняясь в земном поклоне. – Я хотел отомстить Симэнь Цину, да как на грех мне попался под руку этот. Спрашиваю, где Симэнь, он не отвечает. Зло меня взяло, ну, и убил сгоряча.

– Как это так?! – прервал его правитель. – Разве ты не знаешь, что Ли служил посыльным в управе? Нет, ты убил его с умыслом. Будешь говорить правду, а? Подать орудия пыток! – приказал он подручным. – Этого злодея избить мало!

Тотчас же явились подручные, неся с собой разнообразные орудия пытки. На лежавшего ничком У Суна градом посыпались удары. После двух десятков палочных ударов У Сун стал просить пощады:

– Ваше превосходительство, неужели у вас нет жалости? Ведь я вам одолжение делал. Пощадите!

Мольба У Суна привела правителя в еще большую ярость.

– Сам человека убил, да еще препирается, пощады просит! Надеть тиски! – распорядился он.

Пальцы У Суна зажали в тиски. После пятидесяти палочных ударов его заковали в тяжелую шейную колодку и повели в тюрьму. Там при проверке присутствовало несколько человек, среди которых были помощник правителя и более низкие чины. Они знали, что У Сун – человек честный и справедливый, и сочувствовали ему. Им хотелось как-то ему помочь, но что они могли сделать?! Ведь их одарил Симэнь, и они языки прикусили, не решаясь слова вымолвить.

Коль скоро У Сун требовал тщательного разбирательства, правитель несколько дней повременил, а потом кое-как составил показание. Он же направил одного из своих подчиненных на Львиную, чтобы тот в присутствии следователя, околоточного и свидетелей на

месте осмотрел тело убитого Доносчика Ли. Заключение обследования гласило: обвиняемый У Сун, де, в самом деле искал встречи с Ли, дабы потребовать с него деньги, но договориться по-хорошему им не удалось. Злость охватила У Суна. Он поднял драку, пустил в ход кулаки и ноги, а потом выбросил избитого Ли из окна, отчего тот скончался. На груди слева, под самым сердцем, на лице и в паху убитого заметны раны и кровоподтеки.

Заключение передали в управу, а через день в областное управление Дунпина была направлена бумага для дальнейшего разбирательства и окончательного решения.

Правителем области Дунпин был в то время Чэнь Вэньчжао, уроженец Хэнани, человек честный и неподкупный. Как только поступило дело, он без промедления явился в управление. Вот какой это был правитель!

Только поглядите:

Во всем правдив он и тверд. За добродетель и ум его чтут. Он с малых лет над книгами сидел, а возмужавши, пред государем блистал познаниями своими. Он верности исполнен и почтенья, гуманен к людям и милосерд в делах. И множатся подвластные ему, не в тягость им его умеренный налог. Как правителя, славят его на всех перекрестках. При нем не затевают большие тяжбы, а про воров-грабителей совсем уже забыли. Старцы на рынках и у колодцев слагают гимны в его честь. Не отпускают со службы – толпою держат оглобли, срезают стремена. Имя его в анналы внесут – оно прогремит в веках. Ему, достойному, плиты и стелы будут петь постоянно хвалу. Правдивый и неподкупный, он народу как мать и отец. Ясным небом за ум и за честь величают его.

Как только правитель Чэнь Вэньчжао узнал, что случилось, он распорядился ввести задержанных. Первым делом прочитал бумагу из уездной управы, потом просмотрел показания допрошенных. Что ж там было написано?

Доклад гласил:

«ПРАВЛЕНИЮ ОБЛАСТИ ДУНПИН

дело об убийстве в уездном центре Цинхэ.

Настоящим докладываем, что обвиненный У Сун, двадцати восьми лет от роду, уроженец уезда Янгу, за могучее сложение назначенный главным в страже Цинхэ, возвратясь из служебной поездки и совершая поминальные обряды по своему умершему брату, обнаружил, что его невестка, урожденная Пань, без соблюдения положенного траура самовольно вышла замуж. То же он прослышал и на улице, что привело

его в ярость. В кабачке у Ван Луаня на Львиной улице ему подвернулся неизвестный, в котором опознали впоследствии посыльного управы Ли по прозвищу Доносчик. Пьяный У Сун потребовал с него триста медяков, которые когда-то дал займы, но Ли денег не возвратил. У Сун рассвирепел. Завязалась драка. Не уступал ни тот, ни другой. У Сун повалил Ли и ударил ногой, отчего тот вскоре и скончался, что подтвердили очевидцы сего происшествия – певицы Ню и Бао.

У Суна арестовал околоточный. Направленным на место убийства должностным лицом со следователем и околоточным в присутствии свидетелей было произведено тщательное обследование обстоятельств дела, результаты коего, а равно и показания очевидцев, скрепленные подписями и печатями, прилагаются. Дальнейшее расследование подтвердило их достоверность.

Полагаем, что У Сун начал драку не из-за денег, но с целью убийства, а потому подлежит по закону казни через повешение. Как выяснилось на допросе, Ван Луань и певицы Ню и Бао к делу не причастны.

Настоящим ожидаем дальнейших распоряжений, дабы иметь основание для завершения дела.

Составлен в 3 году правления под девизом Мира и Порядка, восьмой луны ... дня.

Ли Датынь, правитель уезда.

Юэ Хэань, помощник правителя.

Хуа Хэлу, архивариус.

Ся Гунцзи, секретарь.

Цянь Лао, тюремный надзиратель».

Правитель области прочитал документ и позвал У Суна.

– Как ты убил этого Доносчика Ли? – спросил он, когда У Сун приблизился и встал на колени.

– Ваше высокопревосходительство! – У Сун отвесил земной поклон.

– Где судит ясное небо,^[186] там я, ничтожный, найду справедливость! Позвольте говорить, скажу.

– Говори! – приказал правитель Чэнь.

– Я мстил за старшего брата и разыскивал Симэнь Цина, а этот мне подвернулся по ошибке. – У Сун подробно изложил всю историю и продолжал: – Да, я был оскорблен и затаил месть. Но Симэнь Цин богат и его не смеют арестовать. Только брата моего загубили напрасно, и душа его взывает об мщении.

– Довольно, – прервал его Чэнь Вэньчжао. – Суть дела ясна.

Правитель вызвал тюремного надзирателя Цянь Лао и приказал

дать ему двадцать палок в наказание.

– Недостоин своего поста ваш уездный правитель! – заявил Чэнь. – Как он посмел так беззастенчиво попирать закон?!

Затем Чэнь Вэньчжао допросил каждого и записал показания.

– Он мстил за брата, а Доносчика Ли убил по ошибке, – указав на У Суна, обратился к своим помощникам правитель Чэнь. – Это поборник справедливости и долга, и нельзя его судить как убийцу.

Чэнь Вэньчжао собственноручно исправил прежние «показания» У Суна и велел снять с него тяжелую колодку. У Суна заковали в легкую колодку, какие надевают за мелкие преступления и отвели в острог, а остальных распустили по домам до особого распоряжения.

В Цинхэ была направлена бумага, в которой предлагалось привлечь к делу злодея Симэнь Цина, а также невестку Пань, старуху Ван, подростка Юньгэ и следователя Хэ Девятого, дабы после беспристрастного допроса и выяснения обстоятельств дать делу дальнейший ход.

Все знали, что У Сун пострадал невинно, и ни один тюремщик из дунпинского острога не взял с него медяка. Ему даже носили вино и еду. Слух об это этом дошел и до Цинхэ, отчего Симэнь бросило в дрожь. Чэнь Вэньчжао – правитель честный и неподкупный, серебром его не прельстишь, рассудил Симэнь и решил обратиться к свату Чэню. Тот, дескать, заступится по-родственному. И звездной ночью Симэнь снарядил в Восточную столицу своего слугу Лайбао с письмом к командующему придворной гвардией Ян Цзяню. Ян, в свою очередь, замолвил слово перед государевым наставником Цай Цзином, членом Государственной канцелярии. Опасаясь за репутацию уездного правителя Ли, государев наставник немедленно отправил с нарочным тайное письмо правителю Чэнь Вэньчжао.

Чэнь Вэньчжао, надобно сказать, служил в свое время судьей в Высшей кассационной палате, потом при поддержке Цай Цина получил повышение и стал правителем области Дунпин. И вот, коль скоро такова была воля Цая да и командующего Яна – тоже близкого к трону лица, то все, что мог сделать Чэнь Вэньчжао – это испросить согласие властей сохранить У Суну жизнь, наказать сорока палками и выслать за две тысячи ли. Хотя дело У Чжи вызывало сомнения, его, за отсутствием останков пострадавшего, пришлось прекратить. Остальных причастных к делу лиц выпустили на свободу. В дальнейшем дело велось в соответствии с поступившим сверху распоряжением.

В присутственной зале, куда из острога привели У Суна, Чэнь

Вэньчжао огласил решение о высылке арестованного в Мэнчжоускую крепость. У Сун получил сорок палочных ударов, его забили в большую круглую колодку весом в семь цзиней, наполовину окованную железными обручами, на лбу выжгли два ряда знаков. Затем правитель передал У Суна двум служащим управления, которым было приказано конвоировать осужденного вплоть до Мэнчжоу.

В тот же день У Сун и конвойные покинули Дунпин и направились в Цинхэ. У Сун продал все свои пожитки, а деньги отдал конвоирам на дорожные расходы. Он попросил соседа Яо Второго присмотреть за Иньэр:

– Если удостоюсь высочайшего помилования и вернусь, не забуду благодеяния и щедро тебя вознагражу.

Соседи прекрасно знали, какой справедливый человек У Сун и очень жалели, что он попал в такую беду. Те, кто с ним дружил, помогли ему серебром. Нанесли ему и вина, и снеди, и медяков, и рису. Зашел У Сун к себе домой, велел солдату собрать вещи и в тот же день расстался с Цинхэ.

Извилистыми тропками вышли они на большую дорогу, ведущую в Мэнчжоу. Стояла середина осени.

Да, этот путь одолеет лишь
От смерти чудом спасшийся бедняга,
Что даже голод впредь сочтет за благо.
О том же говорят и стихи:
По правде, тонко рассудил правитель,
Когда У Суна он не предал смерти,
Сослав под стражей в дальнюю обитель –
Так сохлый лист встречает теплый ветер.

* * *

Но оставим пока У Суна и расскажем о Симэнь Цине. Как прослышал он о высылке У Суна, у него будто от сердца отлегло, сразу на душе стало легко и приятно. Он велел слугам Лайвану, Лайбао и Лайсину подмести сад и накрыть стол в Лotosовой беседке, а вокруг нее расставить ширмы и развесить занавесы, да позвать труппу музыкантов, певцов и танцоров.

На радостях пировали всей семьей: старшая жена – У Юэнян, вторая – Ли Цзяоэр, третья – Мэн Юйлоу, четвертая – Сунь Сюээ и пятая – Пань Цзиньянь. По обеим сторонам им прислуживали жены слуг, горничные и служанки. Славный был пир!

Только поглядите:

Курился аромат в треножниках Хуанди,^[187] цветы стояли в вазах золотых. Вся утварь — сплошь редкости Сянчжоу.^[188] Открылся занавес и заблистали жемчужины Хэпу.^[189] На подносах хрустальных огненных фиников груды и цзяочжоуских.^[190] груш. Нефрита зеленого кубики искрились вином — играющей яшмой текучей. Вот дракона вареная печень, рядом феникса жареные потроха^[191] Что ни глоток — медяков десять тысяч. Вот лапы черного медведя и бурого верблюда копыта. Вин густой аромат поплыл над столом. Вот подали лотосом красным приправленный мягкий разваренный рис, потом изысканные лакомые блюда из рыбы — карпа из Ло-реки и леща ичуньяньского — каждое, точно, быка дороже или овцы. Вот «драконовы глаза»^[192] и плоды личжи^[193] — деликатесы Юга. Растерли плитки феникса чая, и запенились волны в чашках из белой яшмы. Открыли вино, и нежное благоуханье заструилось из золотого кувшина. Роскошью мэнчанского господина^[194] затмили, богатством самого Ши Чуна^[195] превосшли.

Симэнь и Юэнян занимали почетные места. Ниже, по обеим сторонам от них, сидели остальные жены. Они передавали друг другу чарки, поднимали кубки и походили на купы цветов, какие вышивают на парче.

В разгаре пира появился слуга Дайань.

— От соседки, из усадьбы придворного смотрителя — евнуха Хуа,^[196] сударыням цветы, — объявил он и ввел слугу и молоденькую служаночку с челкой до самых бровей. В руках она держала две коробки.

— Наша госпожа преподносит вам сладости, а здесь цветы для госпожи Старшей, — отвесив низко поклон, обратилась бойкая служаночка к Симэню и Юэнян и отошла в сторону.

Юэнян раздвинула занавеску и стала рассматривать коробки. В одной лежали пирожки с фруктовой начинкой и пряные сладости, какие готовят при дворе, в другой — только что срезанные клуберозы.

— Сколько мы хлопот вашей госпоже доставили! — проговорила довольная Юэнян и одарила служанку платком, а слугу — сотней медяков.

— Передайте мою большую благодарность вашей госпоже. А как тебя зовут? — спросила она служанку.

— Меня зовут Сючунь, а его — Тяньфу.

Юэнян распорядилась, чтобы их покормили и угостили сладостями.

— Какая любезная у нас соседка, — заметила Юэнян, когда слуга и служанка удалились. — То и дело присылает подарки, а я ей — ничего.

– Года два как брат Хуа на ней женился, – вставил Симэнь. – Душа-человек, он мне сам говорил. А то разве дала бы таких служаночек держать?!

– Я с ней видалась прошлым летом на кладбище, когда ее свекра хоронили, – продолжала Юэнян. – Невысокая, круглое белое лицо, тонкие изогнутые брови. Она такая приветливая и молода еще. Ей, должно быть, года двадцать четыре, не больше.

– А ведь она была второй женой Ляна, письмоводителя тайного совета в Дамине,^[197] – пояснил Симэнь. – Только потом на ней женился Хуа Цзысуй. Богатое приданое взял.

– Она нам делает подношения, знаки внимания оказывает, – возвращаясь к своей мысли, сказала Юэнян и заключила: – Ведь мы же ближайшие соседи, и неудобно оставаться в долгу. Завтра же ей подарки пошлю.

Надобно сказать, дорогой читатель, что жена Хуа Цзысуя, по фамилии Ли, родилась в первой луне пятнадцатого дня. Кто-то преподнес тогда ее родителям две вазы в форме рыбок, оттого ее и стали звать Пиньэр, то есть Вазочка. Была она сначала наложницей письмоводителя Тайного совета Ляна, который приходился зятем государеву наставнику Цаю. Жена у Ляна была до того ревнивая, что сживала со свету наложниц и служанок. Многих из них закапывали тут же за домом в глубине сада. Ли Пиньэр жила отдельно, в кабинете. Ей прислуживала нянька.

В канун праздника фонарей,^[198] в третьем году правления под девизом Мира и Порядка, когда Лян с женою пировал в Тереме бирюзовых облаков, Ли Куй^[199] вырезал всю их семью, от мала до велика. Сам Лян и его жена спаслись бегством, а Ли Пиньэр прихватила сотню крупных жемчужин, добытых в Индийском океане, и пару черных драгоценных камней с синеватым, воронова крыла, отливом, весом в целых два ляна. Забрав эти сокровища, она с нянькой приютилась у родственников в Восточной столице.

В то время придворного смотрителя Хуа назначили правителем Гуаньани.^[200] Был у него неженатый племянник Хуа Цзысуй, ему и сосватали Ли Пиньэр. Хуа Старший отбыл в Гуаннань, а с ним и молодые.

Не прожили они и года, как старик Хуа заболел, вышел в отставку и переехал в родной уезд Цинхэ, где и умер.

Хуа Цзысуй завладел солидным состоянием и ежедневно гулял с друзьями в веселых домах. Он входил в компанию Симэня. Старшим братом был Симэнь Цин, вторым – сын богача Ина, торговца тафтой,

Ин Боцзюэ, который промотал отцовское наследство, опустил и заделался прихлебателем у певиц, ловко играл в мяч, двойную шестерку, шашки и чего только не знал. Третьим был Се Сиды, по прозвищу Непорочный. Он тоже помогал кому делать нечего, хорошо играл на папе и целыми днями торчал в публичных домах, подбирая объедки после пирушек. В братской компании кроме них состояли Чжу Жинянь, Сунь Молчун, У Дяньэнь, Юнь Лишоу, Чан Шицзе, Бу Чжидао и Бай Лайцян – всего десять друзей. Со смертью Бу Чжидао его место занял Хуа Цзысуй. Они собирались раз в месяц, звали певиц и развлекались среди этого букета цветов. Будучи племянником придворного, Хуа Цзысуй привык швырять деньгами, и друзья, пользуясь этим, охотно зазывали его в веселые дома, где пировали с певичками и частенько дней по пять домой не заявлялись.

Да,

Ласкает глаз лиловая аллея,

Пьянящи звуки в красном терему.^[201]

Пусть будет жизнь значительно длиннее –

Без радостей простых она нам ни к чему!

Но довольно об этом. Так радовался, стало быть, в тот день Симэнь с женами, пируя в Лотосовой беседке. Разошлись под вечер. Симэнь пошел к Цзиньянь. Он изрядно выпил, и ему хотелось насладиться «игрою тучки и дождя».

Цзиньянь сейчас же зажгла благовония и разобрала постель. Они сняли одежды и легли. Симэнь не торопился. Ему было известно, что Цзиньянь искусно играет на свирели.^[202] Он расположился за газовым пологом и велел ей встать на четвереньки рядом с собой, обеими руками нежно обнял жену и поднес тот самый инструмент к ее устам. Симэнь, склонив голову, долго наслаждался ее утонченной игрою. Распаленный страстью, он кликнул Чуньмэй, чтобы та подала чаю. Цзиньянь быстро опустила полог, опасаясь, как бы не увидела горничная.

– Ты чего испугалась? – спросил Симэнь. – Вон у соседа Хуа какие служаночки. Цветы приносила младшая, а другая – ровесница нашей Чуньмэй, и брат Хуа не обошел ее своим вниманием. Где жена – там и горничная. Ах, хороша! И ведь никто не знает об отношениях юнца Хуа со служанками!

– Ах ты, негодник! – Цзиньянь обернулась к Симэню. – Только ругаться не хочется. На служанку потянуло? За чем же дело стало? Говоришь ты одно, а на сердце – совсем другое. К чему эти увертки?

Ну, возьми ее, сравни со мной. Я ж не такая, как ты! И она не моя служанка. Я завтра выйду в сад и дам тебе такую возможность. Позови ее сюда и делай, что хочешь.

Цзиньлянь кончила играть. Симэнь обнял ее, и они легли.

Да,

Любимого желая обаять,
Готова на свирели поиграть.

О том же поется и в романсе на мотив «Луна над Западной рекой»:

Клубится орхидеи аромат.
Искусница играет на свирели,
Сливаются безумство и азарт
В белеющем за кисеею теле.
Браслеты золотятся на руках.
Любовников желание томит.
Искусница забыла всякий страх,
Игру свою никак не прекратит.

На другой день Цзиньлянь в самом деле ушла к Юйлоу, а Симэнь поманил Чуньмэй –

Весной заалел и раскрылся
Цвет персика нежный, пугливый;
Трепещет под натиском ветра
Зеленая талия ивы. –

и овладел горничной.

С того дня Цзиньлянь сразу возвысила Чуньмэй. Она больше не давала ей стоять на кухне у котлов, а держала у себя в спальне. Чуньмэй убирала постель, подавала чай. Цзиньлянь дарила ей платья и украшения, какие ей нравились. Горничная туго бинтовала свои маленькие ножки и была совсем не похожа на другую служанку – Цюцзюй. Сообразительная и насмешливая Чуньмэй обладала остроумием и привлекала красотой, за что и снискала благосклонность Симэнь Цина. Цюцзюй же, напротив, была глупа и бестолкова, и ей нередко доставалось от Цзиньлянь.

Да,

Птахи малые щебечут у пруда бездумно,
В душу глянь – и разберешься, кто дурак, кто умный.
Птица всякая летает, да полет у каждой свой:
Благородная – под небом, остальные – над землей.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ ПОДСТРЕКАЕТ ИЗБИТЬ СУНЬ СЮЭЭ

ЛИ ГУЙЦЗЕ ИЗ-ЗА СИМЭНЬ ЦИНА МЕНЯЕТ ПРИЧЕСКУ

*Ей ревность камнем на сердце легла,
Распутный малый всякий стыд забыл.
Едва услышит льстивые слова –
Уж новую зазнобу полюбил.
Он чувствами швыряется легко,
Он юбки не пропустит никогда.
Влечет его к утехам и пирам,
Не к делу – значит, ждет его беда.*

Так вот, перейдя в дом к Симэнь Цину, Цзиньянь снискала его любовь и возгордилась, стала придирчивой и ни днем ни ночью не находила себе покоя. Все ее раздражало, всех она подозревала. То у забора подслушивала, то стояла под дверью – все искала повода, с кем бы поругаться. Не слыла сдержанной и Чуньмэй. Отчитала ее как-то из-за пустяка Цзиньянь, и горничная, не зная, на ком сорвать зло, отправилась на кухню. Она барабанила по столу, гремела посудой. Вид у нее был такой угрюмый и злобный, что Сунь Сюээ не выдержала:

– Вот чудачка! Если замуж захотелось, ступай, в другом месте ищи, – пошутила она. – А тут нечего характер выказывать.

Чуньмэй так и подскочила:

– Замуж?! Это еще кто такую чушь несет?

Сюээ сразу сообразила, что горничная нынче не в духе и смолчала. А Чуньмэй тут же пошла и слово в слово передала все Цзиньянь да и

от себя добавила: мы, дескать, с вами обе хозяйину по душе пришлись. Вместе, мол, голову ему вскружили.

От рассказа горничной Цзиньлянь стало совсем не по себе. В этот день она и так встала против обыкновения рано, потому что провожала на похороны У Юэнян, и ходила разбитая. Цзиньлянь прилегла, но потом встала и пошла в беседку. К ней порхающей походкой подошла Мэн Юйлоу.

– Чем ты так расстроена, сестрица? – спросила она, улыбаясь.

– И не говори! До того устала – на ногах не стою. А ты откуда?

– Да на кухню заходила.

– Та – на кухне? Она тебе что-нибудь говорила? – поинтересовалась Цзиньлянь.

– Ничего не говорила.

Цзиньлянь нарочно виду не подавала, но про себя затаила злобу на Сунь Сюэ. Однако, не о том пойдет речь.

Цзиньлянь и Юйлоу занялись рукоделием, когда Чуньмэй внесла кувшин кипятку, а Цюцзюй заварила две чашки чаю. После чая они убрали со стола и начали играть в шашки. В самый разгар игры в беседке неожиданно появился садовый сторож – юный Циньтун – и доложил о прибытии хозяина.

Всполошившиеся женщины не успели собрать шашки, как Симэнь Цин вошел в садовую калитку и заметил их.

Они выглядели по-домашнему. И у той, и у другой волосы были собраны в пучок и буклями ниспадали на виски, а прическу украшала серебряная шелковая сетка. В серьгах блестели дорогие черные камни. И одеты они были одинаково: отделанная серебром красная безрукавка поверх белой газовой кофты. Из-под вышитой юбки и у Цзиньлянь, и у Юйлоу кокетливо выглядывали острые носки совсем малюсеньких изящных красных туфелек.

Женщины казались выточенными из нефрита, и Симэнь невольно расплылся в улыбке.

– Вы – настоящие певички! Купить – ста лянов серебра не хватит! – пошутил он.

– Мы-то не певицы, – заметила Цзиньлянь, – а вот там сзади живет сущая певичка.

Юйлоу попыталась незаметно удалиться, но ее удержал Симэнь:

– Ты куда? Только пришел, а ты уходить? Скажи откровенно, что вы тут без меня делали.

– Да ничего особенного, – проговорила Цзиньлянь. – Скука нас одолела, стали в шашки играть. Не думали, что ты так скоро

вернешься. – Она взяла у Симэня одежду. – Что-то рановато ты с похорон приехал.

– В храме собрались одни дворцовые смотрители да вельможи. Такая была жара, что я не вытерпел и уехал.

– А почему Старшей до сих пор нет? – спросила Юйлоу.

– Ее, должно быть, уж до города донесли. Я послал встретить паланкин.

Симэнь разделся и сел.

– И на что же вы играли? – продолжал он.

– Да ни на что. Так, от нечего делать за шашками просидели, – отвечала Цзиньянь.

– Давайте я с вами сыграю. Кто проиграет, лян серебром на угощение выкладывает.

– Нет у нас никакого серебра, – заявила Цзиньянь.

– А нет, шпильку возьму в залог. Идет?

Они расставили шашки и принялись за игру. Проиграла Пань Цзиньянь. Не успел Симэнь сосчитать фигуры, как Цзиньянь перемешала их и бросилась к цветущему кусту волчатника.^[203] Прислонившись к декоративному камню причудливой формы, она сделала вид, что рвет цветы.

– Ах ты, плутовка! Проиграла и скрываться?

Увидав Симэня, Цзиньянь залилась смехом, так что были видны только щелки глаз.

– Вот негодник! Проиграй Юйлоу, небось, не побежал бы разыскивать, а мне так покою не дашь.

Она собрала цветы в букет и бросила прямо в Симэня. Он подошел и обнял ее, потом посадил на выступ камня и прильнул к ее устам, даря из уст своих сладкий гвоздичный аромат.

Пока они так развлекались, к ним незаметно приблизилась Юйлоу:

– Сестрица, пойдем в задние покои. Старшая вернулась.

Цзиньянь сразу отстранила от себя Симэня.

– Мы еще потом поговорим, – сказала она ему, и они пошли встречать Юэнян.

– Чего это вы смеетесь, а? – спросила их хозяйка.

– Сестра лян серебра хозяину в шашки проиграла. Завтра угощать будет и вас приглашает, – пояснила Юйлоу.

Юэнян в знак одобрения улынулась.

Цзиньянь же, едва обменявшись коротким взглядом с Юэнян, пошла к Симэню. Чтобы им резвиться, как рыбки в воде, она наказала Чуньмэй зажечь в спальне благовонные свечи и нагреть ванну.

Послушай, дорогой читатель! Хотя старшей женою и была У Юэнян, из-за постоянных недомоганий она в хозяйство не вникала: только принимала и посылала подарки да наносила визиты и делала выезды. Все приходы и расходы вела бывшая певица Ли Цзяоэр. Замужними служанками распоряжалась Сунь Сюээ. На ее же плечах лежала и кухня – обязанность накормить и напоить каждого. Остается, скажем, Симэнь у какой жены, так вино, закуски ли, кипяток или воду – обо всем для них должна была заботиться Сюээ. Словом, горничные только готовое носили, но не о том пойдет речь.

Вечером Симэня угощала Цзиньянь. Приняв ванну, они легли. На другой день, как и надо было ожидать, у хозяина появилась новая забота: он пообещал Цзиньянь купить на монастырском рынке жемчугу в ободок.

Проснулся Симэнь рано и, едва поднявшись с постели, велел Чуньмэй распорядиться на кухне, чтобы испекли лotosовых лепешек^[204] и приготовили навару из маринованной рыбы. Однако горничная даже не шевельнулась.

– Не посылай ты ее, – сказала Цзиньянь, – а то и так говорят, вроде я ей волю дала, тебя с ней свела, будто мы с ней вместе хозяину голову вскружили. И без того нас на все лады поносят и позорят, а ты ее на кухню посылаешь.

– Скажи, кто так говорит? Кто вас позорит? – спросил Симэнь.

– Как я тебе скажу, когда тут у каждого таза и кувшина отросли уши! Оставь ее в покое, прошу тебя. Вон Цюцзюй пошли.

Симэнь позвал Цюцзюй, наказал что нужно, и отправил на кухню к Сюээ.

Цзиньянь давным-давно разобрала стол. Прошло уже столько времени, что можно было два раза пообедать, а завтрак все не несли. Симэнь метал громы и молнии. Тогда Цзиньянь кликнула Чуньмэй:

– Ступай погляди, куда провалилась Цюцзюй, рабское отродье. Приросла она там, что ли?

Чуньмэй стало не по себе. Со злостью пошла она на кухню. Цюцзюй ждала завтрак.

– Слостена проклятая! – заругалась Чуньмэй. – Погоди, госпожа с тебя штаны спустит. Чего ты тут делаешь? Хозяин из себя выходит – ждет не дождется, пора на рынок ехать. Меня за тобой послал.

Не услышь этого Сунь Сюээ, все бы шло своим чередом, а тут так все в ней и закипело.

– Явилась, распутница! – заругалась она. – Как мусульманину молитва – вынь да положь.^[205] Небось, котлы из железа куют – на

всякое блюдо время требуется. Кашу сварила – не едят. Теперь, извольте, новая затея пришла – лепешки стряпай, навар готовь. Или червь какой в утробу забрался?

– Заткни свою поганую глотку! – не выдержала Чуньмэй. – Не сама пришла – с меня хозяин спрашивает. Не веришь? Идем! Сама будешь объясняться.

Чуньмэй схватила за ухо Цюцзюй и потащила к Цзиньлянь.

– По хозяйке и рабыня – такая же наглая! – ворчала Сюэ. – Впрочем, нынче такие в чести.

– В чести или нет, только нам с хозяйкой голову нечего морочить! – заявила озлобленная Чуньмэй и ушла.

– В чем дело? – спрашивала Цзиньлянь, сразу заметив побледневшую от гнева Чуньмэй, которая тащила за собой Цюцзюй.

– Вот ее спросите! – говорила горничная. – Прихожу на кухню, а она там расселась в ожидании, пока та,^[206] из отдаленного дворика, не спеша, с прохладцей месит тесто. Я не вытерпела и говорю: хозяин ждет, госпожа спрашивает, почему не идешь? Меня за тобой послали. Тут та-то на меня и набросилась. Все рабыней обзывала. Хозяину, говорит, как мусульманину молитва – вынь да положь. Все, мол, хозяина подстрекаете. Каши, говорит, наварила – не ест. Ни с того ни с сего новая причуда явилась – лепешек и навару подавай. Сама лишний раз не повернется, а других поносит.

– Говорила, не посылай ее, – вставила Цзиньлянь. – Она и так с той не в ладах. А та слухи распускает, будто мы с горничной тебя захватили. Срамит нас всюю.

У Симэнь Цина лопнуло терпенье. Он сам отправился на кухню и, ни слова не говоря, дал Сюэ несколько пинков.

– Ах ты, уродина проклятая! – кричал он. – Я за лепешками послал, а ты на нее с руганью набросилась. Рабыней называешь? Лужу напусти да на себя лучше погляди.

После пинков и брани хозяина Сюэ вся кипела от негодования, но рта открыть не смела. Когда Симэнь удалился, она обратилась к Шпильке – так звали жену слуги Лайчжао:

– Вот какая у меня неприятность! Ты ведь все слыхала. Я ж ничего особенного не говорила. Она сама ворвалась, как демон, и пошла орать. Служанку уволокла. Наговорила хозяину, из мухи слона сделала и его на грех навела. Целый скандал из-за пустяка устроила. Но я-то вижу, не слепая: по хозяйке и рабыня – такая же наглая. Подумали бы, так-то и оступиться можно!

Их разговор неожиданно подслушал Симэнь. Ворвавшись в кухню,

он налетел на Сюэ с кулаками.

– Рабыня проклятая! – заругался он. – Опять будешь твердить, что их не срамишь, негодница? Своими ушами слышал.

Сюэ едва сносила побои. Когда Симэнь ушел, она зарыдала во весь голос, обливаясь слезами.

Юэнян только что встала и укладывала волосы.

– Что за шум на кухне? – спросила она Сяюй.

– Хозяин к монастырю на рынок собирался и велел лепешек подать, а кухонная хозяйка обругала Чуньмэй. Узнал хозяин и дал кухонной хозяйке пинков. Вот она и плачет.

– Ну, так тоже нельзя! Если просят лепешки, так приготовь поскорее, и дело с концом. К чему же горничную-то ругать?

И она послала Сяюй на кухню, чтобы та поторопила Сюэ и прислугу побыстрее приготовить навару и накормить Симэня.

Наконец, сопровождаемый слугою, Симэнь Цин отбыл верхом к монастырю, но не о том пойдет речь.

Оскорбленная Сюэ никак не могла успокоиться. Она направилась прямо к Юэнян и рассказала, как было дело.

Таким случаем не преминула воспользоваться Цзиньлянь, которая неожиданно очутилась под окном и все подслушала.

– Но по какому такому праву она захватила мужа и вытворяет, что ей вздумается?! – обратившись к Юэнян и Цзяоэр, говорила негодующая Сюэ. – Вы, сударыня, плохо ее знаете. Сказать вам, так она похлеще любой потаскухи. Ей каждый день мужа подавай. А какие она с ним только штучки не выделывает – уму непостижимо! Первого мужа отравила, сюда пришла. Теперь нас живьем в могилу загонит. Мужа взвинтит – он, как петух, наскакивает. Она нас терпеть не может.

– Но ты тоже не права, – заметила Юэнян. – Она за лепешками послала, а ты приготовила бы поскорее да отпустила человека, и все дело. Зачем же ее горничную напрасно ругать?!

– Выходит, я зря ее ругала, да? А когда Чуньмэй вам прислуживала и от рук отбивалась, так я ее рукояткой ножа била. Тогда вы мне ничего не говорили. А теперь, как к ней попала, вон до чего зазналась, как вознеслась!

– Госпожа Пятая, – объявила вошедшая в комнату Сяюй.

Появилась Цзиньлянь.

– Допустим, я убила первого мужа, – начала она, глядя в упор на Сюэ, – но ты ж не отговаривала хозяина на мне жениться. Тогда б я его не захватила, наверно, и твое гнездо не заняла бы. А Чуньмэй вовсе

не моя горничная. Если тебя зло берет, упроси госпожу, пусть обратно к себе ее возьмет, тогда, может, и меня оставишь в покое, и друг на друга перестанете дуться. Значит, по-твоему, я мужа убила? Так и это дело вполне поправимое. Вот придет хозяин, возьму у него разводную и уйду.

– Я вашей подноготной совершенно не знаю, – заявила им Юэнян, – хватит ругаться, слышите?

– Видите, сударыня, из нее брань бурным потоком хлещет, – говорила Сунь Сюээ. – Кто ее переспорит! Сперва мужу наговорит, потом тут же от всего откажется. По-твоему, выходит, – Сюээ обратилась к Цзиньлянь, – всех нас, кроме Старшей, выгнать надо, одну тебя оставить, так что ли?

Юэнян сидела и молчала, а они, слово за слово, опять начали ругаться.

– Меня рабыней обзываешь, – упрекала Сюээ, – а сама сущая рабыня.

Еще немного – и между ними завязалась бы драка. Юэнян не выдержала и велела Сяюю увести Сюээ.

Пань Цзиньлянь удалилась в свои покои, где сняла с себя украшения, смыла помаду и распустила волосы. Изящество и совершенство были нарушены. Глаза ее покраснели от слез, как цветы персика. Она легла.

На закате прибыл Симэнь Цин с четырьмя лянами жемчужин.

– Что с тобой? – удивился он, как только вошел в спальню и увидел ее.

Цзиньлянь громко зарыдала и попросила у него разводную. Так, мол, и так. И она рассказала ему обо всем случившемся:

– Мне никогда не нужны были твои деньги. Я выходила за тебя. Так почему ж ты позволяешь, чтобы меня так оскорбляли? Только и твердят: я мужа убила. Как сорняк не вырывай, а корень остается. Не будь у меня этой горничной, все бы шло как надо. Зачем ты прислал ко мне чужую горничную, а? Терпи вот поношения. Одна придет, а тени наведет.

Не услышь этого Симэнь Цин, все шло бы своим чередом, а тут в нем ярость так и закипела, злость так и поднялась. Как говорится, «злой дух устремился в самое небо». Вихрем понесся он на кухню, схватил Сюээ за волосы и что было силы стал бить палкой. Спасибо, подросла У Юэнян и схватила его за руку.

– Перестаньте! – крикнула она. – Прекратите вы свои ссоры и не наводите хозяина на грех.

– Уродина проклятая! – ругался Симэнь. – Сам слышал, как ты на кухне лаялась. Опять всех будоражишь?! Избить тебя мало!

Если б не козни Пань Цзиньянь, дорогой читатель, скажу я тебе, никто б не стал в этот день избивать Сунь Сюээ.

Все, что исподволь долго копилось,
На голову снегом вдруг свалилось.
О том же говорят и стихи:
Цзиньянь вконец очаровала мужа –
У Сюээ в груди обиды стужа.
Пока не перевелся род людской,
Гнев с милостью нам не дадут найти покой.

После того как Симэнь Цин избил Сюээ, он направился в покои Цзиньянь и преподнес ей четыре лян жемчужин в ободок, которым она прихватывала волосы. Гнев ее прошел, едва она убедилась, что ее поддерживает Симэнь. На радостях она стала еще больше угождать мужу, и любовь между ними крепла изо дня в день. Как-то она устроила угощение у себя во двореке, на которое пригласила кроме Симэня У Юэня и Мэн Юйлоу. Однако довольно вдаваться в подробности.

* * *

Симэнь Цин собрал компанию из десяти друзей. Первым был Ин Боцзюэ, выходец из оскудевшего рода. Промотав наследство, он помогал кому делать нечего, примазывался к баричам и пристраивался прихлебателем в веселых домах, за что получил прозвище Побирушка. Вторым был Се Сиды, сын тысяцкого в Цинхэ. Этот наследовал отцовский титул, но о карьере и думать не хотел. Еще в детстве он остался круглым сиротой, слыл ловким игроком в мяч и азартные игры и был заправским бездельником. Третьего звали У Дяньэнь. Состоял он уездным гадателем,^[207] но потом его уволили, и он заделался поручителем за местных чиновников, бравших ссуды. Тут-то он и познакомился с Симэнь Цином. Четвертого звали Сунь Тяньхуа, по прозвищу Молчун. Ему было за пятьдесят, но он все еще вламывался в женские покои, передавал любовные записки и послания, зазывал к певичкам посетителей, чем и зарабатывал себе на жизнь. Пятым был Юнь Лишоу, брат помощника воеводы Юня. Шестой – Хуа Цзысюй, племянник дворцового смотрителя Хуа, седьмой – Чжу Жинянь, восьмой – Чан Шицзе и девятый – Бай Лайцян. Вместе с Симэнь Цином – десять человек. Коль скоро у Симэня водились деньги, они

называли его старшим братом и каждый месяц по очереди устраивали пирушки.

Настал как-то черед Хуа Цзысюя, соседа Симэня. Угощали в доме придворного щедро – кушанья подавались на огромных блюдах и в чашах, вино лилось рекой. Собрались все друзья, кроме Симэня. Он оказался занят и ему оставили почетное место. После обеда прибыл, наконец, и он, в полном параде, сопровождаемый четырьмя слугами. Все повставали с мест и пошли ему навстречу. После приветствий его усадили. Занял свое место и хозяин пира.

Перед почетным местом, на котором восседал Симэнь, пела певица. Ей аккомпанировали на лютне и цитре две искусницы.

Не поддается описанию изящество этих прелестных служительниц Грушевого сада,^[208] столь же пленительных, как одаренных.

Только поглядите:

Они в газовых платьях – белых, как снег. Грады черных туч – восхитительны их прически. Алеют вишнями уста, нежнее персика и абрикоса ланиты. У каждой как ива гибкий стан, льют их сердца аромат орхидей. Дивное пение слух улаживает – то иволги, мнится, порхают в ветвях. Вот закружились в танце – то резвятся фениксы в цветах. Запели старинный напев – зазвучал он свободно, легко. Танцевали они, и месяц над теремом Циньским спустился пониже. Пели они, и над Чуским дворцом.^[209] – остановили свой бег облака. Меняя голоса и ритм, играли, пели стройно, в лад. То яшмы легкий нежный звон вдруг замирал и шумные аккорды нарастали, то цитра – гуськом колки – начинала протяжную песню, и, четко выделяя каждый слог, так отбивали кастаньеты^[210]

После третьей чарки певицы умолкли, положили инструменты и, как ветки цветов, плавно покачиваясь, вышли вперед. Их расшитые пояса развевались на ветру. Когда они склонились в низком поклоне перед пирующими, Симэнь Цин кликнул слугу Дайяня, взял у него три конверта и наградил каждую двумя цянми^[211] серебра. Певицы поблагодарили его и удалились.

– Как хорошо поют! Откуда такие девицы? – спросил Хуа Цзысюя Симэнь.

– До чего ж вы забывчивы, ваша милость! – тотчас же вставил Ин Боцзюэ, не дав хозяину и слова вымолвить. – Неужели не узнаете? На цитре играла У Иньэр – Серебряная из Крайней аллеи «кривых террас», нашего почтенного брата Хуа зазноба. Лютню перебирала Чжу Айай – Любимица, дочка Косматого Чжу, а на лютне играла Гуйцзе,^[212] сестрица Ли Гуйцин, от мамы Ли Третьей со Второй

аллеи. Она же вашей супруге племянницей доводится,^[213] а вы делаете вид, будто не знакомы.

– Шесть лет не видались, – засмеялся Симэнь, – вон какая выросла.

Подали вино. Расторопная Гуйцзе наполнила кубки, а потом нагнулась и шепнула несколько ласковых слов Симэню.

– А что поделявают твоя мамаша с сестрицей? – спросил он ее. – Почему не навестит дочь?

– Мамаше с прошлого года худо стало. Нога у нее отнялась. Без посторонней помощи ходить не может. А сестрицу Гуйцин гость с реки Хуай на полгода откупил. Так на постоялом дворе и живет. Даже дня на два, на три домой не отпускает. Кроме меня и дома никого нет. А я к знакомым господам хожу, когда петь позовут. Нелегко приходится. Я сама собиралась навестить тетушку, да все никак время не выкрою. А вы, ваша милость, тоже что-то давно к нам не заглядывали. Или дозволили бы тетушке навестить мамашу.

Покладистая, смышленная и бойкая на язык Ли Гуйцзе сразу приглянулась Симэнь Цину.

– Что ты скажешь, если я с близкими друзьями провожу тебя домой, а? – спросил он.

– Вы шутите, сударь, – отвечала Гуйцзе. – Видано ли, чтобы знатный да входил в дом ничтожного!

– Я не шучу. – Симэнь достал из рукава платок, зубочистку и коробку душистого чаю и протянул их Гуйцзе.

– А когда вы изволите прийти, сударь? – спросила она. – Я бы слугу загодя послала предупредить.

– Да как все разойдутся, так и пойдем.

Вскоре вино кончилось. Настала пора зажигать огни, а гостям расходиться. Симэнь попросил Ин Боцзюэ и Се Сида немного задержаться.

Сопровождая Гуйцзе, они верхами въехали в квартал кривых террас.

Да,

Бросаться ль на красивую игрушку? –

Куда разумней в стороне держаться.

Легко попасть в парчовую ловушку,

Труднее из ловушки выбираться.

Об этом и в песне поется:

Да это же губительный притон,

Ров на задворках сточный,

Неприметный,

Для отправления нужды секретной!..
Острог, что на тычке сооружен.
Покойницкая...
В этой смрадной яме
Живых не сыщешь,
Мертвецы – рядами.
Пещера тут – приют заблудших душ,
Тут бойня – свалка провонявших туш;
Тут жизни поношение,
Ограбление,
Где все встает пред Смертью на колени.
Вот и слова, начертанные сажей:
«Тут красоты и купля и продажа.
Красотку сторговал – не забывай-ка,
Что у красотки есть еще хозяйка.
Плати и ей.
Она любовь отмерит
И не продешевит,
А в долг не верит!»

Симэнь Цин с друзьями сопроводил паланкин Гуйцзе до самых ворот, где их встретила Ли Гуйцин и ввела в залу. После взаимных приветствий пригласили хозяйку дома.

Немного погодя, опираясь на клюку, вышла старуха, волоком волоча ногу, и поклонилась гостям.

– Свет, свет! – воскликнула она. – Сам знатный зять пожаловал. Каким ветром занесло?

– Простите, матушка! – Симэнь улыбнулся. – Все дела, никак не мог выбраться.

– Как величать господ, что пожаловали с вами? – поинтересовалась старуха.

– Это мои лучшие друзья – брат Ин Второй и Се Цзычунь.^[214] У брата Хуа собирались, встретили Гуйцзе, ну и проводить решили. Вина! – крикнул Симэнь. – Пропустим под музыку по чарочке.

Хозяйка усадила гостей на почетные места. Тем временем заваривали чай, убрали церемониальную гостиную и припасали закуски. Вскоре слуга накрыл стол, зажег фонари и свечи, расставил вино и деликатесы.

Переодетая Гуйцзе вышла из своей спальни и села сбоку.

Это было настоящее гнездо любовных утех, вертеп, где иволги порхают в цветах. Не обошлось и без Гуйцин. Сестры наливали

золотые чарки, играли на лютнях, пели и угощали гостей вином.

О том же говорят и стихи:

Янтарный сок горит в лазурных кубках,
Сверкают капли пурпуром жемчужным.
За ширмой, в ароматных клубках
Драконов и жар-птиц несут на ужин.
Вовсю звучат свирель и барабан,
Поют уста и гнется гибкий стан.
Лови момент, пока имеешь силу!
Речь – в шепот, а свеча померкла и оплыла.
Да, без вина ты, как Лю Лин,^[215] сойдешь в могилу.

Сестры спели куплеты, над столом порхали чарки – пир был в самом разгаре.

– Давно мне говорили, что Гуйцзе знает южные напевы,^[216] – обернувшись к Гуйцин, заметил Симэнь Цин. – Как ты думаешь, можно ее попросить спеть ради этих господ?

– Не смеем вас беспокоить, барышня, – вставил Ин Боцзюэ, обращаясь к Гуйцзе, – но с удовольствием прочистим уши, чтобы насладиться дивным пением и выпить по чарочке.

Гуйцзе продолжала сидеть и только улыбалась.

Надобно сказать, что упрасывая Гуйцзе спеть, Симэнь имел намерение овладеть ею, и поднаторевшая хозяйка тотчас же раскусила, куда он клонит.

– Наша Гуйцзе с детства избалована и очень застенчива, – начала сидевшая рядом Гуйцин. – Перед гостями так сразу она петь не станет.

Симэнь позвал Дайяня, вынул из кошелька пять лянов серебра в слитке и положил на стол.

– Это не в расчет, – сказал он. – Гуйцзе на пудру и белила. На этих днях парчовые одежды пришлю.

Гуйцзе поспешно поднялась с места и поблагодарила Симэня. Потом она велела служанке отнести подарки и убрать со столика. Гуйцин она попросила сесть рядом.

Гуйцзе не торопясь слегка поправила прозрачный рукав, из которого свисала красная с серебряной нитью бахрома носового платочка, похожая на плывущие по реке лепестки, тряхнула юбкой и запела на мотив «Лечу на облаке»:

Достоинства мои – пример для вас,
О жительницы расписных террас.
Походка, речь и все мои манеры

О вкусе говорят, о чувстве меры.
Чуть шелохнусь, чуть поведу рукою –
Струится тонкий аромат рекою.
Едва ли не за каждое движенье
От всех приемлю знаки преклоненья,
И вся моя осанка говорит,
Что и в грязи – прозрачен, чист нефрит.
Как долго б эта песня ни звучала –
Пленила бы гостей и чаровала.
И каждый бы твердил здесь неустанно:
«Ну, чем не грезы самого Сян-вана!»

Гуйцзе умолкла. Симэнь Цин едва сдерживал себя от охватившего его восторга. Он приказал Дайаню отвести коня домой, а сам остался у Ли Гуйцзе. Коль скоро Симэню не терпелось насладиться юной певицей, а ее как могли на то толкали Ин Боцзюэ и Се Сиды, желаемое скоро было достигнуто.

На другой день Симэнь наказал слуге принести из дому пятьдесят лянов серебра и купить в шелковой лавке четыре перемены нарядов, чтобы отпраздновать перемену прически у Гуйцзе.^[217] Прослышала об этом и Ли Цзяоэр. Она, конечно, обрадовалась за свою племянницу и тотчас же передала ей с Дайанем слиток серебра на головные украшения и платья.

Не умолкала музыка и песни, не прекращались танцы и пляски. Пировали целых три дня. Ин Боцзюэ и Се Сиды пригласили Молчуна Суня, Чжу Жиняня и Чан Шицзе. Они выложили по пять фэней серебра и пришли поздравить Гуйцзе. Ей устроили спальню, за которую полностью заплатил Симэнь.

Ликовал весь дом. Изю дня в день вино лилось рекой, но не о том пойдет речь.

Все новые песни и танцы подай богачу;
Иссякнет мошна – нищеты он познает мытарства.
Пора богачу обратиться с недугом к врачу.
Совет: бережливость – от бедности близкой лекарство.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЦЗИНЬЛЯНЬ ПОЗОРИТ СЕБЯ ШАШНЯМИ СО СЛУГОЙ

АСТРОЛОГ ЛЮ ЛОВКО ВЫМОГАЕТ ДЕНЬГИ

*Кто при деньгах, тот и могуч, и властен,
Симэнь лишь от мощны своей несчастен.
Раздоры в доме, свары да побои,
А где приличия? А где устои?
Дни богача-гуляки вечно праздны,
А ночи непотребны, безобразны.
Извечно так: в кармане звон монетный
Рождает буйство страсти мимолетной.*

Так вот, полмесяца, должно быть, прожил Симэнь Цин у своей возлюбленной Гуйцзе. Юэнян то и дело посылала за ним слугу с лошастью, но всякий раз у Симэня прятали одежду и домой не пускали.

Тихо стало в доме Симэня. Брошенные жены не знали, чем заняться. Другие еще как-то терпели, только Пань Цзиньлянь – ей не было и тридцати – женщина в самом расцвете сил, у которой пламенем горела неугасимая страсть, да Мэн Юйлоу продолжали румяниться и пудриться. Не проходило и дня, чтобы они, разодетые, не выходили к воротам и не простаивали до самых сумерек, провожая взглядом прохожих. Они улыбались, и тогда в обрамлении алых уст у них сверкали белизною зубы.

Вечером, в спальне, Цзиньлянь ожидала мягкая постель под сиротливым пологом. Но одинокое ложе не располагало ко сну, и она выходила в сад, медленно прохаживалась по цветам и мху. Пляска месяца, отраженного в воде, устрашала ее напоминанием о неуловимости Симэня; утех, которым беззастенчиво предавались

разношерстные кошки, ее терзали.

В свое время вместе с Юйлоу в дом пришел Циньтун, слуга лет шестнадцати, который только стал носить прическу.^[218] Это был красивый, ловкий и шустрый малый. Симэнь доверил ему ключи и поставил убирать и сторожить сад. Циньтун ночевал в сторожке у садовых ворот.

Цзиньлянь и Юйлоу днем нередко сидели в беседке за рукоделием или шашками, и Циньтун как мог им угождал. Он каждый раз предупреждал их о приходе Симэня и тем нравился Цзиньлянь. Она то и дело приглашала его к себе и угощала вином. Многозначительные взгляды, которыми они обменивались по утрам и каждый вечер, оставляли все меньше сомнений относительно их истинных намерений.

Приближался двадцать восьмой день седьмой луны – рождение Симэнь Цина, а он так и жил у Ли Гуйцзе, будучи не в силах расстаться с «окутанным дымкою цветком».^[219] Юэнян снова послала за ним Дайаня с лошадей, а Цзиньлянь украдкой сунула слуге записку и велела незаметно передать Симэню: она, мол, просит его поскорее вернуться домой. Дайань не мешкая оседлал лошадь и поскакал к дому Ли в квартал кривых террас.

Там он сразу нашел Симэня с компанией друзей – Ин Боцзюэ, Се Сиды, Чжу Жиняня, Молчуна Суня и Чан Шицзе. Симэнь пировал и веселился, прильнув к красоткам, так что казалось, будто его посадили в букет цветов.

– Ты зачем пришел? – заметив слугу, спросил он. – Дома все в порядке?

– Все в порядке.

– Приказчик Фу пусть пока всю выручку у себя держит. Я приду, тогда и счета подведем.

– Дядя Фу за эти дни так много наторговал! Вас ждет.

– Наряды привез?

– Вот они.

Дайань вынул из узла красную кофту и голубую юбку и передал их Гуйцзе. Гуйцзе и Гуйцин поблагодарили за подарок и распорядились угостить Дайаня. Выпив и закусив, слуга вышел к пирующим и встал рядом с Симэнем, потом осторожно зашептал ему на ухо:

– У меня записка. Госпожа Пятая^[220] просила передать. Просит поскорее приходить.

Только Симэнь протянул руку, как его заметила Гуйцзе. Решив, что это любовное послание от какой-нибудь певички, она вырвала записку

и развернула ее. Окаймленный узором лист почтовой бумаги содержал несколько строк, Гуйцзе протянула его Чжу Жиняню и велела прочитать. Тот увидел романс на мотив «Срывает ветер сливовый цвет» и стал декламировать:

И на желтом тоскую закате,
И средь белого дня,
Жду любимого жарких объятий –
Он забыл про меня.
Тяжко!.. Слышит расшитое ложе
Одинокий мой стон.
Мир, который ничто не тревожит,
Погружается в сон.
Вот уже и свеча догорела,
Светит только луна.
Как душа у тебя зачерствела –
Тверже камня она.
О любимый, прости!
Скорбь не в силах снести.
С поклоном – любящая Пань Пятая.

Выслушав послание, Гуйцзе вышла из-за стола и удалилась к себе в спальню. Там она упала на кровать и повернулась лицом к стене. Симэнь понял, что она сердится, и на клочки разорвал послание, потом на глазах у всех дал пинков Дайаню. Сколько он ни упрашивал, Гуйцзе не выходила. Тогда он сам вошел в спальню, обнял Гуйцзе и вывел ее к столу.

– Сейчас же забирай лошадь и ступай домой! – приказал он Дайаню. – Это негодница тебя прислала. Вот погоди, приду домой, до полусмерти изобью.

Дайань со слезами на глазах отбыл домой.

– Гуйцзе, не сердись! – упрашивал Симэнь. – Это моя пятая жена написала. Дело у нее какое-то, меня зовет. Чего тут особенного!

– Не слушай его, Гуйцзе, – подшучивал Чжу Жинянь. – Обманывает он тебя. Пань Пятая – это его новая певичка из другого дома. Красавица писаная. Не отпускай его.

– Чтоб тебя небо покарало, разбойник! – Симэнь ради смеха ударил Чжу Жиняня. – Твоими шутками недолго и человека угробить. Она и так сердится, а ты еще вздор несешь.

– А вы нечестно поступаете, – заметила Ли Гуйцин. – Если у вас дома есть с кем управляться, так сидели бы себе дома. К чему чужих

девушек завлекать? А то не успели прийти, как другая требует.

– Справедливы ваши слова, барышня! – поддержал ее Ин Боцзюэ. – По-моему, – он обернулся к Симэню, – тебе не нужно уходить. Тогда и Гуйцзе сердиться перестанет, не так ли? А теперь, кто первый выйдет из себя, с того два ляна серебром, пусть всех угощает.

Опять повеселели гуляки. Одни болтали, другие смеялись, третьи играли на пальцах^[221] или провозглашали тосты. Гуйцзе забыла про обиду, и Симэнь заключил ее в свои объятия. Они шутили и угощали друг друга вином.

Вскоре подали чай. На ярко-красном лаковом подносе выделялись семь белоснежных чашечек и ложки, напоминающие по форме листки абрикоса. Чай заварили с ростками бамбука, кунжутом и корицей. От него исходил такой сильный густой аромат, что его хоть горстями собирай. Когда гостей обнесли чаем, Ин Боцзюэ заметил:

– Я знаю романс на мотив «Обращенный к Сыну Неба»,^[222] воспевающий как раз достоинства этого напитка:

Ласкал кусты весенний ветерок –
И вот он, чайный маленький листок.
Сорвешь его чуть позже – примечай:
Достоинства свои утратил лист;
А вовремя сорвешь, заваришь чай –
Напиток удивительно душист.
И пьяному он радость, а не блажь,
И трезвому вкуснее чая нет.
Да, не торгуясь, за корзину дашь
Хоть восемьсот, хоть тысячу монет!

– Ваша милость, – обратившись к Симэню, покатывался со смеху Се Сиды, – вам при ваших-то расходах чего еще и желать! Небось, только и мечтаете, как бы хоть щепоточку такого чайку раздобыть, а? Итак, кто знает романс, пусть поет романс, а кто не знает, тому анекдот рассказать и пропустить чарочку в обществе Гуйцзе.

Первым взял слово Се Сиды:

– Мостил каменщик двор в увеселительном заведении, а хозяйка попалась сущая скряга. Каменщик возьми да вложи незаметно кирпич в водосток. Полил дождь. Весь двор затопило. Всполошилась тогда хозяйка. Разыскала каменщика, накормила, вина поднесла, даже цань серебра отвесила. Спусти, говорит, воду. Каменщик выпил, закусил, потом пошел и потихоньку вынул кирпич. Скоро воды как и не бывало. «Скажи, мастер, что за грех такой приключился?» –

спрашивает хозяйка. А каменщик ей: «Да тот самый грешок, какой и за вашим братом водится. Если денег дашь, пойдет растекаться, а поспешишься – встанет и ни с места».

Анекдот задел Гуйцзе за живое.

– А теперь я вам расскажу, господа, – начала она. – Жил-был некто Сунь Бессмертный. Решил он устроить угощение, а приглашать друзей поручил тигру, который был у него в услужении. Тигр еще по дороге всех гостей поодиночке съел. Прождал Бессмертный до самого вечера. «Да ваш тигр всех гостей давно съел», – говорили ему. Явился тигр. «Где ж гости?» – спрашивает Бессмертный. А тигр человеческим голосом отвечает: «Да будет вам известно, наставник, я отродясь не ведал, как это людей приглашать, одно знал, как людей пожирать».

Шутка Гуйцзе задела за живое друзей Симэня.

– Мы, выходит, только твоего гостя объедаем, а сами медяка пожалеем на угощение, да? – возразил Ин Боцзюэ и тут же вырвал из прически серебряную ухвертку весом в один цянь.

Се Сиды вынул из повязки два позолоченных колечка. Когда их прикинули, они потянули всего девять с половиной фэней. Чжу Жинянь достал из рукава старый платок по цене в две сотни медяков, а Сунь Молчун отстегнул от пояса белый полотняный передник и заложил его за два кувшина вина. У Чан Шицзе ничего не оказалось, и он выпросил у Симэня цянь серебра. Все отдали Гуйцин и пригласили на пир Симэня и Гуйцзе. Гуйцин велела слуге принести на цянь крабов и на цянь свинины. На кухне она распорядилась нарезать курицу и приготовить закуски.

Подали кушанья и все уселись за стол. С возгласом «приступай!» принялись за еду. Все случилось в один миг, не то что в нашем рассказе.

Только поглядите:

Заработали челюсти, склонились над блюдами головы. И свет померк, угасло солнце – казалось, тучею несметной налетела саранча. Знай, шарили глазами и двигали руками. Набросились ватагой голодных арестантов, только что выпущенных из тюрьмы. Один, толкая и пихая остальных, закуски атакует – будто целый век не ел и не пил. Другой, того и гляди, проглотит палочки для еды – словно в гостях отродясь не бывал. Этот орудует с курицей, обливается потом, спешит. Тот – сало течет по губам и щекам – уплетает поросенка прямо со щетиной и кожей. Вот хищники вцепились в жертву, глотают, давятся. Немного погодя взметнулись палочки, скрестились, как копыта, над столом. И через миг, словно вымытые,

уже сверкали белизною блюда и чашки. Еще взмах палочек – и смолоти все до последней крошки. Этот достоин звания Царя обжор, а тот – Главы блюдолизов. Уж заблестели кувшины пустые, но в алчности их опрокидывали вновь и вновь. Исчезли кушанья давно – прожорливые рыскали в поисках их неустомимо там и тут.

Да,

Яств аромат улетучился вмиг –

В храм Утробы отправили их.

Симэнь Цин и Гуйцзе еще не выпили и по чарке вина. Едва они коснулись закусок, как все оказалось съедено подчистую, и стол напоминал Будду Чистоты и блеска.

В тот день поломали два стула. Слуге, который смотрел за лошадью, ничего не досталось от трапезы, и он с досады опрокинул стоявшее у ворот божество местности, а потом навалил на него кучу. Сунь Молчун перед уходом проник в гостиную и засунул в штанину бронзового с позолотой Будду. Ин Боцзюэ сделал вид, что желает облобызать Гуйцзе, а сам стянул у нее головную шпильку. Се Сидя прикарманил у Симэня сычуаньский веер, а Чжу Жинянь, пройдя в спальню Гуйцин, прибрал к рукам ее зеркальце. Чан Шицзе приписал в счет Симэня тот цянь серебром, который взял у него займы. Одним словом, чего только не выделявали дружки, чтобы потешить Симэнь Цина.

О том же говорят и стихи:

Красавицы кривых террас —

искусницы на угождение,

Познаешь с ними ты не раз

Уснувшей плоти возрождение.

Но предаваясь им, забыв о мере,

Кому от дома ключ доверишь?

Но оставим пока компанию друзей, которые пировали с Симэнь Цином, а скажем о слуге Дайане. Когда он вернулся с лошадью домой, Юэнян, Юйлоу и Цзиньянь сидели вместе.

– Хозяина привез?

У Дайаня блестили красные от слез глаза.

– Хозяин меня пинками выгнал, – пояснил он. – Кто, говорит, за мной посылать будет, тому достанется как следует.

– Ну скажите, справедливо ли он делает? – заметила Юэнян. – Не хочешь домой идти, не ходи, но к чему слугу-то избивать? До чего ж

его там приворожили!

– Слугу избил – еще куда ни шло, – поддержала ее Юйлоу. – Зачем он нас поносит?!

– Шлюхи все на одну колодку, – вставила Цзиньлянь. – Плевать им на нас. Не зря говорят: в их вертеп хоть корабль золота сгрузи – все будет мало.

Цзиньлянь говорила, что думала. Однако и у стен есть уши. Как только прибыл Дайань, Ли Цзяоэр подкралась под окно и подслушала, как Цзиньлянь в присутствии Юэнян обзывала ее сестер. Ненависть закралась ей в душу, и с тех пор между ними началась вражда, но не о том пойдет речь.

Да,

В мороз согревает душевное слово,
Но даже в жару леденит клевета.
Стремясь опорочить кого-то другого,
Лишь злобу домашних Цзиньлянь навлекала.

Не будем говорить о вражде между Цзяоэр и Цзиньлянь. Расскажем о Цзиньлянь. Вернулась она к себе в спальню и казалось ей, что каждое мгновение тянется целую осень. Ей стало ясно, что Симэнь не придет и, отпустив обеих служанок, она вышла в сад. Она делала вид, будто прогуливается, а сама зазвала к себе Циньтуна и угостила вином. Когда слуга захмелел, Цзиньлянь заперла двери, сняла одежды, и они слились в наслаждении.

Да,

Где страсти пламя до небес, там страха нет,
Под пологом любви приют на сотни лет.

Только поглядите:

Она, отвергнув устои, ничтожного отыскала. Он разницу презрел меж низким и высоким. Преступной страстью одержима, и гнева мужнина она не устрашилась. Он, волю вожделенью дав, пошел за ней преступною стезею. Горят глаза, охрип – мычит под сенью ивы гибкой. Щебечет, заикаясь, порхает иволгой в цветах. Все шепчут о любви и в верности клянутся. В садовом цветнике открыли обитель усад. Хозяйкина спальня стала уголком отрад. Тут семя жизни лилии златой^[223] в дар преподнес глупыш.

С тех пор каждый вечер Цзиньлянь звала к себе слугу, а выпускала перед рассветом. Она украсила его прическу золотыми шпильками и одарила парчовым мешочком, который носила на юбке. Циньтун

прикрепил его под поясом. Слуга этот, как на грех, был малый опрометчивый и легкомысленный, любил выпить и погулять с такими же, как он, слугами, и тайна скоро выплыла наружу. Не зря говорят: сам не делай того, что хочешь утаить.

Слух дошел как-то до Сюэ и Цзяоэр.

– Потаскуха проклятая! – заругались они. – Непорочную из себя строит, а сама вон что выкидывает – со слугой спуталась.

Они рассказали Юэнян, но та никак не хотела им верить.

– Захотелось вам ей досадить, – заключила хозяйка, – да и Третью обидеть. Подумает еще, вы ее сдуру впутываете.

Сюэ и Цзяоэр ушли, больше ничего не сказав Юэнян.

Как-то Цзиньлянь забыла запереть спальню, и ее утexas со слугой случайно подсмотрела вышедшая за нуждой служанка Цюцзюй. На другой день она поведала об увиденном горничной Юэнян, Сяоюй, а та передала Сюэ. Сюэ и Цзяоэр опять отправились к Юэнян. Было это двадцать седьмого в седьмой луне – как раз накануне дня рождения Симэнь Цина, когда он только что вернулся от певиц.

– Не собираемся мы ее губить, – обратились они к хозяйке. – Но служанка сама рассказала. Если вы утаите от хозяина, тогда мы сами скажем. Если он простит такую потаскуху, значит даст волю змее.

– Он только пришел, в предчувствии радостного дня... – уговаривала их Юэнян. – Не хотите меня слушаться, идите и говорите, а устройте ругань, пеняйте на себя.

Сюэ и Цзяоэр не вняли совету хозяйки. Только Симэнь вошел в спальню, как они рассказали ему о шашнях Цзиньлянь со слугою. Не узнай об этом Симэнь, все бы шло своим чередом, а тут гнев поднялся от сердца, зло вырвалось из желчного пузыря. Он пошел в сторожку и окликнул Циньтуна.

Между тем о случившемся передали Цзиньлянь. Она всполошилась. Чуньмэй было велено сейчас же разыскать слугу. У себя в спальне она наказала ему ни в коем случае не признаваться, вынула у него из прически шпильки, но в спешке забыла про мешочек с благовониями.

Слуга явился в передний дом и встал на колени перед Симэнем. Хозяин велел четверым слугам запастись бамбуковыми палками и быть наготове.

– Признаешь вину, рабское твоё отродье, негодяй проклятый? – стал допрашивать Симэнь.

Циньтун молчал, не смея рта раскрыть.

– Снять шапку! Подать шпильки! – распорядился хозяин, которому

уже доложили о двух позолоченных шпильках. – Куда девал шпильки? – дознавался он, когда шпилек не оказалось.

– Нет у меня никаких шпилек, – пробормотал Циньтун.

– Нечего мне голову морочить, негодай! – крикнул Симэнь и отдал приказ слугам: – Раздеть! Всыпать палок!

Трое слуг держали Циньтуна, один раздевал. Когда стали стаскивать штаны, под поясом показался бледно-зеленый шелковый карман, а в нем оказался по форме похожий на тыкву-горлянку парчовый мешочек с благовониями. Симэнь сразу его заметил.

– Дайте сюда! – сказал он.

Хозяин узнал то, что принадлежало Цзиньянь, что она носила под юбкой, и его еще сильнее взяло зло.

– А это у тебя откуда? Говори прямо: кто тебе дал, а?

Напуганный Циньтун долго молчал.

– Я подметал сад, – наконец, пролепетал он. – В саду и нашел. Мне никто не давал.

Еще больше рассвирепел Симэнь Цин.

– Бить, да как полагается! – сквозь зубы процедил он.

Циньтуна связали. Градом посыпались удары. После тридцати ударов большими палками тело покрылось рубцами, из которых по ногам текла кровь. Симэнь позвал слугу Лайбао:

– Сбрей ему виски и выгони из дому! – приказал хозяин. – Чтоб его духу тут больше не было!

Циньтун отвесил земной поклон и с плачем удалился. Слуга этот Нефритовым Владыкой на землю грешную был изгнан из чертогов за то, что накануне в нарушение Небесного указа посмел заигрывать с бессмертной феей.

О том же говорят и стихи:

И тигры, и птицы – все парами.
Ужели Цзиньянь жить одной!
Сошлась со слугою – замарана
И нет ей дороги иной.

Узнала Цзиньянь, что Симэнь избил и выгнал Циньтуна, и ее словно в ледяную воду окунули. Вскоре к ней в спальню вошел Симэнь. Дрожа всем телом, она осторожно приблизилась к нему, чтобы помочь раздеться, но получила такую затрещину, что свалилась с ног. Симэнь велел Чуньмэй запереть все ворота и калитки и никого не пускать. Потом он взял скамеечку и вышел во дворик, где уселся под сенью цветов с плетью в руке, Цзиньянь было велено раздеться и

опуститься на колени. Зная за собой вину, она не посмела противиться: сняла с себя верхнее и нижнее платье и встала перед ним на колени, низко опустив голову и не проронив ни слова.

– Нечего притворяться, потаскуха проклятая! – закричал Симэнь. – Я только что допросил негодяя. Он все выложил, рабское отродье. Говори: сколько раз с ним блудила?

– О Небо, пощади! Не дай погибнуть невинно! – плакала Цзиньянь. – Больше чем полмесяца, пока тебя не было, мы с сестрой Мэн днем сидели за рукоделием, а под вечер я запирала дверь и ложилась спать. Без дела за порог не показывалась. Не веришь, спроси Чуньмэй. Она при мне была, все точно знает. – Цзиньянь кликнула горничную: – Сестрица, поди, сама скажи хозяину.

– Потаскуха проклятая! – выругался Симэнь. – Говорят, ты ему три позолоченных шпильки тайком передала. Чего отпираешься?

– Загубить хотят невинную, – оправдывалась Цзиньянь. – Чтоб у тех шлюх язык отсох, чтоб их недуг скрутил, чтоб они не своей смертью подошли. Ты все время у меня бываешь, вот они и злятся, всякую напраслину на меня возводят. Ты же знаешь, сколько у меня шпилек. Вон они, пересчитай – все до одной тут. Спуталась со слугой?! Да мне и в голову такое не придет. Если б хоть из себя видный был, а то сосунок, от горшка два вершка. Захотелось им меня оклеветать, вот и сочинили.

– Ладно, оставим шпильки, а это что? – Симэнь достал из рукава отобранный у Циньтуна мешочек с благовониями. – Как он к слуге попал, а? Опять будешь свое твердить?

Покрасневший от злости Симэнь взмахнул плеткой над пышной благоухающей Цзиньянь. От нестерпимой боли она закрыла глаза. По щекам текли слезы.

– Милый, дорогой мой! – закричала она. – Не бей! Дай мне слово сказать. Я все объясню. Или убей меня, оскверни это место. Когда тебя не было, мы с сестрицей Мэн занимались как-то шитьем. Я проходила под кустом роз, у меня развязался шнурок, а потомхватилась: нет мешочка-горлянки. Я обыскалась. Оказывается, этот негодник поднял...

Объяснение Цзиньянь совпадало с тем, что говорил Циньтун. Симэнь опять посмотрел на обнаженную Цзиньянь. Она стояла перед ним на коленях, похожая на цветок. Голос ее звучал тихо и нежно, и Симэнь смягчился. Гнев его потух. Он подозвал и обнял Чуньмэй.

– Скажи, правда у нее ничего не было со слугой? – спросил он горничную. – Если ты попросишь, я прощу эту негодницу.

Чуньмэй села к Симэню на колени и пустила в ход все свои чары.

– Как вы можете такое говорить, хозяин! – сказала Чуньмэй. – Я целыми днями не отлучаюсь от госпожи. Будет она связываться с этим слугой! Это все злые языки на мою госпожу наговаривают, козни строят. Сами посудите, сударь. Ведь придай этой сплетне огласку, вам же неудобно будет.

Симэнь Цина уговорили. Он молчал. Потом отбросил плетъ и велел Цзиньянь встать и одеться, а Цюцзюй приготовить закусок и вина.

Цзиньянь наполнила чарку и, держа ее обеими руками, протянула Симэню. Она поклонилась, и казалось, будто ветка цветов колыхнется на ветру. Затрепетали шелковые ленты. Она опустила на колени, чтобы принять у него чарку.

– На сей раз тебя прощаю, – сказал Симэнь. – Но когда меня нет дома, ты должна быть чистой от скверны и вести себя исправно: пораньше закрывать двери и не давать волю дурным мыслям. Если же я еще раз услышу что-нибудь подобное, пощады не жди.

– Твой наказ для меня закон. – Цзиньянь положила четыре земных поклона, потом села рядом с Симэнем, и они принялись за еду.

Да,

Бабой лучше не родись,
В чужих руках судьба и жизнь.

Так Пань Цзиньянь, которую до безумия любил Симэнь, на этот раз навлекла на себя же позор.

О том же говорят и стихи:

Ему Цзиньянь нежнее всех, милей,
Но для признанья ревность ставит сети.
Когда бы не наперсница Чуньмэй,
Любимица отведала бы плети.

Когда Симэнь пировал с Цзиньянь, в дверь постучали.

– Господа У Старший и У Второй, приказчик Фу, госпожа Симэнь Старшая и родственники прислали ко дню рождения подарки, – доложил слуга. Симэнь оставил Цзиньянь и, оправив одежду, вышел в переднюю залу принимать гостей. Засвидетельствовать свое почтение пожаловали Ин Боцзюэ, Се Сида и остальные друзья. Ли Гуйцзе прислала подарок со слугой.

Симэнь суетился – принимал подарки, рассылал приглашения, но не о том пойдет речь.

Узнав, какие унижения выпали на долю Цзиньянь, Юйлоу, уловив

момент, когда не было хозяина, тайком от Цзяоэр и Сюээ пошла ее навестить. Цзиньлянь дремала на ложе.

– Сестрица, – обратилась к ней Юйлоу, – скажи, что с тобой случилось.

– Смотри, что делают ничтожные потаскухи! – начала Цзиньлянь, обливаясь слезами. – Как натравливают на меня мужа! Как он меня бил! Но погодите у меня, шлюхи! Ненавижу вас до глубины души!

– Кого чернишь, того и черни! Но зачем же на моем слуге отыгрываться? – возмущалась Юйлоу. – Не расстраивайся, сестрица, хозяин все равно нас послушается. Вот погоди, как только ко мне придет, я его исподволь уговорю.

– Спасибо тебе, дорогая, за заботу.

И Цзиньлянь велела Чуньмэй подать чай.

Юэнян принимала сноху, жену брата У Старшего, и Симэнь решил пойти ночевать к Юйлоу.

– Напрасно ты обижаешь сестрицу Цзиньлянь, – начала Юйлоу. – Не позволяла она себе ничего такого. Это Цзяоэр и Сюээ ее оклеветали и моего слугу ни с того ни с сего припутали, а ты, не разобрав что к чему, и на него накинулся... Не сердись на сестрицу Цзиньлянь и не ставь ее в неловкое положение. Если б на самом деле что-нибудь было, хозяйка, клянусь, первой бы тебе обо всем сказала.

– Я расспрашивал Чуньмэй. И она говорит то же самое.

– Цзиньлянь так страдает, – продолжала Юйлоу. – Может, проводишь ее, а?

– Знаю. Завтра загляну.

В тот вечер больше ничего особенного не произошло.

На другой день справляли рождение Симэнь Цина. На пиру были столичный воевода Чжоу Сю, судебный надзиратель Ся Лунси, командующий ополчением Чжан Цзюйсюань, старший шурин Симэня У Кай и много других официальных лиц. За Гуйцзе послали паланкин.

Вместе с двумя певичками они пели целый день.

По случаю прибытия племянницы Цзяоэр повела ее на поклон к Юэнян и остальным женам. Ее пригласили отпить чаю. Звали Цзиньлянь, даже служанка дважды за ней ходила, но она так и не вышла, сославшись на плохое самочувствие.

К вечеру Гуйцзе стала собираться домой. Она откланялась Юэнян. Хозяйка одарила ее безрукавкой из юньнаньского шелка, платком и искусственными цветами и вместе с Цзяоэр проводила до самых ворот. Гуйцзе направилась было к садовой калитке, чтобы повидаться с Цзиньлянь, но та, едва ее заметила, как сейчас же велела Чуньмэй

крепко-накрепко запереть калитку, сам Фань Куай^[224] не заставит открыться.

– Не открою! – заявила ей Чуньмэй. Крайне смущенная, Гуйцзе отошла прочь.

Да,

Когда душа добра –
Повсюду дружеские чувства,
Когда же в помыслах вражда –
Остерегайся тропки узкой.

Но не будем больше говорить о Гуйцзе, а расскажем о Симэне. Под вечер он направился к Цзиньлянь. Волосы у нее растрепались, вид был усталый и безразличный. Стоило, однако, появиться Симэню, и она принялась за ним всячески ухаживать: помогла раздеться, приготовила чаю, теплой воды для мытья ног и старалась во всем ему угодить. В ту ночь они резвились, как рыбки в воде. До чего только не доходила Цзиньлянь в своей покорности и унижении!

– Дорогой, – шептала она, – кто еще так любит тебя в этом доме?! Все они непостоянны – из вторых рук товар. Только одна я тебя понимаю, как и ты меня. Видят они, как ты меня любишь, как часто у меня бываешь, вот и злятся, за глаза наговаривают, а в открытую подстрекают тебя. Глупый ты мой! Сам подумай, ведь ты ж им на удочку попался, потому-то и со мной, с той, которая любит тебя, ты обошелся так жестоко. Дикие утки, когда их бьют, в разные стороны разлетаются, а домашние на месте кружатся, только переполох на весь двор поднимают. Убивай меня – все равно тут останусь. Некуда мне идти! Ты как-то слугу у певиц пинками угощал, да? Я тогда – Старшая госпожа и Юйлоу свидетели – голосу не подала. Ладно, думаю, наверно, красotka тамошняя тебя иссушила. У них ведь любовь одна – деньги. А случись что, кто тебя пожалеет! Но хватит! А то подслушают ненавистницы – сразу снюхаются, травить начнут. Правда, так уж повелось: одна природа смертью карает, но бессилен гнев людской человека погубить. Когда-нибудь потом ты сам это поймешь. Хочу одного, чтоб ты, и только ты, был мне судьбою.

Цзиньлянь удалось уговорить Симэня. Той ночью они отдались необузданной страсти.

На другой день Симэнь вскочил на коня и, сопровождаемый Дайанем и Пинъанем, направился в заведение певичек.

Тем временем разодетая Гуйцзе развлекала посетителей. Едва услышав о прибытии Симэня, она удалилась к себе, смыла пудру,

сняла шпильки и украшения и легла, укрывшись одеялом.

Симэнь долго ждал. Никто не выходил его встретить. Наконец появилась мамаша. Она поклонилась гостю и предложила кресло.

– Что-то давненько, зятек, вы к нам не заглядывали, – сказала старуха.

– Занят был. День рождения справлял, а распорядиться некому.

– Дочка моя тогда тоже вас побеспокоила, – заметила старуха.

– А почему Гуйцин не приходила?

– На постоялом дворе живет. Взял ее купец и до сих пор не отпускает.

Они разговорились. Слуга подал чай.

– А где ж Гуйцзе? – спросил, наконец, Симэнь.

– Вы и не догадываетесь! Как от вас пришла расстроенная, так в себя прийти никак не может. Слегла и не выходит. Жестокое у вас сердце, зятюшка. Даже не навестите дочку.

– Первый раз слышу! А что случилось? Где она? Пойду к ней.

– Она сзади, у себя в спальне.

Мамаша велела служанке проводить Симэня и поднять занавес.

Симэнь вошел в спальню Гуйцзе. Накрытая одеялом, она сидела на кровати, обернувшись лицом к стене. Волосы ее беспорядочно рассыпались. Выглядела она подавленной и даже не шевельнулась.

– Что с тобой? – спросил Симэнь.

Гуйцзе молчала.

– Скажи, кто тебя обидел?

Симэнь долго расспрашивал ее. Наконец, она заговорила.

– Госпожа Пятая всему виной. Если у вас дома такие красавицы, такие искусные в любви, то зачем же вам тогда к публичным девкам ходить? Неужели мы вам в диковинку?! Хотя мы и вышли из веселого заведения и ремесло наше известное... но все же насколько мы выше таких вот никудышных из порядочных семей! А в тот день меня к вам не петь приглашали. Я вас поздравить пришла. С какой теплотой и участием отнеслась ко мне Старшая госпожа! Одежду и цветы подарила. Не попроси я тогда, чтобы ту пригласили, стали бы осуждать: мы, мол, публичные, никакого этикета не признаем. Тут только я и узнала, что у вас есть госпожа Пятая, и почла долгом попросить ко мне выйти, чтобы выразить ей свое почтение. Но она не пожелала выйти. Перед уходом мы с тетей завернули к ее калитке – мне хотелось с ней попрощаться, так она выслала горничную запереть калитку прямо у меня под носом. Нет у нее ни малейшего понятия о приличии.

– Не осуждай ее так строго! – сказал Симэнь. – В тот день она вообще была в дурном настроении. Иначе непременно вышла бы к тебе.

Впрочем, сколько раз эта негодница меня в дразги впутывала, людей оскорбляла. Всыплю я ей!

– Он ей, видите ли, всыплет! – заругалась Гуйцзе и дала Симэню пощечину.

– Думаешь, у меня рука дрогнет? Кроме Старшей, от меня в доме всем женам и служанкам ох как доставалось! Ну хочешь, плетью раз тридцать или больше вытяну, а то, пожалуй, и волосы отрежу.

– Видала я тех, кто рубит головы, да не встречала тех, кто затыкает рты. Язык без костей, а где доказательства? Если ты такой решительный, отрежь у нее прядь волос и мне принеси. Тогда я поверю, что ты настоящий герой средь завсегдатаев квартала.

– Поспорим? – спросил Симэнь.

– Хоть сотню раз!

Симэнь провел ночь с Гуйцзе. На другой день они распрощались, когда наступали сумерки. Только Симэнь сел на лошадь, как Гуйцзе напомнила:

– Да увидят очи триумфальные знамена, да услышат уши благую весть. Если не принесешь, что обещал, лучше мне на глаза не показывайся.

Своим подстрекательством Гуйцзе возбудила Симэня. Домой он прибыл пьяный и направился прямо к Цзиньянь. Она принялась всячески ухаживать за хмельным мужем – предлагала закусить и выпить, но он отказался. Чуньмэй было велено приготовить чистую постель и удалиться, заперев за собой дверь.

Симэнь сел на кровать и приказал Цзиньянь разуться. Она не посмела послушаться. Тогда он забрался на постель, но ложиться не спешил, а сел на подушку и приказал Цзиньянь сначала раздеться, а потом встать на колени. Она со страху покрылась испариной, не зная в чем дело. Опустившись на колени, она тихо плакала.

– Дорогой мой! Скажи мне прямо, в чем я перед тобой виновата, и я умру со спокойной душой. Избавь меня от мучений в предсмертный час! Как ни будь осторожна, тебе, видать, все равно не угодишь. Так бери тупой нож и пили, чтобы я терпела твои пытки.

– Так ты не желаешь раздеваться? Ну, хорошо... – и Симэнь окликнул Чуньмэй: – Поддай плетъ. Там, за дверью висит.

Симэнь звал горничную, но та долго не откликнулась. Наконец, она не спеша приоткрыла дверь в спальню. Цзиньянь стояла на коленях,

перед ней валялась опрокинутая лампа. Со стола стекало масло. Несмотря на приказания Симэня, Чуньмэй стояла, как вкопанная.

– Чуньмэй, сестрица моя! – взмолилась Цзиньлянь. – Спаси меня! Он опять хочет меня бить.

– А ты, говорунья, на нее внимания не обращай, – сказал Симэнь. – Принеси плетку, говорят тебе, бить буду потаскуху.

– Как же вам, сударь, не совестно! – урезонивала хозяйина горничная. – Чем же моя госпожа вам так досадила, а? Наветы распутниц слушаете? Сами они бурю среди ясного дня поднимают, все под мою госпожу подкапываются, да еще и других втягивают. Какими глазами на вас смотреть будут? Не хочу я по-вашему делать!

С этими словами Чуньмэй хлопнула дверью и исчезла. Симэнь разразился хохотом.

– Ладно уж! Пока бить не буду! – заключил он. – Встань! Мне у тебя нужна одна вещь. Дашь?

– Милый! Моя кровь и плоть – все принадлежит тебе. Бери что только пожелаешь. А что тебе нужно?

– Прядь твоих волос.

– Дорогой мой! Вели броситься в огонь, я брошусь. Но волосы отрезать не дам. Хоть смертью стражай, не дам. С того самого дня, как меня мать родила, я ношу их вот уж двадцать шесть лет. Они у меня и так в последнее время сильно лезут. Сжался надо мной.

– Тебя возмущает мой гнев, а что бы я тебе ни сказал, ты мне перечишь.

– Если уж я тебе перечу, то скажи, пожалуйста, кого же я слушаюсь! Скажи по-честному, зачем тебе эта прядь?

– Для волосяной сетки.

– Я тебе сплету. Только не давай мои волосы той потаскухе. Не желаю, чтобы она меня попирала.

– Никому не дам. Только позволь мне из твоих волос связать самое основание сетки.

– Если так, сейчас отрежу.

Цзиньлянь отделила большую прядь, и Симэнь отрезал ее ножницами под самый корень, завернул в бумагу и спрятал за пояс. Цзиньлянь, рыдая, упала ему в объятия.

– Во всем я слушаюсь тебя, – шептала она. – Только не забывай меня. Дели радости с другими, сколько душе угодно, но меня не бросай.

Необычно сладостными были той ночью их утехи.

На другой день Цзиньлянь накормила Симэня, и он отправился к

Ли Гуйцзе.

– Где волосы? – спросила певица.

– Вот они.

Симэнь вынул из-за пояса прядь волос и передал Гуйцзе. Она внимательно рассмотрела их. То были в самом деле прекрасные, черные как смоль, волосы. Гуйцзе спрятала их в рукав.

– Посмотрела и давай, – попросил Симэнь. – У меня из-за этой пряди такая вчера неприятность вышла. Пока у меня от злости лицо не перекошилось, давать не хотела. Я ее обманом взял: мне, мол, для головной сетки. Видишь, я своему слову хозяин. Сказал – принесу, и принес!

– Какая невидаль, подумаешь! – проговорила Гуйцзе. – Уже и струсил? Ладно, домой пойдешь, отдам. Если ты ее так боишься, зачем же отрезал?

– Ее боюсь? Откуда ты взяла? – Симэнь засмеялся. – Тогда не стал бы ей и заикаться.

Гуйцзе позвала Гуйцин занять гостя за столом, а сама удалилась в укромное место и положила волосы Цзиньянь к себе в туфли, чтобы постоянно попирать их своими ногами, но не о том пойдет речь.

Несколько дней подряд Гуйцзе не опускала Симэня домой. Цзиньянь же, после того как у нее отрезали прядь волос, впала в уныние, не выходила из спальни, не пила, не ела, и Юэнян послала слугу за старой Лю, которая нередко заходила к ним пользоваться больных.

– Госпожа страдает от тайной печали, – сказала старая Лю. – Гнев поселился в сердце, и госпожа не в силах от него избавиться. Головные боли и тошнота вызвали отвращение к пище.

Старуха развязала узел со снадобьями, достала оттуда две черных пилюли.^[225] и велела принять на ночь с настоем имбиря^[226]

– Завтра старика своего приведу, – добавила она. – Пусть посмотрит, не ждет ли вас, сударыня, что дурное в грядущем.

– Ваш почтенный супруг может и судьбу предсказывать? – спросила Цзиньянь.

– Он у меня слепой, но кое-что знает. Судьбу может рассказать, от нечисти избавить. Вракует иглоукалыванием и прижиганием, исцеляет от язв. А еще что умеет, сказать не могу. Одним словом, привораживает.

– Как это привораживает? – заинтересовалась Цзиньянь.

– А вот как. Отец с сыном, скажем, не ладит, брат с братом ссорится, старшая жена с младшими женами ругается. Зовут тогда

моего старика, ему обо всем поведают. Возьмет он талисманы, напишет всем духам таинственные свои знаки и в воду опустит. Даст наговоренной воды тому человеку выпить, и не пройдет трех дней, как отец ли с сыном сблизится, брат ли с братом душа в душу заживут или старшая жена перестанет браниться с младшими. А то, бывает, в торговле не везет, поле не родит, так мой старик сколько таким врата богатства открывал, истоки барышей показывал! Он и недуги врачует, и от скверны очищает, звездам молитвы возносит и планетам поклоняется – все может. Вот почему и прозвали его Лю Астролог. Помнится, пришла в семью невестка, так, из захудалых, и оказалась на руку не чиста. У свекрови крадет да матери в дом несет. Бил ее за это муж, когда узнал. Тогда мой старик и ворожил над ней. Написал два талисмана. Один сжег, а пепел под кадкой с водой закопал. Берут из нее воду и видят, как невестка ворует, а виду не подают. Другой талисман старик в подушку спрятал. Как ляжет на нее муж, так руки ему будто бы кто-то связывает. Перестал жену бить.

Цзиньлянь внимательно выслушала рассказ и наказала угостить старую Лю чаем и сладостями, а перед уходом дала три цян на пилюли да еще пять отвесила на талисманы и попросила старуху с утра пораньше привести слепого Лю. Старуха ушла.

Ранним утром следующего дня старуха и в самом деле подвела к воротам слепого шарлатана. Симэня дома не было. Он еще не вернулся от Гуйцзе.

– Тебе чего, слепец? – спросил привратник, когда старуха ввела его в ворота.

– Мы к госпоже Пятой. Талисманы возжигать, – пояснила старуха.

– Вы к госпоже Пятой, проходите. Да смотрите, как бы собака не покусала.

Старуха провела слепого в гостиную Цзиньлянь, которая находилась рядом с ее спальней. Они долго ждали. Наконец появилась хозяйка. Слепец отвесил ей поклон, и они сели. Цзиньлянь назвала восемь знаков,^[227] которые соответствовали году, месяцу, дню и часу ее рождения. Слепой шарлатан стал прикидывать на пальцах, потом сказал:

– Родились вы, сударыня, в год гэн-чэнь, месяц гэн-инь, день и-хай, час цзи-чоу.^[228] Так! Восьмой день сезона установления весны,^[229] относим, стало быть, к первой луне. Как глаголет Истинное учение наставника Цзыпина^[230] ясным и необычайным отмечены сии знаки. Однако, не сулит вам милости звезда-супруг, в потомстве есть преграда. А одинарное древо.^[231] знака «хай», прорастая в первой

луне, цветенья сил не предвещает. Без преодоления придет самосожжение. И потом двойной металл знака «гэн» с силой давит острие барана^[232] Звезда-супруг поставлен в затруднение. А облегчение наступит только после повторного преодоления.

– Уже преодолела, – сказала Цзиньянь.

– Не будьте на старика в обиде, – продолжал слепец, – но вот что я вам скажу. Гороскоп являет очертанье зловещего духа. Вам мешают месячные истечения,^[233] которые приходятся и на «хай» и на «гэн». Обилие этих вод влечет прорыв лишь одного слоя земли знака «цзи». Когда вступает в силу злой дух, мужчина обретает могущество и власть, а женщина становится опасной мужу. Коль скоро главное в ней – ум и смекалка, она вызывает либо любовь, либо гнев. И вот еще что скажу: сейчас идет год цзя-чэнь,^[234] вас ожидает бедствие. А в жизни вы станете причиной гибели младенца и удушения на крюке. Звезды обоих знаков^[235] мешают вам, но вреда не причинят. Хотя согласия тех, кто рядом, не предвидится, наветы ничтожных вам покою не дадут.

– Благодарю вас, наставник, – выслушав слепца, проговорила Цзиньянь, – вы так усердно мне растолковывали. А теперь, будьте добры, поворожите. Ляном серебра одарю, на чай. Ничего не прошу, только отгоните от меня злых людей, чтобы муж меня уважал и любил.

Цзиньянь пошла к себе в спальню и протянула слепому шарлатану украшения для прически. Он принял их и спрятал в рукав.

– Для ворожбы надобен кусок ивы. Я вырежу из него фигурки мужчины и женщины. Напишу на одной ваши знаки, на другой – вашего супруга, потом свяжу их красными шелковыми нитями^[236] числом семью семь – сорок девять, покрою глаза мужской фигурки лоскутом красного шелка, набью сердце полынью^[237] и проткну руки иглами, оклею смолой ноги. Вы тайком положите фигурки под подушку. Потом киноварью напишу талисман и предам огню, а вы незаметно подсыпьте пепел мужу в чай. Выпьет он этот чай, ляжет на ту подушку и не пройдет трех дней, как проявится сама собой сила ворожбы.

– Что же все это значит, наставник, позвольте узнать, – спросила Цзиньянь.

– А вот что, – начал слепой пройдоха. – С покрытыми глазами супругу вы покажетесь красавицей Си Ши.^[238] С полынью в сердце он обратит на вас всю свою любовь, с иглами в руках он пальцем не шевельнет, даже если вы его и прогневаете, а то и на колени перед вами опустится. Со склеенными ногами не будет больше ходить куда

не следует.

Восторг охватил Цзиньлянь, когда она услышала такие объяснения. Потом воскурили благовонные свечи и сожгли бумажную лошадь. На другой день старая Лю прислала Цзиньлянь наговоренной воды и талисманы и все было исполнено как полагается. Сожженный талисман Цзиньлянь подсыпала в чай, а когда Симэнь попросил пить, она кликнула Чуньмэй, и та подала его хозяину. Вечером он остался у Цзиньлянь. Они, как и прежде, резвились, словно рыбки в воде.

Послушай, дорогой читатель! Будь ты беден или богат, все равно ни в коем случае не привечай ни буддийских, ни даосских монахов и монахинь, кормилиц и сводень. Чего они только не вытворяют за спиной у тебя!

Не зря в старину говорили:

Сводню, колдунью, сваху^[239] от дома держи подальше,
Закрой во дворе колодец, а двери держи на запоре.
Тогда ты греха избежешь, уйдешь от вранья и фальши,
Тогда к тебе не ворвутся ни злая беда, ни горе.

Если вы хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЛИ ПИНЪЭР ДОГОВАРИВАЕТСЯ О ТАЙНОМ СВИДАНИИ

СЛУЖАНКА ИНЧУНЬ В ЩЕЛКУ ПОДСМАТРИВАЕТ УТЕХИ ГОСПОЖИ

*Хоть жизни полнота недостижима,
Добросердечье нам необходимо,
Нам нужно умным следовать советам,
Людей корыстных не внимать наветам.
Невежда груб, с ним лучше и не знайся;
В душе людской темно – остерегайся.
Слова толковым женщинам на радость:
Не принимайте горечи за сладость.*

Так вот. Однажды, было это четырнадцатого в шестой луне, Симэнь Цин направился к У Юэнян.

– Пока ты уходил, от соседа Хуа приглашение принесли, – сказала она. – Как вернется, говорю, так придет.

Симэнь заглянул в визитную карточку. Там было написано: «Приходи сегодня в полдень к У Иньэр, поговорим. Только прошу прежде зайти за мной. Обязательно».

Симэнь приоделся как полагается, велел оседлать лучшего коня и в сопровождении двоих слуг отправился первым делом к Хуа Цзысюю, но того не оказалось дома.

Стояло лето. Его жена, Ли Пиньэр, носила стянутый серебряными нитями пучок волос и золотые аметистовые серьги. На ней была застегнутая спереди коричневая шелковая кофта и белая, отделанная бахромой, легкая юбка, из-под которой выглядывали красные

фениксы-туфельки с изящными острыми-преострыми носками.

Пиньэр стояла у самого порога, ведущего во внутренние покои, и обмахивалась продолговатым, из зеленого шелка, веером, когда ничего не подозревающий Симэнь открыл дверь и чуть было не натолкнулся на нее.

Ли Пиньэр уже давно была у него на примете, хотя он виделся с нею всего раз, в поместье, и даже разглядеть как следует не успел.

И вот Пиньэр стояла перед ним – блистающая белизной, невысокая и стройная, с похожим на тыквенное семечко овалом лица и тонкими изогнутыми бровями. Все души^[240] Симэня, как говорится, улетели в поднебесье. Завороженный ее красотой, Симэнь тотчас же отвесил низкий поклон. Она ответила на его приветствие и торопливо удалилась в задние покои, приказав горничной Сючунь, недавно достигшей совершеннолетия, пригласить соседа в гостиную. Сама же она встала около двери, так что была видна лишь половина ее очаровательного личика.

– Присядьте, сударь, – сказала она. – Хозяин вышел и вот-вот вернется.

Горничная подала Симэню чашку чаю.

– Муж пригласил вас на угощение, – продолжала она, – и я прошу вас, будьте так добры, уговорите его пораньше прийти домой. Ведь он берет и слуг, и мне придется оставаться дома только с двумя горничными.

– Не извольте беспокоиться, сударыня, – заверил ее Симэнь. – Дом – наша главная забота. Непременно выполню ваш наказ. Вместе пойдем, вместе и вернемся.

Тем временем прибыл Хуа Цзысуй. Пиньэр ушла к себе.

– Мое почтение, брат, – увидев Симэня, раскланивался он. – Непредвиденное дело заставило меня отлучиться. Прости, что не смог встретить как положено.

Гость и хозяин заняли положенные места. Слуга подал чай.

– Ступай скажи госпоже, чтобы приготовили закуски. Мы с господином Симэнем осушим по чарочке и пойдем, – после чаю приказал слуге хозяин и, обратившись к гостю, продолжал: – Приглашаю вас к певице У Иньэр. У нее сегодня день рождения.

– Что же вы, любезный брат, меня заранее не уведомили? – заметил Симэнь и тотчас же велел Дайаню принести из дома пять цяней серебром.

– Ну к чему же такое беспокойство? Мне прямо-таки неудобно перед вами, – отозвался Цзысуй.

– Тогда задерживаться не стоит, – решил Симэнь, видя, как слуги накрывают стол. – Там и выпьем.

– Мы засиживаться не будем.

Тут же появились блюда и чашки, полные яств из куриных лапок и парного мяса. Перед гостем и хозяином стояли высокие, как подсолнухи, серебряные чарки. Они выпили по чарке, отведали лепешек и закусок, а остальное отдали слугам.

Дайань принес серебра, и они сели на коней. Симэнь Цина сопровождали Дайань и Пинъань, а Хуа Цзысюя – Тяньфу и Тяньси. Направились они прямо к мамаше У Четвертой, чей дом находился в Крайней аллее квартала кривых террас.

Там пестрели купы цветов, гремела музыка, пели и плясали. Пир в честь У Инъэр затянулся до первой стражи. По просьбе Пинъэр Симэнь проводил захмелевшего Хуа Цзысюя до дому. Слуги открыли ворота и довели хозяина до гостиной, где усадили в кресло.

Вышла Ли Пинъэр.

– О, сударь, – с поклоном обратилась она к Симэню, – не осудите, что причинила вам столько хлопот с моим бесталанным мужем. Из-за пристрастия мужа к вину вам пришлось провожать его до самого дома.

– Какой пустяк! – воскликнул Симэнь Цин, раскланиваясь. – Я ваш наказ в сердце своем носил. Как полководец с войском в поход снаряжается, с войском же и домой возвращается, так и мы с вашим супругом вместе вышли, вместе и пришли. Посмел бы я вас послушаться! Я слово свое сдержал, и вам, сударыня, не о чем волноваться. Знали бы вы, как его там удерживали! Только я его все-таки уговорил. Едем мы мимо «Звезд радости», а там есть певица Чжэн Айсян, богиней милосердия^[241] прозывается, – красавица писаная. Он хотел было к ней наведаться, но я и тут его сдержал. Пора, говорю, домой, в другой раз зайдешь. Дома, говорю, супруга беспокоится. Вот так и добрались. Зайди он только к Чжэн, на всю ночь бы остался. Не мне, милостивая сударыня, осуждать неразумность вашего супруга, но вы так молоды, и ему нельзя никак бросать дом на произвол судьбы.

– Именно так, – согласилась Пинъэр. – Как я ругаю его за безрассудные похождения! Я даже занемогла от постоянной ругани. Но он и слышать ничего не хочет. Если он вам когда-нибудь встретится в веселом доме, прошу вас, будьте так добры, уведите его оттуда как можно скорее. Такую милость я никогда не забуду.

Симэнь Цину, как говорится, будешь в голову вбивать, так у него половицы под ногами затрещат. Сколько лет отдал он любовным увлечениям! Он сразу смекнул, к чему она клонит. Сама Ли Пинъэр

открывала ему путь, яснее ясного манила, что называется, «завернуть в аллею».

– Об этом и говорить не приходится, – лицо Симэня расплылось в улыбке. – Сами посудите, сударыня! Ведь мы на то и друзья с вашим супругом. Не волнуйтесь, сударыня, обязательно вразумлю.

Пиньэр еще раз поблагодарила Симэня и велела горничной подать гостю чай и фрукты.

– Мне пора домой, – сказал Симэнь, выпив чашку, в которой красовалась серебряная ложка. – А вам, сударыня, советую как следует запереться на ночь.

Симэнь простился с Пиньэр и ушел. С этого момента он только и думал, как бы ему соединиться с соседкой. Он не раз подбивал Ин Боцзюэ, Се Сида и других своих друзей, чтобы те задержали Цзысюя на всю ночь у певиц, а сам, покинув их компанию, спешил домой. Он задерживался у своих ворот, а сам все посматривал на соседние, у которых стояла вместе со служанками и смотрела на него Пиньэр. Он покашливал, прохаживался взад и вперед, снова прислонялся к воротам и не отрывал глаз от Пиньэр. Однако стоило ему приблизиться, как силуэт ее исчезал за воротами, когда же он удалялся, оттуда опять показывалось ее личико – она продолжала смотреть ему вслед. Так не было меж ними словесных объяснений, но уже соединились их взоры и слились их сердца.

Однажды, когда Симэнь стоял у ворот, Пиньэр послала к нему горничную Сючунь с приглашением.

– По какому это случаю ты приглашаешь меня, барышня? – спросил Симэнь, делая вид, что ничего не понимает. – А хозяин твой дома?

– Хозяина нет, – отвечала Сючунь. – Вас моя хозяйка приглашает. Что-то спросить собирается.

Не успела она договорить, а Симэнь уж направился к соседке и уселся в гостиной.

Пиньэр вышла не сразу.

– Всяческих вам благ, – приветствовала она гостя. – Вы были так великодушны в прошлый раз. Даже не знаю, как выразить вам мою признательность, которая навсегда запечатлелась в моем сердце. Муж мой опять вот уж два дня домой не показывается. Не виделись ли вы, сударь, с ним случайно?

– Вчера он пировал с компанией друзей у певички Чжэн, – сказал Симэнь. – Я, видите ли, зашел в «Звезды радости» случайно, по одному небольшому делу. Но сегодня я там не был и не знаю, может,

он пирует и до сих пор. Будь я в «Звездах радости», я б, разумеется, уговорил его пойти домой. Вы, должно быть, сильно опечалены, сударыня?

– Как же не печалиться?! – отозвалась Пиньэр. – Ведь он меня слушать не желает, с певичками спутался, дом совсем забросил, а я терпи.

– Да, вы, конечно, правы. Но зато у него прекрасный характер.

Горничная подала чай, после которого, опасаясь прихода Цзысюя, Симэнь не посмел задерживаться и стал откланиваться.

– Если вы его увидите, – на все лады упрашивала Пиньэр, – верните, пожалуйста, домой. Буду вам бесконечно благодарна.

– Об этом даже не беспокойтесь. Ведь мы с вашим супругом закадычные друзья! – с этими словами Симэнь ушел.

На другой день вернулся Хуа Цзысуй.

– Ты вот пьянствуешь, по веселым домам шатаешься, а нашему соседу, господину Симэню, тебя уговаривать приходится, – в который раз принялась упрекать мужа Пиньэр. – Купил бы подарки да отблагодарил его, а то перед ним как-то неловко.

Хуа Цзысуй тотчас же купил четыре коробки подарков, жбан вина и велел слуге Тяньфу отнести их к Симэню Цину. Тот принял подношения и щедро наградил слугу, но не о том пойдет речь.

– Почему это соседи подарки прислали? – спрашивала Юэнян.

– Да брат Хуа приглашал меня на день рождения к У Иньэр, выпил лишнего. Ну, я его домой доставил, потом отговаривал на ночь у певиц оставаться, вот поэтому его жена, должно быть, и решила меня отблагодарить, сказала, небось, купи, мол, ему подарки.

– Ты сам о себе-то позаботься, – указывая на мужа пальцем, с укоризной выговаривала Юэнян. – Попечитель выискался! Сам в грязи, а других отчищать собираешься! Тебя самого целыми днями дома не бывает – сам за бабами бегаешь, а других увещаешь. И эти подарки ты принимаешь как должное? Посмотри-ка карточку, от кого? Если от жены, то сегодня же напиши ей от моего имени приглашение. Она давно хотела нас навестить. А если от мужа – поступай, как знаешь.

– На карточке стоит его имя, – ответил Симэнь. – Я завтра его приглашу.

На другой день Симэнь устроил угощение и пригласил Хуа Цзысюя. Пировали целый день.

– Ты не должен оставаться перед ним в долгу, – обратилась к Цзысюю жена, когда тот вернулся домой. – Мы ему подарки послали,

и он, видишь, тебя пригласил. Теперь твоя очередь его угощать.

Быстро летело время. Настал девятый день девятой луны – праздник осени.^[242] По такому случаю Хуа Цзысуй позвал двух певичек и послал Симэнь Цину приглашение полюбоваться хризантемами. Симэня сопровождали Ин Боцзюэ, Се Сиды, Чжу Жинянь и Сунь Молчун. Передавали цветы под бой барабана, пировали и веселились.

О том же говорят и стихи:

Проносятся стрелами солнце с луною!
Вновь осень, и нам любоваться опять,
Как пышно багряны наряды у кленов,
Хмельных хризантем ароматы вдыхать.
Чиновному гостю пиалы наполню.
Он яства красоти не хочет принять?
Нет, взглядом тайком устремившись за полог,
Не в силах влечения унять!

Пировали до темноты. Когда зажгли фонари, Симэнь Цин поднялся из-за стола, намереваясь выйти по нужде. Совсем не подозревая, что за ним из-за ширмы тайком наблюдает Ли Пинъэр, он нечаянно столкнулся с ней, и они очутились друг у друга в объятиях. Пинъэр скрылась за боковой дверью и послала к гостю Сючунь.

– Госпожа послала меня сказать вам, сударь, чтобы вы меньше пили и пораньше шли домой, – прошептала горничная, незаметно подкравшись к Симэню. – Госпожа собирается отправить хозяина к певицам и хотела бы поговорить с вами вечером.

Симэнь Цин пришел в неописуемый восторг. Вернувшись к столу, он потихоньку спрятал вино за пазуху. Певицы подносили ему чарки, но он притворился пьяным и отказывался. Приближалась первая стража. Пинъэр опять встала за ширмой и поглядела на пирующих.

На почетном месте восседал Симэнь Цин и для виду клевал носом. Ин Боцзюэ и Се Сиды, вдоволь наевшись и изрядно выпив, застыли как сало, поэтому когда Чжу Жинянь и Сунь Молчун стали откланиваться, они даже глазом не повели, будто их прибили к стульям, и не думали уходить. Ли Пинъэр стала нервничать. Поднялся и Симэнь, но его все время удерживал Хуа Цзысуй.

– Брат, ну почему ты уходишь? – спрашивал он. – Или чем не угодил?

– Я пьян. Не могу больше, – оправдывался Симэнь.

Он нарочно зашатался из стороны в сторону, и слуги, подхватив

его под руки, повели домой.

– И что с ним такое случилось? – недоумевал Ин Боцзюэ. – От вина отказывается. Выпил всего ничего и уж захмелел. Чтобы успокоить хозяина и не ставить в неудобное положение певиц, предлагаю: давайте возьмем большую чашу, и пусть обойдет она полсотни кругов, а потом разойдемся.

– Вот бесстыжий арестант! – услышав такие речи Боцзюэ, не переставая ворчала за ширмой Пиньэр.

Она дала знак слуге Тяньси, чтобы тот позвал Хуа Цзысюя.

– Если хочешь с ними пить, то ступай сейчас же к певицам, – заявила мужу Пиньэр. – Терпенье мое лопнуло. Хватит с меня этих истошных криков! И так за полночь – сколько масла выжгли!

– Но тогда не ругайся, что я всю ночь не приду.

– Ладно, ступай! Не буду ругаться.

Хуа Цзысюю только того и надо было. Он бросился к гостям и выложил им желание Пиньэр.

– Пошли к певицам! – воскликнул он.

– Нечего нас обманывать! – возразил Боцзюэ. – Неужели невестка^[243] так и сказала?! Поди, как следует спроси, тогда и пойдем.

– Так и сказала! Велела завтра приходить.

– Ну и прекрасно! – вставил Се Сидя. – Брат Ин хочет самого себя перехитрить. Ведь брат Хуа только что испросил разрешения супруги. Значит, можно идти со спокойной душой.

И друзья вместе с певицами, сопровождаемые слугами Тяньфу и Тяньси, направились в Крайнюю аллею к У Иньэр.

Пробили вторую ночную стражу. У Иньэр спала. Когда послышался стук, она встала и со свечой в руке пригласила входить.

– Мы у твоего приятеля любовались хризантемами, – пояснил Боцзюэ, – но не успели до стола добраться, как он нас к тебе повел. Так что ставь вино.

Не будем говорить, как они пировали у певицы, а расскажем о Симэнь Цине.

Симэнь прикинулся пьяным и отбыл домой. Переодевшись у Пань Цзиньянь, он, предвкушая приглашение Пиньэр, поторопился в сад. Наконец он услышал, как запирают ворота и загоняют собаку. Вскоре над стеной появился едва заметный в темноте силуэт Инчунь. Служанка стала нарочно звать кота, а сама дала знак ожидавшему в беседке Симэню. Тот поставил на стол скамейку, забрался на нее и осторожно вскарабкался на стену, по ту сторону которой стояла лестница.

С уходом Цзысюя Пиньэр распустила волосы-тучи и встала на террасе. Одета она была просто, но со вкусом. Обрадованная приходу Симэня, она провела его в ярко освещенную спальню, где их ждал ломившийся от яств стол. Из кувшина струился аромат вина.

Пиньэр держала высоко поднятый яшмовый кубок. Когда Инчунь наполнила его вином, хозяйка низко поклонилась гостю и сказала:

– Премного вам благодарна за все, сударь. Вы были так щедры в изъявлении любезности, что я чувствую себя крайне неловко перед вами. Вот и пригласила вас на чарку вина, чтобы хоть чем-то отблагодарить за все ваши хлопоты. А тут еще эти бесстыжие – чтоб их сразило небо! – сидят, ни с места. Меня из терпения вывели. Только что их выпроводила к певицам.

– А что если брат Хуа вернется?

– Я наказала до утра не заявляться, – успокоила Симэня хозяйка. – С ними и слуги пошли. Остались только служанки да тетушка Фэн, привратница. Старуха меня вырастила – свой человек. Передние и задние ворота заперты.

Симэнь сильно обрадовался. Они сели рядом и угощали друг друга по очереди из своей чарки. Инчунь разливала вино, а Сючунь подавала кушанья. Видя, что хозяйка и гость уже навеселе, служанки убрали со стола и вышли из спальни, закрыв за собой дверь.

Симэнь Цина и Ли Пиньэр манило на благоухающую постель с коралловым изголовьем и парчовым пологом, и они отдались утехам.

Надобно сказать, что в богатых домах окна тогда делались с двойными рамами. Пиньэр заперла дверь и закрыла обе рамы, так что в комнате горел свет, а снаружи ничего нельзя было увидеть. Служанка Инчунь, которой исполнилось семнадцать, смекнула, к чему идет дело. Подкравшись под окно, она проткнула головной шпилькой оконную бумагу и стала подглядывать, как забавляется ее хозяйка.

Только поглядите:

Под тонким шелковым пологом колыхались тени взад и вперед. При свечах в полумраке свивались, сливались. То затрепещет рука, то ножки лотос золотой взметнется. Чу! Нежно иволга воркует, тихо щебечет ласточка. И мнится, Цзюньжуй с Инзин.^[244] повстречался или с божественною девой ложе разделил Сун Юй^[245] Не умолкают клятвы в любви и верности до гроба. Когда «влюбился в пчелку мотылек», нет больше сил расстаться. Сражение идет, и алые волны катятся вдоль покрывала. Влага волшебного рога проникает до самого сердца. Бой бы продлить, да крюк стянул полог, а на нефритовом челе насупились бровей изгибы.

Да,

Поцелуй страсть сильнее в ней разожгли
И, желанием томима, отдалась его любви.

Они предавались утехам и не подозревали, что под окном притаилась Инчунь. Служанка все подглядела и подслушала их разговор.

– Сколько цветущих весен ты встречала? – спросил Симэнь.

– Родилась в год барана.^[246] Мне двадцать три исполнилось. А твоей жене сколько?

– Она родилась в год дракона. Ей двадцать шесть.

– Значит, на три года старше. Мне все хотелось с ней повидаться и поднести подарки, но я так и не решилась.

– Жена у меня покладистая. Другая бы не дала стольких женщин в доме держать.

– А про твои визиты ко мне она знает? А спросит, что ты ей скажешь?

– Да она у меня из дальних покоев не показывается. Правда, пятая жена, Пань, та в переднем саду в отдельном флигеле живет, но и она в мои дела вмешиваться не станет.

– Сколько же лет госпоже Пятой?

– Она ровесница Старшей.

– Вот и хорошо! Если она не будет против, я назову ее своей сестрой. А тебя попрошу принести мерку ноги Старшей и Пятой. В знак моей признательности я сошью им туфельки.

Ли Пинъэр вынула из пучка две золотых шпильки и дала их Симэню, наказав, чтобы не показывал Цзысюю, когда встретится с ним у певиц.

– Ну конечно, – заверил ее Симэнь.

Их будто склеили или прилепили друг к другу. До пятой стражи шла игра. Когда запели петухи и на востоке забрезжил рассвет, Симэнь, чтобы не наткнуться случайно на Цзысюя, оделся и собрался уходить.

– Опять через стену перелезай, – предупредила Пинъэр.

Они договорились об условных знаках: только уйдет из дому Цзысюя, к стене подойдет служанка – потихоньку кашляет или бросит камешек и, убедившись, что по ту сторону никого нет, взберется на стену и позовет его. Симэнь со скамейки залезет на гребень стены и спустится по лестнице.

Так, перелезая через стену, Симэнь делил ложе с Пинъэр, украдкой

ловил минуты наслаждения, как говорится, «крал яшму и нежный аромат». В ворота он никогда не входил, и соседи даже не догадывались, что творится втихомолку.

О том же говорят и стихи:

Не пересаливай ни в чем, себя блюди,
Куда не надо – лучше не ходи.
Прилежен будь – и ты себя прославишь;
То не свершай, что скрыть желаешь.

Итак, рассвело, когда Симэнь перелез через стену и вошел к Цзиньянь. Она спала, и приход Симэнь Цина разбудил ее.

– Где же ты пропадал всю ночь? – спросила она. – Мне даже ни слова не сказал.

– Да вот, брат Хуа слугу прислал, к певицам зазвал. Всю ночь просидели. Только выбрался.

Цзиньянь притворилась будто верит ему, хотя ее и терзали подозрения.

Как-то после обеда, когда они с Юйлоу сидели в беседке за рукоделием, прямо перед ними промелькнул камешек. Юйлоу склонилась над тувелькой и ничего не заметила. Цзиньянь же, оглядевшись вокруг, увидала, как вдали над стеной показалось белое личико и тут же исчезло. Она толкнула Юйлоу.

– Гляди-ка, сестрица! – сказала она, указывая в сторону стены. – Куда соседская служанка забралась! Должно быть, любоваться цветами захотела, а нас увидала и скрылась.

На этом разговор и кончился.

Вечером воротившийся с пирушки Симэнь прошел прямо к Цзиньянь. Она помогла ему раздеться, предложила чаю и закуску, но он отказался. Его так и тянуло в сад. Однако за ним неотступно следила Цзиньянь. Ждать ему пришлось довольно долго. Наконец над стеной появилась все та же служанка. Симэнь подставил стол и скамейку и перелез через стену. Опять он оказался вместе с Пиньэр, но говорить об этом подробно нет надобности.

Вернувшись к себе, Цзиньянь глаз не смыкала до самого рассвета. Все ходила по спальне взад и вперед.

Наконец распахнулась дверь. На пороге стоял Симэнь. Цзиньянь бросилась на кровать и притворилась спящей. Симэнь чувствовал себя немного неловко и присел около нее.

– Ах ты, бесстыдник! – усевшись на кровати и схватив Симэня за ухо, заругалась Цзиньянь. – Так куда же ты все-таки вчера ходил, а?

Я целую ночь не спала! И лучше не отпирайся. Мне все известно. Вот ты, оказывается, чем занимаешься! Скажи правду: сколько раз ты изменял мне с этой шлюхой за стеной? Не отступлю, пока не расскажешь все, как было. И попробуй только что-нибудь скрой. Ни на шаг не отпущу. Ноги к ней на порог поставить не успеешь, как подыму такой крик – со свету сживу. И могилы твоей не останется, арестант ты бесчувственный! Бездельники ради тебя мужа ее у певиц по ночам задерживают, а ты с его женой путаешься. Сидим мы вчера с Юйлоу в саду, рукоделием занимаемся. Вижу: служанка ее со стены на нас глазееет. Чего, думаю, ей тут понадобилось? Вот оно что, оказывается! Это, выходит, сама потаскуха бесовку подослала, чтобы тебя в свой вертеп затащить. Опять будет зубы заговаривать, да? А этот рогоносец? Накануне тебя к девкам среди ночи затащил, а у самого не дом, а притон разврата.

Не услышь Симэнь таких угроз, все бы шло своим чередом, а тут он вдруг заволновался, притворно поник, встал на колени и, хихикая, начал упрашивать Цзиньлянь:

– Не кричи, болтушка! Правду скажу. Она спрашивала, сколько вам со Старшей лет, просила размер туфель. Собирается вам туфельки сшить и изъявила желание называть вас старшими сестрами.

– Да какие мы ей сестры! Ей чужого мужика надо, вот она и старается, тебя опутывает. Но меня не проведешь. Я этих фокусов не допущу.

Тут она расстегнула ему штаны и видит:

Поник предмет игривый, лишь подпруга

Висит на нем, как верная подруга.

– Скажи честно, сколько раз сражался с соседкой-шлюхой за этот вечер?

– Как сколько? Только раз.

– Готов поклясться? Чтобы от единой схватки эдакий покрывала неумейный мог так обессилеть, скиснуть, как сопля; лежать, как параличом разбитый? От прежней выправки нету и следа! – и, стащив подпругу, Цзиньлянь продолжала: – Кот бесстыжий! Ночной насильник! Я-то его искала, найти не могла, а он, оказывается, со своим никудышным товаром втихаря к шлюхе улизнул сношаться.

– Болтушка ты моя притворная! – широко улыбаясь говорил Симэнь. – Замучаешь до смерти своими придирками. Сколько раз она просила меня сказать, что хочет тебя навестить, сшить тебе туфельки! Вчера горничную посылала снять размер у Старшей, а нынче просила

поднести тебе вот эти шпильки со знаком долголетия.

Симэнь Цин снял шапку и достал пару шпилек. Цзиньлянь принялась их разглядывать. На узорных разводах изумруда блестел золотой знак долголетия. Эти шпильки изготавливались ювелирами его величества и предназначались для двора, потому и отличались таким изяществом отделки. Цзиньлянь была несказанно обрадована.

– В таком случае, я молчу, – заявила она. – Ты пойдешь к ней, а я здесь останусь, стеречь вас буду, чтобы вы наслаждались, сколько вам будет угодно, ладно?

Симэнь ликовал.

– Ну и прекрасно, дорогая моя! – сказал он, обнимая Цзиньлянь. – Дитя любимо не за то, что золотом ходит, серебром мочится, но за то, что желания родителя угадывает. Я одарю тебя ярким платьем.

– Не верю я твоим медовым речам. Если хочешь, чтобы я помогла вам, дай мне три обещания.

– Дам сколько пожелаешь.

– Во-первых, запрещаю тебе ходить к певицам. Во-вторых, будешь делать то, что я тебе скажу, и в-третьих, после каждого с ней свидания будешь обо всем, что было, без утайки мне рассказывать.

– Вполне согласен. Будет по-твоему.

С тех пор, придя от Ли Пиньэр, Симэнь рассказывал все Цзиньлянь.

– Знаешь, какая она белая и пышная – ну как вата, – говорил он однажды. – У нее овал лица, как тыквенное зернышко. А как игрива! И от вина не отказывается. Мы с ней поднос фруктов под полог ставим, играем в кости и пьем вино. До самой полуночи забавам отдаемся.

Тут Симэнь извлек что-то из рукава и передал Цзиньлянь.

– Это ее свекор из императорского дворца привез. Мы зажигаем свет, смотрим и дело делаем.

Цзиньлянь развернула и стала рассматривать.

Вот романс, поясняющий, что это такое:

Работы мастеров придворных:
чехол атласный, пестроцветный;
Вот стержень из слоновой кости,
парчовый шнур, весьма приметный;
Отменной белизны бумага,
по ней искусное тиснение,
Зеленая кайма вдоль свитка
и золотое обрамление.
Две дюжины игривых сценок...

и в каждой молодая пара
Нашла пленительную позу
в пылу любовного угара.
Волшебницу Горы шаманов^[247]
красой затмили чаровницы;
Мужчины все подстать Сун Юю...^[248]
Как тут страстям не распалиться!

Цзиньлянь просмотрела свиток с начала до конца и, не желая с ним расстаться, передала Чуньмэй:

– Спрячь ко мне в сундук, – наказала она. – Будем вести игру по этим картинкам.

– Подержи их пока у себя, а потом вернем хозяйке, – сказал Симэнь. – Она ими очень дорожит. Я принес только тебе показать.

– Зачем же чужие вещи ко мне приносить? Я у нее ничего не просила, но если мне принесли, я возвращать не намерена.

– Ты не просила, но я взял показать тебе, – объяснял Симэнь. – И хватит шутить, притворщица.

Симэнь хотел вырвать у нее свиток.

– Попробуй отними. Сейчас в ключья разорву. Тогда никому не достанется.

– Ну что с тобой поделаешь! Посмотри как следует, а потом ей вернем. Тогда она еще диковинку пришлет. Попрошу у нее.

– И кто это тебя, дитя мое, так хитрить научил? Вот принесешь, тогда и свиток получишь.

Они еще какое-то время упрашивали друг друга, а вечером Цзиньлянь умастила ложе благовониями, накрыла одеялом с мандариновой уточкой, поставила серебряный светильник, приделась и свершила омовение. Потом они с Симэнем развернули свиток и резвились, как птицы.

Послушай, дорогой читатель! Испокон веков слышим мы о колдунах и демонах. Вот и Цзиньлянь. Вскоре после заклинаний слепца Лю ее ждали большие перемены: Симэнь сменил гнев на милость, неприязнь на любовь и больше ни в чем ей не перечил.

Да,

Пускай хитрее и коварней бесов многих,
Ты вылакаешь то, чем я омою ноги.
О том же говорят и стихи:
Припоминаю первое свидание:
Был наш приют случайный слишком светел,

Но нас влекло взаимное желанье.
Почти никто проказ и не заметил.
Припомню все – и голова кружится,
Лечу к тебе на радостях, как птица,
Счастливая божественной судьбою –
Навеки неразлучной быть с тобою.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ РАЗГНЕВАННЫЙ ХУА ЦЗЫСЮЙ УМИРАЕТ

ЛИ ПИНЪЭР, ПРОВОДИВ ЛЮБОВНИКА, НАВЕЩАЕТ СОСЕДОК

*Любовь ее остыла? – Непохоже.
Ей не унять нетерпеливой дрожи,
Не расцвести улыбкою весенней –
Бледна, печальна, под глазами тени.
А в спальне холод. Был бы рядом милый!..
...Так в древности с Вэньцзюнь, наверно,
было:
Она Сянжу^[249] вот так же поджидала
И с ним бежала...*

Так вот, прихворнула однажды У Юэнян, и ее навестила невестка, жена ее брата У Кая. Юэнян оставила ее погостить. Они сидели в спальне, когда туда неожиданно явился Дайань со свернутым ковром в руках.

– Хозяин идет, – объявил он.

Гостя поспешила к Цзяоэр. Вошел Симэнь и, сняв одежду, опустился в кресло. Сяююй подала чай, но он отказался.

– Так рано кончился пир? – спросила Юэнян чем-то удрученного мужа.

– Сегодня очередь Чан Шицзе, а у него и собраться негде. Пригласил за город поехать, в Улиюань, в монастырь Вечного блаженства, а тут брат Хуа, оказывается, назвал Ин Боцзюэ к певице Чжэн Айсян. Ну, мы впятером к ней и отправились. Пир шел горой.

Вдруг входят служащие из управы и, ни слова не говоря, забирают Хуа Цзысюя. Мы так перепугались! Я к Гуйцзе ушел. Там и отсиживался. А когда послал узнать, в чем дело, оказалось – братья Цзысюя возбудили дело о разделе наследства. Вот из столичного управления в Кайфэне и выдали ордер на арест Цзысюя. Тут только мы пришли в себя и отбыли восвояси.

– Этого и следовало ожидать! – заметила Юэнян. – Ты же дом бросил, целыми днями слоняешься с бездельниками как неприкаянный, вот и нарвался на неприятность. А не опомнишься, мало – избыют, как барана на убой погонят. Тебе певица слово скажет, ты и уши развесил. Сойди с опасной дорожки, послушай добрый совет законной жены. Да, слово близкого ты мимо ушей пропускаешь, а постороннего – как священному канону внимаешь.

– Да меня никакой храбрец тронуть не посмеет, – засмеялся Симэнь, – Будь он хоть семи пядей во лбу.

– Ты только дома герой, а беда постучится, и язык отнимется.

Появился Дайань.

– Госпожа Хуа слугу прислала, – объявил он. – Просит хозяина зайти.

Ни слова не говоря, Симэнь со всех ног бросился к соседке.

– Смотри, сплетни бы не пошли, – предупредила Юэнян.

– Да мы ж соседи! Надо узнать, в чем дело.

Симэнь вошел в дом Цзысюя. Пиньэр велела Тяньфу проводить гостя к себе в задние покои.

Из спальни вышла Пиньэр, в помятом шелковом платье, без украшений. Со страху лицо ее пожелтело, как воск.

– Что мне делать, сударь? – опустившись перед Симэнем на колени, вопрошала она. – Взор обращаю не на монаха, взираю на лик самого Будды. Говорят, обрушатся беды, призывай соседей. Муж пренебрегал советами, слушал посторонних и совсем забросил хозяйство, домой не показывался. Вот под него и подкопались. Он через слугу передал, чтобы я помогла ему, но я – жена его – беспомощна, как безногий краб. Где мне искать заступника?! Зло берет, как вспомнишь – ведь не хотел меня слушать. Следовало бы его в столицу отправить да всыпать как полагается. Только имя покойного родственника^[250] позорить не хочется. Будучи в полной растерянности, я и пригласила вас, сударь. Сжальтесь надо мной, не допустите, чтобы его отправили в столицу. Найдите, пожалуйста, кого можно было бы одарить. Избавьте его от преследования.

– Встань, прошу тебя, – сказал Симэнь стоявшей на коленях

Пиньэр. – Я так пока и не знаю, в чем же все-таки дело. Мы пировали у Чжэн. Вдруг явились служащие управы и забрали брата. А теперь уж и в столицу отправляют?

– Сразу всего не расскажешь, – начала Пиньэр. – Дело в том, что у старого вельможи^[251] четыре племянника, и все кровные братья. Старший – Хуа Цзыю, второй – мой муж, третий – Хуа Цзыгуан и четвертый – Хуа Цзыхуа. Старик оставил состояние. Видя, что из моего мужа толку не выйдет, он по приезде сюда и передал все свое состояние мне. Братья остались недовольны, но завести разговор не решались. Свекор в прошлом году умер, и имущество разделили. Оставалось неделенным серебро. Сколько раз ему говорила: отдай, сколько полагается, а он только и знал гулять, в дела не вникал, а где тонко, там и рвется.

Пиньэр громко разрыдалась.

– Успокойся, – уговаривал ее Симэнь. – Я-то думал – что-нибудь серьезное, а раздел наследства – это пустяки. Только скажи, чего вы хотите, и я к делу брата отнесусь, как к своему собственному. Приказывай. Я в твоём распоряжении.

– Как я рада, что вы не отказываетесь мне пособить. Скажите, сколько потребуется на подарки? Я хотела бы припасти на всякий случай.

– Не так много, – ответил Симэнь. – Насколько я знаю, правителем Кайфэнского управления ныне поставлен Ян Ши – из подопечных государева наставника Цая, а тот пользуется расположением Сына Неба, как и родственник моего свата – командующий придворной гвардией Ян. Если одарить обоих, они поговорят с правителем Ян Ши, и тот не посмеет им перечить и замнет любое дело, каким бы серьезным оно ни было. Прежде всего надо задобрить наставника Цая. Командующий Ян – мне сродни, и вряд ли примет подношения.

Пиньэр пошла в спальню, вынула из сундука шестьдесят крупных слитков серебра общим весом в три тысячи лян и передала их Симэню на подкуп властей.

– Зачем же так много? – сказал он. – И половины будет достаточно.

– Что останется, возьмите себе. У меня за кроватью четыре расписанных золотом сундука полны парадных придворных одежд, расшитых змеями и драконами. Там нефритовые пояса и роскошные шапки со шнурами, кольца и подвески, запястья, драгоценные камни и безделушки. Их я тоже отдам вам на хранение. Поставьте их у себя, а когда мне понадобятся, вернете. Я ведь и о своем будущем подумать должна. За ним пойдешь, горя не оберешься. Из трех кулаков четырех

рук никак не выкроить. А то дождешься – и эти вещи отберут. По миру муж пустит, и голову негде будет преклонить.

– Ну, а если брат Хуа вернется? – спросил Симэнь. – Спросит про имущество, что ему скажешь?

– Это мне покойный свекор собственными руками передал. Муж ничего не знает. Перенесите их себе на хранение, прошу вас.

– Тогда я пойду, слуг позову.

Симэнь побежал домой и стал держать совет с Юэнян.

– Серебро пусть слуги в коробках перенесут, – посоветовала Юэнян. – Сундуки и корзины через улицу таскать нельзя. Соседи увидят. Надо, по-моему, вот что сделать: подождать, пока стемнеет, и через стену передать. Так безопаснее будет.

Симэню совет понравился, и он велел слугам Лайвану, Дайаню, Лайсину и Пинъаню перенести в продуктовых коробках три тысячи лянов серебра.

Наступил вечер и взошла луна. Пинъэр с помощью Инчунь и Сючунь поставила у стены стол и скамейку и вынесла сундуки. Симэнь, которого сопровождали только Юэнян, Цзиньянь и Чуньмэй, подставил лестницу и разложил на гребне стены войлок. Ему передавали сундук за сундуком. Все перетаскивали в спальню Юэнян.

Тебя это удивляет, читатель? Да, раз решил разбогатеть, иди на риск.

О том же говорят и стихи:

Богат и знатен тот, кто одарен удачей,
Но почести и выгода грозят бедой.
Всегда свершается судьбой назначенное,
Но силой не возьмешь, не данное судьбой.

Так и не узнали соседи, сколько шелков, ювелирных изделий, драгоценных камней, золота и серебра приобрел тогда Симэнь Цин. В ту же ночь увязали выюки, написали свату Чэню письмо и отправили в Восточную столицу слугу.

С зарею выходил он на большую буроватого цвета дорогу, на закате шел по багровой вечерней пыли.^[252] Добравшись, наконец, до столицы, слуга передал командующему придворной гвардией Ян Цзяню письмо и подарки, чтобы тот вручил их члену Тайного совета государеву наставнику Цай Цзину и попросил последнего дать указание правителю Кайфэнского управления Яну. Звали этого правителя Ян Ши, по прозвищу Гуйшань. Был он уроженцем уезда Хуннун в провинции Шэньси. В год гуй-вэй^[253] получил высшую

ученую степень цзиньши^[254] и занял пост в Высшей кассационной палате, потом был продвинут в правители Кайфэнского управления. Честный и бескорыстный это был сановник. К тому же экзаменовал его в свое время сам государев наставник Цай. Да и Ян Цзянь обладал властью при дворе. Как тут устоять?!

Симэнь ночью послал с письмом гонца к Хуа Цзысюю, в котором уведомлял его: поддержкой, мол, заручились, так что на допросе говори – все наследство прожито, ничего не осталось, кроме, мол, домов и земли.

Пришел день аудиенции правителя. Ян Ши вошел в залу. Чиновники всех шести служб^[255] застыли в ожидании распоряжений.

Только поглядите:

Он службу несет бескорыстно и честно, разумно, без спешки решает дела. К подвластным всегда милосерд и сострадания исполнен. Он, правду отделив от лжи, рассудит справедливо и захват чужих угодий, и всякую тяжбу о земле. Будь ссора, избиение иль распря, он прежде выявит виновных и лишь потом выносит приговор. В час досуга он гостя игрой на цитре улаживает. Правитель, он мнением народа дорожит. Пусть он и сановник, столичный вельможа, он стал родным отцом и матерью народу своему.

Из тюрьмы привели Хуа Цзысюя и других арестованных. Они опустили на колени.

– Куда делось состояние? – спросили Цзысюя.

– Все ушло на похороны его светлости дядюшки, на свершение панихид, – бормотал Цзысюй. – Остались только два дома и земельный участок. Остальное имущество было разделено.

– Состояние придворного учету не поддается, – заявил Ян Ши. – Что легко добывается, то легко и проживается. Коль скоро состояния как такового уже не существует, властям в Цинхэ предписывается произвести оценку обоих домов и земли. Вырученные от их продажи деньги разделить между Хуа Цзыю и остальными истцами.

Истцы попытались было заикнуться о серебре, но их прервал выведенный из себя правитель Ян:

– Мало вас били?! – воскликнул он. – После кончины его сиятельства придворного евнуха Хуа молчали, а теперь задним числом волокиту решили затевать, да? Казенную бумагу и тушь изводить?

Цзысюя отпустили, даже не подвергнув избиению. В уездную управу Цинхэ было направлено распоряжение оценить дома и землю, но не о том пойдет речь.

Как только слуга Лайбао узнал приговор, он ночью же пустился в

обратный путь и доложил обо всем Симэню. Весть об освобождении Цзысюя по милости правителя Яна его сильно обрадовала.

Пиньэр снова пригласила к себе Симэня, чтобы дать ему серебра на покупку дома.

– Ведь скоро я буду принадлежать тебе, – добавила она.

Симэнь стал советоваться с Юэнян.

– Во сколько бы власти ни оценили эти дома, – рассудила Юэнян, – я тебе в дело ввязываться не советую. купишь дом, а потом у хозяина подозрения возникнут. Что тогда?

Симэнь принял к сведению мнение жены.

Через некоторое время вернулся Цзысюй. Управа поручила помощнику уездного правителя Юэ определить цену обширной городской усадьбы дворцового смотрителя Хуа, расположенной в переулке Покоя и Радости, примыкающем к Большой улице. Она была оценена в семьсот лянов и продана Ванам из рода императорских родственников. Поместье за Южными городскими воротами приобрел за шестьсот пятьдесят пять лянов столичный воевода Чжоу Сю. Оставался городской дом, в котором жили хозяева, оцененный в пятьсот сорок лянов, но к нему не смели подступиться, потому что находился он по соседству с Симэнь Цином.

Хуа Цзысюй не раз посылал слугу, но Симэнь отказывался, ссылаясь на отсутствие денег. Время шло. В управе торопились оформить бумаги и закрыть дело, а нужной суммы все не набиралось. У Пиньэр лопнуло терпение, и она направила к Симэню тетушку Фэн, чтобы та попросила его взять пятьсот сорок лянов из отданного ему на хранение серебра и приобрести на них дом. Симэнь так и сделал, внося деньги в управу. Истцы получили серебро и подписали документы, которые и были тотчас же отправлены столичному начальству. Тысячу восемьсот девяносто пять лянов поровну поделили между собой Хуа Цзыю и остальные наследники, а Хуа Цзысюй после тяжбы остался гол как сокол – ни денег, ни домов, ни поместья. И от серебряных слитков на три тысячи лянов, что хранились в сундуках, даже и след простыл.

Расстроенный Цзысюй попытался было узнать у Пиньэр, сколько серебра она отдала Симэню и сколько осталось, чтобы собрать как-нибудь на покупку дома, но Пиньэр обрушилась на него с бранью и ругалась несколько дней подряд.

– Хм! Вот оборотень! Тебе не до дела было, бестолочь! Дом бросил, с девками возился. А когда под тебя подкопались да в тюрьму бросили, тогда ты просить стал, чтоб я покровителей тебе отыскала. А

я ведь женщина! Мне и порог переступать не полагается – крылья подрезаны. Что я понимаю, кого знаю? Где мне доброжелателей искать? Будь я железная – все одно не накуешь гвоздей. И из-за тебя унижалась – господ упрасивала, да что из того проку. Кто ж тебя из беды выручать будет, когда ты ни с одним солидным человеком знакомства не завел? Спасибо, сосед Симэнь Цин по старой дружбе за тебя похлопотал, в столицу слугу снарядил. Не поглядел, что стоит холод, ветер воет. И вот, только тебя вытащили, едва ты на ноги встал, и уж с жены отчет требуешь? Зажил чирей – и про боль забыл, из могилы вылез – про серебро вспомнил? Свое потребовал? Ты ж собственноручно мне писал. Твои письма у меня хранятся. Думаешь, стала б я без твоего на то согласия серебро трогать, покровителей одаривать? Чтoб меня ж потом в хищении обвиняли?

– Да, я писал, – подтвердил Цзысуй. – Но я надеялся, останется хоть немного... купить дом и на жизнь. А теперь что ж, кулаки считать?

– Хм! Ну как тебя не ругать, остолоп несчастный! – снова набросилась на мужа Пиньэр. – Надо было раньше думать. Когда попался, не скупился; а выпутался, так счета давай подводить. Знай, твердит: «Сколько серебра потратила!» Сказать, куда твои три тысячи ушли? А вот куда: государеву наставнику Цаю и командующему Яну, а у них губа не дура. Не дай им солидный куш, так бы они тобой и заинтересовались, так и уберегли бы твое нежное тело от прикосновения хворостинки! Так бы они ни за что ни про что и выпустили тебя, черепашьё отродье, дали бы дома язык распускать! Не подмажешь – не поедешь. Что ты им, дорогой родственничек, что ли?! Никто за здорово живешь ради твоего спасения с севера на юг трястись не будет. Собрал бы стол да отблагодарил человека как полагается, а то разнос устраивает! Отчет ему вынь да положи!

После такой отповеди Цзысуй умолк. На другой день Симэнь направил к нему слугу Дайяня с подарками, чтобы отвлечь его от пережитых волнений. В свою очередь Цзысуй и из благодарности, и с намерением разузнать о серебре позвал двух певиц и хотел было угостить Симэня. Да и сам Симэнь не прочь был вернуть соседу несколько сот лянов на покупку дома, но того никак не желала Пиньэр. Она тайком послала к Симэню тетушку Фэн и упросила отказаться от приглашения мужа, сама же сунула мужу подложный счет, по которому выходило, что все серебро ушло на подкупы и не осталось ни медяка. Ничего не подозревавший Цзысуй не раз приглашал Симэня, но тот отсиживался у певиц, и слуга возвращался с

одним и тем же ответом: соседа, мол, нет дома. Цзысуй выходил из себя и только топал ногами от раздражения.

Послушай, дорогой читатель! Так уж повелось: когда жена изменяет мужу, ему – обладай он решимостью и силой откусывать зубами гвозди – все равно не сумеет ни разгадать, ни пресечь ее тайные помыслы. Исстари заведено: муж вне дома правит, жена в дому распоряжается. И как часто жена портит репутацию своему мужу! А почему? Да все потому, что в обращении с нею муж сам нарушает порядок. Необходимо, чтобы муж запевал, а жена подтягивала; чтобы взаимная уступчивость и великодушие согревали душу и чтоб сердца неизменно влекло друг к другу, чтобы муж восхищался женою своею, а жена восторгалась своим мужем. Только так и можно прожить в покое и согласии. А зародись малейшее подозрение, и тотчас же вспыхнет неприязнь. Так вот и Хуа Цзысуй. Совсем голову потерял, порхал день-деньской, совсем предав забвению правила и приличия. Мог ли он в таком случае требовать постоянства от жены?!

Да,

Кто устоять исполнен твердого желанья,
Того и буря пошатнуть не в состояньи.
О том же говорят и стихи:
Когда б заслугой мудрость стала,
Разбойник Чжи^[256] носил бы знатный чин.
Кто полон долга, тот высоко чтим,
Сластолюбивый же презрен и жалок.
С чужой женой Симэнь – в разврате без заботы,
Нрав блудодейки – как проточная вода;
Хоть мужа в гроб она безжалостно свела,
Цзысуй в ином миру сведет с ней счеты.

Однако довольно пустословить. Потом Цзысуй наскреб кое-как двести пятьдесят лянов и купил дом на Львиной. Вскоре после переезда у него началась лихорадка – следствие пережитых потрясений, и с начала одиннадцатой луны он слег в постель да так и не встал. При Ли Пиньэр еще приглашали лекаря Ху с Большой улицы, а теперь Цзысуй не желал тратиться. Так шел день за днем. Настало тридцатое число, и Хуа Цзысуй, увы, испустил последнее дыхание. Было ему от роду двадцать четыре года. Старший слуга Тяньси стащил у прикованного к постели хозяина пять лянов и был таков.

После смерти мужа Пиньэр велела тетушке Фэн пригласить Симэня. Купили гроб, обрядили покойника, отслужили панихиду и

совершили погребение. Среди провожавших были и одетые в траур братья Цзысюя с женами, но после похорон они разошлись по домам.

В тот же день Симэнь велел Юэнян приготовить вина и закусок, чтобы умиловить душу усопшего на могиле.

Пиньэр провожала мужа в паланкине, в котором и вернулась домой. Хотя она соорудила алтарь поклонения душе усопшего и облачилась в траур, сердце ее было отдано Симэню. Еще при Цзысюе Симэнь взял к себе обеих ее служанок. Теперь между домами установились тем более тесные связи.

Однажды, было это девятого числа первой луны, прослышав, что у Пань Цзиньлянь день рождения, Пиньэр купила подарки и, хотя не прошло еще и пяти седмиц.^[257] после кончины мужа, отправилась в паланкине поздравить соседку. Она была в белом шелковом жакете и отделанной золотом синей юбке. Расшитая жемчугом белая полотняная лента, как головной ободок, стягивала прическу^[258] Тетушка Фэн села рядом с Пиньэр и укутала ее ковром, слуга Тяньфу сопровождал паланкин сзади.

Войдя в дом, Пиньэр прежде всего отвесила четыре низких поклона Юэнян.

– Простите меня, сударыня, – сказала она, – что ничем вас тогда не угостила. Спасибо за щедрые подношения.

Затем Пиньэр поклонилась Цзяоэр и Юйлоу. Наконец вышла и Цзиньлянь.

– Вот и госпожа Пятая, – промолвила Пиньэр, отвечивая низкий поклон и называя ее «старшей сестрой». – Будьте так любезны, примите мой скромный подарочек.

Цзиньлянь стала было отказываться. Они долго передавали подарок из рук в руки, наконец обменялись поклонами, и Цзиньлянь поблагодарила за внимание. Пиньэр поздоровалась с госпожой У Старшей и матушкой Пань, а потом изъявила желание приветствовать Симэня.

– Муж отбыл на панихиду в монастырь Нефритового императора, – пояснила Юэнян и пригласила гостью к столу.

Подали чай. Уже началось чаепитие, когда вошла Сунь Сюээ. Одета она была скромнее остальных, и это сразу бросилось в глаза гостье.

– Кто будет эта госпожа? – спросила Пиньэр, вставая. – Мы незнакомы.

– Тоже жена, – пояснила Юэнян.

Пиньэр поспешила было поклониться Сюээ, но ее удержала

хозяйка.

– Не утруждайте себя, сударыня. Достаточно и обычного приветствия.

Когда женщины поздоровались, хозяйка пригласила Пиньэр в спальню и велела горничным подать чай, а в гостиной накрыть стол. Немного погодя в жаровню подбросили угля. На столе заискрилось вино и появились закуски. Госпожа У Старшая, матушка Пань и Ли Пиньэр заняли почетные места для гостей. Юэнян с Цзяоэр исполняли обязанности хозяек, сбоку сели Юйлоу и Цзиньлянь. Сюэ, не смея задерживаться, ушла распоряжаться на кухню.

Пиньэр охотно пила со всеми, кто ей подносил. Это заметила Юэнян и сама наполнила всем чарки, попросив Цзяоэр, а за ней и всех по порядку выпить с гостьей.

– Вы теперь так далеко от нас уехали, госпожа Хуа, что нас ожидают больше разлуки, нежели встречи, – чтобы поддержать разговор, заметила Юэнян и полушутя добавила: – Мы очень о вас скучаем, а вы так бессердечны – даже не обещаете нас навещать.

– Госпожа Хуа и сегодня вряд ли пришла бы, не будь рождения Пятой, – вставила Юйлоу.

– Дорогие мои! – говорила Пиньэр. – Вы так ко мне добры. Я бы с удовольствием вас навещала, но у меня траур, и дома некого оставить. Всего пять седмиц минуло с кончины мужа... Мне казалось, что госпожа Пятая обидится, только поэтому и пришла. – И, обратившись к У Юэнян, спросила: – А когда ваше рождение, сударыня?

– До моего еще нескоро, – ответила Юэнян.

– Госпожа Старшая родилась пятнадцатого в восьмой луне, – уточнила Цзиньлянь. – Обязательно приходите.

– Конечно, приду, вне сомнения.

– Не уходите, – упрасивала гостью Юйлоу. – Оставайтесь, у нас переночуете.

– Да мне и самой хотелось бы с вами посидеть и поговорить. Но мы только что переехали. Без мужа дом опустел, а за задней стеной сад императорского родственника Цяо – такая глушь! И лисы швыряют кирпичи и черепицу.^[259] По ночам так жутко становится! Было у нас двое слуг – старший ушел. Только вот Тяньфу у передних ворот поставлен, а сзади ни души. Спасибо, матушка Фэн, свой человек, то и дело заходит. То мне постирает, то служанкам туфли сошьет.

– Сколько же матушке Фэн лет? – спросила Юэнян. – Какая добрая старушка! Ее хвалят, а она слова не проронит.

– Уж пятьдесят шесть, в год собаки родилась. Детей у нее нет,

сватает, я ей кое-что из одежды даю – тем и живет. Со смертью мужа я ее к себе взяла, чтоб повеселее было. Она у меня со служанками на одном кане спит.

– Ну и чудесно! – вставила бойкая на язык Цзиньянь. – Вот матушка Фэн и подомовничает, а вы у нас переночуете. Хозяина у вас нет, отчет давать некому.

– Послушайте меня, сударыня, – посоветовала Юйлоу. – Матушка Фэн пусть домой возвращается в паланкине, а сами у нас останьтесь.

Ли Пиньэр улыбнулась и ничего не сказала. Пока они вели разговоры, вино обошло несколько кругов. Первой откланялась матушка Пань. Вслед за матерью ушла и Цзиньянь.

Ли Цзяоэр наполнила большой кубок до самых краев и предложила его госте.

– С меня достаточно, – поблагодарила ее Пиньэр.

– Когда госпожа Старшая и госпожа Третья вас угощали, вы почему-то не противились, а я поднесла, отказываетесь, – не унималась Цзяоэр. – Значит, не хотите меня уважить.

– Дорогая моя госпожа Вторая! – умоляла гостя. – Честно говорю, я больше не могу.

– Ну уж осушите последний кубок, сударыня, – попросила Юэнян. – Больше неволить не будем.

Пиньэр взяла кубок и, поставив его перед собой, продолжала беседовать с хозяйками.

– А твоя госпожа что там делает? – спросила Юйлоу стоявшую в сторонке Чуньмэй. – Ступай позови ее. И матушку Пань тоже. Скажи, Старшая госпожа просит выпить чарку с госпожой Хуа.

Чуньмэй вышла, но скоро вернулась.

– У матушки Пань все тело ломит, спать легла, а моя госпожа пудрится. Сейчас придет.

– Где ж это видано, чтобы хозяйка гостей бросала, а? – заметила Юэнян. – Извольте радоваться... к себе ушла. Сколько раз на дню можно пудриться! Как ни хватись, все пудрится да румянится. Всем бы хороша, а ведет себя как ребенок.

В это время появилась Цзиньянь. Одета она была в цвета алоэ кофту из шаньсийского шелка, которую украшали дикие утки с ветками тростника в клювах. Стоячий атласный воротничок, расшитый по краю цветами, блистал белизною. На кофте выделялись пуговицы в виде хризантем с сидящими на них золотыми пчелками. На отделанной тесьмою юбке с подвесками был изображен вздымающийся волны морской конек. Из-под юбки виднелись ярко-красные атласные

туфли на высокой белой подошве и пестрые штаны. На голове покачивались сапфировые подвески и сверкал жемчужный ободок. Она нарядилась как Юйлоу. Только Юэнян была в ярко-красной атласной кофте с прозрачным бирюзовым шарфом и в зеленой шелковой юбке. Ее высокую прическу держал отороченный соболем ободок.

Разодетая Цзиньянь, слегка покачиваясь, приблизилась к столу. Юйлоу сразу заметила у нее золотую шпильку со знаком долголетия.

– Хороша ж ты, голубушка! – пошутила Юйлоу. – Этим днем тебя на свет произвели, а ты прячешься, гостей бросаешь! Кто тебя только воспитывал?

Цзиньянь рассмеялась и шутки ради толкнула Юйлоу.

– Гляди, разошлась! – продолжала Юйлоу. – А ну-ка, поднеси чарочку госпоже Хуа.

– Я с госпожой Третьей пила, – возразила Пиньэр. – С меня хватит.

– То не в счет, – сказала Цзиньянь. – Выпейте, что я поднесу.

Цзиньянь засучила рукава и стала наливать большой кубок. Пиньэр отказалась пить и поставила кубок на стол.

Из спальни вышли госпожа У Старшая и сопровождавшая ее Юэнян.

– А где же матушка Пань? – спросили они.

– Она легла. У нее тело ломит, – объяснила Цзиньянь. – Звала – не идет.

– Это вы, сударыня, подарили ей ко дню рождения шпильку? – спросила гостью Юэнян, заметив у Цзиньянь золотую, со знаком долголетия, шпильку. – Какая работа! Где вы такие заказывали? И нам бы надо заказать.

– Если вам нравятся, сударыня, – сказала Пиньэр, – я вам подарю. У меня есть еще несколько пар. Таких здесь не найти. Их только придворные ювелиры изготавливают. Это мой покойный родственник привез.

– Я пошутила, – ответила Юэнян. – Нас вон сколько сестер. Всех не одаришь.

Пока они пировали и веселились, солнце стало клониться к западу. Из спальни Сюээ появилась тетушка Фэн. На лице ее от хмельного играл румянец.

– Домой собираешься? – торопила она Пиньэр. – Пойду носилки приготовлю.

– Оставайтесь, госпожа Хуа, – просила Юэнян. – А тетушка Фэн пусть в паланкине возвращается.

– Дом пустует. Лучше как-нибудь в другой раз погощу.

– Какая вы настойчивая, сударыня, – вмешалась Юйлоу. – Не хотите нас уважить? Почему бы вам не отослать паланкин? Будь с нами хозяин, он вас никуда бы не пустил.

Наконец хозяйкам удалось уговорить Пиньэр.

– Вы меня так упрашиваете, – сказала она, отдавая ключи тетушке Фэн, – что мне даже неудобно стало перед вами, сударыни. – И, обернувшись к старой Фэн, наказала: – Отправляйся в паланкине, а завтра за мной приедешь. Смотрите, запирайте как следует ворота. Вели Инчунь, – зашептала она на ухо, – отпереть в спальне расписанный золотом сундук. Там из коробочки пусть достанет четыре пары шпилек со знаком долголетия, а ты мне их завтра захвати, ладно? Я их сударыням поднесу.

Тетушка Фэн кивнула головой и попрощалась с Юэнян. Хозяйка предложила ей пропустить чарочку.

– Я у госпожи Четвертой выпила и закусила. Завтра рано утром прибуду, – ответила Фэн и, на все лады поблагодарив хозяйку, ушла, но не о том пойдет речь.

Ли Пиньэр от вина отказалась, и Юэнян пригласила ее наверх выпить чаю в компании госпожи У Старшей.

Неожиданно слуга Дайань внес свернутый ковер, а за ним, отдернув занавес, вошел Симэнь и воскликнул:

– Кого я вижу! У нас госпожа Хуа!

Пиньэр тут же встала. Они обменялись приветствиями. Юэнян велела Юйсяо раздеть хозяина.

– Сегодня в загородном монастыре Нефритового императора служили панихиду по случаю дня рождения Патриарха,^[260] – обращаясь к супруге У Старшего и Пиньэр, объяснял Симэнь. – И в этом году как раз подошла моя очередь ее заказывать. Если б не было полуденной трапезы, я бы давно приехал, а то потом пришлось идти в келью к настоятелю отцу У Даочжэню, там со счетами долго провозились. Вот и задержался допоздна. – И, обратившись к Пиньэр, спросил: – А вы, сударыня, у нас останетесь?

– Уж мы ее так упрашивали, – сказала Юйлоу, – никак не хочет.

– Я об одном беспокоюсь – дома никого нет.

– Напрасно волнуетесь! – заверил ее Симэнь. – Ночная охрана теперь усилена и бояться нечего. А что случится, я его сиятельству Чжоу напишу – сразу примет меры. Что ж это у вас такой унылый вид, сударыня? Вас вином угощали?

– Как ни упрашивали госпожу, никак не хочет чарку выпить, –

сказала Юйлоу.

– Эх вы, и упросить не можете! Погодите, я сам поднесу. Увидите, сколько еще выпьет!

– Мне больше не выпить, – говорила Пинъэр, но уходить не собиралась.

Симэнь велел заново накрыть стол. Вскоре появились ожидавшие приезда хозяина кушанья, овощи, фрукты и деликатесы.

Госпожа У от вина отказалась и, воспользовавшись случаем, удалилась в спальню Цзяоэр. Пинъэр села на почетное место. Симэнь пододвинул стул и занял место хозяина. Юэнян устроилась на кане и протянула ноги к жаровне. Цзиньлянь и Юйлоу разместились сбоку. Когда все уселись, наполнили чарки – не малые, а большие – серебряные с разводами. Чарка за чаркой и, как говорится, за чаем свидятся, за вином сойдутся. У Пинъэр уже опустились брови, и едва поднимались веки.

Да,

Весенним персиком алеет цвет ланит,
И страстью огненной красотки взор манит.

Юэнян заметила, как сразу сблизились Симэнь и Пинъэр. Их разговор становился все откровеннее, и Юэнян пошла проводить сноху, оставив их вдвоем. Они пили до третьей стражи. У Пинъэр слипались глаза. Она не могла стоять на ногах и, держась за Цзиньлянь, вышла по нужде, Симэнь качаясь, побрел в комнату, где сидела Юэнян.

– Где она ночевать будет? – спросил он хозяйку.

– Кого поздравить пришла, у той и заночует.

– А мне к кому идти?

– Иди куда хочешь. А может, с ней останешься?

– Как можно?! – засмеялся Симэнь, и велел Сяоюй помочь ему раздеться. – Я тут лягу.

– Как тебе не стыдно! – заругалась Юэнян. – А где же невестушка ляжет? Лучше меня на грех не наводи!

– Ну, ладно, ладно, – успокоил ее Симэнь. – Я к Юйлоу пойду.

Он отправился к Юйлоу, а Цзиньлянь повела Пинъэр к себе, где они легли рядом с матушкой Пань.

Утром Пинъэр присела около зеркала и занялась прической. Чуньмэй подала ей воды умыться и помогла одеться. Горничная была очень смышлена и расторопна, и Пинъэр сразу догадалась, что Симэнь имел с ней близкие отношения. Гостья подарила ей головные

украшения. Чуньмэй сейчас же показала их Цзиньлянь.

– Сколько мы вам хлопот причинили! – благодарила гостью Цзиньлянь.

– Ну что вы! Ваше счастье, что у вас такая милая горничная.

Утром Цзиньлянь провела Пиньэр и матушку Пань в сад, наказав Чуньмэй открыть калитку. Они осмотрели весь сад.

– Когда господин Симэнь собирается приступить к перестройке? – спросила Пиньэр, приметив появившуюся в задней стене небольшую дверь.

– Геоманта уже приглашали.^[261] Должно быть, во второй луне приступит, – отвечала Цзиньлянь. – После земляных работ начнется постройка. Ваш бывший дом и наш соединятся. Впереди насыплют искусственную гору, соорудят крытую галерею, а дальше разобьют большой парк, в глубине которого будет выситься терем Любования цветами. Он соединится с моим флигелем.

Рассказ Цзиньлянь запал в душу Пиньэр. Появилась Сяююй. Ее послала Юэнян пригласить всех к чаю. Вошли в главное здание. Рядом с Юэнян сидели в ожидании гости Цзяоэр, Юйлоу и госпожа У Старшая.

Во время чаепития со сладостями появилась тетушка Фэн. Ее пригласили за стол. Она вынула из рукава старый платок, в который были завернуты четыре парных золотых шпильки со знаками долголетия на каждой и протянула их Пиньэр, а та поднесла сначала Юэнян, а за ней Цзяоэр, Юйлоу и Сюэ. Каждая получила по две шпильки.

– Мы вас прямо-таки разорили, сударыня, – говорила благодарная Юэнян. – Мне даже неловко принимать такой подарок.

– Что вы, дорогая моя! – успокоила ее Пиньэр. – Подумаешь, редкость какая! Так, безделушки.

Юэнян и остальные поблагодарили Пиньэр поклоном, а затем каждая украсила ими свою прическу.

– Знаете, что я хотела вам сказать, сударыня? – начала Юэнян. – В праздник фонарей^[262] у вашего дома будет, наверно, очень весело и оживленно. Когда мы пойдем любоваться фонарями, хотелось бы к вам заглянуть, сударыня. Не откажите, пожалуйста.

– Что вы! Приму вас с распростертыми объятьями.

– Старшая госпожа не знает, – заметила Цзиньлянь, – а мы слыхали, что пятнадцатого ваш день рождения, сударыня.

– Ах, вот оно что! – воскликнула Юэнян. – В таком случае мы все без исключения придем пожелать вам долгих лет.

– Я, конечно, с большой радостью приму вас, сударыни, – Пинъэр улыбнулась. – Только изволите ли вы снизойти? Ведь живу я теперь так скромно, и дом довольно тесный.

Покончив с завтраком, принялись за вино и закуски. Они и не заметили, как солнце стало склоняться к западу, и прибыл паланкин. Пинъэр распрощалась с хозяйками и стала собираться. Ее опять не отпускали. У ворот она попросила вызвать Симэня, чтобы попрощаться с ним.

– Он с утра отбыл на проводы помощника правителя уезда, – объяснила Юэнян.

После бесчисленных комплиментов и взаимных благодарностей Пинъэр, наконец, отбыла домой.

Да, обходительными быть
при первой встрече все способны.
Приходится с людьми пожить,
чтобы узнать, добры они иль зловы.

Если хотите узнать, что было потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

КРАСАВИЦЫ ПИРУЮТ В ТЕРЕМЕ ЛЮБОВАНИЯ ЛУНОЙ

ГУЛЯКИ РАЗВЛЕКАЮТСЯ В «ПРЕКРАСНОЙ ВЕСНЕ»

*Солнце на западе скрылось –
всходит луна на востоке...
Словно бы ветром несомы,
мчатся шальные лета.
Только что радовал взоры
юноша розовощекий,
Жизнь промелькнула бесследно,
и отцвела красота.
Стоит ли тратить впустую
годы, что так преходящи,
Денег шальных домогаться,
славы летучей искать!..
А не мудрее ли было б
милую видеть почаще
Или в веселом квартале
дивных красоток ласкать?*

Да, быстро летело время. Вот и настал пятнадцатый день первой луны. Накануне Симэнь Цин отправил к Ли Пиньэр слугу Дайаня, который вручил ей четыре блюда яств, два – хлебцов долголетия, блюдо лапши,^[263] жбан вина и платье из плотного, отделанного золотом, шелка. На визитной карточке значилось имя У Юэнян: «С поклоном и благими пожеланиями от Симэнь, урожденной У». Когда прибыл Дайань, Пиньэр была занята утренним туалетом. Она позвала слугу в спальню и сказала:

– Я уж и так беспокоила госпожу Старшую и вот из-за дня рождения опять доставляю хлопоты.

– Господа просили передать вам, сударыня, эти скромные знаки внимания, – сказал Дайань.

Пиньэр наказала Инчунь накрыть в гостиной маленький стол и угостить Дайаня чаем и сладостями. Перед уходом она дала ему два цянтя серебра и лиловый с отливом шелковый платок.

– Передай хозяйке, – сказала она, – я пошлю тетушку Фэн с приглашениями осчастливить меня завтра своим присутствием.

Дайань склонился в земном полоне и ушел. Носильщиков, доставивших корзины с подарками, Пиньэр наградила сотней медяков. Через некоторое время она вручила тетушке Фэн шкатулку и велела отнести ее женам Симэня. В шкатулке лежали приглашения на пятнадцатое число для У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь и Сунь Сюэ. Пиньэр приложила записочку Симэнь Цину с просьбой прийти к ней вечером на свидание, которую приказала передать тайком.

На другой день жены Симэня, кроме Сюэ, которую Юэнян заставила домовничать, разоделись в яркие парчовые наряды и, сопровождаемые Лайсином, Лайанем, Дайанем и Хуатуном, двинулись в паланкинах на Львиную любоваться фонарным карнавалом и поздравить с рождением Ли Пиньэр.

Недавно купленный дом Пиньэр состоял из обширного здания по фасаду и трех построек вглубь. Близ улицы возвышался терем. У больших ворот по обеим сторонам располагались просторные флигели с гостевыми, а немного поодаль, за ними, просторная трехкомнатная спальня и кухня.

Еще дальше вглубь раскинулся пустырь, простиравшийся вплоть до сада императорского родственника Цяо.

Зная, что гости будут любоваться фонарями, Пиньэр расставила столы и ширмы во флигеле и украсила его множеством цветных фонариков.

После взаимных приветствий в приемной хозяйка пригласила женщин в большую гостиную, расположенную сзади, где угостила чаем, но об этом рассказывать подробно нет надобности.

К обеду в гостиной накрыли четыре столика. Пирующих услаждали пением и игрою на музыкальных инструментах две приглашенные певицы – Дун Цзяоэр и Хань Цзиньчуань. После пятого тоста и третьей смены блюд Пиньэр пригласила всех подняться в терем и полюбоваться фонарным карнавалом. Там тоже был накрыт

стол. Из-под стрехи спускался занавес из пятнистого бамбука, кругом висели разноцветные фонарики.

На Юэнян были соболья накидка, ярко-красная, отделанная цветами кофта и изумрудная атласная юбка, остальные были в белых шелковых кофтах и голубых атласных юбках. Они нарядились в расшитые золотом безрукавки разного цвета: Цзяоэр – в коричневую, Юйлоу – зеленую, а Цзиньлянь – красную. Их прически украшали жемчуга, цветы из перьев зимородка, шпильки-фениксы и множество разноцветных подвесок-фонариков. Облокотившись на подоконник, они устремили взоры вниз.

Народу собралось видимо-невидимо, и царил необыкновенное оживление. Прямо на улице стояли десятки увешанных горящими фонарями арок. У каждого дома шла бойкая торговля. Алые кофты смешались с зелеными халатами – яркими нарядами блистали гуляющие мужчины и женщины. Раздавался грохот повозок и экипажей. Горой до самого неба высилась украшенная фонарями и потешными огнями громадная пирамида. Красиво было на празднике фонарей!

Только поглядите:

Двое драконов, камень обвивая, ведут игру в воде. Журавль одинокий, зарю освещенный, парит высоко в облаках. Вот фонарь – золотая лилия, а это – яшовый терем – как россыпь жемчуга сверкает. Фонари кувшинка и лотос – целая группа расшитой парчи. Фонарь-гортензия блистает белизной, фонарь-снежинка искрится и парит. Фонарь-сюцай.^[264] кланяться не перестает – помнит заповедь Конфуция и Мэн-цзы^[265] Фонарь-жена – покорности и кротости пример – как Мэн Цзян.^[266] верна и непорочна. Фонарь-монах буддийский изображает Юэмина, прильнувшего к Люцуй^[267] Фонарь-загробный судья – сидит Чжун Куй.^[268] рядом с сестрицей. Злых духов заклиная, машет опахалом перовым фонарь-шаманка. Фонарь Лю Хай^[269] – за спиною желтая жаба величайшую ценность шутя играючи глотает. Фонарь-верблюд и лев зеленый^[270] – редчайшие диковинки один везет, другой оскалил пасть, ревет. Шалит, кривляется фонарь-мартышка, а белый слон несет сокровище^[271] ценою в десяток городов. Фонарь-краб в чистых водах клешнями шевелит, а сом усатый спокойно заглатывает рыбку, разевав громадную пасть. Ночные бабочки – одна другой пестрее. Серебристая ива красуется, переливаясь. Плывут шары, парами вьются расшитые ленты. Гуськом тянутся роскошные знамена, экипажи. Пляшут рыбки и драконы. Семеро истинносущих^[272] и

пятеро старцев^[273] подносят сокровенное писанье. Везут дань ко дворцу инородцы и Юга, и Востока. Рядами идут, оглушая толпу, барабанистики сельских общин. Коробейники со всех концов стекаются сюда. Свое уменье, ловкость показать сошлись затейники и скоморохи. Кружат там и тут передвижные фонари. Вверх-вниз снуют висячие фонарики. На перламутровой ширме раскинулись Пэнлайские сады^[274] На восток полюбуйтеся – рябит в глазах от золота и небесной сини резных по лаку инкрустированных лож. На запад обратите взор – фонарь-подвески и фонарь-узор переливаются словно цветастая парча. На севере – предметы старины, безделки. На юге – курильницы, вазы, картины. Вот баричи глазеют через барьер – там игра в мяч в самом разгаре. Вон в тереме высоком блистают пышностью нарядов важные дамы из знатных домов. Не счесть гадателей – их как звезд мириады. Скопились громадные толпы вокруг их палаток – всяк хочет судьбу разузнать. Ждет каждого, конечно – рассвет и увяданье. А там, на возвышеньи, отбивая такт, поют романсы, арии актеры. Тут, ударяя в бубенцы, монах бродячий ведет рассказ о Сюаньцзане.^[275] А сколько сбыто новогодних пирожков, сладостей! Торгуют бойко весны красою – буйно цветущей сливой мэй. Все ветками ее украсили себя. Колышет ветер шпильки и подвески. В прическах, как солнце, золото горит. Парчовые шатры Ши Чуна.^[276] красуются на ширмах. Жемчуг занавесок с цветами сливы и луной поспорит яркой белизною. Не описать всей прелести горы фонарной! Такое торжество сулит год сытый и веселый^[277]

Юэнян поглядела немного на праздничную сутолоку и вместе с Цзяоэр села за стол. Но Цзиньянь, Юйлоу и певички, облокотившись на подоконник, продолжали смотреть вниз. Цзиньянь засучила белые шелковые рукава, из-под которых показывались ее тонкие, как перо молодого лука, пальчики с шестью золотыми, в виде семечек, перстнями, и наполовину высунулась на улицу, выставляя напоказ свою раззолоченную безрукавку. Она грызла тыквенные семечки и плевалась шелухой прямо на прохожих, не переставая хихикать и подсмеиваться вместе с Юйлоу.

– Поди-ка погляди, сестрица, – обращалась она к Юэнян, тыкая пальцем, – вон у того дома под стрехой как красиво колышутся два фонаря-астры! – Немного погодя Цзиньянь позвала Цзяоэр: – Глянь-ка напротив! Видишь, у ворот подставка, а на ней как интересно развешаны фонари: впереди большая рыба, а за ней рыбешки, черепашки и крабы. – Еще через некоторое время она кликнула Юйлоу: – Смотри-смотри! Фонарь-старуха и фонарь-старик.

Тут налетел ветер и порвал снизу фонарь-старуху. Цзиньлянь, не удержавшись, так громко рассмеялась, что привлекла внимание прохожих.

Они подняли головы, сгрудились – не пройдешь, не пробьешься – настоящая давка. В шумной толпе нашлись гуляки-лоботрясы, которые, указывая на Цзиньлянь, начали гадать.

– Наверняка, из богатого дома, – заметил один.

– Должно быть, наложница какого-нибудь родовитого вельможи на карнавал пожаловала, – поддакнул другой. – Вырядилась как придворная дама.

– Да это публичная девка, не видите, что ли? Петь пригласили.

– Не угадали вы! А я знаю, кто она, – заявил протиснувшийся вперед. – Говорите, певица? Тогда кто же остальные? Сейчас все объясню. Те двое не из простых – жены Владыки ада, наложницы Полководца пяти путей – того самого, кто лавку лекарственных трав против управы держит, чиновников ссужает, – его милости Симэня жены. Так что не очень расходитесь! Наверно со старшей женой пришли на фонари любоваться. Ту, в зеленой безрукавке, не знаю, а в красной, с цветами в волосах, ну точь-в-точь жена торговца лепешками У Старшего. Когда тот застал ее с Симэнем в чайной у старухи Ван, Симэнь убил его пинком в живот, а ее себе в жены взял. Вернулся потом из столицы деверь ее У Сун, на него в суд подал, да по ошибке Доносчика Ли порешил. Тут-то его Симэнь и упек на каторгу. Года два не видать было, а нынче вон как похорошела!

– Разойдись! – закричал еще один говорун. – Ну, чего пристали!

Юэнян заметила внизу большую толпу и велела Цзиньлянь с Цзяоэр сесть за стол да послушать романсы, которые по случаю праздника фонарей исполняли певицы. Немного погодя Юэнян встала из-за стола.

– Я больше чарки не в силах выпить. Мы с Цзяоэр откланяемся первыми, а вы, – Юэнян обратилась к Цзиньлянь и Юйлоу, – останьтесь, уважьте госпожу Хуа. Муж ушел, и я беспокоюсь. Дома одни служанки.

Пиньэр никак не хотела отпускать Юэнян.

– Сударыня, дорогая! – упрашивала она. – Наверное, я чем-нибудь не угодила. В такой праздник вы даже не дотронулись до еды, уходите раньше, чем зажигают свет. Если и отлучился господин Симэнь, вам беспокоиться нечего – служанки остались. Вот взойдет луна, и я провожу вас.

– Нет, сударыня, – говорила Юэнян, – я ведь не могу много пить.

Пусть сестрицы вместо меня с вами побудут.

– Вы не можете, но госпожа Вторая тоже ни чарки не осушила, – настаивала Пиньэр. – Где ж это видано! Я у вас чарку за чаркой пила, не отказываясь. Вы мне не прощали, а когда снизошли в мое унылое жилище, где я не могу угостить вас ничем особенным, вы не желаете меня уважить.

С этими словами она поднесла Цзяоэр большой серебряный кубок и сказала:

– Выпейте сударыня! Госпожу Старшую не угощаю – знаю, что она не может, а потому подношу маленькую чарочку. – И Пиньэр протянула чарочку Юэнян. – А вы, госпожа Вторая, осушите большую.

Юэнян одарила каждую певицу двумя цянями серебра и, дождавшись когда Цзяоэр допила вино, встала из-за стола.

– Мы уходим, – сказала она Цзиньлянь и Юйлоу, – а за вами слуг с фонарями пришем. Долго не засиживайтесь. Дом пустой.

Юйлоу кивнула в знак согласия. Пиньэр проводила Юэнян и Цзяоэр до ворот, где они сели в паланкины, а сама вернулась в терем к Юйлоу и Цзиньлянь.

Вечерело. На востоке взошла луна, и в тереме зажгли фонари. Певицы пели, пир продолжался, но не о том пойдет речь.

* * *

Расскажем теперь о Симэнь Цине. В тот день он пообедал с Ин Боцзюэ и Се Сиды, и они пошли любоваться фонарями. Дойдя до начала Львиной, Симэнь постоял около кисейных фонарей и свернул в сторону. Ему не хотелось, чтобы Боцзюэ и Сиды увидели его жен у Ли Пиньэр. Только они отошли от Львиной, им попались Сунь Молчун и Чжу Жинянь.

– Давно, брат, не виделись, соскучились по тебе, – протянули они, отвешивая Симэню поклон. – А вы тоже хороши, разрази вас небо! – заругались они на Боцзюэ и Сиды. – Сами с братом гуляют, а нам ни звука.

– Зря, брат Чжу, на них обижаешься. – вступился Симэнь. – Мы только что встретились.

– Фонари поглядели, теперь куда пойдем? – спросил Чжу Жинянь.

– Пошли в кабачок, пропустим по чарочке, – пригласил Симэнь. – Домой не зову. Жены у меня нынче в гостях.

– Чем в кабачок, лучше навестить Ли Гуйцзе, – предложил Чжу. – Случай самый подходящий. С Новым годом поздравим, весело время проведем. На днях к ней заглянули, а она как нас увидела, так у нее

слезы и потекли. С тех пор, говорит, неможется. След, говорит, его милости простыл, не навестит. Мы ее успокоили: брат, мол, занят. Выгородили тебя. А сейчас ты свободен, и мы пойдем к ней с удовольствием.

Симэнь вспомнил о встрече с Ли Пиньэр и стал отказываться:

– У меня сегодня еще есть дело небольшое. Пойдемте завтра, ладно?

Но разве от дружков отвяжешься! Пришлось пойти к Ли Гуйцзе.

Да,

Помят цветущий луг под старой ивою –
Веселья след, будящий снова страсть!
Здесь горы серебра улыбкою игривою
Похищены, чтоб нищим кушать всласть!

Симэнь с друзьями направился к Гуйцзе. У ворот стояла нарядная Гуйцин. Она поклонилась гостям и пригласила в залу.

– Мамаша! Выходи скорей! – закричала Чжу Жинянь. – Его милость привели, нам говори спасибо!

Вскоре появилась старуха. Опираясь на костыль, она заковыляла к Симэню, а после приветствий сказала:

– Чем я, старуха, не угодила вам, зятюшка? Совсем нас навещать перестали. Должно быть, новую зазнобу нашли, а?

– Ты, мамаша, не ошиблась! – поддакнул Чжу. – Какую же красавицу завел господин! Целыми днями у нее пропадает. Про Гуйцзе совсем забыл. Если б его не встретили и не привели, он бы и не подумал сюда заглянуть. Не веришь, мамаша? Вон Сунь Тяньхуа спроси, он скажет. – И, указав на Боцзюэ и Сиду, продолжал: – А эти, небо их разрази! С ним заодно блудят – одна порода.

Старуха расхохоталась.

– Дорогой брат Ин! – обратилась она к Боцзюэ. – Тебя мы никогда на грех не наводили. Почему ж ты за нее словца доброго перед его милостью не замолвил? У его милости, известное дело, и дома забот хватает. Говорят, добрый молодец не одной красоткой утешается, а красотка не единственного поклонника заводит. Все медяки – друг другу двойники. Не стану хвалиться, но моя Гуйцзе собой не дурна. Да что тут говорить! Его милость и сами не без глаз – видят!

– Сказать правду, – вмешался в разговор Сунь Молчун, – брат завел себе такую, которая без мамашинго надзору живет. Будет он теперь с поднадзорными путаться?!

– Да не слушай ты этого болтуна, мамаша! – Симэнь шлепнул Суня

Молчуна. – Человека загубит этот рассадник беды и зла.

Сунь и остальные покатывались со смеху. Симэнь достал из рукава три лян серебра и передал Гуйцин.

– В великий праздник я друзей угощаю.

– Не хочу я брать серебро, – притворно сказала Гуйцин и передала деньги старухе.

– Что это значит?! – недоумевала старуха. – Желаете посмеяться над нами, зятюшка? Мы, мол, и в великий праздник не угощаем, вас заставляем раскошиться, так что ли? Выходит дело, мы только о деньгах и печемся?

– Мамаша, – сказал выступивший вперед Боцзюэ, – послушай меня и возьми серебро. В Новом году хозяева наперебой угощают. Тащи скорее вино!

– Но так не полагается, господа! – старуха на словах отказывалась, а сама тем временем потихоньку прятала серебро к себе в рукав и, кланяясь Симэню, говорила: – Благодарю вас, сударь, за пожертвование.

– Пстой-ка, мамаша! – крикнул Ин Боцзюэ. – Послушай, я тебе анекдот какой расскажу. Повадился парень к красотке в заведение ходить. Раз приходит нарочно в лохмотьях, садится. Полдня просидел. Хозяйка никакого внимания – даже чаем не угостила. «Проголодался я, – говорит, – мамаша. Хоть риску дай поесть». А она ему: «У меня в сусеке хоть шаром покати, а ты рису просишь». «Нету рису, так хоть воды принеси – лицо умыть». А хозяйка свое: «И на воду денег нет. Вот уже который день не носят». Достает парень из рукава слиток в десять лянов серебра и кладет на стол. «На, – говорит, – купи рису и принеси воды». Всполошилась тут хозяйка. «Зятюшка, дорогой мой, кушайте, – лепечет, – лицо, умывайте рис, а рис умоете, откушайте лицо».

Все рассмеялись.

– Как ты умеешь над другими потешаться! – заметила старуха. – Только язык-то без костей – не бывает такого.

– Поди-ка сюда. Что я тебе на ухо скажу... – не унимался Боцзюэ. – Его милость себе новую зазнобу завел. Раньше она брата Хуа ублажала. Зовут У Иньэр, из красной аллеи. Зачем ему теперь твоя Гуйцзе! Он и сейчас не заглянул бы, не затащи мы его силой.

– Не верю я тебе! – смеялась старуха. – Моя Гуйцзе куда лучше У Иньэр, а потом у нас с зятюшкой давняя дружба. Ее никаким мечом не разрубить. Да и сам зятюшка, должна сказать, человек умный, золото от подделки отличить сумеет.

Пока шел разговор, в гостиной поставили четыре кресла, в которые уселись Ин Боцзюэ, Се Сидя, Чжу Жинянь, и Сунь Молчун. Симэнь Цин разместился напротив. Мамаша пошла за вином и закусками.

Наконец появилась Ли Гуйцзе. Ее волосы по обыкновению держала шелковая сетка, взятая под жемчужный ободок. Прическу украшали бирюзовые цветы и крапленые золотом, витые шелком ханьчжоуские шпильки. В ушах сверкали золотые фонарики-серьги. Одета она была в белую с узорами шелковую кофту с застежкой. Поверх был накинут зеленый жакет с отделанными золотом рукавами, из-под которого развевалась красная креповая юбка. Будто изваянная из нефрита, стройная и чинная, она поклонилась гостям и села сбоку, рядом с Гуйцин.

На расписном квадратном подносе подали семь белых, как снег, чашек с серебряной ложечкой в каждой. Пахнуло пряным ароматом роз от заваренного с орехом чая. Гуйцин и Гуйцзе оделили гостей чаем. После чаепития слуги убрали чашки и вновь накрыли столы.

Вдруг из-за занавески показались головы. Одетые в лохмотья прилипали^[278] пробрались в гостиную и пали ниц. Они протянули шэна^[279] четыре тыквенных семечек и провозгласили:

– Почтенные и милостивые господа! Примите от нас скромные гостинцы по случаю великого праздника.

Симэнь узнал только одного из них. Его звали Юй Чунь.

– Сколько тут вас? – спросил его Симэнь.

– Дуань Цзиньша и Цинь Неюэ за дверью ждут, – ответил Юй Чунь.

Вошел Дуань Цзиньша.

– И вы тут, господин Ин, – заметив Боцзюэ, воскликнул он и склонился в земном поклоне.

Симэнь встал и велел принять семечки, потом раскрыл кошелек и бросил на пол лян серебром. Юй Чунь подобрал деньги и вместе с остальными упал на колени. Они били челом и приговаривали:

– Благодарим вас, сударь, за великую милость!

Компания без задержек высыпала на улицу.

Вот посвященный прилипалам романс на мотив «Обращенный к Сыну Неба»:

Ластиться умеют,
Хапать мастера,
Не пасут, не сеют,
В голове – мура.
Чуть сорвется что-то –

Подличать, кричать.
Обольщать красоток
Их не обучать!
Пир учуют носом –
Липнут мошкаррой,
А прогнать несносных –
Поднимают вой.
Шиш несут оттуда,
Но в улыбке пасть –
У богатых блюда
Облизали всласть!

Симэнь отделался от прилипал и сел за праздничный стол. Гуйцзе наполнила золотые кубки и распустила красные рукава. Стол ломился от яств. Подали свежие фрукты. В обществе ярко одетых певиц гости, казалось, пили нектар благоухающих цветов. Вино обошло два круга, и заиграли певицы – Гуйцин на цитре, Гуйцзе на пипа – и запели «Теплом повеяло цветущею весной».

Не успели они спеть, как в гостиную вошли трое в синем с клюшками в руках. Это были игроки в мяч. Они поднесли жареного гуся в коробке^[280] и два кувшина вина.

– Примите, почтенный сударь, и вы, люди добрые, скромные подарки к великому празднику, – протянули игроки, опускаясь на колени.

Симэнь знал их и раньше. Одного звали Лысый Бай, другого – Лоботряс Чжан, третьего – Басурман Ло.

– Ступайте во двор, подождите. Вот выпьем и придем, – сказал им Симэнь.

Игрокам дали со стола четыре блюда закусок, большой жбан вина и поднос сладостей. Покончив с вином и едой, они надули мяч и стали ждать Симэня. Когда он вышел во двор, они сделали небольшую разминку и пригласили Гуйцзе сыграть с двумя игроками. Один подавал, другой отражал мячи. Гуйцзе так ловко брала и отбивала мячи, у нее были такие замысловатые подачи, что не смолкали одобрительные возгласы, а когда случался промах, всякий спешил подать отскочивший в сторону мяч. Партия закончилась, и игроки бросились к Симэню просить вознаграждение.

– Вот это Гуйцзе! Как владеет приемами! – хвалили певицу игроки. – Не то что раньше. Она и нас замотала. Через годик-другой, гляди, первым игроком будет среди певиц, равных не сыщешь. Куда там девицам из казенного дома Дун со Второй аллеи!

На лбу у Гуйцзе выступил пот, пыль пристала к бровям. Она тяжело дышала, чувствовалась усталость в пояснице. Чтобы немного остыть, певица достала из рукава веер и стала им обмахиваться. Она взяла Симэня под руку, и они пошли смотреть, как играет Гуйцин с Се Сиды и Лоботрясом Чжаном. Лысый Бай и Басурман Ло стояли сбоку и подавали мяч.

Вот еще романс на мотив «Обращенный к Сыну Неба», который посвящен игрокам в мяч:

Пусть в дом давно нужда стучит,
Объедками живут,
Но нет у них забот-кручин,
Коль туго мяч надут.
Так день-деньской, обняв мячи,
Они в игру зовут,
Но даже если богачи,
Порой на зов идут,
Металл в мошне не забренчит,
Во рту и крошек нет,
И одиночество в ночи,
Ведь жен простыл и след

Когда друзья Симэня играли в двойную шестерку, в мяч и пили вино, он заметил прискакавшего верхом Дайяня. Слуга незаметно подошел к Симэню и прошептал на ухо:

– Госпожа Старшая и Госпожа Вторая домой отправились. А госпожа Хуа велела пригласить вас к ней пораньше.

Симэнь дал понять Дайяню, чтобы тот привязал лошадь у задних ворот и обождал, а сам вышел из-за стола и скрылся в спальне у Гуйцзе. Через некоторое время он проследовал к задним воротам – вроде за нуждой, а сам вскочил на коня и улетучился, как дым. Ин Боцзюэ наказал слуге из заведения вернуть Симэня, но тот и ухом не повел.

– У меня дома дела, – только и сказал он и велел Дайяню наградить игроков полутора ляннами серебра.

Гуйцзе опасалась, что Симэнь уйдет к У Иньэр, а потому послала служанку за ворота проследить за отъезжающим гостем.

Боцзюэ и дружки пировали до второй ночной стражи.

Да,

Как говорится, брань оставим людям,
А петь да веселиться сами будем.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В ПОГОНЕ ЗА БОГАТСТВОМ СИМЭНЬ ЦИН ЖЕНИТСЯ

ОХОТНИК ДО ГУЛЯНОК ИН БОЦЗЮЭ СПРАВЛЯЕТ СВОЕ РОЖДЕНИЕ

*С красотками беда – они полны коварства:
И рушат города, и покоряют царства.
О, пусть в горах Ушань свиданье длится
вечно!...[281]*

*Сама мечта о том волнует бесконечно.
Нам сердце иссушить способна чаровница,
Там ненависть внушить, где жаждут
породниться.*

*Изяществом своим любого бы сразила.
Да, в мягкости ее какая скрыта сила!*

Итак, Симэнь Цин покинул «Прекрасную весну» и сопровождаемый Дайанем верхом поехал на Львиную к Пиньэр. У ее дома спешил. Ворота оказались заперты. Его жены, стало быть, уже отбыли домой. Симэнь послал слугу за тетушкой Фэн. Старуха открыла ворота, и гость въехал во двор.

Пиньэр, изящно причесанная, в скромном, почти без украшений, одеянии, стояла со свечой у зашторенного окна и грызла семечки. Завидя Симэня, она плавной походкой поспешила ему навстречу. Когда она спускалась вниз, как на ветру развевалась ее бледно-желтая шелковая юбка.

– Пришел бы чуть раньше, застал бы госпожу Третью и Госпожу Пятую, – сказала, улыбаясь, Пиньэр. – Только распрощались. Старшая

госпожа отбыла раньше. Тебя, говорит, нет дома. А ты где пропадал?

– Мы с братом Ином и Се Цзычуном ходили фонарями любоваться. Только твой дом миновали, еще двоих друзей встретили. Зазвали к певицам. А от них никак не вырвешься. Слуга посоветовал выйти к задним воротам, вроде бы за нуждой, я кое-как и улизнул, а так ни за что бы не отпустили.

– Премного благодарна за щедрые дары, – сказала Пиньэр. – Только обидно, что гости мои очень скоро ушли. За домом, мол, некому присмотреть.

Снова появились изысканные вина и угощения. В зале загорелись узорные фонари и были опущены плотные занавески. Из курильницы струился аромат «драконовой слюны», в золотой жаровне горел фигурный уголь.^[282] Праздничный стол ломился от яств. Наполнив бокал густым пахучим вином, Пиньэр, низко кланяясь, поднесла его Симэню.

– После смерти мужа у меня нет близких, – сказала Пиньэр. – Выпей этот кубок и разреши мне во всем положиться на тебя. Не отвергай ничтожную. Я готова служить тебе у ложа, быть сестрою твоим женам. Тогда я умру со спокойным сердцем. Что ты мне на это скажешь?

В глазах у Пиньэр стояли слезы. Симэнь взял бокал и сказал с улыбкой:

– Встань, прошу тебя. Меня глубоко трогает твоя любовь. Вот кончится траур, и я все сделаю, ты только не расстраивайся. Давай выпьем! Ведь сегодня у тебя радостный день.

Симэнь осушил кубок и, наполнив снова вином, поднес его Пиньэр. Они сели рядом за стол. Хлопотавшая на кухне тетушка Фэн подала лапшу.

– Кого из певиц приглашала? – спросил Симэнь.

– Дун Цзяоэр и Хань Цзиньчуань. Госпожа Третья и госпожа Пятая одарили их на прощанье искусственными цветами.

Симэнь сидел слева. Они подливали друг другу вино и менялись кубками. Прислуживала им Инчунь и Сючунь.

Появился Дайань. Он пал ниц перед Пиньэр и пожелал ей долгих лет жизни. Она встала и поклонилась в ответ, а через служанку Инчунь наказала тетушке Фэн угостить Дайаня лапшой и сладостями и поставить жбан вина.

– Как поешь, ступай домой, – приказал слуге Симэнь.

– Да смотри, не говори, где хозяин, – предупредила Пиньэр.

– Разумеется, сударыня! Скажу – в гостях. Завтра, мол, утром

поеду встречать.

Симэнь в знак одобрения кивнул головой.

– Какой смышленный малый! По глазам видно, – похвалила Дайяня обрадованная Пиньэр и велела Инчунь наградить его к празднику двумя цянями серебра на семечки, а потом, обращаясь к нему, сказала:

– Мерку ноги принеси. Я тебе красивые туфли сошью.

– Не смею вас беспокоить, сударыня! – Дайянь склонился в земном поклоне и вышел на кухню.

Как только он выехал со двора, тетушка Фэн заперла ворота.

Пиньэр и Симэнь поиграли на пальцах, выпили по несколько чарок, а потом расставили на столе, застеленном пурпурной скатертью, тридцать две фишки из слоновой кости и под лампой принялись играть в домино.^[283] Пиньэр велела Инчунь и Сючунь посветить им свечой в спальне. Надобно сказать, что после смерти Хуа Цзысюя и Инчунь, и Сючунь были в близких отношениях с Симэнем, и любовники от них не таились. Горничные приготовили постель и принесли в спальню вина и фруктов. Из-за лилового парчового полога виднелась благоухающая пышная Ли Пиньэр. Прильнув к ней, сидел Симэнь Цин. Они играли в домино и осушали большие кубки.

– Когда же начнется перестройка дома? – спросила Пиньэр.

– Во второй луне. Обе усадьбы соединим в одну, расширим сад. Впереди будет искусственная гора и крытая галерея, в саду террасы для увеселений и просторный терем Любования цветами.

– Здесь, за кроватью, – Пиньэр показала пальцем, – в коробках из-под чая лежит сорок цзиней благовоний, двести лянов белого воску, две шкатулки с ртутью и восемьдесят цзиней черного перца. Возьми все и продай, а деньги пусть пойдут на постройку. Если не хочешь пренебречь мной, скажи, пожалуйста, Старшей госпоже, что я желала бы стать ее младшей сестрой, какой по счету – мне все равно. Дорогой мой, не могу я жить без тебя.

У Ли Пиньэр ручьем хлынули слезы.

– Твое желание я очень хорошо понимаю, – прикладывая ей к глазам платок, говорил Симэнь. – Погоди, вот пройдет срок траура, закончится стройка... А сейчас и жить-то тебе будет негде.

– Раз ты действительно хочешь взять меня, то я сочла бы за лучшее жить вместе с госпожой Пятой. Она такая хорошая! Да и госпожа Мэн была со мной очень приветлива. Они так просто держались! Можно подумать, что их одна мать родила. А у Старшей госпожи, должно быть, дурной характер. Так глазами и зыркает.

– Нет, Старшая у меня покладистая, а то разве допустила бы

столько женщин в доме держать! – возразил Симэнь. – Ну, а если построю тебе просторный флигель с калитками по обеим сторонам, что тогда скажешь?

– О чем мне еще мечтать, дорогой!

До четвертой стражи, не зная меры, резвились, порхали неутомимые феникс и его подруга, потом уснули, обняв друг друга, и едва встали к полудню. Пиньэр не успела причесаться, когда Инчунь принесла рисовый отвар. Только они коснулись риса, как подали вино, и они наполнили чарки.

Надобно сказать, что Пиньэр предпочитала резвиться на четвереньках и попросила Симэня сесть на постель, чтобы «поставить цветок в перевернутую вазу». В самый разгар скачек в дверь постучал Дайань. Он уже прибыл за хозяином и привел коня.

Симэнь подозвал его под окно и спросил, в чем дело.

– Купцы из Сычуани и Гуандуна^[284] пожаловали. Сколько у них товару! С дядей Фу торговались. При заключении сделки просят всего сто лянов, за остальными приедут в середине восьмой луны. Старшая госпожа за вами послала.

– Не проговорился, где я? – спросил Симэнь.

– Что вы! Хозяин, говорю, у Гуйцзе находится.

– Нет у людей смекалки! К чему меня звать, когда приказчик Фу и сам мог бы управиться?

– Дядя Фу уж и так толковал с ними, и эдак, а они ни в какую. Твердят: без хозяина не будем контракт подписывать, да и только.

– Если зовут, так ступай, – вмешалась Пиньэр. – Госпожу Старшую на грех не наводи. Дело на безделье не меняют.

– Знала бы ты это сучье отродье! – заругался Симэнь. – Ведь как они, дикари проклятые, торгуют! Сами же время упустят, а как увидят, что товар некому сбыть, так и заявляются, навязывают: полгода, мол, деньги подождем. А попробуй их уважь, сразу нос задерут. Да только во всем Цинхэ другой такой лавки, как моя, не сыщешь. Самый большой оборот у меня! Так что мне волноваться не приходится: сколько я им не выложу, все равно ко мне придут.

– В торговле ладить перестанешь, недругов наживешь, – говорила Пиньэр. – Иди домой, послушай меня. А управишься с делами, придешь. Ведь впереди деньков – как на иве листков.

Симэнь внял совету Пиньэр и стал не спеша собираться: причесался, умылся, повязал голову и оделся. Хозяйка хотела попотчевать его завтраком, но он отказался, приладил головную повязку и поскакал верхом домой. Его поджидали человек пять

торговцев.

Покончив с расчетами и контрактом, Симэнь простился с купцами и направился к Цзиньянь.

– Где ты пропадал всю ночь? – сразу спросила его Цзиньянь. – Говори правду, а то смотри, такой шум подыму...

– Пока вы были в гостях у госпожи Хуа, – отвечал Симэнь, – мы с друзьями полюбовались немного фонарным карнавалом, потом к певицам заглянули. Там и пировали всю ночь, а утром слуга за мной приехал.

– Знаю, что слуга. Скажи все-таки, к какой певице тебя носило, а? Обманываешь ты меня, бесстыдник! Нас потаскуха выпроводила, а тебя вечером зазвала. Натешилась за ночь и отпустила. Твой Дайань во вранье запутался, арестант проклятый! Старшей говорит одно, мне – другое. Когда он коня привел, Старшая его и спрашивает, почему, мол, хозяина нет, где пирует. С дядей Ином и друзьями, отвечает, фонарями любовались, а сейчас к Гуйцзе пошли. Мне, говорит, утром велели приезжать. А я спросила, он смеется и ни гу-гу. Как допытала, хозяин, говорит, у госпожи Хуа. Откуда он, разбойник, про наш уговор разузнал? Сам, верно, ему проболтался.

– Что ты! – разуверил ее Симэнь и, будучи не в силах скрывать, рассказал, как было дело: – Пиньэр попросила меня вечером прийти. Угощала вином, сокрушалась, что вы рано ушли. Со слезами жаловалась, что некому ей помочь, а сзади глушь и по ночам страшно становится. Как она просила взять ее! Все спрашивала, когда будет готов флигель. У нее воску с благовониями на несколько сот лянов. Велела продать, а деньги употребить на постройку. Очень она с постройкой торопила. Хочется ей с тобой рядом жить, быть тебе сестрой. А ты не против?

– Я здесь одна с собственной тенью, такая скука, – сказала Цзиньянь. – Пусть приходит – все будет повеселее. Сколько бы лодок ни шло, реку не запрудят, никакие колесницы путь не пересекут. Как я могу противиться, если сама была принята? Что ж я какая-то особая, что ли? Только вряд ли другие так благосклонно к ней отнесутся, как я. Поди узнай, что скажет Старшая госпожа.

– Так-то оно так, да у Пиньэр и траур еще не кончился.

Цзиньянь стала снимать с Симэня белый шелковый халат. Из рукава что-то выпало и ударилось об пол. Она подняла небольшой увесистый шарик, долго вертела его в руках, но так и не смогла догадаться, что это за штука.

Только поглядите:

Добудут в войсках инородцев-южан и в столицу его завезут. Мал собою, щедеушен, звенит как нефрит, в деле же силы намного прибавит. Застрекочет цикадой, красавице страсть разожжет, любовнику страсть приумножит. В бою отважен этот воин златоликий, в подвиге ратном он неизменно впереди, а зовется – бубенчик бирманский.

– Что это такое? – спросила наконец Цзиньлянь. – Отчего у меня руку сводит?

– А ты не знаешь? Это колокольчик-возбудитель. На юге, в Бирме, такие выделывают. Лучшие – по четыре-пять лянов за штуку продаются.

– А что с ним делать?

– В горнило положить и за дело браться. Чудо!

– С Ли Пиньэр пробовал?

И Симэнь во всех подробностях рассказал ей, что было вечером накануне. У Цзиньлянь вспыхнуло желание, и они средь бела дня заперлись, сняли одежды и легли, чтобы предаться утехам.

Да,

Был столь искусный музыкант Когда-то Цзинь-царевич,^[285]

Что заслужил небесный сан Игрою на свирели.

Однако хватит пустословить.

Однажды Симэнь Цин позвал маклера. Тот взвесил и оценил благовония, воск и все, что держала за кроватью в чайных коробках Ли Пиньэр. Из вырученных трехсот восьмидесяти лянов она оставила себе на расходы сто восемьдесят, а остальное серебро отдала Симэню на перестройку дома.

Геомант определил начать стройку в восьмой день второй луны. Симэнь отпустил слуге Лайчжао и управляющему Бэню Четвертому пятьсот лянов серебра для найма строителей, ведения расчетов и закупки кирпича, черепицы, леса и камня.

Бэня Четвертого звали Бэнь Дичуань. Смолоду непутевый, но хитрый и ловкий малый, он состоял в свое время в услужении у гаремного смотрителя, но за небрежение к своим обязанностям и плутни его изгнали. На первых порах Бэнь Дичуань увлекался юнцами, а потом подвизался приживальщиком в богатом доме, где совратил кормилицу, бежал с нею и сделал ее своей женой. Позднее он служил посредником у старьевщика. Умел играть на пипа, флейте и других духовых инструментах. За такие способности Симэнь то и дело пользовался услугами Дичуаня, а потом поставил его закупщиком в

лавку лекарственных трав. Ни одна сделка не обходилась без его участия, принося ему, как посреднику, немалые барыши.

Приступив к работам, Бэнь Дичуань и Лайчжао первым делом распорядились снести старый дом Хуа Цзысюя и разобрать стену. Каменщики начали закладывать фундамент, насыпать гору, а плотники готовились возводить навес над галереей, строить террасы, беседки и другие места для увеселений, на что, конечно, требовался срок, но об этом рассказывать подробно нет надобности.

Быстро летело время. Как челноки сновали дни и луны. Прошло больше месяца, как Симэнь приступил к разбивке сада, и вот уже настала третья луна, приближался сотый день после кончины Хуа Цзысюя. Пиньэр решила загодя посоветоваться с Симэнем.

– Надо будет предать огню табличку^[286] Хуа Цзысюя, – говорила она Симэню, – а дом или продать, или поставить сторожа. Возьми меня поскорее к себе. Страшно здесь. По вечерам бесовки-лисы покоя не дают. Такая жуть! Поговори со старшей госпожой, сжался надо мной! Какой бы женой меня ни сделал, роптать не буду. Только бы служить у твоего ложа.

Слезы ручьем потекли у нее из глаз.

– Не тревожься, – успокаивал ее Симэнь. – В прошлый раз я разговаривал со Старшей и Цзиньлянь. Как закончится строительство и завершится траур, возьму тебя к себе.

– Вот хорошо бы! – воскликнула Пиньэр. – Если в самом деле хочешь на мне жениться, поторопи мастеров, чтобы мне флигель поскорей построили. Хоть день в твоём доме проживу, умру со спокойной душой. А здесь каждый день годом тянется.

– Знаю.

– А может, не ждать конца стройки? Десятого сто дней выйдет. Заказали бы службу, сожгли табличку и переехала бы я к Пятой, пожила бы с ней, пока не отделают флигель, а? Поговори с сестрицей Пань, ладно? Буду ждать ответа.

Симэнь пообещал и остался у нее ночевать.

На другой день он рассказал обо всем Цзиньлянь.

– Вот и чудесно! С каким удовольствием уступлю ей две комнаты, – говорила она. – Она мне не помеха. Только как другие? Поди узнай, что Старшая скажет.

Симэнь направился прямо к Юэнян. Пока она причесывалась, он поведал ей во всех подробностях о своём намерении жениться на Ли Пиньэр.

– Нельзя тебе ее в жены брать, – заявила Юэнян. – Во-первых, у

нее траур не кончился; во-вторых, ты был другом ее мужа, и в-третьих, входил с нею самой в сделки: дом купил, много ее вещей на хранение взял. Станок-то на месте стоит, да челнок бегаёт. Деверь у нее, Хуа Старший, коварный, говорят, человек. Как дойдут до него слухи, почешешь затылок. Я тебе добрый совет даю. То же тебе сказали б и Чжао, и Цянь, и Сунь, и Ли,^[287] а там уж сам смотри.

Симэнь не нашелся, что ей ответить, и молча направился в передний дом. Там он опустился в кресло и погрузился в раздумье. Как объяснить Пиньэр, он не знал, но и оставить ее ему никак не хотелось. Долго он ломал голову, а потом зашагал снова к Цзиньлянь.

– Ну, что сказала Старшая? – спросила Цзиньлянь.

Симэнь передал ей разговор с Юэнян.

– Старшая против, и она, по-своему, права, – заключила Цзиньлянь. – Ведь ты у Хуа Цзысюя дом купил, теперь хочешь его жену взять. И сам ты был с ее мужем в самых приятельских отношениях. А я вот что скажу: раз вы были друзьями, зацепка всегда найдется, да и властям подозрительно покажется.

– Это не так страшно, – отвечал Симэнь. – Только если Хуа Старший вяжется. Не к чему ему будет прицепиться, он и воспользуется тем, что срок траура не вышел. Заварит кашу, что тогда делать? Как же ей ответить, прямо ума не приложу.

– Гм! Да проще простого! – успокоила его Цзиньлянь. – А когда ты собираешься ответ-то давать? Сегодня или потом?

– Она сегодня просила.

– Иди к ней и вот как скажи: я, мол, разговаривал с Пятой. У нее сейчас весь товар сложен, так что и мебель твою некуда будет поставить. Погоди немного, вот освободится помещение. Да и твой флигель вот-вот будет готов, а я потороплю мастеров, чтобы поскорее закончили отделку. К тому времени и срок траура выйдет, тогда и возьму тебя к себе. Устроим, как полагается. Да и зачем тебе к Пятой идти, в одном флигеле тесниться? Ни то ни се. На что это похоже! Так ей и скажи, и она наверняка согласится.

Обрадованный Симэнь не стал долго ждать, а сразу же отправился к Пиньэр.

– Что тебе дома посоветовали? – спросила она.

– Пятая говорит, надо обождать, пока не закончат отделку флигеля. А у нее все товаром завалено. Тебе и мебель негде будет поставить. И вот еще что мешает: как бы твой деверь не придрался. Скажет, мол, траур не кончился. Что тогда?

– Он не посмеет вмешиваться в мои дела, – заявила Пиньэр. – Я не

только ни в чем от него не завишу, но у меня хранится документ о разделе наследства. Так что между нами нет никаких деловых отношений. Только первый брак совершается по воле батюшки с матушкой, а потом по собственному велению. Исстари невестка перед деверем не отчитывается, и не посмеет он совать свой нос в мою личную жизнь. Если бы мне было не на что существовать, он бы и пальцем не пошевелил. Пусть только вздумает встать у меня на пути, я ему умереть спокойно не дам! Да ничего он не сделает. Прошу тебя, об этом не беспокойся, – успокоила Симэня Пиньэр и спросила:

– А когда закончится стройка?

– Я приказал мастерам в первую очередь заняться твоим флигелем. Покраска и отделка завершатся, должно быть, к началу пятой луны.

– Поторопи их, дорогой мой! Я буду с нетерпением ждать того дня.

Горничная подала вино. Они пили и наслаждались целую ночь. С тех пор Симэнь постоянно навещал Пиньэр, но об этом говорить подробно нет надобности.

Быстро летело время. Два месяца продолжалась стройка. Заканчивалось сооружение обширного терема Любования цветами, оставалось возвести крышу над галереей.

Настал праздник лета, и в дома воткнули пучки полыни, а на ворота развесили заклинания.^[288]

Пиньэр накрыла стол и пригласила Симэня и чтобы угостить праздничными пирожками,^[289] и чтобы условиться о дне свадьбы. Пятнадцатого в пятой луне решили пригласить монахов, чтобы предать сожжению табличку покойного Хуа Цзысюя, а потом устраивать свадьбу.

– Деверей на панихиду пригласишь? – спросил Симэнь.

– Приглашения всем пошлю, а вот придут или нет, их дело.

На том и порешили.

Пятнадцатого Ли Пиньэр пригласила двенадцать монахов из монастыря Воздаяния. Они читали сутры и предали огню табличку души усопшего.

А тем временем Симэнь с тремя цянями серебра отбыл на рождение к Ин Боцзюэ. С утра он выдал Дайаню пять лянов и велел купить курицу, утку, гуся и вина. Пинганю и Хуатуну был дан наказ после обеда привести к Боцзюэ коня, чтобы вечером поехать к Пиньэр и поздравить ее со снятием траура.

У Боцзюэ за столом сидели Се Сиды, Чжу Жиньянь, Сунь Тяньхуа, У Дяньэнь, Юнь Лишоу, Чан Шицзе, Бай Лайцян и только что принятый в братство Бэнь Дичуань – все десять друзей, ни больше ни

меньше. Два приглашенных актера должны были увеселять и обносить вином пирующих. Когда все уселись, Симэнь позвал актеров. Одного – У Хуэя, брата У Иньэр, – он знал, другой – ему незнакомый – опустил на колени:

– Ваш покорный слуга Чжэн Фэн, брат Чжэн Айсян.

Симэнь занял почетное место и одарил каждого актера двумя цянями серебра. Когда солнце стало клониться к западу, к дому подъехал Дайань. Подойдя к Симэню, он зашептал ему на ухо:

– Госпожа просит вас пораньше пожаловать к ней.

Симэнь подмигнул слуге и вышел из-за стола, но его удержал Ин Боцзюэ.

– Ах ты, сукин сын! – заругался на слугу Боцзюэ. – Поди сюда и скажи, что это значит. Не скажешь, уши оторву, негодяй! У меня день рождения только один раз в году бывает! Солнце светит над головой, а он, видите ли, коня привел. Куда хозяина забираешь, а? Говори, кто тебя прислал? Хозяйка или та, что у восемнадцати сыновей^[290] обретается? Не скажешь, велю хозяину до ста лет тебя не женить.

– Никто меня не посылал, – проговорил Дайань. – Засидится, думаю, хозяин до ночи, вот и приехал пораньше.

Как ни пытал его Боцзюэ, слуга будто воды в рот набрал.

– Молчишь? – ругался Ин. – Ну, погоди, разузнаю, тогда я с тобой, болтун негодный, рассчитаюсь.

Ин Боцзюэ наполнил чарку вином и поставил перед Дайанем полблюда сладостей. Слуга удалился на кухню.

Через некоторое время Симэнь вышел за нуждой и крикнул Дайаня. Они отошли в укромное место, и Симэнь спросил:

– Кто да кто был у госпожи Хуа?

– Хуа Третий в деревне, у Хуа Четвертого глаза болят. Их не было. Только Хуа Старший с женой. Он после трапезы отбыл, а жену перед уходом госпожа пригласила к себе в спальню, дала десять лянов и две перемены нарядов. Она отвесила госпоже земной поклон.

– Деверь ничего не говорил? – спросил Симэнь.

– Ни словечка не проронил. Не решился. Правда, на третий день после свадьбы обещал к вам с поздравлениями пожаловать.

– В самом деле так и сказал? – удивился Симэнь.

– Не буду я вас обманывать!

Симэнь остался крайне доволен и спросил:

– Панихида окончилась?

– Монахи давно ушли, табличку покойного сожгли. Госпожа просила вас пораньше к ней прийти.

– Понимаю. Ну, ступай за лошастью пригляди.

Дайня удалился, не подозревая, что их разговор подслушал Ин Боцзюэ. От его оглушительного крика слуга даже вздрогнул.

– Вот ты где, сукин сын проклятый! – обрушился Боцзюэ. – Скрыть хотел, а я все слыхал. Вот, оказывается, какие у вас с хозяином тайны.

– Не ори, пес дурной! – осадил его Симэнь. – Все узнают.

– Попроси хорошенько, не буду кричать.

Они отвернулись к столу, и Боцзюэ поведал друзьям подслушанный разговор, а потом схватил Симэня и сказал:

– И ты, брат, называешь себя человеком, да? У тебя такое дело, а ты молчишь, с братьями не поделишься?! Пусть только Хуа Старший посмеет пикнуть, дай нам знать. Мы с ним сами поговорим. Сразу будет как шелковый. А заартачится, поперек пойдет, бока наломаем. Да, брат, а как сердечные дела? Ну-ка, расскажи все как есть. А то к чему же, спрашивается, мы побратимами назвались? Нам, брат, только брось клич, мы за тебя и в огонь, и в воду. Пусть родились мы не в один день, но готовы смерть принять в одночасье. Мы тебе преданы всей душой, а ты? Знай помалкивает, справедливо ли так-то?

– Если ты, брат, намерен от нас скрывать, завтра же всем расскажем, – поддержал друга Се Сидя. – Узнает и Ли Гуйцзе, и У Иньэр, тебе самому будет неловко.

– Ладно, сейчас скажу, – засмеялся Симэнь. – Женильба уже намечена.

– Но когда будет подношение подарков и переезд невесты, пока не установлено, – вмешался Боцзюэ.

– На свадьбу обязательно придем, как же брата не поздравить! – заметил Сидя. – Только не забудь певиц позвать, выпьем свадебную чару.

– О чем разговор! – заверил Симэнь. – Конечно, всех братьев попрошу ко мне пожаловать.

– Чем ожидать счастливого дня, не лучше ли сейчас и выпить по чарке, наперед брата поздравить, а? – предложил Чжу Жинянь.

Боцзюэ поднял чарку, Сидя держал кувшин с вином, Жинянь хлопотал у закусок, остальные встали на колени. Актеры, тоже преклонив колена, запели из «Тринадцати напевов» арию «Да продлится радость свадебного дня». Симэню пришлось залпом осушить три или четыре чарки.

– Нам приглашение само собой, да не забудь позвать Чжэн Фэна и У Хуэя, – наказывал Чжу Жинянь и, обратившись к актерам, продолжал: – Смотрите, чтобы на месте были вовремя!

– На такое торжество придем загодя, – прикрывая рукой лицо, ответил Чжэн Фэн.

После тостов друзья уселись и снова принялись за еду.

Вечерело. Симэню не сиделось на месте. Улучив подходящий момент, он вышел из-за стола. Боцзюэ хотел было запереть дверь, но за Симэня вступился Сидя.

– Отпусти его, брат, – обратился он к Боцзюэ, – не задерживай – ведь дело важное. И невеста будет сердиться.

Симэню удалось незаметно оставить подвыпивших друзей, и он верхом помчался прямо на Львиную.

Ли Пиньэр сняла траур и блистала пестрыми нарядами. В зале ярко горели фонари и свечи, на столе были аккуратно расставлены закуски и вино. На почетном месте стояло одинокое кресло. Пиньэр пригласила в него Симэня. Только что открыли жбан вина, и горничная, подойдя к Пиньэр, наполнила кубок. Хозяйка, отвесив четыре грациозных поклона, поднесла его Симэню.

– Вот и сожгли табличку покойного, – сказала она. – Не бросай меня, прошу. Я с радостью готова подавать тебе гребень и шапку. Буду птицей порхать от счастья.

– А что говорил Хуа Старший?

– После трапезы я отозвала его в спальню и сказала о твоём намерении жениться. Он мое замужество одобрил, не возразив ни слова. Только, говорит, на третий день после свадьбы велю жене навестить тебя. Я дала его жене десять лянов и две перемены нарядов. Оба они остались очень довольны и перед уходом не переставая меня благодарили.

– Если так, то я не возражаю, чтобы она навестила тебя. Но пусть только он попробует помешать, я ему не прощу.

– Пусть он только посмеет меня оскорбить, я тоже ему не спущу.

Тетушка Фэн принесла из кухни горячей воды, мяса и теста. Пиньэр вымыла руки, почистила ногти, сама скатала из провернутой баранины шарики и, завернув их в тесто, приготовила пельмени. В обеих посеребренных чарках заискрилось южное вино, налитое горничной Сючунь. Пиньэр поднесла чарку Симэню. Он отпил половину, а остальное дал допить ей. Так, угощая друг друга, они осушили не одну чарку.

Да,

Любовь нас делает моложе,
И чарки выпитые множит.

Приближение свадьбы радовало Пинъэр. Она выглядела гораздо веселее обычного.

– Я тебя заждалась, боялась, опьянеешь у Ина, – говорила она, сияя улыбкой. – Вот и послала Дайяня поторопить. А они про нашу свадьбу не пронюхали?

– Побирушка Ин догадался. Расшумелся. Слуге целый допрос учинил, все выпытывал. Братья собираются прийти с поздравлениями, просили певиц позвать и угощение устроить. Обступили меня, заставили выпить подряд несколько кубков. Только они замешкались, я хотел было улизнуть, да они задержали. Я уж им и так и этак объяснял – ну, отпустили.

– Верно сделали, что отпустили, – подхватила Пинъэр. – Знают, куда ты стремишься.

Пинъэр едва владела собой, бросая вожделенные взоры на Симэня. Он тоже был не в состоянии сдержать чувства. Они прильнули друг к другу – ароматная гвоздика коснулась абрикоса – и соединились в поцелуе. Заключив Симэня в объятия, Пинъэр прошептала:

– Мой милый! Если хочешь жениться на мне, поскорее возьми меня к себе. А пока навещай, не оставляй одну страдать днем и ночью.

Играя, они слились в любви.

Да,

Как ханьский У-ди^[291] с красавицей той, что царства губила;

Как чуский Сян-ван с девою той, что тучкой себя явила.^[292]

О том же говорят и стихи:

Любовь безгранична, желания страстны,

Объятия ласковы, жгучи и властны;

Светильник серебряный светит им в лица,

И все это счастье им словно бы снится.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРОКУРОР ЮЙВЭНЬ ОБВИНЯЕТ КОМАНДУЮЩЕГО ПРИДВОРНОЙ ГВАРДИЕЙ ЯНА ЛИ ПИНЬЭР БЕРЕТ В МУЖЬЯ ЦЗЯН ЧЖУШАНЯ

*Воспоминанья душу мне тревожат,
Ушли любви короткие мгновенья.
С подругой игры феникса на ложе,
Смущенье, радость первого сближенья...
Мерцал светильник, выгорало масло,
Потрескивал фитиль, и пламя гасло.
Сменилось счастье днями запустенья,
К прошедшему ни тропки нет, ни вехи.
Но час пришел – привел меня в смятенье,
Пообещав мне новые утехи.*

Так вот, двадцатого в пятой луне справлял свое рождение начальник гарнизона Чжоу Сю. Симэнь отвесил пять цзяней серебра, выбрал два платка и, одетый по-праздничному, верхом на белом коне отправился с поздравлениями, сопровождаемый четырьмя слугами. Среди гостей были судебный надзиратель Ся Лунси, командующий ополчением Чжан Цзюйсюань, тысяцкие Цзин Наньцзян и Хэ Цзинь и другие военные чины. Прибывших встречали ударами в барабан и музыкой. Лицедее давали представление. Четыре певицы наливали кубки.

Проводив Симэня, Дайань привел коня домой, а когда день стал клониться к концу, оседлал коня и поехал встречать хозяина. В начале Западной улицы ему повстречалась тетушка Фэн.

– Далеко ли путь держишь, мамаша? – спросил Дайань.

– Хозяйка наказала пригласить господина Симэня, – отвечала старуха. – Ювелир Гу принес коробку с головными украшениями, вот хозяйка и просит господина прийти посмотреть, да и дело у нее есть, поговорить надо.

– Хозяин у воеводы Чжоу пирует. За ним еду. Иди домой, я ему передам.

– Хлопот тебе прибавляю, а? – посочувствовала Фэн. – Скажи, будь добр. Больно хозяйка его ждет.

Дайань прищпорил коня и помчался к начальнику гарнизона. Пир был в самом разгаре, когда слуга подошел к Симэню и сказал:

– Иду я за вами, сударь, встречаю на улице тетушку Фэн. Ее к вам госпожа послала сказать, что ювелир прислал головные украшения. Вас приглашает посмотреть, и еще у нее к вам дело какое-то есть.

Симэнь угостил слугу сладостями и дал закусить. Он хотел было откланяться, но его никак не желал отпускать воевода Чжоу. Симэню пришлось выпить с ним большой кубок вина.

– Я вам премного благодарен, ваше превосходительство, – извинялся Симэнь. – Я бы рад продлить удовольствие, но меня ждут дела. Прошу прощения! Не осудите!

Он осушил кубок, простившись с хозяином, сел на коня и помчался к Ли Пиньэр.

Она подала ему чай.

– Коня отведи домой. Завтра за мной придешь, – наказал он слуге.

Дайань уехал. Пиньэр велела Инчунь принести коробку и показать украшения Симэню. Прекрасные это были изделия! Они горели разноцветными огнями, от их блеска рябило в глазах.

Симэнь и Пиньэр условились, что двадцать четвертого жених придет свадебные подарки, а четвертого придет за невестой. На радостях Пиньэр накрыла стол и устроила пир. Немного погодя она велела горничным навести порядок в спальне и постелить свежие прохладные циновки.^[293] Возлюбленные сняли одежды и сели на покрывало из плотного шелка под газовым пологом, надушенным мускусом и ароматами. Они долго пили вино, шутя и играя, прислонившись друг к другу, пока глаза не заблестели страстью, не вспыхнуло желание в сердце. Немного насладившись «игрою тучки и дождя», Симэнь, возбужденный вином, сел на ложе и позвал Пиньэр прилечь к нему сбоку и «сыграть на свирели».

Только поглядите:

Плывет над пологом благоуханье мускуса и орхидей, нежно

красавица играет на свирели. Увидишь стан ее – белоснежный нефрит – и сердце невольно забьется в груди. Коснется устами, как вишенки алыми, иль приласкает, погладит – ее пальчики нежнее ростка. Тотчас возлюбленный восплает страстью, она – познает прелести волшебного рожка.

– А Хуа Цзысюю ты тоже так играла? – спросил шутки ради опьяневший Симэнь.

– Да у него вся жизнь прошла как в бреду, – отвечала Пиньэр. – У меня и желания-то никакого не было. Он только и знал болтаться а когда заявлялся, я его и близко к себе не подпускала. Когда был жив наш старец, они с ним в отдельной комнате спали. Я его до того ругала, что у него сучья кровь в голову бросалась. Он бывало, дело не дело, старику жаловался. Из него дурь и палкой не выбьешь. И чтоб я с ним делала что-нибудь подобное?! Да я б на тот свет пошла от позора. Кто мне может быть дороже тебя, искуситель ты мой! Исцелитель ты мой единственный! И белым днем, и среди темной ночи не выходишь ты у меня из головы.

Они немного поиграли и снова дали волю страстям. Инчунь внесла небольшую квадратную коробку, в которой были всевозможные яства – орехи, ломтики вяленого мяса, куриные и гусиные лапки, цветочное печенье. В изящном золотом кувшинчике искрилось ароматное вино.

С тех пор, как зажгли огни, они пили вино и предавались утехам. Пробили первую ночную стражу, и вдруг послышался стук в ворота. Вышла тетушка Фэн.

У ворот стоял Дайань.

– Я ведь сказал, чтобы он завтра приходил, – изумился Симэнь. – И что его срьдь ночи принесло?

Симэнь велел позвать слугу в дом. Тот чуть не бегом бросился к спальне, где почивали Симэнь и Пиньэр, но у дверей остановился, не решаясь войти.

– Молодая госпожа с супругом прибыли, – стоя за занавеской, доложил Дайань. – Столько вещей привезли! Госпожа Старшая приказала скорее вас позвать.

Симэнь Цин только гадал, что заставило дочь с зятем приехать в такую позднюю пору. Решив, что ему надо сейчас же узнать, что случилось, он быстро встал. Пиньэр помогла ему одеться и налила на дорогу теплого вина. Вскочив на коня, он помчался домой.

Во внутренней зале при свете фонарей и свечей стояли дочь с мужем. Вокруг них громоздились сундуки, корзины, кровати, пологи и прочая утварь.

– С чего это вы вдруг пожаловали? – спросил встревоженный Симэнь. – Что случилось?

Зять Чэнь Цзинцзи, склоняясь в земном поклоне, заговорил со слезами на глазах:

– Наш достопочтенный господин Ян был на днях разжалован, смещен придворным прокурором со своего поста и по высочайшему указу заточен в Южную тюрьму.^[294] Всех его родственников, служащих и сторонников подвергают допросу, надевают на шею кангу^[295] и высылают. От Яна вчера ночью к нам прибежал управитель, рассказал обо всем отцу и так напугал нас, что отец велел мне с женой укрыться на время в вашем доме и прихватить с собой кое-какие пожитки. Сам же он отправился к моей тетке разузнать, как обернется дело. Отец не забудет вашего благодеяния, батюшка, и, когда все уляжется, щедро вас отблагодарит.

– Он мне написал? – спросил Симэнь.

– Вот письмо. – Чэнь достал из рукава пакет и вручил тестю.

Симэнь разорвал конверт и стал читать:

Младший сват Чэнь Хун бьет челом.

Милостивейший сват Симэнь,

настоящим без лишних слов сообщаю, что в то время как северные варвары, нарушив границу, вторглись в Сюнчжоу,^[296] начальник военного ведомства Дан Фу не отдал боевого приказа ни пешим, ни конным, вследствие чего упустил стратегический момент и вызвал неудовольствие двора. Тяжкие обвинения были предъявлены и достопочтенному господину Ян Цзяню. По гневному указу Его Величества Ян Цзяня заточили в Южную тюрьму и допрашивали на судебной коллегии трех управлений.^[297] Все его родственники и служащие приговорены по закону к ссылке в пограничные войска.

Такие вести повергли в ужас как меня, так и всех домочадцев. Не зная, где искать прибежища, я отправил на некоторое время к Вам сына с Вашей любимой дочерью и велел им захватить кое-какое добро. Сам же перееду к мужу сестры, Чжан Шилянью, дабы узнать о дальнейшем. Как только все уладится, вернусь домой. Не забуду о Вашем благодеянии и щедро Вас отблагодарю. Если дело, паче чаяния, получит огласку и у Вас в уезде, я на всякий случай велел сыну захватить еще пятьсот лянов серебра. Прошу прощения за причиненные Вам хлопоты и беспокойство. Буду вечно Вам благодарен. Писал наспех при лампе, без подробностей.

Еще раз низко кланяюсь. Хун.

Середина лета. 20 дня.

Симэнь Цин растерялся, но все же велел У Юэнян накрыть стол в угостить дочь с зятем, слугам приказал приготовить для приехавших расположенный перед залой обширный восточный флигель, а сундуки, корзины и шелка убрать в покои Юэнян. Чэнь Цзинцзи достал пятьсот лянов серебра и вручил тестю на подношения властям. Симэнь вызвал управляющего У, дал пять лянов и велел ночью же пойти к уездному архивариусу, чтобы списать поступившие из Восточной столицы известия.

Вот что было напечатано в «Столичных ведомостях»:[298]

Доклад прокурора Военного ведомства Юйвэнь Сюйчжуна.

Покорнейше прошу Ваше Величество судить и со всей строгостью наказать самовластных преступников, подрывавших устои Империи, дабы поднять дух в воинстве нашем и покончить с бедствиями от набегов варваров. Как известно Вашему покорному слуге, варвары совершали набеги с древних времен. Племена сяньюнь при династии Чжоу,[299] сюнну в царствование дома Хань,[300] тюрки при Танах,[301] кидани в период Пяти династий,[302] а когда основал Империю наш Сунский Государь, на землях Срединной Империи не один день бесчинствовали войска царства Ляо.[303] Однако не слыхивал, чтобы угроза варварского нашествия зарождалась извне, когда нет к тому повода внутри страны. Как гласит поговорка: колокол не загудит, пока не выпадет иней; колонна не отсыреет, пока не пройдет дождь. Одно зло порождает другое – таков непреложный закон. Так, у больного, когда он долго страдает от внутреннего недуга, изначальный эфир истощается, и в него отовсюду входит нечисть, от которой заболевают руки, ноги и кости. Такому больному не выжить, лечи его сам луский Бянь.[304] Поднебесная как раз и напоминает такого крайне истощенного больного. Вы, Государь, ее голова, Ваши помощники-сановники – ее внутренности, все чиновники – ее руки и ноги.

Вы, Ваше Величество, пребываете на девятом небе.[305] Чиновники Ваши внизу со всем усердием управляют страной. Если бы все внутри было наполнено жизненным эфиром, а процветание защищено от внешнего удара, откуда бы явиться беде? Ныне нашествие орд инородцев накликал не кто иной, как наставник Вашего Величества Цай Цзин, первый министр, стоящий во главе залы высокого правления. Этот коварный злодей льстил и лицемерил в глаза, но действовал бесстыдно и корыстолюбиво за спиной. Оказавшись не в состоянии помогать Государю в постижении нравственных истин, поощрении естественного начала и просвещения, а нижестоящим должностным лицам – во внедрении добродетельного правления, в охране народа и любви к нему, он пекся только о собственной корысти и жаловании,

мечтал сделаться Вашим любимцем и укрепить свое положение. Цай Цзин, кроме того, сколотил собственную клику и вынашивал заговоры, втайне обманывал Государя. Он губил лучших, из-за него предали казни ваших верных слуг; он сеял страх в Поднебесной. У его ворот собирались отовсюду сановники в красных и пурпурных одеяниях. Не так давно он самовольно изменил нашу политику по рекам Хуанхэ и Хуаншуй, отдал три области варварам ляо.^[306] Во время мятежа Го Яоши,^[307] перешедшего потом на нашу сторону, по вине Цай Цзина чжурчжени в конце концов нарушили перемирие, и их полчища стали теснить Китай. Вот как тяжки его преступления против Отчизны! Цай Цзин недостоин занимать свой пост.

Ван Фу^[308] – алчный бездарный подлец и ведет себя как балаганный комедиант. По протекции Цай Цзина он был приближен ко двору. Вскоре ему по недоразумению вверили власть над всеми войсками Империи. Он же, помышляя только о возвышении и собственном благополучии, не мог выдвинуть ни единого соображения, а потому растерялся и впал в панику, как только Чжан Да^[309] стал бесчинствовать в Тайюани. Ныне, когда варвары вторглись в наши пределы, он в страхе за свою жизнь бежал на юг с женой и детьми. За такие преступления против Отечества Ван Фу мало казнить!

Ян Цзянь – этот щеголь в атласных штанах, любитель тонких яств, присвоив себе заслуги предков, опираясь на родню жены – потомков фаворитки, был назначен на пост командующего придворной гвардией. Будучи распущенным, он завел множество наложниц. Притворяясь преданным, Ян Цзянь оказался вероломным и беспримерным трусом.

Эти трое подобрали себе тесно связанных между собою друзей, сбили клику, оплели и двор, и всю страну. Эти паразиты подточили власть Вашего Величества изнутри. За несколько лет они навлекли на Отчизну ужасные бедствия, подорвали основы жизни и нанесли ущерб населению. Они отягчили повинности и поборы. Народ разбежался, уходил в разбойники, варвары перестали покоряться, истощились богатства Поднебесной, и расшатались устои Империи. Злодеяний Цай Цзина и его клики не перечсть, как волос на голове. По своему долгу мы, верноподданные, обязаны предотвращать преступления, служить советами Вашему Величеству. Если бы мы, увидев собственными глазами, как предатели губят Империю, не докладывали о том Вашему Величеству, то не оправдали бы Высочайших милостей правителя-отца и изменили тому, чему нас учили всю жизнь. Пав ниц, умоляю Ваше Величество о вынесении приговора.

Дело Цай Цзина и всей клики злодеев необходимо либо передать в кассационную палату для смягчения наказания, либо приговорить преступников к высшей мере наказания – отсечению головы; либо, как

принято, забить в колодки и выставить на позор; либо сослать в места отдаленные, пусть сражаются с демонами и оборотнями.^[310]

Только в таком случае вернется к нам благоволение Неба, возрадуется народ, восторжествуют законы и прекратятся варварские набеги. Возликует вся Поднебесная, Ваши верные слуги и народ.

Удостоились получить Высочайшее повеление:

«Цай Цина оставить пока на прежнем посту помощника государева. Ван Фу и Ян Цзянь направить в судебную коллегия трех управлений. Быть по сему».

С благоговением исполнили Высочайшее повеление.

«После дознания в коллегии участники клики – преступники Ван Фу и Ян Цзянь – за попустительство вторжению варваров и потерю земель, за гибель народа, воинов и полководцев подлежат казни – отсечению головы.

Выявленных соучастников из числа родственников и домашних, писцов и секретарей – Дун Шэна, Лу Ху, Ян Шэна, Пан Сюаня, Хань Цзунжэня, Чэнь Хуна, Хуан Юя, Цзя Ляня, Лю Шэна и Чжао Хундао – после допроса забить в колодки и выставить на позор, а по истечении месяца сослать в пограничные войска».

Не прочитай Симэнь такого сообщения, все бы шло своим чередом, а тут у него зашумело в ушах, затрепетали внутренности, замерло сердце, чуть душа с телом не рассталась. В лихорадочной спешке приказал он связать во вьюки золото, серебро и драгоценности, позвал в спальню Лайбао с Лайваном и шепотом наказал:

– Наймите носильщиков и сейчас же, ночью, спешите в Восточную столицу, разузнайте новости. А к свату Чэню в дом не показывайтесь. Случится что недоброе, постарайтесь умиловить кого надо, а как все уладите, быстрее возвращайтесь домой.

Симэнь выдал им на дорогу двадцать лянов серебра, и ранним утром в пятую стражу, наняв носильщиков, они двинулись в путь, но не о них пойдет сейчас речь.

Всю ночь не смыкал глаз Симэнь, а утром отдал распоряжение Лайчжао и Бэнь Дичуаню прекратить разбивку сада, распустить мастеров, в дом никого не пускать и домашним на улице не показываться. Ворота по целым дням оставались на запоре. Самого Симэня все бросало в дрожь, он становился все мрачнее и мрачнее, метался по дому взад-вперед, как сороконожка под лучами палящего солнца. И даже саму мысль о женитьбе на Ли Пиньэр из головы выбросил.

– Стоит ли так расстраиваться? – обратилась к сидевшему целыми днями дома удрученному мужу Юэнян. – Ведь Чэни в беду попали, им

и ответ держать. На каждый долг свой кредитор, на каждое лихо – свой горемыка.

– Что вы, женщины, разумеете? – возразил Симэнь. – Ведь Чэнь – мой свойственник. Тут не до шуток! Да еще и доченька с муженьком пожаловали. Да и соседи на нас давно зубы точат. Прялка-то на месте стоит, да челнок бежит. Затронь овечку, ослы в драку полезут. Найдется негодяй, донесет, и вырвут дерево, доищутся до корешков, тогда никому несдобровать. Говорят, ворота запрешь, так беда с неба свалится.

В унынии сидел дома Симэнь, но не о том пойдет речь.

* * *

Расскажем теперь о Ли Пиньэр. Пождала она день-другой, но Симэнь не появлялся, раза два тетушку Фэн посылала. Ворота у Симэня будто железом оковали – сам Фань Куай не проломит. Подолгу простаивала у дома старуха, но и тени людской не показывалось.

Никак не могла понять Пиньэр, что случилось. Подошло двадцать четвертое число, и опять отправила она тетушку Фэн к Симэню отнести головные украшения и пригласить к себе.

Ворота не открывали. Старуха встала под крышу дома напротив и стала ждать. Вскоре в воротах показался Дайань. Он торопился напоить лошадь.

– А, мамаша, – заметив тетушку Фэн, протянул слуга. – С чем пожаловала?

– Госпожа велела украшения отнести и хозяина пригласить, – отвечала старуха. – Чего это как все вымерли?

– У хозяина дела срочные, некогда ему сейчас, – объяснял Дайань и посоветовал: – Иди, мамаша, домой, а я лошадь напою и скажу хозяину.

– Я уж тут обожду, дорогой мой! На,хвати украшения и скажи хозяину. До того госпожа на меня сердится!

Дайань привязал коня и пошел домой. Долго пришлось ждать старухе.

– Говорил с хозяином, – сказал появившийся наконец слуга. – Украшения он взял и просил передать, чтобы госпожа подождала еще несколько дней. Как освободится, сам навестит госпожу.

Тетушка Фэн поспешила домой и передала разговор Пиньэр. Та опять стала ждать. Была на исходе пятая луна, пошло начало шестой, а она все ждала и ждала, но не было о Симэне ни слуху ни духу.

Истрадалась Пиньэр и совсем потеряла надежду, что настанет когда-нибудь счастливый день.

Да,

Охоты нет ей брови подводить,
К нарядам дорогим остыла,
В душе печально и уныло,
Тоска и одиночество в груди.

Симэнь не появлялся, и Пиньэр с каждым днем теряла аппетит, смятение все сильнее овладевало всем ее существом. Она ложилась в одинокую постель и подолгу ворочалась с боку на бок. Однажды ей послышался стук в дверь, почудилось, будто идет Симэнь. Обрадованная, с сияющей улыбкой Пиньэр бросилась к двери и, взяв его за руку, ввела в спальню, где расспрашивала, почему он нарушил уговор. Между ними завязалась сердечная беседа. Они слились в любви и отдали ночь уладам, а когда запели петухи и забрезжил рассвет, Симэнь исчез. Пиньэр внезапно пробудилась и с испугу громко вскрикнула, но тут же впала в забытье. В спальню вбежала встревоженная тетушка Фэн.

– Только что ушел Симэнь Цин. Ты ворота заперла? – спросила ее хозяйка.

– Это вам, должно быть, представилось, сударыня, – уверяла старуха. – Никакого господина тут не было, даже тени не показалось.

С тех пор Пиньэр стали преследовать кошмары. Всякую ночь ее осаждали лисы. Они являлись в человеческом облике и высасывали из нее жизненные соки.^[311] Она бледнела и худела, перестала есть и пить, а потом и совсем слегла в постель.

– Пригласить бы вам Цзян Чжушаня с Большой улицы, – посоветовала старая Фэн.

Цзян Чжушаню было не больше тридцати. И вот перед ним, стройным, бесшабашным, крайне легкомысленным и лукавым, когда его привели в спальню, предстала, укрытая одеялом и распутившая волосы-тучи, Ли Пиньэр. У нее, казалось, не хватало сил превозмочь терзающую ее тоску. После чая горничная подстелила тюфяк, и Цзян Чжушань, приблизившись к больной, стал прощупывать пульс.^[312]

– Обследование позволяет установить исток вашего недуга, сударыня, – заговорил, наконец, Чжушань, не отрывая глаз от привлекательной пациентки. – У вас учащен пульс в печени. От сильного биения выше запястья образовалась опухоль. Вместе с тем парализованной оказалась артерия, характерная для женского

организма, и пульс давно переместился во впадину ниже большого пальца. Охватившие вас шесть желаний и семь страстей^[313] и вызывают борьбу двух противоположных начал, от коей вас, сударыня, то бросает в жар, то знобит. Похоже на то, что вас изводит тоска, несбывшееся желание. Ваш недуг схож с лихорадкой или простудой, но это ни то и ни другое. Днем вы ощущаете усталость и апатию, желание лечь в постель. Ваши жизненные силы иссякают. По ночам вам кажется, что душа не находит себе места, в бреду представляется, будто вы вступаете в связь с духами. Если не приступить к лечению немедленно, то, как это ни прискорбно, недуг перейдет в чахотку и исход, сударыня, будет весьма печален.

– Прошу вас, доктор, будьте так добры, дайте мне лучшее лекарство, – умоляла Пинъэр, – чтобы я могла поправиться. Щедро вас отблагодарю.

– Я постараюсь сделать все, что могу, сударыня, – заверил ее Чжушань. – Мое лекарство обязательно восстановит ваше драгоценное здоровье.

Чжушань стал прощаться. Тетушка Фэн с пятью цянями серебра пошла к нему за лекарством.

Вечером Пинъэр приняла лекарство и ночь провела спокойно. Постепенно у нее появился аппетит, она стала вставать, причесываться. Прошло немного дней, и она почувствовала себя как и раньше.

Однажды Пинъэр потратила три ляна и накрыла стол. Тетушка Фэн пошла приглашать Цзян Чжушаня. Вождение не покидало его с самого визита к Пинъэр, поэтому, едва услышав о приглашении, он приоделся и поспешил к ней. По-праздничному одетая Пинъэр встретила его приветствием в средней зале и пригласила к чаю. Потом хозяйка провела гостя в спальню, где был накрыт стол. Благоухал аромат мускуса и орхидей. Молоденькая Сючунь вынесла на золоченом подносе три ляна серебра. Пинъэр высоко подняла нефритовый кубок и с поклоном протянула Чжушаню, говоря:

– Мне нездоровилось, и вы, благодаря вашему чудодейственному лекарству, вернули меня к жизни. Я пригласила вас, доктор, чтобы отблагодарить этой скромной чаркой вина.

– Я только выполнял свой долг, и вам, право, не стоило так беспокоиться и хлопотать, сударыня, – проговорил Чжушань и, увидев три ляна, продолжал: – Я ваш покорный слуга и не посмею принять таких подношений.

– Покорнейше прошу вас принять этот ничтожный знак моего

внимания.

Чжушань долго отказывался, но потом взял серебро. Пиньэр поднесла ему кубок, и они сели за стол. Вино трижды обошло пировавших. Чжушань непрестанно бросал на хозяйку многозначительные взгляды. Разодетая, напудренная Пиньэр казалась выточенной из яшмы и поражала своей грацией и изяществом.

– Позвольте спросить вас, сударыня, сколько цветущих весен видели вы? – спросил Чжушань, решив завлечь ее разговором.

– Впустую прожила двадцать четыре года, – ответила Пиньэр.

– О, вы в самом расцвете молодости и у вас такие роскошные хоромы, живете вы в полном достатке. Чего же вам не доставало, сударыня? Что явилось причиной столь тяжкого недуга?

Пиньэр выслушала гостя и, улыбнувшись, сказала:

– Не скрою, доктор, после кончины мужа дом опустел, я осталась совершенно одинокой. Как не заболеть с горя, тоски и от мрачных раздумий?!

– Давно ли скончался ваш супруг?

– В одиннадцатой луне прошлого года его унесла лихорадка. Вот восемь месяцев как его не стало.

– Кто же его пользовал? – поинтересовался Чжушань.

– Доктор Ху с Большой улицы.

– А, тот самый Ху Пустомеля, который жил раньше на Восточной улице у придворного евнуха Лю? – изумился Чжушань. – Но ведь он не состоит в Его Императорского Величества медицинской академии, как я, например, и совершенный профан в определении пульса. Как вы могли пригласить его, сударыня!

– Но его мне порекомендовали соседи... И потом, доктор тут ни причем. Так уж мужу на роду, видно, было написано.

– У вас есть дети?

– Никого у меня нет.

– Вам можно только посочувствовать, сударыня. Остаться одинокой вдовой в пору самого цветения молодости... Но почему бы вам не попытаться найти новое счастье? Так покорно обрекать себя на страдания? Так-то немудрено и зачахнуть.

– Меня недавно сватали, и я вот-вот должна была выйти замуж, – призналась Пиньэр.

– Кто же он, позвольте вас спросить?

– Его милость господин Симэнь, который держит лавку лекарственных трав напротив управы.

– Бедная вы моя сударыня! – воскликнул Чжушань. – И зачем вы за

него идете? Я частенько бывал у Симэнь Цина и хорошо знаю всю его подноготную. Он с уездными властями стакнулся, в тяжбах посредником выступает, негласно ростовщичеством занимается, живыми людьми торгует. Дома у него одних жен не то пять, не то шесть. А как он их бьет! Чуть не по душе, велит свахе продать. Да, мастер жен пороть, первый губитель! Хорошо, вы мне заранее сказали, сударыня, а то угодили бы, как бабочка в огонь. Замучил бы,дохнуть не дал. Но было бы поздно. А на днях у него сват в беду попал. Так он теперь дома сидит, никому на глаза не показывается. Даже стройку забросил. А в управу распоряжение из столицы уже поступило – арестуют его, а дом и все добро в казну отойдут. Вот его участь, и как это вы за него идете, сударыня!

Рассказ Чжушаня заставил Пиньэр умолкнуть. Но ведь сколько вещей отдала она Симэню! Она долго размышляла, нервно расхаживая по спальне, говорила самой себе: «Вот, оказывается, почему он не идет. Неприятность у него, а я-то за ним посылала... И правду говорит доктор. Чжушань – сама скромность и учтивость. А что, если выйти за него? Интересно, есть у него жена?» – И Пиньэр, обращаясь к гостю, сказала:

– От всего сердца благодарю вас, сударь, за добрый совет. Я была бы не против, если б вы изъявили такую любезность и познакомили меня с подходящим человеком.

Чжушань не упустил возможности и спросил:

– А какого бы вам хотелось, позвольте узнать? С удовольствием разузнал бы и помог вам, сударыня.

– Мне все равно, какого он состояния, только походил бы на вас, сударь.

Не услышь этого Чжушань, все бы шло своим чередом, а тут он едва удержался от счастья. Выйдя из-за стола, он упал на колени.

– Сказать вам правду, сударыня, у меня нет ни хозяйки, ни детей. Давно уж живу бобылем – даже стол накрыть некому. Если у вас действительно родилось расположение ко мне, несчастному человеку, и вы готовы сочетаться со мной самыми тесными узами, как в свое время царства Цинь и Цзинь, это было бы исполнением самой заветной мечты всей моей жизни. По гроб не забуду такой чести.

– Встаньте же! – Пиньэр улыбнулась и протянула Чжушаню руку. – И давно вы живете вдовцом? Сколько вам лет? Ведь для совершения свадебного обряда полагается заслать сваху.

– Вашему покорному слуге двадцать девять лет, – жалобным голосом заговорил Чжушань, снова опустившись на колени. – Родился

в час зайца двадцать седьмого в первой луне. Жена моя умерла в прошлом году, и я беден и сир. Если вы дадите мне свое драгоценное согласие, то к чему же сваха?!

– Если у вас нет денег, – Пиньэр улыбнулась, – то мы позовем матушку Фэн, – она у меня живет, – и пусть она будет нашей свахой, а насчет подарков не беспокойтесь. Выберем счастливый день, и войдете ко мне в дом мужем. Что вы на это скажете?

– Вы воистину осчастливили горемыку, сударыня! – поспешно отвешивая земные поклоны, рассыпался Чжушань. – Мне кажется, я вновь обрел отца и мать, ощутил родительскую ласку. Еще никогда не переживал я такого счастья!

Они осушили свадебный кубок, заключив тем самым помолвку. Чжушань пировал с Пиньэр до самого вечера. Когда он ушел, Пиньэр стала советоваться с тетушкой Фэн.

– Видишь ли, у Симэнь Цина беда случилась. Кто знает, чем все кончится, а я одна. Заболела и чуть с белым светом не распрощалась. Я так думаю, не лучше ли будет взять этого доктора себе в мужья, а?

На другой день Пиньэр отправила Цзян Чжушаню письмо с тетушкой Фэн. В нем сообщалось, что восемнадцатое в шестой луне предвещает счастье, в этот день она ждет его к себе, чтобы стать мужем и женой.

Прошло еще три дня, и Пиньэр вручила Чжушаню триста лянов серебра, чтобы он открыл в двух помещениях у ворот лавку и украсил ее как полагается. Раньше Чжушань пешком ходил по больным, теперь приобрел осла и важно разъезжал на нем верхом, но не о том пойдет речь.

Да,

Весенний ветерок едва подует –

И зеркало стоячих вод взволнует.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЛАЙБАО УЛАЖИВАЕТ ДЕЛА В ВОСТОЧНОЙ СТОЛИЦЕ

ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ СМОТРИТ ЗА РАЗБИВКОЙ САДА

*Случается переживать мгновенья
Страшней, чем со змеею столкновенье.
Кто ведает, что времени течение
Есть колеса огромного вращенье?
Что у соседа справа отберешь,
Соседу слева полностью вернешь.
Куда шальные деньги попадают,
Там, словно снег на солнце, и тают.
Рис на участке отнятом сажая,
Не соберет обидчик урожая.
На хитрость, на уловки положась,
Ты раньше срока встретишь смертный
час.*

Тут наш рассказ раздваивается. Не будем говорить, как Пинъэр взяла к себе Цзян Чжушаня, а расскажем о Лайбао и Лайване, которые отправились с подношениями в столицу.

С зарею выходили они на большую покрытую бурого цвета пылью дорогу, на закате шли по багровой вечерней пыли. Садились поесть, лишь изголодавшись, принимались пить, лишь изнывая от жажды. Ночевали прямо под луной да под звездным небом, пока, наконец, не добрались до Восточной столицы.

Остановились они на постоялом дворе за воротами Долголетия, а на другой день вышли побродить по городу, прислушивались, о чем шептались и судачили на улицах и в переулках. А толковали все об

одном: вчера-де после допроса начальнику военного ведомства Ван Фу объявили высочайший указ. А приговор будет утвержден осенью. Продолжаются розыски кое-кого из подчиненных, близких и родных командующего Ян Цзяня, потому, мол, и приговор пока еще не вынесен, но теперь, должно быть, и до них дошел черед.

Тут слуги Симэня взвалили на спину тюки с подарками и поспешили к Цай Цзину. Бывать у него по делам им приходилось не раз, и дорога была знакомая. У самого особняка под аркой на улице Драконовой Доблести они остановились разузнать новости. Немного погодя из ворот государева наставника торопливо выскочил человек в синем и повернул на восток. Лайбао сразу узнал в нем управителя Яна, который доводился родственником командующему Ян Цзяню и служил при нем. Лайбао чуть не окликнул его, да вовремя вспомнил наказ хозяина и удержался. Когда управитель исчез из виду, слуги не спеша приблизились к воротам и почтительно поклонились привратнику.

– Его высокопревосходительство господин наставник у себя? – спросил Лайбао.

– Его превосходительство не вернулись из дворца, – ответил привратник. – А в чем дело?

– Нельзя ли повидаться с почтенным господином Чжаем, дворецким, дело есть, – не унимался Лайбао.

– Господин Чжай отбыл в свите его превосходительства.

«Постой, подарка ждешь, потому и правду сказать не хочешь», – смекнул слуга и, достав из рукава лян серебром, протянул привратнику.

– Тебе кого? – принимая серебро, спросил тот. – Самого господина наставника или его старшего сына, академика? У его превосходительства секретарем дворецкий господин Чжан Цянь, молодому господину докладывает младший дворецкий Гао Ань. Его превосходительство не изволили вернуться, а молодой господин дома. Если по делу, хочешь, вызову дворецкого Гао. Доложишь младшему, не все ль равно!

– Я от командующего Яна, – схитрил Лайбао, – по делу.

Стражник не посмел больше медлить и удалился. Просители долго ждали появления Гао Аня.

– Ваш покорный слуга в родстве с его превосходительством господином Яном, – начал Лайбао, торопливо поднося Гао Аню десять лянов. – У нас от него письмо. Прибыли-то мы вместе с управителем Яном, но пока я мешкал с обедом, он успел у вас побывать...

– Ян только что ушел, – сказал Гао Ань, принимая серебро. – Его превосходительство на аудиенции. Обожди немного, я доложу молодому господину.

С этими словами дворецкий Гао повел Лайбао через мощный темным камнем двор вглубь особняка. Всюду пестрели ярко-красные надписи, проходы между строениями украшали покрытые зеленым лаком перила. Миновав большую залу и еще одни парадные ворота, Лайбао очутился у обращенной на юг пристройки. На золотой таблице рукою императора было начертано: «Музыкальная зала ученого».

Цай Ю, сын Цай Цзина, тоже был любимцем при дворе, академиком палаты Счастья и Согласия, а кроме того начальником ведомства обрядов и надзирателем при дворце Величайшего Единства.

Лайбао остался ждать у дверей, а Гао Ань пошел доложить, потом велел ему войти.

В зале висел красный занавес. Перед ним восседал одетый по домашнему Цай Ю.

– Откуда явился? – спросил он павшего на колени слугу.

– Ваш покорный слуга сродни его превосходительству господину Яну, из домашних Чэнь Хуна, прибыл вместе с управителем Яном передать письмо его высокопревосходительству. Управитель успел повидаться, а я опоздал, – объяснил Лайбао и вынул из-за пазухи письмо.

Цай Ю увидел на конверте надпись: «Белого рису пятьсот даней», [314] велел подойти поближе и продолжал:

– Его превосходительство господин Цай все эти дни избегал принимать посетителей, поскольку и его имя значится в обвинительном докладе. Вчера дело рассматривалось на заседании судебной коллегии трех управлений под председательством помощника начальника коллегии его превосходительства господина Ли Банъяня. Как стало известно вчера, государь объявил господину Яну высочайшее помилование, и наказание будет смягчено. Правда, в списке наказуемых значатся его близкие и служащие, приговор которым ожидается по окончании расследования. Так что ступай, поговори с его превосходительством Ли.

– Нижайше прошу, ваше превосходительство, указать, где изволит проживать почтенный господин Ли, – отвешивая низкие поклоны, умолял Лайбао. – Окажите столь высокую милость, от имени господина Яна прошу.

– Дойдешь до моста Небесного потока, [315] потом свернешь на север, – пояснил Цай Ю, – там, на склоне, увидишь большие ворота.

Спросишь любого, где живет помощник начальника коллегии, старший академик залы Содействия правлению, он же начальник ведомства обрядов его превосходительства Ли Банъянь, всякий тебе скажет. Да ладно, я пошлю провожатого.

Тут Цай Ю велел писцу составить письмо, поставил печать и попросил Гао Аня проводить Лайбао.

Лайвану было велено забрать подношения, и оба слуги вместе с Гао Анем покинули дом Цай Цина. Миновав улицу Драконовой доблести, они прошли мост Небесного потока и вскоре оказались перед домом Ли Банъяня.

Помощник начальника коллегии как раз возвращался с высочайшей аудиенции. Он был в расшитом шелковом красном халате с нефритовым обручем на поясе. Проводив к паланкину какого-то сановника, он проследовал в свои покои.

– Прибыл дворецкий его превосходительства академика Цая-младшего, – доложил привратник.

Сначала пригласили Гао Аня. После разговора с ним велели войти Лайбао и Лайвану, которые пали ниц перед возвышением, где восседал хозяин. Стоявший сбоку Гао Ань протянул Ли Банъяню письмо от Цай Ю и перечень подарков, которые Лайбао тут же преподнес.

– Как я могу принять все это, когда за тебя просит его превосходительство господин Цай?! – увидев подношения, воскликнул Банъянь. – Да ты еще и в родстве с его превосходительством Яном. А его императорское величество были растроганы и оказали господину Яну высочайшую милость, так что все улажено. Правда, прокурор сурово обвинил тех, кто с ним. Кое-кому наказания не избежать.

И Ли Банъянь велел писцу подать присланные накануне списки обвиняемых.

Доклад, между прочим, гласил:

«Вместе с Ван Фу – письмоводитель Дун Шэн, домочадец Ван Лянь, начальник стражи Хуан Юй; вместе с Ян Цзянем – писец Лу Ху, управитель Ян Шэн, секретари Хань Цзунжэнь и Чжао Хундао, начальник стражи Лю Шэн и клика родственников: Чэнь Хун, Симэнь Цин, Ху Четвертый. Эти прихвостни и хитрые лисы, пользуясь покровительством тигра, с расчетом приобретали себе чины и, опираясь на сильных, губили народ. Их лихоимство беспримерно, их злодеяния велики, как горы. Они возмутили простой люд, отчего начались смуты в городах.

Покорнейше просим Ваше Величество либо передать дело в судебную коллегию и сослать клику преступников на дальние окраины,

дабы сражались там с демонами и оборотнями, либо применить высшее наказание и казнить судом Империи. Нельзя и дня оставлять их в живых!»

Растерявшиеся слуги только отвесили земные поклоны.

– Ваш покорный слуга как раз из домашних Симэнь Цина, – пролепетал, наконец, Лайбао. – Уповаю на вашу высокую милость, ваше превосходительство, пощадите моего господина, не дайте погибнуть!

Вместе со слугами коленопреклоненно просил о пощаде и Гао Ань.

Ну как не порадеть при виде пятисот лянов серебра всего лишь за одно лицо?! И тут Ли Банъянь велел принести стол, взял кисть и исправил в докладе имя Симэнь Цин на Цзя Цин,^[316] забрал подарки, а просителей отпустил, передав ответное письмо Цай Ю и пятьдесят лянов для Гао Аня, Лайбао и Лайвана.

Выйдя от него, слуги Симэня простились с Гао и направились на постоянный двор, собрали вещи, расплатились с хозяином и звездной ночью пустились обратно в Цинхэ.

По прибытии сразу же по порядку доложили обо всем Симэнь Цину. От их рассказа хозяина будто в ледяную воду окунули.

– Не отблагодари их заранее, что бы мы теперь делали?! – говорил он Юэнян.

В эти минуты жизнь Симэнь Цина, закатившаяся было, как солнце за западные хребты, вдруг вновь возродилась из-за Фусана.^[317] Будто гора с плеч свалилась.

Дня через два ворота больше не запирали, опять возобновилась стройка и разбивка сада, стали понемногу выходить на улицу.

* * *

Однажды, проезжая верхом по Львиной, Дайань увидел у ворот Ли Пиньэр большую лавку лекарственных трав. Внутри сверкали ярко-красные шкафы и горами лежали снадобья. Снаружи блестела лаковая вывеска, качались образцы товаров. Шла бойкая торговля.

– Госпожа Хуа наняла приказчика и открыла лавку лекарственных трав, – рассказывал Симэню, вернувшись домой, слуга.

Дайань и не подозревал о том, что Пиньэр взяла в мужа Цзян Чжушаня. И Симэнь не очень-то ему поверил.

Как-то, в середине седьмой луны, когда повеяло осенним ветерком и на землю пала прохладная роса, Симэнь ехал верхом по улице. Вдруг его окликнули Ин Боцзюэ и Се Сиды. Симэнь спешился.

– Что это тебя, брат, давно не видно? – спросили его друзья. –

Сколько раз к дому подходили, да глядим: ворота заперты, а стучаться не решались. Все ломали голову: что, мол, брат дома сидит? Ну как, женился? А нас и не позвал?

– Даже говорить не хочется, – начал Симэнь. – Сват у меня в неприятность попал. Пришлось за него хлопотать. А свадьбу я отложил.

– Вот оно что! – удивился Боцзюэ. – А мы и не знали, что беда стряслась. Но раз уж встретились, мы тебя, брат, так не отпустим. Приглашаем к У Иньэр тоску немного развеять, по чарочке пропустить.

И друзья без лишних слов потащили Симэня к певицам. Дайань с Пинъанем сзади вели коня.

Да,

Покинешь дом, тебе и счастья нет,
Тоскливо сердцу, к дому просится.
Вино, и алость щек, и звон монет –
Дурманящая разум тройца.

Так, уведенный друзьями, Симэнь целый день провел в гостях у Иньэр. Его отпустили только под вечер, когда он был уже полупьян. Возвращаясь верхом, при въезде на Восточную улицу Симэнь повстречал куда-то торопившуюся тетушку Фэн.

– Далеко ли путь держишь? – спросил Симэнь, сдерживая коня.

– Из загородного монастыря иду, – отозвалась старуха. – В день поминовения всех усопших госпожа посылала.^[318] По покойном муже панихиду заказывала.

– Хозяйка жива-здорова? – спросил захмелевший Симэнь. – На днях навестить ее собираюсь.

– Чего же теперь, сударь, о здоровье-то справляться?! Худо ли, хорошо ли, а свадьбу сыграли – кашу сварили, а едок и горшок прихватил.

– Уж не замуж ли она вышла? – Симэнь вздрогнул.

– Госпожа меня не раз к вам посылала, да я так и не смогла увидеть, головные украшения показать. Ворота были на запоре, а слуг просила, вы и внимания не обратили. Делать было нечего! Ну и нашла другого...

– Кого же?

Тетушка Фэн рассказала, как Ли Пиньэр среди ночи пугали лисы, как она заболела и чуть не умерла, как пригласила Цзян Чжушаня с Большой улицы и поправилась, а через некоторое время приняла врача

в дом, и они стали мужем и женой, как потом Пиньэр дала Чжушаню триста лянов, и он открыл лавку лекарственных трав.

Не услышь такого Симэнь, все бы шло своим чередом, а тут он от негодования чуть с лошади не свалился.

– Какой ужас! – воскликнул он. – Выйди за другого, не было бы так обидно, но за этого коротышку-рогоносца! Да какой в нем прок?!

Симэнь ударил коня и помчался домой. Когда он спешился и вошел в парадные ворота, перед ним предстали Юэнян, Юйлоу, Цзиньлянь и его дочь, Симэнь Старшая. На залитом лунным светом дворе перед главной залой они, как ни в чем не бывало, играли в скакалки. Завидев хозяина, женщины спрятались. Не убежала только Пань Цзиньлянь. Она прислонилась к колонне и стала поправлять туфельку.

– Ишь раскричались, потаскухи! – заругался пьяный Симэнь. – От безделья через веревочку прыгать вздумали!

Симэнь подбежал к Цзиньлянь и, дав ей пинка, ушел в задние покои, но не к Юэнян, а в западный флигель. Пройдя в кабинет, приказал накрыть там постель. Он не успокоился и отругав слуг со служанками. Столпившись в стороне, испуганные жены не могли понять, что с ним случилось.

– Раз видишь, пьяный идет, надо было уйти, а то стоит улыбается, туфельку поправляет, – укоряла своенравную Цзиньлянь хозяйка. – Сама его разозлит, потом он на всех кидается.

– Ладно бы нас ругал, а то и Старшую потаскухой обзывает. Вот негодный! – возмущалась Юйлоу.

– В этом доме мне всегда больше всех достается, – сказала Цзиньлянь. – Все тут были, а пинком меня наградил. Вам-то чего беспокоиться.

– Да ты б ему посоветовала и меня пнуть ногой, – заметила с раздражением Юэнян. – Тогда бы всем досталось, не тебе одной. Знай же свое место, бесстыдница! Я молчу, а ты рта не закрываешь.

Видя, что Юэнян сердится, Цзиньлянь заговорила по-другому:

– Вы не поняли. Не о том я хотела сказать. Не знаю, говорю, что у него там вышло, а пришел на мне зло срывать. Глаза на меня вытаршил, извести, верно, хочет.

– Ну кто тебя заставляет его на зло-то наводить! – укоряла ее Юэнян. – Ты ж сама на кулаки напрашиваешься.

– А вы слугу допросите, – посоветовала Юйлоу. – И где он только успел напиться? Утром был в самом благодушном настроении, а воротился...

Вызвали Дайяня, и Юэнян учинила ему допрос.

– Правду говори, арестант проклятый, – обрушилась она на слугу, – не то бить велю. И Пинъаня заодно. Получите у меня по десятку палок каждый.

– Сжальтесь, сударыня! – взмолился Дайань. – Все расскажу как было. Хозяин с дядей Ином пошли навестить У Иньэр. Вышли от нее рано.

У Восточной улицы хозяин встретился с тетушкой Фэн. Она и сказала, что госпожа Хуа, мол, пождала-пождала да и нашла себе мужа – доктора Цзяна с Большой улицы. Это и вывело хозяина из себя.

– Выходит, бесстыжая распутница замуж вышла, а на нас надо зло срывать? – возмущалась Юэнян.

– Да куда она не выходила, она к себе в дом мужа привела, – уточнил Дайань. – Денег ему выдала. Поглядели бы, какую они лавку лекарственных трав открыли! Я как-то хозяину сказал, да он не поверил.

– Сами посудите, – вставила Юйлоу, – давно ли муж умер? Траур снять не успела, а уж замуж. Как можно, а?

– В наше время не спрашивают, что можно, а чего нельзя, – заметила Юэнян. – Что она, первая, что ли такая? Мало ли нынче в трауре замуж выходят? Распутной только бы пить да спать с мужиком. Где уж там блюсти целомудрие!

Заметь, дорогой читатель! Слова эти задели за живое и Мэн Юйлоу, и Пань Цзиньлянь. Ведь обе они вышли замуж во второй раз и раньше, чем истек полагающийся срок траура. Смущенные, они удалились к себе, но не о том пойдет речь.

Да,

Хоть часто в жизни нам сопутствуют невзгоды,

Но редко мы о них с друзьями речь заводим.

Так Симэнь и проспал ту ночь во флигеле, а на другой день поставил зятя Чэнь Цзинцзи смотреть за разбивкой сада и вместе с Бэнь Дичуанем вести расчеты с мастерами. Лайчжао стал сторожем у главных ворот. Дочь хозяина, Симэнь Старшая, целыми днями просиживала в задних покоях. Только ночевать приходила к себе в передний флигель. Чэнь Цзинцзи весь день был занят стройкой и без приглашения входить в дом не решался. Даже еду ему выносили слуги. Так что жен Симэня он и в глаза не видал.

Однажды, когда Симэнь Цин отбыл на проводы судебного надзирателя тысяцкого Хэ Цзиня, Юэнян вспомнила про Чэнь Цзинцзи. Ей захотелось угостить зятя, который так старательно

трудился и ни разу не удостоился внимания.

– Угостишь зятя, скажут, не в свои, мол, дела вмешивается, но мне перед ним неловко, – обратилась хозяйка к Юйлоу и Цзяоэр. – Ведь свой человек! С утра до ночи в труде и заботах, для нас же старается, а никто не поблагодарит за усердие. Как так можно!

– Вы хозяйка дома, сестрица, – заметила Юйлоу, – кому, как не вам об этом и побеспокоиться?

Юэнян распорядилась накрыть стол, поставить вина и закусок. В обед пригласили Чэнь Цзинцзи. Передав работу Бэнь Дичуаню, Цзинцзи направился в задние покои.

Низко поклонившись Юэнян, зять сел сбоку. Сяоюй принесла чай. Потом подали вино и закуски.

– Вы с таким усердием каждый день трудитесь, зятюшка, – обратилась к Цзинцзи хозяйка, – что мне давно хотелось пригласить вас посидеть с нами, но все никак не могла найти подходящего способа. И вот сегодня, когда отсутствует ваш батюшка, а мы ничем не заняты, я пригласила вас выпить чарку вина и выразить вам признательность за труды.

– Не извольте беспокоиться, матушка, – отвечал Цзинцзи. – Осчастливленный призрением батюшки с матушкой, я здесь и устал не знаю.

Юэнян поднесла зятю кубок вина, и он сел сбоку. Вскоре появились яства. Отведав их вместе с Цзинцзи, Юэнян велела Сяоюй пригласить к столу его жену.

– Госпожа вымоет руки и сейчас придет, – ответила горничная.

В спальне послышался стук костяшек домино.

– Там кто-то играет в домино? – спросил Цзинцзи.

– Ваша жена с горничной Юйсяо, – ответила Юэнян.

– До чего своенравная! – заметил Цзинцзи. – Матушка зовет, а она в кости играет.

Наконец, отдернув занавеску, появилась Симэнь Старшая и села напротив мужа.

– Зятюшка играет в домино? – спросила ее Юэнян.

– Да, разбирается, – ответила та.

Юэнян казалось, что Цзинцзи зять деловой и рассудительный. Она и не представляла, что этот малый поднаторел в стихах и в романах, песнях и одах, играл в двойную шестерку и шашки, составлял загадки и шарады, и чего он только не знал, чего не ведал!

О том же поется и в романсе на мотив «Луна над Западной рекой»:

Он был пронырой с малых лет,

жуир, каких не видел свет, –
калач, как говорится, тертый был.
И к лошадям имел страстишки,
и перекинуться в картишки,
и даже музицировать любил.
Но огорчал один его порок –
перед красоткой устоять не мог.

– Если играете, так почему бы и нам не присоединиться, а? –
предложила Юэнян.

– Вы, матушка, с дочкой играйте, а я не смею, – отозвался зять.

– Вы же среди своих! Стесняться нечего! – уговаривала его Юэнян,
ведя в спальню.

Там, на раскинутом вдоль всей кровати лиловом ковре играла
Юйлоу. Увидев Цзинци, она хотела было уйти, но ее остановила
Юэнян:

– Зять – не чужой человек. К нему надо как к близкому
относиться, – сказала хозяйка и, обращаясь к Цзинци, продолжала: –
Это госпожа Третья.

Цзинци поспешно склонился в низком поклоне, Юйлоу
приветствовала его в ответ. Стали играть втроем, а Цзинци наблюдал
за игрою сбоку. Когда его жена проиграла, он занял ее место.

Юйлоу вынула кости. Они составили «раздел меж небом и землей».
У Цзинци кости не сошлись, а Юэнян составила «кумач густой
четверок». Без «двойной тройки» не подходил «дупель единица».
Кости не складывались. Как ни переставляли, сочетания цветов не
получалось.

В это время в спальню вошла Цзиньянь. Сетка из серебряных
нитей стягивала ей прическу, которую украшал приколотый шпилькой
«десница небожителя» живой цветок. Она казалась изваянной из
яшмы.

– Кто, думаю, тут веселится, – лукаво улыбаясь, заговорила она. –
А это, оказывается, зять Чэнь.

Цзинци тут же обернулся. Едва ему удалось лицезреть Цзиньянь,
как у него забилося сердце и забегали глаза. Он едва владел собой.

Да,

Словно встретил любимую после долгой разлуки,
Будто разом испробовал все улады и муки.

– Это госпожа Пятая, – представила вошедшую Юэнян. – И вам,
зятюшка, следует приветствовать ее должным образом.

Цзинци предстал перед Цзиньянь и низко поклонился. Она, в свою очередь, ответила на приветствие.

– Поди сюда, сестрица, – позвала ее Юэнян. – Погляди, как птенец бьет старую ворону.

Цзиньянь приблизилась к играющим. Обмахиваясь круглым веером из белого газа и опершись о кровать, она стала подсказывать Юэнян:

– Эту кость вы не туда ставите, сестра. Нужна «двойная тройка». Тогда и «небо» подойдет – обыграете зятя Чэня и сестрицу Третью.

Партия была в самом разгаре, когда Дайань внес свернутый ковер и объявил о прибытии хозяина.

Юэнян велела Сяюй побыстрее проводить Цзинци через боковую дверь.

Симэнь спешился и, войдя в ворота, пошел первым делом поглядеть, как идет стройка, а потом направился к Цзиньянь. Она поспешила ему навстречу и помогла раздеться.

– Как ты рано с проводов воротился, – заметила она.

– Судебного надзирателя тысяцкого Хэ назначили начальником крепости в Синьпине, – объяснил Симэнь. – И все официальные лица провожали его за городские ворота. Мне тоже приглашение прислали. Не пойти было неудобно.

– Тебе и выпить не пришлось. Я велю накрыть стол.

Вскоре появились закуски и вино. За столом речь зашла о завершении стройки, угощении друзей и приглашении ради такого случая поваров.

Когда наступили сумерки, Чуньмэй зажгла свет, и они легли, потому что Симэнь встал в тот день очень рано. Утомленный проводами, он скоро опьянел и сразу же громко захрапел.

Был двадцатый день седьмой луны. По ночам стояла сильная жара, и Цзиньянь не спалось. Послышался комариный писк. Она поднялась и взяла под бирюзовый полог свечу. Один за другим сгорали в ее пламени комары. Симэнь крепко спал. Цзиньянь попробовала его разбудить, но он не просыпался. Большой и солидный, с подпругой у чресел, он невольно рождал желание. Цзиньянь отставила подсвечник и, нежно коснувшись его, стала играть, а потом, склонившись, прильнула устами и принялась посасывать.

– Ишь, напугала! – зажурил ее пробудившийся Симэнь. – Видишь, спит твой милый, а ты что делаешь, проказница?!

И, усевшись на постели, он попросил ее продолжить игру, а сам, склонившись, стал наблюдать за ней с немалым удовольствием.

Да,

Красавица любимому в постели
Всю ночь играть готова на свирели.

О том же поется и в романсе про комара-мошку с двояким смыслом на мотив «По осоке иду»:

Очарован тонким станом,
Гибкой талией певуны неустанной.
Только полог приоткрой под вечер
Не избежешь встречи:
Опьяненный ароматом, смело
Устремляется к нефритовому телу,
Оставляют алые следы его уста.
А потом над самым ухом
Шепчет звонко, шепчет глухо –
Не спасает даже ночи темнота.

Поиграла так Цзиньлянь еще некоторое время, а Симэнь уж придумал новое. Он велел Чуньмэй принести вина и встать с кувшином у ложа. Поставив свечу на скамейку у кровати, он заставил Цзиньлянь встать перед собой на четвереньки, отправил тот самый предмет «добывать огонь за горными хребтами»,^[319] подпирая, ввел в лоно, и приказал жене двигаться, чтобы самому пить вино и наслаждаться.

– Хорош насильник! – заругалась Цзиньлянь. – Давно ль у тебя, плут пронырливый, этакие замашки завелись, а? Ему, видите ли, еще горничную сюда подавай, чтобы любовалась.

– Это мы с Пиньэр так делали, – объяснил Симэнь. – Она горничную Инчунь звала. Та, бывало, станет с кувшином и вино наливает. Как интересно!

– Ох, уж эта мне Пиньэр! И не поминай ты мне эту распутницу! Я к тебе всем сердцем, да не жалуешь ты меня. А эта потаскуха и подождать-то не могла, уж и мужа в дом привела. Когда вот ты пьяный пришел, а мы втроем во дворе играли, так ты меня ногой пнул, на мне одной зло сорвал. И от других укоры опять на меня посыпались. Как подумаю, мне здесь больше всех достается.

– Кто ж тебя укорял? – спросил Симэнь.

– Ты в дом прошел, а Старшая так меня отчитывала. Ты, говорит, перед ним глотку дерешь, обругала, будто я места своего не знаю. Мне попало, на меня же и злятся. Выходит, на бедную Пань – и побои и

брань.

– Да я б тогда не разозлился. Меня брат Ин к У Иньэр зазвал; а когда выехал от нее, навеселе был, встретила же мне старуха Фэн и про Ли Пиньэр поведала. До чего ж я рассвирепел! Ну, нашла бы кого другого, ладно, а то карлика Цзяна взяла, рогоносца проклятого. И как Хуа Старший ее плетью не проучил?! Что она нашла в этом уроде? Мало – в дом приняла, да еще денег дала, чтобы у меня под носом лавку открыл. Вздумала мне назло торговать.

– Тебе хорошо рассуждать, а могла ли я тогда тебе сказать?! – возразила Цзиньлянь. – Кто первый варит, тот первым и ест. Ты меня даже слушать не желаешь, все к Старшей обращаешься, ей во всем веришь, а кто только одного слушается, тот сам и запутается. Раз не прав сам, других нечего винить.

От такого упрека Симэнь весь вспыхнул и даже побагровел.

– Пусть себе болтает глупая потаскуха! – ругался он. – Теперь я и разговаривать с ней не стану.

Послушай, дорогой читатель! Издревле не удавалось избежать обид и клеветы между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшими братьями, тем более между друзьями. У Юэнян же была женщина добродетельная, положение первой жены занимала, а Симэнь Цин слушал только то, что говорила ему в спальне Цзиньлянь. Так начался раздор. Разве не побудила эта распря как следует призадуматься и всех остальных?

С этих пор неприязнь отделила Симэня от Юэнян. Они не разговаривали даже когда оказывались рядом. Юэнян не интересовалась, у кого бывал Симэнь, в котором часу возвращался домой. Когда ему требовалось что-нибудь взять у нее из спальни, она посылала к нему горничную. Так они совсем охладели друг к другу.

Да,

Хоть колесниц передовых
перевернулась тьма,
Последние в обрыв нырнуть
торопятся им вслед.
Уже давно указан путь
прямой, как ровный тракт,
Но внемяют клевете, увы,
а слову правды – нет.

После того как между хозяином и хозяйкой отношения испортились и Симэнь стал прислушиваться к каждому слову

Цзиньлянь, она решила, что добила своего, и ходила в приподнятом настроении. Цзиньлянь красилась, наряжалась и делала все, чтобы привлечь к себе внимание Симэня и снискать его привязанность и любовь. Встретившись с Чэнь Цзинцзи, она сразу поняла, какой он шустрый и сметливый малый, и у нее появилось желание увлечь зятя, но она побаивалась Симэнь Цина. Когда же он отлучался из дому, она просила горничную позвать зятя к себе в спальню. Они частенько пили вдвоем чай и играли в шашки.

Однажды по случаю завершения стройки с поздравлениями к Симэню пожаловали родные и друзья. Многие принесли подарки. Мастера получили вознаграждение за труды. Высоких гостей принимали в большой зале. После пира Симэнь распорядился убрать помещение, а сам пошел в задние покои отдохнуть.

Тем временем Цзинцзи проник в спальню Цзиньлянь и попросил чаю. Цзиньлянь сидела на кровати и перебирала струны пипа.

– Неужели тебе и на таком пиру ничего не перепало? – спросила она.

– По правде сказать, мне пришлось встать до рассвета, и вот до сих пор хлопотал. Какая там еда?!

– А хозяин где?

– В задних покоях отдохнуть прилег.

– Если ты проголодался, я велю Чуньмэй принести пирожков с фруктовой начинкой. Я сама готовила.

Цзинцзи сел на кровать. Перед ним появились четыре небольших блюда, и он принялся за сладости. Поглядев на игравшую на пипа Цзиньлянь, он спросил шутя:

– Что это вы играете? Может, для меня споете?

– Дорогой мой Чэнь! – Цзиньлянь улыбнулась. – Как же я буду петь для тебя, когда я не принадлежу тебе? Вот погоди, встанет батюшка, все ему скажу, тогда увидишь.

Цзинцзи умильно заулыбался и тут же опустился на колени.

– Умоляю вас, матушка, сына своего пожалейте, – просил он, – я больше не буду.

Цзиньлянь рассмеялась. С этих пор они все больше сближались: то пили чай, то обедали вместе, и из дома, и в дом друг за дружкой ходили, болтали и флиртовали, а то, не обращая ни на кого внимания, сидели, крепко прижавшись друг к другу. Юэнян смотрела на Цзинцзи, как на собственного сына, и не подозревала, как ведет себя приютившийся у нее в доме зятек.

Да,

Не горькое ж любить!.. И зять, не будь уродом,
Срывал себе цветы да лакомился медом.
Жаль, позволял цветку Симэнь без подозрений
Улыбками встречать тот ветерок весенний.
Разбойника пригрел под шелком одеяла
И яствами кормил злодея до отвала.
А между тем мужей не скарედность ли губит?
Кто выгоду свою сильнее жены возлюбит,
Лукавца приютит, что рознь в семью внесет,
Тот много проиграл, а сколько – не сочтет.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЛУ ЗМЕЯ В ТРАВЕ НАПАДАЕТ НА ЦЗЯН ЧЖУШАНЯ

ПИНЪЭР СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ СМЯГЧАЕТ СИМЭНЬ ЦИНА

*И в хижине бедной раскроется яркий
цветок,*

И горы, и доли светлеют под полной луной.

А души людские глубокой окутаны мглой,

*В них черные страсти вселяет
безжалостный рок.*

Богат и беспечен бывает последний болван,

*В нужде прозябает умнейший и лучший из
нас.*

*Нам строго отмерен для жизни
отпущенный час,*

*Вершимый не нами – судьбою, которой он
дан.*

Так вот, прошло с полгода как Симэнь закончил стройку. Поновому заблестала лаком его усадьба. Несколько дней продолжался пир, но не о том пойдет речь.

Однажды – дело было в начале восьмой луны – судебный надзиратель Ся Лунси справлял свое рождение в только что купленном поместье. Были приглашены четыре певицы, музыканты, фокусники и актеры. Симэнь приоделся и, сопровождаемый слугами, рано утром поехал верхом в загородное поместье Ся.

Тем временем У Юэня велела накрыть стол и устроила пир вместе с Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Сунь Сюээ, Симэнь Старшей и Пань Цзиньянь. Они отперли садовые ворота и вышли погулять,

полюбоваться цветами и деревьями, беседками и павильонами. Огромный это был сад! А какой красивый!

Только поглядите:

Ворота высятся на полторы сажени, сверкают красным лаком створки, каждая с десяток досок шириной. Как уголь чернеет стена глинобитная. Пред взором терем над воротами, со всех сторон террасы, бельведеры,^[320] насыпные горы и журчащая вода, а рядом бирюзою отливают бамбуки и колышутся сосны. Вот кровли плоские простерлись в вышину – это террасы; там пологие, но зубчатые крыши – то бельведеры. В любое время года для увеселения найдется уголок. Весной любуйся нежной зеленью деревьев можжевельников и кипарисов из залы Играющих ласточек. Наслаждайся летом красотой лотосов и лилий из кабинета у потока. Из терема Небесной сини любуйся осенью золотыми хризантемами, чьи лепестки будто бы иней едва посеребрил. Из башни Вечной весны зимою наслаждайся нежными цветами сливы-мэй, чьи венчики раскрылись в снегу. А вот, слегка касаясь резных перил, красуются букеты пышные цветов. У тонких бровей, колеблемые ветерком, играют ветки плакучих ив и тополей. К нежным ланитам, омытая дождем, тянется и льнет айва. Пред залой Играющих ласточек готовы вот-вот распуститься тюльпаны, за башнею Вечной весны, кажется, полураскрылись серебристого абрикоса цветы. К востоку от моста зацвели букетами розовые мэй. В беседке Спящих облаков ветви багряника уже набирают почки. На глади озера у камня зазеленела ряска, близ перил проглядывают побеги бамбука. Лиловые ласточки порхают в редких занавесках, желтые иволги пронзают бирюзовую тень. И вот – подобье лунного серпа – оконце в пещеру Снежный грот. Вон павильон, овеваем прохладой, и башня на воде. Обвитый дикой розой навес ведет к шпалерам чайных роз. Махровый персик стоит перед весеннею ивой. Есть тут лиловые гвоздики и «яшмовые лошадки»,^[321] глицинии и шиповник, недотрога душистый лотос и жасмин. Галерея крытая окружена стеною сосен и рядами бамбука. Везде квадратные пруды, вьются жучки. У ступеней бананы и пальмы, подсолнухи и гранаты. Парами бабочки порхают в цветах, порой гуляющих пугают рыбки, затеяв в водорослях резвую игру.

Да тут

Раскрыли пионы святых бодхисаттв

Просветленные лики,

А в ветках личжи вдруг мелькнет голова

Преисподней – владыки.

Юэнян шествовала впереди. Женщины, то взявшись за руки, прогуливались по благоухающим тропинкам, то, опустившись на траву, усаживались на ароматные подстилки. Одна, наслаждаясь видом близ бельведера, забавы ради бросала в золотых рыбок четочник; другая, опершись на перила, любовалась цветами, играючи креповым платочком, пугала бабочек.

Юэнян поднялась в беседку Спящих облаков, самую высокую постройку, и стала играть в шашки с Юйлоу и Цзяоэр. А Цзиньянь, Симэнь Старшая и Сюээ из терема «Любования цветами» наслаждались густыми купами красных и белых пионов, зарослью айвы, кустами шиповника и дикой розы, обвинившей весь навес. Предстали их взору почтенный бамбук, непокорный стуже, и гордая сосна, зеленая снегам наперекор.

И в самом деле здесь круглый год цвели цветы, тут вечная весна. Такое диво враз не оглядишь, на такую красоту не насмотришься!

Вскоре подали вино, и Юэнян заняла место хозяйки. Цзяоэр села напротив, а по бокам расположились по порядку Юйлоу, Сюээ, Цзиньянь и Симэнь Старшая.

– Да, я и забыла пригласить зятя Чэня, – спохватилась Юэнян и велела Сяюй сейчас же сходить за ним.

Немного погодя появился Чэнь Цзинци. В бледно-голубой креповой шапке и фиолетовом сатиновом халате, обутый в высокие черные сапоги на белой подошве, Цзинци поклоном приветствовал собравшихся и сел рядом с женой.

После нескольких чарок Юэнян, Цзяоэр и Симэнь Старшая опять взялись за шашки, а Сюээ и Юйлоу поднялись наверх полюбоваться садом. Только Цзиньянь с белым круглым веером гонялась за бабочками у насыпной горы на берегу пруда. Во время этого развлечения к ней и подкрался Цзинци.

– Не так вы ловите, сударыня, – обратился он к Цзиньянь. – Дайте я вам поймаю. Ведь у бабочки нет постоянства: мечется она то вверх, то вниз до полного изнеможения.

Цзиньянь обернулась и, бросив на Цзинци лукавый взгляд, забранилась:

– Ишь разбойник какой отчаянный! Ты, я вижу, жизнью совсем не дорожишь.

Цзинци расплылся в улыбке, а потом, бросившись к Цзиньянь, заключил ее в объятия и поцеловал. Она тотчас же оттолкнула его, даже не подозревая, что за ними из терема любования цветами наблюдала Юйлоу.

– Поди-ка сюда, сестрица, – окликнула она Цзиньянь. – Мне с тобой поговорить надо.

Цзиньянь оставила зятя и ушла в терем.

Так вышло, что бабочек им поймать не пришлось, зато успел уж шмель коснуться уст цветка, и путь открылся к порханию ласточек и щебетанию иволг.

Да,

Случается увидеть и шмеля шального,

А скроется в цветке – и не отыщешь снова.

После ухода Цзиньянь Цзинци молча побрел восвояси. Невесело, уныло было у него на душе и, чтобы развеять тоску, он сочинил романс на мотив «Срываю ветку корицы»:

Я увидел – это ты

В волосах весны цветы,

Губы алые чисты.

Или лишь подобье чистоты?..

Наших встреч были дни,

Вновь вернулись к нам они,

Снова полные любви,

Или вовсе не было любви?

Ты кивала, отвечала.

Или ты не отвечала?..

Ты кивала и молчала.

Или может больше не молчала?..

Скоро ль встретимся с тобой,

Скоро ль свидимся с тобой?

Переполнена желанья,

Ты ждала со мной свиданья.

Мы увиделись с тобой

Миг – и стал я сам не свой.

* * *

Но оставим пока пирующих в саду, а расскажем о Симэнь Цине.

После загородного угощения покинул он поместье судебного надзирателя Ся и по пути домой попал в Южную аллею. В свое время он исходил все эти аллеи и переулки вдоль и поперек и знал всех тамошних вышибал. Раньше, при Сунах, их звали вышибалами, а нынче называют попросту – мошенники-лоботрясы. Подвизались среди них и двое жуликов – Лу Хуа, по кличке Змея в траве, и Чжан

Шэн Загнанная Крыса, не расстававшиеся ни с каким дерьмом. Им нередко перепадало от Симэня. И вот, когда он подъехал к ним верхом, они играли на деньги, но едва заметив своего благодетеля, тут же опустились перед ним на колени.

– Из каких это краев, ваша милость, в такой поздний час?

– За городом на пиру был, – объяснял Симэнь. – Судебный надзиратель господин Ся рождение справлял. Есть у меня к вам дельце. Сослужите мне службу?

– Какой может быть разговор! – перебили его прохвосты. – Сколько вы нам добра делали, ваша милость! Только прикажите: за вас в огонь и в воду. Тысячу смертей безропотно примем!

– В таком случае завтра ко мне загляните. Потолкуем.

– К чему же до завтра откладывать! Скажите, сударь, что у вас за дело.

Симэнь шепотом рассказал им о женитьбе Цзян Чжушаня на Ли Пиньэр.

– Одного хочу, – продолжал он громко, – чтобы вы отплатили ему за меня. – Симэнь откинул полу халата и достал из мошны лянов пять серебра мелочью. – Это вам на вино, а обделаете все как следует, еще награжу.

– Мало ли вы нам добра делали! – отказывался от протянутого серебра Лу Хуа. – Я-то думал, вы заставите нас в Восточный океан погрузиться, рога сизого дракона достать или на Западную Гору взобраться, клыки бешеного тигра добыть, тогда бы мы еще померекали, а то, подумаешь, дело какое! Проще простого! И серебро я принять никак не могу, сударь.

– Не возьмешь, тогда я и просить тебя не буду.

Симэнь велел Дайаню забрать деньги и, прищпорив коня, поехал дальше, но его удержал Чжан Шэн.

– Не знаешь ты, Лу Хуа, нрава господского, – сказал он. – Раз деньги не берешь, от дела, выходит, отказываешься.

Они взяли серебро и упали на колени, отвешивая Симэню земные поклоны.

– Поезжайте-ка вы себе преспокойно домой. А мы обещаем вам, ваша милость, не пройдет и двух дней, как вы будете от удовольствия хлопать в ладоши и хохотать до упаду, – заверили они Симэня, а Чжан Шэн добавил:

– А не могли бы вы, ваша светлость, порекомендовать меня в уголовное управление? Устроиться бы мне в услужение к его превосходительству господину Ся. О большем я и мечтать не смею.

– Само собой, могу, – пообещал Симэнь. – Это проще простого сделать.

Послушай, дорогой читатель! Впоследствии Симэнь Цин и в самом деле рекомендовал Чжан Шэна на службу в уголовное управление, и тот стал приближенным начальника гарнизона, но это случилось потом, оттого рассказывать пока не будем.

Раздобыв серебра, вышибалы снова пошли играть на деньги, а Симэнь поскакал домой.

Когда он въезжал в ворота, день клонился к концу. Едва заслышав хозяина, Юэнян и остальные жены удалились в задние покои. Осталась только Цзиньлянь. Но Симэнь в задние покои не пошел, а направился прямо в сад.

– Что ты тут без меня делаешь, а? – спросил он Цзиньлянь, когда та прибирала беседку.

– Мы со Старшей госпожой в саду гуляли, – отвечала она, улыбаясь. – Не думала, что ты так рано вернешься.

– Господин Ся был так любезен, устроил пир в поместье. Было четыре певицы, четверо слуг и всего пять приглашенных. А дорога дальняя, вот я и поспешил пораньше.

– Тебе и выпить не пришлось, – заметила Цзиньлянь, раздевая Симэня, – я велю подать вина.

Симэнь приказал горничной убрать со стола закуски, подать фрукты и кувшин виноградного вина, а сам уселся в кресле. Тут он заметил на Цзиньлянь коричневую с зеленоватым отливом креповую кофту с пестрым гофрированным воротничком и отделанную тесьмою белую, тоже с отливом, юбку из тафты, из-под которой выглядывали расшитые золотыми облаками ярко-красные с бахромою атласные туфельки на белой шелковой подошве. Ее высокую прическу украшали нефритовые в золотой оправе подвески, напоминающие сложенные в небесном чертоге веточки коричневого лавра, серебряная сетка и шпильки в виде парных цветков сливы-мэй и лазоревых облаков. Среди обилия бирюзы тем ярче алели уста и выделялся нежный румянец напудренных ланит. Охваченный желанием Симэнь заключил Цзиньлянь в свои объятия и осыпал поцелуями.

Через некоторое время Чуньмэй подала вино, и они, смакуя и громко причмокивая, стали отпивать его из чарки. Немного погодя Цзиньлянь подобрала юбку и, забравшись к Симэню на колени, принялась поить его из собственных уст, потом взялась потчевать лотосовыми семечками прямо из коробочки, держа ее своими нежными пальчиками.

– Фу, убери эту кислятину! – отказался Симэнь.

– Нельзя капризничать, сынок, если тебя матушка угощает, сама тебе в ротик кладет, – пошутила Цзиньлянь и не успокоилась до тех пор, пока не положила ему в рот орех.

Симэню захотелось поиграть ее персями. Цзиньлянь отстегнула от воротничка золотую заколку и, держа ее во рту, распахнула креповую кофту. Прелестный без единого изъяна нефрит открылся Симэню. Долго он наслаждался благоухающей, пышной и упругой грудью, припадая к ней устами. Они шутили, смеялись и резвились на все лады.

– А что я тебе скажу! – начал возбужденный Симэнь. – Скоро тебе предстоит посмеяться от души. Знаешь, доктор Цзян завел лавку лекарственных трав, а как рожу ему разукрасят – будет и фруктовый лоток в придачу.

– За что?

Симэнь рассказал, как он встретился за городскими воротами с Лу Хуа и Чжан Шэном.

– Беды не оберешься от этих босяков, – заметила, улыбаясь, Цзиньлянь и спросила: – А про какого врача ты говоришь? Уж не тот ли доктор Цзян, который бывал у нас? Но он человек весьма порядочный и учтивый. При осмотре, бывало, голову опустит. Такой симпатичный, а ты хочешь с ним расправиться?!

– Да-да, порядочный, голову опустит... – передразнил Симэнь. – Да он для того и опускает, чтобы твоими ножками любоваться, а тебе и невдомек.

– Брось ерунду городить. Так уж ему и нужно на ноги глазеть!

– Уверяю тебя! Знаешь, его как-то сосед приглашает к больной жене, а он по улице идет, несет рыбу, только что купил. «Вот, – говорит, – рыбу домой отнесу и приду». Сосед ему: «Доктор, умоляю. Медлить нельзя, положение серьезное». Пришлось Цзян Чжушаню прямо с рыбой завернуть к соседу. Больная лежала в тереме, наверху, пришлось наверх подниматься. А больной было так тяжело, что лежала она, что называется, в чем мать родила. Входит Цзян Чжушань в спальню, протягивает к ней руку, начинает пульс обследовать. Пока он пульс прощупывал, вспомнил про рыбу, которую внизу у двери на крючок повесил. Вспомнил и про пульс забыл. «Сударыня, – спрашивает, а сам вниз показывает, – может, у вас кошечка?..» Не успел он договорить, как в спальню ворвался муж больной, схватил Цзяна за волосы и так отдубасил, что тот без награды остался и в разорванном в клочья халате едва-едва ноги унес.

– Ну, ты опять за свое, – возразила Цзиньянь. – Не верю, чтобы образованный человек занимался такими делами.

– Ты на внешность смотришь, а она обманчива, – уверял ее Симэнь. На вид он – сама скромность, а внутри – одно зло и коварство.

Они рассмеялись. Пить им больше не хотелось, и, убрав со стола, они удалились в спальню, но не о том пойдет речь.

* * *

Оставим Симэня с Цзиньянь, а расскажем о Ли Пиньэр.

Прошло около двух месяцев, как Пиньэр взяла Цзян Чжушаня. Первое время, желая понравиться Пиньэр, Чжушань принимал им самим составленные веселящие и бодрящие составы, купал у городских ворот всякие безделки, вроде «любовного дара Циндуна» или любовного наконечника «мечта красоти». ^[322] Но чего только не познала Пиньэр в пору буйных утех с Симэнем! Не по душе ей был Цзян Чжушань. Мало-помалу отвращение к мужу сменилось ненавистью и, наконец, она со злостью камнем раздробила все его штучки и выкинула вон.

– Эх ты, угорь тщедушный, бессильный в чреслах! – ругала она Чжушаня. – Накупил всякого дерьма. Шутить со мной хотел, да? Я-то думала, ты мужчина, а на тебя, оказывается, только издали можно любоваться. У, копые восковое, дохлая черепаха! ^[323]

На чем свет стоит ругала она Чжушаня. А потом среди ночи, в третью стражу, прогнала в лавку и не стала больше пускать к себе в спальню. Всем своим существом тосковала она теперь по Симэню Цину. А пристыженный Чжушань день-деньской корпел над счетами да выручкой.

Сидел как-то Чжушань за прилавком. Видит: входят двое подвыпивших. Зашагали они по лавке, глаза вытаращили и уселись на скамейке.

– Собачья желчь найдется? – спросил один.

– Вы шутите, – отозвался, улыбаясь, хозяин. – Бывает желчь бычья, а о собачьей отродясь не слыхивал.

– Тогда драконов пепел покажи. Ляна два отвесишь.

– Драконовы мозги в наших лавках бывают, – объяснил Чжушань, – их из Персии и стран Южных морей вывозят. А что за драконов пепел, понятия не имею.

– Да чего его спрашивать?! – вмешался второй. – Только обзавелся торговлей. Где ему такие лекарства держать! Пойдем, у его милости господина Симэня купим.

– Погоди, – перебил его первый, – у нас с ним серьезный разговор предстоит. – И он обратился к Чжушаню: – Хватит, брат Цзян, притворяться, будто знать не знаешь, ведать не ведаешь. Три года назад, когда у тебя умерла жена, ты вот к нему, брату Лу, пришел, тридцать лянов серебром в долг взял. С процентами сумма набралась кругленькая. Вот мы и пришли долг с тебя стребовать. Правда, тебя жена в дом приняла да и лавка только открылась, потому мы с шуток и начали. Такт проявили, думали, ты должным образом оценишь такое наше великодушие. А раз нет, изволь, подавай серебро сполна.

Чжушань с испугу остолбенел.

– Не брал я у него никакого серебра, – пробормотал он, наконец.

– Кто не одалживается, с того не спрашивают, – заявил Чжан Шэн. – Ежели яйцо цело, в него муха не залезет. Хватит отпираться!

– Да я даже не знаю, кто вы, господа, – недоумевал Чжушань. – С меня деньги требуете, но я не имел чести быть с вами знакомым.

– Ошибаешься, брат Цзян, – настаивал на своем Чжан Шэн. – Исстари, кто в чинах, бедности не ведает, а кто долги зажимает, с достатком не знаком. Вспомни-ка, чем ты был. С бубенцом по улицам бродил,^[324] растираниями да мазями пробивался. Брату Лу спасибо скажи. Ведь это он тебя на ноги поставил. Теперь ты вон куда вознесся!

– А я и есть Лу, зовусь Лу Хуа, – заговорил второй. – Ты брал у меня на похороны жены тридцать лянов серебром. И должен мне теперь с процентами сорок восемь лянов. Возвращай долг сполна!

– Какой долг! Когда я у тебя брал? – всполошился Чжушань. – Ну, допустим, брал, тогда где письменное обязательство, кто поручитель?

– Я поручитель, – заявил Чжан Шэн и, вынув из рукава бумагу, развернул ее перед врачом.

– Сукины дети! Кровопийцы! – ругался Чжушань, лицо которого с испугу будто воском налилось. – Откуда только вас, вышибал, сюда принесло? Вымогательством занимаются да еще угрозы...

Зло тут взяло Лу Хуа. Перемахнул он через прилавок и, очутившись рядом с Чжушанем, размахнулся – только свист послышался – да так двинул ему кулаком, что нос набок свернул, потом повышвыривал с полок лекарства и снадобья прямо на улицу.

– Грабители проклятые! – вопил Чжушань. – Да как вы смеее отбирать у меня товар?!

Он позвал на помощь слугу Тяньфу, но Лу Хуа дал ему такого пинка, что тот убрался восвояси. Чжан Шэн вытащил Чжушаня из-за прилавка и, перехватив руку Лу Хуа, стал уговаривать дружка:

– Долго ты, брат Лу, ждал этот долг, дай ему срок выплаты и дело с концом. А ты, брат Цзян, согласен?

– Да когда я брал у него серебро?! – оправдывался Чжушань. – Ну, допустим, если и за долгом пришел, так можно потолковать спокойно. Зачем же буйствовать?

– Тебе, брат Цзян, верно, несладко досталось, – начал Чжан Шэн. – И сейчас, небось, горечь во рту. Заставил вот к мощне подступиться, самому ж и попотеть пришлось. А вел бы себя вот так, по-хорошему, я б упросил брата Лу скостить немного проценты. Расплатился бы срока в два-три и весь разговор. Зачем же ты препирался, признавать долг отказывался? Думаешь, так бы с тебя и не взыскали?

– Кровопийцы! – бормотал Чжушань. – Я властям жалобу подам. Какие он с меня деньги требует?!

– Э, рановато ты, братец, захмелел, – проговорил Чжан Шэн.

Лу Хуа между тем развернулся и одним ударом свалил Чжушаня с ног. Еще немного и он угодил бы прямо в сточную канаву.

– Караул! Спасите! – что есть мочи закричал врач, растрепанный и весь в грязи.

Прибыл околоточный и взял всех под стражу.

Заслышав шум, Ли Пингэр подошла к занавеске и посмотрела на улицу. Она так и остолбенела, когда увидела, как уводят связанного Чжушаня, и велела тетушке Фэн выйти и снять вывеску. Многое из выброшенного на улицу уже растащили. Хозяйка распорядилась запереть ворота и из дому не выходить. О случившемся сразу дали знать Симэнь Цину. Он сейчас же послал слугу наказать околоточному, чтобы тот на другое же утро препроводил арестованных в судебно-уголовное управление. Со своей стороны Симэнь послал надзирателю Ся Лунси записку, прося с утра назначить рассмотрение дела.

Надзиратель Ся, выйдя в зал, прочитал донесение околоточного и вызвал Чжушаня на допрос.

– Тебя зовут Цзян Вэньхуэй?^[325] – спросил он. – Почему ты отказываешься возратить Лу Хуа одолженную сумму серебра да еще осыпаешь его бранью и оскорблениями? Ты ведешь себя отвратительно и мерзко!

– Ваш покорный слуга совсем не знаком с этим человеком, – отвечал Чжушань, – и никогда не брал у него никакого серебра. Я ему толком объяснял, но он и слушать не хочет. Избил меня и обокрал лавку.

Ся Лунси вызвал Лу Хуа.

– Ты что скажешь? – спросил он арестованного.

– Он взял у меня на похороны жены серебро, – начал Лу Хуа, – и вот прошло три года, а он все тянет. Когда ваш покорный слуга узнал, что он вошел в дом жены и начал крупную торговлю, я пришел к нему за деньгами, а он обозвал меня всякими поносными словами и оклеветал, заявив, будто я украл у него товар. Вот у меня долговое обязательство, а вот Чжан Шэн – поручитель. Прошу вас, ваше превосходительство, рассудите нас по справедливости, – закончил Лу Хуа и, вынув из-за пазухи бумагу, протянул надзирателю.

Ся Лунси развернул и стал читать:

«Составитель сего долгового обязательства Цзян Вэньхуэй, уездный врач, за неимением средств на похороны жены в присутствии поручителя Чжан Шэна взял в долг у Лу Хуа серебром тридцать ляннов с обязательством в будущем году означенную сумму кредитору вернуть, а равно и проценты из расчета за каждый месяц три цян за лян. В случае неплатежеспособности должника подлежащая возврату сумма взыскивается имуществом, личными вещами и пр.

При отсутствии других свидетельств таковым является данное обязательство».

Закончив чтение, надзиратель Ся в гневе ударил по столу.

– Что же это такое?! – воскликнул он. – Налицо и долговое обязательство и поручитель. Зачем же отпираться?! С виду человек образованный, а от долгов увиливаешь.

Ся Лунси приказал принести палок потолще. Подручные без лишних слов разложили Чжушаня на полу и всыпали три десятка палок, отчего все его тело покрылось ранами, из которых сочилась кровь, потом двое конвоиров с белой планкой-ордером^[326] отвели его домой за тридцатью ляннами серебра, которые причитались с него в пользу Лу Хуа. В противном случае его надлежало вернуть в управление и заключить под стражу. Чжушань в голос ревел, еле-еле волоча избитые ноги. Дома он стал умолять Пиньэр дать деньги.

– Рогоносец бесстыжий! – плюнув ему в лицо, заругалась Пиньэр. – Какие тебе деньги? А ты мне их давал? Если б я знала, кто ты такой есть, рогоносец проклятый, и слепая с тобой бы не связалась. На вид хорош, да не укусишь. Голову тебе надо было бы отрубить и за долги твои расплатиться.

Услыхали конвоиры, как его отчитывает жена, стали торопить:

– Эй, Цзян Вэньхуэй, раз нет денег, нечего время тянуть, пойдем к начальнику, там ответ будешь держать.

Чжушань выбежал из дому и уговорил конвоиров немного

обождать, а сам снова бросился в ноги Ли Пиньэр и принялся умолять со слезами:

– Сотвори добро, прошу тебя! Смотри на эти тридцать лянов, как на жертву святым обителям в Западных горах. Если ты откажешь, меня заберут. Не вынесет больше пыток мой избитый зад. Мне не выжить.

Не выдержала Пиньэр и дала ему тридцать лянов чистопробного серебра, которое в присутствии властей было вручено Лу Хуа. Долговое обязательство было порвано, и дело закрыто.

С деньгами в кармане Лу Хуа и Чжан Шэн поспешили к Симэнь Цину. Он угостил их в крытой галерее вином и закусками. Их рассказ привел его в неописуемый восторг.

– Вы отомстили за меня с лихвою, – сказал он.

Лу Хуа протянул Симэню тридцать лянов, но тот отказался.

– Награждаю вас этим серебром, – заявил он. – Выпить пригодится. А что случится, опять буду вас беспокоить.

Перед уходом они долго благодарили Симэня и, забрав серебро, отправились играть на деньги.

Да,

Где честь и совесть попораны – всевластье

Там обретают низменные страсти.

Так вот, отдал Цзян Чжушань в присутствии надзирателя серебро, вышел из управления и направился домой. Но Ли Пиньэр его не пустила.

– Куда ты идешь? – спросила она. – Так как же? Считать, что я серьезно болела, и тридцать лянов ушло на лекарства, которые ты мне прописывал, да? Убирайся-ка отсюда и чем скорее, тем лучше. А то, чего доброго, и целого дома не хватит долги твои выплачивать.

Чжушань понял, что не жить ему больше у Пиньэр. Он заплакал и, превозмогая боль в ногах, побрел искать другое пристанище. Весь купленный на ее деньги товар он оставил, свой же, вместе с молотилкой для лекарств, ситами и корзинами по приказанию Пиньэр он был вынужден немедленно вывезти. Они разошлись. После его отъезда Пиньэр попросила тетушку Фэн вылить в воротах бочку воды, чтобы смыть его следы.

– Как я рада, что избавилась от такого сокровища! – говорила она, когда выпроводила Чжушаня.

Теперь у Пиньэр из головы не выходил Симэнь Цин, а когда она узнала, что он уже уладил свои неприятности, ее тем больше мучили угрызения совести. Пиньэр не пила, не ела. У нее не было желания

подводить брови. Целыми днями простаивала она у дверей, все глаза проглядела, но так никто и не появлялся у нее на пороге.

Да,

Еще на ложе видимость любви,
Но страсть былая больше не жива,
Разлито одиночество в крови,
Суши, как пепел, пыльные слова.

Не будем говорить, как тосковала Пиньэр, а расскажем, что случилось однажды.

Проезжал мимо ее дома верхом Дайань. Ворота были заперты, лавка закрыта – дом стоял, погруженный в тишину. Дайань сказал об этом хозяину.

– Крепко, должно быть, досталось карлику-рогоносцу, – заметил Симэнь, – Отсыпается. Прикинь-ка, знать, уж полмесяца из дома не выглядывает и торговлю бросил.

Вскоре Симэнь совсем забыл о Пиньэр.

Пришло пятнадцатое число восьмой луны – день рождения У Юэнян. В большой зале было многолюдно, всюду сидели гости. Симэнь не разговаривал с Юэнян, поэтому отправился навестить Ли Гуйцзе, а лошадь отослал с Дайанем, наказав слуге приезжать вечером. Симэнь взял с собой для игры в двойную шестерку Ин Боцзюэ и Се Сиды. Гуйцин тоже оказалась дома, и сестры с обеих сторон потчевали Симэня, потом все пошли во двор, где метали стрелы в вазу.

К заходу солнца прибыл с конем Дайань. Тем временем Симэнь как раз склонился в земном поклоне, дабы отправить естественную потребность, а заметив Дайаня, спросил:

– Дома все в порядке?

– Да, гости разошлись. Зал убрали. Осталась только госпожа У Старшая. Ее хозяйка пригласила к себе. А еще тетушка Фэн от госпожи Хуа с Львиной подарки доставила: четыре блюда фруктов, два – персиков и лапши долголетия^[327] и кусок шелка, а для хозяйки – туфельки. Сама госпожа Хуа шила. Тетушка Фэн цянь серебра в награду получила. Хозяйка ей объяснила, что вас не было дома, поэтому, мол, и не могли пригласить госпожу Хуа.

– А тебе кто поднес? – спросил Симэнь раскрасневшегося слугу.

– Госпожа Хуа за мной тетушку Фэн послала, – признался Дайань. – Вином угостила. Я отказывался, но она заставила выпить. Вот лицо и зарделось. А госпожа Хуа так раскаивается! Прямо плачет. Я, говорит, господину объясняла, а он мне не верит. Цзян Чжушаня

она прогнала и очень раскаивается, что так вышло. Только и мечтает за вас замуж выйти. А до чего похудела! Все меня просила вас пригласить, чтобы вы ее навестили. Если, говорит, господин изволит выразить свое согласие, дай мне знать.

– Потаскуха мерзкая! – заругался Симэнь. – Нашла мужика и жила бы. Зачем за мной бегать? Некогда мне к ней ходить. Скажи, ни к чему, мол, подарки слать, пусть лучше счастливый день выберет, а я, так и быть, пришлю за ней паланкин.

– Понятно, – ответил слуга. – Она ответа ждет. При вас пусть пока побудут Пинъань с Хуатуном, а я пойду, можно?

– Можно, ступай.

Дайань подался к Ли Пинъэр.

– Сколько я тебе хлопот прибавила, дорогой мой! – выслушав слугу, воскликнула обрадованная Пинъэр. – Значит, тебе удалось уговорить господина? Он, стало быть, согласен?

Пинъэр вымыла руки, почистила ногти и пошла на кухню готовить для Дайаня угощение.

– У меня вещи некому будет перенести, – сказала она. – Приходи тогда, поможешь Тяньфу приглядеть за носильщиками, ладно?

Наняли шестерых носильщиков, которые дней пять перетаскивали добро. Симэнь Цин, ни слова не говоря У Юэнян, сложил тюки в терем Любования цветами.

Двадцатого в восьмой луне, когда было уже за полдень, к дому Ли Пинъэр прибыл большой паланкин с четырьмя фонарями. В нем лежал кусок кумачовой парчи. Паланкин сопровождали Дайань, Пинъань, Хуатун и Лайсин.

Пинъэр послала двух служанок за тетушкой Фэн. Ей она поручила присматривать за домом, а сторожем поставила Тяньфу. Только после этих распоряжений она вошла в паланкин.

Симэнь в тот день выездов не делал. В легком халате и повязке сидел он в крытой галерее в ожидании Пинъэр.

Уже давно остановился у Симэневых ворот большой паланкин, но никто не выходил встречать Ли Пинъэр.

Юйлоу пошла к Юэнян.

– Сестрица, – обратилась она, – вы хозяйка дома. Она ведь ждет у ворот. Вы не хотите встречать? Хозяин обидится. Он в саду сидит, а паланкин уже давно у ворот ждет. Как она войдет, когда ее никто не встречает?!

У Юэнян была не прочь встретить Ли Пинъэр, но ей мешала обида. И не выйти она тоже не могла, так как боялась разгневать Симэня.

После некоторого раздумья и колебаний Юэнян так легко и грациозно засеменила к воротам, что едва заметно колыхалась ее бледно-желтая юбка.

Ли Пиньэр с драгоценною вазой^[328] в руках проследовала в отведенный для нее флигель, загодя убранный горничными Инчунь и Сючунь, и стала ожидать Симэня. Но он, все еще снедаемый прежним негодованием, так к ней и не пришел.

На другой день Пиньэр представили хозяйке. Она стала шестой женой Симэня и, как полагается, три дня длилось пышное торжество, приглашение на которое получили многие родственники. А Симэнь так и не появился ни разу в ее спальне.

Первую ночь он провел с Цзиньлянь.

– У тебя новая жена, а ты ее одну оставляешь, – заметила Цзиньлянь.

– Уж больно она прыткая, негодница, – отвечал Симэнь. – Проучу немного, потом пойду.

На третий день гости разошлись, а Симэнь все не заглядывал к Пиньэр. На этот раз он ночевал у Юйлоу. Не дождавшись мужа, бедная Пиньэр в полночь отпустила горничных спать, а сама, досыта наплакавшись, подошла к кровати, завязала из ленты для бинтования ног петлю и накинула ее на шею, решив покончить с собой.

Да,

Согласия нет природных начал –
на ложе ее одиноком,
И дух обиженной вмиг умчал
в путь к Девяти истокам...

Проснулись горничные. Заметив, что в спальне Пиньэр мигает угасающий светильник, они пошли поправить фитиль. Тут они увидели повесившуюся хозяйку и начали метаться по спальне, а потом стали звать Чуньмэй, которая была рядом, за стенкой.

– Наша госпожа повесилась! – кричали они.

Всполошившаяся Цзиньлянь вскочила с постели и бросилась к Пиньэр. В красном свадебном одеянии, вытянувшись во весь рост, неподвижно висела Пиньэр. Цзиньлянь и Чуньмэй тут же срезали петлю и, уложив Пиньэр в постель, долго отхаживали. Наконец, у нее изо рта пошла пена, и она стала приходить в сознание.

– Скорее хозяйина зови, он в задних покоях, – приказала Цзиньлянь своей горничной Чуньмэй.

Симэнь тем временем пил вино у Мэн Юйлоу и еще не ложился.

– Взял жену, а третий день к ней не показываешься, – укоряла его Юйлоу. – Как она, наверно, переживает! Подумает, мы виноваты. Ну, первую ночь не пошел, а нынче?

– Погоди, завтра пойду, – говорил Симэнь. – Плохо ты знаешь эту негодницу. Из чашки ест, да ей все мало – в котел поглядывает. А ты бы на моем месте, думаешь, не разозлилась? Мы с ней были в самых близких отношениях еще до смерти ее мужа. Каких я только клятв от нее не слышал?! И вот, изволь, лекаря Цзяна взяла. Выходит, он лучше меня? А теперь, видишь ли, опять ко мне потянулась.

– Ты прав, конечно, – заметила Юйлоу, – но и она стала жертвой обманщика.

Стук в дверь прервал их разговор. Юйлоу велела горничной Ланьсян узнать, в чем дело.

– Чуньмэй господина вызывает, – доложила Ланьсян. – Госпожа Шестая повесилась.

– Я же тебе говорила! – торопила хозяина всполошившаяся Юйлоу. – Слушать не хотел. Вот и беда стряслась.

С фонарем он бросился к Ли Пиньэр. Немного погодя о случившемся узнали Юэнян и Цзяоэр. Когда они вошли в спальню Пиньэр, Цзиньлянь держала несчастную в своих объятьях.

– Сестрица, ты не давала ей имбирного отвару? – спросили вошедшие.

– Дала немного, как из петли вынули, – отвечала Цзиньлянь.

Пиньэр продолжала тяжело хрипеть. Наконец, она разразилась громкими рыданиями. Тут только Юэнян и остальные присутствующие вздохнули с облегчением. Будто гора с плеч свалилась. Женщины принялись всячески успокаивать Пиньэр и укладывать спать, а потом и сами разошлись на покой.

На другой день около обеда Пиньэр пропустила несколько ложек отвару.

Да,

Прижавшись к подножью горы, на заре
луна потускнела, угасла.

Чуть теплилась жизнь, в синеве догорев, —
иссякло лампадное масло.

– Не верьте вы этой потаскухе! – обратился к женам Симэнь. – Мертвой притворилась, думала, меня запугает. Я ей это так не оставлю. Когда сам увижу, как будет вешаться, тогда поверю. А не то отведаст у меня плети. За кого она меня принимает! Потаскуха

проклятая!

Угрозы Симэня так напугали жен, что у них из опасения за Пиньэр даже пот на бровях выступил. Вечером он с плеткой вошел в спальню Пиньэр. Юйлоу и Цзиньлянь велели Чуньмэй запереть дверь и никого не пускать, а сами встали у боковой калитки и стали прислушиваться.

Симэнь застал Пиньэр лежащей ничком и плачущей. Она не встала, когда он вошел, и уже это вывело его из себя. Он выгнал обеих горничных в другую комнату, а сам уселся в кресло.

– Потаскуха! – заругался он, тыча в нее пальцем. – Если тебе немогуту, зачем же в моем доме вешаться? Погналась за карликом-рогоносцем и жила бы с ним. Кто тебя сюда звал? Я еще никого не губил. С чего это ты вздумала такие шутки выкидывать, а? Отродясь не видывал, как вешаются. Нынче погляжу.

И Симэнь бросил ей прямо в лицо веревку.

Пиньэр вспомнились слова Чжушаня: «Симэнь Цин – мастер жен пороть, первый губитель!» – и она подумала: «За какие же грехи в прошлой жизни мне приходится сносить такие муки?» От тяжких дум она разрыдалась еще громче. Гнев охватил Симэня, и он велел ей встать с постели, раздеться и опуститься на колени. Пиньэр колебалась. Тогда Симэнь стащил ее на пол и, выхватив плетку, нанес несколько ударов. Пиньэр сняла с себя платье, потом нижнее белье и с трепетом опустила на колени. Симэнь, усевшись, начал ее отчитывать:

– Ведь я тебе говорил: обожди немного, я делом занят, почему ты не послушала? Зачем поспешила взять этого Цзяна? Выйди ты за кого другого, не стал бы злиться, но за этого карлика-рогоносца... Ишь, нашла сокровище! Мало в дом приняла, да еще и денег отпустила, у меня под носом лавку завела. Мою торговлю удушить захотела, да?

– Сейчас поздно раскаиваться, – отвечала Пиньэр. – Только ты как ушел, так больше и не показывался. У меня от тоски стал мешаться рассудок. А сзади, в саду императорского родственника Цяо лисы появились. Они среди ночи в человеческом облике ко мне являлись, мозг из моих костей высасывали, а как пропоет на рассвете петух, так исчезали. Не веришь, тетушку Фэн и горничных спроси. Так меня одолели наваждения, что я была чуть жива. Тут ко мне и пригласили врача Цзяна. Он меня, беспомощную, и обманул. У тебя, говорил, неприятность случилась, ты в столицу отбыл, а у меня больше сил не было. Вот я и решилась. Разве я думала, что он хоть себя целиком заложи, с долгами не расплатится? Потом его избили, властям передали. Я все молчала, терпела. Серебром за него расплатилась, а

потом выгнала.

– Говорят, это ты заставляла его подать на меня жалобу, – допрашивал Симэнь. – Свои вещи у меня забрать хотела? Что ж ты теперь ко мне пришла, а?

– Жалобу? На тебя? – удивилась Пинъэр. – Какая чепуха! Никому я этого не говорила. Пусть я заживо сгнию!

– Допустим, и такое было. Только я не боюсь, – уверил ее Симэнь и предупредил: – Я тебе серьезно говорю. У тебя есть серебро, и ты можешь менять одного мужа на другого, но у себя в доме я этого не потерплю. А Чжушаня избили, признаюсь, мои люди. Это я ему ловушку устроил, чтоб он без пристанища побегал. Можно было бы еще чуть-чуть приложить усилия, тогда и тебя к суду притянули бы. И твое бы состояние не оставили в покое.

– Знаю, что это твоих рук дело, – проговорила Пинъэр. – Но пожалей меня, прошу. Если меня разоришь, мне останется только умереть.

– Поди сюда, негодница, – позвал Симэнь, умеряя гнев. – Я вот что хочу тебя спросить: кто ж сильнее, я или этот твой Цзян?

– Ну, куда ему до тебя! – отвечала Пинъэр. – Ты могуч как небо, а он – кирпич. Ты на тридцать третьем ярусе небесном,^[329] а он ниже девяносто девятого яруса подземного. А как ты верен долгу и щедр! Ты бьешь в литавры и гонги, ты умен и находчив, одет в креп и парчу. Ты выступаешь, как владыка, восседаешь, как повелитель. Ты вознесся над смертными, вкушаешь каждодневно диковинные яства, которых ему не видать, проживи он и сотню лет. Как можно тебя с ним сравнивать?! Ты для меня – как бальзам целительный. С первой же нашей встречи не проходило ни дня, ни ночи, чтоб я не вспоминала тебя.

Похвалы привели Симэнь Цина в неопиcуемый восторг. Он отбросил плетъ и помог Пинъэр подняться и одеться, а потом заключил ее в объятия.

– Дорогая моя! – обратился он к ней. – Верно ты говоришь. Откуда ему видеть тонкие яства? Где ему обозревать небесные широты?!

Симэнь велел Чуньмэй скорее накрыть стол, поставить вина и закусок.

Да,

На востоке сияет солнце,
а на западе дождь пролился.
Луч любви потерялся в тучах
и внезапно опять пробился.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

МЭН ЮЙЛОУ УГОЩАЕТ У ЮЭНЯН

СИМЭНЬ УЧИНЯЕТ ПОГРОМ В «ПРЕКРАСНОЙ ВЕСНЕ»

*Семьдесят лет судьба нам отпустила,
Грешно ж терзаться так душой усталой:
К концу пути презришь ты все, что было,
И прежней роскоши – как не бывало.
Ведь все от Неба, все, что нам дается,
Позор иль слава – только пыль мирская.
Так пусть же сердце радостно смеется,
О седине грядущей забывая.*

Так вот Ли Пиньэр удалось нежностью и лестью смягчить сердце Симэня, и он, сменив гнев на милость, помог ей подняться и одеться. Они обнялись, припали друг к дружке, переплелись, как спутанный шелк, а Чуньмэй велели накрывать стол и сходить в задние покои за вином и фруктами.

Цзиньлянь и Юйлоу, желая узнать, что будет, встали у боковой калитки. Так как дверь в спальню Пиньэр была закрыта, а во двореке никого, кроме Чуньмэй, не было, Цзиньлянь подвела Юйлоу к самой двери, и они стали подглядывать в щелку. В спальне горел свет, шла беседа, но расслышать, о чем говорили, было нелзя.

– Нам остается только позавидовать Чуньмэй, – шептала Цзиньлянь. – Эта негодница все слышит.

Чуньмэй постояла немного под окном, а потом подбежала к хозяйке.

– Ну, что там было? – шепотом спросила Цзиньлянь.

– Хозяин велел ей раздеться и стать на колени, – рассказывала

горничная, – а она не раздевается. Тогда хозяин со злостью ударил ее плетью.

– Ну, а потом разделась? – перебила Цзиньянь.

– Испугалась и давай раздеваться. На колени встала. Сейчас хозяин ее вопрошает.

– Пойдем отсюда, сестрица, – проговорила Юйлоу и потянула Цзиньянь к калитке из опасения, как бы их не заметил Симэнь.

Было это в двадцатых числах восьмой луны. Только что взошел месяц. Они встали в тени и время от времени переговаривались. Цзиньянь грызла семечки. Обе ожидали вестей от Чуньмэй.

– Сестрица моя дорогая, – обращаясь к Юйлоу, заговорила Цзиньянь, – как же она сюда рвалась, а! Небось, думала, сладко будет. А не успела нрава проявить, как плети отведала. Нашего самодура пока по шерстке гладишь, он еще ничего, терпеть можно. Только ласки его – всего лишь дешевая приманка. Как ты ни вертись, а ему денежки подавай. Помню, прошлый раз, когда Сюэ, рабское ее отродье, нагородила ему на меня всяких небылиц, так мне никакая моя осмотрительность не помогла. До чего ж он меня изводил! Сколько я перед ним слез пролила! Да ты тут, сестрица, ведь тоже не первый день. Сама его норов знаешь!

Пока они говорили, скрипнула калитка. Из нее вышла Чуньмэй и направилась прямо в задние покои, но ее окликнула стоявшая в тени Цзиньянь:

– Ты куда, негодница?

Горничная засмеялась и прибавила шаг.

– Поди сюда, плутовка! – снова позвала хозяйка. – Постой, куда это тебя несет?

Чуньмэй остановилась.

– Она так плакала, – рассказывала она, – столько ему наговорила! Хозяин повеселел, обнял ее и велел одеться, а мне приказал стол накрывать. В задние покои за вином послал.

– Вот ведь бесстыдник проклятый! – выслушав горничную, обратилась к Юйлоу Цзиньянь. – Сперва громом гремел, а потом мелким дождичком покрал. Бил, буйствовал, а потом хоть бы хны! И можешь себе представить – за вином послал?! Теперь она будет ему чарку наливать? – Цзиньянь обернулась к горничной: – А ты, негодница, что? Разве у нее своих горничных нет? С чего это ты ей за вином бегаешь, а? Еще не хватало, чтоб узнала Сюэ, рабское отродье. Вот шум подымет! Терпеть ее не могу.

– А я что могу сделать! – оправдывалась Чуньмэй. – Меня хозяин

послал.

И горничная пошла, весело смеясь.

– Что это такое?! – возмущалась Цзиньлянь. – Заставишь негодницу работать, так она будто мертвая – еле-еле шевелится. А грязное дело во всех щелях будет разыскивать, с головой влезет. А забегает – откуда только прыть возьмется. Ведь там свои две горничных, за каким же чертом моей за них бегать? Зеленщик со своей корзиной ходит. А эта бездельница? Знай, в чужие дела нос сует.

– Ну а как же! – поддакивала Юйлоу. – Я своей Ланьсян наказываю – то и другое сделай, так она и ухом не ведет. А стоит хозяину с какой-нибудь причудой обратиться, бежит, как угорелая.

Пока они судачили, из задних покоев внезапно появилась Юйсяо.

– Вы еще здесь, сударыня? – обратилась она к Юйлоу. – Я за вами.

– Ой! – воскликнула Юйлоу. – Как ты меня напугала, сукина ты дочь! А хозяйка знает, что ты сюда пошла?

– Свою госпожу я на покой отправила, а сама решила вас проведать. Только что Чуньмэй за вином приходила. Ну, как там хозяин у новой госпожи?

– А ты к ней в спальню ступай, – вмешалась Цзиньлянь, – тогда сама увидишь, как уродина в уборной головой о стенку бьется. Голова у нее, видишь ли, вытянутая, вот она и выравнивает.

Юйсяо опять спросила Юйлоу, и та поведала ей все подробности.

– В самом деле, велел раздеться, на колени встать и пять раз плетью ударил, да? – недоумевала Юйсяо.

– Противилась она, вот хозяин ее и побил, – объяснила Юйлоу.

– Уж лучше бы побили одетую, – заметила Юйсяо. – Как она, бедняжка, такая нежная, холеная, побои-то перенесла?

– Ишь ты, сучья дочь! – засмеялась Юйлоу. – Тебе бы только в плакальщиках ходить.

Показались Чуньмэй и Сяюй. Чуньмэй принесла вина, а Сяюй коробку с закусками.

– Поглядите на этих негодниц! – воскликнула Цзиньлянь. – Ишь, выслуживаются. Как мыши снуют. Право слово, мыши! Быстрее несите все ко мне сейчас же! – приказала она. – Пусть за ней свои горничные ухаживают. Вам нечего там делать!

Чуньмэй захихикала, и они с Сяюй отправились в спальню Пиньэр. Там они расставили все блюда на столе и, передав обязанности Инчунь и Сючунь, вышли к Юйлоу и Цзиньлянь.

– Я к себе пойду, – сказала Юйсяо, и они вместе с Сяюй удалились в задние покои.

Цзиньлянь велела Чуньмэй запереть калитку, а сама побрела в одинокую спальню, но не о том пойдет речь.

Да,

Не мне в окно глядится полная луна,
Не я в ночи пьянящей радости полна.

* * *

Не будем говорить, как провела в одиночестве ночь Цзиньлянь. Расскажем о Симэнь Цине и Ли Пиньэр. В разговорах за чаркой вина, в любви и ласках просидели они до полуночи, а потом легли под расшитое неразлучными уточками и зимородками одеяло. В мерцании светильника казалось, феникс с подругою пел стройную песнь, а из курильниц струился аромат, в танце среди цветов порхали бабочки.

Да,

Освещают этот вечер пусть серебряные свечи –
Если только то не сон о дивной встрече.

О том же поется и в романсе:

Брови чуть подведены, воткнут гребень золотой –
Сколько ж надо заниматься этой чудной красотой!
Но когда желанный голос позовет меня: «приди!», –
Затрепещет и забьется сердце нежное в груди.
Мой любимый и родной,
Мой защитник дорогой,
Более всего я жажду бранных радостей мирских,
Отзвучали в моем сердце песни грусти и тоски –
Лишь любовью я полна одной.

Они проспали до обеда. Пиньэр только что встала и занялась перед зеркалом прической, когда Инчунь принесла завтрак: четыре блюбочка – тыкву с баклажанами под сладким маринадом и из свежей зелени тонкие яства. Были поданы: блюдо жареных птенцов голубей, блюдо пирожков с желтым пореем и поджаренной кислой капустой, тарелка копченого мяса, тарелка пузанка в винном соусе, также два крапленых серебром блюда мягкого и душистого белого-пребелого риса и две пары палочек слоновой кости.

Пиньэр прополоскала рот, и они с Симэнем выпили по полчарки вина.

– Ступай, чжэцзянского^[330] подогрей, – наказала горничной Инчунь хозяйка. – Вчера в серебряном кувшине осталось.

Пиньэр наливала чарки, и лишь осушив кувшин, они стали умываться и причесываться. Пиньэр открыла сундук и показала Симэню свои украшения и наряды. Она вынула сотню добытых в Индийском океане жемчужин, которые принадлежали раньше письмоводителю Тайного совета Ляну, потом черные, с синеватым, как у воронова крыла, отливом, драгоценные камни в золотой оправе – регалии с чиновничьей шапки.

– Это после нашего покойного зрителя осталось, – объяснила Ли Пиньэр и положила камения на весы. Камни потянули четыре цзя восемь фэней. – Отнеси ювелиру. Пусть подвески сделает.

Потом она достала головную сетку из золотых нитей весом в девять лянов и спросила Симэня:

– А у госпожи Старшей и остальных есть такие?

– У них серебряные. С твоей ни в какое сравнение не идут.

– Неудобно мне будет такую носить. И ее возьми. Вели изготовить из нее шпильку с девятью фениксами, у каждого жемчужина в клюве. А что останется, пусть пойдет на заколку – такую же, как у Старшей госпожи – нефритовая Гуаньинь в пруду среди лотосов.^[331]

Симэнь Цин взял ее драгоценности и, одевшись, собрался уходить.

– Дом у меня без хозяина, заглянул бы как-нибудь, – попросила Пиньэр. – Да и послать бы туда кого-то вместо Тяньфу. Хочу его сюда взять. А то сидит там одна старуха, носом клюет, только заботы прибавляет.

– Хорошо, – пообещал Симэнь и, пряча в рукав взятые у Пиньэр драгоценности, направился к двери.

– Куда это ты собрался? – окликнула его стоявшая у калитки неумытая и непричесанная Цзиньянь. – Только встал? Добрался, значит, дятел до дупла.

– Я по делу иду, – ответил Симэнь.

– Да погоди же, негодник! Куда спешишь? Мне с тобой поговорить нужно.

Уступая ее настойчивости, Симэнь Цин остановился. Она затащила его к себе в спальню, села в кресло и, размахивая руками, разразилась бранью:

– Не знаю, какими только словами ругать тебя! С чего это ты, товаришко вершковый, так рвешься, а? Или тебя в котле варить собираются? Поди сюда, окорок копченый!

– Хватит, чего привязалась, потаскушка! Дело у меня есть. Приду, расскажу.

Симэнь направился к выходу. Цзиньянь заметила у него в рукаве

что-то тяжелое и спросила:

– Что это у тебя? А ну-ка покажи!

– Да серебро.

Цзиньлянь не поверила и залезла к нему в рукав.

– Это ее сетка? – спросила она, вынимая золотую сетку. – Куда несешь?

– В переделку. Как узнала, что у вас таких нет, попросила отнести ювелиру.

– Сколько весит? – спросила Цзиньлянь. – Что она хочет заказать?

– Девять лянов. Просила шпильку с девятью фениксами и заколку, как у Старшей – с нефритовой Гуаньинь среди лотосов в пруду.

– На одну шпильку и целую сетку? – недоумевала Цзиньлянь. – Да на шпильку трех с половиной лянов вполне достаточно. А заколку у Старшей я взвешивала – всего лян шесть цяней. Ты и мне потом такую же шпильку с фениксом закажи. Золота хватит.

– Но она просит большую, увесистую заколку, – возразил было Симэнь.

– Какая бы увесистая ни была – хоть чертей с колотушками на нее посади, все равно трех лянов предостаточно, а два-три на шпильку останутся.

– Как же ты любишь, проказница, за чужой счет проехаться! – засмеялся Симэнь. – Только и ищешь, где бы руки погреть.

– Помни, сынок, что тебе мать наказывает, – говорила шутя Цзиньлянь. – Не исполнишь, ответ держать придется.

Симэнь спрятал сетку и, смеясь, вышел из спальни.

– А ловко вышло! – намекнула Цзиньлянь.

– Что ловко?

– Ловко, говорю, вчера гром гремел, да мелким дождичком покрпал. Бить собирался, вешать приказывал, а сетку вручила и сразу рот заткнула. Не испугалась она тебя – вокруг пальца обвела.

– Вот потаскушка! Только б чепуху болтать! – засмеялся Симэнь и пошел.

* * *

Тем временем Юйлоу и Цзяоэр сидели в спальне Юэнян. Вдруг снаружи послышались крики. Слуги искали Лайвана, но нигде не могли найти. Потом к хозяйке вошел Пинъань.

– Зачем он вам понадобился? – спросила Юэнян.

– Его хозяин срочно вызывает, – ответил Пинъань.

– Я его по делу послала, – немного погодя сказала Юэнян.

Надобно сказать, что Юэнян еще с утра отправила Лайвана в буддийский монастырь к монахине Ван, которой посылала благовонного масла и отборного риса.

– Я так и доложу: хозяйка, мол, его по делу послала, – сказал Пинъань.

– Мне все равно, что ты ему скажешь, рабское твоё отродье! – заругалась Юэнян. – Ступай!

Когда слуга, сразу осекшись, удалился, Юэнян обратилась к Юйлоу:

– Стоит мне рот открыть, говорят, я во все вмешиваюсь. А вправе ли я молчать?! Раз ее к себе забрал, так продай дом. Для чего ж зря тревогу бить, о сторожах тревожиться? Ведь сидит там ее кормилица – тетушка Фэн, чего ж ей беспокоиться? Ну возьми да пошли кого-нибудь из неженатых слуг. Пусть там ночует. А он все свое – Лайвана с женой вздумал отправить. Она то и дело болеет. Еще сляжет там, кто за ней ходить будет?

– Я ничего вам не могу посоветовать, сестрица, – осторожно заметила Юйлоу. – Вы хозяйка – вам виднее. Только вам не следовало бы с самим-то ссориться. А то и нам неудобно распоряжаться, и слугам не к кому обратиться. Тем более, сам так расходился, что к хорошему это не приведет. Сами вы, сестрица, смотрите. А наш совет вам – помириться вы с хозяином.

– И не говори мне об этом, сестрица Мэн, – заявила Юэнян. – Я с ним не ругалась. Это он ни с того, ни с сего рассвирепел. И что бы он теперь ни делал, пусть не ждет от меня сочувствия. Он за глаза обзывает меня беспутной, а какая я беспутная! Сам вон скольких в доме собрал, а я, выходит, беспутная, да? Значит, когда льстишь, тогда хвалит, а как правду в глаза скажешь, так злобствует. Как я его отговаривала от этой женитьбы! Я ему добра желала. Раз ты у него столько добра себе забрал, дом купил, а теперь его жену взять собираешься, тут и власти на тебя поглядят с подозрением. Да и неудобно ее брать, когда траур не кончился. И вот, представь себе, у меня за спиной уже обо всем договорились. Сам каждый день к ней на свидания ходил, а от меня скрывал – в корчагу посадил да крышкой накрыл. Нынче у певиц ночевал, завтра у певиц, а сам все с ней одной спал. Да и у нее, видать, не лучше, чем у певицы. Она его красотой увлекла, как лиса преследовала, тигрица размалеванная. Заморочила голову, а он и обрадовался. А я-то к нему с открытой душой – и наставляла, и добрым словом увещевала. Все думала, прислушается, а он – на тебе – как на врага лютого глядит. Верно говорят, тысячи

передних колесниц уже перевернулись, задние за ними все ж к пропасти спешат. Дорога ровная указана всем ясно, но мудрые советы отвергнуты как ложь и клевета. Если ты меня отвергаешь, думаешь, просить тебя буду? Кормить ты меня все равно будешь, а я и без мужа проживу. Пусть его делает, как знает, а обо мне вы не беспокойтесь.

Юэнян умолкла, а Юйлоу и остальные злословили до тех пор, пока не появилась разодетая Ли Пиньэр.

На ней были отделанная золотом ярко-красная креповая кофта с застежкой и нежно-голубая, расшитая цветами, длинная креповая юбка. Инчунь несла в серебряном кувшине кипяток, а Сючунь коробку с чаем. Пока горничные разливали хозяйке и остальным чай, Юэнян велела Сяюю подать Ли Пиньэр стул. Потом вышла и Сюэ. Когда все занялись чаепитием, бойкая на язык Цзиньлянь обратилась к Пиньэр:

– Подойдите и поклонитесь Старшей, сестрица Ли. Скажу откровенно, Старшая госпожа все это время не разговаривает с хозяином. А все из-за вашего прихода. Мы уж тут целый день уговаривали Старшую помириться. Вам бы как-нибудь устроить угощение да упросить Старшую, чтобы между хозяином и хозяйкой вновь воцарились мир и согласие.

– Я исполню ваш наказ, – ответила Пиньэр и, будто пышно цветущая ветка, плавной походкой, при которой колыбался ее вышитый пояс, подошла к Юэнян и грациозно отвесила четыре низких поклона.

– Подстрекает она вас, сестрица Ли, – проговорила Юэнян и обернулась к Цзиньлянь. – Не вмешивайтесь вы, пожалуйста, в чужие дела! Я клятву дала: хоть сто лет проживу, с ним не заговорю.

Все умолкли.

Цзиньлянь взяла щетку и принялась приглаживать волосы Пиньэр. Сзади ее прическу поддерживала золотая шпилька, изображавшая сосну, бамбук и сливу-мэй – этих стойких в зимнюю стужу друзей.

– Зачем вы, сестрица Ли, носите эти цветы с жучками? – спросила Цзиньлянь, когда увидела в прическе Пиньэр золотые подвески, украшенные нефритовыми цветами и насекомыми. – В них только волосы путаются. Вам гораздо больше подошла бы заколка с нефритовой Гуаньинь среди лотосов в пруду, как у Старшей госпожи. Лучше на увесистой основе.

– Я как раз такую у ювелира и заказала, – откровенно призналась Пиньэр.

Потом Сяюю и Юйсяо взялись разливать чай и подсмеиваться над Пиньэр.

– Госпожа Шестая, – обратилась к ней Юйсяо, – скажите, пожалуйста, какую службу нес при дворе ваш родственник?

– Сначала он служил при высочайшей особе, заведовал отоплением императорских дворцов, а после был назначен правителем в Гуаннани.

– А вам, сударыня, вчера хорошие поленья достались, – полушутя-полусерьезно заметила Юйсяо.

– Прошлым летом деревенские старосты так вас разыскивали! – встала Сяюй. – Хотели вас в столицу отправить.

– Для чего? – спросила недоумевающая Пиньэр.

– Вы, говорят, своими жалобами можете наводнение отворотить, – засмеялась Сяюй.

– В ваших краях, сударыня, старухи тысяче будд больше молятся, – опять заговорила Юйсяо. – Не потому ли вы вчера столько земных поклонов положили?

– А это верно, что двор послал за вами четырех гонцов? – спросила Сяюй. – Чтобы просить вас посодествовать заключению мира с варварами?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – отозвалась Пиньэр.

– Вы, говорят, обольщать больно ловко умеете, – пояснила с ехидством Сяюй.

Юйлоу и Цзиньлянь расхохотались.

– Негодяйки паршивые! – прикрикнула на горничных Юэнян. – Что это вы тут затеяли, а?! К чему над человеком издеваться!

Пиньэр то краснела, то бледнела от смущения. Встать и уйти ей было неудобно, но и сидеть она больше не могла. Наконец, она удалилась к себе в покои.

Через некоторое время к ней вошел Симэнь. Он сообщил, что отдал ювелиру ее драгоценности, а потом сказал:

– Завтра приглашения разошлю, а двадцать пятого устроим свадебный пир. Надо будет написать приглашение и Хуа Старшему.

– Его жена третьего дня была у меня. Я ее предупредила, – сказала Пиньэр. – Ну, да ладно! Пошли еще приглашение. – И Пиньэр продолжала: – А за моим домом и тетушка Фэн присмотрит. Только пошли кого-нибудь, пусть через день с Тяньфу ночуют. А Лайвана не посылай. Старшая говорит, жена у него больная.

– А я вот и не знал, – сказал Симэнь и позвал Пиньяня. – Будешь на Львиной ночевать по очереди с Тяньфу, – приказал он слуге.

Однако довольно пустословить. Речь пойдет о другом.

Подошло двадцать пятое число. К свадебному пиру накрыли праздничные столы, пригласили четырех певиц и труппу актеров и

забавников.

За первым столом сидели Хуа Старший и шурин Симэня – У Кай, за вторым столом расположились шурин У Второй и свояк Шэнь, за третьим – Ин Боцзюэ и Се Сиди. Четвертый стол заняли Чжу Жинянь и Сунь Тяньхуа, пятый – Чан Шицзе и У Дяньэнь, шестой – Юнь Лишоу и Бай Лайцян. Симэнь Цин восседал на месте хозяина. Дальше по обеим сторонам разместились зять Чэнь Цзинци и приказчик Фу Цзысинь с Бэнь Дичуанем.

После обеда одна за другой начали прибывать в паланкинах певицы. Сперва Ли Гуйцзе, за ней – У Иньэр, Дун Юйсянь и Хань Цзиньчуань. Они расположились в покоях Юэнян, а мужская компания пиновала в крытой галерее. После чая, когда все были в сборе, перебрались в приемную залу, где были также расставлены столы. Одни занимали высокие почетные места, другие уселись на местах пониже.

Сначала подали суп из ласточкиных гнезд, за ним жареного гуся. Потешники группами разыгрывали шутки и фарсы. После них появились певцы Ли Мин и У Хуэй, а потом под музыку вышли певицы и стали обносить гостей вином.

Первым обратился к собравшимся Ин Боцзюэ:

– В этот радостный для нашего брата день не пристало нам, его близким друзьям и братьям, пребывать в робости и стеснении. Мы были бы счастливы лицезреть нашу новую невестку и выразить ей нашу самую искреннюю и глубокую признательность. Я говорю не столько от своего имени, сколько от имени почтеннейшего родственника господина Хуа Старшего, а также досточтимых господ шуринов и свояка Шэня. Ради чего господи, собственно, и пожаловали сюда.

– Моя жена не отличается особой привлекательностью, – отвечал Симэнь, – и не стоит ей выходить к достопочтенным гостям.

– Да разве можно так говорить, брат, – запротестовал Се Сиди. – Мы тебе свое желание высказали. Знай мы, что не увидим невестку, мы бы и совсем не пришли. Тем более, здесь присутствует наш почтеннейший родственник Хуа Старший, который был нам другом, а теперь стал родней. Тут ведь свои люди собрались – не чужие. Пригласи невестку, чего ты боишься?

Симэнь улыбался, но с места не двигался.

– Ты, брат, не смейся, – снова заговорил Боцзюэ. – Мы ведь не даром невестку вызываем. За лицезрение деньги выложим.

– Вот сукин сын! – пожурил его Симэнь. – Брось ерунду-то

городить!

Они продолжали упрашивать хозяина, пока тот не кликнул Дайаня и не велел ему сходить за Ли Пинъэр. Наконец, появился слуга и объявил, что госпожа отказывается выйти.

– Ах ты, пострел, собачья кость! – обрушился на него Ин Боцзюэ. – И дойти-то не успел, а уж голову морочишь? А ну, клянись, что передал нашу просьбу!

– Не буду ж я вас обманывать, дядя Ин! – отвечал Дайань. – Пойдите и сами спросите.

– А ты думаешь, не пойду? – не унимался Боцзюэ. – Мне в этом саду все тропинки и дорожки знакомы. Вот пойду и всех невесток выведу.

– А как собака за ноги схватит? – предупредил слуга. – Ох и злой же у нас пес, дядя Ин!

Боцзюэ вышел из-за стола и дал Дайаню хорошего пинка.

– Ах ты, сукин сын, собачья кость! – заругался он шутки ради. – Травить меня вздумал, да? А ну, сейчас же ступай и пригласи невестку! Не вызовешь, два десятка палок заработаешь.

Гости и певицы засмеялись. Дайань отошел и встал немного поодаль, ожидая распоряжений все еще мешкавшего хозяина. Наконец, Симэнь подозвал слугу.

– Скажи госпоже Шестой, чтобы оделась и вышла к гостям, – наказал он.

Дайань исчез и долго не появлялся, а потом вошел и позвал Симэня. Из залы удалили всех слуг и заперли боковые двери. Певицы направились в задние покои, чтобы музыкой и пением сопровождать выход Ли Пинъэр.

Юйлоу и Цзиньянь всячески прихорашивали Пинъэр – приглаживали ей волосы, прикалывали цветы. В зале был разостлан яркий ковер, струился густой аромат мускуса и орхидей. Впереди следовали певицы, чье пение напоминало стройные трели птиц в зарослях молодого бамбука.

Пинъэр была одета в пестро расшитый красный креповый халат с длинными шитыми золотом рукавами и газовую юбку, на зеленом поле которой красовались купы всевозможных цветов и золотом отливали ветки, а на подоле мелодично позванивала яшма. Ее стан обвивал бирюзовый нефритовый пояс. Она блистала дорогими шпильками и аметистовыми кольцами, жемчужными серьгами и ожерельями. Целый букет цветов из жемчуга и перьев зимородка украшал ее прическу. На белый напудренный лоб свисали подвески.

Из-под юбки выглядывала пара миниатюрных уток.

Будто Чаньэ на мгновенье
покинула Лунный чертог,
Будто небесная фея
Вниз, по хрустальным ступеням
ступает соцветьями ног.

Пиньэр сопровождали певицы, игравшие на лютне, цитре и других струнных инструментах. Как колеблемая ветром цветущая ветка, склонилась она в приветствии. Гости тотчас же повставали из-за столов и отвечали ей тем же.

Тем временем Юйлоу, Цзиньлянь и Цзяоэр, окружив Юэнян, наблюдали за происходящим из-за легкой ширмы в глубине залы.

Запели величальную «Сбылись мечты, мы возликуем»:

Воспеваем неразрывность ваших уз,
Как прекрасен он, небесный ваш союз,
Неразлучны вы, как фениксы, теперь...
Потом послышалось:
Смех, веселье мы воспели.
Выше свадебные чаши!
Громче цитры и свирели,
Пир шумнее – праздник краше!
А когда дошли до слов:
Отныне навсегда супруги,
Найдете счастье вы друг в друге.

Цзиньлянь, обернувшись к Юэнян, сказала:

– Слышите, что поют? Когда берут младшую жену, этого петь не полагается. В каком же положении окажетесь вы, сестрица, если они «навек муж и жена» и будут резвиться, как рыбки в воде?

Юэнян при всем ее добросердечии эти слова задели за живое, а тут еще Ин Боцзюэ, Се Сиды и остальные дружки пошли на все лады превозносить Ли Пиньэр, и каждый, казалось, досадовал, что у него всего-навсего один язык.

– Невестка в самом деле такая, какую редко встретишь! – наперебой льстили они. – Во всем свете другой такой не найдешь! И добродетелью, и манерами взяла, а собою – красавица писаная! Право, в мире не сыскать! Где ты, брат, такое сокровище открыл? Увидишь – и можно умирать спокойно. – И они окликнули Дайяня: – Отведи госпожу в спальню. Хватит неволишь.

– Вот негодяи, – шепотом ругалась Юэнян, а с ней и остальные жены.

Ли Пинъэр направилась в свои покои. Заметив у нее в руках деньги, певички принялись еще усерднее за ней ухаживать – прикалывали цветы, поправляли платье и всячески старались ей угодить, то и дело называя ее «госпожа».

Юэнян вернулась к себе в спальню удрученная. Когда Дайань и Пинъань принесли к ней свадебные подарки – деньги, куски материи, наряды и подносы с мелкими подношениями, она даже на них не взглянула.

– Зачем вы ко мне-то тащите, арестанты проклятые? – заругалась Юэнян. – К ней несите.

– Хозяин к вам приказал нести, – ответил Дайань.

Юэнян велела Юйсяю положить подарки на кровать. После второй смены блюд к Юэнян зашел У Кай. Она отвесила старшему брату грациозный поклон, и после взаимных приветствий они сели.

– То моя жена тебя беспокоила, – начал он, – а нынче я с благодарностью принял приглашение зятя. Жена сказала мне, что ты с ним не разговариваешь, вот я и собирался все прийти и поговорить с тобой. И, наконец, такой случай представился. Сестра, если ты будешь себя так вести, ты утратишь все свои прежние достоинства. Говорят, только глупый муж жены боится, а умная жена перед мужем трепещет. Послушание и добродетели^[332] – вот чего должна придерживаться женщина. Не мешай мужу, чего бы он ни делал. Будь ему покорной во всем, тогда и он, вне сомнения, увидит твою мудрость и добродетели.

– Если б он их раньше разглядел, не позволил бы другим так гнушаться мною. Коль у него богатая жена появилась, значит, меня, дочь бедного чиновника, можно и в расчет не принимать. А ты не волнуйся. Что бы он ни сделал, я какой была, такой и останусь. Насильник проклятый! С каких это пор я не нужна ему стала?!

Юэнян заплакала.

– Ты не права, сестра, – опять начал уговаривать ее брат. – Не такие мы с тобой люди. Брось на своем настаивать. Живите с мужем по хорошему, тогда и нам будет навестить вас не зазорно.

Саяюй подала чай. После чаепития Юэнян велела накрыть стол, желая угостить брата вином и закусками.

– Ну что ты! – отказался У Кай. – Я на пиру выпил и поел досыта.

Он еще немного посидел у сестры, а потом, когда его позвал слуга, распрощался с ней и пошел к гостям.

Гости начали расходиться, когда зажигали огни. Ли Пинъэр

подарила певицам по шелковому платку с золотой расцветкой и по пяти цзяней серебра, чем они остались очень довольны.

С того дня Симэнь провел у Пиньэр несколько ночей подряд, и все считали это в порядке вещей, кроме Цзиньянь. От ревности ее так и подмывало поспорить Юэнян с Пиньэр. В разговорах с Пиньэр она наговаривала на Юэнян, называла ее несносной, и Пиньэр, сама того не подозревая, попалась на удочку: стала звать ее сестрицей и очень с ней сблизилась.

Да,

С первым встречным выбирай слова,
Остерегайся душу открывать сполна.

С женитьбой на Пиньэр Симэнь за здорово живешь прибрал к рукам крупное состояние и сильно разбогател. Как новенькая блистала его городская усадьба, перестроенная и снаружи и изнутри. От риса и зерна ломились амбары, табунами ходили лошади и мулы, дом заплонила челядь.

Пришедшему с Пиньэр слуге Тяньфу дали имя Циньтун,^[333] купили еще двоих слуг. Одного стали звать Лайань, другого – Цитун. Четырех горничных – от Цзиньянь, хозяйки, Пиньэр и Юйлоу, нарядив и украсив драгоценностями, поселили в передний западный флигель и стали обучать пению и игре на музыкальных инструментах, для чего наняли брата Ли Цзяоэр – певца Ли Мина. Чуньмэй училась играть на пипа, Юйсяо на цитре, Инчунь на трехструнной гитаре, а Ланьсян – на четырехструнном хуцине.^[334] Ли Мину положили пять лянов серебром месячного жалования и общий с хозяином стол.

Симэнь Цин отвесил две тысячи лянов серебра и поручил приказчику Фу Цзысиню и Бэнь Дичуаню открыть в двух комнатах передней постройки закладную лавку. Зять Чэнь Цзинци владел ключами, проверял приходы и расходы и поставлял лекарственные травы. Бэнь Дичуань вел счета и отпускал товары, а приказчик Фу вел торговлю в лавке лекарственных трав и принимал вещи в заклад. Он же определял качество серебра. В тереме Цзиньянь хранились лекарственные травы, а в тереме у Пиньэр расположилась кладовая ломбарда, где на вешалках висела одежда, на полках стояли антикварные предметы и безделушки, лежали картины и книги.

Груды серебра проходили за день через руки приказчиков. Чэнь Цзинци рано вставал и поздно ложился. Держа при себе ключи, он вместе с приказчиками проверял приходы и расходы денег. Симэнь Цин был несказанно обрадован, когда взглянул в книги и убедился, как

образцово ведется учет.

– Зять, как ты ловко у меня торговать выучился, а! – воскликнул однажды Симэнь за обедом в передней зале, обратившись к сидевшему рядом Цзинци. – Узнает твой отец в столице, и на душе у него будет спокойно. На тебя можно положиться. Говорят: у кого есть сын, полагается на сына, а у кого нет, тот уповаet на зятя. Зять и дочь не чужие люди. Если не будет у меня наследника, все состояние вам с дочкой оставлю.

– Несчастный я, – начал плакаться Чэнь Цзинци, – беда постигла отца. Родители мои далеко, а я вот нашел приют в вашем доме, батюшка. Я вам так благодарен за вашу милость! Никогда, ни при жизни, ни после смерти не расплатиться мне с вами за все, что вы для меня сделали. Но я молод, мне не хватает опыта. Я об одном вас прошу, батюшка, не судите строго. А я ваших надежд не обману.

Лесть зятя еще больше обрадовала Симэнь Цина, и он поручил умному и расторопному Цзинци вести все домашние дела – писать письма, визитные карточки и приглашения. Теперь, когда угощали гостей, за столом рядом с ними непременно сидел и Чэнь Цзинци. Никому и в голову не приходило, что этот малый мягко стелет, да жестко спат, – постоянно из-за занавесок за «драгоценными яшмами» подглядывал, не упускал случая «из башни похитить лучший аромат».

О том же говорится и в стихах:

Заботой и любовью окружен,
И молод, и собою недурен.
И на пирах с ним гости пьют,
И в спальнях у него приют.
У женщин зубоскалит без конца,
Коварны шулки блудодея-хитреца.
И в доме как родного привечать
Не стоило – такой опасен зять.

Быстро летело время, как челноки сновали дни и месяцы. И настала середина осени – пора любования луною. Уж лопнули бутоны хризантем у восточной ограды, а в небе вереницами потянулись на юг озябшие дикие гуси. Вдруг снегом покрылась вся земля.

Однажды, было это в конце одиннадцатой луны, Симэнь Цин пировал у друга Чан Шицзе. Пирушка кончилась рано. Еще не успели зажечь фонари, а Симэнь Цин, Ин Боцзюэ, Се Сиди и Чжу Жинянь уже вскочили на коней, но не успели они отъехать от дома Чан Шицзе, как темные тучи густой пеленой заволокли небо и, кружась и играя, на

землю посыпался снег.

– Брат, – сказал Ин Боцзюэ, – если в это время домой заявиться, нас и не примут. Давно мы у Гуйцзе не были, а? В такой снегопад как нельзя лучше навестить ее, пойти, как Мэн Хаожань, по снегу за веткой цветущей сливы.^[335]

– Верно ты говоришь, брат Ин, – поддержал Чжу Жинянь. – А то откупаешь ее за двадцать лянов в месяц, а сам не ходишь. Ей, выходит, живи – не тужи и поступай, как знаешь.

Так то один, то другой, слово за слово, уговорили они, наконец, Симэня завернуть на Восточную улицу к Ли Гуйцзе. Когда они подъехали к ее дому, стемнело, и в гостиной зажигали огни. Служанки подметали пол. Навстречу прибывшим вышли хозяйка и Гуйцин. После приветствий гости разместились в креслах.

– Гуйцзе тогда так поздно от вас пришла, – начала хозяйка. – Простите, если вас задержала. Она очень благодарна госпоже Шестой за платок и цветы.

– О, мне не пришлось тогда с ней и поговорить, – ответил Симэнь. – Я пришел поздно и, как разошлись гости, ее отпустил.

Пока хозяйка угощала посетителей чаем, служанки накрывали стол, готовили вино.

– А где ж Гуйцзе? – спросил Симэнь.

– Сколько дней она сидела, все вас ждала, зятюшка, – объяснила старуха, – но вы так и не пришли. А сегодня она отбыла в паланкине на день рождения к тетке.

Послушай, дорогой читатель! В этом мире только буддийские и даосские монахи да певицы даром глазом не моргнут. Бедных они сторонятся, а к богатым льнут. Ложь и хитрость у них в самой крови. На самом деле Гуйцзе ни к какой тетке не ходила. Коль скоро Симэнь Цин не появлялся, она приняла Дин Шуанцяо, второго сына ханчжоуского торговца шелками почтенного Дина. Шуанцяо привез на тысячу лянов шелков и, поселившись на постоялом дворе, решил тайком от отца завести себе зазнобу. Он выложил десять лянов серебра, две перемены нарядов из тяжелого ханчжоуского шелка и пригласил Гуйцзе. Они провели вместе две ночи и пировали, как ни в чем не бывало, когда неожиданно-негаданно пожаловал Симэнь Цин. Хозяйка поспешила укрыть Гуйцзе с гостем в небольшой укромной комнатке в задней постройке.

– Раз нет Гуйцзе, – сказал Симэнь, поверив хозяйке на слово, – угости нас вином, мамаша. Посидим пока, ее обождем.

Хозяйка всю старалась услужить гостю, и скоро стол стал

ломиться от вина и блюд со всевозможными закусками. Ли Гуйцин настроила цитру и спела новую песню. Гости весело играли на пальцах, состязались в стихах и шарадах. Пир был в самом разгаре, когда Симэнь вышел за нуждой. И надо ж было тому случиться! До него донесся смех. Он подкрался под окно и заглянул внутрь. Гнев охватил его, когда он увидел Гуйцзе с дикарем-южанином.^[336] в четырехугольной шапке^[337]

Симэнь Цин бросился в гостиную, перевернул стол, вдребезги разбил блюда и кубки, а потом окликнул Пинъаня, Дайаня, Хуатуна и Циньтуна, и с их помощью, ни слова не говоря, разбил окна в комнате Гуйцзе, разворотил постель и поломал полог. Ин Боцзюэ, Се Сиды и Чжу Жинянь подбежали было утихомирить его, но он продолжал бушевать, решив во что бы то ни стало связать заезжего «купца-арестанта» и потаскуху одной веревкой и запереть в сторожке. А Дин Шуанцяо оказался не из храброго десятка. Едва лишь послышался шум, как он со страху улизнул в дальнюю комнату и залез под кровать.

– Спаси меня, Гуйцзе! – кричал он.

– Ну что ты! – успокаивала его певица. – Здесь мамаша. Как-нибудь все обойдется. Пусть он орет, а ты не выходи.

Между тем хозяйка, увидев, что Симэнь разошелся не на шутку, опираясь на палку, не спеша, спокойно вышла и завела было с ним праздный разговор. Симэнь вскипел еще больше и, указывая на нее пальцем, разразился руганью.

О том же поется и в романе на мотив «Благоуханьем полон двор»:

Ну, старуха, ну, подла,
Всех друзей перезабыла,
На певичек их сменила,
Меня лестью заманила,
Клеветой оплела,
Выудила очень ловко
Весь запас мой золотой.
Волк прикинулся овцой –
Я клянусь твои уловки!
В лисьем логове живешь,
Где одна сплошная ложь!

– Послушайте меня, ваша милость, – отвечала Симэню хозяйка. – Если вы не приходите, я принимаю другого посетителя. Ведь мы гостями живем! Они нас кормят и одевают, от них и топливо, и рис. Так что напрасно вы тут громы и молнии мечете. Нас обвиняете, а

сами посудите, что она – жена вам просватанная?

Симэнь Цина еще больше взорвало. Он уж было бросился на старуху с кулаками. Хорошо, его удалось кое-как удержать Ин Боцзюэ, Се Сиды и Чжу Жиняню. После такого погрома Симэнь поклялся, что ноги его больше не будет в этом доме.

Шел снег, когда друзья покинули «Прекрасную весну».

Да,

Чем забавам предаваться среди тысячи цветов,
Предпочел домой вернуться и с женою лечь готов.
Хоть утешения с ней и пресны – нынче то же, что вчера, –
Цел зато кошелек твой будет, хоть проспи там до утра.

Или:

В заведении веселом женщины отнюдь не ткут –
Красотой своей торгуют, тем плутовки и живут.
Им добра и снести всякой хоть возами отгружай,
Чрево алчное, однако, им насытить не мечтай.

Или:

Кто заметит их притворство, лицемерие поймет?!
Усладит любому душу их речей цветистый мед.
Яд их дерзких пересудов в души многие проник,
Им в аду за пусторечье вырвут дерзкий их язык.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

У ЮЭНЯН ЗАВАРИВАЕТ ЧАЙ НА СНЕГОВОЙ ВОДЕ

ИН БОЦЗЮЭ ВЫСТУПАЕТ В РОЛИ ХОДАТАЯ ЗА ПЕВИЦУ

*Ты страдаешь, – в ком сочувствие
найдешь,*

*Если истину меняешь ты на ложь?
Там певичку дерзкой бранью наградишь,
Тут жене в глаза, пристыжен, не глядишь.
От изменчивости чувств душа пуста,
Так распалась глупо фениксов чета...
Если воду всей Реки Небесной слить,
То грехов твоих, пожалуй, и не смыть.*

Так вот. Когда Симэнь Цин вернулся от Гуйцзе, шла первая ночная стража.^[338] Слуга открыл ворота, и хозяин, спешившись, проследовал по нефритовому снежному ковру к малым воротам. Они оказались полуоткрыты, хотя во двореике царила полная тишина.

– Тут что-то не то... – подумал Симэнь и, прокравшись в ворота, притаился за белым экраном.

С крыльца спустилась Сяюй и приготовила стол для благовоний. Надобно сказать, что с тех пор, как Симэнь отвернулся от У Юэнян и перестал с ней разговаривать, та три дня в месяц воздерживалась от скоромного, а каждый седьмой день возжигала благовония и молилась духам звезд Северного Ковша.^[339] В ночных бдениях Юэнян молила Небо вразумить мужа, чтобы смягчилось к ней его сердце, чтобы занялся он семьей и обрел наследника, в чем она видела смысл всей своей жизни. Симэнь же об этом ничего не знал.

Горничная ушла, а немного погода из спальни вышла разодетая

Юэнян и воскурила благовония, а потом, положив земные поклоны, вознесла молитву:

– Я, урожденная У, сочеталась брачными узами с Симэнем. Не расстается мой муж с «окутанными дымкою цветами»,^[340] а посему, достигши средних лет, лишен наследника. Нас шестерых содержит он, но ни одна потомства не имеет. Кто ж будет поминать нас и убирать наши могилы? Денно и ночью я убиваюсь, боясь остаться без опоры. Тайком от мужа даю обет: каждую ночь буду я возносить молитвы Трем Светилам,^[341] просить спасти супруга моего, чтобы смягчилось его сердце, чтоб отказался он от излишеств, заботился о доме и семье, и чтобы мы, шесть жен его, скорее обрели потомство. Ведь в этом смысл всей жизни, моя заветная мечта.

Да,

Тихо вышла из дома,
а ночь и чиста, и ясна,
И в мой дворик прелестный
глядит, улыбаясь, луна.
От случайных прохожих
не прячась, забывшись, одна,
Я поведала Небу,
как болью душа смущена.

Не услышь Симэнь Цин молитвы, все бы шло своим чередом, но тут он про себя рассудил: «Зря я, оказывается, на нее злился. Она всей душой мне предана. Настоящая верная жена».

Симэнь тут же выбежал из-за экрана и обнял Юэнян. Та только что кончила молиться и никак не ожидала его в такую снежную ночь, потому перепугалась и хотела было пойти к себе, но ее удержал Симэнь.

– Дорогая моя! Сестрица! – говорил он. – Жизнью клянусь, не знал, как ты предана мне. Я заблуждался. Бросил тебя и лишил ласки. Прости меня, хоть и поздно раскаиваюсь.

– Или след замело – дверью ошибся? – спросила Юэнян. – Что между нами общего? С чего это ты к распутной пришел? Иди к той, которая ждет. А нам совсем незачем ни видеться, ни встречаться.

Симэнь помог ей войти в комнату и при свете огня увидел, как она прекрасна. На ней были красная из шаньсийского шелка^[342] кофта и желтая юбка. Высокую, ворона цвета прическу, причудливую, как в горных кручах облака, держали отороченный соболем ободок и золотая диадема, изображающая пруд лотосов, что еще более оттеняло

ее как бы выточенное из нефрита продолговатое лицо.

Нельзя было остаться к ней равнодушным, и Симэнь Цин тотчас же склонился в почтительном поклоне.

– Какой же я был глупый, – каялся он, – не внимал твоим добрым советам. Я обманул тебя в лучших намерениях. Воистину, я владел бесценной яшмой, а смотрел на нее как на обыкновенный булыжник. Я только что понял, какой достойный и прекрасный ты человек. Умоляю тебя, прости меня!

– Я совсем не та, которую ты носишь в сердце, – отвечала Юэнян. – Никогда я не могла угодить тебе и каких бы добрых советов не давала. Ты же бросил меня, потому что ко мне безразличен. Так что я тебя не держу и оставь меня в покое. А то служанку позову.

– Нынче меня ни за что оскорбили, – начал объяснять Симэнь. – Вот я и пришел в метель рассказать тебе...

– Оскорбили или нет, – оборвала его Юэнян, – можешь мне не рассказывать. Меня это не касается. Ступай той рассказывай, кому это интересно.

Заметив, что Юэнян даже не смотрит на него, Симэнь Цин опустил на колени и, как-то виновато съежившись, пролил слезу.

– Сестрица! Дорогая моя! – беспрестанно повторял он.

– Как тебе не стыдно! Я сейчас служанку позову, – не выдержала, наконец, Юэнян и кликнула Сяоюй.

Когда появилась горничная, Симэнь торопливо встал.

– Снег весь столик засыплет, ступай занеси, – проговорил он, чтобы выпроводить горничную.

– Я уже давно занесла, – заявила Сяоюй.

– Вот несносный! – не удержавшись, засмеялась Юэнян. – Уже и перед прислугой выкручивается.

Сяоюй вышла, а Симэнь опять стал на колени и продолжал вымаливать прощение.

– Скажи спасибо снисходительности моей, а то бы я век на тебя не глядела! – наконец проговорила Юэнян и села рядом с мужем, а Сяоюй наказала подать ему чаю.

Симэнь Цин принялся рассказывать, как после пирушки у Чан Шицзе Попрошайка Ин подбил его заглянуть к Ли Гуйцзе, и какого они там наделали шуму.

– Я велел слугам учинить настоящий погром, – говорил Симэнь, – но меня отговорили. Слово дал: ноги моей там больше не будет.

– Мне все равно, – отозвалась Юэнян. – Я тебя, глупца бестолкового, держать не собираюсь. Ведь ты девок этих в вертепе на

чистое золото и серебро покупаешь. Ты не пойдешь, они себе другого хахалю заведут. Такой уж у них промысел. Их хоть на привязи держи, да сердце не привяжешь. Печати ставь – не запечатаешь.

– Это ты верно говоришь, – подтвердил Симэнь и, отпустив горничную, начал раздеваться.

Ему хотелось лечь на ложе и предаться утехам с Юэнян.

– Сел на кан,^[343] так ешь, что дают, – предупредила жена. – Переночевать я тебе разрешаю, а на что другое не рассчитывай.

– Гляди, это ты его раздражила, – пошутил Симэнь, показывая на тот самый предмет. – Остолбенел и молчит, как в голову ударило.

– Что это значит?

– Если б не остолбенел, говорю, не глядел бы так свирепо, молча.

– Вот бесстыдник! – заругалась Юэнян. – Чтоб я хоть одним глазом взглянула!

Симэнь Цин, ни слова не говоря, посадил Юэнян на колени, тот самый предмет запустил в лоно, и они, словно иволги, запорхали, друг к другу прильнули, как мотылек к цветку, усладились игрою тучки и дождя.

Да,

Порхали иволги меж веток яблонь райских,

И ласточки в листве устраивали пляски.

Вот и настал миг, когда извергся волшебный рог и продлить радости больше не было сил. Струился запах мускуса и орхидей, помада на устах благоухала.

– Любимая моя, милая! – шептал в экстазе Симэнь.

– Дорогой мой! – нежным голоском едва слышно вторила ему в сладостной истоме Юэнян.

Эту ночь они отдались наслаждению, под пологом сплетаясь в любви.

Да,

О поясе забыла в страсти пылкой,

В огне любовном растеряла шпильки.

О том же говорят и стихи:

Смяты волосы, страсть принесла забытье,

Ночь любви усладила вполне...

Но сегодня печалится сердце мое,

Что бровей не подкрашивать мне.

Но не будем больше говорить о радостях мужа и жены.

На другой день Мэн Юйлоу рано утром отправилась к Пань Цзиньянь.

– Эй, Шестая, встала? – крикнула она за дверью.

– Госпожа еще причесывается, – ответила горничная Чуньмэй, – входите, пожалуйста.

Юйлоу вошла. Цзиньянь, занятая прической, сидела перед зеркалом.

– Что я хочу сказать! – начала Юйлоу. – Ты ничего не слыхала?

– Я на отшибе живу, чего тут услышишь! – отозвалась Цзиньянь. – А что такое?

– Хозяин вчера во вторую ночную стражу вернулся и прямо к хозяйке в спальню, – говорила Юйлоу. – Помирились они. Он у нее всю ночь пробыл.

– Ну вот! А мы-то старались, уговаривали. На два века зарекалась, и вот, полюбуйтесь. Сама, без примирителей, поладила.

– Я и сама только что узнала, – продолжала Юйлоу. – Моя Ланьсян от слуг на кухне слыхала. Вчера хозяин с Ин Боцзюэ за компанию к Ли Гуйцзе заглянул, а она себе другого подловила. Так он у них там целый погром устроил. Домой в метель заявился, злой-презлой. К малым воротам подходит, видит: Старшая молится. Должно быть, он подслушал, чего она просила, и они вместе с ней пошли. Всю ночь, оказывается, проговорили. Горничная рассказывала: сам-то перед ней на коленях стоял, умолял, а она, говорит, так на него кричала, так отчитывала – слушать тошно. До того его довела, что он рта не раскрывал. Будь на ее месте другая, представляешь, сколько бы разговоров пошло, а?

– Старшая есть Старшая! – подхватила Цзиньянь. – Но я все-таки не думала, что она нрав свой выкажет. По-моему, если молишься, так твори молитву про себя. Где это видано, чтоб во всеуслышание молились! Дает мужу подслушать, а потом втихомолку без посредников мирится. Если ты на своем стоишь, так будь твердой до конца. А то мне, мол, все равно, меня это не касается... Одно притворство.

– Она не притворялась, – уверила ее Юйлоу. – В душе ей хотелось с ним помириться, только неловко было об этом говорить. Не к лицу старшей жене у нас одолжение просить, давать нам повод для попреков: мы, мол, тебя с мужем помирили. И, гляди, как ловко вышло: он злой приходит от певиц, а она молится. Что называется, мои родители без свахи потихоньку соединили два любящих сердца. По-моему, нам этот случай никак нельзя упускать. Давай скорее кончай с

прической и пойдём к Ли Пинъэр. Мы с тобой дадим по пять цяней, а Пинъэр пусть лян серебра выкладывает – ведь из-за нее все началось – и устроим угощение. Им вина поднесем – это одно, а потом весело время проведем – вместе будем снегом любоваться. Ты не против?

– Конечно, нет, – поддержала ее Цзиньянь. – А хозяин нынче не занят случайно?

– Какие могут быть дела в такой снег! – воскликнула Юйлоу. – Иду я сейчас мимо ее спальни – тишина. Гляжу: дверь приоткрывается, Сяюй воду понесла.

Цзиньянь торопливо причесалась, и они с Юйлоу направились к Ли Пинъэр. Та еще спала. Инчунь доложила об их приходе, и они вошли в спальню.

– Привольно ты живешь, сестрица Ли! – воскликнули вошедшие. – До каких пор спишь! Все потягивается, дракон ленивый.

Цзиньянь просунула руку под одеяло и нащупала серебряный шарик с благоуханиями.

– А ты яйцо снесла, сестрица, – пошутила Цзиньянь и стащила одеяло.

– Хватит тебе ее смущать! – одернула Юйлоу насмешницу, видя, как Пинъэр спешно пытается прикрыть свое белое холеное тело, и, обращаясь к последней, продолжала: – А ты поскорее вставай! Мы тебе что расскажем! Знаешь, сам с хозяйкой поладил. Мы решили пир устроить и их пригласить. В такую погоду только снегом любоваться. Мы по пять цяней даем, а с тебя больше причитается – все ведь из-за тебя пошло. Как ты на это смотришь?

– Прекрасно! – поддержала Пинъэр. – Сколько же с меня?

– Лян отвесишь и хватит, – сказала Цзиньянь. – А я пойду у Ли Цзяоэр и Сунь Сюээ спрошу.

Ли Пинъэр оделась, забинтовала ноги и велела Инчунь открыть сундук. Она вынула серебряный слиток и дала Цзиньянь прикинуть на весах. Он потянул на лян два цян пять фэней.

Юйлоу оставила Цзиньянь с Пинъэр, пока та причесывалась, а сама пошла к Цзяоэр и Сюээ. Должно быть, целая стража ушла у Ли Пинъэр на туалет. Наконец, в дверях показалась Юйлоу.

– Если б знала, – ворчала она, – ни за что не стала бы затевать все это. Ведь дело-то общее, нас всех касается! Что я их обирать, что ли, пришла! А эта лукавая чертовка Сюээ и заявляет: несчастная я, ко мне муж совсем не заглядывает. Откуда, мол, я вам серебра возьму. И ни медяка не дает. Полдня у нее выпрашивала. Наконец-то вынимает вот эту шпильку. На, свешай.

Цзиньлянь положила на весы. В серебряной шпильке оказалось всего три цзя семь фэней.

– А как Ли Цзяоэр? – спросила она.

– Сперва твердила, денег нет, – продолжала Юйлоу. – Хотя через мои руки, говорит, серебро проходит, да строгий учет ему ведется: сколько получила и сколько израсходовала. Лишних, мол, у меня не имеется. Уж я ее и так и сяк уговаривала. Если, говорю, у тебя, экономки, деньги не водятся, то у нас и подавно. Я ж, говорю, ничего особенного не требую, а тут дело общее. А потом зло меня взяло. Ладно, говорю, не давай, не надо. Так ни с чем от нее и вышла. Тогда, смотрю, за мной служанку выслала, зовет. Воротилась. Гляжу: протягивает вот это серебро. Все они мне настроение испортили.

Цзиньлянь взвесила серебро. Оно потянуло четыре цзя восемь фэней.

– Вот коварная потаскуха! – заругалась Цзиньлянь. – Ты хоть самого черта пошли – из нее не выколотишь, обязательно сколько-нибудь да не додаст.

– Чужое серебро она на больших весах вешает, а когда у самой просят, жметесь, будто у нее мозг из костей выбивают. Сколько уж с ней ругани было!

Когда Юйлоу и Цзиньлянь выложили свои пай, всего набралось три лян один цян. Они велели Сючунь позвать Дайаня.

– Ты был вчера с хозяином у Гуйцзе? – сразу же спросила слугу Цзиньлянь. – Чего он такой злой воротился?

– От Чан Шицзе разошлись рано, – обстоятельно начал Дайань. – Дядя Ин с дядей Се позвали хозяина-батюшку к Гуйцзе. А тамошняя хозяйка им сказала, что Гуйцзе нет дома: она, мол, в гостях у тетки. Но когда хозяин вышел по нужде, видит: Гуйцзе в задней комнате сидит, заезжего гостя вином угощает. До того это взорвало батюшку, что он без лишних слов позвал нас и велел у них там полный разнос устроить. Хозяин хотел этого заезжего южанина-дикаря вместе с певичкой в сторожке запереть, но его отговорили дядя Ин и остальные. Домой батюшка ехал злой и по дороге все грозил расправиться с потаскухой.

– Потаскуха проклятая! – подхватила Цзиньлянь. – Я ж говорила, это горшок с медом – так к себе всех и притягивает. Но вот, наконец, и ей досталось! А хозяин, правда, грозился? – переспросила она слугу.

– Не стану ж я вас обманывать, матушка! – подтвердил Дайань.

– Вот арестантское отродье! – набросилась на слугу Цзиньлянь. – Какая б она ни была, она у твоего хозяина содержанка. Кто же тебе, негодник, давал право ее обзывать?! Мы, бывало, к тебе с просьбой, а

от тебя отказ – «Занят, мол. К госпоже Ли спешу, батюшка приказал серебро отнести». Тогда ты ее госпожой величал, а теперь, когда она в немилости, ты ее потаскухой обзываешь? Погоди, я на тебя хозяину пожалуюсь, что тогда скажешь?

– Ой-ой-ой! Что я слышу! – удивился Дайань. – Знать, солнце с запада взошло. Вы, матушка Пятая, и вдруг на ее защиту встали? Да разве стал бы я ее обзывать, если б не ругал ее батюшка самыми последними словами!

– Пусть его ругает! – обрезала Цзиньлянь. – Но тебе никто такого права не давал.

– Знал бы, и рассказывать не стал, – промолвил Дайань.

– Ну, хватит, арестант, – вмешалась Юйлоу, – довольно отговариваться. Вот тебе три лян один цян и ступайте с Лайсином за покупками. Мы хозяина с хозяйкой на пир приглашаем. А ты нашим серебром не больно швыряться, будь поэкономнее. Я Пятой скажу, чтоб она на тебя хозяину не жаловалась.

– Посмею ли я сорить вашим серебром, матушка! – заверил ее Дайань, взял серебро, и они с Лайсином отправились в лавку.

* * *

А пока расскажем о Симэнь Цине. Он уже умылся и причесывался в спальне Юэнян, когда заметил Лайсина. Тот в снежную пургу нес на кухню кур и гусей. За ним следовал Дайань с кувшином чжэцзянского вина.

– Юйсяо! – крикнул хозяин. – Это откуда они взяли?

– Сударыни наши пир устраивают, – отвечала горничная. – Вас с матушкой приглашают снегом полюбоваться.

– Откуда у тебя чжэцзянское? – спросил Дайаня хозяин.

– Мне матушка Третья серебро дала, купить велела.

– Ну к чему это! – досадовал Симэнь. – Дома вино стоит, а они покупают. Ступай за ключами, – обратился он к слуге, – и принеси из переднего флигеля два кувшина жасминной настойки. Смешаем.

Немного погода в задней гостиной все было готово: расставлены ширмы, развешаны расшитые ветками зимней сливы в цвету теплые занавеси и роскошный парчовый полог, а в жаровнях зажжен фигурный уголь. Подали закуски и вино. Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь и Ли Пиньэр пошли приглашать Симэнь Цина и У Юэнян. Цзяоэр держала кубок, Юйлоу кувшин с вином, Цзиньлянь потчевала закусками, а Пиньэр, опустившись на колени, поднесла первый кубок Симэню.

– С какими почестями ты меня встречаешь, как преданно служишь родителю, послушная дочь моя! – пошутил Симэнь, принимая кубок. – Как трогательно!

– Дорогой ты наш сынок-переросток! – сразу вставила бойкая на язык Цзиньлянь. – Видишь, мы перед тобой земные поклоны кладем, а ты стоишь и не согнешься – будто лук стрельчатый. Чем старей, тем толще да горше. Разве что скоту на корм сгодишься. Стали бы мы тебе кланяться, не приведи тебя за ручку наша старшая сестра!

Осушенный Симэнем кубок опять наполнили до краев вином и поднесли Юэнян, но прежде пригласили подняться на почетное место.

– Скольких хлопот, должно быть, это вам стоило! – говорила благодарная Юэнян. – А мне и не сказали ни слова.

– Какие пустяки! – говорила, улыбаясь, Юйлоу. – Этот скромный стол мы наскоро устроили, чтобы вас с батюшкой порадовать в снежную погоду. Сядьте, сестра, просим вас, и соблаговолите принять наши поклоны. Юэнян никак не решалась сесть и раскланивалась в ответ на приветствия.

– Если вы не сядете, сестра, – сказала Юйлоу, – мы так и будем стоять на коленях.

Они еще долго упрашивали друг дружку. Наконец Юэнян согласилась принять обычные приветствия.

– Я вот о чем хотела бы вас попросить, сестра, – шутливым тоном заговорила, обращаясь к хозяйке, Цзиньлянь. – Ради всех нас уж вы его простите на сей раз. А если еще позволит такое непочтение, мы за него больше просить ни за что не станем. – Она обернулась к Симэню и продолжала: – А ты что из себя дурачка строишь, а? Ишь, на почетном месте расселся, заважничал. А ну, слезай! Поднеси старшей жене кубок да проси прощенья!

Симэнь Цин рассмеялся, но остался на своем месте. Когда вино обошло круг, Юэнян, сев пониже, велела Сяюй наполнить бокалы и сама поднесла каждой из сестер. Только Сюээ опустилась на колени, когда принимала чарку, остальные ограничились поклонами.

Симэнь и Юэнян заняли почетные места, по обеим сторонам от них разместились Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньлянь, Пингэр, Сюээ и дочь хозяина, Симэнь Старшая.

– Сестрица Ли! – опять заговорила Цзиньлянь. – Тебе следовало бы поднести старшей сестре еще особый кубок. Нечего истуканом сидеть. Из-за тебя ведь все началось.

Пингэр тотчас же вышла из-за стола и хотела было поднести Юэнян чарку, но ее остановил Симэнь.

– Чего ты слушаешь эту негодницу! – сказал он. – Она тебе наговорит. Одну поднесла – сколько можно!

Пиньэр вернулась на свое место. Вышли домашние певицы: Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян. Они заиграли на лютне, цитре, гитаре и лире и запели южный цикл на мотив «Цветут гранаты»:

Месяц медовый их вновь посетил...

– Кто это заказывал? – спросил немного погодя Симэнь.

– Матушка Пятая, – ответила Юйсяо.

– Ну, везде ты, негодница, суешься! – с укором глядя на Цзиньлянь, ворчал Симэнь.

– Да кто их просил! – возразила Цзиньлянь. – Дело – не дело, все меня цепляют.

– А что же мы зятя Чэня не пригласили? – вдруг вспомнила Юэнян и послала за ним слугу.

Вскоре появился Цзинцзи и, почтив тестя с тещей поклоном, сел рядом с женой. Юэнян велела Сяюю подать зятю чарку и палочки для еды. В жаровню добавили фигурного угля, в чарках бараashками пенилось и искрилось вино. Теперь пировали всем семейством.

Симэнь Цин заглянул через занавес. Словно в вихре пляски кружились лепестки грушевых цветов, казалось, пышным слоем ваты застилало землю. Открывался воистину чудесный зимний пейзаж!

Только поглядите:

Летит не то ивовый пух, не то лебяжий. Метет едва-едва – точно крабы ползут по песку. Порхают и россыпью самоцветов ложатся на крыльцо снежинки. Одно движение – и одежда путника искрится радугой, миг еще – и уж покрылся весь пылью, упавшей с усиков пчелиных. Она то в воздухе порхает, то висит недвижно. Вот над вихрем танца почтенный Дракон простирает десницу. Набравшись светлых сил, Яшмовая дева ликует средь ветров, и ликование достигает яшмовых чертогов Неба. Словно Нефритовый Дракон^[344] пускает рыбу чешую кружиться в воздухе. Она порхает у дверей и тихо падает, как журавлиный пух.

Да,

Нефритовый терем во льду –
словно под снегом каштан;
Подобно оплывшей свече,
блестит серебра океан.

Юэнян увидела огромную шапку снега на причудливом декоративном камне с озера Таньху^[345] перед белым экраном и вышла

из-за стола. Она попросила Сяюй подать чайник и сама положила в него снегу, а потом заварила на снеговой воде плиточный чай «птичьи язычки» и угостила им всю компанию.

Да,

В чайнике из белого нефрита
вздыхался волн каскад,
Из носика лилово-золотого
струился чистый аромат.

Во время чаепития в дверях показался Дайань.

– Ли Мин пришел. Ждет распоряжений, – объявил он.

– Зови! – распорядился Симэнь.

Появился Ли Мин. Склонившись в земном поклоне, он, не разгибая колен, отошел в сторону и встал в струнку.

– Вовремя пришел, а где был-то? – спросил хозяин.

– Да на северной окраине близ Уксусных ворот, – объяснил певец.

– Раньше я у господина Лю подрабатывал, детей учил. Вот и ходил проведать. А по дороге прикинул, что у хозяина-батюшки, наверное, сегодня петь будут, а у сестриц пока не все в лад получается, вот и заглянул на всякий случай.

– Ступай, промочи горло. – Симэнь протянул ему свою чашку чаю с корицей и лепестками тюльпана и наказал: – Да не уходи, еще споешь.

– Слушаюсь, – ответил певец и вышел.

Он принес цитру, настроил ее и, кашлянув, громко запел из цикла на мотив «Как весной ликует зимняя столица»:

Холодом подуло на полях...

Когда он кончил, его подозвал Симэнь, чтобы угостить вином. Он велел Сяюй подать пузатый кувшин с выгнутым, как петушиная шея, носиком и наполнить вином серебряную с эмалевой инкрустацией чарку в форме персикового цветка. Ли Мин на коленях осушил три чарки. Симэнь пододвинул ему тарелку паровых блинов, чашку супа из устриц, заправленного душистым луком и кислыми побегами бамбука, блюдо нарезанной длинными ломтиками блестящей жирной гусятины, блюда с ароматным вяленным мясом, обжаренной сушеной рыбой и жареными голубиными птенцами с сыром. Забрав все с собой, Ли Мин удалился и в спешке, давясь, набил полный живот. Заблестели чистые тарелки и блюда. Ли Мин утер рот шелковым платком, прошел в гостиную и, распрямившись, встал около полки. Симэнь

поведал ему о посещении Ли Гуйцзе.

– Я давно там не был, господин-батюшка, и представления не имею, как они там живут, – сказал Ли Мин. – Но если разобраться, Гуйцзе тоже винить не приходится. Там мамаша всем заправляет. Вы уж на мою сестру не серчайте, батюшка. А я, как выберусь, сам с ней поговорю.

Семейный пир продолжался до первой стражи. Первыми удалились на покой Чэнь Цзинци с женой. Симэнь еще угостил Ли Мина вином и отпустил, наказав:

– Туда пойдешь, не говори, что мы пировали.

– Само собой разумеется, батюшка, – заверил его певец.

Симэнь велел слугам проводить его и запереть ворота. Потом разошлись и остальные. Симэнь опять остался с Юэнян.

О том же говорят и стихи:

Как знать, куда уводит брачная стезя?

Супругов во спальней тьме узреть нельзя.

Пока ж они, как рыбки, шаловливы

И думают свой век прожить счастливо.

На другой день небо прояснилось. Едва Юэнян закончила туалет и подседа к Симэню полакомиться пирожками, как послышался голос Дайяня:

– Дядя Ин и дядя Се пожаловали, ждут в зале.

Надобно сказать, что мамаша Ли, хозяйка Ли Гуйцзе, из опасения, как бы Симэнь не вздумал проучить певичку, послала Ин Боцзюэ и Се Сид жареного гуся и кувшин вина. Вот они и пришли звать Симэня мириться с Гуйцзе.

Симэнь отложил пирожок и пошел было к друзьям, но его удержала Юэнян.

– Понять не могу, зачем принесло этих ходатаев? – изумилась она. – Поешь, тогда и пойдешь. Ну чего всполошился? Пусть подождут. И не ходи, пожалуйста, никуда в такую погоду.

– Вели слуге принести пирожков. Надо их угостить, – сказал Симэнь, направляясь к друзьям.

– Угостить угости, а не слушай ты их, – наказывала жена. – А то опять уведут. В такой снег надо дома сидеть. Ведь сегодня будем справлять день рождения сестры Мэн.

– Знаю, – отозвался Симэнь.

После взаимных приветствий Ин Боцзюэ сказал:

– Рассердился ты на нее, брат. Мы тоже хозяйку пробрали как

полагается. Сколько, говорим, брат в твоём заведении серебра и вещей дорогих оставил! А если задержался, значит, можно на другой лад запевать, да? Красотке, говорим, заезжих купцов тайком заводить позволяешь? Но шила в мешке не утаишь – брат сам ее и застукал. Как же, мол, ему не злиться? Не только ему, говорим, и нам-то не по себе стало. Так мы хозяйку отчитали, что ее совесть пробрала. Нынче утром нас приглашает. Обе они на колени перед нами встали, ревут, боятся – ты дела так не оставишь. Угощение готовят, просили тебя пригласить. Прощение будут вымаливать.

– Я с ними расправляться не собираюсь, – заявил Симэнь, – и идти туда не намерен.

– Твое негодование, брат, вполне понятно, – поддержал его Боцзюэ, – но, по правде говоря, Гуйцзе тут не причём. Ведь этот самый Дин Шуанцяо всегда был поклонником Гуйцин. Он Гуйцзе-то и не приглашал. Тут вот как дело было. Эти южные купцы только накануне заявили. Они товары перегружали с корабля, принадлежащего отцу Дин Шуанцяо, на корабль земляка – студента императорского училища Сынов Отечества^[346] Чэня, по прозвищу Хуайский, – отпрыска советника Чэня из Императорской библиотеки. Дин Шуанцяо решил, значит, угостить по такому случаю студента Чэня и пошел к мамаше Ли в заведение. Только он десять лянов серебра выложил, как нагрянули мы. У них целый переполох начался – не знали, куда деваться. Дин Шуанцяо сзади спрятали, где ты его и накрыл. Честно скажу: он к Гуйцзе даже не прикоснулся. Гуйцзе с мамашей клялись нам с братом Се, в ногах валялись, все упрасивали, чтобы мы тебя пригласили. Они б тебе объяснили всю эту запутанную историю и хоть немного умилили твой гнев.

– Я жене слово дал больше к ним не ходить, – отвечал Симэнь. – А чего мне гневаться! Так и скажи, пусть не волнуются. Не могу пойти. Сегодня у меня дома дела есть.

Ответ Симэня успокоил Ина и Се.

– Как же так, брат? – пав на колени, умоляли они. – Если ты не пойдешь, значит, зря они нас упрасивали? Скажут, мы тебя даже и приглашать не пытались. Пойдем, брат! Посидишь немного и уйдешь.

Они пристали с такой настойчивостью, что Симэнь, наконец, согласился. Друзья немного полакомились пирожками, а Симэнь велел Дайяню принести одежду.

– Куда хозяин собирается? – спросила слугу Юэнян, беседовавшая с Юйлоу.

– А я не знаю, – отвечал Дайянь. – Батюшка меня за одеждой

послал.

– Арестантское твоё отродье! – заругалась хозяйка. – Будешь от меня скрывать, разбойник, да? Пусть только хозяин поздно придет, ты мне за все ответишь. Ведь нынче день рождения госпожи Третьей. Так что пусть раньше является, а не среди ночи. Тогда ты мне лучше на глаза не показывайся, разбойник, сама бить буду, арестантское отродье!

– Я ведь не виноват, матушка, – оправдывался Дайань, – за что ж меня бить собираетесь?

– А почему он так бросился, когда пришли эти негодяи? – упрекала его Юэнянь. – Ведь он спокойно завтракал, а тут и еду бросил – к ним помчался. Уж и не знаю, в какой омут заташат его на этот раз.

Было двадцать шестое число одиннадцатой луны – день рождения Мэн Юйлоу. Не будем рассказывать, как готовились к угощению, а скажем о Симэнь Цине.

Пока он собирался к Гуйцзе, в зале заведения мамы Ли уже накрыли стол. Были приглашены две певицы со стороны.

Навстречу гостям вышли разодетые Гуйцзе и Гуйцин. Хозяйка опустила на колени и стала просить прощения. Пока Гуйцзе и Гуйцин обносили гостей вином, Ин Боцзюэ и Се Сиды балагурили, шутили и отпускали остроты.

– Мне спасибо говори, – обратившись к Гуйцзе, распинался Ин Боцзюэ. – Я все губы отшлепал, язык чуть не отнялся, пока твоего возлюбленного уломал. А ты от меня отворачиваешься. А что, если б заартачился, все б глаза выплакала, на улицу ведь пришлось бы выходить гостей песнями зазывать. Да что толку! Кто б глядеть-то на тебя стал! А все я уговорил, я уладил.

– Вот попрошайка противный! – заругалась Гуйцзе. – Так бы и стала я прохожих зазывать! Ух, как бы я тебя отругала!

– Ишь, негодница! Молебн не отстояла, а уж на монаха замахиваешься, неблагодарная! Когда тебя бросил, ты по другому пела, а теперь крылья обсохли и опять нос воротишь, да? А ну-ка, поди сюда да погрей мне губы. Что-то застыли.

И Боцзюэ обхватил и расцеловал Гуйцзе.

– Вот насильник! – закричала певица. – Лезет с ножом к горлу. Гляди, батюшку вином облил.

– Как она подлизывается, потаскушка, пигалица лукавая! – засмеялся Ин Боцзюэ. – Сударика пожалела: «Батюшку облил». Как ведь ласково называет-то, а я уж как пасынок,^[347] мне ласка не положена.

– Ну хорошо, буду называть тебя сынком.

– Поди-ка, что расскажу, – позвал ее Боцзюэ и начал: – Побратались как-то молоденький краб и лягушонок, а кому называться старшим братом, а кому младшим – не знали. И решили: кто канаву перепрыгнет, тот и будет старшим. Лягушонок прыгнул раз, прыгнул другой – перепрыгнул. Краб только натужился, видит: две девицы к канаве за водой подходят. Обмотали они краба веревкой, зачерпнули воды и домой, а краба-то и забыли прихватить. Видит лягушонок – краб ни с места, спрашивает: «Чего ж ты не прыгаешь?» А краб ему в ответ: «Я бы прыгнул, да погляди, как меня эти девки опутали».

Гуйцзе и Гуйцин с кулаками набросились на Ин Боцзюэ, а Симэнь хохотал до упаду.

Однако не будем рассказывать, как они развлекались «среди букета цветов и узорной парчи», а перенесемся на время в дом Симэня и У Юэнян.

Ответный прием совпал с рождением Мэн Юйлоу. В покоях Юэнян сидели тетушка У – невестка Юэнян, золовка Ян и обе монахини. До самого заката прождали они Симэня, но он все не появлялся. Юэнян выходила из себя.

– До сих пор не показывается, а! – говорила, хихикая, Цзиньлянь, держа за руку Пиньэр. – Мы пойдем к воротам, поглядим.

– И охота вам! – удивилась Юэнян.

– Пойдем за компанию, – обратилась Цзиньлянь к Юйлоу, подхватывая ее за руку.

– Я прибаутки слушаю, – отозвалась Юйлоу. – Погодите, мать наставница еще одну расскажет и пойдем.

– Только постных не надо, я смачные обожаю, – посоветовала Цзиньлянь и присоединилась к остальным, окружившим монахинь.

– Что расскажет, то и слушай, – заметила Юэнян. – К чему мать наставницу неволить!

– Вы, сестры, наверно, не представляете, какие мать наставница прибаутки знает! – не унималась Цзиньлянь. – В прошлый раз мы упросили, она нам такие рассказывала! Ну, расскажите, мать Ван!

Монахиня Ван не спеша устроилась на кане поудобнее и начала:

– Миновал человек полпути и видит – навстречу ему тигр. Приготовился тигр его съесть, а человек взмолился: «Погоди, – говорит, – у меня старая мать останется. Ей восемь десятков лет. Кто за ней ухаживать будет? А то пойдем ко мне. Я тебе поросенка дам». Пожалел его тигр, пошел за ним. Рассказал сын матери, а она тем временем соевый творог отжимала. Жалко ей стало поросенка, она и

говорит: «Дай вот ему поесть творожку». «Мать! – воскликнул сын. – Неужто ты не знаешь! Не ест он постного».

– Ну, неинтересная это прибаутка, – выразила неудовольствие Цзиньлянь. – Мне тоже постное да пресное не по душе. Я что поострее люблю.

– Вошли снохи свекра с днем рождения поздравить, – продолжала монахиня Ван. – Подносит чарку старшая сноха и говорит: «Вы у нас, батюшка, как чиновник». «Чем же я на чиновника похож?» – спрашивает свекор. «Вы на почетном месте восседаете, все в доме от мала до велика вас боятся. Чем не чиновник!» За ней поднесла чарку вторая сноха и говорит: «Вы у нас, батюшка, как свирепый подручный из управы». «Чем же я похож на него?» – спрашивает свекор. «Как чем?! Только крикнете, у всех в доме от мала до велика поджилки со страху трясутся». «Доброе ты обо мне слово молвила», – похвалил ее свекор. Подносит вина третья сноха и говорит: «Не чиновник вы, батюшка, и не подручный из управы». «Ну, а кто?» – спрашивает. «Заштатный постельничий вы у нас, батюшка», – отвечает сноха. «Это почему ж?» «Да потому, батюшка, – отвечает, – что во все наши шесть спален вхожи».

Все рассмеялись.

– Ишь, лысая карга,^[348] – заворчала Цзиньлянь, – нас шестерых приплела. Если такой постельничий смелости наберется, пусть только попробует к нам в спальни заглянуть, пес плешивый, мы ему задницу так наломаем!

С тем Цзиньлянь, Юйлоу и Пиньэр пошли к воротам поглядеть, не покажется ли Симэнь.

– И где он в такой снег пропадает? – гадала Юйлоу.

– Да скорее всего у потаскухи Гуйцзе, – проговорила Цзиньлянь.

– После погрома? – удивилась Юйлоу. – Не может быть! Зол он на нее. Зарекался, не пойдет больше. Давай об заклад биться – нет его там.

– По рукам! – подхватила Цзиньлянь. – Сестрица Ли, будешь свидетелем. Я говорю: он сейчас у Гуйцзе. Позавчера он избил потаскуху, вчера к нам Ли Мин, черепашие отродье, заходил выведать как и что, а нынче с утра Ин и Се ходатаями пожаловали. Они-то его туда и затащили. Тут, по-моему, все старая сводня с потаскухой обмозговали. Им только его заполучить да прощение вымолить. А там и у жаровни разгорячить нетрудно будет и под полог заманить. Но до каких же пор они его держать собираются, а? Может быть, он сегодня вообще не придет. А ты сиди, жди его, Старшая!

– Тогда б он слугу прислал предупредить, – заметила Юйлоу.

Тем временем мимо проходил уличный торговец семечками. Пока они покупали тыквенные семечки, с восточной стороны неожиданно показался Симэнь верхом на лошади. Женщины тотчас же скрылись за воротами.

– Ступай посмотри, кто там у ворот стоит, – послал Симэнь вперед Дайяня.

– Это матушка Третья, матушка Пятая и матушка Шестая семечки покупают, – доложил слуга, подавшись на несколько шагов вперед.

Возле дома Симэнь Цин спешился и проследовал к задним малым воротам. Юйлоу и Пинъэр поспешили сказать о приезде хозяина Юэнян. Цзиньлянь же спряталась в тени за белым экраном. Когда Симэнь проходил мимо экрана, она выскочила прямо на него.

– Как ты меня напугала, негодница! – упрекнул ее Симэнь. – А что вы у ворот делали?

– И ты еще спрашиваешь! – обрушилась на него Цзиньлянь. – А где ты пропадал до этих пор? Заставил жен у ворот дожидаться.

Симэнь Цин вошел в дом. В покоях Юэнян был накрыт стол и расставлены как полагается закуски и вино. Юйсяо держала кувшин, а дочь Симэня подносила чарки. Первую она поднесла Симэню, потом обнесла всех остальных. Когда все заняли свои места, Чуньмэй и Инчунь уладили пирующих музыкой и пением.

Вскоре со стола все убрали, а потом накрыли вновь – в честь Мэн Юйлоу. Появилось сорок блюд всевозможных редких яств, множество изделий из фруктов. Из кувшинов струился дивный аромат, в кубках радугой играло вино. Пировали до первой стражи. Будучи почетной гостьей, невестка У выпила немного и удалилась в заднюю комнату, а Юэнян и остальные жены в компании Симэнь Цина играли на пальцах, в домино и составляли по очереди рифмованные строфы.

– Раз моя очередь, – сказала Юэнян, – давайте составлять строфы по напеву и сверять с костями домино. Объявляется напев, вынимаются две кости и декламируется двустиишие из «Западного флигеля».^[349] Кто вынет названную в двустиишии кость, пьет чарку.

Она стала доставать кости и объявила:

– Напев «Шестая госпожа»:

Опьянев, Ян Гуйфэй^[350]

обронила с подвескою восемь жемчужин,

В куст белеющих роз

ток волос ее черных погружен.

Кости не сошлись.

Следующим сидел Симэнь Цин.

– «Красавица Юй», – объявил он напев:

В бою меж Хань и Чу^[351] верховный командир погиб.

И только слышно: потрясает небо гонгов гимн.

Симэнь вынул кость «главный полководец», и ему налили чарку вина.

За ним настала очередь Ли Цзяоэр.

– «Цветок нарцисса», – объявила она:

В персиковой роще у ручья бабочек спугнула пара,

И помада лепестков сделала всю землю алой.

Не сошлось.

Взялась Цзиньлянь.

– «Почтенный Бао», – объявила она напев:

Три правила, пять принципов^[352] нарушив,
старик под куст залез.

Его спросили: воровства иль блудодействия
в тебя вселился бес?

Цзиньлянь вынула кость «три – пять» и осушила чарку.

За ней шла Пиньэр.

– «Прямого, честного люблю», – объявила она:

От весенней луны я всю ночь не спала,

Взаперти замерла, словно Вдовья скала.

Кости опять не сошлись.

Подошла очередь Сунь Сюэ.

– «Юнец конопатый», – объявила она:

Словно гусь бестолковый в силки угодил,
Будто феникс заклеван был воронов стай,
Жизнь идет чередой беспросветных годин,
И напасти меня настигают.

И опять не сошлись кости.

Наконец, взялась Юйлоу.

– «Помню чары твои», – объявила она:

Опьянев, берусь рукою
за густой кумач перил,

Под весеннею луною
сладостно в любви парить.

Юйлоу вынула четверку – кумач густой, и Юэнян, закрывая игру, велела Сяюй наполнить чарку.

– Матушке Третьей поднеси, – распорядилась хозяйка и обернулась к Юйлоу: – Тебе следовало бы три больших кубка выпить. Ведь у тебя под боком будет жених. Допивайте чарки, – поторопила она остальных, – давайте проводим их в спальню.

– Не смеем ослушаться! – поддержала ее Цзиньлянь.

Юйлоу сгорала от стыда. Когда опустели чарки, всей компанией проводили Симэня к Юйлоу в спальню. Она пригласила их посидеть, но никто не стал задерживаться.

– Доброй ночи, детки мои! – шутила над Юйлоу Цзиньлянь. – Мать завтра тебя проведать придет, дочка. Смотри, не капризничай! – Цзиньлянь обернулась к Юэнян и продолжала: – Дочка-то у меня уж больно молода. Вы уж, свашенька, не очень строго с нее взыскивайте, как мать прошу.

– Перекишим уксусом^[353] ты подправляешь, девка! – отвечала Юйлоу. – Я с тобой завтра поговорю.

– Когда сваха по лестнице поднимается, мы, матери, как на иголках сидим, – не унималась Цзиньлянь.

– Ну что ж ты, дочка, посидела бы со мной немножко, – продолжала Юйлоу.

– Мы тебе не ровня, не родня – твоему забору двоюродный плетень, – ответила Цзиньлянь и пошла вместе с Пинъэр и падчерицей.

У малых ворот Пинъэр поскользнулась и упала.

– Ты, сестрица, как слепая плетешься, а бугорок попался – падаешь, – с укоризной заметила Цзиньлянь. – Вот и води тебя! Я-то с тобой ногой в снег угодила и туфельки запачкала.

– У самых ворот и снег оставили, – услышав их разговор, проворчала Юэнян. – Не раз слугам наказывала. Нет, так и не убрали, рабские отродья! Тут только и падать! – Она кликнула Сяюй: – Ступай фонарь принеси! Проводишь матушку Пятую и матушку Шестую.

– Смотри-ка, – обратился Симэнь к Юйлоу, – сама в грязи вымазалась, негодница, и к другим навязывается. Упрекает, ей, мол, туфли выпачкали. Мелет языком, а они ей ни слова. Вот негодница! И вчера тоже ни с того ни с сего запели «Месяц медовый их вновь посетил». Это она, наверное, их подговорила.

– А что она хотела этим сказать? – спросила Юйлоу.

– Да то, что, мол, Старшая сама на примирение напросилась, нарочно, мол, вслух молилась, чтоб я услышал. В общем, ночного свидания захотела, вот что, – пояснил Симэнь.

– Ведь Пятая все песни знает, не то что мы.

– Эх, не знаешь ты, как эта негодница всех подстрекает!

С этими словами они легли, но не о том пойдет речь.

Вернемся к Пань Цзиньянь и Ли Пиньэр. В разговоре, пока они шли, Цзиньянь все время называла Пиньэр то «сестрица Ли», то «госпожа Хуа». Когда подошли к внутренним воротам, падчерица повернула к себе в боковой флигель, а Сяоюй с фонарем проводила обеих женщин в садик. Цзиньянь захмелела и держалась за Пиньэр.

– Пьяная я, – говорила она. – Ты уж меня доведи до спальни как-нибудь.

– Да ты совсем трезвая, – уговаривала ее Пиньэр.

Они добрались, наконец, до спальни Цзиньянь и отпустили Сяоюй. Цзиньянь оставила Пиньэр выпить чаю.

– А ведь тебе тогда у нас не бывать бы, правда? – говорила Цзиньянь. – А благодаря кому в дом вошла, а? А сейчас все мы, сестры, по узкой дощечке идем. Чего я из-за тебя натерпелась тогда! Чего только на меня за глаза ни наговаривали! Но добрая у меня душа – Небо тому свидетель.

– Знаю, сестрица, скольких хлопот тебе это стоило. Никогда не забуду твоей доброты и милости.

– Я тебе и говорю, чтоб не забывала.

Чуньмэй подала чай. Вскоре Пиньэр простилась с Цзиньянь, и та осталась одна, но не о том пойдет речь.

Да,

Если б знать заранее – не было б потерь,

Стебелек невзрачный – словно дуб теперь.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ТАЙКОМ УВЛЕКАЕТ ЖЕНУ ЛАЙВАНА ЧУНЬМЭЙ В ОТКРЫТУЮ РУГАЕТ ЛИ МИНА

*Ловкачу за хитрость достается,
упрекают увальня за лень;
Богача вседневно точит зависть,
а бедняк унижен, что ни день;
Злобный человек – всегда упрямец,
если добрый – значит, размазня;
Коли ты прилежен – значит, жаден,
а расчетлив – скряге ты родня;
Откровенен ты и простодушен –
дураком набитым назовут;
Если ж и смышлен ты и проворен –
скажут про тебя: коварный плут.
Вот и посудите: есть ли в мире
тот, что всем и каждому хорош?
Или избегать будут соседи,
иль не будут ставить ни во грош.*

И на другой день невестка У, золовка Ян и матушка Пань поздравляли Мэн Юйлоу с днем рождения. Юэнян пиновала с гостями в заднем зале. Но на этом мы их и оставим.

Тем временем вот что случилось в доме Симэня. У слуги Лайвана от чахотки умерла жена, и Юэнян женила его на дочери гробовщика Сун Жэня. Вначале ее продали в служанки судье Цаю, но она чем-то провинилась и ее просватали за повара Цзян Цуна. Симэнь Цин часто посылал Лайвана за поваром, и Лайван бывал у Цзян Цуна дома и

утром и вечером, встречался и с его женой. Они, случалось, выпивали, флиртовали, а потом и совсем сблизились.

Однажды Цзян Цун не поделил с напарником какие-то деньги, и, подвыпив, они затеяли драку. Напарник пырнул Цзян Цуна ножом, и тот рухнул замертво на пол. Убийца скрылся, а жена Цзяна стала просить Лайвана поговорить с Симэнь Цинем, чтобы тот от ее имени заявил властям да подговорил помощника правителя разыскать преступника и осудить на смерть, что явилось бы возмездием за убийство Цзян Цуна.

Лайван впоследствии скрыл это от хозяйки, сказав лишь, что молодая вдова – большая мастерица-рукодельница. Юэнянь выделила пять лянов серебром, две перемены нарядов, четыре куса синего и красного холста да кой-какие украшения и женила на ней Лайвана. Молодую звали Цзиньлянь. Юэнянь сочла неудобным появление второй Цзиньлянь и дала ей имя Хуэйлянь. Родилась Хуэйлянь в год под знаком лошади. Ей исполнилось двадцать четыре.^[354] Она была двумя годами моложе Цзиньлянь. Приятное матового цвета лицо, не полна и не худа, не низка, не высока, а ножки даже немного меньше, чем у Цзиньлянь. Сметливая и прыткая, она ловко принаравливалась к любым переменам. Умела белиться и румяниться, красиво одеваться и возбуждать своим щегольством окружающих. Одним словом, настоящая мастерица соблазнять чужих мужей и разрушать семейные устои. Если сказать о ее способностях, то она, бывало:

К воротам беззаботно прислонясь,
С прохожих не спускает хитрых глаз,
Красуется да ноготки кусает
И без нужды наряд свой поправляет,
Поет, болтает ножкою бесстыдно...
Когда ж людей поблизости не видно,
Красотка у открытого окна,
Истомую весеннею полна,
Сидит – ни шить, ни петь она не хочет,
То все молчит, а то вдруг захохочет.

Первое время Сун Хуэйлянь ничем не выделялась. Как и остальные жены слуг трудилась у котлов, но такое занятие было ей, похоже, не по душе. Прошел месяц с небольшим, и она начала подражать Юйлоу, Цзиньлянь и остальным хозяйкам. Сделала пышную, с высоким пучком прическу, уложила на висках локоны, чем сразу обратила на себя внимание Симэня, когда подавала чай. И вот у хозяина созрел

план. Он выделил Лайвану пятьсот лянов серебра и послал его в Ханчжоу закупить одежды для своих домашних на все сезоны, а также заказать расшитые змеями и драконами парадные парчовые халаты, которые предназначались в подарок государеву наставнику Цай Цзину ко дню его рождения. Поездка сухим путем должна была занять добрых полгода. Лайван отбыл в середине одиннадцатой луны, и теперь Симэнь Цин мог спокойно развлекаться с его женой. Тут подошел день рождения Мэн Юйлоу. Симэнь сидел дома, когда Юэнян и остальные пировали в задней зале.

– Накрой для хозяина отдельный стол, – наказала хозяйка Юйсяо.

Симэнь Цин из-за дверной занавески поглядывал на Хуэйлянь. Одетая в красную шелковую кофту на застёжке и лиловую тафтяную юбку, она наполняла чарки вином.

– Кто это в красной кофте? – нарочно спросил хозяин Юйсяо.

– Это Хуэйлянь, новая жена Лайвана, – отвечала горничная.

– А почему к красной кофте лиловая юбка? – спросил Симэнь. – Какой странный вид! Скажи госпоже, чтоб дала ей юбку другого цвета.^[355]

– Она и эту-то у меня одолжила, – заметила Юйсяо.

Кончился пир в честь Юйлоу. Как-то Юэнян была на дне рождения у соседки в доме богача Цяо. Симэнь вернулся домой после обеда и был навеселе. У задних ворот ему встретилась Хуэйлянь. Он обнял ее и поцеловал.

– Дитя мое! – шептал он. – Если не будешь противиться, дам тебе украшения и одежды, какие только пожелаешь.

Хуэйлянь, не говоря ни слова, оттолкнула Симэня и убежала, а он вернулся в покои Юэнян и велел Юйсяо вынуть кусок голубого атласа.

– Ты вот что ей скажи, – наказывал Симэнь. – Хозяин, мол, заметил вчера на пиру, что ты была в красной кофте и лиловой юбке. Одно, мол, к другому не идет, и вид у тебя был странный. Скажи еще: эту лиловую юбку ты, мол, у меня одолжила, вот хозяин и велел передать тебе на юбку атласу.

Хуэйлянь развернула кусок.

– Сошью из него юбку, – сказала она, разглядывая атлас, на бледно-голубом поле которого красовались узор «радость встречи» и цветы четырех времен года.^[356] – А хозяйка спросит, что ей ответить?

– Не волнуйся, – успокоила ее Юйсяо. – Хозяин ей сам все объяснит. Говорит, если ты противиться не будешь, он тебе все купит, чего только ни пожелаешь. Он хочет с тобой встретиться сегодня, пока хозяйки нет. Согласна?

Хуэйлянь засмеялась, но промолчала.

– А когда хозяин прийти собирается? – наконец спросила она. – Я у себя буду ждать.

– Хозяин говорит, у тебя неудобно. Могут слуги увидеть. Ты незаметно пройди под горку в грот, – учила Юйсяо. – Там нет никого, там и встретитесь.

– А вдруг госпожа Пятая или госпожа Шестая увидят? Хорошо ли? – сомневалась Хуэйлянь.

– Не бойся! Госпожа Пятая с госпожой Третьей играют в шашки у госпожи Шестой.

Свиданье было назначено, и Юйсяо пошла сказать Симэню. Она сторожила их у дверей, а тем временем к Цзиньлянь вбежала горничная Сяолуань и предупредила Юйлоу о возвращении хозяина. Женщины бросили шашки и разошлись. Удалилась в дальние покои Юйлоу, а за ней, напудрившись, и Цзиньлянь. У малых ворот Цзиньлянь заметила Сяоюй. Та стояла у двери, ведущей в покои Юэнян.

– Где хозяин? – спросила Цзиньлянь.

Сяоюй жестом указала в глубь сада. Цзиньлянь поняла, в чем дело, и направилась прямо к горке. У садовой калитки ей повстречалась Юйсяо, и, подумав, что именно с ней спутался Симэнь, Цзиньлянь решительно шагнула в сад.

– Не входите, – преградила ей путь испуганная Юйсяо. – Там хозяин...

– Испугалась я твоего хозяина, сучье твое отродье! – заругалась Цзиньлянь и, очутившись в саду, начала обыскивать каждый уголок. Когда она приблизилась к гроту Весны под горкой, любовники только-только кончили сраженье. Заслышав шаги, Хуэйлянь торопливо поправила платье и выбежала наружу.

– Что ты тут делаешь, вонючка проклятая? – спросила Цзиньлянь.

– Хуатуна искала, – отозвалась Хуэйлянь, густо краснея, и бросилась прочь.

Цзиньлянь вбежала в грот. Симэнь одевался.

– Бесстыдник! – ругалась Цзиньлянь. – Вот ты как себя ведешь со служанками! И это средь бела дня! Так бы уши и отодрала шлюхе, да та сбежала. Значит, она тебя искала. Ты, выходит, и есть Хуатун? Когда с ней спутался? Правду говори! А то Старшая придет, все расскажу. Не будь я Цзиньлянь, если морду ей не набью. Будет у меня ходить, как свинья, заплывшая. Чай, думал, пока мы шашками заняты, я со своей мишенью поиграю? Да только от глаз матери не скроются

твои проделки!

– Да потише ты, негодница, – засмеялся Симэнь. – Раскричалась, хочешь, чтобы все слышали? Первый раз с ней встретился. Сущую правду говорю.

– Первый или второй, – не унималась Цзиньлянь, – не верю я ни единому твоему слову. Если уж тебя эта шлюха, рабское отродье, прельстила, вдвоем-то вы тут набаламутите. Смотри, брюхатой не сделай. Тогда на себя пеняй, узнаю, вам обоим покажу.

Симэнь, смеясь, вышел из грота. В дальних покоях Цзиньлянь услышала разговор служанок.

– Слыхала, – говорила одна, – едва хозяин воротился, наказал Юйсяо кусок голубого атласа в платок завернуть. В передние покои понесла, а кому, не знаю.

Цзиньлянь сразу поняла, кому хозяин подарил атлас, но ничего не сказала Юйлоу.

Сун Хуэйлянь теперь целыми днями не отходила от Цзиньлянь: то готовила отвар, то шила туфельки, а то подсаживалась к ней, чтобы помочь обыграть в шашки Пинъэр. Симэнь Цин, как и раньше, не упускал случая развлечься с Хуэйлянь, дарил ей потихоньку одежды и платки, головные украшения и ароматный чай. Серебро она теперь считала лянми, покупала искусственные цветы, помаду и пудру. Мало-помалу стала совсем непохожей на прежнюю Хуэйлянь, и это бросалось всем в глаза.

– Хуэйлянь хорошо готовит, – как-то сказал хозяйке Симэнь и велел ей больше не ходить на общую кухню.

Хуэйлянь стала служить в маленькой кухоньке Юэнян, готовила ей закуски и заваривала чай, а также вышивала, но говорить об этом подробно нет надобности.

Послушай, дорогой читатель! Никогда хозяин не должен заводить шашни со служанками или женами слуг, потому что рано или поздно это нарушит положение старшего и младшего, приведет к обману и изменам, и не справиться тогда с упадком нравов.

О том же свидетельствуют стихи:

Распутник Симэнь Цин достоинство утратил,
Ничто ему теперь вражда соперниц-жен.
Супругу Юэнян жестоко бросил он,
С женой слуги предался подлой страсти.

Однажды, было это восьмого числа в двенадцатой луне, Симэнь встал рано. Он уговорился с Ин Боцзюэ пойти на похороны

помощника областного правителя Шана и велел слугам вывести двух лошадей. В большой зале, окруженный жаровнями, сидел он в ожидании своего друга, но тот все не появлялся. Прибыл Ли Мин, и тогда наряженные Чуньмэй, Юйсяо, Ланьсян и Инчунь запели и заиграли, внимая учителю. К Симэню подсел Чэнь Цзинцзи, и между ними завязался разговор. Не успели спеть третью песню о цветущей сливе-мэй, как показался Ин Боцзюэ, сопровождаемый Ин Бао, который нес под мышкой свернутый ковер. Певицы собрались уходить, но их удержал Симэнь.

– Чего это вы прячетесь? – спросил он. – Ведь это дядя Ин! А ну-ка, поклонитесь ему, как полагается.

Хозяин и гость обменялись приветствиями и сели. Симэнь велел служанкам отвесить Ину низкий поклон, что они и сделали. Ин Боцзюэ поспешно встал и начал расхваливать служанок:

– Тебе, брат, счастье подвалило, – обратился он к Симэню. – Гляди, какие у тебя красавицы выросли! Одна другой краше. Нежны, как молодой лучок. Вот прелесть! А дядя Ин второпях-то с собой ничего не взял, с пустыми руками явился. Ладно, помада за мной.

Певицы удалились. Появился Чэнь Цзинцзи и, отвесив поклон, сел рядом.

– Отчего это так поздно? – спросил Симэнь.

– Всего и не расскажешь, – начал Ин Боцзюэ. – Старшая дочь разболелась. Сегодня ей чуть получше. Жена так волновалась! Домой ее взял. Пусть немного развеется. Вот с ней и провозился. То Ин Бао за носилками послал, то надо было кое-что купить. Вот до сих пор и мотался.

– Заставил меня ждать, – упрекнул Симэнь. – Ну, давай поедим, а потом и пойдем.

Симэнь велел слуге сказать, чтобы подали завтрак. Ли Мин заметил Ин Боцзюэ и опустился на одно колено.

– Ли Мин! – воскликнул Боцзюэ. – Давненько тебя не видал!

– Меня господин Сюй с северной окраины зазвал, у него и пробыл несколько дней, – объяснил певец.

Тем временем слуги накрыли стол и принесли завтрак. Тут было четыре блюда солений и десять блюд зелени, а также четыре блюда горячих закусок: вареные ножки, жареные голубята, паровые блины с салатной горчицей и пельмени с куриной начинкой. В оправленных серебром чашках дымился рис, красовались блюда с кедровыми орехами и каштанами, плодовыми косточками, корицей и сахаром. Симэнь Цин завтракал в компании с Ин Боцзюэ и Чэнь Цзинцзи.

Принесли маленькие серебряные чарки и наполнили их чжэцзянским вином. Каждый выпил по три чарки и кувшин был еще больше, чем наполовину полон, но Симэнь велел Хуатуну унести его вместе со столом.

– Отнеси во флигель и доешьте вместе с Ли Мином, – распорядился он и стал одеваться.

Они верхом отбыли на похороны помощника областного правителя Шана, а Ли Мин остался в западном флигеле доедать блюда. Между тем, после отъезда Симэня, Юйсяо, Ланьсян и остальные девушки еще поиграли немного на инструментах, потом начали дурачиться и забрели в восточный флигель к Симэнь Старшей.

Чуньмэй с ними не пошла. Она осталась с Ли Мином заняться игрою на лютне. Широкие рукава ниспадали ей на руки, и подвыпивший Ли Мин стал невольно пожимать их, припадая к певице.

– Ах ты, негодяй проклятый! – в гневе закричала Чуньмэй. – Как ты смеешь руки мои лапать? Заигрывать со мной вздумал? Жить тебе надоело? Ты что, не знаешь, кто я такая? Разъелся на отборных-то харчах, жир в тебе заиграл, негодяй. Ишь, за руки хватать вздумал! Не там клад ищешь, негодяй! Поди, сперва разузнай, а уж потом копай! Надо же, руки жмет! погоди, придет хозяин, все скажу. Стрелой отсюда вылетишь. Думаешь, кроме тебя и учителей не найдется? Да таких негодяев в веселых домах хоть пруд пруди. Убереешься, меньше вони будет.

Так ругалась Чуньмэй, что Ли Мин понял – не до жиру, быть бы живу. Прихватил он свои пожитки и ушел.

Да,

Руки эти оказались судьбоносны,
Шалость обернув бедою злостной.

Напуганный Ли Мин убежал, а рассвирепевшая Чуньмэй пошла прямо в дальние покои.

Цзиньлянь между тем играла в шашки с Юйлоу и Пиньэр. Тут же была и Сун Хуэйлянь.

– Кого ты ругаешь, негодница? – слышав брань, спросила Цзиньлянь. – Кто тебя так взвинтил?

– Известно кто! – отвечала в сердцах Чуньмэй. – Ли Мин, подлец несносный. Перед уходом хозяин ему, как порядочному, кушанья оставил, а тут еще Юйсяо с Ланьсян возню затеяли, давай перед ним дурачиться, его и взбудоражили, а сами во флигель к молодой госпоже убежали. Смотрит – нет никого, и как меня что есть силы за руку

схватит! А сам пьяный, подлец. Глядит на меня, зубоскалит. Думает, ему прощу. А я как пошла его отчитывать, он пожитки в охапку и был таков. Жаль, не влепила ему пощечину! Знай, подлец, к кому пристаешь. Я тебе не девка какая-нибудь, с которой любые штучки вольно проделывать. Я ему, бесстыжему, так морду намою!

– Смотри, ты вся побледнела! – сказала Цзиньлянь. – Провалились твои занятия, выгнать надо этого подлеца, и дело с концом. Нечего ему на пении деньги наживать! С какой это стати, спрашивается, он с моей служанкой будет заигрывать?! Знаю, из подлеца порок так наружу и прет.

– Несладко ему придется, – заметила Чуньмэй. – Правда, он брат госпожи Второй. Только неужели она вступится, зло затаит? Достанется мне тогда, а?

– Сама посуди, – рассуждала Сун Хуэйлянь. – Раз ты в дом учителем нанялся, нельзя с девушками заигрывать. Тебе деньги платят, тебя содержат. Значит, обязан, как к родителям, относиться. Вон целыми днями ведь ешь да чай распиваешь.

– Мало того, – вмешалась Цзиньлянь. – Ему еще деньги давай, подлецу. Пять лянов в месяц вынь да положи. Плохо ты кончишь! Спроси-ка во всем доме, кто из слуг храбрости наберется перед хозяином зубоскалить да шутики шутить, а? Хорошо, если только отругает, а то хозяину под руку попадешь – выпорет. Тогда глаза перестанешь пялить, подлец несчастный! Знал хозяйскую ласку, познаешь и таску! А ты где была? – спросила она Чуньмэй. – Зачем там рассиживалась после ухода батюшки, а? Сама ему дала повод заигрывать?

– Да я из-за подружек задержалась, – отвечала Чуньмэй. – Они там разбаловались.

– А где они сейчас? – спросила Юйлоу.

– У молодой госпожи.

– Пойду посмотрю, – сказала Юйлоу и вышла.

За ней через некоторое время удалилась и Пиньэр, чтобы послать служанку за Инчунь.

Под вечер, когда вернулся Симэнь Цин, Цзиньлянь подробно рассказала ему о случившемся. Хозяин наказал Лайсину не пускать Ли Мина в дом. Певец больше не смел показываться.

Да,

Что накопилось постепенно,
То обнаружилось мгновенно.

В подтверждение тому стихи:

Певец на лютне день-деньской бренчал,
Чуньмэй игре и пенью обучал,
Но стоило однажды провиниться,
Не избежал он мести ученицы.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЮЙСЯО РЕВНОСТНО СТОРОЖИТ У СПАЛЬНИ ЮЭНЯН ЦЗИНЬЛЯНЬ ПОДСЛУШИВАЕТ У ГРОТА ВЕСНЫ

*Презрев природы твердые законы,
Не соблюдешь порядок заведенный.
Ко лжи ведут безудержные старости,
Чванлив холуй, дорвавшийся до власти:
Одет в парчу, есть рысаки и даже
Толпа красоток в доме – бездна блажи!
Не расточай бесценные каменья, –
Придет за процветаньем разоренье.*

Так вот. Кончилась двенадцатая луна, и повеяло весной. Пришел Новый год.^[357] Симэнь Цин уехал на праздничный пир. У Юэнян была в гостях у старшей невестки У. В полдень Юйлоу и Цзиньлянь пришли к Пиньэр поиграть в шашки.

– На что бы нам сыграть? – спрашивала Юйлоу.

– Давайте сыграем три партии, – предложила Цзиньлянь. – Проигравшая дает пять цяней на угощение. На три цяня чжэцзянского вина покупает, на два – свиную голову, а Хуэйлянь сварить велим. Она, говоря, по этой части мастерица, на вязанке соломы разваривает.

– А как же без Старшей? – выразила сомнение Юйлоу.

– А в чем дело! Выделим ей долю и все, – ответила Цзиньлянь.

Расставили шашки. После трех партий проигравшей оказалась Пиньэр. Цзиньлянь велела Сючунь позвать Лайсина. Ему дали пять цяней и послали купить кувшин чжэцзянского вина и свиную голову с ножками.

– Отнеси на кухню и отдай Хуэйлянь, – наказала Цзиньлянь. –

Скажи, чтоб быстрее сварила и принесла матушке Третьей. Мы туда пойдем.

– Пусть она лучше сюда принесет, сестрица, – посоветовала Юйлоу. – Нас там Цзяоэр с Сюээ могут увидеть. Тогда и их звать придется.

Цзиньянь согласилась.

Вскоре Лайсин принес кувшин на кухню. Хуэйлянь и Юйсяо сидели на террасе и выбирали из тыквы семечки.

– Хуэйлянь! – крикнул Лайсин. – Матушка Пятая и матушка Третья к тебе с просьбой обращаются. Мне вот велели голову свиную с ножками купить, а тебе сварить и к матушке Шестой отнести.

– Некогда мне, – отвечала Хуэйлянь. – Я матушке туфли шью. Пускай кто-нибудь другой сварит. Только и знают меня просить.

– Хочешь вари, хочешь нет, дело твое. Я тебе покупки передал, а у меня свои дела есть, – сказал Лайсин и горделиво вышел из кухни.

– Ты уж брось пока эти семечки да ступай вари, – посоветовала Юйсяо. – Знаешь, у матушки Пятой язык какой! Такого шуму наделает.

– Откуда матушка знает, что я свиные головы умею варить, а? – засмеялась Хуэйлянь. – С чего это она меня заставляет?

С этими словами Хуэйлянь пошла на кухню. Она поскребла как следует свиную голову, потом ножки, вымыла их в чугушке и положила в печь всего одно длинное полено. Потом добавила в чашку с соусом немного аниса и других пряностей, помешала, залила им содержимое тагана и плотно прикрыла крышкой.

Не прошло и полстражи, как от нежного разваренного мяса отделилась кожа. Кушанье было готово и пахло так, что слюнки текли. Хуэйлянь выложила кушанье на большое блюдо, поставила его вместе с блюдечками имбиря и чеснока в квадратный короб и велела слуге отнести к Ли Пиньэр. Затем она подогрела вино.

Юйлоу разделила кушанье на равные доли, отложила одну на блюдо, налила кувшинчик вина и наказала служанке отнести в покои Юэнян.

Женщины наполнили чарки и только принялись за еду, как появилась сияющая Хуэйлянь.

– Как вам понравилось мое приготовление? – спросила она.

– Вот матушка Третья только что расхваливала, – сказала Цзиньянь. – Умело, говорит, приготовлено. Смотри, как разварила.

– Правда, одной вязанкой соломы обошлась? – спросила Пиньэр.

– Откровенно говоря, и вязанки не ушло, – отвечала Хуэйлянь. – А

то переварилась бы.

Юйлоу позвала Сючунь:

– Принеси-ка большую чарку для своей сестрицы.

Пиньэр велела Сючунь налить вина, а сама положила в тарелку свинины.

– Попробуй свое кушанье, – говорила она, подавая тарелку Хуэйлянь.

– Пожалуй, солоновато вышло. Соусу многовато влила. В другой раз буду знать, как вам нравится, – сказала Хуэйлянь и, отвесив три земных поклона, встала у края стола, присоединившись к пирующим.

Под вечер вернулась Юэнян. После приветствий Сяюй стала угощать ее свининой.

– Это мы тут в шашки играли, – объяснила, улыбаясь, Юйлоу. – Сестрица Ли свиную голову нам проиграла, вот мы и оставили вам, сестрица.

– Когда только она проигрывает, это не совсем справедливо, – заметила Юэнян. – Я так полагаю: в эти праздничные дни почему бы каждой не устроить по очереди угощение? Барышню Юй пригласим, веселее будет. Лучше, по-моему, обойтись без азарта и не вводить в расходы одних за счет других. Как вы считаете?

– Вы правы, сестра, – поддержали все.

– Завтра пятый день нового года, – продолжала Юэнян. – Я угощаю первой и велю позвать барышню Юй.

Ли Цзяоэр должна была угощать шестого, Юйлоу – седьмого, а Цзиньлянь – восьмого.

– Мне повезло, – заявила Цзиньлянь. – У меня как раз день рождения подойдет. Одним выстрелом двух зайцев убью.

Спросили Сунь Сюэ, но она промолчала.

– Оставьте вы ее, – сказала Юэнян. – Нечего ее приглашать! Девятого пусть сестрица Ли угощает.

– Нет, девятого у сестрицы Пань день рождения, – заметила Юйлоу. – Матушка Пань и тетушка У, верно, придут.

– Тогда сестрица Ли десятого устроит, – согласилась Юэнян.

На том и порешили, но об этом хватит.

Пятого Симэнь был в гостях у соседа. На угощение к Юэнян были приглашены все жены. Пела барышня Юй. Пир продолжался целый день. На другой день угощала Ли Цзяоэр, за ней Юйлоу и Цзиньлянь, но об этом рассказывать подробно нет надобности.

Прошел и день рождения Цзиньлянь, поздравить которую приходили матушка Пань и невестка У.

Настал десятый день нового года. Угощение устраивала Пиньэр. Она велела Сючунь пригласить Сюэ, и той пришлось ходить за ней дважды. Сюэ согласилась прийти, но не шла.

– Я ж говорила, она не придет, – сказала Юйлоу. – Зачем ты ее насильно зовешь, сестрица? Ведь она кому-то сказала: у вас, мол, деньги, вам можно и пиры по очереди закатывать. А уж нашему брату, босоногим, нечего, говорит, под ослиными копытами мешаться. Вот она какие речи заводит. Ладно мы – так у нее и старшая сестра в ослицы попала.

– Ну, что вы все на нее внимание обращаете? – возмущалась Юэнян. – Это же баба неотесанная, дура набитая. Не понимаю, зачем ее вообще приглашать.

Попировали в покоях Пиньэр. Барышня Юй пением и музыкой услаждала собравшихся, а было их вместе с тетушкой У и дочерью Симэня восемь человек. Симэнь Цина в этот день не было дома.

– Если хозяин придет и распорядится накрыть на стол, подай ему в мой покой, – наказала Юэнян служанке Юйсяо.

После обеда прибыл Симэнь, Юйсяо помогла ему раздеться.

– А где хозяйка? – спросил он.

– Все у матушки Шестой пируют, – отвечала служанка. – Там тетушка У и матушка Пань.

– Какое у них вино? – спросил Симэнь.

– Цзиньхуа.^[358]

– У меня есть жасминная настойка. Дядя Ин к Новому году поднес, – сказал Симэнь и распорядился открыть жбан. – Хороша! Им как раз подойдет, – сказал он, попробовав настойку, и велел Юйсяо и Сяоюй отнести жбан к Пиньэр.

Между тем Хуэйлянь наливала чарки и суежилась у стола. Когда она увидела служанок и бросилась к ним за жбаном, Юйсяо подмигнула ей и ущипнула за руку. Хуэйлянь сразу смекнула в чем дело.

– Кто тебе велел вино приносить? – спросила Юэнян.

– Батюшка, – отвечала Юйсяо.

– Когда он вернулся? – спросила хозяйка.

– Батюшка только что вернулся и спросил, какое вы пьете вино. Цзиньхуа, говорю. Батюшка мне и велел принести жбан жасминной настойки, которую дядя Ин преподнес.

– Если батюшка попросит, у меня накроешь стол и закуску подашь, – распорядилась Юэнян.

– Слушаюсь, – отозвалась служанка и удалилась в задние покои.

– Я пойду чай заваривать, – сказала немного погодя Хуэйлянь.

– Завари люаньского,^[359] – распорядилась Юэнян. – Он у меня в спальне лежит.

Хуэйлянь засемила вслед за Юйсяо. Та оказалась у дверей, ведущих в покои Юэнян, и опять подала Хуэйлянь знак. Хуэйлянь отдернула занавеску и вошла в спальню хозяйки. Симэнь сидел в кресле и пил вино. Она подошла к нему и села на колени. Они слились в поцелуе. Хуэйлянь старалась возбудить в нем желание, поила его вином из собственных уст.

– А у меня весь ваш ароматный чай вышел, батюшка, – лепетала она. – Не дадите еще немножко? А потом я у тетушки Сюэ цветы покупала, несколько цяней задолжала. У вас есть серебро? Дайте мне немного.

– У меня лян два в кошельке осталось, – проговорил Симэнь. – Возьми их себе.

Симэнь хотел было приступить к делу.

– Неудобно, – остановила его Хуэйлянь. – А вдруг кто увидит?

– Не уходи нынче, ладно? – говорил Симэнь. – В дальних покоях насладимся.

– Только не в дальних, – покачала головой Хуэйлянь. – Там главная истопница дровами все завалила, не пройдешь. Вот если бы у матушки Пятой, было бы пре-крас-но!

У дверей сторожила Юйсяо, и они флиртовали в открытую. Говорят, язык держи и на дороге, ведь уши спрятались в траве.

Неожиданно появилась Сунь Сюэ. Когда до нее донесся смех из покоев Юэнян, она подумала, что там Симэнь с Юйсяо, но служанка сидела у дверей. Сюэ замедлила шаги, а Юйсяо, опасаясь, как бы она не пошла в комнату, бросилась ей навстречу и отвлекла вопросом:

– Матушка Шестая вас так звала на пир. Что ж вы не пошли?

– Отвернулась от нас судьба, – проговорила с горькой усмешкой Сюэ. – Чахнем, как туты на болоте. За ними на скакуне скачи, не угонишься. С чем я к ним на пиры-то пойду? Бедняки мы голоштаные.

В комнате кашлянул Симэнь. Сюэ поспешила на кухню, а Юйсяо отдернула занавеску. Хуэйлянь, озираясь по сторонам, выскользнула из комнаты и побежала заваривать чай.

– Матушка чай ждет, – крикнула ей Сяюй. – Куда ж ты девалась?

– Чай готов, – ответила Хуэйлянь. – Ступай за орехами.

Вскоре Сяюй внесла поднос, а Хуэйлянь – чай.

– Где ты пропала? – спросила Юэнян.

– Батюшка в вашей комнате был, – отвечала Хуэйлянь, – я не смела войти, ждала, пока сестра чай возьмет, потом за орехами ходила.

Они обнесли всех чаем, и Сяюй с подносом ушла на кухню, а Хуэйлянь встала у стола поглядеть на игру в кости.

– «Длинную единицу», матушка, вы с «чистой шестеркой» составите, а «раздел меж небом и землей» здесь не подходит, – входя в раж, подсказывала Хуэйлянь. – Опять матушка Пятая выиграла. А у матушки Шестой пара «парчовых ширм». Матушка Третья, у вас «один – три» с «чистой пятеркой», всего четырнадцать очков. Вы проиграли.

– Видишь, люди играют, а ты чего со своим языком лезешь? – не выдержала Юйлоу. – Кто тебя просит?

Хуэйлянь не знала, куда деваться со стыда. Она густо покраснела и ушла.

Да,

Пусть западной реки прольется вся вода,

Позора и стыда не смоешь и тогда.

Пировали до фонарей. Вдруг в комнате появился Симэнь Цин.

– Весело вы пируете, – засмеялся он.

– А, зятюшка пожаловал, – воскликнула невестка У и, поспешно встав, предложила Симэню свое место.

– К чему мужчина будет сидеть в женской компании? – заявила Юэнян. – Иди ко мне, там и пируй.

– В таком случае я пойду, – промолвил Симэнь и направился к Цзиньянь.

Цзиньянь пошла вслед за ним.

– Поди сюда, моя маленькая болтушка, – сказал подвыпивший Симэнь, взяв Цзиньянь за руку. – Мне с тобой поговорить надо. Я хотел провести ночь с Хуэйлянь, да негде. Позволишь нам у тебя побыть, а?

– Какой гнусный вздор ты мелешь! – заругалась Цзиньянь, – не знаю, как и назвать тебя. Путайся с ней где угодно, но что это еще за прихоть такая – ко мне? Нет здесь для нее места! Если б я, положим, и согласилась, этого не допустила бы моя Чуньмэй. Не веришь? Позови ее. Если она не будет против, я вас пушу.

– Раз вы против, мы пойдем в грот, – заявил Симэнь. – Вели служанкам отнести туда постель и пусть обогреют немного, а то холодно будет.

– И впрямь слов не нахожу! Как не ругать тебя! – не выдержав,

засмеялась Цзиньлянь. — Можно подумать, эта шлюха, рабское отродье, мать твоя родная. С каким сыновним почтением ты ей служишь? Как Ван Сян,^[360] среди зимы на обледенелом каменном ложе ради нее ложишься.

— Нечего надо мной насмехаться! — отбивался Симэнь. — Хватит язык распускать. Вели лучше грот подтопить.

— Иди уж, накажу, — отозвалась Цзиньлянь.

Гости разошлись, и Цзиньлянь велела Цюцзюй отнести в грот постель и фонарь. Когда в гроте Весны было все готово, Хуэйлянь проводила Юэнян, Цзяоэр и Юйлоу до задних ворот.

— Я к себе пойду, — сказала она, и Юэнян не стала возражать.

— Ладно, — согласилась она, — иди спать.

Хуэйлянь постояла еще немного у ворот и, убедившись, что никого нет, бросилась к гроту.

Да,

Не стоит ожиданием томить царя Сян-вана,
Забавой тучки и дождя влечет гора Шамана.

Сун Хуэйлянь проникла в сад. Она лишь прикрыла за собой садовую калитку, но запирать не стала, полагая, что Симэнь еще не пришел. Однако, войдя в грот Весны, Хуэйлянь нашла там Симэня. Перед ним горела свеча. Несло холодом. Лежанку покрывал слой пыли. Хуэйлянь вынула из рукава две палочки благовоний, поднесла их к огню и воткнула в землю. Рядом стояла жаровня с горящими угольями, но от холода дрожали все члены. Хуэйлянь разобрала постель и накинула поверх одеяла соболью шубу. Они заперли дверь и легли.

Симэнь снял с себя белый сатиновый халат, расстегнул пояс Хуэйлянь, заключил ее в свои объятия... и они отдались любви.

Между тем, Цзиньлянь подождала, пока любовники не скрылись в гроте, сняла головные украшения и плавной походкой потихоньку пошла в сад, чтобы подслушать их разговор. Она приоткрыла калитку и, проскользнув внутрь, притаилась в чаще. У нее мерзли ноги на обледенелом мху, в тело впились колючки, об сухие ветки порвалась юбка, но она стояла у грота Весны как вкопанная и прислушивалась.

Внутри ярко горела свеча, слышался смех Хуэйлянь.

— Пришлось Симэнь Цину в ледяной ночлежке от холода прятаться, — подшучивала Хуэйлянь. — Это тебе, жалкий бродяга, в наказание. Не мог подходящее место найти! Мерзни теперь в этом аду! Ты уж веревкой себя взнуздай. Замерзнешь, быстрее выволокут. Ну и

холод! Давай спать! А чего это ты на мои ноги уставился? – продолжала она. – Или все не налюбуйешься? Не во что мне обуть мои маленькие ножки. Купил бы заготовки, увидал бы, какие туфельки сошью.

– Не беспокойся, дорогая моя! – успокаивал ее Симэнь. – Несколько цяней изведу, разноцветные тебе куплю. Ведь у тебя ножка, оказывается, еще меньше, чем у Пятой.

– Какое может быть сравнение! – возмутилась Хуэйлянь. – Я как-то ее туфли примерила. Так они прямо на мои туфли налезли. Не ножка у нее, а целая ножища! Только сделаны красиво, вот и все.

«Что ж еще скажет эта потаскуха, рабское отродье?» – выругалась про себя Цзиньянь и опять обратилась в слух.

– А давно ты взял эту Пятую зазную? – спросила Хуэйлянь. – Что она, девицей пришла?

– Какое там! Побывала в руках.

– То-то я и вижу, по замашкам она – стреляный воробей. Тоже из содержанок, оказывается. Жена на одну ночь.

Не услышь этого Цзиньянь, все б шло своим чередом, а тут от злости у нее руки повисли, как плети, ноги онемели. «Если дать этой потаскухе и дальше распоясываться, – говорила себе Цзиньянь, – завтра она нам на шею сядет». Цзиньянь готова была обрушиться на Хуэйлянь и опозорить ее, но побоялась сурового Симэня. Давать же Хуэйлянь поблажку ей не хотелось, потому что та потом от всего откажется. «Ладно! Ты еще попомнишь, что сюда приходила. Погоди, я еще с тобой поговорю!» – прошептала Цзиньянь и, подойдя к калитке, заперла ее серебряной шпилькой, которую выдернула из пучка. Озлобленная, вернулась она в спальню. Вот так и прошла ночь.

На другой день Хуэйлянь встала рано. Одевшись и наскоро причесав волосы, она выбежала в сад. Калитка оказалась запертой, что сильно удивило Хуэйлянь. Она хотела выйти, но калитка не поддавалась. Хуэйлянь сказала Симэню, и тот велел Инчунь открыть калитку снаружи. Служанка вынула шпильку, и Симэню сразу стало ясно, что Цзиньянь была свидетельницей их свиданья.

Терзаемая страхом Хуэйлянь открывала дверь в свою комнату, когда заметила улыбающегося Пиньяня.

– Чего зубы оскалил, арестантское твоё отродье? – набросилась она.

– Смешно, вот и смеюсь, – отвечал слуга.

– Что ж тебя рассмешило в такой ранний час?

– А то, что ты, сестрица, похоже дня три крошки в рот не брала, –

говорил Пинъань. – В глазах, должно быть, рябит, а? Нынешнюю ночь и дома, видно, не была.

Хуэйлянь вся вспыхнула.

– Что ты чертовщину мелешь, арестантское отродье? – заругалась она. – Когда, скажи, я дома не ночевала? Смотри, камень не мяч, заиграешься – голову пробьет.

– Чего ж ты, сестрица, отпираешься? – не унимался слуга. – Ведь я своими глазами видал, как ты дверь отпирала.

– Да я давно встала, к матушке Пятой ходила, – отговаривалась Хуэйлянь. – Вот только от нее. А ты где был, арестант?

– Слышал, матушка Пятая тебя звала крабов засаливать, – подначивал Пинъань. – Ты, говорит, ножки больно ловко разнимаешь. А правда, она тебя к корзинщику посылала? Ты, рассказывают, и ртом сучить умеешь.

Хуэйлянь вышла из себя. Выхватив дверной засов, она погналась за Пинъанем.

– Негодай! Гнусное отродье! – кричала она. – погоди, я вот про тебя скажу! Получишь по заслугам. Совсем, смотрю, взбесился.

– Ого, сестрица! Поумерь немножко свой гнев! Знаю, кому ты скажешь. Ишь, на высокую ветку взлетела.

Еще больше рассвирепела Хуэйлянь и опять погналась за Пинъанем.

Между тем, из закладной лавки неожиданно вышел Дайань и вырвал из рук Хуэйлянь засов.

– За что его бить собираешься? – спросил он.

– Этого зубоскала, арестантское отродье, спроси. От его болтовни у меня руки онемели.

Воспользовавшись заминкой, Пинъань скрылся.

– Ну чего ты так сердишься, сестрица? – успокаивал ее Дайань. – Иди лучше причешись.

Хуэйлянь вынула из кармана не то три, не то четыре фэня серебра и протянула их Дайаню.

– Будь добр, купи горшок рыбного супу, – попросила она. – А отвар в чугуне подогрей.

– Сейчас все будет готово, – отозвался слуга.

Он быстро умылся и вскоре принес суп. Хуэйлянь разлила его в чашки и угостила Дайаня. Сделав прическу, она заперла комнату, показалась в покоях Юэнян, а потом направилась к Цзиньлянь. Та сидела за туалетным столиком. Хуэйлянь засуетилась, всячески стараясь ей услужить: подавала воду, держала гребень и зеркальце.

Однако Цзиньлянь не обернулась к ней ни разу, казалось, даже не замечала ее.

– Я вам пока ночные туфельки уберу и ленты для бинтования ног скатаю, ладно? – спросила Хуэйлянь.

– Оставь, пускай лежат. Служанка уберет. – И Цзиньлянь кликнула служанку: – Цюцзюй, где ты запропастилась, рабское отродье?

– Она пол подметает, а сестрица Чуньмэй причесывается, – сказала Хуэйлянь.

– Ну и оставь! Не трогай! Они сами уберут, – оборвала ее Цзиньлянь. – Раз с ножищ, нечего тебе о них руки пачкать. Иди лучше батюшке служи. Такие, как ты, ему по душе, а я что? Женщина на одну ночь. Не первой свежести товар. Ведь это ты первая жена. Тебя по всем правилам в паланкине принесли. Зазноба!

Хуэйлянь поняла, что Цзиньлянь все знает, и встала перед ней на колени.

– Вы, матушка, моя истинная госпожа, – говорила Хуэйлянь. – Без вашей поддержки разве б я на ногах устояла?! Не будь на то вашей воли, матушка, я никогда не посмела бы исполнить желание батюшки. Ведь Старшая госпожа – одна видимость. Вы больше всех мне добра сделали. Как же я пойду против вас? Удостоверьтесь в этом сами, матушка, прошу вас, и если я хотя в какой-то мере вас обманываю, пусть меня всю покроют чирья и ждет мучительный конец.

– Ну что ты мне объясняешь! – прервала Цзиньлянь. – Я ж не слепая. Раз ты хозяину приглянулась, мне вмешиваться не приходится. Но я тебе не дам наедине с ним распускаться, других унижать. Так говоришь, меня затопчешь? Решила между нами встать? Вот что я тебе скажу, дорогая сестрица: выбрось это лучше из головы!

– Матушка! – взмолилась Хуэйлянь. – Прошу вас, еще раз припомните, как было дело. Ослышались вы, должно быть, вчера вечером. Не говорила я против вас.

– Глупышка! Еще не хватало выслушивать твои объяснения! Я тебе вот что скажу – и десять жен мужа не удержат. У нашего хозяина дома вон сколько жен да со стороны приглашает красоток. И ничего он от меня не скрывает, все по порядочку выкладывает. Одно время Шестая с ним душа в душу была. Так он, бывало, придет и от меня скрывает. А тебе до нее еще ох как далеко!

Хуэйлянь умолкла. Она постояла еще немного и ушла. На тропинке у задних ворот ей повстречался Симэнь Цин.

– А ты хорош! – начала Хуэйлянь. – Бездушный ты человек, вот кто ты есть. Я с тобой поделилась, а ты всем разбалтывать! Сколько

из-за тебя унижений испытала! Я тебе откровенно, от души говорила. Мне и в голову не пришло, что ты выболтаешь. Рот у тебя – бадья худая, как есть бадья. Больше никогда ничего говорить тебе не буду.

– Но я ничего не знаю. О чем ты говоришь? – удивился Симэнь.

Хуэйлянь только бросила на него короткий взгляд и удалилась в передние покои. Язык у нее был хорошо подвешен. Всякий раз, когда Хуэйлянь выходила за ворота купить то одно, то другое, приказчика Фу она льстиво называла дядюшкой Фу, зятя Чэнь Цзинцзи – дядей, а Бэнь Дичуаня – почтенным Бэнем. Сблизившись с Симэнь Цином, она стала еще бойчей и речистей, то и дело с прислужгой зубоскалила и во все совалась со своим языком.

– Дядюшка Фу, будь так добр, кликни мне продавца пудрой, – говорила она. – Я в ноги тебе поклонюсь.

И простоватый приказчик стремглав бежал на улицу, зазывал торговца, а потом еще просил ее выйти к воротам.

– Торговец пудрой по утрам приходит, – подшучивал над ней Дайань. – Ты, сестрица, лучше пораньше выходи, да безмен прихвати. Вот тогда он сразу к тебе прибежит.

– Мартышка проклятая! – ругалась Хуэйлянь. – Мне матушка Пятая с матушкой Шестой наказали пудры купить, причем тут безмен? Это шлюхи помаду фунтами берут, да и мажутся день-деньской. Погоди, я вот ей на тебя нажалуюсь.

– Чего это ты, сестрица, все меня матушкой Пятой пугаешь, а? – не унимался Дайань.

Через некоторое время Хуэйлянь обратилась с просьбой к Бэнь Дичуаню:

– Почтенный Бэнь! Будь любезен, позови торговца искусственными цветами. Хочу прическу цветами сливы-мэй и хризантемами украсить.

Бэнь Дичуань бросил лавку и вышел ловить торговца. Когда тот остановился у ворот, Хуэйлянь открыла корзину, выбрала цветы и два лиловых с отливом расшитых золотом платка. За все причиталось семь цяней пять фэней. Хуэйлянь вынула серебряный слиток и попросила Бэня отсечь от него семь с половиной цяней. Бэнь тот же час оставил счета, над которыми корпел, сел на корточки и вооружился молотком.

– Дай я отсеку сестрице, – подошел к нему Дайань и взял слиток.

Он долго вертел его в руках, внимательно рассматривал.

– Ну, что рассматриваешь, мартышка проклятая? – торопила Хуэйлянь. – Серебро-то краденое. Не слыхал, как нынче ночью собаки лаяли?

– Краденое, не краденое, – отвечал Дайань, – а слиточек знакомый. Похоже, из батюшкиного кармана. Он вот тут у чжурчжэня^[361] менялы на рынке слиток разбивал. Это от него половинка. Я очень хорошо помню.

– Ишь ты, арестант! На свете вон двойников то и дело видишь, а это слиток. Как же это батюшкино серебро могло ко мне вдруг попасть?

– Знаю, как, – засмеялся слуга.

Хуэйлянь дала Дайаню шлепок. Он отсек семь с половиной цяней и отдал торговцу, а остальное держал в руке.

– И у тебя смелости хватит чужое брать? – накинулась на него Хуэйлянь.

– Твоего мне не надо. А мелочью поделись.

– Верни серебро, – наступала Хуэйлянь. – Сама дам, сколько сочту нужным.

Дайань отдал серебро. Хуэйлянь протянула ему кусочек меньше, чем полцзяня, а остальное спрятала в карман и ушла.

С тех пор она зачастила к воротам. То искусственные цветы купит, то платок. Лянами серебро считала. А семечек ковшей пять зараз брала. Всю прислугу оделяла. Прическу она украсила жемчужным ободком, в ушах у нее сверкали золотые фонарики-подвески. Носила Хуэйлянь красные из шаньсийского шелка штаны и стеганные наколенники. В широких рукавах прятала мешочки с ароматным чаем и корицей. В день, глядишь, по три, по четыре цзяня серебром тратила. И все ей потихоньку давал Симэнь Цин. Однако говорить об этом подробнее нет надобности.

Крупный разговор с Цзиньлянь заставил Хуэйлянь пуще прежнего угождать ей. В покои Юэнян она только заглядывала и сразу же уходила к Цзиньлянь. Носила ей воду, подавала чай, шила туфельки и вышивала. Словом, усердствовала и где надо, и где не надо. За компанию с Цзиньлянь и Пиньэр играла она в шашки и домино. Когда к ним заходил Симэнь, Цзиньлянь нарочно просила Хуэйлянь наливать чарки или приглашала к столу. На радость Симэню пила, ела и веселилась с хозяйками Хуэйлянь. Она была готова лобызать ноги Цзиньлянь.

Да,

Ивы праздный пух кружится под ветрами,

Сливы павший цвет уносится волнами.

Тому свидетельством стихи:

Любви Симэня добиваясь,

коварная Цзиньянь хитрит:
Муж захотел служанку на ночь –
жена на время гнев смирит.
О том, что грозовые тучи скопились, –
пташке невдомек.
Беда неожиданная нагрянет.
Неотвратим жестокий рок.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ ЗАИГРЫВАЕТ С КРАСАВИЦЕЙ В ПРАЗДНИК ФОНАРЕЙ

ХУЭЙСЯН ОБРУШИВАЕТСЯ С ГНЕВНОЙ БРАНЬЮ НА ЖЕНУ ЛАЙВАНА

*Фонари на высоких подставках,
опьяняющее вино,
Взрывы смеха в пышном застолье –
здесь веселью предела нет.
Плавный танец Чжантайской Ивы,^[362]
как изящен и гибок стан!
Льется трель, что звучать достойна
в императорском парке весной.
Аромат шелестящих платьев –
как тревожит он наши сердца!
Осыпаются тихо-тихо
пестроцветные лепестки.
Если б не было так прелестно,
так возвышенно все вокруг,
Может быть, и не отрезвел бы
опьяневший когда-то Хань.^[363]*

Так вот прошли новогодние дни и настал вечер Праздника фонарей. Симэнь Цин украсил залу разноцветными фонарями и устроил пышный пир. Перед входом были расставлены роскошные парчовые ширмы и экраны, висела гирлянда из трех сверкающих

жемчугами фонарей, множество других – самой затейливой и причудливой формы – возвышались на подставках по обеим сторонам.

Симэнь и Юэнян занимали почетные места. По обе стороны от них сидели Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Ли Пиньэр, Сунь Сюээ и дочь Симэня. Разодетые в шелка и парчу, они блистали своими белыми кофтами и голубыми юбками. Только Юэнян выделялась ярко-красной кофтой с длинными рукавами, поверх которой красовалась соболя накидка, и белой цветастой юбкой. Жемчуга с бирюзой и шпилька-феникс сбоку украшали ей прическу.

Домашние певичцы – Чуньмэй, Юйсяо, Инчунь и Ланьсян играли на цитрах и, отбивая кастаньетами такт, пели романсы о фонарях. Сбоку за отдельным столом пировал зять Чэнь Цзинцзи. Столы ломились от свежих фруктов и отборных яств. Сяоюй, Юаньсяо, Сяолуань и Сючунь наливали чарки, а жена Лайвана, Сун Хуэйлянь, сидела на веранде и грызла семечки. Когда попросили вина, она громко кликнула Лайаня и Хуатуну:

– Подогретого вина! Быстрее! Ни одного не найдешь! Куда вы только девались, арестантские отродья!

Хуатун внес вино.

– Рабское отродье! – заругался Симэнь. – Ни одного не найдешь! Где ты был, рабское твоё отродье? Или мало тебя били?!

– Я ж все время тут был, сестрица, – говорил Хуэйлянь вернувшийся из залы Хуатун. – Зачем зря батюшке наговариваешь? Мне ни за что досталось.

– Как же тебя не ругать! – отозвалась Хуэйлянь. – Раз вино просили, нечего было мешкать. А я тут вовсе ни при чем!

– Не видишь, пол подмели, а ты семечек нагрызла, – укорял ее Хуатун. – Батюшка увидит, опять ругаться будет.

– Бей тревогу, пори горячку, арестантское отродье! Тебе что, больше других нужно? Можешь не мести, другие уберут. А хозяин спросит, сама отвечу. Не беспокойся.

– Ого, сестрица! Не очень-то уж расходишься! К чему нам с тобой ссориться?

Хуатун взял веник и начал сметать тыквенную шелуху, а Хуэйлянь пошла грызть наружу, но не о том пойдет речь.

Заметив, что у зятя Чэня вышло вино, Симэнь велел Цзиньлянь налить ему чарку. Та поспешно вышла из-за стола и подбежала к Цзинцзи.

– Осуши, зятюшка, мою чарочку, – смеясь, говорила она. – Так батюшка распорядился.

– Вы так любезны, матушка, – проговорил Цзинцзи, принимая чарку и не отрывая от нее лукавого взгляда. – Не беспокойтесь, я выпью.

Цзиньянь, загородив собой свечу, в левой руке держала чарку, а правой ущипнула ему руку. Цзинцзи как ни в чем не бывало глядел на присутствующих, а между тем играючи слегка наступил ей на ножку.

– Ишь, какой ретивый! – шепотом сказала улыбающаяся Цзиньянь. – А тесть увидит, что тогда?

Послушай, дорогой читатель! Они тайком переглядывались и флиртовали, полагая, что их не замечают. Между тем Сун Хуэйлянь стояла под окном и все видела до мелочей.

Да,

В азарте игроки, увы, теряют разум.

Сторонний глаз ошибки их заметит разом.

Хуэйлянь ничего не сказала, а про себя подумала:

«Предо мной строит из себя образец чистоты, а сама с этим малым путается. Знаю теперь твою подноготную. Попробуй пристань, я тебе все выскажу».

Да,

Чей это терем белых роз

благоухан и светел?

Под чьими пальцами поблѣк?

Кто розы в рукавах унес?

Хозяин не заметил.

Но запах чует мотылек.

Долго шел пир. Неожиданно Симэню подали приглашение от Ин Боцзюэ.

– Вы пируйте, – сказал он, – а я к брату Ину пойду.

Симэнь Цина сопровождали Дайань и Пинъань.

Юэнян и остальные жены посидели еще немного. Вдруг заметно потускнела Серебряная Река,^[364] поблekli жемчужины Ковша. На востоке взошла полная луна, и стало светло, как днем. Одни пошли переодеваться, другие стали прихорашиваться прямо под луной. Кто-то перед фонарем втыкал в прическу цветы, а Юйлоу, Цзиньянь, Пинъэр и Хуэйлянь любовались потешными огнями, которые жег перед залой Цзинцзи. Цзяоэр, Сюээ и дочь Симэня вместе с Юэнян ушли в дальние покои.

– Слушайте, пойдемте на улице погуляем, а? – предложила

Цзиньлянь. – Надо только Старшей сказать.

– Возьмите и меня с собой, – сразу встала Хуэйлянь.

– Хочешь гулять, ступай матушке Старшей скажи, – наказала Цзиньлянь. – И у матушки Второй узнай. Пойдут они или нет? А мы тебя обождём.

Хуэйлянь бросилась в дальние покои.

– Что толку ее посылать? Я пойду сама спрошу, – сказала Юйлоу.

– Я тоже пойду оденусь, – решила Пиньэр, – а то вечером холодно будет.

– Сестрица, – обратилась к ней Цзиньлянь, – у тебя накидки не найдется? Захвати мне, а то идти не хочется.

Пиньэр пообещала, и Цзиньлянь осталась смотреть потешные огни. Оказавшись наедине с Цзинци, она тронула его рукой и сказала, смеясь:

– Ты так легко одет, зять. Не холодно?

Рядом возился восторженный сынишка слуги Тегунь.

– Дядя, дай хлопушку, – приставал он к Цзинци.

Чтоб отделаться от мальчишки, Цзинци сунул ему две хлопушки, и тот, довольный, убежал.

– Легко одет, говоришь? – шутил Цзинци, когда им больше никто не мешал. – Ну что ж, поднесла б одежонку потеплее.

– Ах ты, негодник! – засмеялась Цзиньлянь. – Ишь, чего захотел. На ногу мне наступил, я смолчала. Теперь у него смелости хватает одежду просить. С какой же это стати? Небось, не возлюбленная твоя.

– Ладно уж, не надо, – отвечал Цзинци, – но зачем ты меня мишенью выбрала? Чего страшась?

– Эх ты, козявка! Да ты как воробей – на вышку взлетел, а сам со страху дрожишь.

Появились Юйлоу и Хуэйлянь.

– Не пойдут они, – сказала Юйлоу. – Старшая плохо себя чувствует, молодая госпожа не в настроении. А мы можем погулять. Только, говорит, пораньше приходите. У Цзяоэр нога заболела, Сюээ тоже дома осталась. Раз Старшая не идет, я, говорит, тоже не пойду, а то еще хозяин выговаривать будет.

– Раз никто не хочет, втроем пойдем, – заявила Цзиньлянь. – Пусть хозяин ругается. А то давайте Чуньмэй с Юйсяо захватим, а? Все ответ держать будем.

– Моя матушка не идет, – встала Сяюй. – А мне можно погулять?

– Ступай спросись, мы подождём, – сказала Юйлоу.

Сяоюй весело выбежала от Юэнян. Вышли втроем, сопровождаемые целой толпой служанок и слуг. Лайань и Хуатун несли на шестах зажженные фонари. Цзинци пускал на возвышении потешные огни.

– Дядя, погоди немножко, – попросила Хуэйлянь. – И я пойду.

Только подвязку надену.

– Мы сейчас выходим, – отозвался Цзинци.

– Не подождете, сердиться буду, – крикнула Хуэйлянь и побежала к себе.

Она надела красную с зеленоватым отливом атласную кофту и белую вышитую юбку. Голову перетягивал красный расшитый золотом платок, из-под которого виднелись цветы и золотая сетка. В ушах блестели золотые серьги-фонарики. Хуэйлянь прихватила ароматный чай и присоединилась к остальным размяться и разогнать недуги.

Освещенные луной, в белых шелковых кофтах, вышитых золотом безрукавках, с прическами, щедро украшенными жемчугом и бирюзой, напудренные и напомаженные, они были прекрасны, как небесные феи.

По обеим сторонам за ними следовали Цзинци и Лайсин и жгли потешные огни, которые извергались в небо, а потом медленно опускались на землю, напоминая то лотосы, то пышные золотые хризантемы, то огромные орхидеи. Своими яркими вспышками они затмевали луну. Вышли на Большую улицу.

Только поглядите:

Воздух пряный струит аромат.

И толпа, словно улей, бурлит.

Гром хлопучек и огненный град,

В сотни радуг цветут фонари.

Гремели флейты и барабаны. Царило необыкновенное оживление. Взоры гуляющих сразу привлекла группа ярко наряженных женщин, впереди которых шествовали фонарщики. Принимая их за высокую знать, никто не решался на них подолгу заглядываться. Все расступались, давая им пройти.

– Дядюшка, потешьте нас огнями, – обратилась к Цзинци неугомонная Хуэйлянь.

Немного погода вновь послышался ее голос:

– Дядя, треск хлопучек послушать хочется.

То у нее выпали из прически цветы, и она остановилась их

поправить, то соскочила туфелька, и кому-то пришлось ее поддерживать. Хуэйлянь продолжала приставать к Цзинци, и Юйлоу не выдержав, одернула ее.

– С чего это вдруг у тебя туфли соскакивают? – с укором спросила Юйлоу.

– Чтоб свои туфельки не загрязнить, она две пары надела, – объяснила Юйсяо. – На свои сверху туфли матушки Пятой напялила.

– Позови ее ко мне, – сказала Юйлоу. – Погляжу, вправду ли она туфли матушки Пятой надела.

– Она вчера у меня туфли выпросила, – заметила Цзиньянь. – Я себе и представить не могла, что сучье отродье их на свои напялит.

Хуэйлянь приподняла юбку и выставила перед Юйлоу ножку, на которой в самом деле было две красных, привязанных зелеными шнурками, туфельки. Юйлоу промолчала.

Миновав Большую улицу, женщины вышли на фонарный базар.

– Пойдем на Львиную, – предложила Цзиньянь. – В дом сестрицы Ли заглянем.

Хуатуну и Лайаню велели с фонарями пройти вперед и повернуть на Львиную.

Слуга постучал в ворота. Тетушка Фэн уже почивала, на кане спали две служанки на продажу. Разбуженная стуком Фэн поспешно открыла ворота и пригласила женщин в дом. Сама она суетилась у жаровни, ставила чай, а потом прихватила кувшин и пошла за вином, но ее удержала Юйлоу:

– Не уходите, мамаша, не нужно вина. Мы дома целый день пировали. Вот чайку выпьем.

– Где вино, там и закуски полагаются, – вставила Цзиньянь.

– Разве этим кувшином обойдешься? – вмешалась Пиньэр. – Возьми кувшина два, да побольше.

– Не слушайте ее, мамаша, – продолжала уговаривать Юйлоу. Не надо никакого вина. Мы и чаем обойдемся.

Старая Фэн осталась дома.

– Ты уж меня совсем забыла, не проведаешь, – говорила Пиньэр. – И что ты тут целыми днями делаешь?

– Сами видите, у меня обуза на плечах, – жаловалась старуха, кивая на служанок. – На кого их оставишь?

– А где вы их взяли? – спросила Юйлоу.

– Одной тринадцать лет, на северной окраине в служанках была, – объяснила Фэн. – Всего за пять лянов продают. Другая от церемониймейстера Вана. Была замужем за слугой, а слуга сбежал.

Пучок ей убрали,^[365] а ее ко мне привели. Десять лянов просят.

– Слушайте, мамаша! – обратилась к ней Юйлоу. – Я знаю, кому нужна служанка. Вам повезло.

– В самом деле? – обрадовалась старуха. – Кому же, скажите пожалуйста.

– У нашей сестрицы Второй только Юаньсяо, трудно ей одной со всеми делами управляться, – говорила Юйлоу. – Она служанку ищет. Вот и продайте ей ту, которая постарше. Кстати, а сколько ей лет?

– Родилась в год быка – семнадцать исполнилось.

Подали чай. Чуньмэй, Юйсяо и Хуэйлянь огляделись по сторонам и поднялись в терем, выходящий на улицу. Только они открыли окно, как послышался голос Цзинци:

– Поздно! Домой пора.

– Ну чего ты людям покоя не даешь? – крикнула Цзиньлянь. – Все торопит и торопит!

Она позвала Чуньмэй и остальных служанок, и все стали собираться в обратный путь. Тетушка Фэн проводила их до ворот.

– А где ж Пинъань? – поинтересовалась Пиньэр.

– Его до сих пор нет, – отвечала тетушка. – Частенько приходится мне, старухе, в ночь, а то и за полночь, к воротам выходить, ему отпирать.

– Пинъань с батюшкой к дяде Ину ушел, – сказал Лайань.

– Тогда запирай ворота и ложись спать, – наказала Пиньэр. – Не придет он нынче. Не станет твой сон тревожить. А завтра утром я тебя жду. Да вот стоит только тебя пригласить, как ты сразу зазнаешься, словно настоятель монастыря Каменного Будды.

– Вы ж хозяйка моя, матушка, – говорила старуха. – Как же я могу зазнаваться?!

– Ну, хватит болтать. Завтра утром приведи сестрице Второй служанку, слышишь?

Старуха заперла ворота, а женщины пошли домой.

Когда они приблизились к воротам, раздался крик тетушки Хань. Она жила рядом в пристройке. Муж ее, мусульманин Хань, нанялся к смотрителю казенных конюшен и был в отлучке. Тетушка Хань вышла с домашними развеяться. Когда же она вернулась навеселе, оказалось, что в дом забрались воры, украли у нее собаку и кое-что из вещей. Она уселась посреди улицы и начала спяну осыпать бранью прохожих.

Женщины замедлили шаги.

– Ступай позови тетушку Хань, – обратилась Цзиньлянь к Лайаню. – Узнаем в чем дело.

– Что с тобой? – спросили они тетушку, которую вел слуга.

Тетушка Хань не спеша сложила руки и, отвесив всем поклоны, начала:

– Милостивейшие сударыни! Слушайте! В песне душу изолью. Спую вам на мотив «Резвится дитя»:

Чудный праздник блаженство дарит,

Новогодняя ночь, фонари...

Юйлоу и остальные, выслушав романс, достали кто серебра, кто фруктов и протянули тетушке Хань.

– Позовите зятя Чэня, – наказали они Лайаню. – Пусть доведет ее до дому.

Чэнь Цзинцзи тем временем заигрывал с Хуэйлянь и так увлекся, что не захотел ее покидать. Тогда Цзиньянь велела Лайаню отвести тетушку, наказав ей:

– Приходи завтра утром. Белье мне постираешь. А я батюшке скажу. Он тебя в обиду не даст.

Тетушка Хань, рассыпаясь в благодарностях, ушла, а женщины направились к воротам. Тут им повстречалась жена Бэнь Дичуаня. На ней была красная кофта, темная атласная безрукавка и нежно-зеленая юбка, а на голове красовался расшитый золотом платок.

– Не откажите в любезности, сударыни, зайдите в холодную хижину на чашку чая, – улыбаясь и отвешивая поклоны, приглашала их жена Бэня.

– Премного благодарны за приглашение, но мы и так задержались у ворот, – отказывалась Юйлоу, – долго жалобы тетушки Хань выслушивали. А уж поздно. В следующий раз.

– Ну что вы! – упрасивала жена Бэня. – Надо мной смеяться будут. Скажут, и чашкой чая не угостила.

Наконец, ей удалось их зазвать. Перед входом у нее был сооружен алтарь с изображениями бодхисаттвы Гуаньинь и восьми преград,^[366] а рядом святого Гуаня.^[367] Над дверью висел фонарь-снежинка, а в комнате на столе стояли два обтянутых шелком фонаря и новогодние фрукты. Вошедшие сели, и хозяйка позвала дочь Чжаньэр. Появилась четырнадцатилетняя девушка и, отвесив земной поклон, подала чай. Юйлоу и Цзиньянь подарили ей по две веточки искусственных цветов, а Пиньэр – платок и цян серебром на семечки. Обрадованная хозяйка на все лады благодарила за подарки и уговаривала посидеть, но Юйлоу, а за ней и остальные простились и пошли домой.

У ворот их встретил Лайсин.

– Батюшка возвратился? – спросила Цзиньянь.

– Нет, еще не пришли, – ответил слуга.

Женщины остановились у ворот. Цзинци пустил на прощанье потешные огни – две огненных хризантемы, орхидею и золотую чару на серебряной подставке.^[368] Женщины удалились в дальние покои.

Симэнь Цин вернулся в четвертую ночную стражу.

Да,

Хмельной не заметишь, как спустится тьма

И месяца серп заслонят терема.

Чэнь Цзинци не без умысла заигрывал на прогулке с Цзиньянь и остальными женщинами, а потом перебрасывался шутками с Хуэйлянь. На другой день утром он в лавку не пошел, а направился прямо к Юэнян. Она отбыла в буддийский монастырь возжигать благовония, и Цзинци застал у нее лишь Цзяоэр и Цзиньянь, занимавших тетушку У. После чаю стоял неубранный стол. Цзинци, поклонившись, сел.

– А ты, зятек, хорош, – обратилась к нему Цзиньянь. – Попросили тетушку Хань проводить, а ты ни с места. Знай, с Хуэйлянь зубоскалит, язык чешет. Хорошо, слуга отвел. С чего это ты так разошелся? Вот придет матушка Старшая, я ей скажу.

– И вы еще меня упрекаете? – начал Цзинци. – Да у меня вчера и так поясница не разгибалась. То с вами гулял, то на Львиную да обратно. Посчитайте, сколько пришлось отшагать! Не хватало еще жену басурмана этого провожать. Слуга отвел и очень хорошо. Только прилег, уж рассветает. Едва встал.

Из монастыря возвратилась Юэнян, и Цзинци отвесил ей поклон.

– Что это вчера пьяная Хань так ругалась? – спросила Юэнян.

Цзинци рассказал, как к Хань забрались воры и украли собаку, как она села среди улицы, заголосила и принялась осыпать всех бранью.

– Утром у ней муж вернулся, – продолжал Цзинци. – Задал наверное, хорошую взбучку. Она до сих пор не встает.

– Хорошо, мы ее уговорили и домой отвели, – вставила Цзиньянь, – а то посмотрел бы батюшка, какая она была.

Юйлоу, Пиньэр, дочь Симэня, а с ними и Цзинци пошли пить чай в покои Юэнян. Потом дочь Симэня ушла к себе и обрушилась на Цзинци:

– Чего это ты вдруг с Лайвановой женой зубоскалишь, а? Или тебе жить надоело, арестантское отродье? А вдруг отец узнает, ей-то ничего не будет, а тебе умереть спокойно не даст.

В тот день Симэнь Цин долго спал, а как только проснулся, ему

доложили о прибытии господина Цзина, назначенного военным комендантом.^[369] Симэнь быстро причесался, обвязал голову повязкой и, приодевшись, вышел в залу, где принимал гостя, наказав Пинъаню подать чай.

Тем временем на заднем дворе царило оживление. Хуэйлянь, Юйсяо и Сяоюй играли на семечки. Сяоюй села верхом на Юйсяо и кричала:

– Ах ты, негодница! Проиграла, а теперь увертываешься? Хуэйлянь, поди поддержи ее за ногу. Я ей покажу!

– Юйсяо! – крикнул Пинъань, когда игра была в самом разгаре. – Почтенный господин Цзин пожаловал. Меня за чаем послали.

Юйсяо, занятая с Сяоюй, не обращала на него никакого внимания.

– Ну, человек ведь ждет, – торопил слуга.

– Чего ты привязался, арестантское отродье! – заругалась Хуэйлянь. – Нужен чай, так ступай на кухню. Кто у котлов стоит, у того и спрашивай. Мы хозяйкам подаем, а посторонние нас не касаются.

Пинъань пошел на кухню. Там в этот день суежилась жена Лайбао – Хуэйсян.

– Видишь, у меня руки заняты, обед готовлю, а тебя тут за чаем несет, – ворчала Хуэйсян. – Ступай в дальние покои.

– Я только оттуда, – отвечал слуга. – Там тоже не дают. Хуэйлянь говорит, не ее дело – кто у котла, у той, мол, и спрашивай.

– Ишь, сварливая бабенка! – заругалась Хуэйсян. – Она себя к господским покоем причислила. А нам на роду написано у котлов стоять. А тут еще чай вынь да положи. Раз ты меня навек к котлам причислила и ко мне же за чаем посылаешь, так жди дольше. Назло никакого чаю не получишь.

– Давай, скорей, сестрица, – упрасивал Пинъань, – а то господин Цзин давно уж сидит. Задержишься, батюшка ругаться будет.

Пока одна сваливала на другую, прошло немало времени. Наконец Юйсяо вынесла сладости и ложки, и Пинъань подал чай.

Засидевшийся комендант Цзин не раз собирался откланяться, но его удерживал Симэнь. Заметив, что чай остыл и утратил аромат, Симэнь отругал Пинъаня и велел приготовить другой.

– Кто чай заваривал? – спросил Симэнь, как только ушел Цзин.

– На общей кухне заваривали, – отозвался Пинъань.

Симэнь пошел к Юэнян.

– Гостю холодный, дурно заваренный чай подали, – сказал он. – Узнай на кухне, чьих рук дело, да накажи как следует.

– Сегодня очередь Хуэйсян, – подсказала Сяюю.

– Что, этой уродине жить надоело?! – вспыхнула Юэнян и велела Сяюю позвать виновницу во двор. – По плети соскучилась, а? – допрашивала хозяйка вставшую на колени Хуэйсян.

– Я обед варила, – говорила Хуэйсян, – тетушке постное готовила. Некогда мне было, вот чай и остыл.

Юэнян отчитала ее и под конец простила.

– Отныне гостям батюшки чай будут заваривать Юйсяо и Хуэйлянь, – приказала хозяйка. – А на кухне пусть кормят и поят прислугу.

Хуэйсян еле сдерживала гнев. Едва дождавшись ухода Симэня, она выбежала из кухни, и, рассвирепевшая, бросилась к Хуэйлянь.

– Потаскуха проклятая! – закричала она, тыча пальцем в сторону Хуэйлянь. – Ты, конечно, довольна, в хозяйских покоях служишь. Тебе счастье на роду написано, а моя бабья доля на кухне возиться. Меня кухаркой у котлов называешь, ко мне и за чаем посылаешь? Как я, так и ты – обе рис варим. Кто ты есть такая? Сверчок жабу есть не станет. Что ты, что я – из одного теста сляпаны. Ты пока что в женах батюшки не состоишь и нечего зазнаваться! Да если б и состояла, я б тебя не испугалась.

– Что ты болтаешь! – отвечала Хуэйлянь. – Сама кое-как заварила, а я причем? Чего ты на мне-то зло срываешь?

Хуэйсян разозлилась пуще прежнего.

– Потаскуха проклятая! – заругалась она. – Избить меня подстрекала, да не вышло. У Цаев хахаля завела, тоже не удалось. Так теперь сюда заявила воду мутить?

– Завела? А ты видала? Ну и заткни свой поганый рот! А ведь и тебя, сестрица, девицей непорочной не назовешь.

– Это почему ж? – возразила Хуэйсян. – Ты меня своей меркой не меряй. О тебе и говорить не приходится. Горстью столько зерен не зачерпнуть, сколько ты мужиков приваживала. Думаешь, никто о твоих тайных проделках не знает? У тебя и к хозяйкам нет никакого почтения, что ж о нас говорить?!

– О каких таких проделках ты болтаешь? Чем я непочтительна к хозяйкам, а? Как ни запугивай, я тебя все равно не боюсь.

– У тебя заступник есть, вот ты и храбришься, – продолжала упрекать Хуэйсян.

Пока они ругались, Сяюю позвала Юэнян.

– Вот ничтожества проклятые! – разнимая их, кричала Юэнян. – Нет, чтобы делами своими заниматься, так они сцепились! Хотите,

чтоб хозяин услышал? Он вам покажет. Не били вас раньше, избыют на этот раз.

– Если избыют, – заявила Хуэйлянь, – то, не будь я Хуэйлянь, если не выпущу тебе кишки, потаскуха. Своей жизнью поплачусь, а с тобой расправлюсь. Вместе отсюда уйдем!

С этими угрозами Хуэйлянь ушла в передние покои. Потом она стала еще надменней. Полагаясь на Симэня, на близкие с ним отношения, Хуэйлянь никого в доме не замечала. Целыми днями просиживала она рядом с Юйлоу, Цзиньянь, Пиньэр, дочерью Симэня и Чуньмэй.

Тетушка Фэн привела служанку. Девушку лет тринадцати сначала провели к Пиньэр, а потом отдали Цзяоэр в служанки. Цзяоэр уплатила за нее пять лянов серебром, но не о том пойдет речь.

Да,

Зимней сливы цветы самовольно весну возвещают,

Феи ветра Фэнъи настойчивый зов отвергают.

Тому свидетельством стихи:

Снаружи ликуют бесы, а душу сжигают страсти;

Утех ожидает тело, их сладостной жаждет власти.

В красивом седле прогулку с утра совершать не худо,

А вечером, воротившись, забыться в притоне блуда.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СЮЭЭ РАСКРЫВАЕТ ИНТРИГУ БАБОЧКИ И ШМЕЛЯ

ЗАХМЕЛЕВШИЙ ЛАЙВАН ПОНОСИТ СИМЭНЬ ЦИНА

*Красавицы в саду – букет цветов,
благоуханный, пестрый, свежий,
Порхают на качелях вверх и вниз,
так обольстительны, нарядны.
Добавлены здесь к утренней красе
парчи рисунчатой узоры,
Весенняя истома разлита
и веет ветерок прохладный,
Взошли ростки красавиц-орхидей
у светлых яшмовых ступней;
Как веточка душистая цветет
за занавеской чаровница...
Кто сам растит губительный побег,
тот осмеяния достоин.
В покоях женских нравов чистота,
хоть расшибись, никак не сохранится.*

Так вот. Прошел Праздник фонарей и настал День поминовения усопших.^[370] К Симэню с утра прибыл Ин Боцзюэ с приглашением поехать за город. Угощал Сунь Молчун.

Хозяин отбыл на пир, а Юэнян велела устроить в саду качели и сопровождаемая остальными женами вышла развлекаться и стряхнуть с себя весеннюю истому. Первыми качались Юэнян и Юйлоу. Потом пригласили Цзяоэр и Цзиньянь, но Цзяоэр, сославшись на дурное самочувствие, отказалась. Предложили Пинъэр, и она села рядом с

Цзиньлянь.

– Сестрица, – крикнула ей немного погодя Юйлоу, – давай стоя покачаемся, а? Только не смейся, ладно?

Своими нежными, будто выточенными из нефрита, руками они крепко ухватились за цветастые шелковые шнуры, встали на разрисованную доску, и Юэнян велела Хуэйлянь с Чуньмэй подтолкнуть качели.

Да,

Редко встречаются друг друга
такие румяные лица,
Не часто видятся вместе
столь белоснежные плечи,
Точеные, будто из яшмы,
четыре тончайшие пясти,
И над землею паренье
двух пар, как лотосы, ножек!

Когда качели взметнулись ввысь, Цзиньлянь громко рассмеялась.

– Не шути, сестрица, – предупреждала ее Юэнян. – Смотри, упадешь, будет не до смеху.

Не успела она сказать, как Цзиньлянь поскользнулась. Туфельки на высокой подошве начали сползать с доски. Она не удержалась и повисла на шнурах. Если б вовремя не остановили качели, упала б она и увлекла за собой Юйлоу.

– Я тебе говорила, сестрица, нельзя смеяться. – Юэнян обернулась к Цзяоэр и продолжала: – На качелях никак нельзя смеяться. Добром не кончится. Ноги ослабнут и свалишься. Помню, в детстве по соседству с нами жил цензор Чжоу. Был тоже весенний праздник. Мы, девочки, пошли к ним в сад с барышней Чжоу на качелях качаться. Она вот так же расхохоталась, поскользнулась и плюх! – верхом на доску. Потом ее замуж выдали, да обратно к родителям прогнали: чистоты, говорили, в девичестве не сберегла. Так что на качелях смех забыть надо.

– Не умеешь ты, сестрица Мэн, – сказала Цзиньлянь. – Погоди, мы с сестрицей Ли покачаемся.

– Будьте осторожней, – предупредила их Юэнян и велела Юйсяо с Чуньмэй подтолкнуть качели.

Появился Чэнь Цзинцзи.

– А-а, вы, оказывается, на качелях, – протянул он.

– Как ты, зятюшка, вовремя пришел! – сказала Юэнян. – Покачай,

будь добр, а то у служанки сил не хватает.

– Сейчас покачаю, – охотно отозвался Цзинцзи и, подобрав полы халата, вмиг подлетел к качелям – точно так же, как, едва слышав удары колокола, бросает созерцание и мчится в трапезную буддийский монах. Первым делом Цзинцзи ухватил за юбку Цзиньянь.

– Крепче держитесь, матушка! – крикнул он. – Раскачивать буду.

Как летающие феи порхали Цзиньянь и Пиньэр. Когда качели взмыли ввысь, Пиньэр, подавляя испуг, крикнула:

– Нехорошо, так, зятюшка! Что ж меня не покачаешь?

– Не спешите, – отвечал Цзинцзи. – Сейчас и до вас очередь дойдет. Не могу же я разорваться. Так-то и у меня силы выйдут.

Он приподнял юбку Пиньэр, так что показались ярко-красные штаны.

– Потихе, зятюшка, – предупреждала Пиньэр, – у меня в ногах слабость.

– Ну вот, просили-просили, а выходит зря, – говорили Цзинцзи. – Пить-то вы, оказывается слабоваты.

– Ты мне на подол наступила, – сказала Цзиньянь.

Они немного покачались и сошли. За ними сели Чуньмэй и дочь Симэня, а потом предложили Хуэйлянь и Юйсяо. Хуэйлянь ухватила за шнуры, встала понадежнее на доску и, выпрямившись во весь рост, ветром взметнулась в небо. Ее никто не раскачивал, а качели то вздымались ввысь, то стремительно проносились над самой землей. Хуэйлянь в самом деле напоминала фею, так она была прекрасна.

– Глядите, вот кто умеет качаться! – заметила Юэнян, обращаясь к Юйлоу и Пиньэр.

Налетел порыв ветра, и из-под юбки Хуэйлянь показались красные из шаньсийского шелка штаны, зеленые газовые чулки и пестрые наколенники. Талию стягивал отделанный серебром поясok из красного шелка.

– Ишь, какая нарядная, негодница! – полушутливо, полусерьезно проговорила Юэнян, когда Юйлоу обратила ее внимание на Хуэйлянь.

Однако, довольно о качелях.

Тут наш рассказ раздваивается.

Расскажем теперь о Лайване. Заказал он в Ханчжоу одежды ко дню рождения государственного наставника Цая и, погрузив на корабль целую грудку выюков, корзин и сундуков, двинулся в обратный путь. Поклажу ввезли в ворота и сгрузили. Стряхнув с себя дорожную пыль, Лайван направился в дальние покои. У дверей, ведущих к хозяйке, ему повстречалась Сунь Сюэ. Слуга приветствовал ее поклоном.

– Жив-здоров? С праздником! – просяив улыбкой, сказала Сюээ. – Давно не виделись. Устал, наверное, с дороги-то? Вон как загорел да потолокстел.

– А где батюшка с матушкой? – спросил Лайван.

– Хозяина Ин с друзьями за город пригласил, – отвечала Сюээ, – а хозяйка с сестрами в саду на качелях качается.

– Что это они вздумали качаться? – удивился слуга. – Качели только на севере встретишь, то утеха жунская,^[371] южане не качаются. А женщины весной всегда наперебой – кто кого ярче – себя цветами украшают.

Сюээ удалилась на кухню и подала чай.

– Есть будешь? – спросила она.

– Не буду. Надо с матушкой повидаться да умыться. А жена моя на кухне? Что это ее не видать?

– Твоя жена теперь не та, что была раньше, – ответила с усмешкой Сюээ. – Ох, как она вознеслась! С хозяйками целыми днями в домино и в шашки играет. Будет она у котлов вертеться!

– Лайван приехал, – доложила хозяйке вбежавшая в сад Сяююй.

Юэнян вернулась к себе. Лайван отвесил ей земной поклон и встал в сторонке. Хозяйка расспросила его о поездке и поднесла два кувшина вина. Он осушил несколько чарок, прежде чем появилась Сун Хуэйлянь.

– Ладно! Устал ты с дороги, – сказала Юэнян. – Ступай умойся и отдохни, а придет хозяин, ему и доложишь.

Лайван отправился к себе. Хуэйлянь дала ему ключ от двери, налила воды умыться и убрала дорожную суму.

– Давно ль расстались, а вон как раздобрел, разбойник, черный арестант, – говорила Хуэйлянь, помогая мужу переодеться и накрывая стол.

Лайван лег, а когда проснулся, солнце склонилось к западу и вернулся Симэнь.

Лайван предстал перед ним и доложил, что подарки государственному наставнику Цай Цзину и одежды его домашним заготовлены в Ханчжоу полностью, четыре сундука с выюками погружены на казенный корабль и теперь осталось только уплатить пошлину.

Обрадованный Симэнь вручил ему серебро и велел на другой день с утра рассчитаться с таможей и доставить вещи домой, а слугу одарил пятью ляннами на покупку обнов.

Лайван и сам кое-что заработал от поездки и тайком поднес Сунь

Сюээ два шелковых платка, две пары цветастых наколенников, четыре коробки ханчжоуской пудры и двадцать палочек помады. Сюээ потихоньку рассказала ему, как за эти четыре месяца сошлась с Симэнем Хуэйлянь, как их сводила Юйсяо, как они встречались сперва в гроте, а потом свили гнездо в покоях Цзиньянь и с утра до ночи не расставались, как он одеждами и украшениями ее одаривал, деньги давал, а она большим кошельком обзавелась, слуг то да се купить посылала, по два да по три цянтя серебра каждый день тратила.

– Я и то гляжу, в сундуке у нее наряды да украшения лежат, – говорил Лайван. – Откуда, спрашиваю, – хозяйка, говорит, дала.

– Какая там хозяйка? Все хозяин одаривает.

Рассказ Сюээ глубоко задел Лайвана. Вечером он выпил несколько чарок, прежде чем идти домой. Говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Открыл Лайван сундук и увидел кусок голубого атласа необыкновенной расцветки.

– Откуда у тебя этот атлас? – допрашивал он жену. – Говори, кто подарил?

– С чего это ты спрашиваешь, арестант негодный, – не догадываясь, в чем дело, улыбнувшись, ответила Хуэйлянь. – У меня кофты нет, хозяйка и дала, да мне сшить все некогда. Вот и лежит. Кто ж, по-твоему мог мне подарить?

– Брось ты мне голову морочить, потаскуха проклятая! – заругался Лайван. – Не ври! Кто, я тебя спрашиваю, атлас преподнес? А эти украшения откуда?

– Ах ты, арестантское отродье! – не выдержала Хуэйлянь. – Что у меня ни матери, ни отца нет, что ли? Да таракан и тот в свою щель ползет, любой орех с ядром внутри, у всякой твари свое сознание, трава и на камнях корни пускает, а у меня, по-твоему, ни родных, ни близких быть не может, да? Откуда украшения? Тетка одолжила – вот откуда. Чтoб тебя смерть скосила прежде времени, арестантское твое отродье!

Лайван так ударил ее кулаком, что она едва на ногах удержалась.

– Еще отпирается, шлюха проклятая! – ругался муж. – Видали, как ты с этим кобелем путалась, а Юйсяо вас сводила, атлас передавала. Сперва в саду, а потом обнаглели – средь бела дня к потаскухе Пань перебрались. Думала, меня обманешь?

Хуэйлянь громко зарыдала.

– Чтoб тебе подохнуть, арестантское отродье! – ругалась она. – Бить вздумал! Чего я тебе дурного сделала, а? Не бросай камень – как бы самому в голову не угодил. Кто ж это, скажи, тебе таких небылиц

наговорил, кто язык распустил, а? Подзудили тебя на жену набрасываться, но я тоже найду защиту, в обиду себя не дам. Пусть меня со свету сживут, все равно хоронить будут как полагается. Никакие наветы слушать не хочу. Спроси обо мне кого хочешь, и пусть только плохо отзовутся, не будь я Сун, если не вступлюсь за свою честь. Потаскухой да шлюхой обзывать вздумал, арестантское твоё отродье. Сперва удостоверься, а потом уж драку затевай. Ещё ветер не подул, а тебе уж дождя подавай. Тебе велят человека убить, а ты и рад стараться, да?

Лайван не нашёлся, что ответить, и надолго замолчал.

– Не собирался я тебя бить, – проговорил он наконец. – Наговорам поверил.

– А про атлас вот что тебе скажу, – продолжала Хуэйлянь. – Дело было в одиннадцатой луне прошлого года, в день рождения матушки Третьей. Хозяйка заметила на мне лиловую накидку и юбку, которую я у Юйсяо одолжила, и говорит: что, мол, у тебя за вид, юбка не в цвет. И дала кусок атласу. А мне все некогда было пошить. Сам не знаешь, а человека грязью обливаешь. Плохо ты о жене своей думаешь. Но я этого так не оставлю, я им ещё покажу. Кто погубить меня вздумал, тот и сам не возрадуется.

– Если недоразумение вышло, надо все забыть, – уговаривал её Лайван. – Зачем же, ни с того ни с сего с людьми ругаться? Давай, стели скорее постель.

Хуэйлянь взялась разбирать постель и ворчала:

– Чтоб тебе лихой смертью умереть, арестантское отродье! Нализался зелья-то, нет, чтобы лечь да спать спокойно, так он ни за что ни про что на жену набросился.

Лайван растянулся на кане, и, повернувшись лицом к стене, громко захрапел.

Послушай дорогой читатель! Каким бы умным и сильным ни был муж, но если жена заведёт любовника, ей всё равно в девяти случаях из десяти удастся его провести и убедить в своей непорочности.

Да,

Они – как камни в уборной –

Крепки, хотя и зловонны.

Тому свидетелем и стихи:

Сун мужу изменила, не стыдясь,

Хозяйкой стать – мечта холопья;

Лишь Сюээ раскрыла связь,

Над головой запели копыя.

Так Сун Хуэйлянь обманула мужа, а на другой день пошла в дальние покои и спросила Юйсяо:

– Кто это обо мне сплетничает?

Сюээ не признавалась, а остальные, ничего не зная, только отмалчивались, и Хуэйлянь на всех ворчала и ругалась.

А грех вот как вышел наружу.

Юэнян как-то послала Сяоюй за Сюээ, но та кругом обыскала, а найти ее так и не смогла. Когда же служанка очутилась у двери Лайвана, из нее показалась Сюээ. «Должно быть, к Хуэйлянь поболтать заходила», – подумала Сяоюй и пошла на кухню. Оказалось, Хуэйлянь сидит на кухне и режет мясо.

Между тем, Симэнь Цин принимал богатого соседа Цяо. Тот дал Симэню две тысячи лянов серебром и просил поднести их государственному наставнику Цяю, чтобы тот освободил янчжоуского торговца солью Ван Сыфэна, задержанного и посаженного под стражу областным правителем. Только ушел Цяо, как Симэнь кликнул Лайвана, и тот выбежал из своей комнаты.

Да,

Ты цаплю белую на снеговых полях
Определишь по взмаху вольных крыл.
Зеленый попугай на ивовых ветвях
Заметен стал, когда заговорил.

Тут-то всем и стало ясно, что Сюээ спуталась с Лайваном.

Однажды Лайван напился допьяна и давай при слугах ругать Симэнь Цина.

– Как же это так? – возмущался он. – Я в отъезде, а он с моей женой шьется, через Юйсяо голубой атлас ей дарит, из комнаты выманивает! Сперва в саду путался, потом совсем обнаглел, а Пань Цзиньлянь им логово приготовила. Ладно, шейся, да смотри мне в руки не попадайся. Вонзится блестящий, вынется кровавый. И Пань-шлюху в живых не оставляю. Сам головы не сношу, а как сказал, так и будет! Вот увидите. Когда шлюха Пань своего прежнего мужа У Чжи прикончила, а брат его У Сун жалобу подал, так кто за него в столицу ездил власти подкупал, кто хлопотал, чтоб У Суна сослали, а? Теперь крепко на ноги встал, за мою жену взялся, в любовницы ее увлек? Ох, как я его ненавижу! Как Небо велик мой гнев! Говорят, семь бед – один ответ. Я им и в глаза все выскажу. Обреченный на казнь и на самого государя руку занесет.

Лайван полагал, что свои не подведут, но говорят – и у стен есть

уши. Его брань подслушал слуга Лайсин. Он вырос в Ганьчжоу и носил фамилию Инь. В свое время отец Симэня, Симэнь Старший, возвращаясь с холстом из Ганьчжоу, взял его к себе в слуги и назвал Гань Лайсин. Он прожил у Симэней лет двенадцать-тринадцать, женился, обзавелся детьми. Хозяин поручил ему закупать продукты, на чем он и наживал деньги. В последнее же время, сойдясь с Хуэйлянь, хозяин передоверил закупки Лайвану, и Лайсин лишился своих барышей. С тех пор он стал косо смотреть на Лайвана и затаил против него смертельную ненависть, которая тем более вспыхнула в нем, когда он услышал Лайвановы угрозы.

Лайсин тот же час поспешил к Пань Цзиньлянь. Та беседовала с Мэн Юйлоу.

– В чем дело, Лайсин? – спросила она появившегося в дверях слугу. – У кого хозяин пирует?

– Батюшка с дядей Ином на похороны уехал, – сказал Лайсин и продолжал: – Вот что я вам скажу, матушка. Только про себя держите, меня не выдавайте.

– Что такое? Говори, не бойся!

– А вот что, – начал слуга. – Вчера несносный Лайван где-то напился и давай всех без разбору поносить. Целый день ругался. Все меня выслеживал, избить собирался, только я ушел. А он при слугах в передней батюшку грязью обливал и вас, матушка, тоже в покое не оставил.

– Что же он, арестантское отродье, обо мне болтал? – спросила Цзиньлянь.

– Мне и говорить-то неловко, – замялся слуга. – Ну ладно, матушка Третья ведь свой человек. Меня, говорит, отправил, а сам с моей женой путается, через Юйсяо атлас дарит. Своими, говорит, глазами у нее видал. Матушка Пятая, мол, логово им приготовила, дала у себя в комнате целыми днями не разлучаться. Он вас с батюшкой убить грозился. Когда, мол, матушка Пятая мужа отравила, так власти подкупать его, Лайвана, в столицу посылали. Я, говорит, ей жизнь спас, а она мне теперь за добро злом платит, жене моей любовника заводит. Как слуга ваш и заступник я обязан был предостеречь вас, матушка, от козней этого негодяя.

Юйлоу так перепугалась, будто ее собирались окунуть в ледяную воду. Не услышь этого Цзиньлянь, все бы шло своим чередом, а тут густо зарделись ее припудренные ланиты, зуб на зуб не попадал.

– Ах, убийца, рабское отродье! – заругалась она. – Ведь я никогда не делала ему ничего плохого. А если хозяин с его женой связался, то

я-то тут при чем? Не считайте меня женой Симэнь Цина, если я только допущу, чтобы подлец, рабское отродье, у нас в доме жить остался. И с чего это я вдруг жизнью ему обязана? Ну, ступай! – обратилась она к Лайсину. – А как батюшка приедет, спросит тебя, скажешь ему все, что мне говорил.

– Не сомневайтесь, матушка, – заверил ее слуга. – Лгать не стану. Пусть батюшка спросит, что слышал, то и скажу.

– Неужели хозяин в самом деле с ней что-то имел? – спросила у Цзиньлянь недоумевающая Юйлоу, когда Лайсин ушел.

– А ты самого бесстыжего негодника спроси! – отвечала Цзиньлянь. – Думаешь упустит смазливую бабенку?! Да потом не стал бы этот негодяй, рабское отродье, зря людей запугивать. Она ведь жила раньше в прислугах, все огни и воды прошло, потаскуха. У судьи Цая с хозяйкой вместе зло творили, любовников завели, пока их не накрыли, а ее выгнали, за повара Цзян Цуна замуж выдали. Что ей с одним мужиком делать?! Ей любовников, как рис, горстями подавай. Тебе и невдомек на какие она проделки горазда – черти со страху шарахнутся! Видишь, Юйсяо заставила атлас принести, ей, видите ли накидка понадобилась. И хватило наглости – вырядилась да на люди вышла. Вот она какая! Я тебе хотела тогда сказать да не сказала. Помнишь, Старшая у Цяо пировала, а мы в шашки играли? «Батюшка вернулся», – объявила служанка, и мы разошлись. У задних ворот на террасе, гляжу, Сяоюй стоит, она мне только рукой махнула. Я в сад, у калитки Юйсяо, сукина дочь, вижу, притаилась. Это она их сторожила, а мне ни к чему, иду к себе в сад, так она мне путь преградила, не пускает. Там, говорит, батюшка. Выругала я ее, сукину дочь: вот, говорю, испугалась я твоего батюшку. Мне показалось, что у нее самой с хозяином шуры-муры, а оказалось, он в гроте со шлюхой Хуэйлянь спутался. Увидала, я вхожу, вся вспыхнула и бежать, а он замялся. Отругала я его, бесстыжего, а потом она ко мне пришла, на коленях стояла, упрашивала, чтоб я хозяйке не говорила. А в первой луне ему новая прихоть в голову пришла: у меня в комнате со шлюхой переночевать. Мы с Чуньмэй ему, конечно, на это ответ какой полагается дали. Тени ее, говорю, у себя не потерплю. Да будь она тысячу раз проклята, рабское отродье! Еще меня в свои грязные дела втягивать захотел. Я, говорит, с ней заигрываю. Ишь, какая завлекательная нашлась, рабское отродье! Чтоб я этой потаскухе свою комнату поганить позволила?! И даже, говорю, если б я и позволила, то моя Чуньмэй никогда такого не допустит.

– Вот она, оказывается, какая, вонючка проклятая, – сказала

Юйлоу. — То-то гляжу, рассядется и сидит. Мы входим, а она посмеется, делает вид, вроде хочет встать, а так и не встанет. Вон она чем втихомолку занимается! И чего только в ней хозяин нашел, неужели получше нет? Какой прок слугам давать повод болтать направо и налево, сор из избы выносить?

— Оба хороши, друг друга стоят, — заметила Цзиньлянь. — Только ты жену слуги совратишь, слуга с твоей женой спутается, — так что в грехе квитаются. А как Сюээ, рабское отродье, язык распустила! Но я ей рот заткну, сразу язык прикусит.

— Ну, а что же нам делать? — спрашивала Юйлоу. — Старшая в такие дела не вмешивается, а хозяин ничего не подозревает. Рассказать ему или нет? Вдруг негодяй и впрямь руку занесет, а мы промолчим.

Вдруг беда стряется, а? И выйдет — забота обернулась бессердечьем, врасплох застигнутых никак уж не спасти. Ты должна ему сказать, сестрица! А то ослу на дубинку погубят редкое дерево.

— Я рабскому отродью прощу лишь в том случае, если окажется, что он меня породил, — заявила Цзиньлянь.

Да,

Когда бы не сеяли люди

ни зла ни печали,

Тогда бы на свете ни грустных,

ни злых не встречали.

Тому свидетельством стихи:

Симэня бранил опьяневший Лайван,

Вражду, в озлоблении, затеял Лайсин,

Цзиньлянь не понравились правды слова,

И гнев затаила, губу закусив.

Вечером пришел Симэнь. Цзиньлянь сидела у себя, непричесанная, заплаканная, с красными от слез глазами. Он спросил, что случилось, и она рассказала, как пьяный Лайван грозился убить хозяина.

— Лайсин сам слышал, — говорила Цзиньлянь. — Ты за его женой бегаешь, а он за твоей охотится. Вы оба хороши — друг друга стоите! Если б негодяй только тебя прикончил, ты того заслужил, но другие причем? А ведь он и меня убить собирается. Если мы не примем срочных мер, он рано или поздно нас накроет, угодим ему в лапы.

— А за кем, говоришь, гоняется этот негодяй? — спросил Симэнь.

— Что меня спрашивать? Ступай, Сяюй спроси. Она тебе скажет. Лайван, рабское отродье не первый раз на меня обрушивается. Я, говорит, мужа отравила, потом ты меня взял. Я, говорит, власти

подкупал, ей жизнь спасал. Вот он какие вещи всякому встречному-поперечному разглашает. Хорошо еще, у меня нет детей, а то б он и вовсе разошелся, стал бы им напевать: я, мол, взятку давал, когда вашей матери смерть грозила, я ее спас. Такие речи и твоему имени славы не прибавят. Может быть, ты стыд потерял, а я пока нет, и так жить дальше не могу.

Симэнь выслушал Цзиньянь и направился к передней постройке. Там он позвал Лайсина, отвел его в сторонку и начал расспрашивать. Слуга подробным образом рассказал ему, как было дело. Симэнь пошел в дальние покои и допросил Сяюю. Ее рассказ точь-в-точь совпал с тем, что говорила Цзиньянь.

– Я собственными глазами видала, как Сюээ выходила от Лайвана, а Хуэйлянь в то время на кухне была. Это я точно знаю, – уверяла служанка.

Обозленный Симэнь, несмотря на уговоры Юэнян, избил Сюээ, отобрал у нее одежды и украшения и распорядился, чтоб она оставалась на общей кухне и на люди не показывалась.

Вернувшись в дальние покои, Симэнь велел Юйсяо позвать Сун Хуэйлянь и допросил ее наедине.

– Что вы говорите, батюшка! Готова чем угодно поклясться, не болтал он такого, – заверяла его Хуэйлянь. – Если он и выпил чарку, другую, откуда у него хватило бы смелости батюшке грозить? Выходит, у кого ешь-пьешь, тому и гадишь? А как же он без вашей поддержки жить-то будет? Нет, не слушайте, батюшка, что злые языки болтают. А кто же все-таки это вам сказал?

Подавленный этим словесным потоком, Симэнь упорно молчал.

– Лайсин, – наконец процедил он, уступая назойливым настояниям Хуэйлянь. – Пьет он изо дня в день и болтает всякую чепуху, меня поносит.

– Вы нам, батюшка, закупки поручили, вот Лайсин и злится, – объясняла Хуэйлянь. – Мы, говорит, у него доход отобрали, заработать не даем. Злобу на нас затаил и клеветает, грязью обливает, а вы и верите?! Если б мой муж действительно занес руку на хозяина, я б и сама ему этого никогда не простила. Послушайте меня, батюшка, не оставляйте его дома. Надоело мне с ним ругаться. Дайте ему серебра и пусть подобру-поздорову едет да торгует на стороне. Нечего ему тут делать, избавьтесь вы от него. Говорят, в тепле да сытости дурные дела творятся, в холоде да голоде злодейские мысли рождаются. Мало ли чего в голову придет? Он уедет, никто мешать не будет. Нам с вами, батюшка, и поговорить никто не помешает.

Симэня советы Хуэйлянь обрадовали, и он сказал:

– Ты права, моя дорогая! У меня было тоже намерение отправить его в столицу с подарками наставнику Цаю, но я не решался. Ведь он только что в Ханчжоу ездил. Я уж хотел было Лайбао послать, но раз ты не против, я его и пошлю, а вернется, дам ему тысячу лянов и отпущу на пару с приказчиком в Ханчжоу, пусть торговлю шелками заведет. Как ты думаешь?

– Вот этого-то я и хотела, – поддержала его обрадованная Хуэйлянь. – Только дома не оставляй. Пусть его конь отдыха не знает.

Рядом никого не было, и Симэнь обнял Хуэйлянь. Она припала к его устам, и они слились в страстном поцелуе.

– Батюшка, вы обещали мне сетку заказать, – прошептала она, – а до сих пор не несете. Скоро я украшу свою прическу? Или так и придется носить эту старую сумку?

– погоди, пойду к ювелиру, восемь лянов отдам, он тебе и сделает, – успокоил ее Симэнь. – А хозяйка спросит, что будешь говорить?

– Не беспокойтесь! Знаю, что сказать. У тетки, мол, одолжила, и весь разговор.

Они еще немного побеседовали и разошлись.

На другой день Симэнь Цин уселся в зале и велел позвать Лайвана.

– Послезавтра у нас двадцать восьмой день третьей луны, – начал Симэнь. – Так вот, собери-ка одежду и вещи, послезавтра отправишься в столицу. Вручишь императорскому наставнику Цаю подарки, а как вернешься, поедешь в Ханчжоу торговать.

Обрадованный Лайван поклонился хозяину, сбегал в лавку кое-что купить и стал собираться в путь.

Едва прослышав о его поездке, Лайсин тот же час дал знать Цзиньлянь. Ей сказали, что хозяин на крытой террасе, и она бросилась в сад. Вместо Симэня она увидела Чэнь Цзинци, занятого упаковкой подарков.^[372]

– А где батюшка? – спросила она зятя. – Чего это ты укладываешь?

– Батюшка только что был здесь, – отвечал Цзинци. – К матушке Старшей пошел за серебром Ван Сыфэна, а я подарки императорскому наставнику Цаю собираю.

– Кто повезет? – спросила Цзиньлянь.

– Вчера батюшка Лайвану велел собираться; наверное, его пошлет.

Цзиньлянь сбежала с террасы и направилась в сад. Ей навстречу нес серебро Симэнь. Она позвала его к себе в комнату.

– Кто едет в столицу? – спросила она.

– Лайван с приказчиком У, – отвечал Симэнь. – Ведь им не только подарки везти, а и тысячу лянов за соляного торговца Ван Сыфэна, так что вдвоем будет надежнее.

– Если ты меня слушать не хочешь, делай как знаешь, – говорила Цзиньлянь. – Ты только потаскухе веришь, а она, что ни говори, все равно будет мужа защищать. Но ты только подумай, что негодяй болтает! И ведь не первый день. Я, грозитя, это так не оставлю. Взял, говорит, мою жену, бери, а мне дороже заплатишь. Увезу, говорит, его денежки и все тут. Смотри, братец дорогой, в оба! Отвалишь ему подарочек в тысячу лянов, с голыми руками останешься. Ведь надует он тебя! Неужели не боишься? Я тебе добра желаю, а там поступай как твоей душе угодно. А она тебе напоет – только слушай. С его женой спутался, теперь его и дома оставить неудобно, и послать нельзя. Оставишь, того и гляди, как бы греха не натворил, а отошлешь, денег своих не увидишь. Ведь он тебя вот нисколечко не боится. Если уж захотел с его женой путаться, надо было сперва от него отделаться. Говорят, как траву ни коси, она все равно растет. С корнем выдирать надо. Впрочем, тебе, пожалуй, опасаться и огорчаться нечего. Ведь потаскуха, видно, на все готова.

Слова Цзиньлянь заставили Симэня серьезно призадуматься.

Да,

С женой недолгий разговор
ему путь правильный открыл,
Один участливый укор
от помраченья пробудил.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЛАЙВАНА ВЫСЫЛАЮТ В СЮЙЧЖОУ

СУН ХУЭЙЛЯНЬ ВЕШАЕТСЯ ОТ СТЫДА

*Мысль справедлива и непреложна:
Хочешь сказать – говори осторожно.
Мудрости ты, безусловно, достиг,
Если не враг тебе – твой же язык.
В жизни, в делах домогаясь успеха,
Помни, что рот для успеха – помеха.
Чтоб от провала себя уберечь,
Нужно пресечь нам досужую речь.
Знать не мешает, что многоеденье
Нам ускоряет болезней явленье.
Радости чревоугодья пройдут –
Хвори, болезни, недуги грядут.
Уврачевать ли недуг застарелый?
Нет, это вовсе не легкое дело.
Чем ослабевшее тело целить,
Лучше болезни бы предотвратить.*

Так вот, послушавшись совета Цзиньлянь, Симэнь изменил прежнее намерение. На другой день Лайван собрал вещи, припас в дорогу выюки, но настал полдень, а все было тихо. Наконец появился хозяин и подозвал его к себе.

– Я за ночь передумал, – начал Симэнь. – Ты только из Ханчжоу вернулся и опять в столицу ехать. Тяжело будет. Пусть Лайбао отправляется, а ты немножко отдохни. Я тебе и тут торговлю найду.

Говорят, слуга предполагает, а хозяин располагает. Лайван и

заикнуться не посмел, только поклонился и пошел. А Симэнь передал Лайбао с приказчиком У подарки наставнику, серебро, ткани, а также письма. Двадцать восьмого они пустились в путь, но не о том будет речь.

Зло взяло Лайвана, что вместо него в столицу поедет Лайбао, напился он у себя в комнате и давай беситься: на Хуэйлянь гнев срывал, Симэня грозил убить.

– Ишь, как ты на людей бросаешься, пес клыкастый! Довольно пасть драть! – ругалась на него жена. – Налижется желтой мути и мелет. Не забудь, и у стен есть уши. Ложись да проспись как следует.

Хуэйлянь уложила мужа, а утром пошла в дальние покои к Юйсяо и вызвала Симэня. Встретились они в укромном месте у стены за кухней. Их стерегла у задних ворот Юйсяо. Хуэйлянь была зла на Симэня.

– Вот ты, оказывается, что за человек, – говорила она. – То его посылал, а теперь на попятную? Никакого постоянства! Играют тобой, будто мячиком. Куда ветер дунет, туда и былинка летит. Воздвигни уж себе храм да на шесте надпись сделай: «Обитель преподобного лгуна». Несешь несусветную чушь, словно задницей свистишь, не верю я больше ни единому твоему слову. Я на тебя полагалась, надеялась, а ты ко мне совсем равнодушен.

– Не говори так! – начал, улыбаясь, Симэнь. – Я и впрямь хотел его отправить, но он не знает, где резиденция наставника Цая. Вот и послал Лайбао. Я ему и здесь торговлю найду.

– Какую такую торговлю? – спросила Хуэйлянь.

– Велю ему приказчика подыскать и пусть винную лавку открывает.

Обрадованная Хуэйлянь подробно передала разговор Лайвану, и тот стал ждать дальнейших распоряжений.

Однажды Симэнь вошел в залу и велел позвать Лайвана. На столе лежало шесть узелков с серебром.

– Ты, дорогой мой, порядком утомился от поездки в Ханчжоу, – обратился Симэнь к представшему перед ним Лайвану. – Как же я пошлю тебя в столицу? Ты и в резиденции Цая не бывал, вот и пришлось Лайбао с приказчиком У отправить. Тут в узелках три сотни лянов. Возьми это серебро, подбери себе приказчика и открывай неподалеку кабачок, а от барышей будешь мне платить исправно каждый месяц. И я не останусь в накладе.

Лайван тут же упал на колени и отвесил хозяину земной поклон. Забрав узелки с серебром, он пошел к себе и сказал жене:

– Он свой грех замаливает. Вот триста лянов дал, приказчика велел подыскать. Открывай, говорит, кабачок. Дело доверяет, умаслить хочет.

– А ты на меня ругался, чудо этакое, арестант проклятый! – говорила Хуэйлянь. – Раз копнешь, колодца не выроешь. Всему свой черед.

Видишь, делом обзаводишься. Вот теперь успокойся и остепенись, брось пить и языком молоть.

– Убери серебро, а я на улицу пойду, – сказал он. – Может, приказчика найду.

Проискал он до самого вечера, но подходящего так и не встретил и напился. Жена уложила его спать. И надо ж было тому случиться! Во вторую ночную стражу, как только затих уличный шум, раздался крик: «Воры!».

Хуэйлянь стала будить Лайвана. Он не успел проспать и протирает глаза. Потом вскочил, схватил дубинку и хотел было бежать ловить воров.

– Гляди, тьма какая, – уговаривала его жена. – Куда тебя несет? Обожди, посмотрим, что будет.

– Воин три года ест-пьет, случая ждет, – отвечал Лайван. – Воры лезут, а я буду сложа руки сидеть?

Он прихватил дубинку и крупными шагами поспешил к задним воротам. На террасе у залы стояла Юйсяо.

– Вор в саду! – во весь голос кричала она.

Лайван бросился в сад. Близ флигеля, у садовой калитки, из тьмы прямо ему под ноги полетела скамейка. Лайван споткнулся и упал. Рядом со свистом вонзился в землю нож. Выскочили слуги и с криком: «Держи вора!» набросились на Лайвана и скрутили его.

– Я ж Лайван, – кричал слуга. – Я за воров гнался, а вы меня хватаете.

Но слуги, ни слова не говоря, осыпали его побоями и потащили к зале, где ярко горели свечи, а на возвышении восседал Симэнь Цин.

– Введите! – крикнул он.

Лайван упал перед ним на колени.

– Слышу – кричат: «Воры!», я и бросился в сад, а меня схватили, – объяснял слуга.

Лайван протянул хозяину нож.

– Скотина и та ласку понимает, а этот ничего ценить не хочет, – говорил Симэнь. – Настоящий убийца! Из Ханчжоу приехал, и я тебя пожалел, триста лянов на дело дал, а ты средь ночи врываешься, убить

меня замышляешь, да? Иначе к чему тебе нож? Дайте его сюда, я при свете взгляну.

Это был отточенный до блеска нож с тонким острием. Симэнь пришел в ярость и крикнул слугам:

– Отведите его к себе и отберите мои триста лянов!

Хуэйлянь с плачем встретила приведенного мужа.

– Он бросился вора ловить, – кричала она, – а его за грабителя схватили. Говорила тебе: не ходи, так не послушался. Вот тебе ловушку и подстроили.

Она открыла сундук и вытащила шесть узелков с серебром.

Симэнь развязал узелки и стал рассматривать их содержимое. Только в одном было серебро, в остальных лежали слитки свинца с оловом.

– Как ты посмел подменить слитки? – закричал он, свирепея. – Говори, куда дел мое серебро.

– Батюшки! – с плачем говорил Лайван. – Вы мне доверие оказали, дело открыть помогли. Как же я мог подменить серебро?

– Нож с собой взял, убить меня собирався, – твердил Симэнь. – Вот доказательство, чего ж ты отпираешься?

Он позвал Лайсина. Тот опустился на колени и клятвенно утверждал:

– Не ты ли при всех роптал, батюшка, мол, тебе торговлей заняться не дает, и грозился убить батюшку?

Пораженный Лайван только ахнул и застыл с раскрытым ртом.

– Поскольку налицо кража, есть свидетель и вещественные доказательства, нож и дубинка, связать его и запереть в сторожке, – распорядился Симэнь и продолжал: – А завтра напишу обвинение и подам надзирателю.

Появилась Хуэйлянь. Волосы у нее были распущены, одежда в беспорядке. Она вбежала в залу и упала на колени:

– Батюшка! – крикнула она. – Это ваших рук дело. Он с добрыми намерениями побежал вора ловить, и его ж схватили. А ваши узелки с серебром я сразу убрала. Мы до них и не дотрагивались. Кто мог его подменить? Вы человека губите, побойтесь Неба! Что он вам сделал? За что его бьете? Куда уводите?

– Встань, дорогая, ты тут совсем не при чем, – вместо гнева на лице Симэня просияла улыбка. – Он чересчур осмелел. Не первый день нож за пазухой держит, меня убить собирается. Ты же к делу не причастна, успокойся. Тебя это не касается. – И, обратившись к Лайаню, сказал: – Помоги сестрице подняться и проводи домой, да смотри – будь учтив.

Но Хуэйлянь продолжала стоять на коленях.

– Какой же вы жестокий, батюшка! – говорила она. – Если вы остаетесь глухи к слову наставника, так внимлите гласу Будды! Не хотите вы мне верить. Да, он напился, но не было всего этого.

Раздраженный Симэнь велел Лайаню вывести ее из залы и проводить домой. Утром хозяин составил обвинение и передал его Лайсину, а тот как свидетель спрятал его за пазуху и доставил вместе с Лайваном в управу к надзирателю. «Сего... дня в нетрезвом виде, – гласило обвинение, – замышлял среди ночи зарезать хозяина ножом... Кроме того, подменил серебро...»

Не успели Лайвана вывести за ворота, как легкой походкой к зале поспешила У Юэнян.

– Если слуга провинился, дома накажи, и дело с концом, – уговаривала она Симэня. – А к чему этот шум? Зачем власти на ноги поднимать, управу беспокоить?

– Что ты, баба, понимаешь? – вытаращив глаза, заорал Симэнь. – Он убить меня собирався, а ты за него вступаешься!

И, не обращая внимания на просьбы Юэнян, он распорядился увести Лайвана в управу. Пристыженная Юэнян удалилась к себе.

– Вот разбушевался, деспот-смутьян! – говорила она Юйлоу и остальным женам. – И что за девятихвостая лиса^[373] в доме завелась? Кого он вздумал слушать? Ни с того ни с сего слугу под суд отдавать?! Знай твердит – «убийца», а где доказательства? Такими вещами не шутят! Настоящий тиран!

Сун Хуэйлянь упала на колени и зарыдала.

– Встань, дитя мое! – уговаривала ее Юэнян. – Не плачь! На допросе все выяснится, смертного приговора твоему мужу не вынесут, не бойся. Убийца, и тот до казни по земле ходит. Насильник проклятый! Как дурманом его опоили, ничего слушать не хочет. Он и жен-то своих готов на каторгу сослать.

– Батюшка в дурном расположении, – заговорила Юйлоу, обращаясь к Хуэйлянь. – Погоди немного, мы с ним поговорим. Ступай домой и успокойся!

Здесь мы их и оставим и перейдем к Лайвану.

Еще до того как переправить Лайвана в управу, Симэнь Цин послал Лайаня к судебному надзирателю Ся и тысяцкому Цзину. Они приняли от слуги сотню даней отборного рису^[374] и заняли свои места в приемной зале.

Лайсин подал жалобу. Они пробежали ее глазами, и им стало ясно: Лайвану выдали куш начать свое дело, а у него на серебро глаза

разгорелись, и он его подменил, а чтобы не обнаружил хозяин, решил его убить, вот и проник ночью в дальние покои с ножом. Разгневанные судьи вызвали на допрос Лайвана.

– Милостивые господа! – начал он, стоя на коленях. – На вас, посланных Небом, все мои упования! Позвольте разъяснить, как обстояло дело, – расскажу, а нет – не посмею словом обмолвиться.

– Факт кражи и свидетельские показания налицо, – сказал судебный надзиратель Ся. – Так что тебе нечего оправдываться. Говори, как было дело, и тем избавь нас от обращения к орудиям пытки.

Лайван рассказал, как Симэнь Цин передавал его жене, урожденной Сун, кусок голубого атласа, как склонял ее к прелюбодеянию.

– А теперь меня обвиняет в преступлении, – продолжал он, – хочет со мной разделаться, чтобы отобрать у меня жену.

Надзиратель Ся прервал его гневным окриком и велел подручным бить его по лицу.

– Ах ты, рабское отродье! – кричал Ся. – И ты посмел пойти против хозяина! А кто тебя на ней женил, как не он, кто тебе капитал доверил? И вот, забыв о благодеяниях, тебе оказанных, ты напиваешься допьяна, врываешься ночью с ножом в спальню, чтобы совершить жестокую расправу. Если все в Поднебесной с тебя, рабское отродье, пример начнут брать, тогда никто и слуг нанимать не захочет.

Лайван продолжал твердить о своей невинности, но судебный надзиратель Ся уже вызвал свидетеля Гань Лайсина, и ему пришлось умолкнуть.

Да,

Тобой рассчитан план, хитер он и умен,

Но от беды внезапной не спасает он.

Ся приказал подручным зажать пальцы Лайвану большими тисками и бить большими батогами.^[375] От двадцати палочных ударов спина Лайвана покрылась кровоточащими шрамами, после чего последовало распоряжение тюремщикам бросить его в тюрьму.

Лайсин и Дайань^[376] вернулись домой и обо всем доложили хозяину. Симэнь Цин остался доволен и отдал слугам распоряжение:

– Ни пищи, ни постели Лайвану не носить и про избиение жене ни слова. Скажете, в управе, мол, его задержали, посидит немного и выпустят.

– Все ясно, – отвечали слуги.

С тех пор, как посадили мужа, Хуэйлянь не умывалась и не причесывалась. Платье на ней повисло, то и дело соскакивали туфли. Бледная, она не пила, не ела, а только запиралась у себя в комнате да плакала.

Симэнь беспокоился и послал к ней Юйсяо с женой Бэнь Дичуаня, чтобы те ее утешили.

– Не волнуйся, – говорили они. – Он выпил и наболтал лишнего. Вот его и посадили на несколько дней, чтобы он в себя пришел. Его только допросили, а бить не били. Вот выпустят, спроси. Он тебе то же самое скажет. Не расстраивайся, сестрица.

Хуэйлянь вняла уговорам и перестала плакать. Начала слегка подводить брови, пудриться и выходить из комнаты. Как-то Симэнь проходил мимо ее комнаты, когда она стояла за дверной занавеской.

– Батюшка! – позвала она. – Дома никого нет. Может, посидеть зайдете?

Симэнь вошел в комнату, и завязался разговор.

– Будь покойна, дорогая! – уговаривал ее Симэнь. – Ради тебя в управу писал. Его ни разу не били. Вот посидит, в себя придет, его и выпустят. Велю ему торговлей заняться...

Хуэйлянь обняла его за шею.

– Прошу тебя, мой милый, помоги ему выйти, – шептала она, – а торговлю – хочешь, давай, хочешь, нет – твое дело. Только как придет, пить ему больше не дам. Тогда посылай его куда угодно, он и на край света ехать не откажется. А то и жену ему найди. И ему лучше будет. Я ведь давно ему не принадлежу.

– Верно, моя родная! – воскликнул Симэнь. – Куплю напротив дом у Цяо и выделю тебе три комнаты. Туда переедешь, и будем с тобой вдвоем блаженствовать.

– Я, дорогой мой, на все согласна. Делай, как тебе удобнее.

Они заперли дверь. Надобно сказать, что в летнюю жару женщины редко носят нижнее белье. На Хуэйлянь была только двойная юбка, так что приступить к делу оказалось очень легко. Она расстегнула пояс, и взору предстала дорогая яшма фаворитки Чжэнь. Брови ее источали аромат Ханьшу,^[377] уста благоухали душистым чаем. Порхали утки, крыльями махая, играли дождь и тучка. На поясе Хуэйлянь красовался расшитый серебром шелковый мешочек с четырьмя кисточками, в котором лежали сосновые иглы и веточки кипариса – символы неувядаемой молодости и стойкости, бутоны роз и пахучие травы из Цзяочжи – олицетворения нежности и любви.^[378] Хуэйлянь поднесла его Симэню. Он был так польщен вниманием, что

не мог сдержаться, и дал клятву навек с ней не расставаться. Потом он выдал ей ляна два на фрукты и домашние расходы.

– Не грусти, – все время уговаривал ее Симэнь. – Тоска погубит тебя. Я завтра же напишу почтенному Ся, и его выпустят.

Опасаясь, что их застанут вместе, Симэнь поспешно вышел. А Хуэйлянь на радостях поторопилась в дальние покои. В разговоре с горничными и служанками она не преминула намекнуть и на обещание Симэня, о чем узнала Юйлоу и пошла к Цзиньянь.

– Знаешь, хозяин собирается Лайвана освободить, – рассказывала Юйлоу. – Ему вроде новую жену найдет, а сам на той стороне у Цяо дом купит, Хуэйлянь в трех комнатах поселит и горничную ей заведет. Головные украшения ей дарит, серебряную сетку заказал. Все расписала по порядочку. Тогда, выходит, ее от нас ничем не отличишь, а? Как вознеслась! А Старшая хоть бы что.

Не услышь этого Цзиньянь, все б шло своим чередом, а тут побагровели ее румяные ланиты, все в ней кипело негодованием.

– Неужели он в самом деле ей так потакает? Не могу поверить! – возмущалась она. – Вот попомни мои слова: если я только допущу, чтоб эта проклятая потаскуха, рабское отродье, стала седьмой женой Симэня Цина, тогда не называй меня больше Пань. Это я тебе серьезно говорю!

– Хозяин ни с чем не считается, а Старшая от всего устранилась, его урезонить не может, – рассуждала Юйлоу. – Нам тоже крылья не даны, по земле ходим. Что мы с ним подделаем?

– Что ж, по-твоему, так и терпеть? – не унималась Цзиньянь. – Да к чему такая жизнь? Век мучиться? Ждать, пока тебя съедят, да? Нет, если он меня не послушается, я не остановлюсь. Жизнью своей пожертвую, а с ним посчитаюсь.

Юйлоу засмеялась.

– Нет, у меня смелости не хватит его на грех наводить, – призналась она. – Я уж погляжу, как ты с ним будешь справляться.

Однако хватит пустословить.

Вечером Симэнь сидел в Зимородковом павильоне,^[379] в своем кабинете. Только он велел Чэнь Цзинцзи писать судебному надзирателю Ся, чтобы освободили Лайвана, как перед ним неожиданно появилась Цзиньянь и, наклонившись над письменным столом, спросила:

– Чего это ты просишь писать и кому?

Симэнь не смог от нее скрыть и признался:

– Хочу, чтоб Лайвана выпороли и отпустили.

Цзиньлянь сей же час окликнула слугу и не велела ему звать Цзинци.

– И ты называешь себя мужчиной? – заговорила она, усевшись рядом с Симэнем. – А зря! Ведь ты – куда ветер дунет, куда течением понесет. Мои советы отверг, слушаешь потаскух, рабское отродье. Сколько ты ее медом не корми, ей все муж ближе. Выпустишь его, нелегко тебе будет с ней встречаться, а ему дашь повод для новых выходок. Дома ее оставишь – тоже ни то ни се. Кем ее считать? И в жены взять нельзя – муж рядом. И женой слуги тоже не назовешь. Сам видишь, как она возгордилась, – и важничает, зазнается. А что получится, если себе возьмешь, а ему другую подышишь. Вы вдвоем сидите и он входит по делу. Представляешь, как он разозлится. А она? Толи ей пред ним встать, толи нет. Словом картина не из приятных. А пойдут слухи? Мало – соседи, родные и близкие над тобой посмеются, тебя в своем собственном доме слуги уважать перестанут. Когда верхняя балка неустойчива, не выдержат и нижние. Если и дальше так себя поведешь, даю слово, придется тебе прятаться, как угорь в тину. Гляди, глаза б тиною не застило. Нет, уж лучше одним махом отрубить. С рабским отродьем покончишь, тогда и с его женой спокойно наслаждайся.

Послушавшись Цзиньлянь, Симэнь Цин опять изменил свое мнение. В письме он просил надзирателя Ся пороть арестованного через каждые три дня. После пыток и истязаний Лайван стал не похож сам на себя. Ведь оба надзирателя, следовательно, судебный исполнитель, охранники из управы и все сверху донизу тюремные чины были подкуплены Симэнь Цином и усердствовали с особым рвением. Среди них имелся, правда, архивариус по имени Инь Чжи, уроженец уезда Сяои в провинции Шаньси, человек милосердный и честный. Инь Чжи знал о взятках, которые получили от Симэня надзиратели, понимал, что тяжкое обвинение Лайвана в покушении на жизнь хозяина Симэнем измышлено с единственной целью – погубить слугу и завладеть его женой, поэтому совесть требовала от него подойти к делу в высшей степени разумно и справедливо. Но в то же время он состоял на службе, и долг обязывал его и детей в люди вывести, и о карьере подумать. Инь Чжи много раз откладывал составление письменного обвинения, которое должен был предоставить суду, открыто высказывал исправникам свое суждение, но они чинили ему всяческие помехи. Да и у Лайвана не было ни гроша, вот ему и приходилось терпеть муки. Хорошо еще, невинно пострадавшего жалел Инь Чжи: потихоньку наказал тюремщикам

поснисходительнее обращаться с Лайваном. Так архивариус оттянул время. Наконец, после взаимных уступок состоялся суд над Лайваном. Ему дали сорок палочных ударов и приговорили к высылке на поселение в родной округ Сюйчжоу. Похищенная сумма, по определению суда, составила семнадцать лянов серебром и пять узелков слитков олова со свинцом. Ее постановили вернуть хозяину через слугу Лайсина. Посыльный вручил Симэню письменное уведомление о решении суда.

Надзиратели подписали ордер на высылку и послали за осужденным конвоиров. Избитого Лайвана забили в шейную колодку, ордер запечатали в пакет и в тот же день отправили в Сюйчжоу, где его надлежало доставить в распоряжение местного правителя.

Полмесяца отбыл в заключении бедный Лайван. Денег у него не было. Голодный и оборванный, он искал поддержки, со слезами на глазах умолял конвоиров.

– Братцы! – обращался он к ним. – Я пострадал невинно. Остался без одежки, без медяка за душой и вам за труды дать нечего. Сжальтесь надо мной, отведите к хозяйскому дому, прошу вас. Там у меня жена. Из вещей что-нибудь продадим. И вас не обижу, и на дорогу хватит. Легче будет идти.

– Как, ты не знаешь! – удивились конвоиры. – Это ж хозяин твой, Симэнь Цин, дело и затеял. Не видать тебе теперь ни жены, ни добра. А еще у тебя какие близкие есть? Лучше у них попроси. Так и быть, уважим наставника Инь Чжи, отведем тебя, чтоб только начальство не узнало. Глядишь, на дорогу дадут, а мы на твои деньги не рассчитываем.

– Сжальтесь, братцы! Отведите сперва к хозяйскому дому, – просил Лайван. – Я у соседей попрошу. Может, поделятся чем могут.

– Ну ладно, пойдем! – согласились наконец конвоиры.

Первым делом подошли к воротам Ин Боцзюэ, но тот велел сказать, что его нет дома. Лайван попросил соседей И Мяньцы и Цзя Жэньцина поговорить с Симэнь Цином, не позволит ли он ему взять с собой жену и вещи. Но Симэнь им не показался, а выслал слуг, и те палками отогнали от ворот сконфуженных соседей. Слугам под угрозой порки было приказано ни слова не говорить Хуэйлянь, и она, ничего не подозревая, просидела, запершись у себя в комнате.

Лайван направился к тестю, гробовщику Сун Жэню, и со слезами поведал ему о своей беде. Сун Жэнь дал зятю лян серебром, а конвойным связку медяков^[380] и меру рису.

В начале четвертой луны с плачем покидал Лайван уездный город

Цинхэ. Тяжело ему было держать путь в Сюйчжоу без пропитания,^[381] с ноющими рубцами на спине.

Да,

От смерти чудом спасшийся бедняга,
Он даже голод впредь почтет за благо.
Тому свидетельством стихи:
Правитель истину постиг, судил не криво он,
Лайван по милости его был от тюрьмы спасен.
Теперь в Сюйчжоу он под стражею отправлен,
Лаской же, теплый ветерок, больные травы.

Но оставим Лайвана и расскажем о Сун Хуэйлянь. Она изо дня в день ждала его возвращения. Слуги, через которых она носила мужу передачи, поедали их сами, а Хуэйлянь говорили:

– Брат чувствует себя хорошо. Поел. Господина надзирателя не было в эти дни в управе, а то б его выпустили. Он вот-вот придет.

– Я человека в управу послал, – обманывал ее Симэнь. – Его на днях освободят.

И Хуэйлянь верила. Однако слухом земля полнится. Дошло и до нее, что Лайван под конвоем к воротам приходил вещи просить, а потом его увели. Хуэйлянь стала расспрашивать слуг, но те упорно молчали. Как-то раз Симэнь возвращался домой. За ним вел коня Дайань. Хуэйлянь окликнула его и спросила:

– Что с мужем? Когда он выйдет?

– Ох, сестрица! Да будет тебе известно, мужа твоего давно на текущие пески отправили.^[382]

– Как же так? – выпрашивала Хуэйлянь.

Дайань долго мялся, а потом рассказал, как Лайвану дали сорок палочных ударов и выслали на родину в Сюйчжоу.

– Крепись, сестрица, – проговорил он в заключение и добавил: – Да молчи, не говори, что от меня узнала.

Не услышь этого Хуэйлянь, все б шло своим чередом, когда ж она убедилась в достоверности слухов, заперлась у себя в комнате и заголосила:

– Дорогой ты мой! – причитала она. – Что ты ему сделал дурного? За что подстроил он тебе ловушку? Всю жизнь ты служил ему, порядочной одежки не нажил, а он тебя выслал, изгнал в далекие края. На кого ты меня покинул? И не знаю, жив ли ты в пути или нет тебя в живых, и некому за тебя заступиться! Знать не знала, на какие муки оставил ты меня!

Она поплакала еще немного, потом достала длинную повязку, привязала ее к дверной перекладине и повесилась.

Жившая за стенкой жена Лайчжао, по прозвищу Шпилька, вернувшись из дальних покоев, слышала в ее комнате плач. Немного погодя стало тихо, а потом раздались громкие вздохи. Шпилька стукнула к ней в дверь. Никто не отозвался. Тогда она позвала скорее Пинъяня. Слуга взломал оконную раму и влез в комнату. На дверной перекладине висела одетая Хуэйлянь. Пинъянь поспешно вынул ее из петли, открыл дверь и влил ей отвару имбиря. Позвали хозяйку. Пришла У Юэнян. За ней последовали Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, дочь Симэня, Ли Пиньэр, Юйсяо и Сяоюй. Появилась и жена Бэнь Дичуаня.

Поддерживаемая сидевшей на полу Шпилькой, Хуэйлянь беззвучно глотала воздух. Ее душили рыдания. Она ничего не ответила на обращение Юэнян. Голова ее повисла, изо рта шла пена.

– Глупая ты, дочка! – говорила Юэнян. – Есть что на душе, так скажи. К чему ж доводить себя до такого? – Затем, обернувшись к Шпильке, спросила: – Имбирный отвар дали?

– Только что дала.

Юэнян велела Юйсяо поддержать Хуэйлянь и продолжала расспросы:

– Хуэйлянь, детка! Что с тобой случилось? Скажи, в чем дело, не бойся.

Долго упрасивала ее хозяйка. После вздохов у Хуэйлянь вырвался, наконец, стон. Она забилась и зарыдала. Юэнян велела Юйсяо положить ее на кан, но Хуэйлянь не хотела ложиться. Юэнян и остальные женщины долго ее уговаривали, а потом ушли к себе. С Хуэйлянь остались только жена Бэня и Юйсяо.

Вдруг в комнате появился Симэнь Цин. Увидев сидевшую на холодном полу Хуэйлянь, он велел Юйсяо положить ее на кан.

– Матушка тоже укладывала, а она не хочет, – отозвалась служанка.

– Экая упрямая! – проговорил Симэнь. – Ведь простудишься на полу. Что тебя волнует, говори. Как можно поступать так неблагоразумно, дитя мое?

Хуэйлянь покачала головой.

– А ты хорош, батюшка! – с укором сказала она. – На языке у тебя «дитя», а сам вон что за спиной творишь. Убийца ты, вот кто! Привык людей живьем закапывать. Сам губишь, сам же и за гробом идешь. «Сегодня выпустят, завтра выпустят» – все меня обманывал, а я верила, ждала. Чего ж молчал, раз сослать вздумал? Втихую человека

на край света угнал. Надо по совести делать, а не по наущению, душегубец! Зло сотворил и молчишь. Ссылать, так уж ссылай нас обоих. Зачем меня оставил?

– Но ты тут ни при чем, детка, – ответил, натянуто улыбаясь, Симэнь. – Он натворил, а к чему ж тебя наказывать? Успокойся! Я тебя не оставлю. – Симэнь обернулся к Юйсяо: – Вы с тетушкой Бэнь останьтесь на ночь, а я велю вина вам принести.

Симэнь ушел. Жена Бэня уложила Хуэйлянь на кан и, присев к ней вместе с Юйсяо, принялась уговаривать.

Симэнь между тем велел приказчику Фу взять из лавки связку медяков, купить кувшин вина, потратить цян на лепешки и жаркое и разложить на блюда.

– Вот батюшка сестрице прислал, – сказал Лайань, внося угощения.

– Убери сейчас же, рабское твое отродье! – увидев поднос, заругалась Хуэйлянь. – А то, смотри, так двину, все на пол полетит.

– Кушайте, сестрица. Унесу, мне от батюшки достанется, – уговаривал ее Лайань и поставил блюда на стол.

Хуэйлянь вскочила с постели, схватила кувшин, размахнулась с намерением разбить его об пол, но ее вовремя удержала Шпилька. Жена Бэня заметила, как Шпилька приложила палец к губам, и они сели рядом с Хуэйлянь. Появилась дочь Бэня и позвала мать, сказав, что вернулся отец и просит его покормить. Тетушка Бэнь и Шпилька вышли из комнаты и встали около двери Шпильки. Оказалось, там стояла дочь Симэня и говорила с женой Лайбао, Хуэйсян.

– Ты куда? – спросила тетушку Бэнь дочь Симэня.

– У меня хозяин пришел, есть просит. Я сейчас приду. Я заглянула, а батюшка попросил меня с ней посидеть, вот и задержалась.

– С чего это она на такое решилась? – спросила дочь Симэня.

– Иду я из дальних покоев, – начала рассказывать выступившая вперед Шпилька, – слышу, она у себя плачет. Потом вдруг утихла. Что, думаю, случилось? Толкнула дверь – заперта. Давай звать Пинъяня. Он в окно влез и спас ее. Еще б немножко, и погасил бы старец долголетья светильник жизни. Погиб бы человек.

– А что она батюшке говорила? – полюбопытствовала Хуэйсян.

– Понять не могу эту Хуэйлянь, – посмеиваясь, говорила тетушка Бэнь. – Тоже с норовом особа! Накинулась на батюшку. Где это видано, чтоб так с хозяином обращались?!

– Ну, ее с другими служанками сравнивать не приходится, – заметила Хуэйсян. – Ей можно, она у батюшки на особом счету. Ни одна из нас, конечно, себе такого не позволит.

Они стали расходиться.

– Приходи побыстрей, – попросила Шпилька тетушку Бэнь.

– Нечего меня упрашивать, я и так приду, а то меня батюшка со свету сживет.

Симэнь наказал ей и Шпильке быть с Хуэйлянь днем, а Юйсяо ночью.

– Сестрица, ты не из глупых, – уговаривали Хуэйлянь тетушка Бэнь и Шпилька. – Так пользуйся своей молодостью. Ведь ты как только что раскрывшийся цветок. Тем более, хозяин тебя любит. Счастье так и плывет тебе прямо в руки. Если полноправной женой ты и не станешь, то во всяком случае над остальными возвысишься. Чем со слугой жить, лучше с господином. Тем более, муж далеко. Не к чему убиваться! Поплакала – и хватит, а то себя погубишь. Говорят, пока в колокол бил, в монахах ходил. Ведь не собираешься же ты верность мужу блюсти?

Хуэйлянь слушала их и плакала. Шли дни, а она ничего не ела. Юйсяо сказала Симэню, и он велел Цзиньянь поговорить с Хуэйлянь, но и это не помогло.

– Эта потаскуха только и думает о своем муже, – говорила обозленная Цзиньянь Симэню. – Знай твердит: с милым рядом пройдешься, голова кругом пойдет; с милым ночь переночуешь, не забудешь никогда. Вон она какая верная! Ее ничем к себе не привяжешь!

– И ты ей веришь? – засмеялся Симэнь. – Если б она блюла верность, то после повара Цзян Цуна за Лайвана не пошла бы.

Симэнь сел в передней зале и вызвал в себе всех слуг.

– Кто из вас сказал ей о высылке Лайвана? – допрашивал он каждого. – Скажете, прошу. А то смотрите, узнаю, каждому по тридцать палок всыплю и со двора вон.

– Не смею умолчать, – проговорил Хуатун, опускаясь на колени.

– Говори! – приказал Симэнь.

– Помните, батюшка, вас сопровождал Дайань? На тропинке его встретила жена Лайвана, и он ей проболтался.

Не услышь этого Симэнь, все б шло своим чередом, а тут его охватил гнев, и он велел разыскать Дайаня.

Едва Дайань узнал, в чем дело, сразу бросился к Цзиньянь. Цзиньянь умывалась, когда к ней вбежал Дайань.

– Спасите меня, матушка! – с плачем умолял слуга, бросившись ей в ноги.

– Ой, как напугал, арестант проклятый! – заругалась Цзиньянь. –

Что еще натворил?

– Я сестрице Хуэйлянь сказал, что Лайвана выслали, – пояснил Дайань. – Батюшка меня бить собирается. Прошу вас, уговорите батюшку. Попадись я ему сейчас на глаза, он в гневе убьет меня.

– А, испугался, арестантское отродье! – злорадствовала Цзиньлянь. – Дрожишь, будто из тебя душу вынули. Я было подумала, что-то особенное, а это опять из-за той потаскухи. Оставайся у меня.

И она спрятала Дайаня за дверь. Симэнь рычал на слуг, когда они сбились с ног в поисках слуги. Он дважды посылал к Цзиньлянь, но она с руганью выгоняла слуг. Наконец Симэнь пошел разыскивать Дайаня сам. Он носился по дому, как вихрь, размахивая плеткой и задавая один и тот же вопрос: «Где рабское отродье?» Цзиньлянь не обращала на него никакого внимания. Симэнь осмотрел ее комнату и вытащил из-за двери Дайаня. Только он приготовился с ним расправиться, Цзиньлянь отняла у него плетку и положила ее на кровать.

– Эх ты, бесстыдник! – заругалась она. – А еще хозяин! Потаскуха от тоски по мужу повесилась, он зло на слуге срывает. Да при чем он тут?

Симэнь вытаращил на Цзиньлянь глаза.

– Иди, своими делами занимайся! – велела Цзиньлянь Дайаню. – А на него внимания не обращай. Пусть только попробует тебя тронуть!

Дайань бросился в передние покои.

Да,

Руки эти оказались судьбоносны,
Шалость обернув бедою злостной.

Цзиньлянь не раз замечала, что Симэнь все еще привязан к Хуэйлянь, и у нее созрел план. Она пошла на кухню и стала подстрекать Сунь Сюэ:

– Знаешь, жена Лайвана говорит, будто ты у нее мужа отбила. Оттого, мол, и беда стряслась: батюшка разгневался и мужа сослал. И били тебя, и одежды с головными украшениями отняли – все по ее наущению.

Сюэ побледнела от гнева. А Цзиньлянь была уже в передних покоях и рассказывала Хуэйлянь другую историю:

– Знаешь, как тебя Сюэ срамит. Ты, говорит, и у Цаев сколько лет с хозяином шилась. Если б ты, говорит, с нашим батюшкой не путалась, и Лайвана бы не сослала. А слезы свои пусть лучше соберет да ноги себе вымоет.

Так между женщинами завязалась вражда. Сколько зло ни таи, оно когда-нибудь да выйдет наружу.

Восемнадцатого числа в четвертой луне справляли день рождения Ли Цзяоэр. В гостях у нее были хозяйка заведения матушка Ли и певица Ли Гуйцзе. Юэнян пригласила их с остальными гостями в дальние покои.

Симэнь в тот день пировал с друзьями. Хуэйлянь позавтракала, повертелась немного в дальних покоях, а потом ушла к себе и проспала до тех пор, пока солнце не стало клониться на запад. Ее не раз звали служанки, но она так и не вышла. Сюээ, выжидавшая удобный случай, сама пошла за Хуэйлянь.

– Сестрица, – говорила ей Сюээ, – ты стала как красавица изнеженная. Тебя никак не дозовешься.

Хуэйлянь продолжала спать, повернувшись лицом к стене, и даже не шевельнулась.

– Сестрица, – продолжала Сюээ, – все о муже тоскуешь да беспокоишься, что ли? Раньше надо было беспокоиться. Если б не ты, жил бы он себе и здравствовал в доме Симэня.

Замечание Сюээ сразу напомнило Хуэйлянь разговор с ней Цзиньлянь. Она резко повернулась и вскочила с кровати.

– Людей мутить пришла? – закричала ей в лицо Хуэйлянь. – Если даже из-за меня сослали, твое-то какое дело? Дать тебе как следует, чтоб ты на глаза мне больше не показывалась. Будь довольна, что про тебя молчат. Все уж как-то успокоились. Только тебе нейдет. Все свой нос суешь, все язвишь.

– Ах ты, рабское твоё отродье, потаскуха проклятая! – обрушилась на нее рассвирепевшая Сюээ. – Да как ты смеешь меня ругать?

– Пусть я рабское отродье, потаскуха. Зато ты любовница слуги, – отвечала Хуэйлянь. – Лучше с хозяином жить, чем, как ты, со слугой. За чужим мужем бегаешь, да еще и похваляешься.

Сюээ тут из себя вышла и, подбежав к Хуэйлянь, дала ей пощечину.

Хуэйлянь от неожиданности вся покраснела.

– Как ты смеешь меня бить? – крикнула Хуэйлянь и, насупившись, стала наступать прямо на Сюээ.

Завязалась драка. Подбежала Шпилька и разняла их. Она повела Сюээ на кухню, но обе женщины продолжали осыпать друг дружку бранью.

Вошла Юэнян.

– Где ваша порядочность? – упрекала она. – В доме гости, а они

драку затеяли и хоть бы что. Погодите, придет хозяин, я ему все скажу.

Сюээ ушла. Юэнян посмотрела на растрепанную Хуэйлянь и сказала:

– Ступай причешись и приходи к нам.

Хуэйлянь не проронила ни слова, а когда Юэнян удалилась, она заперлась у себя в комнате и проплакала до сумерек. В то время как в задней зале веселились пирующие, бедная Хуэйлянь не выдержала – привязала к дверному столбу две ленты для бинтования ног и повесилась. Было ей от роду двадцать пять лет.

Да,

Все хорошие вещи в этом мире так хрупки,

Как игра облаков и глазури на кубке.

И какое совпадение! В то самое время около комнаты Хуэйлянь оказалась Юэнян, провожавшая матушку Ли и Ли Гуйцзе. Запертая дверь и тишина навели Юэнян на подозрение и, едва дождавшись, пока гости сели в паланкин, она поспешила к Хуэйлянь. Дернулась в дверь, никто не ответил. Встревоженная хозяйка позвала слугу, и тот нырнул в комнату через окно.

Да,

Кувшину расколоться –

Осколки у колодца.

Слуга разрезал ленты, снял Хуэйлянь. Долго ее отхаживали, но она, увы, была мертва. Так никто и не знал, когда она испустила дух.

Только поглядите:

Закочено тело, жизни свет угас. Душа неуловимая в свою далекую обитель устремилась. Зеркало души – глаза – закрылись, потускнели. Покойник – гость недолгий на белом свете. Куда ж навечно исчезает жизни радостное ликование? Кажется она лишь облаком, плывущим в воде осенней.

Убедившись, что спасти Хуэйлянь невозможно, Юэнян заволновалась и велела Лайсину скакать верхом за хозяином. Сюээ, опасаясь, как бы Симэнь не стал дознаваться и не обвинил ее в случившемся, вертелась около Юэнян.

– Прошу вас, не говорите, что мы с ней поссорились, – умоляла она хозяйку, встав перед ней на колени.

– Что, теперь боишься? – Юэнян заметила, как напугана была Сюээ, и пожалела ее. – Вот и надо было поменьше язык распускать.

К вечеру приехал Симэнь Цин. Юэнян объяснила ему, что

Хуэйлянь в тоске по мужу целый день проплакала, а когда все были на пиру, покончила с собой.

– Вот глупая баба! – заметил Симэнь. – Не суждено ей было вкушать счастье.

Симэнь направил уездному правителю Ли слугу с письменным уведомлением о происшедшем. В нем, в частности, говорилось, что означенная женщина отвечала в доме за посуду; после пира, обнаружив пропажу серебряного бокала и опасаясь наказания, покончила с собой. Правителя, кроме того, одарили тридцатью лянмами серебра, и он, разумеется, ответил услугой на услугу: послал на место чиновника со следователем.

Симэнь купил гроб и тот же час получил разрешение на сожжение останков покойной. Бэнь Дичуань и Лайсин отвезли гроб за город в обитель Дицзана.^[383] Сожигателей наградили пятью цянями серебра, чтоб подложили побольше дров, и те уже хотели было разводить костер, как неожиданно подоспел узнавший о несчастье отец погибшей гробовщик Сун Жэнь и не дал им приступить к делу. Оплакивая безвинно загубленную дочь, он обвинял Симэнь Цина, который, полагаясь на свое влияние, хотел взять себе его дочь.

– Моя дочь – женщина порядочная! – кричал он. – Она воспротивилась его желанию, и ее довели до смерти. Я властям жаловаться пойду. Только попробуйте сожгите! Жалобу подам!

Сожигатели разошлись кто куда, а Бэнь Дичуаню с Лайсином ничего другого не оставалось, как оставить гроб в монастыре и доложить обо всем Симэню.

Да,

Когда вдвоем тебя встречают

Дракон зеленый с Тигром белым,^[384]

Нельзя сказать: что ожидает –

путь к достижениям или бедам.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ЛИ ПИНЪЭР ВЕДЕТ ИНТИМНЫЙ РАЗГОВОР В ЗИМОРОДКОВОМ ПАВИЛЬОНЕ

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ, ХМЕЛЬНАЯ, МАЕТСЯ В ВИНОГРАДОВОЙ БЕСЕДКЕ

*Глумится над Небом, высоким и чистым,
Чужих понуждает распутничать жен;
Тут жизни лишит, там судьбу искалечит –
Предела коварству не ведает он.
Излишества вечно приводят к разврату.
Где алчность и злоба – не жди доброты.
Зачем безрассудны, озлоблены люди? –
Небесный правитель, не знаешь ли ты?*

И вот вернулся из столицы Лайбао, спешил и пошел на крытую террасу доложить Симэню о поездке.

– В столице первым делом отправился к дворецкому, передал письмо, – рассказывал слуга. – Дворецкий представил меня его превосходительству. Господин императорский наставник взглянул на визитную карточку с перечнем даров и принял подарки. Я изложил дело. Его превосходительство повелел тотчас же написать письмо и отправил его с концом к господину Хоу, военному губернатору Шаньдуна, которому было дано распоряжение: разбирательство по делу группы соляных торговцев прекратить, Ван Цзиюня и остальных, общим числом двенадцать человек, из-под стражи освободить. Дядя Чжай свидетельствует вам свое нижайшее почтение и просил вам

передать, батюшка, что хотел бы вас видеть в столице в дань рождения его превосходительства – пятнадцатого числа в шестой луне. У меня, говорит, с батюшкой разговор есть.

Симэнь Цина благие вести привели в восторг. Лайбао тоже заработал от купца Ван Сыфэна пятьдесят лянов серебром и, посланный хозяином, побежал с новостями к богачу Цяо. Тем временем вернулись Бэнь Дичуань и Лайсин. Пока хозяин вел разговор с Лайбао, они стояли около террасы.

– Ну, как? Предали огню? – спросил Бэнь Симэнь, когда ушел Лайбао.

Бэнь Дичуань замялся. Тогда вперед выступил Лайсин и, наклонившись над самым ухом хозяина, зашептал:

– Сун Жэнь на поле прибежал и не дал сжечь. Такие вещи говорил, что не могу передать.

Не услышь такого Симэнь, все б шло своим чередом, а тут его охватил гнев.

– Жить ему, что ли, надоело, голодранцу? – закричал он. – Ну и негодяй! – Симэнь обратился к слуге. – Иди пригласи зятя, пусть письмо напишет.

Симэнь отправил Лайсина к уездному правителю Ли, и тот отдал распоряжение конвойным доставить связанного Сун Жэня в управу.

Он был обвинен в нарушении порядка – использовании самоубийства дочери как предлога для вымогательства. Его привели в присутствие, зажали в тиски, дали двадцать ударов большими батогами, да так, что по ногам потекла кровь, и составили письменное показание. Сун Жэню впредь запрещалось беспокоить Симэнь Цина, а околоточному и сожигателям предписывалось под наблюдением слуг Симэня предать тело огню и доложить потом в управу.

Избитый Сун Жэнь еле добрел до дому, слег от истязаний в постель и вскоре, увы, испустил последний вздох.

Да,

Не узнавший рассвета
со Злым воеводой^[385]
на распутье столкнуться рискует.
Затерявшись во мраке,
где голод и холод,
встретят мертвые помощь Чжун Куя.^[386]
Тому свидетельством стихи:
Правитель – жалкий лихоимец,
Он сеет ложь за серебро.

Сун Жэнь безвинно свет покинет,
Но души не прощают зло.

Покончив с Сун Хуэйлянь, Симэнь отвесил триста лянов серебра и золота для выделки подарков ко дню рождения императорского наставника Цая и нанял ювелира Гу с артелью мастеров. Они расположились на открытой террасе и занялись изготовлением набора из четырех статуэток, высотой в один чи каждая. Это были изумительно тонкой работы серебряные фигурки, изображавшие подношение символов процветания и долгой жизни. Тут же сверкали два кувшина с отлитыми из золота знаками долголетия, стояло два набора нефритовых чарок, изваянных в форме персиковых цветков. Не прошло и полмесяца, как ювелирные работы были полностью завершены.

Симэнь Цин достал привезенный Лайваном раскрой ханчжоуской парчи, на ярко-красном поле которой красовались пестрые драконы и змеи. Для пошива халатов не хватало двух кусков особого черного холста и двух полотнищ легкого красного шелка. Симэнь посылал слуг купить, но те обошли все лавки и не нашли.

– У меня есть раскрой на халаты, – сказала, наконец, Пиньэр. – Я пойду посмотрю.

Симэнь Цин поднялся вместе с ней в терем. Пиньэр вынула раскрой – два полотнища легкого красного шелка и два куса черного холста, расшитые пестрыми драконами и змеями с золотой тесьмой по кайме. Их выделка и расцветка во много раз превосходили ханчжоуские изделия, что привело Симэнь Цина в неописуемый восторг.^[387]

Подарки упаковали, и Лайбао с приказчиком У двадцать восьмого числа в пятой луне снова отправились в Восточную столицу, но не о том пойдет речь.

Прошло двое суток и наступил первый день шестой луны, а с ним период летней жары.^[388]

Да,

К исходу лета – зной палящий,
К концу зимы – хлад леденящий.^[389]

Жара стояла такая, что к полудню солнце напоминало висящий в воздухе огромный зонт. В небе не было ни облачка. Вот когда, действительно, плаваются камни и металлы.

Вот строки, сложенные в народе о такой жаре:

Повелитель бьет горящего дракона,^[390]
Облака, как кровью налиты,
Колесница солнца^[391] в центре небосклона,
Воздух раскален до красноты.
Пять священных гор^[392] стоят в дыму и гари,
Волн владыка^[393] реки осушил.
Ах, когда осенний ветер нас одарит
Ласковым приливом свежих сил?!

В нашем мире, скажу я вам, три сословия людей жары боятся и три не боятся. Кто же боится жары?

Во-первых, крестьянин. Каждый день спешит он на свой клочок земли, в поле. То за плугом идет, то с лопатой трудится. Тут то летние, а то уже осенние налоги подоспели, а уж там, что осталось, в амбар засыпай. А настанет зной – горит поле без дождя, и сердце землепашца будто огнем палит.

Во-вторых, купец, гость торговый. Из года в год скитается по свету. Торгует яркими шелками и цветастыми холстами, воском и чаем. На плечах у него тяжелая ноша, руки стерты от перегруженной тележки. Мучит его голод и жажда, потом обливается – одежду хоть выжимай, но не уготовано ему ни вершка прохладной тени. Да, в самом деле, тяжко ему в пути!

В-третьих, воин пограничный. На голове у него тяжелый шлем, заковано тело в железные латы. Жажду утоляет кровью с меча, усталость отгоняет, прикорнув в седле. Годы проводит в сраженьях, вернуться не может домой. Весь в грязи и во вшах, язвы смердят, кровоточат раны. На теле живого места не найдешь.

Вот три сословия, которые жары боятся.

А вот другие три сословия, которые жары не страшатся.

Во-первых, придворные сановники. У них дворцы среди прудов, беседки на ветру. Вьются ручейки, стекая в водоем, журчит родник, наполняя озерко. Тут нефрит любых размеров, а рядом прозрачные носорожьи рога. У бирюзовых яшмовых перил плоды диковинные зреют и распускаются заморские цветы. В хрустальных чашах груды агатов и кораллов. А рядом флигель, где на столе хрустальном стоят слоновой кости кисти, тушечница – изделие Дуаньси,^[394] тушь Цанцзе,^[395] почтовая бумага Цай Янь.^[396] Тут же хрустальная подставка для кистей и гнет из белой яшмы бумагу держит. На досуге слагают оды и читают нараспев стихи, а захмелеют – лягут под ветерком освежиться.

Потом идут князья, аристократы, прославленные богачи. Они в жару дневную отсиживаются в гротах и прохладных беседках.

Проводят время на террасах или в павильонах над водой. Их защищают от жары шторы – переплетенье раковых усов^[397] и газовые пологи – творение подводных мастеров. По ним развешаны жасмина ароматного мешочки. На перламутровых кроватях с узором волн прохладные циновки, расшитые утками-неразлучницами одеяла и коралловые изголовья. Со всех сторон прохладой веет от ветряных колес. Сбоку в огромном чану охлаждаются погруженные в воду сливы и дыни, красные каштаны и корень белоснежного лотоса. Тут оливы и плоды земляничного дерева, и водные деликатесы. А рядом с опалами стоят красавицы, цветов нежнее.

И, наконец, монахи даосские и буддийские. Обитают они в палатах выше облаков, взбираются на звонницы, которые простерлись до самых небес. От безделья идут в келью, читают буддийские сутры или даосские каноны. Приходит время – и спешат в райские сады вкушать персики бессмертья и редкие плоды. Им станет душно, зовут послушника под сень сосны, чтоб лютней усладить свой слух. А захмелеют – несут под иву шашки, в тени беседуют, смеются.

Вот это и есть три сословия, которые не боятся жары.

Тому подтверждением стихи:

Жарким пламенем объят небосклон,
У крестьянина в груди боль и стон...
Догорает хлеб в полях, хоть ты плачь!
Ждет от веера прохлады богач.

Из-за жары Симэнь Цину пришлось остаться дома. В халате нараспашку, с распущенными волосами он вышел на крытую террасу подышать прохладой, загляделся, как слуги поливали из леек сад, и велел Лайаню полить густо разросшийся куст сирени как раз напротив Зимородкового павильона. Между тем, взявшись за руки и громко смеясь, к Симэню выбежали Цзиньлянь и Пиньэр. Одеты они были по-домашнему: в белые кисейные кофты и расшитые фениксами среди цветов желтые шелковые юбки с золотой бахромой по подолу, бархатистая кайма обрамляла ярко-красную безрукавку Пиньэр и розовую – Цзиньлянь. Обе подвели брови, но Цзиньлянь вместо пучка надела ханчжоускую сетку, из-под которой виднелись локоны. Три цветка из перьев зимородка и сверкавшая на лбу золотая полоска оттеняли алые губы и белизну зубов.

– Вот ты где, оказывается! – воскликнули женщины. – Глядишь, как цветы поливают? И не причесался до сих пор.

– Пусть служанка воды принесет, – попросил Симэнь. – Тут

причешусь.

Цзиньлянь окликнула Лайаня:

– Бросай лейку и ступай служанке скажи, чтобы быстрее батюшке воды принесла.

Лайань убежал, а Цзиньлянь хотела было сорвать веточку сирени и приколоть ее в прическу, но ее удержал Симэнь.

– Не рви цветы, болтушка! Я сам вам поднесу.

Симэнь заранее сорвал несколько едва распустившихся веточек и поставил их в голубой фарфоровый кувшин.

– А, сынок! – шутила Цзиньлянь. – Вон ты сколько цветов, оказывается нарвал. Почему же матушке дать не хочешь?

Она выдернула из кувшина ветку и воткнула в прическу. Симэнь протянул веточку Пиньэр. Чуньмэй принесла гребень и зеркало, а Цюцзюй – теплую воду. Симэнь дал Чуньмэй три ветки и попросил отнести Юэнян, Цзяоэр и Юйлоу.

– Пригласи госпожу Мэн и попроси ее захватить лунообразную лютию, – добавил он.

– Дай сюда ветку, – сказала Цзиньлянь. – Я сама сестрице Мэн дам, а ты отнеси Старшей и Второй. – Цзиньлянь обернулась к Симэню и продолжала: – Когда я приду, ты дашь мне еще ветку, а как спою для тебя, поднесешь еще.

– Ладно, ступай, – промолвил Симэнь.

– Кто ж это тебя так вразумил, сынок? – говорила, шутя, Цзиньлянь. – Какой ты стал у меня послушный! Только все обманываешь меня. Хочешь, чтоб тебе сестрицу Мэн позвала, а потом цветка не дашь. Нет, так не пойдет. Дай веточку, тогда позову.

– Вот ты какая назойливая! – смеялся Симэнь. – Все тебе первой подавай.

Он дал ей еще веточку. Цзиньлянь приколотла ее сбоку и ушла.

В Зимородковом павильоне остались Пиньэр и Симэнь. Через ее кисейную юбку просвечивали ярко-красные кисейные штаны, на которые падали солнечные лучи, отчего они становились прозрачными, обнажая нежное, как белый нефрит, тело. У Симэня разгорелась страсть. Воспользовавшись тем, что рядом никого не было, он бросил гребень, перенес Пиньэр в прохладное кресло, отвернул бледно-желтую юбку, распустил красный пояс и, перевернувшись ниц, стал «добывать огонь за горными хребтами». Он долго старался и все не выпускал семя.

Между тем Цзиньлянь за Юйлоу не пошла. Приблизившись к садовой калитке, она отдала цветы Чуньмэй и велела ей позвать

Юйлоу, а сама хотела было вернуться, в нерешительности потопталась на месте, а потом пробралась потихоньку к веранде, притаилась и стала прислушиваться. Скоро она поняла, что там происходит.

– Родная моя! – заговорил, наконец, Симэнь. – Больше всего я обожаю твою нежно-белую попку... Позволь мне сегодня доставить тебе полное наслаждение.

– Мой милый! – через некоторое время зашептала Пиньэр. – Будь осторожен, потише. А то мне плохо делается. С прошлого раза живот заболел. Всего дня два, как полегчало.

– А что с тобой?

– Не буду таить. Я на последнем месяце беременности. Так что не очень старайся.

Симэнь пришел в восторг.

– Родная моя! – воскликнул он. – Что ж ты до сих пор молчала?! А я-то как ни в чем не бывало самовольничаю.

Счастливый Симэнь был на вершине блаженства. Обеими руками обхватив ее бедра, он излил поток, а Пиньэр внизу с изогнутыми бедрами приняла в себя семя. Долгое время слышалось лишь учащенное дыхание Симэня. Как иволга, щебетала Пиньэр.

Только Цзиньлянь выслушала весь их разговор, как перед ней неожиданно предстала Юйлоу.

– Что ты тут делаешь? – спросила она.

Цзиньлянь знаком заставила ее умолкнуть, и они вместе поднялись на веранду. Симэнь всполошился.

– А ты все не умылся? – удивилась Цзиньлянь. – Что же ты делал?

– Да вот служанку жду, – бормотал Симэнь. – Пошла за жасминным мылом для лица.

– Ишь ты! Ему особенное подавай! – заворчала Цзиньлянь. – То-то гляжу, у тебя лицо блее, чем у других задница.

Симэнь, не обратив внимания на ее колкости, стал умываться, а потом подсел к Юйлоу.

– Чем ты у себя занималась? – спросил он. – А лютию принесла?

– Старшей жемчужные цветы готовила, – отвечала Юйлоу. – Она завтра идет к Чжэн Третьей, жене У Шуньчэня. Лютию Чуньмэй сейчас принесет.

Вскоре появилась с лунообразной лютей Чуньмэй.

– Цветы передала матушке Старшей и матушке Второй, – доложила она.

Симэнь велел ей накрыть на стол. Вскоре в прохладной беседке появились извлеченные из ледяной воды сливы и дыни. Вокруг

Симэня суетились ярко разодетые, похожие на цветы, жены.

– Надо бы послать Чуньмэй за старшей сестрицей, – предложила Юйлоу.

– Не надо, она ж не пьет, – заметил Симэнь.

Симэнь занял почетное место, три женщины расположились по обеим сторонам напротив. Разлили ароматное вино, расставили яства. Цзиньянь села на синий фарфоровый табурет, а кресло отставила в сторону.

– Сестрица, иди садись в кресло, – позвала ее Юйлоу. – Смотри, не застудись на табуретке.

– Ничего, – отвечала Цзиньянь. – Мне остерегаться нечего. И застужу утробу – не беда.

Вино трижды обошло пирующих. Симэнь попросил Чуньмэй передать Юйлоу арфу, а Цзиньянь – лютию.

– Спойте «Огня Владыка во вселенной торжествует».

– Ну и умен же ты, сынок! – возразила Цзиньянь. – Мы, выходит, пой, а вы вдвоем слух свой услаждать будете. Нет, я так не согласна. Пусть и сестрица Ли возьмет инструмент.

– Но она не играет, – возразил Симэнь.

– Ну, пусть берет кастаньеты и отбивает такт, – не унималась Цзиньянь.

– Вот негодница! Все к чему-нибудь прицепится, – засмеялся Симэнь и велел Чуньмэй принести красные кастаньеты из слоновой кости.

Юйлоу и Цзиньянь нежными пальцами слегка коснулись струн и запели на мотив «Гуси летят над песками». Сючунь стояла сбоку, помахивая опахалом. Когда спели «Огня Владыка», Симэнь поднес каждой по чарке вина и выпил вместе с ними. Цзиньянь то и дело подходила к столу, жадно пила ледяную воду, ела охлажденные фрукты.

– Зачем ты столько холодного потребляешь, сестрица? – заметила Юйлоу.

– А что мне холодного бояться? – отвечала Цзиньянь. – Мне за свою утробу беспокоиться нечего!

Пиньэр то краснела, то бледнела от смущения.

– Что ты болтаешь всякую чепуху? – бросив суровый взгляд в сторону Цзиньянь, урезонил ее Симэнь.

– Это ты, братец, лишнее болтаешь, – не унималась Цзиньянь. – А мы, старухи, и носом клюем, а все жуем. Жилу за жилой тянем. Что на нас глядеть?

Пока они пировали, юго-восток заволокла туча, северо-запад затмил туман. Вдали слышались раскаты грома, и пошел проливной дождь, оросивший распустившиеся перед верандой цветы и кусты.

Да,

В усыхающие реки и озера
снова шумные вливаются потоки.
И гранаты и бамбук нежно-зеленый
освежились и блестят на солнцепеке.

Дождь скоро перестал. На западе проглянуло солнце, и появилась радуга. В один миг алмазами загорелись капельки дождя, а на дворе повеял свежестью и прохладой вечерний ветерок.

Из дальних покоев появилась Сяюй и позвала Юйлоу.

– Меня Старшая зовет, – сказала Юйлоу. – У нее еще цветы не готовы. Я пойду, а то она обидится.

– Пойдем вместе, – сказала Пинъэр. – Я тоже хочу поглядеть, какие у нее цветы.

– Погодите, я провожу вас, – сказал Симэнь и протянул Юйлоу арфу. Юйлоу заиграла, Симэнь хлопнул в ладоши, и они вдвоем запели на мотив вступления к «Островку прохлады»:[398]

Дождь долгожданный под вечер
Промчался разливистым смехом.
Пруд лепестками расцвечен,
Грозы замирающей эхо...
Тучи рассеялись, стало светлей.
Месяц на вымытом своде
Блестит, молодой и беспечный.
Лилий ночных полноводье
Испить бы, гуляя неспешно,
И погрузиться в затон орхидей.
Хором подхватили:
Пой, золотая свирель,
Мани, сладкозвучная лютя!
Веселый, богатый, уютный
Пир...
За окошком метель.
Мир,
полный света и счастья,
В твоей я чарующей власти.
На тот же мотив:

В ивах стрекочет цикада,
Летит светлячок, ей навстречу.
Льется мелодия складно,
И сладко баюкает речку,
Смолкла богатых домов суета,
Шнур светоносный, хрустальный^[399]
Звездным пунктиром намечен.
В бликах любовных растают
Послушные девичьи плечи...
Нерасторжимы влюбленных уста!
Хором подхватили тот же припев:
Пой, золотая свирель,
Мани, сладкозвучная лютя!
Веселый, богатый, уютный
Пир...
За окошком метель.
Мир,
полный света и счастья,
В твоей я чарующей власти.
На мотив «Вздывается все выше»:
На пруду резвятся утки неразлучницы,
Млеют лотосы благоуханные.
У меня бессмертье не получится —
Я мгновения люблю бескрайные.
Отдыхать в беседке не наскучит мне!
Сад земной, что будит силы тайные,
Лучше, чем сады Пэнлая тучные...
Хором подхватили:
Ветер, ветер, в западных скитаньях
Не гони колеса осени печальной!

С песней незаметно подошли к садовой калитке. Юйлоу отдала лютяню Чуньмэй и направилась вместе с Пиньэр в дальние покои.

— Сестрица Мэн! — крикнула Цзиньянь. — И я с вами, обождите.

Она хотела было идти, но ее удержал Симэнь.

— Хочешь улизнуть, болтушка? — сказал он. — А я и не пушу.

И Симэнь так ее повернул, что она чуть не упала.

— Ишь ты, негодник! — крикнула Цзиньянь. — До чего рукав вздернул — вся рука напоказ. Вдоволь насмотрелся, мальчик? Я с ними пойду, зачем держишь?

— Мы с тобой здесь у камня посидим. Метнем стрелы в вазу,

выпьём чарку-другую.

– Вот чудак! Метать, так пойдем на террасу, – предложила Цзиньлянь. – А сюда и Чуньмэй вина не понесет.

Симэнь послал Чуньмэй. Служанка бросила лютню Цзиньлянь и, недовольная, вышла. Цзиньлянь стала перебирать струны.

– Я от сестрицы Мэн тоже кое-что научилась играть, – сказала она и, сломив ветку цветущего граната, пышно распутившегося после дождя, около самого камня, воткнула ее в волосы сбоку. – Прикрыть хоть себя цветами, а то три дня ношусь – круги под глазами.

Симэнь взял в руки ее лотосы-ножки.

– Жаль мне тебя, а то б я тебе показал, что такое буйство страсти! Замертво слегла бы.

– Ах ты, негодник! Будет уж хвалиться-то! Погоди, только дай лютню убрать. – Цзиньлянь положила лунообразную лютню возле клумбы и продолжала: – Ты уж лучше как-нибудь в другой раз свою мощь покажешь, только не сегодня. Брось зубы мне заговаривать. Ведь только что с Пиньэр сражался. И нечего было ко мне приставать!

– Вот рабское отродье! – возмутился Симэнь. – Знай болтает всякую ерунду. Что у меня с ней было?

– Ни шагу не скрыть тебе, сынок, от бога-хранителя домашнего очага.^[400] На что ж, по-твоему, я в доме? Думал, небось, меня обмануть? Пусть, мол, цветы в дальние покои несет, а я с Пиньэр останусь, да?

– Не болтай глупости, болтушка! – сказал Симэнь и, посадив ее в цветы, поцеловал.

Цзиньлянь прильнула к нему, и они слились в страстном поцелуе.

– Назови меня «милый», тогда пощажу, – говорил Симэнь, – помогу встать.

– Мой милый, – шептала она, не заставляя себя долго упрашивать, – тебе другая по душе. Зачем же со мной связываешься?

Да,

Щебечет иволга своей подруге клятвы,

Цветы, омытые дождем, лежат помяты.

Они порезвились еще немного.

– Пойдем в Виноградную беседку, там и метнем в вазу стрелы, – предложила Цзиньлянь и, взяв в руки лютню, заиграла конец вступления к мелодии «Островок прохлады»:

Пронесся хоровод —
бессонных мыслей рой,

Подлунный небосвод
над солнечной горой.
Бессмертных духов пир
в чертогах золотых.
Напев небесных лир —
стон радостей земных
Пусть водные часы
услышат ход времен,
Но отзвуком весны
бокалов перезвон.
Хором подхватили припев:
Ветер, ветер, в западных скитаньях
Не гони колеса осени печальной!
Заключительная ария:
Время – молнии вспышка.
Как эта ночь хороша!
Ночи и дни – спешат,
Горести от излишка.
Пир, несмолкающий смех,
Милых жемчужные плечи,
Песня любви быстротечной...
Жизнь создана для утех.

Они шли рядом, плечом к плечу. Обогнули бирюзовый пруд, беседку Роз, обошли Зимородковый павильон и очутились перед Виноградской беседкой. Чудесное это было место!

Только поглядите:

На каменном острове резные перила. Вокруг все в зелени густой, обильной. Тысячи ветвей поникли. Подобно инею покрывают их тяжелые гроздья лиловых плодов. Ароматами осени пахнуло. Будто средь зеленых облаков повисли вышитые пояса. Склонились кисти «дамских пальчиков». В плодах хрустальных горит нефритом сок. Колышутся гроздья зеленых перлов. На золотых рамах сверкает изумрудный нектар. То из Западных земель^[401] породы, таящие нектарного ключа редчайший аромат. Тут в самом деле диковинки-цветы всех четырех сезонов года. А свежий ветерок и лунное сиянье ни за какие деньги не купить.

В Виноградской беседке стояли четыре прохладных табурета и ваза сбоку. Цзиньянь отставила в сторону лютню и только хотела было метнуть в вазу стрелу, как вдали показались Чуньмэй и Цюцзюй. Первая несла вино, а вторая – коробку яств, на которой стояла чаша с

охлажденными фруктами.

– Ты ведь ушла такая недовольная, – заметила Цзиньянь. – Все-таки принесла, что тебя просили.

– Где я вас только не разыскивала, – проговорила Чуньмэй. – Никак не думала, что вы тут окажетесь.

Цюцзюй поставила коробку. Симэнь открыл ее и увидел внутри восемь отделений. В каждом лежали изысканные кушанья и плоды: в одном – маринованные гусиные потроха, в другом – нарезанное тонкими ломтиками мясо, в третьем – серебрянка в коричном соусе, далее – рубленая провяленная цыплячья грудка, свежие зерна лотоса, молодые орехи, свежие чилимы и каштаны. Тут же стоял серебряный кувшинчик виноградного вина, изящные золотые чарочки-лотосы, лежали две пары палочек слоновой кости. Симэнь поставил коробку на стол, а сам сел напротив Цзиньянь.

Началась игра. Они пустили стрелы «через мост», «попали опереньем в цель», потом следили за «парой гусей парящих», «кандидатами, успешно сдавшими экзамен», «ученью преданными красавицами Цяо»^[402] и «весной уснувшей фавориткой Ян»; смотрели, как «дракон прячется в пещере» и как «жемчужины свисают с занавески». Они метнули более десятка стрел, и Цзиньянь почувствовала, что опьянела. Лицо разругалось, в глазах зареяло. Симэнь решил выпить любовный напиток «ароматичное вино» и послал за ним Чуньмэй.

– Послушай, говорунья! – обратилась к ней Цзиньянь. – Будь добра, принеси мне из спальни прохладную циновку и подушку. Меня так в сон и клонит. Я лягу.

– Ну, хватит! – заявила привыкшая капризничать Чуньмэй. – Все вам подавай! Так я вам и пойду за постелью!

– Если сама не захочешь, пошли Цюцзюй, – сказал Симэнь. – Ты за вином ступай.

Чуньмэй покачала головой и исчезла. Наконец, с циновками и одеялом явилась Цюцзюй. Цзиньянь велела ей приготовить постель и запретить сад.

– Придешь, как позову, – наказала она.

Цюцзюй расстелила постель и ушла.

Симэнь скинул с себя бледно-зеленый халат, бросил его на перила и вышел из беседки. Пройдя по тропинке среди пионов и очутившись в сосновой аллее, он отправил у клумбы естественную надобность, а когда вернулся в беседку, Цзиньянь, обнаженная, уже лежала на циновке. На ногах у нее были ярко-красные туфельки, а в руке белый

шелковый веер. Цзиньлянь сразу возбудила в нем страсть. Разгоряченный винными парами, он тоже разделся, сел на табурет, ногой пошевелил сердцевину цветка, отчего из него капнул нектар, подобный тому, какой оставляет за собою улитка. Потом Симэнь снял с ее ног вышитые туфельки, поиграл ими, а немного погодя разбинтовал ей ноги и привязал их по обеим сторонам к обвитой виноградником решетке. Цзиньлянь стала похожа на золотого дракона с вытянутыми лапами. Лоно разверзлось. Пунцовый крюк появился наружу. Стал источать пряный аромат гвоздики. Сначала Симэнь, присев, копьё свое нацелил и «оперением в мишень попал». Потом, держась за изголовье, собрав все силы, в бой ринулся, который вел, пока поле битвы не застелило плотной пеленою мрака, в котором он сновал, как угорь в иле. Цзиньлянь внизу без умолку стонала.

Сражение было в самом разгаре, когда с подогретым вином появилась Чуньмэй. Едва увидев происходящее, она поставила вино и стремглав бросилась в самую высокую беседку, названную Беседкой спящих облаков. Там, облокотившись на шашечный столик, Чуньмэй занялась расстановкой фигурок, но ее заметил Симэнь и поманил рукой. Чуньмэй не пошла.

– Ах ты, болтушка! – заругался он. – Хочешь, чтоб тебя силой приволокли?

Он бросил Цзиньлянь и крупными шагами направился к Чуньмэй. Она тем временем успела сбежать узкой тропинкой вниз к гроту Весны, а через него – к мокрому, высотой по пояс, кустарнику, в чаше которого и спряталась. Однако Симэнь заметил, как в тени мелькнула фигура.

– Ах ты, болтушка, от меня не уйдешь, – крикнул Симэнь и, схватив ее за талию, понес в Виноградную беседку.

– Выпей чарочку, – сказал он, сажая Чуньмэй на колени.

Они попивали вино, Вдруг Чуньмэй увидела Цзиньлянь, лежавшую с привязанными к решетке ногами.

– Что это вы тут делаете? – спросила она. – И это средь бела дня. А кто увидит, хорошо ли?

– Ты калитку заперла? – спросил Симэнь.

– Заперла.

– Смотри, как я буду метать стрелы в живую вазу,^[403] – обращаясь к Чуньмэй, молвил Симэнь. – Игра называется «Золотая пуля поражает серебряного гуся». Гляди! За каждое попадание пью чарку.

Он вынул из чаши несколько слив и, нацелившись, пустил подряд три штуки в лоно Цзиньлянь. Все угодили в сердцевину цветка.

Симэнь выпил подряд три чарки любовного напитка и велел Чуньмэй поднести чарку Цзиньянь, а сам спрятал сливину в лоно, не стал вынимать и начинать сражение не думал. Возбужденная Цзиньянь была переполнена страстью, однако не решалась позвать Симэня, лежала обессиленная, с помутившимися глазами.

– Ну и лиходей же ты, – шептала она с дрожью в голове. – Доведешь ты меня, мучитель, до погибели.

Но Симэнь, не обращая никакого внимания на нее, знай себе пил вино, а Чуньмэй приказал встать рядом и обмахивать его опахалом. Немного погодя он развалился в кресле, начал клевать носом и заснул. Чуньмэй слегка толкнула его в бок и опрометью бросилась через грот в дальние покои. Послышался стук в калитку. Чуньмэй открыла. Перед ней стояла Пиньэр.

Симэнь проспал, должно быть, целую стражу. Когда он проснулся, перед ним по-прежнему была распростерта привязанная Цзиньянь. Вздymались вверх ее белоснежные ножки. У него снова загорелось желание и, воспользовавшись отсутствием Чуньмэй, он приблизился к Цзиньянь, достал сливину и велел ей съесть ее. Он расположился на циновке, достал из мешочка безделки для любовных утех, сперва приладил серебряную подпругу, потом серное кольцо, но, продолжая разминку, в схватку не вступал, лишь кружил вокруг лона, потирал-похлопывал и не углублялся. Возбужденная Цзиньянь, не вытерпев, закричала:

– Ну, давай же! Не могу я больше! Знаю, ты из-за Ли Пиньэр на меня злишься, вот и мучаешь. Но после того, как я натерпелась сегодня, уж больше не отважусь тебя дразнить.

– А, негодница! – засмеялся Симэнь. – Теперь ты по-другому заговорила.

– Что ты делаешь?! Довольно! – едва слышно, задыхаясь, шептала Цзиньянь. – Прости меня! Пощади! – наконец, выкрикнула она, и в ее голосе послышалось отчаяние.

– Я еще не показал тебе, как «монах ударяет в колокол», – сказал Симэнь и снова ринулся в схватку.

Цзиньянь закрыла глаза. В груди у нее что-то тихо хлопотало, язык одеревенел. Она совсем утратила силы.

Симэнь испугался, отвязал ей ноги и посадил на циновку. Не сразу она открыла глаза и стала приходить в себя.

– Мой милый! – произнесла она, наконец, сквозь слезы. – Почему ты сегодня так жесток со мной? Ведь я чуть было с жизнью не простилась. Не надо больше так. У меня голова кружится. Я ничего не

соображаю.

Заметив, что солнце клонится к западу, Симэнь поспешно помог Цзиньянь одеться и позвал Чуньмэй с Цюцзюй убрать постель. Они проводили ее в спальню, а когда Чуньмэй вернулась, Цюцзюй собрала посуду и хотела было запереть сад, как к ней вынырнул из-за беседки сынишка Лайчжао – Тегунь.

– Тетя, угости сливой! – попросил он Чуньмэй.

– Тебя откуда принесло, арестант! – крикнула Чуньмэй и дала ему слив и персиков. – Смотри, возле передних покоев не показывайся, а то батюшка пьяный. Он тебя прибьет.

Пострел схватил фрукты и бросился наутек. Чуньмэй заперла сад и вернулась в спальню Цзиньянь, чтобы приготовить им с хозяином постель, но не о том пойдет речь.

Да,

С утра в Ущелье золотом^[404]

себе устроил знатный пир,

И к ночи юбки шелестят –

с красотками не расстается.

В утехах, в радостях земных

его сосредоточен мир:

Едва померкнет свет дневной,

заря вечерняя зажжется...

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ ИЗ-ЗА ТУФЕЛЬКИ РАЗЫГРЫВАЕТ ЦЗИНЬЛЯНЬ

РАЗГНЕВАННЫЙ СИМЭНЬ ЦИН ИЗБИВАЕТ ТЕГУНЯ

*Чем милосердней, чем добрей мы к людям,
Тем крепче на ногах стоять мы будем.
Нужны покой и трезвое мышление,
Все промахи – от спешки, от волнения.
Терпенье с постоянством вечно дружат,
Где ровен путь, там путники не тужат.
Кто скарденностью черствой не страдает,
Обильный урожай плодов снимает.*

Так вот, проводили Цзиньлянь в спальню. Симэнь разделся, оставшись в одной короткой рубашке из легкого шелка, на Цзиньлянь была лишь газовая красная кофта, прикрывающая грудь. Они сели рядом, плечом к плечу, и снова наполнили чарки. Симэнь обнял Цзиньлянь за шею, и они стали пить из уст в уста. Он был с ней очень ласков, заглядывался на ее распущенные волосы-тучи, полуобнаженную пышную грудь, смотрел ей в томные и лукавые глаза. Она напоминала опьяневшую фаворитку Ян.^[405]

Нежная рука потянулась к его поясу, чтобы поиграть тем самым предметом. Тот встревожился, на нем показалась серебряная подпруга. Под ее тихий и монотонный перезвон вытянулся канат, могучий и длинный. Обрадованный Симэнь Цин воскликнул:

- Поиграй еще. Ведь это ты так его напугала, что он онемел.
- Как это – онемел? – спросила Цзиньлянь.

Симэнь Цин ответил:

– Если это не болезнь онемения, почему он стал таким мягким и не в силах подняться? Почему ты не попросишь его как следует?

Женщина с улыбкой бросила взгляд, присела на корточки и, опершись на ногу Симэня, как на подушку, сняла пояс, которым были подвязаны его штаны. Разве можно в таком положении оставаться бесчувственным! Так болезнь онемения притворившегося мертвым того самого предмета проходит как не бывало.

Поиграв какое-то время, Цзиньянь поднесла предмет к напудренному лицу и долго прижимала к нему, затем стала сосать, а кончиком языка лизать самый кончик, напоминавший по виду рот гадюки. Предмет вспыхнул моментальным гневом и поднялся. Впалые, потерявшие прелесть глаза округлились и вспучились, повисшие волосы на щеках поднялись и стали торчком. Симэнь Цин, чтобы продлить себе удовольствие, присел на подушку, позволяя женщине, стоя на четвереньках, сосать, чтобы она с еще большим усердием продолжала начатое. Вскоре в нем пламенем загорелась страсть, и они снова отдались уладам.

– Дорогой! – умоляла Цзиньянь. – Пощади свою рабу, больше так не терзай ее!

В эту ночь они предались разгулу буйных страстей.

Тому подтверждением стихи:

Был пыл отважного сраженья,
Был миг блаженный наслажденья –
Затишья и отдохновенья
Пришла к любовникам пора.
Но снова томный взор лучится,
И черенок в руке томится
Из тучи дождь готов пролиться...
Так бесконечно будет длиться
Их любострастная игра.
Звучат удары пульса в лад,
Бьет плоти белизна сквозь полог,
Уста, как сполохи, горят,
Их поцелуй глубок и долог.
Снующей за травой рыбешкой
Туда-сюда он быстро мчится;
Крадется медленно, как кошка,
Чтобы поймать шальную птицу.
Пока у черепахи чудной

Сладчайший сок не источится,
Не смеет даже на секунду
Чаньэ отсюда отлучиться.

На другой день Симэнь с утра выехал из дому. Цзиньлянь встала к обеду, сняла ночные туфельки и хотела было обуть свои красные вышитые, в которых ходила накануне, но обыскала все кругом – одна туфелька исчезла.

Она позвала Чуньмэй.

– Мы с батюшкой провожали вас до спальни, – говорила Чуньмэй, – а постель несла Цюцзюй.

Цзиньлянь кликнула Цюцзюй.

– Я не заметила на вас, матушка, никаких туфелек, когда вы шли в спальню, – сказала Цюцзюй.

– Ну что за глупости ты болтаешь! – оборвала ее Цзиньлянь. – «Не заметила туфель!» Значит, я, по-твоему, босая, что ли, шла?

– Если вы, матушка, их обували, то куда ж она могла деться? – недоумевала Цюцзюй.

– Негодяйка, рабское отродье! – заругалась Цзиньлянь. – Ты еще будешь мне выговаривать?! Если некуда ей деться, разыщи ее мне сейчас же!

Цюцзюй обыскала все три комнаты, перешарила все под кроватью, перерыла на кровати, но туфельки и след простыл.

– Наверно, у меня в спальне черт завелся, вот и утащил, прямо с ноги снял, – бранилась Цзиньлянь. – На что, спрашивается, я тебя тут держу, рабское отродье?

– Может быть, вы забыли их в саду, матушка? – проговорила Цюцзюй.

– Ты в своем уме? Что я, не помню, обута была или босая? – Цзиньлянь позвала Чуньмэй. – Ступай с этой негодницей в сад. Не найдете, накажу, рабское отродье. С камнем над головой стоять заставлю.

Чуньмэй повела Цюцзюй в сад. Они обыскали всю Виноградную беседку, но туфельки так и не нашли.

Да,

Все прислужники-духи прибрали давно.

Не ищи в камыше, озаренном луной.

– Ты как сваха, забывшая дорогу, – говорила Чуньмэй, когда они шли из сада. – Тебе теперь и сказать нечего. Продала матушка Ван жернов и молоть нечем.

– Я, конечно, не знаю, кто стащил у матушки туфельку, но я не видала на ней никаких туфель, – твердила свое Цюцзюй. – Может, ты калитку отперла, а кто-нибудь вошел да и взял ее.

Чуньмэй плюнула ей в лицо.

– Ах ты, негодяйка, чтоб тебе ни дна ни покрышки! – заругалась она. – Теперь меня вздумала винить! Да я даже матушке Шестой не открыла, неужели стану невесть кого пускать! Ишь, чего придумала! Ты постель несла, рот разинула и потеряла, а теперь оправдываешься.

– Не нашли мы туфельку, – объявила Чуньмэй и ввела Цюцзюй.

Цзиньлянь распорядилась вывести Цюцзюй во двор и поставить на колени.

– Дайте я еще поищу в саду, – со слезами просила Цюцзюй. – Не найду, тогда наказывайте.

– Не верьте вы ей, матушка! – вставила Чуньмэй. – Мы весь сад вдоль и поперек обыскали. Иголка нашлась бы, не только туфелька.

– Дайте, я поищу, – упрашивала Цюцзюй и, обратившись к Чуньмэй, сказала: – А что ты со своим языком лезешь?

– Ладно! – согласилась, обернувшись к Чуньмэй, Цзиньлянь. – И ты с ней иди, погляди, где искать будете.

Чуньмэй опять повела Цюцзюй в сад. Обыскали у приозерного камня, у грота, цветочной клумбы и в сосновой аллее – все напрасно. Цюцзюй нервничала. Чуньмэй дала ей две пощечины и потащила к Цзиньлянь.

– Мы в гроте не смотрели, – сказала Цюцзюй.

– В каком гроте? – спросила Чуньмэй. – В гроте Весны, где батюшкина летняя спальня, что ли? Да матушка вчера туда и не ходила. Раз нет, значит нет. Пойдем, так матушке и скажешь.

Чуньмэй пошла с ней в грот Весны. Они осмотрели спальню. Цзиньлянь заглянула на полки.

– На полки пригласительные карточки с бумагой кладут, а не туфли. Нечего их там искать, – торопила ее Чуньмэй. – Хватит тебе хитрить и время тянуть. Ишь, все полки перевернула. Хочешь, чтобы тебе и от хозяина досталось? Ты своим упрямством себя до гибели доведешь. Это я тебе точно говорю.

– А это что? Не матушкина ли туфелька? – крикнула немного погодя Цюцзюй, вынимая из свертка благовоний и трав туфельку. – Вот и нашлась!

– Да, это она! – повертев в руках ярко-красную туфельку, заключила Чуньмэй. – Но как она могла попасть на эти полки? Тут что-то не то.

Они пошли к Цзиньянь.

– Нашли? Где она была? – сразу спросила их Цзиньянь.

– У батюшки в летнем кабинете на полке среди ароматных трав лежала, – отвечала Чуньмэй.

Цзиньянь взяла найденную туфельку, поставила рядом с той, которая была у нее. Обе из расшитого цветами и узорами ярко-красного атласа, на белой шелковой подошве – зеленой к пятке и голубой у носка. Единственное отличие, заметное лишь при внимательном рассмотрении, сводилось к оттенку ниток – зеленых и зеленовато-бирюзовых, которыми их шили. Цзиньянь примерила туфельку. Она оказалась тесноватой. «Да это же туфля Хуэйлянь, – сразу сообразила она. – Когда ж это она дала ее проклятому насильнику? Он не решился ее в доме держать, вот и спрятал в гроте. Только и там ее разыскивали». Она повертела туфельку и сказала:

– Это не моя туфелька! Сейчас же ступай во двор и становись на колени! – Цзиньянь обернулась к Чуньмэй. – А ты ей камень дай. Пусть над головой держит.

– Чья же это туфелька, если не ваша, матушка? – спрашивала заплаканная Цюцзюй. – Я вам нашла, а вы наказываете. Что же вы бы со мной сделали, если б туфелька не сыскалась?

– Замолчи, негодница! – крикнула Цзиньянь.

Чуньмэй нашла большой камень и положила его на голову Цюцзюй.

Цзиньянь обула другие туфельки. Дома ей показалось жарко, и она велела Чуньмэй отнести туалетный столик в терем Любования цветами. Закончив утренний туалет, она пошла бить Цюцзюй, но не о том будет речь.

Расскажем теперь о Чэнь Цзинци. Рано утром он вышел за одеждой из лавки и, очутившись у садовой калитки, наткнулся на игравшего Тегуна.

– Что это у тебя, дядя? – спросил мальчик, заметив в руках Цзинци серебряное монисто. – Дай мне поиграть.

– Это чужая вещь, – отвечал Цзинци. – Ее выкупать пришли.

– Мне поиграть хочется, – не унимался Тегунь, задорно посмеиваясь. – А зато что я тебе за это дам!

– Вот глупый мальчишка! – говорил Цзинци. – Говорят, что вещь заложенная. Я тебе другую найду, а у тебя что есть? Ну-ка покажи.

Тегунь вытащил из-за пояса ярко-красную вышитую цветами туфельку и дал Цзинци.

– Где ты ее взял? – спросил Цзинци.

– Знаешь, дядя, – начал Тегунь, – играл я вчера в саду, вижу батюшка матушку Пятую за ноги привязывает в Виноградской беседке. Так они под ветерком качались! Когда батюшка ушел, я у тети Чуньмэй слив выпросил, а потом у беседки эту туфельку нашел.

Цзинци разглядывал туфельку. Она была изогнута, как молодой месяц. Ярко-красный цвет делал ее похожей на только что опавший цветок лотоса. Он положил ее на ладонь. В ней было не больше трех дюймов.

– Дай ее мне, – сказал Цзинци, догадавшись, что она с ноги Цзиньянь, – а я тебе завтра другое монисто принесу.

– Только не обманывай меня, – согласился Тегунь. – Я к тебе, дядя, завтра приду.

– Ну что ты! – заверил его Цзинци.

Тегунь убежал, а Цзинци сунул туфельку в рукав, а про себя подумал: «Сколько раз я заводил с ней разговор, и всякий раз она вроде не прочь сойтись, но как только дойдешь до дела, убегает. И вот ее туфелька у меня в руках. Само небо сулит мне удачу. Теперь-то уж я ее как следует разыграю. Ей от меня так не уйти».

Да,

В спешке нить не вдевают в иглу,
Не плетут кружева на бегу.

Цзинци направился к Цзиньянь. Обойдя экран, он увидел стоящую на коленях Цюцзюй.

– И вы, барышня, камни таскаете? – в шутку спросил он. – Как же это вы на каторгу попали?

– Кто это во дворе говорит? – спросила сидевшая в тереме Цзиньянь. – Негодяйка, наверное, камень с головы сняла.

– Зять Чэнь пришел, – ответила вошедшая к ней Чуньмэй. – А Цюцзюй с камнем стоит.

– Заходи в терем, зятюшка! – пригласила Чэнь хозяйка. – Я одна.

Прыткий малый подобрал одежду и бросился в терем. Цзиньянь сидела перед открытым окном, занавешенным легкой шторой, и занималась своей прической. Цзинци сел рядом на табурет. Цзиньянь расчесала ниспадавшие до самого пола черные, как смоль, волосы, перевязала их красной шелковой лентой, потом забрала под сплетенную из серебряных нитей сетку, из-под которой возвышался щедро украшенный розами пучок-туча, сбоку спускались завитые локоны. Цзиньянь напоминала живую Гуаньинь. Она отставила туалетный столик, вымыла в тазу руки и, одевшись, позвала Чуньмэй.

– Угости зятя чаем, – распорядилась она.

Цзинцзи молча улыбался.

– Что это ты улыбаешься, зятюшка? – спросила Цзиньянь.

– Ведь у тебя что-то пропало, – проговорил лукаво Цзинцзи.

– А ты откуда знаешь? И какое тебе до этого дело, негодник?

– Я к тебе с открытой душой, а ты как со мной обращаешься? Раз у тебя одна ругань, я пойду.

Цзинцзи повернулся и направился к двери, но его удержала Цзиньянь.

– Еще дуется, несчастный! Не с кем после Лайвановой жены-то шиться, вот и вспомнил он свою старую матушку. А ты ведь угадал, у меня в самом деле пропажа.

Цзинцзи вынул туфельку и повертел ею перед носом Цзиньянь.

– Гляди, с чьей это ножки такая маленькая? – дразнил он.

– Это ты, несчастный, ее украл, а мы тут обыскались! Я служанку наказала.

– Но как же я мог украсть?

– А кто ж, кроме тебя? Подобрался, небось, как крыса, и сташил.

– И не стыдно тебе так говорить? Да я у тебя вот уж сколько дней не был.

– Вот погоди, несчастный, я батюшке пожалуюсь, – пригрозила Цзиньянь, – тогда посмотрим, кому будет стыдно.

– Ты только и знаешь батюшкой стращать.

– Ишь, как расхрабрился! – говорила с укором Цзиньянь. – Ты же знал, что он с Хуэйлянь того, и все-таки с ней заигрывал. Впрочем, потаскуха, наверное, сама за тобой бегала. Как же, однако, к тебе моя туфелька попала, а? Конечно, ты украл, так и скажи честно. И давай сюда, пока тебе не всыпали. Вещь, говорят, и сама к хозяину тянется. Да не вздумай отпираться, а то загублю, без погребения оставлю.

– А ты настоящий палач! Тебе б только кишки выпускать. Вот что. Тут никого нет, и давай потолкуем по душам. Хочешь туфельку получить, давай меняться, а то равновесие нарушится.

– Ты обязан мне вернуть туфельку, несчастный! – говорила Цзиньянь. – А что ты за нее просишь?

– Дайте мне, матушка, платочек, который у вас в рукаве, – сказал, улыбаясь, Цзинцзи. – Получит ваш сынок платочек, будет у вас туфелька.

– Я тебе другой платок найду, – сказала Цзиньянь. – Этот неудобно. Его батюшка хорошо знает.

– А мне никаких других не надо. Мне по душе как раз только вот

этот.

– Ишь, какой ловкий! Никаких сил у меня нет с обоими вами связываться, – сказала Цзиньянь и вынула из рукава отделанный белой бахромой шелковый платок с вышитыми серебром тремя знаками и сценой ночной молитвы Инъин.^[406]

Цзинци низко поклонился, беря протянутый ему платок.

– Смотри, убери как следует да жене не показывай, – наказала Цзиньянь. – А то ей тоже на язык не попадается.

– Знаю, – заверил ее Цзинци и вернул туфельку, со словами: – Ее Тегунь в саду нашел. Я ему в обмен монисто пообещал.

Цзиньянь вся вспыхнула и закусил губы.

– Ты только погляди, до чего захватал своими грязными руками этот негодяй. Вот велю батюшке избить рабское отродье, тогда будет знать.

– Ты меня погубишь, – взмолился Цзинци. – Ладно, накажут мальчишку, но ведь я тебе сказал, значит, и мне достанется. Прошу тебя, ни слова обо мне.

– Я скорее пощажу скорпиона, чем этого негодяя!

Их разговор становился все оживленнее, когда за Цзинци пришел Лайань.

– Батюшка просит вас в переднюю залу, – сказал слуга. – Надо список подарков составить.

Цзиньянь поторопила Цзинци. Когда он ушел, она велела Чуньмэй принести палку, собираясь избить Цюцзюй.

– Я нашла вашу туфельку, а вы меня бить хотите, матушка? – не поддавалась служанка.

– Ты мне чужую подсунула, – ругалась Цзиньянь. – А куда эту девала?

Цзиньянь показала ей туфельку, которую принес Цзинци. Цюцзюй вытаращила глаза от удивления.

– Странное дело! Откуда же у вас, матушка, взялась третья туфелька? – не признавая своей вины, проговорила, наконец, Цюцзюй.

– И у тебя хватает смелости так заявлять! – заругалась Цзиньянь. – Подсунула чужую, а теперь, может назовешь меня треногой уродиной, а? Говори, где ты взяла эту туфлю!

Не вдаваясь в излишние подробности, Цзиньянь велела всыпать служанке десять палок. Та прикрывала руками поясицу и плакала.

– Это все из-за тебя мне достается, – говорила Цюцзюй, глядя в глаза Чуньмэй. – Ты калитку открыла, вот и унесли туфельку.

– Да ведь ты ж постель собирала, – оборвала ее Чуньмэй. – Что ж

ты туфельку-то потеряла? А когда тебя наказывают, ты людей винишь. Ладно, старая вещь, а если б матушка шпильку или серьгу потеряла, то тоже стала б на других сваливать, да? Говори спасибо, матушка тебя пожалела, слуг не позвала. Они б тебе дали десятка три палок. Посмотрела б я тогда на тебя.

Цюцзюй подавила гнев и замолчала.

Между тем в передней зале Цзинцизи упаковывал кусок шелка и другие подарки, которые Симэнь собирался преподнести тысяцкому Хэ, назначенному старшим тысяцким по уголовным делам в округ Хуайань. Чиновники из управы, родные и знакомые устраивали ему проводы в монастыре Вечного блаженства, но говорить об этом подробно нет надобности.

Симэнь Цин отправил с подарками Дайяня,^[407] а сам пообедал с Цзинцизи и пошел проведать Цзиньянь.

Она была не в духе и сразу рассказала ему о туфельке.

– Из-за твоих, негодник, проделок, у меня туфельку стащили, – говорила она. – Этот выродок – чтоб его на куски разорвали! – взял да носит везде, всем показывает. Хорошо, я узнала и отобрала. Сейчас же дай ему острастку, а то дальше – больше, пойдет все воровать.

Симэнь не стал расспрашивать, как она узнала о мальчишке, закипел от злости и побежал к передним постройкам. Тегунь, ничего не подозревая, играл у каменных ступеней. Симэнь схватил его за волосы, ударил кулаком и поддал пинка. Тегунь закричал так, будто его режут. Симэнь бросил мальчика, и тот, потеряв сознание, повалился на землю.

Прибежал испуганный Лайчжао с женой. Им пришлось долго отхаживать сына. Наконец он стал приходить в себя. Изо рта и носа у него пошла кровь. Родители отнесли Тегуня домой и кое-как разузнали, в чем дело.

Возмущенная Шпилька, придя на кухню, разразилась бранью.

– Чтоб ей сдохнуть, потаскухе проклятой! – ругала она направо и налево Цзиньянь. – Вот черепаший выродок! Что тебе ребенок сделал? За что его бить до полусмерти, а? Что мальчишка в десять лет понимает? У него вон кровь из носу идет. А если б не выжил, плохо бы тебе пришлось, потаскуха проклятая, никакие бы мольбы не помогли.

Два дня ругалась Шпилька и на кухне, и в передних постройках, но все никак не могла успокоиться. А Цзиньянь тем временем пиновала с Симэнем как ни в чем не бывало. Вечером, когда они легли, Симэнь увидел на ней туфли с красными пятками.

– Ой, какие некрасивые! – сказал Симэнь. – Зачем такие обула?

– У меня только одни ярко-красные, – объяснила Цзиньлянь, – и те, негодяй, рабское отродье, засалил. Где же я такие еще возьму?

– Сделай завтра же такие, как были и раньше, дитя мое! – просил Симэнь. – Разве ты не знаешь, как они мне нравились?!

– Какой ты странный! Впрочем, я забыла тебе кое-что сказать. – Цзиньлянь крикнула Чуньмэй: – Принеси мне ту туфлю! Узнаешь, с чьей ноги?

– Не знаю! Чья это?

– Скажите, пожалуйста! Он не знает! Меня не проведешь, и брось свои штучки! Все твои проделки известны. Ишь, Хуэйлянь повесилась, и тебе теперь ее вонючие портянки стали дороже жемчуга. В грот Весны отнес, в коробку с пригласительными карточками спрятал, писчей бумагой и благовониями переложил. Полюбуйтесь, какая редкость! Только ей и это не помогло. И не удивительно, что потаскуха в ад крошечный угодила. – Цзиньлянь ткнула пальцем в сторону Цюцзюй и продолжала: – А эта негодяйка мне подносит – ваша, говорит. Я ей за то и всыпала. – Цзиньлянь обернулась к Чуньмэй: – Выброси ее сейчас же!

Чуньмэй бросила туфельку и крикнула Цюцзюй:

– Бери! Это тебе в подарок!

– У матушки такая ножка маленькая, – сказала Цюцзюй, поднимая туфельку, – что в ее туфельку один мой палец не влезет.

– Какая тебе еще матушка?! – заругалась Цзиньлянь. – Она мать твоего хозяина в прошлом рождении. Вот она кто! А то с чего бы он ее туфлю стал так беречь? По наследству, должно быть, передать хочет, бесстыжий.

Цюцзюй пошла было с туфелькой в руке, но ее окликнула Цзиньлянь.

– Ступай нож принеси! В куски раскрою потаскухину туфлю и выброшу в отхожую яму, чтоб ей вечно в аду сидеть и на свет больше не появляться. – Цзиньлянь обернулась к Симэню: – Жаль тебе, небось, ее память, так я, полюбуйся, тем больше постараюсь – клочка от них не оставлю.

– Ну и чудная же ты! – засмеялся Симэнь. – Перестань! И нет никакой у меня жалости.

– А ну, поклянись, что тебе не жаль! Тогда почему и после смерти этой потаскухи ты хранишь ее туфлю, а? Нет, ты с утра до ночи тоскуешь. Я вот сколько лет рядом с тобой, а ты обо мне и не вспомнишь, а другую найдешь, так на нее и не надышишься.

– Ну, довольно! – с улыбкой проговорил Симэнь. – Опять свое

запела. Ведь она тебе ничего дурного не сделала.

Симэнь обнял Цзиньянь и поцеловал. Они отдались игре дождя и тучки.

Да,

Чуть тронешь струны чувств –
и тут же вспыхнут взгляды.

Отыщешь к сердцу путь –
и на душе отрада.

Тому подтверждением стихи:

Кому доверишь таинства души,

Кому хоть часть тоски своей отдашь?

Любовь жива, хоть как ее глуши...

Грызет весь день и затемно пять страж!

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

БЕССМЕРТНЫЙ У ПРЕДСКАЗЫВАЕТ СУДЬБУ ЗНАТНЫМ И ХУДОРОДНЫМ

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ ВЕДЕТ ПОЛУДЕННОЕ СРАЖЕНИЕ В БЛАГОУХАЮЩЕЙ ВАННЕ

*Кончится осень – жди цветения новой
весны;*

*Хмурые брови, вздохи, скорбь никому не
нужны.*

*Лишь за стихами ты забыл бы мирские
дела,*

*Краски только б за чаркой серая жизнь
обрела.*

*Или вот шашки заполняют тоскливый
досуг,*

Лютни звучанье породит ликование вокруг.

*Собственный разум от житейских сует
отстраняй.*

*Душу стихами, жизнь отменным вином
наполняй.*

Так вот. Встала Цзиньлянь рано, проводила Симэня и, вспомнив, что ей надо шить ярко-красные туфельки, направилась в сад. В руках у нее была корзинка с рукоделием. Устроившись на крыльце Зимородкового павильона, Цзиньлянь хотела было нарисовать на заготовках узор, но вскоре кликнула Чуньмэй и велела позвать

Пиньэр.

– Что ты разрисовываешь, сестрица? – спросила подошедшая Пиньэр.

– Да вот хочу сшить туфельки из ярко-красного гладкого атласа на белой ровной подошве, а носки украсить вышивкой – попугай срывает персик.

– У меня тоже лоскут ярко-красного атласа найдется, – подхватила Пиньэр. – Я тогда у тебя узор срисую. Только я буду шить на высокой подошве.

Пиньэр принесла корзинку с рукодельем, и они сели вместе.

– Сведи мне рисунок, – сказала Цзиньлянь, закончив узор на первой заготовке. – А я пойду сестрицу Мэн позову. Она тоже хотела туфельки шить.

Когда Цзиньлянь вошла в комнату Юйлоу, та, прислонившись к кану, тоже кроила туфельку.

– Так рано, а ты уже на ногах, – сказала Юйлоу.

– Я сегодня рано поднялась, – отвечала Цзиньлянь. – Хозяйина за город отправляла на проводы тысяцкого Хэ, потом сестрицу Ли позвала в сад шитьем заняться, пока прохладно, а то в жару не пошьешь. Я уж на одну туфлю узор нанесла, сестрице велела на другую свести, а сама вот за тобой пришла. Пойдем, вдвоем веселее работать. А ты что за туфельки кроишь?

– Да все те же из темного атласа, – говорила Юйлоу. – Я тебе вчера показывала.

– Ты молодец! – похвалила Цзиньлянь. – С раннего утра взялась.

– Одну вчера сделала, – отвечала Юйлоу, – сегодня за вторую принялась.

Цзиньлянь повертела туфельку в руках и спросила:

– А как собираешься отделывать?

– Я постарше вас, – начала Юйлоу. – Мне яркая расцветка не подойдет. Носок думаю золотой бархоткой опустить, край зеленой бахромой отделать, а подошву высокую поставлю. Как, по-твоему, ничего получится?

– А чем же плохо? Собирайся быстрее и пойдем. Ли Пиньэр заждалась, наверно.

– Присаживайся, чайку выпьем и пойдем, – предложила Юйлоу.

– Нет, там вместе попьем.

Юйлоу наказала Ланьсян принести чай в павильон и, спрятав туфельки в рукав, пошла с Цзиньлянь.

– Куда вы так спешите? – окликнула шедших рука об руку женщин

Юэнян.

– Сестрица Ли послала меня за сестрицей Мэн, – отвечала Цзиньлянь. – Мы туфли шьем.

Юэнян осталась у себя на террасе, а они пошли в сад. Каждая показывала свое рукоделье. Появилась с чаем Чуньмэй, за ней подала чай горничная Пингэр и, наконец, Ланьсян. Все сели за чай.

– Сестрица, – обратилась Юйлоу к Цзиньлянь, – почему ты шьешь на тонкой подошве? Ведь на высокой красивее. Не нравится деревянная со скрипом, поставь, как у меня, войлочную. Так мягко, ходить удобно.

– Мне ведь не для ходьбы, а ночные, – объясняла Цзиньлянь. – Хозяин велел новые сшить, а то мои негодяй захватал.

– Ох, эта туфелька! – вздохнула Юйлоу. – Не хочу сплетничать, пусть сестрица Ли послушает. Ты туфельку потеряла, а сын Лайчжао – Тегунь – ее в саду подобрал. Потом ты откуда-то об этом узнала, пожаловалась хозяину, а он избил Тегуня. Мамаша его, Шпилька, говорит, у него из носу кровь шла, без сознания, говорит, упал. Она в дальних покоях так ругалась! Только и слышно было: «Из-за потаскухи, черепашого выродка, ребенка избили, а что он понимает! Хорошо, в живых остался, а то б потаскухе с черепашим выродком тоже несдобровать». Я так и не поняла, кого ж она выродком обзывала. А потом Старшая спросила Тегуня, и тот рассказал ей, как играл в саду, нашел туфельку и хотел у зятя обменять на монисто. Кто-то, говорит, сказал батюшке, а тот меня избил. Тут только я поняла: Шпилька, оказывается, зятя Чэня черепашим выродком называла. Хорошо, только Ли Цзяоэр рядом была, а услышь Старшая, неприятностей не оберешься.

– А что Старшая сказала? – спросила Цзиньлянь.

– Что сказала?! Так тебя отчитывала! В нашем доме, говорит, смутьянка заправляет, девятихвостая лиса завелась. Она, говорит, хозяина натравит, он и начинает все крушить. Вот и сосланного Лайвана тоже. Он приехал с юга, все было хорошо. И вдруг поползли со всех сторон наговоры. И жена-то его, мол, с хозяином шьется, и сам-то он ножом грозит, дубинкой размахивает. Одного, говорит, закоренелым убийцей объявили, другую – любовницей, а потом и обвинение выдумали. Его выслали, а ее до петли довели. А теперь, говорит, из-за своей туфли всех мутить начинает. Да ты, говорит, обуи как следует и носи, никто не подберет. Напилась, говорит, небось, да вытворяла с хозяином невесть что, вот и туфлю потеряла. А теперь – ни стыда ни совести – на мальчишке зло срывает. Подумаешь, какое

преступление совершил!

– Пусть заткнет свое хлебало! – закричала Цзиньлянь. – «Какое преступление», говорит? Убийство, выходит, не преступление! Он, рабское отродье, хозяина хотел зарезать. – Цзиньлянь обернулась к Юйлоу. – Я никогда ничего от тебя не таила, сестрица. Помнишь, как мы с тобой перепугались, когда нам Лайсин сказал? Если ты старшая жена, как же ты, спрашивается, можешь так говорить! Тебе все равно, мне все равно, выходит, убивай мужа, и ладно. Его жена у тебя прислуживала, так ты ее до того распустила, что она нынче с одной ругается, завтра с другой. Верно, как у должника есть кредитор, так у оскорбленного есть обидчик. Если ты меня поносишь, то я буду поносить тебя. Она повесилась, а от мужа все-таки скрыла правду, промолчала. Спасибо, деньги да знакомства помогли, а то что б было! Тебе хорошо с высоты других осуждать. Ты – одно, а мы – совсем другое. Да, я подстрекала мужа. Я настояла, чтоб хозяин избавил нас от этой парочки. А то б нас наверняка засунули головой в колодезь.

Юйлоу, заметив, как побагровела разгневанная Цзиньлянь, принялась ее уговаривать:

– Мы с тобой сестры, дорогая! Я доверяла тебе, как самой себе, и сказала все, что слыхала. Прошу тебя, пусть это останется между нами.

Цзиньлянь, однако, ее не послушалась и вечером, дождавшись прихода Симэня, подробно рассказала ему, как жена Лайчжао, Шпилька, ругалась в дальних покоях:

– Ты, говорит, избил ее сына. Будь, мол, у нее зацепка, она бы этого так не оставила.

Не услышь такого Симэнь, все б шло своим чередом, а тут он крепко запомнил сказанное Цзиньлянь и на другой же день решил выгнать из дома Лайчжао с семьей. Хорошо, Юэнян удалось кое-как его уговорить, но остаться дома слуге не позволили. Лайчжао был отправлен сторожем на Львиную, а у Симэня поставили главным привратником перешедшего оттуда Пинъаня.

Позднее, узнав об этом, Юэнян негодовала на Цзиньлянь, но не о том пойдет речь.

Чтоб не раскаяться, в делах не торопись.

Удачу встретив – непременно обернись.

Итак, в передней зале Симэнь Цин объявил Лайчжао, что тот с женой и сыном должен перебраться на Львиную улицу и сторожить там дом.

Однажды Симэнь сидел в зале. К нему вошел привратник Пинъань и доложил:

– Столичный воевода^[408] господин Чжоу прислал к вам с провожатым физиогномиста Бессмертного У. Они у ворот ожидают.

– Позови посыльного, – распорядился Симэнь и, заглянув в визитную карточку воеводы Чжоу, крикнул: – Зови!

Вскоре в ворота походкой легкой вошел, будто влетел, Бессмертный У. Ему было, должно быть, за сорок. В черной грубой повязке даоса, холщовом плаще, подпоясанном желтым шелковым поясом с кистями, в плетеных сандалиях и с веером из черепашьего щитка, он был так безмятежно чист, как светлая луна, что сияет над Янцзы; обликом своим напоминал вековую сосну с вершины горы Хуа – столь строго исполнял он обет и так величественны были его осанка и поступь.

Бессмертного обычно узнают по таким отличительным признакам: видом он походит на сосну, голос у него густ, как колокольный звон, сядет – согнется, точно лук, пойдет – станет легким, словно ветер.

Только поглядите на него:

Постиг зеркало геомантов, Цзыпина.^[409] астрологию усвоил. По небесным знаменьям распознавать умеет соотношение тьмы и света; исследовав «Канон Дракона», научился раскрывать тайны ветра и воды^[410] Вник в сокровенный смысл пяти светил,^[411] и в тайны трех предопределений^[412] дошел до сути всех структур и форм. Способен предсказать расцвет иль увяданье, по цвету лица определить грядущую судьбу. Он, если не мудрец, на горной вершине Хуа постигший сокровенное ученье, то, стало быть, гадальщик из Чэнду.^[413]

Увидев приближающегося Бессмертного, Симэнь поспешно спустился со ступеней к нему навстречу и ввел его в залу. Вошедший, сложив на груди руки, отвесил хозяину поклон и сел.

После чаю Симэнь обратился к Бессмертному с вопросами:

– Позвольте узнать ваше высокое имя и прозвание. Из какого счастливого края пожаловали? Как познакомились с почтенным господином Чжоу?

– Бедного даоса фамилия У, имя Ши, даосское прозвание Хранящий истину, – отвечал, слегка привстав, Бессмертный. – Родом из провинции Чжэцзян, где рос среди бессмертных. С малых лет, следуя за учителем, я удалился в монастырь Пурпурной пустоты на горах Тяньтайских,^[414] потом, как облако, залетал в столицу. Посетил паломником священную гору Тай, так очутился в ваших драгоценных краях,^[415] где командующий войском господин Чжоу и направил меня в вашу резиденцию предсказать вам будущее.

– Позвольте узнать, почтенный наставник бессмертных, – обратился к гостю Симэнь, – учение каких же геомантов вы постигли и последователем какой школы физиогномистов себя считаете?

– Я знаком с тринадцатью школами последователей Цзыпина, – отвечал Бессмертный У, – постиг физиогномистику методом Одетого в рубище,^[416] премудрость чернокнижия и магии, лечу снадобьями болящих, но к мирскому богатству равнодушен, поскольку невелик срок моего пребывания среди смертных.

Еще большим почтением к прозорливому проникся Симэнь Цин.

– Вы истинный бессмертный! – воскликнул он и велел слугам накрыть стол.

– Воевода Чжоу прислал меня к вам предсказать судьбу, – говорил гость. – Можно ли трапезничать, прежде чем завершено дело?

– Вы пожаловали издалека, наставник бессмертных, – успокаивал, улыбаясь, хозяин. – Вам и утром, должно быть, не пришлось садиться за трапезный стол, а судьбу не поздно будет предсказать и потом.

Симэнь за компанию с Бессмертным отведал постные кушанья, а когда со стола убрали, велел подать кисть и тушечницу.

– Сначала посмотрим, что предвещают знаки вашего появления на свет, – сказал прорицатель, – потом обратимся к вашему почтенному облику.

Симэнь сказал, что родился в год тигра, в седьмой луне двадцать восьмого дня в полночь, что исполнилось ему двадцать девять лет.

Бессмертный У таинственно перебрал несколько раз пальцы, помолчал, потом начал:

– Ваш гороскоп, сударь, определяют числа, свидетельствующие о рождении в год бин-инь, или третий, в месяц синь-ю, или пятьдесят восьмой, в день жэнь-у, или девятнадцатый, в час бин-цзы, или тринадцатый.^[417] Сезон белых рос;^[418] начинается двадцать третьего дня седьмой луны и простирается на восьмую луну, отсюда высчитывается ваша судьба. Месяц обуславливает выдвижение «твердого», то есть нечетного и мужского. Во время, отмеченное числом синь-ю, или пятьдесят восемь, приводится в порядок то, что вам вредит. Цзыпин утверждает, что, когда вредящее вам будет исчерпано, вновь появится богатство, а с ростом богатства все для вас снова примет счастливый оборот. Упрочение вашей судьбы зависит от символа шэнь, или земной девятки^[419] это жизнь под знаком земли, что на вершине городской стены.^[420] К вам семилетнему приходила удача, отмеченная числом синь-ю, или пятьдесят восемь; к семнадцатилетнему она приходила, отмеченная числом жэнь-суй, или

пятьдесят девять; к двадцатисемилетнему – отмеченная числом гуй-хай, или шестьдесят; к тридцатисемилетнему она придет, отмеченной числом цзя-цзы, или один; к сорокасемилетнему – отмеченная числом и-чоу, или два. Ваш гороскоп, насколько позволяют судить мои скромные возможности, говорит об изначальной предуготованности к знатности и процветанию. Восемь знаков, определяющих год, месяц, день и час вашего появления на свет, ясны и чудесны. И если не знатность, то почет вам обеспечен. Правда, мою, или небесная пятерка, символизирующая землю, вредит вам, рожденному в период, приходящийся на седьмой-восьмой месяц, и преисполненному чрезмерной внутренней мощью. На счастье, вы родились в день жэнь-у, или девятнадцатый, а среди отмечающих вас символов, кроме цзы и чоу, или земных единицы и двойки, имеются гуй, или небесная девятка, символизирующая воду. Вода и огонь, помогая друг другу, образуют великий сосуд, то есть выдающийся талант. Что же касается часа вашего появления на свет – стражи бин-цзы, то бин, или небесная тройка, сочетается, а синь, или небесная восьмерка, порождает, в грядущем, без сомнения, обещая вам жребий – держать могущество и власть в своих руках, наслаждаться и блаженствовать в довольстве и покое. Богатство принесет и продвижение в чинах. Грядет появление драгоценного потомства. В деяниях своих вы всегда тверды и непреклонны, в чем равного вам и не сыскать. В радости вы так же ласковы, как ветерок весенний; во гневе – как гром и молния страшны. Вы обретете большое состояние от жен, и голову вам украсит не одна чиновничья шапка. Два сына будут у вас перед уходом в последний путь. Предсказание на текущий год вашей жизни определяется числом дин-вэй, или сорок четыре,^[421] и предсказание на него следующее. Знаки дин и жэнь, то есть небесные четверка и девятка, сочетаются друг с другом. Теперь дин-огонь побеждает. Поскольку положение «твое преодолевает мое» господствует в гадательном раскладе, вас обязательно ждет радость легкого вознесения до облаков, почет обретения чинов и получения жалованья. Великая удача посетит вас под знаком гуй-хай, или шестидесяти. Моу-земля, достигнув гуй-воды, увлажнится, напится и непременно даст всходы. Я вижу явление Красного феникса^[422] – звезды небесного ликованья, благовещее видение медведя^[423] знаменует рождение наследника-опоры. Сверх того, в небесном дворце, распоряжающемся вашей жизнью, дух путешествий Има^[424] близок к положению под знаком седьмого месяца – шэнь, предвещая, что еще в седьмой луне надо ожидать свершений.

– А что вы можете сказать о моей дальнейшей судьбе? – поинтересовался Симэнь. – Ждет меня беда или нет?

– Прошу прощения, сударь! – начал Бессмертный У. – Но ваш гороскоп указывает на обилие скрытой темной воды. Когда вы достигнете периода, отмеченного числом цзя-цзы, или один, судьба ваша будет во многом зависеть от темных людей, но им помешают падающие звезды, а в день жэнь-у, или девятнадцатый, вода прорвется. Пойдет шестое шестилетье, когда вы будете кровью харкать и гноем истекать, начнете сохнуть, чахнуть, увядать.^[425]

– А что меня ждет в ближайшее время? – спросил Симэнь.

– В году текущем вам предстоит не раз встречаться с пятью демонами разрушения,^[426] – вещал Бессмертный У. – Они будут наваждать ваш дом, причинять небольшие неприятности, но беды не навлекут, поскольку их развеет дух счастья, что обитает близ ваших ворот.

– А будут у меня в жизни другие бедствия?

– Дни спешат слиться в луну, луны – соединиться в год, – уклончиво ответил предсказатель. – Всего нет возможности предусмотреть.

– О чем тогда вам говорит мое лицо, учитель? – спросил орадованный грядущим счастьем Симэнь.

– Извольте, сударь, обратить прямо на меня ваш взор.

Симэнь подвинул сиденье.

– Что такое внешнее выражение?^[427] – глядя на Симэня, начал Бессмертный У. – Если есть внутренний дух и нет внешнего выражения, то оно им будет порождено. Если же имеется только внешнее выражение и отсутствует внутренний дух, то и оно уйдет вслед за ним. У вас, сударь, круглая голова и короткая шея, а это означает, что вы вкушаете счастье. У вас могучее сложение и незаурядная спина, а потому вы, без сомнения, стоите в ряду славных удалцов-богатырей. Ваше чело – небесный двор – вздымается высоко, и вам не придется никогда страдать от скудости одежды и средств. У вас квадратно-округлый подбородок – земной чертог^[428] – и на склоне лет вас ждут роскошь и почет. Я поведал вам добрые предвестья, а о дурных бедный даос говорить не решается.

– Да говорите же, не бойтесь, – попросил Симэнь.

– Извольте, сударь, сделать несколько шагов.

Симэнь Цин прошелся.

– Ваши движения напоминают колыханье веток ивы, – сказал Бессмертный У, – а это означает, что вы переживете жену. Обилием

морщинок уголки ваших глаз напоминают рыбы хвосты, вы, стало быть, немало утруждаете себя. Вы не плачете, но у вас в глазах блестят слезы. Нет у вас на душе никакой печали, но насуплены брови. Все это может оказать на вас дурное воздействие, а то и повести вас к гибели. Убереечь себя вам удастся, если вы преодолеете в себе порывы бурной страсти.

– Я преодолеваю, – проговорил Симэнь.

– Дайте мне взглянуть на вашу руку, – продолжал Бессмертный У.

Симэнь протянул ему руку.

– Разумность и мудрость распознаются в коже и волосах покрове, – начал предсказатель, – радость или горе – в руках и ногах. Ваша рука нежна, мягка, мясиста и влажна – вы наслаждаетесь счастьем и покоем. Глаза ваши – один самки, а другой самца. Богаты вы и хитроумны. Ваши брови изгибаются на концах двумя хвостами, это означает, что в жизни вы утехами, уладами вполне довольны. У вас на переносице видны три морщинки – в середине ваших лет вас, следовательно, ждут великие утраты. Ваши «врата злословия» лилово-пунцовы. Вы будете в избытке наслаждаться богатством ваших жен. Желтый эфир от темени исходит, вы обретете пост чиновника в ближайшие же дни; красное сияние от трех светлых меридианов на вашем теле,^[429] у вас в этом году родится драгоценный сын. Вижу и еще одно предвестье, да сказать не решаюсь. У вас палаты слез – подглазные мешки – тучны: к цветам вас так и тянет; в заднем проходе спутанные волосы – свидетельство распутства. Но, к счастью, нос – звезда богатства – вам обещает в середине ваших лет перемену судьбы. Земной чертог с сочащимся колодцем, иначе говоря, низ рта, наполненный слюною, определяет радости и горе на склоне лет.

Внизу земной чертог с колодцем – влажный рот.

Нос в центре, как маяк, блестит звездой богатства.

Судьбой отмечен в жизни каждый поворот,

Их тайнам не дано в гаданье исчерпаться.

Бессмертный У кончил гаданье.

– Не могли бы вы предсказать судьбу моим женам, наставник бессмертных? – спросил Симэнь и велел слуге пригласить У Юэнян.

Хозяюку сопровождали Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Ли Пиньэр и Сунь Сюээ. Когда они встали за шелковой ширмой, предсказатель попросил Юэнян выйти, поспешно отвесил ей земной поклон и, не решаясь сесть, встал сбоку.

– Прошу вас, сударыня, повернуть ко мне ваш лик, – сказал он.

Юэнян обернулась.

– Ваш лик, сударыня, напоминает полную луну, – начал предсказатель. – Дом богатеет и процветает под вашим надзором. Ваши уста – как красные лотосы, одежда и еда – в изобилии. Вы непременно обретете знатность и родите сына. У вас волшебнно-чистый голос, и вы обязательно поможете разбогатеть вашему супругу. Извольте, сударыня, показать ваши руки.

Юэнян подобрала рукава, из-под которых показались тонкие и изящные, как перья молодого лука, десять пальчиков.

– Ваши руки ароматны, как имбирь, вы, значит, мастерица управлять хозяйством. Ваши локоны так блестят, что можно в них, как в зеркало, глядеться. Собою вы олицетворяете женское изящество и деликатность. Это приметы хорошие, но есть и дурные, о которых бедный даос не решается говорить прямо.

– Говорите, наставник бессмертных, не бойтесь, – попросил Симэнь.

– У вас в палате слез, в кругу под глазом, чернеет родинка. Если вас не мучает давний недуг, то вы переживете вашего супруга. А морщинки под глазами означают, что между вами и вашей родней произошел раздор.

Пряма, стройна и праведна она,

Как черепаха на воде, плавна.

Идет – пылинку не колышет,

И говорит – как будто пишет.

Ей без усилий суждено

Стать мужа знатного женой.

Юэнян удалилась за ширму.

– Попрошу вас предсказать судьбу и моим младшим женам, – сказал Симэнь.

Вышла Ли Цзяоэр. Бессмертный долго смотрел на нее, потом сказал:

– У вас, сударыня, клинообразный лоб и маленький нос. Быть вам если не наложницей, то трижды замужем. Вы полны и грузны, у вас нет недостатка ни в пище, ни в одежде, и наслаждаетесь вы спокойно обилием и почетом. У вас высокие плечи и плаксивый голос, стало быть, вы либо вышли из низов, либо сирота. У вас низкая переносица, а потому вам предстоит если не бедность, то ранняя смерть. Пройдитесь, будьте добры!

Цзяоэр сделала несколько шагов, и Бессмертный У продолжал:

Узок лоб, да зад широк,
Ходит – как змея виляет.
Смолоду унес поток
Ветра и в пыли валяет.^[430]
Пусть и не торгует телом,
Знается с постельным делом.

Цзяоэр ушла, и Юэнян позвала Мэн Юйлоу:

– Выйди, сестрица! Тебе погадают.

– У вас одноразмерные три части тела и лица,^[431] сударыня, – посмотрев на Юйлоу, начал Бессмертный У. – Вам не приходилось терпеть лишений. Полным-полны все шесть кладовых, которые внутри вас разместились,^[432] вам и на склоне лет наслаждаться богатством и почетом. Вас редко беспокоили недуги, потому что вас озаряет яркое светило Юэбо.^[433] Вы до старости не познаете беды. Ваш дворец лет, кажется, блестящ и великолепен. Прошу вас, сударыня, сделать несколько шагов.

Юйлоу прошла, и Бессмертный продолжал:

Как жемчуг, и чиста и хороша,
Отзывчива, добра ее душа.
Богатство, красоту судьба ей шлет.
Двоих мужей она переживет.

Юйлоу ушла и позвали Пань Цзиньянь, но она только посмеивалась, а выйти не желала. Она появилась лишь после настояний Юэнян.

Бессмертный поднял голову, пристально взгляделся ей в лицо, долго-долго молчал и, наконец, промолвил:

– У вас густые волосы, сударыня, и тяжелые локоны, бросающие отблеск, – приметы чрезмерной похотливости. У вас очаровательная внешность, брови дугой. Ваше тело даже без движения колыхнется. Родинки на лице говорят о том, что вы причиняете вред мужьям. Судьба сулит вам век короткий.

Стремленье к уладам в повадках ее и обличье.
Чернея очами, она попирает приличья.
Все ночи подряд под луною резвиться не промах,
Но мало довольства от жизни в роскошных хороммах.

После гадания Цзиньянь хозяин позвал Ли Пиньэр.

– У вас, сударыня, нежная и ароматная кожа, – посмотрев на Пиньэр, начал Бессмертный, – что выказывает даму из богатого дома.

Вы прямые и строги, и в вас я вижу добродетельную женщину из простой семьи, правда у вас излишне блестят глаза, как будто вы пьяны или вернулись с тайной встречи в тутах.^[434] Около бровей у вас едва заметные черные пятнышки, а это означает излишек ночных вожделений. Гляжу, у вас спящие шелкопряды, сиречь складки под глазами, сияют и пурпуром отливают, стало быть, вы обязательно произведете на свет драгоценного сына. У вас белое тело и круглые плечи, а потому вы пользуетесь особой любовью супруга. Нередко страдаете от недугов, ибо корень ваш окутан дурманом. Хватает и радостных предзнаменований, ведь ваша счастливая звезда сияет очень ярко. Все это добрые приметы, но есть и дурные, которых вы, сударыня, должны остерегаться. Подножие горы, сиречь переносица, черно, и где-то на исходе третьего десятилетия вас ждут рыдания. Нить судьбы тонка! Как нелегко переступить порог между годом курицы и годом собаки!^[435] Осторожны будьте! Ох, как осторожны!

Цветок, луною освещенный,
пернатых духов манит взоры.
Как к фениксу летит подруга,
так к милому жена стремится.
Происхождение и богатство —
ее надежная опора.
Побереги себя, о птаха,
не всякой доверяйся птице.

Пиньэр ушла, и Юэнян велела выйти Сунь Сюээ.

— Вы, сударыня, малы ростом, — поглядев на нее, начал Бессмертный. — У вас высокий голос, клинообразный лоб и маленький нос. Хотя вы из низины вознеслись на вершины, однако встречаете только холодные усмешки и черствость. В делах вы проницательны, держитесь с достоинством, но вам вредят четыре нарушения, от которых вас и ждет страшный конец. А четыре нарушения таковы: губы у вас без граней, уши без завитков, глаза без выразительности и нос не прямой.

Из грязи, но свежа, как птичка по утру,
Проточная вода в глазах плутовки,
Гнуть спину у дверей умеет очень ловко,
А не служить, так жить в пыли и на ветру.

Сюээ ушла, и Юэнян велела выйти дочери Симэня.

— У вас, сударыня, вздернутый нос, — начал предсказатель. — Вы

нарушите волю предков и нанесете ущерб своему дому. Голос у вас напоминает разбитый гонг, и все ваше имущество исчезнет. Кожа на лице слишком натянута – вы нетерпеливы, и хотя живительные ложбинки на нем глубокие и длинные, вас ожидает ранняя кончина. Походкой скачущей вы похожи на воробья, живете в родительском доме, но нет у вас достатка ни в пище, ни в одежде. Не минет вам еще третье десятилетие, как обрушится на вас тяжкое испытание.

При муже, словно бедная вдова,
Лишь помощью родительской жива.
Беду, несчастье ей несет супруг,
Раздоры доведут до смертных мук.

Дочь Симэня ушла, позвали и Чуньмэй показаться прозорливцу. Ей было не больше восемнадцати. На ней была белая вышитая кофта, красная расшитая юбка и голубая шелковая безрукавка. Ее прическу-тучу украшала серебряная сетка. Чуньмэй, выйдя как связанная со спеленутыми ногами и прижатыми руками, поклонилась Бессмертному У.

Он долго смотрел на нее широко открытыми глазами, потом начал:
– У вас, барышня, нет отклонений ни в одном из органов чувств. И сложение ваше превосходно. Волосы у вас тонки, брови густы, характер решительный. Вы нетерпеливы, глаза у вас круглые. Вы горячи. Подножие горы, переносица, без проема, вы, стало быть, обязательно замуж выйдете за знатного и обретете сына. Брови у вас срослись, значит, вам скоро предстоит носить жемчужный венец. Легкой походкой вы напоминаете порхающую фею. Ваш голос чист и звучен. Вы мужу своему поможете обрести счастье, а к концу вашего третьего десятилетия вам пожалуют титул покойного. Правда, у вас великоват левый глаз, вы в детстве потеряли отца. Ваш правый глаз маловат, вы с матерью расстались годовалой. У вас родинка слева чуть пониже угла рта, а это означает, что вам приходится нередко ввязываться в ссоры. Другая родинка на правой щеке – знак неизменной мужниной любви.

Чело высокое, пунцовые уста,
Походка легкая и стройное сложенье.
Достанется ей жизни полнота
И вечное вельмож благоволение.

Гаданье окончилось, и женщины, покусывая ногти, обдумывали сказанное.

Симэнь положил в пакет пять лянов серебром для Бессмертного У, наградил пятью цянями провожатого и вручил ему визитную карточку с выражением благодарности начальнику гарнизона Чжоу. Бессмертный У наотрез отказался принять серебро.

– Я, бедный даос, подобно облаку, странствую по свету, – говорил он. – Под ветром мой стол, на росе – постель. Пользую и наставляю везде и повсюду. Меня попросил зайти к вам главнокомандующий Чжоу, я его уважил, а деньги мне вовсе ни к чему. Не возьму я.

Не зная, как быть, Симэнь вынул штуку холста.

– Вот примите, наставник бессмертных, – сказал он, – пригодится на халат.

Бессмертный взял холст, отвесил Симэню земной поклон и велел своему юному ученику спрятать штуку в суму. Хозяин проводил его до ворот, и он стал удаляться своей легкой походкой.

На посохе двуглавым
несет он солнце и луну;
На поясе в горлянке^[436] –
высоты гор, рек глубину.

Симэнь вернулся в заднюю залу.

– Ну, как гадание? – спросил он Юэнян.

– Неплохо, – отозвалась хозяйка. – Правда, трем он не угадал.

– Кому же?

– Сестра Ли, говорит, страдает недугами, а родит сына. Будь она сейчас беременна, можно было бы еще поверить. Дочери предсказал тяжелое испытание, но какое у нее может быть испытание? А потом, Чуньмэй, оказывается, тоже родит знатного сына. Может быть, не без твоего участия? Пока я что-то не вижу никаких признаков появления потомства. И уж никак не могу поверить, чтобы Чуньмэй украсила прическу жемчужным венцом и стала знатной дамой. У нас в доме-то нет ни одного знатного. О каких жемчугах может идти речь? Если б и появились вдруг жемчужные подвески, то во всяком случае не у нее в прическе.

– Мне он предсказал радость возвышения до самых облаков, славу приобретения чинов и жалованья, – сказал со смехом Симэнь. – А откуда я приобрету чин? Чуньмэй, с серебряной сеткой на голове, разодетая, стояла рядом с вами, вот он и решил, что она наша дочь. Выдадут, мол, за знатного, войдет в именитый дом, вот и появятся на голове жемчуга. Испокон веков гадают, да угадать не могут. Ведь внешнее выражение как рождается, так и исчезает, благодаря

внутреннему духу. Бессмертного У мне почтенный господин Чжоу прислал и неловко было бы его не принять. Вот я и дал ему погадать, чтоб потом не было недоразумений.

Юэнян пошла в свои покои и распорядилась, чтобы в зале накрыли стол. После обеда Симэнь взял в руку веер из бананового листа и побрел в сад. Он пошел крытой террасой и очутился в занавешенном шторами Пейзажном павильоне, вокруг которого стеной росли цветы и кустарники, создавая благодатную тень. Был полдень. В гуще зелени трещали цикады. Неожиданно зашелестел ветерок, и пахло ароматом цветов.

Тому свидетельством стихи:

Тени густые под шапкой деревьев
в долгие летние дни;
Смотрят беседки, террасы глядяся
в светлую озера гладь.
Изредка занавес этот хрустальный
чуть колыхнет ветерок.
Дворик густым ароматом наполнен
благоухающих роз.
А на соседнем дворе зеленеет
трав однотонный ковер;
Через прозрачную штору увидишь:
ярко пылает гранат.
Даже и в полдень от ясеней пышных
всюду раскинулась тень;
Время от времени слышно – цикада
где-то стрекочет вдали.

Симэнь Цин уселся в кресле и помахивал веером. К колодцу за водой подошли Лайань и Хуатун. Симэнь подозвал одного из них:

– Принеси-ка льда на блюдо.

Когда подбежал Лайань, Симэнь распорядился:

– Ступай к сестрице Чуньмэй и попроси принести кувшин сливового отвара. Пусть в чаше остудит.

Лайань побежал к Чуньмэй. Наконец появилась и она, в синей мохнатой кофте и красной холщовой юбке. Волосы ее были собраны серебряной сеткой, а в руке она несла кувшин приготовленного на меду сливового отвара.

– Вы ели? – спросила она, посмеиваясь.

– Поел у Старшей.

– К нам зайти не хотите? – спросила она с некоторым укором. – Я на лед остудить поставлю.

Симэнь кивнул головой. Чуньмэй поставила кувшин в лед, потом подошла к креслу, в котором сидел Симэнь, взяла у него из руки веер и стала его обмахивать.

– А о чем вы с матушкой Старшей говорили? – спросила она.

– О гадании.

– Даос нагадал мне носить жемчуга, – начала Чуньмэй. – А матушка говорит, если кому и предстоит носить, то только не мне. Море ковшами не перемерить, простому смертному грядущего не предсказать. Бывает и выточат, да корявое, а то и отрубят, да круглое выйдет. На юбке, говорят, почет с достатком в дом входит. Так что нечего заранее утверждать. Неужели я так всю жизнь и буду у вас служанкой?!

– Ишь, разговорилась, болтушка! – засмеялся Симэнь. – Родишь сына, и у тебя на голове украшения появятся.

Симэнь заключил Чуньмэй в объятия и начал с ней играть.

– Твоя хозяйка у себя? – спросил он. – Что-то ее не видно.

– У себя, – отвечала Чуньмэй. – Матушка велела Цюцзюй воды согреть, собирается принять ванну, а пока прилегла отдохнуть.

– Вот утолю жажду отваром и пойду ее расшевелю.

Чуньмэй вынула изо льда кувшин. Симэнь отпил глоток, и прохлада, разлившись по всему телу, дошла до сердца, окропив его сладкой росой. Насладившись сливовым напитком, Симэнь положил руку на плечо Чуньмэй, и они через садовую калитку направились к спальне Цзиньлянь. Когда Симэнь отдернул дверную занавеску, прямо перед ним на новой перламутровой кровати спала Цзиньлянь.

Надобно сказать, что перламутровая кровать была до этого только у Пиньэр, но Цзиньлянь выпросила такую же и себе. Симэнь потратил на нее шестьдесят лянов серебром. Это была кровать с перильцами. По обеим сторонам ее устанавливались инкрустированные перламутром перегородки, на которых красовались терема и террасы, палаты и башни, букеты цветов и пестрые птицы. Тут же торчали три гребня, изображавшие сосну, бамбук и дерево мэй – трех друзей, стойких в зимнюю стужу. Сверху ниспадал лиловый шелковый полог, который висел на парчовой ленте, поддерживаемой серебряными крючками. Развешанные повсюду ароматичные шарики наполняли ложе благоуханием.

Цзиньлянь, раздетая, в одной красной шелковой повязке, прикрывавшей грудь, крепко спала на прохладной циновке под

красным одеялом. Уточки-неразлучницы красовались у нее в изголовье. Спальня благоухала. У Симэня невольно вспыхнуло желание. Он велел Чуньмэй выйти и запереть дверь, а сам потихоньку разделся и, приподняв одеяло, полюбовался ее яшмовым телом, которое что-то скрывало, прильнул к ней, забавляясь, слегка раздвинул ее ноги и медленно вставил черенок своей метлы^[437] в щель темную. Когда блестящие, как звезды, глаза женщины в тревоге раскрылись, он уже успел вставить и вытащить несколько раз.

– Вот насильник! – проговорила Цзиньянь, открыв, наконец, глаза. – Я и не слыхала, как ты вошел. Я так сладко спала. Как напугал!

– Я-то ладно, – проговорил Симэнь, – а кто другой вошел бы, что тогда? Тоже, наверно, сделала бы вид, будто не слышишь, а?

– Не знаю, как мне и ругать тебя! Да у кого, скажи, хватит смелости ко мне в спальню входить?!

Надобно сказать, что Цзиньянь слыхала накануне, как Симэнь в Зимородковом павильоне восхищался нежной белизной Пиньэр. На этот раз она приготовила смесь из сердцевинки цветов жасмина, притирания и пудры и потихоньку умастила им все тело, отчего оно стало нежно-белым и блестело, источая аромат, чем так и влекло Симэня. Он глядел на белоснежную Цзиньянь, на ее ярко-красные новые туфельки, потом присел перед ней на корточки, обхватив обеими руками ее бедра, опустил голову и стал наблюдать за своим, снующим туда-сюда, богатырем.

– Что ты на меня так устался, несносный? – спрашивала она. – Ведь все равно мне далеко до нежно-белой Ли Пиньэр. Она ребенка ждет, вот ты ее и бережешь, жалеешь. А от нас, никчемных, что проку! С нами можно всякие грубости себе позволять.

– Говорят, ты меня ждала мыться? – спросил Симэнь.

– Кто это тебе сказал?

– Чуньмэй.

– Иди мойся. Чуньмэй воду принесет.

Вскоре в спальне появилась ванна с теплой ароматной водой. Они вместе погрузились в нее и начали резвиться, как рыбы. Ванна разгорячила Симэня. Под влиянием охватившего его возбуждения он положил женщину на спину, на доску для купания, взял ее за ножки, раздвинув их и подняв вверх, причем то сгибал, то разгибал не менее чем двести-триста раз. Стоны Цзиньянь раздавались непрерывно, как зов краба в песке. Опасаясь, как бы не растрепались ее черные, как туча, ароматные волосы, женщина одной рукой их поддерживала, а

другой держалась за край ванны и, не переставая, щебетала на все лады, словно иволга или ласточка. Вы только поглядите, что это было за сражение!

Вздыбились бурные волны на пруду среди цветов. Полог бирюзовый взметнуло ввысь, где темнеют осенние тучи. Красавец, любовью томимый, в бой вступить готов. В волнении страстном горит нетерпением удаль свою показать. Вот, трепеща, вздымается упругое копьё, вот, колышась, играет меч стальной. Тут, не щадя себя, врезается во вражий стан, так в игре дождя и тучки трофеи пожинает. Там-там! Барабанный бой торопит воина вперед. Дзинь-дзинь! Копьё с мечом скрестилось. Слышится то треск, то лязг. Сцепились, спутались – и не разнять. Вверх, вниз – бурлит обратное течение. Грохочет и шумит стремительный поток. Катится, смывает – не устоять на месте. Несет, сбивает – сдержаться не хватает сил. Так и гоняет взад-вперед, толкает из конца в конец. Вот всплыло облако чудесное в жарком дыхании, вот струится, оседая, аромат. Рыбак против течения челном правит, качая яшмовыми веслами без передышки. Лодочник другой лотос золотой рулем сломал. На скакуне свирепствует герой, своею мощью похваляясь. С ним белолицая чаровница вступает смело в поединок. И радостна счастливая красотка, доволен могучий богатырь. Они опять мечтают об утехах, друг к дружке льнут, желаньем смущены. Скорее жертвою падут, но поля битвы не покинут. От боя к бою их мужество растёт. Все громче клич боевой, все выше их воинский дух. Бывало много больших сражений, но такого боя в воде еще не видал никто!

Некоторое время оба сражались в воде, причем сражение прекратилось только после того, как Симэнь Цин излил семя. Завершив сражение, они, насухо вытершись, вышли из ванны. Накинув на себя легкую хлопчатую рубашку, Симэнь забрался на кровать, куда поставили и столик с фруктами. Цзиньянь велела Цюцзюй принести для хозяина белого вина, а сама стала угощать его из коробки пирожками с фруктовой начинкой, решив, что он проголодался.

Прошло довольно много времени. Наконец появилась Цюцзюй с серебряным кувшином в руке. Цзиньянь хотела было наполнить чарки, но, дотронувшись до ледяного кувшина, плеснула вином прямо в лицо служанке.

– Ах ты, негодница! – заругалась Цзиньянь. – Что тебе, жить надоело?! Я тебе сказала: подогрей для батюшки, а ты ледяное несешь. [438] Чем только у тебя голова забита? – Цзиньянь окликнула Чуньмэй: – Отведи эту негодяйку во двор и пусть на коленях стоит.

– Не успела я выйти бинты матушке приготовить, – обращаясь к Цюцзюй, говорила Чуньмэй, – а ты уж успела всех на грех навести.

– Батюшка с матушкой всегда просили остуженное, – надув губы, промычала Цюцзюй, – а сегодня вдруг подогретое понадобилось.

– Что ты там еще болтаешь, рабское твое отродье! – закричала Цзиньлянь. – Сейчас же убирайся отсюда. – Она обернулась к Чуньмэй: – Пойди сюда! дай ей по десятку пощечин по каждой щеке.

– Не хочу я, матушка, о нее руки марать, – заявила Чуньмэй. – Пусть лучше на коленях постоит с камнем на голове.

Но об этом достаточно.

Цзиньлянь велела Чуньмэй подогреть вина, и они с Симэнем выпили по несколько чарок, убрали с кровати столик, опустили полог и велели запереть спальню. Утомленные, они обнялись и заснули.

Да,

Если то не сон
на Яшмовой горе,
То на вершине Ян^[439]
свидание во сне.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ЛАЙБАО С ПРОВОЖАТЫМ ВРУЧАЕТ ВЬЮКИ ПОДАРКОВ

СИМЭНЬ ЦИН, РАДУЯСЬ РОЖДЕНЬЮ СЫНА, ПОЛУЧАЕТ ЧИН

*Потерять, обрести, увядать иль цвести –
это все суета сует.*

*Суть всей жизни проста: все усилия –
тщета,*

признаешь на закате лет.

*Знай же меру во всем: ведь змее нипочем
не удастся слона проглотить,^[440]*

*И орла не сумеет воробью одолеть,
надо вовремя пыл укротить.*

*И сановнику век не продлит человек,
нет лекарства такого, увы.*

*Не купить, богатей, ум для внуков, детей,
не приставишь своей головы!...*

*За добром не гонись, в богачи не тянись,
скромной долей доволен пребудь –*

*Вот и счастье найдешь!... И покой
обретешь,*

и вздохнет с облегчением грудь.

Итак, после ванны Симэнь и Цзиньянь легли в спальне отдохнуть, а Чуньмэй, устроившись на стуле в коридоре, принялась шить туфельки. Вдруг видит: у садовой калитки, вытянув шею и озираясь по сторонам, стоит Циньтун.

– Тебе что нужно? – спросила горничная.

Слуга заметил стоявшую на коленях с камнем на голове Цюцзюй и стал показывать на нее пальцем.

– Чего тебе, спрашиваю, нужно, арестантское отродье? – заругалась Чуньмэй. – Чего ты пальцем-то тычешь?

Циньтун рассмеялся.

– Кладбищенский сторож Чжан Ань пришел, – объяснил он наконец. – К хозяину, говорит, дело есть.

– Глядя на тебя, можно подумать, привидение явилось, – ворчала Чуньмэй. – Подумаешь, кладбищенский сторож! Почивают хозяева. Разбудишь – со свету сживут. Ничего, пусть у ворот подождет.

Циньтун удалился, а через некоторое время снова просунул голову в калитку.

– Сестрица! – окликнул он Чуньмэй. – Все спят?

– Вот арестант! – вздрогнула Чуньмэй. – Опять ворвался, напугал. Носится из-за пустяков, как неприкаянный.

– Но Чжан Ань ждет, – говорил Циньтун. – Поздно уж, а ему еще за город идти.

– Но не могу ж я их тревожить! Вон они как сладко спят. Скажи, чтоб подождал немного. А поздно, так пусть приходит завтра.

Их разговор услышал Симэнь и позвал Чуньмэй.

– Кто там? – спросил он.

– Да вон Циньтун пришел. Чжан Ань с кладбища, говорит, прибыл, хочет с вами поговорить.

– Я сейчас выйду, – сказал Симэнь. – Поддай-ка мне одежду.

Чуньмэй исполнила просьбу.

– А по какому делу Чжан Ань? – заинтересовалась Цзиньлянь.

– Он еще накануне заходил насчет поместья, – объяснил Симэнь. – Видишь ли, рядом с нашим кладбищем целое поместье продается, с землей. Вдова Чжао, владелица, просит триста лянов серебра, я же даю двести пятьдесят. Просил Чжай Аня поторговаться. Если он договорился, велю Бэнь Дичуаню с зятем отнести серебро. В поместье колодец с четырьмя скважинами. Если удастся приобрести это поместье, присоединю к своему. Построим там крытую галерею, обширный зал, насыплю декоративные холмы и разобьем парк. И будут в нем аллеи – сосновая и ясеновая, беседка у колодца, павильон для метания стрел, площадка для игры в мяч и все прочее. Ладно уж, пожертвую серебро, зато будет, где отдохнуть и развлечься.

– Да-да! Купи поместье, не пожалей серебра! – внушала Цзиньлянь. – И нам, как на могилы соберемся, будет где весело время

провести.^[441]

Симэнь ушел в переднюю половину, где его заждался Чжан Ань, а Цзиньянь, поднявшись с постели, села перед зеркалом, чтобы напудриться и поправить прическу, после чего вышла во дворик с намерением выпороть Цюцзюй. Для этого Чуньмэй отправилась за Циньтуном.

— Я тебя за вином послала, почему ты холодное хозяину подала? — допрашивала служанку Цзиньянь. — Для тебя в доме старших не существует. Что тебе ни тверди, ты все на своем стоишь. — Цзиньянь кликнула Циньтуна: — Всыпь этой негодяйке десятка два палок, да как полагается.

Циньтун успел нанести с десятков ударов, но тут, на счастье, подоспела Пиньэр.

— Хватит ей и этого, — улыбаясь, уговаривала она Цзиньянь.

— Ладно, довольно! Десять палок ей прощаю, — сказала Цзиньянь слуге, а Цюцзюй приказала встать и земными поклонами поблагодарить Ли Пиньэр, а потом отпустила на кухню.

— Матушка Пань служанку привела, лет пятнадцати, — сказала Пиньэр. — Сестрица Вторая за семь с половиной лянвов ее покупает. Просит тебя поглядеть.

Цзиньянь и Пиньэр направились в дальние покои. Пиньэр посоветовала Симэню дать семь лянвов. Новенькая получила имя Сяхуа, но не о том пойдет речь.

* * *

Тут мы оставляем дом Симэнь Цина и начинаем рассказ о Лайбао и приказчике У, которые везли подарки в столицу.

Как покинули они уездный центр Цинхэ, так каждый день выходили с зарею по чуть светлевшей тропе и шли на закате по буровой темневшей пыли. Садились поесть, лишь изголодавшись, принимались пить, лишь изнывая от жажды. Ночью останавливались, на рассвете пускались в путь. А стоял в то время такой палящий зной, что от него плавилась камни и металл. Продвигались путники с превеликим трудом.

Но сказ скоро сказывается. И вот добрались они, наконец, до столичных ворот Долголетия, нашли постоялый двор, где и заночевали. На другой день взвалили на себя вьюки и корзины с подарками и направились к мосту Небесной реки. Остановились у особняка государева наставника Цай Цина. Лайбао велел приказчику У постеречь вещи, а сам, одетый в темное холщовое платье,

приблизился к привратнику и почтительно поклонился.

– Откуда прибыл? – спросил привратник.

– Из уезда Цинхэ в Шаньдуне, – отвечал Лайбао, – от именитого Симэня. Его высокопревосходительству ко дню рождения подарки привез.

– Ах ты, арестант проклятый! – заругался привратник. – Жить тебе надоело, деревенщина! Подумаешь, какой там именитый Симэнь-Дунмэнь!^[442] Да над его превосходительством одна-единственная особа власть имеет, ему же подвластна вся Поднебесная. Никакой титулованный вельможа или сановник не посмел бы так себя вести перед его превосходительством. Так что убирайся, пока цел!

В привратницкой нашелся знакомый Лайбао.

– Это у нас привратник новый, – успокоил он Лайбао, – всего несколько дней служит. На него не обижайся, он тебя не знает. Если тебе к его превосходительству, обожди. Я дядю Чжая попрошу выйти.

Лайбао сунул руку в рукав и вручил своему знакомому узелок с лянном серебра.

– Мне-то ладно! – заметил тот. – Ты вон тех двоих одари. Без этого нельзя.

Лайбао вынул такие же узелки и передал каждому по ляну. У сердитого привратника на лице появилась улыбка.

– Раз из Цинхэ, обожди немного, – сказал он. – Пока с дворецким Чжаем поводишься. Его превосходительство только что вернулись из дворца Драгоценного Знамени,^[443] где свершалось моление и сейчас отдыхают в кабинете.

Наконец, вышел дворецкий Чжай Цянь. На нем были длинный из тонкого темного шелка халат, летние прохладные туфли и белые чулки. Лайбао удостоил его земным поклоном.

– Ты с подарками его превосходительству? – приветствуя слугу, спросил дворецкий. – Досталось тебе, должно быть, в пути?

Лайбао вручил Чжай Цяню перечень подношений, а слуга тем временем протянул ему два куса нанкинского шелка и тридцать ляннов серебра.

– Мой хозяин, Симэнь Цин, просил низко кланяться вашей милости, господин Чжай, – говорил Лайбао. – Хозяин не знал, как выразить вам свою признательность, и велел передать вот эти скромные знаки внимания. Может, годятся на чаевые. А еще хозяин сердечно благодарит вашу милость за беспокойство. Только вашими стараниями были освобождены соляной торговец Ван Сыфэн и остальные купцы.

– Не могу я принять такие дары, – проговорил Чжай, а потом добавил: – Впрочем, ладно, принимаю.

Лайбао тогда протянул перечень подношений, которые предназначались государеву наставнику Цай Цзину. Дворецкий пробежал его глазами и вернул слуге.

– Внесите их и ждите у внутренних ворот, – распорядился он.

По западную сторону от внутренних ворот размещалась обширная прихожая, где ожидающих приема посетителей угощали чаем. Вскоре мальчик-слуга подал Лайбао и приказчику У по чашке чаю.

Наконец-то в приемной зале появился сам государев наставник, и Чжай Цянь доложил ему о прибывших. Цай Цзин велел их звать, и оба пали ниц перед возвышением, на котором он восседал. Чжай Цянь развернул перед государевым наставником перечень даров, и тот пробежал его глазами. Лайбао и приказчик У тем временем разложили подарки.

Только поглядите:

Ослепительно горели золотые кувшины и нефритовые чарки. Блестали белизною бессмертных серебряные изваяния. Сколько в них уменья и труда искусных мастеров! Умельцев на редкость филигранная работа! Расшиты змеями, драконами парчовые халаты. Так ярки и пестры – в глазах рябит. Переливается золотом и бирюзой атлас нанкинский. Обилье яств изысканных и тонких вин. Все в безупречной упаковке и закупорено надежно. А рядом – полные подносы редчайших фруктов, свежих, ароматных.

Ну как тут не восхититься!

– О, везите это все обратно! – воскликнул Цай Цзин. – Мне как-то неудобно принимать такие богатые подарки.

Лайбао, всполошившись, клал земные поклоны.

– Симэнь Цин, мой хозяин, не знал, как выразить вашему высокопревосходительству свою глубокую сыновнюю почтительность, вот и велел передать эти ничтожные знаки внимания, – умолял он. – Быть может, сгодятся вашему превосходительству на вознаграждение слуг.

– Ну, раз так, ладно, – согласился Цай Цзин. – Я велю убрать дары.

Бывшие наготове многочисленные слуги тотчас же подхватили разложенные подношения и унесли их внутрь.

– В прошлый раз, – продолжал Цай Цзин, – я отправил с посыльным письмо военному губернатору Хоу. Как, помогло оно Ван Сыфэну и тем цанчжоуским купцам?

– Благодаря милостивейшему вмешательству вашего

высокопревосходительства, – отвечал Лайбао, – торговцев направили в управление соляных перевозок, где вручили подорожные и отпустили.

– Принимая подношения, выражаю мою искреннюю благодарность твоему хозяину, – молвил, обращаясь к Лайбао, государев наставник. – Но я, право, придумать не могу, чем бы мне возместить такие хлопоты. Да! В каком чине твой хозяин?

– Какой чин, ваше превосходительство! – воскликнул Лайбао. – Мой хозяин – обыкновенный уездный житель.

– Так, так... не имеет чина, значит, – протянул Цай Цзин. – Вчера Его Величество соизволили выдать мне несколько грамот на чины со свидетельствами на вакантные должности. Пожалую-ка я твоего хозяина чином помощника тысяцкого^[444] и назначу в вашу же шаньдунскую судебно-уголовную управу на должность помощника надзирателя вместо отбывшего тысяцкого Хэ Цзиня. А?

Лайбао поспешно пал ниц и, кладя земные поклоны, рассыпался в благодарностях:

– О, ваше высокопревосходительство! Вы оказываете моему хозяину столь высокую честь, что ни ему, ни его семье, разорви они себя на части в усердии, никогда не отплатить за такую милость вашему высокопревосходительству.

Цай Цзин распорядился внести стол и тут же украсил грамоту со свидетельством своею подписью и печатью. Потом собственноручно начертал: «Симэнь Цин возводится в чин помощника тысяцкого и определяется в левый гарнизон Его Величества телохранителей и карателей с назначением на пост помощника судебного надзирателя в одну из судебно-уголовных управ Шаньдуна».

– Немало вам обоим доставили хлопот эти подарки, а? – продолжал Цай Цзин, обращаясь к Лайбао. – А тот, за тобой, кто будет?

– Приказчик, – только и успел сказать Лайбао.

– У Дяньэнь меня зовут, – выступив вперед, отрекомендовался приказчик. – Симэнь Цину шурином довожусь.^[445]

– А, ты, оказывается, шурин Симэнь Цину! То-то вижу, приятная наружность. – Цай Цзин велел принести еще грамоту и продолжал: – Назначаю тебя помощником станционного смотрителя^[446] в родной уезд Цинхэ. Место неплохое.

У Дяньэнь был настолько потрясен и бил челом так, что, казалось, толок в ступе чеснок.^[447]

Потом Цай Цзин потребовал еще одну грамоту и вписал в нее Лайбао. Он назначался стражником во владения князя Юньского в Шаньдуне. Оба в знак благодарности отвесили земные поклоны, а

получив грамоты, должны были отправиться утром следующего дня в ведомство чинов и военное ведомство для получения мандатов, после чего им надлежало вступить в должность в указанный срок. Цай Цзин наказал Чжай Цяню угостить прибывших в западном флигеле и выдать десять лянов серебра на дорожные расходы, но не о том пойдет речь.

Да, дорогой читатель! При императоре Хуэй-цзуне в Поднебесной были утрачены бразды правления. У власти стояли лицемерные сановники, двор заполнили клеветники и лстецы. Преступная клика Гао Цю, Ян Цзяня, Тун Гуаня и Цай Цзина торговала постами и творила расправу. Царило открытое лихоимство. Служебное назначение определялось на весах: в зависимости от ранга устанавливалась и взятка. Ловкачи и проныры делали головокружительную карьеру, а способные и честные годами томились в ожидании назначения. Все это и привело к падению нравов. Поднебесная стала кишмя кишеть казнокрадами и взяточниками. Велики были повинности, тяжелы налоги. Обедневший народ шел в разбойники. Скорбь и стенания стояли над землей.

Когда б не преступники ныне,
Не воры стояли у власти,
Тогда на Срединной равнине
Не было б стольких несчастий.

Чжай Цянь пригласил Лайбао и приказчика У во флигель, куда подали большие чаши и подносы, полные мяса и сладких хлебцев. Тут же стояли горячие блюда и сладости. Янтарем горело вино.

Когда вдоволь насытились и изрядно выпили, Чжай Цянь обратился к Лайбао:

— У меня к твоему хозяину просьба будет. Не знаю только, согласится ли он ее исполнить.

— Зачем вы, ваша милость, изволите так говорить?! — перебил его Лайбао. — Своей поддержкой перед его высокопревосходительством вы оказали хозяину неоценимую услугу. Только прикажите, все будет выполнено.

— Не скрою, о твоём хозяине мне пришлось с его превосходительством вести особый разговор. А дело вот какое. У меня одна жена, и та часто болеет. Мне уж под сорок, а детей у меня нет. Вот я и хотел бы попросить твоего хозяина, не подыщет ли он там у себя подходящую девицу, лет пятнадцати-шестнадцати. Уплачу, сколько потребуется.

Тут он попросил передать Симэню с ответным письмом кой-какие

подарки, а слугам протянул пять лянов на дорогу.

– Мы вознаграждены его высокопревосходительством, – наотрез отказался от денег Лайбао.

– Не отказывайтесь, возьмите, – настаивал Чжай Цянь. – То от его превосходительства, а это от меня.

Окончилось обильное угощение.

– Я вам провожатого дам, – продолжал Чжай. – Он проводит вас в ведомства за мандатами. С ним вам не придется зря время терять. Я распорядился, чтобы вас долго не задерживали.

И дворецкий позвал посыльного по имени Ли Чжунью:

– Завтра пойдешь с этими господами в ведомства для регистрации и получения мандатов, а потом мне доложишь.

Лайбао и У Дяньэнь вышли с Ли Чжунью из особняка Цай Цзина и, чтобы обо всем договориться, направились прямо к Баю – в кабачок близ моста Небесной реки. Слуги Симэня угостили провожатого и дали ему три ляна серебра. Условились сперва пойти в ведомство чинов, а потом – в военное ведомство.

Узнав, что посетители прибыли от самого государева наставника, в ведомствах засуетились. Регистрация и оформление бумаг прошло безо всяких проволочек. Чжу Мян, главнокомандующий Его Величества гвардией телохранителей и карателей, тотчас же скрепил мандаты собственноручной подписью и печатью, и документы в нижестоящие инстанции были выправлены без промедления. Лайбао зачислялся в стражники в шаньдунские владения князя Юньского. О результатах доложили дворецкому Чжаю.

Не прошло и двух дней, как все было готово. Лайбао с У Дяньэнем наняли лошадей и звездной ночью заторопились домой, в Цинхэ, порадовать хозяина добрыми вестями.

Да,

Богатство и знатность обманом, увы, добывают.

И власть, и почет – все на золото они покупают.

Между тем стоял палящий летний зной. Чтобы укрыться от невыносимой жары и полюбоваться лотосами, все домашние Симэня собрались в зале Красот природы, который примыкал к крытой галерее. У Юэня и Симэнь Цин восседали на почетных местах. По обеим сторонам от них, пониже, расположились остальные жены и дочь, Симэнь Старшая. Сбоку играли и пели домашние певицы – Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян.

Только поглядите, что это был за пир!

В вазонах травы нежно зеленели, в вазах благоухали алые цветы. Колыхался хрусталь на прозрачном шелку занавесок, на перламутре экрана красовался величавый павлин. Ломились подносы под вяленным мясом цилиня.^[448] Дарили улыбки прелестницы, поднося пирующим чарки. В них багровым закатом горело вино. Подавались и сочные персики прямо со льда. Высоко вздымалась кубков яшма-бирюза. Потом появилось жаркое и деликатесы. Вкушали свежие, только что с ветки плоды. Слух улаживали арии, пели струны, свирели. Под мелодию дивную, чистую певуньи в танце поплыли двумя рядами, сверкая шелками и жемчугами горя. Кастаньеты алой слоновой кости им отбивали такт. Отливали юбки танцовщиц – расшитая парча. За вином в беспечном веселье мчались дни и луны, в гуляньях и пирах казался целый свет хмельным.

Среди пирующих не оказалось Ли Пиньэр.

– Что там делает твоя госпожа? – спросила Юэнян у Сючунь. – Почему ее нет?

– Матушке нездоровится, – отвечала Сючунь. – На живот жалуется. Полежит немного и придет.

– Ступай позови ее, – наказала Юэнян. – Чего она будет лежать! Пусть послушает, как поют.

– А в чем дело? – спросил хозяйку Симэнь.

– Да у сестрицы Ли живот вдруг заболел. Лежит, говорят. Я за ней служанку послала. – Юэнян обернулась к Юйлоу: – Сестрице Ли время приходит. Не стронула ли живот?

– Да рано ей еще, – заверила хозяйку Цзиньлянь. – В восьмой луне разве что будет.

– Если рано, так велите позвать, – заключил Симэнь. – Пусть наших певиц послушает.

Вскоре появилась Пиньэр.

– Может, ты простудилась? – спросила ее Юэнян. – Пропусти чарочку горячего вина – легче будет.

Наполнили кубки, и Симэнь велел певицам исполнить «Всех пугает летняя жара». Чуньмэй и остальные девушки, подправив колки, настроили инструменты и запели. В обрамлении алых губ засверкали белизною их жемчужины-зубы.

Пиньэр то и дело морщила брови и, не дождавшись конца песни, ушла к себе. Юэнян дослушала певиц и, беспокоясь за Пиньэр, велела Сяоюй заглянуть к ней в спальню.

– У матушки резь в животе, на кан прилегла, – доложила, возвратясь, Сяоюй.

– Говорю, ей время пришло, – обронила встревоженная Юэнян, – а сестрица Пань все твердит: рано да рано. Надо поскорей отправить слугу за повивальной бабкой.

Симэнь наказал Лайаню стремглав сбегать за старухой Цай. Пир расстроился, и все пошли к Ли Пиньэр.

– Как себя чувствуешь, сестрица? – спросила Юэнян.

– У меня ниже груди все болит.

– Вставай, не надо лежать, младенцу повредишь, – посоветовала Юэнян. – А за повивальной бабкой послали. Сейчас придет. Схватки все усиливались.

– Давно за бабкой пошли? – тревожилась хозяйка. – Почему до сих пор нет?

– Лайань ушел, – отозвался Дайань.

– Вот арестантское отродье! – ругалась Юэнян. – Чего тут раздумывать! Ступай скорее! По такому срочному делу нечего было растяпу посылать.

Симэнь кликнул Дайаня:

– Бери скорей мула и поезжай!

– Дело неотложное! Нечего раздумывать! – торопила Юэнян.

Когда Цзиньянь убедилась, что у Пиньэр подходят роды, ее охватила досада. Она немного побывала в спальне роженицы и вышла, увлекая за собою Юйлоу. Они встали освежиться с западной стороны под стрехой.

– Ох, и набилось народу! – заметила Цзиньянь. – Духота, нечем дышать! Обыкновенная баба рождает, а глазают, будто слониха от бремени разрешается.

Наконец появилась повитуха Цай.

– Мое вам почтение, сударыни! – проговорила она. – Кто хозяйюшка будет?

– Вот Старшая госпожа, – отвечала Цзяоэр.

Старуха отвесила Юэнян земной поклон.

– Побеспокоили мы тебя, мамаша, – проговорила Юэнян. – Чего ж так долго не приходила?

– Я вам, матушка-сударыня, вот что скажу:

Я – Цай, повитуха,

Еще не старуха,

И ничуть я не вздорна,

Но ловка и проворна.

Всюду-всюду поспею,

День-деньской в суете я –

Мой наряд примелькался,
А пучок растрепался.
Услужу деликатно
Всякой дамочке знатной,
Хоть из царского дома –
Работенка знакома!
Вам полегче немножко –
Мне деньжат на одежду.
Не рожают сами –
Мну живот кулаками,
Пуповину привычно
Режет ножик обычный.
Третий день наступает,
Жив малютка – купаю,
Умер – я сокрушаюсь
И подальше скрываюсь.
Да, зовут меня многие,
Так что вечно в дороге я...

– Но довольно праздных слов. Прошу осмотреть недужную, –
Юэнян указала на постель. – Перед родами, должно быть.

Цай подошла к кровати и ощупала Пиньэр.

– Да, пришел срок, – заключила она и спросила: – А бумагу для приема новорожденного припасли, сударыня?

– Приготовили, – отвечала хозяйка и обернулась к Сяоюй: – Ступай ко мне в спальню и принеси побыстрей.

– Гляди, повитуха Цай явилась, – сказала, обращаясь к Цзиньлянь, Юйлоу. – Пойдем посмотрим.

У Цзиньлянь такого желания не было.

– Иди, если хочешь, – проговорила она, – а мне там делать нечего. Конечно, она ребенком обзаводится, ей счастье. Как тут не глазеть! Не права я оказалась: рано, говорю, ей рожать, в восьмой луне разве что будет. Так Старшая на меня ни с того ни с сего накинута. Только на грех навела.

– А я тоже говорила, что в шестой луне подойдет, – заметила Юйлоу.

– Значит, тоже не подумавши болтала, – упрекнула Цзиньлянь. – Ну, давай прикинем! К нам она пришла в восьмой луне прошлого года. Не девицей явилась, а мужа успела похоронить. Как говорится, там понесла, а тут растить будет. Ну, сколько с ней хозяин встречался! Чтобы понести, все-таки месяц-другой понадобится. А уж признали:

наш, мол, ребенок. Я, выходит, ошиблась. Если б она в восьмой луне рожала, то с натяжкой еще можно признать. Ну, а в шестой, помилуйте! Тут хоть ты из кожи вон лезь, а выше головы не прыгнешь. Сами, выходит, обсчитались. Барашек-то, как ни прикинь, а с чужого поля.

Пока они толковали, из дальних покоев вышла Сяююй. Под мышкой она несла травяную бумагу, бинты и тюфячок.

– Гляди, – показала Юйлоу. – Старшая себе приготовила, а пришлось Шестой уступить.

– Одна – старшая, другая – младшая, – тут же отозвалась Цзиньлянь, – и обе друг перед дружкой стараются, мечтают наследника растить. А раз нет настоящего наследника, так хоть какого подавай. А мы с тобой из тех кур, которые яиц не несут. Нас, значит, под нож. И чего бегают, чего хлопочут! Такое сокровище и собака жрать не станет! Ишь, сколько радости, а все впустую!

– Что это ты говоришь, сестрица? – недоумевала Юйлоу.

Заметив, что Юйлоу ее не поддерживает, Цзиньлянь умолкла и опустив голову, стала перебирать юбку, потом, ухватившись за колонну, начала переминаться с ноги на ногу и грызть семечки.

Между тем весть дошла и до Сюэя. Она так торопилась, что в тени споткнулась о ступеньку и чуть было не растянулась.

– Гляди-ка! – указывая на нее, заговорила Цзиньлянь. – И чего несется, как угорелая, рабское отродье! Ишь усердствует, себя бы пожалела! Смотри, упадешь, зубов недосчитаешься – тоже чего-то стоят! Полынь сбывает да соль всучивает – горечь отбить. Думает, небось, с рождением сына и ее чиновничьей шапкой венчают.

Через некоторое время в спальне раздался пронзительный крик, возвестивший о появлении новорожденного.

– Прошу передать его милости хозяину, чтобы на радости подарок готовил, – сказала старуха Цай. – Сын на свет явился.

Юэнян поведала счастливую весть Симэню, и тот, поспешно обмыв руки, возжег благовония в наполненной курильнице перед алтарем Неба, Земли и предков, дав обет заказать большой благодарственный молебен о здравии матери и младенца, о благополучном разрешении от бремени и о счастье новорожденного с принесением ста двадцати жертв.^[449]

Когда весь дом ликовал от радости, досада с еще большей силой охватила Цзиньлянь. Она удалилась к себе в спальню, заперлась и, упав на кровать, заплакала.

Шел тогда двадцать первый день шестой луны года бин-шэнь под

девизом Порядка и Гармонии.^[450]

Да,

Как часты в нашей жизни неудачи,
Но мало с кем об этом посудачишь.

Старуха Цай приняла младенца, отрезала пуповину и спрятала детское место. Потом она приготовила успокоительный отвар, напоила им роженицу и уложила ребенка.

Юэнян пригласила бабу в дальние покои, где угостила вином и закусками. Перед уходом Симэнь наградил повитуху слитком серебра весом в пять лян и пообещал одарить куском атласа, когда она придет мыть младенца на третий день после родов. Старуха на все лады благодарила хозяина.

Симэнь вошел в спальню и залюбовался полным беленьким сыном. Отец прямо-таки ликовал от радости, которую разделяла с ним вся семья. Он и на ночь остался у Ли Пиньэр, и все глядел, не отрываясь, на сына.

На другой день Симэнь встал рано, до рассвета, и, передав слугам десять квадратных коробок с лапшой долголетия, наказал разнести их родным и соседям.

Ин Боцзюэ и Се Сиды, как только получили извещавшие о рождении наследника подарки, сразу же бросились к Симэнь Цину с поздравлениями. Симэнь угостил их лапшой в крытой галерее, а когда они ушли, в зале снова началось оживление. Суматоха была вызвана прибытием свахи Сюэ, за которой следовал слуга. Тетушка Сюэ привела кормилицу, солдатку лет тридцати, которая с месяц назад потеряла ребенка. И муж ее, опасаясь, что его пошлют на войну, а жена останется безо всякой поддержки, просил за нее всего шесть лян серебра.

Кормилица показалась Юэнян опрятной, и ее купили. Ей дали имя Жуи, то есть Желанная,^[451] и поручили уход за младенцем. К Ли Пиньэр пригласили также мамашу Фэн, которая должна была заниматься стиркой пеленок и детского белья, за что ей положили пол-ляна серебра в месяц и одежду. В хлопотах прошел весь день.

А тут неожиданно явился Пинъань и доложил о возвращении из столицы Лайбао и приказчика У. Спешившись у ворот, они немного погодя явились к Симэню поведать радость.

— С какими новостями? — спросил их хозяин.

Прибывшие рассказали, как добирались до столицы, как подносили государеву наставнику к рождению подарки.

– Государев наставник остался крайне доволен подношениями, – рассказывал Лайбао. – Доставил, говорит, твоему хозяину с подарками немало хлопот. Не знаю, мол, чем и отблагодарить. Потом и спрашивает: какого, дескать, ваш хозяин происхождения, кем служит. Какой, говорю, там чин. Тогда он и заявляет: Его Величество, мол, соизволили вручить мне грамоты на чины со свидетельствами на вакантные должности. И жалует вас, батюшка, чином и рангом. Собственноручно пишет сверху ваше имя, возводит в чин помощника тысяцкого и определяет в число Его Величества телохранителей и карателей с назначением на пост помощника судебного надзирателя в здешнюю судебно-уголовную управу вместо отбывшего тысяцкого Хэ. Я назначен стражником охранного отряда во владения князя Юньского, а приказчик У становится помощником станционного смотрителя в здешнем уезде.

Тут Лайбао достал три одинаковых грамоты с подписями и печатями, полученные в ведомствах мандаты и свидетельства на должности и, разложив их на столе, показал Симэнь Цину.

Хозяин стал рассматривать многочисленные печати. Документы в самом деле были выпущены двором Его Величества и действительно свидетельствовали, что он, Симэнь Цин, возводился в чин помощника тысяцкого. Брови Симэня запрыгали от радости, в улыбке расплылось лицо. Он на радостях схватил высочайшее распоряжение и бросился с ним в дальние покои показать У Юэня и остальным женам.

– Меня возвысил государев наставник! – закричал он. – Отныне я – помощник тысяцкого Его Величества гвардии телохранителей и карателей. У меня чин пятого ранга, а ты отныне – знатная дама и будешь носить регалии знати, разъезжать в украшенном экипаже.

Он упомянул о назначении приказчика У и о Лайбао и продолжал:

– Бессмертный У предсказывал мне износить не одну чиновничью шапку и возвышение до самых облаков. И вот, не прошло и полмесяца, как сбылись оба счастливых предсказания. Сын у меня твердо стоит на ногах. Выйдет три дня, совершим омовение и назовем его Гуаньгэ.^[452]

Симэнь Цин показал Юэня документы. Вошел Лайбао и, отнеся земной поклон хозяйке и остальным, повел разговор с хозяином. Тот наказал ему на другой же день с утра пораньше отнести документы в судебно-уголовную управу и вручить надзирателю Ся, а приказчику – в уездную управу. Лайбао откланялся.

На другой день состоялось омовение младенца.

Родственники, соседи и друзья сразу узнали, что не прошло и трех дней после рождения сына у Шестой госпожи, как к Симэнь Цину

пришла новая радость: чины и регалии постучались в ворота.

Он сразу вознесся до тысяцкого. Кто в таком случае не придет поздравлять, не принесет подарки?! Из дома и в дом целый день сновали люди. Как говорится: пока срок не наступит, кто порог переступит; коли время настанет, никто не опоздает.

Да,

Отвернется удача – померкнет и злато;

Повезет – и железо заблещет богато.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЦИНЬТУН, СПРЯТАВ КУВШИН С ВИНОМ, ДРАЗНИТ ЮЙСЯО

СИМЭНЬ ЦИН НА РАДОСТЯХ УСТРАИВАЕТ ПИР

*Где богатство, там и знатность,
несомненно;*

*Богачу уступят место непременно,
А бедняк от богача не жди участия –
Лишь мошна имеет силу и всевластие.*

*Люди женятся, чтоб благ земных
добиться,*

*Серебром сорят, чтоб с сильным
породниться,*

*Не под силу им подумать о высоком,
Что судьбы превыше разум – невдомек им.*

Так вот, на другой же день Симэнь поручил Лайбао отнести в судебно-уголовную управу свои документы и заказал себе чиновничью шапку. Портной Чжао и четыре или пять его помощников сидели у Симэня, кроили шелк и шили хозяину одежды. Целая артель ювелиров трудилась тут же над изготовлением парадных поясов шириною в четыре чи, каждый из которых они украшали накладками из перламутра, носорожьих рогов и черепаших щитов, подвесками в форме рыб и застежками в виде головы аиста.^[453] Излишне говорить, какая суматоха царил в доме Симэня.

Расскажем пока об У Дяньэне. В тот же день он навестил Ин Боцзюэ. Поведав о своем назначении на пост помощника станционного смотрителя, он опустился на колени и стал умолять Боцзюэ одолжить для него у Симэня серебра на подарки начальству.

– Я и тебя, брат, одарю десятью лянями, – обещал он.

У Дяньэнь так настойчиво упрасивал, что Ин Боцзюэ велел ему встать на ноги и сказал:

– Что может быть приятнее, чем помогать ближнему! Эту поездку в столицу тебе доверил господин Симэнь. Только благодаря его милости ты и обрел свое будущее. Событие в твоей жизни великое! Так сколько же тебе требуется денег?

– По правде говоря, брат, – начал У Дяньэнь, – домашние мои с голоду не помирают, но за душой у меня ни медяка нет, а по вступлении в должность придется и подарки начальству подносить, даже угощение устраивать, и одежды шить, и лошадей обзаводиться. Плохо-бедно, лянов семьдесят-восемьдесят понадобится, а где их взять? Вот я и долговую расписку заготовил, только сумму не решился проставить. На тебя, дорогой брат, вся моя надежда. Замолви там доброе словцо, а я твоего благодеяния не забуду, щедро отблагодарю.

– А тебе этого хватит, брат? – изучив вексель, спросил Боцзюэ. – По-моему, занимать – так сотню лянов, чтоб уж на все хватило. Я с ним поговорю. Проценты он с тебя не возьмет. А приступишь к службе, вернешь понемножку, частями. Ничего страшного, обождет. Говорят, в котле варит тот, кто в долг берет, а кто выпрашивает, тот горстями наливает. Уж брать, так брать! А ты тем более у него в приказчиках служишь. Неужели он будет помнить эти твои несколько лянов?!

У Дяньэнь выслушал Ин Боцзюэ, поблагодарил за совет и поставил сто лянов в расписке. Они немного посидели за чаем, а потом вместе направились к Симэнь Цину.

– Хозяин встал или все еще почивает? – спросил Ин Боцзюэ привратника Пинъаня.

– Батюшка в крытой галерее, смотрит, как ювелиры пояса изготавливают, – отвечал Пинъань. – Обождите, я сейчас доложу.

Привратник бросился прямо в сад к Симэню.

– Дядя Ин и дядя У прибыли.

– Зови! – крикнул Симэнь.

Вскоре появились Ин Боцзюэ и У Дяньэнь. Портные и ювелиры трудились не покладая рук. Симэнь Цин в маленькой шапочке и парчовом халате сидел вместе с Чэнь Цзинци в галерее, наблюдая за тем, как писали приглашения для местной знати.

Вошедшие поклонились, и им предложили присаживаться.

– Брат, а ты грамоты в управу отослал? – спросил Ин Боцзюэ.

– В судебно-уголовную управу еще утром с посыльным отправил, –

отвечал Симэнь, – а в областное управление, в Дунпин, еще нет. Пошлю в одно время и в область, и в уезд.

Слуга Хуатун подал чай, но и после него Ин Боцзюэ не спешил заводить разговор об У Дяньэне. Он спустился с галереи и, приблизившись к ювелирам, залюбовался поясами. Симэнь взял пояс и, протягивая его Ину, спросил горделиво:

– Взгляни! Как тебе нравятся мои пояса?

– Где это тебе, брат, посчастливилось раздобыть такие пояса? – начал на все лады расписывать и расхваливать пояса Ин Боцзюэ. – Один лучше другого! А ширина-то какая, ширина! Нет, только погляди вот на этот – из носорожьего рога, с застежкой – головой аиста! Да обегай целую столицу, ни за какие деньги не сыщешь, право слово! Столичного вельможу, вроде главнокомандующего гвардией, с нефритовым, скажем, или золотым поясом еще можно встретить, но чтоб с носорожьим – позвольте! И что удивительно, носорог-то ведь не сухопутный, а речной. Сухопутному – грош цена, другое дело – речной. Не зря говорят – чудодейственный. Не веришь – налей воды в блюдо и опусти туда пояс. Вода сразу расступится – бесценное сокровище! Ночью на тысячу верст светится, до зари не угасает. Огнем горит! Сколько ж ты, брат, за него серебра отвалил?

– А ну, попробуй оцени!

– Как же его оценить, когда ему нет цены!

– Ладно, так уж и быть, скажу, – начал Симэнь. – Вчера вечером, только стало известно, что я ищу пояс, прибегает ко мне человек. Есть, говорит, пояс у полковника Вана с Большой улицы. Вручил я Бэнь Дичуаню семьдесят лянов серебром, направил к Вану. Торговался он, торговался, те никак не уступают. Давай сто лянов, да и только.

– Да ведь и правду сказать, где еще такой отыщешь? – вставил Ин Боцзюэ. – Вон ширина какая! Любо-дорого поглядеть! Как опояшешься, выедешь – один вид чего стоит! И в управе-то тебе все сослуживцы позавидуют.

Они сели, и Боцзюэ продолжал восторгаться.

– А ты грамоту вручил? – спросил, наконец, Симэнь приказчика У.

– Да нет еще, – сразу вмешался Ин Боцзюэ, – ничего брат У пока не делал. Прибегает нынче ко мне, умоляет, чтоб я пособил. Ведь не кто иной как ты, брат, оказал ему столь высокое доверие! Ты направил его в столицу с подарками самому государеву наставнику, и хоть чин он получил от его превосходительства, но это все равно, что облагодетельствован был тобою. Какое человеку счастье подвалило, а?! Слов нет, любой чиновник – от первого ранга и до девятого – есть

верноподданный сын Его Величества. А у брата сейчас ни гроша за душой, вот он и просил меня. При вступлении, мол, на пост и начальство одарить надобно, и угощение устроить, и одежды справить. На все большие деньги требуются. А что поделаешь, куда пойдешь?! Один гость, говорят, двоих хозяев не беспокоит. Все к одному идет. Прошу тебя, брат, есть серебро – выручи, дай ему займы несколько лянов. Пусть дело справит, как полагается. А заступит в должность, отблагодарит за услуги, не забудет, брат, твоей великой милости. Ведь он служил у тебя в приказчиках. Ты, брат, и местных, и столичных чиновников деньгами выручал. К кому же ему еще идти за помощью? – Ин Боцзюэ обернулся к У Дяньэню: – Давай сюда вексель.

У Дяньэнь поспешно вынул из-за пазухи долговую расписку и протянул ее Симэню. В ней речь шла о ста лянах, поручителем значился Ин Боцзюэ и давалось обязательство вернуть из расчета пяти процентов за каждый месяц.

Симэнь Цин взял кисть и вычеркнул проценты.

– Я так и предполагал, что тебе серебро понадобится, – говорил он. – Раз поручителем выступает брат Ин, вернешь сто лянов, и дело с концом.

Симэнь убрал вексель и пошел было за серебром, но тут появился посыльный писарь с визитной карточкой надзирателя Ся, который посылал в услужение Симэню двенадцать солдат, интересовался датой вступления на пост, а также титулом и прозвищем нового коллеги с тем, чтобы сослуживцы могли нанести ему визит и поздравить с назначением.

Симэнь пригласил геоманта Сюя. Было установлено, что час чэнь^[454] второго числа седьмой луны – день благовещего зеленого дракона и символа надежности золотого ларца – самое подходящее время вступления на службу. Надзирателю Ся был послан ответ, а посыльного писаря одарили пятью цянями серебра, но говорить об этом подробно нет надобности.

Ин Боцзюэ и У Дяньэнь сидели в крытой галерее, когда Чэнь Цзинцзи принес серебро.

– Вернете мне только сто лянов, без процентов, – сказал он, передавая деньги У Дяньэню.

Дяньэнь взял серебро и отвесил в знак благодарности земной поклон.

– Я тебя не задерживаю, – обратился к нему Симэнь. – У тебя и без того дел по горло. А ты, брат Ин, останься, разговор есть.

У Дяньэнь, довольный, распрощался и вышел.

Впоследствии, дорогой читатель, когда умрет Симэнь Цин, развалится его семья и придет в упадок хозяйство, вдовствующая У Юэнян выдаст Сяоюй замуж за Дайяня, а слуга Пинъань украдет из закладной лавки головные украшения, пойдет ночевать к певичке, где и будет схвачен помощником станционного смотрителя У. После избиения и пыток У Дяньэнь принудит его обвинить Юэнян в преступной связи с Дайанем, чтобы привлечь ни в чем неповинную Юэнян к суду. Так за добро он оплатит злом, но это случится позднее, и мы пока не станем вдаваться в подробности.

Да,

Бесплодных деревьев не разводи,
Друзей средь неверных не заводи.

Бэнь Дичуань отправил грамоты Симэня в окружное управление Дунпина и в местную управу. Когда он вернулся, Симэнь позвал его к столу. Пока он закусывал в компании Ин Боцзюэ и геоманта Сюя, прибыл с поздравлениями шурин Симэня У Старший. Первым встал из-за стола геомант Сюй, за ним через некоторое время последовал Ин Боцзюэ, поспешивший к У Дяньэню. Тот заранее припас ему десять лянов за посредничество и с поклоном вручил, как только Ин Боцзюэ явился.

– Видал, как я исподволь к нему подкатился? Ловко, да? – хвалился Ин Боцзюэ. – А то разве он дал бы! Тебе этих денег хватит и дело обделать, и еще добрая половина останется, на домашние расходы пойдет.

Отблагодарив Ин Боцзюэ, У Дяньэнь заказал себе чиновничьи одежды и установил день вступления в должность, но не о том пойдет речь.

Тем временем уездный правитель Ли, сложившись с сослуживцами, прислал Симэню барана, вина и другие подарки. В распоряжение Симэня, помимо того, был отправлен с визитной карточкой слуга из управы, которого звали Чжан Сун-младший. Это был смысленный и шустрый малый, лет восемнадцати от роду, и недурен собой. Уроженец уезда Чаншу, что в Сучжоу,^[455] он знал южные песни и романсы, слыл грамотеем и красиво писал. В синем шелковом халате, легких туфлях и белых чулках, бойкий и речистый, он сразу приглянулся Симэню, и тот, поблагодарив в ответном послании правителя, оставил его у себя, назвав Шутуном.^[456] Симэнь справил ему новое платье, но к себе в сопровождающие не взял, а

поручил следить за подношениями и корреспонденцией. В распоряжении Шутуна находились и ключи от сада.

Вскоре и Чжу Жинянь порекомендовал Симэню четырнадцатилетнего слугу, которого стали звать Цитуном.^[457] Ему вместе с Циньтуном вменялось в обязанности сопровождать Симэня при выездах, имея при себе визитные карточки и бумагу.

И вот настал срок вступления в должность. В управе устроили пышный пир, на который были приглашены певицы из трех увеселительных заведений города, певцы и музыканты. Гремела музыка, лились песни и арии. В дальней зале пировали до самого заката.

Симэнь выезжал теперь каждый раз на стройном белом коне. В черной креповой шапке, в ярком, украшенном регалиями чиновничьем халате с вышитым львом и высоким воротником;^[458] опоясанный поясом шириной в четыре пальца с золотым краплением и пахучим лавром, в высоких сапогах на толстой белой подошве, он ехал, сопровождаемый целым эскортом солдат. Над ним колыхалось большое черное опахало. Спереди и сзади его сопровождало больше десятка человек, когда он чинно гарцевал по улице.

После посещения управы Симэнь нанес визит уездному правителю, командующему уездными войсками и военному коменданту, а также сослуживцам из управы. Потом настал черед родных, друзей и соседей. Сколько почестей и славы выпало на его долю! Целыми днями непрерывной вереницей тянулись к нему посетители с поздравительными карточками и подарками.

Да,

Конь стоит белогривый, алой сбруей играя.

Лезет к знатному всякий, быть поближе желая.

Повезет – и железо засверкает богато;

Отвернется удача – потускнеет и злато.

Симэнь Цин ежедневно являлся в управу, выходил на утреннюю аудиенцию, разбирал бумаги, вникал в казенные дела.

Быстро летело время. Вот и сравнялся месяц со дня рождения сына у Ли Пиньэр. По этому случаю с подарками Гуаньгэ прибыли невестки У, старшая и младшая, золовка Ян, матушка Пань, свояченица У Старшая и жена богача Цяо. Много пришло близких, родных и соседей. Певицы Ли Гуйцзе и У Иньэр, узнав, что Симэнь стал тысяцким и обзавелся наследником, тоже пожаловали в паланкинах с поздравлениями и солидными подарками.

Симэнь устроил в передней зале большой прием. Гости пировали за праздничным столом. За ними ухаживали разодетые Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян.

Надобно сказать, что, возвращаясь из управы, Симэнь раздевался обычно в передней. Шутун складывал его одежды и убирал в кабинет. Хозяин не снимал лишь чиновничьей шапки, в которой и удалялся в дальние покои, а по утрам в кабинет за одеждой посылал служанку. Теперь примыкавший к зале западный флигель приспособили ему под кабинет: поставили экраны, ширмы, кровать, столики и стулья. На большом столе разместились тушечница, кисти и книги. Шутун спал у кровати на сундуке с книгами.

Слуга либо спешил пораньше, до прихода хозяина, убрать кабинет, либо, когда тот ночевал в кабинете, утром посылал служанку за одеждой.

Расторопный и смысленный малый, Шутун скоро перезнакомился со всеми служанками и не упускал случая поболтать с ними и позубоскалить. За разговорами да шуточками он особенно привязался к хозяйкиной горничной Юйсяо.

И надо ж было тому случиться! Как-то утром Шутун зажег благовония, сел у окна перед зеркалом, чтобы завязать красной лентой волосы, и тут в кабинет неожиданно вошла Юйсяо.

– Ишь ты, арестант! – завидев слугу, проговорила она. – Все себе брови подводишь, да ресницы красишь, а батюшка уж завтрак кончает, вот-вот придет.

Шутун не обращал на нее внимания и продолжал заниматься прической.

– Куда ты батюшкины одежды убрал? – спросила Юйсяо.

– Там, в головах у кровати лежат.

– Да не эти. Батюшка велел принести белое нижнее платье^[459] и темный шелковый халат с золотыми регалиями и круглым воротником.

– Возьми в шкафу, – отвечал Шутун. – Только вчера убрал, сегодня опять подавай.

Юйсяо, не взяв одежды, подошла к нему вплотную и стала глядеть, как он завязывает волосы.

– Ну и чудной ты! – заметила она, шутя. – Ленту красную нацепил, букли выпустил, как старуха.

Юйсяо обратила внимание на его обшитую кисеей белую полотняную рубашку с двумя подвешенными на шнурках кисейными мешочками для благовоний – розовым и зеленым.

– Дай мне этот розовый, – попросила она.

– Любимую вещь просишь, – отвечал Шутун.

– Но парню розовый не к лицу, – пояснила Юйсяо. – Он больше мне подойдет.

– Погоди... – протянул Шутун. – А парень тебе не подойдет?

Юйсяо игриво ущипнула его за руку и сказала:

– Ах ты, арестант! Бахвалишься, будто на базаре всучиваешь картинки с богами – хранителями дверей? Подумаешь, драгоценность какая!

И без лишних объяснений она схватила, порвав шнурки, оба мешочка и сунула в рукав.

– Какая ж ты настырная! – упрекнул ее Шутун. – Гляди, даже пояс оборвала.

Юйсяо в шутку ударила Шутуна, который уже стал выходить из себя.

– Брось дразнить, сестра! – огрызнулся он. – Дай сделать прическу.

– Я вот что хочу тебя спросить, – продолжала разговор Юйсяо. – Не слыхал, куда нынче батюшка собирается?

– На проводы уездного архивариуса Хуа идет, – отвечал Шутун. – У его превосходительства Сюэ прощальный пир устраивают. Возвратится, самое раннее, после обеда. Потом батюшка, кажется, хотел с дядей Ином отнести серебро богачу Цяо. Батюшка дом у него покупает. Там тоже, наверно, без угощения непустят.

– Тогда никуда не ходи, меня обожди, – сказала Юйсяо. – Мне с тобой поговорить надо.

– Ладно, – согласился Шутун.

Договорившись о свидании, Юйсяо поспешно подхватила одежды и удалилась в дальние покои.

Немного погодя появился Симэнь и кликнул Шутуна:

– Никуда не отлучайся! Напишешь двенадцать приглашений местной знати по случаю месяца со дня рождения Гуаньгэ и запечатаешь в красные конверты.

Симэнь позвал Лайсина и наказал ему закупить продукты, накрыть столы и приготовить все как полагается к приему именитых гостей. Дайань с двумя солдатами должны были разнести приглашения и позвать певичек. Циньтуна оставили прислуживать гостям.

Отдав распоряжения, Симэнь отбыл верхом на проводы, а Юэнян с остальными женами принимали прибывавших на пир. Гости собрались сперва в крытой галерее, где пили чай, а потом проследовали в большую залу, где стоял экран, на котором красовался павлин, лежали тюфяки, расшитые лотосами. Посередине залы

располагался пиршественный стол. Четыре певицы музыкой и пением услаждали пировавших.

Симэнь в самом деле возвратился только после обеда. У него тоже был накрыт стол. Он пригласил к себе Ин Бозцзюэ и Чэнь Цзинцзи. Они захватили с собой семьсот лянов и пошли напротив, к богачу Цяо, оформить покупку дома.

Женщины продолжали пировать, когда Юйсяо, прихватив серебряный кувшин вина, четыре груши и апельсин, юркнула во флигель, желая угостить Шутуна. Слуги во флигеле не было, и Юйсяо, опасаясь, как бы ее не заметили, оставила кувшин и вышла.

Как на грех, прислуживавший гостям Циньтун углядел, как в кабинет прошмыгнула Юйсяо и на некоторое время там задержалась. Циньтун решил, что Шутун у себя, и бросился во флигель. Однако Шутуна там не оказалось. Под кроватью же стоял кувшин подогретого вина и фрукты. Циньтун поспешно спрятал фрукты в рукав, кувшин – под одежду и пошел прямо к Ли Пиньэр. Инчунь находилась при хозяйке на пиру, и в комнате с Гуаньгэ оставались кормилица Жуи и Сючунь.

– А где же сестрица? – спросил вошедший Циньтун.

– Она на пиру, матушке прислуживает, – отвечала Сючунь. – А зачем она тебе?

– Да я вот кое-что принес, хотел попросить ее спрятать.

– Что же именно? – поинтересовалась Сючунь.

Циньтун мялся. Между тем Инчунь внесла блюдо жареной гусятины и тарелку посыпанных сладкой пудрой пирожков-розочек с фруктовой начинкой и стала угощать кормилицу.

– Ах ты, арестант! – заметив Циньтуна, воскликнула Инчунь. – Что ты ухмыляешься? Почему в зале не помогаешь?

Циньтун извлек из-под полы кувшин и попросил:

– Будь добра, спрячь куда-нибудь.

– Да ведь в нем гостям вино подогревать надо, – отвечала Инчунь. – Зачем же ты его взял?

– Не спрашивай! Шутун с Юйсяо спутался, вот она ему в кабинет кувшин вина и принесла, а еще апельсины и груши. Она его угощать собирается, а я их разыграю. Спрячь, сестрица, как следует, а придут искать – не давай, ладно? И мне-таки кое-что перепадет. – Циньтун показал Инчунь апельсин и груши и продолжал: – Я вино больше подогревать не буду. Мне пора собираться. Нынче моя очередь на Львиной ночевать.

– А если заметят пропажу, подымут шум? Тебе же тогда и

достанется.

– Но я тут ни при чем! Не я ж кувшин стащил! Кто крадет, тот пусть и дрожит.

Сказав это, торжествующий Циньтун вышел, а Инчунь унесла кувшин во внутреннюю комнату и поставила на стол, но не об этом пойдет речь.

Под вечер пирующие разошлись. Когда стали убирать посуду, недосчитались кувшина. Юйсяо бросилась в кабинет, но его там не было и в помине. Еще одна пропажа! Юйсяо спросила Шутуна.

– Я уходил по делам и ничего не знаю, – отвечал слуга.

Юйсяо всполошилась и начала приставать к Сяююй.

– Вот взбалмошная потаскуха! – ругалась на нее Сяююй. – Я чай подавала, а ты с кувшином была, ты же сама вино разливала, чего ж на меня-то сваливать?

Обыскали всюду, но кувшина не нашли. Когда пришла Ли Пиньэр, Инчунь – так, мол, и так – поведала хозяйке о Циньтуне: заходил Циньтун с кувшином и велел мне спрятать.

– Ах он, арестантское отродье! – воскликнула Пиньэр. – Для чего он сюда с кувшином приходил? А в дальних покоях целый переполох поднялся. Юйсяо сваливает на Сяююй, Сяююй – на Юйсяо, а та плачет, клянется, не брала. Ступай, отнеси быстрее, а то и тебе попадет.

Инчунь достала кувшин и понесла в дальние покои. Повздорившие служанки между тем направились к Юэнян.

– Да вы ж за посуду отвечали, вы и кувшин потеряли! – заругалась на них Юэнян. – Как вы смеете препираться, вонючки проклятые?

– Я при матушке была, а за посудой она смотрела, – оправдывалась Юйсяо, указывая на Сяююй.

– Ведь я к супруге У Старшего за чаем ходила. Это ты с кувшином оставалась. Куда ж он исчез? – допытывалась, в свою очередь, Сяююй. – У тебя мозги, случайно, не покосились, не опустились в зад, а? А то вон как ты раздалась!

– Но сегодня на пиру были только свои! – заметила Юэнян. – Куда он мог деться? Взять его никто не мог. Узнает хозяин, достанется вам.

– Если только батюшка меня изобьет, я тебе, негодяйка, этого не прощу, – заявила Юйсяо.

Пока между служанками шла перебранка, вернулся Симэнь.

– Что за шум? – спросил он.

Юэнян рассказала ему про исчезновение кувшина.

– Ну, поищите спокойно, не торопясь, – посоветовал Симэнь. – К чему же зря крик подымать?

– Да как же тут молчать?! – вставила Цзиньлянь. – Мы, небось, не Ван Миллионщик,^[460] чтобы спокойно глядеть, как после каждого пира серебро исчезает. Стерпишь пропажу одну, другую, а там увидишь и мощну пустую.

Этим замечанием, дорогой читатель, Цзиньлянь упрекала Пиньэр. Ведь когда у той вышел месяц со дня рождения сына, тоже пропал кувшин, что уже служило дурным предзнаменованием.

Симэнь сразу понял ее намек, но промолчал. В это время Инчунь внесла кувшин.

– Вот и кувшин отыскался! – сразу воскликнула Юйсяо.

– Где ж ты его нашла? – спросила Юэнян у Инчунь.

Инчунь рассказала, как Циньтун принес кувшин в покои ее госпожи, Пиньэр, и попросил спрятать, а где он его взял, она не знает.

– А где сейчас Циньтун, рабское отродье? – спросила Юэнян.

– Сегодня его черед ночевать на Львиной, – объяснил Дайань. – Он уже ушел.

Цзиньлянь усмехнулась.

– Ты что смеешься? – спросил Симэнь.

– Циньтун из слуг сестрицы Ли, – заговорила Цзиньлянь. – Вот он к ней кувшин и унес. Наверняка хотели припрятать. На твоём месте я б за негодем слугу отправила, всыпала бы рабскому отродью как следует и выпытала, в чём дело. А сваливать вину на служанок, значит бить мимо цели.

Симэнь рассвирепел и, вытаращив глаза, обернулся к Цзиньлянь.

– Ты так говоришь, будто сестрице Ли этот кувшин приглянулся. А если так, то незачем и приставать, зачем переполох затевать?

Цзиньлянь густо зарделась.

– Всем известно, что у сестры Ли денег хватает, – сказала она и, разгневанная, отошла в сторону.

Чэнь Цзинцзи позвал Симэня посмотреть подарки, которые доставили посыльные от бывшего гаремного смотрителя Лю, ныне смотрителя казенных гончарен.^[461]

Цзиньлянь стояла в сторонке с Мэн Юйлоу и продолжала ворчать:

– Вот насильники-грабители собрались! Чтoб им провалиться! Того и гляди, на тот свет отправят. А этот, как заимел чадо, будто престолонаследника на свет произвел. Взглянет, словно божество какое взором своим удостаивает. И доброго-то слова от него не услышишь. Выпучит глазищи свои поганые – кажется, так бы всех и сожрал. А у сестрицы деньги водятся. Кто не знает! Вот погляди, даст волю слугам и служанкам, до того облаглют, шашни заведут, начнут

дом грабить, а ты, выходит, молчи, да?!

Симэнь, наконец, поднялся и направился в дальние покои.

– Чего ж ты стоишь? – спросила Юйлоу. – Он ведь к тебе пошел.

– Скажешь тоже! – отозвалась Цзиньлянь. – Ему там по душе, где его сокровище. Он и сам говорил. А у нас, бездетных, – одна тоска да скука.

Вошла Чуньмэй.

– Я же говорила, он к тебе пошел, а ты не верила, – сказала Юйлоу. – Видишь, Чуньмэй за тобой пришла.

Она позвала Чуньмэй, и они стали ее расспрашивать.

– Я к Юйсяо за платком иду, – объяснила Чуньмэй. – Она у меня платок брала.

– А батюшка куда направился? – поинтересовалась Юйлоу.

– К матушке Шестой, – сказала горничная.

Цзиньлянь так и вздрогнула, будто ей к сердцу огонь подсунули.

– Ах, негодяй проклятый! – заругалась она. – Пусть отныне и на веки вечные к порогу моему не подходит! Ногу свихнет, все равно не впущу да еще пинка дам арестанту, чтоб все кости себе переломал!

– Ну, что ты, сестрица, так страшно его ругаешь? – недоумевала Юйлоу.

– Не знаешь ты еще этого ничтожного насильника, – говорила Цзиньлянь. – Он труслив и жалок, как мышь, ничтожество, три вершка. Все мы его жены. Чего особенного, если у одной в мочевом пузыре семя вызрело?! Так ли уж надо ее возвышать, а других унижать, в грязь втоптывать?

Да,

Как буре платаны без счета валить,

Вот так посторонним о деле судить.

Не будем больше говорить, как бесилась Цзиньлянь.

Расскажем пока о Симэне. В передней зале он увидел посыльного от Великого придворного смотрителя Сюэ,^[462] который поднес жбан рисовой водки, тушу барана, два куса золотой парчи, блюдо персиков долголетия, блюдо лапши – символа долгоденствия – и другие яства. Подарки были посланы, чтобы поздравить Симэня с днем рождения и вступлением на пост. Симэнь щедро одарил посыльного и направился в дальние покои.

Певички Ли Гуйцзе и У Иньэр собирались домой.

– Поживите у нас еще денек-другой, – оставлял их Симэнь. – Двадцать восьмого я приглашаю почтенного господина Чжоу,

командующего войсками; господина Ся, судебного надзирателя; военного коменданта господина Цзина, управлявшего императорским имением его превосходительство Сюэ и смотрителя гончарен его превосходительство Лю. Будут и актеры. Мне хотелось бы, чтобы вы угощали гостей вином.

– Если вы оставляете нас, то мы должны послать кого-то домой сказать матушке, – пояснила Гуйцзе. – А то она будет волноваться.

Носильщики паланкинов были отпущены, но не о том пойдет речь.

На другой день Симэнь распорядился украсить большую залу парчовыми ширмами и шелковыми занавесами, расставить столы и приготовиться к приему, а сам следил за отправкой приглашений знатным гостям. На днях Симэнь побывал у смотрителя гончарен его превосходительства Лю, где познакомился с его превосходительством Сюэ, и тот прислал ему свои подарки. Симэнь в ответ направил обоим приглашения. Занимать гостей должны были Ин Боцзюэ и Се Сиды. Оба дружка, по-праздничному одетые, явились рано, и Симэнь проводил их на крытую галерею, где им подали чай.

– Скажи, брат, кто будет нынче на пиру? – спросил Ин Боцзюэ.

– Будут их превосходительства Лю и Сюэ, главнокомандующий почтенный Чжоу, военный комендант Цзин Наньцзян, мой коллега судебный надзиратель Ся, командующий ополчением полководец Чжан, тысяцкий Фань, шурины У Старший и У Второй. Сосед Цяо сообщил, что не придет. Так что всего несколько человек с вами вместе.

Прибыли шурины У Старший и У Второй. Поклонившись присутствующим, они сели за стол, на котором вскоре появилось вино и закуски.

После угощения Ин Боцзюэ обратился к Симэню:

– Не сможем ли мы, брат, полюбоваться твоим сыном, которому исполнился ровно месяц?

– Его и гости очень хотели поглядеть, – отвечал Симэнь, – но жена просила не выносить – простудить боялась, а кормилица уверяла, что ничего с ним не случится. Тогда кормилица завернула его в одеяльце, принесла в комнату жены и всем показывала.

– Тогда и моя жена удостоилась любезного приглашения, – сказал Ин Боцзюэ, – хотела прийти, да, как на грех, у нее открылся давний недуг. С постели никак не могла подняться. Так она огорчалась! Прошу тебя, батюшка, пока гости не пришли, поговори с хозяйской, попроси вынести младенца. Уж сделай нам такое одолжение!

Симэнь велел передать в дальние покои, чтобы как следует

завернули ребенка да не испугали.

– Скажи матушке, – наказывал он, – дядя У Старший и дядя У Второй, мол, пришли, а дядя Ин и дядя Се пожелали видеть младенца.

Юэнян велела кормилице Жуи как следует завернуть Гуаньгэ в красное шелковое одеяльце и донести до крытой галереи. Потом Дайань взял у нее ребенка. Гости внимательно разглядывали Гуаньгэ, одетого в ярко-красную атласную с начесом распашонку. У него было белое личико, алые губы и выглядел он вполне здоровым. Восхищенные гости на все лады расхваливали младенца. Боцзюэ и Сидя достали из рукавов по узорчатому атласному нагрудничку с миниатюрной серебряной подвеской. Ин Боцзюэ протянул еще моток разноцветных ниток с нанизанными на нем деньгами долголетия^[463] – жалким десятком медяков – и велел Дайаню получше укрыть ребенка, чтобы не напугать невзначай.

– Что за осанка! И с каким достоинством держится, а! – восклицал Боцзюэ. – Носить ему шелковую шапку чиновника, право, носить! На роду написано.

Обрадованный похвалами Симэнь поклонился в знак благодарности за благие подарки.

– К чему эти благодарности, брат? – остановил его Боцзюэ. – Это мы в спешке захватили скромные знаки внимания.

Тем временем объявили о прибытии их превосходительств Лю и Сюэ. Симэнь поспешно накинул на себя халат и бросился к парадным воротам. Именитые гости ожидали в паланкинах, каждый из которых несли по четверо носильщиков. Оба они были одеты в расшитые драконами халаты.^[464] Их сопровождал целый отряд стражников, над головами которых поблескивали украшенные кистями пики. Окриками они разгоняли зевак и очищали дорогу.

Немного погодя прибыли столичный воевода Чжоу, военный комендант Цзин, судебный надзиратель Ся и другие военные чины. Их сопровождала охрана с дубинками. Над головами у них колыхались большие опахала. Воины криками отгоняли зевак. За ними тянулась свита провожатых. Когда они приблизились к воротам, их окружила целая толпа одетых в черное адъютантов. Во дворе гремели барабаны, звучали флейты и свирели.

Когда все вошли в приемную залу, перед бывшими дворцовыми зрителями Лю и Сюэ предстали двенадцать столов. Помещение было отделано бархатом и парчой, в золотых вазах красовались цветы. На полу лежали пестрые парчовые ковры.

Симэнь поднял кубок и пригласил гостей занять свои места.

– Здесь присутствуют более почтенные господа, – говорили Лю и Сюэ, отказываясь сесть первыми.

– Достопочтеннейшие и добродетельнейшие господа придворные смотрители! – обратился к ним столичный воевода Чжоу. – Как говорится, кого при дворе чтут, того и князьям предпочтут.^[465] Милости просим, ваши превосходительства, занять почетные места! Это так естественно, что даже не может быть никаких сомнений.

После недолгих уговоров Сюэ заявил:

– Если господа так настаивают, брат Лю, я не могу больше ставить хозяина в затруднительное положение. Давай сядем!

Присутствующие низко поклонились и вздохнули облегченно. Смотритель Лю занял возвышенное место слева, а смотритель Сюэ – справа. Оба разложили на коленях салфетки, позади них встали слуги с опахалами. За ними расселись и остальные. Рядом сидел столичный воевода Чжоу, далее – военный комендант Цзин и остальные гости.

Со двора доносились звуки свирели, грянула музыка. Славный в тот день был пир.

Только поглядите:

Редкие блюда!

Диковинные яства!

Фрукты – о, чудо!

Несметные богатства!

После того как вино пять раз обошло гостей и трижды подавали супы, повар объявил о предстоящем блюде – жареном гусе, и придворный смотритель Лю наградил его пятью цянями серебра.

Появился актер-распорядитель и, опустившись на колени, развернул перед гостями красный свиток, на котором было начертано:

«Следующий номер – сценка-фарс».

Вышел актер-слуга.^[466]

Актер:

Коль справедливы на земле законы,

Сияет Небо удовлетворенно.

Чиновники ведут себя достойно –

Не бедствует народ, живет спокойно.

Коль жены здравомыслие являют,

Тогда и горя их мужья не знают.

Чем дети благодетельней и послушней,

Тем их отцы щедрее и радушней.

Я не кто-нибудь. Я – посыльный.^[467] в высоком присутственном месте. Под моим началом полно плутов-болванов. Вчера купил я на рынке ширму со стихами «Беседка Тэнского князя». Стал везде расспрашивать и разузнавать. Написал их, говорят, танский отрок, всего в три чи ростом, Ван Бо на императорском экзамене^[468] Только, сказывают, кисть опустит, и готово сочинение – большой учености человек. Одно слово – талант. Вот и попрошу-ка я подручного, пусть отыщет его да ко мне приведет. Надо же с таким человеком повидаться, а? Эй, подручный!

Подручный:

На каждый хозяина зов отвечу сто раз «готов». Что изволите приказать, господин посыльный?

Посыльный:

Прочел я вчера на ширме «Беседка Тэнского князя». Уж больно стихи хороши. Слышал, будто написал их на императорском экзамене Ван Бо – танский отрок, ростом в три чи, не больше. Так вот, даю тебе мерку. Ступай приведи его ко мне, да поторапливайся! Приведешь – цянь в награду получишь, не приведешь – пощады не жди! Двадцать палок всыплю!

Подручный:

Есть, ваше благородие! (Уходит). Ну и остолоп этот посыльный! Ван Бо при Танах жил. Почитай, тыщу лет с гаком назад. Где ж это я его разыскивать-то буду?! Ну да ладно! Пойду к монастырю. Вот там, вдали, идет ученийший кандидат-сюцай. Придется к нему обратиться. Не вы, господин учитель, тот самый академик Ван Бо, трех чи ростом, который написал «Беседка Тэнского князя»?

Сюцай:

(смеется, в сторону). Академик Ван Бо жил при династии Тан. Откуда ж ему теперь взяться?! А не разыграть мне его? (говорит, обращаясь к подручному): Да, я и есть тот самый Ван Бо. Я и написал про Беседку Тэнского князя. Вот послушай, я почитаю:

Наньчаном звали округ в старину,

Теперь Хунду – его столица.

Повозка и Крыло – из звезд граница.

Отсюда светonosный луч стрельнул

В созвездия Коровы и Ковша.^[469]

Здесь люди-удальцы, земля здесь хороша –

У Чэня на полу Сюй Жу.^[470] уснул^[471]

Подручный:

Начальник дал мне вот эту мерку. Ростом, говорит, чтобы не выше трех чи. Если хоть на палец выше, не приглашать. А ты вон какой! Разве ты подойдешь?

Сюцай:

Не беда! Все достигается деяниями человеческими. Вон, посмотри-ка, еще один Ван Бо идет. (Сюцай прикидывается карликом и продолжает): Ну-ка, примерь! (Еще больше горбится.)

Подручный (смеется):

Как раз подошел!

Сюцай:

Только помни одно условие: для твоего начальника, стало быть, главное – мерка.

Подручный и сюцай идут вместе. Приблизились к дверям, за которыми сидит посыльный.

Подручный (наказывает сюцаю):

Обожди у дверей.

Сюцай:

Значит, самое главное – мерка. Иди доложи начальнику. Я обожду.

Посыльный:

Академика Ван Бо привел?

Подручный:

Так точно! Ждет у дверей.

Посыльный:

Послушай! Прием устроим у средней залы, среди кустов и сосен. Приготовь чаю, мяса и закусок! (Замечает вошедшего.) А вот и сам академик Ван Бо. Увидеться с прославленным человеком – значит насладиться счастьем в трех жизнях.^[472] (Кланяется.)

Сюцай (в замешательстве):

Где мерка?

Посыльный (продолжает приветственную речь):

С древних времен и поныне столь редки подобные встречи. Одно дело – слышать о человеке, другое – его видеть. И вот сегодня мне посчастливилось лицезреть вас, и это превосходит все, что я о вас слышал, бью вам челом. (Снова отвешивает поклон.)

Сюцай (в замешательстве):

Где же мерка?

Подручный прячется.

Посыльный:

Знаю, необъятны ваши познания и огромна ваша память. Драконы и змеи рождаются под вашей кистью. Вы – истинный талант! И ваш

покорный слуга преклоняется перед талантом. Я жажду общения с вами, как алчущий мечтает об утоляющем напитке, как в жару молят о прохладе.

Сючай (выпаливает, не в силах стоять в согбенном состоянии):

Как здоровье вашего батюшки и вашей матушки? Как себя чувствуют старшие и младшие сестры? Все живы и здоровы?

Посыльный:

Все здоровы и чувствуют себя отлично.

Сючай:

Ах ты, сучий сын, мать твою! Раз у тебя все – от мала до велика – чувствуют себя отлично, так дай и мне распрямить спину.

Да,

Груз на бедрах весит перламутровый,

Тяжкой яшмоу руки опутаны...

Голова после праздника мутная,

Шум в ушах, не смолкающий сутками...

Гости за столом рассмеялись. Особенно понравился фарс гаремному зрителю Сюэ. Он позвал лицедеев и наградил их лянном серебра. Они поклонились, благодарные за внимание.

Появились певцы Ли Мин и У Хуэй с инструментами. Один – с цитрой, другой – с лютней. Столичный воевода Чжоу поднял руку и обратился к бывшим придворным Лю и Сюэ:

– Ваши превосходительства! Просим заказать песню!

– Будьте добры, заказывайте, господа, первыми! – ответил Лю.

– Не скромничайте, ваше превосходительство! – упрашивал воевода Чжоу. – Ваше первое слово!

– Спойте «Грущу, как жизнь плывущая во сне проходит»,^[473] – обращаясь к певцам, сказал зритель Лю.

– Ваше превосходительство! – поднялся Чжоу. – Это романс печальный, об уходе из мира, а мы отмечаем счастливые дни в жизни почтенного господина Симэня. В день рождения такие не поются.

– А вы знаете арию «Хоть я и не сановник в пурпуре, а правлю красавицами из шести дворцов»? – спросил у певцов Лю.

– Это из драмы «Чэнь Линь с коробкой помады и белил»,^[474] – заметил Чжоу, – а мы собрались сюда поздравить хозяина. Нет, такая ария не подойдет.

– Давайте я закажу. Позовите-ка мне певцов, – заявил Сюэ. – Помните романс на мотив «Ликуют небеса»? Вот этот: «Подумай, самое тяжкое в жизни – разлука»?

– Ваше превосходительство, – громко рассмеялся надзиратель Ся, – вы предлагаете песнь о расставании. Тем более сегодня не подходит.

– Мы, придворные, – сказал Сюэ, – знаем одно – как угодить Его Величеству. Неведома нам прелесть романсов и арий. Пусть поют, что им по душе.

Судебный надзиратель Ся, как представитель придворной стражи, лицо, призванное своим авторитетом вершить правосудие, приказал певцам:

– Спойте из «Тринадцати напевов».^[475] Сегодня его сиятельство Симэнь вступает в должность, празднует свое рождение и рождение сына, а потому надо спеть именно эту арию.

– Как – рождение сына? – спросил Сюэ.

– В этот день, ваше превосходительство, – объяснял Чжоу, – сыну почтенного господина Симэня исполнился ровно месяц со дня его рождения, и мы, сослуживцы, поднесли ему свои скромные дары.

– В самом деле?! – воскликнул Сюэ и обратился к Лю: – Завтра же, брат Лю, надо будет послать подарки.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, – уговаривал их благодарный Симэнь. – Достоин ли вашего внимания какой-то отпрыск вашего ничтожного ученика?!

Симэнь позвал Дайяня и велел ему вызвать У Иньэр и Ли Гуйцзе. Ярko разряженные певицы вышли, колыхаясь, словно цветущие ветки. Они выпрямились, как воткнутые в подсвечник свечи, а потом, отвесив четыре земных поклона, взяли кувшины и стали наполнять вином кубки. Певцы спели несколько новых романсов. И с таким мастерством владели они голосами, что мелодия плавно лилась, наполняя собою всю залу. Пир, казалось, происходил средь букетов цветов на узорной парче и продолжался вплоть до первой ночной стражи.

Первым поднялся дворцовый смотритель евнух Сюэ.

– Я, во-первых, чрезвычайно признателен за столь радушный прием; во-вторых, за возможность присутствовать на радостном торжестве, где, сам того не замечая, задержался до наступления столь позднего часа, – рассыпался в благодарностях Сюэ. – Мне очень прискорбно, но я должен откланяться.

– Прошу прощения за такой скромный прием, – говорил, в свою очередь, Симэнь. – Вы осчастливили меня своим блистательным прибытием, осветили мою хижину сиянием роскоши и блеска. Продлите хоть немножко мою радость, посидите еще чуть-чуть, чтобы я мог сполна вкушать удовольствие быть в вашем обществе.

– Нас глубоко печалит расставанье, но мы больше не в силах
вкусить яств и выпить даже чарку, – говорили остальные гости,
вставая с мест и низко кланяясь.

Симэнь попытался удержать гостей, но ему пришлось вместе с
шурином У Старшим и У Вторым проводить их до ворот. Во дворе
гремела музыка, ярко освещали путь фонари. Процессию гостей
окружала свита стражников, которые окликающими расчищали путь.

Да,

Сколько удовольствий и забав!

Краток день – он пролетел стремглав.

Фонари высокие горят,

Паланкины вытянулись в ряд.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий
раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ЛИ ГУЙЦЗЕ СТАНОВИТСЯ ПРИЕМНОЙ ДОЧЕРЬЮ У ЮЭНЯН

ИН БОЦЗЮЭ ПОДБИВАЕТ ДРУГУЮ ПЕВИЧКУ НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ МОДЫ

*Толстенная сума – вот знатности основа,
В чины пролезший богатей – совсем не
ново.*

*В постах высоких создают себе опору,
Карабкаются вверх – и катятся под гору.
Никто не хочет со злодеями родниться,
Но не посмеет с сильными браниться.
Не лучше ль усмирить порывы страсти?
Над Небом человек не знает власти.*

Так вот, в тот вечер гости разошлись. Симэнь оставил шуринов У Старшего и У Второго, Ин Боцзюэ и Се Сиды. Певцы и актеры пошли закусить.

– Завтра опять приходите, – наказал им Симэнь. – Уездные правители придут, так что оденьтесь как полагается. Награду получите за все сразу.

– Постараемся, – отвечали актеры. – Оденемся в новые платья чиновного покроя.

После угощения с вином они отвесили хозяину земной поклон и удалились.

Через некоторое время появились Ли Гуйцзе и У Иньэр.

– Уж поздно, батюшка, – сказали они, улыбаясь. – За нами паланкины прибыли. Мы домой собираемся.

– Дети мои! – обратился к певицам Ин Боцзюэ. – Как вы своенравны! Неужели вы не споете господам шуринам? Домой еще успеете.

– Хорошо тебе разглагольствовать! – заявила Гуйцзе. – А мы два дня домой не показывались. Мамаша, должно быть, все глаза проглядела.

– Это с чего же? – удивился Ин Боцзюэ. – Боится, от сливы кусочек откусят, а?^[476]

– Ладно! – вмешался Симэнь. – Пусть идут. Им и так за день-то досталось. А нам Ли Мин и У Хуэй спокот. Вас накормили? – спросил он певиц.

– Только что, у матушки Старшей, – ответила Гуйцзе.

Певички отвесили земные поклоны и собрались уходить.

– Послезавтра сами приходите, – наказывал Симэнь, – да еще двух с собой приводите. Может, Чжэн Айсян и Хань Цзиньчуань. У меня будут родные и друзья.

– Везет вам, потаскушки! – вставил Боцзюэ. – Мало – самих зовут, да и других приглашать поручают. Еще и на посредничестве дают поживиться.

– К прилипалам ты себя вроде бы не причисляешь, а откуда же тебе все известно?! – изумилась Гуйцзе.

Певички со смехом удалились.

– Скажи, брат, кого ты намерен послезавтра принимать? – спросил Боцзюэ.

– Почтенного Цяо приглашу, обоих шуринов, Хуа Старшего, свояка Шэня и всех вас, друзей-побратимов. Весело будет!

– Сколько мы тебе, брат, надоедали! – заметил Боцзюэ. – Мы вдвоем тогда уж пораньше придем. Поможем гостей принимать.

– Тронут вашей заботой, – ответил Симэнь.

Появились с инструментами в руках Ли Мин и У Хуэй. Когда они спели несколько куплетов, шурин У Старший и остальные стали собираться домой, но о том вечере говорить больше не будем.

На другой день Симэнь пригласил всех четверых уездных начальников,^[477] которые еще до этого прислали свои подарки, поздравив Симэня с рождением сына.

В тот день первым прибыл придворный смотритель евнух Сюэ. Симэнь провел его в крытую галерею, куда был подан чай.

– Брат Лю прислал подарки? – поинтересовался гость.

– Да, его превосходительство прислали свои подарки, – отвечал Симэнь.

Через некоторое время Сюэ попросил показать младенца.

– Хочу пожелать ему долгоденствия, – сказал он.

Симэнь не мог отказать и велел Дайяню передать просьбу в дальние покои.

Вскоре у садовой калитки появилась кормилица с завернутым Гуаньгэ в руках. Дайань взял у нее ребенка.

– Какой прелестный ребенок! – восклицал восхищенный Сюэ. – Слуги, подите сюда!

Тотчас же появились двое одетых в темное платье слуг, внесших четырехугольный золоченый ящик. Из него были извлечены две коробки, в которых лежали подарки: кусок лучшего огненно-красного атласа;^[478] четыре серебряных с позолотой монеты с выгравированными знаками: «счастье», «долголетие», «процветание», «благополучие»; ярко разрисованный, крапленый золотом барабанчик с изображением божества долголетия Шоусина и в два лянa весом серебряный амулет, символизирующий восемь драгоценностей.^[479]

– У меня, бедного дворцового смотрителя, не нашлось ничего иного, – говорил Сюэ. – Пришлось поднести для забавы младенцу вот эти скромные безделки.

Симэнь с поклоном благодарил Сюэ:

– Весьма вам признателен, ваше превосходительство! Простите за причиненное беспокойство.

Гуаньгэ отнесли в дом, но не о том пойдет речь.

После чаю к гостям был вынесен стол восьми бессмертных,^[480] на котором стояли двенадцать блюд с легкими закусками и свежий рис. Только они немного закусили, в дверях появился слуга и доложил о прибытии почтенных правителей уезда. Симэнь поспешно поправил халат и шапку и вышел их встретить у ворот. Уездный правитель Ли Датянь, его помощник Цянь Сычэн, архивариус Жэнь Тингуй и секретарь Ся Гунцзи вручили свои визитные карточки, а потом, проследовав в залу, обменялись приветствиями с хозяином. На встречу с ними вышел и придворный смотритель Сюэ. Прибывшие предложили ему занять почетное место. Среди гостей находился и ученый Шан. Когда все заняли свои места, подали чай.

Через некоторое время во дворе ударили в барабаны, полились звуки флейт и раздалось пение. Наполнив почетному гостю кубок, актеры развернули перед ним перечень исполняемых ими сцен. Сюэ выбрал из драмы «Хань Сянцзы вступает в сонм бессмертных».^[481] Стройное исполнение сопровождалось танцами и очень понравилось Сюэ. Он кликнул слуг и наградил актеров двумя связками медяков. Не

будем больше говорить о том пире, который продолжался до самого вечера, а расскажем пока о Ли Гуйцзе.

После назначения Симэнь Цина судебным надзирателем Гуйцзе обдумала со своей мамашей-хозяйкой хитрый план. На другой же день она купила коробку пирожков с фруктовой начинкой, приготовила блюдо потрохов, две жареные утки, два кувшина вина и пару туфелек и велела слуге отнести в дом Симэня, а сама направилась туда же в паланкине с намерением стать приемной дочерью Юэнян.

Сияя улыбкой, Гуйцзе приблизилась к Юэнян и склонила свой стройный стан сперва перед хозяйкой. После четырех поклонов она отвесила поклоны остальным женам и Симэню.

– В прошлый раз твоя мамаша поднесла мне дорогие подарки, а теперь ты хлопочешь, – проговорила до глубины души польщенная Юэнян. – Вон сколько всего накупила!

– Моя матушка говорит, – начала, улыбаясь, Гуйцзе, – батюшка, мол, теперь лицо должностное и не сможет так часто к нам заглядывать, вот у меня и возникло желание служить вам, как ваша приемная дочь. Хотелось бы установить с вами родственные связи и постоянно навещать вас.

Юэнян всполошилась и предложила Гуйцзе располагаться как дома.

– Почему же не пришли У Иньэр и остальные певицы? – спросила она.

– Вчера я с ней видалась, – отвечала Гуйцзе. – Не знаю, почему ее до сих пор нет. Позавчера батюшка наказал мне пригласить Чжэн Айсян и Хань Цзиньчуань. Когда я собиралась сюда, их паланкины стояли у ворот. Должно быть, вот-вот появятся.

Не успела она договорить, как вошли Иньэр и Айсян, а с ними еще две молоденькие певички в ярко-красных шелковых кофтах и с узелками одежды в руках. Колышащейся походкой, словно ветки цветов, с развевающимися узорными поясами, они подпорхнули к Юэнян и отвесили земные поклоны.

– А ты хороша, Гуйцзе, – упрекнула непринужденно сидевшую на кане певицу У Иньэр. – Не могла нас обождать.

– Я подождала-подождала, – оправдывалась Гуйцзе. – Тут матушка меня начала торопить: «Паланкин у ворот ждет, чего сидишь? Сестрицы твои, должно быть, уже отбыли». А вы, оказывается, опоздали.

– Ничего вы не опоздали, – сказала, улыбаясь, Юэнян. – Присаживайтесь. Сейчас чай подадут. А как зовут эту девицу?

– Это сестренка Хань Цзиньчуань, – ответила Иньэр. – Ее зовут Юйчуань.

Сяоюй накрыла стол. На нем появилось восемь чашек и два блюда со сладостями. Певиц пригласили к столу. Ли Гуйцзе, возгордившись тем, что ее признали приемной дочерью Юэнян, продолжала восседать на хозяйском кане. Она помогала Юйсяо колоть орехи, которые они складывали в коробку. У Иньэр, Чжэн Айсян и Хань Юйчуань расположились за столом внизу. Ли Гуйцзе разошлась пуше прежнего.

– Попрошу тебя, сестрица Юйсяо, – обратилась она к служанке, – будь добра, налей и мне чаю. – Потом, обернувшись к другим, продолжала: – Сестрица Сяоюй, подай мне воды руки обмыть.

Сяоюй и в самом деле поднесла ей таз с водой. У Иньэр и остальные глядели на подругу с удивлением, но заговорить не решались.

– Иньэр, сестрицы, я уже пела, – не унималась Гуйцзе, – взяли бы и вы инструменты да спели что-нибудь для матушки.

У Юэнян и Ли Цзяоэр сидели напротив. Иньэр ничего не оставалось, как взять лютню, а Чжэн Айсян – цитру. Им подпевала Хань Юйчуань. Запели «Восемь мелодий Ганьчжоу»:

Укрыты цветами, среди бирюзы...

Кончился романс, и певицы положили инструменты.

– Кого сегодня принимает батюшка? – спросила Иньэр хозяйку.

– Родных и друзей, – сказала Юэнян.

– А их превосходительства Великие придворные смотрители тоже приглашены? – поинтересовалась Гуйцзе.

– Его превосходительство дворцовый вельможа^[482] Сюэ здесь, – отвечала хозяйка. – А вот почтенного Лю, как видно, не будет.

– Почтенный Лю еще ничего, – заметила Гуйцзе, – а Сюэ такой придиричивый! Всю душу вымотает.

– Ничего не поделаешь, – говорила Юэнян. – На то они и придворные. Можно и потерпеть их капризы.

– Да, вам хорошо говорить, матушка, – продолжала Гуйцзе. – А нам-то каково сносить все их причуды!

За коробкой фруктов вошел Дайань и, заметив певиц, сказал:

– Гости наполовину в сборе. Вот-вот сядут за стол, так что побыстрее собирайтесь.

– Кто ж пришел? – спросила Юэнян.

– Почтенные господа Цяо, Хуа Старший, шурины У Старший и У Второй, дядя Се и другие побратимы, – перечислил слуга.

– И Попрошайка Ин с Рябой Чжу будут? – встала Гуйцзе.

– Сегодня весь союз десяти побратимов собирается, – сказал Дайань. – А дядя Ин еще с утра пожаловал. Правда, батюшка поручил ему какое-то дело, но он скоро вернется.

– Так я и знала! – воскликнула Гуйцзе. – Каждый раз натыкаешься на этих разбойников. До каких же пор они будут меня терзать? Нет, я туда не пойду. Лучше буду матушке петь.

– Ишь ты, какая своенравная! – сказал Дайань и понес коробку.

– Вы, матушка, не представляете, каков этот Рябой Чжу, – продолжала Гуйцзе. – У него за столом рот не закрывается. Только и слушай его болтовню! Его ругают, а ему хоть бы хны. Он да Сунь Молчун – самые бесстыжие!

– Где Ин, там и Рябой Чжу, – сказала Айсян. – Как-то приходил к нам Рябой с Чжаном Младшим, выкладывает Чжан десять лянов серебра и просит вызвать нашу младшую сестрицу Айюэ. Матушка ему: она, мол, вот только с девичеством рассталась, еще и месяца не вышло. Южанин, говорит, с ней не расстанется, до сих пор не уезжает. Как же, дескать, я могу ее к вам вызывать? Как матушка не объясняла, он свое твердит. До того пристал, что матушка из себя даже вышла, взяла да и заперла дверь, говорить, мол, с вами больше не хочу. А Чжан – богач, на белом коне ездит, человек пять слуг в сопровождении – сидит в зале, ни с места. Тогда Рябой не зная, что делать, встает во дворе на колени и умоляет: прошу, дескать, вызовите мамашу, пусть мол, примет серебро и даст только полюбоваться сестрицей Айюэ. Хоть бы только вышла, говорит, да чаем нас угостила, большего не хотим. Так мы над ним смеялись! Поглядели бы вы, как он нас упрасивал, будто потоп замаливал. Уж такой бесстыжий!

– А ведь у Чжана Младшего раньше Кошечка Дун в содержанках состояла, – встала Иньэр.

– Да, с Кошечкой поиграл, прижег ее тигриную пасть и покинул, – объяснила Айсян и, обернувшись к Гуйцзе, продолжала: – Вчера за городом встретила Чжоу Сяоэр, кланяется тебе. На днях, говорит, с Не Юэ к тебе заглядывали, а тебя дома не было.

– Да я ж у батюшки была, – проговорила Гуйцзе, подмигнув Айсян. – Он к Гуйцин приходил, а не ко мне.

– Ты хочешь сказать, что между вами так уж никогда ничего и не было? – продолжала расспрашивать Айсян. – Почему ж тогда вы так равнодушны друг к другу, а?

– С чего это мне никудышного такого в друзья записывать?! – отвечала Гуйцзе. – Подумаешь, невидаль какая! Свяжешься, со стыда

сгоришь. После одной неприятности он всякому встречному и поперечному докладывает, у меня, мол, был, а я его и видеть не желаю. Мать ему велит к нам ходить, а мне ни за какие деньги его на дух не надо. Если тебе другие милее, к чему ж со мной дурака валять?! Яшма с изъяном – она южанину-юнцу в уста просится.

Все расхохотались. Юэнян сидела молча на кане и прислушивалась к их разговору.

– Сколько вы ни говорили, – промолвила она, наконец, – я ничего понять не могла. На каком же наречии вы изъяснялись?

Но хватит об этом. Перенесемся в переднюю залу. Гости были в сборе, и Симэнь, одетый в чиновный халат и шапку, угощал их вином. Гости попросили богача Цяо занять почетное место. Он поднес чарку хозяину в то самое время, когда появились три певицы. Их прически сверкали жемчугами, от них струился аромат мускуса и орхидей.

– Откуда еще уличных сюда занесло, – завидев певичек, шутливо воскликнул Ин Боцзюэ. – Стойте! Не смей входить! Хозяин! Почему нет Гуйцзе?

– Не знаю, – отозвался Симэнь.

Айсян заиграла на цитре, Иньэр – на лютне, а Юйчуань отбивала такт в кастаньеты. Они приоткрыли алые уста, показав белые зубки, и запели на мотив «Цветок нарцисса» цикл «Подковы золотые, регалия с тигровой головой^[483]».

Всем наполнили бокалы. На почетном месте восседал богач Цяо, за ним расположились шурины У Старший и У Второй, брат Хуа Старший, свояк Шэнь, Ин Боцзюэ, Се Сиды, Сунь Молчун, Чжу Жинянь, Юнь Лишоу, Чан Шицзе, Бай Лайцян, Фу Обновитель, Бэнь Дичуань – всего четырнадцать человек за восемью столами. Симэнь Цин занимал место хозяина.

Невозможно описать словами, как искусно переливались голоса певиц, как стремительно кружились они в танце. Вино пенилось волною, и яства грудками лежали на столах.

Когда вино не раз обошло гостей и кончилось исполнение третьей песни, раздался голос Ин Боцзюэ.

– Хозяин! – крикнул он. – Не давай им больше петь! Что это такое? Тянут один и тот же напев, скребут, как собака в подворотне – терпенья нет. Скажи, чтоб им принесли стулья и пусть с гостями рядом сядут, вином угощают. И то лучше!

– Да не мешай ты другим, сукин сын! – заругался Симэнь. – Пусть услаждают гостей. К чему нарушать все торжество?!

– Ох, уж этот Попрошайка! – вставила Айсян. – Еще светлым-

светло, а ему потешные огни подавай.

– Ах ты, потаскушка негодная! – закричал Ин Боцзюэ, вставая из-за стола. – Причем тут светло-несветло? Не твое это дело, мать твою! – Он подозвал Дайяня. – Иди сюда, будем ее наказывать, – и вдвоем, ухватив певичку за руки, потащили ее к столу, принуждая угощать гостей вином.

– Ишь ты, негодник, как разошелся! – не уступала Айсян. – Что, руки зачесались? Угомонись!

– Я тебе серьезно говорю, потаскуха! – орал Боцзюэ. – Не вечно будет свет сиять, обессилеет конь ретивый. Подавай вино сейчас же! Не могу больше ждать!

– О чем ты говоришь? – спросил Се Сидя.

– О том и говорю, что попрыгает конь, как ворон, на морозе да и силенки выйдут.

Гости рассмеялись. Иньэр наполнила кубок богачу Цяо, Айсян – шурина У Старшему, Юйчуань – шурина У Второму, потом певицы обошли и остальных по очереди. Иньэр очутилась рядом с Ин Боцзюэ.

– Почему же Ли Гуйцзе не пришла, а? – допытывался Ин.

– Да вы, батюшка, должно быть, ничего не знаете, – проговорила Иньэр. – Ведь Гуйцзе стала теперь приемной дочерью самой хозяйки дома. Только я вам по секрету это говорю, смотрите никому не передавайте. Это она с нашей матушкой все придумала. Позавчера мы уговорились, что сегодня на пир отправляемся вместе. Собрались мы, сидим и ждем, а она, оказывается, преспокойно купила подарки и улизнула. Прождали ее зря, вот и явились с опозданием. Послали за ней служанку, а ее и след простыл. Мамаша даже рассердилась. Да мы б с сестрицами давно здесь уж были бы. Если ты захотела быть приемной дочерью, так и скажи. Чего тут особенного?! Мы ж тебе мешать не собираемся! Так нет – скрывает. А я-то смотрю, чего это она на хозяйкин кан уселась? Сидит, модничает. Я, мол, хозяйкина приемная дочь. Орехи колет и в коробку складывает. Хозяйкиными служанками командует: то ей подай, другое принеси. А на нас уж и свысока глядит. Я сперва тоже не знала. Мне потом матушка Шестая потихоньку сказала: Гуйцзе, говорит, хозяйке туфельки сшила, коробку пирожков купила, двух уток, блюдо потрохов и два кувшина вина в подарок поднесла. Давно, говорит, с самого утра в паланкине пожаловала.

Ин Боцзюэ выслушал ее рассказ со вниманием.

– Ладно, коли так, пусть с хозяйкой остается, – начал он. – Но пусть только покажется, я еще ее подразну, я ей покажу! Это она

наверняка со своей хозяйкой, старой блудницей, все обмозговала. Батюшка, дескать, служить стал, тем более правосудие вершит. Во-первых, страх взял перед его могуществом, во-вторых, перепугалась – редко, мол, теперь их навещать будет, вот и решили породниться. Так, мол, и связь не разорвется, и в дом будет вхожа. Разве я не прав?! Я тебе вот что посоветую: пусть она будет приемной дочерью Старшей госпожи, а ты тоже купи подарки да обратись к госпоже Шестой, назови ее своей приемной матерью, а? Тем более, ты была близка с батюшкой Хуа, ее покойным мужем. Каждый свою дорогу избирает, а? Правильно я говорю? А на Гуйцзе не сердись.

– Вы правы, батюшка! – согласилась Иньэр. – Я поговорю с мамашей.

Она наполнила Ину кубок вина и отошла к другому гостю. Перед Ином оказалась Юйчуань.

– Как ты любезна, сестрица Юйчуань! – воскликнул Ин Боцзюэ. – Прошу, не утруждай себя поклонами. Скажи, что делает твоя сестрица?

– Моя сестрица давно уж занята с гостем, – отвечала певица, – и никуда не может из дому отлучиться.

– Помнится, в последний раз я беспокоил вас в пятой луне, – говорил Ин, – и с тех пор мне не довелось видаться с твоей сестрой.

– Что же вы, батюшка, тогда не пожелали у нас побыть? – спросила Юйчуань. – Так рано ушли!

– Но ведь тогда, кроме меня, было двое, вспыхнула ссора... – говорил Боцзюэ. – А потом меня ждал и почтенный господин Симэнь, вот я и удалился.

Ин Боцзюэ осушил кубок, и Юйчуань стала наполнять его вином.

– Хватит, хватит! – запротестовал Ин. – Достаточно! Я больше не могу.

– Выпейте, батюшка, не спеша, а я вам спою.

– Как ты узнала, моя дорогая, что мне больше всего по душе! – воскликнул польщенный Ин. – Говорят, воспитывая сына, не жди от него, чтоб он золотом ходил, серебром мочился, а пожелай, чтобы он умел угодить родителю своему. Да, красоткам из «Прекрасной весны» нечего волноваться за свою судьбу. Зато потаскухи, негодницы из дома Чжэн – вот задиры, только и глядят, как бы увильнуть. Если не захотят, петь не станут.

– Заткни свой поганный рот, Попрошайка! – оборвала его Чжэн Айсян. – Ишь, разошелся!

– Хочешь, чтобы пела, а сам, сукин сын, к ней пристаешь, –

заругался Симэнь.

– Это я за прошлое, – отвечал Ин. – Раз вином угощать взялась, то почему же петь не может? Я три цянна серебром даю. Хочу, чтоб потрудилась потаскушка – жернов немножко повертела.

Хань Юйчуань взяла лютню и спела гостям короткую арию.

– Что же ты Гуйцзе не зовешь? – обратился Ин к Симэню.

– Не пришла она сегодня, – отвечал хозяин.

– Не морочь мне голову! – возразил Ин. – Она в дальних покоях. Только что слышал ее голос. – Обернувшись к Дайаню, он крикнул: – Ступай в дальние покои да позови ее поскорее!

– Вы ослышались, дядя Ин, – проговорил слуга, оставаясь на месте. – У матушки в гостях сестрица Юй. Она, должно быть, и пела.

– Ах ты, болтун, – закричал Ин. – И ты мне зубы заговаривать?! Я вот сейчас сам пойду позову.

– Ну, ладно, брат, позову уж Гуйцзе, – обернулся к хозяину Чжу Жинянь. – Пусть хоть вином угощает, петь не будем просить. Знаю, она удостоилась высокой чести.

Симэнь уступил, наконец, настояниям друзей и велел Дайаню пригласить Гуйцзе.

Гуйцзе между тем с лютней в руках сидела в покоях Юэнян и пела старшей невестке У, золовке Ян, матушке Пань и остальным хозяйкиным гостям.

– Кто тебя прислал? – спросила она вошедшего Дайаня.

– Батюшка послал за вами, просит вас поднести гостям вино, ответил слуга.

– Ну и хитер же батюшка! – заговорила Гуйцзе. – Ведь я же говорила, что не пойду к гостям, а он все-таки за мной посылает.

– Батюшка не хотел, да гости уговорили, – пояснил Дайань.

– Ну ладно, – заметила Юэнян, – ступай наполни им кубки и приходи.

– Правда, батюшка тебя послал? – все еще испытывала слугу Гуйцзе. – А может, Попрошайка Ин? Тогда ни за что не пойду.

Гуйцзе подошла к туалетному столику Юэнян, поправила прическу и платье, а потом пошла к гостям.

Ее высокую прическу, обильно украшенную жемчугами и бирюзой, стягивала серебряная сетка, по краям которой были воткнуты золотые шпильки самой причудливой формы. На ней была шелковая кофта цвета водяной лилии и бирюзовая тонкая юбка, из-под которой выглядывала пара остроносых и необыкновенно изящных красных туфелек, расшитых мандаринскими уточками. Напудренное личико

украшали подвески. Обернувшихся в ее сторону гостей окутал дивный аромат.

Гуйцзе отвесила присутствующим земной поклон и, стыдливо прикрываясь позолоченным веером, наполнила Симэню чарку, встав напротив хозяина. Тот велел Дайаню поставить парчовое кресло рядом с богачом Цяо, а певице – поднести почетному гостю вина.

– Не извольте беспокоиться! – проговорил Цяо, поспешно кланяясь. – Здесь присутствуют и почтенные господа.

– Пусть начнет с вас, милостивый государь, – отозвался хозяин.

Гуйцзе высоко подняла золотой кубок. Ее газовые рукава слегка заколыхались, когда она подносила вино богачу Цяо.

– Садитесь, прошу вас, почтеннейший господин Цяо, – вставил Ин Боцзюэ. – И пусть она ухаживает за вами. Ведь такая уж у них служба, у этих размалеванных девиц из «Прекрасной весны».

– Но позвольте, ваша милость, – возразил Цяо, – эта барышня стала дочкой нашего почтеннейшего хозяина. Как же я осмелюсь ее беспокоить? Нет, не могу я этого допустить.

– Не волнуйтесь, ваша милость! – успокаивал его Ин. – Когда хозяин занял высокий пост, ей не захотелось оставаться в певицах. Вот она и подалась к нему в дочери.

Гуйцзе покраснела.

– Чтоб тебе провалиться, – возмутилась она. – Болтает всякую чушь!

– В самом деле? – удивился Се Сидя. – А мы и не слышали. Тут все в сборе. Так давайте соберем по пять фэней и поздравим старшего брата с обретением приемной дочки.

– Главное все же – стать чиновником, – подхватил Ин Боцзюэ. – Испокон веков говаривают: не бойся чиновника, бойся власти его. А раз у брата и дочка появилась, придется новую племянницу спрыснуть.

– Тебе, сукин сын, только бы ерунду городить да ласы точить, – заругался Симэнь.

– А вот тебе и отбросы годятся – вон какие ножи из них вытачиваешь, – ответил Ин Боцзюэ.

– Раз Ли Гуйцзе стала приемной дочкой батюшки, так тебе, Попрошайка, надо бы в приемные сынки определиться, – вставила Айсян, наливая чарку свояку Шэню. – Что в лоб, что по лбу – что приживала, что приемыш.

– Ах ты, потаскушка! – рассердился Ин Боцзюэ. – Что тебе, жить надоело, что ли? Иль молитвы позабыла? Погоди, заставлю Будде кланяться!

– Сестрица, ты и за меня отчитай этого Попрошайку как следует, – поддержала ее Ли Гуйцзе.

– Да плюнь ты на него! – говорила Айсян. – Он на вид – из южного заречья тигр-копыеносец, а внутри – с восточного склона тряпка-рогоносец.

– Ишь ты, потаскуха! – крикнул Ин Боцзюэ. – Будешь меня учеными словами поносить?! Ладно, я молчу. Но стоит мне только принять снадобье «белый черт», как у твоей матери и пояс оборвется. Погоди у меня, я еще тебе покажу, на что я способен! Попомни меня, кто в битвы водит рать, от того пощады нечего ждать.

– Ладно, сестрица, будет его на грех наводить, – сказала, наконец, Гуйцзе. – Видишь, разозлился не на шутку.

– Попрошайка Ин на одну телегу с уродинами угодил, – засмеялась Айсян, – да такими страшными, что все нутро воротит. Попал, выходит, из огня да в полымя.

– Ишь, какие задиры! – возмутился Боцзюэ. – Только кому вы нужны?! Не волнуйтесь, и без вас как-нибудь обойдемся.

– Вон как режет! – продолжала Гуйцзе. – Да язык-то без костей. Дай только волю – всем челюсти свернет. Батюшка, да что ж вы сидите? Видите, как нас оскорбляют!

– Ну, чего ты к ним пристаешь, сукин ты сын? – не выдержал Симэнь. – Видишь, они вино подают. Зачем их дразнишь, стервец?

Симэнь подошел к Ину и дал ему шлепка.

– Если ты нашла защиту, думаешь, я тебя испугаюсь? – проговорил Боцзюэ. – Нет, вы только прислушайтесь, каким нежным голоском она зовет: «Батюшка!». Прогоните ее от стола – слишком честь велика! А ну-ка принесите инструменты и пусть поет, а то в дальних покоях вон сколько пела.

– Разбушевался воевода – нет на него управы! – ворчала Юйчуань.

Но хватит о шутках на этом пиру среди цветов на узорном ковре.

Расскажем теперь о Пань Цзиньянь. После появления у Пиньэр сына Симэнь стал больше ночевать в ее покоях. Цзиньянь, возмущенная такой несправедливостью, безумно ревновала. Пока Симэнь пировал в передней зале, она перед туалетным столиком искусно подвела мотыльки-брови, поправила прическу-тучу, слегка подвела губы и, расправив платье, вышла из комнаты.

В покоях Пиньэр послышался плач младенца.

– Что это он так плачет? – спросила Цзиньянь, входя в комнату. – А где же его мама?

– Матушка в дальние покои пошла, – объясняла кормилица Жуи, –

Гуаньгэ за ней потянулся, вот и расплакался.

Цзиньлянь заулыбалась и, протягивая к малышу руки, принялась с ним играть.

– Вон ты какой малюсенький, совсем крошка, – говорила она, – а уж маму свою знаешь. Пойдем, поищем маму, а?

Она хотела было развернуть Гуаньгэ, но ее остановила Жуи:

– Не берите его, матушка. Он вам платье запачкает.

– Ну и что ж такого?! – возразила Цзиньлянь. – Положи только пеленку.

Она взяла Гуаньгэ на руки и понесла в дальние покои. У внутренних ворот она подняла младенца высоко над головой. Юэнян тем временем в коридоре присматривала за женами слуг, занятыми стряпней и раскладкой кушаний. Пиньэр и Юйсяо готовили в комнате воздушные пирожные.

– Мама! – глядя с улыбкой на младенца, крикнула Цзиньлянь. – Что ты тут делаешь, мама? Смотри-ка, а мы за мамой пришли.

– В чем дело, сестрица? – обернувшись к Цзиньлянь, спросила Юэнян. – Мама здесь, но к чему ж ребенка выносить? Зачем поднимать? Еще, чего доброго, испугаешь. Мама там, в комнате. Сестрица Ли, поди сюда! – крикнула хозяйка. – Гляди-ка, сынок за тобой пришел.

Ли Пиньэр тот же час выбежала из комнаты и увидела Цзиньлянь с Гуаньгэ на руках.

– Ты ж, сынок, так хорошо играл с мамкой, – говорила Пиньэр, и вдруг к маме захотел, да? Смотри, сестрица, как бы платье тебе не намочил.

– Знаешь, как он плакал, к тебе просился! – сказала Цзиньлянь. – Пришлось тебя искать.

Пиньэр распахнула кофту и взяла у Цзиньлянь младенца.

– Заверни как следует и неси домой, – наказала Юэнян, поиграв немножко с Гуаньгэ. – А то еще испугается.

Пиньэр вошла к себе и сказала Жуи:

– Если заплачет – побаюкай, а я скоро приду. – Пиньэр, понизив голос, продолжала: – Зачем ты дала его матушке Пятой?

– Я не давала, а она все свое, – ответила Жуи.

Пиньэр подождала, пока Жуи кормила и укладывала ребенка.

Гуаньгэ успокоился и уснул, но немного погодя внезапно, будто чем-то испуганный, пробудился и расплакался, а в полночь его то знобило, то бросало в жар. Он плакал и не принимал грудь. Пиньэр переполошилась.

Тем временем в передней зале кончился пир, и Симэнь отпустил певиц. Юэнян подарила Гуйцзе бархатное платье с золотой отделкой и два лян серебра, но говорить об этом подробно нет надобности.

Когда Симэнь вошел к Пиньэр проведать сына, тот продолжал плакать.

– В чем дело? – спросил Симэнь.

Пиньэр не стала ему говорить, как Цзиньлянь выносила ребенка.

– Сама не знаю, что случилось, – только и сказала она. – Уснул спокойно, а потом расплакался и грудь не берет.

– Побаяюкай как следует, – сказал он и обрушился на Жуи: – Чем ты только занимаешься? За ребенком углядеть не может, испугала, наверно.

Симэнь пошел сказать Юэнян. Та знала, что младенца напугала Цзиньлянь, но от Симэня скрыла, сказав лишь:

– Надо будет завтра же тетушку Лю позвать, пусть поглядит.

– Только этой старой карги и не хватало! – запротестовал Симэнь. – Будет тут со своими иглами да прижиганиями ворожить. Нечего ее звать! Надо пригласить настоящего детского врача, из императорской лечебницы.

– Ребенку всего-то месяц от роду, – не соглашалась с ним Юэнян. – Зачем ему какой-то лекарь?!

На другой день она отправила Симэня в управу и послала слугу за тетушкой Лю, которая сказала, что ребенок страдает от испугу. Ей дали три цян серебром. Гуаньгэ напоили лекарством, и он, успокоившись, уснул, а перед тем сосал грудь. Пиньэр почувствовала такое облегчение, будто камень с плеч свалился.

Да,

Что душу нам терзает ежечасно,
Высказывать другим небезопасно.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПОТЕРЯВШЕГО КЛЮЧ ЦЗИНЦЗИ ЗАСТАВЛЯЮТ ПЕТЬ

ХАНЬ ДАОГО ПОПУСТИТЕЛЬСТВУЕТ БЛУДОДЕЙСТВУ ЖЕНЫ

*Судьбу свою не вызнать наперед.
Не по трудам приходит нам почет.
Зря копит шелк и слитки целый век,
Коль немощен пред Небом, человек.
Волнения земные все пусты,
Будь равнодушен к миру суеты.
А добродетель для чего, зачем?
Коль не над ней смеются, так над чем?*

Итак, возвратясь из управы, Симэнь первым делом спросил Юэнян:

– Как Гуаньгэ? Полегчало? А за врачом посылали?

– Звали тетушку Лю, – отвечала хозяйка. – После ее лекарства стало лучше: покормили, и уснул спокойно.

– И ты веришь этой старой потаскухе? – удивился Симэнь. – Надо было детского лекаря пригласить. Хорошо, если обойдется, а то она у меня в управе тисков отведает.

– Зачем человека понапрасну ругать? – возмущалась Юэнян. – От ее лекарства ребенок стал поправляться, а ты бранишься?

Служанка подала на стол.

Только Симэнь поел, появился Дайань и доложил:

– Дядя Ин прибыл.

– Проводи дядю Ина в крытую галерею и угости чаем, – распорядился хозяин и, обращаясь к Юэнян, продолжал: – Со стола не

убирай. Пусть отнесут в галерею. Я скоро приду, а пока вели зятю, чтоб занял гостя.

— Куда ты его вчера утром посылал? — спросила Юэнян. — Он только что вернулся.

— Дело в том, что на постоялом дворе за городом остановился знакомый Ину хучжоуский^[484] купец Хэ Гуаньэр, — объяснял Симэнь. — У него на пятьсот лянов шелковой пряжи и сырца, а он домой торопится, хочет продать дешевле. Я даю четыреста пятьдесят лянов и еще вчера отправил с Ином и Лайбао на образец пробы два серебряных слитка. Сделка состоялась, и я по договоренности обязан нынче оплатить всю партию. У нас ведь на Львиной дом пустует, вот я и думаю освободить две комнаты по улице да открыть лавку пряжи. Надо бы нанять приказчика, а то Лайбао ведь теперь на службе у Юньского князя. Пусть и остаются там вдвоем с приказчиком. И дом под присмотром будет, и торговля пойдет.

— Да, надо будет нанять приказчика, — согласилась Юэнян.

— Брат Ин назвал мне своего знакомого Ханя. Как раз в пряже разбирается. Правда, денег у него нет, дома сидит без дела. И язык у него, говорит, хорошо подвешен, и писать, и счет вести мастак. Надежный, одним словом, человек. Брат Ин не раз мне рекомендовал и поручался. Надо будет, чтоб прислал, контракт заключим.

Симэнь отвесил четыре с половиной сотни лянов серебра и вручил Лайбао. Чэнь Цзинцзи между тем сидел с Ин Боцзюэ. Закуски они съели, и Ин сгорал от нетерпения. Появление Лайбао с серебром привело его в неописуемый восторг.

— После вчерашнего пира, брат, никак пораньше встать не смог, — проговорил он, отвешивая Симэню поклон.

— Четыреста пятьдесят лянов я отвесил, — проговорил Симэнь. — Лайбао упаковал, и надо будет сегодня же, поскольку счастливый день, нанять и возчиков. Сложим на Львиной, и на душе будет покойно.

— Твоя правда, брат, — поддакнул Ин Боцзюэ. — А то пока мы тут мешкаем, этот чужак выкинет еще, чего доброго, фортель. А уж заберем товар, тогда не сунется.

Они с Лайбао оседлали коней и, захватив серебро, отправились за город на постоялый двор, где и совершили сделку. Ин Боцзюэ, само собой разумеется, надул Хэ Гуаньэра. Выдав ему четыреста двадцать лянов, Ин прикарманил целых тридцать лянов, а Лайбао показал всего лишь девять лянов, половиной из которых и поделился со слугой.

Нагруженные повозки въехали в город. Товар свалили в пустом

доме на Львиной и доложили Симэню. Тот велел Ин Боцзюэ выбрать счастливый день и привести приказчика Ханя.

Это был невысокий, приятной наружности человек лет тридцати, речистый и бойкий, вместе с тем весьма покладистый. Симэнь тотчас же заключил с ним контракт. Получив деньги, Хань Даого и Лайбао наняли красильщиков и открыли на Львиной лавку по продаже шелковой пряжи всех цветов. За день выручали не один десяток лянов серебром, но не о том пойдет речь.

Быстро летело время, как челноки сновали дни и луны. Наступила середина восьмой луны – день рождения Юэнян. После угощения хозяйка оставила у себя погостить старшую невестку У, матушку Пань, золовку Ян и двух монахинь. По вечерам слушали проповеди и буддийские псалмы, засиживаясь до второй, а то и до третьей ночной стражи.^[485]

Пойти к Юэнян, которая принимала супругу У Старшего, Симэню было неловко, и он отправился проводить сына к Ли Пиньэр.

– Пойди лучше к сестрице Пятой, – посоветовала мужу Пиньэр, когда тот возымел желание остаться у нее. – А то я за сына очень волнуюсь. Ведь он только что немного успокоился.

– Ладно, не буду тебе надоедать, – засмеялся Симэнь и пошел к Цзиньлянь.

Цзиньлянь, казалось, нашла клад, так обрадовал ее приход Симэня. Тотчас же, проводив матушку Пань к Пиньэр, она зажгла серебряный светильник, расстелила парчовое одеяло и, готовясь разделить с Симэнем ложе, омыла себя ароматной водой. Как они только не наслаждались! Даже и не расскажешь. Цзиньлянь лелеяла единственное желание – завладеть сердцем Симэня, не дать ему встречаться с другими женами.

Да,

На пестиках шмель,
собирая нектар,
разбудил их весенний трепет.
Беспечен и смел,
в ароматных устах
мотылек в упоеньи дремлет.

Пиньэр тем временем поспешно усадила на кан матушку Пань и велела Инчунь подать вина и закусок. Беседа затянулась до полуночи, а на другой день Пиньэр поднесла гостье накидку из белого шелка и пару атласных туфель, а также двести медяков. Матушка Пань была не

в силах сдержать свое восхищение, ее прямо-таки распирившее.

– Вот какие подарки получила я от твоей сестрицы, – говорила она Цзиньлянь.

– Ну и бессовестная же ты, мать! – рассматривая подарки, упрекнула ее дочь. – Хорошо ли такое подношение брать?

– Зачем так говоришь, дочка? – оправдывалась старая Пань. – Она сжалилась надо мной, вот и побаловала старуху. А ты дала мне хоть одну вещь?

– Что меня с богатыми сестрами равнять?! – заявила Цзиньлянь. – Мне и самой-то надеть нечего, что я тебе дам? Ты вот чужим пользуешься, а мне теперь придется угощение с вином готовить, чтобы отблагодарить за тебя. А то такие пойдут пересуды – хоть уши затыкай.

Цзиньлянь приказала Чуньмэй приготовить восемь блюд закусок, четыре подноса фруктов и кувшин вина. Воспользовавшись отсутствием Симэня, она велела Цюцзюй положить все в коробку и отнести к Ли Пиньэр.

– У моей матушки с бабушкой выдалось свободное время, – сказала Цюцзюй, – и они были бы рады посидеть с вами, матушка.

– Сколько хлопот я доставляю твоей матушке! – воскликнула Пиньэр.

Вскоре к ней в комнату вошла Цзиньлянь с матерью. Втроем сели за стол, и началась беседа. Чуньмэй наполняла чарки. Вдруг появилась Цюцзюй и позвала Чуньмэй:

– Зятюшка одежду ищет, – говорила она. – Просит тебя терем отпереть.

– Как найдет платье, пусть сюда приходит да пропустит с нами чарку вина, – наказала Цзиньлянь.

Вскоре с одеждой в руках показался Цзинцзи и скрылся.

– Он не идет, – сказала вошедшая Чуньмэй.

– А вы приведите его, – приказала Цзиньлянь и послала за зятем Сючунь.

Вошел Чэнь Цзинцзи. Матушка Пань сидела на кане. За столом, уставленным закусками и фруктами, расположились Цзиньлянь и Пиньэр. Цзинцзи отвесил им низкий поклон.

– Я тебя как порядочного к столу приглашаю, а ты нос дерешь, зазнаешься! – заметила Цзиньлянь и попросила Чуньмэй принести зятю большую чару.

Цзинцзи положил одежду на кан и сел за стол. Чуньмэй, решив подшутить, принесла большую чашку, до краев наполненную вином, и

протянула ее Цзинци.

– Если вы хотите угостить меня, матушка, – проговорил, всполошившись, Цзинци, – так дайте маленькую чарку. Меня в лавке народ ждет.

– Ничего, подождут, – проговорила Цзиньянь. – А я вот хочу, чтоб ты выпил именно эту чару. Что проку в маленькой?

– Такая чара не помешала бы делу, – заметила матушка Пань.

– А ты ему и поверила, будто он больно занят? – возразила Цзиньянь. – Он пить мастер. Дай ему бочку, он ее до нижнего обруча вытянет.

– Ну ладно, – согласился Цзинци и отпил несколько глотков.

– Подай палочки, барышня, – обратившись к Чуньмэй, попросила матушка Пань. – Что же братец без закуски пить должен?

Но Чуньмэй медлила. Она в шутку дала ему шлепка, а потом запустила руку в коробку, вынула два ореха и протянула их Цзинци.

– Пошутить надо мной захотела? – взяв орехи, спросил он. – Думаешь, не разгрызу?

Он враз расколол зубами оба ореха и закусил ими вино.

– Вот что значит молодые зубы! – воскликнула матушка Пань. – А мне, старухе, что потверже попадется, никак не прожуеть.

– А я разве что камень с гусиное яйцо не раскушу или бычьи рога, – засмеялся Цзинци.

Цзиньянь заметила опустевшую чару и велела Чуньмэй снова налить вино.

– Первую за меня пил, – говорила она, – а чем же хуже меня твоя бабушка и матушка Шестая? Выпьешь три чарки, тогда и отпущу.

– Матушка, сжальтесь над сыном своим! – взмолился Цзинци. – Не могу я больше, правду говорю. И от одной-то, чего доброго, побагровеешь, батюшка отругает.

– А ты батюшку испугался? – удивилась Цзиньянь. – Вот уж не думала! А куда ушел батюшка?

– После обеда батюшка был в гостях у помощника станционного смотрителя У, а сейчас он напротив, смотрит, как идет уборка в бывшем доме Цяо.

– Да, Цяо, кажется, вчера переезжали? – вспомнила Цзиньянь. – Что же мы им чаш не послали?

– Как не послали? Сегодня утром отправили, – сказал Цзинци.

– А куда они переехали? – спросила Пиньэр.

– На Большую Восточную улицу, – ответил Цзинци. – За тысячу двести лянов особняк купили – огромный, почти как наш. Семь комнат

по улице и пять построек вглубь.

Пока шел разговор, Цзинци зажал нос, осушил чару и, взглянув на отвлекшуюся от разговора Цзиньянь, схватил одежду и бросился наутек.

– Матушка, смотрите – зятюшка ключ забыл, – сказала Инчунь.

Цзиньянь взяла у нее ключ и положила под себя на сиденье.

– Пусть поищет! – говорила она Пиньэр. – А придет, не говорите. Я его подразню немножко.

– Да отдай ты ему, дочка! – сказала матушка Пань. – К чему такие шутки?

Цзинци вбежал в лавку, сунулся в рукав – ключ исчез. Он бросился к Пиньэр и стал разыскивать пропажу.

– Кому нужен твой ключ?! – воскликнула Цзиньянь. – Сам положит неизвестно где, а потом спрашивает!

– Я его что-то здесь не видала, – сказала Чуньмэй. – Может, в тереме оставил?

– Да нет, помню, он у меня с собой был, – отозвался Цзинци.

– Ах ты, сынок! – начала Цзиньянь. – Не знаешь, не ведаешь: то ли дома, то ли нет. Кто ж это у тебя так память отбил, а? Впрочем, вон ты зад-то какой отрастил! Там, должно быть, весь твой рассудок разместился.

– Но что ж делать? Люди ведь за одеждой пришли, – сокрушался Цзинци. – И батюшки нет. Придется слесаря звать, замок в тереме ломать.

Ли Пиньэр не выдержала и рассмеялась.

– У вас ключ, матушка? – обратился к ней Цзинци. – Отдайте, прошу вас.

– Чего тут смешного, сестрица! – вмешалась Цзиньянь. – Можно подумать, что мы и в самом деле нашли его ключи.

Расстроенный Цзинци метался по комнате, как осел, крутящий мельничный жернов. Взглянув в сторону Цзиньянь, он вдруг заметил торчащий из-под нее шнурок от ключа.

– А это что? – воскликнул он и протянул руку, но Цзиньянь поспешно спрятала ключ в рукав.

– Как он мог ко мне попасть? – наиграно удивилась она.

Цзинци пришел в отчаяние и напоминал цыпленка, который протягивает ноги еще до того, как над ним занесут нож.

– Ты, говорят, хорошо поешь? – сказала Цзиньянь. – Приказчиков в лавке услаждаешь, а нас не хочешь? Споешь своей бабушке и матушке Шестой четыре новых песни, тогда ключ получишь, а

откажешься, хоть на белую пагоду вспрыгни, все равно не дам.

– Вы, матушка, готовы у человека все нутро вывернуть, – говорил Цзинцзи. – Кто же вам сказал, что я песни пою?

– Ах, ты опять будешь зубы заговаривать?! – набросилась на него Цзиньянь. – По-твоему, в Нанкине Шэнь Миллионщик припеваючи живет, а в Пекине дерево сохнет-гниет, да? А ведь как за деревом тень, так за человеком слава.

– Ладно уж, спою, не погибать же в самом деле! – согласился выведенный из себя Цзинцзи. – Когда с ножом к горлу лезут, целую сотню споешь.

– Ах ты, болтун, чтоб тебе ни дна, ни покрышки! – заругалась Цзиньянь и наполнила всем чарки. – Вот выпей и стыд потеряешь, петь будет ловчее.

– Нет уж, лучше спою, а потом выпью, – отозвался Цзинцзи. – Я спою о цветах и плодах на мотив «Овечка с горного склона»:

В саду первый раз повстречала тебя я,
В цветущих деревьях весеннего рая.
Среди абрикосов желанных сгорая,
Нефритовой сливой^[486] тебя приняла я.
Но люди судачили: пьешь ты, гуляешь;
Как шмель в цветнике изумрудном^[487] порхаешь,
И слезы помчались солёным потоком,
О скудном душой и тигрино жестоком.
Вдгонку послала двух персиков-слуг,
Но ты под хурмою – тебе недосуг.
Забыл ты меня, и напрасны старанья,
Краснел хохолок журавля от страданья.^[488]
Обрезала пряди, плакучая ива.
«Рехнулась совсем!», – ты заметил глумливо.
Бесстыжий развратник! Насильник-гурман!
Тебе не забуду я подлый обман.
На высохших ветках тоскливо молила:
Да будет мне домом сырая могила.
Промчались три осени. Мне интересно
К кому ты теперь прижимаешься тесно.

И далее:

За ширмой из пятнистого бамбука^[489]
Стоит твоя забытая подруга,
Как хризантема пышная в цвету.

Поют беспечно птицы на лету...
Вдруг... двум сорокам^[490] верить ли с испуга?
Ужели гость желанный с юга.
Послала я форзицию^[491] любви.
Найти тебя, мой херувим,
Пришел ли ты, еще страшусь поверить,
Вот дереза^[492] приветствует у двери,
Мне нарядиться не успеть теперь,
И, сжавши розу, я открыла дверь.
Слюны моей сирени ароматы,
На шпильках – разноцветные агаты,
Хуннян-цветок^[493] тебя, не торопясь,
Ввела в опочивальню, юный князь.
В игре под персиком янтарным,
Тебе цветком я буду парным.^[494]
Кувшинкой золотой в руке
Под лотосом на стебельке.^[495]
Как яростно стремились мы друг к другу!
Зачем же астру, жалкую прислугу,
Послал цветок граната передать^[496]
И к розам на кусту^[497] прилип опять?

Цзинци кончил петь и опять стал просить у Цзиньянь ключ:

– Матушка, отдайте ключ. Приказчики, наверно, заждались, и батюшка того и гляди пожалует.

– Ишь, какой хороший! – отвечала Цзиньянь. – Ловко у тебя язык подвешен. Вот обожди, пусть только батюшка спросит, скажу: напивается, мол, неизвестно где, и ключи теряет, а потом у меня в комнате ищет.

– Ну что вы! – взмолился Цзинци. – Вам бы, матушка, только палачом-мучителем служить.

– Да отдай ты ему! – уговаривали Цзиньянь матушка Пань и Пиньэр.

– Скажи спасибо бабушке с матушкой, – наконец вроде бы согласилась Цзиньянь, – а то заставила бы тебя петь до самого заката. Наговорил с три короба: сто, мол, спою, двести, а сам две пропел и крылья расправил. Только улететь тебе не придется.

– Про запас есть у меня две песенки, дорогого стоят, – проговорил Цзинци, – на мотив «Овечки с горного склона». Могу в знак моего сыновнего послушания усладить ваш слух, матушка.

И он запел:

Уж месяц слезами умыта.
Брат милый, когда ты придёшь?
Тобой, золотым позабыта,
Цена мне теперь – медный грош.
Меня неразорванной девкой
Ты взял, необузданный зверь,
Теперь, возгордившись, с издёвкой
Презрел мою жалкую дверь.
Не выкупил тело из клетки,
Отбросил под звон медяков.
Мне мамкиной алчущей плётки
Не сбросить постыдных оков.
Вновь путь освещаю полночный
В надежде потешным огнем.
Напрасно – мой ангел порочный
Не вспомнит ни ночью, ни днем.
Увяла, осунулась с горя,
И губы искусаны в кровь,
И эхо, без устали вторя,
Всё кличет тебя вновь и вновь.
А сластолюбивая ведьма
Торгуетя мной задарма.
Дырявых монеток плети^[498]
Ее набивают карман.

И далее:

Сестрица быть хотела знатной,
Одеть себя в парчу и злато,
А я влюбился сгоряча
И ей молился при свечах.
Вновь душу мне не заморочишь?
С мамашкой алчною уймись!
Легка, как вязовый листочек,
Бездушна, как сухая кисть.
Тебя, как старую монету,
Всяк норовит скорее сбыть –
Сплошная дырка – тела нету,
Тебе бы палку раздобыть!
Злословя сальными губами,
Твой зад раздели догола,

В ущельях тискают, капают, —
Кому себя ты раздала!
Любимая, тебя завертят
И в глину липкую сотрут.
Тебе теперь до самой смерти
Не отыскать любви приют.
Мне, злату яркому, негоже
Мешаться с комом нечистот —
Он блеск мой мигом уничтожит,
И ценность тут же упадет.

Цзинцизи умолк. Цзиньянь хотела было попросить Чуньмэй наполнить ему чару, но тут появилась Юэнян. Заметив на каменной террасе кормилицу Жуи с Гуаньгэ на руках, она обратилась к ней с укором:

— Ребенку чуть полегчало, а ты, сукина дочь, скорее на ветер выносишь?! А ну, ступай сейчас же домой!

— Кто это там говорит? — спросила Цзиньянь.

— Матушка Старшая пришла, — ответила Сючунь.

Цзинцизи схватил ключ и стремглав бросился из комнаты. Женщины вышли навстречу Юэнян.

— А зять Чэнь зачем сюда приходил? — спросила она.

— Сестрица Ли устроила угощение, нас пригласила, — говорила Цзиньянь. — Зять Чэнь за одеждой заходил, ему тоже чарку налили. Присаживайтесь, сестрица! Вино такое сладкое! Выпейте чарочку!

— Нет, благодарю, — отказалась Юэнян. — Старшая невестка У и золовка Ян домой собираются. А я вспомнила о ребенке. Дай, думаю, пойду посмотрю. — Она обернулась к Пиньэр: — Ребенка на ветру держат, а тебе и дела нет! Не зря же тетушка Лю говорила, что он простужен!

— Мы тут матушку Пань угощали, — оправдывалась Пиньэр. — Мне ж в голову не пришло, чтобы эта негодница вынесла ребенка на ветер.

Юэнян с ними присела, но задерживаться не стала и удалилась к себе.

— Иди, пригласи бабушку Пань, матушку Пятую и матушку Шестую, — наказала она Сяюй.

Цзиньянь с Пиньэр напудрились и вместе с матушкой Пань направились в дальние покои, где составили компанию старшей невестке У и золовке Ян, а с заходом солнца вышли с Юэнян к воротам проводить ее гостей до паланкинов. Они остановились у ворот. Первой заговорила Юйлоу:

– Пока хозяин в доме смотрителя У пирует, давайте сходим в дом Цяо, посмотрим, а?

– У кого от того дома ключи? – спросила у привратника Пинъаня хозяйка.

– Если матушка изволит пойти посмотреть дом, ворота там открыты, – отвечал Пинъань. – Там Лайсин за работой мастеров следит.

– Вели мастерам выйти, пока мы осмотрим дом, – наказала Юэнян.

– Не беспокойтесь, матушка, – успокоил ее Пинъань. – Мастера в четвертой большой комнате глину месят. Им тогда велят выйти.

Юэнян, Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньлянь и Пинъэр сели в паланкины, и нанятые носильщики перенесли их через улицу. Женщины миновали парадные ворота и очутились в трехкомнатной постройке с теремком наверху. Юэнян пожелала подняться наверх, но не успела она дойти и до половины крутой каменной лестницы, как поскользнулась и, крикнув с испугу, кое-как удержалась, зацепившись за перила.

– Что с вами, сестрица? – крикнула Юйлоу и тотчас же подхватила ее под руку, чтобы она не упала.

Испуганная Юэнян стала спускаться, поддерживаемая остальными женщинами. Она побледнела, как восковая свеча.

– Как же это вы так поскользнулись, сестрица? – спрашивала Юйлоу. – Не ушиблись?

– Да я не ушиблась, – отвечала Юэнян. – Только бы живот не стронуть. Так я перепугалась – сердце в пятки ушло. Какая лестница крутая, не то что наша. Хорошо, что за перила как-то удержалась, а то и не знаю, что со мной было бы.

– Знай мы, что вы в положении, ни за что б наверх не пошли, – заметила Цзяоэр.

Женщины отвели Юэнян домой. Вскоре она ощутила последствия падения – боль в животе, которая становилась нестерпимой. Симэня не было, и она дослала слугу за тетушкой Лю. Осмотрев Юэнян, знахарка сказала:

– Бремени, которое вы носите, нанесено повреждение, должно быть, непоправимое.

– Я больше пяти месяцев носила, – отозвалась Юэнян. – И вот на лестнице поскользнулась.

– Примите мое лекарство, – посоветовала старуха. – Если не поможет, вы скоро избавитесь от бремени.

– Что ж теперь делать! – согласилась Юэнян.

Тетушка Лю оставила ей две больших черных пилюли и велела

принять с полынной настойкой. Срежь ночи Юэнян посветила в бадью, где увидела уже сформировавшийся плод – мальчика.

Да,

В живых не сохранили малыша,

На небо вознеслась его душа.

Хорошо еще, что в тот день Симэнь не остался у Юэнян, а переночевал у Юйлоу, которая на другое же утро пошла проведать Старшую.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Юйлоу.

– В полночь выкинула, – не скрыла Юэнян. – Мальчика.

– Какая жалость! – посочувствовала Юйлоу. – А батюшка знает?

– Он вернулся навеселе. У меня разделся. Мне, говорю, нездоровится, пойдй еще к кому-нибудь. Вот он к тебе и отправился. Я ему ничего не сказала, а у меня и сейчас еще внутри побаливает.

– Вы, должно быть, не очистились до конца, – сказала Юйлоу. – Примите для очищения подогретого вина с лекарством, вам и полегчает. Да будьте осторожней, сестрица! Никуда эти дни не выходите. Ведь выкидыш – не нормальные роды! Остерегайтесь простуды, а то совсем сляжете.

– Само собой понятно! – согласилась Юэнян. – Только прошу, никому не рассказывай, а то пойдут разговоры. Вот, мол, зазнается, а сама в пустом гнезде спит. Зачем давать повод для сплетен?

Так Симэнь ничего и не узнал о случившемся, но не о том пойдет речь.

* * *

Расскажем теперь о приказчике, которого Симэнь взял в новую лавку шелковой пряжи, – человеку, никак не заслуживающем доверия. Звали его Хань Даого, а прозывался он Маленький Яо.^[499] Сын разорившегося Ханя Лысого, Даого опустился, служил на посылках у господ, был одно время стражником в свите Юньского князя, а теперь поселился в Кожевенном переулке, что близ Восточной улицы. Пустой и ветреный, он слыл завзятым болтуном и краснобаем. Чтобы выманить деньги, он преследовал жертву, как тень, а то и бесцеремонно залезал в чужой кошелек. Занявшись торговлей у Симэня, Хань Даого стал прямо-таки сорить деньгами, справил себе не одну шкуру навозного жука^[500] и щеголял в них, горделиво задрав нос и выпятив грудь колесом. За его бахвальство и походку вразвалку он вскоре стал зваться не Маленький Яо, а просто Вертялый. Жена его,

сестра мясника Вана, была шестой в семье. Женщина она была высокая, с овальным, как тыквенное семечко, смуглым ликом, лет двадцати восьми от роду. Брат его, Хань Второй, по кличке Шулер, известный мошенник, жил отдельно, но путался с невесткой. Когда Хань Даого ночевал в лавке, деверь не упускал случая заглянуть к невестке. Они пили вино и миловались до поздней ночи. Ханю Второму было и невдомек, что уличные юнцы давно уж заметили, как красится и рядится Ван Шестая, с каким важным видом встает она у ворот и кокетничает с прохожими. Однако стоило только одному из дружков откликнуться на ее заигрывание да пошутить с ней, как она грубо отвергала ухаживания и осыпала его отборной руганью. Выведенные из себя молодые люди договорились, наконец, между собой выследить, с кем она водит шашни.

Не прошло и полмесяца, как они узнали о связи Ван Шестой с деверем. Жила она, как было сказано, в Кожевенном переулке. Дом ее выходил тремя комнатами на улицу. По обеим сторонам к нему примыкали соседские дома, а сзади, за насыпью, был пруд. С насыпи дружки и наблюдали, как Шулер проникал к невестке. Случалось, они подсылали старуху подмести в доме пол, или мальчишку – будто бы ловить на заднем дворе бабочек, а то и сами взбирались на стену и, подглядывая за любовниками, ждали удобного случая схватить их на месте преступления.

И вот однажды, когда мужа не было, Шулер напился с невесткой средь бела дня. Замкнули они дверь на задвижку и только приступили к делу, как недремлющие юнцы послали мальчишку потихоньку отомкнуть дверь, а за ним всей гурьбой ворвались в спальню. Шулер вырвался было и бросился наутек, но его свалил с ног подоспевший юнец. Ван Шестая еще лежала в постели, торопливо прикрывая наготу, когда в комнату ворвался один из дружков и выхватил у нее одежду. Любовников связали одной веревкой и вывели наружу.

Вскоре у ворот дома выросла целая толпа. Слух сразу дошел до лавок Кожевенного переулкa и распространился на соседние улицы. Одни расспрашивали, что случилось, другие подходили поглазеть.

– Жена Хань Даого с деверем спуталась, – говорили в толпе.

– За что это их? – спросил замешавшийся в толпе старик, увидев связанную пару.

– А ты не догадываешься, почтенный?! – удивился один из словоохотливых, что стоял рядом с ним. – Деверь, видишь ли, с невесткой спутался.

– Ай-яй-яй! – старик покачал головой. – Вот оно, оказывается, в

чем дело. Да, за такое преступление, попади они только в суд, петли не миновать!

– Тебе, почтенный, законы, конечно, лучше знать! – вставил все тот же речистый, узнав в старике Снохача Тао, который сожительствовал сразу с тремя снохами. – Коль за связь деверя с невесткой – петля, то что ж, скажи, пожалуйста, дают за шашни свекра со снохами?

Тао Снохач осекся и, опустив голову, молча вышел из толпы.

Да,

Иней на кровле соседской не трогай –

Перед порогом расчисти сугробы.

Оставляем пока связанных Ханя Шулера и Ван Шестую и расскажем о Хань Даого.

В тот день он не дежурил в лавке и возвращался домой рано. Стояла середина восьмой луны. В новенькой шапочке, в легком шелковом халате, в темных атласных туфлях и чулках цвета чистой воды, с веером в руке, Хань Даого шел по улице, чинно вышагивая и покачиваясь из стороны в сторону. Он то подсаживался к одному встречному, то останавливался с другим, и всякий раз уста его извергали нескончаемый поток слов. Вот он заметил знакомых – Чжана Второго по прозвищу Дотошный, служившего в бумажной лавке, и Бая Четвертого по кличке Плут, из ювелирной лавки. Оба с поднятыми кверху сложенными руками приветствовали Хань Даого.

– А, брат Хань! – протянул Чжан Дотошный. – Давненько не видались. Поздравляю со службой у почтенного Симэня! Прости, брат, что не поздравили вовремя, не пришли с подарками. Уж не обижайся!

Они предложили ему стул, и он расселся, горделиво задрал голову и помахивая веером.

– У меня, скромного ученика, нет других талантов, – высокопарно начал Хань Даого. – Уповаю на благосклонность господ, я милостью добродетеля моего, почтенного господина Симэня, занял место приказчика, делю с хозяином прибыли из расчета три части – себе, семь – ему. Громадными суммами ворочаю. А над сколькими лавками надзирать приходится! Место, действительно, весьма солидное и почетное, не то что у других.

– Ты, брат, ведь, кажется, торгуешь только в лавке шелковой пряжи? – попытался было уточнить Бай Плут.

– Да ты, дорогой мой, не в курсе дела, – перебил его улыбающийся Хань. – Это ж только название – лавка пряжи, а у хозяина таких лавок – больших и малых – по всей округе разбросано. А все доходы и

расходы через мои руки проходят. А как хозяин к моим советам прислушивается! И радости и огорчения – все вместе делим. Без меня все дело встает. Как возвращается господин из управы, за стол сам сядет и меня за компанию приглашает, а если меня нет, и есть не будет. А то на досуге к нему в кабинет идем – фруктами лакомимся, беседуем – до полуночи засиживаемся. Вот недавно день рождения его старшей супруги справляли. Так моя жена в паланкине пожаловала, подарки поднесла. Хозяйка до второй ночной стражи ее не отпускала. Одним словом, мы с хозяином как свои живем, и нисколько я его не боюсь. Меж нами не существует никаких секретов. Я б не должен вам говорить, но скажу: хозяин делится со мной даже тем, что делается в спальне. А все потому, что человек я порядочный, солидный и трепаться не буду. Я приношу хозяину высокие прибыли и избавляю от убытков, в общем, со мной бед не наживешь. А до какой степени я точен и честен в обращении с деньгами и другими ценностями! Я гроша не возьму, у меня комар носа не подточит. Меня даже приказчик Фу побаивается. Я не хвалюсь, но хозяин ценит меня как раз за эти качества.

Хань Даого вошел в самый раж, когда к нему подбежал запыхавшийся человек.

– О чем ты, брат, разговоры ведешь? – спросил он. – Я тебя и в лавке разыскивал.

Он отвел Хань Даого в сторону и сказал:

– Видишь ли, дело-то какое. Жену твою с деверем застукали и связанных в околоток повели. В суд собираются отправить. Придется тебе кое-кого подмаслить, а то неприятностей наживешь.

Хань Даого побледнел со страху и только языком прищелкнул. Потом он топнул ногой и бросился бежать.

– Брат, ты куда? – окликнул его Чжан Дотошный. – Ты ж не все рассказал.

– Некогда мне с вами сидеть, дело у меня! – подняв руку, крикнул Хань Даого и скрылся из виду.

Да,

До дна исчерпав полноводные реки,
Ты краску стыда не отмоешь вовеки.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ШУТУН ИЗ-ЗА БЛАГОСКЛОННОСТИ ХОЗЯИНА ПОПАДАЕТ В НЕПРИЯТНОСТЬ ПИНЪАНЬ ПОДЛИВАЕТ МАСЛА В ОГОНЬ

*Ты, своеправный, опьяненный властью,
Поменьше обнаруживай пристрастья.
Кто алчен, до забав распутных падок –
Устои рушит, вносит беспорядок.
Грубить – попрасть достоинство чужое,
Хитрить и пить без меры – дело злое.
Коль мысль тебя волнует о грядущем,
Во всех делах будь благотворцем сущим.*

Итак, подбежал Хань Даого к воротам своего дома и узнал, что его младший брат и жена, связанные, доставлены в околото. Хань бросился в лавку на Львиную, чтобы посоветоваться с Лайбао.

– Попроси скорее дядю Ина, – посоветовал Лайбао. – Пусть он поговорит с хозяином. А стоит ему только послать правителю Ли свою визитную карточку, как любое, даже самое серьезное дело, сразу будет замято.

Хань Даого помчался к Ин Боцзюэ, но жена его выслала служанку сказать, что хозяина нет дома, и где, мол, он, неизвестно. Может, дескать, он у господина Симэня.

– Нет дома? – переспросил Хань. – А Ин Бао?

– Тоже ушел, – был ответ.

В полном отчаянии Хань Даого побежал в квартал кривых террас.

Надобно сказать, что Ин Боцзюэ, приглашенный Хэ Лянфэном,

братом хучжоуского купца Хэ Гуаньэра, пировал в гостях у Хэ Цзиньчань, жившей в четвертом переулке. Там его и нашел Хань Даого. Ин Боцзюэ вышел раскрасневшийся, из-под козырька его шапки торчала зубочистка. Хань отвесил ему земной поклон, отозвал в сторону и – так, мол, и так – рассказал о случившемся.

– Раз такое дело, придется мне самому с тобой пойти.

Ин Боцзюэ распрощался с Хэ Лянфэном, и они с Хань Даого отправились сперва к нему домой, где Ин разузнал подробности.

– Дядя, я вас об одном прошу, – говорил Хань Даого. – Пойдите к моему господину и попросите написать письмо в управу, а то их завтра, может быть, на допрос поведут, к самому господину Ли. Только бы жену мою в покое оставили. А я не забуду вашей милости, дядя, и щедро отблагодарю.

Хань отвесил Ину земной поклон и встал на колени.

– Я ль не помогу тебе, дружище! – воскликнул Ин Боцзюэ, поднимая Ханя. – Бери бумагу и пиши. И сейчас же пойдем к твоему хозяину. Я сам с ним поговорю. Да поменьше лишних слов! Так и напиши: я, мол, часто дома не бываю, а уличные лоботрясы к жене пристают, покою ей не дают. Не стерпел, мол, тогда мой брат Хань Второй и имел с ними крупный разговор, а они схватили его, избили и связали вместе с моей женой. Дальше: прошу вас, сударь, направить письмо его превосходительству господину Ли и освободить мою жену. Вот так. Уверен, он пойдет тебе навстречу и все уладит.

Хань Даого взял кисть, поспешно набросал просьбу и сунул в рукав.

Ин Боцзюэ повел его прямо к Симэнь Цину.

– Батюшка дома? – спросили они привратника Пинъаня.

– Батюшка в кабинете, в саду, – ответил тот. – Прошу вас, проходите.

Ин Боцзюэ – постоянный посетитель – был здесь как дома. Даже собака не залаяла. Они прошли задние ворота, обогнули залу, амбар, искусственную гору и очутились у садовой калитки. Повернув в сторону розария, они прошли по сосновой аллее, в конце которой и располагался состоящий из трех миниатюрных построек Зимородковый павильон, где Симэнь Цин наслаждался прохладой во время летнего зноя.

Кругом красовались шторы. В густой тени среди цветущих кустарников и зарослей бамбука, куда ни кинь взор, стояли чучела диковинных зверей и редких птиц. Пышно цвели необыкновенные травы и цветы.

В затененном кабинете убирался слуга Хуатун.

– Батюшка Ин и дядя Хань! – доложил он.

Они отдернули занавес и вошли в кабинет.

– Присаживайтесь, прошу вас! – сказал вошедшим Шутун. – Батюшка только что ушел в задние покои.

Он велел Хуатуну пригласить хозяина.

В комнате стояли полдюжины покрытых агатового цвета лаком низких юньнаньских кресел с плетеными сиденьями, украшенных золотыми гвоздями. По обеим сторонам висели четыре окаймленных белым пестрых шелковых свитка – картины знаменитых мастеров-пейзажистов. Сбоку стоял расписной столик из пестрого мрамора, ножки которого украшали резные кузнечики и стрекозы. На нем были расставлены несколько старинных бронзовых курильниц и одна золотая в форме журавля. Напротив висела таблица с надписью «Зимородковый павильон», а по бокам на полосах розовой бумаги красовались парные строки:

Под сенью ясеня приятное затишье,

У ширмы вешний аромат цветущей вишни.

Ин Боцзюэ уселся в кресло посредине комнаты, Хань Даого пододвинул стул и подсел к нему сбоку. Пока Хуатун разыскивал Симэня, Ин Боцзюэ заглянул в кабинет. Там стояла покрытая черным лаком с позолотой мраморная летняя кровать со спущенным газовым пологом. С обеих сторон от нее теснились покрытые лаком, крапленые золотом шкафы, полные писем и списков подношений. Тут грудой лежали книги, бумага, кисти и тушь. Поодаль, под затянутым газовой занавеской окном, стоял черный лаковый столик для люти, а дальше – одинокое плетеное кресло. В книжных ящиках лежали полученные хозяином письма и визитные карточки, а также книги учета подношений Симэня к празднику осеннего урожая. Ин Боцзюэ раскрыл одну из них. В ней пестрели имена Цай Цзина, Цай Ю, Чжу Мяня, Тун Гуаня, письмоводителя Цая Четвертого, командующего Цая Пятого, а также правителей, их помощников и других высоких должностных лиц областного управления и уездной управы. В другой книге значились имена столичного воеводы Чжоу Сю, судебного надзирателя Ся Лунси, инспектора пехоты и конницы Цзинь Наньцзяна, командующего ополчением Чжана, а также двух бывших гаремных смотрителей – Лю и Сюэ. А среди подношений перечислялись куски парчи и атласа, свиные туши, вино и печенье, пузанки и прочая маринованная рыба, куры и гуси. Подношения в

зависимости от их цены значились под особыми рубриками.

Но не будем больше говорить, как ждали хозяина Ин Боцзюэ и Хань Даого, а расскажем о Хуатуне.

Он пошел к Цзиньлянь.

– Сестрица, батюшка здесь? – спросил он Чуньмэй.

– Куда тебя несет, рабское твое отродье! – заругалась Чуньмэй.

– Тебя черт попутал, что ли? Ишь, влетел! Разве не знаешь, батюшка у Шестой просиживает?

Хуатун побежал к Пиньэр. На террасе он заметил Сючунь.

– Батюшка здесь? – осторожно спросил ее слуга. – Батюшка Ин и дядя Хань прибыли. В кабинете ждут.

– Да, батюшка здесь, – отвечала Сючунь. – Смотрит, как матушка распашонку шьет.

Надобно сказать, что Симэнь принес Пиньэр кусок ярко-красного атласа и кусок шаньсийского шелка цвета зеленого попугая и велел сшить ребенку рубашечки и распашонки, халатик и шапочку.

На ярко-красном ковре, разостланном на крапленой золотом кровати лежал оберегаемый кормилицей младенец. Рядом с утюгом в руке стояла Инчунь. Вошедшая Сючунь потихоньку взяла ее под руку и повела в сторону.

– Чего ты меня тащишь? – спросила Инчунь. – Из-за тебя еще уголь из утюга на ковер выскочит.

– Куда ты ее ни с того ни с сего уводишь, а? – спросила Пиньэр.

– Хуатун говорит: дядя Ин пришел, хотел бы с батюшкой поговорить, – пояснила Сючунь.

– Вот рабское отродье! – заругалась Пиньэр. – Если зовут, так и скажи. Зачем же за рукав-то тянуть?

– Скажи Хуатуну, пусть подождут, а я сейчас, – сказал Симэнь.

Он дождался, пока Пиньэр кончила кроить, и направился в кабинет. Его поклоном встретили Ин Боцзюэ и Хань Даого. Сели. Хань пристроился сбоку. Хозяин велел Хуатуну подать чай. Вскоре появились резные лаковые чашечки с серебряными ложками. После крепкого чаю с медовыми лепешками посуду убрали, и Ин Боцзюэ обратился к Хань Даого:

– Брат Хань, ну что у тебя? Говори господину.

– Что у тебя случилось? – спросил Симэнь.

– Уличные лоботрясы, – начал, наконец, Хань Даого, – не знаю, как их, негодяев, зовут...

– Дружище! – прервал его Ин Боцзюэ. – Срежь мясо, тогда и остов покажется. Ну, куда завел?! Не то говоришь! Выложи перед

господином всю подноготную, откровенно, как было. Одним словом, брат Хань часто в лавке ночует, дома никого нет, одна жена и дочка. И вот пронюхали соседские оболтусы и давай приставать, жену дразнить. Надоело брату, Ханю Второму, такое издевательство. Приходит он в дом и отчитывает хулиганов, а они взяли да избили его до полусмерти, связали с невесткой и в околотке заперли. Завтра грозятся к уездному правителю господину Ли отправить. Вот он ко мне со слезами и прибежал, упросил с тобой, брат, поговорить. Хоть бы, говорит, жену отпустили. – Ин Боцзюэ обратился к Ханю: – А ну-ка, покажи господину свою просьбу! Авось направит посыльного, уладит твоё дело.

Хань Даого вынул из рукава просьбу и, опустившись на колени, промолвил:

– Умоляю, ваша светлость, помогите бедному человеку! Внемлите просьбам дяди Ина. По гроб не забуду вашей милости.

– Встань, прошу тебя! – сказал Симэнь и протянул руку.

«Обвиняемая, урожденная Ван, вызывает Вашу светлость проявить справедливость и умоляет о пощаде...», – говорилось между прочим в бумаге.

– Не то надо писать! – сказал Симэнь. – Указывать надо было одного Ханя Второго. – Симэнь обернулся к Ин Боцзюэ: – Я в управу сам напишу, а околоточному надо будет наказать, чтобы исправил список обвиняемых и привел их для расследования ко мне в управу.

– Кланяйся почтенному господину, брат Хань, – сказал Ин Боцзюэ. – Видишь, как дело оборачивается.

Хань Даого пал ниц перед Симэнем.

– Позови-ка, да побыстрее, старшего посыльного, – крикнул хозяин Дайяня.

Вскоре появился одетый в синее посыльный и застыл, ожидая приказаний. Симэнь подозвал его поближе.

– Пойдешь в Кожевенный переулочек, к приказчику Ханю, – говорил Симэнь, – узнаешь, в каком околотке задержанные, а околоточному передашь наше распоряжение: чтобы сейчас же освободил Ван, уточнил имена бездельников и исправил список, а завтра же чтоб доставил задержанных ко мне в уголовную управу. Я сам буду их судить.

– Слушаюсь! – крикнул посыльный и удалился.

– Ступай-ка и ты с ним, брат Хань, доводи своё дело до конца, – посоветовал приказчику Ин Боцзюэ. – А мне ещё с господином поговорить нужно будет.

Хань Даого еще раз поблагодарил хозяина и пошел с посыльным к себе в Кожевенный переулок, а Симэнь с Ин Боцзюэ остались в Зимородковом павильоне. Дайань накрыл стол.

– Попроси старшую госпожу подогреть коричную настойку с лотосами – ту, что его сиятельство Лю вчера с гончаром прислал, – велел Симэнь. – Мы разопьем ее с дядей Ином. Да и маринованного пузанка пусть приготовит.

При упоминании пузанка Ин Боцзюэ всплеснул руками.

– Ах, брат, я и не поблагодарил тебя за отличных пузанков, которых ты мне подарил. Одного я отправил брату, от другого часть дочке послал, а часть велел жене нарезать маленькими кусочками, залить красным маринадом – нашелся у нее старый – да маслица подбавить для духу и положить в черепичный горшок. Глядишь, я утречком иль вечером когда полакомлюсь, а может, гость какой пожалует, ему на тарелочке подам, чтоб только ты, брат, не обманулся в своем великодушии.

– Это, видишь ли, брат его сиятельства Лю, – пояснил Симэнь, – сотник Лю, в бытность свою лесничим на Хуанхэ нажил состояние, купил поместье в пяти ли от города,^[501] ну и воздвиг себе дом из императорского леса.^[502] И вот нам в управе на днях пришлось его делом заняться. По настоянию Ся Лунси его следовало оштрафовать на сотню лянов и передать дело в суд. Тогда его сиятельство Лю сам поспешил ко мне с сотней лянов, просил устроить. А я ж ведь и сам торговлей занимаюсь, на жизнь не жалуюсь. Мне, по правде сказать, эти деньги не в диковинку. Больше того, мы с его сиятельством друзья. Он мне то и дело подарки присылает. Не терять же из-за этого дружбу! Я с него ни гроша не взял, велел только той же ночью дом сломать, а его слуге, Лю Третьему, всыпал двадцать палок. На том все и кончилось. Его сиятельство так был тронут моим великодушием! Прислал свиную тушу, жбан лотосовой настойки собственного изготовления и два бочонка маринованных пузанков весом сорок цзиней, а в придачу два куска узорной парчи и атласа. Лично приезжал, меня благодарил. Наша дружба теперь стала еще тесней, а деньги свое дело сделали.

– Тебе, брат, эти деньги, конечно, не в диковинку, – заметил Ин Боцзюэ. – А господин Ся из военных. Нет у него твердой почвы под ногами. Не сорвет, так и не проживет. А тебе, брат, за это время, должно быть, вместе с ним не одно дело решать приходилось, а?

– Да, приводилось вместе разбирать и большие дела, и пустяки, – отвечал Симэнь. – Все бы ничего, если б не его алчность и

лихоимство. Где ж такое видано?! В деле не разберется, деньги возьмет и хоть бы что! Сколько раз ему говорил – все нипочем. Да, говорю, мы с тобой военные,^[503] наша обязанность карать, но надо ж и совесть знать!

Не успел Симэнь закончить, как принесли вино и закуски. Сперва подали четыре блюда – овощные закуски и фрукты, потом – вино и еще четыре блюда: окрашенные в густой красный цвет свежие утиные яйца из Тайчжоу, ляодунские золотые креветки^[504] с причудливо изогнутыми огурцами, приготовленное на душистом масле жаркое и вареные на сухом пару жирные куры. Вторая перемена тоже состояла из четырех блюд: жареная утка, окорок, белая жареная свинина и жареные почки. Наконец, на узорном фарфоре блюде вынесли залитых красным маринадом вареных на пару пузанков, от которых исходил аппетитный аромат. Они так и таяли во рту! Какое удовольствие обсосать только косточку или жабры!

Симэнь Цин наполнил лотосовой настойкой небольшие золотые чарочки-хризантемы, и они принялись за еду.

Не будем говорить, о чем они беседовали за столом чуть ли не до второй ночной стражи, а расскажем пока о компании юнцов.

Посыльный нашел околоточного, и Ван была отпущена домой. Потом старшему полицейскому было велено выявить имена задержанных юнцов. На другой день они обязаны были явиться в уголовную управу. Юнцы переглянулись. Зная, что Хань Даого служит в приказчиках у Симэнь Цина, они сразу смекнули, кто вмешался в дело. В околотке задержали одного только Ханя Второго. Юнцы в страхе обсуждали случившееся, увидав, какой дурной оборот принимает вся эта история.

Хань Даого одарил посыльного пятью цянями, а позже, улучив момент, попросил околоточного переслать Симэнь Цину еще до судебного разбирательства список привлеченных к делу молокососов.

Прошел день. Симэнь Цин и надзиратель Ся Лунси заняли место в большой зале управы. Околоточный ввел группу задержанных. Первым вывели Ханя Второго. Он опустился на колени. Надзиратель Ся прочитал обвинение:

«Старший полицейский четвертого околотка первого участка Сяо Чэн за нарушение спокойствия привлекает к суду следующих лиц: Ханя Второго, Чэ Дая, Гуань Шикуюня, Ю Шоу и Хао Сяня».

После переключки допрос начался с Ханя Второго.

– С чего все началось? – спросили его.

– Мой брат занимается торговлей, часто не бывает дома. И вот жена его с дочкой стали жертвами насмешек и подстрекательств этих бездельников. Они собирались целой толпой у ворот и распевали непристойные песенки. Не давали покою ни днем, ни ночью. Как только ни издевались! Я живу с братом поврозь, но бывал у него. Не стерпел я и отчитал бездельников как полагается, а они повалили меня и давай избивать ногами. Уповаю на защиту и покровительство вашего превосходительства и прошу разобраться в обстоятельствах дела.

– А вы что скажете? – обратился к молодым людям Ся Лунси.

– Не верьте ему, ваше превосходительство, – сказали хором парни. – Ловчит он, этот игрок и волокита. Пока брата нет дома, он с его женой, Ван, путается. А Ван так важничает, что всех соседей поносит. Когда мы их застали, мы ее одежду забрали в доказательство преступления.

– Околоточный Сяо Чэн! – крикнул Ся Лунси. – Почему нет Ван?

Сяо Чэн не посмел сказать, что ее отпустил посыльный Симэня.

– У Ван слишком малы ножки, – пролепетал он. – Она едва ходит. Скоро подойдет.

Стоящий на коленях Хань Второй глаз не спускал с Симэня. Наконец, наклонившись к Ся Лунси, Симэнь сказал:

– Милостивый государь, не стоит, по-моему, вызывать эту Ван. Женщина, должно быть, недурна собой, вот шалопаи и стали к ней приставать, а когда она их отвергла, они и затеяли всю историю.

Симэнь позвал старшего из группы, Чэ Дая.

– Где вы схватили Ханя Второго? – спросил его Симэнь.

– У нее дома, – ответили все.

– Хань Второй! Кем тебе доводится Ван?

– Невесткой, – был ответ околоточного.

– Околоточный! Как проникла в дом эта компания? – продолжал допрашивать Симэнь.

– Через стену, – ответил околоточный.

– Ах вы, бездельники! – закричал разгневанный Симэнь. – Если он ей деверь, значит они – родня. Неужели свой человек, по-вашему, и в гости прийти не может?! А вы ей кто такие, я вас спрашиваю! Да как вы, лоботрясы, посмели в чужой дом лезть, а? Что вам там понадобилось? Тем более в отсутствии хозяина, когда дома была дочь-барышня? Сомнения быть не может – либо с целью насилия, либо – грабежа. – Симэнь кликнул подручных: – Принесите тиски!

Юнцам надели на пальцы тиски и всыпали по двадцати палочных ударов, да таких, что у них из ран потекла кровь. Молодые люди

отроду не ведывали пыток и теперь громко стонали на полу, вопли их потрясали небеса.

Симэнь, не давая Ся Лунси и рта раскрыть, велел отпустить Ханя Второго до особого распоряжения, а юнцов бросить в тюрьму, учинить в ближайший день допрос и передать на рассмотрение вышестоящих властей.

Брошенные в тюрьму молодые люди раскаивались, увидев, в какой переплет попали. Заключенные предрекали им каторгу, а в случае передачи дела в областное управление – и смерть в заточении. Перепуганные парни едва дождались, когда домашние пришли к ним с едой, и послали с ними потихоньку записки, в которых просили – кто отца, кто старшего брата – подкупить судей.

Один из отцов обратился к Ся Лунси.

– Видишь ли, муж Ван – приказчик у господина Симэня, – объяснил Ся, – а он требует осуждения. Мне, его сослуживцу, неудобно ему перечить. Попроси еще кого-нибудь, пусть поговорит с господином Симэнэем.

Другой пошел к шурина Симэня – У Старшему. Однако всем было известно, как богат Симэнь, и никто не решался его подкупать. Родные юнцов, не зная, что предпринять, собрались на совет.

– Бесплезно просить тысяцкого У, – сказал один. – Он тоже ничего не сделает. Говорят, у торговца шелком Ина Старшего с Восточной улицы брат есть, Ин Боцзюэ, – закадычный друг Симэнь Цина. К нему бы обратиться. Давайте соберем серебра, с четверых не один десяток лянов соберется, да и вручим ему. Пусть поговорит. Так будет вернее.

Тогда отец Чэ Даня, владелец винной лавки, как старший собрал с каждого по десять лянов, и с сорока ляннами все отправились к Ин Боцзюэ. Они изложили ему просьбу, и Боцзюэ принял серебро.

– Ты же за Хань Даого хлопотал, – сказала ему жена, когда ушли просители, – с юнцами хотел расправиться. Зачем же с них-то берешь серебро? Иль ты теперь их выгораживать взялся? Как же приказчику Ханю будешь в глаза смотреть?

– Думаешь, я сам не понимаю! – проговорил Ин Боцзюэ. – Я вот что сделаю: возьму пятнадцать лянов и поговорю, чтоб никто не видел, с Шутуном, слугой из кабинета. Пусть к хозяину подъедет. Он Шутуну важные дела поручает, большое доверие оказывает. Наверняка клюнет.

Ин Боцзюэ отвесил пятнадцать лянов, завернул их в узелок и, сунув в рукав, поспешил к Симэню.

Хозяин еще не вернулся. Ин Боцзюэ прошел в залу, откуда и

заметил Шутуна, вышедшего из боковой пристройки кабинета. На голове у него красовалась многогранная шапочка из темного атласа. Пучок сдерживала золотая шпилька-лотос. Одет он был в длинный халат из сучжоуской тафты и бледно-зеленую легкую куртку, обут в летние туфли, поверх виднелись белые чулки.^[505]

– Прошу вас, батюшка, проходите в гостиную, присаживайтесь, – пригласил гостя Шутун и велел Хуатуну подать чай. – Я тебя, брат, за чаем посылаю, а ты ни с места? Опять шутки шутишь? погоди, я вот батюшке пожалуюсь.

Хуатун побежал за чаем.

– Батюшка из управы не приходил? – спросил Ин Боцзюэ.

– Только что заходил посыльный, – отвечал Шутун. – Говорит: хозяин и господин Ся в гости отбыли. А у вас, батюшка, дело какое-нибудь?

– Нет, ничего.

– Вы, кажется, насчет приказчика Ханя говорили? – продолжал Шутун. – Так вот. Батюшка вчера велел избить бездельников и посадить под арест. Теперь, как только будет готово обвинение, их передадут вышестоящим властям.

Ин Боцзюэ отвел слугу в сторонку.

– Вот какое дело, – начал Ин. – Видишь ли, родственники этих юнцов, как узнали, перепугались. Ну, вчера вечером ко мне все четверо пришли. В ногах валялись, со слезами умоляли с батюшкой поговорить. А я, сам знаешь, за Хань Даого хлопотал. Неудобно мне теперь за них вступаться, правда? Хань обидится. Ломал я голову, ломал. Давайте, говорю, пятнадцать лянов. Может, думаю, ты как-нибудь ввернешь батюшке словцо, а? Глядишь, и выпустят их.

Ин Боцзюэ вынул из рукава серебро и протянул Шутуну. Тот развернул узелок. В нем лежало четыре крупных слитка и мелочь.

– Не посмею отказать вам, батюшка Ин, – говорил слуга. – Только велите им пяток лянов прибавить, тогда с батюшкой попробую поговорить. Правда, не знаю, согласится ли он. Вчера вот по тому же делу сам дядя У Старший приходил, а батюшка ему отказал. Так куда ж мне, козявке, с ним тягаться. Я вам честно говорю: серебро это не мне одному достанется. Придется с матушкой Шестой поделиться. Обходным путем надо действовать. У нее ведь сын родился. Если она слово замолвит, все будет в порядке.

– Коли так, я с ними поговорю, – сказал Ин. – Только ты не забудь, а то они вот-вот за ответом придут.

– Не знаю, когда батюшка возвратится, – отвечал Шутун. – Вели

им завтра с утра приходить.

Ин Боцзюэ удалился. А Шутун отнес серебро в лавку, где отвесил полтора лян. На них он купил кувшин цзиньхуаского вина, пару пареных уток и пару кур. Цянь ушел на свежую рыбу и окорок, два цяня – на печенье и пирожки с фруктовой начинкой и цянь – на сладкий слоеный пирог. Покупки он отнес к Лайсину и попросил его жену, Хуэйсю, приготовить как полагается. Цзиньлянь в тот день не оказалось дома. Она с утра отправилась в паланкине за город на день рождения матушки Пань. Шутун велел Хуатуну положить кушанья в квадратную коробку и отнести к Ли Пиньэр, а потом и сам пошел к ней с кувшином вина.

– От кого это? – спросила Пиньэр.

– От брата Шутуна, – отвечал Хуатун. – В знак его сыновнего к вам почтения, матушка.

– Вот арестант! – засмеялась Пиньэр. – С чего ж такое почтение?

Через некоторое время явился и Шутун. Пиньэр сидела на позолоченной кровати. На изваянной из нефрита белоснежной руке ее сверкали золотые браслеты. Она держала выточенную из черепашого панциря кошечку, играя ею с ребенком.

– Кому это ты принес кушанья, арестант? – спросила она.

Шутун улыбался и молчал.

– Молчишь? Чего ж смеешься? – допытывалась Пиньэр.

– Кого мне почитать, как не вас, матушка! – проговорил слуга.

– Ни с того ни с сего – такие знаки внимания? – недоумевала Пиньэр. – И дотрагиваться не буду, пока не объяснишь. Говорят, благородный не коснется пищи от неизвестного.

Шутун открыл кувшин, расставил на маленьком столике закуски и попросил Инчунь подогреть вино. Наполнив чарку, он обеими руками поднес ее Пиньэр и опустил на колени.

– Выпейте, матушка, и я все вам объясню, – упрашивал Шутун.

– Нет, ты объясни, потом я выпью, – настаивала Пиньэр. – А нет – так стой хоть весь век. Встань и скажи, в чем дело.

И Шутун рассказал ей, как Ин Боцзюэ просил похлопотать за юнцов.

– Он хлопотал за Хань Даого, – объяснял Шутун, – и ему неудобно теперь за юнцов заступаться. Вот он меня и просил обратиться к вам, матушка. А батюшка спросит, не говорите, что я вам сказал. От деверя Хуа Старшего, мол, посыльный приходил. А я пойду в кабинет, напишу просьбу, а как вернется батюшка, ему и вручу. Вот, мол, матушка просила передать. А вас, матушка, я тоже попрошу замолвить

словцо. Их и так вчера по приказу батюшки избили. Батюшка собирается судить их со всей строгостью. Если б удалось их освободить, это было бы с вашей стороны, матушка, великим благодеянием.

– Вот оно что! – сказала, улыбаясь, Пиньэр. – Ну, это пустяки! Обожди, я с батюшкой поговорю, и все уладится. И для чего ты только так старался? Ах, негодник! С них, наверно, вытянул?

– Не скрою, матушка, они мне пять лянов дали.

– Ах ты, ловкач! Тоже умеешь, оказывается, деньги зарабатывать, – заметила Пиньэр.

Она не захотела пить из маленьких чашек и велела Инчунь подать две больших серебряных чары в форме сплетенных цветов. Она выпила две чарки, а потом налила и Шутуну.

– Я не буду, – ответил слуга. – Зардеешься, еще батюшка заметит.

– Не бойся, я ж тебя угощаю, – сказала Пиньэр.

Шутун отвесил земной поклон и залпом осушил чарку. Пиньэр наложила целое блюдо всяких кушаний и поставила его перед слугой. С ней за компанию он выпил еще две чарки и, опасаясь, как бы не покраснелось лицо, ушел. В лавке оставалась половина сладостей и кушанья. Шутун расставил их на буфете, достал кувшин вина и пригласил приказчика Фу, Бэнь Дичуаня, Чэнь Цзинцзи, Лайсина и Дайаня. Они, как вихрь, налетели, и скоро на буфете было пусто, хоть шаром покати. Только Пиньяня забыли позвать, и тот сидел у ворот, насупленный и злой.

После обеда от загородного друга возвратился домой Симэнь. Пиньянь ничего ему не сказал, а Шутун, слышав хозяина, кое-как собрал посуду и бросился в кабинет, чтобы помочь хозяину раздеться.

– Кто-нибудь был? – спросил Симэнь.

– Никого не было.

Симэнь разделся, снял шапку и, оставшись в головной повязке, проследовал в кабинет. Шутун подал ему чаю. Он отхлебнул глоток и отставил чай.

– Где ж это тебя угостили? – спросил он румяного Шутуна.

Тот пошел к письменному столу и, вынув из-под тушечницы бумагу, протянул ее Симэню.

– Вот матушка Шестая письмо мне передала, – сказал он. – Говорит, дядя Хуа Старший прислал, насчет тех молокососов. Матушка велела вам передать и поднесла мне чарку вина.

Симэнь распечатал письмо. В нем говорилось: «Чэ Дань и остальные преступники уповают на Вашу милость...». Симэнь

пробежал письмо глазами и протянул Шутуну.

– Убери в ящик! – приказал он. – Вели посыльному, чтобы завтра подал мне в управе.

Шутун спрятал письмо и встал рядом с хозяином. На лице у него играл румянец, алели ароматные уста, сквозь которые проглядывали ровные белоснежные зубы. Симэнь не мог сдержаться и заключил его в объятия. Их уста сомкнулись в горячем поцелуе. Из уст Шутуна пахло душистым чаем и корицей, весь он благоухал ароматами. Симэнь расстегнул ему халат, снял штаны и обнял пониже талии.

– Поменьше пей! – наказывал он. – Как бы не поблекла твоя красота.

– Я больше не буду, батюшка, – прошептал Шутун.

Только они приступили к делу, как у ворот послышался шум. Прискакал всадник, одетый в синее платье слуги. Спешившись, он поклонился привратнику и спросил:

– Здесь проживает его превосходительство господин надзиратель Симэнь?

Пинъань был не в духе. Обиженный на Шутуна, он отвернулся и молчал. Прибывший ждал ответа.

– Я посыльный от столичного воеводы его превосходительства господина Чжоу, – пояснил он. – Велено передать пакет господину Симэню. Завтра состоятся проводы начальника крепости Синьпин его превосходительства господина Сюя. Угощение будет в монастыре Вечного блаженства. Участвуют инспектор пехоты и конницы Цзин, надзиратель Ся и господин Чжан из крепости, каждый вносит по лян. С остальных деньги собраны. Прошу тебя, брат, доложи хозяину. Я жду ответ.

Пинъань взял, наконец, пакет и удалился. Узнав, что хозяин в кабинете в саду, Пинъань отправился туда. Только он миновал сосновую аллею, видит – под окном на веранде сидит Хуатун и подает ему знак рукой. Пинъань сразу смекнул, в чем дело, и, подойдя к окну, стал прислушиваться. Из комнаты доносились вздохи, скрипнула половица.

– Выпрямись немного, сынок, – говорил Симэнь. – Вот так, и не двигайся.

Потом в комнате стихло. Через некоторое время вышел Шутун полить Симэню на руки. Заметив под окном Пинъаня с Хуатуном, он весь вспыхнул и исчез в кабинете. Пинъань с пакетом направился вслед за ним. Симэнь взял кисть и расписался.

– Обратись к матушке Второй, – наказал он. – Пусть выдаст лян

серебром. Вели зятю запечатать и передай посыльному.

Пинъань ушел. Шутун вынес воды, и Симэнь стал мыть руки, а потом пошел к Пинъэр.

– Вина не хочешь? – спросил он Пинъэр. – А то велю служанке подогреть.

Симэнь увидел под столом кувшин цзиньхуаского вина.^[506]

– А это откуда? – спросил он.

Пинъэр неудобно было говорить о Шутуне.

– Мне как-то захотелось, – сказала она, – я и послала слугу купить. Вот открыли, выпили несколько чарок, а остальное стоит.

– Ну, зачем так?! – досадовал Симэнь. – В передних покоях вон сколько вина стоит, а ты серебро тратишь. Я ж на днях у южанина Дина взял в долг целых сорок жбанов хэцинского вина.^[507] Вон, в западном флигеле стоит. Захочешь, вели слуге, он тебе принесет.

У Пинъэр после угощения остались нетронутыми жареная утка, курица и свежая рыба. Она велела Инчунь накрыть стол, подрезать на блюдо копченого мяса и села за компанию с Симэнем. Он даже не спросил, откуда взялись деликатесы, потому что они были обычны в доме. Яства подавали не только гостям, они же входили в повседневное питание.

– Мне Шутун письмо показывал, – вдруг вспомнил Симэнь. – Это ты ему передала?

– Да, мне от деверя Хуа вручили, – отвечала Пинъэр. – Просили юнцов помиловать.

– Шурин У тоже просил, – заметил Симэнь. – Если б не их просьбы, я бы засудил этих лоботрясов. А так, всыплю им завтра как следует, и пусть идут на все четыре стороны.

– Но зачем же бить? – возразила Пинъэр. – Чтоб от боли корчились, да? Смотреть тяжело!

– Управа есть управа, – молвил Симэнь. – Мне не до их страданий. Тут и особам понежнее да поблагороднее достается. Разбирали мы вчера дело. Жил у нас в уезде советник Чэнь. После его смерти жена, урожденная Чжан, до сих порой вдовой живет. У нее дочь-барышня. Так вот, шестнадцатого в первой луне дочь у ворот стояла, потешными огнями любовалась, а пускал их Жуань Третий – сосед напротив, молодой парень. Приглянулась ему красивая соседка, сердце забилося. И давай он перед ее домом играть да песни распевать, барышню совращать. Услыхала она, и одолела ее похоть. Подзывает служанку и велит парня незаметно в дом провести. Только поцеловаться и успели, а потом им свидеться так и не удалось. И вот с тоски слег парень в

постель и пролежал целых пять месяцев. Родители денег не жалели – каких только врачей не звали. А он того и гляди отойдет, ноги протянет. Нашелся тогда друг его, Чжоу Второй, мысль подал: барышня, мол, с матерью каждый год в праздник Летнего солнцестояния,^[508] отправляются заказывать молебен в монастырь Дицзана^[509] где настоятельницей мать Сюэ. Ты, говорит, дай настоятельнице десять лянов, и пусть она тебя в своей келье спрячет. С барышней и увидишься. Весь недуг как рукой снимет. Обрадовался Жуань Третий и последовал его совету. Мать Сюэ серебро приняла. И вот, во время полуденного отдыха, встретился Жуань с барышней. Он и от недуга-то еще в себя прийти не успел, перетомился малый, а тут сразу сбылось его желание, ну, от избытка чувств и дух испустил прямо у нее в объятьях. Перепугалась тогда мать барышни, забрала ее поскорее домой. А родители парня так дело не оставили – жалобу в управу подали. И настоятельницу Сюэ, и мать с дочерью обвинили. Чэни – люди состоятельные, потому Ся Лунси и решил всю вину на барышню свалить, но я с ним не согласился. Верно, говорю, она в преступную связь вступила, а Жуань? Ведь сколько ему пришлось томиться да страдать? В постели пролежал. А тут сразу вдруг свидание. Кто ж, говорю, такое вынесет? А вот настоятельница Сюэ, действительно, виновна, потому что вместо отправления служб занималась сводничеством, любовникам приют за взятки давала. Она-то, говорю, и стала причиной гибели человека. Однако, учитывая ходатайство, наказали ее, можно сказать, не слишком строго – раздели, всыпали двадцать палок и постановили лишить монашеского сана. Чжан же, говорю, виновна в том, что дочь-барышню с собой в монастырь брала, чем нарушала моральные устои. Матери и дочери пальцы тисками зажимали и тоже по двадцати палочных ударов дали, а после снятия показаний их обеих освободили. Не заступись я, им бы Дунпина не миновать, а в областной управе барышня, вне всякого сомнений, с жизнью бы распрощалась.

– Ты сделал доброе дело, не отрицаю, – проговорила Пиньэр. – Но даже и карая, следовало бы проявлять хоть какое-то снисхождение. Твори добро ради ребенка, вот о ком я только и беспокоюсь.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Симэнь.

– А то, что истязал ты эту барышню, – сказала Пиньэр. – Как только ее нежные пальчики вынесли такие пытки?! Ведь больно, небось, было?

– Не только больно, от тисков по пальцам кровь ручьем течет.

– Ну вот! Ты уж брось этими ужасными тисками людей пытаться, –

упрашивала Пинъэр. – Будь помягче, поснисходительнее! Жестокость к добру не приведет.

– На службе нет места жалости! – отвечал Симэнь.

Пока они сидели за столом, в комнату, отдернув занавеску, вошла Чуньмэй.

– Вам и заботы мало! – сказала она, заметив Симэня, который, закинув ногу на ногу, сидел рядом с Пинъэр и потягивал вино. – Время позднее, а вы и не догадались послать слуг за моей матушкой. Человек далеко за городом, а вам хоть бы что!

Прическа у нее сбилась, пучок развалился.

– Ишь ты, болтушка! – засмеялся, глядя на нее, Симэнь. – Сладко тебе, видно, спалось, а?

– Гляди, у тебя сетка головная съехала. Поправь! – заметила Пинъэр. – У нас цзиньхуаское вино, очень приятное. Выпей чарочку!

– Выпей! – поддержал Симэнь. – А слуг за твоей матушкой я сейчас пошлю. Чуньмэй оперлась рукой о стол и поправила туфельку.

– Я только встала, – сказала она. – Не хочу я ничего. Мне что-то не по себе.

– Да выпей же, болтушка, попробуй, какое вино! – настаивал Симэнь.

– Ведь матушки твоей сейчас нет дома, что ж ты боишься чарку выпить? – говорила Пинъэр.

– Пейте, матушка, если хотите, – отвечала Чуньмэй, – а я не хочу, и моя матушка тут не при чем. Когда у меня нет желания, меня никто не заставит, даже моя матушка.

– Не желаешь вина, выпей чаю! – предложил Симэнь. – Я велю Инчунь послать слугу за твоей матушкой.

Симэнь протянул ей свою чашку ароматного чаю, заваренного с корицей, кунжутом и ростками бамбука. Чуньмэй с полным безразличием взяла ее, отпила глоток и отставила.

– Я попросила Пинъаня встретить матушку, – сказала она. – Он посolidнее других.

Симэнь подошел к окну и окликнул Пинъаня.

– Я вас слушаю, батюшка, – крикнул привратник.

– Кто у ворот будет стоять? – спросил хозяин.

– Шутуна попросил поглядеть.

– Тогда бери фонарь и поторапливайся!

Пинъань взял фонарь и удалился. На полдороге ему повстречался Дайань, который сопровождал двигавшийся с южной стороны паланкин. Его несли двое носильщиков. Одного звали Чжан Чуань,

другого – Вэй Цун.

– Иду матушку встретить, – сказал Пинъань, поравнявшись с носилками, и взялся за оглобли.

– Пинъань! – позвала его Цзиньлянь. – Батюшка дома и кто тебя послал? Батюшка?

– Да, батюшка, а еще больше сестрица Чуньмэй, – ответил Пинъань.

– Батюшка, наверно, еще в управе, да?

– В управе... – протянул Пинъань. – Да он с обеда дома, у матушки Шестой вино попивает. Если б не сестрица настоящая... Смотрю, один Лайань вас сопровождает, а дорога плохая, допоздна, себе думаю, не вернутся. Надо кому покрепче встретить. Ну и попросил Шутуна у ворот подежурить, а сам за вами.

– Где ж сейчас батюшка? – поинтересовалась Цзиньлянь.

– До сих пор у матушки Шестой угощается. Сестрица упростила, он меня и отпустил.

Цзиньлянь сразу умолкла.

– Насильник проклятый! – заругалась она, немного придя в себя. – Ему можно с потаскухой в постели нежиться, сколько душе его угодно, а меня бросил на произвол судьбы. Что ж я, не живой человек, что ли? А эта далекие планы строит, все на своего выблядка надеется. Гляди, на ту ли лошадку ставишь? Вон Чжан Чуань. Кто-кто, а уж он-то на своем веку в каких только домах не побывал. Где, у кого, скажи мне, ты видал, чтобы месячному младенцу от целых кусков парчу да атлас отрезали и одежду шили, а? Ведь такого и Ван Миллионщик не допустил бы!

– Не говорите, почтенная сударыня! – проговорил Чжан Чуань. – Не мне судить господ, но такого я не видывал. Жаль не шелков, ребенка – как бы ему не было худо. Пока сыпь да оспу не перенесет, нельзя наперед загадывать. Такой, припоминается, был в прошлом году случай. За Восточными воротами в поместье знатный богат живет. Самому лет шестьдесят, а состояние еще дед наживал. У них понятия не имеют серебро считать. Как говорится, лошади табунами ходят, быки стадами пасутся, а рису в амбарах... Служанок да наложниц – целые гаремы. Чуть не все домашние в узорных халатах ходят. А вот не было у них детей. Они и обителям жертвовали, и монастырям отказывали, священные книги распространяли и статуи будд сооружали – ничего не помогало! И вдруг у седьмой жены сын на свет появился. Как они радовались, как ликовали! Такие вот слуги, вроде меня, младенца на руках своих пестовали, как сокровище. В

узорную парчу и атлас завертывали. Мамок купили не то четверых, не то целый пяток, им пять комнат отвели – чистота, аж в глазах рябит. День-деньской с младенца глаз не спускали – как бы ветерок, боялись, не дунул. Но сравнялось ему три годика, оспа его и унесла. Не будет вам в упрек сказано, попроще надо ребятишек растить, так-то лучше будет.

– Конечно, попроще, а я о чем говорю! – поддержала Цзиньлянь. – А то берегут, заворачивают, как золото.

– А я вам, матушка, вот что еще скажу, – начал Пинъань. – А то дойдет до вас слух, будете на меня сердиться. Я о тех юнцах, которые замешаны в деле приказчика Ханя. Их ведь батюшка приказал избить и под арестом держать, чтобы высшим властям передать. Так сегодня утром батюшка Ин приходил, с Шутуном разговаривал. Серебра ему, должно быть, сунул, потому что Шутун с большим пакетом в лавку появился, ляна на два или на три накупил всяких яств – и к Лайсину, жене его велел приготовить, а потом к матушке Шестой понес, да еще два кувшина цзиньхуаского вина купил. Сперва матушку Шестую угощал, а потом в лавке дядю Фу, Бэнь Дичуаня, зятюшку, Дайаня и Лайсина. С ними пил вплоть до прихода батюшки.

– А тебя не позвал? – спросила Цзиньлянь.

– Так он меня и позовет, чужак, рабское отродье! Он и на вас, хозяек, внимания не обращает, будет он меня звать! Это батюшка его так распустил! Они то и дело с ним в кабинете грязными делами занимаются. А ведь он до этого в управе отирался. Там чему не научат! Если батюшка оставит его в доме, он скоро нашему брату житья не даст.

– И долго он с матушкой Ли выпивал? – спросила Цзиньлянь.

– Да почитай целый день просидели, – отвечал Пинъань. – Сам видел, вышел весь красный.

– И батюшка ничего ему не сказал?

– Он ведь и батюшке рот медом смазал, чего он ему скажет?!

– Вот бесстыжая рожа! – заругалась Цзиньлянь. – Он и ему голову заморочил. Он уже, оказывается, во все влез. У них рука руку моет. Гляди, пока тебя вонючий зад прельщает, как бы пронырливые слуги не стали с твоей зазновой развлекаться! – Она обернулась к Пинъаню: – Я тебя об одном попрошу: как только заметишь его с этим пакостником, дай мне знать.

– Обязательно! – заверил ее Пинъань. – Чжан Чуань, небось, все слышал, но он не проговорится – не первый год прислуживает. Свой человек. А на меня, матушка, можете как на каменную стену

положиться. Вы у меня, матушка, единственная хозяйка. Будьте покойны, что узнаю, все вам доложу. Только про меня не говорите.

Так, с разговорами, подошли к воротам. Цзиньлянь вышла из паланкина. На ней была узорная кофта из сиреневого нанкинського шелка с отделкой, отороченная длинной бахромой белая с отливом юбка. Грудь украшало ожерелье с нефритовыми подвесками, талию стягивал бархатный пояс. Она проследовала прямо к Юэнян и приветствовала ее поклоном.

– Так скоро? Что же не осталась у матушки? – удивилась Юэнян.

– Матушка оставляла на ночь, – отвечала Цзиньлянь. – Но у нее гостит свояченица да девочка лет двенадцати воспитывается. И всем пришлось бы спать на одной кровати. Где там? Да и от дому далеко, я и решила вернуться. Матушка просила кланяться и благодарила за щедрые подарки.

От Юэнян она пошла к Цзяоэр, Юйлоу и остальным, а оттуда проследовала в передние покои. Прослышав, что Симэнь у Пиньэр, она зашла к ней.

Завидев Цзиньлянь, Пиньэр поспешно поднялась и, улыбаясь, поклонилась одновременно с вошедшей.

– Так рано, сестрица? – спросила Пиньэр. – Присаживайся, выпей чарочку.

Хозяйка велела Инчунь подать стул.

– Ох, я и так сегодня выпила немало, – отказывалась Цзиньлянь. – Нет, спасибо, я-то двух приемов не выдержу.

Она горделиво вздернула рукав и пошла к двери.

– Ишь, как осмелела, рабское отродье! – воскликнул Симэнь. – Меня даже поклоном не удостоила.

– А что проку тебе кланяться-то? – обернулась она. – Счастья не прибудет. Кому ж и смелости набираться, как не рабскому отродью?

Своими репликами, дорогой читатель, Цзиньлянь недвусмысленно поддела Пиньэр, поскольку та принимала сперва Шутуна, а потом Симэня. Разве не два приема?! Но Симэнь этих ее намеков не понял.

Да,

Слова, как нить с иголкой – друг за друга

Цепляются. Ухватишь – мигом ругань.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

РАЗГНЕВАННЫЙ СИМЭНЬ ЦИН НАКАЗЫВАЕТ ПИНЪАНИЯ ШУТУН, НАРЯДИВШИСЬ БАРЫШНЕЙ, УБЛАЖАЕТ ПОХОТЛИВЫХ НАХЛЕБНИКОВ

*Уездных управ, окружных – избегай
всевозможно.*

*Усердным, рачительным будь, поступай
осторожно.*

*Водой запасешься – от суши спасешься и
зноя.*

*Торговлей себе облегчай пребыванье
земное.*

*И дети, и внуки пусть будут приучены к
делу.*

*Цветы не сажай, а тутовник и финики –
смело.*

*Пуускай не возьмут тебя мелочи жизни в
оковы.*

*Возжаждешь – заваривай чай на воде
родниковой.*

Это восьмистишие обращено к родителям, которые обязаны наставлять своих сыновей и внуков, обучать их грамоте и обрядам, дабы по-сыновнему послушны были они родителям своим, уважали старших и жили в мире-согласии с соседями своими; чтобы утвердился каждый из них в своем деле; чтобы ни в коем случае не потакали им родители. Когда отпускают подростков, они сколачивают небольшие

компании и втроем, впятером слоняются от безделья. Сперва их забавы – лук да стрелы, ловля птиц, потом они возьмутся мяч гонять, [510] а там и к вину да азартным играм пристрастятся, повадятся певиц-куртизанок навещать, и пойдет все вверх дном, а в конце концов – неприятности, напасти и разорение.

Вот и у этих родителей попали юнцы в суд. Если и не погубит каждый сам себя, не обречет свой род на вымирание, то попытки да ссылку пережить придется. И уйдет все нажитое в казну, и будет жизнями их распоряжаться всякий, кто сидит в суде-управе. Что проку в сыновьях таких! Такие дети отцам – одна обуза. От них лишь горе да страданья!

Так вот, с утра Симэнь прибыл в управу. Выйдя из залы, он обратился к Ся Лунси:

– За этих юнцов опять приходили ходатаи. Все просят смягчить наказание.

– И ко мне, знаете ли, обращались, – заявил Ся. – Правда, сударь, я не решался вам сказать... Раз такое дело, давайте их вызовем, дадим палок и пусть идут восвояси.

– Вы совершенно правы, сударь, – поддержал Симэнь.

Надзиратели снова заняли свои места и велели подручным вывести Чэ Даня и остальных арестованных, среди которых был и Хань Второй. Юнцы пали ниц и, страшась новых истязаний, били челом.

– Вас следовало бы строго судить, – начал Симэнь, не дожидаясь Ся Лунси, – но за вас было много ходатайств, и я пощажу вас на сей раз. А еще мне попадетесь в руки, заживо в тюрьме сгною. Ступайте!

С возгласами благодарности, не чуя под собою ног, бросились они вон из управы.

Но не будем больше говорить об этом судебном решении, а расскажем об Ин Боцзюэ.

Разыскал он Шутуна, отозвал и за разговором сунул незаметно пять лянов. Шутун спрятал серебро в рукав, но это подглядел привратник Пинъань. Шутун между тем сказал Ину, как идет дело.

– Вчера батюшке говорил, – сказал он. – Сегодня их выпустят.

– Сколько меня родные за них просили! – говорил Ин Боцзюэ. – А не избыют их?

– Успокойтесь, батюшка! На этот раз их бить не будут, уверяю вас.

Ин Боцзюэ побежал скорее передать новость родным юнцов. К обеду все четверо вернулись домой. Каждый обнял отца или старшего брата и остальных домашних и плакал во весь голос. Родственники выложили сотню с лишним лянов, а на ногах юнцов кровоточили

раны, зареклись они совать нос в чужие дела.

Да,

Себе мы беды сами накликаем,
От нетерпенья своего страдаем.

Пока Симэня не было дома, Шутун позвал Лайаня подмести кабинет и стал угощать его присланными в подарок сладостями, которые лежали на столе. Лайань, не смея их взять, отказывался.

– Вот что я тебе хочу сказать, брат, – сказал, наконец, Лайань.

– Вчера брат Пинъань вышел матушку Пятую встречать и по дороге чего только ей ни наговаривал – все про тебя ябедничал.

– Что ж он про меня болтал? – спросил Шутун.

– Говорит, будто ты взятки берешь, – начал Лайань. – Обнаглел, говорит, до того, что купил вина и закуску и понес к матушке Шестой. Целый день у нее просидел, а потом в лавке угощение устроил, а его, Пинъаня, не позвал. А еще, говорит, ты с батюшкой в кабинете чем-то занимаешься.

Не услышь такого Шутун, все шло б своим чередом, а тут крепко запомнил он про ябеду Пинъаня, но целый день молчал. На следующее утро Симэнь отправился за город в монастырь Вечного блаженства, где устраивали проводы начальника крепости Сюя, и вернулся после обеда. Только Симэнь спешился, как приказал Пинъаню:

– Кто спросит, скажи, что еще не возвращался.

Хозяин проследовал в кабинет, где Шутун помог ему снять одежды.

– Кто-нибудь приходил? – спросил Симэнь.

– Никого не было, – отвечал Шутун. – Только от командира военного поселения господина Сюя принесли два пакета крабов и десять цзиней свежей рыбы. Я принял визитную карточку, а посыльному дал два цян. Потом от шурина У Старшего доставили шесть приглашений, просят матушек пожаловать на торжества по случаю третьего дня.^[511]

Надобно сказать, что, когда У Шуньчэнь, сын шурина У Старшего, женился на Чжэн Третьей, племяннице жены богача Цяо, Симэнь послал в подарок чаю. И вот в ответ они и пригласили хозяек.

Симэнь направился к Юэнян, и та показала ему приглашения.

– Вам завтра надо будет приодеться и пойти в гости, – сказал он.

Вернувшись в кабинет, Симэнь уселся в кресло. Шутун поспешно разжег жаровню, воскурил благовония и почтительно поднес хозяину чай. Тот взял у Шутуна из рук чашку. Слуга подошел к хозяину совсем

близко и встал у края стола. Немного погодя Симэнь подал знак губами, чтобы Шутун запер дверь, потом заключил его в объятия, потрепал щеки и, крепко прильнув, поцеловал прямо в губы. Из уст Шутуна исходил аромат благовонных фениксовых плиток, он играл нефритовым стеблем.^[512]

– Тебя никто не обижает? – спросил Симэнь.

– Я хотел вам, батюшка, кое-что сказать, – начал Шутун, – но так бы и не решился, если б вы меня не спросили.

– Говори, в чем же дело.

Шутун рассказал хозяину о Пинъане.

– В прошлый раз, когда вы позвали меня, он с Хуатуном под окном подглядывал. Я своими глазами их видел, когда вынес вам воды. Пинъань обзывает меня пакостником и поносит перед всеми.

Симэнь пришел в ярость.

– Не будь я Симэнь Цин, если не перебыю ноги рабскому отродью, – ругался он.

Однако не будем больше говорить о том, что происходило в кабинете.

Как только Пинъань узнал, что Шутун снова заперся в кабинете с хозяином, он, ничего не подозревая, поспешил доложить Цзиньянь, и та велела Чуньмэй позвать хозяина.

Только Чуньмэй повернула в сосновую аллею, как заметила игравшего с белкой Хуатуна.

– Что тебе угодно, сестрица? – спросил он. – Батюшка в кабинете.

Чуньмэй отвесила ему оплеуху. Симэнь же, заслышав шуршание юбки, бросил поспешно Шутуна, лег в постель и притворился, будто спит. Слуга взял в руку кисть и сел за стол. Чуньмэй навалилась на дверь и очутилась в кабинете. Симэнь громко захрапел.

– Заперлись, затаились – брачную ночь, что ли, справляли, а? – спросила она, обратившись к Симэню. – Матушка хочет с вами поговорить.

– Ишь, болтушка! – проворчал Симэнь, делая вид, что пробуждается ото сна. – Чего ей еще понадобилось? Ступай, дай мне размяться немножко. Я сейчас.

– Не пойдешь, с постели стащу, – настаивала на своем Чуньмэй.

Симэню ничего не оставалось, как уступить ее требованиям, и он направился к Цзиньянь.

– Что он там делал? – спросила служанку Цзиньянь.

– Со слугой в кабинете заперлись и затихли – будто муху ловят. Чем они там занимались? Похоже, брачную ночь справляли. Только я

вошла, слуга сразу к столу – вроде пишет, а этот верзила на кровати растянулся. Еще вставать не хотел.

– Боялся, здесь его в кипящий котел бросят, а потом съедят! Негодяй бесстыжий! Где у тебя совесть? Полюбуйтесь, люди: середь бела дня со слугой запирается, грязные дела делает. Сперва у рабского отродья в вонючей заднице копается, потом на ночь к нам заявляется. Как хорошо!

– И ты веришь тому, что плетет эта болтушка?! – отпирался Симэнь. – Чем я занимался! Да я просто прилег посмотреть, как он пишет визитные карточки.

– И надо было дверь запирать? – не унималась Цзиньянь. – Визитные карточки писать! Подумаешь, секретные бумаги! Небось, не трехногого Громовержца^[513] в кабинете держишь, не двурогого слона, что от глаз людских скрывать надобно! Завтра вон супруга У Старшего угощение устраивает, нам шестерым приглашения прислала. Так что без разговоров ты обязан найти мне подарок – с пустыми руками не пойдешь. А не дашь, у любовника попрошу. Старшая подносит платье и пять цяней серебром, остальные – кто шпильку, кто цветы для прически, только у меня нет ничего. Никуда я не пойду.

– Да вон возьми в шкафу кусок красной кисеи – вот тебе и подарок, – посоветовал Симэнь.

– Придумал тоже! Кусок кисеи! Курам на смех! Нет уж, я дома останусь.

– Ладно, не горячись! Погоди, что-нибудь в тереме найду. Мне в Восточную столицу подарки посылать – тоже несколько кусков надо. Тогда и тебе дам.

Симэнь направился в терем к Пиньэр и достал два куска черного шелка, отделанного золотыми единорогами, два куска цветного нанкинского атласа, по куску ярко-красного газа и голубого атласа.

– Поищи шелковую кофту да передай Цзиньянь, – попросил он Пиньэр, – а то ей завтра поднести ничего. А нет, придется из лавки брать.

– Зачем из лавки? – возразила Пиньэр. – У меня есть шелковая узорная кофта ярко-красного цвета и голубая юбка – все равно лежат. Мы их вместе и поднесем завтра.

Пиньэр достала из сундука кофту с юбкой и пошла показать Цзиньянь.

– Сестрица, выбирай: хочешь – кофту, хочешь – юбку, – сказала Пиньэр. – Вместе поднесем, вот и будет наш подарок. Зачем в лавке брать!

– Неудобно мне брать твою вещь, – смутилась Цзиньянь.

– Как можно так говорить, дорогая сестрица? – уговаривала ее Пинъэр.

Цзиньянь долго отказывалась, но, наконец, согласилась и вышла позвать Чэнь Цзинци, чтобы тот изящно завернул подарок и написал сверху их имена.

Не будем больше говорить, как Симэнь доставал шелк, а расскажем о Пинъане.

Он стоял у ворот, когда появился друг Симэня – Бай Лайцян.

– Хозяин дома? – спросил он.

– Нет батюшки, – ответил Пинъань.

Бай Лайцян не поверил ему и направился прямо к зале.

– Выходит, и верно, нет дома, – проговорил он, увидев запертую дверь. – Где ж он?

– За городом на проводах.

– Раз на проводах, когда-нибудь вернется.

– А что вы хотели, дядя Бай? – спросил Пинъань. – Я доложу, как только батюшка придет.

– Да ничего особенного. Давно не видались, вот и зашел посидеть. Не беспокойся, я подожду.

– А задержится? – не унимался Пинъань. – Не дожидаться вам!

Бай Лайцян между тем отпер дверь, вошел в залу и расселся в кресле. Ни один из слуг не уделил ему ни малейшего внимания. Он же, знай себе, сидел. Но вот ему, наконец, повезло: к зале приближалась с кусками шелка в руках Инчунь, а с нею рядом Симэнь. Служанка вышла из-за ширмы и, заметив Бай Лайцяна, положила поспешно шелк и бросилась вон.

– Батюшка, оказывается, дома! – воскликнул Бай и, приблизившись к хозяину, склонился в приветствии.

Симэнь не смог скрыться от непрошенного гостя и велел ему сесть. Хозяин оглядел Бай Лайцяна внимательным взглядом. На том была стираная-перестиранная, кроеная-перекроенная старая шелковая шапка, которая, казалось, повидала на своем веку и великие горы, и хребты-перевалы; грубый холщовый халат с обтрепанным грязным воротником. Весь измятый, засаленный подливками, сплошь покрытый жирными пятнами, вывести которые было бы под силу лишь могучему костру, халат колом стоял. Обут Бай Лайцян был в допотопную пару стоптанных сапог со вздернутыми сверху носками. Голенища у них свисали, как древесный гриб, слоями, а из-под них торчали когда-то желтые шелковые чулки, вонявшие потом не лучше

седла. Они были дырявые, как мишень, в которую стреляли то галькой, а то и целыми булыжниками.

Чай подавать Бай Лайцяну не собирались, хотя рядом и стоял слуга Циньтун. Ему Симэнь велел отнести шелк в гостиную и попросить зятя Чэня упаковать. Слуга с кусками шелка удалился в западный флигель.

– Прости меня, брат! – всплеснув руками, воскликнул Бай. – Давно я тебя не навещал.

– Благодарю за внимание, – отвечал Симэнь. – Но я редко дома бываю. Все время в управе – дела.

– Неужели каждый день приходится посещать управу? – удивился Бай Лайцян.

– Да еще два раза в день! – говорил Симэнь. – Дня не проходит без разбирательства. А первого и пятнадцатого числа каждого месяца совершается торжественное поклонение.^[514] После церемонии вершащие правосудие отправляются на расширенное заседание. Околоточные, стражники – все обязаны являться на проверку. А сколько забот дома! Ни минуты свободной! Вот и нынче за город выезжал. Сюй Наньси произведен в начальники крепости Синьпин, и все чины управы устраивали ему проводы. Только домой заявился, а уж на завтра приглашение – смотритель императорских поместий его сиятельство Сюэ дает прием. Но поехать не придется – слишком далеко. На следующий день, слышал, предстоит встреча нового цензора. А тут еще четвертый сын его превосходительства императорского наставника бракосочетается с принцессой и становится зятем Сюэ Моу Добродетельного. Племянник главнокомандующего Туна, Тун Тяньинь, возводится в ранг инспектора дворцовой гвардии... И всем надо подарки готовить, так что за эти дни вымотался вконец.

Они вдоволь наговорились, когда Лайань принес, наконец, чай. Едва Бай Лайцян успел отпить глоток, как показался Дайань с красной визитной карточкой в руках.

– Его превосходительство судебный надзиратель господин Ся прибыли! – объявил он, влетая в залу. – Спешились у ворот.

Симэнь поспешил в дальние покои переодеться, а Бай Лайцян укрылся в западном флигеле, откуда наблюдал за надзирателем из-за занавеса.

Через некоторое время в залу проследовал сопровождаемый толпой одетых в черное слуг и посыльных надзиратель Ся в парадном черном халате с круглым шелковым воротничком цвета воды, украшенным

разноцветной бахромой и изображением золотого льва. Под халатом у него виднелась бледно-голубая шелковая рубашка, на талии красовался источавший густой аромат пояс, отделанный золотом, и связка ключей. Обут он был в черные высокие сапоги.

Одетый в парадное платье Симэнь Цин вышел ему навстречу. После взаимных приветствий один занял место почетного гостя, другой – хозяина. Вскоре появился Цитун с квадратным лакированным подносом, отделанным агатом. Перед гостем и хозяином появились изящные узорные чашечки в серебряной оправе с золотыми ложечками, по форме напоминающими листочки абрикоса. Из чашек струился аромат крепко заваренного чая с корицей и мускатом.

– Мне удалось разузнать имя прибывающего цензора, о котором мы говорили вчера, – отпив чаю, начал Ся Лунси. – Его зовут Цзэн, утвержден в звании академика.^[515] в год и-вэй^[516] Его мандат уже получен, он будет служить в Дунчане,^[517] и вся местная знать собирается завтра выехать ему навстречу. Мы с вами люди военные, правда, военные необычные. Как судебные надзиратели и судьи, мы стоим на страже закона и порядка, а потому нам лучше отправиться послезавтра и всего за десять ли от города найти подходящее помещение, где и устроить угощение в честь цензора.

– Поистине мудрое решение! – поддержал его Симэнь. – И прошу вас, милостивый государь, об этом даже не беспокоиться! Я сейчас же велю слугам подыскать подходящий монастырь или частное поместье и пошлю туда поваров. Все будет готово заблаговременно.

– О, вы так любезны, милостивый государь! – воскликнул благодарный Ся Лунси и, покончив с чаем, раскланялся.

Симэнь проводил его до ворот и, как только вернулся, снял парадные одежды. Бай Лайцян был еще здесь. Он опять вышел в залу и уселся в кресло.

– Уж месяца два, брат, ты не появлялся на встречах побратимов, – говорил он Симэню. – Распадается наш союз. Почтенный Сунь, хоть и не молод годами, для роли главы никак не подходит. Брат Ин тоже нас бросил. А недавно, в праздник Летнего солнцестояния, собралось нас в храме Нефритового Владыки всего трое, не то четверо. Все без гроша за душой, некому было и угощение заказать. Наставнику У с нами только хлопоты! Он для нас рассказчика пригласил, ему же и расплачиваться пришлось. Он, правда, ничего не сказал, а нам перед ним даже неловко стало. Словом, совсем не то, что было раньше, когда ты, брат, во главе братьев стоял. Ты и распорядиться умел, и сделать как полагается. Мы очень надеемся, брат, снова видеть тебя среди нас.

– Ну где там! – возразил Симэнь. – Нет у меня на этот союз времени. Распадется, ну и ладно! Вот немного освобожусь, соберу наставнику У пожертвование, отблагодарю за усердие. А вы собирайтесь себе, если хотите, только мне можете об этом не говорить.

Настырному Баю нечего было сказать. Он сидел молча. Видя, что он уходит не собирается, Симэнь позвал Циньтуна и велел ему накрыть стол. В западном флигеле появились четыре блюда закусок – постное и скоромное вперемежку – рядом с лапшой, пережаренной с жилами, стояло блюдо поджарки.

Симэнь сел за компанию с Бай Лайцяном. Подали подогретое вино, и хозяин велел подать большие чарки в серебряной оправе. После нескольких чарок Бай, наконец, стал собираться домой. Симэнь проводил его до внутренних ворот и остановился.

– Дальше не провожаю, – сказал он. – Не обижайся! Видишь, я в домашней шапке, неудобно мне так выходить.

Бай Лайцян ушел, а Симэнь вошел в залу, сел в кресло и кликнул Пиньаня. Появился привратник и предстал перед хозяином.

– Ах ты, негодяй, рабское твоё отродье! – набросился на него Симэнь. – И ты ещё смеешь предо мной стоять!

Хозяин позвал подручных. Явились четверо солдат. Пиньань, не понимая, в чем дело, пожелтел с испугу, как восковая свечка, и упал на колени.

– Я же тебе наказывал: кто спросит, скажи, ещё не возвращался. Почему меня не слушаешься, а?

– Я сказал дяде Баю: батюшка за городом на проводах, а он мне не поверил и вошел в ворота. Я за ним. Спрашиваю: что вы хотите, дядя Бай? Доложу, говорю, как только батюшка прибудет. А он, ни слова не говоря, открыл дверь и уселся в зале. Потом вас увидел, батюшка.

– Хватит оправдываться, рабское отродье! – закричал Симэнь. – Ишь, как осмелел! Подачки у ворот выманиваешь, потом вино пьешь, службу забываешь? – Он обернулся к подручным: – От него вином не пахнет?

– Нет, – ответили подручные.

Симэнь приказал принести тиски.

– Надеть тиски! – распорядился он.

Двое подручных надели на пальцы Пиньаня тиски и стали сжимать. Пиньань, не стерпев боли, взмолился:

– Я ж говорил ему: батюшки нет дома, а он не послушался.

– Тиски сдавлены! – вставая на колени, заявили подручные, связав пред тем Пиньаню руки.

– Дать пятьдесят ударов! – последовал приказ Симэня.

Стоящий сбоку солдат вел счет. Дойдя до пятидесяти, удары затихли.

– Еще двадцать! – крикнул Симэнь.

Дали еще двадцать палок, после чего ноги Пинъаня покрылись сплошными ранами. На палках виднелись следы крови.

– Довольно! – распорядился Симэнь, и двое подручных стали снимать тиски.

Пинъань стонал от боли.

– Смотри у меня, негодяй, рабское отродье! – кричал Симэнь. – У ворот, говоришь, дежуришь? А по-моему, деньги у посетителей вымогаешь, меня только позоришь. Смотри, услышу – ноги перебью.

Пинъань отвесил земной полон и, поддерживая штаны, стрелой выбежал из залы.

Симэнь заметил стоявшего сбоку Хуатуна.

– И этого давайте сюда! – приказал он подручным. – Надевайте тиски!

Хуатун кричал, будто его резали.

Однако не будем больше говорить, как наказывал слуг Симэнь Цин, а расскажем о Цзиньянь.

Она шла в дальние покои. За большой залой у внутренних ворот она увидела притаившуюся Юйлоу. Та спряталась за экраном и к чему-то прислушивалась.

– Что ты тут подслушиваешь? – спросила ее Цзиньянь.

– Батюшка Пинъаня наказал, – отвечала Юйлоу. – А сейчас Хуатуну достанется – тоже пальцы в тисках зажали. С чего бы это, а?

Появился Цитун.

– За что Пинъаня наказывали? – спросила у него Юйлоу.

– Он Бай Лайцяна пустил, вот ему и попало, – отвечал Цитун.

– Должно быть, не за Бай Лайцяна, – заметила Цзиньянь. – Будет он из-за какого-то Бая так наказывать?! Нет, видно, Пинъань наступил ему на любимую мозоль, вот он и решил свой хозяйский нрав выказать, бесстыжий! Ну, скажи, есть у него совесть, а?

Цитун ушел.

– Что ты имеешь в виду, сестрица? – спросила Юйлоу.

– Я все собиралась тебе сказать, да так и не собралась, – начала Цзиньянь. – В тот день, когда я у матери была, этот пакостник Шутун, наложник проклятый, выманил сколько-то лянов, накупил яств, уложил их в коробки, прихватил кувшин цзиньхуаского вина и отнес все к Ли Пинъэр. Она с ним целый день за столом просидела. А

только он от нее вышел, бесстыжий наш домой вернулся. Так он ему даже ни слова не сказал. Заперлись они вдвоем в кабинете в саду и за грязные дела принялись. Тут Пинъань с визитной карточкой подоспел. Видит: дверь заперта, он и встал под окно. Открыл пакостник дверь – видит: Пинъань под окном. Бесстыжему, конечно, сказал. Вот он его в отместку и пытал сегодня. Как бы этот пакостник, чего доброго, и нас к рукам не прибрал, на нас беды не накликал.

– Ну что ты! – засмеялась Юйлоу. – Конечно, в семье не без урода, но не все ж злодеи!

– Не права ты, сестрица! – возражала Цзиньянь. – Я тебе вот что скажу. Сейчас во всем доме только две души могут ублажить хозяина. Одна входит в семью, другая – нет. Он так к ним и льнет. Как увидит, сразу разговоры да смех. А мы для него – пустое место, ничтожные твари. Вот негодяй, чтоб ему не своей смертью подохнуть, изменник проклятый! Замутили ему голову эти лисы, он и сам стал на них похож. Ох, и будет у нас еще скандал! Попомни мои слова! У меня вон сегодня из-за подарка и то сколько было разговоров. А ведь он не успеет порог переступить, сразу или к ней, или к себе в кабинет. Я к нему Чуньмэй послала. Посмотри, говорю, что он там делает, и позови ко мне. И, представь себе, он, оказывается, с пакостником среди бела дня заперся. Чуньмэй ворвалась. Он от неожиданности только глазами хлопал. Я его так отчитала! Он отпирался, потом льстить начал. Кусок красной кисеи на подарок предлагал, но я отказалась. Тогда к Ли Пинъэр в терем пошел. Бес, трус проклятый, в грязь залез и попался – давай у нее в тряпье рыться. Смотрю: она сама приносит мне вытканную золотом одежду. «Вот посмотри, говорит, сестрица, не подойдет? Может, вместе поднесем?» «Мне, говорю, твои вещи не нужны. Пусть батюшка в лавке возьмет». Она ни в какую. «Сестрица, говорит, зачем нам считаться? Выбирай, говорит, либо кофту, либо юбку. Попросим зятя Чэня, он нам упакует». После долгих уговоров я, наконец, согласилась, и она уступила мне кофту.

– Так в чем же дело? – удивилась Юйлоу. – Видишь, как она уступчива и добра!

– Ничего ты не понимаешь! – твердила свое Цзиньянь. – Нельзя ей давать поблажек! Всех устрашает Цзинган-громовержец с выпученными глазами, а бояться-то нужно покойно дремлющего Будду!^[518] В наше время попробуй только мужа распусти немного – будешь как раб при господине. Он к тебе и близко-то не подойдет.

– Ну до чего ж ты горяча! – засмеялась Юйлоу. – И на язык тебе лучше не попадаться.

Они рассмеялись.

– Матушка Третья и матушка Пятая, вас приглашают в дальние покои откусать крабов, – объявила вошедшая Сяююй. – Я пойду матушку Шестую и госпожу Симэнь приглашу.

Цзиньлянь и Юйлоу, взявшись за руки, направились к Юэнян. Она сидела с Цзяоэр на примыкавшей к ее покоям террасе.

– Что это вы улыбаетесь? – спросила она.

– Да вон батюшка Пинъаня наказал, – говорила Цзиньлянь.

– То-то я слышу – кричат что есть мочи, – заметила Юэнян. – Кого, думаю, бьют? Оказывается, Пинъаня. А за что?

– Он хозяину на мозоль наступил, – ответила Цзиньлянь.

– У него мозоли появились? – удивилась наивная Юэнян.

Цзиньлянь и Юйлоу хохотали до упаду.

– Ну что вы смеетесь? – унимала их Юэнян. – Объясните, наконец, в чем дело.

– В том, – начала Юйлоу, – что Пинъань впустил Бай Лайцяна. Вот ему и досталось.

– Ну, пустил – и ладно! При чем же тут мозоль? – спрашивала Юэнян. – Таких людей еще не встречала. Сидел бы себе дома, а то к чужим врывается, покой нарушает.

– Он пришел батюшку провести, – заметил Лайань.

– Для чего? У нас с кровати вроде никто не падал, – говорила Юэнян. – К чему ж так бесцеремонно врваться?! Ему, должно быть, желудок набить на дармовщинку захотелось?

Появились Пинъэр и дочь Симэня, и все занялись крабами.

– Там у меня немного виноградного вина, ступай подогрей и подай, – обратившись к Сяююй, распорядилась хозяйка.

– С крабами больше подойдет цзиньхуаское, – не удержалась Цзиньлянь, а немного погодя продолжала: – Пить вино с одними крабами?

Сюда бы жареную утку!

– Уж поздно! Какая теперь утка? – сказала Юэнян.

Пинъэр зарделась от стыда.^[519]

Да,

Чтоб смысла избежать двойного,

Обдумывай любое слово.

Простодушная Юэнян и не подозревала, на что намекала Цзиньлянь.

Однако не будем больше говорить, как они лакомились крабами, а

расскажем пока о Пинъане.

После пыток Пинъань выбежал на двор и, потирая избитые ноги, пошел к себе. Ему забинтовали кровоточащие пальцы.

– За что тебя, брат, так батюшка избил? – наперебой спрашивали его подошедшие к нему Бэнь Дичуань и Лайсин.

– А я откуда знаю?! – отвечал со слезами на глазах Пинъань.

– За то, что Бай Лайцяна пустил, – сказал Лайсин.

– Да ты ж сам видал, – говорил Пинъань, – как я его задерживал. Нет, говорю, батюшки, а он, знай, лезет. Подошли к зале, спрашиваю, что вам, дядя? Батюшка, говорю, за городом на проводах, а когда вернется – неизвестно. Не дожидаться, мол, вам. А он отвечает, подожду, и, ничего не слушая, усаживается, а тут батюшка показался, они и встретились. Он, оказывается, зашел просто повидаться. Выпил чай и сидит. Тут господин Ся прибыл. Он вышел, отсиделся во флигеле и опять не уходит. Пришлось батюшке его к столу приглашать. Другой бы со стыда сгорел, посидел немножко – и домой, а этот своего все же дождался – наелся, напился и только тогда стал собираться, а мне за него вон как попало. Батюшка упрекал, у ворот, мол, не стою, всех пропускаю. Да разве я его пускал?! Просто не удалось мне с ним справиться. Попробуй его удержи, когда он прет со всей силой. Вот мне и досталось за него. Чтoб его Небо покарало, проклятого! Выроди он, сукин сын, сыновей-разбойников, дочерей-поблядушек! Чтoб тебе здешний кусок впрок не пошел – хребет переломил!

– Хребет сломается – легче выйдет, – пошутил Лайсин.

– Чтoб ему этим куском подавиться! Все б ему нутро вывернуло! – ругался Пинъань. – Во всем свете не сыщешь другого такого толстокожего да бесстыжего, как этот сукин сын. Прокрался, даже собака не тягнула. За столом так на все и набрасывался, побируха проклятый! Хоть бы кто отделал тебя, голодранца, чтoб у тебя задница сгнила, рононосец-жополиз!

– И сгниет, не узнаешь, – заметил Лайсин. – А вонь пойдет, скажет, газы, мол, замучили.

Все расхохотались.

– У него, наверно, росинки дома не водится, – продолжал Пинъань. – На что похожа, небось, его благоверная, если он только и рыскает, где б утробу насытить, как бы дома не варить. Чем так опускаться, лучше уж пусть жена полюбовника заводит. Лучше в рононосцах ходить, чем так унижаться, чтoбы тебя вся прислуга презирала.

Да,

На людях он бездельник, праздный мот,
В дому – жена голодная орет.

Дайань между тем подстригался в лавке. Заплатив цирюльнику, он вышел наружу.

– Пинъань! – крикнул он. – Не хотел я тебе ничего говорить, но ты меня из терпенья вывел. Господам служишь, а нрава хозяйского не раскусил. Чего ж теперь на других пенять? Никто ведь не требует, чтобы ты серебром мочился, золотом ходил, но надо же соображать, к обстановке прилаживаться. Одно дело, дядя Ин или дядя Се. Их пускай в любое время, дома батюшка или нет. Другое дело – остальные. Зачем же его пустил, когда тебя батюшка предупреждал, а? Кого ж и наказывать, как не тебя!

– Наш Пинъань – как ребенок несмышленный, – пошутил Бэнь Дичуань. – Он только баклуши бить научился, а тут другой нашелся – мяч гонять мастак. Целыми днями ногам покоя не дает.

Все рассмеялись.

– Ладно, ему за Бай Лайцяна досталось, а Хуатун за что тисков отведал? – спрашивал Бэнь Дичуань. – Так сладко, должно быть, хоть угощай. К столу, знаю, приглашают за компанию, а вот тиски вместе отведать – что-то не слыхивал, а тут нашелся компаньон.

Хуатун потирал пальцы и плакал.

– Не плачь, сынок! – уговаривал его, подшучивая, Дайань. – Вон как мамаша тебя балует – жареные баранки на пальчики тебе нанизала, а ты капризничаешь.

Однако хватит говорить о шутках слуг.

Симэнь сидел в пристройке, наблюдая за Чэнь Цзинцзи, как он упаковывал подарки и писал визитные карточки. На другой день утром их отправили в Восточную столицу в подарок высокому зятю Цаю и командующему Туну, но не о том пойдет речь.

На следующий день Симэнь отбыл в управу, а Юэнян с остальными женами отправилась в гости к супруге У Старшего. Хозяйки, украшенные жемчугами и перьями зимородка, в халатах из узорчатой парчи заняли пять паланкинов. Их сопровождала в небольших носилках жена Лайсина. Сунь Сюээ и дочь Симэня остались домовничать.

С утра пришел Хань Даого, чтобы в знак благодарности преподнести Симэню жбан цзиньхуаского вина, особым образом поджаренного гуся, пару свиных ножек, четырех уток и четырех

пузанков. На визитной карточке было написано: «От Почтенного ученика Хань Даого с нижайшим поклоном». Хозяина не было дома, и Шутун не решился принять подарки. Коробки с коромыслом оставили до его прибытия. Увидев подношения, Симэнь велел Циньтуну вызвать из лавки Ханя.

– Что это значит?! – спрашивал он. – Для чего ты покупал подарки? Не могу я их принять.

– Я вам так обязан, батюшка, – говорил, кланяясь, Хань Даого. – Вы за меня вступились, столько мне сделали, что мне никогда не отблагодарить вас сполна. Какие это подарки?! Лишь ничтожный знак моей вам преданности. Умоляю вас, батюшка, не побрезгуйте, возьмите хоть ради смеху.

– Да не могу я! – возражал Симэнь. – Ты же у меня в приказчиках. Мы как одна семья. Как же я могу принимать от тебя подарки? Нет, забирай, пожалуйста, обратно.

Встревоженный Хань Даого долго еще упрасивал Симэня. Тот, наконец, согласился взять вино и гуся, а остальное наказал слуге отнести домой к Ханю.

– Пошли приглашения дяде Ину и дяде Се, – велел он Шутуну и обратился к Хань Даого: – После обеда пусть Лайбао посидит в лавке, а ты приходи.

– Вы отказались от моих подношений, а теперь хотите, чтобы я еще причинил вам лишние хлопоты?! – заметил Хань Даого и, поблагодарив за приглашение, удалился.

Симэнь Цин купил всевозможных закусок, и после обеда в крытой галерее близ Зимородкового павильона был накрыт квадратный стол.

Первыми прибыли Ин Боцзюэ и Се Сиды.

– Приказчик Хань был так любезен, что преподнес мне подарки – говорил им Симэнь. – Я наотрез отказался принять, но он так меня упрасивал, что пришлось взять гуся и вино. Неловко, думаю, одному лакомиться, вот и пригласил вас с ним за компанию.

– Он со мной насчет этих подарков советовался, – подхватил Ин Боцзюэ. – Неужели, говорю, хозяину в диковинку твои подарки? И нечего, говорю, тебе зря хлопотать. Все равно не примет. Ну, и каков же результат? Прав я оказался. Я, можно сказать, брат, к тебе в самое что ни на есть нутро пролез!

После чаю они сели за двойную шестерку, а через некоторое время пришел и Хань Даого. После приветствий сели за стол. На почетных местах сидели Ин Боцзюэ и Се Сиды, место хозяина занимал Симэнь, а сбоку пристроился Хань Даого.

Появились подносы и блюда, и вскоре стол был заставлен разнообразными деликатесами. Не успели их распробовать, как принесли два огромных блюда – гуся с лапшой и целую грудку печеных на пару масляных пирожков. Лайаню было велено подогреть в медном кувшине цзиньхуаское вино, Шутуну – обслуживать гостей, а Хуатуну – подавать кушанья. Шутун наполнил чарки.

– Ступай попроси у матушки Старшей крабов, – сказал ему Ин Боцзюэ. – Скажи, дяде Ину, мол, захотелось полакомиться.

– О каких крабах ты говоришь, пес дурной? – прервал его Симэнь. – Может, о двух пакетах от командира военного поселения господина Сюя? Так должен тебе сказать: их мои жены доели. А ту малость, что осталась, засолили. – Симэнь обернулся к Хуатуну: – Иди соленых крабов принеси. Жены у меня сегодня в гостях, у супруги шурина У Старшего пируют.

Вскоре Хуатун принес два блюда соленых крабов. Ин Боцзюэ и Се Сиды с такой жадностью на них набросились, что немного погодя оба блюда заблестели, как начищенные. Шутун снова наполнил чарки.

– Ты же знаешь, что дядя Ин под сухую пить не может, – сказал ему Ин Боцзюэ. – Хвалился, южные напевы знаешь. Хоть бы разок послушать. Ну-ка, спой, я и выпью чарку.

Только Шутун хлопнул в ладоши и запел, как его перебил Ин Боцзюэ:

– Нет, так не пойдет. Взялся дракона играть, будь добр, прими драконье обличье. Ступай подкрасься, подрумянься, нарядись барышней, тогда и пой.

Шутун обернулся в сторону Симэня, ожидая, что он скажет.

– Ах ты, сукин сын! – в шутку заругал Ина хозяин. – Ишь, совратитель нашелся! – Он взглянул на Шутуна и распорядился: – Раз ему так хочется, походи попроси Дайяня, пусть принесет платье. Наряджайся и выходи.

Дайянь направился первым делом к Цзиньянь, но Чуньмэй ничего ему не дала. Тогда он прошел в дальние покои и выпросил у горничной Юйсяо четыре серебряных шпильки, большой гребень, подвески, золотые с поддельными изумрудами сережки, ярко-красную кофту с застежкой и зеленую юбку на подкладке с лилово-золотистой бахромой по подолу. Юйсяо дала ему немного пудры и румян.

Шутун нарядился в кабинете и вышел к гостям. Одет он был с большим вкусом и изяществом. Настоящая барышня! Шутун с поклоном поднес Ин Боцзюэ первую чарку, встал рядом и запел на мотив «Яшмового неньюфара»:

Качаясь, плывут красноватые листья,
В бутонах еще ароматная слива.
Кто вновь подведет мои брови красиво,
От снов обветшалых мне душу очистит?
Мне больше не слать тебе длинные письма,
Меж нами бескрайние горы-потоки,
Свиданий несбыточных кончились сроки,
Исписана тушь и обломаны кисти.

Боцзюэ был в восторге.

– Нет, не зря ты, брат, его поишь-кормишь! – говорил он. – Какой голос, а! Как есть свирель! Сколько мне на своем веку певец приходилось встречать, но без преувеличения могу сказать: такого сочного и сильного голоса не доводилось слышать. Тебе, брат, счастье привалило: этакий молодец рядом, всегда, что называется, под боком.

Симэнь Цин засмеялся.

– Что смеешься? Я серьезно говорю, – продолжал Ин Боцзюэ. – Такого малого ценить надо, выделять. Словом, подходить к нему особенному. Не зря ж почтенный господин Ли его тебе удружил. Высокую честь оказал!

– Разумеется, – поддержал его Симэнь. – Шутун у меня всеми делами в кабинете ведает. Когда меня нет, он и подношения принимает, и письма рассылает. Ему с зятем все доверяется. Но зять больше в лавке сидит.

Ин Боцзюэ осушил чарку и наполнил вином сразу две.

– Выпей, прошу тебя, – протянув Шутуну чарку, сказал он.

– Не могу я пить, я не пью, – отказывался Шутун.

– Не огорчай меня, выпей, – настаивал Ин. – Я ж тебя угощаю, не бойся. Шутун поглядел на Симэня.

– Ладно, выпей, раз дядя Ин угощает, – сказал хозяин.

Шутун опустился на колени, чинно поклонился и, отпив глоток, протянул чарку Ин Боцзюэ, потом предложил вина Се Сиды и спел на тот же мотив:

Багряный узор сердоликов старинных —
На глади пруда распустившийся лотос,
А птицы сплетаются крыльями плотно
И самозабвенно щебечут в долинах.
Но песню твою я услышать не в силах,
Но перья твои не срastутся с моими,
Но все ожидания бесцельны и мнимы —

Две лунки от острых локтей на перилах.

– Сколько же Шутуну лет? – спросил Симэня Се Сиды.

– Только шестнадцать исполнилось, – ответил хозяин.

– И много южных напевов знаешь? – опять спросил Се Сиды.

– Не так много, но знаю, – отвечал Шутун. – На пиру господам могу услужить.

– Какой смысленный малый, молодец! – похвалил Се Сиды и налил Шутуну чарку.

Шутун поднес вино Хань Даого.

– О, я не смею пить прежде моего почтенного господина, – возразил Хань.

– Ты мой гость, – заметил Симэнь.

– Как можно, сударь! – говорил Хань. – Только после вас.

Шутун поднес вино Симэнь Цину и запел третью песню на тот же мотив:

Белы хризантем многослойные юбки
Сереют платана могучие своды,
Цветы побросали в студёные воды
Своих лепестков разноцветные шляпки.
Шмели с высоты провожают плывущих,
Прощаются дикие гуси в осоке.
Свиданий несбыточных кончились сроки,
И сумрак окутал – покой вездесущий.

Симэнь осушил чарку, и Шутун снова предстал перед Хань Даого. Тот поспешно встал и принял кубок.

– Да садись ты! Дай человеку спеть! – сказал Ин Боцзюэ.

Хань сел, и Шутун запел четвертую песню на тот же мотив:

Вот ивовый пух заплясал с облаками,
И бабочки им зачарованно вторят,
Цветет ароматная слива на взгорье,
Я милому ветку отправлю с ветрами.
Игла выпадает из рук поневоле,
В разлуке сердечные думы жестоки.
Свиданий несбыточных кончились сроки,
В волненьи я пальцы кусаю до боли.

Не успел Шутун допеть, как Хань Даого одним залпом осушил чарку.

В разгар пира появился Дайань.

– Дядя Бэнь прибыл, – объявил он. – Просит батюшку.

– Зови его сюда, – сказал Симэнь. – Пусть здесь скажет.

Вошел Бэнь Дичуань. Одет он был в темную шелковую куртку, отделанную бахромой, и черные на белой подошве сапоги. Бэнь Дичуань отвесил поклон и встал в сторонку рядом с хозяином. Дайань поспешно подал чарку и палочки. Симэнь велел ему принести закусоч.

– Как дела в поместье? – спросил он Бэня.

– Передние постройки черепицей покрыли, – отвечал Бэнь Дичуань, – а дальние только начаты. Вчера фундамент закладывали. Но у нас пока нет материала на флигели и дальние жилые покои. Полы в гостиной и крытой галерее выкладываем квадратными плитками размером чи и два цуня. Их еще штук пятьсот потребуется, потому что старые не годятся. И крепостную стену пока не из чего возводить. Сотни повозок песку хватит и на фундаменты зданий, и на сооружение искусственной горы, а вот извести лянов на двадцать завезти необходимо...

– Об извести не беспокойся, – перебил его Симэнь. – Завтра же в управе я велю мастеровым-известникам подвезти сколько потребуется. Его сиятельство смотритель гончарен господин Лю вчера пообещал плиты прислать. Твое дело – сказать, сколько нужно, и вручить немного серебра. Ведь он мне по-приятельски устраивает. А вот бревна придется закупить.

– Вы просили меня, батюшка, посмотреть еще одно загородное поместье, – продолжал Бэнь Дичуань. – Мы с Чжан Анем ездили туда сегодня с утра. Оно принадлежало, оказывается, императорскому родственнику Сяну, а теперь, с его смертью, перешло Сяну Пятому. Ему хотелось бы продать Залу Души августейшего предка, но нам она совсем не нужна. Мы вели с ним разговор о группе передних построек, большой зале и флигелях. Нам, говорим, и этого достаточно. Хозяин запросил пятьсот лянов. Следовало бы, если вы заинтересованы в приобретении, прихватить с собой некоторую толику серебра и еще раз пойти поторговаться. За три с половиной сотни лянов, думаю, он уступит. Помимо того, бревна, плиты и черепица обойдутся в сотню-другую лянов.

– О каком, думаю, они поместье толкуют? – подхватил Ин Боцзюэ. – О том самом, оказывается. Да Сян Пятый из-за земли весь просудился. Дело ведь в военном поселении разбирали. Денег ухнул!.. А тут еще певичку Ло Цуньэр откупил и вовсе с голыми руками остался. Да он и за три сотни отдаст. Ему не до жиру. Нищий и пампушке рад. И так Будде молебен побежит служить на радостях!

– Тогда завтра же забирайте два больших слитка и ступайте с Чжан Анем, – распорядился Симэнь. – Отдаст за триста лянов – куплю.

– Понимаю, – ответил Бэнь Дичуань.

Подали суп и блюдо паровых пирожков.

Бэнь Дичуань сел за стол и выпил за компанию с остальными. Шутун спел еще один романс и удалился.

– Какой интерес так пить?! – воскликнул Ин Боцзюэ. – Хоть кости подайте. На штрафную сыграем.

Симэнь велел Дайаню сходить к Пиньэр за костями. Дайань положил кости перед Ин Боцзюэ, а сам подошел к Симэню.

– Гуаньгэ расплакался, – сказал он на ухо хозяину. – Инчунь просит вас послать кого-нибудь за матушкой Шестой.

– Поставь кувшин и живо ступай, позови слуг, – распорядился Симэнь. – Пусть возьмут фонари и не мешкают. А где же слуги?

– Циньтун с Цитуном пошли матушек встречать, – отвечал Дайань.

Ин Боцзюэ насчитал в коробке шесть фишек, взял одну и объявил:

– Я бросаю кость, и каждый должен назвать ее стихотворной строкой. У кого сойдется, кто не придумает строку, пьет штрафной кубок. Следующий за ним обязан спеть или рассказать анекдот. Кто ни того, ни другого не может, тоже пьет.

– Ах ты, сукин сын! – заругался Симэнь. – Больно ловок будешь!

– Главнокомандующий чихнет, а подчиненные уж в струнку вытягиваются! – заявил Ин Боцзюэ. – Какое ты имеешь право мне перечить?! Лайань! Налей кубок! Штрафую твоего батюшку. Пусть язык прикусит.

Симэнь засмеялся и осушил кубок.

– Внимание, господа! – крикнул Ин Боцзюэ. – Начинаем! Если ошибусь, тоже пить буду. «Студент Чжан, захмелев, в западном флигеле слег. Сколько ж выпил? Один большой кувшин или пару малых?». Смотрите, в самом деле единица.

Симэнь распорядился, чтобы Шутун наполнил Ину кубок, а Се Сиды спел. Сиды хлопнул в ладоши.

– Я спою на мотив «Срываю ветку корицы». Слушайте!

Он запел:

Как разумна и красива,

Как щедра и терпелива,

Как кокетлива, игрива

Ненаглядная моя!

Брови – гор весенних своды,

Очи – в осень стихли воды,

Ворона крыла разводы
Этих локонов струя.
Как терзаюсь я жестоко,
Отойдешь – мне одиноко –
Путь на запад от востока
Океаном мировым!
Кто поймет мои печали,
Ритуалом обручальным
Склеит нас – того венчаю
Бодхисаттвою живым!

Ин Боцзюэ выпил кубок и передал кости Се Сиды. Тот должен был бросить кость, а Симэнь – петь.

– «Спасибо, Хуннян помогла мне дойти до кровати.^[520] Который теперь час? – Уж третью ночную стражу пробили, четвертая стража пошла», – продекламировал Се Сиды, бросая кость.

Как ни странно, легла четверка.

– Тебе, брат, четыре кубка пить полагается, – сказал ему Ин Боцзюэ.

– Мне столько не выпить, – отозвался Се Сиды. – Двух хватит.

Шутун наполнил два кубка. Се Сиды осушил один, решив выпить другой после того, как споет Симэнь, а между тем они с Ин Боцзюэ умяли целое блюдо каштанов.

– Я не пою, – сказал Симэнь. – Лучше расскажу анекдот. Входит один во фруктовую лавку и спрашивает: «Оливы есть?» «К вашим услугам», – отвечает лавочник и достает оливы. Вошедший так на них и набросился – одну за другой, знай, в рот кладет. «Что ж это ты – покупать не покупаешь, а ешь?» – спрашивает лавочник. «Да уж больно они грудь очищают», – отвечает. «Тебе, может, и грудь очищают, а вот мне сердце надрывают».

Все рассмеялись.

– Если тебе сердце надрывают, распорядись, чтоб нам еще блюдо подали, – заметил Ин Боцзюэ. – Сколько навозу подберешь, на столько и удобришь.

Се Сиды выпил второй кубок и передал кости Симэню.

– «На память сохранил я шпильку золотую, – продекламировал тот, бросая кость. – Сколько потянет она? Цяней пять-шесть, а может, и семь».

На столе лежала пятерка. Шутун наполнил до половины две чарки.

– Ты, брат, пить мастер, а тебе только две чарки налили, – говорил Се Сиды. – Куда это годится? Пей четыре. Я сам тебе поднесу в знак

почтения.

Дошла очередь петь Хань Даого.

– Ты, брат Бэнь, постарше меня, – уступил он Бэнь Дичуаню.

– Я петь не умею, – заявил тот. – Расскажу лучше анекдот.

Симэнь Цин осушил оба кубка, и Бэнь Дичуань начал:

– Разбирал как-то судья одно дело, связанное с прелюбодеянием, и спрашивает: «Так как же ты овладел ею?». «А я обратился лицом к востоку и ноги к востоку вытянул», – ответил обвиняемый. «Не городи чепухи! – осадил его судья. – Какое же тогда могло быть соитие? Хотел бы я сыскать такого любоддея!». Подбегает тут к судье стоявший в стороне человек, падает на колени и выпаливает: «Если вы ищите лицедея, сударь, я готов хоть сейчас вступить в должность».

– Знаю, дружище Бэнь, человек ты хоть и небескорыстный, а на хозяйское не польстишься, – заметил Ин Боцзюэ. – Но ведь хозяин у тебя тоже не старик. Я об этом самом соитии говорю. Что, может, ему на подмогу не прочь, а?

Бэнь Дичуань с испугу густо покраснел.

– Вы о чем, дядя Ин? – пролепетал он. – Я ж для смеху сказал. Не было у меня никакой задней мысли.

– Да все о том, – отвечал Ин Боцзюэ. – Нет, говорят, дыма без огня.

Неловко почувствовал себя за столом Бэнь Дичуань, но и уйти не решался. Так и сидел, как на иголках.

Симэнь осушил четыре чарки. Дошла очередь до Бэня. Только он поднял фишку, вошел Лайань и объявил:

– Дядя Бэнь, вас спрашивают. Говорят, с гончарен прибыли.

Бэнь Дичуань, словно цикада, сбросившая кокон, как на крыльях вылетел из-за стола.

– Тогда, Хань, тебе кость бросать, – сказал Симэнь.

– Исполняю приказ! – отвечал Хань Даого, вынимая фишку. – «Госпожа бить Хуннян приказала. Много ль палок отведать служанке пришлось? Восемь иль девять, а может, и больше десятка».

– Мне петь? – спросил Ин Боцзюэ. – Петь я не буду, а расскажу анекдот. Шутун, налей-ка всем чарки и батюшке тоже. А теперь слушайте! Монах с послушником отправились к жертвователю. Когда подошли к воротам его дома, послушник ослабил пояс и опустил его чуть пониже. «Смотри, что ты сделал? – говорит монах. – У тебя и зад у как будто не стало». Послушник оборачивается и отвечает: «Исчезни у меня зад, вы, отец наставник, и дня бы не прожили».

– Вот пакостник, сукин сын! – заругался Симэнь. – Подумаешь, перлы изрекает.

Не будем больше говорить об этой пирушке, а расскажем пока о Дайане.

Удалился он в переднюю постройку, велел Хуатуну приготовить фонарь, и оба они пошли к супруге У Старшего за Ли Пиньэр.

— У меня там сын расплакался, — сказала Пиньэр, узнав, в чем дело. — Не придется, видно, поздравить молодых. Вот оставляю им подарок и разрешите откланяться.

Невестки У Старшая и У Вторая никак не хотели ее отпускать.

— Обождите немножко, сейчас молодые выйдут, — уговаривали они.

— Отпустите ее, сударыня, — вмешалась Юэнян. — Мы можем и посидеть, а она пусть идет. У нее ребенок расплакался.

Старшая невестка У проводила, наконец, Пиньэр до ворот.

Дайань оставил Хуатуна, а сам с Циньтуном понес паланкин домой.

После поздравления молодых гости стали расходиться. На пять паланкинов оказался всего один фонарь, а время стояло темное — двадцать четвертый день восьмой луны.

— Что это — единственный фонарь? — удивилась Юэнян. — Где ж остальные?

— Я принес два, — отвечал Цитун, — но у меня Дайань выпросил. Они с Циньтуном проводили матушку Шестую.

Юэнян на это ничего не сказала, а Цзиньянь не выдержала.

— Цитун, сколько вы фонарей принесли? — спросила она.

– Мы с Циньтуном взяли два, – отвечал слуга. – А потом Дайань один у меня отобрал, Хуатуну велел остаться, а сам с Циньтуном пошел за паланкином матушки Шестой.

– Дайань, арестант, рабское отродье! – заругалась Цзиньлянь. – Он, что ж, сам даже фонаря не захватил?

– Мы с ним пришли. Я один принес, – отвечал Хуатун.

– Один принесли, так чего ж он отбирает? – не унималась Цзиньлянь.

– Мы ему говорили, а он отобрал, и все, – оправдывался Цитун.

– Сестрица! – Цзиньлянь обернулась к Юэнян. – Видишь, что выделяет разбойник Дайань? Но погоди! Я с тобой, подлиза, дома поговорю.

– К чему горячиться? – успокаивала ее Юэнян. – Там ребенок плачет, их за ней послали. Чего тут особенного?

– Вы не правы, сестрица, – отвечала Цзиньлянь. – Мы-то ладно, а вы же старшая в доме. Нельзя слуг распускать! Добро бы было светло, но в такую темень один фонарь на четыре паланкина – уж совсем ни на что не похоже!

Так за разговором добрались они до дому. Юэнян и Цзяоэр проследовали в дальние покои, а Цзиньлянь и Юйлоу только успели войти в ворота, как кликнули Дайаня.

– Дайань в дальних покоях прислуживает, – пояснил было Пинъань, но тут на зов неожиданно явился Дайань, и Цзиньлянь обрушилась на него с бранью:

– Ах ты, арестантское твое отродье! Той лъстишь, кто пользуется расположением, да? Смотри, ноги не отбей, за ней бегаючи! Взял фонарь, ей и одного хватит, так нет! Ишь, распоясался – ему второй вынь да положь. Слуг поменял. Ей одной, выходит, два фонаря подавай, а нам вчетвером можно и одним обойтись, да? За кого ж ты нас принимаешь? Мы, что ж, не жены твоему хозяину, а?

– Напрасно, матушка, вы на меня обижаетесь, – говорил Дайань. – Батюшка узнал, что Гуаньгэ плачет, велел мне сейчас же взять фонарь и доставить матушку домой. Опасался, как бы ребенок не заболел. Не сам же я пошел. Мне батюшка так приказал.

– Хватит препираться! – закричала Цзиньлянь. – Тебе было велено за ней пойти, но кто тебе, арестантское отродье, давал право фонарь отнимать? Знает воробышек, в которое гнездышко лететь. Только гляди, не прогадай. В теплое-то гнездо летай, да и холодное не забывай. Думаешь, так уж нам и на роду написано всю жизнь в

немилости прожить?

– Ну, о чем вы говорите, матушка? – продолжал Дайань. – Пусть я с лошади упаду и ребра себе поломаю, если только у меня были такие мысли в голове!

– Не очень-то расходишься, изменник! – предупредила Цзиньянь. – Глаза протру, буду за тобой следить. Смотри у меня, арестант!

Они с Юйлоу направились в дальние покои.

– И каждый раз мне за других достается! – обращаясь к слугам, пожаловался Дайань. – Батюшка сам меня послал, а от матушки Шестой^[521] попало.

Юйлоу и Цзиньянь подошли к внутренним воротам, когда натолкнулись на Лайаня.

– А где батюшка? – спросили они.

– Батюшка в крытой галерее, – отвечал он. – С дядей Ином, дядей Се и приказчиком Ханем пируют. А Шутун, вы бы поглядели, нарядился певичкой и поет.

– Пойдем посмотрим, – Цзиньянь потянула за собой Юйлоу.

Они приблизились к крытой галерее и, притаившись за решеткой, стали подглядывать.

На возвышении восседал пьяный Ин Боцзюэ. Шапка у него сдвинулась набекрень, а голова качалась, как у куклы, когда ее дергают за нитки. Се Сиде захмелел до того, что не в силах был открыть слипавшиеся глаза. А нарумяненный Шутун в женском платье продолжал обносить их вином и петь южные арии.

Симэнь Цин потихоньку подозвал Циньтуна и велел ему подпудрить Ин Боцзюэ. Слуга подкрался к пьяному Ину и положил смеху ради на голову пучок травы.

Цзиньянь с Юйлоу не выдержали и расхохотались.

– Вот арестант проклятый! – говорила Цзиньянь. – Весь бы век веселился да дурачился. По самый гроб не образумится.

Услышав смех, Симэнь велел слуге выглянуть наружу. Цзиньянь и Юйлоу удалились к себе. Пирушка кончилась в первую стражу. Хозяин отправился на ночлег к Пиньэр.

– Чуньмэй! – позвала горничную вернувшаяся Цзиньянь. – Скажи, Пиньэр что-нибудь говорила?

– Ничего не говорила.

– А этот бесстыжий, небось, прямо к ней пошел?

– Как матушка Шестая вернулась, батюшка раза два к ней заглядывал, – ответила Чуньмэй.

– А за ней посылал в самом деле из-за ребенка?

– Ой, он после обеда так раскричался! Завернут – плачет, развернут – тоже кричит. С ног сбились.

– А Шутун в чьем платье?

– У меня было попросили, а я Дайяня уж так отчитала! Потом он у Юйсяо выпросил. Потом бабушке о ребенке доложили, тот слугу и послал.

– Ну, тогда еще ладно, – немного успокоилась Цзиньлянь. – Я-то думала, он по ней стосковался. А платье придут просить, не давай этому пакостнику.

Не дождавшись Симэня, Цзиньлянь в сердцах заперла дверь и легла.

А теперь вернемся к Ин Боцзюэ. Прямо на глазах у Ина набивал себе карман Бэнь Дичуань, приставленный следить за строительством в поместье. Когда же Бэню доверили серебро на приобретение поместья у Сыня Пятого – на сделку, которая, вне всякого сомнения, сулила ему еще немалую толику серебра, Ин Боцзюэ за игрой и выискивал у него оплошность, придрался к нему из-за анекдота, дабы намекнуть, что к чему.

Испуганный не на шутку Бэнь Дичуань на другой же день отвесил три лян серебра и отправился на поклон к Ин Боцзюэ.

– К чему это? – наигранно удивляясь, воскликнул Ин. – Я ж не оказывал тебе никаких услуг.

– Я давно собирался выразить вам, дядя, свое искреннее почтение, – говорил Бэнь. – Позвольте надеяться, что вы при случае замолвите за меня словцо перед господином. По гроб буду вам обязан, дядя.

Ин Боцзюэ взял серебро и, угостив Бэня чашкой чаю, проводил его за ворота, а сам с узелком серебра пошел к жене.

– Проявит муж решимость, будет у жены обновка, – сказал он жене. – Видишь ли, я в свое время порекомендовал этого Бэня-голодранца. Так теперь он дело получил, сам жрет в три горла, и я ему стал не нужен. Хозяин ему то в поместье строительство поручил, то серебро доверяет другое поместье купить. Немалые деньги нажил. Я ему на пиру возьми да наметь. Струсил, видать, сразу прибежал, три лян сунул. Думаю, на них холста купить. Хватит ребятишек на зиму одеть.

Да, действительно,

Хоть с благородством, говорят, я вовсе не знаком,

Но кто вести умеет дом, тот и хозяин в нем.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.
Да,

Боимся, как бы горе безумием не стало;
Смышленных узнаем мы, а глупых – не пристало.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЧЖАЙ ЦЯНЬ В ПИСЬМЕ ПРОСИТ ПОСВАТАТЬ ЕМУ БАРЫШНЮ

СИМЭНЬ ЦИН ЗАВЯЗЫВАЕТ ДРУЖБУ С ЛАУРЕАТОМ ЦАЕМ.

[522]

*Из Фучуани вдаль бросаю взгляд,
Туда, где волны Цзянь-реки шумят.[523]
Перед зарей вечерней золотой
Застыла в небе тучка сиротой.
Оставить бы следы горячих слез,
Да срублен тот бамбук, что здесь возрос.
С кем весточку я передать решусь,
Когда так редко пролетает гусь![524]
Пошлешь привет, и гусь на край земли
Перелетит с ним за три тыщи ли.
Тоски моей не в силах превозмочь,
Весь день я одинока и всю ночь.
То в океанский я гляжу простор,
То к небу обращаю скорбный взор:
Кто на меня вниманье обратит,
Кто миг желанной встречи возвестит?*

Так вот. На другой день утром Симэнь с надзирателем Ся отбыли за город встретить нового цензора. Потом Симэнь заехал в свое поместье, где наградил за усердие мастеров, и вернулся домой уже под вечер.

– Из Дунчана в столицу гонец промчался, – объявил Пинъань, как только Симэнь переступил порог. – Письмо по дороге завез. Передай, говорит, батюшке от его сиятельства дворецкого Чжая. Я его матушке Старшей отнес. Гонец завтра после обеда за ответом заедет.

Симэнь пошел к Юэнян, взял письмо, распечатал его и стал читать:

«От ученика Чжай Цяня из столицы
с нижайшим поклоном передать
ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСПОДИНУ СИМЭНЮ

Давно вижу в Вас ученого высокого, коего уподоблю Великой горе или Северному Ковшу. Увы, не довелось пока лицезреть воочию Ваш достославный образ. Не раз я, недостойный, пользовался Вашей щедростью безмерной. Слов не нахожу, какие могли бы выразить мою глубокую признательность, а равно и угрызения совести.

Удостоенный Ваших мудрых наставлений, я навек запечатлел их в своем сердце и, имея честь состоять в приближенных его превосходительства, стараюсь в меру сил своих оказывать Вам всяческую поддержку. Смею надеяться, что просьба, которой я дерзнул нарушить Ваш покой, уже исполнена, а посему, пользуясь счастливым случаем, направляю Вам это скромное послание с десятью лянами в знак моей искренней благодарности. А пока, в предчувствии дальнейших обстоятельств, с нетерпением ожидаю благостную весть, коей буду тронут до самой глубины души.

Сообщаю, что новый лауреат империи, Цай Ицюань, пользующийся высоким покровительством его превосходительства, получил Высочайшее дозволение посетить родные края для свидания с родителями и держит путь через Ваш славный уезд. Надеюсь, Вы не откажете ему в приеме, а он не забудет Вашего гостеприимства. Молюсь о Вашем благополучии.

Составлено первого дня по установлении осени^[525]».

Прочитал Симэнь письмо и начал тяжело вздыхать.

– Надо сейчас же за свахой сбегать, – сказал он, наконец. – И как же я это забыл, а? Прямо из головы вон.

– А в чем дело? – поинтересовалась Юэнян.

– Да как же! Чжай Цянь, дворецкий его превосходительства государева наставника Цая, когда еще писал, что нет у него сына, просил барышню подыскать, все равно какую: богатую или бедную. За подарками, говорит, не постою, только была бы собой хороша да подарила сына и наследника. Все затраты на подарки и приданое, которые придется понести, он обещал оплатить сполна. Это ведь он поддержал меня перед его превосходительством, оттого я и занял пост. Все время в суете – то одно, то другое, совсем запамятовал. И ведь Лайбао каждый день в лавку заходит, а напомнить не мог. И вот человек издала гонца посылает узнать, как с его просьбой, десять лянов серебра отваливает. Завтра гонец за ответом пожалует, а что я

ему скажу? Ведь Чжай тогда из себя выйдет. Позови сваху и накажи поторапливаться. Какую ни найдет, только б собой была хороша. Можно лет шестнадцати, сойдет и восемнадцати. Сколько б ни стоила, я заплачу. Постой, постой! А не выдать ли нам Сючунь, горничную Пиньэр? Она и собой недурна...

– У тебя что? Горит что ли? – упрекала его Юэнян. – О чем ты целые месяцы думал? Тебя просят девицу посватать, денег не жалеют, а ты эту девку? Сам с ней жил, а потом другим сбыть хочешь? Ты ему окажешь услугу, и он для тебя постарается. Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить? Нет уж, в бурю никакие весла не помогут. И купить девицу не так-то просто. Думаешь, взял серебро да на рынок ступай – бери, что пожелаешь? Нет, и в теремах разные девушки обитают. Надо сваху пригласить, пусть не спеша приглядит да разузнает. А то больно уж легко у тебя выходит!

– Ведь завтра ответ давать, – продолжал Симэнь. – Что я ему скажу?

– Ты в управе дела, небось, и поважнее решаешь, а тут растерялся. Гонцу побольше на дорогу дай, не скупись, а в письме скажи: девицу, мол, нашли, осталось платье с приданым приготовить, мол, как только будет готово, сразу и отправим ее к вам. А сам тем временем и подыщешь. Так ты и человека не обидишь, и дело сделаешь по-настоящему. Ведь он на тебя полагается.

– Ты права! – сказал, улыбаясь, Симэнь и велел позвать Чэнь Цзинци.

Вечером они заготовили ответное письмо, а на другой день к прибывшему гонцу вышел сам Симэнь, чтобы разузнать подробности.

– Когда же прибывает корабль с лауреатом Цаем? – спросил он. – Надо будет подготовиться к приему.

– Когда я покидал столицу, – отвечал гонец, – лауреат Цай начал собираться в путь. Батюшка Чжай опасается, что господин Цай, возможно, окажется, без денег и просил вас, сударь, не отказать ему в поддержке. А все расходы батюшка Чжай обещает возместить, как только вы ему напишете.

– Передавай мой нижайший поклон батюшке Чжаю, – наказал Симэнь, – и пусть не беспокоится. Господин Цай будет обеспечен всем, что необходимо.

Симэнь велел Чэнь Цзинци проводить гонца во флигель и угостить вином и закусками, а перед отбытием вручил письмо и пять лянов на дорожные расходы.

Довольный гонец отвесил поклон и пустился в дальний путь.

Да,

Торопится тигром крылатым взлететь,
Готов истрепать ярко-красную плетъ.

Надобно сказать, дорогой читатель, что лучшим на императорском экзамене был признан Ань Чэнь, но, по заявлению цензоров, он был братом Ань Дуня, первого министра при прежнем императоре, а посему, как представитель оппозиции, не мог стать во главе ученых Империи. Императору Хуэй-цзуну ничего не оставалось, как поставить первым Цай Юнь, который и был объявлен лауреатом империи, то бишь награжден титулом Первейшего. Цай Юнь нашел вскоре покровителя в лице Цай Цина, стал его приемным сыном, получил назначение на пост главы императорской библиотеки и испросил отпуск для поездки к родителям.

Между тем Юэнян рапортовала позвать мамашу Фэн, тетушку Сюэ и других свах и наказала им подыскать красивую девушку и подробно доложить, если таковая встретится, но не о том пойдет речь.

Однажды Симэнь послал Лайбао в Синьхэкоу разузнать о прибытии корабля с лауреатом Цаем. Надобно сказать, что вместе с Цаем ехал и академик Ань Чэнь. Академик Ань по недостатку средств как ни старался, не смог вторично жениться,^[526] и в конце концов тоже пустился в путь на родину в надежде там найти себе подходящую пару. Так оба оказались на одном корабле и вместе прибыли в Синьхэкоу, где их и встретил Лайбао. Он вручил им визитную карточку Симэня, а также принес вина, лапши, кур, гусей, соусов и прочих яств.

Лауреат Цай был предупрежден Чжай Цянем еще в столице. Чжай рассказал ему о тысяцком Симэне из Цинхэ, выдвинутом его превосходительством на пост помощника судебного надзирателя, богаче и известном хлебосоле.

– Побывай у него, – советовал Чжай. – Примет на широкую ногу.

Цай крепко помнил его совет и сильно обрадовался, когда увидел слугу Симэня с такими щедрыми подарками.

На другой день они прибыли в Цинхэ и направились прямо к Симэню.

Симэнь загодя нанял поваров, а Шутуна отправил за город на мельницы позвать сучжоуских актеров, которых он видел как-то на приеме у правителя Ли.

Лауреат Цай поднес Симэню шелковый платок, книги и пару расшитых туфель, академик Ань – платок, книги, четыре пакета

свежего чаю и четыре ханчжоуских веера. Они прибыли в парадных халатах и черных чиновничьих шапках, подали визитные карточки и прошли в ворота. У входа в залу их встретил облаченный в праздничный халат Симэнь. Они обменялись взаимными поклонами и приветствиями, юные слуги вручили Симэню подарки. Гости и хозяин заняли соответствующие места.

– Милостивый государь, – приподняв руку, с поклоном обратился к хозяину лауреат Цай, – мне довелось слышать о вас много лестного от моего столичного друга Чжай Юньфэна. От него я узнал, что вы имеете честь принадлежать к одному из наиболее именитых и могущественных родов в Цинхэ. Давно лелеял мечту повидаться с вами и завязать знакомство. И вот, наконец, я так счастлив возможности лично засвидетельствовать вам свое самое глубокое почтение.

– О, я тронут вашей любезностью, сударь! – отвечал Симэнь. – Юньфэн уведомил меня в послании о вашем высоком визите, господа, и долг обязывал выехать вам навстречу, но, увы, я связан службой... Покорнейше прошу меня простить великодушно! Позвольте, господа, узнать, из каких дивных уделов вы родом и ваши почтенные прозвания.

– Ваш ученик Цай Юнь, – представился лауреат Цай, – родом из Куанлу в Чучжоу. Мое скромное прозвание Ицюань – Единый источник. Мне выпало счастье стать Первейшим в Империи, получить пост главы Императорской библиотеки. А в настоящее время я получил высочайшее дозволение навестить родителей. Тут-то почтенный Юньфэн и поведал мне о вас, как человеке исключительно добродетельном. Сожалею, что не доводилось с вами встречаться до сих пор.

– Ваш ученик родом из Цяньтана в Чжэцзяне, – заговорил академик Ань. – Мое скромное прозвание Фэншань – Фениксова гора. Произведен в инспекторы Палаты работ, а в настоящее время тоже получил дозволение посетить родные края и жениться. Позвольте узнать, сударь, ваше почтенное прозвание.

– Какое может быть прозвание у скромного военного, коим является ваш покорный слуга?! – церемонно отвечал Симэнь.

Но гости не унимались и продолжали расспросы.

– Мое скромное прозвание Сыцюань – Четыре источника, – сказал, наконец, Симэнь. – Благодаря покровительству его превосходительства Цая, при содействии Юньфэна я приобрел чин тысяцкого и зачислен в гарнизон телохранителей и карателей его

величества. Не по заслугам имею честь занимать пост помощника судебного надзирателя.

– Не скромничайте, сударь, – возразил лауреат Цай. – Вы исполняете почетный долг. Давно гремит ваше доброе имя.

После того как они обменялись любезностями, Симэнь пригласил гостей в крытую галерею сада и предложил снять парадные халаты.

– Благодарю, нам надо торопиться домой, – стал отказываться лауреат. – Пора, корабль ждет. Правда, сразу расстаться, едва лишь узрев вас, невозможно. Но как же быть, что делать?

– Не покидайте тотчас мое убогое жилище, прошу вас, господа! – уговаривал гостей Симэнь. – Пусть хоть еще немного поразвешаются над ним знамена литературных талантов. Задержитесь ненадолго разделить со мною скромную трапезу, чтобы могли вы убедиться в моем почтительном восхищении истинными талантами.

– Коль скоро нам оказана такая честь, исполняем ваш приказ, – сказал господин Цай.

Гости сняли парадные халаты и сели. Опять подали чай. Цай Юнь окинул взглядом необозримый сад Симэня. Пред ним красовались тенистые пруды, утопающие в цветах и зелени беседки и терема.

– Дивный уголок! – завороженный прелестным видом, громко выразил он свое восхищение. – Ваш сад прекраснее садов Пэнляя!

Принесли шашечный стол, и завязалась игра.

– Я ведь пригласил актеров, – сказал Симэнь.

– А где они? – поинтересовался Ань Чэнь. – Нельзя ли позвать?

Вскоре появились четверо певцов и склонились в земном поклоне.

– Кто же из вас играет героев и героинь? – спросил Цай Юнь. – Как вас зовут?

– Ваш покорный слуга играет главных героев, – сказал вышедший вперед актер. – Меня зовут Гоу Цзысяо. Этот – главных героинь, его зовут Чжоу Шунь. Тот, Юань Янь, выступает в ролях вторых героинь, а Ху Цао – второстепенных героев.

– А родом вы откуда? – спросил Ань Чэнь.

– Из Сучжоу, – ответил за всех Гоу Цзысяо.

– Ну, идите оденьтесь и спойте нам, – попросил Ань.

Актеры ушли, и Симэнь распорядился, чтоб им дали платья и шпильки. Шутуну тоже было велено нарядиться барышней. Появились три барышни и двое юношей. Они разыграли сцены из драмы «Мешочек с благовониями».^[527]

В зале накрыли два стола. На почетных местах восседали лауреат Цай и академик Ань. Пониже место хозяина занял Симэнь. Пока они

пировали, актеры исполнили действие драмы.

– А этот актер откуда? – поинтересовался Ань Чэнь, заметив наряженного барышней Шутуна.

– Это мой слуга Шутун, – отвечал Симэнь.

Ань Чэнь позвал Шутуна и поднес ему чарку.

– Первый раз вижу такого красавца! – воскликнул академик.

Лауреат позвал остальных актеров и угостил их вином.

– А напев «Представленный государю» знаете? – спросил он. – Вот этот: «Меж цветов, под ивой, у стрехи...»?

Гоу Цзысяо согласился исполнить и, хлопнув в ладоши, начал:

Меж цветов под ивой у стрехи –
Девичьих волос пьянят шелка,
А в межгорье в полостях реки –
Лишь восточный ветер и тоска.
Конь разрежет воздух пополам,
Позабыв о стойбище родном.
Ряска спит, покорная волнам,
Кулики – в камыш, лещи – на дно.
Затуманила забвения роса
Дом и мать, и ивы волоса...

Хором запели:

Вон Лоян – за дальнею горой!^[528]
Там дворец Небесно Золотой!

Певцы умолкли, пирующие осушили чарки, и снова полилась песня:

Десять лет над книгами корпел
Изучал обряды, этикет,
Хладнокровный ум напрячь хотел –
Чтоб с почетом выйти в высший свет,
Собралось пятьсот героев в срок —
Всей страны блистательная гроздь,
Чтоб пером оспаривать порог
Богоизбранности, высший пост.
Пращуров напутствия прошу
В ревностных мечтах – столицы шум!
Хором подхватили припев.
Вон Лоян – за дальнею горой!
Там дворец Небесно Золотой!

– А из «Записок о нефритовом браслете» помнишь? – спросил Гоу Цзысяо академик Ань. – Вот это: «Милостей щедрых сполна я вкусил...».

– Помню. Это на мотив вступления к «Подведенным бровям», – ответил Гоу Цзысяо и запел:

Милостей щедрых сполна я вкусил,
Милых родителей вновь навестил.
Рады они, и для жизни спокойной
Я награжден был невестой достойной.
Вот предвкушаю я сладостный миг,
Страсти живительной чистый родник.
Фениксов пара, – порхаем беспечно –
Светлое чудо любви бесконечно.

Хором подхватили:

Рок наградил за былые труды,
Праведной жизни поспели плоды.

Шутун наполнил чарки, хлопнул в ладоши и запел:

Девушкой нежной ждала я свой час,
Девичьей воли невольно стыдясь,
Мать и отец меня холили нежно,
Я от души им служила прилежно.
Их не забудут заботы детей
До истечения отмеренных дней.
Вышла я замуж, и нрав мой послушный
Мужу во славу, надеюсь, послужит.

Пение Шутуна привело академика Аня в полный восторг. Будучи жителем Ханчжоу, он, следует сказать, питал к мальчикам особое расположение, а потому привлек Шутуна за руку поближе к себе и выпил вино прямо из его уст.

Вскоре гости и хозяин были навеселе, и Симэнь, сопроводив ученых в прогулке по саду, завернул на крытую галерею, где их ждали пашки. Хозяин распорядился накрыть два стола. Появились самые разнообразные яства, изысканные фрукты и плоды.

– Мы у вас в гостях впервые, – говорил Цай Юнь, – и неудобно было бы вам надоедать сверх меры в столь поздний час. Так что разрешите откланяться.

– Но как же можно! – запротестовал Симэнь. – Вы собираетесь на

корабль, господа?

– Думаем остановиться за городом в буддийском монастыре Вечного блаженства, – ответил Цай.

– Так поздно за город? – удивился Симэнь. – Нет, к взаимному удовольствию, оставьте лучше при себе двоих слуг, а остальные пусть зайдут за вами завтра.

– Глубоко тронуты вашим гостеприимством, сударь, – отвечал лауреат Цай, – но мы опасаемся, как бы не причинить вам излишние хлопоты.

Гости велели слугам пойти на ночлег в монастырь, а на другой день с утра привести коней. Слуги ушли, но не о том пойдет речь.

Пока на крытой галерее играли в шашки, актеры исполнили два действия. Было поздно, и Симэнь, наградив актеров, отпустил их домой. Теперь с гостями остался один Шутун.

Настало время зажигать фонари, и гости вышли переодеться. Лауреат Цай отозвал Симэня в сторону и сказал:

– Ваш ученик порядком поиздержался в этой поездке к родителям...

– Какой может быть разговор, мой учитель! – перебил его Симэнь. – Прошу вас не волноваться на этот счет. Слово Юньфэна для меня закон.

Хозяин повел гостей полюбоваться еще одним уголком сада. Они обогнули стену и очутились в уединенном гроте Весны, откуда проследовали в Снежную пещеру. Там ярко горели светильники. На маленьком столике их ожидали сладости, закуски и вино. Стояли кушетки и кресла, рядом с которыми лежали книги и музыкальные инструменты. Они снова выпили по чарке, а Шутун услаждал их пением.

– «Заалели персики Пэнлая» знаешь? – спросил, обращаясь к Шутуну, лауреат Цай.

– На мотив «Луна над узорным павильоном»? – спросил слуга. – Да, помню.

– Тогда спой, пожалуйста, – попросил Цай.

Шутун наполнил чарки, настроился на южный напев и, хлопнув в ладоши, начал:

Персики бессмертия
на острове-горе
Солнцами, поверьте мне,
алеют на заре.
Царственными ивами

тенисты небеса,
Посвистами иволги
любимых голоса.
Блеском неожиданным
гора Пэнлай горит,
Пищей небожителей
мифический нефрит.
Девуца бессмертная
на лотосах ступней,
Подарить ей зеркало
и отразиться с ней.

Хором:

Кабы жизнь не ведала предела,
На Пэнлай душа бы улетела –
Средь восьми балагуров беспечных
Стать девятым – весёлым и вечным.

Почтенный Ань был в неописуемом восторге от Шутуна.

– Прелестный юноша! – воскликнул он, обернувшись к Симэню, и залпом осушил свой кубок.

Шутун, одетый в голубую кофту и красную юбку, подпоясанный позолоченным поясом, высоко поднял яшмовую чарку, поднес ее гостю и снова запел:

Матери заботами
судьба моя росла,
Стали благородными
и мысли, дела.
Пору твоей осени
почтительно люблю
Долголетьем сосен я
тебя благословлю.
Просыпайся с веснами,
как стройный кипарис,
С зимними морозами
не оброня лист.
И рассвету радуясь,
пусть светятся глаза,
Сумерками, крадучись,
влечёт твоя звезда.

Хором:

Кабы жизнь не ведала предела,
На Пэнлай душа бы улетела –
Чтобы девице юной, беспечной
Стать сестрицей веселой и вечной.

К самой ночи кончился пир, и все разошлись на ночлег. Симэнь велел приготовить гостям постели с пологам и парчовыми одеялами в гроте Весны и в Зимородковом павильоне. С ними он оставил слуг Шутуна и Дайяня, а сам удалился в задние покои.

На другой день утром к воротам прибыли слуги почтенных лауреата и академика с лошадьми. Симэнь ждал гостей в зале, где был накрыт стол.

После того как покормили слуг, хозяин распорядился принести коробки.

Лауреату Цаю он преподнес кусок золотой парчи, два куска тафты, пять сотен благовонных палочек и сто лянов серебром. Академику Аню вручили кусок цветного атласа, кусок тафты, три сотни благовонных палочек и тридцать лянов серебром. Лауреат долго отказывался от таких щедрых подношений.

– Было бы вполне достаточно и десятка лянов, – говорил он. – Почему так много? Сердечно благодарен вам, сударь, за вашу щедрость!

– Брат Цай – другое дело, но я не посмею принять, – заявил Ань Чэнь.

– Что вы, – говорил, улыбаясь, Симэнь. – Это же всего-навсего скромные знаки моего уважения, не больше. Желаю вам, учитель, благополучно прибыть в родные края и жениться. А то, что я вам поднес, быть может, сгодится на чаевые.

Оба гостя вышли из-за стола.

– Подобную щедрость и такое гостеприимство мы не забудем никогда, – повторяли они, благодаря Симэня, и велели слугам убрать подношения.

На прощанье лауреат Цай сказал Симэню:

– Мы покидаем вас. Судьба нас разлучает, но мы будем помнить ваши наставленья, а настанет день вашего возвращения в столицу, мы вас отблагодарим, если только нам будет сопутствовать сколь-нибудь заметное преуспеяние.

– Я буду счастлив вас снова посетить, – сказал господин Ань.

– Не обессудьте, если в моей убогой хижине вам не оказали

достойного приема, – говорил Симэнь. – Покорнейше прошу простить великодушно мои оплошности... Еще раз прошу меня простить.

Он проводил гостей до ворот и дождался, пока те не исчезли из виду.

Да,

Они домой держали путь, в парчу облачены,

Зовут мужчинами лишь тех, кто славою сильны.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

СТАРАЯ ФЭН СВАТАЕТ ДОЧЬ ХАНЬ ДАОГО

СИМЭНЬ ЦИН СТАНОВИТСЯ ПОСТОЯННЫМ ГОСТЕМ ВАН ШЕСТОЙ

*Медлительны лодки... Когда ж они
тронутся в путь!*

*Хмельной возвращаюсь – вино отуманило
взоры.*

*На море глядел я – тоска разрывала мне
грудь,*

Теперь утомляют меня бесконечные горы.

*А лодочный путник гребца погоняет,
спешит:*

*«Взволнован, растроган, смотрю на закат
одиоко.*

*Как долго средь волн бесконечных мне
плыть предстоит?*

*Печальюсь... Куда мне деваться от грусти
глубокой?»*

Так вот, проводил Симэнь лауреата Цая и академика Аня, а сам, надев на глаза пылезащитную маску, выехал верхом в сопровождении слуг, которые криками разгоняли с дороги зевак. Заметив старую Фэн, Симэнь велел слуге подозвать ее.

– Батюшка спрашивает, как насчет девицы, – обратился к старухе слуга. – Почему до сих пор не показываешься?

Фэн поспешила к Симэню.

– Переглядела я, сударь, несколько девиц, – начала старуха, – да только все они либо дочери мясников, либо уличных торговцев-разносчиков. С чем же я к вам пойду-то, сударь? Но тут Небо ниспослало и мне удачу: вспомнила одну девицу. Всем хороша, родилась в год лошади, к новому году ей исполнилось всего пятнадцать лет. Не очутись я у нее перед домом, не позови меня ее матушка чайку отпить, мне б она и в голову не пришла. Ей вот только что сделали прическу. Стройная, как кисточка, а какие ножки! А попудрится да нарумянится! А ротик! Словом, чаровница – глаз не оторвешь. Матушка говорит, она родилась в пятый день пятой луны, зовут ее Айцзе – Любимица.^[529] Она не одной мне приглянулась, и вам, сударь, как увидите, по душе придется. Не знаю, что вы скажете?

– Вот сумасшедшая старуха! – заругался Симэнь. – Что я – себе ее беру, что ли? Зачем она мне?! У меня и без нее вон их сколько! Пойми, меня господин Чжай из столицы просил, а он – дворецкий самого императорского наставника его превосходительства Цая. Ему вторая жена нужна, для продолжения рода. Найдешь подходящую – и тебя не обидит. А ты о ком говоришь-то? Принеси о ней сведения, посмотрим.

– Да вот о ком, сударь, – начала Фэн. – Не за тысячу верст живет, а рядышком – за каменной стенкой от вас. О дочери вашего приказчика Ханя речь веду. Если пожелаете, сударь, я с ее родителями поговорю, а там и о смотринах условимся. Так что не волнуйтесь, сударь.

– Ладно, ступай, – наказал ей Симэнь. – Если отец даст согласие, принеси о ней сведения.^[530] Дома поговорим.

Фэн пообещала, на том они и расстались.

Дня через два Симэнь сидел в зале, когда появилась старая Фэн и протянула хозяину бумагу. «Девушка из рода Хань, на пятнадцатом году жизни, рождения пятого дня в пятой луне», – прочитал Симэнь.

– Ваше мнение, сударь, я передала родителю, – заговорила старуха. – Если, говорит, батюшка окажет нам такую честь, то большего счастья дочке и желать не придется. Только, говорит, мы бедны, нет у нас приданого...

– Скажи ему, – прервал ее Симэнь, – нитки с него не потребуется. Наряды, украшения, коробки и сундуки с приданым, – сам всем обеспечу и сверх того двадцать лянов дам. Пусть только сошьют туфельки,^[531] да отцу к назначенному сроку придется самому дочку в столицу проводить. Ее ведь не в простые наложницы берут. Дворецкий Чжай сына от нее ожидает. Подарит сына или, на худой конец, дочь – богатыми да знатными сделает, живи не тужи.

– Они просили узнать, когда вы соизволите поглядеть барышню, –

спросила Фэн, – чтобы накрыть стол...

– Раз согласны, завтра же загляну, – сказал Симэнь. – Тянуть больше нельзя. Мне и так не раз напоминали. А им скажи, чтобы не тратились. Чашку чаю выпью и уйду.

– Вы уж их не обижайте, сударь, – заметила старая Фэн. – Вам угощение, конечно, не в диовинку, а все ж посидите у них хоть немножко. Неловко как-то, если хозяин от приказчика выйдет раньше, чем порог переступит.

– Не дело ты говоришь! – возразил Симэнь. – Некогда мне, я человек занятой.

– Тогда я предупрежу их.

Старая Фэн пошла прямо к Хань Даого и подробнейшим образом передала весь разговор его жене – Ван Шестой.

– Прочитал хозяин про твою дочку, – говорила она, – так и просиял. Скажи, говорит, с них нитки не потребуются. Нарядами да приданым сам обещал заняться и вам двадцать лянов посулил поднести в подарок. Пусть, говорит, заготовят барышне туфельки, а больше ничего не нужно. Да! Родителю, говорит, придется проводить дочку, а через годик-полтора родит она сына, подвалит тогда и вам счастье. Богатыми да знатными станете – живите не тужите. Он завтра после службы к вам пожалует. Просил ничего не готовить. Чашку чаю выпьет и уйдет.

– Будет уж болтать-то! – удивилась Ван Шестая. – Правда, что ли?

– Мне ж сам ваш хозяин так сказал! – уверяла ее Фэн. – Неужто буду обманывать?! Некогда ему расслаживаться. Он деловой человек, посетители к нему так чередой и идут.

Слушала ее Ван Шестая, а сама ставила на стол вино и закуски. После угощения Фэн откланялась. К вечеру воротился домой Хань Даого, и они с женой держали совет. Рано утром он отправился к Высокому колодцу за свежей вкусной водой, купил лучших фруктов и орехов и только потом пошел в лавку торговать. Ван Шестая осталась дома. Ярко окрашенная и напудренная, она начисто вымыла руки, подстригла ногти и оделась в пестрые праздничные наряды. Вычистив чарки и чашки, приготовив орехи, она заварила густой чай и стала поджидать Симэнь Цина. Прибраться ей помогла старая Фэн.

Симэнь из управы заехал домой переодеться. Прикрыв глаза маской от пыли, он верхом направился к Хань Даого. Его сопровождали Дайань и Циньтун.

Когда Симэнь спешил, старая Фэн пригласила его в дом и предложила присаживаться. Через некоторое время Ван Шестая

вывела дочь Айцзе. Симэнь не обратил особого внимания на барышню, зато не спускал глаз с хозяйки. Высокая и стройная, со смуглым, овальным, как тыквенное семечко, лицом, обрамленным локонами, она была в лиловой тафтяной кофте, темной с красной вышивкой атласной безрукавке и бледно-зеленой юбке, из-под которой выглядывали изящные ножки, обутые в остроносые, отделанные золотой бахромой туфельки. На их черном, как вороново крыло, поле тем отчетливее выступали узорные облака.

Да,

Пока ее характер неизвестен мне,
Но красотой и вкусом восхищен вполне.

Только поглядите:

Она медлительна, томна. Излишни ей и пудра, и помада. Чары подарены природою самой. Нежна и грациозна. Белил коснуться лень. Ее удел —изяществом и красотой блистать. Изогнутые брови – как далеких гор отроги, глаза – чисты, как осенняя вода. Алые уста, приоткрытые едва, манят неистовых шмелей и мотыльков. Тонкий стан, перевязанный искусно, влечет, рождая сладостные чувства. Она – либо на тайное свидание спешащая Инъин, либо игрой на арфе увлеченная Чжо Вэньцзюнь. ^[532]

Чем пристальнее всматривался в нее Симэнь, тем учащенней билось у него сердце, тем больше мутилось в глазах. Он едва сдерживал себя. «Вот, оказывается, какая у Хань Даого жена-красавица, – думал он. – Не удивительно, что к ней приставали молодцы». Он перевел взгляд на ее дочь. Она была тоже хороша собой. «А чем плоха барышня? – мелькнуло у Симэня. – Да и с чего б у матери-красавицы быть дурной дочери?»

Ван Шестая поклонилась Симэню и велела Айцзе представиться гостю. Та порхнула в сторону Симэня. Концы ее расшитого пояса развевались, словно цветущая ветка, колеблемая легким ветерком, склонилась она в земном поклоне и отошла в сторону. Старая Фэн поспешно подала чай. Ван Шестая взяла у нее чашку, тщательно обтерла ее и велела поднести Симэню, который тем временем оглядывал барышню с головы до ног.

Черные, как тучи, локоны красовались у нее на висках. Нельзя было без волнения смотреть на ее напудренное личико и подведенные брови. Она походила на одинокий цветок, нежный и прекрасный. Прелестное создание, она вся благоухала ароматом.

Симэнь велел Дайаню достать два парчовых платка, четыре

золотых кольца и двадцать лянов серебром, а старой Фэн положить их на чайный поднос. Ван поспешно надела дочке золотое кольцо. Та, обернувшись к Симэню, поклонилась в знак благодарности и удалилась.

– На этих днях придется взять барышню ко мне в дом, – начал Симэнь, обращаясь к Ван. – Надо будет наряды пошить. А это серебро пусть пойдет на туфли и бинты.

Ван земным поклоном поблагодарила Симэня.

– Вы нас и так одели с головы до ног, батюшка, – говорила она. – А теперь вам из-за дочки столько хлопот. Вы нас с мужем так облагодетельствовали, что нам по гроб не расплатиться. Не знаю, как и благодарить вас за такие щедрые дары.

– А хозяина нет? – спросил Симэнь.

– Мы с ним утром совет держали, – отвечала Ван. – Он сейчас в лавке. Я его завтра же утром к вам отправлю. Пусть поблагодарит как полагается.

Ван Шестая оказалась на язык бойкой. Она то и дело называла Симэня батюшкой, чем он был весьма тронут.

– Передай мужу, что я сказал, – проговорил он перед уходом. – Я пойду.

– Посидели бы еще немножко, батюшка.

– Нет, не могу. Симэнь направился прямо домой и рассказал обо всем Юэнян.

– Вот видишь, нити брачных уз, оказывается, связывают нареченных судьбою и за тысячи ли, – заметила Юэнян. – Если дочь Ханя так хороша, стало быть, не напрасно хлопотали.

– Завтра же надо будет взять барышню в дом, – заявил Симэнь. – Пусть у нас поживет, пока не сошьют наряды. А на головные украшения надо сейчас же лянов десять мастерам отнести.

– Разумеется, и чем скорее – тем лучше, – поддержала хозяйка. – Хорошо бы, отец сам направил ее в столицу. Надеюсь, своих людей посылать не придется?

– А поедет Хань, значит, лавку закрыть придется? – вслух размышлял Симэнь. – Ну да ладно. А все-таки Лайбао пусть тоже поедет. Он, кстати, узнает, в целости ли доставил гонец мои подарки высокому зятю Чжаю.

Однако хватит болтать.

Дня через два Симэнь послал за барышней слугу. Ван купила подарки и сама проводила дочь.

– Примите, сударыня, эти скромные знаки внимания, – обратилась

она с поклоном к Юэнян и остальным женам хозяина. – Мы с мужем не в силах выразить благодарность батюшке с матушкой и всем вам, сударыни, за честь, какую вы оказали моей дочери, и прошу простить за причиненное беспокойство.

Ее сначала угостили чаем в покоях Юэнян, а потом приняли в большой гостиной. Вместе с Юэнян были Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньянь и Пиньэр.

Симэнь приобрел для барышни кусок красного и кусок зеленого шаньсийского шелка, а также тафты и тонкого шелка на нижнее белье и позвал портного Чжао сшить ей тканые золотом парчовые одежды, в первую очередь красное с цветными узорами атласное платье. Ван Шестая успокоила дочь и к вечеру ушла домой. Симэнь потом закупил для невесты крапленые золотом сундуки и корзины, туалетные коробочки и зеркало, шкатулки, медные тазы, цинковые ведра и другие необходимые вещи, на что ушел не один день.

Когда все приготовления закончились, в столицу было отправлено письмо с уведомлением, что невеста выезжает в девятой луне десятого дня.

Симэнь взял из управы четверых гонцов и двоих вооруженных луками и стрелами солдат, а Лайбао и Хань Даого наняли четверку лошадей. Сопровождаемые охраной экипажи и теплый паланкин двинулись в Восточную столицу, но не о том пойдет речь.

Оставшись одна в осиротевшем доме, Ван Шестая проплакала дня три. Как-то у Симэня выпало свободное время, и он решил заглянуть на Львиную. Старая Фэн угостила его чаем, а он поднес ей лян серебром.

– Это тебе на обновку за хлопоты с дочерью Ханя.

Благодарная старуха отвесила земной поклон.

– А к ней не заходила? – поинтересовался Симэнь.

– Как не заходить! – воскликнула старуха. – Дня не пропускала.

С ней время коротаем, как с дочкой рассталась, и дом-то опустел. Дочь ведь ей опорой и поддержкой была, друг от дружки ни на шаг. Сколько дней она плакала, только вот немножко в себя приходиться начала. Досталось, говорит, батюшке с дочкой моей забот. Обо мне все беспокоится. Отблагодарил ли тебя, спрашивает, батюшка. Занят, отвечаю, батюшка, не смею беспокоить. Сколько, говорю, даст, на том и спасибо. Она мне тоже посулила. Вот приедет, говорит, сам, щедро наградит.

– Да, он не с пустыми руками воротится, – подтвердил Симэнь и, убедившись, что никого нет, зашептал старухе на ухо: – Когда к ней

пойдешь, намекни при случае: я, мол, не прочь бы ее навестить. Интересно, что она скажет. Может, согласится. А я зайду, узнаю, ладно?

Старуха лукаво усмехнулась и, прикрыв рот рукой, заговорила:

– Вам бы, сударь, дома посиживать да пеночки слизывать, удочку закинуть да сразу и рыбку поймать. Только что дочку поймали, теперь и мамашу подавай? Ну, погодите, вечером стыд поборю и поведаю ей ваше желание. А вы ее плохо знаете. Она ведь сестра мясника Вана, вон с той улицы, шестая в семье, в год змеи родилась, ей около двадцати девяти.^[533] Собой, верно, хороша, но никому еще не удавалось ее покорить. Я ей скажу, а вы завтра приходите.

– Да, да, скажи, – попросил Симэнь и поскакал верхом домой.

Проводив его за ворота, Фэн пообедала, заперла ворота и не спеша двинулась в Кожевенный переулок к Ван Шестой.

Хозяйка открыла ворота и пригласила ее в дом.

– А я вчера лапши наварила, все тебя ждала, – проговорила она. – Куда ж ты пропала?

– Собиралась к тебе заглянуть, – отвечала старуха, – да с делами замешкалась. Так и не выбралась.

– А у меня и рис как раз сварился, – опять стала потчевать ее хозяйка. – Или лапши с мясом поешь?

– Только из-за стола, – отказывалась Фэн. – А чайку выпью.

Ван заварила ей густого чаю, а сама принялась за лапшу. Старуха глаз с нее не сводила.

– Видишь, как мне тяжело, – говорила хозяйка. – Бывало, с дочкой-то и тоски не знала, а теперь дом совсем опустел. Какая скука! И за что ни возмись, все самой делать приходится. Смотри, на кого стала похожа! Кухарка – да и только! Чем так жить, лучше умереть. Разве у меня на душе будет когда покойно?! Дочку вон в какую даль занесло. И захочешь повидаться, да не тут-то было.

Она громко зарыдала.

– Так уж отродясь повелось, – успокаивала ее старуха Фэн. – Где сын, так жизнь кипит, где дочь, там тоска царит. Хоть век держи при себе дочь, все равно придется расстаться. Сейчас ты убиваешься, а добьется дочка расположения, родит сына или хотя бы дочь, и вам улыбнется счастье. Старуху тогда и не вспомнишь.

– В знатном доме либо вознесут до небес, либо свалят в яму, – отвечала Ван. – Кто знает, что будет... Пока она возвысится, наши с отцом и кости-то истлеют.

– Зачем же так говорить? – прервала ее Фэн. – Ваша барышня не

глупышка какая-нибудь. Иль не рукодельница-мастерица! Богатство, говорят, за подолом тянется. Нечего за нее горевать!

Так говорили они довольно долго. Дальше – больше, речь зашла совсем о другом.

– Не осуди меня, глупую, – начала Фэн. – Хочу тебя спросить, неужто тебе не страшно вечерами одной, без мужа в пустом доме сидеть?

– И ты еще спрашиваешь! – воскликнула Ван. – Сама ж обрекла меня на такую жизнь. Вот и приходи по вечерам, вместе время коротать будем.

– Вряд ли я смогу, – возразила старуха и продолжала: – Но тебя одну я не оставляю. Хочешь найду человека?

– Кого?

– Говорят, враз у двоих в гостях не бывают, – прикрывая рот, засмеялась Фэн. – Вчера заходил ко мне наш господин. Она, говорит, без дочери-то, наверно, скучает. Тебя навестить собирается. Что ты на это скажешь? Никто не узнает, а будешь благосклонна, не придется тужить ни о питье, ни о бытье. Сойдетесь, он тебе и дом подходящий присмотрит. Зачем тебе в таком вот захолустье жить?

– Нужна ли ему такая уродина, как я? – Ван улыбнулась. – Вон у него жен сколько! И все как богини.

– Не скажи! – убеждала ее старуха. – Не зря говорят: любовнику везде мерещутся красавицы Си Ши.^[534] Вот увидишь: раз придет и повадится, не отстанет. Батюшка – человек праздный. Если б он был к тебе равнодушен, наверно, не стал бы меня просить и ляном серебра одаривать. Это он мне за хлопоты с барышней. Потом видит – никого нет, стал просить, чтоб я с тобой поговорила. Он ответа ждет. А мне какой прок зря болтать! В любой сделке главное – обоюдное согласие.

– Ну, хорошо, – согласилась Ван. – Если желает зайти, буду ждать завтра.

Заручившись согласием, Фэн посидела еще немного и, рассыпаясь в благодарностях, откланялась. На другой день к ней зашел Симэнь, и она рассказала ему со всеми подробностями о своей беседе с Ван Шестой. Симэнь не мог сдержать радости и тотчас же отвесил старухе лянь серебром, попросив ее накрыть стол.

Между тем Ван Шестая убралась в доме, зажгла благовония, повесила над кроватью полог и заварила лучшего чаю. Тут подоспела старая Фэн. В корзине у нее лежали куры, рыба, яства, овощи и фрукты. Она прошла на кухню и занялась приготовлением блюд, а хозяйка, тщательно вымыв руки, принялась за лапшу и лепешки. В

приемной стояли до блеска протертые столы и стулья.

Вскоре после полудня прибыл Симэнь. В штатском платье, с пылезащитной маской на глазах, он подъехал верхом, сопровождаемый Дайанем и Цитуном. У ворот Симэнь спешился, велел привести коня вечером, а пока поставить на Львиной, сам же проследовал с Дайанем в дом и уселся в приемной.

Появилась со вкусом одетая и причесанная Ван Шестая и, поклонившись гостю, сказала:

– Сколько мы вам причинили беспокойства, батюшка, и не перечесать. А тут еще с дочерью хлопоты...

– Вы уж с мужем не взыщите, если что не так сделал, – проговорил Симэнь.

– Ну что вы, батюшка! – воскликнула Ван. – Как можно! Вы нам оказали такую честь.

Она отвесила ему четыре земных поклона. Старуха подала чай, и Ван поднесла чашку Симэню. Убедившись, что коня отвели, а Дайань запер ворота, Ван присела ненадолго за стол, а потом пригласила гостя в спальню.

Окна и дверь закрывали бумажные шторы. Перед кроватью в нише стояла четырехстворчатая ширма из пестрого шелка и парчи, на которой красовались вырезанные из бумаги сценки встречи студента Чжана с Инъин и шмели, упоенные нектаром цветов. На столе рядом с зеркалом теснились шкатулки, туалетные принадлежности, пудреницы, баночки, коробочки и всякие безделушки, с пола поднимался аромат благовонных палочек. На возвышении стояло глубокое кресло, в котором и расположился Симэнь.

Ван заварила чашку густого чаю с орехами и подсолненными ростками бамбука и подала ее Симэню, потом отставила пустую чашку, под села к нему сбоку на кровати и начала болтать о пустяках. Он подметил, что она одна управляет за столом.

– Хорошо бы тебе завести помощницу, – сказал Симэнь.

– Откровенно говоря, плохо мне стало без дочки, – отвечала Ван. – Все самой приходится делать.

– Не тужи! – успокоил ее Симэнь. – Велю вон мамаше Фэн приглядеть девчонку лет четырнадцати, тебе сразу легче станет.

– Уж мужа дождусь, пусть он и серебра выкраивает, и тетушку Фэн просит.

– Зачем же ждать? – не унимался Симэнь. – Сколько понадобится, я заплачу.

– Опять вас беспокоить? – воскликнула Ван. – Мы вам и без того,

надо полагать, надоели.

По душе пришлись Симэню ее речи и, когда вошла Фэн и стала накрывать на стол, он сказал ей о служанке.

– Поклонись да поблагодари батюшку, – обратилась к Ван Шестой старуха. – Есть у меня на примете девочка лет тринадцати. У тетушки Чжао на южной окраине живет. Могу завтра же привести. В бедной семье росла. Отец служит в дозоре, да пала у него лошадь. Боится, как бы начальник не выпорол, а денег нет. Вот и решил дочь продать. Всего четыре ляна просит. Как раз тебе бы подошла.

Ван Шестая поспешно сложила руки и поклонилась Симэню. Подали закуски и подогретое вино. Ван наполнила чарку, взяла обеими руками и протянула Симэню, отвечивая низкий поклон.

– Достаточно и обычного поклона, – проговорил он, сделав знак рукой.

Ван покорно улыбнулась и села сбоку на скамеечку. Старая Фэн подносила одно яство за другим, подала она и искусно выпеченные пирожки. Ван положила в тарелку мяса с овощами и протянула Симэню.

Они пировали вдвоем. То и дело вздымались чарки. А Дайань и старуха Фэн пристроились на кухне, но не о том пойдет речь.

Когда они осушили не одну чарку, Ван под села поближе к Симэню и принялась потчевать его яствами. Сначала они были заняты интимной беседой, потом стали пить вино из уст в уста. Они были одни. Симэнь обнял ее, и они слились в страстном поцелуе. Ван играла яшмовым стеблем. Обуреваемые желанием, они оставили вино, заперли дверь и сняли одежды. Ван легла на кровать и откинула одеяло.

Солнце клонилось к западу. Возбужденный винными парами Симэнь вынул из мешочка серебряную подпругу, чтобы подготовить тот самый предмет к делу. Ван стала играть с ним руками, отчего он вздулся и покраснел, стал грубым и большим. Потом села Симэню на колени. Они опять заключили друг друга в объятия, стали целоваться. Затем женщина подняла одну ногу и рукой направила сокровище Симэнь Цина в свое лоно. После того, как они потолкались какое-то время, Симэнь Цин на ощупь обнаружил, что в нежном и влажном лоне волосы поднялись, как колосья, и женщина хочет вступить с ним в битву. Тогда он велел ей лечь на спину, взял ее ноги, положил их себе на пояс и стал то вставлять, то вынимать тот самый предмет.

Только поглядите, что это было за сражение тучки и дождя:

Воинственность витала над бирюзовой тахтой, царило буйство

на парчовом ложе. На кораллах изголовья сражался храбро удалец, под балдахинем нежно-голубым вел бой храбрец неустрашимый. Богатырь в ярости метал копьё с черной бахромой, воительница пылкая, станом ловко играя, натиск его отражала. Бросок вперед, отход назад. То поединок Лушаня.^[535] с фавориткой Великосущной^[536] Вот схватились, оружия скрестя. То неотступный Цзюньжуй преследует Инъин.^[537] Сошлись единоборцы, как средь Небесной Реки Ткачиха с Волопасом.^[538] В вихре закружились, будто чаровницы, манящие в пещеры бессмертных, и Жуань Чжао.^[539] Вот и копьё пронзило щит. Соединился молодец Цуй со своей Сюэ Красоткой.^[540] Грянул удар, занесен меч. Су Крошку встретил Шуан Цзянь.^[541] То нежно иволга щебетала – У Цзэтянь на свиданье с Аоцао.^[542] То у ласточки перехватило дух – с Люй Чжи увиделся Шэнь Жэнь.^[543] Сперва сноровки недоставало в метании копьё, и щит едва-едва удары отражал. После разминки повели взаимную атаку, сомкнулись плечом в плечо. Нетерпеливый богатырь копьём нацеливался прямо в сердце. Стремглав воительница храбрая копьё устами перехватить спешила. Вот пушка с ядрами уже штурмует подступы к развилке. Удары ловко отражает бесстрашная хозяйка чресел. Вот духу набирается золотой петух, шею задрал горделиво. Вот сук засохший тянется к цветку, его царапает и колет. После долгой схватки глаза застил туман. Одно движение – и судорогой сводит. Поединок их так расшевелил, никто б разнять не в силах. Уж дышит тяжело хозяйка заросшей власами пещеры. Уж войско грозное томимо жаждою, с ног валится. Копьё у латника дало осечку. Он сник, готовый бросить поле битвы, коня утратил и едва-едва влачится по трясине. А та, что тонкой лестью верх взяла, теперь глупышкой притворилась, глядит на отступившего противника, который все ниже погружается в пучину. Кольчуга порвана и смята, как бурей цветы. Слетела парчовая шляпка, словно ураганом сбитый лист. У полководца Серного кольца поломаны доспехи, сбит шишак. но генерал Серебряной подпруги еще упорно держит свой рубеж.

Да,

Густые облака

у девяти небес^[544] нашли покой.

Разбитые войска,

слепившись в ком, смешались с землей.

Надобно сказать, что Ван Шестая была женщиной с причудами. Ей,

например, доставляло удовольствие принимать гостей только с заднего двора. И сколько ее ни упрашивали, она от этой своей затеи никак не отступала. Даже ее мужу, Хань Даого, приходилось срывать цветы на заднем двореке.^[545] Лишь разок-другой в месяц она позволяла ему войти к ней прямо с улицы. Другая ее причуда – игра на свирели,^[546] которой она отдавалась самозабвено. Без игры на свирели никакие улады не приносили ей удовлетворения. Эти-то причуды и пришлось особенно по душе Симэню.

В тот день они забавлялись до первой ночной стражи.

– Завтра приходите пораньше, батюшка, – говорила Ван, когда Симэнь стал собираться домой. – А я уж постараюсь, ублажу вас на славу.

Симэнь был очень доволен. На другой же день он заглянул в лавку на Львиной и передал старухе Фэн четыре лян на покупку служанки, которую называли Цзиньэр. Постоянно думая о своей новой зазнобе, Симэнь через два дня отбыл к ней верхом на коне, сопровождаемый Цитуном и Дайанем. У ворот он велел Цитуну отвести коня на Львиную.

Узнав о визите Симэня, старуха Фэн тотчас же купила жбан вина и бросилась к Ван накрывать стол. Она из кожи вон лезла, чтобы угодить Симэню.

В каждый свой приход Симэнь давал Ван Шестой по лян-другому на расходы. Он появлялся у нее утром и прощался, когда отбивали первую ночную стражу. И никто в его доме понятия не имел об этой связи. Старая Фэн целыми днями хлопотала у Ван Шестой. Некогда ей было заглянуть в господский дом. Ли Пиньэр раза три посылал за ней слугу, да все напрасно – либо ссылалась на дела, либо оставляла дом на замке. И вот однажды Хуатун повстречал старуху и привел ее к Пиньэр.

– Что это значит, мамаша? – допрашивала ее Пиньэр. – Исчезла, и ни слуху ни духу. Слуг посылала – тебя нет. Почему не приходишь? Смотрите, какая занятая особа! Белье бросила, пеленки. Много ли служанки настирают? Все тебя ждем.

– Легко вам говорить, сударыня, – отвечала Фэн, – а я как писарь за дезертиром гонялась. Забот вот сколько – по самое горло. То ты соляной купец, то в дуду игрец. Снуешь, как белка в колесе.

– Да у тебя, видно, забот больше, чем у самого отца настоятеля. Когда ни позови, тебе некогда. Все деньги зарабатываешь? Где ж ты, интересно, пропадаешь?

– У кувшина и ушки отвалились, и горлышко отбилось. Какие там

деньги?! Знаю, сердишься. Я и так уж думала: вот вырвусь, да никак... И сама, право, в толк не возьму, что день-деньской и делала. В прошлый раз матушка хозяйка серебро дала, просила найти за городом подушку для молитвенных бдений, а у меня из головы вон. Когда вспомнила, торговца уж и след простыл. Ну как же я к ней покажусь, а?

– Что ж, так и скажешь: нет, мол, тебе коврика? Как же ты ей в глаза-то посмотришь? Ведь она тебе деньги дала. Вместо того чтоб купить, будешь прикидываться да ловчить, да?

– На нет и суда нет, – отвечала старуха. – Верну деньги, и дело с концом. Я вон вчера чуть с осла не упала.

– Смотри, в другой раз упадешь, не встанешь, – заметила Пиньэр.

Фэн направилась в дальние покои, но по дороге зашла на кухню узнать новости.

– А, матушка Фэн! – встретили ее сидевшие рядом Юйсяо и жена Лайсина. – Где ж это ты, драгоценная, пропадаешь? Матушка Шестая тебя съест готова. Исчезла, говорит, ни слуху ни духу.

Старуха подошла к ним поближе, отвесила два поклона и сказала:

– Только что от матушки. Досталось порядком.

– Матушка о коврике спрашивала, – сказала Юйсяо.

– Была за городом. Торговец распродал и домой отчалил, а воротится в третьей луне будущего года. Вот серебро принесла. Возьми, барышня, верни хозяйке.

– Вот странная бабка! – засмеялась Юйсяо. – Там батюшка серебро отвешивает, вот он уйдет, сама зайдешь к матушке и отдашь, а пока присаживайся. Вот что хочу спросить: давно дочь Ханя отбыла, а? Как приказчик Хань вернется, тебе, небось, серебра подвалит. Он тебя еще не отблагодарил?

– Уж подвалит или нет – его воля, – отвечала старая Фэн. – Только восемь дней с отъезда прошло. Будет разве что к концу месяца.

Симэнь вынес серебро и вручил его Бэнь Дичуаню на покупку именья. Когда они ушли, старуха очутилась в покоях Юэнян. Однако и встретившись с хозяйкой, она не спешила возвращать серебро.

– Были, матушка, коврики, да очень уж грубые, – говорила она.

– Потом и те распродал и уехал. В следующем году обещал хорошие привезти.

– Ну ладно! – отвечала ей доверчивая Юэнян. – Серебро у себя оставь, а привезет – купишь парочку.

Она угостила старуху чаем с печеньем, и та вернулась к Пиньэр.

– Ругалась, небось, Старшая? – спросила ее Пиньэр.

– Я так ее заговорила, что она довольна осталась, чаем напоила, печенья дала.

– Это она в гостях у Цяо была, – пояснила Пинъэр. – Оттуда и печенье. От языка твоего, мамаша, и комары средь лета погибнут. Так ты постираешь белье?

– Приготовь, замочи, а завтра я пораньше приду, – отвечала старуха. – Нынче мне надо к своему давнему благодетелю поспеть.

– И всегда у тебя найдется отговорка. Попробуй, не приди завтра, я с тобой по-другому поговорю.

Старуха рассмеялась и ушла. Пинъэр хотела было ее угостить, но она отказалась.

– Сыта я, не буду, – на ходу сказала она.

Обеспокоенная тем, как бы не прозевать свидание Симэня с Ван Шестой, она ускорила шаг.

Да,

Старухи-сводни – маленькие ведьмы –

Губами сальными разносят сплетни.

С утра до ночи в хлопотах, в дороге.

И как у них не отсыхают ноги!

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ПРИКАЗЫВАЕТ ИЗБИТЬ ХАНЯ ШУЛЕРА

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ СНЕЖНОЙ НОЧЬЮ ПЕРЕБИРАЕТ СТРУНЫ ЦИТРЫ

*Сытый нежностями, лаской
чаровниц прекрасных,
Жадно к винному кувшину
лунной ночью припадаешь.
Но еще одна красotka
подарит тебя улыбкой,
Повеет густою бровью;
тучи-волосы распустит,
Гибким, словно ива, станом
поманит тебя к блаженству –
И, как шмель замороженный,
ты к цветку опять стремишься.
Нет, в любви мужчин и женщин
мы оценим постоянство.
Что до нежностей продажных –
право, ими не прельщайся.*

Так вот, подошла старая Фэн к калитке у передней залы и видит Дайяня с чайным подносом в руках. Заметил ее слуга и, дав знак, сказал:

– Туда ступай, мамаша. А мы придем, как батюшка дядю Ина проводит. Цитун уже вино понес.

Старуха прибавила шаг.

Надобно сказать, что Ин Боцзюэ вел разговор насчет подрядчиков Ли Чжи и Хуана Четвертого, которые добились подряда на годовые поставки двору тридцати тысяч цзиней благовонных палочек и воска на сумму в девять тысяч лянов серебром.

– Большие барыши возьмешь, – говорил Ин Боцзюэ. – При заключении контракта им в Дунпине платить придется. Вот я и пришел потолковать. Может, войдешь в пай?

– Да как же я могу вступать в пай с этими подрядчиками?! – воскликнул удивленный Симэнь. – Они ж мошенники и казнокрады, а я в управе на страже казны поставлен. И вдруг с ними якшаться?

– Ну, если ты, брат, отказываешься, придется кого другого в пайщики подыскать, – убеждал Ин Боцзюэ. – А то ссудил бы две тыщонки лянов. Пять процентов в месяц тоже не помеха. А они вернут. Ну как, брат, согласен? Тогда скажу, они завтра же придут.

– Ну, раз ты ручаешься, ладно уж, выкрою как-нибудь тыщонку, – согласился Симэнь. – Я ведь поместье перестраиваю. Большой суммой не располагаю.

Когда Симэнь развязал, наконец, язык, Ин Боцзюэ продолжал:

– Если совсем нет серебра, может, пятьсот лянов товарами отпустишь? Полторы и выйдет. Они медяка не возьмут, не беспокойся.

– Пусть только обманут – я на них управу найду! – пригрозил Симэнь. – И предупреждаю тебя, брат: денег дам, пусть барышничают, только чтоб моим именем не прикрывались. А дойдут до меня такие слухи, в тюрьме сгною.

– Что ты, брат! Какие могут быть разговоры! – заверил его Ин Боцзюэ. – Говорят, управляющий от своих прав не отказывается. Если твой авторитет на пользу дела пойдет, это одно, ну, а во вред – как тогда быть? Успокойся, брат! Что случится, я буду в ответе. Стало быть, договорились? Ну, завтра их пришлю.

– Нет, завтра у меня дела, – ответил Симэнь. – Пусть лучше послезавтра приходят.

Ин Боцзюэ ушел.

Симэнь велел Дайаню седлать коня, а сам закрыл глаза пылезашитной повязкой.

– Цитун ушел? – спросил он.

– Вернулся, – отвечал Дайань. – Он уж успел за хлыстом сбегать.

Симэнь сел на коня и направился в Кожевенный переулок.

Между тем брат Хань Даого, Хань Второй, по кличке Шулер, проигрался, все с себя спустил и, как на грех, отправился к Ван Шестой с намерением выпить.

– Невестушка, – обратился он к Ван, извлекая из рукава связку колбасок, – раз уж брата нет, не распить ли нам тобой кувшинчик?

Ван было не до деверя. Она ждала Симэня, и старая Фэн уж хлопотала у нее на кухне.

– Не буду я пить, – отказалась она. – Если хочешь, ступай и пей. Тебе никто не мешает. И зачем ты ходишь, когда брат в отъезде? Мало тебе той истории?

Шулер вытаращил глаза, но уходить не собирался.

– А это у тебя откуда, невестушка? – спросил он, заметив под столом кувшин с белой головкой, опоясанный красной наклейкой. – А ну-ка, подогрей. Не одной же тебе наслаждаться!

– Не трогай! – крикнула Ван. – Это от батюшки прислали. Воротится муж, тогда и разопьем.

– Чего его ждать? – не унимался деверь. – Будь оно от самого государя императора, все равно пропущу чарочку.

Он принялся было отбивать сургуч, но тут к нему подбежала Ван, выхватила кувшин и унесла в комнату. А Хань растянулся на полу и никак не мог встать на ноги.

– Потаскуха проклятая! – охваченный гневом, заругался он. – Я тебя по-хорошему навестить зашел. Закуски принес. Одна, думаю, невестка, скушает. Выпьем по чарочке. А ты вон как встречаешь? Повалила и хоть бы хны. Богатого хахала завела, я не нужен стал, от меня отделаться хочешь? На, ругай, поноси, бей, потаскуха, стертый медяк! Но смотри, лучше мне на глаза не попадайся: занесу кинжал белый, а выдерну – красный станет.

От угрозы Ван Шестая так и вспыхнула. Багровый румянец разлился по всему ее лицу. Она схватила валеk и давай им бить деверя, приговаривая:

– Ах ты, негодяй! Чтоб тебе с голоду подохнуть! Нализался и к невестке бушевать? Пощады не жди!

– Потаскуха! – бормотал обозленный Хань, унося ноги от невестки.

Тут-то, у ворот, его и заметил подъехавший верхом Симэнь.

– Кто это? – спросил он.

– Известно кто! – отвечала Ван. – Деверек мой. Знает, что мужа нет, проигрался и пьяный меня позорить приходил. Бывало, ему от мужа доставалось.

Хань Шулер улетучился, как дым.

– Ах, попрошайка! Чтоб ему ни дна ни крыши! – бранился Симэнь. – Погоди, его у меня в управе научат почтительному обращению.

– Он вам, батюшка, только настроение испортил, – сокрушалась Ван.

– Ты ничего не понимаешь, таким поблажек давать нельзя.

– Вы правы, батюшка. Говорят, добрых обманывают, а милосердных губят.

Она провела гостя в приемную и предложила присаживаться. Симэнь велел Цитуну отвести коня и позвал Дайаня:

– Встань у ворот. А как появится этот стервец, хватай и запирай. Завтра в управу отведем.

– Да он как только вас увидел, его и след простыл, – отвечал слуга.

Симэнь сел. Ван отвесила ему поклон и велела Цзиньэр подать чай.

Служанка вынесла чай с орехами и подала Симэню. Ван велела ей поклониться гостю.

– Да, ничего, хорошая девушка, – заметил Симэнь. – Она тебе вполне подойдет. А где мамаша Фэн? Почему ж не она подает?

– Я ее попросила на кухне распорядиться, – отвечала Ван.

– А вино, которое тебе принес слуга, мне один придворный прислал, – объяснял Симэнь. – Настояно на бамбуке с целебными травами. Крепкая штука! А то я смотрю, здешнее вино тебе не по душе, вот кувшин сюда и отправил.

– Премного вам благодарна, батюшка, – с поклоном отвечала Ван. – Вот именно – не по душе! Да только мириться приходится, когда в таком захолустном переулке живешь. Тут и лавки-то приличной нет, не то что вина. За хорошими винами на Большую улицу идти надо.

– погоди, приедет муж, поговорим, – успокаивал ее Симэнь. – Может, раскошелюсь, куплю дом на Львиной, туда и переберетесь. И ему до лавки рукой подать, и вся торговля под боком. Во всех отношениях удобно.

– Вот хорошо было бы! – поддержала его Ван. – А то мне и вас прямо жаль становится. Вон в какую даль добираетесь. А сколько тут злых языков! Я, конечно, сплетен не боюсь. Мое поведение безупречно. А вы, батюшка, распоряжайтесь так, как вам удобнее. А самого можно и не дожидаться. Он согласится со всем, что вы скажете.

Пока они разговаривали, в комнате накрыли стол. Ван пригласила Симэня. Он растянулся и сел за стол, на котором красовались куры, гуси, рыба, мясо и всевозможные деликатесы и сладости.

Ван наполнила чарки. Они сели рядышком и стали пировать. После нескольких чарок сняли одежды и легли, отдавшись необузданным уладам. Ван постаралась застелить постель помягче и надушила ее

благовониями. Симэнь, убедившись, как она искусна в любви, решил показать в этот раз и свои способности и прихватил парчовый узелок. Оттуда он извлек серебряную подпругу, любово-страстный наконечник, серное кольцо, вываренную в снадобье белую шелковую ленту, подвесной нефритовый браслет, заполняющее пупок притирание и бирманский колокольчик-возбудитель.

Ван легла на подушку и высоко подняла нефритовую ножку... Симэнь протянул ей бирманский колокольчик и велел спрятать в сердцевину лотоса, себе приспособил серебряную подпругу, надел любово-страстный наконечник, умастил себя притиранием.

– Милый! – заворковала Ван, как только он приступил к делу. – А у тебя ногу не сведет? Возьми подушку и сядь. Я сама... – Немного погодя она продолжала: – Тебе, наверно, неловко? Может, мне ноги привяжешь, будет удобнее?

Симэнь и в самом деле привязал ей ногу к кровати.

Он стал срывать цветы с заднего двора. В наконечнике ему нелегко оказалось добраться до заветного цветка. Ван слегка хмурила брови и терпела. Симэнь играл цветком, и Ван, усевшись ему на колени, помогала ему.

– Не торопись, милый! – шептала она, обернувшись к нему. – Чтобы сорвать цветок с заднего двора, нужно терпение.

Симэнь стал смотреть за каждым своим движением.

– Ван Шестая! – обратился он к ней по имени. – Дитя мое! Не знаю, как тебе, а мне этот окольный путь уж больно по душе. Я рад, что тебя встретил. До самой смерти не расстанусь.

– Мой милый! – отвечала Ван. – Поиграешь, поиграешь да и надоест тебе. Бросишь меня.

– Ты ж сама, наверно, убедилась, что я не из таких...

За столь милым лепетом они прорезвились так долго, как тянется обычно солидный обед, потом легли, крепко прижавшись друг к другу.

Да,

Цветы, конечно, все
бальзамов ароматней,
Но с заднего двора
цветок ещё приятней.
Тому свидетельством стихи:
Мой милый, мой кумир
Рвет сзади ветки сливы.
В парадный вход на пир

Пришел с копьём игривым,
Вот в дом опять проник –
Сдержаться нету силы!
Скачу с ним напрямик,
Послушен конь мой лстивый.
Затем галоп сразит
Усталою усладой,
Смяв грим моих ланит,
Испариной прохладной.

Развлекались они вплоть до второй ночной стражи. Тут слуга привел коня, и Симэнь простился с Ван.

На другой день утром Симэнь направил двух стражников в Кожевенный переулоч и приказал им привести Ханя Шулера. Его без лишних слов обвинили в воровстве, на пальцы надели тиски и всыпали двадцать палочных ударов, после чего по ногам его стекала кровь. Он пролежал целый месяц, чуть на тот свет не отправился. Впоследствии он трепетал при одном упоминании о связи с Ван Шестой.

Да,

Хоть с благородством, говорят, я вовсе не знаком,
Но кто вести умеет дом, тот и хозяин в нем.

Несколько дней спустя из Восточной столицы вернулись Лайбао и Хань Даого.

– Дворецкий Чжай остался барышней очень доволен, – докладывал хозяину Лайбао. – Просил передать вам сердечную благодарность, а нас оставил погостить. Вот вам, батюшка, его письмо. Он вам коня серой масти в подарок прислал. Приказчику Ханю пятьдесят лянов за дочь отвалил и двадцать лянов дал мне на расходы.

– Щедро вас одарили, – заметил Симэнь и стал читать письмо, пересыпанное благодарностями.

С этих пор и породнились Чжай Цянь с Симэнь Цином, стали величать друг друга сватями, но не о том речь.

Хань Даого отвесил Симэню земной поклон и направился было домой.

– Хань, – окликнул его Симэнь, – а деньги себе возьми. Это вам за дочь в награду.

– Вы нас, батюшка, и так щедро одарили, – не решаясь взять деньги, отказывался Хань Даого. – Не могу я эти деньги брать. Мало вам было хлопот?

– Бери, говорят тебе, на грех не наводи! – настаивал Симэнь. – Да

убери. Знаю, куда потратишь.

Хань отвесил земной поклон и пошел домой. Обрадованная Ван взяла у него вещи и подала воды смыть дорожную пыль.

Начались расспросы.

– Ну, как там дочка? – спрашивала она.

Хань Даого рассказал, как добрался до столицы.

– В солидный дом попала наша дочка, – говорил Хань. – Три комнаты ей отвели, двух служанок в услужение дали. Я уж не говорю о нарядах и головных украшениях. На другой день она нанесла визит госпоже хозяйке. Дворецкий Чжай был ею так доволен, что оставил нас погостить. Кормили-поили и нас, и слуг до отвалу. А на прощанье зять дал мне пятьдесят лянов в подарок. Я не хотел брать, а батюшка настоял, чтоб домой отнес.

Хань передал Ван серебро, и та его тотчас же спрятала. У нее будто от сердца отвалило.

– Надо будет завтра же матушку Фэн хоть ляном отблагодарить, – говорила Ван. – Спасибо ей, каждый день со мной время коротала. Ей и батюшка лян дал.

Служанка подала чай.

– А эта барышня откуда взялась? – спросил Хань.

– В служанки купила, – пояснила Ван. – Цзиньэр, поди сюда, поклонись хозяину.

Цзиньэр отвесила земной поклон и удалилась на кухню.

Ван Шестая поведала мужу о своих отношениях с Симэнем.

– После твоего отъезда не раз бывал у меня, – говорила Ван. – Дал четыре лян. На них и купила служанку. За каждый приход по лян, а то и по два оставлял. Тут твой братец ко мне было ворвался, думал поживиться, да силы не рассчитал – не на того напоролся. Хозяин его сразу в управу доставил. Здорово ему всыпали – больше носа не показывает. Хозяину к нам ходить неудобно. Обещал мне на Большой улице дом купить.

– Так вот отчего он не взял серебро, – сообразил Хань Даого. – Вот почему не велел тратить.

– Ну конечно! – подтвердила Ван. – Вот уж пятьдесят лянов есть, а там он нам еще немножко добавит и дом подходящий присмотрит. И все своим телом добываю. Он мне и наряды дарил.

– Если придет, когда я в лавке буду, делай вид, будто я ничего не знаю, – поучал жену Хань Даого. – А сама обращайся с ним поласковой. Служи ему как полагается. Куй, говорят, железо, пока горячо.

– Ишь, насильник! – засмеялась Ван. – Хорошо тебе денежки-то загребать, а знал бы, каково они мне достаются. Сколько мук терпеть приходится!

Так они пошутили немного. Потом Ван накормила мужа и, прибрав вещи, они легли спать.

На рассвете Хань Даого зашел в хозяйский дом, взял ключи от лавки и пошел торговать. В тот же день он наградил старую Фэн ляном серебра, но рассказывать обо всем этом подробно нет надобности.

Как-то Симэнь Цин и Ся Лунси вышли из управы вместе.

– Что это вы забросили белого коня? – спросил Ся Лунси, разглядывая стройного, серого в яблоках, скакуна, на которого усаживался Симэнь. – Хорош конь! А как зубы?

– Белого я на отдых поставил, – отвечал Симэнь. – А этого мне столичный сват Чжай Юньфэн в подарок прислал. А ему доставили от военного советника Лю из Сися. Только по четвертому зубу выросло. Хорошо ходит. Но с норовом: то кормушку опрокинет, то стремяна порвет. Первое время много в весе терял, теперь лучше ест.

– Такой конь будет хорошо ходить, – заметил Ся. – Только как следует объездить надо. Он не для далеких путешествий. На нем по улицам гарцевать. В здешних краях такой лянов семьдесят-восемьдесят стоит. А у меня с конем что-то неладное стряслось. Пришлось у родных попросить. Без коня как без рук.

– Не огорчайтесь, сударь! – успокаивал его Симэнь. – Есть у меня каурий. Я его вам подарю.

– О, вы так добры, сударь! – подняв сложенные руки, воскликнул Ся. – Я вам заплачу, разумеется.

– К чему расчеты! – отвечал Симэнь. – Я сейчас же велю привести коня.

Они добрались до Западной улицы и разъехались.

Тотчас же по приезде домой Симэнь поручил Дайяню отвести Ся Лунси коня. Тот на радостях наградил Дайяня ляном серебра и попросил передать хозяину письмо.

– Поблагодари хозяина, – наказывал Ся, – и скажи, что я лично выражу ему признательность при встрече в управе.

Прошло два месяца. Стояла середина десятой луны. Ся Лунси припас хризантемовой настойки, позвал певцов и пригласил Симэня, чтобы отблагодарить за коня.

Симэнь пообедал, отдал распоряжения по дому и поехал на пир. Надобно сказать, что Ся Лунси устраивал это угощение специально для Симэня. Прибытие гостя так осчастливило хозяина, что он, едва

сдерживая чувства, спустился с крыльца к нему навстречу и проводил в залу, где они обменялись приветствиями.

– К чему же было так беспокоиться, сударь? – заметил Симэнь.

– Мы в этом году сделали хризантемовой настойки, – объяснял Ся, – и я осмелился пригласить вас на досуге, милостивый государь. Больше никого не будет.

После взаимных приветствий они сняли парадные одежды и сели. Один занял почетное место гостя, другой выступал в качестве хозяина. После чаю они сыграли в шашки и продолжили беседу за пиршественным столом, где двое певцов услаждали их слух.

Да,

Вино ароматное пенится, кубки златые так сладки!

И пение цитры, и звон кастаньет на мотив «Куропатки».

Однако оставим Симэнь Цина на пиру у Ся Лунси и расскажем о Пань Цзиньянь.

Видя, что Симэнь давно ее забыл, заставив одну коротать ночи под расшитым пологом и холодным одеялом, она открыла как-то садовую калитку, зажгла высокий серебряный светильник и, прислонившись к ширме, заиграла на цитре.

Пробили вторую ночную стражу. Цзиньянь то и дело заставляла Чуньмэй посмотреть, не идет ли он, но кругом не было слышно ни шороха.

Да,

Плачут струны в ночи,

Льется песня без слов,

Сердце-цитра кричит –

Неуютен мой кров.

Цзиньянь взяла цитру и, положив на колени, едва слышно заиграла «Воды реки», желая развеять тоску, потом было прилегла, не раздеваясь, но ей не спалось. Вот и пришлось

Одетою у ширмы прикорнув,

Тоскливо отойти одной ко сну.

Вдруг послышался звон колокольцев под стрехой, и ей почудилось, что стучат в дверь – идет Симэнь. Она велела Чуньмэй поглядеть.

– Вы ослышались, матушка, – говорила Чуньмэй. – Это ветер переметает снег.

Цзиньянь запела:

Слышу ветра треск и завыванье,

Снежный пух в окне клубится,
Ночью белою не спится...

Тут замигал светильник. Цзиньлянь хотела было поправить, но Симэнь не появился, и у нее пропала охота даже двигаться.

Она продолжала:

Ароматы жечь прошло желанье...
Даже свет поправить в комнате мне лень.
Как три осени подряд, тянулся день,
Ночь – как будто три бессонных лета
Протоскую в полусне полуодета.
Страшно дней грядущих ожиданье,
Ведь несут они одно страданье...
Вновь встают в душе воспоминанья
Причиненных мне тобою тяжких мук,
Бесконечные любви терзанья
Даже в дни былых сплетений жарких рук...
Ночь бездонна, сердцу не забыть его,
Зря моя весна ушла стремительно.
Долго не живет любовь на свете,
Ты к другой ушел, а после – к третьей...
И начало прячется в тумане,
И конец – в бессмысленном обмане.

Между тем в первую, должно быть, ночную стражу от Ся Лунси воротился Симэнь. Было пасмурно, шел снег с дождем и, оседая на одежду, сразу таял. Симэнь подстегнул коня. Слуга бежал впереди, освещая фонарем путь.

Симэнь прошел не в дальние покои, а прямо к Ли Пиньэр. Она стряхнула с него мокрый снег и помогла снять темный бархатный наперсник с изображением льва, белую шелковую куртку наездника, атласную парадную шапку, соболий башлык и отороченные коричневым мехом черные сапоги. Оставшись в широкой шелковой рубашке, Симэнь сел на кровать и спросил:

– Как сын? Уснул?

– Наигрался и недавно уснул, – ответила Пиньэр.

– Тогда не беспокой, пусть спит.

Инчунь подала чай.

– Рановато вернулся, – заметила Пиньэр.

– Я Ся Лунси коня подарил, вот он меня и угощал, – объяснял Симэнь. – Певцов пригласил. Посидели немного, вижу – снег пошел.

Вот домой и поспешил.

– Озяб, небось, в такую-то метель? – спрашивала Пинъэр. – Хочешь, велю вина подогреть.

– Да, пусть подогреет виноградного, – согласился Симэнь. – А то у него самодельное пили – хризантемовую настойку. Пьешь и брезгуешь. Ни вкусу, ни аромату. Только пригубил из вежливости.

Инчунь накрыла стол. Были тут блюда с соленой курятиной, яства, фрукты и овощи. Ли Пинъэр подсела сбоку. Под столом им грела ноги небольшая жаровня.

Они пировали, а покинутая Цзиньлянь сидела на кровати в пустой холодной комнате, прижимая к груди свою цитру. Выгоревший светильник едва-едва мерцал. Ей хотелось спать, но она не ложилась, дремала и время от времени содрогалась от холода. Она все еще ждала Симэня. Потом не выдержала: освобождая волосы, сняла головную сетку, опустила наполовину полог и забралась под одеяло.

Да,

В постели холодно и пусто, не хочу
Спать – низко опускаю полога парчу,
Знать не могла я, что меня покинешь ты.
Звать – не зову тебя, и сердца пыл остыл!
Она опять запела:
Тебя, изменник, презираю всей душой!
Лишь гнев живет во мне, любви уж никакой!

Цзиньлянь позвала Чуньмэй:

– Ступай взгляни еще, не идет ли батюшка. Да быстрее возвращайся!

Чуньмэй вышла.

– Матушка! – немного погодя обратилась она к хозяйке. – Вы думаете, он не пришел? Да он давным-давно дома. У матушки Шестой преспокойно пирует.

Не услышь такого Цзиньлянь, все б шло своим чередом, а тут ее будто ножом по сердцу полоснули.

– Ах он, изменник проклятый! – выругалась она, и у нее градом полились слезы.

Цзиньлянь громче обычного заиграла на цитре и запела:

Суд убийцу дерзкого порой прощает,
Сердце девичье измен не забывает,
Бог поправшего любовь да покарат!
Все мне прошлое вокруг напоминает...

Я люблю его безмерно и бессильно,
Сердцу нежному одна тоски причина,
Лишь одна его снедает грусть-кручина,
Слез уже не удержать – текут обильно!
Я зову тебя, бандит и шаромыжник!
Для тебя солена, для тебя остра я,
Хочешь – сладким сахаром во рту растаю?
Что б ты мог разнообразьем насладиться
Буду хрупкой, словно черепица,
А назавтра – толстой, как булыжник.
Но ты меня оставил, блудодей,
Персик сладкий, сочный позабыл,
Крутишься с другою, что ни день –
Финик сморщенный тебя пленил.
Я ошиблась, обнаживши грудь,
Но теперь меня не обмануть!

Припев:

Ночь бездонна, сердцу не забыть его,
Зря моя весна ушла стремительно.
И начало прячется в тумане,
И конец – в бессмысленном обмане.

И далее:

Да, бабой лучше не родись –
В чужих руках судьба и жизнь.
Глупо каюсь я в слезах,
Что любимый – вертопрах.
«С первой встречи нашей, милый,
Будем вместе до могилы», –
Так мечтаем мы, дурехи,
Бабы головы, ой, плохи!
Скрыли тучи горы Чу,^[547]
Смыли волны Синий мост,^[548]
Я к тебе в мечтах лечу,
Встреча, как сиянье звезд,
Далека. Моря и реки
Пики гор и города
Разделили нас навеки
Мириадами преград.

Были рядом, и тогда
В том единстве было скучно
Разлученным жизнью душам.
Мост сметен – кругом вода!
Разобшились берега.
И ручьев соленых сток
Унесла волна в песок.
Писем нет, и мой бессмыслен крик,
Кому мне про любовь свою сказать,
Напрасно вновь стремлюсь на Янский пик^[549] –
Земля черства, а Небо – не достать!
Душа во мне затрепетала вдруг...
Постой! Я знаю – в этот самый миг,
Мой искуситель дорогой, мой друг,
В чужое лоно страсти ты проник.

Припев:

Ночь бездонна, сердцу не забыть его,
Зря моя весна ушла стремительно.
И начало прячется в тумане,
И конец – в бессмысленном обмане.

Пируя с Пиньэр, Симэнь услышал игру на цитре и спросил:

– Кто это играет?

– Матушка Пятая, – ответила Инчунь.

– Она, оказывается, еще не спит? – удивилась Пиньэр. – Сючунь, ступай, позови матушку Пятую. Скажи, матушка, мол, приглашает.

Сючунь удалась, а Пиньэр велела Инчунь приготовить ей за столом место, поставить чарку и припасти палочки.

Наконец появилась Сючунь.

– Матушка Пятая уж и волосы распустила, не придет, – объявила она.

– Инчунь! Пойди теперь ты позови, – не унималась Пиньэр. – Скажи, матушка с батюшкой приглашают.

– Калитка заперта, и огня нет, – сказала вернувшаяся Инчунь. – Спать, наверное, легла.

– Не верю я этой негоднице! – заявил Симэнь. – Пойдем вместе и приведем сюда. В шашки сыграем.

И они с Пиньэр пошли вместе. Долго стучали в садовую калитку, пока им не открыла Чуньмэй. Симэнь повел за руку Пиньэр прямо в спальню Цзиньянь. Она сидела, прижавшись к пологу. Рядом лежала

цитра.

– Ах ты, негодница! – заговорил Симэнь. – Сколько раз тебя звали? Почему не идешь?

Цзиньлянь не шелохнулась. Вид у нее был мрачный.

– Несчастливая я, – наконец прошептала она. – Сперва в холодной комнате бросил, живи как хочешь, а теперь пристаешь? Что обо мне беспокоиться? Лучше других развлекай.

– Вот чудная! – недоумевал Симэнь. – И зубы проела, да губы остались – болтать есть чем. Сколько сестрица Ли тебя звала в шашки играть, а ты уперлась.

– Что же это с тобой, сестрица? – вмешалась Пингэр. – Я и шашки достала. Пойдем со скуки на чарку вина сыграем, а?

– Идите играйте, сестрица, – отказывалась Цзиньлянь. – А я и непричесанна. Нездоровится мне. Я лягу. Вам хорошо, вы и веселитесь, а у меня в чем душа держится. Ладно, если воды глоток за день пропустишь. Как погляжу на себя – что от меня осталось?!

– Да ты все такая же! Ничего с тобой не случилось! – уверял ее Симэнь. – А не по себе, давно б сказала. Я доктора приглашу.

– Не веришь? Вели Чуньмэй зеркало подать. За эти дни я на себя не похожа стала.

Чуньмэй подала ей зеркало. Она подошла к светильнику и посмотрелась.

Да,

Я в зеркало глядеть стыжусь –

Краса без милого иссякла.

От ласк запрюсь и откажусь,

Но как одной в постели зябко!

Симэнь взял у нее зеркало и тоже погляделся.

– Почему же я не худею? – спрашивал он.

– Сравнил себя со мною! Ты ешь и пьешь сколько влезет. Вон до чего разелся. Тебе б только над другими издеваться.

Симэнь Цин, ни слова не говоря, подсел к ней на постель, обнял и поцеловал. Он проник рукой к ней под одеяло, но Цзиньлянь была одета.

– А ты и правда похудела, – сказал он, касаясь ее талии.

– Ишь, негодник! – вскрикнула она. – Я и так замерзла, а ты лезешь холодной рукой. Думал, я притворяюсь?

Да,

Выдохся яблони нежный цветок,

Стан исхудал, и повис поясок.

Лишь сказала:

Покатились слезинки-жемчужинки
По лицу моему изможденному.
Как страдаю одна, как мне нужен ты,
Сердце путает слезы со стонами.
Постарела, слегла, стала жалкая,
Жемчуг слез весь до капли исплавав я.
И опять повторила припев:
Ночь бездонна, сердцу не забыть его,
Зря моя весна ушла стремительно.
И начало прячется в тумане,
И конец – в бессмысленном обмане.

Как она ни упиралась, Симэнь все-таки увел ее к Пиньэр, где они сыграли в шашки и выпили по несколько чарок вина. Когда Цзиньянь собиралась уходить, Пиньэр заметила недовольство на ее лице и подговорила Симэня пойти к ней.

Да, насколько ж:

Я иссохла – даже сестры
сострадают мне.
Тем заметней слез истоки,
чем разлука злей.

Тому свидетельством стихи:

Мы расстались, и я почернела в разлуке,
Все не сплю по ночам от тоски да от скуки.
Но Пиньэр совершила прекрасное дело –
Вновь Сян-вана увидит Ушаньская дева.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ЗАКАЗЫВАЕТ

МОЛЕБЕН В МОНАСТЫРЕ

НЕФРИТОВОГО ВЛАДЫКИ

У ЮЭНЯН СЛУШАЕТ

БУДДИЙСКИЙ ПРОПОВЕДИ

*Ханьский У-ди постился^[550] – он встарь
сам по ночам воздвигал алтарь,
Сам по сосудам вино разливал,
сам же к бессмертным мольбы обращал.
Яшмовых дев пред дворцом караул
жертвенных столиков ряд развернул,
Златом кумиры блестят в облаках,
блюда с росой держат в руках.
Ночи во бденьях У-ди проводил,
только с рассветом ко сну уходил,
Только под утро и слуг отпускал.
Персик бессмертия где он сыскал?..
В роще Цветущей покоится он,
луки, мечи там с обеих сторон;^[551]
Кони из камня сквозь дымку-туман
смотрят на чашу дрожащих лиан.^[552]*

Так вот, ночевал тогда Симэнь у Цзиньянь. Надеясь завладеть сердцем мужа, она на все лады его ублажала и осыпала ласками, на какие только была способна. Утирая роскошным пологом слезы, она нежно шептала ему о своей преданности и любви. Ей и в голову не приходило, что Симэнь увлечен женою приказчика Ван Шестой.

Симэнь между тем купил своей зазнобе на Львиной, к востоку от

Каменного моста, большой дом за сто двадцать лянов серебром. Две комнаты выходили на улицу, и четыре постройки уходили вглубь. Во второй постройке располагалась гостевая зала, в третьей, кроме молельни с жертвенниками Будде и предкам, находилась спальня с кроватью в нише и печью напротив. Искусно убранная спальня блистала чистотой. Четвертую постройку занимали кухня и кладовая для угля, а сзади к ней примыкала теплая туалетная комната, но говорить об этом подробно нет надобности.

Не успели они переехать в новый дом, а соседи уж знали, что хозяин служит приказчиком у Симэнь Цина. Хань Даого в шелках и парче прогуливался по улице вразвалку. Ван Шестая, разодетая, с блестящими украшениями на голове, целыми днями простаивала у ворот. Соседи, не мешкая, поднесли им по случаю новоселья кто коробку чая, кто еще какой-нибудь подарок. Те, что постарше, обращались к ним вежливо «брат Хань» и «сестрица Ван», молодые люди величали их дядюшкой и тетушкой. Как только появлялся в их доме Симэнь, Хань Даого шел ночевать в лавку, чтобы не мешать жене ухаживать за гостем. Дневал и ночевал у нее Симэнь, и знали об этом почти все соседи, но никто даже виду не подавал – боялись Симэня, человека богатого и всесильного. А посещал он Ван Шестую раза три или четыре в месяц. Страсть их разгоралась все сильнее, и все меньше напоминала Ван Шестая прежнюю жену приказчика.

Шел последний месяц года. Симэнь торопился разослать подарки в столицу, штатским и военным чинам уезда и своим сослуживцам. Тем временем У Цзунси, настоятель даосского монастыря Нефритового владыки,^[553] направил к Симэню послушника с подарками – коробкой мяса, коробкой дорогой рыбы и двумя коробками с фруктами и сладостями, а также весенними амулетами,^[554] молитвенными обращениями к богам небесным и земным и благодарственными докладами Хранителю очага.^[555]

Симэнь обедал в покоях Юэнян, когда Дайань вручил ему визитную карточку, гласившую:

«С нижайшим поклоном от бедного монаха У Цзунси из монастыря Нефритового владыки».

– Человек из мира ушел, а я ему вон сколько хлопот доставляю! – воскликнул Симэнь, открывая коробки. – Гляди, какие щедрые дары поднес. – Симэнь обратился к Дайаню: – Ступай к Шутуну, скажи, чтобы поскорее составил благодарственное письмо и вручил лян серебром.

– Видишь, монах, а что ни праздник – про подарок тебе не забывает, – заметила Юэнян. – Молебен-то отслужить бы надо. Когда у сестрицы Ли сын родился, ты ведь слово давал.

– Верно, большой молебен обещал заказать, да из головы вон, – спохватился Симэнь. – Давно б тебе напомнить.

– Вот пустомеля! Кто ж это обеты забывает?! Значит, не от души обрекался. А боги все помнят. Вот младенец и плачет целыми днями. Это ты виноват. Из-за обета твоего неисполненного страдает.

– Тогда в первой же луне закажем молебен у настоятеля У.

– Сестрица Ли мне жаловалась, – продолжала Юэнян. – Ребенок, говорит, очень хилый, надо бы ему другое имя дать.^[556]

– Вот тогда и попросим настоятеля У, – сказал Симэнь и обратился к Дайаню: – Кто из монастыря пришел?

Второй послушник Инчунь, – ответил слуга.

Симэнь вышел к послушнику, и тот встретил его земным поклоном.

– Отец наставник просил кланяться вам, батюшка, – говорил он, – и поднести, за неимением ничего лучшего, молитвенные обращения и скромные знаки внимания.

– Передай от меня отцу наставнику большую благодарность за столь щедрые дары, – сказал Симэнь, приветствуя послушника, и предложил ему присаживаться.

– Что вы, батюшка! Благодарю вас! – отказался послушник.

– Садись! – настаивал Симэнь. – Поговорить надо.

Послушник в монашеской шапочке и холщовой, прямого покроя, рясе, из-под которой виднелись белые чулки и туфли, долго не решался, наконец, пододвинул стул и сел сбоку от хозяина. Симэнь велел подать чаю.

– Слушаю ваши распоряжения, батюшка, – отпивая чай, сказал послушник.

– В первой луне мне придется побеспокоить твоего отца наставника, – начал Симэнь. – Не мог бы он отслужить в обители заказной молебен? Да надо будет наречь имя младенцу.^[557] Как, отец наставник очень занят?

– Если такова ваша воля, батюшка, – поспешно вставая, отвечал послушник, – то будут отложены все другие требы. Только позвольте узнать, в который день вы желали бы посетить обитель?

– Может, девятого дня утром?

– По «Книге Нефритового ларца».^[558] на девятое приходится Рождество богов, – говорил послушник. – В обители будет совершен

благодарственный молебен в надежде на ниспослание всех благ^[559] Очень подходящий день для поста и молитвы! Ради вас, батюшка, водрузят алтарь в большом приделе. Позвольте узнать, какой молебен вы хотели бы заказать?

– В седьмой луне, когда у меня родился сын, я дал обет заказать большой молебен со ста двадцатью жертвами, да все никак не мог исполнить. Я возьму с собой и младенца, а отец наставник приобштит его к трем сокровенным дарам^[560] и наречет новое имя.

– Скольких братьев вы хотели бы пригласить для совершения обряда? – спросил послушник.

– Пусть отец наставник попросит шестнадцать монахов.

Слуги накрыли стол и подали чай. Симэнь вручил послушнику пятнадцать лянов за молебен и один лян за подарки.

– А насчет трапезы и прочего отец наставник пусть не беспокоится, – сказал он. – Все, что нужно, вплоть до жертвенных предметов, свечей и благовоний, мы с собой привезем.

Послушник на радостях без устали благодарил Симэня и клал земные поклоны, сопровождаемые попукиванием, до тех пор, пока совсем не описался.

Настал восьмой день Нового года, и Дайань повез в монастырь пожертвования: один дань лучшего рису, коромысло жертвенных предметов, целую пачку листочков желтой бумаги,^[561] десять цзиней казенных свечей, пять цзиней дорогих благовоний и двенадцать кусков сурового полотна. За наречение младенца Симэнь послал кусок столичного атласу, два жбана южного вина, четырех гусей, четырех кур, свиные ножки, баранью тушу и десять лянов серебром. Приглашения на молебен были вручены шурина У Старшему, Хуа Старшему, Ин Боцзюэ и Се Сиды. Чэнь Цзинцзи отбыл в монастырь верхом, дабы удостовериться, все ли приготовлено к приезду Симэня.

Девятого числа Симэнь не заглядывал на службу. Одетый в парадные одежды, верхом на белом коне, в сопровождении целой свиты слуг, ехавших по сторонам и сзади, окриками разгоняя с дороги зевак, ранним утром выехал он за Восточные ворота города и направился к монастырю Нефритового владыки.

Вдали виднелась украшенная яркой бахромой священная хоругвь. Симэнь миновал арку,^[562] и в каких-нибудь пяти ли от города перед ним предстали горные ворота^[563] ведущие в монастырь. Симэнь спешился^[564] и стал любоваться открывшимся видом. Чудный это был храм – будто небесный дворец!

Только поглядите:

Густы зеленые сосны, высоки бирюзовые туи. Ворота красные сверкают золотом гвоздей. Внизу, под яшмовым мостом, отраженье четкое громадного дворца: черепицы нежная лазурь, резные стрехи, расшитые шатры и ввысь уходящие балюстрады. В центре большой залы из семи приделов золотом начертаны слова. По обе стороны портики и длинные веранды. Стены покрыты яркой росписью: сонмы богов и воинства небесного герои-полководцы. В дымке благовещих облаков Врата Падающих звезд вздымаются высоко, до самых небес. В лучах дневной зари Терраса Раздумий касается Небесной Реки. В зале Золотой стоят статуи божеств числом тридцать два. Льет свет обильный безграничный Беляшмовый дворец. У врат Трех небес, ^[565] за стражников свирепые Лилоу с Шихуаном^[566] а около ступеней Зеленый дракон и Белый тигр вселяют трепет. Пред залой Сокровищ бессмертные феи и яшмовые девы в зарницах подносят душистые цветы. Пониже, у крыльца, шествуют четыре министра и девять сановников,^[567] ко граду стольному и трону устремив почтительные взоры. На девятидраконовом ложе восседает золотой немеркнувший Учитель веры всех времен Нефритовый владыка, Великий государь. Одиннадцать жемчужин,^[568] на шапке горят, темный халат расшит драконами, у чресел лантяньский самоцветный пояс^[569] опирается на восемь триграмм в девяти дворцах,^[570] в руках держит скипетр из белого нефрита. Владыка внимает всем, кто верен Трем драгоценностям и Пяти запретам.^[571] Едва Он ударит в колокол златой, как их уста смыкаются и ни один не поминает имени Будды. Едва послышится удар в нефритовое било, как мириады тварей почтительно склонятся пред Ним. В зале, Обращенной к Небесам, под шелест ветра стихают шаги, у алтаря не умолкает молитвенное пенье. Лунными ночами звон издает божественный нефрит. Вот это подлинно даосский монастырь! Куда еще идти, к чему искать Пэнлай?!

Симэнь проследовал через главные ворота и очутился перед Вратами Падающих звезд, которые украшала сверху огромная, высотой в семь чи, пурпурно-красная таблица, а по обеим сторонам – параллельные строки.

По правую руку они гласили:

«Желтый путь и Неба широта
Раскрывают счастья ворота
Девять небосводов. Золотой
Экипаж – даритель всеблагой».^[572]

А по левую возвещали:

«В темноте алтарной солнца блеск
Зажигает чудных стягов лес.
Драгоценных слов произнесенье –
Праведный залог преображенья».

Симэнь приблизился к зале Сокровищ, над которой крупными знаками было начертано:

«Неба сокровища славьте чудесные,
Гимны хвалебные пойте всегда.
Служат Отечеству добрые, честные,
Вечна святых алтарей благодать!»

Параллельные же строки гласили:

«Неба начало – оно в Беспредельном,
Сердце молитвою ищет спасенье
У бесконечновеликого Дао».

и

«Неба Владыка под яшмовой сенью.
Щедро дарует он нам просветленье.
Сердце отныне очищенным стало».

Симэнь вошел в залу и предстал пред жертвенным столиком у самого алтаря. Мальчик-послушник поднес ему блюдо с полотенцем. После омовения рук Симэнь опустился на подстилку, возжег благовония и пал ниц пред алтарем, а когда встал, навстречу ему вышел настоятель монастыря У.

Надобно сказать, что настоятель У Цзунси, в монашестве У Даочжэнь – Правоверный, был рослым детиной богатырского сложения, с густой бородой и большими усами. Любитель возлияний и дружеских пирушек, он охотно привечал всех жертвователей и благожелателей. Оттого-то, как только У Цзунси был поставлен настоятелем, так сразу и потянуло в монастырь Нефритового владыки богатых да знатных. Уж больно торжественно служил он молебны, а какие пышные устраивал трапезы! Благодетелей встречал с великим радушием. Целая свита подростков и мальчиков, по первому зову исполнявших любые его повеления, состояла у него в послушниках.

Не раз бывало, что Симэнь с компанией побратимов заказывал у него молебны, а к празднику, равно как и ко дню рождения, не забывал послать подарки. Ну как же настоятелю было не поприветсдовать

Симэня! А тем паче теперь, когда Симэнь получил пост в судебном управлении и, прежде чем молиться и нарекать имя наследнику, вручил щедрые дары.

И вот настоятель сам позаботился о трапезе, лично службу отправляя. Чело его венчал украшенный нефритовым кольцом даосский кlobук, красным цветом символизовавший солнце, а формой – гром и молнию.^[573] Облачением ему служило бледно-голубое с длинными рукавами платье из перьев аиста,^[574] украшенное двадцатью четырьмя созвездиями.^[575] Чресла его обтягивал шелковый пояс. Он поспешно оставил аналой и почтительным поклоном приветствовал Симэня.

– Обманул я вас, милостливый батюшка, в самых возвышенных ваших побуждениях, – обратился он к Симэню. – Сколько раз достаивали вы меня, неблагодарного, щедрыми своими дарами! И всякий раз бедный инок не решался отказываться, дабы не выказать вам непочтение, а, принимая, мучался угрызениями совести. И ныне, когда вы пожелали наречь младенцу монашеское имя, меня обязывает долг приобщить его к Трем сокровищам, помолиться о его благополучии и долгоденствии, но мне прямо-таки нечем отплатить вам, почтеннейший мой благодетель, за все ваши милости. Вы же осыпаете меня все новыми дарами, столь щедрыми и обильными, что меня, право, заливают краска стыда. Вы прислали куда больше, чем требует отправление обряда. Я вам так обязан!

– Премного вам благодарен! – отвечал Симэнь. – Прошу меня простить за причиненные хлопоты и принять эти скромные знаки внимания.

После взаимных любезностей Симэня поклонами поприветствовали остальные монахи, а потом пригласили в келью настоятеля, состоящую из трех зал. Келья называлась Террасой аиста в соснах.^[576] Залу украшали многочисленные ярко-красные ширмы. Здесь, чувствуя себя вполне непринужденно, они пили чай. Там и сям неподалеку от Симэня красовались причудливые каменные глыбы. Сверкали начищенные до блеска столы и стулья. Слева висела надпись: «С Терема Желтого аиста^[577] белым днем в небеса взмывал», справа другая: «И озеро Дунтин пересекал три раза». Перед Симэнем стояли две ширмы, одна против другой, с параллельными строками скорописи:

«Ветер. Пляшут рукава,
словно аисты под утро.
Вечные звучат слова –

здесь всю ночь толкуют сутры».

– Возьми лошадь и ступай за дядей Ином, – велел слуге Цитуну Симэнь, усаживаясь за стол. – Ему, должно быть, не на чем ехать, вот он и не появился до сих пор.

– Тут вон и осел зятя Чэня стоит, – вставил Дайань.

– Ладно! Бери осла и поторапливайся, – распорядился Симэнь.

Цитун вывел осла за монастырские ворота и отправился к Ин Боцзюэ.

Между тем настоятель У кончил молитву и подсел к Симэню. За чаем завязался разговор.

– Решился бы я, почтеннейший мой батюшка, мешкать, брать на душу грех, в то время как вы с усердием стремитесь вознести молитву в святом храме?! – начал настоятель. – Мы с четвертой ночной стражи бодрствуем в неустанном бдении у святого алтаря. Долго читали из Священных канонов, отслужили особый молебен Нефритовому владыке, потом по случаю первого новолуния в новом году, которое празднуется сегодня, пропели хвалу Всевышнему Творцу круговращения светил, а послание с полными данными о рождении вашего наследника уже покоится на алтаре Трех сокровищ. Младенцу нарекли мы имя У Инъюань.^[578] Дабы дух Тайи, покровитель судьбы,^[579] даровал ему процветание и долгоденствие и не лишил его богатства и знатности, я воздал хвалу Небу и Земле с принесением двадцати четырех жертв, славу Всевышнему владыке с двенадцатью жертвами и двенадцать жертв усопшим. Всего было принесено сто восемьдесят жертв.

– Тронут вашим усердием! – отозвался Симэнь.

Послышались удары в барабан, и Симэня попросили приблизиться к алтарю, где начиналось чтение обращенного к Небу послания. Симэнь переоделся в ярко-красный праздничный халат, поверх которого красовались цветной наперсник с изображением льва и носорожий пояс с золотой оправой, и подошел к алтарю. Сбоку встал псаломщик в темно-красной рясе и начал читать:

«Верноподданный Великой Сунской Империи, житель с улицы Триумфальной арки в уездном центре Цинхэ провинции Шаньдун, Симэнь Цин творит благодарственную молитву и приносит жертву в надежде о ниспослании благополучия и покоя. Симэнь Цин родился в полуночный час на двадцать восьмой день седьмой луны в году бин-инь. Его супруга, урожденная У, появилась на свет в полуночный час на пятнадцатый день восьмой луны в году моу-чэнь...^[580]»

– У вас есть еще близкие, не внесенные в послание? – обратился псаломщик, прервав чтение, к Симэню.

– Запишите урожденную Ли, – сказал Симэнь. – Родилась в предвечерний час под знаком земной ветви шэнь пятнадцатого дня в первой луне года синь-вэй,^[581] и сына Гуаньгэ, появившегося на свет в предвечерний час шэнь двадцать третьего дня в седьмой луне года бин-шэнь.^[582]

«Сего дня я, Симэнь Цин, вместе с семьею и домочадцами,

– продолжал псаломщик,

– прибыл сюда, дабы с открытою душою и благоговением вознести молитву Всевышнему Творцу.

Пав ниц пред ликом Твоим, каюсь я, Цин, пылинка в сем мире, низшее из трех созданий^[583] Творца. Но в суете мирской, снося зной и стужу, я во всякое мгновение ощущаю покровительство Драконова Неба и поддержку Всемогушего. Будучи военным, я удостоился поста в придворной гвардии. Мне, осыпанному щедрыми милостями Его Величества, даровали богатое содержание и возвели в должность судебного надзирателя. Дабы отблагодарить судьбу, мне столь споспешествующую, и восславить сей век процветания, я заказываю этот молебен с принесением двадцати четырех умиловительных жертв Небу и Земле, обильных и щедрых; обращаюсь с благодарственной молитвой к Нефритовому государю, творящему великие благодеяния, приношу двенадцать жертв по случаю Рождества богов во славу Создателя, ниспосылающего нам все блага и процветание. Всевышние, снизойдите и вкусите жертв.

Двадцать третьего дня седьмой луны в прошлом году, когда моя младшая жена, урожденная Ли, подарила сына Гуаньгэ, я дал обет в молебнах прославить Творца за благополучное разрешение ее от бремени, молиться о здравии младенца и приобщении его к жизни под покровом храма Трех сокровищ, просить о наречении ему имени У Иньюань. Даю обет по достижении им совершеннолетия заказать молебен с принесением жертв ста двадцати всемогущим заступникам и приобщить сына к алтарю Неба и Земли, дабы унаследовал он от отца своего чины и звания, наслаждался долгоденствием. Я желаю умиловить души предков в трех поколениях рода Симэней: деда Симэнь Цзинляна и бабки – урожденной Ли, покойного батюшки Симэня Старшего и покойной матушки – урожденной Ся, покойной жены моей – урожденной Чэнь, и всех сродников. Не дано нам знать, где нашли прибежище их души, а посему приношу двенадцать умиловительных жертв, дабы вывел их Всемогущий на стезю света и

жизни. Прими жертвы, числом сто восемьдесят, внимли мольбам и избави от напастей.

В это светлое утро Рождества богов, девятого дня первой луны третьего года^[584] под девизом Всеобщего согласия, я стою пред алтарем Всемиловнейшего Нефритового владыки и чрез посредство пастырей возношу благодарственную молитву Небу и Земле, славлю Отечество и мирное процветание, нарекаю имя младенцу и читаю Священные каноны. Да витает благодать над молящимся и денно и нощно, да снизойдут Досточтимые владыки Трех миров и Всевышний государь десяти тысяч небес и озарят чистым светом своим. Да сопутствуют мне удача и благополучие во всех моих начинаниях, да царит гармония в смене времен года и даруют они нам плоды свои в изобилии. Да пребывает все мое семейство в покое и мире. На Всемогущего уповаю и да не оставит Он никого Своею милостью. С благоговением творю эту молитву».

Псаломщик кончил чтение. На аналое появилось множество посланий и молитвенных обращений. Он развешивал их и читал одно за другим.

— Вот послание о воздаянии за уход из мира, — разворачивая первую бумагу, начал псаломщик:

«Возношу молитву Верховным государям Трех небес и Трех миров, Высоким истинносуущим десяти полюсов, Трем управителям и Четырем совершенномудрым, Величайшему и сокровеннейшему Лао-цзы, Всеобъемлющему истинносуущному господину Великому императору из Небесной канцелярии, Истинносуущному господину из Небесной канцелярии, управляющему жертвоприношениями и Истинносуущному господину из Небесной канцелярии, управляющему нисшедшими совершенномудрыми, прошу снизойти к алтарю, удостовериться в усердии и принять послание».

Псаломщик взял вторую бумагу и продолжал:

«А здесь возносится молитва Небу равному, великому рождающему божественнопремудрому Государю Великой Восточной горы, Государыне покровительнице детей, Совершенномудрой матери-предводительнице, надзирающей за рождениями и охраняющей дома, а вместе с ними Молитвы вкушающему духу и Светлым духам трех вероучений, коим вы, батюшка, давали в свое время обет, ныне исполненный; Духу бессмертия с воскурением благовоний и семидесяти пяти главным судьям подземного царства с просьбою снизойти к алтарю, где совершается заупокойная служба, и помочь усопшим вознестись на Небо. Вот подорожная Владычице Яшмовых дев и

Воеводе небесных духов, уполномоченным палаты заслуг, духам земли и прочим божествам с молитвенною просьбой принять и пропустить к богам через Врата Трех небес. Вот доклад с перечислением всех дщиц предков, пред коими совершаются поминальные службы, с просьбою принять великое усердие. Тут содержится прошение девяти главнокомандующим светоносными лучами Ковша и огнем падающих звезд милостиво открыть Небесные врата^[585]».

Прочитав все послания на одном аналое, псаломщик перешел к другому аналою.

– Вот утреннее обращение, – разворачивая первую бумагу, сказал псаломщик:

«Нелицеприятному пестуну военачальнику всесильному и Посланцам надзирателям жертвенников с Девяти небес с просьбою снизойти и охранить жертвы и очаг. Вот обращение к четырем великим полководцам истинного закона Ма, Чжао, Вэню и Гуаню и к четырем великим небесным господам Цюю, Лу, Доу и Дэну с просьбою снизойти к алтарю и охранить врата, а равно к Четырем чудодейственным правителям сокровенного свода и Великому полководцу Духу Девятифениксовому Сокрушителю, дабы очистить алтарь от скверны. Это утреннее, а вот вечернее благодарственное послание Пяти наставникам. В этой записке содержится просьба выдать дозволение на снятие покрова с алтаря, в этой – обращение к Великому Духу-полководцу гонителю зла с просьбой ударить в колокол золотой и стать с дщицею Света, к Духу грома, дабы оберег алтарь, ударил в яшмовый сосуд и стал с дщицею Тьмы. Вот записки об усмирении заоблачных духов пяти стран света, содержащие молитвенные обращения к Девяти силам природы на Востоке, Трех силам на Юге, Семи силам на Западе, Пяти силам на Севере и Одной силе в Зените, дабы они умилиствовали Небо; к Пяти старейшим верховным государям, дабы они оберегли алтарь и убедились в усердии вашем. Все прошения составлены на пятиугольной узорной бумаге. Вот утренние молитвы: первая – обращенное к Высокому заоблачно-небесному государю Южного полюса чтение из Канона о продлении жизни, вторая – обращенное к Высокому лазурно-небесному государю Северного полюса чтение из Канона о благополучии в жизни, третья – обращенное к Высокому и досточтимому Первому Громовержцу Девяти небес чтение из Канона о распространении просвещения; молитвы полуденные: четвертая – обращенное к Высокому яшмово-небесному Громоному предку Девяти небес чтение из Канона, шестая^[586] – обращенное к Высокому и необъятному государю Шести небесных чертогов чтение из Канона; молитвы вечерние: седьмая – обращенное к

Высокому пурпурно-небесному глубочайшему владыке чтение из Канона, восьмая – обращенное к Великому ясно-небесному Духу-управителю при Палате государя чтение из Канона, девятая – обращенное к Высокому багряно-небесному Духу-посланцу Девяти небес чтение из Канона. Это – обращение к Девяти путям лунным. Вот прошение воздать должное неправедным и посягающим на чужое счастье и направить их к Четырём небесным судьям. А вот еще полуденная молитва с прошением позволить войти на яшмовые ступени Трех Небес и обратиться к Облаченным в красное, желтое и белое, дабы направили своих посланцев-латников на молебен и, удостоверившись в усердии, переправили доклад в Залу прошений. Это – обращение к Великому главнокомандующему – опоре Престола Трех небес, посланцам Золотого и Водяного драконов и держащим дщицы отрокам Огненного приказа. Нет возможности перечислить все молитвенные обращения и послания. Здесь содержатся вечерние молитвы-славословия и благодарственные послания за оказанные милости, а также выписаны все пожертвования – на большой молебен со ста восьмьюдесятью жертвами, монастырской братии и прочие, и прочие».

Псаломщик перешел к последнему аналою и продолжал:

– А вот связка талисманов, послания и обращения по случаю наречения имени младенцу под покровом Трех сокровищ. Остальные за недостатком времени опускаю... и покорнейше прошу вас, батюшка, меня простить, что так утомил вас столь длительным чтением.

Симень воскурил перед алтарем благовония, подписал послания и обращения и велел слугам поднести псаломщику кусок холста, а настоятелю – свиток каллиграфического письма. Они долго отказывались, но потом велели мальчикам-послушникам унести подарки.

После этого монах в углу залы с такой силой стал бить в барабан, что, казалось, раскаты весеннего грома сотрясают обитель. За ним заиграли на ритуальных инструментах и остальные монахи. Настоятель в темно-красной расшитой пятицветными облаками^[587] рясе и украшенных плывущими облаками красных туфлях, с дщицей из слоновой кости в руке препроводил послания и призвал духов снизойти к алтарю. Отовсюду послышался звон колоколов. Сименя подвели к самым Трем сокровищам алтаря, где с обеих сторон курились благовония. Изумленный, он широко открыл глаза, наслаждаясь красотой алтаря.

Только поглядите:

В пятигранном алтаре возвышался восьмیارусный престол. На верхних ярусах покоились Трое пречистых и Четверо владычествующих, Духи восьми полюсов и Девяти небес, Высокие истинносущие десяти полюсов и Премудрые заоблачных дворцов. Средние ярусы занимали Духи гор и рек, вершин и водоемов, земли и городских стен, благодатных уголков и обителей бессмертных, земли щедрой и плодоносной. На нижних ярусах разместились чины преисподней и подземных царств, приказов и управ; духи рек, озер и морей, сонмы духов водяного царства, ключей и родников. По обеим сторонам рядами стоят столы с обильной жертвенной снедью. Кругом торжественно-внушительные священнослужители. Благодатным облаком витает аромат курений. Пылают тысячи красочных свечей. Будто букет пестрых цветов распустился – от ярких красок рябит в глазах. Горят сотни серебряных светильников. У жертвенника Небу и Земле стоят Яшмовая дева и отрок Золотой,^[588] а сверху – из перьев балдахины. У жертвенника Нефритовому государю – меченосец с чашеносцем, а сверху стяги плотнотканые. При свежем ветре движение трех пределов мироздания,^[589] отдает эхом, при чистой луне Девять небосводов высвечиваются из дымки. Как ударят в колокол златой, снисходит к алтарю Мiroдержатель. Как ударят в яшмовое било, у алтаря все взоры устремляются к Нефритовому государю. На рясах темно-красных мерцают звезды и созвездия: на шапках сверкает золото и бирюза. Святые полководцы надзиратели алтаря^[590] суровы и упрямы. Постовой Министерства заслуг,^[591] доблестен и смел. Все сошлись в драгоценной молитве. Высшие чертоги бессмертных окроплены водою и украшены цветами. Носители истины сокровенно читают духовные строфы и, на ритуальный меч опираясь, шествуют по звездам Большой Медведицы. Зеленый дракон скрыто следует по Желтому пути, Белый журавль открыто опускается в пурпурную юдоль.

После того как Симэнь обошел алтарь и воскурил благовония, его пригласили на террасу Аиста в соснах, где все расположились в уютной зале, застеленной коврами. Всюду стояли жаровни, в которых горел дорогой уголь.

Вскоре прибыли Ин Боцзюэ и Се Сида. После приветствий они протянули по цянью серебром на чай.

– Честно говоря, мы собирались поднести чаю, – заговорили они, – но дорога дальняя... Прими хоть эту мелочь.

– Будет уж вам! – отказался Симэнь. – Ну к чему это? Я ж вас позвал составить мне компанию. Здесь всего хватит. Да и шурин У еще

принесет.

Ин Боцзюэ поклонился и сказал:

– Ну, если ты так настаиваешь, мы можем и не давать. – Ин Боцзюэ обернулся к Се Сиде: – Это твоя затея! Говорил тебе, не возьмет. Вот и моргай теперь глазами.

Прибыли шурин У Старший и Хуа Цзыю. Каждый протянул по две коробки со сладостями к чаю. Симэнь попросил настоятеля принять подношения. После чаю перешли к трапезе. Оба стола ломились от расставленных с большим вкусом солений и печений, сладостей и яств. Симэнь снял парадные одежды и сел с друзьями за утреннюю трапезу, в то время как приглашенный настоятелем рассказчик услаждал их рассказом о Хунмэньском пире из «Повествования о Западных Ханях».^[592] Настоятель У препроводил на Небо послания и тоже присоединился к пирующим.

– А младенца принесут? – поинтересовался он.

– Нет, слишком мал, а дорога дальняя, – отвечал Симэнь. – Жена опасается, как бы не напугался. К обеду доставят его одежды. Думаю, вполне достаточно будет приобщить их к Трем сокровищам.

– Я тоже так полагаю, – согласился настоятель. – Так-то лучше.

– Все бы ничего, – продолжал Симэнь. – Только больно уж он робок и пуглив. Три или четыре служанки да мамка глаз с него не спускают, а все равно пугается. Особенно когда кошку или собаку увидит.

– Да, ребенка вырастить нелегко, – заметил шурин У Старший.

Пока они говорили, вошел Дайань.

– Барышни Гуйцзе и Иньэр прислали Ли Мина и У Хуэя с чаем, – объявил он.

– Зови! – крикнул Симэнь.

Вошли с двумя коробками Ли Мин и У Хуэй. Опустившись на колени, они открыли коробки, полные печенья в форме сосновых шишек и шариков, вроде тех, что носят на шапках чиновники, облитых белым сахаром хлебцев с пожеланием долголетия, а также чая с розовыми лепестками.

Симэнь попросил настоятеля убрать подношения.

– Как же вы про молебен узнали? – спросил Симэнь певцов.

– Я встретил на улице дядю Чэня, – отвечал Ли Мин. – От дяди и узнал. А дома рассказал сестрице Гуйцзе. Тогда мамаша велела мне купить подарки и У Иньэр подговорила. Вот мы и пришли. Они просили вас кланяться, батюшка. Хотели сами прибыть, да постеснялись. Отнесите, говорят, хотя бы эти скромные подарки –

слугам на угощение.

– Обождите, вас покормят, – сказал им Симэнь.

Настоятель велел певцам пройти в другое помещение, где они сытно поели вместе с остальными слугами. Однако хватит пустословить.

После полуденной молитвы настоятель У распорядился снова накрыть большой стол. На нем появились обильные яства – сорок скоромных и постных блюд: острых и соленых, пресных и сладких, жбан цзиньхуаского вина, горы сахара и фруктов, а также даосское облачение для младенца: черная атласная с позолотой даосская шапочка, темная полотняная ряса, расшитая облаками, подрясник из зеленого атласа, пара белых шелковых чулок, темные туфельки из шаньсийского шелка, плетеный из шелковой тесьмы пояс и пояса – желтый нитяной,^[593] с престола Трех сокровищ и лиловый нитяной от Государыни покровительницы детей^[594] серебряное ожерельице с выгравированным пожеланием: «Блистайте, хоромы, золотом и яшмой, продлитесь, дни, в довольстве и славе». На желтом шелковом талисмане, предназначенном для избавления от нечисти, выделялись красные знаки, гласившие: «Покровитель судьбы Дух Тайи, даруй здоровье и согласие». Подарки лежали на квадратных подносах. Рядом стояли четыре блюда изысканных фруктов.

Мальчикам-послушникам было велено достать из узлов красные записки с посланиями и молитвами, которые читались во время всех трех служб, и показать их Симэню. Потом они положили их в коробки, разместили на коромыслах – всего их оказалось восемь – и понесли к Симэню. Довольный Симэнь направил домой Цитуна, чтобы тот передал его просьбу наградить послушников платками и лянном серебра.

В тот же самый день, надо сказать, справляли рождение Цзиньлянь. В гостях у нее были невестка У Старшая, ее матушка Пань, золовка Ян и барышня Юй. Все они сидели в покоях Юэнян, когда принесли подарки из монастыря. Женщины бросились рассматривать подношения, которые не удалось разместить и на четырех столах.

– Поди сюда скорей, сестрица! – крикнула Цзиньлянь, обращаясь к Пиньэр. – Гляди-ка, что наставник твоему сыну прислал. Смотри, монашеская шапочка, ряса... А вот, гляди, туфельки.

Подошла Мэн Юйлоу.

– Полюбуйся, сестрица, – вертя в руках туфельку на белой шелковой подошве, говорила она Юэнян, – какие же искусные эти даосские монахи! Такие крошечные туфельки вывернуть ухитрились.

И швы спрятали, и строчкой украсили. А как облака чисто вышили! Нет, по-моему, не сами они делали. Это у них жены, наверно, старались.

– Что ты говоришь! – оборвала ее Юэнян. – Какие могут быть жены у монахов! Должно быть, заказывали.

– Если эти даосы жен заимели, – вмешалась Цзиньлянь, – то, выходит, и присутствующие здесь матери-наставницы не иначе как мужьями обзавелись. Они тоже вон как платки вышивают.

– Даосский монах шапку свою надвинет и идет куда вздумается, – пояснила мать Ван. – Нас же, послушников Будды, по одному виду сразу узнаешь.^[595]

– Мне говорили, – не унималась Цзиньлянь, – за вашей обителью Богини милосердия Гуаньинь расположен даосский скит Постижения сокровенного, а по пословице: когда мужской скит рядом с женским стоит, пусть и не общаются, да связи не прерываются.

– Как ты, Шестая, глупости любишь болтать! – сказала Юэнян.

– А это, глядите-ка, от Государыни покровительницы пояс лиловый, – продолжала свое Цзиньлянь. – И ожерелье серебряное с талисманом да с пожеланием. Красивый поясок! А на обороте, смотрите, имя У... дальше не могу разобрать... юань.

– Это монашеское имя, которое дал младенцу отец наставник, – пояснил Цитун. – У Инъюань.

– Это что, знак «ин»? – переспросила Цзиньлянь и воскликнула: – Сестрица, гляди, вот невежа этот даос! Почему он ему и фамилию сменил?

– Это тебе так кажется, – заметила Юэнян и обернулась к Пиньэр: – Ступай принеси младенца. Давайте полюбуемся им в монашеском одеянии, а?

– Он только что уснул, – отвечала Пиньэр. – Не хочется беспокоить.

– Ничего страшного! – заверила ее Цзиньлянь. – Разбуди поосторожней.

Пиньэр пошла в спальню младенца.

Цзиньлянь взяла красный пакет и извлекла из него молитвенное обращение, в котором за Симэнь Цином следовала его жена урожденная У, а немного пониже урожденная Ли. Остальные жены в послании не значились.

– Вы только посмотрите! – показывая всем бумагу, говорила возмущенная Цзиньлянь. – Вот он какой справедливый и беспристрастный, наш насильник проклятый! Скажете, нет у него

любимиц?! Только ее, с ребенком, записал, а мы, выходит, не в счет. Нас и за людей не принимают!

– А сестрица Старшая записана? – спросила Юйлоу.

– А уж без нее и вовсе курам на смех, – отвечала Цзиньлянь.

– Ну, чего ж тут особенного! – вставила Юэнян. – Одну упомянул и хватит. Неужели весь отряд перечислять, монахов смешить?!

– А что, мы рядом с ней недоноски какие, что ли, или выродки Лю Чжэня, – не унималась Цзиньлянь.

Появилась Пиньэр с Гуаньгэ на руках.

– Давайте сюда облачение, – предложила Юйлоу. – Я его одевать буду.

Пиньэр держала Гуаньгэ. Юйлоу надела ему даосскую шапочку, потом рясу, ожерелье и два пояса. Ребенок с испугу закрыл глаза и почти не дышал.

– Бери послания, жертвенных денег захвати и иди в молельню, – наказала Пиньэр хозяйка. – Сама предай огню.

Пиньэр вышла.

– Ну чем не монашек в этом облачении? – играя с Гуаньгэ, говорила Юйлоу.

– Какой там монах! – вставила Цзиньлянь. – Ни дать ни взять – маленький дух Тайи.^[596]

– Что ты городишь! – Юэнян сердито поглядела на Цзиньлянь. – Сейчас же прекрати такие разговоры при младенце!

Смущенная Цзиньлянь умолкла.

Напуганный переодеваниями Гуаньгэ расплакался. Тут вернулась Пиньэр и поспешно взяла ребенка. Пока она снимала с него монашеское одеяние, он обкакал ей юбку.

– Вот так У Инъюань! – заметила в шутку Юйлоу. – Блюдо ему надо подставлять, когда захочет.

Юэнян велела Сяюй вытереть юбку. На руках у матери Гуаньгэ заснул.

– Мой мальчик! – говорила Пиньэр. – Замучили тебя. Сейчас мама уложит сыночка в кроватку.

На столе почти ничего не осталось, и Юэнян пригласила старшую невестку У, золовку Ян, мамашу Пань и остальных полакомиться яствами из монастыря.

Начинало смеркаться.

Еще накануне Симэнь, готовясь к молебну, не брал в рот скоромного и вина и не поздравлял Цзиньлянь. Она ждала его в этот вечер, выйдя к воротам. Наступили сумерки, и у ворот появились Чэнь

Цзинцзи и Дайань.

– А батюшка скоро будет? – спросила она.

– Боюсь, не скоро, – отвечал Цзинцзи. – Когда мы уходили, только начали читать акафист. До первой стражи им не кончить. А потом, даосы так не отпускают. Начнут духов благодарить с возлияниями.

Цзиньянь, не проронив ни слова, вернулась в покои Юэнян раздраженная.

– Дашь слепцу волю, потом раскаешься, – обратившись к Юэнян, говорила она. – Ближний обкрадет, ближний и растопчет. Если набрюшник лопнул, на пояс нечего надеяться. Я у ворот постояла, зятя Чэня встретила. Не придет, говорит, батюшка. Молебен еще не отошел, когда он его домой послал.

– Тем удобнее для нас, – заметила Юэнян. – Значит, вечером послушаем проповедь с песнопениями. Думаю, мать наставница и мать Ван нам не откажут.

В это время зашелестела дверная занавеска и в комнате появился подвыпивший Чэнь Цзинцзи.

– Пришел поздравить матушку Пятую, – сказал он и обратился к жене: – Налей чарку. Я матушке Пятой поднесу.

– Где я тебе возьму чарку! – отвечала жена. – Ступай, поклонись матушке. Сейчас налью. Погляди на себя! Ты же пьян. Людям молебен, а тебе – выпить предлог.

– Правда, батюшка не придет? – спросила его Юэнян. – Дайань тоже там?

– Молебен еще не кончился, – отвечал Цзинцзи. – Батюшка меня отпустил, потому что дома никого нет, а Дайаня при себе оставил. Настоятель никак не хотел меня отпустить, все за стол сажал. Выпей, говорит, большой кубок, тогда отпущу.

– А кто да кто там с хозяином? – поинтересовалась Юэнян.

– Шурин У Старший, шурин Хуа Старший, дядя Ин, дядя Се и певцы У Хуэй с Ли Мином. Даже не знаю, когда они разойдутся. Шурин У хотел было откланяться, а шурин Хуа попросил батюшку его задержать. Наверно, в монастыре и заночуют.

– «Шурин Хуа»?! С чего это ты его так называешь, а? – воспользовавшись отсутствием Пиньэр, спросила Цзиньянь. – Что это за родственничек, ты б его покойного брата спросил. Уж называл бы хоть «шурин Ли».

– А что вы, матушка, собственно, удивляетесь, как деревенская девица, к которой посватался Чжэн Энь?^[597] – отвечал Цзинцзи. – Она ведь наследника родила. Вот ее счета всем вам и приходится

оплачивать.

– Сейчас же клади земной поклон, арестантское твоё отродье, – заругалась на него жена, – и убирайся отсюда. Чтоб я больше не слышала твоего вздора!

Цзинцзи попросил Цзиньянь занять почетное место и, качаясь из стороны в сторону, отвесил ей четыре земных поклона.

Когда он ушел, в комнате зажгли свечи и накрыли стол. Пригласили матушку Пань, золовку Ян, старшую невестку У и остальных. Цзиньянь наполнила всем чарки, и они принялись лакомиться лапшой. После нескольких чарок служанки собрали посуду и вынесли стол.

Юэнян велела Сяоюй запереть внутренние ворота и поставить на кровать маленький столик. Гости расселись в круг, в центре которого разместились монахини. Воскурили благовония и при двух свечах собравшиеся приготовились слушать проповедь.

Начала старшая мать-наставница:

– Итак, вслушайтесь в проповедь Тридцать второго патриарха Запада,^[598] снисшедшего на Землю Восточную, дабы посеять в сердцах наших учение Будды – слово Его, составившее Великий Сокровенный Канон «Трипитаку».

В давние времена, в третьем году под девизом Всеобщего Блаженства при Танском Сыне Неба Гао-цзуне,^[599] произошло чудо, о коем в здешних сочинениях не упоминается. Так вот. Жил-был в деревне Шаоду, что в Линнани,^[600] некий богач Чжан, человек именитый и солидный. Владел он крупным состоянием, окружил себя многочисленной челядью и имел восемь жен. С утра начиналось у него в доме веселье, не проходило вечера без приема или пира. Отдавшись праздности и наслаждениям, он и не помышлял о добрых делах. И вот как-то, выйдя из дому в поисках усад, завидел он праведников. Несли они на плечах своих благовонные палочки и масло, отборный рис и прочую снедь и громко повторяли имя Будды. Приблизился к ним Чжан и спрашивает: «Куда ж вы путь держите, праведники?» И отвечает один из них: «Кто на молебен с принесением жертв, кто на проповедь». Спрашивает тогда Чжан: «А что проку, скажите мне, во всех этих молебнах да проповедях?» И отвечали ему праведники: «Нелегко человеку постичь учение Будды, нелегко человеку жизнь на белом свете прожить. Вот как верно сказано по сему поводу в Лотосовой сутре: “Если человек желает себе счастья, пусть молится Будде и приносит жертвы. Не насладится довольством в нынешней жизни, станет знатным и богатым в последующей”. А почему? Да

потому, что еще в старину люди сказывали: “И дракону, внемли он Будде, откроется Его Слово; и змею, раскайся он в грехах, даруется перерождение. Что ж говорить о человеке?!”». Воротился богач Чжан домой и велел слуге-мальчику пригласить в залу всех жен своих. Когда предстали пред ним восемь жен его, он сказал им так: «Ухожу я, жены мои, в Обитель Желтой сливы,^[601] а все состояние мое делю поровну меж вами, чтоб могли вы дожить свои дни. Ведь и вы, и я вкушали одни наслаждения, окружавшие нас, но не ведали, что будет с нами в грядущем». Выслушали его жены и сказали так: «Чем же грешен ты, господин наш? Ты чист и непорочен, как святой. Это мы рожали и тем прогневали Всевышнего. Наши грехи тяжелее твоих. Живи смиренно дома, отпусти нас искупить наши грехи».

Да,

Уговаривали пылко
Жены мужа своего,
Он же, с тихой улыбкой,
Не сказал им ничего.

Умолкла старая наставница. Настал черед матери Ван. Юэнян, Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньлянь, Сюэ, Пиньэр, дочь Симэня и Сяоюй хором восславили Будду, и мать Ван перешла к напевному псалму:

Восемь жен все расстилались пред мужем,
чтобы в жизни держать при себе.
«Поступать так жестоко не нужно,
Не предай нас злосчастной судьбе!
Малым детям готовишь ты слезы,
Их страданья нет силы снести!
Ты поверь, уходить – несерьезно,
Можно дома заветы блюсти.
Обрекаешь на тяжкие муки!
Нас лишения ждут впереди!
Лучше смерть, чем безвестность разлуки!
Не бросай посредине пути!»
Льнет к супругу жена, сын – к родителю.
В свете горше не сыщешь обители!
Поет на мотив «Золотые письма»:
Восемь жен, глаза все выплакав почти,
Умоляли мужа жить в семье родной,
Не блуждать напрасно горною тропой,
Ведь и дома можно заповеди чтить.

И отвечал им муж так: «Премного благодарен вам, жены мои! Когда я умру и отойду в царство тьмы, тогда вы и замолите мои грехи, а теперь, прежде чем предстать пред Владыкою ада, мне хотелось бы выпить с вами чару вина». Пока они пили вино, у Чжана родился план. «Жены мои! – обратился он к ним. – Поправьте светильник, прошу вас». Жены нечаянно задули свет и побледнели от страха. Тогда богач Чжан крикнул: «Служанка! Сейчас же зажги свет!» Меж тем он выхватил стальной меч и до смерти напугал своих жен.

Псалом:

Чжан светильник опять зажигает.
«Кто его и зачем потушил, –
Своим женам мечом угрожает, –
Чтоб навеки я мертвым почил?
Кто же автор коварной затей?
Овладеть захотела добром?!
Не сберечь тебе, курочка, шеи!»
В страхе все, как одна, ввосьмером.
«Государь наш, вы гнев свой умерьте,
Милосердно даруйте нам жизнь!
Ты видал, мы тушили все вместе,
По-злодейски ты точишь ножи!
Всех нас вместе, подряд, уничтожь скорей,
Адский пламень владеет душой твоей!»

Богач усмехнулся и обратился к женам: «Вы потушили светильник предо мной, живым, и тут же стали отрекаться. Да разве после этого вы почтете своим долгом молиться за мои грехи, когда я уйду в мир иной? Неужто думали, что меня, достойного мужчину почтенных лет, вам, бабам, вот так легко удастся провести? Смешно!» Жены смолкли, ни слова не сказав в ответ. А Чжан, познав, что знатность и богатство – плод подвигов, свершенных в предшествующей жизни, позвал тотчас же мальчика слугу. «Повозки нагрузи, – сказал, – благовониями и маслом, рисом и лапшой, закусками и овощами. И не забудь положить серебра. Я ухажу в горный монастырь Желтой сливы молиться, жертвы приносить и проповеди слушать».

Поет на мотив «Золотые письма»:

«Жены, истина любви в моих словах.
Брахма^[602] страсть, богатство – все презрел,
И божественные сущности прозрел,
Слился с миром и прославился в веках».

Итак:

Уходит ныне в монастырь богач,
Родные, близкие – все в горький плач.

Мать Ван умолкла.

– Вам бы передохнуть да перекусить, досточтимые наставницы, – обратилась к монахиням Юэнян.

Она вызвала Сяюю и велела ей принести четыре блюда овощей, два блюда солений и блюда со сладостями: сахаром, хрустящим печеньем, круглыми хлебцами и жареными лепешками, потом пригласила старшую невестку У, золовку Ян и матушку Пань составить монахиням компанию.

– Благодарю, я сыта и больше не могу, – отвечала госпожа У. – Пригласи лучше золовушку Ян. Ведь она, родимая, постится.

Юэнян разложила на позолоченные тарелочки сласти и подала сперва наставнице, потом золовке Ян.

– Откушайте за компанию с наставницами, – уговаривала ее хозяйка.

– Помилуй меня, Будда! – взмолилась Ян. – Я сыта, не могу больше. Да здесь какие-то жареные кости. Нет, нет! Уберите, сестрица! Еще проглотишь ненароком скоромное.

Все расхохотались.

– Да что вы, матушка, это же монастырские соленья, – объяснила Юэнян. – Кушайте, не бойтесь. Они только на вид как мясо.

– Ну, ежели постное, можно отведать, – согласилась Ян. – В глазах у старухи рябит, вот мясо и померещилось!

Только они сели за трапезу, в комнату вошла Хуэйсю, жена Лайсина.

– А тебе чего тут нужно, вонючка проклятая? – в упор спросила ее Юэнян.

– Я тоже хочу проповедь послушать, – отвечала Хуэйсю.

– Ведь ворота закрыты. Как ты сюда попала? – не унималась Юэнян.

– Она на кухне была, – пояснила Юйсяо. – Печь тушила.

– То-то вижу, чумазая какая! – проговорила хозяйка. – И засаленная вся, как барабанная колотушка, а туда же – проповедь слушать!

Собравшиеся снова уселись вокруг монахинь. Служанки убрали посуду и начисто вытерли стол. Юэнян поправила свечи и воскурила благовонные палочки. Монахини ударили в гонг и продолжали

напевно:

И начал богат Чжан жизнь праведную в горном монастыре Желтой сливы. Целыми днями простаивал на коленях, вникая в смысл Писания, а по ночам погружался в сидячую медитацию. Заметил его Четвертый Патриарх чаньский наставник,^[603] и понял: необыкновенный это человек, быть ему истинным послушником Будды – на роду написано. Спросил Патриарх, из каких краев пожаловал, как прозывается. Ответил ему Чжан и поведал свою историю: «Ваш скромный ученик оставил богатства и жен своих и навсегда ушел из мира». И взял его Патриарх себе в послушники. Днем заставлял деревья сажать, а ночью – рис рушить. Так в трудах тяжелых провел он шесть лет. Подвиг его поразил и Высокочтимого Ведану^[604] стража учения Будды, и Четвертого Патриарха. Он-то и велел Чжану найти пристанище и покой. Приобщив его к Трем сокровищам, он вручил Чжану рясу, травяной плащ от дождя и причудливо изогнутый посох и направил его к берегам Мутной реки, где бы мог он вселиться в утробу, родиться вновь и обрести жилище. «Пройдет три сотни и шесть десятков дней, и созреет плод, – говорил Чжану Четвертый Патриарх. – Ты уже стар и обветшала келья твоя. Ты уж не сможешь распространять сокровенный закон, не сумеешь обратить в веру новых чад...»

Монахини довели рассказ о деяниях богача Чжана до Драгоценной девы и ее тетушки. Те стирали белье на Мутной реке, когда к ним приблизился монах и попросил приют, но они промолчали. Тогда старец бросился в реку...

Тут Цзиньлянь, давно уже клевавшая носом, ушла спать, чуть погода удалилась и Пиньэр. Ее позвала Сючунь, потому что проснулся ребенок.

Остались Цзяоэр, Юйлоу, матушка Пань, Сюээ, золовка Ян и госпожа У. Они дослушали рассказ до того самого момента, когда из реки выудили рыбу. Ее проглотила дева и понесла, и ходила девять месяцев.

Мать Ван запела на мотив «Резвится дитя»:

Людям неведомо, странная вещь!

Эта – пришедшая с Запада весть.

Чудная сущность вселилась во чрево –

Железнодорожником беременна дева.

Чудо зачатия – не брачное дело.

Корень – где свет достигает предела.

Там, за Куньлунем – в безбрежном эфире

Будда Амида^[605] радуется о мире.

Вошла Драгоценная дева к тетушке и говорит: «Что же такое случилось? Мы белье стирали. Старец попросился приютить его и почему-то бросился в реку. Я так напугалась! А потом съела персик бессмертия, и теперь меня раздувает. Каюсь, во чреве моем зреет плод».

Да,

Во чреве Девы-матери плод странного зачатия.

Слезамы умывается и в страхе ждет несчастья.

Как сказано стихами:

Откуда взялся этот плод, увы, не мнимый?

Как быть? Молчит она, раскаяньем томима –

На первый месяц показалась роса,

Второй – вдруг затуманилась краса,

На третьем – жилки заалели кровяные,

Четвертом – выступили формы костяные,

На пятом месяце уж стал понятен пол,

Шесть полостей сформировались на шестом,

Семь дыр проткнул седьмой иглою острой,^[606]

А на восьмом обрел плод человеческий образ.

Девятый месяц – вызрел долгожданный плод,

Готова Дева-мать свой распахнуть живот.

Пятый Патриарх вселился в материнскую утробу, дабы спасти людей, а посему никто среди живущих не должен огорчаться. В древности, чтобы на землю снизойти, Будда в смертную утробу поселился и так явился в этом мире. Потом родившую Его вознес в Небесные чертоги.

Так будды светозарный дар

В утробу смертную проник,

Так вызрел Пятый Патриарх,

Спасителем явился в мир.

Тут Юэнян заметила, что исчезла дочь Симэня, а невестка У спит на ее постели. Зевала золовка Ян. Догоравшие свечи едва-едва мерцали.

– Который час? – спросила Юэнян.

– Четвертую ночную стражу пробили, – отвечала Сяююй. – Уж петухи запели.

Юэнян велела монахиням убирать сутры. Золовка Ян направилась к Юйлоу, барышня Юй устроилась у Сюээ, невестка У разместилась во внутренней комнате с Юйсяо. Старшую наставницу хозяйка проводила к Цзяоэр, а с собой оставила мать Ван.

Они выпили по чашке чаю, который им подала Сяоюй, и легли.

– Ну, а потом что? – спрашивала Юэнян монахиню. – Стал Пятый Патриарх бессмертным?

Мать Ван продолжила рассказ:

Увидали отец с матерью, что дочка их беременна, велели старшему сыну выгнать Драгоценную из дому да накликать на нее тигров. Но сжалился милостивый дракон и не дал ей погибнуть. Подбежала Драгоценная к раскидистому тополи и петлю на себя накинула. Тут растрогался Дух звезды Тайбо.^[607] Велел напоить ее и насытить. Так волею судьбы прошло девять месяцев, и попала она в храм Селенья Бессмертных, и разрешилась от бремени. Как явился на свет Пятый Патриарх, лиловой дымкой покрылся храм, алый свет засиял вокруг. Поглядела дева на дитя свое и испугалась. Вид у него был необыкновенный. Сидел он прямо, скрестив ноги. Потом очутилась она в Селеньи Небесной Радости у богача Вана, где отдохнула и обогрелась у огня. Когда же она предстала пред хозяином, тот решил сделать ее своей наложницей. Поклонились они с сыном богачу, и в тот же час умерла у него жена. Схватили тогда Драгоценную с сыном, но потом богач одумался. «Должно быть, хорошие это люди, – сказал он. – Оставлю их у себя». Только к шести годам заговорил Пятый Патриарх и, ничего не сказав матери, направился прямо под засохшее дерево на берег Мутной реки, достал три сокровенных дара и пошел в монастырь Желтой сливы слушать проповеди Четвертого Патриарха.^[608] Так он и достиг бессмертия, а впоследствии освободил от перерождений родительницу свою, и стала она небожительницей.

Выслушала рассказ монахини Юэнян и сильнее укрепилась в ней вера в Будду.

Тому свидетельством стихи:

Молитвой смерти избежать хотят невежды,
Но грешен ум, болтлив язык и нет надежды,
Монахи любят серебро и сытный ужин,
Чтоб толстосумов растряссти, им Будда нужен.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

ПИНЪЭР, РОДИВ СЫНА, ОБРЕЛА БЛАГОСКЛОННОСТЬ

ЦЗИНЬЛЯНЬ, ОДЕВШИСЬ СЛУЖАНКОЙ, ДОМОГАЕТСЯ Л ЛЮБВИ

*Творишь добро – от души твори.
Свое равнодушие ты побори.
Не станут меньше, не пропадут
Дела благие, усердный труд.
Сутр целые горы на свете есть,
А много ль из них нам дано прочесть?
Копи богатства хоть целый век –
В беде не помогут они, человек.
Расставишь жертвы и там, и тут –
К ним духи даже не подойдут.
Хоть полон дом сыновей подчас,
А кто ж наследник твой в смертный час?..*

Так вот. В ту ночь Юэнян и мать Ван легли вместе.

– Почему я не замечаю у вас, матушка, никаких признаков грядущей радости материнства? – спросила хозяйку монахиня.

– Какое там материнство! – воскликнула Юэнян. – В восьмой луне прошлого года, когда мы купили дом напротив, я, сама не знаю зачем, пошла поглядеть. Оступилась на лестнице, и у меня был выкидыш... Шести – или семимесячный. И с тех пор никаких признаков.

– Почти семимесячный! Ой, дорогая вы моя! – сочувственно разохалась монахиня. – Ведь уж совсем созревший младенец!

– То-то и оно! Среди ночи выкинула. Посветили мы со служанкой в

нужник, а там мальчик.

– Какая жалость, дорогая моя матушка! – причитала Ван. – Как же это случилось? Слабый, должно быть, плод был.

– Поднималась я по лестнице, – рассказывала Юэнян, – и как-то оступилась. Меня шатнуло назад, ноги поехали, и я б не устояла, если б не сестрица Мэн. Спасибо, поддержала, а то бы все ступеньки пересчитала.

– Вам бы, матушка, сыном обзавестись, – посоветовала монахиня, – ваш сын стал бы дороже всех иных. Смотрите, давно ли матушка Шестая в доме, а уж сына обрела. И как она счастлива!

– Будь на то наша воля! Каждому свой жребий.

– Ничего подобного! – возразила монахиня. – Есть у нас наставница – мать Сюэ. Как она наговорной водой пользуется! Помнится, у начальника Чэня жена уж в годах была, а одни выкидыши. Ну никак доносить не могла. И стоило ей принять воду наговорную от матери Сюэ, такого красавца родила, что весь дом ликует от радости. Только для этого потребуется одна вещь, а ее раздобыть нелегко.

– Что же это такое? – поинтересовалась Юэнян.

– Нужно детское место после мальчика-первенца. Его следует промыть в вине и сжечь, а пепел всыпать в наговорную воду и принять в день жэнь-цзы. Только никто не должен знать. А чтоб злые духи не повредили, принять надобно натошак с рисовым вином. Еще необходимо будет твердо помнить день, потому что ровно через месяц – ни днем раньше, ни днем позже – свершится зачатие.

– А где ж обитает эта наставница? – спросила хозяйка.

– Матери Сюэ уж за пятьдесят. Раньше она жила в монастыре Дицзана,^[609] а теперь стала наставницей обители Священного Лотоса. Это на южной окраине города. Высокой нравственной чистоты сия послушница Будды. А сколько у нее священных книг! А как она читает «Толкование по пунктам “Алмазной сутры”» или жития «Драгоценных свитков»!^[610] Начнет проповедовать – ей и месяца не хватит! Только по богатым домам ходит. А придет, дней десять, а то все полмесяца не отпускают.

– Пригласи ее ко мне, ладно? – попросила Юэнян.

– Обязательно! Я вам, матушка, у нее наговорной воды попрошу. Только раздобудьте то, о чем говорили. Может, попытаться достать у матушки Шестой, от ее первенца, а?

– Нет, нельзя ублажать себя за счет ближнего, – запротестовала Юэнян. – Лучше я дам тебе серебра, а ты мне не спеша разыщешь.

– Тогда придется к повитухе идти, – отвечала монахиня. – Только у них и достанешь. А насчет воды не сомневайтесь. Никаким звездам не затмить лунного сиянья. Будет у вас наследник, только примете.

– Но об этом чтоб ни слова, – наказала Юэнян.

– Матушка, кормилица вы моя дорогая, да за кого ж вы меня принимаете! – заверила ее монахиня.

После этих разговоров они погрузились в сон, и о том вечере говорить больше не будем.

* * *

На другой день воротился из монастыря Симэнь. Юэнян только что встала, и Юйсяо помогла хозяину раздеться.

– Что ж ты вчера не пришел? – спросила Юэнян. – Сестрица Шестая так хотела поднести тебе чарку.

– Молебен очень долго слушали, – отвечал Симэнь. – А вечером отец настоятель, сватушка, раскошелился. Богатый пир устроил. Тут шурин У Старший пожаловал. Он-то меня и не отпустил. Пришлось пировать до самой полночи с шурином Хуа Старшим, братьями Ин Боцзюэ и Се Сиды. Певцы тоже были. Я с утра домой поспешил, а они и сегодня пировать будут. Немало, должно быть, выложил родственник У на такое угощение.

Тут Юйсяо подала чай. Симэнь в управу не пошел, а отправился в кабинет и заснул сей же час, едва успев добраться до кровати.

Между тем встали Цзиньянь и Пиньэр. После утреннего туалета они пошли к Юэнян пить чай. Пиньэр несла на руках Гуаньгэ.

– Хозяин вернулся, – обратившись к Пиньэр, сказала Юэнян. – Я его угощала, а он отказался, в передние покои ушел. Завтрак готов. Ступай одень малыша монахом и покажи ему.

– Я тоже пойду одевать Гуаньгэ, – сказала Цзиньянь.

Когда на Гуаньгэ снова появилась расшитая золотом даосская шапочка и ряса, перепоясанная украшенным табличками и талисманами пояском, его обули, и Цзиньянь решила вынести его сама, но ее остановила Юэнян:

– Пусть мама сама возьмет, а то еще запачкает тебе желтую юбку. На вышивку попадет, не отчистишь.

Пиньэр взяла сына на руки. Цзиньянь шла вслед за ней. Когда они приблизились к кабинету в западном флигеле, заметивший их Шутун поспешно спрятался.

Симэнь крепко спал, повернувшись лицом к стене.

– Храпишь, старый побирушка! – сказала Цзиньянь. – А тебя

маленький монашек зовет. У старшей мамочки завтрак на столе. Чего ж ты притворяешься? Мама кушать зовет.

После обильной выпивки Симэнь головы не мог поднять и громко храпел. Цзиньлянь и Пиньэр подсели к нему на кровать и положили прямо перед ним сына. Тот протянул ручонки к отцовскому лицу. Симэнь открыл глаза и увидел одетого монахом Гуаньгэ. Обрадованный отец, улыбаясь, обнял сына и начал целовать.

– Погаными губами еще ребенка лезет целовать, – заворчала Цзиньлянь. – А ну-ка, монашек наш маленький У Инъюань, плюнь ему в лицо. Спроси, где он вчера пахал. Где он так умаялся? Ишь, дрыхнет средь бела дня. Скажи, как мама Пятая его ждала. Какой папа нехороший. Маму поздравить не захотел.

– Молебн допоздна служили, – отвечал Симэнь. – А после благодарения духов пир начался. Всю ночь пили. Я уж сегодня пораньше приехал. Немного сосну, а там к ученому Шану на прием надо собираться.

– Без вина ты жить не можешь, – заметила Цзиньлянь.

– Он же мне приглашение прислал. Не пойду – обидится.

– Только пораньше приходи. Ждать буду.

– У матушки Старшей завтрак на столе, – торопила Пиньэр. – И кислый отвар с ростками бамбука припасен.

– Есть мне не хочется, – сказал Симэнь. – А от кислого отвара не откажусь.

Он встал и направился в дальние покои. Цзиньлянь же уселась на кровать и протянула ноги к печке.

– Да, теплая тут, оказывается, постель, – засунув руку под одеяло, сказала она. – Прямо руки обжигает.

Она заметила на столе небольшую изящно отделанную медью каменную курильницу и взяла ее в руки.

– Сестрица, будь добра, подай с того столика коробку с благовониями, – обратилась она к Пиньэр.

Цзиньлянь открыла коробку, бросила в курильницу плиточку, а другую для благоухания спрятала себе под юбку.

– Пойдем, – сказала, наконец, Пиньэр, – а то еще хозяин вернется.

– А что нам его бояться? Пусть приходит, – отозвалась Цзиньлянь.

Они взяли Гуаньгэ и направились в дальние покои к Юэнян. После завтрака Симэнь велел слуге седлать коня. Пополудни он отбыл на пир к ученому Шану. Вскоре откланялась и матушка Пань.

Вечером стала собираться и мать Ван. Юэнян незаметно сунула ей лян серебром и попросила не говорить старшей наставнице, а достать

ей наговорную воду у матери Сюэ.

– Я теперь приду только шестнадцатого, – говорила монахиня, принимая серебро. – Достану то, в чем ты так нуждаешься.

– Ладно! – согласилась Юэнян. – Устроишь как полагается – еще отблагодарю.

Монахиня Ван ушла.

Людам солидным, дорогой читатель, никак нельзя привечать буддистских монахинь и сводней, разрешать им проникать в женские покои, потому что под видом чтения проповедей и священных историй о загробном блаженстве и преисподней они занимаются вымогательством, подстрекают к дурному и творят всяческое зло. Каждые девять из десятка становятся жертвами их ухищрений и навлекают на себя беду.

Тому свидетельством стихи:

Послушниц иногда дурных
аж в проповедницы пророчат!
Те ж только женам богачей
искусно голову морочат.
Когда б и впрямь их озарил
ученьем Будда совершенный,
Весь свет излился бы на них,
и мрак царил бы во Вселенной.

Вечером Цзиньлянь посидела немного в покоях Юэнян, потом удалилась к себе. Устроившись у зеркала, она сняла с себя головные украшения и завязала волосы узлом. Потом набелилась, густо подкрасила губы помадой, чтобы они ярче выделялись на белоснежном лице, прицепила подвески-фонарики и воткнула в волосы под золоченый лиловый ободок три цветка. Оделась она в ярко-красную, отделанную золотой ниткой кофту и синюю атласную юбку. Словом, вырядилась служанкой, чтобы разыграть Юэнян и остальных.

Когда она позвала Пиньэр, та хохотала до упаду.

– Сестрица, – немного успокоившись, проговорила, наконец, Пиньэр. – Ты как есть служанка. Постой, я только за платком схожу. Тебе только красного платка не хватает. Давай их настрашаем: батюшка, мол, еще служанку купил. Они поверят, вот увидишь!

Впереди с фонарем шла Чуньмэй. Тут им повстречался Цзинцзи.

– Кто, думаю себе, идет? – протянул он, смеясь. – А это, оказывается, вы, матушка Пятая, шутки разыгрываете.

– Зятюшка, поди-ка сюда, – подозвала его Пинъэр. – Ступай первым к хозяйке, посмотри, что они там делают, да скажи им: так, мол, и так.

– Уж я-то их проведу! – отозвался Цзинцзи и направился прямо к Юэнян.

Она с остальными женами сидела на кане и пила чай.

– Матушка! – обратился к хозяйке Цзинцзи. – Разве вы не слышали, батюшка тетушку Сюэ звал: за шестнадцать лянов служанку купил. Ей лет двадцать пять, поет и играет. Только что в носилках доставили.

– В самом деле? – изумилась Юэнян. – Почему же тетушка Сюэ мне ничего не сказала?

– Побоялась, как бы вы ее не отругали, – сказал Цзинцзи. – Носилки до ворот проводила, а сама домой. Ее служанки ввели.

Невестка У промолчала, а золовка Ян заметила:

– Для чего еще надо брать? Ведь их и так в доме предостаточно.

– Дорогая вы моя! – отвечала Юэнян. – Когда денег много, и сотню служанок заведи, все мало покажется. Небось, видите, он и нас, жен, для числа собирает, чтоб как солдаты шеренгой стояли.

– Я пойду погляжу, – сказала Юйсяо и вышла.

Светила луна. Первой с фонарем в руках шла Чуньмэй. Потом она передала фонарь Лайаню, а сама подошла к служанке, и они вместе с Пинъэр стали шествовать в качестве ее сопровождающих.

Завидев одетую в красное, с покрытой головой служанку, Юйлоу и Цзяоэр поспешили ей навстречу. Наконец она вошла в хозяйкины покои. Юйсяо встала рядом с Юэнян.

– Вот госпожа, – сказала она вошедшей. – Кланяйся!

Цзиньлянь скинула платок и, изогнув стройный стан, отвесила земной поклон, но, как ни крепилась, ей не удалось сдержаться, и она рассмеялась.

– Вот так служанка! – воскликнула Юйлоу. – Нет, чтобы почтить госпожу – так она смеется!

Юэнян тоже рассмеялась.

– Ах, чтоб тебе провалиться, сестрица Пятая! – сказала она. – Нас разыгрывают, а мы и поверили.

– Я сразу ее узнала, – сказала Юйлоу.

– А как? – спросила золовка Ян.

– Сестрица Шестая^[611] на особый манер кланяется, – объяснила Юйлоу. – Шага на два сперва отступит.

– Ты, дорогая, все подметишь, а мне, старухе, и невдомек, – проговорила Ян.

– Да я вот тоже приняла всерьез, – вставила Цзяоэр. – Не сними она платок да не рассмейся, мне бы так ее и не узнать.

Вошел Циньтун с войлочным ковриком под мышкой.

– Батюшка воротились, – объявил он.

– Спрячься скорей в той комнате, – сказала Юйлоу. – Я его разыграю.

Вошел Симэнь, и золовка Ян со старшей невесткой У удалились во внутреннюю комнату. Симэнь сел неподалеку от Юэнян. Та молчала.

– Тетушка Сюэ только что двадцатилетнюю служанку в носилках доставила, – начала Юйлоу. – Ты, говорит, велел. Ты ведь не молод, у тебя на плечах хозяйство. Понять не могу, зачем эта затея.

– Да у меня с ней и разговору не было, – удивился Симэнь. – Подшутила, верно, над вами старая сводня.

– Не веришь, спроси старшую сестрицу, – продолжала Юйлоу. – Правду говорю. И девка вон в комнате сидит. Хочешь, позову? – Она обратилась к Юйсяо: – Ступай, новенькую служанку позови. Пусть батюшке покажется.

Юйсяо прикрывалась рукой, чтобы не рассмеяться, но ввести переодетую Цзиньлянь не решалась. Она вышла, постояла немного, а когда вернулась, заявила:

– Она не хочет выходить.

– Постой, я сама ее выведу, – проговорила Юйлоу. – До чего ж наглеют эти рабские отродья! Перед нами стояла, как истукан, теперь от хозяина отворачивается, своевольная девка! – Юйлоу бросилась в комнату, откуда раздалась ее брань: – У, негодяйка проклятая! Ругательств на тебя не хватает. Не пойдешь, тебя спрашиваю? Силой потащу. – Юйлоу засмеялась: – Вот рабское отродье! и кто только тебя, невежу такую, уродил? Ей, видите ли, не к лицу хозяину поклониться.

Тут Юйлоу вывела злополучную служанку. При свете лампы Симэнь взгляделся в нее и сразу узнал Цзиньлянь. Завязанные узлом волосы и одеяние служанки рассмешили его. От хохота он так сощурился, что не видно стало щелок глаз.

Между тем Цзиньлянь как ни в чем не бывало уселась в кресло.

– Вот бесстыдница! – продолжала шутить Юйлоу. – Только вошла, и никакого почтения! Ишь, расселась пред самым хозяином! Думаешь, больно приятно твою вонь нюхать!

– Ну, поклонись хозяину! – просила ее, улыбаясь, Юэнян.

Но Цзиньлянь не двинулась с места. Немного погодя она удалилась во внутреннюю комнату Юэнян, выдернула шпильки, надела головные

украшения и снова предстала перед собравшимися.

– Ишь ты, негодница! – заругалась на нее Юэнян. – Уже у кого-то головные украшения успела стянуть.

Все рассмеялись.

– От свата Цяо шесть приглашений Цяо Тун вручил, – обратившись к Симэню, сказала хозяйка. – Просят нас пожаловать на прием и полюбоваться фонарями. Надо будет им завтра же подарки отправить. – Юэнян обернулась к Юйсяо: – Ступай, покажи батюшке пригласительные карточки.

Симэнь стал читать:

«Двенадцатого дня покорнейше прошу снизойти в мое холодное жилище, дабы с нами разделить скромную трапезу. Предвкушая встречу Ваших роскошных экипажей и лышу себя надеждой, что Вы осястливите меня своим визитом, который доставит мне невыразимую радость.

Милостивому Государю высокодобродетельному родственнику Симэню для уведомления Милостивых Государынь супруг его сие послание направляет С низжайшим поклоном Чжэн, в замужестве Цяо».

– Надо будет завтра же послать им приглашения, – сказал Симэнь. – Устроим прием четырнадцатого. Пригласим супруг столичного воеводы Чжоу, военного коменданта Цзина и достопочтенного Ся, а также мать свата господина Чжана. А невестушка У Старшая пусть у нас и остается. Бэнь Дичуаню я велю позвать мастеров. Они соорудят пирамиды для хлопушек и потешных огней. У императорского родственника Вана актеров возьмем. Они «Западный флигель» покажут, надо будет У Иньэр с Ли Гуйцзе тоже позвать. Завтра же утром накажите Лайсину купить четыре коробки яств и жбан южного вина да отослать им. Вы будете дома пировать, а я с Ин Боцзюэ и Се Сиды пойду в кабачок на Львиную.

Накрыли стол. Цзиньлянь наполняла чарки, и все пили за ее здоровье. Стоило Симэню увидеть переодетую служанкой напомаженную Цзиньлянь, как у него невольно застучало в груди. Он подмигнул ей, и она тотчас смекнула, куда он клонит. Посидев немного за столом, она удалилась к себе, сняла с головы украшения и причесалась по-ханчжоуски. Потом подрумянилась и подкрасила губы. На случай у нее был заранее накрыт стол, потому что ей хотелось самой угостить Симэня.

Через некоторое время пришел и Симэнь. Прическа-туша Цзиньлянь еще больше пришлась ему по душе. Он опустился в кресло и обнял Цзиньлянь. Так они ворковали и смеялись.

Вскоре Чуньмэй убрала со стола, и Цзиньянь снова поднесла ему кубок вина.

– Да ведь ты ж меня там угощала, – сказал Симэнь. – Зачем же еще хлопотать?

– Там со всеми вместе, – отвечала она, улыбаясь. – То не в счет. А тут я для тебя одного приготовила. Зачем меня укоряешь? Ведь ты же на меня из года в год тратишься?

У польщенного Симэня лицо расплылось в улыбке. Он сощурился так, что не видно было щелок глаз, и, взяв кубок, снова обнял сидевшую у него на коленях Цзиньянь. Чуньмэй угощала их вином, а Цюцзюй потчевала закусками.

– Я тебе вот что скажу, – обратилась к Симэню Цзиньянь. – Пусть уж двенадцатого одна Старшая сестра в гости идет.

– А вы почему не пойдете? – спросил он. – Ведь вас всех приглашают. Я велю и кормилице с сыном пойти, а то будет по матери плакать.

– Им можно идти, – заговорила она. – У них есть во что нарядиться, а мне? Я как старая монахиня, у меня одно старье: стыдно на глаза показаться. Взял бы да поделил раскрой, что с Юга привезли. Тогда б и у меня было что надеть. Что проку их под спудом держать? А то настанет наш черед угощать, придут почтенные гости, а мы в чем их встретим? Они надо мной смеяться будут. Сколько я тебе говорила, да ты все шуточками отделываешься.

– Ладно, – сказал, смеясь, Симэнь. – Завтра портного Чжао позову. Он вам сделает наряды.

– Два дня остается, – заметила Цзиньянь. – Да разве он успеет?

– Я велю ему взять помощников, – пообещал Симэнь. – И скажу, чтобы сшил сперва тебе, а остальным можно потихоньку, не спеша сделать.

– А ведь когда я тебя просила! – опять укорила его Цзиньянь. – Выбери мне лучший шелк, слышишь? У них вон какие наряды. Ты обо мне меньше всего заботишься.

– Вот болтушка! – засмеялся Симэнь. – Тебе все лучше других подавай.

Так они проболтали до первой ночной стражи, потом легли. Они резвились под пологом, как пара неразлучных уток, как феникс с подругой, тихо щебеча в своем гнездышке. Они время от времени утихали, чтобы потом снова насладиться игрою дождя и тучки. Их бурные утехи продолжались за полночь.

На другой день Симэнь вернулся из управы, открыл сундуки,

достал из них сотканые на Юге куски шелка и атласа и велел слуге позвать портного Чжао. Каждой жене он решил заказать по узорному шелковому платью с длинным рукавом, по парчовой накидке и расшитому атласному платью, а Юэнян пошить два ярко-красных узорных платья с длинным рукавом и четыре атласных цветастых платья. Симэнь расположился в крытой террасе и велел Циньтуну сходить за портным Чжао. Тот между тем обедал у себя дома. Только он узнал, что его зовет Симэнь, сразу же бросил еду, схватил ножницы и мерку и поспешил к заказчику.

Современники сложили такие строки, прославляющие достоинства портного Чжао:

Зовут меня портняжкой прытким,
Я век живу веселым нищим,
Всегда в руках игла и нитки,
А ножницы – за голенищем.
Несут шелков, парчи обрезы
И богатей, и щеголиха –
Тружусь я. Пьяный или трезвый
Крою и шью куда как лихо:
Тут натяну, а тут обужу,
Тут ловко забираю в складку...
Перекошу – не сяду в лужу,
Но выкрою кусок украдкой.
Везет – ем трижды в день мясное
И пью вино в обед и в ужин,
Супруга ласкова со мною –
Всем позарез портняжка нужен.
А проморгаю я удачу,
И убежит она из дому –
Голодные детишки плачут,
И выпить не на что портному.
Парча ли, шелк – в заклад, черт с ними!
Напился пьян – домой проспаться.
Когда ж заказчик шум поднимет,
Язык сумеет отбрехаться.
Так чем же знаменит портняжка?
А тем, что нищ он, старикашка.

Вскоре появился портной Чжао и, представ перед Симэнем, отвесил земной поклон. Он расстелил на столе войлок, взял аршин и

ножницы и начал кроить. Первым делом он скроил для Юэнян ярко-красную с пестрой расцветкой парчовую кофту с длинным рукавом; атласное платье с передником, изображающим дикого зверя, обращенного к единорогу; темное шелковое платье, отделанное золотой тесьмой, с изображением фениксов среди цветов; ярко-красную атласную кофту с передником, изображающим единорога, и отделанную золотом по подолу широкую синюю юбку, а также парчовую кофту цвета алоэ с передником и юбку со шлейфом, ярко-красное поле которой украшали букеты пестрых цветов.

Потом портной Чжао начал кроить ярко-красные атласные платья с длинным рукавом для Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньянь и Пинъэр. Каждой из них предназначалось также по паре пестрых шелковых кофт и юбок. Сюээ должна была удовлетвориться только кофтой и юбкой, платья ей не шили.

Когда все тридцать раскроев были готовы, Симэнь наградил Чжао пятью ляннами серебра и велел позвать с десяток портных, которые должны были тут же приступить к работе, но не о том пойдет речь.

Да,

Парча на прелестницах вся жемчугами расшита,
А сколько шитья золотого и сколько нефрита!

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

СИМЭНЬ ЦИН РОДНИТСЯ С БОГАТЫМ ГОРОЖАНИНОМ ЦЯО

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ ПРИДИРАЕТСЯ К ЛИ ПИНЬЭР

*Богач-сановник вечно процветает:
Под окнами чиновники толпятся,
Он должность как Ван Дао^[612] занимает,
С Ши Чуном^[613] – богачом готов
тягаться.*

*Спит при свечах за пологом тяжелым,
И бедрами пред ним красотики вертят...
Мелькают годы праздником веселым,
И некогда задуматься о смерти.*

Так вот, не прошло и двух дней, как портные сшили все наряды. Двенадцатого Цяо снова прислали слугу с напоминанием о приглашении. Утром того же дня Симэнь отправил подарки, и Юэнян, сопровождаемая остальными женами и старшей невесткой У, в шести паланкинах отбыли в гости. Только Сунь Сюээ осталась домовничать. Одни малые носилки были даны кормилице Жуи с Гуаньгэ, другие – жене Лайсина, Хуэйсю, которая должна была захватить с собой одежды для хозяек.

Симэнь сперва распорядился, чтобы приглашенный Бэнь Дичуанем мастер присадил потешные огни и хлопушки, развесил в зале и крытой галерее фонари, а потом велел слуге сходить к императорской родне Ванам и позвать актеров, но рассказывать об этом подробно нет надобности.

После полудня Симэнь зашел к Цзиньлянь. Ее дома не было. Чуньмэй угостила его чаем и накрыла стол.

– На четырнадцатое приглашены знатные дамы, – говорил ей Симэнь, садясь за стол. – Вам всем четверем тоже надо будет приодеться. Будете вино разливать.

– Пусть остальные разливают, – отвечала, прислонившись к столу, Чуньмэй, – а я даже и показываться-то не собираюсь.

– Это почему же?

– Да потому что матушки будут в новых нарядах красоваться, а мы, замарашки, в чем покажемся? К чему людей смешить?

– Но ведь у каждой из вас есть и наряды, и украшения – жемчуга, цветы...

– Голову украсим, а себя чем прикроем? Старьем, что ли? Нет уж, нечего позориться.

– Хозяйкам обнови, а тебе ничего, – засмеялся Симэнь, – вот отчего ты и не в духе, болтушка. Ну, ладно, не тужи. Позову портного. Дочке будет шить, а заодно и вам. Каждой по парчовой безрукавке и по атласной кофте с юбкой.

– Меня с ними не равняй, – заявила Чуньмэй. – Мне надо будет еще белую шелковую юбку и ярко-красную парчовую безрукавку на подкладке.

– Если б тебе одной, а то и дочь запросит.

– Да не будет она просить! У нее и так есть. Это у меня надеть нечего.

Симэнь взял ключи и пошел наверх. Он вынул атласу на пять кофт и юбок, парчи на две безрукавки и кусок белого шелку на два халата. Ярко-красные парчовые безрукавки предназначались только для дочери Симэня и Чуньмэй; служанки Инчунь, Юйсяо и Ланьсян должны были удовлетвориться ярко-красными кофтами из отделанной золотом парчи и голубыми длинными юбками. Симэнь опять позвал портного Чжао и передал ему материал на семнадцать обнов. Кусок желтого ханчжоуского флера пошел на изготовление поясов.

Довольная Чуньмэй целый день угощала Симэня вином, но оставим их вдвоем.

Итак, прибыли Юэнян и остальные жены в гости к Цяо. Надобно сказать, что жена Цяо пригласила в тот день жену ученого^[614] Шана, из соседей – жену цензора Чжу и сватьюшку Цуй, двух племянниц – Дуань Старшую и жену У Шуньчэня, Чжэн Третью. Для услаждения пирующих позвали двух певцов.

Услышав о прибытии Юэнян и остальных жен Симэнь Цина, госпожа Цяо вышла к парадным воротам и проводила их во внутреннюю залу, где во время приветствия называла Юэнян

«тетушкой», Цзяоэр – «тетушкой Второй» и так каждую по старшинству, пока не дошла до супруги У Старшего. После того как она представила прибывших женам ученого Шана и цензора Чжу, начались взаимные приветствия. Низким поклоном встретили жен Симэня племянницы хозяйки – Дуань Старшая и Чжэн Третья. Наконец гости заняли свои места.

Подали чай. Появился сам господин Цяо и, раскланиваясь, поблагодарил прибывших за подарки. Хозяйка пригласила всех в свои покои, где они сняли верхнюю одежду и стали пить чай. Каких только изысканных сладостей не было на изящно сервированном столе! Воздушные пирожные и пирожки с фруктовой начинкой, сладкое печенье и всевозможные фрукты.

Кормилицу Жуи и Хуэйсю угощали в отдельной комнате, где они смотрели за Гуаньгэ.

После чаю гости вернулись в залу. Кругом на ширмах красовались павлины, на тюфяках пестрели лотосы. Посредине стояли четыре стола. Юэнян усадили на почетное место, за ней расположились супруги ученого Шана, У Старшего и цензора Чжу, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь, Ли Пиньэр и госпожа Цяо. За столом рядом сели Дуань Старшая и Чжэн Третья. Сбоку встали прибывшие от ученого Шана певицы.

Начался обед. Подали блестящего, как хрусталь, гуся, и Юэнян одарила поваров двумя цянями серебра. Потом на столе появились вареные свиные ножки, и Юэнян выложила еще цянь. Столько же вручила она поварам и после жареной утки. Госпожа Цяо наполнила чарки и поднесла сперва Юэнян, потом жене Шана.

Юэнян вышла из-за стола и удалилась переодеться. За ней последовала Мэн Юйлоу. В хозяйкиной спальне Жуи присматривала за Гуаньгэ. Он лежал на тюфячке. Когда рядом с ним положили новорожденную семью Цяо, Чжанцзе, младенцы сразу потянулись друг к дружке ручонками и начали резвиться, чем привели в восторг Юэнян и Юйлоу.

– Ну, чем не пара, а? – воскликнули они.

Тут в спальне появилась старшая невестка У.

– Тетушка, полюбуйтесь-ка, что за парочка! – позвали ее обе женщины.

– Что за прелесть крошки! – восхищалась тетушка У. – Как ножонками сучат, а ручонками-то что выделявают! До чего ж похожи на молодую чету!

В комнату вошла госпожа Цяо, а за ней и остальные гости.

Услышав, что сказала жена У Старшего, госпожа Цяо заметила:

– Мы, почтенная сударыня, не смеем даже мечтать о соединении узами родства со столь именитым родом, – она обернулась к Юэнян, – который имеете честь представлять вы, тетушка.

– Напрасно вы так говорите, сударыня! – отвечала Юэнян. – Давайте лучше не будем разбирать, кто такая моя сестрица или госпожа Чжэн. Я была бы не против породниться с вашим домом, и мой сын, полагаю, не унизит престижа вашей барышни.

– А ты что скажешь, сестрица? – толкнув Пиньэр, спросила Юйлоу. Пиньэр молча улыбалась.

– Если вы не согласитесь, свашенька Цяо, я на вас обижусь, – заявила госпожа У.

– Но хватит скромничать, соглашайтесь же! – уговаривали госпожу Цяо жена ученого Шана и жена цензора Чжу. – А то вы ставите почтенную госпожу У в неловкое положение. Чжанцзе ведь родилась в одиннадцатой луне?

– А мой сын в шестой луне двадцать третьего дня, – сказала Юэнян. – Значит, на пять месяцев старше. Чем не пара!

И гости, не дожидаясь договоренности обеих сторон, подхватили госпожу Цяо, Юэнян и Пиньэр и повели их в залу, где по обычаю у каждой из них было отрезано по куску от полы. О помолвке сообщили господину Цяо. Он поднес на блюде фрукты и три куска красного шелку, потом налил каждой по чарке вина. Юэнян велела Дайаню и Циньтуну тотчас же доложить Симэню, и тот прислал два жбана вина, три куса атласу, мотки красного и зеленого шелка, выделанные из золотых нитей цветы и четыре короба фруктов и сладостей. Сваты украсили себя красными цветами. Пир продолжался.

Загорелись узорные свечи и раскрашенные фонари. Залу наполнил благоуханный аромат. Певицы радостно улыбались, и в обрамлении алых уст сверкали белизною зубы. Они взяли в руки лютню и цитру, и, нежно коснувшись струн, запели цикл романсов на мотив «Бой перепелов»:

Там зимородки на гардинах,
И утки глядят со стрехи,
Там шторы в блестящих павлинах,
В священных цветах тюфяки,
Колышется газовый полог...
Курильница-утка дымится,
Светильники блещут парадно,
У окон – парчовые лица, —

Хоромы министра обрядов.
Он зять государя, он молод.

На мотив вступления к «Лиловому цветку»:

В шатре правитель знатный,
Меня к нему зовут.
У стражника булатный
Клинок из царства У.
Обласкан гость высокий,
В дворцовый вхож уют.
Искусницы-красотки
Вокруг него поют.
Все вычурно и броско
В распаханном дворе,
Бьют кастаньеты жестко
В ритмической игре.
Размытый, будто снится
Свирели Шуня всхлип,^[615]
Красавиц вереницы
К гостям склоняют лик.
И лютни серебристы –
Напев любви журчит,
И яшмовые кисти
Ласкают струны цитр.

На мотив «Листья пальмы золотой»:

Вижу я пламя светильников ясное,
Пенится в кубках вино бесподобное,
Как величав, как изыскан прекрасный мой!
В тень притаюсь, налюбуюсь я допьяна!
На мотив «Шуточной песенки»:
Уж пять возродений прошло,
А мне все забвений нет.
Бурьяном веков поросло.
Хронометр – дробь кастаньет
Где ива с твоим жеребцом?
Иссохла – другие растут.
Где встретиться с милым лицом
Меж новых любовных пут?
Во сне горы Солнца вершиной-резцом

Прорезали пленку туч,
И ливень явился бессмертья гонцом
В ущелье с небесных круч.

На мотив «Алеет персик»:

Юйсяо^[616] сдула персика цветок...
И в сладких лепестках не ждет разлада,
Но от безвольных слез промок платок,
И щеки обагрились – вот расплата!
Юйсяо ведь всего шестнадцать лет,
Невестою не принимала сватов.
Привил юнец меж ног пиона цвет,
Бутона пленку не срастить обратно.
Призыв весны воспламенит сильнее,
Не смыть водой, не остудить в вине!
На мотив «В трех ведомствах обители умерших»:
Во мне бурлит источник счастья.
И хлещут слезы окаянно!
Я необузданная в страсти –
Нежнейшая – цветок Лояна,^[617]
Я так бесхитростно правдива,
Я так насмешливо глумлива.
Тиха душа моя, пуглива,
Отчаянна, красноречива.
Мой голос иволгою свищет,
Мой говор грубый режет слух.
Лишь вырвав стебель с корневищем,
Познаешь мой умерший дух.

На мотив «Плешивый малый»:

Он и на дне девицу сыщет,
И в облаках.
Таращит на меня глазища,
Вгоняет в страх.
Шутник он лихой и проказник –
Ученый муж.
Меня разыграл он и в праздник
Сорвал свой куш.

На мотив «Властитель эликсира бессмертия»:

Приманить Гунсунь Хуа^[618] – бесплодная цель,
Он кичливый придворный мудрец.
Расшумелся вельможа в Восточном дворце,
И актеров прогнал под конец.
Драгоценные кубки аж вдребезги бьет,
Топчет оземь парчовые шторы.
Там светильников яркий прощальный полет,
Под мечом и зловещим и скорым.

Заключительная ария:

Мой возлюбленный храбр и, как Небо, велик,
Как Вэньцзюнь, я, тщедушная, в страхе дрожу.
Как старик Чжо Вансунь, милый вспыльчив и лих,
Зато любит меня, точно Сыма Сянчжу.^[619]

Гости на радостях прикололи Юэнян, госпоже Цяо и Пиньэр цветы и, угощая вином, поздравили их. Снова накрыли столы, и повара подали фруктовые пирожные в виде снежинок со знаками долголетия и бульон с двуглавыми лотосами, которые плавали на его поверхности, словно на пруду. Потом появилась искусно нарезанная ветчина.

Восседавшая на почетном месте довольная Юэнян позвала Дайяня и одарила поваров куском красного шелка, по куску получили и обе певицы. Все они земными поклонами благодарили Юэнян.

Госпожа Цяо никак не хотела, чтобы гости расходились, и еще задержала их в задней зале, где угостила всевозможными сладостями и фруктами. Только с наступлением первой ночной стражи Юэнян удалось откланяться.

– Прошу вас, дорогая свашенька, завтра пожаловать к нам, – приглашала Юэнян госпожу Цяо. – Смею надеяться, вы не побрезгаете снизойти к нашему скромному жилью.

– Очень вам признательна, свашенька, – отвечала госпожа Цяо.

– Хозяин говорил о приглашении. Только, может, лучше уж в другой раз прийти, а то неудобно будет...

– Ну что вы, свашенька! У нас завтра будут только свои, – уговаривала ее Юэнян, а потом, обернувшись к старшей невестке У, продолжала: – Оставайтесь, а завтра вместе со свашенькой и придете.

– Насчет завтрашнего приема решайте сами, свашенька Цяо, – заметила госпожа У, – но пятнадцатого будет день рождения вашей свашеньки, и тогда вы уж должны непременно ее навестить.

– Вот в день рождения дорогой свашеньки я не посмею отказаться, – поддержала ее госпожа Цяо.

– Одним словом, свашеньку я на вас оставляю, – сказала Юэнян.

Настояв на том, чтобы старшая невестка У заночевала у госпожи Цяо, Юэнян откланялась и взошла в паланкин. Двое солдат шли перед паланкином с большими красными фонарями, его сопровождали двое слуг, тоже несших фонари. За паланкином Юэнян вытянулись гуськом носилки Ли Цзяоэр, потом Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь и Ли Пиньэр. В отдельных носилках расположились Хуэйсю и кормилица Жуи с закутанным в красное шелковое одеяльце Гуаньгэ на руках. Чтобы младенец не простудился, в носилках топилась жаровня. Их сопровождали несколько слуг.

Когда жены прибыли из гостей, Симэнь Цин пил вино в покоях Юэнян. Они приветствовали хозяина сложенными руками, а служанки отвесили земные поклоны. Когда жены расселись, Юэнян рассказала Симэню о помолвке.

– А кто да кто пировал? – выслушав ее, спросил Симэнь.

– Жена ученого Шана, жена церемониймейстера Чжу, сватьяшка Цуй и две племянницы, – отвечала Юэнян.

– Помолвка – дело неплохое, – заметил Симэнь. – Только не чета нам теперь эти Цяо.

– Это моя невестушка постаралась, – объясняла Юэнян. – Увидала, как их дочка с нашим Гуаньгэ под одним одеяльцем друг с дружкой играют, нас позвала. Чем, говорит, не пара. Потом за стол сели и не успели как следует обговорить. Так и состоялась помолвка. Тут я слугу-то и послала, чтоб тебе сказал и цветы с фруктами принес.

– Породнились так породнились, – продолжал Симэнь. – Только не больно они нам подходят, вот в чем дело. Цяо – человек богатый, я ничего не говорю. Но ведь он всего-навсего торговец, хотя и именитый, но простолюдин. А мы с вами теперь особы знатные... Я в управе служу. Ну, как он к нам явится в своем мужичьем рубище? Хорошо ли его принимать, когда кругом знать? Как я буду с ним рядом сидеть? На днях вон Цзин Наньцзян своего свата ко мне присылал. Тоже помолвки добивался. Дочка у него пяти месяцев, ровесница нашему Гуаньгэ. Но у нее мать умерла, да и была не первой женой. Я так и не дал согласия. А тут, извольте, уж и устроили...

– Тебе не по душе, что она не у старшей родилась, – вставила вышедшая вперед Цзиньлянь. – Что ж теперь собираешься делать? У Цяо ведь тоже не от старшей. Нашла коса на камень. Одна другого стоит. И хватит, по-моему, судить да рядить.

– А тебя кто спрашивает, потаскуха проклятая? – закричал на нее разгневанный Симэнь. – Только тебя тут не хватало! Люди о деле

говорят, а она со своим языком вылезает.

Цзиньлянь вся вспыхнула и поспешила к двери.

– Нет у меня, оказывается, тут никакого права слово вымолвить, – говорила она. – А еще упрекают, будто только одна я и говорю.

Надобно сказать, дорогой читатель, что Цзиньлянь стало не по себе еще на пиру, когда при ней заговорили о помолвке, а потом украсили Юэнян, госпожу Цяо и Пиньэр цветами. Когда же ее урезонил Симэнь, она и вовсе из терпенья вышла, убежала в комнату Юэнян и расплакалась.

– А где же госпожа У? – спросил Симэнь.

– Свашенька Цяо завтра не хотела приходить, – объясняла Юэнян. – У вас, говорит, будут знатные дамы. Вот я невестку и попросила у нее остаться – чтоб они вместе пожаловали.

– А я тебе о чем говорил! – опять начал Симэнь. – И куда мы ее завтра посадим? Вот неловко будет!

Пока они это обсуждали, Юйлоу вошла в комнату, где сидела заплаканная Цзиньлянь.

– Ну, чем ты недовольна? – спрашивала Юйлоу. – Не обращай внимания. Пусть болтает.

– Ты ж сама свидетельница, – начала Цзиньлянь. – Что я такого сказала? Ту, говорит, младшая жена родила. А дочку Цяо, спрашиваю, которая родила? Тоже ведь младшая. И чего тут притворяться? Кого он обманывать собирается, насильник проклятый? Чтоб ему ни дна ни покрывки! Глазищи свои выпучил и давай меня обзывать. А спроси – за что? Почему это он мне слова сказать не даст? Ей он отдался, изменник! Ну, посмотрим, чем она ему оплатит. У невесты хоть кровь самого Цяо течет. Хотела бы я знать, чей наш женишок. Совсем приبلудный. А ведь сколько разговору. Как же! Как бы не прогадать, какую бы познатнее заполучить! Еще на мне зло срывают. Какое, дескать, мое собачье дело. Подумаешь, сокровище выродила! От горшка два вершка, ссанные пеленки! И тоже про женитьбу толкуют. Деньги им девать некуда, вот они и бесятся. Радуйтесь! Чтоб ему все пеленки сгноить, чтоб его собаки загрызли! Ликуйте! Хорошо помолвки устраивать. Посмотрим, что будет, когда срок придет. Не угас бы светильник! Как глаза не три, все равно вперед не заглянешь. Пока довольны. Что годов через пять скажете?

– Народ теперь хитрый пошел, – поддержала ее Юйлоу. – Так опрометчиво никто не поступает. Рано ведь еще о женитьбе-то речь заводить. Не успел родиться, а уж и полы отрезать, помолвку затевать. А может они все ради шутки устроили?

– Если бы! – возразила Цзиньлянь. – Зачем же тогда этот насильник на меня набросился? Нет, рыба воды не испугается.

– Ты говоришь, да не договариваешь, – заметила Юйлоу. – Вот тебе и достается.

– Да могла ли я сказать все, что думаю? – оправдывалась Цзиньлянь. – Хоть она у младшей жены родилась, в жилах у нее течет кровь самого Цяо. А у нашего приبلудного выроodka чья кровь?

Юйлоу молча села. Немного погодя Цзиньлянь пошла к себе.

Когда Симэнь вышел, Пиньэр, изогнувшись как ветка под тяжестью цветов, отвесила Юэнян земной поклон.

– Как я вам благодарна, сестрица, за то, что вы сделали для сына, – сказала она.

Улыбающаяся Юэнян поклонилась ей в ответ.

– Это твое счастье, – заметила хозяйка.

– И ваше тоже, сестрица! – ответила Пиньэр, и, присев рядом с Юэнян и Цзяоэр, продолжала беседу.

Появились Сюэи и дочь Симэня. Они земным поклоном поздравили Юэнян, а Цзяоэр и Пиньэр приветствовали обыкновенным складыванием рук.

Сяоюй подала чай. Только они принялись за чай, вошла горничная Пиньэр, Сючунь.

– Вас ищет сынок, сударыня, – сказала она. – Батюшка за вами прислал.

– Ну вот! – возмутилась Пиньэр. – Взяла да отнесла ребенка. До чего ж суматошная эта кормилица! Подождала бы немного, вместе пошли. Там и свету, наверно, нет.

– Это я ей велела отнести ребенка, – заметила Юэнян. – А то уж поздно было.

– Я видела, как Жуи шла с ним впереди, а Лайань нес фонарь, – вставила Сяоюй.

– Ну тогда ничего, – успокоилась Пиньэр и, простившись с Юэнян, пошла к себе в спальню.

Там она застала Симэня. На руках у Жуи спал Гуаньгэ.

– Что ж ты не сказавшись унесла ребенка? – спросила Пиньэр кормилицу.

– Матушка Старшая увидела Лайаня с фонарем и велела проводить нас с Гуаньгэ, – объяснила Жуи. – Гуаньгэ всплакнул было. Только что убаюкала.

– Все тебя искал, – говорил Симэнь. – Вот только успокоился.

– По случаю нынешней помолвки хочу поблагодарить тебя земным

поклоном, — обратившись к Симэню, сказала Пиньэр и грациозно склонилась перед ним.

Довольный Симэнь расплылся в улыбке и, приподнимая Пиньэр, посадил рядом с собой. Инчунь было велено накрыть стол, и они начали пировать.

А пока расскажем о Цзиньянь. Зная, что Симэнь остался у Пиньэр, она шла к себе в самом дурном расположении духа. Постучалась. Цюцзюй открыла не сразу.

— Негодяйка, рабское отродье! — закричала Цзиньянь и угостила служанку пощечиной. — Сколько тебя ждать! Что ты тут только делаешь? Зачем приставлена?

Цзиньянь прошла в спальню и села. Вышла Чуньмэй и, земным поклоном приветствуя ее, подала чай.

— Что делала эта негодница, рабское отродье? — спросила горничную Цзиньянь.

— Да во дворе сидела, — отвечала Чуньмэй. — Открой, говорю, а она и ухом не ведет.

— Все верно! Вы, мол, деритесь, а я буду себе семечки грызть, тебе досаждать.

Она уж хотела было тут же избить Цюцзюй, да побоялась, как бы не услышал Симэнь, понизила голос и, озлобленная, стала раздеваться. Чуньмэй растелила ей постель, и она легла.

На другое утро Симэнь отправился в управу. Цзиньянь поставила Цюцзюй на колени посреди двора и велела держать большой камень на голове, а сама занялась утренним туалетом. Потом она велела Чуньмэй снять с Цюцзюй штаны.

— У, рабское твое отродье! — ругалась на нее Чуньмэй. — Чтоб я стала снимать с тебя штаны, срамная грязнуха, руки пачкать!

Она позвала из передней Хуатуна и велела ему раздеть Цюцзюй.

— Потаскуха проклятая! — избивая служанку, приговаривала Цзиньянь. — И с каких это пор так осмелела, рабское твое отродье? Потакают тебе здесь, только от меня спуска не жди. Знаю, куда ты гнешь, дорогая! Ничего, немножко припухнет, потом заживет. Что ты всюду суешься, кого из себя строишь? А заступниц лучше у меня не ищи. Глаза промою, за каждым твоим шагом следить буду. Смотри у меня!

Так она била Цюцзюй и приговаривала. Служанка кричала, будто ее режут.

Ли Пиньэр только встала. Гуаньгэ, как ни убаюкивала его Жуи, все время просыпался, пугаемый криком Цюцзюй. Пиньэр сразу поняла,

для чего Цзиньлянь бьет служанку и кому адресована ее ругань, но молчала, стараясь закрыть младенцу уши.

– Ступай, попроси матушку Пятую, чтобы она прекратила бить Цюцзюй, – сказала она Сючунь. – Ребенка, скажи, только покормили и уложили спать.

Услыхала это Цзиньлянь и пуще прежнего начала бить служанку.

– Ишь разоралась, рабское твоё отродье, – ругалась Цзиньлянь, – будто тебя ножами проткнули. Чем больше орать будешь, тем больше всыплю. Такая уж у меня натура. Уж неужели даже посторонние замедлят шаги, встанут тебя пожалеть? Или как бьют не видывали? Так нашему хозяину и скажи: пусть мне не изменяет.

Ли Пиньэр было ясно, кого ругает Цзиньлянь. У нее руки онемели, но она крепилась и не проронила ни звука. Не коснувшись утреннего чая, она обняла Гуаньгэ и легла вместе с ним.

Возвратясь из управы, Симэнь пошел навестить сына. Пиньэр лежала с набухшими от слез красными глазами.

– Что с тобой? – спросил Симэнь. – Почему до сих пор не причесана? Тебя Старшая зовет. А отчего глаза красные?

– Что-то нездоровится мне, – протянула Пиньэр, умолчав о ругани Цзиньлянь.

– Свашенька Цяо тебе на день рождения подарки прислала, – сказал Симэнь. – Кусок шелку, два жбана южного вина, поднос персиков долголетия, поднос лапши долголетия и четыре блюда яств. И гостинцы для Гуаньгэ: два блюда сладких рисовых пирожков, четыре блюда медового печенья, четыре блюда отборных фруктов, два фонарика с жемчужными бусами и два под абажурами из золотых нитей, два куса ярко-красного атласа казенной выработки, черную атласную шапочку с расшитыми пожеланиями всяческих благ, две пары туфелек для мальчика и шесть пар для девочек. А мы до сих пор ничего им не подарили. Вот Старшая и зовет тебя посоветоваться. Они со свахой, тетушкой Кун, и Цяо Туном прислали. Госпожа У вернулась. Свашенька Цяо, говорит, завтра не сможет прийти. В другой раз пожалует. У нее, говорит, в гостях почтенная госпожа Цяо Пятая, из императорской родни. Как узнала она, что они с нами породнились, очень была довольна. Пятнадцатого тоже собирается нас навестить. Надо будет не забыть и ей приглашение написать.

Выслушала его Пиньэр, встала не спеша и стала одеваться, потом направилась в дальние покои. Юэнян угощала чаем невестку У и сваху Кун. Пиньэр поклонилась им, осмотрела лежавшие в большой комнате подарки. Подарочные коробки возвратили хозяевам, а тетушке Кун и

Цяо Туну вручили по два платка и по пять цяней серебром. Им велели передать благодарственное письмо. Слуга был послан вручить приглашения для почтенной госпожи Цяо Пятой.

Да,

Им колокол мил или гул барабана.

Брезгливо чураются пса и барана.

Тому свидетельством стихи:

Едва родился драгоценный сын,

А уж готовится его помолвка.

О, как высокомерен Симэнь Цин!

Ждет горькое раскаянье потомка.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

БОГАЧИ ЗАБАВЛЯЮТСЯ У ВОРОТ ПОТЕШНЫМИ ОГНЯМИ

ЗНАТЬ, ПИРУЯ В ТЕРЕМУ, ЛЮБУЮТСЯ ФОНАРЯМИ

*Вспыхнули в ночь новогоднюю
тысячи ярких огней,
Небо с землею сливаются
в радостном праздничном звоне.
Льются напевы свирельные,
хор их все громче, полней.
В пестрой толпе многокрасочной
пляшут холеные кони.
Старость наступит не мешкая,
молодость зря не теряй!
Да, седина беспощадная
нас пожалеет едва ли.
Ярких мгновений праздничных
счет без конца проверяй,
Требуй, чтоб точно и вовремя
стражи всегда отбивали.*

Отпустил Симэнь посыльных от Цяо и направился в покои Юэнян, чтобы посоветоваться с ней, супругой У Старшего и Пиньэр.

– Раз они нашему сыну подарки прислали, то для соблюдения этикета и нам нужно, не откладывая, одарить их дочку Чжанцзе, – говорила Юэнян. – Тем самым мы подтвердим и наше согласие на помолвку.

– Надо будет обратиться к свахе, – посоветовала жена У Старшего. – Так удобнее будет.

– К тетушке Кун? – как бы размышляя вслух, сказала Юэнян. – Кого бы лучше попросить?

– Один гость двум хозяевам сразу не надоедает, – заявил Симэнь. – Попросим старую Фэн.

Было составлено восемь приглашений. Позвали старую Фэн и велели ей с Дайанем отнести их в дом Цяо. На пятнадцатое приглашали сватью Цяо, госпожу Цяо Пятую, жену ученого Шана, жену церемониймейстера Чжу, сватью Цуй, Дуань Старшую и Чжэн Третью. Их просили прибыть на день рождения Пиньэр и полюбоваться фонарями.

Лайсину дали серебра и велели заказать в лавке сладкое: четыре больших подноса пирожных, поднос пирожков с фруктовой начинкой, поднос печенья брачующихся и два подноса сладких новогодних пирожков-розочек.^[620] Были куплены свежие фрукты: блюдо слив, блюдо орехов, блюдо «драконовых глаз»,^[621] и блюдо плодов личжи^[622] а также четыре блюда яств, жареный гусь, жареная курица, голуби и вяленая серебрянка. Припасли красный атласный халат, отделанную золотом шелковую шапочку, два витых как бараньи рога светильника юньнаньской выделки, коробку головных украшений, пару золотых браслетов и четыре золотых кольца с драгоценными камнями. Все это четырнадцатого утром уложили в коробки и с одетыми в темное платье^[623] зятем Чэнь Цзинци и Бэнь Дичуанем отправили господину Цяо. Тот угостил прибывших вином и закусками, а коробки распорядился наполнить самыми разнообразными гостинцами для Гуаньгэ, но говорить об этом подробно нет надобности.

Пока Симэнь готовил подарки, пришел Ин Боцзюэ. Он намеревался продолжить разговор о серебре, которое Симэнь пообещал подрядчикам Хуану Четвертому и Ли Чжи, но заметив суматоху, поинтересовался, в чем дело. Симэнь рассказал ему о помолвке своего сына с дочерью богатого Цяо.

– Пятнадцатого и твою жену на пир приглашаем, – закончил Симэнь.

– Только б ваша супруга дала знать, – говорил Ин Боцзюэ, – моя хозяйка явится незамедлительно.

– Знатных дам приглашаем, – продолжал Симэнь. – А мы на Львиную пойдем фонарями любоваться, ладно?

Ин Боцзюэ дал согласие и удалился, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем об У Иньэр. Она первой прислала в подарок Пиньэр блюдо персиков долголетия, блюдо лапши долголетия, двух

жареных уток, свиные ножки, а также два расшитых золотом платка и пару туфелек. Она поздравила Пиньэр с днем рождения и изъявила желание называть ее своей приемной матерью. Юэнян приняла подарки, а паланкин велел отпустить.

Ли Гуйцзе прибыла только на следующий день. Увидев У Иньэр, она незаметно спросила Юэнян:

– А она когда пожаловала?

– Она еще вчера подарки прислала, – объяснила Юэнян. – Приемной дочерью матушки Шестой пожелала стать.

Ли Гуйцзе промолчала. Целый день дулась она на У Иньэр, не перекинувшись с ней ни единым словом.

А между тем в переднюю залу от императорской родни Вана с корзинами костюмов прибыли двадцать актеров. Сопровождаемые двумя наставниками, они пошли поклониться хозяину. Симэнь распорядился их угостить и дал им под уборную свой западный флигель.

Стали прибывать гости. Актеры встречали их музыкой духовых и ударных инструментов. В большой зале от яств ломились столы. На полу красовались роскошные ковры. Первой пожаловала жена столичного воеводы Чжоу, за ней мать и жена военного коменданта Цзина и жена командующего ополчением Чжана. Их большие паланкины эскортировали отряды солдат, жены слуг шли сзади в качестве сопровождающих. Навстречу почетным гостям вышли разодетые Юэнян и остальные жены Симэня. В задней зале после взаимных приветствий им предложили сесть и подали чай.

Церемониальное чаепитие не начинали, так как ждали жену исправника Ся. Приближался полдень, и слуги дважды ходили с приглашениями. Наконец после обеда пожаловала и госпожа Ся. Ее эскортировали солдаты, охраняло множество слуг, в числе сопровождающих шли домашние и служанки. Внесли ящик с ее нарядами. Забили в барабаны, заиграла музыка, когда она следовала в заднюю залу, где после взаимных приветствий собравшиеся уселись по чину и положению. Сначала пили чай в крытой галерее, потом перешли в большую заднюю залу. Гостям служили Чуньмэй, Юйсяо, Инчунь и Ланьсян. Одеты они были в парчовые безрукавки, из-под которых виднелись ярко-красные атласные кофты и нежно-голубые, отделанные золотом юбки. Прически им украшали жемчужные сетки и золотые подвески-фонарики. Только на Чуньмэй выделялись ярко-красная парчовая безрукавка и подвески из драгоценных камней. Актеры играли сцены из «Западного флигеля». Но не будем

рассказывать, как пировали и веселились в роскошных женских покоях гостии Юэнян, а перейдем к Симэнь Цину.

Дождавшись, когда гости сели за чай, Симэнь оседлал коня и помчался на Львиную, куда позвал Ин Боцзюэ и Се Сиды. Слугам он наказал захватить с собой две рамы с потешными огнями, а две других оставить дома для услаждения пирующих.

В верхнем помещении на Львиной были расставлены ширмы, развешены фонари и накрыты столы. Повару велели отнести туда два короба закусок и два жбана цзиньхуаского вина. Пригласили певиц – Дун Цзяоэр и Хань Юйчуань.

Надобно сказать, что Симэнь Цин загодя послал Дайяня, чтобы тот взял паланкин и пригласил на Львиную и Ван Шестую.

– Тетушка Хань, – обратился к ней слуга, – батюшка приглашает вас на Львиную. Потешные огни будут зажигать.

– Ну что ты! – отозвалась, улыбаясь, Ван. – Как я пойду? Неловко мне. А сам узнает, как быть?

– Батюшка с дядей Ханем разговаривал, – успокоил ее Дайань. – Дядя Хань велел вам побыстрее собираться. Хозяин собирался тетушку Фэн за вами прислать, да хозяйки наши пир устроили. Матушка Шестая попросила тетушку Фэн за Гуаньгэ присмотреть. Вот батюшка меня и прислал. Он двух певиц пригласил, а с ними и поговорить некому.

Ван Шестая выслушала Дайяня, но продолжала сидеть на месте. Тут в комнату вошел Хань Даого.

– А, вот и сам дядя Хань! – протянул слуга. – Не верит мне тетушка Хань.

– Правда, меня приглашают? – спросила она мужа.

– Да, батюшка очень просил тебя прийти, – подтвердил муж. – Он певиц пригласил, а их занять некому. Ждет тебя, ступай! Вечером потешные огни будут зажигать. Давай одевайся! Мне тоже велел закрывать лавку и приходить. Лайбао тоже домой пошел. Нынче его очередь в лавке ночевать.

– Оттуда рано не выберешься, – говорила Ван. – Ты уж немного посиди да иди. А то дом без присмотра оставляем. Тем более, в лавке не дежуришь.

Она нарядилась и в сопровождении Дайяня отправилась на Львиную. Жена Лайчжао, Шпилька, загодя убралась в спальне: повесила над кроватью полог, сменила постель и зажгла благовонные палочки, источавшие густой аромат. Были зажжены два обтянутых газом фонаря, на полу в жаровне тлел уголь. Ван Шестая прошла

прямо в спальню и села на кровать. Через некоторое время вошла Шпилька и, приветствуя гостью, подала чай.

Насладившись фонарями, Симэнь и Ин Боцзюэ поднялись наверх и сели играть в двойную шестерку. На всех шести окнах пестрели занавески, а внизу царило карнавальное веселье. Они немного поиграли, закусили и подсели к окну полюбоваться фонарями.

Только взгляните:

Людской поток, моря шелков, парчи...

Немолчный гул – упряжки, экипажи...

Каскад огней в безоблачной ночи,

Из дальних мест народ собрался даже.

– А кто да кто будет завтра от Цяо? – спросил Ин Боцзюэ.

– Будет императорская родственница госпожа Цяо Пятая, – отвечал Симэнь. – Меня и завтра дома не будет. Утром я еду в монастырь на новогодний молебен, потом приглашен к столичному воеводе Чжоу Наньсюаню...

Тут Симэнь заметил в толпе под навесом Се Сиды и Чжу Жиняня. Рядом с ними стоял кто-то в четырехугольной шапке.^[624]

– Гляди-ка, не знаешь, кто это в четырехугольной шапке, а? – указывая пальцем в толпу, спросил он Боцзюэ. – Чего ему с ними делать?

– Лицо знакомое, а кто, не знаю, – отвечал Боцзюэ.

Симэнь позвал Дайяня.

– Ступай позови потихоньку дядю Се, – наказал он. – Смотри только, чтобы тебя Чжу Рябой и тот, в шапке, не заметили.

Дайянь, малый смывленный и шустрый, тотчас же пробрался сквозь толпу к занавесу, незаметно проскользнул мимо Чжу Жиняня с незнакомцем и, зайдя сбоку, толкнул Се Сиды. Тот обернулся.

– Батюшка с дядей Ином наверху пируют, – зашептал он. – Вас приглашают.

– Ступай, я немного погодя приду, – отвечал Се Сиды. – Заведу их в цветничок, а сам и улизну.

Дайянь тот же час растворился в толпе, а Се Сиды завел приятелей в самую гущу разодетой толпы и был таков. Пока оба озирались по сторонам, Се Сиды успел подняться наверх и раскланивался с Симэнем и Ин Боцзюэ.

– Ай-яй-яй, брат! Сам фонарями любишься, а мне сказать не мог! – упрекал он Симэня.

– У меня с утра гости были, – оправдывался Симэнь. – Никак

позвать не мог. Я и так уж брата Ина посылал, да тебя дома не оказалось. А Рябой-то не заметил? Да, скажи, пожалуйста, кто это с вами в четырехугольной шапке стоял?

– Да господин Ван Третий, сын полководца Вана, – объяснил Сидя. – Они с Рябым Чжу, смотрю, ко мне идут. И давай он просить, чтобы я ему у Сквалыги Сюя триста лянов серебра в долг раздобыл. Хотел, чтоб мы с Сунем и Рябым за него поручились. Ему, видите ли, надо делать карьеру, в военное училище поступать, а мне-то какое до этого дело. Только я вышел с ними на фонарное шествие поглядеть, тут меня и позвали. Заведя их в цветничок, где погуще, юркнул в толпу и был таков – прямо сюда. – Се Сидя обернулся к Ин Боцзюэ: – А ты давно пришел?

– Брат меня к тебе посылал, а тебя дома нет, отозвался Боцзюэ. – Ну, я и пришел, немного в шестерку поиграли...

– Ты сыт? – спросил Симэнь. – А то я велю слуге принести закуски.

– Куда там, сыт! С утра с ними провозился. Где ж мне было есть?

– Ступай на кухню, – обратившись к Дайаню, распорядился Симэнь, – скажи, чтоб накормили батюшку Се.

Вскоре заблестел убранный стол. На нем появились подносы с закусками, два блюда разваренного мяса, чашка мясного супа и чашка рису. Не успели Симэнь с Боцзюэ и оглянуться, как засверкали изнутри и снаружи подносы и блюда. Потом Сидя покончил и с остатками супа, влив его в рис. Лайань стал убирать со стола, а Се Сидя подсел к Симэню и Ин Боцзюэ, наблюдая за игрой в шестерку.

У ворот остановились паланкины с певичками. Носильщики держали в руках узлы с нарядами. Смеющиеся певицы вошли в ворота.

– Где до сих пор пропадали эти потаскухи? – увидев из окна певичек, спросил Ин Боцзюэ и наказал Дайаню: – Не пускай их в дальнюю комнату. Пусть сперва придут ко мне на поклон.

– А кого приглашали? – спросил Се Сидя.

– Дун Цзяоэр и Хань Юйчуань, – сказал Дайань и, поспешно спустившись вниз, обратился к певицам: – Дядя Ин вас зовет.

Певицы и не подумали кланяться Ину, а проследовали в дальние покои, где приветствовали Шпильку. Она провела их в спальню. Там они увиделись с Ван Шестой. Ее волосы украшала модная сетка, их держал отделанный золотой бахромой ободок. На ней был лиловый из шаньсийского шелка халат, темная с узорчатым воротником кофта на застежке спереди и белая отделанная тесьмою шелковая юбка, из-под которой выглядывала пара золотых лотосов-ножек, обутых в расшитые зелеными нитями черные как вороново крыло шелковые туфельки.

Большие букли и обилие белил не могли скрыть смуглого оттенка ее лица. Одежда выдавала в Ван Шестой человека среднего достатка. В ушах у нее были сережки-гвоздики. Певички поклонились Ван Шестой и уселись на кровать. Сын Шпильки, Тегунь, угостил их чаем. В чаепитии к певицам присоединилась и Ван Шестая. Певицы переглядывались, то и дело бросая на Ван взгляды, улыбались и не могли понять, кто она такая.

– Кто это? – спросили они потихоньку Дайаня, когда тот появился в спальне.

– Батюшкина свояченица, – уклончиво проговорил Дайань. – Пришла на фонари полюбоваться.

Певицы подошли к Ван Шестой.

– Не осудите нас, матушка, – обратились к ней певицы, отвечивая земные поклоны. – Мы не знали, что вы доводите батюшке свояченицей, и не приветствовали вас должным образом.

Ван Шестая поспешно поклонилась им в ответ, а когда подали отвар, присоединилась к трапезе. Певицы взяли в руки инструменты и начали петь для Ван Шестой.

Между тем Ин Боцзюэ закончил партию и спустился по нужде вниз. Услышав в спальне пение, он поманил Дайаня.

– Скажи, кому они там поют? – спросил он слугу.

Дайань молча усмехнулся.

– Вы, почтенный, вроде сыщика, – заметил он, наконец. – Все-то вам надо знать. А не все ль равно кому?

– Ах ты, болтушка негодный! – заругался Боцзюэ. – Не скажешь? Думаешь, я не знаю?

– А раз знаете, зачем спрашиваете? – сказал Дайань и удалился.

Ин Боцзюэ поднялся наверх. Симэнь и Се Сиды играли третью партию в двойную шестерку. Появились певцы Ли Мин и У Хуэй и отвесили земные поклоны.

– Прекрасно! – воскликнул Ин Боцзюэ. – Кстати пришли! Откуда вы? Кто вам сказал, что мы тут пируем, а?

Стоявший на коленях Ли Мин, прикрывая рот, объяснял:

– Мы с ним к батюшке пошли, а нам сказали, что батюшка здесь пирует. Вот мы и пришли вас усладить.

– Чудесно! – сказал Симэнь. – Дайань! Ступай дядю Ханя пригласи.

Вскоре явился Хань Даого и, раскланявшись, сел.

Накрыли столы. Повар принес новогодние блюда и вино. Циньтун из медного кувшина наполнял кубки. На почетных местах для гостей

уселись Ин Боцзюэ и Се Сиды, Симэнь занял место хозяина, а Хань Даого устроился сбоку. Когда налили вино, велели Дайаню приглашать певиц. Вскоре плавной походкой, не спеша поднялись наверх Хань Юйчуань и Дун Цзяоэр и склонились в земном поклоне с полуоборотом к гостям.

– Кого, думаю, позвали, а это, оказывается, вас, потаскушек, – заругался Боцзюэ. – Я же вас звал. Почему не явились? Ишь, возгордились! Проучить вас надо как следует. Не то совсем от рук отобьетесь.

– Нас, брат, не испугают никакие ваши бесовские проделки! – засмеялась Дун Цзяоэр.

– Любимая наложница, говорят, себя стеной из звериных голов обнесла, – сказала Хань Юйчуань. – Все зло отогнать хотела, да уroda и выродила.

– Куда ты, брат, их назвал? – спрашивал Ин Боцзюэ. – Нам У Хуэй с Ли Мином споют. А эти потаскухи зачем явились? Гони их в шею! Они в такой праздник заработают. Выпроваживай скорей! А то гостей упустят, без гроша останутся.

– Что-то уж больно ты тут распоряжаешься! – оборвала его Хань Юйчуань. – Не ты нас звал и не к тебе пришли. Разорался. И не стыдно?

– Ишь, какая задира! – не унимался Боцзюэ. – Кому ж ты петь собираешься, а?

– Тебя, брат, должно быть, в бочку с уксусом сажали, вот тебя и забирает, – говорила Хань Юйчуань.

– Это тебя забирает, потаскуха проклятая. Погоди выйдем, я тебе покажу. От меня не уйдешь. Не так, так этак возьму.

– Это каким же манером? – любопытствовала Дун Цзяоэр.

– А вот каким. Околоточному донесу, чтобы вас забрал за хождение по ночам. А на другой день господину Чжоу письмецо отправлю. Пальчики велю в тисках подержать. Несладко придется! Или вашим носильщикам паланкинов на три фэня поднесу. Напою вдрызг, и домой, потаскухи, не попадете. А средь ночи без гроша заявитесь, вам мамаша всыплет, будь здоров. Тогда посмотрим.

– Поздно будет, домой не пойдем, у батюшки заночуем, – сказала Хань Юйчуань. – А то батюшку попросим, чтоб с посыльным проводил. У мамыши сотня медяков найдется. Так что ничего у тебя не выйдет, как ни брюзжи, раб никудышный!

– Да, я раб! В дураках оставили. Что сбывал, то и получил, – признался Боцзюэ.

Все рассмеялись. Потом певицы запели романсы о весне, а пирующие приступили к отвару.

– Дядя Чжу идет! – объявил Дайань.

Все смолкли. Появился Чжу Жинянь.

– Ну и хороши друзья! – увидев сидевших за столом Боцзюэ и Сиды, сказал Жинянь. – Сами пируют, а мне ни слова. Брат Се, ты, знать, и приглашение получил, что ж от меня скрывал? Я тебя в толпе обыскался.

– Да я здесь тоже случайно, – отвечал Сиды. – Смотрю, наверху играют, ну и пошел. Брат меня и оставил.

Симэнь позвал Дайаня.

– Ступай брату Чжу стул принеси, – распорядился он. – Внизу поставишь.

Чжу Жинянь занял место ниже остальных. Ему дали чарку и палочки. Повар подал отвар с рисом, и все принялись за еду. Симэнь съел пирожок, пропустил ложку отвара и подвинул кушанья стоявшему рядом Ли Мину. Тот взял их и удалился.

Между тем Ин Боцзюэ, Се Сиды, Чжу Жинянь и Хань Даого навернули за присест по внушительной чашке супу с потрохами, каждый уписал по солидному пирогу с начинкой и по пирожному с кремом. Вскоре на столе ради приличия был оставлен несъеденным один-единственный пирожок.

Посуду убрали и подали вино.

– Так где ж ты его бросил? – спрашивал Жиняня любопытный Сиды. – Кто тебе сказал, что я здесь?

– Да, видишь ли, я все тебя искал, – рассказывал Жинянь. – Потом мы с Ваном Третьим к Суню пошли. До того как у Сквалыги Сюя серебро просить, надо, думаем, Суня Молчуна отыскать. Пусть нам долговое обязательство составит. Язык у него, сам знаешь, ловко подвешен. А он не то написал...

– Только меня, пожалуйста, не указывайте, – перебил его Сиды. – Если хотите, сами с Сунем и поручайтесь. И мзду за посредничество себе берите. Мое дело – сторона. Так как же он написал?

– Составь, говорю, уж как-нибудь половчее, – продолжал Жинянь. – А на случай возврата три условия поставь. Нет, не послушал моего совета. Пришлось самому заново писать.

– Ну, а ты как же составил? Прочти! – попросил Сиды.

– Я бы так написал: «Составитель сего долгового обязательства Ван Цай, отпрыск полководца Вана...» Я не стал бы говорить «из-за нужды в средствах», а сказал бы проще – «нуждаясь в деньгах» и далее

– «в присутствии Сунь Тяньхуа и Чжу Жиняня в качестве поручителей взял в долг у Сюя Сквалыги...» Тут я бы уточнил «– серебром триста лянов», не распространялся бы о процентах, а написал бы «на покупку цветов мэй пятьсот медяков с обязательством вернуть в будущем году...» Нет, «в будущем году», по-моему, оговаривать не стоит. Лучше будет выразиться так: «вернуть лишь при нижеследующих условиях: во-первых, в случае, если в бурю колодезным воротом убьет одинокого гуся в небе, во-вторых, если пересохнет река и рыбы будут биться на прибрежном песке, и в-третьих, когда размякнут подводные камни». А он сдуру написал «когда крыльцо начнет кланяться». А что, говорю, будем делать, ежели оно вдруг и в самом деле покосится, как в поклоне согнется? Устранил я такую оплошность и написал так: «Если не удастся найти должника и исчезнут поручители, считать сей документ необоснованным и утратившим силу». Потом добавил: «На сем обязательство и заканчивается».

– Ловко написал, ничего не скажешь! – заметил Се Сидя. – Растают камни, не докажешь, были они когда-нибудь или нет.

– Легко сказать! – воскликнул Чжу Жинянь. – А вдруг засуха случится, реки пересохнут. Распорядится тогда двор реки очистить. Пойдут камень из рек на стройки вывозить, кирками бить. Так-то легко и в порошок раздробить, а что тогда? Долг возвращать придется.

Все расхохотались.

Вечерело. Зажгли фонари. Под стрехой висел затейливый фонарь-бараний рог с колокольчиками.

Юэнян велела Цитуну с солдатами отнести Симэню четыре короба яств, сладостей и фруктов. Были тут золотистые абрикосы, огненно-красные гранаты, аппетитные оливы, сочные яблоки, ароматные и медовые груши, засахаренные финики, а также хрустящие жареные пирожки долголетия, кунжутные «слоновые глазки», поджаренные «фишки», медовые крендели, конфеты и пастила. Словом, редкостные яства.

Симэнь позвал Цитуна.

– Сударыни разошлись? – спросил он. – Кто тебя прислал?

– Матушка Старшая велела отнести, – отвечал слуга. – Пир еще не кончился. Актеры четыре действия сыграли. Матушка Старшая в большой зале устроила угощение. Оттуда и потешные огни смотрели.

– А много народу было?

– Полна улица.

– Я ж наказывал Пинъаню поставить солдат у ворот, чтобы не пускали посторонних.

– Батюшка, а никакого беспорядка не было, – сказал Цитун. – Солдаты сдерживали толпу, мы с Пинъанем потешные огни зажигали. Потом, когда гости насмотрелись вдоволь, матушка меня к вам послала.

Симэнь велел убрать со стола посуду и расставить яства. Повар принес новогодние пирожки с фруктовой начинкой. Певицы стали обносить пирующих вином, а Цитуна хозяин отпустил домой. Когда кубки наполнили подогретым вином, опять сели за стол.

Ли Мин и У Хуэй запели романсы о празднике фонарей на мотив «Вешние воды»:

Столица в праздник фонарей:

созвездиям цветных огней
смиренно звёзды вторят сверху.
Полна полночная луна,
напевами напоена
и брызжет радость фейерверком.

На мотив «Веслом плеснули по реке»:

Всё в новогодней россыпи
фонариков цветных.
Вверху, на звёздной простыне
кругла луна весны.
Как звёздная пародия
в камнях балдахин.
Под тосты плодородия
бокалу быть сухим.
И шёлковыми гроздьями
девичьи пояса.
О, сколько вёсен пройдено
под птичьи голоса!

На мотив «Седьмого брата»:

Все актёры играют искусно,
лицедейство наполнено чувством.
Номера остроумны, со вкусом,
рассмешат и серьезных, и грустных.

На мотив «Настойка на лепестках сливы»:

Номер закончил разбойник-страшила,
Пляска прислужниц-девиц закружила,

Духов изменчивых дьявольский смех,
Мигот красоти сменили их всех.
Бой барабанный толпу зазывает,
Комик смешит – на ходулях шагает,
Все сообща веселятся, шумят,
Мускуса пряный влечёт аромат.
Кто-то стихи декламирует плавно,
Все осушают бокалы исправно.

На мотив «Ликует Южноречье»:

Пусть в многолюдьи жизни,
я буду пьян и сыт,
Пусть яшмовые кисти
ласкают струны цитр.
Пусть фонари и звёзды,
пусть лица и луна,
Пока еще не поздно
себя испытать до дна.

После пения романсов пирующие принялись за сладкие новогодние пирожки-юанься.^[625] Первым откланялся Хань Даого. Симэнь велел Лайчжао открыть нижние комнаты, повесить занавески и выносить раму с потешными огнями. Симэнь с гостями любовался зрелищем сверху, а Ван Шестая с певицами и женой Лайчжао, Шпилькой, смотрели внизу.

Дайань с Лайчжао вынесли раму на середину улицы и подожгли огни. Зевак собралось неисчислимоe множество.

– Это начальник Симэнь огнями потешается, – шептали в толпе.

Да и кто не придет поглазеть! И в самом деле, только взгляните, что это было за прекрасное зрелище!

Букет огромный в полторы сажени. Под ним толпа ликует и шумит. На верхушке сидит журавль-отшельник. В клюве держит он «Багряное послание».^[626] Вот загорелась ветка. Послышался напев «Заросших гор». Луч холодного света тотчас достиг созвездий Ковша и Волопаса. Потом в самом зените взорвалась арбуз-хлопушка, светом озарив стоявшую внизу толпу. Казалось, тысячи раскатов громов землю потрясли. Вот лодки сборщиц лотосов вдогонки понеслись, своею яркостью с луною споря. Как будто золотой фонарь рассеял по небесной сини мириады звезд. Винограда синего бесчисленные гроздья как черный жемчуг гирляндами висят на хрустальной занавеске. Свистит повсюду «гегемона плеть». Вот «полевая мышь»

забралась гуляющему в халат. На карусель нефритовых светильников как любо поглядеть, от бабочек серебряных и гусениц золотых глаз не оторвешь. Восемь бессмертных,^[627] прославленных и дальновидных, даруют долгоденствие. Семь святых карают нечисть, и демоны огнем объаты. Огни зеленые и желтые в воздухе кружатся. Эфир окутал землю, зарницы полыхают. Искрометные лотосы словно парчовый ковер. Тут хризантема рядом с орхидеей, горящие цветы и персиков опавших лепестки весну торопят. Палаты, терема, из-за которых не видно стало горных круч. А тут барабанщиков целый отряд. Он заглушил ликующей толпы восторг многоголосый. Вот «коробейник» весь в огнях и «разбойник» с разбитою вдребезги колесницей. Вот «судьи-демоны», их лица обожжены и грозен вид. А вот «засада-ловушка». Мчатся кони, бегут люди. Не разберешь, кто одержал победу, кто поражение потерпел. Переживаний столько, что ждешь, когда же огни погаснут, хлопушки догорят.

Бег времени, не торопись, замри!
Пусть фонари – до самого рассвета,
Пусть плачут пёстрые марионетки,
А мы смеемся и не ждём зари.

Ин Боцзюэ заметил, что Симэнь порядком выпил, а потому, поглядев потешные огни, спустился вниз. Там он увидел Ван Шестую и дал знать Се Сиду и Чжу Жиняню. Они ушли, не простившись с хозяином.

– Куда ж вы, дядя? – окликнул Ина Дайань.

– Вот недогадливый какой! – зашептал на ухо слуге Ин. – Я ж тебе раньше говорил, в чем тут дело. Если я останусь, и другие будут сидеть, а что хорошего? Если батюшка спросит, скажи, мы ушли.

Симэнь посмотрел на потешные огни и спросил, где Боцзюэ и остальные гости.

– Дядя Ин с дядей Се ушли, – отвечал Дайань. – Я хотел было их удержать, а они велели вас поблагодарить и удалились.

Симэнь ничего ему не сказал и позвал Ли Мина с У Хуэем.

– Я вас сейчас не награждаю, – сказал он певцам, поднося каждому по большому кубку вина. – Шестнадцатого приходите. Будут дядя Ин, приказчики и служащие.

– Позвольте вам сказать, батюшка, – опускаясь на колени, начал Ли Мин. – Шестнадцатого нас с У Хуэем, Цзо Шунем и Чжэн Фэном звали к новому правителю Дунпина его сиятельству господину Ху. У вас, батюшка, мы сможем быть только к вечеру.

– Ничего, мы как раз вечером и собираемся пировать, – отвечал Симэнь. – Только не задерживайтесь.

– Что вы, батюшка! – заверили его певцы и, стоя на коленях, осушили свои кубки, потом раскланялись и ушли.

– Завтра будут дамы пировать, – сказал Симэнь. – Гуйцзе и Иньэр петь будут. И вы приходите.

Они с певицами вышли от Симэня, но не о том пойдет речь. Симэнь наказал Лайчжао, Дайаню и Циньтуну убрать со стола и погасить фонари, а сам отправился в дальние покои.

Тем временем сын Лайчжао, Тегунь, играл во дворе и любовался огнями. Когда же Симэнь ушел, он вбежал наверх, где его отец убирал со стола поднос с мясом, кувшин вина и сладкие пирожки. Тегунь схватил со стола засахаренные орехи и бросился к матери. Шпилька дала ему затрещину и не пустила во двор.

Из комнаты донесся смех. Тегунь решил, что там певицы, но дверь была заперта. Тогда Тегунь заглянул в щелку. Комнату освещал фонарь. Симэнь с Ван Шестой предавались утехам. Симэнь был навеселе. Уложив Ван на постель, он снял с нее штаны и, приладив подпругу, начал охоту за цветком с заднего двора. Не одну сотню раз, гремя доспехами, нападал он, тяжело дыша. Казалось, вот-вот сломается кровать, так громко она скрипела.

Пока малыш наблюдал это сражение, к двери подошла Шпилька. Увидев его притаившимся под дверью, она дала ему оплеуху.

– Вот горе мое! – заругалась она. – Хочешь, чтобы тебя, негодник, опять до полусмерти избили, а? Где тебя носит?

Шпилька протянула сыну новогодних пирожков и больше не пускала из дому. Испуганный Тегунь лег спать.

А Симэнь долго еще сражался с Ван Шестой. Тем временем Дайань покормил носильщиков паланкина. Потом, проводив Ван Шестую до дому и вернувшись на Львиную, он и Циньтун с фонарями сопроводили домой хозяина.

Да,

Ты не досадуй по утру, что вновь зашла луна,
Ведь аромат неведомый успел испить сполна.

Тому свидетельством стихи:

Семью он оставил, отдался во власть наслаждений,
Без бурных утех сластолюбцу и ночь не нужна.
А время бежит чередой коротких мгновений...
Хмельному и ласки вкусить не удастся сполна.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

ИЗ-ЗА ПРОПАЖИ ЗОЛОТОГО БРАСЛЕТА СИМЭНЬ ЦИН РУГАЕТ ЦЗИНЬЛЯНЬ

ПОСЛЕ ПОМОЛВКИ ЮЭНЯН ВСТРЕЧАЕТСЯ С ГОСПОЖОЙ ЦЯО

*В жизни нынешней и прошлой
много горя накопилось.
И у знатных, и у бедных
участь — лечь в сырую землю.
А куда же подевались
Ханьского У-ди красотки?
Смыл поток воды в ущельях
груды золота Ши Чуна.
Чуть рассвет пришел на землю,
а уж снова близок вечер,
Расцвели весной деревья,
чтобы к осени увянуть.
Не стоит на месте время,
и сменяются волненья —
Не отправиться ль в селенье
к выпивохам беспечальным!*

Симэнь Цин вернулся домой только в третью ночную стражу. Юэнян еще не спала. Она вела беседу с женой У Старшего и остальными гостями. Пиньэр поднесла Симэню чарку вина. При появлении хозяина старшая невестка У удалилась в соседнюю

комнату. Юэнян помогла подвыпившему мужу раздеться, а Пиньэр велела приветствовать его земным поклоном.

Когда все сели, Симэнь поинтересовался, как пировали. Юйсяо подала чай. Поскольку госпожа У осталась в комнатах Юэнян, Симэнь пошел ночевать к Юйлоу.

Рано утром пришли повара и начали готовиться к пиру. Симэнь отправился в управу на торжественный обряд поклонения Сыну Неба. [628] На церемонии его увидел надзиратель Ся.

– Благодарю сердечно за гостеприимство, какое было оказано вчера моей жене, – сказал он, обращаясь к Симэню.

– Прошу прощения за скромный прием, – отвечал Симэнь.

Когда он вернулся домой, то застал там тетушку Кун, которая принесла от госпожи Цяо Пятой жбан южного вина и всевозможные яства. Симэнь принял подарки и угостил прибывших с ними слуг. Тетушка Кун расположилась в покоях Юэнян. Первой прибыла в паланкине жена У Шуньчэня, Чжэн Третья, и приветствовала хозяйку поклоном. Жены пили чай с тетушкой Кун.

Тем временем Ли Чжи и Хуан Четвертый выручили на поставках благовоний и воска тысячу лянов. Доставить серебро из Дунпина им помогал Бэнь Дичуань. Как только о приезде подрядчиков прослышал Ин Боцзюэ, он тотчас же явился к Симэню. Хозяин велел Чэнь Цзинци принести весы. Серебро тщательно взвесили и передали Симэню. За подрядчиками осталось пятьсот лянов долга и проценты, составлявшие сто пятьдесят лянов. Хуан Четвертый достал четыре золотых браслета. Они потянули тридцать лянов, что в обмен на серебро равнялось ста пятидесяти лянам. Подрядчики предложили составить новый контракт.

– Приходите после праздника, тогда и потолкуем, – сказал Симэнь. – Некогда мне сейчас.

Прежде чем уйти, Ли Чжи и Хуан Четвертый долго благодарили Симэня, величая «почтенным батюшкой». Что же касается Ин Боцзюэ, то его занимал только магарыч. Решив, что настал подходящий момент сорвать обещанное, он направился было вслед за подрядчиками, но его удержал Симэнь.

– Что это вы вчера ни с того ни сего ушли? – спросил он. – Даже мне не сказались. Я за вами слугу посылал, а вас и след простыл.

– Да мы и так, верно, надоели тебе вчера, – отвечал Ин Боцзюэ. – И мы лишнего хватили, и ты был навеселе. А тебе, брат, сегодня еще в дамском обществе пировать предстоит. До коих же пор, думаю, нам сидеть! Ты уж в управу нынче, конечно, не пойдешь? Как ты только

выдерживаешь!

– Я вчера в третью ночную стражу домой заявился, – объяснил Симэнь. – А нынче уже на торжестве поклонения Сыну Неба в управе присутствовал, дела разбирал. Теперь вот распорядиться надо насчет пира: скоро гости начнут съезжаться. А до этого в даосском монастыре на новогоднем молебне^[629] отстоял. Мне еще у Чжоу Цзюйсюаня пировать. Даже не знаю, когда и домой ворочусь.

– Твоя неутомимость меня поражает! – воскликнул Боцзюэ. – Не хочу тебе льстить, но со своей деловитостью, брат, ты не знаешь себе равных. Выпадает же человеку редкое счастье!

После разговора Симэнь предложил Боцзюэ остаться и отобедать с ним.

– Благодарю, брат, но мне пора, – отказался Боцзюэ.

– А что ж твоя жена не приходит? – поинтересовался Симэнь.

– Паланкин наняли, и она вот-вот прибудет.

Ин Боцзюэ поднял руку и, распроставшись с хозяином, бросился к Ли Чжи и Хуану Четвертому.

Да,

За деньгами – хоть на тучи,
словно на коней.

Виндевет в лед трескучий,
словно в мех саней.

Проводив Ин Боцзюэ, Симэнь достал браслеты. С наслаждением щупал он золото. Оно приятно согревало ему руки. «Сестрица Ли родила мне сына, – размышлял он. – Твердо я теперь стою. Только появился наследник, я вдруг чином обзавелся, с богатым Цяо породнился, а тут и денег подвалило...»

Симэнь спрятал в рукав браслеты и пошел не в дальние покои, а в сад, к Ли Пиньэр. У садовой калитки ему навстречу вышла Цзиньлянь.

– Чего это у тебя в рукаве? – спросила она. – Ну-ка, покажи.

– Приду, тогда посмотришь, – отозвался Симэнь и продолжал путь к Пиньэр.

– Напугал, проклятый! Несется, ног под собой не чуя! – заругалась Цзиньлянь, задетая таким невниманием со стороны Симэня. – Чтоб тебе ноги поломать у нее на пороге, насильник трехвершковый!

Когда Симэнь вошел к Пиньэр, она была занята утренним туалетом. У кормилицы на коленях играл Гуаньгэ. Симэнь сразу дал малышу потрогать золотые браслеты.

– Это откуда? – спросила Пиньэр. – Смотри, как бы ручонки не

застудил.

– Ли Чжи с Хуаном Четвертым долг принесли, – объяснил Симэнь. – А это золото я на процентах заработал.

Чтобы не простудить сына, Пиньэр обернула браслеты цветастым платком и протянула ему.

Вошел Дайань.

– Приказчик Юнь лошадей привел, – доложил Дайань. – Просит вас выйти.

– Откуда у него лошади? – удивился Симэнь.

– Старший брат командир Юнь, говорит, с границы прислал, – отвечал слуга. – Так расхваливает. Отличные, говорит, кони. Тут полюбоваться на Гуаньгэ в комнату вошли госпожа У с невесткой Чжэн Третьей. Их сопровождали Ли Цзяоэр и Мэн Юйлоу. Симэнь оставил браслеты и вышел к воротам посмотреть лошадей. Пиньэр приветствовала вошедших и попросила присаживаться.

Предоставленный самому себе Гуаньгэ продолжал играть браслетами.

– Матушка, вы случайно не брали браслет? – обратилась вдруг к Пиньэр кормилица Жуи. – Тут только три. Где ж четвертый?

– Я не брала, – ответила Пиньэр. – Я их только завернула в платок.

– И платок на полу валяется, – сказала Жуи. – И куда только он мог подеваться?

В комнате начался настоящий переполох. Жуи спрашивала с Инчунь, та допытывалась у старой Фэн.

– Помилуйте! – причитала Фэн. – Какой такой браслет? Слепнуть мне на этом месте! Я его и в глаза-то не видала. Который год в вашем доме, разве я посмею что-нибудь взять? Вот матушку спросите, она вам скажет. А золото мне, старухе, и вовсе ни к чему. Больше бы за младенцем глядели, чем зря на старого человека поклеп возводить.

– Ишь как разошлась, старая! – говорила шутя Пиньэр. – Но потеряли ведь не что-нибудь, а золото! – Она обернулась к Инчунь: – А ты что шум поднимаешь, вонючка проклятая?! Придет батюшка, спросим. Может, он убрал.

– О каком золоте разговор? – спросила Юйлоу.

– Да батюшка ребенку поиграть принес, – отвечала Пиньэр. – Кто его знает, откуда.

Между тем Симэнь, окруженный приказчиками и слугами, осматривал лошадей, потом велел молодым слугам проехаться верхом.

– Лошадки хоть и с Востока, да статью не взяли, – заметил Симэнь. – И поступь не та. Так, для прогулки, еще сойдут. – Он

обратился к Юнь Лишоу: – За сколько ж твой брат собирается их отдать?

– Всего-навсего семьдесят лянов за обоих, – отвечал Юнь Лишоу.

– Цена подходящая, да рысаки плоховаты, – проговорил Симэнь. – Нет, этих лучше увести. Будут хорошие, серебра не пожалею.

Симэнь пошел в дом.

– Вас матушка Шестая просит, – доложил повстречавшийся ему Циньтун.

Симэнь направился к Пиньэр.

– Ты не брал браслет? – спросила его Пиньэр. – Тут только три почему-то.

– Я все четыре оставил, – отвечал Симэнь. – Кто ж его взял?

– А я думала, ты убрал, – протянула Пиньэр. – Мы прямо обыскались. Нигде нет. Кормилица старую Фэн подозревала, а та плачет и клянется, не знаю, мол, никакого браслета.

– Ну так кто ж его взял? Поищите как следует. Зачем волноваться?

– Тут жена У Старшего с невесткой пришли, мы и убрать не успели, – объяснила Пиньэр. – Занялись с ними, про браслеты совсем забыли. Я думала, ты убрал... Бросились искать, они сразу ушли.

Она передала Симэню три браслета.

В это самое время Бэнь Дичуань принес и вручил хозяину сто лянов. Симэнь понес серебро в дальние покои.

Между тем шум в покоях Пиньэр донесся и до ушей Цзиньлянь. Едва ей стало известно, что пропал золотой браслет, она не преминула подлить масла в огонь и тотчас же поспешила к Юэнян.

– Сестрица! Подумай только, – обратилась она к хозяйке дома, – какими фокусами занимается наш негодник! Как бы богат ты не был, к чему золото ребенку давать? Разве это игрушка?!

– Мне уж доложили, – сказала Юэнян. – У нее там целый переполох. Какой-то браслет потерялся. Откуда он взялся?

– А кто знает, откуда. Он его из передних построек в рукаве пронес. Гляжу, идет, будто варвар с подношением трону. «Что это у тебя? – спрашиваю. – Дай-ка поглядеть». Так он даже головы не повернул. К ней спешит – ног под собой не чувствует. А немного погода такой шум поднялся. «Золотой браслет пропал!» – кричат. Вот, думаю, что ты тащил! А он, негодник, знаешь, что сказал? «Поищите, – говорит, – как следует. К чему волноваться?» Такое Ван Миллионщик себе не позволит. И то сказать – браслет золотой! В таком весу, небось, с десяток лянов – с полсотни лянов серебра стоит. А ему хоть бы хны! Точно игрушка потерялась. Ведь все свои кругом. Кто же это мог у нее

стащить, а?

Пока говорила Цзиньлянь, вошел Симэнь. Он велел Юэнян убрать сто лянов, которые принес Бэнь Дичуань, и три браслета.

– Это Ли Чжи с Хуаном Четвертым вернули, – сказал он. – Было четыре, да я дал сыну поиграть. Один куда-то запропастился. Вызови служанок и как следует допроси каждую. Не отыщется, бить буду.

– И вовсе ни к чему было ребенку золото давать, – заметила Юэнян. – Студить только. Такой тяжестью, того и гляди, ножку еще себе отдавит.

– Зачем ты ему давал играть, а? – вмешалась Цзиньлянь. – Как тебе не терпелось к ней добаться! Я ж тебя окликнула, а ты и ухом не повел. Несется, глаза кровью налились – настоящий разбойник. Хотел, чтоб никто не знал. Только не вышло по-твоему. Кого же теперь винить будешь в пропаже? Теперь у тебя хватает совести сестрицу просить? Заставлять служанок обыскивать, по их комнатам шарить? Да они после этого не только язык тебе начнут показывать, но и жопу. Смеяться над тобой будут.

Симэнь не выдержал, толкнул Цзиньлянь, отчего она упала прямо на кровать Юэнян.

– Выведешь ты меня из терпенья, заноза! – закричал он, размахивая кулаками. – Так бы и убил на этом месте, да разговоры пойдут. Ну чего ты со своим языком-то везде лезешь? Твое ли тут дело?!

– Знаю, в твоих руках власть и сила. – Цзиньлянь то ярилась, то вдруг заливалась слезами. – Богатство – вот что для тебя важнее всего! Потому-то ты и буйствуешь, на мне зло срываешь. Тебе, конечно, ничего не стоит и убить меня. Никто не остановит. Ну, на, бей беззащитную! Бей до последнего издыхания. А моя почтенная матушка за тебя возьмется. К суду привлечет – и не поглядит, что ты богатый и всесильный. Скажешь: чего мне бояться? Я, мол, тысяцкий, в управе служу. Да кто ты такой есть?! Мелкая сошка, должник – рваная шапка! Вот кто! Посадить человека ты можешь, а убивать его – сам государь император сперва подумает.

Симэнь расхохотался.

– Вот заноза, кривая кость! – ругался он. – Что у тебя за язык такой! Мелкой сошкой называешь? Рваная шапка, говоришь? А ну, пусть шапку принесут. Найдешь хоть одну дырку? А какой я должник? В Цинхэ любого спроси. Кому я задолжал?

– А ты почему меня кривой костью обзываешь? – Цзиньлянь повертела ножкой. – Где ж это она кривая?

– Ну, нашла коса на камень, – засмеялась Юэнян. – Злодей со

смирным расправится, а на злодея нарвется, растеряется. Исстари повелось: кто на язык остер, за тем и верх. Скажи спасибо, сестрица, что язык тебя выручает.

Симэнь понял, что не переговорить ему Цзиньлянь, и, одевшись, вышел.

– Господин Чжоу посыльного с приглашением прислал, – сказал ему Дайань. – Лошадь готова. Батюшка, вы сперва в монастырь собираетесь или к господину Чжоу?

– Пусть зять за меня в монастырь съездит, – распорядился Симэнь, – а после принесения жертв поскорее домой возвращается. Может, коней приведут. Я к Чжоу поеду. – Он обратился к Шутуну: – Ступай парадную шапку с поясом принеси.

Только Симэнь приладил пояс, от императорской родни Вана прибыли два актера с трупой и поклоном приветствовали хозяина. Симэнь велел Шутуну накормить их.

– Уж вы постарайтесь! Как следует усладите сударынь, – обратился он к актерам. – Щедро одарю. А за платьем наверх не ходите.

– Как же нам не стараться, – пав на колени, говорили актеры. – Тогда мы не посмели бы надеяться на вознаграждение.

– Они в другой раз приходят, – обратился Симэнь к Шутуну. – Отвесь пять лянов за труды.

– Хорошо! – отозвался слуга.

Симэнь сел на коня и отправился на пир к начальнику гарнизона Чжоу.

Цзиньлянь тем временем сидела с женой У Старшего в комнате Юэнян.

– Тебе бы надо попудриться, – обратилась к Цзиньлян хозяйка. – А то у тебя глаза красные. Неловко в таком виде гостям показываться. Не знаю, зачем ты к нему пристала. Уж я и так и сяк старалась. Если б не я, быть тебе битой. Мужа лучше не задевай. У всех у них норов такой. Рассуждать не будут – сразу кулаки в ход пустят. Пропало золото – и ладно. Нашли иль нет – не наше дело. Не у тебя ведь в комнате пропало. Зачем же лезть на рожон? Брось ты эту манеру!

Цзиньлянь молча удалилась в свои покои, чтобы привести себя в порядок.

Вскоре к Юэнян явились разряженные Ли Пиньэр и У Иньэр.

– Как мог пропасть браслет? – обратилась к Пиньэр хозяйка. – Сам тут только что с сестрицей Шестой поругался.^[630] Дело чуть не дошло до рукоприкладства. Я еле их утихомирила. Хозяин на пир отправился, велел новые розги купить. Вечером бить служанок собирается. Куда ж

твои служанки с кормилицей смотрят? Дают ребенку золотые вещи, потом теряют. Ведь не что-нибудь – золото!

– Не знаю, для чего он дал ему четыре браслета, – говорила Пинъэр. – Я с госпожой У Старшей и с Чжэн Третьей занималась. Тут же была сестрица Вторая.^[631] Пока мы вели разговор, браслет и исчез. Служанка на кормилицу грешит, кормилица на старую Фэн. А старуха клянется, плачет: не брала, мол. Того и гляди, покончит с собой. Прямо-таки загадка! Ума не приложу, кого и винить.

– Как хорошо, что меня там не было! – воскликнула У Инъэр. – Знать, самому Небу было угодно так распорядиться. Я ведь целый день с ребенком играла, а тут как раз вышла, прической занялась. А то б на меня подумали. Сказать, может, и не сказали бы, а я бы переживать стала. Деньги кто не любит! Только нам, из заведения, запрещено о них даже поминать, а то пойдет дурная молва...

Пока они говорили, вошли Хань Юйчуань и Дун Цзяоэр с узелками в руках и, весело улыбаясь, отвесили земные поклоны Юэнян, госпоже У и Ли Пинъэр.

– А ты, Инъэр, со вчерашнего дня тут? – приветствуя подругу, спросили они.

– А вы откуда знаете? – удивилась Инъэр.

– Мы вчера у батюшки пели, он нам и сказал, – отвечала Дун Цзяоэр. – Велел сегодня прийти, матушек улаживать.

Юэнян предложила певицам присаживаться, а Сяоюй подала чай. Они поспешно встали, чтобы взять у служанки чай, и поклонились.

– До каких пор вчера пели? – спросила Инъэр.

– После второй ночной стражи до дому добрались, – отвечала Хань Юйчуань. – Вместе с Ли Мином вышли.

Между тем Юэнян наказала Юйсяо поторопить певиц, так как опасалась, как бы не нагрянули гости. Вскоре был накрыт стол. На нем красовались весенние блюда и четыре коробки со сладостями.

– Ступай к матушке Второй и пригласи Гуйцзе, – обратилась к Сяоюй хозяйка. – Пусть тоже попьет чаю.

Вскоре появилась Гуйцзе в сопровождении своей тетки. Они отвесили поклоны и сели к столу. Когда убрали посуду, появилась по-праздничному одетая Инчунь с Гуаньгэ на руках. Его украшала атласная шапочка с расшитыми золотом пожеланиями всяческих благ. На нем были ярко-красная даосская ряса, белые шелковые чулочки и черные атласные туфельки. На груди красовались таблички и талисманы, а на ручонках – золотые запястья.

– О, дорогой мой сыночек! – увидев Гуаньгэ, воскликнула

Пиньэр. – Тебя не приглашали. Зачем же ты пожаловал сюда?

Она посадила сына на колени. Младенец осматривал полную людей комнату, переводил взгляд с одной женщины на другую. Сидевшей на кане Гуйцзе захотелось поиграть с Гуаньгэ.

– Чего это ты на меня так смотришь, сынок, а? – спросила она, поманив ребенка. – На руки хочешь?

Она взяла младенца и заключила его в объятия.

– Дитя малое, а ласку понимает, – заметила, улыбаясь, старшая невестка У.

– В отца пошел, – вставила Юэнян. – Подрстет – такой же повеса будет.

– Тогда маме придется наказывать сына, – заметила Юйлоу.

– Смотри, сынок, тете платье не испачкай, – предупредила Пиньэр. – А то накажу.

– Ну и испачкает, чего страшного! – говорила Гуйцзе. – Люблю с детьми играть.

Она крепко прижала к себе Гуаньгэ и расцеловала.

– Мы целый день здесь, а матушкам не спели, – сказала Дун Цзяоэр, и певицы попросили Сяоюй принести инструменты.

Сяоюй принесла цитру и лютню. Дун Цзяоэр взяла цитру, Хань Юйчуань – лютню, а Ли Гуйцзе встала рядом и приготовилась петь цикл «Роскошный пир луною полной освещен. С платана свисают золотые канаты качелей». Она пропела первую фразу, держа на руках Гуаньгэ, и голос ее был такой сильный, что, казалось, закружилась пыль, эхо раздалось в каменистых ущельях, трели вознеслись к самым небесам. Испуганный Гуаньгэ съежился, не решаясь поднять голову. У него даже дыхание перехватило.

– Сестрица Ли! – позвала Юэнян. – Возьми ребенка! Пусть Инчунь унесет его. Горе – не ребенок! Погляди, как перепугался, – лица нет!

Пиньэр тотчас же взяла у Гуйцзе сына, велела Инчунь заткнуть ему уши и отнести в спальню.

Певицы запели вчетвером.

Полночный пир под полною луною,

Парчовый полог на шатре небес.

Зачем качели мне одной?

Зачем качаться без

Любимого?

Из прошлой жизни грех ли, долг

Оплачиваю я, гонимая?

Не манят ни кровать, ни стол,

Бесцельно длятся дни мои.
Платан, канатами вервей
Обвей
Мне шею стылую!
Неумолимый холод,
Неутолимый голод
И гнёт безмолвья нестерпимые.

На мотив «Милого браню»:

Безмолвье, холод... Нестерпимо
Одной под полог сладострастья
Уйти и быть в своей лишь власти,
Собой лишь наслаждаться мнимо.
Постыдное сиротство внове,
Кого вином мне развлекать?
Зачем сурьмить крутые брови
И в волосы цветы вплетать.

На мотив «Восточного Оу»:^[632]

Мне украшать прическу,
вино готовить лень,
в мечтаниях бессчетных
опять одна весь день.
Твой затуманен ум
блудливыми глазами.
Искусница певичка,
не ласки – баловство.
бессовестное личико,
разврата мастерство.
А я от скорбных дум
просолена слезами.

На мотив «Тронута милостью царской»:

Слезливою солью
всю грудь омочила я.
И ночьку бессонну
делю я с кручиною.
А ты чару полну
с подругой бесчинною
в себя опрокинешь

любовью ответной.
Меня же отринешь,
как грязную ветошь.
Я в бездну бездонных страданий лечу!
Как вытравить прелесть
колдуньи-разлучницы
Сломать шпильку-феникс —
и чары разрушатся
Рассечь ее пояс —
и пепел закружится
Нет, не одолеть
ненавистой зазнобы мне.
Мне – сплетни, ей – лесть,
ей любезны, мне злобные.
Разорваны струны у цитр царства Чу!

На мотив «Сiju за рукоделием во флигеле»:

Трехструнка на кровати, струны – порваны,
На столике – обрывки ткани сорные,
И вышивка в пыли, заброшена,
Собою заниматься тошно так!
Мой мотылек не шлет мне сватов – сердится,
Или сменил цветок? Спрошу у зеркала:
Ужель мне изменили чары девичьи? –
Нет, но они теперь ничьи.

На мотив «Собираем чайный лист»:

Ничья я. Поблекла, ввалились глаза,
Пресечь одиночества холод нельзя!
Мотылька – Чжу Интай Лян Шаньбао разлюбил,^[633]
Её пёстрые крылья слепил бурый ил.
Как наслаждался развратный гурман!
В миг позабыл незабвенный обман!

На мотив «Пробуждается Се Сань»:

В миг позабыл –
клялся в любви,
Но позабыл –
писем не шлешь,
Словно забыл

ласки свои,
Сразу забыл,
их не вернешь!
Все ты забыл.
В храме вдвоем –
Будду просил
сына ты дать,
Счастья вкусил –
смята кровать –
И позабыл.
Ночью и днем
Слезы – нет сил! –
жемчуга град!
Туфли сносил –
новые шьешь –
Бросил, забыл,
ветреный брат,
Ты не любил,
прошлое – ложь!

На мотив «Ночной крик ворона»:

Всё прошлое – ложь, позабуди о пропаже!
Три месяца лета, как будто лет,
Как сено усохла, как в топке металл,
Расплавилась бляшкою с грязною сажей.
Себя воскрешать, украшать – что за честь!
Не встретить и дохлой собаки.
Но, ветер, пришли вожденную весть,
Я встречи небесные знаки
Ищу, чтобы, фениксов резвых чета,
Слились в облаках и век счастья настал.

Заключительная ария:

Пашки расставлены, ждут игроков.
Милый вернется под ласковый кров.
Счастье супругов понятно без слов.

Певицы еще пели, когда появился Дайань.

– Ты передал приглашение? Где же гости? – спросила его Юэнян.

– Да, передал, – сказал слуга. – Госпожа Чжу и супруга ученого Шана к матушке Цяо пожаловали. Ждут прибытия госпожи Цяо

Пятой. Все вместе пожалуют.

– Передай Пинъаню, чтоб от ворот не отлучался, – наказывала Юэнян. – Как покажутся паланкины, пусть придет доложит.

– Как у главной залы грянет музыка, так, матушка, и будьте готовы к встрече, – отвечал Дайань.

– В задней гостиной постели цветной ковер, расставь кресла и повесь занавески на золотые крючки, – наказывала Юэнян. – Да не забудь надуши помещение ароматом мускуса и орхидей.

Появились разодетые Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян, а за ними жены слуг. Их прически украшали золото и серебро. Пестрел средь яркой зелени ослепительный кумач. Они приготовились встречать новую родню.

Первой пожаловала жена Ин Боцзюэ, тетушка Ин. Ее носилки сопровождал Ин Бао. Юэнян во главе остальных жен ввела ее в гостиную, где после взаимных приветствий гостя села.

– Прошу прощения за беспокойство, – обращаясь к хозяйке, говорила, то и дело отвешивая поклоны, тетушка Ин. – Сколько из-за нас вам хлопот!

– Будет вам так говорить! – успокаивала ее Юэнян. – А сколько для нас хлопочет каждый раз батюшка Ин!

Все отчетливей слышались возгласы разгонявших толпу. В передней зале грянула музыка.

– Госпожа Пятая прибыли! – доложил Пинъань.

Вскоре у ворот дома появилась целая толпа одетых в черное. Среди больших паланкинов выделялся первый, в котором восседала госпожа Цяо Пятая. Серебряный верх его украшали свисавшие нити жемчуга, а нежно-голубой балдахин – золотая бахрома. Сопровождавшие паланкин возгласами и пальмовыми хлыстами отгоняли с дороги зевак. Вслед за Цяо Пятой несли малые паланкины с ее служанками, за которыми следовали четверо солдат с сундуком одежд и жаровней. Дальше на маленьких лошадках верхами следовали двое слуг. Замыкали процессию большие паланкины жен господина Цяо, цензора Чжу, ученого Шана, господина Цуя и госпожи Дуань. Жена Цяо Туна с их туалетами находилась в маленьком паланкине.

Юэнян была в ярко-красном халате из вышитой парчи с рукавами, на которых, обращенные друг к другу, красовались белый зверь и единорог.^[634] На поясе у нее отливали всеми цветами подвески из драгоценных камней в золотой оправе. Жемчуг с бирюзой украшали высокую прическу, которую венчали две шпильки-фениксы. На груди блистали ленты и золото, ожерелье и знаки отличия. Юбка по подолу

была отделана жемчужинами и колокольчиками. Юэнян сопровождали Ли Цзяоэр, Пань Цзиньянь, Ли Пиньэр и Сунь Сюэ. Они напоминали нефритовые изваяния – так изящны и ослепительны были их наряды.

Они вышли к внутренним воротам, где и встретили госпожу Цяо Пятую, которую сопровождали остальные гости.

Цяо Пятая была дамой лет семидесяти, но высокой и стройной. Носила она расшитый халат придворного покроя, а высокую прическу держала сетка из драгоценного жемчуга и бирюзы. Если взглянуть, становилось заметно, что волосы у нее совсем седые.

Да,

Глаза – как осенняя заводь мутны,
И брови застыли над ней, словно иней,
А волосы ветхие еле видны,
Как белый туман, как пучок паутины.

Пройдя в заднюю залу, она поклонилась сперва супруге У Старшего, потом Юэнян и остальным женам Симэня. Юэнян хотелось отвести низкий поклон госпоже Цяо Пятой, но та всякий раз удерживала хозяйку. Наконец, после долгих церемоний, гостья согласилась, чтобы Юэнян приветствовала ее обыкновенным поклоном. Затем Юэнян и свашенька Цяо обменялись приветствиями, какие приняты между родственницами, и поблагодарили друг дружку за подарки.

Затем госпожа Цяо Пятая села в покрытое цветным ковром кресло перед парчовой ширмой. Рядом с ней предложили сесть свашеньке Цяо.

– Не посмею я занять место рядом с госпожой Цяо! – отказывалась она. – Я ей довожусь племянницей.

Пригласили супруг цензора Чжу и ученого Шана, но и они вежливо отказывались. После продолжительной церемонии за госпожой Цяо Пятой, занявшей почетное место, по обеим сторонам расположились гости и хозяйки. Посредине зажгли большую квадратную жаровню, и в зале стало тепло, как весной.

Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян в ярко-красных кофтах из расшитого цветами атласа, отделанных золотом голубых юбках и зеленых безрукавках вышли к столу и принялись разносить чай.

– Будьте так любезны, пригласите, пожалуйста, к столу господина Симэня, – немного погодя обратилась к Юэнян госпожа Цяо Пятая. – Мне хотелось бы засвидетельствовать свое почтение.

– Мужа нет дома, – отвечала Юэнян. – Он занят у управе.

– В каком чине изволит состоять ваш супруг? – спросила гостя.

– Мой муж обыкновенный уездный житель, – отвечала хозяйка. – Только благодаря милостям двора ему пожаловали чин тысяцкого и назначили на пост судебного надзирателя. Помолвка наших детей, наверное, уронила достоинство вашего знатного рода.

– Зачем вы так говорите, сударыня! – возразила госпожа Цяо Пятая. – Я с большой радостью узнала о помолвке. Мне очень приятно, что моя племянница породнилась со столь почтенным семейством, к каковому относится ваш достопочтенный супруг. Я пришла познакомиться с вами, сударыня, и была бы рада поддерживать и в дальнейшем наши родственные отношения.

– Но это не нанесет ущерба вашему достоинству, сударыня? – спросила Юэнян.

– Да что вы, сударыня! – воскликнула гостя. – Двор с чернью родниться не будет! Если только вас не утомит мое объяснение, я скажу. Другая моя племянница состоит матушкой государыней Восточного дворца при ныне царствующем государе.^[635] Родители ее скончались, и она оставалась у меня на попечении. Мой покойный муж носил наследственное звание командующего императорской гвардией, но он, увы, умер пятидесяти лет. Детей у нас не было, и звание наследовал мой племянник. Человек без состояния, выходец из посыльных, он стал впоследствии именитым горожанином, обладателем солидного достатка. Надеюсь, он не запятнает вашей чести.

– Показали бы наследничка! – вмешалась в их разговор старшая невестка У, обращаясь к Юэнян. – Пусть почтенная сударыня пожелает ему долгих лет жизни.

Пиньэр тотчас же бросилась в спальню и велела кормилице завернуть Гуаньгэ. Она отвесила земной поклон и показала ребенка.

– Какой милый ребенок! – похвалила госпожа Цяо Пятая и велела слугам развязать узел.

Она извлекла оттуда кусок желтой с лиловым оттенком парчи, какую изготавливают для двора, и пару позолоченных браслетов и украсила ими Гуаньгэ. Юэнян поспешно поднялась с места и поклоном поблагодарила ее за подарки. Потом пригласила гостью пройти к себе в спальню и переодеться.

Через некоторое время в крытой галерее было накрыто четыре стола, на каждом из которых стояло по четыре десятка блюд с фруктами и разнообразными сладостями, закусками, пирожками и пирожными. Жены слуг обносили пирующих чаем, но не о том пойдет

речь.

После чая Юэнян открыла сад, и гости насладились его красотой.

Тем временем из монастыря вернулся Чэнь Цзинцзи и вместе с Шутуном и Дайанем устроил в передней зале пир, на который и пригласил Юэнян с гостями.

Прекрасный это был пир!

Только поглядите:

На ширмах павлины распустили хвосты, на тюфяках красуются лотосы. Груды диковинных плодов и фруктов на подносах. В вазах среди листвы ярко-зеленой букеты золотых цветов. Тлеет фигурный уголь в жаровнях, курильницы струят аромат «драконова слюна». Кругом стоят рядами старинные изделия из Сянчжоу,^[636] сверкают на занавесах жемчужины Хэну.^[637] На блюдах из белого нефрита грудками лежит единорога вяленое мясо, полны искрящимся вином золотая червонного кувшины. Вот вареные губы обезьяны, вот барса жареные потроха. Каждый глоток стоит не меньше десятка тысяч медяков! Вот дракона вареная печень, вот жареные феникса мозги. Да, тут подают самые изысканные яства. Актеры Грушевого сада;^[638] играют на флейтах и свирелях. Знаменитые певицы исполняют арии под аккомпанемент гуслей и треск кастаньет. Вином обносят красавицы – обеих сравнишь с Лофу^[639] благовония возжигают чаровницы – обе не уступят Чаньэ.^[640]

Да,

Два ряда красавиц стояло у лестниц,

А в доме порхал рой певичек-прелестниц.

Юэнян и Пиньэр поднесли гостям вино. Когда внизу затихла музыка, госпожа Цяо Пятая и остальные гости предложили Пиньэр чашку вина и пожелали ей долгих лет жизни. Гуйцзе, Иньэр, Юйчуань и Цзяоэр заиграли на арфе, цитре и лютне, и, отбивая кастаньетами такт, запели «Будь долговечнее Южной горы». Внизу грянула музыка, и актеры поднесли перечень исполняемых труппой драм. Госпожа Цяо Пятая пожелала услышать драму «Ван Юэин оставляет тувельку в новогоднюю ночь».^[641] Повара подали жареного гуся, и госпожа Цяо Пятая наградила их пятью цянями серебра. Уже пять раз накрывали столы. Одни только супы подавались трижды. Актеры исполнили четыре акта и удалились. Вечерело. В зале зажгли разноцветные свечи и фонари. Казалось, яркие ленты затрепетали на ветру, цветные нити закружились в воздухе. На востоке выплыла ясная луна, заливая светом своим всю залу, в которой ярко горели светильники.

Жена Лайсина, Хуэйсю, с женой Лайбао, Хуэйсян, вынесли большие квадратные подносы. На них стояли серебряные чашки с золотыми ложечками в форме абрикосовых лепестков, а рядом красовались сахарные розочки и новогодние сладкие пирожки, от которых исходил аппетитный аромат. Пока Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян по всем правилам этикета не спеша разливали чай, внизу играли на лютнях и цитрах, свирелях, флейтах и рожках. Лилась мелодия вступления к «Подведенным бровям» из песен, посвященных Празднику фонарей: «Месяц светом заливает весенний город...» Когда песня умолкла, госпожа Цяо Пятая и свашенька Цяо позвали актеров и дали им по два узелка с лянном серебра. Каждая певица получила в награду по два цяня серебром.

Юэнян тем временем распорядилась накрыть столы в задней гостиной и пригласила всех туда. Четыре стола были завалены яствами. Под музыку и пение пир продолжался.

Цяо Пятая не раз собиралась откланяться, но Юэнян и остальные хозяйки уговаривали ее побыть еще немного. У ворот ее снова угостили вином и упросили полюбоваться потешными огнями. Народ на улице гудел, как пчелиный рой, и собралось его как, чешуи на рыбе. Пинъань и солдаты палками теснили толпу, но она продолжала напирать. Подождли раму с потешными огнями. Народ расступился. Тут только госпоже Цяо Пятой и остальным гостям удалось проститься с хозяйками и отбыть в паланкинах. Шла третья ночная стража. Потом проводили тетушку Ин, и Юэнян с остальными женами удалилась в дальние покои, наказав Чэнь Цзинцзи, Лайсину, Шутуну и Дайаню убрать в зале посуду и угостить актеров. Им было вручено пять цяней серебром, и они ушли.

Потом Юэнян распорядилась не трогать один стол, поставить полжбана вина и позвать приказчика Фу, Бэнь Дичуаня и зятя Чэня.

– Пусть выпьют после всех хлопот, – добавила она.

Приглашенные пировали в большой зале.

– Не знаю, когда батюшка вернется, – говорила хозяйка, – да и в зале пока не погасли светильники.

Приказчик Фу, Бэнь Дичуань, Цзинцзи и Лайбао заняли почетные места. Лайсин, Шутун, Дайань и Пинъань уселись по обеим сторонам. Налили вино.

– Поставил бы кого-нибудь у ворот, – обратился к Пинъаню Лайбао. – А то батюшка, чего доброго, придет.

– Не волнуйся! Я Хуатуну наказал поглядеть, – отвечал Пинъань.

Они пили вино, играли на пальцах.

– Хватит шуметь, а то сзади услышат, – предупредил Цзинцзи. –
Давайте лучше стихи слагать. Каждый по строке. Кто не сумеет, будет
штрафную чару пить.

Начал приказчик Фу:

- Как милы новогодние травы, цветы...
- Нам судьбою на радость отпущены дни... –

продолжал Бэнь Дичуань.

- Когда светит луна и мерцают огни... –

продекламировал Цзинцзи.

- Мои чувства, красавица, не обмани... –

вставил Лайбао.

- Час свиданья настал, но, увы, не явилась красotka... –

продолжал Лайсин.

- Материнский наказ преступить не смогла... –

сказал Шутун.

- Пусть немного вина, и пусть свечи мерцают не четко... –

продекламировал Дайань.

- Мы с друзьями весной насладимся сполна, –

заклучил Пинъань.

Все громко рассмеялись.

Да,

Утонувшие в вине,
Терли, расходясь, виски.
Не видали, как к луне
Тянет слива лепестки.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

У ЮЭНЯН ОСТАВЛЯЕТ У СЕБЯ НА НОЧЬ ЛИ ГУЙЦЗЕ ПЬЯНЫЙ СИМЭНЬ ЦИН ПОДВЕРГАЕТ ПЫТКЕ СЯХУА

Бедняку, что ни день, то нужда да мученье,

Богачу, что ни год – от услад пресыщенье.

Не подъедет коляска к лачуге убогой,

Не стихают мелодии в светлых чертогах.

Молодые лентяи мотыльками порхают,

В цветниках вечно праздные девы гуляют.

С ними вместе бездельничать нет мне охоты.

Дома многие тяготы ждут да заботы.

Так вот. Пока Цзинцзи с приказчиком Фу и остальными пировал в передней зале, прибыл паланкин за супругой У Старшего.

– Останься еще на ночку, невестушка! – упрашивала ее Юэнян. – И завтра успеешь.

– Я у свашеньки Цяо три дня гостевала, – отвечала старшая невестка У, собираясь уходить. – Дома некому присмотреть. И сам у меня в управе занят. Я пойду. Приглашаю всех вас, золовушки, завтра пожаловать к нам. А вечером совершим прогулку. Надо размяться, недуги разогнать.

– Благодарю за приглашение, – отвечала Юэнян. – Только мы сможем попозднее прийти.

– Нет, золовушка, возьмите паланкин да пораньше приходите, а обратно я вас провожу.

Юэнян наложила в одну коробку новогодних пирожков, в другую

пампушек и велела Лайаню проводить госпожу У.

За ней откланялись и певицы во главе с Гуйцзе.

– А вы куда торопитесь? – спросила их Юэнян. – Обождите. Скоро батюшка придет. Он распорядился вас оставить. Может, у него до вас дело есть. Так что я вас не отпускаю.

– Но батюшка на пиру и не известно когда вернется! – возразила Гуйцзе. – Мы и так сколько ждали. Разрешите нам с У Иньэр пойти, а то мы сильно уж задержались у вас. Матушка нас, должно быть, совсем потеряла. Вон Юйчуань с Цзяоэр только что пришли, пусть они и подождут.

– Так уж и потеряла вас мамаша! – возразила Юэнян. – Не можете до утра остаться?!

– Простите, матушка, но у нас дома никого нет, – объясняла Гуйцзе. – И сестрицу мою гость взял к себе. Может, мы вам споем, а потом вы нас отпустите?

Пока шел этот разговор, вошел Чэнь Цзинцзи и передал остаток от чаевых.

– Десять узелков пошло носильщикам паланкинов, – отчитывался он. – Каждому по цяню, итого три лян. Десять узелков осталось.

Юэнян убрала деньги.

– Прошу вас, дядюшка, будьте добры, поглядите, не прибыли ли наши паланкины, – вставила Гуйцзе.

– Вот их паланкины стоят, а ваших с Иньэр не видно, – отвечал Цзинцзи. – Не знаю, кто их отпускал.

– Может, вы, дядюшка, их отпустили, а? Скажите правду!

– Не веришь, пойди сама погляди, – посоветовал Цзинцзи. – Чего мне обманывать!

Не успел он договорить, как вошел Циньтун с ковром под мышкой.

– Батюшка вернулись! – доложил он.

– Вот видите! Хорошо, я вас задержала, – заметила певицам Юэнян.

Вскоре вошел Симэнь, пьяный, в шапке, и уселся посреди комнаты. Дун Цзяоэр и Хань Юйчуань предстали перед ним и отвесили земные поклоны.

– Уже поздно, да? Все разошлись? – спросил Симэнь. – Так чего ж вы не поете?

– Они домой просились, – ответила Юэнян.

– Кончится праздник, тогда и пойдете, – сказал Симэнь, обращаясь к Гуйцзе и Иньэр. – А вы, – он обернулся к Юйчуань и Цзяоэр, – можете сегодня идти.

– Ну что! – подхватила Юэнян. – Я ж вам не зря говорила. Не верили?

Гуйцзе, понутив голову, молчала.

– Их паланкины здесь? – спросил Симэнь у Дайяня.

– Паланкины Дун Цзяоэр и Хань Юйчуань у ворот стоят, – ответил слуга.

– Я пить больше не буду, – заметил хозяин. – Берите-ка инструменты и спойте цикл «Десятиактные узоры». Потом можете идти.

Гуйцзе заиграла на лютне, Иньэр – на цитре, Юйчуань – на арфе, а Цзяоэр отбивала такт в барабан. Их слушали У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь и Ли Пиньэр. Первой запела на мотив «Овечки с горного склона» Гуйцзе:

Мой миленочек пригожий
Всех талантами затмил.
Повстречалась с ним в прихожей
И осталась с ним одним.
Но ушел дружок, и что же?
Я, ничтожная, грущу,
На своем остывшем ложе
Ненаглядного ищу.
Пусть вернется день погожий,
Нас укроют облака
На рассветный сад похожей
Станет хижина слегка.

Настал черед У Иньэр. Она пела на мотив «Золотые письма»:

С кем же счастье ты встречаешь?
Над каким цветком паришь?
Терема ли посещаешь?
Или бродишь у перил?

Хань Юйчуань запела на мотив «Лечу на облаке»:

Стою я, локти на перила.
Как пагубно мое влечение.
Я с хворью свыкнусь, но не в силах
Услышать птиц счастливых пенье.

Дальше продолжила Дун Цзяоэр:

Поблекли краса и румянец.

Ворота стоят взаперти.
Уж ветер восточный свистит,
И дождь моросит.
В сад заглянешь –
На лужах, в грязи – лепестки:
От сердца и от тоски.

Гуйцзе запела на мотив вступления к «Подведенным бровям»:

Пылится цитра – в руки не беру –
Не слушает он пылкую игру.
Он где-то рядом, где-то далеко,
А, горизонт приблизить нелегко!
Чуть одарив меня свеченья негой
Звезда покинула мой сектор неба.

На мотив «Туфелек алый узор» запела У Иньэр:

Пара уток – приливный улов —
Под крутым бережком свили шеи,
Но, увидев рыбачий челнок,
Разлетелись навек – вот крушение.

Хань Юйчуань пропела на мотив «Резвится дитя»:

Худею и вяну с тех пор,
как ушел милый друг.
Ты смерти моей приговор,
неизбывный недуг.
Весны занялась карусель,
ты душою иссяк.
И вот, снова осень – гусей
потянулся косяк.

На мотив «У туалетного столика» запела Дун Цзяоэр:

С горя лопнули струны у лютни.
Больше некому звукам внимать.
Распустились цветы. Он не любит,
Не придет ароматы вдыхать.

Гуйцзе подхватила на мотив «Застряла в решетке южная ветка»:

Уж месяц горит за окошком,
Я слезы глотаю тайком.
Мы вместе-то были немножко,

Но чувство мое велико.

У Иньэр запела на мотив «Пахнет ветка корицы»:

Легковесен, как ивовый цвет,
Его ветер беспечный кружит.
Он с улыбкой мне лгал столько лет,
Я ж служила ему от души.

На мотив «Овечка с горного склона» запела Хань Юйчуань:

Нефрит ты мой твёрдый.
Я – нежная яшма.
Под пологом ражих
причуд торжество.
В руках второсортных
забыл ласки наши,
кудрей моих крону —
под скудной листвой.
Забыл, что я краше,
забыл, что я – яшма,
ты обезображен —
булыжником стал...
Растаять мне страшно
в солёных потоках.
Тебя – как глоток бы
сожженным устам.

Дун Цзяоэр запела на мотив «Золотые письма»:

Мой платок в слезах промок.
Запад – я, а ты – восток.
Посреди бурлит поток.

Ли Гуйцзе запела на мотив «Лечу на облаке»:

Я тушь любовью размочу,
Письмом сама к тебе лечу,
Я трону сердце гордеца,
Не будет радости конца!

У Иньэр запела на мотив «Воды реки»:

Что благовонья возжигать —
сама я тлею, как сандал.
Что шёлком полог вышивать —

иглой в моих сосудах стал
любимый. Оскудела кровь,
погибель не прощу ему!
Чу! – иволги трезвонят вновь...
Я шторы лучше подниму.

Хань Юйчуань запела на мотив вступления к «Подведенным
бровям»:

Помню теплые слова,
Жаркий шепот на подушке...
Нынче – словно лед сковал –
Ты ушел к другой подружке.

На мотив «Туфелек алый узор» запела Дун Цзяоэр:

Один улетел на восток,
На запад другого умчало.
Мечусь, будто утлый челнок,
Ищу в бурном море причала.
Ли Гуйцзе запела на мотив «Резвится дитя»:
Чье ложе тебя увлекло расписное?
Одна я, и слезы морскою волною.
Сгорела свеча, – ты забыл свой обет,
Дух Моря оставит во храме мой след.^[642]

У Иньэр запела на мотив «У туалетного столика»:

С кем разопью кувшин вина?
Я, как пустой кувшин, сама,
Любимым выпита до дна
И брошена без сожаленья.
Мы из далеких звездных сфер,
Мы Орион и Люцифер^[643] —
Восток и Запад, жизнь и смерть, —
Всё разобщат перерожденьях.
Жасмина куст давно пожух,
А я все брови подвожу,
Себя на пудру извожу
И жду небесного явления.

На мотив «Застряла в решетке южная ветка» запела Хань Юйчуань:

Терзал то один, то другой.
Но ветер развеял туманы,

И ночь осветилась луной,
Мне снял поясок мой желанный...
Так кто ж виноват, дорогой?
Я – с теми была, ты – с другой.

Заключительную арию пропела Ли Гуйцзе:

Туфли – вышитые крошки
Увидал я ненароком,
И, припав к изящным ножкам,
Кончил жизнь свою до срока.

Пение кончилось, и Симэнь одарил Хань Юйчуань и Дун Цзяоэр серебром. Певицы откланялись и направились домой, а Ли Гуйцзе и У Иньэр остались ночевать.

Вдруг спереди донесся шум. Послышались голоса Дайаня и Циньтуна, которые схватили служанку Ли Цзяоэр, Сяхуа.

– Только проводили мы певиц, – докладывали они Симэню, – идем с фонарями в конюшню лошадям сена задать. Глядим: за стойлом кто-то прячется. Испугались даже. А это, оказывается, Сяхуа, служанка матушки Второй. Чего тут делаешь, спрашиваем, а она молчит.

– Где она, рабское отродье? – спросил Симэнь. – Приведите!

Хозяин вышел в коридор перед гостиной и уселся в кресло. К нему привели служанку и, скрутив руки, поставили на колени.

– Что ты делала в конюшне? – допрашивал ее Симэнь.

Сяхуа молчала.

– Я ж тебя туда не посылала! – вставила стоявшая рядом Ли Цзяоэр. – К чему тебя в конюшню понесло, а?

Сяхуа дрожала со страху. Симэнь, желая дознаться в чем дело, велел слугам обыскать Сяхуа. Она запротивилась, и Циньтун повалил ее на пол. Вдруг около пояса что-то сверкнуло и послышался стук упавшего предмета.

– Что такое? – спросил Симэнь.

И представьте себе, Дайань поднял золотой браслет.

– Он самый – пропавший браслет! – воскликнул Симэнь, рассматривая при свете фонаря протянутую ему слугою вещь. – А! Так это ты, выходит, украла!

– Я нашла, – отвечала Сяхуа.

– Где? – спросил хозяин.

Служанка молчала.

Разгневанный Симэнь велел Циньтуну принести тиски. Вскоре пальцы ее зажали в тиски, и она закричала так, будто ее режут. После

тисков служанке всыпали двадцать палочных ударов. Симэнь был пьян, и Юэнян не решалась заступаться.

– Я у матушки Шестой в спальне на полу нашла, – не выдержав, призналась Сяхуа.

Симэнь распорядился снять тиски и увести служанку к Ли Цзяоэр.

– Надо будет завтра позвать сваху, – сказал он. – Пусть продаст. Нечего в доме держать это рабское отродье!

Ли Цзяоэр нечего было возразить.

– Негодяйка проклятая! – заругалась она. – Зачем туда ходила? Кто тебя просил? Раз у меня живешь, спроситься должна. А то, извольте, пошла. А нашла вещь, мне скажи.

Сяхуа плакала.

– Плачешь?! – продолжала Ли Цзяоэр. – Надо бы тебя до смерти замучать!

– Ладно! – протянул Симэнь и велел Юэнян убрать браслет, а сам направился в переднюю постройку.

За Ли Цзяоэр разошлись и слуги.

Юэнян наказала Сяюй закрыть дверь и позвать Юйсяо.

– Когда ж это она в переднюю-то попала? – спросила хозяйка.

– Когда матушки Вторая и Третья пошли с тетушкой У навестить матушку Шестую, она за ними и отправилась, – объяснила Сяюй.

– Не думала, что она браслет стащит. А до чего ж она перепугалась, как про розги заговорили! Батюшка велел волчьи жилы купить, она ко мне на кухне и подходит. Что это, спрашивает, еще за волчьи жилы такие. Жилы, говорю, как жилы. Вот украдешь, говорю, ими тебя бить будут, руки-ноги свяжут. Испугалась она, должно быть, бежать решила. Когда певицы уходили, она за ними было последовала, да привратник помешал. Вот она в конюшне и спряталась. Оттуда ее слуги и выволокли.

– Вот попробуй распознай человека! – говорила Юэнян. – На вид – служанка, как все, а оказалась воровкой. Ну и дела!

Тем временем Ли Цзяоэр привела Сяхуа к себе в спальню. Под вечер служанку начала отчитывать Ли Гуйцзе.

– Вот дурочка-то! – ругала ее певица. – Шестнадцать, должно быть, исполнилось, пора бы уж разбираться что к чему! А то ишь, уши развесила! У нас тебя бы в два счета выгнали. Раз вещь такую подобрала и никто не видал, принеси да передай потихоньку хозяйке. И уличат, она за тебя заступится. А то хозяйке ни слова не сказала. Вот тисков и отведала. Небось, не очень-то сладко, а? Как говорят: раз в темной одежке ходишь, поближе к темной колонне держись. Не живи

ты здесь, мы бы о тебе и волноваться не стали. А раз тебя схватили, то и госпоже твоей неприятность. – Гуйцзе обернулась к тетке и стала выговаривать ей: – А ты тоже хороша! Я б на твоём месте не дала свою служанку у всех на виду пытаться. Я бы к себе отвела и сама наказала. Вон сколько в доме служанок! Почему их не пытаются? Почему твоя служанка должна страдать? Уж больно ты уступчива! Слова сказать не можешь. Им, пожалуй, в голову придет – выгонять будут, так ты тоже будешь молчать? Ты промолчишь – я тогда скажу. Я заступлюсь. А то все смеяться будут. Погляди, вон Мэн и Пань. Они как лисы хитрые. С ними лучше не связывайся. – Гуйцзе опять позвала Сяхуа и спросила: – А ты хочешь уйти из дому?

– Не хочу, – отвечала служанка.

– А раз не хочешь, прилепись к своей матушке, – продолжала Гуйцзе. – Слушайся ее и будь во всем заодно с ней. И найдешь чего, ей передай. Тогда она тебя и защитит и выдвинет.

– Слушаюсь, барышня! – говорила Сяхуа. – Обещаю!

Но не будем больше говорить о том, как наставляла служанку певица, а расскажем о Симэне.

Прошел он к Ли Пиньэр. Она сидела на кане с У Иньэр. Симэнь собрался было раздеваться, но его удержала Пиньэр:

– Где ж ляжешь? Ведь Иньэр у меня. Ступай к другой.

– Как где? – возразил Симэнь. – Подвиньтесь немного, я меж вами и лягу.

– Не говори пошлостей! – Пиньэр бросила на мужа строгий взгляд.

– Ну, где ж мне спать теперь?

– Ступай к сестрице Пятой! – посоветовала Пиньэр. – Там и переночуешь.

Симэнь посидел немного и встал.

– Ладно! Не буду вам мешать. Я пошел.

И он направился прямо к Цзиньянь. Она смотрела на него, как на посланца самих небес. Она поспешила раздеть его, приготовила чистую постель, опустила над нею расшитый полог и положила изголовье. После чаю они легли, но не о том пойдет речь.

Отправив Симэня, Пиньэр расставила на кане шашки и они с У Иньэр стали играть. Пиньэр велела Инчунь подать чаю, сладостей и подогреть сладкого цзинхуаского вина.

– Иньэр, ты, может, есть хочешь? – спросила она. – А то Инчунь сейчас подаст.

– Нет, матушка, я сыта, – отвечала Иньэр. – Не стоит беспокоить сестрицу.

– Ну ладно! Иньэр есть не хочет, – сказала служанке Пиньэр. – Пирожков с фруктовой начинкой принеси.

Через некоторое время Инчунь расставила на столе четыре блюда закусок: маринованные свиные ножки, соленую курятину, куриные яйца и жареные в масле бобы с трепангами, а также коробку изысканных фруктов и поднос сладких пирожков с фруктовой начинкой. После трех партий в шашки появилось и подогретое вино. Хозяйка и гостя пили из серебряных чарок.

– Сестрица! – кликнула служанку Иньэр. – Подай, пожалуйста, лютию. Я матушке спою.

– Не надо, сестрица! – отговаривала ее Пиньэр. – Ребенок спит. А потом, хозяин услышит, разговоры пойдут... Давай лучше в кости сыграем.

Пиньэр велела Инчунь принести цветную коробку, и они принялись бросать кости и пить штрафные чарки.

– Позови-ка кормилицу, – немного погодя обратилась к служанке Иньэр. – Пусть с нами пропустит чарочку.

– Она с ребенком спит, – отвечала Инчунь.

– И пусть спит! – говорила Пиньэр. – На, отнеси ей вина. Уж очень понятливый малыш растет! Не успеешь от него отойти, сразу просыпается. Представь себе, вот тут как-то уснул он у меня на постели. Сам едва коснулся меня, а он уж глазки открыл. Ну все как есть понимает! Mamka подхватила его и в другую комнату, а он, знай себе, плачет. Ко мне на ручки просится.

– Да, с появлением сына вам с батюшкой и встретиться-то как следует не приходится, – сказала, улыбаясь, Иньэр. – Часто ли к вам батюшка заглядывает?

– Да как сказать – протянула Пиньэр. – Другой раз несколько дней не приходит, а то подряд зачаштит... Ребенка-то он навещает постоянно. И все б было ничего, да некоторых в доме это просто бесит. Какими только проклятиями они не награждают и его самого и моего сына! А обо мне уж и говорить не приходится. У меня с мужем такого ничего и нет, а я у них никогда с языка не схожу. Так что лучше бы он совсем не приходил. А то на другой же день пойдут перешептываться, перемигиваться. Только и разговору! Я, дескать, мужа у них отобрала. Вот отчего я его и сегодня выпроводила. Эх, не знаешь ты, Иньэр, нашего дома! Сколько ртов, столько и языков. Ты вот сама была очевидица, как они злились, когда браслет пропал. Как они Старшей наговаривали! Ко мне, мол, золото понес, у меня, мол, в комнате пропало. А оказалось, служанка матушки Второй украла. Хорошо

виновника нашли да разобрались, кто виноват, а то заварили бы кашу. Они уж и так на мою служанку с кормилицей обрушились. А старую Фэн до того расстроили, хотела на себя руки наложить. Из дому, говорит, не выйду, покуда браслет не отыщется.

– Не волнуйтесь, матушка! – успокаивала ее Иньэр. – Ради батюшки берегите сына. И матушка Старшая о вас ведь ничего дурного не говорит. Это другие вам завидуют. Конечно, у вас ребенок. Только не обращайтесь внимания, матушка. А хозяин, когда будет нужно, и сам, думаю, сделает, что полагается.

– Если б не батюшка с матушкой Старшей, сына моего давно бы в живых не было, – сказала Пиньэр.

Так за задушевной беседой и вином просидели они до третьей ночной стражи, потом легли.

Да,

С гостем время-то часом мелькнет быстротечным.

С кем же душу отвести, как не с другом сердечным!

Тому подтверждением и стихи:

Снова месяц заглянул в терем расписной.

Ночь с красоткой провести в Новый год сумей.

Прелесть юную сравнишь с раннею весной,

С распутившейся в ночи веткой сливы мэй.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

ГУЙЦЗЕ УПРАШИВАЕТ НЕ ВЫГОНЯТЬ СЯХУА

ЮЭНЯН С НЕГОДОВАНИЕМ ОБРУШИВАЕТСЯ НА ДАЙАНЯ

*Зовут ее среди цветов царицей,
она стройна, нежна и ароматна.
Творенья нет под солнцем совершенней,
разносится по ветру дивный запах.
Надменная, горда, как орхидея,
припудрена цветочною пыльюю,
Нас восхищает голосом отменным
и вовсе не нуждается в признании.*

Так вот, день был неприсутственный, и Симэнь с утра пошел в переднюю залу. Дайаню было велено отнести госпоже Цяо Пятой и сватьяшке Цяо головки сахару, отборные фрукты и другие яства, за что госпожа Цяо одарила Дайаня двумя платками и тремя цянями серебра, а сватья Цяо – куском темного шелка, но не о том пойдет речь.

Надобно сказать, что, простившись с Симэнем, Ин Боцзюэ поспешил прямо к Хуану Четвертому. Тот заранее приготовил ему десяток лянов.

– Его светлость велели после праздников зайти, – говорил Хуан Четвертый. – Контракт, кажется, будет. Но только на пятьсот лянов. Чего ж нам тогда достанется?!

– А ты сколько бы хотел? – спросил Ин Боцзюэ.

– Вон брат Ли все свое твердит. Давай, говорит, у дворцового зрителя займем. Те же, мол, пять процентов платить. А того в толк не возьмет, что тут куда барышнее. Раз сам в управе служит, стало

быть, на подношения меньше пойдет. Нам бы слитков пятьдесят раздобыть. Договор бы на тысячу лянов составили. Оно и проценты посолиднее.

Ин Боцзюэ, слушая Хуана Четвертого, кивал головой.

– Не волнуйся! – сказал он. – Вы ведь вшестером работаете, да? Так вот. Сколько ж я буду иметь, если мне удастся уговорить его сиятельство, а?

– Мы с Ли Чжи условились с каждого по пять лянов собрать.

– По пять лянов – это само собой, – прервал его Боцзюэ. – Я не о том толкую. Послушай, стоит мне захотеть, и чихал я на ваше серебро. Слово, единое слово, но я могу так его ввернуть, что все будет в порядке. Нынче жена моя у них пиновала, а завтра нас приглашает фонарями любоваться. Вот вы завтра загодя закусочку получше приготовьте да жбан цзиньхуаского вина. Певиц не надо звать. Ли Гуйцзе с У Иньэр петь будут, а музыкантов человек шесть наймите. А я их отведу. Он тогда и вас обоих пригласит. Вот тут-то я ему и намекну. Все пойдет как по маслу. И пятьсот лянов выложит, и контракт на тысячу лянов с ним подпишите. Пятьдесят лянов в месяц процентов платить придется. Ну, а что делать? Одной зазубой меньше, только и всего. Говорят, и знатоку подделки всучают. Оброк понесете, в благовония опилочек подсыпьте, в воск смолы подбавьте. Кто будет проверять! Рыбка в мутной воде лучше ловится. А под его высоким покровительством увереннее и орудуется.

На том и порешили.

На другой день Ли Чжи и Хуан Четвертый купили вина и закусочку. Ин Боцзюэ повел двоих слуг с подарками к Симэню. Только Дайань ушел с подарками к Цяо, как появился Ин Боцзюэ.

– Жена моя вчера так поздно вернулась, – говорил Боцзюэ, кланяясь, – наверно, лишних хлопот доставила.

– Я ж вчера пиновал у Чжоу Наньсюаня, – объяснял Симэнь, – в первую ночную стражу воротился. Даже свашеньку не повидал. Гости, говорят, давно разъехались. День нынче неприсутственный, вот я и решил ей подарки отправить.

Они сели.

– Ли Цзинь! – позвал Ин Боцзюэ слугу. – Внесите подарки!

Слуги внесли в ворота носилки с подарками и остановились.

– Если б ты знал, как благодарны тебе Ли и Хуан! – воскликнул Ин Боцзюэ. – Вот и прислали тебе скромные знаки признательности. Не обижай их, прими. Сгодятся хотя бы слуг побаловать.

Посыльные от подрядчиков, приблизившись к Симэню, упали на

колени, отвечивая земные поклоны.

– К чему подарки? Что мне с ними делать? – говорил Симэнь, обращаясь к Ин Боцзюэ. – Не могу я их принять! Пусть обратно несут.

– Брат! – упрасивал Боцзюэ. – Не примешь, с какими глазами они на улице покажутся! Они и певец хотели было звать, да я отговорил. Наймите, говорю, музыкантов. Они вон за воротами ждут.

– Ну, зови! – сказал Симэнь.

Появились шесть музыкантов и, подойдя к хозяину, опустились на колени.

– Раз наняли, не отсылать же назад! – согласился Симэнь. – Тогда и обоих подрядчиков надо бы позвать.

Не успел он договорить, как Боцзюэ кликнул Ли Цзиня:

– Ступай домой и скажи хозяину: подарки, мол, приняли, с дядей Хуаном на пир приглашают. Пусть поторапливаются.

Ли Цзинь поклонился и отошел в сторону. Подарки убрали, и Симэнь велел Дайаню наградить слуг двумя цянями серебра. Те склонились в земном поклоне и удалились.

Заиграли музыканты. Цитун подал чай, и Симэнь с Ин Боцзюэ сели за стол.

– А обед будет? – спросил Боцзюэ.

После чаю хозяин провел гостя в западный флигель.

– Се Цычуня не видал? – спросил Симэнь.

– Не успел я встать, как Ли Чжи пожаловал, – отвечал Боцзюэ. – Подарки собирали. Некогда мне было с ним встречаться.

– Ступай дядю Се позови! – кликнул Симэнь Цитуну. – Да поскорее.

Шутун накрыл стол. Хуатун принес квадратную лаковую коробку, из которой извлек четыре изящных тонких блюда, снаружи и изнутри расписанные цветами. На одном блюде красовались ароматные баклажаны под маринадом, в другом – сладкая и аппетитная соя, в третьем – душистый мандариновый сок и в четвертом – ярко-красные ростки бамбука. Потом слуга расставил большие блюда. Одно – с жареной бараниной, другое – с жареной уткой под соленым соусом. В третьем блюде был бульон с пельменями, клецками^[644] и яйцами, в четвертом – мясные фрикадельки со сладким картофелем. Хозяину и гостю подали палочки слоновой кости в золотой оправе. Перед Ин Боцзюэ стояла чашка рису, а перед Симэнем – жидкая рисовая каша, от которой шел аппетитный аромат. После того как они пообедали, посуду убрали и начисто вытерли стол. Симэнь и Боцзюэ принялись играть в двойную шестерку на вино.

– Сколько ты собираешься дать Ли Чжи и Хуану Четвертому? – спросил Ин Боцзюэ, воспользовавшись отсутствием Се Сиды.

– Закрою прежний контракт, – отвечал Симэнь, – и подпишу новый – на пятьсот лянов.

– Так-то оно так, – протянул Боцзюэ. – А не лучше ли, брат, ссудить им тысячу лянов, а? И проценты легче считать. А еще вот что хочу тебе посоветовать: отдай ты им эти браслеты. Ну зачем они тебе? А ведь полтора ста лянов. Тогда и останется немного – как-нибудь уж добавишь.

– А ты прав! – воскликнул Симэнь, выслушав Ина. – В самом деле, добавлю три с половиной сотни, и контракт на тысячу заключим. Что золоту зря под спудом-то лежать?!

Они продолжали играть в двойную шестерку, когда вошел Дайань.

– Бэнь Дичуань принес инкрустированный перламутром мраморный экран на двух подставках с двумя бронзовыми гонгами и с бубенцами. Говорит, Ван, тот, что из императорской родни, отдает в залог под тридцать лянов. Вы согласны, батюшка?

– Надо посмотреть, – сказал Симэнь. – Пусть внесут вещи.

Бэнь Дичуань с двумя помощниками внесли экран из дальнего мрамора^[645] с гонгами и бронзовыми бубенцами в залу. Симэнь и Боцзюэ бросили двойную шестерку и вышли посмотреть.

Перед ними стоял инкрустированный перламутром в золотой оправе экран из целого куска мрамора с изящными черно-белыми узорами, шириной в три чи, а высотой – в пять.

Ин Боцзюэ оглядел экран со всех сторон и, приблизившись к Симэню, полупшепотом сказал:

– Брат, ты только приглядишься как следует! Видишь, точь-в-точь сидящий лев, какие у ворот стражу несут.

Рядом красовались ярко расписанные бронзовые гонги, числом три, отделанные тонкой резьбой в виде облаков.

– Бери, брат! – подбивал хозяина Боцзюэ. – Один такой экран и за полсотни не найдешь. А гонги смотри какие!

– А ну как выкупать придет? – спросил Симэнь.

– Да что ты! – воскликнул Боцзюэ. – Он под гору катится. А годика через три проценты, глядишь, набегут, к ссуде приравняются, про выкуп и говорить не придется.

– Тогда беру! – согласился Симэнь. – Вели зятю тридцать лянов отвесить.

Симэнь велел как следует протереть экран и поставить у входа в большую залу. Он со всех сторон любовался, как переливается золото

с бирюзой.

– Музыкантов покормили? – спросил он.

– Едят, – сказал Цитун.

– Потом сюда присылай.

В залу внесли большой барабан, а в коридоре разместили гонги. Заиграла музыка; звуки достигали, казалось, самих небес, пугая парящих птиц и рыб глубинных.

Цитун тем временем ввел в залу Се Сиды, и тот поклоном приветствовал хозяина и Боцзюэ.

– А, Се Цзычунь! – крикнул Симэнь. – Иди сюда. Ну-ка оцени! Сколько, по-твоему, стоит такой вот экран?

Се Сиды приблизился к экрану, долго разглядывал его и, будучи не в силах сдержаться, то и дело ахал от восторга.

– Если даже тебе и повезло, брат, думаю, сто лянов, не меньше стоит, – ответил, наконец, Се Сиды.

– Вон видишь бронзовые гонги с бубенцами? – вставил Боцзюэ. – Так вот, за все тридцать лянов отдал.

– О, Будда милостивый! – хлопнув в ладоши, вскрикнул Се Сиды. – Да за тридцать-то лянов и гонги не отдадут! Какая работа, а! Киноварь и лак всех оттенков! По отделке видно – из казенных мастерских инструменты. Одной звонкой меди, небось, цзиней на сорок потянет. А она тоже денег стоит. Что верно, то верно: всякая вещь своего хозяина находит. Повезло тебе, брат, ничего не скажешь. Этакie сокровища и за такую цену!

После разговора Симэнь пригласил друзей в кабинет. Вскоре подоспели и Ли Чжи с Хуаном Четвертым.

– К чему это вы подарки покупали? – обратился к ним Симэнь. – Для чего тратились? Не к лицу мне ваши подношения принимать.

– Неудобно нам было подносить такие скромные знаки признательности, – отвечали, кланяясь, подрядчики. – Может, сгодятся слугам на угощение. Не посмели отказаться от вашего приглашения, батюшка.

Принесли сиденья, и они сели сбоку. Вскоре Хуатун подал пять чашек чаю. После чаю, только успели убрать посуду, явился Дайань.

– Где прикажете стол накрыть, батюшка? – спросил он.

– Да сюда и несите. Здесь накроете.

Дайань с Шутуном внесли отделанный агатом лаковый стол на восемь персон, а под ним поставили горящую жаровню.

Боцзюэ и Сиды заняли почетные места для гостей. Симэнь сел за хозяина, а Ли Чжи и Хуан Четвертый разместились по бокам. Подали

весенние пирожки со свежими овощами и вино. На столе появились огромные блюда и тарелки со сладостями, бульонами и кушаньями – гусями и утками, курятиной и свиными ножками. Одним словом, изысканные яства. Пенилось и искрилось вино, аппетитно дымились супы и бульоны, а под окном играли музыканты. Симэнь позвал У Иньэр и велел ей разливать вино в чарки. Однако не будем больше рассказывать, как они обедали.

Тем временем за Ли Гуйцзе прибыли половые, а за У Иньэр – слуга Ламэй,^[646] чтобы забрать певиц домой. Для этого они и наняли паланкины. Узнав о прибытии паланкина, Ли Гуйцзе бросилась на улицу и долго о чем-то шепталась с половыми, а вернувшись к Юэнян, стала собираться.

– Мы ж к старшей невестке У скоро поедem, – говорила ей Юэнян, не желая отпускать певицу. – И вас с собой берем. А оттуда, чтобы ноги размять, пешком пойдem. Так до дому и доберешся.

– Поймите, матушка, – объясняла Гуйцзе, – нельзя дом один оставлять. Сестрица ведь тоже в гостях. А тут тетя Ван, оказывается, приглашение мне прислала. Всех певиц на дружеский пир собирает. Мамаша ждет не дождется, когда я вернусь. Вчера еще целый день ждала. Раз половых прислала, значит срочно нужно. Я бы с удовольствием хоть несколько дней у вас пожила, матушка, если б не такое дело.

Юэнян поняла, что уговоры не помогут, и велела Юйсяо принести ее коробки, куда положила пирожков – в одну коробку и хрупкого сахарного печенья – в другую. Коробки передали половым. Гуйцзе получила в награду лян серебром и, простившись с Юэнян и остальными хозяйками, отправилась в сопровождении своей тетки Ли Цзяоэр в передние покои, где Хуатун собрал ей вещи, и зашла к Дайаню, чтобы через него вызвать Симэня. Дайань отдернул потихоньку дверную занавеску и проник в кабинет.

– Гуйцзе домой уходит, – сказал он Симэню. – Просит вас, батюшка.

– Ты еще здесь, потаскушка Гуйцзе? – крикнул Боцзюэ.

– Она уходит, – сказал Симэнь и вышел из кабинета.

Он увидел на Гуйцзе сиреневую кофту из шаньсийского шелка с вышитыми рукавами и отделанную разноцветным шелком широкую белую с отливом юбку. На ней был белый в зеленоватую крапинку платок. Когда она поспешила навстречу Симэню, ее расшитый пояс красиво развевался, а сама она напоминала усыпанную цветами ветку.

– Прошу покорнейше меня простить за беспокойство, причиненное

вам с матушкой, – сказала она, отвесив четыре земных поклона.

– Оставайся до завтра, – проговорил Симэнь.

– Дома никого не осталось, – объяснила Гуйцзе. – За мной половых прислали. Батюшка! У меня к вам просьба. Я говорю о Сяхуа, служанке моей тетки. Оставьте ее. Ее вчера тетя наказала как следует. Ведь она еще совсем девочка. Не ведает, что творит. Я тоже сделала ей внушение. Она исправится и такого себе больше не позволит. Не прогоняйте ее, батюшка, а то в праздник тетя лишится прислужницы, и это ее сильно огорчит. Кашу, говорят, лучше обломком черпака мешать, нежели прямо рукой. Оставьте у нее служанку, батюшка, прошу вас.

– Ладно, оставлю рабское отродье, раз уж ты так упрашиваешь, – проговорил Симэнь и кликнул Дайаня. – Ступай скажи матушке Старшей, чтобы не звала сваху.

Дайань обернулся к Хуатуну, державшему вещи Гуйцзе, и взял у него узел.

– Ступай скажи! – наказал ему Дайань.

Хуатун бросился в передние покои.

После разговора с Симэнем Гуйцзе подошла под окно и крикнула:

– Эй, Попрошайка Ин! Матушка твоя домой идет, с тобой не прощается.

– Не пускать проклятую потаскуху! – заорал Боцзюэ. – Ведите ко мне. Пусть сперва мне споет.

– Жди, когда у матушки время найдется, тогда тебе и споет, – отвечала Гуйцзе.

– Давай, давай, вольничай! – говорил Боцзюэ. – Что, нашептали друг другу приятных слов, а от меня скрываете? Ишь ты, как тебя избаловали! Средь бела дня отпускают! До ночи-то, небось, не одного хахалю ублажить успеешь, потаскуха проклятая.

– У, Попрошайка, пакостник несчастный!

Гуйцзе рассмеялась и отошла от окна. Дайань проводил ее до паланкина.

Пока Симэнь ходил переодеваться, между друзьями шел разговор.

– Эта потаскушка Гуйцзе – настоящий разбойник, убежавший из-под стражи, – говорил Боцзюэ. – Чем больше бесчинствует, тем ему больше сочувствия. Самые праздники, а она, видишь ли, в чужом доме отсиживается. Хозяйка зовет, а она даже не знает, кто ее там поджидает.

– Думаешь, кто? А ну, догадайся! – сказал Се Сиди и, наклонившись к Боцзюэ, что-то прошептал.

– Тише, тише! – предупредил Боцзюэ. – А брат наш и ведать не ведает.

Послышались шаги, и оба сразу умолкли. Вошел Симэнь, заключил в объятия У Иньэр, и они принялись угощать друг дружку вином.

– Вот кто моя дочка! – восклицал Боцзюэ. – И нежна, и ласкова. В сто раз лучше потаскушки Ли. С ней и кобель-то не свяжется.

– Зачем же вы, батюшка, так ее ругаете? – Иньэр улыбнулась. – На это вы мастак. Что толку в сравнениях? Каждому свое. Всюду встретишь и умного, и глупого. Она ж с вами пошутила!

– Он, сукин сын, только и знает чепуху болтать! – заметил Симэнь.

– А ты нам не мешай, – говорил Боцзюэ. – Вот возьму себе дочку, и проживем с ней в ладу и согласии. А пока, дочка, возьми-ка лютню и спой мне.

У Иньэр не спеша перебирала струны нефритовыми пальчиками, потом положила инструмент на колени и тихо запела на мотив «На иве золото колышется»:

Любимому я больше не близка,
Вседневная гнетет меня тоска.
Не ем, не пью, и тело стало хилым.
Нет, не по силам мне расстаться с милым.
Мне холодно, и сердце бьется еле,
Где пропадаешь ты на самом деле?
Не убивай меня, не исчезай
Иль не встречай меня и не терзай.

Ин Боцзюэ осушил чарку, и У Иньэр, наполнив кубок Се Сиды, запела:

Куда мне от тоски уйти, куда?
Когда душа передохнет, когда?
О милом я страдаю постоянно,
Следят за мною сестры неустанно.
Отец косится... Ты не хочешь верить:
Не золотом хочу я чувства мерить...
Люблю тебя, ты мне навек родной,
Нам быть бы нужно мужем и женой.
И жили бы мы в мире и согласьи,
И умерли бы вместе в одночасье.

Не будем больше говорить, как они пили в компании У Иньэр, а расскажем о Хуатуне.

Когда он пришел в дальние покои, Юэнян сидела в спальне с Юйлоу, Пиньэр, дочерью Симэня, Сюэ и старшей монахиней-наставницей. Завидев слугу, Юэнян хотела было послать его за старой Фэн, чтобы договориться о продаже Сяхуа.

– Батюшка велел сказать, чтобы вы оставили служанку, – объявил Хуатун.

– Как так? – удивилась хозяйка. – Он же велел ее продать! Кто это тебе сказал? Говори!

– Я нес одежду Гуйцзе, перед уходом она и упросила батюшку оставить служанку, – объяснил Хуатун. – Батюшка велел Дайаню пойти к вам, а тот не пошел. Отобрал у меня одежду, а меня к вам направил, матушка.

Гнев охватил Юэнян.

– Этот негодник и тем и другим услужить старается, – ругала Дайаня Юэнян. – Вот обманщик, рабское отродье! Его ж за свахой посылали, а он говорит, что батюшка продавать раздумал. Это все он, смутьян, придумывает. А теперь, извольте, певицу провожает. погоди, придет, я с ним поговорю!

В это время к ним вошла У Иньэр.

– За тобой Ламэй пришел, – сказала ей хозяйка. – Гуйцзе ушла. Неужели и ты вслед за ней собираешься?

– Если вы желаете, чтоб я осталась, я ни в коем случае не пренебрегу вашим гостеприимством, матушка, и домой не пойду, – отвечала Иньэр и, обернувшись к Ламэй, спросила: – А ты зачем пришел?

– Мамаша велела проведать вас.

– Дома все в порядке? – спросила Иньэр.

– Все хорошо.

– Тогда зачем же за мной пришел? Домой ступай. Видишь, меня матушка оставляет. Вечером в гости пойдем, потом погуляем, разомнемся. Скажи, что я поздно приду.

Ламэй пошел.

– Задержи его! – сказала Юэнян. – Надо бы покормить.

– Постой! – крикнула Иньэр. – Матушка хочет тебя накормить. Потом одежду мою не забудь захватить. А мамаше скажи, чтобы паланкин не присылала. Я и пешком дойду. Почему У Хуэй не появляется?

– У него что-то с глазами, – ответил Ламэй.

Юэнян велела Юйсяо отвести Ламэй и покормить. Перед слугой поставили два блюда с мясом, тарелку пампушек и вина. В одну из

принесенных певицей коробок положили новогодних пирожков, а в другую – сладостей и чаю.

Надобно сказать, что узел с одеждой Иньэр лежал у Ли Пиньэр, и та заранее завернула в него отделанное золотом парчовое платье, два вышитых золотыми нитями платка и лян серебром.

– К чему, матушка, вы одариваете меня одеждой? – говорила Иньэр, беря узел. Она улыбнулась и продолжала: – Откровенно говоря, у меня нет белого платья. Это парчовое оставьте у себя, матушка, а мне, может, найдется хотя бы старое белое.

– О, есть у меня белое шелковое, – вспомнила Пиньэр. – Но оно тебе будет слишком широко. Как же быть?

Она позвала Инчунь и передала ей ключ.

– Ступай наверх и принеси из большого шкафа кусок белого шелка для сестрицы Иньэр, – велела Пиньэр служанке.

– Скажи своей мамаше, чтобы портного позвала, – наказывала она Иньэр. – Тут два платья выйдут. Тебе, может, цветного шелку?

– Нет, матушка, мне хочется гладкого. С безрукавкой красиво будет. – Иньэр обернулась к Инчунь и, улыбаясь, сказала: – Заставляю я тебя, сестрица, наверх подниматься и нечем мне тебя отблагодарить. Ладно, я потом тебе песню спою.

Немного погодя появилась Инчунь. В руках у нее был кусок широкого белого шелка, выделанного в Сунцзяне. На этикетке значилось: «Вес 38 лянов». Служанка протянула его Иньэр, и та поспешила ей навстречу. Певица напоминала цветущую ветку, ее расшитый пояс красиво развевался. Она грациозно отвесила Ли Пиньэр четыре земных поклона, потом поклонилась несколько раз Инчунь.

– Иньэр, и платье заверни, – сказала Пиньэр. – Когда вином обносить будешь, пригодится.

– Матушка, вы меня совсем задарили, – отвечала певица, отвешивая земной поклон.

Появился Ламэй и, взяв узел, отправился домой.

– Ты мне нравишься, Иньэр, – говорила Юэнян. – Только не бери пример с Гуйцзе. Вон она как возгордилась. Вчера весь день и нынче утром капризы свои показывала. Отпусти ее, да и только. Никак не уговоришь. Будто дома дела неотложные. Даже пела без души. А как за ней пришли, так и есть не стала. Улизнула, след простыл. Не будь такой, как она, Иньэр!

– Дорогая моя матушка! – обратилась к ней певица. – Куда мне торопиться? Тут у меня дом родной с матерью! Где-где нрав свой

показывать, да только не у вас, матушка. Гуйцзе молода еще, не понимает этого. Не сердитесь на нее, матушка!

Пока шел разговор, от госпожи У пришел слуга Лайдин.

– Моя матушка кланяется вам, сударыни, и просит вас вместе с Гуйцзе и Иньэр пожаловать в гости. Матушка надеется, что и госпожа Сюээ прибудет.

– Передай матушке, что мы собираемся, – сказала Лайдину хозяйка. – У матушки Второй нога заболела, она не сможет прийти. Батюшка гостей принимает, потому матушка Сюээ должна на кухне распоряжаться. А мы с госпожой Симэнь и Иньэр, вшестером, скоро придем. Скажи матушке, чтобы не утруждала себя хлопотами, ничего особенного не готовила. Мы будем рады побыть с ней, поговорить. А певица будет?

– Да, барышня Юй, – отвечал Лайдин.

Лайдин удалился. Юэнян с Юйлоу, Цзиньянь, Пиньэр, дочерью Симэня и Иньэр, предупредив о своем отбытии Симэня, наказали кормилице смотреть за ребенком и, разодетые, вышли к паланкинам. Шесть паланкинов сопровождали Дайань, Цитун и Лайань, а также четверо солдат. Паланкины двинулись к старшей невестке У.

Да

Торжественное шествие весны.

Горят огни, так празднично ликуя!

Мгновенья эти мы ценить должны –

Когда и где узришь красу такую?!

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

ГУЛЯЮЩИХ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ ЗАСТАЕТ МОКРЫЙ СНЕГ ЖЕНЫ ШУТЛИВО ГАДАЮТ НА ЧЕРЕПАХЕ И СИМВОЛАХ ГУА.

[647]

*Как много праздничного блеска
в ночь новогоднюю в столице!
Великолепию Пэнлая
с пыланьем этим не сравниться!
Луна безмолвно освещает
сады, террасы теремные.
Вот, яшмовую пыль вздымая,
повозки мчатся расписные
К дворцам, где ночь напропалую
на пышном празднестве ликуют,
Где кубки-лотосы бессечно
взлетают кверху беззаботно,
И где, один другого краше,
цветные фонари сияют,
Расставлены курений чаши
и барабаны не смолкают.*

Этот созданный в прошлом романс воспеваает новогоднюю ночь — когда царит праздник, на земле ликуют люди.

Так вот, проводил Симэнь своих жен на пир к старшей невестке У, Ли Чжи с Хуаном Четвертым посидели еще немного, и Боцзюэ стал их поторапливать.

— Насчет вас я договорился, — объяснил он подрядчикам. — Завтра приходите. Пятьсот лянов выложит.

Ли Чжи и Хуан Четвертый не переставая кланялись посреднику.

Начинало смеркаться, и они, простившись, удалились. А Боцзюэ и Сиды за компанию с Симэнем продолжали пировать в западном флигеле.

Неожиданно зашелестела занавеска, и появился Ли Мин.

– А, Ли Жисинь! – протянул Боцзюэ.

Певец опустился на колени и отвесил земной поклон.

– Где ж У Хуэй? – спросил Симэнь.

– У Хуэй и в Дунпине не был, – отвечал певец. – У него глаза заболели. Я Ван Чжу привел. Ван Чжу! Поди сюда, бей челом батюшке.

Вошел Ван Чжу и после земного поклона встал в сторонке рядом с Ли Мином.

– Гуйцзе видал? – спросил Боцзюэ. – Только что ушла.

– Нет, не видал, – сказал Ли Мин. – Я домой забежал помыться и сразу сюда.

– Они, наверное, не ели, – обращаясь к хозяину, заметил Боцзюэ. – Распорядись, чтобы покормили.

– Пусть обождут немножко, – сказал стоявший рядом Шутун. – Вместе с музыкантами поедят. Сейчас подадут.

Боцзюэ велел Шутуну подать большой поднос, взял с него блюдо жареной баранины с закусками и протянул Ли Мину.

– Бери! Присаживайтесь вон там и закусите! – Боцзюэ обернулся к Шутуну. – Смышленный ты малый, Шутун, а тебе и невдомек, что, как говорится, «правила сходятся по подобию, вещи делятся по родам». [648] Хотя они и из веселого заведения, но на одну доску с музыкантами их не поставишь. А то, чего доброго, скажут, мы, мол, от ближнего отворачиваемся.

Симэнь в шутку ударил его по голове.

– Да ты, сукин сын, сам среди них весь век околачиваешься, вот и превозносишь, – сказал Симэнь. – Кто-кто, а ты-то уж знаешь, что такое – жить на побегушках!

– Да что ты, сынок, разумеешь! – отвечал Боцзюэ. – Напрасно ты, видно, красоток навешал. Ведь у тебя нет никакого понятия, как надобно цветы лелеять. А певица или актер – они все равно что цветы. Чем нежнее с ними обойдешься, тем большее наслаждение получишь. Но попробуй нагруби, и – как поется в «Восьми мелодиях Ганьчжоу» – «зачахла, похудела, едва-едва жива».

– Да, сын мой, ты в таких делах безусловно толк знаешь! – пошутил Симэнь.

Ли Мин и Ван Чжу закусили, и Боцзюэ позвал их к себе.

– А вы знаете вот эту – «Ночная буря будто срезала цветы»? – спросил он.

– Знаем, – отвечали певцы. – Это из цикла «Золотая чара».

Ли Мин взял цитру, Ван Чжу – лютню. Ли Мин заиграл и запел на мотив «Пьянею под сенью цветов»:

Я наслаждался с феей красоты,
А буря ночью срезала цветы.
Те полнолунные цветы прекрасны...
Снега кружат метелью щедрою.
Где моя розочка, не ведаю.
Увы, все поиски напрасны...
Ворочаюсь, вся вздыбилась кровать.
Нет сил без милой зиму коротать.
Ночные стражи безучастны...

На мотив «Порхают иволги счастливые»:

Мне тушечница – океан послушный.
А дымка горных сосен будет тушью.
Бумагой небеса послужат.
Потоки слёз моих послушай!
Увы, в письме и море станет сушей.

На мотив «Вышли рядом»:

Ты мне встретился весел и явственен,
вулканический
водопад.
Меж потоков изысканных яств, вина
искусительный
неба клад.
Я пригнулась, прильнула без устали
ивой лиственной
на всю жизнь.
Попелуями влажными устными
кожей письменной
пальцы – кисть.
Три дня минуло будто года, года
ночью грёзами
излечусь
Днём согбенная и исхудалая
тенью слёзною

расплачусь.

На мотив «Четыре барича»:

Ты погубил меня, смеясь,
я – мертвая теперь.
Любовь бесчеловечную
как девице забыть?
Стереть стараются друзья
следы моих потерь,
Но боль-тоску сердечную
не в силах притупить.
Весь свет мне заслонил сперва,
затем его отнял.
Иллюзия святой любви
рассеялась к утру.
От слез промокли рукава,
и шелк весь полинял.
Я каюсь именем твоим,
твержу его в бреду.
Я помню трепет первых встреч
вечернею порой.
Мой скромный юности талант
расцвел во всей красе.
Но ты умел к себе привлечь
красавиц целый рой –
Поклонник умный – это клад,
который ищут все.

На мотив «Ветер подул над землею»:

Холопкой я была исконно
Все твои прихоти спокойно
Я исполняла, как закон,
Упреки подавив покорно,
И ревности горячий голос.
Я избрана тобой и гордость
Превозмогала боль и скорбь.
Твоя участие мне лестно.
Хотя средь жен не я прелестна,
Не только с ними ночью тесно
Шептался ты, но и со мной.

Запойный бывали ласки.
Но выброшена без огласки
На кухне доживать одной.

На мотив «Цветок нарцисса»:

Не мешайте, я справлюсь, реветь не годится.
Мой миленок не вдов, и не хочет жениться,
Он на ложе любви клялся вечной весной.
Клялся Небу на верность святому обету,
Но придут сто преград, коли твердости нету,
Зря взываю к богам я с сердечной мольбой.
Видно, Небо прогневала в прошлом рождении.
Мой миленок теперь мне не даст утешенья.
Пусть же счастье вернется мне жизнью иной.

Заключительная ария:

О, не бросай меня,
оставь хоть миг надежды!
Пусть радость встречи длится без конца,
чтоб грусть исчезла с милого лица,
Чтоб, трепетно любя,
быть рядом сердцем нежным.

Пока они пели, настал вечер.
Да,

Золотой колченожка,
Ворон солнечный пляшет,
А у месяца в рожках —
уши Зайца из яшмы.^[649]
Ворон, спи до утра,
Зайца тень на экран.
Это месяц младенец
в сновидении ленится,
Это тюлями тени
и любимый на теле.

Симэнь велел убрать посуду и позвать приказчиков Фу и Юня, Хань Даого, Бэнь Дичуаня и Чэнь Цзинци. За большой ширмой у главных ворот были поставлены два стола, над которыми висела пара фонарей, напоминавших по форме бараньи рога. Тут и начался пир. Стол ломился от изобилия фруктов и весенних яств. Почетные места

занимали Симэнь, Ин Боцзюэ и Се Сидя. Приказчики и остальные разместились по обеим сторонам. Двенадцать фонарей-лотосов горели у ворот, рядом стояла рама с потешными огнями. Симэнь велел оставить потешные огни до прибытия паланкинов с гостями. А пока шестеро музыкантов вынесли к воротам свои гонги и барабаны. Заиграла музыка. Полились чистые дивные трели. За ними вышли Ли Мин и Ван Чжу. Один заиграл на цитре, другой – на лютне. Они запели романсы о фонарях на мотив вступления к «Подведенным бровям»:

Месяц цветы озарил,
город ликует весенний...

Толпы гуляющих шли по улице в ту и другую сторону, но никто не решался остановиться и послушать пение. Симэнь сидел в парадной чиновничьей шапочке, в даосском платье из перьев аиста, поверх которого красовалась белая шелковая куртка. Дайань с Пинганем угощали пирующих вином и пускали потешные огни. Двоих солдат поставили возле ограждения, чтобы сдерживать зевак.

В небе застыли редкие облачка. Сквозь них на востоке выглянул ясный месяц.

Ликовал на улицах народ.

Только поглядите:

Везде бьют в гонги и барабаны. Тут и там играют на свирелях и цитрах. Под музыку гуляющие толпами проходят, выбивая такт. Женщины, рукава приспустив, как в танце плывут. Гора огней, ярко сверкая, на сотни чи вздымается до самых облаков. В дворцах курильницы струят обильный аромат. Вдали, сквозь дымку, виднеется нескончаемый поток в тафту разодетых и узорную парчу. Яркая луна светом залила палаты царские и всю округу. Блистают залы расписные, озаренные огнями фонарей-цветов. На улицах и площадях царят веселье и шум праздничной толпы. Радостно встречают Праздник Весны в столице.

Между тем Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо, Ланьсян и Сяюй решили воспользоваться отсутствием Юэнян. Едва слышав у ворот музыку и треск хлопушек, они, разряженные, подкрались к ширме и стали из-за нее подглядывать. Неподалеку у жаровни сустились Шутун с Хуатуном, подогревая вино. А надобно сказать, что Юйсяо и Шутун давно были равнодушны друг к дружке и постоянно обменивались шуточками. Оказавшись рядом, они затеяли возню из-за тыквенных семечек и нечаянно опрокинули подогревавшийся кувшин вина. Над

жаровней взвился огонь, и клубы окутали пирующих. Юйсяо продолжала смеяться, и ее услышал Симэнь.

– Кто это там смеется? Откуда этот дым? – спросил Симэнь и велел Дайяню узнать, в чем дело.

Чуньмэй, одетая в новенькую белую шелковую кофту, поверх которой красовалась отделанная золотом ярко-красная безрукавка, сидела в кресле.

– Вот неуклюжая негодница! – заругала она Юйсяо, когда та опрокинула вино. – Увидела парня и себя не помнит! Ишь, разошлась! Кувшин пролили и хохочут. А чего тут смешного! Огонь залили и продымили всех.

Юйсяо, услышав, как ее ругает Чуньмэй, умолкла и удалилась, а испуганный Шутун направился к хозяину.

– Я вино подогревал и кувшин опрокинул, – сказал он.

Симэнь не стал допытываться, как это случилось, и пропустил мимо ушей.

Тем временем жена Бэнь Дичуаня заранее разузнала, когда Юэнян уйдет в гости, приготовила закусок и фруктов и послала дочь Чжаньэр пригласить Чуньмэй, Юйсяо, Инчунь и Ланьсян. Ведь они были любимцами хозяина. Чжаньэр провели к Ли Цзяоэр.

– Ступай к бабушке! – сказала Цзяоэр. – Я тут былинка, сама подмоги ишу.

Обратились к Сунь Сюэ, но та тоже не посмела пойти к хозяину.

Настало время зажигать фонари, и жена Бэня опять отправила Чжаньэр. Ланьсян посылала к хозяину Юйсяо. Юйсяо подговаривала Инчунь, а Инчунь указывала на Чуньмэй. Потом решили все идти к Ли Цзяоэр, упротить ее поговорить с Симэнем. Однако Чуньмэй сидела как вкопанная.

– Будто вас никогда не кормили, негодницы! – бранила она Юйсяо и всех остальных. – Как позвали на угощение, так уж и невтерпех. Никуда я не пойду и за вас просить не стану. Забегали, как голодные духи, а к чему суета, неизвестно. Хотела бы я увидеть хоть одним глазком.

Инчунь, Юйсяо и Ланьсян, разодетые по-праздничному, вышли, но спроситься боялись. А Чуньмэй продолжала сидеть на своем месте.

– Ладно, я пойду бабушку попрошу! – сказал наконец Шутун, заведя пришедшую опять Чжаньэр. – Пусть меня бабушка ругает.

Шутун приблизился к Симэню и, прикрывая рот, зашептал ему на ухо:

– Жена Бэнь Дичуаня наших служанок к себе на праздник зовет.

Они послали меня попросить разрешения.

Чуть погодя Шутун выбежал к служанкам.

– Разрешил! – крикнул он. – Мне спасибо говорите. Наказал долго не задерживаться.

Чуньмэй не спеша направилась к себе попудриться и привести себя в порядок. Вскоре они ушли. Шутун чуть отодвинул ширму, давая им дорогу.

Завидев хозяйских служанок, жена Бэня была так обрадована, будто к ней спустились феи небесные. Хозяйка провела их к себе в комнату, где горели обтянутые узорным газом фонари. Стол был красиво сервирован. Закуски и весенние яства стояли самые разнообразные. Хозяйка, обращаясь к Чуньмэй, называла ее барышней Старшей, Инчунь – барышней Второй, Юйсяо – Третьей, а Ланьсян – Четвертой. Хозяйка и гости обменялись взаимными приветствиями. Была приглашена и тетушка Хань, жена магометанина Ханя. Для остальных домашних стоял поодаль особый стол.

Чуньмэй и Инчунь заняли почетные места, против них сели Юйсяо и Ланьсян, а хозяйка и тетушка Хань разместились по обеим сторонам. Чжаньэр подогревала вино и подавала закуски, но тут мы их и оставим.

Симэнь подозвал музыкантов и велел им сыграть цикл романсов – «Ветер восточный как будто крепчает, радость уже недалеко».

Подали новогодние пирожные-розочки, и у каждого в руках появились золотые или серебряные ложечки. Ароматные вкусные пирожные так и таяли во рту. Они были как нельзя кстати на праздничном столе.

Ли Мин и Ван Чжу взяли инструменты и запели заказанный Симэнем романс. Пели они выразительно, не спеша. Голоса их красиво сливались в такт с музыкой.

Равнина в дымке предрассветной
Смеётся, предвкушая праздник,
И яблонею разодетой,
И мотыльков круженьем дразнит,
И танцами цветочной феи,
И многоцвётьем красоты.
Весенних паводков трофеи —
Благоуханные сады.

На мотив «Многия лета»:

Цветы абрикоса снежинок белей,

А рядом чернеют плоды сливы-мэй,
И пеной реки захлестнуло мосток.
Толпятся торговцы и уличный сброд,
А рядом, за белой стеной, у господ
Красотки задорной звенит голосок.
Несется с качелей девчоночий визг.
Корзину цветов опускаю я вниз
И вверх со съестным подымаю лоток.

На мотив «О, как прекрасно!»:

Весной все ладно – и хмельной цветок,
И винных лавок вывески цветные.
И благодарный иволги свисток,
И отзвук парный будто бы впервые.
В цветущих ветках вишен белобровых
Закружит ветер мотыльков махровых.
А мы вдвоем под тополем все ночи.
И водоём цветами нас промочит.

На мотив «Туфелек алый узор»:

Слышу звуки рожка и свирели,
Жемчугов на карнизах не счесть.
Мы в пирах молодых угорели.
В небе виснет прощальная песнь.
Нас с тобой заливают луна.
Её свет мы испили сполна.

Заключительная ария:

Среди душистых трав
усни.
Весны цветущий нрав
вкуси.
Пусть промелькнут в пирах
все дни.
Мы встретим жизни крах
одни.

Но оставим певцов, а расскажем о Дайане и Чэнь Цзинцзи.

Забрали они с собой потешные огни и хлопушки, прихватили двоих солдат и с фонарями направились к жене У Старшего за У Юэнян и остальными хозяйками.

Между тем в гостиной с гостями пировали жены У Старшего, У Второго и У Шуньчэня. Барышня Юй услаждала их пением. Пир был в самом разгаре, когда появился Цзинци.

– Вас деверек примет, – сказала супруга У Старшего. – А то муж в управе. Следит, как перепись идет.

Накрыли стол, расставили яства и сладости, вино и закуски. У Второй сел за стол с Цзинци, а Дайань прошел к Юэнян.

– Меня батюшка за вами прислал, – сказал он. – Матушкам, говорит, лучше пораньше домой воротиться, а то народу будет много – не проберешься. Мы с зятюшкой прибыли.

Юэнян продолжала сердиться на Дайаня и не вымолвила ни слова.

– Покорми Дайаня! – наказала Лайдину хозяйка.

– Закуски и вино на столе, – отвечал Лайдин. – Пусть к нам присоединяется.

– Что за спешка! – удивилась Юэнян. – Не успел прийти и уж кормить. Пусть в передней обождет. Мы сейчас идем.

– А вы куда торопитесь? – спросила ее хозяйка. – Нас и люди осудят. В великий праздник только и посидеть у своих в гостях. Дома матушка Вторая с сестрицей остались, так что беспокоиться нечего. Домой никогда не поздно. Ведь не к чужим пришли.

У Старшая позвала барышню Юй.

– Спой что-нибудь получше матушке, – наказала она. – А то обижаться на тебя будут.

– Матушка Шестая и так на нее в обиде, – заметила Юйлоу. – К ней даже на рождение не пришла.

Барышня Юй поспешно вышла из-за стола и отвесила Пиньэр четыре земных поклона.

– Мне нездоровилось с того самого дня, как я была на рожденьи матушки Пятой, – объясняла певица. – Вот к почтенной матушке вчера кое-как собралась. Разве не пришла бы я поздравить вас, матушка?!

– Раз матушка недовольна, спой лучшую песню, она тебя и простит, – вставила Цзиньянь.

Пиньэр молча улыбалась.

– Ничего! Возьму лютню и спою вам, – отвечала барышня Юй.

– Сестрица Чжэн! – окликнула жена У Старшего жену У Шуньчэня. – Налей, пожалуйста, сударыням чарки. Мы еще не выпили сегодня.

Барышня Юй взяла в руки лютню и запела на мотив «Ветер над рекою»:

Час полночный. Холод свеч

лихорадкою колотит.
Я стыжусь постылой плоти,
может, в платье лучше лечь?
Час предсветных петухов.
Воск расплавился в лампаде,
сеткой трещин пересох.
Я бессонна на полатах.
В час рассвета ветер, даль, —
всё распалось в одночасье.
Пышных локонов спираль
Бирюзою не венчать мне.
Час пред полднем. Дорогой
спит и веселится где-то.
Я сию полуодета,
не завидую другой.
В час полуденный брожу,
вспомнив лунные забавы.
Под ногтями разбужу
лютни сиплые октавы.
Час дневной тягуч и скор.
Если ты придешь обратно —
Одарю тебя стократно,
и забуду свой укор.
В час вечерний средь шальных
чаровниц ветротекучих
фейерверк утех хмельных.
Дом любимому наскучил.
Час предзвездный — тьма небес.
Я свечу зажгу, и в страхе
По болотной черепахе
Погадаю о тебе.

— Что-то так холодно сегодня стало, — проговорила Юэнян, едва певица кончила петь.

— Снег идет, — заметил стоящий рядом Лайань.

— Вы, должно быть, легко одеты, сестрица, — сказала Юйлоу. — Я ватную шубу на подкладке захватила, а то к ночи холодно бывает.

— Раз пошел снег, надо за меховыми шубами сходить, — заметила Юэнян.

Лайань поспешил к Дайаню.

— Матушка распорядилась принести шубы, — сказал он.

Дайань позвал Циньтуна:

– Ступай принеси, а мы тут обождем.

Циньтун, не сказав ни слова, побежал домой.

Немного погодя Юэнян вспомнила про Цзиньлянь.

– Кто за шубами пошел? – спросила она Лайаня.

– Циньтун.

– И мне не сказался?! – удивилась хозяйка.

– И сказать-то не успели, а он уж бежать, – вставила Юйлоу. – У матушки Пятой шубы нет, – она обернулась к Юэнян. – Взять хотя бы у сестрицы Второй.

– Как это нет? – возразила Юэнян. – Дома чего не найдется! Возьми вон в лавке заложенную шубу, и весь разговор. А почему Дайань сам не пошел, рабское отродье? К чему других посылать?! Позови его ко мне.

Дайань предстал перед хозяйкой.

– Хорош, хорош, голубчик! – обрушилась на него Юэнян. – И давно завел посыльных, а? Других посылаешь, а я и знать не знаю. Тебя надо правителем посадить. Вот бы стал распоряжаться. Гонял бы посыльных, а сам бы сидел да посиживал. А то ведь чего доброго шапка сдвинется на голове.

– Зря вы, матушка, на меня сердитесь, – отвечал Дайань. – Если б меня посылали, я бы и пошел. Лайань никого не назвал. Надо, говорит, за шубами сходить, и все.

– Выходит, я в доме никто?! Тебе, значит, Лайань – указ, а? – не унималась Юэнян. – Избаловали вас, негодников, вот что я скажу, а вы распустились. Хозяева для вас, что изваянье Будды, – поставили в угол, и пусть копитесь да пылитесь. Каков жертвователь, такова и обитель! Ты и у тех и у других выслуживаешься, вот и вьешься, рыбку в мутной воде ловишь. Тебе бы отовсюду урвать. Думаешь, я о твоих проделках не знаю? Зачем ты провожал Гуйцзе? Ведь хозяин тебя не посылал. Ее другие провожали, так ты узел из рук вырвал. А насчет служанки? Оставить или нет – тоже не твое дело. Зачем ты в чужие дела лезешь, а? Впрочем, как же тебе не лезть, если тебя посылают! Ты и певицу взялся провожать, чтобы тебе кое-что перепало. Вместо того чтобы самому ко мне явиться, ты других посылаешь, а почему? А чтобы я их ругала, а не тебя. Вот ты до чего ловчишь да хитришь!

– Это Хуатун сам виноват, – оправдывался Дайань. – Батюшка увидал его с узлом и мне велел проводить Гуйцзе. А когда я его к вам послал насчет служанки сказать, вы же сами, матушка, решили, как с ней быть, и я тут вовсе не при чем.

– Вот негодяй, рабское отродье! – закричала разгневанная Юэнян. – Будешь долго оправдываться?! Только мне и дела, что глупости твои выслушивать! Убирайся, и чтоб следа твоего тут не было! Посылаю – не идет, да еще припирается! Не верю я ни одному твоему слову. Погоди у меня, негодник! Самому пожелаюсь, он тебе шею намылит.

– Дайань! – вмешалась жена У Старшего. – А ну, ступай скорей за шубами! Матушка сердится. Сестрица! – обратилась она к Юэнян. – Скажи, матушке Пятой шубу принести.

– Никакой шубы мне не надо, – вмешалась Цзиньянь. – А если пойдет, пусть принесет мою на подкладке. Не хочу заложенную надевать. Какая бы ни была – все с чужого плеча. Да она еще на рыжую собаку похожа – смеяться будут. Ее и поносить не успеешь, как выкупать придут.

– Да я вовсе не о заложенной говорю, – пояснила Юэнян. – Думаешь, от наследников полководца Вана, что ли? Ее Ли Цзяоэр носит. Я о той, что Ли Чжи дал. У него шестнадцати лянов не хватило, он шубой и расплатился. – Юэнян обратилась к Дайаню: – Шуба в большом шкафу. Вели Юйсяо, чтоб достала. И дочкину захвати.

Хмурый Дайань вышел.

– Ты куда? – спросил его Цзинци.

– Вот въедливая-то! Настоящий живчик! – бормотал слуга. – Одно и то же по два раза делай. Ночь, а тут опять домой беги!

Когда пришел Дайань, приказчиков Фу и Юня уже не было, а Симэнь Цин, Ин Боцзюэ, Се Сиды, Хань Даого и Бэнь Дичуань продолжали пировать у ворот.

– Матушки вернулись? – спросил Симэнь.

– Нет еще, – отвечал Дайань. – Меня за шубами послали.

И он направился в дальние покои.

Еще до него туда явился Циньтун и стал разыскивать Юйсяо.

– Они у жены Бэнь Дичуаня пируют, негодницы, – сердито сказала ему сидевшая на кане Сяююй. – Не знаю, где у них хранятся шубы. К Бэню ступай, там и спроси.

Циньтун бросился к дому Бэнь Дичуаня, встал под окном и стал прислушиваться.

– Барышня Старшая, барышня Вторая, что это вы и чарочки не осушите? – обращалась к гостям хозяйка. – И закуски нетронутые стоят. Кушайте! Или брезгуете?

– Мы и так немало выпили, тетушка, – отвечала Чуньмэй.

– Да что вы! Не обижайте уж нас! – Хозяйка обернулась к тетушке Хань. – Соседушка дорогая! Ты ведь тоже хозяйка! Попотчуй

барышень. Что же так-то сидеть? – Она позвала дочь Чжаньэр. – Налей-ка барышне Третьей, и у барышни Четвертой чарка почти пустая.

– Я вообще не пью, – сказала Ланьсян.

– Голодные вы у меня остались, барышни, – говорила хозяйка. – Не нашлось вам лакомства по вкусу. Не осудите, прошу вас. Хотелось мне позвать уличных певцов, да побоялась, как бы батюшка не услышал. Скучно живем! Да разве перечесть все горести бедняков!

В дверь постучал Циньтун. Все долго не откликались.

– Кто там? – наконец спросила Чжаньэр.

– Это я, – ответил Циньтун. – Мне с барышнями поговорить надо.

Чжаньэр открыла дверь и впустила слугу.

– Матушки воротились? – сразу спросила Юйсяо.

Циньтун глядел на нее, улыбаясь, и молчал.

– Вот зубоскал! – сказала Юйсяо. – Его спрашивают, а он зубы скалит и ни слова.

– Матушки пока в гостях, – наконец заговорил Циньтун. – На улице снег. Меня за шубами послали.

– Шубы в золоченом сундуке, – объяснила Юйсяо. – Пусть Сяоюй достанет.

– Сяоюй к тебе посылает.

– Ну вы подумайте! – возмутилась Юйсяо. – Что ж она, сама не знает?!

– Раз у ваших матушек есть шубы, вы и давайте, – сказала Чуньмэй. – У моей матушки нет, и я никуда не пойду.

– Для матушки Третьей у Сяолуань спроси, – сказала Ланьсян.

Инчунь достала из-за пояса ключи и протянула Циньтуну.

– Пусть Сючунь в кладовой возьмет.

Циньтун вернулся в дальние покои. Сяоюй и Сяолуань передали ему узлы с шубами Юэнян и Юйлоу. Слуга пошел дальше, но тут ему повстречался Дайань.

– А ты зачем пришел? – спросил Циньтун.

– Еще спрашиваешь! – буркнул Дайань. – Все из-за тебя! От матушки такой нагоняй получил! За шубой для матушки Пятой послали.

– А я пойду для Шестой возьму, – сказал Циньтун.

– Ступай, а потом здесь меня обожди, – наказал Дайань. – Вместе пойдем, а не то еще раз достанется.

Дайань вошел в покои Юэнян. Сяоюй все еще сидела на кане, грелась у жаровни и грызла семечки.

– Опять тебя принесло! – воскликнула она, увидев Дайаня.

– А, ты опять за свое! У, зла не хватает! – Дайань рассказал, как его отругала Юэнян, и продолжал. – Раз Циньтун пошел, ну я и остался. Так я, она говорит, посыльных завел. А у матушки Пятой нет шубы, вот меня и послали. Сказали, в большом шкафу. Ту, что Ли Чжи в счет долга принес. Давай, я захвачу.

– А Юйсяо все ключи с собой взяла, – отвечала Сяоюй.

– Сейчас Циньтун придет, его и пошлю, – сказал Дайань. – А я к огоньку присяду пока, ногам дам покой.

Сяоюй пододвинулась, и Дайань сел с краю на кан, прижавшись к Сяоюй.

– В кувшине вино осталось, – сказала служанка. – Я сейчас подогрею.

– Не прочь воспользоваться твоим гостеприимством! – проговорил Дайань.

Сяоюй слезла с кана и поставила кувшин на жаровню, потом достала соленой гусятины и налила в чарку вина. Никого не было, и они, обнявшись, пили вино и дарили друг дружке поцелуи.

Вошел Циньтун, и Дайань предложил ему чарку, а потом послал к Юйсяо за шубой для Цзиньлянь. Циньтун положил узлы и отправился к жене Бэнь Дичуаня.

– Вот арестантское отродье! – заругалась на него Юйсяо. – Опять тебя принесло!

Сама она не пошла, а наказала, чтобы Сяоюй взяла ключ во внутренней комнате. Сяоюй открыла комнату, достала связку ключей, но, сколько ни старалась, ни один ключ не подходил. Опять Циньтун побежал за Юйсяо.

– Да это совсем не те! – заругалась Юйсяо. – Ключ от шкафа у матушки под постелью спрятан.

– Привязали ее там, должно быть, негодницу, – ворчала Сяоюй. – Людей гоняет, покою не дает.

Открыли шкаф, но шубы там не оказалось.

Пришлось Циньтуну снова идти спрашивать у Юйсяо.

– Вконец измотают эти барышни! – кипел он от злости, бегая туда-сюда. – Чтоб их холера скрутила! Помереть в одночасье не дадут.

– Ну и достанется нам теперь от матушки! – сказал он Дайаню. – Она про ключи и слушать не будет. Мы во всем виноваты останемся.

Опять Циньтун вызвал Юйсяо.

– Нет в матушкином шкафу шубы, – заявил он.

– Ой, я совсем забыла, – немного подумав, засмеялась она. – Она ж

в другом шкафу висит.

Циньтун бросился к Сяююй.

– Эй, потаскушке, совсем, видно, хахаль голову закружил, – ругалась Сяююй. – Шуба тут висит, а она туда посылает.

Она достала шубу и завернула ее в узел вместе с шубой дочери Симэня.

Дайань с Циньтуном понесли узел.

– Вы что? – вопрошала их Юэнян. – Оба решили за нами вовсе не приходить, а?

Дайань молчал.

– Все шубы на месте, – объяснял Циньтун. – А вот эту обыскались.

Он вынул предназначавшуюся Цзиньлянь шубу, и супруга У Старшего стала рассматривать ее при свете фонаря.

– Замечательная шуба! – воскликнула она. – Почему вы ее так корили, матушка Пятая? Совсем на собаку не похожа. Я б такую с удовольствием надела.

– Да, совсем новая шуба! – подхватила Юэнян. – Только спереди немножко потерлась. Заменим перед, и будет превосходная шуба.

– А ну-ка поди сюда, сестрица! – взяв шубу, подшучивала Юйлоу. – Одень-ка собачью доху, посмотрим, как она тебе идет.

– Я у мужа новую попрошу, а с чужого плеча надевать не собираюсь, – сказала Цзиньлянь. – Для чего мне это нужно!

– Какая неблагодарная! – продолжала шутить Юйлоу. – Другая, заполучив такую шубу, Будде бы молилась.

Юйлоу помогла Цзиньлянь одеться. Шуба оказалась той до пят и висела мешком. Недовольная Цзиньлянь промолчала.

Юэнян, Юйлоу и Пиньэр надели свои собольи шубы и попрощались с хозяйкой. У Старшая и У Вторая встали, чтобы их проводить. Юэнян наградила барышню Юй узелком с двумя цянями серебра.

– Мне тоже пора, – сказала Иньэр и отвесила земной поклон жене У Старшего и остальным.

Хозяйка подарила певице пару серебряных цветов, а Юэнян и Пиньэр протянули ей по лянгу серебра. Она снова благодарила их земным поклоном. У Старшая и У Вторая с Чжэн Третьей пошли было проводить гостей, но Юэнян уговорила их не выходить, потому что на улице снег.

– Сейчас уже дождь со снегом идет, – заметил Циньтун. – Как бы шубы не намочить. Хорошо бы попросить у матушки зонты.

У Вторая тотчас же достала зонты. Циньтун с зонтом пошел

первым, двое солдат несли фонари. Они миновали, наконец, переулки и оказались на Большой улице. Цзинци все время пускал потешные огни.

– Иньэр, твой дом рядом, – сказал он певиче. – Мы тебя проводим.

– А где она живет? – спросила Юэнян.

– Да вот в этом переулке, – показал Цзинци. – В большом доме. Как раз полпереулка пройти.

– Позвольте мне проститься с вами, матушка, – сказала Иньэр.

– Не надо раскланиваться, а то скользко, – заметила Юэнян. – Слуга проводит тебя до дому. – Она позвала Дайяня: – Ступай проводи Иньэр.

– Можно мы с Дайанем проводим? – спросил Цзинци.

– Идите, – последовал ответ.

И Цзинци с Дайанем направились вместе с Иньэр в переулок, а остальные продолжали свой путь.

– Вы ведь, сестрица, собирались сами проводить Иньэр, – сказала Цзиньянь. – Что ж, раздумали?

– Вот дитя неразумное! – засмеялась Юэнян. – Я просто пошутила, а ты и поверила. Не нам с вами в «Прекрасную весну» ходить.

– А как же другие?! – не унималась Цзиньянь. – Муж к певиче, а жена за ним. По всем домам пройдет да скандал подымет.

– А ты возьми да попробуй! – отвечала Юэнян. – Тебя там сразу за красотку примут, глаза пялить будут, звать.

Так с разговорами вышли они на Восточную улицу и очутились перед домом свата Цяо. Свашенька Цяо со своей невесткой Дуань Старшей стояли у ворот. Еще издали заметили они Юэнян и стали звать к себе.

– Премного благодарна вам, свашенька, за гостеприимство, – повторяла Юэнян, – но время позднее, и нам пора домой.

– Не обижайте нас, дорогая, зайдите! – настаивала на своем госпожа Цяо и все-таки ввела Юэнян в гостиную.

Горели развешанные всюду фонари, на столе стояли фрукты и вино. Пирующих услаждали две певички, но не о том пойдет речь.

Тем временем пир у ворот продолжался. Все сидели пьяные. Ин Боцзюэ и Се Сиды ели целый день и были сыты по горло. Заметив, как клюет носом Симэнь, они перемигнулись, поспешно набили фруктами и сладостями рукава и удалились вместе с Хань Даого. Только Бэнь Дичуань не решался уходить и сидел наедине с Симэнем.

Накормили музыкантов, и Бэнь Дичуань помог хозяину с ними расплатиться. Музыкантов отпустили, слуги начали убирать со стола, а

потом потушили фонари. Симэнь направился в дальние покои.

– Пора, сестрицы! – крикнул служанкам Пинъань, подойдя под окно Бэнь Дичуаня. – Батюшка в дальних покоях.

Юйсяо, Инчунь и Ланьсян пулей выскочили из-за стола и убежали, даже не попрощавшись с женой Бэня. Осталась Чуньмэй. Она поблагодарила хозяйку и, попрощавшись, не спеша вышла. У дальних покоев она поравнялась с Ланьсян. У той соскочила туфелька, и она отстала от подруг.

– Ишь понеслись, точно смерть за вами следом, – заругалась на нее Чуньмэй. – Туфли некогда обуть.

Симэнь был у Ли Цзяоэр, и все пошли туда. Мать наставница, завидев Симэня, удалилась из покоев Цзяоэр и пошла к Юэнян, где присоединилась к Сяоюй. Вошла Юйсяо и поклоном поприветствовала монахиню.

– Матушка за шубой присылала, а тебе и дела нет, – заворчала Сяоюй. – Я ведь даже не знаю, каким ключом открывать! Сколько мы мучались, а как открыли – там никакой шубы нет. Она, оказывается, совсем в другом шкафу! Сама убрала и не помнишь. Вот до чего вы там напислись!

Румянец так и играл на щеках подвыпившей Юйсяо.

– Что, зло берет?! – говорила она Сяоюй. – Не пригласили тебя, негодницу, вот и бросаешься на всех, как собака.

– Только я и ждала приглашения от потаскухи! – ответила Сяоюй.

– Довольно, сестрицы! – уговаривала их монахиня. – Смотрите, батюшка услышит. И хозяйюшки вот-вот придут. Лучше бы чай пока приготовили.

Вошел Циньтун с узлом в руке.

– Что, матушки воротились? – спросила Юйсяо.

– Да, – отвечал слуга. – Сейчас придут. Их свашенька Цяо к себе зазвала.

Служанки сразу примолкли. Вскоре Юэнян и остальные женщины подошли к воротам. Им навстречу вышла жена Бэнь Дичуаня, а Чэнь Цзинцзи с Бэнем поставили целую раму потешных огней. Когда Юэнян вошла в дом, ее приветствовали Ли Цзяоэр и старшая монахиня. Вышла и Сунь Сюэ. Она отвесила хозяйке земной поклон и приветствовала служанок.

– А где батюшка? – спросила Юэнян.

– У меня, – отвечала Ли Цзяоэр. – Я его спать уложила.

Юэнян промолчала.

Появились Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо и Ланьсян и земным

поклоном встретили хозяйку.

– Их тетушка Бэнь угощала, только что от нее пришли, – заметила Цзяоэр.

– Вот сукины дети! – после долгой паузы заругалась Юэнян. – Это еще к чему? Кто вам позволил?

– Они у батюшки спрашивались, – сказала Цзяоэр.

– Тоже распорядитель нашелся! – сердилась хозяйка. – Наш дом на храм предков стал похож: первого и пятнадцатого двери не закрываются – чтобы нечисть выходила.

– Матушка! О ком вы говорите! – вставила монахиня. – Поглядите, сестрицы – писанные красавицы.

– Писанные – недописанные! А к чему выпускать? Чтобы на них глаза пялили?

Поняв, что Юэнян не в духе, Юйлоу удалилась, а за ней вышли Пиньэр и дочь Симэня. Осталась одна монахиня, с которой Юэнян и легла спать.

Снег перестал только на четвертую ночную стражу.

Да,

Аромат искурился, и свечи погасли,

Почивают в ночи терема и террасы.

Завтра сбор овощей^[650] наяву, не во сне –

Зажигаются свечи, счищается снег.

На этом тот день и закончился.

На другой день Симэнь отправился в управу. Примерно к обеду Юэнян, Юйлоу и Пиньэр проводили монахиню и встали у ворот. К ним приблизилась повязанная черным платком старуха в выгоревшей кофте, синей холщовой юбке, с котомкой за плечами. Это была деревенская гадалка, использовавшая черепаху и символы-гуа. Юэнян велела слуге проводить ее во двор. Гадалка остановилась у внутренних ворот, разложила карты с символами-гуа и установила чудотворную черепаху.^[651]

– Погадай нам, – попросили женщины.

Гадалка упала перед ними на колени и отвесила четыре земных поклона.

– Сколько вам лет, сударыня? – спросила она Юэнян.

– Погадай рожденной в год дракона, – сказала Юэнян.

– Ежели в год большого дракона, – заговорила гадалка, – вам, стало быть, сорок два года, если малого – тридцать лет от роду.^[652]

– Мне тридцать, – подтвердила Юэнян. – Родилась в восьмой луне

пятнадцатого дня, в полночный час первой стражи под знаком земной ветви цзы.

Гадалка крутанула черепаху, которая сделала один оборот и застыла на месте. Старуха подняла первую гадательную карту. На ней были изображены чиновник со своей женой, сидевшие на возвышении. По обеим сторонам от них сидели и стояли слуги, охранявшие кладовую с золотом, серебром и драгоценностями.

– Вы, сударыня, – хозяйка дома, – начала гадалка. – Родились в год моу-чэнь. А соседние знаки моу-чэнь и цзи-сы – это дерево большого леса.^[653] Кто рожден в эти годы, тот человеколюбив и исполнен чувства долга, радушен и щедр, милосерден и добродетелен, набожен и склонен к благотворительности и помощи ближнему. Всю свою жизнь вы ведете хозяйство и страдаете за чужие грехи. Вам в одинаковой мере присущи и ласка, и гнев. Но вы недостаточно благоразумно поступаете с теми, кто находится у вас в подчинении. Поистине, «коль нравится — смеется от души, не любо – так готова все крушить». Когда другие до полудня нежатся в постели, вы с раннего утра отправляетесь к алтарю предков, дабы возжечь благовония, а потом следите, чтобы в чистоте содержались очаг и котлы. Вы можете вспылить, но мгновение ока – и вы отходите – мирно беседуете, смеетесь. Правда, над палатою напастей у вас возшла Звезда Наказаний – Венера. На вас будут роптать и наговаривать, но добросердечие поможет вам снести все напасти, и проживете вы семь десятков лет.

– А будет ли у сударыни потомство? – спросила Юйлоу.

– Не обижайтесь на старуху, – проговорила гадалка. – Вот что скажу. Над палатою потомства виднеется что-то бесплотное.^[654] У вас появится сын, но он покинет мир суеты и станет монахом. Он и проводит вас в последний путь. И сколько бы ни было у вас детей, их вам не удастся вырастить.

– Слышишь? – толкнула Пиньэр веселая Юйлоу. – Про твоего сына У Иньюаня говорит. Ему ведь даосское имя дали.

– Теперь погадай ей, – попросила Юэнян, указывая на Юйлоу.

– Мне тридцать четыре года, – сказала Юйлоу. – Родилась в одиннадцатой луне двадцать седьмого дня, в предрассветный час третьей стражи под знаком земной ветви инь.

Гадалка снова раскинула карты с символами-гуа и крутанула чудотворную черепаху, которая, повернувшись, застыла над палатою судьбы. Подняла вторую карту. На ней была изображена женщина в обществе троих мужчин. Один, в маленькой шапочке, был одет

купцом, другой – облаченный в красное чиновник и третий – ученый-суючай. Была тут также охраняемая кладовая с золотом и серебром. По обе стороны толпились слуги.

– Вы, сударыня, родились в год цзя-цзы,^[655] – начала гадалка. – А соседние знаки цзя-цзы и и-чоу – это металл в море. Но судьбу вашу омрачают три наказания и шесть бедствий.^[656] Их можно миновать, переборов супруга.

– Я уж жила вдовою, – вставила Юйлоу.

– Вы нежны и приветливы, – продолжала гадалка. – У вас добрая душа. Вы никогда не открываете своих чувств, потому неизвестно, на кого вы гневаетесь и кого любите. Всю жизнь вас любят стоящие над вами и почитают вам подчиненные. Вы любимы мужем. Правда, своей добротой вам не удастся завоевать сердца. Всю жизнь – то на роду написано – вам приходится страдать из-за чужих проступков и быть жертвою наветов. Никто не признает вашей правоты, но никакие происки ничтожных не в силах поколебать ваше доброе сердце.

– Вот только что из-за денег для слуг мне пришлось выслушать укоры хозяина, – говорила, улыбаясь, Юйлоу. – Должно быть, это и значит страдать из-за чужих проступков.

– Посмотри, будут ли дети у сударыни? – спросила Юэнян.

– При благоприятном стечении обстоятельств, если и будет, то дочь, – отвечала гадалка. – Сына не предвидится. Но сударыня насладится долголетием в полную меру.

– Погадай-ка этой сударыне, – попросила Юэнян. – Сестрица Ли, скажи когда родилась.

– Я родилась в год овцы, – сказала, улыбаясь, Пинъэр.

– Ежели малой овцы, – начала гадалка, – то вам двадцать семь лет. Родились вы, стало быть, в год синь-вэй.^[657] А в каком месяце?

– В первой луне пятнадцатого дня, в полуденный час седьмой стражи под знаком земной ветви «у», – ответила Пинъэр.

Гадалка крутанула черепаху, которая, тяжело повернувшись, застыла над палатою судьбы. Подняла карту. На ней были изображены две женщины и три чиновника. Один – в красном, другой – в зеленом, а третий в черном. На руках у него был ребенок. Кладовую с золотом, серебром и драгоценностями охранял рыжеволосый демон^[658] с черным лицом и оскаленными зубами.

– Вы, сударыня, являете комбинацию соседних знаков гэн-у и синь-вэй, – начала гадалка. – А это – земля при дороге. Всю жизнь вам сопутствуют процветание, знатность и богатство. Вам неведомы ни голод, ни холод. Все ваши мужья были людьми знатными. Вы

человеколюбивы и исполнены чувства долга. Несметны ваши богатства. Когда их у вас тратят или забирают, вы радуетесь; когда ж от них отказываются, вы, напротив, гневаетесь. Вы страдаете от распрей тех, кто с вами рядом. Они платят вам злом на добро. Как говорится:

Дружбу забыл – на любое способен,
Друга бывшего сгубить будет рад.
Лучше мне тигр, хоть свиреп он и злобен,
Бывший мой друг стал страшней во сто крат!

Простите меня, сударыня. Вы напоминаете кусок алого шелка. Всем бы хорош, да укорочен. Вы должны сдерживаться в проявлении чувств и особенно остерегаться, как бы не навредили вашему ребенку.

– Он уже причислен к даосскому монастырю, – пояснила Пиньэр.

– Это хорошо! – проговорила гадалка и продолжала: – Еще об одном хочу вас предупредить: в этом году судьба ваша попадет в сферу Звезды Кету,^[659] а это значит, что вам угрожает кровопролитие. Будьте особо осторожны в седьмой и восьмой луне, чтобы не привелось услышать плач.

Пиньэр достала из рукава слиток в пять фэней серебра, Юэнян с Юйлоу протянули гадалке по пятьдесят медяков каждая.

Только они отпустили гадалку, показались Цзиньлянь и дочь Симэня.

– Мы вас сзади искали, – говорила, смеясь, Цзиньлянь, – а вы вот где, оказывается.

– Мы мать наставницу провожали, – объяснила Юэнян. – А сейчас гадали на черепахе и символах-гуа. Приди вы немножко пораньше, и вам погадали бы.

– Мне гадать нечего, – покачала головой Цзиньлянь. – Говорят, угадывают судьбу, а не поступки. Мне в прошлый раз даос гадал. Скорый конец предсказал. К чему это нужно! Такое наговорят, что потом думать будешь. На улице умру, пусть на улице и похоронят, на дороге помру, пусть на дороге и закопают, а в сточную яму упаду, она мне гробом будет.

Они пошли в дальние покои.

Да,

В событиях жизни люди не вольны –

Судьбой события определены.

Тому свидетельством стихи:

Гань Ло возвышен рано был,^[660]

Цзы-я же начал службу дряхлым,^[661]
Как мало Янь Хуэй прожил,^[662]
Пэн-цзу стал старожилом знатным.^[663]
Кто был беднее, чем Фань Дань?^[664]
Ши Чуна был ли кто богаче?
И так для каждого судьба
Свои пределы обозначит.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

ВАН ШЕСТАЯ НАЖИВАЕТСЯ НА ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ

СИМЭНЬ ЦИН, ПОЛУЧИВ ВЗЯТКУ, НАРУШАЕТ ПРАВОСУДИЕ

*Над рекой свирепствует ветер,
поднимает бурные волны.
Путник к берегу челн причалит
и в тоске ожидания дремлет...
Барабан верховного будит,
что на станции спит почтовой.
Крик гусей печальный он слышит,
раздающийся под облаками...
А тому, кто в лодке, – лишь снится
озерко, зеленая травка.
Челн вечерним поднят приливом,
он стихии водной покорен.
Рассуди, кто путнику станет
на воде попутчиком, другом?
Одинокая в темном небе
неподвижно луна застыла.*

В этих стихах говорится о том, что к северу от пограничных застав в обычае верховая езда, а на юг от Янцзы не обойтись без парусов иль весел. Поэтому правдоподобно, когда южанин садится в лодку, а северянин вскакивает на коня.

Так вот. Жил-был в Гуанлине, южном городе в области Янчжоу, [665] именитый горожанин Мяо. Звали его Мяо Тяньсю, был он

знатоком древней поэзии и этикета. Богатствами владел несметными. Ему стукнуло сорок, а наследника у него все не было. Росла единственная дочка, и та пока непросватанная. Страдавшая застарелым недугом жена его, урожденная Ли, не поднималась с постели, и все хозяйство вела наложница, которую звали Дяо Седьмая. Надобно сказать, что в Янчжоу тогда была огромная пристань, славившаяся певичками и ночными искусницами. Вот там-то Тяньсю и купил себе за триста лянов Дяо Седьмую, ввел в дом побочной женой и любил безмерно.

Однажды к воротам его дома подошел старый буддийский монах и стал просить подаяния. По его словам, в расположенном в Восточной столице монастыре Воздаяния за милость, где он подвизается, не хватает одного бронзового с позолотой изваяния архата,^[666] потому он и пустился в дальнее странствие в надежде, что добрые люди не откажут в пожертвовании.

Тяньсю не поскупился и выложил целых пятьдесят лянов серебром.

— Этого слишком много, — говорил монах. — На изготовление статуи хватит и половины.

— Примите мой скромный дар, отец наставник, — сказал монаху богач. — А что останется, пусть пойдет на молебен и жертвы.

Монах поклоном поблагодарил добродетеля, а перед уходом сказал:

— Под левым глазом у вас, милостивый государь, виднеется белая черта — знак смерти. Напасть великая грозит вам еще до истечения нынешнего года. Вы были так щедры, сударь, а посему я обязан вас предупредить. Какие бы важные дела ни ждали вас, ни в коем случае не покидайте родных мест. Остерегайтесь, ох как остерегайтесь!

Сказав это, монах простился с Тяньсю и удалился.

Не прошло и полмесяца, прогуливался Тяньсю у себя в саду и видит: его слуга Мяо Цин, разбитной, надо сказать, малый, стоит с Дяо Седьмой и что-то ей шепчет. Тяньсю появился так неожиданно, что Мяо Цин не успел и спрятаться. Хозяин, ни слова не говоря, избил его и пригрозил выгнать из дома. Перепугался Мяо Цин. Стал упрашивать родных и соседей, чтобы уговорили хозяина. Слуга был, наконец, прощен, но злобу на хозяина затаил великую.

А был у Тяньсю двоюродный брат Хуан Мэй, тоже уроженец Янчжоу, цзюйжэнь,^[667] служивший судьей в столичном округе Кайфэне. Широких познаний и большой учености человек. Так вот, прибывает от него вскоре после этого случая посыльный с письмом для Мяо Тяньсю, а в письме приглашение приехать потолковать.

Сильно обрадовался приглашению богач и, обратившись к жене и наложнице, повел такой разговор:

– Восточная столица – место пребывания Сына Неба, средоточие красоты и роскоши. Давно мечтал я полюбоваться ее великолепием, но мне никак не выпадал случай. И вот, наконец, я получил приглашение двоюродного брата. Как он угадал желание всей моей жизни!

– А помнишь, монах увидел на твоём лице дурной знак? – спросила его жена. – Он же наказал тебе не выезжать из дому, а ты намереваешься пуститься в столь дальний путь. А потом, у тебя и дома немало забот. Ты оставляешь на произвол судьбы юную дочь и больную жену. Что мы будем без тебя делать?! Нет, лучше тебе никуда не ездить!

Тяньсю и слушать не хотел.

– С появлением на свет настоящего мужчины вывешивают лук и стрелы,^[668] – гневно закричал он. – Какой же прок от того мужчины, который не стремится обзреть Поднебесную, воочию увидеть все величие Империи, а вместо этого зря хиреет и умирает в постели? У меня голова на плечах, и мощна туго набита, так что мне беспокоиться нечего. Я добьюсь почестей и славы. А брат, наверное, присмотрел мне дело достойное. И чтобы больше у меня таких разговоров не заводить!

Мяо Цину было велено начать сборы. В лодку положили два сундука, битком набитых золотом и серебром, товары и припасы. Кроме Мяо Цина, хозяин взял с собой еще слугу Аньтуна и отправился в столицу добывать почести и славу, которые, как казалось ему, уже стучатся к нему в дверь. Тяньсю наказал жене с наложницей вести хозяйство по очереди.

Стоял конец осени, приближалась зима, когда они отчалили от Янчжоуской пристани. Через несколько дней лодка достигла бурных вод Сюйчжоу.

Только поглядите, как зловеща там водная стихия:

За валом вал, громада пенных вод

Все высится зловеще и растёт

И рушится с раскатом громовым.

Какой смельчак не дрогнет перед ним!

Миновали они местность под названием Узкая Извилина. Вечерело. Тяньсю велел лодочникам причаливать на ночлег. Часы его жизни были сочтены. Знать, так уж было угодно судьбе: лодка, которую они наняли, оказалась пиратской, а гребцы на ней – Чэнь

Третий и Вэн Восьмой – грабителями. Говорят, беда в дом не придет, пока слуга ее не позовет. До глубины души ненавидел хозяина Мяо Цин и только ждал удобного случая отомстить ему. Слуга ни слова не сказал, а про себя размышлял: «Да, лучше мне действовать заодно с лодочниками. Хозяина прикончим, тело в реку бросим, а добро разделим. Потом, когда домой ворочусь, с большой женой его разделаюсь, всем достоянием завладею и красотку Дяо себе возьму».

Да,

Ветка душиста, шипы – острый нож.

В душах людских озлобленье найдешь.

Мяо Цин решил войти в тайный сговор с гребцами.

– В хозяйских сундуках тысяча лянов серебра, – сказал он грабителям. – На две тысячи лянов шелков, а сколько добра! Если вы его прикончите, я согласен разделить все поровну.

– По правде говоря, мы и сами об этом думали, – засмеялись Чэнь Третий и Вэн Восьмой.

Ночь выдалась пасмурная, темная. Мяо Тяньсю с Аньтуном спали в среднем трюме. Мяо Цин пристроился в носовой части. Приближалась третья ночная стража.

– Караул! Грабят! – закричал нарочно Мяо Цин.

Тяньсю сразу проснулся и, высунув голову, стал вглядываться в темноту. Тут Чэнь и вонзил ему острый нож в самое горло. Тело бросили в речную пучину. Аньтун хотел было бежать, но его что было сил ударил палкой Вэн Восьмой, и слуга рухнул в реку.

Заговорщики проникли в трюм, открыли сундуки с корзинами и приступили к дележу золота, серебра, шелков и одежды.

– Если мы возьмем вещи, нас схватят, – сказали Мяо Цину гребцы. – А ты его доверенный слуга. Забирай товар и вези на базар. Продашь, и никто тебя не заподозрит.

Они поделили меж собою тысячу лянов, прихватили кое-что из одежды и отплыли восвояси, а Мяо Цин нанял джонку и направился в Линьцин. Там, на пристани, он прошел таможенный досмотр, уплатил сбор и двинулся дальше, в уездный центр Цинхэ, где и сложил товар в загородной гостинице. Когда Мяо Цину встречались знакомые янчжоуские торговцы, он всякий раз говорил им:

– Хозяин позднее выехал. Должен вот-вот прибыть.

Не будем говорить, как распродал вещи Мяо Цин.

Говорят, человек предполагает, а Небо располагает. Несчастный Мяо Тяньсю! Какой прекрасный, добрый был человек! И надо ж ему

было найти страшную смерть от руки собственного слуги. Да, верно, не внял он доброму совету, но скажите, дано ль нам предвидеть судьбу?

Представьте себе, но Аньтун, без сознания упавший в реку, не погиб. Его отнесло к заросшему камышом затону. Он кое-как выбрался на берег, сел у прибрежной насыпи и зарыдал во весь голос.

Начинало светать. Вдали показалась рыбацья лодка, а в ней старик, в травяной накидке и бамбуковой шляпе. Заслышав плач, доносившийся откуда-то из камышовых зарослей, он повернул лодку и решил посмотреть. Перед ним сидел малый лет восемнадцати, до нитки промокший. Рыбак спросил, что с ним случилось. Аньтун рассказал, кто он и как их ограбили. Рыбак взял его в лодку и привез домой. Дал ему переодеться, накормил и напоил.

– Хочешь домой ехать или у меня останешься? – спросил старик.

– Нет у меня больше хозяина, погиб он, – отвечал Аньтун. – Куда мне теперь ехать? Лучше я с вами, батюшка, останусь.

– Ну и хорошо! – согласился рыбак. – Будешь со мной жить. А я все-таки как-нибудь разузнаю, кто вас ограбил. Тогда посмотрим.

Аньтун поблагодарил старика и остался у него.

Однажды – дело было в самом конце года – поехал рыбак в Синьхэоу продавать рыбу и взял с собой Аньтуна. И надо ж тому случиться, видит Аньтун: в лодке пируют Чэнь Третий и Вэн Восьмой. Оба одеты в хозяйские одежды. Аньтун сразу их узнал, как они на берег за рыбой подошли, толкнул потихоньку рыбака и говорит:

– Должны они понести возмездие за убийство хозяина.

– Надо на них в суд подать, – посоветовал рыбак. – Пусть их к ответу призовут.

Изложил Аньтун обстоятельства убийства и пошел к начальнику гарнизона инспектору водных путей Чжоу, но тот из-за отсутствия свидетелей и вещественных доказательств жалобу отклонил. Тогда Аньтун обратился в судебно-уголовную управу. Надзиратель Ся, прочитав об ограблении и убийстве, жалобу принял и четырнадцатого дня в первой луне отдал приказ об аресте преступников. Стражники в сопровождении Аньтуна прибыли в Синьхэоу, где и схватили Чэня Третьего и Вэна Восьмого. На допросе свидетельские показания давал Аньтун. Гребцы, устранившись пыток, сразу во всем признались и указали на Мяо Цина как сообщника в убийстве и ограблении. Их взяли под стражу и послали стражников за Мяо Цином с тем, чтобы вынести приговор всем троим преступникам.

По случаю новогодних праздников управа опустела. Надзиратель

Ся не появлялся несколько дней подряд. А между тем нашелся в управе соглядатай, который потихоньку предупредил Мяо Цина. Затрепетал от страха Мяо Цин, запер комнату в гостинице, а сам укрылся в доме Юэ Третьего, который жил на Львиной, к западу от Каменного моста, по соседству с Хань Даого. Была у торговца усадьба в одну постройку по передней линии и три сзади. Жена его особенно ладила с Ван Шестой. Они то и дело захаживали друг к другу посидеть да посудачить, словом, дружили – водой не разольешь.

Заметив испуг на лице Мяо Цина, Юэ Третий спросил, в чем дело. Мяо Цин поведал о случившемся.

– Не волнуйся! – успокаивал его Юэ. – Наша соседка – любимица надзирателя господина Симэня, а муж ее у надзирателя в приказчиках. Мы с ним большие друзья. А сколько ты сможешь дать, если мне удастся все уладить? Сейчас с ними бы и поговорили.

Мяо Цин упал перед ним на колени.

– Если сможешь мне выпутаться из этого дела, по гроб не забуду твоей милости и щедро отблагодарю, – пообещал он.

Тотчас же написали просьбу, отвесили пятьдесят лянов серебра, добавили две пары одежд из узорной парчи, и Юэ Третий велел жене отнести все Ханям.

Тетушка Юэ все объяснила Ван Шестой. Та была в восторге. Убрала одежды и серебро, а вместе с ними и просьбу и стала ждать Симэня, но он не появлялся.

Семнадцатого на закате Ван Шестая стояла у ворот. Видит, верхом едет Дайань с узлом под мышкой.

– Откуда путь держишь? – окликнула она слугу.

– Издалека, – отвечал Дайань. – С батюшкой подарки в Дунпин возили.

– А батюшка где? Воротился?

– Дома. Они с Бэнь Дичуанем раньше приехали.

Ван зазвала слугу к себе, рассказала о Мяо Цине и просьбу дала прочитать.

– Дело непростое, тетушка Хань, – говорил Дайань. – Оба гребца дали показания и уже в управе под стражей сидят. Мяо Цина разыскивают. Тут несколькими лянами не отделаешься. И прислужникам мало покажется. Я вам вот что советую, тетушка Хань: давайте мне двадцать лянов. Я батюшку уговорю к вам зайти, а вы уж с ним как следует потолкуете.

– Ишь какой ловкий! – засмеялась Ван Шестая. – Кто поест хочет, тот с поваром не ссорится. Если дело уладится, тебе тужить не

придется. Скорее мы останемся в стороне, а тебе-то уж все перепадет.

– Сами посудите, тетушка, – продолжал Дайань, – благородный муж, как говорится, не стесняется выговаривать правду в глаза. Лучше сперва условиться, а потом уж и дело решать.

Ван Шестая поставила вино с закусками и принялась угощать Дайаня.

– Еще раскраснеюсь, что тогда батюшке говорить! – отказывался от вина слуга.

– Не бойся! – успокаивала его хозяйка. – Скажешь, у меня был, и все.

Дайань осушил чарку и пошел.

– Так я прошу тебя, – наказывала Ван. – Скажи батюшке, что я жду его.

Дайань вскочил на коня и помчался домой.

Симэнь отдыхал. Когда он немного погодя встал и прошел в западный флигель, к нему не спеша подошел Дайань.

– Батюшка! – заговорил он наконец. – Когда я ехал домой, меня окликнула тетушка Хань. Просила передать, что ждет вас. Срочное, говорит, у меня для батюшки дело.

– Что там еще?! Ладно!

Тут прибыл уездный экзаменатор Лю и попросил денег в долг. Хозяин удовлетворил его просьбу, и тот удалился. Потом Симэнь надел маленькую шапочку, прикрыл глаза пылезащитной маской и верхом поскакал к Ван Шестой. Его сопровождали Дайань с Циньтуном. У ворот ее дома Симэнь спешился, вошел в гостиную и сел, а Циньтуну велел отвести коня домой и запереть ворота.

Вышла Ван Шестая и поклоном встретила гостя. Хань Даого дома не было. Он остался ночевать в лавке. Хозяйка накупила всяких закусок и велела тетушке Фэн все приготовить к приходу гостя.

Служанка Циньэр подала чай, а хозяйка сама угостила Симэня.

– Как вы, батюшка, должно быть, устали от стольких пиров! – щебетала Ван, никак не решаясь заговорить о деле. – Слыхала, у вас радость, наследника помолвили.

– Это свояченица моя постаралась. С семейством Цяо породнились. У них тоже единственная дочка. Если рассудить, нам бы не с таким семейством родниться надо. Но раз уж начали, пришлось доводить до конца.

– А чем же плохо с ними породниться? – спрашивала Ван Шестая. – Вы, батюшка, конечно, занимаете такой высокий пост, и вам, быть может, неловко будет со сватом рядом стоять.

– В том-то и дело! – поддержал ее Симэнь.

– Вам не холодно, батюшка? – немного погода спросила хозяйка. – Пойдемте в комнату.

Они перешли во внутреннюю комнату, где стояло кресло и горела жаровня. Симэнь уселся в кресло. Ван Шестая осторожно подала ему просьбу Мяо Цина.

– Этот Мяо Цин просил мою соседку Юэ, – говорила хозяйка. – А она меня попросила ему помочь. Он у них пока остановился. Его, говорят, лодочники впутали. Об одном просит – чтобы его к делу не привлекли. Он и подарки приготовил, хочет меня отблагодарить. Прошу вас, батюшка, нельзя ли ему как-нибудь помочь, а?

– Что же он тебе дал? – спросил Симэнь, прочитав просьбу.

Ван Шестая вынула из сундука пятьдесят лянов и показала Симэню.

– Если, говорит, все будет в порядке, обещаю еще две пары парчовых одежд.

– Зачем ты брала? – Симэнь улыбнулся. – А ты знаешь, что этот самый Мяо Цин был слугой янчжоуского богача Мяо Тяньсю и в сговоре с лодочниками убил своего хозяина, а тело в реку бросил? Он же с целью грабежа убийство совершил! Тело до сих пор найти не могут. С ними слуга Аньтун был. Он-то вместе с лодочниками на Мяо Цина и показал, и того теперь разыскивают. Медленной казнью казнить будут, а лодочникам, как убийцам, головы отсекут. Они на допросе говорили, что у Мяо Цина на две тысячи лянов товару. А он тебе эти крохи подносит? Сейчас же верни!

Ван Шестая побежала на кухню и велела Цзиньэр позвать скорее тетюшку Юэ. Когда та пришла, она возвратила ей серебро и передала слова Симэня.

Не услышь этого Мяо Цин, все б шло своим чередом, а тут его будто ледяной водой окатили.

Да,

Пугливая душонка оробела,

Едва-едва не вырвалась из тела.

Мяо Цин отозвал тетюшку Юэ и стал советоваться.

– Я готов отдать все две тысячи, – говорил он, – только бы остаться в живых.

– Раз батюшка повел такие речи, значит, малая толика их не устроит, – вторила ему Юэ. – Дай им на двоих тысячу, а другая тысяча пойдет служащим да стражникам. Им и половины хватит.

– А где ж я серебро-то возьму? – сокрушался Мяо Цин. – Я ведь и товар еще не продал.

Тетушка Юэ опять направилась к Ван Шестой посоветоваться.

– Может быть, батюшка товарами на тысячу лянов возьмет, а? – спросила она. – А нет, так он просит обождать денька два. Тогда он сам к батюшке принесет.

Ван Шестая принесла перечень товаров и показала Симэню.

– В таком случае, – протянул он, – я распоряжусь, чтобы его пока оставили на свободе. Только пусть тогда ко мне явится и без промедления.

Юэ Третий тотчас же передал его решение Мяо Цину, чем сильно того обрадовал.

Поскольку в доме были посторонние, Симэнь не стал засиживаться. Он осушил несколько чарок, немного побыл с Ван и, как только подали коня, удалился. На другой день заседание в управе скоро кончилось, и о деле даже не упоминалось. Симэнь приказал стражникам оставить пока Мяо Цина в покое.

А Мяо Цин тем временем попросил торговца Юэ Третьего собрать людей, что бы поскорее продать товары. Не прошло и трех дней, как все было продано, и выручка составила тысячу семьсот лянов серебра. Мяо Цин одарил Ван Шестую еще полсотней лянов и четырьмя парами одежд из лучшего шелка. Само собой разумеется, у нее остались и те полсотни лянов с одежками, которые он поднес раньше.

Деятнадцатого Мяо Цин разложил тысячу лянов в четыре винных кувшина, купил свиную тушу и, дождавшись темноты, понес Симэнь Цину. Слуги знали, в чем дело. Пришлось ему раздать узелки с десятью лянами в каждом Дайаню, Пинъаню, Шутуну и Циньтуну. Дайань, ясно, получил еще десяток лянов с Ван Шестой.

Симэнь сидел в крытой галерее. Фонари пока не зажигали. На небе сквозь дымку выглянула луна. У ворот с носилками остановился Мяо Цин, одетый в темное, как слуга.

– Я вам бесконечно признателен, батюшка, за оказанную милость, – говорил Мяо Цин, отвешивая земные поклоны. – Пусть меня рассекут на части, все равно мне не расплатиться за ваше благодеяние.

– Я пока не рассматривал твое дело, – заявил Симэнь. – Но лодочники упорно продолжают тебя обвинять. Так что если тебя арестуют, ты понесешь самое суровое наказание. Правда, поскольку ты просишь помощи, от смерти я тебя избавлю. Я б отказался от твоих подношений, но у тебя на душе неспокойно будет, не так ли? Кроме

того, половину надо будет дать надзирателю господину Ся. Мы ведь вместе решать будем. А тебе здесь задерживаться не следует. Уходи не медля, середь ночи. Да, ты где в Янчжоу-то живешь?

– В самом городе, – отвечал Мяо Цин, отвешивая земной поклон.

Симэнь велел принести чай. Мяо Цин выпил под сосной чашку чаю и, земно кланяясь, попрощался с хозяином.

– А ты со стражниками говорил? – окликнул Симэнь удалявшегося просителя.

– Да, с ними все уладил, – отвечал Мяо Цин.

– Тогда домой отправляйся.

Мяо Цин пошел к Юэ Третьему, собрал вещи. У него оставалось еще полтора ста лянов. Он достал пятьдесят лянов и несколько кусков атласу и поднес их супругам Юэ. В пятую ночную стражу они наняли ему коня, и он двинулся в Янчжоу.

Да,

Метался он, как пес, трусливый и бездомный;

Как рыба из сети, нырнул он в омут темный.

Не будем говорить, как спасался от возмездия Мяо Цин, а расскажем о Симэнь Цине.

Ехал он верхом из управы, а рядом с ним Ся Лунси, тоже на коне. Когда они достигли Большой улицы, Ся Лунси стал прощаться со своим помощником.

– Не откажите в удовольствии, сударь, загляните ко мне, – поднимая хлыст, пригласил его Симэнь.

Они спешили у ворот и, войдя в залу, обменялись положенными приветствиями. Хозяин провел гостя в крытую галерею, где они сняли парадные одежды. Слуги подали чай. Появились Шутун с Дайанем и накрыли стол.

– Вам, сударь, и без того забот хватает, – говорил Ся, – а тут я еще хлопот прибавляю.

– Ну что вы! – возразил Симэнь.

Вскоре слуги принесли в большом квадратном коробе самые разнообразные кушанья. На столе появились курятина и свиные ножки, гуси и утки, свежая рыба и другие деликатесы, всего насчитывалось шестнадцать блюд. После угощения посуду убрали и подали вино, а к нему всевозможные закуски на серебряных подносах. Вино пили из небольших золотых чарочек, ели палочками из слоновой кости в золотой оправе.

Во время пира Симэнь осторожно завел речь о Мяо Цине.

– Этот малый упросил одного солидного человека, – начал Симэнь, – и тот вчера со мной разговаривал. Мяо Цин и подарки прислал, но сам я не решился распорядиться и хотел бы с вами посоветоваться, сударь.

Симэнь достал перечень подношений и протянул его Ся Лунси.

– Я всецело полагаюсь на ваше просвещенное мнение, сударь, – просмотрев перечень, промолвил Ся.

– По-моему, надо бы судить этих двух убийц и грабителей, а Мяо Цина оставить в покое. Что же до слуги Аньтуна, его следовало бы препроводить пока домой. Окончательный приговор будет вынесен только после обнаружения тела Мяо Тяньсю. И прошу вас, сударь, принять эти подношения.

– А вот с этим позвольте мне не согласиться, – заметил Ся. – В остальном же я всецело разделяю ваше мнение. Но вас столько беспокоили, сударь, почему же вы уступаете все мне? Нет, я не возьму!

Они долго упрасивали, уговаривали друг друга. Наконец, Симэнь не выдержал, разделил серебро пополам и пятьсот лянов положил в короб, в котором обычно носят съестное. Ся Лунси вышел из-за стола и поклонился.

– Вы так настаиваете, сударь, что мне больше неудобно злоупотреблять вашим расположением, – говорил он. – Мне, право, как-то неловко, я не нахожу слов, чтобы выразить вам всю мою признательность и благодарность, милостивый сударь.

Они выпили еще по несколько чарок, и Ся Лунси откланялся. Симэнь послал вслед за ним Дайаня, которому вручил короб с серебром. Слуга приладил его к коромыслу, делая вид, что несет вино. У ворот Ся Лунси принял короб, написал ответную карточку и наградил двумя лянами, а обоим солдатам дал по четыре цянтя серебра, но не о том пойдет речь.

Говорят, огонь свинью разварит, а деньги дело сделают.

На том Симэнь с Ся Лунси и порешили, а на другой день в управе открыли заседание. Подручные и стражники были заранее подкуплены Юэ Третьим. В зале лежали наготове инструменты для пыток. Из тюрьмы вывели Чэня Третьего и Вэна Восьмого. На допросе оба снова заявили, что действовали по подстрекательству Мяо Цина. Симэнь пришел в ярость.

– Пытать их! – крикнул он подручным. – Это вы разбойники! Сколько лет вы орудовали на реках, под видом лодочников грабили и убивали! Вы убийцы и грабители! Вот свидетель – он говорит, что

видел у вас нож, которым вы зарезали Мяо Тяньсю и бросили тело в реку. Вы его оглушили дубинкой. А вот и одежда убитого. Она служит вещественным доказательством преступления. Что ж вы отпираетесь? Как смеее сваливать вину на других?

Симэнь вызвал Аньтуна.

– Кто убил твоего хозяина? – спросил его Симэнь. – Кто сбросил тебя в реку?

– Однажды ночью, в третью стражу, – начал Аньтун, – Мяо Цин закричал: «Караул! Грабят!» Хозяин высунулся из трюма и стал вглядываться в темноту. Тут Чэнь Третий и вонзил в него нож, а тело сбросил в реку. Меня ударил палкой Вэн Восьмой, и я рухнул в воду. Мне удалось спастись, а что случилось с Мяо Цином, не знаю.

– Слышите, что говорит свидетель? – воскликнул Симэнь. – Он правду говорит. И нечего вам увиливать от ответственности!

Подручным велели всыпать каждому по тридцать палочных ударов, от чего тела обоих стали похожи на кровавое месиво. Они корчились и орали, будто их режут.

У грабителей ничего не осталось. Добрая половина из захваченной тысячи ушла на подкупы, а остальное они истратили.

В управе был составлен документ. Ночью под конвоем преступников переправили в распоряжение областного управления в Дунпин, где на посту правителя сидел приятель Симэня – Ху Шивэнь. Он повел дело в точном соответствии с изложенным в документе. Чэнь Третий и Вэн Восьмой были признаны грабителями и убийцами и преданы по приговору смертной казни. Слуга Аньтун впредь до особого распоряжения был препровожден домой.

Добрался кое-как Аньтун до Восточной столицы, нашел в кайфэнской управе судью Хуана и рассказал ему, как Мяо Цин убил своего хозяина и подкупил уголовных надзирателей, а потому избежал возмездия.

– Когда же совершится месть за невинно погибшего хозяина? – воскликнул Аньтун.

Судья Хуан той же ночью составил бумагу и вместе с показаниями Аньтуна запечатал в конверт. Снабдив слугу деньгами на дорогу, он вручил ему конверт и послал в ревизионную палату в Шаньдун. Снова карающий меч повис над головой Мяо Цина. А быть может, выйдет наружу враз все, что Симэнь Цин содеял в прошлом?

Тому свидетельством стихи:

Горе и радость не приходят к нам беспричинно.

Счастье с бедою сопровождают друг друга.

Если живешь ты праведно, честно и чинно,
Стук средь ночи не вызывает испуга.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в следующий раз.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

ЦЕНЗОР ЦЗЭН ОБВИНЯЕТ СУДЕБНЫХ НАДЗИРАТЕЛЕЙ

ИМПЕРАТОРСКИЙ НАСТАВНИК ЦАЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДОКЛАД О ПРОВЕДЕНИИ СЕМИ РЕФОРМ

Изречения гласят:

*Как отворотить грядущую опасность
запутавшимся в лабиринте жизни?*

*Творя добро и мудрость почитая,
покой душевный обретешь, бесспорно.
Будь милостив, являй добросердечье –
заслужишь уважение потомков.*

*Кто в сердце поселяет зло и зависть,
к тому приходят беды неизбежно.*

*Кто хочет богатеть за счет соседа,
ничтожеством перед людьми предстанет.*

*Кто из корысти ближнего погубит,
дождется часа страшного расплаты.*

*Таиться от людей и лицемерить
в обычае лукавых и коварных.*

*Суровый суд, позор и разоренье –
вот все, чего неправедный добьется.*

Итак, взял Аньтун конверт, поклонился судье Хуану и вышел на большой Шаньдунский тракт. Там он узнал, что выездной цензор^[669] принимает в ревизионной палате при областном управлении в Дунчане и зовут его Цзэн Сяосюй. Сын столичного цензора Цзэн Бу, он в году и-вэй^[670] выдержал экзамен на степень цзиньши и считался человеком

исключительно честным и прямым.

«Если я скажу, что принес письмо, меня привратники и не впустят, — размышлял Аньтун. — Лучше обожду, когда вынесут дщицу^[671] и начнется присутствие. Тогда я войду, преклоню колени и подам жалобу вместе с письмом. Прочтет его батюшка, и восторжествует справедливость». Он спрятал жалобу за пазуху и остановился у ворот управления. Долго пришлось ему ждать. Наконец, из здания донеслись удары колотушек, открылись главные ворота и двери палаты. Выездной цензор Цзэн открыл присутствие.

Сперва вынесли дщицу, на которой крупными знаками было начертано: «Разбираются дела князей, императорской родни и высших сановников». Потом появилась таблица, гласящая: «Рассматриваются дела чиновников гражданских и военных ведомств». Тут-то Аньтун и вошел в помещение. Дождавшись, пока закончится рассмотрение всех тяжб, он предстал перед красными ступенями^[672] и пал на колени.

— А у тебя что за дело? — спросили стоявшие рядом с цензором служащие.

Аньтун протянул высоко воздетые руки с конвертом.

— Подать! — приказал сидевший на возвышении цензор Цзэн.

Служащие тотчас же спустились вниз, взяли конверт и положили перед цензором на стол. Цзэн Сяосюй разорвал конверт и принялся читать.

Письмо гласило:

«Его превосходительству державному цензору старшему брату Цзэн Шаотину от пребывающего в столице младшего брата Хуан Мэя с нижайшим поклоном и искренним почтением.

Уж целый год минул, как Вы перестали меня дарить своим лучезарным присутствием. Увы! Как редки встречи с душевным другом! Сколь коротки минуты приятного общенья! От этих дум становится тоскливо на душе. В мыслях Вы всегда со мною рядом. Прошлой осенью получил Ваше драгоценное посланье. Распечатал, принялся читать. В те минуты наслажденья духом я будто бы порхал, витал. Мы, казалось, были снова рядом, как тогда, в Чаньани.^[673] И так растрогало меня воспоминанье, что мне хотелось петь. Я был готов Вас заключить в свои объятия.

Немного погодя Вы отбыли на юг, чтобы навестить родителей, и снова меня Вы осчастливили вниманьем. Узнал я, что Вы с инспекторской проверкой намерены объехать земли Ци и Лу,^[674] чему обрадован я был безмерно. Поздравляю Вас, еще раз поздравляю!

Да, мой старший брат, Вы преданы престолу и почтительны к

родителям. С присущим Вам сознанием высокого долга и верностью неизблемым принципам Вы неустанно закаливаете свое сердце и стойко переносите любые невзгоды. Ваши благородные помыслы признаны Двором, как и Ваша неутомимая жажда доискаться истины в разбираемых Вами делах.

Возложив на себя цензорскую миссию, Вы как никто другой способны вскрыть служебные злоупотребления и тем приблизить день, когда восторжествуют просвещение и порядок. Оттого Вы так любимы мною, мой незабвенный старший брат.

Знаю, дерзновенные порывы, жажда деянья Вам были свойственны всегда. И вот ныне, в век торжества Разума и Справедливости, когда в добром здравии пребывает Ваш почтенный родитель, перед Вами открывается широкая возможность развернуть весь свой талант, дабы возвеличить Правосудие и порядок, а вместе с тем пресечь тех, кто, бесчестно лавируя, нарушает Правосудие; тех, кто, пуская в ход коварство, сеет обман и ложь.

Как все-таки могло случиться, что в одной лишь области Дунпин завелся такой злодей и преступник, как Мяо Цин, жертвою которого оказался невинно загубленный Мяо Тяньсю? Трудно поверить, что в наш век Разума и Справедливости мог появиться такой оборотень.

Мой старший брат! Когда Вы будете с проверкой объезжать ту местность, прошу Вас, разберите и выявите обстоятельства его злодеяния.

Посылаю к Вам слугу Аньтуна с жалобой и еще раз умоляю со всей тщательностью вникнуть в преступление и уяснить его обстоятельства.

Писал во второй весенний месяц 16 дня».

– Жалоба с собой? – спросил Аньтуна цензор, прочитав письмо.

Служащие поспешно спустились к Аньтуну.

– Его превосходительство спрашивают, с собой ли у тебя жалоба, – обратились они к слуге.

Аньтун вынул из-за пазухи жалобу и протянул служащим. Цензор Цзэн прочитал ее, взял кисть и написал:

«Должностным лицам Дунпинского управления расследовать обстоятельства дела по справедливости и без пристрастия. После осмотра тела дать заключение и прислать вместе с подробным отчетом».

– Ответ получишь в Дунпинском управлении, – сказал он Аньтуну.

Аньтун отвесил цензору земной поклон и вышел через боковую дверь, а Цзэн Сяосюй вложил свое заключение вместе с жалобой в конверт, скрепил печатью и отправил с посыльным в Дунпинское управление.

Узнав резолюцию начальства, дунпинский правитель Ху Шивэнь пришел было в замешательство, а немного погодя решил передать дело помощнику уездного начальника в Янгу – Ди Сэбиню. Уроженец Уяна, в Хэнани, Ди Сэбинь слыл человеком решительным, но в то же время с некоторыми причудами. Подношений он не брал, но и дела решал спустя рукава, за что его и прозвали Ди Баламут.

И надо ж было тому случиться! В то самое время, когда пришло распоряжение обследовать реку и разыскать тело Мяо Тяньсю, этот Ди Баламут в сопровождении подручных, проводя инспекцию, очутился на берегу реки к западу от уездного центра Цинхэ. Они приближались к пристани, как – откуда ни возьмись – рядом с ними закружился ветер и поднял в воздух целый столб пыли.

Едет Ди на коне, и вихрь следом за ним.

– Вот напасть! – воскликнул он и остановил коня, а потом, обернувшись к спутникам, распорядился: – А ну-ка, ступайте за вихрем и поглядите, куда он двинется.

Те так и сделали. Только близ Синьхэоу ветер стал утихать и пыль рассеялась. Когда об этом доложили Ди, он призвал старейших жителей местечка и велел им скликать народ с лопатами. Принялись у берега копать и на глубине нескольких чи обнаружили труп, и как раз на шее виднелся ножевой шрам. Ди на всякий случай позвал следователя, и тот произвел полный осмотр.

– Кто же тут поблизости обитает? – спросил Ди.

– Монастырь Милосердия рядом, – отвечали подручные.

Созвал Ди монахов и учинил им допрос.

– Зимой прошлого года, в половине десятой луны, – рассказывали наперебой монахи, – во время молебствия на реке, когда мы зажгли светильники, к нам течением принесло тело. Его потом увлекло в затон, и отец игумен из великодушия велел извлечь тело из воды и предать земле. А отчего он умер, мы не знаем.

– Все ясно! – заключил правитель Ди. – Это ваши монахи его убили, тело зарыли, а теперь сочиняете. Должно быть, не с пустыми руками был человек.

И без лишних слов он приказал, чтобы настоятелю зажали пальцы в тиски и дали сотню палочных ударов, остальным монахам – по два десятка ударов каждому. После этого их посадили под стражу. Ропот и недовольство раздавались среди ни в чем не повинных монахов.

Решение довели до сведения цензора Цзэна. «Если бы убийство совершили монахи, – размышлял цензор, – они не стали бы зарывать тело на берегу, а бросили бы его в реку. И потом, к чему было

втягивать в преступление столько лиц? Нет, тут что-то не так».

А между тем монахи просидели в заточении почти два месяца, когда прибыл с жалобой Аньтун. Его провели в мертвецкую и велели осмотреть труп.

– Да это же и есть мой хозяин! – воскликнул Аньтун со слезами на глазах. – Вот и ножевая рана.

После опознания снова направили доклад цензору Цзэну, а монахов отпустили.

Цензор снова вник в дело и допросил Чэня Третьего с Вэном Восьмым. Те опять настаивали на виновности Мяо Цина – зачинщика преступления. Гнев охватил цензора Цзэна. Звездной ночью был послан в Янчжоу посыльный с ордером на арест Мяо Цина. Цензор к тому же составил доклад, в котором обвинил обоих судебных надзирателей в лихоимстве и злостном нарушении правосудия.

Да,

Лихоимцы-варвары за мзду попрали правый суд.

За погибшего безвинно Цзэн-судья вступился тут.

Прозвучала речь сурова, нелицеприятна,

Суть конечного итога все же непонятна.

Тут наш рассказ делится на две части.

Расскажем пока о Ван Шестой. С тех пор, как она получила от Мяо Цина сотню лянов серебра и четыре пары одежд, они с Хань Даого ног под собой не чуяли, даже по ночам не спали. Надо было все обдумать: и какую серебряную сетку на голову заказать, и какие головные украшения да шпильки с серьгами купить, и какие обновы у портного сшить. За шестнадцать лянов они купили еще одну служанку и назвали ее Чуньсян. Хань Даого, разумеется, сразу же обратил на нее внимание, но не о том речь.

Однажды к Хань Даого заглянул Симэнь Цин. Ван Шестая проводила его в дом и угостила чаем. Когда Симэнь вышел по нужде во двор, ему сразу бросилась в глаза высокая терраса за стеной.

– Это еще чья там терраса появилась? – спросил он.

– Сосед Юэ Третий построил, – отвечала Ван.

– Какое он имел право портить весь вид? – возмутился Симэнь. – Пусть сейчас же ломает! Чтоб у меня ее тут больше не было! А то околоточному прикажу.

– Неудобно, мне кажется, говорить соседу, – обратилась Ван к мужу, когда ушел Симэнь.

– Давай лучше купим немного лесу и построим напротив их

террасы сарай, – прикинул Хань Даого. – А батюшке говорить ничего не будем. Наверху можно будет соус квасить, а низ под конюшню или уборную отведем.

– Еще чего придумал! Уборную?! – возразила Ван. – Уж тогда давай купим кирпича да возведем пристройку.

– Чем какую-то пристройку, лучше небольшой флигелек из двух комнат, – заключил Хань Даого.

На том порешили и за тридцать лянов построили на дворе одноэтажный флигель. Симэнь направил к ним Дайяня с коробом вина, мяса и жареных пирожков для угощения мастеров, о чем сразу узнали все соседи.

* * *

Между тем надзиратель Ся, получив несколько сот лянов, устроил своего восемнадцатилетнего сына Ся Чэньэня штатным студентом военного училища для овладения искусством стрельбы из лука и верховой езды. Каждый день устраивал Ся Лунси пиры и угощения для наставников сына и товарищей по учению. Симэнь договорился с дворцовыми смотрителями Лю и Сюэ, столичным воеводой Чжоу, военным комендантом Цзином, командующим ополчением Чжаном и военными чиновниками своей управы, и они от своего имени вручили Ся Лунси свиток-поздравление, но говорить об этом подробно нет надобности.

Симэнь воздвиг у себя на фамильном кладбище крытую галерею, постройки и насыпные холмы, но после рождения Гуаньгэ и получения чина туда не заглядывал и не приносил жертв. И вот теперь он послал за геомантом Сюем, чтобы тот указал, как поставить ворота и вымостить камнем тропу к захоронению предков.

У входа на кладбище росли ивы, вокруг красовались сосны и кипарисы. По обеим сторонам высились холмы.

В День Поминовения усопших^[675] Симэнь решил водрузить новую вывеску, а по сему случаю устроить трапезу с принесением в жертву свиньи и барана. На шестое в третьей луне, в день поминовения, были разосланы многочисленные приглашения. Наняли носильщиков, которые должны были доставить на кладбище жбаны вина, рис, закуски и прочую снедь. Были приглашены музыканты, скоморохи и актеры, певцы Ли Мин, У Хуэй, Ван Чжу и Чжэн Фэн, певицы Ли Гуйцзе, У Иньэр, Хань Цзиньчуань и Дун Цзяоэр.

Приглашения получили военный комендант Чжан, сват Цяо, шурин У Старший, шурин У Второй, шурин Хуа Старший, свояк Шэнь, Ин

Боцзюэ, Се Сиды, приказчик Фу, Хань Даого, Юнь Лишоу, Бэнь Дичуань, а также и зять Чэнь Цзинци. Всего двадцать с лишним человек. Из дам были приглашены супруга военного коменданта Чжана, матушка свата Чжана, супруга свата Цяо, супруга цензора Чжу и супруга ученого Шана, жена У Старшего и жена У Второго, госпожа Ян, матушка Пань, жена Хуа Старшего, свояченица У Старшая, свояченица Мэн Старшая, супруга У Шуньчэня – Чжэн Третья, жена Цуй Бэня – Дуань Старшая. Вместе с У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Ли Пинъэр, Сунь Сюээ, дочерью Симэня, Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо, Ланьсян и кормилицей Жуи, державшей на руках Гуаньгэ, можно было насчитать до двадцати пяти паланкинов.

Еще до отбытия Юэнян предупреждала Симэня:

– Не следовало бы брать на кладбище ребенка. Ему, во-первых, году пока не вышло. И тетушка Лю говорила: у ребенка темечко еще рыхлое, пуглив он. Не стоит его брать так далеко. По-моему, пусть с кормилицей и тетушкой Фэн дома останется, а сестрица Ли с нами пойдет.

Симэнь Цин и слушать ее не пожелал.

– Это что еще за разговоры! – возразил он. – Как так! Мой сын с матерью не пойдет почтить предков? Старуха мелет всякий вздор, а ты веришь? У ребенка, видишь ли, темечко не затвердело. Ну и что же? Пусть кормилица завернет получше да оберегает как следует. Что ему в паланкине сделается!

– Ну и делай как знаешь, раз слушать не хочешь, – только и сказала Юэнян.

Утром гости в паланкинах собрались у дома Симэня, чтобы тронуться в путь всем вместе. Когда они миновали южные городские ворота, то на расстоянии каких-нибудь пяти ли вдали показались темно-зеленые густые сосны и отливающие бирюзою кипарисы.

По обе стороны кладбища, обнесенного каменной стеной, тянулись холмы. Внутри кладбища вела аллея. Она подходила прямо к выложенной из белого камня зале предков со священным алтарем, где стояли курильницы и подсвечники. Вход венчала новая вывеска, на которой крупными знаками было начертано: «Усыпальница предков командующего Императорской гвардии доблестного Симэня». Перед посетителями открывался вид на холмы и густые деревья.

Симэнь в парадной шапке и ярко-красном халате с поясом распорядился приготовить жертвенную свинью и барана для отправления обряда принесения жертв. Первыми молились мужчины, за ними – женщины.

Только ударили в барабаны и гонги, Гуаньгэ с испугу крепко прижался к груди кормилицы и, затаив дыхание, боялся пошевелиться.

Юэнян тотчас же позвала Пиньэр.

– Пусть кормилица выйдет пока с ребенком, – наказала она. – Гляди, как перепугался. Говорила, не надо брать его. Не послушал упрямец! Гляди, до чего напугали!

Пиньэр поспешно сошла вниз и послала Дайяня передать музыкантам, чтобы перестали бить в барабаны, сама заткнула младенцу уши и велела тотчас же вынести его из залы.

Вскоре поклонение окончилось, и геомант Сюй после чтения молитвы возжег бумажные деньги. Симэнь пригласил гостей в переднюю залу, а Юэнян провела дам по сосновой аллее парка, потом через тропинку среди зарослей бамбука и балюстраду в крытую галерею. Кругом благоухали на клумбах цветы. Красот парка поистине взором не окинешь!

Да,

Чтоб убажен во всем хозяин был счастливый,

Краснеют персики и зеленеют ивы.

Пока гости смотрели представление актеров, в передней зале в компании мужчин пели певцы, а певицы наполняли вином чарки. Чуньмэй, Юйсяо, Ланьсян и Инчунь обнесли вином дам, а потом разместились за столом, где сидела дочь Симэня, и принялись закусывать. Через некоторое время Цзиньлянь, а за нею Юйлоу, дочь Симэня, Гуйцзе и Иньэр пошли на качели.

Надобно сказать, что неподалеку за крытой галереей Симэнь построил флигелек из трех комнат, где, кроме столов, стульев и туалетного столика, стояла и убранная кровать с пологом. Флигелек предназначался для дам. Там они могли переодеться и отдохнуть, а также и для Симэнь Цина, где он мог уединиться с искусительницей. Оклеенные стены сверкали белизною так, что, казалось, вы попали в снежный грот. Кругом висели картины и свитки, лежала лютня, а на столе – беспорядочно разбросанные шашки. На позолоченной кровати лежал укрытый одеялом Гуаньгэ, которого принесла сюда кормилица Жуи. Его развлекала Инчунь.

К ним в комнату откуда ни возьмись вбежала с веткой цветущего персика Цзиньлянь.

– Почему тебя нет у стола? – спросила она Инчунь.

– Там Чуньмэй с Ланьсян и Юйсяо, – отвечала Инчунь. – Меня матушка за ребенком посмотреть послала. Я с собой немного закусок и

сладостей принесла, чтобы Жуи угостить.

Цзиньлянь взглянула на стол. Там стояла тарелка с гусятиной, тарелка свиных ножек и фрукты. Заметив Цзиньлянь, кормилица взяла ребенка на руки и подошла к ней.

— Ах ты, крикун маленький! — играя с Гуаньгэ, говорила Цзиньлянь. — Как ты барабанного бою-то испугался. Куда весь голос пропал! Эх ты, трусишка!

Цзиньлянь расстегнула светло-коричневую шелковую накидку, из-под которой показалась расшитая золотом кофта, и, заключив Гуаньгэ в объятия, расцеловала его. Тут в комнату неожиданно вошел Цзинци и тоже начал играть с ребенком.

— А ну, поцелуй-ка его, послушник маленький! — сказала Цзиньлянь.

Как ни странно, Гуаньгэ заулыбался и не спускал глаз с Цзинци. Тот без лишних слов взял малыша на руки и крепко расцеловал.

— Тебе что, жить надоело, а? — заругалась Цзиньлянь. — Кто ж ребенка в губы целует! Ишь схватил, даже прическу сбил.

— Что это ты говоришь! — шутил Цзинци. — Я-то знаю, кого целовать, не ошибусь.

Опасаясь, как бы служанка не услышала их двусмысленных намеков, Цзиньлянь ручкой веера ударила Цзинци, отчего он стал подпрыгивать, словно выброшенный на берег карась.

— Тебе жить надоело, да? — повторила она. — Я с тобой шутки шутить не намерена.

— Да, но я тоже живой человек! — воскликнул Цзинци. — Мне больно! Видишь, как я легко одет, а ты бьешь меня что есть силы.

— А что с тобой церемониться! Будешь задевать, получишь как следует.

Жуи поспешно взяла у них Гуаньгэ, а они продолжали подшучивать друг над дружкой. Цзиньлянь сплела концы персиковой ветки и потихоньку возложила ее на шапку Цзинци. Он пошел, так ничего и не заметив. Тут ему повстречались Юйлоу, Гуйцзе и жена.

— Кто это тебя увенчал? — спросила она.

Цзинци снял венок и не сказал ни слова.

Между тем гости насладились игрою актеров. Когда окончилась четвертая сцена,

Дневное светило склонилось к земле,

И стали цветочные тени длинней.

Близился вечер, и Симэнь наказал Бэнь Дичуаню поднести

носильщикам паланкинов по чарке вина и по четыре жареных пирожка. Потом им подали блюдо мяса.

Первыми отбыли в паланкинах дамы. За ними следовали на конях знатные гости. Лайсин и повара не спеша несли коробки со сладостями. Дайань, Лайань, Хуатун и Цитун сопровождали паланкины Юэнян и остальных хозяек, а Циньтун и четверо солдат – едущего верхом Симэня. В отдельном малом паланкине сидела Жуи с тщательно завернутым в одеяло Гуаньгэ на руках. Когда процессия приблизилась к городу, Юэнян велела Хуатуну позвать Жуи. Их паланкины понесли рядом. Юэнян беспокоилась, как бы шум городской толпы не испугал ребенка. Паланкины внесли в город, и Юэнян, распрощавшись с гостями от Цяо, двинулась домой.

Она была у себя, когда наконец к воротам подъехали Симэнь и Цзинци.

– Его сиятельство господин надзиратель лично приезжали, – доложил встретивший хозяина Пинъань. – Потом два раза посыльного прислали. Не знаю, в чем дело.

Симэню это показалось подозрительным. Он прошел в залу, где Шутун помог ему снять одежды.

– Господин Ся что-нибудь говорил? – спросил Симэнь.

– Нет, ничего не извоили сказать, – отвечал Шутун. – Только спрашивал, где вы, батюшка. Хотели меня за вами посылать. Дело, говорят, важное. На кладбище, отвечаю, уехали. К вечеру вернутся. Его сиятельство хотели в обед приехать. Дважды посыльного присылали. Нет, говорю, пока не прибыли.

«В чем же дело?» – ломая голову, повторял про себя Симэнь.

Появился Пинъань.

– Его сиятельство господин Ся прибыли, – доложил он.

Смеркалось. На Ся Лунси было простое платье и обыкновенная шапочка, с ним – двое провожатых. Спешившись у ворот, он проследовал в залу.

– Вы побывали в своем прекрасном поместье? – спросил он после положенных приветствий.

– Да, приносили жертвы усопшим предкам и убрали могилы, – ответил Симэнь. – Не мог знать, что вы осчастливите меня своим визитом, сударь, и даже не встретил. Прошу покорнейше меня простить.

– Осмелюсь беспокоить вас по важному делу, сударь, – начал Ся Лунси. – Пройдемте в гостиную.

Симэнь велел Шутуну отпереть крытую галерею.

– Прошу вас, сударь! – пригласил гостя Симэнь, а слугам приказал удалиться.

– Меня посетил сегодня господин Ли, уездный правитель, – заговорил Ся Лунси. – Дал знать, что выездной цензор направил в столицу доклад. Нас с вами, сударь, обвиняет. Доклад мне переписали из «Столичных ведомостей». Вот он. Читайте, сударь!

Симэнь со страху изменился в лице и, взяв поспешно бумагу, стал при свете лампы читать. Вот что там было написано:

«Доклад Цзэн Сяосюя, выездного цензора и инспектора земель Шаньдуна.

Обвиняю корыстолюбивых и недостойных занимать свои посты военных чиновников и умоляю Ваше Величество разжаловать их, дабы утвердилось Правосудие и порядок.

Я, верноподанный, знаю, что объезжать владения и исследовать нравы – вот в чем состоит высокая миссия Сына Неба, предпринимающего обозрение Империи. Пресекать служебные злоупотребления, возвеличивать Правосудие и порядок – вот в чем состоит долг цензора, стремящегося к улучшению правления. Древняя «Летопись Весны и Осени»^[676] гласит:

«Высший Правитель, совершая объезд, проникнут заботой об охране каждого уголка земли. И приходят в лад и согласие нравы, и торжествует добродетельное правление, и водворяется послушание народа всех четырех сословий, и прославляется Мудрый Правитель».

Ваше Величество повелели мне, верноподданному, совершить инспекторскую поездку по пределам земель Ци и Лу, что в Шаньдуне. Скоро год, как тружусь, объезжая судебно-уголовные управления сих мест и выявляя, насколько достойны своих постов облеченные властью – как штатские, так и военные. Обстоятельный доклад об истинном положении дел на местах дерзну поднести Вашему Величеству, как и полагается, по истечении срока инспекции. Пока же в особом представлении осмеливаюсь осудить некоторых чиновного звания лиц из судебно-уголовных управ.

Ся Яньлин,^[677] главный уголовный надзиратель судебно-уголовной управы в Шаньдуне, тысяцкий гарнизона Его Величества телохранителей и карателей, – человек бездарный и ничтожный, алчный и грубый, служебная деятельность которого давно вызывает всеобщее недовольство. Еще в бытность свою правителем Столичного округа Ся Яньлин постоянно злоупотреблял властью и был разоблачен своими же подчиненными. Ныне, будучи надзирателем судебно-уголовной управы Шаньдуна, он бесчинствует, как и прежде. Оказывая нажим на сослуживцев, он устроил в Военное училище своего сына Чэньэня,

экзамены за коего сдавало нанятое постороннее лицо, чем был подорван моральный дух учащихся. Его подручный Ся Шоу занимается вымогательством, а посему вызывает ненависть подчиненных. Ся Яньлин представления не имеет о своих служебных обязанностях. Принимая прибывших в уезд лиц чиновного звания, он подобострастно улыбается и не перестает раскланиваться, отчего приобрел кличку Лакей. Разбирая жалобы, он мнетя в нерешительности, не зная, кого наказать, а кого помиловать, за что его и прозвали Истукан.

Симэнь Цин, младший надзиратель из этой же управы, помощник тысяцкого, — отъявленный бездельник и лоботряс. Этот неуч, не знающий азова, подкупом и кознями пролез к власти, получив военный чин. Он позволяет женам разгуливать по улицам, чем поощряет разврат. [678] Он берет певичек и пьянствует с ними в городских кабаках, чем позорит звание чиновника. Он взял себе на содержание жену некоего Ханя и предается распутству, беззастенчиво попирая самые основы поведения. Было обнаружено, что Симэнь Цин, получив от Мяо Цина взятку, укрыв этого преступника от ответа.

Алчность и нерадивость названных лиц давно осуждена общественным мнением. Они подлежат немедленному разжалованию.

Ваше Величество, смею надеяться, соизволит прислушаться к сему мнению и распорядится, чтобы соответствующее ведомство провело тщательное расследование. Если утверждения верноподанного слуги Вашего Величества окажутся справедливыми, умоляю немедленно удалить с занимаемых постов Ся Яньлина и Симэнь Цина, дабы укрепились устои правления и сияли вечно Высочайшие добродетели».

Симэнь прочитал доклад и, охваченный страхом, молча поглядел на Ся Лунси.

— Что ж мы будем теперь делать? — спросил, наконец, Ся Лунси.

— Когда подходит вода, воздвигают плотину, — отвечал Симэнь, — когда надвигаются войска, им навстречу высылают полководца. Надо действовать — вот самое главное. Придется нам с вами подарки его сиятельству готовить да в столицу посыльных без промедления отправлять.

Ся Лунси поспешно откланялся, а вернувшись домой, достал двести лянов серебра и пару серебряных кувшинов. Слуге Ся Шоу было велено собираться в путь. Симэнь припас дорогое ожерелье из нефрита и драгоценных камней в золотой оправе и триста лянов серебра. Он направлял в столицу Лайбао. Когда подарки запаковали, Симэнь составил письмо дворецкому Чжаю, и рано утром, наняв коней, слуги отправились в Восточную столицу, но не о том пойдет речь.

А теперь расскажем о Гуаньгэ. Испуганный на кладбище, он всю ночь плакал, даже грудь не принимал. Что ему ни давали, его тут же тошнило.

Пиньэр пошла сказать Юэнян.

– Ну, а я что говорила! – начала Юэнян. – Раз ребенку и году не вышло, незачем за город брать. Нашему упрямцу хоть кол на голове теши. Знай, твердит: при жертвоприношении предкам, мол, мать с сыном должны присутствовать. Без них, дескать, никак нельзя. Глаза на меня вытарашил, орет. И вот, пожалуйста! Как теперь быть?!

Пиньэр совсем растерялась. Симэнь, занятый то переговорами с Ся Лунси, то отправкой слуги, был и без того не в духе, а тут еще ребенок занемог. Юэнян решила позвать сперва старуху Лю, а потом детского врача. Беготня и шум не умолкали в доме всю ночь.

– Испуг ему в нутро самое угодил, – сказала старуха, осматривая Гуаньгэ. – Да по дороге Полководца пяти путей повстречали. Ну, да ничего! Сожжете жертвенных денег, нечисть и отступит. Поправится!

Она оставила две киноварных пилюли и велела дать с отваром мяты и ситника. Гуаньгэ успокоился и заснул. Его больше не рвало. Только жар не проходил. Пиньэр поспешила дать старухе лян серебра на жертвенные деньги. Немного погодя старая Лю привела своего старика и еще одну знахарку. Они прошли в крытую галерею, где заклинали духов сожжением жертвенных денег и шаманскими плясками.

Симэнь в пятую ночную стражу отправил Лайбао и Ся Шоу, а сам с Ся Лунси поспешил в Дунпин, чтобы разузнать о судьбе Мяо Цина у правителя Ху Шивэня.

Узнав от знахарки, что ребенок испуган, Юэнян стала во всем упрекать Жуи.

– Плохо ты за ребенком смотрела, – говорила Юэнян. – В паланкине, должно быть, перепугался. А то с чего б ему так страдать?!

– Я его в одеяльце держала, – объясняла Жуи. – Оберегала как могла. Никто его в паланкине не пугал, матушка. Хуатуна спросите. Он за паланкином шел – знает. Ребенок крепко спал у меня на руках всю дорогу. Почти у дома его вдруг зазнобило, а потом расплакался и грудь перестал брать...

Но оставим пока Гуаньгэ, ради благополучия которого возжигали жертвенные деньги и заклинали духов, а расскажем о Лайбао и Ся Шоу.

Всю дорогу они гнали лошадей и уже на шестой день были в Восточной столице. В резиденции императорского наставника Цяя

встретились с дворецким Чжаем и передали подарки.

– От цензора Цзэна пока ничего не поступало, – сказал Чжай Цянь, прочитав письмо Симэня. – Советую вам пока задержаться в столице. Его превосходительство на днях подали на высочайшее имя доклад с предложением семи реформ. Ждем высочайшего повеления. А насчет цензорского обвинения, как только оно поступит, я поговорю с его превосходительством. Обвинение будет переправлено начальнику военного ведомства Юю, а его мы попросим, чтобы он доклад задержал и государю не подавал, так что ваш хозяин пусть не волнуется. Вне сомненья, все будет в порядке.

Чжай Цянь распорядился угостить Лайбао и Ся Шоу вином и закусками. На ночь они пошли на постоялый двор.

Но вот был получен доклад Цай Цина и высочайший указ. Лайбао попросил привратника, и тот показал ему номер «Столичных ведомостей». Лайбао переписал документ с тем, чтобы по возвращении домой показать Симэнь Цину.

Вот о каких реформах шла в нем речь:

«Доклад Цай Цина, ученого залы Высокого правления^[679] Ведомства чинов, гуна^[680] Луского.

Представляю Вашему Величеству свои скромные мысли и соображения, коих цель – привлечь к службе наиболее даровитых и сделать аппарат управления более действенным, укрепить финансовое положение Империи и улучшить благосостояние народа, а тем самым возвеличить мудрое правление Вашего Величества.

1. Отменить экзаменационную систему как условие назначения на служебные посты. Определять на службу непосредственно из училищ тех выпускников, которые успешно завершили обучение.

Упадок просвещения и разложение нравов, смею считать, происходит оттого, что при выдвижении на службу не попадают подлинные таланты, а посему и некому печься о просвещении. В «Шу-цзине»^[681] сказано: «Небо породило сей народ, и установило над ним правителя его, и послало ему наставника его». При Ханях должности давались выдержавшим экзамены сынам послушным и честным, при Танах учреждались училища. В царствование Вашего Величества будет впервые введен закон о выдвижении на посты учащихся, кои показали себя способными нести службу Государеву. Ведь пристрастие и невежество в столь важном деле как раз и повели к исчезновению в наш век подлинно талантливых личностей. Но в ком же тогда найдут опору свою пастыри народные?!

Ныне Государь Император и во сне и наяву ищет талантливых, с утра до ночи радеет о правлении. А правление состоит в воспитании

мудрых, воспитанию же мудрых как нельзя лучше служат училища. Отныне, как и в древности, на служебные посты будут назначаться те выпускники училищ, кои успешно завершат обучение. Впредь в округах и уездах будут ежегодно устраиваться экзамены для всех желающих поступить в училище. По форме эти экзамены те же, какие будут проводиться и в училищах для назначения на пост. Так же предусматривается испытание по восьми разделам, а именно: сыновнему послушанию, братской дружбе, согласию и миролюбию меж близкими, искренности и состраданию, преданности престолу и кротости. Обладающие перечисленными качествами освобождаются от иных испытаний и зачисляются в Императорские училища.

2. Упразднить Палату финансовых предложений.

С восшествием на престол царствующей династии, как хорошо известно, главному прокурору Империи указом предписывалось учредить Палату финансовых предложений, дабы умерить лишние расходы Государя и оберегать народное достояние.

Ныне, с воцарением Вашего Величества, у нас не дорожат больше удалившимися от дел, не пекутся об ушедших на покой. Вы же, Ваше Величество, являетесь собою пример бережливости и экономии, живя на свои собственные средства.

Как встречаются в Поднебесной обычаи, кои надлежит возрождать, так существуют и средства, кои надлежит беречь. Правда, заинтересованное лицо всегда заботится об улучшении нравов, соблюдает заповеди, не пренебрегает заветами предков и не балует потомство, отчего процветает его дело, воцаряются добрые нравы, наступает изобилие и великое спокойствие. Зачем ему тогда какие-то предложения Палаты?! Палату финансовых предложений упразднить!

3. Изменить порядок выдачи лицензий на перевозку и продажу соли.

Доходы от выдачи лицензий на перевозку и продажу соли как акциз Империи идут на укрепление границ Отечества. Пока что мы не вернулись к порядкам, какие были заведены нашими предками.

С опубликованием Высочайшего указа о введении соляной монополии на границах в Юньчжуне, Шаньси и Шэньси были открыты акцизные конторы, где за принятое зерно и фураж выдавались соляные лицензии старого образца. Теперь конторы переводятся на юго-восток в область Хуай и Чжэцзян и вводятся лицензии нового образца. Ставка последних понижается на тридцать процентов. Ставка же старых лицензий повышается на семьдесят процентов.

Отныне торговцы солью должны будут прибывать в назначенные места соляных промыслов за получением соли в аванс – порядок тот же, что и для торговцев чаем. Затем торговцы являются к акцизным чиновникам, кои соль взвешивают, взимают пошлину и проценты и

выдают лицензии с указанием сроков перевозки и продажи. Торговцы, допустившие просрочку, задерживаются, а товары конфискуются. Торгующих без лицензий и сверх лицензий рассматривать как контрабандистов.

Эта реформа обеспечит неуклонный рост акцизных доходов Империи и предотвратит истощение средств, необходимых для защиты рубежей Отечества.

4. Постановление об отливке монет.

Хорошо известно, что деньги и товары служат жизненными артериями страны. Вся их ценность состоит в обращении, а не в накоплении. Когда накапливаются изъяты из обращения сокровища, не может быть никакого обмена между людьми, а следовательно, и акцизного дохода.

С последних лет царствования династии Цзинь, после введения в обращение тонкой монеты (так называемые «гусиные глазки») и вплоть до воцарения ныне правящего дома металлические монеты сильно измельчали и обесценились. Доходит до того даже, что при отливке к сплаву свинца и железа добавляют олово, а жители пограничных областей сбывают такие монеты инородцам, а это крайне неблагоприятно сказывается на отливке оружия.

Вся находящаяся ныне в обращении металлическая монета подлежит изъятию. Указом Вашего Императорского Величества должна быть выпущена новая полновесная монета годов правления под девизом Благородного умиротворения и Великого зрелища.^[682] Десять нынешних монет обмениваются на одну новой чеканки. Введение новой монеты предотвратит возрастание цен на товары.

5. Ввести казенную продажу и закупку хлеба.

Хорошо известно, что казенная продажа хлеба по умеренным ценам преследует благородную цель помощи нуждающимся.

В последние годы мы переживаем то наводнения, то засухи. Народ голодает. Указ о помощи нуждающимся выйдет как раз вовремя. Недавно, с Высочайшего одобрения, по предложению советника Ведомства финансов Хань Люя, в округах и уездах Империи открываются общинные амбары по продаже и закупке хлеба. Десятидворки входят в кланы, кланы – в деревни, а деревни – в села. Такие объединения будут поощряться. Дворы каждого села разбиваются на три разряда: высший, средний и низший. Дворы высшего разряда вносят полный оброк, среднего – половинный, а низшего – причитающуюся по раскладке долю оброка.

Распределение казной определенного количества хлеба в кредит и именуется продажей хлеба по умеренным ценам. Проведение этой выгодной народу меры явится новым проявлением неисчерпаемого

человеколюбия со стороны Вашего Императорского Величества.

Подлинная действительность этой меры станет зримой только при условии самого строгого и ответственного исполнения Указа.

6. Ввести Высочайшим указом во всех округах и областях налог с освобожденных от воинской повинности.

Хорошо известно, что с восшествием на престол ныне царствующей династии, пока не были подавлены разбойничьи смуты, не раз издавались указы, которые предписывали всем достигшим совершеннолетия и обязанным нести воинскую повинность являться в Столицу для участия в перевозках провианта, дабы тем самым способствовать укреплению мощи Империи.

Теперь, когда мы наслаждаемся покоем и народ занят мирным трудом, следует распространить во всех округах и областях Поднебесной указ о налоге с освобожденных от воинской повинности в размере тридцати связок монет в год с каждого лица, и направлять эти средства в Столицу, откуда они пойдут на снабжение пограничных войск.

Эта мера принесет обоюдную пользу, да и народ, беспечный и вялый, немного встряхнется.

7. Соорудить лодочные станции для нужд лиц, состоящих на Государственной службе.

Хорошо известно, что с самого восшествия на престол Вы, Ваше Величество, не увлекаетесь музыкой, не отдаетесь наслаждениям и не окружаете себя угодливыми слугами, готовыми для Вас на все. А пестрый мрамор, так Вами любимый, есть всего лишь дар диких гор, к которому народ совершенно равнодушен.

Правда, при перевозке его допускаются крайности, которые и приводят к недовольству населения и подрывают мудрое правление Вашего Величества. Ради предотвращения столь досадных крайностей осмеливаюсь снова испросить согласие Вашего Величества на сооружение лодочных станций для нужд лиц, занятых службою Государевой, кои могли бы, заплатив казенными деньгами, нанять в случае надобности предназначенные для таких целей лодки. Тем самым был бы положен конец возмущению населения целых округов и областей.

Пав ниц, умоляю о Высочайшем решении».

Высочайшее повеление:

«Ваши рассуждения содержат глубокое исследование нынешних затруднений и предложения, продиктованные преданностью престолу, чему Мы весьма обрадованы. Быть по сему, о чем уведомить соответствующие инстанции».

Лайбао переписал документ и стал ждать ответное письмо

дворецкого Чжая. Тот наградил слугу пятью ляннами серебра на дорожные расходы, и они с Ся Шоу отправились назад в Шаньдун, в Цинхэ.

Когда они прибыли, Симэнь сидел дома, беспокойно было у него на душе. Каждый день заглядывал к нему Ся Лунси. Все справлялся, нет ли новостей.

Услыхав о возвращении слуг, Симэнь позвал их к себе и начал расспрашивать. Лайбао доложил ему по порядку.

– Встретились мы сперва с господином Чжаем, – рассказывал слуга. – Прочитал он ваше письмо. Пусть, говорит, ваш батюшка не волнуется. Ничего тут страшного нет. Срок службы цензора истек, будет новый на его место поставлен. А доклад его, говорит, пока не поступал, а как поступит, его я с его превосходительством поговорю. Доклад будет передан в Военное ведомство, а начальнику Юю от его превосходительства, говорит, письмо будет послано. Чтобы, мол, дело завел, а выше не докладывал. Так что, говорит, какие бы он там обвинения ни возводил, ничего у него не выйдет.

Симэнь успокоился.

– А почему цензорский доклад до сих пор не пришел? – спросил он.

– Мы ведь и днем и ночью лошадей гнали, – объяснил Лайбао. – За пять дней доехали. Ясно, гонцов обогнали. Они нам на обратном пути повстречались. На перекладных, с колокольчиками. На каждой лошади пара фазаньих перьев, а с обеих сторон гонцы со штандартами. Они-то, должно быть, цензорскую почту и везли.

– Вот опередили доклад, дело уладилось, – молвил Симэнь. – А я-то боялся, что вы опоздаете.

– Не волнуйтесь, батюшка! – успокаивал хозяина Лайбао. – С этим покончено. А я вам, батюшка, еще хорошие вести привез.

– Какие же? – поинтересовался Симэнь.

– А вот какие. Его превосходительство императорский наставник подал недавно доклад о проведении семи реформ. И высочайшее согласие уже получено. По предложению господина Ханя, советника Ведомства финансов, родственника его превосходительства, на границах в Шэньси и еще в двух местностях вводится монопольная торговля солью. В округах и краях, областях и уездах открываются общинные амбары казенной закупки хлеба. Дворы высшего разряда будут сдавать в амбары рис и получать ассигнации, а на них приобретать лицензии на получение и продажу соли. Ставка на ассигнации старого образца повышается на семьдесят процентов, а на

новые – снижается на тридцать процентов. А ведь вы с господином Цяо сдали тогда в Гаояне тридцать тысяч цзиней зерна. На эти ассигнации можно будет, стало быть, приобрести лицензию в Ведомстве финансов на продажу тридцати тысяч цзиней соли. А на пост соляного инспектора в области Хуай только что назначен его сиятельство Цай. Он-то уж вам пособит. Большие барыши возьмете.

– А ты это верно говоришь? – выслушав слугу, спросил Симэнь.

– Неужели вы мне не верите, батюшка? Я весь доклад переписал из «Столичных ведомостей». Вот он.

Лайбао достал доклад и протянул Симэню. Окинув взглядом большой доклад, Симэнь кликнул Чэнь Цзинци. Тот дочитал до середины и, встретив незнакомые знаки, умолк. Позвали Шутуна. Малый вырос в богатом доме и быстро, без запинки, прочитал документ от начала до конца. Симэнь остался доволен проводимыми реформами. Потом взялся за письмо дворецкого Чжая, из которого явствовало, что подарки переданы по назначению, а лауреат Цай на императорской аудиенции назначен соляным инспектором области Хуай. Симэнь пришел в восторг и отпустил Ся Шоу, чтобы тот поскорее порадовал новостями своего хозяина. Лайбао получил от хозяина в награду пять лянов серебра, два жбана вина и мяса и отправился домой отдыхать, но не о том пойдет речь.

Да,

Высокое дерево бурей, глядишь, и свалило.

Нередко почет, поклонение сводят в могилу.

Тому свидетельством стихи:

Цвести суждено, иль увянуть? –
вопросом терзаем судьбу.

Меж тем точный месяц и день –
все расписано нам на роду.

Влечет нас желанье святое,
как дивная слива весной,

Но нету талантов достойных
с пустой и дырявой мошной.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ
СИМЭНЬ ЦИН ПРИНИМАЕТ
ЦЕНЗОРА СУНА
НА ПРОЩАЛЬНОЙ ТРАПЕЗЕ В
МОНАСТЫРЕ ВЕЧНОГО
БЛАЖЕНСТВА СИМЭНЬ
ВСТРЕЧАЕТ ИНОЗЕМНОГО
МОНАХА

*Ты — счастлив — твой век удлиняет
душевный покой,*

*Рождения, смерти пройдут пред очами
твоими,*

*Богат или беден — ты взыскан самою
судьбой,*

*Не ропщешь, имея простое иль знатное
имя.*

*Беда или радость — не станешь тужить,
ликовать,*

*Что нам выпадает — даровано Небом,
конечно,*

*Свой жребий у всех нас... Святым тебя
можно назвать*

*В тот день, что сумел ты прожить
совершенно беспечно.*

Так вот. Прибыл Ся Шоу домой и доложил о поездке. Ся Лунси тотчас же поспешил поблагодарить Симэня.

– Я вам жизнью обязан, сударь! – говорил он. – Что бы со мной было, сударь, не положишь я на ваше влияние и могущество?!

– Полно, сударь! Успокойтесь! – уговаривал его, улыбаясь, Симэнь. – Вы сами посудите. Что мы с вами такого сделали? Да ничего! Ведь его превосходительству виднее. А этот пусть себе пишет, что в голову взбредет.

В зале накрыли стол, и хозяин пригласил Ся Лунси отобедать. За разговорами и шутками просидели до самого вечера. Ся Лунси откланялся, а на другой день они, как и раньше, явились в управу, но не о том пойдет речь.

Расскажем о цензоре Цзэне. Поскольку его доклад не оказал никакого воздействия, он понял, что надзиратели подкупили власти, и его охватило негодование. После обнародования семи реформ Цай Цзина, во многом нелепых и противоречивых, отвечающих интересам господ за счет народа, цензор Цзэн отправился в столицу и на высочайшей аудиенции лично подал доклад, в котором содержались такие мудрые суждения:

«Деньги обретают ценность лишь в обращении. Выжимать же из народа все соки и накапливать богатства в столице – меры, немыслимые в мирное время. Проведение в стране закупок и продажи хлеба неосуществимо. Нельзя обменивать десять старых монет на одну нового образца, как нельзя многократно менять порядок продажи соли. Эти реформы только истощат силы народные. Кто же тогда будет охранять наше Отечество?»

Великий гнев охватил Цай Цзина. Представ пред императором Хуэй-цзуном, он назвал цензора Цзэна опасным бунтарем, супротивником дел Государевых и поручил Ведомству чинов провести расследование. Цзэн Сяосюя сняли с цензорского поста и послали в Шэньси править округом Цинчжоу. А цензором в Шэньси служил тогда Сун Пань – шурин академика Цай Ю.^[683] В секретном циркуляре Цай Цзин приказывал Сун Паню возбудить против Цзэна уголовное разбирательство. Слуг его арестовали, вынудили дать ложные показания и состряпали уголовное дело. Цзэн Сяосюй был впоследствии разжалован и сослан на далекий юг. Так отомстил непокорному цензору Цай Цзин, но случилось это потом, и мы, не вдаваясь в подробности, ограничиваемся на сей счет лишь упоминанием.

* * *

А теперь снова перейдем к Симэнь Цину. Он распорядился, чтобы

Хань Даого с Цуй Бэнем, племянником свата Цяо, отправлялись без промедления в Гасян к советнику Хань Люю и зарегистрировали хлебные ассигнации. Лайбао остался дома. Ему было велено приготовить вино и закуски к торжественному приему соляного инспектора Цай Юня,^[684] который со дня на день ожидался в Цинхэ.

Лайбао как-то разузнал, что на одном судне с соляным инспектором Цаем из столицы едет и цензор Сун, и что они достигли Дунчана. Слуга поспешил сообщить об этом хозяину, и Симэнь тотчас же договорился о встрече высоких гостей с Ся Лунси. Правители округов, областей и уездов вместе с главами судебнo-уголовных управлений и управ также готовились к встрече. Все дороги были забиты их экипажами и свитами. Лайбао раньше других очутился в Дунчане, проник на судно и поднес инспектору Цаю подарки. Потом в пятидесяти ли от Цинхэ, в местечке Стодворье, близ Синьхэкоу, на инспекторский корабль пожаловали Симэнь и Ся Лунси, чтобы засвидетельствовать свое почтение и пригласить цензора Суна.

– Благодарю! – отвечал инспектор Цай. – Мы непременно вместе посетим эту область.

Правитель Дунпина Ху Шивэнь, а также начальники входящих в область окружных и уездных управ, гражданские и военные, настоятели буддийских и даосских монастырей и геоманты – все направили приезжающим свои визитные карточки и готовились к встрече. Столичный воевода Чжоу, военный комендант Цзин и командующий ополчением Чжан на конях, каждый во главе целого отряда воинов, эскортировали цензора, очищая от зевак путь его следования. Разбежались собаки и куры. Под барабанный бой процессия вошла в Дунпинское областное управление. Начальники отделов, представляясь цензору, вручали ему свои мандаты. Там он остановился на ночлег, а на другой день привратник доложил о прибывшем с визитом соляном инспекторе Цае. Сун Пань отложил дела и, поспешно поправляя шапку, вышел ему навстречу. После положенных приветствий они заняли свои места – один для хозяина, другой гостевое. Подали чай.

– А вы надолго собираетесь здесь задерживаться, брат? – спросил цензор Сун Пань.

– Да денек-другой пробуду, – отвечал инспектор Цай Юнь. – У меня в Цинхэ живет знакомый. Тысяцкий Симэнь. Именитый горожанин. Человек безупречный и предусмотрительный, богатый и гостеприимный. Ему тоже почтенный Цай покровительствует, откуда я с ним и знаком. Он так далеко выезжал меня встречать! Я обязан

побывать у него и засвидетельствовать свое почтение.

– Это какой же такой тысяцкий Симэнь? – спросил Сун.

– Да здешний надзиратель, – отвечал Цай. – Он же вас вчера приветствовал.

Сун Пань велел подать визитные карточки, среди которых нашел имена Симэнь Цина и Ся Лунси.

– Так вот оно что, это друг Чжай Юньфэна! Вы о нем говорите? – воскликнул цензор.

– Ну конечно! – подтвердил инспектор. – Он ждет нас обоих. Просил и вас пожаловать на обед. Вы согласны?

– Я первый раз в здешних краях, – говорил Сун. – Неудобно как-то.

– Что вы волнуетесь! – заверял его Цай. – Раз Юньфэн говорил о визите, все будет как нельзя лучше.

Они кликнули носильщиков паланкинов и вместе тронулись в путь. Не успели они и в паланкины усесться, как уведомленный об их намерениях Симэнь вместе с Лайбао и Бэнь Дичуанем помчался что было мочи домой, чтобы отдать последние распоряжения.

Неподалеку от ворот был сооружен разукрашенный навес. Для услаждения пирующих позвали два оркестра музыкантов, хайяньскую труппу актеров и нескольких шутов-забавников. Цензор Сун отпустил всю свою свиту, оставив при себе лишь знаменосцев с голубыми штандартами да тех сопровождающих, обязанностью которых было отгонять с дороги зевак. Они с инспектором Цаем восседали в больших паланкинах. Над каждым несли по огромному зонту. Приезд к Симэню высоких гостей потряс всю область Дунпин, всполошил весь уезд Цинхэ. «Его сиятельство господин цензор и тот с начальником Симэнем дружбу водит, – говорили в народе. – К нему на пир пожаловали». С ног сбились столичный воевода Чжоу, военный комендант Цзин и командующий ополчением Чжан, отряжая своих подручных на расставленные по всем улицам посты.

Симэнь Цин в темном халате с поясом прошел от дома на внушительное расстояние, чтобы приветствовать гостей. У дома они под музыку и барабанный бой вышли из паланкинов и проследовали в ворота.

Цензор и инспектор были в ярко-красных расшитых халатах с наперсниками, изображавшими чудищ-сечжи,^[685] в черных креповых шапках и черных туфлях.^[686] Их украшали пояса цвета журавлиной маковки. Сзади их обмахивали огромными опахалами.

За высоко поднятыми бамбуковыми занавесами и парчовыми экранами посреди огромной залы стояли два изысканно

сервированных больших стола, ломившиеся от редких яств, пирожных и сладостей.

Уступая друг другу дорогу, гости вошли в залу и обменялись с хозяином положенными приветствиями. Инспектор Цай велел слугам принести подарки: два куска хучжоуского шелка, собрание сочинений, четыре пакетика молодого чая, тушечницу и дуаньсийский камень.^[687]

Смущенный цензор Сун протянул лишь красную визитную карточку, на которой было начертано: «С нижайшим поклоном от Сун Цяоняня».

– Давно мне известно ваше славное имя, – говорил он, обращаясь к хозяину. – Но я впервые в ваших краях и потому прошу покорно меня простить, что ничем не могу выразить вам мою самую глубокую признательность. Я б не посмел вас тревожить, если бы меня не пригласил брат Цай вместе с ним засвидетельствовать вам свое почтение. Но тогда я бы лишился огромного удовольствия вас лицезреть и с вами общаться.

Симэнь поспешил низко поклониться цензору.

– Ваш покорный слуга всего лишь простой солдат, готовый выполнить любой ваш приказ, – отвечал он. – Ваш визит осчастливил меня. Вы озарили мою хижину светом славы.

Симэнь встал на колени и отвесил земной поклон. Всем своим обликом он выражал благоговейную покорность. Цензор Сун тоже отвесил ему поклон. После церемоний инспектор Цай уступил Суну место слева, сам сел справа. Симэнь со скромно опущенной головой сел с ними за компанию.

После чая снизу до пирующих донеслись дивные звуки свирелей, потом удары в барабан. Симэнь поднес гостям вино и распорядился, чтобы подавали блюда. Нет возможности перечислить все яства и деликатесы. Аппетитно дымились всевозможные супы и отвары, золотом искрилось в кубках вино. Было тут и обилие кушаний и вин, было и чем усладить взор и слух.

Симэнь, зная, как много сопровождающих лиц прибыло с гостями, приказал устроить им угощение внизу. Их разместили за двумя длинными столами, которые специально на сей случай смастерили. На каждом столе разместили по пятьдесят кувшинов вина, по пятьсот блюд с закусками и сладостями и сто цзиней мяса. Приближенных слуг, секретарей и привратников угощали отдельно, во флигеле, но рассказывать об этом нет необходимости. На один этот пир Симэнь истратил добрую тысячу лянов серебра.

Цензор Сун Пань, уроженец Наньчана, что в Цзянси, был человек

непоседливый и суетливый. Посидел он немного за столом, дослушал до конца первый акт представления и стал откланиваться. Симэнь долго упрасивал его остаться.

– Посидите же еще немного, брат, если не ждут дела, – поддержал хозяина инспектор Цай. – К чему так торопиться?

– Вы, брат, оставайтесь, – говорил Сун, – а мне еще в управлении побывать надо. Дела кой-какие есть.

Симэнь распорядился, чтобы все, что было на столе, вместе с золотыми и серебряными чарками и посудой, уложили в коробки. Их оказалось целых два десятка, и слугам велено было отнести их цензору Суну. Там было все для сервировки стола – два жбана вина, две бараньих туши, две пары веток золотых цветов тонкой ювелирной работы, пара золотых подносов, два серебряных кувшина, десяток серебряных кубков, два серебряных блюда и пара палочек из слоновой кости, а также два куса красного атласа. Точно такой же набор с перечнем даров был отправлен и соляному инспектору Цаю.

– Не смею я принять столь щедрые дары, – говорил Сун, поглядывая на Цая.

– Принятие подношений входит в круг деятельности цензора, – заметил Цай. – Так что вы вполне вправе принять эти дары, брат. Я – другое дело. Я не могу на это решиться.

– Ну какие это подарки! – воскликнул Симэнь. – Всего-навсего посуда, необходимая, чтобы пропустить чарку вина, не более. Примите, прошу вас.

Пока гости из вежливости отказывались, слуги Симэня, нагруженные подарками, вышли уже за ворота. Цензору Суну пришлось в конце концов приказать сопровождающим принять перечень подношений.

– Прямо-таки не знаю, как мне и благодарить вас! – говорил Сун. – Я впервые имею удовольствие с вами встречаться, а вы соизволили устроить столь пышный прием и так щедро меня одарить. Почту за долг сделать все, чтобы вознаградить вас за столь высокую честь, мне оказанную. – Сун обернулся к Цаю. – Вы, брат, останетесь, а мне разрешите откланяться.

Цензор простился и вышел. Симэнь хотел проводить гостя далеко за ворота, но тот решительно запротестовал и упросил вернуться к столу. Он сел в паланкин и, махая рукой, отбыл в управление, а Симэнь вернулся к инспектору Цаю. Они сняли пояса и шапки. Потом хозяин провел гостя в крытую галерею. Музыкантов отпустили. Остались только актеры. Симэнь велел слугам накрыть стол. Вскоре

снова появились яства и фрукты. Пир продолжался.

– Позвав с собою брата Суна, я – прошу меня простить – преступил этикет, – обратился Цай к хозяину. – Вы же не только нас угощаете, но еще и одариваете с великою щедростью. Мне, право, неловко принимать ваши дары.

– Какие же это дары! – успокаивал его Симэнь, улыбаясь. – Так, мелочь. Всего-навсего выражение моего почтения. Будьте добры, скажите мне прозвание господина Суна.

– Его прозвание Суньюань, что значит Родник в соснах, – отвечал Цай. – Он никак не решался нанести вам визит. Но я его заверил: Сыцюань,^[688] мол, человек щедрый и радушный, с его превосходительством знаком. Тогда только он, наконец, осмелился прибыть к вам. Ему известно также, что вы в близких отношениях с Юньфэном.

– Это сват Чжай, наверно, поставил его в известность, – заметил Симэнь. – Господин Сун мне показался как будто с Луны свалившимся.

– Он, правда, родом издалека, из Цзянси, но ничего странного я в нем не замечал, – говорил Цай. – Просто он с вами встречается в первый раз, вот и некоторая натянутость.

Оба засмеялись.

– Сегодня уже поздно, и я прошу вас, ваше сиятельство, не утруждать себя возвращением на корабль, – предложил Симэнь.

– Но завтра рано утром мы отчаливаем.

– Не откажите в любезности, заночуйте у меня, – предложил Симэнь. – А завтра утром я устроил бы вам загородные проводы.

– Сердечно тронут вашим гостеприимством, – отозвался Цай и отпустил сопровождающих. – Утром придете.

Все удалились, кроме двоих доверенных слуг.

Симэнь вышел из-за стола, подозвал Дайяня и зашептал ему на ухо:

– Ступай позови Дун Цзяоэр и Хань Цзиньчуань. Найми носилки. Да проводи задним ходом, чтобы никто не видал.

Дайянь побежал выполнять распоряжение, а Симэнь вернулся к гостю. Они продолжали пировать, а актеры из хайяньской труппы услаждали их пением.

– Долго вы гостили в родительском доме, ваше сиятельство? – спросил Симэнь. – Как здоровье вашей матушки?

– Благодарю вас, матушка жива и здорова, – отвечал гость. – Незаметно прожил целых полгода. А когда прибыл ко Двору, выяснилось, что Цао Хэ подал на нас обвинительный доклад, и мы,

вместе державшие императорский экзамен, предстали перед коллегией ученых-историков, после чего всех нас, четырнадцать человек, отправили служить в провинцию. Так я попал в цензорат и был назначен соляным инспектором области Хуай, а брата Суна поставили цензором в ваших краях. Он тоже из числа благодетельствованных его превосходительством Цаем.

– А где теперь его сиятельство Ань? – поинтересовался Симэнь.

– Ань Фэншань^[689] получил повышение. Он теперь начальник Ведомства работ. Отбыл в Цзинчжоу распорядиться насчет перевозок императорского строевого леса. Должен вот-вот вернуться.

Симэнь позвал актеров и велел им поднести пирующим вино.

– Спойте-ка нам на мотив «Гордость рыбака», – распорядился Цай.

Актеры хлопнули в ладони и запели:

После разлуки ни весточки не получала,
Как от тебя излечусь?!
Волны уносятся вдаль от морского причала,
Писем не носит мне гусь.
Где мой бессмертный красавец – вознесся в Трехгорье,^[690]
Персиком сказочным сыт.
Феникс ласкает его, моё нежное горе,
Рыба рогатая спит.
Мне не достать до Пэнлая, юдоль моя скорбна.
Горы бессмертных, вы где?
Ивовый пух разметался под вихрями скорый,
Иволга плачет в гнезде.

На мотив «Креповое черное платье»:

Вкруг меня хризантемы желты.
Почему Юаньмин^[691] не глядит на цветы?
В ожиданьи глаза проглядела я.
Не понятен с тобою разлад.
Неужели любимый терзать меня рад?
От кручины лицом стала белая.
Я от горя как будто пьяна,
Слез солёных морская волна.
Все брожу вдоль дороги, несмелая.
Так душисты ланиты ее, будто слив лепестки,
Так нежны ее пальчики, словно бамбука ростки,
Так изогнуты брови – как дымчатой ивы листки.
Как весеннего моря волна её блещут глаза.

И черней воронова крыла оплетает коса,
А на сетке золотой голубая горит бирюза.
Черепеховый серпик луны служит шпилькою ей,
Нежной кожи отливы предутренней зорьки алей,
В целом мире не сыщешь красы для поклонников злей.
Бьют вечернюю стражу – свиданья намеченный срок.
И запел в золотом терему серебристый рожок.
Перекрестья подушек – изысканных ласк кружева.
Бесконечно струящимся был наших радостей шёлк,
Но оборваны нити и пряжу нарушил дружок.
Я одна. Утопили солёный лужи кровать.
В мятом платье лежу, полинял золотистый подол,
Мне ни яви, ни сна, и придется в сиротстве подолгу
В ядовитых каскадах до старости вплавь доживать.
Вспоминаю деньки, что мы были вдвоем.
А теперь чьими ласками ты упоен?
Из несчастного сердца рождается стон.
Мы кружили цветных мотыльков веселей,
Были чувства бездоннее синих морей,
Были выше хребтов, ураганов сильнее!
Но сменилась луна и ушёл человек.
Для живущих губителен времени бег.
Узы порваны. Чувства не рвутся вовек.

Вошел Дайань и попросил Симэня на пару слов.

– Дун Цзяоэр с Хань Цзиньчуань через задние ворота провел, – доложил слуга. – У матушки Старшей сидят.

– Носильщиков отпусти, – распорядился хозяин.

– Отпустил.

Симэнь направился в покои Юэнян. Певички встретили его земным поклоном.

– Я позвал вас услужить его сиятельству Цаю, – начал Симэнь. – Постарайтесь! Он ведь инспектором назначен. Потом особую награду получите.

– Будьте покойны, батюшка! Мы знаем, – заверила его, улыбаясь, Хань Цзиньчуань.

– Он, не забудьте, южанин, так что на свой лад будет склонять, – посмеиваясь, говорил Симэнь. – Вы уж, будьте добры, не ломайтесь. Во всем ему потрафляйте.

– Вот при матушке говорю, – начала Дун Цзяоэр. – Вы, батюшка, как лук стрельчатый у южной стены, раз от разу горше. Кто в

княжеских палатах служит, тот из грязного колодца не пьет.

Симэнь засмеялся и пошел в передние покои. У внутренних ворот ему повстречались Лайбао и Чэнь Цзинци.

– Батюшка, господин Цяо просит вас воспользоваться встречей с его сиятельством и потолковать насчет дела, – протягивая визитную карточку, заговорил Цзинци. – А то им завтра, говорит, некогда будет с отъездом.

– Тогда и Лайбао впиши, – велел зятю Симэнь и обернулся к слуге. – А ты со мной пойдешь.

Лайбао отправился с хозяином и встал у крытой галереи за перилами, а Симэнь продолжал с гостем пировать.

– У меня к вам просьба, – начал он немного погодя, – хотя и неудобно вас беспокоить.

– Какая же просьба, Сыцюань? – поинтересовался Цай. – Только прикажите, все будет исполнено.

– У меня, видите ли, сват еще в прошлом году сдавал кой-какое зерно, ну и приобрел лицензию на соль, – объяснял Симэнь. – А направляют его как раз в подчиненный вам округ Янчжоу. Вот он и осмеливается обратиться к вам за содействием, не могли бы вы как-нибудь ускорить получение соли. Был бы вам очень и очень признателен.

Симэнь показал Цаю визитную карточку. «Торговцы Лай Бао^[692] и Цуй Бэнь, – читал инспектор, – давно имеют лицензию и покорно просят пособить в скорейшем получении 30 000 цзиней соли».

– О, это сущий пустяк! – воскликнул Цай.

Симэнь кликнул Лайбао. Слуга вошел в крытую галерею и опустился на колени.

– Земно кланяйся его превосходительству! – велел Симэнь.

– Придете ко мне в управление, когда я буду в Янчжоу, – сказал инспектор Цай. – Я вам устрою на месяц раньше остальных купцов.

– Как вы добры, ваше сиятельство! – воскликнул Симэнь. – И на десяток дней было бы вполне достаточно.

Инспектор спрятал визитную карточку в рукав. Шутун наполнил чарки, а певцы запели на мотив «С горы спустился тигр»:

Середина осени близка,
встреча бесконечно далека,
вечереет небо предзакатно.
Монотонный слышен в кузне стук,
зов гусей, собравшихся на юг —
и наплывами сердечной скуки

Потемнели в небе облака.
участь одинокой не легка —
нет от помыслов лекарства.
Вместе провожали лунный свет
и давали верности обет,
где теперь мне осенью согреться?
День-деньской во рту росинки нет,
стражи быют: закат, опять рассвет —
день и ночь мне не приветны.
Обещал меня беречь от бед,
миг и остывает в поле след,
ты забыл, так жди законной смерти.

Заключительная ария:

Если Небо счастье мне вернет,
К изголовью милого прийдет,
То тоска бесследно вся пройдет.
Настала пора зажигать фонари.

— Я у вас целый день отнял, — сказал Цай. — Больше не в силах чарки выпить.

Гость встал и вышел из-за стола. Слуги хотели было зажечь огонь, но их удержал Симэнь.

— Прошу вас, ваше сиятельство, — обратился он к гостю. — Пройдемте переодеться.

Они вышли в сад и, насладившись его красотой, стали подниматься к Зимородковому павильону, где были спущены бамбуковые занавеси, ярко горели в серебряных подсвечниках свечи и стоял накрытый стол.

Хайяньских актеров Симэнь велел угостить вином и закусками и, наградив двумя лянмами серебра, отпустил домой. Шутун убрал из крытой галереи посуду и запер садовую калитку.

Две ярко наряженные певицы, стоявшие у крыльца веранды, напоминали ветки цветов, колеблемые ветром. Обе опустились перед хозяином и гостем в земном поклоне.

Только взгляните:

В тонких платьях златотканых,
и пленительны, и хрупки,
Подошли и поклонились,
так, что пыль не поднималась —

Вспомнишь ту, что намочила
на заре подол у юбки,
Вместе с той, что с гор Ушаньских
после дождичка спускалась.

Увидев красавиц-певиц, инспектор замер на месте.

– О, как вы любезны, Сыцюань! – воскликнул он. – Я, право, поражен!

– Не припоминается ли вам, сударь, знаменитая прогулка в Восточные горы? – спросил Симэнь.

– Но мне не сравниться талантами с Се Анем,^[693] – говорил в ответ Цай. – Вы же, почтеннейший, возвышенны, словно Ван Сичжи.^[694]

При свете луны он взял за руки искусниц-певиц и взошел вместе с ними на веранду, восторженный не меньше, чем Лю Чэнь и Жуань Чжао^[695] в горах Тяньтайских. Заметив бумагу и тушь, он тотчас же взял кисть и пожелал в стихах запечатлеть нахлынувшие чувства. Симэнь велел Шутуну подать тушь, погуще ее растереть дуаньсийским камнем и достать узорной бумаги. С талантом первого лауреата Империи инспектор Цай едва присел под лампой, и тотчас же заиграла в его руке кисть, из-под которой без единой задержки появлялись драконы и змеи. Вмиг были готовы стихи.

Они гласили:

Со дня последнего свиданья
шесть долгих лун уже уплыли.
Бумага с кистью на веранде
лежат и ждут не сей поры ли?
Пролился дождь, и в сад блаженства
передо мной врата открылись:
Внезапно с дуновеньем ветра
волшебницы в цветах явились.
Когда роскошный пир в разгаре,
то стражи словно бы короче,
Когда стихи почти готовы,
то и совсем уж дело к ночи.
Я уезжаю, но надеждой
на встречу сердце лишь и живо.
Вот только кто же мне подскажет,
когда наступит день счастливый?

Цай велел Шутуну приклеить стихи на стену в память о его приезде.

– А как вас зовут? – обратился инспектор к певицам.
– Меня – Дун Цзяоэр, а ее – Хань Цзиньчуань, – был ответ.
– А как вы прозываетесь? – расспрашивал Цай.
– Мы всего лишь безвестные певицы, – говорила Дун Цзяоэр. –
Какие у нас могут быть прозвания?!

– Ну, не скромничайте! – допытывался инспектор.
– Меня называют Яшмовая певица, – сказала, наконец, Хань Цзиньчуань.

– А меня – Фея роз, – отвечала ее подруга.

Цаю это прозвание очень понравилось и запало в память. Он велел Шутуну принести шашечный столик и начал партию с Дун Цзяоэр, а Симэнь с Цзиньчуань поднесли им по золотой чарке вина. Шутун хлопнул в ладоши и запел на мотив «Яшмового неньюфара»:

Ветер восточный,
разносится пух тополей.
Пряны и сочны
ростки молодых орхидей.
Возле ступеней
лианы послушная вязь.
Это веселье —
весны ароматная власть.
Это качели
на небе кружатся, смеясь...
Путь мой не горек
среди наслаждений и снов.
Вам винный погреб
милей бархатистых цветов?

Инспектор выиграл партию. Дун Цзяоэр выпила чарку и тотчас же поднесла победителю. Хань Цзиньчуань угостила Симэня, и они выпили за компанию. Шутун запел на тот же мотив:

Южные вихри,
срываясь, бананы летят.
Хлёсткие вина
на лилиях белых блещут.
Танцем желанья
заманит красotka,
Как Сяомани^[696]
нежнейшей чечётка.
Чудным дурманом

витая прическа...

В эти мгновенья

кто сдержит неистовый пыл?

Без промедленья

лови – не скучай у перил!

Осушив чарки, они снова принялись за игру. Выиграла Дун Цзяоэр и поспешно поднесла Цаю вина. Симэнь выпил с ним за компанию. Шутун запел на тот же мотив:

Западным ветром

душистых кусты хризантем,

Плетью победной

взлетел виноград выше стен.

Ищет Ткачиху

ночной Волопас в поле Млечном,^[697]

Жалобно, тихо

стрекочет последний кузнечик.

На сердце лихо,

промокло дождями крылечко...

Девушка чахнет

от помыслов-грёз.

Тюфельки в пятнах

от непросыхающих слез.

– Поздно уж, Сыцюань, – сказал Цай. – Да и выпил я недостаточно.

Они вышли в сад и встали среди цветов. Была середина четвертой луны. На небе показался месяц.

– Рано еще, ваше сиятельство, – говорил Симэнь. – Еще Хань Цзиньчуань вас не угощала.

– В самом деле! Позови-ка ее, – согласился гость. – Надо ж среди цветов чарочку пропустить.

Подошла Хань Цзиньчуань с большим золотым кубком в виде персикового цветка и грациозно поднесла его Цаю, а Дун Цзяоэр угостила фруктами. Шутун хлопнул в ладоши и запел четвертый романс на тот же мотив:

Северной стужей

закружится грушевый прах.

Улей уснувший

под крышей медвяных парах.

Голая ива,
на ветке теснятся сороки,
Чувствует слива –
зимы приближаются сроки.
Дворик красиво
луной озарен на востоке.
Сердцу тоскливо,
в раздумьях становится старше.
Неторопливо
стучат одинокие стражи.

Цай осушил кубок, снова наполнил и поднес Хань Цзиньчуань.

– О, довольно вина на сегодня! – воскликнул он. – Велите слугам, Сыцюань, убрать кубки. – Инспектор взял за руку Симэня. – Вы так добры, так гостеприимны, почтенный сударь, что мне прямо-таки неловко. Только человек ученый, каковым являетесь вы, может быть так любезен и щедр. Я всегда помню о помощи, которую вы мне оказали в прошлый раз. О ней я говорил Юньфэну. Если же мне посчастливится получить повышение, даю слово, не останусь перед вами в долгу.

– О чем вы беспокоитесь, ваше сиятельство! Даже не напоминайте мне об этом, прошу вас.

Инспектор Цай взял за руку Дун Цзяоэр, и Хань Цзиньчуань, сообразив в чем дело, удалилась в дальние покои к Юэнян.

– Почему ж ты ушла? – спросила ее хозяйка.

– Он сестрицу Дун позвал, – отвечала, улыбнувшись, Цзиньчуань. – Мне там делать нечего.

Немного погодя Симэнь пожелал гостю спокойной ночи, позвал Лайсина и наказал, чтобы тот вместе с поварами утром же, в пятую стражу, отнес в монастырь Вечного блаженства коробки с кушаньями и закусками, вином и сладостями.

– Его сиятельству проводы будем устраивать, – пояснил он. – Да, смотри не забудь певцов позвать.

– А кто дома останется? – спросил Лайсин. – Ведь завтра у матушки Второй день рождения.

– Пусть Цитун что надо закупит, а готовить могут и повара общей кухни.

Шутун с Дайанем убрали посуду и, взяв кувшин лучшего чаю, отправились в Зимородковый павильон, чтобы угостить инспектора.

В кабинете, тщательно прибранном, стояла приготовленная гостю кровать. Цай обратил внимание на крапленный золотом бамбуковый

веер, который держала Дун Цзяоэр. На нем был изображен спокойный ручей, вдоль которого цвели орхидеи.

– Простите за беспокойство, – обратилась к инспектору певица. – Будьте добры, подарите мне стихи на веер.

– О чем же написать? – раздумывал вслух Цай. – А? Посвящу Фее роз, каковою ты прозываешься.

И, охваченный вдохновением, он сел к лампе, взял кисть и написал на веере четверостишие:

Во дворик вечер тишину принес,
Взошла луна – в окошке блики света,
В тот час внезапно встретил Фею роз
Влюбленный гость, в лиловое одетый.

Дун Цзяоэр поспешила поблагодарить Цая Юня, и они легли. Шутун, Дайань и слуги инспектора легли в комнате рядом, но об этом говорить не будем.

Утром инспектор поднес Дун Цзяоэр красный конверт с ляном серебра. Певица пошла в дальние покои и показала вознаграждение Симэню.

– На жалованье живет! – усмехнулся Симэнь. – Где ж ему большие деньги отваливать! И на том спасибо говори.

Он велел Юнян и остальным женам дать певицам по пять цяней и выпустил в задние ворота. Шутун принес хозяину воды. Симэнь, покончив с утренним туалетом, вышел в большую залу, где им с гостем подали рисовый отвар. Слуги с паланкином и лошадьми ждали инспектора у ворот. Прощаясь с хозяином, гость еще и еще раз благодарил его за гостеприимство.

– Ваше сиятельство, – обратился Симэнь, – будьте добры, попомните, о чем я вас просил вчера. Как только вы прибудете на место, я вам на всякий случай напишу письмо.

– Не утруждайте себя отправкой послания, прошу вас, – уговаривал его инспектор. – Достаточно мне будет записки от слуги, и я сделаю для вас все, что в моих силах.

Они сели на коней и в сопровождении слуг выехали за город в монастырь Вечного Блаженства, где в келье настоятеля их ждал приготовленный Лайсином и поварами прощальный обед. Пели им певцы Ли Мин и У Хуэй. После нескольких чарок Цай поспешно встал. Лошади и паланкины ожидали его у монастырских ворот. Перед его отбытием Симэнь заговорил о Мяо Цине.

– Это мой приятель, – объяснил он. – Здесь было все улажено, но

его облыжно обвинил прежний цензор Цзэн, и ордер на арест теперь, должно быть, получен в Янчжоу. Если вы встретитесь с его сиятельством Суном, замолвите за Мяо Цина словцо, очень вас прошу. Буду вам сердечно признателен.

– На этот счет можете не волноваться, – отвечал Цай. – Непременно передам брату Суну, и в случае чего ваш приятель будет выпущен на свободу.

Симэнь кланялся в знак благодарности инспектору.

Да, дорогой читатель, некоторое время спустя цензор Сун по пути в Цзинань опять очутился на том же судне, что и инспектор Цай. Мяо Цин был уже задержан и находился под стражей.

– К чему вам заниматься Мяо Цином? – спросил его Цай. – Ведь дело заводили не вы, а Цзэн.

Вот так Мяо Цина выпустили на свободу, а в Дунпинское управление спустили приказ о немедленном осуждении лодочников. Слуга Аньтун обрел свободу.

Да, говорят, человек предполагает, а Небо располагает.

А вот и стихи, говорящие о вреде кумовства:

У правды с кумовством всегда расходятся пути,
Услужливость и правый суд вовек несовместимы.
Коль честно правду отстоишь – о дружбе не грусти,
А по-приятельски решишь – бежишь ты правды мимо.

Дунпинский правитель Ху Шивэнь, надо сказать, получил впоследствии от Симэня и Ся Лунси соответствующее предписание и постарался угодить как только мог.

Симэнь намеревался проводить инспектора Цая на корабль, но тот его решительно остановил.

– Не утруждайте себя, почтенный, прошу вас! Простимся тут.

– Берегите себя! – напутствовал Симэнь. – Благополучного вам плаванья! Я слугу пришлю справиться о вашем прибытии.

Инспектор отбыл в паланкине, а Симэнь вернулся в келью. Вышел в монашеской шапке и рясе настоятель. За ним следовал юный послушник с чаем в руках. Угощая Симэня, оба сложенными руками приветствовали гостя, он поклонился им в ответ.

– Сколько вам лет, почтенный отец? – спросил Симэнь, глядя на сросшиеся у переносицы, белые как снег брови старца.

– Семь с половиной десятков.

– О, вы еще такой бравый для своих лет, – заметил Симэнь. – Позвольте узнать ваше монашеское имя.

– В монашестве я зовусь Даоцзянем,^[698] – молвил настоятель.

– Много у вас послушников?

– Всего двое, – отвечал Даоцзянь. – А в монастыре живут до тридцати посвятивших себя монашескому подвигу.

– Да, монастырь ваш велик и обширен, – заметил Симэнь. – Поправить бы его не мешало.

– Сия обитель, скажу я вам, сударь, – начал настоятель, – была возведена милостивым господином Чжоу Сю, что часто к вам заглядывают. А в ветхость пришла за неимением средств.

– О, это, оказывается, и есть обитель спасения почтенного Чжоу, столичного воеводы! – воскликнул Симэнь. – То-то, помнится, и его поместье отсюда недалеке. Не печальтесь, отец! Попросите господина Чжоу, пусть откроет лист пожертвований, а добродетели найдутся. Да и я для святой обители денег не пожалею.

Даоцзянь, поспешно сложив на груди руки, благодарил Симэня, а тот велел Дайяню достать лян серебра.

– Простите, побеспокоили мы вас, отец настоятель, – извинялся Симэнь, протягивая серебро.

– На нас просим не быть в обиде, – отвечал настоятель. – О вашем прибытии не знали, а то бы трапезу как-нибудь устроили.

– Можно пойти переодеться? – спросил Симэнь.

Настоятель велел послушнику открыть дверь во внутренние покои. Симэнь пошел переодеваться и обнаружил за ними обширную залу из пяти отсеков для свершения молитв и медитации, где собралось немало странствующих монахов. Они читали священные сутры, время от времени ударяя в деревянную рыбу.^[699] Симэнь, сам того не замечая, очутился в зале и огляделся. Взор его особенно привлек один диковинного и свирепого вида монах. Глубоко сидящими глазами он напоминал леопарда, цветом лица – лиловую печень. Голову ему обтягивал желтоватый, как цыплячий пух, обруч, а одет он был в кроваво-красную длинную рясу. Щетинистые спутанные усы закрывали ему весь подбородок, ярко блестела бритая голова с шишкообразным выступом на лбу. Словом, причудливой наружностью он напоминал либо живого архата, либо пожирающего огонь одноглазого дракона из дерева. На седалище для медитации он скрючился и застыл в состоянии самадхи.^[700] Его голова свисала, шея была втянута в плечи, из ноздрей тянулись струи, как нефритовые палочки для еды. «Да, этот, судя по небывалой внешности, – почтенный монах и может чудеса творить, – подумал Симэнь. – А ну-ка, попробую привести его в чувство да и распрошу».

– Откуда родом, почтенный монах? – спросил он. – Из каких краев и куда странствуешь?

Симэнь спросил раз, спросил другой. Монах молчал. Симэнь в третий раз повторил вопросы. И только тогда на своем седалище для медитации монах выпрямился, потянулся, приоткрыл один глаз, подпрыгнул и закивал Симэню головой.

– А зачем тебе знать? – проговорил он хриплым голосом. – У бедного монаха в пути имя не спрашивают, а на месте оно не меняется. Я из Западных краев, из царства Индийского пришел. Есть там дремучий сосновый бор, есть поясничная вершина, а на ней Обитель Холода. Вот оттуда и странствую. Снадобьями лечу, недуги изгоняю. А тебе, чиновный человек, что от меня нужно?

– Раз снадобьями пользуешь, хочу попросить у тебя что-нибудь подкрепляющее мощь телесную. Найдется такое?

– Как же! Как же! – закивал чужеземный монах.

– Тогда, может, ко мне пойдем? – пригласил Симэнь. – Пойдешь?

– Пойду, пойду.

– Тогда в путь! – предложил Симэнь.

Чужеземец встал, взял стоявший рядом железный посох и закинул за спину кожаную суму, из которой торчали две тыквы-горлянки со снадобьями. Они вышли из монастыря, и Симэнь велел Дайаню нанять пару ослов.

– Повезешь отца наставника домой, – распорядился хозяин, – а я немного погода подъеду.

– Нет, чиновный человек, сам на коня садись, – возразил монах, – а я и пешечком скорей тебя доберусь.

«Да, по речам вижу, чудеса может творить этот почтенный монах», – подумал Симэнь и, опасаясь, как бы не упустить странника, наказал Дайаню неотступно следовать за ним до самого дома, а сам сел на коня и в сопровождении слуг направился в сторону города.

Был семнадцатый день четвертой луны. В этот день родились и Ван Шестая, и Ли Цзяоэр. Поздравить Цзяоэр собрались гости, а у Ван Шестой никого не было. После обеда она послала за Симэнем брата Ван Цзина. Ему было велено дождаться у ворот Дайаня и через него пригласить хозяина.

Дайань не показывался, и Ван Цзин простоял у дома добрую стражу. Наконец, из ворот вышли Юэнян с Ли Цзяоэр. Проводив к паланкину хозяйку веселого дома матушку Ли, они заметили паренька. Было ему лет пятнадцать, и на голове торчали хохолки.

– Тебе кого? – спросила Юэнян.

– Я от Ханей пришел, – отвечал Ван Цзин. – Мне бы с братом Анем повидаться.

– Каким Анем? – недоумевала Юэнян.

Оказавшийся рядом Пинъань испугался, как бы парень не выдал Ван Шестую, и вышел вперед.

– Он от приказчика Ханя, – пояснял Пинъань, загораживая паренька. – Ему у Дайаня велели спросить, когда придет приказчик Хань.

Юэнян ничего не сказала и скрылась в воротах.

Немного погодя к дому подошли Дайань и чужеземный монах. Слуга обливался потом, ноги у него ломило. Он проклинал все на свете. Монах же чувствовал себя отлично, как ни в чем не бывало, даже не запыхался.

Пинъань рассказал Дайаню о Ван Цзине, пришедшем с приглашением от Ван Шестой.

– Тут матушка Старшая из ворот показалась, – докладывал Пинъань, – тетушку Ли к паланкину провожает. Гляжу, Ван Цзин как ни в чем не бывало подходит к ней и поклон земной кладет. «Я, говорит, от Ханей». Хорошо я подоспел, в сторону его отозвал. Его, говорю, от приказчика Ханя послали узнать, когда тот вернется. Матушка промолчала, так что тайна осталась тайной. Гляди, не проговорись, если спросит.

Дайань шел, выпучив глаза и непрестанно обмахиваясь веером.

– Вот подвезло мне так подвезло! – говорил он. – И надо ж было этого плешивого арестанта подсунуть! В такую даль вести пришлось! От самого монастыря пешком, без единой передышки. Аж дух захватило! Батюшка осла велел нанять, так этот разбойник, не надо, говорит, и так дойду. А у меня уж ноги не шагают. Туфли вон хоть сейчас бросай. Все ноги намял. Вот задал работенку!

– А зачем его батюшка позвал-то? – спросил Пинъань.

– А я откуда знаю! Какое-то снадобье у него просит.

На улице послышались окрики. К воротам подъехал окруженный свитой Симэнь.

– Наставник, вы и в самом деле святой среди смертных! – воскликнул он, увидев у дома монаха. – Все-таки опередили меня.

Симэнь проводил чужеземца в большую залу и предложил кресло, потом позвал Шутуна. Тот помог хозяину раздеться и подал домашнюю шапочку. Симэнь сел рядом с монахом, который оглядывал высокую и обширную залу, просторный и тихий двор, зеленого цвета дверные занавеси из бамбука, переплетенного «усами

креветок», украшенные жемчужинами, с узорами, напоминающими панцирь черепахи, расстеленный по всему полу шерстяной ковер, на котором были изображены играющие с вышитыми мячами львята, стоявший посреди залы четырехугольный черный стол, на ножках которого были вырезаны стрекозы, а по краям – богомолы. На столе покоился окаймленный ажурным орнаментом круглый экран из далийского мрамора с подставкой в виде горы Сумеру,^[701] символизирующий трон Будды. Вокруг стола были расставлены массивные кедровые кресла с резьбой, изображавшей играющих угрей. На стенах с обеих сторон висели писанные на шелку картины-свитки, прикрепленные к бамбуковым стержням с агатовыми наконечниками.

Да,

Там крокодиловых бой барабанов –
ритмом наполнились зала,
И от напитков и фруктов румяных
ломится стол из сандала.

– Вы вино употребляете, наставник? – спросил Симэнь монаха, когда тот оглядел все вокруг.

– И вино пью, и от мяса не отказываюсь, – отвечал чужеземец.

Симэнь распорядился, чтобы постного не готовили, а подавали вино и закуски. Съестного же по случаю дня рождения Ли Цзяоэр припасено было вдоволь.

Накрыли стол. Сперва на нем расставили четыре подноса фруктов, четыре овощных блюда и закуски к вину: рыбу, маринованную утку, жареную курицу и окуня. Затем к рису подали поджаренные с луком мясные фрикадельки, нарезанное тонкими круглыми ломтиками мясо, жирные бараньи колбаски и блестящих скользких угрей. Немного погодя появился суп, гарнированный причудливой формы яркой колбаской и мясными фрикадельками, который назывался «Игра дракона с жемчужинами». На огромном подносе лежали грудой пирожки с начинкой, открытые сверху.

Симэнь потчевал монаха то тем, то другим, а потом велел Циньтуну принести кувшин с круглой ручкой, клювом-носиком и изогнутым, как у петуха, горлышком. Слуга откупорил красный янчжоуский сургуч, и из горлышка так и хлынуло пенистыми струями вино. Им наполнили высокий кубок-лотос и поднесли монаху. Тот выпил вино залпом.

Подали новые кушанья: мелкие сосиски и маринованные гусиные

горлышки. К вину монаху предложили поднос крапчатого винограда и поднос сочных слив с красной мякотью. Наконец принесли огромное блюдо лапши с угрями и голубцов. Пока на столе оставалось съестное, монах уписывал за обе щеки.

– Хватит! Сыт и пьян! – наконец сказал он, и глаза его, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Симэнь велел унести стол и попросил у монаха снадобье, помогающее в любовных утехах.

– Есть у меня одно такое, – отвечал чужеземец. – Сам Лао-цзы готовил, Мать Владычица Запада^[702] рецепт сообщила. Недостойному средство это не дается. Только избранные обретают. Радужно ты меня принял, чиновный человек, вот я тебе и уделю несколько пилюль.

Чужеземец полез в суму, вынул горлянку, наклонил ее, и на стол высыпалось более сотни пилюль.

– По одной в раз принимай, никак не больше! – наказывал он. – С подогретым вином.

Он взял другую горлянку и достал комочек розовой мази, весом не больше двух цянней.

– По два ли^[703] бери, никак не больше! – продолжал монах. – При слишком сильном возбуждении двумя руками разомни то, что следует, с обеих сторон над бедрами и осторожно встряхни не менее сотни раз, а затем можно и к делу приступать. Но смотри, принимай скупое и никому не давай.

– Хотел бы узнать, – обеими руками собирая снадобье, обратился к чужеземному монаху Симэнь, – как же оно все-таки действует.

Монах ему на это сказал:

– По форме похоже на куриное яйцо, по цвету – желтое, словно гусенок. Лао-цзы трижды выпаривал, сама Мать Владычица Запада рецепт вручила. По виду будто прах или помет, на деле самоцветов дороже. Нельзя за золото добыть, а нефрит перед ним – что булыжник. Хоть в пурпур облачайся и златом опоясывайся, живи в высоких хоромах-палатах, в шубах гуляй, на сытых конях гарцуй, обладай талантами, служи опорой страны; но достаточно будет с помощью подруги заправить это снадобье внутрь, чтобы ветром влететь в брачный покой. В этом таинственном гроте не проходит весна и присущее вещам постоянно цвести. Там нерушимы нефритовые горы, ночами излучают свет киноварные поля.^[704] В первом поединке ощутишь подъем духа и семени, в повторном бою укрепишь пневму и кровь.^[705] Ограничения исчезнут в любовном наслаждении. Пусть дюжина прелестниц разодетых предстанет пред тобой – резвясь по

моему рецепту, за целую ночь не притупишь могучее копьё. Снадобья прием оздоровит и селезенку, и желудок, наполнит силой почки и сосредоточье ян.^[706] Сотни дней не поседеет и волос, тысячи суток бодрость пребудет в членах. Окрепнут зубы, и зорче станет глаз, а сосредоточье ян усовершенствуется. Коли не веришь, сударь, в чудесную силу состава, проверки ради посыпь коту с едою. Три дня пройдут в безмерном блюде, потом его охватит сильный жар. Кот из белого станет черным, не сможет ни испражняться, ни мочиться и испустит дух. Летом ложись под ветерок, зимою ванны принимай. Но если извержение семени утратит меру, то оплешивеешь и исчерпаешь жизненную силу. Только до полутора ли враз принимай и выйдешь несгибаемым из битвы. И после ночи, проведенной с десятком женщин, семенной силы в тебе не убудет. Соперницы в летах нахмурят брови, распутницы не выдержат напора. Когда ж усталость одолеет, оружие сложи и схватку прекрати. Холодную водой рот сполосни, и семенная сила в сосредоточье ян разыграет, чтобы продлить утехы до утра. Весенним цветом.^[707] наполнится ароматная спальня. Даю я снадобье тому лишь, кто понимает толк^[708] Да укрепит и сохранит оно тебя навек!

Выслушал монаха Симэнь, и захотелось ему узнать рецепт такого снадобья.

– Врача приглашают лучшего, на лекарство спрашивают рецепт, – говорил Симэнь. – Вы, наставник, так и не дали мне рецепта. Где ж вас разыскивать, когда все выйдет? И скажите, наставник, сколько я вам должен?

Симэнь велел Дайаню принести двадцать лянов серебра и еще раз попросил рецепт.

– Я покинул мир смертных, – заявил чужеземный монах. – К чему мне серебро, когда я странствую по всему свету?! Убери!

Он встал, собираясь уходить.

– Если вы не берете денег, я вам дам кусок грубого полотна длиной в четыре чжана,^[709] – предложил Симэнь, видя, что монах не собирается раскрыть ему рецепт снадобья.

Симэнь велел подать полотно и обеими руками преподнес его монаху. Тот сложил руки и, поблагодарив хозяина, направился к двери.

– Скупое принимай! – наказывал он. – Смотри, остерегайся, ох, как остерегайся!

Монах закинул на спину суму, взял в руку посох и исчез за воротами.

Да,

На посохе своем несет
диск солнца и луны.
Пешком в сандалях обойдет
все девять зон страны.^[710]

Тому свидетельством стихи:

В Священные земли был послан индийский монах,
Мешок за плечами, а чаша и посох – в руках.
Какой образ жизни теперь не веда, человек,
Увы, без забот не сумеешь прожить ты свой век.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

ЦИНЬТУН ПОДСЛУШИВАЕТ СЛАДОСТНЫЙ ЩЕБЕТ ИВОЛГИ

ДАЙАНЬ ИДЕТ РАЗВЛЕКАТЬСЯ В ПЕРЕУЛОК БАБОЧЕК

*Нам дарит щедрая природа свои румяна,
Дыханью ветерка с востока смеемся пьяно.
Предел всем радостям возможным
достойный знает,*

*Но никаких границ распутник знать не
желает.*

*И притязания красоток подчас безмерны:
К мужчинам льнут, их страсти будят –
как это скверно!*

*Соблазнов много в бренном мире, невзгод
немало.*

*Навек уйти к зеленым рощам есть смысл,
пожалуй! ...*

Итак, настал день рождения Ли Цзяоэр. Монахиня Ван из монастыря Гуаньинь пожаловала вместе с монахиней Сюэ из монастыря Лотоса, которая привела с собою двух послушниц – Мяофэн и Мяоцзюй.

Услыхав о прибытии наставницы Сюэ – монахини, известной своим подвижничеством, Юэнян поспешила ей навстречу. Высокая и полная монахиня была в длинной чайного цвета рясе. Наголо обритую голову ее прикрывала чистая монашья шапочка, а отвисший подбородок делал похожей на раскормленную свинью. Сюэ сложенными руками приветствовала вышедших хозяек.

– Вот, матушка, хозяйка, – указывая на Юэнян, сказала ей мать

Ван.

Юэнян и остальные хозяйки поспешно отвесили ей земные поклоны. Монахиня то вдруг вздымала брови, оглядывая хозяек пронизательным взором, то напускала на себя важный вид и начинала говорить как по писаному, чеканя каждое слово. Хозяйки, обращаясь к ней, называли ее почтенной матерью Сюэ, она же величала Юэнян то бодхисаттвой^[711] в миру, то досточтимой сударыней. С особым благоговением относилась к монахине Юэнян.

В гости пришли также старшая невестка У и золовка Ян. Юэнян распорядилась подать чай. Большой стол ломился от изысканных постных яств и солений, овощных кушаний и всевозможных сладостей. Угощение на сей раз было отменное, совсем не похожее на те, какие устраивались обычно. За столиком неподалеку от наставницы закусывали послушницы Мяоцуй и Мяофэн, скромные девицы, которым было не больше четырнадцати или пятнадцати лет.

После чаю все прошли в покои Юэнян, где она, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь, Ли Пиньэр и дочь Симэня внимательно слушали проповедь монахини Сюэ.

Между тем Хуатун принес из передней залы посуду.

– Ушел монах, который ест скоромное и пьет вино? – спросила, завидев слугу, хозяйка.

– Батюшка только что проводил, – отвечал Хуатун.

– Где ж это такого монаха разыскали? – поинтересовалась госпожа У.

– Хозяин инспектора Цая провожал, – поясняла Юэнян, – из загородного монастыря и привел. Мясо ест и вино пьет. Какое-то снадобье хозяину оставил. Давали деньги – не берет. Что за монах такой, ума не приложу. Целый день за столом просидел.

– Отказ от скоромного – заповедь нелегкая, – услышав их разговор, начала наставница Сюэ. – Мы, монахини, еще блюдем сей завет, монахи же на него рукой махнули. А ведь в Великой Сокровищнице Канонов^[712] сказано: за каждый кусок и за каждый глоток взыщется в жизни грядущей.

– А мы вот каждый день мясо едим, – заметила старшая невестка У. – Сколько же греха на душу принимаем!

– Вы, почтенные бодхисаттвы, совсем другое дело, – успокаивала монахиня. – Вы подвигами предшествующей жизни вашей себе благоденствие и обилие снискали. Да пожнет урожай только тот, кто по весне сеял.

Но не будем передавать их разговор, а расскажем о Симэнь Цине.

Когда он проводил чужеземного монаха, к нему обратился Дайань.

– Тетушка Хань своего брата сюда присылала, – зашептал слуга. – У нее день рождения, вас зовет, батюшка.

Симэнь и без того горел желанием испробовать снадобье.

Приглашение подоспело как нельзя кстати, и он приказал Дайаню седлать коня, Циньтуну – отнести кувшин вина, а сам забрал из спальни Цзиньлянь узелок с приспособлениями для утех, надел легкое платье и, укрыв лицо глазной повязкой, в сопровождении Дайяня направился к Ван Шестой. Спешившись у ворот, он распорядился, чтобы Циньтун оставался при нем, а Дайаню велел верхом скакать домой.

– Будут спрашивать, – наказывал Симэнь, – скажешь: на Львиной, мол, счета подводит.

– Слушаюсь! – отозвался Дайань и, вскочив на коня, поспешил домой.

Вышла Ван Шестая в бледно-зеленой безрукавке, легкой летней кофте и юбке, отделанной по поясу белой бахромой. Ее прическу держали серебряная сетка и золотые шпильки, формой похожие на улиток. Жемчужные серьги и украшения из перьев зимородка обрамляли овал лица. Ван Шестая отвесила Симэню земной поклон и присела рядом с ним.

– Я пригласила вас, батюшка, посидеть и отдохнуть, – говорила она. – Благодарю за вино.

– Я только что за городом был на проводах, – объяснил Симэнь. – Про твоё рожденье совсем было забыл.

Он вынул из рукава пару шпилек и преподнес ей.

– Желаю тебе многих лет жизни!

Она приняла подарок и стала рассматривать. Это была пара золотых шпилек с выгравированными на них знаками долгоденствия.

– Какие красивые! – воскликнула она и в знак благодарности поклонилась Симэню.

– Вели слуге отвесить пять фэней, – наказывал Симэнь, протягивая ей пять цянней серебра. – Пусть кувшин южной горькой принесет.

– Что, батюшка, вино вам, видать, надоело? – засмеялась Ван. – Горькой захотелось.

Она тотчас же отвесила пять фэней и послала Циньтуна в лавку, а сама помогла гостю раздеться и провела в спальню. Она помыла руки, подрезала ногти и очистила орехи, а служанке велела заварить лучшего чая. В спальне был накрыт маленький столик и подан чай. Они поиграли немного в домино, потом подали южную горькую с

закусками, но тут мы их и оставим.

Расскажем о Дайане. Подъехал он к дому совсем усталый. Монах измучил его до того, что едва он добрался до комнаты, как повалился и заснул. Когда он проснулся и протер глаза, уже вечерело. Пора было зажигать фонари. Он бросился в дальние покои за фонарем, намереваясь встретить хозяина, но почему-то остановился в задумчивости.

– Почему батюшка не зашел переодеться? – спрашивала его Юэнян. – Проводил монаха и куда-то исчез. Где ж он теперь пирует?

– Батюшка на Львиной счета подводит, – обманул Дайань хозяйку.

– Так целый день за счетами и сидит!

– Нет, после счетов вина попросил подать, – сочинял слуга.

– Значит, один пирует! – возмутилась Юэнян. – Не будет он один сидеть! Ложь ты говоришь, по глазам вижу. Ответь, зачем от Ханей слуга приходил, а?

– Спрашивал, когда дядя Хань вернется, – невозмутимо отвечал Дайань.

– Что ты, арестантское твое отродье, зубы-то мне заговариваешь! – заругалась хозяйка. – Скажи, у матушки Второй, мол, день рождения, – наказала она Дайаню. – Дома, скажи, ждут.

Сяоюй подала Дайаню фонарь, и он направился в лавку. Там за прилавком разместились Шутун и приказчик Фу. Перед ними стояли кувшин вина, тарелки с закусками и блюдо потрохов. Пинъань принес две банки маринованной рыбы. Дайань появился в самый разгар пирушки.

– Как хорошо! – воскликнул он, ставя на пол фонарь. – Вовремя, выходит, подоспел. А ты что тут делаешь, распутная бабенка? – спросил он, посмеиваясь, Шутуна. – Я тебя обыскался, а ты вон где, оказывается, скрываешься. Пируешь, значит?

– Это зачем же я тебе понадобился? – спросил Шутун. – Может, захотелось внуком моим приемным заделаться, а?

– Ты еще смеешь отговариваться, деревенщина! – накинулся на него Дайань. – Чтобы тебя в задницу пырять, вот зачем!

Он перегнулся через стул и поцеловал Шутуна.

– Я б тебе сказал, негодник! – ругался Шутун. – Ишь, навалился! Шапку сбил. Так-то и зубы выдавишь.

– Пинъань! – крикнул приказчик Фу, заметив новую шапку на полу. – Шапку возьми, а то, чего доброго, затопчут.

Шутун подхватил шапку и бросился на кан. У него так и зарделось все лицо.

– Мне тебя, потаскушку, разжечь хотелось, а ты злишься, – проговорил Дайань и, повалив Шутуна на кан, плюнул ему прямо в рот.

Дайань опрокинул вино, и оно разлилось по прилавку. Приказчик Фу стал поспешно вытирать прилавок, опасаясь, как бы не подмокли счета.

– Хватит шуток! – крикнул он. – Долго ль до греха!

– Интересно, у кого это ты такие замашки перенимаешь, потаскушка, – продолжал Дайань. – Ишь, какой строптивый!

У Шутуна торчали всклокоченные волосы.

– Шутки шутками, но зачем же мерзкой своей грязью в рот человеку харкать?!

– Да тебе, деревенщина, не впервой грязь-то глотать, – говорил Дайань. – Сколько переглотал, сколько еще глотать предстоит!

Пиньань подогрел вина и поднес Дайаню.

– Пропусти чарку, – сказал он, – да скорей за батюшкой ступай. Потом поговорите.

– Дай батюшку встретить, – пригрозил Дайань. – Я с тобой еще поговорю. Я тебе покажу! Будешь меня стороной обходить, сопляк плюгавый. А плевок – это цветочки.

Дайань выпил вина, позвал из сторожки двоих слуг-подростков. Те взяли фонарь, а он вскочил на лошадь и направился к Ван Шестой.

Прибывшие постучали в ворота. Их впустили.

– Хозяин где? – спросил Циньтуна Дайань.

– Спят, – отвечал тот и запер ворота.

Оба прошли в кухню.

– А! Наконец-то и Дайань пожаловал! – встретила их старая Фэн. – А тебя тетушка Хань ждала. Вот и закусочку оставила.

Старуха полезла в буфет и достала оттуда блюдо ослиного мяса, блюдо копченой курятины, две чашки праздничной лапши и кувшин вина. Дайань принялся за еду.

– Поди-ка сюда, мне одному не выпить, – немного погодя позвал он Циньтуна. – Давай вместе разопьем.

– Это тебе оставили, сам и пей, – отозвался тот.

– Да я только что дома выпил.

Циньтун присел за компанию.

– Мамаша! – крикнул Дайань, выпив вина. – Я тебе что сказать хочу, только не сердись. Ты, я гляжу, то матушке Шестой прислуживала, а то уж для тетушки Хань стараешься. Погоди, я вот матушке Шестой про тебя скажу.

Фэн шлепнула Дайаня по плечу.

– Ах ты, пострел! – ворчала она. – Чтоб тебе провалиться совсем. Смотри, молчи у меня. Матушка узнает, всю жизнь на меня в обиде будет. Я тогда и показаться к ней не посмею.

Пока Дайань разговаривал со старой Фэн, Циньтун подкрался под окно спальни, чтобы подслушать да поглядеть, что там делается.

Симэнь запил горькой пилюлю чужеземного монаха, разделся, и они с Ван Шестой легли на кровать. Потом Симэнь развернул узелок. Первым делом он приспособил серебряную подпругу и серное кольцо, потом достал из серебряной коробочки полтора ли розовой мази. Снадобья действовали, да с такой силой, что его предмет достиг размеров поистине устрашающих. Симэнь пришел в восторг.

«Не зря, оказывается, монах так расхваливал!» – подумал он.

Раздетая Ван Шестая, сидевшая у него на коленях, ухватила рукой за копье.

– Вот ты, выходит, для чего горькую-то просил, – сказала она. – Откуда ж у тебя такое снадобье?

Симэнь без лишних подробностей рассказал о встрече с чужеземным монахом, велел ей лечь на спину и, опершись спиной о подушки, взял свой «метлы черенок» и вставил в надлежащее место. Головка была слишком большой, поэтому пришлось долго проталкивать, чтобы она вошла во влагалище. Через некоторое время из женщины потекло так, что он полностью утонул в ней. Под влиянием винных паров Симэнь Цин усиленно работал, то немного вынимая, то глубоко всаживая обратно и чувствуя невыразимое наслаждение.

Ван Шестая, казалось, опьянела от страсти. Обессиленная и неподвижная, лежа на подушках, она непрерывно бормотала:

– Милый, ты слишком большой сегодня, я, развратная женщина, могу умереть от тебя.

И немного погодя она прошептала:

– Молю тебя, во что бы то ни стало, погоди немного, тебе еще придется поработать в заднем дворе.

Симэнь Цин перевернул Ван на кровати лицом вниз и продолжил игру. Поддерживая ноги женщины, Симэнь Цин изо всех сил давил на нее, и звуки, возникавшие от давления, слышались непрерывно.

– Дорогой, дави хорошенько меня, распутницу, не прекращай, а еще попрошу тебя – принеси свечу, при свете забавляться еще лучше.

Симэнь Цин пододвинул свечу поближе. Он велел женщине лечь под него и, раздвинув ноги, сам сел сверху, стал притягивать ее ноги к

себе и, опускаясь на корточки, поднимать их. Ван Шестая внизу одной рукой поглаживала свое влагище, загибала ноги и двигалась в направлении Симэнь Цина, непрерывно издавая стонущие звуки.

– Как воротится твой муженек, я его с Лайбао и Цуй Бэнем в Янчжоу за солью пошлю, – говорил Симэнь. – А соль продадут, в Хучжоу отправлю, за шелком. Как ты на это смотришь?

– Куда хочешь, туда и отправляй, мой милый, – отвечала Ван. – Лишь бы дома без дела не сидел, рогатый. Да! А кто же в лавке будет?

– Бэнь Дичуаня можно поставить, – говорил Симэнь. – Пусть за него торгует.

– Ну и ладно! – соглашалась она. – Пусть Бэнь торгует.

Они и не подозревали, что их подслушивал и подсматривал, к великому своему удовольствию, Циньтун.

Между тем из кухни вышел Дайань.

– Чего ты тут подслушиваешь? – шлепнув по плечу Циньтуна, сказал он. – Пойдем лучше прогуляемся, пока они не встали.

Они вышли на улицу.

– Знаешь, сзади в переулке хорошие девочки появились, – говорил Дайань. – Я на лошади мимо дома Лу Длинноногого проезжал и видел. Одну зовут Цзиньэр, другую – Сайэр. Лет по семнадцати, не больше. Малышей здесь оставим, а сами туда заглянем. – Дайань кликнул слуг-подростков: – Вы тут поглядите, а мы ненадолго отлучимся по нужде. Если понадобится, сзади в переулке поищите.

Светила луна, когда оба вышли за ворота. Надобно сказать, что направились они прямо в веселый дом в переулке Бабочек, который сплошь состоял из таких домов, и насчитывалось их больше дюжины.

Подвыпивший Дайань долго стучался в дверь. Наконец ему открыли. За столом под лампой хозяин Лу Длинноногий со своей женой, содержательницей дома, взвешивал на желтом безмене серебро.

Едва завидев демонами ворвавшихся в комнату Дайаня и Циньтуна, они сейчас же задули лампу. Хозяин узнал Дайаня, доверенного слугу надзирателя Симэня, и предложил гостям присаживаться.

– Позови-ка тех двух барышень, – сказал Дайань. – Пусть спокуют, и мы уйдем.

– Поздновато вы пожаловали, господа, – отвечал хозяин. – К ним только что прошли посетители.

Дайань, ни слова не говоря, направился внутрь помещения. При потушенном свете было темно, как в пещере. В полоске лунного света,

падавшего на кан, виднелись белые войлочные шапки винокуров. Один спал на кане, другой разувался.

– Кого это несет? – спросил он Дайаня.

– Я пришел, мать твою в глаз! – крикнул Дайань и, размахнувшись, двинул винокура кулаком.

– Ай-я! – крикнул винокур и, как был босой, бросился наружу.

За ним последовал и другой, разбуженный криками. Дайань велел зажечь огонь.

– У, дикари, босяки проклятые! – ругался он. – Еще спрашивает: кого несет! Спасибо пусть говорит, что не стал связываться. А то бы голову намылил да в управу отвел. Там бы новеньких тисков отведал.

Лу Длинноногий внес зажженный фонарь.

– Не гневайтесь, судари, прошу вас! – отвечивая поклоны, успокаивал он слуг Симэня. – А его простите милостиво. Заезжий он.

Длинноногий вызвал Цзиньэр и Сайэр и велел им спеть. Появились певички с высокими прическами, в белоснежных кофтах. На одной была красная, на другой – зеленая шелковая безрукавка.

– Не ожидали мы вас в такой поздний час, – проговорили они.

На столе появились четыре блюда со свежими овощами, а также утиные яйца, креветки, маринованная рыба, свинина и потроха. Дайань обнял Сайэр, а Циньтун подозвал Цзиньэр. Заметив у Сайэр расшитый серебром красный мешочек для благовоний, Дайань достал из рукава носовой платок. Они обменялись подарками. Вскоре подали вино, и Сайэр, наполнив кубок, поднесла Дайаню, а Цзиньэр – Циньтуну. Цзиньэр взяла лютню и запела на мотив «Овечка с горного склона»:

Пеленой цветник накрыла мгла –
Как, однако, жизнь в нем тяжела!
Ни тебе покоя, ни улады,
Ни дыханья легкого прохлады.
День-деньской удел твой – без затей
Улыбаться и встречать гостей.
Без отлучки занимайся делом
И корми весь дом продажным телом.
Поработав этак дотемна,
Серебро, подарки сдай сполна.
Все возьмет хозяйка, не вникая,
Я жива иль дух я выпускаю.
Хоть бы кто спросил: не голодна ль?
Как своей мне молодости жаль!
Пеленой цветник накрыла мгла

Реки слез я горьких пролила.
Три года жизни, пять ли лет –
Тебя уже на свете нет.

Цзиньэр умолкла. Сайэр снова наполнила кубок и поднесла Дайаню, потом взяла лютню и запела:

Тихо в спальню я вошла одна,
На стене забытая видна
Запыленная трехструнка пипа,
От ненужности уже осипла.
Слабый ветер зарождает стон
В глубине, забывшей лад и тон,
Истомил старушку отблеск лунный.
Я, прижав, слегка задела струны.
Подтянула их, настроила на лад,
И мелодий зазвучала гладь,
Застенала прежнюю любовью.
Я примёрзла телом к изголовью.
И невольно растопил ледник
Из-под камня на сердце родник.
Все как прежде в доме, только тихо.
Я теней шарахаюсь, трусиха.
Все как прежде, только нет тебя.
Только пальцы струны рвут, скорбя.

Не успела Сайэр допеть, как появился слуга-подросток. Дайань с Циньтуном поспешно вышли из-за стола.

– В другой раз загляну, – пообещал, обращаясь к Сайэр, Дайань.

Они пошли к Ван Шестой. Симэнь только что встал, и Ван угощала его вином.

– Батюшка звал? – спросили они старую Фэн, когда вошли в кухню.

– Звать не звал, спрашивал только, готова ли лошадь, – отвечала старуха. – Ждет у ворот, говорю.

Оба сели в кухне и попросили у старухи чаю. После чашки чаю они велели младшим слугам зажигать фонарь и выводить коня.

– Выпил бы еще чарочку, – предлагала Ван уходящему Симэню. – Только что подогрела. А то дома пить придется.

– Дома пить не буду, – отвечал Симэнь и осушил поднесенную чарку.

– Когда ж теперь придешь? – спросила Ван.

– Вот мужа твоего отправлю, тогда и приду.

Служанка внесла чаю промочить горло. Ван проводила Симэня до ворот. Он вскочил на коня и отправился домой.

Расскажем о Пань Цзиньянь.

Вместе с остальными женами она слушала в покоях Юэнян двух послушниц наставницы Сюэ, которые пели буддийские гимны вплоть до самого вечера, потом ушла к себе в спальню. Тут Цзиньянь вспомнила, как Юэнян ругала Дайяня. Он-де лжет, зубы ей заговаривает. Она подошла к кровати, пощупала под постелью. Заветного узелка как не бывало. Цзиньянь окликнула Чуньмэй.

– Когда вы ушли, – объясняла наперсница, – батюшка заходил. Шкатулку за кроватью открывал, в постели чего-то рылся. А где узелок, понятия не имею.

– Когда он заходил? – спрашивала Цзиньянь. – Почему я не видала?

– Вы же, матушка, в дальних покоях были, наставницу Сюэ слушали, – говорила Чуньмэй. – Гляжу, батюшка в маленькой шапочке входит. Я спросила, а он промолчал.

– Это он унес узелок, конечно, он, – заключила Цзиньянь. – К потаскухе унес. Но погоди, придешь, все выпытаю!

Поздней ночью вернулся домой Симэнь и, не заходя в дальние покои, в сопровождении Циньтуна, несшего фонарь, прошел через садовую калитку прямо к Ли Пиньэр. Циньтун же понес фонарь в хозяйкины покои, где его взяла Сяююй. Юэнян все еще сидела в своих покоях вместе с Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь, Ли Пиньэр, Сунь Сюэ, дочерью Симэня и монахинями.

– Батюшка пришел? – спросила она.

– Вернулись, – отвечал Циньтун. – К матушке Шестой направились.

– Ну, скажите, пожалуйста! Нет у человека никакого понятия о приличии! – возмущалась Юэнян. – Его тут ждут, а он, видите ли ...

Ли Пиньэр сразу же поспешила к себе.

– Тебя сестрица Вторая ждет, – обратилась она к Симэню. – У нее ведь день рождения сегодня, а ты зачем-то ко мне идешь.

– Я пьяный, – Симэнь улыбнулся. – К ней завтра.

– Так уж и пьяный, – не унималась Пиньэр. – Пойди и выпей хоть чарочку. Ведь она обижаться будет.

Она толкнула Симэня. Он, шатаясь, побрел в дальние покои.

Ли Цзяоэр поднесла ему кубок вина.

– Так до сих пор один там и просидел? – спрашивала Юэнян.

– Нет, мы с братом Ином пировали, – отвечал Симэнь.

– Ну так и есть! Я ж говорила: не будет человек сам с собою пировать.

Симэнь присел ненадолго. Потом кое-как поднялся и побрел опять к Ли Пиньэр. Надобно сказать, что Симэнь не остыл и после Ван Шестой. Снадобье чужеземного монаха все не давало ему покоя. Он был готов к схватке, а потому, когда Инчунь помогла ему раздеться, пошел прямо к постели Пиньэр и хотел было лечь.

– Ступай! – упрасивала его Пиньэр. – Зачем пришел? Видишь, я уже с Гуаньгэ легла. Ребенок только успокоился и сладко спит. А мне нездоровится. Неудобно, истечения у меня. Ступай к кому-нибудь еще, не все ль равно! Что тебя сюда тянет?

– Вот странная! – Симэнь обнял и поцеловал Пиньэр. – Я с тобой хочу.

Он показал ей на свои доспехи.

– Ой! – воскликнула пораженная Пиньэр. – Откуда такая мощь?

Симэнь засмеялся и рассказал о снадобье чужеземного монаха.

– Страсть погубит меня, если ты мне откажешь, – заключил он.

– Ну, как же я могу? – говорила Пиньэр. – У меня второй день как истечения. Вот пройдут, тогда и приходи. А сейчас иди к сестрице Пятой, не все ль равно.

– Сам не знаю, почему, – пояснил Симэнь, – но сегодня у меня желание быть именно с тобой. Умоляю тебя. Попросила бы служанку. Она тебе воды принесет, а потом мне позволишь, а?

– Смешно мне глядеть на тебя! – отвечала Пиньэр. – Где-то целый день пропировал, пришел пьяный, а теперь пристаешь. Что ни делай, все равно я ж нечистая. А ведь нельзя нечистой женщине ложиться с мужчиною. Не к добру это. А умру, тоже меня будешь искать?

Как она ему ни отказывала, ей все-таки пришлось послать Инчунь за водой и после омовения возлечь с Симэнем. И вот что удивительно. Стоило им только приступить к делу, как крепко заснувший после убаюкивания Гуаньгэ тотчас же проснулся. Так повторялось трижды, и Пиньэр вынуждена была кликнуть Инчунь, чтобы та позабавила младенца барабанчиком. Потом его унесла кормилица, и они смогли отдаться усладам сколько хотели.

– Поосторожней, милый! – просила Пиньэр. – У меня сильная боль внутри.

– Если тебе больно, я брошу, – сказал Симэнь и взял со стола чашку чаю промочить горло.

Тут и сражение подошло к концу.

Да,

По телу в темноте укромной
Разлита нега страсти томной.

Вот когда Симэнь понял, насколько чудодейственно снадобье монаха. Пошла третья ночная стража, когда они уснули.

А пока перейдем к Пань Цзиньянь.

Когда она узнала, что Симэнь пошел к Пиньэр, ей стало ясно, кто утащил узелок и где он находится. Она кусала губы своими белыми, как серебро, зубами, потом заперлась и легла спать.

Юэнян положила у себя наставниц Сюэ и Ван. Монахиня Ван потихоньку вручила Юэнян обещанную вытяжку из детского места младенца мужского пола, приготовленную вместе со снадобьем, взятым у монахини Сюэ.

– Выберите день жэнь-цы, – учила хозяйку наставница Сюэ, – примете с вином и возляжете в тот же вечер с супругом. Понесете непременно. Только никому чтоб ни слова!

Юэнян поспешно убрала снадобье и поблагодарила монахиню.

– Как я вас ждала в первой луне, мать Ван! – говорила она. – А вы так и не появились.

– Легко сказать, матушка! – отвечала монахиня Ван. – Я вам говорила: ждать придется. Вот и пришла. По случаю рождения матушки Второй с наставницей Сюэ вместе пожаловали. Спасибо говорите наставнице. Как трудно такое средство-то добыть, знали бы вы, матушка! Хорошо, у одной тут первенец мужского пола родился, а рядом как раз мать наставница оказалась. Три цянй пришлось бабке незаметно сунуть. Только бы добыла. Мы вам это место в квасцовой воде проваривали, в порошок толкли, потом, как и полагается, в двух новых черепках с изображением уток выпаривали, через сито пропускали, в наговоренной воде разводили.

– Сколько ж я хлопот доставила вам, мать наставница Сюэ, и вам, мать Ван! – говорила Юэнян, одаривая каждую двумя лянми серебра. – Если будет все благополучно, я вам, мать наставница, поднесу кусок желтого атласу на рясу.

Монахиня Сюэ в знак благодарности сложила руки на груди.

– Как я вам признательна! – ответствовала она. – У вас душа бодхисаттвы.

Говорят, вещь нужную не так легко продать, дерьмо же разбирают нарасхват.

Да,

Когда велось бы так всегда служенье Будде,
От слуг не знали б никогда спасенья люди!

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ЮЭНЯН СЛУШАЕТ ЧТЕНИЕ ИЗ АЛМАЗНОЙ СУТРЫ

ГУЙЦЗЕ ПРЯЧЕТСЯ В ДОМЕ СИМЭНЯ

*Бледнеет румянец – мне в зеркало страшно
взглянуть!*

*Рукой подперев подбородок сижусь... Не
уснуть.*

*На талии сохлой ажурный повис пояс,
И слезы сверкают, сбегая с увянувших щек.*

*В тоске негодую, что так равнодушен мой
друг.*

*В сметении сердце, и нет избавленья от
мук.*

*Дождусь ли когда ветерком благодатным
пахнет,*

*Любимый в покои мои, как бывало,
впорхнет?..*

Итак, узнав, что Симэнь с узелком^[713] остался у Пиньэр, ревнивая Цзиньянь глаз не сомкнула всю ночь. На другой же день утром, когда Симэнь отбыл в управу, а Пиньэр причесывалась у себя в спальне, Цзиньянь пошла прямо в дальние покои.

– Знала бы ты, сестрица, – обратилась она к Юэнян, – какие сплетни про тебя пускает Ли Пиньэр! Ты, говорит, хозяйку из себя строишь, зазнаешься, когда у других день рожденья, ты лезешь распоряжаться. Муж, говорит, пьяный ко мне пошел в мое отсутствие, а она – это ты-то, сестрица, – ее перед всеми конфузишь, стыдишь ни за что ни про что. Она, говорит, меня из себя вывела. Я, говорит, мужу

велела из моей спальни уйти, а он, говорит, опять все-таки ко мне пришел. Они всю ночь напролет прошушукались. Он ей целиком, со всеми потрохами, отдался.

Так и вспыхнула разгневанная Юэнян.

– Вот вы вчера тут были, – говорила она, обращаясь к старшей невестке У и Мэн Юйлоу. – Скажите, что я о ней такого говорила? Слуга принес фонарь, я только и спросила: почему, мол, батюшка не пришел? А он мне: к матушке Шестой,^[714] говорит, пошел. Нет, говорю, у человека никакого понятия и приличия. Сестрица Вторая^[715] рождение справляет, а он даже прийти не хочет. Ну чем, скажите, я ее задела, а? С чего она взяла, будто я хозяйку из себя строю, зазнаюсь, я такая, я скаяя?! А я еще порядочной женщиной ее считала. Правду говорят, внешний вид обманчив. В душу не залезешь. Как есть шип в цветах, колючка в теле. Представляю себе, что она наедине с мужем наговаривает! Так вот почему она так всполошилась, к себе побежала. Дурная голова! Неужели думаешь, дрогнет мое сердце, если ты захватишь мужа, а? Да берите его себе совсем! Пожалуйста! Вам ведь в одиночестве жить не под силу! А как же я терпела, когда в дом пришла! Он, насильник, тогда мне на глаза совсем не показывался.

– Полно, сударыня! – успокаивала ее супруга У Старшего. – Не забывайте, у нее наследник! Так исстари повелось: у кого власть, тому все дозволено. А вы – хозяйка дома, что лохань помойная. Все надобно терпеть.

– А я с ней все-таки как-нибудь поговорю, – не унималась Юэнян. – Хозяйку, видите ли, строю, зазнаюсь! Узнаю, откуда она это взяла.

– Уж простите ее, сестрица! – твердила перехватившая в своих наветах через край Цзиньянь. – Говорят, благородный ничтожного за промахи не осуждает. Кто не без греха! Она там мужу наговаривает, а мы страдай! Я вот через стенку от нее живу. А будь такой же как она, мне б и с места не сойти. Это она из-за сына храбрится. Вот погодите, говорит, сын подрастет, всем воздаст по заслугам. Такого не слыхали? Всем нам с голоду помирать!

– Не может быть, чтобы она такое говорила, – не поверила госпожа У.

Юэнян ничего не сказала.

Когда начинает сгущаться мгла, ищут свечу или лучину. Дочь Симэня жила в большой дружбе с Ли Пиньэр. Бывало, не окажется у нее ниток или шелку на туфельки, Пиньэр дает ей и лучшего шелку и атласу, то подарит два или три платка, а то и серебра сунет незаметно,

чтобы никто не видал. И вот, услышав такой разговор, она решила довести его до сведения Пиньэр.

Приближался праздник Дуанью, то бишь день дракона,^[716] и Пиньэр была занята работой. Она шила ребенку бархатные амулеты, мастерила из шелка миниатюрные кулечки, напоминавшие формой цзунцзы,^[717] и плела из полыни тигрят для отпугивания злых духов, когда к ней в комнату вошла падчерица. Пиньэр усадила ее рядом и велела Инчунь подать чай.

– Вас давеча на чай приглашала, что ж вы не пришли? – спросила падчерица.

– Я батюшку проводила, – отвечала Пиньэр, – и, пока прохладно, села вот сыну кое-что к празднику смастерить.

– Мне с вами поговорить надо бы, – начала падчерица. – Не подумайте, что я сплетни пришла плести. Скажите, вы говорили, что матушка Старшая, дескать, хозяйку из себя строит, а? Может, вы с матушкой Пятой ссорились? А то она у матушки Старшей на все лады вас судила да рядила. Матушка Старшая собирается с вами объясняться. Только не говорите, что я сказала, а то и мне достанется. А вы, матушка, с мыслями соберитесь, подумайте, как ей ответить.

Не услышь такого Пиньэр, все бы шло своим чередом, а тут у нее даже иголка выпала, руки опустились. Долго она была не в силах слова вымолвить.

– Дочка! – наконец со слезами на глазах заговорила Пиньэр. – Ни слова лишнего я не говорила. Вчера только я услышала от слуги, что батюшка ко мне направился, я к себе поспешила и стала уговаривать его пойти к матушке Старшей, только и всего. Матушка Старшая так обо мне заботится! Да как я буду отзываться дурно о человеке, когда он делает мне столько добра! Но кому же, хотела бы я знать, я такое говорила?! Зачем зря клеветать!

– А матушка Пятая как услышала, что Старшая собирается с вами объясняться, так вся и вспыхнула, – объясняла падчерица. – По-моему, этого так оставлять нельзя. Надо ей очную ставку устроить, вот что.

– Да разве ее перекричишь? – махнула рукой Пиньэр. – Уж буду на Небо уповать. Она ведь и днем и ночью под меня подкапывается и не успокоится, пока не покончит либо со мной, либо с сыном.

Пиньэр заплакала, падчерица успокаивала ее. Появилась Сяоюй и пригласила их к обеду. Пиньэр отложила работу и направилась с падчерицей в покои хозяйки дома, но, даже не коснувшись еды, вернулась к себе, легла в постель и тотчас же уснула.

Вернулся из управы Симэнь и, найдя Пиньэр спящей, стал

расспрашивать Инчунь.

– Матушка целый день крошки в рот не брала, – сказала служанка.

Симэнь бросился к постели Пиньэр.

– Что с тобой, скажи! – спрашивал он. – Почему ты не ешь? – Когда он обратил внимание на ее заплаканные глаза, он не раз повторил один и тот же вопрос: – Как ты себя чувствуешь?

Пиньэр поспешно поднялась и стала тереть глаза.

– Ничего страшного, – говорила она. – Так, с глазами что-то, и аппетиту нет.

Она ни словом не обмолвилась о происшедшем.

Да,

Не жалуется, не покажет вида,
Что грудь терзает тяжкая обида.

Тому свидетельством стихи:

Глупа красотка поневоле –

Не дай ей бог стать умной вдруг

И ясно видеть все вокруг –

Не выдержать ей этой боли!

Дочь Симэня вернулась в дальние покои.

– Я ее спросила! – обратилась она к Юэнян. – Она со слезами на глазах клялась мне, что никогда ничего подобного не говорила. Матушка, говорит, так обо мне заботится. Как же я, говорит, могу о ней такое говорить.

– Да я с самого начала не поверила, – вставила госпожа У. – Сестрица Ли – прекрасная женщина. Не могла она сказать такой вздор.

– Небось, между собой поругались, – заключила Юэнян. – Мужа не поделили! Вот Цзиньлянь и пришла на соперницу наговаривать. Я одна-одинешенька, с собственной тенью время коротаю, а мне все косточки перемоют.

– А ты, дорогая, понапрасну человека не вини, – увещевала хозяйку госпожа У. – Я прямо скажу: сотня таких, как Пань Цзиньлянь, не стоит и одной сестрицы Ли Пиньэр. Прекрасной она души человек! Вот уж года три, как в дом вошла, а что плохого о ней скажешь?!

Во время этого разговора в комнату вошел Циньтун с большим синим узлом за спиной.

– Что это у тебя? – спросила Юэнян.

– Лицензии на продажу тридцати тысяч цзиней соли, – отвечал слуга. – Приказчик Хань с Цуй Бэнем их только что в акцизе зарегистрировали. Батюшка просил накормить обоих и выдать

серебра. Они послезавтра, двадцатого, в счастливый день, отправляются в Янчжоу.

– Хозяин, наверное, сейчас придет, – проговорила невестка У. – Мы уж с наставницами к матушке Второй пройдем.

Не успела она сказать, как отдернулась дверная занавеска, и явился сам Симэнь. Госпожа У и монахини заторопились к Ли Цзяоэр, но их заметил хозяин.

– А эту жирную потаскуху Сюэ^[718] зачем сюда занесло? – спросил он Юэнян.

– Что ты язык-то свой распускаешь? – одернула его хозяйка. – Мать наставница в гости пришла, а ты набрасываешься. Что она тебе, дорогу, что ли, перескочила. И откуда ты ее знаешь?

– Ты еще не знаешь, что вытворяет эта плешивая разбойница?^[719] – продолжал Симэнь. – Она пятнадцатого в седьмой луне завлекла в монастырь Дицзана дочь советника Чэня и одного малого по имени Жуань Третий, подбила их на прелюбодеяние да еще и три ляна серебра выманила. А этот Жуань Третий в объятиях девицы дух испустил. Дело получило огласку, и сводню ко мне доставили. Я ее велел раздеть и двадцать палок всыпать. А по какому, собственно, праву она до сих пор в монахинях ходит, а? Ей же было предписано бросить монастырь и найти мужа. Может, захотела еще раз управу навестить, тисков отведать?

– Ну, разошелся! – укоряла его Юэнян. – Давай, громи святых, поноси Будду! С чего ж это ей в мир возвращаться, когда она посвятила себя служению Будде и, стало быть, являет добродетель? Ты не представляешь себе, каким подвижничеством отмечены дни ее жизни!

– Да, подвижничеством! – усмехнулся Симэнь. – Спроси лучше, по сколько мужиков она принимает за ночь.

– Ну, довольно пакостей! Я бы тебе тоже сказала! – оборвала его Юэнян и перевела разговор на другую тему. – Так когда ты отправляешь людей в Янчжоу?

– Лайбао только что послан к свату Цяо, – говорил Симэнь. – Он даст пятьсот лянов, и я пятьсот. Двадцатого, в счастливый день, и отправлю.

– А шелковую лавку кому передашь?

– Пусть Бэнь Дичуань пока поторгует.

Юэнян открыла сундук и достала серебро. Его перевешали и передали отъезжающим. Вьюки паковали в крытой галерее. Каждый получил по пять лянов и пошел домой собираться в путь, но не о том

пойдет речь.

В крытой галерее появился Ин Боцзюэ.

– Далеко собираешься, брат? – спросил он.

Симэнь рассказал ему о предстоящей поездке Лайбао и Хань Даого в Янчжоу за солью.

– Желаю тебе, брат, всяческой удачи! – подняв руки, воскликнул Боцзюэ. – Барыши будут немалые, а?! Это уж наверняка!

Симэнь предложил ему присаживаться и велел подать чай.

– Ну, а как насчет Ли Чжи с Хуаном Четвертым? – спросил Симэнь. – Скоро у них деньги появятся?

– Да думаю, не позднее этого месяца, – отвечал Боцзюэ. – Они мне вчера вот что сказали: Дунпинское управление заключает контракт на поставку двадцати тысяч коробок благовоний. Просят еще ссудить их пятьюстами лянов, пособить в срочном деле. А как только они выручат деньги, сразу же все, до медяка, вернут.

– Но ты же видишь, – отвечал Симэнь, – я людей в Янчжоу собираю. У меня у самого денег нет. Самому у свата Цяо пятьсот лянов в долг брать пришлось.

– Они меня очень просили с тобой потолковать, – продолжал Боцзюэ. – Ведь с кем дело начал, с тем и до конца доводить надо. Ты отказываешь, к кому же они пойдут?

– Лавочника Сюя Четвертого, что проживает к востоку от городских ворот, знаешь? – спросил Симэнь. – Вот он мне должен. Пусть пятьсот лянов у него и возьмут.

– Ну, вот и прекрасно! – обрадовался Ин.

Пока они говорили, слуга Пинъань подал визитную карточку.

– Ся Шоу от господина Ся передал, – объяснил Пинъань. – Вас, батюшка, завтра к себе приглашают.

Симэнь развернул карточку и стал читать.

– Я ведь пришел еще кое-что тебе сказать, – заговорил опять Ин Боцзюэ. – Про Гуйцзе ничего не слыхал? Она у тебя давно не была!

– Понятия не имею! – сказал Симэнь. – Она у меня с первой луны не появлялась.

– Так вот, ты знаешь Ван Цая, третьего сына полководца Вана? – начал свой рассказ Ин Боцзюэ. – Дело в том, что женат он на племяннице главнокомандующего Лу Хуана из Восточной столицы. Когда молодые поехали поздравить дядюшку с Новым Годом, тот отвалил им в подарок целую тысячу лянов серебра. А эта самая племянница Лу Хуана, представь себе, красавица-картинка. Передай художник хоть частицу ее красоты, от портрета глаз бы не оторвал.

Пока ты дома сидишь, старик Сунь, Рябой Чжу и Чжан Сянь Младший целыми днями с Ван Цаем у певиц околачиваются. Ван Цай соблазнил одну молоденькую, зовут Ци Сян, из дома Ци во Втором переулке. Навещал он и Ли Гуйцзе, а когда заложил головные украшения жены, она, обнаружив пропажу, чуть руки на себя не наложила. А тут вскоре наступил день рождения ее столичного дядюшки. Она отправилась в столицу и все ему рассказала. Разгневанный Лу Хуан передал имена дружков главнокомандующему императорской гвардией Чжу Мяню, а тот дал распоряжение в Дунпин арестовать всю компанию. Так что вчера у Ли Гуйцзе забрали старика Суня, Рябого Чжу и Чжан Сяня. Сама Гуйцзе спряталась в соседнем доме, у Чжу Косматого, а нынче говорила, что к тебе пойдет, будет просить заступиться.

– Да они и в первой луне там дневали и ночевали, – говорил Симэнь. – Деньгами, вижу, так и сорят. Спросил, откуда, а Чжу Рябой только смешками отделяется.

– Ну я пошел, – сказал Боцзюэ. – А то Гуйцзе пожалует. Сам с ней говори. А то скажет, я в чужие дела нос сую.

– Да погоди! – не пускал его Симэнь. – Я тебе вот что скажу: Ли Чжи ничего не обещаю, слышишь? Я сам долг получу, тогда мы с тобой потолкуем.

– Понятно! – отозвался Боцзюэ и раскланялся.

Только он вышел за ворота, у дома Симэня остановился паланкин. Из него вышла Гуйцзе.

Симэнь велел Чэнь Цзинци взять осла и отправляться за серебром к Сюю Четвертому.

В крытой галерее появился Циньтун и передал хозяину приглашение от Юэнян.

– Вас матушка просит, – сказал Циньтун. – Барышня Гуйцзе пожаловала.

Симэнь направился к Юэнян. Гуйцзе была в коричневом платье, без белил и румян. Повязанная белым платком, из-под которого торчали волосы, побледневшая певица отвесила хозяину земной поклон и зарыдала.

– Что же теперь делать, батюшка? – шептала она. – В беду попали! Верно говорят, запрешь ворота, так беда с неба грянет. Появился тут молодой барич Ван. Мы его и знать-то не знали. Рябой Чжу и Сунь Молчун его зачем-то к моей сестрице привели, а ее дома как раз не было. Не привечайте вы его, говорю, к чему это, а мамаша у нас чем старше, тем глупее. А случилось это в тот самый день, когда у тетушки рождение справляли. Сяду, думаю себе, в паланкин и к вам

отправляюсь. А Рябой Чжу, знай свое, крутится, на колени опустился, упрасивает: не уходи, мол, сестрица, прошу тебя, угости, говорит, его чаем, а потом к батюшке пойдешь. Даже дверь запереть не дали. Вдруг врываются в комнату люди, хватают всех троих и, ни слова не говоря, уводят. Ван Цай сумел вырваться и убежал, а я у соседей скрылась. Потом уж меня слуга проводил. Прихожу домой, гляжу: у мамы от страха чуть душа с телом не рассталась. Того и гляди отойдет. А сегодня стражники с ордером приходили, целое утро допрос учиняли. И меня записали. В Восточную столицу, грозятся, отправим для разбирательства. Сжальтесь надо мною, батюшка, умоляю, спасите меня. Что мне делать, а? Матушка! Прошу вас, замолвите и вы за меня словцо!

– Встань! – Симэнь засмеялся. – А кто да кто обвиняется?

– Еще Ци Сян упоминается, – отвечала Гуйцзе, – но ей и поделом. Ее Ван Цай лишил невинности, у нее деньгами швырял. Но пусть у меня глаза вырвут, если я грош от него имела. Пусть все мое тело покроется гнойниками, если я хоть раз к нему приблизилась!

– Хватит! Зачем все эти клятвы! – обращаясь к Симэню, сказала Юэнян. – Заступись за нее.

– А Ци Сян уже взяли? – спросил Симэнь.

– Она у императорских родственников Ванов пока скрывается, – отвечала певица.

– Ну, а ты побудь пока в моем доме, – предложил Симэнь. – А начнутся розыски, я в управу посыльного пошлю, чтобы поговорил с кем надо.

Он крикнул слугу Шутуна.

– Напиши письмо в управу господину Ли, – наказал он. – Гуйцзе, мол, часто у меня бывает, потому прошу вычеркнуть ее имя из списка обвиняемых.

– Слушаюсь! – ответил слуга и, одевшись в темное платье, без задержки понес письмо уездному правителю Ли.

– Господин Ли велел вам кланяться, батюшка, – говорил Шутун, вернувшись. – Он готов исполнить любое ваше указание, но в данном случае он получил приказ от начальства из столицы. Все уже арестованы. Могу, говорит, в знак уважения к батюшке отложить на несколько дней арест. Если, говорит, вы хотите что-то сделать, придется самим в столицу ехать и улаживать.

Симэнь призадумался.

– Лайбао по делам собирается ехать, – вслух размышлял он. – Кого же мне в столицу послать?

– В чем же дело! – воскликнула Юэнян. – Пусть двое едут в Янчжоу, а Лайбао отправь в столицу по делу Гуйцзе. Он потом успеет к ним присоединиться. Погляди, до чего она напугана!

Гуйцзе поспешно отвесила земные поклоны Юэнян и Симэню. Симэнь послал слугу за Лайбао.

– Ты с ними в Янчжоу не поедешь, – сказал он. – Тебе завтра придется отправляться в Восточную столицу. Надо будет Гуйцзе вот помочь. Повидаешься с дворецким Чжаем и попросишь, чтобы посодействовал.

Гуйцзе поклоном благодарила Лайбао.

– Я поеду немедленно, – проговорил он, кланяясь и отступая на несколько шагов назад.

Симэнь велел Шутуну составить письмо дворецкому Чжаю, сердечно поблагодарить его за услуги в связи с докладом цензора Цзэна, потом запечатал в пакет двадцать лянов и вместе с письмом вручил Лайбао. Обрадованная Гуйцзе протянула Лайбао пять лянов серебром на дорожные расходы.

– А вернешься, брат, – сказала она, – мамаша щедро тебя наградит.

Симэнь велел Гуйцзе сейчас же спрятать свое серебро и распорядился, чтобы Юэнян выдала Лайбао пять лянов на дорогу. Гуйцзе запротестовала.

– Где же это видано, чтобы об одолжении просили и даже дорожных расходов не возмещали!

– Ты что, смеешься надо мной?! – оборвал ее Симэнь. – Думаешь, у меня пяти лянов не найдется? У тебя пойду занимать?

Гуйцзе спрятала свое серебро и еще раз поклонилась Лайбао.

– Прости, брат, хлопот я тебе доставляю, – говорила она. – Ты уж завтра, будь добр, поезжай, не опоздать бы.

– Завтра в пятую ночную стражу отправлюсь, – сказал он и, захватив письмо, направился на Львиную к Хань Даого.

Ван Шестая шила мужу куртку. Увидев в окно Лайбао, она поспешила к нему.

– В чем дело? – спросила она. – Заходи, присаживайся. Сам у портного. Сейчас придет. – Ван позвала Цзиньэр: – Ступай, сбегай к портному Сюю, хозяина позови. Скажи, дядя Бао ждет.

– Я пришел сказать, что не придется мне с ними ехать, – заговорил Лайбао. – Тут еще дело подоспело. Меня хозяин в Восточную столицу посылает. Ли Гуйцзе надо пособить, кое-кому подарки вручить. Поглядели бы, как она батюшку упрашивала, матушке в ноги кланялась. Вот мне и приходится дело улаживать. А брат Хань с Цуй

Бэнем в Янчжоу поедут. Я за ними вслед поеду, как вернусь. Завтра рано утром отбываю и письмо уже получил. А ты, сестрица, чем занимаешься?

– Да вот, мужу куртку шью.

– Скажи, чтобы полегче одевался, – посоветовал Лайбао. – Ведь на родину шелков, атласа и парчи едет. Там этого добра сколько хочешь.

Подоспел и Хань Даого. Они обменялись приветствиями. Лайбао сказал о поездке в столицу и добавил:

– Я потом вас в Янчжоу разыщу.

– Батюшка посоветовал нам остановиться неподалеку от пристани, – говорил Хань, – на постоялом дворе Ван Божу. Мой покойный родитель, говорит, с его отцом дружбу водил. У него, говорит, и остановиться есть где, и торговых людей всегда много, а главное – и товары, и серебро будут в целости и сохранности. Так что, как приедешь, прямо к Ван Божу иди. Лайбао обернулся в сторону Ван Шестой и продолжал: – Сестрица! Я ведь в столицу еду. Может, дочке подарочек какой пошлешь?

– Да нет ничего, брат, под руками-то, – отвечала она. – Разве вот пару шпилек, что отец ей заказывал, да туфельки. Передай, будь добр, если тебя не затруднит.

Она завязала подарки в платок и, передавая узелок Лайбао, велела Чуньсян подать закуски и подогреть вина, а сама бросила шитье и стала накрывать на стол.

– Не хлопочи, сестрица! – благодарил Лайбао. – Мне домой пора, собраться еще надо. Вставать рано.

– Раз зашел, не обижай хозяев, – Ван засмеялась. – Разве так можно! Если приказчик проводы устраивает, чарочку пропустить полагается. – Она обернулась к мужу: – А ты чего сидишь, будто тебя не касается, а? Зови к столу, ухаживай за гостем. Хватит бездельничать.

Подали закуски, наполнили чарку и поднесли Лайбао. Ван Шестая тоже села с ними за компанию.

– Ну, мне домой пора, – сказал Лайбао, осушив не одну чарку. – А то еще ворота запрут.

– Лошадь нанял? – спросил Хань Даого.

– Завтра утром успею, – отвечал Лайбао. – А ключи от лавки и счета ты Бэнь Дичуаню передай, чтобы тебе ночью не караулить. Дома отоспись перед дорогой-то.

– А ты прав, брат, – согласился Хань. – Завтра же передам.

Ван снова наполнила чарки.

– Ну, выпей, брат, вот эту чарку, больше не буду задерживать, – сказала она.

– Тогда, будь добра, подогрей немножко, – попросил Лайбао.

Ван поспешно вылила вино в кувшин и наказала Цзиньэр подогреть, потом наполнила чарку и обеими руками поднесла Лайбао.

– Жаль, нечем тебя угостить, брат, – говорила она.

– Что ты, сестрица, – отозвался тот. – Будет скромничать!

Он взял чарку, и они выпили залпом с Ван Шестой. Он встал, и хозяйка передала ему подарки для дочери.

– Прости, что причиняю тебе беспокойство, – сказала она. – Узнай, пожалуйста, как она там живет, как себя чувствует. Мне, матери, на душе легче станет.

Ван поклонилась и вместе с мужем вышла за ворота проводить Лайбао. Не будем рассказывать, как он собирался в дорогу, а перейдем к Юэнян.

Угостила она чаем Ли Гуйцзе. Рядом сидели старшая невестка У, золовка Ян и обе монахини.

Появился брат Юэнян.

– Из Дунпина поступил приказ, – обратился он к Симэню. – Тысяцким, хранителям печати обоих отделений нашей управы вменяется в обязанность надзор за постройкой хлебных амбаров. Высочайшее повеление гласит: завершившие работы в полгода получают повышение на один ранг, все просрочившие заносятся в обвинительный доклад цензора. Прошу тебя, батюшка, если есть у тебя серебро, одолжи несколько лянов. Верну сполна, как только мне оплатят расходы по постройке.

– В чем же дело, шурин! – воскликнул Симэнь. – Сколько тебе нужно?

– Будь добр, зятюшка, ссуди двадцатью лянами.

Они прошли в хозяйкины покои. Симэнь переговорил с Юэнян и велел ей отвесить двадцать лянов. После чаю шурин вышел, так как у сестры были гости. Юэнян предложила мужу угостить брата в приемной зале. Во время пира явился Чэнь Цзинцзи.

– Лавочник Сюй Четвертый просит батюшку отсрочить уплату долга, – сказал Чэнь. – Он на днях вернет.

– Это что еще за вздор! – возмутился Симэнь. – Мне деньги нужны, сукин он сын! Никаких отсрочек! Чтобы у меня точно в срок вернул!

– Слушаюсь! – отвечал Цзинцзи.

У Старший пригласил Цзинцзи к столу. Тот поклонился и сел сбоку. Циньтун тотчас же принес ему чарку и палочки. Пир

продолжался.

Между тем жена У Старшего, золовка Ян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Ли Пиньэр и дочь Симэня пировали с Ли Гуйцзе в комнате Юэнян. Барышня Юй спела несколько арий из сцены прогулки студента Чжана у Драгоценной пагоды. Когда она отложила лютню, Юйлоу подала ей вина и закусок.

– Вот уж не по духу мне, когда тянут, как слепые, – говорила Юйлоу. – А еще хочешь, чтобы я тебя любила.

Цзиньлянь поддела палочками свинину и стала ради шутки вертеть ею перед самым носом певицы.

– Юйсяо! – кликнула Гуйцзе. – Поддай-ка мне лютню, пожалуйста. Я матушкам спою.

– Да ты же расстроена, Гуйцзе! – удивилась Юэнян.

– Ничего, спою, – отвечала певица. – Я уж успокоилась. Ведь батюшка с матушкой за меня решили заступиться.

– Вот что значит из веселого дома! – воскликнула Юйлоу. – Гуйцзе, ты ведь вот только переживала, брови хмурила, даже от чаю отказывалась, а тут и разговорилась, и смех появился, будто счастливее тебя и нет никого. Как у тебя все быстро делается!

Гуйцзе взяла инструмент, нежными, как нефрит, пальчиками коснулась струн и запела.

Пока она пела, вошел с посудой Циньтун.

– Дядя У ушел? – спросила Юэнян.

– Только что отбыли, – ответил слуга.

– Зятюшка, должно быть, вот-вот придет, – заметила супруга У Старшего.

– Нет, они к матушке Пятой пошли, – успокоил ее Циньтун.

Цзиньлянь не сиделось на месте, хотелось встать и бежать ему навстречу, но она сдерживалась, неловко было перед всеми.

– Он же к тебе пошел, слышишь? – говорила Юэнян, не поворачивая головы. – Ступай! Нечего сидеть как на иголках.

Цзиньлянь как будто нехотя поднялась, но ноги стремительно понесли ее к Симэню. Когда она вошла к себе в спальню, он уже успел принять чужеземное снадобье.^[720] Чуньмэй помогла ему раздеться, и он залез на кровать под пологом.

– Вот теперь ты умненький у меня, сынок! – шутила Цзиньлянь. – Мама позвать не успела, а ты уж в постельке. А мы в дальних покоях с невестушкой У и золовкой Ян пировали. Ли Гуйцзе пела, мне все подливали. В темноте сама не знаю, какими судьбами добралась. – Она позвала Чуньмэй. – Принеси чаю. Пить хочу.

Чуньмэй заварила чай, Цзиньлянь села за стол и подмигнула наперснице. Та сразу смекнула, в чем дело, и пошла греть воду. Цзиньлянь надушила воду сандаловым ароматом, добавила квасцов и после омовения распустила волосы, которые держались одной-единственной шпилькой, и села перед зеркалом под лампой. Она подкрасила губы, положила за щеку ароматного чаю и вошла в спальню. Чуньмэй помогла ей обуть ночные туфельки и вышла, заперев за собою дверь.

Цзиньлянь пододвинула к постели светильник, опустила газовый полог, скинула красные штаны и обнажила свой белый, как нефрит, стан. Симэнь сел на подушку. У него на том самом висела пара подпруг, и, выйдя наружу, тот предстал взору вставшим в полный рост. Цзиньлянь, увидев это, даже подпрыгнула и всплеснула руками. Высылся пурпурный пик, и грохотало, будто сошлись два тигра. Бросив страстный взгляд на Симэня, Цзиньлянь сказала:

– Догадываюсь, что у тебя одно на уме. Не иначе, как снадобье монаха подействовало. То-то грозный вид! Хочешь меня доканать? Отборное другим, а моя уж такая доля – с подбитым маяться. С кем сражался, говори! Где это тебя так подбили? Когда чуть жив, ко мне приходишь? Конечно, где мне с другими равняться? А еще говоришь, будто ко всем одинаков. А в тот день меня дома не было, так ты узелок стащил и, как вор, к ней улизнул. Это после нее, что ли, едва маячишь? А она нам голову морочит, скромницей прикидывается. Где тебя, негодник, носило, а? Тряпка – вот ты кто! Весь бы век тебя презирала за это!

– Ах ты, потаскушка! – засмеялся Симэнь. – А ну, поди сюда! Посмотрим, хватит ли у тебя храбрости? Одолеешь, лян серебра в награду получишь.

– Вот пакостник! – заругалась Цзиньлянь. – Напихал утробу какой-то гадостью. Я не испугаюсь!

С этими словами она наискось легла на спальную циновку, обеими руками крепко схватила тот самый предмет и погрузила его в алые уста, проговорив:

– Большой негодяй, хочешь своей толкотней даже рту причинить боль.

Сказав это, она, тяжело дыша, стала сосать взятый в рот причиндал, то заглатывая, то выпуская, то играла с ним кончиком языка, то по-лягушачьи лизала его, то держала внутри, перекатывая в разные стороны, то вынимала и приныкала к нему своим напудренным личиком, в общем, забавляясь с ним всевозможными способами. Тот

самый предмет, становившийся все более крепким и твердым, высоко поднялся, вздернул голову, его впалый глаз стал круглым и вытаращился, волосы в свесившейся бороде выпрямились и затвердели. Опустив голову, Симэнь Цин поглядывал на ароматное тело женщины, прятавшееся под шелковым пологом. Нежные ручки крепко держали заросший волосами предмет и либо вставляли его в рот, либо вынимали оттуда. При свете лампы женщина копошилась, двигалась то туда, то сюда.

С ними рядом примостился, оказывается, белый кот Львенок. Следя за игрою, он вдруг выпустил когти и бросился было прямо на Симэня. Тот схватил крапленный золотом черный веер и давай его поддразнивать. Цзиньлянь выхватила веер и с силой ударила им кота, так что он бросился из-под полога.

– Вот несносный! – заругалась она, глядя Симэню прямо в глаза. – Меня заставляет вон чем заниматься, а сам еще с котом возится. Он ведь, чего доброго, и в глаза вцепиться может, что тогда? Нет, хватит с меня, больше не буду.

– Вот потаскушка! – заругался Симэнь. – Долго я тебя ждать буду?

– Ты бы Ли Пиньэр лучше заставил этим заниматься, – говорила Цзиньлянь, – а то на меня все сваливаешь. И чего ты только наглотался! Из сил выбилась, а все впустую.

Симэнь наклонился к завернутой в платок серебряной шкатулке, поддел на костяную палочку немного розовой мази, умастил ею внутри «лошадиную пасть»^[721] и лег навзничь, а Цзиньлянь оседлала его, сказав:

– погоди, я пристрою его, а тогда и запустишь.

Однако черепашня головка была слишком велика, и только после долгого проталкивания внутрь вошел лишь самый кончик. Находившаяся сверху женщина, раскачиваясь вправо и влево, терлась и, как будто не имея сил скрывать свои чувства, бормотала:

– Дорогой, войди поглубже внутрь, ведь тебе это совсем не трудно.

Одновременно она мяла его руками. При свете лампы она уставилась на его черенок, который принялась вставлять в свою прореху; сначала тот вошел наполовину, а потом, подпираемый с двух сторон, заполнил все до отказа, после чего прекратились движения взад и вперед.

Цзиньлянь с обеих сторон помазала слюной свою прореху, которая от этого немного расширилась и стала скользкой. Затем они энергично возобновили встречные движения, один поднимался, другая опускалась, и постепенно погрузили черенок по самый корень.

– При употреблении «звонкоголосой чаровницы»^[722] по всему телу разливается приятное тепло, – шептала она, – а вот от этого снадобья почему-то холод подступает к самому сердцу. Я так обессилела, что и пошевелиться не в силах. Кажется, скоро дух испущу в твоих объятиях. Не могу я больше!

– Хочешь, анекдот расскажу? – засмеялся Симэнь. – От брата Ина слышал. Умер один, и владыка преисподней натянул на него ослиную шкуру. «Ослон, – говорит, – будешь». Заглянул тогда загробный судья в книгу судеб. Видит: человек этот целых тринадцать лет на белом свете не дожил и отпустил его. Оглядела его жена: муж как муж, все как у людей, только янский предмет, как у осла. «Пойду – говорит муж, – свой возьму». Жена испугалась. «Что ты, дорогой мой! – уговаривает. – А вдруг не отпустят, что тогда делать?! Лучше так уж живи, а я как-нибудь свыкнусь».

Цзиньянь ударила Симэня рукояткой веера.

– Это Попрошайкиной бабе, видать, к ослиным не привыкать, – заметила она, улыбаясь, – а я от твоего света белого не вижу.

Они сражались уже целую стражу, а семя у Симэня все еще не изверглось. Лежа снизу, он закрыл глаза и позволил женщине сидеть сверху на корточках, а его черепашня головка, со всей силой вставлявшаяся и вынимавшаяся, от трения издавала удивительные звуки. Симэнь долго предавался этому занятию, пока жена не повернулась к нему. Тогда он своими ступнями поднял ее ноги, высоко задрал их и стал резко двигаться назад и вперед. Хотя Симэнь своим телом касался тела Цзиньянь, а его глаза все видели, он чувствовал себя словно в пустоте.

Прошло много времени, страсть Цзиньянь дошла до предела, она повернулась, руками обхватила Симэня за шею и повалилась на него, погрузив кончик языка в его рот. Тот самый предмет у Симэня сразу же проник в лоно жены, которая вся отдалась трению-катанию и безостановочно бормотала:

– Дорогой, хватит, я уже умерла.

Вскоре она впала в забытие, а язык у нее стал холодным как лед. Когда изверглось семя, Симэнь ощутил в ее лоне струю горячей пневмы, которая проникла в его киноварное поле, что родило в сердце неописуемую радость. Вытекшее семя Цзиньянь вытерла платком. Они обнимались, сплетали шеи и ноги, сосали языки друг у друга, но тот самый предмет больше не вздыбливался.

Они заснули. Но не прошло и часу, как возбужденная Цзиньянь сама взобралась на Симэня. Сражение разгорелось снова. После

двукратной радости за один раз она лежала совершенно изможденная. Симэнь же был бодр, как ни в чем не бывало, и мысленно поражался чудодейственной силе заморского снадобья.

Запели петухи, на востоке занимался рассвет.

– Душа моя! – говорила Цзиньлянь. – Ты недоволен, да? Приходи вечером, и я буду тебя ублажать до утра.

– Меня этим не удовлетворишь, – отвечал он. – Мне только одно даст удовлетворение.

– Что же? – спросила она. – Скажи.

– Секрет! Вечером скажу.

Наступило утро. Он встал, умылся и причесался. Чуньмэй подала ему одежду.

Хань Даого и Цуй Бэнь уже дожидались его. Он вышел к ним, возжег жертвенные деньги и вручил отъезжающим письма.

– Это – на пристань, – объяснял он. – Передадите хозяину постоянного двора Ван Бою, а это – проживающему в городе Мяо Цину. Разузнайте, чем кончилось его дело. Да не задерживайтесь там. А не хватит денег, с Лайбао перешлю.

– А его сиятельству Цаю будет письмо? – спросил Цуй Бэнь.

– Пока не написали, – отвечал Симэнь. – Тоже с Лайбао отправлю.

Слуги простились и вскочили на коней, но не о том пойдет речь.

Симэнь облачился в парадные одежды и отбыл в управу, где, встретившись с Ся Лунси, поблагодарил его за приглашение.

– Был бы весьма польщен вашим присутствием, – сказал Ся Лунси. – Больше никого не будет.

После заседания они разъехались по домам.

Между тем Юэнян накрыла стол и пригласила Симэня к завтраку. Тут к воротам неожиданно примчался гонец в темном платье верхом на скакуне. Под мышкой у него торчал узел, с лица катился пот.

– Здесь живет надзиратель господин Симэнь? – обратился он к Пинъаню.

– А ты кто такой? – спросил в свою очередь тот.

Всадник поспешно соскочил с коня и поклонился.

– Я гонец его сиятельства Аня, управляющего перевозками императорского строевого леса, – отчеканил он. – Прибыл с подарками господину Симэню. Мой господин с его сиятельством Хуаном, смотрителем гончарен, пирует сейчас у его сиятельства Ху в Дунпине и намеревается заехать по пути с визитом к господину Симэню.

– Визитная карточка есть? – спросил Пинъань.

Гонец достал из узла карточку с перечнем подарков и протянул ее

привратнику. Тот удалился и вручил ее Симэню. На визитной карточке значилось: «Чжэнцзянского шелка два куска, хучжоуской ваты четыре цзиня, пояс и старинное зеркало».

– Дай гонцу пять цяней серебра и мою визитную карточку, – наказывал Симэнь. – Скажи, хозяин, мол, почтет за великую честь принять высоких гостей.

Всадник умчался, а Симэнь дал распоряжение накрывать столы.

В полдень к воротам прибыли два роскошных паланкина, сопровождаемые целой свитой слуг. Гонцы вручили визитные карточки прибывших. На одной значилось: «От Ань Чэня с поклоном», на другой – «От Хуан Баогуана с поклоном». Из паланкинов вышли сановники в черных креповых шапках и черных туфлях. Парадные одежды их украшали наперсники с изображением летящих в облаках серебристых фазанов.^[723] Они обменялись поклонами и, уступая друг другу дорогу, приблизились к воротам, где их встретил Симэнь и проводил в залу. Там после взаимных приветствий и излияний дружеских чувств все сели. Смотритель гончарен Хуан расположился слева, управляющий Ань – справа. Симэнь занял место хозяина.

– Давно жаждал с вами познакомиться, милостивый сударь, – подняв руку, начал Хуан. – Широко известны ваши добродетели, повсюду о вас гремит слава. Мне приходится глубоко сожалеть, что до сих пор не имел чести засвидетельствовать вам свое почтение.

– Что вы, ваше сиятельство! – воскликнул Симэнь. – Это меня мучит совесть, что до сего дня не выразил вам всю мою признательность и заставил вас утруждать себя этим посещением, коего я никак не достоин. Позвольте узнать ваше почтенное прозвание.

– Брат Хуан, – сказал Ань, – прозывается Тайюем, что значит «Умиротворитель вселенной», из выражения «ступил на твердь умиротворенную, и излучили свет небеса».^[724]

– А мне будет позволено узнать ваше почтенное прозвание? – спросил Хуан.

– Мое скромное прозвание Сыцюань, – отвечал Симэнь. – Происходит от четырех колодцев у меня в поместье.

– Мне довелось встретиться с братом Цаем, – заговорил Ань Чэнь. – Он рассказал мне, как они с Сун Сунъюанем причинили вам хлопоты своим визитом.

– Да, но так пожелал Юньфэн, – отвечал Симэнь. – А помимо того, его сиятельство является цензором в наших краях, и долг обязывал меня устроить прием. Слуга, вернувшись из столицы, говорил мне, что вы, ваше сиятельство, удостоились высокого поста. Позвольте

поздравить вас с назначением. Давно из родительского дома?

– После расставания с вами здесь в минувшем году, – говорил Ань Чэнь, – я по прибытии домой взял себе вторую жену, встретил Новый год и в первой же луне отбыл в столицу, где получил назначение в Ведомство работ. Там меня и направили инспектировать перевозки императорского леса. Направляясь в Цзинчжоу через ваши края, я, конечно, не мог не выразить вам моего искреннего почтения.

– О, я до глубины души тронут вашим вниманием, – поблагодарил его Симэнь и предложил гостям снять парадные одежды, а слугам наказал внести столы.

Смотритель Хуан собрался было откланяться.

– Скажу вам по правде, – пояснил Ань Чэнь. – Мы с братом Хуаном должны еще поспеть в Дунпин к господину правителю Ху. Там нас тоже ждет прием. Мы ведь к вам проездом заглянули, отдать долг вежливости. Если позволите, мы побеспокоим вас как-нибудь в другой раз.

– Но, господа, Дунпин ведь очень далеко! – воскликнул Симэнь. – Если не голодны вы, то как быть вашим сопровождающим? Я не посмею вас долго задерживать, господа. Только легкая закуска, никаких особых приготовлений. И подкрепление слугам.

Первым делом вынесли блюда носильщикам паланкинов. В зале на столе тотчас же появились в изобилии отборные яства и редкие дорогие кушанья, какие только можно было достать в это время года, всевозможные супы и сладости. Они осушили всего по три маленьких золотых чарки вина. Потом стали угощать доверенных слуг и писцов. Немного погодя оба гостя встали и начали прощаться.

– Завтра мы пришлем вам приглашение, – обратился к хозяину Ань Чэнь. – Будем просить вас, досточтимый сударь, пожаловать на скромное угощение. Оно будет в поместье придворного смотрителя его сиятельства Лю, сослуживца брата Хуана. Были бы счастливы видеть вас на приеме. Сеем надеяться, вы придете.

– Не смею отказаться от столь любезного приглашения, – заверил их Симэнь и проводил за ворота.

Не успели отбыть их паланкины, как принесли приглашение от Ся Лунси.

– Сейчас иду! – сказал посыльному Симэнь, распорядился седлать коня, а сам пошел в дальние покои переодеваться.

Симэня сопровождали Дайань и Циньтун, а также солдаты, отгонявшие с дороги зевак. Особые лица обмахивали его черным опахалом.

Достигши дома Ся Лунси, Симэнь проследовал прямо в залу, где гость и хозяин обменялись взаимными приветствиями.

– У меня только что были управляющий перевозками императорского леса его сиятельство Ань и смотритель гончарен Хуан, – объяснял Симэнь. – Если б не они, я бы пораньше приехал.

Он снял парадный халат и пояс, и Дайань велел солдату завернуть их в узел.

В зале были накрыты два стола. Симэню предложили занять место слева. Рядом с ним сел домашний учитель сючай Ни. Они разговорились.

– Позвольте узнать ваше почтенное прозвание, учитель? – обратился к нему Симэнь.

– Меня зовут Ни Пэн, – ответил сючай. – Другое имя Шиюань, а прозвание Гуйянь. Я состою на службе в областном училище. А теперь вот проживаю у почтенного покровителя моего господина Ся. Готовлю к экзаменам молодого барина. Мне прямо-таки неловко общаться со столь знатными особами, друзьями моего покровителя.

Пока они говорили, вышли двое певцов и отвесили земные поклоны. После супа опять стали подавать кушанья, и Симэнь велел Дайаню наградить поваров.

– Принеси мне головную повязку, – наказал он слуге, – а парадные одежды вези домой. Вечером за мной приедешь.

– Слушаюсь! – отвечал Дайань и, полакомившись сладостями, умчался верхом домой, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о Цзиньянь. Проводив утром Симэня, она проспала до самого обеда, а проснувшись, долго нежилась в постели. Ей не хотелось даже делать прическу. Когда Юэнян позвала ее обедать, она во избежание толков сослалась на дурное самочувствие и осталась у себя. Когда она появилась наконец в покоях Юэнян, обед давно кончился, и хозяйка, пользуясь отсутствием Симэня, решила попросить наставницу Сюэ возвестить слово Будды и послушать акафисты из «Алмазной сутры».

В светлой комнате стоял алтарь и курились благовония. Одна против другой сидели мать Сюэ и мать Ван. Рядом с ними сбоку стояли послушницы Мяоцзюй и Мяофэн. Они должны были возглашать имя Будды. Вокруг разместились невестка У Старшая, золовка Ян, У Юэнян. Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь, Ли Пиньэр, Сунь Сюэ и Ли Гуйцзе. Все были в сборе.

Начала монахиня Сюэ:

Молния, блеск угасают мгновенно; камень, огонь уничтожить

нельзя. Опавшие цветы на дерево обратно не вернутся. Утекая вода назад не возвратится к роднику. Были палаты расписные и резные хоромы, но жизнь оборвалась, и вечной пустоты на всем легла печать. Высокие были посты и почетные ранги, но разжаловали однажды, и показалось все прежнее сном. Золото с нефритом – источник бедствий, румяна с шелками – напрасная трата усилий. Семейным радостям век не продолжаться; на том свете придется тысячи тяжких мук перетерпеть. Час смертный на ложе застанет, к желтым истокам уйдешь, и только анналы тленные славу пустую возвестят. Прах в землю зароют сырую, передерутся дети из-за полей и садов. Владей кладовыми шелков и парчи, после кончины клочка не возьмешь. Едва расцвел как весной цветок, серебрят седина уж виски. Только отгремели задравные тосты, за ними плакальщики потянулись в дом. О, как все это тяжело, как тяжко! Дыхание по ветру разнесет, зароют в землю прах. Нет конца превращеньям. Все живое меняет и внешность, и вид беспрестанно.

Вручим себя будде^[725] до конца!

Всеобъемлющее учение Великой пустоты соприкасается с прошлым и проявляется в будущем. Учение Будды – Три сокровища монахам!^[726] Глубокая истина и сокровенная!

К тебе – в миллионы веков^[727] трудный путь!

Увидев, услышав, держусь неизменно я,

И жажду постичь твою высшую суть.

Монахиня Ван продолжала:

Хотим услышать речь о том, как во время оно будда Шакьямуни – патриарх всех будд и нашей религии творец,^[728] покинул мир.^[729]

Монахиня Сюэ начала петь на мотив «Пяти жертвоприношений»:

Сын Брахмы^[730] – Шакьямуни будда

Покинул горы и потоки –

Земли родной приют,

Взошел на снежный пик.^[731] Безлюдно,

Гнездятся соколы, сороки,

Что плоть его склюют.

Драконов девять станут виться

И золотить слюною щедро...^[732]

Стал буддой человек!^[733]

Тогда Большая колесница,^[734]

Божественное просвещение^[735]

Прославились навек!

Монахиня Ван продолжала:

О будде Шакьямуни слышали речь.

Хотим услышать о тех днях, когда бодхисаттва Гуаньинь совершенствовалась в вере и как после этого произошло Украшение; [736] прошла через тысячи перерождений и затем обрела Небесный путь.[737]

Монахиня Сюэ вновь запела:

То Чжуан Яня третья дочь^[738] –

Принцесса прелести, добра,^[739]

Что из дворца бежала прочь,

Ей дом – Душистая гора.^[740]

Там в созерцании^[741] спасенья

Искала, жертвы возносила,

И в пятьдесят три превращения^[742]

Достигла будды.^[743] Мудрость, сила

Святой Гуаньшиинь^[744] у ней,

От бед спасающей людей.

Монахиня Ван продолжала:

Бодхисаттвы Гуаньинь слышали учение.

В былые дни явился Шестой патриарх – учитель чань.^[745] Он передал светильник будды, своим ученьем изменил веру Западных краев и вернулся на Восток. Не основал он письменного учения.^[746] Каким был его тяжкий подвиг? Хотим слышать слово о нем.

Монахиня Сюэ опять запела:

Наставник в дхарме,^[747] патриарх Шестой,

Ты девять лет лицом к стене постои,

Тебя опутает тростник густой,

Врастет в колени – боль не вырвет стон,

Столь крепко сосредоточенье!^[748]

Хоть мучил тигр, хлестал хвостом дракон,^[749]

Но лишь усовершенствовавшись, он

Восстал, сломавши стебли башмаком,

И в путь, священной миссией влеком,

Отправился нести ученье.^[750]

И лишь тогда был в будде воплощен,^[751]

И к милосердию высших приобщен.

Обет великий Вайрочаны^[752]

В молитвах славим неустанно!

Монахиня Ван продолжала:

Шестой патриарх, передавший учения светоч, услышали слово о нем.

Смею спросить о былых днях, когда жил отшельник Пан,^[753] что бросил дом и в нищенской ладье отчалил в море, и тем достиг прямого воздаяния.^[754]

Монахиня Сюэ запела:

Жил Пан Юнь – мирянин в вере,^[755]

Распознавший мудрость сущую,^[756]

Сделал вклад он в жизнь грядущую:

Горемыкам в полной мере

Помогал своим добром,

Жить ушел в сарай,^[757] постился...

И достигнув просветления,

Поднялся на плот учения,

С женами, детьми простился

И навек оставил дом.

Что случилось с ним потом?

Высшей он достиг ступени^[758] –

Он теперь хранитель-гений

Монастырского закона.

Разве путь его исконно

Не прекрасен и ученье

Не достойно восхищенья?^[759]

Юэнян вся обратилась в слух, когда в залу вбежал запыхавшийся Пинъань.

– Его сиятельство цензор Сун прислал двух гонцов и слугу с подарками, – выпалил он.

Юэнян переполошилась.

– Батюшка пирует у господина Ся, – говорила она. – Кто же примет подарки?

Пока они суетились, вошел Дайань с узлом под мышкой.

– Не волнуйтесь! – успокаивал он хозяйку. – Я возьму визитную карточку и сейчас же отвезу батюшке. А зятюшка пусть угостит пока слугу.

Дайань оставил узел, взял визитную карточку и вихрем помчался прямо к надзирателю Ся.

– Его сиятельство цензор Сун прислал подарки, – докладывал он Симэню.

Симэнь взял визитную карточку. На ней значилось: «Свиная туша, два кувшина золотого вина, четыре пачки писчей бумаги и собрание сочинений. От Сун Цяоняня с нижайшим поклоном».

– Ступай домой, – распорядился хозяин. – Скажи Шутуну, чтобы выписал на визитной карточке мое звание и чин, все как полагается. Слуге дайте три лян серебром и два платка, а принесшим подарки по пять цяней каждому.

Дайань поскакал домой. Где он только не искал Шутуна, того и след простыл. Слуга бегал взад-вперед. Чэнь Цзинцзи тоже не показывался. Дайань велел приказчику Фу угощать слугу, а сам бросился в дальние покои за серебром и платками. Пришлось ему самому запечатывать на прилавке подношения. Приказчик Фу надписал все три конверта.

– Не знаешь, куда девался Шутун? – спросил Дайань привратника.

– Пока зять Чэнь был дома, и он тут ходил, – отвечал Пинъань. – А как зять за деньгами отправился, так и он исчез куда-то.

– А, дело ясное! – махнул рукой Дайань. – Наверняка за девками увивается.

Во время этой горячки верхом на осле подъехали Чэнь Цзинцзи и Шутун. Дайань обрушился на последнего с бранью:

– Человек ждет, деревенщина ты проклятый! Давай, пиши скорей визитную карточку! Только и норовит из дома улизнуть! Раз батюшки нет, значит, тебе можно по девкам бегать, да? Кто тебя с зятем посылал?! Самовольно убежал! погоди, я про тебя батюшке все скажу!

– Ну и говори! – отозвался Шутун. – Я тебя не боюсь! А не скажешь, стало быть, сам меня испугался. Так и знай!

– Ишь ты, сукин сын! – заругался Дайань. – Еще зудит, щенок!

Дайань бросился на Шутуна, и завязалась свалка. Дайань плюнул Шутуну прямо в лицо и отошел.

– Мне за батюшкой пора, а вернусь, я с тобой, потаскуха, разделаюсь! – сказал он и вскочил на коня.

Юэнян между тем угостила монахинь чаем и продолжала слушать их буддийские песнопения и жития. Цзиньянь не сиделось на месте. Она потянула было за рукав Юйлоу, но та сидела как ни в чем не бывало. Потом обернулась к Пиньэр, но та тоже опасалась замечания хозяйки.

– Сестрица Ли! – не выдержала, наконец, Юэнян. – Видишь, она зовет тебя. Ступайте! А то она себе места не находит.

Пиньэр с Цзиньянь ушли.

– Ну, вот, убрали репу, и сразу просторнее стало, – глядя вслед Цзиньянь, говорила Юэнян. – Хорошо, что ушла, а то сидит, как на шипах. Не ей Учению внимать!

Цзиньянь повела Пиньэр прямо к внутренним воротам.

– До чего же наша Старшая любит эти вещи! – говорила она. – Покойника вроде в доме пока нет, так к чему монахинь звать?! Не понимаю! Надоели мне их песни. Затянут одно и то же! Пойдем лучше посмотрим, чем наша падчерица занимается.

Они миновали парадную залу. Во флигеле горел свет. Дочь Симэня бранила Цзинцзи из-за какого-то серебра. Цзиньянь пробралась под окно и стукнула.

– Там буддийские проповеди читают, а они глотку дерут, – сказала она.

Вышел Чэнь Цзинцзи.

– А, это вы! – завидев женщин, протянул он. – Чуть было не обругал под горячую-то руку. Заходите, прошу вас!

– Ишь, какой храбрый! – оборвала его Цзиньянь. – А ну, попробуй!

Они вошли в комнату. Падчерица сидела у лампы и мастерила туфельки.

– Туфли шьет в такую духоту! – говорила Цзиньянь. – Бросай, поздно уж! Чего это вы тут раскричались, а?

– Да как же! – начал Цзинци. – Меня батюшка за город послал, долг вытребовать. А она три цяня дала. Крапленный золотом платок, говорит, мне купишь. Сунулся я в рукав – нет серебра. Так без платка и воротился. Тут она и напустилась. На девок, говорит, истратил. Давай ругаться. Никакие мои клятвы слушать не хочет. И что же? Служанка стала подметать пол и нашла серебро. Так она серебро спрятала, а меня заставляет завтра платок привезти. Вот и посудите матушки, кто же виноват.

– Замолчи ты, арестантское отродье! – заругалась на него жена. – К девкам шлялся! Зачем же Шутуна брал, разбойник? Небось, слышал, как его Дайань ругал? Сговорились вы к потаскухам идти, вот до сих пор и пропадали. За серебром, говоришь, ездил? А ну, покажи, где оно.

– Ты свои деньги нашла? – спросила Цзиньянь.

– Служанка на полу нашла, – отвечала падчерица. – Мне передала.

– Ну и хватит ссориться! – успокаивала их Цзиньянь. – Я тебе тоже денег дам. И мне купишь пару крапленных платков.

– Зятюшка, тогда и мне купи, – сказала Пиньэр.

– В Платочном переулке за городом, – объяснил Цзинци, – торгует знаменитый Ван. Каких только у него нет платков! Сколько нужно, столько и бери! И крапленные золотом, и отделанные бирюзой. Вам, матушка, какого цвета, с каким узором? Я ведь завтра бы и привез.

– Мне хочется оранжевый, крапленный золотом и бирюзой, – говорила Пиньэр. – С фениксом в цветах.

– Матушка, оранжевый цвет с золотом не идет, – заметил Цзинци.

– Это мое дело! – перебила его Пиньэр. – Мне нужно также серебристо-красный шелковый с волнистым узором, отделанный восемью драгоценностями.^[760] А еще я хотела бы с отливом, украшенный цветами сезама и золотым краплением.

– А вам какие, матушка Пятая? – спросил Цзинци.

– У меня денег нет, – отвечала Цзиньянь. – Мне и пары хватит. Один бледно-кремовый, крапленный золотом, с тесьмой.

– Вы же не старуха! – перебил ее Цзинци. – К чему вам белый?

– А тебе какое дело? – возразила Цзиньянь. – Может, на случай траура припасую.

– А еще какой?

– А другой – нежно-лиловый, из сычуаньского сатина, крапленный золотом и отделанный бирюзой. На узорном поле чтобы были изображены слитые сердца, орнамент из сцепленных квадратиков и союз любящих, а по кромке с обеих сторон чтобы висели жемчужины и восемь драгоценностей.

– Вот это да! – воскликнул Цзинци. – Вы, матушка, как торговец тыквенными семечками. Все продал, корзину открыл да как чихнет – сразу всех шелухой обсыпет.

– Что тебе, жить надоело? – заругалась Цзиньянь. – Кто платит, тот и товар по душе выбирает. Кому что нравится. И не тебе разбирать!

Ли Пиньэр достала из узелка слиток серебра и подала Цзинци.

– Отсюда и за матушку Пятую возьми, – сказала она.

Цзиньянь покачала головой.

– Нет, нет, я сама дам, – сказала она.

– Да не все ли равно, сестрица? – говорила Пиньэр. – Зятюшка заодно покупать будет.

– Этого слитка на все ваши платки хватит и еще останется, – сказал Цзинци и прикинул серебро на безмене.

Потянуло лян и девять цяней.

– А останется, жене купишь, – сказала Пиньэр.

Падчерица поблагодарила ее поклоном.

– Раз матушка Шестая и тебе покупает, – обратилась к падчерице Цзиньянь, – вытаскивай свои три цян. И давайте-ка с мужем тяните жребий: кому угощать, посмотрим. А не хватит денег, матушку Шестую попросите добавить немножко. Завтра, как батюшка уйдет, купите утку, белого вина – и попируем.

– Давай серебро, раз матушка велит, – сказал жене Цзинци.

Она протянула серебро Цзиньянь, а та передала его Пиньэр. Достали карты, и муж с женой начали игру. Цзиньянь подсказывала падчерице, и та выиграла у мужа три партии.

Послышался стук в дверь. Прибыл Симэнь. Цзиньянь и Пиньэр поспешили к себе, а Цзинци вышел навстречу хозяину.

– Сюй Четвертый обещал послезавтра вернуть двести пятьдесят лянов, – докладывал Цзинци, – а остальные в следующем месяце.

Симэнь был пьян и, выругавшись, направился к Цзиньянь.

Да,

Если любимого ждешь всей душой,
Все пересуды – шум ветра пустой.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ
ИН БОЦЗЮЭ В ГРОТЕ
ПОДСМЕИВАЕТСЯ НАД ЮНОЙ
КРАСОТКОЙ
ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ
РАССМАТРИВАЕТ В САДУ
ГРИБЫ

*Во дворе цветущем яблони
дождевую впитали влагу;
Над тропой в тишине и безветрии
пестроцветные бабочки вьются;
Всюду, всюду гвоздики пышные,
прочь от них не ступить ни шагу;
Временами томные шелесты
Задремавших ив раздаются.
Вот напиток из свежих персиков –
ароматен и розоват он.
Как ни холодно травам в утренник,
а растут зеленей да гуще.
Возвращаются в гнезда ласточки,
и покой за пологом скрытан.
Козодой заплачет так жалобно,
и тоска весенняя пуще!..*

Итак, Симэнь Цин пировал у Ся Лунси, когда от цензора Суна принесли подарки. Это польстило Симэню, а Ся Лунси проникся к сослуживцу еще большим уважением. Он запер дверь и неустанно потчевал гостя вплоть до второй ночной стражи.

Цзиньлянь давно сняла головные украшения и распустила напояженные волосы, а Чуньмэй наказала стелить чистую постель и прохладную циновку. После омовения ароматной водой Цзиньлянь стала поджидать мужа. Он вернулся навеселе. Пока она помогала ему раздеться, Чуньмэй заваривала чай.

Симэнь лег. Рядом с ним на краю кровати сидела, склонив голову, обнаженная Цзиньлянь. Его взор привлекли ее белые пышные бедра, забинтованные ножки размером всего в три вершка, не больше, обутые в ярко-красные ночные туфельки без каблуков. У Симэня вспыхнуло желание; черенок, вздыбившись, радостно подскочил.

– Давай узелок! – сказал Симэнь.

Цзиньлянь достала из-под постели заветный узелок и протянула ему. Приладив пару подпруг, Симэнь заключил Цзиньлянь в свои объятия.

– Дорогая! – шептал он. – Дашь мне сегодня поиграть с цветком с заднего дворика, а?

– Вот бесстыдник! – поглядев на него, заругалась Цзиньлянь. – Что тебе, или Шутуна мало? Ступай с ним играй!

– Брось, болтушка! – засмеялся Симэнь. – Зачем мне Шутун, если ты позволишь? Знаешь, как мне это по душе! Только доберусь до цветка, и брошу, а?

Цзиньлянь некоторое время препиралась.

– С тобой не справишься, – сказала она наконец. – Только кольцо сними сперва, потом попробуй.

Симэнь снял серное кольцо, а серебряную подпругу оставил у корня.^[761] Он велел жене стать на кровати на четвереньки и повыше задрать зад, а сам слюной смочил черепашью головку и принялся туда-сюда толкать увлажненную маковку. Черепашья головка бодро топорщилась, так что через немалое время удалось погрузить лишь самый кончик. Лежавшая внизу Цзиньлянь, хмуря брови, сдерживалась и, закусив платок, терпела.

– Потише, дорогой! – восклицала она. – Это ведь совсем не то, что прежде. У меня все нутро обжигает. Больно!

– Душа моя! – говорил он. – Что, сплеховала? Ладно, я тебе куплю шелковое платье с узорами.

– Платье у меня есть, – говорила она. – Я на Ли Гуйцзе пеструю шелковую юбку видела, с бахромой и пухом. Очень красиво! В городе, говорит, купила. Все носят, а у меня нет. Не знаю, сколько стоит. Купи мне такую, а?

– Не волнуйся! – уговаривал ее Симэнь. – Завтра же куплю.

Говоря это, находившийся сверху Симэнь усиленно вправлял и выдергивал и беспокоился только о том, чтобы засадить до упора, а потому, слегка вынимая, опять устремлялся вглубь, и так без конца. Повернув к нему голову и глядя поплывшим взором, жена закричала:

– Дорогой, ты слишком сильно давишь, мне нестерпимо больно. Как тебе пришло в голову такое? Умоляю тебя, что бы ни было, кончай скорее.

Однако Симэнь не слушал, а, держа ее за ноги, продолжал вставлять и вынимать. При этом он гаркнул:

– Пань Пятая, маленькая потаскушка, любишь напрасно поднимать шум! Вопишь: «дорогой», а лучше кричала бы: «дорогой, спускай молофью!».

У Цзиньлянь, находившейся внизу, затуманились подобные звездам глаза; стих ее, как у иволги, щебет; одеревенела гибкая, как ива, талия; ароматное тело будто распалось, с уст срывались только любовные, нежные слова. Однако все это трудно описать. Прошло довольно много времени, и Симэнь, ощутив грядущее семьяизвержение, обеими руками задрал ее ноги и с такой силой стал заправлять ей, что звуки от шлепков по ногам слышались непрерывно, а стоны лежавшей внизу жены сливались в одно громогласье, от которого она не могла удержаться. Когда наступил последний миг, Симэнь хлопнул жену по задку, погрузил свой черенок по самый корень и достиг последней глубины, что ни с чем нельзя было сравнить. Симэнь радостно почувствовал это, и из него ручьем потекло. Цзиньлянь, получившая семя, тесно прижалась к мужу, и два тела долго лежали в таком положении. Когда веник был вынут, они увидели, что его рукоять окрашена чем-то багряно-красным, а из лягушачьего рта капает слюна. Жена платком вытерла ее, после чего они улеглись спать.

На другой день утром, когда Симэнь вернулся из управы, от управляющего Аня и смотрителя Хуана прибыли посыльные с приглашениями на пир, который устраивался двадцать второго в поместье придворного смотрителя Лю. Симэнь отпустил посыльных и пошел завтракать в покои Юэнян. После завтрака у парадной залы ему повстречался цирюльник Чжоу. Парень упал на колени и, отвесив земной поклон, стал в сторону.

– Вот и хорошо, что пришел! – сказал Симэнь. – А я только хотел за тобой посылать. Волосы надо будет в порядок привести.

Они прошли через Зимородковый павильон в крытую галерею, где Симэнь разместился в летнем кресле, снял головную повязку и обнажил голову. Сзади него за столиком расположился цирюльник. Он

вынул расчески с гребнями и принялся расчесывать Симэню волосы, удаляя при этом перхоть и грязь, а также и пробивающиеся седые волосы.

– Вам, сударь, – обратился он к хозяину, встав на колени в ожидании вознаграждения, – предстоят в этом году большие перемены. Судя по вашим волосам, вас ожидает взлет.

Симэнь очень обрадовался и велел цирюльнику прочистить уши и помассировать тело. Чжоу вооружился своими инструментами и начал массировать и разминать все тело, сообщая членам бодрость и силу. Симэнь наградил Чжоу пятью цзями серебра и велел накормить.

– Потом с сыном займешься, – сказал он, а сам, расположившись на мраморном ложе, тотчас же заснул.

Откланялась золовка Ян. Стали собираться домой монахини Ван и Сюэ. Юэнян положила им в коробки всяких лакомств, сладостей и чаю, дала каждой по пять цзяней серебра, а послушницам – два куска холста и проводила их за ворота.

– Не забудьте, в день жэнь-цзы^[762] примите, – наказывала мать Сюэ. – Будет счастье, поверьте мне.

– В восьмой луне мой день рождения, мать наставница, – говорила Юэнян. – Обязательно приходите. Ждать буду.

Мать Сюэ поблагодарила ее поклоном и сложенными на груди руками.

– Мы и так побеспокоили вас, бодхисаттва, – отвечала она. – Приду, непременно приду.

Монахини отбыли. Их провожали все женщины. Юэнян с женой У Старшего вернулась к себе в дальние покои, а Юйлоу, Цзиньлянь, Пиньэр, их падчерица и Гуйцзе с Гуаньгэ на руках пошли гулять в сад. На Гуйцзе была серебристо-белая шелковая кофта, бледно-желтая с бахромою юбка и ярко-красные туфельки. Прическу ее украшали серебряная сетка, отделанная бирюзою и узорами в виде облаков, золотые шпильки и аметистовые серьги.

– Гуйцзе, давай я возьму малыша, – сказала Пиньэр.

– Ничего, матушка, мне хочется Гуаньгэ поносить, – отвечала певица.

– Гуйцзе, а ты батюшкин новый кабинет видала? – спросила Юйлоу.

Цзиньлянь приблизилась к пышному кусту алых роз, сорвала два цветка и приколола к волосам Гуйцзе. Они вошли в сосновую аллею и приблизились к Зимородковому павильону. Там стояла кровать с пологом, ширмы и столики. Кругом висели картины, музыкальные

инструменты, лежали шашки. Кабинет был убран с большим вкусом. Ложе украшал шелковый полог на серебряном крючке. Прохладная бамбуковая циновка покрывала коралловое изголовье, положив голову на которое, крепко спал Симэнь. Рядом из золотой курильницы струился аромат «слина дракона». На окнах были отдернуты занавески, и солнечные лучи проникали в кабинет сквозь листья банана. Цзиньлянь вертела в руках коробку благовоний, а Юйлоу и Пиньэр уселись в кресла. Симэнь повернулся и открыл глаза.

– А вы что тут делаете? – спросил он.

– Гуйцзе твой кабинет поглядеть захотелось, – сказала Цзиньлянь, вот мы ее и привели.

Симэнь принялся играть с Гуаньгэ, которого держала Гуйцзе.

– Дядя Ин пришел, – сказал появившийся на пороге Хуатун.

Женщины поспешили уйти в покои Пиньэр. Ин Боцзюэ повстречался в сосновой аллее с Гуйцзе, на руках у которой сидел Гуаньгэ.

– А, Гуйцзе! – протянул он. – И ты здесь? Давно пришла? – не без ехидства спросил он.

– Хватит! – оборвала его певица, не останавливаясь. – Какое твое дело, Попрошайка? Чего выпытываешь?

– Ах ты, потаскушка эдакая! – не унимался Ин Боцзюэ. – Не мое, говоришь, дело, да? А ну, поцелуй меня.

Он обнял Гуйцзе и хотел было поцеловать, но она отстранила его рукой.

– Вот разбойник надоедлый! – заругалась она. – Лезет с ножом к горлу. Боюсь ребенка испугать, а то дала б тебе веером.

Вышел Симэнь. Заметив Ин Боцзюэ, он отвел Гуйцзе в сторону.

– Сукин сын! – крикнул он. – Гляди, ребенка не испугай! – Симэнь кликнул Шутуна. – Отнеси младенца к матери.

Шутун взял Гуаньгэ. Кормилица Жуи ждала его у поворота сосновой аллеи.

Боцзюэ между тем стоял рядом с Гуйцзе.

– Ну, как твои дела? – спросил он.

– Батюшке надо спасибо говорить, сжалился. Лайбао в столицу отправил.

– Ну и хорошо! Значит, можешь быть спокойна.

Гуйцзе пошла.

– Поди-ка сюда, потаскушка! – задержал ее Боцзюэ. – Поди, я тебе что скажу.

– Потом скажешь! – она направилась к Пиньэр.

Ин Боцзюэ и Симэнь обменялись приветствиями и сели на веранде.

– Вчера, когда я был на пиру у Ся Лунси, – начал Симэнь, – цензор Сун прислал мне подарки. Между прочим, и свиную тушу, совсем свежую. Я уж сегодня велел повару разделать, а то испортится. Голова с перцем и специями будет, так что не уходи. Надо будет и Се Цзычуня позвать. В двойную шестерку сыграем и полакомимся. – Симэнь кликнул Циньтуна: – Ступай дядю Се пригласи. Дядя Ин, скажи, уже пришел.

– Слушаюсь! – ответил Циньтун и ушел.

– Ну как? – спросил Боцзюэ. – Вернул Сюй серебро?

– Ох уж этот негодяй, собачья кость! – заругался Симэнь. – Вот только что двести пятьдесят лянов вернул. Скажи им, пусть послезавтра приходят.

– Ну и прекрасно! – воскликнул Боцзюэ. – Мне кажется, брат, они тебе сегодня подарки принесут.

– Ну к чему им тратить? – возразил Симэнь. – Да! Ну, а как Сунь и Рябой Чжу?

– Как их у Гуйцзе забрали, они ночь в уездной тюрьме пробыли, – рассказывал Боцзюэ, – а на другой день их заковали в одну цепь и препроводили в столицу. А оттуда, известно, так просто не выпустят. Ну скажи! Целыми днями пили-ели да гуляли, и на тебе! Такую пилюлю проглотить, а?! Достанется им теперь. В такую-то жару да в цепях, в кармане ни гроша – И за что?

– Чудной ты, сукин сын! – засмеялся Симэнь. – Если каторги испугались, не надо было бы им с лоботрясом Ваном шататься. Чего искали, то и нашли!

– А ты прав, брат, – поддержал его тут же Боцзюэ. – Будь яйцо целое, никакая муха не залезет, это верно. Почему они со мной, скажем, или с Се Цзычуном не дружили, а? Свояк свояка видит издалека, вся муть на дно оседает.

Появился Се Сиди и после приветствий уселся, усиленно обмахиваясь веером.

– Что это ты весь в поту? – спросил Симэнь.

– И не говори, брат! – воскликнул Се. – Даже к тебе опоздал. То меня дома не было, а только я из ворот, как ее принесло. Ни с того ни с сего наскочила, из себя вывела.

– Это ты о ком же, брат? – спросил Боцзюэ.

– Да о старой Сунь, – объяснял Се. – Как же, с раннего утра пожаловала. Из-за тебя, говорит, моего мужа угнали. И откуда она это взяла, глупая баба? Твой же старик целыми днями гуляет, пьет да ест,

деньгами швыряет, говорю. Что, спрашиваю, ты с того света, что ли, явилась? Ты, говорю, сама с вышибалы зарабатывала. Чего же теперь возмущаешься? Отчитал я ее, ушла. Тут меня слуга твой позвал.

– А я о чем говорю! – вставил Боцзюэ. – Вот взять хотя бы вино. Если оно чистое, так чистое и есть, а муть, так вся на дно оседает. Сколько я их предупреждал! Не доведут, говорю, вас до добра пирушки с этим Ваном. Вот и попали в ловушку. Некого теперь винить!

– Да что он из себя представляет, этот Ван? – говорил Симэнь.

– Так, молокосос! Усы не отросли, а уж тоже мне, за девками ухаживает. Разве ему с нами равняться! Небось, не знает, что к чему. Стыд и смех!

– Да что он знает! – поддержал Боцзюэ. – Где ему, брат, с тобой равняться! Ему про тебя сказать, так он умрет со страху.

Слуга подал чай.

– Вы пока в двойную шестерку поиграйте, – предложил Симэнь, – а я пойду скажу, чтобы лапшу подавали. У нас сегодня лапшу делали.

Вскоре появился Циньтун и накрыл стол. Хуатун принес на квадратном подносе четыре блюда закусок, а к ним ароматный соус из баклажанов, сою, подливки из душистого перца и сладкого чеснока, а также три блюда чесночного соуса. Когда все расставили на столе, подали большое блюдо солонины с серебряным половником и три пары палочек из слоновой кости.

Появился Симэнь и сел рядом с друзьями.

Потом подали три тарелки лапши, и все принялись за солонину, подливая к ней чесночный соус и специи. Ин Боцзюэ и Се Сиды, вооружившись палочками, вмиг опорожнили по чашке лапши, а немного погодя уплели по семь чашек, тогда как Симэнь доедал вторую.

– Ну и глотка же у вас, дети мои! – воскликнул он.

– Скажи, брат, какая сестрица готовила лапшу, а? – спросил Боцзюэ. – Вот мастерица! Пальчики оближешь!

– А соусы с подливками чем плохи?! – подхватил Се Сиды. – Жаль, я только что дома пообедал, а то бы еще с удовольствием чашку пропустил.

Оба покраснелись и сняли халаты, повесив их на спинки своих стульев. Циньтун убирал пустую посуду.

– Принеси-ка воды, – попросил Боцзюэ. – Рот прополоскать не мешает.

– А можно и чаю, – уточнил Сиды. – Горячий чай чесночный запах

отбивает.

Немного погодя Хуатун подал чай. После чаю они вышли на сосновую аллею и прошлись до цветочных клумб. Тем временем Хуан Четвертый прислал четыре коробки с подарками. Их внес Пинъань и показал Симэню. В одной коробке были водяные орехи, в другой – каштаны, в третьей – четыре крупных мороженных пузанка и в четвертой – мушмула.

– Какая прелесть! – воскликнул Боцзюэ, заглядывая в коробки. – И где только такие редкости откопали? Дай-ка хоть орешек попробовать.

Боцзюэ загреб целую пригоршню каштанов и протянул несколько штук Се Сиде.

– Другой ведь до седых волос доживет, а то и на тот свет уйдет, да так и не отведаст таких вот яств, – говорил он.

– Будде, сукин сын, не поднес, а уж сам хватаешь, – заметил Симэнь.

– А к чему Будде-то, когда они мне по вкусу? – возразил Боцзюэ.

Симэнь распорядился отнести подарки в дальние покои.

– Попроси матушку выдать три цян, – наказал он слуге.

– А кто же принес-то, Ли Цзинь или Хуан Нин?^[763] – спросил Боцзюэ.

– Хуан Нин, – ответил Пинъань.

– Повезло сукину сыну, – заметил Боцзюэ. – Еще и три цян получит.

Но не будем говорить, как Симэнь наблюдал за игрою Боцзюэ и Се Сиде. Перейдем пока в покои Юэнян.

После обеда она с Гуйцзе, Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньянь, Пинъэр и падчерицей вышла из зала. Они сидели в галерее, когда из-за ширмы показалась голова цирюльника Чжоу.

– А, Чжоу! – воскликнула Пинъэр. – Кстати явился. Заходи. У малыша волосы отросли. Постричь надо.

Чжоу поспешно отвесил земной поклон.

– Мне и батюшка наказывал постричь наследника, – сказал он.

– Сестрица! – обратилась к Пинъэр хозяйка. – Принеси календарь. Погляди, подходящий ли нынче день.

– Сяоюй! – крикнула Цзиньянь. – Ступай, принеси календарь.

Цзиньянь раскрыла календарь и сказала:

– Сегодня у нас двадцать первое число четвертой луны. День под знаками гэн-суй. Металл водворился в созвездии Лоу. Сторожит металлический пес^[764] в День молитв, служебных выездов, шитья, купания, стрижки и закладки постройки. Наиболее благоприятное

время – полдень.

– Раз счастливый день, – заключила Юэнян, – пусть нагревают воду. Надо будет потом ему голову вымыть. – Юэнян обернулась к цирюльнику; – А ты стриги потихоньку да забавляй его пока чем-нибудь.

Сяоюй встала рядом с платком, куда собирала волосы. Не успел цирюльник начать стрижку, как Гуаньгэ разразился громким плачем. Чжоу спешил стричь, а младенец тем временем так закатился, что и голоса лишился. Личико его налилось кровью. Перепуганная Пиньэр не знала, что и делать.

– Брось! – крикнула она. – Хватит!

Цирюльник с испугу бросил инструменты и опрометью выбежал наружу.

– Я же говорила: ребенок слабый, – заметила Юэнян. – Самим надо стричь, а не звать кого-то – Одно беспокойство.

На счастье, Гуаньгэ наконец успокоился, и у Пиньэр будто камень от сердца отвалило. Она обняла сына.

– Ишь какой нехороший Чжоу! – приговаривала она. – Ворвался и давай стричь мальчика. Только обкорнал головку да сыночка моего напугал. Вот мы ему зададим!

Она с Гуаньгэ на руках подошла к Юэнян.

– Эх ты, пугливый ты мой! – говорила Юэнян. – Тебя постричь хотели, а ты вон как расплакался. Обкорнали тебя, на арестанта теперь похож.

Она немного поиграла с малышом, и Пиньэр передала его кормилице.

– Грудь пока не давай, – наказала ей хозяйка. – Пусть сперва успокоится и поспит.

Жуи унесла младенца в покои Пиньэр.

Прибыл Лайань и стал собирать инструменты цирюльника Чжоу.

– Чжоу от страха побледнел, у ворот стоит, – сказал он.

– А покормили его? – спросила Юэнян.

– Покормили, – отвечал Лайань. – Батюшка ему пять цяней дал.

– Ступай, налей ему чарочку вина, – распорядилась хозяйка. – Напугали человека. Нелегко ему деньги достаются.

Сяоюй быстро подогрела вина и вынесла с блюдом копченой свинины. Лайань накормил цирюльника, и тот ушел.

– Загляни, пожалуйста, в календарь, – попросила хозяйка Цзиньлянь. – Скажи, когда будет день жэнь-цзы.

– Двадцать третьего, в преддверии дня Колошения хлебов, – глядя

в календарь, сказала Цзиньлянь. – А зачем это тебе понадобилось, сестрица?

– Да так просто, – отвечала Юэнян.

Календарь взяла Гуйцзе.

– Двадцать четвертого у нашей матушки день рождения, – говорила она, – как жаль, я не смогу быть дома.

– Десятого в прошлом месяце у твоей сестры день рождения справляли, – заметила Юэнян, – а тут уж и мамашин подоспел. Вам в веселых домах день-деньской приходится голову ломать, как деньги заработать, а по ночам – как чужого мужа заполучить. Утром у вас мамашин день рождения, в обед – сестрин, а к вечеру – свой собственный. Одни рождения, когда их по три на день, изведут. А какого захожего оберете, всем заодно рождение можно справлять.

Гуйцзе ничего не сказала, только засмеялась. Тут вошел Хуатун и позвал ее к хозяину. Она поспешила в спальню Юэнян, поправила наряды, попудрилась и, пройдя через сад, направилась к крытой галерее, где за ширмами и занавесками стоял квадратный стол, ломившийся от яств.^[765] Были тут два больших блюда жареного мяса, два блюда жареной уткины, два блюда вареных пузанков, четыре тарелки печенья-розочек, две тарелки жареной курятины с ростками бамбука под белым соусом и две тарелки жареных голубят.

Потом подали четыре тарелки потрохов, вареную кровь, свиной рубец и прочие кушанья.

Все принялись за еду, а Гуйцзе стала обносить вином.

– Я тебе и при батюшке вот что скажу, – обратился к ней Ин Боцзюэ. – Не подумай только, будто я чего-то требую, нет. Батюшка насчет тебя в управе разговаривал и все уладил. За тобой теперь никто не придет. А кого ты благодарить должна, а? Мне должна спасибо говорить. Это я батюшку насилу уговорил. Думаешь, стал бы он ни за что ни про что хлопотать? Так что спой, что тебе по душе, а я выпью чарку. Этим ты и меня за старание отблагодаришь.

– Вот Попрошайка-вымогатель! – в шутку заругалась Гуйцзе. – Сам-то блоха, а гонору хоть отбавляй! Так батюшка тебя и послушался!

– Ах ты, потаскушка проклятая! – закричал Боцзюэ. – Молитву не сотворила, а уж на монаха с кулаками лезешь? Не плюй в колодец, пригодится напиться. Не смейся над монахом, что он тещей не обзавелся. Да будь я один, я бы с тобой расправился. Брось надо мной смеяться, потаскушка! Ты на меня не гляди, у меня еще силы хватит.

Гуйцзе что было мочи хлопнула его веером по плечу.

– Сукин ты сын! – ругался шутя Симэнь. – Чтоб сыновья твои в разбойники пошли, а дочери – в певички! Да и этого мало будет за все твои проделки.

Симэнь рассмеялся, а за ним и все остальные.

Гуйцзе взяла не спеша в руки лютню, положила ее на колени, приоткрыла алые уста, в обрамлении которых показались белые, как жемчужины, зубы, и запела на мотив «Три террасы в Ичжоу»:

Лицемер, предатель гадкий,
Ветренный ты мой дружок!
Деву – утренний цветок^[766]
Повстречал и без оглядки
К ней сбежал весенним днем –
Я осталась одинокой
Изнывать в тоске глубокой,
Плакать и мечтать о нем,
Ждать, вернется ли опять,
Проклинать свой жребий жалкий
И наперсницу к гадалке
За ответом посылать.

На мотив «Иволги желтый птенец»:

Милый в дальнем далеке,...

Ин Боцзюэ вставляет:

... В обмелевшем ручейке
Лодка тонет на песке –
Да, мой друг, такое чудо
Не приходит ниоткуда.
Гуйцзе продолжает:
Хмурю брови я в тоске,
Зеркала лежат без дела,
Я от горя похудела,
Разве знала, дорогой,...

Боцзюэ:

... Что мой милый, ой-ой-ой,
Тю-тю-тю – уж под водой.

Гуйцзе:

Светозарною порой,

Что на солнце тень обмана
Упадёт... Теперь румяна,
Пудра – боле ни к чему,...

Боцзюэ:

– Да, недаром говорят:
Хоть десятки тысяч я приму,
Но любовь отдам лишь одному!

Сидишь теперь перед зеркалом, вздыхаешь тяжело, страдаешь, упрекаешь его. А ведь когда-то любили так пылко. Что ж, нечего роптать! Теперь и пострадай.

Гуйцзе:

– Чтоб тебе провалиться! Не болтай чепуху!

Серьги, кольца я сниму...

Боцзюэ:

– Пока вроде все на месте!

Гуйцзе:

Городской рожок певучий
Сердце в клочья рвет и мучит!

Боцзюэ:

– Как-то незаметно, чтобы разорвало. Скажи – меж вами связь порвалась.

Гуйцзе что было силы ударила Боцзюэ и заругалась:

– Ты, видать совсем из ума выжил, негодник! Хватит приставать!
Сгинь совсем, разбойник!

Она запела на мотив «Встреча мудрых гостей»:

Полнолунием серебрятся
занавески спальни,
Полога шелка струятся,
помыслы печальны.
Гуся дикого далёкий
вдруг раздался крик,
Горестным своим полётом
в уши мне проник.
Не сомкнуть опухших век мне
в заключение душном,
Свечка, растекаясь, блекнет
сумраком послушным.

Стражи кружатся неспешно,
ночь, как день, ясна,
Где-то спит он безмятежно,
мне же нету сна.

Ин Боцзюэ:

– Вот глупая-то! А кто ж ему мешает спать безмятежным сном? Его никто забирать не собирается. Он спит себе спокойно. Это ты в чужом доме скрываешься и дрожишь день-деньской как овечка. Вот уж из столицы привезут вести, тогда и успокоишься.

Гуйцзе не выдержала и обратилась к Симэню:

– Батюшка, ну что он ко мне пристал? Покою не дает Попрошайка.

– Что? Батюшку пришлось вспомнить? – издевался Боцзюэ.

Гуйцзе, не обращая на него внимания, опять заиграла на лютне и запела парные строфы:

Зардеет весна,
Зардеет весна,
И сердце мое затрепещет...

Боцзюэ:

– Заденешь тебя за живое, так хочешь или нет – затрепещет.

Гуйцзе:

Останусь одна,
Останусь одна –
И жемчуг на веках заблещет.

Боцзюэ:

– Один во сне мочился. Умирает у него матушка. Он, как полагается, постилает постель у ее гроба. Во сне и на этот раз случился с ним грех. Пришел народ, глядят: подстилка мокрая, хоть выжимай. «Это отчего?» – спрашивают. Он не растерялся. «Всю ночь, – говорит, – проплакал. Слезы желудком и вышли». Так вот и ты. Перед ним ломалась, а теперь втихомолку слезы проливаешь.

Гуйцзе:

– А ты знаешь? Ты видал? Эх, ты, юнец бесстыжий, чтоб тебе провалиться на этом месте.

Его не виню,
Его не виню,
Не сетую в горе безмерном...

Боцзюэ:

– Что ж ты не винишь судьбу? Скажи откровенно: много у него серебра выманила, а? Да, а теперь скрываться приходится, заработки упускать. «В горе безмерном!» Ты уж духов небесных обманывай. Они ведь все равно ничего не соображают.

Гуйцзе:

В слезах утоплю,...

Боцзюэ:

– Я же говорю, поймала, да из рук и выпустила.

Гуйцзе:

В слезах утоплю

Я память о друге неверном.

Боцзюэ:

– Глупышка! В наше время юнца желторотого не проведешь, а ты захотела посетителя своего надуть. Была, говоришь, ему верна? Постой! Послушай, что в «Южной ветке» говорится. Как о твоих похождениях идет речь:

В наш век кто честен, кто фальшив

В хитросплетениях не видно,

Всяк внешне предан и правдив,

А сердце – сушая ехидна.

В любовь – как в омут с головой!

Сочтет доходы мамка-сводня...

Красотка славилась весной,

Но где краса ее сегодня?

Жизнь выючного осла иль клячи

Уютней, право, и богаче.

Гуйцзе расплакалась. Симэнь ударил Боцзюэ веером по голове.

– Чтоб тебе, сукин сын, подавиться! – засмеялся Симэнь. – Поедом ест. Этак и человека погубить можно. – Он обернулся к Гуйцзе: – А ты пой, не обращай на него внимания.

– Брат Ин, ты сегодня уж совсем разошелся, – заговорил Се Сиды. – Зачем мою дочку обижаешь, а? Типун тебе на язык!

Гуйцзе немного погодя опять взяла лютню и запела на мотив «Бамбуковой рощи»:

Глаза горели, говорил – влюблен,

Ин Боцзюэ хотел что-то вставить, но Се Сиды вовремя закрыл ему рот.

– Пой, Гуйцзе, – сказал Сидя. – Не гляди на него.

Гуйцзе продолжала:

Но жил в душе его порок.

Мне говорили, честен он...

Но ложью он меня увлек,

Только Сидя отнял руку, Боцзюэ опять стал перебивать:

– Если б ты говорила то, о чем думаешь, ничего бы с тобой не случилось. Только в пасти тигра ты откровенничаешь, да и то больше намеками.

– Откуда ж ты знаешь, красные твои глаза?! – спросила Гуйцзе.

– Да, как же мне не знать! – отвечал Боцзюэ. – В «Звездах радости» бывать приходилось.

Все вместе с Симэнем рассмеялись.

Гуйцзе:

Чирикали мы парой пташек,

Но обманул меня, подлец.

Небесным воспареньям нашим

Пришел безрадостный конец...

Боцзюэ:

– Тоже мне! Ты других опутывать горазда, а себя в обиду не дашь. Таких, как ты, тоска не иссушит!

Гуйцзе:

Прошедшее – притворства полотно,

А как о будущем ты врал цветно!

Боцзюэ:

– Да, насчет будущего трудно загадывать. Впрочем, он на днях, может, и полководцем станет.

Гуйцзе запела на мотив «Янтарной кошечки»:

Чем дальше от тебя, тем холодней,

Желанье встречи все сильней.

Одной томиться сколько дней?

Боцзюэ:

– Обожди денек, другой. Небось не опоздаешь. Вот в столице уладят, и вернешься к себе в крошечный ад.

Гуйцзе:

Не будет свиданья на Уской горе,

Растаяло облаком алым.
Оставив подругу свою на заре,
Умчался мой феникс бывалый.
Заключительная ария:
Любовь и ласки – все забыто,
И притупилась боль страдания,
Но сердце навсегда разбито,
Остались лишь воспоминанья.

– Чудесно! – воскликнул Се Сиды и позвал Хуатуна. – Возьми лютню, а я поднесу чарочку Гуйцзе.

– А я закусочками ее попотчую, – подхватил Боцзюэ. – Не в моем это, правда, обыкновении, ну да ладно уж! За твоё усердие потружусь.

– Убирайся, Попрошайка! – крикнула Гуйцзе. – Не нуждаюсь я в твоём внимании! Сначала изобьет, потом синяки разглаживать начинает.

Сиды поднес Гуйцзе три чарки подряд.

– Нам ещё партию в двойную шестерку доигрывать надо, – сказал он Боцзюэ.

Они сели за игру, а Симэнь, подмигнув Гуйцзе, вышел.

– Брат! – крикнул Боцзюэ. – Принеси ароматного чайку. А то после чесноку изо рта больно несёт.

– Откуда я тебе ароматного чаю возьму?! – воскликнул Симэнь.

– Меня, брат, не обманешь! – не унимался Боцзюэ. – Тебе же экзаменатор Лю из Ханчжоу вон сколько прислал. Хочешь один насладиться? Нехорошо так, брат.

Симэнь засмеялся и пошел в дальние покои. За ним последовала и Гуйцзе. Она нарочно остановилась у причудливого камня, делая вид, будто срывает цветок, и исчезла.

Между тем Боцзюэ и Сиды сыграли три партии, но Симэнь все не возвращался.

– Что там батюшка в дальних покоях делает? – спрашивали они Хуатуна.

– Сейчас придет, – отвечал слуга.

– Придет? А где он все-таки? – не унимался Боцзюэ и обратился к Сиде. – Ты здесь побудь, а я пойду поищу.

Сиды с Хуатуном сели играть в шашки. Надобно сказать, что Симэнь зашел на короткое время к Пиньэр, а когда вышел, у аллеи вьющихся роз заметил Гуйцзе и повел ее прямо в грот Весны. Они закрыли дверь и, усевшись на постель, принялись весело болтать. Надобно сказать, что Симэнь заходил к Пиньэр принять снадобье. Он

обнял Гуйцзе и показал свои доспехи.

– Это отчего? – спросила она, уstraшенная.

Он рассказал о снадобье чужеземного монаха и попросил ее наклонить голову и поиграть на свирели. Потом осторожно взял то, что любят тысячи, чем наслаждаются десятки тысяч, – ее маленькие, как раз в полшпильки, в три вершка золотые лотосы-ножки, остроносые, как шило или нежные ростки лотоса, ступающие по ароматной пылице и танцующие на рассыпанной бирюзе. – Она была обута в ярко-красные атласные туфельки на толстой белой подошве. Повыше виднелись подвязанные шелковым шнурком узорные штаны с золотою бахромой. Симэнь посадил Гуйцзе на стул, и они принялись за дело.

Тем временем Ин Боцзюэ обыскал все беседки и павильоны, но Симэня нигде не было видно. Миновав небольшой грот в бирюзовой горе, он вошел в аллею вьющихся роз, а когда обогнул виноградную беседку, очутился в густых зарослях бамбука, укрывавших грот Весны. Откуда-то доносились едва уловимый смех и шепот. Боцзюэ подкрался ближе, отдернул занавес, скрывавший дверь в грот, и стал прислушиваться.

Из грота слышался дрожащий голос Гуйцзе, во всем потрафлявшей Симэню.

– Дорогой мой! – шептала она. – Кончай быстрее, а то еще увидят.

Тут Боцзюэ с оглушительным криком распахнул дверь и предстал перед любовниками.

– А!.. – кричал он. – Воды скорее! Сцепились, водой не разольешь!

– У, ворвался, как разбойник! – заругалась Гуйцзе. – До чего же напугал!

– Быстрее, говоришь, кончай, да? – начал Боцзюэ. – Легко сказать, да нелегко сделать. Боишься, значит, как бы не увидали? А я вот и увидел. Ладно, кончайте. Я подожду. Я с тобой потом займусь.

– Убирайся сейчас же, сукин сын! – крикнул Симэнь. – Брось дурачиться! Еще слуги увидят.

– Уйду, если потаскушка попросит, как полагается, – заявил Боцзюэ. – А то так заору, что и хозяйки знать будут. Они ж тебя как дочь приняли, приют дали, а ты с хозяином путаешься. Тебе это так не пройдет!

– Ступай, Попрошайка! – крикнула Гуйцзе.

– Уйду. Поцелую тебя и уйду.

Он привлек к себе певицу, поцеловал и вышел.

– Вот сукин сын! – крикнул ему вслед Симэнь. – И дверь не

закрыл.

Боцзюэ вернулся.

– Делай свое дело, сын мой! – приговаривал он, закрывая дверь. – На меня внимания не обращай.

Боцзюэ вышел было в сосновую аллею, но вернулся опять к двери.

– Ты ж мне ароматного чаю обещал, – сказал он.

– Вот сучье отродье! – не выдержал Симэнь. – Да погоди же! Выйду и дам. Отстань!

Боцзюэ расхохотался и ушел.

– Вот противный! Какой нахал! – возмущалась Гуйцзе.

Симэнь с Гуйцзе наслаждались в гроте, должно быть, целую стражу, лакомились красными финиками, прежде чем настал конец утехам.

Тому свидетельством стихи:

Как иволги припрятались за яблочки,
Как у бамбука веселятся ласточки, —
Художник-мастер все сумел нарисовать;
Лишь девичью красу не в силах воссоздать.

Вскоре они поправили одежду и вышли из грота. Гуйцзе залезла к Симэню в рукав, достала целую пригоршню ароматного чая и сунула его себе в рукав. Покрытый испариной Симэнь, тяжело дыша, пошел по нужде к клумбе. Гуйцзе достала из-за пояса зеркальце, поставила его на окно и принялась поправлять волосы, после чего пошла в дальние покои. Симэнь направился к Пиньэр мыть руки.

– Где же ароматный чай? – опять спросил Боцзюэ.

– Ну что ты пристаешь, Попрошайка негодный? – одернул его Симэнь. – Чтоб тебе подавиться!

Симэнь дал ему шепотку чаю.

– Это всего? – не удовлетворился Боцзюэ. – Ну ладно уж. Погоди, я у потаскушки Ли еще выпрошу.

Пока шел разговор, появился Ли Мин и отвесил земной поклон.

– А, Ли Жисинь! – протянул Боцзюэ. – Откуда пожаловал? Не с новостями ли пришел? Как поживаешь?

– Батюшку благодарить надо, – начал певец. – Никто эти дни нас по делу Гуйцзе не беспокоил. Ждем из столицы известий.

– А потаскуха Ци Сян появилась? – спросил Боцзюэ.

– Все у Ванов скрывается, – отвечал Ли Мин. – А Гуйцзе у батюшки спокойно. Кто сюда за ней придет!

– То-то и оно! – поддакивал Боцзюэ. – Нам с дядей Се спасибо

должна говорить. Знаешь, сколько нам батюшку пришлось уговаривать. Без наших хлопот где бы ей голову приклонить?!

– Что и говорить! – вторил ему певец. – Без батюшки горя бы хлебнула. На что у нас мамаша, и та ничего бы не сделала.

– Да, у вашей хозяйки, кажется, скоро день рождения? – подхватил Боцзюэ. – Я батюшку подговорю, мы вместе придем ее поздравить.

– Не извольте беспокоиться! – говорил певец. – Как дело уладится, мамаша с Гуйцзе всех вас пригласят.

– Одно другому не мешает. Поздравить лишний раз не помешает, – продолжал свое Боцзюэ и подозвал Ли Мина: – На, выпей за меня чарочку. Я нынче целый день пил, больше не могу.

Ли Мин взял чарку и, встав на колени, выпил до дна. Се Сиды велел Циньтуну поднести ему еще.

– Ты, может, есть хочешь? – спросил Боцзюэ. – Вон на столе сладости остались.

Се Сиды подал ему блюдо жареной свинины и утку. Певец взял блюда и пошел закусывать. Боцзюэ подхватил палочками полпузанка и сунул ему со словами:

– Сдается мне, ты таких кушаний в этом году и не едал. На, попробуй.

– Ну дай же ему все, что есть, – вмешался Симэнь. – К чему на столе оставлять?

– Ишь какой! – возразил Боцзюэ. – После вина проголодаюсь, сам еще съем. Ведь рыба-то южная. В наших краях в год раз и бывает. В зубах застрянет, потом попробуй понюхай – благоуханье! Отдай – легко сказать. Да такую и при дворе вряд ли пробуют. Только у брата и доводится лакомиться.

В это время Хуатун внес четыре блюдца – с водяными орехами, каштанами, белыми корнями лотоса и мушмулой. Не успел Симэнь к ним притронуться, как Боцзюэ опрокинул блюдце себе в рукав.

– Мне-то хоть немножко оставь, – сказал Се Сиды и высыпал в рукав водяные орехи.

Только корни лотоса остались на столе. Симэнь взял корешок в рот, а остальное отдал Ли Мину. Он наказал Хуатуну принести певцу еще мушмулы, Ли Мин спрятал ее в рукав, чтобы угостить дома мамашу. Полакомившись сладостями, он взял гусли и заиграл.

– Спой «Перила, заросшие пыльником», – заказал Боцзюэ.

Ли Мин настроил струны и запел:

Весною свежи травы у реки,
Но умерла душа моя наверно,

Лишь пальцы пляшут по перилам нервно,
Молчат цветы, безмолвны мотыльки.
Терзает грудь огонь былой тоски,
И дух весенний больно чувства ранит,
А ивы пух кружится утром ранним,
И опадают сливы лепестки,
В прощальной неге льнут к ним мотыльки.
Все как и прежде в побнебесье вечном:
Ликует жизнь в кружении беспечном,
Лишь мы с тобой отныне далеки.
В начале весны мы расстались,
И яблони лишь зацвели,
Бутоны едва раскрывались,
Едва пробуждались шмели.
Нежданно в начале недели
Горяч стал полуденный сад.
Вот лотосы пылко зардели,
Гранаты струят аромат.
Но ветер влетел, безобразник,
С платанов одежды сорвал,
Все астры созвал он на праздник,
Багряно-золотой карнавал.
В дворцах – благовонные свечи,
В садах – слива в зимнем цвету,
Искрятся снежинки под вечер...
Так годы скользят в пустоту.
Зимою сменяется лето,
Досадой – сердечная боль.
Один-одинешенек где-то
Томится возлюбленный мой.
Поначалу – радость встречи;
Вздохи тяжкие – потом.
Все любовники беспечны
На рассвете молодом.
Весны в поцелуях спешных
Растрянжим в пух и прах.
Только в сумерках крошечных –
Сожаленье, стыд и страх.
Долгой ночью постылой
В одиночку пьем вино.

Лишь во сне теперь, мой милый,
Нам свиданье суждено.

На мотив «Коробейника»:

Скорей бы свадьбы день настал,
Сбылось бы все, о чем мечтал,
Ведь мне завещано судьбой
Дожить до старости с тобой.

Заключительная ария на мотив «Миром и покоем упоен»:

Мне клялся юноша беспечно:
«В любви сольемся мы навечно,
Устроим счастья пышный пир,
Ты – мой единственный кумир!
Под пологом любви сердца
Пусть бьются рядом без конца!»
Я, легковерная, отныне
Страдаю горько – сердце стынет.

В тот день пропировали до самых фонарей. Боцзюэ и Сида дождались, когда им подали горошек с рисом, поели и стали собираться.

– Ты завтра занят, брат? – спросил Боцзюэ.

– Да, с утра еду на пир в поместье смотрителя гончарен Лю, – отвечал Симэнь. – Их сиятельства Ань и Хуан вчера приглашали.

– Тогда Ли Третий и Хуан Четвертый пусть послезавтра придут, – заметил Боцзюэ.

Симэнь кивнул головой в знак согласия.

– Только пусть после обеда приходят, – добавил он.

Боцзюэ и Сида ушли. Симэнь велел Шутуну убрать посуду, а сам направился к Юйлоу, но не о том пойдет речь.

Симэнь встал рано, позавтракал и, нарядившись в парадное платье, с золотым веером в руке верхом отбыл не в управу, а на пир к смотрителю гончарен Лю, который жил в поместье в тридцати ли от города. Хозяина сопровождали Шутун и Дайань, но не о том пойдет речь.

Воспользовавшись отсутствием Симэня, Цзиньлянь договорилась с Пиньэр, чтобы та добавила к трем цяням, полученным от Цзинцзи, своих семь цаней. Они велели Лайсину купить жареную утку, пару кур, на один цянь закусок, а также жбан цзиньхуаского вина, кувшин белого вина, на один цянь пирожков с фруктовой начинкой и

сладостей, а его жене приказали готовить стол.

– Сестрица! – обратилась Цзиньлянь к Юэнян. – Тут как-то падчерица выиграла у зятя три цян. Сестрица Ли семь добавила. Вот мы и решили угощение устроить. Сестрица, приглашаем тебя в сад.

Сначала Юэнян, Юйлоу, Цзяоэр, Сюэ, падчерица и Гуйцзе пировали в крытой галерее. Потом вино и закуски перенесли в самую высокую в саду беседку Спящих облаков, где одни играли в шашки, другие метали стрелы в вазу. Юйлоу с Цзяоэр, падчерицей и Сюэ поднялись в терем Любования цветами и, опершись на перила, смотрели вниз. Их взору предстали цветник из пионов, клумбы гортензий, яблоневая веранда, беседка алых роз, беседка вьющихся роз и розарий. Словом, тут всегда благоухали цветы, круглый год ликовала весна.

Когда они вышли из терема, в беседке Спящих облаков Сяюй с Инчунь продолжали угощать Юэнян.

– Что ж мы зятюшку-то не позвали? – вдруг вспомнила она.

– Его батюшка за город отправил, – пояснила падчерица. – К Сюю за деньгами поехал. Скоро, наверно, воротится.

Немного погодя появился Чэнь Цзинци. Одет он был в легкий халат из темного шелка, обут в прохладные туфли, над которыми виднелись светлые чулки, на голове красовались четырехугольная шапка с кистью и золотая шпилька. Поклонившись Юэнян и остальным хозяйкам, он сел рядом с женой.

– Я от Сюя серебро привез, – докладывал он хозяйке. – Две с половиной сотни лянов в пяти слитках. Юйсяо убрала.

Налили чарки. Вино обошло несколько кругов. Царило веселое настроение. Юэнян с Цзяоэр и Гуйцзе сели за шашки. Юйлоу, Пиньэр, Сюэ и Цзинци с женой пошли полюбоваться цветами. Лишь Цзиньлянь, укрывшись за горкой в банановой чаше, с белым круглым веером развлекалась ловлей бабочек. Неожиданно сзади нее очутился Цзинци.

– Вы ловить не умеете, матушка, – вдруг сказал он. – Давайте я вам поймаю. У бабочек ведь тот же нрав, что и у вас. Тоже мечутся вверх-вниз, покоя не знают.

Цзиньлянь обернулась и косо поглядела на Цзинци.

– Ах ты, разбойник! – в шутку заругалась она. – Что тебе, жить надоело? Кто тебя просит учить? А кто увидит, что тогда будешь делать? Знаю, тебе сейчас и смерть нипочем. Напился, вот и храбришься. Ну, платки купил?

Цзинци засмеялся.

– Вот тут твои платки, матушка, – говорил он, шаря в рукаве. – Как благодарить меня будешь, а?

Он прильнул лицом к Цзиньянь, но она его отпихнула. Тут из сосновой аллеи показалась Пиньэр с Гуаньгэ на руках. За ней следовала кормилица Жуи. Пиньэр заметила Цзиньянь, когда та взмахнула белым веером. Она и не подозревала, что рядом с ней был и Цзинци.

– А, тут мама бабочек ловит, – говорила Пиньэр. – Поймай для Гуаньгэ, а!

Цзинци, опустив глаза, бросился за горку.

– Тебе зятюшка отдал платки? – нарочно спросила Цзиньянь, думая, что Пиньэр заметила и его.

– Нет еще, – отвечала Пиньэр.

– Он их с собой принес, – говорила Цзиньянь. – Только при жене давать не хотел. Мне незаметно сунул.

Они сели на террасу среди цветов и разделили меж собою обновки. Гуаньгэ лакомился сливой. На нем красовался белый с бахромою платок.

– Это твой? – спросила Цзиньянь.

– Да, ему матушка Старшая повязала, – пояснила Пиньэр. – Чтобы он соком не закапался.

От солнца их укрывали банановые листья.

– Как тут прохладно! – заметила Пиньэр. – Давай посидим, а? – Она позвала Жуи: – Ступай, скажи Инчунь, пусть принесет детскую подушку с тюфячком да нам домино незаметно захватит. Мы тут с матушкой поиграем, ты дома оставайся.

Жуи ушла. Немного погодя Инчунь принесла все, что просили. Пиньэр уложила Гуаньгэ на тюфячок с подушкой, а сама пристроилась с Цзиньянь рядом и стала играть в домино. Инчунь пошла заваривать чай.

Тут из терема Спящих облаков вышла Юйлоу и поманила Пиньэр рукой.

– Тебя матушка Старшая зовет, – крикнула Юйлоу.

– Я сейчас приду, – сказала Пиньэр и попросила Цзиньянь поглядеть за ребенком.

Но Цзиньянь было не до Гуаньгэ. Цзинци скрылся в гроте, и она бросилась туда же.

– Выходи! – крикнула она. – Все ушли.

– Иди сюда! – позвал ее Цзинци. – Полюбуйся, какой тут огромный гриб вырос.

Обманутая Цзиньлянь вошла в грот. Цзинцзи встал перед ней на колени и умолял позволить насладиться ее прелестями. Они слились в поцелуе, и само Небо, казалось, покровительствовало им.

Пиньэр поднялась в терем.

– Сестрица Мэн проиграла Гуйцзе, – обратилась к ней Юэнян. – А ну-ка, ты попробуй метни стрелу в вазу.

– У меня ребенок без присмотра остался, – заметила Пиньэр.

– Ничего страшного не случится! – заверяла ее Юйлоу. – Сестрица Пань поглядит.

– Сестрица Мэн, ступай, пригляди пока за ребенком, – посоветовала Юэнян.

– Принеси его сюда, будь добра, если не трудно, – попросила ее Пиньэр и обернулась к Сяоюй: – А ты заberi тюфячок с подушкой.

Сяоюй с Юйлоу пошли под тенистый банан. Гуаньгэ корчился на тюфячке и сильно плакал. Цзиньлянь рядом не было. Невдалеке стоял огромный черный кот. Заметив приближающихся, он бросился прочь.

– А где же сестрица Пань? – удивилась Юйлоу. – Ой-ой-ой! Бросила ребенка, а его кот напугал.

Из грота выбежала Цзиньлянь.

– Как бросила?! – говорила она. – Я все время тут была. Только руки обмыть ходила. Какой еще кот напугал? Что вы глаза-то вытирали?

Юйлоу взяла Гуаньгэ на руки и успокаивала, как могла. Они понесли его в терем Спящих облаков. Сяоюй шла сзади с тюфячком и подушкой. Опасаясь разговоров, Цзиньлянь тоже последовала в терем.

– Что случилось? – спросила Юэнян. – Почему ребенок так плачет?

– Его большой черный кот напугал, – объясняла Юйлоу. – Подхожу я, гляжу: сидит прямо рядом с Гуаньгэ.

– Так я и знала! – воскликнула хозяйка.

– За ребенком ведь сестрица Пань присматривала, – вставила Пиньэр.

– Сестрица в грот помыть руки отошла, – пояснила Юйлоу.

– Чего ты болтаешь, Юйлоу! – выступив вперед, заговорила Цзиньлянь. – Причем тут кот? Проголодался ребенок, вот и плачет. Нечего на других сваливать.

Инчунь внесла чай, и Пиньэр послала ее за кормилицей Жуи.

– Ребенка покормить надо, – сказала она.

Цзинцзи, убедившись, что никого нет, вынырнул из грота и, осторожно пробираясь вдоль сосновой аллеи, обогнул крытую галерею и поспешно вышел из сада через калитку.

Да,

Меж жизнью и смертью запутав следы,
Он все-таки вышел сухим из воды.

Ребенок плакал и не брал грудь.

– Унеси его домой, – посоветовала Юэнян. – Уложи и пусть поспит как следует.

Пир на том и кончился. Все разошлись.

Цзинци так и не пришлось разделить утечи с Цзиньянь. Они пошебетали, как иволги. Мотылек едва лишь коснулся цветка. Удрученный неудачей, Цзинци направился к себе во флигель.

Да,

Хоть ночь сплела любви покров,
Закрылись чашечки цветков.
Хоть страсть обещана тебе,
Но ласточка, увы, в гнезде.

Тому свидетельством романс на мотив «Срываю ветку корицы»:

Пышных волос ароматы,
Нежный, чувствительный взгляд,
Сочные губы, помады
Ярче любой во сто крат.
Вроде любила меня ты,
Только не видно любви.
Встречи желала когда-то,
Но без тебя мчатся дни.
Вроде мене отвергала,
Но не отвергла совсем, —
Так без конца, без начала
Кружим в шальном колесе.
Плачешь одна ты под вечер,
Я же страдаю при встрече.

Хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

У ЮЭНЯН УДОСТАИВАЕТСЯ РАДОСТИ ОБРЕТЕНИЯ ПОТОМСТВА

ЛИ ПИНЪЭР ДАЕТ ОБЕТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ДЛЯ СПАСЕНИЯ СЫНА

*Кто сыновей взрастил – доволен тот,
А у бездетных прахом все пойдет.
Есть ладный конь, так уж за ним смотри.
Ждешь толку от детей – добро твори.
Молись, чтобы бесплодые отвести,
Лечись, чтобы во чреве понести.
Отец и мать потомство сотворят,
А счастье – Небеса определяют.*

Так вот, посуетилась У Юэнян с Ли Цзяоэр, Гуйцзе, Мэн Юйлоу, Ли Пинъэр, Сунь Сюэ, Пань Цзиньянь и падчерицей и, как разбитая, легла у себя в спальне. Она проснулась, когда уже начали отбивать ночные стражи, и решила послать Сяюю к Ли Пинъэр.

– Иди узнай, успокоился ли Гуаньгэ, – наказывала она. – Пусть кормилица как следует за ним смотрит и уложит спать. Надо, чтобы ребенок успокоился и не плакал. Скажи кормилице, пусть на кровати и поужинает. А то опять оставит его одного.

– От моего имени поблагодари матушку, – говорила горничной Пинъэр. – Скажи, только успокоился. То плакал, а то дрожал. Вот только что у кормилицы на руках уснул. А лобик горячий. Жуи и пошевелинуться боится. Потом я у нее возьму, дам ей поужинать и во

двор сходить.

Сяюй доложила хозяйке.

– Сами они плохо смотрят, – отозвалась Юэнян. – Как это так! Уйти, а ребенка под деревом оставить. Сперва дали напугать, а теперь спохватились. Доведут они ребенка!

Юэнян умылась и легла спать, а наутро первым делом послала опять Сяюй справиться о Гуаньгэ.

– Спроси, спал ли он ночью. Скажи, матушка, мол, позавтракает и сама придет.

– Воду скорее неси! – торопила Пиньэр горничную Инчунь. – Мне умыться надо, а то сейчас матушка Старшая придет.

Инчунь бросилась за водой, а Пиньэр тем временем кое-как причесалась и продолжала торопить горничную.

– Чай поставила? – спрашивала Пиньэр. – Зажги в комнате «аромат успокоения».

– Матушка Старшая прибыли, – неожиданно доложила Сяюй.

Пиньэр стремглав бросилась ей навстречу.

Юэнян направилась прямо к постели кормилицы.

– Пугливый ты мой крикунчик! – глядя по головке ребенка, приговаривала Юэнян. – Ты уж маму-то свою родную не пугай!

Гуаньгэ вдруг опять залился навзрыд. Юэнян поиграла с ним, и он успокоился.

– Ведь у меня своих детей нет, – обратилась Юэнян к кормилице Жуи. – Он – все наше потомство. Смотри, береги его! Как зеницу ока береги!

– Как же не смотреть, матушка! – воскликнула Жуи. – Смотрю в оба.

– Прошу вас, матушка! – пригласила хозяйку Пиньэр. – Присаживайтесь, выпейте чайку!

Юэнян села.

– Сестрица! – обратилась она к Пиньэр. – Погляди, у тебя и прическа сбилась.

– Это все он, горе мое! – поясняла Пиньэр. – Причесаться как следует не даст. Вот и ходишь людям насмех. А с вашим приходом, матушка, я и совсем забегалась. Пучок кое-как заколола. Уж не осудите, прошу вас.

– Полюбуйтесь, какая несчастная! – шутила Юэнян. – Свою же кровь и плоть горем называет. А я бы такое горе только и лелеяла, да нету.

– Да это я к слову, – говорила Пиньэр. – Если б его не терзали все

эти недуги... А то ведь двух дней спокойно не поживешь. То тогда на кладбище барабана испугался, то вот тут цирюльник напугал, теперь кот... У других посмотришь, дети так и растут, а этот что былинка. Того и гляди сломится.

Юэнян пошла. Пиньэр последовала было за ней.

– Не провожай, не надо! – остановила ее Юэнян. – Ступай за сыном лучше смотри.

Пиньэр вернулась к себе, а Юэнян вдруг слышала за стенкой разговор. Она украдкой встала и стала прислушиваться, потом заглянула в щелку. У перил стояли Цзиньлянь и Юйлоу.

– До чего ж старшая сестра свое достоинство роняет, – услышала Юэнян приглушенный брюзгливый голос. – У самой нет сына, так к чужому бегаешь. И к чему, спрашивается, угождает, к чему подлизывается, в дружбу втирается? У каждой, по-моему, своя судьба, и незачем заигрывать. Сын вырастет – все равно одну мать свою родную почитать будет, а не тебя ж.

Мимо них промелькнула Инчунь. Они сразу же отпрянули от перил и сделали вид, будто кормят кота, а потом направились в дальние покои.

Не услышь их разговора Юэнян, все бы шло своим чередом, а тут гнев подступил ей к самому горлу, негодованием переполнилось все ее существо. Она уж хотела было позвать их и отругать как следует, да стерпела, чтобы не унижать себя и не сеять новые раздоры. Юэнян пошла к себе в спальню и легла. Она тяжело вздыхала, снося обиду молча, потому что опасалась, как бы ее рыдания не услышали горничные.

В самом деле,

Не смея открыться и воли слезам не давая,
Служанок таила, душевные муки скрывая.

Настал обед, а она все лежала.

– Вставайте, матушка! – позвала ее подошедшая к постели Сяюй. – Обед готов.

– Не буду, нездоровится мне, – отвечала хозяйка. – Закрой дверь и приготовь чай.

Сяюй внесла чай. Юэнян поднялась с постели и встала посреди спальни, унылая и печальная.

– Нет у меня сына, вот и приходится терпеть обиды, – говорила она. – Буду молиться, чтобы и у меня родился сын. Тогда примолкнут бесстыжие потаскушки.

Она пошла в комнату, вынула из шкафа ящичек, где у нее хранились гребенки, и достала оттуда сначала детское место первенца, приготовленное монахиней Ван, а потом снадобье монахини Сюэ. На малюсеньком пакетике было начертано: «Чудесная киноварь^[767] для зачатия мужского потомства» и восьмистишие:

Чаньэ игриво урвала с луны песок,^[768]
Дракона пестрого шутя ukrала рог.^[769]
О персика цветах Хань-ди издал эдикт,^[770]
А о бамбуковых листах Лян-ван спустил рескрипт.^[771]
Желающим принять лекарство нет конца,
С ним дряхлый старец превратится в молодца.
Но пусть не служат баловству^[772] пилюли эти,
Пусть будет черной борода, родятся дети.^[773]

Ниже следовало похвальное слово чудодейственному снадобью:

«Красным пламенем искрится, ослепляет, будто размолотый коралл. Аромат густой струит, словно только что зажженный мускус иль сандал. Отправишь в рот, и сладкая слюна фонтаном брызнет из-под языка. Положишь на ладонь, и пневмы теплота проникнет под пупок. Да, жизненной силы прибавит и семенную жидкость восполнит. И без волшебного порошка?^[774] женщину в мужчину превращает. К чему искать бессмертья эликсир^[775] Не деревенщине дается он, но пособляет возлюбленным, под пологом укрытым. Когда желанием томим, его прими и радостные сновиденья о Синем драконе тотчас посетят, а вовремя приступишь к делу, с Летящей Ласточкой^[776] разделишь наслажденье. Кто сына жаждет, примет пусть. Тотчас исполнится желанье. А кто совершенствуется в истине, станет бессмертным на сотый день».

Приписка гласила:

«После приема пилюль следует воздерживаться от употребления в пищу мозгов и крови, а также редьки и лука. Соитие в нечетные числа сулит мужское потомство, а в четные – женское. Все зависит от желания. Употреблением пилюль в течение года можно достичь долголетия».

Юэнян прочитала, и радостная улыбка озарила ее лицо. Пакетик был тщательно запечатан. Она тонким острым ноготком провела осторожно черту, и пакетик открылся. Развернув три или четыре слоя черной глянцеваы бумажы, Юэнян увидела покрытую золотой пылью и красной киноварью пилюлю изумительной красоты. Она положила

ее на ладонь и, действительно, почувствовала тепло под пупком. Поднесла к носу, и точно – рот ее наполнился ароматной слюной.

– Да, наставнице Сюэ в самом деле многое ведомо, – размышляла про себя довольная Юэнян. – Неведомо где добыла такое редкое снадобье. Неужели и чудесная киноварь не принесет мне счастья?! Кто знает.

Юэнян полюбовалась немного пилюлей и, чтобы она не выдохлась, опять тщательно завернула ее в бумагу, заклеила клейстером и заперла в шкаф. Потом она вышла в коридор.

– Если завтра, в день жэнь-цзы,^[777] – обернувшись к небу, тяжело вздыхая, начала она, – я, урожденная У, после приема снадобья матери Сюэ зачну сына и тем одарю наследником дом Симэня, избавлю себя от участи духа, лишенного поминовения, то по гроб не отблагодарить мне Владыку Неба.

Только под вечер Юэнян разговелась, но говорить об этом подробно не будем.

Симэнь прибыл в поместье придворного смотрителя Лю и вручил визитную карточку. Привратники доложили смотрителю Хуану и управляющему Ань, и те в безупречных парадных одеждах вышли навстречу Симэню. После обмена приветствиями сели.

– В прошлый раз мне посчастливилось с вами познакомиться, сударь, – начал смотритель Хуан. – Прошу прощения, что осмелился беспокоить вас своим приходом и причинил столько хлопот.

– Прошу меня извинить, господа, – что так опоздал сегодня, – говорил Симэнь.

– Я спешил тогда на прием к правителю Ху, моему однокашнику, – объяснил управляющий Ань, – потому пришлось с вами расстаться. Вы были так любезны! Ваше гостеприимство незабываемо. Так давайте ж сегодня насладимся до самого утра.

– Премного вам благодарен, – отвечал Симэнь.

Доложили, что стол готов. Хозяин пригласил всех в крытую галерею и предложил снять парадное платье. Стали рассаживаться. Симэня упрашивали занять почетное гостевое место. Он начал было отказываться, но потом уступил просьбам.

Вышли певцы и запели арию на мотив «Роскошной оранжевой сливы»:

Сказочно феи бессмертной обличие:
Зорькой горит ненаглядное личико,
Волны волос вороных переливчатых,
В жестах – изящество, блеск и величие.

Очи влекут несравненной загадкою,
Губы – пионы пахучие, нежные,
Стан обвивают шелка белоснежные –
Взглядом слежу за красоткой укладкою.

Симэнь похвалил певцов. Ань и Хуан поднесли Симэню вина. Он в свою очередь им наполнил чарки. Певцы опять ударили в кастаньеты и запели арию на мотив «Ниспослали одеянье царское – халат драконов»:

На листочках узорных
Я писать не хочу,
Ведь ответных лазурных
Писем не получу.
На сухой моей коже
Благородный нефрит
От нервической дрожи
Беспрестанно гремит.
Красотой без изъяна
Я гордилась всегда,
Смыли слезы румяна,
Губ сереет слюда,
Неуклюже повисли
Дорогие шелка.
Точат черные мысли –
Видно близок закат:
Юность блекнет с годами...
Зеркала я сниму;
Украшаться цветами
Мне теперь ни к чему.
На курильне из яшмы
Изотлел аромат,
На серебряной чаше
Гарь полночных лампад.
Мандариновым уткам
Полог мой украшать,
Мне же в холоде жутком
Поминутно дрожать.
Свои туфельки-крошки
Брошу о землю, порву,
Забинтовывать ножки

Я не буду к утру.

Винные чары и кубки вздымались до тех пор, пока все не опьянели, но хватит об этом пустословить.

Расскажем о Цзиньянь. Накануне ей помешали встретиться с зятем Цзинци в гроте, но вот теперь, когда Симэнь пировал в поместье придворного зрителя Лю, а Юэнян никуда не показывалась из своих покоев, она металась взад и вперед словно муравей, попавший на горячую сковородку. После встречи в гроте Цзинци ушел в лавку, но, томимый желанием, не мог спать всю ночь. Цзиньянь и Цзинци, надо сказать, частенько перемигивались и шутили между собой, когда отсутствовал Симэнь. И вот, едва наступили сумерки и зажглись огни, Цзиньянь, крадучись, пробралась в крытую галерею. Тут, откуда ни возьмись, очутился и Цзинци. Он крепко обнял Цзиньянь и прильнул к ней, осыпая ее поцелуями.

– Моя дорогая! – говорил он. – Вчера нам помешала эта Мэн, будь она неладна! Я ночь напролет глаз не смыкал. Я от волнения едва держусь на ногах, заведя тебя, моя чаровница!

– Ах ты, разбойник! – говорила Цзиньянь. – Тебе что, или жить надоело? Схватил тещу и давай целовать! А увидят, что тебе будет? Не боишься?

– Дорогая! – неустанно повторял Цзинци. – Нельзя упускать такое счастливое мгновение.

Он сгорал от нетерпенья. Внизу под одинарной полкой его халата было что-то похожее на брусок из твердого железа, охваченного огнем, и через одежду чувствовалось, как он стремится подняться, чтобы найти свое пристанище. Цзиньянь прильнула к нему и, не в силах более сдерживаться, откинув полу халата Цзинци, принялась мять янский предмет. Это привело Цзинци в смятение, и он начал стягивать с Цзиньянь панталоны. Раздался резкий звук сорванной юбки.

– У, растяпа! – в шутку заругала она запутавшегося в ее юбке Цзинци. – Не поднаторел еще! Эка трясет тебя, трус!

Она сама отстегнула юбку и раскрыла свои глубины. Положив ногу на перила, она приняла сучок Цзинци в свое лоно.

Следует сказать, что Цзиньянь уже долгое время понапрасну растрчивала жизнь и потому была полностью готова к сражению. Вот Цзинци что есть силы толкнул в нее свое оружие, которое со звуком проникло в глубину. Он проговорил:

– Любимая, я ввел его, но не до конца, что делать?

– А ты просто толкай и вынимай, а там все само устроится, – подсказала Цзиньлянь, а Цзинцзи только к тому и стремился.

Вдруг у ворот дома послышался лай собак. Решив, что воротился Симэнь, любовники тут же испарились как дым. Оказалось, однако, что это Шутун и Дайань привезли парадные одежды хозяина.

– Ух, и устали! Чуть живы! – кричали они.

Юэнян послала Сяоюй узнать в чем дело.

– А где же батюшка? – спросила горничная пьяных слуг.

– Мы первыми лошадей пригнали, – отвечал Дайань. – А то поздно, думаем, будет. Сейчас и батюшка пожалуют. У них скакун быстрый.

Сяоюй доложила хозяйке. Немного погодя и Симэнь спешился у ворот. Он намеревался пойти к Цзиньлянь, но был пьян и забрел к Юэнян. «Завтра, двадцать третьего, день жэнь-цзы, – размышляла она. – Если оставить его нынче, тогда завтрашний день упустишь. А очищусь я только завтра...»

– Вон до чего напился! – молвила она. – Нечего тебе у меня оставаться. Нечистая я нынче. Лучше сейчас к другой ступай, а завтра ко мне приходи, ладно?

Она шутя подтолкнула Симэня, и он направился к Цзиньлянь.

– Это ты, моя потаскушка? – спрашивал он, ухватив ее руками за подбородок. – Я ведь к тебе шел, а выпил лишнего, попал как-то к Старшей.

– Болтун несчастный! – заругалась Цзиньлянь. – Скажи лучше, завтра к ней пойду. Чтоб у тебя язык отсох! Ты, бесстыжий, и святому праведнику будешь зубы заговаривать. Неужели, думаешь, я поверю?

– Что ты ко мне придираешься, болтушка? – оправдывался Симэнь. – Почему мне не веришь? – же правду говорю.

– Скажи, почему тебя Старшая не оставила? – пыталась его Цзиньлянь.

– А я почему знаю! – отвечал он. – Пьяный ты, говорит. Взяла и выпроводила. Завтра наказала прийти. Я и поспешил к тебе.

Цзиньлянь готовилась совершить омовение. Он прильнул было к ней, но она отстранила его обеими руками.

– Отстань! – заругалась она. – Погоди! Не готова я пока...

Симэнь ее не послушался и дал волю рукам.

– Что это у тебя подмокло? – спросил он. – Истомилась? Уж и дожидаться не могла?

Надобно сказать, что Цзиньлянь после встречи с Цзинцзи не успела себя в порядок привести, а Симэнь, сам того не подозревая, раскрыл ее тайну.

Цзиньлянь густо покраснела и, совершая омовение, смехом да шутками всячески старалась отвлечь мужа от подозрений.

Они легли, но говорить об этом не станем.

Расскажем пока о Юэнян. Встала она рано утром. «Перед уходом матушка Сюэ строго наказывала, чтобы я приняла пилюлю в день жэнь-цзы, и тогда ко мне придет счастье материнства. А нынче ведь как раз день жэнь-цзы. Хозяин вчера пришел навеселе, и я его выпроводила. Наказала сегодня прийти. Так что все обошлось хорошо». Радостно было на душе Юэнян, поэтому она и встала так рано, сразу приняла ванну и причесалась, потом сотворила молитву Будде и дочитала сутру «Гуаньинь в белом облачении»,^[778] к которой обращаются все, кто ждет потомства, о чем ей говорила и мать Ван. День жэнь-цзы – день особой важности, поэтому Юэнян заперлась, воскурила благовония и зажгла свечи. После молитвы она достала в задней комнате снадобья и велела Сяюю подогреть вина. Отказавшись от обычного завтрака, Юэнян отведала немножко печенья и, взяв в обе руки снадобье, творя молитву, растворила пилюлю наставницы Сюэ. В нос ударил необыкновенный аромат. После пилюли она взяла снадобье, приготовленное монахиней Ван из детского места первенца. Хоть это и был мелкий порошок, от него несло горелым, и Юэнян заколебалась, будучи не в силах превозмочь отвращение. «А не приму, никакого проку не будет, – уговаривала она себя. – Что делать?! Раз надо, придется потерпеть». Она кое-как всыпала порошок в рот и, прикрывая его рукой, стала поспешно запивать вином. Большими глотками она выпила полчашки. Ее чуть было не вырвало. Глаза налились кровью. Она пропустила еще несколько глотков вина, чтобы отбить противный привкус, потом попросила теплого чаю и прополоскала рот.

Когда Симэнь проходил мимо ее покоев, дверь оказалась на запоре. Юэнян спала. Симэнь кликнул Сяюю.

– Что это у вас тишина такая? – спросил он. – Может, матушка недовольна, что вчера заходил, а? Для чего заперлись?

– А мне откуда знать? – отвечала горничная.

Симэнь вошел в покои и кликнул Юэнян. А она после приема снадобья крепко спала во внутренней комнате и, разумеется, ничего не слыхала.

– Что ты меня в грех вводишь, негодяйка, рабское отродье! – заругался Симэнь. – Я матушку зову, а она стоит как вкопанная.

И он, сразу охладев, вышел из покоев Юэнян. Тут ему повстречался Шутун.

– Дядя Ин прибыл, – доложил слуга.

Симэнь встретился с Ин Боцзюэ.

– Ну, брат, как вчерашний прием в поместье? – спрашивал Боцзюэ. – Наверно, полное удовольствие получил, а? Долго с их сиятельством пировал?

– Господа были со мной очень любезны, – отвечал Симэнь. – Они тогда у меня недолго побыли. К правителю Ху спешили. Зато на этот раз попиروвали в свое удовольствие. А сколько выпили! Поглядел бы, как они меня оставляли! Да ведь дорога дальняя. Я в первую ночную стражу отбыл. Сам не знаю, как я, пьяный, до дому-то добрался.

– Вот и приезжие господа, а какое гостеприимство! – воскликнул Боцзюэ. – Да, брат, придется тебе их в дорогу с подарочками провожать.

– А ты прав! – поддержал его Симэнь и позвал Шутуна: – Пиши перечень подношений. Чтoб на двух красных листах одно и то же было: плоды личжи и «глаза дракона», персики и финики, гусь и утка, бараний окорок и свежая рыба, а также два жбана южного вина. Да не забудь на визитных карточках каждому выразить благодарность за прием.

Шутун пошел исполнять распоряжение, а Ин Боцзюэ подсел поближе к Симэню.

– Брат, а ты помнишь, о чем мы намедни говорили? – спросил Боцзюэ.

– Ты о чем?

– Забыл, должно быть, в делах-то? – продолжал Боцзюэ. – А помнишь, когда мы с Се Цзычунем у тебя пировали. Перед самым уходом у нас разговор был?

Симэнь призадумался.

– Может, о Ли Третьем с Хуаном Четвертым, а? – спросил он наконец.

– Вот именно! – воскликнул Боцзюэ. – Прямо в точку попал.

– А где ж ты мне прикажешь взять серебро?! – Симэнь насупил брови. – Я все за соль отдал. Ты же сам видал. Нет у меня денег. Я сам у свата Цяо пятьсот лянов занял. Нет у меня таких денег.

– У тебя, брат, кругом барыши, – говорил Боцзюэ. – Залезь в сундук да в уголке поройся – найдешь. Ты ведь накануне от Сюя Четвертого две с половиной сотни получил. Значит, половина уж есть.

– Так-то оно так, – протянул Симэнь. – А остальные где? Ступай скажи им: получит, мол, долг сполна, тогда и даст.

– Как доброму скакуну взмаха хлыста, так порядочному человеку

единого слова достаточно, – не унимался Боцзюэ. – «Когда человеку нельзя доверять – непонятно, какой в нем прок».^[779] Если б ты мне раньше не обещал, это одно. Но я им уже сказал, их обнадежил. Будут, говорю, сегодня навверняка. Как же я им теперь на глаза покажусь?! Как же так, брат?! Они тебя всегда за щедрость и широту натуры уважали. Неужели тебе приятно, если тебя за глаза начнут упрекать какие-то дельцы?

– Ну, уж коли так, брат, настаиваешь, придется дать, – сдался, наконец, Симэнь и пошел в покои хозяйки.

Там он достал двести тридцать лянов и те двести пятьдесят, которые получил накануне от Сюя Четвертого и велел убрать Юйсяо. Всего оказалось четыреста восемьдесят лянов.

– Вот набрал четыреста восемьдесят лянов, – вернувшись, проговорил Симэнь. – А на те двадцать, может, парчи возьмут?

– Нет, брат, им на благовония наличные денежки требуются, – отвечал Боцзюэ. – Узорную алую парчу себе оставь. Как бы она ни хороша, а куда ее сбудешь? Чтоб им зря не бегать, серебром давай.

– Ну ладно уж! Так и быть! – заключил Симэнь и пошел довешивать недостающие два десятка лянов. Дайяню было велено выносить серебро.

Ли Третий и Хуан Четвертый давно ждали рядом, у соседа. Едва Ин Боцзюэ подал знак, они бросились к Симэню. Первым явился Се Сиды, за ним с поклонами шли подрядчики. Симэнь ответил на их приветствия.

– В прошлый раз, сударь, вы оказали нам великую милость, – наперебой говорили они. – Мы все еще не получили денег, поэтому и вышла небольшая задержка. А теперь Дунпинское управление заключает контракт на поставку двадцати тысяч коробок благовоний. Осмеливаемся просить еще пятьсот лянов. Пособите, сударь, в неотложном деле, умоляем. Как выручим серебро, все до медяка вернем и с процентами.

Симэнь велел Дайяню принести из лавки безмен и позвать зятя Чэня. Первым делом перевешали двадцать пять слитков от Сюя, потом свои две с половиной сотни лянов. Серебро было вручено Хуану Четвертому и Ли Третьему. Подрядчики долго рассыпались в благодарностях, потом откланялись и удалились.

Симэнь оставлял Ин Боцзюэ и Се Сиды, но тем не сиделось на месте. Посредники жаждали погреть руки на деньгах, добытых Хуаном и Ли.

– Нас дела ждут, – нарочно сказал Ин Боцзюэ, и оба поспешно

откланялись.

Дайань и Циньтун хотели было задержать Боцзюэ с намерением тоже поживиться, но тот только рукой махнул:

– У меня сейчас нет. Знаю. Потом получите.

Только эти проходимцы скрылись из виду, вошел Шутун и вручил ответные визитные карточки зрителя Хуана и управляющего Аня.

– Их сиятельства сперва отказывались принять подарки, – объяснял Шутун. – Извинялись за причиненное беспокойство, потом все-таки приняли и просили передать вам, батюшка, самую сердечную благодарность. Мне два конверта с вознаграждением прямо-таки силой сунули.

Симэнь велел Шутуну чаевые оставить себе, а носильщиков отблагодарить и отпустить.

День клонился к закату. Стали зажигать фонари, и Симэнь пошел к Юэнян.

– Ты, кажется, приходила меня будить? – обратилась Юэнян к Сяюю, когда Симэнь вошел в комнату и сел. – А я спала. Не слыхала, как ты звал.

– Вот я опять здесь, – говорил Симэнь. – Знаю, ты мной недовольна.

– С чего это ты взял? – удивилась она и велела горничной заварить чай и подать ужин.

Симэнь осушил несколько чарок вина. Он пил целый день, и ему хотелось только спать, но умащенный мазью чужеземного монаха, он был готов к сражению.

– Этот негодный монах со своими диковинными средствами и перепугать может, – заметила она, а про себя подумала: «Ты принял снадобье монаха, а я – монахинь. Теперь мне наверняка улыбнется счастье».

Симэнь давно не навещал Юэнян, и ему особенно захотелось доставить ей удовольствие. Они легли. Ночь прошла в утехах любви. Они проспали до самого обеда.

– Помнишь, Старшая спрашивала, когда будет день жэнь-цзы? – обращаясь к Юйлоу, сплетничала тем временем Цзиньлянь. – Это она про счастливый день узнавала, чтобы мужа на ночь заманить. Видишь, так оно и вышло.

– Да будет уж тебе! – засмеялась Юйлоу.

Появился Симэнь, и Цзиньлянь остановила его.

– Кто это так рано ложится и до самого обеда нежится, а? – говорила она. – Смотри, солнце уж к заходу готовится. А ты куда

спешишь?

Своим заигрыванием Цзиньлянь распалила Симэня. Он будто не замечал Юйлоу, и она пошла к себе. А Симэнь и Цзиньлянь подходили все ближе к кровати, пока не легли, отдавшись утехам.

Чуньмэй подала кушанья, и они сели за стол, но не о том пойдет речь.

Юэнян два дня не навещала Гуаньгэ – с тех пор, как услышала, что про нее наговаривает Цзиньлянь. И вот, в ее покоях неожиданно появилась Пиньэр.

– Ребенок день и ночь плачет, – начала она. – Озноб его замучил. Не знаю, что и делать.

– Сложи руки не сиди! – советовала Юэнян. – Возожги благовония, помолись о здравии младенца. А то закажи молебен с принесением благодарственных жертв. Все немного полегчает.

– В прошлый раз, когда у младенца был жар, я обреклась отслужить молебен Духу-покровителю городских стен и Духу земли, [780] – говорила Пиньэр. – Вот теперь и надо исполнить обет.

– Вот-вот, – поддержала ее Юэнян. – Только прежде посоветуйся со старой Лю. Что она скажет.

Пиньэр хотела было идти.

– Почему я, думаешь, не заходила проведать Гуаньгэ, а? – спросила Юэнян. – В прошлый раз выхожу я от тебя и у ширмы в крытой галерее слышу такой о себе разговор Пань Цзиньлянь с Мэн Юйлоу: «Сама, – говорит Цзиньлянь, – своего сына не заимела, а теперь к чужому подлизывается». Такое она наговорила, что я целый день сама не своя ходила. Даже аппетит пропал.

– Вот негодница, смутьянка! – возмущалась Пиньэр. – Я вам так благодарна за вашу заботу, а что она влезает, воду мутит?

– Ты это про себя помни, а ей, смотри, ни звука! – предостерегла Юэнян.

– Разумеется! – заверила ее Пиньэр. – То-то мне Инчунь рассказывала: выходит, говорит, матушка, а Цзиньлянь с Юйлоу стоят и судачат. Потом, говорит, меня увидали и сделали вид, будто кота ищут.

Пока они говорили, в комнату вбежала запыхавшаяся Инчунь.

– Матушка, скорей! – крикнула она. – У Гуаньгэ глазки закатились, изо рта пена пошла.

Ошеломленная Пиньэр слова вымолвить не могла. Насупив брови, едва сдерживая слезы, она бросилась к себе. Юэнян послала Сяоюй сказать Симэню.

Кормилица Жуи сидела белая, как полотно. Не успели оглянуться, как появился Симэнь. Взглянув на полуживого сына, отец тоже всполошился.

– Беда! – воскликнул Симэнь. – Что с ним? Почему так плохо смотрите? Доведут ребенка, потом меня зовут. Что теперь делать? – Указывая пальцем на Жуи, Симэнь продолжал: – Ты ж кормилица! Как же ты смотришь за ребенком, а? Если что случится, я из тебя отбивную сделаю. Так и знай!

Испуганная Жуи не решилась и рта открыть. Слезы брызнули у нее из глаз.

Пиньэр тихо плакала.

– Слезами сыну не поможешь! – говорил Симэнь. – Надо будет позвать гадалателя Ши Нагревателя черепах. Пусть прокалит черепаший панцирь и определит счастливые и несчастливые линии,^[781] а там посмотрим.

Симэнь позвал Шутуна, вручил ему визитную карточку и велел тотчас же привести гадалателя Ши Нагревателя черепах.

Появился гадалец. Пока Чэнь Цзинцзи угощал его чаем, Циньтун с Дайанем зажгли свечи и благовония, припасли ковш чистой воды и приготовили стол.

Вышел Симэнь. Гадалец с черепашим панцирем в руках, воздев очи к Небу, сотворил молитву, поклонился хозяину и вошел в залу. Там он положил черепаший панцирь на стол, обеими руками умастил его снадобьем и поджег, а сам выпил еще чашку чаю. Симэнь сидел рядом. Послышался треск. Гадалец взглянул на панцирь, немного постоял и продолжал молчать.

– Добро или зло предвещает? – поинтересовался Симэнь.

– А в чем дело? – спросил гадалец.

– Сын у меня младенец болеет, – отвечал Симэнь. – Что же предвещают знаки великого символа?^[782]

– Великий символ ныне не предвещает ничего страшного, – отвечал гадалец. – Правда, и в грядущем недуг будет не раз повторяться. Излечить полностью не удастся. Когда родители гадают о своих детях, черты, символизирующие потомство, не должны быть смутными. Вот можно видеть, как черты Красной птицы.^[783] символизируют великое движение. Стало быть, предрекают поклонение духам в красном облачении, Духу-покровителю городских стен и иже с ними. Надо будет забить и принести им в жертву свинью и барана. Потом возьмите три чашки похлебки и вареного риса, мужскую и женскую фигурки вредоносов, поместите их в плетеную

ладью и пустите на юг^[784]

Симэнь вышел проводить гадателя и дал ему цянъ серебра. Тот долго рассыпался в благодарностях, угодливо изогнувшись, как креветка, и ушел.

Симэнь направился к Пиньэр.

– Гадатель Ши Нагреватель черепах вещал, – начал Симэнь, – что, согласно великому символу, недуг будет и дальше мучить младенца. Чтобы предотвратить повторные приступы, надо принести жертвы почтенному Духу-покровителю городских стен.

– Я давно обрекалась, – говорила Пиньэр, – да от ребенка не отойдешь. Так до сих пор и не исполнила обет.

– Вот и исполни, – заключил Симэнь и кликнул Дайяня. – Ступай и позови Цяня Слюнявого, возжигателя жертвенных денег.

Дайянь пошел за Цянем, а Симэнь остался у Пиньэр.

– Сынок! – причитала Пиньэр, наклонившись над Гуаньгэ. – Я ради тебя устрою жертвоприношение духам, а полегчает, возблагодарю Небо и Землю.

И что бы вы думали?! Гуаньгэ закрыл глазки и, склонив головку, заснул.

– Вот странно! – воскликнула Пиньэр. – Только я решила духам жертвы принести во здравие Гуаньгэ, он и успокоился.

У Симэня будто камень от сердца отвалило. Юэнян тоже сильно обрадовалась и послала Циньтуна за старой Лю.

Старуха Лю, сильно ковыляя, чуть не бегом бросилась к младенцу. Симэнь ей не слишком-то поверил, но кого ни позовешь ради любви к сыну.

Старуха первым делом зашла в кухню и принялась ощупывать очаг.

– Видно, спятила старуха, – засмеялась Инчунь. – Ей бы ребенка осмотреть, а она в печь полезла.

– Много ты, рабское отродье, понимаешь! – заругалась на нее старуха. – Держи уж лучше язык за зубами! Я, посчитай-ка, на сколько годов старше тебя, а? А что ни год – триста шестьдесят дней будет. Нечисть, ее и на дороге остерегаться подобает, а уж в трубу-то она первым делом забирается.

Инчунь передразнила старуху, но тут ее окликнула Пиньэр, и ей пришлось вести ворожею в спальню. Лю отвесила земной поклон, Симэнь вышел из спальни, чтобы послать Дайяня купить свинью и барана для принесения жертв.

– Поправился наследник? – спросила старуха.

– Какое там! – воскликнула Пиньэр. – Вот и пригласили тебя посоветоваться.

– Я в прошлый раз сказала: принесите жертвы Полководцу пяти путей, и все пройдет, – начала старуха. – А теперь, судя по внешнему виду, придется умиловить духов земли всех трех категорий.

– Гадатель Ши Нагреватель черепах только что посоветовал устроить жертвоприношение почтенному Духу-покровителю городских стен, – сказала Пиньэр.

– Он, знай, свое бубнит! – отозвалась старуха. – Что он понимает?! А у младенца испуг в нутро вошел. Погодите, вот выгоню, и все пройдет.

– Как выгонишь? – спросила Пиньэр.

– Сестрица Инчунь! – обратилась к горничной старуха. – Поди принеси шэн рису и чашку воды. Я вам сейчас покажу.

Инчунь подала рису и воды. Старуха достала глиняный сосуд на высокой ножке, насыпала в него доверху рису. Потом она нащупала у себя в рукаве засаленный лоскут зеленой тафты, завязала в него сосуд с рисом и принялась ощупывать ребенка с головы до ног. Она то слегка приподнимала руки, и они металась над младенцем, то повисали на одном месте и начинали судорожно дрожать.

– Гляди, не испугай! – предупреждала Жуи.

– Знаю, знаю свое дело, – махнув на нее рукой, тихо говорила ворожея.

Немного погодя она стала шептать что-то невнятное. Можно было разобрать только отдельные слова.

– Небом испуган, испуган Землей... испугал человек, злой дух напугал... испуган котом, испуган псом... – вот все, что поняла Пиньэр.

– Да, его кот напугал, – подтвердила Пиньэр.

Старуха умолкла, сняла лоскут и поставила сосуд на стол. Потом с одного взгляда нашла среди рассыпчатой массы две рисинки и бросила их в чашку с водой.

– Недуг пройдет к концу луны, – заговорила она. – Младенца увели с собой на юго-восток вредоносы – мужчина и две женщины. Нельзя приносить жертвы Духу-покровителю городских стен. Надо возблагодарить Духа земли.

Пиньэр охватило сомнение.

– Ладно, я еще раз возблагодарю Духа земли, – проговорила она наконец, – наверное, не помешает.

Пиньэр кликнула Инчунь.

– Ступай передай батюшке, старая Лю на чашке воды гадала, советует возблагодарить Духа земли. Сегодня в монастырь не поспеть, пусть пока уберут жертвенные предметы. Благодарственную молитву завтра с утра вознесем.

Симэнь позвал Дайяня и велел убрать жертвенные предметы и животных.

– Завтра утром в монастырь поедem, – заключил он. И наказал докупить все, что полагается для принесения жертв Духу Земли.

Рисовая каша, коконы шелкопряда, вылепленные из глины,^[785] кисти и тушь, а также воробьи, голыцы и угри, которых должны были выпустить на волю,^[786] – все, как полагается, было припасено заранее.

От Пиньэр старуха Лю прошла в покои Юэнян. Хозяйка оставила ее ужинать.

Тем временем прибыл Цянь Слюнявый. Пока он сидел в небольшой приемной, Циньтун с Дайанем сбились с ног, готовя ему утварь для молебна Духу Земли. Цянь выпил чаю и попросил молитвенное обращение, которое Симэнь велел Шутуну тот же час составить.

Цянь Слюнявый возложил себе на голову громоносный обруч, надел пластинчатую шапку и, по-старинному облаченный в буддийскую рясу, с мечом в одной руке и с освященной водой – в другой, шагая по звездам Большой Медведицы,^[787] определил место жертвенника и начал заклинять духа об изгнании нечисти.

Закливание гласило:

«О, Таинственная пустота^[788] сокровенной пещеры^[789]! Пресветлое Великое начало^[790]! Всемогушие духи восьми стран света^[791]! Помогите мне обрести свое естество^[792]! Жажду судьбоносных талисманов из области Одухотворенных драгоценностей^[793]! Обращаюсь молитвою к Девяти небесам^[794]! Духи-гандхарвы^[795] и святые из Ташасаваны^[796]! Проникающая до Большой Медведицы Великая тайна^[797]! Покарайте оборотней, обуздайте нечисть, уничтожьте несметные рати демонов-злодеев! Заклинаю вас, духи Срединных гор^[798]! Изреките слово изначальное, драгоценное! Изгоните недуги и продлите дни жизни! Пять священных гор^[799] и восемь морей^[800], внимлите мольбе! Свяжите руки владыке Мара^[801]! Телохранители, спасите меня! Да исчезнет зло и рассеется скверна! Да воцарится навечно дух праведного пути...»

Цянь пригласил Симэня молиться. Тот совершил омовение рук, прополоскал рот, стал облачаться в парадные одежды, привязал наколенники. Ему помогали Сюээ, Юйлоу, Цзяоэр и Гуйцзе, на все

лады расхваливая его облачение.

Симэнь вышел и с благовониями в руках стал молиться Будде. За ним стоял слуга-подросток, который поддерживал его одежды. Вид у Симэня был весьма внушительный. Цянь Слюнявый при появлении хозяина начал читать громче.

Женщины наблюдали за Симэнем из-за ширмы. Указывая на Слюнявого, они падали от хохота.

Симэнь встал перед алтарем на колени, но, смущенный смехом за ширмой, не мог рта открыть и только потирал глаза. Шутун понял в чем дело и подал женщинам знак. Те немного приутихли.

Цзиньлянь тем временем вышла в сад и заметила Чэнь Цзинци. Они слились в поцелуе. Насладившись ее прелестями, Цзинци вынул из рукава свежий плод и угостил Цзиньлянь.

– Вина хочешь? – спросила она.

– Хорошо бы немного, – согласился он.

Пока все были увлечены Цянем, она провела зятя к себе, велела Чуньмэй запереть дверь и несколько раз подряд наполнила его чарку вином.

– Ну, а теперь иди! – проговорила она. – А то увидят, мне живой не быть.

Цзинци хотел ее поцеловать.

– Брось, или тебе жить надоело! – запротестовала Цзиньлянь. – Вдруг служанки увидят.

Она играючи ударила Цзинци, и он бросился было вон, но она велела Чуньмэй проводить его,

Да,

Меж жизнью и смертью запутав следы,

Ей все-таки выйти сухой из воды.

Чуньмэй пошла с Цзинци в сад, но не о том пойдет речь.

Симэнь, стоя на коленях, долго молился. Когда он поднялся, Цянь отслужил только начало молебна и перешел к чтению ектении с поклонами.

Симэнь прошел за ширму.

– Хватит хихикать! – сказал он женщинам. – Меня и без вас смех разбирал. Еле сдержался.

– А еще рясу напялили, – говорили женщины. – И никакой он не монах. Демон неугомонный – вот он кто.^[802] Побагровел весь, бесстыжий. Разбубнился, все кругом заплевал.

– Вы ж над его усердием потешаетесь! – урезонивал их Симэнь. –

И довольно кошунствовать! Помните, когда поклоняются духу, он рядом витает.

Симэня позвали, и он опять встал на подстилку. Слюнявый сосредоточился и, подняв голову, начал читать покаяние, потом утреннюю молитву о чаяниях. Комки белой пены, скопившиеся у него на губах, то скрывались во рту, то разлетались во все стороны. В рвении, с каким Слюнявый клал нескончаемые поклоны, он напоминал болванчика, и женщины, глядя на него, покатывались со смеху. Как ни усердствовал Симэнь, ему никак не удавалось поспеть за Слюнявым. Едва он положит поклоны одному святому, как Слюнявый называет пятого. Будучи не в силах за ним угнаться, Симэнь клал поклоны невпопад, чем вызвал еще больший хохот женщин.

Тут появилась Сяоюй и позвала Гуйцзе ужинать.

– Матушка скучает одна, – сказала она. – Приглашает вас, сестрица, и мамашу Ли зайти и развеять тоску. А у вас тут вон, оказывается, какое веселье.

Цзяоэр и Гуйцзе сразу направились к Юэнян, за ними потянулись и остальные. Цзиньянь хотелось было заглянуть в сад, и она последовала за остальными.

– Да, молиться надобно с усердием, – говорила, обращаясь к падчерице Юэнян, – но и за ребенком следует смотреть в оба. А то доверься этим бабам шальным, вынесут да и ладно. Так-то и зверь, чего доброго, растерзает.

Только она сказала, вошла Гуйцзе. Они втроем сели ужинать, но не о том пойдет речь.

После молитвы Симэнь обливался потом. Поспешно сняв с себя парадное платье, он пошел проведать Гуаньгэ.

– Сынок! – склонившись над колыбелью и глядя ребенка, говорил он. – Я за тебя молился Духу Земли. – Он обернулся к Пиньэр. – Ему лучше! Пошупай лобик: слава Небу и Земле, у него жар спал.

– Какое чудо! – воскликнула Пиньэр. – Только мы обреклись молиться, ему сразу полегчало. И жар спал, и глазки больше не закатывает, и озноб прошел. А еще говорили: старая Лю, мол, ничего не понимает.

– Молебен в монастыре отслужим, и совсем поправится, – говорил Симэнь.

– А тебе, отцу, больше всех достается, – заметила Пиньэр. – Оботрись и садись ужинать.

– Еще ребенка напугаю. Пойду, там поем.

Симэнь пошел к Цзиньянь и уселся в кресле.

– У меня боль такая, будто грыжа развевалась, – говорил он.

– Это отчего же? – засмеялась Цзиньлянь. – Уж не от усердия ли твоего? Попроси, пусть кто-нибудь за тебя домолится.

– А ты права! – подхватил ее мысль Симэнь и велел Чуньмэй позвать Чэнь Цзинци. – Попроси зятюшку. Скажи, пусть за батюшку помолится и свершит сожжение раскрашенных изображений божеств с конями на цветной бумаге.

Между тем Цзинци после нескольких чарок, поднесенных Цзиньлянь, боясь, как бы не заметили слуги, выпил еще не одну чарку купленного легкого вина, опьянел окончательно и, свалившись прямо в лавке, громко захрапел. Циньтун так его и не добудился.

– Спит он, – докладывал Симэню слуга. – Я его так и не добудился.

– Вот негодник! – разозлился Симэнь. – Людей попросишь, они норовят и за соседним домом присмотреть, а этому и на свое хозяйство наплевать. Завалиться в такую рань! – Симэнь послал к хозяйке Чуньмэй. – Ступай, скажи дочери: батюшка, мол, занедужил, просят зятя за себя помолиться. А то, скажи, он там разоспался.

– Вот нескладный! – воскликнула падчерица. – Я сама за ним схожу.

Она вышла из комнаты. Юэнян послала вслед за ней и Сяюю. Цзинци протер глаза и вышел к жене.

– Ты чего так кричишь? – спрашивал он.

– Тебя батюшка помолиться вместо него просит, – отвечала жена. – Циньтун не добудился, меня послал. Матушка Сяюю велела тебя будить. Пойдем, пойдем!

Так, то подталкивая, то поддерживая, она, наконец, привела мужа в залу, а сама пошла к себе. Сяюю доложила Юэнян и Симэню. Тот распорядился, чтобы Циньтун с Дайанем дождались конца службы и проводили Цяня, а сам отправился на ночь к Цзиньлянь, но не о том пойдет речь.

Между тем Цзинци, ослепленный ярким пламенем свечей, окончательно пришел в себя и, вытаращив глаза, увидел, как Слюнявый берет вознаграждение. Они обменялись приветствиями. Цянь в ожидании угощения велел Циньтуну нести фонарь и направился в покои Пингэр, Инчунь взяла благовония и, войдя в комнату, передала их кормилице Жуи. Та покурила ими над младенцем и вышла. Цянь Слюнявый, держа изображение духов и касаясь Гуаньгэ рукой, сотворил молитву и вернулся в залу.

Чэнь Цзинци молился, а Слюнявый сжигал изображение раскрашенных изображений божеств с конями на цветной бумаге.

Когда он бросил в огонь дщицу с молитвенным обращением к духам, показались линии, обозначающие Небо.

– Раз дщица явила небесные врата, стало быть, поправится младенец через день-другой, – сказал Слюнявый. – Если и повторятся приступы, ничего страшного не случится.

После того, как обряд был совершен, возлили жертвенное вино.

Голод и жажда мучили Слюнявого Цяня все время, пока Дайань готовил посуду, а Циньтун накрывал на стол. За компанию с Цянем сел Чэнь Цзинци. После угощения, рассыпаясь в благодарностях, Слюнявый удалился, а Цзинци пошел к себе. Пинъэр послала горничную Инчунь с жертвенной снедью и фруктами к падчерице, и та благодарила ее, но не о том пойдет речь.

Выйдя от Юэнян, старая Лю неподалеку от ворот повстречала в дым пьяного Цяня с фонарем в руке.

– А, наставник Цянь! – протянула Лю. – Награду получил? Поделится бы со старухой-то, а?

– А ты тут при чем? – обрезал ее Слюнявый.

– Я ж на чашке воды гадала, тебе, старику, помогала, а ты меня со счетов сбрасываешь, да? – набросилась Лю. – Теперь убей, пальцем не шевельну.

– Ну и ловка ж ты, сводня! – стоял на своем Слюнявый. – Зубы-то мне не заговаривай! Чушь не городи! Где ж ты мне помогала? Меня в этот дом столько лет приглашают! С какой стати наградой делиться?!

– Чтоб тебя голод скрутил, демон проклятый! – указывая на Слюнявого пальцем, ругалась старуха. – Только приди за мной!

Так они ругались еще некоторое время, но не о том пойдет речь.

На другой день Симэнь встал рано утром и велел слугам сопровождать его в монастырь. Одни несли свиную тушу барана, другие – парадные одежды. По прибытии в монастырь переполошившиеся монахи тотчас же приготовили Симэню подстилку и начали читать молитвы. Симэнь облачился в парадное платье, помолился, потом вытянул гадательный жребий и протянул его монаху. После чаю монах разъяснил ему знаки жребия.

– Жребий предвещает счастье. Скорбящий скоро поправится. Оберегайте его от дальнейших приступов недуга.

Симэнь отблагодарил монахов деньгами и направился домой. Когда он спешился у ворот, ему доложили об Ин Боцзюэ, ожидавшем в крытой галерее.

– Присаживайся! – сказал Симэнь. – Я сейчас приду.

Он пошел к Пинъэр, рассказал ей о содержании жребия и

воротился в крытую галерею.

– Как дела, посредник? – спросил Симэнь. – Много тогда прикарманил? Хоть пригласил бы когда.

– А почему именно я должен приглашать? Се Цзычуню тоже кое-что перепало, – посмеивался Боцзюэ. – Ну, да ладно! Вот куплю закусок, тогда и угощу.

– Ты и всерьез подумал? – усмехнулся Симэнь. – Нет, брат, мне твоего не нужно. Я так, чтобы тебя выпытать.

– Кстати! – начал Боцзюэ. – Ты нынче, говорят, свинью с бараном в жертву принес? В монастыре был? Богатые жертвы! А брату младшему так ничего и не поднесешь?

– Ты прав! – подхватил Симэнь и кликнул Циньтуна: – Ступай дядю Се пригласи.

Симэнь велел поварам готовить закуски. Боцзюэ ждал прихода Се Сиды с нетерпением.

– Давай начнем пока! – не выдержал Боцзюэ. – Ишь как возгордился! Не дожدهшься его!

Они сели за стол и наполнили чарки.

– Дяди Се нет дома, – доложил прибывший наконец Циньтун.

– Где ты пропадал? – спросил Симэнь.

– Дядю Се разыскивал, – отвечал слуга.

Боцзюэ провозглашал тосты за спасение Гуаньгэ, чем очень порадовал Симэня.

– Все время я тебе, брат, надоедаю, – заговорил Боцзюэ. – Неловко мне перед тобой. Хочу пригласить тебя завтра или послезавтра ко мне на скромное угощение. Будут братья. Выпьем по чарочке. Не против, а?

– На посредничестве нажился и давай деньгами сорить, – заметил, смеясь, Симэнь. – Зачем тратиться? Свиныня с бараниной у меня остались. Я тогда тебе пошлю.

– Как ты, брат, любезен! – воскликнул благодарный Боцзюэ.

– А певцов уж сам позови, – предложил Симэнь.

– Разумеется! Только помощников у меня нет.

– Мы люди свои! – успокоил его Симэнь. – Каждый своих слуг пошлет. Я Циньтуну с Дайанем велю помочь.

– Тогда все будет в порядке!

Они посидели еще немного и простились.

Да,

Когда захочет человек

две жизни в пиршествах проведеть,

Всего, – живи хоть целый век, –
их будет тысяч тридцать шесть...^[803]

Хотите знать, что было потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ИН БОЦЗЮЭ ПРИНИМАЕТ ДРУЗЕЙ В ПРИГОРОДНОМ ПОМЕСТЬЕ

ДОКТОР ЖЭНЬ ОБСЛЕДУЕТ БОЛЬНУЮ В ДОМЕ ВЛИЯТЕЛЬНОГО ЛИЦА

*Грядущих дней течение не предскажешь,
Однако в час веселья иногда
Нежданная, негаданная вовсе,
Стучится к людям горькая беда.
Красавице – несчастье выпадает,
Одна она тоскует у окна,
Гуляка буйным радостям отдался,
Ему уж мало сельского вина,
Наскучило торчать под абрикосом,
Желает перемены он – и вот
Теперь средь померанцев у колодца
Ждет, что напиток редкий обретет.
Есть в жизни радость, есть в ней и печали,
То ласка от нее, то боль обид,
То вдруг весенним ветерком обдует,
То ледяной крупой запорошит.*

Так вот. Встал Симэнь утром и, выйдя из спальни Цзиньлянь, велел Циньтуну с Дайанем отнести свинные ножки и баранину к Ин Боцзюэ.

Когда слуги пришли к Боцзюэ, тот только что вернулся домой после вручения приглашений гостям.

– Будьте так добры! Милости прошу! – то и дело повторял он, пока не скрылся за дверью, и принялся писать.

«Сколько раз причинял я Вам хлопоты, и на сей случай опять Вы не обошли меня щедрой милостью своею, за что приношу Вам искреннейшую благодарность.

Прошу Вас, брат, незамедлительно пожаловать ко мне, дабы всем вместе отбыть за город, где Вас ожидает увеселение».

Ин Боцзюэ вышел из дому и передал приглашение Дайаню.

– Ничего не надо писать! – сказал Дайань. – Нас батюшка прислал помочь вам. Мы не можем отлучаться.

– Дорогие вы мои! – воскликнул, улыбнувшись, Боцзюэ. – Неловко мне, право слово, утруждать вас. Совесть не позволяет.

Боцзюэ убрал записку в рукав.

– А где пир будет? – спросил Дайань. – Мы столы бы пока приготовили, а то запыхались, наверно.

– Дорогой мой! – говорил Боцзюэ. – Столы, верно, протереть надобно. Мы уж сначала дома закусим, а потом за город поедem веселиться.

– Неплохо придумано! – заметил Циньтун. – Чем коробы с закусками туда тащить, да еще вино, посуду... Куда удобнее дома попировать.

– То-то и оно! Смышленные вы ребята! – воскликнул Боцзюэ. – Вы мои мысли читаете! Работает, вижу, у вас смекалка!

– Ну, хватит болтать! – заключил Дайань. – Пора за дело браться.

– Да, да! – подхватил Боцзюэ. – Или пахать, или в дуду играть.

Не успели слуги управиться, как в воротах, покачиваясь, показался первый гость. Им оказался Бай Лайцян. Завидев Боцзюэ, он сложил в знак приветствия руки.

– Как, гляжу, для тебя, брат, стараются ребятки! – увидев слуг Симэня, заговорил Бай.

– Завидки берут? – спросил Боцзюэ и рассмеялся.

– Кого да кого зовешь? – спросил Бай.

– Никого новеньких! Братьев на чашку чаю и только.

– Вот и хорошо! Пировать в чужой компании терпеть не могу! Среди своих только и выпить да поразвлечься. Правда, без певиц не обойтись. И без Ли Мина с У Хуэем тоже.

– Кому ты доказываешь?! – воскликнул Боцзюэ. – Я и сам понимаю что к чему. Как это пить втихомолку?! Ты когда-нибудь видал, чтобы я пил под сухую?

– Точно! Сушая правда! – поддакивал Бай. – Не мне тебя учить, что к чему. Да, постой! Ты уж меня пожалей! От штрафных избавь. Я вчера вечером горькой обпился. Горло жжет, терпенья нет. Мне только бы чаю с супом пропустить.

– Вино, брат, вином и лечат, – говорил Боцзюэ. – Выпьешь, ничего с тобой не случится. У меня как-то тоже горло обжело. И что же? Пропустил несколько чарок – все как рукой сняло. Отличное средство – поверь мне!

– Горло лечить ты, вижу, мастер, – продолжал Бай, – а как насчет желудка?

– Да ты что, не завтракал, что ли? – спросил Боцзюэ.

– Ты брат, близок к истине, – отвечал Бай.

– Так в чем же дело? – воскликнул Боцзюэ и бросился в дом.

Он вынес тарелку пирожных и тарелку ароматных лепешек с кипящим чайником и поставил перед Бай Лайцяном.

– Чудные лепешки! – приговаривал Бай, уплетая одну лепешку за другой, пока не съел все до единой.

– Пирожные тоже неплохи! – потчевал Боцзюэ.

Бай Лайцян, аппетитно чавкая, очистил и тарелку пирожных. Циньтун с Дайанем тотчас же собрали посуду и протерли стол, который заблестал как и прежде.

– Как чистоту блюдут! – заметил Бай. – Ну что ж братья не идут? Чем раньше бы начали, тем дольше пировали. Заберутся в свои углы, не вытащишь.

Боцзюэ заглянул в окно. В ворота входил Чан Шицзе. Циньтун подал чай. Чан Шицзе сложенными руками приветствовал присутствующих.

– И ты здесь? – заметив Циньтуна, сказал он.

Слуга только улыбнулся.

После чаю они встали из-за стола немного размяться. Внимание Бай Лайцяна привлекли лежавшие на буфете шашки.

– Давай сыграем, – предложил он Чан Шицзе.

– Я вспотел с дороги, дух никак не переведу, – отвечал тот. – Раздеться бы да всеором обмахнуться, а ты играть. Ну да ладно. Давай партию сыграем.

Они расставили шашки и сели за игру.

– На угощение играть собираетесь? – спросил Боцзюэ.

– Прибавил я, брат, тебе заботы! – начал Бай. – Мне бы уж выиграть, что ли, и на душе полегчало бы. А то и живот пустой, и поесть всласть нельзя. А выиграю, по крайней мере благодетелем

почтут.

– А какой из меня хозяин! – вставил Боцзюэ. – Вы тоже, братья, давайте! И свою лепту внесите!

Он засмеялся.

– Легко сказать! – продолжал Бай. – А за что ни возьмись, все серебра стоит.

– Я ни гроша не захватил, – заявил Чан Шицзе. – Вот разве что веер. В закладной цян два иль три дадут. А со временем можно выкупить.

– А у меня с собой выигрыш, – подхватил Бай и вынул платок. – Дорого стоит! Давай разыграем!

Они передали вещи Боцзюэ. Тот рассмотрел сперва крапленный золотом веер из белого бамбука со стихами и рисунками. Планки у него, правда, оказались старые. Потом развернул новый шелковый платок с ярким узором.

– Ничего, пойдут! Начинайте! – заключил Боцзюэ и убрал вещи.

Игроки начали партию. Циньтун с Дайанем, пользуясь отсутствием хозяина, встали сзади них и следили за ходом игры.

– Расторопные вы мои! – кликнул слуг Боцзюэ. – Будьте добры, заварите чайку, а!

Циньтун скорчил Дайаню рожу и пошел кипятить чай.

Положение у Бай Лайцяна и Чан Шицзе было примерно одинаковое. Правда, Чан Шицзе играл немного лучше. Зато Бай Лайцян был мастак менять ходы и переставлять фигуры. Только его фигуры оказались под угрозой, Чан Шицзе стал ждать перетасовок. Так оно и вышло. Бай Лайцян отказался от своего хода и стал передвигать одну фигуру за другой.

– Ошибся я! Говорю ошибся! Не так пошел, понял? – говорил он скороговоркой, рукой загородив от Чана чуть ли не всю доску.

– Брат! – звал хозяина Чан Шицзе. – Иди скорее на помощь!

– Что за шум? – спрашивал опрометью подоспевший Боцзюэ.

– Гляди, только ход сделал, тут же фигуры четыре передвинул, – объяснял Чан. – А теперь опять перетасовывает. Нет, так дело не пойдет! Брат, будь судьей! Что это за самоуправство?!

Бай Лайцян весь побагровел. На висках выступили синие жилы,

– Я не успел ходу сделать, а он фигуру смахнул, – с пеной у рта кричал он. – Видел, хорошо видел, как ты рукой доску загораживал. Глаза мне отвести хотел, да? Да я только пройти собирался, я фигуру еще не поставил. Нет, говорю, передумал, а ты, знай, на своем настаиваешь. Меня винить нечего!

– Раз пошел, значит пошел, – говорил Боцзюэ. – Нечего ходы назад брать. Смотрите, чтоб этого больше не было!

– Ладно, так и быть! – согласился Чан Шицзе. – Меняй ход, но чтоб это было в последний раз. Слышишь, Бай Лайцян? Я тебя предупредил, сынок.

– Никудышный ты игрок, Чан Шицзе! – засмеялся Бай. – А на меня ты зря клепаешь.

Пока они спорили, прибыл Се Сидя. Циньтун угостил его чаем.

– А вы, гляжу, в шашки сражаетесь? – начал Се Сидя. – Давайте, давайте. Я погляжу.

Появился и У Дяньэнь. После взаимных приветствий и обычных реплик Дяньэнь спросил:

– На что ж играете?

Боцзюэ показал веер и платок.

– Все равно партию надо доиграть! – поддержали все собравшиеся.

– Братец! Давай кончать! – предложил Бай Лайцян. – Чего зря раздумывать?!

Чан Шицзе стал обдумывать ход, а У Дяньэнь и Се Сидя решили заключить пари.

– Выиграет брат Чан! – заявил Се Сидя.

– Нет, проиграет! – возразил У Дяньэнь.

Они ударили по рукам на чарку вина.

– Смотри, не выиграл бы твой никудышный, – приговаривал Чан.

– Неужели мне придется подарить тебе свой платок? – говорил Бай, краснея.

– Очень может быть! – заключил Чан.

Они сделали еще несколько важных ходов и начали подсчет фигур. Бай Лайцян насчитал их пять, тогда как Чан Шицзе обнаружил только две.

– Твой проигрыш вот в этих трех фигурах, – повторял Бай, желая всучить их Чану.

Когда же Бай обратился к своим фигурам, их недосчитывалось целых пять.

– А я верно решил исход! – воскликнул Се Сидя и, указывая на У Дяньэня, продолжал: – Тебе пить штрафную. Погоди, полной меркой налью.

У Дяньэнь улыбался, но не возражал. Боцзюэ вручил Чан Шицзе веер с платком. Тот спрятал платок в рукав, потом не спеша раскрыл веер, горделиво помахался, почитал стихи и посмотрел рисунки. Все рассмеялись.

Вбежал Дайань и доложил о прибытии У Иньэр и Хань Цзиньчуань. Поддерживая друг дружку, вошли весело улыбающиеся певицы и, низко кланяясь, приветствовали собравшихся. Бай Лайцану не терпелось продолжить игру, но его подняли на смех.

– Хватит! – говорил Боцзюэ. – Обождем старшего брата, поедим и в поместье гулять отправимся. Сколько можно играть! Будет уж тебе!

Циньтун быстро собрал шашки, и все сели за чай.

– Пора бы уж и брату пожаловать, – говорил Боцзюэ. – Чего допоздна тянет? Некогда будет и повеселиться.

Только он договорил, прибыл Симэнь в сопровождении четверых слуг. Когда он явился в парадном облачении, все повставали с мест. После приветствий ему предложили сесть. К нему подошли певицы и отвесили земные поклоны, за ними последовали Ли Мин и У Хуэй.

Ин Боцзюэ торопил Циньтуна с Дайанем скорее подавать кушанья. На столе появились всевозможные специи: ароматный тыквенный соус, соя, пропитанный маслом перец с уксусом, сладкий чеснок, маринованные ростки бамбука, острая подливка, подливки из имбиря и душистых грибов. Когда Симэнь разместился за столом, Циньтун с Дайанем забежали пуще прежнего, выказывая все свое умение и прыть.

– Спасибо ребятам! – говорил, обращаясь к Симэню, Боцзюэ. – Горы своротили. И досталось же им нынче!

– Ленились, небось? – заметил Симэнь.

– Нет! Ловкие ребята, что и говорить! – хвалил Боцзюэ.

– Испокон веков ведется, – подхватил Се Сидя, – у сильного полководца слабых солдат не бывает. Еще бы, с такими ребятами и заботы мало.

Слуги поставили огромный кувшин вина и начали выносить еду и закуски. В один миг на столе появилось не менее двух десятков блюд. Были тут жареное мясо с чесноком и плодами личжи, отварная телятина с жареным луком, перцем и можжевелем, рыба, курятина, маринованная утка и потроха. Нельзя описать всего разнообразия красочных яств! Ведь у кого только не обедал на своем веку Ин Боцзюэ, у кого только не пировал! Вот откуда он и приобрел блестящие познания в кулинарном деле, вот почему и пестрел его стол отменными деликатесами.

Гости вооружились палочками и аппетитно зачавкали, то и дело вздыхались большие кубки.

Хань Цзиньчуань предпочитала постные закуски, а до мясного даже не дотронулась. Это не ускользнуло от зоркого взора Ин Боцзюэ.

– А ты чего из себя строишь? – обратился он к певице. – Теперь

ведь не пост! Жил-был один постник. За всю жизнь скоромного в рот не взял, а когда умер, загробному владыке сказал: «Я только постным питался. Со мной и обращаться надо как с благочестивым». «А я почему знаю, что ты ел, – отвечает владыка. – Живот разрежем, видно будет». Разрезали постника, а у него одни слюни в животе. А все оттого, что другие ели, а он глядел да слюни глотал.

Все повалились от хохоту.

– За такие слова, гляди, язык бы тебе на том свете не вырвали, – сказала Цзиньчуань.

– Это блудницам языки вырывают, – говорил Боцзюэ. – Потому что они целуются, а сами языком шевелят, чтоб человека распалить.

Опять раздался хохот.

– Может, за город прогуляемся, а? – предложил хозяин.

– С великим удовольствием! – воскликнул Симэнь.

– С удовольствием! – поддержали остальные.

Боцзюэ велел Дайаню и своим слугам отнести два короба закусок и жбан вина к реке. Еду погрузили в небольшую лодку, а себе наняли лодку побольше и отчалили в сторону южных городских ворот.

– Причаливай! – крикнул, наконец, Боцзюэ, когда лодки приблизились к поместью придворного смотрителя Лю, в трех с лишним десятках ли от города.

Гости подхватили Хань Цзиньчуань и У Иньэр и сошли на берег.

– А куда мы теперь направимся? – спросил Симэнь.

– Да вот в поместье его сиятельства Лю, – отвечал Боцзюэ. – Чем плохо?!

– Ну что ж, пойдем туда! – отозвался Симэнь.

Гости заглянули в залу, прошли по длинному извилистому коридору, по глухим тропкам, углубились в густую рощу и в декоративные заросли бамбука. Не пересказать всех красот парка.

Только взгляните:

Густы зеленые кипарисы, строен высокий бамбук. Душистые травы зеленым с яркими узорами ковром покрыли сад. Как у танцовщицы бахрому плавно колышутся плакущей ивы нежные ветви. Рядами тянутся, причудливо кружась, перила, каменные балюстрады. Прекрасны цветники редких цветов, а их несметное число. Тихи оконца, сокрытые под сению деревьев. Слышатся птишек дивные трели, то будто запели хором свирели. Да, великолепие здесь Императорского Сада, в Ясной Столице^[804] не лучше пейзаж! Со всех краев сюда стекаются ценители природы, прогуливаются дамы не спеша. Просторы необъятны, радуют, бодрят, усталость отгоняя

прочь. Без преувеличения скажу: зрелище неповторимое в своем великолепии!

Рука об руку с Хань Цзиньчуань и У Иньэр Симэнь обошел чуть ли не все уголки сада. Досыта насмотревшись, они завернули в беседку Вьющихся роз, и сразу повеяло приятной прохладой. Стоял стол, а по обеим сторонам огромные каменные диваны так и располагали к отдыху. Все расселись, и Боцзюэ велел слугам во главе с Циньтуном принести с лодки вино, закуски, посуду и духовую печь. Расположившись под зеленой сенью, первым делом выпили чаю. В разговоре речь зашла о Суне Молчуне и Рябом Чжу.

– И они бы теперь с нами пировали, – заметил Чан Шицзе. – Да на вот тебе!

– Чего хотели, то и получили, – сказал Симэнь.

– Значит, тут и остаемся? – спросил Боцзюэ.

– Можно и тут! – поддержал Бай Лайцян.

Они начали усаживаться. Симэнь занял почетное место. По обе стороны от него расположились певицы. Неподалеку у декоративного камня пристроились Ли Мин и У Хуэй. Один заиграл на лютне, другой ударил в кастаньеты. Послышалась песнь на мотив «Цветок нарцисса»:

По воле мамыши моей
Он храму огня поклонился,
И пламени столб закружился,
И утки в испуге скорей
Взвились над горящим гнездом.
Стал сир, неуютен мой дом.
Звенит золотая подкова,
Коня оседлав боевого,
Тщеславьем чинов опален
Уходит любимый, и стон
Разорванных струн мчится вслед.
Бренчат мои гусли без ладу,
В колодец – во тьму и прохладу
Летит драгоценный браслет
И вдребезги бьется о камни. Дон-дон...

Певцы умолкли. Пир продолжался на берегу пруда. Гости сидели на расстеленном ковре. Опять взметнулись кубки, пошла игра на пальцах и в краски. Царило неподдельное веселье.

– Почему ж Дун Цзяоэр, негодница, не пришла? – спросил Симэнь.

– Вчера сам ходил ее звать, – говорил Боцзюэ. – Гостя, говорит,

провожу и к обеду приду. Если б знала, где мы, сейчас бы пожаловала.

– Ты, брат, выходит, сам виноват, – упрекнул хозяина Бай. – Что ж ты ей не сказал, где мы будем?

Симэнь наклонился к Бай Лайцяну и зашептал на ухо:

– Давай Попрошайку разыграем, а? Пospорим: если она в полдень не придет, каждый нальет ему по три больших чарки.

Бай объяснил Ину условия пари.

– Ну и что ж! Я согласен! – заявил Боцзюэ. – А если она придет, каждый из вас по три чары выпьет, идет?

Заключили пари. Дун Цзяоэр не показывалась. Боцзюэ только нервно посмеивался. Тогда Бай Лайцян, Се Сиды и Симэнь с певицами пошептались и порешили так. Симэнь будто бы по нужде отойдет и велит Дайаню объявить: Дун Цзяоэр, мол, прибыла. Дайань сразу смекнул, в чем дело, и немного погодя, когда Боцзюэ впал в отчаяние, он влетел к пирующим и объявил:

– Барышня Дун пожаловала! Не знаю, как ей удалось разыскать!

– Моя почтенная прапрабабушка! – воскликнул Боцзюэ. – Не переживу этой радости! Говорил, она придет. Вина скорей! Каждому три чарки!

– А если мы выиграем, – вставил Симэнь, – ты пить будешь.

– Проиграю – буду! Иначе и за человека меня не считайте.

– Договорились! – послышались голоса. – А теперь ступай зови ее сюда. Тогда будем пить.

– Договорились! – подтвердил Боцзюэ. – Вот это уговор!

Боцзюэ бросился встречать певицу. Но в какую сторону он ни бежал, где он ни рыскал, все глаза проглядел, однако Дун Цзяоэр и следа не было видно.

– Вот проклятая потаскуха! – ругался он. – Ишь, потешается, из себя строит!

Когда он вернулся, все покатывались со смеху.

– Полдень проходит, – обступив Боцзюэ, говорили гости, – пей штрафные.

– Надула меня потаскушка, – ворчал Боцзюэ. – Раз поспорили – ничего не поделаешь, придется пить.

Симэнь без лишних слов наполнил до краев чару и протянул Боцзюэ.

– Сам говорил, чтоб тебя за человека не считали, если нарушишь уговор, – сказал Симэнь.

Боцзюэ взял чару. Вслед за Симэнем протянул кубок Се Сиды. Не успел Боцзюэ осушить второй кубок, как к нему подошел У Дзяньэнь.

– Да что вы делаете? – не выдержал Боцзюэ. – Меня ж мутит. Дайте хоть немного закусить.

Бай Лайцян подал сладкое.

– Чтоб тебе провалиться! – заругался Боцзюэ. – Мне чего поострее, а он сладкое сует.

– Да у тебя ж в чарке острое, – засмеялся Бай. – Не торопись, острое с кислым еще впереди.

– Вот болтун! – ругался Боцзюэ. – Языком доконает.

Тут Чан Шицзе протянул кубок, но Боцзюэ медлил. Ему хотелось сбежать, однако будучи в окружении Симэня и певец, он был не в состоянии шевельнуть ногой.

– Чтоб тебе провалиться, проклятая Дун Цзяоэр! – завопил он. – На какие ж муки обрекла ты старика!

Гости захохотали.

Бай Лайцян велел Дайаню подать другой кувшин вина. Тот сунул горлышко в кубок, и снова, булькая, полилось вино.

– Когда глупые гости хозяина спаивают или потаскуха потешается – это одно, – говорил Боцзюэ, глядя на Дайаня. – Ну, а ты что делаешь?! Ты бы уж весь кувшин в кубок засунул. Нет, дядя Ин теперь тебе сватать не будет. Век бобылем проходишь.

Хань Цзиньчуань и У Иньэр поднесли Боцзюэ по чарке вина.

– Приканчивайте! – крикнул Боцзюэ. – Режьте как курицу! На колени встану.

– Нечего кланяться! – заявила Цзиньчуань. – Пей, раз подносят!

– Что ж ты перед сестрицей Дун на колени не падал? – спрашивает Иньэр. – Надо было ее как следует попросить.

– Не смейтесь! – говорил Боцзюэ. – В глотку больше не идет.

Певцы хотели было насильно влить ему в рот вино, но он взял у них кубки и, поспешно их осушив, стал скорее закусывать.

– Довели вы меня! – приговаривал он, густо багровея. – Пить полагается не спеша, а вы передышки не дадите.

Гости не унимались и продолжали наполнять кубки.

– Брат, еще раз прошу тебя! – встав на колени перед Симэнем, взмолился Боцзюэ. – Сжался! Прости несчастного! Не губи! Кто вас угощать будет? Свалюсь, тогда весь интерес пропадет.

– Ладно уж! – смиловился Симэнь. – Сбавим тебе! По две чарки с брата, и достаточно. А пока дадим ему передышку.

– Благодарю тебя, милостивый батюшка! – говорил, вставая, Боцзюэ. – Враз от тяжкого бремени избавил.

– Ладно! Прощаю тебя на сей раз! – заявил Симэнь. – Но помни,

как уговаривались. Выходит, человеком в полной мере тебя считать не приходится.

– Я пьян! – бормотал Боцзюэ. – И куда занесло эту потаскуху!

– Гм! В гостях солидное лицо, почтенный господин, а хозяин вздумал шутки шутить. Где это видано? – подсмеивалась Иньэр. – И Дун Цзяоэр почему-то не пришла.

– Она же самая известная среди здешних певиц, – тоже не без издевки отвечал Боцзюэ. – Ее ведь не так-то легко и заполучить.

– Чем же это она известная? – вставила Цзиньчуань. – Может, тем, что в именитые дома норовит попасть?

– А ты ей давно завидуешь, знаю, – заметил Боцзюэ.

Симэнь вспомнил историю, которая приключилась как-то ночью с баричем Цаем, и посмотрел на Цзиньчуань.

Но не о том пойдет речь.

Боцзюэ был слишком пьян. А шутки шумных певиц, продолжавших перебрасываться остротами, скоро приелись, и гости заскучали.

– Хоть бы спели, – обратился Бай Лайцян к Цзиньчуань.

– Можно спеть! – поддержала Иньэр. – Пусть Цзиньчуань начинает.

– Я у брата Бая веер выиграл, планки крепкие, – говорил Чан Шицзе. – Можно такт отбивать.

– А ну, дай попробую! – попросила Цзиньчуань и стала рассматривать веер. – У меня такого нет. Надо бы мне выиграть. Подари, а?

– Верно, подари! – поддакнул Симэнь.

Все начали упрасивать Шицзе, и ему, наконец, пришлось уступить веер певице.

– Неловко мне брать, ведь со мной сестрица Иньэр, – сказала Цзиньчуань. – Ты цвет загадай. Кто отгадает, той и веер поднесешь.

– Вот верно! – согласился Шицзе.

Выиграла Иньэр, и Цзиньчуань передала ей веер.

– Но как же так! – воскликнул Шицзе, и на лице его изобразилось деланное огорчение. – Тогда барышне Хань я поднесу платок, хорошо?

– Сколько щедрости! – принимая подарок, проговорила Цзиньчуань.

– Жаль, я не захватил с собой прекрасный сычуаньский веер, – заметил Симэнь. – А то бы тоже мог похвастаться.

– Тогда б ты меня перешеголял, – сказал Шицзе.

– Ой, совсем было запамятовал, – вдруг вскочил как бешеный Се

Сида. – Хорошо, про веер заговорили.

Он велел Дайаню наполнить большой кубок и поднес его У Дяньэню.

– Ты же пари проиграл, пей! – сказал он.

– Опоздал, брат, опоздал! – отвечал У Дяньэнь. – Ишь, когда спохватился! Тут вон сколько выпили, а ты чарку помнишь.

Но Се Сиды настоял на своем, и У Дяньэню пришлось осушить кубок.

Цзиньчуань запела арию на мотив «Чайной розы аромат»:

Мы безрассудно, встретившись впервые,

Влечению сердца пылко отдались.

Да не остынут ночи огневые!

О, наше счастье меж цветов, продлись!

Нам щебет птиц шальные чувства дразнит,

Роскошен пир двух любящих сердец!

Жаль, мимолетным был весенний праздник

И счастьем нашему пришел конец.

– Да, а ведь говорят, что счастливых Небо бережет...

М нас твоя мамаша разлучила,

От феникса подругу прогнала.

Мне душу извела тоска-кручина,

О днях минувших память тяжела.

– Жестоко с нами поступили...

И слезы льются парными ручьями...

Но верность не осилила печаль.

И ты мечтаешь пьяными ночами

Моё лицо увидеть невзначай.

Запела У Иньэр на мотив «Зелен абрикос»:

Ветер и дождь –

это слезы цветам.

Ветер и дождь –

лепестки облетели...

Был ты пригож,

пировал тут и там,

Пьян был, и что ж? –

А виски поседел!

Весело нам –

вьется горный ручей.

Весело нам

любоваться весною...
Не по летам
в холод зимних ночей
Трам-тарарам
я веселый устрою!
Пей и гуляй
день и ночь напролет.
Пей и гуляй,
не казись днем весенним...
Блещущий май
или сумрачный лед, –
Все это, знай,
красота и спасенье

Когда она кончила петь, вышли Ли Мин и У Хуэй.

– Да здесь оказывается и певцы! – воскликнул Се Сидя. – А ну-ка, покажите свое мастерство!

Зазвучали аккорды лютни, запела свирель и послышался романс на мотив «Островок прохлады»:

За воротами – рыжая пыль,
Не доступен ей светлый ручей,
Где хозяйева – утки да рыбы.
Домик этот – отрада очей.
Здесь, под сенью густых тополей,
Голос иволги слышится мне.
Очень редкие люди могли бы
Оценить эту жизнь в тишине.
В горный лес я забраться хочу,
От ушей и от взоров укрыться,
Одинокством там насладиться,
Светлой памятью прошлого жить.
О грядущем немного грустить
И оплакивать в пятой луне
В пятый день Цюй Юаня из Чу,
Утонувшего в бурной волне.^[805]

Пир близился к концу. Бай Лайцян, заметив на стене барабанчик с узорной отделкой, спрятал его за камень и сорвал ветку цветов, чтобы передавать ее под барабанный бой. Симэнь сразу смекнул, что за игру затевает Бай, и подмигнул Ли Мину с У Хуэем. Те проникли за камень и стали наблюдать через отверстие в нем. Как только цветок переходил

к тому, кого они хотели напоить, барабан умолкал.

– Вот негодники, – ворчал Бай. – Я буду барабанить, и мне не мешайте!

Бай Лайцяну все же удалось заставить и Симэня выпить не одну чарку. Игра была в самом разгаре, когда к пирующим ворвался Шутун, и, нагнувшись к Симэню, зашептал на ухо:

– Матушке Шестой плохо! Вас просят скорее домой. Конь у нас с собой.

Симэнь стал поспешно откланиваться. Остальные гости были тоже порядком пьяны и поднялись за ним вслед.

– Брат, я ведь не поднес тебе ни чарки! – уговаривал Симэня хозяин. – Нехорошо так! – что это еще за шептанья!

Боцзюэ продолжал держать Симэня, и тому пришлось объяснять в чем дело. Симэнь простился и помчался верхом на коне. Боцзюэ принялся уговаривать остальных. Вдруг он заметил исчезновение Хань Цзиньчуань и пошел ее разыскивать. Оказалось, она присела по малой нужде у камня. Выпросталась красная полоска, из которой вылетали мириады светлых жемчужин. Боцзюэ притаился рядом за изгородью и пощекотал былинкой устье ее лона. Вспугнутая Цзиньчуань поспешно вскочила и поправила одежду.

– Чтоб ты сгинул, проклятый! – заругалась она. – Вон чего надумал, непутевый!

Покрасневшая Цзиньчуань, пересыпая шуточки руганью, вышла. Боцзюэ поведал обо всем гостям, и те дружно посмеялись. Симэнь оставил Циньтуна убрать посуду. Слуга перенес все на лодку. Гости отчалили в город и разошлись. Боцзюэ расплатился с лодочниками. Циньтун доставил посуду к Боцзюэ, и тот угостил слугу вином, но не об этом пойдет речь.

Симэнь спешил к воротам и бегом направился прямо к Пиньэр.

– Матушка тяжело заболела, – говорила Инчунь. – Посмотрите скорей.

Симэнь приблизился к постели. Пиньэр стонала от боли в желудке.

– Я сейчас же велю пригласить врача Жэня, – сказал он страдающей Пиньэр и велел Инчунь позвать Шутуна. – Скажи, чтобы написал визитную карточку и вызвал доктора Жэня.

Горничная передала Шутуну распоряжение хозяина, и слуга направился к доктору.

Симэнь подсел на кровать к Пиньэр.

– Как от тебя вином несет! – сказала Пиньэр.

– Плохо поел, вот и пахнет, – отвечал Симэнь и, обернувшись к

Инчунь, спросил: – Рисового отвару давала?

– Матушка с утра крошки в рот не брала, – отвечала горничная. – Только супу немножко пропустила. Боль у матушки в груди, в животе и в пояснице.

Симэнь нахмурился и тяжело вздыхал.

– А как Гуаньгэ, поправился? – спросил он Жуи.

– Ночью был жар, плакал он, – отвечала кормилица.

– Вот беда! – говорил Симэнь. – И сын и мать – оба разболелись. Была бы здорова мать, и за ребенком ходила бы.

Пиньэр опять застонала.

– Потерпи! – уговаривал ее Симэнь. – Сейчас доктор пульс проверит, лекарство даст – и все пройдет.

Инчунь убралась в спальне, протерла стол, воскурила благовония и заварила чай, а потом помогла Жуи уложить ребенка.

Начали отбивать ночные стражи. С улицы доносился звонкий лай собак. Вернулся Циньтун. А вскоре, освещая фонарем путь, вошел Шутун с доктором Жэнем. Прибывший верхом на коне Жэнь был в четырехугольной шапке и халате с длинными рукавами. Он сел на террасе, а Шутун пошел к хозяину.

– Доктор ждет на террасе, – доложил слуга.

– Хорошо! – ответил Симэнь. – Скорее подайте чай!

Симэнь вышел на террасу. За ним с чаем следовал Дайань.

– Простите, не знал, что у вас больная, – проговорил Жэнь.

– Недуг так серьезен, что мы побоялись медлить, – говорил Симэнь. – Извините, пожалуйста, что побеспокоили в такой поздний час.

– Что вы! – заверил его доктор Жэнь, отвешивая поклон.

После чашки чаю со жжеными бобами он спросил:

– А кто у вас недомогает, позвольте узнать?

– Моя шестая жена, – ответил Симэнь и подал доктору чай, заваренный с соленой вишней. Они обменялись несколькими репликами, и Дайань стал собирать чашки.

– Ступай узнай, все ли готово, и захвати фонарь, – распорядился Симэнь.

Дайань зашел в спальню и вернулся с фонарем.

Симэнь поднялся и, раскланиваясь, пригласил доктора. Вплоть до самой спальни Жэнь останавливался у всех дверей, уступал дорогу хозяину и, раскланиваясь, рассыпался в любезностях.

В золотом треножнике тлел дорогой аромат, из серебряной курильницы струилось благоуханье орхидей. На нефритовых крючках

висел тяжелый парчовый полог.

И в самом деле,

Открылся неземной чертог –

Богатства, роскоши восторг.

Симэнь предложил доктору кресло.

– Благодарю вас! – говорил Жэнь и, упросив хозяина сесть, сам опустился в кресло.

Инчунь принесла расшитый тюфячок и положила на него нежную, как нефрит, руку Пиньэр, потом перевязала ее повыше локтя парчовым платком и, загораживая рукавом тонкие пальцы хозяйки, дала доктору Жэню проверить пульс.

Доктор, внутренне настроившись и сосредоточив дух, приступил к изучению пульса Пиньэр.

– Она страдает желудочной недостаточностью и слабостью пневмы.^[806] При малокровии меридиан печени.^[807] являет признаки избыточности. В области сердца нечисто. В трех обогревателях^[808] присутствует огонь^[809] Необходимо его опустить и восстановить влажность, – так по-книжному и с резонами объяснил Симэню доктор Жэнь.

– Совершенно верно, доктор! – воскликнул Симэнь. – Вы увидели именно то, что есть. Моя жена отличается крайней выносливостью.

– Вот потому-то ее печень и являет признаки избыточности, – говорил Жэнь. – Однако другим это непонятно. Поскольку дерево преодолело землю,^[810] желудочная пневма ослабилась. Во всем организме теряется полнота пневмы и иссякает кровь. Воде не под силу справиться с огнем,^[811] и он поднялся в верхнюю часть тела, вызывая в грудобрюшной преграде ощущения переполненности и боли. Часто болит и живот. Малокровие приводит к ломоте в пояснице, в костях и суставах всего тела, а равно и к потере аппетита, насколько можно судить.

– Истинная правда! – поддержала Инчунь.

– Вы настоящий кудесник, доктор! – восхищался Симэнь. – Сколь глубоки ваши суждения! До какой же степени постигли вы тайны пульса! Больная должна быть осчастливлена одним тем, что вы ей открыли, доктор.

– Что я такое постиг?! – говорил, кланяясь, Жэнь. – Больше догадки.

– Не скромничайте, прошу вас! – заверил его Симэнь и спросил:

– Какое лекарство вы прописали бы больной?

– Для выздоровления необходимо опустить огонь, – говорил доктор. – С опусканием огня грудобрюшная преграда сама собою расправится и обретет освобождение. Кровь пребудет в достатке. Боль в пояснице и ребрах утихнет тоже. Не думайте, будто недуг развился под внешним воздействием, никак нет. Источник болезни – внутренняя недостаточность. А как месячные?

– Нарушены, – отвечала Инчунь.

– Как велики перерывы? – спросил Жэнь.

– После рождения сына, можно сказать, совсем приостановились.

– Ослабление изначальной пневмы, – говорил доктор, – после родов обыкновенно ведет к расстройству месячных, а как следствие наступает малокровие. Непроходимости нет. Необходимо принимать средство, помогающее восстановлению кровообращения. Постепенно потребуются и пилюли. Обихаживайте жену – и все наладится. Иначе болезнь может укорениться.

– Как же вы во всем отлично разбираетесь, доктор! – восхищался Симэнь. – Я бы попросил вас прежде составить такое средство, какое утолит все эти боли, а кроме того, конечно, и пилюли.

– Хорошо! Не волнуйтесь! – заключил Жэнь. – Я пришлю все необходимое тотчас же, как вернусь домой. Коль скоро известно, что недуг от внутренней недостаточности, а боль от избытка огня, стало быть, причина внутри. Ломота в пояснице и костях от малокровия, а не от застоя крови. Лекарства сами собою приведут к выздоровлению. Только не надо суетиться.

Симэнь беспрестанно благодарил доктора. Не успели они выйти из спальни, как послышался плач Гуаньгэ.

– Какой прелестный голосок у вашего наследника! – заметил доктор.

– Тоже вот болезни покою не дают, – отвечал Симэнь. – И матери с ним одна забота.

Симэнь пошел проводить доктора.

Между тем Шутун с Циньтуном вели разговор.

– Прихожу я к этому доктору, – говорил Шутун, – а он давно почивает, оказывается. Стучал я, стучал. Наконец-то ворота открыли. Старик все глаза тер, а на лошадь влез и задремал. Насилу потом слез.

– Да, тебе досталось, – посочувствовал Циньтун. – А я нагулялся досыта. И напился по горло.

Тем временем подошел с фонарем Дайань, сопровождавший Симэня и доктора Жэня. Жэнь поравнялся с террасой и продолжал шагать дальше.

– Присели бы, отдохнули! – предложил Симэнь. – Сейчас чаю подадут, перекусите.

Доктор покачал головой.

– Премного вам благодарен, сударь! Не могу! – проговорил он и направился к воротам.

Симэнь довел его до коня и велел Шутуну проводить до дому с фонарем, а сам поспешно распорядился, чтобы Дайань тотчас же с лянном серебра отправился к Жэню за лекарствами.

У ворот доктор спешился.

– Присаживайтесь, друзья, выпейте чайку! – пригласил он слуг.

Дайань вынул коробку с подношениями и, вручая ее доктору, сказал:

– Примите, пожалуйста, вознаграждение за лекарство!

– Мы с вашим господином друзья, – говорил Жэнь. – Я не смею принимать от него никаких даров.

– Но я прошу вас, примите! – говорил Шутун. – А то нам будет неудобно и лекарство взять. Да и нас заставят приезжать к вам еще раз. Примите, чтобы не беспокоить вас лишний раз.

– Говорят, даровое гаданье и впрок не идет, – поддержал Дайань.

Доктор взял, наконец, вознаграждение. Поскольку оно оказалось весьма щедрым, Жэнь сразу же удалился составлять лекарство. Одних пилюль он отсыпал добрых полкувшина. Слуги после чаю получили ответную карточку, и за ними заперли ворота.

Вернувшись домой, Дайань с Шутуном передали хозяину солидный пакет.

– Так много! – изумился Симэнь и, вскрыв пакет, в котором лежали пилюли, пошутил: – Да, с деньгами и нечисть заставишь жернова вертеть. Только пообещал – и уж все готово. Хорошо! Прекрасно!

На пакете значилось: «Отвар для опускания огня и восстановления влажности. Растворить в двух чашках воды. Имбирь не примешивать. Выпарить по восьми фэней. Применять натошак. Осадок повторно выпарить. Запрещается употреблять в пищу пшеничные отруби, лапшу, жирное, жареное и т. п.». Ниже следовала печать «Из лекарственных запасов потомственного врача, господина Жэня» и ярлык с ярко-красной личной печатью и надписью «Пилюли из корневища наперстянки с добавками».^[812]

Симэнь передал лекарства Инчунь и велел выпарить на первый случай одну дозу. Сам Симэнь наблюдал за всеми приготовлениями и процеживанием состава. Когда Пиньэр поела немного отвара, к ее постели подошла Инчунь.

– Вот и лекарство готово, матушка, – сказала она.

Пиньэр повернулась. Она слегка дрожала. Симэнь в одной руке держал лекарство, а другой приподнял Пиньэр голову.

– Какая горечь! – проговорила она.

Инчунь подала ей воды прополоскать рот.

Симэнь после ужина вымыл ноги и лег рядом с Пиньэр. Инчунь вскипятила на всякий случай немного воды и легла, не раздеваясь.

Симэнь крепко спал. После лекарства заснула и Пиньэр. Вдруг послышался плач Гуаньгэ. Жуи, опасаясь как бы он не разбудил Пиньэр, стала кормить его грудью. Потом все утихло.

На другой день утром Симэнь стал расспрашивать Пиньэр:

– Ну как тебе, получше?

– Представь себе, я хорошо спала, – сказала Пиньэр. – Боль успокоилась. А ведь под вечер так схватило, думала, не выживу.

– Слава духам Неба и Земли! – говорил Симэнь. – Вот примешь еще чарку, и совсем пройдет.

Инчунь тем временем выпарила вторую чарку и подала Пиньэр. У Симэня все опасения сразу как рукой сняло.

Тому подтверждением и стихи:

Все хмурилась Си Ши, лицо печаль мрачила,

Но чудо – снадобье красотка получила,

Уверилась она, что от беды уйдет!..

Но только избранных удел счастливый ждет.

Хотите знать, что было потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ВЕЗЕТ ПОДАРКИ В ВОСТОЧНУЮ СТОЛИЦУ

БОГАЧ МЯО ПРИСЫЛАЕТ ИЗ ЯНЧЖОУ ПЕВЦОВ

*Когда виновник торжества –
наставник государя,
Возы изысканных плодов
ему с почтеньем дарят.
Спускаются к нему на пир
бессмертные – все восемь.^[813]
Мы яства из далеких стран
торжественно подносим.
Парча узорная блестит.
Шлют поздравленья – свитки.
Шелка, посуда, серебро –
всего, всего в избытке.
Неумолимый ход светил
Сихэ замедлит даже,^[814]
Чтоб дольше длились торжества,
чтоб растянулись стражи.*

Итак, после изучения пульса врач Жэнь вернулся в залу.

– Что вы скажете о недуге, доктор? – спросил его Симэнь. – Опасное заболевание?

– Недуг госпожи вызван небрежным отношением к восстановлению здоровья после родов, – объяснил Жэнь. – До сих пор продолжаются послеродовые кровотечения, а от этого бледность лица, отсутствие аппетита и быстрая утомляемость. По моему скромному мнению крайне необходимо тщательно остерегаться и беречь себя.

Женщине после родов, как и младенцу после оспы, обычно трудно бывает восстановить здоровье. Малейшей неосторожности оказывается достаточно, чтобы укоренились семена болезни. У вашей почтенной супруги пульс слабый и ненаполненный. При пальпировании обнаруживается опасный симптом разброщенного пульса.^[815] Отсюда и общее недомогание, мешающее восстановлению сил. Недуг вызван обилием огня. В печени и внутренних полых органах испытывается недостаточность земли и избыточность дерева. По телу беспорядочно обращается пустая кровь. Надо сейчас же начать лечение, иначе будет поздно.

– Какое же лекарство вы посоветовали бы, доктор? – спросил Симэнь.

– Потребны средства, очищающие от огня и приостанавливающие кровотечение, – отвечал лекарь, – таковыми являются прежде всего лубовина пробкового дерева и корневище анемархены, а помимо них – корневище наперстянки, очищенный корень шлемника и прочее.^[816] Увеличивать же либо уменьшать их прием надобно, сообразуясь с состоянием болящей.

Симэнь, выслушав, велел Шутуну проводить доктора Жэня и вручить ему лян серебра за лекарства. Жэнь поблагодарил хозяина и откланялся. Вскоре слуга принес лекарства, и Пиньэр приняла их, но не о том пойдет речь.

Проводив доктора, Симэнь продолжал разговор с Ин Боцзюэ.^[817] Тут-то он и вспомнил о приближающемся дне рождения императорского наставника Цая. Дайань загодя купил и заказал в Ханчжоу узорные парчовые халаты с драконами, золотые цветы и драгоценности, так что подарки наставнику были готовы. Чтобы от Шаньдуна добраться до Восточной столицы, прикидывал Симэнь, требовалось не менее половины месяца. Медлить было нельзя. Надо было начинать сборы немедленно, иначе опоздаешь. Симэнь пошел к Юэнян и сказал о предстоящей поездке.

– Что ж ты до сих пор молчал? – спрашивала она. – А теперь будешь пороть горячку, да? Надо определить день выезда.

– Какой там день?! – воскликнул Симэнь. – Завтра надо отправляться, а то не поспею.

Он вышел и наказал Дайаню, Шутуну и Хуатуну, чтобы собирались в путь.

– Завтра со мной в столицу поедете, – объяснил он в заключение.

– Пригласи матушек, – наказывала Юэнян горничной Сяююй. – Пусть придут, батюшке помогут в дорогу собраться.

Вскоре в покоях Юэнян засуетились все жены, кроме Пиньэр. Она не могла прийти из-за ребенка и недомогания. В кожаные баулы и легкие корзины упаковали расшитые драконами и змеями парадные одеяния и шелка. Подарков собралось больше двух десятков тюков. Потом собрали выходные одежды самого хозяина. Вечером, когда все приготовления были закончены, жены устроили мужу прощальный ужин. Симэнь дал каждой наказ, а на ночь остался с Юэнян.

Утром первым делом отправили два десятка тюков. С собой захватили дорожную с тем, чтобы на почтовых станциях смотрители не чинили препятствий с ночлегом или перекладными. Когда были отданы последние распоряжения, Симэнь зашел к Пиньэр проведать Гуаньгэ.

– Будь осторожна, береги себя! – просил он Пиньэр. – Я скоро вернусь.

– Ты себя-то береги! – наказывала Пиньэр. – Остерегайся в пути!

Она проводила мужа из зала, и он, окруженный Юэнян, Юйлоу, Цзиньлянь и остальными женами, вышел за ворота, где его ждали легкий паланкин^[818] и четверо слуг верхами. Симэнь тронулся в столицу.

Не проехали они и сотни ли, как стало вечереть. Симэнь распорядился о ночлеге на почтовой станции. Расплатившись со смотрителем, путники выехали ранним утром. Симэнь торопился. Они проезжали живописные горы и реки. В полдень устраивали обед и снова пускались в путь. По дороге им встречались все официальные лица, гражданские и военные, везшие подношения в столицу, а среди них с подарками наставнику государя было столько, что и не перечесать.

Прошло с десятков дней. До столицы было уж совсем близко. Симэнь как раз поспевал к торжественному дню. После ночлега они провели в пути два дня и достигли столицы. Когда Симэнь миновал ворота Долголетия, солнце клонилось к закату. Наконец путники очутились под аркой на улице Драконовой доблести у самого дома дворцового Чжая. Узнав о прибытии Симэня, Чжай Цянь поспешил ему навстречу. Они обменялись приветствиями и сели выпить чаю. Симэнь велел Дайаню разложить подношения в коробки и внести в дом. Чжай Цянь приказал своим слугам убрать подарки и накрывать стол, чтобы угостить с дороги Симэня.

Вскоре на столе с резьбою по носорожьему рогу появились десятки разнообразных кушаний и такое же обилие закусок. Все блюда, а среди них были и ласточкины гнезда, и акулы плавники, отличались

необыкновенной изысканностью, и от них исходил тончайший аромат. Тут не было разве что печени дракона или мозгов феникса. Редчайшими яствами и богатством сервировки стол дворецкого Чжая ничуть не уступал столу императорского наставника Цая. Лакей наполнил рог водяного носорога вином бессмертной Магу^[819] и протянул его Чжай Цяню. Тот после поднесения первого кубка Небу наполнил его опять и предложил Симэню. Гость в свою очередь поднес кубок хозяину. Они сели. Настоянное на сладких плодах вино лилось рекой. Когда вино обошло несколько кругов, Симэнь обратился к Чжай Цяню с такими словами:

– Ваш скромный ученик прибыл исключительно по случаю дня рождения его превосходительства. Захватил с собою на случай кое-какие подарки, дабы выразить глубокое почтение его превосходительству наставнику государя. Правда, мне кажется, они будут отвергнуты, но я все же тешу себя надеждой, что при нашей взаимной поддержке вы, свояк, замолвите за меня словцо. Мне хотелось бы только заручиться покровительством государева наставника. А заветная мечта всей моей жизни – стать приемным сыном его превосходительства. Не знаю, однако, удобно ли будет вам изложить такое дерзкое мое намерение его превосходительству.

– Это не так уж трудно сделать, – заверил его Чжай Цянь. – Хотя хозяин наш и высочайший сановник двора Его Величества, ему, тем не менее, весьма и весьма льстит как подчеркнутая услужливость, так и особое внимание, оказываемое его особе. При столь щедрых дарах он вне сомнения пожелает сделать вас своим приемным сыном, более того – повысить в чине. Даю вам слово!

Заверения дворецкого привели Симэня в неописуемый восторг. Пир затягивался.

– Я больше не в состоянии осушить и чарки, – начал отказываться Симэнь.

– Это почему? Но пропустите еще хоть чарочку, – упрасивал его Чжай Цянь.

– Больше не могу! У меня ведь завтра важные дела! – говорил Симэнь.

Чжай Цяню удалось, наконец, уговорить Симэня осушить еще один кубок, после чего хозяин распорядился угостить сопровождающих Симэня слуг и носильщиков, а лошадей поставить на конюшню. Убрали посуду, и хозяин пригласил гостя в расположенный сзади кабинет на ночлег. Там стояла крапленая золотом массивная кровать, укрытая шелковым пологом, висевшим на серебряных крючках. Из-

под полога виднелось прекрасное парчовое одеяло, источавшее аромат. Множество слуг помогали Симэню снять одежды и чулки. Но почивать ему пришлось в одиночестве, к чему он никак не привык и едва скоротал время до рассвета. Когда же он захотел встать и выйти, двери кабинета оказались на запоре. Хотел было умыться, да не было воды. Пришлось ждать. Наконец-то перед самым обедом появился слуга с ключами и отпер двери. Тут же вошли мальчишки-слуги. Один держал полотенце, другой внес серебряный таз с ароматной горячей водой. Симэнь закончил утренний туалет, надел чиновничью шапку и халат и сел в кабинете. Появился Чжай Цянь и, поприветствовав гостя, занял место рядом с ним. Лакей внес ярко-красную коробку, из которой извлек до трех десятков разнообразных яств и серебряный кувшин вина. Наполнили чарки.

– Прошу вас! – угощал Симэня дворецкий. – После завтрака я пойду поговорю с хозяином, узнаю, когда вам нести подарки.

– Прошу прощения за беспокойство! – извинялся Симэнь.

– Выпили по несколько чарок. После завтрака слуги убрали посуду.

– Вы пока отдохните, – сказал Чжай, – а я пойду к его превосходительству. Я скоро вернусь.

Немного погодя он быстро вошел в кабинет.

– Его превосходительство заканчивает утренний туалет, – сообщил он Симэню. – Прием еще не начался, а во дворе уж полно ожидающих. Мне удалось поговорить с его превосходительством. Вас примут первым, а поскольку желающих очень много, я пойду с вами.

Симэнь очень обрадовался и велел слугам, своим и Чжая, доставить двадцать тюков к резиденции Цай Цина. Слуги бросились выполнять распоряжение.

Облаченный в парадные одежды Симэнь сел в паланкин. По дороге шумною толпой, задевая друг друга, едва проталкивались спешившие к резиденции крупные и мелкие чиновники. У арки Драконовой доблести Симэнь заметил едущего в паланкине чиновника. Ему показалось, что это богатч Мiao Цин из Янчжоу. Тот тоже узнал Симэня. Они вышли из паланкинов и, приветствуя друг друга, обменялись любезностями. Перед Симэнем был в самом деле именитый горожанин Мiao, первый богатч Янчжоу, также сумевший получить чин благодаря покровительству Цай Цина. Так неожиданно встретились старые друзья. Оба торопились поздравить своего высокого покровителя и, обменявшись несколькими фразами, вернулись в паланкины. Симэнь подъехал к резиденции императорского наставника.

Только поглядите:

Будто палаты Зеленой Поляны^[820] возносятся до самых небес, точно дворец Линъянь^[821] достигает Созвездья Ковша. Перед воротами простор необъятный – есть где коню хоть галопом мчать. Высоки достославного дома громады – хоть водружай знамена. Из парчи узорной куш доносит ветер трели дивные дроздов. В золоте солнечных лучей отливают нефритом деревья и благоухают цветы. Перила и балки – пахучий сандал. Ступени сплошь из отрезвлявшего камня^[822]. Кругом из яшмы ширмы и экраны. Девицы, как одна, Игуан^[823] или Хунфу^[824] красотой не уступят. В величественных залах расставлены рядами бесценные редкости – сосуды Шан, тренаожники Чжоу^[825]. Вот висит дюжина пылающих жемчужин, при коих и ночью излишни фонари. Из девяти областей, с четырех морей^[826] до трех тысяч знатных гостей с мечами и шпагами, в туфлях, украшенных жемчугами^[827], сошлись поздравить хозяина. Даже начальники шести палат^[828] и губернаторы со всех концов Империи стоят смиренно, потупив взор.

Да,

Нет Сына Неба присносущего ценней,

Вторым – великий канцлер почитается в стране.

Симэнь с благоговейной почтительностью вошел в главные ворота. Средние же ворота были закрыты, и все шествовали через боковые двери.

– Почему же в такой торжественный день заперты эти ворота? – спросил Симэнь.

– Через них проследовал однажды сам Государь Император, – объяснял дворецкий Чжай. – Простые смертные больше не могут тут ступать.

Симэнь с Чжай Цянем миновали ряд ворот. Все они охранялись военной стражей. Часовые стояли не шелохнувшись. Они только кивали головой, когда мимо проходил дворецкий, и всякий раз спрашивали:

– Кто с вами?

– Мой свояк из Шаньдуна, – отвечал дворецкий. – Прибыл поздравить его превосходительство.

Чжай Цянь с Симэнем миновали еще ряд дверей. Не раз им пришлось повернуть, и всюду пред ними открывались расписные колонны и резные балки, сверкавшие золотом постройки и башни.

Вдруг откуда-то, словно с неба, донеслись барабанные удары и музыка.

– Где ж это играют? – опять спросил Симэнь. – Ведь отсюда так далеко жилье.

– Это играют двадцать четыре девы, призванные услаждать его превосходительство, – говорил Чжай. – Они исполняют танцы Мары, фей, одетых в зарницы, и танец бодхисаттвы Гуаньинь. Они играют всякий раз, когда его превосходительство совершают трапезу. Сейчас его превосходительство, должно быть, завтракают.

Не успел Симэнь дослушать дворецкого, как повеяло тончайшим ароматом. Музыка зазвучала гораздо ближе.

– Тише ступайте! – предупредил Чжай. – Мы подходим к кабинету его превосходительства.

Они потихоньку обошли полукруглый коридор и очутились перед огромным дворцом, напоминающим царскую палату или заоблачные чертоги. Около дворца прохаживались журавли и павлины, порхали редкие птицы. Кругом цвели гортензии, канны и мальвы, не увядавшие круглый год. Яркая пестрота до того слепила глаза, что окинуть взором все цветы не было никакой возможности.

Первым войти во дворец Симэнь не решился и, уступив дорогу Чжай Цяню, сам проник внутрь вслед за ним. Симэнь очутился в зале, где на возвышении стояло покрытое тигровой шкурой кресло. В нем восседал императорский наставник Цай Цзин в ослепительно-красном халате, расшитом драконами.

За ширмой рядами стояли три или четыре десятка красавиц. Нарядами не уступая служанкам при Дворе, они – кто с платками и полотенцами, кто с веерами и опахалами – неустанно ухаживали за Цай Цзином. Когда сбоку от него встал дворецкий Чжай, Симэнь Цин отвесил четыре земных поклона. Государев наставник приподнялся и, стоя на мягком шерстяном ковре, поклонился в ответ. Это было их первое знакомство.

Чжай Цянь тут же наклонился к Цай Цзину и зашептал на ухо. Симэнь догадался, что речь идет о его просьбе, и отвесил еще четыре земных поклона. Цай Цзин на них не ответил. Принятием поклонов он выразил свое согласие быть приемным отцом Симэня. Между ними тотчас же установились отношения отца и сына.

– Мне нечем было выказать вам, батюшка, свою глубокую сыновнюю почтительность, – заговорил Симэнь. – К торжественнейшему дню вашего славного рождения я припас кое-какие скромные подарки – что называются гусиное перышко, пронесенное тысячу ли.^[829] Желаю вам благоденствовать вечно, как южная гора!^[830]

– Благодарю за любезность! – говорил Цай. – Присаживайтесь, прошу!

Лакей подал кресло. Симэнь поклонился и сел. Подали чай. Чжай Цянь поспешно выбежал и велел носильщикам внести два десятка тюков с подарками. Открыли корзину и вручили Цай Цзину перечень подношений: ярко-красный халат со змеями, парадный зеленый халат с драконами, двадцать кусков шэньсийской парчи, двадцать кусков сычуаньской парчи, двадцать кусков огнестойкого холста и двадцать кусков заморского полотна. Помимо этого в перечне значились: сорок штук цветного и белого полотна, нефритовый пояс с застежкой в форме львиной головы, пояс из ароматного алойного дерева^[831] в золотой оправе, кубков из нефрита и носорожьего рога по десятку пар, восемь пар червонного золота чарок с инкрустированными цветами, десяток блистающих жемчужин, а также золота сотни две лянов. Цай Цзин пробежал глазами перечень, бросил взор на тюки с сундуками и пришел в восторг.

– Премного благодарен! – несколько раз повторил он и велел Чжай Цяню убрать все в кладовую, а потом распорядился накрыть стол.

Симэнь не посмел больше задерживать государева наставника и начал откланиваться.

– Хорошо! – промолвил Цай Цзин. – После обеда приходи.

Симэнь поклонился и встал. Цай Цзин прошел с ним рядом несколько шагов и вернулся на свое место. Вслед за ним покинул дворец и Чжай Цянь, но тут же, сославшись на дела, снова скрылся во дворце Цай Цзина. Воротившись в дом дворецкого, Симэнь снял парадные одежды и после плотного обеда только было задремал в кабинете, как к нему явился посыльный Цая с приглашением на пир. Наградив пришедшего чаевыми, Симэнь стал собираться. Дайаню было велено запасть узелками с серебром, которых набралась целая коробка. Симэнь сел в паланкин. Его сопровождало четверо слуг, но не о том пойдет речь.

Целое утро принимал императорский наставник шедших с поздравлениями военных и гражданских лиц и каждому вручал приглашение на один из приемов, которые начинались со следующего дня. Первыми были приглашены императорские родственники и придворные смотрители; на другой день – начальники палат, высшие сановники и правители; наконец, на третий день – все остальные, более низкие чиновники как столичные, так и с мест. Лишь Симэнь, как прибывший издалека с такими щедрыми подарками, удостоился особого внимания Цай Цзина и был принят отдельно на день раньше

всех остальных.

Когда Цай Цзину доложили о прибытии его нового приемного сына Симэнь Цина, он поспешил на террасу встретить его.

– Прошу вас, батюшка! – то и дело повторял Симэнь, почтительно уступая дорогу и все время стараясь идти сзади Цай Цзина.

– Хочу выразить вам искреннюю признательность за щедрые дары, – заговорил императорский наставник, когда Симэнь с благоговейным трепетом переступил порог. – Присаживайтесь после тягот дальнего пути.

– Всею моею жизнью я обязан только вам, батюшка, вашей безграничной милости, – заверял его Симэнь. – А ничтожные подношения не стоят и упоминания.

Они душевно беседовали и шутили, как отец с сыном. Заиграли на своих инструментах красавицы-девы, и лакеи наполнили кубки вином. Цай Цзин хотел было поднести кубок Симэню, но тот долго не решался его принять, потом осушил стоя. Заняв свое место, Симэнь велел Шутуну достать золотой кубок в форме персикового цветка, наполнил его до самых краев и поднес императорскому наставнику.

– Желаю вам здравствовать, батюшка, целую тысячу лет! – сказал он, преклонив колени.

– Встань, сын мой! – сказал польщенный Цай Цзин и, взяв кубок, осушил его до дна.

Симэнь встал и вернулся на свое место, но не будем говорить подробно, какие яства подавались на роскошном пиру у наставника императора и о чем говорили. Симэнь пропировал до самых сумерек, потом раздал узелки с чаевыми лакеям и слугам и стал откланиваться.

– Прошу меня простить, батюшка, – говорил Симэнь. – Задержал я вас. Примите низжайший поклон и глубокую благодарность. Больше не посмею отвлекать вас от великих дел ваших.

С этими словами Симэнь вышел из дворца императорского наставника и направился на отдых к дворецкому Чжаю.

На другой день Симэнь решил нанести визит богачу Мяо. Целый день разыскивал его по всей столице Дайань. А остановился Мяо Цин прямо за императорским дворцом в доме придворного смотрителя Ли. Дайань передал привратнику визитную карточку, и богач Мяо сам вышел навстречу Симэню.

– А я как раз один скучаю, – говорил Мяо Цин. – Только думал, чтоб, мол, пришел душевный друг, поговорили бы, а вы как раз и пожаловали! Кстати! Очень кстати!

Мяо Цин устроил Симэню целый пир, и как гость ни отказывался,

ему пришлось остаться. Стол ломился от обилия яств, перечислять которые нет никакой возможности.

Усладить пирующих вышли два молоденьких певца, красавцы собой.

– Мои вон истуканы, – указывая в сторону Дайяня, Циньтуна, Шутуна и Хуатуна, говорил Симэнь, когда певцы спели несколько арий, – только пить да есть умеют. То ли дело ваши певцы! Молодцы!

– А я боялся, не угодят вам, сударь, – заметил, улыбаясь, Мяо Цин. – Если они вам по душе, я бы мог вам их подарить.

– Я б не решился отбирать у вас лучших, – благодарил хозяина Симэнь.

Он засиделся у Мяо Цина допоздна, потом распрощался и пошел ночевать к Чжай Цяню.

Придворные смотрители и другие сановники засыпали Симэня приглашениями на пиры. В столице пришлось задержаться дней на девять. Симэню хотелось стрелой лететь домой, и Дайяню было велено собирать вещи. Однако Чжай Цянь никак не желал расставаться с дорогим гостем и упросил его провести еще вечер за пиршественным столом. Оба так коротко сошлись, так друг к другу привязались, словно состояли в самом близком родстве.

На другой день Симэнь встал рано утром и, простившись с хозяином, отбыл домой, в Шаньдун. По дороге приходилось и ночевать в лодке, и питаться прямо на ветру, но не о том пойдет речь.

Между тем после отъезда Симэня в столицу жены его, с нетерпением ожидая мужа, гулять почти не выходили, а больше сидели за рукоделием дома. Только Цзиньлянь продолжала рядиться, цвела и блистала. Окруженная толпою служанок, она рисовалась и кокетничала, то затевала игру на пальцах, то садилась за домино. Она и болтала, и шутила, словом, бурное веселье ее не знало предела. А до чего громко хохотала на виду у всех! Стоило ей только вспомнить о зяте Цзинцзи, как сердце начинало учащенно биться, она принималась тяжело вздыхать и, подперев руками лицо, как глупая, устремляла взор в одну точку. Она все время ждала Цзинцзи, жаждала свиданья. Но Цзинцзи едва управлялся в лавке, а когда выдавалась свободная минута, сейчас же шел к ней. Увы! Ее постоянно окружали служанки. Они-то и мешали встрече. Так и бегал он взад-вперед, как муравей по раскаленной сковородке.

Однажды стояла теплая погода. Дул приятный ветерок. Умастив себя мускусом и стираксом,^[832] Цзиньлянь обошла крытую галерею и направилась прямо к гроту. Цзинцзи был занят в лавке. Она оглядела

все кругом и, вернувшись ни с чем, взяла кисть, тяжело вздохнула и набросала послание.

– Ступай зятю Чэню передай, – сказала она Чуньмэй, протягивая запечатанный конверт.

Чэнь Цзинци вскрыл конверт и стал читать. Это был романс. Цзинци пробежал его до конца и, бросив лавку, помчался в сторону крытой галереи. Они встретились. Цзиньянь, как голодающий, завидевший арбузную корку, бросилась в объятия к Цзинци и, ласкаясь, осыпала его поцелуями.

– Ах ты арестант! – говорила она, перебивая слова поцелуями. – Жить тебе, видать, надоело, изменник! С того дня, как нас увидела Сяююй, исчез и не показываешься. Батюшка уехал, я одна скучаю, в слезах по тебе тоскую. Неужели у тебя нет ни стыда ни совести, а? Подумать только, до чего ж ты бессердечный! Скрылся и ладно! А я до сих пор тебя забыть не могу. Да, видать, понадеялась, глупая баба, а он давно изменил. Я для тебя ничто, так ведь?

Цзиньянь подняла голову и увидела невдалеке Юйлоу. Та бросила в их сторону короткий взгляд. Цзиньянь поспешно оттолкнула Цзинци. Он чуть не упал. Любовники тотчас же разбежались в разные стороны, но не о том пойдет речь.

Юэнян с Юйлоу и Пиньэр сидела у себя в комнате, когда к ней вбежал запыхавшийся Дайань.

– Батюшка воротились! – объявил он, отвешивая земной поклон хозяйке. – Я с подорожной впереди ехал. Батюшка в двух десятках ли, не больше.

– Проголодался? – спросила Юэнян.

– С утра крошки во рту не было, – признался слуга.

Юэнян велела Дайаню идти на кухню и распорядилась, чтобы готовили обед хозяину, а сама вместе с остальными женами направилась в залу встречать мужа.

Да,

Поэт уходит – птицы продолжают звонко петь.

Хозяин в дом – хозяйки суетятся, не успеть!

Женщины успели вдоволь наговориться, прежде чем паланкин Симэня остановился у ворот, где они его и встретили.

Симэнь первым делом поклонился Юэнян. Потом его приветствовали Юйлоу, Пиньэр, Цзиньянь и остальные. С каждой он обменялся несколькими фразами. Позднее на поклон к хозяйкам подошли Шутун, Циньтун и Хуатун. Затем слуги поспешили на кухню.

Симэнь подробно рассказал о своих дорожных невзгодах, о том, как остановился у дворецкого Чжая, как на другой день его радушно принимал императорский наставник Цай и как он изо дня в день пировал у видных сановников.

– А как сын? – спросил он, обращаясь к Пиньэр. – Поправился? Как твое здоровье? Помогли лекарства доктора Жэня? Я был вдали, но сердце мое оставалось здесь. Все думал, как там торговля идет, вот и поспешил вернуться.

– Сын ничего, – отвечала Пиньэр. – Мне после лекарства тоже стало полегче.

Юэнян велела женам убраться и подарки Цай Цзина, а поварам подавать Симэню обед. К вечеру по случаю приезда хозяина был устроен пир. Две ночи подряд Симэнь провел в покоях Юэнян.

Да,

Было сухо, безотрадно –
благодатный дождь прошелся вдруг.
А в чужих краях внезапно
повстречался закадычный друг.

Но говорить о любовном наслаждении подробно нет надобности.

На другой день на поклон к Симэню пришли дочь с зятем Цзинци. С Цзинци хозяин говорил о торговле и счетах. О возвращении Симэня узнали Ин Боцзюэ и Чан Шицзе и тоже поспешили нанести ему визит.

– Устал, брат, должно быть, в пути, а? – в один голос спрашивали они.

Симэнь поведал им о красоте и роскоши столицы, о приеме у императорского наставника и благосклонности, с каковою последний к нему отнесся. Ин Боцзюэ с Чан Шицзе сопровождали рассказ громкими возгласами восхищения. Симэнь оставил их у себя, и они пировали целый день.

Перед самым уходом Шицзе подошел к Симэню.

– У меня к тебе просьба, брат, – заговорил Шицзе. – Не знаю, правда, как ты отнесешься...

Он умолк на полуслове и опустил голову.

– Ну, говори же! В чем дело? – спросил Симэнь.

– Дом у меня плох, – продолжал Шицзе. – Хотел бы подыскать другой, а денег нет. Не мог бы ты, брат, мне помочь? Со временем все сполна бы вернул, с процентами.

– Мы ж свои люди! – воскликнул Симэнь. – Какие могут быть проценты?! Я сейчас слишком занят. Некогда мне серебром

заниматься. Погоди, вот вернется с товарами приказчик Хань, тогда и потолкуем.

Чан Шицзе и Ин Боцзюэ на том и расстались с Симэнем, но не о том пойдет речь.

Расскажем теперь о богаче Мяо. Встретив Симэня у резиденции императорского наставника, Мяо Цин пригласил его к себе на пир, во время которого пообещал подарить двоих певцов. Симэнь тогда рвался домой, и друзьям не пришлось даже попрощаться. Мяо Цин полагал, что Симэнь все еще в столице, и направил к дворецкому Чжаю своего слугу.

– Господин Симэнь три дня как отбыл домой, – ответили слуге у Чжай Цяня.

Тут только Мяо Цин понял, почему не видно Симэня. «Да, что доброму скауну удар хлыста, то благородному мужу обещанное слово», – размышлял он. – Можно было бы, конечно, не дарить певцов, ну если обидится? Как я ему потом в глаза смотреть буду?!» – Мяо Цин позвал обоих певцов.

– В прошлый раз на пиру я пообещал подарить вас господину Симэню, – обратился он к певцам. – Он отбыл домой, и вам пора укладывать вещи. Ступайте собирайтесь, а я пока напишу письмо.

– Сколько лет мы вам служили! – взмолились певцы. – Чем же вдруг не угодили? Какой у господина Симэня нрав, мы не знаем. Оставьте нас, не бросайте!

– Как вы не понимаете! – уговаривал их Мяо Цин. – Господин Симэнь – человек влиятельный, богатый. Какими деньгами ворочает. Военный чин имеет, а теперь вот стал приемным сыном самого государева наставника Цая. Его придворные смотрители да важные сановники привечают, дружбу с ним водят. Шелковую и атласную лавки держит, собирается охранную контору^[833] открывать. Барышам и счет потерял. По характеру человек он покладистый и мягкий. А какой поклонник изящного! Одной прислуги человек восемьдесят наберется. И всех в шелка одевает. Шесть жен содержит. С головы до ног в золоте и жемчугах. Без певцов и актеров дня не обходится. Все около него кормятся. А искусницы из переулка Пинкан, скажем, или Циншуй, так те только благодаря его милости и процветают. Словом, вам и так ясно! Раз я вас подарить пообещал, не могу ж я от своего слова отказываться!

– Сколько мы вам за все годы хлопот доставили, батюшка! – продолжали свое певцы. – Вы нас музыке и пению обучали, а теперь – Только мы познали звучание струн, а вы не хотите, чтоб мы улаждали

вас, батюшка. Зачем вы посылаете нас ублажать других?

Певцы пали ниц. На глазах у них невольно навернулись слезы. Расчувствовался и сам хозяин.

– Вы по-своему правы, – говорил он. – Мне ведь тоже нелегко с вами расставаться. Но вспомните, что сказал всесовершенный Конфуций! Разве можно называть человеком того, кто не держит слова! Нельзя же преступить сей завет! Так что я не могу уступить вашему желанию. Обождите, напишу письмо и пошлю с вами провожатого. Он будет вас оберегать в пути. А там вам будет не хуже, чем у меня.

Мяо Цин позвал домашнего учителя, и тот моментально набросал восемь строк, посвященных излияниям чувств и добрым пожеланиям, а в конце сообщалось о певцах и содержалась просьба черкнуть ответ. Далее был приложен перечень подарков: шелка, писчая бумага и прочее. Мяо Цин передал письмо слугам Мяо Сю и Мяо Ши, которым велено было сопровождать певцов.

Вскоре подвели навьюченных ослов. Все было готово к отъезду в Шаньдун. Певцы не сдержались и проронили слезу, но против хозяйской воли не пойдешь. Отвесив не один земной поклон хозяину и поблагодарив его, они верхом пустились в дальний путь. Впереди, за конской головой пред ними простирались темнеющие вершины гор, внизу, где мелькал хлыст, несла зеленоватые воды река. То тут, то там над густою шапкою деревьев вздымались высоко флажки питейных лавок и винных погребков. А впереди в лучах заката ютились бедные лачуги. Но оборвалось их беззаботное житье, исполненное радости и песен, и вот они, с хозяином простясь, уж вынуждены ехать, обдуваемые ветром среди туманной мглы. В тоске по родным краям, с думою о милостивом хозяине они из головы даже выбросили и кастаньет задорный треск и песни, вроде «Солнечной весною белый снег». А слуги, те оба гнали лошадей, спешили и, думая о том лишь, как бы поскорей хозяйский выполнить наказ, сон отгоняли лунной ночью, когда мерцали звезды.

Да,

С утра еще слух услаждали
высоких гостей Мяо Цина,
А вечером будут кружиться
вокруг забулдыг Симэнь Цина.

Вдали в лесу показался флажок винной лавки.

– Братцы! – обратились к слугам певцы. – У нас животы подвело.

Ведь целый день в пути. Не пропустить ли по чарочке?

Все четверо выпрыгнули из седел и направились к дверям кабака, на котором красовалась остроумная надпись: «За наше вино бессмертный отдаст нефритовые подвески, сановник расстанется с золотыми регалиями и собольей шубой». В самом деле, это был прелестный кабачок!

Путники сели за стол и окликнули полового.

– Подавай рога с вином! Тащи лук и чеснок! Побольше мяса нарежь! Да соевого творогу не забудь.

На столе появились блюда. У путников в предвкушении обильной трапезы даже слюнки потекли. Но тут кто-то из них поднял голову. На стене белели две парные надписи, начертанные размашистым витиеватым почерком:

Путь в тысячу верст, он далек или нет?

Вперёд ли назад – безразличен ответ.

Куда б ты ни ехал, ты в мире живом.

Зачем же вздыхать, что далек отчий дом?

Строки эти красовались как раз напротив певцов и били, что называется, не в бровь, а в глаз. Задетые за живое, певцы не сдержали слез.

– Братцы! – говорили они слугам. – Мы-то надеялись весь век у хозяина прожить, а что вышло? Перекинулись за чаркой вина парой фраз, и уж отправляют нас в подарок в далекие края, а жалок человек на чужой стороне. Что-то нас ждет впереди?

Мяо Сю и Мяо Ши стали их успокаивать. После плотного обеда путники снова вскочили на коней. Снова застучали шестнадцать копыт. Много дней миновало, прежде чем они добрались до области Дунпин. В уездном центре Цинхэ они спешили и стали разузнавать, куда идти дальше. Наконец остановились на Лиловокаменной у дома Симэнь Цина.

Симэнь после приезда из столицы не видал покою. Одни присылали подарки, другие приглашали на пиры. По три, по четыре гостя в день навещали. А там и старшей жене надо было с приездом уделить внимание, и остальных не обойти. Дни проходили в пирах и уладах. Симэнь и в управу не заглядывал, даже о возвращении своем не уведомил.

Но вот в день приезда певцов у него выдалось время, и он поспешил на заседание в управу. Одного за другим приводили на допрос арестованных. Всякие дела разбирали – прелюбодеяние, драку,

шулерство и ограбление. Потом, когда собрали и зарегистрировали поступившие жалобы, Симэнь сел в легкий паланкин и, окруженный телохранителями, очищавшими путь от зевак, отправился домой. Тут-то он и заметил заждавшихся слуг с певцами. Следуя за паланкином, они вошли в залу.

– Мы от господина Мяо из Янчжоу, – встав на колени, отрекомендовались вошедшие. – Вот вам, батюшка, письмо.

Они отвесили земные поклоны.

– Встаньте! – подняв руку, сказал Симэнь и начал расспрашивать о Мяо Цине.

Он позвал Шутуна. Тот разрезал серебряными ножницами пакет и вынул бумагу. Симэнь стал читать приложение к письму. Между тем Мяо Сю с Мяо Ши, продолжая стоять на коленях, протянули подарки.

– Примите, батюшка, знаки почтения от нашего господина, – сказали они.

Симэнь очень обрадовался и распорядился, чтобы Дайань убрал подношения, а слугам велел встать.

– Мы ведь встретились за тысячи ли от дому, – говорил он. – И представьте, какое родство душ, какая привязанность! Пообещал певцов подарить, – и разговор-то за чаркой вина зашел, – я уж забыл давным-давно, а ваш почтенный хозяин помнит. Я-то все жалел, что в спешке не успел с ним проститься. Да, обет дороже денег. Говорят, умели в старину дружить, да и то называют только Фана и Чжана.^[834] О них добрая молва живет, будто они друг за другом за тысячу ли ходили. Вот и ваш хозяин из таких редких друзей.

Так Симэнь на все лады расхваливал и благодарил Мяо Цина.

– Хозяин приказал нам служить у вас, батюшка, – говорили, приблизившись и отвешивая земные поклоны, певцы. – Не будьте к нам слишком строги, батюшка, умоляем вас!

Симэнь посмотрел на подростков-певцов, чистых и стройных. Они были действительно хороши собой. Уступая, быть может, разодетым женам Симэня, певцы затмили бы любую служанку, привыкшую блистать обрамленной алыми губами белизной зубов. Симэнь велел устроить в передней зале угощение. Было отдано распоряжение, чтобы с ответным письмом Мяо Цину отправили щедрые дары – шелка и украшения. Для ожидавших в кабинете певцов готовили комнаты.

Прослышав о певцах, Ин Боцзюэ и остальные друзья поспешили к Симэню, и тот велел Дайаню накрывать стол на восемь персон. На устроенный по этому случаю пир к гостям вышли певцы и, ударив в кастаньеты, запели на мотив «Вешних вод»:

Грушевый сал распустился с улыбкой,
Ива кудрявой не гнет головы,
Чайные розы в цветении зыбком
Чают дожждаться бутонов айвы.^[835]

На мотив «Остановив коня, внимаю»:

Заросшие тропинки,
Заглохшие плетни.
Нестройные травинки,
И смолкли соловьи.
Дождливой паутиной
Опутан сонный сад,
На мостике с горбинкой
Дробинки наугад.
А шмель забыл багряной
Гвоздики аромат,
Не пьет нектар медвяный –
Промок его наряд.
Стою я на террасе,
Вздыхаю у перил.
О, как непрочно счастье –
Любимый разлюбил.

На мотивы «Опустился дикий гусь» и «Победной песни»:

Вот нахмурила Си Ши
зимородки-брови,
Затаила чудный лик –
в яшмовом покрове.
Красноперый козодой
плачет в сизой дымке
И роняет на цветы
жемчуга-слезинки.
Вдруг на солнце засверкал
шляпы светлый глянец,
И подвески закружил
искрометный танец.
Как цветочная пыльца
шпилек ароматы
Плавно реют у крыльца
расписной палаты.^[836]

Прекрасное тронешь –
в грязи замараешь.
В пучину залезешь –
всех рыб распугаешь.
Пичуга влетела –
от страсти пьяна.
Лишь мне нет опоры –
тоскую одна.

– Да, в самом деле вы чудесно поете! – сказал, кивая головой Симэнь.

– Нас обучали и коротким романсам, – говорили, кланяясь, певцы. – Мы Вам сейчас споем, батюшка.

– Очень хорошо! Спойте! – попросил Симэнь.

Певцы запели:

Вот шелка кусок белоснежного
На раме тугой растянул,
Взял кисть и на поле безбрежное
Великий художник взглянул:
Там травы баюкают нежные
В рассветной сиреновой мгле,
Телята желтеют потешные.
А на раздобревшем воле,
Листая потертую книжицу,
Задумался старый пастух...
Котята весенние лижутся,
И стоны рожка нежат слух.
Трясутся хвосты в нетерпении,
Гоняют назойливых мух.
Чтоб подлинным стало творение
Немало затрачено мук.
Есть в библиотеках стихи и романы,
Есть лютня и цитра, есть флейта и цинь.
Немало поэтов, чьи песни желанны,
Но «Солнечных весен»^[837] вторых не найти.
Великие песни веками нетленны –
Поют их красавицы наперебой.
Да будет прославлен поэт вдохновенный,
Как в «Оде о высях»^[838] воспевший любовь.

На тот же мотив:

Поля предо мной благодатные:
Колосья холмами лежат,
Равнинами грядки опрятные,
И вьется косая межа.
Меж рисом и просом бежит тропа
И прячется в горной дали.
Пшеница золотая лежит в снопах,
Тутовник – чернее земли.
Там аиста песня нехитрая,
А там – обезьян грубый крик.
Лачуга в пыли глинобитная,
Горбатый хозяин-старик.
Его сыновья в поле день-деньской,
Им в полдень приносят еду,
Желудки наполнят – и в тень с мошкой
Под сеткой у леса уснут.
Поэзию жизни обыденной
Познали певцы царства Бинь,^[839]
И мир, их глазами увиденный
Дано было мне полюбить.
Под красками мнится
природа сочнее:
Речушка змеится
меж розовых гор,
И ряской живою
в груди зеленея,
Раскинулся вволю
озёрный простор.
А осень пестра
на цветочной поляне,
И дымкою трав
затянулась река.
Оделись в солому
на поле крестьяне,
И прыгает сом
в кузовке рыбака.
Тропинками посуху
лунные блики,
И палевым отсветом
над глубиной.

Слышны журавлей
улетающих крики,
И чайки не реют
над мёрзлой волной.
Творец вдохновенный,
художник великий
Мирские мгновенья
стряхнул, словно пыль.
И будто Цанлан –
водный скит многоликий,^[840]
Воспел этот край,
как священную быль.

На тот же мотив:

Вот хмурятся тучи обвисшие,
И стелется по небу мгла,
И снег, как подвыпивший лишнее,
Обмяк, но лачуга тепла.
Чтоб сытыми быть и богатыми
Я чашу налью до краев,
Жена сварит кашу с бататами,
В жаровню подброшу я дров.
Вдруг песнь привлечет журавлиная –
За птицей пошлю сыновей –
С нее написал бы картину я,
И птице в тепле веселей.
И песня сложилась бы ладная;
Мы чаши осушим не раз!..
Как жаль! Оделен ли талантом я? –
Ищу, не найду нужных фраз.
В восторге до самозабвения
Великий художник творит.
Воспел старика вдохновения
И чист стал душой, как нефрит.

На, действительно, голоса их были чисты, а песни плыли облаками и превращались в «Белые снега».^[841] Юэнян, Юйлоу, Цзиньянь и Пиньэр, замороженные тоже вышли к пирующим.

– Чудесно! Прекрасно! – восклицали они хором.

Цзиньянь, оставаясь среди остальных женщин, так глазами и подала сразу же очаровавших ее певцов. «Да, ребята и поют

превосходно, и собой красавцы», – шепотом повторяла она.

Симэнь отпустил певцов отдыхать в восточный флигель и распорядился накормить Мяо Сю с Мяо Ши. Было велено также готовить Мяо Цину подарки и ответ с выражением особой благодарности.

Хотите знать, что было, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ПОМОГАЕТ ЧАН ШИЦЗЕ

ИН БОЦЗЮЭ РЕКОМЕНДУЕТ СЮЦАЯ ШУНЯ

*Копить! – у богача один завет,
Пожизненная страсть и тяжкий бред.
Но пал Дун Чжо^[842] построенный дворец,
Иссяк и клад Дэн Туна^[843] наконец...
Лишь Бао^[844] с другом злато поделил,
Пан-гуну^[845] кладезь счастье возвестил.
В конце пути нам верен будет тот,
Кто заповеди древние блюдет.*

Это восьмистишие говорит о том, что богатство и знатность не вечны. Пробьет час, и будь у тебя хоть горы золота и нефрита, все равно на тот свет явишься с пустыми руками.

Вот почему Симэнь Цин и был так справедлив и бескорыстен, помогал ближним в нужде и беде, чем снискал всеобщее восхищение и похвалу, однако, не об этом пойдет речь.

Симэнь оставил у себя певцов. К хозяину они относились с благоговейным почтением и немедленно откликались на всякий его зов. Вскоре Симэнь отправил с подарками и благодарственным письмом слуг Мяо Ши и Мяо Сю, наградив предварительно серебром. Слуги поблагодарили Симэня земными поклонами и пустились в путь домой. Некоторое время спустя певцы за ненадобностью были отправлены в подарок императорскому наставнику Цаю.

Да,

Таким недолгим было сладостное пенье,

А сколько серебра ушло на обучение!

А теперь расскажем о Чан Шицзе. После того пира он так и не достал у Симэня серебра. Хозяин дома больше не давал Чану покоя ни днем, ни ночью. А у Симэня по приезде из столицы сегодня пир, завтра прием. Так прошло больше десяти дней, а Чану все не удавалось с ним даже повидаться. Говорят, и встретишься с глазу на глаз, да всего сразу не выразишь. С кем же ему было поделиться заботами, как не с Ин Боцзюэ. Каждый день навещались они к Симэню, и всякий раз им отвечали одно и то же: нет, мол, хозяина. Ни с чем приходил Чан Шицзе домой, где его начинала пилить жена:

– Тоже мне! Еще мужчиной себя считает, главой семьи, а самому и жить-то негде. Какой позор! Ты ж говорил, с господином Симэнем дружбу водишь, так попроси его, пусть выручит. Видать, по воду пошел да и кувшин в колодец упустил, а?

Чан Шицзе только тарашил глаза да отмалчивался. И вот, с утра он пошел к Ин Боцзюэ. Они отправились в кабачок. Шицзе заметил небольшой тростниковый навес, рядом с которым висела речушка. Перед выходом из зелени деревьев торчал флажок винной лавки. С вином и закусками в руках сновали взад – вперед человек семь половых. У буфета красовались свежая рыба, утки, гуси и прочая снедь. В кабачке было чисто и уютно, и Чан Шицзе пригласил Боцзюэ пропустить чарочку.

– Не могу я сейчас, – отказывался Боцзюэ.

Шицзе все-таки затащил его внутрь и усадил за стол. Подали вина, блюдо копченого мяса и блюдо рыбы.

– Прошу тебя, брат, – обратился к другу Шицзе, когда они осушили по второй чарке, – поговори с братом Симэнем, а? Все дни не удавалось с ним повидаться, а мне дома житья нет. Вчера жена целый вечер ворчала. Я не выдержал, в последнюю ночную стражу с постели поднялся и прямо к тебе. Если он сразу не выйдет, может, у ворот обождашь? Как ты считаешь?

– Кто берется помогать ближнему, должен довести дело до конца, – изрек Боцзюэ. – Нынче я до него во что бы то ни стало доберусь, твое дело обговорю.

Они выпили еще.

– Не могу я пить натошак, – стал отказываться Боцзюэ.

Шицзе упросил его осушить еще чарку и, расплатившись, вышел вместе с ним из кабачка. Они поспешили прямо к Симэню.

Стояла ранняя осень. Дул приятный ветерок. После каждодневных пиров Симэнь порядком ослаб и, отказавшись под предлогом

занятости от приглашения к придворному смотрителю Чжоу, целый день отдыхал в гроте Весны.

В этом уголке сада, надобно сказать, чего только не было! Круглый год плодоносили деревья, никогда не увядали яркие цветы. И теперь, невзирая на осень, распустилось множество цветов. Симэнь остался дома, делать ему было нечего, вот он и наслаждался природой вместе с Юэнян, Юйлоу, Цзиньянь и Пиньэр. Сам он был в чиновничьей шапке и длинном зеленого цвета тонком шелковом халате. Юэнян была в тонкой зеленой кофте из ханчжоуского шелка с застежкой и бледно-голубой шелковой юбке. Красно-золотые фениксы украшали ее туфельки на толстой подошве. Юйлоу щеголяла в черной, как вороново крыло, атласной кофте, бледно-желтой шелковой юбке и отделанных ярко-красной бахромой туфельках на толстой подошве. Цзиньянь была в расшитой серебром красной кофте из гофрированного шелка на белой подкладке, поверх которой красовалась нежно-зеленая безрукавка, отделанная расшитой золотом красной выпушкой. Только Пиньэр была в скромной зеленоватой шелковой кофте и серебристо-белой юбке. На ногах у нее были бледно-голубые шелковые туфельки на толстой подошве. Обворожительные красавицы, они сопровождали Симэня и были в полном восторге от густой зелени и ярких цветов.

Между тем Чан Шицзе с Ин Боцзюэ прошли в залу. Узнав, что хозяин дома, они уселись и стали ждать. Долго они просидели, а Симэнь все не показывался. Появились Шутун и Хуатун с сундуком, доверху набитым шелковыми одеждами. Они, кряхтя, добрались до залы и присели отдохнуть.

– Таскали, таскали, а еще столько же осталось, – сказал один из них.

– А где же батюшка? – спросил Боцзюэ.

– В саду отдыхают, – ответил Шутун.

– Будь добр, скажи про нас, – попросил Боцзюэ.

Слуги понесли сундук.

– Батюшка просит немного обождать, – сказал вышедший к ним немного погодя Шутун. – Сейчас придет.

Наконец появился Симэнь, и оба приветствовали его поклонами.

– Замаялся ты, брат, видать, с приемами-то, – начал Боцзюэ, когда все сели. – Минуты свободной нет. Что ж нынче дома сидишь?

– Вот с тех пор на пирах да угощениях, – говорил Симэнь. – Опился – сил никаких нет. Сегодня тоже приглашали – отговорился.

– Это что за сундук сейчас протащили? – спросил Боцзюэ.

– Видишь, осень наступает, – говорил Симэнь. – Всем одежды шить приходится. Сундук, что ты видел, принадлежит Старшей. Правда тут пока только примерно половина заказа. Остальное пошью позднее.

Чан Шице даже язык высунул.

– А у шестерых жен, выходит, шесть сундуков! – изумлялся он. – Вот это роскошь! Бедняку и штуки холста не укупить, а тут вон сколько шелков. Да, ты, брат, действительно, из богачей богач!

Симэнь и Боцзюэ рассмеялись.

– А из Ханчжоу пока нет шелков? – спрашивал Боцзюэ. – Как там у них идут дела? Да, Ли с Хуаном выручили серебро? Долг вернули?

– Из Ханчжоу пока ни слуху ни духу, – отвечал Симэнь. – Наверно, корабль где-нибудь застрял. Я так беспокоюсь! А Ли с Хуаном обещались в будущем месяце расплатиться.

Боцзюэ подсел поближе к Симэню.

– Брат! – обратился он к Симэню. – Помнишь, о чем тебя просил в прошлый раз брат Чан? Ты был все занят, так и поговорить больше не пришлось, а ему хозяин покоя не дает, жена досаждает. Он вон уж ходит будто невменяемый какой. И холода осенние подступают, а у него шуба в закладной лавке. Сделай такую милость, выручи его! Кому и помочь, как не обездоленному! Выручи, чтобы хоть жена не ворчала. Дом бы ему купить. Все бы поздравлять приходили. Опять же тебе, брат, в заслугу поставили. Он меня упросил к тебе обратиться. Ну, помоги уж ему!

– Я ведь ему обещал пособить, – говорил Симэнь. – Знаешь, сколько я потратил серебра в столице! Давайте обождем Ханя, тогда и решим. Раз нужен дом, я дам ему серебра на покупку. Не понимаю, к чему такая спешка.

– Брат Чан сам-то не спешил бы, – объяснял Боцзюэ, – да жена ворчит. Проси, говорит, денег да и только.

Симэнь некоторое время колебался.

– Ну ладно, раз так! – наконец уступил он. – А какой же тебе нужен дом?

– Их двое: он да жена, – отвечал Боцзюэ. – Плохо-бедно, нужны прихожая, гостиная, спальня и кухня. А цена – три-четыре слитка серебра. Дай уж ему, брат, поскорее. Пусть завершит великое дело.

– Пока я дам ему немного мелочи, – сказал Симэнь. – На одежду и мебель. Пусть все припасет заранее, а присмотрит дом, дам и на дом, хорошо?

– Какое великодушие! – воскликнули в один голос Боцзюэ и

Шицзе.

Симэнь позвал Шутуна.

– Ступай к матушке Старшей, – наказывал хозяин, – попроси достать из кожаного баула узелок с мелочью и принеси мне.

– Слушаюсь! – отозвался Шутун и вскоре передал Симэню узелок.

– Тут мелочь, – говорил Симэнь, обратившись к Шицзе, – это у меня после приема у императорского наставника от чаевых осталась дюжина лянов. Возьми и купи, что нужно.

Симэнь развязал узелок. В нем лежали мелкие кусочки серебра достоинством в три-пять цяней. Чан Шицзе спрятал узелок в рукав и поклоном поблагодарил Симэня.

– За мной дело не станет, – говорил Симэнь. – Найди подходящий дом, и я тут же дам сколько потребуется. Ты пока ведь ничего не присмотрел, правда? Так что подыскивай скорей. Только у меня серебро появится, сполна получишь.

Шицзе принялся рассыпаться в благодарностях.

– Жили в старину такие люди, – начал Боцзюэ, когда все уселись. – Богатство презирали, щедро жертвовали. Потом их дети и внуки прославили свой род и приумножили достояние предков. А у скупцов, накопивших горы золота, потомки оказались никудышными и даже могил предков не уберегли. Да, Небо каждому воздает по заслугам его!

– Ведь серебру ходить полагается, а не лежать под спудом, – поддержал его Симэнь. – Спрячь его, когда ему самим Небом дано быть в употреблении. Один копить будет, значит другому не хватит. Копить сокровища – зло великое!

Тому свидетельством стихи:

Богатства накопил – душой расцвел,
А ведь в богатстве корень многих зол.
Дрожит богач над каждым медяком
И щедрого считает дураком.
Но всех нас ожидает смертный час,
Один лишь прах останется от нас.
Когда за скрягой Смерть^[846] сама придет,
Тот ничего в могилу не возьмет.^[847]

Пока они вели разговор, Шутун подал обед, и все принялись за еду. Чан Шицзе откланялся и с серебром в рукаве, веселый, поспешил домой. Только он переступил порог, жена опять начала ворчать:

– С виду платан, да листья опали! Дубина стоеросовая! Сам целыми днями шатается, а жена сиди дома голодная. Довольный идет,

бесстыжий! Чему обрадовался? Жить негде, стыдно людям в глаза смотреть. А ведь мне приходится насмешки соседей выслушивать.

Шицзе молчал, дожидаясь, пока жена успокоится. Когда она, наконец, утихомирилась, он не спеша достал из рукава серебро и, развязав узелок, высыпал содержимое на стол.

– Братец ты мой любезный! – глядя на серебро, причитал он. – Дырочка ты квадратиком!^[848] Как же ты блестяешь, как приятно звенишь, сокровище мое бесценное! Аж кровь стынет в жилах. Я б тебя оросил, жаль воды нет под рукой. Пораньше бы тебе явиться, тогда не поносила бы меня вздорная баба.

Жена увидала лянов двенадцать серебра и, вся просияв, бросилась прямо к столу, готовая выхватить его из мужниных рук.

– Ты весь век мужа позоришь, – говорил Шицзе, – а как серебро увидала, так сразу подлизываться? Завтра же куплю одежды да и жилье себе присмотрю. Довольно с меня твоей ругани!

– Дорогой мой! – с улыбкой обратилась к нему жена. – Скажи, откуда у тебя это серебро.

Шицзе молчал.

– Дорогой! – заговорила опять жена. – Неужели ты на меня сердисься? Я ж тебе только добра желаю. Раз достал серебра, надо бы как следует потолковать, какой дом купить, так ведь? Ну к чему губы дуть? Я ничем перед тобой не провинилась. Напрасно на меня серчаешь.

Шицзе молчал. Жена продолжала его уговаривать, но он даже не подавал виду. Наконец она не выдержала и расплакалась.

– Вот баба! – тяжело вздохнул Шицзе – Не пашет, не ткет, знай, мужа грызет.

Немного погодя она успокоилась. Они сели рядышком и примолкли. Некому было примирить их, когда они взгрустнули. «Да ведь и бабе тяжело достается, – размышлял про себя Шицзе. – Сколько забот на плечах! Как тут не ворчать?! Зря я на нее серчаю, когда серебра достал. Скажут еще: вон, мол, какой он бесчувственный. Да и Симэнь Цин узнает, будет меня винить» Он улыбнулся.

– Пошутил я, – сказал он. – Кто на тебя сердится! Только ты все ворчишь, а мне терпеть приходится да из дому уходить. Никто на тебя не сердится. Я тебе сейчас все объясню. Утром, когда ты стала ворчать, мне стало невтерпёж, и я пошел к брату Ину, пригласил его в кабачок, выпили и пошли к брату Симэню. Тот оказался дома, а то он все пирует. Спасибо брату Ину! Знала бы ты, сколько он его уговаривал, пока я не получил вот это серебро! Он мне и на дом

обещался дать, а эти двенадцать лянов на прожитие выделил.

– Значит, все-таки брат Симэнь раскошелился? – перебила его жена. – Раз дал, не трать куда попало. Надо будет одежду к зиме купить, чтоб потом не мерзнуть.

– Об этом-то я и хотел с тобой потолковать, – сказал Шицзе – Какую одежду купить, какую мебель. Пока здесь поставим, а там в новый дом перевезем. Красота! Не знаю, как мне и благодарить брата Симэня! Как переберемся, его пригласим.

– Там видно будет, – заметила жена.

Да,

Пока не перевелся род людской,

Гнев с милостью нам не дадут найти покой.

Они продолжали разговор.

– А ты поел? – спросила, наконец, жена.

– Я у брата Симэня поел, – ответил Шицзе. – Ты, наверное, сидишь голодная. Я пойду рису куплю.

– Смотри, серебро не потеряй! – наказывала жена. – Не задерживайся!

Шицзе подхватил плетеную корзинку и вышел на улицу. Купив рису и большой кусок баранины, он уложил покупки в корзинку и, громко смеясь, побежал домой. Жена встретила его у ворот.

– А баранину зачем купил? – спросила она.

– Ты ведь сама говорила, – Шицзе улыбнулся, – у тебя много хлопот. За них тебе не кусок баранины, а целого быка принести надо было.

– Вот сумасшедший! – жена, шутя, ткнула мужа пальцем. – Все сердисься? А ну, посмотрим, что еще со мной сделаешь.

– Как бы не пришлось тебе называть меня тысячу раз «дорогой да милый», – говорил Шицзе, – умолять: «прости меня такую-сякую». Как ни упрашивай, все равно не прошу.

Жена засмеялась и пошла к колодцу за водой, потом стала готовить обед. На столе появилось блюдо нарезанной ломтиками баранины.

Она позвала мужа.

– Я ж у брата Симэня пообедал, – отозвался Шицзе. – Раз голодная, сама и ешь. Я не хочу.

Она села за стол одна, а после обеда убрала посуду и отправила мужа покупать одежду.

Шицзе спрятал в рукав серебро и направился прямо на Большую улицу. Он заходил из лавки в лавку, но никак не мог найти по душе.

Наконец он купил жене накидку из темного ханчжоуского шелка, зеленую шелковую юбку, серебристо-белую шелковую кофту, красную накидку и белую юбку. Себе взял бледно-желтую рубашку, розоватый шелковый халат и несколько холщовых одежд. Всего ушло шесть лянов и пять цзяней серебра. Шицзе увязал покупки в узел, взвалил его на спину и пошел домой. Жена торопливо развязала узел и начала разглядывать обновки.

– Сколько же это стоит? – спросила она.

– Шесть с половиной лянов.

– Да, не так-то дешево! Но вещи стоящие, – заключила она и спрятала покупки в корзину. – А за мебелью завтра сходишь.

Так в радостном, приподнятом настроении прошел у них этот день. Попреков и ругани больше как и не бывало, но не о том пойдет речь.

Вернемся, однако, к Боцзюэ и Симэню. Проводив Чан Шицзе, они остались в зале. Первым заговорил Симэнь.

– Хотя у меня и военный чин, но гляди, какой почет! Сколько столичных и прочих сановников со мной дружбу водят. А теперь мне сам императорский наставник особое покровительство и почтение оказывает. Меня переписка совсем захлестнула. Письма туда, письма сюда – нескончаемым потоком идут, а у меня на это ну ни минуты времени не остается. Такой завал! Хочу образованного человека нанять. Пусть переписку ведет, меня от этого избавит. Да беда, нет такого. Нужен большой учености человек. Может, тебе попадется, скажи, будь добр. Я ему и отдельное жилье отведу и ежегодное жалованье на содержание семьи положу. Если б кого из твоих верных друзей, было бы совсем хорошо.

– Если б я знал раньше! – воскликнул Боцзюэ. – Да я тебе сколько хочешь пришлю, но какого тебе надобно, отыскать нелегко. А почему? Да потому что тебе нужен, во-первых, человек ученый, во-вторых, высоконравственный, и, само собой, покладистый, скромный, неболтливый, ведь так? Куда тебе, скажем, ученый, если он завязанный баламут! Есть у меня один приятель – деды наши еще дружили – здешний сючай. Не раз сдавал экзамены, увы, не выдержал. Вот кто ученостью и талантами взял! Оставит позади и Сыма Цяня и Бань Гу! [849] Воспитан в традициях Конфуция и Мэн-цзы. Мы с ним как братья родные, в самых задушевных отношениях. Помнится, лет десять назад сдавал он экзамены. Как же восторгался им экзаменатор! Но... его превзошел кто-то другой. Он делал еще несколько попыток в последующие годы – все безрезультатно. Так и дожил до седых волос. Хотя он и ученый-неудачник, у него до сотни му[850] поле, ладный

домик из трех или четырех комнат. Чистота и порядок!

– Захочется ли ему наниматься в секретари при таком достатке, – перебил Симэнь.

– Да это у него прежде и земля была и дом, – пояснял Боцзюэ. – Потом все богачам продаю, сам остался гол как сокол.

– Раз продал, так чего же считать?!

– Верно! В расчет принимать не приходится, – поддержал его Боцзюэ и продолжал: – А какая у него жена! Красавица писаная! Не больше двадцати. И двое ребят, одному годика три, другому – четыре.

– Не бросит же он красавицу-жену! – возразил Симэнь.

– На твое счастье, года два назад она с любовником в Восточную столицу уехала, – заверил его Боцзюэ. – А ребят оспа унесла. Один бобылем остался. Найдется он, я тебе говорю!

– Ну вот! Нахваливал, нахваливал, и все, выходит, высосал из пальца? Как же его зовут?

– Фамилия его Шуй, – отвечал Боцзюэ. – Учености несравненной. Это я честно говорю! Возьми его! Он такие письма составлять будет, такие оды и стихи сочинит – еще больше тебя прославит. Глядите, скажут, до чего талантлив и учен господин Симэнь!

– Ты мне брось вздор нести! – оборвал его Симэнь. – Я ни одному твоему слову не верю. Послушать бы хоть одно его письмо, не помнишь? Если пишет хорошо, приглашу и кабинет отведу. Одинокого еще удобней взять. Счастливым день выберу и возьму.

– Помнится, написал он мне письмо, рекомендацию просил, – говорил Боцзюэ. – Некоторые строки так в память и врезались. Вот послушай (на мотив «Иволги желтый птенец»):

Я брату Ину шлю письмо,
Тоски о нем оно полно.
В семье все живы и здоровы.
Я «хижину» поставлю в слово,
А к ней «чиновника» прибавлю^[851]
И брату просьбою отправлю.
Надеюсь на свою опору.
Лишь кисть беру, как в ту же пору –
В тумане облачном просторы.
Симэнь расхохотался.

– Раз собрался в учителя наниматься, так бы и писал, – говорил он. – А то романс присылает, да еще никудышный. Словом, всю свою ученость и нравственность показал.

– Ты, брат, по этому не суди! – не унимался Боцзюэ. – Наши дома вот уж в трех поколениях дружат. Мне было, должно быть, года три, ему – лет пять, мы уж вместе сластями лакомились. Никаких ссор между нами никогда не случалось. Потом подросли, пошли учиться. Учитель бывало только скажет: «Вот Ин Второй да Шуй – самые мои способные и сообразительные ученики. Далеко пойдут!» Потом сочинения писали, и опять вместе. – чтоб зависть там как я друг к другу – никогда этого не было. Мы целыми днями не разлучались, а то и спали рядом. Когда же мы начали покрывать голову сеткой и наступило совершеннолетие, совсем закадычными друзьями стали. – всем-то мы друг на друг похожи – ну как есть братья родные. Да нам ли форму там какую-то соблюдать?! Вот он романс и прислал. Я, между прочим, сперва тоже недоумевал, а потом рассудил. Мы ведь самые близкие друзья, чего ж особенного! А романс неплохой, с изюминкой, правда? Ты, брат, мне кажется, смысл не уловил. Слушай первую строку: «Я брату Ину шлю письмо». Это вроде вступления. «Тоски о нем оно полно» Как будто обыкновенная вежливость, но выражена кратко и вместе с тем изящно. Скажешь, плохо? А вот третья строка: «В семье все живы и здоровы». Дома, мол, ничего особенного не случилось. Ну а дальше идет самый смак.

– А как бы ты истолковал следующие строки? – спросил Симэнь.

– Вот то-то и есть! – воскликнул Боцзюэ. – Я тебе и говорю, самой сути ты и не понял. А она в шараде высказана. Тут голову поломать надо. «Я „хижину“ поставлю в слово, а к ней „чиновника“ прибавлю» Соедини оба знака – получится «место», правда? Выходит, если найдешь место учителя, прошу покорно меня порекомендовать. Потому дальше и следует: «И брату просьбою отправлю. Надеюсь на свою опору» Это он кисть свою с опорной балкой сравнивает. Стоит ему взять кисть, и сразу туман заполнит весь лист. Потому он и пишет: «Лишь кисть беру, как в ту же пору – в тумане облачном просторы» Теперь сам посуди: есть ли в романсе хоть единое лишнее слово? Всего несколько строк, а выражены сокровеннейшие помыслы. Прекрасно, не правда ли?

– Оставь его достоинства! – посоветовал Симэнь, выслушав похвалы. – Ты мне лучше скажи: есть у него что-нибудь серьезное? Хоть одну вещь показал бы.

– Его оды и романсы хранятся у меня дома, – говорил Боцзюэ. – Жаль, я с собой не захватил. А! Пришло на память одно его замечательное творение. Вот послушай:

«Как ликовал я, когда повязку головную^[852] мне повязали в первый

раз! Не ведал я тогда, что шапка студента меня так подведет. Студенческая шапка! Ведь тебя носят года три, на худой конец – лет пять. Но голову мою, видать, ты крепко полюбила. С тобой не расстанусь я вот уж целых три десятка лет. Я жажду черным флером голову венчать. Ваше превосходительство, чиновника шапка! Я вас в стихах пою, чтобы избыток нежных чувств излить. Подступает седина, мне тяжело. Если и этой осенью экзамен провалю, тебя, ненавистная шапка студента, ногами растопчу и постигать пойду науку землепашца. Вот и настал год больших состязаний^[853]. Близится день, когда победивших объявят. Свои сокровенные думы я доверю тебе, головная повязка.

Ты надежда появления синих облаков – знака грядущих почестей и славы. Седина посеребрила голову мою. Как старинного друга ты полюбила! Увы! Помню, как надел тебя впервые. Я был в халате голубом студента. Горделивый, тебя с восторгом я носил. Но ты мне ходу так и не дала. Заставила весь век в поклонах изгибаться. Я не был ни сановником важным, ни землепашцем, не торговал, не знал я ремесла. Живу из года в год в пустой лачуге, обиваю школьный порог день ото дня.

Когда к столу экзаменатора я подходил, все во мне со страху трепетало. Испуганный, я от начальников бросался вспять. Из-за тебя я маялся весь век и горюшка хлебнул немало. Уроки круглый год даю, а за наградою приду, жестоко обсчитают. Когда я стал просить, мол, помогите бедняку, мне дали пять мер рису и на жертвы предкам пол-цзиня мяса. Начальник здешний, гневом обуян, узнав, подручному велел сей сбор тотчас же прекратить. А сколько раз сопровождал я баричей в столицу! В училищах начальство ведь именно меня ценило выше всех. Гляди, протер все сапоги, а от голубой рубашки остались одни дыры. В поте лица тружусь весь век. Не пересказать всех горестей и лишений. Холод и муки – всегдашний мой удел. За это все мне надо бы давно отвести среди героев место, но, говорят, бессильна моя кисть, и милостью обходят. Давно высоких помыслов исполнена душа. Увы! Напрасно! Жалкая повязка! Гляжу я на тебя и сознаюсь, терзает грусть меня. Прямая сзади, спереди помята. Что ты такое есть? Тут дыра зияет, там бездонная пещера. Ты корень зла! Да, да! Ты сокол в облаках паривший. Но подрезали крылья тебе. Ты проворная рыба-дракон, да сняли с тебя чешую. И знаю: кто долго не летал, небес достигнет, кто долго голосу не подавал, всех песней потрясет своей. Ну, давай же, дружище, встряхнись!

Не собираюсь я тебя бросать, но стоит мне с талантами моими достичь вершин, с тобою мы расстанемся навеки. Пред тем ты милости моей потоком бурным насладишься. Тебе романс короткий посвящу и жертву скромную поставлю в надежде усладить тебя. Ты отдала себя сполна, всю сущность исчерпала без остатка. Видишь, я вполне искренен с тобой. Итак, простимся. Заглядывай, прошу»

Боцзюэ умолк.

– Брат Ин! – Симэнь хлопнул по столу и громко расхохотался. – И ты сравнил его ученостью с Бань Гу и Ян Сюном?^[854]

– Его нравственные достоинства еще выше литературных, – продолжал Боцзюэ. – Хочешь расскажу?

– Ну, говори!

– В позапрошлом году жил он в учителях у советника Ли, – начал Боцзюэ. – Служанок этот советник держал не один десяток, и одна другой бойчее, красавицы как на подбор. Были у него и мальчишки-слуги. Тоже собой хороши – только бы в наложники идти. Так вот. Прожил с ними рядом сюцай Шуй лет пять. Ему и мысли дурной в голову не приходило. Видят эти самые распущенные служанки да мальчишки, что учитель в доме – ни дать ни взять мудрец, и давай его совращать, обнимают, ласкают. А сюцай Шуй – человек исключительно отзывчивый – сразу смягчился и попал им на удочку. За это его хозяин и выгнал. Потом по городу сплетни пошли: распутный, мол, такой-сякой. А он на самом деле не дрогнет, сядь к нему на колени красавица. Ты, брат, сам увидишь, когда пригласишь его. Будет с твоими служанками и слугами рядом спать и ничего не случится.

– Ну, раз его выгнали, стало быть, что-то было, – заметил Симэнь. – Хотя мы с тобой и большие друзья, разреши мне отклонить твое предложение. На днях мой друг Ни Гуйянь хотел порекомендовать мне сюцай Вэня. Погоди, с ним увижусь, потом и решим.

Хотите знать, что было потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ
НАСТОЯТЕЛЬ ДАОЦЗЯНЬ
СОБИРАЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ
НА ПОЧИНКУ ХРАМА ВЕЧНОГО
БЛАЖЕНСТВА
МОНАХИНЯ СЮЭ ПОДБИВАЕТ
РАСКОШЕЛИТЬСЯ НА
ПЕЧАТАНИЕ «СУТРЫ
ЗАКЛИНАНИЙ-ДХАРАНИ»^[855]

*Суть веры постигает только тот,
кто от роду прозреньем наделен,
Заботами да бренной суетой
себя опутать не позволит он.
Не зря зовут подвижниками тех,
кто в соблюдении обетов строг.
Обыкновенный, смертный человек
стать бодхисаттвою не часто мог...^[856]
От царства всех пороков невдали
добродеей расположен рай,
Ворота нараспашку там и тут –
сам путь себе по нраву выбирай.
Людские поколения на земле
меняются – скончания им нет,
Но вечно озаряет пустоту
ученья Будды благодатный свет.*

С давних времен стоял в области Дунпин, в Шаньдуне, монастырь Вечного блаженства, воздвигнутый еще при Лянском императоре У-ди во втором году правления под девизом Всеобщего благополучия.^[857] Основателем его был патриарх Вань-хуэй,^[858] то есть С-краю-света-воротившийся.

Почему так величали этого наставника? А вот почему. Лет восемь было ему от роду, когда его старший брат ушел на защиту рубежей Империи. Дома не получали от него ни писем, ни вестей и не знали, жив ли он. В тоске о сыне старая мать совсем пала духом и часто плакала.

– Матушка, у нас царит мир и покой, – обратился к ней младший сын. – Дети вас не обижают. На столе не переводится рис. Живем мы хорошо. Почему ж вы постоянно проливаете слезы? Поделитесь со мной вашей печалью.

– Где тебе, сынок, знать горе старой матери! – воскликнула она. – С кончиной батюшки твой старший брат ушел служить на границу. Вот уж лет пять нет от него ни одного письмеца. Жив он или кости сложил, не знаю. Как же мне, сынок, не печалиться?

Сказала и заплакала.

– Вы бы мне раньше сказали, матушка, – успокаивал ее младший сын. – А где он служит? Я сам к нему пойду. Все равно разыщу брата, ворочусь с письмом и вас успокою.

Старая мать засмеялась сквозь слезы.

– Глупый ты мой! – говорила она. – Да знаешь ли ты, сынок, где служит твой брат? Будь он за сотню-другую ли, может, и пошел бы, а он ведь в Ляодуне,^[859] за десять с лишним тысяч ли отсюда. Туда и доброму молодцу нелегко добраться, месяцев пять понадобится. Где тебе, сынок, в такой путь пускаться?!

– В Ляодуне, так в Ляодуне, – не унимался сын. – Ведь не на небе же! Нет, я пойду, разыщу брата и домой ворочусь.

Он завязал покрепче сандалии, поправил халат и, поклонившись матери, исчез как дым. Старая мать окликала его, но он не отозвался, поспешила было вернуть сына назад, но его и след простыл. Еще больше затосковала она и опечалилась. Соседки не оставили ее. Одна несла воду, другая – кипяток. То и дело приходили потолковать о том да о сем, чтобы отвлечь старую женщину от грустных дум.

– Сын, должно быть, где-нибудь поблизости, – говорили они для успокоения матери. – Погоди, воротится.

Она утерла слезы и погрузилась в раздумье.

Солнце садилось на запад. У соседей тут и там дымились очаги.

Кипели супы, варился рис. Кто-то запер ворота, а мать все стояла и, вытягивая шею, всматривалась в бескрайнюю даль. Казалось, глаза вот-вот вылезут из орбит. «Почему не удержала его», – укоряла она себя. Вдруг вдали во мгле показалась вроде фигурка мальчика.

– Уповаю на Небо и Землю, на дневное и ночные светила, – молилась мать. – Верните моего сыночка! Услышите ту, кто блюдет пост и творит молитву!

Неожиданно прямо перед ней предстал патриарх С-краю-света-воротившийся.

– Матушка! – воскликнул он. – Вы еще не спите? А я побывал в Ляодуне, нашел старшего брата и принес долгожданную весточку.

– Лучше б тебе не уходить, сынок! – мать улыбалась. – Истрадалась я. Над старухой, сынок, на смеются. Кто поверит, чтоб ты за день прошел десять тысяч ли?

– Вы мне не верите, матушка, да? – спрашивал сын.

Он тут же достал из узла письмо. И в самом деле, было оно написано рукой старшего сына. Потом он протянул ей постирать рубашку – ту самую, которую она когда-то шила.

Новость потрясла соседей, и все стали звать его С-краю-света-воротившимся. Потом он бросил мирскую жизнь и стал монахом. Стали звать его преподобный Ваньхуэй. Был он инок выдающихся душевных качеств. О необыкновенных его деяниях в народе шла молва. Как-то перед Позднечжаоским императором Шиху-Каменным Тигром,^[860] проглотил целый гарнец иголок, а перед наследным принцем лянского императора У-ди извлек у себя из маковки три священных жемчужины^[861] а потому в честь него высочайшим эдиктом и был воздвигнут монастырь Вечного блаженства. Невозможно себе вообразить, сколько потребовалось средств на его строительство.

Да,

Пусть святость сияет вовеки веков!

Монах преподобный явился,

Святейший с Небес к нам спустился,

И вера внедрилась в сердца глубоко.

Как челноки, сновали луны и годы. Шло время, менялись порядки. Настал час, и вознеся на Небо патриарх Вань-хуэй. Преставились один за другим благочестивые иноки. И остались в монастыре одни проходимцы. Поправ строгий монашеский устав, они завели любовниц, пили горькую, словом, пускались во все тяжкие. Для виду

эти пройдохи жарили лук, а сами всю гнали вино и торговали как завзятые кабатчики. Потом им стало мало и этого. Они заложили рясы, колокола и гонги – все, что только принимали в ломбарде. Хотели уж было продать и опорные балки главного здания монастыря, да не нашелся покупатель. Пропили кирпич и черепицу. До того растащили обитель, что в ней гулял ветер. Дождь лил прямо на поваленные на пол статуи будд. Со временем исчезли паломники и перестали совершаться службы. Да, где сам великий князь Гуань^[862] соевым творогом торгует, туда и черта не заманить. Где под звон колоколов и удары гонгов служили торжественные литургии, там расстилалась мгла над высохшей травой. Так за каких-нибудь три или четыре десятка лет монастырь пришел в запустение и лежал в развалинах.

А настоятелем его, надобно сказать, был тогда преподобный Даоцзянь, выходец с Запада,^[863] из земли Индийской. Восхищенный красотами Китая, он решил отправиться туда пешком. Лет восемь, а то и девять, шел он через Зыбучие пески, Звездное Море и обильно орошенные земли,^[864] пока не достиг, наконец, пределов Срединной Цветущей Империи.^[865] Извилистые тропы привели его в Шаньдун. Тут он и опустил свой оловянный посох. Девять лет сидел он там, обратив взор свой к стене,^[866] и не произнес ни единого слова.

В самом деле,

Зачем Закон вы ищете в Писаньи тщетно?

Его в подвижничестве добывайте честно.

Однажды Даоцзяня осенила мысль.

– Сердце надрывается, когда видишь, как разорили храм неучи-монахи! – рассуждал он сокрушенно сам с собою. – Этим плешивым ослам только бы кутить. Осквернили и повергли в прах древнюю святыню. Как бы ее восстановить? Где взять кирпич и черепицу? Ведь говорили наши предки: где обитает добродетель, там и вершатся чудеса. Кому как не мне взять на себя восстановление святыни! Да, я обязан возложить на себя сей труд. В Шаньдуне живет почтенный господин Симэнь. Он служит в страже Его Величества. Богатейший человек, сановному вельможе под стать. В прошлый раз, когда он устраивал здесь проводы цензора Сун Силяня,^[867] его взору предстала разрушенная обитель, и он сам изъявил желание пожертвовать деньги на ее починку. В ту пору и меня осенила та же мысль, хотя я тогда и не проронил ни слова. Если б мне отыскать доброхотных жертвователей, я бы рано или поздно довел доброе дело до конца. Сам пойду собирать подаяния.

Даоцзянь кликнул послушников. Те ударили в колокол и гонги. Собралась вся монастырская братия. Даоцзянь пред алтарем объявил свое намерение. Только поглядите, как облачился наставник:

В кровавого цвета монашеской рясе,
И серьги золотые на солнце горят,
И посох сверкает, и путь его ясен,
Сто восемь жемчужин нанизаны в ряд.^[868]
Багровые волосы,^[869] брови густые,
Глаза – будто просятся вон из глазниц.
Он с Запада прибыл, и люди простые,
От сна пробудившись, пред ним пали ниц.

Объявив свое намерение, настоятель позвал служек и велел принести четыре сокровища кабинета.^[870] Он растер тушь «драконово благоуханье»,^[871] обмакнул кисть и, развернув лист бумаги с каймою, стал писать обращение к пожертвователям. Прежде всего в нем подробно излагались доводы, потом призыв пожертвовать и сотворить добро. Строки выходили ровные, знаки четкие. После чего почтенный игумен, являвший собою живого бодхисаттву, простился с братией, обул сандалии, надел бамбуковую шляпу и направился прямо к Симэнь Цину.

Расскажем теперь о Симэнь Цине. Простившись с Ин Боцзюэ, он обогнул заднюю залу и, раздевшись в крытой галерее, пошел к У Юэня.

– Когда я вернулся из столицы, – заговорил он, закончив рассказ о рекомендованном Ином сюэе Шуэ, – меня угощали и друзья и родные. Надо бы и мне в ответ устроить пир. Дам распоряжения, пока я свободен.

Он велел Дайаню запастись корзинами и отправляться в базарные ряды за свежими фруктами, свининой, бараниной, рыбой, мясом, а также маринованными курами и гусями для закуски. Младшие слуги были разосланы с приглашениями гостям. Симэнь взял с собой Юэня, и они пошли к Пиньэр навестить Гуаньгэ. Их встретила улыбающаяся Пиньэр.

– Матушка хочет сына проведать, – сказал ей Симэнь.

Пиньэр велела кормилице вынести Гуаньгэ. На редкость чистый и нежный, словно пудра, ребенок с удовольствием потянулся к Юэню.

– Сыночек мой! – говорила она, беря его на руки. – Какой же ты смысленный! А вырастешь, будешь еще умней и сообразительней. Станешь ли тогда так же вот почитать свою матушку, а?

– Какой может быть разговор! – заверяла ее Пиньэр. – Только б ему на ноги встать да чин получить, он первым делом вам поклонится, матушка, вас облачит в одеяния знатной дамы.

– Когда вырастешь, сынок, – подхватил Симэнь, – старайся получить штатский чин. Не следуй по стопам отца. Служить военным хоть и недурно, но даже и при недостатке нет мне того уважения.^[872]

Их разговор подслушала снаружи Цзиньянь, и гнев охватил все ее существо.

– Ах ты, бесстыжая, грязная проститутка! – ругалась она на Пиньэр. – Ишь как нос дерет! Будто только ей одной и дано наследника вырастить. А он-то молокосос, от горшка три вершка, до школы еще дожить надо – пока все на воде вилами писано. Он с загробным владыкой рядышком обитает, а они уж о чинах да регалиях болтают. А этот арестант проклятый тоже советы дает, бесстыжая морда! С меня, мол, пример не бери. В штатские прочит, а с какой стати?

Пока она со злости так молола языком, вошел Дайань.

– Вы не знаете, где батюшка? – спросил слуга.

– Ишь какой речистый! А я почем знаю, где твой батюшка обретается, арестант проклятый?! – заругалась Цзиньянь. – Ему у меня теперь делать нечего. Он своей титулованной супруге служит, изысканные кушанья подает. К ней и ступай.

Дайань понял, что не туда попал, и пошел к Пиньэр. У двери он кашлянул и, обратившись к Симэню, сказал:

– Дядя Ин в зале ожидает.

– В чем дело? – удивился Симэнь. – Мы ведь только что расстались.

– Дело, говорит, есть, – пояснил слуга.

Симэню пришлось оставить Юэнян с Пиньэр. Он вернулся в крытую галерею, оделся и направился к Боцзюэ. Только он хотел обратиться к Боцзюэ, как к воротам подошел настоятель.

– Будда Амида! – громко возгласил Даоцзянь и обратился к привратнику: – Здесь обитает почтенный господин Симэнь? Будь добр, доложи. Скажи, молится, мол, за детей и внуков. Жаждающий счастья да обретет его, просящий долгоденствия да насладится им. Доложи: настоятель, мол, из Восточной столицы собирает пожертвования и просит свиданья.

Симэнь Цин, надобно сказать, вообще-то не дрожал над деньгами, а тут у него появился сын Гуаньгэ, так что на радостях он готов был сотворить доброе дело, дабы оберечь сына. Об этом знали все в доме, и

привратник без проволочек доложил о прибывшем Симэню.

– Зови! – отозвался Симэнь.

Привратник стремглав бросился к настоятелю, словно ему предстояло увидеть живого Будду, и тотчас же пригласил его в дом. Настоятель прошел в залу и приветствовал хозяина.

– Я родом с Запада, – начал он. – Пешком прибыл из Индии в столицу Кайфэн и остался в монастыре Вечного блаженства. Девять лет сидел, обратившись лицом к стене, и сердцем постиг сущность Учения. Одно терзает мне душу: разрушается святая обитель. Кому же, думаю, как не мне, послушнику Будды, надлежит отдать все свои силы служению Ему. Тут-то у меня зародилась мысль. И вы, почтеннейший наш покровитель, в прошлый раз на проводах знатных гостей тоже изволили сокрушаться, когда взору вашему предстала жалкая наша обитель. И вас, наш благодетель, тогда посетила благородная мысль помочь восстановлению храма. Сонм будд и бодхисаттв стал тогда свидетелем вашего высокого порыва. Вот что сказано в священном писании: ежели найдутся на свете мужчины или женщины, кои по доброте душевной пожертвуют на сооружение величественных статуй Будды, будут дети их и внуки расти здоровыми и красивыми и в надлежащие сроки выдержат все экзамены и обретут в жены себе дочерей прославленных родителей. Вот почему я и обратился к вам, милостивый покровитель. Прошу вас, не пожалейте пятисот либо тысячи лянов и откройте список пожертвователей, свершите доброе дело.

Настоятель развернул парчовый платок, вынул из него обращение к жертвователям и обеими руками протянул его уже до глубины души растроганному Симэню. Тот с благоговейным трепетом взял обращение и, приказав подавать чай, развернул бумагу.

Обращение гласило:

«Припадая к стопам, умоляю. На белой лошади сутры привезли, и стала известной буддийская вера. Кашьяпа Матанга.^[873] Ученье изложил, и стали Его постигать повсюду секты созерцателей^[874]

И миряне обратились к основателю Веры – Будде Шакьямуни. Величественными монастырями покрылся мир Будды.

Ныне, глядя на развалины храма, можно ли назвать сие место святым? Кто без милосердного сострадания взирает на эти руины и не изъявляет готовности жертвовать, тот не может называться ни учеником Будды, ни человеколюбом. Нынешний монастырь Вечного блаженства, как древнейший алтарь поклонения Будде, как место очищений и блаженства, был сооружен лянским императором У-ди и основан

патриархом Вань-хуэем. Ажурною резьбой он напоминал монастырь Джетавана, красотой окружавшей его местности не уступал великолепию вымощенного золотом парка Вспомоществователя сирым. [875] Ступени обители были выложены из белого нефрита, высокие беседки касались небес. Божественное благоухание сандала достигало девяти заоблачных сфер. Кругом ярусами высились постройки. До тысячи иноков вмещалось в главный храм, а по сторонам от него вздымались другие монастырские постройки, галереи, коридоры, и всюду царили блеск и чистота. Словом, настоящие небесные чертоги. Когда-то здесь били в гонги и колокола. «Сюда простерлось царство Буддово, вселенной центр», – все восклицали. Обитали в храме благочестивые монахи, и был он раем на грешной земле. Но шли годы, менялись порядки, и невежественные монахи, поправ устав, предались пьянству и мотовству. Из-за праздности и лени, их обуявшей, они совсем перестали убирать храм, и воцарилась в нем унылая тишина. Не приходили сюда больше желавшие посвятить себя служению Будде и верующие, и стоит он заброшенный и жалкий. Редкий гость заглядывает теперь в обитель, подрываемую прожорливыми змеями и крысами. Гуляет ветер, льют дожди, и одна за другою приходят в ветхость постройки, рушатся стены. А восстанавливать их никто и не помышляет. И так день за днем, из года в год. Нужно подогреть вина или вскипятить чаю – жгут ярко-красные рамы и полки, выйдет соль или рис – выменивают на балки и перила. Ветер облупил позолоту с архатов, дождь в прах обратил статуи будд. Увы! Где некогда сверкало золото с бирюзою, там ныне поросший терновником с бурьяном пустырь. Да, все на свете цветет, а потом увядает. Однако кончается упадок, и на смену ему вновь приходит расцвет. На счастье, появился в обители почтенный настоятель Даоцзянь. Сей инок не мог безмятежно взирать, как рушится обитель Будды, и дал великий обет: бить челом всякому и, вызывая сострадание, вымаливать пожертвования, возбуждая благородные порывы души, просить хоть балку, колонну или стропила. Всякий, кто в усердии своем отдаст как сумму крупную, так и самую скромную, будет занесен в свиток благодетелей и, охраняемый всемогущим и чудотворным Буддою, насладится вечным счастьем и долгоденствием. Процветание рода продлится века и десятки веков. Уповая на всевидящее око хранителя монастыря, отец, сыновья его и внуки, сменяя друг друга, добьются высоких служебных постов и званий, прославят род, приумножат потомство и сделают его обладателем гор золота и серебра. Чего только ни пожелают они, все у них сбудется. Пусть раскроется щедрая натура у каждого, кто прочитает сие обращение.

С глубоким почтением и пр.»

Прочитав обращение, Симэнь сложил бумагу и завернул ее в парчовый платок, который вложил в папку и, завязав ее парчовыми тесемками, благоговейно положил на стол.

– Откровенно говоря, – сложив руки, обратился он к настоятелю, – хоть я и не считал себя человеком знатным, мое состояние составляет десятки тысяч. У меня военный пост и широкие связи. Правда, меня сильно беспокоило то, что в моем возрасте при шести женах в доме у меня не было наследника. Я обрекался сделать доброе дело, и вот в прошлом году шестая жена подарила мне сына. Теперь я счастлив вполне. В прошлый раз на проводах друзей я обратил внимание на разрушение храма и выразил желание пожертвовать на его восстановление. Симэнь Цин от своих слов не отказывается. Очень рад вашему визиту, отец настоятель.

Симэнь взял кисть и заколебался в нерешительности.

– Брат, раз у тебя есть усердие, – заговорил Боцзюэ, – возьми уж все расходы на себя, а? Ведь ради сына добро творишь. А при твоём недостатке это не так уж много.

– Что ты, разве мне под силу? – держа кисть, рассмеялся Симэнь.

– Ну, в крайнем случае тысячу, – подбивал Боцзюэ.

Симэнь опять засмеялся.

– Нет, столько я не могу, – говорил он.

– Почтеннейший вы мой благодетель! – обратился к Симэню настоятель. – Мы, служители Будды, никогда не настаиваем. Таков уж наш устав. Все зависит от вашего усердия. Мы никого не принуждаем. Сколько можете, столько и дайте. Только я попросил бы вас, милостивый благодетель, ознакомить с обращением ваших родственников и друзей.

– Мудрость глаголет вашими устами, отец наставник! – воскликнул Симэнь. – Непременно ознакомлю, а сам жертвую пятьсот лянов.

Симэнь проставил сумму, и Даоцзянь благодарил его сложенными на груди руками.

– Все здешние придворные смотрители, правители области и уезда – мои друзья, – объяснял Симэнь. – Я их познакомлю с обращением и попрошу проявить усердие. Кто три или две сотни пожертвует, самое малое – сотню или полсотни. Так и соберутся нужные средства.

Симэнь устроил настоятелю постную трапезу и проводил его до ворот.

Да,

Должен благо совершать

Тот, кто благороден сам.

А от бед детей спасать
Надлежит всегда отцам.
А вот и стихи о жертвователях:
Ни золото, ни серебро,
Ни жемчуг, ни нефрит
С собой не понесешь к Яньло;
Лишь кто добро творит,
Кто счастлив бедностью своей,
Тот богача сто крат мудрей.
Когда бы долголетие
Купить было дано,
Тогда б тысячелетия
Прожить бы смог Дун Чжо;
Но только праведных труды
Приносят славные плоды.

Проводив настоятеля, Симэнь вернулся в залу и сел рядом с Боцзюэ.

– А я ведь как раз хотел за тобой, брат, послать, – начал Симэнь. – Кстати пришел. После приезда из столицы родные и друзья меня на пиры приглашали. Теперь я решил угощение устроить. Только собирался тебя задержать, а тут настоятель помешал.

– Вот это настоятель! – воскликнул Боцзюэ. – Глубокой веры человек! От его слов и меня душевный порыв охватил. Я-то с тобой вместе в благодетели попал.

– Это каким же образом? – удивился Симэнь. – Ты ведь ни гроша не выложил.

– Ишь ты какой! – засмеялся Боцзюэ. – А кто тебя подбивал на пожертвование? Не я ли?! Я, стало быть, и есть истинный благодетель. Ты, брат, должно быть, в буддийские каноны не заглядывал. А там сказано: первейшей важности благодеяние суть обет духовный, потом уж соблюдение заповедей и, наконец, денежное пожертвование. Я ж тебя уговорил, я вдохновил, выходит я духовный обет исполнил.

– Языком ты болтать мастак, вот что выходит, – засмеялся Симэнь. Оба, ударив по столу, расхохотались.

– Я, брат, гостей обожду, – заметил Боцзюэ, – а если у тебя дела какие есть, обращайся к жене своей.

Симэнь оставил Боцзюэ и пошел в дальние покои. Тем временем Цзиньлянь, не зная, на ком бы сорвать зло, поворчала, поворчала и, сама того не замечая, оказалась во власти демона сна. Она несколько раз чихнула, пошла к себе в комнату и, едва добравшись до

инкрустированной слоновой костью кровати, тотчас же заснула. Пиньэр с кормилицей и служанками, образовав круг, развлекали плакавшего Гуаньгэ. Юэнян и Сюээ готовили яства. К ним подошел Симэнь и рассказал, как открыл лист пожертвований на монастырь и какие на сей счет шутки отмачивал Боцзюэ. Женщины громко расхохотались. Только Юэнян, порядочная и скромная, воздержалась от смеха и, ограничившись скупыми замечаниями, сразу урезонила Симэня.

Да,

Разумная жена,
Как утренний петух,
Заставит мужа рано пробудиться.
В словах она нежна,
Они ласкают слух,
Помогут от пороков исцелиться.

Что же ему сказала Юэнян?

– Брат, – обратилась она к мужу, – тебе в жизни сильно повезло. У тебя появился наследник. Ты обрекся на благое дело. Такое счастье должно радовать всю нашу семью. Но, как видно, благие намерения появляются у тебя крайне редко, зато дурных – хоть отбавляй. Пора бы уж тебе бросить пирушки да гулянки, деньгами не швырять, непотребные связи не заводить и распутству не предаваться. Лучше посвети себя благим делам, хотя бы во имя счастья младенца-сына.

– Ты, мать, вижу, опять за свое! – засмеялся Симэнь. – А ведь как в единой природе неразрывны свет и тьма, так же естественно соединяются мужчина и женщина. Все тайные связи в этой жизни предопределены в прошлых рождениях и записаны в книге брачных уз. И вообще, разве вся эта житейская суeta от развращенности, от необузданности страстей?! Да я слышал, сам Будда и тот не в силах сдержаться: золото ему подавай – дороги в раю мостить. Даже в аду деньгами не брезгают. Вот я пожертвовал – доброе дело сделал. Теперь хоть над Чаньэ насилие соверши или с Ткачихой по согласию сойдиcь, соблазни Сюй Фэйцюн,^[876] разврати дочерей самой Матери-Владычицы Запада,^[877] не поубавится моих несметных богатств.

– Да, собака дерьмо ест да только облизывается, – засмеялась Юэнян. – Черного кобеля, говорят, не отмоешь добела.

Пока они смеялись, вошла монахиня Ван. Вместе с ней пришла и монахиня Сюэ с коробкой в руках. Обе поспешили к Юэнян и, пожелав ей счастья, поклонились Симэню.

– И вы, батюшка, дома? – протянула Ван. – А я с тех пор никак к вам не выберусь. Все дела какие-то. Давно вас, батюшка, не видала – соскучилась. Вот и пришла проведать. И мать Сюэ с собой привела.

Мать Сюэ, надобно сказать, попала в монахини совсем не с малых лет. В молодые годы была она замужем и жила как раз напротив монастыря Гуанчэн – Обширного свершения, промышляя продажей лепешек. Немного погодя торговля захирела, и молодуха не устояла: начала кокетничать с монастырскими послушниками. Сперва разговоры да намеки, а потом и объятия. Распалила она у монахов страсти. Только бывало муж за ворота, а она уж с монахами путается. Их человек, должно быть, шесть к ней хаживало. Один ее пампушками и каштанами угощает, другой головные украшения да шпильки преподносит, третий деньгами одаривает. Находились и такие, кто пожертвованный холст из монастыря таскал, а она им себе ноги бинтовала. Муж о похождениях жены и ведать не ведал. Когда же он захворал и умер, она, давно уже близкая к монастырям, сама стала монахиней. Читать молитвы и проповеди ходила больше в дома родовитые и знатные. Немалые деньги загребала она и как сводня. Ее то и дело приглашали блудницы, желавшие найти любовников, и она сводила их с монахами. Когда она прослышала о богатом Симэне и его многочисленных женах, ей захотелось погреть руки и около них. Вот почему она и проторила к Симэню дорожку, а он и знать того не знал, что надо пуще всего остерегаться монахинь буддийских и даосских, гадалок, знахарок и чародеек, свах, посредниц, сведен и повивальных бабок, которых нельзя и близко к порогу подпускать.

Да,

Была помоложе – притон содержала,
Буддийских монахов сама ублажала,
Потом в одеянии строгой монашки
Грешила, у Будды просила поблажки.
В повязке, как водится, бритоголова,
В халате с опушкой желтой махровой
Подолгу, бывало, стоит у ворот,
Приглядистых, денежных путников ждет.
Прохожий задержится – худо бедняжке:
Увязнет в вертепе блудницы – монашки,
И словно бы тина его засосет,
Здесь живо мошну он свою растрясет.
А вот еще песенка, тоже к ней подходит:
Хотя у инокини голова гола,

Но юношу на ночь в келью увлекла.
Тут собралось монашек лысых трое –
Хвалу поют; отец-наставник им глава...
Гремит кровать,
как гонг, молитве вторя.

Монахиня Сюэ раскрыла коробку.

– Ничего у нас нет, чтобы почтить вас, наша благодетельница, – начала она. – Примите эти фрукты. Они были принесены Будде. Совсем свежие.

– К чему эти хлопоты! – говорила Юэнян. – Приходите, когда только пожелаете.

Цзиньлянь, пробудившись ото сна, услышала разговор и решила пойти послушать. Пинъэр возилась с ребенком, когда появилась монахиня Ван, и тоже стала собираться, чтобы посоветоваться насчет Гуаньгэ. Они вместе вошли в покои Юэнян. После взаимных приветствий все сели. Пинъэр еще не знала о благодеянии, и Симэнь опять стал рассказывать, как ради благополучия сына он открыл лист пожертвований. Выведенная из себя Цзиньлянь немного поворчала и поспешно удалилась к себе.

Мать Сюэ встала и сложила руки на груди.

– О Будда милостивый! – воскликнула она. – Ваше великое усердие, батюшка, пошлет вам тысячелетнее благоденствие. Пятеро сыновей ваших и две дочери будут жить рядом с вами в мире и согласии. Но я вот что еще хочу вам посоветовать, достопочтенный вы наш покровитель. Подвиг этот больших затрат не повлечет, а счастье принесет безмерное. Эта ваша благостыня, милостивейший благодетель, затмит и подвиг самого Гаутамы, постигавшего Учение в Снежных горах,^[878] почтенного Кашьяпы,^[879] который, распустив волосы, спал прямо на сырой земле, и Второго Патриарха, бросившегося со скалы на съедение тиграм,^[880] и досточтимого Вспомоществователя сирым, уместившего парк Джатавана чистым золотом.

– Прошу вас, матушка, – Симэнь засмеялся, – присядьте и скажите, что это за подвиг такой. И я свершу его по вашему совету.

– Наш Патриарх Будда, – начала монахиня Сюэ, – оставил нам «Сутру заклинаний-дхарани», священный канон в одном свитке, где содержатся наставления верующим, стремящимся попасть в Чистую землю на Западе.^[881] Ведь сказал Будда, что нелегко попасть ни на третье или четвертое небо созерцанья, ни на небо Трайястримшас или Тушита, ни на небо Великой Сети или Бучжоу.^[882] Только в Западной

Обитатели Высшего блаженства, откуда видел сам Будда Амида, не бывает ни весны, ни лета, ни осени, ни зимы, не дует холодный ветер и не палит удушливый зной. Там стоит круглый год приятная теплая весна, и нет там ни мужчин, ни женщин, ни мужей, ни жен. Живут люди на золотом лотосе среди Озера Семи сокровищ.^[883]

– Так какой же величины этот лотос, раз люди на нем живут? – перебил ее Симэнь. – А как ветер подует, тогда что? Поскользнулись и – бултых! – прямо в воду?

– Вам, батюшка, должно быть известно, как в писании сказано, – разъясняла Сюэ. – Во Царствии Буддовом каждые пятьсот ли за одну йоджану.^[884] считаются. А лотос тот вырос превеликий, преогромный – целых пятьсот йоджан в окружности. Там дорогие одежды являются по одному желанию, яства небом даруются, не смолкает пенье райских птиц – дивное, как стройный хор свирелей. Словом, прелестный, чудный мир. Правда, людям смертным путь туда неведом, посему они относятся к нему без особой веры и благоговения. Вот и завещал Патриарх сей канон, наставляя верующих молиться с усердием, дабы уготовили себе рай на западе и лицеизрели самого Будду Амиду. С тех пор миллионы веков из поколения в поколение не перестает вращаться колесо перерождений.^[885] Вот что изрек Патриарх: всякий, кто будет либо читать, либо печатать или переписывать от руки сей канон и распространит его среди десятков тысяч, обретет блаженство безмерное. А в него входят и молитвы о спасении младенцев. Одним словом, каждому, кто растит детей и желает им счастья, как раз на этом благородном поприще и надобно проявить свое усердие. И доски с текстом канона,^[886] на счастье, уцелели. Нужно только найти благодетеля, который взял бы на себя печатание. Прошу вас, батюшка, не откажите в милости. Сей же час напечатали бы и переплели как полагается. И тогда разошлась бы священная книга по всему свету в тысячах копий, и был бы зачтен вам, как жертвователю, подвиг поистине великий и беспримерный.

– Дело это не ахти какое трудное, – заметил Симэнь. – Надо только наперед знать, сколько пойдет на каждый канон бумаги, во сколько обойдется работа печатников с переплетчиками и какое количество копий будет выпущено. Как будет смета, так можно и к делу приступить.

– Вы меня не поняли, милостивый благодетель, – продолжала свое монахиня. – Какие там могут быть еще сметы и расчеты?! С вас сейчас требуется всего-навсего девять лянов печатникам. И пусть себе трудятся. А как напечатают тысячи или десятки тысяч копий,

переплетут по всем правилам, тогда заодно и рассчитают, сколько стоит работа, сколько бумага. К чему сейчас голову ломать. Тогда и доплатите остальное.

Пока шел этот оживленный разговор, Симэня повсюду разыскивал Чэнь Цзинци. Дайань сказал ему, что хозяин в покоях Юэнян. Цзинци вошел в крытую галерею, где весьма кстати обнаружил Цзиньянь, одиноко стоявшую у перил, мрачную и сердитую. Она вдруг, сразу встрепенувшись, подняла голову и, заметив Цзинци, так и кинулась к нему, словно кошка, заведевшая свежую рыбу. Унынье сразу как рукой сняло. Будто весна вдохнула в нее нежность и тепло. Оказавшись наедине, они взялись за руки и, прильнув друг к другу, слились в страстном поцелуе, после которого, словно опьяненные, порезвились еще немного. Опасаясь появления Симэня, они и не помышляли о большем, то и дело озирались по сторонам, как мыши, подстерегаемые котом, и вскоре разошлись.

Симэнь же, выслушав монахиню Сюэ, был задет за живое и велел Дайаню принести коробку с подношениями. Хозяин извлек из платка ключ, открыл им коробку и, вынув оттуда узелок, содержащий ровно тридцать лянов высокопробного сунцзянского серебра,^[887] вручил его монахине.

Мать Сюэ и мать Ван сразу же стали откланиваться.

– Печатникам скажите, пусть выпускают пять тысяч штук, – наказал Симэнь. – А я сам потом с ними рассчитаюсь.

Тут вбежал Шутун.

– Гости прибыли, – доложил он.

Среди прибывших были шурина У Старший, шурина Хуа Старший, Се Сиды и Чан Шицзе. Симэнь поспешил переодеться и вышел к гостям. Слугам было велено готовить стол. Когда расставили закуски, Симэнь пригласил шурина У Старшего занять почетное место. Остальные расположились по старшинству. Когда гости расселись, подали жаркое и копчености. Были тут и вареная рыба, и огромные блюда мяса, жареные куры и утки, свежие фрукты и плоды. Симэнь распорядился откупорить вино бессмертной Магу. За столом собрались закадычные друзья, потому царил полная непринужденность.

Одни играли на пальцах, другие под барабанный бой спешили передать соседу цветок, третьи, оживленно жестикулируя, балагурили. Кто-то пел, а ценители поэзии читали на память стихи Ду Фу и Хэ Чжичжана о любовании весной, декламировали строки из Хуан Тинцзяня и Су Дунпо о прогулке к Красной стене.^[888] Те, кто

развлекался метаньем в вазу, старались либо непременно попасть сразу обеими стрелами, либо отбить обе стрелы партнера или «переправить через океан восемь бессмертных». Те, кто играл в кости, хотели во что бы то ни стало либо атаковать головным конем, либо овладеть конем противника, или «загнать в нору угря», и каждый получал по заслугам, без скидок. Проигравшего заставляли осушать штрафную чарку до последней капли, и никого не беспокоило, если тот рухнет, как яшмовая гора. Победителям же прикалывали красный цветок. Не было конца хитроумным проказам молодых, нет возможности описать все забавы в обители хмельных.

Да,

Осенний месяц светит всюду,
весной цветы повсюду свежи.
Всегда душевные забавы
и радости – одни и те же.
Кто жил, вседневные заботы
пирушками не чередуя,
Тот просто-напросто бедняга,
он жизнь свою провел впустую.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ЦЗИНЬЛЯНЬ ИЗ ЗАВИСТИ ИЗБИВАЕТ ЦЮЦЗЮЙ

СТАРЫЙ ЗЕРКАЛЬЩИК, ВЫПРАШИВАЯ ОКОРОК, ЖАЛУЕТСЯ НА СВОЮ СУДЬБУ

*За пологом тихо. Тоска на душе у меня.
Сильнее печаль, безысходнее день ото дня.
Гусь к стае прибился. Осенней поры
тишина.*

*Сверчок верещит. У стрехи повисает луна.
Возлюбленный за Голубым заблудился
мостом.^[889]*

*За шторой зеленой горюю в чертоге
пустом.*

*С пятнистым бамбуком так схож мой
заплаканный вид.*

*Все крапинки-слезы бамбук и поныне
хранит.^[890]*

Итак, в тот день на пиру с друзьями Симэнь, порядком захмелев, направился в дальние покои к Сунь Сюээ. Сюээ тем временем присматривала на кухне за посудой. С приходом Симэня она поспешила к себе. У нее, было, устроилась на ночлег барышня Юй, и Сюээ попросила ее пойти переночевать вместе с хозяйкиными горничными Юйсяо и Сясюй.

Сунь Сюээ, надобно сказать, жила в задних комнатах. Ей принадлежали гостиная и две небольшие комнатки. В одной размещалась спальня с кроватью, а в другой – лежанка-кан. Больше

года не заглядывал к ней Симэнь. Она бросилась ему навстречу, помогла раздеться и усадила в гостиной, а сама торопливо убрала постель, покрыв ее летней циновкой, потом совершила омовение ароматной водой и подала мужу чай. После чашки чаю Симэнь кое-как добрался до спальни, снял с себя одежды, и они легли, но об этом речи не будет.

На другой день, двадцать восьмого числа, было рождение Симэня. Сразу после сожжения жертвенных бумаг к воротам прискакал малый по имени Ху Сю, посланный Хань Даого. Спешившись, он попросил привратников доложить хозяину. Симэнь велел просить. Ху Сю прошел в залу и отвесил земной поклон.

– Где корабль с товарами? – спросил Симэнь.

Ху Сю протянул письмо и счета.

– Дядя Хань закупил в Ханчжоу парчи и шелков на десять тысяч лянов, – объяснил Ху Сю. – Весь товар доставлен на таможенную в Линьцин. Требуют уплатить пошлину. Только тогда можно будет везти сюда.

Симэнь прочитал письмо, просмотрел счета и на радостях велел покормить Ху Сю.

– Потом сходи к моему свату, батюшке Цяо, ему все расскажи, – наказал юнцу Симэнь.

Ху Сю после обеда отправился к Цяо, а Симэнь поспешил к Юэнян.

– Видишь ли, приказчик Хань с товарами едет, – сообщал он жене. В Линьцине остановился. Слугу с письмом и счетами только что прислал. Надо будет в доме напротив убраться. Суда шелка сложим. Да и приказчика пора подыскивать. Пусть пока товары разберет и торговлю открывает.

– Так скорей подыскивай! – подтвердила Юэнян. – Об этом давно пора бы позаботиться. Не знаю, чего ты до сих пор думал.

– Погожу до брата Ина, – говорил Симэнь. – С ним посоветуюсь. Он мне подыщет человека.

Ин Боцзюэ не заставил себя долго ждать. Симэнь усадил его в зале, сам подсел рядом.

– Приказчик Хань приезжает из Ханчжоу, – начал Симэнь. – Мне нужен приказчик.

– Поздравляю тебя, брат! – воскликнул Боцзюэ. – Корабль прибыл как раз в радостный день твоего рождения. Это к счастью и большим прибылям. К одной радости другая прибавилась. А насчет приказчика не волнуйся. Есть у меня знакомый. Еще наши отцы дружили. В

атласных рядах торговал. Не повезло ему, правда, пока без дела сидит. Ему за сорок. Мужчина в самом расцвете сил. Конечно, разбирается в серебре. А как счета ловко подводит! Большой мастак торговать. Фамилия его Гань, зовут Жунь-Гладкий, по прозвищу Чушэнь-Выскачка. Он в переулке Каменного моста живет. В собственном доме.

– Вот и прекрасно! – сказал Симэнь. – Вели ему завтра зайти.

Пока они говорили, вошли певцы Ли Мин, У Хуэй и Чжэн Фэн. После земных поклонов они встали сбоку. Немного погодя явились музыканты и потешники. Во флигеле был накрыт стол, где их покормили вместе с певцами.

В дверях показался солдат-посыльный с приказом в руке.

– Певицы доставлены, – докладывал он. – Одна Чжэн Айюэ не явилась. Хозяйка говорит, придет, как только соберется. В богатом доме, говорит, задержалась. Ци Сян, Дун Цзяоэр и Хун Четвертая переодеваются.

– Это еще что за новости! – возмутился Симэнь, узнав о неявке Чжэн Айюэ. – Почему это она не идет?

Он кликнул Чжэн Фэна.

– Почему твоя сестра не является, когда ее зовут, а? – спросил он певца. – Это правда, ее у Ванов задержали?

Чжэн Фэн преклонил колени.

– Мы живем отдельно, – говорил он. – Я не знаю, где она.

– Если ты к Ванам петь ушла, – говорил Симэнь, – думаешь, оттуда тебя никто и вызволить не посмеет, да?

Симэнь вызвал Дайяня.

– Забери двоих солдат и с моей визитной карточкой ступай к императорской родне Ванам, – наказывал он. – Увидишь господина Вана, скажи: у хозяина, мол, гости собрались, и Чжэн Айюэ обещала прийти. Хозяин, скажи, просит ее отпустить. Если же она откажется, арестуйте ее хозяйку и запирайте в сторожку. Они у меня узнают, как от приглашения отказываться, проклятые! – Он обернулся и Чжэн Фэну. – А ты с ним ступай!

Певец не посмел ослушаться и вышел вместе с Дайанем.

– Брат! – обратился Чжэн Фэн к Дайяню. – Ты иди в дом, а я на улице обожду. Наверно, ее господин Ван пригласил. Должно быть, там еще. Прощу тебя, брат! Если ж она дома, уговори, чтобы сейчас же шла, ладно?

– Если у Ванов, я визитную карточку подам, – говорил Дайань. – Ну, а если дома отсиживается, тогда сам ступай и с мамашей своей

поговори. Скажи, чтоб сейчас же одевалась. Вместе пойдем, а я перед батюшкой за нее замолвлю слово. Все обойдется. Вы еще не знаете, какой у нашего хозяина характер. Ведь он тогда у господина Ся с ней договорился. Теперь его, конечно, зло взяло.

Чжэн Фэн пошел в дом. Дайань с обоими солдатами и посыльным проследовали за ним.

Между тем Симэнь, отправив Дайаня с Чжэн Фэном, подсел к Боцзюэ.

– Вот до чего дошла эта негодяйка, потаскуха! – возмущался Симэнь. – Она, видите ли, там где-то поет, а я зову, и ухом не ведет.

– Мозглявка! Ничтожество! – поддакивал Боцзюэ. – Пустая голова! Ей, брат, и невдомек, кому она перечит.

– А мне показалось, она смышленная, – заметил Симэнь. – Так с гостями тогда болтала. Ну и решил позвать, посмотреть. Так она, пожалуйста, выкинула номер.

– Но сегодня ты собрал певиц высшего ранга, – заверил его Боцзюэ. – Сливки, можно сказать. Лучше и не найти.

– А вы Айюэ не видали? – спросил Ли Мин.

– Мы у нее с батюшкой как-то пировали, – объяснял Боцзюэ. – Тогда она была совсем еще молода. А потом не видал. Не знаю, какая стала.

– Она недурна собой, – продолжал Ли Мин. – Только чересчур красится. Поет неплохо, но до Гуйцзе ей далеко. Ей бы надо судьбу благодарить, что позвали, а она...

Появился Ху Сю.

– Господину Цяо все рассказал, – доложил он. – Жду ваших распоряжений, батюшка.

Симэнь велел Чэнь Цзинци принести из дальних покоев пятьдесят лянов серебра, а Шутуну – писать письмо. Запечатав пакет, он наказал посыльному завтра с утра отправляться в путь.

– Вместе на таможеню пойдете, – распорядился он. – Господина Цяня попросите как следует, чтобы поснисходительнее был.

Цзинци передал серебро Ху Сю.

– Я у дяди Ханя переночую, – сказал он и забрал с собой пакет.

На другой день рано утром они отправились вместе на таможеню, но не о том пойдет речь.

Вдруг послышались голоса отгоняющих с дороги зевак.

– Их сиятельства господин Лю и господин Сюэ пожаловали, – объявил Пинъань.

Симэнь поспешно оделся в парадное платье и вышел им навстречу

в большую залу. После взаимных приветствий гостей провели в крытую галерею и предложили снять расшитые драконами халаты. Они сели в большие кресла для почетных гостей. Пониже расположился Боцзюэ, подсевший рядом с Симэнем.

– А кто этот господин? – спросил придворный смотритель Сюэ.

– Вы встречались у меня в прошлом году, – отвечал Симэнь. Это мой старый друг, брат Ин Второй.

– А! Почтенный господин Ин, который так славно потешал нас тогда? – припомнил Сюэ.

– Он самый, ваше сиятельство! – подтвердил, кланяясь, Боцзюэ. – У вас превосходная память.

Подали чай. После чаю появился Пинъань.

– От начальника гарнизона господина Чжоу прибыл посыльный, – объявил он. – Говорит, у них пир, поэтому задерживаются. Извиняются и просят не ждать. Вот визитная карточка.

– Знаю, – сказал Симэнь, пробежав глазами карточку.

– Кто это задерживается, позвольте вас спросить, почтенный господин Симэнь? – поинтересовался Сюэ.

– Чжоу Наньсюань, – отвечал Симэнь. – У них тоже пир. Не будем его ждать, господа. Он прибудет попозже.

– Мы ему место оставим, – предложил Сюэ.

Сзади кресел Лю и Сюэ появились слуги с опахалами.

Вошел Ван Цзин и протянул две визитные карточки.

– Господа сюцаи прибыли, – доложил он.

Симэнь взял карточки. На одной значилось: «Ваш ученик Ни Пэн», на другой — «Ваш ученик Вэнь Бигу». Это сюцай Ни пришел рекомендовать своего однокашника. Симэнь поспешил их встретить. Одеты они были как ученые. Симэнь обратил внимание прежде всего на Вэнь Бигу. Было ему не больше сорока. Ясный взгляд, белые зубы, тремя клинышками свисавшая борода. Словом, приятной наружностью, приветливым и общительным характером он сразу как будто располагал к себе. Оставалось неясным, что таится за этой внешностью.

Вот строки, так метко его характеризующие:

Талантов у него, конечно, куча.

Он непотребных мест поклонник жгучий,

О почестях, о славе не мечтает,

Возвышенных стремлений не питает.

Похоронив тщеславные мечтанья,

Он жалкое влачит существованье.

Ученость для него весьма приятна:
Спихнул ее – Конфуцию обратно!
А что до просвещения народа
Иль процветанья собственного рода –
Все эти устремленья и другие
Намеренья, не менее благие,
Он, искренний противник всякой фальши,
Раз навсегда забросил – и подальше!
Он тянется к невеждам да гулякам,
Раб удовольствий, до красоток лаком,
Охоч до кругляков с дырой – до денег,
И честь и совесть позабыл, мошенник.
В высокой шапке, препоясан чинно, –
Ни дать ни взять порядочный мужчина, –
Людей не замечая, восседает,
Он на пирах охотно рассуждает
О том о сем, касаясь тем высоких,
Понятиям его весьма далеких.
Он каждые три года неотступно
Пытается экзамен сдать, но тщетно!^[891]
Все не везет ученому – и крупно:
У, так его невежество приметно!
Ему не сочинения писать бы,
А чарку из руки не выпускать бы,
Готов оставить свет и суету,
Но отставным министром жить в скиту.

Симэнь провел обоих ученых в большую залу, где каждый из них вручил хозяину скромные подарки и пожелал долголетия. После взаимных приветствий гости и хозяин заняли свои места.

– Давно был наслышан о ваших высоких талантах, глубокоуважаемый господин Вэнь, – обратился к нему Симэнь. – Позвольте узнать ваше почтенное прозвание.

– Вашего ученика зовут Бигу – Понуждаемый древностью, – отвечал Вэнь, – второе имя Жисинь – Ежедневно обновляющийся, по прозвищу Куйсюань – Стремящийся вверх.

– Почтенный господин Куйсюань, – продолжал хозяин, – разрешите вас спросить, где вы учились и каков предмет ваших изысканий.

– Ваш бесталанный ученик состоит в штате областного училища, – объяснял Вэнь. – Начал исследование – Книги перемен».^[892] Давно

слышал о вас, ваше сиятельство, но никак не решался засвидетельствовать свое почтение. Только после того, как мой друг со школьных лет Ни Гуйянь поведал мне о вашей милости, я, наконец, осмелился нанести вам визит и счастлив поздравить вас с днем рождения.

– Мне очень перед вами неловко, почтеннейший сударь, – говорил Симэнь. – Мне бы первому следовало выразить вам свою признательность, но я человек военный, потому груб и несведущ в тонкостях словесности и этикета. У меня некому писать письма и послания. На свое счастье, я повстречался у сослуживца с почтенным господином Гуйянем, который очень высоко отзывался о вашей милости. Я имел намерение обратиться к вам, но вы, почтеннейший сударь, изволили явиться собственной персоной. Я бесконечно обязан вам за такое внимание и не нахожу слов для выражения благодарности.

– Помилуйте, милостивый государь! – отвечал Вэнь. – Вы преувеличиваете мои способности, уверяю вас.

После чаю Симэнь проводил их в крытую галерею, где расположились придворные смотрители Лю и Сюэ.

– Господа! – обратился к ученым Сюэ. – Прошу вас, снимите ваши халаты!

К гостю присоединился и хозяин, предложивший им занять места. После долгой церемонии ученые, раскланиваясь, наконец, сели – один по одну, другой по другую сторону стола.

Когда завязалась беседа, прибыли шурин У Старший и тысяцкий Фань. После приветствий они заняли свои места. Немного погодя появились Дайань и Чжэн Фэн с посыльным.

– Певицы пожаловали, – объявили они.

– А ее у Ванов нашли? – поинтересовался Симэнь.

– Приглашали, но она не успела отбыть, – пояснял Дайань. Хотел было мамашу ее связать, но она перепугалась и сразу к паланкину пошла. Всех четырех доставили.

Симэнь вышел и встал на ступенях залы. Появились певицы и, грациозно изгибая осиные талии, склонились в поклоне перед хозяином. Они напоминали усыпанные цветами ветки, которые колыхали порывы ветра. Их расшитые пояса развевались. На Чжэн Айюэ была лиловая газовая кофта и белая с бахромою юбка. Ее прическу украшали торчавшие сбоку шпильки-фениксы и нежно позванивавшие подвески. Тонкий стан ее был гибок, как ивовая ветка, своей внешностью она напоминала лотос.

Да,

Другой такой не сыщешь чаровницы,
Не хватит золота любовью насладиться.

– Почему не идешь, когда тебя зовут? – спрашивал ее Симэнь. – Что это за выходки! Думаешь, от меня увильнуть сумеешь, да?

Айюэ отвесила земной поклон, не проронив ни слова, только улыбалась. Потом, примкнув к остальным, ушла в дальние покои. Певицы земными поклонами приветствовали Юэнян и остальных хозяек, среди которых заметили Ли Гуйцзе и У Иньэр.

– А вы уж тут? – удивились вошедшие.

– Мы уж два дня дома не были, – отвечала Гуйцзе. – А вы где до сих пор были?

– Мы-то давно бы собрались, если б не Айюэ, – заметила Дун Цзяоэр. – Она нас задержала. Все ломалась.

Айюэ, прикрыв личико веером, только улыбалась.

– А это барышня чья? – спросила Юэнян, указывая на Айюэ.

– Младшая сестра Чжэн Айсян, – пояснила Дун Цзяоэр. – Разве вы ее не знаете, матушка? Она всего с полгода как с девичеством распрощалась. Ее зовут Чжэн Айюэ.

– Какая стройная! – заметила Юэнян.

Вынесли чай. Накрыли стол, и певицы сели за чай. Цзиньлянь приподняла у Чжэн Айюэ юбку и посмотрела ножки.

– У вас, певиц, почему-то очень острые носки, – говорила Цзиньлянь. – Не как у нас. У нас нога соразмерная, а у вас слишком большие пятки.

– И чего она придирается? – обратилась Юэнян к супруге У Старшего. – Только бы себя выставить. Других красотою своей затмить.

Немного погодя Цзиньлянь вынула из прически Айюэ шпильку.

– Где такую делали? – спрашивала Цзиньлянь, разглядывая золотую шпильку, отлитую в форме рыбки.

– Это я у нашего домашнего ювелира заказывала, – ответила певица.

Юэнян позвала Гуйцзе и Иньэр.

– Присаживайтесь, выпейте чайку, – пригласила их хозяйка.

Гуйцзе с Иньэр присоединились к остальным певицам.

– Может, пройдемся по саду? – предложила им Гуйцзе.

– Обождите, мы сейчас придем, – сказала Дун Цзяоэр.

Гуйцзе и Иньэр, сопровождая Цзиньлянь с Юйлоу, миновали

внутренние ворота и направились в сад. К крытой галерее они не пошли, потому что там пировал хозяин с гостями, а, полюбовавшись немного цветами, завернули к Пиньэр навесить Гуаньгэ. Мальчику опять нездоровилось. Он то и дело просыпался в испуге, плакал и не сосал молоко. Пиньэр, не отходя ни на шаг, смотрела за сыном. Она поспешно встретила вошедших и предложила присаживаться.

– А сынок спит? – спросила Гуйцзе.

– Целый день проплакал, – отвечала Пиньэр. – Уложила лицом к стене, спит пока.

– Старшая говорит, надо бабку Лю позвать, – заметила Юйлоу.

– Что ж ты слугу не послала?

– Сегодня у хозяина торжественный день, – отвечала Пиньэр. – Завтра позову.

Пока они говорили, в комнату вошли певицы, дочь Симэня и Сяююй.

– Вот вы где, оказывается! – воскликнула дочь Симэня. – А мы весь сад обыскали.

– Там неудобно, гости пируют, – сказала Юйлоу. – Мы немного постояли и сюда пошли.

– А вы что там до сих пор делали? – поинтересовалась Гуйцзе у Хун Четвертой.

– Мы у матушки Четвертой^[893] чай пили, – отвечала певица.

Цзиньлянь обернулась к Юйлоу и Пиньэр.

– Матушка Четвертая?! – Цзиньлянь засмеялась. – Кто это тебе сказал, а?

– Она нас стала чаем угощать, – говорила Дун Цзяоэр, – и мы не знали, как ее называть, и спросили. Называйте, говорит, матушкой Четвертой.

– Вот бессовестная негодница! – продолжала Цзиньлянь. – Одно дело – когда другие назовут, а то сама себя величает. Кто тебя здесь возвышает, кто в расчет берет, кто матушкой называет?! Муж как-то раз заглянул на ночь, и уж расцвела, разукрасила – целую красильню развела. В тот вечер у матушки Старшей невестка ночевала, у Второй – Гуйцзе, у тебя – золовка Ян, у сестрицы Ли – Иньэр, а у меня – мать-старуха. Вот он к тебе и пошел, а то тебе бы и не дожидаться никогда!

– А поглядела бы ты на нее нынче утром! – вставила Юйлоу. – Как батюшку отправила, сама во двор вышла – одного зовет, другого кличет. Уж так-то из себя воображала.

– Не потворствуй, говорят, служанке и не балуй дитя, что верно, то верно, – заметила Цзиньлянь и обернулась к Сяююй. – Слыхала,

батюшка матушке говорил, будто хочет ей служанку покупать. Он вроде к ней пришел, а она знай себе убирается. Когда он ее спросил, она, потаскуха, не упустила случая. Я, говорит, день-деньской покою не знаю. А вечером еще убираться в спальне приходится. А батюшка ей: не беспокойся, мол. Я с хозяйкой потолкую. Пусть подыщет тебе служанку. Правда был такой разговор?

– Я не знаю, – отвечала Сяоюй. – Может, Юйсяо слыхала.

– У нас у всех гости были, вот батюшке и пришлось к ней идти, обратившись к Гуйцзе, – продолжала Цзиньлянь. – А то б он разве пошел к ней! У меня нет обыкновения человека за глаза оговаривать. Но вы себе не представляете, какой у нее язык. Ей только попадись! Ей так своего добиться не удастся, вот она и наговаривает, яму человеку роет. Я с ней по возможности вообще не разговариваю.

Сючунь внесла чай, заваренный с орехами. Все сели.

Вдруг спереди донеслась музыка и барабанный бой. Прибыл военный комендант Цзин. Ему наполнили чару. Дайань пошел звать певиц. Свата Цяо в тот день не было. Первыми ублажали гостей забавники и шутники, разыгравшие сценку-фарс, потом музыканты, танцоры и акробаты.

Начали подавать кушанья. Когда принесли суп, пожаловал лекарь Жэнь в парадном платье. Симэнь проводил его в залу, где после обмена приветствиями Жэнь велел слугам достать платок с пожеланиями долголетия и два цяня серебра.

– Только вчера мне стало известно от Хань Минчуаня о вашем дне рождения, почтеннейший сударь, – говорил он, протягивая подношения. – Прошу прощения за опоздание.

– Разве я посмел бы утруждать вас, сударь! – отвечал Симэнь. – Ваш визит делает мне большую честь. Премного вам благодарен за щедрые подношения и чудодейственное средство, которое вы изволили прописать в прошлый раз.

После положенных церемоний лекарь Жэнь хотел было поднести Симэню заздравную чарку.

– Не извольте беспокоиться, – вежливо отказался хозяин. – Я вам крайне признателен за подношения.

Лекарь Жэнь снял халат и занял четвертое место слева, как раз за шурином У Старшим. Подали суп с рисом, слуге Жэня передали коробку со съестным.

– Премного вам благодарен, сударь, – проговорил Жэнь и велел слуге унести коробку.

Когда все уселись, певицы заиграли на инструментах и спели

задравные куплеты. Симэнь попросил их обнести гостей вином. Появились актеры. Они протянули придворным зрителям Лю и Сюэ свой репертуар, и те выбрали сцены из драмы – Хань Сянцзы провожает богача Чэня на пир бессмертных».[894]

Только они исполнили сцену, с улицы донеслись окрики сопровождающих.

– Его сиятельство столичный воевода Чжоу прибыли, – доложил Пинъань.

Симэнь в парадном одеянии вышел ему навстречу. Не успели они обменяться приветствиями, как хозяин предложил гостю раздеться.

– Я прибыл исключительно для того, чтобы поднести брату задравную чарку, – говорил Чжоу.

– Не утруждайте себя, почтеннейший! – заявил вышедший к нему навстречу зритель Сюэ. – Достаточно и обыкновенных приветствий.

Оба отвесили друг другу поклоны.

– Прошу покорнейше меня простить за опоздание, – говорил Чжоу, и, сняв парадное платье, поприветствовал остальных собравшихся.

Воевода Чжоу занял третье место слева. Ему принесли прибор и все подававшиеся до того блюда, а также суп с рисом. Ниже угощали его слуг. Им поставили два блюда сладостей, два блюда мяса и два жбана вина.

– О, для меня слишком много! – воскликнул Чжоу и, позвав своих слуг, велел им забрать яства себе.

Когда он сел на место, зрители Лю и Сюэ поднесли ему по чарке вина.

Роскошный пир, сопровождаемый пением, плясками и музыкой, был в самом разгаре.

Да,

Месяц повис, смотрит ласково,
Тополь любитесь пляскою,
Ветер таится на веере,
Песня звучит в красном тереме.

Пир продолжался до самого заката. Первым стал откланиваться лекарь Жэнь. Симэнь вышел его проводить.

– Как драгоценное здоровье вашей почтенной супруги? – спросил лекарь. – Стало лучше?

– Да, ей сразу полегчало после приема вашего чудесного лекарства, – отвечал Симэнь. – Но эти дни ей опять нездоровится, и

мне приходится беспокоить вас еще раз. Будьте добры, если можете, придите завтра.

Жэнь простился с хозяином и отбыл верхом на коне. За ним поднялись сючай Ни и сючай Вэнь. Симэнь упрашивал их остаться, а потом вышел проводить до ворот.

— Как-нибудь на днях я засвидетельствую вам свое почтение, — говорил, обращаясь к Вэню, Симэнь. — А пока я распоряжусь приготовить вам кабинет напротив. И вы переберетесь ко мне с вашим драгоценным семейством. Так будет удобнее. Я вам положу месячное вознаграждение.

— Я очень и очень вам признателен, благодетельнейший сударь! — рассыпался Вэнь. — До глубины души тронут вашим милосердием.

— Столь возвышенный строй мыслей может родиться в душе только такого одаренного и глубокообразованного человека, каким являетесь вы, почтеннейший сударь! — воскликнул сючай Ни.

Проводив ученых, Симэнь присоединился к пирующим. Просидели до окончания первой вечерней стражи. Потом певицы пошли к Юэнян, чтобы усладить пением ее, жену У Старшего, золовку Ян и всех остальных. Симэнь же оставил шурина У Старшего и Боцзюэ и распорядился, чтобы угостили актеров и музыкантов, после чего те ушли. Посуду со стола убрали, а фрукты и недоеденные деликатесы отдали слугам. Немного погодя было велено принести фрукты на десерт. Певцов Ли Мина, У Хуэя и Чжэн Фэна вызвали спеть и каждого угостили большим кубком вина.

— Брат, как довольны остались гости нынешним обильным угощением! — заметил Боцзюэ.

— А сколько их сиятельства Сюэ и Лю чаевых раздали! — говорил Ли Мин. — Когда Гуйцзе с Иньэр появились, они им узелок вручили. А господин Сюэ помоложе Лю. Такой живой и шутник, оказывается.

Хуатун принес десерт. На столе появились медовые пряники, орехи, красные каштаны, белые ненюфарные корни, зерна лотоса, водяные каштаны, жареные в масле витые крендельки, засахаренные сливы и печенье-розочки.

Боцзюэ сразу набросился на белые и розоватые, будто обсыпанные золотым порошком, витые крендельки. Они так и таяли во рту, освежая душу, как сладкая роса.

— Какая прелесть! — восклицал он.

— Да, аппетиту тебе, сынок, не занимать! — шутливо заметил Симэнь. — Их матушка Шестая своими руками готовила.

— Знает моя дочка, чем батюшку своего побаловать, — приговаривал

Боцзюэ и обернулся к У Старшему: – Шурин, дорогой, отведай, прошу тебя.

Боцзюэ взял кренделек и сунул его прямо в рот шурина, потом подозвал Ли Мина, У Хуэя и Чжэн Фэна и дал каждому по одному.

Пир продолжался.

– Ступай-ка певиц-негодниц позови! – обратился Боцзюэ к Дайаню. – Мне-то и без них хорошо. Пусть батюшке шурина споют, тогда и отпустить можно. А то одной песенкой думают отделаться. Нечего давать поблажки!

Дайань и с места не двинулся.

– Я только что из дальних покоев, – говорил он. – Они там тетушкам с матушками поют.

– Ишь ты, какой речистый! – заругался Боцзюэ. – Врешь, куда ты не ходил.

Боцзюэ обернулся к Ван Цзину и велел ему позвать певиц, но и Ван Цзин не пошевелинулся.

– Раз вы не хотите, я сам пойду, – проговорил Боцзюэ и направился было в дальние покои.

– Не ходите туда, почтеннейший, – уговаривал его Дайань. – Там злая собака. Еще чего доброго, схватит за ногу.

– А укусит, я прямо к твоей матушке на кровать лягу, – сказал Боцзюэ.

Дайань направился в дальние покои. Немного погодя вдруг повеяло благоуханьем, донесся смех. Появились повязанные платками четыре певицы.

– Кто ж это, дочки вы мои, вас такими строптивыми вырастил? – обратился к певицам Боцзюэ. – Покрылись? Домой собрались, да? А кто же нам споет? Ишь какие вы прыткие? До чего ж ловкие! За одни ваши носилки четыре цяня серебра платить надо, а на них чуть не два даня^[895] рису купишь. Всей вашей ораве с мамашей во главе на целый месяц хватит.

– Что ж ты, брат, к нам не переходишь, раз у нас жизнь такая легкая? – спросила Дун Цзяоэр.

– Уж поздно, поди вторая ночная стража на дворе, – говорила Хун Четвертая. – Отпустите нас, батюшка.

– Нам завтра рано вставать, – поддержала ее Ци Сян. – На похороны идем.

– Кого ж хоронят? – спросил Боцзюэ.

– У кого дверь под карнизом, – отвечала Ци Сян.

– Уж не барица ли Ван Цяя? – продолжал Боцзюэ. – Досталось вам

тогда из-за него, а? Батюшке спасибо говорите. Он за Ли Гуйцзе заступился, заодно и вас простили. Раз птишку выпустили, за ней и птенцов.

– Чтоб тебе провалиться, старый болтун! – в шутку заругалась Ци Сян. – Несет всякую чушь.

– Смеешься надо мой, стариком, а? – говорил Боцзюэ. – А я еще не совсем одряхлел. У меня еще хватит силы – вас всех четырех ублажить сумею.

– Представляю, что у тебя за доспехи! – засмеялась Хун Четвертая. – Одно бахвальство.

– А ты на себе испробуй! – не унимался Боцзюэ. – Увидишь, сразу деньги вернешь. – Он обернулся в сторону Чжэн Айюэ: – А ты что молчишь, потаскуха? Или сладостей объелась? Сидит какая-то рассеянная, сама не своя. Может, дома хахаль ждет? О нем задумалась, а?

– Молчит, потому что ты ее своими причиндалами запугал, – вставила Дун Цзяоэр.

– Ладно, запугал или нет, берите-ка лучше инструменты и пойте, – предложил Боцзюэ. – Тогда и отпущу, не буду задерживать.

– Хорошо! – согласился Симэнь. – Вы ему спойте, а вы вином обнесите.

– Мы с сестрицей Айюэ будем петь, – сказала Ци Сян.

Чжэн Айюэ взяла лютню, а Ци Сян – цитру. Они сели на плетеную кушетку и, поправив шелковые юбки, слегка коснулись яшмовыми пальчиками струн. Их алые уста приоткрылись, обнажая белые, как жемчужины, зубы, и полились чарующие звуки, послышалась дивная мелодия. Они пели цикл романсов «юэ-дяо» на мотив «Бой перепелов»:^[896]

Мелькают ночи, скоротечны...

Лишь небо и земля извечны...

Дун Цзяоэр наполнила чарку У Старшему, а Хун Четвертая – Ин Боцзюэ. Снова взметнулись кубки, ласкались красотки, в ярких нарядах порхая, искрилось в кубках золотых вино.

Да,

Утром – пировать в долине золотистой,^[897]

Ночью – целовать прозрачный локоток.

Жизни наслажденья – как родник игристый,

Жизнь – иссякнет мигом, как один глоток.

Вино обошло несколько кругов, и певиц после второго романса отпустили. Симэнь оставил шурина У Старшего и позвал Чуньхуна спеть южную песню, а Цитуну наказал пока готовить лошадь.

– Зятюшка! – обратился к Симэню шурина. – Не извольте беспокоиться насчет лошади. Мы вместе с братом Ином пешком пойдем. Поздно уже.

– Как же это так! – возразил Симэнь. – Тогда пусть Цитун с фонарем до дому проводит.

Шурин У и Боцзюэ дослушали песню и стали откланиваться.

– Прости нас, зятюшка, за беспокойство, – говорил шурина.

Симэнь проводил их до ворот.

– Приказчика Ганя не забудь прислать, – наказывал он Ину, – я с ним контракт заключаю. Мне надо еще будет со сватом Цяо повидаться. Чтобы дом приготовить. А то вот-вот и товары сгружать придется.

– Знаю, брат, обязательно пришлю, – заверил его Боцзюэ.

Они простились с хозяином и пошли вместе. Цитун нес фонари.

– Это о каком доме говорил зять? – спросил У.

Боцзюэ рассказал ему о прибытии корабля с товарами, которые вез Хань Даого.

– В доме напротив он собирается открывать лавку атласа, – объяснял Боцзюэ. – А у него нет приказчика. Вот и просит меня подыскать человека.

– А когда же намечается ее открытие? – спросил У. – Нам, близким и друзьям, надо будет поздравить его по такому случаю, поднести подарки, а?

Немного погодя они вышли на Большую улицу, а потом приблизились к переулку, в котором жил Боцзюэ.

– Ступай дядю Ина проводи, – сказал слуге шурина У.

– Нет, нет! – возразил Боцзюэ. – Цитун! Проводи до дому дядю У, а мне фонаря не нужно. Я тут рядом живу.

Они простились, и каждый пошел своей дорогой. Цитун пошел вместе с шурином.

Между тем Симэнь наградил и отпустил Ли Мина и остальных певцов, запер ворота и направился в дальние покои к Юэнян.

На другой день Ин Боцзюэ действительно привел к Симэню одетого в темное платье Гань Чушэня. После приветствий Симэнь заговорил с ним о предстоящей торговле, а немного погодя кликнул Цуй Бэня и велел ему пойти к свату Цяо, чтобы узнать его мнение насчет дома напротив, постройки склада товаров и дня начала торговли.

– Если дом напротив под лавку подойдет, то другого мнения и быть не может, – сказал Цяо. – Я вполне согласен и во всех вопросах целиком полагаюсь на сватьяшку. Так батюшке своему и скажи.

С приказчиком Ганем был заключен контракт, поручителем выступал Ин Боцзюэ. Если, скажем, всю прибыль считать за десять частей, то Симэню из них причиталось пять, свату Цяо – три, а остальные две доли делились поровну между Хань Даого, Гань Чушэнем и Цуй Бэнем. Тут же были завезены кирпич и черепица, лес и камень. Началась постройка склада. На дверях появилась красочная вывеска. Ждали только прибытия товаров. Сзади для сюая Вэня был оборудован кабинет, где он мог заниматься перепиской. Ему было положено три лян серебра в качестве ежемесячного вознаграждения и подарки ко всем четырем сезонам года. Прислуживать ему Симэнь выделил Хуатуна, в обязанность которому вменялось подавать чай, носить обеды и растирать тушь, а во время отлучки секретаря, скажем, в случае визитов к друзьям слуга должен был принимать корреспонденцию. На пиры, которые постоянно устраивал Симэнь, всегда приглашался и секретарь Вэнь, но говорить об этом подробно нет надобности.

Вот и прошел день рождения Симэнь Цина, а на другое утро, пригласив к Ли Пиньэр лекаря Жэня, хозяин отправился посмотреть, как идут приготовления к торговле.

Золовка Ян отбыла домой, а Ли Гуйцзе и У Иньэр все еще гостили у хозяйки. Юэнян велела купить на три цян серебра крабов, и к обеду, когда их сварили, она пригласила старшую невестку У и обеих певиц в задний дворик. Во время угощения появилась старая Лю. Хозяйка позвала ее посмотреть Гуаньгэ. После чаю Пиньэр повела старуху к себе в покои.

– Сынок у вас напуган, вот и грудь не берет, – сказала Лю и оставила немного снадобья.

Юэнян дала ей три цян серебра и отпустила.

Между тем Юйлоу, Цзиньянь, обе певицы и дочь Симэня поставили в беседке среди цветов небольшой столик, расстелили ковер и принялись играть в домино. Проигравшей кость полагалось пить большую штрафную чару. Сунь Сюээ, тоже принимавшей участие в игре, пришлось выпить не то семь, не то восемь чар, и она уже едва сидела.

Тем временем Симэнь после осмотра дома напротив решил выпить с Боцзюэ и приказчиком Ганем. Когда он послал слугу домой за закусками, Сюээ поспешила на кухню, а ее место в игре заняла Ли

Цзяоэр.

Цзиньлянь попросила Гуйцзе с Иньэр спеть – Празднуем вечер седьмого дня».[898] Послышались звуки лютни, и певицы запели романс на мотив – Встреча мудрых гостей»:

Свет звезд ночных рассеянный,
А солнце скрылось за гору,
И Ковш развернут северный,
Пожар^[899] стихает к западу.
Порхает желтым мотыльком
Последний в небе лист,
Уснули семьи насекомых,
Но светляки зажглись.
Цикад неугомонный хор –
Прощальный хоровод!
И призрачный вечерних холод,
Прозрачный небосвод.
По перышкам рассыпался
Давно сорочий мост,^[900]
А мы – в тепле и сытости
Меж юных падших звезд.

Женщины пировали до вечера. Потом Юэнян наполнила сладостями коробки Гуйцзе с Иньэр, и певицы ушли.

Цзиньлянь, порядком опьянев, побрела к себе. Ее злило все: и то, что Симэнь ночевал у Пиньэр, и то, что на утро же пригласил к ней лекаря Жэня. – Ребенку, должно быть, опять плохо», – сразу догадалась она. И надо же было тому случиться! В темноте она угодила ногой прямо в собачье дерьмо. Придя к себе, Цзиньлянь тот час же кликнула Чуньмэй. Когда та посветила, совсем новенькая ярко-красная атласная туфелька оказалась неузнаваемой. Цзиньлянь взметнула брови. Вытарашенные глаза ее грозно заблестели.

– Бери фонарь и запри сейчас же калитку! – наказывала она горничной. – А собаку палкой избей как следует.

Чуньмэй ушла. Послышалось пронзительное взвизгивание избиваемого пса.

Пиньэр позвала Инчунь.

– Иди скажи матушке Пятой, – наказывала она Инчунь, – матушка, мол, просит не шуметь. А то Гуаньгэ только заснул после снадобья, как бы не напугался.

Цзиньлянь долго сидела, не говоря ни слова. А избивание пса все

продолжалось. Наконец его выпустили через калитку. Тогда Цзиньлянь начала придирается к Цюцзюй. Чем больше она смотрела на обезображенную туфельку, тем сильнее закипала злобой.

– Давно бы пора прогнать пса! – кричала она на стоящую перед ней Цюцзюй. – Чего его тут держать?! Чтоб весь двор загадил, да? Или кобель этот тебя ублажает, рабское твоё отродье? Совсем новенькие туфельки изгадил. А ты ведь знала, что я приду. Нет бы выйти да посветить! Усядется, растяпа, знать, мол, не знаю, ведать не ведаю!

– Я ведь ее предупреждала, – вставила Чуньмэй. – Пока, говорю, матушки нет, накормила бы пса да заперла. Так она и ухом не повела. Знай себе глаза таращит.

– Ну вот! Распустили тебя, проклятую! – ругалась Цзиньлянь. – Ишь задницу-то отрастила, лень двинуться! На куски тебя разрубить мало! Расселась как барыня. Тебя, рабское отродье, без палки, видать, не расшевелить.

Цзиньлянь приказала Цюцзюй подойти поближе, а сама обернулась к Чуньмэй.

– Посвети-ка! Гляди, что ты наделала! Я шила, я старалась, всю душу вкладывала, а ты взяла и враз всю работу растоптала!

Цюцзюй, опустив голову, глядела на туфельку до тех пор, пока Цзиньлянь не стала бить ее туфелькой по лицу. У служанки даже кровь потекла, и она отвернулась утереться.

– А! Убегаешь, проклятая? – заругалась Цзиньлянь. – Чуньмэй! Держи! Ставь на колени и неси плеть! Раздевай негодницу! Я ей всыплю три десятка плетей, а будет отвиливать, задам сколько влезет.

Чуньмэй стала раздевать Цюцзюй.

– Руки ей свяжи! – велела Цзиньлянь.

Градом посыпались удары. Цюцзюй закричала как резаная и сразу же разбудила едва успокоившегося Гуаньгэ.

Пиньэр послала Сючунь.

– Иди скажи, – говорила ей Пиньэр, – матушка, мол, умоляет простить Цюцзюй, а то Гуаньгэ проснулся. Испугает она его своим криком.

Матушка Пань, которая до того лежала в комнате на кане, заслышав, как ее дочь бьет Цюцзюй, быстро встала, подошла к ней и начала уговаривать. Но Цзиньлянь и слушать не хотела. Когда же к ней подошла и Сючунь, старая Пань вырвала у дочери плеть.

– Брось ее бить, дочка, слышишь? – говорила матушка Пань. Видишь, тебя и сестрица упрасивает. Ты ведь ребенка перепугаешь. Одно – осла бить, другое – ценное дерево губить.

Еще больше рассвирепела Цзиньлянь и, вся побагровев от злости, с такой силой оттолкнула старую мать, что та чуть-чуть не упала навзничь.

– У, старая карга! – заругалась Цзиньлянь. – Тебе говорю, уйди сейчас же! И не суйся, куда тебя не просят. Еще она меня будет уговаривать! Подумаешь, драгоценность! Ты с ними заодно, против меня!

– Чтоб тебе сгинуть на этом самом месте! – говорила старая Пань. – С кем я заодно, а? Я-то думала, ты меня хоть холодным рисом накормишь, а ты из дому гонишь.

– Убирайся, и чтоб твоего духу тут больше не было, старая хрычовка! – кричала Цзиньлянь. – Они меня в котле сварить норовят, а потом сожрать.

Старая Пань после таких слов дочери пошла в комнату и заголосила. Цзиньлянь же продолжала расправу над Цюцзюй. После двух или трех десятков плетей она всыпала с десятков палок, отчего спина у служанки покрылась кровоточащими шрамами, потом острыми ногтями принялась царапать и щипать ей лицо.

Пиньэр руками закрывала ребенку уши. По щекам у нее текли слезы, но она терпела молча, не решаясь больше увещевать Цзиньлянь.

После пирушки в доме напротив Симэнь пошел ночевать к Юйлоу, а на другой день отбыл к начальнику гарнизона Чжоу, который решил продлить торжество и пригласил его к себе.

Снадобье старухи Лю не помогло Гуаньгэ. Вдобавок, напуганный ночным шумом, он стал опять закатывать глазки. Перед самым уходом монахинь Сюэ и Ван в покои Юэнян вошла Пиньэр.

– Вот пара серебряных львов, – говорила она Юэнян. – Ими я закладывала одеяльце Гуаньгэ. Пусть мать наставница Сюэ употребит их на печатание – Сутры заклинаний-дхарани» Венценосного Будды, а в середине восьмой луны пожертвует оттиски Тайшаньскому монастырю.

Монахиня взяла у нее серебряных львов и хотела было идти, но тут в разговор вмешалась Юйлоу.

– Обождите немного, мать наставница, – сказала она и обернулась к Юэнян. – Надо бы за Бэнем Четвертым послать, сестрица. Пусть свешает серебро и сходит вместе с наставницей к печатникам. Разве мать наставница одна управится? А он бы обо всем договорился: о сроках выпуска, о количестве и цене одного канона. Тогда и мы бы знали, сколько серебра жертвовать.

– А ты права, – поддержала ее Юэнян и обернулась к Лайаню: –

Ступай погляди, дома ли Бэнь Четвертый. Позови его сюда.

Лайань ушел. Вскоре появился Бэнь и поклонился хозяикам. Серебряные львы потянули сорок один с половиной лян.

– С матерью наставницей Сюэ к печатникам пойдешь, – наказала Бэнь Дичуаню хозяйка. – Обо всем с ними переговоры.

Цзиньлянь кликнула Юйлоу.

– Пойдем матушек наставниц проводим, а? – предложила она. – А потом к падчерице заглянем. Она ведь туфельки шьет.

Бэнь Дичуань с Лайанем и монахини направились к печатникам, а Цзиньлянь с Юйлоу, взявшись за руки, обогнули залу и очутились перед восточным флигелем. Под свисавшим карнизом кроила туфельки дочь Симэня. Рядом стояла корзинка с нитками. Цзиньлянь взяла из бледновато-зеленого шэньсийского шелка раскрой и стала его вертеть в руках.

– Только красным не вышивай, – советовала Юйлоу. – Синим больше подойдет. Сделай каблуки ярко-красные.

– У меня такие уже есть, – говорила падчерица. – Эти мне хочется с голубыми каблуками сделать, а носки красным отделать.

Цзиньлянь полюбовалась шелком, и они сели на крыльцо.

– А зятюшка дома? – спросила Юйлоу.

– Он навеселе пришел, – отвечала падчерица. – Лег отдохнуть.

– А какая все-таки транжира эта сестрица Ли! – начала Юйлоу, обращаясь к Цзиньлянь. – Ведь стоило мне только промолчать, она бы все серебро монашкам отдала. От них только священные книги и ждать! В богатом доме скроются, а ты, баба, попробуй их разыщи. Хорошо я Бэня велела позвать.

– А ты как думаешь! – говорила Цзиньлянь. – И я б на их месте не растерялась. И дуры будут монахини, если упустят случай поживиться за счет богатых сестер. Ведь им серебра отвалить – что из коровы шерстинку вырвать. Только если твоему ребенку жить не суждено, какие деньги ни жертвуй, хоть целые земли дари, не поможет. Хоть ты Северному Ковшу молитвы возноси, если у тебя денег много, смерть все равно не подкупишь. У нас одним пожар устраивать дозволено, а другим и лампы не смей зажечь. – Цзиньлянь обернулась в сторону падчерицы и продолжала. – Ты, дочка, свой человек. И при тебе скажу. Что ж, выходит, кто беден, тот не человек? Только ей, выходит, можно творить, что в голову взбредет, да? Чуть свет, а она уж мужу на горло наступает. Ей, видите ли, придворного медика зови. У себя там – ладно, вытворяй, что тебе хочется, – дело не наше. Меня возмущает, зачем она на людях притворяется. Мне, мол, и так не по себе, а тут еще

батюшка приходит. Ему вроде ребенка проведать, а сам со мной ложится. Терпеть, говорит, этого не могу. Уж насили-то, говорит, его упрощу к другой пойти. И кого она из себя строит?! Вот взять хотя бы нас. Уж чего мы, кажется, плохого людям делаем? А она и на нас за глаза наговаривает. А Старшая к каждому ее слову прислушивается. Сами посудите. Вчера батюшка не к ней пошел, так она служанку к садовой калитке подослала, вызывают – будто ребенка посмотреть, а сама снадобье приняла и, наверняка, с собой положила. Не с У Иньэр же он спал! До чего же она хитрая! Умеет мужа ублажить, а Старшая хоть бы слово сказала. Я вон вчера в собачье дерьмо попала, велела пса прогнать, так опять не по ней. Горничных шлет: ребенка, мол, пугаю. А моя мать, старуха, не ведая что к чему, тоже за нее начала заступаться, уговаривает: не повреди, мол, драгоценное дерево. Так меня старая разозлила! Еще и ты, думаю себе, с ними заодно, да? Все вчера ей в глаза высказала. Обиделась на меня, ушла. Ну и пусть идет! Таких, говорю, родственниц да заступниц и у нее немного найдется. Таких, говорю, не рада встречать, рада провожать. Раз такая вспыльчивая, нечего и ходить. А то, чего доброго, с ней спаяется, живьем съедят.

– До чего ж ты, сестрица, непочтительная! – заметила, улыбаясь, Юйлоу. – Как мать родную поносишь!

– Легко сказать! – возражала Цзиньлянь. – Она у меня в печенках сидит, коварная старуха. За всех заступается, кроме меня. Дадут полчашки риса, она и служит. Прийтись ей подачка по душе, она будет на все лады расхваливать. А к той, как родила, хозяин будто прирос. Такие почести оказывает, точно она старшая в доме. Как она других ненавидит, готова в грязи растоптать. Только, видит Небо, не все солнцу в зените стоять. Вот и твой ребенок заболел, вот и на твою долю выпало претерпеть.

Вернулись Бэнь Дичуань с Лайанем. Они шли к Юэнян доложить о переговорах с печатниками, но, заметив сидящих на крыльце Юйлоу, Цзиньлянь и дочь хозяина, они, не решаясь им показываться, остановились у внутренних ворот. Наконец Лайань вышел из-за ворот.

– Матушки, нельзя бы вас немного побеспокоить? – обратился он. – Бэню Четвертому пройти.

– Ишь арестант! – говорила Цзиньлянь. – Пусть его идет. Мы ж его только что видали.

Лайань сказал Бэнь Дичуаню, и тот, опустив голову, поспешно прошел к Юэнян и Пиньэр.

– Серебро при матушках наставницах передано счетоводу Чжаю, –

докладывал Бэнь. – Договорились напечатать пятьсот копий в папках из набивного атласа, по цене пять фэней за копию, и тысячу в шелковых папках, по три фэня. Все обойдется в пятьдесят пять лянов. Помимо отданных сорока одного ляна и пяти цяней пообещали доставить сюда четырнадцатого утром.

Пиньэр поспешила к себе и вынесла серебряную шкатулку, которую велела Бэню взвесить. Шкатулка потянула пятнадцать лянов.

– Ну вот и отдай, – сказала она. – А сдачу у себя оставь, чтобы ко мне потом не обращаться. Ведь пятнадцатого тебе придется доставить каноны в монастырь.

Бэнь Дичуань взял шкатулку и вышел. Юэнян послала Лайаня проводить его.

– Благодарю тебя, брат, – говорила Бэню Пиньэр, – хлопотать заставляю.

– Не извольте беспокоиться, матушка! – отвечивая земной поклон, отвечал Бэнь.

– Серебро отнес? – спросила его Цзиньлянь, когда он поравнялся с женщинами.

– Все передали, – отвечал Бэнь. – Договорились печатать полторы тысячи. Пятьдесят пять лянов будет стоить. Вот матушка Шестая шкатулку дала.

Юйлоу и Цзиньлянь посмотрели шкатулку, но не сказали ни слова.

– Напрасно сестрица Ли серебром швыряется, – заметила Юйлоу, когда Бэнь Дичуань отошел. – Если ребенку суждено жить, то его и палкой не убьешь, а не суждено, так хоть сутры печатай, хоть статуи Будды отливай, все равно не удержишь. Верит она этим монахиням, а ведь чего они только не вытворяют. Хорошо еще я вмешалась, а то б они все серебро утащили. Спасибо, свой человек пошел.

– А что оно ей стоит, по правде говоря? – заметила Цзиньлянь.

Они встали.

– Пойдем к воротам пройдемся? – предложила Цзиньлянь и обратилась к падчерице: – А ты не пойдешь?

– Нет, я не пойду, – отвечала падчерица.

Цзиньлянь с Юйлоу, взявшись за руки, подошли к воротам.

– Ну, как? Дом напротив прибрали? – спросила Пиньяня Цзиньлянь.

– Батюшка вчера осматривал, – отвечал привратник. – Все готово. Склад будет сзади наверху. Уж геомант приходил. Внизу разместится склад с полками для хранения атласа. Выходящие на улицу комнаты предназначаются под лавку. Ее красят и покрывают лаком, а

полированный каменный пол будет инкрустирован. Перед лавкой устраиваются навесы. Открытие состоится в будущем месяце.

– А сюцай Вэнь с семьей переехал? – спросила Юйлоу.

– Вчера еще, – отвечал Пинъань. – Батюшка распорядился отнести ему летнюю кровать, два стола и четыре кресла из сложенной сзади мебели.

– А жену у него не видал? – спросила Цзиньлянь. – Какая она из себя?

– Ее вечером в паланкине принесли, – отвечал привратник, – разве разглядишь?

Пока они говорили, вдали показался старик. Ударяя в барабанчик и позванивая укрепленными на нем бубенцами, старик подошел к воротам.

– Это зеркальщик, – сказала Цзиньлянь и, обратившись к Пинъаню, продолжала: – Ступай позови. Он нам зеркала отполирует, а то мои совсем потускнели.^[901] Ну, чего ж стоишь, арестант? Зеркальщика зови, а то жди потом. Когда он еще явится?

Пинъань кликнул старика. Тот опустил коромысло и, подойдя к женщинам, поклонился, а потом отошел в сторону.

– Тебе тоже надо полировать? – обратилась Цзиньлянь к Юйлоу. – Вели и твои захватить. – Цзиньлянь кликнула Дайаня: – Ступай ко мне. – сестрицы Чуньмэй возьми большое туалетное зеркало, два маленьких и большое четырехугольное. Все сюда неси.

– А потом к Ланьсян загляни, – попросила Юйлоу. – Скажи, чтобы мои зеркала дала.

Лайань ушел. Немного погодя он явился. В руках у него было восемь больших и маленьких зеркал. К груди он прижимал огромное четырехугольное зеркало.

– Вот негодник проклятый! – заругалась Цзиньлянь. – Кто тебе велел все зараз тащить, а? Леню другой раз сходить? Стереть хочешь?

– Сестрица, я что-то не видала раньше этого огромного зеркала, – заметила Юйлоу. – Откуда оно у тебя?

– Да из закладной лавки, – отвечала Цзиньлянь. – Оно такое светлое, сразу мне понравилось. Я и велела у себя поставить. И утром, и вечером отражает. А моих собственных зеркал тут только три.

– А у меня только два, – сказала Юйлоу.

– А эти два чьи же? – спросила Цзиньлянь.

– Сестрицы Чуньмэй, – отвечал слуга. – Она тоже попросила ей отполировать.

– Вот негодяйка! – заворчала Цзиньлянь. – Свои бережет, а перед моими целыми днями вертится. Вот и потускнели, смотреться нельзя.

Зеркала передали старику. Он уселся на раскладную скамеечку и достал ртуть. Не прошло и времени, необходимого для обеда, как ослепительно засверкали все восемь зеркал. Цзиньлянь взяла одно. На нее глядела красавица. Поверхность зеркала походила на чистую гладь осенних вод.

Тому подтверждением стихи:

Как близко лилии цветут,
как пышно лотосы раскрылись!
Вон чья-то трепетная тень,
вон травы на ветру склонились.
А средь осеннего пруда
колышутся иные стебли.
Не промелькнула ль там Чанъэ,
поверхность вод едва колебля?
Не отрясла ль она пыльцу
иль рукавом, или перстами
И не согрела ль облака,
дохнув румяными устами?..
Хочу я мотылька поймать, –
рукою сделала движенье –
И поняла: передо мной
не пруд, а только отраженье.

Старик передал зеркала Цзиньлянь, а та велела Лайаню отнести их домой. Юйлоу попросила Пинъаня взять у приказчика Фу пятьдесят медяков, чтобы расплатиться с зеркальщиком. Старик взял деньги, но уходить не собирался.

– Спроси, что он стоит? – обратилась к привратнику Юйлоу. – Может, мало дали.

У старика заблестели глаза. Он вдруг заплакал.

– Хозяйки спрашивают, что с тобой, – обратился Пинъань к зеркальщику.

– Сказать правду, – начал старик, – мне, братец, шестьдесят первый год пошел. Есть у меня сын. Ему двадцать два, пока не женат, дурака валяет, а мне, старику, на жизнь приходится зарабатывать, его содержать. Непутевый он у меня, по улицам шатается, в азартные игры играет. А тут и вовсе в беду попал. Связали его и к начальнику.

Обвинили в воровстве и всыпали двадцать палок. Едва он воротился домой, как у матери одежду заложил. Мать от расстройства в постель слегла и с полмесяца не вставала. У меня с ним был серьезный разговор, а потом он ушел из дому. Где я его только не разыскивал! Решил, было, больше не искать, но я уж стар, а он у меня единственный. Кто ж, думаю, меня на тот свет проводит. Да и дома от него никакого проку. Вот каково мое горе. Вот как обижает старика чадо родимое. И всем жалуюсь и проливаю горькие слезы.

– Спроси, сколько лет его жене, – обратилась Юйлоу к Пинъаню.

– Пятьдесят пять, – отвечал зеркальщик. – И нет у нас ни сына, ни дочери. После болезни ей стало сейчас немножко получше, попросила хоть кусочек копченого окорока. Я все улицы и переулки обошел, у кого только не спрашивал, так мне никто и не дал. Какая досада!

– Не беспокойся! – сказала Юйлоу. – У меня есть копченый окорок. Ступай к Ланьсян, – велела она Лайаню, – скажи пусть даст окорок и лепешек.

– А рисовая похлебка ей нравится? – спросила зеркальщика Цзиньянь.

– Как не нравится! – говорил старик. – Еще как ест!

Цзиньянь кликнула Лайаня.

– К Чуньмэй зайди, – наказала она. – Скажи, пусть отвесит два шэна^[902] нового рису, который мне моя матушка принесла, и даст пару маринованных баклажанов.

Вскоре появился Лайань со всем, о чем его просили: половиной окорока, двумя лепешками, двумя шэнами рису и парой маринованных баклажанов.

– Повезло тебе, старик! – крикнул он. – Не больна, наверно, твоя жена, а беременна, вот тебя за лакомствами и посылает, чтобы себя подкрепить.

Старик поспешно взял принесенное у Лайаня и положил в корзину. Потом он обернулся к Юйлоу с Цзиньянь, отвесил низкий поклон и, подняв на плечо коромысло, пошел восвояси.

– И зачем вы, матушки, столько всего ему надавали? – говорил Пинъань. – Надул он вас, старый болтун. А жена у него самая настоящая сводня, целыми днями по улицам шатается. Вчера ее видел.

– Чего ж ты раньше-то нам не сказал, арестант проклятый?! – заругалась Цзиньянь.

– Ладно, думаю, раз человеку повезло, – отвечал привратник. – Надо ж было ему в это время появиться, вот и получил.

Да,

В безделье женщины стояли у ворот.

Глядят – старик-зеркальщик к ним идет...

Когда везет – и деньги есть, и пища,

А не везет – глотка воды не сыщешь.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ СИМЭНЬ ЦИН УБИВАЕТ КОТА СНЕЖКА

ЛИ ПИНЪЭР ОПЛАКИВАЕТ ГУАНЬГЭ

*Солнце уходит на запад,
реки текут на восток.
Ветер весенний срывает
нежный с цветка лепесток.
Капли на ветках у храма
в Уских застыли горах,^[903]
Около дома Сун Юя^[904]
ветер резвится в цветах.
Как с зимородковым платьем
вязу сравнить свой наряд?
Щеки, под стать абрикосу,
нежным румянцем горят.
Шумные рощи одели
берег Башуя-реки^[905]
Те ж, кто на службу отправлен
как же от них далеки!*

Так вот, только Мэн Юйлоу с Пань Цзиньянь отпустили старого зеркальщика, на востоке показался неизвестный, верхом на муле. В высокой шапке и с пылезащитным флером на глазах, он торопливо ехал прямо к воротам Симэня. Когда он спешился, женщины бросились было во двор. Но подъехавший снял с глаз повязку, и они узнали приказчика Хань Даого.

– Товар привез? – сразу спросил Пинъань.

– Подводы с товарами в городе, – отвечал Хань. – Где батюшка

собирается складывать?

– Батюшки нет дома, – отвечал Пинъань. – У его сиятельства Чжоу пируют. Под склад отведен верх в доме напротив. Заходи, почтенный.

Вскоре появился Чэнь Цзинци, и вместе с Хань Даого они пошли в дальние покои к Юэнян.

Выйдя из залы, Хань Даого стряхнул с себя дорожную пыль и умылся, а Ван Цину наказал отнести багаж домой. Юэнян распорядилась накормить приказчика.

Немного погодя прибыли и подводы с товаром. Цзинци отпер склад, и грузчики принялись таскать наверх корзины и сундуки. После разгрузки всех десяти больших подвод расплатились с возчиками. Таскать пришлось до самых фонарей. Цуй Бэнь тоже пришел на подмогу. Когда весь атлас был перенесен наверх и пересчитан, склад заперли и опечатали, а грузчиков наградили за работу и отпустили. Дайань еще до этого отправился к начальнику гарнизона Чжоу доложить Симэню. Тот осушил несколько чарок и с наступлением темноты отбыл домой, где ожидавший его приказчик Хань рассказал ему о поездке.

– Господину Цяню письмо передал? – спросил Симэнь. – Как он, пособил?

– А как же! – воскликнул Хань Даого. – Письмо очень помогло. Господин Цянь намного снизил пошлину за десять подвод. Две корзины атласа я считал за одну, а три кипы – за две, и они прошли как чай и благовония. Так что за десять больших подвод с меня взяли всего тридцать с половиной лянов серебра. Господин акцизный ограничился просмотром моей описи товаров и пропустил нас без проверки. Тут же мы и наняли возчиков.

Симэнь был очень доволен таким оборотом дела.

– Нужно будет завтра же купить дорогие подарки и отправить господину Цяню, – сказал он и обернулся к Чэнь Цзинци: – Ступай в дальние покои, скажи, чтобы несли закуски и вино. Угости приказчика Ханя и брата Цуя.

После угощения все разошлись.

Слух о возвращении Хань Даого дошел и до его жены Ван Шестой. Она поспешно взяла у Ван Цина принесенный им на спине багаж и спросила:

– Сам приехал?

– Пока за разгрузкой товаров смотрит, а потом будет с батюшкой говорить.

Ван Шестая велела служанкам Чуньсян и Цзиньэр заварить

лучшего чаю и приготовить лучшие закуски. К вечеру прибыл Хань Даого и поклонился жене. Он разделся и умылся. Потом супруги, оставшись наедине, поведали друг другу, как они тосковали в разлуке. Хань Даого рассказал жене об успешной покупке товаров. Ван Шестая до прихода мужа заметила у него в тяжелой сумке солидную толику серебра и спросила:

– Заработал?

– Товаров, вина и рису привез на сотню-другую лянов, – отвечал он. – Все пока в лавке сложил. Со временем продам, выручу серебра.

– От Ван Цзина слыхала, – рассказывала обрадованная жена, – хозяин нанял приказчика Ганя. Мы с ним и братом Цуем будем поровну барыши делить. Неплохо, а? Лавку в следующем месяце открывают.

– Тут есть кому торговать, – заметил Хань Даого, – а вот на юге человек нужен. Товары закупать и склад сторожить. Батюшка опять меня, наверно, пошлет.

– Ну и поезжай! – подхватила Ван. – Умелому, говорят, больше достается. Ты же по торговой части мастер. Вот батюшка тебя и посылает. А без труда не выловишь и рыбки из пруда. Пробудешь там года два-три, а надоест, я с батюшкой поговорю. Пусть Ганя или Лайбао посылает. А ты здесь торговлей займешься. Ладно?

– Ладно уж! – протянул Хань. – К разъездам привык. Места знакомые.

– Так бы сразу и надо! – поддержала жена. – На стороне-то куда больше заработаешь, чем дома сидючи. Так ведь?

Накрыли стол, муж с женой выпили по случаю встречи несколько чарок, потом убрали со стола и легли спать. Их усадям в ту ночь не было предела, но говорить об этом нет необходимости.

На другой день, то есть первого числа в восьмой луне, Хань Даого отправился к Симэню, хозяин послал его вместе с Цуй Бэнем и приказчиком Ганем последить за разгрузкой кирпича и леса и строительством кладовой, но не о том пойдет речь.

Расскажем теперь о Симэне. После осмотра прибывшего атласа делать Симэню было нечего. Тут-то его и осенила мысль навестить певицу Чжэн Айюэ. Он незаметно передал Дайаню три ляна серебра и юбку с кофтой и велел отнести певице.

Весть о прибытии почтенного господина Симэня прямо-таки ошеломила мамашу Чжэн. Она без проволочек приняла подарки и, не переводя дыхания, обдала Дайаня целым потоком слов.

– Передай батюшке мою самую искреннюю благодарность, –

говорила она. — Скажи, обе сестрицы пребывают дома в ожидании батюшки и просят батюшку осчастливить нас своим прибытием как можно быстрее.

Дайань проник в кабинет и передал хозяину приглашение. После обеда Симэнь велел Дайаню готовить легкий паланкин. Он был в высокой шапке, какую носил Су Дунпо,^[906] длинном халате из темного легкого шелка со скрытым наперсником и в черных сапогах на белой подошве. Выйдя из дому, Симэнь первым делом заглянул на стройку, потом сел в паланкин и опустил бамбуковый занавес. Его сопровождали Циньтун с Дайанем. Ван Цзина оставили домовничать, а Чуньхуна с сумой за плечами первым послали к Чжэн Айюэ.

Да,

Белый, воздушный и нежный, как снежный комок,

Сотканный тонкий клубящийся шелк.

Персики будь то источник, иль Лунный чертог,^[907] —

Все нам доступно, и путь недалек.

Между тем, улыбающаяся Чжэн Айсян вышла навстречу Симэню к воротам. Ее прическу украшали серебряная сетка и цветы сливы, приколотые полукружьем золотых шпилек. Напудренная и на помаженную, она была прелестна, как цветок, в своей бледно-коричневой шелковой кофте и желтой с узорами юбке. Айсян проводила Симэня в гостиную и поклонилась. Гость сел и велел Циньтуну отправить паланкин домой, а к вечеру подать коня. Циньтун с паланкином воротился домой, но не о том пойдет речь. Дайань же с Чуньхуном остались при хозяйине.

Наконец к Симэню вышла мамаша Чжэн.

— В прошлый раз моя дочка побеспокоила вас, сударь, своим приходом, — отвешивая поклоны, говорила она. — А теперь вы к нам пожаловали развеять тоску. Только напрасно вы, сударь, присылаете подарки и вводите себя в расходы. Я вам премного благодарна за наряды дочке.

— Я же тогда звал ее, — начал Симэнь. — Почему она не явилась? Она Вана больше меня уважает, да?

— Мы до сих пор в обиде на Дун Цзяоэр с Ли Гуйцзе, — объясняла старуха. — Не знали мы о вашем дне рождения, батюшка. У них и подарки были приготовлены, а моим дочкам пришлось с пустыми руками идти. Если б мы раньше знали, мы бы Ванам, конечно, отказали. Но вы, батюшка, позвали слишком поздно. Только дочка стала к вам собираться, а тут как раз нагрязнул слуга от Ванов и унес ее

наряды. Потом ваш слуга прибыл. Чжэн Фэн, брат ее, говорит, если, мол, ты не пойдешь, батюшка разгневается. Тут я всполошилась и, чтобы слуга от Вана не видал, проводила дочку черным ходом прямо к паланкину.

– Но я ж ее еще до этого звал, – говорил Симэнь. – Я с ней на пиру у господина Ся договорился. Если б она тогда не пришла, меня бы это, само собой разумеется, взорвало. Что это за привычка? Пришла тогда и молчит, слова не добыешься. Что это значит, хотел бы я знать.

– Вот негодница! – заругалась старуха. – Ей как сделали прическу женщины, у нее совсем желание пропало петь на пирах. А у вас, батюшка, гостей, должно быть, много было, она и совсем стушевалась. Она у нас с детства неразговорчивая. Зато кокетничать мастерица. Вот и нынче. Обед прошел, а она только что встала. Сколько раз ей говорила: батюшка вот-вот пожалуется, вставай скорей да одевайся. Но ей хоть кол на голове теши. Спит да и только.

Служанка принесла чай, и Айсян поднесла его Симэню.

– Прошу вас, батюшка! – пригласила старуха. – Пройдите в дальние покои.

Надобно сказать, что дом мамыши Чжэн имел четыре комнаты по фасаду и пять построек вглубь. Симэнь в сопровождении Айсян миновал переносной экран и очутился во дворе, окруженном сплошной стеной бамбука. С обеих сторон располагались флигели, а в постройке напротив, состоявшей из гостиной и двух комнат, и обитала Чжэн Айюэ. Сама же Айсян жила сзади, в четвертом по счету домике.

Перед Симэнем отдернули узорную дверную занавеску, и он очутился в гостиной, где у жертвенного столика красовался свиток с изображением Гуаньинь на гребне прибоя, а по обеим сторонам от него висели по два свитка, изображавшие красавиц в соответствии с временами года – весной и летом, осенью и зимой.

От любви к цветам весною поднимаюсь рано,
Чтоб луною наслаждаться, ночью спать не стану.
Пригоршней ловлю я месяц, что в воде сверкает,
Чуть примну цветы – и платье заблагоухает.

Дальше, над возвышением, где стояли четыре высоких кресла и две сверкавших лаком скамьи, висела парная надпись:

Окошко приоткрою – и луна
тут как тут.
На лютне заиграю – облака
приплывут.

Симэнь сел. Сверху выделялись написанные образцовым почерком три знака: «Веранда Любования Луной».^[908] Симэню пришлось ждать довольно долго. Наконец зашуршала дверная занавеса, и появилась Чжэн Айюэ. Она была причесана по-ханчжоуски, без высокого пучка. Ее черные, как смоль, блестящие волосы держала шелковая сетка, из-под которой, словно темные тучи в лучах вечернего заката, свисали локоны, густые и непокорные. Умело осыпанные золотой пылью рядом с бирюзовыми цветами, они, казалось, были окутаны легкой дымкой или густым туманом. Сзади прическу обрамлял ровный ряд витых золотых шпилек, сбоку красовалась шпилька феникс. Красиво переливались аметистовые серьги. В ослепительно белой шелковой накидке и лиловой с бирюзовыми разводами юбке, из-под которой выглядывали изящные, как клюв феникса, красные носки. Айюэ напоминала фею. На шее мелодично позванивали драгоценные нефритовые подвески, грудь украшали три ветки цветов, особенно выделявшие ее нежные, как цветок лотоса, ланиты. От нее веяло тонким ароматом. А как изящна была ее гибкая, словно ива, стройная талия!

Да,

Когда не с ликом Гуаньинь то Даоцзы рисунок,^[909]

Тогда Яньшоу кистью писана красавицы парсуна.^[910]

Чжэн Айюэ предстала перед Симэнем и приветствовала его сложенными на груди руками. Она тут же прикрыла лицо позолоченным веером. Симэнь глаз с нее не спускал. Это было их первое свиданье. Айюэ казалась краше прежнего, и у Симэня невольно забилось сердце. Он едва владел собой.

Немного погодя служанка опять подала чай. Слегка шевельнулся рукав. Красавица протянула тонкие пальчики к чашке, осторожно обтерла ее и обеими руками поднесла Симэню, потом поставила чашку перед Айсян. Сели пить чай. Когда убрали со стола, Айюэ предложила гостю снять верхнюю одежду и пригласила во внутреннюю комнату. Симэнь позвал Дайяня, и тот повесил его темный шелковый халат на спинку кресла. Симэнь вошел в спальню.

Только взгляните:

Занавески – нефрит

Все окно в кружевах,

Бледный месяц горит –

Отражен в жемчугах.

Прямо перед ним стояла черная лаковая кровать с гравировкой золотом. Узорный парчовый полог скрывал расшитое цветами одеяло. Рядом на красном столике из миниатюрной бошаньской курильницы струился сандаловый аромат. На стене в узорном парчовом мешочке висела ваза с ветками лилового бамбука. Перед кроватью стояли два низких кресла с вышитыми тюфяками и пара инкрустированных перламутром экранов, затянутых узорчатой парчой. На тахте, украшенной неразлучными утками, лежали писчие кисти и целая груда старинных и новых книг.

Дивное благоухание окутывало сидевшего Симэня. Во всем чувствовалась подчеркнутая изысканность. Это был, в самом деле, чертог феи или небожительницы – обитель, куда не ступала нога простого смертного.

Во время беседы, прерываемой смехом, вошла служанка и стала накрывать на стол. Появились четыре небольших голубоватых блюда из лучшего фарфора, на которых красовались редкие яства: осетрина с душистым сельдереем и тонко нарезанные под маринадом фениксовые грудки и отвар. Потом подали печенье обоюдного счастья – круглое, как полная луна, тонкое, как лист бумаги, белое, как снег, ароматное и сладкое, приготовленные на меду и масле сладости и лепешки, напоминающие по виду лепестки лотоса, выпеченные со специями – кунжутом и перцем. Айсян и Айюэ поддели палочками разнообразные закуски, разложили их на небольшой расписанной золотом тарелке и поднесли Симэню. Перед ним стояли инкрустированная бирюзой золотая чара вина и чашка приятно терпкого чаю, заваренного с цветами корицы.

Немного погодя сестры за компанию с Симэнем стали лакомиться лепешками. Когда посуду убрали и протерли стол, на нем появился лилово-красный коврик. Со столика у кровати подали благоухающую лаковую коробку, в которой лежал набор из тридцати двух фишек слоновой кости. Началась игра. Симэнь вынул кость «раздел меж небом и землей», «стрелы летят в десятке направлений». Айсян достались фишки «земля», «бутоны распустились, и выются бабочки на ветках». Айюэ вытянула кость «человек», «по лестнице взбираюсь, чтоб насладиться луной».

Потом кости убрали и подали вино. На блюдах горами лежали редкие плоды и фрукты, искрилось пеной золотой вино. Тут были утки, гуси, куры, свиные ножки, жареный дракон и феникс – редчайшие яства, каких не встретишь на земле, нечасто найдешь и на небе.

Да,

После плясок и луна
Канула за Циньский терем.
После песен облака,
Чуский двор укрыли в темень.^[911]

Сестры угощали Симэня то нефритовым нектаром, то яшмовым напитком. Одна подносила чарку цвета зимородка, другая – кубок с изображением неразлучных уток. Потом хозяйки настроили инструменты, подтянули колки и сели к занавесу. Айсян заиграла на цитре, Айюэ – на лютне, и они запели цикл «Вдруг по сердцу пришлась». Эти романсы в исполнении таких красавиц могли, в самом деле, смягчить даже каменное сердце.

После пения на десерт подали двенадцать блюд изысканнейших сладостей и фруктов, и хозяйки пригласили гостя к столу. Во время пира появились кости, и началась игра на пальцах. Немного погодя Айсян сделала вид, что хочет переодеться и удалилась, оставив Айюэ наедине с Симэнем.

Симэнь достал из рукава два белых шелковых платка с двойной каймой. В одном были завернуты три зубочистки из слоновой кости, а в другом – позолоченная коробочка.

– Тут ароматный чай? – спросила Айюэ и открыла коробочку.

– Нет, здесь средство, которое я принимаю для подкрепления, – сказал Симэнь. – А чай я храню в бумажном пакетике.

Он достал из рукава пакетик плиточного ароматного чаю с цветами корицы и протянул Айюэ. Она ему не поверила и засунула руку к нему в рукав, откуда извлекла лиловый газовый платок. В нем была завернута пара оправленных в золото зубочисток, Айюэ стала рассматривать приглянувшийся ей платок.

– Я такие же видела у Ли Гуйцзе и у Иньэр, – сказала она. – Оказывается, это ты им подарил.

– А кто еще, как не я?! – отвечал Симэнь. – Мне их из Янчжоу на корабле привезли. Если тебе нравится – возьми. Потом и твоей сестре принесу.

Он подсыпал в вино снадобья из позолоченной коробочки и осушил чарку, потом заключил Айюэ в объятия, и они стали пить вино из уст в уста. Симэнь играл ее упругими персями, полными, округлыми и мягкими, как клубок конопляных волос, и одновременно расстегивал ее кофту, чтобы насладиться зрелищем их сверкающей нефритовой белизны. От этого у него вспыхнуло желание. Его

штуковина, находившаяся ниже пояса, вдруг оживилась, и он, распустив пояс, понудил Айюэ мять ее. Это мужское естество было столь больших размеров, что красавица ужаснулась и обвила руками шею Симэня.

– Дорогой мой, – говорила она, – мы первый раз встречаемся. Пожалей меня. Умерь вполтину страсть, а то погубишь меня. Это у тебя, наверно, от снадобья. От рожденья такого не бывает. Разве от природы он может быть таким стремительным, таким багровым и бесстыдным?!

– Девочка моя, – с улыбкой ответил Симэнь, – не попробуешь ли ты его на вкус?

– Зачем спешить? – отвечала Айюэ. – Это только наша первая встреча. Как я могу брать его в рот, когда мы еще не знаем друг друга? У нас впереди еще столько встреч, сколько листьев на дереве. Будет время и на флейте поиграть.

Симэнь хотел было приступить к делу, но его перебила Айюэ.

– Налить вина? – спросила она.

– Нет, не хочу, – отвечал он. – Давай ложиться.

Айюэ кликнула служанку. Та убрала стол и помогла Симэню разуться. Сама же Айюэ удалилась в дальнюю комнату переодеться и омыть свои нефритовые врата. Симэнь наградил служанку серебром и лег. Служанка воскурила благовония. Наконец вошла Айюэ.

– Может выпьешь чаю? – спросила она гостя.

– Не хочу я чаю, – ответил Симэнь.

Айюэ заперла дверь, опустила шелковый полог, разделась и, подложив на постель подушку, легла, чтобы предаться утехам пурпуровых уток-мандаринок. Тело ее было мягким, а заветное место таким белым, безволосым, что напоминало крупитчатую пышку и вызывало прилив любви и нежности. Дабы черпать его полными горстями, Симэнь обнял девушку за талию. Она была поистине живою яшмой, тончайшим ароматом во плоти – тем, чего не приобретешь и за тысячу цзиней золота.

Симэнь взял две белоснежные, как серебро, ноги и положил их себе на бедра. Его штуковина, поддерживаемая подпругой, устремилась прямо в центр цветка, но головка была слишком большой. Долго возился Симэнь Цин, но ему удалось ввести только самый кончик. Айюэ, нахмурив брови и раскинув руки на подушке, терпела. Глаза ее, похожие на звезды, помутились, и она прошептала:

– Пошади меня на этот раз!

Но вместо этого Симэнь Цин положил ее крохотные ножки себе на

плечи и стал беспорядочно вставлять и вынимать свой предмет, испытывая неимоверное наслаждение.

Да,

Бессчетные соцветья нежных персиков
среди весны раскрылись поутру.

Внезапно ивы, тополи изящные
листвою зашумели на ветру.

Тому свидетельством стихи:

В водяных кружевах
Как кувшинки прекрасны!

И, казалось, в веках
Чары девы всевластны.

Но улыбка Си Ши
Миг – и смыта водою...

В сердце боль заглуши
И утешься с другою.

Вновь, весна, закружи
На Хэ-яне^[912] свой танец,

Музыканты в глуши
Воспевают красавиц.

Ах, к чему подражать
Неуклюже Ван Вэю?^[913]

Сердца пыл удержать
Я весною сумею.

Симэнь вернулся тогда от Чжэн Айюэ в третью ночную стражу. На другой день, отпустив мужа в управу, Юэнян с Юйлоу, Цзиньлянь и Цзяоэр сидели у себя, когда в комнату с подарками от надзирателя Ся вошел Дайань. Надзирателю Ся по случаю дня рождения посылались четыре блюда яств, жбан вина и кусок золотой парчи.

– К кому это вчера батюшку в паланкине носили? – спросила слугу Юэнян. – Где он до поздней ночи пировал, а? Наверно, опять жену Хань Даого навещал? Оказывается, ты арестантское отродье, ему свидания устраиваешь, а мне зубы заговариваешь.

– Что вы, матушка! – возразил Дайань. – Приказчик Хань домой вернулся. Как батюшке к ней идти!

– Так куда же? – добивалась Юэнян.

Дайань только засмеялся и, ничего не сказав, понес коробку с подарками.

– К чему вы, матушка, спрашиваете этого арестанта? – заметила

Цзиньлянь – Он все равно правду не скажет. Кажется, батюшку сопровождал еще слуга-южанин. Лучше у него разузнать.

Позвали Чуньхуна.

– Ты вчера батюшку сопровождал? – обратилась к слуге Цзиньлянь. – Говори, где он пировал. Правду говори, не то матушка Старшая бить велит.

Чуньхун опустил на колени.

– Не бейте меня, матушка! – говорил он. – Я все объясню. Мы с Дайанем и Циньтуном вышли из главных ворот и проследовали за паланкином по улицам, потом свернули в переулок и очутились у дома с полуоткрытой дверью. Она была украшена зубцами, а в дверях стояла ярко разодетая госпожа.

– Что же ты, арестант, притона не распознал? – Цзиньлянь засмеялась. – Еще шлюху госпожой величает. Какая же она из себя, эта твоя госпожа, а? Не узнал в лицо?

– Нет, не узнал, – отвечал Чуньхун. – Она на бодхисаттву похожа. Сразу за дверями скрылась. А на голове, как у вас, матушка, сетка. Когда мы вошли, появилась седая барыня, поклонилась батюшке и пригласила пройти в дальние покои. Из-за бамбуковой изгороди вышла еще одна молодая госпожа, но без сетки. У нее было чистое, овальное, как тыквенное семечко, лицо и ярко-красные губы. Они сели с батюшкой пировать.

– А вы где ж были? – спросила Цзиньлянь.

– Мы были у старой госпожи, – отвечал слуга. – Она нас вином угощала и котлетами.

Юэнян и Юйлоу, будучи не в силах сдержаться, рассмеялись.

– Ну, а другую госпожу узнал? – спросили они.

– Она вроде петь к нам приходила, – отвечал слуга.

– Так это ж Ли Гуйцзе! – опять засмеялась Юйлоу.

– Но как она туда попала? – недоумевала Юэнян.

– У нас на дверях никаких зубцов нету, – сказала Ли Цзяоэр. – И бамбуковой изгороди тоже.

– Ты и сама не знаешь, – говорила Цзиньлянь. – Раньше не было, а теперь есть.

Вернулся Симэнь и тут же отправился поздравлять с днем рождения надзирателя Ся.

* * *

А пока расскажем о Пань Цзиньлянь. Держала она у себя кота. Был он весь белый, только на лбу выделялось черное пятнышко вроде

малюсенькой черепашки. За это она прозвала его Угольком-в-снегу или Львенком-Снежком. Кот ловко носил в зубах платок, подымал с полу веер. Когда не было Симэня, Цзиньлянь обыкновенно с вечера клала Снежка с собой под одеяло, и он никогда не пачкал ей постель. Во время обеда кот ел, забравшись к хозяйке на плечо. Только она его поманит – кот сразу подбегает, а погрозит – отходит. Цзиньлянь больше звала его Снежком-разбойником и кормила не говьяжьей печенкой, не вяленой рыбой, а давала каждый раз по полцзиня свежего мяса. И до того жирный и пушистый отъелся кот – куриное яйцо в шерсти упрячешь. А как его любила Цзиньлянь! Целыми днями у себя на коленях держала. Все его подзуживала да поддразнивала. Недоброе задумала Цзиньлянь. Зная, как боится кошек Гуаньгэ, она, оставаясь в комнате одна, завертывала в красный шелк кусок мяса и велела коту бросаться на лакомое.

И надо ж было тому случиться – занемог Гуаньгэ. Несколько дней подряд поили его снадобьями старухи Лю, а когда ему стало немного полегче, Пиньэр нарядила его в красную атласную рубашечку и положила в передней на кан. Прикрытый одеяльцем ребенок резвился как ни в чем не бывало. За ним присматривала горничная Инчунь. Кормилица Жуи сидела рядом с чашкой в руке и что-то ела.

Вдруг неожиданно-негаданно из комнаты Цзиньлянь выскочил кот Снежок. Завидев на Гуаньгэ колыхавшийся красный шелк, обученный кот с яростью бросился на кан и стал рвать когтями рубашонку. Ребенок залился плачем, но тут же умолк. Только тельце его корчилося в судорогах. Испуганная кормилица отставила чашку с едой и, взяв его на руки, принялась успокаивать. Изо рта у младенца шла пена. Кот хотел было броситься на ребенка еще раз, но его прогнала Инчунь. Жуи казалось, что судороги скоро пройдут, но Гуаньгэ успокаивался на короткое время, а потом снова начинал биться. Пиньэр между тем находилась в покоях Юэнян.

– Ступай за матушкой! – наказывала горничной Жуи. – Видишь, ребенку плохо. У него судороги. Попроси матушку поскорей прийти.

Не узнай о случившемся Пиньэр, все бы шло своим чередом, а тут у нее замерло сердце, душа чуть не рассталась с телом. Вместе с Юэнян они впопыхах вбежали в комнату. Гуаньгэ бился в судорогах. Глаза у него закатились, даже не видно было зрачков. Изо рта шла белая пена. Едва слышные всхлипывания напоминали писк цыпленка. Муки сына будто ножом по сердцу резали Пиньэр. Она взяла Гуаньгэ на руки и целовала его, прижимая к груди.

– Мой мальчик! – с рыданиями причитала она. – Как хорошо ты

резвился, когда я уходила! Отчего тебя так сводит?

Инчунь и Жуи рассказали ей, как испугал ребенка кот Цзиньянь.

– Сынок мой дорогой! – еще сильнее зарыдала Пиньэр. – Раз не по душе старшим пришлось, значит терпи. Такая, выходит, твоя доля.

Юэнян промолчала и велела позвать Цзиньянь.

– Говорят, твой кот испугал ребенка? – спросила она вошедшую Цзиньянь.

– Кто это вам сказал? – удивилась та.

– Они, – Юэнян указала на кормилицу Жуи и горничную Инчунь.

– Да мало ли чего нагородит баба! – говорила Цзиньянь, имея в виду Жуи. – Кот все время спал себе преспокойно у меня в комнате. Как он мог напугать ребенка?! Какую ерунду городят! Если сами напугали, нечего на людей сваливать. Вам бы только прицепиться, чтоб на слабого наброситься, а на меня в первую очередь!

– А как же кот тут очутился? – спрашивала Юэнян.

– Да он сюда то и дело забегает, – отвечала Инчунь.

– Ишь ты, то и дело! – подхватила Цзиньянь. – Что-то раньше не бросался, а нынче ни с того ни с сего вдруг испугал! И ты, девка, вижу, глаза-то свои выпятила бесстыжие и несешь всякую чепуху. Но не очень-то расходишься! Лук-то побереги, а то смотри, тетива оборвется. Ох, и все-то беды на мою несчастную головушку!

Цзиньянь в сердцах повернулась и удалилась к себе.

Послушай, дорогой читатель! Не зря говорят:

Иная ветка вся в цвету,
но больно колются шипы-то!..
И в человеческой душе
порою сколько зла сокрыто!

С появлением Гуаньгэ хозяин стал во всем потакать Пиньэр. Она попросит одно, он готов ей сделать десять. Видя все это, Цзиньянь завидовала Пиньэр и злилась. Из ревности и зародился у нее коварный план: обучить кота, чтобы тот до смерти напугал ребенка. Тогда, по ее расчетам, Пиньэр лишится благосклонности, а она, Цзиньянь, вновь станет любимицей Симэня. Словом, действовала она точно так же, как в старину Туань Гу, который нарочно завел пса Шэньбао, чтобы погубить первого министра Чжао Дуня.^[914]

Да,

Справедливое Небо никто не сумеет
обмануть, провести, в заблужденье ввести,
Все провидит оно, потому не надейся,

если грешен, возмездье его отвести.

Гуаньгэ все бился в судорогах. Юэнян велела напоить его имбирным отваром и тут же послала Лайаня за старухой Лю. Пришла знахарка.

– Как он у вас напуган! – нащупывая пульс, воскликнула старуха. – А ведь испуг выгонять труднее всего.

Она велела готовить отвар из ситника с мятой, потом достала пилюлю в золотой фольге, опустила ее в плотно закрытую чарку с отваром и растерла. Гуаньгэ крепко сжимал зубы, и Юэнян пришлось золотой шпилькой из прически открыть ему рот и влить лекарство.

– Хорошо, если выгоним, – говорила старая Лю, – а то вам, почтенная хозяйка, без прижиганий не обойтись.

– Но кто на это решится? – отвечала Юэнян. – Надо будет подождать хозяина. У него спросить. А то ругани не оберешься.

– Спаси его, матушка! – взмолилась Пиньэр, обращаясь к Юэнян. – Прождем – поздно будет. А взбранится, я приму вину на себя.

– Ребенок твой! – отвечала хозяйка. – Если ты согласна, пусть прижигает. Я не настаиваю.

Старуха Лю сделала Гуаньгэ пять прижиганий: между бровями, на шее, обеих руках, где прощупывается пульс, и на груди. Потом ребенка уложили спать. Гуаньгэ был в забытии вплоть до самых сумерек. Не проснулся он и когда вернулся Симэнь. С приходом хозяина Юэнян наградила старуху пятью цянами серебра, и та боковой тропкой, крадучись, вышла из дому и улетучилась, как дым.

Симэнь направился прямо в дальние покои хозяйки. Юэнян рассказала о Гуаньгэ, и он опрометью бросился в передние покои. Глаза у Пиньэр были красными от слез.

– Отчего у ребенка судороги? – спросил Симэнь.

Глаза Пиньэр наполнились слезами. Она молчала. Он хотел было разузнать у горничной и кормилицы, но и те как воды в рот набрали.

Заметив на ручонках младенца ожоги, а кругом пепел от сторовшей полыни, Симэнь опять бросился к Юэнян. Она не могла больше скрывать происшедшего и рассказала, как напугал ребенка кот Цзиньянь.

– Его только что осматривала матушка Лю, – объясняла Юэнян. – Сильный испуг, говорит, без иглоукалываний и прижиганий младенец не выживет. Ждать тебя было некогда, и мать ребенка решилась сделать прижигания. Потом младенца уложили. До сих пор не просыпался.

Не услышь об этом Симэнь, все бы шло своим чередом, а тут у

него все нутро затрясло от злости, гневом закипело сердце и желчью наполнилась печень. Он ворвался к Цзиньлянь, ни слова не говоря, схватил за ноги Снежка, выбежал в коридор и хватил его со всего размаху о каменное крыльцо. Только слышно было, как раскололся череп. Мозги разлетелись тысячей персиковых лепестков, среди которых, как осколки нефрита, поблескивали белизной зубы.

Да,

При жизни не водил ушами,
Не стал гоняться за мышами,
Поэтому на свете том
Извечно быть ему котом.

Цзиньлянь сидела на кане. Когда Симэнь схватил Снежка, у нее не дрогнул ни один мускул. Однако стоило ему выйти, как она начала ворчать и ругаться:

– Чтoб тебе сдохнуть, разбойник проклятый! Убить беззащитное создание – на это ты молодец. Кот тебе помешал? Ишь, разошелся! Влетел как бешеный. Да он жизнь твою на том свете потребует, изменник ты проклятый! Чтoбы тебе не было ни дна ни крыши, насильник!

Симэнь вернулся к Пиньэр.

– Я же наказывал хорошенько смотреть за сыном! – набросился он на Инчунь и Жуи. – Как вы допустили кота? Напугал да и все руки поцарапал. Еще верят Лю – этой старой потаскухе! Всего ребенка обожгла. Хорошо, если все обойдется, а то я ее приволоку в управу, зажму пальцы тисками. Узнает у меня, старая блудница!

– На все пойдешь, когда видишь, как на твоих глазах погибает младенец, – говорила Пиньэр. – Тут и детский врач вряд ли поможет.

Пиньэр все еще надеялась, что Гуаньгэ поправится, но от прижиганий судороги перешли вовнутрь и стали более затяжными. Начались конвульсии живота. Гуаньгэ лежал весь мокрый, в испражнениях с кровью. Глаза его то широко открывались, то закрывались вновь. Он не пришел в себя и под утро и не брал грудь. Пиньэр в отчаянии то погружалась в молитву, то обращалась к гадателям и прорицателям, но всюду ей предвещали недоброе.

Юэнян тайком от Симэня снова позвала старую Лю для заклинания духов. Потом пригласили детского врача, который предложил продуть нос.

– Если после продувания из носа потечет, значит еще есть надежда, – говорил врач. – В противном случае – младенец во власти

духов тьмы.

Продувание, однако, тоже не принесло ничего обнадеживающего. Целую ночь Пиньэр не отходила от кровати Гуаньгэ, не переставая плакала и крошки в рот не брала.

Приближался пятнадцатый день восьмой луны. Из-за болезни младенца Юэнян даже своего рождения не справляла. Родные и близкие прислали ей подарки, но никакого приглашения в ответ не получили. У нее были только старшая невестка У, золовка Ян и старшая мать наставница.

Монахини Сюэ и Ван дулись друг на дружку с тех пор, как не поделили в печатной серебро. Бэнь Дичуань с матерью Сюэ наведались четырнадцатого числа к печатникам. Полторы тысячи копий буддийского канона были готовы, и их принесли домой.

Пиньэр выдала Бэнь Дичуаню еще связку монет на жертвенную лошадь, благовония и свечи. Пятнадцатого приказчик Бэнь и Чэнь Цзинци с утра отправлялись в Тайшаньский монастырь, где после молебна им было велено пожертвовать обители все оттиски канона. Потом они должны были доложить обо всем Пиньэр.

Между тем, сват Цяо каждый день посылал тетушку Кун навестить Гуаньгэ. Он-то и порекомендовал пригласить детского врача Бао, известного медика.

– Его уже взяло к себе небо, а на земле все противятся, – заключил тот. – Болезнь неизлечима.

Врача проводили, дав ему ни за что ни про что пять цяней серебра. Ребенку хотели было дать лекарство, но его рвало. Он лежал с закрытыми глазами и скрежетал зубами. Пиньэр не раздевалась, день и ночь держа на руках Гуаньгэ. У нее от слез не высыхали глаза. Никуда не отлучался и Симэнь. Только заезжал в управу и тотчас же спешил к ребенку.

Но вот однажды – было это в конце восьмой луны – Пиньэр задремала над сыном. Крепко спали горничная и кормилица. На столе горела серебряная лампа. Лунный свет заливал окно. Раздавались монотонные удары стражников. Гуаньгэ так и не приходил в себя.

Горем и печалью охваченная мать, как тебе тяжка одна мысль о прощании навек!

Да,

Радость подобна рассветным лучам,

Горе врывается к нам по ночам.

Только взгляните:

Небесная Река тускло серебром блестит. Издалека доносятся удары стражи. Месяц залил окно ледящими лучами. В дверь холодом ночным несет. Гусь дикий крикнул в темноте, таланта одинокого средь ночи потревожил. Трещит сверчок – напев такой унылый. Нерадостно красавице одной. На вышке сторожевой отбивают стражу за стражей. По наковальне где-то ударяют без конца, и вторят колокольцы под стрехою. Их звон красавицу терзает. На столике серебряном мерцает лампа, красавицу едва освещаая. Тяжко вздыхает она. Просит об одном – здоровья сыну молит. А горе ведь чаще приходит во сне.

Пиньэр забылась, и ей явился Хуа Цзысуй. Одетый в белое, он как живой остановился у ворот.

– Распутница ты и негодяйка! – заругался он на Пиньэр. – Как ты смела ограбить меня и отдать состояние Симэнь Цину! Я иду подавать на тебя жалобу.

– Пощади, дорогой мой! Прошу тебя! – взмолилась Пиньэр и ухватила его за рукав.

Но Хуа Цзысуй резко отстранил ее. Пиньэр, испугавшись, пробудилась. То был лишь сон.

– Какой странный сон! – повторила она, сжимая в руке рубашонку Гуаньгэ.

Донеслись три удара стражи. Со страху Пиньэр покрылась потом и волосы встали дыбом.

На другой день, как только явился Симэнь, она рассказала ему свой сон.

– Ну, куда же он пошел?! – успокаивал ее Симэнь. – Ты же знаешь, он умер. Просто тебе представилось прошлое. Успокойся и не обращай на него внимания. И бояться тебе нечего. А я сейчас же pošлю носилки за У Иньэр. Пусть побудет с тобой вечерами. А тетушке Фэн велю за вами поухаживать.

Дайань доставил певицу Иньэр. Когда солнце стало клониться к западу, у Гуаньгэ опять начались судороги.

– Матушка, посмотрите-ка! – звала хозяйку перепуганная кормилица, держа на руках ребенка. – Гуаньгэ опять закатил глаза. Он дышать перестает.

Подбежала Пиньэр, взяла Гуаньгэ и в слезах кликнула горничную:

– Сейчас же позови батюшку. Скажи, ребенок умирает.

Тем временем пришел Чан Шицзе. Он сообщил Симэню, что подыскал дом из четырех комнат, две по фасаду, всего за тридцать пять лянов серебра. Услышав, что сыну плохо, Симэнь поспешно

отпустил Чан Шицзе.

– Не провожаю, – говорил он, – деньги потом пришлю. А дом вместе посмотрим.

Симэнь стремглав бросился к Пиньэр. В детской толпились Юэнян с остальными женами, а также Иньэр и жена У Старшего. Гуаньгэ бился в предсмертных муках на руках Пиньэр. Симэнь не выдержал и вышел в гостиную. Он опустился в кресло, прерывисто вздыхая.

Не прошло и времени, надобного, чтобы выпить полчашки чаю, как Гуаньгэ скончался. Случилось это в предвечерний час под девятым знаком шэнь в восьмой луне двадцать третьего числа. Прожил он год и два месяца.

Дом огласился громкими рыданиями. Пиньэр не находила себе места. С плачем она упала в обморок и долго не приходила в себя, а очнувшись, обняла ребенка.

– Не стало моего спасителя! – громко причитала она. – Разрывается мое сердце. Лучше бы и мне умереть вместе с тобой. Недолго и мне жить осталось. Как рано ушел ты, мой милый! Какое горе принес мне!

Как вкопанные молча плакали рядом с ней кормилица Жуи и горничная Инчунь.

Симэнь распорядился убрать западный флигель, расположенный рядом с главной залой. Туда должны были вынести ребенка вместе с постелью и положить на две широких скамейки. Пиньэр, склонившись над сыном, обняла его обеими руками и не давала брать.

– Несчастный ты мой! Опора моя! – рыдала она. – Крошка мой родной, разбил ты мое сердце. Зря, выходит, я мучилась, чтобы дать тебе жизнь. Неужели больше не увижу тебя, ненаглядный ты мой!

Юэнян и остальные женщины опять заплакали и всячески старались успокоить Пиньэр. Лицо ее было расцарапано, локоны-тучи распущены по плечам.

– Погляди, на кого ты похожа, – обратился к ней вошедший Симэнь. – Ну что ж поделаешь, раз не суждено ему быть нашим сыном. Как мы ни старались, ни лелеяли, судьба его, значит, такая. А ты поплакала и будет! Его слезами не вернешь. Побереги себя. А теперь пора его вынести да за геомантом послать. Когда это случилось?

– В тот же час обезьяны, – ответила Юэнян.

– Я так и говорила, – вставила Юйлоу. – Он своего часу ждал. Как в час обезьяны родился, так и отошел. И в тот же самый день двадцать третьего. Только до месяца своего не дожил. Как раз год и два месяца прожил на свете.

С обеих сторон встали слуги, готовые перенести младенца во флигель. Заметив их, Пиньэр опять зарыдала:

– К чему так спешить? Потрогайте его, – обратилась она к Юэнян, – ведь он еще и остыть не успел.

И Пиньэр запричитала вновь:

– Не покидай меня, мой сыночек! Как я страдаю!

У нее подкосились ноги, и она упала на пол, рыдая.

Тому свидетельством романс на мотив «Овечка с горного склона»:

За что ты меня покарало, о, Небо?!

Мой крошка любимый, ты был или не был?

Позволь мне твой голос услышать опять!

Судьба, одарив, поспешила отнять.

За прошлые жизни мой долг неоплатный

Безжалостно взыскан был тысячекратно.

Душа кровоточит, вся корчась от ран!

Ты, ясное Небо, – ослепший тиран!

Была я послушна тебе и добра.

Кому на потеху дитя отобрал?

Под корень срубили, утратила тень,

Зачем ослепил меня солнечный день.

Скорее во тьму за сыночком родимым

Путём воздаяния непобедимым.

Пиньэр плакала. Слуги вынесли Гуаньгэ и положили в западном флигеле.

– Надо бы сообщить сватьям Цяо и отцам наставникам, – посоветовала хозяйину Юэнян.

– В монастырь и завтра с утра поспеем, – отвечал Симэнь и обернулся к Дайяню: – Ступай господину Цяо скажи.

Для составления свидетельства позвали геоманта Сюя. Бэнь Дичуаню было выдано десять лянов на покупку ровных сосновых досок. Нанятый столяр быстро смастерил гробик.

Только собрались обрядить младенца и класть в гроб, как доложили о прибытии паланкина с супругами Цяо. Они вошли в комнату и заплакали. Юэнян и остальные домашние со слезами на глазах рассказали им о случившемся. Вскоре пришел геомант Сюй.

– Молодой барин и скончался в час обезьяны, – сказал геомант, осмотрев младенца.

Юэнян попросила геоманта заглянуть в «черную книгу». Сюй стал перебирать пальцами, производя подсчеты, затем одним взглядом

справился в тайной книге о силах тьмы и света и, наконец, произнес:

– Молодой барин родился в час под девятым знаком шэнь, в шестой луне двадцать третьего дня года тридцать третьего – бин-шэнь – правления под девизом Порядка и Гармонии, скончался в час под девятым знаком шэнь, в восьмой луне двадцать третьего дня года тридцать четвертого – дин-ю – того же правления.^[915] Сочетание года тридцать четвертого – дин-ю – с днем сорок девятым – жэнь-цзы – предвещает два больших траура. Членам семьи следует воздерживаться от рыданий. Запрет этот не касается остальных родственников. При положении во гроб не должны присутствовать родившиеся под четырьмя знаками: змеи, дракона, крысы и зайца.^[916] «Черная книга» также гласит: «Умершему в день сорок девятый – жэнь-цзы – на небе соответствуют чертоги Драгоценной Вазы, а на земле – область Ци,^[917]». В прежней жизни он был сыном в семье Цаев из Яньчжоу^[918] разорял ближних, пьянствовал и под конец совсем опустился. Он не почитал ни Небо и Землю, ни родных, совершал одно злодеяние за другим. Впоследствии, пораженный холодом, он долгое время был прикован к постели, ходил под себя и умер, неухоженный. В нынешней жизни он родился мальчиком, страдал от судорог, а десять дней назад был напуган домашним животным, и у него отняли душу. Он преждевременно скончался от того, что попал под вредоносное влияние Юпитера в данном месте. Теперь ему предстоит родиться сыном в семье Ванов из Чжэнчжоу.^[919] Он станет впоследствии тысяцким и доживет до шестидесяти восьми лет.

Геомант Сюй смолк и, не отрываясь от книги, обратился к Симэню:

– Позвольте вас спросить, ваше превосходительство, завтра вы намерены совершить сожжение или погребение?

– То есть как это завтра? – удивился Симэнь. – На третий день отслужим панихиду, а на пятый будет вынос и похороны на нашем кладбище.

– Двадцать седьмого будет как раз день под пятьдесят третьим знаком бин-чэнь, который не предвещает ничего дурного ни одному из членов вашей семьи, – отвечал геомант. – Погребение следует совершить в полдень, в час седьмой – у.

Свидетельство было составлено. Когда младенца положили в гроб, пробили уже третью ночную стражу.

Пиньэр с плачем отыскала у себя в комнате детскую монашескую ризу, шапочку и туфельки и положила в гроб. Гроб забили и снова послышались рыдания. Геоманта отпустили.

На другой день Симэнь был так занят, что не заглядывал в управу.

Печальное известие дошло до надзирателя Ся, и он сразу же после утреннего присутствия прибыл с выражением соболезнования. Отправили посыльного сообщить о случившемся настоятелю У. На третий день восемь иноков из монастыря Воздаяния читали над усопшим священный канон. Настоятель У и сват Цяо вместе приготовили трех жертвенных животных.^[920] Стол с жертвами и сожжением бумажных изображений устроили также и шурины У Старший и Хуа Старший, и свояки Шэнь и Хань. Ин Боцзюэ, Се Сидя, сюцай Вэнь, Чан Шицзе, Хань Даого, Гань Чушэнь, Бэнь Дичуань, Ли Чжи и Хуан Четвертый, объединившись, тоже внесли свою лепту и провели вечер вместе с Симэнем у гроба младенца. Когда отбыли монахи, позвали всех принесших жертвенные изображения. После предания их огню перед гробом Гуаньгэ в большой зале был накрыт стол, и Симэнь накормил пришедших. В тот же день с жертвенными предметами прибыли певицы Ли Гуйцзе, У Иньэр и Чжэн Айюэ.

Пиньэр день ото дня бледнела, не пила и не ела. Всякое воспоминание сопровождалось слезами. От рыданий она потеряла голос. Симэнь начал опасаться, как бы с горя руки на себя не наложила, и велел кормилице, горничной и У Иньэр не оставлять ее днем одну. Сам он третью ночь проводил с Пиньэр и всячески старался ее успокоить. Монахиня Сюэ читала ей по ночам Сурангамусутру^[921] и «Заклятья, отводящие злых духов».

– Не плачьте, матушка, – успокаивала ее монахиня. – Ведь сказано в Писании: все в мире меняет облик свой, и нет конца перерождениям. Кому судьба родиться, тот на свет появится непременно. Он же не дитя ваше, матушка, а кредитор ваш в прошлой жизни. Вот он и пришел, чтобы вернуть долг и вас ограбить. Он все равно умер бы – не через год, так через два или три, через шесть лет или девять. Не счесть числа смертям и рождениям, кои свершаются денно и нощно. Вот что сказано в «Сутре заклинаний-дхарани»: “Жила в старину женщина. Никогда не расставалась она со священной «Сутрой заклинаний-дхарани». Ни дня не проводила без молитвы. Но за три рождения до того женщина эта поднесла яд и загубила жизнь ближнего. И душа, ею загубленная, постоянно ее преследовала – часа своего ждала. И чтобы убить мать свою, тайно проник преследователь в нутро ее, поселился во чреве ее, вцепился в сердце и печень родительницы своей. Когда же пришел час разрешиться ей от бремени, в муках между смертью и жизнью металась она, но, наконец, родила дитя как положено. Однако не минуло и двух лет, как умер ребенок тот. Тосковала мать, горько плакала и рыдала. Потом отнесла дитя свое бездыханное к реке и в

воду бросила. И так повторялось трижды. А он всякий раз вселялся в нее, проникал во чрево ее и выжидал часу, чтобы убить мать свою. Так в третий раз затеял он в утробе ее недоброе. Вцепился он в сердце и печень ее, и в муках страшных едва сносила она боль нестерпимую, и надрывалась от крику, и родила его целого и невредимого. И опять умер он, не прожив и двух лет. Невольно зарыдала мать перед бездыханным младенцем своим и сетовала на горькую свою судьбу. Как и раньше понесла его к реке. На берегу остановилась, будучи не в силах расстаться с детищем своим. И сжалилась тогда над ней милосердная бодхисаттва Гуаньинь и явилась ей одетым в рясу монахом и молвила: “Не плачь и не убивайся! Это не сын твой, а душа загубленного тобою в третьем до сего рождении. Он рождался трижды, но погубить тебя ему не удалось. Не отомстил он тебе, ибо изо дня в день с усердием творишь ты молитву Будде и твердо веришь в священную «Сутру заклинаний-дхарани». Если желаешь взглянуть на преследователя твоего, обернись, куда укажу”. И молвив это, указала божественным перстом своим. И принял младенец ее образ демона-якши,^[922] и встал среди реки, и изрек: “Ты загубила меня, и вот пришел я отомстить тебе. Но тверда ты в вере, творишь усердно молитву и чтишь «Сутру заклинаний-дхарани», священный канон Венценосного Будды. За это добрые духи охраняют тебя и денно и ночью, и не могу я погубить тебя. А теперь милосердная Гуаньинь освободила меня от жажды мщения, и не стану я отныне преследовать тебя”. Сказал и исчез, погрузившись в воды реки. И со слезами молилась та женщина милосердной Гуаньинь. И с тех пор творила добро, и праведная жизнь ее длилась девяносто восемь лет, а в последующей жизни она родилась мужчиною». Поверьте мне, матушка, ребенок этот не сын вам. Это мститель, судьбою вам посланный. Родился он, чтобы свершить возмездие и погубить вас. Только благодаря молитве вашей и усердию, с коим вы жертвовали на печатание и распространение полутора тысяч копий священной книги, он не в силах оказался погубить вас и исчез. Но придет срок – и появится у вас сын. То и будет дитя ваше кровное.

Слушала Пинъэр монахиню Сюэ, но любовь ее материнская к сыну от этого не уменьшалась. И при всяком упоминании слезы текли у нее из глаз.

Незаметно прошли дни, и настало утро двадцать седьмого дня. Восемь нанятых подростков в темном одеянии и белых шапочках несли отделанный золотом ярко-красный гроб. Вздымались к небу стяги и хоругви, плыл увитый белыми цветами и ветками ивы

балдахин. Впереди двигалось ярко-красное полотнище с надписью:
«Гроб с телом сына из рода Симэнь».

Настоятель У также прислал двенадцать послушников. Настоятель У также прислал двенадцать послушников. Они окружили гроб, повторяя молитвы и читая канон «Нефритовые строки о рождении духа». Лились траурные мелодии. Родные и друзья сопровождали одетого в траур Симэня. До арки на большой улице он шел пешком, потом сел на коня. Похоронную процессию сопровождали паланкины У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь и дочери Симэня, а также матери свата Цяо, супруги У Старшего, супруги У Шуньчэня – Чжэн Третьей и певиц – Ли Гуйцзе и Чжэн Айюэ. Сунь Сюэ, У Иньэр и монахиня Сюэ остались дома с Ли Пиньэр.

Симэнь опасался, что Пиньэр будет чрезмерно убиваться и не пустит ее на кладбище. Когда начался вынос и процессия двинулась к воротам, как ни уговаривали Пиньэр, она бросилась за гробом.

– Навсегда ты уходишь, сыночек родной мой! – так громко причитала она, что сорвала голос, потом упала, ударившись головой о ворота. Золотые шпильки выпали у нее из прически. Испуганные У Иньэр и Сунь Сюэ подняли ее и стали спрашивать пойти к себе в покой.

Опустел кан. Только игрушечный барабанчик с бубенчиками – символ долголетия – все еще висел над кроватью. Пиньэр ухватила руками за стол и зарыдала.

Тому свидетельством романс на мотив «Овечка с горного склона»:

Безмолвия бездна,
Любимый сынок!
Мне жизнь бесполезна,
Мне дом одиноч!
Рожала в мученьях,
В крови и в поту.
И нет облегченья –
Вся боль – в пустоту!
Страдаю я ныне.
Судьба ли? – Беда!
Все мысли о сыне –
Туда – в никуда!
Лишилась приюта,
Лишилась мечты.
О, Небо, ты люто,
Неправедно ты!
Век скорый и скорбный

Судило ему.
Мне дом мой просторный
Пустой ни к чему.
Спешу я за чадом
В объятия тьмы,
Чтоб в вечности рядом
Покоились мы.

– Не надо так убиваться, матушка, – говорила Иньэр, беря за руку Пиньэр. – Ребенок ушел, и слезами его не вернешь. Успокойтесь, к чему так расстраиваться!

– Ты еще молода, – уговаривала Сюэ. – Твоя весна еще не прошла. Зачем печалиться? Будет еще сын. У нас ведь и у стен есть уши – всего не выскажешь. Только отольются ей твои слезы. Все видели, как она злилась, что у тебя ребенок. Если только она его погубила, он ей за все отомстит. Он у нее жизнь возьмет. А сколько она на меня хозяйну наговаривает! Пока он с ней, она еще ничего. Стоит же ему заглянуть к другой, как она уж вне себя от зависти. Ко мне он не заходит – ты и сама знаешь. А придет, так чего она ему только не нашепчет на меня. А как меня судит да рядит с остальными женщинами – и слепой увидит. Я ведь все вижу, да только молчу. Ну погоди! Кто знает, какой тебя ждет конец, потаскуха!

– Хватит! – сказала Пиньэр. – Я ведь тоже как сюда пришла, страдаю. Не сегодня-завтра и меня не станет. Разве перед ней устоишь! Пусть себе творит свое дело.

Вошла кормилица Жуи и, опустившись на колени, со слезами обратилась к Пиньэр:

– Я все хотела Вам сказать, матушка, да не решалась. Хлебну я горя без Гуаньгэ. Куда мне деваться вдове одинокой, ежели батюшка с матушкой велят уходить?

Тяжело стало от таких слов на душе Пиньэр. «Пока был сын, и в ней нуждались. Тогда она так не говорила», – подумала она и сказала:

– Какая ты странная! Ребенок умер, но я-то пока жива. Пока я не умерла, ты будешь служить мне. Разве я тебя гоню?! А там, глядишь, у старшей матушки сынок родится или дочка, опять будешь кормить. Не все ль равно?! К чему так волноваться?

Жуи больше не проронила ни слова, а Пиньэр опять горько заплакала.

Свидетельством тому романс на тот же мотив:

Горюю о сыне –

Тоске нет конца.
Где крошка мой ныне?
Родного лица
Ни здесь, ни в помине,
Лишь в призрачном сне
Мать сына обнимет –
Незримый он с ней.
И утром в час ранний
Мне солнечный луч
Всё тело изранит,
Безмолвен и жгуч!
Не спать, не резвиться
В тени золотой,
К груди материнской
Не льнуть молодой,
И смех, и веселье
В весенних садах –
Смертельное зелье,
С тобою мы – прах!
Был сыном, был другом,
Кормильцем, отцом...
Стал болью, недугом –
Последним венцом!

– Съели бы вы чего-нибудь, а то все плачете, надываетесь, – продолжали успокаивать ее Сюээ и Иньэр.

Сючунь принесла кушанья и накрыла стол. Они сели за компанию с Пиньэр, но кусок застревал у нее в горле. Кое-как она съела полчашки и вышла из-за стола.

На кладбище Симэнь велел геоманту Сюю определить место погребения. Гуаньгэ похоронили как раз возле первой жены Симэня, урожденной Чэнь, как бы в ее объятиях. Сват Цяо и остальные родственники принесли жертвы. Целый день пили и закусывали под только что возведенным навесом. Когда вернулись домой, Пиньэр поклонилась Юэнян, сватье Цяо и старшей невестке У и опять зарыдала.

– Кто знал, свашенька, что век моего сына будет таким коротким, – обратилась она к госпоже Цяо. – с его смертью ваша дочка осталась беспомощной вдовой до замужества. Напрасны были наши хлопоты. Не осудите, свашенька.

– Зачем же, свашенька, вы так говорите? – отвечала Цяо. –

Каждому свой век на роду написан. Никто наперед загадывать не может. Говорят, те, кто узами родства связан, не разойдутся как чужие. А вы еще молоды, свашенька, стоит ли так беспокоиться о потомстве? Не расстраивайтесь! Все придет в свое время.

Сватья Цяо распрощалась с хозяйками и ушла.

Симэнь в передней зале попросил геоманта Сюя изгнать из помещения злых духов. На всех дверях были расклеены амулеты из желтой бумаги, отгонявшие нечисть.

Они гласили:

«Дух умершего ростом в три чжана^[923] отправился на северо-восток. Если встретит Духа, бродящего днем^[924], ему не вырваться, тот сразит его и все обойдется благополучно. Родным остерегаться нечего».

Симэнь отблагодарил геоманта куском холста и двумя ляннами серебра, и после угощения тот удалился. А Симэнь с вечера пошел к Пиньэр и остался у нее на ночь, всячески успокаивал и ласкал ее. Инчунь было велено убрать игрушки Гуаньгэ, чтобы они не напоминали матери о сыне и не тревожили ее.

Да,

О сыне горюет,
день и ночь пребывает в тоске.
От раны сердечной
жизнь ее на одном волоске.
Судьба нам приносит
горе тяжкое, множество мук,
Но нет тяжелее
смерти ближних иль с ними разлук.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

ЛИ ПИНЪЭР ОТ ГОРЯ И ПОПРЕКОВ ОДОЛЕВАЕТ НЕДУГ

СИМЭНЬ ЦИН ОТКРЫВАЕТ ТОРГОВЛЮ АТЛАСОМ

*Легко ль надежду сохранить,
когда судьбы порвалась нить!
На что посетуешь, коль жизнь
течение хочет изменить!
Как поздней осенью листва,
слезинки падают в тиши...
Что поздно смотришь ты в окно,
луна – тень отнятой души?
Свеча плакучая в слезах
истает, обратится в прах,
О сыне дума истомит,
чуть ветер зашумит в ветвях.
Утрата с ног валит и тех,
чья воля, кажется, сильна.
Как скорбь из сердца ни гони,
тебя измучает она.*

Итак, Сюээ тогда вместе с Иньэр старалась успокоить Пиньэр, а потом ушла к себе.

Цзиньлянь же со смертью Гуаньгэ прямо-таки воспрянула духом.

– А, потаскуха проклятая! – со злорадством кричала она ежедневно в присутствии служанок. – Что я говорила? Зайдет и твое солнце! Отойдет и твое время! Сбили горлицу и самострел теперь ни к чему. Сломалась скамейка – о спинку не обопрешься. Продала старуха Ван мельницу – куда молоть пойдет? Умерла красавица – хозяйке хоть все

заведенье закрывай. Что ж! Равны мы теперь – что я, что ты!

Пиньэр отчетливо слышала ее злопыхательскую брань, но и голосу подать не смела. Только проливала втихомолку слезы. Перенесенное горе и затаенная обида сломили Пиньэр. Нервы ее не выдержали, и она лишилась покоя даже во сне, не пила и не ела.

На другой же день после похорон Гуаньгэ ушла домой Иньэр, а тетушка Фэн привела тринадцатилетнюю служанку, которую за пять лянов продала Сюэ. Ее назвали Цуйэр, но не о том пойдет речь.

От горя и попреков у Пиньэр открылся старый недуг – истечения. Симэнь пригласил лекаря Жэня. Как вода точит камень, так и лекарство, им прописанное, – чем больше пила его Пиньэр, тем ей становилось все хуже. За какие-нибудь полмесяца она побледнела, осунулась и сделалась неузнаваемой.

Да,

За чередой бед – печалей череда.

Тончает дева – как тростиночка худая.

Однажды, в начале девятой луны, погода стояла прохладная, дул осенний ветер. Пиньэр спала одна на серебряной кровати. Через газовую занавеску в окно глядела луна. Вспомнив сына, Пиньэр всхлипнула и тяжело вздохнула. Она была в полузабытьи. Вдруг ей послышался стук в окно. Пиньэр кликнула служанок, но те крепко спали. Тогда она встала, нащупала шлепанцы, завернулась в расшитый халат и, открыв дверь, выглянула наружу.

На пороге стоял Хуа Цзысуй, державший на руках Гуаньгэ. Он стал звать Пиньэр в новый дом, который только что подыскал. Но Пиньэр была не в силах расстаться с Симэнем и за ним не пошла. Она протянула руки, собираясь обнять сына, но Хуа Цзысуй так оттолкнул ее, что она упала и с испугу пробудилась. То был сон. Пиньэр покрылась испариной и тихо проплакала до самого рассвета.

Да,

Кто любит, тот жаждет свиданья,

И взор вечно полон желанья.

Тому свидетельством стихи:

Узкий гребень луны,

облаков валуны

на экране.

Я в тисках тишины,

мои муки смешны

и бескрайни.

В теле брошенном – лёд.
Я Владыке-судьбе
неугодна.
Милость прошлая – гнёт,
только зависть к себе
прошлогодней.

Тут прибыл и корабль с товарами из Нанкина. Лайбао дал молодому слуге Ван Сяну опись товаров и направил его к хозяину за серебром на уплату пошлины. Симэнь велел составить письмо и приготовить сотню лянов серебра, барана, вина и золотой парчи. С письмом и подарками был послан слуга Жунхай, которому наказали отблагодарить акцизного и попросить быть помилостивее при взимании пошлины.

А тем временем лавку отделали, и на четвертое число в девятой луне было назначено открытие. В тот же день на двадцати больших подводах привезли и новую партию товаров.

Родных и близких с подарками по случаю торжественного открытия лавки собралось более тридцати человек. Сват Цяо нанял двенадцать музыкантов и забавников, от Симэня были певцы Ли Мин, У Хуэй и Чжэн Чунь. Приказчики Гань Чушэнь и Хань Даого стояли за прилавком. Один проверял серебро, а другой торговался. Цуй Бэнь был занят подноской и раскладкой товаров. Кто бы ни проходил мимо – маклеры ли или обыкновенные покупатели, всякого зазывали в лавку и подносили чарку-другую вина. Симэнь, одетый по-праздничному в ярко-красный халат с поясом, возжег жертвенные предметы; родные и друзья вручили ему коробки с подарками.

Немного погода в большой зале были накрыты полтора десятка столов. Одни кушанья сменялись другими, блюда подавали нескончаемой чередой. Когда снова наполнили кубки, грянула музыка. Прибыл с подарками посыльный от надзирателя Ся. Симэнь отправил с ним ответные дары.

Среди пировавших были сват Цяо, шурины – У Старший, У Второй и Хуа Старший, свояки Шэнь и Хань, настоятель У, сючай Ни, Вэнь Куйсюань, Ин Боцзюэ, Се Сиды и Чан Шицзе. Последнему Симэнь одолжил на днях пятьдесят лянов серебра, из которых тридцать пять лянов предназначались на покупку дома, а пятнадцать на открытие при доме малюсенькой мелочной лавчонки, но не о том идет речь. Все они пришли поздравить хозяина и поднесли ему подарки. Были тут подрядчики – Ли Чжи и Хуан Четвертый, приказчик Фу Цзысинь и остальные приказчики и служащие Симэня, а также и соседи, так что

все места оказались занятыми. Вышли певцы и запели на мотив «Куртка красная»:

«В изначальном хаосе бытие родилось...»

Вино обошло пять кругов, и трижды накрывали столы. Играли музыканты, пели певцы, выступали забавники и шуты. Пир был в разгаре. Порхали кубки и ходили чары над столом, за которым сидели Боцзюэ и Сидя. Только когда солнце начало клониться к закату, гости стали расходиться. Симэнь оставил шурина У Старшего, свояка Шэня, свояченицу Ни, Вэнь Куйсюаня, Ин Боцзюэ и Се Сидя. Снова накрыли стол и пир продолжался.

В день открытия лавки по подсчету приказчиков шелку было продано на пятьсот с лишним лянов серебра. Симэнь остался очень доволен, и как только лавку заперли, пригласил к столу приказчиков Гань Чушэня, Хань Даого и Фу Цзысиня, а также Цуй Бэня, Бэнь Дичуаня и Чэнь Цзинцзи. Их услаждали музыканты, которых потом отпустили. Затем им пели певцы.

Порядком захмелевший Боцзюэ вышел по нужде и подозвал Ли Мина.

– Откуда этот смазливый певец с собранными в пучок волосами? – спросил певца Ин Боцзюэ.

– А вы разве не знаете, батюшка? – удивился Ли Мин и, прикрывая рот, продолжал: – Это Чжэн Чунь, брат Чжэн Фэна. В прошлый раз батюшка пировал у Чжэнов с его сестрой Айюэ.

– Вон оно что! – протянул Боцзюэ. – Теперь понятно, почему Айюэ была на недавних похоронах.

Боцзюэ сел за стол и обратился к Симэню:

– Тебя, брат, надо еще поздравить с обретением нового шурина, да?

– Брось, сукин сын, глупости болтать! – шутя обрезал его Симэнь и кликнул Ван Цзина: – Налей-ка батюшке Ину большую чару.

– Шурина, дорогой! – обратился к У Старшему Боцзюэ. – Ну что ты скажешь, а? За что он наказывает невинного человека?

– Я тебя наказываю, сукин сын, за то, что ты распространяешь ложь, – отвечал Симэнь.

Боцзюэ понурил голову, помолчал и захохотал.

– Ладно! – воскликнул он. – Я готов пить чару. Думаю, не помру. Только я отродясь не пил всухую. Позови-ка Чжэн Чуня. Пусть споет, а я выпью.

Вышли трое певцов и заиграли на своих инструментах.

– Нет, вы ступайте, – обратился Боцзюэ к Ли Мину и У Хуэю. – Я

хочу, чтобы мне пел только Чжэн Чунь.

– Чжэн Чунь! – крикнул Се Сиды. – Поди сюда! Спой, раз тебя просит батюшка Ин.

– Раз ты просишь, будешь пить по чарке за каждую песню, – заключил Симэнь.

Дайань поставил перед Боцзюэ две больших чары. Чжэн Чунь настроил серебряную цитру и запел негромко романс на мотив вступления к «Чистой реке»:

Барышня семнадцати годков
Увидала пару мотыльков.
Прислонилась к белому крыльцу,
Покатился жемчуг по лицу
Прогоняет резвую чету –
Не поймать им счастья на лету.

Чжэн Чунь спел, и Боцзюэ предложили вино. Только он осушил кубок, Дайань опять наполнил его вином. Чжэн Чунь запел на тот же мотив:

За перилами резными – ты.
Чайной розы пышные кусты,
Теребишь, в смущеньи скрыв
Встречи давешней порыв.
Мне бросая желтые цветы,
Улыбаешься из темноты.

Боцзюэ осушил чарку и поставил ее перед Сиды.

– Хватит! – говорил он. – Не могу я больше! Меня и эти две уложили.

– И хитер же ты, Попрошайка! – возражал Се Сиды. – Что ж я за тебя пить должен, да? Я тебе не раб!

– Сам ты попрошайка-хитрец! – заявил Боцзюэ. – Погоди, стану сановником, тогда у меня в рабах ходить будешь.

– Тебе, сукин сын, больше подойдет пост служки в вертепе, – заметил Симэнь.

– Хорошо, сынок, тогда я тебе не откажу в приеме, – засмеялся Боцзюэ.

Симэнь обернулся к Дайаню и наказал в шутку:

– Ступай сходи за щипцами. Я Попрошайке голову расколю.

Се Сиды потихоньку подкрался к Боцзюэ и щелкнул его по голове.

– Как ты можешь городить ерунду в присутствии почтенного

господина Вэня? – укорял его Сид.

– Господин Вэнь – человек образованный, – отвечал Боцзюэ, – и поймет, что в шутку, что всерьез.

– Вы, господа, так близки с почтенным благодетелем, моим хозяином, – говорил сючай Вэнь, – что иначе за пиршественным столом было бы довольно скучно. А когда становится весело на душе, радость рвется наружу. Невольно начинают «жестикулировать руки и пританцовывать ноги».^[925]

– Хватит этих шуток, свояк! – обращаясь к Симэню, сказал свояк Шэнь. – Давайте лучше попросим старшего шурина занять почетное место и начнем застольную игру. Можно метать кости или выбрасывать пальцы, а можно и в домино. Кто не знает стихов и песен, пусть скажет скороговорку. А ни того ни другого – пей чарку. Так будет справедливее, и утихнут споры.

– Это ты прав, свояк, – поддержал Симэнь.

Налили кубок и велели начинать шурину У Старшему. Тот взял коробку с костями.

– Начинаем игру, господа! – обратился он. – Кто скажет невпопад, тому штрафной кубок. Сперва я брошу одну кость, потом – две. Если совпадут со сказанным, пью штрафную.

Первая:

В несметном войске белое знамя свернули,

Вторая:

Немногим известен в Поднебесной храбрец,

Третья:

Самодержец Циньской казнил верховного командующего Юя,

Четвертая:

Поруганный полководец коня боевого лишился,

Пятая:

Перепуганы так, что на зов мой никто не откликнется,

Шестая:

Государь на улице одеянье скинул,

Седьмая:

У посыльного из черни не сыщешь седого волоска,

Восьмая:

Четвертовавший не принесет домой топор,

Девятая:

Чудодейственна пилюля, да некому принять,

Десятая:

Век вместе, а в конце одна разлука.

Шурин У бросил кости. Вторая кость совпала, и он выпил чарку.

Теперь была очередь свояка Шэня.

– Я буду бросать по одной кости шесть раз, – пояснил он. – При совпадении пью штрафную.

Вот – небесная четверка,

два – на полюсе земли –

Средь людей в пылу восторга

пару красную яви.

Третий раз алеют сливы

у Шаманской высоты^[926] –

Подсчитай друзей счастливых,

кто из нас познал цветы.^[927]

Он вынул красную четверку и выпил чарку, а потом передал кости сююау Вэню.

– Ваш ученик назовет цветок и процитирует строку из Четверокнижия,^[928] которая начинается со слова предыдущего предложения.

Бросаю раз:

Капелька алая. –

Алая слива,

белая рядом нежна и красива.

Бросаю два:

Пара махровая. –

Лотос двуглавый –

В лотосах спрятались утки-шалавы.^[929]

Бросаю три:

Ивы три вешние. –

Стоя под ивой,

не поправляй свою шапку стыдливо.

Бросаю четыре:

Ночью краса красна.^[930] –

Пурпурно-красный

не одевай в суе ты напрасно.

Бросаю пять:

Там зимоцвет, как меч.^[931] –

Меч драгоценный,
падшей звезды яркий отблеск мгновенный.

Бросаю шесть:

Звездные россыпи. –
Полог небесный –
неба покой, непонятный, чудесный.

Сююаю Вэню пришлось выпить только одну чашу.
Настала очередь Ин Боцзюэ.

– Я ни аза не знаю, – сказал Боцзюэ. – Я лучше прибаутку-скороговорку скажу.

Шлеп, шлеп, шлеп, – вышаркивает старикашка,
с желтым он горохом сжал в руке черпашку,
а в другой – цветами расцвеченную суму.
Шлеп, шлеп, шлеп, – вышаркивает старикашка,
вдруг навстречу желтый с белым пес-бродяжка,
сцапал он цветами расцвеченную суму.
Тот, что шмыгал, тот, что шаркал, старикашка,
с желтым он горохом опустил черпашку,
дать отбой рукой стараясь побирушке псу.
То-ли старикашка
пострадал от желтого с белесым пса-бродяжки,
То ли пес-бродяжка,
желтый с белым, пострадавший пал от старикашки.

– Что б тебе, шутник ты никудышный, провалиться! – засмеялся Симэнь. – Где это видано, чтобы собаку рукой били, а? И за руку не схватила?

– Так кто ж ему велел без палки по улицам шмыгать? – говорил Боцзюэ. – Я сам тут как-то собирал пожертвования, и клюки под рукой не оказалось. Так насилиу от собак отбился.

– Брат, ты слышишь? – обратился Сид к Симэню. – Попрошайка сам признается, что побирается. У кого что болит, тот о том и говорит.

– Наказать его чаркой за такую скороговорку! – предложил Симэнь. – А теперь твоя очередь, Се Цзычунь.

– Моя скороговорка получше будет, – предупредил Се Сид. – Запнусь – чарку в наказание.

Там над частоколом
зачем-то торчал чурбачок черепичный,

А под частоколом
частенько скучал чахлый мул горемычный.
Упал с частокола
зачем-то торчавший на нем чурбачок черепичный,
И в мула попал,
что под тем частоколом частенько скучал горемычный.
С отчаянной яростью он,
что под тем частоколом частенько скучал горемычный
Копытом тупым
раскучорил тотчас до черта черепков чурбачок черепичный.
Иль в точности наоборот:
этот мул, что под тем частоколом частенько скучал горемычный
Чудовищно чётко
пришиблен был тем, с частокола упавшим шальным чурбачком
черепичным.

– Еще надо мной подтрунивал! – говорил Боцзюэ. – Тебе моя скороговорка не по душе пришлась, зато мне строптивый мул понравился. Я – строптивый мул, а невестка Лю, баба твоя, – черепица разбитая. Пока ты, облезлый мул, жернова вертел, я черепицу молот.

– А твоя Ду, старая потаскуха, таких бобов наварит, что и собаки жрать не станут, – отвечал Сидя.

Посыпались колкости и попреки, и обоим пришлось пить по штрафной.

Настал черед Фу Цзысиня.

– Я вам скажу скороговорку торгового люда, – начал он. – При совпадении пью чарку.

Одну лодку, два весла –
Всех троих волна несла
К бурным Четырем рекам,^[932]
Как мелодия легка! –
Пять тонов, иль шесть на лад –
Пел ли песенки подряд
Хор из певчих семерых
Про бессмертных восьмерых^[933]
Девять, десять – дни весны –
Там и тут цветы красны,
Чтоб в одиннадцатый день
Пить вино, на сад глядеть,
А в двенадцатый опять

Все сначала запевать:

Одну лодку, два весла...

Ни одна кость не совпала со сказанным.

– Вот это да! – воскликнул шурин У Старший. – Ловко сказал приказчик Фу, не правда ли?

– Надо ему хоть запасную чарку выпить, – сказал Боцзюэ и, выйдя из-за стола, лично поднес Фу Цзысиню наполненный до краев кубок. – А теперь черед приказчика Ханя.

– Не смею опережать батюшку, – проговорил Хань Даого.

– Мы ж играем, – говорил Симэнь. – Давай, давай, а я потом.

– Первая строка – парящая в небе птица, – объяснил Хань, – вторая строка – плод, третья – название игровой кости, четвертая – чиновное звание. Строки должны быть связаны одна с другой. При совпадении пью штрафную.

Журавль небожителей в небе явился –

За персиком свежим он в сад опустился,^[934]

Но сирым красавцем^[935] он тут же был схвачен –

Инспектору школьному в дар предназначен.^[936]

Вот иволга желтая в небе явилась –

За вишнею красною в сад опустилась,

Но парюю девушек^[937] накрепко схвачена –

Вельможе^[938] в подарок теперь предназначена.

Вдруг аист-старик в небесах появился –

За лотосом спелым он в сад опустился,^[939]

Увы, в три силка был немедленно схвачен^[940] –

Правителю области в дар предназначен.^[941]

А вот ясна горлица в небе явилась –

Гранатов попробовать в сад опустилась,

Четверкой красавцев^[942] несчастная схвачена –

И князю удельному^[943] в дар предназначена.

Фазан золотистый с небес появился –

И в сад за полынной травой опустился,^[944]

Владыкой Пяти горных высей захвачен^[945] –

Министру в подарок бесценный назначен.

Сама пеликанша с небес появилась –

Съесть яблочко сочное в сад опустилась,

Но в зелени темной она была схвачена^[946] –

И канцеляристу в подарок назначена.^[947]

Хань Даого бросил кости, и настал черед Симэня.

– Я метну четыре кости, – пояснил Симэнь. – При совпадении пью штрафную.

Вдруг шесть обернулось зарею востока,^[948]

Снежинок-цветов хоровод не унять,

Хуннян – деву красную сладко обнять,

Инъин остается вздыхать одиноко.^[949]

На строку со словом «красную» на столе появилась красная четверка.

– К зиме, брат, тебя ждет новое повышение по службе, – заметив кость, сказал Боцзюэ. – Надо тебя, выходит, поздравить.

Боцзюэ наполнил большую чашу и, поднося ее Симэню, кликнул Ли Мина и остальных певцов.

Вышли певцы и запели. Веселый пир затянулся до зари. Потом Симэнь отпустил актеров и певцов, а после того, как убрали посуду, наказал Хань Даого, Гань Чушэню, Цуй Бэню и Лайбао по очереди ночевать в лавке и караулить на совесть. Тогда только все разошлись на ночлег, о чем говорить не будем.

На другой день Ин Боцзюэ привел к Симэню подрядчиков Ли Чжи и Хуана Четвертого, которые должны были вернуть хозяину долг.

– Мы выручили всего только около тысячи четырехсот пятидесяти лянов серебра, – объясняли Симэню подрядчики. – Так что пока не в состоянии вернуть долг сполна. Все, что нам удалось набрать вам, почтеннейший сударь, вот эти триста пятьдесят лянов. В следующий раз мы обязуемся погасить весь долг без малейшего промедления.

За них замолвил доброе словцо и стоявший рядом Ин Боцзюэ.

Симэнь передал серебро зятю Чэнь Цзинци и велел взвесить его на безмене. Должников отпустили, а серебро лежало на столе.

– Брат Чан вроде дом себе подыскал, – обратился к Ину Симэнь. – Как будто из четырех комнат и всего за тридцать пять лянов. Когда он ко мне пришел, у меня был серьезно болен сын, и мне было не до этого. Я его тогда сразу отпустил. Не знаю, говорил он тебе или нет.

– А как же! Конечно, говорил, – отвечал Боцзюэ. – Я ему прямо сказал, что он не вовремя тебя побеспокоил. Досуг ли, говорю, брату, с тобой заниматься, когда у него наследник болеет. У него, говорю, и без тебя хлопот хватает. Я ему тогда же посоветовал, чтобы он пока к хозяину не показывался, и пообещал с тобой, брат, обсудить, а ты, видишь, и сам заговорил.

– Вот и хорошо! – выслушав Боцзюэ, заключил Симэнь и продолжал: – Давай сейчас поедим, а потом я дам тебе пятьдесят

лянов. Надо ему помочь обделать дело. Тем более, нынче для этого благоприятный день. А на оставшиеся деньги пусть брат Чан откроет при доме мелочную лавку. Выручки им двоим и хватит на прожитие.

– Брат Чан за такую твою милость должен будет потом пир устроить, – заметил Боцзюэ.

Симэнь немного поел за компанию с Боцзюэ.

– Я тебя задерживать не буду, – сказал Симэнь. – Бери серебро и ступай помоги ему купить дом.

– Ты бы дал мне сопровождающего, – попросил Боцзюэ. – Как-никак серебро при мне.

– Брось уж ерунду-то болтать! – оборвал его Симэнь. – Спрячь в рукав, ничего с тобой не случится.

– Да как сказать! – не унимался Боцзюэ. – Мне еще в одно место попасть надо. По правде сказать, нынче у двоюродного брата Ду Третьего день рождения. Я ему с утра подарки отправил, звали после обеда приходить. Мне уж не придется потом к тебе заглянуть, о деле доложить. Так что лучше дай слугу. Он тебе и доложит.

– Тогда я пошлю Ван Цзина, – сказал Симэнь и кликнул слугу.

Чан Шицзе оказался дома. Увидев Ин Боцзюэ, он попросил его пройти в дом и присаживаться. Боцзюэ достал серебро.

– Вот какое дело, – начал он. – Брат^[950] велел мне помочь купить дом, но я занят. Меня двоюродный брат Ду Третий приглашает. Так что пойдем купчую оформим, и потом я к брату пойду, а доложить благодетелю отправится слуга. Вот для чего я его с собой взял, понял?

Чан Шицзе засуетился и велел жене подать чай.

– Кто б еще кроме брата мог оказать мне такую милость? – приговаривал Шицзе.

Они сели пить чай. Потом он позвал слугу, и все вместе они направились в сторону Нового рынка. Серебро вручили хозяину и составили купчую. Боцзюэ наказал Ван Цзину доложить хозяину, а остальное серебро велел взять Чан Шицзе, после чего простился с ним и поспешил на день рождения к Ду Третьему.

Симэнь пробежал глазами купчую и протянул Ван Цзину.

– Ступай передай дяде Чану, – сказал он. – Пусть у себя хранит. Однако не о том пойдет речь.

Да,

Если с просьбой вам прийти пришлось бы,
лишь к достойным обращайтесь просьбы,
Если беды ближних вам не чужды,
пусть близки окажутся и нужды.

Нашу жизнь назвать бы впору бездной
суеты ненужной, бесполезной.
Только та услуга и огромна,
что окажут тайно нам и скромно.

Воистину:

Отблеск благородного сиянья
благодатный на кого нисходит? —
Зла с добром отколь чередованье?
Перемены сами происходят.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ХАНЬ ДАОГО УГОЩАЕТ СИМЭНЬ ЦИНА

ЛИ ПИНЪЭР ЗАБОЛЕВАЕТ НА ПИРУ В ДЕНЬ ОСЕННЕГО КАРНАВАЛА.^[951]

*И в прошлом, помнится, году
я в этот день грустна была,
И ныне тягостная скорбь
меня жестоко извела.
Как меркнет на закате день,
так осень гаснет, отпылав.
Разлукой вечною томлюсь,
слез безутешных не сдержав.
За стаяй увязался гусь^[952] –
письма я, видно, не дождусь,
Все таю, таю с каждым днем,
слабее, тоньше становлюсь.
Цветок, бесчувственный на взгляд,
дарит, однако, аромат,
А я с тревогой на лице
украдкой в зеркальце гляжусь.*

Так вот. Вернулся как-то вечером из лавки Хань Даого и лег спать. Приблизжалась полночь, когда жена его, Ван Шестая, завела такой разговор.

– Гляди, как нам благоволит хозяин, – начала она. – Сколько ты в этот раз денег нажил! Надо бы угощение устроить и его пригласить. Он ведь сына потерял. Пусть у нас немного посидит, тоску развеет, а?

Небось, не объест. Зато и мы перед ним не будем в долгу. Да и приказчики, видя, как ты близок с хозяином, станут совсем по-другому к тебе относиться. Особенно если придется еще ехать на юг...

– Я уж и сам о том думал, – поддержал ее Даого. – Завтра у нас пятое – несчастливое число, шестого и устроим. Позову повара, певца и приглашение составлю, когда пойду к хозяину, приглашу его к нам. Выпьем с ним, на ночь я в лавку уйду.

– А певца к чему? – прервала его жена. – Правда, может он захочет у меня посидеть – А так неудобно. Давай пригласим молоденькую певичку Шэнь Вторую. Она у нашей соседки, супруги Юэ Третьего, живет. Одевается со вкусом и собой хороша. Знает модные песенки. А под вечер, если батюшка пожелает ко мне заглянуть, ее можно будет отпустить.

– Хорошо! – согласился Даого.

Тем и кончился тот вечер.

На другой день Хань Даого пошел в лавку и попросил сюэца Вэня написать приглашение, а потом направился к Симэню.

– Вы, батюшка, завтра не заняты? – спросил он после приветствия. – Не могли бы вы пожаловать к нам на чарочку вина. Снизойдите, прошу вас, батюшка. Не откажите нам в такой чести.

Хань Даого протянул приглашение.

– Зачем это себя в расходы вводишь? – пробежав глазами приглашение, спросил Симэнь. – Завтра я свободен. Только в управу загляну и приеду.

Даого откланялся и пошел в лавку. Ху Сю он велел взять корзину и купить курицу и свиные ножки, утку и гуся, свежей рыбы, овощей и сладостей. Потом был нанят повар. Слугу послали нанять паланкин и пригласить певицу Шэнь Вторую. Ван Шестая со служанкой готовила лучший чай. Гостиная была тщательно прибрана. Блестели начищенные столы и кресла. Хозяева ожидали прибытия Симэня.

После обеда Циньтун принес жбан виноградного вина. Через некоторое время в летнем паланкине пожаловал и сам Симэнь в сопровождении Ван Цина. У ворот Симэнь вышел из паланкина. На нем была парадная чиновничья шапка, длинный халат из темного тонкого шелка и черные сапоги на белой подошве. Его встретил Хань Даого и проводил в дом. Гость и хозяин обменялись приветствиями.

– Премного благодарен вам, батюшка, за вино, – говорил хозяин.

Посреди гостиной стояло почетное кресло, в которое и сел Симэнь. Немного погодя показалась вырядившаяся Вань Шестая. Ее прическу держали многочисленные шпильки полукругом, золотой ободок и

серебряная сетка, украшенная по канту бахромой и подвесками. На ней была белая кофта из ханчжоуского шелка с застежкой спереди, бледно-зеленая шелковая безрукавка и бледно-желтая с бахромой юбка. На ногах у нее красовались атласные туфельки цвета воронова крыла на толстой подошве, отделанные золотой тесьмой в виде плывущих облаков. В ушах блестели золотые серьги-гвоздики. Словом, одета она была с большим вкусом. Ван Шестая грациозно подошла к Симэню и отвесила четыре поклона, а потом удалилась отдавать распоряжения.

Вскоре появился Вань Цзин. Он нес расписанный золотом красный лаковый поднос, на котором стояли две чашки густо заваренного чаю, куда для духу были примешаны бобы с корицей. Даого взял чашку и, высоко приподняв, торжественно преподнес ее Симэню. Другую он поставил себе и присел рядом с гостем. После чаю Ван Цзин унес посуду.

– Неизмеримо велика ваша милость, батюшка, оказываемая мне, ничтожному, – заговорил, наконец, Даого. – Вы не оставляете своим покровительством мою жену во время моих отъездов, взяли к себе в слуги Вань Цзина. Глубоко тронутые вашей добротой, мы с женой не знали, как выразить вам свою искреннейшую признательность, и решили устроить скромное угощение, пригласить вас, батюшка, побыть у нас. Кончина вашего наследника застала меня вдали, а жена моя была здесь, но из-за недомогания не смогла выразить вам своего соболезнования, чем, наверное, сильно вас огорчила. Мы пригласили вас, батюшка, во-первых, развеять горе, а во-вторых, попросить у вас прощения.

– Ну что ты! – отозвался Симэнь. – Заставил я только вас раскошелиться.

Пока они беседовали, Ван Шестая расположилась за небольшим столиком рядом.

– А ты уже батюшке сказал? – обратилась она к мужу.

– Нет еще, – отвечал Даого.

– Вы о чем? – поинтересовался Симэнь.

– Мы хотели пригласить для вас, батюшка, двух певцов, – объясняла Ван, – но потом так и не решились. Вот позвали барышню Шэнь Вторую от соседки Юэ. Барышня совсем молода, модные песенки и речитативы знает. В прошлый раз я слышала у вас барышню Юй. Поет она так, средне. Барышня Шэнь куда лучше ее! Вот я для вас, батюшка, ее и позвала. Не знаю, понравится ли она вам, батюшка. А то можно будет позвать ее и к вам. Пусть матушек усадит пением. Ее

ведь постоянно зовут. Надо только с ней заранее договориться. Она не посмеет отказаться.

– Раз позвали, пусть выйдет, погляжу, – сказал Симэнь.

Даого кликнул Дайаня.

– Помоги батюшке снять халат, – обратился он к слуге.

Тем временем накрыли стол. Ху Сю расставил закуски и кушанья. Принесли вино. Были тут и копченая утка, и креветки, и прочая морская снедь, и пельмени. Ван Шестая откупорила жбан и, подогрев вино, принесла его в кувшине. Даого поднес Симэню чарку, а потом позвали барышню Шэнь. Симэнь пристально рассматривал певицу.

У барышни Шэнь была высокая прическа. Редкие цветы и шпильки украшали ее связанные узлом локоны-тучи. Переливались сапфировые серьги. Была она в зеленой кофте и красной юбке, из-под которой выглядывали золотые лотосы-ножки. Ее ланиты были нежны, как персики, рисинки-зубы ослепляли белизной, а тонкие изогнутые брови таили в себе чары весенних гор. Как колышущаяся на ветру ветка цветов, приблизилась она к Симэню и отвесила четыре земных поклона.

– Встань, прошу тебя! – сказал Симэнь. – Сколько цветущих весен ты видела?

– Мне двадцать один год.

– Много песен знаешь?

– Всего больше сотни напевов.

Симэнь велел Даого принести стул, и барышня, поклонившись, села рядом с гостем, взяла цитру и спела арии из «Беседки Осеннего благоухания». Когда она отведала рисового отвара, ее попросили спеть арии из сцены «Тьма солдат-бунтовщиков». Пир близился к концу.

– А теперь возьми лютню и спой малые романсы,^[953] – попросил Симэнь.

Барышне Шэнь хотелось показать все свое умение. Легким движением она поправила шелковые рукава, подтянула колки и, нежно коснувшись струн, заиграла мотив «Овечка с горного склона»:

– Давным-давно я глаз не видел милых.

Что на душе – и передать не в силах.

Как я тоскую по тебе, – ты знаешь,

Да и сама меня не забываешь.

Близки мы были,

Неразлучны были,

Клялись в любви,

В сердцах любовь носили.

Жаль, что не в стенах монастыря случилось,^[954]
Что юной, нежной ты ко мне явилась,
Прекрасную Инъин напоминая,
Весеннее тепло в душе рождая.
О, можешь ли еще хоть раз явиться,
Чтобы в душе навеки поселиться!
Едва увижу облик несравненный –
И вот уж лезть готов я через стену,
Чтоб к западному флигелю проникнуть
И телом и душой к нему приникнуть.^[955]
– Мой друг! Разлуке оба мы не рады.
Не встретятся на расстоянии взгляды.
С тех пор, как бросил ты меня жестоко,
Мне холодно на ложе, одиноко.
Как щепка, сохну,
Думая о друге,
Лишь лютня делит
Все мои досуги.
Тебе тяжка разлука, милый? Знаю.
Сама я с ног валюсь, вздыхаю, таю.
Проходят ночи,
Опьянена я
Желаньем встречи.
Бессонны очи...
Бессвязны речи...
Лишь о свидании с тобой мечтаю
И в думах этих время коротаю.
Явись же мне, Избавь меня от муки!
Шаги слышны,
Шум ветра ли в бамбуке?
Я от письма невольно отрываюсь,
Прислушиваюсь, в ожидании маюсь...
Нет, то цветов чуть колыхнулись тени –
Чист, как водица, лик луны осенней.

После исполнения двух романсов на мотив «Овечки с горного склона», Хань Даого велел жене подать вина. Ван Шестая поднесла гостю полную чарку.

– Барышня Шэнь, – говорила она, – ты ведь знаешь романсы на мотив «Застряла в решетке южная ветка». Спой-ка батюшке.

Барышня Шэнь переменяла мотив и запела:

Как прежде смотрел на тебя я,
Восторгом любовным согрет!
В цвету, как весна молодая
Красотка осьмнадцати лет.
Волос твоих черные тучи
И прелесть молочных ланит,
И взгляд ослепительный, жгучий, –
Все счастье и радость сулит.
Быть знатной тебе надлежало,
Тобой и дворец бы блистал!
Какая досада и жалость,
Что продана в злачный квартал.
Как прежде смотрел на тебя я,
Мой нежный весенний цветок!
Томилась, в пыли прозябая,
И вовремя я не помог,
Манеры твои горделивы,
А голос – так мил и несмел!
Но талию гибкую ивы,
Не первый я лаской согрел.
Твой облик чарующе нежный
И страсть утоляющий взор...
Как жаль мы не встретились прежде,
Познала ты боль и позор.

Романсы на мотив «Застряла в решетке южная ветка» сразу напомнили Симэню первую встречу с Чжэн Айюэ. Он остался очень доволен. Ван Шестая, обрадованная тем, что угодила гостю-ценителю, опять наполнила до краев чарку.

– Батюшка, – улыбаясь, говорила она Симэню, – прошу вас, пропустите еще чарочку. Не торопитесь. Это только вступление. Барышня Шэнь еще споет, сколько вы пожелаете. А потом, может, к себе ее позовете. Она и матушек усладит. У вас, батюшка, кто поет?

– Больше барышня Юй в последнее время, – отвечал Симэнь.

– Но барышня Шэнь берет ноты и повыше ее, – продолжала Ван. – Когда пожелаете ее позвать, мне скажите. Я велю паланкин нанять и к вам проводить.

– Барышня Шэнь, – обратился к певице Симэнь, – я за тобой на осенний карнавал пришло. У меня гости будут. Пойдешь?

– Разумеется! – согласилась певица. – Только дайте знать. Не посмею послушаться.

Симэню понравился такой ответ певицы.

Во время пира Ван Шестой было неловко любезничать с гостем, поэтому, попросив Шэнь Вторую спеть еще, она шепнула Хань Даого:

– Ступай попроси слугу проводить барышню к супруге Юэ Третьего.

Перед уходом барышня Шэнь поклонилась Симэню. Тот протянул ей в награду узелок с тремя цянями серебра, который он достал из рукава. Певица тотчас же грациозно склонилась перед Симэнем в земном поклоне.

– Значит, восьмого я пришлю за тобой слугу, – сказал он.

– Вы, батюшка, только скажите Ван Цзину, а он мне передаст, – посоветовала Ван. – Я сама за ней слугу пошлю.

Барышня Шэнь откланялась и удалилась, сопровождаемая слугой. Ее проводил и Хань Даого. По договоренности с женой он ушел ночевать в лавку, оставив ее наедине с Симэнем. Они поиграли немного в кости, осушили по чарочке, но такое времяпрепровождение их явно не устраивало. Симэнь сделал вид, что ему требуется выйти по нужде, а сам последовал прямо в спальню хозяйки, где, запершись, они отдались любовным утехам.

Между тем Ван Цзин вынес светильник и присоединился к пировавшим в передней комнатухе Дайаню и Циньгуну.

Ху Сю полакомился и выпил украдкой на кухне, отпустил повара и, постелив циновку в небольшой комнатке с алтарем поклонения Будде, лег спать, но немного погодя проснулся. Надобно сказать, что комнатка эта отделялась от хозяйской спальни всего лишь тонкой дощатой перегородкой, Ху Сю и разбудил голос хозяйки. Решив, что Симэнь давно ушел, а в спальне почивают хозяин с хозяйкой, слуга поднес к стене светильник, проткнул головной шпилькой оклейку и стал подглядывать в щелку. В спальне ярко горела свеча, и Симэнь как ни в чем не бывало делил ложе с Ван Шестой. Ее ноги были привязаны к спинке кровати, а на Симэне была только короткая шелковая куртка, снизу он был обнажен. Ху Сю наблюдал, как Симэнь Цин взобрался на Ван Шестую, и они задвигались навстречу друг другу, и слышал громкие звуки, возникавшие при соприкосновении двух тел. Хозяйка щебетала на все лады, и страстные любовные звуки сливались воедино.

– Мой милый! – послышался, наконец, голос Ван. – Делай со мной, что только пожелаешь. Ведь я вся, как есть, принадлежу тебе и только одному тебе.

– А что если твой муж разгневется? – спросил Симэнь.

– Да как он посмеет гневаться, этот рогоносец! – воскликнула Ван. – Будь он хоть богатырь семи пятей во лбу, все равно тобой же живет.

– Если ты меня любишь, – говорил Симэнь, – я вот соберу серебра да пошлю твоего мужа вместе с Лайбао на юг. И пусть там остается. Заведет склад и товары будет закупать. А тут и приказчик Гань управится. Мне как раз закупщика и сторожа в тех краях завести необходимо.

– Он на юге не раз бывал, его и пошли, – поддержала Ван Шестая. – Чего ему дома околачиваться? Он и сам говорит: привык, говорит, разъезжать, так из дому и тянет. Он ведь с малых лет на реках и озерах. Мастер по торговой-то части и в товарах толк знает. Как бы хорошо его отправить! – я б ему бабу подыскала. Не нужен он мне. Я с тобой хочу быть. Куда ни сунешь, туда с радостью пойду. От души говорю. Пусть меня гром разразит на этом самом месте, не лгу.

– Хватит клятв, дорогая! – прервал ее Симэнь.

Они и не подозревали, что Ху Сю к великому своему удовольствию подглядывал любовников и подслушал весь их разговор.

Хань Даого между тем, не найдя Ху Сю, пошел ночевать в лавку. Ван Сян и Жунхай сказали ему, что Ху Сю не появлялся, и Даого вернулся домой, где застал пирующих Дайяня с Циньтуном, к которым присоединился и Ван Цзин. Заслышав голос хозяина, Ху Сю поспешно бросился к циновке и притворился спящим. Немного погодя вошел Даого, посветил, посветил под алтарем Будды и нашел там громко храпевшего слугу.

– Так вот ты куда, оказывается, забрался, сукин сын! – пнув ногой Ху Сю, заругался Даого. – Вот где растянулся, арестант проклятый! Я тебя в лавке обыскался. А ну, вставай сейчас же! Пошли!

Ху Сю поднялся, вытарашил глаза и, потеряв их для виду, поплелся за хозяином в лавку.

Прошла, должно быть, целая стража, прежде чем Симэнь закончил сражение с Ван Шестой. Он возжег благовония на трех алтарях ее тела: груди, лобке и копчике. Ван Шестая встала, оделась и велела служанке подать воды. Она вымыла руки и, подогрев вина, опять села с Симэнем за пиршественный стол. За чаркой вина продолжалась их задушевная беседа. Потом Симэнь отбыл верхом в сопровождении Дайяня, Ван Цзина и Циньтуна. До дому он добрался только во вторую ночную стражу и пошел к Пиньэр. Она спала.

– Где это ты напился? – спросила она подвыпившего мужа.

– Меня Хань Даого угощал, – рассказывал Симэнь. – Я сына

лишился, вот он и пригласил меня тоску развеять. У него была певица Шэнь Вторая. Такая молоденькая, а как поет! Лучше барышни Юй! На праздники я решил за ней паланкин послать. Она вам петь будет, и ты, может, тоску свою развеешь. Тяжело у тебя на сердце, а? Да ты брось уж так убиваться!

Решив остаться у Пиньэр, Симэнь хотел было кликнуть Инчунь, чтобы она помогла ему раздеться.

– Не надо! – удержала его Пиньэр. – Меня течения изводят. А горничная на кухне лекарство варит. Иди к другой. Погляди, на кого я стала похожа! В чем душа! Какое тебе со мной будет удовольствие?

– Не в силах я тебя бросить, моя дорогая! – упрашивал ее Симэнь. – Я с тобой хочу. Что я могу поделать?

– И кто ж поверит твоей болтовне?! – Пиньэр искоса поглядела на Симэня и засмеялась. – И умру, не бросишь? Вот как поправлюсь, тогда и приходи. Ладно? Симэнь присел.

– Ладно уж! – заключил он наконец. – Раз не оставляешь, я к Пань пойду.

– Вот-вот! И иди к ней! – поддержала его Пиньэр. – Чтобы потом на меня не обижался. А она, наверное, ждет тебя не дождется. Ступай к ней, а то еще скажет, что я тебя удерживаю.

– В таком случае я никуда не пойду, – заявил Симэнь.

– Нет, нет! Я пошутила, ступай же! – Пиньэр засмеялась и проводила Симэня.

Она села на постель. Около нее стояла Инчунь с готовым лекарством. Пиньэр не удержалась, и слезы потекли у нее по щекам. Она глубоко вздохнула и села принимать лекарство.

Да,

Терзаюсь,
милый друг,
мне в горе утешенья нету!
Доверюсь
иволге –
пусть разнесет его по свету.

Но не будем рассказывать, как после приема лекарства легла спать Пиньэр, а перейдем опять к Симэню.

Цзиньлянь велела Чуньмэй прикрыть светильник абажуром и легла как раз перед самым появлением Симэня.

– Так рано, а ты уже в постели, моя дорогая? – удивился Симэнь, входя в спальню.

– Каким же это ветром тебя занесло, а? – спрашивала Цзиньянь. – Где пировал?

– Да приказчик Хань с юга вернулся, – объяснял Симэнь. – Узнал, что я сына лишился, вот и пригласил в гости горе развеять и за внимание отблагодарить.

– Пока он там разъезжает, ты его жене внимание оказываешь, – заметила Цзиньянь.

– Что ты болтаешь? – оборвал ее Симэнь. – Он же у меня в приказчиках.

– Вот именно, в приказчиках! – продолжала Цзиньянь. – Он тебя, должно быть, со своей женой веревкой связал, чтобы ты, паче чаяния, по всему свету не вздумал шататься. Я ж все знаю! И ты еще мне будешь зубы заговаривать? Хватит. Надоело. Ведь она ж была у нас, когда твое рождение справляли. Это ж ты дал ей шпильку со знаком долголетия. Хитростью у Ли Пиньэр выманил и этой проклятой шлюхе поднес. А она-то перед нами красовалась. И Старшая, и сестрица Мэн – все видели. А когда я ее спросила, она так вся и вспыхнула. Не говорила она тебе? И вот теперь тебя опять к ней занесло? Эх ты, бесстыдник! Мало тебе дома? И чем, понять не могу, тебя прельстила эта дылда? Как есть баба! Брови навела, букли невероятные намалевала, а помады столько наляпала, что не губы, а кровавые сгустки. И чего хорошего в этой грубой потаскухе с багровым лицом? Ума не приложу. А ты даже ее брата пригнул. Чтобы ей записки удобнее передавать, да?

– И откуда только ты это взяла?! – упорно не признавался Симэнь. – Тебе бы только ерунду городить. Мы с Ханем вдвоем выпивали. Она даже не вышла.

– Думаешь меня провести? – не унималась Цзиньянь. – Да кто же не знает ее муженька? Первейший рогоносец. Он и баранов пасет, и тут же за хворостом ходит, а жену свою тебе подарил. Он тебе торговлю ведет, а себе денежки кладет. А ты, простофиля лопоухий, слышал бой гонгов и обрадовался.

Симэнь разделся и присел к ней на кровать. Она расстегнула ему пояс и ощупала его мужское естество, на котором еще висела нежно позвякивающая подпруга.

– Ну так я и знала! – воскликнула она. – Гусь жареный, вот кто ты есть! В каком котле вываривали, а? Всего разварили, только язык твой пощадил. Чем отпираться, погляди на своего бессловесного свидетеля. Чего только ты там вытворял со шлюхой до сих пор, не знаю. Погляди, размяк, висит соплей! А еще языком мелешь! Клятвы

даешь! Сейчас велю Чуньмэй кувшин ледяной воды подать, пить заставлю. Посмотрю, какой ты храбрый на деле. Соль ведь солоня везде и всюду. Лысому да с повязкой на голове гребень ни к чему. Говоришь ты вроде складно, да только дай тебе, бесстыжему насильнику, волю, ты ни одной бабенки не упустишь. У тебя, негодника, глаза так и горят. Скажи спасибо, мужиком родился, а если б бабой? К тебе бы так очередь и стояла. Ни один мастеровой не прошел бы мимо.

Симэнь Цин, к которому были обращены упреки, выслушав их, с трудом подошел к кровати и, взобравшись на нее, велел Чуньмэй подогреть вина. Потом он на ощупь достал из инкрустированной золотом коробочки одну пилюлю и, приняв ее, лег на спину на подушку.

– Девочка моя, сойди с постели и попробуй на вкус, – попросил он. – Может, что и выйдет на твое счастье.

– Какой ты хороший! – воскликнула Цзиньлянь с деланным отвращением. – Чтоб я грязь после шлюхи вылизывала? Нет уж, избавь!

– Удивительная маленькая развратница! Ну что ты болтаешь глупости? – отпирался Симэнь. – Откуда ты это взяла?

– Откуда? А ну поклянись!

Они поспорили. Потом она велела Симэню принять ванну, но ему не захотелось слезать с постели. Тогда Цзиньлянь вынула из рукава платок и сама принялась протирать ему доспехи. Затем прильнула к ним алыми устами и сосала довольно долго, пока не ощутила долгожданной твердости. После чего Симэнь Цин сел и, вставив сзади свой черенок, начал трясти Цзиньлянь за ноги. Сидя на корточках, он раскачивал ее тело, бил в него своим копьем что есть силы и в непрерывном шуме при свете лампы наблюдал за его движениями. Цзиньлянь, лежавшая ничком возле подушки, долго задирала ноги навстречу ударам.

Симэнь Цин, страсть которого никак не достигала удовлетворения, велел ей лечь лицом вверх. Его предмет, смазанный красной пастой, вошел в ее вместилище. Держа Цзиньлянь за обе ноги и приподнимая ее поясницу, он погрузился до предела, продолжая толкаться вовнутрь, раз двести-триста.

Цзиньлянь больше не могла терпеть и закрыла глаза.

– Дорогой мой! – шептала она с дрожью в голосе. – Доконаешь ты меня нынче. Не надо бы тебе пасту накладывать.

– Что, потаскушка, испугалась, да? – говорил Симэнь. – Посмеешь

теперь непочтительно со мной обращаться, а?

– Пощади, дорогой! – умоляла Цзиньлянь, – не губи! Больше не буду. Умерь свою страсть, прошу тебя, а то прическу собьешь.

Бурно резвились феникс и его подруга. Только к полуночи, утомленные, они легли спать, но хватит пустословить.

Наступил осенний карнавал.

– У приказчика Ханя в прошлый раз была певичка Шэнь Вторая, – обратился Симэнь к Юэнян. – Я за ней слугу послал. Она и собой хороша, и петь мастерица. На лютне и цитре умеет играть. Пусть денька на два у нас останется, вам споет.

Хозяин распорядился, чтобы повара готовили кушанья и накрывали большой стол на восемь персон у крытой галереи в Зале красоты природы. Залу украшали спущенные занавеси. Когда вся семья уже села за праздничный стол, появился Ван Цзин и сообщил о прибытии паланкина с барышней Шэнь.

Шэнь Вторая вошла в залу и поклонилась Юэнян и остальным хозяйкам. Она была молода и недурна собой. Юэнян поинтересовалась, что она поет. Оказалось, певица знала не так уж много. Из малых романсов – таких, как на мотив «Овечки с горного склона» или «Застрял в решетке южная ветка», может, десяток с небольшим. Ее отправили закусить, потом попросили спеть сперва два цикла в дальних покоях, немного погодя – в саду, когда подали вино.

Симэнь в день карнавала не заседал в управе. Он наблюдал за посадкой хризантем и попросил к столу Юэнян, Цзяоэр, Юйлоу, Цзиньлянь, Пиньэр, Сюээ и свою дочь. Их угощали горничные – Чуньмэй, Юйсяо, Инчунь и Ланьсян. Барышня Шэнь пела под аккомпанемент лютни.

Пиньэр плохо себя чувствовала, и ее пришлось не раз приглашать, прежде чем она явилась к пирующим. Она была так слаба, что, казалось, не удержалась бы на ногах при первом же порыве ветра. Превозмогая недуг, она села рядом с Симэнем. Ей подносили чарки вина, но она пила мало, выглядела печальной и хмурой, что сразу же заметили Симэнь и Юэнян.

– Не печалься, сестрица, – говорила ей Юэнян. – Мы барышню Шэнь сейчас попросим. Она тебе споет.

– Скажи, что ты хочешь послушать, – обратилась к ней Юйлоу.

Пиньэр молчала.

Пир продолжался. Вдруг появился Ван Цзин.

– Батюшка Ин и дядя Чан прибыли, – доложил он.

– Проводи их пока в малую крытую галерею, – распорядился

Симэнь. – Я сейчас приду.

– От дяди Чана принесли подарки в коробках, – сказал Ван Цзин.

– Это он, наверное, по случаю приобретения дома, – обращаясь к Юэнян, пояснил Симэнь.

– Надо будет и ему что-нибудь приготовить, – заметила Юэнян. – Нельзя же человека с пустыми руками отпускать. Ступай к ним, а я распоряжусь, чтобы накрыли стол.

– А ты спой что-нибудь получше для матушки Шестой, – обратился перед уходом Симэнь к певице Шэнь.

– Сестрица Ли! – обернулась к Пиньэр и Цзиньянь, как только вышел Симэнь. – Так какую же песню ты хочешь услышать? Не обижай батюшку. Ведь он пригласил ее специально для тебя. Ну, скажи, наконец!

Уступая просьбам, Пиньэр наконец сказала:

– Спой «Буреют тропинки, алеют дорожки».

– С удовольствием, – сказала Шэнь Вторая. – Я знаю эту песню.

Она взяла цитру, подтянула колки и, настроив струны, запела на мотив «Стан, словно стройный цветок»:

Буреют тропинки,
алеют дорожки,
И пляшут под солнцем
зазорные мошки.
Летят на ковер
ароматных полей...
Ах, нету судьбы моей злей!
Меня обмануло
цветение сливы
И иволги в зарослях
посвист счастливый.
Меж пышных цветов
боль сильней и острей...
Приди же и лаской согрей!

На мотив «Песенки Восточного Оу»:

Средь заводи цветов,
Под сенью стройных ив
Рой пьяных мотыльков,
И иволга в томлении...
Жестокий позабыв,
С возлюбленным разрыв

Лежу, глаза закрыв,
Одна, без сожаленья!
Вдруг где-то стриж вскричит...
И хлынут слез ручьи.

На мотив «В саду царит весна»:

Беседки над рекой и павильоны,
Мне душу надрывает тишина.
Плоды так просятся на пир влюбленных,
Но нет тебя – тоскую я одна!
В унынии перебираю струны.
Страданий чашу – не бокал любви
До дна я осушаю ночью лунной,
И лютия ищет милого в дали.

На мотив «Песенки Восточного Оу»:

Гранат горит огнем
Весенним ясным днем,
И память о былом
Бросает душу в пекло.
Не взять цветка рукой,
Не обрести покой –
Возлюбленный с другой,
А я в тоске поблекла.
Что розы в волоса,
Коль выцвела краса!

На мотив «Деревья-платаны»:

Уж сбросил кудрявую крону
Платан,
И ветер осенний стозвонно
Свистал.
Тоска, как колодец, бездонна,
Темна.
Горюю на ложе бессонна
Одна.
Где ты, повелитель небесный
Сейчас?
В пирах бесшабашных, безвестный
Увяз.

Взметнулся над теремом Млечный
Поток,
И тянется сеть бесконечных
Тревог.

На мотив «Песенки Восточного Оу»:

Опал корицы цвет,
И хризантем уж нет,
Как холоден рассвет
Осенний одинокий...
Сверчок затих в ночи,
Погас огонь свечи,
И жалобой звучит
Призыв гусей далекий.
Как будто плач и стон...
Нутро терзает он.

На мотив «Река омывает песок»:

Вот ветер взыграл,
и повеяло стужей...
Всю ночь до утра
я в тисках темноты!
Унынья пора...
Кто мне слезы осушит?
Свеча, догорай!..
Окон очи пусты.
Рожок пел-страдал:
«Милый мой, ты мне нужен!»
Зов вверю ветрам:
возвратишься ли ты?!
Излечишь от ран?
Будешь ласковым мужем?
Душа так стара!..
Жар глубинный остыл.

На мотив «Песенки Восточного Оу»:

Вздыхаю при луне,
В бездушной в тишине,
Мечтаю хоть во сне
Увидеться я с милым.

Недолог счастья век.
За ширмой кружит снег,
Твой замечает след,
И бубнов звон унылый
Под крышей у окна
Лишает душу сна.

Заключительная ария:

Капли слез моих, словно жемчужины,
На ланитах сверкают, струясь.
Ах, исчез ненаглядный мой, суженный!
Я растоптана в топкую грязь!

Барышня Шэнь умолкла.

– Сестрица Ли, – обратилась к Пинъэр хозяйка, – выпей-ка чарочку сладкого, а?

Пинъэр не могла отказать Юэнян и, отпив глоток, поставила чарку на стол. Она едва сидела, но продолжала крепиться. Немного погодя у нее начался жар, и она удалилась к себе. Однако не будем говорить, как пировали хозяйки.

Расскажем о Симэне. Проследовал он прямо к Зимородковому павильону, где в крытой галерее под соснами любовались хризантемами Ин Боцзюэ и Чан Шицзе. Надобно сказать, что по обеим сторонам галереи стояли два десятка огромных вазонов высотой не меньше семи чи, в которых красовались редкостные хризантемы. Были тут разные сорта! И «длинный красный халат», и «красный халат», и «лиловый халат с золотым поясом», и белые бархатные, и желтые бархатные, и «звездный небосвод», и «опьяневшая фаворитка Ян», и «царский пион», и «лебяжий пух», и «любимец уточек-неразлучниц» и пр.

Гости поклонились подошедшему Симэню. Чан Шицзе кликнул сопровождающих, и те внесли коробки.

– Это что еще? – спросил Симэнь.

– Брат Чан, до глубины души тронутый твоей щедростью, – объяснял Боцзюэ, – не зная, чем отблагодарить тебя, велел жене приготовить крабов и пару жареных уток. И меня пригласил к тебе. Вот мы и пришли.

– И зачем ты, брат, зря тратишься? – обращаясь к Шицзе, говорил Симэнь. – Жена у тебя только поправилась, а ты ей хлопот доставляешь.

– Вот и я то же самое ему говорил! – подхватил Боцзюэ. – А он мне

свое: все остальное, мол, брату не в диковинку.

Симэнь велел слугам открыть коробки. В них, помимо пары жаренных в особой печи крупных уток, было четыре десятка готовых к употреблению крабов. Заправленные соевой подливой, перцем, чесноком и имбирем, жаренные в душистом масле, нежные, с аппетитным запахом, они так и просились в рот. Симэнь велел Чуньхуну с Ван Цзином убрать деликатесы и наградить принесших коробки пятьюдесятью медяками. Потом он поблагодарил Чан Шицзе.

Циньтун отдернул занавеску и пригласил гостей в Зимородковый павильон. Боцзюэ продолжал расхваливать хризантемы.

– Где это ты, брат, достал такую красоту? – спросил он Симэня.

– Его сиятельство Лю, смотритель гончарен, подарил мне двадцать горшков.

– Вместе с горшками? – переспросил Боцзюэ.

– Ну да, вместе.

– Что там цветы! – подхватил Боцзюэ. – Горшки – вот это да! Как есть из казенных печей! Двойной закладки. Годы служить будут и воду не пропускают. Материал – высший сорт! Глину сперва через сито просеивают, потом гончары ногами месят – как сучжоуский фарфор – одна выделка. Таких теперь не сыщешь.

Симэнь велел подавать чай.

– А ты, брат, когда думаешь переезжать? – обратился Симэнь к Шицзе.

– Да он на третий день после сделки переехал, – вставил Боцзюэ.

– И прежний хозяин, на счастье, жилье себе уже подыскал. Так что брат в новом доме блаженствует. А вот тут как-то счастливый день выбрал и товаров закупил – лавку открыл. Брат невестки Чан серебро проверяет.

– Так когда же мы ему подарки понесем, а? – спросил Симэнь. – Только всех собирать не стоит. Сэ Цычуня позовем, вчетвером и отметим. Закуски у меня приготовят. Не будем брата Чана в расходы вводить. Певиц возьмем и справим новоселье.

– Я и сам думал устроить новоселье, – говорил Шицзе, – но тебя, брат, пригласить никак не решался. Помещение уж больно мало. Не по душе, боюсь, придется.

– Какая чепуха! – возразил Симэнь. – Мы тебя не разорим. Я за Се Цычунем пошлю. С ним и потолкуем. Он крикнул слугу Циньтуна: – Ступай батюшку Се пригласи!

– А из певиц кого звать будем? – поинтересовался Боцзюэ.

– Чжэн Айюэ и Хун Четвертую, – сказал, улыбаясь, Симэнь. – Хун

Четвертая под барабан хорошо так, протяжно романсы поет на мотив «Овечки с горного склона».

– Какой же ты, брат, оказывается, хитрый! – упрекал хозяина Боцзюэ. – Их зовешь, а мне ни слова? Но я и так уж догадался. Ну и как она в сравнении с Гуйцзе?

– Пре-крас-на! Неописуема! – воскликнул Симэнь.

– Тогда что ж она, негодница, в день твоего рождения так упрямилась? Слова не вытянешь, – заметил Боцзюэ.

– погоди, в другой раз я тебя к ней захвачу, – пообещал Симэнь. – Он в двойную шестерку играет. Тогда с ней сразишься.

– Я ей, потаскушке, покажу! Пусть попробует зазнаваться!

– Вот, сукин сын, задира! – заругался Симэнь. – Не смей у меня к ней приставать.

Пока они разговаривали, появился Се Сиди и, поклонившись, сел.

– Видишь ли, брат Чан новым домом обзавелся, – обратился к нему хозяин. – Переехал и нам ни гу-гу. Надо будет сложиться, а уж его в расходы не вводить. Кушанья у меня приготовят, а слуги отнесут. Позовем певца и повеселимся. Как ты согласишься?

– Я всегда готов, – отвечал Се Сиди. – Только скажи, по сколько с брата причитается? И кто да кто будет?

– Да вот мы и будем, – отвечал Симэнь, – по два цзя с каждого, думаю, и хватит.

– Всех звать – у него не поместятся, – пояснил Боцзюэ.

Вошел Циньтун.

– Шурина У Старшего прибыли, – объявил он.

– Зови сюда, – распорядился хозяин.

Вскоре на веранде появился У Старший и поклонился присутствующим. После особого приветствия Симэня он сел. Слуга подал чай, и все сели за стол.

– У меня к вам есть дело, зятюшка, – обратился вдруг к Симэню шурина и встал. – Не могли бы вы пройти в дальние покои?

Симэнь поспешно пригласил У Старшего в покои Юэняна. Хозяйка тем временем продолжала пировать в крытой галерее.

– Шурина У Старшего прибыли, – доложил ей слуга. – С батюшкой беседуют в дальних покоях.

Юэнян поторопилась к себе в покои и, приветствуя брата, велела Сяоюй подавать чай.

У Старший извлек из рукава десять лянов серебра и протянул Юэняна.

– Только вчера получил, наконец, три слитка, – говорил он, –

получи, зятюшка, пока эти десять лянов. Остальное в другой раз.

– Ну к чему же так торопиться, шурин? – отвечал Симэнь. – Не беспокойтесь, пожалуйста.

– Я и так боялся, долго задержал, – говорил У.

– Как амбары? – поинтересовался Симэнь. – Строительство завершается?

– Через месяц кончим, – отвечал У.

– С окончанием стройки намечаются награды? – спросил Симэнь.

– Срок пожалования военных чинов подходит, – говорил шурин. – Надеюсь, меня поддержишь, зятюшка, замолвишь слово, когда с главным ревизором свидишься.

– Сделаю, шурин, – заверил его Симэнь. – Все сделаю, что смогу.

– А теперь прошу на веранду, – обратилась Юэнян к брату, когда разговор был окончен.

– Я не прочь, – говорил он. – Я вам не помешаю?

– Нисколько! – отвечал Симэнь. – Тут брат Чан у меня денег недавно одолжил на покупку дома. А теперь переехал и пришел ко мне с подарками. Вот мы и пируем. Так что ты, шурин, пожаловал очень кстати.

Симэнь с шурином вернулись на веранду, а Юэнян наказала поварам готовить кушанья. Циньтун с Ван Цзином накрыли стол на восемь персон и расставили закуски и вино. Симэнь распорядился достать из кладовой жбан хризантемовой настойки, поднесенной надзирателем Ся. Когда открыли жбан, в нем заискрился голубоватосиний напиток. Аромат так и ударял в нос. Настойку смешали в кувшине с холодной водой, чтобы отбить горечь, а потом перелили в кувшин-плетенку и так подали к столу. Крепкая настойка оказалась на вкус куда приятнее виноградного вина. Ван Цзин наполнил маленькую золотую чарку и поднес ее в первую очередь шурина У Старшему, потом Боцзюэ и остальным. Осушая чарки, гости наперебой хвалили напиток.

Немного погодя огромные блюда и чаши с закусками и деликатесами едва умещались на столе. Первым делом все набросились на два больших блюда, на которых красовались обсахаренные пирожки – розочки с фруктовой начинкой. Наконец принесли маринованных крабов и пару жареных уток. Боцзюэ потчевал шурина У. Даже Се Сиды не знал, кто так вкусно готовит.

– Это ведь меня брат Чан угостил, – пояснил Симэнь. – Хозяюшка его прислала.

– Я пятьдесят два года на свете прожил, а выходит, впустую, –

говорил У Старший. – Никогда такой прелести не пробовал.

– А невестушки-то мои полакомились, да? – вставил Боцзюэ.

– И женам досталось, – успокоил его Симэнь.

– Дали мы невестушке Чан заботы, – приговаривал Боцзюэ. – Мне перед ней прямо неловко как-то. Ну и мастерица!

– Знали бы вы, как моя жена опасалась, – говорил довольный Чан Шицзе. – Не ужожу, все твердила. А вы не шутите, господа?

После крабов подали вино.

Симэнь велел Чуньхуну и Шутуну наполнить кубки и спеть южные песни.

– А это не Гуйцзе, случайно, поет? – спросил Боцзюэ, услышав доносившиеся из крытой галереи звуки цитры и женский голос. – Кто еще может так петь?

– А ты прислушайся как следует, – посоветовал Симэнь. Она ли?

– Если не Ли Гуйцзе, так У Иньэр, – проговорил Боцзюэ.

– Будет тебе, Попрошайка, городить! – оборвал его Симэнь. – Что певица, это всем ясно, а вот кто ж именно?

– Может, барышня Юй? – продолжал Боцзюэ.

– Да, барышня, – говорил Симэнь, – только зовут ее Шэнь Вторая. Молоденькая и собой хороша. Слышишь, как поет!

– Хорошо поет, – подтвердил Боцзюэ. – А почему к нам не позовешь? Послушали бы и на нее полюбовались.

– Я ее на праздник к хозяйкам позвал, – объяснил Симэнь. – У тебя, сукин сын, песьи уши, должно быть. Откуда услышал!

– У меня, брат, глаза всевидящие, а уши всеслышащие, – говорил Боцзюэ. – Пчела за сорок верст жужжит – я слышу.

– Уши у тебя, Попрошайка, видать, разборчивые, – заметил Сидя. – Только что тебе приятно, то и слышат.

Оба рассмеялись.

– А ты, брат, все-таки позови ее, ладно? – продолжал Боцзюэ. – Дай хоть взглянуть на нее. Впрочем, я не столько о себе беспокоюсь. Пусть батюшка шурина насладится. Только не упрячься.

Симэнь не устоял и послал Ван Цзина.

– Ступай позови барышню Шэнь, – наказал хозяин. – Пусть, мол, шурину споет.

Немного погода явилась Шэнь Вторая и, приблизившись к почетному гостю, отвесила земной поклон, а потом села на кушетку.

– Сколько же цветущих весен вы прожили, барышня Шэнь? – обратился к певице Боцзюэ.

– Я родилась в год коровы, – отвечала она. – Мне двадцать один

год.

– И много песен вы знаете? – не унимался Боцзюэ.

– Под аккомпанемент лютни и цитры знаю несколько циклов малых романсов, а всего больше сотни.

– Да, немало, – протянул Боцзюэ.

– Мы вас, барышня, утомлять не будем, – говорил Симэнь. – Спойте-ка нам под лютню малые романсы. Знаете, например, «Четыре сна и восемь опустошенностей»^[956] Спойте для батюшки шурина.

Симэнь велел Ван Цзину и Шутуну наполнить гостям чарки. Барышня Шэнь слегка поправила шелковую юбку и, приоткрыв благоухающие уста, запела на мотив «Ропщу у Ло-реки»:

Меня недуг жестокий мой
Гнетет и бурною весной
Тоскою необъятной.
Вверяю Небу самому
Я боль души, но почему
Оно так беспощадно?
Зачем взываю я к нему
И грезы счастья зову? –
Любовь столь безотраднa –
То царство пустоты одной,
И пустота в душе больной –
Сон о Нанькэ досадный.^[957]
Пусть запад – ты, а я – восток,
И встречи час, увы, далек,
И все надежды мнимы.
Я зря тоскую и грущу,
На одиночество ропщу –
Быть вместе не могли мы.
Твоих я писем не дождусь,
Не долетит посланник-гусь,
Мечты неисполнимы –
Здесь царство пустоты одной,
Лишь пустота в душе больной,
Сном на Ушань томимой.^[958]
Фальшивы ласки и любовь.
Любимый клялся вновь и вновь,
И лгал мне постоянно.
Он мной пресытился давно,
И счастье мне не суждено –

Я боле не желанна.
Все тщетно, не вернется он,
Как будто ветром унесен,
Не надо мне обмана
И царства пустоты одной,
Где пустота в душе больной –
О бабочке сон странный.^[959]
Все кончено, рассеян дым.
Пускай другою ты любим,
Насмешливый, холодный.
Пускай другая слезы льет.
О, вероломство – тяжкий гнет!
Но я теперь свободна.
О счастья не мечтаю зря –
Промчалась ночь – взошла заря,
Прочь, сумрак безысходный
И царство пустоты одной,
И пустота души больной
Сон о Янтай бесплодный!^[960]

Оставим пирующих, а расскажем пока о Ли Пиньэр.

Вернувшись к себе, Пиньэр вышла по нужде. В это время у нее вдруг потемнело в глазах. Только она привстала поправить юбку, как голова у нее закружилась, и она бы ударилась головой об пол, если бы не Инчунь, которая, на счастье, оказалась рядом и тотчас же подхватила падающую хозяйку. Пиньэр отделалась ссадиной на виске. Инчунь с Жуи довели ее до постели и помогли лечь. Она долго не могла прийти в себя. Перепуганная Инчунь послала Сючунь сказать Юэнян.

– У матушки обморок, – сообщила Сючунь старшей хозяйке и остальным пирующим.

Юэнян, а за ней и все остальные, бросили пиршественный стол и поспешили к Пиньэр. Инчунь и Жуи поддерживали лежавшую без чувств госпожу.

– Что с ней? – спрашивала Юэнян. – Она только что сидела за столом.

Инчунь приоткрыла лохань и показала Юэнян.

– Сколько крови вышло! – воскликнула, ужаснувшись, Юэнян. – Это, должно быть, от вина.

– Сколько она, бывало, пила, – ничего не случалось, – говорили Юйлоу и Цзиньянь.

Тут же было велено готовить отвар из ситника и имбиря. Наконец Пиньэр очнулась.

– Что с тобой, сестрица? – спрашивала Юэнян.

– И сама не знаю, – отвечала Пиньэр. – Только было встала, хотела юбку одернуть, как в глазах вдруг потемнело, все пошло кругом, и я упала.

– Ступай батюшку позови, – обратилась Юэнян к Лайаню. – Скажи, пусть пригласит лекаря Жэня.

– К чему хозяина беспокоить? – говорила Пиньэр. – Он там пирует.

– А ты постели как следует постель, – наказала Юэнян горничной Инчунь. – Надо матушку поудобнее уложить.

Юэнян больше пировать не имела желания и наказала убрать посуду.

После пира с шурином Симэнь направился в дальние покои к Юэнян. Та рассказала ему об обмороке Пиньэр, и он бросился к ней.

Пиньэр лежала в постели, желтая, как восковая свеча. Ухватившись за его рукав, она плакала.

– Что с тобой? – допытывался он.

– Я пошла по нужде, – говорила Пиньэр. – Сперва все ничего, а потом в глазах потемнело. Стала я поправлять юбку, голова вдруг закружилась, и я без памяти упала.

– А куда же горничные смотрели? – возмущался Симэнь, заметив ссадину на виске.

– Хорошо еще Инчунь рядом оказалась, – говорила Пиньэр. – Они с Жуи меня до постели довели. А то б, наверно, вся разбилась.

– Я завтра с утра за доктором Жэнем пошлю, – сказал Симэнь.

Ночь он провел у Пиньэр, расположившись на кровати напротив.

На другой день он отправился в управу, а Циньтуну велел седлать лошадь и отправляться за лекарем Жэнем. Тот прибыл к обеду. Симэнь угостил его чаем в приемной зале. Слуга пригласил Жэня в спальню Пиньэр. Врач очутился в аккуратно прибранной гостиной, где курились ароматы, а через нее прошел к больной. После осмотра Пиньэр врач вышел в большую залу к Симэню.

– Состояние вашей почтенной супруги весьма ухудшилось после прошлого осмотра, – говорил Симэню врач Жэнь. – Об этом свидетельствует пульс. Семь страстей^[961] поразили печень и легкие, где свирепствует огонь, а это повело к избытку элемента дерева и оскудению элемента земли. Разгоряченная кровь бушует, точно неукротимая стихия, вызывающая горные обвалы. Достопочтенный сударь, будьте так добры, узнайте, пожалуйста, какого цвета

вышедшая кровь. Если бурая, то еще есть надежда на выздоровление. Если же алая, стало быть, свежая, я попытаюсь применить лекарственные средства. Если и они не помогут приостановить кровотечение, значит, уже ничем нельзя помочь.

– Доктор, умоляю, сделайте все, что только возможно, для спасения больной, – просил лекаря Симэнь. – Я вас щедро отблагодарю.

– Какой может быть разговор! – воскликнул Жэнь. – Мы друзья, и я, разумеется, сделаю все, что в моих силах.

После чаю Симэнь проводил лекаря за ворота, одарив куском ханчжоуского шелка и двумя лянми серебра. Циньтуна послали за лекарством под названием «отвар успокоения селезенки». Пиньэр приняла его в разогретом виде, но кровотечение не только не приостановилось, но даже усилилось.

Еще больше беспокоился Симэнь и распорядился пригласить медицинское светило Ху с Большой улицы.

– Пневма проникла в кровеносные сосуды, жар вошел в обиталище крови – в матку, – заключил Ху и прописал снадобье, действие которого оказалось не большим, чем действие камушка, брошенного в пучину необъятного океана.

Симэнь вызвал врачей. Юэнян же оставила у себя барышню Шэнь. На другой день певица отбыла в паланкине. Хозяйка дала ей пять цяней серебра, узорную шелковую безрукавку и целую коробку головных украшений.

Хуа Цзыю, узнавший о недомогании Пиньэр еще на пиру по случаю открытия атласной лавки, велел жене купить подарки и навестить больную невестку. Та нашла Пиньэр сильно похудевшей, и обе женщины не удержались от слез. Юэнян пригласила гостью к себе и угостила чаем.

– Батюшка, вы пригласили бы к матушке Шестой медицинское светило Чжао, – советовал хозяину Хань Даого. – Он за Восточными воротами проживает. Крупный специалист по женским болезням. Вот знаток! В прошлом году, когда жена моего племянника страдала расстройством месячных, доктора Чжао звали. Он наверняка вылечит.

Симэнь отправил Дайяня с Ван Цзином на лошади за городские ворота к врачу Чжао, а сам позвал Ин Боцзюэ. Друзья советовались во флигеле.

– Шестая у меня совсем плоха, – говорил Симэнь. – Не знаю, что и делать.

– Что случилось? – воскликнул удивленный Боцзюэ. – Ведь

говорили, моей невестушке лучше стало.

– Да вот как сына потеряла, так и тоскует изо дня в день, – объяснил Симэнь. – Опять недуг открылся. Я уж на праздник барышню Шэнь позвал. Думал, послушает, тоску, может, рассеет. Она и чарку только пригубила, а к себе пришла и упала без памяти на пол. Висок ссадила. Я лекаря Жэня звал. Состояние, говорит, сильно ухудшилось. От лечения кровотечение усилилось.

– Тебе, брат, не мешало бы пригласить медицинское светило Ху, – посоветовал Боцзюэ. – Что он скажет.

– Он говорит, пневма проникла в кровеносные сосуды, – пояснил Симэнь. – И его снадобье никакого улучшения не дало. Приказчик Хань предложил вызвать светило медицины Чжао Лунгана, специалиста по женским болезням. Он за городскими воротами живет. Я слуг к нему послал. Как я переживаю, глядя на ее страдания! Это она из-за сына убивается. Днем и ночью тоскует, вот и слегла. Бабы, они ведь себя сдержать не могут. Как ее ни уговаривай, она и слушать не хочет. Уж и не знаю, что делать.

Пока они беседовали, вошел Пинъань.

– Батюшка Цяо пожаловали, – объявил он.

Симэнь проводил свата Цяо в залу, где после приветствий они сели.

– Дошел до меня слух о недомогании нашей почтенной сватьяшки, – заговорил Цяо. – Вчера от племянника узнал, жена вот-вот должна прийти навестить больную.

– Болеет, – отвечал Симэнь. – С тех пор, как лишилась сына. Она и раньше страдала расстройствами, а тут еще переживания. Вот недуг и усилился. Благодарю вас, сватьяшка, за сочувствие.

– Был врач?

– Она всегда лечилась у Жэнь Хоуси, – объяснил Симэнь. – Вчера приглашал доктора Ху с Большой улицы. Дал лекарство, а ей еще хуже стало. Теперь за Чжао Лунганом послал, знатоком женских болезней.

– А почтенного врачевателя Хэ не звали? – спросил Цяо. – Он проживает как раз напротив уездной управы. Вот кто в пульсе-то разбирается! И сын у него, Хэ Цисюань, стал известным медиком. Почему бы не пригласить его к сватьяшке?

– Уж обождем Чжао Лунгана, – решил Симэнь. – Что он скажет. А там увидим.

– А я бы позвал того и другого, – посоветовал Цяо. – Пусть сначала почтенный Хэ даст заключение и посидит во флигеле, потом Чжао Лунган свое слово скажет. А затем можно будет попросить их

посоветоваться между собой. Тогда они и лекарство найдут более действенное.

– А вы правы, сватушка, – согласился Симэнь и кликнул Дайаня: – Возьми мол визитную карточку и ступай вместе с Цяо Туном к почтенному врачевателю Хэ. Он живет против управы.

– Слушаюсь! – ответил Дайань и удалился.

Симэнь пригласил Боцзюэ в залу. Тот приветствовал Цяо, и они сели пить чай.

Немного погодя прибыл почтенный Хэ и поклоном приветствовал присутствующих. Симэнь предложил ему почетное место на возвышении.

– Давно мы с вами не виделись, почтенный сударь! – воскликнул, подняв руку, Симэнь. – А у вас и голова побелела, и бороду посеребрило.

– Как поживает ваш сын? Процветает? – спросил Цяо.

– Он занят ежедневной службой в управе, – отвечал Хэ. – У него совершенно не остается свободного времени. Так что посещать пациентов приходится вашему покорному слуге.

– У вас весьма бодрый вид, сударь, при ваших высоких годах, – заметил Боцзюэ.

– Мне вот исполнился восемьдесят один год.

Подали чай. Слуга пошел сообщить о прибытии врача. Немного погодя Хэ пригласили в спальню Пинъэр. Горничные тотчас же помогли больной приподняться и сесть на кровать. Ее ароматные волосы-тучи были туго завязаны. Она похудела до неузнаваемости.

Только взгляните на нее,

Лицо – как фольга золотая, тело – слиток серебра. Поблекло и пропало изящество, увяла, износилась чудо-красота. В груди дыхание сперло, и даже по утрам страшится отвару ложку поднести к губам. Пять внутренностей вздуты,^[962] и весь день нет сил принять пилюлю. А в тишине ночной в ушах удары гонгов раздаются. И стоит лишь забыться – во тьме перед глазами светляки. Шесть проявлений пульса.^[963] едва различимы, Восточной вершины судья^[964] торопит уход ее жизни. И дух уже уносится неясный, зовет его с собой бодхисаттва Западного рая^[965] Посланец Погребальных Врат,^[966] пожаловал к ней в гости, и он уже у тела. Нет, будь тут сам Бяньцюэ, целитель луский^[967] и тот не взялся бы лечить.

Обследовав пульс, почтенный Хэ вошел в залу.

– У сударыни семенная энергия прорвалась сквозь кровеносные сосуды,^[968] после чего привела в раздражение пневму и мозг. Пневма и кровь столкнулись друг с другом, и открылось маточное кровотечение. Хотя если посмотреть глубже, причина болезни не совсем ясна.

– Позвольте узнать, каким образом вы намереваетесь лечить больную? – спросил Симэнь.

Во время этого обсуждения доложили о прибытии доктора Чжао, которого привели Циньтун и Ван Цзин.

– Кто прибыл? – спросил Хэ.

– Слуги привели еще одного медика, – отвечал Симэнь. – Прошу вас, почтенный сударь, не придавать этому значения. Пусть и он обследует пульс. Тогда я попрошу бы вас вдвоем обсудить состояние больной и решить, какое лекарство скорее облегчит недуг.

Вскоре появился доктор Чжао. Симэнь, а за ним и все остальные, приветствовали вошедшего. Почтенный Хэ сидел в центре. Доктору Чжао предложили место слева от него. Ин Боцзюэ расположился

справа, а Симэнь занял место хозяина. Лайань подал чай. После чаепития посуду убрали.

– Позвольте узнать высокие имена почтенных господ, – обратился Чжао к сидевшим рядом с ним.

– Фамилия этого господина – Хэ, а моя – Цяо, – сказал сват Симэня.

– Ваш покорный слуга – Ин, – отрекомендовался Боцзюэ. – Позвольте узнать ваше почтенное имя, сударь. Где вы проживаете? Чью школу читаете?

– Ваш покорнейший слуга, – начал Чжао, – обитает за Восточными воротами, в Первом переулке, у храма Второго отрока,^[969] у моста Трех поворотов, у Четвертого колодца. Прозываюсь я Чжао Лунган по кличке Каверзник,^[970] живу врачеванием. Мой дед занимал пост старшего медика в Коллегии врачей Его Величества, отец был знаменитым врачом округа Жуфу.^[971] Три поколения в нашем роду посвятили себя исцелению болящих. Изо дня в день я упорно изучаю труды Ван Шухэ,^[972] читаю «Трактат о свойствах лекарств» Утин-цзы, почтенного старца из Дунъюань,^[973] «Исконные вопросы Хуан-ди»,^[974] «Канон трудностей»,^[975] «Книгу исцеления»,^[976] «Главное из принадлежащего Даньси»,^[977] «Профессиональные тайны Даньси»,^[978] «Тайны пульса старца Цзегу»,^[979] «Тринадцать неизменных рецептов»,^[980] «Рецепты сильнодействующих составов ценой в тысячу золотых»,^[981] «Чудодейственные рецепты предельного долголетия»,^[982] «Священные рецепты с моря»,^[983] – Словом, нет книг, которые бы я не читал, нет книг, которые бы я не изучал. Мне открыты лекарственные способы излечения грудной полости, под пальцами моими проясняется тайная пружина пульса, понятны мне пометы различения сил тьмы и света по шести пневмам и четырем сезонам^[984] всякие там внешние и внутренние признаки.^[985] Я определяю глубинные и поверхностные колебания разъединяющего пульса.^[986] явления в теле ветра и недостаточности, холода и жара^[987] С первого взгляда постигаю струнный и наводняющий, лукообразный и окаменелый пульсы.^[988] Но мое косноязычие не позволяет даже перечислить всего, что я знаю. Вот несколько поэтических строф. Они лучше раскроют вам суть моих достоинств. Внемлите:

Я – всем известный Чжао-врачеватель,

Талантов медицинских обладатель.

И у меня больных – неупорот:

С утра так и толпятся у ворот!

Неведомы мне снадобья и травы,

Лекарств не отличаю от отравы.
Недужных я по-своему лечу –
При них в бубенчик весело бренчу:^[989]
Наукою пренебрегая грубо,
Больному заговариваю зубы
И серебро раздобываю ловко...
Стяну больную голову веревкой,
Прижгу глаза настойкою полынной,
В ушах иглою ковыряю длинной,
На боли в сердце сетовать начнешь –
Уверенно берусь за острый нож.
Чем кончится болезнь – гадать не надо.
Моя забота – за труды награда.
Беда нередко в тот приходит дом,
Где практикуюсь в ремесле своем.

Да,

Он, подвиги свершая, не забудет,
что чрево ублажить необходимо.
Целителей пути, как и блаженных,
воистину же неисповедимы!

Все громко рассмеялись.

– Смею узнать, вы причисляете себя к прямым наследникам предков или же к побочным? – обратился к Чжао почтенный Хэ.

– Что это значит? – недоумевал Чжао.

– А то, что прямой наследник перенимает науку предков, – пояснил Хэ. – Побочный же лишь осведомляется о болезни и прописывает лекарство.

– Неужели нам, почтенный сударь, неведомо завещание древних?! – удивился Чжао. – Осмотри, принюхайся-прислушайся, расспроси, ощупай,^[990] и только тогда ты найдешь чудодейственное волшебное средство. Так говорили древние, и так поступаю я, потомственный медик в третьем поколении. Прежде всего расспрашиваю о болезни, а потом смотрю пульс. Еще нужно наблюдать за общим состоянием духа, подобно тому, как сам Цзыпин сопоставлял свои расчеты с пятью небесными телами^[991] Также надо наблюдать отражение судьбы на руках и в лице, и только тогда можно увидеть истинную картину и наверняка не ошибиться.

– В таком случае прошу вас, почтенный сударь, осмотреть больную, – предложил Хэ.

Симэнь велел Циньтуну предупредить горничных и пригласил медика Чжао в спальню. Лекарь в сопровождении хозяина вошел туда. Пиньэр только что успокоилась и забылась, но ее снова подняли и посадили на постель среди подушек. Чжао ощупал пульс сперва на левой руке, потом на правой. Затем попросил ее поднять голову и стал всматриваться. Пиньэр едва подняла голову.

– Почтеннейший сударь! – обратился Чжао к Симэню. – Попрошу вас, спросите сударыню, знает ли она, кто я.

– Кто этот господин? – спросил Симэнь.

Пиньэр подняла голову и взглянула на сидевшего перед ней Чжао.

– Наверное, господин доктор, – наконец проговорила она тихо.

– Не беспокойтесь, сударь! – воскликнул Чжао. – Раз еще распознает людей, стало быть, не умрет.

– Осмотрите как можно внимательней, прошу вас, доктор! – говорил Симэнь, улыбаясь. – Щедро вас отблагодарю.

Чжао долго осматривал больную.

– Судя по цвету лица, биению пульса, – наконец заговорил лекарь, – у вашей почтенной супруги, только прошу, сударь, на меня не обижаться, если не поражение от холода, то разные внутренние болезни, если не после родов, то до зачатия.

– Да нет, совсем не это! – воскликнул Симэнь. – Еще раз повнимательнее исследуйте, сударь.

– Должно быть, сударыня переела, – гадал Чжао. – От обильной пищи страдает.

– Да она днями крошки в рот не берет.

– Значит, желтуха изводит.

– Да нет же.

– Нет?! Но отчего же так пожелтело лицо? – недоумевал Чжао. – Может понос от явления недостаточности в селезенке, а?

– Нет у нее никакого поноса, – говорил Симэнь.

– Ну тогда что за болезнь такая? – совсем недоумевал Чжао. – Прямо и ума не приложу.

Почтенный Чжао долго сидел молча.

– А! Вспомнил! – оживился он наконец. – У сударыни если не шанкр, то точно расстройство месячных.

– Откуда у замужней женщины может быть шанкр? – воскликнул Симэнь. – А насчет месячных вы близки к истине.

– Будда милостливый! – вскрикнул Чжао. – И как это меня осенило! Наконец-то попал в точку.

– Что же происходит при таких расстройствах? – спрашивал

Симэнь.

– Месячные либо совсем прекращаются, либо начинается маточное кровотечение, – пояснил Чжао.

– Так вот! – не выдержал Симэнь. – У моей жены они хлещут, не переставая, поэтому она и похудела. Есть ли у вас для нее хороший препарат быстрого действия? Я очень щедро отблагодарю.

– Не беспокойтесь, сударь! – успокаивал его Чжао. – Я найду средство. Чудесное лекарство составлю. Когда выйдем в залу, я рецепт выпишу.

Симэнь проводил лекаря в залу, где все еще сидели сват Цяо и почтенный Хэ.

– Какой же недуг у сударыни? – спросили они Чжао.

– Обильные кровотечения, насколько я могу судить, – отвечал он.

– Чем же вы полагаете лечить больную? – поинтересовался Хэ.

– Есть у меня чудодейственный состав, – отвечал Чжао. – Исцеляет без промедления. А состоит он вот из чего. Слушайте:

Безвременник, кровохлебку, зверобой
С бузиною растереть и беленой,
Из крапивы, сонной одури простой
Приготовить с волчьей ягодой настой,
Заманиху, хрен, желтушник серый взять,
С луком, с медом, с миндалем перемешать,
Хмель добавить, подмешать мышьяк и мак,
Принимать по целой чашке натошак.^[992]

– Но таким зельем немудрено и отравить больную, – заметил почтенный Хэ.

– А что говорили в старину? – возражал лекарь Чжао. – Отрава горечь во рту оставляет, а хворь изгоняет. Чем ляжку тянуть, страдать, лучше уж отмучиться раз и навсегда.

– Какую же чушь несет этот балбес! – воскликнул Симэнь и обернулся к слугам: – Гоните его вон!

– Раз его ваш приказчик рекомендовал, с пустыми руками неудобно отпускать, – заметил сват Цяо.

– Ладно! Отвесьте в лавке два цяня и пусть идет своей дорогой, – распорядился Симэнь.

Получив два цяня серебра, медицинское светило Чжао стрелой пустился восвояси.

– Это же самый настоящий неуч! – обернувшись к свату Цяо, сказал Симэнь, едва Чжао вышел из залы.

– Разве вы его не знали? – вставил почтенный Хэ. – Это же Чжао Каверзник. За Восточными воротами живет, в бубенчик бренчит, проходим голову морочит. Я только сказать не решился, а ведь он в медицине полный профан. Я займусь составлением лекарства тотчас же по возвращении домой. Если прекратится кровотечение и полегчает в груди, значит, почтенная супруга ваша пойдет на поправку. Если же мне не удастся облегчить недуг и восстановить аппетит, тогда я бессилен чем-нибудь помочь.

Почтенный Хэ стал откланиваться. Симэнь вручил ему лян серебра и отправил с ним за лекарством Дайяня.

Под вечер Пиньэр приняла снадобье, но и оно не принесло ни малейшего улучшения.

– Нельзя ей давать столько лекарств! – предупреждала хозяйина Юэнян. – Тем более на голодный желудок. К чему зря человека травить? Помнишь, еще У Бессмертный предсказывал ей обильное кровотечение на двадцать седьмом году жизни? А ведь ей как раз двадцать семь. Послать бы за Бессмертным. Он сказал бы, что ей на роду написано. Может, какая зловещая звезда ее судьбой правит? Тогда молебен заказали бы Бессмертному.

Симэнь тотчас же вручил слуге свою визитную карточку и направил его к командующему Чжоу, но там сказали, что Бессмертный У – странник, который не задерживается подолгу на одном месте, подобно плывущему облаку.

– Когда Бессмертный У появляется в здешних краях, – объяснили слуге, – он обыкновенно останавливается в храме Духа Земли на юге от города. Но в этом году он еще в четвертой луне отбыл в горы Удан.^[993] Советуем вам обратиться к прорицателю Хуану. Он проживает в храме Истинного Воина.^[994] Известный вещатель. И берет только три цяня серебра. Но по домам он не ходит. Будущее видит словно в зеркале.

Симэнь послал к прорицателю Чэнь Цзинци. Тот взял с собой три цяня и направился на север к храму Истинного Воина. На воротах Хуана висела надпись: «За три цяня предсказываю грядущих дней судьбу по начертаниям преднебесной схемы „Книги Перемен“».^[995]

Чэнь Цзинци отвесил прорицателю поклон.

– Не могли бы вы, учитель, сказать судьбу одной особы? – обратился он к Хуану, вручая серебро. – Двадцати семи лет от роду,^[996] родилась в полуденный час под седьмым знаком, пятнадцатого дня в первой луне.

Прорицатель углубился в расчеты.

– Жизнь этой женщины, – начал он, – связана с восьмым годом синь-вэй, двадцать седьмым месяцем гэн-инь, двадцать восьмым днем синь-мао и девятнадцатым часом жэнь-у, когда она появилась на свет, и нерасторжима с тем, кто носит пояс и печать.^[997] Судьба ее определяется годами с четверкой. Ее четырехлетний возраст – под пятьдесят шестым знаком цзи-вэй, четырнадцатилетний – под пятьдесят пятым знаком моу-у, двадцатичетырехлетний – под пятьдесят четвертым знаком дин-сы, тридцатичетырехлетний – под пятьдесят третьим знаком бин-чэнь. Действие этих роковых лет.^[998] одновременно проявилось в текущем году, соответствующем тридцать четвертому знаку дин-ю, так как последний поражает знак небесного ствола в обозначении его рождения^[999] Ее судьба теперь зависит от звезды Кету.^[1000] Нарушен так же покой Пяти демонов Погребальных Врат, которые готовят страшное несчастье. Кету – звезда непроглядного мрака. Непостоянство и перемены, одна загадочней другой, – ее натура. Своим видом он напоминает спутавшийся шелк, где не найти конца. Когда же Кету вторгается в судьбу человека, его подстерегают таинственные испытания и недуги. Их роковой исход, равно разоренье, гибель детей, обыкновенно приходится на месяцы первый, второй, третий, седьмой, девятый. Человека ничтожного, неводержанного на язык, постигает разорение. Крайне опасно такое совпадение для особ женского пола. Из чего можно заключить:

На чью судьбу прольется свет
Звезды Кету, тот тянет след
В своей разошедшей ладье
По суше, а не по воде.
Всем близким обреченного, увы,
Не приподнять с надеждой головы,
Скорбя душой, им не к кому воззвать,
Им остается молча горевать.
Коль женщина Кету озарена,
Судьба ее и вовсе не длинна,
Особенно когда родить должна
Или недавно родила она!..

Что же касается той, о чьей судьбе вы хотите узнать, то:

Она родителей своих так рано потеряла,
Вот отчего и счастье к ней намного опоздало,
Но чаровница что ни год, то становилась краше,
Взросла красавица – и вот жизнь стала полной чашей.

Потом у любящей четы на свет дракон родился,^[1001]
Почетом упоен, супруг пред слабыми гордился.
Он, потонув в своих страстях, расстанется с любимой,
Она, как лист сухой, падет, попав в «чертог куриный».^[1002]

Записав судьбу, предсказатель Хуан запечатал конверт и вручил его Цзинци. Когда тот вернулся домой, Симэнь сидел с Ин Боцзюэ и сюэем Вэнем. Хозяин взял конверт и пошел в дальние покои к Юэнян.

– Предсказание не предвещает ничего доброго, – сказал он.

Не узнай Симэнь дурных предвестий, все бы шло своим чередом, а тут у него на лбу три морщины залегли, и душу многопудовая печаль терзала.

Да,

И богачу в расцвете сил
грозит тяжелая утрата.
Так узнает он незначай,
сколь беден он, – близка расплата.
Дни нашей жизни сочтены,
и как недостатки ни обильны,
Переиначить срок нельзя –
перед судьбою мы бессильны.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ДАОС ПАНЬ СОВЕРШАЕТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ И МОЛЕБЕН С ЗАЖЖЕННЫМИ СВЕТИЛЬНИКАМИ

СИМЭНЬ ЦИН В ГОЛОС ОПЛАКИВАЕТ ПИНЬЭР

*Судьба и щедрой и лихой бывает.
Своим поступкам каждый цену знает.
Ты молод иль состариться успеешь —
За все тебе воздастся, что содеешь.
Заботы дня, всех дел твоих течение
Продумывай в часы отдохновенья.
Будь сердцем вечно к правде устремлен —
Природы высший выполнишь закон.*

Итак, Симэнь не знал, что и делать, когда увидел, что никакие снадобья не помогают Пиньэр, а врачи и прорицатели не предвещают ничего утешительного.

Первое время Пиньэр еще как-то боролась с недугом: сама причесывалась, умывалась и по надобности вставала с постели. Но потом у нее пропал аппетит. Изнурительные кровотечения подорвали силы. Еще совсем недавно она напоминала распутившийся цветок, теперь же, худая и непривлекательная, настолько ослабла, что была не в силах подняться с проложенной бумагой подстилки. А чтобы не пахло, она наказывала горничным жечь благовония. Руки ее исхудали и повисли, как серебряные нити. Симэнь через день бывал на службе, а все остальное время проводил около больной, плакал и рыдал.

– Шел бы ты, дорогой, в управу, – уговаривала его больная, – а то службу упустишь. А я уж как-нибудь. Только вот кровотечения покою не дают. Может, перестанут. Аппетит появится, тогда и поправлюсь. А ты ведь мужчина. Нельзя тебе как на привязи дома сидеть.

– Дорогая моя! – отвечал со слезами на глазах Симэнь. – Могу ли я оставлять тебя в таком состоянии?!

– Какой ты глупый! – говорила Пиньэр. – Если суждено мне умереть, все равно не удержишь. Давно собиралась тебе сказать, да все не решалась. Не знаю отчего, но когда рядом никого нет, меня охватывает страх. Кажется, встает передо мной какой-то человек, будто тень неясная с ребенком на руках. И во сне все время его вижу. Размахивает то ножом, то дубинкой и осыпает меня руганью, а как потянусь за ребенком, отпихивает. Сколько раз с собой звал, дом, говорит, купил. Только я тебе не говорила.

– Смерть человека – что угасание светильника, – успокаивал ее Симэнь. – Ну где он^[1003] теперь, через столько лет?! Это от долгой болезни у тебя нервы расшатались. Какие у нас в доме могут быть демоны и злые духи? Сама посуди. Но я велю съездить к отцу настоятелю У за амулетами. Повесим на дверях и увидим, посмеют ли они беспокоить тебя.

Симэнь направился в переднюю постройку и велел Дайаню седлать коня и ехать в монастырь Нефритового владыки за амулетами.

По дороге Дайань повстречал Ин Боцзюэ с Се Сиды и спешился.

– Батюшка дома? – спросили они.

– Дома, – отвечал слуга.

– А ты далеко отправился?

– За амулетами в монастырь Нефритового владыки.

Боцзюэ и Сиды пошли к Симэню.

– Се Цычунь только что узнал, что невестка плоха, – говорил Боцзюэ. – Вот и пришли справиться о здоровье.

– Эти дни ей немного полегчало, – пояснил Симэнь. – Похудела, скажу я вам, до неузнаваемости. Я уж не знаю, что и делать. Раз ребенок умер, говорю, его не вернешь, а она ночи напролет плачет. С горя и заболела. Как я ее ни уговаривал, ничего не помогло. Ну что мне теперь делать, а?

– Брат, а зачем ты послал в монастырь Дайаня? – поинтересовался Боцзюэ.

Симэнь рассказал друзьям о страхе, который охватывает Пиньэр всякий раз, когда она остается одна, и продолжал:

– Не появилась ли в доме нечисть? Чтобы ее отогнать, думаю

развесить на дверях амулеты. Вот и послал за ними к настоятелю У.

– Нечисть, брат, тут ни при чем, – заявил Се Сидя. – Просто нервы у невестки расшатались.

– Брат, а нечисть отогнать не так трудно, – подхватил Боцзюэ. – За городскими воротами в обители Пяти священных гор.^[1004] живет даос Пань. Гонителем нечисти зовется. Как он ловко ее изгоняет! Пять громов небес на них насылают^[1005] Амулетами и наговорной водой несет спасение. Ты бы его, брат, пригласил. Ему достаточно заглянуть в спальню невестки. Сразу любую нечисть узрит. А как недуги лечит!

– Может, амулеты от настоятеля У подействуют, – сказал Симэнь. – А не помогут, тогда попрошу тебя со слугой поехать верхом и пригласить даоса Паня.

– Мне, брат, труда не составит, – заявил Боцзюэ. – Я сейчас же за ним пойду. Молю, чтобы Небо сжалилось и чтобы моей невестушке стало полегче. Я сейчас же отправлюсь.

Они поговорили еще немного, выпили чаю и откланялись.

Между тем Дайань привез амулеты, и их развесили на дверях. Однако к вечеру Пиньэр опять охватил страх.

– Покойник вновь приходил за мной, а с ним еще двое, – говорила она Симэню. – Они убежали, как только ты вошел.

– И ты всерьез веришь в эти наваждения?! – успокаивал ее Симэнь. – Не бойся! Брат Ин считает, что у тебя нервы не в порядке. Даос Пань, говорит, из обители Пяти священных гор наговоренной водой лечит и нечисть изгоняет. Завтра с утра попрошу брата Ина за ним сходить. Пусть дом осмотрит и от нечисти избавит, если она завелась.

– А нельзя ли пораньше позвать? – спрашивала Пиньэр. – Покойник ушел разгневанный. Завтра опять за мной придет. Скорей позови даоса.

– Если ты так боишься, может за У Иньэр паланкин послать? – советовал Симэнь. – Пусть у тебя побудет пока.

– Не надо, – покачала головой Пиньэр. – У нее своих забот хватает. Зачем ее отвлекать?

– А если тетушку Фэн? – предложил Симэнь.

Пиньэр кивнула в знак согласия, и хозяин велел Дайаню сходить за тетушкой Фэн, но той не оказалось дома.

– Как только она появится, – передавал слуга Шпильке, – вели ей в хозяйский дом зайти. Ее матушка Шестая зовет.

Тем временем Симэнь наказывал Дайаню:

– Завтра с утра отправишься с дядей Ином в обитель Пяти

священных гор за даосом Панем.

Но не о том пойдет речь.

На другой день Пиньэр навестила мать Ван из монастыря милосердной Гуаньинь. Гостья держала в руках коробку с отборным рисом и двумя десятками больших творожных лепешек. В маленькой коробочке лежало с десяток ароматных маринованных баклажанов. Пиньэр велела Инчунь помочь ей сесть на постели и, когда монахиня поклонилась, пригласила ее присаживаться.

– Как мне тяжело, мать наставница! – жаловалась Пиньэр. – А ты и не навестишь. Как сутру напечатали, так и след простыл.

– Матушка, дорогая вы моя! – взмолилась Ван. – Я знать не знала, что вам нездоровится. Только вчера матушка Старшая за мной слугу прислала. А из-за этой сутры, знали бы вы, как я с сестрой Сюэ разругалась. Мы ведь вам печатали, а эта старая потаскуха Сюэ, себе на уме, от печатников целый лян серебра прикарманила, а мне ни гроша не дала. К вам, матушка, придет радость, а ей, распутнице, в ад дорога проложена. Я и сама-то от такого расстройтва слегла. Даже к матушке Старшей на день рождения не попала, не поздравила благодетельницу.

– Каждый за свои дела ответит, – говорила Пиньэр. – Она сама знает, что творит. А ссориться вам не следует.

– А кто с ней ссорится! – прервала ее Ван.

– Старшая на тебя рассердилась, – продолжала Пиньэр. – Ты, говорит, не молилась за нее о ниспослании потомства.

– О моя бодхисаттва! – воскликнула Ван. – И больная, я не переставала читать священное писание. Ровно месяц молилась я о появлении у Старшей сына-наследника. Только вчера миновал месяц, и я вот пришла к вам. Я уж заходила во внутренние покои, виделась с хозяйшкой. Упрекнула она меня. Не знала, говорю, о недугах матушки Шестой и ничего с собой не захватила. Только вот, говорю, принесла немного рису, маринованных баклажанов да творожных лепешек вас угостить. Тогда матушка Старшая велела Сююй проводить меня к вам, дорогая вы моя матушка.

Сююй открыла коробки и показала содержимое Пиньэр.

– Спасибо за хлопоты, – проговорила больная.

– Инчунь! Подогрей-ка для матушки парочку творожников, – обратилась к горничной монахиня. – А я пока сама покормлю матушку риском.

– Угости чаем матушку наставницу, – распорядилась Пиньэр, когда Инчунь понесла коробки с подарками.

– Чаю я попила у матушки Старшей, – заметила Ван. – Поддай рису. Я лучше погляжу, как матушка будет отвар кушать.

Инчунь тут же накрыла стол, расставила четырех сортов сладости и пригласила монахиню. Потом подала Пиньэр чашку рисового отвару, тарелочку ароматных маринованных баклажанов и желтых поджаренных творожников. Инчунь держала в руках пару небольших палочек из слоновой кости, а стоявшая рядом Жуи – чашку. Пиньэр пропустила глотка три отвару, разок откусила творожник и покачала головой.

– Унесите! – прошептала она.

– Пищей насущной жив человек, – говорила монахиня. – Какой вкусный отвар! Скушали бы еще немножко.

– Не невольте меня, – просила больная.

Инчунь убрала с чайного столика посуду. Мать Ван приподняла одеяло и взглянула на исхудавшую Пиньэр.

– До чего ж вы, родимая, похудели! – воскликнула она. – А ведь были здоровехоньки в прошлый раз. Что с вами, матушка?

– В том-то и дело, – подхватила Жуи. – Матушка от расстройства слегла. Батюшка лучших докторов звал. Каждый день лекарства принимала и уж было совсем поправляться стала, а тут в восьмой луне ее дитя, Гуаньгэ, испугали. Матушка дни и ночи напролет волновалась, все думала спасти наследника. Так-то уж себя утруждала, что и спать не ложилась. А когда его не стало, целыми днями рыдала. Горе про себя переживала. А ведь не каменная. Другие горем-то своим поделятся, им полегче делается, а матушка все про себя. Не спросишь – ничего не скажет. Как тут болезни не приключиться?!

– Но что может расстраивать матушку? – недоумевала монахиня. – Ведь ее так любит хозяин. О ней заботится хозяйюшка. Ее окружают остальные хозяйки. Не представляю, кто ее расстраивает?

– Вы, мать наставница, ничего не знаете, – заговорила Жуи и велела Сючунь поглядеть, закрыта ли дверь, а то, как водится, путники душу изливают, а притаившийся в траве на ус наматывает. Кормилица продолжала: – Госпожа Пятая матушку со свету сживает. Это она напустила своего кота и перепугала Гуаньгэ. А батюшка как ни допытывался, матушка ни слова не проронила. Потом уж Старшая госпожа все рассказала. Кота батюшка прикончил, а Пятая так и не призналась. Теперь на нас зло срывает. После кончины Гуаньгэ в восьмой луне она сама не своя от радости. Язвит, ехидствует направо – налево, а все, чтобы наша матушка услышала. Ну как же тут не расстраиваться, как не терзаться. Матушка все глаза выплакала. Вот и

сlegла. Только Небо знает, какая она добрая. Все про себя переживает. На нас, сестер, хоть бы раз голос повысила. Нравится нашей матушке, скажем, платье, так она его до тех пор не наденет, пока у других такого же не будет, вряд ли кто в доме не удостоверился в ее доброте. Только другая подарок возьмет, а за глаза про нее же наговаривает.

– Как же так можно?! – удивилась монахиня Ван.

– Так вот и делают, – продолжала Жуи. – Бывает, придет к Пятой почтенная Пань, а у нее хозяин на ночь останется. Она старую мать к нашей хозяйшке проводит. А матушка наша чего ей только не даст?! И обуться, и одеться, и серебра вручит. А госпожа Пятая все равно недовольна.

– Ну будет уж тебе про нее говорить! – оборвала кормилицу Пиньэр. – Я все равно не жалею на этом свете. Пусть себе поступает как знает. Небо в безмолвии своем величаво.

– О, Будда милосердный! – воскликнула монахиня. – Как вы великодушны, матушка! Небо видит доброту вашу и воздаст вам в грядущем.

– На что же мне еще надеяться, мать наставница? – спрашивала Пиньэр. – Я ж лишилась сына, меня изводит недуг. Будь я даже бесплотным духом, мне шагу не ступить. Хотела бы я дать вам, мать наставница, серебра. Когда меня не будет, прошу вас, позовите инокинь, сестер ваших, помолитесь за меня, многогрешную, почитайте «Канон об очищении от крови».^[1006]

– Бодхисаттва милосердная! – воскликнула Ван. – Ваше беспокойство излишне, уверяю вас. Небо сжалится над вами за доброту вашу сердечную и избавит вас, матушка, от мук тяжких. Небо спасет и сохранит вас.

Во время их беседы появился Циньтун.

– Батюшка велел прибрать спальню, – сказал он, обращаясь к Инчунь. – Сейчас господин Хуа придет навестить матушку. Они в передней ожидают.

– Я пока пройду в ту комнату, – сказала, вставая, монахиня.

– Только прошу вас, мать наставница, побудьте потом со мной, – наказывала ей Пиньэр. – Мне еще с вами поговорить надобно.

– Я останусь, матушка, не волнуйтесь, – заверила ее Ван.

Немного погодя в спальню вошел Хуа Цзыю, сопровождаемый Симэнем.

– Не знал я, что ты больна, – обратился он к молча лежавшей Пиньэр. – Только что здешний слуга сказал. Завтра жена придет тебя проводить.

– Весьма тронута вашим вниманием, – только и проговорила Пиньэр и повернулась к стене.

Хуа Цзыю посидел немного и вернулся в переднюю постройку.

– Мой покойный дядюшка в бытность свою правителем Гуаннань, [1007] – говорил Симэню шурин Хуа, – приобрел настойку гинуры. При женских болезнях рекомендуется пять фэней с вином принять. Кровотечения сразу приостановятся. Почему бы ей не попробовать? Ведь у нее настойка должна быть.

– Принимала, – сказал Симэнь. – Был у меня здешний правитель Ху. О болезни разговорились. Советовал пальмовую золу с петушьим гребнем смешать и с вином выпить. На день кровотечения прекратились, а потом еще хуже стало.

– Тогда плохи дела, зятюшка, – заключил Хуа Цзыю. – Не присмотреть ли вам загодя доски для гроба? А жене я велю завтра же ее навестить.

Хуа Цзыю встал и начал откланиваться. Как Симэнь ни просил его посидеть еще, он удалился.

Жуи и Инчунь меняли Пиньэр подстилку, когда в спальне появилась тетушка Фэн и, приблизившись к больной, поклонилась.

– Что ж ты, дорогая мамаша, больную матушку нашу не наведишь? – обратилась к вошедшей Жуи. – Батюшка за тобой Дайяня посылал, у тебя и дверь на замке. Где ты только пропадаешь?

– Всех забот не перескажешь, – начала тетушка Фэн. – Целыми днями из монастырей не вылезаю. Все к учению Буддову приобщаюсь. С раннего утра из дому выхожу и, как ни кручусь, возвращаюсь больше затемно. А дома тебя уж поджидает монах – то отец Чжан, то отец Ли, а то отец Ван. [1008]

– Не при матери Ван будь сказано, как вы, мамаша, со всеми управляетесь? – полюбопытствовала Жуи.

– Вот болтушка! – Пиньэр улыбнулась.

– Без тебя, мамаша, матушка наша рисинки в рот не брала, – говорила Жуи, – от болей страдала. А стоило тебе прийти, матушка даже заулыбалась. Побудь с ней. Авось и поправится.

– В исцелении матушки я любого лейб-медика за пояс заткну, – тетушка Фэн засмеялась, а потом запустила руку под одеяло и коснулась Пиньэр. – Да, матушка, до чего ж вы исхудали! За нуждой встаете?

– Если бы! – заметила Инчунь. – До сих пор матушка с нашей помощью кое-как поднималась, а последние дни лежит. Раза по три за день подстилку меняю.

– И с чего только кровь идет? – говорила Жуи. – Ведь матушка почти и в рот ничего не берет.

Тем временем в спальню вошел Симэнь.

– А, вот и сама мамаша пожаловала! – воскликнул он, заметив тетушку Фэн. – Бывало, ты чаще заглядывала. Куда ж это ты запропала, а?

– Как пропала, батюшка! – возразила старуха. – Время засолов пришло. Деньжонок наскребла и с соленьями эти дни возилась. А то, чего доброго, думаю, угораздит кого в гости заявиться, соленьями и угощу. У меня ведь вольных денег не водится. Вот впрок и припасая, чтоб потом по лавкам не ходить.

– Что же ты мне раньше-то не сказала? – удивился Симэнь. – У меня только что в поместье овощи собрали. Выделили бы тебе пару гряд, на целый год хватило бы.

– Да разве я решилась бы вас беспокоить, батюшка?! – воскликнула старуха и вышла в соседнюю комнату.

Симэнь Цин сел на край кровати. Рядом с горящими благовониями стояла Инчунь.

– Как себя чувствуешь? – спросил Симэнь больную, а потом обернулся к Инчунь: – А как во время завтрака? Матушка покушала рисовый отвар?

– Если б глоток отведала! – отвечала горничная. – Мать наставница принесла творожников. Матушка откусила разок да к рису коснулась.

– От брата Ина за даосом Панем ездили, но не застали, – говорил Симэнь. – Завтра надо будет Лайбао послать.

– Пошли поскорей! – просила Пиньэр. – Как глаза закрою, пугает меня покойник.

– Это у тебя от слабости, – успокаивал ее хозяин. – Возьми себя в руки, и призраки перестанут тебе досажать. погоди, даос Пань всю нечисть уничтожит, а примешь лекарство – и поправишься.

– От моего недуга, дорогой мой, нет спасенья, – шептала Пиньэр. – Разве что смерть положит конец моим мученьям. Пока никого нет, мне с тобой поговорить нужно. Мечтала я прожить с тобой в супружеском согласии и счастии до гроба. Но, увы, двадцати семи лет я потеряла любимого сына. Не дано мне насладиться счастьем. Я тоже ухожу от тебя. Если нам суждено встретиться, то лишь на том свете.

Пиньэр потянула за руку Симэня. Слезы так и катились у нее из глаз. У нее перехватило дыхание. Она рыдала про себя.

– Скажи мне все, дорогая моя, что у тебя на сердце, – просил Симэнь, и слезы навернулись у него на глаза.

Оба плакали.

Появился Циньтун.

– Посыльный из управы докладывает, – заявил он, – завтра, пятнадцатого, свершается церемония присяги Его Величеству, потом состоится торжественное заседание. Вы, батюшка, будете на церемонии? Посыльный ожидает ответа.

– Не смогу я завтра прийти, – отвечал Симэнь. – Пошли господину Ся мою визитную карточку и скажи, чтобы церемонию устраивали без меня.

– Слушаюсь, – отозвался Циньтун и удалился.

– Послушай, дорогой! – тут же заговорила Пиньэр. – Тебе, по моему, надо пойти в управу. Нельзя упускать службу. Я еще протяну немного.

– Я с тобой побуду эти дни, – сказал Симэнь. – Со мной тебе будет покойнее. Только не терзай себя излишними раздумьями. Шурин Хуа посоветовал мне купить гробовых досок. Может, они отгонят нечисть, и ты поправишься.

– Купи! – Пиньэр кивнула головой. – Только не слушай никого: не очень-то траться. Присмотри лянов за десять, не дороже. А положи меня рядом с твоей покойной супругой. Как жена прошу, не сжигай останки мои. Может, и мне тогда перепадет от жертв, предназначенных для нее. Деньги побереги. Ртов много, подумай, как дальше жить.

Не услышь этого Симэнь, все б шло своим чередом, а тут ему будто ножом по сердцу полоснули.

– Зачем ты так говоришь, моя дорогая?! – промолвил Симэнь в слезах. – Я в бедности умру, но исполню твою просьбу.

Тем временем в комнату вошла Юэнян с коробкой свежих яблок.

– Скушай яблочко, – обратилась она к больной. – Это тебе моя старшая невестка прислала. – Юэнян обернулась к Инчунь: – Ступай вымой и подай матушке.

– Поблагодари свою невестку за внимание, – отозвалась Пиньэр.

Инчунь срезала кожу, нарезала ломтиками и поднесла на блюде Пиньэр. Симэнь и Юэнян подсели к ней и подали ломтик. Пиньэр откусила ароматного яблока, но тотчас выплюнула. Юэнян не стала ее неволить и уложила, повернув головой к стене. Пиньэр забылась, и Симэнь с Юэнян вышли посоветоваться.

– Сестрица Ли совсем плоха, – начала Юэнян. – Не мешало бы подумать о гробе. А то когда произойдет несчастье, в суматохе подходящих досок не сыщешь. И выйдет: лошадь-то купишь, а в зубы

поглядеть забудешь. Так дела делать не полагается.

– Об этом мы уж с шурином Хуа нынче толковали, – объяснил Симэнь. – Я ей только что о нашем разговоре намекнул. Она просила подешевле купить. Семья, говорит, большая, о житье надо подумать. Так это меня растрогало. Я ведь к ней даоса Паня пригласил. Посмотрим, что он скажет, а там и насчет гроба видно будет.

– Ты, я смотрю, не представляешь, насколько серьезно ее состояние, – продолжала Юэнян. – Она же чуть жива. Капли за день не пропустит, рта не открывает, ты еще на что-то надеешься. Впору тревогу бить, ты готов победный марш заказывать. Если же, на наше счастье, он поправится, гроб всегда можно будет пожертвовать. Так что мы от этого нисколько не пострадаем.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – заключил Симэнь и вместе с Юэнян направился в дальние покои, а слуге велел позвать Бэнь Дичуаня.

– Не знаешь, где можно купить хороших досок для гроба? – спросил он вошедшего в залу Бэня. – Берите серебра и ступайте с зятем присмотрите получше.

– Прекрасные гробовые доски привезли тысяцкому Чэню с Большой улицы, – сказал приказчик.

– Вот и хорошо! – воскликнул Симэнь и кликнул Чэнь Цзинци: – Пойди и попроси у матушки четыре слитка серебра. Вместе пойдете.

Немного погодя явился Цзинци. В руках у него было пять солидных слитков.

Вернулись они после обеда.

– Где это вы пропадали? – спросил Симэнь.

– У тысяцкого Чэня посмотрели, – говорили Дичуань и Цзинци. – Материал так себе, не из лучших, и запрашивают дорого. Когда мы от него вышли, нам повстречался господин Цяо, ваш почтенный сват. Он-то и посоветовал обратиться к ученому Шану. Отец его служил когда-то цензором в Чэнду, в провинции Сычуань, откуда и привез два набора превосходных гробовых досок для жены. Дерево – лучше быть не может – из местечка под названием Пещера в персиковой роще. Один набор пока цел. И за все – крышку, передок, боковые стенки и дно – просит триста семьдесят лянов. А с нами, надо сказать, был и почтенный сватушка Цяо. Долго он с хозяином торговался. Тот наконец уступил полсотни лянов. Он бы, наверно, и не подумал продавать, если б не предстоящие в будущем году экзамены в столице. Только, говорит, из уважения к батюшке уступал, с другого взял бы не меньше трех с половиной сотен.

– Ну, ежели сватушка Цяо советует, платите триста двадцать лянов и привозите, – заключил Симэнь. – Какой может быть разговор?

– Двести пятьдесят мы отдали, – говорил Цзинцзи. – Семьдесят лянов осталось заплатить.

Симэнь велел Юэнян выдать необходимую сумму, и оба снова удалились.

Надвигались сумерки, когда ватага здоровенных молодцов внесла в ворота завернутые в красный войлок доски. Их сложили перед залой. А когда развернули, Симэнь мог сам убедиться в добротности дерева. Тут же позвали мастеров. От досок шел аромат. И были они как на подбор: пять цуней в толщину, два чи пять цуней в ширину и семь чи пять цуней в длину. Довольный Симэнь показал их Боцзюэ.

– Видал когда-нибудь такие доски, а? – спрашивал он друга.

Боцзюэ захлебывался от восторга.

– Вот и я говорю, брат, такой гроб невестке свыше предопределен был, не иначе, – наконец сказал он. – Каждая вещь своего хозяина находит – что верно, то верно. Стала твоей женой, вот и честь такая выпала. – Боцзюэ обернулся к столярам: – А вы уж как следует постарайтесь. Батюшка пяти лянов за работу не пожалеет.

– Постараемся, батюшка, – отвечали мастера.

За ночь неустанного труда гроб был готов, но не о том пойдет речь.

– Завтра с утра раннего, в пятую стражу, за даосом Панем ступай, – наказывал Боцзюэ Лайбао. – И приводи его без промедления.

Боцзюэ и Симэнь из залы наблюдали за работой мастеров. Пошла первая ночная стража,^[1009] когда гость простился с хозяином.

– Завтра пораньше приходи, – наказал Симэнь. – Даос Пань, наверно, с утра пожалует.

Между тем тетушка Фэн и монахиня Ван весь вечер не отходили от постели Пиньэр. Простившись с приятелем, Симэнь вошел в спальню и намеревался остаться на ночь, но больная запротестовала:

– Нет, тут не убрано, и у меня гостя, – говорила Пиньэр. – Тебе будет неудобно. Пойди переночуй где-нибудь еще.

Увидев монахиню Ван, Симэнь отправился к Цзиньянь, а Пиньэр велела Инчунь запереть дверь, зажечь лампу и достать из сундука одежды и серебряные украшения. Горничная разложила вещи около постели больной. Пиньэр подозвала сперва монахиню Ван и одарила ее слитком серебра весом в пять лянов и куском шелка.

– После моей смерти, – говорила она, – почитайте с наставницами «Канон об очищении от крови».

– Да не думайте вы об этом, матушка, прошу вас! – уговаривала ее

монахиня. – Небо сжалится, и вы поправитесь.

– Забери серебро, а матушке Старшей не говори, – наказывала Пиньэр. – Скажи, шелку, мол, дала на помин.

– Хорошо, матушка, – проговорила монахиня и спрятала подарки.

Потом Пиньэр позвала тетушку Фэн. Когда та приблизилась к изголовью, она дала ей четыре лян серебра, белую шелковую кофту, желтую юбку из узорного шелка и серебряную булавку.

– Ты, мамаша, мне свой человек, – говорила Пиньэр. – Я девочкой была, ты за мной смотрела. И до сих пор мы с тобой не разлучались. Но наступает час расставанья. Возьми на память булавку и кофту с юбкой и серебро забери. На гроб пригодится. Не горюй, живи, как и теперь живешь, за домом присматривай. А я с батюшкой поговорю, он тебя не обидит.

Тетушка Фэн приняла подарки и, поклонившись Пиньэр, заплакала.

– Не везет мне, старухе, в жизни, – говорила она. – Были вы у меня опорой, матушка. А случись недоброе, куда мне голову приклонить.

Пиньэр позвала кормилицу Жуи и дала ей лиловую шелковую кофту, голубую юбку, поношенную накидку из узорчатого шелка, пару золотых шпилек и серебряную заколку.

– Ты кормила моего сына, – начала Пиньэр. – Когда его не стало, я попросила тебя остаться и жить со мной, пока я жива. Но вот настает и мое время. Я уговорю батюшку с матушкой оставить тебя в доме. А появится у хозяйки наследник, будешь при нем кормилицей. Это возьми себе на память и не поминай лихом.

Жуи опустила на пол и отвесила земной поклон хозяйке.

– Думала-то я, буду весь век служить вам, матушка, – заговорила она в слезах. – Вы были так добры и сердечны, ни разу голоса не повысили. Горемыка я беспросветная! То Гуаньгэ лишилась, а теперь вас, матушка, изводит недуг. Умоляю вас, замолвите как-нибудь за меня словцо. Попросите матушку Старшую меня оставить. Служить буду как смогу. А то мужа у меня нет, где я голову приклоню.

Жуи взяла подарки, отвесила поклон и, встав в сторонке, стала вытирать глаза.

Пиньэр позвала горничных Инчунь и Сючунь. Они вошли и поклонились.

– Вы девочками пришли служить ко мне, – начала Пиньэр. – Я умираю и больше не побеспокоюсь о вас. Нарядами вас одаривать не стоит. Они у вас и так есть. Возьмите вот на память по паре золотых шпилек и по два золотых цветка. Ты, Инчунь, постарше и волею

хозяина больше не девица. Тебе лучше остаться и служить матушке Старшей. Я ей скажу про тебя. А тебе, Сючунь, я бы посоветовала другое место подыскать. Я сама хозяйке скажу. Не хочу, чтобы на тебя засматривались да попрекали как горничную без госпожи. Без меня сразу пойдут разговоры. А найдешь новую хозяйку, поскромнее будь. Это я тебе прощала, другие так не позволяют.

Сючунь упала на колени перед хозяйкой и зарыдала.

– Матушка! Дорогая вы моя! – вопила она. – Я век в вашем доме хочу прожить.

– Вот глупышка! – удивилась Пиньэр. – Кому ж ты служить будешь после моей смерти?

– Я табличку вашей души охранять буду, – говорила Сючунь.

– И табличке моей недолго век. Придет время – сожгут. Нет, тебе уходить надо из дому.

– Мы с Инчунь будем матушке Старшей служить, – не унималась Сючунь.

– Это другое дело, – заключила Пиньэр.

Сючунь еще многого в жизни не понимала. Инчунь же, выслушав Пиньэр, взяла подарки и заплакала, будучи не в состоянии сказать слово.

Да,

Глядит горемыка во след обреченной –

У них на двоих и рыдания, и стоны.

В тот вечер Пиньэр всем дала свой наказ, а на рассвете, когда к ней пришел Симэнь, спросила:

– Гроб купил?

– Доски еще вчера принесли, – отвечал Симэнь. – Сейчас мастера работают. Гроб избавит тебя от наваждения и ты встанешь. А там мы его пожертвуем.

– Дорого заплатил? – спросила Пиньэр. – Не очень траться! О будущем подумай.

– Недорого, – успокаивал ее Симэнь. – Всего сто с чем-то лянов.

– Вот так недорого! Ну пусть заранее заготовят.

Симэнь вышел посмотреть, как работают столяры. Тем временем больную навестили Юэнян и Цзяоэр.

– Как ты себя чувствуешь, сестрица? – спросили они чуть живую Пиньэр.

– Не встану я, – сжимая руку Юэнян, шептала в слезах Пиньэр.

– Может, сестрица, ты хочешь что-нибудь сказать? – спрашивала

сквозь слезы Юэнян. – Со мной и сестрица Вторая. Говори.

– Что мне вам сказать? – протянула больная. – Сколько лет прожила я с тобой, сестрица! И ни разу ты меня не обидела. Думала, до седых волос будем вместе, но, увы, знать, не судьба. Я сына лишилась, а теперь меня недуг изведет, приходит и мой черед с вами расставаться. Горничные меня беспокоят. Сестрица, прошу тебя, возьми себе старшую. Она волею хозяина уже не девица. Пусть тебе служит. И младшую можешь взять, если пожелаешь. А то подыскать бы ей какого слугу и выдать замуж. Чтобы потом не попрекали: горничная, мол, без хозяйки. Они ведь с малых лет мне служили, и я обязана позаботиться о них перед своей кончиной. Кормилица Жуи тоже не хотела бы из дому уходить. Ради меня, сестрица, не обижай ее. Она ведь моего сына вскармливала. А у тебя появится наследник, она его вырастит.

– Не волнуйся, сестрица! – заверила ее Юэнян. – Мы с сестрицей Ли все твои наказания исполним. А случится, паче чаяния, недоброе, Инчунь я к себе возьму, а Сючунь сестрице Ли служить будет. Ведь у нее горничная уж очень ленива, все равно новую искать придется. Сючунь и подойдет. И кормилице Жуи, если ей некуда деваться, в доме работы хватит. Может, и у меня родится ребенок. А то за слугу замуж просватаем.

– Ты только, сестрица, не тужи обо всем этом, – поддержала хозяйку стоявшая рядом Ли Цзяоэр. На нас положись. Если чего, Сючунь ко мне перейдет. Я ее не обижу.

Пиньэр позвала кормилицу и горничных и велела им земными поклонами благодарить обеих матушек. На глазах Юэнян невольно появились слезы. Немного погодя в спальню вошли Юйлоу, Цзиньлянь и Сюэ. И каждую из сестер Пиньэр напутствовала на прощанье добрым словом, но говорить об этом подробно нет необходимости. Потом Цзяоэр, Юйлоу и Цзиньлянь вышли. Юэнян одна осталась у постели больной.

– Берегите младенца, матушка, – со слезами на глазах украдкой шептала Пиньэр, – как только он на свет появится. Храните наследника рода. А оплошаешь, как я, и тебя со свету сживут своими кознями.

– Понимаю, сестрица, – говорила Юэнян.

Послушай, дорогой читатель. Глубоко запало в душу Юэнян это напутствие Пиньэр. Вот почему после смерти Симэнь Цина и не удалось Цзиньлянь долго оставаться в доме. Припомнила Юэнян последние слова Пиньэр.

Да,

Только гнев, только милость в веках
Никогда не рассыплется в прах!

Пока они говорили, вошел Циньтун и велел горничным прибрать спальню и зажечь благовония.

– Отец Пань из монастыря Пяти священных гор пожаловали, – сказал он.

Юэнян наказала горничным прибрать в спальне, поставить чай и зажечь лучшие благовония. Сама Юэнян с остальными женами удалилась в комнату рядом со спальней, чтобы слышать, что скажет даос.

Немного погодя появился сопровождаемый Симэнем даос Пань.

Только поглядите, каков он был собой:

На клобуке подернутые облаками Пять священных гор. В поношенной холщовой бурой рясе с черной оторочкой^[1010], он препоясан был шнурком, сплетенным из пестрого шелка. Красовался за спиною старинный меч из бронзы, причудливо украшенный резьбой. Обут в пеньковые сандалии, держал в руке он ритуальный веер, дарующий просветление и изгоняющий бесов^[1011]. Свисали брови по краям, глаза чернели, точно зерна абрикоса. Квадратный рот был обрамлен усами с бородой. Вид монах являл почтенный и солидный. С большим достоинством держался. Казалось, гость явился либо из заоблачных чертогов, либо из нефритовых дворцов Пэнляя.

Даос Пань вошел в боковую дверь и, обойдя экран, очутился у ступеней, ведущих в покои Пиньэр. Тут он отступил шага на два, будто собираясь прикрикнуть на кого-то, проговорил что-то непонятное и, когда слуги отдернули дверную занавеску, вошел в спальню. Приблизившись к ложу больной, даос напряг очи свои, в которых сосредоточилась всепроницающая таинственная сила, и с мечом в руке, твердя заклинания, стал загибать пальцы, потом, как озаренный всепониманием, зашагал по звездам^[1012] и, выйдя в гостиную, установил столик с курильницами. Симэнь воскурил благовония, и даос Пань предал огню амулеты.

– Дух Полководец, страж дня текущего! Явись без промедленья! – крикнул даос и sprysнул вокруг себя наговоренной водой.

По комнате пронесся вихрь, и взору Симэня явился могучий страж в желтой головной повязке.

Только взгляните:

Желтым шелком перевязано чело, в расшитом лиловом халате.

Мощный гибкий стан его был препоясан поясом со львом-застежкой, на плечах могучих красовалась шкура леопарда. Носимый порывами яростного ветра, он постоянно странствует в заоблачных высях. Посещает райские чертоги и обители бессмертных. Минув горы-реки, перстом лишь указав, он спускается в Фэнду^[1013], град столичный. Чтоб укротить злодея-дракона, он погружается на дно морское, чтоб обезвредить демонов-чудовищ, он проникает в горные ущелья. В свите Нефритового владыки он особых повелений вестовой. При колеснице Северного полюса он состоит небесным стражем. Как дух Хранитель веры, он постоянно витает пред алтарем, а в мир снисходит нечисть покарать. На груди его висит печать из красной меди – мандат Бога громов. В руке сжимает он узорчатую секиру золотую.

Дух Полководец поклонился и, встав у крыльца, возгласил:

– Чего прикажет меня призвавший?

– В доме Симэня страдает женщина, урожденная Ли, – говорил даос Пань. – Она обратилась за помощью ко мне, а я прошу тебя, призови духа Хранителя местности и шесть духов, оберегающих дом, дабы они изловили нечисть, проникшую в дом. Иди и доставь их без промедленья.

Даос умолк, и дух Полководец исчез. Немного погодя глаза даоса Паня блеснули чудесным светом, и он погрузился на своем сиденье в созерцание, потом ударил в дщицу на столе и стал походить на судью, занятого разбирательством жалобы. В таком положении он пребывал длительное время. Наконец, даос вышел.

Симэнь проводил его в крытую галерею и спросил, что предстало ему в созерцании.

– К великому огорчению, – заговорил, наконец, даос Пань, – сударыня страдает от вины, предъявленной ей в царстве тьмы еще в прошлых рожденьях. Коль скоро недуг вызван не злыми духами, которых можно было бы изгнать, я бессилен чем-либо помочь.

– Отец наставник! – обратился к даосу Симэнь. – Может, молебен облегчит ее страдания?

– Мститель неумолим, как кредитор, – объяснял даос. – Он требует, чтобы госпожа жизнью своей возместила долг. И тут не поможет даже всемогущий загробный судья. Только прощение могло бы спасти госпожу.

Симэнь выказал явное неудовольствие, которое тотчас же заметил Пань.

– Назовите, пожалуйста, год рождения госпожи, – сказал он.

– Она родилась в год барана, – отвечал Симэнь. – Ей исполнилось двадцать семь.

– Так, – протянул даос. – Попробую отслужить молебен звезде покровительнице жизни с зажженными светильниками. Увидим, что они покажут.

– Когда вы намереваетесь служить, отец наставник? – спрашивал Симэнь. – Что приготовить для молебна?

– Нынче ровно в полночь под первым знаком цзы, в третью ночную стражу^[1014] – отвечал даос. – Я мелом очерчу место алтаря со светильниками, накрою его желтым шелком и установлю звезды в соответствии с их расположением при рождении госпожи. Для принесения жертв надлежит приготовить пять видов хлебных злаков и финиковый отвар. Вина и мяса не потребуется. Припасите двадцать семь светильников судьбы и церемониальный балдахин, который их будет прикрывать сверху. Вот и все. Вам надлежит молиться, пока я буду совершать молебен. Да, уберите подальше собак и кур, чтобы не мешали отправлению обряда, не допускайте к алтарю слуг.

Симэнь исполнил все наказания даоса, но приближаться к алтарю не решался. Он отказался от пищи, принял ванну и облачился в чистое платье. Ин Боцзюэ был оставлен, чтобы разделить трапезу с даосом Панем.

К полуночи алтарь со светильниками был установлен. Даос Пань разместился на возвышении. Перед ним стоял алтарь, по сторонам которого расположились Зеленый дракон, Белый тигр, Красная птица и Черный воин.^[1015] Сверху нависали три церемониальных балдахина,^[1016] по кругу были установлены двенадцать небесных дворцов с зодиакальными созвездиями, а ниже стояли светильники судьбы числом двадцать семь.

Даос сотворил молитву. Симэнь в темном рубише, стоя на коленях, молился у ступеней, ведущих к алтарю. Слуги были удалены за ширму, так что с хозяином никого не было. Ярко горели зажженные светильники. Даос Пань восседал, опершись на меч, с распущенными волосами и читал молитвы. Потом он возвел очи к небу, устремился взором к Большой Медведице, дабы причаститься истинной пневмы, и в соответствии с расположением звезд сделал несколько магических шагов вокруг алтаря.

Да,

Три раза был воскурен фимиам
И дух его прошел по трем мирам.^[1017]
Веленья прозвучал единый глас.

И громом вся земля отозвалась.

Ясное звездное небо вокруг сразу померкло, непроглядная тьма окутала землю. В крытой галерее вокруг заколыхались занавески и пронесся какой-то странный вихрь.

Да,

То был не тигра рев и не драконово рычание громовое. То вихрь ворвался, срывая цветы и листья, из ущелья выгоняя тучи и дождем обильным их проливая. То гусь дикий, подругу потеряв, жалобно кричит. Уток напуганная стая мечется, стремясь в лесу найти приют. Чанъэ поспешно запирает ворота дворца Лунной жабы^[1018], и Ле-цзы^[1019] из заоблачных пустот о помощи взывает.

Трижды над алтарем проносился вихрь, потом налетел холодный ветер и задул светильники судьбы Пинъэр. Все потухли враз, кроме одного.

Перед даосом Панем явственно предстал сопровождаемый двумя слугами мужчина в белом одеянии. Он вошел снаружи и положил на стол бумагу. На ней стояли три печати загробного царства. Пань в замешательстве покинул свое место и кликнул Симэня.

– Встаньте, почтеннейший сударь! – говорил он. – Ваша супруга, оказывается, повинна перед Небом. Светильники ее судьбы потухли, и никакие молитвы не в силах ее спасти. Она уйдет на рассвете.

Симэнь выслушал даоса и, не проронив ни слова, опустил голову. Глаза его наполнились слезами.

– Наставник! – обращался он сквозь рыдания к даосу. – Умоляю, спасите ее чего бы это ни стоило!

– Судьба неотвратима, – отвечал даос. – Я не в силах помочь.

Он стал откланиваться, но Симэнь упрасивал его остаться.

– Простимся на рассвете, – говорил Симэнь.

– Мы, монахи, по росистой траве ходим, святые горные обители дают нам приют, – отвечал даос. – Таков наш удел.

Симэнь больше не настаивал и велел слугам одарить монаха куском холста и тремя ляннами серебра.

– Бедный монах постиг учение волею Всевышнего неба, – говорил Пань. – Я дал обет чураться мирских соблазнов и не буду брать на душу греха.

Даос Пань наотрез отказался от вознаграждения. Наконец он принял холст на рясу и на прощанье сказал Симэню:

– Не ходите сегодня к больной. А то беда и вас застигнет. Остерегайтесь, сударь, остерегайтесь!

Даоса проводили за ворота, где он взмахнул раздраженно рукавами

и удалился.

Симэнь вернулся в крытую галерею и распорядился убрать утварь. Потеря надежды на исцеление Пиньэр убивала его. Симэнь подсел к Боцзюэ и невольно заплакал.

– Всякому свой век назначен, – говорил Боцзюэ. – Тут уж ничего не поделаешь. Не убивайся, брат.

Пробили четвертую ночную стражу.

– Ты ведь тоже устал, брат, – продолжал Боцзюэ. – Ложись-ка спать, и я домой пойду, а завтра увидимся.

– Скажи, чтоб тебя с фонарем проводили, – сказал Симэнь и велел Лайаню принести фонарь.

Проводив Боцзюэ, Симэнь вошел в кабинет и зажег свечу. Убитый надвигающейся бедой, Симэнь тяжело вздыхал в одиночестве. «Мне нельзя входить в спальню, – размышлял он над предостережением даоса. – Да разве я утерплю?! Пусть умру, а пойду к ней. Поговорим в последний раз»

Симэнь встал и вошел в спальню Пиньэр. Она лежала, повернувшись к стене. Заслышав его шаги, Пиньэр обернулась.

– Где ты был, дорогой мой? – спросила она. – Что же показали светильники?

– Успокойся! – говорил Симэнь. – Светильники подали надежду.

– Обманываешь ты меня, дорогой, – продолжала Пиньэр. – А мститель с двумя слугами опять приходил за мной. Ты, говорит, монаха позвала, чтобы от меня избавиться, но я подал жалобу заgrabному судье, и тебе, говорит, не уйти. Завтра тебя возьмут.

Слезы брызнули у Симэня из глаз.

– Дорогая моя! – громко зарыдал он. – Успокойся, прошу тебя! А его из головы выкинь! Как я хотел быть с тобой, но ты уходишь. Уж лучше бы мне навеки закрыть глаза. По крайней мере не пришлось бы так убиваться.

Пиньэр обняла Симэня за шею. Ее душили рыдания.

– Я тоже мечтала всегда быть с тобою, мой дорогой, – наконец, сквозь слезы заговорила она. – Но, увы, я умираю. Пока жива, хочу тебе кое-что сказать. На твоих плечах большой дом и хозяйство, и раз тебе приходится управляться одному, без помощников, будь в делах рассудителен и нетороплив. А Старшую не обижай. Она в положении. Наступит срок, и она родит тебе наследника, который продолжит род и дело. Ты лицо чиновное, так что поменьше с певичками-то гуляй, а домой пораньше приходи. Тебе за хозяйством надо больше смотреть. Не будет меня, кто тебя наставит? Кто совет даст? Кто горькую правду

в глаза скажет?

Слова Пинъэр, будто ножом, полоснули по сердцу Симэня.

– Не беспокойся за меня, дорогая моя! – говорил сквозь слезы Симэнь. – Я буду помнить твои наказания. Раньше я не видел счастья и вот теперь расстаюсь с тобой. Горе убьет меня! Это Небо меня карает!

– Насчет Инчунь и Сючунь я договорилась со Старшей, – продолжала Пинъэр. – Инчунь будет у Старшей служить, а младшую, Сючунь, сестрица Вторая хотела взять. У нее нет горничной. Пусть тогда у нее и служит, ладно?

– Какой может быть разговор, дорогая! – заверял ее Симэнь. – Кто ж посмеет обижать твоих горничных! И кормилицу оставим. Будет при дщице души твоей служить.

– Какой дщицы?! – возражала Пинъэр. – Ее ко Всевышнему Владыке отправят. Сожгут, как пять седмиц выйдет, и дело с концом.

– Не тревожься, дорогая! – успокаивал ее Симэнь. – Я буду чтить тебя, покуда я жив.

– Ну иди отдохни! – поторопила его Пинъэр. – Поздно уже.

– Не хочу я спать. Я около тебя посижу.

– Мой час пока не пришел. Ступай! Здесь запах дурной. Со мной горничные побудут.

Симэню пришлось уступить ее настояниям.

– Как следует за матушкой глядите! – наказал он горничным и пошел в дальние покои к Юэнян.

Симэнь рассказал Юэнян о молебне со светильниками, который не предвещал ничего утешительного, и продолжал:

– Я только что от нее. Она еще довольно бодрая. Со мной поговорила. Может, Небо смилостивится. Авось, перетерпит муки и встанет.

– Да у нее глаза впали, губы запеклись, – говорила Юэнян. – Где там встанет! Это перед концом всегда легче становится. Вот она и разговорилась.

– За все эти годы обидела ли она кого в доме, а? Какая она была добрая! Слова дурного от нее ни разу не слышал. Нет, ее смерти мне не пережить!

Симэнь опять заплакал. Юэнян тоже не сдержала слез, но не о том пойдет речь.

Пинъэр позвала Инчунь и Жуи.

– Помогите мне повернуться к стене, – сказала она. – А который час?

– Еще петухи не пропели, – отвечала Жуи. – Идет четвертая

стража.

Инчунь подложила Пиньэр свежую подстилку и, повернув больную лицом к стене, поправила одеяло. Никто в эту ночь не смыкал глаз. Наконец улеглись тетушка Фэн и монахиня Ван. Потом горничные заперли дверь и, постлав прямо на полу у кровати Пиньэр тюфяк, тоже прилегли. Не прошло и половины стражи, как Сючунь с Инчунь крепко заснули. Пиньэр неожиданно встала с постели и начала будить Инчунь.

– За домом глядите! – наказывала она. – Я ухожу.

Инчунь с испугу вскочила. На столе догорала свеча. Пиньэр лежала лицом к стене. Горничная поднесла руку к ее лицу. Хозяйка не дышала.

Никто не знал, в котором часу испустила дух Пиньэр. Увы, не стало прекрасной души человека! Она ушла из мира и стала лишь дивным сном.

Да,

Когда призывает Яньло,

Отсрочек уже не дано.

Инчунь тотчас же разбудила остальных и зажгла светильник. Пиньэр лежала бездыханной, а под ней была лужа крови. Поспешно бросились в дальние покои сказать Симэню. Хозяин и Юэнян торопливо вошли в спальню и скинули одеяло. Пиньэр лежала как живая. Тело было еще теплое. Она только что скончалась. Только грудь ее была затянута в красный шелк. Симэнь, невзирая на кровь, обнял ее и поцеловал.

– О моя дорогая, моя справедливая! – причитал он. – Как рано покинула меня ты, несчастная ты моя! Лучше б меня смерть взяла. Да и мне недолго осталось. Зачем жить напрасно?

Далеко разносились из спальни плач и причитания. Юэнян тоже не осушала глаз. Потом подошли Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь и Сунь Сюэ – весь дом – горничные, служанки и кормилица плачем своим сотрясали своды помещения.

– Кто знает, когда она скончалась, – говорила, обращаясь к Цзяоэр и Юйлоу, Юэнян. – А она до сих пор не одета.

– Она же еще теплая, – говорила Юйлоу. – Значит, вот только отошла. Надо обрядить, пока не остыла. Чего же ждать?!

Симэнь тем временем припал на колени и, склонившись над Пиньэр, продолжал причитать:

– Дорогая! Выпал ли тебе хоть день счастливый за три года,

прожитых в моем доме?! Это я погубил тебя, и Небо покарало меня!

Слушала его Юэнян, и ей стало наконец не по себе.

– Вот разошелся! – упрекала она мужа. – Поплакал и отойди. А то совсем уж прильнул. Неужто забыл о запрете касаться мертвецов? А если дурной дух изо рта ее в тебя войдет? Что тогда будешь делать? Ей, говоришь, счастливых дней не выпало, а кому выпали? Человек умер – что светильник выгорел. Каждому свой срок назначен, так что как ни держи, не удержишь. Всем этот путь уготован. – Юэнян обернулась к Цзяоэр и Юйлоу и продолжала: – Пойдите принесите ключи. Надо будет одежду подобрать. Я сама погляжу, что подойдет. – Хозяйка взглянула на Цзиньянь. – А пока давай причешем сестрицу.

– Положите ее в самых любимых ее нарядах, – посоветовал хозяйке Симэнь.

– Принесите новую ярко-красную накидку из узорного атласа, – наказывала хозяйка Цзяоэр и Юйлоу, – и бледно-зеленую юбку, отделанную золотом. Захватите ту сиреневую кофту, расшитую облаками и цветами, в которой она была у сватьяшки Цяо, и широкую бирюзовую юбку со шлейфом. Возьмите еще белую шелковую накидку и желтую юбку.

Инчунь взяла светильник, а Юйлоу ключи. Она отперла расположенный за спальней чулан, где на широкой кровати во втором позолоченном сундуке лежали только новые наряды. Они открыли крышку и долго рылись в сундуке, пока не нашли три комплекта одежд, также сшитую по фигуре лиловую шелковую накидку, белую шелковую юбку, белые шелковые чулки и вышитые штаны. Ли Цзяоэр взяла все в охапку и показала Юэнян, когда та с Цзиньянь при свете лампы причесывала Пиньэр. Они украсили покойницу четырьмя золотыми шпильками и связали волосы черным с отливом, как ворона крыло, платком.

– Какого цвета туфли подойдут? – спросила Цзяоэр хозяйку, когда та управилась с прической.

– Знаю, сестрица любила ярко-красные туфельки на толстой белой подошве, отделанные золотом и зеленой бахромой, – говорила Цзиньянь. – Она их и обувала раз два, не больше. Надо их найти.

– Нет, красные на тот свет не пойдут, – возражала Юэнянь. – Не в геенну же огненную мы ее готовим! Лучше обуем ее в те лиловые с золотой отделкой на толстой подошве, в которых она у невестки за городом была. Они ведь тоже с зеленой бахромой.

Ли Цзяоэр пошла искать лиловые туфли. Она перерыла четыре небольших позолоченных сундука обуви, но отыскать среди больше чем сотни пар нужную ей так и не удалось.

– Они тут должны быть, – уверяла Инчунь. – Надеванные матушка сюда складывала.

Инчунь вышла из кухни спросить Сючунь.

– Помню, матушка как-то целый узел обуви положила в сундук на кухне, – сказала Сючунь.

Они открыли сундук, в котором лежал большой узел новых туфель.

Все спешили обрядить покойницу. Симэнь послал в большую залу слуг, велел им снять со стен свитки картин и каллиграфических надписей и расставить экраны и ширмы. Потом слуги перенесли туда на широкой доске Пиньэр и положили на небольшой стол, подостлав под нее парчовый тюфяк. Усопшую накрыли бумажным покрывалом. Рядом на столике воскурили благовония и зажгли сопровождающий покойницу неугасимый светильник. К ней приставили двух подростков. Один должен был бить в гонг, а другой – возжигать жертвенную бумагу. Дайань был отправлен за геомантом Сюем.

Когда Юэнянь кончила одевать Пиньэр и вышла, покои усопшей заперли, оставив только комнату с каном, где разместились горничные и кормилица. Лишившись хозяйки, в три ручья проливала слезы тетушка Фэн. Монахиня Ван, молясь за упокой души усопшей, бормотала псалмы из «Спасения обиженных чад», «Сердца премудрости просветленной», «Сурангама-сутры» и «Канона Исцелителя»,^[1020] возглашала мантру Великоскорбящей о срединном пути^[1021] и просила Путь указующего владыку бодхисаттв провести новопреставленную в царствие тьмы.

Симэнь, бия себя в грудь и глядя Пиньэр, продолжал с плачем причитать до тех пор, пока не сорвал голос.

– О моя добрая и справедливая! – повторял он.

Суматоха продолжалась вплоть до крика петухов, когда Дайань

привел геоманта Сюя.^[1022]

– Я глубоко опечален кончиной вашей почтенной супруги, – поклонившись Симэню, начал геомант. – Когда произошло несчастье?

– Уснула она в четвертую ночную стражу, – пояснял Симэнь. – После хлопот все крепко спали... Так что и сами не знаем точно, в котором часу.

– Которой супругой была усопшая? – спросил Сюй.

– Шестой, – отвечал Симэнь. – Она давно страдала от недуга.

– Ничего, – успокоил хозяина геомант и велел слугам зажечь светильник, потом приоткрыл бумажное покрывало и увидел, что пальцы Пиньэр показывают число, означающее пятую стражу.

– Сударыня скончалась в первой половине пятой стражи, окончательно отошла при втором ударе пятой стражи, а дух начала испускать еще в предшествующий послеполуночный час под вторым знаком чоу,^[1023] – заключил Сюй.

Симэнь распорядился подать тушечницу и кисть, а геоманта попросил составить свидетельство.

При свете лампы геомант достал из темной сумы численник на все века и, заглянув в него, спросил фамилию усопшей и восемь знаков даты ее рождения.

Свидетельство гласило:

«Новопреставленная супруга достойного господина Симэня, урожденная Ли, родилась в полуденный час под седьмым знаком – у, пятнадцатого дня в первой луне восьмого года – синь-вэй в правление под девизом Высокого Покровительства,^[1024] скончалась в послеполуночный час под вторым знаком – чоу, семнадцатого дня в девятой луне года тридцать четвертого дин-ю в правление под девизом Порядка и Гармонии.^[1025] День теперь находится под знаками бин-цзы, означающими «тринадцать», луна – под знаками моу-суй, означающими «тридцать пять». День, стало быть, самый пагубный. Дух почившей растет в целый чжан продвигается на юго-запад. При столкновении со зловещим Юпитером он будет обезглавлен. До приготовления траурных одежд родным следует воздерживаться от рыданий. При положении во гроб не должны присутствовать близкие, родившиеся под знаками: дракона, тигра, курицы и змеи.^[1026] На остальную родню такой запрет не распространяется».

Юэнян велела Дайяню выйти и попросить геоманта заглянуть в «черную книгу» чтобы узнать грядущее усопшей.

Сюй, один раз справившись в тайной книге о силах тьмы и света, сказал:

– Нынче день тринадцатый, бин-цзы, а «усопшие в час двадцать шестой, цзи-чоу,^[1027] на небе попадают в чертоги Драгоценной Вазы, а на земле – в область Ци».^[1028] В прежней жизни сударыня была женщиною в семействе Ванов из Биньчжоу,^[1029] который заколол овцу перед окотом. В нынешнем своем рождении под знаком барана она стала женщиной, по природе нежной и уступчивой, но вынашивала темные замыслы еще с детских лет. Родители усопшей умерли, а родственники поддержки не оказали, и она, став наложницей, сносила надругательства со стороны хозяйки дома. Был у нее муж, но и на него она не могла положиться. Ее постигли в жизни неудачи и горести. Женщиной средних лет она обрела знатного мужа, но постоянно страдала от недугов. Ей не сопутствовало согласие. Сын ее умер младенцем, отчего, охваченная горем, она слегла. Открывшиеся кровотечения и довели ее до смерти. Душа ее девять дней назад вселилась в дочь, родившуюся в доме командующего Юаня, который проживает в Бяньляне столичной области Кайфэн в провинции Хэнань. Ей предстоит познать горькую нужду, но в двадцать лет на ней женится старый богач. По достижении средних лет она насладится счастьем, а в сорок два года, сраженная гневом, погибнет.

Геомант закрыл «черную книгу» и все женщины тяжело вздохнули.

Симэнь попросил геоманта определить сроки сооружения усыпальницы и погребения.

– Позвольте вас спросить, почтеннейший сударь, – обратился к хозяину Сюй. – Как долго вы намереваетесь оставлять усопшую в доме?

– Только преставилась и сразу хоронить? – говорил со слезами на глазах Симэнь. – По крайней мере седмиц на пять надо оставить.

– Через пять седмиц не предвидится дня, подходящего для погребения, – заметил геомант. – Зато через четыре, в день тридцать четвертый, дин-ю, то есть восьмого в десятой луне, полуденный час под знаком седьмым – у – самое подходящее время для устройства усыпальницы, а в день тридцать восьмой, синь-чоу, то есть двенадцатого, предполуденный час под шестым знаком, сы, будет благоприятен для выноса и не повредит никому из близких.

– Ладно, – заключил Симэнь. – Вынос состоится двенадцатого в десятой луне. Но не раньше!

Геомант внес в свидетельство сроки положения во гроб, выноса и погребения и возложил его на покойницу.

– Девятнадцатого утром состоится положение во гроб, – сказал Симэню геомант. – Попрошу вас, сударь, приготовить все, что

полагается.

Только отпустили геоманта, забрезжил рассвет. По распоряжению Симэня за город поскакал верхом Циньтун, чтобы позвать шурина Хуа Старшего. Слуг отправили оповестить о кончине Пиньэр всю родню. Посыльный уведомил управу о трауре Симэня. Весь дом готовился к похоронам. Дайань привез с Львиной двадцать кусков отбеленного сычуаньского газа и тридцать кусков белого полотна. Портному Чжао было велено нанять целую артель портных, которые, расположившись в западном флигеле, шили первым делом шатры, пологи и чехлы на мебель, а также саван, покрывало, бинты и пояса для усопшей. Потом портные сшили каждой женщине траурные кофту и юбку, а каждому слуге – белую головную повязку и белый длинный халат.^[1030] Бэнь Дичуаню была вручена сотня лянов серебра, на которую он закупил в загородных лавках тридцать кусков пенькового полотна^[1031] и двести штук желтого траурного шелка. Нанятые плотники строили во внутреннем дворе пять больших навесов.

Воскрешая в своем воображении образ Пиньэр, ее движения и жесты, перебирая в памяти ее достоинства, Симэнь вдруг вспомнил, что до сих пор не позаботился о создании портрета усопшей и позвал Лайбао.

– Не знаешь, где бы найти художника, а? – спросил он слугу. – Надо будет портрет написать. Я совсем, было, запамятовал.

– Раньше нам разрисовывал экраны господин Хань, – говорил Лайбао. – Он состоял в свое время придворным живописцем при дворце Всеобщего Согласия,^[1032] но был разжалован и поселился в здешних местах. Он мастер писать портреты.

– А где он живет? Можешь его пригласить? – спросил Симэнь.

– Приглашу, – отвечал Лайбао и удалился.

Целую ночь не сомкнул глаз Симэнь. Напряженные ночные хлопоты и тяжкое горе настолько вывели хозяина из себя, что он в раздражении ругал служанок, ногами пинал слуг. Он не отходил от покойницы и громко рыдал. Рядом с ним стоял Дайань и тоже плакал.

У Юэнян с Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу и Пань Цзиньлянь разошлись из-за ширмы, за которой стояли.

Горничные и служанки, видя как убивается Симэнь, предлагали чаю, но он со злостью прогонял их.

– Вот разошелся! – ворчала Юэнян. – Раз умерла, значит умерла. Ее плачем не вернешь. Погоревал – и будет. К чему эти крики? Спать – не спит, не умоется, не причешется. Хоть бы глоток вина или воды в рот взял. Ведь до пятой стражи за ночь-то досталось. Да так-то и железный

не выдержит. Хоть причесался бы да поел чего. А сам свалится, что тогда?

– Он уж давно не причесывается и не умывается, – заметила Юйлоу.

– Я слугу к нему посылала с водой, а он его пинком выгнал, – говорила Юэнян. – Кто теперь посмеет к нему пойти?

Тут в разговор вмешалась и Цзиньлянь.

– А вы не видели, как он со мной обошелся, когда одежды искали? – говорила она. – Я к нему по-хорошему. Будешь, говорю, убиваться, и сам дух испустишь. Поел бы, говорю, хоть немного. Поплакать-то, мол, и потом успеешь. Так он на меня глаза вытаращил, весь раскраснелся. Как заорет на меня: какое, говорит, твое собачье дело, потаскуха проклятая. Вот, негодяй, как обзывает! Ты все терпи, а сам на других указывает, его, мол, задевают.

– Как не убиваться, когда только что отошла?! – возражала Юэнян. – Пусть поплачет, но как ни тяжело – про себя терпи. К чему на других-то срывать? Раз мертвец, его остерегаться надо. Может, дух дурной в нем, он так ей к лицу и льнет. К чему это? Я предостерегала, так он давай причитать. За три, мол, года дня не видала счастливого. Да, она у нас день-деньской воду таскала да зерна молола.

– Так тоже нельзя говорить, – возразила Юйлоу. – И сестрице Ли досталось горя хлебнуть. А сколько ей сам делал неприятностей!

– Ей, видите, счастье подавай, – вставила опять Цзиньлянь. – А кто им из нас, спрашивается, наслаждался? Все по одной половине ходим.

Пока они говорили, вошел Чэнь Цзинци с девятью штукаами блестящего прозрачного газа.

– Батюшка велел вам на платки отрезать, – сказал он. – А что останется на юбки пойдет.

Юэнян убрала шелк.

– Зятюшка, ступай, батюшку покорми, – наказывала Юэнян. – А то время к обеду идет, а он и чаю не пил.

– Что вы, матушка! – возражал Цзинци. – Я боюсь. Вон он слуге какого пинка дал. Чуть ноги не протянул малый. К чему на грех наводить?

– Не пойдешь, я другого пошлю, – заявила Юэнян.

Хозяйка дозвалась наконец Дайяня.

– Батюшка плачет весь день, – говорила она. – Ничего не ел. Ступай, подай ему поесть. А господина Вэня попроси, пусть ему компанию составит.

– Мы уж за батюшкой Ином и дядей Се послали, – пояснял

Дайань. – Как они придут, вы, матушка, слугу с обедом и пришлите. Они батюшку сразу уговорят.

– Ишь ты, арестантское твое отродье, какой речистый! – заругалась Юэнян. – Ты ему что ж, в душу что ли забрался! Лучше нас его знаешь, да? Почему ж это он только с ними есть будет, а?

– Они ведь лучшие батюшкины друзья! – объяснял слуга. – Скажите, какая пирушка без них обходится? Они от батюшки ни на шаг. И батюшка на них никогда не сердится. Стоит им слово сказать, как сразу повеселеет.

Немного погода пожаловали приглашенные Цитуном Ин Боцзюэ и Се Сиды. Они прошли в залу и, припав на колени перед покойницей, долго плакали.

– О наша добрая невестушка! – причитали Боцзюэ и Сиды.

– Вот арестанты, болтуны проклятые! – ругались Цзиньянь и Юйлоу. – Она добрая, а мы, выходит, злодейки!

Наконец они встали, и их приветствовал Симэнь.

– Какое, брат, тебя постигло горе! – воскликнули оба со слезами на глазах.

Симэнь проводил их в кабинет, где они поклонились сюэю Вэню и сели.

– Когда же представилась невестушка? – спросил Боцзюэ.

– Как раз в послеполуночный час под вторым знаком чоу, – отвечал Симэнь.

– Когда я до дому добрался, время за четвертую стражу перевалило, – говорил Боцзюэ. – Жена спросила. По всему, говорю, видно, больная при последнем издыхании. И только я лег, представь себе, вижу сон. Приходит ко мне твой слуга и торопит на пир по случаю твоего повышения. Смотрю, ты в ярко-красном одеянии достаешь из рукава пару шпилек и показываешь мне. «Одна сломалась», – говоришь ты. Я долго рассматривал шпильки. «Как жаль, – говорю я тебе, – сломалась нефритовая, простая целая осталась». «Да они обе нефритовые», – утверждаешь ты. Я тут же проснулся. Дурной, думал, сон. Жена видит, я губами шевелю, спрашивает: «Это ты с кем разговариваешь?» «Вот рассветет, тогда и узнаешь», – отвечал. – утром ко мне слуга и приходит в белом. У меня так ноги и подкосились. У тебя, брат, и верно траур.

– Я и сам накануне сон видел вроде твоего, – говорил Симэнь. – Будто присылает мне из столицы сватушка Чжай шесть шпилек. Гляжу, одна сломана. «Какая досада!» – воскликнул я и стал рассказывать сон жене, а тем временем она и отошла. До чего жестоко

Небо! Какое горе обрушило на мою головушку! Лучше бы уж мне самому умереть. По крайней мере, не пришлось бы переживать. Ну как, скажите, мне не убиваться! Только вспомню, по сердцу так и режет. Кому я делал плохое, а? Кого обидел? Как могло Небо отнять у меня самое дорогое?! Сперва сына лишился, теперь она ушла. И зачем я только на свете живу? Что проку в несметных богатствах моих?

– Нет, брат, ты так напрасно говоришь, – успокаивал его Боцзюэ. – Конечно, ты жил с невесткой в любви и согласии, и вдруг ее не стало. Тебе, само собой, очень тяжело. Но у тебя огромное хозяйство, блестящее будущее. На тебя как на твердыню все опираются от мала до велика. Случись что с тобой, что им делать? Как будут жить невестки, лишившись хозяина? Помни: за одним трое благоденствуют, одного не стало – и трое погибнут. Впрочем, не мне тебя учить. Ничего не скажешь, невестка рано ушла, в пору самого расцвета, и тебе тяжело. Тем более невыносимо расставание с любимой. Но оденешь траур, закажешь монахам панихиду, совершишь погребение и тебе станет легче на душе, как отдашь невестке должные почести. А так убиваться, брат, я тебе не советую. Успокойся!

Утешение Боцзюэ принесло Симэню облегчение. Он перестал плакать, а немного погодя сел с друзьями пить чай.

– Ступай, скажи, чтоб завтрак готовили, – наказал он Дайаню. – Мы с батюшкой Ином, наставником Вэнем и батюшкой Се позавтракаем.

– А ты что ж, брат, еще и не завтракал? – удивился Боцзюэ.

– После твоего ухода вся ночь прошла в хлопотах, – отвечал Симэнь. – Я крошки в рот не брал.

– А голодать, брат, никуда не годится, – заметил Боцзюэ. – Говорят, лучше все до нитки спустить, чем с голодным брюхом ходить. Помнишь, как в «Каноне сыновней почтительности» сказано? «Просвещенные люди не будут из-за смерти губить жизнь, из-за горя вредить природе».^[1033] Сам посуди, брат. Умершие умерли, а живым жить надобно.

Да,

Он кратким утешением путь мудрости открыл

И друга поучением вновь к жизни пробудил.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

РОДНЫМ И ДРУЗЬЯМ ПОСЛЕ ПРИНЕСЕНИЯ ЖЕРТВ УСТРАИВАЮТ УГОЩЕНИЕ

СИМЭНЬ ЦИН, ТРОНУТЫЙ ИГРОЮ АКТЕРОВ, СКОРБИТ ПО ЛИ ПИНЬЭР

*У балюстрад волшебных, у яшиновых
террас*

Уже цветы опали – им больше не цвести.

*Отвар усов дракона жизнь не продлил на
час,*

*Медвежьей желчью тоже беду не
отвести.^[1034]*

Под одеялом зябко. Осенняя тоска.

*Свеча горит – не греет. Как бесконечна
ночь!*

*Гусь без подружки грустно летит за облака,
Порывы ветра крыльям так трудно
превозмочь!..*

Итак, Ин Боцзюэ удалось тогда успокоить Симэня, и тот, перестав плакать, послал слугу за кушаньями.

Немного погодя прибыли шурины У Старший и У Второй. Они припали на колени перед усопшей, потом поприветствовали хозяина и выразили ему соболезнование. Их пригласили во флигель, где они присоединились к остальным. Дайань пошел в дальние покои.

– Ну что? – говорил он Юэнян. – Не верили мне? А стоило только

дяде Ину слово сказать, как батюшка кушанья велел приносить.

– Знаем мы тебя, арестантское твоё отродье! – говорила Цзиньлянь. – Кто-кто, а ты-то уж нрав хозяйский раскусил. Сколько лет ему сводником служишь!

– Я с малых лет у батюшки в услужении, – отвечал Дайань. – Как же мне не знать хозяина!

– А кто там с батюшкой завтракает? – спросила Юэнян.

– Только что почтенные господа У пожаловали, – объяснял слуга. – Учитель Вэнь, дядя Ин, дядя Се, приказчик Хань и зятюшка. Восемь человек собралось.

– Позови зятюшку, – наказывала Юэнян. – Чего ему там делать?

– Но зятюшка уже за стол сел, – говорил Дайань.

– Пусть слуги кушанья подадут, – наказывала Юэнян. – А ты зятюшке рисового отвару принеси. Он ведь с утра ничего не ел.

– Какие, матушка, слуги? – спрашивал Дайань. – Кто оповещает о трауре, кто жертвенную бумагу возжигает, кто закупки делает. И Ван Цзина за погребальным гонгом к свату Чжану послали. Я один во всем доме остался.

– Ну, а Шутуна не можешь позвать? – говорила хозяйка. – Или он, рабское отродье, на кухню сходить считает для себя унижительным?

– Шутун и Хуатун к покойной матушке приставлены, – объяснял Дайань. – Один бьет в гонг, а другой возжигает благовония и жертвенную бумагу. Чуньхуна батюшка тоже отправил. Он с приказчиком Бэнем пошел шелк менять. Батюшка распорядился на траур взять по шесть цяней за кусок.

– По-моему, и за пять цяней вполне сошел бы, – заметила Юэнян. – К чему еще менять? Ну, нечего время тянуть! Возьми Хуатуна и скорей кушанья подавайте.

Дайань с Хуатуном расставили на большом столе блюда и чашки, и гости принялись за трапезу.

Появился Пинъань с визитной карточкой в руке.

– Его сиятельство господин Ся прислали три смены караула из управы, – объявил он. – Посыльный ждет ответа.

Симэнь пошел поглядеть караульных, а слуге велел наградить посыльного тремя цянями серебра и письменно поблагодарить Ся Лунси.

– Передай мою благодарность батюшке Ся, – наказал посыльному Симэнь, вручая ответную карточку.

После трапезы посуду убрали. Тут явился Лайбао с живописцем Ханем. Симэнь должным образом приветствовал художника.

– Простите, что побеспокоил вас, сударь, – начал Симэнь. – Мне хотелось бы иметь портрет усопшей.

– Понимаю, – отвечал Хань.

– Медлить нельзя, – заметил шурин У Старший. – Облик усопшей может исказиться.

– Не волнуйтесь! – заверил его художник. – Я напишу и не глядя на усопшую.

Они сели пить чай. Вошел Пинъань.

– Шурин Хуа Старший пожаловали из загорода, – объявил он.

Симэнь проводил Хуа Цзыю к усопшей, и оба заплакали. После поклонов шурин Хуа присоединился к остальным.

– В котором часу ее не стало? – спросил Хуа.

– Как раз в послеполуночный час чоу, – отвечал Симэнь. – Перед самой кончиной мы с ней долго разговаривали. Только горничные забылись, она испустила дух.

Слуга художника взял в руки палитру. Хань стал доставать из рукава кисти и краски.

– Пора бы вам, зятюшка, писать портрет, – сказал Хуа Цзыю.

– Непременно! – воскликнул Симэнь. – Я так ее любил! Обязательно надо сохранить на память ее образ.

Хозяин распорядился, чтобы жены удалились из зала, и, когда подняли полог, ввел к покойнице художника, шурина Хуа Старшего и остальных. Живописец приоткрыл покров, окропил святою водой голову, руки и ноги покойной и сосредоточил на ней свой взор. Ли Пинъэр была покрыта черным платком. Несмотря на длительный недуг, она лежала как живая. Выражение бледного лица несколько не изменилось, а губы, казалось, чуть-чуть алели. Симэнь не мог удержаться и зарыдал.

Лайбао с Циньтуном держали палитру и краски. Хань сразу же уловил черты усопшей, и гости, окружив художника плотным кольцом, следили за каждым его мазком.

– Сейчас у нее болезненный вид, – говорил Боцзюэ. – Поглядели бы вы, сударь, какая она была в добром здравии. Полная, интересная – словом, красавица!

– Вы мне не говорите, почтеннейший, – отозвался живописец. – Я хорошо помню сударыню. – Хань обернулся к Симэню: – Позвольте вас спросить. Это ведь та самая сударыня, которую я имел удовольствие лицезреть первого дня в пятой луне на молитве в храме Бога Восточной горы?

– Она самая, – отвечал Симэнь. – Тогда она была совсем здоровой.

Прошу вас, сударь, вложить весь талант. Я б хотел иметь большой портрет-свиток в рост и поясной. Его я повесил бы рядом с поминальной дщицей. Я одарю вас, сударь, куском атласа и десятью ляннами серебра.

– Постараюсь, почтеннейший сударь, сделаю все, что только могу, – заверил его Хань.

Немного погодя поясной портрет был готов. Да, с портрета глядела красавица, нефритовое изваянье, прелестный и нежнейший цветок, источающий дивное благоухание. Художник показал его собравшимся. Симэнь полюбовался портретом и велел Дайаню показать его хозяйкам в дальних покоях.

– Что они скажут, – говорил он. – Если что не так, можно будет исправить.

Дайань унес портрет.

– Батюшка просит посмотреть портрет матушки Шестой, – обратился он к Юэнян. – Может, подправить? Живописец Хань ждет.

– Это что еще за затея? – удивилась Юэнян. – Где теперь умершая, никому не известно. А тут портрет пишут.

– А где у нее дети? – вставила Цзиньянь. – Кто ж портрету и поклоняться-то будет? Тогда пусть и нас всех нарисует, когда на тот свет пойдем.

Портрет заинтересовал Мэн Юйлоу и Ли Цзяоэр.

– Матушка, поглядите-ка! – говорили они. – Сестрица Ли как живая. Она в добром здравии такая была. И как одета! Только губы слишком тонкие вышли.

– И левая бровь низковата, – заметила Юэнян. – Уголки бровей у нее были больше изогнуты. Но как все-таки живописец верно воспроизвел сестрицу!

– Он матушку в храме видел, вот и написал по памяти, – объяснил Дайань.

Тут вошел Ван Цзин.

– Батюшка Цяо пожаловали, – объявил он. – Просят портрет показать.

Дайань понес портрет в переднюю постройку.

– Губы, говорят, слишком тонкие получились, – сказал он художнику. – И левая бровь низковата, а уголки бровей должны быть больше загнуты.

– Это пустяки! – воскликнул Хань и тотчас же подправил губы и брови.

– Прекрасный портрет! Сватюшка как живая! – говорил сват

Цяо. – Только дыхания не хватает.

Симэнь остался доволен и во время угощения живописца поднес ему три чарки вина. На лаковом подносе Ханю вынесли кусок атласу и десять лянов серебра.

– Я попросил бы вас побыстрее завершить поясной портрет, чтобы повесить у гроба, – наказывал художнику Симэнь, – а большой – к похоронам. Сделайте оба портрета на цветастом набивном шелку зеленого цвета. Украсьте прическу диадемой, жемчугами и перьями зимородка. Оденьте в отделанную золотом ярко-красную накидку и цветастую юбку. А наконечники на валиках обоих слитков поставьте из слоновой кости.

– Все будет сделано как полагается, – заверил Симэня живописец и, взяв серебро, откланялся. За ним шел с палитрой молоденький слуга.

Сват Цяо и остальные гости стали осматривать гроб.

– Сегодня ведь будет только положение на одр? – спросил Цяо.

– Да, конечно, – отвечал Симэнь. – Вот-вот должен прийти следователь с помощниками. Торжественное положение во гроб намечено на третье число.

Сват Цяо выпил чашку чаю и откланялся.

Вскоре появился следователь со своими людьми. Они свернули бумажное покрывало и разложили одежды. Симэнь собственноручно совершил омовение глаз усопшей, а Чэнь Цзинцзи, выполняя долг сына, смежил ей брови. Потом Симэнь быстро вложил в рот покойнице заморскую жемчужину. Положение на одр было завершено и, как только полог был опущен, все от мала до велика разразились рыданиями.

Лайсин загодя купил в похоронной лавке четыре фигурки девушек-служанок, покрытые золотой краской.^[1035] Они держали в руках таз, полотенце, гребень и другие предметы туалета. Их украшали жемчужные ожерелья и оправленные в серебро подвески. Украшения отличались таким изяществом, что выглядели как настоящие. Одеты они были в цветастые шелковые наряды. Фигурки расставили рядом с одром, перед которым размещались жертвенные сосуды, курильницы и древняя ритуальная утварь. На столе стояли филигранной работы подсвечники и коробки с благовониями. Окружавшие покойницу предметы своим блеском затмевали светило.

Десять лянов получили за работу ювелиры, изготовившие три набора серебряных чарок. Поминальные трапезы во флигеле Симэнь поручил Ин Боцзюэ. Ему было отпущено сперва пятьсот лянов серебра, а потом еще сто связок медяков. Весь учет расходов вел

приказчик Хань Даого. Закупками съестного и всего, что необходимо для кухни, ведали Бэнь Дичуань с Лайсином. Тот же Ин Боцзюэ, а также Се Сидя, сючай Вэнь и приказчик Гань Чушэнь по очереди проводжали прибывавших выразить соболезнование. Цуй Бэнь был обязан вести только связанные с трауром счета. Лайбао отвечал за склад товаров, а Ван Цзин – за винный погреб. Чуньхун и Хуатун служили у одра. Пиньань с четырьмя караульными били в гонг всякий раз, когда поклониться праху усопшей прибывали посторонние. Они же давали посетителям жертвенную бумагу и благовония. Другие четверо караульных стояли рядом с писцом, который сидел у ворот и заносил имена прибывавших в особую книгу. Во время заупокойных служб караульные поднимали большие зонты и держали траурные стяги и хоругви. Пользуясь отсутствием посетителей, писец писал объявления, которые развешивались на стенах. Обязанности были строго распределены, и каждый занимался порученным делом.

Его сиятельство Сюэ, смотритель императорского имения, прислал с посыльными шестьдесят еловых жердей, тридцать длинных бамбуковых шестов, три сотни камышевых циновок и сотню пеньковых веревок. Симэнь заглянул в визитную карточку смотрителя, наградил посыльных пятью цянями серебра и, вручив письменную благодарность, отпустил.

Хозяин распорядился нанять плотников для возведения большого навеса с двумя входами.^[1036] Посреди него поставили экран. У передней кухни построили другой навес размером с три комнаты, а у главных ворот – размером в семь комнат.

Приглашенные из монастыря Воздаяния двенадцать буддийских монахов читали канон о новопреставленной.

Двое слуг целый день подавали чай, который заваривали в кухне, двое поваров не переставая подносили кушанья.

Шурины Хуа Старший и У Второй вскоре ушли. Симэнь наказал сючаю Вэню написать для печатников траурное извещение, в котором между прочим говорилось о «скоропостижной кончине моей супруги». Сючай потихоньку показал текст Боцзюэ.

– Нет, так не пойдет, – заметил Боцзюэ. – У него ведь невестка У супругой значится. Так писать нельзя. А то пересуды пойдут. Да и брат У Старший обидится. Пока не пиши. Погоди, я с ним поговорю.

Под вечер все разошлись. Симэнь остался с Ли Пиньэр. Рядом с одром поставили летнюю кровать и отгородили ее ширмой. Симэнь лег. Ему служили Чуньхун с Шутуном. Едва рассвело, Симэнь направился к Юэнян умываться. Он облачился в траур: белую повязку,

траурную шапку, белые чулки, туфли и халат. С утра прибыл надзиратель Ся и обратился к Симэню со словами соболезнования и утешения. Симэнь приветствовал сослуживца, а сючай Вэнь пил с ним чай. У главных ворот надзиратель Ся остановился и обратился к писцу:

– Всех записывай! Особенно караульных. О неявившихся доложишь. Они у меня будут наказаны.

Отдав распоряжение, Ся Лунси вскочил на коня и помчался в управу.

Симэнь велел сючаю Вэню составить приглашения и отправил посыльных к родным и близким с уведомлением о заупокойной службе в третий день после кончины. Вскоре пополудни был сооружен алтарь, который венчало изображение Будды, но говорить об этом подробно нет надобности.

Певица У Иньэр, узнав печальную весть, прибыла в паланкине. Она предстала перед смертным одром и со слезами на глазах возожгла жертвенную бумагу, а затем проследовала в дальние покои и отвесила земной поклон Юэнян.

– Матушки Шестой не стало, – с плачем говорила она, – а я до сих пор ничего не знала. Почему никто мне раньше не сказал?! Я до глубины души потрясена горем.

– Ты ее приемная дочь и навестить-то ни разу не удосужилась, – упрекала ее Юйлоу. – А как она страдала последние дни!

– Дорогая вы моя матушка! – обратилась к Юйлоу певица. – Да разве б я не пришла?! Умереть мне на этом месте – не знала я ничего!

– Хотя ты и не была, а покойная матушка про тебя не забыла, – говорила Юэнян. – Кое-что на память тебе оставила. Просила тебе передать. – Юэнян обернулась к Сяююй: – Ступай принеси сестрице!

Сяююй удалилась и вскоре вернулась с узелком, из которого извлекла атласную кофту с юбкой, пару золотых шпилек и золотые цветы.

Растроганная Иньэр и в самом деле расплакалась.

– Если б я знала о болезни моей почтенной матушки, – шептала она, – я бы сейчас же пришла, поухаживал бы за матушкой.

Она поблагодарила Юэнян, и та, напоив ее чаем, оставила до третьего дня.

В третий день монахи ударили в гонг.^[1037] Над алтарем развевались траурные стяги, кругом были разложены и развешаны бумажные деньги. Когда началась служба, у алтаря собрались все от мала до велика, облаченные в грубое пеньковое платье. Среди других

выделялся Чэнь Цзинцзи^[1038] В глубоком трауре с белой повязкой на рукаве он усердно молился Будде. Близких и друзей, соседей и чиновных лиц скопилось столько, что и не счесть. Заблаговременно прибывший геомант Сюй дожидался положения во гроб. После заупокойной службы с принесением жертв тело покойной перенесли в гроб. Симэнь велел Юэнян положить усопшей четыре комплекта лучших одежд и четыре серебряных слитка по одному в каждый угол.

– Не стоило бы вам, зятюшка, серебро в гроб класть, – посоветовал было Симэню шурин Хуа Цзыю. – Ему все равно долго не улежать. Рано или поздно на белый свет явится.

Но Симэнь его не послушал. Усопшую накрыли лиловой гробовой крышкой, на которую опустили огромный саркофаг. Когда семизвездное дно его^[1039] по распоряжению следователя стали с четырех углов забивать на веки вечные гвоздями, раздались громкие вопли с причитаниями. Симэнь голосил со всеми вместе.

– Не увижу я больше тебя, дорогая моя! – причитал он. – Как мало пожила ты на свете!

Наконец-то он успокоился, угостил постными кушаньями геоманта Сюя и отпустил домой.

Перед саркофагом рисовым клейстером приклеили крупную надпись: «Да успокоит священный огонь светильника душу усопшей». Собравшиеся толпою близкие, друзья, приказчики и прочий люд, одетые в траур, во время возжигания фимиама образовали у ворот сплошную белую толпу.

Для написания траурного стяга пришел рекомендованный сюцаем Вэнем бывший секретарь государственной канцелярии Ду с Северной окраины.

– Его зовут Цзычунь, по прозвищу Юнье, – объяснял Симэню сюцай. – При императоре Чжэнь-цзуне^[1040] он служил во дворце Покоя и Согласия, а теперь пребывает на покое дома.

Симэнь припас каллиграфу серебра и шелку, и, угощая его в крытой галерее, сам поднес три чарки вина. Компанию Ду Цзычуню составляли Ин Боцзюэ и сюцай Вэнь. После угощения развернули ярко-красное пеньковое полотнище стяга, на котором Симэнь предложил написать: «На сем погосте^[1041] покоится тело почтенной Ли, супруги Симэня, телохранителя Его Величества».

– Брат, у тебя ведь жива старшая жена, – возражал Боцзюэ. – Так писать нельзя.

– Вполне можно, – заметил Ду Цзычунь. – Раз покойная сударыня родила сына, такая надпись допустима ритуалом.

После долгих обсуждений вместо «супруги» написали все-таки «младшая жена».

– Если супруга, стало быть, особа, титулованная Его Величеством, – говорил сючай Вэнь. – А младшая жена – одна из тех, кто находится при вас, сударь. Это просто более общее обозначение.

Надпись была сделана белым, слова же «Его Величества» каллиграф начертал золотом. Надпись прикрепили над саркофагом. Ду Цзычуня потом попросили написать дщицу усопшей, угостили и, наградив, отпустили.

В тот же день жертвенные столы с принесением в жертву трех животных и возжиганием бумажных денег устраивали сват Цяо, шурины У Старший и Хуа Старший, свояки Хань и Шэнь. С выражением соболезнования в паланкинах пожаловали супруги – свата Цяо, шуринов У Старшего, У Второго и Хуа Старшего. К ним вышли препоясанные пенькою, с трауром в волосах Юэнян и остальные жены Симэня. Когда прибывшие женщины помолились, Юэнян проводила их в дальние покои, где им подали чай и поминальную трапезу. Только супруги У Старшего и Хуа Старшего, облаченные в длинные белые накидки, блюли глубокий траур, остальные женщины ограничились частичным трауром.

В тот же день весть о смерти Пиньэр дошла и до певицы Ли Гуйцзе. Она прибыла в паланкине и стала возжигать жертвенную бумагу.

– А ты когда сюда пришла? – спросила она стоявшую рядом У Иньэр. – Что ж ты мне не сказала? Ишь какая умница! Выходит, только о себе и думаешь.

– Да я и сама-то только что узнала, – отвечала Иньэр. – Неужели я не навестила бы матушку до кончины?!

Однако говорить подробно, как Юэнян принимала Гуйцзе, нет надобности.

А время шло. Вот и наступила первая седмица со дня кончины Пиньэр. Из монастыря Воздаяния прибыли шестнадцать буддийских монахов во главе с игуменом Хуанем. Они отслужили панихиду с молитвою духам водной стихии и суши и пением псалмов из Цветка Учения, а в конце свершили молитвенное покаяние с помощью духовного сосредоточения-самадхи на воде.^[1042] На панихиду пришли все – близкие и родные, друзья и приказчики. Вслед за буддийскими монахами возжигал благовония отец У, настоятель даосского монастыря Нефритового владыки. Он принес с собой канон, читаемый во вторую седмицу.

Во время трапезы, которую устроил им Симэнь, появился слуга.

– Господин Хань принес поясной портрет, – объявил вошедший.

Взоры присутствующих обратились к портрету Ли Пиньэр. Ее прическу украшали жемчуга и перья зимородка, золотая диадема и пара фениксов-шпилек. В ярко-красной узорной накидке, полная и нежно-белая, она была как живая. Довольный Симэнь повесил портрет над гробом.

– Только что дыхания не хватает, – на все лады расхваливали искусство живописца собравшиеся.

Симэнь пригласил Ханя к столу.

– Попрошу вас, – обратился к нему Симэнь, – вы уж постарайтесь. В большой портрет вложите по возможности весь ваш талант.

– Сделаю все, на что только способна в моих руках кисть, сударь, – заверял его художник. – Не волнуйтесь!

Симэнь щедро одарил Ханя, и тот удалился.

К обеду прибыл сват Цяо. Для заупокойной службы с принесением жертв ему доставили из дому свиную тушу и овцу. С коромысел сняли более пяти десятков коробов и тюков. На столе появилось обилие яств: блюда, приготовленные из пяти жертвенных тварей, пять сосудов с жертвенной снедью, подносы с засахаренными фруктами, чашки с отварами и рисом, бумажные слитки золота и серебра, куски жертвенного атласа и узорных шелков, жертвенная бумага, свечи и благовония. Впечатление усиливалось еще и тем, что все это раскладывалось под удары в гонги и барабаны, которые сопровождали игру на струнных и духовых инструментах.

Одетые в траур Симэнь Цин и Чэнь Цзинци молились перед гробом усопшей Пиньэр. Ин Боцзюэ и Се Сиды, а также сюэцай Вэнь и приказчик Гань принимали прибывавших. Со своей стороны сват Цяо пригласил ученого Шана, цензора Чжу, шурина У Старшего, уездного экзаменатора Лю, тысяцкого Хуа и свояка Дуаня. Человек восемь близких и друзей воскурили благовония и после троекратного зова принять жертвы опустили на колени, вслушиваясь в похвальное слово – молитвенное обращение к душе усопшей.

Геомант читал:

«Сего двадцать второго дня под восемнадцатым знаком синь-сы, после новолуния, в девятую луну под пятьдесят седьмым знаком гэн-шэнь, в седьмой год под тридцать четвертым знаком дин-ю, в правление под девизом Порядка и Гармонии,^[1043] я, сват Цяо Хун, с благоговением приношу в жертву щетинистую свинью с тонкорунной овцой, дабы почтить новопреставленную сватью, супругу достопочтенного

господина Симэня, урожденную Ли, и перед прахом ее выразить искреннее соболезнование ее близким.

Усопшая являла собой образец душевного благородства и теплоты, хозяйской бережливости и прилежания, неизменно относилась к окружающим с добротой и милосердием. Родные края прославляют тебя как полное воплощение женских добродетелей. О цвет женского совершенства! О аромат нежнейшего цветка!

Выйдя замуж, ты жила с супругом своим в согласии как с фениксом подруга. Заботливая и любвеобильная, ты была исполнена чувства долга и щедрости. Нежная и покладистая, ты служила женам высоким примером целомудренной чистоты. С благоговейною заботой обращалась ты со старшими, с благожелательством относилась к младшим. И взлелеяла в душе своей чистоту и непорочность голубого нефрита, и воссияла она как жемчужина морская.

Мы искренне желали, чтобы навек продлилась сия великая гармония любящих сердец – созвучие гуслей и арфы,^[1044] чтобы насладились возлюбленные беспредельным счастьем, но, увы, внезапный недуг – и ты исчезла, как мгновенный сон. Ушел из жизни прекрасный человек. Как же не горевать, как не убиваться?!

Моя малютка-дочь, которую лелеет любящая мать, связывает нас с усопшей узами родства. Не полагали мы, что на середине жизненного пути Небо разрушит надежды, отнимет у супруга его любимую подругу, унесет ее в царство тьмы и не даст больше восхищаться ее достоинствами. Сколь тяжко расставанье с возлюбленной и близкой!

С сей чарою, душа, тебя я призываю! Внемли и духом к нам явись! Вкуси и насладись едою!^[1045]»

После жертвоприношения гостей пригласили в крытую галерею, где их ждала трапеза, но не о том пойдет речь.

Затем жертвы душе усопшей приносили госпожа Цяо, мать свояка Цуя, супруга цензора Чжу, супруга ученого Шана и Дуань Старшая. Их поклонение сопровождалось ударами в гонги и барабаны, а также исполняемой под музыку пляскою загробных судей, звенящих копьями и алебардами. Вместе с женщинами у гроба стояла и Юэнян. Потом она пригласила их в дальние покои, где после чаю были накрыты столы, но говорить об этом подробно нет необходимости.

Симэнь между тем угощал в крытой галерее именитых гостей. Вдруг в разгар возлияний до него донеслись удары в заоблачный щит.^[1046] Вбежал запыхавшийся слуга.

– Его сиятельство Ху, здешний правитель, пожаловали, – доложил он. – У ворот из паланкина выходят.

Симэнь второпях накинул на себя траурные одеяния и поспешил к

гробу Пиньэр, а встретить прибывшего велел одетому в траур сюцаю Вэню.

Слуги поднесли правителю благовония и жертвенную бумагу. Облачившись в траурное платье с золотым поясом, он приблизился, наконец, к гробу. Его сопровождала целая свита чиновных лиц, каждый из которых старался как мог услужить и выказать внимание высокой особе.

Перед гробом правителя встретил Чуньхун. Он, стоя на коленях, высоко поднял руки и протянул подошедшему благовония. Воскурив фимиам, правитель Ху отвесил два поклона.

– Ваше сиятельство! Не утруждайте себя, прошу вас! – обратился к правителю Симэнь, низко кланяясь.

– Прошу прощение за столь запоздалое выражение соболезнования, – говорил правитель. – Когда наступила кончина? Мне только вчера стало известно о постигшем вас горе.

– Не беспокойтесь о ничтожном семействе. Моя жена болела, – объяснял Симэнь. – Спасти не удалось. Очень тронут вашим вниманием!

Стоявший рядом сюцай Вэнь отвесил поклон правителю, и все трое сели выпить по чашке чаю. Потом правитель встал и откланялся. Его провожал за ворота к паланкину сюцай Вэнь.

В крытой галерее разошлись после обеда.

На другой день в паланкине прибыла певица Чжэн Айюэ. На ней была белая расшитая облаками накидка из тафты и голубая шелковая юбка. Ее прическу поддерживали жемчужный ободок и белый с бахромою платок. Айюэ предстала пред гробом и зажгла благовония. Видя, что певица принесла с собою восемь блюдец пирожков с кренделями и отвар с мясом трех жертвенных животных, Юэнян тотчас же поднесла ей сшитую из целого куска тафты траурную юбку. У Иньэр и Ли Гуйцзе пожертвовали на заупокойные службы по три цяня серебра, о чем Юэнян сообщила Симэню.

– Дай каждой по куску тафты и по траурному платку, – распорядился он.

Юэнян угостила их чаем и оставила на ночь.

К вечеру собрались родные, друзья и приказчики, чтобы провести ночь с Симэнем. Была приглашена хайяньская театральная труппа.^[1047] Актеры Ли Мин, У Хуэй, Чжэн Фэн и Чжэн Чунь прислуживали гостям.

Поздним вечером в крытой галерее накрыли пятнадцать столов, за которыми расположились сват Цяо, шурины У Старший, У Второй и

Хуа Старший, свояки Шэнь и Хань, сюцаи Ни и Вэнь, лекарь Жэнь, Ли Чжи и Хуан Четвертый, Ин Боцзюэ, Се Сиды, Чжу Жинянь, Сунь Молчун, Бай Лайцян, Чан Шицзе, Фу Цысинь, Хань Даого, Гань Чушэнь, Бэнь Дичуань, У Шуньчэнь и двое племянников, а также человек восемь соседей. На столах стояли блюда с обильной снедью. В десятке высоких подсвечников ярко горели толстые свечи.

Залу закрывали спущенные занавески. Женщинам устроили столы неподалеку от гроба, и им приходилось смотреть представление из-за ширм.

После поклонения у гроба Симэнь и Цзинцзи поблагодарили гостей, и все сели за стол.

Актеры ударили в гонги и барабаны. Началось представление под названием «История нефритового браслета, или Любовь Вэй Гао и Юйсяо в жизни минувшей и после возрождения».^[1048]

Симэнь распорядился, чтобы четверо солдат подавали закуски и блюда, а Циньтун, Цитун, Хуатун и Лайань – сладости. Ли Мин, У Хуэй, Чжэн Фэн и Чжэн Чунь разливали вино.

Сперва на траурной сцене появился актер, исполнявший Вэй Гао. Когда он спел арию и удалился, на сцену вышла героиня Юйсяо, тоже исполнившая арию. Подали отвар, рис, мясо и гуся.

– Брат, я слыхал, у тебя три барышни-певички находятся? – обратился к хозяину Боцзюэ. – Почему бы их не позвать, а? Почтенному свату Цяо и господам шуринам услужили бы. Чего будут зря представление-то глядеть? Больно они ловки!

Симэнь кликнул Дайяня.

– Ступай сестриц позови, – распорядился он.

– Не надо, – остановил его сват Цяо. – Они ведь пришли с покойной проститься. Зачем же их заставлять?

– Э, вы не правы, дорогой сватушка! – возразил Боцзюэ. – Этим потаскушкам только дай волю... – Он обернулся к Дайяню: – Ступай и тащи их сейчас же! Скажи, батюшка Ин, мол, понимает, что вы пришли отдать последний долг усопшей, но должны и у стола послужить.

Дайань ушел и долго не появлялся.

– Как узнали, что вы, батюшка Ин, зовете, ни одна не пошла, – доложил, наконец, вернувшись, слуга.

– Ах так! – воскликнул Боцзюэ. – Я сам пойду притащу!

Он встал из-за стола, сделал несколько шагов и вернулся на место.

– Чего ж не идешь? – засмеялся Симэнь.

– Меня так и подмывает притащить этих потаскух, – говорил

Боцзюэ. – Дай только немного успокоиться. Я им покажу!

Немного погодя он опять послал за певицами Дайяня.

Наконец, не спеша, вышли три певицы, одетые в белые накидки из тафты и голубые атласные юбки. Они поклонами приветствовали гостей и, улыбаясь, встали в сторонку.

– Тут вас ждут, а вы мешкаете, выходить не желаете? – выговаривал Боцзюэ.

Певицы молчали. Они обнесли гостей вином и сели за отдельный стол.

Послышались удары в барабан и музыка. Объявление возвещало о начале представления.

На сцене появились Вэй Гао и Бао Чжишуй.^[1049] Они приблизились к дому, где жила Юйсяо, и навстречу им вышла мамаша.

– Ступай, вызови ту барышню! – приказал Бао Чжишуй.

– Зачем же вы, сударь, так грубо? – говорила мамаша. – Как это «вызови»? Моя дочка не ко всякому выходит. Только когда ее вежливо попросят.

Ли Гуйцзе засмеялась.

– Этот Бао ни дать, ни взять Попрошайка Ин, – заметила она. – Лезет нахрапом, нахал.

– Ах ты, потаскушка! – откликнулся Боцзюэ. – Может, я и нахрапом лезу, да меня мамаша твоя вон как обожает.

– Обожает, когда за ворота провожает, – заключила Гуйцзе.

– Хватит! – прервал их Симэнь. – Дайте посмотреть! Кто слово скажет, большую чарку пить заставлю.

Боцзюэ примолк. Актеры после очередного выхода удалились.

Из залы слева, из-за траурных штор, представление смотрели невестки У Старшая и У Вторая, золовка Ян, матушка Пань, свояченицы У Старшая и Мэн Старшая, супруга У Шуньчэня – Чжэн Третья и госпожа Дуань Старшая. Рядом с ними были У Юэнян и остальные жены хозяина. По правую руку из-за штор за игрой актеров следили, столпившись, Чуньмэй, Юйсяо, Ланьсян, Инчунь и Сяюй. Когда мимо них со сладостями и чаем проходила кухонная служанка Чжэн Цзи, ее окликнула Чуньмэй.

– Это ты кому? – спросила она.

– Тетушке У Старшей и матушкам, – отвечала Чжэн Цзи.

Чуньмэй взяла с подноса чашку. Тут Сяюй услышала со сцены, что героиню зовут Юйсяо и схватила ее теску, горничную Юйсяо, за рукав.

– Чего стоишь как вкопанная, потаскушка? – обратилась она к горничной Юйсяо. – Слышишь, тебя мамаша кличет? Ступай, хахаль

пришел.

Сяоюй так толкнула Юйсяо, что та, не удержавшись, отскочила за занавеску, задела невзначай Чуньмэй и расплескала чай.

– Вот потаскуха нескладная! – заругалась на нее Чуньмэй. – Ишь, расходилась! С чего это тебя бесит, а? Всю юбку залила. Как еще чашку не разбила.

Перебранку услышал Симэнь и послал Лайяня узнать, что там за шум.

Чуньмэй села на стул.

– Вон Юйсяо расходилась, – объясняла она. – Так и скажи: завила шлюха хахалю вот и взбесилась.

Симэнь не придавал значения тому, что сказал слуга, Юэнян же подошла к горничным и сделала выговор Сяоюй.

– А ты чего тут торчишь весь день? – говорила хозяйка. – Где твое место? Ступай за моими покоями больше присматривай!

– Туда молодая госпожа только что пошла, – отвечала Сяоюй. – И матери наставницы там.

– Сукины дети! – ругалась Юэнян. – Нельзя вас на представление пускать! Непременно какой-нибудь фортель да выкинете.

При появлении Юэнян Чуньмэй тотчас же встала.

– Все они, матушка, одного поля ягоды, – говорила Чуньмэй. – Носятся как угорелые. Для них никаких приличий будто и не существует. А то пойдут улыбаться да хихикать при посторонних.

Юэнян приструнила горничных и вернулась на свое место.

Первыми откланялись сват Цяо и сюцай Ни. За ними стали собираться свояк Шэнь, лекарь Жэнь и свояк Хань, но их удержал Боцзюэ.

– Хозяин! Уговори же господ, прошу тебя! – обратился он к Симэню. – Мы всего лишь друзья твои и то не решаемся расходиться, а тут родные уходят. Сваяк Шэнь, вы ведь рядом живете. А вам, господа, – обратился Боцзюэ к своякам и лекарю, – тоже не следовало бы торопиться, хотя вы и живете за городской стеной. В третью ночную стражу городские ворота все равно закрыты. Посидите, господа! Актеры не все еще показали.

Симэнь велел слугам принести четыре жбана с вином феи Магу.
[1050] – Господа, нельзя ж их оставить без внимания! – воскликнул Симэнь, когда слуги внесли жбан и поставили перед шурином У Старшим большой кубок. – Всякий, кто встанет из-за стола, да будет наказан старшим из нас этой чарой.

Все уселись на свои места. Симэнь велел Шутуну попросить

актеров сыграть самые волнующие сцены пьесы.

Немного погода ударили в барабаны и кастаньеты. Вышел актер и спросил Симэня:

– Разрешите спеть сцену с вручением портрета?

– Пойте любую, – говорил Симэнь. – Лишь бы за душу хватало.

Героиня Юйсяо запела арию. Когда она дошла до слов «Да, в этой жизни не встретиться нам больше, поэтому я шлю тебе портрет», Симэню представилась больная Пиньэр, и он, расчувствовавшись, проронил слезу. Когда он вынул из рукава платок, чтобы вытереть слезы, это заметила из-за занавески неусыпная Цзиньлянь.

– Матушка, вы только взгляните на него! – указывая пальцем на Симэня, говорила она Юэнян. – Вот негодяй! Напился, а теперь нюни распускает.

– С твоим-то умом, сестрица, следовало бы знать, что музыка воссоздает грусть и радость, разлуку и встречу, – заметила Юйлоу. – Увидишь седло, вспомнишь павшего коня. Ему сцена, должно быть, напомнила почившую, вот он и прослезился.

– Не верю я этим слезам, – говорила Цзиньлянь. – Плакать над игрою лицедеев, по-моему, одно притворство. Не поверю никому, пока сама не заплачу.

– Потихе, сестрица, – урезонила ее Юэнян. – Дай послушать!

– Понять не могу, – обратилась к хозяйке Юйлоу, – почему сестрица Шестая у нас такая ворчунья?

Когда сцена окончилась, пробили пятую стражу и гости разом стали откланиваться. Симэнь хотел было их удержать и взял в руку большой кубок, но ему все же пришлось проводить их за ворота.

Симэнь обождал, пока убрали посуду, и велел актерам оставить костюмы.

– Завтра их сиятельства Лю и Сюэ придут, – объяснял он. – Опять играть придется.

После угощения актеры ушли. За ними последовали и четверо во главе с Ли Мином, но не о том пойдет речь.

Забрезжил рассвет. Симэнь удалился на ночлег в дальние покои.

Да,

Сколько холодных дней впереди
злая судьбина сулит?

Много ль туманных утренних зорь
встретить еще предстоит?

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ЮЙСЯО НА КОЛЕНЯХ
ВЫМАЛИВАЕТ ПРОЩЕНИЕ У
ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ

ЧИНЫ УГОЛОВНОЙ УПРАВЫ
ПРИНОСЯТ ЖЕРТВЫ ПЕРЕД
ГРОБОМ НАЛОЖНИЦЫ БОГАЧА

*Едва любовь к тебе пришла,
как уж расстаться с ней пора.
Что толку полог поднимать
и вглядываться до утра!
Всему наступит свой конец:
иссякнет шелкопряда нить,
Свече последнюю слезу
вот-вот придется уронить.
Злой ураган разъединит
с подругой феникса стеной,
И яшма нежная навек
переселится в мир иной.
Красой Си Ши не насладясь,
услышишь петушиный крик,
Прохладой утренней пахнет,
и потускнеет лунный лик.*

Итак, когда гости разошлись, запели петухи. Симэнь удалился на покой, а Дайань, прихватив кувшин вина и закусок, направился в

лавку, где собирался трапезничать с приказчиком Фу и Чэнь Цзинци. Но у старого Фу не было желания пить в такой поздний час. Он стал разбирать постель и вскоре лег на кане.

– Вы уж с Пинъанем выпейте, – говорил он. – А зятя Чэня не стоит ждать. Не придет он, наверно.

Дайань зажег на прилавке свечу и кликнул Пинъаня. Они пили чарку за чаркой, и немного погодя закусок как и не бывало. Когда посуду убрали, Пинъань ушел обратно в приворотную сторожку. Дайань запер двери и лег на кан рядом с приказчиком Фу.

Старику не спалось, и он заговорил.

– Гляди, матушку Шестую в какой гроб положили! Панихиды служат, богатые похороны готовят. Какие почести, а!

– Богатая она, вот и почести, – отвечал Дайань. – Только пожить не пришлось. А то, что батюшка тратится, так это он не своими же деньгами сорит. Матушка Шестая, по правде тебе сказать, такое богатство в дом принесла! Я-то уж знаю. Про серебро и говорить не приходится. Сколько у нее одного только золота да жемчуга! А дорогие безделки, нефритовые пояса, запястья да головные украшения! А драгоценные камни! Всего не перечесать. А почему, думаешь, хозяин так убивается? Он ведь не ее жалеет. Ее деньги ему покою не дают. По характеру я покойную матушку ни с кем в доме не сравняю. И уступчивая, и добрая. Без улыбки не поглядит. Даже нашего брата, слугу, не обидит. Не было у нее привычки за каждое слово «рабским отродьем» обзывать или там заставлять клясться в верности ни за что, ни про что. А как она, бывало, за покупками посылала! Серебра, значит, даст. «Свешали бы, матушка, – скажешь, – чтобы потом недоразумений каких не вышло». А она улыбнется. «Чего тут вешать? – ответит. – Бери уж. Тебе ж ведь тоже заработать хочется. Только мне принеси, что прошу, ладно?» И кто только у матушки денег взаймы не брал! А многие ли долги возвращали? Но она ничего! Не отдаете, мол, и не надо. Матушка Старшая и матушка Третья над деньгами тоже не трясутся. Зато матушки Пятая и Вторая – вот уж скупые-то. Погибель к нам придет, замотают, если хозяйство в свои руки возьмут. За чем бы ни послали, все норовят недодать. Стоит, скажем, цянь серебра, так дадут девять с половиной, а то и девять фэней. Выходит, мы из своего кармана что ли за них доплачивать обязаны?

– Но матушка Старшая не из таких! – заметил приказчик Фу.

– Конечно, не из таких! – продолжал Дайань. – Только уж больно вспыльчива. Войдешь – все по-хорошему. И хозяйки мирно беседуют.

Но стоит тебе прервать разговор, она тебя при всех отчитает. Матушка Шестая такого себе никогда не позволяла. Она, покойница, никого не обижала. Наоборот, за нас старалась замолвить словечко. Ведь кто молится, от того Небо иной раз и роковую напасть отвращает. А мы, бывало, покойную матушку упросим с батюшкой поговорить, он ее во всем слушался. Только матушка Пятая на язык остра. Знай, грозит: «Вот батюшке скажу, тогда узнаешь», или «Отведаешь у меня палок!» А теперь и Чуньмэй, горничная ее, тоже злою стала.

– Матушка Пятая ведь тоже давно в дом вошла, – заметил приказчик Фу.

– Сам, старина, небось, помнишь, какой она тогда была, – говорил Дайань. – Как пришла, мать родную признавать не хочет. Как ни придет к дочери, так со слезами уходит. А как матушка Шестая умерла, так она в передних покоях полновластной хозяйкой себя считает. На садовников кричит: плохо, мол, подметают. С утра с бранью на них обрушивается.

Старик Фу клевал носом и вскоре заснул. Подвыпивший Дайань тоже закрыл глаза. Высоко на небе солнце сияло, а они все еще спали как убитые.

Симэнь Цин, надобно сказать, частенько спал в передних покоях у гроба Пиньэр. Тогда постель утром убирала Юйсяо, а хозяин шел в дальние покои умываться и причесываться. Этим моментом и пользовался Шутун, чтобы пошутить и позубоскалить с горничной. А в тот день Симэнь ушел ночевать в дальние покои. Юйсяо встала раньше других и потихоньку вышла. Она подмигнула Шутуну, и они пробрались через сад в кабинет.

Цзиньлянь не спалось. Она прошла к зале, где лежала покойница, но там было тихо и темно. В крытой галерее в беспорядке стояли столы и стулья. Кругом не было видно ни души. Тут она заметила Хуатуна. Он мел пол.

– А, это ты, рабское твоё отродье? – говорила Цзиньлянь. – Что ты тут делаешь? А остальные где?

– Все спят, матушка, – отвечал слуга.

– Брось веник! – приказала Цзиньлянь. – Ступай спроси у зятюшки кусок белого шелка. Старой матушке Пань, скажи, траурную юбку надо сшить. Да пусть выдаст трауру на пояс и в прическу. Матушка моя нынче домой собирается.

– Зятюшка, наверно, почивают, – говорил Хуатун. – Обождите, я пойду узнаю.

Слуга удалился и долго не появлялся.

– Зятюшка сказали, что брат Шутун с Цуем трауром ведают. Вы, матушка, у брата Шутуна спросите.

– Где ж я его, негодника, разыскивать буду? – ворчала Цзиньянь. – Сам пойдй поищи.

Хуатун бросил взгляд на флигель.

– Он только что тут проходил, – говорил он. – Должно быть, в кабинете причесывается.

– Ладно, мети, я сама его спрошу, – сказала Цзиньянь и, едва касаясь лotosовыми ножками земли, подобрав юбку, подкралась к кабинету.

Оттуда донесся смех. Цзиньянь распахнула дверь. Шутун с Юйсяо лежали на кровати.

– Вот, рабские отродья, чем вы тут, оказывается, занимаетесь? – заругалась она.

Застигнутые врасплох любовники с перепугу встали перед Цзиньянь на колени и начали умолять о прощении.

– Ты, рабское отродье, ступай и принеси кусок траурного шелка и полотна, – обратилась она к Шутуну. – Моя матушка домой собирается.

Шутун тотчас же принес все, что она просила.

Цзиньянь направилась к себе, за ней проследовала Юйсяо.

– Умоляю вас, матушка! – встав на колени, просила Юйсяо. – Только батюшке не говорите.

– Сукина дочь! – ругалась Цзиньянь. – Все выкладывай, арестантка проклятая! Давно с ним шьешься, а?

Юйсяо рассказала все о связи с Шутуном.

– Стало быть, прощения просишь? – спрашивала Цзиньянь. – Тогда я тебе три условия поставлю.

– Все исполню, матушка, что ни прикажете, – заверила ее горничная Юйсяо. – Только простите.

– Во-первых, будешь мне докладывать обо всем, что бы ни делалось в покоях твоей матушки. А утаишь чего, пощады не проси. Во-вторых, что бы я ни попросила, ты должна будешь достать и потихоньку мне принести. И, в-третьих, у твоей матушки никогда не было детей. Скажи, почему она ребенка вдруг стала ждать, а?

– Не скрою, матушка, – говорила Юйсяо. – Хозяюшка моя приняла снадобье из детского места, вот и понесла. А снадобье это мать Сюэ готовила.

Цзиньянь внимательно выслушала горничную. Симэню о случившемся она ничего не сказала.

А Шутун, напуганный хитрой усмешкой Цзиньлянь, с какой она на него поглядела, когда уводила Юйсяо, струсил не на шутку и направился прямо в кабинет. Там он навязал целый узел платков и повязок, прихватил зубочистки, заколки и шпильки, узелки с подношениями и больше десяти лянов серебра собственных накоплений и пошел в лавку, где выманил у приказчика Фу еще двадцать лянов якобы на закупку траурного шелка и, миновав городские ворота, нанял до пристани осла. Потом Шутун сел на судно и отбыл на родину в Сучжоу.

Да,

Разбита клетка из нефрита –

И феникса уж нет.

Ключ золотой дракон похитил

И свой запутал след.

В тот день отбыли домой певицы Ли Гуйцзе, У Иньэр и Чжэн Айюэ.

С утра носильщики принесли от придворных смотрителей Лю и Сюэ трех жертвенных животных и жертвенные принадлежности. От каждого было передано также по ляну серебра на приглашение двух исполнителей даосских напевов.^[1051] Их сиятельства намеревались провести с хозяином весь день и ночь. Симэнь решил послать им траурного шелка и послал за ключом к Шутуну, но его не нашли.

– Шутун взял у меня двадцать лянов серебра и ушел шелку купить, – объяснял приказчик Фу. – Батюшка, говорит, наказал шелку купить. Он, наверное, за городские ворота отправился.

Я ему ничего не наказывал, – говорил Симэнь. – Зачем он серебро спрашивал?

Хозяин распорядился поискать Шутуна, но в лавках за городской чертой его так и не отыскали.

– Не задумал ли он, рабское отродье, чего дурного? – говорила хозяйину Юэнян. – Чует мое сердце. Подозрительный он был какой-то. Может, обокрал и скрылся? В кабинете посмотри как следует. Чего доброго, и вещи прихватил, негодяй.

Симэнь пошел в кабинет. Ключи от кладовой висели на стене. В сундуке не оказалось платков и повязок, исчезли узелки с подношениями, зубочистки, шпильки и заколки. Симэнь рассвирепел и вызвал околоточных.

– По всему городу ищите! – приказывал он. – Ко мне приведете.

Но напасть на след Шутуна так и не удалось.

Да,

Хоть юноша торопится домой,
Боюсь, вернется он туда не скоро –
Его манят изысканной красой
Подернутые дымкою озера.

После обеда в паланкине пожаловал зритель Сюэ. По просьбе Симэня его проводили к гробу для воскурения благовоний шурином Старшим, Ин Боцзюэ и сюэ Вэнь.

– Сколь тяжкое горе вас постигло, сударь! – говорил Сюэ, увидевшись с хозяином. – Какой же недуг извел вашу супругу?

– Обильные кровотечения, – отвечал Симэнь. – Благодарю за сочувствие и прошу прощения, что побеспокоил вас, ваше сиятельство.

– Ну что вы! – заверил его Сюэ. – Это я должен перед вами извиниться, что выражаю соболезнования с пустыми руками. – Он посмотрел на портрет и продолжал: – Какая прелестная была у вас жена! И в самом расцвете молодости. Только бы наслаждаться жизнью. Да, рано ушла.

– Ваше сиятельство, «неравенство вещей есть их неотъемлемое свойство»,^[1052] – вставил стоявший рядом сюэ Вэнь. – Каждому свое на роду написано. Кто бедствует, а кто блаженствует; кому долгоденствием наслаждаться, кого ранняя смерть подстерегает. И судьбу не обойти никому, даже и мудрецу.

– Где вы учились, почтеннейший сударь? – обернувшись в сторону облаченного в траур сюэ, спросил Сюэ.

– Ваш бесталанный ученик значится лишь в списках местного училища, – отвечал Вэнь, земно кланяясь.

– Разрешите взглянуть на гроб усопшей сударыни, – сказал Сюэ.

Симэнь велел слугам приоткрыть с обеих сторон покров. Сюэ приблизился к саркофагу.

– Великолепный саркофаг! Прекрасное дерево! – воскликнул он. – Дорого заплатили, позвольте узнать?

– Видите ли, это мне один мой родственник уступил, – сказал Симэнь.

– Ваше сиятельство, – вмешался Боцзюэ. – Редкий материал, а? Сколько, как вы думаете, стоит, а? Догадайтесь-ка, что за дерево и откуда?

Сюэ принялся внимательно разглядывать гроб.

– Если не из Цзяньчана, то, должно быть, из Чжэньюани,^[1053] –

заметил он наконец.

– Чжэньюаньским доскам далеко до этих, – перебил его Боцзюэ.

– Лучше, конечно, из янсюаньского вяза.^[1054]

– Тонки да коротки вязовые-то доски. Разве как эти? – продолжал Боцзюэ. – Нет, не вяз это, а дерево из пещеры Персиков, что в Улинской долине Хугуана.^[1055] Туда в старину, при Танах, рыбак заплыл и с циньскими девицами повстречался. От смуты они там скрывались.^[1056] Редко кто в пещеру попадает. Доски – что надо! Больше семи чи длиной, четыре цуня в толщину и два с половиной чи шириной. Спасибо, у своего человека достали, по-родственному, можно сказать, уступил за триста семьдесят лянов серебра. Вы, ваше сиятельство, должно быть, заметили, как аромат в нос ударил, когда покров приподымали. Расписан и снаружи и внутри.

– Да, – вздохнул смотритель Сюэ, – только такие счастливые, как сударыня, могут наслаждаться в таком гробу. Столь высокой чести не достаивают даже нас, придворных.

– Вы слишком скромны, ваше сиятельство, – вступил в разговор шурин У Старший. – Можем ли мы, провинциальные чины, угнаться за вашим сиятельством, когда вы удостоены высочайших почестей придворного сановника Его Величества? Ведь вы, ваше сиятельство, лицезреете светлый лик Сына Неба, а мы из ваших уст внимаем драгоценное слово Его Величества. Вон его превосходительство Тун удостоен титула князя. Теперь сыновья и внуки его будут одеты в халаты с драконами и препоясаны нефритовыми поясами. Так что вам, ваше сиятельство, по-моему, все доступно.

– Позвольте узнать, как вас зовут, почтенный? – спросил Сюэ. – Вижу, за словом в карман не полезете.

– Рекомендую! Брат моей жены, брат У Старший, – представил шурина Симэнь. – Занимает пост тысяцкого в здешней управе.

– Вы брат покойной сударыни? – спросил Сюэ.

– Нет, брат моей старшей жены, – пояснил Симэнь.

Смотритель Сюэ поклонился шуруну У и сказал:

– Прошу прощения, сударь.

Хозяин проводил смотрителя Сюэ на крытую галерею и предложил высокое кресло. Когда гость сел, подали чай.

– В чем дело?! Почему нет его сиятельства Лю? – удивлялся Сюэ. – Надо будет послать за ним моего слугу.

– Ваша милость посылали паланкин за его сиятельством, – говорил слуга смотрителя, встав на колени. – Его сиятельство вот-вот придут.

– А два исполнителя даосских напевов прибыли? – спросил Сюэ.

– Давно прибыли, ваше сиятельство, – сказал Симэнь.

Вскоре появились исполнители и отвесили земные поклоны.

– Вас покормили? – спросил Сюэ.

– Покормили, ваше сиятельство, – ответили сказители.

– Тогда не подкачайте! Щедро награжу!

– Ваше сиятельство! – заговорил Симэнь. – Для вас приглашена актерская труппа.

– Что за труппа? – поинтересовался смотритель.

– Хайяньская.^[1057]

– А, так они ведь на своем варварском наречии поют, – сморщился Сюэ. – Не разберешь, что твякают. Такие актеры в диковинку разве что студентам-горемыкам, которые года по три над писанием корпели, добрый десяток лет с лютней, мечом и связкой книг за плечами по свету маялись, потом в столице экзамены держали, кое-как чиновное звание получили и опять без жен живут. Нас же, одиноких, почтенных придворных зрителей, такие лицедеи не интересуют.

– Позвольте, ваше сиятельство, с вами не согласиться, – говорил, улыбаясь, сюцай Вэнь. – Говорят, поселился в Ци, по-циски и говори.^[1058] Неужели, ваше сиятельство, вас, пребывающих в высоких теремах и хорах, нисколько не трогает за душу игра актеров?

– О, прошу прощения, я совсем запямятовал, что средь нас и почтеннейший сударь Вэнь! – воскликнул Сюэ и, смеясь, ударил по столу. – Представители местной чиновной знати, разумеется, заступаются за себе подобных.

– И сановные мужи из сюцаев выходят, – не унимался Вэнь. – Вы, ваше сиятельство, сучок рубите, а урон всему лесу наносите. Убей зайца – лиса пригорюнится. Всякий за своих собратьев вступится.

– Вы не совсем правы, сударь, – заметил Сюэ. – В одном и том же месте рядом живут и мудрецы и глупцы.

Тем временем доложили о прибытии в паланкине его сиятельства Лю. Встретить знатного гостя вышли шурин У Старший и остальные. Лю поклонился перед гробом и приветствовал присутствующих.

– Где вы до сих пор пропадали, ваше сиятельство? – спросил Сюэ.

– Меня навестил родственник Сюй с Северной стороны, вот и задержался, – пояснил Лю.

Когда все расселись, подали чай.

– Жертвенный стол готов? – спросил своих слуг смотритель Лю.

– Все готово, – ответили те.

– Мы пойдем возжечь жертвенные предметы, – сказал Лю.

– Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, – уговаривал его Симэнь. – Вы уже отдали долг усопшей.

– Как же так?! – не унимался Лю. – Полагается самому принести жертвы.

Слуги захватили благовония. Оба смотрителя воскурили фимиами и поднесли три чары вина с поклонами.

– Не извольте себя утруждать, ваши сиятельства, – говорил хозяин. – Встаньте, прошу вас!

Смотрители отвесили поклоны и встали. Симэнь поблагодарил их за участие и проводил обратно в крытую галерею, где немного погодя расставили столы и подали вино. На обоих почетных местах восседали смотрители Лю и Сюэ. За ними разместились шурины У Старший, сюэцай Вэнь и Ин Боцзюэ. Пониже рядом сел Симэнь Цин.

Послышались удары в барабан и гонги. Актеры поднесли зрителям перечень исполняемых вещей. Те выбрали «Красный халат Лю Чжюаня».^[1059] Не успели актеры исполнить и нескольких сцен, как зрители заскучили.

– Нет, даосские напевы куда интересней, – заметили они и позвали исполнителей.

Под удары в барабанчик с натянутой рыбьей кожей двое стоявших рядом исполнителей запели высокими голосами «Историю о том, как снегопад задержал Хань Вэньгуна^[1060] на заставе Ланьгуань».

Вышли повара и отвесили гостям земные поклоны. Смотрители наградили их за угощение. Симэнь распорядился приготовить закусок и вина для сопровождающих зрителей слуг, но рассказывать об этом подробно нет надобности.

Между обоими высокопоставленными евреями завязался за столом разговор.

– Слышал, брат, – говорил, обращаясь к Лю, зритель Сюэ, – какой десятого дня в столице ураган-то прошел! Молния угодила прямо во Дворец Сосредоточения Духа. Ажурный конек вдребезги разнесло. В гареме до смерти перепугались. Страх великий обуял Его Величество. Сановникам велено было исполнять обязанности с большой осторожностью и тщанием. В обители Высокой Чистоты свершаются ежедневные молебны всем духам. На десять дней запрещен убой скота, закрыта Уголовная палата и прекращена подача докладов. А вчера посол Великого Цзинь с грамотой прибыл. Требуют три наших города, и разбойник Цай Цзин хочет им уступить. Войско под командованием Тун Гуаня должно быть передано в распоряжение десяти цензоров во главе с Тань Ци и Хуан Анем, которым поручена

охрана трех рубежей, но Тун Гуань не желает подчиняться приказу, что вызвало осуждение большинства придворных.^[1061] А в день становления зимы^[1062] Государь Император свершал жертвоприношения в родовом храме предков. Так вот. В тот самый день, утром, один ученый муж из Палаты церемоний по имени Фан Чжэнь при осмотре храма предков заметил капающую меж кирпичей кровь, а в северо-восточном углу в полу зиял провал. Ученый доложил об увиденном государю, а один из прокуроров в докладе на высочайшее имя резко осудил командующего Тун Гуаня, обвинив его в превышении своей власти и в том, что его как гаремного смотрителя не следовало бы возводить в князья. За Тун Гуанем уже послан гонец Его Величества с высочайшим указом о срочном вызове в столицу.

– Мы, брат, с вами всего-навсего провинциальные чиновники, – отвечал ему Лю. – Какое нам дело, что там при дворе творится. Нам теперь день да ночь – сутки прочь. На то великаны и поставлены, чтобы небо подпереть, когда оно падать начнет. Только думается мне, погубят империю Великих Сунов эти кисляки,^[1063] право слово, доконают. Впрочем, как говорится, Вану все трын-трава, коль во хмелю глава.^[1064]

Опять вышли исполнители даосских напевов.

– Спойте-ка «Как к чарке пристрастился Ли Бо»,^[1065] – заказали смотрители.

Певцы ударили в барабанчик с натянутой рыбьей кожей и запели. Пили до заката. Потом смотрители велели своим слугам приготовить паланкины и стали откланиваться. Как ни удерживал их Симэнь, ему пришлось проводить их за ворота. Сопровождающие окриками разогнали с дороги зевак, а именитые гости отбыли по домам.

Симэнь велел зажечь свечи, а столы не трогать. Повара снова расставили кушанья, и Симэнь сел за компанию с шурином У Старшим, Ин Боцзюэ и сюцаем Вэнем, а слугу послал за приказчиками Фу Цзысином, Гань Чушэнем, Хань Даого и Бэнь Дичуанем, а также зятем Чэнь Цзинци.

Когда все уселись, хозяин позвал актеров и велел им продолжить «Историю нефритового brasлета».

– Не понимают их сиятельства прелести южных драм, – заговорил, обращаясь к Боцзюэ, Симэнь. – Если б знал, не стал бы и актеров задерживать.

– Да, брат, хотел как лучше ублажить гостей, да не оценили, – говорил Боцзюэ. – Чего они, бобыли, понимают? Им бы «Заставу Ланьгуань», да всякие вульгарные песенки слушать. Где им

настоящую игру понять – страдания и радости, разлуки и встречи?

Послышались удары в барабан и гонги, и актеры стали исполнять сцены, которые им не пришлось спеть накануне. Симэнь велел слугам налить лучшего вина.

– А сестры певицы здесь еще? – спросил сидевший рядом с хозяином Боцзюэ. – Их бы позвал чарки-то наливать.

– Тебе все певички грезятся, – заметил Симэнь. – Они домой давно отбыли.

– Что ж они дня два всего побыли?

– У Иньэр подольше оставалась.

Просидели до третьей ночной стражи. Когда актеры сыграли всю пьесу, гости разошлись.

– Завтра пораньше приходи, – наказывал шурина У Старшему Симэнь. – Надо будет чиновных лиц принимать.

Хозяин наградил актеров четырьмя ляннами серебра и отпустил.

На другой день пожаловали столичный воевода Чжоу, военный комендант Цзин, командующий ополчением Чжан и судебный надзиратель Ся. Они сложились со своими сослуживцами и принесли в жертву трех животных. Обращение к душе усопшей читал распорядитель службы. Симэнь загодя распорядился приготовить столы с закусками и вином. Трое певцов во главе с Ли Мином ждали распоряжений.

Около полудня послышались удары в барабан и гонги. Шурин У Старший, Ин Боцзюэ и сючай Вэнь вышли им навстречу к воротам. Сопровождаемые свитой адъютантов, именитые гости спешили и, проследовав в переднюю залу, переоделись, потом разложили жертвенные предметы и направились ко гробу, где их встретили поклонами Симэнь и Чэнь Цзинцзи.

После троекратного зова принять жертвы распорядитель заупокойной службы встал на колени и обратился к душе усопшей с похвальным словом:

«Сего двадцать пятого дня под двадцать первым знаком цзя-шэнь, после новолуния, в девятую луну под пятьдесят седьмым знаком гэн-шэнь, в седьмой год под тридцать четвертым знаком дин-ю, в правление под девизом Порядка и Гармонии, мы, Чжоу Сю, Цзин Чжун, Ся Яньлин, Чжан Кай, Вэнь Чэнь, Фань Сюнь, У Тан, Сюй Фэнсян и Пань Цзи в послеполуденный час с благоговением приносим в жертву шетинистую свинью и тонкорунную овцу, дабы почтить новопреставленную супругу тысяцкого лейб-гвардии Симэня, урожденную Ли, и перед прахом ее возглашаем: «Одаренная умом и

красотою, ты была воспитана в духе кротости и скромности, являя образец женской добродетели и трудолюбия. Дороже золота и нефрита твои достоинства. Нежнее орхидеи благоуханье источает твой облик.

В покаях женских ты подавала пример того, как подобает себя вести снохе, заботилась всегда, чтобы были сыты свекор и свекровь.^[1066] Учения премудрость накопляя, ты в мире и согласии жила со всей родней и домочадцами. Будучи почтительной супругой, ты чашу поднимала высоко до бровей, когда опоре, мужу, подносила. Ты дожить мечтала до седых волос, но дивной утренней зари короток час. Надеялась, что будешь целый век супружеским согласием наслаждаться, но, увы, недолгий оказался срок.

О, горе велико! Угасла жизнь в пору самого расцвета. Лучших, достойнейших Небо избирает. Жемчужина в пучину погрузилась, раскололась бесценная яшма. И горестно стал ветер завывать, и заскорбели облака. Стучались мы в небесные врата, но отклика не дождались. Да, тяжело расставаться с той, чья жизнь оборвалась так рано! Не суждено было тебе увидеть жизни день – ушла ты с первыми лучами, как роса.

Мы, недостойные, Чжоу Сю и остальные, коль скоро выпала честь нам состоять товарищами по службе хозяина дома, питать глубокую взаимную симпатию и быть связанными дружбой, с почтением теперь подносим наполненные жертвенною снедью чаши и чары вина.

Душа! Внемли мольбам и просьбам! О, снизойди, тебя мы призываем, и трапезой обильной насладись!»

После жертвоприношения Симэнь поблагодарил коллег за участие в его горе. Шурин У Старший и остальные проводили господ военных в крытую галерею, где те сняли верхнее платье и сели пить чай.

Во время угощения гостей услаждали певцы. Сопровождающих лиц кормили отдельно. Суетились повара, поднося все новые и новые блюда. Судя по обилию тонких вин и редких яств, стол был сервирован куда богаче, чем накануне. Повара отвесили земные поклоны. За компанию с прибывшими за стол сели Симэнь Цин и шурин У Старший. Пониже расположились Ин Боцзюэ и сюцай Вэнь.

Вздымались кубки с вином. Пир был в разгаре. Певцы во главе с Ли Мином пели романсы под аккомпанемент гуслей и кастаньет.

А в передней тем временем управлялись приказчики, принимая коробки с подношениями и деньги от все прибывавших отдать последний долг усопшей. Их провожали ко гробу, а денежные подношения убирали.

После обеда военные чиновники стали было откланиваться, но их задержал Симэнь. Он с помощью шурина и Боцзюэ налил каждому по

большому кубку вина, а певцам велел спеть малые романсы. Пир затянулся до самого захода солнца.

Симэнь хотел, чтобы шурин и Боцзюэ посидели еще немного.

– Нет, пора немного и отдохнуть, – говорил шурин У Старший. – Да ты и сам-то, небось, устал? Ведь весь день с людьми.

Шурин с Боцзюэ откланялись и ушли.

Да,

Персик и румян и благороден,

Взор ласкает абрикоса вид.

Тот приятен людям, тот угоден,

Кто богат и серебром сорит.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

НАСТОЯТЕЛЬ У СОВЕРШАЕТ ВЫНОС И ОСВЯЩАЕТ ПОРТРЕТ УСОПШЕЙ

ЦЕНЗОР СУН, ПОДРУЖИВШИСЬ С БОГАЧОМ, ПРИГЛАШАЕТ ЛУ ХУАНА

*Была недавно нежности полна,
теперь ушла навечно за порог,
Увы, непоправимую беду
кто угадать и кто предвидеть мог!
Как зеркала осколок, серп луны
за тучку зацепился и повис.
Быстрее непоседы-челнока
за днями дни, седмицы понеслись.
Мелькнет весна, и опадут листья.
Не выгонишь тоску из сердца прочь –
Она надолго поселилась там...
Когда пройдет томительная ночь?
А много ль было выплакано слез?
Видать, ничуть не меньше было их,
Чем осенью глубокою вокруг
бывает листьев клена золотых.*

Так вот. Двадцать восьмого дня девятой луны вышло две седмицы со смерти Ли Пинъэр. Заупокойную службу с жертвоприношениями совершали шестнадцать иноков-даосов из монастыря Нефритового владыки во главе с настоятелем отцом У. Они воздвигли алтарь, над

которым водрузили траурные стяги и хоругви.

Тем временем принесли письмо от начальника Ведомства работ Аня. Симэнь принял послание и отпустил гонца.

Из монастыря были принесены три жертвенных животных и все необходимое для службы: рисовый отвар и блюда с постными лепешками и прочей снедью, а также жертвенные слитки золота и серебра,^[1067] благовония и тому подобные предметы. Из особого почтения к усопшей настоятель У преподнес кусок шелку.

Монахи стали обходить гроб, читая псалмы и творя заклинания во спасение души усопшей от тягот и страданий, а настоятель молился и клал земные поклоны перед гробом Ли Пиньэр.

Симэнь и Цзинци в свою очередь поклонились настоятелю.

– Отец наставник! – обратился к игумену Симэнь. – Не утруждайте так себя, прошу вас! Мы вам весьма обязаны за столь высокое усердие и подношения.

– Я, бедный инок, чувствую себя недостойным служить панихиду по вашей усопшей супруге, – говорил настоятель. – Я не в состоянии принести подобающие жертвы, потому прошу покорно, примите, милостивый сударь, эти мои ничтожные знаки самого искреннего почтения.

После принесения жертв Симэнь принял подношения и отпустил носильщиков.

В тот день, тринадцатый после кончины,^[1068] была отслужена полная панихида с повторением священных текстов канона «Строки о рождении духа», с призывами к душе вернуться из темниц загробных, что разместились в девяти безднах преисподней, с начертанным красными иероглифами молитвенным посланием о спасении души усопшей от грядущих мук и умиловительными обращениями к Небу явить милосердие, но говорить об этом подробно нет надобности.

На другой день первым прибыл совершить жертвоприношение свояк Хань, живший за городскими воротами. Надобно сказать, что как раз накануне после пятилетней отлучки в родные края воротился купец Мэн, брат Мэн Юйлоу. Зайдя навестить сестру, он встретил облаченного в траур Симэня и, присоединившись к свояку Ханю, тоже принес жертвы. Симэнь поблагодарил его за соболезнование и многочисленные знаки внимания и проводил в покои Юйлоу. В тот же день с выражением соболезнования прибыло больше десяти родственников, которым по распоряжению Симэня устроили угощение, но не о том пойдет наш рассказ.

В обед пожаловали одетые в траур правитель здешнего уезда Ли

Датянь, его помощник Цянь Сычэн, архивариус Жэнь Тингуй и тюремный смотритель Ся Гунцзи, а также Ди Сэбинь, правитель уезда Янгу, с пятью чинами своей управы. Каждый из них оставил по узелку с подношениями. После сожжения жертвенных предметов и выражения соболезнования хозяин устроил им угощение в крытой галерее. За компанию с ними сели шурин У Старший и сюцай Вэнь. Певцы услаждали их пением. Сопровождающих кормили отдельно.

В самый разгар пира – и надо ж было тому случиться, а без случая и рассказа бы не вышло – вдруг доложили о прибытии смотрителя гончарен Хуана, тоже пожелавшего выразить соболезнование хозяину. Симэнь поспешно оделся в траур и стал поджидать гостя у гроба. Сюцай Вэнь встретил его сиятельство Хуана у ворот и проводил в залу переодеться, после чего тот направился к гробу. Сопровождавшие его слуги несли благовония, свечи, жертвенную бумагу и отделанный золотом кусок атласа. Они поднесли его сиятельству на ярко-красном лаковом подносе благовония. Хуан воскурил фимиам и встал на колени. После поклонения его благодарили Симэнь и Цзинцзи.

– Не знал я, что вы лишились супруги, – говорил хозяину смотритель гончарен. – Прошу меня простить, сударь, за столь запоздалое выражение соболезнования.

– Это я должен просить ваше сиятельство извинить меня, что не засвидетельствовал вам своего глубокого почтения, – отвечал Симэнь, – и заставил вас утруждать себя приездом. Я глубоко тронут столь щедрыми подношениями. Премного вам благодарен, ваше сиятельство!

После обмена любезностями гостя проводили в крытую галерею. Сам Симэнь и сюцай Вэнь сели за компанию с Хуаном выпить чашку чаю.

– Вам просил кланяться Сун Сунъюань, – заговорил Хуан. – Он тоже только что прослышал о кончине вашей супруги и хотел бы прибыть с выражением соболезнования, но его никак не пускает служба. Он ведь сейчас находится в Цичжоу.^[1069] Да, вы, должно быть, не слыхали о намерении двора воздвигнуть гору Гэнь-юэ.^[1070] Главнокомандующий Чжу Мянь высочайшим указом направлен в Цзяннань и район впадения реки Сяньцзян в озеро Дунтинху, чтобы обеспечить непрерывную отправку в столицу судов и барж, груженных цветным мрамором. Первый караван ожидают на реке Хуай,^[1071] куда посылается главнокомандующий Лу Хуан, посол Его Величества, с целью отобрать наиболее причудливые по узору глыбы мрамора высотой в два чжана и шириной в несколько чи. Такие глыбы будут

завернуты в желтые ковры и покрывала^[1072] и переправлены в столицу на многочисленных судах по шаньдунским рекам. Там же, где возникнет необходимость, местному населению придется тащить суда и лодки волоком. Да, достанется местным властям, а уж народу – тому хоть в петлю полезай. Вот цензор Сун и совершает инспекторскую поездку по здешним областям и уездам, дабы лично следить за исполнением указов и распоряжений, коих поступают целые горы. Так что трудиться ему приходится и днем и ночью, не зная ни минуты покоя. А скоро из столицы прибудет и сам Лу Хуан, и тогда цензору Суну предстоит возглавить местные власти и подобающим образом его принять. Не имея среди местной знати знакомых, цензор Сун попросил меня засвидетельствовать вам, милостивый сударь, свое самое высокое почтение и узнать, не согласитесь ли вы оказать ему огромную любезность и услугу – принять посла Его Величества Лу Хуана у себя в роскошной резиденции. Каково будет ваше мнение, милостивый сударь? – Смотритель гончарен обернулся к слугам: – Позовите посыльных от его сиятельства Суна!

Двое, одетые в темные платья, опустились на колени и вынули из узла кусок отделанного золотом атласа, благовонные палочки, две свечи и жертвенную бумагу и поднесли их Симэню.

– Это скромные подношения господина Суна, – пояснил смотритель. – А в этих двух узелках серебро на угощение. Оно собрано с двенадцати высших чиновников здешних уголовных управлений, по три лян серебра с каждого лица, и с восьми чиновников из управ, по пяти лянов с каждого. Тут в двадцати двух пакетах сто шесть лянов серебра.

Оба узелка были вручены Симэню.

– Простите, что причиняем вам столько хлопот, сударь! – заключил смотритель Хуан. – Ну, вы согласны?

– Как я могу принять, когда у меня в доме траур? – наотрез отказывался от серебра Симэнь. – А когда предполагается прием?

– Еще не скоро, – объяснял Хуан. – Где-нибудь в середине следующего месяца. Его сиятельство Лу Хуан еще пребывает в столице.

– У меня двенадцатого будет вынос, – говорил Симэнь. – Но раз такова воля его превосходительства Суна, я, разумеется, слушаюсь и исполняю, только прикажите. Позвольте только узнать, сколько накрывать столов. Передайте, все будет сделано, поблагодарите его превосходительство за столь щедрые дары, однако принять серебро я не могу.

– Но вы не правы, Сыцюань, – продолжал смотритель. – Сунъюань просил меня узнать ваше мнение о приеме, и серебро это не его личное, а всех высших чиновных лиц провинции Шаньдун. Не отказывайтесь, прошу вас! В противном случае Сунъюань больше не решится вас беспокоить, и ему придется обратиться к кому-нибудь другому.

– Ладно, в таком случае принимаю, – выслушав смотрителя согласился наконец, Симэнь и велел Дайаню и Ван Цзину убрать серебро, а потом опять обратился к собеседнику: – Так сколько же накрывать столов?

– Особый стол для его превосходительства Лу Хуана, – говорил Хуан, – стол чуть пониже для почтенного Суна и чинов инспекторских управлений, для остальных же – обыкновенные столы. О музыкантах и актерах не беспокойтесь. Мы найдем сами.

После второй чашки чая смотритель стал откланиваться. Симэнь упрашивал его остаться.

– Нет, мне еще предстоит визит к почтенному Шан Лютану, – говорил смотритель. – Он ведь был одно время правителем моего родного уезда, потом его перевели помощником правителя в округ Чэнду.^[1073] А с его сыном, Лянцюанем, мы вместе держали экзамены.

– Не знал, что вы так близки с Лянцюанем, – заметил Симэнь. – Мы с ним тоже дружим.

Смотритель Хуан встал.

– Будьте так любезны, передайте мой сердечный привет почтенному господину Суну и скажите, что я жду дальнейших распоряжений, – сказал на прощание Симэнь.

– О дне приема Сунъюань сообщит вам через посыльного, – говорил смотритель. – Но слишком уж роскошное угощение устраивать, по-моему, не следует.

– Все будет как полагается, – успокоил его Симэнь и проводил за ворота.

Смотритель Хуан сел на коня и отбыл.

Военные чины уезда, гости Симэня, услышав о предстоящем приезде высоких инспекторов, со страху удалились за искусственную гору в небольшую беседку, а слугам наказали, чтобы те немедленно унесли от ворот паланкины и отвели в сторону коней.

Вернувшись в крытую галерею, Симэнь рассказал гостям о том, что цензор Сун с инспекторами приглашает к нему главнокомандующего дворцовой гвардией Его Величества посла Лу Хуана. Гости заговорили, перебивая друг друга.

– Вот так напасть на наши края! – восклицали они. – Раз посол Его Величества пожалует, стало быть, готовься к приемам. Угощения, утварь, прислуга – все с наших уездов подавай, все с населения собирай. Да, вот так бедствие! Страшнее не придумаешь! Но мы уповаем на вас, Сыцюань. Надеемся, вы ради дружбы замолвите за нас словцо о повышении, а?

Так поговорив с хозяином, гости откланялись и, вскочив на коней, уехали. Однако хватит пустословить.

Настала третья седмица со смерти Пингэр. Панихиду под удары в барабан и цимбалы служили прибывшие из загородного монастыря Вечного блаженства игумен отец Даоцзянь и шестнадцать высших монахов в расшитых облаками парчовых рясах и буддийских шапочках. Утром они окропили помещение и совершили омовение священного изображения Будды, а в полдень призывали из подземных темниц душу усопшей, служили панихиду Лянского правителя,^[1074] читали «Павлинью сутру»,^[1075] словом, исполнили все как полагается.

Под вечер прибыла сватья Цяо. Она и жены приказчиков провели ночь вместе с Юэнян и остальными хозяйками. Перед гробом для них выступали кукольники. Отгороженные экранами, в восточном конце крытой галереи тем временем трапезничали Симэнь, Ин Боцзюэ, шурин У Старший и сюцай Вэнь.

Восьмого дня в десятой луне вышла четвертая седмица, и из расположенного за западными городскими воротами ламаистского монастыря Драгоценных даров были приглашены шестнадцать монахов во главе с ламою Чжао. Они читали ламаистское писание, совершали ритуальную пляску перед алтарем с божествами, сыпали рис и, куря благовония, творили молитвы. Во время трапезы им подавали коровье молоко, чай и сыр. На стенах висели картины, на которых были изображены превращения девяти устрашающе отвратительных небесных демонов. Увешанные бахромою и жемчугами, с черепами на груди, они жадно пожирали младенцев. Меж ног у них торчали зажатые оборотни. Змеи и драконы обвивали их, словно пояса. Были тут и восьмирукие о четырех головах, и метавшие копыя с алебардами. Рыжеволосые и синелицые, они кровожадностью и одним видом своим наводили ужас беспримерный.

После постной полуденной трапезы подали мясные блюда и вино. Симэня в тот день не было дома. Они с геомантом Сюем уехали на загородное кладбище, чтобы определить место погребения. Воротился хозяин после обеда. Под вечер отпустили ламаистских монахов.

На другой день рис, вино, закуски и все необходимое было

отправлено в загородное поместье. Там приказчикам поручили соорудить пять временных навесов и кухню, а рядом с кладбищем, близ могилы, возвести большой навес размером в три комнаты, куда пригласили соседей. После обильного угощения вином и мясными блюдами соседи возвращались домой с подарками за плечами или на голове, но говорить об этом подробно нет надобности.

Утром одиннадцатого прибыли певцы. На прощание с усопшей они исполнили под удары в барабан и цимбалы сцены из пьес: «Пять демонов мешают судьбе»,^[1076] «Демоны заморочили голову Небесному наставнику Чжану»,^[1077] «Чжун Куй тягается с бесененком»,^[1078] «Лао-цзы проходит через заставу Хань»,^[1079] «Шесть разбойников мешают Майтрее»,^[1080] «Слива в снегу», «Чжуан Чжоу снится бабочка»,^[1081] «Небесный царь ниспосылает на землю наводнение, пожары и ураганы»,^[1082] «Дунбинь летучим мечом рассекает Желтого дракона».^[1083] и «Чжао Тай-цзу за тысячу ли провожает супругу»^[1084] Жены Симэня и гости смотрели представление из-за ширм. Когда актеры удалились, они приблизились к гробу Пинъэр. Родственницы и близкие усопшей с поклонами сожгли жертвенные предметы, и помещение огласилось громкими рыданиями.

На другой день состоялся вынос. Еще на рассвете из дому вынесли траурный стяг с именем покойной, хоругви, знамена и всевозможные предметы. Прибыли буддийские и даосские монахи, барабанщики и музыканты. Симэнь загодя попросил столичного воеводу Чжоу прислать полсотни вооруженных воинов стражи при полном параде, верхом на конях. Десять из них были оставлены сторожить дом, а остальные сорок эскортировали похоронную процессию, гарцуя двумя рядами перед саркофагом. Два десятка солдат уголовной управы везли жертвенные предметы и очищали дорогу от зевак, столько же солдат, приставленных к кладбищенским воротам, принимали жертвенные предметы.

На вынос прибыли знатные чиновные мужи, родные, близкие и друзья. Ржали кони, гремели экипажи, запрудившие улицы и переулки. Одних больших паланкинов с членами семьи, родней и близкими можно было насчитать свыше сотни. Певцы из заведений разместились в нескольких десятках малых паланкинов.

Геомант Сюй определил поднять гроб в утренний час под пятым знаком чэнь.^[1085]

Симэнь оставил Сунь Сюэ с двумя монахинями смотреть за домом, а Пинъаню дал двоих солдат караулить у ворот. Зять Чэнь Цзинцзи опустился на колени перед гробом и разбил, по обычаю,

глиняный таз. Шестьдесят четыре человека подняли катафалк с гробом. Стоявший на высокой площадке следователь под удары в цимбалы дал команду носильщикам поднять катафалк на плечи. Настоятель из монастыря Воздаяния сотворил молитву, и траурная процессия, выйдя на Большую улицу, повернула на юг. Утро выдалось ясное, и народу высыпало поглядеть видимо-невидимо. Да, пышные это были похороны!

Только поглядите:

Вял теплый ветер на роскошной дороге. Орошал мелкий дождик душистую пыльцу. На востоке едва показалось дневное светило, и над землями севера легкая дымка как-то съежилась вдруг. Бум-бум – ударяли в барабан погребальный, дзинь дон – покой ночи тревожил звон похоронных цимбал. На ветру колыхался стяг почета усопшей – крупные знаки на полотнище длинном алого шелку. Свет огней озарял небеса, желтоватый туман расплывался в заоблачных высях.

Был страшен свирепый Дух-путеводитель^[1086] с секирой золотою на плече. Ступал таинственно и чинно Дух опасного пути^[1087] с серебрянным копьем. Шествовали восемь бессмертных беззаботно, а рядом черепаха и журавль^[1088]. Четырех скромных затворниц-дев^[1089] сопровождали тигр и олень. Дух-плакальщик вдруг явился и ударил в таз. Вот огней потешных рама – тысяча ветвей слепит фонтаном ярких брызг, а вот плывет ладья в гирляндах лотосов – несутся шутки, смех. Вон на ходулях малый-удалец – закован в латы, шлем на голове. Чисты, прелестны отроки-монахи, числом шестнадцать их. Все в зарничных рясах и даосских клобуках. Дивно мелодичны их золотые гонги и неземные бубенцы. А вот и жирные монахи – двадцать четыре послушника Будды. Все как один в расшитых облаками парчовых рясах-кашья. Под звон цимбал и могучий барабан молебны служат странам света. Здесь дюжина больших шелковых шатров, где пляшут танцовщицы в ярких одеяньях. Там две дюжины шатров поменьше укрыты ширмами, сверкают жемчугами с бирюзой. Слева – громадные кладовые с хлебом и добром, справа – горы золота и серебра. Повара, шедшие рядами, несли редчайшие деликатесы, мясные, рыбные тончайшие подливки. В шатре куренья благовоний свершался торжественный обряд – три раза предлагали насладиться изысканными жертвами. В шести шатрах, пестревших яркими цветами, переливалась красками узорная парча. Двигался души усопшей паланкин, сплетенный из нитей желтого шелка. Тут соперничали в блеске цветы с ивою в наряде снеговом. Там сверкали серебряные пологи и дорогой покров. Плыли хоругви. Одна – золотыми

письменами испещрена, другая – серебром. Меж ними на катафалке из платана – саркофаг под белыми и зелеными зонтами с орнаментом секир и облаков, воздвигнутыми по три с каждой стороны. От блеска яркого в глазах рябило. Держали кувшин и полотенце с гребнем две служанки, причесавшие и убравшие хозяйку, как живую. Траурные одеянья трепетали на ветру, рыдания близких раздавались. Шли, выделяясь из толпы, пятеро плакальщиков и шестеро певцов. Они, то головы склонив, вопили громко, то взоры обращали ввысь, на саркофаг, высокий и величественный, как священная гора Сумеру^[1090]. Несли его носильщики в синем облачении и белых головных уборах. Их было шестьдесят четыре. Саркофаг, обтянутый роскошной парчой, покоился под расшитым золотом алым покровом с кистями по углам – цветастым, с пятью вершинами средь облаков и парящим журавлем. Препоасанные трауром воины-стражники с палицами в белых повязках, темных кафтанах, в высоких остроносых башмаках, ремнями перетянутых на икрах, с обеих сторон разгоняли зевак. С двух сторон гарцевали наездники в повязках головных из тюля с узором, как кунжут, с узлом на лбу, как иероглиф «мираида», и с кольцами златыми, что вздрагивали всякому движенью в такт. Каждый напялил на себя два, а то и три кафтана, шелковых или пеньковых, затянутых пурпурным кушаком; обут был в желтые о четырех швах сапоги с носками, изогнутыми, точно ястребиный клюв; красовался в пестрых чулках, на которых кувыркались и ныряли в воду чудовища. Наездники парили, словно коршуны; верхом скакали, будто обезьяны. Они несли стяг похоронный. На древке, ярко-красном, словно киноварь, трепетало голубое знамя со словом «Повелеваю!»^[1091]. Один стоял вниз головой, другой – на одной ноге, на петуха похожий. Вон небожитель переходит через мост^[1092], а тот залез в фонарь. Иные, звеня на поясах деньгами, беспрестанно кувыркались. Искусством шутов все громче восхищались, хваля потешников на все лады. Народ столпился, не пройти. Тут очутились рядом и умный и глупец. Поглазеть хотели все – и знатный и бедняк. Чжан, неповоротливый толстяк, лишь отдувался, тяжело дыша, а юркий карлик Ли стоял на цыпочках, подпрыгивал неустойчивый. Старцы белоголовые с клюками неистово трепали, гладили седые бороды, усы. Высыпали посмотреть и молодухи красивые с детьми.

Да,

Бьет барабан, и путь
медлителен и долог.
Узорная парча,

цветов роскошный полог.

Выносят пышный гроб,

и плач со всех сторон.

В самой столице нет

столь знатных похорон.

Впереди несли большой паланкин с У Юэнян. За ней двигались гуськом более десятка паланкинов с Ли Цзяоэр и остальными. Прямо за катафалком шли в траурном облачении Симэнь Цин, родные и друзья, а Чэнь Цзинцзи все время держался за саркофаг.

Когда процессия вышла на Восточную улицу, Симэнь с поклоном обратился к отцу У, настоятелю монастыря Нефритового владыки и попросил его освятить портрет усопшей. Облаченный в расшитую розовыми облаками и двадцатью четырьмя журавлями ярко-красную рясу, в украшенном нефритовым кольцом даосском клобуке, который красным цветом символизировал солнце, а формой – гром и молнию, в красных, как киноварь, сандалиях, с писчей дщицей из слоновой кости, настоятель У сопровождал усопшую в паланкине, который несли четверо носильщиков. Он принял большой портрет Ли Пиньэр, и процессия остановилась. Чэнь Цзинцзи встал перед ним на колени. Все затихли, вслушиваясь в слова монаха.

С востока на запад светило кружит,

И жизнь, как светильник, под ветром дрожит.

Лишь в смерти познаешь закон пустоты,

Спасешься от скорбной земной суеты.

«Пред нами саркофаг с усопшею супругой начальника лейб-гвардии Симэня, урожденной Ли. Жития ее было двадцать семь лет. Родилась в полуденный час под седьмым знаком „у“ пятнадцатого дня в первой луне года синь-вэй в правление под девизом Высокого Покровительства,^[1093] скончалась в послеполуночный час под вторым знаком «чоу» семнадцатого дня в девятой луне седьмого года в правление под девизом Порядка и Гармонии.

Усопшая, представительница знатного рода, являла собою образец натуры утонченной, воспитанной в роскошных теремах. Ее облик, нежный как цветок, и взор, ясный как луна, источал живой аромат благоуханной орхидеи. На ее челе лежит печать высоких добродетелей и милосердия, выдавая характер мягкий и покладистый. И в браке состоя, усопшая служила ярким воплощением супружеского согласия и женской кротости – качеств, кои необходимы для обоюдного счастья. Ты – нефрит из самоцветного края Ланьтяня,^[1094] орхидея из чуских цветников. Тебе бы надлежало наслаждаться жизнью целый век. Как

жаль, в пору весеннего цветенья, когда лишь минуло три десятилетия, ты ушла. Увы! Недолговечно полнолуние. Краток век достойнейших и лучших. Угасла в пору самого расцвета, и ныне во гробу тебя несут. Реют алые стяги на ветру. Прекрасный твой супруг, убитый горем, бия себя в грудь, идет за саркофагом. Рыдания родных и близких оглашают улицы и переулки. Да, невыносимо тяжело расставанье глубоко любящих сердец! Голос твой и образ время отдалит, но из памяти не изгладит. Я, смиренный инок, недостойный носить шапку и украшения служителя сокровенной веры даосской и не обладающий даром провидца Синьюань Пина,^[1095] но строго исполняющий заветы Основоположника сокровенного учения,^[1096] осмеливаюсь развернуть пред всеми вами как отраженный в зеркале образ усопшей, величественный и впечатляющий.

Как не поймать бабочку, которая снилась Чжуан Чжоу, как не собрать амриту, сладкую росу, или редчайшее янтарное вино, которое возлито, как не вернется уносящийся бессмертный, постигший вознесение в Лиловые чертоги,^[1097] так и усопшую назад уж не вернешь.

Украшенная сотней драгоценностей, лицезреешь Семерых, истинносуших.^[1098] Да изойдет чистая душа твоя из царства тьмы. Пусть сердце отрешится от тревог, и тогда все четыре основания мира^[1099] тебе предстанут одной пустотой. О, как тяжело, как горько! Да упокоятся опять твои останки в лоне матери-земли, а душа твоя да обернется чистым ветерком, чтобы бессмертье обрести и не вернуться больше, не маяться в перерождениях бесконечных.

Все вслушайтесь в слова последнего напутствия-прощанья. Знать нам не дано, куда дух ее ныне устремился, но нам оставлен в портрете сем образ ее, который будет жить из поколения в поколение».

Настоятель У, в величественной позе восседавший на носилках, окончил акафист, и носильщики повернули его паланкин назад. Воздух потрясли удары в барабан и причитанья. Катафалк медленно двинулся с места, и процессия продолжила шествие. Симэня сопровождали близкие и друзья. Поравнявшись с южными городскими воротами, все сели на коней, а Чэнь Цзинцзи шел, держась за саркофаг, вплоть до самого кладбища в Улиуань.^[1100]

Командующий ополчением Чжан с двумя сотнями солдат и смотрители Лю и Сюэ заранее прибыли на кладбище. Они разместились под навесом на холме, откуда ударами в барабаны и гонги встречали похоронную процессию. Вот началось сожжение бумажных жертвенных предметов, и облака дыма затмили небосвод. Более десятка человек были заняты принятием подношений на кладбище. Тут же расположились городские певицы. Для женщин – близких и родственниц – было отведено особое место, зашторенное

пологами и ширмами.

Когда носильщики поставили катафалк с гробом на землю, геомант Сюй по компасу с лентой в руке в последний раз очертил с помощью следователя место погребения и поставил по углам могилы жертвы духу земли. Гроб опустили в могилу и засыпали землей.

Симэнь переоделся и, вручая начальнику гарнизона Чжоу два куска шелку, попросил его торжественно освятить дщицу усопшей.

К могиле приблизились чины управы, родные, друзья и приказчики. Они наперебой подносили вино после того, как принес жертвы Симэнь. Грянула под барабанный бой музыка, потрясающая небеса. Дым ракет застилал землю. Все было торжественно и чинно.

В тот день одних женщин собралось столько, что их пришлось разместить поровну под пятью навесами сзади.

Шумные и пышные были похороны, но говорить об этом подробно нет надобности.

После трапезы гости оставили много подношений и приглашали Симэня на угощения к себе в поместья.

Сразу же пополудни дщица покойной Ли Пиньэр на специальном ложе была возвращена домой. Ее водрузили на украшенный траурным стягом паланкин души усопшей, в котором разместилась У Юэнян. Чэнь Цзинци всю дорогу держался за ложе. Паланкин и ложе были покрыты темною пеньковой материей, отделанной бледной яшмой с вышитыми золотой ниткой прозрачными волнами. По углам паланкина свисали кисти. Рядом несли шатер с портретом Пиньэр, шатер возжигания благовоний, большие и малые шатры с шелками. Шли шестнадцать барабанщиков и музыкантов, которым с обеих сторон вторили цимбалы даосских послушников.

Возвращающегося в город Симэня сопровождали шурины У Старший и сват Цяо, шурины У Второй, Хуа Старший и Мэн Второй, свояк Шэнь, а также Ин Боцзюэ, Се Сидя, сюцай Вэнь и приказчики. Шествие замыкали паланкины с женщинами.

У ворот дома ярко горели фонари. После установления дщицы в покоях Ли Пиньэр геомант Сюй принес жертвы духам в передней зале и окропил помещение. На дверях были развешены желтые амулеты, изгоняющие нечисть. Геоманта наградили куском шелка и пятью ляннами серебра и проводили до ворот. За ним отпустили и всех нанятых, которым в награду выделили двадцать пять связок медяков. Пять из них поделили между вооруженными воинами стражи от столичного воеводы Чжоу, столько же – между солдатами из уголовной управы, а десять связок дали прислуге и конюхам. Все

государственные письма были отправлены воеводе Чжоу, командующему ополчением Чжану и надзирателю Ся, но не о том пойдет наш рассказ.

Симэнь распорядился накрывать столы и пригласил свата Цяо, шурина У Старшего и остальных, но те откланялись и ушли.

– Плотники спрашивают, когда навесы ломать, – спросил хозяина вошедший Лайбао.

– Пока ломать не надо, – распорядился Симэнь. – Вот пройдет прием его превосходительства Суна, тогда и ломаем. Потом уж и плотников отпущу.

Супруга Хуа Старшего и госпожа Цяо обождали, пока установят дщицу души усопшей, поплакали и ушли.

Симэнь продолжал тосковать по Ли Пиньэр и под вечер пошел к ней в покои, чтобы переночевать рядом с дщицей, сбоку висел большой портрет усопшей, немного поодаль – поясной портрет. В глубине комнаты стояла покрытая парчовым одеялом кровать, а рядом столики и сундуки с нарядами. Все как и прежде. А под кроватью виднелась пара туфелек с ее малюсеньких, как золотые лotosовые лепестки, ножек.^[1101] На столе горели цветные свечи и благовония, на золотых блюдах курилась жертвенная снедь. Симэнь рыдал, не в силах остановиться. Потом он велел горничной Инчунь постелить ему постель на кане напротив. До полуночи оставался он наедине с одинокою свечой. В окно светил месяц, Симэнь то и дело ворочался и тяжело вздыхал, охваченный тоскою по умершей красавице.

Тому свидетельством стихи:

Гляжу в окно, вздыхаю тяжело,
Воспоминая душу обожгло.
Поникла орхидея,^[1102] дождь все льет,
На клен опавший иней в ночь падет.
Кому любовь узнать не суждено,
Увы, не дозвется все равно
Той, что приют, как от живых ушла,
У Девяти истоков обрела.^[1103]

Днем перед дщицей Пиньэр появились чай и рис. Симэнь велел, чтобы их поставила горничная, а потом сел завтракать за стол напротив.

– Покушай со мной! – подняв палочки, звал он Пиньэр.

Горничные и кормилица не удержались и заплакали.

Когда же не оказывалось рядом горничных, кормилица Жуи не

упускала случая услужить хозяину: то приносила таз для умывания, то подавала чай. И всякий раз нежно лепетала, ласкалась, прямо-таки льнула к нему. Однажды Симэнь пришел после приема гостей навеселе. Инчунь уложила его спать, а ночью, когда ему захотелось чаю, он ее так и не дозволялся. Тогда встала Жуи. Подавая чай, она заметила, что с кана свисло одеяло. Поставив чайный прибор, Жуи тотчас же подняла одеяло и поправила постель. Тронутый Симэнь обнял кормилицу и поцеловал прямо в губы. Они слились в страстном поцелуе. Жуи молчала. Симэнь велел ей раздеться и лечь. Они заключили друг друга в объятия и отдались безудержной игре дождя и тучки.

– Когда не стало матушки, – заговорила Жуи, – я б хотела остаться в вашем доме. Я как могу буду служить вам батюшка, если вы только того пожелаете. Глубоко вам благодарна за оказанную честь.

– Дорогая! – обратился к ней Симэнь. – Будешь мне с усердием служить, тогда не о чем тебе будет и беспокоиться.

И Жуи стала как только могла потрафлять всем прихотям Симэня. Они резвились, словно пара фениксов. Жуи была готова на все, и Симэнь остался в восторге. Утром она встала рано. Не дожидаясь Инчунь, сама обула Симэня и убрала постель. Делала она все с подчеркнутым усердием. Симэнь открыл кладовую и наградил любовницу четырьмя шпильками покойной Ли Пиньэр. Жуи земными поклонами благодарила его за подарок. Инчунь сразу смекнула в чем тут дело.

Заручившись благосклонностью хозяина, кормилица почувствовала себя гораздо увереннее, перестала жаловаться на судьбу и искать сочувствия.

Как-то, по случаю уборки могилы новопреставленной, Симэнь устроил на кладбище трапезу для жен знатных особ и родственников. На торжество позвали певиц Ли Гуйцзе, У Иньэр и Чжэн Айюэ, а также певцов Ли Мина, У Хуэя, Чжэн Фэна и Чжэн Чуня. Так вот. Прибывшие с кладбища сразу заметили Жуи. Она красовалась в нарядах, каких не носила прежде, болтала и смеялась, выделяясь из толпы служанок и горничных, что не ускользнуло от внимательной Цзиньлянь.

Утром, когда Симэнь сидел с Боцзюэ, доложили о прибытии посыльных от цензора Суна. Они доставили для приема государева посла Лу Хуана золотую и серебряную утварь и посуду: два золотых кувшина, две пары золотых кубков, десять пар малых серебряных чарок, две пары серебряных чаш, четыре пары больших заздравных

кубков, два куса ярко-красной узорной парчи с драконами, два куса расшитого золотом атласа, десять жбанов вина и две бараньи туши.

– Сообщают, что корабль с главнокомандующим Лу Хуаном прибыл в Дунчан, – докладывал слуга. – Просят вас, батюшка, готовиться к угощению. Прием назначен на восемнадцатое.

Симэнь принял доставленное по списку, велел наградить посыльных лянном серебра и отвесил Бэнь Дичуаню с Лайсином серебра на закупку деликатесов, фруктов и сладостей, но говорить об этом подробно нет надобности.

– Как ей стало плохо, так до сих пор дня свободного не выпало, – жаловался другу Симэнь. – Только похороны прошли, теперь вот новые хлопоты. Прямо покою не вижу.

– Ну, на такие хлопоты, брат, сетовать не приходится, – говорил Боцзюэ. – Не ты ж их домогаешься, а они тебе надоедают. Конечно, тебе придется раскошелиться, но что поделаешь?! Зато к тебе пожалует сам главнокомандующий, его Императорского Величества посол собственной персоной. А с ним цензоры да ревизоры. Вся шаньдунская знать съедется. Полно народу, кони, экипажи... Вот какой нашему брату почет, а! Какая слава! Кое у кого тогда спеси-то поубавится!..

– Да я, брат, не о том хотел сказать, – перебил его Симэнь. – Я-то думал, он после двадцатого прибудет. А тут, изволь, восемнадцатого принимай. А шестнадцатого как раз пятая седмица после кончины. Я уж и с настоятелем отцом У договорился, и серебро в монастырь отправил. Тоже не отложишь. Но не будешь же заздравный пир закатывать и тут же заупокойную службу стоять. Все враз навалилось. Не знаю, что и делать.

– Не волнуйся, брат! – успокаивал его Боцзюэ. – Сам прикинь. Невестка скончалась семнадцатого, так? Пятая седмица продлится, стало быть, до двадцать первого. Восемнадцатого прием устроишь, а панихиду по невестке отслужить и двадцатого будет не поздно.

– А ты ведь прав, – согласился Симэнь. – Тогда я сейчас же pošлю слугу к настоятелю и велю отложить панихиду.

– Я тебе, брат, вот что еще хочу посоветовать, – продолжал Боцзюэ. – Его преосвященство Хуан высочайшим эдиктом направляется в округ Тайань для возжигания благовоний на горе Тай и совершения большого семидневного моления звездам о плодородии. Пока его преосвященство остановились в монастыре, тебе, брат, следовало бы попросить настоятеля У пригласить его совершить панихиду. Прибытие священнослужителя столь высокого сана тоже,

по-моему, поднимет твой престиж.

– Из приглашения его преосвященства, конечно, можно извлечь выгоду, – отвечал Симэнь, – но и без синклита из двадцати четырех монахов не обойтись. Только они отслужат панихиду и всенощную как полагается. Нельзя забывать, настоятель У прислал мне тогда подношения и жертвенные предметы, а во время выноса он же по моей просьбе освятил портрет. Его послушники сопровождали гроб. Так что я должен отблагодарить его за усердие – пригласить свершить заупокойную службу. А появление его преосвященства поставит отца настоятеля в неловкое положение.

– Пусть всю службу отправляет настоятель, – говорил Боцзюэ. – А потом попроси его пригласить его преосвященство только для совершения торжественной литургии и таинства. Тебе, конечно, придется немного потратиться, но чего не сделаешь ради моей дражайшей невестки!

Симэнь позвал Чэнь Цзинци и велел ему написать визитную карточку настоятелю У с просьбою пригласить Его преосвященство истинносущего Хуана в сопровождении двадцати четырех послушников и перенести панихиду на двадцатое. Для совершения предусмотренного обряда отпущения грехов покойной и препровождения души чрез огни и воды на небо, как значилось в послании, Симэнь распорядился прибавить пять лянов серебра и наказал Дайаню немедленно седлать коня.

Симэнь проводил Боцзюэ и направился в дальние покои.

– Жена приказчика Бэня подарки принесла, – сказала ему Юэнян. – Они дочь Чжанцзе замуж выдают.

– За кого же? – спросил Симэнь.

Жена Бэнь Дичуаня была в голубой кофте, белой шелковой юбке и темной атласной накидке, а ее дочь – в ярко-красной атласной кофте и желтой шелковой юбке. Ее прическу украшали цветы. Они отвесили Симэню четыре земных поклона.

– Да я и сама не знала за кого, – отвечала Юэнян. – Господину Ся, оказывается, приглянулась. Вчера состоялся уговор, а на двадцать четвертое свадьбу назначили. Он и дал всего тридцать лянов. А барышня вон как выровнялась! Вроде недавно видала, а теперь и не узнаешь. В пятнадцать лет ей все семнадцать дашь.

– Он мне как-то на пиру говорил, – вспомнил Симэнь. – Хочу, говорит, двух барышень взять, пению и музыке обучить. Не думал, что о твоей дочке речь шла.

Симэнь велел Юэнян угостить мать с дочерью чаем. Немного

погода к столу вышли Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь, Сунь Сюээ и дочь Симэня.

Симэнь и Юэнян поднесли невесте кофту с юбкой из тяжелого шелку и лян серебра, Ли Цзяоэр и остальные подарили ей кто головные украшения, кто платок, одни румяна, другие пудру.

Под вечер из монастыря воротился Дайань.

– Отец настоятель серебро принял, – докладывал он. – Обещал все исполнить как полагается. А его преосвященство Хуан только после двадцатого возвращаются в столицу. Так что девятнадцатого все придут сооружать алтарь.

На другой день Симэнь наказал поварам тщательно готовиться к приему. У главных ворот была сооружена переливавшаяся всеми цветами семярусная пагода, обтянутая шелками, а перед залой – пятиярусная.

Семнадцатого цензор Сун прислал двоих чиновных лиц проверить, как идут приготовления.

Перед приемной залой красовался огромный экран с павлином, на полу лежали узорные ковры, на столах – роскошные скатерти, а на креслах – вышитые тюфяки. Большой стол для главнокомандующего Лу ломился от редчайших яств и деликатесов, разложенных с отменным вкусом в огромных блюдах и чашах. Было тут чем насладиться, да и поглядеть чего стоило. Рядом стояли столы поменьше – для военного губернатора и цензора. По обе стороны в ряд располагались столы для чинов инспекторских управлений, а далее – для остальных чиновников областных управлений. Под навесами по обе стороны были расставлены обыкновенные столы. После осмотра Симэнь угостил чиновников чаем, и они отбыли.

На другой день военный губернатор и цензор во главе с большой свитой чиновной и военной знати еще утром прибыли на пристань для торжественной встречи корабля с главнокомандующим Лу Хуаном. Высоко на ветру развевалось желтое знамя с надписью: «Его Величества посол». Впереди с благоговением несли императорские эдикты, за ними – местные указы. Далее в полном боевом облачении – латах и шлемах – шествовали начальники гарнизонов, военные коменданты, командующие ополчением и правители уголовных управ. Над ними реяли голубые знамена, сверкали парадные секиры и копья с кистями. Процессия растянулась на несколько ли. Главнокомандующий Лу, облаченный в ярко-красный халат из узорной парчи с драконами, восседал в роскошном теплом паланкине, который несли восемь человек. Верх паланкина был выделан из

серебра, над ним опускался коричневый зонт. За паланкином следовала бесчисленная свита знатных лиц, гарцевавших верхами. Холеные кони громко ржали. Пышная процессия, напоминавшая дорогой пестрый ковер, двигалась под барабанный бой и духовую музыку по посыпанной желтым песком дороге. Не слышно было ни лая собак, ни пенья петухов. Исчезли куда-то и путники – сборщики хвороста и дровосеки.

Процессия миновала окружной центр Дунпин и вошла в Цинхэ. Уездные чиновники, тесня друг друга, опускались на колени у обочины дороги и так приветствовали высокое лицо. Вестовые громкими криками возвещали о приближении государева посла. Когда процессия поравнялась с домом Симэнь Цина, грянула музыка, потрясшая небеса. По обе стороны плотными рядами шли стражники в темных одеждах, заслонявшие собою знатных особ. Симэнь, в темном парадном платье и чиновничьей шапке, долго стоял у ворот с почтительно сложенными на груди руками. Стража, наконец, прошла.

Главкомандующий Лу вышел из паланкина. За ним в приемную залу проследовал военный губернатор и цензор во главе целой свиты лиц чиновного звания разных рангов. В зале гостей опять встретили нежной музыкой – запели небесные свирели и волшебные цитры. Первыми представились главнокомандующему военный губернатор Шаньдуна Хоу Мэн и цензор Сун Цюянь. Лу Хуан приветствовал их поклоном. За ними представились левый губернатор Шаньдуна Гун Гун и его левый помощник Хэ Цигао, правый губернатор Чэнь Сычжэнь и его правый помощник Цзи Кань, левый советник Фэн Тингу и правый советник Ван Боянь, судебный инспектор Чжао Нэ, экзаменационный инспектор Хань Вэньгуан, инспектор просвещения Чэнь Чжэнхуэй и военный инспектор Лэй Циюань. Лу Хуан приветствовал их едва заметным кивком головы. За ними представились правители восьми округов – Сюй Сун из Дунчана, Ху Шивэнь из Дунпина, Лин Юньи из Яньчжоу, Хань Банци из Сюйчжоу, Чжан Шуе из Цзинани, Ван Шици из Цинчжоу, Хуан Цзя из Дэнчжоу и Е Цянь из Цайчжоу. Лу Хуан приветствовал их всего лишь сложением рук. Когда же перед главнокомандующим предстали командующий пограничными войсками,^[1104] военный комендант, командующий ополчением и прочие военные чины, он на них даже внимания не обратил. Чиновные мужи вышли после представления наружу. Потом Симэнь Цин и судебный надзиратель Ся с поклонами вынесли чай. Военный губернатор Хоу и цензор Сун поспешили им навстречу и собственноручно поднесли прибор главнокомандующему,

чей головной убор украшали золотая булавка и кисти. Внизу заиграла музыка. Потом губернатор с цензором почтительно поднесли Лу Хуану нефритовую чару вина.

Высокий гость занял почетное место, военный губернатор с цензором разместились за столом пониже, остальные же титулованные гости и Симэнь расселись в соответствии со званием и рангом. Ведущий из труппы казенных актеров протянул перечень исполняемых номеров. Заиграла музыка, и перед гостями выступили певцы и танцоры. Оркестр отличался высокой сыгранностью, танцоры покоряли яркостью костюмов и четкостью движений. Во время пира был сыгран акт из пьесы «Пэй Цзиньский князь возвращает пояс».^[1105] Когда актеры удалились, повара подали блюда из жареной оленины и свинины, изысканнейшие соусы и подливки, редчайшие супы, рис и деликатесы. Появились четыре певца и под аккомпанемент цитры и лютни приятными голосами запели из цикла нань-люй^[1106] «Ветка цветов»:

Опора государя ты и око,
За то тебя он жалует высоко.
Деяниями гордыми твоими
Твое потомки славить будут имя.
Поддержка слабым, бедствующим, сырым,
Защитник царства, ты приходишь с миром.
В поступках справедлив и человечен,
На службе ты ретив и безупречен.
Всегда высокомудр, самоотвержен,
Ты пользе государственной привержен
И облегчить стремишься людям гнет,
Быть неподкупным, просвещать народ.

Актеры кончили петь. Не успели еще подать и вторые блюда, а музыканты и актеры уж трижды услаждали пировавших. Сопровождающие Лу Хуана лица ждали внизу, и цензор Сун послал двух чиновников окружных управлений, чтобы те составили им компанию за столами под навесами. Командующий войсками, военный комендант и прочие военные чины вместе с Симэнем пировали отдельно.

Главкомандующий распорядился подать десять лянов серебра и, наградив ими поваров и актеров, приказал готовить паланкин. Высокого гостя пытались было уговорить задержаться еще немного, но безуспешно. Все высыпали на улицу проводить Лу Хуана. Грянула

музыка. Послышались громкие крики стражи, очищавшей путь следования высокого сановника от толпы зевак. Выстроились рядами кони и экипажи. Чиновные лица вскочили на коней, намереваясь проводить Лу Хуана, но он того не пожелал и, подняв руку, сел в паланкин. Военный губернатор Хоу и цензор Сун все же наказали коменданту отрядить телохранителей для сопровождения свиты на корабль. Деликатесы, вино и утварь были отправлены на корабль вместе с перечнем и преподнесены главнокомандующему собственноручно правителем Дунпина Ху Шивэнем и воеводой Чжоу Сю.

– Прямо-таки не знаем, как вас и благодарить! – говорили подошедшие к столу военный губернатор Хоу и цензор Сун, обращаясь к Симэню. – Столько мы вам забот доставили! Если вам не хватило собранного серебра, мы восполним затраты. Примите нашу самую глубокую признательность и сердечную благодарность за нынешний прием.

– Что вы, господа! – Симэнь поспешно отвесил земной поклон. – Это мне следует благодарить вас за высокую честь, оказанную мне, недостойному, и за дорогие подношения, присланные накануне. Я счастлив, господа! Только покорнейше прошу меня простить за скромный прием в сем убогом жилище. Боюсь, не угодил я высоким гостям.

Цензор Сун еще раз поблагодарил хозяина и велел своим слугам готовить паланкин. Он и военный губернатор Хоу встали и начали откланиваться, за ними поднялись чины инспекторских и областных управлений. Столы сразу опустели. Вернувшись в залу, Симэнь распорядился угостить казенных актеров, и их отпустили. Оставлены были только четверо актеров. Столы, расположенные вне залы, были убраны слугами тех, кто за ними пировал, но не о том пойдет речь.

Было еще рано, и Симэнь велел слугам накрыть четыре стола. Все они ломились от яств. Были приглашены шурин У Старший, Ин Боцзюэ, Се Сидя, сюцай Вэнь, приказчики Фу Цзысинь, Гань Чушэнь, Хань Даого, Бэнь Дичуань и Цуй Бэнь, а также зять Чэнь Цзинци. Большинство из них встали с зарею и крепко потрудились за день. Вскоре все сели за столы. Шурин У Старший, сюцай Вэнь, Ин Боцзюэ и Се Сидя заняли почетные места, Симэнь сел за хозяина. Приказчики расположились по обеим сторонам. Подали вино.

– Досталось тебе, брат, нынче, а? – начал Боцзюэ. – Его превосходительство Лу доволен остался? Долго пировал?

– Его превосходительство всем остались вполне довольны, –

отвечал Хань Даого. – А их сиятельства губернатор и цензор потом в благодарностях рассыпались.

– Ну, а кто бы еще в наших краях такое пиршество мог устроить? – говорил Боцзюэ. – Да никто! Не найдешь больше таких палат, это во-первых. А потом, к кому столько знати съедется? Принять больше тысячи – шутка ли? Да, брат, пришлось тебе потряхнуть мошной! Зато на весь Шаньдун слава.

– А среди гостей и мой почтенный наставник был, – заметил сючай Вэнь. – Господин Чэнь, инспектор просвещения. – Это который же? – спросил Симэнь.

– А Чэнь Чжэнхуэй, – пояснил сючай. – Его родитель, почтенный Чэнь Ляовэн, служил прокурором. Учитель Чэнь – уроженец уездного центра Цзюаньчэн в Хэнани. В двадцать девятый год жэнь-чэнь,^[1107] восемнадцати лет от роду, императорский экзамен выдержал и получил звание цзиньши. Инспектором теперь служит. Огромной учености человек.

– Ему, стало быть, теперь всего лишь двадцать четвертый год идет, – сказал Симэнь.

Подали супы и рис. После угощения Симэнь позвал четверых актеров.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Меня – Чжоу Цай, а их Лян До, Ма Чжэнь и Хань Би, – отрекомендовался певец.

– Ты, часом, не брат Хань Цзиньчуань? – поинтересовался Боцзюэ.

– Цзиньчуань и Юйчуань – мои сестры, – отвечал Хань Би, встав на колени.

– Вас накормили? – спросил Симэнь.

– Только что, – ответил Чжоу Цай.

Симэнь еще во время пира вдруг загрузил, вспомнив, что с ним нет Пиньэр.

– Спойте-ка «Цветы в Лоянском парке^[1108]», – велел он. – Знаете?

– Мы с Чжоу Цаем споем, – опустившись на колени, сказал Хань Би.

Они настроили цитру и лютню, ударили в кастаньеты и запели на мотив «Ликут небеса»:

Цветы в Лоянском парке
Всю ночь освещены,
Сияет месяц яркий,
Глаза любви полны.
Купи скорее эти
Чудесные цветы,
У неба ясный месяц
Займи на время ты.
Душиста балюстрада,
Искриста и цветна,
Гуляет месяц праздно,
Вино допив до дна.
Но вдруг исчез проказник,
Опали лепестки,
Прощай, подлунный праздник,
Прими, юдоль тоски.
Цветы и месяц разве
Расстались навсегда?
Минуты счастья ради
Мне горевать года!
А осень бесконечна,
Разлука тяжела,
Любовь бесчеловечна, –
Зачем она ушла?!

Певцы умолкли, и Ин Боцзюэ заметил на глазах Симэня слезы.

– Только мне, брат, понятно твое состояние, – говорил Боцзюэ. – Я-то тебя знаю. Ты ведь вспомнил мою покойную невестку. Как же не грустить? Вы жили неразлучно, как два цветка на ветке, как пара уток неразлучных.

– Легко тебе говорить! – отвечал Симэнь, глядя на подаваемые сладости. – Будь она жива, все бы своими руками приготовила. А теперь вон служанки варганят. Сам погляди, на что похоже. Я в рот брать брезгую.

– Судя по богатству и изысканности блюд, – вставил сюцай Вэнь, – вам, милостивый батюшка, по-моему, жаловаться не приходится, –

Тебе, брат, конечно, тяжело, – продолжал Боцзюэ, – но ты не прав. Нельзя остальных невесток так обижать. Их разговор подслушала из-за ширмы Цзиньлянь и все передала Юэнян.

– Пусть его болтает! – отвечала хозяйка. – Ему не закажешь. Она ведь еще при жизни наказывала Сючунь сестрице Ли отдать, а стоило мне только напомнить, как он от злости глаза вытаращил. Не успела, мол, умереть, а вы уж служанок раздавать. Я теперь молчу. Ты не заметила, как кормилица себя стала вести, а с ней и обе горничные? Но мне слова нельзя сказать. Сразу упрекнут: во все, дескать, вмешиваешься.

– Да я и сама вижу, как Жуи изменилась, – вторила хозяйке Цзиньлянь. – Наверняка наш бесстыжий с ней спутался. Он ведь целыми днями там ошивается. Мне говорила, он ей шпильки покойной сестрицы поднес, а она их сейчас же нацепила и ходит, всем хвалится.

– Бобы, чем ни приправляй, все одно бобы, – сказала Юэнян.

Не по душе обеим им было поведение кормилицы Жуи.

Да,

Благие перемены в ней,

как видно, вовсе неспроста,

Ведь и пион-цветок пышней

лишь на ухоженных кустах.

Тому свидетельством стихи:

Пронесется воды за башней Сян-вана,^[1109]

Обоих снедает тоска неустанно.

Но стен белизну озаряет луна,

Не ведает горя людского она.

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

**ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ
ДВОРЕЦКИЙ ЧЖАЙ ПРИСЫЛАЕТ
СИМЭНЬ ЦИНУ ПОСЛАНИЕ С
ПОЖЕРТВОВАНИЕМ НА
ПОХОРОНЫ**

**ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВО ХУАН,
СВЕРШАЯ ПАНИХИДУ,
МОЛИТСЯ ОБ ОТПУЩЕНИИ
ГРЕХОВ УСОПШЕЙ И О
ПРОВОЖДЕНИИ ДУШИ ЕЕ НА
НЕБО**

*Чередую, одно за другим,
восемь окон сначала открылось.
По ступеням террасы затем
фея в пышном наряде спустилась.
И внезапно пахнуло весной –
пробудилась у терема ива,
И повсюду в горах зацвела
белоснежная зимняя слива...
В темном небе луна поднялась,
колыхнулись цветочные тени,
И явилась любимая мне
вместе с шелестом чутких растений.
Перед нами согласья парчу
фея дивная вдруг расстелила,*

*Сшить нам яркий весенний наряд
тут же духу Весны^[1110] поручила.*

Так вот, в тот день на пиру с шурином У Старшим, Боцзюэ и остальными Симэнь спросил Хань Даого:

– Так когда же отплывают купеческие корабли? Надо бы загодя товар упаковать.

– Вчера узнавал, – отвечал Даого. – Сказали, двадцать четвертого отчаливают.

– Тогда после панихиды упакуем, – заключил Симэнь.

– Кого ж пошлешь? – поинтересовался Боцзюэ.

– Все трое поедут, – сказал Симэнь. – В будущем году отправлю Цуй Бэня за партией товаров в Ханчжоу. А вот он, – Симэнь указал на Хань Даого, – и Лайбао поедут в Сунцзян и прилегающие города за холстом. Парча и шелка у нас пока есть.

– И все-то у тебя, брат, ну до самых мелочей предусмотрено, – восхищался Боцзюэ. – А торговля тогда только и процветает, когда на всякий спрос готово предложение.

Время подходило к первой ночной страже, и шурин У Старший встал.

– Мы выпили предостаточно, – говорил он. – И тебе, зятюшка, тоже пора отдохнуть. За день порядком досталось. Так что разреши проститься.

Но Симэнь никак не хотел его отпускать и велел актерам спеть, а каждому выпить по три чарки. Только после этого гости разошлись. Симэнь наградил четверых актеров шестью цянями серебра, но те стали отказываться.

– Мы не можем принять такое щедрое вознаграждение вашего превосходительства, – объясняли они. – Ведь мы пели по долгу службы, по приказу его сиятельства Суна.

– Да чего вы боитесь? – возражал Симэнь. – Я желаю вас наградить, причем же тут приказ?

Актеры наконец приняли серебро и отвесили хозяину земные поклоны, но не о том пойдет речь.

Симэнь пошел на ночлег в задние покои, а на другой день с утра отправился в управу. Между тем отец У, настоятель монастыря Нефритового владыки, прислал двух мастеровых с послушником для сооружения в приемной зале алтаря с престолом.

На верхнем ярусе престола располагались Трое пречистых.^[1111] и

Четверо владычествующих^[1112] На среднем ярусе возвышался Досточтимый Небесный повелитель, дух-спаситель от бед и напастей, дух звезды Тайи.^[1113] По одну сторону от него размещались духи Восточного пика,^[1114] по другую – духи ада Фэнду.^[1115] Нижний ярус занимали князья десяти дворцов преисподней и правители девяти подземных бездн,^[1116] чины адских судилищ, надзиратели алтаря,^[1117] два предводителя Волшебного тигра,^[1118] четыре великих небесных господина – Хань, Лю, У и Лу,^[1119] Владычица великой тьмы,^[1120] Семеро истинносуших,^[1121] Яшмовая дева, семнадцать божественных воевод, призывающих светлые и темные души усопших^[1122] в загробное царство. Алтарь и престол были убраны как полагается. Ярko мерцали стоявшие рядами узорные свечи. Из курильниц струился славный лилейный аромат, кругом возвышались траурные хоругви со стягом усопшей в центре, стоял аналой. Опускались расшитые золотом шторы, красовался ритуальный барабан. Престол был обтянут узорною парчой с вышитым на ней парящим в облаках журавлем.

Вернувшись домой, Симэнь оглядел алтарь с престолом и остался крайне доволен. Послушника и мастеровых покормили, и они вернулись в монастырь. Симэнь между тем распорядился, чтобы сюцай Вэнь написал приглашения свату Цяо, шуринам У Старшему, У Второму, Хуа Старшему и Мэну Второму, а также свояку Шэню, Ин Боцзюэ, Се Сиды, Чан Шицзе, У Шуньчэню и множеству других родных и близких с их женами. Панихида должна была совершаться на другой день, и слуги с поварами хлопотали, не зная покоя, готовя угощения и жертвенную снедь, но не о том пойдет речь.

На другой день в пятую ночную стражу, на заре, даосские монахи миновали городские ворота. Пройдя прямо к алтарю, они зажгли свечи и после омовения рук воскурили благовония. Под удары в барабан и цимбалы начали чтение канонов и возглашение акафистов из «Нефритовых строк о рождении духа».^[1123]

Над воротами развевался огромный стяг. Тут же висело траурное уведомление. К обеим створкам были прикреплены надписи на желтой бумаге. Крупные знаки по одну сторону гласили:

Утром милость яви, Стерегающий Восток,^[1124]

Укажи путь к бессмертью в Пурпурный Чертог.^[1125]

Параллельная надпись по другую сторону зывала:

Управляющий Югом,^[1126] избавь от грехов.

Дай добраться душе до Багряных холмов.^[1127]

В уведомлении было сказано следующее:

«Верноподданный Великой Сунской Империи, житель сей улицы в уездном центре Цинхэ, области Дунпин провинции Шаньдун, облаченный в траур ревнитель веры даосской Симэнь Цин вместе с семьей и домочадцами сего дня с благоговением возносит молитву Милосердному Творцу. Пав ниц, молюсь пред дщицею души усопшей младшей жены, урожденной Ли. Жития ее было двадцать семь лет. Родилась в полуденный час под знаком „у“ пятнадцатого дня в первой луне восьмого года синь-вэй, скончалась в послеполуночный час под знаком „чоу“ семнадцатого дня в девятой луне седьмого года в правление под девизом Порядка и Гармонии.

Мы, в браке состоя, наслаждались супружеским согласием, но, увы, покинула феникса подруга. Смолк слаженный дуэт арфы и цитры, и холодный месяц освещает ныне опустевшие покои. Как тяжело свершать заупокойные обряды! Голос и образ ее день ото дня отдаляются, меркнут. А время бежит, и вот уж пять седмиц прошло с ее кончины. Дабы избавить душу усопшей от загробных мук, нынче, двадцатого дня, мы, погруженные в глубокий траур, пригласили к себе наставников веры даосской и почтительно просим предстать пред алтарем и вознести молитву искреннюю и чистосердечную об отпущении грехов новопреставленной души.

С трепетом раскрываем нефритовые страницы Священного Писания и, творя акафисты из «Драгоценного образца рождения духа в девяти переворотах», осмеливаемся подать письменное прошение. Встретьте колесницу, запряженную львами, и явите милость — золотым светильником уничтожьте мрак и указом высочайшим в драконьей строке^[1128] грехи усопшей отпустите, избавьте от адских мук, выведите из темной ночи через узорный мост и в обитель лазурную вознесите, где раздастся мелодичный звон яшмы, обильны яства и утренние росы, где сподобится она обрести истину.

Пав ниц пред нефритовыми ступенями, умоляем явить милосердие — снизойти из Синего дворца,^[1129] дабы наставить всех нас на путь человеколюбия, сострадания и взаимной поддержки, а душу усопшей ввести в обитель безмятежной жизни, в небесную страну наивысшего блаженства.

Мы, родные, опечаленные тяжелой утратой, ждем благовеста и призываем всех близких молиться вместе с нами, принести жертвы и уверовать в торжество добра, о чем и составлено сие уведомление.

Год правления под девизом Порядка и Гармонии, такой-то день такой-то луны.

Службу совершает Его Преосвященство Хуан Юаньбо,

Хранитель «Канонических реестров из Великой Пещеры в небесном

царствии Высшей Чистоты»,^[1130]

Придворный из Золотых чертогов^[1131] девятирусного неба,
Высокий судия Нефритовой управы духов на вершине небосвода,
Служитель Палаты громов,
Высокий иерарх почтенной веры, открытой и сокровенной,
таинственной и очищающей,
Духа Тайи наместник на земле,
При августейшем алтаре ритуальных гонгов надзиратель,
По совместительству управляющий делами даосской церкви в
Поднебесной».

Над алтарем в зале висела надпись. Крупные знаки гласили:

«Творя молитвы, амулеты составляя,
Владыку просим в пятую седмицу:
Дух сквозь огонь и воду претворяя,
Спаси и дай ему освободиться!»

Его преосвященство истинносуший Хуан, препоясанный золотым поясом, в ярко-красной рясе, прибыл с восходом солнца в отделанном слоновой костью паланкине. Его сопровождала свита монахов и послушников. Сопровождающие окриками разгоняли зевак. Настоятель У с монахами встретил его преосвященство и проводил к алтарю, где они обменялись приветствиями. Тут им представился, отвешивая поклоны, Симэнь в траурном платье и шапке и поднес чай.

Около алтаря были поставлены аналой и жертвенный стол, покрытый ярко-красным покрывалом с золотыми узорами. Рядом размещались накрытые узорными тюфяками кресла, около которых стояли два молодых послушника.

Пока его преосвященство, в перевязанном черным флером клобуке, украшенной звездами ярко-красной рясе и черных сандалиях, читал молитвенное обращение к духам, Симэнь преподнес кусок отделанного золотом атласа.

Прежде чем предстать пред алтарем для совершения торжественной службы, его преосвященство облачился в расшитую золотыми облаками и белыми журавлями ярко-красную рясу с широкими рукавами, надел красный, как солнце, подобный грому и молнии даосский клобук, обулся в красные узорные сандалии, поверх которых виднелись белые шелковые чулки.

Поодаль от алтаря был сооружен жертвенник духам Неба и Земли, прикрываемый сверху двумя золотыми зонтами. Рядом стояли Золотой отрок, воскуряющий благовония, и Яшмовая дева, разбрасывающая

цветы. Высоко вздымались стяги и бунчуки. Жертвенник охраняли Святые полководцы надзиратели алтаря. Держали грамоты посланцы трех миров.^[1132] Тут были Небесные дежурные по четырем делениям времени,^[1133] духи городских стен и околотка, земли и местности.^[1134] Словом, все было предусмотрено.

На столе благовоний совершающий службу его преосвященство расставил пять атрибутов: сигнальный знак Небесного владыки, вызывающий гром черный бунчук, нефритовый аршин небесного воеводы Тяньпэна,^[1135] инкрустированный семью звездами Северного Ковша драгоценный меч^[1136] и ритуальную чашу с водой святою. После чтения молитвы монахи совершили омовение рук и воскурили благовония.

Началась ектенья, во время коей двое монахов с кадилами совершили три поклона и призывали духов. Затем, когда по велению его преосвященства были зажжены благовонные палочки, очищен и освящен алтарь, раскрывались талисманы и читались всевозможные призывные заклинания. В обращении к трем небесам^[1137] и десяти землям^[1138] трижды предлагалось принять жертвы. Заиграла музыка, и при курении фимиама были преданы огню жертвенные деньги.

Симэнь и Чэнь Цзинцзи с курильницами в руках, сопровождаемые воинами, разгонявшими зевак, последовали за священнослужителями. Перед ними и сзади несли четыре отделанных золотом зонта, каждый из которых украшали три пары кистей. У ворот стояли облаченные в траур родные. Шатер для одинокой души был воздвигнут на улице. Перед ним стояли блюда с рисом и жертвенной снедью. Их охраняли четверо солдат. Воскулив благовония, шествие вернулось к алтарю. Опять звали духов вкусить жертвы, а потом собравшихся пригласили в крытую галерею, где была устроена трапеза. Родные и друзья, соседи и приказчики тянулись с пожертвованиями нескончаемым потоком. Симэнь велел Дайаню с Ван Цзином регистрировать посетителей. По окончании трапезы им вручали ответные знаки внимания.

Утром же молились о священном единении трех сокровищ веры, произносили заклинания о разверстии адских темниц и звали усопшую. Снова заиграла музыка, и все проследовали к дщице Ли Пиньэр и опять призывали ее светлую душу, припадая к нефритовым ступеням пред образом Небесного владыки, потом у аналая вслушивались в канон и постигали дао. Его преосвященство тем временем, взойдя на возвышение, читал акафист из «Нефритовых строк о рождении духа в девяти небесах» и возжигал благовония перед духом Тайи, Великим владыкой Восточного пика, духами ада Фэнду, и

князьями десяти дворцов преисподней. Затем его как ветром унесло.

В обед его преосвященство в торжественном облачении, ступая по звездам, подал начертанный киноварью доклад Нефритовому владыке и, достигнув Синего дворца Восточного предела, направил божественных воевод в стольный град преисподней Лофэн.^[1139]

Его преосвященству истинносущему Хуану, надобно сказать, на вид было лет тридцать. Выглядел он необычно, а когда совершал панихиду, казался снизошедшим с небес бессмертным. Словом, он олицетворял собою истинное совершенство.

Только поглядите:

На звездной короне гирлянда нефритовых листьев, из журавлиных перьев ряса расшита золотой зарей. Божественно чист, словно месяц, в Янцзы отраженный. Ликом на древних похож, точно сосна вековая с Великой горы Тайхуа^[1140]. Он шагает по звездам Северного Ковша, и его красные туфли вступают на киноварь вечернего неба. Он меряет шагом заоблачную пустоту, и его драгоценные папки с даосским каноном испускают благовещий дух. Широкоскулый, с длинной бородою, подвигом он достиг Внечувственного неба^[1141]. У него зубы-перлы и пронизательный взор. На нем висит могучий талисман, повелевающий пятью громами^[1142]. Он – обитатель трех морских и десяти речных бессмертья островов, способный достигать счастливых мест, где путь открыт на небо. Он воспаряет духом и блуждает в выси, питается росой и туманом и безмятежно поклоняется Всевышнему. В ночную третью стражу ступает на луну и вдаль уносится клекочущим фениксом. Он ввысь взмывает на десятки тысяч ли, куда его несет заоблачный журавль. Да, это небожителей бессмертных посланец, снизошедший в бренный мир, истинносущий, бесконечно милосердный, нам оказавший честь прибытием своим.

После подачи доклада Нефритовому владыке к алтарю приблизился настоятель У. Он начал оглашать «Драгоценный реестр о возрождении душ на небесах»,^[1143] потом перешел к «Вырезанному на нефрите чудесному предписанию для Волшебного тигра».^[1144]

После воскурения полуденного фимиама все прошли в крытую галерею и сели за трапезу. Стол его преосвященства истинносущего Хуана ломился от яств. Немного поскромнее выглядели стоявшие чуть пониже столы, за которыми разместились настоятель У и монастырские монахи. Остальным подавали обыкновенные блюда. Симэнь преподнес его преосвященству и настоятелю по отрезу атласа, по четыре комплекта халатного хлопка и по четыре куска шелка.

Остальные монахи получили по куску полотна каждый. Носильщикам было велено отнести в монастырь закуски и снесь. Подарки монахов убрали к себе в корзинки их послушники, но говорить об этом подробно нет надобности.

После обеда монахи поблагодарили хозяина и вышли на прогулку в сад, где в беседках и гротах их ждали расставленные сладости и деликатесы.

Тем временем столы были накрыты заново. Угощали приглашенных шурина У Старшего и остальных родственников, а также друзей и приказчиков.

Пока они сидели за столами, объявили о прибытии столичного гонца от дворецкого Чжая. Симэнь поспешил в приемную залу и велел просить гонца. Им оказался один из посыльных его превосходительства Цай Цзина. В четырехугольной шапке, темной куртке и заправленных в желтые сапоги узких штанах, гонец предстал перед Симэнем в полном облачении и, отвесив поклон, протянул посланье с десятью лянмами серебра на похороны. Симэнь приветствовал гонца поклоном и спросил, как его зовут.

— Меня зовут Ван Юй, — отвечал гонец. — Батюшка Чжай поручил мне доставить это послание и просил извинения, что не слышал о постигшем вас горе, о котором недавно узнал из письма его сиятельства Аня.

— Давно было получено письмо от его сиятельства? — поинтересовался Симэнь.

— В десятой луне, — отвечал гонец. — Его сиятельство Ань целый год инспектировал перевозки строительного леса для императорских построек, а по истечении срока службы был назначен начальником ведомства водного хозяйства и в настоящее время по высочайшему указу обследует речные пути, так что в столицу вернется по завершении обследования.

Симэнь расспросил посыльного и велел Лайбао угостить его во флигеле.

— Завтра придешь за ответом, — сказал в заключение Симэнь.

— Не скажите ли, где проживает почтенный господин Хань? — спросил гонец. — У меня к нему письмо. Мне еще предстоит доставить пакет в Дунпинское управление.

Симэнь кликнул Хань Даого и велел ему составить компанию столичному посыльному. После угощения они вместе отправились домой к Хань Даого.

Симэнь Цин между тем распечатал конверт и, уловив смысл

послания Чжай Цяня, бросился на радостях в крытую галерею.

– Ответ составишь в том же стиле, – говорил он, протягивая сюаю Вэню письмо. – Я pošлю ему десяток газовых и десяток шелковых платков, десять пар зубочисток в золотой оправе и десять золоченых чарок. За ответом завтра придут.

Сюацй Вэнь взял письмо и начал читать.

Письмо гласило:

«От свата Чжай Цяня из столицы с нижайшим поклоном вручить Достопочтенному свату, лейб-гвардии командиру Симэнь Сыццюаню.

После свиданья в столице не представилось случая снова лицезреть Вас и беседовать с Вами, о чем глубоко сожалею.

Ваше желание я, Ваш ученик, довел до сведения его превосходительства во всех подробностях и деталях. Недавно из письма Ань Фэншаня узнал о постигшем вас тяжелом горе – кончине супруги. Увы, прискорбно, что не смог вовремя выразить Вам глубокое соболезнование, а посему покорнейше прошу меня простить. Сколь тяжкое испытание выпало на вашу долю! Искренне надеюсь, что Вы найдете в себе мужество превозмочь великую скорбь. Примите, умоляю Вас, мое скромное пожертвование на сей печальный случай, и пусть послужит оно выражением моего сочувствия, идущего от самой глубины сердца.

Рад узнать, что высоким сознанием долга и добродетельным служением своим Вы снискали поистине всеобщее почтение и народ за заслуги Ваши возносит Вам хвалу. В этом году после завершения прокурорского надзора предполагается ряд должностных перемещений. В связи с успешным окончанием перевозок мрамора и леса Его Величеству были поданы доклады, куда его превосходительство по моей просьбе внес и Ваше имя. Так что с появлением высочайшего повеления Вы будете вновь осчастливлены милостями Государя и получите пост старшего надзирателя. А господин Ся по истечении срока будет переведен в столицу и займет пост в эскорте телохранителей Его Величества, о чем и спешу Вас, сватушка, заблаговременно известить и чем надеюсь порадовать.

Предупреждаю. Письмо сие сугубо доверительное и огласке ни в коем случае не подлежит. Храните в тайне!!!

В заключение сообщаю, что в прошлом месяце двадцать девятого дня скончался в заточении его превосходительство Ян.^[1145]

Писано в первой декаде десятой луны».

Сюацй Вэнь дочитал письмо и хотел было спрятать в рукав, но его пожелал почитать Ин Боцзюэ.

– Постарайся, почтеннейший, когда ответ писать будешь, – говорил

он сюцаю, протягивая письмо. – А то у господина Чжая люди образованные служат, смеяться будут.

– Что поделаешь?! – вздохнул Вэнь. – Когда нет соболя, и собачий хвост в дело идет. Куда уж мне, бесталанному, играть топором перед домом Лу Баня.^[1146] Я лишь исполню как могу свой долг.

– Почтенный учитель и без тебя, сукин сын, знает, как писать! – вставил Симэнь.

После полуденной трапезы Симэнь велел Лайсину отнести постные кушанья родным и соседям, но не о том пойдет речь. Дайань отвез почтившим память Пиньэр певицам Ли Гуйцзе, У Иньэр, Чжэн Айюэ, Хань Цзиньчуань, Хун Четвертой и Ци Сян по куску полотна и лянсу серебра. После обеда позвали певцов Ли Мина, У Хуэя и Чжэн Фэна.

Наконец к алтарю подошли монахи. Ударили в барабан, и священнослужители, обратя взоры к небесам, начали ектенью с зажженными светильниками, сопровождая ее принесением жертв духам. Близился вечер. Торжественная служба завершилась к началу первой ночной стражи.

Живущему за городскими воротами шурина У Старшему, удержанному Симэнем, пришлось остаться, а сват Цяо, свояк Шэнь и шурин Мэн Второй откланялись и ушли.

Шурины У Старший и У Второй, Ин Боцзюэ, Се Сиды, сюцай Вэнь, Чан Шицзе и приказчики присутствовали на молитве об отпущении грехов усопшей и провождении ее через огни и воды на небо.

В приемной зале на возвышении под шатром были сооружены узорный мост, водоем и геенна огненная. Тут же были расставлены жертвы. Перед дщицей души Ли Пиньэр на покрытых покрывалами столах также красовалась жертвенная снедь, а рядом вздымались траурные стяги: один – души усопшей, другой – красный и третий – желтый. Сверху висела надпись:

«Да избежит душа бесовских козней,
Да обретет бессмертие у Южного дворца^[1147]».

Под удары в цимбалы и барабан монахи уселись в два ряда. У алтаря встали четыре послушника. Один держал в руках бунчук, другой – чашу, третий – меч.

Его преосвященство истинносуший Хуан, в золотой тиаре сокрушения демонов, в шелковой рясе, украшенной багряными облаками, взшел на высокий трон и стал творить молитву. Музыка утихла, и двое с кадилами провозгласили:

«О, снизойди, все милостивый дух Тайи!

Отверзни ад, что мрак безвыходный таит,
Пусть пары отроков, послушные молениям,
Усопшую ведут к заоблачным ступеням.»

Его преосвященство истинносуший Хуан после омовения рук воскурил благовония и начал читать:

«Падаем ниц пред Таинственным императором,^[1148] дабы наставил в вере и милосердно отпустил грехи попавшим в царство тьмы.

Небесный наставник Праведного единства^[1149] завещал: очисти тело твое и воспрянешь к жизни бессмертной. Дабы снизошла благодать на заблудших во грехах и утолились жаждущие, и насытились алчущие, мы с благоговением воскуряем аромат и с открытою душой молимся государю Высшей Чистоты.

Милосерднейший человеколюбец владыка Восточного предела, внемли нашему голосу и не покинь нас. Досточтимый небесный повелитель, спаситель от бед и напастей, дух звезды Тайи; Высший владыка бездонной сини и Солнца; великие единосушие, спасители всех десяти сторон пространства; бессмертные неба и земли; властители трех миров, совершенномудрые пяти пиков, пятнадцати подводных царств и стольного града Лофэн, пред вами падая ниц, мы благоговейно воскуряем ароматы и молим, снизойдите к алтарю. Склоняясь долу, ждем парящего в небесном просторе львиного трона,^[1150] и ярких, как солнце, драконовых знамен. Устраняет будоражащее беспокойство вино из веток дерева воздушной зелени^[1151] утоляет жажду сладкая роса, а посему мы нынче расставили жертвы и решились направить небесным духам послания.

Правители девяти подземных бездн, отпустите грехи, не судите, не наказуйте. Ведь человек в сем мире суеты только мается, занятый делами повседневными, мирскими, и, не помышляя о часе роковом, всей душою жаждет жизни. Где уж ему сеять добро, когда он предался дурным соблазнам, зачарован ими и не ведает просветленья? Став жертвою алчности и пагубных страстей, он мечтает о вечной жизни. Где ему знать, что смерть уж на пороге и он вот-вот испустит дух? Однажды оборвется все, и грешник на муки будет обречен в Царстве тьмы.

Чтя даосскую веру и падая ниц, мы молимся за усопшую супругу, которая, покинув так внезапно мир суеты, попала в беспросветный мрак. Если не будут прощены ей прегрешенья, терзанья вечные – таков ее удел.

Досточтимый небесный владыка, да прославится имя Твое в мириадах кальп, во веки веков! Да пребудет над нами Твой дух, Солнцу подобный! Да пребудут земли Востока под человеколюбивою властью Твоею! Услышь наш зов! Окропи ее, грешную, сладкою росой и

милосердием Твоим, спаси и сохрани. Благовещим светом озари блуждающую в потемках. К снисхождению призови трех управителей, [1152] вели всем князьям десяти дворцов преисподней грозные указы отложить, врата темниц открыть и узнице даровать свободу. Прости ей заблуждения и грехи, и пусть она, выйдя из темниц, пройдет сквозь огненное горнило, смоет облик увядшего цветка и возродится к жизни вновь, причалив к берегу дао».

Его преосвященство, приступив к освящению жертвенных даров, стал читать из «Канона о пяти кормильцах» [1153] и священные заклинания о пресуществлении пищи.

«Известно, что сначала явило Небо девять пневм, [1154] из коих первым образовался простор воздушный, а потом земная твердь и преисподней девять бездн. Последние суть скопление темной силы инь. А девять пневм подразделились на тьмы вещей, обретших плоть и жизнь. Вот потому-то пневма есть корень неба и земли. Жизнь получает плод в утробе, развитие же происходит под действием трех светоносков: солнца, луны и звезд. Человек потому умирает и гибнет, что не способен свое тело сохранять, беречь свой дух и пневмой дорожить, крепить свой корень и не отступать от истинной первоосновы. Для возвращения к жизни необходимо очистить свое тело под действием великой силы инь и переплавить свою плоть под действием великой силы ян. Тогда снова сгустятся в тебе девять пневм и три начала завяжутся в плод, в результате чего образуется тело. Без преклонения пред заветами златыми Великого и Высочайшего, пред наставлениями секретными таинственного и первоначального возможно разве спасенье светлых душ из темных бездн, полное их воплощение вновь?

Внемли мольбам, Всевышний! От козней дьявольских спаси и сохрани. О том Тебя нижайше просим и в талисманах истинных посланье шлем о драгоценном воплощении души.

«Небесный Град Великой тайны [1155] в тризне.

В верховном мире траурные знаки,

Усопшая, освободись из мрака,

Вернись душою светозарной к жизни.

Монахи погрузили стяг души усопшей в водоем и сожгли талисман соединения души. Потом погрузили его в огонь красный и сожгли талисман сгущения в форму. [1156] Наконец монахи взяли желтый стяг, и его преосвященство опять стал читать:

«Небесная единица породила воду, земная двоица [1157] породила

огонь. И соединились вода и огонь, и появились истинные формы».

Дщица души Пингэр, украшенная венком и накидкой, была затем препровождена через покрытый золотом узорный мост и предстала перед яшмовыми ступенями, дабы совершить поклонение Трем сокровищам даосской веры.^[1158]

Обратившись к Владыке царства Нефритовой Чистоты, монахи поднесли пять жертв:

«Кумир дао, Владыка Нефритовой Чистоты, правящий первозданной тьмой, содержащей в себе чистую пневму, мириадами явлений, уместающихся в одной крупинке, душу усопшую перевоплоти и введи в обитель бессмертных».

Потом обратились к Владыке царства Высшей Чистоты и поднесли другие пять жертв:

«Кумир канонов, Владыка Высшей Чистоты, правящий круговоротом бытия, начавшимся в эру Красного Света,^[1159] изначальной сетью мироздания, раскинутой безбрежно, и светил. Гуляешь в просторах Вселенной беспредельной, охватывающей все стихии, усопшую перевоплоти и введи в обитель бессмертных».

Наконец обратились к Владыке царства Великой Чистоты и тоже поднесли пять жертв:

«Кумир наставников, Владыка Великой Чистоты, правящий дао, которое объемлет небо и землю, проникающий в первоначало времен, спасающий заблудшие души, душу усопшую перевоплоти и введи в обитель бессмертных».

– После поклонения Трем Владыкам, – произнес его преосвященство, – провозгласим девять заповедей.

«Заповедь первая: будь уступчив и послушен, почитай и корми отца своего и мать свою;

Заповедь вторая: будь верен и ревнив в служении государю своему;

Заповедь третья: не убий, будь милосерден к окружающим тебя и помогай им;

Заповедь четвертая: не прелюбодействуй, обуздывай плоть свою и ближних своих;

Заповедь пятая: не бери чужого, но во имя справедливости уступи свое;

Заповедь шестая: не гневайся и не угрожай по злобе людям;

Заповедь седьмая: не лукавь и не губи коварством своим творящего добро;

Заповедь восьмая: не давай гордыне и высокомерию одолеть тебя, будь самым собою;

Заповедь девятая: не лицемерь и не двуличничай, будь последовательным до конца.

Да проникнут в сердца ваши сии заповеди как завет нерушимый».

Монахи ударили в барабан и началось чтение посланий, обращенных к десяти видам бесприютных душ, изображения коих были вывешены на золотом шнуре:

«Милосерднейший человеколюбец! Спаситель Владыка бездонной сини,^[1160] на львином троне парящий в пространстве! Яви чудодейственную силу божественную и укажи на чистую жертвенную снедь душам страждущим. Сойдитесь со всего света, души бесприютные, и испейте сладкую росу.

Воины походов северных и сражений южных, закованные в латы! Вы, жизнью рискуя, за Отчизну идете на смерть. Вдруг ударит выстрел, и закроются очи навек. Души бесприютные павших на поле бранном, придите и испейте сладкую росу.

Сыны и дочери сердечные! Вы служите в людях, побои и окрики сносят день изо дня. В жалком рваном рубище выгонит вас хозяин, и прямо на улице застигнет вас смерть. Бесприютные души умерших с голоду, придите и испейте сладкую росу.

Оседлые торговцы и офени, торговые гости и странствующие иноки, даосы и буддисты. Вы по чужбинам скитаетесь, добывая одежду и хлеб. Кто ухаживать станет, когда постояльца заезжего свалит недуг? Бесприютные души умерших в краях отдаленных, придите и испейте сладкую росу.

Кто насилье чинил и разбой, тот с колодкой на шее был брошен в острог. Всех, кто преступил Государев закон, ждали плаха, виселица или четвертованье. Бесприютные души казненных, придите и испейте сладкую росу.

Кровные враги, когда им суждено сойтись на жизненном пути, замышляют козни, пускают в ход отраву. И вот уж опоенный ядом испускает дух. Бесприютные души отравленных, придите и испейте сладкую росу.

До трех лет грудью кормит мать свое дитя. Отца с матерью милость неизменно велика. Но приходит срок, и на траве младенца рождает мать. Судьба их часто висит на волоске, и обе жизни уходят в царство тьмы. Бесприютные души погибших в муках родовых, придите и испейте сладкую росу.

Нестерпимо тяжело попавшему в беду. Кто долг не в состоянии вернуть, того преследуют и днем и ночью. И руки на себя наложит

горемыка, прервется дыхание, тонкой нитью связывающее его с жизнью. Бесприютные души невинно загубленных, придите и испейте сладкую росу.

Того недуги давние терзают или боли. Этого чахотка сушит или ноги отнялись. Либо чесотка – язвы, струпья покрыли тело. На похлебке скудной поправиться нельзя. И снадобья любые не помогут. Бесприютные души от более умерших, придите и испейте сладкую росу.

Тот в бурю или ураган попал. Громады волн ладью вздымали до небес и опрокинули в пучину. Так путника застигла смерть среди разбушевавшейся стихии вод, и некому домой весть подать. Бесприютные души утопших, придите и испейте сладкую росу.

Когда демон пожара вдруг разбушует, спасенья не найдешь. Огонь жестокий сжигает беспощадно тело. Человек становится обугленным привиденьем. Бесприютные души сгоревших, придите и испейте сладкую росу.

Жаждут жизни даже оборотни деревьев, злые духи рек и гор, твари чешуйчатые и пернатые – рыбы и птицы. Верховный Владыка, всемилостивый и сострадательный! Яви безграничную милость свою, призови все бесприютные души, дабы пришли и испили сладкую росу».

После моления его преосвященство Хуан сошел с высокого трона. Монахи ударили в барабан и, пройдя за ворота, предали огню жертвенные деньги и целую кладовую с жертвенными принадлежностями, а потом, вернувшись к алтарю, переделались и убрали священные изображения.

Симэнь тем временем распорядился зажечь в большой зале свечи. Там заранее были накрыты столы. Ждали трапезу родные и друзья, готовились к выступлению трое певцов. Первый кубок Симэнь предложил его преосвященству Хуану. Слуги хозяина поднесли ему кусок золотого узорного атласа, на котором были изображены парящие в облаках и небесной синеве журавли, кусок пестрого атласа и десять лянов серебра.

– Благодаря вашему великому усердию, высокочтимый отец наставник, – опустившись на колени и склонившись до полу, говорил Симэнь, – моя усопшая жена теперь проведена в Царствие Небесное. Тронутый до глубины души, прошу вас, примите эти скромные знаки благодарности.

– Я, ничтожный инок, недостойный носить облачение священнослужителя и совершать службу, предписанную учителем сокровенным, – отвечал Хуан, – вовсе не обладаю никакими добродетелями. Это благодаря вашей глубокой вере и искренности, милостивый сударь, предстала ваша супруга перед троном

Всевышнего. А мне, право, неловко принять эти подношения.

– Не обессудьте, ваше преосвященство, – просил Симэнь, – примите, прошу вас, скромные знаки моего преклонения и почтения.

Его преосвященство, наконец, согласился и велел послушникам убрать подарки.

Симэнь поднес чару настоятелю У. Слуги хозяина протянули настоятелю кусок золотого атласа и пять лянов серебра, а также десять лянов для вознаграждения монахов. Настоятель У принял только серебро для братии, от остального же отказался.

– Я обрекался отслужить панихиду и помочь душе усопшей вознестись на небо, – говорил настоятель У, – и исполнил обещание. Так что мне не следовало бы брать и вознаграждение для братии, тем более эти щедрые дары.

– Вы ошибаетесь, отец наставник, – заверял его Симэнь. – Сколько вы положили труда на приготовление торжественной службы и составление небесных посланий! Вы же заслужили награду. Уговоры действовали. Настоятель У принял подарки и долго благодарил хозяина. Потом Симэнь угощал вином монахов. Ему помогали шурин У Старший и Ин Боцзюэ.

Шурин У держал в руках чарку, Боцзюэ – кувшин вина, Се Сиды – закуски, поддетую на палочки. Они опустили на колени.

– Доброе дело сделал ты, брат, для невестки, – говорил Боцзюэ. – Благодаря усердию его преосвященства и отца наставника наша невестка получила наконец все необходимое. Со шпильками-фениксами в прическе, в белом одеянии, с отделанным пухом веером в руке, на белом журавле устремилась невестка наша в заоблачную высь. Надо благодарить за все его преосвященство. Но и ты, брат, своим усердием осчастливил невестку. И у меня на душе стало как-то легко и радостно.

Боцзюэ наполнил до краев чарку и поднес ее Симэню.

– Я вам очень обязан, господа, – говорил он. – Вам ведь тоже за эти дни досталось. Не знаю, как мне всех и благодарить.

Он осушил чарку.

– Если пить, так не одну, а пару, – наполняя чарку, приговаривал Боцзюэ.

Се Сиды поспешно подал закуски. Симэнь поднес им в знак признательности по чарке, и все сели. Запели певцы. Повара подали горячие блюда. Друзья играли на пальцах и в другие застольные игры вплоть до второй ночной стражи. Когда Симэнь захмелел, друзья отклонялись.

Симэнь наградил певцов тремя цянями серебра и пошел на ночлег в задние покои.

Да,

Пока живой, хлещи вино, когда захочешь.

У девяти истоков горла на промочишь.

Тому свидетельством стихи:

Однажды жизни всей мечта сбылась

И вдруг – как дым от ветра – унеслась.

Златую брошку феникс обронил,

Другой зеркало драгоценное разбил.

Перерождение – вздорная мечта,

Тоска для человека – маета.

За чаркой чарка только бы пилась,

И грусть с тоской развеются тотчас.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ЛЮБУЕТСЯ ИЗ КАБИНЕТА ВЫПАВШИМ СНЕГОМ

ЛИ ПИНЪЭР, ЯВИВШИСЬ ВО СНЕ, ПОВЕРЯЕТ СВОИ ОТКРОВЕННЫЕ ДУМЫ

*По тебе, ушедшая далеко,
гложет неизбывная тоска,
Надрывает плачущую душу
пение унылое рожка.
Зеркала осколок мне напомнил
тусклую ущербную луну,
А остатки от твоих нарядов –
редкие, как будто облака.
На дрожащей ветке в зимний холод
мерзнет одинокий воробей.
Жалобно кричит усталый лебедь,
что отстал от стаи лебедей...
Мне заколка для волос попалась,
повертел в руках – душа болит.
Только облик твой себе представляю –
некуда деваться от скорбей.*

Итак, пошел Симэнь в задние покои и, совсем усталый, лег спать. Высоко взошло солнце, а он все еще лежал в постели. Явился Лайсин.

– Плотники пришли, – объявил он. – Спрашивают, можно ли ломать навесы.

– Опять надоедать заявился? – ворчал на него Симэнь. – Раз пришли, пусть ломают.

Плотники, разобрав навесы, сосновые доски, веревки, подстилки и циновки перенесли в дом напротив, где и сложили, но не о том пойдет речь.

– Ну и пасмурная стоит погода! – говорила вошедшая в спальню Юйсяо.

Симэнь велел горничной подать одежду.

– Ты вчера ведь утомился, – говорила Юэнян. – А на дворе снег. Кто тебя торопит? Поспи еще. И в управу нынче не ходи.

– Я в управу и не собираюсь, – отвечал Симэнь. – Посыльный от свата Чжая должен за письмом прийти. Надо ответ приготовить.

– Тогда вставай! – сразу согласилась Юэнян. – А я велю завтрак готовить.

Симэнь, не умываясь и не причесываясь, закутался в бархатный халат, повязал теплую повязку и направился через сад в грот Весны.

Надобно сказать, что с исчезновением Шутуна за садом по распоряжению хозяина стал присматривать Ван Цзин. У него же хранились ключи от обоих кабинетов – дальнего, в гроте, и парадного, у большой залы. Чуньхуну было поручено убирать передний кабинет.

В зимнее время Симэнь иногда заходил посидеть в дальний кабинет в гроте. Тут топилась печь-лежанка, на полу стояли медные жаровни с горящими угольями, были спущены массивные зимние занавеси, на шелку которых красовались вышитые купы зимних слив и луна в облаках. В гостиной алели цветы персика, обрамленные зеленой листвой, пестрели разных оттенков хризантемы, тянулись нежные зеленые ростки бамбука и отливали бирюзою застенчивые орхидеи. Во внутренней комнате рядом с тушечницами и писчими кистями лежали музыкальные инструменты и аккуратно сложенные книги. В вазах стояли цветущие ветки зимней сливы. На кане был постлан ярко-красный войлочный тюфяк, покрытый узорным парчовым одеялом с вышивкой серебром. На нем лежали подушки с изображением неразлучных уток. Сверху спускался дорогой газовый полог.

Симэнь развалился на кане, а Ван Цзин тотчас же бросился к столу, достал из коробки слоновой кости ароматную «драконову слюну» и бросил ее в крапленную золотом курильницу.

– Ступай к Лайаню, – наказал Ван Цзину хозяин. – Пусть за батюшкой Ином сходит.

Ван Цзин пошел за Лайанем, но его остановил Пинъань.

– Цирюльник Чжоу ждет у ворот, – сказал он.

Ван Цзин вернулся и доложил хозяину. Симэнь велел пустить. Появился цирюльник и отвесил земной поклон.

– Кстати пришел! – воскликнул Симэнь. – Мне волосы пора привести в порядок и тело помассажировать. Да! Что ж ты до сих пор не показывался?

– У вас ведь матушка Шестая скончалась, – говорил цирюльник. – Неловко было беспокоить.

Симэнь уселся в глубокое кресло и обнажил голову. Только цирюльник начал расчесывать ему волосы, появился Лайань.

– Батюшка Ин пожаловали, – объявил он.

Вошел Боцзюэ и отвесил поклон. Был он в войлочной шляпе и зеленом суконном кафтане. На поношенные черные сапоги были натянуты пальмовые лапти-грязевики.

– Будет уже тебе раскланиваться-то – обратился к нему Симэнь.

– Присаживайся!

Боцзюэ подвинул стул к самой жаровне и сел.

– Чего это ты так вырядился, а? – спросил Симэнь.

– А как же! – оправдывался Боцзюэ. – Вон на дворе какой холод! Снег валит. А ведь я, брат, вчера уж с петухами домой добрался. Спасибо, слуга с фонарем провожал, а то мы бы и шагу не ступили. Гляжу, все заволокло, тьма кромешная. Пришлось шурина сперва проводить. Так что если б не Лайань, я б ни за что не встал. А ты, брат, молодец! Вон в какую рань поднялся. Нет, я так не могу.

– А ты как думаешь! – говорил Симэнь. – Я ведь человек деловой! То похороны, то прием главнокомандующего Лу Хуана, то панихида... Только успевай. Хозяйка нынче и то говорит: устал, мол, отдохнул бы как следует. Но я помню: от свата Чжая посыльный за ответом придет, навесы ломать будут, а двадцать четвертого Ханя с приказчиками в путь снаряжать. Пора, стало быть, вещи паковать, серебро готовить, рекомендательные письма писать. А сколько хлопот с похоронами! Ладно – свои и друзья не взыщут, а знатные господа? За участие и соболезнование надо же их отблагодарить, как ты думаешь?

– Да, брат, господ, наверно, придется, – поддержал Боцзюэ. – Но, по-моему, только самых знатных и влиятельных. А остальных, с кем дружбу водишь, можно поблагодарить и при встрече. Все же знают, как ты занят. Поймут.

Пока они беседовали, Ван Цзин отдернул занавеску и в комнату вошел Хуатун. В руках он держал покрытую узорным лаком квадратную коробку, в которой стояли две лакированные с позолотой чашки, наполненные жирным коровьим молоком с сахаром. Боцзюэ

взял одну. Чашка казалась наполненной растопленным лебяжьим салом, поверх которого плавали блески жира.

– Какая прелесть! – воскликнул Боцзюэ. – И прямо с жару.

Когда он пригубил чашку, из нее так и пахло ароматом. Боцзюэ не сдержался и глоток за глотком выпил содержимое.

– Брат, выпил бы чашку-то, – говорил Боцзюэ. – Как бы не остыло. Да, такого утром выпить – сразу силы прибавит.

– Нет, я не буду, – отвечал Симэнь. – Пей! А я обожду. Мне сейчас рисовую кашу подадут.

Боцзюэ, ни слова не говоря, поспешно выпил вторую чашку, и Хуатун убрал посуду.

Симэнь велел Чжоу размять его деревянным вальком и приступить к массажу и дыхательным упражнениям.

– Массаж, наверно, хорошо взбадривает, а? – спросил Боцзюэ.

– У меня, по правде сказать, по вечерам в поясницу вступает и спина болит, – объяснял Симэнь. – Так что я без массажа никуда.

– Да ты вон какой здоровый и питаешься – лучше не придумать, – говорил Боцзюэ. – Прыть в тебе, должно быть, так и играет.

– Какое там! – возражал Симэнь. – Доктор Жэнь Хоуси мне не раз говаривал: вы, говорит, сударь, только с виду здоровый, а в действительности сильно истощены. Даже целую коробку пилюль мне прислал, велел по утрам с женским молоком принимать. Ободряют, говорит, и продлевают жизнь. А пилюли эти Его высокопреосвященство истинносуший Линь^[1161] самому государю императору составлял. Но я с делами и про пилюли забыл. Ты, небось, думаешь: жен, мол, у меня много, значит я все дни ими и занят, так ведь? А я тебе прямо скажу: со смертью Ли я этого и в уме не держу, да и желание всякое пропало.

Появился Хань Даого и, поклонившись, сел.

– Со всеми видался, – начал он. – Корабль зафрахтован. Двадцать четвертого отчаливаем.

Симэнь наказал приказчику Гань Чушэню составить счета и приготовить серебро.

– Много в обеих лавках наторговали? – спросил хозяин.

– Больше шести тысяч лянов, – отвечал Хань Даого.

– Две тысячи упакуете отдельно, – распорядился Симэнь. – С ними я пошлю в Хучжоу за шелком Цуй Бэня. А вы с Лайбао закупите в Сунцзяне полотна на четыре тысячи и после Нового года с первым же кораблем вернетесь домой. А сейчас берите по пять лянов и ступайте собирать вещи в дорогу.

– У меня к вам дело есть, батюшка, – начал Хань Даого. – Как мне быть? Я ведь обязан лично отбывать барщину у Юньского князя, а денежный оброк они не принимают.

– Как так не принимают? – удивился Симэнь. – А Лайбао? Он ведь тоже Юньскому князю принадлежит, а вносит оброку по три цянй в месяц – и дело с концом.

– Это он благодаря грамоте его превосходительства императорского наставника был в оброчные переведен, – разъяснял Хань Даого. – Его теперь не смеют трогать. А мы испокон веку барщинники. Так что нам спину гнуть положено.

– Тогда письмо пиши, – посоветовал Симэнь. – А я доктора Жэня попрошу, пусть он насчет тебя с князем поговорит. Отменят барщину, будешь оброк вносить. А то из домашних кого пошлешь барщину отработать.

Хань Даого сложил руки на груди и благодарил хозяина.

– Если, брат, ты такую милость окажешь, он со спокойной душой в путь отправится, – вставил Боцзюэ.

После массажа Симэнь пошел в другую комнату причесываться, а цирюльника велел покормить. Немного погодя он вышел в белой суконной шапке чиновника и суконном халате. Наградив цирюльника Чжоу тремя цянйями серебра, Симэнь послал Ван Цина за учителем Вэнем. Вскоре явился сючай Вэнь. На нем была высокая шапка и широкий пояс. После взаимных приветствий накрыли стол.

На столе появились четыре блюда с закусками, блюдо вареных свиных ножек, блюдо жареной с пореем осятины, блюдо куриных пельменей, блюдо вареной голубятины, четыре чашки мягко разваренного риса и четыре пары палочек.

Боцзюэ и сючай Вэнь расположились на почетных местах, Симэнь занял место хозяина, а Хань Даого присел сбоку.

– Ступай зятя позови, – наказал Лайаню хозяин, – да подай еще чашку риса и палочки.

Появился Чэнь Цзинци. На нем была траурная повязка, отделанный перьями аиста белый атласный халат, какие носят даосские монахи, тростниковые сандалии и холщовые чулки. Цзинци поклонился и сел рядом с Хань Даого.

После завтрака посуду убрали, и Хань Даого ушел. В кабинете остались Боцзюэ и сючай Вэнь.

– Письмо готово? – спросил сючая Симэнь.

– Черновой набросок, – отвечал сючай, доставая из рукава письмо. – С вашего одобрения перепишу начисто.

Он протянул бумагу Симэню.

Письмо гласило:

«От свата Симэнь Цина из Цинхэ с нижайшим поклоном и искренним почтением ответное письмо

Всемиловейшему и досточтимому свату, оплоту Отечества господину Юньфэну.

С той счастливой, но короткой встречи в столице вот уже полгода как Вы не дарили меня своим лучезарным присутствием. Меня утешили великодушные пожертвования Ваши по случаю постигшего меня горя – кончины жены, а равно и мудрые наставления и советы, которые Вы изволили дать мне издалека, свидетельствующие о нашей взаимной привязанности и искренних симпатиях. Глубоко тронутый Вашим любезным посланием, я считаю себя всецело обязанным Вашей милости.

Одно меня волнует. Может быть, я не оправдал того высокого доверия, какое Вы мне оказали назначением на службу, быть может, проявил в чем нерадивость и оплошность, но я все же смею надеяться, что Вы замолвите за меня доброе словцо перед его высокопревосходительством. Дорогой сват, до гробовой доски не забыть мне Ваших щедрых благодеяний.

Пользуясь сим счастливым случаем, позволю себе пожелать Вам всяческих благ и заверить в моем совершенном почтении.

Облагодетельствованный Вами и пр.

Прошу покорно принять скромные знаки внимания: десяток газовых платков янчжоуской выработки, десяток шелковых платков, два десятка зубочисток в золотой оправе и десяток золоченых чарок».

Симэнь прочитал письмо и велел Чэнь Цзинцзи приготовить подарки, а сюаю Вэню переписать послание на узорной бумаге. Они запечатали письмо и скрепили печатью. Пять лянов было дано посыльному Ван Юю, но не о том пойдет речь.

А снег все валил. Симэнь оставил в кабинете сюая Вэня полюбоваться зимним видом. Только на вновь накрытом столе появилось вино, из-за дверной занавески показалась голова.

– Кто там? – спросил Симэнь.

– Чжэн Чунь пришел, – объявил Ван Цзин.

Симэнь велел пустить певца. Чжэн Чунь с высоко поднятыми коробками в руках опустился перед Симэнем на колени. Сверху блестела золотом небольшая квадратная коробка.

– Это что такое? – спросил Симэнь.

– Это моя сестра Айюэ прислала вам, батюшка, – объяснял Чжэн

Чунь. – Устали вы, говорит, справляя заупокойные службы, вот и прислала вам сладостей к чаю.

В одной коробке были украшенные кремом пирожки с фруктовой начинкой, в другой – обжаренные в коровьем масле витые крендельки.

– Сестра Айюэ сама готовила, – пояснял Чжэн Чунь. – Батюшка, говорит, их любит, вот и прислала в знак почтения.

– Я ведь вас только что за чай благодарил, а теперь, выходит, Айюэ в расходы ввожу, – говорил Симэнь.

– Какая прелесть! – воскликнул Боцзюэ. – А ну-ка, дай попробовать. Одной мастерицы по кренделькам лишился, а тут, оказывается, другая появилась.

И, засунув в рот крендельки, он протянул другой сюцаю Вэню.

– Отведай, почтеннейший! – приговаривал Боцзюэ. – Зубы новые вырастут, обновится нутро. Увидать такие редкости – что десять лет на свете прожить.

Сюцай взял кренделек. Он так и таял во рту.

– Как есть из Западных краев! Райские яства! – расхваливал Вэнь. – А какой аромат! Ну так и тает, по сердцу растекается. Лучше не придумаешь.

– А что тут? – спросил Симэнь.

Чжэн Чунь медленно опустился перед ним на колени и открыл расписанную золотом квадратную коробочку.

– А это Айюэ просила передать лично вам, батюшка, – пояснил певец.

Симэнь поставил коробку на колени и только хотел заглянуть во внутрь, как Боцзюэ выхватил ее у него прямо из рук. В коробке лежал красный шелковый платок с кистями и двойной узорной каймой, на котором похожие на пару продетых друг в друга старинных монет красовались навек соединенные сердца. В платок были завернуты орехи, которые нагрызла для Симэня сама Айюэ. Боцзюэ схватил пригоршню орехов и поспешно отправил в рот. Когда Симэню удалось отнять у него коробку, в платке оставалось всего несколько орешков.

– Есть у тебя, сукин сын, совесть, а? – ругался Симэнь. – Набросился, как голодный, даже взглянуть не дал, проклятый.

– Это мне дочка прислала, – оправдывался Боцзюэ. – А кого ей и почтить, как не отца своего? Ты, сынок, и без того лакомствами сыт по горло.

– Сказал бы я тебе, не будь почтенного Вэня, – продолжал ворчать Симэнь. – Ты, сукин сын, шути, да знай меру.

Симэнь спрятал платок в рукав, а Ван Цзину наказал убрать

коробки.

На столе появились закуски и приборы. Подали вино, и все сели пировать.

– Ли Чжи с Хуаном Четвертым долг принесли, – объявил вдруг Дайань.

– Сколько же? – спросил Симэнь.

– Пока тысячу лянов, – отвечал слуга. – Остальное, говорят, вернем немного погоды.

– Чтоб им ни дна ни покрывки, проклятым! – ругался Боцзюэ. – Скрыли, даже мне ни гу-гу. То-то я смотрю, они и на панихиду не приходили. А они, оказывается, за серебром в Дунпин ездили. Забери, брат, серебро и больше ни гроша не давай этим бродягам. Они и так кругом назанимали предостаточно. Гляди, как бы не остаться на бобах. Вон придворный смотритель Сюй с Северной окраины грозился сам ехать в Дунпин за своим же серебром. Смотри, брат, не увели бы они и твои денежки.

– Мне бояться нечего! – воскликнул Симэнь. – Какое мне дело до смотрителя – будь он хоть Сюй, хоть Ли?! Не вернут долгов – в тюрьму засажу. – Симэнь обернулся к Цзинци. – Ступай возьми безмен и перевешай серебро. И в контракт впиши, а я к ним не хочу выходить.

Через некоторое время Цзинци вернулся.

– Серебра ровно тысяча лянов, – докладывал он. – Матушка Старшая убрала. Хуан Четвертый просит вас, батюшка, принять его.

– Скажи, я гостей принимаю, – заявил Симэнь. – Наверно, насчет контракта? Пусть после двадцать четвертого приходит.

– Да нет, – продолжал Цзинци. – Дело у него к вам есть. Очень просит. Лично, говорит, с батюшкой потолковать надо.

– Какое еще дело? – ворчал Симэнь. – Пусть подождет.

Симэнь вышел в залу, где его земным поклоном встретил Хуан Четвертый.

– Тысячу лянов серебра только что вашему зятюшке передали, – заговорил Хуан. – Остальное скоро вернем. У меня к вам дело, батюшка, не откажите, помогите человеку в беде.

Хуан Четвертый бил челом и плакал. Симэнь велел ему встать и спросил:

– Говори, что случилось?

– Сунь Цин, мой тесть, с напарником Фэном Вторым торговали в Дунчане хлопком, – начал свой рассказ Хуан Четвертый. – А у напарника, как на грех, сын уродился непутевый, Фэн Хуаем звали.

Запрет, бывало, лавку, а сам на всю ночь к певичкам уйдет гулять. Как-то две кипы хлопка пропало. Тесть пожаловался напарнику, и тот наказал шалопая-сына. Тогда Фэн Хуай затеял драку с моим младшим шурином Сунь Вэньсяном и выбил ему зуб. Шурин не сробел и ударил шалопая по башке. Тут их разняли приказчики и покупатели, и шалопай отправился восвояси. И что ж вы думаете? Проходит полмесяца, и шалопай вдруг умирает от побоев. А тестем ему, оказывается, доводится известный по всему Хэси укрыватель насильников и грабителей Бай Пятый, по кличке Бай Толстосум. Взял этот Бай да и подговорил Фэна Второго, напарника, стало быть, моего тестя, подать жалобу цензору, а тот, не разобравшись в деле, передал ее на рассмотрение инспектору Ляю. Господин же Лэй, занятый государевыми перевозками, перепоручил разбирательство помощнику окружного правителя Туна. Тогда Бай Толстосум подкупил господина Туна, а соседей подбил выступить свидетелями, и те показали, будто мой тесть подстрекал сына на драку. И вот по приказу правителя Туна арестовали моего тестя. Сжальтесь, батюшка, умоляю вас! Напишите письмо его превосходительству Ляю и попросите разобраться в деле еще раз. Может, он пощадит тестя, а? Скажите, тесть, мол, к драке никакого касательства не имел, а смерть Фэн Хуая наступила, когда уж у него и синяки-то зажили. Да его и собственный отец бил, почему же всю вину на одного Сунь Вэньсяна перекладывают?

Симэнь взглянул на письменную просьбу. В ней говорилось:

«Содержащиеся под стражей в Дунчанской тюрьме Сунь Цин и Сунь Вэньсян умоляют о пощаде».

– Инспектор Лэй только что был у меня на пиру, – говорил Симэнь, – но мы лишь раз и виделись, так что плохо знакомы. Неудобно мне будет ему писать.

Хуан Четвертый снова бил челом.

– Сжальтесь надо мною, батюшка, умоляю вас, – просил он, громко рыдая. – Если вы не заступитесь, погибнут и мой тесть и шурин. Если уж никак нельзя помочь Сунь Вэньсяну, помогите хотя бы тестю. Вы оказали бы великую милость, если бы посодействовали его освобождению. Ему шестьдесят стукнуло, а без него дом кормильца лишится. Зимних холодов ему в тюрьме не пережить.

Симэнь долго вздыхал, размышляя.

– Ладно! – наконец заключил он. – Я попрошу акцизного инспектора Цяня. Они с Лэем однокашники, в один и тот же год получили звание цзиньши.

Хуан Четвертый опять пал ниц и, пошарив в рукаве, протянул Симэню удостоверение на сто даней отборного риса, потом отвязал от пояса два узелка с серебром. Симэнь отказался их принять.

– Зачем мне твои деньги? – говорил он.

– Вам, батюшка, эти деньги, конечно, не в диковинку, – упрашивал Хуан Четвертый. – Может, отблагодарить господина Цяня пригодятся...

– Не важно! – твердил свое Симэнь. – Если будет надо, я и сам ему подарок куплю. Тут через боковую дверь к ним вошел Ин Боцзюэ.

– Нечего тебе, брат, за него хлопотать! – обратился он к хозяину. – Когда у него все как по маслу идет, он и свечку не поставит, а как приспичит, то к стопам Будды припадает. Ты панихиды заказывал, он и носу не показал, даже чаю не прислал. А теперь, извольте, с просьбой появился.

Хуан Четвертый отвесил Боцзюэ поклон.

– Дорогой вы мой! – взмолился Хуан. – Не губите человека! Где у меня «все как по маслу идет»? Вот уж полмесяца мечусь, покою не знаю. Вчера в областном управлении был, батюшке вот серебро добывал, нынче Ли Чжи чуть свет отправил, чтобы к утреннему присутствию подоспел, а сам скорее сюда, батюшке долг отдать да насчет тестя попросить. Но батюшка наотрез отказывается принять мой подарок, стало быть, нечего мне, бедному, надеяться на спасение тестя.

Боцзюэ бросил взгляд на лежавшую перед ним сотню лянов высокопробного блестящего серебра и обратился к Симэню.

– Ну как, брат? Похлопочешь за него?

– Инспектора Лэя я плохо знаю, – отвечал Симэнь. – А с начальником таможни Цянем поговорить попробую. Ему и подарок потом поднесу. А серебро мне не нужно.

– Нет, брат, ты не прав, – заметил Боцзюэ. – Тебя человек об одолжении просит, а ты, выходит, все издержки должен нести? Где же такое видано? И еще. Своим отказом ты брата Хуана в неловкое положение ставишь. Значит, по-твоему, он мало дал. Я бы на твоём месте серебро взял, хотя для тебя оно и ничего не значит. Ведь это серебро пойдет тому же Цяню, так что тебе, брат, пригодится. А тебе, брат Хуан, надо прямо сказать, здорово повезло. Сделает письмо свое дело, и выйдут твои тесть с шурином целыми и невредимыми. А раз батюшку деньгами не удивишь, стало быть, смекай. Придется, значит, тебе раскошелиться, на большой пир у певиц нас приглашать. Тогда уж повеселимся.

– Об этом не извольте беспокоиться, – заверил его Хуан Четвертый. – И пир устроим, и тестю велю отблагодарить заступников. Поверьте моему слову, я из-за тестя с шурином дни и ночи бегал, да ничего у меня не выходило. Если б не батюшка, не знаю, что и делать.

– А ты как же думал, дурацкая твоя башка?! – поддакивал Боцзюэ. – Кто ж за тестя должен хлопотать, как не ты! Ты ж с его дочерью милуешься.

– Жена у меня глаз не осушает, – говорил Хуан. – А без тестя дом кормильца лишился.

Вняв доводам Боцзюэ, Симэнь согласился принять в дар удостоверение на рис, а от серебра отказался.

– Батюшка, сжальтесь надо мной, примите, прошу вас! – вновь принялся умолять Хуан Четвертый, а потом направился к выходу.

– Поди-ка сюда! – окликнул его Боцзюэ. – Так когда же нужно письмо?

– Чем скорее, тем лучше, – отвечал Хуан. – Если б нынче составили, я бы завтра же утром сына с посыльным отправил. Хуан Четвертый стал упрашивать Симэня: – Сделайте милость, пошлите кого-нибудь, я бы с ним уговорился.

– Ладно, сейчас напишем, – проговорил Симэнь и позвал Дайяня. – Вот с братом Хуаном письмо отнесешь.

Хуан Четвертый, увидев Дайяня, откланялся и вышел. Подойдя к воротам, он попросил у Дайяня оставленный с серебром кошелек. Тот направился в дальние покои к Юэнян.

Хозяйка с горничными Юйсяо и Сяоюй занимались шитьем. Слуга подошел к ним и спросил кошелек.

– Видишь, делом заняты, – говорила Юйсяо. – Пусть завтра приходит.

– Когда ж ему завтра? – объяснял Дайянь. – Он с раннего утра в Дунпин уходит. Давай скорее.

– Ну отдай же ему! – сказала Юэнян. – Чего человека держать?

– Кошелек с серебром в кладовой лежит, – ворчала Юйсяо. – Не украдут, не волнуйся.

Она прошла в кладовую и, высыпав на кровать серебро, протянула кошелек.

– На, бери, арестантское отродье! – крикнула она. – А то пристал, как пиявка, – вынь да положь. Зубы у нас разгорелись на его кошелек!

– Человек просит, – говорил Дайянь. – Я бы не пришел.

Когда Дайянь миновал внутренние ворота, из кошелька вдруг выпал похожий на грибную шляпку слиток в три лян. Это Юйсяо,

сгоряча вытряхивая серебро, прорвала бумажный пакет. Слиток и застрял на дне кошелька. «Вот и мне перепало!» – обрадовался слуга и спрятал слиток в рукав. Потом он вернул кошелек Хуану Четвертому и они договорились о встрече.

Симэнь тем временем вернулся в кабинет и велел сююаю Вэню составить письмо, чтобы передать потом Дайаню, а сам залюбовался снегом. Падал он крупными пушистыми хлопьями, которые порхали и кружились, словно тополиный пух или грушевые лепестки. Симэнь открыл жбан выдержанного вина феи Магу и велел Чуньхуну процедить. Чжэн Чунь между тем играл на цитре и тихо пел. Симэнь заказал ему цикл «Под ивами повеял тихий ветерок».

Появился Циньтун.

– Дядя Хань велел передать вам это письмо, батюшка, – заявил он.

Симэнь заглянул в прошение.

– Отнесешь его за городские ворота лекарю Жэню, – распорядился он. – Попросишь, чтобы он при случае вручил его акцизному инспектору и замолвил слово насчет освобождения Ханя от барщинной повинности.

– Нынче уж поздно, – говорил Циньтун. – Я завтра с утра отнесу.

– Ладно, – согласился хозяин.

Немного погодя вошел Лайань с квадратной коробкой в руках. В ней стояли кушанья: блюдо жаренной с картофелем курятины, фаршированное с луком мясо, фрикадельки с картофелем, вареная баранина, жареная свинина, рубец и легкое, отвар из печени, говяжья ребуху и жареные свиные почки. Помимо этого на столе появились две тарелки испеченных на розоватом гусяном сале лепешек.

За стол четвертым сел Чэнь Цзинцзи. Симэнь наказал Ван Цзину подать два блюда кушаний и сладостей Чжэн Чуню, а также налить певцу два больших кубка вина.

– Мне столько не выпить, – отвечивая поклон, говорил певец.

– Ишь какой ты умный! – вмешался Боцзюэ. – Гляди, на дворе холод завернул. Оттого батюшка тебя и угощает. Брат у тебя выпьет, только поднеси, а ты почему же отказываешься?

– Брат пьет, а я не могу, – отвечал Чжэн Чунь.

– Ну, выпей хоть чарку! – настаивал Боцзюэ. – А вторую пусть Ван Цзин за тебя осушит.

– Я тоже не пью, батюшка, – говорил Ван Цзин.

– Ах ты! – воскликнул Боцзюэ. – Да ты за него выпей. Тебе же честь оказывают. Как говорится: от подношения старшего да не откажется младший. – Боцзюэ встал и продолжал, обращаясь к Ван

Цзину: – Я тебе повелеваю выпить чарку!

Ван Цзин зажал нос и одним духом опрокинул чарку.

– Ну чего ты, сукин сын, его неволишь? – вмешался Симэнь Цинь.

Осталось еще больше, чем полчарки вина, и Боцзюэ велел допить Чуньхуну, а Чжэн Чуня попросил спеть южные напевы.

– погоди! Мы с почтенным Вэнем застольную игру начнем, а когда пить будем, ты нам споешь, – велел Симэнь. – Так будет интереснее.

Хозяин велел Ван Цзину подать кости.

– Вам первому бросать, почтенный господин Вэнь, – предложил хозяин.

– Нет, нет, – вежливо отказывался сюцай. – Начинайте вы, почтеннейший господин Ин. Да, позвольте узнать ваше прозвание, сударь.

– Мое скромное прозвание Наньпо, что значит Южный скос, – отвечал Боцзюэ.

– Разрешите, почтенный сударь, я вам поясню, откуда пошло такое прозвище, – игриво обратился к сюцаю Симэнь. – Видите ли, за день у его хозяйки столько посетителей перебивает, что под вечер отхожего ведра не хватает, а вываливать поблизости от дому неудобно – соседи начнут ругаться. Вот он и заставляет прислугу за южный амбар выносить. Оттого и прозывается Южный сброс.

– Вы, батюшка, ошибаетесь, – заметил, улыбаясь, сюцай Вэнь. – Господин Ин изволил сказать не «сброс», а «скос». Иероглиф «сброс» состоит из знаков «жидкость» и «выпуск», а «скос» из знаков «почва» и «поверхность», своим смыслом напоминая нам берег реки с бродом...

– Вы, сударь, будто в воду глядели, – отозвался Симэнь. – Жена у него как раз со всяким сбродом-то целыми днями шашни водит.

– Ну, что вы такое говорите! – воскликнул Вэнь.

– Я вам вот что скажу, почтеннейший Куйсюань, – заговорил, обращаясь к сюцаю, Боцзюэ. – Он ведь всякий раз не упускает случая, чтобы хоть чем-нибудь меня да подковырнуть.

– А ведь без колкости, господа, и шуточки быть не может, – заключил сюцай. – Так уж исстари повелось.

– Давайте играть, сударь! – предложил сюцаю Боцзюэ, – ведь с ним препираться – дело пустое. Облить человека грязью он мастер. Ваша очередь, сударь! И без церемоний.

– Вы бросаете кость и декламируете строку либо из стихотворения или романа, либо из песни или оды, – излагал условия игры сюцай Вэнь. – Но она непременно должна начинаться со слова «снег». Кто

сумеет подобрать строку, пьет малую чарку, кто не сможет – большой штрафной кубок.

Сючай Вэнь бросил кость. Выпала единица.

– Есть! – сказал он. – «Снег все еще лежит, а уточки давно уж прилетели».

Он передал кости Ин Боцзюэ. У того выпала пятерка.

– Пощадите душу грешную! – пролепетал он после длительного раздумья. Наконец-то его осенило: – А, придумал, придумал! «Снегом покрытые сливы цветы в снегу распустились». Здорово!

– Нет, такое не пойдет, почтеннейший, – возразил сючай. – У вас слово «снег» встречается дважды. Первое – лишнее.

– Почему? – настаивал Боцзюэ. – Вначале шел мелкий снег, потом повалил крупный.

– Ну и мастак ты зубы заговаривать, – заметил Симэнь и велел Ван Цзину наполнить штрафной кубок.

Чуньхун хлопнул в ладоши и запел южный романс на мотив «Остановив коня, внимаю»:

Холодную ночью
Горячего чаю
Надеюсь в селеньи найти.
И в час неурочный,
Как путник случайный,
Давно уже сбился с пути.
Красой околдован,
Ищу ветку сливы
Над речкой в хрустальный мороз.
Снег в танце веселом,
Как пух белой ивы,
Окутал весь Башуйский мост.^[1162]
И сахарный, свежий
Над храмами Будды,
Над домом певицы мерцал.
Коврам белоснежным,
Просторам безлюдным
На тысячи ли нет конца.

Только Боцзюэ взял штрафной кубок, появился Лайань. Он принес сладости: тарелку пирожков с фруктовой начинкой, пирожки, поджаренные на коровьем масле, жареные каштаны, вяленые финики, лущеные орехи, тыквенные семечки, отборные груши, красные яблоки,

водяные орехи и каштаны, обжаренные в коровьем масле витые крендельки, а также завернутые в мандариновые листочки черные шарики.

Боцзюэ захватил их целую пригоршню. Пахнуло ароматом. По вкусу они чем-то напоминали мед, но были гораздо приятнее и нежнее.

– Что это такое? – спрашивал Боцзюэ.

– Угадай! – говорил Симэнь.

– Не обсахаренное мыло?

Симэнь рассмеялся.

– Мне что-то вкусное мыло не попадалось.

– Я хотел сказать, пилюли из сливовой пастилы, – продолжал Боцзюэ. – Но тогда откуда в них косточка?

– Поди-ка сюда, – не выдержал Симэнь. – Так и быть, скажу, что это такое. Тебе такое лакомство и во сне не снилось. Мне слуга из Ханчжоу привез. «Слива в мундире» – вот как называется. Со многими целебными снадобьями на меду варится, с плодами земляничного дерева кипятится. А снаружи завертывается в мяту и мандариновые листья. Вот отчего такой аромат. Стоит принять одну натошак – и появляется аппетит, очищается грудь. Замечательное средство от дурного запаха изо рта и мокроты, а как отрезвляет и улучшает пищеварение! Со «сливой в мундире» никакие пилюли в сравнение не идут.

– Хорошо, что сказал! Откуда бы мне знать?! – заключил Боцзюэ и обернулся к сюаю Вэню: – Давайте отведаем еще, почтеннейший, а? – Боцзюэ кликнул Ван Цзина: – Подай-ка бумагу! Надо будет домой захватить, жену побаловать.

Боцзюэ потянулся за витыми крендельками.

– Чжэн Чунь! – крикнул он. – Это правда, твоя сестра Айюэ сама готовила?

– Неужели, батюшка, я решусь вас обманывать?! – отвечал, опутившись на колени, певец. – Сестрица долго старалась, чтобы батюшку почтить.

– А сверху-то ну как есть раковина, – расхваливал витые крендельки Боцзюэ. – Дочке моей, искуснице, спасибо говори. И как цвета подобрала – нежно-розовый и белоснежный.

– Признаться, сынок, терзают мою душу эти крендельки, – заметил Симэнь. – Во всем доме только покойница жена такие пекла. А теперь кто для меня постарается?

– А я, знаешь, не огорчаюсь! – продолжал Боцзюэ. – Что я тебе говорил! Одной мастерицы лишился, тут же другая нашлась... Где ты

их только берешь? Видать, сами к тебе идут.

– Брось уж чепуху-то болтать! – шутя хлопнул его по плечу Симэнь, а сам до того рассмеялся, что не стало видно даже щелок сощуренных глаз.

– Вашей близости, господа, можно прямо позавидовать, – говорил сюцай Вэнь.

– А как же! – воскликнул Боцзюэ. – Он же мне зятем доводится.

– А я ему отчим вот уж два десятка лет, – не уступил Симэнь.

Заметив, что они начали поддевать друг друга, Чэнь Цзинцзи встал и вышел, а сюцай Вэнь, прикрывая рот, от души смеялся.

Немного погодя Боцзюэ осушил штрафной кубок. Настал черед Симэню бросать кости. У него выпала семерка. Он долго думал, наконец сказал:

– Я возьму строку из «Ароматного пояса»:

«Лишь только Дух востока удалился – цвет груши белым снегом распустился».

– Не пойдет! – крикнул Боцзюэ. – У тебя «снег» на девятое место попал. Пей штрафной!

Боцзюэ поспешно наполнил узорный серебряный кубок и поставил перед Симэнем, а сам обратился к Чуньхуну:

– У тебя, сынок, от песен рот тесен. А ну-ка, спой еще!

Чуньхун хлопнул в ладоши и запел на тот же мотив:

Сквозь горные кручи
Пробьются лучи,
И небо вдруг станет алей.
Снег легкий, летучий,
Как облако чист,
Пушист, будто пух лебедей.
Цветы белой сливы
С небес опадут,
Сравняют канавы и рвы.
Тропинок извивы –
Опасный маршрут,
На льду не сверни головы!

Опускались сумерки. Зажгли свечи, и Симэнь осушил штрафной кубок.

– Раз нет зятя, вам, господин Вэнь, придется игру завершить, – сказал Боцзюэ.

Сюцай взял кости. Выпала единица. Вэнь призадумался, огляделся. На стене висела парная надпись золотом, гласившая:

«Пух ив ложится на мосту под вечер,
Снег зимних слив приход весны сулит».

Сюцай Вэнь выпалил вторую строку.

– Нет, сударь, такое не пойдет! – возражал Боцзюэ. – Не ваши эти строки, не от души сказаны. Вам штрафную!

Чуньхун наполнил кубок, но сюцаю было не до вина. Он сидел в кресле и клевал носом. Потом встал и отклонялся. Боцзюэ попытался его удержать.

– Зачем человека неволить?! – заметил Симэнь. – Люди образованные столько не пьют. – Симэнь обернулся к Хуатуну: – Ступай проводи учителя на покой.

И сюцай Вэнь, ни слова не говоря, удалился.

– Да, Куйсюань нынче что-то сплоховал, – говорил Боцзюэ. – Много ли выпил и уж раскис.

Долго они еще пировали. Наконец Боцзюэ поднялся.

– Тьма крошечная на дворе, – говорил он. – И выпил я порядком. Не забудь, брат, вели Дайяню пораньше письмо отнести.

– Я ж ему уже передал, ты разве не видел? – говорил Симэнь. – Завтра с утра отправлю.

Боцзюэ отдернул занавеску. Погода стояла пасмурная, идти было скользко. Боцзюэ обернулся и попросил фонарь.

– Мы с Чжэн Чунем вместе пойдем, – сказал он.

Симэнь наградил Чжэн Чуня пятью цянями серебра и положил в коробку медовых слив.

– Сестре Айюэ от меня передай, – наказал Симэнь и пошутил над Боцзюэ: – А тебе с младшим братом поваднее будет.

– Лишнего не болтай! – урезонил его Боцзюэ. – Мы с ним пойдем как отец с сыном. А с негодницей Айюэ у меня особый разговор будет.

Циньтун проводил их за ворота. Симэнь обождал, пока уберут посуду, потом, опираясь на несшего фонарь Лайяня, вышел через боковую дверь в сад и направился к покоям Пань Цзиньлянь. Калитка оказалась запертой, и Симэнь незаметно добрался до флигеля Ли Пиньэр. На стук вышла Сючунь. Лайань удалился, а Симэнь прошел в гостиную и стал глядеть на портрет покойной.

– Жертвы ставили? – спросил он.

– Только что, батюшка, – отвечала вышедшая кормилица Жуи.

Симэнь прошел в спальню и уселся в кресло. Инчунь подала ему

чай, и Симэнь велел горничной раздеть его. Жуи сразу смекнула, что он собирается остаться на ночлег и, поспешно разобрав постель, согрела ее грелкой. Сючунь заперла за собой боковую дверь, и обе горничные легли в гостиной на скамейках.

Симэнь попросил еще чаю. Горничные поняли его намерения и сказали Жуи. Та вошла в спальню и, раздевшись, скользнула под одеяло. Возбуждаемый вином, Симэнь принял снадобье и приспособил подпругу. Жуи лежала на кане навзничь, задравверху что есть мочи ноги, и забавляясь, размахивая и шлепая ими. Кончик ее языка был холоден, как лед. Когда потекло семя, она начала непрерывно и громко стенать.

В полночной тишине ее голос летел далеко и был слышен в нескольких соседних комнатах. Симэнь Цинь залюбовался белым и нежным, как вата, телом Жуи. Он обнял ее, велел присесть на корточки и под одеялом поиграть на свирели. Жуи беспрекословно повиновалась.

– Дорогая! – говорил Симэнь. – Белизной и нежностью ты нисколько не уступаешь своей покойной хозяйке. Когда я обнимаю тебя, мне кажется, я ласкаю ее. Служи мне от души, и я тебя не оставлю.

– Что вы говорите, батюшка! – шептала Жуи. – Как можно равнять небо с землею?! Не губите рабу вашу! Какое может быть сравнение моей покойной матушки с ничтожной вдовой?! Я лишилась мужа, и вы, батюшка, рано или поздно бросите дурную неотесанную бабу. Если б вы хоть изредка обращали на меня свой милостивый взор, я бы считала себя самой счастливой на свете.

– А сколько тебе лет? – спросил Симэнь.

– Я родилась в год зайца, – отвечала она. – Тридцать один сравнялся.^[1163]

– Стало быть, на год моложе меня.

Симэнь убедился, что она за словом в карман не полезет и в любви знает толк. Утром Жуи встала пораньше, подала Симэню чулки и туфли, приготовила таз с водой для умывания и гребень. Словом, старалась как только могла сама услужить хозяину, а Инчунь и Сючунь отправила подальше. Потом она попросила у Симэня белого шелку на одеяние для траура по хозяйке, и он ни в чем ей не отказывал. Слуга был тотчас же послан в лавку за тремя кусками шелка.

– Вот возьми! – говорил Симэнь. – И пусть каждая из вас сошьет себе по накидке.

После двух или трех встреч Жуи настолько увлекла Симэня, что он тайком от Юэнян одаривал ее и серебром, и нарядами, и головными украшениями. Чего он только ей не подносил!

Слух скоро дошел и до Пань Цзиньлянь, и она немедленно отправилась в дальние покои к Юэнян.

– Сестрица! – начала Цзиньлянь. – И ты не поговоришь с ним как следует? Он же, бесстыдник проклятый, как вор проник в покои Шестой и спал с Жуи. Будто голодный, на всякую дрянь набрасывается. Всех, негодяй, подбирает. А потом чадо выродит, чьим наследником считать, а? Дай ей только потачку, она как Лайванова баба осмелеет – на шею сядет.

– Почему всякий раз вы меня посылаете? – спрашивала Юэнян. – И когда он с Лайвановой женой путался, вы меня подговорили, а сами как ни в чем не бывало в стороне остались. Вам ничего не было, а на меня все шишки посыпались. Нет уж, я теперь умнее буду. Если вам надо, идите и сами ему говорите. А я в такие дела не вмешиваюсь.

Цзиньлянь ничего ей на это не ответила и ушла к себе.

Симэнь встал рано. На рассвете он отправил Дайяня с письмом к акцизному Цяню, а сам попозже отбыл в управу. Когда он вернулся, Пинъань доложил ему о прибытии посыльного от Чжая.

– Чего ж вчера не приходил? – вручая письмо, спросил Симэнь.

– Отвозил письмо военному губернатору господину Хоу, там и задержался, – отвечал посыльный и, получив письмо, удалился.

Симэнь позавтракал и направился в дом напротив поглядеть, как отвешивается серебро и увязываются тюки к отплытию на юг.

Двадцать четвертого после сожжения жертвенных денег в путь отправились пятеро – Хань Даого, Цуй Бэнь, Лайбао и молодые слуги Жунхай и Ху Сю. Симэнь поручил им передать письмо Мяо Цину, в котором благодарил своего друга за щедрые подношения.

Прошло еще дня два, и Симэнь закончил визиты ко всем почтившим покойную Пинъэр. Как-то во время завтрака в дальних покоях к Симэню обратилась Юэнян.

– Первого будет день рождения дочки свата Цяо, – говорила она. – Надо бы кое-какие подарки послать. И после кончины Гуаньгэ нельзя же родню забывать. Как говорится, раз породнился, потом не чуждайся.

– А как же?! Конечно, пошлем! – заключил Симэнь и наказал Лайсину купить двух жареных гусей, пару свиных ножек, четырех кур, двух копченых уток и блюдо лапши долголетия, а также полный наряд из узорного атласа, пару расшитых золотом платков и коробку

искусственных цветов. Подарки вместе с перечнем были отнесены Ван Цзином.

Отдав распоряжения, Симэнь направился в дальний кабинет в гроте Весны. К нему вошел Дайань, воротившийся с ответом.

– Прочитав ваше письмо, господин Цянь написал послание и отправил со мной и сыном Хуана Четвертого своего посыльного в Дунчан к его превосходительству Ляю, – докладывал Дайань. – Тот изъявил желание пересмотреть дело сам и приказал правителю Туну прислать в его распоряжение все материалы и арестованных. После допросов их всех, включая и шурина Сунь Вэньсяна, за отсутствием состава преступления освободили, приговорив к уплате десяти лянов серебра за погребение и семидесяти палкам. После этого мы поспешили в таможенное управление, доложили господину Цяню и, получив ответ, пустились в обратный путь.

Симэнь, обрадованный расторопностью Дайяня, распечатал пакет, в котором было и письмо инспектора Ляя акцизному Цяню, которое гласило:

«Дело пересмотрено в соответствии с Вашим разъяснением. Коль скоро Фэн Второй первым сам избил своего сына, а в драке последнего с Сунь Вэньсяном пострадали оба, принимая во внимание то обстоятельство, что смерть Фэна младшего наступила после установленного в подобных случаях срока, требовать смертной казни Сунь Вэньсяну было бы крайне несправедливо. Приговариваю Сунь Вэньсяна к уплате Фэну Второму десяти лянов на погребение, о чем и довожу до Вашего сведения.

С поклоном Лэй Циюань».

Симэнь остался доволен.

– А где шурин Хуана Четвертого? – спросил он Дайяня.

– Домой пошел, – отвечал слуга. – Они с Хуаном Четвертым завтра собираются вас, батюшка, благодарить. Хуан Четвертый наградил меня ляном серебра.

– Это тебе на обувь пойдет, – сказал Симэнь.

Дайань отвесил земной поклон и вышел. Симэнь прилег на теплый кан и задремал. Ван Цзин зажег благовония и потихоньку удалился.

Через некоторое время послышался шелест дверной занавески и в кабинет явилась Ли Пиньэр, совсем бледная, непричесанная, в лиловой кофте и белой шелковой юбке.^[1164]

– Дорогой мой! – позвала она Симэня, приблизившись к изголовью, – Ты спишь? А я пришла навестить тебя. Он все-таки добился моего заточения. Меня по-прежнему мучают кровотечения. Я

все время страдаю оттого, что не могу очиститься. Благодаря твоей молитве мне смягчили, было, страдания, но мытарь не унимается. Он собирается подавать новую жалобу, хочет взять и тебя. Я и пришла предупредить. Берегись! Гляди, под покровом тьмы не попадись ему в руки. Я ухожу. Остерегайся! Не ходи без надобности на ночные пиры. Засветло домой возвращайся. Запомни, хорошо запомни мой наказ!

Они заключили друг друга в объятия и громко разрыдались.

– Скажи, дорогая, куда ты идешь? – спрашивал Симэнь.

Но Пиньэр отпрянула от него и исчезла. То был лишь сон. Симэнь проснулся. Из глаз у него текли слезы. Судя по лучам света, проникавшим сквозь занавески, был полдень. Тоска по Пиньэр терзала ему душу.

Да,

Увял цветок, засыпаны землей
и лепестки, и тонкий стебелек.

Проснулся – лик возлюбленной исчез
и отразиться в зеркале не смог...

Тому свидетельством стихи:

Свет от белого снега отразила стена,
Догорела жаровня, и постель холодна.

Сон, влюбленных согревший, очень короток был...

Запах сливы цветущей к ним за полог поплыл.

В ответ на подарки свашенька Цяо прислала с Цяо Туном приглашение Юэнян и остальным женам Симэня.

– Батюшка в кабинете отдыхают, – говорил слуга. – Я не смею тревожить.

Юэнян угощала Цяо Туна.

– Я сама ему скажу, – сказала Цзиньлянь и, взяв приглашения, направилась в кабинет.

На Цзиньлянь была черная накидка из узорной парчи с золотыми разводами. Полы ее были также отделаны золотом и тремя рядами пуговиц. Сквозь газовую юбку просвечивала отделанная золотом бахромой нижняя юбка из шаньсийского шелка, из-под которой выглядывала пара изящно изогнутых остроносых лепестков лотоса – ножки, а поверх них виднелись красные парчовые панталоны. На поясе красовалась пара неразлучных уток, делящих радости любви. Прическу Цзиньлянь венчал высокий пучок, в ушах сверкали сапфировые серьги. Вся она казалась изваянной из узорной яшмы.

Цзиньлянь застала Симэня спящим и уселась в кресло рядом с

каном.

– Дорогой мой! – заговорила она, продолжая грызть тыквенные семечки. – Ты что же, сам с собой разговариваешь? Куда, думаю, исчез, а ты вот, оказывается, где почиваешь. А с чего это у тебя глаза красные, а?

– Голова, наверно, свесилась, – отвечал Симэнь.

– А по-моему, ты плакал.

– С чего ж мне вдруг плакать?!

– Наверно, зазнобу какую-нибудь вспомнил.

– Брось чепуху городить! – оборвал ее Симэнь. – Какие там еще зазнобы?!

– Как какие?! Раньше по душе была Пиньэр, теперь стала кормилица Жуи. Не мы, конечно. Мы не в счет.

– Будет уж тебе ерунду-то городить! Да, скажи, в каком платье положили Пиньэр, а?

– А что? – заинтересовалась Цзиньлянь.

– Да так просто что-то вспомнилось.

– Нет, так просто не спросил бы, – не унималась Цзиньлянь. – Сверху на ней были кофта с юбкой из золоченого атласа, под ними белая шелковая накидка и желтая юбка, а под ними лиловая шелковая накидка, белая юбка и красное атласное белье.

Симэнь утвердительно кивнул головой.

– Да, три десятка лет скотину врачу, а что у осла за хворь такая в нутре завелась, понятия не имею, – проговорила Цзиньлянь. – Если не тоскуешь, к чему про нее спрашиваешь?

– Она мне во сне явилась, – объяснил Симэнь.

– В носу не зачесется, не чихнешь. О ком думаешь, тот и снится, – подтвердила Цзиньлянь. – Умерла она, а ты, зная, никак ее забыть не можешь. А мы тебе не по душе. И умрем, не пожалеешь. Сердце у тебя жестокое.

Симэнь обнял и поцеловал Цзиньлянь.

– Болтушка ты у меня! – говорил он. – Так и норовишь человека уязвить.

– Сынок! – отвечала она. – Неужели старая твоя мать тебя не знает? Я ж тебя, сынок, насквозь вижу.

Цзиньлянь набрала полный рот семечек и, когда они слились в поцелуй, угостила его из уст в уста. Сплелись их языки. Ему по сердцу разливался нектар ее напомаженных благоухающих уст. Вся она источала аромат мускуса и орхидей. Симэнь внезапно вспыхнул желаньем и, обняв Цзиньлянь, сел на кан. Привалившись спиной к

изголовью, он вынул свой инструмент, а ее попросил поиграть на свирели. Она низко склонила напудренную шейку и заиграла столь звучно и сладострастно, что инструмент сновал челноком, то пропадая, то вновь появляясь. Симэнь созерцал ее благоуханные локоны-тучи, в которых красовались яркие цветы и золотая шпилька с изображением тигра. На затылке сверкали жемчуга. Наслаждение было безмерным.

Но как раз в момент наивысшего блаженства из-за дверной занавески послышался голос Лайаня:

– Батюшка Ин пожаловали.

– Проси! – крикнул Симэнь.

Цзиньянь всполошилась.

– Вот разбойник Лайань! – ворчала она. – погоди звать. Дай я выйду.

– Гость во дворике ожидает, – говорил Лайань.

– Попроси, пусть пока удалится, – велела Цзиньянь.

Лайань вышел во дворик.

– Вас просят на минутку выйти, – обратился к Боцзюэ слуга. – У батюшки кто-то есть.

Боцзюэ миновал сосновую аллею и встал около запорошенных снегом бамбуков.

Тем временем Ван Цзин отдернул дверную занавеску. Послышался шелест юбки, и Цзиньянь стремглав бросилась бежать.

Да,

Ты цаплю белую на снеговых полях

Определишь по взмаху вольных крыл.

Зеленый попугай на ивовых ветвях

Заметен стал, когда заговорил.

Ин Боцзюэ вошел в кабинет и, поклонившись, сел.

– Чего это тебя давненько не было видно? – спросил Симэнь.

– Забегался я, брат, вконец! – пожаловался Боцзюэ.

– У тебя что-нибудь стряслось? – заинтересовался Симэнь.

– Ну как же! – начал Боцзюэ. – И так без денег бьемся, а вчера этой, как на грех, приспичило родить. Ладно бы днем людей будоражить, а то средь ночи. Гляжу, боли у нее начались, резь. Ничего не поделаешь, вскочил я. Подстилку приготовил, одеяло. Надо, думаю, за повитухой бежать. И как на зло, Ин Бао дома не было – брат послал его в поместье за сеном. Закружился – ни души не сыщешь. Беру фонарь, иду в переулок к бабке Дэн. Входим с ней в дом, а та уж родила...

– Кого же? – спросил Симэнь.

– Да мальчика.

– Вот пес дурной! – заругался Симэнь. – Сын родился, а он еще не доволен. Которая родила-то? Чуньхуа, что ли?

– Она самая! – Боцзюэ усмехнулся. – Она ж и тебе не чужая, почти что матушкой доводится.

– Зачем же ты, сукин сын, брал тогда эту девку, раз тебе и повитуху позвать нет охоты?

– Ты, брат, ни холодов, ни морозов не ведаешь, – оправдывался Боцзюэ. – Вы, богатые, нам не ровня. У вас и деньги, и служба, и карьера. У вас сын родился – радость, будто на парче новый узор прибавился, а нашему брату лишняя тень – помеха. Попробуй-ка накорми да одень такую ораву. Замаялся – чуть жив! Ин Бао целыми днями на учениях, а брат мой в хозяйстве и рукой не шевельнет. Твоей, брат, милостью – вот небо свидетель – только что старшую дочь с рук сбыл, теперь вторая подрастает. Ты ее сам видел. К концу года тринадцать сравняется. Уж сваха приходила. Ступай, говорю, рано ей пока. Ну прямо замаялся – чуть жив! И на тебе! Эту еще средь ночи угораздило – выродила чадо. Тьма крошечная, где денег доставать? Жена видит – я мечусь, вынула серебряную шпильку и отпустила повитуху. Завтра на третий день – омовение новорожденного. Шум подымут такой – сразу все узнают. А там и месяц выйдет – на какие деньги справлять, ума не приложу. Придется, видно, из дому тогда уходить, в монастыре отсиживаться.

– Уйдешь – вот монахи-то обрадуются! Нагрянет какой-нибудь в теплую постель – немного выгадаешь.

Симэнь хохотал, а Ин Боцзюэ, приняв угрюмый вид, молчал.

– Не горюй, сынок, – успокаивал его Симэнь. – Сколько ж тебе нужно серебра, а? Скажи, я помогу.

– Да сколько... – замылся Боцзюэ.

– Ну, чтобы на расходы хватило и одежду потом не пришлось

закладывать.

– Брат, будь так милостив! – взмолился Боцзюэ. – Мне бы двадцати лянов хватило. Я вот и обязательство заготовил, только сумму проставить не решился, а тем более заговорить. Ведь и так, брат, сколько раз я просил тебя об одолжении! Я на твою добрую волю полагаюсь.

Симэнь отказался принять его обязательство.

– Какой вздор! – воскликнул он. – Какие могут быть меж друзьями расписки?!

Пока они вели разговор, Лайань подал чай.

– Накрой стол и позови Ван Цзина, – наказал ему хозяин.

Немного погодя явился Ван Цзин.

– Ступай к матушке Старшей и попроси серебра, – говорил ему Симэнь. – Там в буфете за спальней два узелка остались от приема, те, что прислал его сиятельство цензор Сун. Пусть один выдаст.

Ван Цзин поклонился и вышел. Вскоре он появился с узелком в руке, который Симэнь тут же и вручил Боцзюэ.

– Бери! Тут должно быть пятьдесят лянов, – пояснял Симэнь. – Я не трогал. Проверь!

– Так много! – воскликнул Боцзюэ.

– Ничего, забирай! Сам же говоришь, вторая дочь подрастает. Ей наряды справишь и рождение сына отметишь.

– Верно ты говоришь!

Боцзюэ развернул узелок. В нем сверкали трехляновые слитки высокопробного сунцзянского серебра – пай высших чиновников уголовных управлений и окружных управ. Обрадованный Боцзюэ отвечивал Симэню земные поклоны.

– Где найдешь другого такого благодетеля, как ты, брат?! – говорил Боцзюэ. – И расписка не нужна, а?

– Какой ты глупый, сынок! – отвечал Симэнь. – Неужто в отчете с тебя обязательства потребуют! В любое время приходи, не откажу. Ведь и наследник этот – он как твой, так и мой. И нам обоим надлежит его растить. Это я тебе серьезно говорю. А как месяц справишь, вели Чуньхуа прийти. Пусть мне хоть в счет процентов послужит.

– Поглядел бы ты, до чего за эти два дня твоя матушка исхудала! – говорил Боцзюэ. – Вылитая твоя супруга-покойница.

Так они шутили в кабинете еще некоторое время.

– Да! А что с тестем Хуана Четвертого? – спросил Боцзюэ.

Симэнь рассказал, как он поручил дело Дайаню, и продолжал:

– Цянь Лунье написал письмо инспектору Ляю. Тот приказал доставить задержанных и сам учинил допрос. И тестя и шурина выпустили. Присудили только к уплате десяти лянов на похороны да палочным ударам, но это не в счет.

– Вот им повезло-то! – воскликнул Боцзюэ. – Да, такого благодетеля, как ты, брат, днем с огнем не сыскать. И даже от подношения отказался. Тебе их деньги, конечно, не в диковинку, а теперь отблагодарить того же Цяня пригодились бы. Но ты им не спускай! Пусть у певиц угощение устраивают да нас приглашают. Если ты не скажешь, я сам с Хуаном Четвертым поговорю. Легко сказать – шурина от верной смерти спасли!

Тем временем Юэнян вынесла узелок серебра Ван Цзину. К ней пришла Юйлоу.

– Мой брат Мэн Жуй пока у свояка Ханя остановился, – говорила она. – Собирается в Сычуань и южные провинции за товарами отъезжать, вот и пришел с батюшкой проститься. У меня сидит. Вы, сестрица, послали бы за хозяином слугу, а?

– Хозяин в саду в кабинете с Ином Вторым сидит, – объясняла Юэнян. – Как я пошлю? Сестрица Пань вон к хозяину ушла и никакого ответа. Тут нам приглашения от свашеньки Цяо посыльный принес, завтра в гости зовут. Сестрица Пань вызвалась хозяину доложить. Я успела посыльного накормить, а ее все нет и нет. Слуга, не дождавшись ответа, ушел ни с чем. Наконец, вижу – она появляется. Спрашиваю: «С хозяином говорила?» «Забыла», – отвечает, а немного помолчав, добавила: «Я, – говорит, – только речь завела, тут Ин Второй подоспел, и мне пришлось выйти. Разве их дождешься? Так приглашения в рукаве и ношу». Тут я не выдержала. Сама, говорю, взялась, а дело до конца не довела. Только человека зря ждать заставила. А она такая растерянная. Не представляю, что она там делала столько времени. Упрекнула я ее, и она к себе ушла.

Немного погодя вошел Лайань, и Юэнян послала его за Симэнем.

– Скажи, шурин Мэн Второй прибыл, – наказала она слуге.

Симэнь встал.

– Подожди, я сейчас приду, – сказал он Боцзюэ и направился к Юэнян.

– Может, тебе одной сходить? – предложил Симэнь, узнав о приглашении свашеньки Цяо. – Всем, по-моему, неудобно. У нас ведь траур.

– Тебя шурин Мэн ждет, – отвечала Юэнян. – Он на юг собирается. Да, а кому это ты серебро давал?

Симэнь рассказал ей о рождении сына у Чуньхуа.

– Брат Ин попросил, – говорил он. – Вторая дочь у него тоже подросла, а денег нет. Ему и одолжил.

– Вот оно что! – воскликнула Юэнян. – Наконец-то у него наследник появился. А ведь он уже в годах. Жена-то, наверно, обрадовалась. Надо будет ей что-нибудь послать в подарок.

– Непременно! – поддержал ее Симэнь. – А месяц исполнится, пусть вас на угощение приглашает. Надо ж посмотреть, как Чуньхуа выглядит.

– Выглядит, как и все, – засмеялась Юэнян. – Наверно, и глаза, и нос – все как полагается.

Она велела Лайаню пригласить шурина Мэна. Немного погодя появилась Мэн Юйлоу с братом. После взаимных приветствий Симэнь и Мэн Жуй завели беседу. Хозяин провел гостя в кабинет, где сидел Ин Боцзюэ, и распорядился накрывать стол.

Подали угощения и вино, и они сели пировать втроем. Симэнь распорядился принести еще прибор и пригласить сююя Вэня.

– Учителя Вэня нет дома, – вскоре доложил Лайань. – В гости к учителю Ни отбыли.

– Зятя позови, – наказал Симэнь.

Появился Чэнь Цзинцзи и, обменявшись приветствиями с Мэн Жум, сел сбоку. Симэнь поинтересовался, когда Мэн Жуй намечает выезд и как долго продлится его путешествие.

– Отбыть собираюсь второго в будущем месяце, – говорил Мэн Жуй, – а сколько займет поездка, сказать пока трудно. В Цзинчжоу надо будет закупить партию бумаги, а в Сычуани и южных провинциях – благовония и воск. Так что год или два потребуется. Туда направляюсь через Хэнань, Шэньси и Ханьчжоу, а возвращаться думаю водным путем – через Сяцзян и Цзинчжоу. В оба конца тысяч восемь ли выйдет.

– А сколько же вам лет? – спросил Боцзюэ.

– Двадцать шесть, – ответил Мэн Жуй.

– Такой молодой – и столько земель повидать! – говорил Боцзюэ. – Мы же вот до седых волос дожили, а все дома сидим.

Подали новые кушанья, наполнили чарки. Мэн Жуй пропировал до заката, потом откланялся. Его проводил Симэнь и вернулся к столу. Немного погодя слуги внесли два только что купленных сундука, и Симэнь велел Чэнь Цзинцзи наполнить их добром. Юэнян достала принадлежавшие Пингэр два комплекта парчовых одежд, которые положили в сундуки вместе с жертвенными слитками серебра и золота.

– Нынче ведь шесть седмиц после ее кончины, – говорил, обращаясь к Боцзюэ, Симэнь. – Вместо панихиды совершим сожжение этих сундуков.

– Как же бежит время! – воскликнул Боцзюэ. – Уж полтора месяца пролетело.

– Пятого семь седмиц выйдет, – говорил Симэнь. – Тогда уж закажем панихиду с чтением канонов.

– На этот раз, брат, позови читать буддийские каноны, – посоветовал Боцзюэ.

– Мне Старшая говорила, – пояснял Симэнь, – что покойница после появления сына обрекалась заказать молебен с чтением из «Канона об очищении от крови».^[1165] Она и сама хотела, чтобы за нее помолились буддийские монахини во главе с двумя инокинями, которые ее навещали.

На дворе стало смеркаться.

– Мне пора, – заключил Боцзюэ. – А то тебе еще жертвы невестке принести надо.

Боцзюэ склонился в почтительном поклоне.

– От всей души благодарю тебя, брат, – говорил он. – Твоей щедрой милости мне по гроб не забыть.

– Ну, довольно, сынок! – оборвал его Симэнь. – Ты лучше не забудь, что через месяц невесток принимать придется. Они с подарками к тебе придут.

– Зачем же им на подарки разоряться? – воскликнул Боцзюэ. – Я сам им приглашения пошлю. Пусть осветят своим присутствием мою жалкую лачугу.

– Да не забудь Чуньхуа нарядить и ко мне проводи, – продолжал Симэнь.

– Чуньхуа теперь сыном обзавелась и в тебе совсем не нуждается, – говорил Боцзюэ. – Она мне сама так сказала.

– Пусть чепуху не городит! – твердил свое Симэнь. – Погоди, я ей покажу, как только явится.

Боцзюэ с деланным смехом удалился, а Симэнь велел слугам убрать посуду и направился в покои Пингэр, где Чэнь Цзинцзи с Дайанем приготовили жертвенные сундуки.

В тот день пожертвования были доставлены из монастырей Нефритового владыки, Вечного блаженства и Воздаяния. Даосские монахи прислали изображение своего святого, Совершенного господина Драгоценной чистоты и светлого воплощения, а буддийские – одного из десяти царей загробного мира – Великого владыки

превращений из шестого дворца преисподней. От шуринов Хуа Старшего и У Старшего принесли по коробке с кушаньями и жертвенные предметы.

Когда Инчунь расставила кушанья и сладости, зажгла благовония и свечи, Симэнь велел Сючунь пригласить Юэнян и остальных хозяек. После сожжения жертвенной бумаги вынесли за ворота сундуки с жертвенными принадлежностями, и Чэнь Цзинцзи присутствовал при их сожжении, но не о том пойдет речь.

Да,

Душа достойной, благородной
не умирает вместе с телом,
И возрожденье к новой жизни
становится ее уделом.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ЧЖЭН АЙЮЭ, КОКЕТНИЧАЯ, ДАЕТ ПОНЯТЬ О СВОЕМ СКРЫТОМ НАМЕРЕНИИ

ДАЙАНЬ СБИВАЕТСЯ С НОГ В ПОИСКАХ ТЕТУШКИ ВЭНЬ

*Увы, увяла красота
цветов последних навсегда,
И на рассвете за окном
лишь хлопья белые танцуют.
Побили пышную листву
и умертвили холода,
Вас, покровители цветов,
ничьи призывы не волнуют.
Очнулся от весенних грез –
тоски осенней не избыть.
Принесший об Улине весть
исчез^[1166] – стою пред гладью водной.
Игрою на свирели мне
печаль хотелось бы излить,
Да ветер хлещет по лицу,
сырой, порывистый, холодный.*

Итак, сжег тогда Симэнь бумажные деньги перед поминальной дщицей Ли Пиньэр и отправился ночевать к Пань Цзиньянь.

На другой день Ин Боцзюэ прислал ему лапши долголетия, а потом прибыл Хуан Четвертый с шурином Сунь Вэньсяном. Они преподнесли Симэню свиную тушу, жбан вина, двух жареных гусей, четырех куриц и две коробки фруктов. Симэнь никак не хотел

принимать подарки, но Хуан Четвертый беспрестанно кланялся и вставал на колени.

– Мы не знаем, как нам благодарить вас, батюшка, за спасение Сунь Вэньсяна, – говорил он. – За неимением ничего другого умоляем принять эти скромные знаки нашего искреннего почтения. Примите, сгодятся слуг побаловать.

Долго он упрашивал Симэня. Наконец тот принял лишь свиную тушу и вино.

– Ладно, – согласился Симэнь. – Почтенному Цяню пойдут.

– Мы хлопотали как могли, – говорил Хуан Четвертый, – а вы нас в неловкое положение ставите. Не нести же коробки домой. Позвольте узнать, когда вы будете свободны. Мы уже говорили с дядей Ином и вас приглашаем, батюшка, на скромное угощение к певицам.

– Он вам назовет – только слушайте! – заметил Симэнь. – Напрасно вы беспокоитесь!

Хуан Четвертый с шурином, рассыпаясь в благодарностях, откланялись. Симэнь наградил принесших подарки.

Настал первый день одиннадцатой луны. Вернувшись из управы, Симэнь отбыл на пир к уездному правителю Ли, а Юэнян, скромно одетая, одна отправилась в паланкине на день рождения дочери свата Цяо.

Ни хозяина, ни хозяйки дома не было. Между тем, монахиня Сюэ тайком от Ван купила две коробки подарков и после обеда пришла навестить Юэнян. Наставница, оказывается, прослышала о намерении Юэнян позвать пятого числа, в седмицу со дня кончины Пиньэр, восемь монахинь для совершения панихиды с чтением из «Канона об очищении от крови». Но хозяйки дома не оказалось, и Ли Цзяоэр с Мэн Юйлоу угостили монахиню чаем.

– Старшая сестра на дне рождения дочери свата Цяо, – объяснили они. – А вы, матушка, уж обождите ее. Она очень хотела с вами повидаться и за службы расплатиться.

Монахиня Сюэ осталась.

Пань Цзиньянь знала от Юйсяо, что Юэнян понесла, как только приняла составленное монахиней снадобье с наговорной водой. После же смерти Ли Пиньэр хозяин спутался с кормилицей Жуи, и Цзиньянь боялась, что Жуи, чего доброго, родит и завладеет хозяином, поэтому она незаметно зазвала монахиню Сюэ к себе в покои, где одарила ее наедине ляном серебра и попросила достать средство для зачатия из детского места первенца мальчика, но не о том пойдет речь.

К вечеру вернулась Юэнян и оставила у себя на ночь монахиню. На другой день Юэнян попросила Симэня наградить Сюэ пятью лянми серебра за совершение поминальных служб. Сюэ, ни слова не сказав ни монахине Ван, ни старшей наставнице, рано утром пятого привела восемь инокинь. В крытой галерее они соорудили алтарь, развесили на всех дверях и воротах амулеты и начали декламировать заклинания из сутр «Цветочной гирлянды».^[1167] и «Алмазной», молиться об очищении от крови, разбрасывать рис и цветы. Затем обратились к «Просветляющей сутре тридцати пяти будд»^[1168] К вечеру устроили обряд кормления голодного духа, изрыгающего пламя.^[1169]

Присоединиться к трапезе были приглашены невестки У Старшая и Хуа Старшая, шурин У Старший, Ин Боцзюэ и сюцай Вэнь. Монахини совершали службу только под удары в деревянную рыбу^[1170] и ручной гонг.

Боцзюэ в тот же день привел слугу Хуана Четвертого, Хуан Нина, который вручил Симэню приглашение на седьмое число. Угощение устраивалось в заведении у Чжэн Айюэ.

– Седьмого я занят, – прочитав приглашение, заметил с улыбкой Симэнь. – Вот завтра свободен. А кто да кто будет?

– Меня позвали да Ли Чжи, вот и все, – отвечал Боцзюэ. – Четыре певицы будут исполнять сцены из «Западного флигеля».

Симэнь распорядился накормить слугу.

– Какие же подарки тебе прислал Хуан Четвертый? – полюбопытствовал Боцзюэ, как только слуга удалился.

– Не хотел я у них ничего брать, – заговорил Симэнь. – Но они до земли кланялись, упрашивали... пришлось, наконец, взять свиную тушу и вино. К ним я добавил два куса белого шелка и два куса столичной парчи да пятьдесят лянов серебра и отослал почтенному Цянь Лунье.

– Разве хватило бы тебе, если б не взял тогда у него серебро?! – говорил Боцзюэ. – Сам бы теперь раскошеливался. Четыре куса шелку, считай, тридцать лянов стоят. За спасение двоих, стало быть, всего-навсего двадцать лянов? Где ему найти такого благодетеля? Да, дешево, надо сказать, отделался! Они просидели до самого вечера.

– Так завтра приходи, не забудь! – наказал Ину хозяин.

– Обязательно! – отозвался тот и ушел.

Монахини затянули службу вплоть до первой ночной стражи. Завершилась она сожжением жертвенных сундуков.

На другой день с утра Симэнь отправился в управу. Между тем, утром же в дом Симэня явилась только что прослышавшая о панихиде

монахиня Ван.

– Значит, мать Сюэ панихиду отслужила и деньги забрала? – спросила она Юэнян.

– А ты что ж вчера не приходила? – удивилась хозяйка. – Ты, говорят, у императорской родни Ванов была, день рождения справляла?

– Да? Ну и Сюэ! – воскликнула Ван. – Вот старая шлюха! Ловко она меня обставила! Перенесли, говорит, панихиду. Шестого, мол, служить будем. И деньги, небось, все прикарманила? Мне ничего не оставила?

– Как так перенесли? – изумилась Юэнян. – Мы ей за все уплатили. Но я припасла тебе кусок холста. – Она обернулась к Сюэюй: – Ступай принеси синий холст и что осталось от вчерашней трапезы.

– Как же я оплошала! – ворчала Ван. – Все заграбастала шлюха. Сколько она у матушки Шестой серебра за канон вытянула! Вместе хлопотали, выручку мол, пополам, а теперь денежки себе присвоила?

– Матушка Сюэ говорила, что покойница дала тебе пять лянов на чтение «Канона об очищении крови», – вспомнила Юэнян. – Что ж ты не читала?

– Я ж приглашала к себе четырех наставниц, как только вышло пять седмиц, – оправдывалась Ван, – и мы долго молились за упокой души покойной матушки.

– И ты до сих пор не могла мне сказать? – поразилась Юэнян. – Я бы одарила тебя за усердие.

Смущенная монахиня Ван, не проронив ни слова, еще посидела немного и поспешила к Сюэ, чтобы высказать все, что у нее накопело.

Послушай, уважаемый читатель! Никогда не привечай этих грязных тварей! У них только вид инокинь, а нутро распутниц. Это как раз они не способны очистить в себе шесть корней,^[1171] и просветить свою природу. Греховницы, отвергли обет и воздержание, потеряли стыд и совесть и погрязли в пороках. Лицемерно проповедуя милосердие и сострадание, они жаждут корысти и плотских утех. Что им до грядущего возмездия и перерождений, когда они заморожены мирскими удовольствиями и соблазнами! Они умеют обмануть обиженных судьбою девиц скромного достатка и тронуть за душу чувствительных жен богачей. В передние двери они впускают жертвователей и попечителей с дарами^[1172] а из задних дверей выбрасывают своих новорожденных младенцев. Когда же сватовство венчает свадьба, их братия от радости ликует.

Тому свидетельством стихи:

Все иноки с монашками
живут семьей, бесплодные.
В день лун-хуа^[1173] ведут они
попойки ежегодные.
Мечтают под дракон-цветком
они плодиться, подлые.
Но не к чему златым ножом
срезать цветы негодные.

Так вот. Когда Симэнь вернулся из управы и сел завтракать, пожаловал Ин Боцзюэ. На нем была новая атласная шапочка, куртка цвета алоэ и черные сапоги на белой подошве.

– День к обеду клонится, – отвешивая поклон, заговорил Боцзюэ. – Пора на пир собираться. Они ждут, волнуются. Сколько раз приглашали.

– Надо Куйсюаня с собой взять, – сказал Симэнь и обернулся к Ван Цзину. – Учителя Вэня пригласи.

Слуга вышел и немного погодя вернулся.

– Учителя Вэня нет дома, – докладывал он. – У друга в гостях. Хуатун за ним пошел.

– Да разве его дождешься? – махнул рукой Боцзюэ. – Уж эти сюаи, дело, не дело, только и знают в гости ходить. А нам с какой стати время терять?

– Для дяди Ина каурого седлай! – приказал Циньтуну Симэнь.

– Нет уж, уволь! Я верхом не поеду, – отказался Боцзюэ. – Мне звон бубенцов ни к чему! Лучше я пораньше выйду, пешком доберусь, а ты в паланкин садись.

– Это еще вернее! – согласился Симэнь. – Ступай!

Боцзюэ поднял руку в знак согласия и поспешил на пир, а Симэнь, распорядившись, чтобы его сопровождали Дайань с Циньтуном и четверо солдат, велел им приготовить теплый паланкин.

Только он собрался отбыть, как вбежал запыхавшийся Пинъань с визитной карточкой в руке.

– Его сиятельство Ань из Ведомства работ прибывают с визитом, – доложил он. – Вот визитную карточку гонец доставил. Скоро будут лично.

Симэнь тотчас же велел поварам готовить кушанья, а Лайсина послал купить изысканных закусок и сладостей.

Немного погодя пожаловал сам Ань Чэнь. Его сопровождала многочисленная свита. Симэнь в парадном одеянии вышел ему навстречу. На госте был закрытый, застегивавшийся на правом плече

халат с круглым воротом и яркой нашивкой – квадратным знаком отличия, изображавшим цаплю, летящую в облаках,^[1174] халат был перехвачен поясом, обтянутым камчатым шелком с золотой нитью.

После взаимных приветствий гость и хозяин заняли свои места. Подали чай, и они обменялись любезностями.

– Ваше сиятельство, – начал Симэнь, – я глубоко сожалею, что не поздравил вас со столь блистательным повышением. Вы удостоили меня высокой чести, одарив драгоценным посланием и щедрыми дарами, я же был занят в то время похоронами и, прошу прощения, не выбрал времени вас поблагодарить.

– Это мне следует перед вами извиниться, что до сих пор не выразил вам глубокого соболезнования, – отвечал Ань. – Но по прибытии в столицу я сразу же сообщил о постигшем вас горе Юньфэну. Не знаю, послал ли он вам пожертвования.

– Да, прислал, не взирая на расстояние, – подтвердил Симэнь. – Участие свата Чжая меня глубоко тронуло.

– А вас, Сыцюань, – продолжал Ань, – в этом году наверняка ждет повышение.

– Что вы! Ваш покорный слуга – человек бесталанный и неспособный, – говорил Симэнь. – Смею ли я мечтать о такой чести? Это вы, ваше сиятельство, получили прекрасное назначение, и теперь есть где развернуться вашим высоким талантам. Вся Поднебесная преклоняется перед вашим подвигом – упорядочением Империи.

– О, Сыцюань, я никак не достоин таких похвал, – начал Ань. – Я всего-навсего бедный ученый, который незаслуженно вышел победителем на высочайшем экзамене и стал мелким чиновником. Я б им так и остался, если б не повышение, которого удостоил меня его превосходительство господин Цай. Год провел я на ирригационных работах. В усердном служении государю, не зная отдыха, объехал я все реки и озера Империи. И вот опять получил высочайший указ восстановить речные пути. Можете себе представить, сколь нелегкое это дело, когда народ беден, а казна истощена! Видите ли, всюду, где проходили суда с мрамором для государева дворца, снесены дамбы и уничтожены шлюзы. Хлебнули там горя и народ и правители! В Гуачжоу, Наньване, Гутоу, Юйтае, Сюйпэе, Льюляне, Аньлине, Цзинине, Суцзяни, Линцине и Синьхэ хозяйство полностью разрушено.^[1175] В реках Хэбэя и Хэнани воды не осталось – один ил. В крайней нищете живет народ восьми областей. Кишмя кишат разбойники. Казна пуста. Так что будь ты хоть семи пядей во лбу, ничего не поделаешь.

– Но с такими выдающимися способностями, как у вас, ваше сиятельство, можно скорейшим образом завершить любое начинание, – заверил гостя Симэнь. – А указан ли срок в высочайшем эдикте, позвольте вас спросить?

– Да, водный путь предписано восстановить в три года, – пояснил Ань. – По завершении работ государь император намеревается совершить благодарственный молебен духам рек с принесением жертв.

Во время разговора Симэнь распорядился накрыть стол.

– Прошу прощения, сударь, – обратился гость. – По правде говоря, мне еще предстоит визит к Хуан Тайюю.

– Но побудьте хоть немного еще, прошу вас, – уговаривал гостя хозяин и велел угостить сладостями сопровождающих Аня лиц.

Вскоре на столе появилось обилие весенних яств и вино. В шестнадцати сервизных блюдах подали кушанья – свиные ножки, кур, гусей, уток, свежую рыбу и баранину, требуху и легкое, рыбные бульоны и пр. Поставили чашки с белоснежным отборным рисом нового урожая. В оправленных серебром кубках искрилось вино. По соседству с деликатесами стояли блюдца с обсахаренными орехами. Пенились наполненные до краев небольшие золотые чарки. Сопровождающих Ань Чэня также угощали вином и мясом, деликатесами и сладостями.

Начальник Ань осушил всего три чарки и стал откланиваться.

– Позвольте мне лучше навестить вас еще раз на этих днях, – говорил он.

Когда хозяину не удалось удержать гостя, он проводил начальника Аня к воротам, и тот отбыл в паланкине.

Симэнь вернулся в залу, снял парадные шапку с поясом и, перевязав голову обыкновенной повязкой, остался в лиловом бархатном халате, который украшала квадратная нашивка – знак отличия с изображением льва.^[1176]

– Ступай, узнай, не пришел ли учитель Вэнь, – наказал он слуге.

– Нет еще, – отвечал Дайань, вернувшись. – Тут вон Чжэн Чунь со слугой дяди Хуана Четвертого, Лайдином, вас заждались, на пир приглашают.

Симэнь сел в паланкин. Его сопровождали слуги и солдаты. Когда он прибыл к дому Чжэн Айюэ, толпа зевак расступилась. У ворот стояли навытяжку два сторожа. Чжэн Чунь с Лайдином доложили о госте.

Ин Боцзюэ и Ли Чжи, игравшие в двойную шестерку, поспешно отложили игру. Навстречу Симэню вышли Айюэ и Айсян.

Причесанные по-ханчжоуски, нарумяненные и подпудренные, украшенные цветами сливы и бирюзой, они в отделанных мягкой выдрой и пушистым зайцем нарядах походили на фей цветов. Встретив гостя у паланкина, они проводили его в гостиную. Симэнь не велел, чтобы его встречали музыкой. Первыми ему отвесили поклоны Ли Чжи и Хуан Четвертый, потом вышла хозяйка дома и, наконец, перед ним грациозно склонились в приветствии сестры Айюэ и Айсян.

В гостиной стояли два кресла, в которых разместились Симэнь Цин и Ин Боцзюэ. По бокам уселись Ли Чжи, Хуан Четвертый и обе певицы.

– Паланкин прикажете оставить или отправить домой? – спросил Симэня стоявший рядом с ним Дайань.

Симэнь распорядился, чтобы солдаты отнесли паланкин, а Циньтуну наказал заглянуть к сюаю Вэню.

– Если учитель дома, оседлай ему каурого, – велел он.

Циньтун поклонился и ушел.

– Что ж ты, брат, до сих пор не приходил, а? – спрашивал Боцзюэ.

Симэнь рассказал ему о визите начальника Ань Чэня. Немного погодя Чжэн Чунь подал чай. Айсян поднесла чашку Боцзюэ. Айюэ ухаживала за Симэнем.

– Прошу прощения! А я-то думал, ты меня угостить хочешь, – протянув руки к Айюэ, воскликнул Ин Боцзюэ.

– Больно многого ты захотел! – заметила Айюэ.

– Вот негодница! – заворчал Боцзюэ. – Только за своим ненаглядным ухаживает, а на гостей ей наплевать.

– Какой гость нашелся! – говорила Айюэ. – Тут и без тебя есть за кем поухаживать.

После чаю со стола убрали посуду, а немного погодя появились четыре певицы, которые должны были исполнять сцены из «Западного флигеля». Стройные и гибкие, точно цветущие ветки, с развевающимися вышитыми поясами, они приблизились к Симэню и отвесили низкие поклоны. Симэнь спросил каждую, как ее зовут, а потом обратился к Хуану Четвертому:

– Когда они будут петь, мне бы хотелось услышать это в сопровождении ударных, а не струнных.

– Как прикажете! – отозвался Хуан Четвертый.

Появилась хозяйка заведения.

– Вам, может, холодно, батюшка? – спросила она Симэня и велела Чжэн Чуню опустить зимние занавеси, подбросить в жаровни лучшего угля и благовоний.

В дверях показались головы бездельников-прилипал, прослышавших о прибытии в заведение почтенного Симэня, у которого можно пожить. Они столпились у дверей, но войти не решались. Один из них, знакомый с Дайанем, отвесил слуге почтительный поклон и попросил замолвить хозяину словечко. Дайань осторожно подошел к Симэню и шепнул на ухо, но стоило тому только раз крикнуть, как от ватаги и след простыл.

Подали фрукты и вино. В центре стояли два стола. Один из них занял Симэнь, за другим должны были сидеть Боцзюэ и сючай Вэнь, место которого оставалось пустым. За столом сбоку разместились Ли Чжи и Хуан Четвертый. По правую руку устроились обе сестры. Столы ломились от диковинных яств. В золотых вазах красовались цветы. Тут же расположились певицы.

Только налили вино, появился сючай Вэнь. На нем были высокая шапка, расшитый облаками зеленый халат, белые туфли и бархатные чулки. Он сложенными руками приветствовал собравшихся.

– Что так поздно, почтеннейший учитель? – обратился к нему Боцзюэ. – Место ваше давно пустует.

– Прошу прощения, господи! – извинялся Вэнь. – У однокашника задержался. Не знал, что меня ищут.

Хуан Четвертый поспешно поставил перед сючаем чарку и положил палочки. Вэнь занял место рядом с Боцзюэ.

Подали особый суп из потрохов, заправленный молодым луком и зеленью, а к нему рис и кислый консервированный имбирь.

После выступления двоих певцов вино полилось рекой и песням не было конца. Вышли четыре певицы и исполнили два акта «Наслаждаясь искусством на Срединной равнине».^[1177]

Вошел Дайань.

– Прибыли У Хуэй с Ламэем, – докладывал он. – Принесли чай от барышни Иньэр.

У Иньэр, надобно сказать, жила за домом Чжэнов, через переулок. Узнав, что у сестер Чжэн пирует Симэнь, она сразу же велела преподнести ему чаю.

Симэнь велел ввести прибывших.

– Барышня Иньэр просила поднести вам, батюшка, этот чай, – говорили, отвесив земные поклоны, У Хуэй и Ламэй.

Они открыли коробки. В них был ароматный чай с орехами, каштанами, подсолненными ростками бамбука, кунжутом и лепестками розы.

– Что делает Иньэр? – спросил Симэнь.

– Ничего. Дома сидит, – отвечал Ламэй.

Симэнь попробовал чай и наградил принесших тремя цянями серебра, а Дайаню велел пойти вместе с У Хуэем.

– Ступай пригласи барышню Иньэр, – сказал он.

Не растерялась и Чжэн Айюэ. Она тут же обернулась к Чжэн Чуню.

– И ты иди! Позови сестрицу. Скажи: если не придет, товаркой считать перестану.

– Ой, умомила! – воскликнул Боцзюэ. – Товарка?! По постельным делам, что ли?

– Как вы, почтенный Наньпо, не понимаете человеческую природу! – вставил сюцай Вэнь. – Издревле известно, что подобное тянется к подобному: «Однородные звуки отвечают друг другу, однородные вещи ищут друг друга».^[1178] Рожденное Небом стремится кверху, вышедшее из Земли тяготеет книзу. Вот оттого они друг дружку товарками и считают.

– А тебе, Попрошайка, Чжэн Чунь скорее под стать, – заметила Айюэ. – Куда его позовут, там и ты торчишь.

– Ах ты, глупышка! – воскликнул Боцзюэ. – Я ведь старый потаскун. Ты еще в утробе была, а я уж с твоей матерью шился. Все засмеялись.

Повара подали свиные ножки, а также бараний окорок, украшенный свежей зеленью, поджаренный с луком мясной фарш, суп из легкого, потроха и прочее.

Вошли певицы и запели цикл арий «Тьма солдат-бунтовщиков».^[1179] Симэнь подозвал певицу, исполняющую партию Иньин, и спросил:

– Ты из дома Ханей?

– А вы ее не узнали, батюшка? – вмешалась Айсян. – Это Сяочоу, племянница Хань Цзиньчуань. Ей только тринадцать исполнилось.

– Да, из нее выйдет толк, – продолжал Симэнь. – Она и теперь смыслена и поет хорошо.

Симэнь велел ей наполнить пирующим чарки. Хуан Четвертый, не зная покоя, потчевал гостей.

Вскоре прибыла У Иньэр. Ее прическу, украшенную бирюзой и рядом мелких шпилек, стягивал жемчужный ободок, из-под которого был выпущен белый гофрированный газовый платок. В ушах красовались золотые серьги-гвоздики. На ней были белая шелковая накидка на застежке, с вышитой каймой, и бледно-зеленая из шаньсийского шелка юбка, отделанная золотой бахромой по подолу. Из-под юбки виднелись черные атласные туфельки, расшитые

облаками.

Иньэр с веселой улыбкой отвесила земной поклон Симэню, потом поприветствовала сющая Вэня и остальных.

– Уморила да и только! – заметил Боцзюэ. – Ему, видите, земной поклон, а нам? Кивнула и ладно. Что мы, пасынки что ли какие? Так-то вы из «Веселой весны» к гостям относитесь! Будь у меня в руках управа, я б на тебя палок не пожалел.

– Вот Попрошайка! – опять вмешалась Айюэ. – Нет у тебя ни стыда ни совести. Больно многого захотел! Неужели тебя почитать, как батюшку?! Только и знает во все свой нос совать.

Все уселись. Иньэр посадили за столом рядом с Симэнем и тотчас же подали чарку и палочки.

– По ком же ты носишь траур? – спросил ее Симэнь, заметив у нее на голове белый платок.

– Как по ком? – удивилась Иньэр. – По вашей супруге, конечно.

Польщенный Симэнь подсел к ней поближе, и они разговорились.

Подали суп, и Айюэ наполнила Симэню кубок.

– Мне еще надо засвидетельствовать почтение матушке Чжэн, – выходя из-за стола, сказала У Иньэр и направилась в покои хозяйки.

Когда она вернулась, хозяйка велела Айюэ уступить ей место за столом, а служанке приказала растопить жаровню, чтобы гостья могла согреть руки.

Снова накрыли столы и подали горячие блюда. У Иньэр откусила пирожного, попробовала супу и, отложив палочки, разговорилась с Симэнем.

– Батюшка, вино порядком остыло, – проговорила она, беря чарку.

Вино тотчас же убрали и принесли подогретого. Чжэн Чунь наполнил чарки Боцзюэ и остальным. Когда выпили, Иньэр спросила Симэня:

– В седмицу панихиду служили?

– Да! – спохватился Симэнь. – Спасибо тебе за чай, который прислала в пятую седмицу.

– Что вы, батюшка! – отозвалась Иньэр. – Мы вам послали далеко не лучший. Только хлопот вам прибавили. Премного вам благодарны, батюшка, за щедрые дары! Мамашу они так растрогали. А мы с сестрицами Айюэ и Гуйце накануне седьмой седмицы договаривались опять чаю послать. Не знаю, служили у вас панихиду или нет.

– Да, звали монахинь, – говорил Симэнь. – Дома молились. Из родных никого не приглашали. Не хотели беспокоить.

– Как себя чувствует матушка Старшая и остальные хозяйки? –

поинтересовалась певица.

– Спасибо, все живы и здоровы.

– Придя домой, вы, должно быть, чувствуете себя таким одиноким, – продолжала Иньэр. – Ведь матушка скончалась так внезапно. Сильно тоскуете?

– Еще как! – вздохнул Симэнь. – Не передать словами. Вот тут, позавчера, прилег днем в кабинете и ее во сне увидел, так, право, от слез не мог удержаться.

– Еще бы! Умереть так скоропостижно!

– Вы там интимной беседой заняты, а мы, выходит, скучай, – не выдержал наконец Боцзюэ. – Чарки вина не поднесут. Хоть бы спели. А то я сейчас уйду.

Тут засуетились Ли Чжи и Хуан Четвертый. Сестры Чжэн наполнили чарки и, разместившись у стола близ жаровни, стали настраивать инструменты. К ним присоединилась и У Иньэр. Перед гостями предстали писанные красавицы. Приоткрыв алые уста и слегка обнажив белоснежные зубы, они запели на мотив трехкуплетной арии «Играю со сливы цветком» из цикла категории «чжун-люй» «Белая бабочка», и дивные голоса их слились воедино. Стройное пение, казалось, размягчило бы и камень, разогнало бы и тучи.

– Хоть бы чаркой их угостил, а то только петь заставляешь, – обратился к Боцзюэ Симэнь, когда певицы смолкли.

– Ничего! – протянул Боцзюэ. – Не помрут, небось. Пусть хоть навзничь лягут или вытянутся в струнку, пристроятся на боку или на одной ноге стоят, как петухи, я дело справлю. Или вот еще штучки-случки: конь ретивый скачет по полю, дикий лис мотает шелк, подносит фрукты обезьяна, а рыжий пес, знай, лапу подымает, бессмертный указывает путь, полководец полагается на арьергард, подпорка ночью устремилась к дереву. Вот, брат – свидетель, выбирайте любую.^[1180]

– Сказала б я тебе, Попрошайка проклятый! – заругалась Айсян. – Чтоб тебе ни дна ни покрышки, болтун несчастный!

Боцзюэ поставил на поднос три чарки.

– Пейте, дочки! – говорил он. – Сам чарку к губам поднесу. А не будете, вином оболью.

– Я нынче не пью, – заявила Айсян.

– А я выпью, – сказала Айюэ, – но с одним условием: ты сперва встанешь передо мной на колени и получишь пощечину.

– А ты что скажешь, Иньэр? – спросил Боцзюэ.

– Мне что-то нездоровится, – отвечала певица. – Ладно, выпью

полчарки.

– Слушай, Попрошайка! – предупреждала Айюэ. – Если не встанешь на колени, хоть век упрашивай, пить не буду.

– Встаньте же, батюшка, ради шуток встаньте, – просил Хуан Четвертый. – Может, она и смилуется.

– Простить не прошу, – отвечала Айюэ. – Дам пару пощечин и тогда осушу чарку.

– Вот ведь негодница! – ворчал Боцзюэ. – Хоть бы почтенного учителя Вэня постеснялась. Пристала с ножом к горлу.

Однако ему ничего не оставалось делать, и он опустил на колени. Айюэ не спеша засучила расшитый рукав, из-под которого показались тонкие, как стрелки лука весной, пальчики.

– Попрошайка проклятый! – заругалась она. – Будешь еще мне грубить, а? Дай слово, да во всеуслышание! А то пить не буду.

– Нет, я больше не посмею грубить тебе, Айюэ, – громко поклялся припертый к стенке Боцзюэ.

Айюэ дала ему две пощечины и осушила кубок.

– Вот потаскушка! – вставая, ругался Боцзюэ. – Нет у тебя ни совести, ни сочувствия. Все до дна выпила, хоть бы глоток оставила.

– Встань еще на колени! – говорила Айюэ. – Угошу.

Она наполнила до краев кубок и со смехом опрокинула его Боцзюэ прямо в рот.

– Негодница! – заругался Боцзюэ. – Весь халат залила. Я ж его первый раз надел. Придется с твоего возлюбленного взыскать.

После шуток все вернулись на свои места. Пришло время зажигать огни. Угощения кончились. Дайяня, Циньтуна, Хуатуна и Ин Бао угощали горячими кушаньями, вином и сладостями в покоях хозяйки.

Подали фрукты. Оттеснив сюэя Вэня, Боцзюэ хватал их со стола и отправлял в рот, а потом стал прятать в рукав.

Симэнь велел подать кости и предложил сюэю Вэню начать игру.

– Что вы, что вы, почтеннейший сударь! – отказывался сюэяй. – Вы начните.

Сели Симэнь и У Иньэр. Под пение четырех певиц было брошено двенадцать костей, и Симэнь выиграл. Все осушили по чарке. Иньэр обернулась к Вэню и Боцзюэ и выиграла у них партию. Айсян поднесла Симэню чарку вина, и они стали играть на пальцах. Потом Айюэ выиграла у Симэня, а Иньэр поднесла Ли Чжи и Хуану Четвертому по чарке.

Айюэ удалилась в спальню и вскоре появилась в новом одеянии. В узорной парчовой накидке, на которой красовались пробивающиеся

сквозь дымку языки пламени, в бирюзовую крапинку бледно-желтой юбке из ханчжоуского шелка с золотой бахромой по подолу, из-под которой виднелись расшитые цветами панталоны и остроносые, похожие на клюв феникса, ярко-красные туфельки, она выглядела настоящей красавицей. В обрамлении мягкой выдры и пушистого зайца напудренное личико Айюэ казалось при свете огней еще более белым и нежным.

Только поглядите:

Облик девы беспечной
При полночной луне
Белизной – безупречный,
Словно снег по весне.
Глаз сверканье подвижных,
Полукружье бровей,
Губы пухлые, вишни
И сочней и алей!
Ты стройна и изящна,
Как бамбук молодой, –
Как скульптурка из яшмы,
Фитилёк златой.
Грудь вздымается нежно –
Абрикос налитой...
Ночь любви неизбежна,
Обопрись на ладонь!

Айюэ сразу покорила Симэня. Захмелевший гость вдруг вспомнил Ли Пиньэр, которая, явившись во сне, наказывала ему не пристращаться к ночным пирушкам, встал из-за стола и вышел по нужде. Хозяйка тотчас же кликнула служанку и велела проводить гостя с фонарем. Айюэ тоже вышла за ним вслед и поднесла тазик с водой. Когда Симэнь вымыл руки, Айюэ взяла его за руку и повела к себе в спальню, где в полуоткрытое окно светила луна, а в серебряных подсвечниках уже ярко горели свечи. Было тепло как весной. Благоухали мускус и орхидеи. Расшитый облаками шелковый полог закрывал постель.

Симэнь снял верхний халат и, оставшись в легком белом одеянии, разместился вместе с Айюэ на кровати.

– Вы, батюшка, сегодня у нас заночуете, да? – спросила Айюэ и положила ноги ему на колени.

– Нет, домой поеду, – отвечал Симэнь. – Во-первых, здесь Иньэр –

неудобно, а кроме того, я лицо официальное, чиновное, а мы инспектора ждем. Как бы не нажать неприятностей. Уж я лучше как-нибудь к тебе днем загляну, ладно? Да, от души благодарю тебя за крендельки. Правда, целый день я тогда себе покою не находил. Ведь такие готовила только покойная Шестая. А после нее никто из домашних не умеет.

– Но их сделать большого труда не составляет, – заверила его Айюэ. – Надо только составные части правильно положить. Я тогда немного приготовила. Вам они, знаю, нравятся, вот я и велела Чжэн Чуню отнести. А орехи я сама нагрызла и у платка на досуге кисти выделала. Орехи, слышала, Попрошайка Ин чуть не все съел.

– А чего ты хочешь от бесстыжего Попрошайки! – говорил Симэнь. – Не успел я оглянуться, как он сгреб пригоршней. Мне только попробовать удалось.

– Ишь какой он ловкий! – негодовала Айюэ. – Только я и мечтала его ублажать! Да! Я вам, батюшка, очень благодарна за сливы в мундире. Видели бы вы, как они понравились нашей матушке. Она как раз простудилась и всю ночь кашляла, нам покоя не давала. Но стоило ей взять в рот эту сливу, как сразу же появилась мокрота, и она успокоилась. Так что нам с сестрицей их немного перепало. Мамаша у нас вместе с банкой забрала, и мы, разумеется, не решились у нее спросить.

– Не огорчайся! – успокоил ее Симэнь. – Я вам завтра еще банку пришло.

– А с Гуйцзе вы на этих днях виделись? – поинтересовалась Айюэ.

– Нет, с самых похорон ее не видел.

– А в пятую седмицу она что-нибудь вам прислала?

– Да, с Ли Мином.

– У меня к вам, батюшка, дело есть, – заговорила наконец певица. – Только если вы будете держать в тайне...

– Что такое? – спросил Симэнь.

Айюэ замялась.

– Нет, не скажу, а то сестры попрекать начнут, – после раздумья вымолвила Айюэ. – Скажут, за глаза сплетни распускаю. Неудобно.

Симэнь обнял ее.

– Ну скажи, в чем дело, – просил он. – Говори уж, болтушка, никому не передам.

Когда их разговор зашел довольно далеко, в спальню неожиданно-негаданно ворвался Боцзюэ.

– Ну их хороши же вы, однако! – громко заговорил он. – Нас

бросили, а сами любезничают.

– Ой! – воскликнула Айюэ. – До смерти напугал, настырный Попрошайка! Куда тебя занесло?!

– Уйди отсюда, пес дурной! – заругался Симэнь. – Что ж ты оставил и Куйсюаня, и Иньэр?

Однако Боцзюэ уселся рядом с ними на постель.

– Дай руку! – обратился он к Айюэ. – Только поцелую и уйду. Тогда милуйтесь себе сколько влезет.

С этими словами он вдруг схватил Айюэ за рукав, из которого показалась белоснежная, мягкая, как лебяжий жир, рука с серебряным браслетом. Рука эта казалась изваянной из прекрасного нефрита. На тонких точеных пальцах, напоминавших стрелки молодого лука, красовались золотые кольца.

– Дочка моя! – говорил восхищенный Боцзюэ. – Твои пальчики самим Небом предназначены для занятия, которому ты себя посвятила.

– Сгинь, проклятый! – заругалась Айюэ. – Я б тебе сказала.

Боцзюэ схватил Айюэ, поцеловал и пошел прочь.

– Вот Попрошайка проклятый! – закричала певица. – Грубиян несчастный! Врывается ни с того ни с сего, только людей пугает. Таохуа! – кликнула она служанку. – Погляди, ушел он или нет, и дверь запи.

Тут она стала рассказывать Симэню о Ли Гуйце и Ване Третьем с компанией.

– Видите ли, – говорила она, – Сунь Молчун, Рябой Чжу, Чжан Лоботряс, бездельники Юй Куань и Не Юэ, игроки в мяч Магометанин Бай и Шан Третий^[1181] за компанию с Ваном Третьим целыми днями у Ли Гуйце пропадают. Барич Ван недавно бросил Ци Сян и сошелся с Цинь Юйчжи. В двух домах все состояние спустил. За тридцать лянов меховую шубу заложил, у матери пару золотых браслетов взял и все Гуйце отнес. На месяц ее откупил.

– Ах она, потаскуха! – негодовал Симэнь. – Я ж запретил ей с этим негодяем шиться, а она все за свое. А ведь как заверяла, клятвы давала. Голову мне, выходит, морочила?

– Не гневайтесь, батюшка! – успокаивала его Айюэ. – Я вам скажу, как Вана отвадить. Так проучите, за все оплатите.

Симэнь заключил ее в объятия. Обвив ее шею своими белыми шелковыми рукавами, он прижался к ее благоухающим ланитам. Она тем временем достала из жаровни немного ароматов и спрятала к себе в рукав.

– Я вас научу, батюшка, – продолжала она. – Только чтобы никто

не знал, даже Попрошайка Ин. А то, чего доброго, слухи пойдут.

– Ну говори, дорогая! – шептал Симэнь. – Как проучить? Я ж не глупый, никому ни слова не скажу.

– Матери Вана Третьего, – начала Айюэ, – госпоже Линь, нет и сорока. А какие манеры! Подведет брови, подкрасит ресницы, нарядится... и собой красавица и умница. Ее сынок у певиц днюет и ночует, а она у себя дома поклонников принимает. Иногда, правда, выезжает – будто в женский монастырь помолиться, а на деле к своей сводне тетушке Вэнь. Все свидания через нее устраивает. Госпожа Линь в любовных делах слывет первой искусницей. Я вам, батюшка, говорю это потому, что свидеться с ней не так уж трудно. А другая зазноба – жена Вана Третьего. Этой только девятнадцать исполнилось. Племянница главнокомандующего Лу Хуана из Восточной столицы. Красавица писаная. Играет в двойную шестерку и шашки. Муженек у нее больше на стороне обретается, а она, как вдова, одна-одинешенька дома сидит и тоска ее снедает прямо смертельная. Руки на себя не раз накладывала – отжаживали. Словом, женщина на редкость. Если вам, батюшка, посчастливится сойтись с госпожой Линь, то вне сомнения и невестка вашей будет. Рассказ Айюэ возбудил в Симэне вожделение.

– Милая моя! – говорил он, обнимая Айюэ. – Откуда же ты знаешь все эти подробности, а?

Айюэ частенько звали в этот дом петь, но она об этом умолчала.

– Один мой знакомый как-то видался с госпожой Линь, – отвечала она уклончиво. – Тоже тетушка Вэнь сосватала.

– Так кто ж это? – заинтересовался Симэнь. – Уж не Чжан ли Второй, племянник богача Чжана с Большой улицы?

– Конопатый Чжан Маодэ, вы думаете? – переспросила Айюэ. – Ну и грубиян! Глаза сощурит, насильник. До смерти замучает. Пусть уж его девицы от Фаня принимают, да еще Дун Цзиньэр с ним путается.

– Тогда не знаю! – заключил Симэнь. – Ну кто же? Скажи!

– Так знайте, батюшка. Тот самый южанин, по воле которого я рассталась с девичеством. Он дважды в год навещается сюда по торговым делам. Всего на день-другой к нам заглядывает, но больше на стороне гуляет. Любитель случайных связей.

По душе пришлось Симэню предложение красотки.

– Раз ты любишь меня, дорогая, – говорил он на радостях, – я готов платить тридцать лянов в месяц твоей мамаше. Только чтобы никого больше не принимала. А я, как выберу время, буду навещать тебя.

– Если вы хоть немного привязаны ко мне, зачем говорить о тридцати лянх? – заверяла его Айюэ. – Дадите мамаше несколько

лянов и достаточно. А я была бы рада никого не принимать кроме вас, батюшка.

– Ну что ты! – возражал Симэнь. – Я непременно дам мамаше тридцать лянов.

Они легли и отдались утехам. На высокой постели лежал толстый тюфяк.

– Может, разденетесь, батюшка? – предложила она.

– Да нет, одежда не помешает. Может, заждались они там нас, а? [1182] Он подложил подушку. Она разделась и легла на бок. На ней была красная рубашка из шаньсийского тонкого шелка и панталоны.

Симэнь взял в руки лотосы-ножки Айюэ и отстегнул ее голубые шелковые панталоны. Его копье поддерживала серебряная подпруга. Красавица нежно прильнула к нему.

Только поглядите:

Раскрылся цветок – обнажил сердцевину игриво,
Колышется стан ее стройный, как гибкая ива.

Да,

Нежный цветок не терпит
грубого обращения,
Гнется он неустанно
от знойного дуновенья.
Гулко забилося сердце,
страсти своей не пряча.
Как оно неумно
жаждет любви горячей!
Цветок с мотыльком шептался,
к себе его призывая,
В утехах своих весенних
сытости полной не зная.

Душа красавицы все еще не насытилась, со страстью ничего нельзя было поделаться, и она тихонько звала возлюбленного. Весенним вечером пришло наслаждение во дворец Вэйян. [1183] Но вот семя уже было готово испуститься. Симэнь Цин от усиленной работы задышался, а раскрасневшаяся женщина непрерывно и нежно щебетала. Ее волосы, как черная туча, упали на подушки.

– Мой ненаглядный! – шептала она. – Не торопись, прошу тебя, милый!

Игра дождя и тучки, наконец, завершилась, и они привели себя в

порядок. Симэнь обмыл в стоявшем у постели тазике руки и стал одеваться. Потом, взявшись за руки, они направились к пирующим.

Инъэр, сидевшая рядом с Айсян, сюцай Вэнь и Боцзюэ тем временем бросали кости и играли на пальцах. Пир был в самом разгаре.

Когда появился Симэнь, все повставали, предлагая ему место.

– Хорош друг! – воскликнул Боцзюэ. – Бросил нас, а теперь выпить пришел? Ну держись!

– Да мы только поговорили, ничего особенного, – бросил Симэнь.

– Будет тебе оправдываться! – продолжал Боцзюэ. – Видал, как любезничали.

Боцзюэ наполнил большой кубок подогретым вином, и все стали пить за компанию с Симэнем. Четыре певицы начали петь.

– Паланкин подан, – объявил Симэню стоявший рядом Дайань.

Симэнь сделал знак слуге, и тот велел солдатам зажечь переносные фонари. Пирующие поняли, что Симэнь не намерен больше оставаться, и окружили его с чарками в руках.

– Спойте «Лишь красotka стыдливо...», – заказал он певцам.

– Хорошо! – отозвалась Хань Сяочоу и, взяв лютню, запела приятным голосом:

Лишь красotka стыдливо
подмигнула едва,
И по каменным плитам
заклубилась листва,
И под ветром игриво
растрепалась ботва,
А под ряской залива
в парном танце плотва.
Я любовной молитвой
в твоих снах колдовал,
И письмом похотливо
локоток целовал.

Инъэр поднесла чарку Симэню, Айсян угостила Боцзюэ, Айюэ ухаживала за сюцаем Вэнем. Осушили свои кубки и Ли Чжи с Хуаном Четвертым.

Снова полилась песня на тот же мотив:

А наперснице молвил:
по купцу ли товар?
Золотыми наполнил

полукруг рукава,
Чтоб к ущелью в межгорье
был незаперт замок.
Как студент я покорен,
от любви изнемог.^[1184]
Ночь тиха на просторе,
сторожа стражи бьют...
Пусть же буря ускорит
ожиданье уюта.

Выпили, и Симэнь велел опять наполнил чарки. Айсян ухаживала за Симэнем, Иньэр – за сюцаем Вэнем, Айюэ – за Ин Боцзюэ. Чжэн Чунь подносил подносил фрукты и закуски.

Запели на тот же мотив:

Я в хоромаш затворник,
твой владыка и раб,
Я дождем благотворным
Твои сны разыграл.
Мы как фениксов пара,
мы сестрица и брат,
Тёплой влагой распарен
твоих губ аромат.
Рог жемчужной струёю
всё вокруг оросил...
С петушиной зарёю
Сна рассеялся дым.

Выпили и опять заказали вина. Айюэ поднесла теперь кубок Симэню, Иньэр — Боцзюэ, Айсян – сюцаю Вэню

Опять запели на тот же мотив:

Разметались подушки,
кружева на полу.
Мы прильнули друг к дружке
в обоюдном пылу.
Сжаты острые брови,
закатались глаза.
Как весенней порою
над цветком стрекоза,
Я над телом призывным
изойду до краев,

Полноводьем приливным
изопью твою кровь.

Осушили чарки, и Симэнь стал откланиваться. Он велел Дайаню подать одиннадцать узелков с серебром. Каждая из певиц получила три цяня серебра, повара – пять цаней, У Хуэй, Чжэн Фэн и Чжэн Чунь – по три цяня, слуги и подававшие чай – по два цяня. Тремя цянями была одарена служанка Таохуа. Все награжденные земными поклонами благодарили Симэня. Хуан Четвертый никак не хотел его отпустить.

– Дядя Ин! – обращался он к Боцзюэ. – Ну, попросите же батюшку. Батюшка, ведь рано еще. Посидите немного, сделайте великое одолжение. Айюэ! Хоть бы ты уговорила батюшку.

– Да я и так уж просила, – отозвалась певица. – Никак не остается.

– Если б вы знали, сколько у меня завтра дел! – отвечал Симэнь и, поклонившись Хуану Четвертому и Ли Чжи, сказал: – Прошу прощения за беспокойство!

– Должно быть, вас плохо угощали, батюшка, вот вы и торопитесь, – говорил Хуан Четвертый. – Выходит, не угодили мы вам.

– Кланяйтесь матушке Старшей и остальным господам, – отвешивая Симэню земные поклоны, говорили Айюэ, Айсян и Иньэр. – Мы с Иньэр думаем как-нибудь выбрать время и навестить матушку Старшую.

– Будет время, заходите! – пригласил их Симэнь и, сопровождаемый слугами с фонарями, направился к выходу.

Мамаша Чжэн обратилась к гостю с поклоном.

– Посидели бы немного, батюшка! – говорила она. – Вы так торопитесь. Не по вкусу вам, должно быть, пришлись наши угощения. Сейчас рис подадут.

– Нет, я сыт, – отвечал Симэнь. – Благодарствую! Я б остался, если б не дела. Мне завтра утром надо быть в управе. Вон брат Ин посвободнее. Пусть он посидит.

Ин Боцзюэ хотел было откланяться вслед за Симэнем, но его удержал Хуан Четвертый.

– Если и вы нас покинете, нам совсем скучно будет, – говорил Хуан Четвертый.

– Ты попробуй лучше учителя Вэня удержи, – говорил Боцзюэ. – Тогда молодец будешь.

Сючай Вэнь между тем пробрался к воротам и пытался ускользнуть, но его схватил за талию Лайань, слуга Хуана Четвертого.

– Учителю Вэню есть на чем добираться? – спросил Циньтуна приблизившийся к воротам Симэнь.

– Да, осел ждет, – отвечал слуга. – За ним Хуатун присматривает.

– Ну и хорошо! – говорил сюцаю Симэнь. – Я поеду, а вы с братом Ином еще посидите.

Все вышли за ворота проводить Симэня.

– Так не забудьте, батюшка, что я вам говорила, – незаметно пожимая руку Симэню, напомнила Айюэ и добавила: – Только между нами!

– Конечно! – отозвался Симэнь.

– Передайте низкий поклон матушкам, – продолжала Айюэ. – А ты, Чжэн Чунь, проводи батюшку до дому.

– Низко кланяйтесь матушке Старшей! – вставила Иньэр.

– Вот потаскушки проклятые! – ворчал Боцзюэ. – Знаете, у кого руки погреть, к тому и подлизываетесь. Со мной вы приветов не передаете.

– Отстань, Попрошайка! – оборвала его Айюэ.

Вслед за Симэнем откланялась и У Иньэр. Ее провожал с фонарем У Хуэй.

– Иньэр! – крикнула Айюэ. – Увидишь Шатуна,^[1185] не проговоришься смотри!

– Само собой!

Опять все сели за столы. В жаровни подбросили угли. Снова заискрилось вино, полились песни и музыка. Веселый пир затянулся до третьей ночной стражи и обошелся Хуану Четвертому в десять лянов серебра. Три-четыре ляна ушло у Симэня, но не о том пойдет речь.

Симэнь сел в паланкин и, сопровождаемый двумя солдатами с фонарями, покинул заведение. Чжэн Чуня он вскоре отпустил. На том этот вечер и кончился.

На другой день утром к Симэню прибыл посыльный от надзирателя Ся с приглашением в управу для слушания дела о грабеже. Заседание длилось вплоть до полудня.

После обеда к Симэню явился от свояка Шэня слуга Шэнь Дин с письмом, в котором свояк рекомендовал в атласную лавку молодого повара по имени Лю Бао. Симэнь взял Лю Бао, а Шэнь Дину передал в кабинете ответ. Рядом с хозяином оказался Дайань.

– Поздно вчера вернулся учитель Вэнь? – спросил его Симэнь.

– Я успел в лавке выспаться, – говорил слуга. – Слышу: Хуатун стучится в ворота. Уже, наверно, третья ночная стража шла. Учитель

трезвый вернулся, а батюшка Ин, говорит, так захмелел, что его рвало. Время было позднее, и барышня Айюэ велела Чжэн Чуню проводить его до самого дома.

Симэнь расхохотался. Потом он подозвал Дайаня поближе и спросил:

– Знаешь, где тетушка Вэнь живет, а? Ну та, которая зятюшку когда-то сватала. Разыщешь? Мне с ней поговорить надо. Пусть в дом напротив подойдет.

– Нет, я не знаю тетушку Вэнь, – отвечал Дайань. – Я у зятюшки спрошу.

– Поешь и ступай спроси, да поторапливайся, – наказал Симэнь.

Дайань поел и направился прямо в лавку к Чэнь Цзинци.

– А зачем она тебе? – спросил Цзинци.

– А я почему знаю, – говорил слуга. – Батюшка спрашивает.

– Большую Восточную пройдешь, – начал объяснять Цзинци, – повернешь на юг. За аркой у моста Всеобщей любви повернешь на восток в переулок Ванов. Там примерно на полпути увидишь участок околоточного, а напротив будет Каменный мост. Обойди его и неподалеку от женского монастыря заверни в узенький переулочек. Пройдешь его – и на запад. Рядом с третьим домом – лавкой соевого творога – сразу заметишь на горке двустворчатые красные ворота. Там она и живет. Только крикнешь: «Мамаша Вэнь», она к тебе и выйдет.

– Так просто! – вырвалось у Дайаня. – Наговорил с три короба и думаешь, я запомнил? Ну-ка, еще раз объясни.

Чэнь Цзинци повторил.

– Совсем рядом! – воскликнул слуга. – Придется лошадь седлать.

Дайань вывел рослого белого коня, оседлал его, взнуздал и, вдев ногу в стремя, ловким движением вскочил в седло. Достаточно оказалось удара хлыста, и конь помчался галопом.

Дайань миновал Большую Восточную улицу и помчался на юг. За аркой у моста Всеобщей любви он поскакал по переулку Ванов. Примерно посередине его в самом деле располагался участок околоточного, а напротив, за ветхим Каменным мостом, тянулась красная стена монастыря Великого сострадания. Когда Дайань повернул в узкий переулочек, там на северной стороне ему бросилась в глаза вывеска торговца соевым творогом, а у ворот суежилась пожилая женщина, сушившая конский навоз.

– Мамаша! – крикнул Дайань, оставаясь в седле. – Здесь живет сваха тетушка Вэнь?

– Вот в доме рядом, – отвечала женщина.

Дайань устремился к соседнему дому и очутился, как и говорил Цзинци, у двустворчатых красных ворот. Дайань спешился и постучал хлыстом в ворота.

– Тетушка Вэнь дома? – крикнул он.

Ворота открыл сын хозяйки Вэнь Тан.

– Вы откуда будете? – спросил он.

– Меня прислал почтенный господин Симэнь, здешний надзиратель, – объявил Дайань. – Желает видеть тетушку Вэнь как можно скорее.

Узнав, что перед ним слуга судебного надзирателя Симэнь Цина, Вэнь Тан пригласил его в дом. Дайань привязал коня и пошел за сыном хозяйки. В гостиной были развешены амулеты с пожеланием барышей и жертвенники. Несколько человек подводили счета принесенным пожертвованиям.

Чай подали нескоро.

– Моей матушки сейчас нет дома, – заявил Вэнь Тан. – Я ей передам. Она завтра утром прибудет.

– Нечего меня обманывать! – оборвал его Дайань. – Как это ее нет, а осел на дворе?

Дайань встал и направился во внутренние комнаты. Тем временем тетушка Вэнь с невесткой и несколькими женщинами как ни в чем не бывало распивала чай. Спрятаться она не успела, и ее увидел Дайань.

– А кто это?! – вопрошал Дайань. – Что ж ты мне голову-то морочишь? А что я батюшке скажу? Ты меня в грех не вводи!

Тетушка Вэнь громко рассмеялась и поприветствовала Дайаня поклоном.

– Прости, братец! – говорила она. – Скажи батюшке, что у меня гости. Я завтра приду. А зачем он меня, собственно, зовет?

– Велел тебя доставить, а зачем, он мне не докладывал, – отвечал слуга, – не знал я, что ты в таком захолустье обитаешь. Замаялся, пока разыскал.

– Все эти годы батюшка без меня обходился, – начала Вэнь. – А ведь он и служанок покупал, и личные дела устраивал. Тогда ему Фэн, Сюэ и Ван, выходит, угождали. Во мне он не нуждался. С чего ж это вдруг в холодном котле бобы начали трескаться, а? С чего это вдруг обо мне вспомнил? Впрочем, догадываюсь. Небось, посватать попросит. Ведь со смертью матушки Шестой гнездышко пока пустует.

– Да не знаю я! – повторил Дайань. – Батюшка сам скажет.

– Устал ты, братец, присаживайся! – предложила Вэнь. – Погоди, вот провожу гостей и пойдем.

– А кто ж за конем посмотрит? – спросил слуга. – Батюшка мне приказал доставить тебя без малейшего промедленья. Дело, говорит, неотложное. А ему еще надо на пир к почтенному господину Ло успеть.

– Ну ладно! – согласилась наконец сваха. – Я тебя пока сладостями угошу, потом пойдем.

– Никаких мне сладостей не надо.

– Да! – продолжала Вэнь. – У молодой госпожи наследник не появился?

– Пока нет.

Хозяйка угостила Дайаня сладостями, а сама пошла переодеваться.

– Ты верхом поезжай, а я потихоньку дойду, – сказала она.

– У тебя ж, почтенная, осел вон стоит, – заметил слуга. – На нем поедешь.

– Какой еще осел? – удивилась сводня. – Это же соседа-лавочника. Попросил во дворе попасть. А ты думал – мой, да?

– Помнится, ты, бывало, на осле разъезжала, – заметил Дайань. – Куда ж он девался?

– Был когда-то! Да у меня ведь служанка руки на себя наложила. Родные жалобу подали, дело затеяли. Пришлось и дом-то продать, а ты про осла толкуешь.

– Дом – совсем другое дело, – заметил Дайань. – С домом проститься можно, но как ты с ослом своим рассталась, мамаша, прямо ума не приложу. Ведь ты ему ни днем ни ночью покою не давала. Да, заезживала ты его что надо – от усталости падал.

Сводня захохотала.

– Ах ты, макака несчастная! – заругалась она. – Чтоб тебе ни дна ни

покрышки! Я, старуха, дело тебе говорю, а ты как мне отвечаешь? Какой ты зубастый стал. Гляди, жениться подоспеет, поклонись еще старухе.

– Я ведь быстро скачу, а ты будешь до вечера плестись, – говорил Дайань. – Батюшка из себя выйдет. Садись-ка на коня – вместе поедем.

– Да я ж не зазноба твоя! – воскликнула Вэнь. – А люди увидят, что скажут?

– Тогда на соседского осла садись, – предложил слуга и добавил: – А лавочнику потом оплатим.

– Вот это другой разговор, – согласилась сводня и велела Вэнь Тану седлать осла.

Тетушка Вэнь надвинула на глаза пылезашитную повязку, и вместе с Дайанем они направились к Симэнь Цину.

Да,

Когда взбредет тебе на ум
с красоткой в тереме спознаться,

Ее наперснице тогда,
как свахе, можешь доверяться.

Тому свидетельством стихи:

Персиковый источник,
нету к нему дорог!

Радует ветер весенний
персика росный цветок.

Где-то в горах затерян
чудный источник тот.

Пусть же рыбак разузнает,
к влаге волшебной проход.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

СТАРУХА ВЭНЬ БЕЗ ТРУДА РАСПОЗНАЕТ ЖЕЛАНИЕ ГОСПОЖИ

ВАН ТРЕТИЙ, ЧИНОВНИК, ИЩЕТ ЗАЩИТУ У РАСПУТНИКА

*Он попытать решил судьбу и получил
ответ:*

*К небесной фее путь открыт. Ступай,
препятствий нет.*

*Она мела крыльцо и вдруг записку подняла,
А лунной ночью песнь Сыма^[1186] красотку
увлекла.*

*Свиданье в тутах^[1187] гонит прочь тоску,
унылый вид,*

*А ласка даже и Люся^[1188] сурового
смягчит.*

*Смеркается – бежит иной за полог
поскорей,*

*Чтоб отходную заиграть невинности
своей.*

Так вот. Добралась наконец тетушка Вэнь до дома Симэня. – Батюшка напротив, – объявил Пиньань и пошел доложить. Симэнь сидел в кабинете с сюцаем Вэнем. Завидев Дайаня, он прошел в малую гостиную.

– Тетушка Вэнь пожаловала, – доложил Дайань. – У ворот ждет.

– Зови! – приказал хозяин. Сваха едва слышно приподняла дверную занавеску и принялась бить челом Симэню.

– Давненько мы с тобой не видались! – говорил хозяин.

– Вот и явилась, – протянула Вэнь.

– Где ж ты теперь проживаешь?

– Беда у меня стряслась, – говорила сваха. – По судам маялась. Прежний дом потеряла. Теперь в переулке Ванов обретаюсь. Это у Большой Южной.

– Ну, встань! Дело есть.

Тетушка Вэнь встала рядом с Симэнем. Он приказал слугам выйти. Пинъань с Хуатуном остались в ожидании распоряжений за боковой дверью, а Дайань спрятался за занавесом, чтобы подслушать разговор.

– Так к кому же из именитых горожан больше ходишь? – спросил Симэнь.

– У императорских родственников с Большой улицы бываю, – начала сваха, – у воеводы Чжоу, императорского родственника Цяо, у почтенных господ Ся и Чжана Второго. Я со многими знакома.

– А в дом полководца Вана вхожа?

– Постоянно навещаю, – отвечала Вэнь. – Госпожа с невесткой то и дело цветы у меня берут.

– Так у меня вот к тебе какое дело будет, – начал Симэнь. – Только не откажи в услуге. Он достал серебряный слиток весом в пять лян и протянул его свахе Вэнь.

– Вот, стало быть, дело какое, – продолжал он шепотом. – Не могла бы ты как-нибудь позвать госпожу к себе, а? А я бы с ней и встретился. Я тебя за это отблагодарю. Тетушка Вэнь расхохоталась.

– Интересно, откуда вы, батюшка, про нее прослышали? Кто же вам мог сказать?

– Говорят, дерево тень отбрасывает, за человеком молва бежит, – уклонился от ответа Симэнь. – А почему бы мне не знать?!

– А госпожа Линь, скажу вам, батюшка, – серьезно заговорила сваха, – родилась в год свиньи. Тридцать пять, стало быть, вышло.^[1189] А на вид – тридцать, никак не больше. И умна, и речиста. Одним словом, другой такой не сыскать. А если она что себе и позволяет, то только в большой тайне. Скажем, во время выездов ее всегда окружает множество сопровождающих, которые криками разгоняют зевак. Но выезжает она только по необходимости и сейчас же спешит назад. Вот сына ее, господина Третьего, что правда, то правда, дома не застанешь, а она по чужим людям не ходит. Это только злые языки, может, наговаривают. Поглядели бы вы, батюшка, какой у нее дом! Целый дворец! Сколько одних дворов! Так что, случится, и придет гость, никто знать не будет. А вы говорите, ко мне! Да разве она пойдет на

окраину в убогую лачугу?! Нет, батюшка, я и серебра вашего не решусь взять. Если о намерении вашем госпоже намекнуть, это другое дело.

– Стало быть, не возьмешь? – спросил Симэнь. – Отнекиваешься? На зло хочешь навести? Устроишь свиданье, атласу поднесу.

– Что вы, батюшка! – взмолилась Вэнь. – При вашем-то недостатке я о награде не волнуюсь. Большой человек, говорят, лишь взглядом окинет – счастьем подарит. – Сваха отвесила земной поклон и, принимая серебро, в заключение сказала: – Ладно, поговорю с госпожой и вам ответ принесу.

– Ступай, а я ждать буду. Прямо сюда и приходи. Слугу посылать не буду, слышишь?

– Хорошо, батюшка! – отозвалась Вэнь. – Или завтра, или послезавтра, либо рано утречком, либо вечерком ждите весточку. С этими словами она и вышла.

– Мне твоего не нужно, – обратился к ней Дайань. – Но лян серебра вынь да положи. Я ж за тобой ходил. Не одной тебе пировать.

– Ишь ты, макака! Молокосос! – заругалась Вэнь. – Пока на воде вилами писано.

Тетушка Вэнь вышла за ворота и взобралась на осла. Ее сопровождал сын Вэнь Тан с фонарем в руке.

Симэнь Цин и сюцай Вэнь продолжали в кабинете беседу, когда прибыл надзиратель Ся. Его угостили чаем, и Симэнь в парадном облачении отправился вместе с ним на пир к сослуживцу Ло Ваньсяну. Вернулся Симэнь к вечеру, когда зажгли фонари.

Тем временем со слитком серебра, радостная, приехала домой тетушка Вэнь, а к обеду, проводив гостей, поспешила в дом полководца Вана. Она поклоном встретила вышедшую к ней госпожу Линь.

– Давно ты ко мне не заглядывала, – проговорила хозяйка.

Сваха рассказала ей о чаепитии, во время которого был дан обет совершить в конце года паломничество в горный буддийский монастырь и принести жертвы.

– А разве нельзя послать сына? – спросила Линь.

– Да где мне?! – подтвердила сваха. – Конечно, Вэнь Тана отправлю.

– Я тогда дам ему на дорожные расходы, – пообещала Линь.

– Премного вам благодарна, сударыня, за пожертвования. Госпожа Линь пригласила тетушку сесть поближе к огню. Служанка подала чай.

– А молодой господин дома? – отпивая чай, спрашивала Вэнь.

– Два дня не ночевал, – отвечала хозяйка. – Связался с этими бездельниками – от певиц не выходит. В лугах гуляет. А жену-цветок совсем бросил. Что делать, ума не приложу.

– А невестушка где же? – опять спросила гостя.

– Она из своих покоев не показывается. Тетушка Вэнь огляделась и, убедившись, что никого нет, сказала:

– Не отчаивайтесь, сударыня! Дело поправимое. Я знаю, как избавиться от шалопаев. А молодой господин сразу остепенится и перестанет навещать певиц. Я бы вам сказала, сударыня, как этого добиться, если вы, конечно, позволите.

– Да говори же, прошу тебя! – торопила ее хозяйка. – Я ж всегда прислушиваюсь к твоим советам.

– Видите ли, сударыня, – начала тетушка Вэнь, – прямо у городской управы проживает почтенный господин Симэнь, тысяцкий. Судебным надзирателем служит, чиновных особ ссужает, до пяти лавок держит: торгует атласом и лекарственными травами, шелком и шерстью. Корабли его бороздят воды всей империи. В Янчжоу соль продает, в Дунпин поставляет воск и благовония. У него приказчиков и управляющих не один десяток. Императорский наставник Цай ему отец приемный, главнокомандующий Чжоу – давнишний покровитель, а дворецкий Чжай сватом доводится. Ревизоры да инспектора с ним дружбу водят, не то что областные или уездные правители. А какими угодами владеет! От рису закрома ломаются. Все, что желтеет – золото, белеет – серебро, все круглое – жемчуг, а блестящее – самоцветы. Кроме старшей жены, дочери здешнего тысяцкого левого гарнизона, которая заменила покойную супругу, еще не то пять, не то шесть младших жен, а певиц да танцовщиц, приближенных горничных и служанок и не перечечь. Словом, что ни день – весенние празднества Холодной пищи,^[1190] что ни ночь – праздник фонарей. А год ему идет тридцать первый – тридцать второй,^[1191] не больше. Мужчина, можно сказать, что надо! И ростом взял, и собой красив. И в этих делах знает толк – снадобья принимает, чтобы мощи придать. В двойную шестерку и шашки играет, нет того, чего бы он не постиг! А какие подает мячи! Знает всех философов и ученых, мастер разгадывать шарады, нет того, в чем он не осведомлен! Одно скажу, мастак на все руки. Так все и схватывает на ходу – вот талант. Так вот, сударыня, прослышал он, что род ваш потомственный, знатный, а сынок у вас, господин Третий, в военном заведении обучается, и решил нанести вам визит. Но прийти так сразу не совсем удобно, а тут, как ему стало известно, ваш день

рождения подходит. Со всех концов, стало быть, подарки понесут, и так ему захотелось пожелать вам доброго здоровья! Что вы, говорю, батюшка! Как же так? Ни разу не видались и сразу подношения?! Погодите, говорю, я с госпожой посоветуюсь, тогда и нанесете визит. Разговор у нас, сударыня, шел даже не столько о знакомстве или свидании. Просто вы могли бы попросить его оградить молодого господина от этих бездельников, чтобы они не отвлекали его и не порочили репутацию вашего славного рода. Да, читатель! Ох уж эти женщины! Как воду влечет в низину, так и их – в омут.

– Но мы даже в глаза друг друга ни разу не видели, – усомнилась госпожа Линь. – Какая может быть встреча?

– Не беспокойтесь, сударыня! – заверила ее сваха. – Я поясню господину Симэню что к чему. Скажу, госпожа, мол, обращается к вам за советом. Прежде чем подавать жалобу на бездельников, которые увлекли ее сына, господина Третьего, она очень хотела бы с вами повидаться, так сказать, в частном порядке, с глазу на глаз. Чего тут особенного?

Госпоже Линь такое предложение пришлось весьма по душе, и она назначила свидание на вечер через день. Заручившись ее согласием, тетушка Вэнь отбыла восвояси, а на другой день к обеду пожаловала к Симэню. Тот только что вернулся из управы и от нечего делать сидел в кабинете.

– Тетушка Вэнь, – неожиданно объявил Дайань. Симэнь тотчас же прошел в малую гостиную и велел слугам опустить занавеси.

Немного погодя вошла тетушка Вэнь и земно поклонилась. Дайань знал в чем дело и вышел, оставив их наедине. Сводня рассказала, как она уговаривала госпожу Линь, как расхваливала ей Симэня, который-де и со знатными дружит, и справедлив, и бескорыстен, и в любовных делах большой знаток.

– Словом, она согласна, – заключила Вэнь. – Завтра вечером, когда молодого господина не будет дома, она устраивает для вас угощение. Все будет выглядеть как деловой разговор, а в действительности – свидание. Обрадованный Симэнь велел Дайаню принести тетушке Вэнь два куска атласа.

– Значит, завтра поедете, – говорила она. – Только не так рано. Когда зажгут огни и будет мало прохожих. Повернете, батюшка, в Пельменный переулок к задним воротам. Там увидите домик мамыши Дуань. Я у нее вас ждать буду. Постучите в ворота, я вас проведу, чтобы соседи не видали.

– Ясно, – проговорил Симэнь. – Ты пораньше отправляйся, да

никуда не отлучайся. Я точно вовремя приеду.

Тетушка Вэнь откланялась и поспешила к госпоже Линь. Симэнь провел ночь у Ли Цзяоэр, но о том вечере говорить больше не будем.

Симэнь с нетерпением ожидал свидания и старался быть на нем во всеоружии. В обед он, в парадной чиновничьей шапке, вместе с Боцзюэ отбыл верхом на день рождения к Се Сиде. На пиру были две певицы. Симэнь осушил несколько чарок, а с приближением сумерек покинул пирующих. Он ехал верхом. Его сопровождали Дайань и Циньтун. Шел девятый день месяца.^[1192] Тускло светила луна. Прикрыв глаза пылезащитной повязкой, Симэнь повернул с Большой улицы в Пельменный переулок и вскоре очутился у задних ворот дома полководца Вана. Только что зажгли фонари, и улицы опустели. Симэнь остановил коня немного поодаль от ворот и велел Дайаню постучаться к мамаше Дуань.

Мамаша Дуань, надобно сказать, жила тут в маленьком домике по рекомендации той же тетушки Вэнь и выполняла обязанности сторожихи у задних ворот. У ней-то обыкновенно и останавливались поклонники госпожи Линь, прежде чем проникнуть в господский дом. На стук вышла тетушка Вэнь и поспешно отперла ворота.

Симэнь вошел, не снимая повязки, а Дайаню наказал привязать коня под стрехою у дома напротив. Слуга потом стал поджидать хозяина у мамыши Дуань.

Сводня пригласила Симэня и, заперев за собою ворота, повела его узкой тропинкой мимо ряда строений, пока они не подошли к пятикомнатному дому, где жила госпожа Линь. Боковая дверь оказалась запертой. Тетушка Вэнь, как было условлено, тихонько стукнула дверным кольцом, и служанка тотчас же распахнула двустворчатую дверь. Сводня подвела Симэня к задней зале, и, отдернув занавеску, они вошли.

Ярко горели свечи. Прямо перед ними висел портрет досточтимого предка рода Ван Цзинчуна, князя Биньянского, наместника Тайюаньского.^[1193] Одетый в ярко-красный халат, затканый драконами о четырех когтях, с круглым воротом и поясом, украшенным нефритовыми бляхами, он восседал в покрытом тигровой шкурой кресле, погруженный в чтение военного трактата. Всем своим видом он походил на славного князя Гуаня,^[1194] только борода и усы у него были немного короче. Рядом с ним стояли копье и кинжал, лук и стрелы. Над входом красовалась ярко-красная лаковая надпись: «Зала верности покойному супругу». По обеим сторонам висели парные надписи, исполненные в древнем каллиграфическом стиле «лишу» на

крапленном золотом шелку. Одна гласила: *«Да пронесет сей род из поколения в поколение душевную чистоту и постоянство, коими славятся сосна и бамбук»*. Другая надпись возвещала: *«Да прославится Отчизна неувядаемыми подвигами сего рода – высокими, как горы и созвездие Ковш»*. Кругом висели каллиграфические надписи и редкие картины, лежали арфа и дорогие книги. Только Симэнь окинул взглядом залу, как послышался звон колокольчиков у дверной занавески и появилась тетушка Вэнь с чаем.

– Можно почтить госпожу поклоном? – спросил ее Симэнь, отпивая чай.

– Откушайте чайку, батюшка, – потчевала Вэнь. – А госпоже я доложила.

Хозяйка между тем из-за ширмы украдкой разглядывала Симэня, человека солидного, представительного, изысканного языком изысканным, словом, особу необыкновенную. На нем была парадная чиновничья шапка из белого атласа, теплые наушники из соболя, пурпурный халат из козьей шерсти, расшитый журавлями, а на ногах черные сапоги с белой подошвой. Поверх халата была надета зеленая бархатная куртка всадника, украшенная львами и застегнутая на пять золотых пуговиц.

В самом деле

Богат он, душитель, злодей,
Коварен, лукав блудодей.

Обрадованная госпожа Линь подозвала потихоньку сводню. – По ком же это он носит траур? – спросила она. – По шестой госпоже, – объясняла тетушка Вэнь. – Совсем недавно, в девятой луне скончалась. Правда жен у него и сейчас не меньше, чем пальцев на руке. Вы, может быть, не заметили, сударыня, но он как есть перепел, вырвавшийся из клетки, – так могуч в поединке.

Еще больше повеселела госпожа Линь. Сводня стала просить ее выйти к гостю.

– Но мне неловко! – отнекивалась хозяйка. – Может, пригласить его ко мне в покои? Тетушка Вэнь вышла к Симэню.

– Госпожа просит вас, батюшка, пройти к ней в спальню, – сказала она и отдернула занавес. Симэнь вошел в спальню.

Только поглядите:

Свисали красные пологи и занавеси. На полу красовался мягкий шерстяной ковер. Веяло ароматами мускуса и орхидей. Было в спальне уютно, точно весной. Постель высокая – на ней узорные накидки,

покрывала. На парчовой ширме среди цветов играют лунные лучи.

Прическу госпожи Линь держала сетка из золотых нитей^[1195] с бирюзовыми листиками. На ней была белая шелковая кофта с широкими рукавами, поверх которой была надета атласная цвета алоэ накидка с вышитыми золотом цветами и ярко-красная широкая юбка из узорной дворцовой парчи, отделанная бахромой, из-под которой выглядывали расшитые цветами черные, как ворон, шелковые туфельки с белыми каблучками.

В самом деле,

В роскошных залах у красотки
Ярится сладострастья жатва,
Во внутренних покоях ходко
Блюдует эта бодхисаттва.^[1196]
Тому свидетельством стихи:
Белизною нежной кожи
Обольстительных ланит,
Статью, что всего дороже,
Всех пленяет ч пьянит,
Во хмелю любовном к ложу
Устремляется она —
И назвать никто не сможет
Ей в сравненье имена.

При появлении госпожи Линь Симэнь почтительно склонился. — Сделайте одолжение, сударыня, займите подобающее вам место на возвышении, — говорил он, — с тем, чтобы я смог почтить вас земным поклоном. — К чему такие церемонии, сударь? — возразила она.

Но Симэнь все же отвесил ей два земных поклона. Хозяйка поклонилась ему в ответ. После взаимных приветствий Симэнь расположился в кресле, а хозяйка присела сбоку пониже его на край кана, так что взгляд ее оказался обращенным не прямо на гостя.

Тетушка Вэнь позаботилась заблаговременно запереть внутренние ворота, а также калитку, ведущую к Вану Третьему, поэтому к ним не мог проникнуть ни один слуга.

Молоденькая горничная по имени Фужун подала на красном лаковом подносе чай. Когда Симэнь и хозяйка выпили по чашке, горничная с подносом удалилась. Разговор начала тетушка Вэнь.

— Зная, что вы, сударь, занимаете пост судебного надзирателя, — обратилась она к Симэню, — сударыня и попросила меня пригласить вас. Дело в том, что сударыня решила обратиться к вам с одной

просьбой. Согласны ли вы будете, сударь, оказать содействие?

– Но, что, собственно, у вас случилось, сударыня? – спросил Симэнь. – Готов исполнить все, только прикажите.

– Не скрою, почтеннейший сударь, – начала свой рассказ госпожа Линь, – род наш потомственный, титулованный, но после кончины моего мужа, полководца, солидное состояние наше оказалось прожитым. Сын же мой, избалованный с детства, так и не сумев сдать экзаменов, бросил учение, хотя и числился в военном заведении. Он оказался жертвою обмана. Ловкие повесы заманили его в свою компанию и теперь, бросив дом, он пропадает с ними у певич. Я не раз собиралась подать на них жалобу властям, но как женщина, не покидающая внутренних покоев дома, как верная покойному супругу вдова, я, разумеется, не решилась показаться на людях. Вот почему я и позволила себе побеспокоить вас этим приглашением. Излить вам душевные волнения, надеюсь, все равно что обратиться к властям. Войдите в мое положение, сударь, умоляю вас! Постарайтесь как-нибудь оградить сына от дурной компании, помогите ему исправиться и вернуться на стезю учения, подвигов и славы, коими отмечены деяния наших предков. Я буду вам безгранично благодарна и многим обязана за возрождение сына.

– О какой благодарности может быть речь! – заверял ее Симэнь. – Больше не поминайте при мне этого слова! Ваш досточтимый род, прославленный своими полководцами и высокими сановниками, не чета другим. Ваш сын обучается в военном заведении, и он, безусловно, не поддастся на обман бездельников и гуляк, но приложит все силы, чтобы не уронить военной доблести предков, их чести и славы. А дурные увлечения – это обычные грехи молодости. Но если вы просите, сударыня, я без промедления вызову в управу всю эту компанию и накажу как полагается. Такая встряска и вашему сыну послужит предостережением. Тогда он свернет с опасной колеи и остепенится. Выслушав Симэня, госпожа Линь встала и поклонилась ему. – Я непременно отблагодарю вас, сударь, – сказала она. – Ну что вы, сударыня! – прервал ее Симэнь. – Я для вас постараюсь, как для друга.

Так, слово за слово, их взгляды становились все более многозначительными. Тетушка Вэнь накрыла стол и поставила вино.

– Это мой первый визит, – для вида начал отказываться Симэнь. – Я пришел к вам с пустыми руками и было бы неприлично злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Я не ожидала, что вы удостоите меня визитом, сударь, – заверяла

его хозяйка, – и не приготовилась должным образом к приему. Но выпейте хотя бы чарку простого вина, чтобы разогреться в такой холод.

Горничная стала разливать вино. Когда она наклонила золотой кувшин, в нефритовых кубках запенился искристый дорогой напиток. Госпожа Линь поднесла кубок Симэню.

– Разрешите прежде мне угостить вас, сударыня, – говорил он, вставая из-за стола.

– Вы еще успеете поднести, батюшка, – вставила тетушка Вэнь. – Пятнадцатого будет день рождения хозяйюшки, вот тогда поднесете подарки и пожелаете сударыне долгих лет жизни.

– О! – воскликнул Симэнь. – Что ж ты раньше не сказала? Сегодня уж девятое. Шесть дней остается. Непременно воспользуюсь случаем засвидетельствовать почтение.

– Не стоит, право, так утруждать себя, – говорила, улыбаясь, Линь. – Вы так великодушны, сударь!

На столе появились огромные блюда и шестнадцать чаш. От горячих яств шел аппетитный аромат. Были тут разваренный рис, вареные куры и рыба, жаренные в масле гуси и утки, изысканные закуски, свежие фрукты и редкие плоды. Рядом в высоких подсвечниках ярко горели красные свечи. На полу из золотой жаровни вздымались языки пламени. Над столом порхали кубки. Веселым смехом и шутками сопровождалась тосты и игра на пальцах. А вино ведь будит чувства и страсти. Шли часы, и в окно заглянула луна. Одним желаньем горели их сердца, одна и та же страсть их волновала. Тетушка Вэнь вовремя удалилась. Ее не раз звали, чтобы принесла вина, но она не откликнулась.

Оставшись наедине, Симэнь и госпожа Линь сели рядом, их разговор становился все интимнее. Симэнь пожимал ее руку, потом прильнул к плечу и обвил руками ее нежную шею. Госпожа Линь молчала, только улыбалась. Немного погодя она чуть приоткрыла алые губы, и он припал к ним, звучно играя языком в ее устах. Они слились в страстном поцелуе. Нежные ласки приблизили сладостный миг. Госпожа Линь заперла дверь в спальню и, сняв с себя одежды и украшения, слегка приподняла парчовый полог. На узорном покрывале лежали подушки с вышитыми на них неразлучными уточками. От постели пахло тонким ароматом. Симэнь прильнул к ее нежному, как яшма, телу, обнял ее пышную грудь.

Надобно сказать, что Симэнь, наслышанный об умудренной в любовных делах госпоже Линь, прихватил с собой из дому узелок с

приспособлениями для утех и принял снадобье чужеземного монаха. Когда госпожа Линь убедилась в его мощи, а он прикоснулся к ее прелестям, у них от радости еще сильнее разгорелась страсть.

Она ждала его на постели под газовым пологом, он же под одеялом готовил свой черенок к делу. Затем он подхватил прекрасные ножки женщины, расправил плечи и, как шальной мотылек или пьяный шмель, вступил в сражение.

Да,

Копье и щит скрестились в поединке,
Рассыпались ковром златые шпильки.

Тому свидетельством стихи:

В спальне над жаровней вьется ароматный дым,
Мой возлюбленный проснется – с ним поговорим.
Пробудился – побледнела в небесах луна,
Надоело мне без дела мерзнуть и без сна.
Равнодушен друг – я тоже с другом холодна.
А случится молодого принимать купца —
Спасу нет от озорного, ласки без конца.
Заманить бы мне Сун Юя на вершину Тан,^[1197]
Как ворота распахну я – то-то будет рьян.
Окроплен пион росой, ляжет сыт и пьян.

Симэнь приложил все умение, чтобы продлить утехы до второй ночной стражи и доставить госпоже Линь полное наслаждение. После все же произошедшего завершения у нее рассыпались волосы и упали шпильки. Она напоминала увядающий цветок или надломленную ветку ивы. Ее голос, нежный, как щебет иволги, над самым ухом Симэнь Цина прерывался. Она едва переводила дыхание. Их тела сплелись, они некоторое время лежали, обняв друг друга, потом встали, чтобы привести себя в порядок. Господа Линь поправила серебряный светильник и открыла дверь. Уложив у зеркала прическу, она кликнула горничную и велела подать тазик с водой. Ей удалось заставить Симэня осушить три чарки лучшего вина, и он стал откланиваться. Как ни уговаривала его хозяйка остаться, он низко ей поклонился, обещал навещать и, извинившись за беспокойство, направился за ворота. Она проводила его до калитки.

Тетушка Вэнь отперла задние ворота и позвала Дайяня с Циньтуном. Слуги подвели коня, и Симэнь отбыл домой.

Дозорные успели обойти город, и на улицах царил мертвая

тишина. Было холодно. Симэнь добрался до дому, но не о том пойдет речь.

На другой день Симэнь явился в управу. После заседания он прошел в заднюю залу и подозвал околоточного и сыщиков.

– Вот какое дело, – обратился к ним Симэнь. – Разузнайте, кто да кто зазывает к певицам молодого господина Третьего из дома полководца Вана, к кому он ходит. Выясните имена и мне доложите. Потом Симэнь завел разговор с надзирателем Ся Лунси. – Видите ли, – говорил он. – Ван Третий совсем, оказывается, бросил учение. Матушка за него сильно беспокоится. Не раз ко мне посыльного направляла, просит помочь. Виноват тут, конечно, не он, а компания бездельников. Это они его заманивают. Их и наказать надо со всей строгостью, а то, чего доброго, пропадет человек.

– Вы совершенно правы, сударь, – поддержал его Ся Лунси. – Надо взять бездельников.

Околоточный и сыщики, получив приказ Симэня, пополудни явились к нему на дом и вручили список замешанных лиц. В нем значились Сунь Молчун, Чжу Жинянь, Чжан Лоботряс, Не Юэ, Шан Третий, Юй Куань и Магометанин Бай, а из певиц были названы Ли Гуйцзе и Цинь Юйчжи.

Симэнь взял кисть и вычеркнул обеих певиц, а также старину Суня и Чжу Жиняня.

– Заберите пятерых: Чжана Лоботряса и оставшуюся компанию, – распорядился Симэнь. – Завтра утром в управу приведете.

– Есть! – отозвались сыщики и удалились. К вечеру, когда им стало известно, что Ван Третий с компанией пирует и играет в мяч у Ли Гуйцзе, они засели близ задних ворот заведения. Поздней ночью компания стала расходиться. Тут-то они и схватили пятерых гуляк: Лоботряса Чжана, Не Юэ, Юй Куаня, Магометанина Бая и Шана Третьего. Сунь Молчун с Чжу Жинянем улизнули в задний домик Ли Гуйцзе, а Ван Третий забрался к ней под кровать и боялся нос высунуть. Сама Гуйцзе и остальные обитательницы дома покрылись холодным потом с перепугу. Они тщетно пытались разузнать, кто распорядился об облаве. Ван Третий так и пробыл всю ночь под кроватью. Хозяйка заведения, мамаша Ли, опасаясь, не исходил ли приказ из столицы, рано утром, в пятую ночную стражу,^[1198] велела Ли Мину переодеться и проводить домой Вана Третьего.

Между тем Чжана Лоботряса и остальных задержанных ночь продержали в участке.

На другой день, когда Симэнь и надзиратель Ся открыли утреннее

присутствие, рядом уже лежали палки и орудия пыток. Ввели задержанных. Им надели на пальцы тиски и всыпали каждому по двадцать ударов, от которых они покрылись кровоточащими шрамами. Их вопли и стоны раздавались в небе и потрясали землю.

– Эй вы, бродяги! – строго крикнул Симэнь. – Вас следовало бы сурово наказать. Нечего порядочных людей совращать, в непотребные места заманивать. Но я вас на первый раз щажу, а попадетесь в другой раз, в колодки забью. На позор перед заведением выставлю. Так у меня и знайте!

Симэнь велел подручным вытолкать бездельников вон. Очутившись на воле, они бросились наутек, не чуя ног под собою. Надзиратели после заседания прошли в заднюю залу и сели выпить чаю.

– Я получил вчера письмо от столичного родственника секретаря Цуя, – заговорил Ся Лунси. – Доклад об инспекции нашей управы, говорит, в столице получен, но пока еще нет решения. Вот я и хотел с вами посоветоваться. Хорошо бы, по-моему, направить посыльного к коллеге Линь Цанфану в Хуайцин.^[1199] Он все же поближе к началству. Может, что-нибудь слышал.

– Замечательная мысль! – поддержал его Симэнь и подозвал гонца. Когда тот встал перед ними на колени, Симэнь распорядился: – Вот тебе пять цяней серебра на расходы и визитные карточки, поезжай в Наньхэ^[1200] к судебному надзирателю господину Линю. Выясни, заседал ли секретариат редакторов и нет ли решения насчет инспекции управы. Как узнаешь, доложишь нам.

Гонец взял серебро, обе визитные карточки и пошел собирать вещи. Он надел на голову войлочную шляпу столичного покроя и, вскочив на коня, пустился в дальний путь. Симэнь и Ся Лунси разошлись по домам.

А пока расскажем о Лоботрясе Чжане и его дружках. Выбрались они из управы напуганные и по дороге начали упрекать друг друга. Их мучил один вопрос: кто же все-таки уготовил им такую неприятность.

– Что ни говорите, а тут не обошлось без столичного главнокомандующего Лу Хуана, – заявил Лоботряс Чжан. – Это он распорядился.

– Будет тебе! – оборвал его Магометанин Бай. – Нам бы тогда так легко не отделаться. А то вышло как в поговорке: нет хитрее певицы, нет ловчее прилипалы.

– Нет у вас смекалки! – выпалил Не Юэ. – Я сразу догадался. Ван Третий у Симэня зазною отбил, вот Симэнь на нас и отыгрался. Как

говорится, волки грызутся, а у овец шерсть летит. Вот отчего тебе, Лоботряс, и досталось.

– Да, ты, пожалуй, прав! – говорил Лоботряс Чжан. – Вот Сунь Молчун и Рябой Чжу тоже с нами были, а нам отдуваться пришлось.

– Ишь чего захотел! – заметил Юй Куань. – Они ж Симэню друзья-приятели. Они, что ж, на коленях должны стоять, а он с ними свысока будет говорить? Неловко получится. – А почему ж девок не взяли? – спрашивал Лоботряс. – Да потому что они зазнобы его, – отвечал Не Юэ. – Особенно Гуйцзе. Неужели он ее забирать будет? Нет уж, как ни кинь, а мы в тенета попали, вот нам и наломали бока. А надзиратель Ся, заметили, хоть бы словом обмолвился. Симэнь тут все свое пристрастие выказал. А ну, пойдем к Ли Гуйцзе! Вана Третьего вытребуем. Что нас, за здорово живешь что ли отодрали, а? Из-за него ни встать ни сесть. Пусть за побои серебром возместит. А то над нами девки смеяться будут.

Они повернули и, колеся переулками, добрались до «кривых террас». Ворота дома Гуйцзе были крепко-накрепко заперты, так что сам Фань Куай^[1201] не сумел бы открыть. Долго они стучались. – Кто там? – послышался наконец голосок.

– Это мы, – отозвался Лоботряс Чжан. – Нам с Ваном Третьим надо поговорить.

– Его у нас нет, – отвечала служанка из-за ворот. – Он тогда же ночью домой ушел. У нас все ушли, и мне не ведено открывать.

Компания направилась к дому полководца Вана. Они проникли в гостиную и уселись.

Когда Ван Третий узнал, что за ним пришли, то со страху забился в спальню и не показывался. Наконец он выслал слугу Юндина.

– А господина нет дома, – объявил слуга собравшимся в гостиной.

– Ишь какой ловкий! – загудели они. – Нет дома! А где же он?

– Пускай не отвиливает! – заругался на барича Юй Куань. – Правду сказать, нас только что выпороли, а теперь надзиратель хочет ему допрос учинить. – Юй Куань обхватил колени руками и, уставившись на Юндина, велел так и сказать хозяину. – С какой это стати из-за его милости нас избили, а?

Битые повалились на скамейки и застонали от боли. Ван Третий тем более не осмелился к ним выходить.

– Мам, а мам! – звал он мать. – Что ж делать? Как мне от них избавиться?

– Я женщина, сам посуди, – говорила госпожа Линь. – Куда я пойду, где буду искать заступника?

Время шло, и у пришедших лопнуло терпение. Они велели пригласить хозяйку, но и та к ним не показалась, а предпочла вести переговоры из-за ширмы.

– Заждались вы, должно быть? – обратилась она. – Он, наверно, в поместье уехал. Нет его. Может, слугу послать?

– Быстрее пошлите, сударыня! – говорил Лоботряс Чжан. – А то нарыв зреет-зреет да и прорвется. Плохо будет. Мы ж из-за него пострадали. Вон нас как избили. Сам господин надзиратель распорядился его доставить, а не явится, нам тогда и вовсе не отделаться. Беды не оберешься.

Госпожа Линь велела слуге угостить пришельцев чаем, а не на шутку перетрусивший Ван Третий тем временем умолял мать найти защиту.

– Ведь тетушка Вэнь знакома с надзирателем Симэнем, – больше не в силах сопротивляться мольбам сына, сказала госпожа Линь. – Она его дочь сватала и к нему в дом вхожа.

– Ну так в чем же дело! – ухватился Ван Третий. – Вот и пошли за ней слугу.

– Но ты сам ее тогда оговорил, и она перестала к нам заглядывать, – засомневалась мать. – Обиделась, наверно. Вряд ли пойдет.

– Мамаша, дорогая! – умолял сын. – Но войди в мое положение! Позови ее, прошу тебя! Я у нее попрошу прощения. Госпожа Линь незаметно провела Юндина через задние ворота. Пришла тетушка Вэнь.

– Мамаша! Мамаша! – повторял Ван Третий. – Ты знаешь надзирателя господина Симэня, прошу тебя, спаси человека! Тетушка Вэнь наигранно удивилась.

– Верно, я сватала его дочь, – говорила она. – Но это было давно. А больше мне ни разу не приходилось бывать в богатом доме. Да и как решиться солидное лицо беспокоить?! Ван Третий опустился перед свахой на колени.

– Спаси меня, мамаша! – просил он. – Век не забуду благодеяния и щедро награжу. Они в гостиной собрались: требуют, чтобы я на допрос явился. А как я пойду? Тетушка Вэнь бросила взгляд на госпожу Линь.

– Ладно! – говорила хозяйка. – Уж замолви за него слово.

– Но одна я не пойду, – предупреждала Вэнь. – Одевайтесь, батюшка, я вас провожу к господину Симэню. А просить его сами будете. Если надо, я свое слово вставлю. Авось, и сообразуется.

– Но они тут, требуют, – говорил Ван Третий. – Что если увидят?

– Не волнуйтесь, батюшка! – успокаивала его Вэнь. – Погодите, я их успокою. Подайте им чаю, вина, закусок и сладостей, а мы тем временем в задние ворота выйдем. Так что им не до вас будет. Тетушка Вэнь вышла в гостиную и поклонилась пришельцам.

– Меня к вам, братцы дорогие, хозяйюшка послала, – заговорила сваха. – Заждались, небось, господина, а? Нет его, в поместье отбыл. За ним послали, вот-вот пожалует. Досталось вам, братцы. Посидите, отдохните. Да и то сказать: кому не достается. Вот прибудет господин, он вас не обидит. А то, выходит, друзьям шишки, а мне пышки? Нет, всем надо умом пошевелить, как беду отворотить. А потом, вы же не по собственной воле пришли – вас начальство послало. Вот придет молодой господин, все и уладит.

– Мамаша дело говорит, – в один голос выпалили бездельники. – Давно б тебе, мамаша, выйти да сказать толком, мы бы тихо-мирно обождали, а то, знай, твердят: «дома нет» и весь разговор. Да мы, что ли, кашу заварили? Ведь нас из-за него выпороли. Его в управу требуют, а они заладили свое. Пировать ты первый, а ответ держать? Ты нас поймешь, мамаша. Раз ты вышла, мы тебе откроемся. Попросила бы от нашего имени у хозяйки, пусть немножко подкинет, на том бы и покончили. Тогда он может не показываться, если не желает. В управе быстрее разберутся. Заберут и допросят.

– Вот это другой разговор! – подхватила тетушка Вэнь. – Вы, братцы, пока посидите, а я с хозяйюшкой потолкую. Пусть насчет закусок да винца распорядится. Давно ведь ждете, проголодались, небось.

– Вот мамаша – душа человек! – воскликнули все. – Точно, после порки глотка в рот не брали.

Тетушка Вэнь удалилась в дальние покои и поторопила, чтобы купили на два цяня вина, на один цянь сладостей, а также свинины с бараниной и говядины. Закуски разложили на большие блюда и подали пришельцам.

Пока в гостиной шел пир горой, Ван Третий облачился в темный халат, повязал повязку студента и написал прошение. Тетушка Вэнь потихоньку провела его через задние ворота, и они пешком направились прямо к Симэню. Ван Третий на всякий случай укрыл лицо пылезащитной маской. Когда они остановились у парадных ворот, тетушку Вэнь сразу узнал привратник Пиньань.

– Батюшка только что направились в залу, – сказал он. – В чем дело, мамаша? Сваха протянула ему визитную карточку.

– Будь добр, братец, доложи, – попросила она и, обратившись к Вану, попросила два цянтя серебра, которые тотчас же протянула Пинъаню. Привратник только тогда согласился доложить хозяину.

Симэнь взял визитную карточку. На ней значилось: «Породственному преданный Ван Цай коленопреклоненно бьет челом». Хозяин велел позвать сначала тетушку Вэнь и, расспросив в чем дело, распорядился открыть двери большой залы. Слуги поспешно отдернули тяжелые зимние занавеси и ввели Вана Третьего.

На Симэне, вставшем ему навстречу, была парадная чиновничья шапка и домашнее платье.

– Что ж ты мне раньше не сказала, мамаша? – деланно воскликнул, обращаясь к свахе, Симэнь, когда увидел вошедшего в парадном облачении. – У меня такой затрапезный вид. Симэнь послал, было, слугу за халатом, но Ван удержал его.

– Зачем это, досточтимый дядюшка? – говорил Ван. – Я ж осмелился нарушить ваш покой. Не извольте беспокоиться, прошу вас!

Когда они прошли в залу, гость попросил хозяина занять подобающее место, чтобы отвесить ему земной поклон.

– Вы мой гость, – заявил тот с улыбкой и поклонился первым.

– Как я виноват перед вами, дядюшка, – начал Ван. – Давно собирался засвидетельствовать вам свое почтение, но до сих пор мне не представлялся случай.

– К чему церемонии?! – заметил Симэнь.

– Разрешите мне попросить прощение за столь запоздалый визит, – продолжал пришедший, – и как племяннику почтить вас глубоким поклоном.

Симэнь наконец уступил его просьбам, а когда тот встал, предложил сесть. Ван из почтительности присел на край кресла. Подали чай. Гость глазел на расставленные повсюду узорные ширмы и висевшие на стенах отделанные золотом свитки пейзажной живописи нежно-голубых тонов. Стояли обтянутые зеленой атласной парчой кресла с инкрустацией. Главное из них было накрыто отороченным соболем покрывалом. На полу лежал мягкий шерстяной ковер. Центр залы был выложен медными квадратами, до того начищенными, что от блеска рябило в глазах. Наверху красовалась вывеска, под которой волшебной кистью Ми Юаньчжана^[1202] было начертано: «Удостоенному высочайшей милости». Глядеть было и не наглядеться на эту залу. Возвышенная чистота, ее наполнявшая, помогала всякому обрести душевный покой и блаженство.

– У меня к вам просьба, – обратился наконец Ван Третий к

хозяину. – Но я никак не решусь утруждать вас, достопочтенный дядюшка.

Он достал из рукава бумагу и, протянув ее Симэню, опустился несколько поодаль на колени.

– Дорогой друг мой! – воскликнул Симэнь и дал знак рукой, чтобы гость встал. – В чем дело? Говори же!

– Ваш племянник так виноват перед вами, – заговорил Ван. – Вся моя надежда только на вас, почтеннейший дядюшка. Может, ради военных заслуг моего родителя, верноподданного сановника его величества, вы сочтете возможным простить меня, бесталанного. Я виноват по неведению. Сделайте милость, избавьте меня от допроса. Я на краю гибели, спасите меня, верните к жизни, умоляю вас! Не знаю, как мне благодарить вас, дядюшка. Я трясусь от страха. Симэнь развернул бумагу. В ней значились Чжан Лоботряс и компания.

– Опять эти бродяги! – недоумевал Симэнь. – Я ж им всыпал сегодня как полагается и отпустил. Чего ж они к тебе пристают?

– Видите ли, в чем дело, – объяснял Ван. – Они утверждают, будто их, избитых, вы послали за мной. Меня, говорят, в управу на допрос требуют. Такой они у нас в доме шум подняли, ругались, деньги вымогали. Прямо спасенья нет. И пожаловаться некому. Вот я и пришел, дядюшка, просить у вас прощения. С этими словами он достал лист подношений и вручил Симэню.

– Это еще что! – возразил Симэнь. – Вот проклятые бродяги! Я ж их по-хорошему отпустил, так они людям покою не дают. Симэнь вернул Вану Третьему лист и продолжал:

– Я тебя, друг мой, больше не задерживаю. Иди себе спокойно домой, а их я сейчас же велю взять под стражу. С тобой же мы, надеюсь, скоро увидимся.

– Что вы, дядюшка! – говорил Ван. – Это я обязан к вам явиться и отблагодарить за участие.

Рассыпаясь в благодарностях, Ван Третий направился к выходу. Симэнь проводил его до внутренних ворот.

– Мне неудобно выходить на улицу в таком виде, – сказал он.

Ван, надвинув на глаза пылезащитную повязку, вышел из ворот и, сопровождаемый слугой, направился восвояси. Тетушка Вэнь задержалась у Симэня.

– Смотри, не спугни их! – наказал ей Симэнь. – Я сейчас же людей пошлю.

Тетушка Вэнь с Ваном Третьим незаметно прошли в дом. Тут же к дому явились сыщик и четверо солдат. Бездельники тем временем

справляли веселый пир. Вдруг к ним ворвались сыщик с солдатами и без разговоров всем надели наручники. Перепуганные гуляки со страху побледнели, как полотно.

– Вот так Ван Третий! – недоуменно говорили они. – Хорош друг! Подпоил, а сам могилу вырыл.

– Не болтайте глупости! – оборвали их посланные Симэнем. – Кто вы есть такие?! Припадите лучше к стопам его сиятельства, может, пощадит.

– А ты, брат, прав! – опомнился Лоботряс Чжан.

Вскоре компанию доставили к воротам Симэня. Солдаты и Пинъань протянули руки, требуя награды. Иначе привратник отказывался доложить о них хозяину. Пришлось вывернуть карманы. Кто протянул головную шпильку, кто кольцо. Их ввели в ворота.

Долго не показывался Симэнь. Наконец-то он вышел в залу и сел на возвышении. Подвели задержанных. Они упали на колени.

– Я ж вас на все четыре стороны отпустил, бродяги несчастные! – обрушился на них Симэнь. – А вы людей управой запугиваете? Вымогательством занимаетесь, да? Сколько серебра получили? Правду говорите! А то тисков у меня сейчас же отведаете.

Стоило Симэню дать знак, как солдаты тотчас принесли новые тиски для зажима пальцев.

– Не вымогали мы ничего, – бил челом, каялся Лоботряс Чжан. – Ни гроша не получили. Мы только сказали, что нас в управе наказали. Ну, нас угостили вином и закусками. А вымогательством мы не занимались.

– И совсем вам там нечего делать! – продолжал Симэнь. – Вот наглые бродяги! Порядочных людей совращают, деньги выманивают. Признайтесь честно! А то сейчас велю в острог отвести. Я из вас выбью признание! В колодку забью и на позор выставлю.

– Сжальтесь, милосердный батюшка! – со слезами умоляли его задержанные. – Мы к его дому близко не подойдем. Окажите милость! Не губите! Не вынести нам зимней стужи в остроге.

– Так и быть! – заключил Симэнь. – Прощаю и на сей раз. Но чтоб у меня больше такими делами не заниматься! Чтоб вашей ноги больше не было у певиц, слышите? А будете порядочных людей совращать, деньги вымогать, до смерти запорю, так и знайте! Гоните вон! – крикнул он подручным. Целые и невредимые высыпали от Симэня друзья.

Да,

Разбита клетка из нефрита –

И феникса уж нет.

Ключ золотой дракон похитил

И свой запутал след.

Отпустив компанию, Симэнь проследовал в дальние покои.

– Что это за Ван Третий к тебе приходил? – спросила Юэнян.

– Сын полководца Вана, – отвечал Симэнь. – Это из-за него, помнишь, Ли Гуйцзе пострадала. Но не вняла советам, потаскуха. Опять с ним шьется. За тридцать лянов на месяц ему продалась, а меня за нос водит. Но ведь мне-то все докладывают. Вчера бездельников приводили. Всыпал я им как полагается, а нынче к Вану Третьему пристали. Заявились в дом, шум подняли, деньги вымогали, совсем запугали человека: в управу, мол, тебя вызывают. Перетрусил он, на допросе не бывал ни разу, ну и к тетушке Вэнь за помощью обратился. Пятьдесят лянов мне предлагал. Просил заступиться. Опять бездельников приводили. Дал я им такую острастку – больше к нему близко не подойдут. Вот не повезло людям. Уродился же вот такой непутевый наследник. Кажется, и род именитый, и отец сановник, да и сам в военном заведении числится, ан нет. Чем бы позаботиться о карьере да славе, он у певиц днюет и ночует с бездельниками, красавицу-жену бросил, а она племянница самого главнокомандующего Лу Хуана из Восточной столицы. Он ее драгоценности закладывает, а ему не больше двадцати. Нет, не выйдет из него проку.

– Лампу зажги да на себя лучше погляди! – начала Юэнян. – Сам ведь никудышный. Над свиньей смеется, что в грязи купается, а сам? Ты же с ним из одного болота пьешь. Сам творишь не весть что! Был бы хоть немного почище, тогда б других упрекал. Симэнь ничего ей на это не ответил. Подали кушанья.

– Батюшка Ин пожаловали, – доложил Лайань.

– Проводи в кабинет, – распорядился Симэнь. – Я сейчас приду.

Ван Цзин открыл расположенный рядом с залой кабинет, куда вошел Ин Боцзюэ и уселся в кресло возле натопленного кана.

Наконец появился Симэнь Цин. Обменявшись приветствиями, они подсели поближе к теплу, и завязалась беседа.

– Что это ты, брат, тогда от Се Сиды так рано ушел, а? – спросил Боцзюэ.

– С утра надо было в управу, – отвечал Симэнь. – Все дни в делах. А тут инспекция. Надо было в столицу за новостями гонца отправлять. Это ведь ты человек праздный.

– А в управе какие дела разбирали? – поинтересовался Боцзюэ.

– Без дела дня не проходит.

– Говорят, до Вана Третьего добрались. Восьмого вечером Чжана Лоботряса с компанией у Ли Гуйцзе забрали. Говорят, только Сунь Молчун с Рябым Чжу легко отделались, а остальных пороли. Они потом Вана Третьего взяли за бока. Что ж ты, брат, молчишь, а?

– Ишь, пес дурной! – заругался Симэнь. – Это кто ж тебе рассказал? Перепутал ты, брат. Мы никого не забирали. Может, начальник Чжоу?

– Они такой ерундой не занимаются.

– А не уездный начальник?

– Да нет, говорю тебе, – не унимался Боцзюэ. – Мне сегодня утром Ли Мин рассказал. До смерти, говорит, все перепугались. Ли Гуйцзе до сих пор в постели – никак в себя не может прийти. Грешным делом думали, из столицы приказано. Только нынче узнали: судебный надзиратель, оказывается, распорядился.

– Да я все эти дни и в управу-то не заглядывал, – продолжал отказываться Симэнь. – Первый раз слышу. Ли Гуйцзе ведь слово давала, что с Ваном Третьим покончит, а как власти явились, так, выходит, со страху слегла?

– Будь же другом, брат! – приставал Боцзюэ, уловив на лице Симэня едва заметную улыбку. – От меня скрываешь, да? Ты молчишь, а мне приходится от людей узнавать. Скажи, как Сунь и Чжу избежали допросов. Не может быть, чтобы их упустили при аресте. Решил овец наказать, чтобы кони призадумались? Гуйцзе задумал пострадать? Твоих это рук дело, знаю. Забрать всех не по-приятельски получится, весь смак пропадает. К каждому должен быть свой подход. А теперь повстречаются тебе Сунь Молчун или Рябой Чжу, им будет перед тобой неловко. Одно скажу: умно, брат, поступил, как говорится, пока открыто горные настилы сооружал, незаметно через кручи Чэньцана прямо в тыл пробрался.^[1203] И не удивляйся, если я скажу: превосходнейший план. Что значит, истинносущий человек не обнаруживает свой облик, а обнаруживающий свой облик – не истинносущий человек.^[1204] Сделай открыто, у всех на виду, никого бы не удивил. Да, брат, велика мудрость твоя, широки и необъятны замыслы и устремления твои. Симэнь едва удерживался от смеха, пока разглагольствовал Боцзюэ.

– В чем ты увидел великую мудрость? – спросил наконец Симэнь.

– Сдается мне, тебе кто-то шепнул, а? А то откуда бы тебе знать? Ни демоны, ни духи понятия не имели, а ты раскрыл.

– Дурья башка! – заругался Симэнь. – Ежели не хочешь, чтобы

знали другие, сам не делай.

– Ты бы Вана Третьего-то не тревожил, – предложил Боцзюэ. – Зачем его в управу вызывать?

– А кто его вызывает? – недоумевал Симэнь. – Как только ко мне дело поступило, я сразу вычеркнул Вана Третьего, Суня с Чжу и Гуйцзе с Юйчжи. Взял одних болванов.

– Тогда чего ж они Вану Третьему покою не дают?

– Они его управой стращали, деньги вымогали, потом вот недавно у меня были, прощения просили. Я хотел было их в колодки забить, но они расплакались, обещали людей не тревожить. А Ван Третий меня почтенным дядюшкой называл, пятьдесят лянов хотел поднести, только я не принял. Собирается в знак благодарности в гости позвать.

– Он в самом деле у тебя был? – удивился Боцзюэ. – И прощения просил?

– Но не буду ж я тебя обманывать!

Симэнь кликнул Ван Цзина и велел принести визитную карточку Вана Третьего. Слуга достал карточку.

– Вот батюшке Ину покажи! – распорядился хозяин.

На карточке было выведено: «По-родственному преданный Ван Цай коленопреклоненно бьет челом». Боцзюэ это привело в восторг.

– Да, поистине неземной план ты придумал! – повторял он.

– Если кого из них увидишь, молчи, будто ничего не знаешь, – наказывал ему Симэнь.

– Ясное дело! – заверил его Боцзюэ: – Тайны разглашению не подлежат.

Они посидели еще немного, потом пили чай. – Ну, я пойду, брат, – сказал Боцзюэ. – Если старина Сунь с

Рябым Чжу случаем придут, не говори, что я заходил. – Да я им и не покажусь, – отвечал Симэнь и наказал привратнику:—

Если эти двое придут, скажешь, что меня нет дома. С тех пор Симэнь перестал навещать Ли Гуйцзе, а когда устраивал пиры, больше не звал певца Ли Мина. Так их связь и прекратилась.

Да,

Дождь затрепал цветы,

что чаровать должны.

Помятые теперь

кому они нужны?

Тому свидетельством стихи:

Многokrатно он фею алкал на вершине Небесной,

Но с блаженных Трех гор,^[1205] не познать океанские бездны,

И хоромы князей недоступны, подобно пучине:

Бесприютным бродягою юноша станет отныне.^[1206]

^[1207] Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ
СИМЭНЬ ЦИН С ЗАВЕРШЕНИЕМ
СРОКА СЛУЖБЫ ПОЛУЧАЕТ
ПОВЫШЕНИЕ В ЧИНЕ
СОСЛУЖИВЦЕВ НАДЗИРАТЕЛЕЙ
ПРИНИМАЕТ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ДВОРЦОВОЙ ГВАРДИЕЙ ЧЖУ
МЯНЬ

*Ночью боем будил боевой барабан,
Утром кутаюсь, прячусь от стужи.
Дальний путник, от шири бескрайней я
пьян,*

*Высь небесная голову кружит.
Нет, узорные стены тепла не хранят,
На коне верховой леденеет...
Государь, будто солнце, лучами богат,
Благодатью своей обогреет.*

Итак, Симэнь Цин с тех пор порвал с Ли Гуйцзе, но не о том пойдет рассказ.

Тем временем гонец, посланный за новостями в Хуайцин, доскакал до тысяцкого Линя. Тот достал выпуск «Столичных ведомостей» с указами о повышении в чинах, запечатал его и передал гонцу вместе с пятью цянями серебра на дорогу. Гонец мчался день и ночь, а по возвращении вручил пакет обоим надзирателям. Тут же, в зале

присутствия, Ся Лунси вскрыл пакет, и они с Симэнем углубились сперва в чтение официального доклада о результатах инспекции лиц чиновного звания личной гвардии Его Величества, в каковой оба состояли. А напечатано было следующее:

«Доклад Военного ведомства.

Во исполнение мудрого повеления произвели тщательнейшую инспекцию, дабы выявить достойных и пресечь нерадивых и тем прославить правление Вашего Величества.

Считаем первым долгом указать на заслуги Главнокомандующего войсками Вашего Величества телохранителей и карателей, Генерального полицеймейстера Империи, пестуна Государева и Пестуна Наследника престола^[1208] Чжу Мяня, изложение коих составило особое представление.

Исключая высших должностных лиц дворцовой охраны, кои поднесли Вашему Величеству личные доклады, нами была учинена ревизия деятельности всех местных тюремных начальников, глав сыскной полиции и органов следствия, правителей Столичного округа, надзирателей судебно-уголовных управ в Столичном округе и на местах, квартальных надзирателей, тысяцких, сотников и прочих чиновного звания лиц карательной службы.

После тщательной проверки всех свидетельств на занимаемые должности, документов о наследовании и дарении постов и рангов, о служебных перемещениях, повышении в чинах за личную доблесть и заслуги предков и прочего удалось выявить даровитых и неспособных и выдвинуть беспристрастные предложения как о достойных на повышение, так и о подлежащих наказанию, о чем доводится до сведения Вашего Императорского Величества и испрашивается Высочайшее повеление.

Ниже излагаются предложения относительно перемещения, повышения, понижения и разжалования должностных лиц по вышеуказанному ведомству, кои также представляются на Высочайшее усмотрение.

Удостоились Высочайшего повеления.

«К сведению Военного ведомства. Принять к исполнению. Быть по сему!

Копии разослать всем органам данного ведомства. Оценку заслуг Главнокомандующего Чжу принять к сведению и действовать сообразно прежним постановлениям, ибо сей муж отдаст поистине всего себя преданному служению Трону, и ревизия, им возглавленная, явила полное беспристрастие. У всех состоящих на службе должностных лиц были проверены свидетельства на занимаемые посты, выявлены личные

достоинства, и на основе подлинных фактов, а не сугубых пристрастий было вынесено единодушно согласованное мнение, в чем и обнаружилось в полной мере высокие качества сего мужа – лица, нам близкого, о чести и достоинстве Отечества радеющего. Предложения о наградах должностных лиц в зависимости от степеней и рангов, четкое и последовательное выявление усердных и нерадивых – все служит поощрению верноподданнических чувств и достойно широкого обсуждения. О чем бы некоторые ни разглагольствовали, решение о наградах и наказаниях остается исключительной прерогативой Двора и выпускается в форме указа, в ожидании коего все обязаны руководствоваться ныне действующими положениями. Так и будет!

Только справедливая ревизия умиряет страсти, искореняет излишества чиновных лиц и предостерегает от оных. Повелеваю действовать так и впредь. Быть по сему!»

В списке значатся:

Ся Яньлин,^[1209] старший тысяцкий судебно-уголовной управы в Шаньдуне, умудренный опытом ветеран, приобрел известность незаурядными способностями и превосходной репутацией. Раньше в Столичном округе, когда им правил Ся Яньлин, всюду, в густонаселенных кварталах и в глухих захолустьях, царили мир и покой. Теперь на посту судебного надзирателя в землях Ци^[1210] он снискал еще более широкую славу, а посему в качестве поощрения заслуживает особого повышения и может быть рекомендован в состав эскорта Государева.

Симэнь Цин, его помощник, младший тысяцкий, известен своим рвением на служебном поприще и похвальной деловитостью. Бравый и мужественный, Симэнь Цин вместе с тем прост и общителен; состоятельный и процветающий, он тем не менее не алчен и с усердием служит пользе Отечества. Нельзя умолчать о его исключительно бескорыстном содействии возведению Горы.^[1211] и государевым перевозкам^[1212] Симэнь Цин строг в соблюдении государственных законов и жители земель Ци взирают на него с надеждой и почтением, а посему он подлежит возведению в чин старшего тысяцкого с назначением на пост главного судебного надзирателя.

Линь Чэнсюнь,^[1213] старший тысяцкий судебно-уголовной управы в Хуайцине, хотя и молод годами, но обладает большой ученостью, выдержал экзамен по военным наукам и, наследуя чины от предков, подает большие надежды. Тщательно вникая в дела, несет службу с похвальной исправностью. Линь Чэнсюнь отличается усердием и отзывчивостью, строго пресекает излишества и помогает страждущим, а посему в качестве поощрения заслуживает рекомендации на пост.

Се Энь, младший тысяцкий, на прежней службе в войсках еще

справлялся с обязанностями, но на посту помощника судебного надзирателя в свои преклонные годы проявлял непростительную мягкотелость, а посему подлежит смещению с поста и увольнению».

Возведение в чин старшего тысяцкого и назначение главным судебным надзирателем очень обрадовало Симэня. А Ся Лунси, узнав, что его переводят в командный состав императорского эскорта, даже побледнел и словно воды в рот набрал.

Потом они развернули доклад Ведомства работ и опять углубились в чтение. А напечатано было следующее:

«Доклад Ведомства работ.

Завершены перевозки, Государев мрамор и лес доставлены в Стольный град, отчего возликовали Небо и живущие на земле. Ваше Величество, умоляем Вас, явите Высочайшую милость, облегчите тяготы народные и распространите повсюду щедрые благодеяния Мудрого правления.

Удостоились Высочайшего повеления.

«Возрадовались Мы окончанию перевозок и воздвижению горы Гэнь-юэ в Нашей обители, чему споспешествовало само Небо. Усердие и почтительность выказали вы, помощники Наши, в сих трудах великих и дивных, Нашему сердцу столь любезных. Да! Пострадал народ Наш, где вы проезжали. Но были посланы в те места военные губернаторы и ревизоры для проведения инспекции, и поземельные подати были снижены в текущем году наполовину. Ваше ведомство поручило особым лицам вместе с ревизорами надзирать за восстановлением разрушенных плотин и шлюзов, а по окончании работ придворный сановник Мэн Чанлин выезжал туда на молебствие с принесением жертв.

Наши советники Цай Цзин, Ли Баньянь, Ван Вэй, Чжэн Цзюйчжун и Гао Цю, полностью поддержав Двор, свершили блестящие подвиги, за что Цай Цзин удостоивается почетного титула Наставника Государева, Ли Баньянь – Оплота Империи и Наставника Наследника престола, Ван Вэй – Попечителя Государева, Чжэн Цзюйчжун и Гао Цю – Пестуна Государева, и представляются к награде в размере пятидесяти лянов серебра и четырех кусков узорной парчи каждый. Один из сыновей Цай Цзина за заслуги отца возводится в чин смотрителя дворцовых зал.

Империи Наставник Линь Линсу в неустанных молитвенных бдениях, обращенных к Небу, помог Нам в управлении Империей и распространении просвещения, в успешном завершении дальних перевозок мрамора и леса и в усмирении северных варваров, угрожавших грабежами и разбоем, а посему удостоивается титулом графа^[1214] Преданности и сыновней почтительности, содержанием в

размере тысячи даней риса, облачением, расшитым драконами о пяти когтях, правом въезда во Дворец в малом паланкине и возводится в сан Патриарха Нефритовой Истины^[1215] с дарованием титулов Истинносущего, исполненного широчайшей благодати и постигшего сокровенные глубины чудесных тайн, Оперенного даоса^[1216] Золотых Врат и Наставника, проникшего в чудесные тайны духа.

Чжу Мянью и Хуан Цзинчэнь, руководившие перевозками, проявили преданность Трону и усердие, а посему подлежат поощрению: Чжу Мянью удостоивается титулов Попечителя Государева и Попечителя Наследника престола, а Хуан Цзинчэнь – постов Главнокомандующего Дворцовой стражи и Командующего Императорскими сухопутными войсками и флотилией. По одному из сыновей каждого, наследуя их заслуги, возводятся в чин старшего тысяцкого войск Нашей личной охраны.

Придворные смотрители Ли Янь, Мэн Чанлин, Цзя Сян, Хэ И Лань Цунси приглашаются в свиту Дворца Пяти блаженств, награждаются облачениями, расшитыми драконами о четырех когтях, и поясами с нефритовыми бляшками, а один из племянников каждого, состоящий ныне на службе, наследуя их заслуги, возводится в чин помощника тысяцкого.

Начальник Ведомства церемоний Чжан Банчан, левый советник и академик Цай Ю, правый советник Бай Шичжун, начальник Военного ведомства Юй Шэнь и начальник Ведомства работ Линь Шу награждаются титулом Пестуна Наследника престола, сорока лянми серебра и двумя кусками узорной парчи каждый.

Чжан Гэ, военный губернатор Чжэцзяна, возводится в чин правого советника Ведомства работ; Хоу Мэн, военный губернатор Шаньдуна, – в чин старшего церемониймейстера.

Инь Далян и Сун Цяонянь, ревизоры Чжэцзяна и Шаньдуна, Ань Чэнь и У Сюнь, управляющие водными путями Империи, повышаются в ранге и награждаются двадцатью лянми серебра каждый.

Вэй Чэнсюнь, Сюй Сян, Ян Тинпэй, Сы Фэнъи, Чжао Юлань, Фу Тяньцзэ, Симэнь Цин и Тянь Цзюгао, тысяцкие, помогавшие в перевозках, повышаются в чине. Придворный смотритель Сун Туй и командир гарнизона Ван Ю награждаются десятью лянми серебра каждый, чиновник управы Сюэ Сяньчжун – пятью лянми серебра и полицейский Чан Юй – двумя кусками шелка, о чем и довести до означенных управ».

Закончив чтение, Симэнь и Ся Лунси разъехались по домам.

После обеда от Вана Третьего прибыли слуга Юндин и тетушка Вэнь. Они вручили коробку, в которой лежало крепленое золотом

сложенное пополам приглашение, извещавшее, что благодарный Ван устраивает у себя одиннадцатого в честь Симэнь Цина пир. Симэнь принял приглашение с едва скрываемым ликованием, рассчитывая, что ему удастся овладеть женою барича.

Десятого к вечеру неожиданно пришло распоряжение столичного секретариата, в котором доводилось до сведения судебных надзирателей на местах, чтобы они без промедления прибыли в столицу к Зимним торжествам^[1217] и выразили благодарность императору за оказанные милости. Опоздавшим грозило наказание.

На другой же день Симэнь обсудил распоряжение с Ся Лунси, и они отпустили гонца, но не о том пойдет речь.

Вернувшись по домам, они стали готовить в дорогу вещи и подарки, с тем чтобы сразу же пуститься в путь. Симэнь наказал Дайяню передать через тетюшку Вэнь баричу Вану, что в виду Высочайшей аудиенции ему не придется быть на пиру.

– Раз у почтенного дядюшки такое дело, – сказал Ван, – я пошлю приглашение по возвращении.

Симэнь вызвал Бэнь Дичуаня и, выдав пять лянов серебра на домашние расходы, объявил, что тот будет сопровождать его в столицу. Присматривать за домом оставили Чуньхуна. Сопровождать хозяина должны были также Дайань и Ван Цзин. Воевода Чжоу по просьбе Симэня выделил для эскорта четырех вооруженных всадников. Были готовы व्यюки с подношениями, теплый паланкин, кони и носилки с вещами, которые должны были нести солдаты. Ся Лунси сопровождал Ся Шоу. У обоих набралось более двух десятков сопровождающих.

Двенадцатого они выступили из уездного города Цинхэ. Стояла зима и темно рано. Двигались и днем и ночью. В Хуайцине узнали, что тысяцкий Линь уже отбыл в столицу. В холодную погоду они садились в паланкины, а когда согревало солнце, ехали верхами. Так, с утра выходили на чуть светлевшую тропу и вечером продвигались в бурой пыли, а ночи коротали либо на почтовых станциях, либо на постоялых дворах.

Да,

От волненья – в лохмотьях шатер,
В спешке плетку о круп перетер.

Скоро сказка сказывается... Прибыли они, наконец, в Восточную столицу. Когда миновали Ворота Долголетия, у Симэня было намерение остановиться в буддийской обители Первого министра, но

Ся Лунси все же удалось позвать его к своему родственнику секретарю Цую. Симэнь решил перед встречей послать визитную карточку.

Секретарь Цуй оказался дома. Он тотчас же вышел навстречу прибывшим и проводил их в залу. После обмена взаимными приветствиями и дружескими любезностями гости стряхнули с себя дорожную пыль и сели за чай.

– Позвольте узнать ваше почтенное прозвание, сударь, – сложив руки, обратился к Симэню хозяин.

– Мое скромное прозвание Сыцюань, – отвечал Симэнь и спросил: – А как позволите вас величать, почтеннейший сударь?

– Я, видите ли, по самому складу своего характера люблю простоту, – отвечал Цуй, – за пристрастие к жизни безмятежной ношу скромное имя Шоуюй,^[1218] а прозываюсь по жилищу обитателем из Кабинета Уединенного. Родич Лунси давно мне говорил о ваших высоких достоинствах, сударь, и он вполне полагается на ваше высокое покровительство. Ведь нет ничего дороже душевного согласия и взаимного доброжелательства!

– Что вы, сударь! – возразил Симэнь. – Это мне приходилось постоянно обращаться за наставлениями к моему почтенному начальнику, тем более я обязан его сиятельству теперь, когда он удостоен столь щедрых милостей, чему нельзя не порадоваться.

– К чему вы меня так величаете, сударь? – изумился Ся. – Как говорится: «Мотыга – хорошо, но подходящее время еще лучше».^[1219]

– Но Сыцюань тоже прав, – заметил Цуй. – Так положено, ежели ваши ранги неравны.

Они засмеялись.

Немного погодя внесли багаж. Время клонилось к вечеру, и хозяин велел мальчику-слуге накрыть стол. Появились фрукты, вино и всевозможные закуски, описывать которые нет надобности. У секретаря Цуя оба и заночевали, а на другой день, приготовив подношения и визитные карточки, они в сопровождении слуг утром отправились на поклон к императорскому наставнику Цаю.

Цай Цзин был еще в императорском дворце, а у его резиденции перед запертыми воротами, как муравейник, копошилась и, как улей, гудела толпа чиновников.

Симэнь и Ся Лунси протянули привратнику два узелка с серебром и попросили передать визитные карточки. Вышел дворецкий Чжай и провел их в отдельную постройку снаружи. Первым отвесил поклон Ся Лунси, потом Симэнь поприветствовал Чжая, и они, обменявшись общими фразами, сели.

Первым вручил визитную карточку Ся Лунси. В ней перечислялись подношения: два куска золотого атласа, расшитого журавлями в облаках,^[1220] два куска пестрого атласа и десять лянов серебра для дворцового Чжая. Симэнь подносил кусок ярко-красной ткани с вытканными цветными нитями драконами о четырех когтях, купон черной ткани для халата с круглым воротом и с квадратными нашивками спереди и сзади, на которых цветными нитями были вытканы драконообразные коровы-доуню^[1221] два куска столичной выработки атласа, а также лично для дворцового Чжая кусок темно-зеленой расшитой облаками шерстяной ткани и тридцать лянов серебра.

Чжай Цянь кликнул слуг.

– Отнесите это в резиденцию его превосходительства и зарегистрируйте, – распорядился он, указывая на предназначенные Цай Цзину шелка.

Дворецкий принял только шерстяную ткань у Симэня.

– Что вы! – воскликнул он, глядя на тридцать лянов Симэня и десять лянов Ся Лунси. – Как можно?! Мы же свои! – Он распорядился накрыть стол и продолжал: – Нынче по завершении Высочайше одобренного сооружения дворца Драгоценных реестров царства Высшей Чистоты^[1222] на горе Гэнь-юэ водружалась вывеска. Молебствие и жертвоприношение возглавлялись его превосходительством Цаем. Вернулись они только после обеда и тотчас же отбыли с его сиятельством Ли к императорскому родственнику Чжэну на пир. Думаю, вам не дожидаться. Только время потеряете. Как только его превосходительство освободятся, я о вас доложу. Так что прошу вас не волноваться.

– Мы вам будем очень признательны, сватушка, – говорил Симэнь.

– Это было бы самое лучшее.

– А где вы остановились, сватушка? – спросил Чжай.

– У родственника Ся Лунси, – отвечал Симэнь.

Вскоре был накрыт стол, на котором в огромном блюдах и чашах аппетитно дымились, как и полагается у кравчего, изысканное жаркое и редчайшие яства. После третьего кубка приезжие стали откланиваться, но хозяин уговаривал их остаться. – Наполните кубки! – приказал он слугам.

– Не могли бы вы сказать, сватушка, когда мы можем надеяться на Высочайшую аудиенцию? – спросил Симэнь.

– Вам, сватушка, придется потерпеть, – заметил Чжай Цянь. – Раньше вас удостоится аудиенции почтеннейший господин Ся. Как

придворному его сиятельству Ся теперь оказывается особая честь. Вы же, сватушка, предстанете перед Его Величеством вместе с вашим новым сослуживцем Хэ Юншоу, племянником старшего дворцового евнуха-смотрителя Хэ И, поскольку вы назначаетесь на пост главного судебного надзирателя, а он в чине младшего тысяцкого будет вашим помощником. Его сиятельство Ся обождет вашей аудиенции, и вы вместе получите свидетельства на должности. Так что держите связь с ним.

Ся Лунси не проронил ни слова.

– А позвольте узнать, – обратился к свату Симэнь. – Как вы думаете, удастся мне получить аудиенцию сразу по возвращении Его Величества после поклонения Небу по случаю Зимних торжеств?

– Думаю, нет, – отвечал Чжай Цянь. – Потому что Его Величество по возвращении будут принимать поздравительные адреса от высших особ Поднебесной, а потом устраивают пир Счастливого Свершения. Чем ждать, лучше зарегистрируйтесь пока в Церемониймейстерстве, а завтра пойдете на аудиенцию. Домой же отправитесь, как только вам выправят свидетельства.

– Как я вам обязан, сватушка, за советы! – проговорил благодарный Симэнь и собрался было откланяться, но Чжай Цянь отвел его в другую комнату.

– Сват, я ж тебя предупреждал в письме, чтоб никому ни слова, а особенно сослуживцу! – упрекал он Симэня. – Зачем же ты рассказал Ся Лунси? Он ведь к Его высокопреосвященству истинносущему Линю с просьбой обращался, а тот перед главнокомандующим Чжу ходатайствовал. И вот приходит главнокомандующий к его превосходительству Цаю и докладывает: Ся Лунси, мол, не желает в императорский эскорт, а хочет остаться еще на три года в надзирателях. Хорошо матушка государыня Лю – она же фаворитка двора Ань – поддержала просьбу Хэ И, лично обратившись к Цай Цзину и Чжу Мяню, объявила Высочайшую волю: младшим надзирателем в Шаньдуне будет назначен Хэ Юншоу, племянник Хэ И. Так недоразумение и уладилось, но его превосходительство Цай оказался в крайне неловком положении, и мне пришлось его долго упрашивать. Если б не я, он наверняка удовлетворил бы ходатайство истинносущего Линя, а ты остался бы без назначения.

– О! Я прямо не знаю, как я вам благодарен и обязан, сватушка! – бия челом, лепетал напуганный Симэнь. – Но откуда он мог знать?! Я ж ему не говорил ни слова.

– Кто не хранит тайны, тот накликает беду – так исстари ведется, –

говорил Чжай, – так что будь впредь осторожней!

Симэнь как только мог благодарил свата, а потом они откланялись и вместе с Ся Лунси направились к секретарю Цую. Бэнь Дичуань был отправлен в Церемониймейстерство для регистрации.

На другой день предстояла аудиенция. Симэнь Цин в чиновничьей шапке, в темном парадном халате с поясом направился к императорскому дворцу вместе с Ся Лунси. Когда они вручили благодарственные адреса-поздравления перед главными воротами внутренних покоев, у западных ворот им повстречался человек, одетый в темное платье.

– Могу я видеть почтеннейшего господина Симэня, судебного надзирателя в Шаньдуне? – приблизившись к ним, спросил незнакомец.

– А ты кто будешь? – поинтересовался Бэнь Дичуань.

– Я от его сиятельства Хэ, старшего дворцового евнуха-смотрителя, – отвечал подошедший. – Его сиятельство приглашает вас, сударь.

Не успел он сказать, как появился сам старший дворцовый евнух-смотритель. На нем были расшитый драконами о четырех когтях ярко-красный халат, шапка придворного с тремя высокими отрогами и черные сапоги на белой подошве. Он следовал по главной дворцовой тропе.

– Почтенный господин Симэнь, приветствую и прошу вас! – произнес он решительным голосом.

Симэнь отошел от Ся Лунси, и Хэ И, взяв его за руку, ввел в светлое помещение рядом. В жаровнях ярко горел уголь и было совсем тепло. На столе стояло множество коробов с кушаньями. Хэ И отвесил гостю поклон. Смущенный Симэнь тотчас же пал ниц перед придворным.

– Вы, сударь, вероятно не знаете вашего покорного слугу, – заговорил хозяин. – Я старший дворцовый евнух-смотритель Хэ И. Служу в четвертом дворце Вечного Покоя при особе матушки-государыни Ма, фаворитки Дуань Праведной. По окончании строительства дворцовых сооружений был удостоен милостей Его Императорского Величества. Мой племянник Хэ Юншоу возводится в чин младшего тысяцкого левого гарнизона войск Его Величества телохранителей и карателей и будет служить вашим помощником. Так что вы коллеги.

– О! – воскликнул Симэнь. – Ваше сиятельство Хэ! Прошу покорно простить, не знал.

Симэнь снова поклонился.

– Простите, что при Дворе не положено воздавать почести, какие полагаются вашему сиятельству, – заметил Симэнь. – Надеюсь воздать вам должное во время визита в вашу резиденцию.

Они обменялись приветствиями и сели. На ярко-красных отделанных золотом подносах подали чай, потом открыли стоявшие на столе короба. Сразу аппетитно запахло горячими кушаньями, рисом и разными яствами. Подали приборы.

– Надеюсь, вы не откажетесь от большой чарки? – говорил хозяин. – Не помешает после Двора в такой холодный день. А за скромное угощение не посетуйте! Может, хоть червячка заморите.

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, умоляю вас! – упрашивал хозяина гость.

Хэ И наполнил большой кубок и поднес его Симэню.

– Благодарю за высокую честь, мне оказанную вашим сиятельством, – говорил Симэнь, принимая кубок. – Но мне предстоят еще официальные визиты и встречи... Как бы, чего доброго, не зардеться, неудобно будет.

– С холоду чарку-другую пропустить – ничего страшного не случится, – заверил его Хэ И и продолжал: – Мой племянник еще молод и в судебном деле не разбирается. Ради меня, прошу вас, сударь, не оставьте его как коллегу своими наставлениями.

– Что вы, ваше сиятельство! – воскликнул Симэнь. – Напрасно вы умаляете достоинства вашего почтенного племянника. Он молод годами, не спорю, но прекрасно воспитан и высоко одарен. Освоить службу при таких способностях, само собою, не составит большого труда.

– Так-то оно так, – не унимался хозяин. – Однако, говорят, век учись, а дураком помрешь. Всего на свете не постигнешь. Казусов не меньше, чем на быке шерсти. Сам Учитель Конфуций и тот, говорят, познал только шаг одной ноги. Так что если будут у племянника какие затруднения, прошу вас, почтеннейший, ради меня, будьте настолько добры, пособите ему.

– С величайшим удовольствием! – успокоил его Симэнь. – Позвольте узнать, где располагается ваша резиденция, ваше сиятельство. Я бы хотел засвидетельствовать свое почтение коллеге.

– Я проживаю в квартале Изящного слога, к востоку от моста Небесной реки, – пояснял Хэ И. – Два льва у подъезда. А где вы изволили остановиться, сударь? Я бы направил к вам племянника, чтобы прежде он воздал своему начальнику положенные почести.

– Я остановился пока у секретаря Цуя.

Симэнь осушил большой кубок и стал откланиваться. Хэ И вышел его проводить.

– Так не забудьте, о чем мы с вами говорили, – сложив руки, просил Хэ. – Прошу вас, сударь. Вы уж вместе с моим племянником ко двору представьтесь, тогда и свидетельства получите, а он вас обождет.

– Хорошо, ваше сиятельство! Не беспокойтесь! – заверил его Симэнь.

Покинув дворец, Симэнь направился в Военное ведомство, где и встретился с Ся Лунси. Нанеся визиты служащим ведомства, секретариата и чинам своего гарнизона, они до аудиенции главнокомандующего Чжу подали доклады о прохождении службы, чтобы по ним получить свидетельства на должности.

Наступил предвечерний час. Переодетый в парадный халат придворного, Ся Лунси предстал перед Чжу Мянем, и тот не дал ему бить челом. Ся доложил ему о счастливом дне его вступления на новый пост и откланился.

Симэнь ждал его снаружи, но идти рядом с Ся Лунси, как тот ни настаивал, все же не решался. «Ваше сиятельство» не сходило с уст Симэня, все время предлагавшего ему первым сесть на коня.

– Ну к чему такое величанье, Сыцюань? – недоумевал Ся. – Ведь мы только что вместе служили...

– К чему скромность?! – возражал Симэнь. – Наши ранги неравны, и это естественно. Обретя столь высокий пост, вы, ваше сиятельство, не поедете, конечно, в Шаньдун. Как скоро изволите перевезти ваше драгоценное семейство?

– Хотелось бы перевезти, но за домом некому будет присматривать, – отвечал Ся Лунси. – Мне пока придется пожить у родственника, а после Нового года перевезу семью. Попрошу вас, сударь, не посчитайте за труд, не оставьте моих своим вниманием. А найдется покупатель, не могли бы вы устроить сделку? Я был бы вам очень благодарен.

– Только распорядитесь, ваше сиятельство! – воскликнул с готовностью Симэнь. – А какую цену вы назначаете?

– Видите ли, я в свое время заплатил за дом тысячу триста лянов серебра, – пояснял Ся. – Потом я сделал пристройку сзади дома сановника Сюя. Она обошлась мне в двести лянов. За первоначальную цену я бы уступил.

– Хорошо, что вы мне сказали, ваше сиятельство, а то будут

интересоваться, а я и цены не знаю. Это я вам устрою без промедления.

– Извините, сударь, что причиняю вам лишние хлопоты, – говорил Ся.

Как только они подъехали к дому Цуя, к Симэню обратился слуга Ван Цзин.

– А к вам, батюшка, приезжал с визитом только что назначенный господин Хэ младший, – объявил слуга. – Батюшка, говорю, еще из ведомства не вернулись. Кланяйся, говорит он мне, батюшке и почтенным господам Ся и Цую. Визитную карточку оставил. А в обед слуга привез два куска расшитого золотом атласа.

С этими словами Ван Цзин протянул Симэню изящную визитную карточку красного цвета. Симэнь прочитал: «Атласа два куска. С глубоким почтением и преклонением подносит Ваш покорный слуга и ученик Хэ Юншоу». Симэнь тотчас же велел Ван Цзину приготовить два куска пестрой нанкинской ткани для халата с круглым воротом и квадратными нашивками со львом, а также написать визитную карточку. После обеда он поспешил с ответным визитом к Хэ.

Из залы навстречу ему вышел в парадном облачении Хэ Юншоу. На нем был черный в облачных узорах шерстяной халат с круглым воротом и квадратными нашивками, на которых цветными нитями был выткан лев, а также оправленный в золото черепаховый пояс, черная креповая парадная шапка и черные туфли. Глядя на нежное, точно напудренное, лицо его, красивый разрез выразительных глаз и алые, как будто подкрашенные помадой, губы, ему нельзя было дать больше двадцати. Юншоу спустился по ступеням и, низко раскланиваясь, вежливо уступил дорогу Симэню. Слуги отдернули занавес и, поклоном встретив гостя, поспешно удалились. В зале гость и хозяин обменялись приветствиями. Симэнь велел Дайаню открыть коробку с подношениями и почтительно протянул их хозяину.

– Я весьма польщен вашим вниманием, – говорил Симэнь, – и глубоко сожалею, что не смог из-за отсутствия принять вас. Меня тем более тронул радушный прием, оказанный мне его сиятельством нынче утром. Премного вам благодарен. Тысяцкий Хэ ответил ему низким поклоном.

– Будучи удостоен поста, – говорил он, – я бесконечно рад служить рядом с вами, почтеннейший сударь. Считаю, мне выпало редкое счастье, ибо отныне я смогу непрестанно извлекать пользу из ваших наставлений. Я, к сожалению, не застал вас дома, вы же оказались столь великодушны, что снизошли до моего убогого жилья.

Хэ велел слугам унести подношения и подвинуть обтянутые оленьей кожей кресла. Когда Симэнь занял почетное место, подали чай. Хэ, низко кланяясь, поднес чашку Симэню. Тот, в свою очередь, поднялся и протянул чашку хозяину. За чаем и состоялось знакомство.

– Мое прозвание Сыцюань – Четыре Источника, – представился Симэнь.

– А мое Тяньцюань – Небесный Источник, – отвечал Хэ. – Вы уже нанесли визит в Военное ведомство, сударь?

– Да, я был там сразу же после угощения, устроенного его сиятельством, вашим дядюшкой, – объяснял Симэнь. – Потом я встретился с чиновниками нашего управления, а по возвращении мне вручили вашу визитную карточку. Мне так неудобно, что не нанес вам визит первым.

– А я не знал, что вы изволили прибыть в столицу, – оправдывался со своей стороны Хэ. – Вот почему так задержался. Прошу меня простить, сударь. Вы были во дворце Его Величества вместе с господином Ся?

– Да, – подтвердил Симэнь. – Лунси уже произведен в чин командира эскорта Его Величества. Мы вместе подали благодарственные представления государю. Но Лунси получил особую аудиенцию главнокомандующего.

– Как вы думаете, сударь, нам лучше поднести подарки его превосходительству Чжу или сначала получить свидетельства на должности? – спрашивал Хэ.

– По мнению моего свата, сперва надо поднести подарки, – отвечал Симэнь. – Потом нас представят ко Двору и мы вместе с остальными служащими нашего управления получим свидетельства.

– В таком случае, сударь, нам следовало бы завтра же поднести подарки.

И они начали договариваться, что поднесет каждый. Тысяцкий Хэ решил поднести два куска расшитой драконами о четырех когтях парчи и пояс с нефритовыми бляхами, а Симэнь – кусок ярко-красного атласа с выделанным на нем золотом единорогом, кусок темной шерстяной ткани, расшитой драконами о четырех когтях и оправленное в золото нефритовое кольцо для плетеного ритуального фартука. Кроме того, условились, что каждый принесет по четыре жбана цзиньхуаского вина. Когда они уговорились встретиться утром у резиденции главнокомандующего Чжу, им опять подали чай. Симэнь откланялся и вернулся к секретарю Цую, но Ся Лунси не сказал ни слова. На том и кончился день.

А на другой день рано утром Симэнь прибыл к Хэ Юншоу. На легкий завтрак были поданы большие блюда и чаши. Стол ломился от яств. Даже слуги наелись досыта.

Хэ Юншоу и Симэнь Цин отбыли к резиденции главнокомандующего Чжу Мяня, где их давно поджидали с подарками Бэнь Дичуань и слуги Хэ.

Главномандующий Чжу, награжденный титулом Пестуна Государева, тем временем совершал по распоряжению императора Хуэй-цзуна жертвоприношение перед Южным алтарем и еще не вернулся. А у накрепко запертых ворот его резиденции уже толпились прибывшие с поздравлениями и подарками чиновники.

Тысяцкий Хэ и Симэнь спешились неподалеку от резиденции. Хэ провел Симэня к своему знакомому, где они и остановились, наказав слуге сообщить тотчас же, как появится главнокомандующий. Ждать им пришлось долго. Было за полдень, когда к дому галопом прискакал всадник.

– Его превосходительство прибывают, – докладывал он. – У Южных ворот. Приказано очистить путь следования.

Немного погодя гонец принес новую весть:

– Его превосходительство миновали мост Небесной реки.

Первыми появились повара, за ними следовали слуги, несшие коробки с чаем и сладостями. Прошло много времени. Наконец вдали показался вестовой верхом на коне с развевающимся штандартом. За ним ехали верхом телохранители. Их лица были закрыты железными шлемами со знаком «Богатырь» на каждом. Из-под лиловых лат виднелись расшитые круговыми узорами темные стеганные куртки с узкими рукавами из полушелковой ткани. В красных шелковых набрюшниках и расшитых морскими чудовищами боевых набедренниках из зеленой оленьей кожи, заправленных в черные сапоги с четырьмя швами, телохранители напоминали свирепых тигров, а их кони – летящих драконов. Стоило им только натянуть луки, и тотчас же исчезали птицы. Из золотых колчанов за спиной у каждого торчали резные с оперением стрелы. Над отрядом поперечно развевалось голубое знамя с выделанным золотом иероглифом «Указ».

Вслед за всадниками с голубым знаменем ехали верхом, как на подбор, высокие и статные стражники. Держась почти вплотную друг к другу, они так и шарили глазами. На них были темные головные повязки, черные халаты и бледно-желтые сапоги на кожаной подошве. У пояса висели верительные дщицы с изображением тигровой пасти. Вид у них был величественный и грозный.

Потом послышалась команда и появились отряды гарнизона Его Величества телохранителей и карателей. В бочкообразных темных шапках и черных сапогах, один к одному могучего сложения, ростом в семь чи, два – в объёме, они правой рукой приподнимали полу халата, чтобы ускорять чеканный шаг, а в левой несли тростниковые трости. От пронзительного протяжного крика их вестового у стоявших возле дороги с испугу душа ушла в пятки. За этим отрядом, размахивая руками, шествовал второй такой же отряд.

За отрядами дворцовой стражи по обеим сторонам дороги двигались два десятка облаченных в черное сыщиков. Это были здоровенные силачи с огромными животами и широкими бородатыми лицами. Со злобеще сверкавшими глазами, бесчеловечные и жестокие, они были алчны и кровожадны, как тигры.

За ними шествовали шестнадцать носильщиков. Половина из них была на подхвате, а остальные восемь, подняв на плечи, несли на высоте трех чи над землею открытый, без крыши паланкин, усталый тигровой шкурой. В нем восседал Главнокомандующий Чжу в шапке из черного флера, украшенной соболями и цикадой,^[1223] и в черных сапогах. Одет он был в багряно-красный шерстяной халат, с драконообразной коровой-доуноу на квадратных нашивках, перехваченный поясом в четыре пальца шириною, на котором красовались пластинки из добытого в Цзинских горах белого нефрита, покрытого тончайшей резьбой. С пояса свисала слоновой кости верительная дщица Пестуна Государева и золотой замок-рыба.^[1224]

По одну сторону от паланкина шли одетые в темные полушелковые одеяния с роговыми поясами слуги главнокомандующего, а сзади ехали шестеро всадников с верительными дщицами и столько же знаменосцев из его ближайшей охраны, готовые исполнить любой приказ господина. На знаменах выделялся иероглиф «Указ».

За ними ехали еще несколько десятков всадников на холёных конях. Сверкали дорогие седла, нефритовые уздечки и золотые стремена. Это были близкие ко двору делопроизводители, писцы и секретари – кичливые щеголи-баричи, заносчивый вид которых свидетельствовал об их похотливости и корыстолюбии. Что им до Указов Государя или Уложений Империи!

Сильно растянутый эскорт, достигнув ворот резиденции, по команде бесшумно удалился в сторону. Настала гробовая тишина. Никто даже кашлянуть не смел. Прибывшие на аудиенцию черной толпою выступили вперед и пали ниц у обочины.

Наконец приблизился и паланкин. «Встать!» – раздалась команда.

«Повинуюсь», – хором ответили стоявшие на коленях. Их приветственные возгласы, казалось, достигли самых облаков.

Между тем с востока донесся оглушительный барабанный бой. Это, как вскоре выяснилось, прибыли с дорогими подарками все шесть командующих Военного ведомства, чтобы поздравить своего высокого начальника по случаю награждения его титулами Мужа Светлых заслуг,^[1225] и Пестуна Государева, а его сына, осененного величием отца^[1226] – чином тысяцкого. По сему случаю должен был состояться пир. Собралось множество певцов, играли музыканты. Но как только главнокомандующий вышел из паланкина, музыка утихла. Командующие приготовились было вносить подарки, но тут раздался клич стражников, разгонявших с дороги зевак.

К воротам стремглав примчался одетый в темное гонец с двумя красными визитными карточками в руке, которые он и вручил привратнику.

– Его сиятельство Чжан из Ведомства церемоний и его сиятельство академик Цай пожаловали, – объявил он.

Привратник немедленно доложил.

К воротам прибыли паланкины. Из них вышли в красных праздничных халатах с изображением павлинов на квадратных нашивках начальник Ведомства церемоний Чжан Банчан, препоясанный поясом из носорожьего рога, и украшенный золотым поясом советник Цай Ю. Оба проследовали в резиденцию, где после поздравления хозяина их угощали чаем и проводили до ворот. За ними с поздравлениями прибыли начальник Ведомства чинов Ван Цзудао, левый советник Хань Люй и правый советник Инь Цзин, которые были приняты с теми же почестями. Потом явились облаченные в лиловые узорные халаты с нефритовыми бляхами на поясах императорский родственник князь, Любящий страну, член Высшего военного и политического совета Империи Чжэн Цзюйчжун и государев зять, попечитель императорской родни Ван Цзиньцин. Лишь Чжэн Цзюйчжун прибыл в паланкине, двое других – верхом.

Наконец настал черед и шестерых командующих Военного ведомства. С приветственным возгласом, в строгом порядке чинно подъехали они к воротам резиденции. Первым восседал на коне полицеймейстер обоих гарнизонов сыскной полиции Сунь Жун, вторым – главный следователь Лян Индун, третьим – старший инспектор и правитель Столичного округа Тун Тяньинь, племянник Главнокомандующего Туна, четвертым – начальник караула тринадцати столичных ворот Хуан Цзинчэнь, пятым – начальник

столичного гарнизона полиции и инспектор Императорского города Доу Цзянь и шестым – начальник полиции столицы Чэнь Цзуншань. На них были ярко-красные халаты и шапки, украшенные соболем и цикадой. Кроме Сунь Жуна, которому как Пестуну Наследника престола полагался пояс с нефритовыми бляхами, все остальные были препоясаны золотыми поясами. Они спешили у ворот и проследовали в резиденцию, имея при себе подарки – золото и шелка.

Немного погодя из помещения донеслись звуки музыки. Это командующие вместе с золотыми цветами и нефритовым поясом торжественно поднесли главнокомандующему кубок вина. В это время внизу у ступеней заиграли музыканты. Пение струнных и духовых инструментов гармонично слилось в дивную чарующую мелодию. Столы ломились то обилия яств. Казалось, огромными букетами распустились пестрые цветы. А в какой роскоши жил Главнокомандующий!

Только поглядите:

Он высшего ранга сановник. Один из тех ближайших к Государю. Целые дни в роскошных покоях царит тишина – не услышишь звона бубенца. По ночам стража у хором необъятных стоит с трезубцами наготове. В зеленых рощах и ярких цветниках ликует вечная весна. Переливаясь радугой, горят за шторами огни, не допуская ночи. Льется нежное благоуханье редчайших ароматов и душистых лилий. Тут и там стоят бесценные треножки с затейливым узором иль письменами древних. От жажды роскоши альков из бирюзы, а изголовья из драгоценного коралла. То донесется мелодичный звон нефритовых привесок и брелоков. То, погляди, слепит глаза скопление золота в сиянии огней. Тигровые мандаты и яшмовые бирки^[1227], грозное оружие и доспехи боевые у дверей – бросают в дрожь. Но звуки серебряных цитр и кастаньет из слоновой кости, представленья марионеток и лицедеев горячат кровь. Все утро на аудиенцию спешат аристократы, потомственная знать. Из года в год прогуливается он в обществе придворных и вельмож. Прикажет петь – и льются тысячи мелодий, одна прелестнее другой. Откроет перламутровую ширму – и явится тотчас дюжина красавиц – шпилек золотых. На покрывале красуются чилимы, лотосы, а в бассейне, людей несколько не пугаясь, резвятся рыбок стаи. Высоко в клетках пред ширмою узорной щебечут миловидные птички, веселый ведя разговор.

Где ж тут ему постичь тайны гармонии правленья! Одной заботою томим – как еще польстить, чем Государю угодить? И впрямь, он шуткой кровавую битву затеет, а хвастовством взбаламутит горы и

моря. Указ фальшивый сочинит – и слышит восторги царедворцев. Его речам лукавым Сын Неба кивает головой. Везет он мрамор в Стольный град – и разоряет жителей по рекам Янцзы и Хуай. Он шлет Государю самшит – и пустеет казна, беднеет народ. Трепещут при Дворе, стенает вся земля.

Да,

Богатство с роскошью в тот час соединились,
Гремела музыка, столы от яств ломились.

Угостив высокого начальника вином, командующие сели. Вышли пять музыкантов с цитрой, лютней, ксилофоном, красными костяными кастаньетами и запели так, что звуки их чистых голосов и дивных мелодий устремлялись ввысь и кружились средь балок. В тональности чжэн-гун^[1228] они исполнили арию на мотив «Преисполненный стати»:

Они пели:

Ты теперь и богат и знатен,
Государем самым обласкан.
Из низов ты наверх поднялся,
Получил высокую должность,
В страхе держишь столичный округ.
Как же ты, государев любимец,
От князей принимаешь поклоны,
Долг презрев, сострадание к ближним?!

На мотив «Катится расшитый мяч»:

Велишь копать пруды и водоемы,
Возводишь внукам пышные хоромы,
Где только можешь, ты скупаешь земли,
Своим корыстным устремленьям внемля.
Все блага у тебя давно в избытке,
А вот соседа оберешь до нитки.
На гибель обрекая непокорных,
Талантов людям тоже не прощаешь,
Зато льстецов ничтожных приближаешь
Да поощряешь подхалимов вздорных.
Ты справедливость на земле убил,
Ты помутил и Сыну Неба зренья.
Все люди четырех морей в смятении,
Ждут: в сети Неба ты бы угодил.^[1229]

На мотив «Поразительный сюцай»:

Ты радуешь государя
Угодливой, льстивой речью,
Мешаешь преданным, честным
Отчизну вести к расцвету.
На лучших всегда клеветешь,
«Деянья» твои ничтожны!..
Как вылечить давний недуг,
Чтоб сохранились устои?

На мотив «Катится расшитый мяч»:

Идешь тропой кривою Чжао Гао,^[1230]
Хитришь, коварный интриган, лукаво,
Копируя Туань Гу – кровопийцу,^[1231]
Ты подло подсылаешь пса-убийцу.
Уроки лжи берешь ты у Ван Мана,^[1232]
Двулично лицемеря неустанно.
Копируя Дун Чжо,^[1233] ведешь игру бесчестно.
Оруженосцев окружен ты свитой,
Сановников страшит суровый вид твой;
А оды славят сладостно-прелестно.
Хитро ульстивший тигра рыжий лис,
Ты создал клику подлецов лихую,
Карает правду острый меч втихую,
А кривды океаном разлились.

Заключительная ария:

Драгоценные чаши, одни – именные,
Другие – безвестные.
Век в борьбе добродетельные и дурные,
Лиходеи и честные.
Что ты знаешь о вечных законах природы,
Об истинах жизни?
Есть разбойники – целые губят народы
В своей же отчизне,
Придворные да высокосановные
Позоряют халаты,^[1234]
Награды у них, полномочья верховные, –
Жаль, заслуг маловато.
Ты вот власть захватил и на слабых глядишь

Так сурово и грозно.
А в беде и расквасишься и заюлишь,
Только тщетно и поздно...
Обличить твои козни не хватит бамбука...
Оголи хоть все Южные горы.
Даже воды Восточного моря не смоят
Злодеяний твоих и позора!..

Осушив по три кубка, командующие выслушали певцов и стали откланиваться. Чжу Мянь проводил их до дверей и вернулся в залу. Музыка утихла, и дворецкий объявил о придворных. Главнокомандующий велел внести большой стол и расположился в покрытом тигровой шкурой кресле.

– Первыми просите заслуженных государевых родственников и дворцовых смотрителей-фаворитов, приближенных и писцов, – распорядился он.

Они поднесли подарки и немного погодя удалились. За ними начался прием глав пяти управлений и семи подразделений и северных полицейских гарнизонов. С официальными визитными карточками перед Чжу Мянем предстали высшие чины сыскальной полиции и полицейского надзора, судебные инспектора и следователи, начальники дозора, полицеймейстер Столичного округа и командир императорского эскорта, главный тюремный надзиратель и старший полицейский надзиратель над тысяцкими и сотскими.

После них стали вызывать по очереди судебно-уголовных надзирателей тринадцати провинциальных управлений обоих берегов реки Хуай и двух частей Чжэцзяна,^[1235] Шаньдуна и Шаньси, Гуандуна и Гуанси, Хэдуна и Хэбэя, Фуцзяни и Гуаннани, а также Сычуани. Симэнь и Хэ Юншоу оказались в пятой очереди. Дворецкий поспешно положил на стол визитную карточку старшего дворцового евнуха-смотрителя Хэ. Они внесли подарки и стали внизу у ступеней, ожидая вызова. Симэнь поднял голову и огляделся. Его взору предстала огромная зала, окруженная располагающим к прогулкам взгорьем с многочисленными выющимися тропинками. Крышу залы украшали двойные карнизы и резные водостоки. Были высоко подняты жемчужные занавеси. Зал окружали увитые зеленью балюстрады. Наверху красовалась дарованная Его Величеством Хуэй-цзуном ярко-красная вывеска, на которой рукою императора были начертаны золотом крупные иероглифы: «Зала Личного телохранителя». Да, вот где глава и уши, клыки и когти государя! Сюда водят пытаться и сходятся на тайные сговоры. Вот где чаще всего казнят и четвертуют.

По обеим сторонам залы были расположены шесть флигелей, отделенных друг от друга обширными дворами. В залу вело высокое крыльцо с широкими ступенями. На возвышении в ярко-красном облачении восседал главнокомандующий Чжу. Когда выкликнули имена обоих тысяцких, они с приветственными возгласами стали подниматься по ступеням и, очутившись под карнизом, оба пали ниц.

— Зачем же ваш родственник старший дворцовый евнух-смотритель беспокоился о подношении? — спросил их Чжу Мянь и, распорядившись убрать подарки, заключил: — Службу несите ревностно и с усердием. Я все устрою как и полагается. А вы ждите высочайшей аудиенции. Свидетельства на должность получите потом в ведомстве.

— Есть! — в один голос отозвались Симэнь и Хэ.

— Встать! Аудиенция окончена! — крикнула стража.

Вышли они через боковые двери. Миновав главные ворота, они хотели было обождать Бэнь Дичуаня с коромыслами, но тут прискакал с красными визитными карточками гонец.

— Их превосходительства Ван и Гао прибыли, — доложил он.

Симэнь и Хэ быстро отошли к воротам соседнего дома и стали наблюдать. Послышались крики стражников, разгонявших с дороги зевак. Свита — люди и кони — запрудили всю улицу и переулки. Наконец показались командующий восьмисоттысячным войском дворцовой стражи Ван Е, князь Западной Лун,^[1236] и главнокомандующий лейб-гвардии Гао Цю в ярко-красных халатах и нефритовых поясах, восседавшие в паланкинах. Толпившиеся у ворот командующие с мест тотчас же куда-то исчезли. Наконец-то появился Бэнь Дичуань с коромыслами. Им незаметно подвели коней, и Симэнь с Хэ верхом вернулись к себе.

Да,

Не будь таких у власти негодяев,
В Китае не лилась бы кровь людская.

Вот почтенный читатель, бабы в семье вносят разлад, а ничтожные царедворцы баламутят Империю. Так оно и ведется. Понимавшие тогда уж полагали, что Поднебесную захватят разбойники. И в самом деле, если в третий год под девизом Всеобщего Согласия Хуэй-цзун и Цинь-цзун все еще охотились с собаками на севере Империи, то Гао-цзуну^[1237] уже пришлось перебраться на юг и Поднебесная оказалась плененной. Как это тяжело!!! У летописца не хватает слов, чтоб выразить всю горечь.

Тому свидетельством стихи:

Сановники нечестивые
наносят отчизне урон.
Правитель, слугу ничтожного
гони из покоев вон.
«Разбойников шесть — под корень!»^[1238]
Напрасны, увы, заклинанья,
Когда императоры оба
томятся в далеком изгнание.^[1239]

Если хотите знать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
ЛИ ПИНЪЭР ВО СНЕ ЯВЛЯЕТСЯ
СИМЭНЬ ЦИНУ В ДОМЕ
ТЫСЯЦКОГО ХЭ
СУДЕБНЫЕ НАДЗИРАТЕЛИ
УДОСТАИВАЮТСЯ
ВЫСОЧАЙШЕЙ АУДИЕНЦИИ

*Игрой на лютне благозвучной
себя не ублажает он,
Досуг за чтением проводит
и древних познает деянья:
То чым-то ревностным служеньем
он справедливо восхищен,
То чья-то тупость и бездарность
рождают в нем негодование.
В правленье совершенномудрых
мир наступает и покой,
Придворные льстецы извечно
несут лишь смуту да раздоры.
Век процветанья, век упадка
иль век еще грядет какой?...
Познавший тайну жить уходит
туда, где воды есть да горы.*

Итак, выехали Симэнь Цин и тысяцкий Хэ на широкую улицу, и Хэ Юншоу послал гонца предупредить дядю, а сам пригласил Симэня на обед. Симэнь долго отказывался и благодарил за гостеприимство. Тогда Хэ Юншоу велел слуге взять Симэня под уздцы.

– Мне хотелось бы обо всем посоветоваться с вами, сударь, – сказал он Симэню.

Они поехали рядом, а у ворот дома Хэ спешили. Бэнь Дичуань понес пустые коромысла к секретарю Цую.

А Хэ Юншоу, надобно сказать, приготовил сослуживцу богатое угощение. Когда они вошли в залу, Симэнь увидал расставленные кругом ширмы с вышитыми павлинами, на тюфяках красовались лотосы. В жаровне ярко горел лучший фигурный уголь, из золотых курильниц струился аромат. Посреди залы стоял стол, неподалеку пониже – другой, а с восточной стороны – третий. Они ломились от редких яств и диковинных плодов. В золотых вазах стояли цветы. Блистала мебель, ширмы и пологи.

– Можно узнать, кто приглашен, сударь? – спросил Симэнь.

– Мой почтенный дядюшка нынче оказался свободен, сударь, – пояснил Юншоу, – вот и решился пригласить вас пообедать.

– Сколько ж хлопот я причинил вам, сударь? – заметил Симэнь. – Как ваш сослуживец я, разумеется, не заслуживаю столь роскошного приема.

– Таково желание моего дядюшки, – говорил Юншоу, улыбаясь. – Это скромное угощение позволит мне выразить вам свое почтение и испросить ваших наставлений.

Им подали чай.

– Могу я засвидетельствовать почтение его сиятельству? – спросил Симэнь.

– Дядюшка скоро выйдет, – отвечал Хэ Юншоу.

Немного погодя из дальних покоев появился старший дворцовый евнух-смотритель Хэ. Он был в расшитом драконами о четырех когтях зеленом шерстяном халате, в шапке и черных сапогах. На поясе у него красовалась застёжка из драгоценного камня.

Симэнь намеревался почтить дворцового смотрителя четырьмя низкими поклонами, но тот решительно воспротивился.

– Ни в коем случае! – возразил он.

– Мы с Тяньцюанем принадлежим к молодому поколению, – говорил Симэнь, – и долг обязывает нас оказывать вашему сиятельному все положенные почести. Кроме того, вы имеете честь принадлежать к знатнейшим приближенным особам Двора.

Они долго упрасивали друг друга. Наконец, Хэ И согласился на половину положенного церемониала и пригласил Симэня занять почетное «верхнее» место, а сам сел в кресло хозяина рядом. Хэ Юншоу расположился сбоку.

– Но это невозможно, ваше сиятельство! – возразил Симэнь, – Мы с господином Хэ коллеги. Могу ли я допустить, чтобы господин Хэ сидел ниже меня? Вы, ваше сиятельство, ему дядя, вам полагается, но мне нет.

– А вы, сударь, отлично знаете этикет, – говорил польщенный Хэ И. – Ну, ладно! Тогда я сяду сбоку, а вы, сударь, будете рядом с вашим новым коллегой.

– Тогда и мне будет удобно, – согласился Симэнь.

Они обменялись поклонами и расселись.

– Слуги! – крикнул Хэ И. – Подбросьте-ка угольку. Похолодало сегодня.

Слуги принесли шлифованного угля и подложили его в стоявшие в углах начищенные до блеску медные жаровни, потом опустили утепленные промасленной бумагой занавеси. От зажженных огней в зале стало светло как днем.

– Прошу вас, сударь, будьте как дома! – обратился к гостю Хэ И. – Может, снимете парадный халат?

– Извините, ваше сиятельство, – говорил смущенно Симэнь, – Я без нижнего халата. Я пошлю своего слугу ...

– Не стоит, – успокоил его Хэ И и обратился к слугам: – Ступайте принесите господину мой зеленой шерстяной халат с квадратной нашивкой, украшенной летающей рыбой.

– Но мне не полагается носить служебное облачение вашего сиятельства, – заметил Симэнь.

– Ничего страшного! – продолжал Хэ И. – Вчера император, да продлится его жизнь на десять тысяч лет, пожаловал мне одеяние с драконом о четырех когтях. Это мне больше не потребуется. И я подарю его вам.^[1240]

Слуги принесли халат. Симэнь снял с себя пояс и парадный халат и отдал Дайаню, сам облачился в одеяние придворного сановника и поклонами благодарил хозяина.

– Прошу и вас, сударь, снять верхний халат, – обратился Симэнь к Хэ Юншоу.

Снова подали чай.

– Позовите певцов! – распорядился Хэ И.

В доме придворного смотрителя, надобно сказать, обучали музыке и пению целую дюжину подростков. Они вышли, возглавляемые двумя учителями, и приветствовали гостя и хозяев земными поклонами. Хэ И велел внести в залу медные гонги и бронзовый барабан. Когда заиграли, могучие звуки свирелей и удары в барабан потрясли небеса и

вспугнули рыб и птиц. Музыканты сели на свои места в ожидании распоряжений. Хэ И поднес Симэню кубок.

– Не утруждайте себя, прошу вас, ваше сиятельство, – всполошился Симэнь, – Пусть почтенный коллега поднесет. Поставив передо мной кубок и прибор, вы уже оказали мне великую честь.

– Нет уж, сударь, позвольте мне поднести вам кубок, – настаивал Хэ И. – Видите ли, племянник только начинает служить и не знает еще всех тонкостей. Не оставьте его своими милостями, сударь, очень вас прошу. Я вам буду весьма обязан.

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, разумеется, не оставлю, – заверил его Симэнь. – Говорят, коллеги – что самая близкая родня. Мне, вашему ученику, хотелось бы надеяться на покровительство вашего сиятельства. Я же со своей стороны почту за долг помочь вашему племяннику.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Хэ И. – Мы обязаны поддерживать друг друга, коль скоро все мы служим Государю.

Симэнь не стал дожидаться, пока ему поднесут кубок. Он взял кубки и поднес их сперва придворному еврею Хэ И, а потом Хэ Юншоу. После взаимных поклонов все сели.

К пирующим вышли три подростка с учителем и, взяв в руки серебряную цитру, костяные кастаньеты, трехструнку и лютню, спели цикл романсов.

На мотив «Выситя статно парадный дворец»:

Хрустальный и чистый чертог,
Разливами радуги полон,
Внутри – перламутровый полог...
За окнами – лунный восход,
Снежинки кружит ветерок,
На ложе драконовом холод,^[1241]
И сон не глубок и не долог
За золотом царских ворот.

На мотив «Катится расшитый мяч»:

В воздухе цветы-снежинки –
Ивы зимние пушинки –
То порхают мотыльками,
То алмазами сверкают;
Заслонив лицо руками,
Я иду, шаг ускоряя,
Стала шапка вороняя,

Словно в трауре, седая.
Где же феникса палаты?^[1242]
Растворились в снежной буре
Стен лазурные глазури,
Окон кружевное злато...
Не найти мне путь обратный –
Всюду белые нефриты,
Как из серебрят земную свиту
Девять ярусов небесных.^[1243]
Свет и тьму, твердь и отверстие,^[1244]
Все стихии и все дали
Пудрой белою устлали.

На мотив «Поразительный сючай»:

На воротах медный зверь оскален страшный,^[1245]
И замки дворца неодолимы...
Я из спальни выхожу незримый,
Я – с предгорья долголетия Чжао Старший.^[1246]
Я спешу к Учителю Канонов,
Познавать всеведение законов.

На мотив «Застывшая завязь»:

Зимою ветра неустанны
И снег все дороги занес,
А я сокровенные тайны.
С тобой обсуждаю всерьез
Не ждем окончания стужи
К чему бесполезно тянуть?
Кто ценит не внешность, а суть,
Тому церемонии чужды.
В безмолвном пределе дворцовом,
Три князя давно на местах^[1247]
И сам Трипитака-монах.^[1248] –
Все жаждут заветного слова.
От холода пьем кипятки
И ждем толкования строк.^[1249]

На мотив «Поразительный сючай»:

Не подражаю я Ханьскому вану,
Ведь наслаждался в покоях Вэйян он^[1250]

Также не чту императора Тан,
Что развлекался в хоромах Цзиньян.^[1251]
Мне сладострастье двух фениксов чуждо,^[1252]
Мне просвещение единственно нужно.
Роскошь отброшу, чтоб снова, как в старь,
Скромным и мудрым был ваш государь.

На мотив «Катится расшитый мяч»:

Меж четырех морей^[1253]
Я – первый из людей,
Мне долг велит вести народ свой.
К основам мужества и благородства.
Твердыням трем почтительно послушным:
правителю, отцу и мужу;
Познавшим пять первейших правил.
гуманность, справедливость,
пристойность и надежность,
и пониманье правды.^[1254]
Но молодость свою
Я передал копыю,
К Конфуцию пришел не сразу.^[1255]
В «Преданьях» сколько глав!^[1256]
Смирит «Обрядник» нрав
И просветит народный разум.^[1257]
А в «Песнях» сколько строф!^[1258]
Причины катастроф
И процветаний «Летопись» изложит.^[1259]
Мне подражать кому? –
Лишь Юй, Чэнтан, Вэнь, У,^[1260]
Как предков чтить мне Яо, Шуня должно.^[1261]
Был не один Тай-цзун,
И Ханьский Гао-цзу:
Там – Фан и Ду,^[1262] там – Сяо, Цао рядом.^[1263]
А мне – без вас нельзя.
Хочу, чтоб вы, друзья,
Преодолели мудрости преграды.

На мотив «Поразительный сючай»:

В «Изречениях»,^[1264] говоришь,
Есть правления рецепты, –

Знаешь половину лишь –
И уже почти мудрец ты –
Горы, реки. – все в руках!
Мудрость древних – неба высь!
Не с красоткой веселись –
Истолковывай каноны,
Чти гуманности законы —
И покинет душу страх.

На мотив «Катится расшитый мяч»:

Ярко свечи цветные горят,
Вьется чудный густой аромат
Из курильниц, расставленных в ряд.
Не волнуйся, почтенный мой брат,
Я не стану невестку просить^[1265]
Кубок плещущий мне подносить.
«Не бросают в сиротстве жену!»
Эту стойкость души я пойму.
Не познает позора тот муж,
Что жену выбирал по уму.
И «влюбленной чете никогда
Не забыть скучной жизни года».^[1266]
Не красы ты искал – доброты,
Как Лян Хун – Мэн Гуан, выбрал ты.^[1267]
Ты – И Инь, я – Тайцзя.^[1268] Извини!
Пусть счастливо пройдут ваши дни.

На мотив «Поразительный сючай»:

Отдохнуть бы, уснуть бы скорей!
Биографии прежних царей,
Царств подъемы, паденья всю ночь
Поученьями сон гонят прочь.
Мы серьезный ведем разговор...
В мире горе и боль с давних пор,
Длятся скорби народной века...
Жаль, что ночь эта так коротка.

На мотив «Катится расшитый мяч»:

Скорблю, если вижу:
Как ближнему нечем прикрыть наготу;

Скорблю, если вижу:
От голода ближнему невогнать.
Скорблю, если вижу:
Бедняге постелью – промерзший порог;
Скорблю, если вижу:
Ученый за книгою ночью продрог.
Скорблю, если вижу:
Супруги, замерзшие, стонут вдвоем;
Скорблю, если вижу:
Купец-горемыка оставил свой дом.
Скорблю, если вижу:
Как в буре ладью рыбаку не унять;
Скорблю, если вижу:
Голодные дети и мертвая мать.
Скорблю, если вижу:
Как голоден, в рубище гордый мудрец;
Скорблю, если вижу:
Защитника Родины близок конец.
Страна моя – скопище скорби
Кто кроме меня ее вскормит?!

На мотив «Поразительный сюэцай»:

Скорблю о горестях народа,
Судьба его в моих руках.
Ведь благодать страны в веках
Забота царственного рода.
На севере – Лю Су атаковал,
Он Тайюань уже к рукам прибрал.^[1269]
Разрухи зарево алеет
Я фениксовы пропилеи^[1270]
Покинув, мчусь под флагом на восток,
Шандан отбить, который враг отторг.^[1271]

На мотив «Катится расшитый мяч»:

Ты вспомнил Цянь-вана, Ли-вана,
Жестоких Лю Чана, Мэн Чана.^[1272]
Народ их страдал беспрестанно
Под гнетом развратных тиранов.
Возьмут полководцы У, Юэ,
Кто сможет отбить их, рискуя?

Погибнем, кто, честен и предан,
На юге одержим победы!^[1273]
Бандитов осилить не скоро –
Могучей должна быть опора.
Чтобы мощь государств возрастала,
Оплот нужен, крепче металла.

На мотив «Сниму холщовую рубашку»:

Спешу через Янцзы, отвоевав Цзиньлин,^[1274]
Я в битве стал властителем Цяньтана,^[1275]
Пройду мосты я Сычуаньских гор-стремнин,^[1276]
Не испугаюсь южного дурмана.^[1277]
На мотив «Миром и покоем упоен»:
Как гордый тигр, бросаюсь в бой,
Мне нипочем мороз любой,
Стратегией удержим рубежи.
Пусть плетъ свистит и стремена,
Взнуздайте звоном скакуна,
Вперед, солдаты, в битве наша жизнь!
Отнимем у врага печать –
С победой будут нас встречать –
В родной Бяньлян,^[1278] в обратный путь спешите!

Предпоследняя ария:

Кто волей Неба покорен,
В том – справедливости закон;
Кто к праведности возвращен –
Тот будет полностью прощен;
А кто заносчивый тиран,
Сопrotивляющийся нам,
Того лишь гибель ждет и срам,
Былая мощь – ветшалый хлам.
Не жгите жителей дома,
Амбары, скот и закрома,
И не позорьте жен и дев,
Оберегайте их везде.
И помогайте по местам
Порядок водворять войскам;
Оброк назначьте, учредив законы,
Спасайте город от смутьянов конных,

Народным разумом смирите непреклонных,
Амбаров вскройте закрома –
Голодных по дорогам тьма.
Заключительная ария:
Рассеется сражений дым,
И ты вернешься невредим.
Скорей в величии предстань,
Могуч и горд взойди в Линъянь!^[1279]
Твоим соратникам хвала!
Портреты лучших сохраним,
Треножники, колокола
Отлиты с именем твоим!
Блестящий воинский талант,
Бесстрашен и, как вихорь, скор.
По звездам составляешь план,
По очертаньям рек и гор.
Ты земли обозришь, вступая в бой,
Хоругви развернешь перед собой,
В ночи сразишь атакой огневой;
И выведешь вперед корабль свой,
Охраной защитись береговой,
Из воинов растишь ты молодцов,
За правду стойких преданных борцов;
По слуху узнаешь, где вражий стан,
Где колесница полководца там.
С окраин шлешь депеши: кончен бой.
Земля родная славится тобой,
С триумфом в Стольный град приносишь мир.
А воинов награды ждут и пир.

Певцы допели цикл^[1280] и удалились. Пирующие успели осушить по несколько кубков, и на столах уже меняли блюда. Вечерело. Зажгли огни. Симэнь крикнул Дайяня. Наградив поваров, певцов и музыкантов, он начал откланиваться.

– Мне пора, – говорил он. – Сердечно благодарю за щедрое угощение. Простите, что отнял у вас целый день.

– Есть за что благодарить! – воскликнул придворный евнух Хэ, никак не желая расставаться с гостем. – Я нынче свободен и решил побыть с вами, сударь. Посидеть, поговорить. Извините, пожалуйста, за мое скромное угощение. Не проголодались?

– Как вы можете так говорить, ваше сиятельство! – воскликнул

Симэнь. – За отменные яства я вам крайне признателен. Но мне, простите, пора. Надо отдохнуть. Ведь утром нам с Тяньцюанем предстоит визит в Военное ведомство, регистрация и получение мандатов.

– В таком случае заночуйте у меня, сударь, – предложил Хэ И.

– А завтра вместе с племянником и делами займетесь. Да, позвольте узнать, где вы остановились.

– Пока у секретаря Цюя, родственника коллеги Ся Лунси, – отвечал Симэнь. – У него и вещи лежат.

– Дело поправимое, сударь! – заверил его Хэ И. – Чем в людях обретаться, велите слугам перенести вещи и поживите эти дни у нас, а? У меня на заднем дворе все равно помещения пустуют. А какая тишина! И с племянником будет удобнее о делах договориться.

– Можно, конечно, и у вас, – согласился Симэнь. – А господин Ся не обидится? Подумает, я пренебрегаю его радушием.

– Да что вы! – удивился Хэ И. – В наше-то время?! Да теперь утром выйдет из управы с повышением, а к вечеру встретится – даже не поклонится. Не управа – настоящий балаган! Когда-то вместе служили, а теперь ваши пути разошлись. Какое он имеет к вам отношение? А обидится, значит без понятия человек. Нет, этот вечер вы должны посвятить мне. Не отпущу я вас, сударь, и весь разговор! – Хэ И обернулся к слугам. – Накройте стол в той комнате и угостите слуг его сиятельства Симэня. А вы ступайте за вещами.

Хэ И распорядился, чтобы гостю приготовили западный флигель в заднем саду – накрыли постель и разожгли в жаровне уголь. Стоило хозяину вымолвить слово, как слуги на разные голоса отзывались: «Есть!» и спешили исполнять приказания.

– Вы так добры, ваше сиятельство, – не унимался Симэнь, – но мне, право, неловко перед Ся Лунси.

– Будет вам волноваться! – уговаривал его хозяин. – Нисколько он не обидится. Ведь сказано: «Не радей о службе, на которую не уполномочен».^[1281] До вас ли ему?! У него своих забот не оберешься. Одна кладовая государевой свиты чего стоит!

И без лишних слов Хэ И отпустил Дайяня и конных всадников выпить и закусить, а солдат за вещами. Те взяли веревки и коромысла и отбыли к секретарю Цюю.

– У меня вот еще какое к вам дело, сударь, – обратился к гостю Хэ И. – Ежели племяннику придется с вами служить, не могли бы как-нибудь подыскать ему дом? Он бы тогда и семью с собой захватил. Пока он один с вами поедет. Простите, что прибавляю вам хлопот. А

семья у него небольшая. Два-три десятка человек с прислугой.

– А кто же будет присматривать за этим домом после отъезда Тяньцюаня? – поинтересовался Симэнь.

– Здесь я поселю моего второго племянника Хэ Юнфу, – пояснил хозяин. – Сейчас он живет в поместье.

– Какой же дом, позвольте узнать, вы намерены приобрести для Тяньцюаня?

– Думаю, лянов за тысячу подошел бы.

– Ся Лунси собирается продать свой дом, – подхватил Симэнь. – Он ведь остается в столице. Вот бы Тяньцюаню подошел. Убили бы сразу двух зайцев. Прекрасный дом! Семь комнат по фасаду, пять построек вглубь. Пройдя через внутренние ворота, сразу попадаешь в громадную залу с двумя флигелями рядом. Их венчают фигурные крыши, а сзади располагаются жилые постройки обвитые цветами беседки и разные строения, вокруг которых проходят и дорожки. Словом, есть где разместиться. Как раз для Тяньцюаня!

– И дорого он запрашивает? – спросил Хэ И.

– Говорил, тысячу триста платил, – отвечал Симэнь. – Правда, он сзади пристройку возвел и беседки. Вы сами назначьте цену, ваше сиятельство.

– Нет уж, я вам доверяю, – отозвался хозяин, – Как вы договоритесь, так и порешим. Может, пока я дома, и направим к нему посыльных, пусть счет напишет, а? Такой случай нельзя упускать. И племяннику сразу будет, где остановиться.

Немного погодя Дайань со слугами принес вещи Симэня.

– А Бэнь Дичуань и Ван Цзин вернулись? – спросил его хозяин.

– Ван Цзин пришел, а Дичуань с паланкином задержался, – отвечал Дайань.

– Послушай-ка, вот какое дело, – зашептал на ухо слуге Симэнь. – Принеси мою визитную карточку. Надо будет поблагодарить господина Ся и попросить у него счет на дом. Его сиятельству нужно. И Бэня с собой возьми.

Слуга удалился. Немного погодя вместе с Дайанем явился и Бэнь Дичуань, в темном одеянии и в шапочке.

– Его сиятельство господин Ся вам низко кланяется, – заговорил Бэнь Дичуань и протянул счет. – Раз, говорит, его сиятельство пожелали, ему неловко назначать цену. Вот просили передать первоначальный счет. А насчет пристроек, хотя они и стоили немалых денег, говорит, как батюшка распорядится.

Симэнь протянул счет Хэ И. В нем значилась сумма: тысяча двести

лянов серебра.

– Дом неновый, – заговорил Хэ И. – Наверняка что-то обветшало, потребуется ремонт ... Но, доверяя вам, сударь, я готов дать указанную сумму. Тем более по случаю вступления на службу племянника.

Бэнь Дичуань тотчас же опустился на колени.

– Совершенно верно вы изволили заметить, ваше сиятельство! – говорил он. – Исстари повелось:

Кто денег не жалеет –
Поместьями владеет.
В нем сменится хозяев сто,
И всяк – по-своему устрой.

Слова Бэня привели Хэ И в восторг.

– А ты, речистый, кто же будешь? – спросил он. – Да, большому человеку не пристало о малых затратах сожалеть. Что верно – то верно. – Хэ И обернулся к Симэню. – Как его зовут?

– Это Бэнь Дичуань, мой приказчик, – отвечал Симэнь.

– Так нам незачем и посредника искать, – решил Хэ И. – Ты посредником и выступишь. Раз нынче счастливый день, надо, не откладывая, и расплатиться.

– Ваше сиятельство, сегодня поздно, – заметил Симэнь. – Может, завтра утром?

– Нет, мне в пятую ночную стражу надлежит быть при дворе, – объяснил придворный. – Завтра ведь торжественный выезд Его Величества. Так что не стоит откладывать. Сегодня и завершим сделку.

– А когда, позвольте узнать, выезжает Его Величество? – поинтересовался Симэнь.

– К алтарю отбывают в полдень, – объяснил Хэ И. – В третью ночную стражу свершится торжественный обряд принесения жертв, а ровно в предрассветный, третий час инь^[1282] в государевом дворе будет устроена трапеза, после чего состоится большая аудиенция, на которой Его Величество соизволит принять благодарность от верноподданных и поздравления с наступлением зимы. На другой день столичные чины гражданской и военной службы приглашены на пир Счастливого Свершения. Вы же как чиновники с мест после большой аудиенции будете свободны.

Хэ И велел племяннику принести из задних покоев двадцать четыре полновесных слитка серебра.^[1283] Их уложили в коробы, в

которых обыкновенно носят продукты, и двое слуг вместе с Бэнь Дичуанем и Дайанем отправились к секретарю Цую, чтобы вручить Ся Лунси. Обрадованный Ся сам написал купчую и передал ее Бэню.

Хэ И тоже остался доволен сделкой и одарил Бэня десятью ленами, а Дайаня и Ван Цзина тремя лянами каждого.

– Этих малых не стоило бы баловать, – заметил Симэнь.

– Ничего, на сладости пригодятся, – отвечал Хэ И.

Приказчик и слуги земными поклонами поблагодарили придворного. Тот велел их угостить.

– Я вам очень признателен, сударь! – Хэ И поклонился Симэню.

– Что вы, ваше сиятельство! – воскликнул Симэнь. – Я к вашим услугам.

– Надеюсь, вы поговорите с ним, – продолжал Хэ И. – Не мог бы он пораньше освободить дом? Тогда б племянник перевез и семью.

– Поговорю, непременно поговорю, – заверил его Симэнь. – Думаю, ждать долго не придется. Пока господин Хэ поживет в управе, а как освободится, так и переедет. А там и семью перевезет.

– Уборку и ремонт, думаю, надо будет отложить до нового года, – говорил Хэ И. – Прежде семью переправить. Чего хорошего в управе проживать?!

Пока они говорили, настала вторая ночная стража.

– Простите, вам, должно быть, пора на отдых, ваше сиятельство, – заметил Симэнь. – Я тоже выпил порядком.

Хэ И простился с гостем и направился в дальние покои, а Хэ Юншоу заказал музыку и посидел немного с Симэнем за столом.

После метания стрел в вазу они разошлись.

Симэнь прошел в задний сад, где прямо на северной стороне располагалась библиотека из трех комнат. С одной стороны от нее возвышалась белая стена, с другой стороны к ней примыкала терраса среди стройных ив. Рядом красовалось озерцо с причудливыми камнями по берегам, кругом в больших вазах цветы и декоративные деревья.

В библиотеке ярко горели красные свечи. Парчовые шторы и низкие ширмы с позолотой отделял ложе. Пышную высокую постель закрывал полог. Кругом царили порядок и тишина. Были низко спущены занавеси. В жаровне горел уголь, всюду стояли дорогие вазы. Из курильниц струилось благоухание ароматных трав и мускуса. Хэ Юншоу все еще беседовал с Симэнем. Мальчик-слуга подал чай, после которого они расстались.

Симэнь приблизился к жаровне и, сняв шапку и халат, лег спать.

Ван Цзин с Дайанем ушли в пристройку, где устроились накануне. Симэнь разулся и потушил свечи. Он был пьян. Не спалось ему под парчовым одеялом на шелковой постели. Луна заливала крапленую золотом кровать, отделанный собольим мехом узорный полог, освещала жаровню. Симэнь долго ворочался с боку на бок. Слышно было, как где-то вдали падали капли в клепсидре. Безмолвие царило под сенью цветов. Лишь шелестел по оконной бумаге холодный ветер. Давно Симэнь покинул родной дом. Только хотел он кликнуть Ван Цзина, чтоб тот лег с ним рядом, как за окном послышался тихий женский голосок. Симэнь накинул платье и спустился с кровати. Он сунул ноги в туфли и осторожно приоткрыл дверь. Перед ним стояла Ли Пинтэр. Ее так красила высокая прическа и едва заметные следы румян. Сколько изящества было в ней, хотя одета она была в старое белое платье, совсем гладкое, без узоров. Когда она неслышно переступала лотосами-ножками, приближаясь к Симэню, из-под нижней юбки выглядывали бледно-желтые чулки и малюсенькие туфельки. Она встала, освещенная солнцем, и Симэнь ввел ее в спальню, обнял и заплакал.

– Как ты здесь очутилась, нерасстанная моя? – спрашивал он.

– Дом подыскивала, – отвечала она. – Пришла сказать: нашла я дом. Давай туда переберемся.

– Где ж он? – поспешно спросил Симэнь.

– Тут, совсем рядом. С Большой улицы на восток повернуть. Как раз посередине Котельного переулка.

Симэнь обнимал и ласкал Пинтэр. Они легли и отдались любви. Когда они вдоволь насладились, Пинтэр стала поправлять платье, потом прическу. Она медлила, отдаляла момент расставания.

– Запомни, дорогой мой! – заговорила она поучительно. – Не гуляй по ночам! Раньше домой приходи. Смотри, не ровен час, погубит тебя насильник. Гляди, крепко запомни, что я тебе говорю!

Предупредив Симэня, Пинтэр опустила руки и пошла, увлекая его за собою.

Они вышли на Большую улицу. Было светло как днем – так ярко светила луна. И в самом деле, стоило им свернуть на восток, как за аркой показался небольшой переулок, а пройдя немного, они очутились перед белыми двустворчатыми воротами.

– Вот и мой дом, – указывая пальцем, сказала Пинтэр.

Она опустила рукава и вошла в ворота. Симэнь поспешил за ней, хотел было удержать ее, но тут же очнулся. То был сон. В окно светила луна, колыхались тени цветов. Симэнь рукою коснулся

постели. Она была сыра от любовной влаги. Одеяло еще благоухало. Он еще ощущал сладостное прикосновение ее уст. От одного сознания вечной разлуки его терзала неизбывная скорбь.

Да,

Все хорошие вещи в этом мире так хрупки,
Как игра облаков и глазури на кубке.
Тому свидетельством стихи:
В дымке яшмовый чертог, в нитях инея халат;
Тусклы месяца лучи, душу сонную страшат.
Безотрадно одному на холодом ложе спать.
Зябнущего петуха на рассвете не слышать ...

Симэнь долго ворочался, напрасно ожидая первых петухов. До рассвета, увы, было еще слишком далеко. Наконец, он погрузился в сон.

С раннего утра поднялся мальчик-слуга и с горячей водою и полотенцем стал дожидаться пробуждения гостя. Ван Цзин с Дайанем помогли Симэню умыться и причесаться. Заваренный с имбирем чай Симэнь и Хэ Юншоу пили вместе. Потом накрыли стол и принесли рисовый отвар.

– А его сиятельство не будут завтракать? – спросил Симэнь.

– Дядюшка еще в пятую ночную стражу отбыл ко двору, – пояснил Хэ.

Немного погодя на столе появились четыре тарелки с закусками и четыре блюда горячих мясных кушаний. Симэнь и Хэ Юншоу сели за стол, окруженные горящими жаровнями. После рисового отвара подали мясные фрикадельки, пельмени и заправленный яйцом легкий суп. Пока они завтракали, велено было готовить коней.

Хэ Юншоу и Симэнь Цин в парадных одеяниях, сопровождаемые свитой слуг, с утра нанесли визит в Военное ведомство, после чего Хэ вернулся домой, а Симэнь направился в монастырь Первого министра с намерением почтить настоятеля Чжиюня.

Настоятель пригласил гостя на монашескую трапезу, но Симэнь отведал лишь немного сладостей, а остальное роздал своим слугам. Дайань достал кусок расшитого золотом атласа, который и был поднесен Чжиюню.

С Восточной улицы Симэнь повернул к секретарю Цую, желая повидаться с Ся Лунси. Но когда они проезжали по Котельному переулку, как раз посередине ему предстал дом с двустворчатыми белыми воротами – точь-в-точь какой он видел во сне.

– Узнай-ка вон у той торговки соевым творогом, кто живет в этом доме, – наказал потихоньку Дайаню Симэнь.

– Это дом командующего Юаня, – отвечала торговка.

Симэнь невольно вздохнул от изумления.^[1284]

Когда добрались до секретаря Цуя, Ся Лунси отправлялся нанести визит, и слуги уже вывели ему коня, но заметив Симэня, Ся велел им привязать коня, а сам провел гостя в залу.

После положенных поклонов и приветствий Симэнь велел Дайаню подать лист подношений, в котором значились кусок расшитого золотом темного бархата и кусок узорного атласа.

– Простите, сударь, что не поздравил вас первым, – говорил Ся Лунси. – Сердечно благодарю за внимание и за хлопоты с домом.

– Его сиятельство Хэ попросил меня подыскать дом племяннику, – объяснил Симэнь. – И я, памятуя наш разговор, предложил ваш дом. И, представьте себе, он сразу решил, что дом подойдет, и мне ничего не оставалось, как послать за счетом. Он сразу же согласился дать обозначенную сумму. Впрочем, это и похоже на придворного! Им вынь да положь. Тут же и договорились. Так что вам, ваше сиятельство, я считаю, тоже повезло.

Они громко рассмеялись.

– Да, мне еще надо будет засвидетельствовать почтение Хэ Тяньцюаню, проговорил Ся. – Он отбывает вместе с вами?

– Да, со мной, – отвечал Симэнь. – Семью перевезти собирается немного попозже. Дядюшка его очень меня просил поторопить ваше сиятельство по возможности пораньше освободить дом. Он бы тогда семью перевез. Пока в управе придется остановиться.

– Я его не заставлю долго ждать, – заверил Ся Лунси. – Как только найду дом, сразу же возьму семью. Думаю, в следующем месяце, не позднее.

Симэнь стал откланиваться и перед уходом оставил секретарю Цую свою визитную карточку.

– Посидели бы, сударь, – говорил Ся. – Простите, но я сам тут в гостях...

Он проводил Симэня. Тот вскочил на коня и отбыл к Хэ Юншоу, где его давно ждал обед.

Симэнь рассказал о визите к Ся Лунси.

– Дом он в следующем месяце обещал освободить, – заключил Симэнь.

– Как я вам признателен за великую услугу! – благодарил его обрадованный Хэ Юншоу.

После обеда они остались в зале поиграть в шашки.

Вдруг появился слуга и доложил:

– От господина Чжая посыльный с подношениями. Их доставили было секретарю Цую, потом сюда.

Слуга вручил красную визитную карточку, в которой значилось:

«Сим подношу кусок тканого золотом атласа, кусок нанкинского узорного шелка, свиную тушу, барана, два жбана вина придворного изготовления и две коробки сладостей.

С низайшим поклоном и почтением сват Чжай».

– Доставил же я опять хлопот почтенному господину Чжаю, – заметил Симэнь при виде посыльного и, приняв подарки, вручил ответную карточку с благодарностью.

Посыльный был награжден двумя лянми серебра, носильщик с коромыслом пятью цянями.

– Я тут не у себя дома, – добавил Симэнь. – Прошу прощения, что не могу должным образом почтить господина дворецкого.

– Я не смею принять вашей награды, сударь, – проговорил слуга.

– Бери, на чарку вина пригодится, заключил Симэнь.

Слуга отвесил земной поклон и принял серебро.

– Сестра просила меня повидаться с племянницей Айцзе, – обратился к хозяину стоявший рядом Ван Цзин. – Гостинцы передать наказала.

– Что за гостинцы? – поинтересовался Симэнь.

– Две пары туфелек собственного изготовления.

– Всего-навсего? – удивился Симэнь. – Нет, так идти неудобно. – Симэнь подозвал Дайяня. – Достань из моего чемодана две банки печенья-розочек, положи в разрисованную золотом коробку и передай с визитной карточкой Ван Цзину. Переоденься в темное платье и ступай с ним навести Айцзе.

Однако не о том пойдет речь.

Симэнь написал визитную карточку и послал в знак благодарности секретарю Цую баранью тушу и жбан вина, а присланные ему свиную тушу, жбан вина и две коробки сладостей отнес в задние покои, чтобы отблагодарить Хэ И.

– Сударь, мы же как одна семья! – воскликнул благодарный Хэ И. – К чему вы беспокоились?!

А теперь расскажем пока о Ван Цзине.

Подошел он к дому дворецкого Чжая и сказал о намерении повидаться с Хань Айцзе. Ван Цзина провели во внешнюю залу. Появилась Айцзе. Повзрослевшая и похорошевшая, похожая на

стройное деревцо, украшенное яшмой и нефритом, она мало чем напоминала прежнюю Айцзе. По ее распоряжению накрыли стол.

Угощая Ван Цзина вином и закусками, она заметила, что дядя слишком легко одет, и поднесла ему отороченный соболем небесно-голубой полотняный халат, а также пять лянов серебра.

Ван Цзин, вернувшись, рассказал о встрече Симэню, и тот остался очень доволен.

Симэнь и Хэ Юншоу играли в шашки, как вдруг послышались окрики. Свита разгоняла с дороги зевак.

– Его сиятельство Ся пожаловали. – доложил привратник и протянул две визитных карточки.

Симэнь Цин и Хэ Юншоу поспешно надели халаты и шапки и вышли в залу, где приветствовали Ся Лунси. Хэ благодарил Ся по случаю приобретения дома. Ся поднес Симэню и Хэ Юншоу по куску атласа и жбану вина. Те долго отказывались и благодарили его, но потом приняли подарки. Десять лянов серебра достались Бэнь Дичуаню, Дайаню и Ван Цзину.

Они сели. Подали чай. Завязался разговор.

– Могу я выразить почтение его сиятельству? – спросил Ся Лунси.

– Дядюшка, к сожалению, отбыл во дворец, – отвечал Хэ Юншоу.

– Передайте, пожалуйста, мою глубокую признательность его сиятельству, – говорил Ся, оставляя визитную карточку. – Прошу прощения, что не нанес визита раньше.

Ся Лунси стал откланиваться. Хэ Юншоу отправил ему с посыльным кусок вытканного золотом атласа, но не о том пойдет наш рассказ.

Близился вечер. Хэ Юншоу опять устроил Симэню угощение в теплом павильоне в саду. Пока они пировали им пели певцы. Разошлись во вторую ночную стражу.

Оставаясь под впечатлением сна, Симэнь распорядился, чтобы Ван Цзин перенес свою постель к нему в библиотеку. Слуга устроился на полу, но ночью Симэнь позвал его к себе на кровать. Нагие, они лежали обнявшись. Их уста благоухали. Симэню были сладостны поцелуи слуги.

Да,

Когда к Инъин приблизиться не в состояньи –

То и Хуннян сойдет, чтоб утолить желанье.^[1285]

Так и кончился тот вечер.

На другой день Симэнь встал в пятую ночную стражу, и вместе с

Хэ Юншоу они отправились на высочайшую аудиенцию. До открытия Восточных ворот они находились в Зале Ожидания, потом проследовали внутрь.

Только поглядите:

Редеют звезды, близок час рассвета,
Еще не высохла, блестит роса на ветках
А копья уж виднеются в цветах.
Звенят подвески в яшмовых дворцах,
И шелестят парчовые знамена.
И Государь взирает благосклонно.
Чиновники стоят в рассветной дымке,
Читая радость на Его челе.
Лиловый пар Пэнляя^[1286] вьется зыбкий –
Заоблачный эфир, благой елей.

Немного погодя послышался мелодичный звон колокольчиков. Открывались ведущие к трону Девять ворот. Когда отверзлись Небесные врата, взору предстало в полном величии парадное облачение государя. То было царствие мира и благоденствия, эпоха счастливых знамений. После жертвоприношений Сын Неба воротился из Южного предместья столицы, и все чины – гражданские и военные, собравшись в правительственном дворе, ожидали аудиенции. Ударили в колокол. Сын Неба вышел из Тронного дворца и проследовал в залу Высокого Правления, чтобы принять поздравления от верноподданных Империи. Взвились благоуханные шары, поднялся занавес. Величественное зрелище открылось взору!

Только поглядите:

Веет царственный ветер, чист и спокоен. Расстиляется жизни тепло над землей. Прекрасное светит на небе солнце. Там, высоко, паров животворных густеют громады. Тут в дымке таятся терем феникса и палата дракона. Мгла рассеется, и разольется повсюду благовещих паров аромат. Когда же хлопьями повалит снег, тысячи жемчужных нитей обовьют дворцы. Вспыхнут ожерелья цветами утренних зорь. Блистают золотом и бирюзою залы Счастья Великого, Полного Счастья, Достоинств Изящного Слова и Собрания Мудрецов. Один другого великолепеннее и краше дворцы Яснонебесный и Солнцем Освященный, Покоя Чистого, Покоя Неземного и Благовещего Соединения Светил. Всеми красками переливаются, слепят глаза. В тени прохладной красуются резные балюстрады и мраморные ступени. Клубится, стелется густой туман. Плотно окутывает

золоченные стропила и расписные балки. В желтых дворцах струится из курильниц дорогих благоуханье нежное алоэ и сандала. В красной галерее и на террасе с яшмовым крыльцом светло-светло от ярко горящих узорных свечей. Чу! Три удара громовых большого барабана возвестили о начале дня. В мелодичный колокол ударили сто и восемь раз. Скрестились с лязгом мечи и трезубцы. Драконовы знамена развевались тут и там со свистом. Телохранители-гвардейцы несут круглые, квадратные зонты. Высоко подняты одни, другие – чуть пониже. В золотой экипаж и нефритовый впряжены слоны. Их эскортируют войска. А поглядите вон туда! Стражи с оружием наготове идут рядами по два, по три. Плывет, качаясь, море опыхал драконовых и вееров. Скачут стройные отряды всадников – яшмовая сбруя, седла золотые. Горделива поступь холеных коней. Шествуют парами слоны. Одни с коробками для стрел и луков, другие в колесницы впряжены. Они могучи и страшны. Охранных войск полководцы, – силачи и великаны, заткнут за пояс небесных духов. За подвиги облаченные в броню золоченую грозные демоны – личная стража в строгом строю. Расшитая парча, на поясах мечи – облик повелительный и строгий. У зальных дверей стояли чинно цензоры, придворные историографы – знатоки церемониала. В высоких шапках с единорогом, они бамбуковые дицицы^[1287] держали на груди. С тушечницей рядом, застыв, стояли сановники, сверкавшие парчою одеяний. Волю Государя провозглашать – их долг. В зале Золотой в порядке строгом колыхались опыхала. Высоко, к балке расписной, легко взвился подъятый занавес жемчужный. В тереме Изящного слога три раза возвестил рассвет смотритель петухов. Пред яшмовым крыльцом призвали к тишине хлыста ударом троекратным. Замерли ряды булав и кистей^[1288]. Среди них и пяти рангов титулованная знать, солидные и величавые вельможи.

На Драконовом ложе, обтянутом узорной парчой, восседал Его Величество Государь Император со взором, устремленным вдаль. Дюжина нитей нефритовых шариков свисает с козырька монаршьей плоской шапки. Лантяньского нефрита пояс, желтый халат с драконами, на двойной подошве сапоги поблескивают черным гляncем. В деснице белого нефрита скипетр в оправе золотой. Спина уперт в экран затронный с узором пышным из девяти громов и молний, феникса и дракона.

Да,

Ясным днем все блестит серебром
пред дворцовым порталом.

В благовещих ветрах
аромат благовоний густой.
В благотворных парах
благолепен Чертог Золотой,^[1289]
И сверкает Нефритовый трон
на заоблачье алом.^[1290]

Сей государь, в самом деле, родился с бровями Яо,^[1291] глазами Шуня,^[1292] спиною Юя,^[1293] и плечами Тана^[1294] Дарованиями и талантами не знал себе равных.

Искусен был в стихах и рифмах. Их помнил он с баранье стадо, Писал умело на бамбуковых планках, соперничал с искусством Сюэ Цзи.^[1295] Писание трех учений.^[1296] толковал, постиг каноны девяти течений мысли^[1297] Веселью предавался по утрам, а на закате наслаждениям, правителю Мэн Чану.^[1298] в Цзяньгэ уподобясь. Сластолюбив он был и пристрастен к чарке, как Чэнь^[1299] – последний государь в Цзиньлине. Сел на престол он в восемнадцать лет. За четверть века, что царствовал, пять раз менял правления девизы^[1300] Умиротворение Срединной Империи —первый был девиз, потом – Величественное Созидание, Великое Зрелище, Порядок и Гармония.

^[1301] Император воссел на трон. Когда ударами хлыста возвестили тишину, сановники – штатские и военные, начальники палат и ведомств с бамбуковыми дщицами на груди, приблизившись к красным ступеням, совершили пять коленопреклонений с поднятием сложенных рук, и трижды били челом и благоговейно поднесли поздравительные адреса.

Придворный глашатай, облаченный в пурпур с оправленным в золото поясом, проследовал к золотым ступеням и провозгласил Высочайшее повеление:

«Два десятилетия царствуем Мы на сем престоле и приносим жертвы. Милостию Неба завершилось ныне воздвижение горы Гэнь-юэ. Дабы ознаменовать сие счастливое свершение, порешили Мы объявить вам о принятии нового девиза правления».

Только он умолк, как из первого ряда сановников вышел солидный вельможа.

Был слышен каждый его шаг. Ветер раздувал рукава его халата. Трудно было определить, сколь высок его ранг. Нефритовый пояс говорил о высоких заслугах и репутации. Вы только взгляните! Да это же сам Цай Цзин – первый министр, академик Залы Высокого правления, начальник Ведомства чинов, Государев Наставник, князь

Луский. В парадной шапке, с дщицею в руке, он пал ниц пред золотыми ступенями и, бия челом, обратился к государю:

– Многая лета, многая лета, многая, многая лета!!! В почтении, исполненном содрогания и трепета, склоняет перед Вашим Величеством голову верноподданный. В течение двух десятилетий Вашего высокого правления покой царит во вселенной, обилием наслаждается Поднебесная. Небо ниспослало Вам мудрость, и несть числа счастливым знамениям. Ускоряет свой ход солнце, ярче сияют звезды и необъятнее становятся моря. Наслаждение Вашего Величества да продлится тьму лет! Да хранит Небо постоянство, Земля – покой, да пребывает народ в мире! Величие Высочайших помыслов ведет к вечности беспредельной. На границах Ваших никогда не скрещиваются копыя. Все соседи несут дань Вашему трону. Ваш дворец Серебряной горою устремляется в небеса. Неотразимо прекрасна Ваша первая в мире Нефритовая столица. Вы по заслугам восседаете на священном престоле в Небесном дворце, вознесшемся к пурпурным облакам. Сколь счастлив Ваш верноподданный, живущий в эпоху процветания, когда царит гармония между Вашим Величеством и народом! Да сравнится век Ваш с долголетием горы Хуа, дабы никогда не мерк над нами свет Солнца и Луны. На Небо и Ваше Величество уповаю. Не в силах превозмочь восторг свой, в трепете величайшем осмеливаюсь воздать сию хвалу Вашему Величеству, и да будет она услышана!

Воцарилась тишина. Наконец, объявлена была Высочайшая воля:

«Преданность и верность усматриваем Мы в сей хвале мудрого сановника, и радостью исполняется Наше сердце. Объявляем: новый год именовать впредь первым годом Двойной Гармонии,^[1302] о чем в первый день нового года будет доведено до сведения Небес. Ознаменовать сие событие амнистией и награждением отличившихся».

Государев Наставник Цай Цзин принял Высочайший указ и вернулся на свое место.

– Есть желающие обратиться к Его Величеству? Выходите! – обратился глашатай. – Если нет, Высочайшая аудиенция окончена.

Не успел он кончить, как из рядов сановников вышел, поклонившись, вельможа с опущенной дщицей, которую держал перед собой. В темно-красном халате, с нефритовым поясом, на котором красовался золотой замок-рыба, он опустил на колени перед золотыми ступенями и сказал:

– Аз, верноподданный Чжу, – Муж светлых заслуг,

Главкомандующий войсками Вашего Величества телохранителей и карателей, Пестун Государев и Пестун Наследного принца, представляю Вашему Величеству судебных надзирателей в чине тысяцких, во главе с Чжан Луном, общим числом двадцать шесть, со всей Поднебесной – с обеих берегов реки Хуай, из двух частей Чжэцзяна, Шаньдуна, Шаньси, Хэнани, Хэбэя, Гуандуна, Гуанси, Фуцзяни, Гуаннани и Сычуани. Проведена была инспекция их служебной деятельности и решено, кто заслуживает перемещения и повышения. Вызвав их для обмена свидетельств на должность, верноподданный Вашего Величества не решился действовать по собственному усмотрению, а посему представляет Вашему Величеству в ожидании Высочайшего решения.

Было оглашено Высочайшее утверждение:

«Согласно действующему положению свидетельства выдать».

Главкомандующий Чжу Мянь принял приказ и вернулся на свое место.

Сын Неба опустил рукава драконова халата, что означало конец аудиенции, и вернулся во внутренние покои. Сановники стали расходиться. Двумя рядами проследовали они через Церемониальные ворота. Двенадцать слонов, не дожидаясь своих зрителей, шествовали своим путем впереди полководцев и начальников. Послышался лязг брони. Потом из ворот стали выходить вооруженные мечами богатыри и полки «Красные войска». Засверкали копья. Около императорского дворца царила настоящая сутолока. Смешались колесницы и экипажи, кони и отряды стражи. Казалось, разбушевавшееся море опрокидывает громады волн – такой стоял шум толпы. Будто рушились горы и разверзалась земля – так ржали и ревели кони.

Покинув дворец, надзиратели вскочили на коней и поскакали в управление для получения дальнейших распоряжений, но оно оказалось запертым.

Наконец, появился секретарь с печатью в руке и объявил:

– Его превосходительство нынче не принимают. Паланкин уже подан к западным воротам. Отбывают к их превосходительствам Цаю и Ли на пиры по случаю Зимних торжеств.

Надзиратели разъехались.

Симэнь и Хэ Юншоу вернулись домой. На другой день они получили в управлении свидетельства и зарегистрировались в Военном ведомстве. Симэнь заехал попрощаться с дворецким Чжаем,

упаковал одежды, собрал вещи и вместе с Хэ Юншоу они были готовы тронуться в путь.

Хэ И устроил накануне вечером прощальный пир и наказал племяннику:

– Смотри, во всем слушайся господина Симэня! Не делай по-своему. А то, чего доброго, нарушишь этикет.

Из Восточной столицы они отбыли в одиннадцатой луне одиннадцатого дня. Их сопровождало не меньше двух десятков лиц. Когда они вышли на Большой Шаньдунский тракт, уже стояли зимние морозы, да такие лютые, что капли воды замерзали на лету. Им встречались глухие предместья и запущенные дороги. На голых деревьях сидели замерзшие вороны. Поредевшие леса едва освещались косыми лучами тусклого солнца. Под вечер снеговые тучи сгущались над речными переправами. Одна гора оставалась позади, другая вырастала впереди. Селение за селением миновали путники, а когда перебрались через Хуанхэ, то близ речной таможни у Восьмигранного городка на них неожиданно налетел сильный порыв ветра.

Только поглядите:

То был не тигра рев и не драконово рычание громовое. То с воем поднялся холодный ураган. С силою ветер путникам в лица хлестал. Мороз пронизывал до самых костей. Нельзя укрыться было под сенью ив – там приютились водяные, притаились монстры с гор. То заволокло – ни зги не видно было. Немного погода исчезла мгла, уплыли тучи. Пара испугнутых чаек вспорхнула с зеленого тополя возле плотины. Утка с селезнем – чета неразлучная – взмыла ввысь из прибрежной осоки. А поглядите туда! Как развеивает занавесь оконный ветер, тушит серебряный светильник, проносится по залам расписным, раздувает газовые одеянья, танцует и порхает неустанный по цветам и ивам. Вот злоеущий мрак сгустился. Вздымался песок, летели камни. Светло вдруг стало. Трещали деревья вековые. Дикий гусь одинокий упал, напуганный, в глубокий ров. Обрушились на землю камни. Казалось, разразился ливень небывалой силы. Облако пыли затмило небосвод. Как будто барсов несметные стаи царапали землю. В селение спеша, старые рыбаки свернули удочки и бросились стремглав домой. С душевным трепетом, полы подоткнув, сбегали дровосеки с гор. Втянули шеи, подобрали лапы, забились вглубь ущелий тигры, леопарды. Свернулись в клубок, поджали хвосты морских пучин драконы, свирепостью своей страшившие людей. Вон в ураганном вихре, как ласточек, сорвало с крыши черепицы и носит, кружит. В горах летят каменные глыбы, тут черепицы, как ласточки, снуют. Плутает путник дальний, сбившийся с пути. Зловеще грохаются камни. С испугу гость торговый силится свернуть паруса. Буря с корнем вырывает вековые деревья, а что поменьше – носит как пушинку. Вот разыгралась же стихия! Ураган уже ломает и крошит пред самыми воротами ада, вихрем кружит пыль над самым Фэнду^[1303]. Чанъэ поспешно закрывает ворота дворца Лунной жабы. Зовет на помощь Ле-цзы из заоблачных пустот^[1304]. Едва не снесло Нефритового Владыку с вершины Куньлунь. Ураган качает Небо и Землю.

Симэнь Цин и Хэ Юншоу при таком ветре были не в силах продвинуться ни на шаг вперед в своих покрытых коврами теплых паланкинах. Время клонилось к вечеру.

– Не заночевать ли нам в ближайшей деревне, – посоветовал Хэ Юншоу, с опаской поглядывая на густой лес, где могли повстречаться грабители. – Может, завтра ветер утихнет, тогда продолжим путь.

Долго они искали ночлега. Наконец-то вдаль показался старинный монастырь, наполовину обнесенный стеной, около которой росли

редкие ивы.

Только поглядите:

Мох и трава – вместо каменных стен,
Залы и кельи – безвременный тлен.
Путнику уснёт на изъеденных плитах.
Иноки зыбки в предвечной молитве.

Симэнь и Хэ Юншоу остановились в этом буддийском монастыре, который назывался Обителью Желтого Дракона. Они нашли в ней всего лишь нескольких погруженных в созерцание монахов, которые сидели в полной тьме. Обитель почти рухнула. Только бамбуковая изгородь кое-как отделяла их от остального мира.

Вышел настоятель и, поприветствовав гостей, велел вскипятить чаю и задать сена лошадям.

Когда подали чай, Симэнь достал из дорожной сумы вареную курицу, копченой свинины, пирожков с фруктовой начинкой и других сладостей. Они с Юншоу кое-как закусили, отведали соевой похлебки, которую им подали, и легли спать.

На другой день ветер утих, стало проясняться. Они одарили настоятеля лянном серебра и снова отправились в путь на Шаньдун.

Да,

На службе у государя
не нужно бояться лишений –
Через заставы и горы
скачи ко двору без сомнений;
Ночуй у монахов в храме,
впотьмах созерцающих бога,
Тогда убежишь печали,
тогда отойдет тревога.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ ВАН ТРЕТИЙ СТАНОВИТЬСЯ ПРИЕМНЫМ СЫНОМ СИМЭНЯ ИН БОЦЗЮЭ ВСТУПАЕТСЯ ЗА ПЕВЦА ЛИ МИНА

*Сменяется стужа зноем,
весна – осенними днями,
А я – на далекой чужбине,
по-прежнему я скитаюсь.
Со скарбом бреду, гонимый
морозами да ветрами,
Лью слезы на службе вану,^[1305]
в пути многодневном маюсь.
Волна судьбы то возвысит,
а то – низвергнет в пучину.
Пирушки ль тоску развеют
с красотками ли забавы?..
Недавний юнец, взглядись же
печально в свои седины:
Пора прекратить погоню
за выгодой да за славой.*

Итак, мы говорили, как Симэнь Цин и Хэ Юншоу ехали домой. Теперь расскажем, что происходило дома у Симэня. Боясь ругани жен, У Юэнян никого не приглашала. Даже брата с женою не оставляла погостить, когда те приходили ее проведать. Пинъаню был дан наказ главные ворота закрыть, а внутренние на ночь запирать на замок. Хозяйки из дому не выходили. Каждая сидела у себя за рукоделием. Ежели Цзинцзи нужно было пройти в дальние покои, скажем, за одеждой, Юэнян всякий раз посылала с ним провожатого – либо

Чуньхуна, либо Лайаня.

Она сама проверяла, закрыты ли двери и ворота, словом, навела в доме строгий порядок. Цзиньлянь поэтому никак не могла встретиться с Цзинцзи и срывала все зло на кормилице Жуи, день-деньской ругая ее при Юэнян.

Разбирая как-то одежду Симэня, Юэнян велела Жуи помочь тетушке Хань постирать хозяину рубашки и белье.

– А просушивать будете у Ли Пиньэр, – добавила хозяйка.

Чуньмэй, горничная Цзиньлянь, как нарочно тоже затеяла стирку и направила Цюцзюй за вальком к Жуи, но та ей отказала, потому что сама катала белье вместе с Инчунь.

– Опять ты, Цюцзюй, за вальком? – удивилась Жуи. – Я ж тебе наемни давала. Мне и самой велели батюшке белье постирать, пока тетушка Хань пришла.

Отказ взорвал Цюцзюй, и она бросилась жаловаться Чуньмэй.

– Посылаешь, а она не дает. Инчунь говорит: бери, а Жуи ни в какую.

– Да?! – протянула Чуньмэй. – Хотела желтую юбку покатать и на вот – валька не дают. Пустую лампу средь бела дня не выпросишь. А матушка наказывала ножные бинты постирать. Ступай в дальние покои попроси. Может, кто даст.

Цзиньлянь тем временем бинтовала ноги у себя на кане.

– Что такое? – спросила она, заслышав Чуньмэй.

Горничная рассказала, как Жуи не дала ей валека.

– Как она смеет отказывать, потаскуха проклятая?! – заругалась Цзиньлянь. Она давно точила зуб на Жуи, да все не находила повода. – А ты чего девчонку посылаешь? Сходи сама и потребуй. А не будет давать, не теряйся, отругай как следует потаскуху.

Подбодренная хозяйкой, молодая, сильная Чуньмэй вихрем влетела в покои Ли Пиньэр.

– Мы что? Чужие, что ли? – набросилась она. – Валька не дают. У вас тут, видать, новая хозяйка объявилась.

– Будет тебе! – говорила Жуи. – Что нам, жалко валька, что ли? Когда не нужен, бери пожалуйста. Мне матушка Старшая вон сколько белья батюшкиного выстирать велела, пока тетушка Хань пришла. А ты уж из себя выходишь. Валека тебе вынь да положи. Я ж Цюцзюй сказала: вот выстираю, тогда и бери. А она скорей жаловаться – не дала, мол. Вон Инчунь может подтвердить: она слыхала наш разговор.

Тут следом за Чуньмэй в покои Пиньэр ворвалась Цзиньлянь.

– Заткни свое хлебало! – обрушилась она на Жуи. – Умерла

хозяйка, так теперь ты тут начала распоряжаться? Конечно, кому, как не тебе, батюшкино белье стирать! Разве кто другой ему угодит! Все в доме повымерли – тебя к нему прачкой приставили. Напролом лезешь? На колени нас хочешь поставить? Помни! Меня ты никакими выходками не запугаешь.

– Зачем, матушка, вы так говорите?! – возразила Жуи. – Разве бы я сама взялась! Матушка Старшая так распорядилась.

– Ах ты, заморыш! – продолжала Цзиньянь. – Ты еще препираться, потаскуха проклятая! А кто по ночам хозяину чай подает? Постель поправляет? Кто наряды выпрашивает? Кто, я тебя спрашиваю! Думаешь, я не знаю, что ты с ним наедине вытворяешь? И забрюхатеешь, не испугаюсь.

– Раз у законной жены ребенок на тот свет пошел, про нас и говорить не приходится, промолвила Жуи.

Не услышь такого Цзиньянь, все бы шло своим чередом, а тут она так вся и вспыхнула. Напудренное лицо ее сделалось пунцовым. Она бросилась к Жуи, схватила ее за волосы и принялась бить в живот, но их вскоре разняла подоспевшая тетушка Хань.

– Шлюха бесстыжая! – ругалась Цзиньянь. – Пока мы досужие разговоры вели, ты хозяину голову вскружила, потаскуха! А кто ты, собственно, такая есть? Да хоть Лайвановой женой обернись, я тебя не побоюсь.

Жуи зарыдала.

– Я в дом недавно пришла, – говорила она, поправляя волосы. Никакую Лайванову жену не знаю. Одно знаю: меня батюшка кормилицей взял.

– Раз кормилицей, так знай свое дело! – не унималась Цзиньянь. – Думаешь, нашла опору, значит можешь нос задирать? Выходит, мамаша гуся съела, дочке хахалю подыскать повелела.^[1306]

Ругань продолжалась, когда в комнату неторопливо вошла Юйлоу.

– Сестрица! – обратилась она к Цзиньянь, – я ж тебя звала играть в шашки. Чего ж ты не идешь? Чего это вы расшумелись?

Она взяла Цзиньянь за руку и отвела к себе в покои.

– Скажи, из-за чего это вы, а? – продолжала она, когда они сели.

Чуньмэй подала чай после того, как Цзиньянь пришла немного в себя.

– Видишь, у меня даже руки похолодели из-за проклятой потаскухи, – заговорила она, отпив несколько глотков. – Чашка из рук валится. Сiju я, стало быть, у себя, как ни в чем не бывало рисунок для туфель снимаю. Тут ты Сяолуань за мной прислала. Вот прилягу,

говору, и приду. Легла, но не сплю. Гляжу, наперсница моя вовсю старается – юбку стирает. За одно, говорю, вот бинты для ног постирай. Потом слышу – кричат. Оказывается, Чуньмэй послала Цюцзюй к Жуи за вальком, а та ни в какую не дает – так из рук и вырывает. «Один, – говорит, – взяли, так и пропал, теперь другой просите? Некогда нам. Батюшке белье стираем». Тут я прямо вскипела. Посылаю Чуньмэй. Отчитай, говорю, как следует негодяйку. С каких это пор осмелела, власть над другими взяла?! Мы тебя на место поставим! Кто ты здесь такая! Тебя, что, в паланкине в дом принесли? Чем не Лайванова жена?! Вхожу я следом за Чуньмэй, а она все глотку дерет. Тут я на нее и набросилась. Не вступись тетушка Хань, я б этой бесстыжей шлюхе язык вырвала. Всем глаза отвела. Из нас веревки вить захотела. Хозяйка тоже не права. Помнишь, сама ведь Лайванову потаскуху распустила, а когда приструнили рабское отродье, меня ж потом и обвинила. Я, мол, ее до петли довела. А теперь этой потачку дает – вытворяй, что тебе хочется. Если ты кормилица, так и знай свое дело. Нечего тебе всякий вздор плести! Что у нас глаза-то песком, что ли, засыпаны? И у самого тоже нет ни стыда ни совести. Умерла сестра – невесть где теперь, а он все у нее в комнате отирается. Как придет, так прямо к ее портрету. Поклоны отбивает, себе под нос чего-то бормочет. Вечером чаю захочет, эта шлюха скорей с постели, подает, на радостях постель ему разбирает. Тут у них и начинается ... Прошмандовка бывалая! Нужно чаю, небось, и служанка подаст. К чему тебе-то соваться? Или мужика захотела? Еще наряды выпрашивает. А бесстыжий уж в лавку бежит, лучший шелк отбирает да портного зовет. Не видала, как она в седьмую седмицу себя вела? Сам вошел принести жертву, а она со служанкой на кане в бабки играла. Не успели они собрать кости, он и заявляет: «Играйте, играйте сестры! Жертвенную снедь ешьте и вино пейте. Не надо в дальние покои уносить». Вот ведь до чего ее распускает. Ну, а она? Чем она ему платит? «Придет, – говорит, – господин или нет, все равно ведь ждешь». Я тут шагу прибавила. Влетаю в комнату – она даже глаза вытаращила, растерялась, видать; сразу язык прикусила. Вот как наш негодай жен любит – замужней бабой не брезгует. Глазами своими ненасытными так и рыскает – все объедки подбирает. Зенки за так и горят у блудодея. А еще говорят о какой-то порядочности, приличиях! Болтали – у шлюхи муж умер. А вот тут, гляжу, детина с ребенком высматривает. Дурачит она нас, а сама зорко следит. Заметь, так перед глазами и маячит, все зубы заговаривает. Точно переоделась – прямо вторая Ли Пиньэр! А хозяйка

все у себя сидит – будто оглохла иль язык отсох. Но попробуй только рот открой, ты ж и виновата будешь.

Юйлоу только смеялась, слушая Цзиньянь.

– И откуда ты всю подноготную знаешь? – спросила она.^[1307]

– В Нанкине Шэнь Миллионщик,^[1308] живет, в Пекине – местечко, где ива гниет^[1309] – продолжала Цзиньянь. – Да как же не знать?! Как за деревом тень, так и за человеком слава. Мертвеца как в снег ни зарывай, все равно вытает.

– Откуда ж у нее муж взялся? – удивлялась Юйлоу. – Раньше ведь не было.

– Пока ветер не подует, небо не проясниться. Не обманешь – не проживешь. Не скрой она, кто б ее взял. Помнишь, пришла – голодная, морда желтая. Как-то съезжилась от худобы-то. Жалкая такая. И вот за два года до чего отъелась – мужа ей отдай. Не одерни сегодня, завтра она на шею нам сядет. Да еще чадо принесет. Чьим его считать будут, а?

– И умна ж ты, ничего не скажешь! – засмеялась Юйлоу.

Они посидели немного и пошли играть в шашки.

Да,

Светоносков орбиты^[1310]

чей ум обоймёт?

Корни бед перебиты —

Колеса оборот.

Тому свидетельством стихи:

Лишь только повеет весны ветерок,

Распустятся зелень и алый цветок.

Зачем же магнолию рвать непременно —

И дикая слива дарит наслажденье.

Однако довольно пустословия.

В Цинхэ Симэнь прибыл за полдень. Бэнь Дичуаню и Ван Цзину с вещами было велено ехать прямо домой. Симэнь же проводил Хэ Юншоу в управу и, распорядившись, чтобы прибрали помещение, верхом поспешил домой.

В дальней зале его встретила Юэнян. Умывшись с дороги, Симэнь велел служанке поставить во дворе стол.

– Приготовь курильницы и благовония, – наказывал хозяин. – Я обречен вознести молитву Небу и Земле.

– Это почему? – спросила Юэнян.

– И не говори! как только живым вернулся, – Симэнь стал рассказывать о поездке. – Двадцать третьего в одиннадцатой луне, как только мы переправились через Хуанхэ, у Восьмигранного городка, [1311] в уезде Ишуй, начался ураган, да такой свирепый, что песком хлестало в глаза. Ехать было невозможно, а время клонилось к вечеру, и куда ни глянь – ни одной живой души. Страшно нам стало. Не с пустыми руками – добра много. Неровен час нападут грабители, что тогда? Тут нам старинный монастырь попался. Братия в такой бедности живет, что огня вечером не зажигают. Достали мы, что с собой было, – пожевать. Огонь развели. Соевой похлебкой накормили, а лошадям сена задали. На одной лежанке с Хэ Юншоу кое-как ночь скоротали. На другой день ветер утих и мы двинулись дальше. Да, натерпелись мы тогда за всю поездку. Жару все-таки легче стерпеть. А тут и холод, и постоянный страх. Как еще мы успели через Хуанхэ переправиться! Я вначале дал обет помолиться, в первый день двенадцатой луны принести в жертву Небу и Земле свиную тушу и барана.

– А зачем в управу заезжал? – спросила Юэнян.

– Ся Лунси ведь остался в столице, – объяснял Симэнь. – В Императорском эскорте служить будет. А в помощники мне назначен Хэ Юншоу, племянник старшего дворцового евнуха-смотрителя Хэ. Юнцу не больше двадцати – молоко на губах не обсохло. Чего он в делах понимает?! Дядюшка меня очень просил, чтобы я опекал и наставлял племянника. Вот и пришлось его в управу провожать. Надо было насчет жилья распорядиться. Сам-то он разве бы управился! Пока в управе поживет, а как Ся Лунси переберется, так в его доме поселится и семью перевезет. Это я ему дом схлопотал. За тысячу двести лянов покупает. Но до чего ж вероломный этот Ся Лунси! Кто ему мог шепнуть из столицы? Только еще до нашего отъезда он подкупил его высокопреосвященство Линя. Сколько он отвалил серебра, не знаю, но тот замолвил словечко у главнокомандующего Чжу. Ся Лунси не желает, мол, переходить в императорский эскорт, а хотел бы остаться еще на три года в надзирателях. Главнокомандующий обратился с просьбой к его превосходительству Цаю, чем поставил государева наставника в весьма неловкое положение. Хорошо, сват Чжай постарался как мог, а то бы я без места остался. Пришлось от свата упрек выслушивать. Ты, говорит, тайну хранить не можешь. И кто бы мог Ся Лунси предупредить, ума не приложу.

– Что! Не хотел меня слушать! – воскликнула Юэнян. – Я ж тебе

говорила: в делах будь осторожней. Ты ведь не спохватишься, пока у тебя под ногами не загорится. Поворотнее быть надо. А то всякому встречному да поперечному все выкладывает. Похоже, силой похваляешься, богатством красуешься. Они себе на уме, а ты их за простачков принимаешь. Кто оплошал, тот врасплох попал. Тебе и невдомек, а люди тайны твои выведывают, потом под тебя ж потихоньку подкапываются.

– Меня Ся Лунси упрашивал не оставлять вниманием его семью, – продолжал Симэнь. – Купи как-нибудь подарки да навести его жену.

– Второго у нее как раз день рождения, – заметила Юэнян. – Вот с сестрами и навестим. А ты впредь брось свое бахвальство, слышишь? Как говорится, поведай дум не большее, чем на треть, с душою нараспашку будешь век терпеть. Случается, даже жена затаивает недоброе, что ж говорить о посторонних?!

Пока они вели разговор, в комнату вошел Дайань.

– Батюшка! – обратился он к хозяину. – Бэнь Дичуань спрашивает, идти ли ему в дом господина Ся.

– Вели сперва поест, а потом пусть идет, – распорядился Симэнь.

– Слушаюсь! – отозвался Дайань и удалился.

Появились Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Сунь Сюээ и дочь Симэня. Отвесив поклоны, они поздравили хозяина с благополучным возвращением и уселись. Начался разговор.

Симэнь вспомнил, что после прошлой поездки в столицу его встречала и Ли Пиньэр, и прошел в переднюю комнату в ее покоях. Со сложенными на груди руками он поклонился перед ее дщицей. У него навернулись слезы.

Вышли Жуи, Инчунь и Сючунь и отвесили хозяину земные поклоны.

Юэнян послала Сяюй пригласить Симэня в дальние покои, где был накрыт стол. Хозяин распорядился наградить сопровождавших его в поездке четырьмя лянмами серебра.

Визитная карточка с выражением благодарности была послана воеводе Чжоу. Лайсин получил наказ приготовить тысяцкому Хэ полтуши свиньи, половину барана, сорок цзиней лапши, пакет риса, жбан вина, два копченых окорока, пару гусей, десяток кур, а также сои, уксуса и множество прочих приправ и подлив, дров и угля. В услужение молодому помощнику Симэнь выделил повара.

Когда Симэнь, прежде чем послать Дайяня, проверял в зале припасы, явился Циньтун.

– Учитель Вэнь и батюшка Ин пожаловали, – доложил он.

– Зови! – тотчас же откликнулся Симэнь.

Сючай Вэнь был в зеленом атласном халате, Ин Боцзюэ – в лиловой бархатной куртке. Они приблизились к Симэню и, сложив руки на груди, засвидетельствовали хозяину свое почтение, потом посочувствовали лишениям путника.

– Благодарю вас, господа, за постоянную заботу о моих домочадцах, – сказал Симэнь.

– Еще как заботился! – воскликнул Боцзюэ. – Даже у себя дома! Вот и нынче. Рано я поднялся. Слышу, на крыше кричат сороки – хорошие вестницы. «Уж не господин ли наш почтенный воротился?» – говорит мне жена. – «Сходил бы, проведаль». Брат, говорю, двенадцатого в путь пустился, так что не мог никак за полмесяца обернуться. Не проходит, говорю, трех дней, чтоб я к нему не наведалься. Пока никаких известий не слышно. «А ты все-таки проведаль», – настаивает жена. Оделся я, иду. И вот – приехал, оказывается. Я поспешил напротив – прямо к почтенному Вэню. Гляжу, он уже одет. Вот вместе, говорю, и пройдем. Да! – тут же, как бы спохватившись, продолжал Боцзюэ. – Что это здесь за люди со Столичного тракта? А на носилках, гляжу, вино, рис.

Уж не угощение ли устраиваешь? У кого, интересно?

– Да, это я новому сослуживцу господину Хэ посылаю, – пояснял Симэнь. – Без семьи пока приехал. В управе поселился. Написал ему на завтра приглашение. Надо, думаю, по случаю приезда человека угостить. И вы, господа, приходите. Только шурина У, больше никого не будет.

– В одном, брат, загвоздка! – подхватил Ин Боцзюэ, – Вы с шурином особы чиновные, учитель Вэнь в шапке ученого явится, а я? Неловко простолюдину за одним столом со знатными восседать. Как на меня посмотрят? Еще на смех подымут.

– Пустяки! – засмеялся Симэнь. – Наденешь вон мою атласную шапку парадного фасона. Я недавно купил. А спросят, скажешь: мой, мол, старший сын. Хорошо?

Они рассмеялись.

– Пустое-то не говори! – возразил Боцзюэ. – У меня ведь голова восемь и три десятых вершка. Твоя шапка мне не годится.

– У меня восемь и две десятых, вставил Вэнь. – Я вам, почтеннейший, свою одолжу. Шапка ученого вас устроит?

– Да не давайте ему! – заметил Симэнь. – Еще, чего доброго, привыкнет, в ведомство ритуалов пролезет. Житья тебе тогда не даст.

– Ловко вы, сударь, нас обоих поддели! – рассмеялся сючай.

Подали чай.

– Значит, господин Ся будет служить в столице? – спросил Вэнь. – Не собирается приезжать?

– К чему ему ехать! – говорил Симэнь. – Он теперь при дворе Его Величества состоит, в Императорском эскорте выступает. Почетнейший пост! Халат украшен единорогом, в руке – тростниковая трость.

Просмотрев перечень подношений, Симэнь поручил проводить носильщиков к тысяцкому Хэ, а сам пригласил сюаца Вэня и Боцзюэ во внутреннюю комнату, где они разместились на кане близ горящей жаровни. Циньтуну было велено предупредить певцов У Хуэя, Чжэн Чуня, Шао Фэна и Цзо Шуня о предстоящем на другой день приеме.

Немного погода накрыли стол. Когда Лайань принес три прибора, Симэнь распорядился подать еще пару палочек для еды.

– Ступай пригласи зятюшку! – наказал он.

Появился Чэнь Цзинци. Сложив руки на груди, он поклонился присутствующим и пристроился сбоку. Когда они уселись поближе от жаровни и подали вино, завязался разговор о поездке Симэня в столицу.

– У тебя, брат, добрая душа, – заявил Боцзюэ, – а это счастье, способное отвлечь сотню бед. Попадись тебе грабители, и те рассеялись бы в одно мгновение.

– «Человек добрый, царствуй он даже целый век, – вставил сюаца Вэнь, – все равно бы обуздывал злодейства и устранял убийства».^[1312] А тем более вы, милостивый государь. Вы же в поте лица трудитесь на службе Его Величества. Само Небо не допустит нанести вреда доброму человеку.

– Дома все в порядке? – обратился хозяин к зятю.

– Да, во время вашего отсутствия, батюшка, как будто ничего не произошло, – отвечал Чэнь Цзинци. – Правда, его сиятельство Ань, начальник Ведомства работ, дважды присылал гонца. Вчера опять спрашивал о вас. Нет, говорю, батюшка не вернулись.

Лайань внес огромный поднос, на котором стояли блюда жаренной свинины с молодым пореем. Едва Симэнь коснулся еды, как явился Пиньань.

– Прибыли приказные из управы, – объявил он. – Ждут распоряжений.

Двое вошедших пали перед ним на колени.

– Позвольте узнать, ваше сиятельство, – начали они, – когда вы намерены приступить к службе и сколько серебра прикажете выделить

на казенные расходы.^[1313]

– Сколько и прежде, – отвечал Симэнь.

– В прошлом году, ваше сиятельство, вы были одни, теперь же с повышением вашего сиятельства к службе приступает и господин Хэ, так что расходы увеличиваются.

– Ну добавьте десять лянов, – согласился Симэнь, – Пусть будет тридцать лянов.

– Есть! – откликнулись приказные и хотели было удалиться, но их окликнул Симэнь.

– Да! А насчет срока вступления на пост вы у его сиятельства Хэ спросите.

– Его сиятельство решили восемнадцатого,^[1314] – отвечали приказные.

– Вот и хорошо! Чтобы угощение было готово вовремя!

Приказные вернулись в управу и получили серебро на покупку съестного,

Поздравить Симэня с повышением прибыл сват Цяо. Хозяин пригласил его к столу, но тот ограничился чаем и откланялся.

Симэнь пировал с сюэем Вэнем и Боцзюэ, пока не зажгли огни. Проводив гостей, хозяин пошел на ночь в покои Юэнян, чем и кончился тот день.

А на другое утро Симэнь устроил угощение тысяцкому Хэ по случаю его приезда.

О возвращении Симэня прослышала и тетушка Вэнь, о чем сей же час передала Вану Третьему, и тот послал Симэню приглашение. Симэнь в ответ поздравил госпожу Линь с прошедшим днем рождения и поднес ей через Дайяня пару свиных ножек, пару свежих рыб, пару жаренных уток и жбан вина, за что Дайяня наградили тремя цянями серебра, но не о том пойдет речь.

В главной зале был накрыт стол. Ослепительно сверкали парчовые ширмы и мебель. Полы были устланы узорными коврами, на стенах красовались пейзажи знаменитых живописцев.

Первыми пожаловали шурин У Старший, Ин Боцзюэ и сюэи Вэнь. Симэнь угостил их чаем и послал слугу за тысяцким Хэ.

Немного погодя явились певцы и земными поклонами приветствовали хозяина и гостей.

– Брат, а почему ты Ли Мина не позвал? – спросил Боцзюэ.

– Сам он не идет, а я его звать не собираюсь, – отвечал Симэнь.

– Сердишься ты на них – только говорить не хочешь, – заметил Боцзюэ.

Тут явился Пинъань и поспешно протянул хозяину визитную карточку.

– Его сиятельство воевода Чжоу прибыли, – докладывал он. – У ворот спешили.

У Старший, Ин Боцзюэ и сюцай Вэнь удалились в западный флигель, а Симэнь вышел в парадном облачении в залу навстречу гостю. После взаимных приветствий Чжоу поздравил Симэня с повышением. Симэнь поблагодарил столичного воеводу за охрану и лошадей. Они заняли соответствующие места, и Чжоу Сю расспросил его об аудиенциях. Хозяин отвечал на его вопросы обстоятельно, ничего не упуская.

– Раз Лунси не придет, значит прилет посыльных, чтобы перевезти семью? – спросил Чжоу.

– Разумеется, – отвечал Симэнь. – Только в следующем месяце, не раньше. Господину Хэ пока придется пожить в управе. Потом он въедет в дом господина Ся. Это я устроил.

– Чудесно! – воскликнул Чжоу и, увидев накрытый стол, спросил: – Кого же вы принимаете?

– Да вот господина Хэ по случаю приезда на чарку вина пригласил, – пояснял Симэнь. – Неудобно, мы ведь сослуживцы ...

Они выпили по чашке чаю, и Чжоу Сю стал откланиваться.

– Я вас, господа, как-нибудь со всем гарнизонным начальством поздравлю, – заключил он.

– Не извольте беспокоиться! – заверял его Симэнь. – Я вам очень признателен за внимание.

Они обменялись поклонами, Чжоу Сю вскочил на коня и отбыл, а Симэнь, сняв с себя парадные одежды, вернулся к столу. Гости перешли в кабинет.

Тысяцкий Хэ прибыл только после полудня. Когда он обменялся с У Старшим и остальными приветствиями и любезностями, все сели. После чаю сняли парадные одежды.

Тысяцкий Хэ сразу понял, насколько богат Симэнь. Посреди залы в золотой жаровне горел фигурный уголь, были спущены занавеси. Гостей услаждали певцы.

Один аккомпанировал на серебряной цитре, другой – на нефритовой лире, третий – на лютне, а четвертый кастаньетами из слоновой кости отбивал такт. Стол ломился от яств, в нефритовых кубках искрилось лучшее вино. Казалось, весной веяло над пирующими, тепло и дружелюбие царило в зале.

Да,

Вино ароматное пенится,
кубки златые так сладки!
И пение цитры,
и звон кастаньет на мотив «Куропатки»!

Пировали до наступления первой ночной стражи. Тысяцкий Хэ отбыл в управу, откланялись шурин У Старший, Ин Боцзюэ и сюцай Вэнь. Симэнь отпустил певцов, распорядился, чтобы убрали посуду, а сам направился в спальню Цзиньлянь.

Цзиньлянь не пожалела румян, белил и пудры. Совершив омовение душистой водой и одевшись в новое платье, она ждала Симэня. Веселая и улыбающаяся, она бросилась ему навстречу, помогла раздеться и велела Чуньмэй скорее подавать чай. После чаю они легли. Пропитанная ароматами постель оказалась такой теплой, будто под парчовым пологом расцвела весна. Укрывшись одеялом, он с наслаждением прильнул к ней, припал к ее нежной груди. Ее уста источали запах гвоздики, в ее тугих локонах сверкали жемчужины.

Во время игры дождя и тучки Цзиньлянь угождала Симэню как только могла. После того, как Симэнь излился потоком, любовников продолжало неодолимо тянуть друг к другу и, лежа на подушках, они подробно рассказывали друг другу, что происходило с каждым из них за время разлуки. Потом Симэнь попросил, чтобы Цзиньлянь поиграла на флейте. Ведь она тоже страдала целых полмесяца в одиночестве и ее огнем жгло ненасытное желанье, хотелось одного – овладеть сердцем Симэня, поэтому никак не желала с ним расстаться, коль скоро он был рядом, и готова была буквально проглотить инструмент. Целую ночь играла она, а когда Симэнь собрался было встать по малой нужде, она его не пустила.

– Дорогой мой! – шептала она. – Ну сколько у тебя мочи, испусти ее мне в рот – я выпью, и тебе не придется мерзнуть, ты ведь разгорячился. Еще, чего доброго, простудишься.

– Дитя мое! – воскликнул глубоко тронутый и обрадованный Симэнь. – Ну разве найдется другая, кто б так любила меня!

И Цзиньлянь исполнила то, о чем говорила.

– Ничего на вкус? – спросил он.

– Солоновато немного и горчит, – отвечала она. – У тебя вроде ароматный чай? Дай я заем, чтобы вкус забыть.

– Сама возьми! – говорил Симэнь. – Вон у меня в белой шелковой куртке.

Цзиньлянь дотянулась с кровати до рукава куртки и, достав ароматный чай, сунула его в рот.

Из золотого стебля сока
Сянжу, возжаждавший, алкал,
Но евнух был способен только
Росы налить ему в бокал.

Да, почтенный читатель! До чего только не доходит наложница, чтобы обворозжить, обольстить мужа! Коль скоро таков уж обыкновенно ее удел, она, нисколько не стесняясь, сносит унижения и терпит позор. Но разве может себе позволить что-либо подобное жена, чьи супружеские узы освящены обрядом?!

В ту ночь Симэнь и Цзиньлянь отдавались необузданным усладам.

На другой день Симэнь отбыл в управу. Ему и тысяцкому Хэ по случаю их вступления на службу был устроен пир, на котором выступали певцы и музыканты.

Вернулся Симэнь после обеда. Вскоре солдаты принесли ему коробки с угощениями – подарки управы. Тут же слуга вручил ему приглашение от Вана Третьего. Симэнь послал в атласную лавку Дайяня за комплектом одежды. Только ее завернули в ковер, как доложили о прибытии его сиятельства Аня, начальника Ведомства работ. Симэнь поспешно накинул парадный халат и вышел навстречу.

Приравненный по положению к экзекутору Кассационной палаты, препоясанный поясом в золотой оправе, с квадратной нашивкой, украшенной серебристым фазаном, Ань Чэнь шел в сопровождении многочисленной свиты и широко улыбался. Рука об руку с Симэнем они проследовали в залу и обменялись положенными приветствиями, поздравили друг друга с повышением.

– Я несколько раз посылал к вам гонца, сударь, – начал Ань Чэнь, когда они сели. – Но получал один ответ: нет, мол, Сыцюань пока не вернулся.

– Да, в ожидании высочайшей аудиенции мне пришлось немного задержаться, – объяснял Симэнь. – Только что приехал.

Подали чай.

– Мне очень неловко беспокоить вас, сударь, – начал, наконец Ань Чэнь. – Но я прибыл просить вас об одолжении. Дело в том, что правитель Девятиречья^[1315] Цай Шаотан, девятый сын его превосходительства Цая, направляясь на аудиенцию ко двору, прислал мне письмо. Должен со дня на день пожаловать. Мы с Сун Сунъюанем, Цянь Лунье и Хуан Тайюем очень хотели бы устроить ему прием. Не могли бы вы, сударь, предоставить нам ваш дом?

– Будьте так любезны! Только прикажите, ваше сиятельство! – воскликнул Симэнь. – Когда же вы намечаете встречу?

– Двадцать седьмого, – отвечал Ань. – Мы бы завтра же прислали вам собранное в складчину серебро. Простите, что причиняем вам столько беспокойства. Вы очень любезны, сударь. Мы вам крайне признательны.

Снова подали чай. Ань Чэнь откланялся и, вскочив на коня, удалился.

Симэнь же тотчас отправился на пир, устроенный в его честь в доме полководца Вана. Как только Симэнь вручил свою визитную карточку, встретить его вышел Ван Третий. Они проследовали в залу, где обменялись положенными приветствиями.

Это была огромная, размером в пять комнат, зала, вход в которую, завешенный коврами, украшали пять картин, изображавшие диких зверей. С многоярусных карнизов падали капли дождя. К зале примыкали ромбовидные флигеля, формой напоминавшие водяные орехи. Как раз против входа красовалась высочайше дарованная вывеска, на которой золотом было начертано: «Зала вечной преданности». По обеим сторонам висели парные надписи. Одна гласила: «Резиденция выдающегося сподвижника Основателя династии»; другая гласила: «Дворец князя вверенных рек и гор». В центре залы возвышалось покрытое тигровой шкурой кресло для почетного гостя. На полу лежал пушистый ковер. После приветствий Симэнь занял кресло, а Ван Третий сел сбоку.

Вынесли на красном лаковом подносе чай. Ван поднес его гостю, потом слуги убрали посуду. Между хозяином и гостем завязался разговор.

Накрыли на стол. Ван, надобно сказать, позвал двух певцов.

– Могу ли я засвидетельствовать почтение госпоже Линь? – спросил Симэнь.

Ван послал к хозяйке слугу. Тот немного погодя вернулся и объявил:

– Просим ваше сиятельство проследовать в дальние покои.

– Прошу вас, – обратился к гостю Ван.

– Проводите меня, друг мой, прошу вас, – проговорил Симэнь.

Они вошли в среднюю залу.

Госпожа Линь была готова к встрече заблаговременно. Ее прическу обильно украшали жемчуг и изумруды. Она была в карминовом халате с богатой вышивкой спереди, сзади и на рукавах и в парчовой юбке, на черном поле которой ярко пестрели цветы. Талию стягивал оправленный в золото пояс из нефрита и бирюзы. Пудра и белила создавали впечатление, будто вся она отлита из серебра. Высокая

прическа выделяла алые уста и обрамлялась жемчужными кольцами-серьгами. На подоле нежно позванивали два ряда яшмовых подвесок.

– Сударыня, прошу вас, займите место на возвышении, – обратился к ней Симэнь, желая почтить ее полагающимися поклонами.

– Вы наш гость, – отвечала она. – Я прошу вас, государь, занять почетное место.

Наконец, они обменялись поклонами.

– Сын мой еще так юн и неопытен, – начала госпожа Линь. – В прошлый раз он причинил вам, сударь, столько беспокойства, вы же, избавив его от влияния дурной компании, проявили такую любезность и щедрость души. Я не знала, как мне выразить вам всю мою признательность, вот и решила пригласить вас на скромную чарку вина. Это я обязана благодарить вас и земно вам поклониться. Напрасно вы затрудняли себя подарками, сударь. Я бы поступила неучтиво, если б отказалась от них, но мне было неудобно, когда я их принимала.

– Не извольте беспокоиться, сударыня! – заверял ее Симэнь. – Из-за служебной поездки в столицу я никак не мог поздравить вас с днем рождения. А мои скромные знаки внимания я послал для того лишь, что они, может быть, сгодятся вам для вознаграждения слуг.

Симэнь заметил стоявшую сбоку тетушку Вэнь.

– Мамаша! – обратился он к свaxe. – Подай-ка чарку! Я хотел бы поздравить сударыню и поднести вина.

Симэнь кликнул Дайаня. Надобно сказать, что он захватил с собой подарок для хозяйки. В ковре были завернуты вытканые золотом нарядный халат, сиреневого цвета атласная накидка с богатой вышивкой спереди, сзади и на рукавах и бирюзовая с бахромою юбка. Разложенные на подносе наряды были поднесены госпоже Линь. При виде их у нее зарябило в глазах. Она была весьма обрадована. Тетушка Вэнь тотчас же подала Симэню серебряный поднос с золотыми кубками вина, а Ван Третий позвал певцов, которые явились с инструментами в руках.

– Зачем их сюда звать? – возразила госпожа Линь. – Пусть снаружи поют.

Певцы вышли.

Симэнь поднес чарку хозяйке, а она в свою очередь с благодарностью – ему. Потом Симэня стал угощать Ван Третий. Гость хотел было поклониться и ему, но его остановила хозяйка:

– Встаньте, сударь! – просила она. – Моему сыну положено воздать вам почести.

– Что вы, сударыня! – возражал Симэнь. – Как можно преступить ритуал?!

– Что вы такое говорить изволите, сударь! – настаивала госпожа Линь. – Занимая такой солидный пост, вы ведь ему отцом приходитесь! А сын мой с малолетства пренебрегал учением и никогда не вращался в обществе порядочных людей. Если б вы, сударь, при всей вашей благосклонности наставляли моего сына на путь истинный, я была бы счастлива и сейчас же заставила бы его поклониться вам в ноги и относиться к вам как к отцу родному. А если он сделает, что не так, поучайте его. Я вам буду за это только благодарна.

– Вы, конечно, совершенно правы, сударыня, – отвечал Симэнь, – но ваш сын, уверяю вас, и умен, и радушен. Он еще слишком молод и мало искушен в жизни. Впоследствии, когда в полную меру раскроются его природные дарования, он безусловно исправится. Так что вы напрасно тревожитесь, сударыня.

Тогда Симэня попросили занять почетное место на возвышении. Ван Третий поднес ему три кубка вина и отвесил четыре земных поклона. После этого Симэнь сошел с возвышения и поклонился со сложенными на груди руками госпоже Линь. Она, довольная и улыбающаяся, от души поблагодарила гостя положенными поклонами.

С тех пор Ван Третий стал звать Симэня отцом. Вот ведь что случается в жизни!

Да,

Чтоб разнузданную похоть
ублажать бесстыдно,
Потеряли честь и совесть
навсегда, как видно!

Взволнованный поэт по сему случаю выразил в стихах душевную печаль. Его стихи гласят:

От века жены и мужи в пирах – поврозь,
Позорно – греховодить, соблазнять.
Ван Третий не узрел, что видится насквозь,
С поклонами отдал родную мать.

А вот еще стихи:

Покои женские у знати без надзора –
И утром слышен крик не петуха, а куриц.
Не оградиться славой рода от позора,
Коль храм невинности и долга хуже улиц.

– Пригласи почтенного гостя в передние покои и предложи снять парадные одеяния, – обратилась к сыну госпожа Линь сразу после церемонии.

Дайань подал Симэню парадную шапку.^[1316] Вскоре они с Ваном Третьим заняли подобающие места, и вышли певцы. Когда повара подали кушанья, Дайань наградил их чаевыми. Певцы запели цикл на мотив «Вешние воды»:

Дрожит бирюза занавешенных окон
Рог месяца выпорол нитки,
На пологе – лань в поединке жестоком
Уступит рогатой улитке.
Окраской на щит черепаший похожа,
Дыханьем весенним объята
Парчовая ширма девичьего ложа,
И веет цветов ароматом.

На мотив «Сколько гордыни»:

Зеленый попугай
На жердочке висит вниз головою.
А груши, как в снегах,
Оделись дымно-белой пеленою.
Как на Лофу-горе,^[1317]
Мне навевает ветер сны хмельные.
Приди, краса, скорей,
Часы ж пускай утихнут водяные.

На мотив «Живительная влага»:

Бессонница клена,
морозом обритого.
Корявые сучья —
драконы нефритовые.
Драконью красу чуя,
снежинками фениксы
Запляшут влюбленно
летучие пленницы.
Багряные тучи
с жемчужной тьмой
В преддверье пахучем
сливались зимой.^[1318]

На мотив «Срываю ветку корицы»:

Среди парчи узорчатой
тычинками пыльцы
На бережку пригорчатом
певицы и певцы,
То солнцем вешним греются,
то чаркою хмельной.
Им мысли тешут ребусы
рифмованной волной
То в деву-вазу стрелами
прицельными метнут,
То ягодами спелыми,
слепившись опадут.
То парными аккордами
мажорны игроки,
То трелями покорными
трепещутся колки.

На мотив «Цветок нарцисса»:[1319]

То мускус заполнял альков,
То аромат «драконовой слюны».
То многоцветье облаков,
То палевые отблески луны.
И шелест крыльев мотылек,
порхающих под лампой в стены,
То колыханье лепестков
Под окнами дыханьем весны.
Где фениксовый поясок?
Рассветный сон младенчески глубок.
И пудры выдохся елей,
И на курильнице не счесть углей.

На мотивы «Опустился дикий гусь» и «Победной песни»:[1320]

Лишь цитру заденет –
осенних гусей вереница,
Сwirели затеи –
свист иволги ласково длится.
Пером зимородка
щекочут платочки,
А пальчики кротки —

бамбука листочки.
Согреет прилежно
седой апельсин
И снегом вскипевшим
заварит жасмин.
Кончился пир – распрощался с гостями.
Но продолжается в спальне игра –
Хмель закипает шальными страстями,
Жажду услад не унять до утра.

На мотив «Куплю доброго вина»:

Зубов точеный жемчуг в улыбке заблистал.
Ты сердце мне открыла, достойное похвал, –
С луны Чантэ вернулась в подлунные миры,
Спустилась чудо-дева с Шамановой горы.

На мотив «Великое спокойствие»:

Феникс-шпилька в волосах,
Вьется юбки бирюза,
Огнедышащим лицом
Окружил дракон кольцом.
Из-под пудры и белил
Пот невольно проступил.
Обаянье юных лет!
На запястии браслет,
Губы нежные дарят.
Пряных лилий аромат

На мотив «Веслом плеснули по реке»:

Заостренной бровью
ворона черней.
Ты меня согрела
ласкою своей.
Страсти нет предела –
нет часов и дней!
Стань моею кровью —
милою моей.

На мотив «Семь братьев»:^[1321]

Вино ей кружит голову,
багрит ее ланиты.

И плоть с душой полною
в едином чувстве слиты.
Драконом или мотыльком
в ее пучине млею.
Как будто обнял я тайком
заоблачную фею.

На мотив «Настойка на сливовых лепестках»:

Слились, как облако с дождем,
И нарушаем все запреты.
Мы соглядатаев не ждем,
И окна шторами одеты.
Побудку прокричал петух,
В клепсидре капель ток иссох,
Блеск звездных россыпей потух,
Рой светляков стал как песок.
Заря светить уже готова,
И на лазурном небосводе
Светило показалось снова,
Все ясным делая в природе.

На мотив «Усмирили Южноречье»:^[1322]

Эх!
Скрипят ворота в дымке предрассветной,
Закаркал ворон на ветвях платана.
Делила ты с любимым ложе тайно,
Но гость непрошенный спугнул нечаяно,
И упорхнула птичкой незаметной.

Когда подали четвертую перемену кушаний, а певцы спели два цикла романсов, внесли свечи. Симэнь сходил по нужде и стал откланиваться, но его удержал Ван Третий. Он пригласил гостя к себе в кабинет. Это было совершенно отдельное помещение, размером в три комнаты с небольшой верандой. Кругом пестрели цветы и красовались декоративные деревца. Сверкали начищенные до блеска принадлежности ученого. На крапленой золотом белой бумаге было выведено: «Поэтическая ладья Саньцюаня». На стенах висели древние живописные свитки «Сюаньюань вопрошает о дао-пути всего сущего»,^[1323] «Фу Шэн хоронит канон»,^[1324] «Бин Цзи расспрашивает вола»,^[1325] и «Сун Цзин обозревает историю».^[1326]

– Кто такой Саньцюань? – спросил Симэнь.

– Так прозывается ваш сын, – после долгой заминки, наконец, проговорил Ван Третий.

Симэнь не проронил ни слова.^[1327]

Принесли высокий кувшин вина. Они продолжали пировать и метать стрелы в вазу. Их услаждали певцы. Госпожа Линь с горничной и мамкой следила за переменной кушаний. Пир продолжался до второй ночной стражи. Захмелевший Симэнь, наградив тремя цянями певцов, стал откланиваться. Ван проводил гостя за ворота, где тот, в шапке с наушниками и собольей шубе, сел в паланкин и, сопровождаемый воинами, двое из которых несли фонари, отбыл восвояси.

Прибыв домой, Симэнь вспомнил дневной разговор с Цзиньлянь и направился прямо к ней в спальню.

Цзиньлянь еще не спала. С распущенными волосами-тучей, без головных украшений, полуодетая, но тщательно напудренная и нарумяненная, она сидела за туалетным столиком, согревая ноги у стоявшей рядом жаровни, и грызла семечки. На углях кипел с лепестками страстоцвета чай. Из золотой курильницы-льва струился аромат благовоний.

При виде Симэня Цзиньлянь, подобрав подол пестрой юбки, торопливо засемила лотосами-ножами ему навстречу и помогла раздеться.

Симэнь сел на кровать, и Чуньмэй внесла сверкающие чашки. Цзиньлянь взяла одну из них, вытерла своими тонкими нежными пальчиками следы чая на краях чашки и протянула Симэню. Он отпил глоток дивного, необычайно ароматного напитка. Это был люаньский чай^[1328] из молодых лепестков, нежных, как воробьиные язычки, заваренный с сезамом, подсолненными ростками бамбука, каштанами, тыквенными семечками и грецкими орехами, с добавлением туда же салатной горчицы и маслин, а также семян гинкго, коры душистой оливы^[1329] и лепестков розы. Довольный Симэнь велел Чуньмэй помочь ему раздеться и лег. Освещаемая лампою Цзиньлянь сняла головные украшения и, надев на ноги туфельки, тоже легла, сплетясь с Симэнем. Пестрая пара неразлучных уток заколыхалась на красной волне расшитого одеяла. Чуньмэй поставила на столик серебряную лампу с похожим на бутон лотоса абажуром, раздвинула двустворчатую украшенную фениксами ширму и вышла из спальни.

Симэнь положил руку под голову Цзиньлянь и заключил ее, обнаженную, нежную, как яшма, благоухающую и теплую, в свои объятия. Они крепко прижались друг к дружке. Их тела сплелись, уста сомкнулись в страстном поцелуе. Цзиньлянь старательно разжевывала

тыквенные семечки, которые брала со стоящего у ее изголовья блюда, и из собственных уст угощала ими Симэня. Не прекращала она и игру. Немного погодя, нектар ее уст разлился по сердцу Симэня, и весеннее желание ими овладело до самых глубин.

– Дитя мое! – говорил Симэнь, доставая серебряную подпругу из узелка, где хранились снасти для утех. – Вспоминала ли ты обо мне, пока я был в отъезде, а?

– Целых полмесяца ни на минуту не утихало во мне волнение, – отвечала Цзиньянь. – Вечер-то тянется-тянется, а ночью одной и вовсе не спится. И постель нагреешь, а, поди ты, холод до того пробирает, что ноги не вытянешь. Съежишься да так и лежишь, пока все ноги не сведет. Все молила, чтоб ты поскорее воротился. Знал бы, сколько я слез пролила на это изголовье! Спасибо, молодец Чуньмэй! Видит она бывало, как я тяжело вздыхаю, придет вечером и садимся в шашки играть до самой первой ночной стражи, а потом вместе на кане и спать ложимся. Вот как я переживала, не знаю, как ты.

– Какая речистая! – заметил Симэнь. – Ты не знаешь, хоть и много вас, а тебя я больше всех люблю.

– Перестань! – оборвала она. – Обманываешь ты меня. Из чашки ешь, а сам в котел глазами стреляешь. Думаешь, я не знаю? Вспомни, как с Лайвановой женой путался. Так и прилепился! Меня тогда замечать не хотел. Потом Ли Пиньэр сына родила – как злой петух налетал. Где они теперь? Нет их. Только я, верная раба твоя, осталась. А тебя все носит, все крутит. Не хватало только с проклятой уродиной Жуи связаться. Что ни говори, а она всего-навсего кормилица. Да к тому же баба замужняя. Попробуй только с ней свяжись, она, чего доброго, мужика своего приведет. Будет около тебя стадо свое пасти. Как хорошо! А слухи пойдут, приятно тебе будет? Ты ж службу отправляешь, чиновное звание носишь. Посмотри, как ты проклятую шлюху распустил! Она вот тут из-за несчастного валька такой скандал подняла, на Чуньмэй набросилась. Мне слова не дала выговорить.

– Будет тебе! – перебил ее Симэнь. – Что ни говори, дитя мое, но она всего лишь прислуга. Неужели у не хватит смелости тебе перечить?! Может, если станешь потакать, у нее бойкости и прибавится, но только приструни, и она рта не откроет.

– Того и гляди! – протянула Цзиньянь, – какое там потакать?! Как не стало Ли Пиньэр, она сразу ее гнездо заняла. Представляю себе, как ты ей, небось, говоришь: «Будешь мне усердно служить, все, что после твоей покойной матушки осталось, тебе отдам». Скажешь, не говорил?

– Что за несурзные подозрения! – воскликнул Симэнь. Ничего я не

говорил. А ты ее прости. Я велю ей завтра же поклониться тебе в ноги да повиниться во всем. Ладно?

– Я ее извинения выслушивать не намерена и тебя туда больше не пушу.

– А почему я, думаешь, там ночевал? Да только потому, что сестрицу Ли никак забыть не могу. Да и ночевал-то всего ночь или две. Она же в ночном бдении от дщицы не отходит. Как я могу с ней что-нибудь себе позволить!?

– Какие там еще бдения, когда сто дней вышло?! – не унималась Цзиньлянь. – Не ври, все равно не поверю. Дщица тут не при чем. Тебя к ней, как мышь на крупу, тянет. А мне прикажешь уподобиться горничной, да? До полуночи прислушиваться к перезвону колокольцев, а потом – к шепоту и шелесту ив?

Симэнь не выдержал.

– Ах ты, болтушка! – воскликнул он и, обняв Цзиньлянь за шею, поцеловал в губы. – Ишь кого из себя строишь!

И он велел ей повернуться спиной, желая «добывать огонь за горными хребтами», а сам проник в нее сзади. Он обхватил под одеялом ее ноги и с шумом раскачивал их.

Цзиньлянь закричала.

– Что, испугалась? – спросил Симэнь. – Говори, будешь еще за мной следить?

– Только дай тебе волю, ты, пожалуй, в небо воспаришь. Шлюху, знаю, ты не бросишь, но отныне будешь ходить к ней только с моего разрешения. Станет наряды выпрашивать, тоже мне скажешь. И не вздумай у меня украдкой одаривать. Не послушаешься – такой скандал устрою, какого не видывал. Я с этой шлюхой покончу. За мной дело не станет. Вспомни Ли Пиньэр. Как она тебе голову тоже вскружила! Меня, не знаю какими судьбами, с рук не сбыл. Персик гнилой! Размяк – без поддержки повалишься, как горох неподвязанный. Вот мне, матери, и приходится сына своего непутевого вразумлять.

– Но ты ж у нас первая блюстительница порядка! – засмеялся Симэнь.

Они предавались любовным утехам вплоть до третьей ночной стражи, когда, совсем изнуренные, наконец заснули.

Да,

Зимою пташка красовалась в клетке.

Пришла весна – она уже на ветке.

Тому свидетельствовали стихи:

Когда дымка висит пеленою,

Не дожидаться исхода дождей.
Могут девы под дивной луною
Услаждать до скончания дней.

Тесно прижавшись друг к дружке, они проспали до рассвета. Все еще томимая ненасытным желанием, Цзиньлянь продолжала играть с Симэнем, пока не пробудила и в нем страсть и его веник не встал дыбом.

– Мой милый! – шептала она. – Хочу на тебя возлечь.

Цзиньлянь так и сделала, желая «оплывом потушить свечу». Обняв Симэня за шею, она принялась ласкаться. Он же, уступив ей, будто почил и только крепко держал ее стан, а Цзиньлянь сама садилась и вставала, вставляла и вынимала, пока тот самый не погрузился полностью, лишь часть, охваченная подпругой, не могла войти.

– Милый! – продолжала она. – Я тебе сошью белую шелковую подвязку, а ты положишь в нее монашьего снадобья. Еще я приторочу к подвязке длинные ленты. Когда будем ложиться, ты затянешь свой корень подвязкой и сзади на поясе завяжешь ленты, тогда и предмет твой будет разгорячен, и запускать его можно будет внутрь целиком. Это куда лучше подпруги. Нет от нее полного удовольствия – только топорщится и боль причиняет.

– Шей, дитя мое! – подхватил Симэнь. – А снадобье сама положи. Оно на столе в фарфоровой коробке.

– Только ты вечером приходи, хорошо? Испробуем.

Они поиграли еще немного, и тут появился Дайань с визитной карточкой в руке.

– Батюшка почивают? – спросил он Чуньмэй. – Его сиятельство Ань серебро прислали, два жбана цзиньхуаского вина и четыре горшка цветов.

– Батюшка не встали еще, – отвечала горничная. – А посыльный, небось, и обождет.

– Он вон какой путь прошел! – возражал Дайань. – А ему еще на пристань в Синьхэоу поспеть надо.

Разговор услышал Симэнь и в окно подозвал слугу. Дайань вручил визитную карточку. Симэнь развернул и стал читать:

«Имею честь послать Вам четыре пакета, в коих содержатся восемь лянов серебра. Особого угощения будет удостоен только Шаотан, остальные же удовольствуются обыкновенным столом. Позвольте надеяться, что лакеи и прислуга выкажут надлежащее радение.

Примите заверения в моем самом искреннем расположении.

В дополнение к сему посылаю четыре горшка цветов к нынешнему сезону в надежде, что они доставят вам удовольствие, и два жбана южного вина, которое, быть может, пригодится на пиру. Буду счастлив, ежели Вы соизволите принять скромные подношения».

Симэнь прочитал послание и встал, Не причесываясь, он надел войлочную шапку, парадный бархатный халат и вышел в залу.

– Проси посыльного его сиятельства Аня! – велел он Дайаню.

Симэню вручили серебро. Он оглядел цветы – алую и белую зимнюю сливу, жасмин и магнолию, бросил взгляд на жбаны южного вина и, обрадованный, велел убрать подарки.

Посыльный вместе с ответной карточкой получил пять цяней наградных.

– Когда намерены прибыть почтенные господа? – спросил Симэнь. – Звать актеров?

– Намерены пораньше прибыть, – отвечал посыльный. – Просили позвать хайяньскую труппу. Только не здешних.

Симэнь отпустил посыльного и распорядился расставить цветы у себя в кабинете в гроте Весны. Тут же позвали печника. Его заставили «принести огонь через горы» – сложить два зимних кана. А чтобы они, паче чаяния, не задымили и не испортили воскуряемых ароматов, Чуньхуну с Лайанем было поручено облить каны чаем. Дайань отправился за хайяньской труппой актеров, а Лайань получил деньги на закупку съестного. В тот же день вечером справляли рождение Мэн Юйлоу. Пели здешние певцы, но не о том пойдет рассказ.

Расскажем теперь про Ин Боцзюэ. Двадцать восьмого исполнялся месяц его сыну.^[1330] Ин Боцзюэ наказал Ин Бао раздобыть коробку, припас пять листов бумаги и, положив их в коробку, направился прямо к жившему напротив Симэня сюцаю Вэню, чтобы тот написал приглашения женам Симэня.

– Дядя Ин! Вас можно на минутку? – кто-то громко окликнул Боцзюэ, как только он успел выйти за ворота.

Боцзюэ обернулся. Перед ним стоял певец Ли Мин.

– Далеко ли путь держите, дядя Ин? – спросил певец, подходя вплотную.

– К учителю Вэню, – отвечал Боцзюэ. – Дело есть.

– Не пройдет ли в дом? – попросил Ли Мин. – Мне вам нужно кое-что сказать.

Боцзюэ заметил за спиной певца носильщика с коробом и повернул к себе. В зале Ли Мин поспешно опустился перед хозяином на колени и, отвесив земной поклон, поставил перед ним короб. В нем оказались две жаренные утки и два кувшина выдержанного вина.

– Ваш покорный слуга не располагает ничем другим, – говорил певец. – Может, это скромное подношение сгодится вам, дядя Ин, для угощения слуг. Я хотел бы об одном вас попросить, дядя.

Певец снова опустился на колени.

– Глупый ты малый! – обратился к нему Боцзюэ и сделал знак рукой, чтобы тот поднялся. – Ну, что там у тебя, говори же! А на подарки ты напрасно тратился.

– Меня с малых лет звали к батюшке, – начал Ли Мин. – Теперь я стал не нужен, батюшка других зовет. А что с Гуйцзе случилось, так мы в разных домах живем, я и понятия не имел. Батюшка из-за Гуйцзе меня обвинил, в безвыходное положение поставил. Я ни за что страдаю и пожаловаться некому. Вот и решил вас попросить. Может вы, дядя Ин, как будете у батюшки, замолвите обо мне доброе словцо. Объясните батюшке, что к случаю с Гуйцзе он, мол, не имеет никакого отношения. Если бы только батюшкин гнев, я б еще как-нибудь стерпел. На меня товарищи стали косо смотреть – вышучивают.

– Значит, ты за это время так у батюшки и не был? – спросил Боцзюэ.

– Нет, не был, – подтвердил певец.

– Батюшка, как из столицы воротился, прием по случаю приезда господина Хэ устраивал, – начал Боцзюэ. – Меня приглашал, шурина У Старшего и учителя Вэня. Из певцов звал У Хуэя, Чжэн Чуня, Шао Фэна и Цзо Шуня. Я тогда и спрашиваю батюшку, а почему, говорю, Ли Мина нет. А он мне отвечает: он, мол, сам не идет, а я ему приглашения посылать не собираюсь. Да соображаешь ли ты, дурачок, с кем препираешься?! Возьми-ка себя в руки да ступай сам поклонись. Так-то лучше будет.

– Как же я пойду, если батюшка меня не зовет? – недоумевал певец. – В прошлый раз их четверых звали, нынче на день рождения матушки Третьей Лайань утром двоих позвал. На готовящийся пир опять четверых, а меня – нет. Как же мне не переживать? Прошу вас, дядя, поговорите с батюшкой. Я вам, дядя, в ноги поклонюсь.

– Как не поговорить? Обязательно поговорю! – заверил его

Боцзюэ. – Кому я только на своем веку не помогал! Скольких выручал! Раз просишь, поговорю, обязательно поговорю! На меня положись. А подарки эти заberi. Они мне не нужны. Я ведь знаю, как тебе деньги достаются. Ну, а теперь пойдем со мной вместе к батюшке. Попробую исподволь его уговорить.

– Если вы, дядя Ин, откажетесь от подарков, я пойти не посмею, – настаивал Ли Мин. – Вам, конечно, эти подношения не в диковинку, а я от всей души старался...

Певец принялся на все лады благодарить и упрашивать Боцзюэ до тех пор, пока тот не согласился принять поднесенное. Боцзюэ наградил носильщика тридцатью медяками и отпустил.

– Короб оставь пока у дяди Ина, – сказал ему Ли Мин. – Буду возвращаться домой, сам захвачу.

Они вышли вместе, повернули за угол и направились в кабинет напротив дома Симэня.

– Господин Куйсюань дома? – спросил Боцзюэ, ударив дверным кольцом.

Сюцай Вэнь тем временем сидел у окна и писал приглашения.

– Прошу вас, проходите! – тотчас же откликнулся он.

Хуатун открыл дверь. Боцзюэ вошел в гостиную и сел. Посредине стояли четыре глубоких кресла. Висел свиток «Чжуан-цзы дорожит мгновеньем».^[1331] По обеим сторонам были расклеены надписи тушью и эстампы. Слева и справа выделялись параллельные надписи «Благоухают в вазе сливы и в тушечнице кисть» и «Снег опустился за окном – озябли лютня и книги». Дверь в кабинет закрывал холщевый занавес.

Тут же появился сюцай Вэнь и, обменявшись с гостем приветствиями, предложил ему сесть.

– Так рано, сударь, а вы уже бодрствуете, – заметил сюцай. – Далеко ли путь держите?

– Смею я побеспокоить великого мастера кисти? – спросил Ин Боцзюэ. – Не могли бы написать несколько приглашений? Дело, видите ли, в том, что двадцать восьмого исполняется месяц моему сыну, и я хотел бы по такому случаю пригласить сударынь.

– Хорошо, напишу, – согласился сюцай Вэнь. – Позвольте ваши визитные карточки.

Боцзюэ велел Ин Бао достать из коробки карточки и протянул их сюцаю. Тот взял их и пошел в кабинет растирать тушь.

Только он написал второе приглашение, как в кабинет поспешно вошел запыхавшийся Цитун.

– Учитель! – обратился он к сюаю. – Напишите еще два приглашения от имени матушки Старшей. Одно – для супруги свата Цяо, другое – для супруги шурина У Старшего. А приглашения свояченице госпоже Хань и невестке госпоже Мэн Второй вы Циньтуну передали?

– Да, при зятюшке передал, – отвечал сюай.

– Учитель! – через некоторое время снова начал Цитун. – Как составите эти приглашения, напишите вот еще четыре – сударыне Хуан Четвертой, тетушке Фу, сударыне Хань и жене приказчика Ганя. Я за ними Лайаня пришлю.

Не успел он уйти, как явился Лайань.

– Батюшка дома или в управу отбыл? – спросил его Боцзюэ.

– Нынче дома пребывают, – отвечал Лайань. – Подарки в зале принимают. Сватушка Цяо прислали. А вы, дядя Ин, не собираетесь навестить батюшку?

– Вот приглашения напишут и приду.

– А поздно вчера наш почтенный хозяин вернулся, – заметил сюай Вэнь. – Большой, должно быть, пир задавали в резиденции Вана.

– Какого Вана? – тут же спросил Боцзюэ.

– Полководца Вана, – уточнил сюай.

Тут только Ин Боцзюэ понял, в чем дело.

Когда Лайань получил, наконец, заказанные приглашения и удалился, сюай Вэнь исполнил и просьбу Боцзюэ, после чего тот с Ли Мином направился через дорогу к Симэню.

Симэнь, непричесанный, принимал в зале подарки и отправлял визитные карточки с выражением благодарности. Тут же стояли готовые к приему столы. Хозяин приветствовал гостя, предложил ему сесть и велел разжечь жаровню.

– Это, брат, по какому же поводу накрыты столы? – поблагодарив Симэня за присланные накануне подарки, спросил Боцзюэ.

Симэнь рассказал ему о предстоящем приеме девятого сына государева наставника Цая, который устраивался у него в доме по просьбе его сиятельства Аня.

– Актеров звал или певцы будут? – поинтересовался Боцзюэ.

– Они Хайяньскую труппу просили, – отвечал Симэнь и добавил: – Но я на всякий случай позвал еще четверых певцов.

– Кого да кого?

– У Хуэя, Шао Фэна, Чжэн Чуня и Цзо Шуня.

– А Ли Мина почему ж не зовешь?

– Уж больно он вознесся, – отвечал Симэнь. – В нас не нуждается.

– Ну как ты можешь так говорить, брат? – возразил Боцзюэ. – Позови, он и явится. А я и не знал, что ты так на него разгневался. Только он тут совсем не при чем. Ну, посуди, откуда ему было знать, что делается в заведении у Ли Третьей. Не придирайся к нему, брат. Он нынче утром ко мне приходил. Со слезами на глазах жаловался. Все-таки, говорит, моя старшая сестра батюшке служит, меня, говорит, сколько лет звали, а теперь, выходит, не нужен стал, других зовут. А насчет Ли Гуйцзе клянется, что и понятия не имеет. Ведь твоя вот такая неприязнь, брат, ставит его в очень неловкое положение. Ну сам посуди, как малому быть, чем кормиться.

Боцзюэ позвал Ли Мина.

– Поди сюда! – кликнул он. – Сам батюшку попроси. Нечего прятаться! Только дурная сноха боится свекру на глаза показываться.

Ли Мин, как истукан, с опущенной головой неподвижно стоял рядом с залой. Вслушиваясь в их разговор, он не решался слова проронить. На зов Боцзюэ он вошел в залу и, упав на колени, стал отбивать перед Симэнем земные поклоны.

– Батюшка, пусть меня давят колесницы и топчут кони, но не виноват я! – говорил певец. – Батюшка, удостоверьтесь еще раз, прошу вас! Я готов голову на плахе сложить, если причастен к этому делу. Батюшка, раньше вы были моим великим благодетелем, Да нам, мне и моим сестрам, в лепешку разбиться – не отблагодарить вас за милости. На меня товарищи свысока смотрят, на смех поднимают. Разве я больше найду благодетеля, как вы, батюшка?

Ли Мин громко разрыдался, продолжая стоять на коленях.

– Ну ладно, хватит! – уговаривал его сидевший сбоку Ин Боцзюэ, а затем обернулся к Симэню. – Вот видишь, брат! «Великий муж не замечает промахов, допущенных ничтожным».^[1332] Я уж не говорю, что он был непричастен к делу, но если бы даже и провинился в чем, ты, брат, после такого раскаяния должен его простить. – Боцзюэ опять обратился к певцу. – А на тебя, раз покался, батюшка больше не станет гневаться. Но впредь знай сверчок свой шесток!

– Да, вы правы, дядя Ин! – отвечал певец. – Раз признал вину, надо исправляться. Наперед зарублю себе на носу.

– Ну вот, все выложил, нутро как карман вывернул, – заключил Боцзюэ. – Стало быть, от грехов очистился.

Симэнь долго мялся.

– Ну ладно уж! – наконец, проговорил он. – Раз дядя Ин так просит, я тебя прощаю. Встань! Будешь служить, как и прежде.

– Ну! В ноги! Сейчас же! – крикнул Боцзюэ.

Ли Мин поспешно склонился в земном поклоне, потом отошел в сторону.

Тут только Ин Боцзюэ велел Ин Бао достать приглашения.

– Сыну у меня двадцать восьмого месяц исполняется, – протягивая приглашения, заговорил Боцзюэ. – Прошу покорно почтенных невесток снизойти и почтить нас своим присутствием.

Симэнь развернул конверт и прочитал:

«По случаю месяца со дня рождения сына имею честь двадцать восьмого пригласить Вас на скромную трапезу. Тешусь надеждой, что Вы не пренебрежете нашей холодной хужиной и удостоите невыразимого счастья лицезреть прибытие пышных экипажей.

Примите благодарность за щедрые дары.

Кланяюсь с почтением урожденная Ду, в замужестве Ин».

Симэнь прочитал приглашение и обернулся к Лайаню.

– Ступай передай в коробке матушке Старшей! – наказал он и обратился к Ин Боцзюэ. – А тебе прямо скажу: вряд ли им удастся воспользоваться приглашением. Ведь завтра день рождения твоей Третьей невестки и этот прием, а двадцать восьмого Старшая должна навестить госпожу Ся. Где ж тут к тебе идти?

– Ты, брат, меня прямо убил! – воскликнул Боцзюэ. – Выходит, плоды поспели, а лакомиться некому? Нет, тогда я сам пойду в невесткины покои и упрошу придти.

Тем временем вернулся Лайань. В руках у него была пустая коробка.

– Матушка Старшая с благодарностью приняла приглашения, – сказал слуга.

Боцзюэ передал коробку Ин Бао.

– Подшутил ты надо мной, брат, – говорил обрадованный Боцзюэ. – Да я б лоб разбил, а невестку уговорил придти.

– Погоди уходить, – попросил друга Симэнь. – Ступай посиди в кабинете, а я причешусь, и мы вместе позавтракаем, ладно?

Симэнь удалился, а Ин Боцзюэ обратился к Ли Мину с такими словами:

– Ну, каково? Не уприси я, он бы тебя не простил. Они, богатые, с норовом. И скажут что, а ты молчи. Кто с улыбочкой, тот пощечину не получит. В наше время льстец в почете. И разбогатеешь, торговлю заведешь, а все с каждым ладь. А будешь дуться, свой гонор выказывать, никто на тебя и не посмотрит. Да что там говорить! Вашему брату прилаживаться надо, всюду проникать. Только так на

жизнь-то и заработаешь. Пойдешь ссоры затевать, другие будут есть досыта, а ты голодный насидишься. Столько лет ему служишь, а нрава его не раскусил. Да, вели и Гуйцзе завтра придти. Ведь у матушки Третьей завтра день рождения справлять будут. Надо ковать железо пока горячо. И пусть подарки поднесет. Одним выстрелом можно будет двух зайцев убить. Враз и уладится.

– Правду вы, дядя, говорите! – согласился Ли Мин. – Я сейчас же мамаше Третьей передам.

Тем временем Лайань накрыл на стол.

– Прошу вас, дядя Ин! – пригласил он гостя. – Батюшка сейчас будут.

Вышел умытый и причесанный Симэнь и сел рядом с Ин Боцзюэ.

– Давно Чжу с Сунем не видал? – спросил Симэнь.

– Я велел им зайти, – отвечал Боцзюэ. – Но они отказались. Брат, мол, на них зол. Вы, говорю, обязаны брату спасибо сказать. Ведь это он за вас заступился, он одним махом избавил вас от этой тучи москитов и саранчи, а вы еще недовольны. Да как вы, говорю, смеете на него обижаться?! Они дали слово порвать с негодником Ваном. Да, брат, ты, оказывается, вчера у него пировал. Вот чего не знал, того не знал.

– Видишь ли в чем дело, начал Симэнь. – Угощение он устроил и меня пригласил. Он меня своим приемным отцом считает. До второй ночной стражи пировали, А они-то почему с ним решили порвать? Только пусть мне поперек дороги не встают. А мне все равно. Ходите, куда вам нравится. Да и об этом малом я заботиться не собираюсь. Тоже мне – отца нашел!

– Ты, брат, это серьезно говоришь? – переспросил Боцзюэ. – таком случае они на этих же днях придут тебя отблагодарить и объяснят, как было дело.

– Вели им придти, а подношений мне никаких не нужно, – наказал Симэнь.

Лайань подал кушанья. Были тут одни изысканные яства. От блюд жаркого струился аппетитный аромат. Симэнь принялся за рисовый отвар, а Ин Боцзюэ набросился на деликатесы.

– Пришли те двое певцов? – спросил Лайаня хозяин, заканчивая трапезу.

– Давно пришли, – отвечал слуга.

– Вели их накормить вместе с Ли Мином, – распорядился Симэнь.

Певцы, одного из которых звали Хань Цзо, а другого – Шао Цянь, подошли к Симэню и, земно поклонившись, удалились.

– Ну, и мне пора, – сказал, наконец, Боцзюэ, вылезая из-за стола. – Дома, небось, совсем заждались. Тяжело, брат, бедному человеку по дому управляться. Ну вот все, за что только ни возьмись, покупать приходится. От печной заслонки до дверных занавесок – за все деньги плати.

– Ну иди, хлопочи, – сказал Симэнь. – А вечером приходи. Матушку Третью поздравишь, в ножки поклонись. Надо же тебе сыновнюю почтительность выказать.

– Приду, приду пренебрежнейше! – заверил его Боцзюэ. – А своей велю подарочек припасти.

С этими словами Боцзюэ ушел.

Да,

Друга желанного видеть бы снова и снова;
Отклик находит в сердцах задушевное слово.
Тому свидетельствовали стихи:
Готовы мы слушать льстеца без конца,
Но резок безмерно и груб правдолюб!
Не сразу познаешь людские сердца...
Тому хорошо, кто наивен и глуп.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

**ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ ВЫХОДИТ ИЗ
СЕБЯ, СЛУШАЯ ЦИКЛ «ПОМНЮ,
КАК ИГРАЛА НА СВИРЕЛИ»**

**БАРЫШНЯ ЮЙ ПОЕТ НОЧЬЮ
ПЕСНЮ «ЖАЛОБЫ В ТЕЧЕНИЕ
ПЯТИ СТРАЖ»**

*Ловкачу за хитрость достается,
упрекают увальня за лень;
Богача вседневно точит зависть,
а бедняк унижен, что ни день;
Злобный человек всегда упрямец,
если добрый – значит размазня;
Коли ты прилежен – значит жаден,
а расчетлив – скряге ты родня
Откровенен ты и простодушен –
дураком набитым назовут,
Если ж и смышлен ты, и проворен –
скажут про тебя: коварный плут.
Вот и посудите: есть ли в мире
тот, что всем и каждому хорош?
Или избегать соседи будут,
иль не будут ставить ни во грош.*

Стало быть, ушел Ин Боцзюэ домой, а Симэнь направился в грот Весны, чтобы посмотреть, как печник кладет кан с выведенной наружу топкой. В гроте было тепло словно весной. Повсюду были расставлены цветы. Дым не портил запаха благовоний.

Явился Пинъань.

– От столичного воеводы Чжоу серебро доставили, – объявил он, протягивая визитную карточку и коробку.

В коробке лежали пять пакетов с серебром. Визитная карточка содержала между прочим следующее:

«...Столичный воевода Чжоу, военный комендант Цзин, командующий ополчением Чжан и дворцовые смотрители Лю и Сюэ шлют свои поздравления и с почтением подносят по пять цяней серебра и по два грубых платка».

Симэнь распорядился унести подношения в дальние покои и, передав ответную визитную карточку, отпустил гонца.

Между тем, раньше других прибыли в паланкинах золовка Ян, старшая невестка У и почтенная матушка Пань. За ними пожаловали монахиня Сюэ, старшая мать-наставница и монахиня Ван с послушницами Мяоцуй и Мяофэн, а также барышня Юй. Они поднесли Юйлоу подарки в коробках и поздравили с днем рождения, Юэнян приготовила чай, на который были приглашены все сестры. После чаю они разошлись по своим pokojам.

Пань Цзиньянь вдруг вспомнила про белую шелковую подвязку, которую пообещала сшить Симэню, и поспешила к себе. Она вынула шкатулку с шитьем, отрезала полоску шелка и села мастерить «драконью упряжь». Своими изящными пальчиками она достала из туалетной фарфоровой коробочки немного снадобья «сладкоголосой чаровницы»^[1333] и, поместив его в шелк, зашила со всех сторон, затем подрубив края скрытым швом. Лента вышла на славу. Только Цзиньянь удалилась в спальню, где, предвкушая ночные утехы с Симэнем, хотела спрятать свое изделие, как в спальне неожиданно появилась монахиня Сюэ. Она передала ей снадобье из детского места для укрепления плода. Цзиньянь торопливо убрала снадобье и села рядом с монахиней. Та, убедившись, что поблизости никого нет, обратилась к хозяйке.

– Ну, вот и добыла, – прошептала она. – Наступит день сорок девятый, жэнь-цзы, прими натошак. А вечером раздели с хозяином ложе. Понесешь наверняка. Вон гляди, бодхисаттва из дальних покоев, наша матушка, тоже от моего снадобья заметно пополнила. Я тебе вот еще что посоветую. Благовонный мешочек из парчи сшей, а я куплю тебе писанный киноварью амулет с реальгаром.^[1334] Положишь в мешочек и носи при себе. Сына зачнешь. Средство испытанное.

Сильно обрадованная Цзиньянь спрятала снадобье в сундук, достала численник и стала листать. Знаки жэнь-цзы приходились на

двадцать девятое.^[1335] Цзиньлянь наградила монахиню тремя цянiami серебра.

— Это так, пока, — говорила Цзиньлянь. — На трапезу овощей купить. А как понесу, да вы амулет дадите, я вам кусок шелку подарю на рясу.

— Не беспокойтесь, моя бодхисаттва! — заверяла ее монахиня Сюэ. — Я ведь не такая корыстная, как мать Ван. Это она говорит, будто в прошлый раз, когда мы с покойной бодхисаттве молились, я у нее кусок изо рта вырвала. Такой шум подняла! Как только меня ни оговорила! О боже! Пусть в преисподнюю попадет, я с ней препираться не стану. Я добро, только добро творю, живых бодхисаттв спасаю.

— А вы, мать наставница, свое дело делайте, — говорила Цзиньлянь. — Всяк ведь себе на уме. Только про наш уговор ей ни слова не передавайте.

— Глагол сокровенный да не услышит третий, — заверила ее монахиня. — Разве можно! В прошлом году, когда я помогла Старшей бодхисаттве счастье обрести, мать Ван в покое меня не оставляла. Ты, говорит, от меня скрыла, набила мошну. Так и пришлось половину отдать. Она ведь Будде служит! А никаких запретов знать не хочет, одна корысть ее гложет. От благодетелей жертвования тянет, а разве она молится? Но пробьет и ее час. Не возродиться ей тогда ни в шкуре, ни с рогами.^[1336]

После разговора Цзиньлянь велела Чуньмэй угостить монахиню чаем. После чаю прошли в покои Ли Пиньэр. Сюэ сотворила молитву у дщицы усопшей, и они вернулись обратно к Цзиньлянь.

После обеда Юэнян велела накрыть столы и пригласила всех в теплую комнату. Оттуда гости прошли в гостиную залу, где за парчовыми занавесями и ширмами стоял накрытый на восемь персон стол. Рядом горела жаровня.

Когда подали вино и закуски, под вечер, Мэн Юйлоу поднесла чарку вина Симэнь Цину, одетому в белую шелковую куртку и подаренный дворцовым смотрителем Хэ яркий халат с летящей рыбой.

Симэнь и Юэнян заняли места на возвышении, остальные жены расположились по обеим сторонам ниже.

Немного погода внесли высокие узорные свечи. В кувшине пенилось белое шаньсийское вино «ягненок». Певцы Шао Цянь и Хань Цзо вышли вперед, к праздничному столу, и заиграли на серебряной цитре и изогнутой, как серп луны, лютне, отбивая такт слоновой кости кастаньетами. Благодатной дымкой порхали трели, казалось,

благовещее облако плавало над пирующими.

Одетая по-праздничному, напудренная и украшенная нефритовыми подвесками Юйлоу казалась нежной, словно весенний лотос. Точно колышась на ветру цветущая ветка, с развевающимся расшитым поясом, она приблизилась к Симэню и, поднеся чарку, отбила четыре земных поклона, после чего приветствовала Юэнян и остальных сестер. Только она заняла свое место за столом, как появился зять Чэнь Цзинцзи. Рядом с ним, держа кувшин с вином, стояла его жена. Цзинцзи сперва поднес чарку Симэню и Юэнян, потом пожелал долгие лета Юйлоу и сел сзади. Повара подали лапшу долголетия и сласти. После смены блюд явился с коробкой Лайань.

– Примите поздравления от Ин Бао, – сказал слуга.

Симэнь велел Юэнян убрать подношения, а Лайаню приказал отправить приглашение жене Ин Боцзюэ – тетушке Ин.

– Надо будет пригласить дядю Ина и шурина У Старшего, – добавил он. – Тетушка Ин, знаю, и завтра не придет. Брата Ина пригласи, а отблагодарить можно и потом.

Лайань взял визитные карточки и вместе с Ин Бао удалился.

Симэню вдруг вспомнился прошлогодний день рождения Юйлоу. «Тогда еще и сестрица Ли пировала, – мелькнуло в голове, – а теперь все собрались, только ее нет». Тяжело стало Симэню, и на глаза навернулись слезы.

Тут появился Ли Мин. Он наполнил пирующим кубки и присоединился к певцам.

– А вы знаете напев «Сложив крылья, соединились вместе?» – спросила Юэнян.

– Знаем, – ответил Хань Цзо.

И, настроив инструменты, певцы хотели было начать, но их окликнул Симэнь.

– Спойте-ка цикл «Помню, как играла на свирели», – заказал он.

Певцы стали торопливо перестраиваться на новый мотив и начали.

На мотив «Встреча мудрых гостей»:

Я играла тебе на свирели...

Ты исчез – проглядела глаза.

Мы в разлуке, увы, постарели,

Леденеет пионов роса.

Над стеною белеет луна.

Мой покинутый терем угрюм.

В тишине я вздыхаю одна,

На отвесные скалы смотрю.

Мне звезда в небесах не вида
Год от года не будет вестей...
Время мчится быстрее скакуна,
Мимолетней осенних гусей.

На мотив «Беспечные, веселимся»:

Когда в ночи мы пировали столь беспечно,
Поверив, что судьбою связаны навечно,
И наслаждались единением сердец,
Могла ли я предвидеть радости конец?
В покоях расписных так льнули мы друг к дружке!
Надменный баловень! Ты взял от той пирушки
Все: шпильку, веер, кастаньеты-погремушки
И крошку-бабочку на шелковой подушке.

На мотив «Терзает ревность»:

Молода я и красива,
В ласках – трепетно стыдлива.
Мы с тобой в любви счастливой,
Словно уточки под ивой,
Извелись в утехх резвых,
Полупьяны, полутрезвы,
В половину одурев,
Утонуть в любви успев.
Ныне тяжело мне и жутко,
И под полог парных уток
Просочился холодок.
Как возлюбленный жесток!
Как судьбы непрочна милость!
Вдруг упала и разбилась
Шпилька-феникс на две части –
Расколосось наше счастье.

На тот же мотив:

Ты слова любви при встрече
Только молвил осторожно –
Опрокинула я свечи,
Отвернулась в гневе ложном.
Но тайком ждала под вечер,
Тень платана за окошком,

Берегла цветок сердечный,
И весеннею дорожкой,
Разрезая мох подмлечный
Остроносою нежной ножкой,
Шла... Росинками отмечен
Башмачков узор немножко.

На тот же мотив:

Нежный друг, любовник хрупкий,
Как утес неумолим!
Раскрошил мои скорлупки —
Околдована я им!
Что мне матери совет!
Мой красноречив ответ:
На хунаньской блёклой юбке
Кровью ал кукушкин цвет..^[1337]

Услышав этот романс, Пань Цзиньянь поняла, что Симэнь Цин тоскует по Ли Пиньэр. Как только певцы пропели последнюю строку, Цзиньянь у всех на глазах притворно закрыла лицо руками и покачала головой.

— Ах, сынок! Попал ты бедный, как Чжу Бацзе в холодную лавку,^[1338] — стыдила его Цзиньянь. — Какой ты сидишь кислый да угрюмый! Что? Нет зазнобушки рядом? Ведь не девицей она пришла, а бабой замужней. Как же это у нее, бесстыжий ты негодник, «крававым стал кукушкин цвет», а?

— Да слушай же! Будет тебе придирааться-то, рабское твоё отродье! — оборвал её Симэнь. — Болтает невесть что.

Певцы запели романс на тот же мотив:

У меня, когда я с ней,
Уши красны, как в огне,
А она, придя в смущенье
Ищет в веере спасенье.
Пред воротами дворца^[1339]
Снаряженного бойца
Видит бабочка-девица,
Дочка знатного отца.
Мы сошлись на полпути
И, в ночи озолотив,
Миг дала лишь насладиться

И растаяла, как миф.
Не посмел я вслед пуститься
Драгоценной чаровнице,
Нарушать покой цветов –
Стен растительный покров.

На мотив «На заднем двореке цветков»:

На ложе я грезил. Бабочкой нежной
С любимым порхала в ночи безмятежной.
Под звон бубенцов на стрехе за окном
Два зеркальца с Вэнем сложила в одно.^[1340]
Но вновь недвижим Чжо Вэньцзюнь экипаж^[1341] –
Рассыпался наш зазеркальный мираж,
Иссяк аромат орхидей и сандала,
За пологом в холоде плакать устала.
Опять на Янтай устремляюсь я тщето.^[1342]
Любить для девиц ослепляюще вредно!
Склонился под вечер к земле Млечный путь,
Светильник угас, только мне не уснуть.

На мотив «Песни молодости»:

Ох!
Свищет ветер у окна,
Ивы, словно в позолоте,
И луна как бы в дремоте,
Я весной совсем одна.
Ох!
В прошлый раз не так в разлуке
Жизнь казалась тяжела,
Нынче – сгорбилась от муки,
Высохла, занемогла.
Ох!
Ожидать какого чуда?!
Возвратишься ты, – но зря!
Даже высушив моря.
Вместить страданья трудно,

Заключительный романс на мотив «Волною принесло»:

Грусть затуманила глаза и сжала брови.
Опустошенной даже смерть не внове.

Но встречусь с ним – и воспарит душа,
И жизнь покажется безмерно хороша.
Едва лишь месяц за окном повис
Мы вместе – пусть не повернется вниз
Под утро рукоять Небесного Ковша.

Певцы умолкли.

Этот цикл романсов вывел Цзиньянь из себя, и они с Симэнем продолжали, не унимаясь, обмениваться колкостями.

– Да успокойся же ты, сестрица! – не выдержала, наконец, Юэнян. – Вот затеяли! А золовка с невесткой одни там скучают. Идите, составьте им компанию. И я сейчас приду.

Цзиньянь и Ли Цзяоэр направились в покои к золовке Ян, мамаше Пань и старшей невестке У.

Немного погодя явился Лайань.

– Примите поздравления от тетушки Ин, – обратился он к хозяину. – Дядя Ин пожаловали. Шурин Старший скоро придут.

– Ступай-ка пригласи учителя Вэня, – наказал Симэнь и, обратившись к Юэнян, продолжал. – Распорядись на кухне. Пусть в переднюю залу подадут. А ты, – он обернулся к Ли Мину, – нам петь будешь.

Ли Мин последовал за Симэнем в западный флигель. Симэнь сел рядом с Боцзюэ и поблагодарил за подарки.

– Завтра твою супругу ожидаем, – добавил хозяин.

– Дом не на кого оставить, – отвечал Боцзюэ. – Вряд ли она сможет прийти.

Вошел сюцай Вэнь и сложенными на груди руками приветствовал хозяина и гостя.

– Сколько я тебе нынче хлопот прибавил, почтеннейший! – всплеснув руками, воскликнул Боцзюэ.

– Ну что вы! – отозвался сюцай.

Пожаловал и шурин У Старший. После поклонов ему предложили сесть. Циньтун внес свечи. Уселись вокруг жаровни. Лайань расставил на столе чарки и вино.

При освещении Ин Боцзюэ оглядел разодетого хозяина. Симэнь красовался в темном атласном халате, из-под которого виднелась белая шелковая куртка. На халате, отделанном золотом с бирюзой, который украшала квадратная нашивка с разноцветной летящей рыбой, извивался оскаленный с черными выпущенными когтями дракон. У него устрашающе торчали рога, топорщились усы и развевалась густая грива.

Боцзюэ даже подскочил от изумления.

– Братец! – воскликнул он. – Где ты достал такое облачение, а?

Польщенный Симэнь встал и улыбался.

– Вот полюбуйтесь! – сказал он. – А ну-ка, догадайся!

– Понятия не имею! – проговорил Боцзюэ.

– Это мне его сиятельство придворный смотритель Хэ преподнесли, – начал Симэнь. – Они в мою честь угощение устраивали. Холода завернули, вот и дали накинуть этот халат с летящей рыбой. Им он больше не нужен. Двор одарил его сиятельство другим – расшитым драконами о четырех и пяти когтях и с нефритовым поясом. Вот какую оказали честь!

Боцзюэ начал на все лады расхваливать яркий халат.

– Ведь каких денег стоит! – приговаривал он. – Доброе это предзнаменование, брат. Высокое положение тебя ожидает. Столичным главнокомандующим назначат. Что летящая рыба?! Тебя тогда ни халатами с драконом о четырех когтях, ни поясом нефритовым не удивишь!

Пока он говорил Циньтун расставил чарки и приборы, вино, суп и сладости.

Им пел под струнный аккомпанемент Ли Мин.

– Что ж?! Так и будем пировать? – заявил Боцзюэ. – Нет! Я должен во внутренние покои войти, моей невестке Третьей чарочку поднести.

– Так за чем же дело стало? – поддержал его Симэнь. – Раз ты желаешь выразить почтение своим родителям, сынок, к чему объяснять? Иди и земно поклонись невестке.

– А что?! Пойду и поклонюсь! – заявил Боцзюэ. – Чего особенного? Но по душе ли будет тому, кто рядом с ней, вот где загвоздка.

Симэнь с силой хлопнул его по голове.

– Вот песье отродье! – заругался хозяин. – Забываешь, кто из нас старший?

– А малышу только дай потачку, он себя же возомнит взрослым, – не унимался Боцзюэ.

Оба еще позубоскалили, но вскоре принесли лапшу долголетия. Симэнь стал потчевать шурина У, сюая Вэня и Боцзюэ. Сам же он отведал ее раньше, в дальних покоях, а потому отдал певцу. Ли Мин закусил и опять приготовился петь.

– Теперь пусть шурин закажет напев, – предложил Боцзюэ.

– Зачем принуждать человека? – проговорил шурин. – Пусть поет, что знает.

– Тебе, шурин, помнится, по душе был цикл «Глиняная чаша», –

заметил Симэнь и велел певцу наполнить кубки.

Ли Мин подтянул колки цитры, перебрал застывшие было струны и спел цикл:

«Ты вдаль все глядела, поблекли глаза,
Ланит ароматных увяла краса...»

Певец отошел в сторону. К хозяину приблизился Лайань.

– Повара уходят, – сказал он. Скольких на завтра звать изволите, батюшка?

– Шестерых поваров и двух помощников – заваривать чай и подогревать вино, – распорядился Симэнь. – Будем пять столов накрывать. Чтобы все было как полагается.

– Слушаюсь! – отвечал слуга и удалился.

– Кого ж вы угощать собираетесь, зятюшка? – спросил шурин У.

Симэнь рассказал об угощении в честь прибывшего Цая Девятого, которое устраивает у него в доме его сиятельство Ань.

– К вам, стало быть, и сам господин инспектор пожалует? – подхватил шурин. – Это хорошо.

– А в чем дело? – спросил Симэнь.

– Да я все насчет постройки амбаров, – пояснил шурин. – О моей службе его сиятельство инспектор будут доклад подавать. На вас, зятюшка, вся надежда. Не откажите, попросите, чтоб ко мне посниходительнее подошли. А к концу года, по истечении срока службы, и обо мне, может, доброе слово вставьте. Я вам, зятюшка, буду от всей души благодарен.

– Дело несложное! – заверил его Симэнь. – Завтра же с ним поговорю. Только послужной список пришли.

Шурин поспешно вышел из-за стола и отвесил Симэню низкий поклон.

– Успокойся, шурин, дорогой мой! – подхватил Боцзюэ. – Вон у тебя какая опора! За кого ж хозяину похлопотать, как не за тебя, друг мой! Его-то стрела сразу в цель угодит. Он и без лести обойдется.

Пир затянулся до второй ночной стражи. Симэнь отпустил Ли Мина и остальных певцов.

– Завтра приходите! – наказал им хозяин.

Ли Мин и другие певцы ушли. Слуги убрали посуду.

Когда собравшиеся во внутренних покоях хозяйки услышали, что мужская компания разошлась, каждая проследовала к себе.

Между тем, Цзиньлянь рассчитывала, что Симэнь придет непременно к ней, потому торопливо покинула покои Юэнян. Однако

не успела она добраться к себе, как у внутренних ворот показался Симэнь. Цзиньянь спряталась в тени у стены, обождав пока он не вошел к Старшей. Цзиньянь незаметно пробралась под окно и стала подглядывать. Ее заметила стоявшая у дверей Юйсяо.

– А вы что ж не входите, матушка? – спросила она Цзиньянь. – Батюшка здесь. Посидели бы еще немного с матушкой Третьей. А где ж почтенная мамаша Пань?

– Старуху совсем разморило, – отвечала Цзиньянь. – Спать ушла.

Через некоторое время послышался голос Юэнян.

– И зачем ты только позвал этих двух ублюдков? – спрашивала она мужа. – И петь-то не умеют. Знай тянут «Играю со сливы цветком».

– А до чего ж хитры, ублюдки! – вставила Юйлоу. – Ты пришел, тебя сразу послушались – запели «В камышовой обители уток чудолотоса лопнул бутон». А ведь целый день баклуши били. Как хоть их зовут?

– Одного – Хань Цзо, другого – Шао Цянь, – сказал Симэнь.

– А мы откуда знали – Цянь или Хань? – ворчала Юэнян.

Тем временем к двери неслышно подкралась Цзиньянь. Отдернув занавес, она вошла в комнату и встала за натопленным каном.

– А ты хотела, чтоб тебе пели? – вмешалась Цзиньянь. – Им вон старшая сестра напев заказала, так самому надо было вмешаться. Пойте, мол, «Помню, как играла на свирели» – «Ли на свирели играла». Один это заказывает, другой – то. Совсем задергали юнцов. Они уж не знали, кого им и слушать.

Юйлоу повернулась в сторону Цзиньянь.

– А ты, Шестая, откуда явилась? – спросила Юйлоу. – Прoberется как дух бесплотный, – не увидишь, не услышишь. До чего напугала! И давно притаилась?

– Матушка Пятая уж давно за матушкой Третьей стоит, – пояснила Сяюй.

Цзиньянь кивнула головой в подтверждение.

– А ты, брат, – обратилась она к Симэню, будь хоть чуть-чуть посмекалистей. Если сам глуп, значит, и все кругом дураки? Подумаешь, «видит бабочка-девица, дочка знатного отца»! Да как и я, баба во втором замужестве. «На выцветшей хунаньской юбке кровавым стал кукушкин цвет». Ишь ты! Да где это видано!? Кто ж тебе такое открытие сделал, а? Нет, что-что, а жалоб твоих я не потерплю. Что ты там дружкам своим плачешься, а? Будто после ее смерти тебе ни разу кушанья по душе не приготовили. Выходит, не стало мясника, так свинину вместе со щетиной есть приходится, да? А

мы что? Пустое место, выходит? Бедняжка! Одним говном изо дня в день потчуют. Ладно, мы не в счет. Но вот перед тобой Старшая. И она тебе угодить не может? Сестрица Старшая целым домом управляет, а тебе никак не потрафит. Только та единственная тебе угождала, да умерла. Что ж ты ее проворонил, удержал бы при себе. А как же ты жил до ее прихода? Нет тебе теперь никого по сердцу. Только ее вспомнишь, и на душе тяжело становится. А ведь еще при ней с другой миловался в свое удовольствие. Неужели у нее в покоех и вода слаще?

– Сестрица, дорогая! – перебила ее Юэнян. – Не зря говорят: добро скоро забывается, зло век помнится. То и резцом трудятся, да обрубков выйдет, а то топором обрубят, вещь получится – заглядишься. Мы ведь с вами – не по сезону товар. Разве ему по сердцу? Пусть поступает, как знает.

– Я не собираюсь наговаривать, – продолжала Цзиньлянь, – но его высказывания прямо-таки из себя выводят.

– Будет тебе чепуху-то городить, потаскушка! – выругался Симэнь.

– А что ты тогда говорил Ину и этому южному дикарю, Вэню,^[1343] а? – вопрошала его Цзиньлянь. – С ее кончиной, мол, и вкусным не полакомишься. По тебе, губитель, хоть бы все мы повымерли, только б она в живых осталась. Уж взял бы, бесстыжий негодник, какую-нибудь на ее-то место.

Тут Симэнь не выдержал. Вскочив с места, он бросился за Цзиньлянь и швырнул в нее туфлей. Цзиньлянь, однако, успела скрыться за дверью. Симэнь выбежал из комнаты, но Цзиньлянь и след простыл. Тут он заметил стоявшую у дверей Чуньмэй и положил руку ей на плечо. Они направились в покои Цзиньлянь. Симэнь был пьян, и Юэнян, с нетерпением ожидавшая, когда он, наконец, отойдет ко сну и даст ей возможность послушать проповеди трех монахинь, наказала Сяоюй проводить хозяина с фонарем. Цзиньлянь с Юйсяо притаились в галерее, и Симэнь их не заметил.

– Батюшка наверняка к вам собирается, матушка, – заметила Юйсяо.

– Пьяный он, – говорила Цзиньлянь. – Опять начнет придирается. Пусть укладывается. Я лучше попозже пойду.

– Тогда обождите, – попросила служанка. – Я матушке Пань фруктов захвачу.

Юйсяо удалилась в спальню. Немного погодя она достала из рукава два апельсина, два яблока, сверток сладостей на меду и три граната и протянула их Цзиньлянь. Та спрятала гостинцы в рукав и пошла к себе, но тут ей повстречалась Сяоюй.

– Где ж вы были, матушка? – спросила она. Вас батюшка спрашивает.

Цзиньлянь приблизилась к двери, но не вошла. Подкравшись под окно, она стала подглядывать, что делается в спальне.

Симэнь, обняв Чуньмэй, сидел на постели. Не желая мешать их утехам, Цзиньлянь поспешно прошла в другую комнату и передала Цюцзюй фрукты.

– Матушка спит? – спросила Цюцзюй хозяйка.

– Давно спит, – отвечала служанка.

– Фрукты уберите в туалетный столик, наказала Цзиньлянь, а сама вернулась в дальние покои.

Там она застала Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, падчерицу, невестку У Старшую, золовку Ян, а также трех монахинь с послушницами Мяоцзюй и Мяофэн. На хозяйкином кане, скрестив ноги, сидела старшая монахиня. Посредине расположилась мать Сюэ. На кане был поставлен столик с курящимися благовониями, вокруг которого разместились все остальные, чтобы слышать учение Будды.

В комнату, отдернув дверную занавеску, со смехом вошла Цзиньлянь.

– Опять из-за тебя будет неприятность, – обернувшись к ней, начала Юэнян. – Он же к тебе пошел. А ты, вместо того чтобы уложить его в постель, сюда идешь. Смотри, избьет он тебя.

– Спрашивается, посмеет ли он меня тронуть? – Цзиньлянь засмеялась.

– А почему же нет? – продолжала Юэнян. – Как ты грубо с ним разговаривала! Не зря пословица гласит: у мужика на лице собачья шерсть, а у бабы – фениксово перо.^[1344] Он изрядно выпил, и если ты его заденешь, он в гневе избьет тебя. А мы из-за тебя перепугались. Но ты тоже уж больно задириста.

– Пусть злится, – отвечала Цзиньлянь. – Все равно его не испугаюсь. Терпеть не могу все эти капризы. Старшая заказывает, а ему, извольте, другое подавай – прямо три разряда и девять сортов всякой всячины. Совсем задергал сопляков. Тут одно велят, там – другое, как говорится, на востоке пашут, а на западе боронят. Они уж и не знали, кому и трафить. Только раз мы справляем рождение сестрицы Мэн Третьей, ни к чему было петь «Помню, как играла на свирели». Это же цикл о разлуке. Раз она умерла – нет ее, и все тут. К чему вся эта чувствительность, показная верность? Меня от нее бесит.

– Я никак понять не могу, что тут у вас случилось, – говорила жена У Старшего. – Зятюшка вошел по-хорошему, сел, а потом отчего-то

вдруг выбежал.

– Это он сестрицу Ли вспомнил, – объяснила Юэнян. – В прошлом году на дне рождения сестрицы Мэн и она была, а теперь ее не стало. Вот почему и прослезился и велел спеть «Я играла тебе на свирели, ты исчез – проглядела глаза...» Но это вывело из себя сестрицу, вот и началась ссора. Сам вскипел, бросился на сестрицу, а она убежала.

– Вам, сестрица, не следовало бы ссориться с мужем, – заметила золовка Ян. – Пусть поют, что ему нравится. Ведь он привык видеть всех вместе, а теперь одной не стало. Как же мужу не опечалиться?

– Нам, тетушка, хоть целый день пой, мы и внимания не обратим, – вмешалась в разговор Юйлоу. – Среди нас только сестрица Шестая^[1345] разбирается в романсах. А тут покойную сестрицу Ли величали больше древних. И как они любили друг друга, и как клятвы давали, и что друг дружке делали, словом, превозносили сверх всякой меры. И это вошло в обыкновение. Вот они и повздорили.

– Вот, оказывается, какая ты умница, сестрица! – воскликнула золовка Ян.

– Она у нас каких только романсов не знает! – поддержала золовку Юэнян. – Первую строку начни, она и конец скажет. А нам – поют певцы и ладно. Но она сразу скажет: тут не так, здесь сфальшивили, там куплет опустили. Когда же хозяин закажет напев, тут у них спор и разгорается. А уж схватятся, без ругани не разойдутся. А мы, давайте, не будем в их ссоры вступать.

– Тетушка, дорогая! – обратилась к золовке Юйлоу. – Знаете? из троих моих детей одна эта девчонка в живых осталась. И до чего же смыленная – просто поразительно! Вот какая уж вымахала! Сделалась взрослой – перестала слушаться.

– И ты мне в матери записалась! – засмеялась Цзиньянь и хлопнула Юйлоу. – А я, видишь, на старших с кулаками лезу.

– Вот глядите, до чего распоясалась! – говорила Юйлоу. – Старших бьет!

– А ты, сестрица, мужу уступай, – увещевала золовка. – Говорят, муж с женою ночь поспит, сто ночей потом будет милостив. А без волнений в жизни шагу не ступишь. Так внезапно близкого человека потерять! Близкий – он что палец на руке. Лишишься одного – вся рука заболит. Как вспомнит, так тоскует и кручинится. Ясное дело! А как же иначе?!

– Тосковать – тоскуй, но на все есть свое время, – не унималась Цзиньянь. – Мы ведь такие же жены! А то одну возвышает, а других ест поедом. Это справедливо? Нас и так вроде выроdkов Лю

Чжэнь^[1346] держат – не смей на люди показаться. А Старшая сидит у себя в дальних покоях и знать ничего не желает. Вы не видите, а он ведь что ни день заявляется пьяный и первым делом к той. Все на ее портрет не насмотрится, низкие поклоны отвешивает. Что-то себе под нос нашептывает да еду с палочками подносит – как за живой ухаживает. Ну к чему вся эта комедия?! И на нас еще злится, что траур сняли. Мы о ней ничего дурного не говорим, но не свекровь же она нам. Семь седмиц в трауре ходили и хватит. Сколько из-за этого неприятностей было!

– Вы, сестрицы, видите одно, но упускаете другое, – продолжала настаивать золовка Ян.

– Как летит время! – воскликнула старшая невестка У. – Седьмая седмица вышла! Скоро, наверно, и сотый день^[1347] подойдет?

– Когда будет сотый день? – спросила золовка.

– Рано еще, – отвечала Юэньян. – В двадцать шестой день последней луны.

– Надо будет помянуть! Почитать по усопшей, – заметила монахиня Ван.

– Под Новый год хлопот не оберешься, – заметила Юэньян. – А что читать собираетесь? Хозяин, наверно, только под самый канун года закажет молебен.

Тем временем Сяюй подала каждой по чашке ароматного чаю, после чего Юэньян вымыла руки, подложила в курильницу благовоний и стала слушать мать Сюэ, приступившую к буддийской проповеди.

^[1348] Начала монахиня с псалма:

Пришло к нам ясное учение
От патриархов чань-буддизма.
Но разнеслось мирским течением,
В даль от носителей харизмы.
Как сорванные с дерева листья:
Под ветром им легко кружить-плясать,
Легко упасть на землю с высоты,
И лишь на ветку не вернуться вспять.

Стихи сии говорят о монашестве, о заповедях и подвиге иноческом, соблюдении кои труднее всего. Ведь человек подобен железному дереву, ^[1349] как его цветам легко опасть, но трудно появиться на ветвях, так и человеку пасть легко, стать же патриархом веры буддийской куда сложнее.

Так вот. Дело было в первые годы правления под девизом Порядка

и Спокойствия^[1350] в пагоде Целомудренной Любви, которая находилась в Южных горах за воротами Цяньтан, что в Нинхайском военном поселении Чжэцзяна. Жили-были в том древнем монастыре два истинных подвижника веры. Одного звали Наставником Пяти заповедей, другого – Наставником Просветления. Каковы же эти пять заповедей? Первая заповедь – не убий; вторая – не укради; третья – не прельщайся зовом сладострастным и красою телесной; четвертая – не пей вина и не вкушай скоромного; пятая – не изрекай словес лживых и прельщающих. А что такое просветление? А то, что, очистив свой разум и узрев сущность своей природы, он проник в истинные свойства человеческой души и достиг просветления.

Наставник Пяти заповедей, тридцати одного года от роду, облик являл странный: был кривым на левый глаз, а ростом не достигал и трех чи. В миру его звали Цзиньшань – Златой Алтарь, а прозывался он Верующим в Будду. Учение он постиг в совершенстве. Жили они с Наставником Просветления как братья. Вместе взошли в обитель святую и предстали пред Старшим наставником. Тот, убедившись, сколь велики познания инок Пяти заповедей в законе буддовом, оставил его в монастыре и сделал старшим среди братии. Немного лет прошло, и достиг полного прозрения^[1351] Старший наставник. Тогда, отдав должное его достоинствам, выбрали инок Наставника Пяти заповедей своим настоятелем. Каждый день погружался тот в сидячую медитацию.

Другому инок, Наставнику Просветления, было двадцать девять лет. С круглой головой и огромными ушами, широким лицом и четырехугольным ртом, был он огромного роста и походил на архата. В миру носил фамилию Ван. Жили оба подвижника как братья родные. И во время проповедей на одну циновку садились.

И вот однажды, в самом конце зимы и начале весны, морозная стояла погода. Два дня шел снег. А когда он перестал и небо разъяснилось, Наставник Пяти Заповедей с утра воссел на кресло для сидячей медитации. Вдруг до ушей его донесся едва слышный плач младенца. Подозвал он тогда верного и неотлучного своего послушника Циньи. «Сходи, – говорит, – к наружным воротам и узнай, в чем дело. Потом мне скажешь». Открыл послушник врата и видит: прямо на снегу под сосною лежит рваная подстилка, а на ней младенец. «Кто же, – думает, – его тут оставил?» Подошел поближе, смотрит: девочка полугодовалая в тряпье завернута, а на грудке – бумажка, на которой указано точное время ее рождения.

И думает послушник Циньи: «Лучше жизнь человеку спасти,

нежели семьярусную пагоду воздвигнуть». Поторопился он сообщить настоятелю. «Похвальна редкая сердечная доброта твоя, очень похвальна!» – молвил настоятель. Взял тогда Цинъи младенца на руки и принес к себе в келью. Спас жизнь, доброе дело сделал. Стал растить девочку, а когда той сравнялся год, настоятель дал ей имя Хунлянь, что значит Алая Лилия. Бежали дни, сменялись луны. Росла девочка в монастыре, и никто об этом не знал. Да и сам настоятель со временем запамätовал.

Так незаметно, исполнилось Хунлянь шестнадцать. Уходит, бывало, Цинъи из кельи – дверь на замок, придет – изнутри замкнет. Берег ее как дочь родную. Одевал ее как послушника монастырского. Росла девочка красивая и смышленная. Без дела не сидела – то шить возьмется, то вышивает. Уж подумывал Цинъи обзавестись зятем. Ведь тогда будет кому ухаживать за старым монахом и проводить его в последний путь.

Но вот однажды, в шестую луну, когда стояла жара, Наставник Пяти заповедей вспомнил вдруг о случившемся десяток с лишним лет назад и, миновав залу Тысячи будд, оказался у кельи Цинъи. «Отец настоятель? – удивился Цинъи. – Что вас привело ко мне?» «Где девица Хунлянь?» – спросил настоятель.

Цинъи скрыть Хунлянь не решился и пригласил настоятеля в келью. Стоило же тому увидеть девушку, как были отброшены заповеди и пробудились любострастные мысли. И наказал он Цинъи: «Приведешь ее ко мне на закате. Да не ослушайся! Сделаешь по-моему, возвышу тебя, но никому ни слова». Не посмел ослушаться настоятеля Цинъи, но про себя подумал: «Опорочит он девушку». Заметил настоятель, что неохотно согласился Цинъи, зазвал его к себе в келью и поднес десять лянов серебра, а еще и ставленную грамоту^[1352] вручил. Пришлось Цинъи принять серебро. Повел он вечером Хунлянь в келью настоятеля. И опорочил настоятель девушку, стал ее запираť у себя за спальнею, в комнате, скрытой пологом.

Его духовный брат, Наставник Просветления, выйдя из состояния самадхи,^[1353] в котором он пребывал, находясь на ложе для медитации, уде знал: преступил настоятель заповедь – не прельщайся красотой телесной и растлил Хунлянь-девицу, свернул со стези добродетелей, по которой следовал многие годы. И решил: «Взову-ка я к рассудку его, отвращу от греха».

Распустились на другой день пред монастырскими воротами лотосы и лилии. Велел он послушнику нарвать белых лилий, поставил их в вазу с узким горлышком и пригласил брата полюбоваться их красотой.

Немного погодя пришел настоятель. Сели наставники. Наставник Просветления и говорит: «Гляди, брат, какое обилие цветов! Я пригласил тебя полюбоваться их красотой и сочинить стихи». Послушник подал чай, потом приготовил драгоценные принадлежности ученого мужа.^[1354] «Какой же цветок воспеть?» – спросил настоятель. «Воспой лилию», – предложил брат. Настоятель взмахнул кистью и набросал четверостишие:

На стебельке раскрылся лотоса бутон,
Вблизи с благоуханным розовым кустом,
Гранат горит парчовым огненным ковром...
Всех лилия нежней с молочным лепестком.

«Раз брат наставник сочинил, я не останусь в долгу», – молвил Наставник Просветления и, взяв кисть, написал:

Ива, персик, абрикос
Меж собою шелестят –
Растревожил их вопрос:
Чей же тоньше аромат?
Чьей пыльцою с высоты
Дышит облачная гладь?
Красной лилией цветы
Все хотят благоухать.

Написал и громко рассмеялся. Услыхал его стихи Наставник Пяти заповедей и сердцем сразу прозрел. Совестно ему стало, повернулся и удалился к себе в келью. «Кипяти воду скорей!» – наказал он послушнику, переделся в новое облачение, достал бумагу и поспешно написал:

Уже сорок семь мне годов от рожденья!
Нарушил я заповедь – нет мне спасенья!
Но верой даровано успокоенье –
Уйду в лоно вечности без промедленья!
Хоть брат угадал мой поступок презренный,
К чему досаждать покаяньями ближним?!
Ведь жизнь наша молнией вспыхнет мгновенной,
Погаснет – и небо опять станет прежним.

Положил он исповедь свою перед изображением Будды, вернулся на ложе для медитации и сидя преставился. Послушник тот же час сообщил о случившемся Наставнику Просветления. Тот, сильно

удивленный, предстал перед изображением Будды и увидел поэтическую исповедь ушедшего из мира. «Да, всем ты был хорош, – размышлял монах. – Жаль только завет нарушил. Ты ушел мужчиною, но не верил в Три святыни,^[1355] уничтожил Будду в душе своей и опозорил иноческий сан. Тебе предстоят муки в перерождениях, без которых ты не сможешь вернуться на путь истины. И как тяжело от этого на душе! Ты говоришь: уходишь и я не стану идти за тобой ...» Он вернулся к себе в келью, велел послушнику согреть воды для омовения и сел на ложе для медитации. «Я поспешу вослед за иноком Пяти заповедей, – сказал он послушнику, – А вы положите останки наши в саркофаги и по истечении трех дней предадите сожжению в одночасье». Сказал так и тоже преставился. В один день два наставника почили.

Невероятное событие всполошило монастырскую братию и тотчас же молвой разнеслось по всей округе. Молящихся и жертвователей стеклось видимо-невидимо. Усопших предали сожжению перед обителью. Немного погодя, Цинъи выдал Хунлянь замуж за простолюдина и тем обрел себе поддержку в старости. А через несколько дней совершилось перерождение Наставника Пяти заповедей. Он явился на свет в округе Мэйчжоу, в Западной Сычуани, в облике сына Су Лаоцюаня, жившего отшельником. Звали его Су Ши, по прозванию Цзычжань, а известен он стал под прозванием Дунпо – Восточный склон.^[1356] Наставник Просветления после перерождения получил имя Дуаньцин. Стал он сыном тамошнего жителя Се Даофа, впоследствии принял постриг и в монашестве был известен под именем Фоинь, то есть След Будды. Опять они жили рядом и водили сердечную дружбу.

Да,

В Сычуани теперь возродились они.

Свет Будды сияет для чистых сердец.

Вдруг: «Грех я узнал, друг, меня извини,

В обитель уйду, праздной жизни конец».

Журчит ручеек, веселит полну грудь.

Ах, как, ароматны весенние дни!

Но перст указывает к познанию путь:

К Хунлянь – Красной Лилии больше не льни.

Монахиня Сюэ кончила.

Ланьсян принесла из покоев Юйлоу два короба с затейливо приготовленными постными закусками, фруктами, печеньем и

сластями. Убрал со стола курильницу, она расставила яства и чай. Хозяйки вместе с монахинями принялись лакомиться. Немного погодя подали скоромные кушанья и открыли жбан с вином феи Магу. Хозяйки, усевшись вокруг жаровни, осушили чарки.

Юэнян начала партию в кости со своей старшей невесткой У, а Цзиньлянь и Ли Цзяоэр играли на пальцах. Юйсяо разливала вино и под столом подсказывала Цзиньлянь, отчего та все время выигрывала и заставляла Цзяоэр пить штрафные.

– Давай я с тобой сыграю, – обратилась к Цзиньлянь Юйлоу. – А то ты ее обыгрываешь.

Юйлоу велела Цзиньлянь вынуть руки из рукавов и не класть на колени, а Юйсяо отойти в сторону.

В тот вечер Юйлоу заставила Цзиньлянь выпить не одну штрафную чарку, а барышню Юй попросила спеть.

– Спой «Жалобы в течение пяти ночных страж»,^[1357] – заказала Юэнян.

Барышня Юй настроила струны и запела высоким голосом.

На мотив «Яшмовые ветки сплелись»:

Багровые тучи сплошной пеленой,

И белые пчелы кружат надо мной.

Порывистый ветер дыханье обжег.

О как ты жесток!

А мать и отец укоряют меня,

Что сохну и вяну я день ото дня.

Где ты, мой ночной легкомысленный бражник?

Меня оглушат еженощные стражи!

На мотив «Золотые письма»:

Вот ночь над землей – как жестока разлука.

Листочек письма – а о встрече ни звука,

И слезы блестят на щеках моих влажных,

Считаю все стражи.

На мотив «Яшмовые ветви сплелись»:

Повеяло стужей на первую стражу.

Себя обнимая, дрожу я и стражду —

Не греет. Вторая приблизилась стража...

Мне, брошенной, страшно!

На тот же мотив:

Когда ты ушел опушалася слива –
А нынче кружит поздний лист сиротливо.
В мечтах твои руки горячею глажу...
Вторую жду стражу!

На мотив «Золотые письма»:

Я сутками жду безнадежно и кротко.
Тебя закружила певичка-красотка.
Ты с ней, предназначенной всем на продажу,
Уж третью стражу.

На мотив «Яшмовые ветви сплелись»:

Лучина сгорела, а ночь продолжалась.
Тебе незнакома, наверное, жалость!
Я чахну, болею от горьких лишений,
Мой стан исхудал, как когда-то у Шэня.^[1358]
Она для тебя и нежнее, и краше?..
Бессонны три стражи!

На мотив «Золотые письма»:

Мой стан исхудал, как когда-то у Шэня,
Снести невозможно надежд сокрушение.
Ты ей покупаешь парчовые платья,
А мне даже зеркала нет на полатах.
С болезненным сердцебиением не слажу,
Четвертую стражу!

На мотив «Яшмовые ветви сплелись»:

Про горькие слезы подушка расскажет.
Во храме, любви я отрезала даже
Свои вороние тяжелые пряди.
Ласкающих пальцев безумия ради,
Властитель Судеб, твой привратник на страже
Мне путь преградил у земного порога...
Как Иву Чжантайскую^[1359] бросил бы княжич,
Так милый кору обрезает жестоко.
Уже побелела ограды стена,
Уже побледнела ночная луна.
На небе четвертой губительной стражи.
В тумане лебяжем!

На мотив «Золотые письма»:

Ужель не вернуть дорогую пропажу?!
У терема жду, прислонившись к стене я,
От мыслей морозных и слез коченея,
Всю пятую стражу.

На мотив «Яшмовые ветви сплелись»:

Все жгу фимиамы... Алтарь уже в саже!
Молюсь, чтоб тебя не утратить навеки.
Румяна и пудру невольно размажу –
Подушку зальют красно-белые реки...
Насмешников – тьма, нет любовной опеки...
Я солью заклею опухшие веки
Под крик петушиный на пятую стражу.

На мотив «Золотые письма»:

Закончился страж перестук ежечасный,
И ворон замерз и закаркал, злосчастный,
Звонят бубенцы под стрехой безучастно,
Уснуть не дают. Я смешно и напрасно
Обманщика жду и не сплю до рассвета,
А он без меня развлекается где-то.

На мотив «Яшмовые ветви сплелись»:

Мне брови с утра подводить нету прока,
Готовить наряды – пустая морока –
Давно миновали свидания сроки...
Но вдруг, под стрехой затрещали сороки,
Служанка, влетев, прокричала с порога:
«Вернулся!» И я испугалась немного.
С любимым взойду я под шелковый полог,
И день будет долог!

На мотив «На заднем двореке цветок»:

Ушел, и полгода ни слуху, ни духу –
Нашел себе где-то, видать, потаскуху.
А я еженощно считала тут стражи
И думала, ищешь ты славной карьеры,
А ты пировал, легкомысленный бражник,
Средь дымных цветов,^[1360] одурманен без меры.

Ночной темноты в одиночестве труся,
Свечи до рассвета порой не гасила.
Ждала вечерами я вестника-гуся,
Но где его, черта, так долго носило!
С любимым ласкалась всю ночь и весь день я,
И знала, что это, увы, сновиденья.

На мотив «Ивовый листочек»:

Ах!
Под брачным покрывалом из парчи
Любовный шепот больше не звучит.
Увидят все: мой свадебный обряд
У духа моря в храме претворят.^[1361]
Свидетель Небо, не на мне вина,
А на тебе, нестойком, как волна.

Заключительная ария:

Под пологом с кистями из парчи
Два сердца, как одно, стучат в ночи.
Под покрывалом шелковым прозрачным
Предела нет счастливым играм брачным.

Тем временем Юйлоу то и дело выигрывала у Цзиньлянь, и последней пришлось осушить с десятков штрафных чарок, после чего она направилась к себе. Она долго стучалась. Наконец ей открыли калитку. Перед ней стояла Цюцзюй и протирала заспанные глаза.

– Спала, мерзавка, рабское отродье? – заругалась Цзиньлянь.

– Я не спала, отвечала Цюцзюй.

– Я же вижу! – продолжала хозяйка. – Нечего мне голову морочить! Тебе хоть бы хны. Нет бы – встретить. Батюшка спит?

– Давно почивает, – отвечала служанка.

Цзиньлянь прошла в отопливаемую спальню и, приподняв юбку, села на кан поближе к теплу. Она велела Цюцзюй подать чаю, и та торопливо налила чашку.

– Фу! Грязными своими лапами, мерзавка? – заругалась хозяйка. – Чего ты мне кипяток подаешь? Думаешь, пить буду? Позови Чуньмэй! Пусть она сама ароматного чаю заварит, да покрепче.

– Она там, в спальне... спит, – проговорила служанка. – Обождите, я позову.

– Не надо! Пусть спит, – передумала Цзиньлянь, но Цюцзюй не послушалась и пошла в спальню.

Чуньмэй, свернувшись, крепко спала в ногах у Симэня.

– Вставай, матушка пришла, – расталкивая ее, говорила Цюцзюй. – Чаю просит.

– Матушка пришла, ну и что же? – выпалила Чуньмэй. – Ходит по ночам, рабское отродье! Только людей пугает.

Чуньмэй нехотя поднялась, не спеша оделась и пошла к хозяйке. Она стояла перед Цзиньлянь заспанная и протирала глаза.

– Вот рабское отродье! – заругалась на Цюцзюй хозяйка и обернулась к Чуньмэй. – И надо ж ей было тебя будить. Поправь-ка платок, совсем сбился. А куда дела сережку?

Чуньмэй в самом деле украшала только одна золотая с драгоценными камнями серьга. Она зажгла фонарь и пошла в спальню, где после долгих поисков нашла, наконец, пропажу перед кроватью на скамеечке.

– Где нашла? – спросила Цзиньлянь.

– На скамеечке у кровати валялась, – ворчала горничная и, указывая на Цюцзюй, продолжала: – Все из-за нее, негодницы! Я с испугу вскочила. Наверно, за крючок полога зацепилась.

– Я ж ее предупреждала! – заметила Цзиньлянь. – Не буди, говорю, а она все свое.

– Матушка, говорит, чай просит, – пояснила Чуньмэй.

– Чаю захотелось. Только не ее руками заваривать!

Чуньмэй тотчас же налила в чайник воды и, помешав уголь, поставила в самый огонь. Немного погодя чайник закипел. Горничная вымыла чашку и, заварив покрепче, подала хозяйке.

– Батюшка давно уснул? – спросила Цзиньлянь.

– Да, я давно постелила, – отвечала Чуньмэй. – Вас спрашивал. Матушка, говорю, из дальних покоев еще не пришла.

– Юйсяо давеча для моей матушки принесла фруктов и сладостей, – начала Цзиньлянь, выпив чашку чаю. – Я их этой мерзавке отдала. Ты их убрала?

– Какие фрукты? – удивилась Чуньмэй. Понятия не имею.

Цзиньлянь крикнула Цюцзюй.

– Где фрукты?

– В туалетном столике, матушка, – отвечала служанка и принесла гостинцы.

Цзиньлянь пересчитала. Не хватало апельсина.

– Куда апельсин дела? – спрашивала хозяйка.

– Что вы мне дали, матушка, я все убрала, – говорила Цюцзюй. – Думаете, может, я съела? Не такая уж я сластена.

– Еще будешь мне оправдываться, мерзавка?! – заругалась Цзиньлянь. – Ты стащила, рабское отродье! Куда ж он девался? Я нарочно пересчитала, прежде чем отдать, рабское отродье. А у тебя, я гляжу, руки чешутся. Все перебрала. Да чего тут осталось? Добрую половину, небось, съела. Тебя, думаешь, угощать припасли, да? – Цзиньлянь обернулась к Чуньмэй. – А ну-ка, дай ей десяток пощечин!

– Я о нее и руки пачкать не хочу, – отозвалась горничная.

– Тогда тащи сюда! – приказала хозяйка.

Чуньмэй схватила Цюцзюй за шиворот и подвела к Цзиньлянь. Та ущипнула ее за щеку.

– Говори, мерзавка, ты стащила апельсин или нет, – ругалась Цзиньлянь. – Скажешь, прошу тебя, рабское твоё отродье. А не то плетью угощу. Отведаешь, сколько влезет. Только свист пойдет. Что я пьяная, что ли? Стащила, а теперь зубы заговаривать? – Она обернулась в сторону Чуньмэй. – Скажи, я пьяная?

– Вы совершенно трезвы, матушка, – подтвердила горничная. – Если вы ей не верите, матушка, выверните рукава, наверно там остались апельсиновые корки.

Цзиньлянь потянула Цюцзюй за рукав и уже отдернула его, чтобы обшарить внутри, но служанка начала сопротивляться. Тут подоспела Чуньмэй. Запустив руку в рукав Цюцзюй, она извлекла оттуда апельсиновые корки.^[1362] Цзиньлянь стала изо всех сил щипать ей щеки и бить по лицу.

– Что, негодяйка проклятая, рабское отродье! – обрушилась на служанку Цзиньлянь. – Не вышло! Эх, ты, некудышная! Тебе только языком болтать да сласти воровать. Это ты умеешь. От меня не скроешь! Вот они, корки. На кого будешь слыгаться, а? Надо бы тебя вздуть, рабское твоё отродье, да, боюсь, батюшку не разбудить бы и охоты нет после веселого пира с тобой возиться. Завтра будет день. Тогда и рассчитаюсь.

– Вы ей, матушка, поблажки не давайте, – вторила хозяйке Чуньмэй. – Выпорите так, чтобы плетью свистела. А лучше слугу заставьте. На совесть втянет. Пусть потерпит – впредь будет побаиваться. Наши-то побои ей все равно что ребячьи шалости. Она по палке скучает. Тогда будет знать.

Цюцзюй с распухшим лицом, надув губы, удалилась в кухню. Цзиньлянь разломилла пополам апельсин, достала яблоко и гранат и протянула Чуньмэй.

– На, ешь! – сказала она. – А остальное матушке отдам.

Чуньмэй взяла фрукты с полным равнодушием и, даже не взглянув на них, спрятала в ящик. Цзиньлянь хотела было разделить и сладости, но ее остановила горничная:

– Не надо, матушка! Я сласти не люблю. Лучше вашей матушке оставьте.

Цзиньлянь убрала оставшиеся гостинцы, но не о том пойдет наш рассказ.

Потом Цзиньлянь вышла по малой нужде и велела Чуньмэй принести ведро воды для омовения.

– А который теперь час? – спросила хозяйка.

– Луна на запад склонилась, – говорила горничная. – Третья ночная стража, должно быть.

Цзиньлянь сняла головные украшения и вошла в спальню. На столе догорал серебряный светильник. Поправив его, она обернулась к кровати, на которой храпел Симэнь. Цзиньлянь развязала шелковый пояс, сняла юбку их хунаньской тафты и штаны и, обувшись в ночные туфельки, юркнула под одеяло к Симэню. Немного подремав, она начала заигрывать с ним, но он не отзывался. Ведь совсем недавно Симэнь предавался утехам с Чуньмэй, и у него остыл весь пыл, его размякшее орудие нельзя было поднять никакой силой. У Цзиньлянь же, распаленной винными парами, пламенем горела страсть. Она, сев на корточки, принялась играть на свирели, возбуждая самый кончик. Издавая звуки, подобные лягушачьему кваканью, она то засасывала, то выпускала изо рта мундштук, так что тот непрерывно ходил туда-сюда.

Наконец, Симэнь проснулся.

– Вот негодная потаскушка! – увидев Цзиньлянь, заворчал он. – Где ж ты до сих пор была?

– Мы в дальних покоях пировали, – отвечала Цзиньлянь. – Сестрица Мэн потом еще два короба закусок и вина поставила. Барышня Юй пела. И старшая невестка У с золовкой Ян пировали. Играли на пальцах, кости бросали. Весело было. Сперва у Ли Цзяоэр выигрывала. Штрафными ее напоила. Потом мы с сестрицей Мэн играть сели. Много нам с ней штрафных досталось. А ты легко отделался. Ишь, разоспался! А я, выходит, терпи, да? Но ты ж знаешь, я без тебя не могу.

– Подвязку сшила? – спросил Симэнь.

– Тут, под периной лежит.

Запустив руку под перину, она достала подвязку и туго натянула на

основанье веника, а лентами крепко-накрепко стянула талию Симэню.

– А во внутрь принял? – спросила она.

– Принял.

Немного погодя Цзиньянь удалось расшевелить богатыря. Он вздыбился, поднял голову и вытянулся длиннее обычного на цунь с лишком. Женщина влезла на Симэня, но набалдашник был слишком велик и ей пришлось руками раздвигать срамные чтобы пропихнуть его в потаенную щель. Когда он проник, Цзиньянь обхватила Симэня за шею, велела ему сжать ее талию и стала тереться до тех пор, пока сей предмет весь не погрузился до самого корневища.

– Дорогой,ними с меня чулочные подвязки и положи себе под спину, – попросила она.

Симэнь исполнил ее просьбу, а также снял с нее красный шелковый нагрудник. Цзиньянь, передвигаясь на четвереньках, оседлала Симэня. Ей потребовалось сделать несколько разминаний, чтобы орудие полностью погрузилось, и тогда она сказала:

– Пощупай теперь сам рукой, как заполнено все внутри. Тебе хорошо? Давай наминай и вставляй почаще.

Симэнь дотронулся и убедился, что орудие засажено по самое корневище и даже волосы прибрались, а снаружи остались только два ядра, отчего он ощутил неопишемую радость и наслаждение.

– Как здорово разбирает! – воскликнула Цзиньянь. – Но что-то холодновато. Дай я пододвину лампу, при свете порезвимся, а? Нет, летом куда лучше. Зимой такой холод. – Она продолжала расспрашивать: – Ну как? Что лучше: подвязка или твоя серебряная подпруга, грубая, как хомут? От нее в лоне боль одна, а тут совсем другое дело. К тому же посмотри, насколько вырастает твой предмет. Не веришь – пощупай у меня низ живота: конец-то почти в сердце упирается. – Потом она добавила: – Обними меня, дорогой! Сегодня я хочу заснуть лежа на тебе.

– Спи, дитя мое! – сказал он и, обняв жену, просунул свой язык в ее уста.

Глаза Цзиньянь, горевшие, как звезды, затуманились. Симэнь сжимал ее ароматные плечи. После короткого забытья неукротимый пламень страсти вновь объял всю ее плоть, разгоряченную и необузданную. Обеими руками схватив Симэня за плечи, Цзиньянь приподнималась и садилась. Несгибаемый воитель то выныривал с головой, то погружался по самый корень.

– Родной мой, любимый, не губи! – стенала она, однако Симэнь сунулся туда-сюда еще раз триста.

Когда подошла пора испускать семя, Цзиньянь только и воскликнула:

– Мой милый! Ты мне все нутро вывернешь.

Но затем, она вложила свой сосок ему в рот, понуждая сосать. Любовники не заметили, как на какое-то мгновение потеряли сознание. Вскоре после истечения семени они крепко обнялись. У Цзиньянь сердце билось, как у молодой газели, утомленные члены совсем ослабли, ароматные волосы-туча беспорядочно рассыпались. Лишь когда вытекла вся семенная жидкость, они обрели прежнюю способность двигаться.

– Милый! Как ты себя чувствуешь? – шептала Цзиньянь, вытирая семя платком.

– Давай соснем, а потом продолжим, – предложил Симэнь.

– Я тоже не в силах, совсем ослабла и разомлела.

Так прекратилась игра тучки и дождя. Они легли рядом, крепко прижавшись друг к другу, и не заметили, как на востоке стала занимать заря.

Да,

Огляните эту пару при свечах со всех сторон:

Вот союз, что не иначе, как на Небе заключен.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

ЦЕНЗОР СУН НАСТОЯТЕЛЬНО ВЫПРАШИВАЕТ У СИМЭНЯ ТРЕНОЖНИК ВОСЬМИ БЕССМЕРТНЫХ.^[1363]

У ЮЭНЯН СЛУШАЕТ «ДРАГОЦЕННЫЙ СВИТОК О ПРАВЕДНОЙ ХУАН»

*Бывало, преданных друзей
встречал на южной стороне.
Мне снова повстречать бы их,
возрадоваться по весне.
Чтоб в чашах южное вино
шипело, пенилось опять,
Чтоб на бумаге дорогой
стихи изящные писать.
В коляски сядем, чтоб цветы
с поклоном провожали нас
И чтоб трава вокруг колес
любовно, трепетно вилась.
Мы разлучились и царит
на южном тракте тишина.
Кто там любитесь весной
и светит для кого луна?*

Так вот. Обнял Симэнь Цзиньянь и проспали они до рассвета. Пробудившись, Цзиньянь обнаружила, что оружие Симэня все еще

выпрямленное и твердое, как палка.

– Пощади, милый, – говорила он. – Я больше не могу. Дай я тебе лучше на свирели поиграю.

– Ишь ты, потаскушка с выкрутасами, – отозвался он. – Ты и так играла предостаточно. Видишь, твоих рук дело.

Цзиньлянь села на корточки между его ног и, опершись на одну из них, взяла в рот то самое. Она сосала и втягивала, однако семя все не изливалось. Симэнь ритмично надавливал рукой на ее напудренную шею, заботясь только о том, чтобы засаживать свой причиндал до упора. И тот сновал во рту туда-сюда без перерыва. С уголков губ прильнувшей к нему жены стекала белая слюна, но сок стебля все еще оставался в нем. А когда семя уже было готово излиться, Цзиньлянь спросила Симэнь Цина:

– Нам от Ина Второго приглашение на двадцать восьмое принесли. Пустишь?

– А почему бы нет? Соберетесь и пойдете.

– Тогда у меня к тебе просьба, – продолжала Цзиньлянь. – Скажи, дашь или нет?

– А что такое? Говори!

– Дай мне шубу сестрицы Ли, – попросила она. – А то все в меховых шубах вырядятся. Только у меня нет.

– А от полководца Вана в прошлом году заложили? Вот ее и надевай.

– Не хочу я заложенную, – не унималась Цзиньлянь. – Да ты ее Ли Цзяоэр отдай, а Ли Цзяоэр свою шубу пусть Сюээ передаст. Достанешь мне сегодня шубу сестрицы Ли, а? Рукава я бы подбила красным атласом с золотыми журавлями, а вниз поддела бы белую душегрейку из узорной тафты. Я ведь не кто-нибудь – жена твоя. Сделай же мне одолжение!

– Вот потаскушка негодная! Только бы себе урвать. Та черная шуба добрых шестьдесят лянов серебра стоит. Блестящий длинный мех торчком стоит. Не пойдет она тебе.

– Ах ты, рабское отродье! Выходит, чужой бабе лучше отдать, да? Мы ведь твои жены – вывеска твоя. Как ты можешь подобное говорить!? Будешь со мной так разговаривать, не жди от меня ласки.

– Ну вот! То просила, а теперь условия ставишь?

– Негодник! Я ж тебе, как рабыня служу!

Говоря это, Цзиньлянь вновь подтянула тот самый предмет к своему напудренному лицу. После долгих помахиваний и прижиманий она снова ухватила его своим бесстыдным лягушачьим ртом, а затем,

высунув язык, стала теребить струну арфы^[1364] и возбуждать черепашью палицу. После этого, взяв ее алыми губками, Цзиньлянь вся отдалась движению. Наслаждения возникали, как из рога изобилия, Симэнь ощутил себя на вершине блаженства, его грудь переполнялась весенними чувствами, проникавшими до самого костного мозга. Все это длилось довольно долго, и уже перед самым мигом семяизвержения он даже успел воскликнуть:

– Жми крепче, маленькая развратница, сейчас потечет!

И не успел он договорить, как сперма брызнула на лицо и губы Цзиньлянь, которая, широко раскрыв рот, сумела проглотить большую ее часть.

Да,

Красавица любимому в постели

Всю ночь играть готова на свирели.

На другой день был назначен прием, который устраивал в доме Симэня его сиятельство Ань.

Цзиньлянь оставалась в постели. Симэнь же встал, умылся и причесался.

– Достань шубу, пока свободен, – остановила его Цзиньлянь, когда он собрался уходить. – Потом тебе некогда будет.

Симэнь направился в покои Ли Пиньэр. Кормилица Жуи и служанки были давно на ногах. В чисто прибранной комнате перед дщицей покойной стоял чай. Симэнь сел и спросил кормилицу, давно ли ставятся жертвы усопшей. Он заметил на Жуи застегнутую спереди бледно-зеленую куртку, белую холщовую юбку и синеватые с зеленым отливом туфельки на толстой подошве. Ее ланиты были слегка напудрены и подрумянены, а тонкие изогнутые брови искусно подведены. На губах у нее блестела ярко-красная помада, в ушах красовались золотые гвоздики – сережки. С задорной улыбкой она подала Симэню чай. Ее пальцы украшали четыре золотых кольца – подарок Ли Пиньэр. Симэнь велел Инчунь сходить к хозяйке за ключами от кладовой.

– Что вы хотите, батюшка? спросила Жуи.

– Надо шубу достать, – пояснил Симэнь. – Матушка Пятая надеть хочет.

– Матушкину соболью? – уточнила Жуи.

– Ну да. Дам, раз ей поносить захотелось.

Инчунь ушла. Симэнь обнял Жуи.

– Дитя мое! – говорил он, припав к ее груди. – У тебя и после

кормления такие упругие груди.

Они прильнули друг к дружке и слились в страстном поцелуе.

– Батюшка, вы, я вижу, что-то частенько у матушки Пятой бываете? – спрашивала Жуи. – К остальным не заглядываете. Всем бы матушка Пятая хороша, только вот других она терпеть не может. В прошлый раз, когда вы были в отъезде, как же она на меня обрушилась из-за валька! Спасибо, тетушка Хань с матушкой Третьей вступились. Я вам тогда не решилась сказать. Но у нас уж длинные языки нашлись. Кто-то ей наговорил, будто бы вы, батюшка, мне излишнее внимание уделяете. Не знаю, она вам жаловалась?

– Да, говорила, – подтвердил Симэнь. – Ты бы у нее прощения попросила. Она ведь, знаешь, какая! Но кто ей подслащивает, тому она рада.

– Матушка Пятая, верно, резкая на язык, – согласилась Жуи, – зато не помнит зла. Вот и тогда. Как она меня только не кляла, а после вашего приезда со мной же заговорила будто ни в чем не бывало. А что вы, батюшка, у нее чаще бываете, так это, говорит, сами матушки мне уступают. Кто, говорит, ко мне с открытой душой, тому и я не помешаю, зла не сделаю.

– А раз так, и живите вы все в мире и согласии, – заключил Симэнь и добавил. – А вечером жди. К тебе приду.

– Правда, батюшка? Не обманываете?

– Чего мне тебя обманывать!

Тем временем Инчунь принесла ключи, и Симэнь распорядился открыть кладовую Ли Пиньэр. Служанка вынула из шкафа шубу, встряхнула ее и завернула в узел.

– У меня нет хорошей кофты, – потихоньку прошептала Жуи. – Кстати достали бы мне. У матушки была кофта с юбкою ...

Симэнь тут же велел отпереть сундук. Оттуда достали бирюзовую атласную кофту, желтую с узорами юбку, голубые расшитые узорами штаны из шаньсийского шелка и пару вышитых цветами наколенников. Жуи земными поклонами благодарила за наряды. Симэнь запер кладовую и перед уходом велел Жуи отнести шубу Цзиньянь.

Цзиньянь только что пробудилась. Чуньмэй застала ее за бинтованием ног.

– Жуи шубу принесла, – объявила горничная.

– Вели войти, – сказала Цзиньянь, смекнув, в чем дело. Появившуюся Жуи она встретила вопросом: – Тебя батюшка прислал?

– Да, батюшка распорядился передать вам шубу, – отвечала Жуи.

– И тебе что-нибудь досталось? – поинтересовалась Цзиньлянь.

– Батюшка подарил мне кофту с юбкой на Новый год и велел у вас попросить прощения, матушка.

С этими словами Жуи опустилась перед Цзиньлянь на колени и отвесила четыре земных поклона.

– Меж нами, сестрами, такое ни к чему, – заметила Цзиньлянь. – Стало быть, ты хозяйину приглянулась, а в таком случае, как говорится, и множество лодок не запрудит гавань, и множество повозок не перекроет дорогу – всем место найдется. Зачем друг другу зло причинять? Меня не заденешь, я не пристану. Я вот одна сижу, с собственной тенью время коротаю.

– Я ведь хозяйки лишилась, – говорила Жуи. – И хоть судьба моя в руках Старшей госпожи, только вы, матушка, мне опора. На вас вся моя надежда. А я вас, матушка, не подведу. Опавший лист к корню поближе норовит опуститься.

– А про эти наряды ты все-таки Старшей скажи, – посоветовала Цзиньлянь.

– Я у матушки Старшей загодя просила, – объясняла кормилица. Вот батюшка, говорит, освободится и даст.

– Так-то вернее!

Жуи вернулась к себе. Симэнь тем временем ушел в большую залу.

– Матушка тебя спрашивала, когда ты за ключами ходила? – обратилась кормилица к Инчунь.

– Спросила, для чего батюшке ключи понадобились, – отвечала служанка. – Не знаю, говорю, зачем, А про шубу ничего не сказала. Матушка больше ничего не говорила.

Между тем Симэнь проверил, как идут приготовления к приему. Тут же стояли сундуки с костюмами и реквизитом актеров хайяньской труппы – Чжан Мэя, Сюй Шуня и Сюнь Цзысяо. Еще раньше прибыли четверо певцов во главе с Ли Мином. Они земно поклонились Симэню, и тот распорядился, чтобы их накормили.

Трое певцов, среди них и Ли Мин, должны был улаживать знатных особ в передней зале, а Цзо Шунь петь гостям в дальних покоях.

В тот день Ван Шестая, жена Хань Даого, сама прибыть не могла, но она купила ко дню рождения Юйлоу коробки подарков и отправила их с Шэнь Второй.

Ее паланкин сопровождал Цзиньцай. Ван Цзин проводил барышню Шэнь в дальние покои и отпустил носильщиков паланкина.

Пожаловали проживающая за городскими воротами свояченица Хань Старшая и невестка Мэн Старшая, а также жены приказчиков Фу

и Ганя, жена Цуй Бэня – Дуань Старшая и жена Бэнь Дичуаня.

Сидя в большой зале, Симэнь заметил шедшую по боковой дорожке невысокую стройную особу в зеленой атласной душегрейке и красной юбке. Украшенная оправленным в золото голубым ободком прическа, никаких следов ни помады, ни пудры, узкий разрез глаз. Она была совсем похожа на Чжэн Айсян.

– Кто это? – спросил он у провожающего незнакомку Дайаня.

– Супруга Бэня Четвертого, – ответил слуга.

Симэнь, ни слова не говоря, пошел в дальние покои к Юэнян. Там пили чай. Симэнь поел рисового отвара и протянул хозяйке ключи.

– Зачем кладовую открывал? – спросила Юэнян.

– Шестой завтра не в чем к Инам пойти, – проговорил Симэнь. – Шубу сестрицы Ли попросила надеть.

Хозяйка бросила в его сторону неодобрительный взгляд.

– Ты сам, выходит, своего слова держать не можешь, – начала она. – После смерти Ли настоял, чтобы всех ее служанок в доме оставить, а теперь что делаешь?^[1365] А почему Шестая свою шубу не носит? Бережет, да? Ей, видите ли, эту подавай. Сестрица умерла, вот у нее глаза на шубу-то и разбежались. А будь она жива, с какими ты глазами к ней явился бы, а?

Симэнь язык прикусил.

Тут доложили о прибытии уездного экзаменатора Лю, принесшего долг. Симэнь пригласил его в залу. Завязался разговор.

Явился с визитной карточкой Дайань.

– От близких полководца Вана подарки доставили, – доложил он.

– Что за подарки? спросил хозяин.

– Кусок материи, жбан южного вина и четыре блюда угощений.

Симэнь взял визитную карточку, на которой было выведено:

«... от младшего родственника Ван Цая с низжайшим поклоном».

Ван Цзину было велено отправить ответную карточку, а принесшего подношения наградить пятью цянями серебра.

У ворот из паланкина вышла Ли Гуйцзе. Сопровождавший ее привратник заведения держал четыре коробки. К нему подоспел Дайань и взял подарки.

– Прошу вас, – обратился он к Гуйцзе. – Пройдите вот по этой дорожке. В зале господина экзаменатора принимают.

Гуйцзе по боковой дорожке проследовала в дальние покои. Дайань внес коробки к Юэнян.

– А батюшка видел? – спросила хозяйка.

– Нет еще, – отвечал Дайань. – У батюшки посетитель.

– Тогда в гостиной поставь, – распорядилась она.

Немного погодя экзаменатор удалился, а Симэнь пришел в дальние покои закусить.

– Ли Гуйцзе подарки поднесла, – сказала Юэнян.

– Не видал, – говорил Симэнь.

Юэнян велела Сяюй открыть коробки. В одной лежали особые пирожки с фруктовой начинкой, символизирующие долголетие, в другой – сладкое печенье-розочки, изображавшие восемь бессмертных, а кроме того две жаренных утки и пара свиных ножек.

Из комнаты вышла Гуйцзе. В ее прическе, перехваченной белым с бахромою платком, сверкали жемчуг и бирюза. На ней были ярко-красная с застежкой кофта и атласная юбка. Она приблизилась к Симэню и четырежды поклонилась о оземь.

– Хватит кланяться! – сказал Симэнь. – А подарки к чему покупала?

– Она боится, что ты сердишься на нее, – встала Юэнян. – Только что мне говорила. А тогда она была вовсе не при чем. Это ее мамаша виновата. В тот день у Гуйцзе, оказывается, болела голова. А Ван Третий с компанией шел к Цинь Юйчжи, но по дороге их зазвала мамаша чаю выпить. Тут их и задержали. А Гуйцзе к нему даже не вышла.

– Ну да, конечно! Она же с ним отродясь не встречалась, – ворчал Симэнь. – Сама уж не знает, чего говорит. Только меня все это мало интересует. Ведь вам в вашей «Прекрасной весне» только бы подарки подваливали. А у кого руки греть – все равно. В общем, я на тебя не сержусь.

Гуйцзе продолжала стоять на коленях.

– Сердитесь вы на меня, батюшка, – говорила она. – И вы правы. Но пусть заживо сгнию, пусть меня сплошь покроют гнойники, если я к нему приблизилась. Это мамаша у нас, старая карга, не ведает, что творит. Всякое отребье зазывает. Из-за нее вот и ваш гнев терпеть приходится, батюшка.

– Ну, раз ты покаялась, и примирились бы! – предложила Юэнян. – Чего сердиться?!

– Встань! – сказал Симэнь. – Ладно, я не буду больше сердиться.

Но Гуйцзе все еще продолжала ломаться.

– Встану, если вы мне улыбнетесь, батюшка, – говорила она. – А то хоть целый год буду на коленях стоять.

– Встань, Гуйцзе! – не удержавшись, вмешалась в разговор Цзиньлянь. – Чего ты ему кланяешься? Его чем больше упрашивать,

тем больше он будет заноситься. Нынче ты перед ним, а завтра он перед тобой на колени опустится. Ты тогда тоже ухом не веدي.

Симэнь и Юэнян рассмеялись, и Гуйцзе, наконец, встала.

Тут вбежал запыхавшийся Дайань.

– Их сиятельства господа Сун и Ань пожаловали. – объявил он.

Симэнь велел подать парадную одежду и вышел им навстречу.

– Ну и батюшка! – обращаясь к Юэнян, говорила Гуйцзе. – Нет, больше я с ним дела иметь не хочу. Я только вам, матушка, буду как дочь служить.

– Пустые твои обещанья! – заметила Юэнян. – Дашь слово и тут же забываешь. Хозяин раза два в заведения заглядывал. У тебя, наверно, был?

– Небо свидетель, матушка! – воскликнула Гуйцзе. – Вы меня без ножа режете. Не был у меня батюшка. Клянусь вам, матушка! Чирьями Нарывами мне покрыться, умереть скоропостижной смертью, если со мной батюшка видался и ко мне приблизился. Вы, матушка, наверно, ослышались. Должно быть, не ко мне, а к Чжэн Айюэ заходил, оттуда девиц приглашал? Скорее всего, они-то, завистницы, кашу и заварили. А то с чего бы батюшке на меня гневаться?

– Всяк свой хлеб ест, – заметила Цзиньлянь. – С какой стати им ни с того ни с сего тебя в неприятности впутывать?

– О! Плохо вы нашу сестру знаете, матушка, – говорила Гуйцзе. – У нас одну зависть грызет, другая от ревности сгорает.

– Ах! Вы да мы! Как ни отделий, а все люди одинаковы, – заключила Юэнян. – Что вы, что мы – все одной завистью живем. Одной повезло – других норовит под ноготь.

Юэнян угостила певицу чаем, но не о том пойдет рассказ.

Обратимся к Симэнь Цину. Встретив цензора Суна и ведомственного начальника Аня, он ввел их в залу, где после взаимных приветствий каждый из них поднес хозяину по куску атласа и по комплекту книг в папке. Увидев накрытые столы, они сердечно поблагодарили хозяина, потом расселись на полагающиеся места. Симэнь вызвал актеров и наказал им играть с душой, когда пожалует его сиятельство Цай.

Немного погода подали чай.

– Я хотел бы попросить вас об одолжении, почтенный Сыцюань, – начал цензор Сун. – Видите ли, его сиятельство военный губернатор Хоу Шицюань только что назначен церемониймейстером Его Величества двора и второго числа отбывает в столицу. Мы с начальниками обоих инспекторских управлений решили двадцать

девятого устроить ему прощальный обед. Не позволите ли вы нам, Сыцюань, принять его сиятельство у вас, в этой роскошной резиденции?

– Дерзну ли я послушаться ваше сиятельство? – воскликнул Симэнь. – Только прикажите! Позвольте узнать, сколько накрывать столов.

– Серебро мы собрали, – продолжал Сун Пань и велел сопровождающему достать узелки, поступившие от чиновных лиц обоих инспекторских управлений, а также и пай самого цензора. – Каждый из нас внес по лян серебра. Тут двенадцать лянов. Накройте, пожалуйста, один сдвинутый стол и шесть обыкновенных. И будьте так добры, позовите актеров.

Симэнь согласился и принял серебро. Цензор поднялся с места и, сложив руки на груди, поблагодарил хозяина.

Немного погодя гостей пригласили в залу Любования красотами природы, которая находилась в крытой галерее.

Вскоре прибыл акцизный инспектор Цянь. Опять был подан чай и поставлены шашки.

Цензор Сун обратил внимание на грандиозность крытой галереи и примыкающих к ней построек, тишину необъятного парка, на книги, картины и каллиграфические надписи. Взору открывалось все самое лучшее и совершенное. Поперек стены висела старинная с надписями картина-свиток «Рождается солнце – даруется свет». Как раз перед гостями стояли инкрустированная перламутром ширма, курильница, источающая благоухание сандала через клюв журавля и пасти дракона и оленя, а также отлитый из червонного золота высотой в несколько чи треножник Восьми бессмертных удивительно тонкой проработки.

Сун Пань подошел поближе к треножнику и не мог удержаться от восторга.

– Какая прелесть! – восклицал он, а потом, обратившись к обоим гостям, продолжал. – Я, господа, в письме своему однокашнику брату Лю в Хуайани просил, чтобы он прислал мне вот такой треножник для поднесения почтенному Цаю, но пока не получил ответа. А вы, интересно, откуда его достали, Сыцюань?

– Помнится, мне тоже оттуда прислали, – отвечал Симэнь.

После этого разговора сели за шашки. Симэнь распорядился, чтобы подали легкие закуски и сладости, а актерам велел исполнить южные напевы.

– Хорошо ли получится, господа, если гостя выйдут встречать зардевшиеся от вина хозяева? – спрашивал цензор.

– Ничего, в холодную погоду чарочка не помешает, – успокоил Симэнь.

Сун Пань, надобно сказать, заранее отправил на корабль посыльного с приглашением Цаю. К обеду посыльный воротился.

– Приглашение передал, – доложил он. – Его сиятельство играют в шашки со зрителем гончарен его сиятельством Хуаном. Скоро придут.

Цензор предложил было пойти встретить высокого гостя, но за столом продолжалась игра и вздымались кубки.

– Спойте «Весеннюю песнь», – приказал певцам начальник ведомства Ань.

Вышел актер в костюме наперсницы героини, Хуннян и запел:^[1366]

.....

Чтобы развеять страх и побороть смущенье,
И вас благодарить, – готовим угощенье.

.....

Столы накрыли и зарезали баранов.

.....

Вот кушаний шеренги, золотых, румяных!..

.....

У нас не будет пировать ни родич, ни чужой –
Вас пригласили одного на свадьбу с госпожой.

.....

Студент ликует молодой, мой ненаглядный брат,
Он повелениям госпожи отдаться будет рад?

.....

На мотив «Пяти жертвоприношений»:

Что ты бродишь, уставясь на тень?
Голодранец, сюцай-грамотей,
Горе-деятель недопеченный!
Из башки-черепушки ученой
Лучше вытряси дурость-труху!
А затем, словно ловишь блоху,
Быстро-быстро мельчайшим движеньем
Непоспешным займись умаченьем,

Притиранием, как щеголь заправский.
Это труд, ты поверь, не напрасный.
Ты – модник, глянцево смазливый,
И от тебя рябит в глазах,
Кисляк, заносчиво кичливый,
Аж зубы разъедает в прах.
Уж видно Небо породило
Такого рыцаря-юнца,
Уж видно Небо породило
Такого чудо-гордеца.

На мотив «Нефритовая иволга-красотка»:

Рассветет от любви час полночный!
Госпожа вам верна, ваш союз будет прочный.
Будьте, сударь, любезней, нежнее,
Словно птицы резвитесь под лампою с нею.
Прогоните вы чопорность прочь!
И уладам шальным предавайтесь всю ночь.
Рассудите же, кто из двоих
Был нечестным, неискренним в чувствах своих.

Студент Чжан:

Благодарю, Хуннян, благоуханная!
Чем заслужил? Ты столь добра со мной!
Предмет святой любви, моя желанная
Отныне будет мне женой.

.....

Хуннян

(на мотив «Пробуждается Се Сань»):

Там в зале яств роскошных
Струится аромат.
От ветра за окошком
Пионы шелестят.
Застывшая помада
Опавших лепестков,
Одела балюстраду
В сияющий покров.

.....

Подлунный полог дивный

Мной подготовлен в срок.
Здесь ширма из павлинов
Смягчает ветерок.

.....

Вот флейты и свирели,
Венчальный гимн пропет
Под цитры нежной трели
И дробь кастаньет.

Студент:

Преодолела тьму преград,
Мне подарила в счастье веру.
Я расплачусь с тобой сто крат,
Как только сделаю карьеру.
Я на Ткачиху с Волопасом^[1367]
Бессонной ночью из окна
Глядел с мечтою ненапрасной –
Вот-вот исполнится она!
Я буду окружен цветами –
Прислужницами при луне,
И яшмою, и жемчугами –
Я счастье заслужил вполне.
Задую тусклую свечу
И свитков желтизну скручу!

.....

Заключительные арии:

Хуннян:

Вы покорили грацией!
Вас ждет Инъин в вечерний час.

Студент:

Что говорить и клясться ей!
Я лучше выполню приказ.

.....

Хуннян:

Чтоб мне не волноваться!
Не бегать снова кликать вас.

.....

Тут неожиданно объявили:

– Их сиятельства господ Цай и Хуан пожаловали.

Цензор Сун тотчас же убрал шашки. Поправив одежды, все вышли им навстречу.

На Цае Девятом был светлый халат и золотой пояс. Его сопровождала многочисленная свита. Цай распорядился вручить Симэнь Цину визитную карточку, на которой значилось: «От Цай Сю с поклоном». Вошли в залу.

– Позвольте вам представить, – обратился к Цаю начальник ведомства Ань.

– Господин, рад с вами познакомиться! – сложив руки на груди, говорил Цай.

– Буду счастлив нанести вам визит, – отвечал Симэнь.

После взаимных приветствий сняли верхние одежды и сели. Подали чай. Начался обмен любезностями. Симэнь кликнул певцов, и Цай Сю занял почетное кресло, остальные же расселись на места хозяев.

Повара подносили все новые кушанья. Актеры вручили гостю перечень исполняемых вещей. Цай Сю выбрал драму «Двое верных». [1368] Пока актеры сыграли две сцены, слуги не раз обносили гостей вином. Потом цензор Сун велел исполнителям ролей героя и героини наполнить пирующим кубки. Певцы тем временем запели на мотив «Вешние воды»:

Выезжает из стольного града на пегом коне ...

– А я, углубляясь в суть дела, мог бы несколько уточнить, – засмеялся Цай Сю. – Как сказано, «императорский цензор на темно-пегом коне, а три господина подобны почтенному Лю, по-прежнему в рыжих усах». [1369]

– Да, господа, – вставил Ань, – нынче не тот день, когда «цзянчжоуский конюший слезами своими темный халат окропил». [1370]

Пирующие рассмеялись.

Симэнь велел Чуньхуну спеть цикл «Варваров я усмирил и с докладом стою у Ворот Золотых», который привел цензора Суна в неописуемый восторг.

– Какой милый юноша! – сказал он Симэню.

– Из моих домашних, – объявил хозяин. – Уроженец Сучжоу. [1371]

Цензор взял певца за руку и попросил, чтобы тот наполнил ему кубок, а потом наградил его тремя цянями серебра. Чуньхун

благодарил цензора земным поклонами.

Да,

Все ниже, ниже солнце за окном,
И все длиннее тени от растений.
Полны бокалы пенистым вином,
А сколько прозвучало песнопений!
Хоть свет дневной еще и не погас,
А уж пробили предвечерний час.

Незаметно солнце склонилось к западу. Цай Сю велел приближенным подать одежды и начал откланиваться. Напрасно упрашивали его остаться. Хозяева пира вышли за парадные ворота проводить высокого гостя, а с его секретарями отправили на пристань в Синьхэкоу баранью тушу, вина и куски шелков, но не о том пойдет рассказ.

Вскоре откланился и цензор Сун.

– Послезавтра вам опять предстоит беспокойство, – говорил он Симэню. – Так что я вас пока не благодарю.

Гости сели в паланкины и отбыли. После проводов Симэнь вернулся в залу и отпустил актеров.

– Послезавтра приходите! – наказал хозяин. – Еще из своих кого получше захватите. Его сиятельство, слышали, самого губернатора Хоу принимает.

– Знаем, – отвечали актеры.

Симэнь велел поставить вина. Дайяня послал за Вэнь Куйсюанем, а Лайяня за Ин Боцзюэ, которые не заставили себя долго ждать. После взаимных приветствий сели. Трое певцов обносили их вином и услаждали слух пением. Чжэн Цзинь и Цзо Шунь пели в дальних покоях.

– Завтра невестушки^[1372] к тебе собираются, – обращаясь к Боцзюэ, говорил Симэнь. – Певцов позовешь или забавников?

– Как ты, брат, ловко рассуждаешь! – отозвался Боцзюэ. – Бедному человеку такая роскошь не по карману. Двух певиц позову и хватит. А невесток я попросил бы пораньше пожаловать.

В передней зале продолжался пир.

Тем временем в дальних покоях первыми отбыли свояченица Мэн Старшая и невестка Мэн Вторая, за ними стала собираться и золовка Ян.

– Погостили бы еще денек, золовушка! – упрашивала ее Юэнян. – Домой-то успеете. Матушка Сюэ послушниц за священными книгами

послала. Писание послушали бы вечером.

– Я бы осталась, сестрица, – говорила золовка. – Да на завтра, сказать по правде, помолвка племянника назначена. За мной прислали, на смотрины просят придти.

Золовка Ян откланялась и ушла. Остались только жены приказчиков Фу, Ганя и Бэнь Дичуаня, а также Дуань Старшая. Юэнян продолжала сидеть со старшей невесткой У и матушкой Пань. Сбоку от них стояли барышня Шэнь Вторая и певица Юй, которые наливали вино и пели, а оба певца были отпущены в залу. Пир продолжался до темна. Потом жены приказчиков попрощались и только Дуань Старшая заночевала у Сюэ. Матушка Пань удалилась на покой к Цзиньлянь.

В покоях Юэнян остались старшая невестка У, Ли Гуйцзе, Шэнь Вторая, три монахини, барышня Юй, а также Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь. Тут в передней зале закончился пир, и слуги принесли посуду. Цзиньлянь поспешно удалилась в передние постройки и, пробравшись к калитке, спряталась в тени. Показался Симэнь. Он шел, шатаясь из стороны в сторону, поддерживаемый Лайанем, который нес фонарь. Они направлялись в покои Ли Пиньэр, но, заметив Цзиньлянь, Симэнь взял ее за руку и вошел в ее покои, а Лайаню наказал убрать посуду.

Юэнян думала, что вот-вот появится хозяин, и проводила певицу Шэнь, Ли Гуйцзе и барышню Юй в комнату Ли Цзяоэр.

– Что там батюшка делает? – спрашивала Лайаня хозяйка. – Сюда придет?

– Не устояли, к матушке Пятой отбыли, – отвечал слуга.

– Ну ты подумай, что творит негодник, а! – обращаясь к Юйлоу, говорила в раздражении Юэнян. – Я-то полагала, он к тебе нынче пойдет, но видно, похоть ее одолевает. Вот его туда и тянет. Расстаться не в силах.

– Пусть себе наслаждается, сестрица, – отозвалась Юйлоу. – Не надо волноваться, а то и мы недалеко от нее уйдем. Матери наставницы над нами смеяться будут. Шесть нас у батюшки. К которой захочет, к той и пойдет. Ему не закажешь!

– Наверняка они загодя договорились, – продолжала Юэнян. – Видала, как она бросилась, как только у него гости разъехались? – Хозяйка обернулась к Сяюй: – Ступай посмотри, если на кухне никого нет, запри внутренние ворота и пригласи трех матушек наставниц. Будем слушать драгоценный свиток в их исполнении.

Позвали Ли Гуйцзе, Шэнь Вторую, Дуань Старшую и барышню

Юй.

– Я наказывала прислать младших буддийских послушниц^[1373] и принести «Драгоценный свиток о праведной Хуан», – объяснила Юэнян старшей невесте У. – Жаль, золовушка ушла.

Хозяйка велела Юйсяо заварить лучшего чая.

– Давай с тобой по очереди за чаем следить, – обратилась Юйлоу к Ли Цзяоэр, – а сестрицу Старшую не будем отвлекать.

И они распорядились насчет чая.

Немного погодя на кане был поставлен стол. Появились три монахини, и, скрестив ноги, расположились на кане. Вокруг разместились все остальные. Юэнян обмыла руки и воскурила благовония.

Мать Сюэ раскрыла «Драгоценный свиток о праведной Хуан»^[1374] и запричитала высоким голосом:

Ибо известно: Закон
Вовек не погаснет, ведь он
Есть ничто.
Также и корня Пути
Рождения нам не найти,
Ведь то, что в миру рождено,
Все миру не нужно давно.
Поэтому Тело Закона
Исконно
Посредством Восьми вечных образов
Явлено.
И восемь, поэтому образов
Являют нам Тело Закона
Во славе стозвонной.^[1375]
Сколь ярк светильник Добрейшего!
Отверз он врата мироздания.
Сколь ясно и зеркало Буддово!
Пронзает оно тьму бездонную.
Сто лет – только миг остановленный.^[1376]
Четыре великих субстанции
Всех тел,^[1377] словно тень, иллюзорные,
Как отблеск барашка волны.
О, люди, выются день-деньской
В мирской
Пыли.
Конца нет суете людской:

С утра до утра,
В сиюминутных
Делах беспутных
Бегут
Все дни.
И разве знают про покой
Про просветленье
Сердец они?!
Стремятся вечно ублажать
И чувства, и мышление
И тонут в пагубных страстях
И в искушениях.
Хотят добиться славы, чтоб
Затмить всех современников
Все это только бренный сон.
Сих мира пленников.
Чинов, богатства их, порой,
Гора – не ниже облаков!
Не избежать под той горой
«Нет постоянства» –
пары слов!^{[1378]!!}
Едва пронесутся и ветер, и пламя,
Как сгинет и стар, и млад.
Иссякнут потоки, обрушатся горы –
И где целый славный град?!
Псалом вознесу я на десять стран света
В восьми – возведу алтари.^[1379]
Спаси от бесчисленных страданий Обитель!^[1380]
Врата Пустоты отвори!^[1381]

Псалом гласит:

Кто счастлив и знатен, кто беден, убог –
Тому есть всегда основание.
И ты не проси никогда, чтобы Бог
Дал лучшие предначертанья.
Весенние дни растранижил ты зря –
Не вырастил тучных колосьев.
На ниве теперь не собрать урожай –
Надежд не питай ты на осень!

– Внемлите, милосердные бодхисаттвы, Слову Буддovu, которое

проповедует вам бедная инокиня! Сей псалом был завещан нам самим Патриархом. Какой смысл сокрыт в нем? «Кто счастлив и знатен, кто беден, убог – тому есть всегда основание». Вот взять хотя бы вас, милосердные бодхисаттвы. Замужем вы за именитым лицом, у коего и высокие чины и широкий достаток. Живете вы во дворцах и палатах, на зов ваш бежит прислуга и челядь. Украшает вас золото, опоясывает серебро. Вы купаетесь в парче и тафте, окружены горами атласов и шелков. Явится желание одеться – и тысячи сундуков с шелками вам откроются. Пожелаете полакомиться – и сотни редчайших ароматных яств перед вами расставят. Процветание и роскошь, богатство и знатность принадлежит вам за деяния в прошлой жизни. Вы не ропщете на судьбу. Вам и без мольбы все приходит само собою. И то, что я, бедная инокиня, здесь читаю вам канон, возношу хвалу Будде, вместе с вами вкушаю лакомства и пользуюсь дарами вашего добросердечия – это веление высшей судьбы. А судьба – вещь великая. Все мы – избранные с Праздника Драконьих цветов,^[1382] пожинающие плоды заслуг своих, содеянных в прошлой жизни. А не будь содеянного, уподобишься тому, кто не сеял по весне ниву свою. Как ему ждать налитых колосьев, ежели осенью пред ним откроется заросшее бурьяном поле?

Истинно сказано:

Чище мети
Обитель души,^[1383]
Меру блюди –
Зря не блуди.
Прочь от страстей^[1384]
За тайную дверь,^[1385]
Нравы людей
Знаешь теперь.

И еще:

Жизнь лишь миг, а после тело разлетится в прах.
Нет в рождении прозренья – суета и страх,
А прозревший, не рождаясь, шествует в веках.

И еще:

Как переменчиво рока дыханье!
Солнце краснеет у Западных скал,^[1386]
Счастье иссякло, приходит страданье –
Смертные муки на тысячи калып.^[1387]

Подумать только, богатство и знатность, процветание и роскошь тают, как снежный ком, брошенный в кипяток. А если вдуматься поглубже – химеры это, пустые грезы. Нынче я в телесном облике своем подвержена душевным мукам и волнениям, а после смерти четыре великих субстанции моего тела обратятся в прах. И кто знает, где будет маяться моя душа. Кто боится сансары,^[1388] колеса жизни и смерти, пусть подойдет и послушает проповедь дальше.

Поет «Слово Указа»:^[1389]

Рожденный – умерший с обеих сторон
Плывут по течению вместе, их стон
И вздохи слышны до скончания дней,
Мирской суеты непутевых детей.
И вестником смерти приходит болезнь.
Жизнь – сон на ветру иль весенняя песнь.
Огарок свечи догорел уже весь,
И сердце сожмется: неужели днесь?!

Вступление гласит:

Тело явленное Будды^[1390]
От житейских горьких будней
Спасает.
Его корень без начала и конца –
Непреходящ –
Всем скорбящим
В помощь.
Велика святая клятва
Амитабхи, что Учение
Основал –
Сорок восемь клятв глубоких^[1391]
Отрешенья
От небес во имя многих,
Кто спасения в дороге
Алкал.
Он сподвигнет всех живущих
Враз прозреть свою природу,
Он – сквозь валы волн сансары –
Моря горького – несущий
Нас к исходу.
Амитабха – то владыка
Умиротворенья.

К бодхи
И к плодам его чудесным^[1392]
Приведет на вечный отдых –
Исцеленье.
Помнящий про цели Будды –
Все грехи твои да сгинут,
Многочисленные, словно
В водах Ганга тьма песчинок!
А молящийся усердно –
Будешь счастлив ты безмерно!
Слова верный проповедник,
В переписке сутр сгорая,
Возродишься, словно феникс,
В небе Лотосова рая!^[1393]
Ну а сведущий глубоко –
В миг, Судьбой определенный
Вознесешься ты высоко –
В Земли Чистые Амиды!^[1394]
Если помнишь, то достигнешь!
Велики любовь и жалость,
Столь огромны, что Амида
Из любви и милосердия
Жизнь – служению Закону,
Жизнь – божественному трону,
Трем Сокровищам Ученья^[1395]
Всю отдал.
Это он, приняв решение,
Клятву дал об отрешеньи
От небес во имя многих,
Кто спасения в дороге
Алкал.

Псалом гласит:

Глубокая истина и сокровенная!
К тебе – в миллионы веков трудный путь!
Увидев, услышав, держусь неизменно я,
И жажду постичь твою высшую суть.^[1396]
Все будды и все бодхисаттвы небесные
На землю сошли воскурить фимиам,
Ученью вознест славословья чудесные!..

А я повествую о мудрой Хуан.

В старину это случилось, в правление Ханьского царя. Шли тогда благодатные дожди и дули мягкие ветры. Процветала страна и наслаждался покоем народ. И появилась тогда на свет некая женщина, милосердием своим растрогавшая небо. У богача Хуана, жившего в уездном городе Наньхуа, области Цаочжоу,^[1397] родилась дочь – девочка серьезная, рассудительная и собою красавица. Ей было всего семь лет, а она уже носила грубую одежду, соблюдала посты и читала «Алмазную сутру», дабы отблагодарить за любовь родителей своих. И так изо дня в день. И явилась ей в небе растроганная бодхисаттва Гуаньинь. Родители, видя усердие, с каким дочь читает сутру, стали ее отговаривать, но она не последовала совету. Тогда разыскали они сваху, выбрали счастливый день и добрый час и выдали дочь замуж за мясника Чжао Линфана. Прожили супруги двенадцать лет и родились у них один сын и две дочери. Обратилась однажды к мужу своему Хуан и говорит:

– Мы прожили в супружестве двенадцать лет, родили достойного сына и прекрасных дочерей, но только любовь затягивает человека, как омут... Прислушайся, муж мой, к романсу, что я для тебя приготовила:

С женою связан муж судьбою.
Пусть дети бегают гурьбою,
Не задержать прихода смерти.
Супруг, хозяин мой, поверьте,
И вместе примем мы решение –
В подвижничестве лишь спасенье.
Богатство, знатность – сорняки,
Соблазны жизни так мелки!

Однако не смог Линфан взять на себя такой обет и однажды, простившись с женою, уехал покупать свиней в Шаньдун. А Хуан после отъезда мужа убирала дом, совершала омовение и, с молитвой возжигая благовония, стала читать «Алмазную сутру».

Когда немедленно отбыл
в Шаньдун мясник Линфан,
В центральной зале спать легли
все четверо детей,^[1398]
А в спальне западной жена –
сударыня Хуан

Душистой вымылась водой,
оделась без затей.
На запад обратясь, жгла в спальне фимиам,
Молилась вечером и утром
И свитки драгоценные учила там,
Алмазную читала сутру.
Твердить каноны не закончила она,
Как фимиам растаял вдруг:
Ее молитва Будде так чиста, сильна,
Что небосвод пронзает звук.
Достигло Слово райских сфер и адских врат,
И свет волшебный ослепил.
Увидев, царь Яньло^[1399] был несказанно рад
И лик свой царственный явил.
Ужель в подлунном мире,^[1400] средь страстей и бед
Буддийский патриарх возрос?
Призвал он двух судей загробных на совет
И учинить велел допрос.
«Владыка мудрый», – говорит судья в ответ, –
Сей голос, он из Наньхуа,
Над Цаочжоу воссиял небесный свет
Молитвой госпожи Хуан.
Познания праведницы этой глубоки,
Одета скромно, пост блюдет,
Творит добро, ее свершенья велики –
Им радуется небосвод.^[1401]

Поет, словно «Алмазную сутру»:

Сердце бешено забилося
у Яньло от этих слов,
И два демона сбежались
на его поспешный зов.
Их направил к дому Чжао,
под его достойный кров.
Там Хуан читала сутры,
осветив в ночи альков.
Вдруг увидела: пред нею
двое отроков – послов.

Декламирует:

Один – это добрый посланец небес,
Другой – злобный якша, молоденький бес.^[1402]
Хуан прервала свое чтение в миг,
К гостям обращен ее праведный лик.
«От дома какого к слуге недостойной
Пришли вы?» – «Сударыня, будьте спокойны,
Не вашей семьи драгоценной родня,
Из царства теней к вам послали меня.
Зовет тебя, матушка, мудрый Яньло,
От сутр, что читаешь ты, в небе светло.»
От слов этих мигом сковал ее страх,
К ним с просьбой она на дрожащих устах.
«С фамилией той же и с той же судьбой
Другую возьмите к Яньло вы с собой.
Готова на сотни миллионов смертей,
Но как я сиротами брошу детей?!
Ведь доченьке старшей лишь девять годков,
А младшей-то шесть!.. Как оставить мне кров?!
Сынку малолетнему – три миновало,
Его берегла и ласкала так мало!
Отпустите если, то жизни по гроб
Усерднее буду творить я добро!»
Ей отроки молвили из темноты:
«Кто помнит “Алмазную сутру”, как ты?!»

Добрый и злой отроки, слушавшие мольбы праведной Хуан, никак не могли взять ее с собой. До того сильно любила она деток своих, что не в силах была с ними расстаться. Торопить ее стали отроки: «Матушка добрая, смерть возьмет тебя в третью ночную стражу,^[1403] не отложить даже до четвертой. Это здесь в световом мире ты свободна, вольна. А царство теней не допустит отсрочки. Промедлив, мы согрешим, и никакие оправдания не помогут.»

И решила тогда Хуан. Велела дочери нагреть воды и после омовения, пред Буддою представ, ноги по уставу сложив, молча села. Душою подлинной предстала Хуан перед владыкой Яньло.

Поет на мотив «Осень над Чуской рекой»:

Жизнь – как молнии вспышка, как сон по утру.
Человек пред кончиной – свеча на ветру.
Уже встретила я государя Яньло,
В дальний путь собралась, одянье бело.

С Ностальгической башни^[1404] взгляну я назад.
Как терзаюсь слезами родимых ребят!
Вы в льняных поясах и в простом одеяны
Бейте в гонги, готовьте мой гроб к отпеванию.

Произносит, как прозу:^[1405]

*Оставим в стороне то, как страдал Линфан.
Расскажем об идущей в мир теней Хуан.
Достигла адских берегов Най-хэ реки.^[1406]
Пред Золотым мостом^[1407] замедлила шаги.
«Кто удостоен Золотым мостом идти?»
«Тот, кто читает сутры с верою в груди».
А под мостом вздымался столб кровавых брызг,
И ужасали крики скорби, плач и визг.
Кружились змеи посреди кровавых луж,
От яда их страдало столько грешных душ!
Вот впереди Гора Разломанных монет
«Какой заложен в сем названии секрет?»
«Жгут люди жертвенные деньги, – был ответ, —
Сжигают не дотла, и так миллионы лет —
Гора скопилась из таких полумонет.
Так и назвали. И других секретов нет».
Невинно убиенных град перед Хуан —
Им нет перерожденья, их судьба – туман.^[1408]
От состраданья заболела голова
Хуан, «Алмазной сутры» вырвались слова.
Открыли грешники в реке свои глаза,
Покрыли гору трупов пышные леса,
Земля не от огня – от лотосов красна —
Ад облаком благим укрыли небеса.
Торопят отроки Хуан покинуть град,
Спешат правителю Яньло, подать доклад.
Поет на мотив «Овечка с горного склона»:*

Драгоценный алтарь
всех явлений Вселенной
Пред Хуан вдруг предстал ослепленной.
Два посланца о ней
доложили мгновенно,
И Яньло ее принял степенно.
Позабыв о жизни брэнной,

Пав коленопреклоненной
Возле золотых ступеней,
Слушала Хуан в волнении.
«Расскажи нам откровенно,
Как ты долго с неизменным
Постоянством чтешь ученье,
В сутрах ищешь просветленье?
Было ли тебе явление
Бодхисаттвы Гуаньинь?
Без утайки говори!»
«Лет с семи соблюдаю посты, и в надежде,
Что Всевышний услышит, отверзнутся вежды,
Жгла я жертвы без устали день ото дня
И тогда, когда замуж отдали меня.
Проникала в учение сутры нетленной
И жила с мужем жизнью я кроткой, смиренной.»

Произносит, как прозу:

*«Узнай душою праведной Яньло наказ, —
В ответ услышала Хуан Владыки глас. —
“Алмазной сутры” много ль знаков помнишь ты
И выделенных мест, темнее темноты?
Иероглифом каким вздымается канон?
Каким он опадает, плавно завершен?
Какие в центре? Если помнишь все как надо,
Вернешься к жизни. За усердие — награда!»
Пред пьедесталом золотым Хуан встает:
«Услышь, мой государь, рабы твоей отчет.
Пять тысяч сорок девять слов в Каноне, как одно!
Черт — восемьдесят да четыре тысячи всего.^[1409]
Иероглиф “сущность” — первый, а последний — “карма,^[1410]
Знак “долга” в центре, рядом — “бремя”, ему парный.^[1411]»
Свой не окончила рассказ, и вдруг в ночи
Пронзили трон Яньло тончайшие лучи
И посветлел драконий лик^[1412] царя смертей.
«Что ж, отпускаю тебя взглянуть на мир людей.»
Решенье услышав, ответила тотчас:
«Внемли, о государь, рабе в последний раз.
Пускай я не вернусь в семью простых невежд,
И грешных крашенных^[1413] не надо мне одежд.
Быть добродетельной четы хочу я сыном,*

*Каноны Будды чтить всю жизнь, пока не сгину.»
Взяв кисть, Яньло вердикт свой начертал мгновенно:
«Быть отпрыском семьи богатой и степенной,
Войти младенцем в Цаочжоу к старым Чжанам,
Чтобы могилы их не заросли бурьяном.
Супругов добродетельных очаг согрей,
Чьи славны имена меж четырех морей.
Прими забвенья прошлых жизней эликсир.
Сквозь чрево досточтенной Чжан ступай в сей мир.
Лишь слева на локте младенческой руки
Впишу иероглифов две красные строки.
То явится в перерождении Хуан,
Чей муж никчемный в прошлой жизни был Линфан.
Даровано мужское ей перерожденье
И долголетие за тягу к просвещенью.
Пусть Чжан взлелеет сына, как бесценный дар,
Отцовство – чудо, если ты уже столь стар».
Поет на мотив «Креповое черное платье»:*

В точности осуществился
государя план –
Обрела мужское тело,
стала Чжан – Хуан.
И богач расцвел от счастья.
Сын в три года повзрослел,
В семь – явил он светлый разум
и в науках преуспел.
Редкостным Талантом звали –
зарекли от бед.
Первым тронный сдал экзамен
в восемнадцать лет.

Так вот. Выдержал восемнадцатилетний Чжан Цзюньда – Редкостный Талант экзамены и занял пост уездного правителя Наньхуа в Цаочжоу. Как вступил он в должность, первым делом занялся казенными налогами, потом обсудил дела управы и тут вспомнился ему прежний дом. Велит он двоим посыльным: «Идите пригласите Чжао Линфана. Поговорить надобно». Посыльные без промедления направились к дому Чжао и пригласили Линфана.

Произносит, словно прозу:^[1414]

Линфан один в своем дому читал каноны —

Усердно он молился Будде.
Когда посыльные вошли к нему с поклоном
И он узнал, в чем дело, – тут же
Собрался, приоделся чинно по параду
И вышел посетить управу.
Войдя, он поклонился в зале по обряду.
Его почтил сановник главный —
Правитель Чжан! Он принял мясника на славу!
И усадил его с почтеньем.
Любезностями обменялись по уставу,
Подали слуги угощенье.
«Ты, сударь, – мой хозяин и супруг Линфан
Из рода Чжао. Приглядишься!
Ведь я – жена твоя, умершая Хуан.
Мужчиною вернулась в жизнь.
Не веришь? Отойдем на тихую веранду,
Сниму одежды при свече:
Там надпись киноварная вещает правду
Иероглифами на плече.
Что дочка старшая, любимица, уже
Живет женой в ином дому,
Что младшей дочки муж – достойный Цао Жэнь
И предана она ему.
Тоскует сын о матери почтительный,
Ухаживает за могилой.
Давай-ка сядем на коней стремительных,
На кладбище поскачем, милый!»

Правитель и Линфан с детьми пошли на могилу Хуан. Открыли гроб. Хуан лежала как живая. Они вернулись домой и семь дней служили панихиды. Линфан читал «Алмазную сутру». Тогда опустилось благовещее облако, и все впятером на облаке вознеслись на небеса.

Тому свидетельством напев на мотив «Отшельник у реки»:

Заслуги праведной Хуан по праву оцените:
Вошла она с детьми и мужем в райскую обитель.
Кто добродетелен в миру и чтит ученье Будды,
Того и бодхисаттва милосердья^[1415] не забудет.

Заключение:

Драгоценный свиток уже завершен

Совершенство Будды уже нам известно.
В мире дхармы,^[1416] все, наделенное чувством^[1417]
Победит сей мир. Да придет торжество!
Да вручим себя Будде!^[1418]
Учение едино, безмерно,
Совершенною правит оно пустотой
И в центре стоит океана буддизма,
Повсюду блуждает,
Везде побуждает
Все реки, пески
Вернуться, сойтись
В мир Чистой земли
И в счастье молитв.
Склоняясь, даем мы обет
Учения словом
И именем Будды,
Что ввысь достигает
Небесного рая,
А вниз проникает
В подземное царство.
Вспомнившие Будду –
отрешатся от мира сансары;
Творящие злодеяства –
век на дне преисподней увязнут.
Достигшим просветленья –
путь спасения Будда укажет.
И воссияет свет,
И озарит он десять направлений!
Опустится на запад и восток,
Вернется в отраженьи,
Установившийся на севере и юге,
Достигнет всех домов.
Взойдем к концу перерождений –
пристанет к берегу ладья.
Ребенок встретит мать родную –
свернется снова в эмбрион.
Три драгоценности отныне –
пребудут в нас сохранены!
И успокоятся навеки –
людские страсти и умы.

Псалом гласит:

Всем когортам грехов, что творимы людьми,
От начала начал до сих пор нет изводу.
От Чудесной горы^[1419] разбрелися они,
Утеряли великую первоприроду.
В четырех видах жизней^[1420] есть искорка будды^[1421] –
Приведет она всех к возрождениям чудным.
Свое первое благодаренье^[1422]
шлем мы Небу с Землею за милость рождения.
А второе шлем благодаренье
Ясну Солнцу с Луною за дар озаренья.
Наше третье благодаренье –
всем владыкам земли и воды за их милость,
А четвертое благодаренье
шлем отцу мы и матери, что нас вскормили.
Наше пятое благодаренье –
патриархам, Закон преподавшим глубоко,
А шестое шлем благодаренье
душам тех, чьи тела схоронили до срока...^[1423]
Мудрость величава во спасенье –
Маха праджня парамита!^{[1424]!!}

Мать Сюэ кончила чтение. Шла вторая ночная стража. Юаньсяю, из покоев Ли Цзяоэр, подала чай. Потом Ланьсян, горничная Мэн Юйлоу, поставила на стол всевозможные деликатесы, фрукты и кувшин вина. Появился чайник с лучшим чаем. Ланьсян налила чашки супруге У Старшего, Дуань Старшей, Ли Гуйцзе и остальным гостям. Юэнян велела Юйсяю подать четыре блюда печенья и сладостей. Чаем угостили и трех монахинь.

– После матушек наставниц пора мне спеть, – сказала Гуйцзе.

– Какая ты услужливая, Гуйцзе! – заметила Юэнян. – Покою не знаешь.

– Погоди, я сперва спою, – вмешалась барышня Юй.

– Ну и хорошо! – поддержала хозяйка. – Пусть барышня Юй споет.

– А после сестрицы я буду матушек услаждать, – заявила певица

Шэнь.

– Что вам спеть, матушка? – спросила, наконец, Гуйцзе.

– Спой «Ночь темна, глубока», – заказала Юэнян.

Гуйцзе наполнила чарки, яшмовыми пальчиками коснулась струн лютни, потом неторопливо перекинула через плечо шелковый шнур,

слегка приоткрыла алые уста, из которых показались белые, как жемчуг, зубы, и запела:

Ночь темна, глубока, не достичь ее дна.

Надушила подушку, осталась одна.

Все ждала, уж цветы озарила луна,

Воцарилась незыблемая тишина.

Будто вымерло все, а на сердце тиски.

Заунывные стражи бьют ритмы тоски.

Ты пришел наконец, хоть не видно ни зги,

Вновь мы счастливы и неразрывно близки.

На тот же мотив:

Как меня ты хотел, изводил так и сяк,
Над пыльцою порхал, как хмельной мотылек.
Я – как лед, но огонь твой ничуть не иссяк,
А лукавство мое новичку невдомек.
Ты мой дух опалил, ты нутро мне обжег,
И металл под тобой не растаять не мог.

На тот же мотив:

Ты везде только ищешь бездумных утех,
Ты измучил меня безо всяких причин.
Я спросила: «За что?» – А в ответ только смех!
Ты все кутишь в ночи, я – сноси и молчи.
Нынче снова мой пояс с улыбкой сорвешь,
Чтоб бесчувственной мной овладеть в полусне.
Только похоть в тебе, а любовь – просто ложь.
Отвернувшись, прижмусь я к холодной стене.

На тот же мотив:

На лугах ловишь бабочек ты среди роз,
А чистейшую яшму, обрек на мороз.
Ты нектаром полей упоен полупьян,
Чтобы страсть возбудить, ты идешь на обман.
Я ударить хочу, но обидеть боюсь,
Ревность в сердце тая, я тебе покорюсь.

Когда спела Гуйцзе, барышня Юй хотела было взять у нее лютню, но ее опередила Шэнь и уже водрузила инструмент себе на плечо.

– Я спою вам, матушки, то, что поется в последнюю луну, – «Повесила портрет»,^[1425] – сказала и запела:

Сияют в праздник фонарей
На небе тысячи огней, ...

– Довольно, пожалуй, – заметила, улыбаясь, Юэнян. Певица умолкла. – Так-то и вся ночь пройдет, а вы все петь будете.

Госпожа У Старшая вовсю задремала. Не дождавшись пения барышни Юй, она выпила чай и удалилась в покои Юэнян. Гуйцзе ночевала у Ли Цзяоэр, Дуань Старшая – у Мэн Юйлоу, монахини – у Сунь Сюэя, а барышни Юй и Шэнь улеглись на кан вместе с Юйсяо и Сяоюй. Старшую невестку У Юэнян положила с собой в спальне, но не о том пойдет речь.

Да,

Когда созвездие Ковша
на третью повернуло стражу,
Взглянул в окошко серп луны
сквозь легкой занавески пряжу.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ЧУНЬМЭЙ ПОНОСИТ ПЕВИЦУ ШЭНЬ ВТОРУЮ

ЮЙСЯО НАУШНИЧАЕТ ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ

*За десять лет, – ты только погляди,
холмов могильных сколько поднялось!
Всегда стезею праведных иди,
не дожидайся до седых волос!
И жизнь и смерть великий смысл таят,
постичь его – обязанность твоя.
Настанет час – возьмет тебя земля,
миг оборвав земного бытия.
Коль утвердиться в вере ты не смог,
так что ж еще могло б тебя спасти!
Ты распрощался с жизнью – вновь ее
когда еще ты сможешь обрести?
Опасный путь и непроглядный мрак
с кончиною перед тобой встают...
Раздумывай над этим день и ночь,
призвавши самого себя на суд.*

В этом восьмистишии говорится о том, что за добро воздается добром, а зло злом и отплачивается. Возмездие следует неотступно, как за телом тень, как за речью эхо в долине. Вы скажете, что только посвятивших себя молитве и медитации ждет воздаяние, но разве не могут достичь просветления простые миряне, если они ведут праведную жизнь и у себя дома?! Кто чтит Будду, тому благоволит Он; кто творит имя Всевышнего, на того снисходит милость Его; кто читает Писание, тому открывается истина Его; кто сидит в медитации,

тот вступит в пределы Буддовы; кто достигнет прозрения, тот ступит на путь Его. Однако нелегко это исполнить. Ведь столь многие прежде сделают, а потом раскаиваются или прежде каются, а потом делают. Так случилось и с У Юэнян. Хотя и творила она добро, читала Писание, чтит Будду и жертвовала монастырям, но не должна была она слушать эту проповедь, когда зрел плод в утробе ее. Родиться человеку бедным или богатым, мудрым или глупым, наслаждаться ли долголетием или рано умереть хотя и предопределяется жизненными силами отца и матери в момент зачатия, однако соблюдать предосторожность надобно и во время беременности. В старину беременная женщина не садилась с небрежной торопливостью и не ложилась навзничь, не слушала сладострастных речей и не глядела на соблазны, но услаждала взор свой золотыми и нефритовыми драгоценностями и слух свой – стихами, просила слепых музыкантов петь старинные песни. И рождались дети честные и красивые, вырастали умными и одаренными. Таков был завет роженицам Вэнь-вана – царя Просвещенного.^[1426] Так что не полагалось У Юэнян слушать эту проповедь о перерождениях, потому что явится потом буддийский монах-старец, вселится во чрево ее, родится и в назначенный срок покинет мать, поскольку, увы, не сможет стать наследником рода.

Да,

Будущность – мрачный покров.

Каков твой пунктир?

Сутки – двенадцать постов.^[1427]

Исходен надир.

Однако не станем забегать вперед. В тот раз после чтения в хозяйских покоях «Драгоценного свитка о праведной Хуан» все разошлись на ночлег.

А теперь обратимся к Пань Цзиньянь. Долго стояла она у калитки. Наконец появился Симэнь Цин, и они рука об руку вошли в спальню.

– Чего ж не раздеваешься? – спросила Цзиньянь сидевшего на кровати Симэня.

Он обнял ее.

– Я зашел тебе сказать, – говорил он, широко улыбаясь, – что нынче я туда пойду ночевать. Дай мне узелок со снастями.

– Решил перед этой бабой щегольнуть? – заругалась Цзиньянь. – Нет, арестант проклятый, меня улыбками не обманешь. Не окажись я у калитки, ты б себе преспокойно прошел, не стал бы спрашиваться.

Загодя с вонючкой снюхался. Вот тебя туда и тянет. А мне думал рот заткнешь, да? Почему не послал служанку, почему ее заставил шубу принести, а? Еще раскланивается тут, прощения просит. Да за кого она меня, вонючка несчастная, принимает, а? Подразнить захотел? Ты еще при Ли Пиньэр готов был меня живьем закопать. Пока пустовало гнездо, я не ревновала.

– Будет уж тебе! – уговаривал ее, смеясь, Симэнь. – Разве она не попросила прощения? А ты все равно к ней придираешься.

Цзиньлянь некоторое время помолчала.

– Ладно, ступай, отпускаю, – наконец, проговорила она. – А узелок не получишь. Чтобы с вонючкой грязь разводить, а потом ко мне?

Симэнь долго выпрашивал. Наконец, она протянула ему серебряную подпругу.

– На, бери! – сказала она.

– Давай хоть это, – пролепетал он и, спрятав в рукав, направился, шатаясь, к выходу.

– Поди сюда! – окликнула его Цзиньлянь. – Скажи, неужели с ней на всю ночь останешься? Постыдился бы служанок. Не задерживай ее, смотри. Дело сделай и отпусти.

– А кто на всю ночь собирается?! – возразил Симэнь и пошел.

– погоди ты! – опять крикнула она. – Видать, неverteпeж? Слушай, что тебе говорят.

– Ну что?

– Спать с ней разрешаю, но чтоб лишнего у меня не болтать! Чтоб потом перед нами не куражилась, нос не задирала. Смотри, узнаю, тогда на глаза мне не показывайся. Отгрызу то, что у тебя там снизу.

– Вот потаскушка негодная! Тебе человека загубить ничего не стоит.

С этими словами Симэнь ушел.

– Пусть его идет, – уговаривала хозяйку Чуньмэй. – Чего вы его держите? Что свекровь ворчит, сноха мимо ушей пропускает. А то на вас больше злиться будет. Чем время терять, давайте в шашки сыграем, матушка.

Чуньмэй велела Цюцзюй запереть калитку. На столе появились доска и шашки.

– Матушка спит? – спросила горничную Цзиньлянь.

– Давно почивает, – отвечала Чуньмэй. – Как из дальних покоев пришла.

Не будем говорить, как играли в шашки Цзиньлянь и Чуньмэй. Расскажем о Симэнь Цине. Когда он отдернул дверную занавеску и

вошел в покои Ли Пиньэр, то Жуи, Инчунь и Сючунь ужинали на кане. Завидев хозяина, они тотчас же встали.

– Ужинайте, ужинайте! – сказал Симэнь и, пройдя в гостиную, опустился в кресло против портрета Пиньэр. Немного погодя появилась сияющая Жуи.

– Холодно здесь, батюшка, – сказала она. – Прошли бы во внутренние покои.

Симэнь протянул руки и, заключив ее в объятия, поцеловал. В спальне они сели около кровати. На углях кипел чай. Инчунь сейчас же подала чашечку Симэню. Жуи стояла близ кана и грелась у жаровни.

– Вам, батюшка, и выпить не пришлось, – заговорила она. – Гости вон как рано разъехались.

– Если б не завтрашний визит к его сиятельству Цаю на корабль, мы бы еще посидели.

– Выпейте винца, батюшка, – продолжала Жуи и обратилась к служанке: – Ступай подогрей вина. А закуски у нас найдутся. С прошлого раза от жертвенного стола покойной матушке остались. Рис мы съели, а до цзиньхуаского вина и закусок даже не дотрагивались. Вам оставили.

– Ели бы сами, – отвечал Симэнь и наказал: – Из закусок дайте только что повкуснее. В цзиньхуаское вино я не хочу. – Он обернулся к Сючунь: – Зажги фонарь и сходи в грот Весны. Налей там в кабинете из жбана виноградного. Ван Цзин тебе покажет. Я виноградного выпью.

– Слушаюсь! – отвечала служанка и, поклонившись, пошла с фонарем в сад.

Инчунь поспешно расставляла на столе закуски.

– Сестрица, – обратилась к ней Жуи, – открой-ка короб. Надо батюшке к вину-то лакомства поставить.

Жуи подошла к лампе и стала доставать из короба всевозможные кушанья. На столе появились утятина, голубятина, маринованная рыба, лапша с бобовыми ростками, приправленная молодым душистым луком медуза, мясные сосиски с потрохами, залитая желтым соусом серебряная лапша-рыба и вареные бамбуковые ростки с салатной горчицей. Перед Симэнем поставили также вычищенные до блеску два кубка на подставках и палочки.

Тут подоспела с кувшином виноградного и Сючунь. Вино процедили и подогрели, после чего Жуи наполнила кубок и поднесла хозяину. Симэнь поднес кубок к губам. Густо-красный напиток

издавал необыкновенно тонкий аромат. Жуи встала поближе, у самого стола. Она наполняла кубок и подавала к вину жареные каштаны.

Инчунь смекнула, в чем дело, и удалилась в кухню к Сючунь. Когда они остались вдвоем, Симэнь пригласил Жуи к себе на колени. Они обнялись и пили из уст в уста. Жуи грызла орехи и угощала ими Симэня. Он расстегнул ее бледно-зеленую шелковую кофту и, прильнув к ее нежно-белой груди, поиграл сосками.

– Дитя мое! – восклицал он восторженно. – Мне, твоему возлюбленному, милее всего эта белизна, – такая же, как у твоей покойной матушки. Когда я обнимаю тебя, мне кажется, я обнимаю ее.

– Что вы говорите, батюшка! – Жуи засмеялась. – Моя матушка нежнее и блее меня была. Матушка Пятая тоже собой хороша, но тело у нее розовыми пятнами – так, ничего особенного. Матушка Старшая и Третья – вот белизной взяли. Правда, у Третьей рябинок многовато. Зато матушка Сюээ – красавица, ничего не скажешь. И бела и стройна. – Жуи помолчала и заговорила о другом: – Я вам, батюшка, вот что хочу сказать. Сестрица Инчунь собирается мне подарить заколку-восемь бессмертных, а у вас, батюшка, попросить к новогодним празднествам золотого тигренка, которого наша матушка носила. Вы ей дадите?

– Если у тебя нет драгоценностей, я отнесу золота ювелиру и закажу тебе заколку, – сказал Симэнь. – А сундук с головными украшениями и драгоценностями твоей матушки хранится в дальних покоях у хозяйки, так что неловко спрашивать.

– Ладно, согласилась Жуи. – Тогда и мне тигренка закажите, хорошо?

Она земным поклоном поблагодарила хозяина, после чего пир продолжался.

– Батюшка, сестриц бы надо позвать, – предложила, наконец, Жуи. – Пусть по чарочке выпьют. Не обиделись бы.

Симэнь крикнул Инчунь, но она не отозвалась. Тогда Жуи сама пошла в кухню.

– Сестрица, тебя батюшка зовет, сказала она Инчунь.

Когда горничная подошла к столу, Симэнь велел Жуи налить ей чарку и положить закуску. Инчунь осушила чарку и, стоя у стола, стала закусывать.

– Надо бы и сестрицу Сючунь позвать, – обратилась к ней Жуи. Инчунь удалилась.

– Она не придет, – сказала Инчунь, вернувшись из кухни, а немного погодя забрала с кана постель и пошла на ночлег. – Не хочу в

гостиной на скамейке ночь коротать. Пойду на кан, к Сючунь под бок. Чай там кипит батюшке, сама тогда нальешь.

– Прикрой заднюю дверь, – наказала Жуи. – Я потом запру.

Инчунь удалилась. Немного погодя Жуи собрала со стола посуду, подала Симэнь чай, а сама пошла запереть дверь.

На всякий случай она разобрала для хозяина постель, как следует согрела шелковое одеяло и расшитые подушки.

– Вы где будете спать, батюшка? – спросила она. – На кане или на кровати?

– Давай на кровати.

Жуи расстелила перину и позвала Симэня, чтобы помочь ему снять туфли и чулки, а сама после омовения заперла дверь, поставила на столик у кровати лампу и, раздевшись, забралась под одеяло. Они лежали обнявшись. Жуи играла с Симэнем. Она мяла руками его предмет, который, подтянутый подпругой, являл вид грозный и устрашающий. Она радовалась и в то же время побаивалась. Они целовались, крепко прильнув друг к другу. Опасаясь как бы не простыла Жуи, которая лежала на спине под одеялом совершенно голой, Симэнь прикрыл ей грудь нагрудником, ухватил за обе ноги и, собравшись с силами, начал заталкивать и выдергивать. Женщина порывисто дышала, и от его молотьбы действий лицо ее горело огнем.

– А этот нагрудник мне тоже покойная матушка дала, – заметила она.

– Не беспокойся, душенька моя! Я тебе завтра же из лавки полкуса красного атласу принесу. В шелковом белье и атласных ночных туфельках меня встречать будешь.

– Вот спасибо! А я выберу время и сошью.

– Да, я что-то запамятовал, сколько тебе лет и как твоя фамилия, – спросил Симэнь. Муж у тебя вроде был по фамилии Сюнь?

– Да, его звали Сюнь Ван, а моя девичья фамилия – Чжан, я – Чжан Четвертая. Мне тридцать второй год пошел.

– Значит, я на год старше.^[1428]

Симэнь продолжал свое дело, называя ее Чжан Четвертой.

– Будешь мне усердно служить, дитя мое, – говорил он, – кормилицей к младенцу Старшей хозяйки поставлю, а если сама наследником обзаведешься, – вознесу, младшей женой сделаю. Место покойной твоей матушки займешь. Что на это скажешь, а?

– Муж у меня умер, родителей тоже не стало, – говорила Жуи. – Всем сердцем рада служить вам, батюшка. Вот о чем мечтаю, и нет у меня другого желания. Быть бы мне до самой моей смерти рядом с

вами, батюшка. А за щедрые милости ваши и посулы не знаю, как мне вас и благодарить.

Сказанное пришлось весьма по душе Симэню и привело его в неописуемый восторг. Держа в руках ее белоснежные ножки, на которых красовались зеленые вытканые цветами шелковые туфельки, он заботился только о том, чтобы погружаться по самую маковку. Оба раскачивались изо всей мочи. Жуи внизу была не в силах унять стенания, на затем нежный голосок ее стихал, а сверкающие точно звезды глаза тускнели.

Через немалый промежуток времени Симэнь велел ей встать на четвереньки и раздвинуть ноги, а сам, накинув на себя красное шелковое одеяло, сел на нее верхом и заправил свой предмет в срамную щель. При свете лампы он мял ее белоснежную попку и, раскачиваясь, наносил удары.

– Чжан Четвертая! Детка! – приговаривал Симэнь. – Кричи как следует: «Родной мой! Любимый!» – и не останавливайся, а я буду поддавать по своему.

Жуи не оставалась безучастной. Она все время потрафляла ему, поднимая ноги навстречу его движениям. Опять не смолкал ее нежный, дрожащий шепот. Прошла целая стража, прежде чем Симэнь завершил, наконец, поединок, выпустил семя и затем, после длительного сладостного оцепенения вынул наконец свой веник из потаенной ложбины. Жуи тотчас же привела его в порядок, вытерев платком, и они, обнявшись, проспали до пятой предутренней стражи, когда запели первые петухи. Жуи опять начала заигрывать, взяв то самое себе в рот.

– А как матушка Пятая играет! – откликнулся Симэнь. – Целую ночь, боится, как бы я не озяб. Даже за малой нуждой с постели не пускает.

– Не беспокойтесь, батюшка! – заверила его Жуи. – Что же, я разве от вас не выпью?

И Симэнь тут же, воспользовавшись ее заверением, отправил все содержимое своего мочевого пузыря ей в рот.

Так всю ночь провели они в утехах и ласках, которые сопровождались неумолчным щебетом и лепетанием.

На другой день первой встала Жуи. Она отперла дверь и поставила для умывания таз воды. Симэнь оделся и после утреннего туалета направился в переднюю залу, где наказал Дайяню:

– Надо будет взять двоих солдат и срочно доставить в цензорское управление его сиятельству Суну золотой треножник, украшенный

фигурами восьми бессмертных. Он стоит в крытой галерее. Когда вручишь визитную карточку, обожди ответа.

Симэнь обернулся к Чэнь Цзинци и велел ему завернуть кусок расшитого золотом атласа и кусок пестрого атласа. Циньтуну было дано распоряжение приготовить плед и седлать коня для предстоящей поездки хозяина в Синьхэкоу на свидание с Цай Сю.

Симэнь Цин ел рисовый отвар в покоях Юэнян.

– Неужели мы все пойдем в гости к госпоже Ин? – спросила Юэнян. – Надо кому-то из сестер и за домом присмотреть и старшей невестке У компанию составить.

– Но я уже приготовил пять подарков, – говорил Симэнь. Ты поднесешь лиф, золотые серьги и пять цяней серебра, остальные – по два цяня серебра и по платку. Все пойдете. А дома дочь с тетушкой побудет. Не все ли равно. Нет, вы все должны пойти. Я брату Ину слово дал.

Юэнян не проронила ни слова в ответ.

– Мне домой пора, матушка, – сказала ей, поклонившись, Гуйцзе.

– А ты куда спешишь? – отозвалась хозяйка. – Погостила бы еще денек.

– Мамаше нашей что-то нездоровится, – объяснила Гуйцзе. – А сестры заняты и некому за ней поухаживать. Я в другой раз, в новогодние праздники, подольше погощу, хорошо?

Певица поклонилась Симэню. Юэнян дала ей две коробки сладостей к чаю и лян серебра. После чаю Гуйцзе ушла.

Симэнь оделся в парадный халат и пошел в переднюю залу. Тут явился Пингань.

– Его сиятельство комендант Цзин прибыли с визитом, – доложил он.

Симэнь вышел навстречу гостю и провел его в залу, где они обменялись приветствиями. Военный комендант Цзин был облачен в парадный халат с квадратными нашивками и круглым воротом, препоясан золотым поясом, уши для тепла были прикрыты наушниками.

– Давненько не виделись, сударь! – отвешивая поклон, заговорил Цзин. – Прошу покорно меня простить, что не смог поздравить вас с высоким назначением.

– Премного вам благодарен, сударь, за щедрые дары, – отвечал Симэнь. – Извините, до сих пор не засвидетельствовал вам почтение.

После взаимных любезностей они сели на места, предназначенные гостю и хозяину. Подали чай.

– Вас, я вижу, ждет отличный конь, – обратился Цзин. – Далеко ли путь держите?

– Видите ли, цензор Сун Гунцзу, начальник Ведомства работ Ань Фэншань, Цянь Лунье и Хуан Тайюй вчера угощали у меня правителя Девятиречья Цая Девятого, сына его превосходительства императорского наставника, – объяснял хозяин. – Поскольку правитель Цай удостоил меня своей визитной карточкой, я считаю своим долгом нанести ему ответный визит и незамедлительно. Его сиятельство вот-вот собирается отчалить.

– Ваш покорный слуга как раз прибыл просить вас об одном одолжении. Дело в том, что у цензора Суна в этом году истекает срок полномочий. В конце года ожидаются перемещения чинов местной службы. Сыцюань, будьте так добры, замолвите у цензора словечко насчет меня. Прослышал, он пировал вчера у вас, вот и решился попросить вашего благодеяния.

– Это не так трудно сделать, – заверил его Симэнь. – Мы ведь друзья, и для вас я рад сделать все, что в моих силах. Дайте только ваш послужной список. На ваше счастье, цензор еще будет устраивать у меня прием. Тогда и поговорю.

Цзин поспешно встал и бил челом Симэню.

– Я вам так обязан! Благодарю за щедрые милости! – говорил он. – А послужной список у меня с собой.

С этими словами он велел сопровождающему подать список, который он собственноручно вручил Симэню.

Послужной список гласил:

«Цзин Чжун, военный комендант, инспектор пехоты и конницы Шаньдуна, квартальный надзиратель левого гарнизона Цинхэ, тридцати двух лет от роду, уроженец расположенного в Загорье Таньчжоу, как наследник ратных подвигов своих предков был возведен в чин старшего тысяцкого вышеназванного левого гарнизона, а после успешного окончания военной академии в таком то году занял нынешний пост инспектора пехоты и конницы в Цзичжоу. На протяжении лет ...»

Следовало подробное перечисление заслуг. Когда Симэнь просмотрел список, Цзин достал из рукава лист подношений и вручил его со словами:

– Не откажите, примите скромный дар, прошу вас.

Симэнь прочитал: «Отборного риса двести даней^[1429]».

– Что вы! – воскликнул он. – Мы же с вами друзья! Нет, я никак не могу принять.

– Если вы не хотите принять, Сыцюань, то цензору Суну

пригодится поднести, – упрашивал Цзин. – Не отвергайте! Знай я, что вы откажетесь, не решился бы вас беспокоить.

После долгих церемоний Симэнь, наконец, согласился принять серебро.

– Ладно, пока возьму, – сказал он. – А насчет вас я с ним при первом же свидании поговорю. О результатах сообщу через посыльного.

Подали чай. Цзин откланялся и, поблагодарив Симэня, ушел.

– Если кто без меня пожалует с визитом, карточку прими, а за мной не приезжайте, – наказывал Пинъаню Симэнь. – Четверых солдат у ворот поставь.

С этими словами он вскочил на коня и отбыл к Цай Сю. Его сопровождал Циньтун.

* * *

А теперь расскажем про Юйсяо, горничную Юэнян. Отправив Симэня, она пошла к Пань Цзиньянь.

– Что же вы, матушка, вчера так скоро ушли? – спрашивала она Цзиньянь. – А мы до поздней ночи засиделись. Мать Сюэ читала «Драгоценный свиток о праведной Хуан», потом матушка Вторая чаем угощала, а матушка Третья распорядилась принести вина и закусок. Гуйцзе и Шэнь Вторая по очереди пели. Только в третью ночную стражу разошлись. И чего только про вас не говорила моя хозяйка! Вы, говорит, как услышали, что у батюшки гости разошлись, так сразу к себе бросились. Вот, говорит, как она его держит. Уж и в день рождения Третьей к себе завлекает. А матушка Третья и отвечает: «Не стану я перед людьми позориться. Не собираюсь с ней, – это с вами, матушка, – тягаться. Нас вон сколько: к которой пожелает, к той пусть и идет».

– Ну вот! – воскликнула Цзиньянь. – Они совсем ослепли, что ли? Ну скажи, ночевал он у меня сегодня или нет? А попробуй ты им объясни, нехороша будешь.

– Хозяин к матушке Шестой в покои все время ходит, – подтвердила Юйсяо. – Но к кому? Ведь матушки Шестой давно нет.

– Цыпленок не мочится, и все ж нужду справляет, – заметила Цзиньянь. – Одна умерла, другая гнездо заняла.

– А как разгневалась на вас моя хозяйка! – продолжала Юйсяо. – Почему, мол, вы у батюшки шубу попросили, а ей ни слова. Когда батюшка ей ключи принес, она ему выговор сделала: «Когда сестрица Ли скончалась, ты ворчал, горничных и служанок ее велел на месте

оставить. Давно ли это было? И вот, ни слова не говоря, уж и шубу ее любимую другим отдаешь». А батюшка ей объясняет: «Ей ведь одеть нечего». «Как так нечего? – спрашивает она. – а почему заложенную не хочет? Ей, видишь ли, вот эту вынь да положь. Умерла сестрица, так у нее глаза разгорелись на ее добро? А будь сестрица жива, наверно как-нибудь обошлась бы.»

– Это я вам, матушка, по секрету сказала, – заключила Юйсяо, – до вашего сведения довела, а вы уж меня не выдавайте. Гуйцзе сегодня ушла, хозяйка к выезду готовится. Хотела с супругой У Старшего Сюээ оставить, но батюшка не согласился. Все, говорит, в гости пойдете. Так что, вы, матушка, тоже будьте готовы.

С этими словами Юйсяо и ушла.

Цзиньлянь села перед туалетным зеркалом, украсила прическу цветами и бирюзой, попудрилась и нарумнялась, потом послала Чуньмэй к Юйлоу узнать, какого цвета платье одеть.

– Ведь батюшка велит траур соблюдать, – говорила горничной Юйлоу, – значит, все будут одеты скромно. Будут бледные тона.

Решено было, что каждая украсит прическу белой сеткой и бледно-голубым с золотой ниткой газовым платком, который будет держать жемчужный ободок, а на себя оденет кофту с застежкой из тканного с золотом атласа и голубую атласную юбку. Только У Юэнян, помимо жемчужного ободка, венчала себя белой газовой шапочкой, отороченной выдровым мехом. Шапочку сверху украшала золотая дуга. В ушах у нее сверкали серьги с заморскими жемчужинами. На ней была кофта цвета алоэ с пестрым нагрудником и расшитая золотом зеленая юбка. Ее ожидал большой паланкин, остальным предназначались малые. Паланкины обогревались медными жаровнями. Сопровождали их Ван Цзин, Цитун и Лайань. Солдаты окриками разгоняли с дороги зевак. Распростившись с женой У Старшего, монахинями и мамашей Пань женщины отбыли к Ин Боцзюэ, где справляли месяц со дня рождения его сына, но ни о том пойдет наш рассказ.

Жуи и Инчунь между тем накрыли стол. Кроме кушаний, которые остались от пировавшего накануне Симэня, они поставили кувшин цзиньхуаского вина, налили из жбана кувшин виноградного и в полдень пригласили мамашу Пань и Чуньмэй.

Пела им барышня Юй. Угощение было в самом разгаре. И надо же было тому случиться!

– Барышня Шэнь, говорят, уж очень хорошо поет на мотив «Повесила портрет», – сказала вдруг Чуньмэй. – Сходили бы за ней.

Пусть поет.

Только Инчунь хотела послать за певицей Сючунь, как к ним вошел Чуньхун и встал погреться у жаровни.

– А ты что ж, арестантская твоя душа, матушек не сопровождал? – спросила его Чуньмэй.

– Батюшка Ван Цзина послал, – отвечал Чуньхун. – Меня за домом оставил присматривать.

– Замерз, должно быть, разбойник, а? Погреться пришел? – спрашивала Чуньмэй и крикнула Инчунь. – Налей-ка ему чарку. А ты пей и ступай Шэнь Вторую позови. Скажи, что я велела ей прийти бабушке спеть.

Чуньхун осушил чарку и поторопился в дальние покои.

Тем временем жена У Старшего, монахини и Юйсяо, а за компанию с ними и певица Шэнь пили заваренный с тмином и кунжутом чай. Чуньхун отдернул дверную занавеску и, войдя к ним в комнату, позвал певицу.

– Поди-ка сюда, – сказал он. – Тебя тетушка Старшая петь зовет.

– Тетушка Старшая здесь, – отвечала Шэнь, имея в виду невестку У. – Что, другая объявилась?

– Тетушка Чуньмэй тебя зовет, – пояснил Чуньхун.

– Какая тетушка! Подумаешь! – недоумевала певица. – С чего это я ей понадобилась? Там же барышня Юй, а я тетушке Старшей пою.

– Ничего, пойди спой, потом вернешься, – заметила госпожа У.

Однако певица точно приросла к своему месту. Чуньхун удалился.

– Я звал, она не идет, – объяснил он Чуньмэй. – Они в покоях хозяйки сидят.

– Скажи: я зову, она и придет, – настаивала Чуньмэй.

– Я так и сказал, – подтвердил Чуньхун. – Тетушка Старшая, говорю, тебя зовет, а ей хоть бы что. «Тетушка Старшая, – отвечает, – здесь сидит. Там, говорит, другая что ли объявилась?» Тетушка Чуньмэй, говорю ей. «С каких, – отвечает, – пор она тетушкой заделалась? Звать начала? Занята я, говорит, тетушке Старшей пою». Тут к ней обратилась жена У Старшего и говорит: «Пойди спой, потом вернешься». Но она ни в какую.

Не услышь этого Чуньмэй, все бы шло своим чередом, а тут в ней, казалось, взбунтовались три демона дурных страстей,^[1430] гневные духи вырвались из пяти внутренностей и достигли небес. У нее покраснели уши, а потом побагровело все лицо. Ее пытались удержать, но не тут-то было. Чуньмэй вихрем ворвалась в хозяйкины покои и, тыча пальцем, обрушилась с руганью на певицу Шэнь Вторую.

– Как ты говоришь обо мне слуге?! – вопрошала она, – «Еще одна тетушка объявилась? Подумаешь, какая тетушка! С чего это я ей понадобилась?» Ишь какая барыня нашлась! Ее позвать не смей. Конечно, мы же скотина ничтожная. Ты нас ведь из хлева вызволила, в люди вывела. Явилась новая благодетельница! Да кто ты такая есть, сучья дочь? Через сколько рук прошла, шлюха поганая? Давно ли в наш дом вошла и уж заносится, на всех глядит свысока. А чего ты знаешь? Настоящей песни спеть не можешь. Тянет одно и то же: к востоку плетень, к западу плотина. Такую белиберду – лай собачий, и записать-то нельзя. И еще гордится! Да мы не таких певиц слышали. Подумаешь, невидаль какая! Пусть тебя потаскуха Хань Даого расхваливает, нас не удивишь. Как ты ей ни подражай, я тебя не испугалась. И вот что. Убирайся-ка ты отсюда по добру по здорову и чтобы ноги твоей здесь больше не было.

Тут Чуньмэй остановила супруга У Старшего:

– Ну довольно! прекрати сейчас же ругань!

Выведенная из себя певица только глаза таращила, не решаясь перечить Чуньмэй.

– Ай-яй-яй! – наконец, протянула она. – Ну и грубиянка! Я ж ничего плохого слуге не говорила. И столько грязи вылить! Если я здесь не нужна, пойду туда, где меня примут.

Это еще больше обозлило Чуньмэй.

– Ступай, шлюха неотесанная! – закричала она. – По тебе улицы и переулки скучают. Будь ты порядочная да самостоятельная, в своем бы доме сидела, а то по чужим домам шляешься, подавание клянчишь. Убирайся и чтоб я тебя больше не видала!

– Я не с тобой живу! – отвечала Шэнь.

– Не со мной! – не унималась Чуньмэй. – Смотри! слуг позову. Без волос останешься.

– Дочка! – опять вмешалась госпожа У. – Ну что с тобой сегодня? Иди-ка к себе и успокойся!

Но Чуньмэй не двинулась с места. Певица Шэнь, рыдая, спустилась с кана, поклонилась тетушке У и принялась увязывать одежду в узел. Не дожидаясь носилок, она попросила тетушку послать Пинъаня за Хуатуном, чтобы тот проводил ее до дома Хань Даого. После ее ухода Чуньмэй еще раз разразилась бранью и удалилась.

– Выпила она, должно быть, – заметила У Старшая, обращаясь к дочери Симэня и Юйсяо. – А то не стала бы, наверно, так ругаться. Мне прямо неловко было слушать. Ну пусть бы человек не спеша собрался, а то гнать ... и провожать не велела. На что ж это похоже?!

Разбушевалась – не подступись. Зачем так людей нервировать?!

– Наверно, они там выпили, – сказала Юйсяо.

Чуньмэй тем временем вернулась к себе возбужденная.

– Как же я эту неотесанную шлюху отчитала! – начала она, обратившись к сидящим. – В два счета выставила. Если б не тетушка У, она бы, проклятая, у меня оплеух заработала. Ишь до чего зазналась! Кого она из себя корчит?! Только меня она еще плохо знает!

– Ты сучок срубила, а всему дереву рану нанесла! – говорила Инчунь. – Попридержи язык-то. Шлюхой обзываешь, а тут барышня Юй.

– К ней это не относится, – продолжала Чуньмэй. – Барышня Юй – дело другое. Вот уж который год она к нам ходит, а назови, кого она хоть раз обидела. Попросишь, сейчас же споет. Разве ее можно с этой наглой шлюхой равнять? А чем она, дура хвастается?! Она ж ни одной настоящей песни, ни одного напева не знает. Только и тянет свою «Овечку с горного склона» да «Застряла в решетке южная ветка».^[1431] Несет всякую дребедень – слушать тошно, а гонору хоть отбавляй. Ей, по-моему, хотелось барышню Юй вытеснить. Ее место она занять мечтает.

– Этого-то она и добивается! – поддержала ее барышня Юй. – Вчера матушка Старшая мне петь велела, так у меня лютню прямо из рук вырвала. Матушка тогда и говорит мне: пусть, мол, она первая поет, а ты потом. А уж вы на нее не обижайтесь, – продолжала Юй, обращаясь к Чуньмэй. – Откуда ей знать, какие правила в солидных домах заведены. И как ей подобает к вам относиться, она тоже понятия не имеет.

– Я вот ее отругала, а она опять к жене Хань Даого отправилась, – говорила Чуньмэй. – Только как ты ни подражай этой проклятой шлюхе, я тебя не испугаюсь...

– Ну зачем ты, дочка, так горячишься? – вставила бабушка Пань.

– Погодите, я сейчас сестрице чарочку поднесу, – сказала Жуи. – Она и успокоится.

– Вот ведь какая у меня дочка! – подхватила Инчунь. – Разгорячится – не уймешь. – Она обернулась к барышне Юй: – Спойка что-нибудь получше.

Барышня Юй взяла лютню.

– Я вам, бабушка и сестрица, спою «Смятеньем объята в спальне Иньин» на мотив «Овечка с горного склона».

– Только с чувством пой, – наказывала Жуи. – А я чарку налью.

Инчунь подняла чарку и обратилась к Чуньмэй.

– Хватит, дочка! Не горячись, успокойся! Тебе мать родная подносит. Выпей!

Чуньмэй не выдержала и рассмеялась.

– Ах ты, потаскушка несчастная! – шутя заругалась она на Инчунь. – И ты в матери мне заделалась? – Чуньмэй обернулась в сторону барышни Юй и продолжала: – Не надо «Овечку». Спой лучше «Воды реки».

Певица расположилась сбоку и, аккомпанируя на лютне, запела:

Как луна бела, как цветок нежна,
Но поблек цветок, и зашла луна
На дверях – замки!
По двору метет лишь восточный вихрь,
Холод без конца, дождь промозгл и лих,
Смяты лепестки!
Я ленюсь возжечь свежий аромат,
Башмачков не шью, мои пальцы спят,
Сохну от тоски!
Тень былой любви вновь встает в ночи,
Грудь сжимает боль и нутро кричит,
Хмурятся виски!
Неужели мой близится конец,
Иволгу впусти в золотой дворец!
Будем ли близки?!
Ясень шелестит сочною листвою,
Благодатный дух, ласковый покой,
Там расцвел банан...
Бабочки в пыльце радостно снуют,
Иволгам в ветвях сладостный уют
В утренний туман...
Хор цикад умолк, на ветвях роса.
Милый мой далек, словно небеса,
Дальше дальних стран...
Бросил дорогой девицу одну.
Кто поет в тени? – Подошла к окну,
Изогнула стан...
Веер вдруг упал на мое окно:
Молодец пришел, веер тот – письмо,
Если не обман...
Не снести жары – тело, как в огне,
Только веер мне, только полог мне

Веют холодком.
Тусклою свечой я освещена,
Вот вошла луна, я, как тень, одна.
Тосковать о ком?
Гуси в даль летят, а затем – домой,
Но опять весной ненаглядный мой
Слишком далеко.
Сшить хочу халат, чтобы впору был,
Но далекий край, что его пленил,
Жаль, мне не знаком.
Я с подарком шлю к милому гонца,
Помашу с крыльца – нет пути конца –
Встретить не легко!
Сливу я спрошу, уж в который раз!..
Без тебя больна, свет очей угас,
Пожелтел нефрит.
И тревожен сон – плачу я во тьме,
Страшен полумрак, тени на стене,
Страж унылый ритм.
Мне желанья нет согреть постель,
Тяжких мыслей рой – бесов канитель,
Вместо вздоха – хрип.
Шеи стебелек горестно поник,
Будто все цветы вдруг опали в миг –
Опустел мой скит.
Память о любви мне не одолеть,
В центре уголек долго будет тлеть –
Всё нутро горит!

Однако оставим их, и расскажем о Симэнь Цине.

Когда Симэнь по возвращении из Синьхэкоу от Цяя Девятого спешилс у ворот, к нему обратился Пинъань.

– Господин Хэ присылал посыльного из управы, – докладывал привратник. – Приглашает вас завтра в управу на допрос задержанной шайки грабителей. Его сиятельство Ху целую сотню календарей на новый год прислали. От коменданта Цзина принесли свиную тушу, жбан вина и четыре пакета с серебром. Подношения зятюшка принял, но ответ без вас дать не решился. Под вечер его слуга опять вас, батюшка, спрашивал. Визитную карточку только его сиятельству Ху отправили, а посыльного наградили цянем серебра. От господина Цяо приглашение принесли. Вас завтра на пир приглашают.

Потом Дайань вручил хозяину ответ цензора Суна.

– Его сиятельство Сун обещали завтра рассчитаться, – докладывал Дайань. – Меня и носильщиков наградили пятью цянями и передали сто календарей.

Симэнь позвал Чэнь Цзинцзи и велел отнести пакеты с серебром к хозяйке в дальние покои, а сам направился в залу.

Тем временем Чуньхун поторопился в залу.

– Батюшка воротились, а вы все веселитесь? – обратился он к Чуньмэй.

– Вот дикарь арестант! – заругалась горничная. – «Батюшка воротились»... А нам-то какое до него дело?! Раз нет матушки, он сюда не заглянет.

И они, как ни в чем не бывало, продолжали веселый пир.

Симэнь же проследовал в покои Юэнян. Там расположились старшая невестка У, монахини и остальные. Юйсяо помогла хозяину раздеться. Симэнь сел. Ему тотчас же накрыли стол. Он позвал Лайсина и отдал распоряжения относительно предстоящих приемов:

– Тридцатого цензор Сун устраивает у нас проводы губернатору Хоу, первого надо будет заколоть свинью и барана для семейного жертвоприношения, а третьего – угощение командира Чжоу и дворцовых смотрителей Лю и Сюэ по случаю их повышения в должности.

Слуга удалился.

– Какого вина изволите, батюшка? – спросила Симэня стоявшая рядом Юйсяо.

– Открой-ка жбан бобового, которое прислал комендант Цзин. Надо попробовать, что это за вино.

Вернулся с ответом Лайань.

Юйсяо поспешно принесла вино и, откупорив жбан, наполнила чарку, которую поднесла Симэню. Он отпил глоток чистого, как янтарь, ароматного напитка и приказал:

– Его буду пить.

Вскоре на столе появились закуски.

Пока Симэнь пировал в хозяйских покоях, Лайань и солдаты с фонарями вечером проводили Юэнян и остальных жен домой. На Юэнян была горностаевая шуба, расшитая золотом светло-коричневая атласная кофта и нежно-голубая юбка.

Ли Цзяоэр и остальные жены были в собольих шубах, белых шелковых кофтах и вытканых золотом лиловых юбках. Юэнян не могла не обратить внимания на то, что Цзиньянь вырядилась в шубу

Ли Пинъэр, а свою шубу отдала Сунь Сюээ.

Прибывшие вошли в покои хозяйки и приветствовали Симэня. Только Сюээ склонилась в земном поклоне сначала перед Симэнем, потом перед Юэнян. Женщины прошли в гостиную, где поклонились старшей невестке У и монахиням. Юэнян села и повела разговор с Симэнем.

– Супруга Ина была так обрадована, увидев нас всех, – говорила она. – За столом собралось больше десяти человек. Были соседка Ма и жена Ина Старшего Ду Вторая. Двух певиц звали. Малыш у них растет такой здоровый, толстощекий. Но Чуньхуа с тех пор заметно осунулась и побледнела. Лицо какое-то длинное стало, как у ослицы. И чувствует себя неважно. Ведь все хлопоты на нее легли. Впрочем им там всем досталось. Рук у них не хватает. Перед уходом брат Ин нам земные поклоны отвешивал, благодарностями осыпал. Тебя за щедрые подарки просил благодарить.

– И Чуньхуа, рабское ее отродье, тоже к вам выходила? – спросил Симэнь.

– А почему ж нет? – удивилась Юэнян. – Что она, дух бесплотный, что ли? У нее вроде и нос и глаза – все на месте.

– Ей, черной кости, рабскому отродью, только бы свиней кормить.

– Ну что ты болтаешь? – срезала его хозяйка. – Слушать не хочется. По-твоему только ты подобрал красавиц одну к другой, только тебе можно ими хвастаться, да?

Тут в разговор вступил стоявший сбоку Ван Цзин.

– Дядя Ин как матушек увидел, даже выйти не решился, – говорил он. – В пристройку увильнул и давай в щелку за матушками подглядывать. Совесть, говорю, у тебя есть, почтеннейший? Зачем же украдкой-то подглядываешь? Так он на меня с кулаками набросился.

От хохота Симэнь так сощурился, что глазных щелок не видно было.

– Вот Попрошайка разбойник! – заругался он, наконец. – погоди же, только ко мне приди, я тебе глаза мукой засыплю.

– Вот, вот, – подтвердил Ван Цзин.

– Чепуху ты болтаешь, негодник! – отрезала Юэнян. – Зачем человека напрасно оговаривать?! Его и следа не было видно. Где он за нами подглядывал? Он только перед нашим уходом и вышел.

Ван Цзин вскоре ушел. Юэнян поднялась и пошла в гостиную, где приветствовала старшую невестку У и монахинь. Падчерица, Юйсяо и остальная прислуга склонилась перед хозяйкой в земном поклоне.

– А где же барышня Шэнь? – сразу спросила Юэнян.

Никто не решался рта раскрыть.

– Барышня Шэнь домой ушла, – наконец, сказала Юйсяо.

– Почему ж она меня не дождалась? – продолжала недоумевать хозяйка.

Тут супруга У Старшего, будучи не в состоянии больше скрывать происшедшее, рассказала, как на певицу обрушилась Чуньмэй.

– Ну, не захотела петь и что ж такого? – говорила в раздражении Юэнян. – А ругать к чему? Тем более служанке! Совсем не пристало распоясываться! А впрочем, когда в доме нет настоящего хозяина, тогда и прислуга порядка не знает. И на что только это похоже? – Юэнян обернулась в сторону Цзиньлянь и продолжала. – А ты, если твоя горничная распускается, должна ее приструнить.

– Я такой невежды-упрямицы отродясь не встречала, – заговорила, улыбаясь, Цзиньлянь. – Ветер не дунет, дерево не закачается. Раз ты по домам ходишь, знай свое дело – пой, когда тебя просят. Нечего на рожон лезть. Кто ей велел зазнаваться?! Права Чуньмэй, что ей все прямо в глаза сказала. Впредь не будет задиаться.

– На язык ты бойка, спору нет, – продолжала Юэнян. – По-твоему выходит, пусть на всех без разбору бросается, всех из дому гонит? Стало быть, и урезонить ее не моги?

– Так, может, мне прикажете ее палками избить из-за какой-то безграмотной шлюхи, так, что ли?

Тут Юэнян так и побагровела от злости.

– Ну, потакай ей больше! Она, увидишь, со всеми родными, близкими и соседями переругается.

С этими словами Юэнян встала и направилась к Симэню.

– Кто это тебя? – спросил Симэнь.

– Сам знаешь кто! – отвечала Юэнян. – Вот каких воспитанных горничных ты в доме собрал!

И она рассказала ему, как Чуньмэй выгнала певицу Шэнь Вторую.

– Ну, а почему ж она ей спеть не захотела? – говорил, улыбаясь, Симэнь. – Не волнуйся! Пошлю ей завтра со слугой лян серебра и все будет в порядке.

– И коробку барышня Шэнь забыла взять, – заметила Юйсяо.

– Нет, чтобы горничную вызвать да внушение сделать, ты только знаешь зубоскалить, – говорила Юэнян, видя, как несерьезно он отнесся к ее словам. – Не нахожу ничего смешного!

При виде разгневанной хозяйки Мэн Юйлоу и Ли Цзяоэр удалились к себе. Симэнь продолжал выпивать как ни в чем не бывало.

Через некоторое время и Юэнян прошла в спальню и стала

раздеваться.

– А это что за пакеты? – спросила она Юйсяо, заметив на сундуке четыре пакета с серебром.

– Это комендант Цзин двести лянов принес, – объяснил Симэнь. – Просил с цензором Суном насчет повышения поговорить.

– Зятюшка передал, – говорила Юйсяо. – Я на сундук положила, а вам, матушка, забыла сказать.

– Раз чужие, надо было в буфет убрать, – заключила Юэнян.

Юйсяо спрятала в буфет серебро, но не о том пойдет рассказ.

Тем временем Цзиньянь продолжала сидеть в покоях Юэнян. Она поджидала хозяина, чтобы вместе пойти к себе в спальню. В этот благоприятный для зачатия день жэнь-цзы ей не терпелось принять снадобье монахини Сюэ и быть с Симэнем. Он, однако, не собирался выходить из-за стола. Цзиньянь отдернула дверную занавеску.

– Ну, ты идешь? – спросила она. – Я пошла.

– Иди, дитя мое! – отвечал Симэнь. – Я выпью и сейчас приду.

Цзиньянь удалилась к себе.

– А я не хочу, чтобы ты туда шел, – заявила Юэнян. – Мне еще с тобой поговорить нужно. Какие вы неразлучные! Куда иголка, туда и нитка. До чего ж она обнаглела, бесстыжая! И надо ж: врывается ко мне в покои и зовет. Ты ему жена, а мы, выходит, никто, да? Ну и у тебя тоже нет ни стыда ни совести. Не зря тебя судят да рядят. Все – твои жены, и ты обязан ко всем относиться одинаково. К чему одну выделять? Она тебя как на привязи держит. После поездки в столицу и тени твоей в дальних покоях не видно. Как же тут зла не будет? Нет, ты и похлебки попробуй, а не только лакомый кусочек. А то держит у себя, ни на шаг не отпускает. Я про себя не говорю. Я не такая, но другие этого не простят тебе. Может, и промолчат, а в душе гнев затаят. Вон сестрица Мэн в гостях крошки в рот не взяла. Не знаю, то ли она простудилась, то ли сердце от обиды зашло. Во всяком случае, воротилась сама не своя. Ин Вторая ей чарку поднесла, а ее вырвало. И ты не заглянешь к ней, не навестишь?

– Ей в самом деле плохо? – переспросил Симэнь и, приказав слугам убрать со стола, направился в покои Юйлоу.

Ее платье было небрежно брошено на кан. Раздетая, без головных украшений, она лежала с опущенной вниз головой и тяжело дышала. Ее мутило. Ланьсян разжигала печь.

– Скажи, что с тобой, дитя мое? – спрашивал Симэнь. – Завтра же приглашу врача, пусть осмотрит.

Юйлоу не проронила ни слова, даже головы не подняла. Симэнь

приподнял ее, и они сели рядом. Ей было тяжело. Она все время разглаживала грудь.

– Дорогая моя, что с тобой? Скажи! – расспрашивал Симэнь.

– Душит меня, – проговорила она. – А ты что спрашиваешь? Шел бы, тебя ведь ждут, наверно.

– Не знал я, что тебе плохо, – оправдывался он. – Мне только что Старшая сказала.

– Где тебе знать?! – продолжала Юйлоу. – Какая я тебе жена! Иди к своей любимой.

Симэнь обнял ее за шею и поцеловал.

– Ну, зачем ты так говоришь! Не насмехайся надо мной! – Симэнь крикнул Ланьсян. – Ступай завари матушке ароматного чаю да покрепче.

– Чай готов, – отвечала горничная и тотчас же подала чашку.

Симэнь поднес ее к губам Юйлоу.

– Поставь! Я сама, – сказала Юйлоу. – Не надо за мной ухаживать. Себя не утруждай. А над тобой никто не насмехается. Только уж очень редко ты сюда заглядываешь. Нынче солнце, должно быть, на западе взошло, не иначе. А Старшая напрасно обо мне напомнила. Только лишние терзания.

– Пойми, в эти дни у меня минуты свободной не выпало – так я был занят, – оправдывался Симэнь.

– Да, да, конечно! Но зазноби свою ты, однако ж, не забыл. Вот как она тебя крепко держит! А мы неходовой товар. Нас лучше упрятать куда подальше. Может, лет за десять разок и вспомнишь.

Симэнь хотел поцеловать ее, но она воспротивилась.

– Отстань, от тебя вином несет. Человек целый день в рот ничего не брала, а ты пристаешь. Нет у меня никаких желаний ...

– Если ты не ела, я велю накрыть стол. Вместе поедим. Я тоже еще не ел.

– Нет, мне не до еды. Ешь, если хочешь.

– Ты не хочешь, я один есть тоже не стану. Тогда давай ложиться спать. А утром я за лекарем Жэнем пошлю.

– Вот еще! Не надо мне ни лекаря Жэня, ни лекаря Ли. Лучше пусть тетушка Лю снадобья даст.

– Ложись, – уговаривал ее Симэнь. – А я тебя поглажу, тебе и полегчает. Я ведь, знаешь, массажировать мастер. Стоит мне только коснуться, и недуг как рукой снимет.

– Сказала бы я тебе, – не выдержала Юйлоу. – Знаю, какой ты мастер!

Тут Симэнь вдруг вспомнил:

– Знаешь, инспектор просвещения Лю прислал мне как-то десяток пилюль. Они были изготовлены в Гуандуне из бычьего безоара и залиты в очищенном воске. Их надо принимать с вином. Очень помогают. – Он обернулся к Ланьсян: – Ступай у матушки Старшей попроси. Они лежат в фарфоровом кувшине. И вина захвати.

– Вина не проси, у меня есть, – вмешалась Юйлоу.

Ланьсян тут же отправилась в покои Старшей хозяйки.

Когда подогрели вино, Симэнь снял воск, под которым засверкала золотая пилюля, и протянул ее Мэн Юйлоу.

– Мне налей чарочку, – сказал он Ланьсян. – Я тоже приму.

– Не дури! – одернула его Юйлоу, бросив строгий взгляд. – Тогда к другой ступай. Ты зачем ко мне пришел? Подстрекать? Думаешь, раз я еще жива, со мной можно вытворять все что угодно? У меня и без того нестерпимая боль, а ты пристаешь. Вот бессовестный! И не рассчитывай.

– Ладно, ладно, дитя мое! – Симэнь улыбался. – Я без пилюли обойдусь. Давай ложиться.

Юйлоу приняла лекарство, они, раздевшись, легли в постель. Симэнь поглаживал ей грудь, играл сосцами.

– Милая! – говорил он, обнимая ее. – Ну как? Боль утихла?

– Боль-то прошла, а все еще урчит.

– Ничего, скоро пройдет. А я без тебя передал Лайсину пятьдесят лянов. Послезавтра цензор Сун у нас прием устраивает, первого жертвы приносить, а третьего и четвертого гостей угощать будем. Много приглашенных. Подарков нанесут – не отмахнешься, нехорошо.

– Кого ни принимай, мне все равно, – отвечала Юйлоу. – Завтра, тринадцатого, велю счета подвести и вручу их тебе, а ты хоть Шестой^[1432] передай. Пора и ей похозяйствовать. А то говорит: счета, мол, вести, подумаешь дело! Только Будде глаза резцом высечь трудно. Давай, говорит, хоть сейчас возьмусь. Вот и пусть делом займется.

– Да не слушай ты, что болтает эта потаскушка! – возражал Симэнь. – Она тебе наговорит, а поручи что посерьезнее, подведет. Нет, вот пройдут приемы, тогда и счета ей передашь, ладно?

– Ишь какой ты умник! А еще говоришь, ее не выделяешь? Вот сам же и проговорился: «после приемов ...» Ты, выходит, умри, а делай. Утром причесаться не дадут. Начинается беготня слуг. Один просит – серебра отведи, другой – разменяй. Всю душу вымотают – зла не хватает. И хоть бы слово доброе услышать. Нет, такого не жди.

– Дитя мое, а помнишь, что гласит поговорка? Кто три года хозяйством правит, на того и дворовый пес лает. – Говоря это, Симэнь осторожно положил ногу Мэн Юйлоу к себе на руку, потом прижал ее к груди. На белоснежной ножке красовались расшитая узорами ярко-красная шелковая туфелька. Он продолжал: – Мне милее всего твои белые ножки. Таких нежных хоть целый свет обыщи не найдешь.

– Вот болтун! – усмехнулась Юйлоу. – Кто твоей лести поверит?! Так уж во всем свете не сыщешь. Сколько угодно и не таких грубых, а понежнее найдется. Смеешься ты надо мной.

– Душа моя! – продолжал Симэнь. – Пусть меня смерть на этом месте застигнет, если я говорю неправду.

– Ну, довольно клятв!

Тем временем Симэнь, вооружившись серебряной подпругой, хотел было приступить к делу.

– Знаю, к чему ты клонишь, – заметила она. – Погоди! Принесла ли горничная что нужно? Кажется, нет. – Юйлоу запустила руку под тюфяк, нащупала шелковый платок и хотела уже положить его под одеяло, но тут заметила подпругу. – Когда ж это ты успел упаковать свой товарец? Убери сейчас же!

Но Симэнь ее не послушался и приступил к делу. Обхватив руками одну ногу женщины, он стал понемногу вставлять и вынимать свой предмет, стремясь полностью окунуться в срамное отверстие. Вскоре начало извергаться семя, из-за чего движения стали сопровождаться звуком, напоминающим чавканье собаки. Юйлоу вытирала жидкость куском шелка, но чем больше она вытирала, тем больше текло.

– Будь поосторожней, милый! – говорила она нежным дрожащим голосом. – Меня последние два дня бели мучили и поясницу ломило.

– Ничего, – успокаивал ее Симэнь, – завтра тебя доктор Жэнь осмотрит, примешь лекарство и пройдет.

Однако, оставим Симэня и Юйлоу с их уладами, а перейдем к У Юэнян.

Юэнян вела беседу со старшей невесткой У и монахинями. Ей рассказали про ругань, с которой Чуньмэй обрушилась на Шэнь Вторую, про то, как плачущей певице даже паланкина не наняли и как госпожа У, не выдержав, наказала Хуатуну проводить ее в дом Хань Даого.

– Но до чего ж груба была Чуньмэй! – воскликнула невестка У. – Когда я попробовала ее урезонить, она еще больше разошлась. И чем ей могла досадить певица? Мне в голову не приходило, что она может себе позволить такую разнузданную брань. Выпила, должно быть, лишнего.

– Да, до этого они впятером у себя пировали, – подтвердила Сяююй.

– Вот до чего доводит безрассудное попустительство! – не выдержала Юэнян. – Совсем девка от рук отбилась. Скоро на шею сядет. А скажи слово, не понравится. Так она на всех будет бросаться, всех без разбора из дома выгонять начнет. А что мы можем сделать, когда негодница потачку дает? Певица по домам ходит. Возьмет да расскажет. Приятно будет? В доме Симэнь Цина, скажут, хозяйка такие скандалы допускает, что не разберешь, кто у них хозяин, кто слуга. Ведь не служанку обвинят – порядков, мол не знает, а хозяйку. Куда это годится!?

– Не расстраивайся! – уговаривала ее невестка У. – Что поделаешь, если ей зятюшка потакает?

Они удалились в спальню.

На другой день Симэнь с утра отбыл в управу. Цзиньянь из себя выходила, потому что по вине Юэнян опять упустила день жэнь-цзы. С утра она послала Лайаня за паланкином и отправила свою матушку домой.

Юэнян встала рано. К ней подошли монахини и стали раскланиваться. Хозяйка вручила каждой из них по коробке сладостей к чаю и по пяти цяней серебра, а наставнице Сюэ напомнила о службе, которую та должна будет совершить в первой луне. Сюэ получила лян серебра на благовония, свечи и жертвенные изображения. Для принесения жертв Будде Юэнян обещала ей прислать к концу года ароматного масла, лапши, риса и постные угощения.

Хозяйка угостила монахинь чаем. Помимо старшей невестки У за столом сидели Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу и падчерица.

– Ну как, помогли пилюли? – спросила Юэнян.

– Утром горечью рвало, сейчас полегче стало, – отвечала Юйлоу.

– Сяюй! – крикнула Юэнян. – Ступай позови бабушку Пань и матушку Пятую.

И Юйсяо направилась прямо в спальню Цзиньлянь.

– А где же бабушка? – спросила она. – Вас с бабушкой к чаю приглашают.

– Я ее утром домой отправила, – пояснила Цзиньлянь.

– И хозяйке ничего не сказали?

– Скучно ей стало, я и проводила, – отвечала Цзиньлянь. – Сколько можно гостить? Побыла и хватит. И дома некому за малышом приглядеть.

– А я копченого мяса и сладких дынь припасла. Хотела бабушку угостить. Вот, передайте ей, матушка.

Юйсяо протянула гостинцы Цюцзюй, и та убрала их в ящик.

– В прошлый раз, как вы ушли, матушка, – начала Юйсяо, – хозяйка чего только на вас батюшке ни наговаривала. Вы, говорит, весь свет смутили, с батюшкой два сапога и оба на левую ногу. Нет, говорит, у вас ни стыда ни совести. Батюшку у себя держите, не даете ему в дальние покои показаться. Потом она велела ему к матушке Третьей на ночь идти. Когда батюшка ушел, она стала на вас жаловаться тетушке У и монахиням. Распустила, говорит, свою Чуньмэй. Никаких порядков не признает, на Шэнь Вторую набросилась. Батюшка собирается лян серебра певице послать от стыда.

Цзиньлянь приняла к сведению все, что ей подробно доложила Юйсяо.

– Бабушку с утра домой отправили, – объявила хозяйке воротившаяся Юйсяо. – А матушка Пятая сейчас придет.

– Вот видишь? – глядя в сторону невестки У, заговорила Юэнян. – Стоило мне вчера ей слово сказать, как она уж гонор выказала.

Извольте, матушку домой отослала, а мне ни слова. Вот и догадайся попробуй., что у нее на уме. Какой еще фортель выкинет?

Цзиньлянь между тем подкралась к гостиной и, встав за дверной занавеской, долго подслушивала, потом ворвалась в комнату и начала допрашивать Юэнян:

– Я, говоришь, мать домой отослала? Я мужа у себя держу, да?

– А кто же! – подтвердила хозяйка. – А в чем дело? Хозяин после поездки в столицу от тебя не выходит. Хоть бы тень его показалась в дальних покоях. Выходит, только ты ему жена, а остальные никто? Может, другие твоих проделок не ведают, но я-то знаю. Вот и случай с Ли Гуйцзе. Невестушка спрашивает меня, почему, мол, Гуйцзе день погостила и ушла. За что, дескать, на нее зятюшка сердает. Кто его знает, отвечаю. И тут ты со своим языком вылезаешь: «я-то, мол, знаю». Да и как тебе не знать?! Ты же его от себя ни на шаг не отпускаешь.

– Его никто не держит, – не уступала Цзиньлянь. – Он сам ко мне ходит. Может, еще скажете, я его на цепь посадила? Нет, я себе такого не позволю.

– Ты не позволишь! – продолжала Юэнян. – А как ты вела себя вчера? Он сидел у меня тихо и мирно, так ты ворвалась как настоящая смутьянка. Зачем к себе зазывала, а? Говори! Муж – опора наша и поддержка. Он ради нас старается. Чего он дурного сделал, я тебя спрашиваю. За что его на цепь сажать собираешься, а? Бессовестная! Нет у тебя уважения к человеку! Долго я терпела, долго молчала, но ты вынуждаешь говорить. Выпросила украдкой шубу, вырядилась и хоть бы зашла сказать. И так во всем. У нас не вертеп какой-нибудь. Да и заправила подчиняются. А тут прислуга на господском месте оказалась – кот с мышью спит. Виданное ли дело! Ты же сама ее распустила, вот она и распоясалась – на людей кидается. И ты ж ее укрываешь и выгораживаешь.

– При чем тут горничная? Это я тебе помешала, так и скажи. Только я тоже одна-одинешенька. А шубу, верно, выпросила. Но хозяин не ради меня одной кладовую открывал. И остальным шубы доставали. Так что же молчишь? Я горничную распустила, ну и что ж? Я мужу радость доставляю. Это, по-твоему, тоже распутство?

Цзиньлянь задела Юэнян за живое.

– Может, ты скажешь, я распутна? – воскликнула Юэнян, и лицо ее побагровело. – Меня, как полагается, девушкой выдали, а не бабой замужней. Я женщина порядочная, за мужчинами не увивалась. Распутна та, кто без стыда и совести с чужими мужьями кокетничает

...

Тут выступила вперед невестка У.

– Золовушка, успокойся, уймись! – уговаривала она Юэнян.

– Одного мужа в гроб вогнала, за другого взялась? – не унималась хозяйка, желая высказать все, что накопело.

– Ну и ну! – вступилась Юйлоу. – Что с вами, матушка?! И нас в покое не оставили – решили одной розгой по всем пройти? – Она обернулась к Цзиньянь: – А ты уступи Старшей, зачем отговариваться. Хватит вам препираться!

– В драке кулаков не жалеют, в ссоре слов не выбирают, – заметила госпожа У. – Своей руганью вы родных в неловкое положение ставите. Если ты меня не слушаешься, золовушка, не обижайся. Я носилки велю подать и домой уйду.

Ли Цзяоэр тут же уговорила невестку остаться.

Устыженная Цзиньянь упала посреди гостиной. Она билась головой об пол, била себя по щекам и громко рыдала. У нее выпали шпильки и сбилась прическа.

– Хоть бы умереть мне! – вопила она. – Кому нужна такая жизнь! Раз тебя по всем правилам выдавали, а я мужа захватила, в чем же дело! Вот вернется сам, пусть разводную дает, и я уйду. Бери его себе, только попомни, тебе мое место все равно не занять.

– Вот смутьянка! – кричала Юэнян. – Ты ей слово, а она целые потоки изрыгает. Так будешь на полу валяться, чтобы потом на меня свалить, да! Ждешь, пока хозяин появится? Надеешься его со мной поссорить? Вытворяй, что хочешь, не испугалась!

– Да уж где мне с тобой, порядочной и непорочной, сравняться!

– Да, порядочная и непорочная! – с еще большим гневом воскликнула Юэнян. – Я любовников не завожу.

– А кто заводит? – вопрошала Цзиньянь. – Ну, хоть одного мне назови!

Предвидя возможный исход разгоревшейся брани, Юйлоу подошла к Цзиньянь и попыталась ее поднять.

– Пойдем! – говорила она. – Нехорошо так! Нельзя так расходиться. Наставниц постыдилась бы. Вставай. Я тебя провожу.

Но Цзиньянь не собиралась вставать с пола. Тогда Юйлоу помогла Юйсяо, и они проводили Цзиньянь к себе.

Тем временем старшая невестка У уговаривала Юэнян:

– Разве тебе, золовушка, в твоём-то положении можно так раздражаться! И ведь из-за пустяка. Когда меж вами, сестры, царит мир и согласие, мне гостить у вас – одно удовольствие. Когда же

ругань затеваете и к советам не прислушиваетесь, это никуда не годится.

Во время ссоры монахини отправили послушниц полакомиться сладостями, а сами, завернув коробки с подарками, поднялись из-за стола и попрощались с Юэнян.

– Не обессудьте, не взыщите, наставницы милосердные! – говорила им Юэнян.

– Что вы, бодхисаттва! – уверяла ее монахиня Сюэ. – Будьте покойны! Очага без дыма не бывает. В сердце всегда теплится невидимый огонек, а стоит пошевелить – и задымит. Друг дружке уступать надобно, тогда и жизнь пойдет на лад. Как предписано буддийским законом: охладите сердце, чтобы уподобилось оно ладье одинокой, что недвижно стоит на причале. Очисти престол души и откроется путь к просветлению. Если же ослабишь пути, отомкнешь замки, то пусть хоть тьмою снизойдут духи-хранители с ваджрами, им тебя не спасти. Человек должен обуздать страсти и пыл. Будда и патриархи именно с этого начали подвижничество. Мы пошли. Простите нас, бодхисаттва, за беспокойство и живите по-хорошему.

Монахини поклонились. Юэнян ответила им поклонами.

– С пустыми руками отпускаю вас, наставницы милосердные, – говорила она. – Не обессудьте. Я к вам слугу с гостинцами направлю.

Юэнян обратилась к падчерице и Ли Цзяоэр:

– Проводите наставниц. Собаку подержите.

Когда монахини ушли, Юэнян присоединилась к невестке У и остальным.

– Глядите! – говорила она. – Руки совсем онемели. А до чего холодные! Кроме чаю с утра крошки в рот не брала.

– Как я тебя, золовушка, уговаривала, – вставила невестка, – не волнуйся, не горячись! Нет, ты меня не хотела слушать. А тебе время подходит. Разве так можно!

– Но ты же, невестушка, сама очевидица, – продолжала хозяйка. – Разве я ругань начала? Зачем перекаладывать с больной головы на здоровую? Я всегда уступаю, только мне никто не уступит. Мужа захватила и держит. Они с горничной заодно. Что они там у себя вытворяют, другим и в голову не придет. Женщина, а ни стыда ни совести. Себя она не видит, других распутными обзывает. Бывало, сестрице Ли житья не давала, целыми днями ругалась. И чего она только на нее ни наговаривала. Все у нее виноваты, только сама она невинна, как святая. Коварства и вероломства в ней хоть отбавляй. Словом, зверь в человеческом обличии. Она никаких доводов не

признает, а клятвами огорошит любого. Но я за ней слежу, глаз не спускаю. И что ее ждет впереди? Вот при вас ведь дело было. Я, по-хорошему, чай приготовила, ее матушку к столу ждала, так она, видите ли, ни слова не говоря, домой отправила. Она спит и видит с кем бы поругаться. Подкрасться под двери и подслушать! Это еще что за новость!? Да кто тебя испугался! Наговаривай мужу сколько влезет. Разойдемся, и дело с концом.

– Я все время у печи стояла, – заговорила Сяююй. – Когда матушка Пятая могла подойти? Я и шагов-то ее не слыхала.

– Она нарочно войлочные туфли обувает, – пояснила Сюээ. – Ступает как приведение, чтобы шагов не слышали. А вспомните, когда она к нам пришла. Сколько мне крови испортила! И чего только про меня не наговаривала! Из-за нее меня хозяин не раз бил. А вы тогда, матушка, меня винили.

– Ей человека живьем закопать – дело привычное, – подтвердила Юэнян. – Теперь она меня доконать решила. Видала, как она головой об пол билась, истерику закатывала? Это она чтоб хозяин узнал, чтобы меня унижить.

– Напрасно вы так говорите, матушка, – заметила Ли Цзяоэр. – Ей свет не перевернуть.

– Плохо ты ее знаешь, – продолжала Юэнян. – Это же оборотень, лиса девятихвостовая. С такой, как я, она в два счета разделается, не таких приканчивала. Ты вот сама из певиц и у нас не первый год, а подобных выходок себе не позволяешь. Врывается вчера ко мне и заявляет хозяину: «Ты идешь или нет? Я пошла». Как будто хозяин только ей одной и принадлежит. Захватила его и ни в какую. Так это меня разозлило! Он после поездки в столицу ни разу в дальних покоях не был. Даже к той, у кого день рождения, идти не дает. Ей палец в рот не клади – всю руку отхватит.

– Крепись, золовушка, – уговаривала ее госпожа У. – Слабая ты и болезная. Зачем так к сердцу принимаешь? Пусть делает, как знает. А будешь за других стараться, себе врагов наживешь.

Юйсяо накрыла на стол, но Юэнян даже не коснулась еды.

– Голова у меня болит и тошнота подступает, – сказала она и велела Юйсяо постелить на кане: – Я прилягу. – Она обернулась к Ли Цзяоэр: – А ты покушай со сношенькой за компанию.

Барышня Юй собралась домой. Хозяйка велела положить ей в коробку сладостей и наградила ее пятью цянiami серебра.

Симэнь Цин после допроса грабителей вернулся к обеду. Только он переступил порог, как от коменданта Цзина явился слуга за ответом.

– Передай батюшке мою сердечную благодарность за ценные подношения, – наказывал слуге Симэнь. – Но к чему было тратиться? Забирай-ка их назад. Когда удастся дело сделать, тогда другой вопрос.

– Нельзя мне с подарками домой являться, – умолял слуга. – Мне батюшка такого наказа не давали. Пусть уж у вас полежат, батюшка.

– Ну ладно! – согласился Симэнь. – Поблагодари от меня хозяина.

Он передал слуге ответ и лян серебра в награду, а сам прошел в покои Юэнян.

Юэнян спала на кане. Симэнь не раз окликнул ее, но ответа не последовало. Горничная и служанки тоже не решились рассказать о случившемся. Тогда он проследовал в передние покои к Цзиньлянь. Она тоже спала, обхватив руками подушку. Волосы у нее были всклокочены. И она голосу не подала. Симэнь еще больше встревожился и направился к Юйлоу. Она не смогла скрыть и рассказала ему, как поругались утром Юэнян и Цзиньлянь. Симэнь был вне себя. Он вернулся к Юэнян и поднял ее на руках.

– Тебе в таком положении совсем не надо обращать внимание на эту потаскушку, – говорил он. – И к чему ты с ней связываешься?!

– То есть как это связываюсь? – недоумевала Юэнян. – Кто с ней ругался?! Спроси любую, я к ней пришла или она ко мне. Я как ни в чем не бывало чай приготовила. Матушку Пань пригласила, а она гонор выказала. Взяла да выпроводила мать родную. А потом заявила и давай ругаться. Головой об пол билась, волосы у нее растрепались. Кричит – как монарх на престоле. Не знаю, как она меня не избила. Если б не уговорили, в драку бы полезла. Ни за что человека оскорбить у нее в натуре. Думала, я ей покорюсь. Только и твердит: «раз тебя, мол, по всем правилам выдавали, а меня нет, возьму разводную и уйду». Ей слово, а она тебе десять. Целые потоки обрушивает, как река Хуай в половодье. Куда мне с ней тягаться! От такой нахалки и грубиянки меня как подкосило. В жар бросило. Где там ребенка ждать! Будь принц наследный, и того в утробе загубит. Я была ни жива ни мертва. Думала, выкину. И лучше б очиститься, чтобы на тот свет брюхатой не идти. А ночью бы веревку да в петлю. Тогда уж вы с ней делайте, что хотите. А то она меня в гроб вгонит, как сестрицу Ли вогнала. Да и тебе невтерпех: надо ж каждые три года по одной жене хоронить.^[1433]

Не услышь такого Симэнь Цин, все бы шло своим чередом, а тут он прямо из себя вышел.

– Сестрица! Дорогая моя! – обнимая Юэнян, говорил он. – Не ставь ты себя на одну доску с этой потаскухой. Она ж понятия не имеет, что

высоко, а что низко, что благоуханно, а что зловонно. Успокойся! Ты же мне дороже всех. Ну такого я ей не прощу! Я ей сейчас покажу.

– Да ты ей слова сказать не посмеешь. Она тебя тут же на цепь посадит.

– Пусть только попробует. Она у меня пинков отведаст. Ну а ты как себя чувствуешь? Ела?

– Какое там! Утром чай приготовила, матушку Пань ждала, а тут она на меня набросилась. У меня под ложечкой распухло, живот опустился и боли поднялись. Голову разламывает, и руки онемели. Пошупай руку. До сих пор не отпускает.

Симэнь переминался с ноги на ногу.

– Так что же делать? – раздумывал он. – Надо немедленно позвать доктора Жэня. Пусть осмотрит и даст лекарства. Пока не стемнело, а то не пойдет.

– Разве этим можешь? – говорила Юэнян. – Какого доктора ни зови, ежели судьба, и так выживешь, а нет все равно на тот свет пойдешь. Вот уж тогда с облегчением вздохнете. Какая ни будь жена, даже сама хорошая, – все равно как кирпич в стене. Упал один, вставят другой. Когда я умру, ты ее Первой женой сделай, ладно? Такой умной только хозяйством и править.

– И не надоело тебе говорить про эту потаскушку? Брось ты дерьмо ворошить! И на что она тебе сдалась. Надо Жэнь Хоуси звать, а то не вселился бы гнев тебе в нутро. Младенцу может повредить.

– Тогда бабушку Лю позови, – предложила Юэнян. – Она снадобьем напоит. А может, иглоукалыванием головную боль остановит.

– Пустое не говори! – возразил Симэнь. – Знает ли эта проходимка, как лечить беременных? Нет, пусть слуга седлает коня и едет за доктором Жэнем.

– Ну и зови, если хочешь, только я к нему не выйду, – заявила она.

Однако Симэнь ее не послушался. Пройдя в переднюю, он крикнул Циньтуна.

– Скорее седлай коня! – приказал хозяин. – Скачи за городские ворота за доктором Жэнем. Да обожди его. Вместе с ним возвращайся.

– Слушаюсь! – ответил слуга и умчался стрелой.

Симэнь вернулся к Юэнян и наказал служанке приготовить рисовой кашицы. Как он ее ни потчевал, она есть не стала. После обеда воротился Циньтун.

– Доктор Жэнь несет службу в управлении, – докладывал он. – Приглашение я передал. Доктор будет завтра утром. От нас не надо

никого посылать.

– Раз лекарь придет завтра, сходил бы ты к сватушке Цяо, а то уж вечереет, – посоветовала Юэнян, напомнив о настоятельных приглашениях, неоднократно от того поступавших. – Обижаться будет.

– А за тобой кто посмотрит?

– Уж на грех не наводи! – Юэнян улыбнулась. – Ступай, ничего со мной не случится. А я немного погода встану. Может, со сношенькой и поем. Так что не волнуйся!

Симэнь крикнул Юйсяо:

– Старшую невестку пригласи. Пусть с матушкой побудет. А где барышня Юй? Позови ее. Пусть матушке споет.

– Барышня Юй давно домой ушла, – сказала горничная.

– Кто ж ей позволил уходить? – спросил Симэнь. – Погостила бы еще денек-другой.

Он подскочил к Юйсяо и дал ей пинка.

– Увидала, как мы ругаемся, и ушла, – заметила Юэнян. – Ну, а горничная тут при чем?

– Кто певицу Шэнь обругал, ту вы пальцем не тронули, – сказала Юйсяо.

Симэнь сделал вид, что не слышал ее. Он оделся и отправился пировать к свату Цяо.

Еще не начали отбивать ночные стражи, когда он воротился домой и проследовал в покои хозяйки.

Юэнян сидела с невесткой У, Юйлоу и Ли Цзяоэр. Заметив Симэня, госпожа У удалилась во внутреннюю комнату.

– Тебе полегче стало? – обратился к хозяйке Симэнь.

– С невестушкой поела немного, – отвечала Юэнян. – Под ложечкой опухоль вроде опала. Только голова все болит, и в пояснице ломит.

– Уж как-нибудь потерпи. Завтра Жэнь Хоуси даст лекарства. Гневный дух выгонит, и плод успокоится.

– Как я тебя просила – не зови его, а ты все свое, – говорила Юэнян. – Хочешь, чтобы посторонний мужчина на меня глаза пялил? Не покажусь я ему, вот увидишь. А сватушка Цяо по какому случаю приглашал?

– По случаю моего приезда из столицы целое угощение устроил, – объяснил Симэнь. – Постарался. Стол ломился. Две певицы пели. Просил об одолжении. Потом мне в компанию пригласил цензора Чжу. Но я все о тебе беспокоился, не до веселья мне было. Выпил немного и

поспешил домой.

– Вот болтун! Слушать не хочется твое краснобайство. Так уж обо мне и беспокоился! Будь я живым Буддою, для меня не нашлось бы места в твоём сердце. А умру, и вовсе не вспомнишь. Ты ведь меня не выше разбитого горшка ценишь. Ну, а о чем же тебя просил сватушка?

– Мне сватушка Цяо тридцать лянов припас, просил замолвить за него словечко у областного правителя Ху, – стал, наконец, объяснять Симэнь. – Он хочет воспользоваться новогодними назначениями чиновных лиц для приобретения чина главы ритуальной службы в уездном управлении.^[1434] Это, говорю, дело несложное. Тем более, что правитель Ху вчера прислал мне сотню календарей на новый год, а я ему еще не ответил. Погоди, говорю, вот подарки буду отправлять и кстати попрошу выделить вакансию. Тогда искомую должность и получишь. Но сватушка настоял, чтобы я взял серебро. Так, говорит, полагается. Да оно и верно. В таком деле надо одарить и другого – вряд ли десятью лянами обойдешься.

– Если он тебя просит, ты должен постараться, – говорила Юэнян. – Серебро принес?

– Он завтра придет, – отвечал Симэнь. – Подарки хотел покупать, но я отсоветовал. Сам pošлю правителю свиную тушу и жбан вина.

Симэнь ночевал у Юэнян.

На другой день цензор Сун устраивал прием. В дальней зале стояли ломившиеся от яств столы. Все было готово к встрече гостей. Рано утром из областного управления прибыли назначенные в услужение тридцать казенных музыкантов, два дирижера и четыре сопровождавших их солдата. Симэнь отвел им восточный флигель, который располагался у внутренних ворот и примыкал к передней зале, где они должны были оставаться в ожидании распоряжений. В примыкавшем к средней зале западном флигеле разместились актеры хайнянской труппы.

Немного погодя верхом на коне прибыл доктор Жэнь. Симэнь поспешно вышел ему навстречу и проводил в залу, где они сели и разговорились по душам.

– Вы присылали за мной, сударь, – переходя к делу, заговорил доктор. – Вчера я был занят. Домой вернулся лишь вечером. Мне подали вашу карточку. И нынче, не откладывая, я поторопился к вам.

– У моей Старшей жены внезапно началось какое-то расстройство, – объяснил Симэнь. – Хоуси, будьте добры, обследуйте у нее пульс.

Тем временем подали чай.

– Только вчера узнал от почтенного Минчуаня, что у вас радость, сударь, – вы удостоились повышения в чине, – отпив чаю, обратился к хозяину гость. – Разрешите вас поздравить, сударь. Подарки за мной.

– Что вы, что вы! И не извольте утруждать себя, – отозвался Симэнь. – Я вам очень признателен, но мне, бесталанному, вряд ли справиться с высокими обязанностями, на меня возложенными.

После чаю, когда Циньтун убрал со стола, Симэнь наказал ему:

– Иди передай матушке Старшей: господин Жэнь прибыли. Пусть гостиную приберут.

– Слушаюсь! – отозвался Циньтун и направился в дальние покои.

В покоях Юэнян сидели старшая невестка У, Ли Цзяоэр и Мэн Юйлоу. Когда Циньтун доложил о прибытии доктора Жэня, Юэнян даже не шевельнулась.

– Я ж говорила, мне его не нужно, – наконец, проронила она. – Напрасно звал. Чтобы посторонний мужчина пялил на меня глаза, щупал руки? К чему это?! Позвал бы бабушку Лю. Ее снадобья приму, авось, и полегчает. И для чего было весь этот шум подымать? Разве что удовлетворить любопытство лекаря?

– Но его уже пригласили, сестрица! – говорила Юйлоу. – Как же ты не покажешься! Не отсылать же его назад!

– Золушка! – уговаривала ее госпожа У. – Позволь ты ему обследовать пульс. Хоть будешь знать, что у тебя за недуг приключился, откуда гневный дух поднимается и какие задеты жилы. Не следует отказываться от услуг доктора. Примешь лекарство, и наладится обращение крови, укрепится плод. А что толку звать бабку Лю, как ты хочешь? Она же и болезней не знает, и в пульсе не смыслит. И потом нельзя время упускать.

Тут только Юэнян встала, начала причесываться и надела на голову шапочку. Юйсяо держала перед ней зеркало. Мэн Юйлоу залезла на кан и щеткой расчесывала ей затылок, Ли Цзяоэр прикалывала украшения, а Сунь Сюээ держала наготове наряды. Юэнян украсила прическу всего лишь шестью золотыми шпильками и скрепила ободком. Она не стала белиться, лишь слегка попудрилась и подрумянилась, чуть подвела полумесяцем изогнутые брови и надела золотые серьги-гвоздики. На груди у нее красовалась брошь золотая жаба. На ней были белая кофта с застежкой на спине, желтая юбка с широкой бахромой и кисейные чулки. Из-под подола виднелась пара изящных острых-преострых золотых лотосов-ножек. На юбке сбоку висели лиловый парчовый мешочек с благовониями и медные ключи. Она была препоясана расшитым поясом.

Да,

Будто Чанъэ на мгновение
покинула Лунный чертог,
Будто небесная фея
Вниз, по хрустальным ступеням
ступает соцветьями ног.^[1435]

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

МЭН ЮЙЛОУ РАССЕЙВАЕТ ГНЕВ У ЮЭНЯН

СИМЭНЬ ЦИН ПРОГОНЯЕТ ВЭНЬ КУЙСЮАНЯ

*Трижды обдумывай замысел каждый
перед свершением,
Чтоб ни с бедою потом не спознаться,
ни с огорчением.
Где еженощно грозы бушуют,
и каждодневно
То-то страшна там судьба человека,
то-то плачевна.*

Итак, долго ждал Симэнь пока выйдет Юэнян, но так и не дождался – сам пошел ее поторопить. Когда Юэнян оделась наконец, доктора Жэня пригласили в ее гостиную залу и предложили сесть. Перед ним красовался позолоченный экран, по обеим сторонам стояли легкие скамеечки для отдыха. На полу лежал огромный гладкий ковер, горели жаровни.

Немного погода из спальни появилась Юэнян, стройная, нельзя сказать, чтобы полная, но и не худая, не высокая, но и не низкая. У нее был матовый цвет лица, поразительные глаза и очаровательные брови, очертаниями напоминавшие серпики луны. Ее нежные тонкие пальчики походили на ростки молодого бамбука. Она казалась изваянной из нефрита и красотой не уступила бы наложнице Чжэнь.
[1436] Ее уста источали нежный аромат. Юэнян подняла глаза и поклонилась доктору. Он же, ошеломленный ее красотой, отпрянул в сторону и склонился в глубоком поклоне. Юэнян опустилась в кресло напротив. Циньтун положил на столик парчовую подушку.[1437]

Приподняв рукав, она обнажила перед доктором свою нефритовую руку до самого плеча. На подушку опустились пальцы тонкие, как стрелки молодого лука. Жэнь приступил к обследованию пульса, после чего Юэнян удалилась в спальню. Слуга вынес чай.

– Ваша почтенная супруга, – отпив чаю, начал доктор Жэнь, – страдает врожденным малокровием и слабостью жизненных сил. Пульс запястья неровен и вял. При беременности у госпожи наблюдается некоторое расстройство артериального и венозного кровообращения, отсюда повышенная возбудимость и вспыльчивость. Кроме того распален огонь в печени, что вызывает помутнение сознания и зрения. Застой в полости грудобрюшной преграды объясняет душевную подавленность и меланхолию. Приток крови в конечности недостаточен, а пневмы скапливаются слишком много.

– У матушки голова болит и на сердце давит, – говорил доктору посланный хозяйкой Циньтун. – Руки онемели, боли внизу живота, поясницу ломит и пропал аппетит.

– Знаю, знаю, все ясно, – подтвердил Жэнь.

– Видите ли, дорогой Хоуси, – обратился к доктору Симэнь, – моей жене подходит срок разрешения от бремени. Раздражающие переживания, не находя выхода, теснятся у нее в груди. Буду вам многим обязан, почтеннейший доктор. Пожалуйста, постарайтесь, облегчите ее страдания.

– Не извольте беспокоиться, сударь! – заверял его Жэнь. – Сделаю все, что только в моих силах. На этот раз я дам лекарства, которые очистят плод, укрепят пневму, гармонизируют деятельность желудка, усилят артериальное кровообращение и утолят боли. Но после их принятия больная должна воздержаться от раздражающих переживаний и обильного приема пищи даже при появлении аппетита.

– Пожалуйста, спасите плод, прошу вас, почтеннейший, – умолял Симэнь.

– Не волнуйтесь, непременно помогу укрепить плод и урегулировать пневму, а также усилить артериальное и венозное кровообращение. Это в первую очередь.

– Моя третья жена жалуется на ощущение холода в животе, – продолжал хозяин. – Не могли бы вы дать пилюль для согревания?

– Извольте, сударь! Непременно пришлю.

Они встали. Во дворе перед залой собралась большая группа музыкантов.

– У вас, почтеннейший, должно быть, ожидается торжество? – спросил врач.

– Да, цензор Сун с начальниками обоих инспекторских управлений устраивает у меня пир в честь военного губернатора его сиятельства Хоу Шицюаня.

Жэнь проникся еще большим почтением к Симэнь Цину и, перед тем как сесть на коня, отвесил ему у ворот в два раза больше поклонов, нежели обычно. Симэнь, вернувшись, передал Циньтуну коробку с лянном серебра и двумя платками и послал верхом за лекарствами. Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу и остальные тем временем расставляли кушанья и чистили серебро.

– А вы, матушка, выходить не хотели, – говорила Юйлоу. – Как бы он узнал, что у вас за болезнь приключилась?

– Подумаешь! Если бы меня любили да жалели, а то умру – туда ей и дорога, скажут, – отозвалась Юэнян. – Вон послушайте нашу негодницу.^[1438] Она свое твердит: на нас, мол, как свекровь на снох смотрит, только и знает одергивать да свое старшинство выказывать. Это она про меня. Заявляет, что она на восемь месяцев старше меня и что муж любит именно ее. Пусть она меня оставит в покое. Ее никто за язык не тянет. Чего она на меня набрасывается!? Так что если б не вы, я б ни за что не вышла, никогда не дала бы себя осматривать. Раз суждено умереть, значит тому быть. Как говорят: околеет один петух – другой запоет да погромче прежнего. Когда умру, ее хозяйкой поставьте. И воцарится в доме мир и покой. Уберут редьку – поле очистится.

– Зачем вы так говорите, матушка! – увещевала хозяйку Юйлоу. – Я не хочу сплетничать, но сестрица, верно, часто не ведает, что хорошо, а что дурно, она настойчива и упряма. Все это верно, не спорю. Да, она любит быть первой среди остальных. Но ведь она только на язык остра, а в сердце зла не таит. Так что вы, матушка, зря на нее так гневаетесь.

– Она, выходит, сердечнее тебя? – удивилась Юэнян. – Нет, она завзятая интриганка. К чему она чужие разговоры подслушивает, а? Для чего по делу и без дело на других наговаривает?

– Вы хозяйка, матушка, – не унималась Юйлоу. – А хозяйка – что лохань помойная, все сносить должна. Вам великодушной быть надлежит, а то что ж будет?! Как говорится, благородный муж десяти ничтожным уступит. Конечно, если ты руки вверх поднимешь, она пройдет, не постесняется, а будешь потверже, не посмеет перечить.

– С ней только хозяин может сладить, – заметила Юэнян. – А меня она и в расчет не принимает.

– Напрасно вы так говорите, – продолжала свое Юйлоу. – Неужели

сам и теперь к ней пойдет, когда вам так нездоровится?

– А почему бы и нет? Ведь она ж говорила: его на цепь не посадишь. Мужчина – как конь без узды. Какая приглянется, к той и пойдет, как ты его ни держи. А попробуешь удержать, распутной прослывешь.

– Ну хватит, матушка, – остановила ее Юйлоу. – Теперь, должно быть, все выговорила, что на душе накопилось. Я за ней пойду, велю ей вам в ноги поклониться и прощения попросить. Пока здесь невестушка, вы и помиритесь. А так-то вы и хозяина в затруднение поставите. Как ему быть, сами посудите. Пойдет к ней – от вас неприятности, а иначе – она не выйдет. А с какой она стати будет отсиживаться?! Нынче вон прием какой. Нам без нее не управиться. Мы ей такого не простим. – Юйлоу обернулась к сударыне У Старшей. – Разве я не права, тетушка?

– Сестрица Мэн тоже права, золовушка, – поддержала ее старшая невестка У.

– Мало того что вы серчаете, друг на дружку смотреть не хотите, вы и зятюшку в неловкое положение ставите. Ему ни туда ни сюда не пойдти.

Юэнян ни слова не проронила. Воспользовавшись этим, Мэн Юйлоу поспешила было в передние покои.

– Не зови, не надо, – сказала Юэнян. – Пусть поступает как знает.

– Не посмеет она не пойти, – заметила Юйлоу. – А не пойдет, я ее на цепи приволоку.

И она ушла к Пань Цзиньянь.

Цзиньянь сидела на кане, бледная, непричесанная.

– Чего это ты, сестрица, сидишь как неприкаянная, а? – спросила ее Юйлоу. – А ну-ка, причесывайся. Хозяин большой пир устраивает, всех на ноги поднял. В дальних покоях суматоха. Нечего тебе дуться. Пойдем! С хозяйкой я только что толковала. Уговаривала. Ты уж зло-то свое про себя держи, а будь поласковой, слышишь? Поклонись ей да прощения попроси. Раз мы с тобой ниже рангом, нам с поникшей головой ходить надлежит. Как говорится: ласковое слово и средь зимы согреет, а злые речи бросят в озноб и в летний зной. Что было на сердце, все уж, небось, высказали. И долго вы дуться собираетесь? Ведь человеку польстить, что Будде свечку поставить. Идем, попроси у нее прощения – и все как рукой снимет. А то вы и самого в неловкое положение ставите. К тебе пойдет – она будет злиться.

– Того и гляди! – заговорила Цзиньянь. – Где мне с ней равняться! Вон она что заявляет: я порядочная, я настоящая жена. А мы с тобой

кто? Да никто! За чужим мужем увивались. Мы так себе – утренняя роса. Что с нас проку! Мы ведь ее мизинца на ногу не стоим.

– Ну, ты опять пошла ее ругать, – оборвала Мэн Юйлоу. – Я еще вчера говорила: она одной розгой сразу по всем нам прошлась. Ну, и как мы замуж выходили? Мы твоего мужа не захватывали. У нас тоже все честь по чести происходило. И свахи были, и свидетели. Нас не черным ходом в этот дом вводили. Сучок отрубят – все дерево ранят. Убьют зайца – и лиса опечалится. Всяк ближнего жалеет. Ну, Пятая с тобой поругалась, а другие при чем? К чему страсти-то разжигать, других задевать? Прежде чем говорить, подумать надо, кое-что и про себя оставить. Зачем всех-то перебирать, да еще при монахинях и барышне Юй?! Как у дерева кора, так у человека лицо. К чему при посторонних порочить? Так-то нас никто и навестить не захочет. А ты, сестрица, должна выйти, как же иначе? Мы, как губы и щеки, все вместе быть должны. Давай, причесывайся быстрее. Пойдем вместе.

Цзиньлянь после долгого раздумья, превозмогая гнев, взяла, наконец, головную щетку и села к туалетному столику. Причесавшись, она прикрепила головную сетку и оделась. Вместе с Юйлоу они направились в дальние покои. Юйлоу отдернула дверную занавеску и вошла первой.

– Вот, матушка, и привела ее, а вы говорили, – заявила она. – Что ж ты стоишь, дочка? Ступай земно поклонись матушке. Дочка у меня по молодости лет что к чему не ведает. Вы уж не взыщите, сватьяшка, простите на сей случай. А ежели и впредь почтения не выкажет, не спускайте – как подобает накажите. Я хоть и мать ей родная, заступаться не стану.

Пань Цзиньлянь выпрямилась, как свеча, и отвесила Юэнян четыре земных поклона. Потом вскочила и шлепнула Юйлоу.

– Сгинь, несчастная! И ты мне в матери заделалась.

Все рассмеялись. Не удержалась и У Юэнян.

– Поглядите на эту негодницу! – воскликнула Юйлоу. – Ей хозяйюшка улыбнулась, она и нос задирать, на мать замахиваться, рабское отродье?

– Ну вот вы, сестрицы, и помирились, – с облегчением сказала старшая невестка У. – Как приятно видеть вас живущими в мире и согласии! А золовушка моя, если другой раз и поворчит, вы ее уважьте. Уступайте друг дружке, тогда все пойдет хорошо. Говорят, хорош собой пион, да и ему листья красоту придают.

– Если б она помолчала, никто б с ней не стал пререкаться, – заметила Юэнян.

– Вы, матушка, – небо, я же – земля, – проговорила Цзиньянь. – Простите меня, матушка, за мою невоздержанность.

– Вот наконец-то ты, дочка, покалась, – шутя ударив Цзиньянь по плечу, говорила Юйлоу. – Ну, да хватит языком болтать! Мы уж за день наработались, пора и тебе за дело приниматься.

Цзиньянь вымыла руки, почистила ногти и, не слезая с кана, начала на пару с Юйлоу раскладывать фрукты, но не о том пойдет рассказ.

Сунь Сюээ распоряжалась женами слуг, занятых на кухне приготовлением кушаний. Повара в большой передней кухне хлопотали у котлов и сковород, где готовилось варево и жарено, коптили бараньи туши и украшали жаренных поросят. Циньтун принес лекарства. Симэнь просмотрел рецепт. Пилули он распорядился отнести Юйлоу, а настой – Юэнян.

– Ты тоже лекарства просила? – спросила Юэнян.

– Да, то, что тогда просила, – отвечала Юйлоу. – Живот болел, я и попросила батюшку, чтобы доктор Жэнь мне пилуль прислал.

– Не ела ты тогда ничего, вот у тебя озноб и начался, – заметила Юэнян. – Но помогут ли тебе эти пилули?

Однако оставим дальние покои и перейдем в передние постройки.

Первым прибыл цензор Сун. Он проследовал в переднюю залу, где осмотрел столы. Симэнь проводил его в крытую галерею. Они сели. Цензор принялся благодарить Симэня за золотой треножник.

– Я еще должен вам заплатить за него, – говорил Сун.

– Что вы! – воскликнул Симэнь. – Какие могут быть разговоры, Гунцзу! Я ведь давно собирался вам его поднести, но опасался, угожу ли.

– Вы так любезны, сударь! Не знаю, как мне вас и отблагодарить! – складывая руки на груди, говорил цензор Сун.

После чаю он завел речь о настроениях местного населения, обычаях и нравах. Симэнь только поддакивал ему. Когда Сун осведомился о чинах судебно-уголовных учреждений, Симэнь заметил:

– Мне приходилось встречаться только с правителем области Ху, человеком известным и в народе уважаемым, да уездным правителем Ли, к службе ревностным и усердным. Других плохо знаю, зря говорить не буду.

– Вы ведь знакомы с начальником гарнизона Чжоу Сю, каков он? – спросил Сун.

– Полководец он опытный и знающий, но я бы все-таки предпочел

военного коменданта Цзина из Цзичжоу. Он военное образование получил. И молод, и талантлив – всем взял. Я бы посоветовал вам, Гунцзу, обратить на него внимание.

– Вы говорите об военном коменданте Цзин Чжуне? – уточнил Сун. – Откуда вы его знаете?

– У нас с ним личная дружба, – отвечал Симэнь. – Вчера он мне послужной список передал, просил замолвить за него словцо.

– И я давно слыхал, что он отличный полководец. Ну, а еще кто?

– Еще я назвал бы старшего брата жены, У Кая, – продолжал Симэнь. – Он ведал постройкой казенных амбаров и занимает в настоящее время пост тысяцкого в правом гарнизоне. Вот его бы следовало представить к повышению, может, возвести в надзиратели. Я бы вам был крайне признателен, Гунцзу, за оказание милости и честь.

– Коль скоро речь идет о вашем шурине, сударь, я не премину упомянуть о нем в докладе на высочайшее имя, – заверил его цензор. – Причем испрошу подобающий чин. За это я вам ручаюсь.

Симэнь поспешно сложил руки в знак благодарности и протянул цензору послужные списки военного коменданта Цзина и шурина У Старшего.

– Покажешь мне, когда буду доклад составлять, – наказал Сун своему секретарю и передал бумаги.

Симэнь велел слуге незаметно сунуть секретарю три лян серебра, чтобы тот, паче чаяния, не запамятовал, но не о том пойдет речь.

Пока они говорили, слышались удары в барабаны и гонги.

– Господа пожаловали, – доложили слуги.

Симэнь поторопился им навстречу, проводил в залу, где они обменялись приветствиями. Цензор Сун тем временем не спеша проследовал через калитку в сад. После приветствий прибывшие осмотрели ломившийся от яств стол. На нем возвышались блюда с мясными кушаньями, сладостями и фруктами. Главный стол, как и окружавшие его малые столы, был накрыт с большим вкусом. Довольные чиновники благодарили Симэня.

– Великолпно! – восклицали они. – надо будет добавить ... возместить понесенные хозяином расходы.

– Да, собранного серебра явно не хватило бы, – заметил цензор Сун, – Но ради нашей дружбы Сыцюань, полагаю, не станет утруждать вас, господа.

– Разумеется! Не извольте беспокоиться! – заверил их Симэнь.

Собравшиеся уселись за столом в соответствии с рангами. Слуги

подали чай.

– За его сиятельством Хоу гонцы посланы, – говорили они. – Пока не отбыли из резиденции.

Стоявшие по обеим сторонам музыканты забили в барабаны, заиграли на флейтах и свирелях. У вторых ворот столпилось столько прислуги, что было невозможно пройти.

Было уже за полдень, когда прискакал вестовой, объявивший о прибытии военного губернатора.

Опять с обеих сторон грянула музыка. Чиновники вышли к главным воротам. Цензор Сун ожидал знатного гостя у ворот.

Немного погодя показался отряд конников с голубыми штандартами. За ними четверо носильщиков несли большой паланкин, в котором восседал военный губернатор Хоу. Он был в ярко-красном халате с павлинами на квадратных нашивках и в наушниках, подбитых соболем, перепоясан отделанным золотом поясом. Процессия остановилась у ворот, и встречающие окружили вышедшего из паланкина высокого гостя. К ним присоединился и цензор Сун, переодетый в расшитый золотыми облаками ярко-красный халат с белым однорогим оленем^[1439] на квадратных нашивках и круглым воротником. Его украшал пояс из носорожьего рога.

В большой зале состоялась церемония взаимных приветствий. После того как каждый засвидетельствовал свое почтение гостю, был представлен Симэнь.

– А это хозяин, тысяцкий Симэнь, – объяснил цензор Сун. – В здешней судебно-уголовной управе служит, тоже из облагодетельствованных его превосходительством Цаем.

Губернатор велел секретарю подать сложенную вдвое красную визитную карточку, на которой было выведено: «Ваш друг Хоу Мэн», и протянул ее хозяину. Симэнь обеими руками принял карточку и столь же благоговейно передал слуге.

Гости сняли верхние одежды и сели. Чиновники разместились по обеим сторонам. Цензор Сун занимал место хозяина. После чаю внизу грянула музыка, и Сун поднес губернатору кубок вина и шелк с прикрепленными к нему цветами, который был тут же уложен в коробку и отправлен в губернаторскую резиденцию.

Затем повара подали горячие блюда, среди которых выделялся украшенный цветами поросенок, но говорить об этом подробно нет надобности.

Первыми выступали принадлежащие театральному управлению танцоры, наряженные в новые одеяния из узорной парчи, которые они

получили на сей случай из казны, за ними клоуны и скоморохи. Их представление отличалось необыкновенным мастерством. Только после них появилась хайяньская труппа. Актеры земно поклонились и вручили почетному гостю лист исполняемых произведений. Губернатор Хоу заказал драму «Цзиньский князь возвращает пояс».^[1440] Когда они исполнили сцену, подали барана.

В самом деле, казалось, букеты ярких цветов скопились на узорной парче. Мелодии флейт и дивное пение услаждали слух, обилие золота и собольих мехов предстало взору.

Тому подтверждением стихи:

Не дымкой рассветною зала объята –
То кружатся вин дорогих ароматы,
Звенит украшений точеный нефрит,
И золото шпилек в прическах горит.

Когда слуги не раз обошли гостей, а певцы исполнили два акта, солнце стало клониться к западу. Военный губернатор Хоу распорядился подать пять лянов серебра. Наградив ими поваров, слуг, музыкантов и лицедеев, он оделся и откланялся. Чиновники во главе с цензором Суном проводили его за ворота, а когда он отбыл в паланкине, вернулись в залу, чтобы поблагодарить Симэнь Цина и разойтись. Симэнь проводил их и, вернувшись, отпустил музыкантов.

Время было раннее. Симэнь распорядился, чтобы столы не трогали, а поварам наказал навести порядок и добавить закусок. Слуги были посланы за шурином У Старшим, а также сюцаем Вэнем, Ин Боцзюэ, зятем Чэнь Цзинцзи и приказчиками Фу Цзысином, Гань Чушэнем и Бэнь Дичуанем. Два стола с закусками отнесли вниз, чтобы накормить актеров хайяньской труппы. Им было велено по прибытии гостей исполнить из «Времен года» зимнюю сцену под названием «Хань Сицзай устраивает ночной пир».^[1441] Хозяин распорядился расставить ветви зимней сливы у стола, чтобы любоваться ими во время пира.

Бэнь Дичуань с Лайсином, надобно сказать, в тот день были поставлены на кухню, Чэнь Цзинцзи следил за вином, а приказчики Фу и Гань отвечали за посуду. По зову хозяина они тотчас же поспешили к столу. Немного погодя явился сюцай Вэнь и прежде чем сесть приветствовал хозяина сложенными на груди руками. Прибыли оба шурина Симэня и Ин Боцзюэ.

– Будь снисходителен, брат, прости за скромное угощение невестушек, – отвешивая поклон, заговорил Боцзюэ. – А за щедрые твои подарки премного благодарен.

– Чтоб тебя Небо покарало, разбойник! – шутки ради заругался на него Симэнь. – Зачем в шелку на невестушек глазел, сукин сын, а!

– Кто тебе наболтал такую чушь? – возразил Боцзюэ. – Разве я себе это позволю! ... А я то думал, меня никто не заметил. – Боцзюэ указал пальцем на Ван Цзина и продолжал. – Это, должно быть, ты, сучье отродье, человека оклеветал. Ну, погоди. Я тебе, сучье отродье, покажу ...

Они выпили по чашке чаю, и шурин У Старший решил пройти в дальние покои. С ним пошел и Симэнь Цин.

– Я говорил с цензором Суном, шурин, – обратился к У Старшему Симэнь. – И послужной список показал. Он его секретарю передал, а я тому поднес три ляна серебра. Так что ваши с господином Цзином послужные списки вместе лежат. Цензор пообещал поймать вас в виду при составлении доклада.

– Премного вам благодарен, зятюшка, за хлопоты, – кланяясь, повторял обрадованный шурин.

– Старший брат, говорю, моей жены, – продолжал объяснять Симэнь. – Раз, отвечает он мне, шурин, постараюсь непременно.

Они вошли в дальние покои, чтобы повидаться с Юэнян. Она как положено приветствовала брата.

– А тебе и домой пора, – обратился шурин к жене, – загостилась ты, а дом без присмотра оставила.

– Меня, вон, золовушка не пускает, – отвечала госпожа У. – До четвертого, говорит, погостишь. Я четвертого приду.

– Ну раз сестра просит, гости до четвертого, – согласился У Старший.

Юэнян предложила брату сесть, но он вернулся в переднюю залу, где были накрыты столы.

Шурин У Старший и У Второй, Ин Боцзюэ и сюцай Вэнь уселись на почетные места для гостей, Симэнь занял место хозяина, а приказчики Фу и Гань, Бэнь Дичуань и Чэнь Цзинци расположились по обеим сторонам сбоку. Всего накрыто пять столов.

Внизу грянули гонги и барабаны. Актеры начали сцену «Хань Сицзай устраивает ночной пир, или Счастливая встреча на почтовой станции». Когда представление было в самом разгаре, появился Дайань.

– От свата Цяо прибыл Цяо Тун, объявил он. – Просит батюшку на пару слов.

Симэнь вышел из-за стола и направился к восточной калитке, где и увидался с Цяо Туном.

– Мой батюшка сожалеет, что вчера не смог передать вам серебро, сударь, – начал Цяо Тун. – Батюшка прислал тридцать лянов серебра, как полагается, на подношение и помимо того пять лянов секретарю.

– Серебро будет завтра же утром отправлено правителю Ху, – пообещал Симэнь, – и тогда можно будет получить чиновное свидетельство. А секретаря баловать нечего. Забери эти пять лянов.

Симэнь наказал Дайаню подать в кабинет вина, закусок и сладостей, где и угостил Цяо Туна, прежде чем тот удалился. Однако довольно пустословить.

Когда актеры исполнили две сцены из «Счастливой встречи на почтовой станции», наступила первая ночная стража и гости разошлись. После того как слуги убрали посуду, Симэнь отправился к Юэнян.

Юэнян и старшая невестка У сидели на кане. Завидев хозяина, невестка торопливо удалилась во внутренние покои.

– С цензором Суном насчет твоего брата говорил, – начал Симэнь, обратившись к Юэнян. – Повышение обещал и подобающее – надзирателем сделает. Обрадовался шурин, когда я ему сказал. Обождем до конца года, когда по докладу цензора высочайшее повеление обнародуют.

– Не дело-то не говори! – оборвала его жена. – Не при его чинах две-три сотни лянов на подношения отваливать.

– А с него и сотни медяков не потребуется, – успокоил ее Симэнь. – Я ж так и цензору сказал: брат, мол, моей жены. Он мне лично пообещал посодействовать. Так что сомнений быть не может.

– Ну, делай как знаешь, – заключила Юэнян. – Мне все равно.

– А ты матушке настой вскипятила? – спросил Юйсяо хозяин. – Принеси-ка. Хочу поглядеть, как матушка принимать будет.

– Иди, и без тебя приму, – отозвалась Юэнян. – Перед сном выпью. Симэнь хотел было уйти, но его окликнула Юэнян.

– Ты куда идешь? – спросила она. – Не в передние покои? Не ходи, прошу тебя. Она только что у меня прощение просила. А то еще решит, что ты извиняться пришел.

– А я к ней не собираюсь, – сказал Симэнь.

– А к кому же? – спросила Юэнян. – И к той, Жуи, тоже не больно ходи, чтобы Пятую не раздражать. А то она давеча при невестушке такое мне наговорила. И будто я тебе, бесстыднику, волю даю, и Жуи-то потакаю тебя ублажать.

– Да чего ты эту потаскуху слушаешь!

– Послушай, что я тебе говорю! – продолжала Юэнян. – Не ходи

туда нынче. Сестрицу Ли Цзяоэр навести, слышишь? А завтра иди куда хочешь.

Симэню ничего не оставалось, как пойти к Ли Цзяоэр.

Рано утром, а это был первый день двенадцатой луны, Симэнь отправился в управу, где вместе с тысяцким Хэ они открыл присутствие и рассматривали дела. Служба отняла у них целое утро. Воротившись домой, Симэнь приготовил подарки – свиную тушу, вина и тридцать лянов серебра и послал их с Дайанем в Дунпин областному правителю Ху. Правитель принял подношения и тотчас же выдал свидетельство. Симэнь тем временем велел расставить жертвенные туши свиньи и барана, а также вино, фрукты и бумажные жертвенные деньги и пригласил геоманта Сюя для свершения службы. Только удалился геомант Сюй, как прибыл Дайань. Он вручил хозяину ответ правителя и скрепленное множеством печатей свидетельство, на котором было выведено: «Цяо Хун, глава ритуальной службы в уездном управлении здешней области».

Две коробки с жертвенным мясом и приглашение на пир было отправлено с Дайанем свату Цяо. Симэнь хотел показать свату только что полученное свидетельство. По коробке получили шурин У Старший, сюцай Вэнь, Ин Боцзюэ, Се Сида, приказчики Фу и Гань, Хань Даого, Бэнь Дичуань и Цуй Бэнь, но не о том пойдет наш рассказ.

На третье число приглашались начальник гарнизона Чжоу, военный комендант Цзин, командующий ополчением Чжан, бывшие дворцовые евнухи-смотрители Лю и Сюэ, тысяцкие Хэ и Фань, шурин У Старший, сват Цяо и Ван Третий. Симэнь позвал забавников и музыкантов, а также четырех певиц.

Мэн Юйлоу, не желая больше заниматься учетом денежных расходов семьи, в тот же день подвела в покоях Юэнян счета и через Симэня передала их Пань Цзиньлянь.

– Ну как после вчерашнего лекарства? Немного полегчало? – обратилась она к Юэнян.

– Да, – отвечала Юэнян, – сразу полегчало. И голова прошла и от сердца отлегло. Выходит, не зря женщине советуют у доктора-мужчины лечиться.

– Вам, матушка, должно быть, как раз его прикосновения и недоставало, – пошутила Юйлоу.

Тут даже рассмеялась и госпожа У Старшая.

Вошел Симэнь со счетами и стал было советоваться с хозяйкой.

– Чего меня спрашивать?! – возразила Юэнян. – Чья очередь, той и передай. Кому охота с ними возиться.

Симэнь вручил Цзиньянь тридцать лянов серебра и тридцать связок медяков, но не о том пойдет наш рассказ.

Немного погодя прибыл сват Цяо. Симэнь проводил его в залу и показал свидетельство, выданное областным правителем Ху. В нем было сказано: «Глава ритуальной службы Цяо Хун внес в пользу охраны границ Отечества, как положено, тридцать даней отобранного риса^[1442]».

Обрадованный Цяо торопливо склонился в низком поклоне.

– Не знаю, как мне и благодарить вас, сватушка, как я вам обязан за все ваши хлопоты! – говорил он. – А за свидетельством я завтра Цяо Туна пришлю. Он доставит его в целости и сохранности. Теперь, если вы удостоите меня приглашения на прием, сватушка, и мне, в чиновничьем-то облиии, не зазорно будет принять участие.

– Прошу третьего ко мне, сватушка, да пораньше, – подхватил Симэнь.

После чаю Симэнь велел Циньтуну накрыть стол в кабинете в западном флигеле.

– Прошу вас, сватушка, в кабинет, – пригласил гостя хозяин. – Там потеплее.

Они проследовали в кабинет, где в жаровнях горел уголь. Гость и хозяин заняли места друг против друга. Симэнь стал рассказывать, как цензор Сун с чиновниками обоих инспекторских управлений принимали накануне в его доме военного губернатора Хоу.

– Его сиятельство Хоу остались очень довольны, – продолжал Симэнь. – Завтра отбывают, и нам как сослуживцам надлежит устроить загородные проводы.

Когда был накрыт стол, явился Ин Боцзюэ с собранными подношениями. Они лежали в коробке, которую он велел внести Ин Бао. Вручая ее хозяину, Боцзюэ сказал:

– Прими, брат, поздравления и эти наши знаки внимания.

Симэнь развернул лист. В нем первым значился настоятель У, за ним следовали Ин Боцзюэ, Се Сиды, Чжу Жиньянь, Сунь Молчун, Чан Шицзе, Бай Лайцян, Ли Чжи, Хуан Четвертый и Ду Третий.

– Еще будут шурин У Второй, свояк Шэнь, доктор Жэнь, брат Хуа Старший, а также трое приказчиков и Вэнь Куйсюань – словом, человек двадцать с гаком наберется, – заметил Симэнь. – Так что приглашаю вас четвертого.

Он распорядился, чтобы слуги убрали подношения, а Циньтуну велел седлать коня.

– Скачи за шурином У Старшим, пусть сватушки Цяо компанию

составит, – А учитель Вэнь у себя?

– Учитель Вэнь с утра у друга в гостях, – ответил Лайань.

Немного погодя прибыли шури У Старший, Чэнь Цзинци и другие. Налили в чарки вино. На столе было расставлено множество горячих блюд и закусок: свиные ножки, бараньи головы – вареное, пареное и жареное, куры, рыба, гуси и утки.

За вином Симэнь рассказал шурина о радости, переживаемой сватом Цяо:

– Нынче свидетельство на чин главы ритуальной службы получил, – говорил Симэнь. – Надо будет как-нибудь подарки купить да свиток написать. Мы его от имени управы поздравим.

– Не извольте беспокоиться, прошу вас, – отозвался Цяо Хун. – Посмеет ли ваш покорный слуга причинять хлопоты столь почтенным солидным господам!

Из уездной управы прислали две с половиной сотни календарей. Симэнь передал с посыльным визитную карточку и, наградив его, отпустил.

– Не довелось мне пока видеть новый календарь, – заметил Боцзюэ.

Симэнь достал полсотни штук и разделил их между шурином, Ин Боцзюэ и сюцаем Вэнем.

Боцзюэ обнаружил, что наступающий год открывает новый период правления под девизом Двойной Гармонии и будет високосным, с добавочным месяцем.^[1443]

Но не будем говорить, как тогда с застольными играми пировали они до самого вечера.

Первым откланялся Цяо. Симэнь просидел с шурином У Старшим до первой ночной стражи. Слуге был дан наказ готовить к утру коня.

– Господина Хэ пригласи, – распорядился Симэнь. – Пусть ко мне завтра приезжает. Провожать его сиятельство Хоу вместе поедет. А четверо солдат, Лайань и Чуньхун пусть матушку сопровождают, когда она в паланкине отправится к госпоже Ся.

Симэнь направился к Цзиньянь.

Она, дождавшись Симэня, сняла головные украшения и распустила черные, как туча, волосы. Ее не украшали ни пудра, ни румяна. Помятое платье было небрежно брошено на постель. В спальне было темно и царила полная тишина. Симэнь окликнул Чуньмэй. Горничная не отозвалась. Цзиньянь спала. Он стал звать ее, но ответа и не последовало.

– Что с тобой, моя говорунья, а? – спрашивал он, подходя к ее кровати.

Цзиньлянь не проронила ни звука. Симэнь приподнял ее.

– Отчего ты не в духе? – допытывался он.

Цзиньлянь долго ломалась, потом лицо ее вытянулось и по благоухающим нежным щекам покатались слезы. Тут и с каменным бы сердцем не устоять. И растроганный Симэнь начал ее расспрашивать, затем обнял за шею.

– Ну брось плакать, успокойся, говорунья ты моя, – уговаривал он. – И чего только вы с ней делите?

– А кто с ней делит?! – после длительного молчания заговорила Цзиньлянь. – Это она ни с того ни с сего придирается. Меня перед всеми поносит. И мужа-то я удерживаю, и за мужем-то я гоняюсь, и тебя-то захватила. Только она, мол, порядочная, одна она подлинная супруга. Так зачем же тебя опять ко мне занесло?! Ступай, сиди около нее, а то как бы я тебя не задержала. Не успеет, говорит, домой заявиться, и сразу к ней. Это ко мне, стало быть. Ее послушать, так все эти ночи ты у меня ночевал. Врет и глазом не моргнет. И шубу-то, видишь ли, я у тебя выклянчила, а ее не спросила. Да кто я, рабыня ее или служанка какая-нибудь? Что мне, может, к ней на поклон ходить? Отругала моя горничная эту шлюху неотесанную, так опять же я виновата – не вступилась. Ей только бы к чему придраться. А если ты муж, глава семьи, должен на своем поставить, кулаком в доме порядок утвердить. Тогда вся болтовня прекратится. А то себя только унижаешь. За что, как говорить, купишь, за то и продаешь. А раз я не первой женой в дом вошла, мне идохнуть свободно не смей. Испокон веков покладистого коня седлают, доброго человека обманывают. А когда она от испуга страдала, кто от нее ни на шаг не отходил? Кто ей лекарей приглашал? Кто за ней ухаживал, кто в постель подавал? Горемыка я несчастная! Живешь в самом заднем углу. ноги протянешь, не спохватятся. Теперь-то я поняла, что она за человек! Заставила меня со слезами на глазах ей в ноги кланяться и прощения просить.

По нежному, словно персик, лицу Цзиньлянь покатались жемчужины. Упав в объятия Симэня, она зарыдала, утирая то нос, то глаза.

– Ну, довольно, дитя мое! – уговаривал ее Симэнь. – Знаешь, как я был занят все эти дни. А вам следовало бы уступить друг дружке, и все бы обошлось по-хорошему. А теперь кого я, по-твоему, должен винить, а? Вчера к тебе хотел прийти, а она говорит: если ты, мол, туда пойдешь, значит, вроде извинения просить. Не пустила она меня к тебе. Я у Ли Цзяоэр ночевал. Но всем сердцем я был с тобой.

– Хватит! – оборвала его Цзиньянь. – Тебя я тоже узнала, что ты есть за человек. Только притворяешься, что ко мне равнодушен, а сам ее любишь. Ведь только она доподлинная супруга! А тем более теперь! Как же, наследником тебя одарит. А я кто?! Трава сорная. Какое может быть сравнение!

– Не говори глупости! – Симэнь обнял и поцеловал Цзиньянь. Цюцзюй внесла чай. – Кто велел этой грязнуле, рабскому отродью, чай подавать? А где Чуньмэй?

– И ты еще спрашиваешь! – воскликнула Цзиньянь. – Она у себя посчитай четвертый день лежит, не встает. Не ест, не пьет. Смерть призывает. Как ее хозяйка при всех отругала, она целыми днями плачет.

– В самом деле?! – удивился Симэнь.

– Что ж я, обманываю тебя, что ли? Ступай, сам увидишь.

Симэнь поспешил к Чуньмэй. Она лежала на кане, непричесанная, без румян и белил.

– Ты чего лежишь, говорунья? – спросил ее хозяин.

Чуньмэй притворилась спящей, не проронив ни слова в ответ. Симэнь попытался было взять ее на руки, но Чуньмэй, как будто очнувшись от забытья, вдруг выпрямилась и забилась точно пойманный карп, да с такой силой, что Симэнь едва устоял на ногах. Хорошо, сзади оказался кан.

– Отпусти! Руки не пачкай! – кричала Чуньмэй, крепко сжатая в объятиях хозяина. – Чего тебе нужно от рабыни?

– Ишь какая ты речистая! – говорил Симэнь. – Тебе хозяйка два слова сказала, а ты уж и из себя вышла? Не ешь, говорят, не пьешь.

– Ем я или нет, не твое дело, – отвечала горничная. – Мы, рабыни, хоть подыхай, никто ухом не поведет. Я за все время, пока в вашем доме служу, ничего дурного не сделала. Хозяин меня еще ни разу не попрекнул, ни разу не ударил. За что ж меня хозяйка так отругала?! Да из-за кого ругала-то? Из-за этой неотесанной потаскухи, из-за шлюхи проклятой. Она ж через все улицы и переулки прошла. Хозяйка еще мою матушку упрекает: горничную, мол, распустила. Не хватало только, чтобы из-за этой неотесанной бабы мне палок всыпали. Пусть только жена Хань Даого заявиться, я ей покажу. Это ведь она шлюху сюда заслала, она зло посеяла.

– Если и она прислала, у нее ведь были добрые намерения, – возразил Симэнь. – Кто бы мог предполагать, что у вас начнется ругань?

– Будь она хоть чуть-чуть покладистой, я б не стала с ней

связываться, — не унималась горничная. — Она других ни во что не ставит.

— Я к тебе пришел, а ты и чашкой чаю не угостишь? — попытался переменить тему разговора. — Грязнуля Цюцзюй подала, а я пить не могу.

— Ну вот, умер мясник Ван, так свинину со щетиной есть приходится, — заворчала Чуньмэй. — Я не в силах с места сдвинуться, а тут чай подавать.

— Кто ж тебе велел голодать, болтушка? Пойдем-ка в покои. Я и перекусить не прочь. А Цюцзюй велим подать закусок, вина, пирожков с фруктовой начинкой и рыбного супу.

Без лишних слов он взял Чуньмэй за руку и повел в покои Цзиньлянь. Цюцзюй послали пойти с коробом за кушаньями.

Немного погодя она извлекла из короба всевозможные блюда: вареную свиную голову, разваренную баранину, тушенную курятину и жаренную в масле рыбу, а к ним отборный отварной рис и закуски к вину: медузу, бобовые ростки, мясо и чилимы.

Симэнь наказал Чуньмэй подать к мясу тонко нарезанной курятины, маринованных ростков бамбука и душистого луку, а также аппетитно пахнувшего бульона с пельменями. Когда все кушанья были расставлены на столе, подали тарелку пирожков с фруктовой начинкой.

Симэнь и Цзиньлянь сидели рядышком, а сбоку от них расположилась Чуньмэй. Чарка за чаркой, так пропировали они до первой ночной стражи, после чего пошли спать.

На другой день Симэнь встал рано. За ним заехал тысяцкий Хэ. Они выпили натошак по чарке и отбыли за город на проводы военного губернатора Хоу.

У Юэнян же первым делом послала подарки, а потом, нарядившись, отправилась в большом паланкине на пир к госпоже Ся, жене командира императорского эскорта Ся. Ее сопровождали Лайань и Чуньхун, а также солдаты, которые окриками отгоняли с дороги зевак, но не о том пойдет наш рассказ.

Дайань и Ван Цзин оставались дома. После полудня они заметили у главных ворот старуху Ван, владелицу чайной против управы, которая привела с собой Хэ Девятого.

— Почтенный батюшка у себя? — спросила Дайаня старуха.

— А, матушка Ван и почтенный Хэ! — воскликнул Дайань. — Давно не заглядывали. Какими судьбами?

— Зря господ не беспокоят, — отвечала Ван. — Не случись с братом

Хэ Девятым беда, не решилась бы и теперь явиться.

– А батюшка провожают его сиятельство Хоу, – пояснил Дайань. – И матушки Старшей нет дома. Обождите, мамаша, я матушке Пятой доложу.

Слуга удалился, а немного погодя воротился и объявил:

– Матушка Пятая велела просить вас, мамаша.

– Не смею я, – заметила Ван. – проводи меня, сынок. Собака не схватила бы.

Дайань повел старуху через сад к покоям Цзиньлянь. Он отдернул гостье дверную занавеску, и она вошла.

Прическу разодетой в парчу и атлас Цзиньлянь украшал, как обычно, отороченный мехом ободок, напоминавший спящего кролика. Напудренная и нарумяненная, блистающая нефритом, она сидела на кане, свесив ноги к жаровне, и грызла тыквенные семечки. Спальню ее украшал полог из узорной парчи, золотом сверкала кровать, одна ярче другой блестели безделушки, всеми цветами отливали коробочки и шкатулки.

Ван не преминула отвесить поклон.

– К чему эти церемонии, почтенная? – поспешно ответив на ее приветствие, говорила Цзиньлянь.

Старуха села на край кана.

– Давненько тебя не видала, – начала Цзиньлянь.

– Помню я вас, сударыня, – говорила Ван, – в сердце держу, а заглянуть все не решалась. Обзавелась ли наследничком, сударыня?

– Если бы ... Дважды выкидывала. Ну, а ты? Женила ли сына?

– Да все не подыщу ему пару. Он ведь у меня только с берегов реки Хуай воротился. Больше года с купцами разъезжал. Деньжат немного подкопил. Осла купил, мельницу завел. Так вот и живем. А пару я ему как-нибудь подыщу. Так батюшки, стало быть, нет дома?

– Батюшка за город отбыл, губернатора Хоу провожают, – пояснила Цзиньлянь. – И хозяйки нет. А у тебя дело к нему?

– Это у Хэ Девятого беда случилась. Меня и попросил с батюшкой поговорить. Брата его, Хэ Десятого, с шайкой грабителей задержали. А допрашивать будут в управе у батюшки. На него показали – будто он шайку сколотил, а он тут вовсе не при чем. Вот мы и пришли просить батюшку, чтобы Хэ Десятого отпустили. А грабителям пусть батюшка не верит. Хэ Десятый потом щедро отблагодарит за милости. Вот и прошение.

Старуха достала бумагу и протянула Цзиньлянь.

– Оставь, я покажу, как только сам вернется, – пробежав прошение,

пообещала Цзиньлянь.

– Хэ Девятый у ворот ждет, – сказала старуха. – Велю ему завтра за ответом придти.

Цзиньлянь крикнула Цюцзюй. Та немного погодя подала чай.

– Какое же вам счастье подвалило, сударыня! – заметила за чаем Ван.

– Да, подвалило ... – протянула Цзиньлянь. – Если б не волнения, а то без них дня не проходит.

– Да что вы говорите, сударыня! – воскликнула старуха. – Вам и кушанья подают, и воду для умыванья подносят. Вы же в золоте да серебре купаетесь. Вон сколько служанок на побегушках! Какие же у вас могут быть волнения?!

– Быть старшей женой-хозяйкой – одно, ходить в младших – совсем другое, – отвечала Цзиньлянь. – Одна в теплом гнездышке наслаждается, другая в глухой норе прозябает. Из одной чашки хлебать да соседа не зацепить? Нет, без волнений не прожить.

– Сударыня, вы же умнее других, дорогая вы моя! И супруг ваш, батюшка, наслаждается процветанием. Вот и пользуйтесь счастьем сполна. – И старуха добавила: – Так я завтра велю ему придти за ответом, хорошо?

Она стала откланиваться.

– Посидела бы еще, почтенная, – оставляла старуху Цзиньлянь.

– Неловко задерживаться-то. Он, чай, жаждался там. Пойду. Я лучше как-нибудь в другой раз загляну.

Цзиньлянь больше не стала ее удерживать.

У ворот Ван еще раз напомнила Дайаню.

– Знаю, мамаша, не волнуйтесь, – заверил ее слуга. – Я доложу батюшке тотчас же, как они прибдут.

– Брат, – обратился к Дайаню Хэ Девятый, – я завтра утром за ответом приду.

С этими словами старуха Ван и Хэ Девятый и ушли.

К вечеру вернулся Симэнь. Дайань доложил ему о Хэ Десятом. Хозяин пошел к Цзиньлянь, где, ознакомившись с прошением, передал его слуге со словами:

– В управе напомнишь.

После этого Симэнь Цин велел Чэнь Цзинци разослать приглашения на третье число, а с Циньтуном поручил украдкой от Чуньмэй отнести лян серебра и коробку сладостей в дом Хань Даого.

– Это для барышни Шэнь Второй, – пояснил он. – Скажи, чтобы она не сердилась.

Ван Шестая, жена Хань Даого, с радостью приняла подарки.

– Она не посмеет сердать, – говорила Ван Шестая. – Поблагодари батюшку с матушкой и извинись за неприятность, причиненную барышне Чуньмэй.

Однако не о том пойдет рассказ.

Под вечер вернулась Юэнян. На ней была горностаевая шуба, расшитая золотом куртка и голубая парчовая юбка. Юэнян несли в большом паланкине, который сопровождали двое слуг с фонарями. Она поклонилась сперва старшей невестке У и остальным женщинам, потом приветствовала пировавшего в ее покоях Симэнь.

– Госпожа Ся была очень рада моему прибытию и благодарила за щедрые подношения, – рассказывала Юэнян. – Было много гостей – родственников и соседок. От господина Ся письмо пришло. Он и тебе написал. Завтра принесут. Госпожа Ся числа шестого или седьмого выезжать собирается. Всей семьей в столицу переезжают. Госпожа Ся очень хотела бы, чтобы их сопровождал Бэнь Четвертый. Мы, говорит, его в столице не задержим. А дочка его, Чжаньэр, мне земные поклоны отвесила. Совсем взрослая стала и собой недурна. Что это, думаю себе, чай подает и все на меня украдкой поглядывает. Я-то ее совсем забыла. Там ее Жуйюнь назвали. Кликнула ее хозяйка и говорит: «в ноги матушке Симэнь поклонись». Поставила она чайный прибор и мне в ноги. Четырьмя поклонами приветствовала. Я ей два золотых цветка подарила. А как ее хозяйка выделяет. Будто она не горничная, а дочь родная.

– А повезло девчонке! – заметил Симэнь. – У кого другого «выделили» бы! Одно прозвание – заноза, сучье отродье – вот и вся честь.

– Чтоб у тебя язык отсох! – строго взглянув на мужа, сказала Юэнян. – Это ты на любимую горничную намекаешь, а? На ту, которой от меня досталось?

Симэнь засмеялся.

– Стало быть, ей хочется, чтобы Бэнь Четвертый провожатым поехал, да? – переспросил он. – А кого я в шелковую лавку поставлю?

– Можно, небось, и закрыть на эти дни.

– Как закрыть? Прервать торговлю? – недоумевал Симэнь. – Ни в коем случае! Тем более в канун Нового года, когда так разбирают шелка. Нет, об этом потом потолкуем.

Юэнян проследовала во внутреннюю комнату, где разделась и сняла головные украшения, а потом и села рядом с невесткой – госпожой У Старшей. Тут к ней подошли по старшинству домочадцы

и отвесили земные поклоны.

В тот день Симэнь ночевал у Сюээ, а утром отбыл в управу.

Утром же прибыл Хэ Девятый и, протянув Дайаню лян серебра, узнал, в чем дело.

– Дело обстоит так, – объяснил ему Дайань. – Батюшке я еще вчера доложил, как только он воротился. Твоего брата нынче выпустят. Ступай в управу, там обожди.

Обрадованный Хэ Девятый направился прямо в управу.

Симэнь тотчас же по прибытии открыл присутствие. Ввели грабителей. Каждому было приказано надеть тиски и всыпать по два десятка палок. Хэ Десятого освободили, а вместо него был задержан монах из буддийской обители Всеобщего спасения. Объяснили этот арест тем, что грабители как-то заночевали в монастыре.

Вот такая бывает на свете несправедливость!

Да, Чжану пить вино – прослыть пропойцей Ли.

Смоковницу срубить – над ивой слезы лить.

Тому свидетельством стихи:

Дни Сунского двора уж были сочтены,
Когда несправедливости творили судьи
И чистоту со скверною мешали без вины,
Но не укрыть от глаз Земли и Неба сути.

В тот день Симэнь позвал певиц У Иньэр, Чжэн Айюэ, Хун Четвертую и Ци Сян. Они прибыли у полудню и, держа в руках узлы с нарядами, проследовали в покои Юэнян, где отвесили земные поклоны хозяйке дома, ее старшей невестке У и остальным женщинам. Юэнян распорядилась напоить их чаем, после чего они настроили инструменты и услаждали пением собравшихся.

В покоях неожиданно появился вернувшийся из управы Симэнь. Певицы отложили инструменты и, улыбаясь, грациозно склонились перед ним в земном поклоне.

– Что тебя так задержало в управе? – спросила Юэнян.

– Все дела разбирали, – объяснил Симэнь и, взглянув в сторону Цзиньлянь, продолжал. – Вчера вот мамаша Ван за брата Хэ Десятого просила. Освободил я его, а грабители под стражей сидят. Тисков отвели и по два десятка палок. Вместо Хэ Десятого монаха посадили. Завтра дело в Дунпин отправим. Потом дело о прелюбодеянии рассматривали. Теща с зятем жила. Зятю Сун Дэ тридцать с небольшим, а жил в доме жены. После смерти тещи тесть

взял в жены некую Чжоу. Не проходит и года, умирает тесть. Не устояла молодая теща и давай с зятем зубоскалить в открытую и шутки отпускать. Когда об этом узнали все домочадцы, зять решил проводить тещу, отправившуюся навестить родителей. «Мы не совершили предосудительного, – обратилась она к зятю. – Нас оклеветали ни за что. Так давай станем мужем и женою на этом глухом пустыре». Тогда Сун Дэ и вступил с тещей в преступную связь, которая не прекращалась и после возвращения тещи. Как-то теща наказала служанку, которая и рассказала про них соседям, а те подали жалобу. Нынче их допрашивал, добыл признание вины, и дело их будет направлено в Дунпинское управление. А за прелюбодеяние с матерью жены, то есть родней, их ждет повешение.

– А я бы, по-своему, служанку, рабское отродье, избил так, чтобы на всю жизнь запомнила, как язык распускать, – вставила Цзиньянь. – Ее за это мало наказать. Куда лезла? Знай сверчок свой шесток. И надо же! Словом хозяев порешить!

– Ей тоже от меня досталось, – продолжал Симэнь. – Отведала тисков. Из-за ничтожной служанки, рабского отродья, две жизни загубить ...

– Когда не проявляют доброту высшие, не будет почтения со стороны низших, – заявила Юэнян. – Коль сука не захочет, кобель не вскочит. Что ни говорите, а женщина зла от природы. Кто посмел бы задеть доброго?!

– Матушка совершенно права! – хором поддержали ее улыбающиеся певицы. – Даже наша сестра, певица, не примет приятеля своего постоянного поклонника. Тем более щепетильны должны быть женщины, живущие в семье.

На столе появились кушанья, и Симэнь принялся за еду.

Вдруг из передней донесся бой барабанов и гонгов.

– Его сиятельство Цзин, военный комендант, прибыли.

Симэнь, одевшись в парадное платье, поспешил навстречу гостю и проводил его в залу, где после взаимных приветствий поблагодарил его за щедрые подношения. После того как каждый из них занял соответствующее место, им подали чай.

– Так вот, – начал Симэнь. – Цензор Сун ваш послужной список принял и пообещал сделать, что может. Так что вскоре вас ждет повышение, сударь.

– Я вам весьма обязан за хлопоты, сударь! – со сложенными на груди руками благодарил гость хозяина. – Никогда не забуду вашего старания, сударь!

– Я и насчет командующего Чжоу цензору напомнил, – продолжал Симэнь. – Тоже обещал поиметь в виду.

Во время их беседы доложили о прибытии дворцовых евнухов-смотрителей Лю и Сюэ. Они вошли под барабанный бой и удары в гонг. Симэнь спустился со ступеней и ввел их в залу, где все обменялись приветствиями. Гости были в украшенных драгоценными камнями и бахромою темных халатах из шерстяной ткани, затканной драконами о четырех когтях. Они заняли места в центре залы. За ними прибыл столичный воевода Чжоу. Завязалась беседа.

– Как великодушен Сыцюань! – обращаясь к Чжоу, воскликнул Цзин. – Он и о вас замолвил доброе слово на пиру в честь его сиятельства Хоу. Цензор Сун тоже будет иметь в виду. И вас ожидает повышение в чине.

Столичный воевода Чжоу склонился перед Симэнем:

– Я бесконечно вам благодарен, сударь, – проговорил он.

Немного погодя один за другим прибыли командующий ополчением Чжан, тысяцкий Хэ, Ван Третий, тысяцкий Фань, шурин У Старший и сват Цяо в перетянут поясом темном халате и парадной чиновничьей шапке. Его сопровождали четверо слуг. Цяо Хун приветствовал собравшихся, потом четырежды поклонился Симэнь Цину. Когда его стали расспрашивать о назначении, Симэнь ответил:

– Мой сватушка удостоился от областного управления чина главы ритуальной службы.

– Раз вы Сыцюаню сват, поздравляю вас с пожалованием, – обратился к Цяо воевода Чжоу.

– Весьма тронут вашим вниманием, господа, – сказал Цяо Хун. – Не извольте беспокоиться.

Каждый занял подобающее по чину место. Подали чай, после чего за парчовой ширмой накрыли пиршественный стол. В расписной палате блистали и сверкали дорогие вещицы, одна другой краше. Перед ступенями играли на свирелях и пели. Стол ломился от редких яств. Принесли вино. К каждому из гостей подошли и взяли верхние одежды. Все заняли свои места. Только Ван Третий, как его ни упрасивали, не решался сесть за стол.

– Будь же как дома, садись с господами за компанию, – уговаривал его Симэнь. – Нынче ведь не званый обед.

Вану пришлось, наконец, занять место с левого боку. Немного погодя подали суп и рис. А когда поставили на стол жареного гуся внизу начались пляски казенных танцоров. За ними выступили забавники и скоморохи, актеры разыгрывали небольшие сценки, а потом вышли не спеша певицы и поклонились господам.

Каждая из них была прекраснее цветка, на какую ни глянь – фея в жемчугах и бирюзе. Они заиграли на серебряных цитрах, ударили в нефритовые кастаньеты, и полились чудные мелодии, а среди букетов ярких цветов слышались шутки и смех.

Да,

Снова пляски и смех, и пиры по ночам,
А иссякнет кошница – гол и некуда деться!

Не сорите же златом, скажу богачам:

Бережливость от бедности лучшее средство.

Почетное место, само собою разумеется, занимал бывший дворцовый евнух-смотритель Лю. На чаевые ушло много серебра. Пировали и веселились вплоть до первой ночной стражи. Когда гости отбыли, Симэнь отпустил музыкантов и актеров, предварительно

наградив их серебром. Певицы все еще пели в покоях Юэнян. У Иньэр хозяйка оставила ночевать, а остальные перед уходом зашли в залу, чтобы поклониться Симэню.

– Завтра Ли Гуйцзе с собой приводит, опять петь будете, – обратился он к Чжэн Айюэ.

Айюэ понимала, что не звали Гуйцзе из-за приглашенного на пир Вана Третьего.

– Что, батюшка, овладел полководец логовом, и бежали разбойники? – улыбаясь, говорила певица. – Кого же завтра приглашаете?

– Только родных и друзей.

– Если будет Попрошайка Ин, я не приду, – заявила Айюэ. – Видеть не могу этого уроды – приставалу противного.

– Его не будет.

– Вот и хорошо! Придет задира, петь не станем.

Певица отвесила земной поклон и, выпрямившись во весь рост, ушла.

Симэнь дождался, пока убрали посуду, и направился в покои Ли Пиньэр, где провел ночь с Жуи, но не о том пойдет наш рассказ.

Утром Симэнь отбыл в управу, чтобы препроводить в управление в Дунпин допрошенных накануне преступников.

Когда Симэнь вернулся, было накрыто двенадцать столов. Приглашение получили настоятель У, шурин У Второй, шурин Хуа Старший, свояк Шэнь, свояк Хань, доктор Жэнь, сюцай Вэнь, Ин Боцзюэ с побратимами, Ли Чжи, Хуан Четвертый и Ду Третий, а также двое приказчиков. Вином обносили гостей певицы Ли Гуйцзе, У Иньэр и Чжэн Айюэ. Пели Ли Мин, У Хуэй и Чжэн Фэн.

Во время пира вошел Пинъань и доложил:

– Дядя Юнь Второй свидетельствует свое глубокое почтение по случаю получения наследственного чина.

За облаченным в темный полотняный халат с квадратными нашивками и круглым воротником Юнь Лишоу, который шествовал в чиновничьей шапке, препоясанный золотым поясом, следовали слуги, несшие подношения. Первым делом хозяину была вручена визитная карточка. Симэнь прочитал:

«Недавно получивший по наследству пост помощника командира правого гарнизона в уезде Цинхэ, Шаньдун, ваш покорный слуга Юнь Лишоу с нижайшим поклоном и почтением подносит скромные дары здешних мест: десять собольих шкур, морскую рыбу, пакет сушеных креветок, четыре копченых гуся, десяток уток и пару

занавесей из глянцевиой промасленной бумаги. Не осудите за столь скромные знаки внимания».

Симэнь велел слугам принять подношения и поблагодарить Юнь Лишоу.

– Ваш покорный слуга только вчера вернулся домой и тотчас же поспешил нанести вам визит, сударь. – Юнь сделал полагающиеся земные поклоны и продолжал: – Я от души благодарен вам за великие милости. Пусть скромные дары здешней природы будут выражением моей искренней признательности.

Юнь Лишоу потом поклонился остальным собравшимся. Как к особе чиновной Симэнь относился к Юнь Лишоу с особым почтением и предложил место рядом с шурином У Вторым. Слуги сей же час поставили перед ним прибор, подали суп и рис. Сопровождающих Юня было велено накормить мясным и поднести вина.

Симэнь осведомился о постигшей Юнь Лишоу утрате и получении потомственного титула. Юнь обстоятельно рассказал, как обстояло дело.

– Благодаря его сиятельству Юю из Военного ведомства, – говорил Юнь, – весьма сочувствовавшему нам по случаю кончины на своем посту моего старшего брата, переходивший по наследству титул и пост был сохранен за нами и о моем назначении в здешнее управление было послано надлежащее письменное уведомление.

– Поздравляю, от души поздравляю тебя! – воскликнул Симэнь. – Как-нибудь на днях отдам тебе визит и с назначением поздравлю.

Гостей угощали вином сперва слуги, потом певицы. Немного погодя захмелел Юнь Лишоу. А Ин Боцзюэ походил на куклу, которую дергают за веревочки. Он то и дело вскакивал с места и непрестанно дразнил Ли Гуйцзе и Чжэн Айюэ. Одна из них называла его оборотнем, злодеем и скандалистом, другая величала противным мучителем, смутьяном, Боровом^[1444] и грабителем с большой дороги.

– Ну а вы? Кто вы такие?! – не уступал Боцзюэ. – Рабские отродья! Гнать вас следовало бы, дикарок чернявых! Стоит вам рот открыть – на рвоту тянет.

Но не будем говорить, как пировали и шутили гости. Казалось, их окружали букеты ярких цветов. Вздymались кубки – пир был в самом разгаре. Веселье длилось до второй ночной стражи. Когда все разошлись, Симэнь отпустил певиц и пошел ночевать к Старшей.

На другой день он встал поздно и, позавтракав рисовым отваром в покоях Юэнян, облачился в парадное платье. Он намеревался отдать визит Юнь Лишоу, но тут вошел Дайань.

– С вами хочет поговорить Бэнь Четвертый, батюшка, – доложил он.

Симэнь догадался, зачем пришел Бэнь Дичуань. Его просили сопроводить семейство Ся Лунси в столицу. Симэнь направился в переднюю залу.

Бэнь достал из рукава письмо командира Ся и, вручая его хозяину, сказал:

– Его сиятельство Ся хотят, чтобы я проводил их семейство в столицу. Я скоро вернусь. Пришел за вашим разрешением, батюшка.

Симэнь Цин пробежал письмо. В нем говорилось о расставании, выражалась благодарность Симэню за постоянную заботу о его семье и содержалась просьба отпустить на время переезда Бэнь Дичуаня.

– Раз тебя просят, надо ехать, – согласился Симэнь. – А когда в путь трогаются?

– Меня нынче с утра просили прийти, – отвечал Бэнь. – Отъезд назначен на шестое число. Я только месяца через полтора вернусь. С этими словами он вручил хозяину ключи от лавки на Львиной.

– Ладно, поезжай, – заключил хозяин. – А я шурина У Второго попрошу. Он пока в лавке поторгует.

Бэнь Дичуань откланялся и ушел домой собирать вещи.

Симэнь в парадном одеянии сопровождаемый слугами отбыл с визитом к командиру Юню.

В тот день собиралась домой супруга У Старшего. Нанятый паланкин ожидал ее у ворот. Хозяйка устроила в честь гостыи прощальное угощение и вручила две коробки сладостей.

Когда они вышли к паланкину, – и надо же было тому случиться! – Юэнян слышала плач. Неподалеку от ворот, прижавшись к конюшне, рыдал Хуатун. Как его ни уговаривал Пинъань, он не унимался.

– Ты что к нему пристаешь, арестант? – проводив сноху, спросила Пинъаня хозяйка. – Что случилось?

– Его учитель Вэнь зовет, а он идти не хочет, – пояснил Пинъань – И меня ругает.

– Ну и пусть идет, – говорила Юэнян. – Раз тебя учитель зовет, надо идти. И нечего плакать!

– Не лезь не в свое дело! – заявил Пинъаню Хуатун. – Не пойду я и все и не приставай ко мне.

– Почему ты не пойдешь? – спрашивала хозяйка.

Хуатун молчал.

– Ишь ты какой упрямец! – вмешалась Цзиньлянь. – Почему не

отвечаешь, арестант проклятый, когда тебя матушка спрашивает, а?

Пинъань дал Хуатуну пощечину, и тот зарыдал громче прежнего.

– А ты его за что бьешь, негодник? – возмутилась Юэнян. – Надо по-хорошему уговорить. Но почему ты все-таки не хочешь идти?

Тут верхом на коне в ворота въехал Дайань.

– Батюшка вернулся? – спросила его хозяйка.

– Батюшку дядя Юнь пировать оставил, – пояснил Дайань. – А меня с парадной одеждой отпустил. За войлочной шапкой послал. – Дайань заметил плачущего Хуатуна и спросил. – А ты, сударь, чего нюни распустил? Чего глотку дерешь? Или угостили головой да об стену?

– Его учитель Вэнь зовет, а он ни в какую, – пояснил Пинъань. – Плачет, да еще огрызается на меня.

– Братец ты мой! – обращаясь к Хуатуну, говорил Дайань. – Раз учитель зовет, не плошай, а будь начеку. Хоть он и величает себя Вэнь Старины Любитель, а прославился-то он как юнцов растлитель. Ему без чужой задницы дня не прожить.^[1445] Что ж ты, брат, до сих пор ублажал, а нынче прятаться вздумал, а?

– Ах ты, арестантское твоё отродье! – заругалась Юэнян. – Растлитель? Что это значит?

– А вы, матушка, его спросите, что это значит, – отвечал Дайань.

Падкая до скандалов Цзиньянь отозвала Хуатуна в сторонку и стала допрашивать:

– Говори, рабское отродье, чего он от тебя хочет, а? Не скажешь – я тебя поучу и матушка задаст как следует.

Хуатун долго молчал, потом, не выдержав, рассказал:

– Заманил он меня да засадил свой товарец в мой зад. У него распирает, а мне больно. Хватит, говорю, вынимай, а он не вынимает, лишь норовит еще задвинуть. И в руки брать заставляет. Не стерпел я и убежал, а он опять зовет.

– Ах ты, рабское твоё отродье! – услышав, что говорит Хуатун, воскликнула Юэнян. – Убирайся и чтоб я тебя не видала, разбойник! А ты еще допытываешься, сестрица! Такая мерзость мне и в голову не приходила. Уши-то развесила. Слушать тошно! Женатый, а чем занимается, пакостник! А мы-то ему юнца в услужение...

– И какой женатый пойдет на такие пакости, матушка?! – заметила Цзиньянь. – Нищие бродяги из ночлежки – еще понятно ...

– И как этому южному дикарю не стыдно?! – говорила Юйлоу. – У него ведь жена есть.

– А почему я ее ни разу не видала? – спрашивала удивленная

Цзиньлянь.

– А вам, матушки, ее и не увидеть, – вставил Пинъань. – Он, прежде чем уйти, ее на замок запирает. Я-то за эти полгода всего раз видел, как она в паланкин садилась, когда родителей навещала. И уже к вечеру была дома. А больше она за дверь не показывается. Разве что нужник выплеснуть.

– Тоже, должно быть, хороша, раз за такого вышла! – продолжала Цзиньлянь. – Сидит в четырех стенах, света не видит, как заточенная.

После разговора Юэнян и остальные женщины удалились в свои покои.

На закате вернулся Симэнь и прошел к Юэнян.

– У Юня засиделся? – спросила она.

– Я хотел было откланяться, а он ни в какую, – пояснил Симэнь. – Стол накрыл, жбан вина откупорил. Пришлось остаться. Да! Цзин Наньцзяна повысили. А Юнь Лишоу будет заведовать печатями. Надо будет со сватом Цяо насчет подношений договориться, а от сослуживцев вручим поздравительный свиток. Нужно свиток купить, а надписи сделает Вэнь Куйсюань.

– Ох уж этот Куйсюань поганый! – протянула Юэнян. – Связался с пакоstickником! Дойдут слухи до соседей, стыда не оберешься!

– А что такое?! – спросил крайне удивленный Симэнь.

– Чего меня спрашиваешь! Слугу допроси!

– Какого слугу!

– Известно какого! – вмешалась Цзиньлянь. – Негодника Хуатуна. Мы жену У Старшего провожали, а он у ворот стоит, плачет. Его, оказывается, мерзавец Вэнь отделявал.

– А ну-ка, позовите его ко мне, – распорядился хозяин, не совсем поверивший Цзиньлянь. – Я его сам допрошу.

Он послал за слугою Дайяня, и тот привел его в покои Юэнян.

– Зачем он тебя звал? – громко допрашивал Симэнь, держа наготове тиски для зажима пальцев. – Говори, разбойник, все выкладывай, рабское твоё отродье!

– Он меня вином поил, потом малость попользовал, – отвечал слуга. – Зад у меня болит, я и спрятался. А он Пинъаня за мной послал. Пинъань бил меня. Потом меня матушки увидали. Он меня все время выпрашивает обо всем, что делается в матушкиных покоях. Только я не смею ему рассказывать. А когда пир был, он меня за серебряной посудой послал, чтобы я ему принес. Он ваши письма, батюшка, учителю Ни носил, а учитель Ни их господину Ся показывал.

– Вы слышите? – крикнул выведенный из себя Симэнь. – Верно

говорят, не узнаешь, что у тигра на уме и у человека на душе. Я ему доверял, за порядочного считал, а он скотиной сказался. Мне такие не нужны! – Симэнь обернулся к Хуатуну. – Встань! И чтобы больше туда ни шагу.

Хуатун отвесил хозяину земной поклон, встал и удалился.

– Так вот, оказывается, почему меня сват Чжай упрекал, – обратился Симэнь к Юэнян. – Если ты, говорит, тайны хранить не научишься, накличешь на свою голову беду. Некому, себе думаю, мои тайны разглашать. Выходит, он, сукин сын, доносил. А мне-то и невдомек. Поил-кормил.

– А ты с кем советовался? – спросила Юэнян. – У тебя ж нет сына. Кого тебе обучать? К чему же ты учителя в дом нанял? Письма писать? Вот он тебе и написал! Ты его пои-корми, а он вон чем отплатил. Все твои дела выводывал.

– Да что и говорить! Завтра же велю убираться, – заключил Симэнь и позвал Пинъаня. – Ступай скажи учителю: батюшка, мол, занимает помещение под склад, а вас просит выехать. Если он захочет меня видеть, скажешь, что меня нет дома.

– Слушаюсь! – отозвался Пинъань и удалился.

– Я Бэня в столицу отпустил, – обращаясь к хозяйке, заговорил Симэнь. – Он шестого семью Ся Лунси провожает. А в лавку, по моему, надо позвать шурина У Второго. Пусть покуда поторгует. Раз в три дня по очереди с Лайчжао ночевать будет. А столуется пусть у нас. Как ты думаешь?

– Делай, как знаешь, – отозвалась Юэнян. – Зови, если хочешь. Мне все равно. Только не стали бы упрекать, будто я брата своего пристраиваю.

Симэнь не обратил внимания на предостережения Юэнян и тотчас же велел Цитуну пригласить шурина У Второго.

Немного погодя прибыл шурин. Симэнь проводил его в переднюю залу и угостил вином.

– Завтра будешь с Лайчжао торговать на Львиной, – сказал ему Симэнь, вручая ключи от лавки.

Однако не о том пойдет речь. Расскажем пока о сюае Вэне.

Когда Хуатун не пришел ночевать, Вэнь Куйсюань забеспокоился не на шутку.

На другой день к учителю явился Пинъань.

– Батюшка свидетельствует вам свое почтение, учитель, – обратился он к сюаю. – И просит предупредить, что это помещение отводится под склад, так что вам придется подыскать себе другое

место.

Вэнь Куйсюань от неожиданности побелел как полотно. Ему стало ясно, что его выдал Хуатун. Учитель приоделся и в парадной шапке направился повидаться с Симэнем.

– Батюшка в управе, – заявил Пинъань. – Еще не вернулись.

Немного погодя опять появился Вэнь Куйсюань с письмом, которое хотел передать хозяину через Циньтуна.

– Батюшка только что вернулся из управы, – не решаясь принять письмо, сказал Циньтун. – Батюшка утомлены. Удалились на отдых. Я не могу беспокоить.

Сюцай Вэнь понял, что от него хотят отделаться и пошел за советом к сюцаю Ни. Вскоре он с женой перебрался жить на прежнее место.

Да,

Пожалуй, всей реки Янцзы вода
Позор не смоем, не зальет стыда.
О том же говорят стихи:
«Родится с благодатью человек,
Но мало кто несет ее весь век».^[1446]
Когда на чувство нет тебе ответа,
Мельчает, пропадает чувство это.
Не вечно счастьем с нами по пути,
Цветам прекрасным долго не цвести.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.
^[1447]

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ИДЕТ ПО СНЕГУ НА СВИДАНИЕ С АЙЮЭ

ЖЕНА БЭНЬ ДИЧУАНЯ, СТОЯ У ОКНА, ОЖИДАЕТ ЖЕЛАННОЙ ВСТРЕЧИ

*Зимней стуже наперекор
слива нежный дала побег,
На раскрывшиеся цветы
мягко падает липкий снег.
Ветру раннему сливу жаль –
аромата с цветов не сдул;
Чтоб видна была их краса,
месяц ласковый проглянул.
Над Лоянским дворцом цветут –
это, знайте, счастливый знак,
Если в Циских чертогах – тут
ожидайте удачный брак.
Но умножат печаль души
лепестки на быстрой воде,
И задумается поэт
о своей нелегкой судьбе.*

Итак, когда сюцаю Вэню не удалось повидаться с Симэнем, он от стыда забрал жену и переселился на прежнее место. Симэнь же велел прибрать кабинет и устроил в нем гостиную, но не о том пойдет речь.

Как-то хозяину нанес визит ученый-цзюйжэнь^[1448] Шан. Он собирался на экзамены в столицу и пришел, чтобы засвидетельствовать свое почтение и просить об одолжении.

Ему требовалась теплая одежда и кожаный дорожный сундук. Симэнь угостил его чаем и поднес подарки. Потом зашел разговор о свате Цяо и Юнь Лишоу.

– Один получил почетный чин, другой титул наследовал, – пояснил Симэнь. – Надо будет свитки с поздравлениями подносить. Может, у вас, сударь, найдется знакомый, кто сделал бы надписи? Порекомендуйте, будьте так добры. Я бы щедро вознаградил.

– Не стоит говорить о вознаграждении, сударь, – улыбаясь проговорил Шан. – Я охотно поговорю с моим однокашником Не Лянху. Учился в военной академии. Моего сына обучает. Высокообразованный человек. Если вас не затруднит, сударь, велите доставить ко мне свитки.

Симэнь не замедлил поблагодарить Шана, и тот после чая откланялся. Хозяин тот же час распорядился приготовить два платка и пять цяней серебра, которые вместе со свитками, теплой одеждой и кожаным сундуком были доставлены ученому-цзюйжэню слугой Циньтуном. А дня через два посыльный вручил Симэню готовые свитки. На темном узорчатом атласе сверкали золотом начертанные поздравления, отличающиеся безупречным слогом. Довольный Симэнь повесил их на стену.

– Господину Цяо и брату Юню свитки готовы? – спросил пожаловавший вскоре Ин Боцзюэ. – А что я почтенного Вэня не вижу?

– Да, почтенный ... – протянул Симэнь. – Кобель-ерник – вот кто он.

– А что я тебе говорил, брат?! – подхватил Боцзюэ, выслушав рассказ Симэня. – За что только его расхваливали? Пустой человек – ветер в голове. Ты скажи, хорошо его вовремя распознал, а то бы он тебе всех слуг растлил. Ну а кто теперь поздравительные подписи сделает?

– Был у меня с визитом Шан Сяотан, – объяснял Симэнь. – Своего друга, Не Лянху, порекомендовал. Словесных, говорит, красот большой мастер. Не Лянху и заказал. Надписи уже готовы. Пойдем поглядишь.

Хозяин провел гостя в залу, где висели свитки. Боцзюэ принялся на все лады превозносить надписи.

– Так в чем же дело?! – недоумевал он. – Раз все готово, посылай скорее, и пусть угощения готовят.

– Завтра будет счастливый день, завтра и пошлю барана, вина и сладостей в красных коробках ...

– Сын его сиятельства Ся с визитом, – неожиданно прервал их

беседу слуга. – Завтра утром отбывают. Я сказал, батюшки, мол, нет дома. Просили послать слугу от господина Хэ, чтобы дом не оставлять без присмотра.

Симэнь развернул визитную карточку и прочитал:

«С низжайшим поклоном и благодарностью ваш покорный слуга Ся Чэньэнь».

– Они, значит, в один день с Шаном выезжают. Надо будет тому и другому подарки отправить, – заметил Симэнь и обернулся к Циньгуну: – Ступай купи, а зятюшке вели упаковывать и написать визитные карточки.

Хозяин пригласил Ин Боцзюэ в кабинет пообедать.

Тут вбежал запыхавшийся Пинъань и протянул три визитных карточки.

– Их сиятельства советник Ван, командующий охранными войсками Лэй и начальник ведомства Ань прибыли с визитом, – доложил он.

«Ван Боянь, Лэй Циюань и Ань Чэнь с поклоном»

, – прочитал Симэнь и стал поспешно одевать парадное облачение.

– Ты, брат, я вижу, занят, – сказал Боцзюэ. – Я поел и пойду.

– Ты завтра ко мне приди, – наказал хозяин и, поправив халат, вышел навстречу прибывшим.

Сопровождаемые многочисленной свитой сановные гости, – квадратные нашивки на халате одного украшал серебристый фазан, другого – летящая в облаках цапля, а третьего – олень-единорог, – уступая друг другу дорогу, проследовали в парадную залу, где обменялись с хозяином приветствиями. Извинившись за причиненные в прошлый раз хлопоты, гости сели за чай, во время которого завязался разговор.

– Лэй Дунгу, Ван Шаохуа и ваш покорный слуга вынуждены снова просить вас об одолжении, – начал Ань Чэнь. – Дело в том, что господин Чжао, правитель Чжэцзяна, удостоился повышения. По случаю назначения его начальником Высшей кассационной палаты мы хотели бы устроить в его честь пир и уже разослали приглашения на девятое число. Потребуется накрыть пять столов. Актеров мы пригласим сами. Вы возражать не будете?

– Милости прошу, господа! – заверил их Симэнь. – Только прикажите! Мой дом всегда к вашим услугам.

Ань Чэнь велел сопровождающему подать свой пай серебра в сумме трех лянов и вручил их хозяину. Симэнь распорядился убрать

деньги. Гости стали откланиваться.

– Цянь Лунъе уведомил меня в письме, что Сунь Вэньсян^[1449] служит у вас в приказчиках, – по дороге к воротам обратился к Симэню Лэй Дунгу. – Я его отпустил. Вам сообщили об этом, сударь?

– Да, – подтвердил Симэнь. – Премного вам благодарен за содействие. Разрешите в подходящее время нанести вашей милости визит.

– Не извольте утруждать себя! – воскликнул Лэй. – Мы же свои люди.

С этими словами посетители откланялись и, разместившись в паланкинах, отбыли.

Надобно сказать, что Пань Цзиньлянь, взяв в свои руки денежное хозяйство дома, первым делом завела новые весы. Слуги обязаны были всякий раз показывать ей купленные овощи и съестное. Расчеты производились только после ее личного осмотра. Расчетами собственно занималась Чуньмэй. Это она, горничная, взвешивала серебро, осыпала слуг нещадной бранью и страшила, что пожалуется хозяину, а это грозило побоями. Слуги выходили от нее ни живы ни мертвы. Среди них пошел ропот.

– При матушке Третьей как хорошо было! – говорили они друг другу. – А матушка Пятая только и знает побоями грозить.

На другой день рано утром Симэнь отбыл в управу.

– Семья Ся Лунси отбыла в столицу, – обратился он к тысяцкому Хэ после заседания. – Вы еще не послали сторожа?

– Мне как раз вчера сообщили, отвечал Хэ. – Слуга послан.

– Мне бы хотелось с вами вместе осмотреть дом, – проговорил Симэнь.

Они вместе вышли из управы и, оседлав коней, направились к дому Ся Лунси. Хозяева выехали. Только у ворот стоял сторож. Они спешили и проследовали в залу. Будущего хозяина водил Симэнь. Осмотрев помещения передней половины, они приблизились к Беседке цветов. Царило запустение. Цветов не было и в помине.

– По переезде вам придется привести в порядок места для развлечений, сударь, – заметил Симэнь. – Цветы рассадить. И эту беседку поправить.

– Да, непременно, – поддержал Хэ. – К весне все переделаю. И новые постройки возведу. Крытую галерею построю. Тогда и вас скуку развеять приглашу, сударь.

– А велико ли ваше драгоценное семейство, сударь? – поинтересовался Симэнь.

– Нет, всего несколько домочадцев. С челядью и прислугой десять с лишним человек наберется.

– Ну, в доме добрых полсотни комнат, так что вам вполне хватит.

После осмотра Хэ распорядился прибрать в доме и запереть помещения.

– Надо будет на этих днях написать дядюшке в столицу, – заключил он. – Чтобы к новому году семья приезжала.

Симэнь простился с сослуживцем и направился домой, а Хэ продолжил осмотр, после чего вернулся в управу. На другой день он распорядился, чтобы перенесли вещи, но не о том пойдет речь.

Когда Симэнь подъехал к дому и спешился, он заметил Хэ Девятого. Тот в знак благодарности поднес ему кусок шелку, четыре блюда из курятины и гусятины и жбан вина. Посыльный от дворцового евнуха-смотрителя Лю доставил короб с подарками. В нем были ярко-красные и желтые восковые свечи, два десятка столовых скатертей, восемьдесят пачек казенных благовонных палочек, коробка алойного аромата, а также жбан вина домашнего изготовления и свиная туша.

Симэнь вошел в ворота. Посыльный от Лю отвесил ему земной поклон.

– Мой батюшка свидетельствует вам глубокое почтение, сударь, – заговорил он. – Простите за скромные подношения. Может, пригодятся для награды слугам.

– В прошлый раз я скромно угостил твоего господина, а его сиятельство изволили прислать столь щедрые дары. – Симэнь распорядился убрать принесенное и продолжал. – А ты обожди немного.

Вскоре Хуатун подал посыльному чай, потом накормили. Симэнь вручил ему пять цяней серебра наградных и с ответной визитной карточкой отпустил.

Пригласили Хэ Девятого. Перед ним предстал хозяин уже не в обычной шапке, а в парадной из белого фетра. Он протянул Хэ руку и провел его в залу. Хэ Девятый поспешил отвесить хозяину земные поклоны.

– Вы проявили величайшую милость, какую только могли, батюшка, – начал он. – Вам и только вам обязан мой младший брат своим спасением. Брат тронут вашим сочувствием и благодарит вас от всей души. Примите же мои земные поклоны, батюшка.

Однако Симэнь не дал ему земно кланяться и, приподнимая его, сказал:

– Брат Девятый, мы ведь с тобой старинные друзья, так что

обойдемся и без церемоний. Встань, прошу тебя!

– То было когда-то, – не унимался Хэ. – Теперь совсем другое дело. Я – человек ничтожный, вам не ровня.

И он встал сбоку. Симэнь угостил его чашкой чая.

– И зачем ты, брат, хлопотал, на подарки тратился? – говорил Симэнь. – Не могу я их от тебя принять. А кто будет тебя обижать, приходи и скажи мне. Я тебя в обиду не дам. С управой нелады будут – правителю Ли напишу в твою поддержку.

– Мне прекрасно известна великая доброта вашей милости, – благодарил его Хэ, но я стал стар и передаю службу свою сыну Хэ Циню.

– И правильно делаешь! Пора и на отдых. Раз уж ты так настаиваешь, вино приму, а шелк забирай. Я тебя не задерживаю.

Хэ Девятый на все лады благодарил хозяина и, откланявшись, удалился.

Симэнь же сел в зале, чтобы посмотреть, как слуги будут готовить поздравительные свитки, упаковывать в коробки цветы, бараньи туши, вино и другие подарки. Первым он отправил Дайаня к свату Цяо, потом Ван Цина к Юнь Лишоу.

– Меня пятью цянями серебра наградили, – вернувшись от Цяо, доложил Дайань.

Ван Цина у Юнь Лишоу угостили чаем со сладостями, одарили куском широкого темного полотна и парюю тувель. В визитной карточке Юнь Лишоу называл себя «недостойным подопечным и учеником».

– Просили низко кланяться батюшке, – докладывал Ван Цин. – На днях пришет приглашение на пир.

Довольный Симэнь пошел обедать в покои Юэнян.

– С отъездом Бэня Четвертого на Львиной младший шурип торгует, – начал обращаясь к хозяйке, Симэнь. – Надо будет в лавку заглянуть, благо время есть.

– Загляни – в чем дело, – поддержала его Юэнян. – А нужно будет вина или закусок, слугу пришли.

– Ладно, – отозвался Симэнь и велел готовить коня.

В парадной фетровой шапке с отороченными соболем наушниками, в парадной куртке из зеленого бархата с квадратными нашивками и в черных сапогах с белой подошвой, сопровождаемый Циньтуном и Дайанем, Симэнь направился на Львиную улицу.

Когда он подъехал к лавке, шурип У Второй и Лайчжао уже повесили у входа корзину с цветами.^[1450] Шла бойкая торговля

шелками, тафтой и бархатом, шелком для вышивания и ватой. В лавке толпилось столько покупателей, что трудно было пройти.

Симэнь спешился, поглядел, как кипит торговля, и проследовал в расположенную сзади теплую постройку. Появился шурин и сложенными руками приветствовал хозяина.

– До двадцати лянов серебра за день выручаем, – докладывал он.

– Чтобы шурина без промедления и чай подавать и стол накрывать, как и прежде, – обращаясь к жене Лайчжао, Шпильке, наказывал Симэнь.

– И вино и стол – все сама готовлю, батюшка, – отозвалась Шпилька.

Хмурилось. Сгущались тучи.

Только взгляните:

Багряные тучи – сплошной пеленой.

Пронзает прохожих мороз ледяной.

Похоже было, собирался снег. Симэнь вдруг вспомнил, что он должен поехать к Чжэн Айюэ, и велел Циньтуну скакать домой.

– Мне меховую шубу привезешь, – наказывал он. – У матушки Старшей спроси, чтобы прислала шурина вина и закусок.

– Слушаюсь! – отозвался слуга и усакал домой.

Немного погодя он привез Симэню длинную шубу на собольем меху. За ним следовали с коробом солдаты. Они принесли вина и закусок. В коробе стояли четыре блюда соленой курятины, жареные на масле голуби, четыре блюда из морских деликатесов к вину, блюдо луку и кувшин вина.

Симэнь выпил за компанию с шурином три чарки вина и наказал ему:

– Ты и на ночь тут оставайся, шурин. Располагайся как дома. А я поехал.

Симэнь прикрыл глаза пылезащитным флером, сел на коня и отправился к Чжэн Айюэ в квартал «кривых террас». Его сопровождали Дайань и Циньтун. Когда свернули на Восточную улицу, запорошил снег и ветер заслонил все небо благодатными хлопьями.^[1451]

Да,

Плясали хлопья в воздухе величиной с кулак,

И сетовали путники на холод и на мрак.

Только взгляните:

Суровая стужа сковала просторы,
И все ж снегопаду мы искренне рады:
Начесаны хлопка пушистого горы,
Настелены ваты сугробы-громады.
Алмазов сверкают огромные груды –
Иди, собирай их корзинами всюду!
Вот стебли бамбука, дрожа от озноба,
Пригнулись под толстой циновкою снежной.
Мечтательно смотрит богач на сугробы,
Пристроясь к жаровне с углем безмятежно.
Ведь он пребывает под крышей надежной,
О бедном народе ему не тревожно.
Расшитая куртка на нем или шуба,
Цветущей он веткою сливы играет.
«Обилие снега, – твердят его губы, –
Отечеству знак благовещий являет».
А также беспечен отшельник в горах,
Живущий заботою лишь о стихах.

Симэнь держал путь по щедро рассыпанному нефриту и осколкам яшмы. Соболю шубу его облепили сверкавшие белые бабочки. Конь топтал серебряные цветы. Вот и «кривые террасы». У ворот Чжэн Айюэ он спешил. Его сразу заметила служанка.

– Батюшка пожаловали, – тотчас же доложила она.

Навстречу гостю вышла мамаша Чжэн и проводила его в приемную.

– Премного благодарна вам, батюшка, за щедрые дары, – после приветствий обратилась хозяйка. – Опять вам моя дочка доставила беспокойства. А матушку Старшую и матушку Третью от меня за цветы и платки поблагодарите.

– Плохо я ее прошлый раз угостил, – вежливо ответил Симэнь и сел. Дайаню было велено ввести коня и поставить во дворе.

– Прошу вас, батюшка, – снова обратилась к гостю хозяйка. – Пройдите в гостиную. Айюэ только что с постели. Причесывается. Она вас вчера целый день прождала. Нынче ей что-то нездоровиться, вот и пролежала.

Симэнь прошел через внутренние покои в гостиную. Утопающее в зелени окно было чуть-чуть приоткрыто, низко свисали теплые пологи. На полу в начищенной до блеску большой медной жаровне горел уголь. Симэнь спустился в стоявшее посреди комнаты кресло.

Первой появилась Чжэн Айсян. Поклонившись гостю, она подала

чай. За ней вошла и Айюэ. Ее волосы держали отороченный каланом ободок в виде спящего кролика, украшенная ханчжоуской бирюзой и цветами зимней сливы шелковая сетка, а также золотые и серебряные шпильки. Прическа ее напоминала окутанную туманною дымкой черную тучу. Напудренные ланиты нежно розовели. Она казалась хрупким изваянием, благоуханным, как цветок. На ней были белая шелковая накидка, зеленая парчовая безрукавка и широкая в крапинку юбка, из-под которой выглядывали малюсенькие лotosовые лепестки-ножки. Ее тонкие брови походили на серпик едва родившегося молодого месяца, так изящно они были изогнуты. Это была спустившаяся в мир смертных фея с вершин Лофу, оказавшаяся среди людей богиня с Уских гор.^[1452]

Айюэ с улыбкой приблизилась к Симэню и поклонилась.

– В тот раз я так поздно вернулась, – проговорила она. – Гости задержались, потом матушка Старшая угощала. Никак не хотела отпускать. Только в третью ночную стражу до дому добралась.

– Ишь ты говорунья какая! А вы с Ли Гуйце здорово тогда Попрошайку Ина в оборот взяли! Под орех разделили.

– А он, урод, чего из себя строит?! – оправдывалась певица. – Еще на пиру с поганым языком вылезает. Думал нас унижить? Рябой Чжу в тот раз тоже лишнего хватил. Подговаривался меня провожать. Что, говорю, у батюшки фонаря, что ли, не найдется? Куда напрашивается! Лучше, говорю, вон в помойную яму садись, а то оттуда вони что-то не слышно.

– А Хун Четвертая говорила, будто Рябой Вана Третьего подговорил пригласить Жун Цзяоэр^[1453] с Большой улицы.

– Да, у Жун Цзяоэр переночевал ночку, «воскурил благовонную свечу» и тю-тю – к Цинь Юйчжи вернулся. – Айюэ помолчала немного и продолжала: – Вам не холодно, батюшка? Пройдем в спальню.

Симэнь проследовал в спальню, где снял соболью шубу и подсел рядом с Айюэ к горящей жаровне. Расстилавшийся по спальне аромат так и бил в нос.

Вошла служанка и принялась собирать на стол. Появились четыре блюда тонко приготовленных закусок и три блюдца с имбирем. Немного погодя она внесла три чашки пирожков, начиненных мясом с молодой капустой и душистым луком, и с вершок величиною пельмени.

За компанию с Симэнем сели обе сестры. Перед каждой стояло блюдо с едой. Айюэ хотела было подложить гостю из своего блюда, но он остановил ее.

– Нет, нет, мне хватит, – говорил он. – Я только что из шелковой лавки. С шурином закусили немного. Тебя повидать захотелось, вот и надумал заехать, а тут снег пошел, пришлось слугу за шубой посылать.

– Вы, батюшка, вчера обещали, я целый день прождала, – говорила Айюэ. – Не думала, что вы нынче пожалуете.

– Не мог я вчера, – пояснял Симэнь, – Гостей принимал.

– Я вас вот о чем хотела попросить, батюшка, – начала Айюэ. – Не могли бы вы купить мне соболью шкурку, а? Мне горжетку хочется сделать.

– Почему ж не могу? – отозвался Симэнь. – У меня приказчик только что привез из Ляодуна десяток отличных собольих шкурок. У матушек тоже нет горжеток. Буду им заказывать, тогда и тебе сделаю.

– Вы одну Айюэ признаете, а мне не поднесете? – спросила Айсян.

– Обеим подарю.

Сестры тотчас же поднялись с места и поклонами благодарили гостя.

– Только Гуйцзе с Иньэр чтоб ни слова! – наказал Симэнь.

– Ясное дело, – сказала Айюэ. – А Ли Гуйцзе, как узнала, что вы Иньэр звали, интересовалась, когда я домой воротилась. Я скрывать не стала. Батюшка, говорю, господина Чжоу приглашал, и мы вчетвером целый день пели. А тебя, говорю, батюшка оттого звать не решился, что среди гостей был и Ван Третий. Нынче же родных и друзей приглашает, потому и тебя позвал. Она ни слова мне в ответ.

– Ты ей верно объяснила, – заметил Симэнь. – Я ведь и Ли Мина не звал. Дядя Ин меня упросил. А когда день рождения матушки Третьей справляли, Гуйцзе с подарками пришла, прощения у меня просила. Не заступись за нее матушки, я бы с ней не стал мириться. И все-таки я оставил Иньэр одну. Это чтобы знала.

– Матушка Третья рождение справляла? – спросила удивленная певица. – А я и не знала. Ничего не послала.

– Вот погоди, батюшка Юнь будет пир устраивать, тогда с Иньэр приходите.

– Обязательно придем, только скажите, – отозвалась Айюэ.

Немного погодя служанка убрала со стола. Айюэ достала полированную деревянную шкатулку и высыпала из нее тридцать две фишки слоновой кости. Симэнь и Айюэ расположились на разостланном на кане ковре. За их игрою наблюдала подсевшая сбоку Айсян.

А на дворе носимые ветром кружились, словно в пляске, грушевые лепестки-снежинки и опускались стаями на землю.

Только взгляните:

Во мгле порхая, на коньке резном заблудшие покой, наконец, обретали. Мгновение ока – и опять запорошили «осиные усы».^[1454] В воздухе кружатся – точно нефритового дракона чешуя. Белого аиста пух нежно на землю садится. Похоже, крабы по песку едва ползут. Кажется, нарочно разбросали у крыльца рукою щедрою целые груды нефрита.

Да,

Снег – значит, урожай плодов и злаков.

Кому ж сулит богатство этот год?

В Чанъани не для всех он одинаков,

Обилие немногим он пошлет...

Они немного поиграли в кости, и на столе появилось вино. На блюдах горою лежали фрукты и редкостные яства. Из чашек исходил аромат плиточного чая с драконовой печатью,^[1455] в янтарных кубках пенилось вино. Лились песни и романсы, смеялись алые уста. Айсян и Айюэ по очереди угощали гостя. Потом, как и полагается, подтянули вереницу колков, перекинули через плечо шелковый шнур инструментов и, ударив по струнам в лад, запели из цикла на мотив «Синяя куртка»:

По тебе, мой нежный тоскую,

Ты – любовник лучше иных!

По тебе, мой нежный тоскую,

Сколько было дней золотых?!

Мы шутили вместе, гуляли,

Нараспев читали стихи,

А теперь – увижу едва ли,

Даже к письмам ты стал глухим.

В деве – нежность, чудо-краса,

В парне – всех талантов букет.

Рыба – в море, гусь – в небеса...^[1456]

Затерялся милого след.

На мотив «Милого браню»:

Затерялся любезного след.

С ним мы были едины, а ныне и весточки нет.

Был он нежен, как будто цветок,

Красотою своею затмить всех бы молодцев смог.

Был он гибок, как тонкая ива,

Не забыть, как мы вместе ветвями сплеталась стыдливо.

На мотив «Встречали барабанным боем»:

Как изыскан и изящен,
Как умен и горделив.
Ни поэта слог блестящий,
Ни свирели звук летящий
Взор его, любовь сулящий,
Передать бы не могли!

На мотив «Тронута милостью царской»:

Ах, как ты жесток!
На страданья обрек!
Погибаю от черной тоски!
Лю, Ханя и Ду^[1457]
Я читать не иду –
Взято сердце в стальные тиски.
Разлука гнетет –
Одиночества лед
Исхудала, осунулась я.
Мы радость любви
Утеряли в дали.
Ах, унылая участь моя!

На мотив «Песенки Восточного Оу»:

Похож ты на Паня,
Твой стан, как у Шэня.^[1458]
Но радость свиданий прошла.
Огонь уничтожил
Святую обитель,
Лишь черная кружит зола.
Любви ненадежной
Мосты голубые
Навеки укрыла волна.^[1459]

На мотив «Собираем чайный лист»:

Тоска – Южных гор тяжелей.
И горе бездонней Восточного моря.
Ты был всех на свете милей.
Добился любви – и насытился вскоре.

Добавочный романс:

Что с нами, циничными стало?!

Ученый замерз за столом.

Не слышен души его стон.

Смешны и скучны идеалы!

На мотив «Ночной крик ворона»:

Бывало пировал среди красавиц юных,

Как резвый конь, носился по лугам

И радовали встречи ночью лунной,

И ласточек весенний гам.

А летом на пруду цветущие кубышки,

И астры осенью на пустыре,

И благодатный снег, такой пушистый,

На зимнем вымерзшем дворе.

В хоромах мчались месяца в пирушках дружных,

Дымились блюда, прямо из печи...

Считаюсь ныне бобылем недужным,

И скорбь не вылечат врачи.

Разлука – нет иных кручин,

А сердце рвется и кричит.

На мотив «Вздывается все выше»:

В тоске день и ночь, на яву и во сне,

О нежной подруге своей вспоминая,

Что феей небесной являлась ко мне,

Красою луну и цветы затмевая.

На флейте играла и пела она,

Походкою легкой, как феникс, парила,

Была проницательна ты и умна,

И счастье жемчужной улыбкой дарила.

На мотив «Тетеревов»:

Гляди, как легка, грациозна она,

Хоть ей не к лицу эта грубая роба,

Помада на нежных губах чуть видна,

Но с ней бесконечно мы счастливы оба.

Пусть пенится в кубках, искрится вино,

Высокие свечи сияют особо,

Пусть жить нам в супружестве век суждено

И будем любить мы друг друга до гроба.

Заключительный романс:

Открыт тебе путь –
утолишь все желанья.

Закрыт он судьбою –
напрасны старанья.

Но помни:

ты сам назначал мне свиданья...

Певицы спели цикл романсов и принялись играть с Симэнем в кости. Опять вздымались кубки, ходили чарки. Царили оживление и улыбки.

Симэнь заметил висевшую на ширме у кровати картину «Красавица любит луну».^[1460] Его внимание привлекли начертанные на свитке стихи:

«Чаровница, чудо-краса,
Ослепительные глаза.
Юбку чуть колыхнул ветерок,
Распустился весенний цветок,
Что в долине растет Золотой^[1461]
И соперничать может с луной.
А душою чиста, как Цай Янь,^[1462]
Грациозней, чем горная лань,
И ее поэтический слог
Превзойти Чжо Вэньцзюнь превзойти даже смог.^[1463]
С возделеньем смотрю и люблю...
Саньцюань писал во хмелю.»

– Саньцюань, по-моему, прозвание Вана Третьего? – прочитав стихи, спросил удивленный Симэнь.

– Это он давно писал, – после замешательства солгала Айюэ. – Он теперь и прозвание изменил. Бойтся, батюшка разгневется. Как я, говорит, буду Саньцюанем, когда батюшка прозывается Сыцюань?^[1464] Он принял поэтому прозвание Сяосюань – Домик.^[1465]

С этими словами Айюэ взяла кисть и, подойдя к свитку, зачеркнула прозвание.

– Не знал я, что он его изменил, – заметил весьма польщенный Симэнь.

– Я слыхала, как он другу объяснял, – продолжала певица. – Покойный родитель мой, говорит, прозывался Исюань – Уединенная

Мансарда, вот я и взял прозвание Сяосюань.

Тут Чжэн Айсян удалилась, оставив Айюэ наедине с Симэнем. Они, плотно прижавшись друг к дружке, продолжали пить вино и играть в кости. Речь зашла о госпоже Линь.

– Вот кто в любви понимает толк! – воскликнул Симэнь. Тут как-то меня Ван Третий угощал. Она меня сама пригласила в свои покои, где я выразил ей почтение. Упросила меня стать приемным отцом ее сыну и принять подарки. Очень хочет, чтобы я был его наставником и вывел в люди.

– А кто вам, батюшка, к ней дорожку указал, а? – хлопнув в ладоши и смеясь от восторга, подхватила Айюэ. – Мне спасибо говорите. Погодите немного, и жена Вана вашей станет.

– Сперва уж я хозяйushке «воскурю благовонную свечу», – говорил Симэнь. – На Новый год думаю пригласить ее с сыном и невесткой к себе. Пир устрою, пусть на фонари полюбуются. Интересно, придет она или нет.

– Видели бы вы, батюшка, ее невестку! – продолжала свое певица. – Писаных красавиц затмит. Сколько игривости и очарования! А всего девятнадцать. И сидит дома одна-одинешенька, словно вдовушка. Ван ведь и домой не заявляется. Стоит вам, батюшка, чуть-чуть постараться, и она будет принадлежать вам.

Они сидели, припав друг к другу, когда служанка внесла тарелочки с деликатесами. На столе появились орехи, водяные каштаны, неньюфаровые зерна, свежие померанцы, белые, словно снег, груши, яблоки, апельсины и другие фрукты. Айюэ протянула Симэню блюдце, предлагая закусить яствами. Потом из собственных уст остроконечным язычком сунула ему прямо в рот кусочек благоухающей медовой лепешки. А немного погодя, обнажив из-под рукава нежные пальчики, приподняла полы его светло-коричневой атласной куртки и бросила взор на белые шелковые штаны. Симэнь распустил пояс, чтобы показать ей воителя и велел женщине поиграть с ним. Сдерживаемый серебряной подпругой, багровый от напряжения, с поднятой главой он являл вид грозный и устрашающий. Симэнь предложил Айюэ попробовать его на вкус. Склонилась накрашенная головка, изогнулась напудренная шея, приоткрылись алые уста, которые стали звучно засасывать и выталкивать, двигая взад и вперед, после чего обоих любовников охватила огненная страсть. Симэнь уже жаждал утех, но красавица удалилась во внутренние комнаты. Симэнь тоже вышел.

Снег валил пуще прежнего. Когда Симэнь воротился в спальню,

служанка уже повесила парчовый полог, положила на постель расшитые неразлучной парой уточек подушки, опустила газовый занавес и, воскурив ароматы, постелила помягче постель. После того как она помогла Симэню раздеться, он забрался на отделанную слоновой костью кровать. Вскоре, завершив омовение, вернулась и Айюэ. Она заперла дверь, и они легли под парчовым пологом.

Да,

Немало нужно нежной лести,
Чтоб с мотыльком кружиться вместе.
Тому свидетельством стихи:
Быть вместе или врозь —
в том случай — господин.
Уже пора вставать —
зарделся газ гардин.
Возлюбленные все
как тучи Чуских гор.
Вонзится ли утёс
в надоблачный простор?^[1466]

Они наслаждались игрою дождя и тучки вплоть до первой ночной стражи. Потом встали, поправили платье и прическу. Служанка внесла светильник, поставила им доброго вина и закусок.

— Зонт и фонари принесли? — спросил хозяин Дайаня, осушив несколько чарок.

— Циньтун принес, — отвечал слуга.

Симэнь стал откланиваться. Айюэ с мамашей проводили гостя за ворота.

— Батюшка! — крикнула Айюэ, когда гость сел на коня. — Если будете звать, заранее предупредите.

— Хорошо, — ответил Симэнь и под зонтом по снегу отбыл из заведения.

Юэнян он сказал, что выпивал с шурином У Вторым на Львиной, но не о том пойдет речь.

Настало восьмое число. Хэ Юншоу перенес вещи в дом Ся Лунси. Симэнь отправил ему по случаю новоселья четыре коробки чая со сладостями и на пять цяней платков.

Прибыл Ин Боцзюэ. Поскольку небо прояснилось, подул ветер и сильно похолодало, Симэнь оставил его в переднем кабинете погреться у жаровни. Слуге было велено накрывать стол.

За столом разговорились.

– Свату Цяо и брату Юню подарки я отправил, – говорил Симэнь. – И от тебя два цяня серебра послал. Так что не беспокойся. Жди приглашения.

Боцзюэ из благодарности всплеснул руками.

– Господин Хэ переехал, – продолжал Симэнь. – Чаю ему на новоселье послал. А ты не посылал?

– А он, думаешь, пригласит? – спросил Боцзюэ. – Да! Зачем это к тебе тогда начальник ведомств Ань приезжал? А с ним были что за господа?

– Это командующий Лэй и советник Ван, – объяснял Симэнь. – Они в прошлый раз у меня прием устраивали и теперь просили. Ханчжоуский правитель Чжао Тин повышения удостоился – помощником начальника Высшей кассационной палаты назначается. Они сами чжэцзянцы, а он у них в свое время правителем служил. Ну как же не угостить! Как не почтить! Актеры от них будут. Просили гостевой стол накрыть, остальные обыкновенные, а вручили всего три ляна. Придется, наверно, хоть певцов позвать.

– Гражданские чины, брат, и всегда-то не из щедрых, – заметил Боцзюэ. – На три ляна, конечно, ничего не сделаешь. Придется тебе уж раскошелиться.

– Командующий Лэй мне про допрос Сунь Вэньсяна, шурина Хуана Четвертого тут же напомнил. Освободил я, говорит, его.

– Видишь, все припомнил, – подхватил Боцзюэ. – А ты говоришь – щедрый? Выходит, как ни прикидывай, а пир тебе устраивать придется.

Во время разговора Боцзюэ крикнул Ин Бао:

– Ступай позови его.

– Кого? – спросил Симэнь.

– Да живет у меня слева малый, – начал Боцзюэ. – Из хорошей семьи, круглый сирота. С малых лет у полководца Вана служил. Женат. Ну с кем-то не поладил. Пришлось уйти. А устроиться нелегко. Без дела сидит. Они с Ин Бао друзья. Ин Бао попросил меня устроить его куда-нибудь. В слуги наняться хотел бы. Батюшка, говорю, не даст человеку пропадать. Давай, говорю, порекомендую батюшке. У тебя, брат, слуг-то не хватает, кажется. Взять не согласишься? – Боцзюэ обернулся к Ин Бао: – Зови! А как его зовут-то?

– Зовут Лайю, – отвечал Ин Бао.

Появился Лайю. На нем были темное холщовое платье, сшитые из четырех полос холста чулки и туфли. Отвесив четыре земных поклона Симэню, он поспешно поднялся и удалился за занавеску.

– Ну и здоров же, сукин сын! Только бы в носильщики, – похвалил Боцзюэ и спросил: – Сколько же тебе лет?

– Двадцать, – последовал ответ Лайю.

– Дети есть?

– Нет, вдвоем с женой.

– Должен вам сказать, батюшка, – вставил Ин Бао, – жене его девятнадцать лет. Хорошая кухарка и рукодельница. А как шьет!

Симэнь оглядел скромного малого. Он стоял навытяжку, потупив взор.

– Ну, раз тебя рекомендует батюшка Ин, беру, – заключил Симэнь. – Служи с усердием. Выберем благоприятный день, составим контракт и переедешь с женой.

Лайю опять поклонился до земли. Хозяин велел Циньтуну проводить нового слугу к Юэнян. Они поклонились и ушли. Юэнян распорядилась поселить его в помещении, где жил в свое время Лайван.

Боцзюэ посидел еще немного и откланялся. Ин Бао составил контракт и передал его Симэню, который изменил ему имя на Лайцзюэ, но не о том пойдет речь.

А теперь расскажем о жене Бэня Четвертого. С тех пор как ее дочку Чжаньэр взяли в дом Ся Лунси, она стала покупать одну вещь за другой. То Пинъаня попросит, то Лайаня или Хуатуна, а то Сяюя, сына соседки тетушки Хань. Слуги Симэня стали у нее постоянными гостями. Сидят, бывало, выпивают, а она за ними ухаживает – закуски ставит, попросят чаю – без промедленья чай на стол подает. А случится, нагрянет Бэнь Дичуань из лавки, застанет у себя компанию – и хоть бы что. А тут, пока он был в отъезде, каждый из слуг старался ей услужить. Чаше других навевывались Дайань и Пинъань.

Девятого числа Симэнь Цин устраивал пир, на котором начальник ведомства Ань, советник Ван и командующий Лэй угощали правителя Чжао. В тот же день к Симэню переехал Лайцзюэ. Жена его прошла в дальние покои и отвесила Юэнян земные поклоны. Она была в лиловой шелковой кофте, синей холщовой накидке и зеленой холщовой юбке, стройная, с овальным, как тыквенное семечко, лицом, подпудренная, нарумяненная, с напыженными алыми губами и острыми-преострыми бинтованными ножками. Она оказалась мастерицей на все руки, и хозяйка назвала ее Хуэйюань. Ее определили на кухню, где она была обязана дежурить раз в три дня, сменяя Хуэйсю и Хуэйсян, но не о том пойдет речь.

Однажды с Северной окраины города слуга Аньтун принес

скорбную весть. Скончалась золовка Ян. Симэнь принес в жертву трех жертвенных животных и отвесил пять лянов серебра на благовонные свечи. У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу и Пань Цзиньлянь отбыли в паланкинах за город выразить соболезнования и возжечь жертвенные деньги. Их сопровождали Циньтун, Цитун, Лайцзюэ и Лайань.

Симэнь находился в кабинете при атласной лавке напротив. Он наблюдал за работой скорняка, изготавливающего Юэнян собольи горжетки. Первую он отослал с Дайанем в заведение Чжэн Айюэ вместе с десятью лянами серебра на новогодние праздники. Дайаня там угостили вином и наградили тремя цянями на семечки.

– Барышня премного вам благодарна, батюшка, – докладывал, вернувшись, Дайань. – Просила кланяться. Плохо, говорит, в прошлый раз батюшку приняла. Мне три цяня серебра дала.

– Деньги себе возьми. – распорядился Симэнь и продолжал: – Ведь Бэня Четвертого нет дома, а ты, я смотрю, к нему заглядывал. Чего там делал, а?

– По хозяйству у них никого не стало, как дочку просватали, – отвечал Дайань. – Хозяйка кое-что купить просила.

– Раз так, вы уж для нее постарайтесь, – наказал Симэнь и, понизив голос, продолжал: – Ты ей как-нибудь намекни. Так, мол, и так. Батюшка, скажи, хотел бы тебя навестить. Что ты на этот счет думаешь? Интересно, как она посмотрит. Если не будет против, попроси у нее для меня платок.

– Ясно, батюшка! Слушаюсь! – ответил Дайань и удалился.

Симэнь позвал Чэнь Цзинцзи поглядеть за скорняком, а сам пошел домой.

Явился Ван Цзин. Он принес от ювелира Гу золотого тигренка и четыре пары серебряных шпилек с золотыми головками. Симэнь убрал пару шпилек в кабинет, а остальные сунул в рукав и направился в покои Ли Пиньэр, где поднес золотого тигренка вместе с парой шпилек кормилице Жуи. Другую пару он подарил Инчунь. Кормилица и горничная не преминули грациозно поклониться Симэню. Он велел Инчунь накрыть стол. Немного погодя появилась еда. Подкрепившись, Симэнь удалился в кабинет.

Туда незаметно проник Дайань. Он предстал перед хозяином, но в присутствии Ван Цзина упорно молчал. Только когда Симэнь послал Ван Цзина в дальние покои за чаем, Дайань открыл рот.

– Ваше желание, батюшка, я передал, – докладывал он. – Она от радости улыбнулась и попросила придти попозже. Будет ожидать вас, батюшка. И вот платок просила передать.

Симэнь извлек из красного пакета красный узорного шелка платок и приложил его к лицу. От него исходил густой аромат. Довольный Симэнь спрятал его в рукав.

Ван Цзин внес чай, после которого хозяин снова ушел в кабинет напротив, где стал наблюдать за работой скорняка.

Доложили о прибытии шурина Хуа Старшего.

– Зовите, – распорядился Симэнь.

В кабинет вошел Хуа Цзыю и, поприветствовав сложенными руками хозяина, сел у жаровни.

– Сердечно благодарю вас и прошу прощения за доставленное в прошлый раз беспокойство, – проговорил он.

Тем временем Хуатун принес чай.

– Купец из Уси предлагает пятьсот мешков рису, – продолжал Хуа. – Реки замерзли. Спешит продать и домой. Может, вы купите, зятюшка? По сходной цене уступает.

– Зачем мне рис! Кому он теперь нужен! Как реки тронутся, дешевле будет. Потом я сейчас и наличным серебром не располагаю, – с этими словами Симэнь велел Дайяню накрывать стол и обернулся к Хуатуну. – Ступай батюшку Ина пригласи. Пусть с батюшкой Хуа посидит за компанию.

Прибыл Боцзюэ, и они втроем устроились пировать у жаровни. На столе стояло множество блюд – вареные и жареные куры и рыба, всевозможные закуски. Сунь Сюээ было велено испечь два противня пирожков. Потом подали четыре тарелки потрохов и бульон с молоком. Немного погодя прибыл Инчунь, послушник настоятеля У, с новогодними подарками и амулетами. Симэнь пригласил его за стол, потом дал серебра для поминовения Ли Пинъэр в сотый день ее кончины.

Пировали до заката. Когда шурина Хуа и послушник ушли, Симэнь позвал вернувшегося из лавки Ганя, и они с Боцзюэ занялись играми в кости и на пальцах. За разговорами незаметно стемнело. Зажгли огни.

Вернулись в паланкинах У Юэнян и остальные жены, о чем доложил Лайань.

– Куда же это невестушки отбывали? – поинтересовался Боцзюэ.

– Видишь ли, золовка Ян с Северной окраины умерла, – пояснял Симэнь. – Сегодня третий день справляли. Я жертвенный стол готовил и на благовония серебра дал.

– В годах была золовушка, – заметил Боцзюэ.

– Да, лет семьдесят пять-то было, – говорил Симэнь. – Своих детей не имела. Племянник кормил. А гроб я ей еще загодя приготовил.

– И очень хорошо сделал! – похвалил его Боцзюэ. – Старому человеку гроб – что золото в кубышке. Добрые ты, брат, дела творишь.

Вино обошло несколько кругов. Боцзюэ и приказчик Гань откланялись.

– Одиннадцатого зятюшке надо будет здесь ночевать, – сказал Симэнь.

– Дядя Фу тоже домой ушел, – доложил Дайань. – Одному мне лавку сторожить придется.

Перед уходом из лавки Симэнь наказал юнцу Ван Сяну быть осторожнее с огнем.

– Знаю, батюшка, – ответил слуга и запер двери.

Убедившись, что никого поблизости нет, Симэнь бросился к дому Бэнь Дичуаня. Жена его, стоя у ворот, давно поджидала гостя. Вот щелкнул засов ворот напротив и из темноты пред нею предстала фигура Симэня. Она поспешно открыла ворота, и Симэнь без задержки скользнул внутрь.

– Прошу вас, батюшка, – запирая за ним ворота, приглашала она. – Пройдите, пожалуйста, в дом.

А от внутренних покоев дома, надобно сказать, отходил флигелек. В глубине его была небольшая комната с каном. Там ярко горел огонь. На столе стоял светильник. Около сиявшего белизною побелки кана размещалась четырехстворчатая ширма.

Высокую прическу хозяйки украшали четыре золотых шпильки и позолоченный ободок с бирюзою. В ушах у нее красовались серьги, подобные бутонам цветов гвоздичного дерева. Поверх красной кофты из дешевого шелка и бледно-зеленой хлопковой юбки была надета еще одна кофта из синего шелка.

Она поклоном приветствовала гостя и торопливо подала чашку чаю.

– Как бы тетушка Хань, соседushка, не пронюхала, – говорила она за чаем.

– Не бойся, – заверил ее Симэнь. – Чего в такую тьму увидишь!

И Симэнь без лишних слов обнял ее и стал целовать, все время приближаясь к ложу. Он снял с нее одежды, посадил на край кана, задрал ноги и вставил грозного воителя, поддерживаемого подпругой, в срамную щель. Едва тот успел просунуться несколько раз, как из женщины вытекла любовная влага, насквозь промочившая ее синие полотняные штаны. Симэнь вынул свой причиндал и, достав из кошелька заветный узелок со «сладкоголосой чаровницей»,^[1467] слегка умастил ею головку, а потом вновь задвинул. Удерживаясь от

извержения сладострастного сока, он метался взад и вперед. Госпожа Бэнь, обеими руками обхватив плечи Симэня, отвечала всем его движениям и нежно щебетала, затем от нежного шепота она перешла к едва слышному непрерывному стону. Симэнь же, распаляемый вином, положил ее ноги себе на плечи и продолжал напирать, заботясь только о бодрости члена, остроте его атак и длительности скачки. В этой безудержной и шумной качке он мотнулся туда и сюда две или три сотни раз. Вскоре у женщины растрепалась прическа-туча и онемел кончик языка, ставший холодным, как лед. Она была не в силах вымолвить слово. Симэнь тяжело и прерывисто дышал, а его волшебная черепаха, наслаждаясь, потоком испускала семя. Когда через некоторое время все вышло, он вынул свой член и женщина вытерла его платком. Оба любовника стали одеваться, затягивать пояса и поправлять сбившиеся украшения.

Когда они привели себя в порядок, Симэнь достал из рукава узелок с пятью или шестью лянами мелкого серебра и пару отделанных золотом шпилек.

– Это тебе к Новому году, – сказал он, вручая подарки.

Она поклонами поблагодарила его и с оглядкой проводила до ворот.

Стороживший в лавке Дайань был уже наготове. Едва заслышав стук дверного кольца, он тотчас же открыл ворота и впустил хозяина. Симэнь, будучи уверен, что никто не видит, наведывался потом к жене Бэня Четвертого не один раз и подолгу у нее засиживался.

Да,

Чтоб нечто было для других секретом,
Всего верней – сам позабудь об этом.

Симэнь и не подозревал, как зорко следила за их похождениями тетушка Хань. Она-то и дала знать Пань Цзиньлянь, но та держала тайну про себя.

Однажды, а было это в пятнадцатый день последней луны года, сват Цяо устроил угощение. Симэнь пошел пировать вместе с Ин Боцзюэ и шурином У Старшим. Собралось много родных и друзей. Звали актеров. Пир продолжался до второй ночной стражи. На другой день сват Цяо прислал каждому в подарок съестного, но не о том пойдет речь.

* * *

А теперь расскажем о Цуй Бэне. Закупил он на две тысячи лянов в

Ханчжоу шелков, погрузил их на корабль и в начале последней луны пустился в обратный путь. Достигнув пристани Линьцин, он оставил там Жунхуа стеречь товар, а сам поспешил верхом домой за серебром для уплаты пошлины. У ворот Цуй Бэнь спешился.

– А! брат Цуй! – приветствовал его Циньтун. – Прошу в залу. Присаживайся! Батюшка в доме напротив. Обожди, я сейчас доложу.

Циньтун удалился, но в доме напротив Симэня не оказалось. Он спросил Пинъаня.

– Батюшка, должно быть в дальних покоях, – проговорил Пинъань.

Циньтун направился к Юэнян.

– Какой тебе батюшка, разбойник! – заругалась хозяйка. – Он же с утра ушел и до сих не появлялся.

Слуга обошел все покои, кабинет в саду, но хозяина нигде не было.

– Хоть убей, не знаю, куда батюшка девался, – громко говорил он вернувшись к главным воротам. – Все обыскал. Среди бела дня исчез. Брат Цуй приехал, велел ему обождать ...

Дайань все знал, но молчал. Тут неожиданно явился Симэнь и прямо-таки ошеломил слуг. А был он, как и следовало ожидать, у жены Бэнь Дичуаня.

Пинъань впустил хозяина и показал Циньтуну язык. Слуги так и думали, что ему сейчас достанется, но Симэнь направился прямо в залу.

– Спасибо, батюшка пошел к Цуй Бэню, а то бы тебе не поздоровилось, – говорили они.

После земного поклона Цуй Бэнь вручил хозяину счета.

– Корабль на пристани, – докладывал он, – Пошлину надо платить. Выехали мы первого числа. Расстались в Янчжоу. Они отправились в Ханчжоу, а мы остановились ненадолго у Мяо Цина. – Цуй Бэнь немного помолчал и продолжал: – Он у одного янчжоуского тысяцкого для вас, батюшка, девицу шестнадцатилетнюю за десять лянов купил. Чуюнь зовут. Красоты необыкновенной. Нежный цветок – ее личико, нефрит – ее тело, звезды – очи, лунные серпики – брови. Ее стан – гибкий, точно ива, носки ее туфелек грациозно изогнуты, а ножки – точь-в-точь три вершка. В самом деле, это та, от чьей красоты рыбы прячутся в глубину, а дикие гуси, пораженные, падают на землю, скрывается месяц в облаках и стыдливо никнут цветы. Она знает три тысячи песен и восемьсот арий. В самом деле, она игрива, как хрусталь или рассыпанный по блюду жемчуг. Она – словно нежный алый абрикос выглядывает сквозь зелень ветвей в лучах восходящего солнца. Живет пока у Мяо Цина. Он готовит ей приданое. А с началом

весны приказчик Хань и Лайбао привезут ее вам, батюшка. Она будет служить вам и разгонит вашу тоску и печаль.

Симэнь был сильно обрадован такой новости.

– Захватил бы ты ее с собой, – говорил он. – Какое там еще приданое! Неужели у меня не найдется для нее нарядов и украшений!

Как он сожалел, что у него нет крыльев! А то воспарил бы сейчас же под облака и полетел в Янчжоу. Взял бы с собой красотку и наслаждался ею.

Да,

И чжэнскому министру не постичь «оленьи устремленья»,
И Чжуан Чжоу не познать все бабочкины превращения.^[1468]

Тому свидетельством стихи:

Узнал о Чуюнь, живущей в Янчжоу –
От птицы залетной стало известно.
Она далеко, но стражду душою.
О, как завладеть девицей чудесной?!

Симэнь пообедал за компанию с Цуй Бэнем, отвесил ему для уплаты пятьдесят лянов серебра и, помимо того, передал акцизному письму, в котором просил о снисхождении.

После разговора Цуй Бэнь откланялся и пошел доложить о приезде свату Цяо.

– А ты счастливо отделался, сынок, – говорил Пинъань Циньтуну, убедившись, что Симэнь не собирается наказывать опрометчивого слугу. – Не будь у батюшки хорошего настроения, тебе бы крепко досталось.

– Ну, разумеется! – засмеялся Циньтун. – Кому как не тебе знать господский нрав!

В конце месяца привезли шелка. Их сгрузили на Львиной.

Симэнь был занят рассылкой новогодних подарков, когда ему подали визитную карточку, присланную с посыльным от коменданта Цзина.

Он писал:

«Доклад цензора Суна вот уже несколько дней как вручен Его Величеству. Быть может, объявлена Высочайшая воля? Было бы разумнее всего с Вашей стороны, почтеннейший государь, направить в цензорскую палату гонца, чтобы быть в курсе событий».

Симэнь передал пять цяней серебра посыльному из управы и велел ему обратиться к секретарю прокурорского приказа.

И в самом деле, как оказалось, еще накануне туда поступили «Столичные ведомости», в которых было помещено Высочайшее решение. Посыльный переписал его целиком и вручил Симэнь Цину. Тот развернул бумагу, желая узнать, что же напечатано, и стал читать:

«Доклад Сун Цяоняня, цензора Шаньдунского прокурорского приказа.

По закону полагается поощрять достойных и наказывать нерадивых среди местных гражданских и военных лиц чиновного звания с целью поднятия усердия подданных и прославления мудрого правления Вашего Величества.

Полагая, что предназначение чиновников гражданской службы состоит в воспитании народа, а чинов военных – в предотвращении беспорядков и смут, я, верноподданный Вашего Величества, усматриваю высший долг пастыря народного в обеспечении обороны на местах. Если же на государственной службе окажутся лица, действующие вопреки вышеуказанным требованиям, правление таких строптивцев окажется пагубным для народа. Кто тогда сможет олицетворять опору Отечества. Ни в чем так не нуждается Отечество наше, как в чинах на поприщах гражданском и военном. А Уложение о поощрении не допускает оттягивания в их продвижении по службе.

Удостоенный Высочайшего указа, я, верноподданный, совершил инспекторскую поездку по областям и уездам Шаньдуна, где изучил лично состояние местных обычаев и нравов. Тщательному обследованию подвергались жалобы народа, деятельность гражданских и судебных властей, а также тех, на кого возложена оборона Отечества. Помимо того, облеченные высокими полномочиями инспектора и ревизоры, получив распоряжение доподлинно определить, насколько достойны своих постов состоящие на службе чиновники, представили соответствующие письменные донесения. Ныне, пользуясь окончанием срока службы, решаюсь подать Вашему Величеству доклад, в коем подробным образом излагаются истинные результаты проведенного обследования.

Правый губернатор Шаньдуна Чэнь Сычжэнь – Четыре Предостережения, отличаясь безупречной честностью, преданностью и верностью долгу, обладает великим даром утешать народ. Судебный инспектор Чжао Нэ – Заика – знаток законов, сочетающих в себе строгость с непорочностью, за что его мнением одинаково дорожат чиновники и народ. Помощник инспектора просвещения Чэнь Чжэнхуэй – Педант прославился тем, что его действия как будто отшлифованы на точильном камне, а распоряжения точно и неукоснительно соответствуют статьям Уложения.

Была обследована также деятельность помощника командующего Лэй Цюаня. За милосердие и строгость он завоевал всеобщий авторитет как в войсках, так и среди населения. Сослуживцы в один голос указывают на его незаурядное владение искусством

военачальника. Правитель Цзинани Чжан Шуе как рачительный хозяин наладил завидный порядок в подвластной области, чем выказал талант подлинного пастыря народа своего. Правитель Дунпина Ху Шивэнь служебные обязанности отправляет честно и с благоговейной осторожностью, всей душою печется о благе народа своего. Правитель Сюйчжоу Хань Банци известен чистотою помыслов и стремлением к постоянному личному совершенствованию. По своим талантам был бы достоин занять место среди придворных советников Вашего Величества. Правитель Цайчжоу Е Чжао, прикрывший Отечество от вторжения морских пиратов, не допустил проникновения во вверенные ему священные пределы ни единого грабителя. Он щедро наградил народ свой земельными угодьями, дабы трудился он на полях и не ведал бедности. Вышеупомянутых верноподданных слуг Вашего Величества надлежало бы поощрить наградами и повышением в чинах.

Проверена была также служебная деятельность левого советника Фэн Тингу – согбенного старца, похожего на горбуна-истукана, своенравного и алчного; правителя Дунчана Сюй Суна, который, потворствуя отцу своей наложницы, не брезговал подкупам; дошел до того, что раздражался разнузданной клеветой и поношениями в стенах общественного присутствия и присваивал себе поборы, которые вымогал у населения сверх установленных налогов, вследствие чего проклятия в его адрес раздаются у деревенских околиц.

Оба вышеназванных лица подлежат немедленному снятию со своих постов и разжалованию.

Далее проверке подверглась служебная деятельность секретаря трибунала левого крыла армии, начальника гарнизона Чжоу Сю – человека величавой осанки, строгих правил, недюжинного опыта, воплощенного идеала военачальника и полководца, стремящегося к исполнению воинского долга и повергающего разбойников в паническое бегство.

Цзичжоуский военный комендант, инспектор пехоты и конницы, Цзин Чжун. Из года в год закаляются его силы и растет умение, совершенствуется опыт в обучении пехоты и конницы воинскому искусству. Его приказы, предельно строгие и четкие, всегда ясны и понятны каждому воину. Он показал себя непревзойденным знатоком военных наук, за что по праву называется просвещенным полководцем. Его блестящие тактические расчеты, благодаря которым он не знает поражений, доказывают, что ему можно не колеблясь доверить командование войсками; с его дальновидной стратегией, вполне можно поручиться, он сумеет отстоять честь родной Отчизны. Яньчжоуский военный комендант, командующий пехотой и конницей, Вэнь Си известен как выдающийся тактик и стратег старой школы, прекрасно

владеющий стрельбой из лука и верховую ездой. Он умеет накапливать и приумножать силы воинов-кавалеристов, с тем чтобы они не знали поражений на поле брани в любых самых непредвиденных обстоятельствах; сооружать укрепления на стратегически опасных позициях, с тем чтобы разрушить любые самые хитроумные замыслы противника.

Вышеназванных верноподданных слуг Вашего Величества надлежало бы поощрить переводом на новые посты с повышением в чинах и званиях.

Тысяцкий уезда Цинхэ У Кай снискал себе репутацию человека опытного и разумного, овладевшего законами обороны страны и умеющего повести войска на разгром самого ядра ударных сил противника. Его атаки неотвратимы. Он неизменно печется о провианте, дабы ни один солдат не оставался голоден, и облагодетельствованные им воины, которым он отдает всю свою душу, готовы пожертвовать жизнью, но исполнить свой воинский долг. Он – оплот Империи во вверенной ему местности, надежный заслон на рубеже Отечества, а посему заслуживает особого повышения в чине и звании.

Если Вы, Ваше Величество, сочтете мнение Вашего верноподданного слуги справедливым и распорядитесь провести его в жизнь для вящего поощрения деяний верноподданнейших Ваших, то тем самым среди лиц чиновных и титулованных уменьшатся факты злоупотребления властью, возликует подданные Ваши, обретя подлинных пастырей, и найдет опору мудрое правление Вашего Величества».

Удостоились получить Высочайшую Государеву волю:

«Довести до сведения соответствующих ведомств».

Исходя из представлений Ведомства Чинов и Военного Ведомства и принимая во внимание доклад Цензора Сун Цюняня, возвысить соответственно одних чиновников гражданской и военной службы как преданных слуг Государевых и наказать других, коих пороки определены общественным мнением. Обследованием выявлено подлинное состояние дел на местах с целью споспешествовать мудрому правлению Вашего Величества.

Пав ниц, умоляем Ваше Величество, явите Высочайшую милость, даруйте право привести изложенное в исполнение. И тогда возликует от счастья вся Поднебесная, возликует живущий народ.

Удостоились получить Высочайшую волю:

«Действовать в соответствии с изложенным. Быть по сему!»

Обрадованный Симэнь пошел с выпуском «Столичных ведомостей» прямо к Юэнян.

– Доклад цензора утвержден, – начал он. – Твой брат возведен в

чин квартального надзирателя и назначается на пост управляющего военным поселением.

Воевода Чжоу и комендант Цзин представлены к награде и возведены в ранг помощников военных советников. Надо будет шурина пригласить.

– Пошли слугу, а я велю накрыть стол, – поддержала его жена. – Брату в должность вступать, а денег у него нет. Вот что меня волнует.

– Не тужи! – говорил Симэнь. – Денег я ему дам.

Немного погодя явился шурин У Старший. Симэнь показал ему доклад. Шурин стал тотчас же поклонами благодарить Симэня и сестру.

– Сколько я доставил вам беспокойства, зятюшка и сестрица, – повторял он. – Я никогда не забуду вашей поддержки и щедро вас отблагодарю.

– Если тебе, шурин, будут нужны деньги на угощения, я дам тебе тысячу лянов серебра.

У Старший снова сложенными на груди руками благодарил Симэня. В покоях Юэнян был накрыт стол. За компанию с ними села и Юэнян. Симэнь велел Чэнь Цзинцзи списать сообщение из газеты для шурина, а Дайаня с визитными карточками и выпуском «Ведомостей» отослал к воеводе Чжоу и коменданту Цзину поведать радостные вести.

Да,

К чему стараться зря, гравировать на стелах.

Дороже встречного уста газеты целой.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

СИМЭНЬ ЦИН ПОВТОРНО ВСТУПАЕТ В ПОЕДИНОК С ГОСПОЖОЮ ЛИНЬ

У ЮЭНЯН ПРИГЛАШАЕТ ГОСПОЖУ ХУАН НА ПРАЗДНИК ФОНАРЕЙ

*Нам божества предскажут год
счастливым:*

*До теплых дней узрим цветенье сливы,
Весенний ветерок затем повеет,
А ласковое солнце потеплеет.
Подсолнечник поднимется на диво!
У берега согнувшаяся ива
Дрожит в конце лютующей зимы
И дней весенних жаждет, как и мы.*

Итак, в тот день Симэнь пропировал за компанию с шурином У Старшим до самого вечера.

На другой день утром к Симэню прискакал верхом комендант Цзин.

– Не выразить словами радость, какую принесло мне высочайшее решение, – говорил он. – Я обязан от всего сердца благодарить вас, сударь, за ваше радушие и хлопоты. Благодеяние ваше поистине незабываемо. Почтенный Фань состарился, а Чжан Цзюйсюань^[1469] мечтал о повышении. Впрочем, пусть на своем посту остается, раз и пальцем не пошевелил.

После второй чашки чаю комендант Цзин стал откланиваться.

– Да! А когда ж господин Юнь на пир пригласит? – спросил он.

– На праздники, пожалуй, не сможет, – отвечал Симэнь. – В середине месяца, наверно.

Цзин у ворот вскочил на коня и усакал.

Симэнь же приготовил свиную тушу, два жбана чжэцзянского вина, штуку ярко-красного бархата для парадного платья с изображением золотого однорогого оленя,^[1470] штуку черного цветастого полотна, а также сотню пирожков с фруктовой начинкой и, передав их вместе с визитной карточкой Чуньхуну, отправил в подарок цензору Суну.

Привратник цензорской палаты доложил о прибывшем. Цензор распорядился провести слугу в обогреваемую жаровней комнату при дальней зале и угостить чаем. Сун тем временем составил ответ, запечатал в пакет и, наградив прибывшего тремя цянями серебра, отпустил.

Чуньхун вручил Симэню пакет. Симэнь распечатал его и стал читать:

«Начальнику Лейб-гвардии почтеннейшему господину Симэню.

Меня охватывает крайнее беспокойство при мысли, сколько хлопот и беспокойства причинил Вам, дважды нарушая покой Вашего роскошного дома-дворца. И опять с угрызениями совести принимаю Ваши щедрые дары, не ведая, как и чем мне Вас отблагодарить.

Надеюсь, сударь, Вам известно Высочайшее решение по моему докладу относительно назначения Вашего свойственника^[1471] и господина Цзина. Все эти дни лелею надежду лицезреть Вас, дабы при личной встрече выразить Вам мою самую искреннюю благодарность.

С поклоном Ваш Сун Цяонянь».

Цензор Сун в ответ направил к Симэню посыльного с сотней календарей, сорока тысячами листов бумаги и свиной тушей.

Настал день, когда прибыли бумаги о вступлении шурина У Старшего в должность. Симэнь нанес шурина визит и вручил для подношений тридцать лянов серебра и четыре куска столичного атласа.

Двадцать четвертого по случаю предстоящих праздников Симэнь опечатал управу. Прибыв домой, он припас барана, вина, красные яблочки и праздничные свитки,^[1472] пригласил родных и друзей. Когда же из управы воротился занявший новый пост шурин У Старший, Симэнь в его честь устроил большой пир.

Из Восточной столицы прибыла жена тысяцкого Хэ с домочадцами, и Симэнь от имени Юэнян послал ей в подарок чаю.

Двадцать шестого состоялась панихида по случаю сотого дня после кончины Ли Пиньэр. Ее служили на дому у Симэня двенадцать монахов из монастыря Нефритового Владыки во главе с настоятелем У. Торжественное пение при воскурении благовоний сопровождалось ударами в гонги и цимбалы. Родные и друзья принесли Симэню чаю и разделили с ним поминальную трапезу. Разошлись под вечер, но не о том пойдет речь.

Двадцать седьмого Симэнь разослал новогодние подарки. Ин Боцзюэ, Се Сиди и Чан Шицзе, приказчики Фу, Гань, Хань Даого, Бэнь Дичуань и Цуй Бэнь – каждый получил по полтуши свиньи и барана, по жбану вина, мешку риса и ляну серебра. Наряды из ханчжоуского шелка и по три ляна серебра Симэнь послал певицам Ли Гуйцзе, У Иньэр и Чжэн Айюэ.

У Юэнян, со своей стороны, желая, чтобы наставница Сюэ отслужила молебен с принесением жертв, направила к ней в обитель Лайяня с благовониями, маслом, рисом, лапшой и деньгами, но не о том пойдет речь.

Вот и настал конец года. В окна сквозь ветки цветущей зимней сливы заглядывал молодой месяц. Ветер сметал снег с карнизов. Повсюду во дворах и у ворот раздавался треск хлопушек. По случаю прихода весны стены домов были увешаны парными надписями и заклинательными дщицами из персикового дерева.^[1473]

После сожжения жертвенных денег Симэнь снова проследовал в покои Ли Пиньэр, где почтил дщицу – обиталище души усопшей.

Потом Симэнь устроил в дальних покоях пир, на котором собралась вся семья – по обеим сторонам стола сидели У Юэнян, Ли Цзяоэр, Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Сунь Сюээ и дочь Симэня с зятем Чэнь Цзинцзи.

Первыми поздравить хозяев земными поклонами подошли Чуньмэй, Инчунь, Юйсяо, Ланьсян и Жуи. За ними последовали Сяюй, Сючунь, Сяолуань, Юаньсяо, Чжунцю^[1474] и Цюцзюй, а потом – жена Лайчжао – Хуэйцин по прозвищу Шпилька, жена Лайсина – Хуэйсю, жена Лайбао – Хуэйсян и жена Лайцзюэ – Хуэйюань. После женской прислуги вошли Ван Цзин, Чуньхун, Дайань, Пиньань, Лайань, Цитун, Циньтун, Хуатун, сын Лайчжао – Тегунь, сын Лайбао – Сэнбао и дочь Лайсина – Нянэр. Симэнь и Юэнян одаривали подходивших к ним платками и головными повязками, а также серебром.

Вот и наступил первый день Нового года – первого года правления под девизом Двойной Гармонии.^[1475]

Симэнь с утра облачился в ярко-красное парадное платье и шапку. После воскурения благовоний Небу и Земле и сожжения жертвенной бумаги он, отведав сладостей, отправился верхом поздравлять цензора Суна.

Юэнян и остальные жены тоже встали рано и занялись своими туалетами. Наложив пудру и румяна, украсив прически цветами и бирюзою, они одели парчовые юбки и расшитые цветами накидки, тонкие шелковые чулки и лучшие туфельки. Обворожительно красивые, блистающие нарядами, они проследовали в дальние покои к У Юэнян, чтобы поздравить с праздником хозяйку.

Пинъань с дежурившим у ворот солдатом принимал поздравительные карточки, заносил имена посетителей в особую книгу и провожал чередой шедших знатных чиновных визитеров.

Дайань с Ван Цзином тоже не отходили от ворот. Одетые во все новое, они то играли в волан или забавлялись хлопушками, то грызли тыквенные семечки и клали в рукава благовонные травы, то повязывали детям праздничные головные бантики.

Не перечесть приказчиков и счетоводов, всей прислуги и челяди, прибывавшей поздравить с Новым годом хозяев. Их в передней гостиной принимал Чэнь Цзинци.

Родных и друзей угощали в большой зале сзади, где стояли ломившиеся от снеди столы.

В крытой галерее в саду были повешены теплые шерстяные занавеси и расстелены узорные ковры. В жаровнях горел лучший уголь. Тут на десяти окруженных позолоченными ширмами столах красовались в корзинах ивовые ветви, украшенные цветами, среди драгоценных украшений лежали груды фрукты, в вазах стояли золотые цветы. Заставленные редчайшими яствами, эти столы предназначались исключительно для приема особо именитых и знатных господ.

После официальных визитов Симэнь вернулся из управы около полудня. Не успел он спешиться, как к нему явился сопровождаемый свитой из пяти человек Ван Третий, сын покойного полководца. Он проследовал в залу, где, поздравляя Симэня, приветствовал его восемью поклонами, после чего изъявил желание поклониться У Юэнян. Симэнь пригласил его в дальние покои. Когда Ван Третий воротился в залу, не успел он осушить кубка, как прибыл тысяцкий Хэ. Хозяин велел Чэнь Цзинци сесть вместе с Ваном, а сам принял сослуживца в крытой галерее.

Ван Третий вскоре откланялся, и Цзинци проводил его до ворот,

где тот вскочил на коня и отбыл.

Немного погодя один за другим пожаловали комендант Цзин, квартальный Юнь и сват Цяо. Целый день принимал Симэнь посетителей и только к вечеру, когда все, наконец, разошлись, отправился почивать в покои Юэнян.

На другой день утром Симэнь продолжил объезд с визитами и воротился только вечером. Его уже поджидали свояк Хань, Ин Боцзюэ, Се Сиди, Чан Шицзе и Хуа Цзыю. Их принимал в зале Чэнь Цзинци. Долго им пришлось ждать хозяина. После поздравлений был снова накрыт стол, появились вино, закуски и сладости.

Первыми отбыли жившие за городскими воротами свояк Хань и Хуа Цзыю, а Боцзюэ, Се Сиди и Чан Шицзе будто приклеились к сиденьям – они уходить и не помышляли. Тем более тут пожаловал шурин У Второй. Поздравив Симэня, он направился к Юэнян, а потом тоже занял место за столом. Разошлись они уже при зажженных фонарях. Сильно опьяневший Симэнь проводил их до ворот. Тут он заметил Дайяня и сжал ему руку.

– Она одна, – шепнул Дайань, смекнув в чем дело.

Симэнь тотчас же направился к дому, где жила жена Бэнь Дичуаня. Она уже поджидала его у ворот и встретила с радостью. Они без лишних слов проследовали прямо в спальню. Она помогла Симэню распустить пояс и снять верхнюю одежду, затем легла на кан. Он снял с нее штаны, задрал ногу и приступил к делу, будучи оснащенным серебряной подпругой.

Надобно сказать, что бабенка любила сводить ноги вместе, а руками раскачивать мужчину. Она просила Симэня пронзять ее до самой глубины, в ответ на что выпускала потоки горячей влаги, пропитывавшей всю постель. Черепашья головка у Симэня была умашена снадобьем. Держа обеими руками женщину за талию, он въезжал в нее и стремился только как можно теснее прижаться и глубже засадить свой веник, чтобы не торчало ни волоска.

– Батюшка, родной мой! – кричала жена Бэня, вытаращив глаза.

– Скажи мне, как твое детское имя? – спросил Симэнь.

– Я из рода Е, в семье пятая по счету.

– Е Пятая, – напористо бормотал Симэнь. – А в рот брать ты пробовала или нет, а?

Е Пятая, надобно сказать, чего только не пробовала! Еще будучи кормилицей, вступила в тайную связь с Бэнь Дичуанем. Потом они бежали, и он взял ее себе в жены. Была она небольшого роста с ястребиными глазками. Родилась же в год зайца, и ей шел тридцать

второй год.^[1476]

– Батюшка, родной мой! – все время повторяла она, и казалось, журчащий поток изливался у нее из уст.

Когда чувства обострились до предела, семя брызнуло потоком. Симэнь вынул свой веник и хотел было вытереть, но жена Бэня остановила его.

– Погоди я, беспутная, сама спущусь и все вылижу дочиста, – сказала она и, присев на корточки, взяла руками член и обсосала его до полного блеска, после чего завязала пояс на штанах хозяина.

Симэнь остался крайне доволен.

– Что-то самого до сих по нет, – проговорила она.

– И я его со дня на день жду. Должно быть, господин Ся не отпускает, – заметил Симэнь и протянул ей ляна три серебра на расходы. – Хотел подарить тебе наряды, да, думаю, муж бы не узнал – нехорошо получится. Лучше уж ты сама себе купи.

С этими словами Симэнь вышел. Дайань, уже поджидавший его в лавке, запер за ним ворота. Хозяин проследовал в дальние покои.

Дорогой читатель! Исстари ведется: коли покривится верхняя балка, за ней не удержится и нижняя – таков закон. Когда хозяин выходит за рамки допустимого, его примеру начинают подражать слуги. Распутная была жена Бэня. Сперва она завела шашни с Дайанем, потом увлекла Симэнь Цина. На сей раз, проводив хозяина, Дайань воспользовался отсутствием в лавке приказчика Фу, подговорил Пинъаня. Забрали они с собой два кувшина вина и направились к жене Бэня. Пировали до второй ночной стражи. Пинъань ушел потом ночевать в лавку, а Дайань остался с хозяйкой. Вот ведь какие дела творятся!

Да,

Ты не гадай о суженом
с продетою иглой^[1477] –
Со временем проявится,
что ныне скрыто мглой.

Тому свидетельством стихи:

Отчего, опадая, цветы обращаются в прах –
У развязных, чей взор затуманен, узнать невозможно.
Не играй ты на лютне, не пой об утраченных днях,
А то птиц распугаешь, и будут кружиться тревожно.

– Как бы не узнала тетушка Хань, моя соседка, вот чего я

опасаюсь, – призналась Дайаню жена Бэня в тот вечер. – Шепнет, чего доброго, в дальних покоях. Достанется мне тогда от матушки, как жене Хань Даого, стыда не оберешься. И на глаза не покажешься.

– У нас бояться тебе некого, разве что матушку Старшую и матушку Пятую, – успокоил ее Дайань. – Да и Старшая еще ничего, зато Пятой лучше не попадайся. Я бы вот что тебе посоветовал: пока праздники, купи гостинцев да почти матушку Старшую. Ее, само собой, ничем не удивишь. Но она любит паровые пирожки. Вот и купи ей на один цянь серебра пирожков с фруктовой начинкой да коробку тыквенных семечек. А девятого будет рождение матушки Пятой. И ей пошли подарочек, а я от себя передам ей коробку семечек. Как поздравишь, земными поклонами почтишь, сразу всем рты-то позатыкаешь.

Жена Бэня послушалась Дайаня. На другой же день, пока Симэня не было дома, Дайань купил ей коробку подарков, которую она и пошла поднести Юэнян.

– Это еще от кого? – спросила Юэнян.

– Тетушка Бэнь прислала вам, матушка, семечек и сладостей, – объяснил Дайань.

– Откуда ж она денег достала? У нее же муж в отъезде. Выходит, я ее в расходы ввела? – удивилась хозяйка и, приняв подношения, велела положить в коробку пампушек и фруктов.

– Большое тебе спасибо, – сказала она жене Бэня. – Весьма тронута твоим вниманием.

Когда Симэнь после визитов вернулся домой, его уже поджидал настоятель монастыря Нефритового Владыки, отец У. Симэнь принял его в зале и угостил вином. После ухода настоятеля Симэнь снял с себя парадные одеяния и крикнул Дайаня.

– Бери коня и скачи к тетушке Вэнь, – распорядился он. – Скажи, батюшка, мол, хотел бы нанести визит госпоже Линь. Интересно, что она на это скажет.

– Не извольте волноваться, батюшка, – заверил его Дайань. – Дело в том, что я видался нынче с тетушкой Вэнь, когда она проезжала у ворот на своем осле. От нее я узнал, что четвертого, стало быть завтра, господин Ван выезжает в столицу поздравлять его превосходительство Лу Хуана, и госпожа Линь высказали желание, чтобы вы, батюшка, побывали у них шестого. Госпожа Линь будут вас ждать.

– Так она и сказала? – перебил его Симэнь.

– Конечно! Неужели я решился бы вам лгать, батюшка!

Симэнь направился в дальние покои. Только он вошел к Юэнян,

как явился Лайань.

– Шурин У Старший прибыли, – объявил он.

Шурин, в чиновничьей шапке, с золотым поясом, проследовал в дальние покои.

– Трудно мне, У Каю, найти слова для выражения моей глубокой вам благодарности, зятюшка, за рекомендации и поддержку, – начал он, обращаясь к Симэню. – Сердечное вам спасибо за щедрые дары. Простите, что ввел вас, зятюшка, в расходы. И извините, пожалуйста, за мое вчерашнее отсутствие – заставил вас напрасно утруждать прибытием. Спешу земно поклониться вам, зятюшка, и еще раз прошу меня простить за столь поздний визит.

С этими словами шурин склонился в земном поклоне. Симэнь поспешно ответил ему полупоклоном.

– Поздравляю вас, шурин! – говорил он. – Не будем считаться! Так и должно быть между своими.

Когда шурин отвесил Симэню положенные поклоны, вошла Юэнян, чтобы приветствовать брата земными поклонами. На ней были отделанная перьями зимородка шапочка из белого гофрированного крепа с золотой полоской поперек, отороченный каланом ободок в виде спящего кролика, белая шелковая кофта с застежкой, поверх которой была одета расшитая золотом безрукавка цвета алоэ и расклешенная юбка из бледно-зеленого шелка с бахромою по подолу. В ушах фениксы-шпильки. На груди под воротничком висела золотая брошь, состоящая из зубочистки, прочищалки для ушей и кропила, а у вытканного цветами пурпурного плетеного пояса – расшитый золотом пурпурный мешочек для ароматов с восемью кистями и разноцветные ключики. На ней были белые шелковые туфельки на толстой подошве. По-праздничному разряженная, с развивающимся узорным поясом, она словно колышущаяся на ветру цветущая ветка подпорхнула к брату и четырежды грациозно склонилась перед ним.

– Довольно и двух поклонов, сестра, – проговорил У Старший, тотчас же отвечая ей полупоклоном. – И я, твой брат, и моя жена, твоя невестка, прямо-таки, забыв всякие приличия, все время надоедаем, беспокоим и тебя и твоего супруга. Стар я стал, сестра, и мне дорога твоя забота.

– Да когда ты у нас был, брат! – воскликнула Юэнян. – Посидел бы немножко.

– Ну что ты говоришь, сестра! – продолжал У. – Мало ли я вам с зятюшкой надоедаю?!

После взаимных церемоний Симэнь уговорил шурина остаться.

– Шурин, ты, наверно, нынче не собираешься больше наносить визиты? – спрашивал Симэнь. – Тогда раздевайся и давай посидим.

В хозяйкиных покоях оказались Мэн Юйлоу и Пань Цзиньлянь. Заслышав разговор, они тоже поторопились поклониться гостю. Они были в белых шелковых кофтах и бледно-зеленых с каймою юбках. На одной была расшитая золотом зеленая безрукавка, а на другой – пурпурная.^[1478] Их высокие прически украшали сетки и стягивали отороченные каланом ободки в виде спящего кролика. У Юйлоу были серьги-кольца, а у Цзиньлянь – сапфировые подвески. У обеих виднелись изящные остроносые лотосы-ножки. Поклонившись шурина, они разошлись по своим покоям.

Симэнь усадил родственника в хозяйкиных покоя, пододвинул поближе жаровню и распорядился накрывать стол. Тут же появились весенние кушанья и фрукты, подали чашки с горячим рисом, огромные пампушки, сладости и суп с потрохами.

Поздравить шурина вышли горничные Сяюй и Юйсяо. После супа и риса Юэнян поднесла брату позолоченную черепаховую чарку вина. Симэнь сел на место хозяина.

– И ты садись, сестра, – пригласил шурин.

– Я сейчас, – отозвалась Юэнян и удалилась во внутреннюю комнату.

Вскоре она подала к вину всевозможные фрукты и закуски. Были тут свежие бамбуковые ростки, серебристая рыба, крот, маринованная рыба, медуза, овощной салат, яблоки, богомолы, свежие апельсины, гранаты, водяные орехи, хуэйчжоуские груши и прочие деликатесы.

– Как у тебя со службой, шурин? Все уладил? – спросил во время пира Симэнь.

– Благодаря вашей поддержке, зятюшка, с нового года вступаю в должность, – отвечал шурин. – Начальство я в основном одарил. Правда, предстоит еще визит в налоговое управление военных поселений. И поскольку завтра день удачи, с утра думаю снять с управы печати, потом заеду домой, припасу подарки – и в управление. Там вручу документы, нанесу визиты гарнизонным и отдам распоряжения. Господин Дин, мой предшественник, все дела запустил, за что и был снят его превосходительством Хоу, военным губернатором. Меня на его пост и назначили. Надо будет все ревизские сказки поднять, всю перепись проверить. Велю гарнизонным навести полный порядок, чтобы не пропустили ни одной души. О результатах велю доложить. Тогда и осенний натуральный оброк и летний денежный налог куда легче будет собрать.

– И много ли земли занимают поселенцы? – поинтересовался Симэнь.

– Должен вам сказать, зятюшка, военные поселения были учреждены еще указом Государя Императора, основателя ныне царствующего дома.^[1479] Поля эти избавляли от затрат на перевозки и служили источником пропитания солдат во время их обучения. Но впоследствии, когда министр Ван Аньши^[1480] внедрил систему ссуд под посев, тогда-то и был введен летний налог. Сначала им облагались только военные поселенцы, а осенний оброк с них взимался более низкий, чем со всех остальных землепашцев. Сейчас, исключая пустыри, камышовые заросли и болота, в ведении управления военных поселений в Цзичжоу насчитывается до двадцати семи тысяч цинов^[1481] земли. Осенний и летний налог с каждого цина составляет всего лишь один лян и восемь цяней серебра. Взимаемые налоги составляют, стало быть, не более пятидесяти тысяч лянов. Сумма эта, которую удастся обычно собрать только к концу года, поступает в Дунпинское областное управление, а уже оттуда дается распоряжение о закупках провианта и фуража.

– Ну, а излишки-то от налогов перепадают? – опять спросил Симэнь.

– Отдельные незарегистрированные дворы, конечно, попадают, – продолжал шурин, – но мужики ведь народ дошлый. Попробуй только взыщи построже – взвесь полновесной гирей или отмерь полной мерой, сразу молва поползет, такой ропот подымется ...

– Ну, раз остаются излишки, значит, все в порядке, – заметил Симэнь. – Неужели так уж все сполна и сдавать! Лишь бы понемногу перепадало, а соберется – хватит на прожитье.

– Признаюсь, зятюшка, если править поселениями умеючи, сотню лянов в год заработать можно. Ну, а в конце года подарки подносят – каждый по достатку – кур, гусей, свиней, рис ... Это уж не в счет. И за все это я должен благодарить вас, зятюшка.

– Раз ты обеспечен, шурин, и мне приятно. Значит, я что-то сделал.

Во время их разговора вошла Юэнян и села сбоку. Уже зажгли огни, а они все еще пировали. Когда шурин откланялся, Симэнь удалился на ночлег к Пань Цзиньянь.

На другой день утром Симэнь отбыл в управу, чтобы снять печати и открыть присутствие. После положенной регистрации всех служащих управы началось разбирательство казенных дел.

Первым в тот день принесли пакет от Юнь Лишоу. Он приглашал Симэня и всех чиновников управы на пир по случаю вступления в

должность.

На следующий день Юэнян поспешила на пир к госпоже Лань. Симэнь же, вырядившись в парадное облачение, прикрыв глаза пылезашитным флером, захватил с собою узел с подарками и верхом направился к дому покойного полководца Вана.

Его сопровождал Дайань и Циньтун. Ван Третий тем временем находился в отъезде. Симэнь вручил визитную карточку. Ее приняла тетушка Вэнь, пришедшая туда загодя, и тотчас же доложила госпоже Линь.

– Ступай пригласи господина во внутренние покои, – распорядилась хозяйка.

Симэнь миновал большую залу и, пройдя через внутренние ворота, очутился на женской половине. В небольшом помещении была поднята светлая дверная занавесь. В центре висел портрет досточтимого предка рода Ван Цзинчун, перед которым на двух столах были расставлены в изобилии жертвенные фрукты и вино. Ван Цзинчун восседал в покрытом тигровой шкурой ярко-красном кресле. Под ногами у него был разостлан дорогой узорный ковер, свисали красные пологи.

Немного погодя явилась госпожа Линь в карминовой накидке, богато расшитой вплоть до рукавов. Ее прическу щедро украшали жемчуг и бирюза. Напудренная и напомаженная, она обменялась с гостем приветствиями и пригласила присаживаться. Когда подали чай, хозяйка наказала слуге привязать коня сзади и задать сена. После чаю она предложила Симэню снять верхнее платье и пройти во внутренние покои.

– Сынок у меня позавчера выехал в столицу поздравлять дядю жены главнокомандующего Лу Хуана, – объясняла госпожа Линь. – Вернется, наверно, только после Праздника фонарей.

Тут Симэнь крикнул Дайаня. Слуга помог ему снять верхнее платье, под которым были одеты белая шелковая куртка и расшитый летающими рыбами халат. Обут он был в черные сапоги на белой подошве. Симэнь блистал в роскошном одеянии.

В покоях госпожи Линь стоял стол, звериные пасти четырех бронзовых жаровен исторгали пламя и тепло горящего угля. В обращенные на красную сторону окна светило солнце, и яркий свет заливал комнату. Немного погодя горничная подала вино и закуски. Стол ломился от обилия яств. Рядами стояли чарки и блюда. Золотом искрилось и пенилось вино. Чай заваривали с подснежниками. Госпожа Линь вырядилась в парчовую юбку и узорную накидку. С

улыбкой, сверкавшей белизною зубов, она взяла нежной, как нефрит, рукою кубок и поднесла его гостю. Ее глаза горели желанием. За игрою на пальцах и в кости, то и дело прерываемой шутками и смехом, росло их подогреваемое весною желание и распалась страсть. А ведь с вином все лукавее становится взор, все труднее сдержать сердечный пыл.

Солнце тем временем стало клониться к закату. Спускались сумерки. В серебряных подсвечниках загорелись высокие свечи.

Дайяня с Циньтуном в боковой пристройке угощала вином, закусками и сладостями тетушка Вэнь.

Жена Вана Третьего, жившая там же, в женской половине, в домике за калиткой имела в услужении своих горничных и мамку-кормилицу. Даже на досуге она не навещала хозяйку, а последняя к тому же заперла калитку, так что ни один слуга не решился бы побеспокоить пировавших. Они же, удалившись в спальню, отдернули полог и зашторили окна. Горничная поправила в серебряном подсвечнике свечу, и красавица-хозяйка заперла за нею дверь. Любовник разделся и лег, она после омовения ног последовала за ним. Изголовье было расшито волшебными цветами, на алом одеяле бушевали волны.

Симэнь, надобно сказать, еще дома наточил копье и подготовил меч, решив во что бы то ни стало выйти из поединка победителем. Для этой цели он заранее принял с вином снадобье иноземного монаха, приспособил две подпруги и захватил с собою узелок со снастями. Едва они очутились под одеялом, как Симэнь задрал ей ноги, вставил свой веник в срамную щель и, напрягая все силы, начал атаку. Ожесточенные наскоки сопровождались таким шумом и скрипом, что казалось, будто трещит высоченный бамбук на илистом болоте.

– Мой милый, дорогой! – повторяла госпожа Линь, и ласковые обращения лились из уст ее нескончаемым потоком.

Да,

Море знамен боевых отразилось в очах,
Небо трясли барабаны при лунных лучах.

Есть изрядной длины поэтическое описание этого сражения:

*Пред ширмою парчовой опьяненная душа была готова к поединку.
Под пологом узорным воитель, сосуд души телесной, зная боевое
развернул. Вихрем выскочил на поле ратное силач-крепныш хмельной.
Сей демон сладострастья был увенчан шлемом красным и повязкою
парчовой. Латы, сверкающие черным лаком, укрывали его стан,*

обтянутый халатом буро-красным, с поясом тугим из рыбьей шкуры. Он выступал в бесшовных сапогах. Дрался копьём с черными кистями, держал плоть грозную всегда наготове, кожей обтянутый кистень и стрелу без оперенья. Оседланный им конь рыже-огненной масти в заросшей впадине на привязи стоял. Вот показалось громадное знамя полководца. Оно сулило тучи грозовые и обильный дождь. Знамя души телесной скрывало силуэт красавицы-цветка, лисицы. Ее прическу украшали пара фениксов с распущенными хвостами и нити жемчуга. В кофте белой газовой была она и в бирюзовой юбке, подпоясанной изящным пояском. Из-под нее виднелись шелк белых панталон, блестящие чулочки и туфелек острые носки, похожие на фениксовы клювы. Ее высоко поднятая секира не видна и описанью краткому никак не поддается. Украдкою чаровница роняет слезы, тревогою исполнен взор, к тюлевому пологу склонилась головой, как-то осунулась, поблекла. Под ней перина мягкая и нежная, как яшма. Красавица игрою буйной порхающего феникса с подругой занята, укрытая покровом. Вот в схватке раздались удары в барабан, раскатистые, как гром весною. А вот пахнуло густым ароматом мускуса и орхидей. Тут стан поднялся, и на покрывале забушевали красные волны, там полетели стрелы, и полог натянулся на серебряных крючках. А волны алые только умножили решимость. Полог натянулся на серебряных крючках, и их стремленья разошлись. Она тотчас же с успехом отбила две дюжины атак. В цель угодить метателю копья с трудом лишь удавалось. Ее защитой надежной был шелковый покров, расшитый парой уток-неразлучниц. Он булавою с кистенем привык играть и наносить удары точные в мишень. Три тысячи раз был он готов метнуть разгоряченное копьё, но щит могучий, увы, едва лишь допустил всего с полсотни ударов. Он – мастер был сражаться в латах. Она же силы выматывала ловко и высасывала соки до конца. Конь боевой, ретивый немало потоптал цветов. Сколько пало их, воинов обессиленных, в чаще лесной у крутого обрыва! Устрашающий, крепкого телосложения, он рыскал всюду и хватал. Красавица, нежнее персика и абрикоса, она чарами всякого к себе манила. Его раззадорь, развяжет бой затяжной и горячий. Польсти ей, иволгою запоем и ласточкой защебечет. Долгий поединок выдержав, она, испариной орошена, все шпильки растеряет. Выстояв упорное единоборство, он тяжело дыша, все ложе перевернет. Глядь! Близ уезда Тайная развилка оружие уж грудами лежит. Брови напряглись, глаза опухли. Смотри! А на поле брани уже брошены поверженные копья. Тела растерзаны, разверзлась плоть.

Да, облако печали поднялось в небеса, лежало разбитое наголову войско. Сколько сластолюбив он покорял, да не сумел он одолеть красавицу эту.

В тот раз Симэнь воскурил две ароматных свечи – на солнечном сплетении и сокровенных вратах госпожи Линь. Он сказал ей о пире, который будет устроен у него в честь Праздника фонарей и на который он пришлет приглашения ей и супруге Вана Третьего. Теперь покорная ему душой и телом, госпожа Линь с удовольствием приняла приглашения. Симэнь встал довольный и никак не мог с нею расстаться.

Они пировали до второй ночной стражи. Коня ему вывели через задние ворота, и он отправился домой другим путем.

Да,

Не горюй, что сей ласковый день удержать не могла –
Ароматом цветка одарила полночная мгла.

Тому свидетельством стихи:

Стою я у терема и о любимом грущу.
Коль встречу опять – от себя никуда не пушу.
Не скажет Лю-лан,^[1482] что пожухнет и персика цвет –
На легкой волне его алый останется след.

Когда Симэнь добрался до дому, ему доложил Пинъань:

– Был посыльный от его сиятельства Сюэ. Приглашает вас, батюшка, на завтра в загородное императорское поместье любоваться весною. Потом от дяди Юня пять приглашений вручили. Матушек на пир просят. Приглашения я во внутренние покои передал.

Симэнь молча направился во внутренние покои к У Юэня. Там оказались Мэн Юйлоу и Пань Цзиньянь. Воротясь от супруги тысяцкого Хэ, Юэня сняла головные украшения и цветы. Ее волосы, убранные под сетку, держали шесть золотых шпилек и жемчужный ободок. На ней была голубая шелковая накидка и юбка из легкой желтой парчи.

Когда вошел Симэнь, женщины тотчас же прервали разговор и приветствовали его. Он сел в кресло посреди комнаты.

– А ты откуда так поздно? – спросила его хозяйка.

– У брата Ина засиделся, – солгал Симэнь.

Юэня завела разговор о жене тысяцкого Хэ.

– Какая, оказывается, молодая у него супруга, – говорила она. – Ей всего восемнадцать. А собой до чего ж хороша – красавица писаная!

Образованная, душевная и исключительно гостеприимная. Мы впервые увидались, а я чувствовала себя с ней как со старой знакомой. Очень милая женщина! Она года два как замужем, а у нее четыре горничных, две мамки-кормилицы и две женщины в услужении.

— Она ж племянница дворцового евнуха-смотрителя Ланя, — заметил Симэнь. — При дворе, небось, воспитывалась. Скорее всего они ей с приданным достались. Большие деньги дал придворный за племянницей.

— Да, тебе слуга докладывал? — спросила Юэнян. — Нас пятерых к Юню приглашают, а тебя — к смотрителю Сюэ. Приглашения я в шкатулку убрала. — Хозяйка обернулась к Юйсяо. — Ступай, батюшке покажи.

Симэнь просмотрел приглашения от Сюэ, потом от Юнь Лишоу, которое было послано от имени его жены с надписью:

«Юнь, урожденная Фань,^[1483] низко кланяется и приглашает Вас».

— Тогда готовьтесь, всем надо быть, — заключил Симэнь.

— Сестрицу Сюээ дома надо бы оставить, — посоветовала Юэнян. — Праздники... Гости не пожаловали бы ненароком. И принять будет некому.

— Ладно, пусть Сюээ остается, а вы идите, — согласился Симэнь. — Я завтра никуда не собираюсь. Евнух-смотритель за город приглашает, а у меня нет никакого желания. И так ноги что-то болят и поясницу ломит. То ли весна действует?

— А не простуду схватил? — спросила Юэнян. — Чего ж ты ждешь? Доктора Жэня пригласил бы.

— Ничего, дома посижу и пройдет, — отозвался Симэнь и продолжал. — Праздник фонарей подходит. Надо к угощению готовиться. Пригласим жену господина Хэ, жену столичного воеводы Чжоу, жену Цзин Наньцзяна, матушек свата Чжана и свата Цяо, жену брата Юня, матушку Вана Третьего, жену У Старшего и матушку свата Цуя. Их надо будет позвать. Числа двенадцатого или тринадцатого развесим фонари. Актеров от императорского родственника Вана позовем. Жаль, Бэнь Четвертый уехал в столицу — и ни слуху ни духу. В прошлом году он потешными огнями занимался. Кто нас теперь услаждать будет?

— К его жене обратиться, — не все ли равно? — вставила Цзиньянь.

— Ты слова без подвоха не скажешь, потаскушка, — сердито взглянув на нее, обрезал Симэнь.

Юэнян и Юйлоу пропустили их реплики мимо ушей.

– Но мы совсем незнакомы с матерью Вана Третьего, – заметила Юэнян. – Удобно ли ее приглашать? Да и она вряд ли решится прийти.

– Она знает меня, поскольку я стал приемным отцом ее сыну, – объяснил Симэнь. – Поэтому я и хочу послать ей приглашение. А придет она или нет – ее дело.

– Не пойду завтра к Юням, – объявила Юэнян. – Время подходит. К чему мне на люди показываться! Только разговоры вызывать.

– Не дело ты говоришь, сестра, – вмешалась Юйлоу. – И ничего страшного нет. У тебя нисколько не заметно. Нескоро еще, должно быть. Ничего! В праздники и тебе развеяться полезно.

Симэнь выпил чаю и направился в покои Сунь Сюэ. Заметив это, Пань Цзиньлянь позвала падчерицу и удалилась к себе.

Вечером Сюэ по просьбе Симэня долго, до поздней ночи, массажировала ему ноги и тело, но не о том пойдет речь.

На другой день утром пожаловал Ин Боцзюэ.

– Приглашение вчера получил от брата Юня, – начал он. – Жену мою приглашают, а у нее наряды поизносились. В такие праздники в чем попало не выйдешь. На смех подымут. Вот я и решился, брат, к тебе с просьбой обратиться. Одолжи, будь милостив, невестке своей верхнюю одежду, юбку с кофтой да головные украшения, шпильки и серьги. А то ей не в чем на люди показаться.

Симэнь позвал Ван Цзина.

– Ступай с матушкой Старшей поговори, – наказал Симэнь.

– Друг, будь добр, пройти к воротам, – обратился к слуге Боцзюэ. – Там Ин Бао с платком и коробкой. Вынеси ему.

Ван Цзин взял у Ин Бао платок и удалился. Наконец, он вынес целый узел и протянул его ожидавшему.

– Тут два комплекта одежд из вытканной золотом лучшей узорной парчи, пять предметов головных украшений и пара жемчужных сережек.

Ин Бао забрал узел и пошел домой, а Боцзюэ остался у Симэня.

– Вчера жена была в гостях у госпожи Хэ, – заговорил за чаем Симэнь. – Вернулась к вечеру. А нынче от жены брата Юня пять приглашений принесли. Опять жен зовут. Старшая ребенка ждет – не хотела идти. А я говорю: раз приглашают, надо идти. Тем более в такие праздники. И я все эти дни покоя не знаю. Только вчера покончил с визитами. То у брата Юня пир, то по каким-то делам до вечера задержался, а тут евнух-смотритель Сюэ за город зовет, весной любоваться. И на все время нужно. Настоятель У девятого молебен служит, тоже приглашал. Не смогу я в монастырь ехать. Зятя пошлю.

Не знаю, то ли выпил лишнего, эти дни у меня что-то в пояснице ломит. Прямо ходить не могу.

– Это, брат, у тебя от вина, – заключил Боцзюэ. – Вниз разлилось и бродит. Остерегаться надо.

– Попробуй остерегись! – улыбнулся Симэнь. – В такие праздники в любой дом зайди, без вина не отпустят.

– А нынче кто да кто из невесток пойдет? – спросил Боцзюэ.

– Старшая, Вторая, Третья и Пятая. Я дома остаюсь. Отдохнуть надо день-другой.

Во время их разговора явился Дайань с коробкой в руках.

– Посыльный от господина Хэ приглашения принес, – объяснил слуга. – Девятого на праздничный пир приглашают.

– Ну что ты скажешь! – воскликнул Симэнь. – Попробуй откажись, когда тебя зовут.

В коробке лежали три приглашения. Одно, красное, было адресовано

«Старшему коллеге досточтимому господину Сыцюаню»,

другое –

«Его милости почтенному господину У»

и третье –

«Почтенному господину Ину».

Все приглашения кончались следующей подписью:

«С низайшим поклоном от Хэ Юншоу».

– Посыльный не знает адресов, – продолжал Дайань. – Вот и принес все приглашения сюда. Он просит переслать их по назначению.

– Но что же это такое получается?! – воскликнул Боцзюэ, взглянув на адресованное ему приглашение. – Я же даже подарков не посылал, а он приглашает. Неловко так пойти.

– Я тебе дам что поднести, – успокоил его Симэнь. – А ты вели Ин Бао отнести, и все будет в порядке.

С этими словами Симэнь крикнул Ван Цзина.

– Ступай принеси два цяня серебра и платок, а на карточке напиши имя батюшки Ина, – наказал ему Симэнь и обернулся к Боцзюэ. – А ты приглашение возьми, чтобы слугу к тебе не посылать. Шурина я с Лайанем отправлю.

Немного погодя Ван Цзин внес подарки и протянул их Боцзюэ.

– Благодарю тебя брат! – сложив руки и кланяясь, говорил

Боцзюэ. — Как же легко ты избавил меня от затруднений! Я тогда за тобой пораньше зайду. Вместе пойдем.

Боцзюэ откланялся и удалился.

В полдень У Юэнян и остальные жены, вырядившись по-праздничному, отправились на пир к жене квартального Юня. Юэнян восседала в большом паланкине, в трех паланкинах поменьше разместились остальные жены Симэня. Сзади на маленьких носилках сидела Хуэйюань, жена Лайцзюэ, при которой стояла корзина с нарядами. Четверо солдат окриками разгоняли с дороги зевак. Процессию сопровождали Циньтун, Чуньхун, Цитун и Лайань.

Да,

Стройны, как будто яшмы изваянья,

И в мире суеты нежны.

В нарядах сказочном сияньи

Они под стать Чанъэ с луны.

Но скромности очарованье

Чревато чарами весны.

Однако не станем рассказывать, как Юэнян с Ли Цзюэр, Мэн Юйлоу и Пань Цзиньлянь пировали у жены Юнь Лишоу.

Симэнь Цин приказал привратнику Пинъаню:

— Кто бы меня ни спрашивал, говори, нет, мол, дома, а визитные карточки принимай.

Пинъань послушно сел у ворот и никуда не смел отлучаться, а посетителям отвечал, что хозяина нет дома.

Симэнь же в тот день сидел у жаровни в покоях Ли Пинъэр. После смерти Пинъэр хозяйка велела Жуи кормить дочку Лайсина, Чэнъэр. А коль скоро у Симэня эти дни болели ноги, он вспомнил про пилюли долголетия. Их прописал ему доктор Жэнь и велел принимать с женским молоком. Он направился в спальню и велел кормилице Жуи отцедить молока. По случаю праздников Жуи вырядилась по-особенному. Ее прическу, обильно украшенную цветами и перьями зимородка, стягивали голубовато-зеленый крапленный золотом платок и отливающий золотом ободок. На ней были голубая шелковая кофта, из бледно-зеленого нанкинского атласа накидка и желтая парчовая юбка. Обута она была в туфельки на толстой подошве, сшитые из белого шелкового сатина и зеленого шаньсийского шелка. На пальцах красовались четыре серебряных кольца. Она села рядом с хозяином и помогла ему принять пилюли, потом налила кубок и попотчевала закусками. Принеся их, Инчунь удалилась в соседнюю комнату, где

села играть в шашки с Чуньмэй. На кухне на всякий случай оставалась Сючунь.

Заметив отсутствие посторонних, Симэнь прислонился спиной к кану и расстегнул шерстяные штаны на белой шелковой подкладке. Воитель был подтянут серебряной подпругой.

– Поиграй на свирели, – попросил он, а сам продолжал пить вино и лакомиться фруктами и закусками. – Играй с усердием, дитя мое, Чжан Четвертая. Завтра я подыщу для тебя украшения и парчовую безрукавку. Двенадцатого числа первой луны сможешь нарядиться.

– Вы так ко мне добры, батюшка, – проговорила она и начала долгую игру на флейте, в течение которой можно было основательно подкрепиться.

– Хочу воскурить на тебе фимиам, дитя мое, – наконец, сказал Симэнь.

– Делайте со мною что вам угодно, батюшка, воскуряйте как хотите, – проговорила она.

Симэнь велел ей запереть дверь. Она разделась и навзничь легла на кан. На ней были только новенькие панталоны из ярко-красного шаньсийского шелка и она приспустила одну штанину. Симэнь достал из рукава три вымоченных в вине ароматных свечи-коняшки, которые у него остались от воскурения на госпоже Линь, сдернул я Жуи нагрудник и поставил одну свечу на солнечное сплетение, другую – внизу живота, а третью – на лобок, потом зажег их все вместе и стал пихать свой веник в срамную щель. Опустив голову, он наблюдал за своей толкотней, заботясь только о том, чтобы въезжать по самую маковку и снова туда-сюда без перерыва. Затем он взял туалетный столик и поставил его рядом, чтобы смотреть в зеркало. Через некоторое время свечи начали догорать. Пламя лизало тело. Жуи от боли нахмурила брови и стиснула зубы, но терпела.

– Милый, дорогой мой! Довольно! – нежным и дрожащим голосом шептала она, на едином дыхании сливая слова. – Я больше не могу!

– Так чья же ты баба, потаскушка Чжан Четвертая, а? – спрашивал Симэнь.

– Ваша я, батюшка.

– Нет, ты скажи: была бабой Сюн Вана, а отныне принадлежу моему дорогому и любимому. – настаивал Симэнь

– Я, потаскушка, раньше была бабой Сюн Вана, – повторяла за ним Жуи, – а отныне принадлежу моему дорогому и любимому.

– Ну, скажи, а как я палку кидаю? – поинтересовался Симэнь.

– Мой дорогой заткнет своей палкой любую дыру!

Их сладостные вздохи прерывались ласками. И чего они только не шептали друг дружке! Грубый и массивный член, распирая срамную щель Жуи, сновал туда-сюда. Стягивавшее его кушаком влагалище краснело, как язычок попугая, и чернело волосами, как крыло летучей мыши, вызывая страстное чувство. Симэнь взял женщину за ноги и прижал их к своей груди. Их конечности переплелись, а тела согласно двигались навстречу друг другу. Член Симэня вошел до основания, не оставляя ни на волос промежутка. У Жуи глаза выкатились из орбит. Она потеряла дар речи, и из нее потоком текла любострастная влага. Чувства Симэня также дошли до предела, грянул оргазм и семя брызнуло бурливым родником.

Да,

Неведомо, как в нас вселяется весна,
Лишь чувствуем порой, что ночью не до сна.
Тому свидетельством стихи:
Пусть милый шалит с чаркой алой,
Шторм страсти в груди небывалый.
Все лучшее жертвую Богу Весны.
И шпильки золотые уже не нужны.

В тот день Симэнь потушил на трех местах на теле Жуи благовонные свечи, потом наградил ее безрукавкой из темного цветастого атласа.

К вечеру домой вернулись жены во главе с Юэнян.

— А жена Юня, оказывается, тоже ребенка ждет, — рассказывала Юэнян. — Мы на пиру договорились: если родятся мальчик и девочка, помолвку устроим; если сыновья, пусть вместе учатся, а дочери, пусть сестрами будут и вместе занимаются рукоделием. Свидетельницей нашего уговора была жена Ина.

Симэнь засмеялся, однако довольно пустых слов.

На другой день было рождение Пань Цзиньянь. Симэнь с утра отбыл в управу, а слугам наказал приготовить фонари и заняться уборкой дома. В большой зале и крытой галерее велено было развесить фонари и расположить узорные занавеси и ширмы, а Лайсину — купить свежих фруктов и позвать на вечер певцов.

Пань Цзиньянь вырядилась с утра. Напудренная и подрумяненная, она так и блистала. На фоне бирюзовых рукавов ее кофты еще ярче казались алые губы.

Она прошла в большую залу. Стоя на высоких лавках, Дайань и Циньтун развешивали на трех сверкавших жемчугом шнурах фонари.

– Кто тут, думаю, а это вы, оказывается, – проговорила она, улыбаясь.

– Ведь нынче ваше рождение, матушка, – отозвался Циньтун. – Батюшка приказали фонари повесить. Завтра угощение в честь матушки устраивают. Мы к вам вечером придем поклониться. А вы нас, конечно, наградите, матушка.

– Розги – это у меня найдется, а награды – увольте.

– Ну, что вы, матушка! – продолжал Циньтун. – Розги да побои. Мы ведь дети ваши, матушка, а вы нас розгами потчуете направо и налево. Детей надобно и приласкать, а не только наказывать.

– Ишь разболтался, арестант! – приструнила его Цзиньлянь. – Вешай как следует, а то с разговорами-то, чего доброго, уронишь. Помнишь, что ты сказал, когда в прошлый раз Цуй Бэнь приехал, а? Батюшка, мол, средь бела дня исчез. Тогда тебя только чудом не наказали. На сей же раз быть тебе битым. И наверняка.

– Недоброе вы прочите, матушка, – говорил Циньтун. – Не запугивайте вы меня, несчастного.

– Откуда, интересно, вам стало известно, матушка, что он тогда сказал? – спросил Дайань. – Вы ведь сами не слышали.

– Дворцовый колокол не виден, да его звон слышен, – отвечала Цзиньлянь. – Как не знать! А что батюшка вот тут хозяйке сказал? «В прошлом году, – говорит, – Бэнь Четвертый рамы с потешными огнями сооружал. Кто нас теперь услаждать будет?» Тут не выдержала. Его, говорю, нет, к его жене обратиться – не все ли рано?

– Что вы хотели этим сказать, матушка? – спрашивал Дайань. – Какие у вас могут возникнуть подозрения, когда Бэнь Четвертый всего-навсего в приказчиках у вас служит?

– Что я хотела этим сказать? – не унималась Цзиньлянь. – А то самое. Что? В точку попала!? Были дела – знаю! Он ведь на всех кидается.

– Не слушайте вы, матушка, что злые языки болтают, – вставил Циньтун. – Неровен час, и до Бэня слухи дойдут.

– А что мне от него скрывать! – все больше расходилась Цзиньлянь. – Я и ему, простофиле, прямо в глаза скажу: наставили рога, так тебе и надо! Рогоносец был, рогоносцем и будешь. А то бабу дома оставил, а сам преспокойненько в столицу укатил. Может, думал, она свою манду на замке держать будет? А вы лучше заткнитесь, арестанты проклятые! Вы со своим батюшкой заодно, сводниками ему заделались. Вы же его туда заманили. Лебезить перед ним умеете. Что, не верно говорю?! А еще уверяете, будто я не знаю. Потаскуха

гостинцы вздумала подносить. Старшей паровые пирожки. Извольте, мол. Мало того, меня коробкой семечек одарила. Думала, небось, этими семечками меня купить, рот заткнуть? Она мужиков чужих обхаживать понаторела. Только я ее штучки враз разгадала. Тут же поняла: это ты, Дайань, арестантское твое отродье, с ней в сговор вошел, ты, проклятый, им постель стелил.

– Вы меня убиваете, матушка, – взмолился Дайань. – Да как я в такое дело стал бы вмешиваться! Я у нее и не бывал-то никогда. Матушка, прошу вас, не слушайте вы басурманку Хань. Это, небось, она языком болтает. Из-за ребят переругались, вот зло и срывает. От нее доброго не жди, а зла с три короба выложит. Легче от обвала спастись, чем от злого языка. Верно говорится: всяк внимает, да мало кто отвергает. А по правде сказать, жена Бэня Четвертого – человек добрый. По соседству живем. Она ни старого ни малого не обидит. А кого она только чаем не угощала! И что же! Всякий с ней жил, что ли! Да и живет она скромно – не больно развернешься.

– Видала я эту потаскуху – похотливые глаза! – говорила Цзиньянь. – Сама-то с полчерепицы – коротышка. Впрочем, соедини половинки – выйдет целая. Она глазами своими похотливыми так и водит, так всякого и пожирает. Настоящая шлюха! Они с женой Хань Даого – одного поля ягода. Даже и морда у нее такая же натянутая. Сама не знаю, отчего, только я всякий раз на нее гляжу, когда должна бы отворачиваться.

Во время их разговора явилась Сяюй.

– Вас моя матушка приглашает, – обратилась она к Цзиньлянь. – Бабушка Пань пожаловала. Просит денег за паланкин.

– Да я все время тут, – заявила Цзиньлянь. – Как она могла пройти?

– Я бабушку боковой тропинкой провел, – объявил Циньтун. – Носильщики просили шесть фэней.

– Откуда у меня серебро! – воскликнула Цзиньлянь. – Она будет паланкины нанимать, а ты за нее расплачивайся.

С этими словами Цзиньлянь удалилась в дальние покои, где и встретилась со своей матерью, но в деньгах отказала под предлогом, что у нее нет ни гроша.

– Ну в чем дело! Дай бабушке цянь серебра да в счет запиши, – посоветовала Юэнян.

– Я хозяина на грех наводить не собираюсь, – отвечала Цзиньлянь. – У него все серебро на счету. Мне на покупки выдается, а не на паланкины.

Она села. Большие глаза ее сузились. А носильщики все требовали уплаты. Юйлоу не выдержала и достала из рукава цянь серебра. Носильщиков отпустили.

Немного погодя прибыли старшая и вторая невестки У, а также старшая мать наставница. Юэнян распорядилась подать чай. Бабушка Пань удалилась в покои дочери, где та отчитала ее как следует.

– Если нет денег на паланкин, и сидела бы дома. А то нет, заявляется, видите ли. Себя, что ли показать? Да кому приятно смотреть на старую каргу!

– Откуда ж у меня могут быть деньги, дочка? – говорила в оправдание старуха. – Ты ведь мне ни гроша не дала. Я на подарки-то кое-как наскребла.

– Только и знает у меня деньги выпрашивать. Глаза свои выпучит и кланчит. А где я тебе возьму? Раз нет денег, нечего паланкины нанимать да с визитами разъезжать. Бедной родне не больно-то рады. Не ахти какая особа! И нечего тебе больно на людях выставяться. Говорят, взялся князь Гуань^[1484] бобовым творогом торговать – и сам крут, и творог не укусишь. Терпеть не могу, когда пиздят и воняют. После тебя в прошлый раз я так с ними переругалась. Если б ты знала, по-другому бы рассудила. Кто мы есть? Дерьмо ослиное – только снаружи блеск, а заглянули бы внутрь – тревога и страх.

Тут бабушка Пань расплакалась.

– Матушка, чего это вы нынче бабушку обижаете? – спрашивала Чуньмэй, утешая старую женщину, которая сидела во внутренней

комнате на кане. И горничная тотчас же угостила ее чаем.

Немного успокоившись, старая Пань прилегла на кан и заснула. Она встала, когда ее пригласила в дальние покои супруга У Старшего.

Только к пировавшим присоединился было воротившийся из управы Симэнь, как явился Дайань с визитной карточкой в руке.

– Его сиятельство господин Цзин, назначенный командующим юго-восточного гарнизона, пожаловали с визитом, – объявил он.

Симэнь взял визитную карточку. На ней было выведено:

«Только что назначенный командующим юго-восточного гарнизона и исполняющий обязанности инспектора речных путей комендант Цзин Чжун с нижайшим поклоном свидетельствует свое почтение».

Симэнь велел отодвинуть стол, поспешно облачился в парадное платье, надел шапку и пояс и вышел навстречу гостю.

Командующий Цзин был одет в ярко-красный халат с украшенными единорогами квадратными нашивками и препоясан отделанным золотом поясом. За ним следовала целая свита сослуживцев, писарей и чинов пониже. Симэнь предложил ему пройти в большую залу, где они, обменявшись приветствиями, заняли соответствующие места. Подали чай.

– Намедни назначение получил, – отпив чаю, начал Цзин. – Только что бумаги поступили. Перед вступлением на пост счел своим долгом выразить вам, почтеннейший сударь, мою самую искреннюю благодарность.

– От души поздравляю вас, командующий, с высоким назначением, – говорил Симэнь. – Так и должно было случиться: большому таланту – достойное применение. Приятно, что и меня озаряет блеск вашей славы. А по сему счастливому случаю мне подобает угостить вас и поздравить.

Симэнь предложил гостю снять парадные одеяния и отдохнуть за пиршественным столом. Слугам было велено накрывать стол. Цзин снова начал благодарить Симэня.

– Ваш ученик прибыл только для того, чтобы сообщить вам о назначении, почтеннейший наставник, – говорил он. – Я не нанес еще ни одного визита. Мне предстоят хлопоты. Лучше я приду к вам в другой раз за наставлениями.

Цзин встал. Но Симэнь никак не отпускал его. Он велел слугам помочь гостю раздеться. На сервированном по-весеннему, натертом до блеску столе тотчас появились вино и закуски. В жаровнях горел лучший фигурный уголь. Теплые занавеси были опущены. Из золотого

кувшина струился яшмовый нектар, белыми барашками пенились бирюзовые кубки.

Только налили вино, как явился певец Чжэн Чунь с товарищем и, упав на пол перед Симэнем, отвесили земные поклоны.

– А вы что так поздно? – спросил Симэнь и обратился к Чжэн Чуню: – А это кто с тобой?

– Это Ван Сян, брат Ван Гуй.

– Тогда берите инструменты и спойте батюшке Цзину, – распорядился хозяин.

Немного погодя вышли певцы и, настроив инструменты, запели из цикла «Настало тепло, и небо прояснилось». Слуги внесли два подноса со сладостями и закусками и два жбана вина, чтобы угостить сопровождающих гостя.

– Это уж слишком! – воскликнул Цзин. – Мало того что я причинил вам беспокойство своим визитом, так вы удостаиваете угощения моих подчиненных. Не надо, прошу вас. – И Цзин велел сопровождающим отвесить хозяину земные поклоны.

– На этих днях моя жена была бы искренне счастлива пригласить вашу почтенную супругу полюбоваться фонарями, – начал Симэнь. – Надеюсь, ваша супруга почтит нас своим присутствием. Будут только свои. Ваша супруга, стало быть, и супруга свата Чжана.

– Моя жена почтет за честь получить приглашение, – отвечал Цзин. – Непременно прибудет.

– Я что-то не слышал, получил ли повышение начальник Чжоу, – осведомился Симэнь.

– Как мне говорили, Чжоу Наньсюань в течение трех месяцев должен получить назначение в столицу, – отвечал Цзин.

– Тоже неплохо, – проговорил Симэнь.

Вскоре комендант Цзин откланялся. Симэнь проводил его за ворота. Цзин сел на коня и удалился под крики сопровождавших его гонцов.

Вечером справляли рождение Пань Цзиньлянь. Пировали в дальней зале под музыку и пение певцов. Симэнь встал из-за стола и удалился в покои Цзиньлянь. А Юэнян со старшей невесткой У, матушкой Пань, падчерицей, барышней Юй и двумя монахинями перешла в свои покои.

Цзиньлянь же распорядилась накрыть стол у себя, чтобы наедине угостить Симэня и отвесить полагающиеся поклоны. Немного погодя к ним вошла бабушка Пань. Цзиньлянь проводила мать на ночлег в покои Ли Пиньэр, а сама продолжала пировать и смеяться с Симэнем,

после чего они сплелись в любовных утехах.

Бабушка Пань между тем нашла в покоях Пинъэр кормилицу Жуи и горничную Инчунь. Они усадили гостью на теплый кан. В гостиной прямо напротив нее перед дщицей усопшей хозяйки было расставлено множество жертв. Рядом с печеньями, украшенными изображениями львов, восьми бессмертных и пяти старцев^[1485] лежали свежие отборные плоды: апельсины, яблоки и хуэйчжоуские груши, а также паровые пирожки с фруктовой начинкой и сладости, жареные баранки и пряники. Из курильниц струился фимиа, горели ароматные свечи. На отороченном золоченой бумагой жертвенном столе стояла неугасимая лампада. Сбоку висел портрет почившей. Она была в ярко-красной расшитой золотом накидке, из под которой виднелись парчовая юбка и узорная кофта. Старая Пань поклонилась перед убранной жемчугом дщицей.

– Ты вознеслась на Небо, сестрица, и там обрела спасение, – проговорила она и, усевшись на кан, обратилась к Жуи и Инчунь. – Довольна ваша матушка. Вон как заботится о ней хозяин, какие щедрые жертвы приносит. Да, счастливая она!

– Позавчера сотый день правили, – объяснила Жуи. – Ведь и вас, бабушка, приглашали. Что ж вы не пришли? Тетушка Хуа Старшая за городом живет и то пожаловала. И госпожа У Старшая приходила. Двенадцать монахов панихиду служили. Какое было торжество! Душу усопшей провожали по воде и через огонь. Только под вечер разошлись.

– Время-то, дочки, теперь праздничное! Малыша дома одного не оставить, а присмотреть некому. Вот и пришлось домовничать. А что, вы мне скажите, с золовущкой Ян? Что-то я ее не вижу.

– Да вы разве не слыхали, бабушка? – удивилась Жуи. – Тетушка Ян скончалась. До нового года еще. Матушки на Северную окраину хоронить ездили.

– Как прискорбно! – воскликнула Пань. – Она постарше меня была. Не знала, что она, матушка, от нас ушла. Так вот почему ее и нет сегодня.

– Бабушка! – после разговора о золовке Ян, обратилась Жуи. – Сладкого винца чарочку пропустите, а? – И кормилица наказала Инчунь. – Неси прямо на кан. Бабушку угостим.

Вскоре горничная подала вина и закусок. Во время трапезы Пань опять вспомнила Ли Пинъэр.

– Вот была человек, ваша матушка! – говорила она. – Милосердная и справедливая. А сколько душевной теплоты к людям! Приду бывало,

так она не знает, как и принять старуху, чем угостить. А откажешься – обижается. Сядет бывало рядом со мной, целую ночь напролет разговоры ведет. А домой начнешь собираться, так она гостинцев завернет. Ни за что с пустыми руками не отпустит. Признаться, дочки мои, вот и эту накидку мне ваша матушка, покойница, подарила. А своя, родная дочь – хуже лиходейки. Иголки ломаной не выпросишь. Право слово, как перед богом говорю. И пусть он отымет у меня глаза на этом самом месте, ежели я лгу. Не будь у меня маковой росинки во рту, она все равно гроша матери не даст. А когда матушка ваша бывало даст чего, так она отругает: где, мол, у тебя глаза, бесстыжая, как ты на чужое заришься. Вот и нынче из-за паланкина ругань подняла. А ведь все деньги в ее руках. Чтобы заплатить за старуху, так нет. Стиснула зубы и ни в какую. Твердит: нет у меня серебра и все тут. Тогда не выдержала матушка из западного флигеля, дала цань серебра и отпустила носильщиков. А как она на меня набросилась потом, у себя в покоях! Если, кричала, есть деньги на паланкин, нанимай, а нет, нечего и показываться. Больше я к вам ходить не буду. А то опять на нее нарвешься. Ну да пусть живет, как знает. Есть на свете злые люди, но таких, как моя непутевая, вряд ли найдешь. Вот попомните старуху, дочки. Меня тогда на свете не будет, но если она не прислушается к советам, не знаю, что ее ждет впереди. А ведь как сейчас помню: семь годков тебе вышло, когда отца твоего не стало. Как я берегла тебя! С малых лет рукоделью научила, потом к сюаю Юю повела. Там ты с девочками грамоте обучалась. Как я старалась свивала тебя, чтобы была ты стройная и красивая. Родилась ты умной и смышленной. А теперь вон до чего дошла. На мать с криками и попреками. Ласково не взглянешь.

– Значит, матушка Пятая в школу ходила? – переспросила Жуи. – Так вот она откуда та грамоту знает.

– Семи лет она у меня в девичью школу была отдана, – подтвердила Пань. – Три года училась. Все прописи прошла. В стихах и песнях она тебе любое слово разберет.

Тем временем в саду скрипнула калитка.

– Кто-то идет, – сказала Жуи и обернулась к Сючунь. – Ступай взгляни.

– Сестрица Чуньмэй идет, – сказала вернувшаяся Сючунь.

– Будьте осторожней, бабушка! – взяв за руку старую Пань, предупредила Жуи.

– Знаю, – отвечала та. – Она с моей лиходейкой в одну ногу шагает.

Вошла Чуньмэй. Ее прическу-тучу, украшенную перьями

зимородка и цветами, стягивал осыпанный жемчугом позолоченный по краю ободок. На ней были соболья горжетка, голубая шелковая кофта с застежкой и из желтого узорного шелка юбка. В ушах красовались золотые серьги-фонарики.

– А вы еще не спите, бабушка? – спросила она старую Пань, сидевшую в компании горничных и кормилицы. – Я вас зашла проведать.

Жуи предложила ей сесть, и Чуньмэй, приподняв подол, расселась на кане. Рядышком с ней разместилась Инчунь, по правую руку на краю кана – Жуи. Старая Пань сидела посреди кана.

– А твой батюшка с матушкой легли? – спросила Пань.

– Только что из-за стола, – отвечала Чуньмэй. – Я их спать уложила, а сама к вам. У меня для вас, бабушка, кувшин вина и разные закуски приготовлены. – Чуньмэй обернулась к Сючунь. – Ступай скажи Цюцзюй. Она принесет. Я там припасла.

Сючунь удалилась, а немного погодя появилась Цюцзюй с коробом закусок. Сючунь несла оловянный кувшин чжэцзянского вина.

– Ступай к себе, – наказала Чуньмэй служанке Цюцзюй. – Если меня позовут, скажешь.

Цюцзюй, надувшись, пошла восвояси. На кане появилось вино, а к нему обильная снедь: жареная утка, окорок, копченный гусь, соленая и маринованная рыба, орехи, всевозможные острые приправы, медовое печенье и деликатесы моря. Сючунь заперла калитку и, вернувшись, встала около кана. Подали подогретое вино. Первую чарку Чуньмэй поднесла бабушке Пань, вторую – Жуи и третью – Инчунь. Сючунь сидела у кана сбоку. Во время пира Чуньмэй старательно ухаживала за бабушкой Пань, подкладывая ей в тарелку закуски.

– Вот, бабушка, это нетронутая закуска, говорила она. – Откушайте.

– Я ем, дочка моя, ем, – говорила Пань. – Вот так бы матушка твоя меня принимала. Есть у тебя, дочка, жалость и любовь к одиноким и старым. За это будет тебе в грядущем счастье, чего не скажешь о моей лиходейке. Нет у нее ни сердца, ни чувства долга. Сколько раз я уговаривала ее образумиться, но она так набрасывалась, что меня дрожь пробирала. Вот и нынче. Ты сама была свидетельницей, дочка. Я ведь пришла в надежде, что она хоть обедками какими накормит, а что я получила!?

– Не говорите так, бабушка, – заявила Чуньмэй. – Вам, бабушка, известно одно, но неизвестно другое. Матушке моей за свое положение бороться приходится. Не может она мириться, чтобы ее другие себе

подчинили. Не равняйте вы ее с покойной матушкой Шестой. Та богатая была, большие деньги имела, а у моей матушки ни гроша за душой. Вы вот говорите: она, мол, не дает. Кто-кто, а я-то лучше знаю. Да, верно, батюшка немалые суммы у моей матушки в покоях держит. Только она на них никогда не позарится. Когда же ей понадобится украшения какие купить или наряды, она открыто и честно у батюшки спросит. Никогда украдкой не возьмет. Возьмешь, говорит, а потом что скажешь, как на людях покажешься. Нет у нее денег, и зря вы, бабушка, на нее обижаетесь. Я не собираюсь за нее заступаться, но если судить, то судить по справедливости.

– Да, напрасно вы обиделись на матушку Пятую, – поддержала ее Жуи. – Как говорится, дитя родное – своя кость и плоть. Будь у матушки Пятой деньги, кого бы она одарила, как не мать родную. Угоди, говорят, матери, и зардеет она от радости, точно персик в цвету. А вас не станет, бабушка, тогда матушка Пятая, как и мы, сироты, лишится самого близкого и родного человека.

– Я, дочки, одним днем живу, на будущее не загадываю, – отвечала старуха. – Не сегодня, так завтра смерть подступит. И на дочь свою я не в обиде.

Заметив, как под действием вина расчувствовалась старая Пань, Чуньмэй крикнула Инчунь.

– Поддай-ка кости, сестрица, – наказала она. – Давайте сыграем «кто больше наберет», а?

Служанка подала шкатулку с сорока костями. Сперва Чуньмэй играла с Жуи, потом с Инчунь. Каждой пришлось осушить по штрафной. Так, чарка за чаркой, они захмелели, и на их лицах заалели персика цветы. Когда оловянный кувшин был пуст, Инчунь принесла полкувшина вина феи Магу. Выпили и его. Время близилось ко второй ночной страже. Опыневшую Пань от дремоты качало из стороны в сторону. Тут они и разошлись.

Чуньмэй направилась к себе. Она открыла калитку и, пройдя через внутренний дворик, заметила в гостиной служанку Цюцзюй. Та забралась на скамейку и в шелку подглядывала в комнату рядом, где предавались утехам Симэнь и Цзиньлянь. Цюцзюй была целиком поглощена подслушиванием того, что они шептали друг другу, когда к ней подскочила Чуньмэй.

– Ты чего тут подслушиваешь, арестантка проклятая, а?! – закричала Чуньмэй и наградила служанку звонкой затрещиной. – Убить тебя мало, негодяйка.

– Чего подслушиваю? Задремала я, – тараша глаза, проговорила

Цюцзюй. – Чего ты пристаешь!

Их услышала Цзиньянь.

– С кем ты там? – спросила она Чуньмэй.

– Я одна, – отвечала Чуньмэй. – Велю вон ей калитку запереть, а она ни с места.

Так Чуньмэй не выдала Цюцзюй, и та, протирая глаза, пошла запира́ть калитку. Чуньмэй же забралась на кан, сняла головные украшения и легла спать, но не о том пойдет речь.

Да,

Заплачет иволга беспечная,
что день рассветный луч утратил.
Кукушка, птица бессердечная,
и та тоскует на закате.

Тем и кончился этот день, а на другой день по случаю рождения Цзиньянь прибыли жены приказчиков Фу, Ганя и Бэнь Дичуаня, жена Цуй Бэня – Дуань Старшая, жена У Шуньчэня – Чжэн Третья и жена У Второго. Симэнь же вместе с шурином У Старшим и Ин Боцзюэ, одетые в парадные платья, гордо подняв головы, вскочили на коней и, окриками разгоняя зевак, отбыли на пир к тысяцкому Хэ.

На пиру собралось множество чиновных гостей, которых услаждали четыре певицы и группа забавников. Среди приглашенных был и столичный воевода Чжоу. Пир продолжался до вечера. Симэнь, вернувшись, направился в передние покои, где провел ночь с Жуи.

Десятого женам чиновников были разосланы приглашения на пир по случаю праздника фонарей.

– На пир двенадцатого числа надо бы пригласить свояченицу Мэн Старшую и из-за города мою старшую сестру, – обратилась Юэнян к Симэню. – А то потом узнают, обидятся, что не позвали.

– Ты бы раньше сказала, – заметил Симэнь и велел Чэнь Цзинци написать еще два приглашения, а Циньтуну отнести их.

Подозрительная Цзиньянь, услышав их разговор, пошла к себе и настояла, чтобы мать собиралась домой.

– Что это вы так торопитесь, бабушка? – спрашивала ее Юэнян. – Погостили бы у нас.

– Праздники, сестрица, а дома ребенка не на кого оставить, – пояснила Цзиньянь. – Ей лучше домой пойти.

Тогда Юэнян сейчас же преподнесла старухе две коробки сладостей и гостинцев к чаю, а помимо того дала цянь серебра на паланкин. После угощения Юэнян вышла проводить старую Пань.

– На праздничный пир она только богатых родственников приглашает, – обращаясь к Ли Цзяоэр, говорила Цзиньянь. – А мою старуху поскорее бы выпроводить, чтобы глаза не мозолила. Чего ей тут делать! Гостьей не назовешь – одета бедно, на кухарку тоже вроде не похожа. Только раздражение вызывать ...

Симэнь отправил Дайяня с четырьмя приглашениями. Одно было адресовано госпоже Линь, другое – госпоже Хуан, супруге Вана Третьего. Одно приглашение слуга передал в заведение певицам Ли Гуйцзе, У Иньэр, Чжэн Айюэ и Хун Четвертой, а последнее – певцам Ли Мину, У Хуэю и Чжэн Фэну.

В тот же день из Восточной столицы неожиданно воротил Бэнь Дичуань. После того как умылся, причесался и переоделся, он поспешил к Симэню. Отвесив земные поклоны, вручил хозяину ответ от начальнику императорского эскорта Ся.

– Чего ты там до сих пор делал? – спросил его Симэнь.

Бэнь Дичуань рассказал, как он подхватил в столице кашель и простуду.

– До второго числа пролежал, – говорил он. – Его превосходительство Ся просили вам кланяться и поблагодарить за хлопоты и заботу.

Симэнь, как и уговорились, опять отдал ему ключи от шерстяной лавки, а в шелковой оставил шурина У Второго.

– Со дня на день корабли с товарами из Сунцзяна^[1486] прибыть должны, – пояснял он. – Товар на Львиной сложим. Шурина Лайбао в помощники поставлю, а ты мастеров найми. Надо будет две рамы потешных огней соорудить. Двенадцатого зажжем. Пусть гости полюбуются.

Симэнь еще накануне пригласил Ин Боцзюэ, Се Сиды, шурина У Старшего и Чан Шицзе. Хозяин сидел во флигеле, когда под вечер Ин Боцзюэ привел с собой Ли Чжи. Первым делом Ли Чжи поблагодарил Симэня за поддержку и содействие, оказанные ему в прошлом. Гости сели. После чаю заговорил Ин Боцзюэ.

– Вот привел брата Ли Третьего, – начал он. – Насчет одного подряда поговорить хочет. Не знаю, будешь снимать или нет.

– А что за подряд? – спросил Симэнь. – Говори.

– Видите ли, в Восточной столице от имени императорского двора выпущено предписание, – объяснял Ли Чжи. – В нем предусматриваются поставки двору предметов старины на десятки тысяч лянов серебра от каждой из тринадцати провинций Поднебесной. Нашей области Дунпин по разверстке сдается подряд на

двадцать тысяч лянов. Официальный приказ еще не спущен. Он находится пока у цензора. Чжан Второй с Большой улицы собирается откупить подряд и готов представить двести лянов залога. Ожидаются, по общему мнению, солидные барыши – до десяти тысяч лянов. Вот мы с дядей Ином и пришли посоветоваться с вами, батюшка. Если вы будете согласны вступить в сделку на равных с Чжаном паях, тогда и ему и вам, батюшка, надо будет выложить по пять тысяч лянов, и весь подряд ваш. Помощниками вас будем, стало быть, мы с дядей Ином и Хуан Четвертый. Чжан возьмет в помощники двоих приказчиков. Барыши делятся из расчета двадцати процентов к восьмидесяти. Каково будет ваше мнение, батюшка?

– О каких предметах старины идет речь? – спросил Симэнь.

– Вы, конечно, знаете, что в Императорском граде при дворе сооружена недавно гора Гэнь-юэ, – объяснял Ли Чжи. – Она теперь переименована в Вершину Долголетия. На ней будут возведены всевозможные беседки, террасы, палаты и павильоны. Строятся там дворец Драгоценных реестров царства Высшей Чистоты,^[1487] зала Встречи с истинносущими, храм Духа звезды Сюань,^[1488] а также гардеробная палата любимой государевой наложницы Ань. И всюду должны быть редкие птицы и диковинные животные. Тут и там расставлены будут шанские треножки и чжоуские жертвенные сосуды,^[1489] ханьские печати,^[1490] и циньские курильницы^[1491] каменные барабаны эпохи Сюань-вана^[1492] и антикварные предметы различных времен и эпох, блюда на ладонях бессмертных для собирания сладкой росы^[1493] и прочие редчайшие изделия старины. Грандиозное задумано предприятие! Огромных денег стоит.

– Этот подряд мы со своими компаньонами, пожалуй, сумеем выполнить, – прикидывал Симэнь и продолжал. – Да, я сам его сниму. Что я не в состоянии десять или двадцать тысяч серебра выложить, что ли?!

– Если б вы одни сняли, батюшка, было бы еще лучше, – поддержал Ли Чжи.

– Тогда мы им ни слова не скажем. И сами управимся. Дядя Ин да нас двое, больше никого.

– Там, ближе к делу, Бэня Четвертого привлечем, чтобы был у вас на посылках, – заметил Симэнь и обратился к подрядчику. – Так где, говоришь, приказ-то?

– Пока что у цензора, – отвечал Ли Чжи.

– Тогда волноваться нечего, – говорил Симэнь. – Пошлю Сун Суньюаню письмо с подарочками и попрошу, чтобы мне его направил.

– Но тогда поторопитесь, батюшка, – настаивал Ли Чжи. – Как говорят, война по расторопности оценивают. Кто раньше сварит, тот раньше и поест. Не опоздать бы! Не передали бы в область. Там сейчас же перехватят.

– Не бойся! – Симэнь улыбнулся. – Пусть передают. Попрошу Сун Сунъюаня, он ради меня назад заберет. Да и с правителем Ху я знаком.

Симэнь оставил Ин Боцзюэ и Ли Чжи отобедать вместе с ним.

– Значит, завтра надо будет письмо с посыльным отправить, – говорил за обедом Симэнь.

– Видите, дело-то какое, – вставил Ли Чжи. – Вы господина цензора сейчас у себя не найдете. Они третьего дня с инспекцией а Яньчжоу отбыли.

– Тогда завтра же отправляйся с моим слугой в Яньчжоу, – предложил Симэнь.

– Ничего, я готов, – отвечал Ли Чжи. – Поездка туда и обратно займет дней пять-шесть. А кого вы собираетесь мне дать в попутчики, батюшка? Я бы насчет письма договорился. Он у меня бы заночевал, чтобы завтра пораньше выехать.

– Цензор Сун никого из моих слуг не знает, – говорил Симэнь. – Ему, помнится, приглянулся Чуньхун. Вот Чуньхун и Лайцзюэ и поедут. Двоих пошлю.

С этими словами Симэнь вызвал обоих слуг. Они договорились ночевать у Ли Чжи.

– Ну вот и прекрасно! – воскликнул Боцзюэ. – Куй железо пока горячо. Да прибудет тому, кто дюже талантлив и на ногу скор.

Боцзюэ и Ли Чжи пообедали и откланялись. А Симэнь велел Чэнь Цзинцзи тотчас же составить письмо, которое запечатал вместе с десятью ляннами листового золота.

– Смотрите, в пути будьте поосторожней! – передавая пакет Чуньхуну и Лайцзюэ, наказывал Симэнь. – Как только получите бумагу, сразу домой скачите. Если же окажется, что бумага спущена, попросите господина Ся, чтобы он распорядился выдать ее в управлении.

– Не беспокойтесь, батюшка, – пряча пакет, отвечал Лайцзюэ. – Я ведь у советника Сюя в Яньчжоу служил, знаю.

Слуги ушли ночевать к Ли Чжи. Не будем говорить, как они с Ли Чжи наняли рано утром одиннадцатого лошадей повыносливее и отбыли в Яньчжоу.

Расскажем пока о Симэне. Двенадцатого должны были пировать знатные гости. Симэнь оставался дома. Под вечер он пригласил

шурина У Старшего, Ин Боцзюэ, Се Сиды и Чан Шицзе. Они любовались фонарями за пиршественным столом в крытой галерее.

Еще утром пришли актеры, принадлежащие императорскому родственнику Вану. Они принесли с собой корзины с костюмами, и передний флигель, им отведенный, превратился в артистическую уборную.

Стали прибывать гости. Их встречали гонгами и барабанами. Супруга столичного воеводы Чжоу из-за болезни глаз не могла воспользоваться приглашением, о чем доложил прибывший от нее слуга. Первыми пожаловали супруги коменданта Цзина, командующего Чжана и квартального Юня, матери сватов Цяо и Цуя, свояченицы У Старшая и Мэн Старшая. Ожидался приезд супруги тысяцкого Хэ, госпожи Линь и супруги Вана Третьего, госпожи Хуан. Симэнь раза три посылал за ними дежурных солдат, Дайяня и Циньтуна. Поторопить их просили и тетюшку Вэнь.

Наконец-то в полдень появился большой паланкин госпожи Линь, за которым следовал малый. После взаимных приветствий гостья пожелала поклониться хозяину.

– А почему мы лишены возможности лицезреть вашу невестку, сударыня? – спросил Симэнь.

– Сынок у меня в отъезде. Дома некого оставить, – отвечала Линь и поклонилась.

Все еще ждали супругу тысяцкого Хэ. Ее огромный четырехместный паланкин появился только пополудни. За ним следовал малый паланкин со служанкой. Солдаты, ее сопровождающие, несли на коромысле корзину с нарядами. Двое слуг крепко держали паланкин. Гостья вышла из него только у внутренних ворот. Ее встречали ударами в гонги и барабаны.

К внутренним воротам навстречу почетной гостье поспешили У Юэнян и остальные хозяйки. Симэнь, притаившись в западном флигеле, украдкой любовался ею из-за опущенной занавески.

Госпоже Лань было никак не больше двадцати лет. Высокая и стройная, она казалась нефритовым изваянием в пышном наряде. Перья зимородка и жемчуг щедро украшали ее прическу, придерживаемую парой парящих фениксов-шпилек. Одета она была в карминовый узорный халат, богато расшитый вплоть до рукавов, который переливался всеми цветами радуги. На нем красовались четверо животных^[1494] с единорогом и пояс с бляхами из голубовато-зеленого нефрита в золотой оправе. Из-под расходящихся пол ее платья была видна расшитая цветами голубая парчовая юбка. Каждый

ее шаг сопровождался мелодичным звоном яшмовых подвесок и брелков. От нее исходил густой аромат мускуса и орхидей.

Только поглядите:

Собою женственна и миловидна, держится легко и грациозно, в общении кокетлива, смышлена. Сложенья идеального: не высока и не низка. Изящно тонки два серпика чарующих бровей. Они сливаются с локонами на висках. Взор фениксовых глаз ее пленит, толпой поклонники за нею следовать готовы. Нежный льется голосок ее, похожий на трели иволги в пору восхода солнца. Тонкая колеблется талия ее, напоминающая ветви ветлы или плакучей ивы во время дуновенья ветерка. То верно: в роскоши и неге рождена. Затмит свою безграничной расточительностью всех. Росла она средь бирюзы и груд жемчужных. Ей идут к лицу прически особые. Будто яблони повсюду распустились. И не спрашивай, сколько за ночи сережек ивы и пуха тополиного заносит ветром. А какова она, не знаете, в делах любовных? Хотя б позволила отведать половину ее страсти. Чтобы дала собой полюбоваться не только через штору в окне, залитом лунным светом. Как бы склонить ее к любви, отдать ей весь сердечный пыл. Тогда бы свежий ветер налетел, и полог расшитый в сторону отвернуло. Легко ступая шажками лotosовых ножек, явилась бы она. Игрива, словно фея цветов, чью юбку развеивает ветер. Манерами похожа на Гуаньинь, милосердия богиню, какою ее нам воображение рисует.

Да,

Подобную красу цветком готов наречь я,
Что наделен еще пленительною речью.
С нефритом бы сравнил ее очарованье,
Что источает дивное благоуханье.

Если бы не увидел ее Симэнь, все бы шло своим чередом. А тут воображение его унеслось за пределы земные, мечтами витал он в небесах. Невозможность близости удручала его.

Юэнян и остальные жены, встретив гостью, проводили ее в дальнюю залу, куда после знакомства и взаимных приветствий был приглашен Симэнь Цин.

Хозяин, не проронив ни слова, тотчас же надел парадный халат с шапочкой и приветствовал ее поклонами. Гостья походила на яшмовое деревцо из волшебной рощи бессмертных, на нисшедшую в мир суеты божественную деву Уских гор. Когда она склонилась в приветствии, у Симэня забилося сердце и помутился взор. Он едва сдерживал себя.

После приветствий он удалился.

В крытой галерее, где на столе были расставлены редчайшие яства, хозяйки предложили госте чаю. Потом все проследовали в большую дальнюю залу. Там их ожидали деликатесы суши и моря, красовавшиеся на обширных пиршественных столах, со всех сторон укрытых экранами Ши Чуна^[1495] и многостворчатыми парчовыми ширмами. Высоко под потолком горели разрисованные фонари, свисали разноцветные шнуры. Над столом под резными балками на узорных лентах была низко подвешена огромная, как шатер, люстра, ярко освещавшая залу множеством цветных свечей. Переливался жемчуг, и казалось, резвятся рыбки и извиваются драконы. В глазах рябило от скопления бирюзы в чертоге. Слева взор ласкали ряды красавиц на портретах большого мастерства, а справа – звездные феи, все в золоте и голубом нефрите. Подавали печень дракона и мозги феникса, медвежьи лапы и верблюжьи горбы. Под аккомпанемент черепаховых барабанов играли на узорных и серебряных цитрах, фениксовых свирелях и слоновой кости флейтах, отчего замирали птицы в полете и останавливались плывущие в небе облака. А какие обворожительные красавицы пировали! Сверкали и колыхались жемчуг и бирюза. Певцы пели о счастье встреч после разлуки, о радости после печали.

Да, каким же

Вином две Мифэй угощали гостей,^[1496]

Несли две Чангэ яства, царских вкусней.

Госпожа Линь заняла почетное место. Актеры представляли пьесу «Крошка Тяньсян возносит полуночную молитву Всевышнему».^[1497] После двух сцен они удалились. Ли Гуйцзе, У Иньэр, Чжэн Айюэ и Хун Четвертая исполнили праздничный романс «В воздух поднялись узорно расшитые фонари». Раньше других откланялась супруга У Старшего, потому что жила она за городскими воротами.

В крытой галерее, отдельно от женщин, пировали Симэнь, шурин У Старший, Ин Боцзюэ, Се Сиды и Чан Шицзе. Им пели Ли Мин, У Хуэй и Чжэн Фэн. Хозяин то и дело выходил из-за стола, чтобы заглянуть в залу, недалеко от которой угощали слуг и провожатых, но не о них пойдет речь.

Да, читатель, как непостоянно полнолуние, так же легко рассеиваются лазоревые облака. В мгновение высшей радости подкрадывается печаль. Таков закон природы. Симэнь только и знал стремиться к славе и выгоде, был необуздан и сластолюбив. Невдомек

ему было, что природа не терпит излишеств, не выносит надменных, а потому истекал его срок, имя его уже вписывалось в реестры царства тьмы.^[1498] Вот почему не успели зажечь фонари и допеть праздничные песни, а Симэнь Цин клевал носом. Боцзюэ старался застольными играми расшевелить хозяина.

– Что с тобой нынче, брат? – спрашивал он. – Почему такой невеселый?

– Я плохо спал, – отвечал Симэнь. – Вот и дремлет. И вялость какая-то. Сам не знаю, что случилось.

Пришли четыре певицы. Боцзюэ велел им спеть романс о фонарях и поухаживать за гостями. Хун Четвертая и Айюэ запели под цитру и лютню, а Иньэр и Гуйцзе обнесли пирующих вином.

Пир был в самом разгаре, когда явился Дайань.

– Госпожа Линь и супруга батюшки Хэ отбывают, – объявил он.

Симэнь выскочил из-за стола и, пробираясь в тени, встал у внутренних ворот, откуда подглядывал, как они садятся в паланкины. Их провожали все хозяйки во главе с Юэнян. Проследовав за ворота, они попали во внутренний двор, где стали любоваться огнями.

Госпожа Лань была в отороченной соболем и расшитой золотом карминовой накидке, из-под которой виднелась расшитая золотом бледно-голубая юбка. Госпожа Линь была тоже в отороченной соболем белой шелковой накидке на застежке и ярко-красной юбке. На поясе у нее звенели золотые брелоки и яшмовые подвески.

Им помогли сесть в паланкины, и они отбыли, сопровождаемые слугами с фонарями в руках.

Симэнь, глотая слюнки, прямо-таки пожирал ненасытными глазами госпожу Лань. Ему не терпелось тут же овладеть ею. Когда же она исчезла из виду, он, чтобы остаться незамеченным, пошел тропинкой назад. И надо ж было тому случиться! Чему, говорят, быть, того не миновать. После пира, когда гости разъехались, из дальних покоев возвращалась жена Лайцзюэ. Она уже хотела было открыть дверь, как наткнулась на Симэня. Укрыться ей было некуда. Симэнь же, надобно сказать, давно уж приметил эту смазливую молодуху. Кокетством она, правда, уступала Сун Хуэйлянь, но ее можно было поставить вслед за нею.

Симэнь, будучи навеселе, обнял ее обеими руками и поцеловал, когда они вместе вошли в помещение. А жена Лайцзюэ еще в бытность свою служанкой в доме императорского родственника Вана водила пашни с хозяином. После ряда скандалов ее оттуда выпроводили. И вот теперь ей опять представился случай. Она запустила свой язык

Симэнь в рот. Они сбросили верхнюю одежду, спустили штаны, разделись и легли на край кана. Женщина подняла ноги, и Симэнь Цин с наслаждением вознесся над ней.

Да,

Коли с Инъин не удалось свиданье,

Рад и с Хуннян он утолить желанье.

Тому свидетельством стихи:

В яшме кубка смешались луна и лампада,

Чистый луч на Люйчжу^[1499] отражением падал.

Хоть, конечно, мужчина имеет жену,

Но невольно под тутами ищет Лофу.^[1500]

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

СИМЭНЬ ЦИНА ОТ

НЕОБУЗДАННОГО

СЛАДОСТРАСТИЯ СОКРУШАЕТ

НЕДУГ

У ЮЭНЯН ПРОИЗВОДИТ НА

СВЕТ СЫНА, В ТО ВРЕМЯ КАК

МУЖ ЕЕ ЛЕЖИТ НА СМЕРТНОМ

ОДРЕ

*Постоянство — редкость и среди
достойных.*

Но не жди, что вечно будешь безнаказан.

*Много ль у порочных в жизни дней
спокойных!*

Вечно ты к утехам думами привязан.

От услад безмерных наживешь недуги.

*Чем сильнее страсти, тем страшней
расплата.*

Заболев, лекарства ищешь ты в испуге,

Исцеленье жаждешь... Только поздновато.

Это восьмистишие, принадлежащее кисти Шао Яофу,^[1501] говорит о том, что природа, согласная небесному пути-дао, добра и сулит человеку счастье, духи же, добрые и злые, нетерпимы к крайностям и ненавидят надменных. Кто творит добро, к тому приходит счастье, кто сеет зло, того постигают беды. Ведь Симэнь Цин признавал, что

совращает чужих жен и дочерей, но не подозревал о близкой кончине. Так и в тот день. Соблазнив шедшую садовой тропинкой жену Лайцзюэ, он вернулся в крытую галерею и присоединился к пировавшим шурина У Старшему, Ин Боцзюэ, Се Сиды и Чан Шицзе.

Супруги командующих Цзина и Чжана, матери сватов Цяо и Цуя, свояченица У Старшая и невестка У Старшая, а также Дуань Старшая дождались, когда подали праздничные пирожки, и откланявшись, отбыли в паланкинах. Жена У Старшего с женою У Шуньчэня, своей снохой, уехали раньше.

Чэнь Цзинци проводил актеров из дома императорского родственника Вана, наградив их двумя лянми серебра и угостив вином и закусками. Четыре певицы и певцы продолжали петь в крытой галерее.

– Завтра у брата Хуа Старшего день рождения, – обращаясь к Симэню, заговорил Боцзюэ. – Ты подарки посылал?

– Утром еще, – отвечал Симэнь.

– Батюшка Хуа с Лайдином приглашение прислал, – вставил Дайань.

– Ты идти собираешься, брат? – продолжал Боцзюэ. – Я бы за тобой зашел.

– Завтра видно будет, – говорил Симэнь. – Ты лучше меня не жди, Я, может, попозже зайду поздравить.

Певицы удалились к хозяйкам. Вошли певцы во главе с Ли Мином. Симэнь продолжал дремать в кресле.

– Устал ты за эти дни, зятюшка, – говорил шурина У Старший. – Хватит. Нам пора.

Он встал, но Симэнь никак не хотел его отпускать. Разошлись, когда настала вторая ночная стража.

Симэнь первыми отпустил четырех певиц, отбывших в паланкинах, потом поднес по две больших чарки певцам и одарил их шестью цянями серебра. Перед их уходом он окликнул Ли Мина:

– Пятнадцатого я приглашаю господ Чжоу, Цзина и Хэ, так что приходите пораньше и четырех певиц зовите. Да не опоздайте смотрите!

Ли Мин отвесил земной поклон.

– А каких певиц вы намерены звать, батюшка? – спросил он.

– А ты от Фаня и Цинь Юйчжи, – говорил Симэнь. – Потом, помнишь, у батюшки Хэ пели две? Одну зовут Фэн Цзиньбао, а другую Люй Сайэр. Их позови.

– Есть! – отозвался Ли Мин и опять поклонился в ноги.

Симэнь направился в покои Юэнян.

– Госпоже Линь и супруге господина Цзина понравилось у нас! – говорила Симэню Юэнян. – Госпожа Цзин не раз благодарила меня на пиру. Без поддержки батюшки, говорит, мой муж не получил бы такого солидного поста. Мы, говорит, постоянно будем помнить оказанную милость. Скоро, говорит, муж выезжает в верховья реки Хуай, будет инспектировать перевозки хлеба. А госпожа Хэ, знаешь, подвыпила. Ей сестрица Шестая очень понравилась. Я ее в сад водила. Мы на гору взбирались видом полюбоваться. И певиц она щедро наградила.

Симэнь остался у Юэнян. Ей среди ночи приснился сон, который она рассказала ему, когда рассвело.

– Может, оттого что госпожа Линь была в ярко-красном бархатном платье, – говорила Юэнян, – мне приснилось, будто сестрица Ли достала из сундука точно такое платье и одела меня. Но сестрица Пань отняла у меня и надела на себя. Это меня вывело из терпения. Ты, говорю, шубу ее забрала, теперь платье отбираешь? Тогда она взяла да разорвала на себе платье. Я на нее закричала, началась ругань, и я проснулась. Оказалось, это был сон.

– Ну вот, ты и во сне-то из себя выходишь да ругаешься, – заметил Симэнь. – Не волнуйся! Я принесу тебе точно такое платье. Ведь о чем мечтаешь на яву, то и снится.

На другой день Симэнь встал с тяжелой головой. В управу ехать ему не хотелось. Он умылся, причесался и, одевшись, направился в кабинет, где сел подле горящей жаровни. Тем временем Юйсяо пошла к Жуи. Та отцедила ей полкувшинчика молока, и горничная принесла его хозяину, чтобы дать со снадобьем. Симэнь лежал на кровати. Ван Цзин массажировал ему ноги. Заметив Юйсяо, слуга вышел. Горничная дала хозяину снадобье, и тот протянул ей пару позолоченных шпилек и четыре серебряных кольца, наказав отнести жене Лайцзюэ. Такое поручение сразу напомнило горничной жену Лайвана. Стало быть, и с этой хозяйин тем же занимается, подумала она, и, поспешно спрятав подарки в рукав, отправилась исполнять хозяйскую волю.

– Приняла, через день придет поклониться батюшке, – доложила она по возвращении и, забрав пустой кувшинчик, удалилась в покои Старшей хозяйки.

– Батюшка лекарство принял? – спросила ее Юэнян. – Что он там, во флигеле, делает?

– Мне ничего не сказали, – отозвалась горничная.

– Приготовь рисового отвару, – распорядилась хозяйка.

Время близилось к обеду, но Симэнь не появлялся.

Ван Цзин, надобно сказать, принес от своей сестры Ван Шестой пакет и потихоньку передал его Симэню с приглашением навестить сестру. Симэнь развернул бумажный пакет. В нем лежали прядь черных как смоль, умощенных до блеску волос и обтянутая разноцветной бархоткой подпруга единения сердец с двумя парчовыми лентами, которыми ее привязывали, приспособляя к самому основанию живого веника. И какой тонкой работы были эти безделки! В пакете лежал также расшитый узорами лиловый мешочек, на котором золотыми нитями была вышита пара уток-неразлучниц. В мешочке были тыквенные семечки. Обрадованный Симэнь долго любовался подарком, потом положил мешочек на книжную полку, а подпругу спрятал в рукав. Он был погружен в задумчивость, когда, отдернув дверную занавеску, в кабинет неожиданно вошла У Юэнян.

– Что ты тут делаешь? Почему не идешь? – спрашивала она.

Симэнь лежал на кровати. Над ним склонился Ван Цзин, массажировавший ему ноги.

– Тебе рис приготовили, а ты не идешь, – продолжала Юэнян. – Скажи, что с тобой? Почему ты такой скучный?

– Я и сам не знаю почему, – отвечал Симэнь. – Только мне что-то не по себе. И в ногах ломота.

– Должно быть, весна действует. После лекарства тебе полегчает.

Юэнян пригласила его к себе и дала рисовой каши.

– В такие праздники веселиться полагается, – продолжала она. – Нынче Хуа Старший за городом рождение справляет. Ведь и тебя звал. Если к нему не хочешь, позвал бы хоть брата Ина.

– Его дома нет, – отвечал Симэнь. – Он у Хуа Старшего пирует. Вели приготовить вина и закусок. Я в лавку на фанарный базар поеду. С шурином Вторым посидим.

– Готовь коня, а я служанке велю собрать.

Симэнь наказал Дайяню седлать коня. Ван Цзин сопровождал разодетого по-праздничному хозяина. Они достигли Львиной улицы и очутились в праздничной толпе.

Только поглядите на эту площадь фонарей! Ржут кони, гремят экипажи. Ярко горят узорные фонари. Течет поток гуляющих, и нет ему конца. Шум и смех стоит необычайный.

И мир, и порядок. Благие ветра.

Гуляющих толпы с утра до утра.

До облачной выси гора фонарей.

И всадники скачут на праздник скорей.

Симэнь полюбовался празднеством, потом свернул на Львиную и спешил к лавке. Когда он вошел в нее, шурина У Второй и Бэнь Дичуань громкими возгласами приветствовали его. Шла оживленная торговля. Жена Лайчжао разожгла в кабинете жаровню и подала чаю. Немного погодя Юэнян прислала с Циньтуном и Лайанем два короба сладостей и закусок. В лавке оказалась привезенная с юга водка. Откупорили жбан и накрыли стол наверху. Симэнь расположился около жаровни и пригласил шурина и Бэня. Они пили вино и в окно любовались залитым светом фонарей базаром. Гуляющие двигались во все стороны нескончаемыми потоками. Кругом груды лежали всевозможные товары. Пировали до обеда. Потом Симэнь наказал Ван Цзину предупредить Ван Шестую. И та в ожидании его прихода накрыла праздничный стол.

— Со стола ничего не уносите. Пусть шурина с Бэнем Четвертым перед сном закусят, — обращаясь к Лайчжао, распорядился Симэнь и велел Циньтуну отнести к Ван Шестой жбан вина, куда, вскочив на коня, отправился вскоре и сам.

Разряженная Ван Шестая вышла ему навстречу. Они прошли в гостиную, где хозяйка, грациозно склонившись, отвесила гостю четыре земных поклона.

— Благодарю за щедрые дары, — говорил Симэнь. — Я дважды посылал за тобой. Что же ты не пришла?

— Легко вам сказать, батюшка, — отозвалась Ван. — А на кого я дом оставлю? Потом, я сама не знаю отчего, у меня эти дни на душе было беспокойно. Ни есть, ни пить не хотелось. И дела из рук валились.

— Должно быть, о муже тоскуешь, — заметил Симэнь.

— Какое там о муже! — воскликнула она. — Вы ко мне совсем перестали заглядывать, батюшка. Бросили меня, как старую головную повязку. Чем, интересно, я вам не угодила, а? Или другую по сердцу нашли?

— Ну что ты! — заверял ее, улыбаясь, Симэнь. — Праздники, пиры, сама знаешь, некогда было.

— Гости, говорят, у вас вчера пировали, батюшка? — спросила Ван.

— Да, — подтвердил Симэнь. — Старшая в гостях была, вот и устраивала угощение.

— Кто ж да кто у вас пировал?

Симэнь стал перечислять одну за другой всех пировавших.

— На праздничный пир приглашаете только особ знатных, — заметила Ван. — Не нашей же сестре такую честь оказывать.

– Почему?! – возразил Симэнь. – Шестнадцатого для жен приказчиков пир устраиваем. Тогда, думаю, и ты придешь. Или у тебя опять предлог найдется?

– Если меня матушка такой чести удостоит, никак не посмею отказать, – отвечала Ван. – К слову, в прошлый раз одна из горничных так обругала барышню Шэнь, что та на меня обиделась. Я, говорит, и идти-то не собиралась. Это ты, говорит, настояла, а меня там бранью осыпали. Поглядели бы, как она у меня тут плакала. Неловко мне перед ней стало. Спасибо вам с матушкой Старшей. Хорошо, вы послали ей тогда коробку с подарками и лян серебра, чем ее и успокоили. Не могла я себе представить, чтобы у ваших горничных было столько гонору. Ей полагалось бы знать, что и собаку не бьют, пока хозяина не спросят.

– Да, ей, взбалмошной, на язык лучше не попадайся, – вставил Симэнь. – Она другой раз и на меня уставится – не уступит. Ну, а раз тебя петь просят, надо спеть. Сама упрямится, а потом обижается.

– Э, нет! – не соглашалась Ван. – Она ее и прежде недолюбливала, а тут давай ей пальцем в лицо тыкать. До того обругала, что барышня вынуждена была уйти. А поглядели б на нее, какая она ко мне пришла! Слезы в три ручья, носом шмыгает. Пришлось у себя оставить. На утро отпустила.

Служанка внесла чай. Слуга Цзиньчай купил сладостей, свежей рыбы и легких закусок. Их готовила на кухне тетушка Фэн. Потом она вошла и отвесила земные поклоны Симэню.

– Что-то ты совсем нас забыла после кончины твоей хозяйки, – сказал Симэнь, награждая ее тремя или четырьмя цянями серебра.

– К кому она пойдет, если не стало хозяйюшки! – вставила Ван. – Она теперь больше ко мне заходит посидеть.

Когда прибрали спальню, хозяйка пригласила туда Симэня.

– Вы обедали, батюшка? – спросила она.

– Утром рисового отвару поел, а сейчас с шурином сладостями полакомился. Вот и все.

Накрыли праздничный стол. Помимо вина на нем были расставлены отборные яства, фрукты и закуски. Хозяйка велела Ван Цзину откупорить бобовую водку. Ван Шестая и Симэнь сели рядышком и начали пировать.

– Батюшка, а подарки, которые я вам тайком послала, вы видели? – спросила она. – Эту прядь волос я вам с самого темени отстригла. И все своими руками делала. Наверно, довольны остались?

– Я очень благодарен тебе за такое ко мне расположение.

Они были полупьяны. Заметив, что в спальне никого больше нет, Симэнь достал из рукава оснастку и водрузил на черепашую плоть, а двумя парчовыми лентами обвязался сзади на поясе. На черепашую головку он еще приспособил любовный дар Цзиндуна.^[1502] и принял с вином снадобье иноземного монаха. Ван Шестая начала игру рукой, и ухваченный его причиндал немедленно возбуж и показал себя во всей красе, на нем вздулись все поперечные жилы и цветом он уподобился багровой печени, резко контрастируя с серебряной подпругой и белой шелковой перевязью.^[1503] Симэнь посадил женщину себе на колени, обнял ее и засадил свой предмет в ее срамную щель. Между делом они поили друг дружку вином из уст в уста, сплетались языками и Ван угощала Симэня орехами из собственных губ. Так они смеялись и резвились, пока не настало время зажигать огонь.

Тетушка Фэн подала им горячие пирожки со свиной и душистым луком. Они съели по два пирожка, и служанка унесла их. А хозяйка с гостем направилась к расположенному в нише натопленному кану. Отдернув узорный полог, они разделись и легли.

Зная, что Симэнь предпочитает предаваться любовным утехам при освещении, Ван Шестая перенесла светильник на стол поближе к ложу и заперла дверь. Потом, совершив омовение, она разделась и, обувшись в туфельки из ярко-красного шаньсийского шелка на белой шелковой подошве, юркнула под одеяло. Они слились, заключив друг друга в крепкие объятия, и прикорнули.

Симэнь прямо-таки сгорал от неумейной страсти. Воитель был готов к поединку, а причиной тому, надобно сказать, являлась жена тысяцкого Хэ. госпожа Лань, все время преследовавшая его в воображении. Его причиндал был крепок и тверд. Сперва он приказал Ван встать на четвереньки и, запустив своего воителя в чертову дыру, повел неустомимую охоту за цветком с заднего двора. Он с силой раскачивал женщину, чья задница непрерывно издавала громкие звуки, и уже заправился туда две или три сотни раз.

– Мой милый, дорогой! – нескончаемым потоком звучал голос Ван, которая снизу оглаживала рукой сердцевину своей прорехи.

Однако Симэнь не был удовлетворен. Он привстал, накинул на себя короткую белую шелковую курточку и сел на одну из подушек. Женщина лежала лицом кверху. Он отыскал две ленты для бинтования ног и, привязав ими ее ноги к стойкам, стоящим по обе стороны кана, начал игру «золотой дракон расправляет лапы», вводя свой причиндал в ее лоно. Вскоре тот возбуж во всей красе и стал понемногу двигаться туда-сюда, сначала делая два шага вперед и шаг назад, затем проникая

наполовину и, наконец, устремляясь в самую глубину.

Опасаясь, что ей будет холодно, Симэнь накинул на Ван красную шелковую кофту. Возбуждаемый винными парами, он еще ближе пододвинул светильник и, свесив голову, стал наблюдать за движениями своего члена, то высовывавшего головку, то по корень утопавшего в глубинах, — и так сотни раз. Какими только ласкательными эпитетами не осыпала его своим нежным и дрожащим голосом Ван Шестая. Симэнь не унимался. Он достал белую мазь, нанес ее на черепашую головку и вновь направил ту в потаенную щель. Ван ощущала нестерпимый зуд и просила проникнуть в нее как можно глубже. Любовники энергично двигались навстречу друг другу. Симэнь нарочно медлил и забавы ради то смачивал головку у самого устья, то похлопывал по сердцевине цветка, не углубляясь внутрь. У перевозбужденной женщины постоянно текла любовная влага, похожая на слюну лягушки. Ходившее ходуном женское лоно вызывало бурные чувства. При свете лампы Симэнь наблюдал две белоснежные ножки в красных туфельках, высоко воздетые и привязанные. Он отступал — она мчалась за ним, он рвался вперед — она наносила ответный удар. Общее возбуждение не имело границ.

— Значит, тосковала, говоришь, по мне, потаскушка, да? — спрашивал Симэнь.

— А как же не тосковать по тебе, мой милый! Об одном мечтаю: будь всегда таким крепким и никогда не увядай, как вечно зеленые сосна и кипарис. Одного боюсь: поиграешь с рабою, потом охладеешь да бросишь. Я тогда умру от тоски. И горем будет не с кем поделиться. И никто не узнает. Ведь и моему рогоносцу не откроешься, как вернется. Впрочем, он там делами занят, у него деньги. Небось, другую давно завел. Не до меня ему.

— Дитя мое! — говорил Симэнь. — Если ты хочешь навсегда быть моею, я ему другую сосватаю, как только случай подвернется.

— Как он придет, так ты ему и сосватай, мой милый, — подхватила Ван. — А меня либо тут оставь, либо к себе в дом возьми. Как пожелаешь. Мое грошовое тело тебе отдаю. На, бери и делай со мной, что хочешь. Я во всем покорна твоей воле.

— Хорошо.

Так говорили они и делили улады столько времени, сколько заняли бы два обеда. Наконец, Симэнь излил семя и отвязал женщине ноги, после чего, юркнув под одеяло с помутненным от испитого взором, они обнявшись и проспали до третьей ночной стражи.

Симэнь встал, оделся и привел себя в порядок. Ван Шестая отперла

дверь и позвала служанку, наказав ей собрать стол и подогреть вина. Они опять сели за стол, на котором стояли отборные яства. Симэнь выпил больше десятка чарок и снова захмелел. Подали чай. Он прополоскал им рот, достал из рукава записку и протянул ее Ван Шестой.

– Вот подашь приказчику Ганю, – говорил он. – Он тебе все наряды покажет. Выбери, что тебе по душе придется.

Счастливая Ван поблагодарила Симэня и проводила его к воротам. Ван Цзин нес фонарь, а Дайань с Циньтуном подвели хозяину коня. Ван оставалась у ворот, пока Симэнь не сел на коня. На нем были подбитая овчиной лиловая куртка наездника и шарф.

Шла третья ночная стража. Сквозь хмурые тучи едва-едва проглядывала тусклая луна. Полная тишина царила на улицах, пусто, ни единой живой души не было на перекрестках. Только нет-нет да слышатся удары колотушки или команда ночной стражи вдалеке. Симэнь же продолжал свой путь верхом. Как только он достиг Каменного моста на западной стороне, ему показалась черная тень. [1504] Она вынырнула из-под моста и бросилась прямо на Симэня. Испуганный конь шарахнулся было в сторону, но седок, сам дрожа со страху, хлестнул его под пьяную руку кнутом. Конь тряхнул гривой и, как ни старались Дайань с Циньтуном удержать его за кольца удила, все-таки вырвался и поскакал во весь опор.

Ван Цзин с фонарем остался далеко позади. Конь несся, пока не достиг ворот дома. Симэнь спешил, но едва стоял на ногах. Слуги проводили его в ближайшие покои к Пань Цзиньянь.

Уж лучше б было ему туда не появляться, а коли пришел, то

Потерявший свой облик среди людей
Повстречал Полководца Пяти Путей.
А голодный, холодный и жалкий бес,
На расправу к Чжун Кую попав, исчез.

Цзиньянь, надобно сказать, еще не спала. Вернувшись из дальних покоев, она одетой легла на кан и стала поджидать Симэня. Едва заслышав его шаги, она тотчас же вскочила и, подбежав к нему, помогла раздеться. Он был сильно пьян, но она не решалась его расспрашивать. Симэнь опустил руки ей на плечи и обнял.

– Твой милый выпил лишнего, потаскушка ты моя, – бормотал он. – Разбери-ка постель, я лягу.

Цзиньянь помогла ему забраться на кан. Едва приклонив голову, Симэнь громко захрапел, и ничто не могло бы его разбудить.

Немного погода Цзиньлянь разделась и тоже юркнула под одеяло. Она попробовала расшевелить Симэня, медленно действуя руками, но его обмякший, словно вата, причиндал, не подавал ни малейших признаков жизни. Ерзавшей Цзиньлянь оставалось только гадать, где его так вымотали. Пламень страсти охватывал все ее существо. Терзаемая сладострастным желанием, она продолжала непрерывно работать и руками, и ртом, пытаясь его возбудить, но он так и не поднялся. Тщетность усилий окончательно вывела ее из терпения.

– Ну куда же ты убрал снадобье монаха? – спрашивала она, толкая Симэня до тех пор, пока тот не проснулся.

– Ну, чего тебе нужно, потаскушка негодная? – ворчал полусонный Симэнь. – Поиграть со своим любимым захотела, да? Мне сегодня лень пошевелиться. А пилюли у меня в рукаве в коробочке лежат. Сама достань. Удастся поднять его – твое счастье.

Цзиньлянь нащупала золотую коробочку. В ней оказалось всего четыре пилюли. Одну она приняла с вином сама, а три остальных – одной ей показалось мало – сунула в рот Симэню, чего ни в коем случае нельзя было делать.^[1505] И он, пьяный, ничего не соображая, с закрытыми глазами, запил их вином, которое она поднесла. Однако стоило ему пропустить чашку горячего чая, как пилюли возымели действие. Цзиньлянь тотчас же приспособила ему на корень белую шелковую ленту. Воитель был готов к сражению, его одинокий глаз выпучился, волосы на бороде стали торчком. Однако Симэнь продолжал спать. Тогда Цзиньлянь сама повела наступление: оседлала спящего, достала мазь и, сунув ее в конский глаз, отправила боевого коня в лоно, всячески к нему прижимаясь и притираясь. Когда тот проник в заросшую густой растительностью пещеру, Цзиньлянь почувствовала, как все тело немеет от наслаждения и, опершись руками, стала то подниматься, то опускаться над неподвижным Симэнем, отчего его взбудораженный причиндал раз двести был погружен до самого основания. Вначале он двигался со скрипом, но затем, когда его оросила любострастная влага, выпущенная женщиной, стал скользить безостановочно.

Симэнь Цин позволял вволю забавляться сим предметом, сам же не обращал на эту возню никакого внимания. Цзиньлянь, будучи не в силах бороться с нахлынувшими чувствами, приблизила свой язык ко рту любовника и, обеими руками обхватив его шею и плотно прижавшись, стала ерзать и тереться об него всем своим телом. Черенок веника Симэнь Цина вошел в прореху до самого основания, так, что снаружи осталась лишь пара ядер. Цзиньлянь щупала их рукой

и получала неизъяснимое наслаждение. Она непрерывно вытирала свою любово-страстную влагу, которая текла столь обильно, что до начала третьей ночной стражи пришлось сменить пять полотенец.

Цзиньлянь успела кончить дважды, а у Симэня семя так и не извергалось. Черепашня головка все более набухала, цветом уподобляясь багровой печени. Все поперечные жилы выступили наружу, причиндал словно был обожжен огнем. Тесно затянутый он непомерно разбухал, и, хотя Симэнь велел женщине снять ленту с его основания, тот продолжал расти и пухнуть. Тогда Цзиньлянь было велено взять его в рот и высосать. Она взобралась на распластанного Симэня и стала своими алыми губками заглатывать черепашью головку, заботясь только о непрерывном движении туда и сюда. Такое раскачивание длилось столь долго, что можно было бы успеть пообедать, но наконец семя все же брызнуло из этой дудки, как ртуть, [1506] прорвавшая капсулу. Цзиньлянь не успевала ловить ее ртом и лишь смотрела, как она течет.

Вначале это была сперма, затем она кончилась и следом за ней выступила кровавая жидкость. Не получив никакой помощи, Симэнь потерял сознание. Он лежал, разметав в стороны четыре конечности. Растерявшаяся Цзиньлянь торопливо сунула ему в рот красный финик. [1507] Семя иссякло, но за ним последовали кровавые истечения. Кончились и они, после чего, испустив холодный дух, Симэнь долго лежал, как мертвый.

– Дорогой мой! – обнимая его, звала Цзиньлянь, когда он начал приходить в себя. – Что с тобой, как ты себя чувствуешь?

Когда у Симэня наступило, наконец, короткое просветление, он проговорил:

– Что такое со мной?! Голова кружится и в глазах темно.

– А зачем ты сегодня столько раз спускал?

О трех пилюлях Цзиньлянь умолчала.

Да, читатель, есть предел человеческим силам, но не знает удовлетворения ненасытная плоть. И добавлю: сочтены дни того, кто погряз в распутстве. А Симэнь Цин был одержим плотскими наслаждениями. Забыл он о той истине, что выгорит масло – и угаснет светильник, истощатся жизненные соки – и умрет человек. Ведь красotka никогда до добра не доводит. Она засасывает, как омут, и приготавливает преждевременный конец.

Верно сказано в старинных афоризмах:

Она – Индры могучий страх в чарующем обличье, демонов владыка Мара, изваянный из нежного нефрита; волк хищный иль шакал,

наряженный в шелка. Под расшитым пологом она лобное место скрывает, слоновой кости кровать ее – тюремный каземат. Ее брови, ивы листки, острее кинжала; глаза ее, звезды, как стрелы разят; алые губы ее страшнее меча. Прекрасные уста точат благоуханье, но змеи и скорпиона яд сердце ее таит. Беды не миновать тому, кто с ней сойдется, исчезнет он, как песчинка в морской пучине, словно снега горсть, опущенная в кипяток. Были могучи некогда царства Цинь и Чу, Юэ и У, но даже и их она на гибель обрекла^[1508]. О, если б знали, сколь коварны эти чары! Всех перегубят, но спасеньем никто не озабочен.

Красотка молодая так нежна!..
Глупцов сражает как мечом она.
Хоть голова не покидает плеч,
Но в пору молодцу в могилу лечь.

Тем и кончился тот вечер. А утром на другой день Симэнь встал, только хотел причесаться, но тут голова у него закружилась, и он повалился ничком. Хорошо, к нему вовремя поспела Чуньмэй, а то бы головой ударился и все лицо разбил. Поддерживая хозяина обеими руками, она кое-как усадила его в кресло. Пришел он в себя не сразу.

– Ослаб ты, должно быть, – говорила взволнованная Цзиньлянь. – Посиди! Да никуда уж не ходи. Может, дать чего поесть? – Она обернулась к Цюцзюй. – Ступай рисового отвару батюшке принеси.

Цюцзюй пошла на кухню в дальние покои.

– Рисовый отвар готов? – спросила она Сюэ. – Дело-то какое приключилось! Только батюшка встал, и тут же с ним обморок случился. За отваром прислали.

Тут служанку окликнула услышавшая их разговор Юэнян. Хозяйка стала расспрашивать, что случилось, и Цюцзюй рассказала ей, как хозяин стал было причесываться и потерял сознание. Не услышь этого Юэнян, все бы шло своим чередом, а тут у нее чуть душа с телом не рассталась, невесть что рисовалось ей в воображении.

– Быстрее готовь отвар! – наказала она Сюэ, а сама бросилась в спальню Цзиньлянь.

Симэнь сидел в кресле.

– Отчего у тебя обморок? – спрашивала она.

– А я откуда знаю, – отвечал Симэнь. – Вот только что очнулся.

– Хорошо еще, мы с Чуньмэй вовремя поддержали, – встала Цзиньлянь. – А то бы здорово себя разукрасил. Вон какой дядя!

– Небось, поздно вчера появился, – говорила Юэнян. – Лишнего

выпил, голова и отяжелела.

– Поздно явился, а где пировал, не знаю, – подтвердила Цзиньлянь.

– Они вчера с моим братом в лавке пировали, – объяснила Юэнян.

Немного погодя рисовый отвар был готов, и Сюээ велела Цюцзюй отнести его хозяину.

Симэнь съел половину и отставил чашку.

– Ну, как себя чувствуешь? – спросила Юэнян.

– Да ничего, – отвечал он. – Сильно ослаб, двигаться не могу.

– Ты уж в управу-то не ходи.

– Не пойду, – отвечал он. – Посижу немного, потом надо будет зятюшку попросить, чтобы приглашения написал. Нужно будет пятнадцатого угостить Чжоу Наньсюаня, Цзин Наньцзяна и Хэ Юншоу. А то жен приглашали...

– А лекарство еще не принимал? – спросила Юэнян. – Надо за молоком сходить. Переутомился ты за эти дни. Одни хлопоты чего стоят. – Юэнян обернулась к Чуньмэй. – Ступай к Жуи. Попроси, чтобы молока отцедила.

Чуньмэй принесла полную чашку молока. Симэнь принял лекарство, встал и направился в переднюю, к зятю. Его поддерживала Чуньмэй. Только они дошли до садовой калитки, как у Симэня опять потемнело в глазах. Он зашатался и, будучи не в состоянии удержаться на ногах, стал падать, но его удержала Чуньмэй.

– Отдохни-ка ты день-другой, вот что я тебе посоветую, говорила Юэнян. – А с приглашениями обожди. Не до пиров! Полежи пару деньков. И никуда не выходи. Тебе, может, чем полакомиться хочется? А то я горничным велю. Сейчас же приготовят.

– Ничего мне не хочется.

Юэнян воротилась в спальню Цзиньлянь, чтобы еще раз расспросить ее.

– Он вчера пьяный вернулся? – спрашивала она. – Может, еще с тобой добавил? Или с тобой чем занимался?

Цзиньлянь готова была в три глотки отрицать все, в чем ее подозревала Юэнян.

– Подумайте, что вы говорите, сестра! – возмущалась она. – Он воротился совсем поздно и такой пьяный, что на мой поклон внимания не обратил, а вы еще спрашиваете, подносила ли я ему вина. Он, правда, просил, только я ему не вина подала, а чаю. Нет, говорю, у меня никакого вина, и спать уложила. А насчет намека, так я с ним ничего не имею с того разу, когда вы меня оговорили, сестра. С меня и так сраму хватит! Может, он где-нибудь на стороне оскоромился,

этого уж я не знаю. Но только не дома. И меня, пожалуйста избавьте. Я тут вот нисколько не виновата.

Юэнян, сидевшая рядом с Юйлоу, велела позвать Дайяня и Циньтуна. Когда оба слуги предстали перед ней, она учинила им настоящий допрос.

– Где вчера пировал батюшка? – допытывалась хозяйка. – Говорите сущую правду. А то, случись недоброе, вам, арестантские отродья, за все быть в ответе.

– Батюшка в лавке с дядей У пировали, – нехотя говорил Дайянь. – Больше нигде не были.

Позвали шурина У Второго.

– Зятюшка с нами совсем немного выпил, – заявил шурина. – И скоро куда-то отбыл.

У Юэнян пришла в ярость и, дождавшись ухода брата, обрушилась с руганью на Дайяня и Циньтуна. Она уже собиралась отдать распоряжение бить слуг, когда те с перепугу открыли рты.

– Батюшка вчера у жены Хань Даого выпивали.

Тут-то и подала голос Пань Цзиньянь.

– Слышите, сестра? – крикнула она. – А меня еще обвиняли. Выходит, невинного на плаху веди, а преступник стой да посмеивайся, да? Как у дерева кора, так у человека имя. А вы со мной так говорили, сестра, будто я день-деньской только об этом самом и мечтаю. Допросите-ка лучше этих арестантов. В прошлый раз, когда вы у жены тысяцкого Хэ пировали, он тоже поздно явился. Где он тогда пропадал? Кому новогодние поклоны ночью отбивал, а?

Из опасения, как бы Циньтун не выдал всех тайн, Дайянь не выдержал и рассказал о связи хозяина с госпожой Линь. Тут только Юэнян поняла, в чем дело.

– Вот, оказывается, почему он велел ее пригласить! – воскликнула она. – Да не придет, говорю, она. Мы же с ней ни разу не встречались. А они, выходит, отлично друг дружку знали. Она меня еще тогда удивила. При таких, думаю себе, годах, а брови подводит, виски подкрашивает – разрисовалась вся. И пудры в два слоя наляпала. Как есть распутная баба!

– Где это видано?! – возмущалась Юйлоу, – у нее сын женатый, а она такими делами занимается. Уж если невтерпёж, вышла бы замуж.

– Нет у нее, старой шлюхи, ни стыда ни совести, вот она и вытворяет! – поддержала Цзиньянь.

– Я так думала, что она не придет, – продолжала Юэнян. – Нет, извольте, припожаловала.

– Вот, сестра, наконец-то и у вас глаза открылись, – говорила Цзиньлянь. – А вы меня ругали, когда я на жену Хань Даого, потаскуху, набросилась. Все они – шлюхи и одного покроя. Сами ублюдки, ублюдков и плодят. Вот они тут воду и мутят.

– Как ты можешь мать Вана Третьего обзывать шлюхой? – спрашивала ее Юэнян. – Она мне сказала, что ты у них девочкой служила.^[1509]

Не услышь этого Цзиньлянь, все бы шло своим чередом, а тут у нее побагровело не только лицо до самых ушей, но и шея.

– Чего городит эта шлюха проклятая! – заругалась она. – Когда это я у них служила?! Тетка моя, верно, жила с ними по соседству, а у них был сад. Девочкой я гостила у тетки, и мы играли у них в саду. А то я у них служила, скажите, пожалуйста! Да я ее и знать не знаю, шлюху лупоглазую!

– Ну и язык же у тебя! – урезонила ее Юэнян. – Я сказала, что мне передали, а ты ругаешься.

Цзиньлянь ни слова не проронила.

По просьбе Юэнян Сюээ сварила клецки и понесла Симэню. У внутренних ворот она заметила Пинъаня, направляющегося в сад.

– Ты что тут делаешь? – спросила Юэнян.

– Ли Мин позвал на пятнадцатое четырех певец и пришел узнать, состоится ли пир, – отвечал Пинъань. – Приглашения пока не рассылал, говорю ему, а он не верит, просит батюшке доложить.

– Какой тебе еще пир, рабское отродье! – заругалась Юэнян. – И спрашивать нечего. Вместо того, чтобы выпроводить ублюдка, он, видите ли, батюшке с матушкой докладывать идет.

Пинъань убежал, ног под собой не чуя.

А Юэнян вернулась в спальню Цзиньлянь. Симэнь съел всего три или четыре клецки.

– Ли Мин певец звал, – сообщила хозяйка. – Я их отпустила. Потом, говорю, посмотрим, а пока никакого приема не будет.

Симэнь в знак согласия кивнул головой. Ему казалось, что через день-другой он поправится. Однако вопреки ожиданиям на утро он обнаружил ниже пояса все распухшее и покрасневшее причинное место. Даже ятра набухли и налились багровым блеском, точно баклажаны. Всякий раз, когда он ходил по малой нужде, у него начиналась страшная резь, будто его дуду ножом полосовали.

А снаружи стояли солдаты с оседланным конем в ожидании, когда Симэнь направится в управу.

– Тебе, по-моему, надо уведомить господина Хэ, – посоветовала

хозяину Юэнян, когда узнала, что состояние его здоровья ухудшилось. – Скажи, что тебе надо отлежаться. И никуда не выходи. Смотри, как ты ослаб. Слугу бы за доктором Жэнем послать. Посмотрел бы тебя да лекарства прописал. Что время зря терять! Нельзя так. Ты вон какой грузный, а ничего не ешь. Разве так можно!

Симэню никак не хотелось вызывать Жэня.

– Ничего! – говорил он. – Полежу, авось и пройдет. Встану. Он отправил с посыльным в управу уведомление, что не может выйти на службу, а сам продолжал лежать в постели. Он все время нервничал, настроение у него было отвратительное.

О болезни Симэня услышал Ин Боцзюэ и пришел проведать побратима. Симэнь пригласил его в спальню Цзиньянь.

– Прости, брат, беспокоил я тебя в прошлый раз, – приветствуя Симэня, говорил Боцзюэ. – Не знал, что ты себя плохо чувствуешь. Вот, значит, почему ты не пошел к шурина Хуа.

– Был бы здоров, разве не пошел бы! – отвечал Симэнь. – Сам не знаю, что со мной. Двигаться мне трудно.

– Ну, а себя-то ты как чувствуешь?

– Да я ничего. Голова только кружится и сам ослаб. Ходить не могу.

– То-то я гляжу, у тебя лицо что-то больно красное. Лихорадит,^[1510] наверно. А доктора не звал?

– Жена вон советует Жэнь Хоуси пригласить. А с какой стати? У меня ведь нет ничего серьезного. Неловко человека зря беспокоить.

– Ты, брат, ошибаешься. Позвать надо. Пусть посмотрит. Что он скажет. Может, какого лекарства даст. Глядишь, пройдет недуг и поправишься. Весенний дух действует. В это время всегда лихорадит. А мне вчера Ли Мин встретился. Ты ему певиц, что ли, велел позвать? Нынче, говорит, пир должны были справлять, а потом отложили из-за болезни батюшки. Так эта новость меня поразила, что я решил с утра пораньше тебя навестить, брат.

– Я и в управу не явился, – заметил Симэнь. – Увольнительную посылал.

– Куда там являться! Поправишься, тогда и выйдешь. – Боцзюэ выпил чаю и продолжал. – Ну я пойду. Как-нибудь еще загляну, брат. Ли Гуйцзе с У Иньэр тоже собираются тебя проведать.

– Поел бы. Успеешь.

– Нет, благодарю, – проговорил Ин Боцзюэ и бодро зашагал к выходу.

Симэнь велел Циньтуну поехать за город пригласить доктора

Жэня.

Доктор обследовал пульс больного.

– Ваш недуг, милостивый государь, – сказал в заключение Жэнь, – вызван разгоранием вверху опустошающего огня,^[1511] истощением внизу почечной воды,^[1512] неспособностью сердца и почек к согласованному взаимодействию.^[1513] Вы страдаете от истощения силы ян, вызванного половыми излишествами. Необходимо тонизирующими средствами восполнить урон, нанесенный половой сфере, только так можно будет восстановить ваши жизненные силы.

Доктор Жэнь откланялся и ушел. Ему вручили пять цяней серебра. После приема присланного им лекарства голова перестала кружиться, но Симэнь был по-прежнему слаб и не мог подняться с постели. Мошонка еще больше распухла и болела, а мочеиспускание было крайне затруднено.

После обеда навестить Симэня прибыли в паланкинах Ли Гуйцзе и У Иньэр. Каждая держала в руках по две коробки. В одной были пирожки с фруктовой начинкой, а в другой – печенье-розочки, пара свиных ножек и пара жареных уток. Певицы вошли в спальню и отвесили Симэню земные поклоны.

– Что с вами, батюшка? Нездоровится?

– Рад, что пришли навестить, – отвечал Симэнь. – А на подарки напрасно расходовались. Жар у меня что-то поднялся.

– Выпили, наверно, побольше во время праздников-то, – заметила Гуйцзе. – Воздержитесь денек-другой, и пройдет.

Они немного посидели возле Симэня и направились в покои Ли Пиньэр поздравить с праздниками хозяек. Юэнян пригласила их к себе в дальние покои и угостила чаем. Потом они опять прошли к Симэню.

Во время их разговора явился Ин Боцзюэ, а вместе с ним Се Сиди и Чан Шицзе. Симэнь попросил Юйсяо помочь ему сесть на кровать и оставил гостей в спальне, где и был накрыт стол.

– А рисовый отвар ел сегодня? – спросил Се Сиди.

Юйсяо отвернулась, не сказав ни слова.

– Нет еще, – отвечал Симэнь. – Не хочу я есть.

– Пусть подадут, – продолжал Се Сиди. – Мы, брат, с тобой за компанию поедим.

Подали рисовый отвар. Прислуживала Юйсяо. Гости не упускали из виду также сладости и закуски. Симэнь же не съел и полчашки.

Певицы тем временем сидели с хозяйкой в покоях Ли Пиньэр.

– Ли Гуйцзе с У Иньэр только что тут были, – заметил Боцзюэ. – Куда они делись?

– Они там, – говорил Симэнь.

Боцзюэ подозвал Лайаня.

– Ступай, певицам скажи, – наказал он. – Пусть придут батюшке споют.

Но Юэнян, чтобы не беспокоить Симэня, не пустила певиц.

– Ничего, и так выпьете, – сказала она.

Гости осушили по нескольку чарок.

– Трудно тебе, брат, сидеть с нами, – говорили они. – Мы пойдем, не будем тебя больше неволить. А ты ложись и поправляйся.

– Тронут вашей заботой, – отвечал Симэнь.

Гости встали и откланялись.

Выйдя во дворик, Ин Боцзюэ подозвал Дайаня.

– Передай матушке Старшей, – наказывал он слуге, – пусть пригласят медицинское светило врача Ху с Большой улицы. Его считают знатоком по части лихорадки. Скажи, батюшка Ин, мол, советует. Цвет лица у хозяина нехороший. Чего бы не случилось. Сейчас же скажи! И пусть не откладывает!

Дайань не посмел ослушаться и сейчас же доложил Юэнян. Хозяйка поторопилась в спальню к Симэню.

– Брат Ин через слугу передал, – обратилась она к больному, – чтобы мы пригласили врача Ху с Большой улицы. Он, говорят, мокротную лихорадку^[1514] вылечивает. А почему бы и не пригласить! Пусть посмотрит.

– Опять его?! Он сестру Ли осматривал, да ничего сделать не мог.

– Лекарства врача помогают тому, кто излечим, – возражала Юэнян. – Милостью Будды пользуется тот, кто достоин. А может, ты достойным окажешься. Примешь лекарство и, глядишь, дело пойдет на поправку.

– Ну ладно, – согласился Симэнь. – Приглашай.

За доктором Ху послали Цитуна.

Тем временем проведать больного пришел шурин У Старший. Он и проводил доктора в спальню, где тот обследовал пульс.

– Почтеннейший господин, – заговорил доктор, обращаясь к шурина и Чэнь Цзинцзи, – страдает от яда, скопившегося в нижней части тела, так как совершал половые акты, ощущая потребность освободить мочевой пузырь. Болезнь запускать нельзя, ибо она завершается гематурией, сиречь мочеиспусканием с кровью.

И его одарили пятью цянями серебра. Лекарство, которое он прописал, возымело не больше действия, чем камень, брошенный в морскую пучину. И более того. У Симэня вообще перестала идти моча.

Встревоженная Юэнян отпустила Гуйцзе и Иньэр и пригласила к мужу Хэ Чуньюаня, сына почтенного Хэ.

– Задержка мочи, – заключил он после осмотра, – произошла из-за полного отравления мочевого пузыря, который весь охвачен патогенным огнем. Яд распространился и дальше, проникнув в меридианы и коллатерали.^[1515] всех четырех конечностей. Уже образовался натечный абсцесс и скапливается флегма. Дело дошло до расстройства взаимодействия между сердцем и почками^[1516]

Его наградили пятью цзями серебра. С приемом прописанного им лекарства у Симэня возник приапизм, вызванный болезненным всплеском силы ян, утратившей телесные корни. Его веник стал словно из железа и не опадал с утра до ночи. Цзиньлянь, не взирая ни на что, в сумерки опять оседлала Симэня и, хотя он то и дело терял сознание, принялась забавляться, «отливая перевернутую свечу». Смерть здесь несколько раз сменялась воскрешением.

На другой день посыльный предупредил о прибытии тысяцкого Хэ.

– Тебя господин Хэ собирается навестить, – говорила Юэнян. – Здесь неудобно принимать. Я помогу тебе добраться до дальних покоев.

Симэнь кивнул головой. Юэнян одела его потеплее, они с Цзиньлянь помогли ему перебраться из спальни Цзиньлянь в покои Юэнян. В убранной гостиной, где были зажжены благовония, его усадили на расстеленный на кане тюфяк и подложили под спину пухлые подушки.

Немного погодя явился тысяцкий Хэ. Чэнь Цзинцзи пригласил его в дальние покои, где находился больной Симэнь.

– Я отказываюсь от обмена положенными приветствиями, ибо не решаюсь вас беспокоить, сударь, – начал Хэ. – Вам полегчало?

– Жар^[1517] от головы перешел в нижнюю часть тела, – объяснил Симэнь. – Ятра поражены и опухли. Хорошего мало.

– У вас, видимо, отравление мочевого канала, – заметил Хэ. – У меня есть знакомый. Он прибыл навестить родителей в Дунчан и вчера заезжал ко мне, передал письмо. Он уроженец Фэньчжоу, что в провинции Шаньси. Его фамилия Лю, по прозвищу Цзюйчжай. Ему полсотни лет, и он слывет исцелителем язв и отравлений. Я приглашу его к вам. Пусть и он осмотрит вас, сударь.

– Благодарю вас, сударь, за беспокойство, – проговорил Симэнь. – Я пошлю за ним слугу.

Тысяцкого Хэ угостили чаем.

– Не расстраивайтесь, сударь, и берегите себя, – сказал Хэ после

чаю. – А о службе не беспокойтесь. Я буду присылать вам на просмотр все бумаги. Только не волнуйтесь.

– Прибавил я вам хлопот, – подняв обе руки, благодарил его Симэнь.

Тысяцкий Хэ откланялся и вышел. Симэнь велел Дайаню взять визитную карточку и пойти вместе со слугой тысяцкого Хэ за Лю Цзюйчаем.

Приезжий доктор, обследовав пульс и причинное место больного, тотчас же приложил опухоль мазь и оставил лекарство для приема внутрь. Симэнь наградил его куском ханчжоуского шелка и лянном серебра. Первый прием лекарства не возымел заметного действия.

В тот же день навестить Симэня прибыла в паланкине Чжэн Айюэ. В одной коробке, которую она поднесла, находились птенцы голубей, [1518] в другой – нежные паровые пирожки с фруктовой начинкой. Развевался ее расшитый пояс. Она, словно колышащаяся на ветру ветка цветов, впорхнула в дверь и склонилась перед Симэнем в земном поклоне.

– Не знала я, батюшка, что вам нездоровится, – говорила она. – Хороши Гуйцзе с Иньэр! Сами навестили батюшку, а мне ни слова. Уж не осудите меня. Прошу прощения, что не проведала вас раньше.

– Не поздно и сейчас, – отозвался Симэнь. – И подарки купила. Мамаше вашей за хлопоты спасибо передай.

– Что это за подарки! – улыбалась Айюэ. – В спешке собирала. Как вы похудели, батюшка. Очень изменились. Это вам к столу сгодится.

– Годиться-то оно годится, да ест он уж больно мало, – заметила Юэнян. – Вот сегодня рисового отвару немножко отведал и все. Только что доктор осматривал.

– Матушка, – обратилась к хозяйке певица. – Велите голубка сварить. Я сама батюшку покормлю. Может, с рисом покушает. Вы грузны, батюшка, вам надо кушать. Разве так можно! Вы ведь всей семье опора.

– Он в рот возьмет, а есть не будет, – заметила Юэнян.

– Слушайте, что я вам говорю, батюшка, – не унималась певица. – Если вам даже и не хочется, ничего, как-нибудь через силу, а питаться необходимо. Не корнями жив человек, а питьем да едою. Надо как-то себя поддерживать. А то совсем отощаете. Что же от вас останется!

Немного погодя сварился голубь. Сяюй подала его вместе с рисовым отваром. Его приготовили из отборного риса и приправили тыквенно-баклажанным маринадом, отчего он издавал исключительный аромат. Чжэн Айюэ забралась на кан и, встав перед

Симэнем на колени, сама стала кормить его, держа в руке чашку с рисом. Симэнь не без усилий съел полчашки рису, попробовал голубятины и закачал головой.

– Благодаря лекарствам да и моим уговорам вот вы как-никак и поели немножко, батюшка, – говорила Айюэ.

– На этот раз батюшка побольше покушали, заметила Юйсяо. – А все потому что вы, сестрица, за ними поухаживали.

Юэнян распорядилась подать певиче чаю, а под вечер угостила вином и закусками, наградила пятью цянями серебра и отпустила. Перед уходом Айюэ еще раз зашла к Симэню.

– Полежите, батюшка, потерпите и поправляйтесь, – наказала она, земно кланяясь. – А я вас еще как-нибудь навещу.

Вечером Симэнь принял вторую дозу лекарства Лю Цзюйчжая. Боль распространилась по всему телу. Симэнь стонал целую ночь. Утром, в пятую стражу, вскрылась опухоль мошонки, и он очутился в луже крови. К тому же на черепашьей головке выскочил шанкр, и непрестанно сочилось фиолетовое выделение. Симэнь потерял сознание.

Юэнян и остальные жены, крайне этим встревоженные, не отходили от больного. Когда стало ясно, что не помогут никакие лекарства, Юэнян пригласила старуху Лю. Та в передней крытой галерее зажгла свечу в форме человека и пустилась в шаманский танец.

Слугу послали к столичному воеводе Чжоу узнать, где пребывает Бессмертный У, чтобы пригласить его к больному. Ведь это он в свое время предсказал Симэню, что в этом году тот «будет кровью харкать и гноем истекать, начнет сохнуть, чахнуть, увядать».

– Не следует беспокоить господина Чжоу, – заметил Бэнь Дичуань. – Бессмертный У обретается за городскими воротами у храма Бога Земли, где предсказывает судьбу и врачует недужных. Ходит лечить, когда позовут, а наград не принимает.

Юэнян тотчас же послала за ним Циньтуна.

Бессмертный У вошел в спальню и поглядел на Симэня. Он был совсем не тот, что прежде. Сильно осунулся, лежал как пласт. Голова его была перевязана платком. Бессмертный нащупал пульс.

– Вы не в меру увлекались вином и женщинами, сударь, – заключил он, – вот отчего у вас и истощилась почечная вода. Опустошающий огонь, рожденный морем страстей, дошел в вас до великого предела.^[1519] Болезнь проникла в самое нутро^[1520] и с трудом поддается лечению. Вот послушайте восьмистишие. Он страдает

оттого, что:

Красотками утешен, вечно пьян,
Испортил кровь свою, растратил силы.
И, как оплывшая свеча, согнулся стан,
Лишь два шага осталось до могилы.
Он меры в наслаждениях не знал,
И вот толпою подступили хвори...
Случись в селенье горном вдруг обвал,
Кто людям пособит в беде и горе?

Юэнян поняла, что недуг Симэня не поддается лечению.

– Если не помогут снадобья, не могли бы вы, учитель, предсказать его судьбу? – спросила она.

Бессмертный перебрал ему пальцы, осмотрел линии руки и рассчитал знаки появления на свет.

– Вы родились, сударь, под знаком тигра, в год третий – бин-инь, месяц сорок пятый – моу-шэнь, день девятнадцатый – жэнь-у, час пятьдесят третий – бин-чэнь. Теперь же идет год моу-суй, тридцать пятый. Вам, стало быть, тридцать три года. Для предсказания судьбы придется рассмотреть движение знаков зодиака.^[1521] Хотя огонь и земля находятся в расстроенном положении,^[1522] в этом году земля под пятым небесным знаком моу преодолевает воду под девятым небесным знаком жэнь.^[1523] Год отмечен засухой. В первую луну, а она под пятнадцатым знаком моу-инь, три небесных пятерки моу сталкиваются с земной пятеркой чэнь,^[1524] а перед этим не устоять. Пусть вы богаты и счастливы, но долголетия вам не видать. А вот то, что обыденной речью выразить неудобно. Послушайте стихи!

Если судьба
лихую звезду
задела, то горе в итоге.
Ты невесом,
а зло тяжело –
несчастье уже на пороге.
Если Тайсуй
глядится в окно,
то даже бессмертный в тревоге.

– Если судьба не сулит ему ничего хорошего, – продолжала Юэнян, – не могли бы вы, учитель, погадать по тварям и по созвездиям?^[1525]

Бессмертный У разложил изображения тварей напротив знаков небесных стволов и земных ветвей, а затем сказал:

Трехзвездие Сердца с луною и лисом;
Двухзвездие Рога плюс древо, дракон.^[1526]
Под пологом алым в укрытии мгlistом
В рискованных боях забывал он покой.
Лил в лунных чертогах он росы пахучи,
В подлунном миру хапал золота кучи,
Красоткам являл петушиную стать,
И при смерти персики тщился срывать.
Спасительной Небо не дарит звезды,^[1527]
Великого медика^[1528] праздны труды.

– Раз и твари не предвещают хорошего, не могли бы вы, наставник,

истолковать мне сон?

– Что за сон вам привиделся, сударыня? – спросил прозорливец. – Расскажите. Бедный инок объяснит его вам.

– Мне приснились огромные палаты, которые должны вот-вот рухнуть, – рассказывала Юэнян. – Я была одета в красное. У меня сломалась бледно-голубая нефритовая шпилька. Потом я уронила восьмиугольное зеркальце,^[1529] и оно разбилось.

– Я вам растолкую ваш сон, сударыня, только на меня не обижайтесь, – произнес монах. – Готовые рухнуть палаты предвещают несчастье вашему супругу. Красные одеянья – вам скоро предстоит облачиться в траур. Поломанная шпилька сулит прощание с вашими сестрами, а разбитое зеркало – близкое расставание супругов. Вещий сон! Не к добру!

– Есть еще хоть какая-нибудь надежда, наставник? – спрашивала Юэнян.

– Когда Белый тигр уже встал на дороге, а Дух Утраты готовит беду,^[1530] ее не отвратит и бессмертный, от нее не избавит и сам Тайсуй – властитель лет Юпитер. Что установлено всемогущей природой, того не изменят ни духи, ни черти.

Стало ясно Юэнян, что Симэню нет спасения. Она отпустила прозорливца, наградив его куском холста, но не о том пойдет речь.

Да,

Гадавший тьму от света отделил,
Ни малости не упустив из виду,
Кто на земле всегда добро творил,
Того и Небо не дает в обиду;
Кто в жизни не обидел бедняка,
Тот счастлив будет сам наверняка.

Видя, что ни мольба, ни гаданье не предвещают ничего доброго, Юэнян сильно встревожилась. Когда настал вечер, она зажгла во внутреннем дворе благовония и, обративши взор свой к небу, дала обет:

– Если поправится муж мой, – шептала она, – я три года подряд буду совершать восхождение на священную Великую гору Тай, буду чтить божественную Матушку^[1531] благовониями и одеяниями.

Мэн Юйлоу обреклась в седьмой, семнадцатый и двадцать седьмой дни каждой луны поститься и возносить молитву духам Северного Ковша – семизвездья Большой Медведицы. Только Пань Цзиньянь и Ли Цзяоэр не давали никаких обетов.

Симэнь сознавал, как серьезно его состояние. Он то и дело терял сознание. И вот он увидел Хуа Цзысюя и У Чжи. Они стояли прямо перед ним и требовали вернуть долг. Симэнь утаил видение, но домашним не велел отходить от постели.

Пока не было рядом У Юэнян, он взял за руку Пань Цзиньлянь. Как тяжело ему было с ней расставаться.

– Искусительница ты моя! – проговорил он, и глаза его наполнились слезами. – Я умру, а вы, сестры, оставайтесь у дщицы души моей. Не расходитесь, прошу вас.

– Дорогой мой! – едва сдерживая рыдания, отозвалась Цзиньлянь. – Я бы рада остаться, да потерпят ли меня другие.

– Подожди, придет Старшая, я с ней поговорю.

Немного погода вошла У Юэнян. У Симэня и Цзиньлянь были красные от слез глаза.

– Дорогой мой! – обратилась Юэнян. – Скажи мне, что у тебя на душе. Дай наказ. Ведь я жена твоя.

Симэнь Цин с трудом сдерживал рыдания.

– Вижу, не долго мне осталось, – говорил он, всхлипывая. – Мой завет короток. Если родится у тебя сын или пусть даже какая ни на есть дочь, берегите младенца, сестры. Живите вместе, не расходитесь кто куда, а то люди осудят. – Симэнь указал на Цзиньлянь и продолжал. – А сестрицу прости, если в чем не права была.

Симэнь умолк. По нежному, как персик, лицу Юэнян покатались жемчужины-слезы. Она больше не могла удерживаться и разрыдалась в голос.

– Не надо плакать, – увещевал ее Симэнь. – Послушай мое завещание. Оно выражено в романсе на мотив «Остановив коня, внимаю»:

Беззвучные связи,
без воздуха грудь.
Под почвою вязкой
безвестен мой путь.
В истокам девятки,^[1532]
навек уснуть.
Жена, помни, в чреве
мой отпрыск лежит.
Вскорми моё семя,
взрасти мою жизнь.
Вы, младшие жены,
храните семью

и дом береженный,
и славу мою.

Выслушала его Юэнян и отвечала так:

Премного тебе благодарна я, муж дорогой,
За мудрое слово твое, за твое поученье.
Я женщиной слабой всего лишь явилась на свет,
Достоинство бабье блюла и жила в подчиненье.
Немалые годы в супружестве прожили мы,
Поверь мне, и впредь я останусь хозяйкой примерной.
И в жизни у нас, и по смерти дорога одна,
Супругой была и вдовою пребуду я верной.
Хочу, чтоб теперь от души у тебя отлегло:
Всегда мы с тобой неразлучны, как конь и седло.

Отдав последний наказ У Юэнян, Симэнь позвал Чэнь Цзинцзи.

– Зятюшка! – обратился он к Цзинцзи, приблизившемуся к одру. – Когда есть сын, опираются на него, а нет – полагаются на зятя. Ты мне как сын родной. Если случится недоброе, похорони меня и о доме не забывай. Матушкам по хозяйству помогай, чтобы не давать повода для досужих разговоров. В атласной лавке, с капиталом в пятьдесят тысяч лянов серебра, есть доля свата Цяо. Ее надо будет закрыть. Но прежде приказчик Фу должен продать нашу часть товаров, а долю свата с прибылями вернуть владельцу. Лавку шерстяной пряжи, где торгует Бэнь Четвертый, с капиталом в шесть с половиной тысяч лянов, и шелковой пряжи, где старшим шурин У Второй, с капиталом в пять тысяч, как кончится товар, тоже закрой. Если Ли Чжи привезет контракт, откажись. Попроси дядю Ина, пусть подыщет другого кредитора. За Ли Чжи и Хуаном Четвертым долг в пятьсот лянов, не считая полутораста лянов процентов. Деньги с них вытребуй. Мне на похороны пойдут. С приказчиком Фу держите две лавки, что около дома, – закладную, с оборотом двадцать тысяч лянов, и лекарственных трав – пять тысяч. Как только вскроются реки, тебе надо будет встретить корабль из Сунцзяна. На нем Хань Даого и Лайбао должны доставить товару на четыре тысячи лянов. Товар продашь, а вырученное серебро передай матушкам на расходы. Уездный экзаменатор мне должен двести лянов, архивариус Хуа^[1533] – пятьдесят лянов, за городом лавочник Сюй Четвертый – с процентами триста сорок лянов. Их долговые расписки у меня хранятся. Слуг пошли, поторопи, если будет нужно, долг вернуть. Оба дома – напротив и на Львиной – продай, а то матушкам будет тяжело

управляться.

Симэнь заплакал.

– Не волнуйся, батюшка, наказ ваш исполню, – отвечал Чэнь Цзинци.

Немного погода навестить больного хозяина прибыли приказчики Фу и Гань, шурин У Второй, Бэнь Дичуань и Цуй Бэнь. И каждому из них Симэнь отдал распоряжение.

– Не беспокойся, батюшка, все будет исполнено, – отвечали приказчики.

Многие в этот день приходили навестить Симэня и, убедившись насколько он плох, тяжело вздыхали.

Прошло еще два дня. А Юэнян все лелеяла несбыточную надежду на выздоровление Симэня. Однако дни его были сочтены. На тридцать третьем году он должен был уйти из жизни. И вот двадцать первого дня первой луны в пятую ночную стражу его охватил сначала жар, потом озноб. Громко стоная и тяжело дыша, он кое-как дотянул до утра и, увы, испустил последнее дыхание.

Да,

Вместимость сердца так мала –

ну а потребностей немало,

Но вот однажды смерть пришла –

и все теперь ненужным стало.

Верно говорится в старинных афоризмах:

Твори больше добра, но не копи богатств. Кто добро творит, тот прославится. Кто копит богатства, на себя накличет беду. Сильно разбогател Ши Чун, а от плахи не сумел уйти. С голоду умер Дэн Тун, и горы не помогли. А ныне еще хуже прежнего: нет в душе людской просветления. Кто добра накопил, того перевозносят и хвалят. Кто добродетели жизнь посвятил, тот глупцом сlyвет и всеобщим посмешищем. Кто богатства скапливает несметные, того смерть застает без гроба.

И в самом деле, Симэнь скончался, а еще не был заготовлен гроб. Юэнян поспешно вызвала У Второго и Бэнь Дичуаня, достала из сундука четыре слитка серебра и велела присмотреть гробовые доски. Только они ушли, как у нее начались схватки. Она поторопилась в спальню, легла на кровать и потеряла сознание.

Мэн Юйлоу, Пань Цзиньянь и Сунь Сюээ тем временем суеились у смертного одра, обряжая покойника. Одна одевала ему шапку, другие халат, когда в комнату вошла Сяююй.

– Матушка лежит без сознания, – сообщила она.

Юйлоу и Цзяоэр поспешили в спальню к Юэнян. Она лежала, держа руки на животе. Было ясно, что наступило время разрешения от бремени. Юйлоу велела Ли Цзяоэр остаться при Юэнян, а сама вышла, чтобы сейчас же послать слугу за повивальной бабкой Цай. Пока она отсутствовала, а Юэнян металась в предродовых муках, Ли Цзяоэр отправила Юйсяо за Жуи, сама же залезла в хозяйкин сундук, извлекла оттуда пять слитков серебра и отнесла их к себе. Вернулась она с бумажной подстилкой.

– Нигде не могла найти подстилку, – объясняла она. – Пришлось к себе идти.

Юйлоу, продолжавшая хлопотать около Юэнян, даже внимания на нее не обратила.

Юэнян продолжали мучить схватки. Вскоре пришла повитуха Цай. В то время как у Юэнян родился сын, обрядили Симэня, и дом огласился громким плачем.

Повитуха приняла младенца, отрезала пуповину и подала роженице успокаивающего питья. Потом она помогла Юэнян сесть на кан, и та наградила ее тремя ляннами серебра. Старухе этого показалось мало.

– Помните, сколько в тот раз дали? – говорила она. – А вы Старшая хозяйка, сударыня, и у вас сын на свет появился. Добавьте по такому случаю, сударыня.

– Тогда было одно, теперь совсем другое, – отвечала Юэнян. – Тогда хозяин был жив. И на этом не обессудь. В третий день младенца мыть придется, еще лян получишь.

– И кофту с юбкой в придачу, – добавила повитуха и удалилась.

Когда Юэнян немного пришла в себя, она заметила открытый сундук и обрушилась с бранью на Юйсяо.

– Ах ты, вонючка проклятая! – ругала она горничную. – Ты что, тоже чувств лишилась, да? Тут народ ходит, а у тебя сундук стоит открытый. Нет чтобы запереть.

– А я даже не видала, – оправдывалась Юйсяо. – Думала, вы заперли, матушка.

Юйсяо стала запира́ть сундук. Юйлоу при такой подозрительности хозяйки не захотела оставаться у нее в спальне и вышла.

– Вот какая у нас Старшая! – сетовала она Цзиньлянь. – Только что муж умер, а она уж домашним не доверяет.

Юйлоу и в голову не приходило, что Ли Цзяоэр уже успела стащить пять серебряных слитков.

Шурин У Второй и Бэнь Дичуань закупили у помощника

областного правителя Шана набор гробовых досок и позвали столяров. Слуги перенесли тело Симэня в большую переднюю залу. Для составления свидетельства о смерти пригласили геоманта Сюя. Немного погодя прибыл шурин У Старший. Тем временем шурин У Второй с приказчиками хлопотали в передней зале. Одни снимали фонари, другие свертывали картины-свитки, третьи накрывали покойника бумажным покрывалом, зажигали перед ним светильник и ароматные свечи. Лайань был приставлен к траурному гонгу.

– Дыхание остановилось в утренний час дракона, – осмотрев руку Симэня, заключил геомант. – Злые духи не представляют опасности для домочадцев. – Он обернулся к Юэнян и продолжал: – На третий день совершите положение во гроб, шестнадцатого во второй луне выройте могилу, а по прошествии тридцати дней, через четыре с лишним седмицы, устройте погребение.

Геоманта Сюя угостили и, наградив, отпустили. Во все концы были направлены слуги сообщить траурную весть. Тысяцкому Хэ отвезли верительную дщицу и печать. Все оделись в траур, соорудили по сему случаю временные навесы, но говорить об этом подробно нет надобности.

На третий день буддийские монахи служили панихиду по новопреставленному с чтением поминального канона и сожжением бумажных денег. Все в доме от мала до велика были одеты в траурную пеньку. Зять Чэнь Цзинцзи, облаченный в полный траур, какой полагается сыну, потерявшему родителя, с траурным посохом в руке, стоял перед покойником и принимал соболезнования посетителей. Юэнян не выходила из комнаты, оставаясь с младенцем. Ли Цзяоэр и Мэн Юйлоу принимали посетителей. Пань Цзиньянь вела учет приносимых пожертвований. Сунь Сюээ, приставленная к женской прислуге, управлялась на кухне, где готовили чай и угощения. Счета были поручены приказчику Фу и шурина У Второму. Бэнь Дичуань ведал похоронными расходами, а Лайсин – кухней. Шурина У Старшего с приказчиком Ганем принимали посетителей.

В тот день повитуха Цай мыла младенца, и Юэнян одарила ее шелковыми нарядами. Сына называли Сяогэ.^[1534] По сему случаю некоторые прислали в подарок лапши долголетия. Среди близких и соседей пошли толки.

– У старшей жены почтенного господина Симэня сын родился, – говорили на улице. – Да в тот самый день и час, когда хозяин, отец его, дух испустил. Вот странное совпадение! Такое редко случается!

Однако не станем останавливаться на досужих разговорах.

Перейдем к Ин Боцзюэ. Услыхав о кончине Симэня, он пошел выразить соболезнование и оплакать побратима. Когда он плакал около усопшего, оба шурина наблюдали в крытой галерее за художником, писавшим портрет покойного. К ним вошел Боцзюэ.

– Какое горе! – воскликнул он после положенных приветствий. – Мне и во сне не снилось, что умрет брат.

Боцзюэ попросил пригласить Юэнян, чтобы выразить ей свое почтение и сочувствие.

– Сестра не может выйти, – говорил шурин У Старший. – Видите ли дело какое. У нее младенец в одночасье родился.

– Что вы говорите! – изумился Боцзюэ. – Прекрасно! Значит, у брата появился наследник, дом хозяина обрел.

Немного погодя вышел Чэнь Цзинцзи в полном траурном облачении и отвесил Ин Боцзюэ земные поклоны.

– Да, большое горе тебя постигло, зятюшка! – соболезновал Боцзюэ. – Не стало у тебя батюшки, а матушки – что вода стоячая. Хозяйство на тебя теперь ляжет. Будь осмотрителен. А дело какое подоспеет, на себя-то одного не полагайся. У тебя вот дяди есть. С ними посоветуйся. Не в обиду тебе будет сказано: ты еще молод, в делах не больно сведущ.

– Не то вы говорите, брат, – вставил шурин У Старший. – У меня службы на плечах. Некогда мне будет. А у него матушка есть. Пусть с ней больше советуется.

– Шурин, дорогой вы мой! – не унимался Боцзюэ. – Матушка матушкой, а как она вне дома распорядится?! Нет, шурин, советы все-таки вам давать придется. Как говорится, без дяди не вдохнешь, не выдохнешь. Матушка да дядя – нет ближе человека! Так что ты, шурин, и ближе и старше всех... А вынос назначен?

– Могилу рыть будут шестнадцатого во второй луне, – пояснил У Старший, – а погребение назначено через тридцать дней, по прошествии четырех с лишним седмиц.

Вскоре прибыл геомант Сюй. Он совершил обряд положения во гроб. Гроб забили навечно гвоздями и установили как полагается. Над ним был водружен траурный стяг с надписью: «Здесь покоится прах полководца Симэня».

В тот же день выразить свои соболезнования прибыл тысяцкий Хэ. После поклонения перед прахом Хэ Юншоу угостили чаем шурин У Старший и Боцзюэ. Он узнал срок погребения сослуживца и приказал солдатам оставаться в доме усопшего.

– И чтоб у меня ни один не отлучался! – приказал он. – Вплоть до

самых похорон. Потом вернетесь в управу. — Тысяцкий обернулся к двум старшим и продолжал: — О нарушивших указание доложите. Они будут строго наказаны. — В заключение он обратился к шуруну У Старшему: — Если кто откажется возвращать долги, дайте мне знать. Я приму принудительные меры.

С этими словами он отбыл в управу. Составленный им письменный доклад об открывшейся вакансии был направлен в столичное управление.

Тут наш рассказ раздваивается.

Перейдем пока к Лайцзюэ, Чуньхуну и Ли Чжи. Добрались они до Яньчжоу. В цензorate вручили письмо с подношениями. Цензор Сун прочитал письмо Симэня, в котором тот просил дать ему подряд на поставку изделий старины.

— Прибыть бы вам днем раньше, — проговорил он. — Только вчера разослал по областным управлениям.

Найдя в пакете десять лянов листового золота, цензор призадумался. Неловко ему было отказывать Симэню, и он предложил Чуньхуну, Лайцзюэ и Ли Чжи остановиться пока в приемной зале, а сам направил в Дунпинское областное управление гонца за только что отосланным туда документом. Оно было передано Чуньхуну. Цензор дал прибывшим лян серебра на дорожные расходы, с чем они и отбыли обратно в уездный город Цинхэ.

Дней через десять они въехали, наконец, в город, где и узнали от прохожих о кончине Симэнь Цина.

— Три дня как умер, — говорили им. — И панихиду служили.

Тут у Ли Чжи зародился коварный план.

— Давайте скроем подряд, — подговаривал он Лайцзюэ и Чуньхуну. — Скажем, цензор Сун отказал. А сами пойдем на Большую улицу к Чжану Второму. Если же вы не хотите, я вам дам по десяти лянов. Только молчите.

Лайцзюэ был не прочь поживиться, но Чуньхун от такого предложения уклонился, хотя и выказал туманное одобрение.

На воротах дома были развешаны бумажные деньги, монахи служили панихиду. Вряд ли кто смог перечесть всех родных и близких, собравшихся выразить соболезнование. Ли Чжи оставил попутчиков и направился прямо к себе, а Лайцзюэ и Чуньхун земно поклонились шуруну У Старшему и Чэнь Цзинци.

— Как насчет подряда? А где Ли Третий? — спросил шурин У.

Лайцзюэ молчал. Тогда Чуньхун достал письмо с контрактом и протянул шуруну У Старшему. Слуга рассказал, как Ли Чжи предлагал

им по десяти лянов, как подговаривал утаить подряд и передать его Чжану Второму.

– Но мог ли я за оказанные мне милости отплатить хозяевам такой черной неблагодарностью! – воскликнул Чуньхун. – Вот я и поспешил сразу домой.

Шурин тотчас же доложил Юэнян.

– Вот верный слуга! – говорил он про Чуньхуна. – А Ли Третий, оказывается, негодяй. Чтоб ему сгинуть, проклятому! Только зятюшка помер, а уж он зло творит.

И Шурин рассказал о случившемся Ин Боцзюэ.

– За Ли Чжи и Хуаном Четвертым долг с процентами составляет шестьсот пятьдесят лянов, – говорил шурин. – Вот и надо будет по горячим следам воспользоваться услугой господина Хэ. Напишем жалобу и подадим в управу. Пусть с них долг вытребуется. А нам эти деньги на похороны годятся. Они ведь сослуживцы, и господин Хэ нам не откажет.

– Ли Третий этого себе не позволит, – заверял шурина всполошившийся Боцзюэ. – Обожди, шурин. Погоди, прежде я сам с ним поговорю.

И Боцзюэ, направившись к Ли Чжи, велел позвать Хуана Четвертого, и они стали держать совет.

– Слугам не следовало бы серебро предлагать, – начал Боцзюэ. – К чему лишних людей втягивать! И лису не поймали, и вони нанюхались. Он вон на вас жалобу надзирателю писать собирается. А они сослуживцы. Как говорится, рука руку моет. Заварили кашу! Куда вам с ним тягаться! Я бы на вашем месте вот что сделал. Потихоньку вернул бы сейчас шурина лянов двадцать. Скажите, в Яньчжоу, мол, пришлось потратиться. А как мне стало известно, подряд брать они не собираются. Так что его нечего и показывать. Его мы Чжану Второму передадим. А вы тем временем две сотни лянов серебра, никак не меньше, соберете. Придется вам и заупокойные жертвы принести. Так вы и усопшего почтите и возвратите серебро. А на оставшийся долг новое письменное обязательство составите. Выплатите в рассрочку. Так вы враз двух зайцев убьете. И репутацию не запятнаете. Все обойдется по-хорошему.

– Ты прав, – согласился Хуан Четвертый. – А ты, брат Ли, поторопился малость.

Под вечер Хуан Четвертый с Ин Боцзюэ поднесли шурина У Старшему двадцать лянов и, объяснив в чем дело, заговорили о подряде. Шурин же знал, что его сестра, Юэнян, от подряда решила

отказаться, в глаза ему сверкнуло блестящее серебро, и он не преминул им воспользоваться.

На другой день Ли Чжи и Хуан Четвертый закололи трех жертвенных животных и, почтив Симэня, возвратили двести лянов, о чем шурин У Старший доложил Юэнян.

Старое долговое обязательство уничтожили и составили новое – на четыре сотни лянов, а пятьдесят лянов было прощено. Долг, по обоюдному согласию, подлежал погашению в рассрочку. Ли Чжи передал контракт Ин Боцзюэ, и они направились на переговоры к Чжану Второму, но не о том пойдет речь.

Да,

Лишь расплавив, подсчитаешь

долю примесей во злате,

В деле денежном узнаешь,

низок человек иль знатен.

Тому свидетельством стихи:

Волю природы никак не изменишь;

Страсти умерь, приглуши вожденье.

Алчный, ты ближнего ныне ограбил –

Выйдет в грядущем тебе разоренье.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ

ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ СРЫВАЕТ ЦВЕТЫ УДОВОЛЬСТВИЯ

ЛИ ЦЗЯО-ЭР, ПОХИТИВ СЕРЕБРО, ВОЗВРАЩАЕТСЯ В «ПРЕКРАСНУЮ ВЕСНУ»

Стихи гласят:

*Как придет в упадок обитель,
так бегут из нее монахи.*

*Рухнет мост – и на людном тракте
сразу путники поредеют!"*

*В бедном доме нерасторопна
малочисленная прислуга*

*Вновь повышен в чинах чиновник,
а народ все живет в униженье*

Если нет. глубины в водоеме.

там не станет водиться рыба:

*Там, где ветви растут не густо.
не совет гнезда себе птица.*

*В отношенье людей друг к другу
и тепло бывает и холод.*

*Те исполнены дум высоких,
эти низость души являют.*

В этом восьмистишии говорится о том, что по-разному складываются взаимоотношения людей да и разные бывают люди, о чем приходится только глубоко сожалеть.

В первую седмицу со дня кончины Симэнь Цина настоятель У из монастыря Нефритового Владыки совершил на дому заупокойную

службу и освятил трапезу, но не о том пойдет речь.

Во вторую седмицу шестнадцать иноков из обители Воздаяния вознесли молитву духам воды и суши.^[1535] Жертвенная снедь была доставлена от свата Цяо. Присутствовали помимо Ин Боцзюэ и другие побратимы: Се Сидя, Хуа Цзюю, Чжу Жинянь, Сунь Тяньхуа, Чан Шицзе и Бай Лайцян.

– Прошло две седмицы, как не стало нашего почтенного господина, – начал Боцзюэ. – А мы были его ближайшими друзьями. Бывало пили, ели у него, изо рта, что называется, вырывали. И покрывал, и ссужал он нас – всем ублажал. И вот его не стало. Так неужто прикинемся, будто знать не знаем, ведать не ведаем! Что ж, выходит, передний грязью брызнул, так задние уж и глаза зажмурили, да? Да он нас за это перед самым загробным судием не простит. Я так полагаю. Пусть каждый из нас внесет по одному цяню серебра. С семерых выйдет, стало быть, семь цяней. Ведь общие-то жертвы обойдутся дешевле. За цянь шесть фэией купим пять чашек рису, фруктов и цветы, цянь на жертвенных животных уйдет, полтора – на жбан вина, полцяня – на погребальную бумагу, благовония и свечи. Два цяня придется отдать за свиток и надпись. Ее мы закажем господину Шую. Пянь два (раня заплатим хоругвеносцу. И не забывайте, траурные повязки ведь получим – фэней по семь за штуку. Глядишь, на юбку или жилетку сгодятся. А потом, нас так не отпустят – всех накормят. А там похороны – на поминках наедемся. Если за столом не зевать, жене с детьми дня два-три сладостей покупать не придется. Ну как, ловко я придумал?

– Верно говоришь, брат! – воскликнули хором побратимы и, достав серебро, передали Ину.

Ин Боцзюэ приготовил жертвенные предметы, купил свиток, а похвальное слово об усопшем заказал составить проживавшему за городскими воротами сюцаю Шую.

Сюцай Шуй отлично знал, кто такие не только Ин Боцзюэ и вся компания шалопаев, но и сам Симэнь Цин, а потому не преминул приправить славословие изрядной порцией острой издевки.

Когда свиток был готов, перед гробом Симэня поставили жертвенный стол и развернули свиток. Ближайших друзей покойного принимал облаченный в траур Чэнь Цзинци. Первым воскурил благовония Ин Боцзюэ, за ним последовали остальные. Неискушенные в грамоте, они не представляли себе содержания слова и после возлияний принялись его читать во всеуслышание.

А оно гласило:

"В третий под двадцать седьмым знаком гэн-инь, второй луны под двадцать пятым знаком моу-цзы, первого года под тридцать пятым знаком моу-суй при правлении под девизом Двойной Гармонии мы, Ин Боцзюэ, Се Сиды, Хуа Цзыю, Чжу Жинянь, Сунь Тяньхуа, Чан Шицзе и Бай Лапцян, с благоговением приносим жертвенное вино и мясо, дабы почтить Его Величества гвардии начальника покойного Симэня, и перед прахом его воздаем ему славу.

Усопший, ты отличался упорством и прямою, характером был тверд и непреклонен. Ты не робел перед слабым, не покорялся сильному. Ты не переставал очищать ближних и помогать жаждущим. Одних ублажал каплею воды, других – маковой росинкой. С осанкой горделивой и тугой мощной, ты, снадобьями подкрепленный, приходил в неистовое возбуждение и верх одерживал в любовных схватках. Среди шеренг, парчовых юбок подвизался и кладовые лона постоянно посещал. Вшей подцепил, но выскребать их и не думал, а гнидами обсыпался – и начесаться был не в силах.^[1536]

Мы, ничтожные, обязанные милости твоей, были всегда подручными тебе в подчресельных делах, когда ты ночи проводил под ивами в домах веселья, когда, отдавшись буйной страсти, с гордо поднятой головой, вел упорные бои и жаркие сраженья. Что ж случилось вдруг с тобой?! Недуг тебя скосил. Ты ноги протянул. Нас, отпрысков, точно подбитых голубков, оставил на произвол судьбы. Нам не на кого больше положиться. Не любоваться больше нам цветами в дымке, не подходить к роскошным воротам и красным стенам особняка, где обитают красотки-чаровницы. Не пировать уж с ними, яшмы изваянья не ласкать, не мчаться на конях; туда, где аромат струится и тепло. Ты бросил нас, связал нам руки, оставил без гроша. И голову повесил каждый. Мы ныне пресное вино в жертву приносим. Тебе, душа, протягиваем кубок. Внемли же зову, к нам явись и насладись дарами!»

После принесения жертв к ним вышел Чань Цзинци, поклонившись, пригласил их в крытую галерею, где было устроено угощение.

Когда о смерти Симэня узнала хозяйка «Прекрасной весны», у нее тотчас же родился план. Приготовив жертвы, она направила в паланкинах Ли Гуйцин и Ли Гуйцзе, чтобы те сожгли жертвенные деньги и выразили соболезнование.

Юэнян не вышла. Певиц принимали Ли Цзяоэр и Мэн Юйлоу. – Мамаша вот что велела тебе передать, – шептали певицы па ухо Ли Цзяоэр. – Мы певицы, а раз хозяин умер, незачем тебе в одиночестве сидеть. Всякому пиру, как говорится, конец приходит. Мамаша наказывала, чтобы вещи свои ты незаметно передала Ли Мину. У нас

они будут в сохранности. А ты дурочкой-то не будь! Как в гостях ни хорошо, а дома все лучше. Рано или поздно тебе все равно с этим домом расставаться. Совет этот крепко запал в душу Ли Цзяоэр.

В тот же день Ван Шестая, жена Хань Даого, одетая в траур, тоже прибыла в паланкине почтить покойного. Она сожгла бумажные деньги, расставила перед гробом жертвы, но никто к ней не выходил.

Ван Цина, надобно сказать, рассчитали еще в первую седмицу, а другие слуги не решались доложить о прибытии Ван Шестой. Только ничего не подозревавший Лайань направился в покои Юэнян.

– Тетушка Хань прибыла с соболезнаваниями, – докладывал он хозяйке. – Вас ждет, матушка. Дядюшка У велел вам сказать. У Юэнян так и закипела от зла.

– Убирайся отсюда, рабское твоё отродье! – заругалась она. – Тетушка Хань, тетушка Дрянь! только её соболезнаваний тут не хватало! Что ты, проклятый, эту сукину дочь не знаешь?! Она семьи разрушает, шлюха, отца с сыном ссорит, негодяйка, мужа с женой разлучает...

Лайань едва нащупал дверь и поспешил к гробу Симэня.

– Матушке доложил? – спросил его шурин У Старший.

Лайань что-то бормотал. После долгих расспросов он, наконец, признался, как его отчитала хозяйка. Шурин поспешно направился к сестре.

– Сестра! – обратился он к Юэнян. – Как ты так могла?! Зачем грубить! Есть плохие люди, но нет плохих обрядов. Помни, сколько наших денег в руках у её мужа. К чему же ты так с ней обходишься? Нельзя так! Ты же своё достоинство теряешь. Если сама выходить не желаешь, других пошли. А так разве можно! Хочешь, чтобы тебя осуждали?

Юэнян на это ничего не ответила. Немного погодя Ван Шестую приняла Мэн Юйлоу. Они сели неподалеку от гроба. Ван Шестой было неловко, и после чашки чаю она откланялась.

Да,

Пожалуй всей Янцзы. вода
не смоем краски от стыда.

Ли Гуйцзе, Ли Гуйцин и У Иньэр, сидевшие в хозяйкиных покоях, слышали, как Юэнян на все лады поносила жену Хань Даого. А когда рубят сучок, целое дерево страдает. Не по себе им стало и, не дождавшись заката, они начали откланиваться.

– Погостите! – удерживала их Юэнян. – Вечером с приказчиками

кукольное представление посмотрели бы. А домой и завтра успеете.

После долгих уговоров Гуйцзе и Иньэр остались, а Гуйцин отправилась домой.

К вечеру монахи разошлись. Собралось более двадцати человек. Помимо соседей, приказчиков и счетоводов были тут сват Цяо, шурин У Старший и У Второй, свояк Шэнь, Хуа Цзыю, Ин Боцзюэ, Се Сиди и Чан Шицзе. Они-то и позвали кукольников. Под навесом были накрыты столы. Разыгрывали пьесу «Убитая собака помогает вразумить мужа», в которой персонажами выступали братья Сунь Жун и Сунь Хуа.^[1537]

Гости расположились в помещении сбоку от гроба, откуда смотрели представление из-за ширм и спущенных занавесей.

За столом гостям прислуживали оставленные на ночь Ли Мин и У Хуэй. Немного погодя все приглашенные были в сборе. После принесения жертв под навесом зажгли свечи. Гости заняли свои места за столами. Грянула музыка и началось кукольное представление, которое окончилось только в третью ночную стражу.

Со смертью Симэня, надобно сказать, не проходило и дня, чтобы Чэнь Цзинци не заигрывал с Пань Цзиньянь. То они строили глазки прямо перед гробом усопшего, то шутили за занавеской. Так случилось и на этот раз. Когда гости стали расходиться, женщины удалились в хозяйкины покои, а слуги принялись убирать посуду, Цзиньянь бросилась к Цзинци и ущипнула его за руку.

– Сынок! – говорила она. – Нынче матушка даст тебе то, чего ты так желаешь. Пойдем к тебе, пока твоя жена в дальних покоях.

Обрадованный Цзинци бросился отпирать дверь. Цзиньянь во тьме незаметно проследовала за ним. Ни слова не говоря, она разделась и навзничь возлегла на кан. Как утка с селезнем резвясь, она с Цзинци затеяла порочную игру.

Да,

Как по Небесному велению
предались страстному волненью.

Игру дождя и тучи
продлили схваткой жгучей.

Два года продолжались их свиданья. Однажды наступил миг долгожданного слиянья. Тянулись годы ожидания, пришли однажды согласие и лад. Она колышет талией, как ива гибкой; он неистово орудует нефритовым пестом. И слышны заверения в глубокой любви, раздаются клятвы верности вечной. Она щебечет иволгой, он

целеустремленной мотылька. Игру прелестница ведет на тысячу ладов. Неистовствует дождь, стыдится тачка. Какие только чары не пускает в ход! Он тихо шепчет: «Милая моя!». Его обняв, она зовет: «Мой ненаглядный!».

Да,

Давно восхищался изяществом ивы,
а ныне поддался пленяющим чарам.
По-прежнему нежный, как прежде красивый,
цветок багровеет, объятый пожаром.

Завершив задуманное, Цзиньянь из опасения быть застигнутой поспешно покинула спальню и направилась в дальние покои.

На другой день, будучи под сладостным впечатлением пережитого накануне, Цзинци с раннего утра был уже у спальни Цзиньянь. Она еще спала. Он наблюдал за нею через щелку в окне. Ее укрывало расшитое багряными облаками (одеяло. Напудренные ланиты казались изваянными из яшмы.

– Вот так управительница! – воскликнул Цзинци. – До сих пор почивает! Матушка Старшая велела убрать жертвы от Ли Чжи и Хуана Четвертого. Нынче сват Цяо жертвы приносит. Вставай! Я жду ключи.

Цзиньянь велела Чуньмэй передать Цзинци ключи. Он же наказал горничной самой отпереть дверь наверху. Цзиньянь тем временем высунулась в окно и слилась с Цзинци в поцелуе.

Да, сколько досталось ему
Ароматных уст нектара.
Сердца сладостного жара.
Тому свидетельством стихи:
Отчего кукушка жалобно кричит?
Слиты воедино любящих. сердца.
Нету ароматней, сладостней ланит.
Страсть в глазах блестящих, ласки без конца.
Пальчики – бамбука нежные ростки,
Разметалась туча шелковых кудрей,
Серьги разлетелись – розы лепестки.
Рот ее кораллов дорогих алей.
На щеках играет утренний восток.
Вспомнишь – и на сердце сладостный восторг!

Чуньмэй отперла дверь, и Цзинци пошел посмотреть, как будут переносить жертвы.

Немного погодя почтить покойного явился сват Цяо. С ним прибыли его жена и многочисленная родня. После принесения жертв перед гробом, свата Цяо угощали во временной постройке, где за столом рядом с ним сидели оба шурина и приказчик Гань. Их услаждали пением Ли Мин и У Хуэй.

В тот же день с соболезнованиями прибыла Чжэн Айюэ. Юэнян велела Юйлоу дать певице траурную юбку и поясную повязку, после того как та почтила усопшего сожжением бумажных денег. Айюэ приняли вместе с другими гостями в дальних покоях.

– Чего же это вы мне-то ни слова не сказали? – увидев Ли Гуйцзе и У Иньэр, обратилась к ним Айюэ. – Хороши подружки! Я бы давно пришла. – Певица заметила Юэнян с младенцем и продолжала: – У Вас, матушка, и горе и радость в одно и то же время. Прискорбно, что так безвременно скончался батюшка. Но вы обрети наследника-кормильца, и он будет вам утешением.

Юэнян дала певицам траурные одежды и оставила их до вечера.

Третьего дня во второй луне, когда вышла вторая седмица после кончины Симэня, панихиду служили шестнадцать монахов из монастыря Нефритового Владыки во главе с настоятелем У. Ее заказал тысяцкий Хэ. Вместе с ним в принесении жертв участвовали дворцовые смотрители Сюэ и Лю, столичный воевода Чжоу, комендант Цзин, командующий Чжан, квартальный Юнь и еще несколько военных чинов.

Юэнян попросила свата Цяо, брата У Старшего и Ин Боцзюэ принять чиновных особ. Их угощали во временной постройке, где им пели Ли Мин и У Хуэй, но говорить об этом подробно нет необходимости.

К вечеру, когда монахи отслужили панихиду по усопшем, Юэнян распорядилась, чтобы дщицу и портрет Ли Пиньэр вынесли и предали огню, а сундуки и корзины с ее добром перенесли в дальние покои. Туда же, в услужение Юэнян, перешли Жуи и Инчунь. Сючунь отдали Ли Цзяоэр. А покои Ли Пиньэр заперли.

Да,

Не успели просохнуть и балки,
расписные, резные порталы,
А уже не увидишь у залы
восхищенных гостей карнавала.

Тому свидетельством стихи:

Рассеялась дымкою фея дождя,

а ручьи затопили ложбину.
Только месяц белёсый меня подождал
у немого утёса на шпиле.
Только чувств перетёртых искомкан наждак.
Только самообманом мы жили.

Изо дня в день суетился Ли Мин и доме Симэня, делая вид, будто помогает домашним. В действительности же он украдкой подговаривал Ли Цзяоэр, пока она не передала ему похищенные ценности, которые (ж отнес в «Прекрасную весну». Потом Ли Мин опять по два, а то и по три дня не уходил из дома (Симэня. Только Юэнян оставалась в неведении, и никто не решался сказать о происходящем в доме, так как брат ее, У Второй, давно водил шашни с Ли Цзяоэр.

Девятого числа правили заупокойную службу по случаю третьей седмицы, на которой присутствовала и У Юэнян. В четвертую седмицу панихиды не было. Двенадцатого рыли могилу^[1538] в присутствии Чэнь Цзинци, а рано утром двадцатого состоялся вынос. Несли много жертвенных предметов и денег, но провожающих было все же не так густо, как на похоронах Ли Пиньэр.

Вынос совершал настоятель монастыря Воздаяния. Он восседал в высоко поднятом паланкине, откуда провозгласил славословие, в котором обозрел жизнь Симэнь Пина от начала до конца. Славословие гласило:

«С глубоким уважением произносим мы имя усопшего. Его Величества гвардии начальника Симэня.

Жизнь человека, по нашему скромному мнению, длится, как вспышка молнии – всего лишь мгновение. Только камень вечен – не горит в огне. Опавший цветок не вернется обратно на ветку, как вспять не течет вода к роднику. Ты жил в хоромах расписных и узорных дворцах. Но жизнь истекла, и угас, как свеча на ветру. Высокие чины и званья – все пройдет, как сон, когда час роковой наступит. Золото и дорогой нефрит – лишь прах, горестей и бед начало. Румяна и наряды – тщетные затеи мирской суеты. Не длиться весь век наслаждениям, а тьма так тяжка и горька. Будешь однажды обласкан на ложе, и у желтых истоков твой навеки сокроется след.^[1539] К чему самомнение и чванство пустое, когда тленные кости засыпят сырую землю. Твои сады и необозримые поля расхватают дети, от тысяч сундуков парчи и шелков после смерти не найдешь и нитки. Развеется жизнь, точно огонь на ветру, и ни старых, ни малых – не сыщешь никого. Поток размывает горы громаду, много ль героев остается в живых! Да, горько ч тяжело

это сознавать! Твое дыхание в ветер обратилось, а тело твое возвращается в землю. Кто дух испустит, тому обратно жизни не вдохнешь. И несть числа перерождениям!»

Стихи гласят:

Смерть не сравнится ни какой кручиной,
Всяк борется со смертью пред кончиной.
Вода с огнем всегда в борьбе суровой.
Преследуют везде один другого.
Кружат над ними демоны и духи.
Покуда живы – слепы мы и глухи,
И ни за что нам не узнать, поверьте,
Куда попасть должны мы после смерти.
Нагие, новорожденным подобны.
Предстанем пред Владыкою загробным.

Настоятель кончил чтение славословия. Чэнь Цзинци разбил жертвенный таз^[1540] и двинулся за поставленным на катафалк гробом. Когда траурная процессия вышла за ворота, улица огласилась громкими рыданиями близких и домочадцев.

У Юэнян следовала за гробом в паланкине. В паланкинах же сопровождали покойного и остальные женщины.

За Южными воротами города, в пяти ли от него, где находилось семейное кладбище Симэней, Чэнь Цзинци вручил квартальному Юню кусок шелка и попросил торжественно освятить дщицу души усопшего. Геомант Слой ведал погребением. После того, как родные и близкие засыпали гроб землею, на могильном кургане расставили жертвы. В прощальной церемонии, увы, участвовало всего лишь несколько человек. Были тут шурин У (Старший, сват Цяо. тысяцкий Хэ, свояки Шэнь и Хань да человек пять-шесть приказчиков.

Настоятель У оставил двенадцать послушников для возвращения дщицы усопшего, которую торжественно, в присутствии всей родни, установили в зале. После того как геомант окропил помещение, родственники разошлись по домам. Юэнян же с остальными женами остались у дщицы покойного мужа.

После первой уборки могилы^[1541] отпустили выделенных из управы солдат.

В пятую седмицу Юэнян пригласила двенадцать монахинь во главе с настоятельницей Сюэ, матерью Ван и старшей наставницей отслужить панихиду и сопроводить душу новопреставленного на небо. Рядом с Юэнян были жена У Старшего и жена У Шуньчэня.

Надобно сказать, что еще во время похорон Симэня, у его могилы, Ли Гуйцзе и Ли Гуйцин долго шептались с Ли Цзяоэр.

– Мамаша вот что велела тебе передать, – говорили ей певицы. – Весу у тебя тут нет, драгоценностями ты не владеешь. Значит и незачем в этом доме оставаться. Тем более, у тебя нет ребенка, а потому нечего траур блюсти. Мамаша советует тебе устроить скандал и уйти. Вчера у нас был Ин Боцзюэ. Говорит, богач Чжан Второй с Большой улицы готов пятьсот лянов серебра выложить и взять тебя второй женой. Собирается хозяйкой дома сделать. Перед тобой открываются новые возможности. А тут так и будешь прозябать до самой смерти. Мы, певицы, должны без сожаления расставаться со старым и стремиться к новому, искать местечко потеплее да повыгоднее. Так что смотри, не упusti случай!

Ли Цзяоэр крепко запомнила, что ей сказали, а когда тлеет, то достаточно небольшого ветерка, чтобы вспыхнул пожар. И вот после пятой седмицы Цзиньянь обратилась к Сюэ. – После похорон, – говорила Цзиньянь, – Ли Цзяоэр па кладбище в беседке с шурином У Вторым любезничала. А Чуньмэй своими собственными глазами видала, как она за ширмой узелок припасла, потом Ли Мину передала, а тот его отнес к себе в вертеп.

Слухи дошли до Юэнян. Отчитав брата, она отправила его в лавку и запретила наведываться на женскую половину дома, а привратнику Пиньяню было запрещено пускать Ли Мина. Стыд Ли Цзяоэр сменился на гнев. Она только никак не находила повода. Но вот однажды, когда Юэнян угощала невестку У Старшую, она пригласила Мэн Юйлоу, но обошла Ли Цзяоэр. Тут-то разгневанная Цзяоэр и обрушилась с руганью на хозяйку. Она ударяла по столу, на котором стояла дщица Симэня, громко рыдала и кричала, а среди ночи, в третью стражу, собиралась было повеситься. Когда служанка доложила Юэнян, та испугалась и решила посоветоваться с невесткой. После совета пригласили хозяйку «Покрасней весны», чтобы вернуть Ли Цзяоэр на ее прежнее место.

Мамаша из опасения, что Ли Цзяоэр не отдадут ее наряды и украшения, начала торговаться.

– Натерпелась тут у вас моя дочка! – воскликнула старуха. – А где возмещение! Как легко вы хотите от нее отделаться! Несколько десятков лянов серебра вы дать обязаны, хотя бы от стыда.

Шурин У Старший, будучи лицом чиновным, не решился настаивать на своем и после долгих переговоров велел Юэнян отдать Ли Цзяоэр все, что у нее было: одежды и украшения, утварь, сундуки и

кровать. На том и перешли. Правда, как того ни хотелось Ли Цзяоэр, горничных Юаньсяо и Сючунь с ней не отпустили. Тут решительно уперлась У Юэнян.

— Что, хочешь честных девушек обратить в продажных девок, да? — воскликнула Юэнян, чем сразу заставила хозяйку «Прекрасной весны» прикусить язык.

Старуха, расплывшись в улыбке, откланялась. Ли Цзяоэр отбыла в паланкине.

Да, дорогой читатель! Певички из домов веселья тем только и живут, что торгуют чарами и прелестями. Утром у них щеголь Чжан, под вечер гуляка Ли. В ворота к ним входит почтенный отец семейства, с заднего крыльца они впускают его сына. Бросают старого поклонника и заводят нового, от денег разгораются глаза, — такова уж их натура. Пока певица живет в доме веселья, она заманивает и хватается всякого, всякому курит фимиами и льстит, желая во что бы то ни стало выйти замуж. Тут она готова переродиться и следовать стезею добра. Однако, как бы ни почитал и ни любил ее муж, ему все равно не завоевать навсегда ее привязанности, ибо непостоянство в самой ее природе. Она либо и при живом муже будет искать запретных угод, либо с его смертью учинит скандал и покинет дом. Так что рано или поздно она вернется в прежний котел.

Да,

Змея вползет в нору и там
все извиваться норовит;
Из клетки вырвется своей
и тотчас птица улетит.
Тому свидетельством стихи:
Увы, недолгий век цвести
тебе красавица-цветок.
Ночь настает и новый гость
войти желает в твой черток.
Прелестница. твой гибкий стан
влечет любителей угод,
Уж многим довелось познать
губ увлажненных аромат.
Такой пленительною ты
и миловидной рождена,
Но лицемерием, увы,
душа твоя поражена.
Тебя хоть замуж позови,

хоть добродетелью мани, —
Все будешь с грустью вспоминать
в пороке прожитые дни.

Отпустив Ли Цзяозер, Юэнян громко разрыдалась. Окружающие успокаивали хозяйку.

— Не расстраивайтесь, сестра, не надо! — говорила Цзиньлянь. — Как волка ни корми, он все в лес глядит. Шлюхой была, шлюхой и осталась. К прежнему своему ремеслу вернулась. Зря вы, сестрица, тужите.

Не успела Юэнян успокоиться, как пошел Пинъань. — Соляной инспектор его превосходительство Най пожаловали, — доложил он, — В зале ожидают. Я уведомил о кончине батюшки двадцать первого дня в первой луне. Они спросили о дщице. Я ответил, что дщица установлена в зале в дальних покоях. Они изъявили желание почтить покойного батюшку.

— Зятюшке скажи, пусть он примет, — распорядилась Юэнян. Немного погодя появился облаченный в траур Чэнь Цзинци и поклонился гостю. Когда убрали помещение, инспектора Цая пригласили в дальние покои, где он поклонился перед дщицей покойного. Вышла в глубоком трауре Юэнян и засвидетельствовала свое почтение гостю. Инспектор Цай не стал утруждать ее расспросами.

— Отдыхайте, сударыня, прошу вас, — вежливо предложил он Юэнян вернуться к себе и комнату и обернулся к Чэнь Цзинци. — В свое время мне приходилось не раз беспокоить вашего покойного хозяина, — продолжал гость. — И вот, когда истек срок службы, по дороге в столицу и почел за долг выразить мою благодарность. Я не мог себе представить, что его не стало. Каким же недугом страдал ваш почтенный господин, позвольте узнать, сударь.

— Мокротной лихорадкой, ваше превосходительство, — отвечал Цзинци.

— Прискорбно, очень прискорбно! — воскликнул Цай и вызвал сопровождающего. Тот принес два куска ханчжоуского шелку, пару шерстяных чулок, четыре вяленых окуня и четыре банки засахаренных фруктов. — Эти скромные дары я подношу в знак моего искреннего уважения, — продолжал инспектор и протянул полсотни ляпов серебра. — А это долг, взятый как-то у почтенного господина, который и возвращаю в знак нашей неизменной дружбы. Примите, пожалуйста, и уберите это серебро.

— О, вы так обязательны, ваше превосходительство! — проговорил

Цзинци.

– Ваше превосходительство, – обратилась Юэнян. Прошу вас, пройдите, пожалуйста, в переднюю залу.

– Благодарю вас, не извольте беспокоиться, – отвечал гость. – Я мог бы и тут выпить чашку чаю.

Слуги подали чай. Цай выпил чашку и, быстро поднявшись, направился к паланкину.

Юэнян, конечно, приятно было получить пятьдесят ляпов, но в то же время и грустно стало на душе: «Бывало – подумала она, – разве отпустили бы ни с чем столь знатную особу! Какой прием бы устроили. Пировали бы допоздна. А теперь? Вот они богатства. Смотри на них! А высокого гостя принять некому»

Да,

Кто дружбой богат —
луной насладится и ветром.
Лишь бросит свой взгляд
увидит и выси и недра.
Тому свидетельством стихи:
Тихо в доме,
дверь не скрипнет
этим долгим вешним днем.
Только слезы
бьют ключами,
как подумаю о нем.
Дух весенний
грусть навевает,
жизни ощущая крах.
Скорбны думы,
сердцу больно,
тени осени в очках.

Итак, Ли Цзяоэр вернулась в «Прекрасную весну». Как только И Боцзюэ прослышал эту новость, он не замедлил сообщить Чжану Второму, Тот выложил пять лянов серебра и провел с ней ночь.

Чжан Второй, надобно сказать, был годом моложе Симэнь Цина. Родился в год зайца и шел его тридцать второй год, а Ли Цзяоэр – тридцать четвертый,^[1542] но мамаша обманула гостя, сказав, что ей всего двадцать восемь, и просила Ин Боцзюэ ее не выдавать. За три сотни лянов Чжан взял ее в дом второй женой. А Чжу Жинянь и Сунь Молчун за компанию с Ваном Третьим стали по-прежнему частыми

гостями Ли Гуйцзе из «Прекрасной весны», но не о том пойдет речь.

Боцзюэ, Ли Чжи и Хуан Четвертый заняли пять тысяч ляннов серебра у дворцового смотрителя Стоя, такую же сумму выложил Чжан Второй, и они, войдя в сделку с областным управлением в Дунпине, взяли подряд на поставку старинной утвари двору. Несколько дней подряд пировали они в домах веселья, подъезжая на холеных конях с дорогою сбруей.

Воспользовавшись смертью Симэня, Чжан Второй подкупил тысячью ляннов члена Высшего Тайного совета Чжана, императорского родственника. Тот замолвил слово перед главнокомандующим Его Величества гвардии Чжу Мянem, чтобы назначить Чжана на освободившийся пост главного надзирателя судебно-уголовной управы. Чжан Второй купил сад и начал возводить постройки. Дня не проходило, чтобы к нему не заглядывал Боцзюэ. Этот подхалим докладывал обо всем, что происходило в доме Симэня.

— Есть у него пятая жена, — говорил Боцзюэ, — зовут Пань Цзиньянь. Красавица! Картина! Стихи и оды, песни и романсы — чего она только ни знает! Загадки и шарады разгадывает, в двойную шестерку и шашки играет. И грамоте обучена. А как пишет! На лютне играть мастерица. Ей не больше тридцати. Любую девушку за пояс заткнет.

Сердце забилося у Чжана, и ему захотелось сейчас же овладеть красавицей.

— Уж не бывшая ли это жена торговца лепешками У Чжи? — спросил он.

— Она самая, — подтвердил Боцзюэ. — Потом ее взял Симэнь. Лет пять у него прожила. Не знаю, правда, собирается ли она замуж.

— Узнай, будь добр, — попросил Чжан. — Если она не против, дай мне знать. Я ее возьму.

— У меня там среди слуг свой человек поставлен, — говорил Боцзюэ, — зовут его Лайцзюэ. Погоди, я его спрошу. Если только у нее есть такое намерение, я тебе дам знать. Такую, как она, нелегко разыскать. Певица ей в подметки не годится. Сколько, помнится, Симэнь затратил усилий, прежде чем ему удалось ее взять. Как говорится, всякая тварь да имеет своего хозяина. Словом, счастливая из вас выйдет пара, что и говорить! Тем более тебе теперь при твоём-то блеске и могуществе да не насладиться такой красавицей значило бы зря копить все эти богатства и сокровища. Словом, я велю Лайцзюэ выведать ее намерения. Хотя бы только намекнула, тогда я уж пустил бы в ход все свое красноречие и наверняка расшевелил бы ее страсть.

По прежде чем она войдет к тебе в дом и ты получишь полное наслаждение, тебе придется раскошелиться. Расходы выльются и несколько сотен лянгов.

Да, дорогой читатель! Ничтожен всякий на свете прихлебатель! Он корыстолюбив и полагается на сильного, льнет к тому, кто богат и всемогущ, чтобы втереться приживалой, льстит как только может своему покровителю, превозносит до небес его заслуги, прославляет его добродетели, а порою и вводит в расходы. Прихлебатель величает своего хозяина бескорыстным и справедливым, мужем, щедрым, с открытой душой, подхалимствует и угодничает, готов ради него пожертвовать сыном, бросить жену и до чего только не доходит! Однако же стоит только прихлебателю убедиться в крахе своего покровителя, как он тотчас начнет осыпать его насмешками и возводить на него клевету. Прихлебатель будет упрекать покровителя и в том, что тот дом забросил, хозяйство разорил и заветы предков нарушил. Вот-де какой он злодей! А про благодеяния забудет, как будто их никогда и не видал. Симэнь Цин ведь до того был привязан к Ин Боцзюэ, что считал его ближе брата родного – и кормил его, и одевал, и содержал. А чем он отплатил Симэню, пока тот еще теплый лежал!

Да,

Пусть полосатый тигр красив —

нутро не разглядишь до дна;

Любезен с виду человек —

душа же у него темна.

Тому свидетельством стихи:

Не знал покоя побратим,

во всем старался угодить.

И чистоту по души

хотелось с лотосом сравнить.

Симэнь оставил этот мир,

и вот корыстный побратим

Тотчас готов просватать вдов

в дома к приятелям своим.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

ХАНЬ ДАОГО, ПРИКРЫВАЯСЬ СОЛИДНЫМ ЗАСТУПНИКОМ, КРАДЕТ СЕРЕБРО

ТАН ЛАЙБАО, ПРЕНЕБРЕГАЯ ХОЗЯЙСКИМИ МИЛОСТЯМИ, ПУСКАЕТСЯ В ОБМАН

*Зависимость наша от Неба
всевечна и непреложна,
Есть суд, и есть воздаянье –
уйти от них невозможно!
Кто меры в страстях не знает,
с чужою женой нескромен,
Крадет у своих хозяев –
лукав тот и вероломен.
По смерти слугами предан
всесильный при жизни хозяин.
Такой обречен скитаться,
всегда душой неприкаян.
Чего ж ты, Симэнь добился?
Забыв про бывшее братство,
Негодники да хапуги
расхитят твои богатства.*

Итак, Хань Даого и Лайбао получили от Симэня четыре тысячи лянов серебра и отправились в земли Цзяннани закупать товар. Под ветром питались, на воде спали. На ночь останавливались, рассветом пускались в путь. Добравшись до Янчжоу, остановились у Мяо Цина.

Прочитал Мяо Цин письмо Симэня и, памятуя о том, что обязан был ему жизнью, всячески стал ублажать прибывших. Он даже купил девицу по имени Чуюнь, которую держал у себя, чтобы послать Симэню в благодарность за оказанную милость.^[1543] А Хань Даого с Лайбао целыми днями пировали и развлекались среди цветов под ивами.^[1544]

Но вот настали первые дни зимы.^[1545] Нависли сорванные холодные тучи, с жалобным криком пролетели гуси. Опали деревья. Унылый пейзаж навевал неодолимую тоску по дому. Заторопились тогда Хань Даого и Лайбао. Пустились в разъезды за холстом, а товар сгружали пока в Янчжоу у Мяо Цина, чтобы, покончив с закупками, двинуться в обратный путь.

Хань Даого, надо сказать, еще раньше увлекался певичкой Ван Юйчжи из старинного янчжоуского заведения, а Лайбао познакомился с Сяохун, младшей сестрой певицы Линь Цайхун. И вот пригласили они однажды певиц, а также соляного купца Ван Хайфэна и Мяо Цина на Баоинское озеро. Пировали весь день, а когда вернулись в заведение, оказалось, что матушка Ван, хозяйка Ван Юйчжи, собирается справлять свой день рождения. Хань Даого решил тогда устроить по сему случаю в заведении пир и пригласить гостей. Слуге Ху Сю велено было закупить вина с закусками и пригласить заезжих купцов Ван Дунцяо и Цянь Цинчуаня. Оба купца давным-давно пожаловали вместе с Ван Хайфэном, а Ху Сю все не было. Солнце стало клониться к закату, когда он, наконец, появился.

– Где это ты, голубчик, до сих пор пропадал, а? – набросился на слугу подвыпивший Хань Даого. – Где нализался, а? Так вином и разит! Гости давно пожаловали, а тебя все носит. Погоди, завтра я с тобой рассчитаюсь.

Ху Сю искоса глянул на Ханя и удалился, ворча:

– На меня напускаешься, а жена твоя там, небось, только успевай поворачиваться. Пока ты тут, очертя голову, с певичками шьешься, жену твою дома батюшка в объятиях душит. Вот он тебя и отослал куда подальше. Веселишься, а жена там потей, да еще как! Да тебе хоть бы хны, невдомек, пока пальцем не укажут.

Так говорил он, стоя рядом с хозяйкой заведения, пока та не вывела его во внутренний двор.

– Пьян ты, брат, – уговаривала его мамаша Ван. – Иди-ка проспись.

Но Ху Сю разбушевался пуше прежнего и ни в какую не хотел уходить.

Тем временем разодетый в белую атласную куртку, бархатный

халат, валенные сапоги и теплые чулки Хань Даого пировал с гостями. Вдруг до него донеслась злобная брань Ху Сю. Разозленный он выбежал во двор и пнул Ху Сю ногой.

– Ах ты, негодяй, арестант! – заругался Хань. – Я еще тебе по пяти фэней серебра в день плачу. Сейчас же убирайся! Болван! Думаешь, я другого не найду?!

Но Ху Сю уходить не собирался. Двор опять огласился его криком.

– За что гонишь, а? – вопрошал он. – Или, может, я деньги растратил? Это ты на баб деньги транжиришь, а меня замарать хочешь. Вот приедем домой, все расскажу.

Тут Лайбао стал уговаривать Хань Даого, потом взял за руку и отвел в сторону.

– У, сукин сын, – обернулся в сторону слуги Лайбао. – Надо ж было напиться до такой степени!

– Дядя, дорогой ты мой! – обратился к нему Ху Сю. – Не слушай ты его! Откуда он взял, что я напился!? Нет, я ему все выскажу.

Лайбао втащил слугу в помещение и уложил спать.

Да,

Ты будешь пьян, не промочив и глотки,

И очумеешь даже без красотки.

Однако не будем говорить, как Лайбао укладывал Ху Сю.

Хань Даого из опасения, как бы гости не стали над ним посмеиваться, вместе с Лайбао старался им угодить: обносил вином и отпускал шутки. Пир был в разгаре. Сестры Цайхун и Сяохун вместе с Ван Юйчжи игрою, пением и танцами ублажали пирующих. Играли в застольный приказ и отгадывали число пальцев. Пировали вплоть до третьей ночной стражи.

На другой день Хань Даого хотел наказать Ху Сю.

– Что я говорил? – удивился слуга. – Ни слова не помню.

Лайбао с Мяо Цином умиротворили Ханя, но хватит пустословить.

Наконец, товар был закуплен, упакован и перенесен на корабль. Тут неожиданно прихворнула девица Чуюнь, предназначенная в подарок Симэню.

– Как только поправится, я ее с посыльным отправлю, – сказал Мяо Цин.^[1546]

Он передал вместе с ответным письмом кое-какие подарки Симэню и проводил обоих гостей, которые и отбыли втроем с Ху Сю. Ван Юйчжи и сестры Линь устроили им на пристани прощальное угощение.

Отчалили они десятого в первой луне, но о дорожных приключениях говорить не будем.

Когда они приблизились к плотине в Линьцзяне, стоявший на носу корабля Хань Даого вдруг заметил соседа Яня Четвертого. Тот стоял на палубе встречного корабля, а прибыл он сюда для встречи чиновного лица. Завидев Хань Даого, Янь поднял руку и крикнул:

– Хань Сицяо! А твой хозяин в первой луне скончался.

Тут корабль прибавил ходу, и они разминулись. Новость эту Хань Даого от Лайбао скрыл и никому не сказал ни слова.

Постигла в то время земли Хэнани и Шаньдуна великая засуха. На тысячи ли горела земля. Поля стояли голые – выжгло даже бурьян. Цены на хлопок и холст сразу резко подскочили. Кусок холста стоил на целую треть дороже прежнего. Повсюду встречались местные торговцы-барышники, выезжавшие навстречу прибывавшим купцам, у которых и перекупали товар прямо на пристани Линьцин или в ближайших местах.

Хань Даого стал держать совет с Лайбао.

– На корабле у нас, считай, на четыре с лишним тысячи лянов товару, – говорил он, – Цены, видишь, на треть поднялись. Не лучше ли продать половину партии здесь, а? Тогда и на пошлине выгадаем. Ведь и дома продать – то ж на то выйдет. А упустить рынок – потом пожалеешь.

– Ты, брат, конечно, прав, – отвечал Лайбао. – Ну а как батюшку прогневаем, что тогда?

– Я всю вину на себя возьму, – заметил Хань.

Лайбао был не в силах ему противиться, и они продали на тысячу лянов холста.

– Ты, брат, оставайся с Ху Сю на корабле, – распорядился Хань Даого. – Ждите, пока я пошлину уплачу. А тысячу лянов мы с Ван Ханем упакуем и по суше домой доставим. Я перед батюшкой и отчитаюсь.

– Письмо акцизному Цяню не забудь у батюшки попросить, – наказывал Лайбао. – Чтобы пошлину снизил и провоз не задерживал.

– Хорошо, – согласился Хань Даого и, упаковав व्यюки, вместе с Ван Ханем отбыл в Цинхэ.

И вот однажды обогнули они полукруглую стену и въехали через южные ворота в город Цинхэ. Солнце начало клониться к закату. Тут на дороге повстречался им Чжан Ань, кладбищенский сторож Симэней. Он вез к городским воротам тележку, нагруженную вином, рисом и коробками снеди.

– А, дядя Хань! – воскликнул сторож. – Воротился?

Хань Даого обернулся к одетому в траур Чжан Анью и спросил, что случилось.

– Батюшка скончались, – отвечал Чжан. – Завтра, девятого дня третьей луны, седьмая седмица исполняется. Вот матушка Старшая распорядилась съестное на кладбище доставить. Заупокойную службу править будут.

– Какое горе! – не раз повторил Хань Даого. – И в самом деле, прохожего речь, – что надпись на камне. Не зря слух прошел.

Сел Хань Даого на осла, а когда они въехали в город, наступил вечер.

Только взгляните:

На перекрестках сверкают огни фонарей. Звон колокольный несется из дымки благоуханной храма Девяти Светил. Диск луны, яркий, повис вдали над лесом. Редкие звезды мерцают на небесах. В воинской части – чу! – горнист заиграл. Падают капли – времени счет ведут на башнях они часовых. Туманом со всех сторон укутался город. Во мглу погрузились террасы и башни веселья. Густой пеленою укрыты базары и рынки. У богачей в домах плотно зашторены окна. Под расшитые пологи томно ступают красоти. Свой кабинет покидает ученый.

Добрался Хань Даого до перекрестка, остановился и призадумался. Хотел было направиться к Симэню, да его уже не было в живых и время было позднее.

«Поеду-ка я домой, – рассуждал он, – переночую да с женой посоветуюсь. А к хозяевам и завтра успею».

Так и направились они с Ван Ханем на Львиную. У ворот спешились, отпустили погонщика и постучались. Служанка пошла сказать Ван Шестой.

– Батюшка вернулись, – доложила она.

Ван Шестая встретила мужа. Хань Даого вошел в ворота, поклонился перед изображением Будды и умылся, чтобы стряхнуть дорожную пыль. Вьюки внесли в дом. Ван помогла мужу раздеться, и он сел. Служанка подала чай.

Хань Даого рассказал про поездку.

– Повстречался мне брат Янь Четвертый, – заметил он. – Батюшка, говорит, умер. Только мы в город въезжаем, а нам навстречу сторож Чжан Ань с тележкой. Седьмая, говорит седмица подходит, не зря, выходит, слух прошел. Ведь на здоровье не жаловался. Что с ним случилось?

– Да как гром грянул, так с ним беда стряслась, – отвечала Ван. – От смерти никто не огражден.

Хань Даого развязал व्यок. В нем лежали купленные в Цзяннани одежды, шелка и дорогие украшения. Потом из двух сумок начал вытаскивать узелки один за другим, пока не выложил на кан тысячу лянов ослепительно белого сверкающего серебра в слитках.

– Это я по дороге наторговал, – объяснил он. – И домой поторопился, а то время позднее. Уж завтра утром отнесу. А тут у меня в двух узелках своя сотня лянов. Ну как, не оставлял он тебя своим вниманием?

– Когда жив был, еще туда-сюда, – отвечала Ван. – И ты еще думаешь серебро отдавать?

– Вот я и хотел с тобой посоветоваться. Может, отдать половину? Как ты считаешь?

– Ну и простофиля! – не выдержала Ван. – Хотя на этот-то раз дурака не свайляй! Нет его больше, понимаешь ты или нет? Нет у нас теперь никакого хозяина. А кто мы им такие! Родственники, что ли! «Отдать половину»! Чтобы потом неприятности нажить? А где, спросят, остальные? Уж отрубить, так сразу! Упакуем вещи, захватим это серебро и махнем к дочке в столицу. Не выпроводит же нас зятюшка. Он ведь у самого государева наставника на службе.

– Значит, дом бросим? – недоумевал Хань. – Нет, сразу с места не тронешься.

– Какой же ты, брат, несмекалистый! – продолжала свое Ван. – А почему бы тебе брата не позвать? Дай ему несколько лянов, пусть за домом пока присматривает. А от хозяев будут спрашивать, скажет: дочка, мол, их в столицу пригласила. Неужто они такой смелости наберутся – к государеву наставнику поедут? Ну и пожалуют – мы их не испугались.

– Но как же так! – воскликнул Даого. – Он, батюшка, сколько нам добра делал, а мы ему, выходит, изменой отплатим? Разве это порядочно!

– Будешь, говорят, соблюдать порядок, голодный насидишься. Он с твоей женой миловался. Возьмешь серебро – поквитаешься. А когда он умер, так я с благими намерениями жертвы приготовила, пошла почтить покойного. А знаешь, как меня Старшая хозяйка встретила?! Полдня не выходила, неотесанная потаскуха! А как только не обозвала! Я не знала, куда мне деваться. И ждать вроде неудобно, и уйти неловко. Потом уж, наконец-то, Третья вышла, приняла. Но я не осталась. В носилки – и домой. Так что за все мои унижения и мне из

этих денег причитается.

После таких доводов жены Хань Даого приумолк. На том они в тот вечер и порешили.

А на другой день еще до рассвета, в пятую стражу, позвали Ханя Второго. Объявив о своем намерении, попросили его постеречь дом и дали не то десять, не то двадцать лянов серебра на расходы. Хань Шулер выразил полную готовность.

– Час вам добрый, брат и невестушка! – приговаривал он. – Поезжайте и будьте спокойны. А с ними я сам управлюсь.

Хань Даого забрал с собою Ван Ханя и обоих служанок. Наняли они две больших телеги, куда нагрузили сундуки и корзины с добром, миновали рано утром западные ворота и отбыли в Восточную столицу.

Да,

Разбита клетка из нефрита –

И феникса уж нет.

Ключ золотой дракон похитил

И свой запутал след.

Однако не станем говорить, как ехал в столицу Хань Даого. Расскажем про У Юэнян.

На следующий день она взяла Сяогэ и вместе с Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, падчерицей, кормилицей Жуи и зятем Чэнь Цзинцзи отправилась на кладбище, где принесла жертвы на могиле Симэня.

– А я вчера дядю Ханя повстречал, – объявил Юэнян кладбищенский сторож.

– Он вернулся? – удивилась Юэнян. – Что же мне не доложил? Наверно, сегодня придет.

После возжигания бумажных денег Юэнян оставалась на кладбище недолго.

Она торопилась домой. А по возвращении послала Чэнь Цзинцзи к Хань Даого и велела разузнать, где корабль с товаром.

Цзинцзи постучался в ворота, но ему не открывали. Потом вышел Хань Второй.

– А брата с невесткой племянница моя в столицу вызвала, – заявил он, – Где корабль – понятия не имею.

Когда зять доложил Юэнян, она забеспокоилась и велела Цзинцзи скакать на пристань. Через три дня он добрался до Линьцина и отыскал корабль, на котором оставался Лайбао.

– Передавал вам брат Хань тысячу лянов? – спросил Лайбао.

– Да он к нам и не показывался, – отвечал Цзинцзи. – Его сторож

Чжан Ань видал. На другой день мы на кладбище были, потом меня матушка к нему посылала узнать, но он, оказывается, с женой в столицу уехал. И серебро с собой прихватил. С кончины батюшки седьмая седмица вышла, и матушка беспокоится. На пристань меня направила.

Лайбао ничего ему на это не ответил, а про себя подумал: «Разрази его Небо! И меня обманул. Недоброе задумал. Так вот почему он, оказывается, товар на пристани продавал. Выходит, рядом человек, а душа его за тысячи ли». Когда он узнал о смерти Симэня, то решил пойти той же дорожкой, что и Хань Даого. Завлек он Цзинци на пристань, где они гуляли в кабачках и домах веселья с приглашенными певичками. Лайбао между тем тайком прибрал к рукам на восемьсот лянов товару и передал его на хранение на один из постоянных дворов.

Немного погодя уплатили они пошлину, и кораблю было разрешено следовать дальше. В порту Цинхэ они перегрузили товар на телеги и двинулись в город. Холст сложили в восточном флигеле. Шелковая лавка на Львиной к тому времени была уже закрыта. Расположенную напротив дома атласную лавку продали сразу же после распродажи товара, а приказчиков – Гань Чушэня и Цуй Бэня – рассчитали. Теперь оставались только две лавки рядом с управой – лекарственных трав и закладная, где управлялись Чэнь Цзинци и приказчик Фу. Надобно сказать, у Лайбао рос пятилетний сын – Сэнбао, а у Ван Шестой, жены Хань Даого, была четырехлетняя племянница. И жена Лайбао, Хуэйсян, с Ван Шестой в знак особой привязанности устроили помолвку детей, но Юэнян об этом ничего не знала.

Всю вину Лайбао свалил на Хань Даого.

– Он на две тысячи товару продал, – говорил слуга, – а деньги повез домой.

Юэнян не раз посылала Лайбао в столицу справиться, куда девал Хань Даого серебро, но тот отпирался.

– Не поеду я! – заявил он. – Да кто же решится войти к самому государеву наставнику! Будешь правду искать – только греха наживешь. Надо Будду молить, что нас-то в покое оставили. А то пришлось бы в затылке чесать – будто вши завелись.

– Но ведь Чжай свой человек! – продолжала Юэнян. – Мы ж ему сватали. Неужели не войдет в положение?!

– Он в дочке Ханя души не чает, – твердил свое Лайбао. – А она, само собой, мать с отцом поддержит. Не о нас же ей печься. И давайте оставим этот разговор между нами, а то узнают посторонние –

неприятностей не оберешься. А с потерей серебра вам придется смириться и лучше о нем больше не поминать.

Юэнян вынуждена была отступить. Она поручила Лайбао собрать торговцев и продать привезенный холст. Цзинцзи должен был назначать цену и получать серебро. Прибыли купцы, но не сторговались и разошлись.

– Ты, зятюшка, в торговле не смыслишь, – говорил, обращаясь к Цзинцзи, Лайбао. – А мне довелось по рекам и озерам поскитаться. Я-то знаю, что это за штука. Лучше продать – потом раскаиваться, чем каяться, а потом торговать. Понял? Надо было уступить. Цену давали подходящую, а ты тетиву до отказа натянул. Так торговля не пойдет. Прости меня, я не собираюсь себя выставлять, но ты еще молод и опыта у тебя нет. И не думай, что я нос сую куда не надо или за кого-то хлопочу. Нет, я просто хочу сбыть партию товара и больше ничего.

Цзинцзи стало не по себе, и он ушел, а Лайбао взял счета и, не спрашиваясь Юэнян, вернул купцов. Вырученные от продажи две тысячи ляннов были переданы Цзинцзи, а тот вручил их Юэнян.

Товар увезли. Юэнян решила наградить Лайбао то ли двадцатью, то ли тридцатью ляннами серебра на домашние расходы, но тот, выказав притворное великодушие, отказался.

– Нет, деньги и вам пригодятся, – говорил он. – Когда умирает муж, жена уподобляется стоячей воде. Вам самим сгодятся, а мне зачем? Уберите, я не возьму.

Как-то вечером Лайбао вернулся пьяный и прошел прямо в покои Юэнян.

– Вы еще молоды, сударыня, опираясь на кан, обратился он к Юэнян. – И остались без мужа с младенцем на руках. Неужели вы не тоскуете в одиночестве?

Юэнян не промолвила ни слова в ответ.

Как-то от дворецкого Чжая из столицы пришло письмо, в котором тот сообщал, что до него дошло известие о кончине Симэнь Цина и что от Хань Даого он узнал о четырех обученных музыке и пению красавицах, коих держал покойный.

«Нельзя ли сообщить о цене за них, – спрашивал в письме Чжай, – дабы я мог расплатиться. Вас же прошу прислать девиц в столицу, где они будут ублажать мою жену».

Прочитав такое послание, Юэнян пришла в замешательство и решила посоветоваться с Лайбао.

Лайбао явился в спальню.

– Чего вы, женщина, понимаете в делах! – Лайбао уже не называл хозяйку, как полагается, матушкой. – Не отдадите – горя наживете. А во всем хозяина, покойника, винить надо. Любил богатствами похвастаться. Пирыв бывало закатывает, домашних певиц гостям напоказ выводит. Все же о них знали. Та же дочь Ханя, раз она в услужении у хозяйки, небось, и рассказала. Я ведь предупреждал тогда. Так оно и вышло. А откажете, он здешним властям даст знать, из управы с предписанием явятся, силой заберут. Тогда, что называется, и обеими руками отдавай, да будет поздно. Нет, лучше уж сразу уступить. Ну, не всех, а пока двух, скажем, хватит. Думаю, и у него есть совесть.

Юэнян долго колебалась. Отобрать Ланьсян у Мэн Юйлоу, а Чуньмэй у Пань Цзиньянь было неудобно. Сючунь ухаживала за Сяогэ, и ее тоже нельзя было отпускать. Тогда она обратилась к своим горничным Юйсяо и Инчунь. Те согласились.

Лайбао нанял носилки и повез девушек прямо в столицу в резиденцию государева наставника. Еще по дороге он насладился ими обеими. По прибытии он встретился с Хань Даого и Ван Шестой и рассказал им, как обстоят дела.

– Спасибо тебе, сватушка, – благодарил его Хань Даого. – А то нажил бы неприятности. Впрочем, я их не боюсь. Все равно они не посмели бы меня в столице разыскивать.

Чжай Цяню представили красавиц Инчунь и Юйсяо. Им не было и восемнадцати.^[1547] Одна играла на цитре, другая – на гитаре. Их отдали в услужение хозяйке, а Лайбао получил два серебряных слитка. Один Лайбао прикарманил, а другой вручил Юэнян да еще припугнул ее.

– Не видать бы вам этого слитка, если б я не поехал, – говорил он. – Поглядели бы вы, какой роскошью наслаждаются там Хань Даого с женой. Свой дом, целая толпа горничных и служанок. Дворецкий Чжай зовет его не иначе, как «сударь». А дочка их, Хань Айцзе, хозяйке служит, так около нее и увивается, ни на шаг не отходит. Отборными яствами питается, а как одета! Письму и счету обучили. В довольстве умнеет человек. А какая она стала высокая да стройная! И собой хороша. Ко мне вышла – точно деревцо нефритовое. Бойкая такая и смышленная. Речистая стала. Меня все дядюшкой звала. Наши горничные при ней будут рукоделием заниматься.

Тронутая Юэнян от души поблагодарила Лайбао и распорядилась, чтобы его накормили и угостили вином. Она хотела было наградить его серебром, но он опять отказался, а кусок атласа для жены Хуэйсян

взял, но не о том пойдет речь.

Отправился однажды Лайбао вместе с братом жены Лю Цаном на пристань Линьцин. Продали они холст, который хранился на постоялом дворе, и выручили восемьсот лянов серебра. На вырученное Лайбао тайком приобрел за городом, неподалеку от Лю Цана, дом, где открыл лавку. Чуть не каждый день собирались там друзья. Хуэйсян скажет, бывало, Юэнян, будто хочет навестить родителей, а сама в загородный дом. Разоденется, прическу жемчужным ободком украсит – вся в золоте и серебре так и засияет. А то наймет паланкин да к Ван Свинье, матери Ван Шестой, отправиться про помолвку напомнить да внучку ее гостинцами побаловать, когда же вернется, переоденется в свое обычное платье и обратно в хозяйский дом. Обманывала она У Юэнян, а та и не догадывалась.

Лайбао возвращался обычно пьяный. Придет бывало в покои Юэнян и начинает отпускать шутки, заигрывать. И так не раз и не два. Не будь Юэнян женщиной строгих правил и убеждений, наверняка совратил бы он ее с пути истинного. А ведь служанки и жены слуг докладывали ей, что Хуэйсян с Ван Свиньей породнилась, в золото да серебро наряжается, о себе слишком высоко понимает. Да и Пань Цзиньлянь не один раз предупреждала ее о том же. Только Юэнян не верила разговорам.

Слух дошел до Хуэйсян, и она ругала на кухне всех от мала до велика. А Лайбао заважничал.

– Да вам только бы на кане сидеть да языком болтать, – похвалялся он, напыщенный и смотревший на прислугу свысока. – А я реки борозжу. Сколько я товаров привез, сколько серебра добыл. Да без меня вам бы приказчик Хань рты давно заткнул, как волов взнуздал бы да увел в столицу. Вы бы и ахнуть не успели, как бульк – и на дно. А то несут всякую чушь. Слова доброго от вас не услышишь. Только и знают судить да рядить: хозяев, мол, обманул, деньги прикарманил. А обвиняемый-то, как говорится, знать не знает, ведать не ведает. Не зря сказывают: пересудам поверишь, голову потеряешь.

– Чешут языками, шлюхи проклятые! – ругалась его жена Хуэйсян. – Будто мы с мужем за хозяйский счет разбогатели, зазнаемся, насчет свадьбы переговоры ведем. Да я, как бедная монахиня, к сестре своей ходила, кое-что из одежды да украшений в долг выпросила, а они уж клевету возводят: на хозяйские, дескать, деньги справила. Или хотите, чтобы нас из дому выгнали? Да пусть гонят. Уйдем! А вам, воронью, чтобы с голоду подохнуть! Покарает вас Небо! Вот глаза протру и погляжу, как вы, потаскухи, рабские

отродья, в Симэневом-то доме удержитесь.

У Юэнян слышала, как ругалась Хуэйсян, как искала повода устроить большой скандал, как грозилась наложить на себя руки. Лайбао же, оставаясь наедине с хозяйкой, забывал приличия. Выведенной из себя Юэнян ничего не оставалось, как предложить им покинуть дом.

Лайбао тогда начал в открытую торговать с шурином холстом и цветными тканями. У них постоянно собирались друзья и торговцы, но не о том пойдет речь.

Да,

Предаст хозяина слуга,
почуяв, что ослабла власть.

Недолго тут живой душе
в тенета дьявола попасть.

Тому свидетельством стихи:

Все видит Небо, Небу все известно,
Живите, люди в Поднебесной честно.

О люди! Пусть не будет во Вселенной

Вовек ни вероломства, ни измены.

Всегда над головою Небо ясно,

Обманывать его небезопасно.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ ЛУННОЙ НОЧЬЮ НАЗНАЧАЕТ ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ

ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ В РАСПИСНОМ ТЕРЕМЕ УБЛАЖАЕТ КРАСАВИЦ

Припоминаю первое свидание:

*Был наш приют случайный слишком
светел,*

Но нас влекло взаимное желанье.

Почти никто проказ и не заметил.

Припомню все – и голова кружится,

Лечу к тебе на радостях, как птица,

Счастливая божественной судьбою –

Навеки неразлучной быть с тобою.

Итак, с тех пор как Пань Цзиньянь увлекла Чэнь Цзинцзи во флигеле рядом с залой, в которой стоял гроб с Симэнем, их, словно мух на сладкое, так и тянуло друг к дружке. И средь бела дня, и в сумерки обменивались они многозначительными взглядами и улыбками. То встанут бывало рядышком и отпускают шуточки, смеются, а то сядут, прижмутся и начнут без стеснения возиться. Когда им мешали договориться, они изливали душу в любовных посланиях и незаметно подбрасывали их друг дружке. Так она поверяла свои желания ему, а он – ей.

Шла четвертая луна. Как-то спрятала Цзиньянь в рукав расшитый серебром платок, а в него завернула бледно-зеленый шелковый с бахромою мешочек. В мешочке лежали душистые травы, лепестки розы, локон волос и веточки сосны и кипариса. На нем она вышила

парные строки: «Будь вечнозелен и молод, как кипарис и сосна» и «Красавицы ланиты нежней, чем распутившийся цветок». Предназначался мешочек для Цзинци, но того во флигеле не оказалось, и Цзиньянь бросила его через оконную щелку.

Когда вернулся Цзинци, он сразу заметил на полу узелок, в котором обнаружил мешочек с благовониями и лист бумаги с романсом на мотив «Обвилася повилика»:

Прими расшитый серебром платок,
Сухой травы пучок пахучий;
Моих волос срезаю завиток,
Храни его – он черен, словно туча.
Шлю ветки кипариса и сосны –
Мы забывать друг друга не должны.
Светильник дал мне душу отвести –
Пишу тебе жемчужинами слез.
Смотри, ночную тьму не упусти,
Жду под кустами чайных роз.

Цзинци понял, что она ждет его на тайное свидание в саду под лозами чайных роз, и тотчас же достал отделанный золотом веер из бамбука со следами слез феи реки Сян,^[1548] набросал на нем в ответ романс и, сунув в рукав, направился в сад.

В покоях Цзиньянь оказалась У Юэнян. Ничего не подозревая, Цзинци вошел в калитку.

– Ты дома, моя дорогая? – громко спросил он.

Едва заслышав голос Цзинци, Цзиньянь бросилась к двери и, отдернув занавес, сделала знак рукой.

– Кто, думаю, пожаловал, а это ты зятюшка, – воскликнула она и, чтобы рассеять сомнения Юэнян, продолжала. – Жену, говоришь, ищешь? Она только что здесь была. Наверно, у беседки цветы рвет.

Цзинци заметил сидевшую у нее в комнате Юэнян и, сунув потихоньку веер в рукав Цзиньянь, удалился.

– Зачем это зять Чэнь к тебе приходил? – спросила Юэнян.

– Падчерицу ищет, – отвечала Цзиньянь. – Я ему в саду посмотреть велела.

Так ей удалось обмануть Юэнян. Немного погодя Юэнян пошла к себе, а Цзиньянь достала из рукава подарок. Когда она развернула, то увидела белый шелковый веер с планками из пятнистого бамбука. На нем был изображен зеленый камыш, среди которого текла речушка. Картину дополнял романс на мотив «Цветок нарцисса»:

Лиловые планки бамбука средь белого шелка,
Камыш изумрудный искусною вышит иголкой.
Точеный серебряный кант, золотая резьба –
Полезна вещица, к тому же совсем не груба.
В дни знойного лета поможет навевать прохладу –
Подальше от глаз посторонних держать ее надо,
Чтоб не приглянулась иному воришке она.
Пусть веер тебя овевает, когда ты одна.

Прочитав этот романс, Цзиньянь с приходом вечера, когда взошла луна, поспешила угостить горничных вином и отпустила. Когда Чуньмэй и Цюцзюй улеглись спать в отдельной комнате на кане, Цзиньянь полуоткрыла в спальне окно и зажгла высокие светильники. Потом она разобрала постель и, завершив омовение, проследовала в беседку среди чайных роз, где стала ждать условленной встречи с Цзинци.

Жена Цзинци, надобно сказать, находилась в тот вечер в дальних покоях, куда ее пригласила Юэнян послушать проповедь монахини Ван. Поэтому Цзинци поднес горничной Юаньсяо платок и попросил постеречь дом.

– А я к матушке Пятой пойду, – объяснил он. – Меня играть в шашки пригласили. Как придет хозяйка, дай знать, ладно?

Юаньсяо согласилась, и Цзинци отправился в сад. Освещаемые луною цветы отбрасывали тени. Приближаясь к шатру чайных роз, он издали увидел, как Цзиньянь сняла головные украшения и распустила волосы-тучи. На ней были светло-коричневая шелковая кофта и бирюзовая узорная юбка. Ножки ее обтягивали прозрачные шелковые чулки. Когда она вышла из обвитого розами шатра, к ней бросился Цзинци и обнял ее.

– Фу, негодный! Как напугал! – вскрикнула она. – Хорошо, это я. Со мной можно. Я прощу. А еще кто? Тоже так бы стал? Небось смелости не хватило бы.

Цзинци был навеселе.

– А я знал, что это ты, – засмеялся он. – Ну а если по ошибке и обнял бы Хуннян, ничего страшного не случилось бы.

И они снова заключили друг дружку в объятия, а потом, взявшись за руки, направились к дому.

Свечи и лампы ярко освещали спальню. На столе были расставлены вино и закуски. Они заперли садовую калитку, уселись рядышком и принялись пировать.

– А жена знает, где ты? – спросила Цзиньянь.

– Она в дальних покоях проповедь слушает, – отвечал Цзинцзи. – Я предупредил Юаньсяо, чтобы крикнула. Сказал, что приглашен в шашки играть.

Они долго пировали, шутили и смеялись. Меж ними царило полное согласие.

Как говорят, за чаем сговариваются, а за вином сходятся. Сами того не заметили, как живительный напиток растекся по жилам и на щеках зардели персика алые цветы. Они льнули друг к дружке и сливались в поцелуях. Потом, прикрыв светильник, легли, чтобы отдаться утехам. Она обняла его, а он шептал: «дорогая!».

Цзиньянь запела на мотив «Шестая госпожа»:

Ты сорвал одеяла парчовый лоскут.
Как ты ловок в игре, озорник-потаскун!
Белу ножку поднял мне на полном скаку...
Вся измята прическа, пучок на боку.

Цзинцзи, улучив момент, ответил ей романсом на тот же мотив:

Мы сойдемся с тобой не на четверть часа.
Сам я молод, а юность творит чудеса.
И твоя расцветет пышным цветом краса.
И нас любовь необъятная, как небеса.

Едва завершили игру тучки и дождя, как услышали голос Юаньсяо у калитки.

– Матушка вернулась, – предупредила горничная.

Цзинцзи торопливо оделся и вышел.

Да,

Шмель и мотылек вспорхнут на свет
И скроются в цветах, запутав след.

Пань Цзиньянь, надобно сказать, располагала тремя комнатами наверху. В средней приносились жертвы изображению Будды, а в боковых горами лежали лекарственные травы и благовония.

После того свидания Цзиньянь и Цзинцзи стали настолько близки, будто их склеили. Не проходило дня, чтобы они не улучали случая побыть вместе. И надо же было тому приключиться! Как-то после утреннего туалета Цзиньянь поднялась наверх воскурить благовония перед бодхисаттвой Гуаньинь. В это время туда же с ключами пожаловал Цзинцзи, чтобы взять лекарственных трав и благовоний. Они встретились лицом к лицу. Цзиньянь забыла о бодхисаттве.

Рядом никого не было, и они, обнявшись, слились в страстном поцелуе.

– Милая моя, дорогая, – шептал он.

– Душа моя, жизнь моя, – отвечала она. – Давай тут совершим, пока никого нет.

И они, сняв одежды, устроились прямо на скамейке. Точно дикие утки, порхали и резвились, наслаждаясь близостью. Волшебный корень не стремился вглубь, не нарушая нежного союза.

Тому свидетельством романс на мотив «Цветок нарцисса», в котором упоминаются целебные растения и минералы:

– Дудник,^[1549] и пинеллия^[1550]

нашатерь лиловый...^[1551]

Зернышком я пальмовым^[1552]

завлеку к алькову.

– Корнем безудержной страсти^[1553] пробьюсь,

Веником перечным^[1554] в глубь устремлюсь,

С семенем пряной гвоздики^[1555] сольюсь!..

Конопляный цветок,^[1556]

будто в пьяном смятении.

Серебристая ртуть^[1557]

бьет фонтаном весенним...

Красной девицы сердце трепещет в томлении...

Там сплелись среди прочей цветной мишуры,

Между жизнью и смертью в слепом вожделены

Два кусочка от цитрусовой кожуры.^[1558]

Не будь случайности, и рассказа не получится.

В то время как они предавались уладам, наверх за чаем поднялась с коробкой в руках Чуньмэй. Застигнув любовников врасплох, оторопевшая горничная, чтобы их не смущать, тотчас же отвернулась и стала торопливо спускаться по лестнице. Цзинцзи в спешке никак не мог отыскать свою одежду. Цзиньянь же надела юбку и позвала Чуньмэй.

– Сестрица, дорогая! – крикнула она. – Поди сюда. Мне поговорить с тобой надо.

Чуньмэй подошла.

– Сестрица, дорогая моя! – обратилась к ней Цзиньянь. – Мы – люди свои. И зятюшка – не чужой. Ты теперь все знаешь. Мы любим друг друга и не в силах разлучиться. Только держи это про себя. Чтобы никому ни слова!

– Зачем вы меня предупреждаете, дорогая моя матушка! – отвечала горничная. – Разве я не оправдала вашего доверия за столько лет службы, матушка? Посмею ли я разглашать тайну!

– Если готова сохранить нашу тайну, – продолжала Цзиньянь, – то вот зятюшка. Поди и раздели с ним ложе. Тогда я доверюсь тебе. А иначе меня будут грызть сомнения, действительно ли ты сочувствуешь нам.

Чуньмэй от смущения то заливалась краской, то бледнела, как полотно. Ей не оставалось ничего другого, как уступить хозяйке. Она сняла узорную юбку, развязала пояс и покорно возлегла на скамейку. Вот ведь что случается!

Да,

Жемчужины чистой воды,
Сияя, не знали нужды,
Разбиты ударом порока,
И нищему нету в них прока.

Тому свидетельством романс на мотив «Туфелек алый узор»:

Рядышком жили
Теща и зять,
Ложе делили,
Теща себя.
С виду все чинно,
За жабы не взять.
Блуд самочинный –
Кривая стезя!

После того как Цзинцзи овладел Чуньмэй, она взяла чай и удалилась. С тех пор Цзиньянь еще больше сблизилась со своей горничной. Не раз и не два тайком встречались они с Цзинцзи, но Цюцзюй об этих похождениях понятия не имела. Цзиньянь же во всем потакала Чуньмэй. В знак особого доверия подносила она горничной и наряды, и головные украшения, и всевозможные безделушки, к которым та была равнодушна.

В первый день шестой луны пришла весть о кончине старой Пань, матери Цзиньянь. Юэнян по сему случаю велела купить жертвенных животных и погребальной бумаги, а Цзиньянь отправила в паланкине за город отдать матери последние почести.

На другой же день по возвращении, а было это третьего числа, Цзиньянь встала рано и направилась к Юэнян. С разговорами она

засиделась у хозяйки, а потом, не успев добежать, пристроилась прямо у стены во внутреннем дворе.

После смерти Симэня гости, надо сказать, заглядывали в дом редко, и внутренние ворота перед большой залой были всегда заперты. Только Цзиньянь подняла юбку и присела под гранатом, как ее рулады донеслись до ушей едва пробудившегося Цзинци, который жил тут же рядом в восточном флигеле. Цзинци подкрался к окну и заглянул во двор, не предполагая, что это она.

– А-а! – протянул он. – Тебя, оказывается, тут приспичило. Юбку-то повыше подыми!

Цзиньянь тут же опустила юбку и подошла к окну.

– А-а! Это ты? – проговорила она. – Только встаешь, бездельник? Женушка у себя?

– У матушки Старшей, – отвечал Цзинци. – Недавно ушла. Мы в третью ночную стражу спать легли. Матушка не отпускала. Слушали «Драгоценный свиток о красном пологе».^[1559] Всю поясницу разломило, пока до конца досидел. А нынче еле-еле встал.

– Будет уж тебе зубы-то заговаривать, разбойник! – обрезала его Цзиньянь. – Когда ж это ты проповедь слушал, негодник, а? Пока меня не было, тебя сестрица Мэн Третья угощала. Мне ведь доложили.

– Да ты жену спроси, – не унимался Цзинци. – Она очевидица. Не был я у матушки Третьей.

С этими словами Цзинци встал на кан и просунул в окно свой отвердевший и распрямившийся, как палка, причиндал. Цзиньянь расхохоталась.

– Чтоб тебе провалиться на этом месте, арестант проклятый! – заругалась она. – Нечего старьем-то трясти! Напугал только. Спрячь сейчас же, а то впущу иглу – запрыгаешь.

– А ты, почтенная, опять не замечаешь его бодрости, а? – Цзинци улыбнулся. – Попробуй-ка лучше отправь его куда следует да приголубь от души.

– Ишь ты какой хороший! – продолжала ворчать Цзиньянь. – Вот разбойник, арестант проклятый!

Она достала зеркальце, поставила на подоконник и, делая вид, будто смотрится в него, занялась совсем другим. Своими алыми губами Цзиньянь ухватила причиндал Цзинци и принялась нежно посасывать. Как только волшебный рог окропился чудесной влагой, грудь молодца переполнили любовные мысли и сладостные чувства.

Да,

Красавица любимому в постели

Всю ночь играть готова на свирели.

Если бы кто-нибудь увидел в этот момент Цзиньянь, ему показалось бы, что она склонилась перед зеркальцем поправить прическу или подрумяниться. Ему бы и в голову не пришло, до какого бесстыдства распалила ее пагубная страсть. Она была всецело поглощена тем, что делала, когда слышались приближающиеся шаги. Цзиньянь поспешно спрятала зеркало и отошла в сторону. Цзинци тоже отпрянул от окна.

К флигелю подошел Лайань.

– Зятюшка, – обратился он, – вас дядя Фу к обеду приглашает.

– Пусть обедает, – отозвался Цзинци. – Я сейчас причешусь и приду.

Лайань удалился.

– Вечером никуда не ходи, – шепнула Цзиньянь. – Я Чуньмэй за тобой пришло. Ждать буду. Поговорить надо.

– Слушаюсь и покоряюсь, – последовало в ответ.

Цзиньянь ушла к себе, а Цзинци привел себя в порядок и направился в лавку, но не о том пойдет речь.

Однажды вечером, – небо было темное, звездное, стояла жара, – Цзиньянь решила помыться и подрезать ногти на ногах. Она велела Чуньмэй нагреть воды, а сама приготовила постель, выгнала москитов и, опустив полог, зажгла в узорной курильнице благовония.

– Матушка! – крикнула ее Чуньмэй. – Жара стоит. Может, вам недотроги для ногтей нарвать, а? Я схожу.

– Ступай, – отозвалась хозяйка.

– Только за ними надо на большой двор идти, – продолжала горничная. – Сейчас принесу. А вы, матушка, велите Цюцзюй натолочь чесноку.

Цзиньянь приблизилась к горничной и на ухо, чтобы никто не слышал, наказала:

– Во флигель зайти, пригласи зятюшку. Пусть ко мне вечером заглянет. Разговор есть.

Чуньмэй удалилась.

Когда Цзиньянь завершила омовение и подрезала ногти, явилась горничная с недотрогой и приказала Цюцзюй растолочь ее в ступе. Потом хозяйка угостила служанку вином и отпустила в кухню на ночлег. Цзиньянь покрасила ногти на тонких, как молодой лук, пальчиках и попросила Чуньмэй вынести во внутренний дворик скамейку, прохладную постилку, одеяло и подушку.

Приближалась первая ночная стража. В домах богатых затихли

голоса, повернулось и спустилось вниз созвездие Нефритовый шнур.
[1560] Небесною Рекой разлучены, стоят на берегах Волопас и Ткачиха.
Вдруг повеяло ароматом цветов, то тут то там замерцали светлячки.

Цзиньлянь легла на скамейку и стала обмахиваться веером. Она ждала. Чуньмэй отперла калитку.

Да,

Когда луна в моем окне –
Качнется цветочная тень на стене.
Откроет двери ветерок,
И милый заглянет ко мне на часок.

Цзинци, надобно сказать, качнул куст цветов. Это был их условный знак. Цзиньлянь заметила, как заколыхались тени цветов, и тотчас же отозвалась из дворика тихим покашливанием. Цзинци распахнул калитку и вошел. Они сели, крепко прижавшись друг к дружке.

– А как дома? – спросила она.

– Жена не приходила, – отвечал он. – Мне Юаньсяо даст знать. А Цюцзюй спит?

– Давно легла.

Они обнялись и тут же, во дворе на скамейке, сняв с себя одежды, отдались утехам. Так велика была их любовь!

Только взгляните:

В порыве любовном друг друга лаская, милуя,
Сплели они руки, уста их слились в поцелуе.
Грудь ее нежной, как шелк, он игриво касался
И ножку ее поднимал, и за туфельку брался.
От чар восхитительных плыл пред глазами туман,
Все крепче сжимал он в объятьях нефритовый стан.
Казалось, гвоздичный исходит из уст аромат...
Вот парюю феникс и иволга в небе парят.
Давно уже, кажется, дождик из тучки идет.
«Дай слово, мой милый, – твердит зачарованно рот, –
Дай слово, – тут их охватила последняя дрожь, –
Дай слово, любимый, что завтра пораньше придешь!»

Завершив игру дождя и тучки, Цзиньлянь достала пять лянов мелкого серебра и передала Цзинци.

– Матушка родная ведь у меня скончалась, – пояснила она. – Гроб ей покойный муж в свое время справил. На третий день, когда в гроб

клали, хозяйка позволила мне отбыть за город и сожжением жертвенных денег почтить родительницу. А завтра похороны, но хозяйка меня не отпускает. У самих, говорит, по мужу траур, а ты из дому выходить. Вот я и даю тебе пять лянов, поезжай завтра за город, проводи мою матушку. Надо будет могильщикам заплатить. Ты утетишь меня, если пойдешь. Тогда я могу считать, что сама присутствовала при погребении праха матери.

– Не волнуйся! – уверял ее Цзинци, принимая серебро. – Когда тебе доверяют поручение, ты обязан его выполнить во что бы то ни стало. Будь покойна, я все сделаю, что ты просишь. Завтра же утром поеду, а по возвращении расскажу во всех подробностях.

И опасаясь, как бы не обнаружила его отсутствия жена, он поторопился уйти, но об этом вечере говорить больше не будем.

На другой день Цзинци вернулся к обеду. Цзиньянь только что встала и занималась утренним туалетом, когда к ней вошел Цзинци. Он поднес ей две ветки жасмина, которые сломал за городом в буддийском монастыре Светлого Воплощения.

– Ну как? Предали земле? – спросила Цзиньянь.

– Ну а как же! – воскликнул Цзинци. – Зачем же я ездил?! В последний путь проводил почтенную. Думаешь, пришел бы я к тебе, если б серебро припрятал, а? Осталось у меня два с половиной ляна. Так я их твоей младшей сестрице на расходы отдал. Как же она тебя благодарила! Поклон просила передавать.

Когда Цзинци заговорил о погребении, Цзиньянь проронила слезу.

– Поставь цветы в чашку, – велела она Чуньмэй. – Да угости чаем.

Немного погодя горничная подала две коробки сладостей и четыре тарелочки закусок. После чаю Цзинци ушел. С тех пор они сблизились еще больше.

И вот однажды – дело было в седьмой луне – Цзиньянь еще с утра договорилась с Цзинци о свидании.

– Нынче, смотри, никуда не ходи, – говорила она. – Жди, я к тебе приду.

Цзинци обещал, но потом его пригласил Цуй Бэнь, и они с компанией отправились за город, где и прогуляли целый день. Вернулся Цзинци пьяный, едва добрался до кровати и сразу, забыв обо всем, захрапел. Под вечер к нему незаметно пробралась Цзиньянь. Цзинци лежал навзничь на кровати. Рядом валялись вещи. Как ни старалась она разбудить его, он так и не проснулся. Было ясно, что он где-то пировал. Выведенная из себя, она пощупала у него в

рукавах. Оттуда выпала золотая шпилька-лотос с двумя выгравированными строками:

«Топчет конь с золотой уздечкой
и цветы на лугах, и пашни.
Гость, пробравшись среди абрикосов,
опьянеет в Яшмовой башне».^[1561]

Поднеся шпильку к огню, Цзиньянь поняла, что принадлежала она Мэн Юйлоу.

«Но как она могла попасть к нему? – спрашивала себя Цзиньянь. – Должно быть, он и с той встречается. То-то я замечала, придет другой раз, негодник, такой безразличный, вялый... Не ответить, подумает, что я не заходила. Напишу-ка я на стене четверостишие. Потом выпытаю, где он пропадал».

Она взяла кисть и написала на стене:

Я тут долго была, добудиться тебя не смогла.
Зря на облаке дева небесная здесь проплыла.
Жаль, не встретить ее, ни принять не желает Сян-ван.
Натолкнулась любовь на неверность его и обман.

Написала Цзиньянь и ушла.

Между тем, наконец-то пробудился Цзинци. Хмель прошел. Он зажег светильник. «Она должна была ко мне придти, – вспомнил он. – А я напился».

Цзинци обернулся к стене и увидел четверостишие. Его, видимо, только что написали, потому что не успела высохнуть тушь. «Она была, – прочитав стихи, заключил он, – и ушла ни с чем». Он никак не мог себе простить, что упустил счастье, которое стучалось в дверь, и горько досадовал. «Сейчас, должно быть, первая ночная стража, – размышлял он. – Жена и горничная Юаньсяо все еще у матушки Старшей. А что если я пойду к ней? Но калитку, наверно, заперли ...»

Цзинци на всякий случай тряхнул куст цветов. В спальне Цзиньянь было по-прежнему тихо. Тогда он забрался на причудливый камень и перелез через стену.

Цзиньянь же, найдя Цзинци пьяным, воротилась раздраженная и легла, не раздеваясь. Она и в голове не держала, что он пожалует среди ночи.

Во дворе не было ни души. Решив, что горничные спят, Цзинци на цыпочках подкрался к двери. Она оказалась незапертой, и он потихоньку юркнул в спальню. Луна освещала отвернувшуюся к стене

спящую Цзиньлянь.

– Дорогая моя, – тихонько шептал Цзинци, но ответа не последовало. – Не сердись! Меня Цуй Бэнь с друзьями за город в Усин зовал. Целый день стрелы метали, пировали. Ну и опьянел. Прости, что нарушил уговор. Виноват я!

Цзиньлянь не обращала на него никакого внимания. Тогда смущенный Цзинци опустился перед ней на колени и стал снова и снова просить прощения.

– Ах ты, арестант проклятый! – ударяя его обратной стороной ладони по лицу, заругалась Цзиньлянь. – Чтоб тебе сгинуть, изменник! Да не шуми – служанок разбудишь. Знаю, завел другую. Я тебе не нужна стала. У кого был, говори!

– Говорю, меня Цуй Бэнь за город заташил, – опять пояснил Цзинци. – Выпил, ну и уснул. На свидание опоздал. Не сердись, прошу тебя! Знаю, сердисься, по стихам на стене знаю.

– Ну и хитер, ну и изворотлив, негодник! – продолжала она. – Довольно тебе увиливать. Замолчи, говорю, замолчи лучше. Нечего мне сказки рассказывать и за нос водить. Как ни вилай, от ответа не уйдешь. Значит, говоришь, Цуй Бэнь зовал? С ним пьянствовал, да? А скажи мне, как к тебе в рукав вот эта шпилька попала, а?

– Да я ее в саду поднял, – говорил Цзинци. – Третьего дня нашел.

– Опять будешь голову морочить!? Как это так «в саду поднял», а? Ступай найди еще такую, тогда я тебе поверю. Да эта шпилька Мэн Третьей, конопатой потаскухи. С ее головы. Я точно знаю. Даже имя ее вырезано, а ты обманываешь? Пока меня не было, уж она тебя заманила? С ней, оказывается, путаешься? А еще отпирался. Если бы между вами ничего не было, с какой стати она дала бы тебе шпильку? Ты и обо мне ей, должно быть, все разбалтываешь. То-то вот тут увидела она меня и улыбается. Все из-за тебя, выходит. Так что впредь меж нами все кончено. Пора бобу со стручком расстаться. Вот тебе, любезный, дверь, изволь.

Тут Цзинци не выдержал и начал клясться и божиться – Я, Цзинци, перед всемогущим духом Восточной горы^[1562] и духом-хранителем городских стен клянусь, – со слезами обратился он к Цзиньлянь. – Пусть меня смерть унесет, прежде чем тридцать лет стукнет, пусть все мое тело покроется язвами величиной с чашку, три или пять лет изводит желтуха, пусть замучит жажда и не подадут мне ни капли воды, если я хоть раз ее коснулся.

– Довольно зубы-то заговаривать! – оборвала его Цзиньлянь, никак не желавшая ему поверить. – Небось, оскомину набил, разбойник!

Пока продолжались эти обвинения и клятвы, настала глубокая ночь, и им ничего не оставалось, как раздеться и лечь. Выведенная из себя Цзиньлянь повернулась к нему спиной.

– Сестрица! Дорогая! – продолжал уговаривать Цзинцзи, а когда получил от нее вторую пощечину обратной стороной ладони, сразу примолк.

Так и прошла вся ночь. Так и не добился Цзинцзи того, зачем пришел. А когда стало светать, он, чтобы не заметили служанки, опять перелез через стену и удалился восвояси.

Тому свидетельством романс на мотив «Пьяный едва до дому доплелся»:

Всю ночь провели мы в постели одной –
Ко мне повернулась плутовка спиной.
С печальным уделом таким не мирясь,
Я клялся, к затылку ее обратясь,
В любви беспредельной ее уверял,
Вздыхал, но лица так и не увидал.
Не мог я к щекам ароматным прильнуть,
Потрогать пленительно-нежную грудь.
Вот так насмеялась она надо мной –
Лишь гребень я видел ее костяной.

Да, читатель, потом Цзиньлянь вернет Цзинцзи эту шпильку. Когда же Мэн Юйлоу выйдет замуж за барича Ли и уедет в Яньчжоу, Цзинцзи предъявит эту шпильку как доказательство, что Юйлоу доводится ему сестрой. Он так поступит, чтобы исполнить свой темный замысел, но Юйлоу не только не попадется на удочку, а добьется его ареста. Однако хватит об этом.

Да,

Светоносов орбиты
чей ум обоймёт?
Корни бед перебиты —
колеса оборот.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

НЕГОДУЮЩАЯ ЦЮЦЗЮЙ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУЮ СВЯЗЬ ЧУНЬМЭЙ, ПЕРЕДАВ ПОСЛАНИЕ, УСТРАИВАЕТ ДОЛГОЖДАННУЮ ВСТРЕЧУ

*Увы, в неведение своем
Симэнь был попросту смешным,
И слива с персиком весной
смеялись сообща над ним.
Разбойнику лихому он
в своем жилище дал приют,
Да щедрою его рукой
коварный тигр был вскормлен тут.
Супруги счастливы, пока
их чувства крепнут и растут,
Но алчность и разгул страстей
обычно к гибели ведут...
Отметим и еще один
извечный средь людей закон:
Кто в женские покои вхож,
тот обращает дом в притон.*

Так вот. Когда стало светать, Чэнь Цзинцзи, как уже говорилось, перелез через стену и удалился. А Пань Цзиньлянь потом раскаивалась.

На другой день, а было это пятнадцатого числа в седьмой луне, У Юэнян отбыла в паланкине за город в монастырь Дицзана к монахине Сюэ, чтобы на панихиде по всем усопшим принести в жертву душе

покойного Симэнь Цина деньги и сундуки одежд.^[1563] Цзиньянь и остальные жены проводили хозяйку до ворот. Мэн Юйлоу, Сунь Сюээ и падчерица Симэнь Старшая сразу же удалились к себе. Только Цзиньянь прошла к возвышающимся перед приемной залой внутренним воротам. Там она наткнулась на торопившегося с узлом Цзинци. Он, оказывается, заходил в покои Ли Пиньэр, где наверху хранились взятые в залог вещи.

– Я тебе вчера слово сказала, а ты уж и губы надул? – остановила она его. – Через стену полез. Неужели уж меж нами все кончено?

– И ты ж меня упрекаешь?! – удивился Цзинци. – Да я всю ночь не спал. Чуть совсем не доконала. Смотри, у меня все лицо избито.

– Чтоб тебе сгинуть, разбойник! – опять набросилась она. – Если у тебя с ней ничего не было, чего ж ты трусишь, а? Неправда, ни с того ни с сего не убежишь.

Цзинци достал из рукава лист бумаги. Она развернула его и прочитала романс на мотив «Обвилася повилика»:^[1564]

Ни с того ни с сего
Ты ругаешь меня,
Унижаешь меня,
Обижаешь меня,
Кулаком, синяком
Награждаешь меня!..
Чуть тебе возразишь –
Ты разрывом грозишь.
Так я миролюбив,
Так мне страшен разрыв!
Оправдаться хочу,
Но в испуге молчу.

– Ну, раз ничего не было, – засмеялась Цзиньянь, – вечером приходи. Потолкуем, разберемся.

– Доконала ты меня, – продолжал он, – за ночь глаз не сомкнул. Дай хоть днем сосну.

– А не придешь, я с тобой рассчитаюсь.

Сказав это, Цзиньянь направилась к себе, а Цзинци пошел с узлом в лавку. Торговал он недолго, потом удалился во флигель и, растянувшись на кровати, погрузился в сон.

Соснув, вечера Цзинци ждал с нетерпением. Но наступили сумерки, и все небо заволочло черными тучами. За окном застучали капли дождя.

Да,

Ветер и дождь на дворе неустанно.

Капли стекают по листьям банана.

– Ну и погода! – ворчал Цзинцзи. – Только дала мне возможность оправдаться, как это пролитье. Вот досада!

Сколько он ни ждал, ливень не утихал. Пробили первую ночную стражу, а со стрех по-прежнему потоками стекала вода. Наконец, Цзинцзи не выдержал и, набросив на себя красный, ализаринового окраса коврик, вышел из флигеля. Юэнян к тому времени вернулась домой, и жена его с Юаньсяо были у нее. Цзинцзи запер флигель, прошел через боковую калитку в сад и под проливным дождем бросился к Цзиньянь. Она знала, что он непременно придет, поэтому загодя наказала Чуньмэй, чтобы та угостила Цюцзюй вином и укладывалась вместе с ней спать в комнате с каном. Калитка оставалась незапертой. Цзинцзи проник во внутренний дворик и очутился в спальне Цзиньянь.

Зашторенное шелковой занавеской окно было полуоткрыто. В серебряных подсвечниках ярко горели свечи. На столе стояли фрукты, в золотых чарках пенилось вино.

Они сели за стол, тесно прижавшись друг к другу.

– Так как же все-таки к тебе попала эта шпилька, раз, ты говоришь, ничего не имел с Мэн Третьей, а? – спросила она.

– Я ж говорю, в саду подобрал, – отвечал он. – Под чайной розой нашел. Провалиться мне на этом месте, если я неправду говорю.

– Ну если ничего не было, тогда бери шпильку, – заключила она. – Мне твоего не нужно. Только смотри, береги мой мешочек для шпилек и благовоний, слышишь? Потеряешь – ответ держать придется.

Они пили вино и играли в шашки. В первую ночную стражу легли и целых полночи резвились, точно пара фениксов. Цзиньянь тогда посвятила любовника во все тонкости искусства любви, которое усвоила в свое время у Симэнь Цина.

А теперь расскажем о служанке Цюцзюй. Она, как говорилось, спала в комнате рядом. Вдруг среди ночи до нее донесся из спальни хозяйки мужской голос. Она понятия не имела, кто бы это мог быть. На рассвете, когда запели петухи, Цюцзюй встала справить малую нужду, но тут ей послышался скрип двери. Луна едва пробивалась сквозь тучи, дождь все еще моросил. Цюцзюй припала к щелке в окне. Из хозяйкиной спальни вышел укрытый ковриком человек, очень похожий на зятя Чэня. «Так вот, оказывается, с кем спит моя

хозяйюшка, – подумала Цюцзюй. – С зятем втихомолку, а перед другими из себя невинную строит».

В тот же день, придя в дальние покои на кухню, Цюцзюй рассказала о виденном Сяюй, а та передала Чуньмэй, потому что с ней дружила.

– Цюцзюй-то ваша, – говорила ей Сяюй, – болтает, будто зятюшка нынче ночь провел в спальне твоей хозяйки. Утром, говорит, от нее вышел. Случаем, мол, пользовался – пока жена его с Юаньсяо в дальних покоях ночевали.

Придя к Цзиньлянь, Чуньмэй слово в слово доложила ей об услышанном.

– Вот рабское отродье! – возмущалась Чуньмэй. – Бить ее надо! Ишь язык-то распустила. Под хозяйку подкапывается, со свету сжить хочет – не иначе!

Цзиньлянь тотчас же кликнула Цюцзюй.

– Ей велят каши сварить, так она горшки бить, – набросилась на нее Цзиньлянь. – Вон зад какой отрастила! Прет из тебя – не удержишь. Спина, видать, чешется – давно не били.

Цзиньлянь взяла палку и что есть силы с ожесточением обрушила на служанку десятка три ударов. Цюцзюй кричала, будто ее резали. Спина покрылась шрамами.

– Да разве так бьют, матушка! – вмешалась подошедшая Чуньмэй. – Вы ж ей только зуд утоляете. Раздеть ее донага да слуг позвать. Пусть батогами потолще вытянут раз тридцать. В другой раз, небось, побоится. А это ей – игрушки. Так ее не проймешь. Вон она до чего распоясалась. Думаете, испугается? Раз тебя, рабское отродье, в покои служить взяли, нечего сплетни распускать. Что бы с домом случилось, если бы все стали языками молоть?!

– А что я говорила?! – отозвалась Цюцзюй.

– И ты еще будешь оправдываться, негодяйка, рабское отродье! – воскликнула Цзиньлянь. – Молчи у меня, смутьянка!

Побитая Цюцзюй удалилась на кухню.

Да,

Ударишь веером назойливых москитов,

А после ими кровь твоя испита.

Однажды, а было это в праздник Середины осени,^[1565] Цзиньлянь уговорила с Цзинцзи полюбоваться вечером луной. Они пировали, потом вместе с Чуньмэй играли в облавные шашки.

В тот вечер легли поздно и проспали не только рассвет, но и

утренний чай. Это не осталось незамеченным. Цюцзюй поспешила в дальние покои, чтобы доложить Юэнян.

Юэнян в то время была занята утренним туалетом. И Цюцзюй, натолкнувшись у дверей на Сяюй, отвела ее в сторону.

– Знаешь, а зятюшка-то опять у моей хозяйки ночевал, – поведала Цюцзюй. – До сих пор не встали. Я тебе в прошлый раз сказала, а меня потом избили. Теперь своими глазами видала. Истинную правду говорю. Пусть матушка Старшая пойдет и сама убедится.

– Опять ты глаза суешь куда не надо, рабское отродье! – отвечала Сяюй. – Опять своей хозяйке могилу роешь? Матушка туалетом занята. Так вот сейчас и побежит!

– В чем дело? – спросила из спальни Юэнян.

Сяюй на этот раз не могла скрыть прихода Цюцзюй.

– Матушка Пятая вас просит зайти, – обманула она хозяйку. – Цюцзюй прислала.

Юэнян причесалась и, едва ступая лотосами-ножками, направилась к покоям Цзиньянь. Она появилась у дверей спальни так неожиданно, что, заметив ее, Чуньмэй стремглав бросилась докладывать. Цзиньянь и Цзинци все еще нежились в постели. Напуганные приходом Юэнян, они не знали, как быть. Цзиньянь тотчас же укрыла Цзинци парчовым одеялом, велела Чуньмэй поставить на кровать маленький столик и взялась нанизывать жемчужины.

Немного погодя в спальню вошла Юэнян.

– Что это, думаю, тебя до сих пор не видно, – проговорила она, и села. – Чем, думаю, занимается? Оказывается, жемчугом расшиваешь.

Юэнян взяла ободок и стала рассматривать.

– Какая прелесть! – похвалила она. – Посредине цветы сезама, по краям квадратные отверстия, а вокруг пчелы на хризантемах, так одну жемчужину за другой и подбираешь? А получились соединенные сердца. Какая работа! Может, и мне потом такой ободок сделаешь, а?

Убедившись в добром расположении Юэнян, Цзиньянь немного пришла в себя. Сердце перестало тревожно стучать, и она распорядилась, чтобы Чуньмэй подала чай.

Юэнян выпила чаю и немного погодя пошла к себе.

– Как причешешься, приходи, – пригласила она Цзиньянь.

– Хорошо, – отозвалась та и, проводив Юэнян, помогла Цзинци незаметно удалиться из спальни.

Чуньмэй и Цзиньянь даже пот прошиб.

– Хозяйка никогда ко мне без дела не приходила, – говорила горничной Цзиньянь. – Что же все-таки заставило ее придти да еще в

такой ранний час, а?

– Наверняка не обошлось без негодяйки Цюцзюй, – заметила Чуньмэй.

Вскоре появилась Сяюй.

– Что я вам скажу, начала она. – Приходит к нам Цюцзюй и заявляет: зятюшка, говорит, днюет и ночует у нашей хозяйки. Срезала я ее, а она стоит – ни с места. Тут меня матушка спрашивает, в чем, мол, дело. Я, конечно, утаила. Матушка Пятая, отвечаю, с вами поговорить хотела бы. Вот почему она к вам и приходила. Благородный не замечает промахи ничтожного. Все это верно. Только вы, матушка, помните. Остерегаться надо ее, рабского отродья.

Да, дорогой читатель! Хотя Юэнян и не удостоверилась в том, о чем распространялась Цюцзюй, но опасения на сей счет у нее были. Ведь Цзиньлянь была молода и привлекательна. Лишившись мужа, она со временем вполне могла сойти с пути праведного и предаться пороку. А там, глядишь, поползет молва и ославят люди. Не успели, мол, Симэнь Цина похоронить, а жены уж и творят невесть что – всякие приличия забыли. Выходит, и на будущее моего сына, рассуждала Юэнян, вроде бы набрасывается тень. Ведь то, что благоухает дома, на улице засмердит. И вот Юэнян по зову материнской любви запретила падчерице отлучаться из дому. Ей был отдан флигель за внутренними воротами, где до этого жила Ли Цзяоэр. Туда они и перебрались с Цзинцзи, который по очереди с приказчиком Фу ночевал в лавке. Когда же ему нужно было пойти на женскую половину дома за одеждой или лекарственными травами, его всякий раз сопровождал Дайань. На воротах и дверях всюду висели замки. Служанки и жены слуг без надобности за ворота не выпускались. Словом, строгие запреты, введенные Юэнян, воспрепятствовали любовникам Цзиньлянь и Цзинцзи встречаться так же открыто, как прежде.

Да,

Много в жизни причуд,
много делу преград и помех.
Ветер гасит свечу,
всякой тайны кончается век.

Тому свидетельством стихи:

Многokrатно он фею алкал на вершине Небесной,
Но с блаженных Трех гор, не познать океанские бездны,
И хоромы князей недоступны, подобно пучине:

Бесприютным бродягою юноша станет отныне..^[1566]

Больше месяца не встречались Цзиньянь с Цзинци. Нестерпимо тяжело было Цзиньянь коротать время одинокой в расписном тереме, холодным казалось ложе под расшитым пологом. Мало-помалу у нее пропала охота пудриться и румяниться, пить и есть. Она заметно осунулась и похудела. Все платья ей стали широки. Страдала она от «глаза», что у «дерева», от «сердца», что ниже «поля».^[1567] Целыми днями ее клонило ко сну, а иногда, подперев ладонями щеки, она надолго погружалась в раздумья.

– Что с вами, матушка? – спросила ее как-то Чуньмэй. – Пошли бы хозяйку проведали, в дальних покоях посидели. Или по саду прогулялись, развеяли бы тоску. Разве так можно?! Сидите да вздыхаете день-деньской.

– Ты же знаешь, как мы были близки с зятюшкой! – отвечала Цзиньянь. – Тому подтверждением романс на мотив «Опустился сокол»:^[1568]

Мы были едины, как лотос двуглавый;^[1569]

Как рыбки, любили резвиться и плавать.

К тебе привязалась я с первой же встречи.

Судьба беспощадна – ей трудно перечить.

О, как это странно и непостижимо –

Меня перестал навещать мой любимый!

Хозяйка навесила всюду запоры,

В саду кобелей бродят алчные своры.

И сука-служанка шпионит коварно.

Цветущие весны теряю бездарно!

– Успокойтесь, матушка! – уговаривала ее Чуньмэй. – Даже небо будет падать – четыре великана поддержат.^[1570] А ваша беда, матушка, поправима. Дело в том, что матушка Старшая со вчерашнего дня оставила двух монахинь. Нынче вечером проповеди собираются слушать, и ворота запрут рано. Я попробую проникнуть в переднюю половину дома. Скажу, мне, мол, на конюшню только зайти, подушку сеном набить, а сама в лавку к нему. Вы же ему записочку напишите, я передам. И позову его. Что вы на это скажете, матушка?

– Дорогая моя сестрица! – воскликнула Цзиньянь. – Если ты окажешь такую милость, я никогда не забуду и щедро отблагодарю тебя. Как только оправлюсь, расшитые туфельки тебе сделаю.

– К чему вы так говорите, матушка! Мы ж люди свои. После кончины хозяина куда бы ни занесла вас судьба, я об одном мечтаю –

быть всегда с вами, матушка.

– Спасибо тебе за верность.

С этими словами Цзиньянь взяла осторожно кисть с ручкой из слоновой кости, не спеша стряхнула пыль с разрисованной цветами бумаги и, написав послание, тщательно запечатала его в конверт.

Под вечер, когда Цзиньянь была у хозяйки, она сделала вид, будто ей нездоровится, и, словно высвободившаяся из кокона золотая цикада, воротилась к себе. Делать ей было нечего. Внутренние ворота по распоряжению Юэнян заперли рано. Служанки и жены слуг были отпущены, а сама хозяйка слушала проповеди буддийских монахинь. Тогда Цзиньянь и попросила Чуньмэй отнести записку.

– Дорогая сестрица! – наказывала она горничной. – Пригласи его да поскорей. Вот и романс на мотив «Шестая госпожа из Хэ-си»^[1571] в подтверждение:

Ускорь шаги, Чуньмэй, сестра!
Ведь доброта твоя подобна океану.
Я жажду встречи от рассвета до утра.
Я нынче ночью ждать устану!
Постель помягче постелю
И буду с тем, кого люблю.

– Матушка, погодите немного, – обратилась горничная. – Надо сперва негодяйку Цюцзюй подпоить да запереть на кухне, а потом уж идти. Я возьму корзинку и пойду в конюшню вроде за сеном для подушки, а сама позову его.

Чуньмэй наполнила два больших кубка вином и отправилась к Цюцзюй. Заперев служанку на кухне, горничная захватила с собой послание и вышла в сад.

Тому свидетельством романс на мотив «Опустился сокол»:

Я – как будто на конюшню за сенцом,
А сама к милому другу на крыльцо.
И ему передала условный знак.
Возвращаясь, заперла я всех собак,
На ворота я повесила замок
И у ложа притушила огонек.
А затем согрела крепкого вина
И Цюцзюй им напоила допьяна.
Как услышу: шелестят в ночи цветы,
Так пойму, что наконец явился ты.
Пусть исполнится пьянящая мечта –

Заворкуем, словно фениксов чета.

Чуньмэй пробралась в переднюю половину дома и, наполнив корзину сеном, направилась к закладной лавке. Приказчика Фу в лавке не оказалось – в тот вечер он ушел ночевать домой, и Чэнь Цзинцзи был один. Он только что развалился на кане, когда послышался стук в дверь.

– Кто там? – спросил Цзинцзи.

– Это я – родительница твоя в прошлой жизни, – отвечала Чуньмэй. – Я – дух, насылающий пять поветрий,^[1572] что развеет любовную тоску.

Цзинцзи открыл дверь.

– А, это ты, барышня! – воскликнул он, узнав горничную, и лицо его засияло улыбкой, – Я один. Заходи и присаживайся.

Чуньмэй вошла в лавку.

– А где же слуги? – спросила она, заметив на столе горевшую свечу.

– Дайань с Пинъанем ночуют в лавке лекарственных трав. А я тут. Один-одинешенек ночи коротаю, от холода дрожу.

– Матушка моя поклон просила передать, – начала Чуньмэй. – Хорош, говорит, друг. Около дома промелькнет и даже к двери не приблизится. Небось, говорит, другую завел. Моя хозяйюшка не нужна стала.

– Опомнись! Что ты говоришь! – оборвал ее Цзинцзи. – Да как я мог прийти, когда пошли сплетни, а хозяйка заперла окна и двери?

– Из-за вас у моей матушки все эти дни настроение плохое. Тоска ее изводит. Ни пить, ни есть не хочет. Все из рук валилось. Нынче хозяйка оставляла ее у себя проповеди послушать, так моя матушка немного погодя вернулась. Все о вас думает – совсем истосковалась. Велела вам записку передать, просила навестить ее без промедленья.

Цзинцзи взял у нее конверт и сразу заметил, как тщательно тот был запечатан. Когда он разорвал его, внутри оказался романс на мотив «Обвилася повилика».

Он гласил:

Ланиты – абрикос цветущий –
Поблекли, будто трын-трава.
Весной тоска снедает пуще,
Грущу, кружится голова.
Тень одинокая на ложе
Жалка в мерцании свечи.

И я на нищенку похожа –
Состарилась от бед-кручин.
Мне не кому играть на лютне,
От слез и горько, и темно.
Ты горизонта недоступней
И дальше Неба самого!

Прочитав романс, Цзинцзи в знак благодарности встал перед Чуньмэй на колени и сложил руки на груди.

– Безмерно я тронут! – воскликнул он. – Мне и невдомек, как она тоскует. Я даже не навестил ее. До чего я виноват перед твоей матушкой! Ступай, а я, как приберу, сразу приду.

Цзинцзи достал из шкафа белый шелковый платок, серебряные безделки – зубочистку и прочишалку для ушей и передал их горничной. Потом он усадил ее на кан, обнял и страстно поцеловал, будучи не в силах удержаться от радости.

Да,

Коли с Инъин не удалось свиданье,
Рад и с Хуннян он утолить желанье.
Тому подтверждением стихи:
И брови поблекли, и гребень повис,
Шитье опустила невесело вниз...
Уж терем окутал молочный туман...
Любви нашей ради оправдан обман!
Красавица ждет, обратиться на восток,
Изящна, как сливы весенней цветок.
Вглядись! Она сливы весенней нежней.
Какое блаженство увидеться с ней.

Поиграв немного, Чуньмэй забрала корзину с сеном и пошла к себе, чтобы во всех подробностях доложить Цзиньлянь.

– Зятюшку я позвала, – говорила она. – Сейчас придет. До чего ж он обрадовался вашему посланию! Мне низкий поклон отвесил, платок и серебряные безделушки поднес.

– Выйди погляди, не идет ли, – перебила ее Цзиньлянь. – Да не покусала бы его собака.

– Я ее заперла.

А был тогда, надобно сказать, не то двенадцатый, не то тринадцатый день девятой луны,^[1573] и месяц светил ярко.

Чэнь Цзинцзи завернул в лавку лекарственных трав, подозвал Пинъаня и велел ему переночевать в закладной, а сам проторенной

дорожкой направился в сад, миновал калитку и, приблизившись к покоем Цзиньянь, покачал, как было условлено, куст цветов. Чуньмэй уследила за колыханием куста и откликнулась покашливанием. Когда Цзинци распахнул дверь и вошел в спальню Цзиньянь, о его приходе уже было доложено, и Цзиньянь встретила его у двери с улыбкой на лице.

– А ты хорош! – говорила она. – Проходит мимо и не заглянет.

– Я хотел избежать пересудов, вот и не показывался, – пояснял Цзинци, – Вы, оказывается, скучали. Прошу прощения, что не навестил.

– Тому свидетельством, – отвечала Цзиньянь, – романс на мотив «Обернулась четырежды»:

Досужие, гнусные сплетни –
Удар по любви многолетней.
Ты чувства умерил, сынок,
И терем мой стал одинок.

Они сели рядышком. Заперев калитку и поставив корзину с сеном, Чуньмэй накрыла стол и расположилась сбоку, чтобы угощать их вином. Заходили чарки. Цзинци лънул к красотке. Потом втроем играли в шашки. Когда вино распалило их страсть, прическа-туча у Цзиньянь ослабла. Она завела обворожительные глаза и достала узелок с принадлежавшими Симэнь Цину снастями для любовных утех. В узелке лежали любострастный наконечник, сладкоголосая чаровница, серебряная подпруга и бирманский бубенчик. Вблизи свечи Цзиньянь показала Цзинци, как их приспособить. Затем она, сняв все одежды, полулегла в глубокое «кресло хмельного старца». [1574] Цзинци, тоже совершенно обнаженный, расположился в кресле напротив, и они приступили к делу, сообразуясь с двумя дюжинами весенних картинок из альбома, лежавшего перед ними у свечи. [1575]

– Подтолкни-ка зятюшку сзади, – обратилась к горничной Цзиньянь. – Боюсь, ему требуется пособить.

Чуньмэй не заставила себя долго ждать и принялась его сзади подталкивать. Причиндал Цзинци вонзился в лоно Цзиньянь и начал сновать туда-сюда. Стало так прекрасно, что словами не передашь.

Но расскажем пока о Цюцзюй. Проспав до полуночи, она поднялась, чтобы сходить по малой нужде. Однако кухонная дверь оказалась запертой снаружи. Служанка просунула руку и вынула задвижку.

Полная луна ярко освещала дворик. Цюцзюй прокралась под окно

хозяйкиной спальни, осторожно прорвала в оконной бумаге дырочку и заглянула вовнутрь. В спальне от зажженных свечей было светло. Три нагих фигуры, пьяные, предавались утехам. Двое расположились друг против друга в креслах, а Чуньмэй сзади толкала экипаж, и они сливались воедино.

Только поглядите:

Одна мужа честь опозорила, другая о своем положении скромной служанки забыла. Он дышал тяжело, учащенно, ревел, как бык под сенью ивы. Она щебетала нежно, как иволга, в цветах порхая. Одна любовстрастием в кресле себя ублажала. Другой нерушимые клятвы ей на ушко шептал. Одна вдовы покои тихие оборотила в вертеп неистовых утех. Другой со своей тещей буйной оргии ночь посвятил. Она в Симэновом искусстве зятя наставляла. Он, как Хань Шоу, брал краденые ароматы^[1576], дабы любовнице-теще отдать всего себя.

Да,

То, что в свете творится, – во сне не приснится.

Двое связаны вместе всесильной десницей.

Посмотрела их утех Цюцзюй и про себя подумала: «А еще оправдываются, непорочных из себя строят. Вот уж сама своими собственными глазами видала. Завтра же матушке Старшей доложу. Неужели их опять будут оправдывать? Неужели опять скажут: язык, мол, распускаю?» И вдоволь наглядевшись, она пошла на кухню спать.

А те трое неистовствовали до третьей ночной стражи.

Чуньмэй поднялась еще затемно и направилась на кухню. Обнаружив отпертую дверь, она спросила Цюцзюй.

– И ты спрашиваешь! – удивилась служанка. – Мне терпенья не было, а ты дверь заперла. Кое-как задвижку вытащила.

– Вот негодяйка, рабское отродье! – заругалась Чуньмэй. – А на кухне в ведро сходить не могла, да?

– Не видала я тут никакого ведра.

Пока они ругались, настал рассвет, и Цзинцзи удалился восвояси.

Да,

Расставанье – как с жизнью!

Утром келья покинута вдовья.

И опасливой рысью

миновал он ворота злословья.

– Из-за чего вы там на кухне расшумелись? – спросила горничную Цзиньянь.

Чуньмэй рассказала, как Цюцзюй отперла ночью дверь. Гнев охватил Цзиньлянь, и она хотела было избить служанку, но та уже успела доложить обо всем увиденном Юэнян.

– Ах ты, разбойница! – обрушилась на служанку Юэнян. – Опять хозяйке могилу рыть, рабское твоё отродье!? В прошлый раз явилась, нагородила, будто хозяйка твоя зятя Чэня приютила, будто он у неё днюет и ночует. Меня заставила пойти. А хозяйка как ни в чём не бывало в постели, сидит за столиком, жемчугом шьёт. И никакого зятя. Он потом совсем с другого конца появился. Какую ты напраслину на свою хозяйку возводишь, рабское отродье! Ведь он взрослый человек, небось, не какая-нибудь сахарная фигурка, не щепка – его так просто не спрячешь, в щель не заткнешь. Вон какой детина – не хочешь да заметишь. Слухи ты распускаешь, а наружу выйдут, что тогда? Скажут, служанка у них хозяйке могилу роет. А кто краем уха услышит, судить будет. Симэнь Цин, мол, всех ублажал, а как умер, так между женами никакого порядку не стало, кто куда тянет. Так и на моего сына, чего доброго, подозрения падут.

Юэнян хотела избить служанку, но та с испугу бросилась наутек и больше уж не решалась ходить в дальние покои.

Цзиньлянь ещё больше осмелела, когда узнала, как обошлась с её служанкой Юэнян. По сему случаю они с Цзинци написали романс на мотив «Туфелек алый узор», в котором выразили свою радость:

Пускай злословят языки,
И всюду заперты замки,
Но улетучилось унынье
И нас не разлучить отныне.
Отсохнут руки у врагов,
Замолкнут бредни дураков,
Любви немеркнувший алмаз
Соединил навеки нас.

О связи Цзиньлянь с Цзинци прослышала и его жена. Она наедине допросила мужа.

– И ты поверила этой злодейке, рабскому отродью?! – отвечал жене Цзинци. – Да я вчера в лавке ночевал. Подумай, мог я попасть в сад или нет? Потом, и ворота туда целые дни на запоре.

– Будет тебе языком-то болтать, арестант проклятый! – не унималась жена. – Если же будешь мотаться, как былинка на ветру, а до меня дойдут слухи и матушка станет мне выговаривать, тогда ты мне не нужен. Уходи от меня подобру-поздорову,

– Пересуды есть и будут, – продолжал Цзинци. – Но их не станет, когда откажешься их слушать. Я нисколько не удивлюсь, если эта негодяйка, рабское отродье, плохо кончит. Ведь ее наговорам не верит даже матушка.

– Хорошо, если б это были только наговоры.

Да,

Кому про молодца известно,

Сколь в нем душонка легковесна?

Кто про его красотку знает, –

Коварная, что замышляет.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

У ЮЭНЯН ГРОМКО ВЗЫВАЕТ О
ПОМОЩИ В ОБИТЕЛИ
ЛАЗУРНЫХ ОБЛАКОВ
СУН СПРАВЕДЛИВЫЙ,
ДВИЖИМЫЙ ЧУВСТВОМ
ВЫСШЕГО ДОЛГА,
ОСВОБОЖДАЕТ ВДОВУ ИЗ
КРЕПОСТИ СВЕЖЕГО ВЕТРА

*Вечнозеленой сосной
свой век живет отнюдь не каждый:
Ее рождение – чудный плод
слиянья Неба и Земли.
К ней, чистой, словно к роднику,
всяк тянется, томимой жаждой;
Грязь мира к ней не пристает,
худое – от нее вдали.
Достойных женщин много есть:
та благонравна, та невинна;
Но непорочная вдова –
звучит достойней всех похвал.
Все долголетия хотят,
секрета жаждут жизни длинной.
Тем, кто хотел бы долго жить,
я б доброй славы пожелал^[1577]*

Так вот. Пригласила однажды Юэнян старшего брата и стала держать совет. Она решила исполнить обет, который дала умирающему Симэнь Цину, – совершить паломничество на вершину горы в области Тайань и помолиться божественной Матушке.^[1578] У Старший посоветовал сестре припасти благовония и свечи, раскрашенные изображения божеств с конями на цветной бумаге и всяческую жертвенную снедь, а Дайаню с Лайанем, которые должны были сопровождать хозяйку, велел нанять лошадей.

Юэнян разместила в теплом паланкине. Мэн Юйлоу, Пань Цзиньлянь, Сунь Сюээ и падчерице был дан наказ хорошенько присматривать за домом и вместе с кормилицей Жуи и служанками беречь сына Сяогэ.

– Пораньше запирайте внутренние ворота, – продолжала она, – и без надобности из дому не отлучайтесь. – Юэнян обернулась к Чэнь Цзинци: – А ты в женские покои не ходи. Вместе с приказчиком Фу у ворот сторожи. Я же к концу месяца вернусь.

Пятнадцатого утром Юэнян возожгла жертвенные деньги. Вечером она отвесила поклон перед дщицей покойного Симэня, за трапезным столом простилась с сестрами, передала ключи от дома и кладовых Сяюй и сделала последние распоряжения.

На другой день рано, в пятую предутреннюю стражу, Юэнян двинулась в путь. Сопровождавшие ее брат и слуги ехали верхами. Домашние вышли проводить за ворота.

Стояла глубокая осень. Дни были короткие и холодные. За день паломники проходили по шестьдесят, а то и по семьдесят ли. С наступлением сумерек останавливались на ночлег в гостиницах или на постоянных дворах, а с утра опять пускались в путь. Всю дорогу над ними висели серые тучи, жалобно кричали в небе улетающие гуси. Деревья стояли голые, кругом царило уныние. Все навевало на путников непреодолимую тоску и грусть. Вот и стихи, в которых говорится про У Юэнян – как, исполняя данный мужу обет, совершала она это паломничество через далекие горы и заставы:

Она в стремлениях тверда,
И благородна, и горда.
Паломничества дав зарок,
Его исполнит в должный срок.

Однако хватит пустословить. Не станем больше говорить о пути.

Через несколько дней достигли они области Тайань. Перед ними вдали возвышалась Великая гора – Тай.^[1579] Действительно, это была

первая гора во всей Поднебесной. Основа ее уходила в землю, вершиной своей она касалась самого сердца небес. Расположилась она в пределах земель Ци и Лу.^[1580] Грозен и величествен был ее вид!

С наступлением вечера У Старший подыскал гостиницу, где они переночевали, а с раннего утра начали восхождение на Великую гору к монастырю. В этой обители из века в век приносились все полагающиеся жертвы, правители всех династий совершали благодарственные молебны у жертвенников Небу и Земле. Как первый храм почитался монастырь.

Только поглядите:

Возвышается храм на Великой Тай-горе. Ее края могучие держат и землю и небо. Досточтима вершина сия – всех святых во главе. С балюстрады заоблачной если взглянуть, то предстанет вдали и западный предел – река Мертвящая вода – Жо-шуй.^[1581] и восточный – бессмертия приют Пэнлай^[1582]. Высший пик, венчаемый причудливой сосной, укрыт густыми облаками или туманом редким. Ввысь устремились башни и террасы. К ним, кажется, солнце само – ворон золотой парит, расправив крылья. Простерлись к небу ярусами хоромы и палаты. Сюда, мнится, луна – яшмовый заяц скачет во всю прыть^[1583]. Резные балки, узорные стропила. Отливает голубизною черепица и алеют стрехи. Пестреют фениксами двери, сверкают яркие перегородки, переливаясь будто желтый флер. Свисают узорные парчовые ленты с расшитых рыбами занавесей. Издали взглянешь на изображение святого – и кажется с глазами Шуня, бровями Яо в пляске застыл увенчанный короной с девятью кистями. К божественному лику присмотришься поближе – с плечами Тана и спиною Юя, в порфиру облачен^[1584]. Вот дух девяти небес^[1585] с книгою учета душ умерших, увенчан шапкой-лотосом, в шелковый халат одетый. Вот святой мудрец в халате желто-красном, препоясанный поясом из лантяньских самоцветов^[1586]. Расположилась слева свита украшенных яшмовыми шпильками в туфлях с жемчугом, а справа – другая – несущих с лиловыми шнурами золотую печать. Трепет внушает величественное сооружение! Стража его – три тысячи полководцев в латах золотых верхом. Грозного вида смельчаки стоят строем в обеих галереях. Владыке служат сотни тысяч воинов в кольчугах. Разместились судьбы семидесяти двух^[1587] служб под Полынь-горой^[1588]. В храме Байцзэ^[1589] Дух Земли приводит в соответствие двадцать четыре сезона^[1590]. Ежедневно божественным проникновением озарен распорядитель Огненного озера – Железнодорожный страж. Ежегодно

являет высокую мудрость хозяин судеб смертных – Полководец Пяти путей^[1591]. Пред ними непрестанно воскуряются ароматы. Скакуны несут исполненные киноварью доклады небесным божествам, пред коими всегда обилье жертв в соответствии с сезоном года. По обычаю, и стар и мал молятся о спасении и счастье. Благоуханная дымка и благовеющие облака сгущаются в храме Благополучия и Покоя. У врат истинного Света клубится счастья эфир^[1592]

Да,

Тьма паломников в обители

Лазурных облаков.^[1593]

В мире славят Повелителя

На тысячи ладов.

Брат привел Юэнян в храм Духа-хранителя Великой горы. В главном приделе они воскурили благовонные свечи и сотворили молитву перед святыми, в то время как даосский монах читал поминальный текст. Паломники сожгли жертвенные деньги в обеих галереях, и после монастырской трапезы У Старший повел Юэнян на самую вершину горы. Они миновали сорок девять перевалов и, цепляясь за плющи и лианы, продолжали восхождение. Окутанный густыми облаками храм богини, казалось, висел в воздухе. До него было еще добрых четыре десятка ли. Несомые ветром облака, раскаты грома и дождь – все осталось внизу. Путники вышли из храма Духа-хранителя Великой горы в час дракона, а когда достигли вершины, прошел час обезьяны.^[1594] Перед ними открылся придел божественной Матушки с наддверною таблицей, на которой значилось имя Сун Цзяна.^[1595] На вывеске золотом было начертано: «Обитель Лазурных облаков». Войдя в храм, паломники низко поклонились, потом обратили очи свои к золотому изваянию божественной Матушки. Что это был за лик!

Только поглядите:

На голове пучком высоким вздымается прическа – «девять драконов и летящие фениксы». Облачена в тончайшую порфиру с длинным шлейфом и золотою бахромой. Пояс у нее из лантяньского нефрита. Держит в руке, укрытой узорным рукавом, скипетр нефрита белого. Венчик лотоса – богини лик. Полные жизни глаза оттеняет туча волос. Губы ее – лучшая киноварь. Она бела и держится естественно и просто. Похожа на Мать Владычицу Запада – Сиванму, когда та пировала на Самоцветном озере в горах Куньлунь, или на чаровницу Чанъэ, когда та снизошла из Лунного

чертога. Умения не хватит описать бессмертной облик. Нет красок воссоздать величественный лик!

Юэнян отвесила земной поклон божественной Матушке. Рядом, у курильницы, стоял даосский монах. Лет сорока, стройный, с бородкой, свисающей тремя клоками, он сверкал белизною зубов и все время поводил масляными глазками. На голове у него красовалась шапочка со шпилькой, прикрывавшая узел волос, а сам он был облачен в темно-красный халат и обут в сандалии, расшитые узорами в виде облаков.

Монах подошел к Юэнян и прочитал ее молитвенное обращение. В золотой курильнице зажгли благовония и предали огню раскрашенные изображения божеств с конями на цветной бумаге. и бумажные слитки золота и серебра, после чего юные послушники убрали жертвенную снесь.

А монах этот, – звали его Ши Боцай, – хотя и считался старшим из учеников настоятеля храма Духа-хранителя Великой горы, был, надобно сказать, человек непутевый. Жадный до денег и падкий на женщин, он не упускал случая обделать темное дельце. А обретался в той местности некто Инь Тяньси, по кличке Злодей, – шурин тамошнего областного правителя Гао Ляня. Инь Тяньси водил компанию таких же бездельников, как и сам. Вооруженные луками и самострелами, с соколами и собаками, они бродили от храма к храму с единственным намерением – присмотреть среди паломников хорошенькую женщину. И никто не решался им слова поперек сказать. Вот монах Ши Боцай тем и занимался, что укрывал у себя насильника, а сам хитростью заманивал приглянувшуюся женщину в келью и отдавал ее на утеху прелюбодее Инь Тяньси. И на сей раз Ши Боцай сразу приметил облаченную в траур Юэнян. Необычные манеры и внешность выдавали в ней либо жену чиновного лица, либо представительницу процветающего дома. Седобородый пожилой господин и двое молодых слуг, неотлучно ее сопровождавшие, тем более укрепили его в таком мнении.

Ши Боцай не преминул приблизиться к паломникам и, кладя земной поклон, благодарил их за пожертвования.

– Досточтимые жертвователи, прошу вас, будьте так добры, проследуйте в келью на чашку чаю, – пригласил он.

– Не извольте беспокоиться! – проговорил У Старший. – Нам пора в обратный путь поспешить.

– Не спешите, успеете спуститься, – уговаривал его Ши Боцай.

За разговором они дошли до кельи.

Побеленная келья сверкала чистотой. На почетном месте

размещалось расшитое цветами сезама роскошное ложе, над которым опускался желтый парчовый полог. Перед картиной «Дунбинь наслаждается белым пионом»^[1596] стояла курильница с благовониями. По обеим сторонам от картины выделялись крупные парные надписи, исполненные искусным каллиграфом: «Трепещут на свежем ветру рукава – словно аисты в танце» и «С веранды при месяце ярком доносится проповедь священного писанья».

– Позвольте узнать, как вас величать? – обращаясь к У Старшему, поинтересовался Ши Боцай.

– Меня зовут У Кай, – отвечал тот. – А это моя младшая сестра, урожденная У. Если бы не обет, который она дала покойному мужу, мы не стали бы вас беспокоить, святой отец.

– Раз вы близкие родственники, прошу вас занять почетные места, – пригласил их монах.

Сам он расположился на месте хозяина и велел послушникам подать чай. А было у него в услужении два послушника. Одного звали Го Шоуцин, что значит Блюститель Чистоты, а другого – Го Шоули, что значит Блюститель Ритуала. Им было лет по шестнадцати. Приятной наружности, они носили монашеские шапочки из темного атласа с двумя лентами сзади. У каждого торчал стянутый красной бархоткой пучок волос. В темных шелковых рясах, в легких сандалиях и белых чулках, послушники источали аромат. Они подавали посетителям чай и воду, угощали вином и закусками. А ночью ублажали Боцаю, утоляли его ненасытную страсть. Числились они в послушниках, а на деле служили наставнику как наложниками. А кем еще были и сказать нельзя. Словом, с полотенцем не расставались – так в штанах и носили.

Да, дорогой читатель! Ни в коем случае нельзя отдавать дитя свое в буддийский или даосский монастырь с целью пострига и принятия монашеского сана. И пусть крепко это запомнит родитель, если он только любит сына своего или дочь свою. Ибо дочь его, став монахиней буддийскою или даосскою, будет служить негодяю-насилънику как продажная девка. Девяти из каждого десятка уготован сей путь.

Тому свидетельством стихи:

В монастырях буддисты Будду чтут,

Даосы – чтут Небесного владыку.

Растят монахи дивные цветы,

А помыслы у них совсем иные;

К паломникам с радушием спешат,

Однако все улыбки их притворны.
Наставникам вослед ученики
Рядятся в шелк и тянутся за чаркой,
Обету воздержанья вопреки
Ждут случая, чтоб поиграть с красоткой.
Везет родитель милое дитя
Наставнику для убаженья плоти.

Немного погода, Шоуцин и Шоули накрыли в покоях монаха стол, расставили, как полагается, изысканные яства и деликатесы – жаренные в масле пирожки и крендели, заготовленные с весны соленья и всевозможные овощные блюда. На столе царило изобилие. Лучший чай из молодых лепестков, нежных, как воробьиные язычки, заваренный на сладкой воде, подали в белых чашечках из динчжоуского фарфора.^[1597] Серебряные чайные ложки напоминали листики абрикоса.

После чая посуду со стола убрали. Появились вино и огромные подносы, на которых стояли большие тарелки с горячими кушаньями. Были тут куры, гуси, рыба, утки и прочие скоромные угощения. Золотом заискрилось вино в оправленных серебром янтарных кубках.

Когда У Юэнян увидела вино, то решила, что пора собираться в путь, и подозвала Дайяня. По ее распоряжению слуга, отвешивая поклон, поднес на красном лакированном подносе кусок полотна и два лына серебра.

– Мы не можем вас больше беспокоить, отец наставник, – обратился к Боцаю У Старший. – Примите эти скромные подношения как знак нашей искренней благодарности. И не утруждайте себя, пожалуйста, излишними хлопотами. Ведь уже вечереет, и нам пора начинать спуск.

Ши Боцай засуетился и долго благодарил паломников.

– Я – бесталанный инок, – говорил он. – Пребывая под благодатным покровительством милосердной божественной Матушки, надзираю за обителью Лазурных облаков. Живу только милостью паломников, кои приносят сюда со всех четырех сторон света свои пожертвования. Кого же как не вас, почтеннейшие благодетели, мне и принять. За такое скромное угощение я, право, не заслужил столь щедрых даров. Вы ставите меня в неловкое положение: и не принять их было бы с моей стороны неучтиво, а принять – прямо-таки неудобно.

Он продолжал рассыпаться в благодарностях и долго отказывался принять подношения, пока, наконец, не велел послушникам унести их,

а сам начал упрашивать У Старшего и Юэнян остаться.

– Побудьте еще немного, прошу вас, – уговаривал он паломников. – Хотя по чарочке-другой пропустите, дабы я мог хотя бы в ничтожной мере отблагодарить вас за великую милость, вами оказанную.

Внимая его настоятельным просьбам, У Старший и Юэнян пришлось сесть за стол.

Немного погода подали разогретые блюда.

– Это вино не годится, – заявил Боцай и обернулся к послушнику. Ступай-ка откупорь для почтеннейшего господина У жбан лотосовой настойки. Той, что его сиятельство Сюй, областной правитель, на днях прислал.

Вскоре появился послушник с кувшином подогретой настойки.

Ши Боцай наполнил чарку и обеим руками преподнес ее Юэнян, но та отказалась принять.

– Сестра не потребляет вина, – пояснил У.

– Выпейте, милостивая сударыня, хоть немножечко, – упрашивал Ши Боцай. – Ничего с вами страшного не случится. Приятно разогреться после тягот пути, ветра да стужи.

Монах поднес полчарки, и Юэнян взяла.

– Попробуйте-ка, почтеннейший господин У, что за настойка! – продолжал он, протягивая полную чарку У Старшему. – Каков букет!

У Старший отпил глоток сладкого вина и сразу почувствовал необыкновенный густой аромат.

– Да! – протянул он. – Удивительный, прекрасный напиток!

– Не скрою, господин У, это вино было прислано мне самим его сиятельством Сюем, правителем Цинчжоу, – пояснил монах. – Супруга его сиятельства, их дочка и сын из года в год посещают Великую гору. Молебны заказывают и благовония возжигают. У нас с его сиятельством большая дружба. А их барышня и молодой барин пребывают под покровительством заступницы божественной Матушки. Его сиятельство прониклись уважением ко мне, ничтожному инок, за мою душевную простоту и скромность, за усердие мое в молитве, за чистоту мою и непорочность. Видите ли, в былые годы казна взимала с обеих наших обителей половину налогового бремени. Теперь же – как нам не молиться за нашего милосердного добродетеля, его сиятельство правителя господина Сюя! – ведь благодаря его докладу с нас были полностью сняты налоги. Так что все доходы ныне поступают в наше собственное распоряжение. Вот почему мы можем чтить милосердную

божественную Матушку, а остальное тратить на прием паломников, кои стекаются со всех концов света.

Пока они вели разговор, для Дайяня с Лайанем и носильщиков паланкина было устроено отдельное угощение. Им подавали закуски и сладости, огромные блюда мяса на больших подносах и вино. Они наелись до отвала.

Да, дорогой читатель! Ши Боцай ведь спрятал в своем логове Инь Тяньси. Вот он и заманил в келью Юэнян, намереваясь отдать ее на поругание Злодею. Вот отчего он так и старался, так и потчевал паломников.

После нескольких чарок У Старший заметил, что вечереет, и стал откланиваться.

– Вот-вот зайдет солнце, сударь, – проговорил Ши Боцай. – Поздновато в путь пускаться. Если не побрезгуете кельей ничтожного инока, заночевали бы лучше у меня. А завтра пораньше и в путь двинуться легче будет.

– Но у нас кое-какие вещи на постоялом дворе остались, – заметил У. – Как бы, чего доброго, не польстился кто.

– Насчет этого можете не волноваться, – заверил его, улыбаясь, Ши Боцай. – Пусть только посмеют прикоснуться! Как узнают, что нашего паломника обокрали, не только постоялый двор – всю округу страх проберет. Хозяина сейчас же в областное управление доставят, выпорют как полагается и грабителя прикажут разыскать.

Услышав такие заверения, У Старший остался. Ши Боцай продолжал наполнять большие кубки. У Старший, захмелев, вышел пройтись и полюбоваться храмами. Ши Боцай сделал вид, что опьянел, и тоже вышел по малой нужде. Послушник Шоуцин с вином в руке отпер дверь и выпустил У Старшего наружу.

Юэнян почувствовала усталость и решила лечь. Ши Боцай тем временем запер дверь спальни, а сам сел снаружи кельи. И надо же было тому случиться!

Только Юэнян легла в постель, как до нее донесся шорох. Вдруг из находившейся за кроватью обтянутой бумагой двери в спальню ворвался незнакомец. Это был розовощекий детина, лет тридцати, с бородкой в три клинышка, в темной головной повязке и лиловой парчовой куртке и таких же штанах.

– Меня зовут Инь Тяньси, – проговорил он и заключил Юэнян в объятия. – Я прихожусь шурином правителю Гао. Давно слышал о вас, сударыня. Знаю, вы супруга знатного солидного лица, наделены прирожденным обаянием и слывете красавицей. Давно я жаждал

встречи, горел желанием лицеизреть вас, да не выпадало подходящего случая. И вот сбылась моя мечта. Я несказанно счастлив. Не забыть мне этого момента!

Инь Тяньси схватил Юэнян и стал домогаться ее. Как только могла съежилась, насмерть перепуганная, Юэнян.

– Как вы можете средь бела дня, в мирное время, ни с того ни с сего хватать жену порядочного человека?! – громко закричала она и хотела было вырваться, чтобы броситься к двери.

Но Инь Тяньси не пускал ее.

– Не кричите, сударыня, умоляю вас! – вставая на колени, запросил насильник. – Прошу вас, войдите в мое положение. Сжальтесь надо мной!

– Помогите! Спасите! – напрягая все силы, еще громче закричала Юэнян.

Ее услышали Дайань с Лайанем и стремглав бросились в задний флигель У Старшего.

– Дядя, скорее! Матушка в келье зовет на помощь.

У Старший, ускорив шаг, побежал к келье. Он толкнулся было в дверь, но не тут-то было. Из кельи послышался громкий голос Юэнян:

– Для чего понадобилось хватать паломницу, да еще в мирное время?!

– Сестра, успокойся! – крикнул ей У Старший. – Я тут.

Он схватил камень и разбил им дверь. Инь Тяньси выпустил из рук Юэнян и, прыгнув за кровать, испарился как дым.

А в келье Ши Боцая, надобно сказать, за кроватью был устроен особый ход.

– Не опозорил тебя насильник, сестра? – ворвавшись в спальню, расспрашивал ее брат.

– Не успел. Вон там за кроватью скрылся.

У Старший стал разыскивать Ши Боцая. Но монах спрятался. Чтобы как-то заговорить паломников, он выслал к ним своих послушников. Это вывело У Старшего из себя, и он крикнул сопровождающих, а также Дайаня и Лайаня. Слуги разбили вдребезги дверь и окна в келье Ши Боцая, после чего, охраняя укрывшуюся в паланкине Юэнян, покинули обитель Лазурных облаков.

Они пустились в обратный путь с наступлением сумерек и не останавливались целую ночь. Когда же начало светать, они поспешили к подножию горы на постоялый двор, где рассказали, что случилось.

– Не следовало бы вам задевать этого Иня Злодея, – сокрушенно говорил им хозяин. – Ведь он доводится шурином здешнему

правителю. Не зря Злодеем прозывается. Вы-то уйдете – и дело с концом, а нам несдобровать. Без погрома на постоялом дворе не отступится.

У Старший наградил хозяина лишним лянм серебра, забрал вещи и, охраняя паланкин с Юэнян, поторопился в обратный путь.

Инь Тяньси кипел от гнева. Собрав два или три десятка бездельников, каждый из которых был вооружен кинжалом либо дубинкой, они начали спуск с Великой горы.

Путники во главе с У Старшим вместо двух остановок делали одну и примерно к четвертой ночной страже достигли горного ущелья. Вдали, сквозь чашу деревьев, едва мерцал свет, когда они подошли поближе перед ними оказалась горная пещера. В ней пред зажженной свечей сидел старый буддийский монах и читал сутру.

– Мы были в храме на вершине горы, – обратился к наставнику У Старший. – Нас преследовали насильники. Когда мы завершили спуск, настала ночь, и мы сбились с дороги. Позвольте узнать, отец наставник, куда мы попали и как нам добраться домой в Цинхэ?

– Вы на Восточной вершине Великой горы, – отвечал монах. – А пещера эта зовется пещерою Снежного потока. Бедного инок называют Наставником в Медитации из Снежной пещеры, а монашеское мое имя Пуцзин, или Всеуспокаивающий. Лет тридцать я пребываю в этой пещере, погруженный в созерцание. Это судьба привела вас ко мне. Задержитесь тут. Внизу множество волков, тигров и барсов. Завтра пораньше выйдете и прямо большой дорогой доберетесь к себе в Цинхэ.

– А если будут преследовать? – спросил У Старший.

Старец огляделся вокруг и молвил:

– Не бойтесь! Насильники вернулись с полпути.

Он заметил Юэнян и спросил, как ее зовут.

– Это моя сестра, – отвечал У. – Жена Симэня. Она исполнила данный мужу обет. Вы спасли нам жизнь, отец наставник. Мы никогда не забудем вашего благодеяния и щедро вас отблагодарим.

Они переночевали в пещере.

На другой день в пятую предутреннюю стражу благодарная Юэнян поднесла монаху кусок полотна, но тот отказался.

– Я, бедный инок, желаю одного – просветить сына, тобою рожденного, – сказал он. – Сделаю его учеником своим. Ты согласна?

– У моей сестры единственный сын, – пояснил У. – И мы надеемся, что он продолжит по наследству дело отца. Если б у нее были еще дети, она отдала бы вам, отец наставник, своего сына в ученики.

– Но мой сын еще слишком мал, – проговорила Юэнян. – Ему и году нет. Как его отдать!?

– Я его не прошу сейчас, – говорил монах. – Я приду за ним через пятнадцать лет. Только пообещай отдать.

Юэнян не проронила ни слова, а про себя подумала: «Через пятнадцать лет... тогда и решим». Так она дала наставнику молчаливое обещание.

Да, дорогой читатель! И не надо было Юэнян в этот раз давать обещание монаху. Ведь через пятнадцать лет, когда бедствие постигнет Поднебесную, Юэнян возьмет с собою сына Сяогэ и отправится в Хэнань искать пристанища у Юнь Лишоу, но заблудится и повстречает в обители Вечного блаженства монаха-наставника, где тот будет молиться о спасении смертных. Вот тогда-то Сяогэ и примет монашеский постриг, но об этом речь впереди.

На другой день Юэнян простилась с монахом, и они двинулись дальше. К концу дня паломники очутились у подножия горы, преградившей им путь. Она называлась горою Свежего ветра. Сколько опасностей таили ее кручи!

Только поглядите:

Куда ни глянь, всюду горы; кругом опасные утесы. Простерлись ввысь могучие причудливые сосны. Их кроны зелено-голубые повисли, как шатры. Свисают лианы с ветвей вековых деревьев. Разлетаются брызги стремительных водопадов. Волосы мерзнут от стужи. Вздываются отвесные скалы. Режет глаза ослепительное сиянье. И спящую душу заставит очнуться картина сия. Все время доносятся рев горного потока и стук топоров дровосеков. Мнится, рушатся могучие скалы. Горных птиц слышны печальные крики. Стадами ходят олени. Стаями лисы пробираются через колючки. Прыгают, скачут, средь дикой природы ища пропитанье. То сзади, то спереди раздаются их завыванья. Окинь взором травую покрытые склоны. Нигде не увидишь ни лавок, ни постоянных дворов. Только горные тропы петляют и кружат. А в пропасти грудой лежат мертвецы. Тут только патриархам буддизма предаваться самосовершенствованию или грабителям из засады врасплох нападать.

Итак, называлась она горою Чистого ветра и была на ней сооружена крепость Чистого ветра, в которой обитали три разбойника. Одного, Янь Шуня, прозывали Пятнистым Тигром; другой, Ван Ин, носил прозвище Приземистый Тигр, а третий, Чжэн Тяньшоу, прозывался Белолицый Барин. Под их предводительством собралось

сотен пять молодцов. Они только тем и занимались, что грабили на дорогах, совершали поджоги и убийства. И никто не решался им перечить.

Когда путники во главе с У Старшим, окружив паланкин с Юэнян, въехали в горы, спускались сумерки, но не видно было ни гостиницы, ни постоянного двора. Страх все больше овладевал ими. Вдруг лошадь У Старшего попала в аркан и, стреноженная, рухнула в пропасть. Тем временем молодцы захватили паланкин с Юэнян и потащили его в горы, а об остальных путниках во главе с У Старшим доложили трем главарям. Немного погодя вихрем выскочил отряд молодцов и, навьючив лошадей, усакал в горы. У Старшего и остальных повели в крепость.

В крепости главари-разбойники справляли пир. Они угощали шаньдунца Сун Цзяна, по прозванию Благодатный Дождь. Скрываясь от преследования после убийства певицы Янь Поси, Сун Цзян попал в крепость, где главари и оставили его погостить на несколько дней.

Сун Цзян заметил траур в прическе Юэнян. На ней было суровое белое платье. Держалась она строго и чинно. Манеры и облик выдавали в ней либо жену человека непростого, либо представительницу богатого дома. Сун Цзян спросил, кто она.

– Почтенный атаман! – выступая вперед и кланяясь, обратилась она к Сун Цзяну. – Я родом У, жена тысяцкого Симэнь Цина. Живу одинокою вдовой. Когда был тяжело болен мой муж, я обреклась совершить паломничество в храм на Великой горе. Сначала нас преследовал Инь Тяньси, потом день и ночь мы спешили домой. Опустился вечер, и мы сбились с пути. Так и попали в ваши владения, почтенный атаман. Не смеем просить наши вещи. Только пощадите нас, не губите. Отпустите. Этим вы осчастливите нас.

Ее трогательная мольба задела Сун Цзяна за живое. Милосердие и жалость заговорили в нем.

– Эта сударыня – супруга моего сослуживца, честного чиновника, – обратился он к Янь Шуню и поклонился. – Помнится, мы видались когда-то. Она совершила паломничество ради мужа. Ее преследовал Инь Тяньси. А сюда она попала нечаянно, не имея намерения нарушать пределы твоих владений, мудрый брат. Перед тобой верная жена. Ради меня, Сун Цзяна, прошу тебя, отпусти ее с миром. Не порочь ее доброго имени, брат.

– А как же я буду жить без жены? – спросил Ван Ин. – Дай ее мне в жены, пока я в крепости.

С этими словами Ван Ин приказал молодцам отвезти Юэнян во

внутреннюю постройку крепости.

– Я ведь все объяснил вам! – обращаясь к Янь Шуню и Чжэн Тяньшоу, продолжал Сун Цзян. – А брат Ван Ин все-таки не хочет внять моей просьбе.

– Всем хорош наш брат Ван Ин, – заметил Янь Шунь. – Одна у него слабость: стоит ему хорошенькую женщину увидеть, как глаза загораются, и он влюбляется по уши.

Сун Цзян вышел из-за стола и вместе с обоими главарями направился в заднюю постройку крепости к Ван Ину.

Ван Ин обнял Юэнян и домогался ее ласк. Тут подоспел Сун Цзян и оттащил Ван Ина.

– Брат! – обратился Сун Цзян к Ван Ину. – Раз ты герой и добрый молодец, то не положено тебе питать слабость к женскому полу. Если ты желаешь жениться, обожди немного. Я, Сун Цзян, сам буду сватом. Хорошую девицу посватаю, слово даю. Будет она тебе и чай заваривать, и воду подавать. Женой, настоящей женой возьмешь. А зачем тебе, спрашивается, эта вдова? Ну зачем?

– А ты, брат, к чему в мои личные дела вмешиваешься? – не унимался Ван Ин. – Для чего мои права ущемляешь, а? Нет, лучше уж уступи ее мне.

– Нехорошо ты поступаешь! – продолжал Сун. – Веришь ты мне, Сун Цзяну, или нет? Говорю, найду тебе подходящую. Ну чем тебя могла прельстить эта побывавшая замужем баба? Ведь над тобой все молодцы с рек и озер,^[1598] потешаться будут. На смех подымут. А про Инь Тяньси, насильника, я тебе вот что скажу. Если я не вернусь в горы Лян^[1599] то другое дело. Но если только вернусь, даю слово: я отомщу Инь Тяньси за эту женщину.

Заметьте, дорогой читатель! Впоследствии Сун Цзян вернется на Лян-шань и станет во главе крепости. Инь Тяньси вознамерится отобрать поместье у Чай Хуанчэна. Тогда Сун Цзян пошлет Ли Куя, по прозвищу Черный Вихрь, и тот убьет Инь Тяньси. Событие это потрясет всю область Гаотан, но не о том пойдет речь.

Выслушал Янь Шунь увещания Сун Цзяна и, не спрашивая согласия Ван Ина, приказал позвать паланкинщиков. Юэнян подняли в паланкин.

Поняв, что пришло освобождение, Юэнян с поклоном благодарила Сун Цзяна.

– Вы спасли меня, почтенный атаман! – говорила она. – Жизнью я обязана вашей милости.

– Ой, нет! – возразил Сун Цзян. – Не я тут хозяин. Я только гость

из Юньчэна.^[1600] Ты должна благодарить вот их, трех атаманов.

Юэнян поблагодарила главарей. У Старший, охраняя сестру, покинул горный лагерь. Они объехали гору Свежего ветра и, выбравшись, наконец, на большую дорогу, ведущую к Цинхэ, продолжили путь.

Да,

Разбита клетка из нефрита –

И феникса уж нет.

Ключ золотой дракон похитил

И свой запутал след.

Тому свидетельством стихи:

Все в мире существующее зло

В сердцах людских убежище нашло.

Когда бы из сердец нам зло изгнать,

Средь хищных тигров можно устоять.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

ЮЭНЯН РАСКРЫВАЕТ ПРЕЛЮБОДЕЯНИЯ ЦЗИНЬЛЯНЬ

ТЕТУШКА СЮЭ ЛУННОЙ НОЧЬЮ УВОДИТ ПРОДАННУЮ ЧУНЬМЭЙ

*Невесело растить чужую дочь,
А «стреляную птаху» гнать бы прочь!..
Раскроет рот – почтительна она,
Но искренности вовсе лишена.
Ей мнится: в доме нет о ней забот,
Об этом и судачит у ворот.
Пример неблагодарности людской —
Бранить своих кормильцев день-деньской.*

Не станем рассказывать, как У Старший, охраняя Юэнян, добирался до дому.

Поведаем о Пань Цзиньлянь. После отбытия Юэнян они с Чэнь Цзинцзи дня не упускали, чтобы не встретиться. Бегал он за ней как петух за курицей. Не расставались они ни в передней половине дома, ни у задних построек.

Но вот однажды насупила Цзиньлянь брови и в талии раздалась. Ходила она понурая. Ее весь день клонило в сон. Не хотелось ни есть, ни пить. Позвала она тогда к себе в спальню Цзинцзи и повела разговор.

– Послушай, что я тебе хочу сказать, – начала Цзиньлянь. – Мне эти дни на белый свет глядеть неохота. И в талии раздалась. А в животе бьется, стучит. Перестала пить и есть. Во всем теле тяжесть какая-то. Когда был жив сам, я мать Сюэ просила. Она мне средство из

детского места давала и наговорила воду. Все думала – понесу. Только тогда никаких признаков не появлялось. А вот теперь, когда сам на том свете .... Давно ль мы с тобой встречаемся, и уж младенца жди. Помню, меня последний раз в третьей луне месячные беспокоили. Стало быть, ему шесть месяцев. Бывало, я над другими подтрунивала, а теперь и до меня черед дошел. И ты, пожалуйста, не притворяйся, будто знать не знаешь, ведать не ведаешь. Пока нет хозяйки, лучше разыскал бы средство для изгнания плода. Как выкину, мне сразу и полегчает. А то еще, чего доброго, дождусь – сотворю чудо-юдо, придется смерть молить. Людям на глаза будет стыдно показываться.

– У нас в лавке найдутся любые лекарства, – выслушав ее, отвечал Цзинци. – Не знаю, правда, которое изгоняет плод. Да и рецепта нет. Но не волнуйся. Что-нибудь придумаем. Доктор Ху с Большой улицы лечит и старых и малых, славится как специалист по женским болезням. Какие только недуги не исцеляет! Он и у нас бывало пользовал. Погоди, я у него попрошу. Примешь – и будет выкидыш.

– Дорогой мой! – взмолилась Цзиньянь. – Поторопись же! Не теряй времени! Спаси меня!

Цзинци завернул три цян серебра и отправился к доктору Ху. Тот оказался дома и вышел навстречу посетителю. Они обменялись приветствиями. Доктор, узнав в прибывшем зятя почтенного Симэня, пригласил Цзинци в дом и предложил сесть.

– Давно не видались! – заговорил доктор. – Позвольте узнать, чем могу служить?

– Простите за беспокойство, доктор! У меня к вам просьба, – начал Цзинци и выложил три цян серебра. – Это за лекарство. Я попросил бы у вас, доктор, одну-две дозы лучшего средства, изгоняющего плод. Будьте так добры.

– Я исцеляю взрослых, – пояснял Ху, – являюсь знатоком женских и детских болезней. Лечу недуги внутренние и наружные. Постиг «Тринадцать неизменных рецептов», «Чудодейственные рецепты предельного долголетия», «Священные рецепты с моря».^[1601] и всю фармакопею по разным внутренним болезням^[1602] Словом, нет того, в чем бы я был несведущ. К тому же, считаюсь я специалистом-гинекологом. Лечу женщин как в предродовой период, так и в послеродовой. Ведь у женщины основа – это кровь. Она сосредоточена в печени и растекается в остальные внутренние органы. Направляясь вверх, становится молоком, а вниз – месячными. От соединения семени зачинается зародышевая пневма, завязывается плод. У девицы к четырнадцати годам наступает половое созревание, приходит в

полное действие чудесный меридиан Жэнь^[1603] и начинаются регулярные менструации. Обычно они происходят раз в три десятидневки. Расстройства в крови и пнеуме наблюдаются при нарушении равновесия женского и мужского начал – инь и ян. При избытке мужского начала истечения учащаются, при избытке женского начала, напротив, замедляются. Разгоряченная кровь истекает, охлажденная застывает. Обильные и несвоевременные истечения приводят к заболеванию. При обилии холода наблюдается больше белей, а жара – кровей. Когда отсутствует гармония между холодом и теплом, идет сукровица. В общем, когда в крови и пнеуме гармония и оба начала – инь и ян – уравновешены, жизнотворная кровь, несущая семя, собирается и образует плод. Обследование по пульсу кровеносных и пневмопроводящих сосудов, связанных с сердцем и почками, показывает, что обилие семени означает рождение сына, а преобладание крови – рождение дочери. Таковы уж законы естества! До родов главное – сохранить плод. Если беременная не страдает недугами, нельзя злоупотреблять лекарствами. На десятой луне наступают роды. Тогда нужно особенно тщательно беречь себя. Иначе можно нажить послеродовые болезни. Остерегаться необходимо, очень остерегаться!

– Но я не прошу у вас, доктор, средства, укрепляющего плод, – заговорил, улыбаясь, Цзинци. – Мне необходимо в данный момент лекарство, которое изгнало бы его.

– Забота о сохранении жизни – это основа основ всего происходящего меж небом и землей! – воскликнул доктор Ху. – Среди людей девять из десяти просят средств укрепить плод. А вам вдруг для изгнания? Как это так?! Нет, нет! Таковыми не располагаю.

Видя, что Ху противится, Цзинци прибавил еще два цяня серебра.

– Пусть вас это не смущает, доктор, – продолжал он. – У каждого своя забота. А женщина, о которой идет речь, уже и раньше переносила страдания, теперь же ей предстоят еще более тяжкие муки. Вот почему она и пожелала выкинуть.

– Ладно, не тужи! – согласился доктор Ху и принял серебро. – Дам тебе дозу напроць вычищающего снадобья из трубчатых цветков красной астры.^[1604] Пусть примет и пройдет пешком расстояние в пять ли. Плод выйдет сам собой.

Тому свидетельством романс на мотив «Луна над Западной рекой»:
^[1605]

Соломоцвет,^[1606] и дендробиум – крабья клешня^[1607]

Плюс молочай,^[1608] чистотел,^[1609] нашатырь, железняк,^[1610]

Тушка мушиная,^[1611] волчник,^[1612] и мирабилит^[1613]
Ртуть,^[1614] разотру и добавлю туда магнетит^[1615]
Зернышко персика,^[1616] тетрапанакс из бумаги,^[1617]
Мускус,^[1618] и «пояс узорный»^[1619] немножечко влаги,
Красную астру сварю, и текома пойдет,^[1620]
С рисовым укусом.^[1621] Начисто вытравит плод!

Цзинци, получив две дозы напрочь вычищающего снадобья из трубчатых цветков красной астры, отклонялся. Дома он передал пилюли Цзиньянь и объяснил все по порядку.

К вечеру Цзиньянь разогрела и приняла добытую микстуру. Через некоторое время она почувствовала боль в животе и легла на кан. Чуньмэй она не велела отлучаться, просила массажировать ее. И как ни странно, при первом же позыве она выбросила плод. Цюцзюй наказала завернуть его в бумагу и бросить в отхожее место. А на другой день золотарь обнаружил беленького пухленького мальчика. Как говорится, добрая слава под лавкой лежит, а дурная – по дорожке бежит.

Через несколько дней все в доме от мала до велика знали, что Цзиньянь сошлась с зятем и прижила ребенка.

Но вот настал день, когда вернулась У Юэнян. Паломничество на гору Тай и обратно заняло полмесяца. Юэнян прибыла домой в десятой луне. Ее встречали все домашние. Нагрязнула она как снег на голову. Первым делом хозяйка воскурила благовония перед изображениями божеств Неба и Земли, почтила поклонами дщицу усопшего Симэнь Цина, потом поведала Мэн Юйлоу и остальным домашним о своем паломничестве в монастыри на гору Тай. Ее рассказ о пережитом в горной крепости завершился громким плачем, на который сбежались все от мала до велика. К Юэнян вышла кормилица с Сяогэ на руках. Встретились мать и сын. Были сожжены жертвенные деньги и устроен пир, после которого У Старшего проводили домой. А вечером жены угощали прибывшую хозяйку, но не о том пойдет рассказ.

На другой день у Юэнян стало ломить и болеть все тело. Сказывались превратности нелегкого пути, а еще более испуг, который пришлось пережить. Нездоровилось ей дня три.

Служанка Цюцзюй с удовольствием, развесив уши, узнала о шашнях Цзиньянь с Цзинци. Ее так и подмывало рассказать Юэнян: она, мол, ребенка прижила, в отхожее место бросила, а золотарь нашел. Все, мол, в доме видали. А еще хотелось рассказать, как ее, Цюцзюй, обругала и избивала Цзиньянь.

Гнев душил Цюцзюй, но его некому было излить. И вот она опять отправилась к Юэнян. Но у дверей хозяйкиной спальни на нее набросилась Сяюй.

– Опять ты, сплетница проклятая! – ругалась Сяюй, награждая ее затрещинами и пощечинами. – Убирайся пока цела, рабское твоё отродье! Матушке с дороги нездоровится, в постели лежит. Уходи с глаз долой, негодница! Рассердишь матушку, тебе же хуже будет.

Цюцзюй снесла оскорбления и покорно удалилась. И надо ж было тому случиться! Как-то Цзинцзи пришел за одеждой. Только было Цзиньянь возлегла с ним в тереме Любования цветами, как Цюцзюй поспешила в дальние покои и позвала Юэнян.

– Матушка! – обратилась она. – Я вам раза два или три докладывала, но вы мне не верили. Пойдемте и посмотрите, чем они в тереме занимаются. А когда вас не было, она с ним ни днем, ни ночью не расставалась. Ребенка прижила. И Чуньмэй с ними заодно. Я зря говорить не буду, матушка.

Юэнян поторопилась к терему, где все еще находились любовники. Но Циньянь держала в клетке под стрехой говорящего попугая.

– Матушка идет! – громко прокричал попугай.

Услышала его находившаяся в то время в спальне Чуньмэй и тотчас же вышла. Заметив Юэнян, горничная крикнула Циньянь.

Первым с узлом из терема показался Цзинцзи.

– Зачем ты, дело не дело, сюда ходишь, а? – остановила его Юэнян. – Или ты, как дитя малое, не помнишь, что тебе говорят?

– Меня покупатель ждет, – отвечал Цзинцзи. – Некому было за одеждой сходить.

– Ведь я ж приказывала! – продолжала хозяйка. – За одеждой слуги должны ходить. Опять ты вдову в спальне навещаешь? И тебе не стыдно?

Не жив, не мертв пошел уличенный Цзинцзи. Сама Циньянь долго не решалась показываться на глаза Юэнян. Наконец и она спустилась вниз. Ее тоже, как только могла, урезонивала Юэнян.

– Чтобы я больше не видала такого сраму, сестра! – выговаривала она. – Раз мы овдовели, должны вести себя подобающе. Это при муже можно было красоваться дома, выставлять себя на людях. Помни, и у стен есть уши. К чему ты с этим малым связываешься? Сгоришь со стыда, если прознают служанки да пойдут сплетни. Как говорится, безвольный мужчина никчем, словно обломок, а безвольная женщина мягка, будто лен, и тает, как сахар. Кто ведет себя как полагается, той и приказывать нет надобности. А кто сбился с пути

истинного, так той никакие приказания впрок не пойдут. Будь ты твердой и стойкой, какая служанка стала бы судить да рядить? А мне про тебя не один раз говорили. Я все не верила, пока вот собственными глазами не увидала. Раньше я молчала, но теперь скажу. Одумайся, сестра, и возьми себя в руки. Храни верность мужу и береги свою честь. Вот меня дважды захватывали насильники. А как домогались! Не будь у меня стойкости, и домой бы не вернулась.

От стыда Цзиньлянь то краснела, то белела, а сама все твердила, что ничего, мол, такого меж нею и зятем не было.

– Только я в тереме благовония зажгла, – говорила она, – тут зять Чэнь за одеждой пришел. Да я с ним и словом-то не обмолвилась.

Высказав Цзиньлянь все, что было на душе, Юэнян вернулась к себе.

А вечером Чэнь Цзинцзи досталось от жены.

– Ах ты, арестантское твое отродье! – ругалась Симэнь Старшая. – Тебя ж, негодника, на месте преступления застали, а ты еще отпираешься, рта не закрываешь. Что вы там в тереме делали, а? Молчишь? Шашни заводишь, а меня бросил? Меня хоть в щель какую заткнуть, чтобы не мешалась. А эта потаскуха мужа у меня отобрала да еще других впутывает, бесстыжая. Кирпич из выгребной ямы – вонючка! Она как лук стрельчатый у южной стены. День ото дня горше. И ты еще рассчитываешь, что я тебя кормить буду?

– Ах ты, потаскуха! – вспыхнул Цзинцзи. – А не твой ли папаша мое серебро присвоил, а? Ты меня кормить не будешь?!

И выведенный из себя Цзинцзи направился в переднюю половину дома. С тех пор он без особой надобности больше не решался заглядывать на женскую половину. А когда нужно было принести одежду, в терем ходили Дайань или Пиньянь. Теперь и обедал Цзинцзи в лавке. Как проголодается бывало, возьмет у приказчика Фу денег и купит на улице отвару да лапши. Так и питался. Как говорят, волки грызутся, а овцам достается. Ворота и двери стали запирать еще раньше, когда солнце светило высоко в небе. Опять нельзя стало встречаться им с Цзиньлянь.

Чэнь Цзинцзи принадлежал в городе дом, в котором в последнее время поселился бывший командующий ополчением Чжан, его дядя со стороны матери. Чжан был смещен и жил на покое. Вот к нему-то и повадился ходить Цзинцзи. Заглядывал он то к завтраку, то к обеду, а Юэнян зятем не интересовалась. С Цзиньлянь же Цзинцзи не встречался около месяца. Одинокой ей казалось, что день тянется целых три осени, а ночь не короче половины лета. Могла ли она

вынести тишину пустой спальни? В ней кипела неумная страсть. Она жаждала свиданья. Но одно препятствие накладывалось на другое, и они были лишены возможности хотя бы восточкой обменяться. Цзинцзи никак не мог придумать, с чего ему начать.

И вдруг однажды он заметил проходившую мимо дома тетушку Сюэ. У него сразу блеснула мысль поручить ей передать Цзиньянь записку с излиянием чувств и разъяснением обстоятельств, мешающих их встрече.

И вот как-то Цзинцзи ушел из дому, будто бы собрать долги, а сам направился прямо к тетушке Сюэ. У ворот привязал осла и, отдернув дверной занавес, спросил:

– Мамаша Сюэ дома?

На кане расположились сын хозяйки, Сюэ Цзи, и с младенцем на руках его жена Цзинь Старшая. Рядом сидели две девицы, которых продавали в служанки.

– Кто там? – отозвалась невестка Цзинь Старшая и вышла к посетителю.

– Это я, – проговорил Цзинцзи. – А мамаша дома?

– Прошу вас, проходите и присаживайтесь, – пригласила невестка. – Мамаша собирает деньги за головные украшения. Она вам нужна? Я за ней пошлю.

Невестка подала Цзинцзи чаю.

Немного погодя появилась и тетушка Сюэ.

– А-а! Зятюшка пожаловал, – отвечивая поклон, протянула Сюэ. – Каким же ветром вас занесло в наши края?

И она наказала невестке угостить Чэня чаем.

– Только что откушали, – сказала Цзинь Старшая.

– Без дела не пришел бы, мамаша, – начал Цзинцзи. – Видишь ли, у нас с матушкой Пятой давно уж близкие отношения. Но из-за кляузницы Цюцзюй нас разлучили. От меня отвернулась жена и хозяйка. Но я не в силах расстаться с Цзиньянь. Мы давно не видались. Нам даже восточкой обменяться не дают. Вот я и хотел бы попросить тебя, мамаша. Не передала бы ты ей мое послание? – Цзинцзи достал из рукава лян серебра. – А это тебе на чай сгодится.

– Где этакое видано, чтобы зять с тещей заигрывал, а? – ударяя в ладоши, рассмеялась Сюэ. – Такое редко встретишь. Скажи мне, зятюшка, только правду скажи. Как это тебе все-таки удалось ее заполучить?

– Тише, мамаша, и довольно шутить, – сказал Цзинцзи. – Вот я письмо принес. Передай его при случае ей, ладно?

– Кстати я еще и хозяйошку не видала, как она из монастыря воротилась, – беря письмо, заметила Сюэ. – Заодно и к ней, стало быть, загляну.

– А где я ответ получу? – спросил Чэнь.

– В лавку занесу.

Цзинци сел на осла и поехал домой.

На другой же день тетушка Сюэ забрала свою корзину с искусственными цветами и направилась прямо к дому Симэнь Цина. Первым делом она навестила Юэнян. Посидела немного у нее, потом пошла к Мэн Юйлоу, а уж от нее к Цзиньянь.

Цзиньянь тем временем ела кашу. Вид у нее был крайне печальный.

– Матушка, дорогая моя! Ну к чему так грустить и убиваться?! – успокаивала ее Чуньмэй. – Ведь, сказывали, и бессмертная Хэ Сяньгу^[1622] себе мужа заводила. Сплетни, матушка, они всегда ходят. Только нечего к ним прислушиваться. И древние святые жили не без греха, что ж говорить о простых смертных, вроде нас с вами. Хозяин вон умер, а у хозяйки сын на свет появился. Ну так что же? Значит, и ее судить, да? Ей теперь не до наших сердечных дел. Так что успокойся! И небо падать начнет, силачи найдутся – подопрут. А что живому человеку нужно! Наслаждение вкусил, значит, день не зря прожил. – Чуньмэй принесла подогретого вина и налила Цзиньянь. – Выпейте чарочку тепленького, матушка, развеите тоску. – Тут горничная заметила снаружи у крыльца кобеля с сукой и продолжала. – Вон погляди, всякая тварь к радостям жизни стремится. Так неужто человек должен их отвергать?!

Когда они пили вино, появилась тетушка Сюэ.

– Вы, матушка, вижу, с горничной своей живете не тужите, – отвешивая поклон, заговорила, улыбаясь, старуха. Она посмотрела на пару собак и продолжала. – Счастье в дом стучится. Глядите! Всю тоску как рукой снимут.

И тетушка Сюэ опять поклонилась.

– Совсем пропала! – говорила Цзиньянь. – Каким ветром тебя занесло, мамаша?

Она предложила госте присаживаться.

– Я и сама не знаю, чем все время занималась, да только и без дела не сидела, – отвечала Сюэ. – Вон матушка Старшая успела в горной обители помолиться, а я и ее с опозданием навестила. Обиделась она на меня. У матушки Третьей побывала. Взяла она у меня два зимородковых цветка и ободок. Какая же она добрая! Тут же восемь

цянней серебра и отвесила. Зато матушка Сюээ еще в восьмой луне две пары шелковых цветов взяла, два цяня серебра должна осталась. До сих пор не отдает. На жизнь, мол, не хватает. Ну и скупа! А вы-то, матушка, что же там не были?

– Плохо себя чувствую эти дни, – пояснила Цзиньянь. – Никуда не выхожу.

Чуньмэй налила гостье чарку вина.

– Не успела придти, как вином угощают, – торопливо отвешивая поклон, проговорила Сюэ.

– Это чтоб тебе, мамаша, поскорее младенцем обзавестись, – заметила Цзиньянь.

– Нет уж, мое время отошло. А вот невестка моя, Цзинь Старшая, недавно опять нас порадовала. Два месяца как родила. А вам, матушка, скучно небось, как не стало батюшки-то?

– Лучше не говори! – отозвалась Цзиньянь. – Когда был жив сам, все шло как полагается, а теперь все нам одни мученья да страдания. Правду сказать, народу у нас много и языков не меньше. А как родился у Старшей сын, так она будто переродилась. На нас смотрит как на чужих. Мне и так-то нездоровится, а тут еще сплетни поползли. Вот и не хожу туда.

– Все наша Цюцзюй, рабское отродье, натворила! – вставила Чуньмэй. – Каких только небылиц на мою матушку не наговорила. И меня-то впутала. Вот смутьянка!

– Да ведь она ж всего-навсего служанка! – недоумевала Сюэ. – Как у нее наглости хватило так с хозяйкой обходиться, а? Знай сверчок свой шесток. Это еще что за выходки такие!

– Ступай погляди! – обратилась Цзиньянь к Чуньмэй. – Не подслушивает ли и на этот раз рабское отродье?

– Она на кухне рис выбирает, худая бадья! – отвечала горничная. – Рабское отродье, мешок дырявый! Все из нее наружу вылезает.

– Пока нет посторонних, я вам, матушка, вот что хочу сказать, – начала тетушка Сюэ. – Был у меня вчера зятюшка Чэнь. Так, мол, и так. Она, говорит, негодяйка, языком своим все дело расстроила. Хозяйка его, зятюшку-то, не один раз отчитывала. Ворота и двери на запоре держит, за одеждой и лекарствами ходить не велит. Слуг посылает. Жену его в восточный флигель переселила, а та даже обед ему в лавку носить перестала. Проголодаюсь, говорит, к дяде Чжану обедать иду. На что ж это похоже! Слугам разрешено ходить, а зятю, выходит, нет доверия. Так с вами, матушка, никак и повидаться-то не может. Вот и попросил меня передать вам письмецо. Просил низко

кланяться и не тосковать. Да и чего вам теперь, матушка, бояться, когда помер хозяин? Пора, небось, и о себе подумать. Надо случаем пользоваться, матушка, да себя показать. А то ведь что получается? Иной раз мы благовония зажечь боимся – дым, мол, пойдет. А другой пожар устроит, да ему с рук сойдет.

Тетушка Сюэ достала запечатанное послание Цзинцзи и вручила его Цзиньлянь. Та разорвала конверт, но вместо письма нашла романс на мотив «Туфелек алый узор»:

«Я варварами окружен,
Сгораю в их огне,
Под Голубым мостом^[1623] сражен
Волной, лежу на дне.
Молва вольна, как ветра шум —
Предвестница беды,
И, пусть я больше не грешу, —
Не сдуть ее следы.
Чем тайно умирать с тоски,
Открыто жить хочу,
Ведь ветры – злые языки
Всегда молотят чушь.

Милостивой государыне сестрице Шестой от Цзинцзи с нижайшим поклоном».

Цзиньлянь прочитала послание и спрятала его в рукав.

– Он ждет ответа, – сказала Сюэ. – Черкнули бы несколько слов, а то не поверит, что передала.

Цзиньлянь велела горничной угостить тетюшку Сюэ вином, а сама удалилась в спальню. Наконец, она вынесла белый шелковый платок и золотое кольцо. На платке был написан романс. Он гласил:

Ради тебя
я в страхе жила,
Ради тебя
нарушен обет.
Мне без тебя
и жизнь не мила,
Мне без тебя
радости нет.
Из-за тебя
румяна в окно
Брошу, скорбя;

отвергну совет,
Губит меня
холопка давно,
Гибну, любя
от боли и бед.

Цзиньлянь аккуратно сложила платок и протянула его тетушке Сюэ.

– Передай от меня поклон и пусть крепится, – наказала она. – А к дяде Чжану ходить – только ему надоедать. Нас же будет винить. Скажет, у тестя, мол, торгует, а у меня обедает. Подумает, что у нас уж и накормить нечем. Пусть лучше, как проголодается, возьмет денег в лавке да купит себе. С приказчиком поест. Скажи ему, если он будет дуться и не показываться в доме, то решат, что боится и совесть нечиста.

– Все скажу, – пообещала Сюэ.

Цзиньлянь наградила ее пятью цянями серебра и проводила.

Тетушка Сюэ направилась прямо в лавку. Разыскав Цзинцзи, она отвела его в сторону и передала сложенный платок.

– Матушка Пятая не велит вам серчать и дуться, – начала она. – Надо, говорит, в дом заходить. А у дяди Чжана она вам обедать не советует, чтобы не надоедать человеку. – Тут она показала Цзинцзи пять цяней и продолжала. – Это она мне дала. Я ведь от вас ничего не утаиваю. А то как встретитесь после долгой-то разлуки, скажет она вам про серебро, – не будешь знать, куда глаза деть.

– Не знаю, как мне тебя благодарить, мамаша, за все твои хлопоты, – проговорил Цзинцзи и отвесил Сюэ низкий поклон.

Тетушка уже пошла к себе, но вскоре вернулась.

– Чуть было не забыла сказать! – воскликнула она. – Дело-то какое! Только я от матушки Старшей, стало быть, вышла, посылает она мне вдогонку Сючунь. Хозяйка, говорит, просит зайти. Захожу. Вечером, говорит, приди заведи Чуньмэй. Продать решила. Она, говорит, вам сводней служила. Вместе, говорит, со своей хозяйкой любовника ублажала. Вот дело-то какое!

– Тогда оставь ее пока у себя, матушка, – попросил Цзинцзи. – А я на днях к вам зайду, поговорю с ней.

С тем тетушка Сюэ и ушла.

Когда же настал вечер, и на небе взошел месяц, Сюэ и в самом деле явилась в покои Юэнян за Чуньмэй.

– Я ведь тебе за нее тогда шестнадцать лянов серебра заплатила, – без лишних слов заявила Юэнян. – За ту же цену и продаю. – и она

обернулась к Сяююй. – Ступай вели ей собраться. Да проследи, чтобы никаких вещей с собой не брала. Я ее без нарядов продаю.

Тетушка Сюэ проследовала к Цзиньянь.

– Вот ведь как дело-то обернулось! – начала Сюэ. – Матушка Старшая велела мне сестрицу Чуньмэй забрать. Она, говорит, заодно с вами, дорогая вы моя, зло творила, любовника завела. Заломила прежнюю цену и ни в какую!

Услышала Цзиньянь, что у нее отбирают горничную Чуньмэй, вытаращила глаза и остолбенела, будучи не в силах слова вымолвить. Глаза ее наполнились слезами.

– Мамаша! – воскликнула она, наконец. – Видишь, какие муки нам без мужа переживать приходится! А давно ль мы его хоронили! И уж отнимают у меня наперсницу. До чего ж она все-таки бессердечная, наша хозяйка! Нет у нее любви к человеку – одна самонадеянность. Вон у Ли Пинъэр сын и полутора лет не прожил да помер. А этот и оспой-то еще не болел. Кто знает, что ему уготовано? А она уж заносится – Небо затмила!

– Разве он оспой не переболел? – спросила Сюэ.

– Какое там! Ему года нет.

– А с сестрицей Чуньмэй батюшка, говорят, тоже ложе делил? – спросила Сюэ.

– Ложе делил!!! – воскликнула Цзиньянь. – Да он ее на руках носил, берег пуще глаза. Она бывало слово скажет, а ему десять слышатся. Одно попросит, а он ей десять подносит. Он ее выше хозяйки дома ставил. Та бывало велит слуге десяток палок всыпать, а батюшка в угоду Чуньмэй пятью ограничится.

– Вот оно что! – протянула Сюэ. – Не права, значит, хозяйка. Раз хозяин так выделял и ублажал барышню, надо было разрешить ей взять с собой сундуки и корзины. А то и нарядов не возьми – нагая ступай. Так-то и перед соседями неловко.

– Так она тебе и сказала – пусть наряды оставит? – спрашивала Цзиньянь.

– Ну да! Велела Сяююй посмотреть, чтобы никаких нарядов не взяла.

Их разговор услышала Чуньмэй, но даже слезинки не уронила.

– Ну зачем вы плачете, матушка? – обратилась она к плачущей хозяйке. – Я уйду, а вы потерпите. Не то себе хуже наделаете. Заболеете еще, а ходить будет некому. Я-то, ладно, и без нарядов обойдусь. Исстари повелось: настоящий мужчина не питается подаяньем, настоящая женщина не красуется в приданом.

В это время появилась Сяюй.

– Матушка Пятая, хотите верьте, хотите нет, – обратилась она к Цзиньлянь. – Хозяйка моя все шиворот-навыворот делает. Ведь сколько лет вам верно служила сестрица Чуньмэй! Вы только хозяйке моей ничего не говорите. Достаньте, матушка, сестрицын сундук да выберите из нарядов что получше, а узел пусть тетушка Сюэ вынесет. У Чуньмэй хоть о вас память будет. Ведь сколько лет под одной крышей прожили!

– Какое у тебя доброе сердце, сестрица дорогая! – заметила Цзиньлянь.

– Никому не дано судьбу предугадать! – отвечала Сяюй. – Все мы, как лягушки иль сверчки, на одном клочке земли суетимся. Убьют зайца, и лиса пригорюнится. Всякая живая тварь близкому радеет.

Достали они сундук Чуньмэй. Ей отдали платки, головные цветы из перьев зимородка и шпильки. Цзиньлянь выбрала туфельки и два комплекта одежды из узорной тафты и атласа. Навязали большой узел. От себя лично Цзиньлянь поднесла горничной шпильки, серьги и кольца. Сяюй вынула из прически пару шпилек и тоже подарила Чуньмэй. А все остальное – серебряные сетки для волос с кистями, кофты и юбки из расшитой цветами золотой парчи – оставили в сундуке, который был перенесен в покои Юэнян.

Чуньмэй поклонилась на прощание своей хозяйке, а Сяюй со слезами на глазах вышла проводить ее за ворота. Цзиньлянь велела Чуньмэй проститься с Юэнян и остальными хозяйками, но Сяюй замахала рукой. Чуньмэй, глядя в спину впереди идущей тетушке Сюэ, шествовала к воротам уверенной походкой и даже не повернула головы.

Проводив Чуньмэй за ворота, Сяюй вернулась доложить Юэнян.

– В одном платье отправилась, – говорила она, – никаких нарядов не дали.

Удалилась к себе в спальню Цзиньлянь. Всегда рядом с ней была горничная. Как близки они были, какие вели душевные беседы! И вот ее не стало. Без нее покои сразу как-то опустели и осиротели. Цзиньлянь не выдержала и громко зарыдала.

Тому свидетельством стихи:

Единство близких нынче расколосось,
Еще звенит в ушах привычный голос.
С тобою в спальне больше ни души,
Лишь сердце горько сетует в тиши.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

СЮЭЭ ПОДГОВАРИВАЕТ ИЗБИТЬ ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ

СТАРУХА ВАН С ВЫГОДОЙ ДЛЯ СЕБЯ СВАТАЕТ ЦЗИНЬЛЯНЬ

*Довольство жизнью полным быть не
может,*

*Но щедростью пусть будешь ты
приметен,*

Умей ценить разумные советы,

Держись вдали от сплетников и сплетен.

Живем, как на подмостках балагана...

Людей коварных избегай упорно.

Сердечной умной женщине доверяйся,

Боль за улыбкою не прячь притворной.

Итак, загрустила Пань Цзиньлянь, когда отняли у нее Чуньмэй, но не о том пойдет речь.

Расскажем о Чэнь Цзинцзи. На другой день утром он сделал вид, что отправляется к должникам, а сам верхом поехал прямо к тетушке Сюэ. Она оказалась дома и пригласила гостя. Цзинцзи привязал осла и, войдя в дом, отпил чаю. Чуньмэй находилась во внутренней комнате.

– Чем могу вам служить, зятюшка? – притворяясь непонимающей, спросила хозяйка.

– Да я должников тут объезжал, вот и решил заглянуть, – проговорил Цзинцзи. – Ты ведь, мамаша, у нас вчера горничную взяла. Она еще у тебя?

– Пока у меня, – отвечала Сюэ. – Еще не отправила к новому хозяину.

– Раз она у тебя, я хотел бы ее видеть. Мне с ней надо поговорить.

– Дорогой зятюшка! – не без ехидства начала Сюэ. – А что мне теща ваша вчера наказывала? Ни в коем случае не велела вас пускать. Чтобы у меня, говорит, ни разговоров, ни свиданий не устраивать. Раз, говорит, вместе зло творили, всю грязь наружу вылили, я ее и хочу продать. Так что отправляйтесь-ка, зятюшка, подобра-поздорову пока не поздно, а то она, чего доброго, слугу проведать подошлет. Наябедничает хозяйке, беды не оберешься. Мне тогда к вашим воротам лучше близко не подходить.

Цзинци захихикал и достал из рукава лян серебра.

– Вот тебе на чай, мамаша, – сказал он. – Возьми! Потом еще отблагодарю.

У тетушки Сюэ при виде серебра даже зрачки расширились.

– Дорогой мой зятюшка! – говорила она. – У вас самого, небось, с деньгами туговато. Меня вы только отблагодарите, а я вот что попрошу. В конце прошлого года заложила я у вас две пары цветастых подушек. Год выходит, и с процентами с меня, наверно, восемь цяней причитается. Вот вы подушки-то мне бы и вернули, а?

– Это пустяк! – заверил ее Цзинци. – Завтра же разыщу и принесу.

Тетушка Сюэ пригласила гостя во внутреннюю комнату, где находилась Чуньмэй, а невестке Цзинь Старшей велела готовить закуски.

– Я пойду сладкого к чаю возьму, – сказала она и пошла купить кувшин вина, мяса, маринованной рыбы и прочей снеди, чтобы угостить Чуньмэй и Цзинци.

– А ты хорош, зятюшка! – воскликнула Чуньмэй, заведя Цзинци. – Палач! Вот ты кто! Это ты завел нас с матушкой в тупик. Ты опозорил. Из-за тебя нас в доме возненавидели. Ты все наделал!

– Сестрица, дорогая! – уговаривал ее Цзинци. – Раз тебя держать перестали, значит и мне недолго оставаться. Рыба стремится, где глубже, а человек – где лучше. Попроси как следует мамашу Сюэ, чтобы за хорошего человека посватала. Мне еще тяжелей! Квашеному луку не видать широко поля. Мне в Восточную столицу к отцу собираться придется. С ним буду совет держать. А как ворочусь, разведусь с женой. Только прежде вытребую сундуки с добром, которые у них на хранение были поставлены.

Едва они успели поговорить, как появилась с покупками тетушка Сюэ и стала накрывать стол.

Чуньмэй и Цзинци сели рядом, выпивали и вели беседу. Две чарки за компанию с ними осушила и хозяйка. Так, слово за слово, завели разговор про У Юэня.

– Какая она жестокая! – сокрушалась Сюэ. – Такую красавицу продает, и даже ни одежонки, ни шпилек, ни колец не смей взять. Неужели не совестно? Хотя бы о чести дома подумала. Как, мол, она новому хозяину покажется. Да еще прежнюю цену заламывает. А возьми вон чистую воду, перелей из чашки в чашку, и то, как ни говори, замутился. До чего ж скупа! Спасибо, Сяюй пожалела. Дала кое-какие вещи забрать. А то ведь на люди-то не в чем выйти.

Когда они захмелели, тетушка Сюэ велела невестке Цзинь Старшей унести ребенка и оставила их в комнате одних.

Да,

Чисты прозрачны облака —
Там фениксы уста в устах.
Глубоководная река —
Там пара уток на волнах.
Увы, боюсь, мне в полной мере
Не описать весны красот.
Открылись к наслажденью двери,
И завязался счастья плод.

После недолгих утех они простились. Нелегко им было расставаться, но тетушка Сюэ, опасаясь, как бы Юэнян не подслала слугу, торопилась выпроводить Цзинци. Он сел на осла и поехал домой.

Не прошло и двух дней, как он пожаловал опять. Чуньмэй он поднес два расшитых золотом платка и две пары шаровар, а тетушке Сюэ вернул ее подушки и дал на вино серебра.

Только они с Чуньмэй сели за стол, как появился посланный хозяйкой Лайань.

– Что ж ты не отдаешь горничную, а? – торопил он Сюэ.

У ворот он заметил привязанного осла и по возвращении наябедничал Юэнян.

– А там, оказывается, и ваш зятюшка обретается, – проболтался он.

Гнев охватил Юэнян. Одного за другим посылала она слуг за свахой Сюэ, пока та не пришла, наконец, к ней.

– Взяла негодницу, рабское отродье, а теперь нынче да завтра? – укоряла ее Юэнян. – Почему ты ее до сих пор держишь, а? Или логово приготовила? Любовника заманиваешь? Денежки на ней нажить решила, да? Не хочешь продавать, верни ее мне сейчас же! Я мамашу Фэн попрошу. И твоей ноги чтобы у меня больше не было!

Выслушала ее обвинения тетушка Сюэ и пустила в ход все свое

неистошимое красноречие. На то она и была сваха!

– О Небо, помилуйте! – запричитала она. – Напрасно вы на меня такой поклеп возводите, матушка! Да неужто я буду от себя счастье отгонять, а? Вы же, почтенная моя благодетельница, мне дело поручили. Так неужели я нарочно ее у себя держу? Да я вчера троим, наверно, сватала. Не берут – и все тут. Вы ведь, матушка, прежнюю цену запрашиваете, вам шестнадцать лянов отдай, а я сваха. Где мне такие деньги добыть?

– Слуга доложил, будто у тебя Чэнь с девкой пировал, – продолжила Юэнян.

– Ну и ну! – всплеснув руками, воскликнула Сюэ. – Чего не хватало! Так это ж совсем дело другое. Я еще в конце прошлого года заложила у вас на Львиной две пары подушек. Деньги я вернула, вот зятюшка и привозил мне подушки. Я пригласила было чаю попить, а он отказался. Тороплюсь, говорит, сел на осла и домой. Когда это он у меня пировал?! Ишь какой на язык проворный слуга-то ваш, матушка! Чего ведь нагородил!

Многословные заверения свахи заставили Юэнян умолкнуть.

– Я одного опасаюсь, – заключила она после долгой паузы, – как бы этот молодой человек не выкинул еще какую-нибудь штуку. С его прытью всего можно ожидать.

– Я ведь, матушка, не трехгодовалый ребенок! – продолжила оправдываться Сюэ. – Что ж я, не понимаю что ли! Могла ли я вас послушаться, когда вы мне так строго наказали, матушка! Нет, он у меня долго не засиживался, когда подушки привез. Я говорю, даже от чаю отказался. Когда ему было с барышней видеться! Вам бы, матушка, лучше сперва разузнать, как было дело, а потом уж меня обвинять. Если же правду говорить, то я вам должна сообщить. Столичный воевода господин Чжоу намерен ее взять для продления рода, но дает только двенадцать лянов. Может, если согласится на тринадцать, уступить, а? Его сиятельство, скажу я вам, раньше бывали у вас на пирах и видали барышню. Она петь умеет и собой хороша. Вот почему и дает столько. А ведь она не девица. Другие таких денег не выложат.

Тут тетушка Сюэ и Юэнян окончательно договорились о цене.

На другой день утром сваха велела Чуньмэй собраться и принарядиться. Ее высокую прическу-гучу обильно украшали цветы из перьев зимородка и жемчуг. Одета она была в красную атласную кофту и голубую атласную юбку, на ногах красовались изящные туфельки с острыми-преострыми слегка загнутыми кверху носками. К

дому начальника Чуньмэй несли в паланкине.

Увидел начальник румяную и нежную, стройную и красивую в изящных туфельках Чуньмэй и, довольный, что она так похорошела, выложил свахе слиток в пятьдесят лянов серебра.

Дома тетушка Сюэ отбила от слитка тринадцать лянов и отнесла их Юэнян.

– А это мне его сиятельство поднесли, – сказала она, показывая на серебро. – А вы, матушка, со мной не поделитесь?

Юэнян ничего не оставалось, как отвесить ей пять цяней. В итоге тетушка Сюэ прикарманила от этого сватовства тридцать семь с половиной лянов серебра. Вот так девять свах из десяти и наживают деньги.

Но перейдем к Чэнь Цзинцзи. Как узнал он, что Чуньмэй продана, не по себе ему стало. Тем более раздражало его то, что нельзя было пройти к Цзиньянь. Юэнян под вечер обходила сама дом с фонарем и крепко-накрепко запирала ворота, а Цзиньянь она вообще перестала замечать.

И вот однажды, когда хозяйка перед сном заперла внутренние ворота, Цзинцзи буквально рвал и метал, не зная на ком зло сорвать.

– Я в ваш дом зятем вошел, так что нечего меня нахлебником считать! – обрушился он на жену, Симэнь Старшую, обзывая ее шлюхой и потаскухой. – Сколько твой папаша забрал у меня золота и серебра, а? Сколько у вас моих корзин и сундуков с добром стоит?! Ты – моя жена. Вместо того чтобы чтить мужа и поддерживать, ты заявляешь, будто я вас объедаю, за ваш счет ем-пью. Не даром мне ваши хлеба достались!

Выслушивая ругань мужа, Симэнь Старшая только плакала.

Двадцать седьмого дня в одиннадцатой луне справляли рождение Мэн Юйлоу.

Она с самыми добрыми намерениями наказала Чуньхуну отнести в лавку вина, закусок и сладостей, желая угостить Цзинцзи и приказчика Фу, но ее удержала Юэнян.

– Не заслужил он того, негодник! – говорила она. – Нечего за ним ухаживать. Приказчику Фу – пожалуйста, но только не ему!

Юйлоу, однако, не послушалась хозяйки, Чуньхун пошел в лавку и поставил на прилавок большой кувшин вина. Цзинцзи этого показалось мало, и он велел Лайаню попросить еще.

– Не надо больше вина, зятюшка! Хватит и этого, – уговаривал Цзинцзи приказчик Фу. – Я больше пить не буду.

Но Цзинцзи и слышать не хотел. Он настаивал, чтобы Лайань шел

за вином. Пока они торговались, Лайань вышел, но вскоре вернулся.

– Нет больше вина, – объявил он.

Полупьяный Цзинци продолжал свое, но Лайань и с места не сошел. Тогда Цзинци протянул ему серебра.

– Вот рабское отродье, разбойник! – заругался он. – Ты не очень гонор-то выказывай! Хозяйка меня терпеть не может, и ты, рабское отродье, туда же? Я для тебя тоже никто, да? Ему приказывают, а он ни с места. Я – зять в этом доме! И никого не объедаю! При батюшке такого не позволяли, а тут отвернулись. Замечать перестали, будто меня не существует. Отделаться от меня хотите? Теща слугам верит, а от меня отгораживается. На слугу, рабское отродье, она, видите ли, может положиться, а мне нет доверия. Ну да пусть делает как знает! Потерплю как-нибудь.

– Зятюшка, дорогой! – уговаривал его приказчик Фу. – Зачем так говорить! Кого им привечать, как не зятя! Должно быть, заняты они, а тебе кажется, будто нарочно не дают. Слугу и поругать не грех, но ведь и у стен есть уши. Скажут, вон, мол, зять до чего напился.

– Дружище! – прервал его Чэнь. – Ничего ты не понимаешь! Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Теща моя ябедников слушает, а они поклеп на меня возводят. Ей кажется, я со всеми трахаюсь. А меня, что, не затражали? Допустим, я со всеми бабами в доме переспал, так иди жалобу на меня властям подавай. Только там решат, что я с нею-то и жил, себя же опозорит, больше ничего. Нет, я первым делом с женой разведусь. Потом сам жалобу подам. Да не здешним властям, нет, в столицу Его Величества двору доклад составлю. Сколько они нашего золота и серебра присвоили, сколько сундуков и корзин с добром забрали! А ведь все эти ценности в связи с делом Ян Цзяня считаются награбленными и подлежат конфискации. Или моя теща захотела, чтобы у нее отобрали все дома и лавки, а женщин пустили с казенных торгов? Рыбу ловить я не собираюсь, но воду замутить постараюсь. Если у нее голова на плечах, она должна привечать зятя, как и прежде. Тогда жизнь пойдет своим чередом.

– Ты выпил лишнего, зятюшка! – поняв, как далеко заходит Цзинци, заметил Фу. – Ведь Вану все трын-трава, когда во хмелю голова. Перестань! Не надо, не говори!

Цзинци устался на приказчика.

– Ах ты, старый пес! – заругался он. – Выходит, я не дело говорю, разбойник? Я лишнего выпил? Я не твое пью! Какой бы я ни был, я зятем в этот дом вошел. А ты кто такой? Наемник! И ты от меня отделаться решил, да? Но я тебя, старого пса, заставлю уgomониться.

Что, довольно нагреб деньжат у тестя-то, да? Довольно, я тебя спрашиваю? И пьешь и ешь вдоволь. С ними в один голос запел? И тебе от меня отделаться захотелось? Торговлю в свои руки забрать мечтаешь. Ловчее будет мошну набивать. Погоди! Я и тебя в докладе не забуду. Придется и тебе с судьями познакомиться.

Когда разговор принял такой неприятный оборот, приказчик Фу, – а был он человек крайне трусливый, – поспешил одеться и незаметно улизнуть домой.

Слуга собрал посуду. Пока он относил ее в дальние покои, Цзинцзи растянулся на кане и крепко заснул. На том день и кончился.

А на следующий день рано утром приказчик Фу направился прямо в дальние покои, к Юэнян, которой со слезами на глазах поведал обо всем, что произошло накануне. Он намеревался уйти из лавки и передать хозяйке счета, но Юэнян стала уговаривать.

– Ступай и торгуй себе спокойно! – говорила она. – А на этого негодяя не обращай внимания. Это же дерьмо вонючее! Его надо дальше обходить. Когда на их дом беда свалилась, он к нам попросился. На время, мол, укрыться. У него, видите ли, какие-то драгоценности – золото да серебро захватили. Ну привезла с собой падчерица корзины и сундуки. Так это ж ее приданое! Отец его в Восточной столице укрылся, а нас от страха трястись заставил, ночи не спать. Ему самому-то лет семнадцать тогда было – еще молоко на губах не обсохло. Сказал бы спасибо тестю-то, что его все эти годы держал, к торговле, ко всякому делу приобщил. Выходит, крылья окрепли у птенца – решил за добро злом отплатить? Глупый малый! Как обидел! Вот бессовестный! Небо ему судья! А ты не беспокойся! Как торговал, так и торгуй. А на него не обращай внимания. Он еще опомнится – самому стыдно будет.

Так Юэнян успокоила приказчика, но не о том пойдет речь.

И надо ж было тому случиться! Как-то в закладной лавке толпился народ. Выкупали вещи. Тут с Сяогэ на руках вошла кормилица Жуи. Она принесла приказчику Фу чайник чаю и поставила его на стол. Сяогэ плакал. Тогда Чэнь Цзинцзи, полушутя-полусерьез, при всем народе и говорит:

– Сыночек ты мой милый! Ну, не плачь, успокойся! – Цзинцзи обернулся к собравшимся и продолжал. – А сынок-то весь в меня! Стоило отцу слово сказать, и успокоился.

Покупатели так и остолбенели.

– Зятюшка! – заметила Жуи. – А поумнее ничего не придумали? Уж и младенца зацепили. Погодите, я вот матушке скажу.

Цзинцзи подбежал к кормилице и дал ей пинка.

– Ишь ты, неряха проклятая! – грубо заигрывая, ругался он. – Скажи только, попробуй. Дам под задницу, запоешь!

Жуи унесла Сяогэ в дальние покои и со слезами рассказала Юэнян, какие вещи о младенце говорит при всем народе Цзинцзи.

Не услышь такого Юэнян, все бы шло своим чередом, а тут как причесывалась она у зеркальца, так и застыла на месте, будучи не в силах слова вымолвить. Долго она так сидела, потом вдруг покачнулась и, потеряв сознание, упала на пол.

Только поглядите:

Был нанесен удар яшме с Цзинских гор^[1624]. Как жаль законную супругу Симэнь Цина! Подобно нежному цветку, она увяла, в зеркальце смотрясь. Старания весну продлить, увя, пропали понапрасну. Поблек ланит румянец. Пион напомнила молочный, упавший на красные перила. Безмолвны розоватые уста. Сравнится с Гуаньинь из Южноморья, кто в полном отрешении вся в медитацию погружена. В садике уютном накануне весенний ветер бушевал. Гнал по земле он порывом сорванный цвет абрикоса.

Испуганная Сяоюй стала скликать домашних. Юэнян подняли и посадили на кан. Сунь Сюээ забралась на кан и принялась отхаживать хозяйку. Долго она отпаивала ее имбирным настоем, пока Юэнян не пришла, наконец, в себя. Но гнев спирал ей дыхание, перехватывал горло. Она только всхлипывала, но не могла говорить.

Жуи рассказала Мэн Юйлоу и Сунь Сюээ, какие шутки насчет младенца позволял себе Цзинцзи.

– Я хотела его по-хорошему усовестить, – продолжала кормилица, – но он наскочил на меня и надавал пинков. Я тоже чуть в обморок не упала.

Когда Юэнян очнулась и все разошлись, Сунь Сюээ осталась присмотреть за хозяйкой.

– Не принимайте близко к сердцу! – успокаивала ее Сюээ. – А то хуже бы не было. Этого негодяя зло берет, оттого что Чуньмэй продали, а с потаскухой Пань встретиться не дают. Вот он и несет всякий вздор. Но коли вы начали, надо до конца доводить. Падчерица, раз она за ним замужем, – что поле проданное. Мы ей ничем особенно помочь не в силах. Кто лягушек разводит, тому бояться водянки не пристало. Но вот зачем этого негодника в доме держать? Надо будет завтра же заманить его сюда да палками наказать как следует, а потом из дома выгнать. Пусть к себе убирается. А там надо бы мамашу Ван позвать. Пусть она и потаскуху заберет, собачье дерьмо. Смутьянкой

пришла, смутьянкой и уйдет. Просватает ее, в доме чище воздух будет. Ее тоже зря держать нечего. Тогда все заботы с плеч.

– А ты, пожалуй, права! – поддержала ее Юэнян.

На том и порешили.

На другой же день после обеда Юэнян собрала человек восемь служанок и жен слуг, дала кому палку, кому валец и велела до поры не показываться, а Лайаню наказала позвать Чэнь Цзинцзи. Пока слуга отвлекал его разговорами, внутренние ворота заперли.

Юэнян приказала зятю опуститься перед ней на колени.

– Будешь каяться? – допрашивала она.

Однако Цзинцзи не только не встал на колени, но держался непринужденно, как ни в чем не бывало, даже голову приподнял.

Тому свидетельством романс:

Разберемся-ка от печки:

Тёща не держала свечки —

Растрезвонила холопка.

Тёще-госпоже неловко:

Ей на нос зятёк открыто

Вытряс дермеца корыто.

В доме принят с давних пор,

А болтает сущий вздор!

«Объяснимся же сынок! —

У хозяйки голос строг. —

Это тестя вдовый дом,

А не своднино гнездо,

Ты устроил в нём погром,

Чести верных вдов урон

Мы должны хранить обет!

От тебя – позор и вред,

Похотливая вдова!

Уж о ней бежит молва!

Сучка не поднимет хвост —

И кобель не всунет нос.

Пёсью пару за забор!

Надо вымести нам сор.»

Отвечает зять ей злобно:

«Заявилась теща-вобла!

Высохла без мужика.

Свою мерзость напоказ

Выставишь – так даже черти

Захотят скорейшей смерти.
Облизнись на мой предмет —
Налитой он, как атлет.
Твой не выдержит он пост,
Для другой он в полный рост!
Вы, сестрички ароматны,
Будут шалости приятны.
Пустодырье не кой ляд!
А в хозяйку вставим кляп.
Её, вы, с палкой не шутите —
Мои члены пощадите!»
Тёща взвизгнула: «Лупите!
В углях палки прокалите!
На кол гада наколите!
В дырку смрадную всадите!
Справим мальчику пизду!
На елду пора узду!
Станет пидор-побирушка,
Позабудет о былом.
Снизу срежем побрякушки
И подохнет бобылем!»

И тут Юэнян, а вместе с нею Сюээ, жена Лайсина, жена Лайчжао — Шпилька, Чжунцю, Сяюй, Сючунь и остальные повалили Цзинцзи и принялись избивать палками и вальками. К ним подошла и Симэнь Старшая, жена Цзинцзи, но не встала на защиту мужа. Тогда Цзинцзи, не зная, как избавиться от женщин, снял штаны и предстал пред ними нагим. Ошеломленные женщины побросали палки и разбежались кто куда.

Негодование и стыд охватили Юэнян.

— Эх ты, ублюдок бесстыжий! — заругалась она.

Цзинцзи промолчал, а про себя подумал: «А ловко я сообразил. Иначе мне живым не выбраться». Он вскочил на ноги, подобрал штаны и убежал в переднюю половину дома. Юэнян велела слуге пойти за ним следом и сказать, чтобы сдавал счета приказчику Фу.

Цзинцзи и сам, конечно, понимал, что тут ему больше делать нечего. Собрав вещи и постель, ни с кем не простившись, он со злостью покинул дом Симэнь Цина и направился прямо к дяде Чжану.

Да,

Только гнев, только милость в веках

Никогда не рассыплется в прах.

Услыхала Пань Цзиньлянь, что Цзинцзи выгнали из дома, и затосковала, загрузила пуще прежнего.

И вот однажды, помня совет Сюэ, Юэнян велела позвать старуху Ван.

С тех пор как сын старухи, Ван Чао, воротился с купцами с верховьев реки Хуай, она бросила чайную торговлю. Дело в том, что Ван Чао украл у проводника сто лянов серебра, и они зажили по-другому: купили двух ослов, установили жернова да сита и заработала у них мельница.

Как узнала старая Ван, что ее зовут в дом Симэнь Цина, тотчас же приделась и пошла.

– Давно тебя не видала, сынок, – обратилась к Дайаню старуха, когда они вышли из дому. – У тебя и прическа появилась. Женился?

– Нет еще.

– Кому ж я понадобилась, когда батюшки-то не стало? – спрашивала Ван. – Уж не матушка ли Пятая сыночка ожидает, меня в повивальные бабки просит?

– Есть когда матушке Пятой ребенком обзаводиться! – отвечал слуга. – Ей бы только с зятем путаться! Вот хозяйка и просит тебя, мамаша, продать ее.

– О Небо, помилуйте! – воскликнула старуха. – Подумать только! А я что говорила! Умрет хозяин, эта потаскуха вдовой жить не станет. Собаку ничем не отучишь – все будет дерьмо подбирать. Ишь, какой фортель выкинула! Эта она, стало быть, с мужем хозяйкиной дочки спуталась, да? А его-то как зовут?

– Чэнь Цзинцзи.

– Помню, помню. В прошлом году я к батюшке насчет Хэ Девятого просить ходила. Батюшки тогда дома не было. Так эта потаскуха проклятая меня даже к себе не позвала. Ломанной иголки не подала. Служанку крикнула. Та мне чашку слитого чаю вынесла. С тем и ушла. Небось, мечтала два века в богатом доме наслаждаться, а и ей пришел срок. Вот коварная блудница! Так-то и чужого человека не встречают. А кто, как не я тебя на путь истинный направила, за порядочного человека просватала.

– Тут они с зятем такой скандал устроили, что матушка сознание потеряла, – продолжал Дайань. – Они бы доконали хозяйку. Но зятя уже выгнали. Теперь и до нее черед дошел.

– Ее ведь тогда в паланкине доставляли, – заметила Ван. – Надо будет опять паланкин нанять. Потом у нее, кажется, есть сундуки и

корзины с добром. И их надо будет ей вернуть.

– Само собой! – поддержал слуга. – Но об этом вы уж с матушкой говорите.

Так с разговором добрались они до ворот дома Симэнь Цина и направились прямо в покои Юэнян.

Ван приветствовала хозяйку поклоном и села. Служанка подала ей чаю.

– Не стала бы тебя беспокоить, мамаша, да дело у меня есть, – начала Юэнян и рассказала про Пань Цзиньянь. – Как пришла смутьянка, так смутьянкой и уйдет. С кем, говорят, дело начинал, с тем надо и кончать. Попрошу тебя, возьми с собой. Хочешь – сватай, а хочешь – отпусти на все четыре стороны. Пусть сама себе пропитание ищет. С кончиной мужа за столькими в доме не углядишь. Оно, конечно, покойник, не тем будь помянут, столько в нее денег вбухал, что с лихвой хватило бы такую, как она, из серебра отлить. Ну, если просватаешь, деньги мне принеси. Панихиду заказать сгодятся – и то дело.

– Вам, сударыня, эти деньги не в диковинку, ясно, – вставила Ван. – Вам зло изгнать, от греха избавиться, вот главное. Все поняла. Сделаю, как вы прикажите. – Старуха помолчала немного и продолжала. – А ведь нынче как раз и день счастливый. Сегодня и возьму. Да! Вот что. У нее ведь сундуки и корзины с добром были. Ее в паланкине несли. Надо будет паланкин нанять.

– Сундук, ладно, отдам, – согласилась Юэнян. – А паланкина никакого не нужно. И без него обойдется.

– Матушка не в духе нынче, – заметила Сяюй. – Потому так и говорит. Надо будет нанять, когда до дела дойдет. А то соседи из окон глазеть будут. На смех подымут.

Юэнян промолчала. Служанке Сючунь велено было позвать Цзиньянь.

Увидев в покоях хозяйки мамашу Ван, Цзиньянь удивилась и после приветствия села.

– Собирайся-ка да побыстрее! – Без лишних слов сказала ей старуха. – Матушка вон распорядилась взять тебя и нынче же.

– Только мужа схоронили и уж ни с того ни с сего гонят? – недоумевала Цзиньянь. – В чем, скажите, я провинилась, что дурного сделала?

– Нечего нам голову-то морочить! – одернула ее старуха. – Не притворяйся, будто знать не знаешь и ведать не ведаешь. Змея знает, зачем логово роет. Ты отлично понимаешь, что творила, Цзиньянь,

так что довольно тебе дурочкой-то прикидываться. Хватит лукавить. Такое злодейство все равно на лице написано. И прекрати пререкаться. Меня краснбайством не удивишь. Нечего переливать из пустого в порожнее. Как веревочке ни виться, а кончику быть. Первой та решетина загнивает, какая из-под стрехи вылезает. Как за деревом тень, так за человеком слава. Никакая муха не влезет в яйцо, ежели будет оно цело. Для тебя любовник меда слаще. Я ушлю тебя куда подальше.

– Ты бей, да пощечин не давай, – отвечала Цзиньлянь. – К чему придирки, а ругать ругай. Один петух сдохнет, другой запоет. Кто потопает, тот и полопает. Железный обруч – не венец, по доброй воле носить не будешь. Все дары цинвкой не прикроешь. Гора с горой не сходится, а человек с человеком столкнется. Яблочко от яблоньки недалеко откатывается. Не гони беззащитную на поруганье, не слушай наветы болтунов. Ведь настоящий мужчина не питается подаяньем, настоящая женщина не красуется в приданом. Кто напраслину возведет, тот лиха хлебнет.

После этих пререканий Юэнян пошла в спальню Цзиньлянь и сама наблюдала за ее сборами. Хозяйка отдала Цзиньлянь два сундука, стол с выдвигаемыми ящиками, четыре комплекта нарядов, несколько шпилек, заколок и браслетов, а также перину и одеяло. Все ее туфельки были положены в сундук. Цюцзюй хозяйка взяла к себе, а покои Цзиньлянь заперла на замок.

Цзиньлянь оделась, простилась с Юэнян и, представ перед дщицей Симэнь Цина, громко зарыдала. Потом она направилась к Мэн Юйлоу. Сколько лет они прожили как сестры, и вот пришел день расставанья. Обе не удержались от слез. Юйлоу тайком от хозяйки подарила Цзиньлянь пару золотых шпилек, ярко-голубую кофту и красную юбку.

– Не придется нам, наверно, свидеться, сестрица, – говорила Юйлоу. – Желаю тебе доброго человека встретить. Да! Всякому пиру конец приходит. Ну, иди! Если просватают, дай знать, ладно? Когда мне уходить придется, может, загляну. Ведь как сестры жили!

Они расстались со слезами. Сяюй вышла проводить Цзиньлянь за ворота и потихоньку сунула ей пару золотых шпилек.

– Как ты добра ко мне, сестрица, дорогая! – благодарила ее Цзиньлянь.

У ворот ее ждал нанятый старой Ван паланкин. Впереди несли сундуки и стол. Только Юйлоу да Сяюй вышли проводить Цзиньлянь за ворота.

Они вернулись, когда Цзиньлянь села в паланкин.

Да,

Наша жизнь – сплошные муки,
Но из горестей и бед
Только смерти и разлуки
Безутешней в мире нет!

Так вот. Поместила старуха Цзиньлянь во внутреннюю комнату. И спать стала ложиться рядом.

Сын хозяйки, Ван Чао, к тому времени вырос в здорового детину и носил мужскую причёску, но ходил пока в холостяках. А спал он в соседней с ними комнате.

На другой же день Цзиньлянь нарядилась как и прежде, подвела брови и, встав у занавески, начала присматриваться к прохожим. От нечего делать она садилась на кан. То принималась пудриться да румяниться, а то начинала перебирать струны лютни. Когда же старуха уходила из дому, Цзиньлянь играла в домино или шашки с Ван Чао. Хозяйке было не до нее. Она либо муку сеяла, либо корм ослам задавала. А Цзиньлянь, целыми днями не отходившая от Ван Чао, увлекла парня.

Дождется бывало Цзиньлянь, когда старуха уляжется, встанет – будто малую нужду справить, – а сама в соседнюю комнату и прямо на кровать, к Ван Чао под бок. Проснется старуха, прислушается.

– Что это там за скрип? – спрашивает.

– Да это кот мышку под ситом ловит, а она пищит, – отвечает Ван Чао.

– Да! И мукой с отрубями обзаведешься, а душе все равно нет покою, – пробормочет спросонья старуха. – В ночь-полночь будят, грызуны проклятые! Спать не дают.

Немного погодя опять ее кроватный скрип разбудит.

– А это что еще за скрип? – спрашивает.

– Да это кот мышку поймал, – отвечает сын. – В щель под каном залез и наслаждается.

Приложит старая Ван ухо к кану. И верно, кот с мышью возится. Тогда только уgomонится старуха. А Цзиньлянь натешится с молодцом, прокрадется и юркнет потихоньку под одеяло.

Вот несколько стихов с двойным смыслом про такую мышку:

Бледно-серая мышка,
незаметный зверёк,
обаяшка и пышка,

хватких глаз уголёк.
Бедной мышке непруха —
сирота-сиротой!
У хозяйки под ухом
ее скромный постой.
Гложет чёрствую корку,
холода нипочём!
Глядь, уж вырыла норку,
застелила парчой.
Заточила резочки,
ковыряет изюм,
яшму вставила в мочки,
а с хозяйкой — сю-сю.
Кутерьма среди ночи —
тишина на заре...
Глядь, хозяйкин сыночек
уж в мышиной норе.

Когда прослышал однажды Цзинци, что Цзиньянь прогнали и что сватает ее старая Ван, взял он две связки медяков и направился к старухе. Застал ее около ворот, где она собирала ослиный навоз. Цзинци подошел к ней и отвесил поклон.

— Чего ты хочешь, сынок? — спросила Ван.

— Пройдемте в дом, там и поговорим, — предложил Цзинци.

Ван пригласила посетителя, и они вошли в дом, где Цзинци снял с глаз противопылевую повязку и обратился к хозяйке:

— Позвольте спросить, не вы ли сватаете Пань Шестую, одну из жен почтенного господина Симэня?

— А вы кто ей будете?

— Не скрою, почтеннейшая, я ее брат, а она мне сестра.

Старуха смерила его глазами.

— Какой такой брат! Нет у нее никакого брата. Ты мне голову не морочь! Ты, должно быть, зять Чэнь, не иначе! Летит всякая мошкара на приманку. Только ты ее у меня не получишь.

Цзинци улыбнулся, достал из-за пояса две связки медяков и выложил перед старухой.

— Это вам, мамаша, пока, на чай сгодятся, — проговорил он. — Дайте мне на нее хоть взглянуть. Потом я вас щедро награжу.

Завидев деньги, старуха принялась ломаться.

— Нечего о награждениях поминать! — отвечала она. — Матушка хозяйка наказала никого посторонних к ней не пускать. Не сойти мне с

этого места. Но если тебе так хочется повидать пташку, пять лянов серебра выкладывай. Еще раз придешь, еще пять потребую. А взять задумаешь, сотню лянов стоять будет, не считая десяти лянов за сватовство. И зря нечего торговаться! А эти твои медяки в реку брось – не колыхнут воды. С ними тут делать нечего!

Понял Цзинцзи, что старуху так не уговоришь, вынул из прически пару увенчанных золотом серебряных шпилек весом в пять цяней, согнул, как у резаного петуха, ноги и опустил перед Ван на колени.

– Примите, матушка, прошу вас! – умолял он. – На днях еще лян донесу. Не обману. Дайте только увидеться. Поговорить надо.

Старуха, наконец, смилостивилась и забрала медяки со шпильками.

– Пройди! – сказала она. – Как поговоришь, выходи. И чтобы у меня не рассиживаться, глазки не строить! А обещанный лян завтра принесешь.

Старуха отдернула занавес, и Цзинцзи вошел во внутреннюю комнату.

Цзиньянь сидела на кане и шила туфельку. Увидев Цзинцзи, она отложила шитье. Они оказались рядом.

– А ты хорош! – начала она с упреков. – Что ты со мной сделал! Нет у меня теперь ни деревни впереди, ни постоянного двора сзади. Заварил кашу, а кто расхлебывать будет? Меня опозорил, ненависть ко мне вызвал, а самого и след простыл? Навестить не придешь. Разогнали нас, баб, одну туда, другую сюда. А все из-за кого!

Она ухватила за Цзинцзи и зарыдала. Старуха, опасаясь, как бы не услышали соседи, одернула Цзиньянь.

– Сестрица! Дорогая! – заговорил Цзинцзи. – Ради тебя я готов себя отдать на растерзание. Из-за меня терпишь напасти и позор. Как же я не хочу навестить тебя?! Да я только вчера узнал от тетушки Сюэ, что Чуньмэй продана столичному воеводе, а тебя у мамыши Ван сватают. Вот и пришел провести да посоветоваться. Ведь мы любим друг друга. Как же нам быть? Расстаться? Но это невозможно. С Симэнь Старшей я разойдусь, вытребую у них золото и серебро, сундуки и корзины с добром, которые тогда поставили на хранение. Если же они не пожелают вернуть, в столицу Его Величества двору доклад подам. Тогда хоть обеими руками подноси, да поздно будет. А я под чужим именем паланкин за тобой пришлю, будем жить неразлучно как муж и жена. А почему бы и нет!

– Но мамаша Ван сто лянов требует, – заметила Цзиньянь. – А у тебя такие деньги найдутся?

– Почему так много? – удивился Цзинцзи.

– А что мне теща твоя сказала! – вставила старуха. – Батюшка, говорит, столько в нее денег вбухал, что ее можно из серебра отлить да еще останется. Сто лянов и ни гроша меньше!

– Я вам, почтеннейшая мамаша, по правде скажу, – не унимался Цзинцзи. – Любим мы друг друга и не можем расстаться. Смилуйтесь, мамаша, прошу вас! Уж скостите половину-то. А пятьдесят или шестьдесят лянов, ладно, как-нибудь достану. Пойду к дяде Чжану, дом заложу и возьму Шестую. Дайте нам счастьем насладиться. А вы, мамаша, заработаете поменьше, только и всего.

– Никаких пятьдесят! – настаивала Ван. – Тебе ее и за восемьдесят не видать. Мне вчера господин Хэ, торговец шелками из Чаочжоу,^[1625] семьдесят давал. От почтенного господина Чжана Второго с Большой улицы, – а он у нас теперь судебный надзиратель! – посыльные приходили. Два кулька выложили – восемьдесят лянов. Да не уступила. Так и ушли ни с чем. А что ты, молокосос! Только языком болтать! Думал надуть старуху? Нет, меня не проведешь!

Тут старуха выбежала на улицу и закричала:

– Люди добрые! Чей зять решился тещу в жены взять?! К старухе заявился да городит вздор!

Струхнувший Цзинцзи схватил старую Ван и повел в дом.

– Мамаша, не кричите, прошу вас! – опустившись на колени, умолял он. – Будет по-вашему. Сто лянов заплачу. У отца возьму. Только он у меня в столице. Но я завтра поеду.

– Если из-за меня в путь собираешься, с мамашей лучше не спорь, а торопись, – советовала Цзиньянь. – Опоздаешь – я к другому уйду. Не увидимся больше.

– Я лошадь найму, – заверил ее Цзинцзи. – День и ночь скакать буду. Самое большее за полмесяца, а то и за десять дней обернусь.

– Кто раньше сварит, тот первым и съест, – вставила старуха. – Да мне десять лянов смотри не забудь!

– Само собой! – отозвался Цзинцзи. – За оказанную милость щедро награжу, по гроб не забуду.

Цзинцзи откланялся и пошел собирать вещи.

На другой день рано утром он нанял лошадь и отбыл за серебром в Восточную столицу.

Да, в этом пути

Когда вдвоем тебя встречают
Дракон зеленый с Тигром белым,
Нельзя сказать, что ожидает, —
Путь к достижениям или к бедам.^[1626]

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

**ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ
СЕДЬМАЯ**

**СТАРУХУ ВАН НАСТИГАЕТ
ВОЗМЕЗДИЕ ЗА АЛЧНОСТЬ**

**НАЧАЛЬНИК МЕСТНОЙ
ОХРАНЫ У, УБИВ НЕВЕСТКУ,
ПРИНОСИТ ЖЕРТВУ СТАРШЕМУ
БРАТУ**

*Будешь на земле творить добро —
счастье небеса тебе пошлют;
Но накличешь на себя беду,
если будешь и упрям и крут.
Мягкий и приветливый с людьми,
жизнь без бед, без тягот проживешь;
Если же не в меру ты зубаст,
так и жди — напорешься на нож.
Только дни осенние придут —
персик с абрикосом облетят,
А сосна и стройный кипарис
и зимой зеленые стоят.
Воздаянье за добро и зло
неизменно ожидает нас;
Не укрыться от него нигде,
не отсрочить и на краткий час.*

Так вот. Нанял Чэнь Цзинцзи лошадь, взял у дяди Чжана в попутчики слугу и рано утром отправился в Восточную столицу, но не

о том пойдет речь.

Расскажем про У Юэнян. На другой день, после того как взяли Пань Цзиньлянь, она послала за тетушкой Сюэ с намерением продать Цюцзюй.

Когда Чуньхун вышел на большую улицу, ему повстречался Ин Боцзюэ.

– А, Чуньхун! – окликнул его Боцзюэ. – Далеко ли спешишь?

– Мне хозяйка велела позвать матушку Сюэ.

– А зачем же ей сваха понадобилась?

– Цюцзюй, служанку матушки Пятой, продает.

– А Пятую почему продала? – расспрашивал Боцзюэ. – Она у старухи Ван пока находится. Сватают ее, говорят. Верно?

– Видите, дело-то какое, – начал слуга. – Она с зятем в близких отношениях была. Узнала хозяйка. Сперва Чуньмэй продала, потом зятя наказала и выгнала. А Матушку Пятую только вчера взяли.

Боцзюэ покачал головой.

– Вон оно что! – протянул Боцзюэ. – С зятем, значит, шашни водила. Кто бы мог подумать! Ну, а тебе, малый, чего там после батюшки-то делать, а? Никакого проку не будет. Ты сам-то как думаешь? К себе на юг вернуться или тут пристроиться?

– Да как вам сказать! – неопределенно говорил Чуньхун. – С кончиной батюшки хозяйка круто повернула. Лавки поприкрывала, дома продала. Циньтун с Хуатуном уже ушли. Хозяйке, конечно, со всем разве управиться. Оно и на юг бы поехать, да кто меня в попутчики возьмет. А тут в городе устроиться – никого я не знаю.

– Эх ты, глупыш! – засмеялся Боцзюэ. – Кто вперед не заглядывает, тому никогда прочно на ногах не стоять. Зачем тебе, скажи, по всем этим горам да рекам скитаться, на юг ехать? Кто тебя возьмет? Тебе нечего унывать! Ты песни знаешь, и тут пристроишься. Я тебе протекцию составлю. Порекомендую господину Чжану Второму с Большой улицы. Несметными богатствами владеет. Дом в сто комнат. Он теперь место вашего покойного батюшки занял. В чине тысяцкого, на пост судебного надзирателя назначен. Вашу матушку Вторую^[1627] в дом взял, младшей женой сделал. Я тебя к нему провожу, будешь у него служить. Стоит только ему сообщить, что ты южные напевы знаешь, стрела, как говорится, сразу в цель угодит. Сразу при себе оставит, приближенным слугой сделает. Заживешь не то, что теперь. Характер у него добрый, да и сам он молодой сосем. Радужный человек. Словом, широкая натура. К нему попадешь, будешь за счастье считать.

Чуньхун пал ниц и бил челом.

– Доставлю я вам хлопот, батюшка, – говорил он. – Я вас отблагодарю, если вы только поможете мне устроиться к господину Чжану, подарок куплю.

Ин Боцзюэ положил руку на плечо Чуньхуну.

– Глупый малый! Встань! Кого я только в люди не выводил! И никаких мне подарков не нужно. Где ты на них денег возьмешь.

– Ну, я пойду, – сказал Чуньхун. – А то матушка хватится.

– Ладно! Не беспокойся! – заключил Боцзюэ. – А с господином Чжаном я насчет тебя поговорю. Пошлет он хозяйке визитную карточку с лянном серебра. Серебро принять она не решится, а тебя и так отдаст.

Они разошлись, и Чуньхун направился за тетушкой Сюэ. Та взяла Цюцзюй и продала ее всего за пять лянов, которые вернула Юэнян, но не о том пойдет речь.

А пока вернемся к Ин Боцзюэ. Взял он Чуньхуна, и пошли они к Чжану Второму. Увидал Чжан, что малый недурен собой, южные песни поет, и оставил у себя, а Юэнян послал визитную карточку с лянном серебра и просьбой отдать его вещи.

У Юэнян в то время угощала жену Юнь Лишоу, урожденную Фань. [1628] Юнь Лишоу, получивший по наследству от командующего Юня, своего старшего брата, пост квартального, был назначен теперь помощником начальника левого гарнизона Цинхэ. Прослышав о смерти Симэня, Юнь Лишоу сразу смекнул, что около богатой вдовы Юэнян можно руки погреть, отчего у него слюнки потекли. Не теряя времени, закупили они яств, которые и были доставлены Юэнян на восьми подносах слугами, сопровождающими Фань.

Юэнян растила сына Сяогэ, а у Фань два месяца назад родилась дочка. За пиршественным столом она решила породниться с Юэнян. По обычаю отрезали по куску от полы и стали сватями. По случаю помолвки Фань поднесла Юэнян пару золотых колец.

Тут вошел Дайань и вручил хозяйке от Чжана Второго визитную карточку с лянном серебра.

– Чуньхун у него служить остается, – сказал он. – Посыльный корзину с его одеждой ждет.

Юэнян неловко было отказать судебному надзирателю. Серебро она тоже не взяла, а корзину велела отдать Чуньхуну.

Ин Боцзюэ еще раньше говорил Чжану Второму:

– Поглядели бы вы Пань Цзиньянь, Пятую жену Симэнь Цина. Вот красавица и на лютне играть мастерица. А сколько песен и

романсов знает! В двойную шестерку и шашки играет. Чему только не обучена! А как пишет! Годами она молода, вот и не сдержалась – с хозяйкой повздорила. Та ее и отдала. Старая Ван ее сватает.

Одного слугу за другим посылал Чжан к свахе.

– Хозяйка требует сто лянов серебра и никак не меньше, – твердила Ван.

Слуги возвращались с серебром и докладывали хозяйину:

– Восемьдесят давали, но сваха никак не уступает.

– Она с зятем жила, вот ее и не стали в доме держать, – услышал потом Чжан от нового слуги Чуньхуна и отказался от своего намерения.

– Сыну у меня пятнадцать лет, учением занят, – говорил он Боцзюэ. – К чему мне такую в дом?

– Цзиньлянь-то? – распространялась Ли Цзяоэр. – Да она первого мужа отравила, потом к Симэнь Цину попала, со слугой путалась. А когда у Шестой сын родился, она и мать, и младенца в гроб вогнала.

Чжан после этого и вовсе выбросил из головы свою затею.

Тут наш рассказ раздваивается.

Расскажем пока о Чуньмэй. Купив ее, начальник гарнизона убедился, как она хороша собой и привлекательна, как бойка и сметлива. Сильно этим обрадованный, он выделил Чуньмэй дом из трех помещений, дал молоденькую служанку и провел с только что обретенной красавицей три ночи подряд. Потом он заказал ей два комплекта нарядов, а тетюшку Сюэ наградил пятью цянями серебра. Ей была куплена горничная, и Чуньмэй стала младшей женой. Слепшая на один глаз старшая жена начальника соблюдала длительные посты и проводила все дни в молитвах Будде, так что хозяйства не касалась. Вторая его жена, урожденная Сунь, подарившая ему дочь, жила в восточном флигеле. Чуньмэй же, поселившаяся в западном флигеле, стала любимицей хозяина и получила в свое распоряжение ключи.

Однажды от тетюшки Сюэ она узнала, что Пань Цзиньлянь постигла та же участь и сватает ее старая Ван.

Вечером Чуньмэй обратилась к мужу.

– Сколько лет прожила я с ней как дочь с матерью! – говорила она со слезами на глазах. – И никогда, даже в гневе, не повысила она на меня голос. Как к дочери родной относилась. Потом пришлось расстаться. А вот теперь и она из дому ушла. Если б ты взял ее, мы опять бы счастливо зажили вместе. А как она хороша собой. Каких только песен и романсов не знает. Играет на лютне. Она умна,мышлена и бойка. Родилась в год дракона. Ныне ей идет лишь

тридцать второй год.^[1629] Если ты согласишься взять ее, я готова стать самой младшей женой и уступить ей свое место.

Так ей удалось уговорить мужа.

Столичный воевода Чжоу вручил своим приближенным слугам Чжан Шэну и Ли Анью два платка и два цзян серебра и послал их к старой Ван. Цзиньлянь, как они убедились, действительно красавица. Сваха встретила их сообщением, что по требованию хозяйки она уступит Цзиньлянь только за сто лянов. Чжан Шэн и Ли Ань долго торговались со старухой, предлагали восемьдесят лянов, но она ни в какую не соглашалась. Слуги по возвращении доложили хозяину. Тот согласился прибавить пять лянов и отправил слуг с серебром, но старуха, ссылаясь на Юэнян, продолжала упорно стоять на своем.

– Только сто лянов и ни гроша меньше, – твердила Ван. – Ну а мне за сватовство, будет добрая воля, дадите, а нет – не надо. Авось Небо не оставит меня с пустыми руками.

Пришлось Чжан Шэну и Ли Анью снова возвращаться ни с чем домой и доложить хозяину.

На переговоры ушло два дня.

Вечером заплаканная Чуньмэй опять стала просить мужа:

– Уж прибавил бы серебра. Возьми ее, будет мне подруга. Тогда можно и умереть спокойно.

Увидал воевода слезы Чуньмэй и послал вместе с Чжан Шэном и Ли Анем своего старшего управляющего Чжоу Чжуна. Из войлочного мешка они извлекли девяносто лянов и разложили перед старухой, но та заупрямилась пуще прежнего.

– Будь я согласна за девяносто отдать, ее давно бы здесь не было, – говорила Ван. – Судебный надзиратель господин Чжан забрал бы.

Чжоу Чжун был вне себя и велел слугам завернуть серебро.

– Трехлапую жабу не сыщешь, а тут обыкновенная баба, подумаешь, невидаль какая! – говорил он. – Старая потаскуха не ведает, с кем дело имеет. Что ты нам на Чжана-то киваешь? Наш хозяин и связываться-то с тобой не стал бы, если б не молодая жена. Она многократно упрашивала хозяина взять эту женщину в наложницы. И то сказать, с какой это стати выбрасывать такие деньги, на кой она нужна?!

– Нас заставила порог обивать, потаскуха проклятая! – поддержал его Ли Ань. – Больно много на себя берешь! – Он взял за руку Чжоу Чжуна и продолжал. – Пойдемте! Доложим батюшке. Пусть прикажет в острог ее отвести. Пальцы разок зажмут – узнает.

Старая Ван все еще надеялась поживиться за счет Чэнь Цзинци,

поэтому молча сносила ругань и угрозы.

Слуги с управляющим ушли.

– И за девяносто не уступает, – доложили они хозяину.

– Ладно! – согласился воевода. – Завтра сто лянов дадите и доставите в паланкине.

– Батюшка! – обратился к хозяину Чжоу Чжун. – Старухе и стало мало. Она сверх того пять лянов за сватовство требует. Лучше обождать денек-другой. А будет упираться, в управу взять да пальцы в тиски. Поглядим, что она тогда скажет!

Да, дорогой читатель! Не подай такую мысль Чжоу Чжун, у Пань Цзиньлянь, как и у всех на свете, было бы не только место рождения, но и место погребения. А тут лихая судьба настигла ее, и:

Все, что копилось постепенно,
Тут обнаружилось мгновенно.
Тому свидетельством стихи:
Нам не дано судьбу предугадать.
Кто скажет, счастья или горя ждать?
Добро и зло дождутся воздаянья,
Сокрыты только сроки ожидания.

А теперь обратимся к другой части рассказа.

Расскажем о том, кого зовут У Сун. После того как Симэнь Цин сослал У Суна в Мэнчжоу, ему там неожиданно посчастливилось. Сын начальника лагеря, Ши Энь, прослышав о могучем У Суне, стал оказывать ему всяческое содействие. Дело в том, что Ши Энь держал в Роще Веселья кабачок, который у него решил силой отобрать некто Цзян по прозвищу Дух Хранитель Врат.^[1630] В схватке с насильником Ши Энь получил увечья и рассчитывал на богатыря У Суна. У Сун избил Цзяна, но у того была сестра Юйлать, оказавшаяся замужем за военным комендантом Чжаном. Комендант ложно обвинил У Суна в грабеже, богатыря избили и перевели в крепость Спокойствия и Мира. По дороге туда в местечке под названием Затон Пльвущих Облаков У Сун прикончил обоих охранников и обрел свободу. Тогда он убил коменданта Чжана и Цзяна Духа Хранителя Врат вместе со всей его семьей, а сам укрылся у Ши Эня. Ши Энь вручил У Суну для передачи сундук с сотней лянов серебра и направил в крепость Спокойствия и Мира с письмом начальнику крепости Лю Гао, в котором просил относиться к его подателю как можно снисходительнее.

Однако по дороге в крепость У Сун узнал, что император объявил наследника престола и по сему случаю после жертвоприношений Небу

даровал всеобщую амнистию.^[163] У Сун повернул домой. В уездной управе Цинхэ он подал бумагу и снова стал начальником местной охраны. Сосед Яо Второй отдал ему сильно повзрослевшую девятнадцатилетнюю Инъэр, и зажили они вместе. Прослышал У Сун, что Симэнь Цина уже нет в живых, а невестку его сватает старая Ван, у которой та пока и проживает, и прежний гнев закипел у него в сердце.

Да,

Он мщенья алкал, разорвав свои путы.

Напавши на след, не терял не минуты.

На другой же день У Сун приоделся и направился прямо к старухе. Стоявшая у дверной занавески Цзиньлянь, едва приметив его, опрометью бросилась к себе в комнату. У Сун отдернул занавеску и вошел в дом.

– Мамаша Ван дома? – спросил он.

Старуха просеивала на мельнице муку.

– Кто это там меня, старую, зовет? – поспешно выходя, бормотала она, а увидев У Суна, поклонилась.

– С благополучным возвращением домой, брат У Второй! Давно ли пожаловал? – спросила она.

– Высочайшее помилование получил, только вчера вернулся, – отвечал У Сун. – Задал я вам, мамаша, с домом хлопот. Ладно, в другой раз отблагодарю.

– А ты, брат, здорово возмужал, – продолжала Ван и захихикала. – И усами, и бородой оброс, а ростом-то вымахал! Хорош! И вежливости в чужих краях обучился.

Она предложила гостю присаживаться и подала свежезаваренного чая.

– У меня к вам, мамаша, дело есть, – заговорил У Сун.

– Говори, брат, что у тебя такое.

– Симэнь Цин, мне говорили, умер, а невестку мою к тебе отправили, у тебя проживает. Может, она не думает замуж выходить, тогда другое дело. А если собирается, я бы взял ее. У меня племянница выросла. Посмотреть за ней надо да жениха подыскать. Одна семья – один кошелек. Спорее жить бы стало. Чем мы хуже людей!

Старуха замялась.

– Невестка твоя, верно, пока у меня, – наконец, проговорила она, когда он пообещал щедро ее отблагодарить.

– Обожди, я с ней поговорю, узнаю, что она думает.

Цзиньлянь за занавеской услышала о намерении У Суна, и в ней

вновь заговорила прежняя страсть. Тем более за это время У Сун еще больше возмужал, пополнил и стал куда разговорчивее, чем раньше. «Может, назначено мне вернуться в прежний дом, может, судьба нас свела», – подумала она и, не дожидаясь пока позовет старуха, вышла к У Суну и отвесила поклон.

– Раз вы, деверек, пожелали взять меня в дом для присмотра за Иньэр, я с удовольствием пойду, – сказала она. – Выдадим Иньэр замуж и проживем одной семьей.

– Вот тут дело-то какое! – вмешалась Ван. – Хозяйка требует за нее сто лянов серебра, не меньше.

– Отчего так много? – удивился У Сун.

– Столько, говорит, господин Симэнь в нее денег вбухал, что ее из серебра отлить хватило бы.

– Ну ладно! – согласился У Сун. – Раз я невестку в дом беру, можно и сотню выложить. А тебя, мамаша, я как сваху пятью ляннами награжу.

Услышав такое, старая Ван даже обмочилась от радости.

– Как ты, брат, разбираешься что к чему, а! – повторяла она. – Вот что значит повидать озера да реки! Настоящий мужчина!

Цзиньлянь удалилась к себе в комнату, заварила густого с орехами чаю и обеими руками поднесла чашку У Суну.

– Хозяйка меня торопит, – заметила старуха. – К ней ведь наперебой сватаются и все чиновные господа. Только в цене задержка. Кто раньше сварит, тот первым и съест. Для судьбы и дали нипочем – она веревкой привязана. Смотри, не досталась бы кому другому.

– Если желаете меня взять, не медлите, деверек, – поддержала ее Цзиньлянь.

– Я завтра же и принесу серебро, а потом вечером невестку в дом приглашу.

Старой Ван все еще не верилось, что У Сун такие деньги отвалит, но согласие она дала.

На другой день открыл У Сун сундук, достал сто лянов, которые вручил ему Ши Энь для начальника крепости Лю Гао, отсчитал еще пять лянов мелочью и направился к свахе.

Серебро взвесили на безмене и разложили на столе. У старухи в глазах зарыбило. Ничего она не сказала, а про себя подумала: «И Чэнь Цзинцзи сто лянов обещал, да жди, когда он из столицы привезет. Раз дают, бери. От добра добра не ищут. Он и пять лянов добавил».

Она торопливо убрала серебро, а сама все рассыпалась в благодарностях.

– Вот что значит брат У Второй знает толк! – твердила она. – Жизнь человек понимает и в людях разбирается!

– Ну, мамаша, серебро ты получила, сказал У Сун, – теперь можно и невесту взять.

– А к чему же, брат, так спешить! – удивилась старуха. – Или потешные огни пускать будут – никак вечера не дождешься, а? Обожди. Вот отдам хозяйке серебро, тогда и возьмешь. Нынче, брат, шапка на тебе блистает, удалой жених счастье предвкушает.

Не терпелось У Суну, на месте не мог сидеть, а старуха, знай себе, подшучивала. Проводив У Суна, она прикинула в уме: «А ведь хозяйка велела мне забрать ее из дому, но никакой цены не назначила. Дам ей лянов двадцать, а остальное заначу. Говорят, и с нечистой силы выкуп бери, если только ее поймать удастся».

Ван отправилась к Юэнян, где и вручила ей двадцать лянов за Цзиньянь.

– Кто же ее взял? – спросила Юэнян.

– Бегал заяц по горе, да вернулся к своей норе, – отвечала старуха. – Деверь взял. Из того же котла кормиться будет.

Услыхала это Юэнян и про себя пожалела. Ведь она знала, что встреча кровных врагов до добра не доведет.

– Найдет Цзиньянь смерть от руки своего деверя, – говорила она Мэн Юйлоу. – Он человека убьет и глазом не моргнет. Нет, от него пощады не жди.

Однако не будем говорить, как сокрушалась Юэнян, а перейдем к старой Ван.

Отдав Юэнян серебро, она после обеда велела Ван Чао перенести к У Суну сундуки и стол Цзиньянь. У Сун тем временем прибрал комнату. На столе стояли вино, мясные блюда и закуски.

Под вечер старуха привела Цзиньянь. Та сняла траур, сделала себе высокую прическу и оделась в красное платье. Лицо ее прикрывала вуаль. Женщины вошли в гостиную, где ярко горели свечи. Прямо перед ними на почетном месте стояла дщица покойного У Чжи. Подозрение невольно закралось им в душу. Ощущение было такое, будто кто-то схватил за волосы, на крюк поддел за живое. Тут У Сун наказал Иньэр запереть ворота и заднюю дверь.

– Ну, я пошла, брат, – предвидя недоброе, проговорила старуха. – Дом без присмотра оставила.

– Проходи, мамаша, винца выпьем, – пригласил У Сун и велел Иньэр подавать закуски. Вскоре появилось и подогретое вино. У Сун пригласил обеих женщин к столу, сам же безо всяких церемоний знай

подливал себе, пока не осушил чарок пять.

– Я выпила достаточно, брат, – проговорила старуха, видя, как лихо опрокидывает чарку за чаркой хозяин. – Отпусти старуху. Я вам мешать не буду.

– Брось, мамаша, ерунду городить! – оборвал ее У Сун. – Мне с тобой еще надо будет поговорить.

Тут он со свистом выхватил из-под полы меч. Был тот длиною в два чи, с толстым ребром и тонким лезвием. Волосы у богатыря встали дыбом, страшные вытаращенные глаза округлились.

– Не волнуйся, старуха! – говорил он, а сам пробовал, хорошо ли наточен меч. – Исстари так повелось: раз появился должник, значит есть и ростовщик. Совершенно насилие – ищи насильника. И довольно прикидываться, будто знать не знаешь, ведать не ведаешь. Ты с братом расправилась. Его гибель на твоей совести лежит.

– Ты пьян, брат У, – взмолилась старуха. – А время уже позднее, и мечом играть тут не место.

– Брось ерунду городить, старуха! – оборвал ее У Сун. – Я смерти не боюсь. Погоди, вот потаскуху допрошу, потом с тобой рассчитаюсь. Только пошевелись у меня, старая свинья! Мечом пудовалым полосну, сука! – Он обернулся к Цзиньянь. – Говори, потаскуха, как брата погубила! Правду выложишь, пощажу.

– А я тут при чем, деверек?! – проговорила Цзиньянь. – Не в холодном котле бобы трещат. Ваш брат от сердечной боли умер. Я не виновата.

Не успела она договорить, как У Сун с силой вонзил меч в стол, левой рукой схватил ее за волосы, правой уперся в грудь и толкнул ногой стол. С грохотом опрокинулся уставленный блюдами и чарами стол. По полу разлетелись черепки. У Сун без труда приподнял Цзиньянь, перетащил ее через опрокинутый стол и бросил перед дщицей покойного брата.

Увидала старая Ван, что дела плохи, бросилась было к двери, но дверь оказалась запертой. У Сун тотчас же настиг ее, прижал к полу и связал ей поясом руки и ноги. Она скорчилась, точно обезьяна, подносящая плоды. Как она ни старалась выпутаться, у нее ничего не вышло.

– Начальник! – кричала она. – Не сердись на старуху. Это невестка твоя сотворила. Я тут ни при чем.

– Все знаю, собака! – отвечал ей У Сун. – На других не сваливай. Это ты надоумила негодяя Симэнь Цина меня в ссылку загнать. А я взял да вернулся! Симэнь же твой где? Что?! Молчишь? Дай мне

потаскуху прикончить, а там и с тобой расправлюсь, свинья старая!

У Сун поднял меч и махнул им дважды перед самым лицом Цзиньянь.

– Деврек! Пощади меня! – закричала со страху Цзиньянь. – Дай мне подняться. Все расскажу.

У Сун приподнял ее, сорвал с нее платье и поставил на колени перед дщицей У Чжи.

– Говори, потаскуха, да побыстрей!

У Цзиньянь со страху, казалось, вот-вот душа расстанется с телом. Она рассказала все, что было: как она угодила шестом по голове Симэню, как взялась шить, чтобы завлечь его; как он ударил У Чжи ногой под самое сердце, как она отпаивала его снадобьями, как старая Ван подговорила их подмешать отравы, как они с Симэнем добились сожжения покойного и как потом она перешла в дом Симэня. Все подробнейшим образом выложила Цзиньянь.

Слушала ее Ван и втихомолку злилась: «Вот дура! Расписала! А как же я, старуха, буду ему зубы заговаривать!»

Тут У Сун одной рукой схватил Цзиньянь, а другой возлил жертвенное вино и предал огню бумажные деньги.

– Старший брат мой! – воскликнул он. – Твоя душа еще близко. Я, У Второй, вершу нынче месть за тебя.

Поняла Цзиньянь, что дело плохо, и только хотела закричать, как У Сун зачерпнул из курильницы пригоршню золы и заткнул ей рот. Потом он пригнул ей голову к полу. Цзиньянь сопротивлялась. У нее сбилась прическа и выпали шпильки. Чтобы она не вырывалась, У Сун пнул под ложечку, а потом встал ей на руки своими тяжелыми сапогами.

– Слышал, ты уж больно бойкая, потаскуха, а? А ну-ка поглядим.

С этими словами он обнажил ее белую грудь, – не скоро сказка сказывается, скорее дело делается, – занес меч и вонзил в самое сердце. Из раны брызнула алая кровь. Цзиньянь только успела глазами блеснуть. Ноги ее забились в предсмертных судорогах. Тогда У Сун закусил меч и запустил руки в зияющую рану. Хрустнуло. И вырванное вместе с внутренностями сердце, с которого текла кровь, было положено на жертвенник перед дщицей У Чжи. Последовал еще удар меча, и покатила отрубленная голова. Весь пол был залит кровью. Стоявшая в стороне Инъэр от страху закрыла лицо руками.

Ну и жесток был в этот момент У Сун, а какой жалкой казалась Цзиньянь!

Да,

Пока живем – потребностей немало,
А смерть пришла – и все ненужным стало.

Ей шел тридцать второй год.

Только взгляните:

*От руки мстителя в расцвете лет погибла. От меча карающего
рассталась с жизнью красotka. Семь низших духов-по, ее покинув
тело, унеслись в загробные Палаты чащоб и тенет^[1632]. Три высших
духа-хунь, рассеявшись, вернулись в адский Град непрерывных
страданий^[1633]. Навсегда закрылись очи-звезды. На голом полу,
раскинувшись, в крови застыла. Губы закушены, отливают серебром
белые зубы. Поодаль лежит отрубленная голова. И кажется, будто
снег ранней весной повалил, сломал и запорошил ивы веточку в
убранстве нитей золотых. И мнится, ветер неистовый конца зимы
сорвал и растерзал нежнее яшмы сливовый цветок. Куда девались
прежние чары и краса! Под кровом чьим найдет пристанище сей
ночью ее душа?*

В старину еще сложили стихи, в которых оплакивается страшная
смерть Цзиньянь.

Убийц-блудниц судьба непрочна.
Свой век продлить бедняга тщится.
Одежды разметались в клочья,
И перед погребальной дщицей
Стоит, от ужаса дрожа.
А деверь жаждет расквитаться.
Про честное он помнит братство.
И прошлое ее богатство
И упоительное блядство,
Теперь не стоят ни гроша!
Жизнь мчится, прошлую круша.
Кто подлостью порочил душу,
Тот жди возмездия в грядущем,
Жди судьбоносного ножа.
Так У Сун покончил с Цзиньянь.

– Убивают! – во весь голос закричала старая Ван.

У Сун подбежал к ней и одним ударом отрубил ей голову, а тело
оттащил в сторону. Потом он подцепил на меч сердце и внутренности
Цзиньянь и пригвоздил их сзади под стрехой.

Начали отбивать ночные стражи.

– Дядя! Мне страшно! – промолвила Инъэр, все еще остававшаяся в

запертой комнате.

– Не бойся, дочка! – успокоил ее У Сун. – Я тебя не трону.

Он бросился к дому старухи, решив покончить и с ее сыном Ван Чао, но тому не суждено было погибнуть.

Когда Ван Чао услышал крик матери, ему стало ясно, что это У Сун чинит кровавую расправу. Он толкнулся было в одни ворота, потом в другие, но никто не откликнулся. Тогда Ван Чао бросился что есть сил на улицу.

– Караул! Караул! – закричал он.

Соседи по обе стороны сразу догадались о случившемся, но никто не решился даже приблизиться к дому У Суна.

У Сун тем временем перепрыгнул через стену и ворвался в дом старой Ван. На столе горел светильник, но не было ни души. Он распахнул старухин сундук, повыбрасывал оттуда всю одежду и под ней обнаружил шпильки, серьги, головные украшения и серебро. Старуха отдала Юэнян только двадцать лянов, остальные же восемьдесят припрятала для себя. У Сун, не долго думая, завязал их в узелок и, размахивая мечом, перемахнул через заднюю стену.

В пятую ночную стражу он миновал городские ворота и направился прямо к Крутому Перекрестку, где и укрылся в доме Чжан Цина.^[1634] Там же он сделался странствующим монахом, а потом примкнул к разбойникам с горы Лян.^[1635]

Да,

Соседям зла не причиняй, не наноси вреда,

И зубы на тебя точить не станут никогда.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

ПАНЬ ЦЗИНЬЛЯНЬ ЯВЛЯЕТСЯ
ВО СНЕ В ДОМЕ НАЧАЛЬНИКА
ГАРНИЗОНА

У ЮЭНЯН ЩЕДРО ОДАРИВАЕТ
МОНАХА, СОБИРАЮЩЕГО
ДОБРОХОТНЫЕ
ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ХРАМ

*Следит за нами постоянно
Небес недреманное око,
Земные божества и духи
весьма равнодушны к нам.
Придерживает наши страсти
законов грозная опека,
И ходят демоны за нами
в загробном царстве по пятам.
И прямоту, и верность, люди,
всегда в сердцах своих лелейте,
Порывы же страстей и гнева
в себе преодолеть умеете.
Кто постоянно неумерен,
тот позабудет дом родимый,
А кто ведет себя бесчестно,
тот положение потеряет.
Путь воздержания прославим:
всегда пройти умеете мимо*

*Того, над чем смеются люди,
что отвращенье им внушает.*

Итак, У Сун убил Цзиньянь и старуху Ван, забрал серебро и ушел к разбойникам на гору Лян.

А теперь расскажем о Ван Чао. Выбежал он на улицу и стал звать околоточного. Когда они удостоверились, что дом У Суна заперт спереди и сзади, у старой Ван вскрыт сундук, вещи в беспорядке разбросаны по полу, а серебро похищено, им стало все ясно: У Сун убил обеих женщин и, забрав серебро, скрылся. Тогда Ван Чао с околоточным взломали ворота. Комната оказалась залитой кровью. На полу лежали два трупа. Сердце и внутренности Цзиньянь висели пригвожденные мечем под стрехой. В комнате они нашли и Иньэр, но как ни расспрашивали ее, она только плакала.

Подробное дело о злодейском убийстве вместе с вещественными доказательствами было на другой же день представлено новому уездному правителю во время его утреннего заседания. Уроженец Хэбэя, из уезда Цзаоцян, области Чжэньдин, он, как и его предшественник, носил фамилию Ли, а звали его Чанци. Узнав об убийстве, он вызвал служащего управы и распорядился, чтобы тот в присутствии околоточного, соседей и членов семей пострадавших, Ван Чао и Иньэр, учинил расследование на месте. Как оно показало, У Сун, будучи пьян, в припадке гнева действительно убил урожденную Пань и старую Ван, о чем и было составлено письменное заключение. Местным стражникам и околоточному вменялось в обязанность прикрыть тела убитых землей и выставить охрану. Полиция города начала розыски убийцы. Было расклеено распоряжение, в котором казна объявила награду в пятьдесят лянов серебра тому, кто первым заявит о местонахождении У Суна.

Чжан Шэн и Ли Ань, получив у начальника гарнизона сотню лянов, направились к старухе Ван. Узнав, что Ван и Цзиньянь убиты У Суном, а власти после расследования обстоятельств производят розыски убийцы, они вернулись домой и доложили хозяину. Потрясенная гибелью Цзиньянь, Чуньмэй проплакала дня три, ничего не пила и не ела. Обеспокоенный хозяин распорядился позвать к ней бродячих потешников, но и тем не удалось ее развлечь. Он потом не раз посылал Чжан Шэна с Ли Анем узнать, не обнаружен ли У Сун, но не о том пойдет речь.

Перейдем теперь к Чэнь Цзинци. Поехал он в столицу за серебром,

а сам только и думал, как выкупит Цзиньянь и станут они мужем и женой. Нежданно-негаданно повстречался ему на полпути спешивший из Восточной столицы домочадец Чэнь Дин.

– Батюшка ваш, дядя, тяжело болен, – сообщил он. – Матушка меня за вами послала. Просит приехать посоветоваться, как дальше жить.

Цзинци заторопился. Вместо двух остановок делал одну. И вот добрался он до дома своего дяди Чжан Шиляня. Но дяди уже не было в живых, оставалась только тетка. Отец же его, Чэнь Хун, тоже три дня как скончался, и все домашние облачились в траур.

Цзинци склонился перед гробом отца, потом земными поклонами почтил мать и тетку.

Перед матерью предстал сильно повзрослевший и возмужавший Цзинци. Мать и сын прослезились, а потом стали держать совет.

– Есть у нас и чему порадоваться, и чем опечалиться, – проговорила она.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что на нашу радость по случаю объявления наследника престола обнародована высочайшая амнистия, а горе – неожиданная кончина батюшки. И дяди твоего не стало, а твоя тетка заживет вдовой, и нам неловко оставаться в ее доме. Вот почему я и послала за тобой Чэнь Дина. Нам предстоит отвезти останки батюшки на родину. Не будем же мы хоронить его на чужой стороне.^[1636]

Цзинци призадумался. «Сколько ж я тут проканителюсь с перевозкой гроба да имущества! – прикидывал он про себя. – Так и Цзиньянь упущу. Нет, лучше уж заберу сундуки с корзинами да поеду сперва женюсь, а там и гроб перевезти успеем». Подумал и говорит матери:

– Опасно стало на дорогах – разбойников много развелось. Везти гроб вместе с имуществом – сколько подвод! – сразу внимание привлечь. А молодцы попадутся, что тогда? Лучше опоздать, чем впросак попасть. Сперва имущество на двух подводах перевезу, дом в порядок приведу, а потом уж вы, матушка, с Чэнь Дином и домочадцами гроб перевезете. В первой луне нового года в путь отправитесь, в загородном монастыре остановитесь. Там панихиду закажем и земле предадим, как полагается. Ничего, не поздно будет.

Давно не видела мать сына и, поверив его ловким речам, будучи женщиной, сразу передумала. Первым делом нагрузили на две больших подводы сундуки с добром. Для безопасности был вывешен желтый стяг, извещающий, будто везут благовония в храм, и в первый день последней луны Цзинци тронулся в путь. Не прошло и десяти

дней, как он добрался до Цинхэ.

– Отец скончался, – объявил он дяде Чжану, когда они встретились. – Мать с гробом на днях прибудет. Я пока имущество на двух подводах привез. Надо будет дом прибрать.

– Раз так, мне придется к себе воротиться, – выслушав племянника, проговорил дядя и наказал слугам и домочадцам готовиться к переезду.

Чэнь Цзинцзи обрадовался. «Наконец-то унесет его с глаз долой, – думал он. – Вот когда я возьму Цзиньянь и заживем мы в свое удовольствие. Отца у меня теперь нет, а мать во мне души не чает. Первым делом порву с негодницей женой, потом на тещу жалобу подам, вещи потребую. Это ведь не как раньше, когда отец в ссыльных числился. Мне теперь никто не посмеет отказать!»

Да,

И то и се предполагают люди,
А Небо все по своему рассудит.

Так намекнул он дяде поторапливаться с переездом, а сам спрятал за пояс сто лянов серебра и еще десяток для свахи в рукав и отправился на Лиловокаменную к старухе Ван.

Цзинцзи был удивлен, когда увидел на улице перед ее домом два засыпанных землей трупов, а над ними скрещенные копья и фонарь. На воротах висело написанное от руки распоряжение, гласившее:

«Уездные власти доводят до всеобщего сведения дело о злодейском убийстве. Убийца У Сун лишил жизни урожденную Пань и старую Ван. Всякому, кто первым задержит преступника или заявит властям о его местонахождении, будет вручена казенная награда в сумме пятидесяти лянов серебра».

У Цзинцзи глаза на лоб полезли.

Между тем из-под навеса появились двое.

– Ты кто такой? – крикнули они Цзинцзи. – Чего тут читаешь, а? Видишь, небось, убийца не пойман? Кто ты есть?

Они ускорили шаги, чтобы схватить Цзинцзи, но он в испуге бросился наутек. Добежав до кабака у Каменного моста, он заметил человека в темной куртке и четырехугольной шапке. Они спустились под мост.

– Брат! – обратился встречный к Цзинцзи. – Какой же ты, гляжу, смелый! Стоит себе, распоряжение читает. Для чего тебе, скажи, понадобилось рисковать, а?

Тут Цзинцзи обернулся к спутнику. Это был, оказывается, его

закадычный приятель Ян Второй по прозвищу Гуляй Ветер.^[1637] Они приветствовали друг друга.

– Давно не видались, брат, – продолжал Ян. – Где пропадал?

Цзинцзи рассказал ему о поездке в столицу и о смерти отца.

– Одна из убитых, Пань, была младшей женой моего тестя, – продолжал он. – Не знал, что она убита. Только из распоряжения понял, в чем дело.

– Ее деверь У Сун прикончил, – объяснял Ян. – Он в ссылке был, потом получил помилование, вернулся и учинил расправу, а за что, понятия не имею. Даже старуху Ван не пощадил. У него ведь племянница была, у моего дяди Яо Второго года четыре воспитывалась.^[1638] Как У Сун скрылся после расправы-то, дядя взял ее из управы и выдал замуж. А убитые все посреди улицы лежат. Прибавилось заботы охранникам да околоточным! Когда они еще разыщут убийцу!

С этими словами Ян пригласил Цзинцзи в кабачок.

– Зайдем, брат, – говорил он. – Пыль дорожную с тебя смыть полагается.

Тяжело стало на душе у Цзинцзи, как узнал он о кончине Цзиньянь. Ему и вино в горло не шло. Осушил чарки три, откланялся и, спустившись по лестнице вниз, направился домой. А под вечер, купив связку бумажных денег, Цзинцзи опять пошел на Лиловокаменную, но не к самому дому Ван, а вдаль от него, к Каменному мосту, где стал звать Цзиньянь:

– Сестрица Шестая! Я, Чэнь Цзинцзи, жертвую тебе эти деньги. Задержался я немного и тебя потерял. Ты была человеком, а стала духом. Да поможет Небо тем, кто разыскивает ненавистника и убийцу твоего У Суна, дабы свершилась месть за тебя. Я пойду тогда к лобному месту и удовлетворюсь только после того, как увижу разрубленного на куски насильника.

Цзинцзи заплакал и предал огню жертвенные деньги. Вернувшись домой, он запер ворота и прилег. Он погрузился в дремоту, когда к нему явилась Цзиньянь. Она была в суровом платье, обгавленном кровью.

– Дорогой мой! – со слезами обратилась она к Цзинцзи. – Какую страшную смерть приняла я! Как я надеялась, что мы встретимся и будем вместе! Но ты не пришел, и жестокий У Сун лишил меня жизни. Меня не хотят принять и в царство тьмы. Белым днем я блуждаю, не находя пристанища, а темной ночью жажду испить хоть глоток воды.^[1639] Благодарю тебя за деньги. Но не пойман еще злодей, и тело мое

лежит посреди улицы. Прошу тебя, ради прежней любви, купи гроб и погребви меня, чтобы не оставались и дальше останки мои над землею.

– Дорогая моя! – со слезами отвечал ей Цзинцзи. – Знаю, что следует предать тело земле. Да не узнала бы моя теща, эта бесчеловечная негодница. Она и без того преследует меня, а тут наверняка воспользуется случаем. Дорогая! Пойди-ка ты лучше в дом начальника гарнизона да попроси Чуньмэй. Пусть она похоронит твои останки.

– Я уж пыталась туда проникнуть, – отвечала Цзиньлянь, – но дух хранитель ворот меня не пустил. Путь преградил. Придется еще упрашивать.

Цзинцзи заплакал. Он хотел было привлечь ее к себе, но запах крови заставил его отпрянуть. Цзинцзи пробудился. То был лишь сон. Послышались удары. Пробили третью ночную стражу.

– Вот странно! – воскликнул он. – Я только что как наяву видел Цзиньлянь. Она жаловалась на судьбу, просила похоронить... Но когда же поймают У Суна?! Как мне тяжело!

Да,

Безмерное горе, призыв без ответа.

Проплачешь один в темноте до рассвета.

Однако не станем говорить, как Цзинцзи справлялся насчет У Суна.

Прошло два с лишним месяца, а властям так и не удалось напасть на его след. Стало известно, что он ушел к разбойникам на гору Лян, о чем и доложили стражники и околоточные. Из управы пришел приказ, предписывающий тела убитых с улицы убрать и передать родственникам для погребения. Старуху Ван похоронил сын Ван Чао. Цзиньлянь же брату было некому.

Через два дня на третий Чуньмэй посылала Чжан Шэна с Ли Анем в управу узнать, не поймали ли убийцу, но те всякий раз возвращались ни с чем. Убитые по-прежнему лежали на улице, охраняемые стражей, и никто не решался к ним приблизиться.

Так настал Новый год. В первых числах Чуньмэй увидела сон. Откуда-то из мрака к ней явилась Цзиньлянь. Волосы ее были распущены. Вся она была в крови.

– Сестрица Пан!^[1640] – обратилась она к Чуньмэй. – Дорогая ты моя! Какую тяжкую смерть приняла я! Насилу к тебе пробралась. Меня дух хранитель ворот не хотел пропустить, окриками отгонял от дома. Скрылся мой убийца У Сун, а кости мои все еще лежат на улице

непогребенные. Их обдувает ветер и оmyвает дождь, ходят по ним собаки и куры. Некому взять мои останки и предать земле. Нет у меня здесь ни единого близкого. Прошу тебя, если ты еще не забыла прошлое, когда мы жили с тобой, как мать с дочерью, купи мне гроб и похорони меня. Тогда в царстве тьмы я закрыла бы очи и уста свои.

Цзиньлянь горько зарыдала. Чуньмэй хотела было удержать ее и обо всем расспросить, но Цзиньлянь удалилась. Чуньмэй вздрогнула и проснулась. То был лишь сон. Глаза у нее стали влажны от слез. Недоумение не давало ей покоя.

На другой же день она позвала Чжан Шэна с Ли Анем и велела им узнать в управе насчет убиенных.

Слуги поклонились и удалились исполнять ее наказ. Немного погодя они вернулись и доложили:

– Убийца скрылся. Тела все это время оставались под стражей, но теперь пришел новый приказ. Родственникам велено их взять и похоронить. Старуху взял ее сын, а молодую женщину никто не берет, и она все еще лежит посреди улицы.

– В таком случае у меня к вам будет просьба, – сказала Чуньмэй. – Сделайте мне дело, если это вас не затруднит, а я вас щедро награжу.

Слуги опустили перед ней на колени.

– Зачем вы такие слова говорите, сударыня! – воскликнули они. – Вы замолвили бы за нас словцо перед господином, а большего нам не нужно. Мы для вас готовы в огонь и в воду.

Чуньмэй удалилась в спальню. Она вынесла оттуда десять лянов серебра и два куска полотна.

– Ведь эта женщина доводится мне сестрой, – пояснила она. – Была она замужем за Симэнь Цином, потом ушла из дому. И вот ее убил насильник. Вы только уж хозяину-то не говорите. На это серебро купите гроб, возьмите ее останки и предайте земле как полагается где-нибудь за городом в подходящем месте. Я вас щедро одарю.

– Дело несложное, – отвечали слуги. – Мы сейчас же пойдем.

– А что если нам с тобой в управе не разрешат взять останки? – спросил Ли Ань. – Надо, пожалуй, батюшкину визитную карточку показать в управе.

– Зачем нам визитная карточка! – возразил Чжан Шэн. – Скажем, наша госпожа доводится покойнице младшей сестрой, и никто в управе не решится перечить.

Они взяли серебро и зашли в сторожевое помещение.

– Наша молодая госпожа, должно быть, с убитой вместе у Симэня жила, – говорил Чжан Шэн Ли Аню. – Дружили, наверно. А то не стала

бы о ней так беспокоиться. Как узнала о ее гибели, дня четыре проплакала, не пила, не ела. Батюшка ей и потешников-то звал, но и они не развлекали. А теперь, когда никто не берет убитую, кому как не ей о похоронах позаботиться. Сделаем все, как она просит, когда-нибудь нас перед хозяином поддержит. Глядишь, и над нами звезда счастья взойдет. Батюшка ей во всем потакает, к ее советам прислушивается. Она Старшую хозяйку и Вторую позади оставила.

С серебром они направились в уездную управу и подали письменную просьбу, в которой говорилось, что жена столичного воеводы Чжоу, будучи сестрою убитой женщины, просит отдать ей тело для погребения.

За шесть лянов слуги купили гроб, откопали засыпанное землею тело Цзиньлянь, вложили внутренности и пришили голову. Обрядив покойницу, они поместили ее в гроб как полагается.

– А похороним в обители Вечного блаженства за городом, где попечителем наш хозяин, – говорил Чжан Шэн. – Небось, место найдется. Земле предадим и хозяйке доложим.

Они наняли двух носильщиков. Гроб перенесли в монастырь Вечного блаженства.

– Это сестра младшей супруги вашего покровителя, – сказали они настоятелю. – Надо бы место выбрать для погребения.

Настоятель без промедления определил место за храмом под тополем, Там Цзиньлянь и была погребена.

Слуги доложили Чуньмэй:

– Гроб купили, обрядили и земле предали, сударыня. И вот еще четыре ляна осталось.

Они протянули хозяйке серебро.

– Сколько я вам хлопот задала! – говорила Чуньмэй. – По ляну на домашние расходы себе возьмите, а два ляна отдайте настоятелю Даоцзяню. Пусть сутры почитает, поможет душе усопшей переселиться на Небо.

Она вручила слугам большой кувшин вина, а также свиной и бараний окорока. Слуги, не решаясь принять серебро, опустили перед ней на колени.

– Если бы вы замолвили о нас доброе слово господину, – говорили они. – Мы же ничего особенного не сделали и не смеем брать серебро.

– Я рассержусь, если вы откажетесь от моей награды, – заявила Чуньмэй.

Чжан Шэну и Ли Аню ничего не оставалось, как отвесить земные поклоны.

Взяли они серебро и пошли в сторожевую пристройку, где устроили пир, во время которого на все лады расхваливали молодую хозяйку.

На другой день Чжан Шэн понес два ляна настоятелю. Чуньмэй прибавила еще пять цяней для возжигания жертвенных денег, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о Чэнь Дине. Забрал он всех домочадцев и имущество, поставил на повозку гроб и отправился из столицы в Цинхэ. Для отпевания и погребения хозяина заехали они в монастырь Вечного блаженства, где был установлен гроб.

Как только прослышал Цзинци о прибытии матери, о заезде ее в монастырь, где был оставлен гроб, он первым делом занялся разгрузкой багажа, а потом отвесил поклон родительнице.

– Что ж это ты нас не встретил? – спросила сына удивленная Чжан.

– Я себя плохо чувствовал, – оправдался Цзинци. – Да и дом не на кого было оставить.

– А дядя Чжан? Где же он? Почему его не видно?

– Дядя, как узнал, что вы приезжаете, поспешил к себе перебраться.

– Уговорил бы его пожить у нас. Чего он так заторопился?

Через некоторое время проведать сестру прибыл отставной комендант Чжан. Они обнялись и заплакали. Накрыли стол. За вином пошли разговоры, но излагать их подробно нет надобности.

На другой день мать вручила Цзинци пять лянов серебра, несколько связок жертвенных денег и велела отвезти настоятелю, чтобы тот почитал сутры по покойному.

Цзинци ехал верхом, когда на улице повстречались ему приятели – Лу Старший и Ян Старший. Цзинци спешился, чтобы приветствовать их.

– Далеко ли путь держишь, брат?

Цзинци сказал о смерти отца.

– Гроб за городом в монастыре стоит. Двадцатого числа седьмая седмица выходит, вот мать и велела серебра настоятелю отвезти.

– Не знали, что гроб с телом твоего отца прибыл, – говорили приятели, – а то пришли бы выразить соболезнование. Когда же вынос и погребение?

– Да на этих днях, – отвечал Цзинци. – Отпоют, и хоронить будем.

Друзья уже подняли руки в прощальном приветствии и хотели было пойти своей дорогой, но их остановил Цзинци.

– Скажи-ка, – обратился он к Яну, – а где бывшая жена моего тестя, урожденная Пань, а? Кто взял ее тело?

– Видишь ли, – отвечал Ян, – У Суна поймать так и не удалось. Когда доложили господину правителю, то он с полмесяца назад еще распорядился, чтобы убитых погребли родственники. Старую Ван сын схоронил, а молодая еще дня четыре на улице пролежала. Потом пришли слуги от начальника гарнизона, гроб купили и отнесли за город. Там, в храме Вечного блаженства земле предали.

При упоминании начальника гарнизона Цзинцзи сразу понял, что о Цзиньянь побеспокоилась Чуньмэй.

– Сколько же тут этих монастырей Вечного блаженства развелось? – спросил он.

– Как сколько?! Всего один. За южными воротами города, где попечителем господин Чжоу Сю.

Цзинцзи в душе сильно обрадовался. Какое совпадение, подумал он. Значит судьбе было так угодно, чтобы и ее в том же монастыре похоронили. Он простился с друзьями и выехал верхом за город. Прибыл он в монастырь Вечного блаженства и, встретившись с настоятелем Даоцзянем, заговорил не о панихиде.

– Не могли бы вы сказать, где здесь могила недавно погребенной молодой женщины из дома столичного воеводы? – спросил он.

– Сестры младшей супруги нашего попечителя? – уточнил настоятель. – За храмом под тополем.

С жертвенными принадлежностями и деньгами Цзинцзи пошел не к гробу отца, а к могиле Цзиньянь, чтобы почтить покойную и возжечь жертвенные деньги.

– Дорогая моя! – с плачем говорил Цзинцзи. – Твой брат Чэнь Цзинцзи с благоговением возжигает связку денег. Будь покойна, когда тебе хорошо, но станет трудно, воспользуйся деньгами.

Потом он вошел в храм и предстал перед гробом отца. После сжигания денег и принесения жертв он отдал серебро настоятелю и попросил его пригласить двадцатого числа восьмерых монахов для свершения панихиды по случаю исполнения седьмой седмицы. Настоятель взял серебро и устроил трапезу. Цзинцзи вернулся домой и сказал матери.

Двадцатого все прибыли в монастырь на панихиду, потом выбрали благоприятный день для выноса. После погребения в семейном склепе семья вернулась домой. Однако не будем говорить, как потом жили мать и сын.

Расскажем про У Юэнян. Однажды – дело было в первых числах второй луны – погода стояла теплая, и Мэн Юйлоу, Сунь Сюэ, Симэнь Старшая и Сяюй вышли к воротам поглядеть на мчавшиеся

мимо экипажи, всадников и шумные вереницы народа. Тут их внимание привлекла толпа мужчин и женщин, следовавшая за буддийским монахом – огромного роста толстяком. На макушке у него красовалась бронзовая корона с изображениями трех почитаемых будд.^[1641] В оранжевой рясе-кашье с нарукавниками на голых предплечьях, он нес притороченными к телу несколько больших древоподобных подсвечников. Босые ноги его по щиколотку утопали в грязи. Себя он называл странствующим монахом, принявшим постриг у алтаря-мандалы на Пятигорье.^[1642]

– Прибыл в эти места для сбора подаяний на сооружение обители Будды, – пояснял он.

Вот как в свое время воспели его достоинства современники:

Погруженный в медитацию, он неподвижно сидит. Будды Закон разъясняет и проповедует Священное Писание. Расправлены плечи, страдания подвига отражены во взоре. Он обликом и позой не уступит Будде. Из веры ловко пропитанье извлекает. Порядки обители святой блюдет. Днем посохом стучит и звенит в колокольцы. А ночью темной мечет копье, играет булавой. Пред домом иной раз поклоны отбивает лысою башкой. Когда проголодается, среди улицы орет: «Мир призрачен, жизнь иллюзорна. Никто из живых не избежит могилы! Одни уходят, придут другие. Придут одни, другие уйдут. Но кого и когда ввели в Западный край^[1643]?!»

Увидев у ворот Юэнян и остальных женщин, монах подошел и приветствовал их.

– О почтеннейшие покровительницы, бодхисаттвы в миру!^[1644] – обратился к ним инок. – Живущие в роскошных дворцах и хоромаш, вы стали первозванными избранницами схода под деревом с драконьими цветами.^[1645] Я, бедный инок, пришедший с Пятигорья. Собираю добродетельные пожертвования на возведение обители Высоких Подвигов Десяти Владык и Трех Сокровищ Учения.^[1646] Уповаю на бодхисаттв-благотелей со всех десяти концов света,^[1647] кои щедро сеют на ниве добродетели, жертвуют свои сбережения на великие дела, творят добро, за которое воздастся в грядущей жизни. А бедный инок всего лишь странник.

Выслушала Юэнян монаха и кликнула Сяюю.

– Ступай принеси из спальни монашескую шапку, пару туфель, связку медяков и меру риса, – наказала она.

Юэнян, надобно сказать, всегда охотно привечала послушников Будды – и трапезы устраивала, и на монастыри жертвовала. На досуге

с усердием отдавалась шитью монашских шапок и туфель, чтобы при случае одарить иноков.

Сяюй вынесла, что просили.

– Кликни наставника и отдай ему, – сказала Юэнян.

– Эй ты, монах! – не без кокетства позвала горничная. – Гляди, сколько тебе всего жертвует госпожа! Чего стоишь, как осел? Поди да в ноги поклонись благодетельнице.

– Ах ты, греховодница паршивая! – заругалась на нее хозяйка. – Ведь это же инок, ученик Будды! Как ты смеешь, вонючка несчастная, поносить его, не имея к тому ни причины, ни повода?! Не будет тебе счастья, негодница, а беду на свою голову накличешь.

– А чего он, матушка, на меня глаза-то пялит, разбойник? – засмеялась Сяюй. – С головы до ног оглядывает.

Монах обеими руками принял подношения.

– Премного вам благодарен, милосердные бодхисаттвы, за ваши подаяния, – проговорил он, кланяясь.

– Вот невежа, этот лысый болван! – возмутилась Сяюй. – Нас вон сколько, а он двумя поклонами отделался. Почему мне не поклонился?

– Хватит тебе глупости-то болтать, паршивка! – опять одернула ее Юэнян. – Он же из сыновей Будды и не обязан раскланиваться.

– Матушка! – не унималась горничная. – Если он сын Будды, кто ж тогда дочери Будды?

– Монахини – вот кто.

– Значит, и мать Сюэ, и мать Ван, и Старшая наставница, да? Они дочери, а кто ж зятя Будды?

– Будь ты неладна, блудница! – Юэнян не выдержала и рассмеялась. – Дай только волю, язык у тебя так и чешется сказать что-нибудь непристойное.

– Вы, матушка, только и знаете меня ругать, а лысый разбойник с меня глаз не спускает. Вон как зенки таращит!

– Приглянулась ты ему, должно быть, – заметила Юйлоу. – Он тебя от забот мирских хочет избавить, вот и приглядывается, как бы взять.

– Я бы пошла, только взял бы! – отвечала Сяюй.

Женщины рассмеялись.

– Болтушка! – проговорила Юэнян. – Над монахами потешиться да над Буддой покошунствовать – это ты умеешь.

Монах поднял голову, на макушке которой возвышались три почитаемых будды, выпрямился и пошел.

– Меня одергиваете, матушка, а видали, как он опять в меня глазищами вперился? – спросила горничная.

Вот стихи, говорящие о доброхотном пожертвовании Юэнян:

Живя вдовою
читите заповедь.
И головою
тихо за полночь
на горизонте
ища луну,
не опозорьте
звёзд седину.
Пусть не коснутся
вас облака,
Пускай вернутся
в свой балаган.
С ветрами бойки,
резвы они,
и так не стойки,
так не верны.

Так, разговаривая у ворот, женщины заметили тетушку Сюэ. Она подошла к ним с корзинкой искусственных цветов и поклонилась.

– Какими судьбами? – спросила Юэнян. – Пропала, и ни слуху ни духу.

– И сама не знаю, чем занята была, – отвечала Сюэ. – Эти дни у надзирателя господина Чжана Второго с Большой улицы сына женила. Племянницу господина Сюя с северной окраины взял. Мы с тетушкой Вэнь сватали. Вчера, на третий день, такой пир задавали! До того закружилась, что даже к господину столичному воеводе выбраться не пришлось. А его младшая супруга меня звала. Обиделась на меня, наверно.

– Ну, а сейчас далеко ли путь держишь? – поинтересовалась Юэнян.

– По делу к вам, почтеннейшая, – говорила сваха.

– Тогда пройдем в дом, – предложила Юэнян.

Она проводила сваху в свои покои и предложила присаживаться.

– Вы, почтеннейшая сударыня, должно быть, еще не знаете, – начала, выпив чаю, Сюэ. – Ведь ваш сват Чэнь помер. В прошлом году прихватило, и не встал. Сватьяшка ваша сына в столицу вызвала – вашего зятюшку, стало быть, – гроб сюда перевезли и все имущество. С нового года как воротились. Панихиду отслужили и в родовом склепе похоронили. Если бы вы, почтеннейшая, знали, наверное тоже

соболезнование выразили и почтили бы память усопшего. Не так ли?

– Если б ты пришла да сказала, – подтвердила Юэнян. – Откуда я могла знать?! До нас и слухи не дошли. Знаю только, что Пань убита. Деверь ее зарезал. Говорили, вместе со старой Ван похоронили. А что потом было, не слыхала.

– Да, как говорится, есть у человека место рождения, найдется и место погребения, – подхватила Сюэ. – Только если б не тот случай, жила бы она в доме. Распустилась, грязь наружу вылила, вот и пришлось дом покинуть. Попади она ко мне, не убил бы деверь. Впрочем, коль появился должник, значит есть и ростовщик. Без зачинщика не бывает драки. Надо младшей госпоже Чуньмэй спасибо сказать. Как дочь над ней сжалилась, слугам наказала гроб купить и предать ее тело земле. А то кому о ней было позаботиться?! Так и лежала бы под открытым небом. А деверя ведь до сих пор не поймали.

– Чуньмэй-то глядите! – вставила стоявшая сбоку Сюэ. – Давно ль ее начальнику гарнизона продали, а уж как вознеслась! Серебром распоряжается и гроб для этой покупает, и хоронит. И хозяин терпит? Кто ж она такая теперь?

– О! Если б вы видели, как ее обожает хозяин! – воскликнула Сюэ. – Так от нее и не отходит. Она у него одно попросит, он ей десять делает. А до чего похорошела, как женой в дом вошла! До чего бойкая, смышленная. Он ей целый западный флигель отвел, горничную купил. Три ночи подряд с ней провел. Сколько ей головных украшений поднес! Наряды на все времена года у портных заказал. На третий день пир устроил, меня одарил ляном серебра и куском атласа. Старшей жене у него лет пятьдесят да слепая она, все время в постах проводит и от хозяйства отошла. Есть у него, правда, еще Сунь Вторая. Она раньше хозяйство вела. Но у нее дочь, с ней занята. Теперь там Чуньмэй полновластная хозяйка. Все ключи от кладовых и чуланов в ее распоряжении. Хозяин, начальник, к каждому слову ее прислушивается. А вы говорите, откуда у нее серебро!

Выслушав сваху, Юэнян и Сюэ умолкли. Гостья посидела еще немного и стала откланиваться.

– Завтра зайди ко мне, ладно? – наказала Юэнян. – Я пока жертвенную снедь, полотно кусок и бумажных денег приготовлю. А ты проводи уж падчерицу, а? Ей надо свекра почтить.

– А вы сами-то не собираетесь?

– Скажи там, плохо, мол, себя чувствует. Я в другой раз навещу.

– Тогда велите младшей госпоже собраться, – сказала Сюэ. – Пусть меня дожидается. Я после обеда зайду.

– А ты куда это спешишь, а? Или опять к столичному воеводе? Небось, не обязательно идти-то.

– Что вы! Сколько обид выслушивать придется. Слуги и так весь порог оббили.

– Зачем же зовут? – поинтересовалась Юэнян.

– Как зачем! Чуньмэй уж должно, на четвертом или пятом месяце, наследника ждет. Хозяин просто сам не свой от радости. Наверно, меня решил отблагодарить.

Сюэ подхватила корзину с цветами и откланялась.

– Ох, уж эти сводни! – воскликнула Сюэ. – Соврут и глазом не моргнут. Только что продали, и уж чуть не на сносях.^[1648] Небось, у столичного воеводы не одна она. Так уж он ее и выделил. Вот расписала!

– У него Старшая жена и еще одна, дочь растит, – пояснила Юэнян.

– Ну вот! – продолжала Сюэ. – Я и говорю: только сваха может так сказать. Воды на вершок, а волны саженные.

Кто знает, не скажи этого Сунь Сюэ, может, не свалилась бы беда на ее голову.

Да,

С неба пал крючок на нитке, а потом

Накрутился на земле из сплетен ком.^[1649]

Тому свидетельством стихи:

Недавно имела хозяина,

А ныне душой неприкаянна.

Жизнь суетна, все изменения

Зависят лишь от провидения.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ ВДОВЫ ПРИХОДЯТ НА СВЕЖУЮ МОГИЛУ В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ УСОПШИХ У ЮЭНЯН НЕЧАЯННО ПОПАДАЕТ В МОНАСТЫРЬ ВЕЧНОГО БЛАЖЕНСТВА

*В весенней дымке на ветру
парчовые трепещут стяги.
И дни становятся длиннее,
и на душе царит покой.
Кувшин отменного вина
прибавит молодцу отваги;
Красавица его пригубит —
да и расстанется с тоской.
Все ветки ив и тополей
весною вновь зазеленели;
Стоят с расцвете абрикосы,
и жерди подпирают их.
Коли мужчина не достиг
поставленной им в жизни цели,
Так пусть он с песнею веселой
идет в селение хмельных.*

Итак, на другой же день У Юэнян припасла все, что полагается: трех жертвенных животных, кушанья, бумажные деньги, завернула кусок полотна и велела падчерице собираться.

Симэнь Старшая облачилась в траур и отбыла в паланкине.

Тетушка Сюэ с жертвенными дарами шествовала впереди.

Чэнь Цзинци они застали у ворот дома. Тетушка велела носильщикам внести жертвы.

– Это откуда? – спросил ее Цзинци.

Сюэ поклонилась.

– А ты будто и не знаешь, зятюшка! – воскликнула она. – От тещи пожаловали. Дочку она прислала твоего покойного батюшку почтить.

– Теща стебанутая?! Так ее, рас так! – Цзинци грубо выругался. – Вспомнила прошлогодний снег!^[1650] На целых полмесяца опоздала. Человек давно в сырой земле лежит, а она с жертвами является.

– Дорогой зятюшка! – заговорила Сюэ. – Теща твоя вдовою живет. Не забудь, она как краб безногий. Ну откуда ей было знать, что гроб сватушки доставили? Если и опоздала, обижаться не нужно.

Пока они вели этот разговор, к воротам приблизился паланкин с Симэнь Старшей.

– А это еще кто? – спросил Цзинци.

– Как кто! – не уступала тетушка Сюэ. – Жена твоя пожаловала. Теща плохо себя чувствует. Дочь послала. Ей, во-первых, полагается при муже находиться, а во-вторых – покойного свекра почтить.

– Сейчас же убирайтесь отсюда! – заругался на паланкинщиков Цзинци. – Чтобы ноги этой потаскухи тут не было! Добрые люди тысячами умирают, а этой ничего не делается. Зачем мне блудница?!

– Разве так можно говорить! Раз она замуж вышла, ей за мужем следовать надлежит.

– Мне блудница не нужна! – заявил Цзинци и обернулся к паланкинщикам. – Убирайтесь, говорят вам!

Однако паланкинщики продолжали стоять у ворот. Цзинци бросился к ним и стал пинать ногами.

– Не уйдете, да? – приговаривал он. – Ждете, пока я вам, голодранцам, ноги переломая? Сейчас потаскухе все волосы выдеру.

Тут носильщики подняли паланкин и понесли его обратно домой. Тетушка Сюэ решила вызвать Чжан, мать Цзинци, но паланкин стал удаляться, и ей ничего не оставалось, как собрать жертвенные принадлежности и пойти рассказать о случившемся Юэнян.

Юэнян чуть было сознания не лишилась от гнева, когда ей доложила тетушка Сюэ.

– Вот арестант бесстыжий! – заругалась она. – Чтоб тебе провалиться! Когда вас по закону преследовать начали, так ты в доме тестя укрылся. Сколько лет тебя поили-кормили! И вот за все доброе злом отплачиваешь? Покойник, не тем будь помянут, зря тогда тебя

принял. Тебя как порядочного приютили, а ты вон какие штуки выкидываешь. Мне от ворот поворот?! Да как он смеет со мной, тещей, так обходиться! – Юэнян обернулась к Симэнь Старшей и продолжала. – Дочка! Ты же своими глазами видала. Разве мы с отцом твоим хоть когда-нибудь его обидели?! А ты пока жива ему принадлежишь, умрешь – станешь духом в их доме. Я тоже не могу тебя оставлять. Завтра же переходи к нему в дом. А его не бойся. Не утопит же он тебя в колодце! Как бы ни храбрился, не решится человека губить. Ведь и на него найдется управа.

Однако не станем больше говорить о том вечере.

На другой день Симэнь Старшая, сопровождаемая Дайанем, снова отбыла в паланкине.

Чэнь Цзинцзи дома не оказалось. Он ушел на кладбище насыпать курган над могилой отца. Его мать, урожденная Чжан, как того требовал обряд, приняла невестку.

– Поблагодари от моего имени сватыюшку за присланные жертвы, – наказала она Дайаню. – Да скажи, чтобы она на моего сына не обижалась. Пьяный он был, вот так и получилось. А с ним я еще поговорю.

Она угостила Дайаня, и он, успокоенный, отправился домой.

К вечеру с кладбища воротился Цзинцзи.

– Опять ты заявила, потаскуха? – заругался он на жену и принялся бить ее ногами. – Чего тебе тут надо? Опять скажешь, вас объедаю, да? А сколько вы сундуков и корзин с моим добром захватили? Вот отчего вы и разжились-то! А еще болтают: зятя, мол, поим-кормим. Добрые люди на тот свет уходят, а тебя, потаскуху, все земля носит.

– Вот бесстыжий арестант! – заругалась в ответ Симэнь Старшая. – Есть ли у тебя совесть, арестантское твоё отродье, а? Убили потаскуху, вот тебя и бесит. На мне зло решил срывать, да?

У Цзинцзи волосы встали дыбом от злости. Он что есть сил начал бить жену кулаками. Тут подросла его мать и стала было уговаривать сына, но он оттолкнул ее в сторону.

– Ишь ты, арестантское отродье! – со слезами на глазах закричала мать. – Налил глаза-то кровью, на мать родную замахиваться!

К вечеру Симэнь Старшую снова пришлось отправить в паланкине домой.

– Убью, потаскуха, если не вернешь мне сундуки с корзинами! – угрожал Цзинцзи.

Напуганная Симэнь Старшая, не решаясь больше ехать к мужу,

осталась в отчем доме.

Тому свидетельством стихи:

Они друг другу доверяли смело.
Любви, казалось, не было предела!
Но умерла любовь, окрепнуть не успев,
И в памяти лишь ненависть да гнев.

Так Симэнь Старшая и осталась жить в доме отца.

Однажды, дело было в третьей луне, в день поминовения усопших, У Юэнян велела приготовить благовония, свечи и жертвенные деньги. Трех жертвенных животных, вино и закуски уложили в два короба и отправили на загородное кладбище для принесения жертв душе Симэнь Цина.

Сунь Сюээ, Симэнь Старшая и служанки остались домовничать. У Юэнян взяла с собой Мэн Юйлоу и Сяююй, а также кормилицу Жуи с Сяогэ на руках. Все они отбыли в паланкинах. Приглашение на кладбище получили также брат Юэнян, У Старший, с женой.

Когда они миновали городские ворота, перед ними раскинулось необозримое поле, покрытое ковром благоухающих цветов. Радовали взор обрамленные алым ярко-зеленые купы ив. Непрерывным потоком двигались толпы гуляющих – мужчины и женщины. Нет лучшего времени года, чем весна! Как очаровательна ее красота! Как ласково весеннее солнце, как нежен ветерок! Он ласкает ивовую почку, раскрывает бутон цветка и разносит душистую пыльцу. То веет теплом, то прохладой. И скачут всадники на холеных конях, а дамы выезжают в роскошных паланкинах. Гуляют по ароматным тропам и дорожкам. И даже пыль, что вздымается на дорогах, благоуханна весной. Распускаются тысячи цветов, и тьма трав пускает ростки – эти вестники весны. Весна ликует в цвету, даря нежную ласку и тепло. Чаруют обильно напудренные и подрумяненные цветы только что распустившихся персиков. Завораживают тонкие стройные, колышущиеся на ветру молодые плакучие ивы. Щебечут на сотни голосов золотистые иволги, пробуждая нас от полуденного забытья. Неумолчно кричат пурпурные ласточки, давая нам понять муки любовного томленья. На обогретом щедром солнцем пруду резвятся желтые гусята, широкую и благоуханную водную гладь бороздят отливающие зеленью утки. А там, за рекой, в чьем-то подернутом зеленоватою дымкой поместье взмывают среди тополей качели. Да, до чего ж в самом деле прекрасна весна! С ее приходом в области или уезде, в селенье или на обыкновенном деревенском базаре – всюду

тебя ждут развлечения.

Тому свидетельством стихи:

Всюду веселье
В праздник весенний,
Игры под сенью
Алой айвы.
Семьями вместе
В ближнем предместье.
Слышатся песни,
Смех средь травы.
Вечерние росы,
Цветут абрикосы,
И дождик раскосый
Кружит на пруду.
Уснул юный путник,
Красотки на лютнях
Весной в новолунье
Играют в саду.
Качели-лианы
И юбки-воланы,
Летучие эльфу
И радуги шлейфы

А теперь вернемся к У Юэнян. Когда они добрались в паланкинах на поле пятой версты, где находилось кладбище, Дайань понес коробки со съестным на кухню. Развели огонь, и повара принялись готовить блюда, но не о том пойдет речь.

Юэнян и Юйлоу, а за ними Сяюй и кормилица Жуи с Сяогэ на руках проследовали в гостиную, где им подали чай. Ждали прибытия старшей невестки У.

Дайань расставил на жертвенном столе перед могилой Симэнь Цина три жертвенных туши, кушанья и разложил бумажные деньги. Ждали невестку У. Однако им с мужем так и не удалось нанять паланкин, и они прибыли только к полудню на ослах.

– Вы не в паланкине, невестушка? – спросила Юэнян. – Что, не было?

Ее угостили чаем и, переодевшись, они пошли на могилу Симэнь Цина.

Юэнян несла пять благовонных палочек. Одну она передала Юйлоу, другую – кормилице Жуи с Сяогэ, две – брату и невестке.

Юэнян воткнула палочку в курильницу для благовоний, склонилась в низком поклоне и, немного отступив, начала:

– Мой старший брат! Ты был человеком при жизни, стал духом после кончины. Ныне, в прекрасный день весенних поминок, твоя верная жена, урожденная У, вместе с сестрицей Мэн Третьей и годовалым сыном Сяогэ, пришла к тебе на могилу возжечь связку жертвенных монет. Спаси и сохрани сына своего и да продлится его жизнь до ста лет, чтобы он мог убирать твою могилу. Мой старший брат! Мы жили с тобой как муж и жена. Как тяжело мне бывает всякий раз, когда я представляю себе твой облик, когда мне послышится твой голос.

Дайнянь поджег жертвенные деньги. Юэнян заплакала.

Тому свидетельством романс на мотив «Овечка с горного склона»:

Жгу жертвенные деньги у погоста
И хромонога моя поступь
Твоей опоры лишена
Твоя безмужняя жена
На полпути одна осталась
Не прекословя, встретить старость.
Ты радости со мной делил и чаянья,
Тебя всегда ждала ночами я,
А нынче ночи без огня,
Лишь звёзды кладбища манят.
Не видел сына ты лица.
Твой сын родился без отца.
Лишь мне забыть любимого нет силы,
Зову и плачу у могилы!
В пыли янтарная лоза,
Застигла с полпути гроза
Нас ураган домой не пустит.
Навеки разлетелись гуси.

В добавление романс на мотив «Чарует каждый шаг»:

Жгу жертвенные деньги без конца,
И ветер за клубился пеплом.
Нет предо мною милого лица,
Пусть я ослепну!
Мы – мать и сын, две сироты,
Нам дом постыл.

Вперед вышла Юйлоу. Она воткнула благовонную палочку и, низко поклонившись, заплакала.

Тому свидетельством романс на первоначальный мотив:

Жгу жертвенные деньги – гари кучи!
Глаза болят от слез горячих,
И я взываю: Люди! Небо!
Пустая молодость нелепа!
Цветы развеял сенокос,
Мне сохнуть до седых волос.
Наследник твой у Старшей есть сестрицы.
Лишь ей вдовством своим гордиться.
А я – бесплодная труха,
Раскрошенная шелуха,
Гнилое мертвое растение,
Мне не осталось даже тени!

В добавление романс на мотив «Чарует каждый шаг»:

Был полон сил, как внешний стебелёк.
Но сокрушил тебя нездешний рок,
Меня извёл, глухой, незрячий,
Я не живу, а только плачу.
И нету от тебя вестей,
И холодна в ночи постель.

После Юйлоу благовонную палочку поставила кормилица Жуи с Сяогэ на руках. Она опустилась на колени и отвесила земные поклоны. За ней воскурил благовония У Старший и его жена. Затем все проследовали в крытую галерею, где был накрыт стол. Юэнян пригласила брата с невесткой занять почетные места. Сама она и Юйлоу сели сбоку, а Сяоюй, кормилица Жуи и Ланьхуа, служанка госпожи У, расположились по обеим сторонам. Подали вино. Однако оставим их пока за трапезой.

Расскажем теперь о столичном воеводе Чжоу Сю, жены которого в тот же день посетили кладбище.

Ночь накануне дня поминаения усопших Чуньмэй провела с хозяином. Притворившись спящей, она вдруг зарыдала и проснулась.

– Что с тобой? Отчего ты плачешь? – обратился к ней встревоженный Чжоу Сю.

– Я видела во сне матушку, – отвечала Чуньмэй. – Она явилась мне вся в слезах. Ведь я, говорит, вырастила тебя. А мне, думаю, не

придется принести ей жертвы даже в день Хладной трапезы,^[1651] когда поминают усопших. Оттого я и проснулась заплаканная.

– Раз она растила тебя, ты как дочь обязана выразить ей свое почтение, – заметил Чжоу. – А где ее могила?

– За Южными городскими воротами, – пояснила Чуньмэй, – сзади монастыря Вечного блаженства.

– Не волнуйся! – успокоил ее муж. – Я покровитель монастыря Вечного блаженства и всегда заказываю там службы. Завтра мы посетим кладбище. Вели слугам захватить жертвенную снедь. Там ты и принесешь жертвы покойной матушке, сделаешь доброе дело.

Начальник гарнизона приказал слугам приготовить вина, закусок и фруктов, а также жертвенные принадлежности, с тем чтобы поехать на семейное кладбище, возле которого у него было обширное поместье с просторными залами, хорами и парком. Там-то, в зале Услаждений предков и был устроен жертвенник.

Вместе с воеводой Чжоу на кладбище отбыли в больших паланкинах его старшая жена, Сунь Вторая и Чуньмэй. Каждую из них несли четыре паланкинщика. Процессию сопровождал отряд воинов, которые возгласами разгоняли с дороги зевак.

Между тем, после короткой трапезы с братом и невесткой У Юэнян опасаясь скорого наступления сумерек, велела Дайаню с Лайанем тотчас же собрать съестное и накрыть стол наверху в кабачке. Она решила пойти в раскинувшуюся у Длинной плотины деревню Абрикосов.^[1652] Там сверху, из кабачка на холме, было удобнее любоваться весельем праздничной толпы. Туда-то и послала своих слуг Юэнян.

Поскольку у невестки Юэнян не было паланкина, женщины направились в кабачок по цветущему полю, а носильщики с паланкинами следовали за ними. Шествие замыкал У Старший, который вел двух ослов.

На расстоянии трех ли от кладбища они миновали Персиковую харчевню, и вдали, в предместьи пяти ли^[1653] им открылась деревня Абрикосов. Всюду на могилах громко веселились знатные баричи и барышни, тут и там мелькали их яркие наряды. А женщины продолжали свой путь, любуясь природой, вдыхая аромат цветущих полей, благо стояло тепло и дул приятный ветерок.

Неожиданно сквозь зелень ясеней показался монастырь.

До чего же изумительное то было творение!

Только поглядите:

Высоко вздымаются центральные врата уединенной буддийской

обитатели – Брахмы.^[1654] дворца. Отчетливостью знаков поражает высочайше утвержденная вывеска-доска. Алмазные скипетры держат суровые стражи у входа. Идет служба в пяти громадных храмах. Отливает бирюзою чешуя драконов с черепицы. В обеих галереях – монашеские кельи из цветного кирпича блестят, как черепаший щит. В переднем храме укрощают бурю и молят о дожде, а в заднем возносятся молитвы буддам прошлого и грядущим. Колокольни и звонницы возвышаются тут и там. Скалою высится Башня Священного Канона – Трипитаки. Древко хоругви достигает благовещих облаков. Пагода как будто вторглась в самые пределы Млечного Пути. Повсюду рыбы деревянные^[1655] развешены и била. Пред ликом Будды горят ярко свечи и лампы. Клубится, вьется из курильниц аромат. Стягам и хоругвям несть числа. Рядом с храмом милосердной Гуаньинь придел Наставника и Патриарха^[1656]. Их с драгоценными камнями балдахины слиты воедино. Близ трона Матери демонов^[1657] прибежище всех святых-архатов. Постоянно нисходят в этот храм небесные духи хранители веры^[1658]. Из года в год прибывает туда Досточтимый Укротитель демона Мары^[1659]

– Что это за обитель? Как она называется? – спросила Юэнян.

– Это обитель Вечного блаженства, – отвечал У Старший. – Здесь молится почтенный Чжоу Сю. Покойный зятюшка в свое время пожертвовал на монастырь не один десяток ляннов серебра.^[1660] Оттого так и сверкает отремонтированный храм Будды.

– Зайдем, поглядим? – обратился Юэнян к невестке У.

С этими словами они направились в монастырь.

Вскоре их заметил послушник и доложил настоятелю. Тот, обнаружив толпу прибывших, вышел встретить милостивых жертвователей.

Только поглядите на этого настоятеля:

Синевою отливает у него обрита до блеску голова. Ароматами и мускусом от умащен. Горит золотом ряса с иголки густо-желтого цвета сандала. На ногах сандалии темно-синие, какие найдешь лишь в Фучжоу. Препоясан шелковым шнуром, из пурпурной тесьмы сплетенным, какой купишь разве что в Западном крае.^[1661] Весь лоснится от жиру буддийский монах, чей насильника взгляд вожденный так и ищет красотку в толпе прихожан. Этот лысый детина сладкоречив и услужлив, весь от жажды сгорает совратить молодую вдову. Страстью обуянный, он торопится в скит, чтоб монашку обнять. Снедаемый похотью, он молоденького инока в келье ищет. Он алчет ложе с девою святою разделить, с Чанъэ утехам

плотским предаться.

Подойдя к У Старшему и Юэнян, настоятель приветствовал их со сложенными руками, потом велел послушнику открыть храм и пригласил милостивых жертвователей-бодхисаттв насладиться его красотами. После того как молодой монах угостил прибывших чаем, послушник открыл обитель и провел их во главе с Юэнян по обеим галереям. Закончив осмотр, все проследовали в покои настоятеля, где им тотчас же заварили лучшего чая на сладкой воде и подали в серебряных, искрящихся как снег, чашках, напоминающих слитки.

У Старший осведомился о монашеском имени настоятеля.

– Мое имя в монашестве Даоцзянь, – отвечал тот, хихикая. – Я настоятель обители, милостивым покровителем коей является его сиятельство воевода Чжоу. В храме сто десять монахов. Множество странствующих иноков в заднем приделе. Там они погружаются в сидячую медитацию, совершают заказные службы и молятся за своих благодетелей, жертвователей-данапати со всех концов света.

Во внутреннем покое накрыли стол, и настоятель пригласил туда прибывших во главе с Юэнян.

– Прошу меня простить за скромный прием, – говорил он.

– Не извольте беспокоиться, отец настоятель, – отвечала Юэнян и передала через брата пять цяней серебра. – Пусть пойдут всемилостивому Будде на благовония.

Даоцзянь расплылся в улыбке.

– Премного вам благодарен за подношение, милостивая бодхисаттва, – раскланивался настоятель. – Посидели бы немного. Бедному иноку и попотчевать-то вас нечем.

На столе появились постные блюда и сладости. Настоятель сел сбоку и взял палочки для еды, намереваясь составить компанию Юэнян и ее брату.

Внезапно словно громовые раскаты сотрясли настоятельские покои. Тишину нарушили два ворвавшихся молодца в темном одеянии.

– Отец настоятель! – тяжело дыша, обратились они. – Скорее выходите! Младшая госпожа из дома его сиятельства воеводы пожаловали.

Даоцзянь торопливо накинул рясу, надел на ходу клобук и велел послушнику прибрать пока посуду.

– Будьте так любезные, почтенные бодхисаттвы, – обратился он к сидевшим за столом, – пройдите, пожалуйста, на время в небольшую комнату. Я не задержусь. Только провожу прибывшую госпожу, и мы еще посидим за трапезой.

У Старший стал было откланиваться, но настоятель никак не хотел их отпустить.

Монахи ударили в колокола и гонги, и настоятель побежал за ворота, чтобы встретить знатную особу на достаточном расстоянии от монастыря.

Наконец, на дороге показалась толпа слуг. Они окружали громадный паланкин, как облако плывущий, с востока. Носильщики в промокших насквозь куртках обливались потом.

Настоятель сложил руки на груди и низко поклонился.

– Никак не ожидал я, ничтожный инок, – говорил он, – что вы изволите пожаловать к нам, сударыня. Прошу покорнейше простить, что опоздал, не смог встретить по дороге.

– Извините меня за беспокойство, отец настоятель, – отвечала из-за занавески Чуньмэй.

Тем временем слуги уже были за монастырем на могиле Цзиньянь, где поставили стол и разложили на нем жертвенную снедь и бумажные деньги.

Наконец-то пожаловала и сама Чуньмэй. Носильщикам она велела миновать храм и нести ее под тополь к могиле Цзиньянь. Когда Чуньмэй выходила из паланкина, ее с обеих сторон поддерживали слуги. Чуньмэй не спеша приблизилась к могиле и, поставив благовонную палочку, четырежды поклонилась.

– Моя матушка! – начала она. – Сестрица Пан пришла к тебе возжечь связку бумажных денег, чтобы тебе хорошо жилось на небесах. Когда тебе будет трудно, не жалея денег. Если б знала, что ты погибнешь от руки ненавистника, я б сделала все, чтобы и ты вошла в дом начальника. Мы б жили опять вместе. Но я упустила время, и теперь поздно раскаиваться.

Чуньмэй умолкла. Слуги зажгли жертвенные деньги, и она, выйдя вперед, громко зарыдала.

Тому свидетелем романс-плач на мотив «Овечки с горного склона»:

Жгу жертвенные деньги втихомолку.

Споткнулась ты, и туфелек осколки

Рассыпались по каменному полу...

Мой голос безутешно долог...

Наполнит ли загробную дыру?

Ты – жертва красоты в миру.

За обаяние – на бойню,

За смелость помыслов – тропюю

Дырявых вен, возмездий братних.
На горле нож – обманом брачным.
Сидели вместе на одних коленях,
Ты – мужнею женою, я – служанкой.
Но умер муж и не рожден наследник,
И нас в товар для сводников разжаловали.
Но скупщик мой – чиновник знатный
Тебе купцом – чужая зависть.
Пожухла молодая завязь...
Молюсь тебе тысячекратно.
Я не успела выкупить из плена
Тебя живой – лишь смрадные останки!
Нет оправданья мне, служанке!
Лишь жертвенного дыма пелена.

Однако не будем больше говорить, как при жертвоприношении оплакивала бывшую хозяйку Чуньмэй.

Вернемся к У Юэнян. Она все еще сидела в покоях настоятеля, в то время как тот, услышав о прибытии знатной особы, пошел ее встречать и задержался. Юэнян поинтересовалась, в чем дело.

– У младшей госпожи здесь, за обителью, недавно похоронили сестру, – пояснил послушник. – Вот они в день поминовения и пожаловали убрать могилу и принести жертвы.

– Уж не Чуньмэй ли это? – проговорила Мэн Юйлоу.

– Но откуда у нее взялась сестра? – недоумевала Юэнян и опять обратилась к послушнику. – А как фамилия госпожи?

– До замужества Пан, – отвечал послушник. – Они дали отцу настоятелю около пяти лянов на панихиды по покойной сестре.

– Помнится, сам как-то называл ее барышней Пан, – продолжала Юйлоу. – Должно быть, Чуньмэй и есть.

Пока они говорили, появился настоятель и велел послушнику поскорее приготовить чаю.

Немного погодя перед кельей остановился паланкин. Юэнян и Юйлоу следили за ним из-за занавески. Присмотревшись к выходящей из паланкина, они убедились, что это была Чуньмэй. Она заметно пополнела, особенно в лице, и казалась изваянной из нефрита. Ее прическу обильно украшали жемчуг и бирюза.

Высоко вздымались фениксы-шпильки. На ней была ярко-красная вытканная цветами кофта и нежно-голубая широкая юбка, отделанная золотой тесьмой. Мелодичный звон подвесок сопровождал каждый ее шаг. Как она не походила теперь на прежнюю Чуньмэй!

Только поглядите:

Шпильки-фениксы украшают высокую прическу. Низко свисают заморские жемчужины серег-колец. Позолоченных фениксов пара красуется в пучке. Расшитая красная кофта облегает нефритовые плечи и благоуханную грудь. Золотые лотосы ножек выглядывают из-под бирюзовой узорной юбки. Когда идет, нежный звон подвесок раздаётся, а сядет, повеет ароматом мускуса и орхидей. Как нежна ее белая шея! Сколько чар таят искусно подведенные тонкие брови в обрамлении золотых цветов! Изысканны манеры. Чудесного цветка она прелестней, изяществом способна покорить. Душа нежнее орхидеи. Воспитана иль в тереме высоком, или в уединенных покоях девичьих. Будто яшмовая дева вышла из Лилового чертога.^[1662] у Млечного Пути, как небожительница-фея на грешную землю спустилась из Дворца цветов^[1663]

Настоятель отдернул дверную занавеску и пригласил Чуньмэй в приемную. На возвышении стояло одно-единственное гостевое кресло. Когда Чуньмэй села, они обменялись приветствиями. Послушник внес чай.

– Не предполагал я, ничтожный инок, что вы пожелаете нынче для принесения жертв, сударыня, потому и не встретил вас как полагается, – поднося гостье чашку чаю, говорил Даоцзянь. – Прошу покорно меня простить.

– Причинила я вам с панихидами хлопот, отец настоятель, – отвечала Чуньмэй.

– Что вы, сударыня! – говорил без передышки настоятель. – Какие могут быть разговоры! Ведь вы наша благодетельница! Какие деньги вы пожертвовали нам на свершение служб, сударыня! Я звал восемь монахов. Они целый день читали сутры, отправляли службы и панихиду. Панихида окончилась вечером сожжением жертвенных предметов, после чего я послал троих монахов к вам в город с уведомлением.

Чуньмэй выпила чаю, и послушник убрал чашки. А сидевший рядом настоятель все продолжал беседовать с Чуньмэй, оставив Юэнян и остальных сидеть во внутренней комнате. Близился вечер, но Юэнян было неловко выйти. Она стала волноваться и попросила послушника пригласить настоятеля, чтобы попрощаться и двинуться в путь. Однако настоятель никак не хотел их отпускать.

– Я бы хотел вам кое-что сказать, сударыня, – войдя в гостиную, обратился к Чуньмэй настоятель.

– Я вас слушаю, отец настоятель, – отозвалась Чуньмэй.

– Видите ли, сударыня, у меня в келье остановились прихожанки... Они прибыли полюбоваться обителью и никак не полагали, что пожалеете вы, сударыня. Им уже пора отправляться в обратный путь. Хотелось бы знать ваше драгоценное мнение, сударыня.

– Что же вы не пригласили их сюда, отец настоятель? – удивилась Чуньмэй.

Даоцзянь поспешил пригласить Юэнян, но та никак не решалась выйти.

– Уж поздно, отец настоятель, – говорила Юэнян. – Может, обойтись без встречи? Разрешите нам откланяться.

Настоятелю было неловко. Он принял от Юэнян серебро, но не удостоил ее должного приема, а потому продолжал настаивать на своем. У Юэнян, Мэн Юйлоу и жена У Старшего в конце концов не устояли и вышли в гостиную.

– О, оказывается, это вы, мои матушки, и тетушка У Старшая! – едва завидев вошедших, воскликнула Чуньмэй и предложила супруге У Старшего сесть в кресло, а сама склонилась перед ней, как ветка под тяжестью цветов.

Госпожа У в свою очередь поклоном приветствовала Чуньмэй и сказала:

– Вы меня ставите в неловкое положение, сударыня! Достойна ли я таких почестей! Теперь ведь совсем не то, что было раньше.

– Зачем вы так говорите, дорогая моя тетушка! – заверила ее Чуньмэй. – Я не из тех, кто пренебрегает старшими. Уважать старших требуют правила приличия.

Отвесив ей низкий поклон, Чуньмэй чинно склонилась перед Юэнян и Юйлоу. Те хотели было ответить ей тем же, но она удержала их.

– Не ожидала вас здесь встретить, матушки, – говорила Чуньмэй после четырех поклонов. – А то б давно пригласила. Поговорили бы.

– Не обижайтесь на меня, сестрица! – заговорила Юэнян. – Так и не навестила я вас, как вошли вы в дом воеводы, не выразила почтения.

– Да кто я есть такая, матушка! – воскликнула Чуньмэй. – Могу ли я на вас обижаться! – Она обернулась в сторону кормилицы Жуи и, увидев у нее на руках Сяогэ, добавила. – А сынок-то как вырос, а?

– Жуи, Сяоюй! Подойдите и поклонитесь сестрице! – распорядилась Юэнян.

Кормилица и горничная, улыбаясь, приблизились к Чуньмэй и отвесили ей полупоклоны.

– И сынок мой свидетельствует вам свое почтение, сестрица, –

заметила Юэнян.

Чуньмэй вынула из прически пару серебряных с позолотой шпилек и воткнула их в шапочку Сяогэ.

– Поблагодари тетю за подарок, сынок, – обратилась к малышу Юэнян. – Как ты поклонисься, а?

Жуи с Сяогэ на руках отвесила Чуньмэй поклон, чем доставила Юэнян немалую радость.

– Если б не ваше прибытие в монастырь, сестрица, мы б, наверное, так и не встретились, – заметила Юйлоу.

– Конечно! – подтвердила Чуньмэй. – Я недавно похоронила здесь свою матушку. Сколько лет вместе прожито! А у нее нет ни родных, ни близких. Если не я, так кто ж ее вспомнит, кто сожжет деньги над ее могилой?

– Да, припоминаю, – вставила Юэнян. – Ваша матушка умерла несколько лет тому назад. Разве ее здесь похоронили?

– Вы не поняли госпожу Пан, матушка, – сказала Юйлоу. – Речь идет о сестрице Пань. Ее погребли здесь, за монастырем, благодаря заботам госпожи Пан.

Услышав о Пань Цзиньянь, Юэнян не проронила ни слова.

– Кто еще проявит столько милосердия, как вы, сестрица! – воскликнула старшая невестка У. – Вы не забыли прошлое и предали ее земле, а нынче, в день поминовения, прибыли почтить прах ее и возжечь жертвенные деньги.

– Дорогая тетушка! – отвечала на это Чуньмэй. – Я хорошо помню, как она, покойница, ценила меня. А какую тяжкую смерть приняла! Под открытым небом лежала брошенная без погребения. Кому же, как не мне, было о ней позаботиться!

Когда кончился их разговор, настоятель велел послушникам накрыть два больших стола на восемь человек. Появились в изобилии всевозможные весенние яства и овощные блюда, выпеченные на пару пирожки и сладости. Заварили на сладкой воде лучший чай из молодых лепестков, нежных, как воробьиные язычки. После трапезы посуду убрали. Дядю У Старшего угощали отдельно, в другой келье, но не о том пойдет речь.

Первой из-за стола поднялась Мэн Юйлоу. Она решила сходить на могилу Цзиньянь и сжечь жертвенные деньги. Ведь сколько лет они жили, как сестры!

Убедившись, что Юэнян не собирается делать то же самое, Юйлоу достала пять фэней серебра и попросила послушника купить жертвенных денег.

– Не извольте беспокоиться, сударыня! – предупредил ее настоятель. – У меня найдутся и серебряные и золотые. Я вам дам для сожжения.

Юйлоу передала настоятелю серебро и попросила послушника проводить ее на могилу.

Под тополем возвышался трехфутовый^[1664] могильный холмик желтого песка, на котором зеленели редкие кустики полыни. Юйлоу воткнула благовонную палочку, подожгла жертвенные деньги и отвесила несколько поклонов.

– Не знала я, сестрица, что здесь твоя могила, – говорила она. – Я, Мэн Третья, случайно попала в монастырь и вот сжигаю связку монет у тебя на могиле. Живи на небесах спокойно, а станет трудно, пригодятся деньги.

Юйлоу достала платок и громко зарыдала.

Тому свидетельством романс-плач на мотив «Овечка с горного склона»:

Сгорели жертвенные деньги, слезы – градом!

Зову тебя, сестра, моя отрада!

Голубки Пань свежа могила!

Ты помнишь, я тебя любила,

Твое, мое – не разбирали,

Друг дружке тайны поверяли.

Была красива и упорна,

А я – тебе всегда покорна,

Но вот нагрязнула беда,

И ты исчезла навсегда.

Тебя на кладбище сыскала,

Поведать хочется немало!

Когда-то под одним крылом

Годами жили были неразлучны.

Пронесся вихрь и бурелом

Все небо застелили тучи.

Мы разлетелись в рассыпную,

Но не забыть сестру родную.

Кормилица Жуи тоже собралась последовать за Юйлоу, но Юэнян, разговаривавшая тем временем с Чуньмэй, хотела запретить ей брать с собой Сяогэ, так как опасалась испугать младенца.

– Не волнуйтесь, матушка, я буду осторожна, – заверила ее Жуи и с Сяогэ на руках отправилась на могилу, где видела, как Юйлоу сжигала

жертвенные деньги и оплакивала Цзиньянь.

Когда они воротились, Чуньмэй и Юэнян попудрились, подрумянились и переменили туалеты. Чуньмэй распорядилась, чтобы ее слуги открыли коробки со съестным. Из них были извлечены всевозможные редкие фрукты, сладости и яства. Особый короб был с пирожными и печеньем. Накрыли два стола. Подали обтянутый холстом кувшин вина, серебряные чарки и палочки слоновой кости.

Чуньмэй пригласила супругу У Старшего, Юэнян и Юйлоу занять почетные места на возвышении. Сама она села за хозяйку, а кормилица, Сяюй и старшие служанки расположились по обеим сторонам.

Для дяди У Старшего был накрыт особый стол в другой келье.

В самый разгар угощения появились два денщика от воеводы Чжоу. Войдя в гостиную, они опустились перед Чуньмэй на колени.

– Его превосходительство пожаловали в Новое поместье, – докладывали они. – Велели нам пригласить вас, матушка, на представление забавников и скоморохов. Матушка Старшая и матушка Вторая уже в поместье. Пожалуйста, матушка, мы вас ждем.

– Хорошо! Ступайте! – не спеша, чинно ответила Чуньмэй.

– Слушаюсь! – крикнули денщики и вышли, но уйти не решались и стали поджидать младшую хозяйку около настоятельских покоев.

Трапеза подходила к концу.

– Не смеем вас задерживать, сестрица, вставая из-за стола, проговорили госпожа У и Юэнян. – Время позднее, и вам пора готовиться к отбытию. Мы пойдем.

Чуньмэй никак не хотела их отпускать и велела слугам подать большие кубки, чтобы выпить на прощание.

– Мы теперь с вами в разлуке, – говорила она. – Встречи так редки. А раз нам выпал случай повидаться, так не будем забывать друг друга. У меня ведь тоже нет ни родных, ни близких. Я была бы рада нанести вам визит и поздравить вас, когда наступит ваш день рождения, матушка.

– Что вы, дорогая моя сестрица! – говорила Юэнян. – К чему вам утруждать себя? Я как-нибудь соберусь навещу вас, сестрица. – Юэнян осушила кубок и продолжала. – Ну, довольно! Благодарю за угощение! Время позднее, а у невестушки нет паланкина. Нелегко нам будет добираться.

– Вы без паланкина, сударыня? – спросила Чуньмэй. – Возьмите у меня пони, вот и доберетесь.

Госпожа У поблагодарила Чуньмэй, но воспользоваться такой

любезностью не решилась.

Они распрощались.

Когда слуги убрали посуду, Чуньмэй пригласила настоятеля и велела слугам достать кусок холста и пять цяней серебра, которые и были вручены настоятелю. Тот поклонами благодарил жертвовательницу и вышел проводить ее за ворота храма.

Попрощались и Чуньмэй с Юэнян.

Чуньмэй проводила к паланкинам Юэнян, Юйлоу и остальных, потом только села сама. Их пути разошлись. Чуньмэй со свитой слуг и денщиками, окриками разгонявшими с дороги зевак, отбыла в Новое поместье.

Да,

Если даже двум листам опавшим

Выпадает встреча иногда,

Женщинам, друг друга близко знавшим,

Отчего не встретиться тогда.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ

ЛАЙВАН ВОРУЕТ И СОБЛАЗНЯЕТ СУНЬ СЮЭЭ

СЮЭЭ ПРОДАЮТ С КАЗЕННЫХ ТОРГОВ НАЧАЛЬНИКУ ГАРНИЗОНА

*Цветут и вянут нежные цветы,
цветут и вянут снова;
То рубище скрывает наготу,
а то халат парчовый.
Кто знает, век ли проживет богач,
довольный, праздный, сытый?
Всегда ли будет горевать бедняк,
невзгодами убитый?
Не всяк из тех на Небо путь найдет,
кто ближнему поможет;
Не всяк и в ад, конечно, попадет,
кто ближнего встревожит.
На Небо не ропщи, не уповай —
таков совет мой верный.
Ведь равнодушны к смертным Небеса
всевечно и безмерно.*

Итак, выйдя из монастыря Вечного блаженства, У Юэнян и все остальные, сопровождаемые дядей У Старшим, направились к деревне Абрикосов. Их путь лежал вдоль обсаженной вековыми деревьями Длинной плотины.

Посланный в деревню Дайань занял второй ярус кабачка на холме, где на столе давно стояли вино и закуски. С холма открывались

необозримые просторы и было удобно любоваться праздничным весельем. Наконец-то вдали показались паланкины.

– Что это вы так задержались? – спросил заждавшийся Дайань.

Юэнян рассказала, как они встретились в монастыре с Чуньмэй.

Немного погодя все сели за стол. Кубки запенились вином и начался пир.

А внизу сновали туда и сюда роскошные экипажи. Шумела толпа. Грохотали повозки и ржали кони. Лились песни и неслись звуки свирели. Пирующие во главе с Юэнян смотрели сверху на людское море. Народ столпился вокруг арены, где выступал наездник.

В числе зрителей, надобно сказать, был и сын уездного правителя барич Ли Гунби. Было ему за тридцать. Числился он в императорском училище Сынов Отечества студентом высшей ступени,^[1665] но заниматься поэзией и историей ленился. Ветреный шеголь и мот, он постоянно вращался в обществе городских певиц, увлекался охотой с соколами и собаками, верховой ездой и играми в мяч, за что ему дали прозвище Шалопай. И вот этот барич, в легком, мягком шелковом халате с отливом, в коричневой шапочке с золотым дном, в расшитых чулках и ярко-желтых сапожках, вместе со своим приятелем – приказным Хэ Бувэем пировал в том же кабаке внизу и любовался мастерством наездника. Компанию им составляли десятка два или три верзил, имевших при себе самострелы, охотничьи манки из бамбука, кожаные мячи и деревянные биты.

Выступал наездник Ли Гуй. Он то вскакивал на круп и, расправив плечи, мчался стоя, то ложился поперек седла на живот и вытягивался в струну, то жонглировал копиями, то играл палицами, словом, выделял всевозможные трюки. Многочисленная толпа мужчин и женщин сопровождала каждый его номер взрывами смеха. Шаньдунский Демон, так прозывали Ли Гуя, был в четырехугольной шапочке, на широком околыше которой сзади сверкали золотые кольца. Его фигуру обтягивали лиловая жокейская рубашка и сверкавший золотом набрюшник. Был он в наколенниках и ярко-желтых кожаных сапогах, отвернутые голенища которых украшали расшитые пестрыми летающими рыбками напущенные чулки.

Вот Ли Гуй сел на серебристого коня. В руке сверкало копье на ярко-красном древке, сзади над головой развевались флажки с иероглифом «Приказ».

Оказавшись в центре арены, наездник ухватился за седло и, встав на коня во весь рост, начал громко декламировать:

Я славлюсь как наездник бравый,

Как камень твёрд и Небу равный.
Рука – разящая кувалда —
Раз пну – врагов как не бывало!
Я, думаете, мастер хвастать?!
Да подо мной весь мир распластан!
Богатыри земных столиц.^[1666]
Передо мною пали ниц.
Я – шаолинец,^[1667] мастер битв!
Не устрасит лягушек вид,
С щенком побьюсь на кулаках,
А с девой-ивой я лукав...
Я избегаю споров праздных
И драк с громилами напрасных.
Приятна лёгкая нажива:
Хватаю и сбегая живо.^[1668]
Спасибо, Ли, столичный покровитель,
Мне дал приют, впустил в свою обитель.
Съем бочку мяса, поле лука,
Мне сотня пирожков на брюхо.
Силен похавать с грудничковья!
Бадья вина – друг изголовья.
Занает зуб – сломаю гада,
Раздует пузо – ткну как надо.
Семь четвертей вина в один присест,
Три меры риса кто без страха съест?
Но не зовут меня к столу.
Ищу объедки на полу.
С рожденья пёс сторожевой.
Увижу вора – рык и вой,
За задницу зубами хрясть! —
Он бросит золота балласт
И наутек! Запомнит пасть!
Ведь я пока полузубаст.

Как только барич Ли увидел высокую стройную даму, у него само собой забилося сердце и помутился взор. Он никак не мог наглядеться на нее, налюбоваться ее красотой. «Кто, интересно, эта особа? Есть у нее муж или нет?» – так спрашивал про себя барич Ли, потом подозвал побирушку Лоботряса Чжана, состоящего при нем на побегушках.

– Ступай вон туда на холм, – наказывал потихоньку барич, – да разузнай, чьи такие три дамы в белом, и мне скажи.

– Слушаюсь! – прикрывая рот, отвечал Чжан и вихрем помчался к холму.

Немного погодя он стоял перед баричем.

– Вот оно что! – начал он шептать на ухо. – Это жены Симэнь Цина, чей дом напротив управы. Та, что в годах, это невестка У. Другая, среднего роста, старшая госпожа У Юэнян, а высокая и стройная, с рябинками, – госпожа Третья. Зовут ее Мэн Юйлоу. По мужу траур носят.

Барич Ли щедро наградил Лоботряса Чжана, а сам глаз не спускал с Мэн Юйлоу, но не о том пойдет речь.

Насмотревшись на праздничное веселье, У Старший и Юэнян с заходом солнца велели Дайаню собирать короба. Хозяйка и остальные сели в паланкины и двинулись домой.

Сколько встретилось им по пути
Баричей хмельных верхом —
ветер в полах длинных,
Барышень, что льнут тайком
к окнам паланкинов.
Тому свидетельством стихи:
Под ивою в тени цветов
Примятая трава.
Рой юных дев и молодцов
Здесь шумно пировал.
Коль встреча суждена судьбой,
То тыща верст – пустяк.
А нет, так и сосед с тобой
Не свидеться никак.

Однако не станем говорить, как добирались до дому Юэнян и остальные, а расскажем про Сунь Сюээ и Симэнь Старшую, оставшихся домовничать. Делать после обеда им было нечего, и они вышли к воротам. И тут, как нарочно, послышался перезвон бубенцов. В то время бубенцами позванивали уличные торговцы пудрой, помадой, искусственными цветами и головными украшениями, а также зеркальщики.

– У меня зеркало потускнело, – проговорила Симэнь Старшая и велела Пингяню позвать мастера.

Подошедший опустил короба.

– Мне бы зеркало отполировать, – сказала ему Симэнь.

– Я зеркал не полирую, – отвечал тот. – Могу предложить золотые

и серебряные головные украшения и цветы.

Торговец стоял у ворот и пристально, с ног до головы, оглядывал Сюээ.

– Раз не полируешь, иди своей дорогой, – сказала Сюээ. – Чего на меня глаза-то пялишь!

– Госпожа Сунь, госпожа Симэнь! – обратился к ним торговец. – Не узнаете меня?

– Лицо вроде знакомое, а не припомню, – проговорила Симэнь.

– Я у батюшки служил. Лайвана забыли?

– Где ж ты столько лет пропадал? – спрашивала Сюээ. – Чего же не показывался? Вон как растолстел!

– Меня ведь тогда, если помните, в родной город Сюйчжоу отправили, – рассказывал Лайван. – Дела мне там не находилось, и я пошел в услужение к одному господину, который отбывал на службу в столицу. Не успели мы добраться до места, как господин мой получил известие о кончине отца и по случаю траура вынужден был воротиться домой.^[1669] Я тогда устроился в лавку к здешнему ювелиру Гу, в деле немного понаторел, стал сам серебряные безделушки да всякие украшения выделывать. Торговля пошла вяло, вот хозяин и отправил с коробом на улицу. Вижу, вы, матушки, у ворот стоите, а подойти не решился, если б не позвали. Подумаете еще, ходит, мол, тут да выглядывает.

– То-то гляжу: лицо знакомое, а никак не узнаю. Ты ж человек свой, чего ж бояться! – заметила Сюээ и продолжала. – Так чем же торгуешь? Зайди-ка во двор, покажи товар.

Лайван внес короб во двор и достал из него коробочки, в которых лежали головные украшения. Серебряные, позолоченные, инкрустированные, они поражали удивительной тонкостью отделки.

Только поглядите:

Вот одинокий гусь с веткой камышовой в клюве, а это в зарослях резвятся рыбки. Сверкает слегка крапленный золотом пион работы филигранной. Увенчанная малахитом пламенем горит отполированная шпилька. А вот узорный мяч катает львенок. Дары несет верблюд. Тут головное украшение – целый чертог – всеми цветами радуги переливается. А там накладка к буклям алеет, словно персиков долина. Кругом рассыпаны цветы. Благополучия символ – красная бархотка, рядом кисть плодов личжи. Тут и там приколки, броши. Вот лотосовый трон, где, скрестив ноги, восседает Гуаньинь. А вот на ветке сливы сидит пташка, терпит стужу. Игру затеяли пара фениксов.

Да, найдется тут

И пояс с белками коралла и яшмы зеленой,
И ультрамариновый шарик, высоко на шапку взнесенный.

– Ну, а искусственные цветы из перьев зимородка принес? – спросили женщины, осмотрев безделки.

Лайван достал коробку, в которой лежали всевозможные цветы, отделанные перьями и бусами головные сетки, а также приколки в виде цветов, жучков и бабочек.

Симэнь Старшая выбрала себе две пары цветов для украшения локонов и тут же расплатилась с Лайваном. Сунь Сюээ взяла пару бирюзовых фениксов и пару ярко-зеленых с позолотой рыбок, за которые осталась должна лян и два цяня серебра.

– Я с тобой завтра утром расплачусь, – сказала она. – Сейчас хозяйки нет дома. Они с Третьей и малышом отбыли на кладбище. На батюшкиной могиле жертвы приносят.

– О кончине батюшки я еще в прошлом году дома услышал, – говорил Лайван. – Сказывали, у матушки Старшей сын родился. Должно быть, большой стал.

– Полтора годика сравнялось, – пояснила Сюээ. – Его все от мала до велика лелеют. Как драгоценный перл берегут. Вся надежда на него.

Пока они говорили, во двор вошла жена Лайчжао, Шпилька, и угостила Лайвана чаем. Лайван поблагодарил ее поклоном. Появился Лайчжао, и между ними завязался разговор.

– Завтра приди, – наказывал Лайчжао. – Матушке Старшей надо будет засвидетельствовать почтение.

Лайван поднял короб и удалился.

Под вечер с кладбища воротились в паланкинах Юэнян и остальные. Сюээ, Симэнь Старшая и служанки приветствовали их земными поклонами. Дайаню с коробами съестного пришлось нанимать осла. Он добрался до дому позднее и отпустил носильщиков.

Юэнян рассказала Сюээ и падчерице, как они встретились в монастыре с Чуньмэй.

– Мы-то ничего не знали, – говорила Юэнян, – а Чуньмэй, оказывается, Пань сзади монастыря похоронила. Жертвенные деньги на ее могиле сжигала. Мы встретились случайно. Вот она нас не забыла. Сперва мы разделили постную трапезу с настоятелем, потом Чуньмэй распорядилась накрыть два стола. До полсотни, должно быть, блюд расставили, вина подали. Чего только не было! Мы всего и попробовать не смогли. Потом она обратила внимание на Сяогэ. Пару шпилек ему в шапочку воткнула. И была такая ласковая! А с какой

пышностью выезжает! Большой паланкин, огромная свита. А как расцвела. Ее теперь не узнаешь: побелела, холеная стала, полная.

– А все такая же! – вставила невестка У. – Прежних хозяек не забыла. Да и я бывало замечала: душевнее она остальных служанок. И рассудительнее. Словом, умом не обделили. И вот, глядите, пришло богатство, улыбнулось счастье.

– Вы, сестрица, у нее не спрашивали? – обратилась к Юэнян Мэн Юйлоу. – А я поинтересовалась. Полгода не прошло, а она ребенка ждет. То-то мужа порадует! Не зря, видать, тетушка Сюэ сватала.

Наступившее молчание прервала Сюээ.

– А мы с падчерицей Лайвана у ворот встретили, – заговорила она. – Он, оказывается, здесь обитает, по улицам с коробом ходит, головными украшениями торгует. Он ведь ювелирному делу обучился. Мы его не сразу узнали, потом разговорились, цветы купили. Он про вас спрашивал, матушка. На могилу, говорим, отбыла.

– Зачем же его отпустили-то? – удивилась Юэнян. – Велели бы меня обождать.

– Мы ему наказал завтра придти, – отвечала Сюээ.

Во время их разговора появилась кормилица Жуи и обратилась к Юэнян.

– Сяогэ в себя не приходит, все бредит. Знобит его, а у самого жар, так и пылает.

Обеспокоенная Юэнян бросилась к кану и, взяла сына на руки, прижала его к себе. На лбу Сяогэ выступил холодный пот, а сам он метался в жару.

– Вот негодница! – заругалась на кормилицу Юэнян. – Это ты его в носилках простудила.

– Я его в одеяльце держала, – отвечала Жуи. – Как следует закутала. Где ему было застудиться!

– Значит, у этой на могиле испугала, – продолжала Юэнян. – Как я тебе наказывала! Не носи ребенка! А ты все свое! Понесло тебя!

– Вот сестрица Сяоюй скажет, – оправдывалась кормилица. – Я только взглянула и назад. Кто его там мог испугать?!

– Замолчи! – оборвала ее хозяйка. – Глаза пялила и ребенка испугала.

Юэнян велела Лайаню сейчас же пригласить старуху Лю.

Немного погодя явилась лекарша.

– С испугу это его знобит, – заключила она, когда проверила пульс и ошупала младенца. – От порчи страдает.

Она оставила две красных пилюли и велела принять их с

имбирным отваром, а кормилице наказала закутать младенца и положить на теплый кан. Старуху угостили чаем, наградили тремя цяннями серебра и попросили зайти на другой день.

Весь дом был поднят на ноги. Беготня и хлопоты не прекращались до самой полуночи, пока у Сяогэ опять не выступил холодный пот, после чего жар, наконец, спал.

Однако вернемся к Лайвану.

На другой день он, как обычно, вышел с коробом и направился к дому Симэнь Цина, где приветствовал Лайчжао.

– Госпожа Сунь цветы у меня взяла, – начал Лайван. – Нынче собиралась расплатиться. А потом я хотел бы засвидетельствовать почтение матушке Старшей.

– Лучше в другой раз приходи, – посоветовал Лайчжао. – Вчера младенцу плохо стало, как они с кладбища воротились. Врачей да лекарок звали. Такой переполох — всю ночь бегали. С утра полегчало, но им, пожалуй, сейчас не до тебя.

Тут Юэнян, Юйлоу и Сюээ вышли за ворота проводить старуху Лю и увидели Лайвана. Он пал ниц и отвесил Юэнян и Юйлоу два земных поклона.

– Давно тебя не видно было, – проговорила Юэнян. – Что ж ты нас не наведишь, а?

– Хотел навестить, да неловко было, – отвечал Лайван, рассказав о своем житье-бытье.

– Чего ж неловко! – возразила Юэнян. – Не чужой, небось. А хозяина твоего уж нет в живых. От смутьянки Пань тогда вся беда пошла. Это она, распутница, языком своим злым весь дом перевернула, жену твою невинную до петли довела, а тебя в ссылку отправила. Но и саму ее не пощадило Небо – за ней же вслед ушла.

– Так всегда бывает, матушка! – отвечал Лайван. – Только вы одна, матушка, понимали тогда, кто прав.

– А ну-ка покажи, чем торгуешь, – после некоторого молчания спросила Юэнян. – Может, и я себе чего выберу.

Она отобрала несколько головных украшений и на весах отвесила за них три лян серебра, потом пригласила в дом и наказала Сяоюй поставить гостю кувшин вина и сладостей.

Сунь Сюээ тоже старалась на кухне как могла, и вскоре перед Лайваном очутилось большое блюдо только что разогретого мяса, которое она подала сама. Когда он, сытый и хмельной, поблагодарил ее земными поклонами и направился к воротам, Юэнян с Юйлоу уже скрылись в дальних покоях, и Сюээ оказалась с ним наедине.

– Заходил бы почаще, чего боишься? – говорила она украдкой. – Мне с тобой поговорить нужно. Жена Лайчжао все скажет. А я завтра вечером буду тебя ждать. Вон там в пристройке за воротами у стены.

И они многозначительно подмигнули друг другу.

– А внутренние ворота будут открыты? – спросил он, сразу поняв ее намерение.

– Слушай, что я тебе скажу, – объяснила Сюэ. – Лучше у жены Лайчжао до вечера обожди, потом залезай по лестнице на стену, а я тебя там встречу. Так и увидимся. Мне надо будет тебе кое-что по секрету сказать.

Когда Лайван это услышал, у него и в самом деле радость отразилась на челе, счастье заиграло на щеках. Простившись с Сюэ, он поднял короб и вышел за ворота.

Да,

Не встретившись с духом – хранителем крова,

И беса не сможешь узреть домового.

Тому свидетельством стихи:

Так, от безделия стояла у ворот,

И, глядь, любовник к ней негаданно идет.

Хотя она ему открыться не посмела,

Но взгляды любящих не ведают предела.

Лайван вернулся домой обрадованный, но о том вечере больше рассказывать не будем.

На другой день торговать он не пошел, а пройдя незаметно к дому Симэнь Цина, стал поджидать появления Лайчжао. Когда тот вышел, Лайван встретил его поклоном.

– А, Лайван! – воскликнул привратник. – Сколько лет, сколько зим! Редко ты к нам заглядываешь.

– Делать сегодня нечего, вот и решил: дай, думаю, зайду, – отозвался Лайван. – Госпожа Сунь за цветы должна осталась.

– Раз так, заходи.

Лайчжао ввел гостя в дом и предложил присаживаться.

– А где ж хозяйка? – спросил Лайван.

– В дальних покоях. На кухне стряпает.

Лайван достал лян серебра и протянул его хозяину.

– Это на кувшин вина и закуски, – говорил он. – Угостить решил тебя, брат, и хозяйку твою.

– Зачем же так много! – заметил Лайчжао и крикнул сына Тегуня.

Тегунь, – а ему исполнилось пятнадцать лет, и он завязывал

волосы, – забрал кувшин и пошел за вином. Лайчжао позвал Шпильку. Немного погодя она принесла целую миску горячего рису, большое блюдо варенных на пару горячих закусок и две тарелки овощных салатов.

– Вот и хорошо, Лайван, что пришел! – воскликнула она.

– Гляди, это брат Лайван решил нас угостить, – пояснил Лайчжао, показывая жене серебро. – Кувшин вина купил.

– К чему?! – удивилась она. – Ради чего было тратиться! Она накрыла на кане стол и пригласила Лайвана присаживаться и наполнить чарки. Первую чарку Лайван протянул Лайчжао, потом налил вторую и с низким поклоном преподнес ее Шпильке.

– Давно мы с вами не видались, – обратился он. – Позвольте мне вас почтить, а что вино слабое, так не взыщите.

– Мы с мужем насчет этого не так уж разборчивы, – проговорила Шпилька. – Так что говори прямо. А от матушки Сунь я кое-что вчера узнала. Прежняя любовь не дает вам обоим покоя. Так вот, стало быть, она просила помочь. И ты, брат, пожалуйста, не притворяйся, будто знать не знаешь, ведать не ведаешь. Как говорится, прежде чем с горы спуститься, бывалым проводником обзаведись. Значит, если вам удастся соединиться и ты от этого будешь кое-что иметь, не вздумай один лакомиться, а и с нами поделись. Нам ведь рисковать из-за вас придется, да еще как рисковать!

Лайван встал на колени.

– Помогите нам, прошу вас! – умолял он. – Никогда не забуду!

Они выпили и закусили. Немного погодя Шпилька отправилась к Сюэ. Они условились о вечернем свидании у Лайчжао. Когда стемнеет, запрут внутренние ворота и все в доме отойдут ко сну, он перелезет через стену внутрь, чтобы воспользоваться удачными обстоятельствами.

Тому свидетельством стихи:

У воздаянья нет пристрастий,
Оно – как подвиг бодхисаттв.
И в жизни корень всех несчастий,
Деяния судьбу вершат.

Лайван вернулся домой и стал с нетерпением ждать вечера. Потом, купив вина, незаметно юркнул к Лайчжао, где они снова просидели за столом вплоть до глубокой темноты. Наконец-то закрыли большие ворота, на внутренние наложили засов, и все в доме улеглись спать. Вокруг не было ни души.

Когда за стеною по условному знаку кашлянула Сюээ, Лайван взобрался по лестнице на стену и, прикрываясь темнотой, прошел по карнизу туда, где ему подставила скамейку Сюээ. Они удалились в западную пристройку, служившую складом конской упряжи, обнялись и отдались любовным утехам. У них, вдовца и вдовы, огнем горела страсть. Лайван был готов к сражению и тотчас же пустил в ход свое несгибаемое копьё. Оно энергично двигалось туда-сюда, а когда наслаждение достигло предела, излилось потоками семени.

После поединка Сюээ передала Лайвану узел, в котором были завернуты золотые и серебряные вещи, несколько лянов серебра мелочью и два комплекта атласного платья.

– Завтра вечером приходи, – наказала она. – Еще кое-что из одежды принесу. А ты пока жилье на стороне подыщи. Тут хорошего ждать нечего. Мне лучше тайком из дому уйти. Подыщем дом и заживем как муж и жена. А раз ты по ювелирному делу пошел, горевать нам не придется. Проживем как-нибудь.

– У меня есть тетка, мамаша Цюй, – говорил Лайван. – Известная повитуха. А живет она за Восточными воротами, в глухом Рисовом переулке, куда ни одна душа не заглядывает. Вот у нее пока и укроемся, время переждем. А пройдет все тихо, я тебя к себе на родину возьму. Купим земли и жить будем хозяйством.

На том они и порешили.

Лайван простился с Сюээ и, забравшись на стену, вернулся к Лайчжао. Когда начало светать, он вышел незаметно за ворота, а с наступлением сумерек опять приблизился к воротам и спешно проник к Лайчжао. С наступлением темноты он, как и в прошлый раз, взобрался на стену, чтобы соединиться с Сюээ. Так повторялось не один день. Немало было похищено из дому за эти дни дорогих вещей – золотой и серебряной посуды, шелковых одежд и прочего. Солидный куш перепал и Лайчжао с женой, но говорить об этом подробно нет надобности.

Настал день, когда у Сяогэ высыпала оспа. Немало этим обеспокоенная и удрученная Юэнян легла рано.

Пользуясь случаем, Сунь Сюээ отпустила горничную спать. А горничная у нее, надобно сказать, была новенькая. Звали ее Чжунцю. Прежде она служила Симэнь Старшей, но когда обнаружилась связь Чэнь Цзинцзи с Юаньсяо, горничной Ли Цзяоэр, Юэнян отправила Юаньсяо к падчерице, а в услужение Сюээ отдала Чжунцю. Отпустив Чжунцю, Сюээ завернула в узелок шпильки, кольца и другие украшения и спрятала его в шкатулку. Повязав голову платком, она

прихватила с собой также одежды и поспешила к Лайчжао, где ее, как было уговорено, ждал готовый к побегу Лайван.

– Вы устраиваете побег, а я, сторож, должен, выходит, перед вами ворота распахнуть? Так, что ли? – спрашивал Лайчжао. – Летите мол, пташки вольные, да? А хозяйка хватится, так с меня спросит. Что я ей отвечу, а? Нет уж, давайте как-нибудь через крышу перебирайтесь, чтобы следы остались.

– А брат, пожалуй, дело говорит, – согласился Лайван.

В знак благодарности Сюээ поднесла Лайчжао и его жене серебряную чашу, золотую прочищалку для ушей, черную шелковую накидку и желтую шелковую юбку. Когда пробили пятую предутреннюю стражу и луна скрылась в облаках, Лайчжао^[1670] с женой опять поднесли беглецам большие кубки подогретого вина.

– Это вам для храбрости, в пути легче будет, – говорил Лайчжао.

Лайван и Сюээ взяли благовонные палочки и влезли по лестнице на крышу. Шаг за шагом, хрустя ломавшейся под ногами черепицей, они добрались до карниза. На улице не было видно ни единой души. Только издали едва слышались шаги околоточного. Лайван спрыгнул с крыши, встал под стрехой и помог Сюээ опуститься ему на плечи. Очутившись на улице, они ускорили шаги. На перекрестке их остановил околоточный.

– Далеко ли путь держите? – спросил он.

Перепуганная Сюээ была чуть жива. Лайван же спокойно, не спеша достал благовонные палочки и потряс ими перед околоточным.

– Мы с женой совершаем паломничество в загородный монастырь Бога Восточной горы, – объяснял он. – Так что пусть вас не удивляет, господин начальник, наше появление на улице в такой ранний час.

– А что у вас в тюках? – не унимался страж.

– Благовонные палочки, свечи и жертвенные изображения божеств на бумаге, – ответил Лайван.

– Ну, раз вы супруги и совершаете паломничество, это дело доброе. Идите да не задерживайтесь!

Лайван без лишних слов взял под руку Сюээ, и они быстро скрылись из виду.

У городских ворот царила сутолока. Их только что открыли, и народ шумными толпами повалил за город. Беглецам пришлось кружить по улицам и переулкам, прежде чем они добрались до глухого, тихого Рисового переулка, состоявшего всего из нескольких неказистых приземистых домиков, за которыми тянулся наполненный водою огромный ров. Тетушка Цюй еще не встала, и им пришлось

долго стучаться, пока она не отперла ворота.

Лайван ввел Сюээ.

— Это моя новая жена, — пояснил он тетке. — У вас, наверно, найдется комната. Дайте нам приютиться на время, пока мы не подыщем жилье.

Тут Лайван, а настоящая его фамилия, надо сказать, была Чжэн и до прихода к Симэнь Цину его звали Чжэн Ван, протянул тетке три ляна серебра на дрова и рис. При виде драгоценностей у хозяйки закралось подозрение, но серебро она приняла.

Драгоценности Чжэн Вана и Сюээ не давали покою сыну хозяйки Цюй Тану. Взломал он как-то дверь и, выкрыв вещи, отправился кутить. Кончилось тем, что его задержали и завели дело.

О случившемся доложили уездному правителю Ли. Поскольку налицо было хищение, о чем свидетельствовали и доставленные в управу драгоценности, правитель распорядился взять Цюй Тана под стражу. Вместе с ним арестовали Чжэн Вана и Сунь Сюээ.

Поблудневшая с испугу Сюээ переделалась в скромное, тусклых тонов, платье и прикрыла лицо кисеей, а кольца и запястья, которые были у нее на руках, отдала прибывшим из управы.

Все трое предстали перед уездными властями. Около управы собрались любопытные.

— Так это же младшая жена Симэнь Цина, — говорил кто-то из толпы. — А тот слуга Лайван. Теперь он зовется Чжэн Ван. Шашни с ней водил. Потом они похитили из дому драгоценности и скрылись. Их обворовал вон тот, Цюй Тан. Из-за него-то они и попались.

Новость эта переходила из уст в уста, от десятка прохожих к сотне, пока о ней не заговорил весь город.

А теперь вернемся к У Юэнян.

На другой же день после бегства Сюээ горничная ее, Чжунцю, обнаружила в покоях разбросанную по полу одежду. Из сундуков исчезли драгоценности, головные украшения и шелка. Горничная доложила хозяйке.

— Ты должна знать, в чем дело, Чжунцю! — Заявила встревоженная Юэнян. — Ты же у нее ночуешь.

— Она по вечерам меня отпускала, — пояснила Чжунцю, — а сама потихоньку уходила и долго не возвращалась. А куда ходила, я понятия не имею.

Юэнян допросила Лайчжао.

— Тебя ворота сторожить поставили. Как же ты не знаешь, кто из дому выходил!?

– Ворота, матушка, я всякий раз запираю, – отвечал Лайчжао. – Может, она через крышу перелезла.

Потом, когда обнаружили раздавленную черепицу, Юэнян поняла, что побег был совершен через крышу, но от розысков отказалась, так как не решилась возбуждать дело.

Между тем, правитель Ли учинил допрос и разбирательство. У Цюй Тана после порки были отобраны четыре золотых диадемы, три серебряных головных сетки, пара золотых серег, два серебряных кубка, пять лянов серебра мелочью, два комплекта одежд, платок и шкатулка. У Чжэн Вана были изъяты тридцать лянов серебра, пара золотых чашевидных шпилек, золотая брошь и четыре кольца. Сюээ, как значилось в описи, лишалась золотого головного украшения, пары серебряных браслетов, десятка золотых пуговиц, четырех парных шпилек и узелка мелкого серебра. У мамыши Цюй отобрали три ляна серебра.

Лайван обвинялся в подстрекательстве женщины на побег из дому, каковой он и устроил с целью прелюбодеяния, а помимо того, как и Цюй Тан, в воровстве, за что оба они, признанные опасными преступниками, подлежали смертной казни, но из милости приговаривались к пяти годам ссылки с конфискацией похищенного имущества. Женщинам в наказание зажимали пальцы тисками. После же пытки мамашу Цюй, принимая во внимание ее чистосердечные показания, отпустили на свободу, а Сунь Сюээ как младшую жену Симэнь Цина решили вернуть домой. С этой целью правитель Ли отправил гонца, который вручил Юэнян соответствующее письменное определение.

Юэнян позвала брата У Старшего и держала с ним совет.

– К чему ее брать после всей этой грязной истории! – говорила Юэнян. – Она же нас на весь город ославила, над памятью покойного надругалась.

Гонца наградили и просили уведомить власти об отказе взять беглянку обратно в дом.

Правитель распорядился тогда вызвать сваху и продать Сунь Сюээ с казенных торгов.

А пока перенесемся в дом к столичному воеводе Чжоу. Когда Чуньмэй рассказали о бегстве Сунь Сюээ с Лайваном, похищенных вещах, аресте и казенных торгах, она решила купить Сюээ и сделать кухаркой на кухне. Чуньмэй жаждала также наградить Сюээ пощечинами и тем отомстить за прошлое.

– Сюээ мастерица стряпать, – обратилась она к мужу. – Прекрасно

варит рис и готовит отвары. А как она заваривает чай! Надо будет ее взять.

Чжоу Сю тотчас же отправил к правителю Чжан Шэна и Ли Аня. Когда те вручили визитную карточку, правитель Ли не мог, конечно, отказать воеводе и уступил Сюээ всего за восемь лянов серебра.

Прибыв к новым хозяевам, Сюээ первым делом засвидетельствовала почтение старшей хозяйке, второй жене начальника, госпоже Сунь, а потом пошла на поклон к Чуньмэй.

Чуньмэй почивала на украшенной золотой резьбой кровати под парчовым пологом. Когда служанки ввели в спальню Сюээ, она только собиралась встать.

Вошедшая узнала Чуньмэй и, как-то невольно съежилась, опустилась перед ней на колени. Когда Сюээ отвесила четыре земных поклона, Чуньмэй смерила ее пристальным взглядом и позвала жену одного из слуг.

– Прислуге не пристало украшать себя! – заявила она и продолжала. – Сними с нее украшения и верхнюю одежду. Да отведи на кухню. Пусть очаг разводит и рис варит.

Сюээ оставалось только втихомолку роптать на судьбу. Ведь испокон веков одна и та же доска то в потолок идет, а то ложится в пол. Случается и так: был в закромах уборщиком, а стал смотрителем амбаров.

Пришлось Сюээ, понутив голову, расстаться с украшениями и ярким платьем, раз под начало попала. Унылая и печальная пошла она на кухню.

Тому свидетельством стихи:

В Светлую область пожаловал Будай-хэшан,^[1671]

С посохом, в грубой одежде по свету гуляя...

Пусть через тьму превращений проложен твой шаг,

Доля при жизни тебе уготована злая.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ

МЭН ЮЙЛОУ ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ПО ЛЮБВИ ЗА БАРИЧА ЛИ

БАРИЧ ЛИ В ГНЕВЕ ИЗБИВАЕТ ЮЙЦЗАНЬ

*Очень скоро годы летят,
так вся жизнь стремглав промелькнет.
Быстротечна цветенья пора:
чуть настала – и тут же уйдет.
Прокукует кукушка, грустя
на исходе весны, – и молчок!..
Горько плачет в холодной росе
поздней осенью бедный сверчок.
И богатство, и знатность, увы, —
язва черная, злая напасть.
Что карьера? Что слава? – Мираж —
появился и может пропасть.
Счастье – это весенний сон,
вечный призрак, дурман, вино!
Небо нам нельзя обмануть —
по заслугам воздаст оно.*

Так вот. И Чэнь Цзинци узнал однажды, что Лайван вступил в тайную связь с Сунь Сюээ, что, похитив вещи, они бежали, но были задержаны, и Сюээ в конце концов продала с казенных торгов столичному воеводе Чжоу, где ее с утра до вечера ругала и била Чуньмэй. Услышав эту новость от свахи Сюэ, Цзинци решил не упускать случая и послал сваху к Юэнян.

– Чего только не болтает ваш зять Чэнь, матушка! – начала Сюэ. По городу слух пустил, будто жена, – ваша падчерица, стало быть, ему

больше не нужна. Тесть, говорит, моего отца обобрал, сундуки и корзины золота, серебра и дорогих вещей присвоил. Я, говорит, жалобу губернатору и ревизору подал. Так, мол, теще и передайте.

У Юэнян и без того все дни не знала покоя. То Сюээ с Лайваном забот прибавили, то сбежал Лайань, а то умерла жена Лайсина Хуэйсю. Только с похоронами управились, как сваха с новостями пришла. Выслушав тетушку Сюэ, Юэнян остолбенела с испугу, а придя в себя, распорядилась взять паланкин и без промедления отправила падчерицу к мужу. Кровать и мебель Симэнь Старшей вместе со всем ее приданным также отнесли к Чэнь Цзинцзи нанятые Дайанем носильщики.

– Это женино приданое, – заявил Цзинцзи. – Пусть она вернет отцово добро – сундуки и корзины с золотом и серебром, которые мы к ним на хранение ставили.

– Какие сундуки и корзины?! – спрашивала тетушка Сюэ. – Теща твоя говорит, что в свое время, когда был жив тесть, они получили от тебя только кровать, мебель и приданое. Никаких корзин и сундуков не было.

Цзинцзи требовал также служанку Юаньсяо, о чем сваха и Дайань доложили Юэнян, но та ему наотрез отказала.

– Юаньсяо раньше у Ли Цзяоэр служила, – пояснила Юэнян. – У меня за сыном некому присматривать. Я ее к Сюэгэ приставлю. Мы Чжунцю падчерице купили, пусть ее и возьмет.

Но Цзинцзи от Чжунцю отказался. Пришлось свахе Сюэ ходить из дома в дом.

Наконец появилась мать Цзинцзи, Чжан, и обратилась к Дайаню:

– Пойдешь домой, сынок, матушке своей передавай поклон. Ну зачем она так дорожит этой служанкой! Ведь у нее их много. Не понимаю, какой смысл ее у себя держать, когда она у моей невестки служила, а мой сын с ней жил.

Дайань передал мнение Чжан хозяйке. Юэнян нечего было возразить, и она отпустила Юаньсяо, чем доставила Чэнь Цзинцзи немалую радость.

– Ну что! – воскликнул он. – А все-таки по-моему вышло!
Да,

Пусть ты хитрее и коварней бесов многих,
Но вылакаешь то, чем я омою ноги.

Однако оставим их и перенесемся в другое место.

Расскажем пока о сыне правителя уезда бариче Ли. С того дня

весеннего поминовения усопших, когда в загородном кабачке в деревне Абрикосов он увидел Юэнян и Мэн Юйлоу, когда узнал от посланного Лоботряса Чжана, что эти празднично одетые, обворожительные дамы, он сразу влюбился в стройную высокую, с овальным, как тыквенное семечко, лицом Мэн Юйлоу. Едва заметные редкие белые рябинки придавали ей особое очарование и красоту. Барич Ли, надобно сказать, похоронил жену и давно жил бобылем. Не раз обращался он к свахам, но те никак не могли ему угодить. Наконец-то, увидав Юйлоу, он влюбился, но не знал, с чего начать, и терялся в догадках: намерена ли она снова выходить замуж и даст ли ему согласие. Когда отец его занялся делом Сюээ, барич узнал, что Юйлоу из того же дома Симэнь Цина. Он всеми правдами и неправдами воздействовал на отца и уговорил его вернуть хозяйке дома конфискованные вещи. Однако Юэнян, боясь властей, так и не обратилась за ними в управу. Барич Ли потерял надежду. Вещи в конце концов отошли в казну, а Сюээ продали на торгах. Тогда-то барич Ли и решил обратиться за содействием к приказному Хэ Бувэю, с тем чтобы он послал в дом Симэня казенную сваху Тао.

– Если сосватает, – обещал барич, – от явок в управу освобожу и пять лянов серебра дам в награду.

У обрадованной тетушки Тао словно крылья выросли. Пошла она однажды к дому Симэнь Цина. У ворот стоял Лайчжао.

Сваха приблизилась к нему и, поклонившись, спросила:

– Привратником служишь? Разреши задать тебе, сынок, один вопрос. Это будет дом почтенного господина Симэня?

– А ты откуда будешь? – встретил ее вопросом Лайчжао. – Да, господина Симэня. Только его уже нет в живых. А в чем дело?

– Можно будет тебя побеспокоить, сынок? Поди доложи. Зовут меня тетушка Тао. Из управы я, казенная сваха. По распоряжению младшего господина пришла. У вас, говорит, госпожа замуж собирается. Вот он меня и послал посвататься.

– Да ты, я вижу, старуха, совесть совсем потеряла! – повысил голос Лайчжао. – Мы только год как хозяина похоронили. У нас обе госпожи траур носят и замуж не собираются. Как говорится, ветер да буран – и те вдовый дом обходят. Куда тебя, старую, принесло! Ишь, сватать подоспела! А ну-ка проваливай без оглядки! Не то узнает хозяйка, она тебе задаст!

– Ах, сынок, сынок! – сваха засмеялась. – Как говорится, пал полководец, пал герой, да прискакал вестовой. Меня молодой господин направил, сама бы я не пришла. Так что, будь добр, доложи.

От меня ответа ждут: пойдет она замуж или нет.

– Ну-у ладно! – протянул Лайчжао. – Как говорится, сам не отказывай, и тебе не откажут. Обожди немного, сейчас схожу. Только у нас ведь две госпожи. Одна с ребенком. Которая же из них замуж-то собирается?

– А та, которую молодой господин видел за городом в день весенних поминок, – пояснила сваха. – С белыми рябинками.

Лайчжао удалился в дальние покои.

– Из управы казенную сваху прислали, – доложил он. – У ворот ждет.

– Но мы же никому ни слова не говорили! – удивилась Юэнян. – Откуда они взяли?

– За городом, говорит, в день весенних поминок госпожу видели, – продолжал привратник. – С белыми, говорит, рябинками на лице.

– Сестрица Мэн, стало быть! – воскликнула хозяйка. – Значит, редька зимой росток дала. Невтерпеж ей? Замуж торопится? Да! Легче, выходит, измерить морскую глубину, нежели душу человеческую постичь!

Юэнян направилась в покои Юйлоу.

– Сестрица Мэн! – обратилась она, присаживаясь. – Хочу тебя спросить. Там, у ворот сваха ждет. Молодой барин, говорит, из управы тебя видел в день весеннего поминовения усопших. Ты будто бы замуж решила выходить. Это верно?

Послушай, дорогой читатель! Не будь случайности, не было бы и рассказа. Ведь, как ведется испокон веков, узы любви несут и он и она, когда им суждено жениться. В тот день за городом Мэн Юйлоу тоже загляделась на барича Ли. Этот ветреный щеголь и мот подходил ей по возрасту и был хорош собой. Привлекал он вдову и тем, что слыл прекрасным наездником, метко стрелял из лука и метал копье. Они обменялись многозначительными взглядами и без слов отлично поняли друг друга. Юйлоу хотелось только узнать, есть у него жена или нет. Она, однако, промолчала, а про себя все думала: «Мужа похоронила, и останусь я одна-одинешенька. У Старшей сын. Вырастет – матери опора. Одна кровь. А я? Как дерево. Свалишься – и тени не останется. Впустую живу – все равно что корзиной воду черпаю». С появлением на свет Сяогэ, – Юйлоу это чувствовала на себе, – и Юэнян стала совсем не та. «Нет, надо наконец решиться, – убеждала себя Юйлоу. – Трудно только первый шаг сделать. Но глупо во вдовах пропадать. Снова нужно искать пристанища. Я не старуха. С какой стати молодые годы терять?!» Именно эти раздумья волновали

ее, когда явилась Юэнян и завела разговор о замужестве. Юйлоу радовалась тому, что ей довелось тогда увидаться с баричем, но открыться Юэнян она постеснялась.

– Не слушайте вы, матушка, что болтают досужие языки. Не собираюсь я замуж выходить, – ответила она, а сама так и вспыхнула.

Да,

Прилюдно признаться боялась,

Лишь локонов молча касалась.

– Смотри, сестрица! – продолжала Юэнян. – Это тебя касается. Я в твои личные дела вмешиваться не собираюсь. – Она позвала Лайчжао. – Ступай пригласи сваху.

Привратник провел тетушку Тао в заднюю половину дома. Сваха очутилась в гостиной Юэнян, где прямо перед ней стояла дщица покойного Симэнь Цина. После положенных приветствий сваха села. Служанка Сючунь налила ей чаю.

– С чем пожаловала? – спросила ее Юэнян.

– Покой святой обители без особой надобности, сударыня, не стала бы нарушать, – сказала в ответ сваха. – Имею честь сообщить, что прибыла я по велению молодого барина из управы. У вас, мне сказали, госпожа замуж выходить собирается. Вот и пришла сватать.

– Возможно, и собирается, но откуда стало известно молодому господину? – недоумевала Юэнян. – Ведь мы никому об этом не говорили!

– Молодой барин сказывал, что собственными глазами видел госпожу за городом в день весенних поминок, – пояснила сваха Тао. – Госпожа, говорит, высокая такая и стройная, с овальным, как тыквенное семечко, лицом и редкими едва заметными белыми рябинками.

У хозяйки не осталось больше сомнений: речь шла, конечно, о Мэн Юйлоу, и она повела сваху к ней в гостиную.

Тетушка Тао села. Ей пришлось довольно долго ждать, пока, наконец, появилась разодетая Юйлоу.

– Именно об этой госпоже и говорил молодой барин, – после приветствия промолвила сваха. – Не зря, оказывается, хвалил. Действительно, красавица необыкновенная. Единственная и несравненная в целом свете. Вот будет пара! Наш молодой барин старшей женой сделает. Окинь взором с головы до ног – чарует обаяньем. Брось взгляд – и с головы до пят все в ней влечет и манит.

– Вы шутите, мамаша! – проговорила, улыбаясь, Юйлоу. – Лучше

скажите, сколько молодому господину лет, был ли женат, кто ему прислуживает в покоях, как его зовут, откуда родом, из каких краев? Чиновного ли звания? Да говори как есть, без обману.

– Свят! Свят! – воскликнула Тао. – Я, сударыня, казенная сваха, и меня с другими, пожалуйста, не равняйте. Это они на обмане живут, а я говорю только то, что есть на самом деле. Я сказок не рассказываю. Знаю, его превосходительству уездному правителю за пятьдесят, а молодой барин – его единственный сын. Родился он под знаком лошади и ему тридцать первый год пойдет. Двадцать третьего дня в первой луне на свет появился, в час утренний под пятым знаком земной ветви чэнь.^[1672] В императорском училище Сынов отечества состоит студентом высшей ступени, скоро станет цзюйжэнем, а то и цзиньши.^[1673] Большой учености человек! Постиг всех философов и поэтов. А какой стрелок и наездник! Словом, чего только не знает! Вот уж года два как жену схоронил. И прислуживает теперь ему всего-навсего одна-единственная служанка, самая что ни на есть обыкновенная. Еще с женой покойной в дом пришла. Так что молодому барину нужна супруга и хозяйка, да где ни искал, подходящую найти не может. Вот потому-то я вас и побеспокоила. Если сосватаю, меня от явок в управу обещали освободить и, само собой, щедро наградить серебром. Если, говорит, за меня пойдет, дом ее от всех повинностей освобожу, ни за поля, ни за родовое кладбище земельный налог платить не будет. А кто обижать посмеет, в управе тисков или палок отведает.

– А дети у него есть? – продолжала расспрашивать Юйлоу. – Родом откуда? Может, выйдет срок службы и уедет за реки и горы? А у меня вся родня тут. Неужели и мне придется с ним ехать, а?

– Нет у молодого барина ни сына, ни дочери, – успокаивала ее Тао. – Один-одинехонек. А родом они из уезда Цзаоцян Чжэньдинской области. Это под Северной столицей, на том берегу Хуанхэ. Шестьсот-семьсот ли отсюда, не больше. Обширными землями владеют. Табуны лошадей, а народу работающего и не счесть. В триумфальные ворота верхом въезжают. Они в честь его рода по Высочайшему повелению выстроены.^[1674] Сколько блеску! Прохожие в сторону шарахаются. Старшей женой вас, сударыня, сделает, хозяйкой дома. А там, как чиновное звание получит, и вам титулы пожалуют. Знатной дамой станете, в парадные одеяния облачитесь, в благоуханном экипаже будете выезды делать. Поди, плохо!

Вysłушала ее Мэн Юйлоу и, готовая хоть тут же дать свое согласие, велела горничной Ланьсян накрыть стол, подать чаю и

сладостей.

– Наверно, надоела я вам своими расспросами, – угощая сваху, говорила Юйлоу. – Вы уж на меня не обижайтесь. Свахи ведь обыкновенно такого наговорят. Наобещают горы, а коснешься – нет ничего. Не попасть бы на удочку. Вот чего боишься.

– Дорогая вы моя! – воскликнула Тао. – Не валите всех в одну кучу. Есть люди честные, есть и бессовестные. Верно, бывает дурной человек портит жизнь хорошему. Только я лгать не умею. Говорю что есть. Ближним жизнь устраиваю, доброе дело делаю. Так что, если вы решаетесь, сударыня, то прошу вас, дайте письменное согласие. Я его молодому барину вручу.

Юйлоу достала полосу красного шелку и велела Дайаню отнести в лавку приказчику Фу, чтобы тот написал все четыре числа полной даты ее рождения.

– Тебя в свое время тетушка Сюэ сватала, – вмешалась в разговор Юэнян. – Надо бы ее позвать. Если порядок блюсти, так пусть они вдвоем сватают.

Немного погодя Дайань ввел сваху Сюэ. Она приветствовала товарку поклоном, и они, выйдя вместе из дома Симэня, направились к баричу Ли в управу.

Когда две свахи, – а им палец в рот не клади, – возьмутся за дело, притом одна – хвалит невесту, а другая – жениха, то и Чантэ из Лунных чертогов просватают, и святую деву с Шаманьей горы за царя Сяна выдадут.

– Значит, ты ее раньше сватала? – спросила по дороге Тао.

– Да, я самая, – отвечала Сюэ.

Сваху Тао перевела разговор на Мэн Юйлоу.

– А чья она родом будет? Ты ее девушкой сватала?

Тогда сваха Сюэ развернула шелк. На нем было начертано следующее:

«Женщина тридцати семи лет от роду. Появилась на свет в полуночный час под первым знаком земной ветви цзы в одиннадцатую луну двадцать седьмого дня».

– Не показалась бы жениху такая невеста слишком старой, – заметила Тао. – Ему ведь лишь тридцать первый год. Что тогда делать? На целых шесть лет старше.^[1675]

– Давай с уличным гадателем посоветуемся, а? – предложила Сюэ. – Что он скажет. Если их даты не сойдутся, ей возраст убавим. По-моему, тут нет ничего предосудительного.

Они продолжали свой путь, но им не попадался ни один бродячий

гадатель.

Наконец, вдали, к югу от дороги, они заметили черную полотняную палатку предсказателя судьбы. У входа висели написанные крупными иероглифами надписи. По одну сторону надпись гласила: «Цзыпин предвещает знатным и хутородным, железной кистью предписывает расцвет и увяданье». По другую сторону было написано: «Всякому, кто пожелает узнать судьбу, предсказывает прямо и неліцеприятно».

В палатке стоял стол, за которым сидел старый предсказатель. Свахи поприветствовали его. Он предложил им присаживаться.

– Можно вас побеспокоить, почтенный наставник? – обратилась Сюэ. – Нам хотелось бы узнать судьбу одной женщины. – Сюэ достала из рукава три фэня серебра и продолжала. – Не пренебрегите этой мелочью, наставник. Больше с собой нет, не взяли в дорогу.

– Вас интересует женитьба, – проговорил предсказатель. – Покажите дату рождения.

Сваха Тао протянула шелк с данными Юйлоу.

– Да, женитьба, – пробормотал предсказатель и, прикинув на пальцах, потом на счетах, обратился к свахам. – Так, женщине тридцать семь лет. Появилась на свет в полуночный час цзы в одиннадцатой луне двадцать седьмого дня. Рожденным в месяц первый цзя-цзы, день 28-й синь-мао и час 37-й гэн-цзы носить печать и пояс.^[1676] Судьба женщины идет вспять и в настоящее время пребывает под знаками бин-шэнь. А третий небесный ствол бин находится в соответствии с восьмым небесным стволом синь, это к хорошему – предвестие грядущего могущества и власти. Быть, значит, Старшей женой и знатной дамой. Правда, меж четырех оплотов^[1677] немало звезд-мужей. Поэтому хотя судьбой ей даровано богатство, а с супругом она вкусила счастье и любовь, ей в последние годы было уготовано преодолеть лихие испытания. Случалось такое?

– Она двоих мужей преодолела, – подтвердила Сюэ.

– Тогда ей суждено соединиться с рожденным под знаком лошади, – продолжал предсказатель.

– А сын у нее будет? – спросила Сюэ.

– О сыне рано пока говорить. Лишь на сорок первом году жизни у нее появится сын.^[1678] Он и будет ей опорой в старости. Жизнь ее отмечена счастьем. Она станет богатой и знатной. Окружит себя невиданной роскошью.

Предсказатель взял кисть и поведал о ее судьбе в восьмистишии:

Не тычинок обломки,

а плоды в высочайшем дворе:^[1679]

Третий муж у красоти
всех богаче, знатней и мудрей,
А она станом тонким
постройней абрикоса муме —
Шелестит алым шёлком,^[1680]
сочно брови чернеют в сурьме.
Злату чашу с поклоном
она примет как свадебный дар.
Он введет ее к трону
и отдаст ее прелестям дань.
Сняв тигриную робу,
жизнь раскрылась как чистый хрусталь.
Он – рысак благородный.
Он вознес ее в горную даль.

– Наставник! – обратилась к предсказателю сваха Сюэ. – Объясните пожалуйста, что значит «Сняв тигриную шкуру, свободную жизнь обретет. Ее к пику удачи благородный рысак вознесет»? Непонятно что-то.

– Тигриная шкура, – разъяснил предсказатель, – это ее прежний муж, рожденный под знаком тигра. Она была любима, но оставалась на положении младшей жены. В грядущем ей идти стезею славы и заслуг. «Знатный конь» относится к ее будущему супругу, рожденному под знаком лошади, при котором над ней засияет звезда знатности. Она насладится роскошью и в согласии с супругом доживет до шестидесяти восьми лет. В последний путь ее проводит сын.

– А ведь жених родился как раз под знаком лошади! – воскликнули свахи. – Только она намного старше его. Может, ничего не выйдет. Нельзя ли будет ей как-нибудь годы поубавить, а?

– В таком случае считайте, что родилась в год четвертый дин-мао,^[1681] – согласился предсказатель. – И будет ей тридцать четыре года.

– А гороскопы подойдут? – спросила Сюэ.

– Огонь с четвертым небесным стволом дин и металл с седьмым небесным стволом гэн!^[1682] Когда огонь касается металла, в плавке рождаются великие вещи. Сходятся, очень даже подойдут.

Свахи тут же исправили ей возраст и, отвесив поклоны предсказателю, вышли из палатки.

Барич Ли оказался в управе. Свахи попросили привратника доложить. После длительного ожидания их впустили. Они приветствовали барича земными поклонами.

– А ты кто будешь? – спросил барич сваху Сюэ.

– Тоже сваха, – пояснила Тао и, рассказав, как они получили согласие невесты, продолжала: – Женщина красоты необыкновенной! Только возраст великоват. Поэтому я не рискнула вдаваться в подробности, не получив согласия вашего превосходительства. Хотелось бы знать ваше драгоценное мнение. Вот полная дата ее рождения.

Она протянула баричу полоску шелка.

– «Тридцать четыре года. Появилась на свет в полуночный час цзы в одиннадцатой луне двадцать седьмого дня», – прочитал Ли и заключил: – На два, на три года старше – роли не играет.

– Что значит образование! Какая широта взгляда! – вставила сваха Сюэ. – Говорят, когда жена старше на два года, богатству день ото дня расти, а на три – целые горы его обрести. Невеста, ваше превосходительство, красавица несравненная. А сколько в ней теплоты и нежности! Всех поэтов и философов постигла. А как хозяйство ведет – говорить не приходится.

– Раз есть согласие, значит все идет прекрасно! – воскликнул барич Ли. – Мы виделись, так что смотрины назначать нет необходимости. Теперь надо только велеть астрологу выбрать счастливый день для вручения невесте свадебных подарков, и можно будет устраивать свадьбу.

– Когда прикажите явиться? – спросили свахи.

– Откладывать не будем! – заявил барич. – Приходите завтра да невесте объявите.

Ли распорядился, чтобы слуги наградили каждую сваху лянном серебра за хлопоты. Свахи вышли из управы довольные, но не о том пойдет речь.

В предвкушении счастья барич Ли едва сдерживал ликование. На радости он позвал посоветоваться приказного Хэ Бувэя. О намерении сына жениться было объявлено отцу – начальнику уезда. Восьмой день в четвертой луне, как определил астролог, подходил для вручения подарков, а пятнадцатый благоприятствовал переезду невесты в дом жениха. Барич выделил серебра и поручил Хэ Бувэю с Лоботрясом Чжаном закупить в подарок невесте свадебного чаю и вина, но рассказывать об этом подробно нет надобности.

Свахи на другой же день отправились в дом Симэнь Цина и поведали Юэнян и Мэн Юйлоу о решении жениха.

Да,

Этот брак предрешили в награду рожденья былые,
Так веками рождают нефриты Поля Голубые.^[1683]

Восьмого числа в четвертой луне в управе уже стояли короба и тюки. Чайный подарок^[1684] невесте состоял из шестнадцати подносов редкостных фруктов и сладостей. В тюках были упакованы золотая шапочка, золотая головная сетка, агатовый пояс, нефритовые подвески и брелоки, золотые и серебряные браслеты и запястья, а также два платья из ярко-красной дворцовой парчи, четыре комплекта расшитых цветами одежд, тридцать лянов серебра, не считая шелков, полотна и холста.

Более двадцати носильщиков под охраной Хэ Бувэя, сопровождаемые свахами, направились к дому Симэнь Цина.

Пятнадцатого числа около управы толпились расторопные молодые люди, из тех кому делать нечего. Им было велено перенести приданое невесты – кровать с пологом, сундуки и корзины драгоценностей, белья и одежд. Присутствовавшая при этом Юэнян отдала все, что только было в покоях у Юйлоу, даже инкрустированную перламутром кровать из спальни Пань Цзиньянь, потому что принадлежавшая Юйлоу покрытая ярким лаком широкая кровать была в свое время отправлена Симэнем с приданым дочери.

Юйлоу решила взять с собой горничную Ланьсян, а Сяолуань оставить Юэнян для присмотра за сыном.

– Как же я могу отбирать у тебя горничную, – возразила Юэнян. – Для присмотра за Сяогэ хватит Чжунцю, Сючунь и кормилицы.

Юйлоу передала на память в подарок Сяогэ всего лишь пару серебряных кувшинчиков, какие в обиходе у мусульман, все же остальное было вывезено.

К вечеру за невестой прибыл огромный паланкин, который несли четверо носильщиков в сопровождении четырех пар обтянутых красным газом фонарей. Процессию охраняли восемь присланных из управы стражников.

Голову Мэн Юйлоу украшали шапка с золотым «мостиком»,^[1685] цветы из перьев зимородка, самоцветы и заморский жемчуг. Одета она была в карминовый халат с богатой вышивкой спереди, сзади и на рукавах, перетянутый оправленным в золото агатовым поясом с нефритовыми подвесками, и желтовато-зеленую расшитую пестрым ковром цветов юбку. На прощание она поклонилась сперва дщице покойного Симэня, потом Юэнян.

– Нет у тебя сердца, сестрица Мэн! – обратилась к Юйлоу хозяйка. – На кого ты меня покидаешь! Остаюсь я одна-одинешенька. С кем время коротать буду?

Они взялись за руки и заплакали.

Все в доме от мала до велика вышли за ворота проводить Юйлоу. Одна сваха несла красное с золотым краплением креповое покрывало, другая шествовала с золотой вазой.^[1686] Юэнян из-за траура выйти не могла. Провожать молодую она пригласила свояченицу Мэн Старшую. На ней были ярко-красная узорная накидка и голубая юбка. С жемчугом и бирюзой в причёске, она села в большой паланкин и отправилась в управу.

Всю улицу запрудили толпы любопытных.

— Это третью жену почтенного господина Симэня выдают замуж за сына правителя, — слышался разговор. — Невесту везут — нынче день счастливый.

Были в толпе доброжелатели, нашлись и злопыхатели.

— Вот был человек, почтенный господин Симэнь! — говорили настроенные дружелюбно. — А со смертью одна только Старшая госпожа, как полагается, вдовою живет, сына растит. Да разве ей за всеми в доме усмотреть! Вот она и выдает замуж, кто того пожелает. И правильно делает!

Злорадствующие, со своей стороны, разносили слухи и распускали сплетни.

— Глядите! — кричал кто-то из них, тыча пальцем. — Третья наложница Симэня замуж выходит. Покойник-то все устои пограл, ближних грабил да распутничал, чужих жен совращал. А как ноги протянул, бабы все добро порасташили. Одни выходят замуж, других тайком уводят. Кто с хахалем любезничает, а кто из дому ворует. Как фазана общипали — перьев не найдешь. Да, казалось, от возмездья был далек, как вдруг обрушились роковые удары.

Так злословили недруги.

Сваяченица Мэн Старшая проводила сестру к жениху в управу, где молодых ожидала закрытая пологом убранная кровать. После свадебного пира свояченица вернулась домой. Барич Ли подозвал тетюшку Сюэ и мамашу Тао и, одарив каждую из них пятью ляннами серебра и куском шелка, отпустил домой.

Ночью молодые, став мужем и женою, резвились как рыбы в воде, от счастья порхали словно пара фениксов.

На другой день У Юэнян послала Юйлоу чаю, потому что золовки Ян уже не было в живых. Гостинцы прислали также обе невестки Юйлоу и ее старшая сестра.

Из управы последовало приглашение всей родне невесты пожаловать на третий день после свадьбы.

У ворот управы гости любовались горой разноцветных огней. На

пиру выступали казенные музыканты и певицы, актеры разыгрывали представления. На празднование третьего дня^[1687] в большом паланкине прибыла и У Юэнян. Ее прическу обильно украшали жемчуг и бирюза. На ней были подпоясанная позолоченным поясом ярко-красная с длинным рукавом накидка и расшитая пестрым ковром цветов юбка.

Гости пировали в дальней зале. К ним вышла и супруга уездного правителя — мать жениха. Юэнян очутилась как будто среди распустившихся букетами ярких цветов. Когда же она, вернувшись домой, проследовала в задний двор, ее сразу окружила мертвая тишина. Никто не вышел ей навстречу. Юэнян вспомнила прошлое, когда был жив Симэнь. Какие веселые были сестры! Как они приветствовали ее и приставали с расспросами всякий раз, когда она возвращалась со званого пира. И сколько их было, сестер! На скамейке не могли усесться. И вот не осталось ни одной. Тяжело стало Юэнян. Она припала к дщице покойного Симэня и громко зарыдала. Ее успокаивала горничная Сяююй.

Да,

Кто поймет, какие думы
так терзают душу!
Знает только ясный месяц,
в окна заглянувший.

Однако не станем больше говорить, как грустила Юэнян.

Расскажем о бариче Ли и Мэн Юйлоу. Изю дня в день наслаждались счастьем новобрачные. Слово рыбы в воде, резвились красота и талант. Как может подойти только крышка к кувшину с малом, так они подошли друг другу. Барич Ли ни на шаг не отходил от Юйлоу. Так и сидел он, как зачарованный, у нее в спальне. И чем дольше он глядел на нее, чем больше любовался ее красотой, тем сильнее и крепче любил ее. Вместе с Юйлоу в дом пришли и смазливые служаночки — обученные музыке и пению восемнадцатилетняя Ланьсян и пятнадцатилетняя Сяолуань,^[1688] что также немало обрадовало барича.

Тому подтверждением стихи:

Как не восхититься
красотой отменной
Сей жены! Талантом
мужа-молодца!
Дождь играет с тучкой

на горе священной,
Любящих согласие
длится без конца.

Барич Ли, надобно сказать, держал в доме служанку по имени Юйцзань, что значит Яшмовая Шпилька. Пришла она вместе с покойной женой и было ей уже лет тридцать. Юйцзань только и знала пудриться да румяниться. На самой макушке у нее жгутом торчал задранный пучок, который она перевязывала обыкновенным платком, а волосы подбирала под обтянутый золоченою фольгой ободок и воображала, что носит волосник. Старые мятые искусственные цветы держались благодаря обилию медных шпилек и навощенных приколок. До самых плеч свисали похожие на дыни серьги. По виду ее вполне можно было принять за ведьму или оборотня. Некогда красную, но ставшую неопределенной расцветки кофту украшал причудливый узор из пятен, напоминающих лунные диски. Стоило немалого труда распознать цвет когда-то зеленой юбки, поскольку он едва пробивался между громадными, как хоромы, заплатами. Юйцзань смахивала на крысу, завернувшуюся в лотосовый лист. Она ходила в засаленных и дырявых аршинного размера плисовых туфлях, которые были раззявисты, как хохочущий Лю Хай,^[1689] напоминали пару грузовых джонок и зияли четырьмя глазками застежек. Белила и пудру она накладывала слоями, так что лицо ее в бело-розовых пятнах напоминало восковую тыкву. После шепота она вдруг раздражалась громкими тирадами и напускала на себя важный вид. За баричем она ухаживала с превеликим усердием – поила и кормила его, заваривала чай, заводила с ним разговоры, когда следовало бы помолчать, и смеялась, когда к тому не было ни малейшего повода. Такой уж был у нее характер! Так продолжалось вплоть до женитьбы хозяина.

С приходом же в дом Мэн Юйлоу хозяин совсем забыл про Юйцзань. Его будто привязали, словно прилепили к молодой жене. Он не расставался с ней ни днем, ни ночью, и это выводило служанку из себя.

Как-то сидел барич в кабинете за книгами. Юйцзань заварила на кухне лучшего чая с орехами и, поставив чашку на поднос, направилась в кабинет. Когда она, отдернув занавеску, с улыбкой протянула чай, оказалось, что хозяин отодвинул книги и, облокотившись, спал.

– Батюшка! – позвала его служанка. – Кто еще позаботится о вас, как не я! Глядите, я вам лучшего чая заварила. А ваша молодая-то жена все еще в постели нежится. Что ж ее-то не попросите? Пусть бы

она вас чаем-то угостила. – Как Юйцзань ни старалась, барич продолжал дремать и не подавал голоса. Она, наконец, не выдержала. – Так и будешь у меня кланчить, да? Храпит средь бела дня. Иль за ночь больно намаялся? Очнись! Чай остынет.

Барич проснулся и увидел Юйцзань.

– Чтоб тебе провалиться, рабское твоё отродье! – заругался он. Поставь чай и убирайся отсюда!

Юйцзань от смущения вся покраснела, в сердцах поставила на стол чай и пошла к двери.

– Вот невежа! – ворчала она. – А я-то старалась! Дай, думаю, ему утречком пораньше чайку заварю. А он с бранью встречает. Что? Или я тебе дурна стала? Говорят, дурная в доме – клад, а от красивой – один разлад. Выходит, бывало ты глаза закрывал? Не замечал? Зачем же тогда меня на ночь звал, а? Или тебя не внешность моя интересовала?

Услыхав такое, барич Ли бросился из-за стола за служанкой и что есть силы дал ей сапогом пинка. У ошеломленной Юйцзань налились жилы и вытянулась шея. С тех пор она забросила белила и пудру, перестала заваривать чай и стряпать. При встречах с Юйлоу не звала ее матушкой, а обращалась на ты. В отсутствие посторонних она бесцеремонно рассаживалась рядом с новой хозяйкой у нее на кровати. Но Юйлоу на ее выходки не обращала внимания. Юйцзань не оставляла в покое и Ланьсян с Сяолуань.

– Сестрица, сестрица! – ворчала она на служанок, когда они оставались наедине. – Какая я вам сестрица! Я вам тетушка. Так меня и зовите! Меня со своей хозяйкой не равняйте! Я на целую голову выше ее. – Юйцзань помолчала и добавила. – Тетушкой зовите здесь, а не при хозяине, поняли? И слушайте мои распоряжения. Трудитесь старательно, с душой! А будете своевольничать, кочергой по спине пройду.

После того как Юйцзань убедилась, что хозяин перестал ее замечать, она совсем обленилась: спала до самого обеда, на кухню не показывалась, полы не подметала.

– Вы на Юйцзань не надейтесь, – наказывала своим служанкам Юйлоу. – Вам самим надо будет стряпать да батюшку кормить.

Юйцзань злилась, выходила из себя, старалась вызвать ссоры и перебранки, а когда заглядывала на кухню, либо обрушивалась на Сяолуань, либо поносила Ланьсян.

– Вот рабские отродья! Потаскухи проклятые! – ругалась она. – И крупу не враз рушат – партиями засыпают. Так кто же первой в дом

пришел? Кто? Я или она, барыня ваша? Все хозяйство к рукам прибрала. Да с каким рвением! Меня покойница хозяйка никогда не позволяла себе по имени звать, а она? Не успела придти – и я уж ей Юйцзань! Или она думает, я ей подчинюсь?! Ее тут и в помине не было, а я с нашим батюшкой ложе делила. Мы с ним бывало только к обеду пробуждались. Как сахар с медом – друг от дружки не оторвут. Вот какая была любовь! Разлучила она нас, разбила мое счастье. В гостиную вытеснила, постели лишила, на холодной лавке спать заставила. Не насладиться мне больше с батюшкой, не вкусить удовольствия! Тяжко на сердце и пожаловаться некому. У Симэнь Цина третьей по счету жила и звать ее Юйлоу. Я ведь все знаю. Раз ты в дом вошла, должна была как-то и со мной посчитаться, а случись неприязнь какая – стерпеть. А то с каким гонором выступает, как важничает, распоряжается направо и налево. Неужели я должна под твоим началом жить! Или я твоя рабыня! Но ты меня вроде не покупала.

Юйцзань и не предполагала, что Юйлоу все слышала из спальни. Ей стало дурно, у нее тряслись руки, но поведать мужу она не решалась.

Стоял как-то жаркий день. И надо ж было тому случиться! Под вечер барич велел Юйцзань согреть ванну воды и принести в спальню. У него было желание принять ванну с Юйлоу.

– Пусть Ланьсян воды нагреет, – посоветовала Юйлоу. – Не надо было ее просить.

– А я как раз хочу, чтобы она, рабское отродье, потрудилась, – не послушался ее хозяин. Нечего ее баловать!

Юйцзань сразу смекнула. «Это хозяин с новой женой решил купаться, – думала она. – В орхидеевой воде омовение захотел совершить, как рыбы будут резвиться, как птицы взмывать ввысь». Не по себе стало Юйцзань. Она едва втащила ванну в спальню и грохнула ее на пол, потом принялась кипятить воду в котле.

– Вот шлюха-то! – ворчала она. – Таких еще не видывала. Своими причудами меня в могилу сведет. Настоящая проститутка! Каждые три дня ей ванну подавай. Я бывало месяцами не мылась, а тоже с хозяином спала и, кажется, своим видом не оскорбляла его божественного взора. Это потаскуха нарочно меня заставляет, dokonать задумала.

Юйлоу опять выслушала злое бормотание служанки и не проронила ни слова. Но хозяин пришел в ярость. Раздетый, в одних домашних туфлях, он потянулся за палкой, которая висела над

кроватью под самой балкой и хотел было догнать вышедшую из спальни Юйцзань, но его удержала Юйлоу.

– Да пусть ворчит, – уговаривала она барича. – Успокойся! Не стоит связываться. А то выйдешь разгоряченный – чего доброго, простудишься.

Однако хозяин не унимался.

– Я знаю, что делаю! – твердо заявил он. – Бесстыжую проучить надо. С этими словами он бросился из спальни, схватил Юйцзань за волосы и, пригнув ей голову к полу, начал бить палкой по спине. Градом посыпались удары. Спасибо, рядом оказалась Юйлоу, но и то десятка два ударов ей пришлось отведать. Корчась от боли, Юйцзань упала на колени.

– Сжался надо мной, батюшка! – умоляла она. – Я тебе все скажу.

– Я слушаю, говори, рабское отродье! – выпалил выведенный из себя хозяин.

Речь служанки выразил романс на мотив «Овечки с горного склона»:

Мой властелин, хозяин нежный,
прости убогую невежду
за то, что боле не нужна.
Прости ей горечь поздних слов.
Прочти прощальное письмо
Твоя холопка,
не жена.
Ты помнишь радость звонкую,
когда меня девчонкою
за восемь лянов серебра,
Купил? Увы, я и поныне
подобострастная рабыня,
жене – скорбящая сестра:
Ушла хозяйка безвозвратно
и стала я твоя отрада,
в купальне согревая чан.
Со мной в хоромах стало чище,
была изысканная пища
и щебетанье по ночам.
И не ждала я вероломства,
напротив, поросль потомства.
«Других не надо мне невест», —
так клялся мне мой повелитель.

Кого ж теперь в свою обитель
впустил? Неслыханная весть!
О, упоительный мучитель!
Зачем никчемную обидел —
она не ведала греха.
Но ты рыданий не услышишь,
не жить нам под одною крышей —
Сыщу другого жениха.
Прости... Кому я рождена?!
Прости... Холопка... Не жена.

Выслушал ее барич и со злости еще ударил несколько раз палкой.
– Перестань! – уговаривала его Юйлоу. – К чему гневаться, раз она
хочет уйти.

Барич призвал из управы подручных и велел сходить за мамашей
Тао. Сваха увела Юйцзань из дому и после продажи вручила баричу
серебро, но не о том пойдет речь.

Да,

Прихлопнешь веером назойливую муху,
Погубит язычок иную стрекотуху.
Тому свидетельством стихи:
Едва затихнет рык звериный —
душою человек воспрянет,
И только карканье воронье
ему лихим предвестьем грянет.
Когда над головою ворон
все каркает, не умолкая,
В душе порывов озлобления
немедленно взлетает стая.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ

ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ ПОПАДАЕТ В ЛОВУШКУ В ОБЛАСТНОМ ЦЕНТРЕ ЯНЬЧЖОУ

У ЮЭНЯН, ПОДАВАЯ ЖАЛОБУ, БЕСПОКОИТ МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ

*Сменяется лето зимою,
весна – осенними днями;
На западе солнце садится,
к востоку стремятся реки.^[1690]
Дарует судьба богатство,
и знатность она дарует,
Когда ж она отвернется,
держись и в нужде достойно.
Тебе улыбнется случай —
и тотчас пойдешь ты в гору;
Когда ж высоты достигнешь,
не забудь оглянуться.
О, где полководцы ныне
и кони где боевые?
Цветы шелестят и травы,
а в шелесте том – стенанья.*

Так вот. Избил барич служанку Юйцзань и сейчас же позвал сваху Тао, которая увела ее из дому и продала за восемь лянов серебра. Барич Ли купил потом восемнадцатилетнюю Маньтан и поставил ее на кухню, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о Чэнь Цзинцзи. С приездом Симэнь Старшей у него в доме появилось солидное приданое жены – сундуки и корзины с

добром, кровать с пологом и другие вещи, но супруги то и дело затевали ссоры и ругались. Цзинцзи выпрашивал у матери, урожденной Чжан, денег для открытия торговли, но тут, как нарочно, к ней обратился ее брат, командующий ополчением Чжан, решивший добиваться повышения в чине, и она одолжила ему пятьдесят лянов серебра. Тогда пьяный Цзинцзи устроил в доме дяди скандал. Попад под горячую руку племянника, командующий Чжан вынужден был найти другого кредитора, а взятую сумму возвратил сестре. Потрясенная случившимся, мать Цзинцзи занедужила и слегла в постель. Пришлось поить ее снадобьями, приглашать к ней знахарей и врачей. А Цзинцзи все наступал на горло. Мать, наконец, не выдержала и выдала ему двести лянов серебра.

Чэнь Дину дело поручено в помещении из трех комнат у ворот дома открыть холщовую лавку. Началась торговля, и Цзинцзи ни на день не расставался с дружками-приятелями – пройдохами Лу Третьим и Яном Старшим. Из лавки доносились то звуки лютни, то стук костяшек. Играли в двойную шестерку и кутили чуть не до утра. Скоро Цзинцзи с компанией прогулял все серебро, которое получил от матери. Когда Чэнь Дин рассказал Чжан, как сорит деньгами ее сын, она решила устранить его из лавки, но Цзинцзи свалил вину на Чэнь Дина, заявив, будто тот спустил серебро на крашение холста. Чэнь Дин с женой были выгнаны из дому и поселились на стороне, а Цзинцзи нанял в приказчики Яна Старшего по имени Гуанъянь и кличке Железный Коготь.

Железный Коготь, завзятый будорага и мошенник, отъявленный враль и проныра, умел без особого труда избавлять ближних от бремени тугой мошны. А выходцем он был из Небывалой области Досужего уезда, Выкраденной волости Бездомного села. Отца у него звали Ян Никудышный, мать происходила из рода Пустопорожных, младший брат прославился под кличкой Гуляй Ветер. В наставники Железного когтя был нанят мудрец Голоштанник из обители Золотой Приколки, расположенной в пещере Трясины на горе Невежества, у которого он и перенял умение морочить ближних. В жены он взял девицу Непугляну и так застрашал ее чудовищными небылицами, что она с перепугу ноги протянула. Железный Коготь был весьма щедр на посулы, но скорее удалось бы изловить тень или поймать ветер, нежели получить с него обещанное. Он разорял ближнего с поразительной быстротой, как будто ему всякий выпадал случай безнадзорно залезть в чужую мошну и грести обеими руками.

Цзинцзи стал опять просить серебра для закупки холста в

Линьцине,^[1691] снова понадобилось двести лянов и мать, доверяя сыну, выдала ему и еще добавила, так, что всего вышло около пяти сотен. Поспешил тогда Ян Железный Коготь домой, собрал в дорогу вещи, достал перекидной кошель какой побольше, спрятал в него инкрустированные да позолоченные безделушки и немного денег мелочью, прихватил резной с черной сердцевиной лук и, оседлав светлоглазого скакуна-дракона, двинулся вместе с Чэнь Цзинцзи в Линьцин на поиски ходового товара. На третьей версте путники миновали область Небывалую, на пятой Досужее село и наконец добрались до Линьцина. В огромном богатом порту Линьцина царило оживление. Сновали купцы, у причала скопилось множество кораблей, все дороги пристани запрудили повозки и экипажи. В тридцати двух переулках были открыли дома «цветов и ив», приезжих приглашали семьдесят два терема «духовой и струной музыки». Чэнь Цзинцзи был молод, и Железный Коготь Ян повел его по домам певиц и кабачкам. Целыми ночами предавались они буйным наслаждениям, а днем отсыпались, так что скупать товар им было некогда.

В одном из домов Цзинцзи познакомился с певицей Фэн Цзиньбао. Она была игрива и хороша собой. Словом, всем взяла.

– Сколько же цветущих весен барышне? – спросил Цзинцзи.

– Барышня – моя родная дочка, – отвечала хозяйка. – Ей вот только восемнадцать сравнялось.

У Цзинцзи так и забилося сердце. Дал он хозяйке пять лянов серебра и провел с Цзиньбао не одну ночь подряд. Влюбленный Цзинцзи был не в силах расстаться с красавицей, Железный Коготь начал на все лады уговаривать хозяина взять возлюбленную в жены. Хозяйка запросила полтора ста лянов, но потом сторговались за сто. Цзинцзи выложил серебро, и они двинулись в обратный путь. Фэн Цзиньбао всю дорогу несли в паланкине, а Железный Коготь и Цзинцзи сопровождали повозки с товаром. Цзинцзи на радостях торопил лошадей. Только посвистывали кнуты.

Да,

О, влюбленный в красотку из терема Ласточки!^[1692]

Он помчится домой налегке, без гроша.

Его фея Улин ублажает, кружа.^[1693]

Нет счастливей на свете тех фениксов парочки.

Товару Цзинцзи закупил совсем немного, зато привез певичку, на которую потратился изрядно, что явилось для матери тяжелым ударом. Она опять слегла и, увы, вскоре испустила дух. Пришлось Цзинцзи

покупать ей гроб. Покойницу обрядили, положили в гроб и отпели. Через седмицу Чжан похоронили на родовом кладбище. Ради покойной сестры командующий ополчением Чжан не стал чинить племяннику никаких препятствий.

Покойная Чжан занимала в доме три комнаты. Среднюю, где теперь стояла дщица ее души, Цзинцзи не тронул, а обе других велел прибрать и поселил туда Фэн Цзиньбао. Симэнь Старшая обитала в боковой пристройке. Цзинцзи купил Цзиньбао служанку по имени Чунси. В лавке хозяйничал Ян Железный Коготь, а дома непрестанно шел пир горой – Цзинцзи яствами ублажал Цзиньбао и всякий раз на ночь удалялся к ней, жену же свою, Симэнь Старшую, совсем забыл.

И вот однажды до Цзинцзи дошли слухи, что Мэн Юйлоу стала женой барича, сына уездного правителя Ли, и за нею было дано богатое приданое. Цзинцзи сказали также, что правителя после трех лет службы перевели с повышением в Чжэцзян^[1694] и теперь он занимает пост инспектора в Яньчжоу, куда и отбыл водным путем вместе с сыном и невесткой.

Цзинцзи припомнил, как в свое время он подобрал в саду шпильку Юйлоу. Потом у него, пьяного, шпильку отняла Цзиньлянь, но позднее вернула. Шпильку эту Цзинцзи хранил до сих пор. К него в уме сразу созрел план. Ведь шпилька может послужить вещественной уликой. Надо немедленно отправиться в Яньчжоу. Шпильку он предъявит Мэн Юйлоу и скажет, что получил от нее в подарок, когда они состояли в близких отношениях. «Ее огромное приданое, – рассуждал далее Цзинцзи, – я объявлю собственностью Ян Цзяня. Скажу, что это те самые сундуки и корзины золота и серебра, которые были поставлены на хранение в дом Симэнь Цина и подлежат конфискации. Инспектор Ли – чин гражданский, власть у него не ахти какая. Стоит его припугнуть как следует – обеими руками мне невестку отдаст. И сыну закажет. Возьму я тогда Юйлоу с собой и будут они вдвоем с Цзиньбао меня ублажать».

Да,

Удайся план коварный – на Луне
им яшмовый бы заяц пойман был,
А замысел свершись – на Солнце он
и ворона б златого изловил.^[1695]

Но плану Цзинцзи не суждено было сбыться. Лучше бы ему оставить затею, ибо на сей раз можно сказать:

Пресек Полководец пяти дорог

выпад его безрассудный, нелепый,
А душу мятежную удержал,
утихомирил Чжун Куй свирепый.^[1696]

Тому свидетельством стихи:

Множественно он фею алкал на вершине Небесной,
Но с блаженных Трех гор, не познать океанские бездны,
И хоромы князей недоступны, подобно пучине:
Бесприютным бродягою юноша станет отныне.^[1697]

Достал как-то Цзинцзи из сундука матери тысячу лянов серебра. Сотню он оставил Фэн Цзиньбао на расходы, опять позвал Чэнь Дина присмотреть за домом и поторговать в лавке, а сам с Железным Когтем и Чэнь Анем прихватил девятьсот лянов и в осенний праздник в восьмой луне пустился в путь.

В Хучжоу они закупили полдзонки шелков и, прибыв на пристань Цинцзянпу, поставили джонку у причала, а сами остановились в гостинице у Чэня Второго.

Ночью они зажгли лампу и велели хозяину нарезать кур и ставить вино. Пирушка была в самом разгаре, когда Цзинцзи обратился к Железному Когтю.

– Не забывай за товаром в джонке присматривать, – наказывал Цзинцзи. – Придется тебе тут пока пожить, а мне с Чэнь Анем в Яньчжоу надо будет заглянуть. Сестра у меня туда выдана. Хочу навестить, гостинцы передать. Мы дня за три обернемся. Самое большее на пятый день возвратимся.

– Раз надо, брат, отправляйся и не волнуйся, пожалуйста, – заверял его Ян. – Я готов тебя ждать, а как вернешься, вместе домой поедем.

И Чэнь Цзинцзи, вопреки здравому рассудку, все-таки поехал, прихватив с собою серебра и подарки. И вот они с Чэнь Анем добрались до Яньчжоу. Остановились в буддийском монастыре, где Цзинцзи разузнал, что инспектор Ли месяц как вступил в должность, а корабль с домочадцами прибыл всего дня три тому назад.

Цзинцзи время зря не терял: купил четыре подноса яств, два куса шелку и два жбана вина. Он был и так недурен собой, а тут оделся с иголки и сопровождаемый Чэнь Анем, несшим подарки, подошел к дому барича.

– Я – родственник новой супруги господина Ли Младшего, – поклонившись, представился он привратнику. – Доложи о прибытии с визитом дяди Мэна Второго.

Привратник не посмел мешкать и тотчас же удалился.

Барич Ли сидел за книгой у себя в кабинете. Когда ему доложили о приезде шурина, он приказал слугам внести подарки, поправил халат и шапку и велел звать.

Цзинцзи пригласили в залу, где после взаимных приветствий гость и хозяин сели в подходящие каждому кресла.

– Позвольте спросить, – обратился к гостю барич. – Почему я не имел чести встретить вас, дорогой шурин, во время нашей свадьбы?

– Видите ли, ваш покорный слуга целый год закупал на юге товары, – объяснял Цзинцзи. – Только недавно воротился. Не знал, что вы удостоили мою сестру столь высокой чести, сударь. До сих пор я не исполнил долг родственника, за что прошу прощения. Потому-то я и решил засвидетельствовать почтение и повидать сестру.

– Простите, что я не знал о вашем существовании, – отвечал барич.

После чаю хозяин велел слугам вручить подношения вместе с визитной карточкой и росписью хозяйке дома.

– Доложите матушке, что пожаловал дядя Второй, – наказал барич.

Мэн Юйлоу тем временем сидела у себя в спальне.

– Дядя Мэн Второй пожаловали, – объявил привратник.

– Второй год я не была дома,^[1698] – проговорила Юйлоу. – Какой же это дядя Мэн? Может, брат Мэн Жуй? Прошел горы и реки, чтобы меня проведать?

Внесли подарки. На визитной карточке значилось «Родственник Мэн Жуй». Да, это был ее брат. Юйлоу велела звать, а горничную Ланьсян попросила прибрать дальнюю гостиную. Сама она приоделась и, наложив пудру и румяна, стала ждать брата. Муж ввел гостя. Юйлоу присмотрелась из-за занавески. Как ни странно, прибывший оказался вовсе не братом, а зятем Чэнем. «Зачем он приехал? – недоумевала про себя Юйлоу. – Надо выйти. Интересно, что он скажет. Говорят, хоть и не свой, а земляк, хоть и горька вода, да из родного ключа. Не брат – так зятюшка». Она поправила прическу и вышла.

– Не знал я, сестра, что тебя просватали, – обратился Цзинцзи. – Давно не видались.

Только он успел это сказать, как хозяину доложили о новом визите. – Прими, пожалуйста, шурина, проговорил он и удалился.

Цзинцзи упал перед Юйлоу на колени. Она ответила поклоном.

– Не церемонься, зятюшка, будь как дома! – проговорила она. – Скажи, каким же это ветром тебя занесло в наши края?

После взаимных приветствий она предложила гостю сесть, а Ланьсян велела подать чаю. После чая завязалась непринужденная беседа.

– Как женушка? Жива-здорова? – спросила она.

Цзинцзи рассказал, как он ушел из дому Симэнь Цина, как требовал свое добро – сундуки и корзины. Юйлоу поведала зятю о встрече с Чуньмэй в монастыре Вечного блаженства, когда та сжигала жертвенные деньги на могиле Цзиньянь в день весеннего поминовения усопших.

– Пока я оставалась в доме, – продолжала она, – я постоянно внушала хозяйке: раз ты любишь дочь, люби зятя. Зять наш, говорила я, любовниц не заводит, но она больше досужим сплетням верила, вот и прогнала тебя. Значит, ты добро свое требовал? Этого я уж не застала.^[1699]

– Правду сказать, я был близок с Циньянь. Это все знали. Но хозяйка негодниц слушала. Прогнала Циньянь, вот она и стала жертвой убийцы У Суна. Живи она дома, никакой У Сун, будь он хоть семи пядей во лбу, не посмел бы ее тронуть. Зол я на нее. За это до глубины души ненавижу. И Циньянь через нее на тот свет пошла. Она ей тоже этого не простит.

– Успокойся, зятюшка! – уговаривала его Юйлоу. – Дело прошлое. Что было, то прошло. Так издревле повелось: узел вражды не затягивать надобно, а развязывать.

Во время их беседы служанки накрыли стол. Появилось вино и блюда весенних яств. Стол ломился от съестного. Юйлоу наполнила кубок и обеими руками поднесла Цзинцзи.

– Выпей, зятюшка, нашего слабого винца, утоли жажду после дальней-то дороги, – потчевала она. – И надо ж было тебе на подарки разоряться.

Цзинцзи принял кубок и поклонился. Потом он поднес ей ответную чарку. Она поблагодарила его, и они заняли свои места. Цзинцзи заметил, как ухаживает за ним Юйлоу, то и дело величая его зятюшкой, но виду не падал. «В чем дело? – гадал он. – Почему эта потаскуха все называет меня зятюшкой, а? Неужели она моих намеков не понимает? Ну погоди. Я к тебе исподволь подберусь, негодница!»

Когда они осушили по три кубка, подали новые угощения. Беседа оживилась и стала более интимной. Вино прибавило Цзинцзи еще больше смелости. Недаром говорится, с вином любовь, как море, глубока; с вином страсть, как небо, велика. Они остались наедине, никого посторонних рядом не было, и Цзинцзи попробовал завести откровенный разговор.

– Я так тосковал по тебе, сестрица, как в знойный день тоскуют по прохладе, – начал он. – Искал тебя, как жаждущий ищет студеной

воды. А помнишь, как бывало, в доме тестя? То в шашки поиграем, то в домино. И всегда-то вместе, и всегда рядом. Как нитка с иглой. И кто бы мог подумать, что разлетимся в разные стороны, а? Я – запад, ты – восток.

– Как ты, зятюшка, рассуждаешь! – Юйлоу улыбнулась. – Ведь чистое к чистому стремится, а муть к мути прилипает. Все со временем проясняется.

Цзинци засмеялся и, вынув из рукава пакет ароматного чая возлюбленных,^[1700] протянул его Юйлоу.

– Если любишь меня, сестрица, будь так добра, выпей моего ароматного чая.

С этими словами Чэнь Цзинци опустился перед Юйлоу на колени. У Юйлоу краска пошла по лицу. Она вся вспыхнула и швырнула пакет с чаем на пол.

– Ты забыл приличия! – воскликнула она. – Я от чистого сердца кубок вина поднесла, а ты вздумал со мной заигрывать?

Она вышла из-за стола и поспешно удалилась к себе в спальню. Цзинци понял, что она не так податлива, как казалась.

– Я ведь тоже с добрыми намерениями приехал, – заговорил Цзинци, поднимая чай. – Навестить тебя. Но ты, я вижу, по-другому запела. Думаешь, небось, замуж за молодого инспекторского сына вышла, значит, меня можно побоку? Так что ли? А в доме Симэнь Цина, где ты была Третьей женой, тоже, может скажешь, у нас не было близости, а? – Цзинци достал из рукава ту самую серебряную с золотой головкой шпильку и, повертев ею в руке, продолжал. – А это чья штучка? Как бы она попала ко мне, если б меж нами ничего не было, а? На ней, гляди, твое имя вырезано —»Юйлоу«. Нет, вы с хозяйкой против меня сговорились. Она восемь моих сундуков тебе в приданое отдала. А в них золото, серебро, драгоценные камни, нефритовые пояса и шелка. Мы их у тестя на хранение ставили, а принадлежат они придворному Ян Цзяню и должны быть переданы в казну. Так что ты мне голову не морочь! А то сообщу куда надо, будешь ответ держать.

Цзинци заговорил совсем другим тоном. В руке он держал шпильку с золотой головкой в виде лотоса, которую она когда-то потеряла в саду. «Как она могла очутиться у этого негодяя?!» – недоумевала Юйлоу, но, боясь шума и толков среди прислуги, изобразила улыбку и тот час же вышла из спальни.

– Зятюшка, дорогой мой! – заговорила она и потянула к себе Цзинци. – Зачем сердиться! Я ведь пошутила. – Убедившись, что

рядом никого нет, она продолжала в доверительном тоне. – У тебя родилось желание – я тоже не без чувств.

И они, без лишних слов, обнялись и стали целоваться. Цзинцзи устремился языком к ней в уста и, точно удав, поймавший лакомую ласточку, едва касаясь кончика ее языка, стал нежно его ласкать.

– Будешь звать меня «дорогой мой», поверю, что любишь, – шептал он.

– Тише, не услышали бы.

– А у меня шелков полджонки закуплено, – продолжал он. – У причала в Цинцзянпу. Я вот что хочу тебе предложить. Если согласна, нарядись нынче вечером слугой и выходи из дому. Сядем мы с тобой в джонку и поедем. Заживем как муж и жена. Кто нам помешает? А муж у тебя гражданского звания – неприятностей испугается. Розыск учинять не станет.

– Ну что ж, давай, – согласилась Юйлоу. – Тогда так условимся. Жди меня у дома за стеной. Я отберу золота, серебра, кое-что из одежды, навяжу узел и тебе через стену переброшу. Потом оденусь привратником и выйду из ворот. Сядем в джонку и в путь.

Послушай, дорогой читатель! И в самом деле, раз уж решит красавица, не удержит ее и стена в десять тысяч сажений, а не по душе придется чаровнице, и в объятьях у любовника сердце ее будет от него отделено тысячью горных хребтов. Будь у Юйлоу муж дурак, дело другое. Тогда Цзинцзи, может, и поймал бы рыбку. А то она наслаждалась любовью и счастьем с молодым приятной наружности баричем Ли, которого ожидала блестящая карьера. С какой же стати ей было связывать судьбу с Цзинцзи! Тем более, она с ним ничего не имела и раньше. А он, поклонник лопухий, было видно, плохо кончит. Душа нараспашку – все бабе выболтал, и сам же ей на удочку попался.

Да,

Ветка душиста, шипы – острый нож.

В душах людских сколько яда найдешь!

На том они и порешили. Цзинцзи осушил еще несколько кубков и вскоре откланялся. Барич Ли проводил гостя за ворота, и Цзинцзи, сопровождаемый Чэнь Анем, удалился.

– Где остановился твой брат? – спросил барич Юйлоу. – Надо будет завтра же нанести ответный визит и чем-то одарить на дорогу.

– Какой он мне брат! – воскликнула Юйлоу. – Это же зять Симэнь Цина. Он приехал увлечь меня и склонить к побегу из дому. Мы с ним

уговорились. Нынче в третью ночную стражу он будет ждать меня за стеной у дома. Надо было бы его самого поймать в силки, которые он другим расставляет. Схватить его как вора и тем вырвать зло с корнем. Что ты на это скажешь?

– Будь он проклят, негодяй! – заругался барич. – Да как он смеет, разбойник! Издревле повелось: достойный муж не может все сносить без возмущенья! Оставь его в покое – он и тебя самого в могилу сведет.

Барич Ли вышел от Юйлоу, крикнул своих самых верных и расторопных слуг и, пояснив, в чем дело, приказал быть наготове.

Чэнь Цзинцзи и не подозревал, как обернулось дело. Среди ночи, в третью стражу, он как ни в чем не бывало взял с собой Чэнь Аня и приблизился к дому барича. На его покашливание – их условный знак – за стеной послышался голос Юйлоу. Цзинцзи перекинул ей веревку, к которой сейчас же привязали огромный узел с серебром. А в том узле, надобно сказать, были завернуты две сотни лянов серебра, взятые из казенной кладовой, чтобы обвинить Цзинцзи в краже из казны. Только он успел передать Чэнь Аню узел и велел бежать, как раздался удар колотушки и из темноты с криками «Держи вора!» выскочили пятеро молодцов. Они связали Цзинцзи и Чэнь Аня, о чем доложили инспектору Ли. Тот распорядился бросить задержанных в острог, а утром учинить допрос.

Правителем Яньчжоу, надобно сказать, был в то время Сюй Фэн, происходивший из области Линьтао, в Шэньси. Он выдержал экзамен на степень цзиньши в году сорок седьмом, гэн-сюй^[1701] и слыл человеком честным, неподкупным и стойким.

На другой день рано утром Сюй Фэн открыл присутствие. По обеим сторонам рядами стояли служащие управы. Инспектор Ли взошел на свое место и расписался в регистрационной книге. Казначей представил дело о краже и объявил:

– Нынешней ночью в третью стражу двое неизвестных воров, коими, как было выяснено, оказались Чэнь Цзинцзи и Чэнь Ань, взломав замки, проникли в кладовую и выкрали из казны серебра на сумму двести лянов. Они перелезли через стену, но при попытке бежать были схвачены и теперь предстают перед судом вашего превосходительства.

– Подвести воров! – приказал правитель Сюй.

Охранники приволокли связанных Цзинцзи с Чэнь Анем и бросили их на пол перед возвышением, на котором восседал областной правитель. Обвиняемые встали на колени. Сюй Фэн обратил внимание

на молодого и недурного собою Цзинци.

– Откуда он родом? Как проник в казенную кладовую? – вопрошал правитель. – Что заставило тебя ночью обворовывать казну? Выкрасть такую солидную сумму серебра?

Чэнь Цзинци только отбивал земные поклоны и молил о пощаде.

– Вору нет пощады! – воскликнул Сюй.

– Не извольте утруждать себя допросом, почтеннейший сударь, – склонившись в поклоне, проговорил находившийся рядом инспектор Ли. – Улики налицо. Совершена кража – дело совершенно ясное. Виновные подлежат наказанию.

Правитель Сюй приказал увести виновных и наказать двадцатью палочными ударами.

– Такую тварь палкой надо учить, – продолжал инспектор. – Иначе он опять пойдет воровать, разбойник.

Прислужники выволокли Цзинци с Чэнь Анем и начали избивать дубинками.

– Поймала меня в ловушку потаскуха Мэн, – ругался Цзинци. – Ой, больно! Посадите!

Сюй Фэн был потомственным правителем, поэтому исходившие из уст Цзинци проклятия его насторожили.

– Хватит! – приказал он прислужникам после десятка палочных ударов. – Пока посадить под стражу! Допрос завтра возобновим.

– Почтеннейший сударь! – опять обратился инспектор Ли. – Советовал бы вам не затягивать дела. Как говорят, если в упорстве ты тверже железа, то да будет закон для тебя жарче горнила. Оставить его на ночь в покое, разумеется, можно. Но не стал бы он потом изворачиваться, другие показания давать?

– Ничего, – успокоил его Сюй. – Я знаю, что делаю.

Конвоиры отвели Цзинци с Чэнь Анем впредь до особого распоряжения обратно в острог. А Сюй Фэна мучило подозрение. Он позвал самого верного слугу и поведал ему, в чем дело.

– Ступай в острог и выведай у Цзинци, что и как заставило его совершить преступление, – наказал правитель. – Потом мне доложишь.

Слуга под видом арестованного проник в острог и, устроившись на ночлег на тех же нарах, что и Цзинци, спросил, как он попал под стражу.

– Смотрю на тебя, брат, – говорил подосланный, – ты такой еще молодой. Что-то ты на вора совсем не похож. Как это тебя сюда угораздило? Надо же было под суд угодить!

– И не говори! – отозвался Цзинци. – Всего сразу и не

расскажешь! Я жил зятем в доме Симэнь Цина в уезде Цинхэ. А сын здешнего инспектора Ли женился недавно на Мэн Третьей – бывшей младшей жене моего тестя. У нас же с ней были близкие отношения. В приданое за ней были отданы десять сундуков золота, серебра и драгоценностей, которые в свое время поставил нам на хранение его превосходительство Ян Цзянь. Вот я и прибыл потребовать у нее добро, но оказался обманутым. Меня схватили как вора и под пытками вырвали признание. Должно быть, не видать мне больше ясного неба! Как тяжело!

Подосланный после закрытия присутствия доложил обо всем услышанном Сюй Фэну.

– Ну что! – воскликнул Сюй. – Я же говорил, не зря он просит пощады и упоминает Мэн.

На другой день правитель Сюй открыл заседание. По обе стороны выстроились нижние чины управы. По приказу Сюя в залу ввели Цзинци и Чэнь Аня.

Допрос позволил восстановить истину, и Сюй Фэн за отсутствием состава преступления дело закрыл.

– Освободить из-под стражи! – раздался его приказ.

Ничего не подозревавший инспектор Ли продолжал стоять на своем.

– Почтеннейший сударь! – говорил он правителю. – Как вы можете выпускать вора!

В ответ Сюй Фэн в присутствии нижних чинов сделал инспектору строгий выговор.

– Я тут правлю! – заявил он. – Я Его Величеству служить поставлен и превращать казенное заведение в место расправы с неугодными вам лицами не собираюсь. Я не намерен облыжно обвинить человека в краже. Это ваш сын, господин инспектор, взял в жены наложницу его тестя Симэнь Цина и прибрал к рукам ее богатое приданое – сундуки и корзины золота и серебра, украденного из казны и подлежащего конфискации. За ним-то и приехал в наши края Чэнь Цзинци. Вы же сочинили дело о краже казны, замыслили всю вину свалить на его плечи, а меня использовать как пособника в ваших темных делах. Не так ли? Долг лица чиновного детей воспитывать да в люди выводить, а где ж восторжествовать справедливости, поступи я по вашему совету?!

Такой упрек, брошенный правителем прямо в зале в присутствии всего штата сослуживцев, вогнал инспектора Ли в краску. Он опустил голову и пал духом, не смея проронить ни слова. А тем временем Чэнь

Цзинци и Чэнь Ань были отпущены и очутились на свободе. Наконец, правитель Сюй покинул заседание, и инспектор Ли вернулся домой понурым.

– Батюшка! – обратилась к нему жена. – Вы всегда приходили со службы веселый и радостный, а нынче что-то такой печальный. Что случилось?

– Чего ты, баба, понимаешь! – огрызнулся муж. – Выпестовали мы с тобой сынка непутевого! Досталось мне из-за него сегодня. Правитель Сюй во всеуслышание так меня отчитывал, что я не знаю, как перенес такой позор. Вот отца осрамил!

– Да в чем же дело-то?! – допытывалась озабоченная жена.

Инспектор вызвал сына, а слугам велел прихватить палок потолок.

– Отца опозорил! – кричал он. – Вот взял ты в жены эту особу, а за ней вслед зять ее пожаловал. Ее приданое требовал – корзины и сундуки золота и серебра. Твердит на допросе, что они принадлежали придворному Ян Цзяню – этому коварному преступнику, который привез их на хранение к Симэнь Цину, а они по приговору подлежат конфискации. А ты чего придумал, а? Будто Чэнь в казну залез, серебро из кладовой выкрал. Его как вора судили. Я же абсолютно ничего этого не знал. Вот и пришлось мне при всех сослуживцах выслушивать упреки правителя Сюя. А ведь я считанные дни как сюда на службу явился. Вот кукую ты мне услугу оказываешь! Мне такой непутевый сын не нужен!

Инспектор велел слугам бить барича, и удары дубинок градом посыпались на его спину, отчего она покрылась рубцами и кровоточила. Мать стояла рядом и со слезами на глазах умоляла пощадить бедного сына. Плачущая Мэн Юйлоу, притаившись у боковой двери задней залы, тоже прислушивалась к происходящему. После тридцати ударов отец велел слугам увести сына.

– Сейчас же у меня прогони ее из дому! – приказал он. – И пусть убирается куда хочет, хоть выходит еще раз замуж. Только бы нам не наживать с ней неприятностей и сохранить честь.

Но как мог барич расстаться со своей любимой Юйлоу! Он слезно умолял отца и мать:

– Я предпочту принять смерть перед вашими очами, батюшка, чем разлучиться с женой.

Отец распорядился скрутить его цепью и запереть в заднюю пристройку, а у дверей поставить стражу, желая, видимо, одного: доконать сына таким заточением.

– Батюшка! – с заплаканными глазами говорила жена. – Всю жизнь

ты служишь. Тебе за полсотни перевалило. У тебя только он один – кровинка твоя. Неужели ты хочешь погубить его из-за какой-то бабы?! А в старости, когда выйдешь на покой, кто же тебя поддерживать будет?

– Иначе от него неприятностей не оберешься, – ворчал отец. – Пока он тут, так и будешь из-за него краснеть.

– Если ты против, чтобы он был с нами, – советовала жена, – отправь их к нам на родину, в Чжэньдин, и дело с концом.

Ли Старший послушался совета жены. Барича выпустили и дали три дня срока. Погрузил он вещи и вместе с Юйлоу отбыл в уезд Цзаоцян, где опять засел за книги.

А теперь вернемся к Цзинцзи и Чэнь Аню. Покинув Яньчжоу, они зашли в монастырь забрать свои пожитки и направились прямо в Цинцзянпу на постоянный двор Чэня Второго, где рассчитывали встретить Яна Железного Когтя.

– Дня три назад он за вами в Яньчжоу ездил, – сказал хозяин. – Под стражу, говорит, они угодили. Собрался и отчалил в джонке с товарами домой.

Не поверил Цзинцзи, пошел к причалу, но джонки не было и в помине.

– Чтоб его громом поразило, негодного! – ругался Цзинцзи. Не мог дожждаться.

Выйдя из-под стражи, Цзинцзи остался без гроша. Пришлось им с Чэнь Анем добираться в чужой джонке, а на пропитание заложить одежду. В пути они шныряли, будто псы бездомные, сновали туда-сюда, как выскользнувшие из невода рыбы, – все искали Железного Когтя, но того и след простыл.

А стояла тогда поздняя осень. Деревья приуныли. Осенний ветер срывал с них последние листья. Веяло холодом.

Вот восьмистишие, посвященное тяготам путника в осеннюю пору:

Тревожно, тревожно!

Кувшинки золотые мертвы.

Последний лист сброшен

Платаном с седой головы.

Сизый иней на коже,

Пронзает мороз леденящий.

В небе мерзлые крошки —

слякотный снег морозящий.

Тоскливо, тоскливо!

Стрекошет сверчок в пожелтевшей траве.

И степь сиротливо
С гусями простилась в вечерней заре.
А в сумерках ивы —
Плакучих теней колыханье,
Тягуче лениво
Осеннее злое дыханье.

И вот однажды добрался Цзинцзи до дому. На нем висели лохмотья, а сам он весь почернел. Как увидел его стоявший у ворот Чэнь Дин, так и ахнул.

— А где же джонка с товарами? — спросил он, когда они вошли в дом. Цзинцзи долго не мог перевести дыхание. Наконец-то он рассказал, как его судили в Яньчжоу.

— Правителя Сюя благодарить надо, — заключил Цзинцзи. — Он отпустил. А если б не он, мне, наверно, и живому не выбраться. Так куда девался Ян, чтоб ему ни дна ни покрывки! Куда он с товаром исчез?

Первым делом Цзинцзи направил Чэнь Дина к Железному Когтю.

— А он еще не приезжал, — ответили домашние Яна.

Тогда Цзинцзи сам пошел узнать, но вернулся ни с чем и заволновался не на шутку.

Дома Цзинцзи стал свидетелем непрестанной ругани между Фэн Цзиньбао и Симэнь Старшей, которая началась с самого его отъезда.

— Фэн Цзиньбао все серебро к своей мамаше перетаскала, — жаловалась ему Симэнь. — А вышибала тут целыми днями околачивается. Распоряжается, как у себя дома. Накупит он вина да мяса, и начинаются у них пиры, а я сиди в спальне голодная. Спит Цзиньбао до самого обеда и хозяйство забросила. А мы из-за нее страдай.

Фэн Цзиньбао тоже не осталась в долгу.

— Совсем она обленилась, лежебока, — говорила мужу Цзиньбао. — С полу иголку поднять — за труд считает. Рис из дому ворует — на сладости меняет. Мясо впрок заготовлено, а она его таскает да с горничной Юаньсяо тайком в спальне у себя лакомится.

Цзинцзи поверил Цзиньбао и обрушился на Симэнь Старшую с руганью.

— Потаскуха проклятая! Баба непутевая! Знать, едун на тебя напал. Рис из дому тащит, на сладости выменивает. С девкой-прислугой украдкой лакомятся.

Цзинцзи избил Юаньсяо, а Симэнь Старшей надавал пинков. В негодовании она бросилась в покои Фэн Цзиньбао.

– Ах ты, шлюха! – обрушилась она на вчерашнюю певичку. – Сама из дому тащит, старой карге своей сплавляет – это, выходит, можно. А про меня мужу ябедничает. Я, видишь ли, рис ворую, мясом объедаюсь. Выходит, грабитель околоточного задержал – с больной головы да на здоровую? Из-за тебя сам меня пинками угощает. Но я с тобой сквитаюсь. Жизнью поплачусь, а сквитаюсь.

– Ах ты, потаскуха! – закричал Цзинцзи. – Сквитаюсь? Да ты мизинца на ее ноге не стоишь!

И надо ж было случиться такому греху! Беда-то, она, вот так и начинается. Цзинцзи схватил Симэнь за волосы и принялся бить кулаком и ногами. Изо рта и носа у нее пошла кровь. Долго она лежала без памяти, пока наконец не пришла в себя. А Цзинцзи ушел на ночь к певичке. Симэнь Старшую душили рыдания. Юаньсяо спала в другой комнате и ничего не слыхала. Бедная Симэнь проплакала до полуночи и повесилась на балке. Было ей двадцать четыре года.^[1702]

Рано утром Юаньсяо толкнулась было к ней в спальню, но дверь оказалась заперта. Цзинцзи и Фэн Цзиньбао все еще нежились в постели. Желая вымыть ноги, Цзиньбао велела принести от Симэнь Старшей таз, но и посланная ею Чунси столкнулась с запертой дверью.

– Вот проклятая потаскуха! – продолжал ругаться Цзинцзи. – До сих пор в постели! Пойду дверь выломаю и все волосы у потаскухи выдеру.

Чунси припала к щелке в окне и заглянула в спальню.

– Встала она, – проговорила служанка. – На качелях качается, – и добавила: – Как кукла в балагане на шнурке болтается.

– Батюшки! Беда! – закричала припавшая к окну Юаньсяо. – Матушка над кроватью повесилась!

Тут только Цзинцзи всполошился. Они с Цзиньбао соскочили с постели и бросились в спальню Симэнь. Взломав дверь, Цзинцзи вынул Симэнь из петли, но все попытки вернуть ее к жизни оказались напрасны. Симэнь Старшая давно испустила дух. Так никто и не знал, в котором часу это случилось.

Да,

Кто знает, где теперь
витает дух бесплотный,
В бегущих облаках,
или просторах водных.

Как только Чэнь Дин проведал, что случилось, он из боязни быть вовлеченным, поторопился сообщить Юэнян. От него Юэнян услышала

не только о самоубийстве падчерицы, но и о том, что Цзинци привел в дом певичку.

Да,

Льдина зла – не в день, не в три

Все промерзло изнутри.

Во главе домашних, слуг, их жен и служанок Юэнян отправилась к Цзинци. Перед ней лежала повесившаяся. Застывшее тело вытянулось в струну. Юэнян заплакала. Цзинци схватили слуги Юэнян и начали нещадно избивать. Его тело было сплошь истыкано шилом. Фэн Цзиньбао спряталась под кроватью, но ее оттуда вытащили и тоже избили до полусмерти. В доме был устроен настоящий погром – валялись выбитые окна и поломанные двери. Кровать с пологом и все приданое Симэнь Старшей перенесли в родительский дом.

По возвращении Юэнян пригласила на совет братьев У Старшего и У Второго.

– Смотри, не упускай случая, сестра, – советовал У Старший. – Тебе надо в суд на него подать, раз он твою падчерицу до петли довел. Иначе он тебя в покое не оставит. Как только ему туго придется, опять к тебе заявится, свои сундуки да корзины требовать будет. Кто далеко не заглядывает, того близкие неприятности поджидают. Нет, тебе, сестра, надо властям жалобу подать, чтобы раз и навсегда его от дома отвадить. Уж зло корчевать, так с корнем.

– А ты, пожалуй, прав, брат, – согласилась Юэнян.

И братья сели писать жалобу.

На другой день У Юэнян отправилась в уездную управу и лично вручила ее правителю. А правителем тогда, надобно сказать, стал недавно назначенный Хо Дали, уроженец уезда Хуанган, из Хугуана. [1703] Он имел ученую степень цзюйжэня и славился своей прямоотой и непреклонностью. Когда ему доложили о происшедшем самоубийстве, он по случаю серьезности дела тотчас же открыл присутствие и принял челобитную.

Она гласила:

«Подательница сей челобитной – урожденная У, тридцати четырех лет от роду, [1704] жена покойного тысяцкого Симэнь Цина.

Обвиняю насильника зятя, который обижал и оскорблял меня, вдову, по наущению певички издевался и избивал жену, чем довел ее до самоубийства.

Прошу покорнейше, сжальтесь надо мною, накажите губителя, дабы я могла спокойно дожить остаток моей жизни.

Мой зять, Чэнь Цзинци, замешанный в казенном деле, нашел приют в нашем доме, где и укрывался многие годы. Чуждый сознания долга, он слонялся без дела, пьянствовал и бесчинствовал. Мне из опасения пришлось удалить его из дому. Но Цзинци затаил ненависть, которую вымещал на жене, моей дочери, урожденной Симэнь, подвергая ее постоянным побоям, ею терпеливо сносимым. Недавно он привел в дом певицу из Линьцина под именем Фэн Цзиньбао и сделал ее первой женой. Подстрекаемый певицей, он всячески срамил законную жену, мою дочь, жестоко избивал ее и рвал на ней волосы. От его пинков она ходила вся в синяках. Будучи не в силах больше выносить такие издевательства, моя дочь в третью ночную стражу двадцать третьего дня в восьмой луне сего года^[1705] покончила с собой.

Умолчание о случившемся, по скромному моему разумению, придало бы Цзинци еще большую самонадеянность и толкнуло бы на новые злые выпады против меня, одинокой вдовы. Тем более, что словесно он уже грозился меня убить, а подобные угрозы нетерпимы, ибо подрывают самые основы справедливости и морали.

Покорнейше прошу Вашу милость взять зятя под стражу и привлечь к ответу, а равно со всей тщательностью расследовать причины самоубийства дочери и наказать виновного по всей строгости закона, дабы сия мера могла послужить предостережением злоумышленникам, успокоила людей добродетельных и смягчила обиды загубленных жертв. Эти помыслы и побудили меня обратиться с жалобой к высокому начальству.

Его превосходительству правителю сего уезда, чья совесть чиста, как ясное небо, на усмотрение».

Восседавший на возвышении правитель Хо прочитал челобитную, потом посмотрел на У Юэнян. Одета она была скромно, в простую шелковую кофту и траурную юбку, но на голове красовалась шапочка жены чиновного лица пятого ранга. Ее отличали сдержанность и строгость, в манерах чувствовались изысканность и добродушие.

Правитель Хо встал и обратился к истице:

– Встаньте, госпожа У. Насколько я могу судить, вы вдова особы чиновного звания. Мне понятны изложенные вами чувства и доводы. Вы можете возвращаться домой, ибо ваше пребывание здесь, сударыня, больше необязательно, но пришлите кого-нибудь из домашних впредь до новых распоряжений. Я же выдам ордер на арест вашего зятя.

Юэнян поклонами поблагодарила правителя и, покинув управу, вернулась в паланкине домой. В управу был послан Лайчжао.

Немного погодя правитель вынес решение. Двое официальных лиц

управы получили белую дщицу^[1706] с распоряжением арестовать Чэнь Цзинци и певицу Фэн Цзиньбао. Два соседа Цзинци и околоточный вызывались в качестве свидетелей.

Цзинци суеился с похоронами, когда в связи с жалобой Юэнян ему предъявили ордер на арест. С испугу у него чуть душа с телом не рассталась. Избитая Цзиньбао, у которой болело все тело, лежала в постели. Когда за ней пришли, она была ни жива ни мертва. Цзинци решил подкупить полицейских и поставил им угощение с вином, но его связали одной веревкой с Цзиньбао и отвели в управу. Были доставлены также соседи слева и справа Фань Ган^[1707] с Сунь Ци и околоточный Ван Куань.

С прибытием арестованных правитель Хо незамедлительно открыл присутствие. Лайчжао опустился на колени поодаль от правителя на площадке, арестованные и свидетели стояли на коленях внизу, перед ступенями.

Правитель взглянул в челобитную и обратился к Цзинци:

– Ты будешь Чэнь Цзинци? А она – Фэн Цзиньбао?

– Да, я Фэн Цзиньбао, – пролепетала певица.

– Ты, малый, ты ведешь себя омерзительно, – продолжал правитель. – По наущению этой певицы ты погубил жену, урожденную Симэнь. Ведь она из-за тебя покончила с собой! Есть у тебя что сказать?

– Ваше превосходительство! – кладя земной поклон, начал Цзинци. – Ваша совесть чиста, как ясное небо, прошу вас, вникните в обстоятельства дела. Я ее не губил. И никогда бы не решился губить человека. Мы с приказчиками были в отъезде. Я лишился серебра и вернулся в крайнем раздражении. Велел ей собрать на стол, а у нее накормить мужа оказалось нечем. Ну я и дал пинка два, а она в полночь взяла да руки на себя наложила.

– Раз ты привел в дом певицу, зачем же у жены еду просить? – спрашивал выведенный из себя правитель. – Неубедительные доводы! В челобитной госпожи У прямо сказано: ты забил ее дочь, довел ее до самоубийства. Признаешь себя виновным или нет?

– Враждуем мы с госпожой У, – говорил Цзинци. – Вот почему она на меня и клеветет. Ваше превосходительство, прошу вас, разберитесь в деле.

– Ее дочери, а твоей жены уже нет в живых! – закричал разгневанный правитель. – У кого же я спрошу, а?! – Он обратился к подручным. – Уведите!

Цзинци получил двадцать больших батогов,^[1708] а Фэн Цзиньбао

пальцы зажимали в тиски и тоже подвергли избиению. Потом их бросили в острог.

На другой день тюремному смотрителю Цан Буси было поручено произвести на месте в присутствии секретаря, околоточного и соседей полное обследование тела повесившейся. На шее у нее оставались следы веревки, а на теле были обнаружены синяки —свидетельства безжалостных избиений и пинков Цзинци.

Составленное на основе осмотра и свидетельских показаний письменное заключение, гласившее, что погибшая не вынесла издевательства и покончила с собой, было скреплено печатью и передано в управу.

Правитель в негодовании снял халат и всыпал Цзинци и Цзиньбао еще по десятку палок. Цзинци обвинялся в избиении до смерти жены, за что полагалась казнь через повешение. Цзиньбао приготовилась к наказанию ста палочными ударами и возвращению в казенное заведение. Такой оборот дела напугал Цзинци. Из острога он написал Чэнь Дину, прося его продать холщовую лавку и все драгоценности Симэнь Старшей. Чэнь Дин наскреб сотню лянов серебра и тайно вручил их правителю уезда, который той же ночью изменил приговор. Цзинци обвинялся теперь только в том, что довел жертву до гибели, и приговаривался к пяти годам ссылки на каторжные работы по перевозке извести.

У Юэнян, стоя на коленях перед управой, не раз взывала к правосудию. Наконец ее позвал правитель.

— У вашей дочери, сударыня, оказались следы веревки на шее, — объяснял он. — Разве я могу наказывать его как убийцу?! Допустимо ли в нашем деле пристрастие! Вы опасаетесь, как бы он не стал беспокоить вас впоследствии, не так ли? Я потребую, чтобы он выдал вам письменное подтверждение отсутствия у него каких-либо денежных или имущественных к вам претензий и прикажу ему близко не подходить к вашему дому.

После этого правитель вызвал Чэнь Цзинци.

— На этот раз я избавлю тебя от смерти, — внушал он. — В надежде, что ты исправишься и начнешь новую жизнь. И не смей у меня тревожить покой госпожи У! Если же ты попадешь ко мне еще раз, пощады не жди! Так и запомни! А сейчас ступай займись похоронами Симэнь. После погребения мне доложишь, чтобы я мог составить бумагу начальству.

Цзинци откупился серебром и был выпущен на свободу. Симэнь положили в гроб. Через семь дней после панихиды состоялся вынос

тела. Похоронили ее за городом.

Много утекло серебра за те полмесяца, которые в общей сложности отбыл под стражей Цзинцзи. Не стало певицы Фэн Цзиньбао. В доме было пусто – хоть шаром покати, да и его заложили. Цзинцзи, которому кое-как удалось жизнь спасти, о теще даже заикаться не решался.

Да,

Беде не нужно лезть через ворота —

хозяин дома сам ее назовет.

Когда в разгаре самом ликование,

тогда печаль ключкою в стену тычет.

Тому свидетельством стихи:

Пусть вихрь, внезапно налетевший,

очаг твой может опрокинуть,

Но помни преданных и верных

и не посмей любовь отринуть.

Мост Голубой водою залит,

влюбленным предстоит свиданье,^[1709]

Но, словно Шэнь и Шан – двум звездам —

не одолеть им расстояние.^[1710]

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ

ВАН ИЗ ХИЖИНЫ В АБРИКОСАХ, ДВИЖИМЫЙ ЧУВСТВОМ ДОЛГА, ПОМОГАЕТ ГОРЕМЫКЕ

НАСТОЯТЕЛЬ ЖЭНЬ РАСПЛАЧИВАЕТСЯ ЗА СОБСТВЕННОЕ СРЕБРОЛЮБИЕ

*Грядущее провидеть мы не в силах,
И судьбы наши так разнообразны!
Смешенье дней счастливых и унылых...
Манят и быстро губят нас соблазны.
Князь верит правде своего всевластья,
А путь Небес туманен и неясен.
Все от судьбы – и счастье и несчастье.
Бредем впотьмах, и каждый шаг опасен.*

Итак, после самоубийства Симэнь Старшей Чэнь Цзинцзи по прошению У Юэнян был судим и чуть было не поплатился жизнью, а когда вышел из-под стражи, то обнаружил, что певицу Фэн Цзиньбао отправили в заведение, дом заложен, у него не осталось ни денег, ни драгоценностей жены, исчезло и все имущество. Все, что только можно было собрать, Чэнь Дин употребил на подношения и подкуп, и Цзинцзи прогнал его из дому.

Шли дни. Цзинцзи жить стало не на что. Ведь ежели сидеть сиднем да есть, и от целой горы добра ничего не останется. Пришлось ему идти к Яну Железному Когтю разузнавать, куда девались полдjonки товаров.

– Ян Старший дома? – спросил он, подойдя к воротам.

А Ян Гуанъянь, прибрав к рукам его товары, успел их распродать и некоторое время скрывался, пока до него не дошел слух, что жена Цзинцзи покончила с собой, а сам он, привлеченный тещей к суду, сидит вот уже полмесяца под стражей. Тогда Ян Железный Коготь тотчас же воротился домой и не показывался на люди. Когда у ворот появился Цзинцзи и спросил о судьбе джонки с товарами, Ян выслал к нему брата Гуляй Ветра.

– Ты же брата торговать заманил, – набросился на Цзинцзи Ян Младший и сгреб его в охапку, требуя брата: – От него до сих пор нет ни слуху ни духу. Ты что, в реке его утопил или на дно пустил, а? Жизнь загубил, а теперь за товаром явился. Что же, по-твоему, дороже – товар или человек!?

Гуляй Ветер, распутный малый, кутила, был коварен и нагл. На руках у него вздулись лиловые жилы, на заросшей груди торчал пук спутанных рыжих волос. Попав в руки этого бесцеремонного и грубого детины, Цзинцзи перетрусил и пытался сбежать. Гуляй Ветер тут же схватил валявшийся острый осколок черепицы, ударил им себе по голове и, окровавленный, бросился за ним вдогонку.

– Мать твою в глаз! – ругался он. – Чего надумал! Серебро ему, видишь ли, выкладывай! Ты у меня тут вонь не распускай, а то по морде угощу.

Цзинцзи, ног под собой не чуя, бросился домой и крепко-накрепко запер ворота, так, что сам Фань Куай не проломит.^[1711] Ян, проклиная род Цзинцзи, принялся разбивать ворота увесистыми камнями, сопровождая каждый удар отборной матерщиной. Цзинцзи притаился – ни жив ни мертв. Ему не оставалось ничего другого. Ведь он едва избежал наказания, а пуганный, приснишь ему веревка, подумает – змея.

Да,

Бойтся инея травинка,
а иней – солнечных лучей
На всякого злодея может
найтись и пострашней злодей

Немного погодя Цзинцзи продал большой дом, выручил семьдесят лянов серебра и снял маленький домик в глухом переулке. Служанку Чунси он продал, а с оставшейся с ним Юаньсяо делил ложе. Но не прошло и полмесяца, как и этот домишко пришлось покинуть. Переселился он в комнату. Дело рухнуло, и Чэнь Ань от него ушел, а Юаньсяо умерла. Остался Цзинцзи бобыль бобылем, ни стола, ни стула – гол как сокол. Вскоре платить за комнату ему оказалось нечем,

и его выселили.

Так очутился Цзинцзи в ночлежке для бродяг. Нищие смотрели на смазливую отпрыска некогда знатной фамилии с жалостью, клали спать на протопленный кан и угощали жареными пирожками, а когда являлись караульные, Цзинцзи сходил за истопника и помогал им бить в колотушку.

Год подходил к концу. Как-то повалил снег и поднялся сильный ветер. Стоял лютый мороз. Цзинцзи с колотушкой сопровождал ночных караульных по улицам и переулкам. Вьюга не утихала. Он шел по прикрытому снегом льду, втянув голову в плечи, съевшись, весь дрожа от холода. Вот-вот должны были пробить пятую предутреннюю стражу, уже запели первые петухи, когда они наткнулись на лежавшего у стены нищего. Он обессилел и, казалось, отходил. Старший из караульных велел Цзинцзи побыть с ним и согреть охапкой сена. Цзинцзи оставался с нищим целую ночь, а как только воротился в ночлежку, свалился и заснул. Он увидел во сне свое прошлое: наслаждался богатством и роскошью в доме Симэнь Цина, предавался любовным усладам и шутил с Пань Цзиньянь. Проснулся Цзинцзи со слезами.

– Чего это ты нюни распустил, а? – спросили товарищи.

– А вот послушайте, что я вам расскажу, братцы.

Тому свидетельством романс на мотив «Белая бабочка»:

Разгулялась стужа вьюжная
На исходе года,
Землю льдами отутюжила, —
Отжила природа.
Грудь и плечи коченеют вмиг.
Брошенный, замерзший!
Смерть не замечает горемык —
Им бессмертье горше!
Немощь в теле, ноги голод гнёт —
Ни глотка, ни крошки.
А снаружи – холод, гололёд —
Бос и без одёжки.
Но всего страшнее белый смерч
Коже индевелой.
Я молю о снисхожденьи смерть,
Отдаю ей тело.

Первый романс на мотив «Резвится дитя»:

Стражи бьют в ночную стужу,
По постелям все лежат.
Кто позвал меня наружу?
Караульный старый Чжан
Призывает меня к службе —
Прямо скажем, повезло:
От его блина по дружбе
Брюхо сухостью свело!

Романс второй:

Сторож, сжался, замерзаю...
Ах, какой холодный год!
Ты отныне мой хозяин,
Не гони меня в обход.
В колотушку бью покорно,
Горемыка и босяк.
Караульный рисом кормит,
Помыкая так и сяк.

Романс третий:

Мне бы чай и ужин плотный!
Вышло ж все наоборот:
Два блина сглотнул холодных,
И теперь болит живот.
День еще под облаками —
Уж велит зажечь огонь,
Понукает всех пинками.
Сунешь медь — смирится он.

Романс четвертый:

Петухи на пятой страже,
Оживает городок
Сытых добронравных граждан,
Нищий лишь в снегу продрог.
Вот нашел я горемыку,
Оживил и он уснул.
Я ж в бессилии захныкал,
Вспомнив молодость-весну.

Романс пятый:

О чем постыдно слезы лью?

Судьбу поведаю свою.
Служили Чэни при дворе,
Торгуя царскою сосной,
Мой дед – инспектор соляной,
Тогда меж четырех морей
Был знаменит старинный род,
Дружил с вельможами отец.
И вдруг всему пришел конец,
Отныне все наоборот:
Потомок их – злодей и мот.

Романс шестой:

Почил меня бивавший дед,
И дух отца уже отпет.
Избаловала меня мать.
Привык кутить и пировать
И обошел певичек всех,
Мне рок мирволил, как на грех!
Когда ж отец в опалу впал —
Взял тесть меж прочих прилипал.

Романс седьмой:

Я зятем жил у Симэнь Цина.
Средь парков, спален и гостиных
Разгулы пиршеств и забав...
Я с тещей спал, мораль поправ.
Имел к деньгам семейным доступ —
Была уверенною поступь,
Но я в могилу свел жену —
И вот мне мщенье за вину.
Играл на золото, алмазы,
Любил с красотками проказы —
А ныне голый на мели,
Стал нищ, спасаясь от петли.

Романс восьмой:

Я из большого дома – в малый,
Оттуда – в смрадные подвалы,
Так голод съел мое жилье.
Мне пищей – крохи да гнилье.

Ведь я привык к вину и мясу
И вдруг всего лишился сразу —
Мне негде взять собачью кость!
Распродан родовой погост!

Романс девятый:

Для низости — я слишком горд.
Для высоты — не хватит силы.
Мне чужд наемный труд унылый,
И землепашца хлебный горб.
Работа — чушь! В уме лишь плутни:
Мечтал красоток ублажать,
Пресытившись, в парче лежать,
И просыпаться пополудни.
Всем причинил немало бед,
Своей заносчивою ленью,
Когда, бездомный, околею,
Меня жалеть не станет свет.

Романс десятый:

Хозяин с платой приставал,
А у жилья в кармане пусто.
Теперь приют ему подвал,
Еда — прокисшая капуста.
Колотит что ни день простуда.
Любой заботе буду рад.
Котел и битая посуда —
Вот все, чем ныне я богат!
Жена в могиле от лишений,
Слуг нет, пал конь и продан дом.
Судья все выманил, мошенник —
И вот скитаюсь бобылем.
В харчевнях — крошек две горсти,
Опивок чайных четверть кружки,
И тупо по ночам трясти
В замасленные колотушки.

Так и жил Чэнь Цзинцзи. Днем просил милостыню, а на ночь укрывался в ночлежке.

Жил-был в Цинхэ почтенный Ван Сюань по прозванию Тинъюн —
Справедливый в Действиях, которому шел седьмой десяток. Человек

состоятельный, набожный и милосердный, он в добрых делах находил высшее удовлетворение. Движимый чувством долга, бескорыстно помогал ближним, славился как щедрый благотворитель, водил широкие знакомства, но особенно усердно поддерживал он горемык и страдальцев. Оба его сына вышли в люди. Старший, Ван Цянь, в чине тысяцкого унаследовал пост заведующего печатью в управлении императорских конюшен. Второй сын, Ван Чжэнь, учился в областном училище. Ван Сюань держал у ворот закладную лавку, в которой управлялся нанятый приказчик. Жил хозяин в полном достатке. На досуге он исцелял недужных или, перебирая жемчужины четок, возносил молитву Будде, то уходил на проповедь в буддийскую обитель – Брахмы дворец,^[1712] то, стремясь постичь путь-дао, удалялся в даосскую обитель – самоцветный дворец бессмертных. В заднем саду у Ван Сюаня росли два абрикосовых дерева, потому-то его больше знали под даосским прозвищем Отшельник из Хижины в Абрикосах.

Как-то, в даосском халате из разноцветных лоскутов и в шапке с двумя отворотами по бокам, стоял он у ворот своего дома, когда перед ним очутился Чэнь Цзинци, павший ниц и начавший отбивать земные поклоны.

– Сынок! – обратился к нему изумленный Ван. – Чей ты будешь? Не разберу никак. Глазами ослаб.

– Не скрою, почтеннейший сударь, – дрожа всем телом, проговорил поднявшись Цзинци. – Ваш покорный слуга – сын торговца канифолью Чэнь Хуна.

Ван Сюань погрузился в раздумье.

– Уж не Чэнь Дакуаня ли? – промолвил старик и, оглядев завернутого в лохмотья жалкого нищего, продолжал. – Сынок! Дорогой ты мой! Что же с тобой стряслось, а? А как отец с матерью? Живы-здоровы?

– Батюшка в Восточной столице скончался, – отвечал Цзинци, – матушку тоже похоронил.

– Слышал, ты у тестя живешь.

– Тесть умер, а теща не захотела меня в доме держать. Потом жену похоронил. Тут на меня жалобу подали, судили. Дом продал, деньги прахом пошли. Теперь вот брожу без дела.

– Где ж ты обитаешь, сынок?

– Всего сразу не расскажешь. Да что скрывать! Вот так вот и живу.

– Ай-яй-яй! – воскликнул старик. – Значит, милостыню просишь? А ведь, помнится, как жили! Известная фамилия, солидный дом! Я ведь с твоим отцом дружбу водил. Ты тогда еще маленьким был. С

пучком на голове в школу бегал. И до чего же ты дошел! Ой-ой-ой! Ну, а есть кто из родных? Чего ж они тебе не помогут?

– Дядя Чжан жив... Да только я давным-давно к нему не показывался. Неловко...

Ван Сюань пригласил гостя в дом и предложил занять место гостя, а слуге велел накрыть стол. Появились сладости и закуски. Когда Цзинци съел все, что ему подали, Ван достал темный холщовый халат на вате, войлочную шапку, пару теплых чулок и туфель и отдал их промерзшему Цзинци. Потом хозяин отвесил лян серебра и, прибавив к нему пятьсот медяков, тоже протянул горемыке.

– Вот тебе одеться, – сказал он, – а медяки на расходы. Сними угол. А серебро на торговлю в разнос пусти. Будет чем голод утолить, не придется и ночлежке обретаться. Она тебя к добру не приведет. А как наступит время за жилье платить, приходи. В месяц раз выдавать буду.

Цзинци пал ниц и бил челом.

– Все понял, батюшка, – повторял он и благодарил хозяина, потом удалился, забрав с собою серебро и медяки.

Но искать угол Цзинци и не подумал, торговать не собирался. Пятьсот медяков пропил в кабачках да в харчевнях, лян серебра разменял на медяки и, бродя по улицам, тоже растранижил. Когда его схватили как воришку и отвели к околоточному, Цзинци пришлось отведать тисков. Выпустили его без гроша в кармане, зато в награду ему достались синяки и шишки.

Через несколько дней ватный халат он проиграл, а теплые чулки выменял на еду и по-прежнему стал просить милостыню.

И вот однажды проходил Цзинци мимо дома Ван Сюаня. Отшельник оказался у ворот. Перед ним склонился в земном поклоне все тот же оборванный и промерзший до костей нищий, у которого от поднесенного Ваном осталась только войлочная шапка, а туфли были обуты на босу ногу.

– А-а! Хозяин Чэнь! – воскликнул старец. – Ну как идет торговля? Жилье нашел? Какая плата?

Цзинци долго мялся. Наконец, на повторные вопросы промолвил:

– Видите дело-то какое. Опять ни с чем остался.

– Ай-ай-ай! – качал головой Ван. – Нет, так, сынок, жить нельзя. За дело легкое тебе браться нет охоты, а трудное не по плечу. Хотя бы каким немудреным делом занялся, чем подавания-то выпрашивать, насмешки да попреки выслушивать, доброе имя отцов позорить. Почему ты меня не послушался, а?

И Ван Сюань опять пригласил Цзинци в дом, а слуге Аньтуну

велел накормить гостя. Когда Цзинци наелся досыта, хозяин дал ему штаны, белую холщовую куртку, носки, а также связку медяков и меру риса.

– Вот возьми да займись у меня торговлей, слышишь? – наказывал он. – Продавай хоть уголь или дрова, бобы или тыквенные семечки, все равно тебе хватит на пропитание. Все лучше, чем попрошайничать. Цзинци дал старику слово, взял подношения и удалился.

Несколько дней Цзинци заказывал горячие блюда, ел мясо и лапшу, деля трапезы со своими товарищами по ночлежке, пока не остался без гроша. Белую куртку и штаны он проиграл.

В первой луне нового года Цзинци, завернувшись в лохмотья, вышел на улицу. Обращаться к старцу Вану ему было неловко, поэтому, добредя до высокой стены его дома, он остановился на солнечной стороне. Ван Сюань бросил в его сторону холодный взгляд и не позвал. Цзинци немного помялся, но потом все-таки подошел к благодетелю и, пав ниц, начал отбивать земные поклоны. Он был оборван и нищ, как и прежде.

– Сбился ты с пути, сынок, – заключил Ван. – Время бежит неумолимо, утроба в пище ненасытна. Бездонную пропасть, сколько в нее ни бросай, не засыплешь. Зайди-ка. Что я тебе скажу. Есть одно место. Светлое и вольготное. Там найдешь ты успокоение душе и телу. Только тебе, пожалуй, не захочется туда.

– Сжальтесь надо мной, дядюшка, – стоя на коленях, бормотал со слезами на глазах Цзинци. – С удовольствием пойду, куда будет вам угодно, только бы мне обрести пристанище и покой.

– Это будет недалеко от города, – пояснил Ван. – У пристани в Линьцине стоит обитель преподобного Яня.^[1713] Место изобилует рыбой и рисом. Целое скопление кораблей и джонок. А какие доходы! И тишина, раздолье. Настоятелем там даосский монах Жэнь – мой давнишний приятель. У него два-три послушника. Вот я и хочу собрать гостинцы и отдать тебя к нему в послушники. Приобщит он тебя к священному писанию и будешь потом справлять требы.

– Спасибо вам за заботу, дядюшка! Как бы это было хорошо!

– Тогда ступай, а завтра приходи да пораньше, – наказал Ван. – Будет благоприятный день – отведу тебя в обитель.

Цзинци удалился. Старец тотчас же позвал портных и заказал для Цзинци две даосских рясы, монашескую шапку, чулки и туфли, словом полное одеяние.

На другой день явился Цзинци. Ван Сюань велел ему совершить в пустой комнате омовение, привести себя в порядок и переодеться.

Цзинцзи вышел в монашеской шапке, в куртке и штанах, а поверх на нем блестела темная шелковая ряса. На ногах были сандалии и теплые чулки. Старец приготовил четыре блюда закусок и фруктов, жбан вина, кусок холста, завернул пять лянов серебра и нанял двух носильщиков. Сопровождаемые слугами Аньтуном и Ситуном они выехали за город. Ван Сюань оседлал коня, а для Цзинцзи нанял осла. Путь держали на пристань Линьцина. До обители преподобного Яня было не больше семидесяти ли. Когда они достигли монастыря, уже смеркалось.

Только поглядите:

Вот-вот должно закатиться дневное светило. Землю уж окутывает мрак. Гаснет заря. Ее багряные лучи мерцают в зыби вод. Лишь солнце скрылось, стал стелиться бирюзовый туман. Под сенью тополей зеленых нет-нет да чирикали птички, в лес торопясь на ночлег. В селении полном алых абрикосов брели в загоны и хлева коровы, овцы.

Да,

Там к берегу реки
причалила рыбацья джонка;
Теленка оседлав,
спешит домой пастух-мальчонка.

Добравшись до пристани, Ван Сюань и его спутники миновали широкую плотину-переправу, потом Большой мост, и их взору открылись стоявшие на причале бесчисленные корабли и джонки.

Пред обителью преподобного Яня Ван спешился и скрылся за воротами. Он очутился среди густых темно-зеленых сосен, в чаще бирюзовых кипарисов. По обе стороны тянулись красные стены, их гребни сближались, образуя проход. Вот он достиг красных дверей храма. Прекрасное это было строение!

Только поглядите:

Высоко вздымались обители врата. За ними возвышались храма многоярусные приделы. Горела золотом вывеска-надпись. Тут пестрели яркие картины придворных и вельмож из свиты Сына Неба. А вот пятизальный обширный дворец, в котором глиняных царей драконов двенадцать изваяний красовались^[1714]. По обе стороны тянулись нескончаемые галереи. На них искусно вырезаны были тьмы тварей водяных. Хоругви древко воздымалось до Млечного Пути. Главнокомандующего стяг со словом «Полководец» к себе приковывало взгляд. К обители со всех сторон ведут дороги, тропы.

Весной и осенью, как полагается, сюда приносят жертвы на алтарь. Идут благодатные дожди и веет приятный ветерок. Здесь жители речных селений молебны служат. Божественная благодать тут пребывает уже тысячелетья. С надеждою взирают на обитель народ и знатные особы, в ней находя душе успокоенье.

Уже у ворот Ван Сюаня заметил инок и поспешил доложить настоятелю. Тот поправил рясу и тотчас же вышел из кельи навстречу паломнику. Ван наказал Цзинци и носильщикам с коробами оставаться за воротами обители. Настоятель Жэнь пригласил старца к себе в келью, где на Террасе Пустынника они обменялись приветствиями.

— Давно вы не посещали святую обитель, почтеннейший благодетель, — проговорил Жэнь. — Рад вас видеть.

— Да все дела, — отвечал Ван. — Суета мирская захлестнула. Никак не мог выбраться.

После приветствий Ван занял почетное местогостя, а настоятель сел за хозяина. Молоденький служка подал чай.

— Время позднее, почтеннейший благодетель, — заметил после чаю настоятель. — Заночевали бы.

С этими словами он распорядился привязать лошадь сзади и задать сена. — Если б не особая надобность, не стал бы нарушать покой святой обители, — начал Ван Сюань. — С просьбой я к вам, отец наставник. Не знаю, какова на то будет ваша воля.

— Не извольте сомневаться, почтеннейший благодетель, — заверил его Жэнь. — Готов исполнить любое ваше распоряжение.

— Я насчет сына одного моего старинного друга. Зовут его Чэнь Цзинци, двадцати четырех лет. Малый он смышленный и собой недурен. Правда, уж очень бойкий. Мать с отцом умерли рано. Ученье пришлось оставить. А родители его, надо сказать, рода именитого, не простые. Состояние нажили, да в опалу попали. Имущество в казну отошло. И негде ему теперь голову приклонить. Смею надеяться, вы мне не откажете, отец наставник. Ради моей дружбы с его покойным родителем я решил проводить его в вашу святую обитель, где бы он мог стать послушником. Что вы на это скажете, отец настоятель?

— Как я посмею отказать вам, почтеннейший благодетель! — воскликнул Жэнь. — Есть у меня два ученика, но такова уж, должно быть, выпала мне прискорбная доля, оба они глупы и, видно, не будет из них проку, что меня сильно огорчает. А он честный?

— Насчет малого, скажу вам правду, досточтимый наставник, будьте покойны, — заверил Ван. — Правдивый и самостоятельный. Он

застенчив и робок, но золотые руки. Учеником останетесь довольны.

– Когда вы намерены его привести?

– Да он у ворот обители дожидается. И подарки скромные при нем.

Прошу покорно, примите их, пожалуйста, не побрезгуйте.

– Что же вы мне раньше-то не сказали, почтеннейший благодетель! – всполошился настоятель и обернулся к службе: – Зови!

Носильщики внесли короба. Жэню вручили лист, на котором значилось:

«Кусок грубого шелку, жбан вина, пару свиных ножек, пару жареных уток, две коробки фруктов и пять лянов серебра с почтением и низким поклоном подносит ученик Ван Сюань».

В знак благодарности настоятель поспешно стал отвечать поклоны.

– К чему вы так утруждаете себя, почтеннейший благодетель? – говорил он. – Я не заслужил столь щедрых подношений. Вы ставите меня прямо-таки в неловкое положение: мне неудобно принимать, но было бы неучтиво и отказать.

Тут он обернулся к Чэнь Цзинци. Тот стоял в даосской шапке, темной шелковой рясе, сандалиях и белых чулках. Его талию стягивал сплетенный из шелковой тесьмы пояс. У него были выразительные глаза и красивые брови. Алые губы подчеркивали белизну зубов. Лицо казалось напудренным. Цзинци вошел и, упав на колени, отвесил настоятелю восемь земных поклонов.

– Сколько тебе лет? – спросил Жэнь.

– Я родился в год лошади.^[1715] Мне только что исполнилось двадцать четыре.

Перед настоятелем в самом деле был смысленный и расторопный малый, которому он дал монашеское имя Чэнь Цзуннэй. Дело в том, что старшего ученика звали Цзинь Цзунмин, второго – Сюй Цзуншунь, Чэня поэтому называли Цзунмэй.^[1716] Ван Сюань велел внести подарки, и настоятель их принял. Служка зажег фонари. Накрыли стол. Сперва подали рис, потом вино и всевозможные закуски. Стол ломился от яств. Были тут куры и свиные ножки, гуси и утки, рыба, креветки и прочая снедь. Старец пил немного, но настоятель и его ученики по очереди подносили ему чарки. Вскоре Ван отказался от вина и, выйдя из-за стола, направился в отведенную ему опочивальню.

На другой день рано утром служба принес ему таз воды. Едва он успел умыться и причесаться, как настоятель подал чаю, а немного погодя накрыл стол и опять начали угощать вином. Лошадь Вана тоже

получила щедрую порцию сена. Наградили и отпустили носильщиков.

Перед отбытием Ван Сюань позвал Цзинци.

– Будь прилежен и старайся, – наказывал он. – Изучай священное писание и внимай поучениям отца наставника. А я буду навещать тебя, одежду к каждому сезону тебе привозить. – Старец обернулся к Жэню и продолжал. – А вы наказывайте его всякий раз, как перестанет слушать ваши наставления. Нерадивого ученика баловать нечего. – Ван отвел Цзинци в сторонку и предупредил. – Давай у меня начини новую жизнь, встань на путь праведный. К делу приобщись. А будешь еще куролесить, на меня больше не надейся!

– Даю вам слово, батюшка! – заверил его Цзинци.

Ван Сюань простился с настоятелем и, выйдя за ворота, отбыл верхом домой.

Так Чэнь Цзинци стал послушником даоса в обители преподобного Яня. Настоятель Жэнь был уже в годах. Тучный мужчина со щетинистой бородой и багровым носом, он был любитель выпить и мастак болтать, обладал зычным и раскатистым голосом. Главное его занятие состояло в приемах да проводках паломников и посетителей. Все же дела обители и большие и малые, он передал своему старшему послушнику Цзинь Цзунмину.

Как раз в то время открылся Его Императорского Величества канал, и два построенных в Линьцине шлюза помогли упорядочить орошение полей. К пристани то и дело прибывали казенные и частные корабли. И всякий почитал за долг посетить обитель преподобного Яня. Тут молились об удаче и счастье, исполняли обеты, интересовались судьбой или просто раздавали милостыню. Одни жертвовали обители серебро и рис, другие – благовония, масло, бумажные деньги и свечи, третьи – сосновые жерди и тростниковые циновки. Так обитель оказалась заваленной излишним товаром. Настоятель Жэнь направил послушников на пристань, где и была открыта лавка. Вся выручка от продажи шла в настоятелю в кошелек.

Старший послушник Цзинь Цзунмин, непутевый малый лет тридцати с небольшим, был завязанный пьяница и волокита. Целыми днями пропадал он в теремах певичек или наслаждался с откупленными красотками, а кроме того держал при себе двоих совсем еще юных служек, с которыми делил ложе. Со временем они ему надоели. Он стал приглядываться к Цзинци, у которого в обрамлении алых губ сверкали белизной зубы, а розовое лицо казалось напудренным. Бойкий и смелый Цзинци бросал в сторону старшего послушника многозначительные взгляды, и Цзинмин

заманил его к себе в спальню.

С вечера Цзинмин пригласил Цзинци выпить и угощал до самой полночи, пока тот не опьянел. Они легли на одну кровать, сначала головами в разные стороны, но потом Цзинмин дал понять, что ему неохота нюхать вонючие ноги Цзинци, и велел ему лечь на подушку рядом. Лицом к лицу они пролежали недолго. Цзунмин заявил, что у Цзинци изо рта дурно пахнет, и заставил его отвернуться. Теперь Цзинци своим задом упирался прямо Цзунмину в живот.

Цзинци сделал вид, будто спит, а Цзунмин тем временем приготовился к нападению с тылу. Причиндал у него напрягся и выпрямился, как палка. Слегка смазав его сверху слюной, Цзинмин запустил в задние ворота только головку. Чэнь Цзинци, надобно сказать, еще в ночлежке приходилось отражать такого рода нападения, которым подвергал его бродяга Хоу Линь, по прозвищу Взмывший к Небу, поэтому он принял вызов, распустил очко, и тот самый предмет незаметно двинулся вперед. Цзинци молчал, а про себя думал: «Эта схватка ему дорого обойдется. Больно он легко думает от меня отделаться. Да за кого он меня принимает! Но я ему подстрою! Он у меня полакомится! За все сдеру!» Тут Цзинци взял да нарочно вскрикнул. Цзинмин, испугавшись, что их услышит отец настоятель, тут же закрыл ему рот рукой.

– Тише, братец! – просил он. – Не кричи, дорогой, умоляю! Сделаю все, что ты захочешь.

– Раз такое дело, – говорил Цзинци, – я промолчу. Но ты должен исполнить три моих желания.

– Дорогой брат! Не три, все десять исполню.

– Раз ты этого хочешь, – начал Цзинци, – то, во-первых, не разрешаю тебе больше спать с теми служками. Во-вторых, ты отдашь мне ключи от всех дверей обители, и, в-третьих, не будешь меня удерживать, куда бы я ни пошел. Тогда я позволю тебе то, чего ты домогаешься.

– Об этом не беспокойся! – заверил его Цзунмин. – Будет по-твоему.

Всю ночь до рассвета провели они в единоборстве. Таким делам Чэнь Цзинци был обучен еще сызмалства. Чего он только не знал! В ту же ночь они на ложе дали друг другу нерушимую клятву быть вместе. Они нежно шептались и щупались, лизали и сосали. Цзинь Цзунмин был наверху блаженства. А на другой день он и в самом деле передал Цзинци все ключи, бросил обоих своих служек и стал ночевать на одной кровати с Цзинци. Так день за днем шло время.

Как-то настоятель Жэнь с обоими послушниками отбыл служить молебен, а Цзинцзи оставил сторожить обитель. Хотя старец Ван и заверил настоятеля в честности Цзинцзи, тот все же не мог отделаться от подозрений. Вот он и решил испытать нового послушника.

– Оставайся в обители и смотри в оба! – наказывал ему Жэнь перед отбытием. – Должен сказать, что там сзади в курятнике я держу не кур. Они только по виду куры, а на самом деле фениксы. Когда будет завершен мой монашеский подвиг на земле, они вознесут меня на небо, где я предстану пред ликом самого Нефритового Владыки. А в покоех у меня стоят корчаги с отравой. За провинности я не бью послушников, а даю им этой отравы, и они отходят. Так что смотри как следует. А мы вернемся к полуденной трапезе. Я тебе оставляю сладостей. Закуси, как проголодаешься.

С этими словами настоятель и послушники отбыли. Цзинцзи запер за ними ворота и расхохотался.

– Будто я глупыш несмысленный, не понимаю! – говорил он. – Нет, меня не проведешь! Корчаги с отравой?! Да в них рисовая водка! На кур показывает, а уверяет, будто фениксы, на них в небо воспарит!

Чэнь Цзинцзи выбрал курицу, какая пожирнее, свернул ей шею, общипал и в кипящий котел, потом почерпнул из корчаги кувшин водки и поставил на огонь подогревать. Немного погодя он разордал курицу руками и, макая в уксус, с чесноком принялся уплетать за обе щеки к великому своему удовольствию. После сытной трапезы он прочитал четверостишие:

Бадейку винца зачерпнул —
И месяц сквозь дымку блеснул.
Мясистую курочку съел —
И облачный слой поредел.

Не успел он доесть курицу, как послышался стук в дверь. Воротился настоятель. Цзинцзи наспех собрал посуду и побежал открывать.

– Что с тобой? – спросил раскрасневшегося Чэня настоятель.

Цзинцзи, опустив голову, молчал.

– Что же ты молчишь? – допытывался Жэнь.

– Позвольте вам доложить, отец наставник, – обратился Цзинцзи. – После вашего ухода улетел феникс. Отчего – ума не приложу. Всю обитель обыскал – нет. Я испугался. Отец наставник, думаю, бить будет. За нож было взялся – горло хотел перерезать, да больно будет, хотел повеситься, а вдруг веревка лопнет – упадешь и расшибешься.

Решил в колодец броситься, да колодец узкий оказался. Вдруг голова не пролезет — застрянешь еще. Все перебрал. Некуда деваться! Тут вспомнил: отец наставник про отраву в корчагах наказывал. Выпил чашку, выпил другую ...

— Ну и как? — осведомился Жэнь

— Да как! До сих пор ни жив ни мертв. Как пьяный хожу.

Выслушал его рассказ наставник и послушники и рассмеялись.

— Да, честный он малый, простодушный! — заключил настоятель и приобрел ему ставленную грамоту монаха.

Отныне Цзинцзи не знал в обители запретов.

Да, так уж повелось, что

Правда — товар неходкий,
хоть как его разложи;
А ложь нарасхват раскупят,
держи хоть три воза лжи.

Чэнь Цзинцзи частенько, набив мошну, наведывался на пристань немного поразвлечься. От побирушки Чэня Третьего он узнал, что после смерти матери Фэн Цзиньбао продали в дом Чжэнов и теперь зовут Чжэн Цзиньбао.

— Она вон в том большом кабаке, — говорил побирушка. — Пошел бы, навестил ее.

У Цзинцзи не охладела прежняя любовь, и он вместе с Чэнем Третьим отправился в кабачок у пристани. Лучше бы ему туда не ходить. Да, раз он пошел, то

Любящих сердец
радость не унять.
Им дано судьбой
встретиться опять.
Тому свидетельством стихи:
Нет, не надо жалеть
для любви золотых одеяний.
Молодые года
нам даны для пьянящих свиданий.
Рви повсюду цветы,
украшай ими спальни, беседки...
Ведь увянут они —
обнажатся корявые ветки.

Это питейное заведение принадлежало дому Се и славилось, надо

сказать, как первое в Линьцине. В нем насчитывалось более сотни отдельных кабинетов. Окруженный увитыми зеленью балюстрадами, кабачок стоял на горке. Его окна выходили прямо на канал, где царило необыкновенное оживление – то и дело прибывали и отчаливали корабли и джонки. До чего же ладное это было сооружение!

Сверкали на солнце резные карнизы, плыли облака по балкам расписным. Увитые зеленью балюстрады спускались вниз к верандам. Бирюзовые занавески свисали на громадных окнах и дверях. Лились трели рожков и свирелей. Там пировали только дети знати и вельмож. Вздymались кубки, поднимались чары. Певицы с танцовщицами служили у столов. Гостей хмельные взгляды устремлялись к голубому небу или к горам, густо покрытым облаками. Завороженные красотами природы, они громко восторгались. Пред ними расстилалась подернутая дымкой белоснежная гладь вод. У переправы на волнах качалась ряска. Чу! Слышится: закидывают невод рыбаки, на отмели в осоке удильщик ударил веслом. У терема в густой зелени тополя крикнула птица. У ворот к синеватой иве привязан пегий скакун.

Чэнь Третий провел Цзинцзи наверх в терем и усадил в комнате, где стояли черного дерева стол и красные лакированные скамейки. На зов появился молоденький слуга. Он тотчас же вытер со стола, расставил приборы и принялся носить отборные кушанья, вино и фрукты. Потом Чэнь Третий велел ему позвать снизу певичку.

Немного погодя скрипнула лестница и наверх поднялась Фэн Цзиньбао с небольшим гонгом в руке. Увидев Цзинцзи, она низко-низко поклонилась. Как говорится, при встрече любовников слезы текут в два ручья.

Да,

Как иволги, нежно они щебетали,

И жемчуга нити с волос упали.

Цзинцзи привлек Цзиньбао к себе и усадил рядом.

– Куда ж ты исчезла сестрица? – расспрашивал он. – Как давно не видались!

– Как меня взяли тогда из дому, – утирая слезы, рассказывала певица, – матушка моя с испугу слегла, и вскоре мы ее похоронили. Меня продали мамаше Чжэн Пятой. Опять в певицы попала. В последнее время посетителей стало мало, приходится на пристань ходить, гостей в кабачке ублажать. Как я узнала от Чэня Третьего, что ты в меняльной лавке служишь, захотела повидаться. Никак не ожидала, что здесь увидимся. У меня прямо ноги подкосились.

Цзиньбао заплакала. Цзинци достал из рукава платок и стал вытирать ей слезы.

– Ну успокойся, дорогая моя! – уговаривал он певицу. – Я живу хорошо. Когда меня освободили, у меня не оказалось ни гроша в кармане. В обители преподобного Яня нашел прибежище. С тех пор стал монахом. Отец наставник меня ценит, мне доверяет. Я тебя буду навещать почаще. А ты, значит, где же обретаешься?

– От этого моста повернешь на запад, к кабачку Лю Второго. У него больше ста комнат. Со всех концов певиц собрал, все ему принадлежим. А днем на пристань ходим.

Они сели рядышком и начали пировать. Чэнь Третий подал подогретого вина. Цзиньбао взяла лютню, и Цзинци осушал чарку под романс на мотив «Ликуют небеса»:

Слезы льются в два потока,
Рукава мокры, как губка.
По три кубка выпить только —
Расставанья терпких кубка.
Разлучили птиц невинных,
Задушили двух поющих.
Звезд за скалами не видно,
Тьма смолы сосновой гуще,
С неба хищно землю черным,
Облаком-крылом укрыла.
Птицам гибель разлученным,
Петь в разлуке не по силам.

Они захмелели, сняли одежды и отдались любви в спальне рядом. Будучи долгое время лишенным общения с женщиной, Чэнь Цзинци как голодный ринулся на Цзиньбао и пускал в ход все силы. Вдоволь насладившись игрою дождя и тучки, он все затягивал поединок.

Только поглядите:

На яшимовых руках без устали вздымался стан. Гибкая, как ива, талия мерно колыхалась, будто на ветру. Глаза огонь метали. Сверкали очи, словно звезды. Капли пота проступили на груди. Он в раж вошел и рвался в бой, готовый выстоять и три и пять сражений. От личика ее, шел пудры аромат и туши для бровей. Она на тысячу ладов молила о пощаде. Затягивался поединок. Чудотворец-змея в глубь самую проник. Твердый в намеренье своем он вел борьбу еще довольно долго. Но вот родник прорвался и забил ключом прозрачным. Продажные красотки-орхидеи, подернутые дымкою тумана! Сколько

на веку своем выдерживал он поединков с вами! Но такого как нынешний еще не вел он никогда!

Закончив поединок, они оделись. Вечерело. Цзинцзи на прощание дал Цзиньбао лян серебра, а Чэню Третьему за посредничество три сотни медяков.

– Сестрица! – обратился Цзинцзи. – Я буду часто тебя навещать. Тут и будем встречаться. А в случае чего за мной Чэня пошли.

Цзинцзи спустился вниз и наградил хозяина Се Третьего тремя цянями серебра за вино и угощения.

Цзинцзи направился в обитель, Цзиньбао проводила его до моста.

Да,

За серебро прольешь немало слез,

За деньги в воду бросишься в мороз.

Если хотите узнать, что было дальше, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ

ПЬЯНЫЙ ЛЮ ВТОРОЙ

ИЗБИВАЕТ ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ

СЮЭЭ СТАНОВИТЬСЯ ПЕВИЦЕЙ

В КАБАЧКЕ

*На клочке земли у бедняка,
бывает, распускаются цветы.
Свет посылает рекам и горам
луна, едва проглянет с высоты.
Верша свои деянья на земле,
на Небо уповает человек.
Всегда коварство тайное страшней,
чем явный неприятельский набег,
Богаты межеумок и глупец —
так исстари ведется и везде;
А мудрые мужи, наоборот,
случается, весь век живут в нужде.
Судьбою установлен наперед
срок жизненный для каждого из нас.
Не можем сами мы ни отдалить,
ни хоть чуть-чуть приблизить смертный
час.*

Итак, после встречи Цзинцзи с Фэн Цзиньбао в кабачке, где их свел Чэнь Третий, в любовниках с прежней силой вспыхнула страсть. Не проходило и трех дней, чтобы Цзинцзи не виделся с певичкой. Когда ему приходилось задерживаться в обители по делам, Цзиньбао напоминала ему о себе либо какой-нибудь безделкой, либо любовным посланием. Сначала Цзинцзи давал ей по пять цянней или по лянну серебра, немного погодя взял на себя расходы по ее содержанию, а

потом стал сам платить и за жилье. В обители он появлялся с румянцем во всю щеку.

– Где это ты пировал? – спрашивал настоятель Жэнь.

– Да с приказчиками в лавке от тоски пропустили по чарочке, – отвечал обычно Цзинцзи.

Брат Цзунмин как только мог защищал друга, потому что, говорить не приходится, ночью обойтись без него никак не мог. Так изо дня в день Цзинцзи выгребал из сундуков серебро, ублажал певицу, пока не перетаскал добрую половину накопленного настоятелем Жэнем, а тот даже не хватился.

И надо же было случиться! Попался Чэнь Цзинцзи на глаза Лю Второму, который доводился шурином Чжан Шэну, одному из подручных начальника гарнизона Чжоу, был больше известен под прозвищем Линьцинский Спрут. Он открыл на пристани не одно веселое заведение, искал опору у сильных и попираля слабых, ссужал деньгами частных певиц и выжимал из них все соки, сдирая проценты в тройном против принятого размере. Если же певица задерживала выплату, Спрут исправлял долговое обязательство, прибавляя проценты к займу, заставляя должницу погашать проценты с процентов. Когда Спрут напивался, то начинал буйствовать, но никто не решался ему перечить. Словом, это был злой истязатель певиц и отъявленный надувала их посетителей. Вот ему и попался на глаза белолицый малый Цзинцзи, монашек из обители преподобного Яня, зачавший в кабачок к Се Третьему, где, как оказалось, он содержал певицу Цзиньбао. Тогда Спрут напился пьяный, выпучил глаза и, подняв могучие с чашку величиной кулаки, направился в кабачок.

– Где Цзиньбао? – заорал он.

– Она наверху, дядя Лю, – отвечившая частые поклоны, говорил напуганный Се Третий. – Во втором номере.

Спрут зашагал по лестнице наверх. Цзинцзи и Цзиньбао тем временем, как ни в чем не бывало, сидели рядышком и весело попивали вино. Дверь была заперта, снаружи ее закрывал занавес.

Лю Второй одним махом сорвал дверную занавеску и заорал во все горло:

– Эй, ты, Цзиньбао! Поди-ка сюда!

Чэнь Цзинцзи с перепугу затаил дыханье.

Лю Спрут двинул ногой в дверь, и она открылась. Навстречу незваному гостю вышла Цзиньбао.

– А, дядя Лю! – воскликнула она. – Я вас слушаю.

– Ты мне три месяца за жилье не платила, потаскуха проклятая! –

набросился не нее Лю. – Вот ты, значит, где укрываешься!

– Не волнуйтесь, дядя! – с улыбкой успокаивала его певица. – Идите домой, а деньги я вам с мамашей пришлю.

Лю хватил кулаком с такой силой, что она отлетела в сторону и, ударившись головой о край полога, лежала на полу вся в крови.

– Буду я ждать, потаскуха проклятая! – ругался он. – Сейчас же выкладывай деньги!

Тут он заметил Чэнь Цзинци, бросился в комнату и ногой опрокинул стол. Зазвенели черепки разбитой посуды.

– Ой! – вскрикнул Цзинци. – Кто ты такой будешь? Врывается да еще буйнит!

– Ешь тебя перееть, монастырский петух! – обрушился на него Лю.

Не долго думая, Спрут схватил Цзинци за волосы, пригнул до самого полу и принялся дубасить кулаками да пинать ногами. Посетители повскакали с мест и вытаращили глаза. Хозяин Се Третий сперва не решался вмешиваться – ведь Спрут был пьян, но, видя, как тот нещадно избивает Цзинци, поднялся наверх.

– Дядя Лю! – уговаривал он. – Успокойся! Прости его, он не ведал, с кем дело имеет. Прошу тебя, от себя прошу, оставь его в покое. Прости, если не так сказал. Обмолвился он. Пощади!

Но Лю Спрут и слушать не хотел хозяина. Он бил Цзинци до тех пор, пока тот не лишился сознания, потом позвал околоточного, велел ему связать певицу с Цзинци одной веревкой и посадить под стражу.

– Завтра утром отведите их к его превосходительству! – распорядился он.

Лю Спрут, надобно сказать, получил от начальника гарнизона Чжоу мандат, дающий ему право содействовать полиции в охране речных путей от разбойников и грабителей.

Об аресте Цзинци в обители не подозревали. Настоятель Жэнь, правда, не мог не заметить его отсутствия. Цзинци не появился после ночного дежурства в лавке.

Между тем, на другой день ранним утром околоточный вместе с подручным из речного дозора, оба верхом, препроводили арестованную пару к начальнику гарнизона, где первым делом вручили список задержанных Чжан Шэну и Ли Аню.

– Вот дядя Лю Второй распорядился арестовать, – пояснили они. – Даос из обители преподобного Яня ссору затеял, его и взяли вместе с певицей Чжэн Цзиньбао.

Палачи принялись вымогать у Цзинци серебро.

– Мы палачи, нас двенадцать человек. Нас можешь в счет не

принимать, но двоих старших обходить не советуем.

– Было у меня с собой серебро, – говорил Цзинци. – Но Лю Второй избил меня, а серебро, видать, украли. Всю одежду в клочья разорвал. Где я теперь возьму?! Вот разве серебряная шпилька – все, что осталось. Нате, передайте старшим.

Палачи взяли шпильку и отнесли Чжан Шэну с Ли Анем.

– Нет, говорит, с собой денег, – пояснили они. – Дал шпильку, да и та только сверху серебром покрыта.

– А ну-ка, приведите его сюда! – распорядился Чжан. – Сам допрошу.

Немного погодя подталкиваемый в спину тюремщиками появился Цзинци и упал на колени перед Чжан Шэном.

– Который будешь послушник у даоса Жэня, а? – спросил Чжан.

– Третий.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– Совсем молокосос! Раз монахом стал, должен священные каноны постигать, а ты с певичкой спутался, пиры закатываешь, ссоры да драки устраиваешь. А почему сюда без денег явился, а? Или для тебя его превосходительство господин столичный воевода не указ?! Думаешь шпилькой отделаться? Брось в реку, всплеска не услышишь. Нечего было ее и брать у него. – Чжан Шэн обратился к тюремщикам. – Уведите! А как его превосходительство начнут разбирать дела, доставите первым. Ты, монах, сукин сын, видать, порядочный скряга. Тебе бы по белу свету бродить, у благодетелей подаяния выклянчивать, а как дело, так ты в кусты. На званный пир идешь, и то, небось, рот утереть платок захватываешь. Ну, погоди, под пытками по-другому запоешь. А вы ему тиски-то покрепче зажмите, слышите?

Потом позвали Цзиньбао. Ее сопровождал вышибала, присланный мамашей Чжэн Пятой. Он достал ляна четыре серебра и оделил ими кого нужно.

– Ты, стало быть, певица, – начал, обращаясь к ней, Чжан Шэн. – Идешь туда, где можно пожить. Да, одежда и питание – в жизни главное. Никакого особого преступления тебе не вменяется. Все будет зависеть от настроения его превосходительства. Явится в дурном настроении – тисков придется отвесть, а в добром – отпустит с миром.

– А ты мне цянь серебра на всякий случай прибавь, – вставил стоявший поодаль палач. – Большие пальцы от тисков избавлю.

– Отведи ее подальше! – распорядился Ли Ань. – Его превосходительство вот-вот должны явиться.

Немного погода изнутри донеслись удары в доску, и начальник гарнизона Чжоу занял свое место. По обеим сторонам от него рядами выстроились младшие чины, тюремщики и палачи. Внушительное это было присутствие!

Только поглядите:

Темно-красным крепом задрапированы стены. Лиловой парчой накрыт и обтянут стол. Фиолетовая вывеска красуется наверху. Нежно-бирюзовые шторы ниспадают со всех сторон. Блюстителю порядка справедлив и честен. На камне рукою Государя высечены заповеди в четырех строках. Здесь следуют стезею честности и благоговения. Рядом с «оленьими рогами»^[1717] вздымаются два стяга с иероглифом «Указ». В серьезных позах застыли военные и полицейские, величая торжественность в рядах помощников начальника царит. Могучие палицы держат воины внизу, у ступеней. Тут суд вершится, решается судьба. Из Поднебесной всего один военачальник правит, но зал напоминает чертоги божества.

Не будь случайности, не будет и рассказа. Пусть пройдет тьма лет и веков, а кому суждено, те друг друга найдут, как и суженым рано или поздно настанет время слияния в брачном союзе.

У Чуньмэй еще в восьмой луне прошедшего года родился сын. Маленькому барину уже исполнилось полгода.^[1718] Личико у него казалось изваянным из нефрита, а губы так алели, словно их покрыли киноварью. Довольный начальник гарнизона берег сына, как редкую жемчужину, как бесценное сокровище. Немного погода у него скончалась Старшая жена, и ее место заняла Чуньмэй. Она жила теперь в главных самых обширных покоях дальней половины дома. Для младенца были куплены две кормилицы. Одну звали Юйтан – Яшмовая Палата, другую – Цзиньгуй – Золотой Сундучок. Молоденькие служаночки ухаживали за новой хозяйкой дома. Одну звали Цуйхуа – Хвойная, другую – Ланьхуа – Орхидея. Неотлучно всюду сопровождали Чуньмэй ее любимые певицы-музыкантши. Одну звали Хайтан – Яблонька, другую – Юэгуй – Лунная Корица.^[1719] Им было лет по шестнадцати. Второй жене, урожденной Сунь, прислуживала только одна горничная Хэхуа, что значит Лилия, но не о том пойдет речь.

Сын Чуньмэй всегда с удовольствием шел на руки к Чжан Шэну, который уносил его из дому и играл с ним. Когда начальник слушал дело, Чжан Шэн обыкновенно стоял где-нибудь поодаль и наблюдал.

В тот день Чжоу Сю занял свое место и объявил об открытии присутствия. В залу ввели задержанных. Первым Чжоу вызвал Чэнь Цзинцзи и певицу Чжэн Цзиньбао. Начальник прочитал докладную и обернулся к Цзинцзи. У того все лицо было в синяках и рубцах.

– Ты же монах, а заводишь певиц, пируешь в кабаках, нарушаешь покой во вверенной мне местности! Как ты посмел преступить монашеский устав?! Как ты ведешь себя!

Чжоу позвал подручных и велел им наказать Цзинцзи двадцатью палочными ударами. Цзинцзи лишали ставленной грамоты монаха и обращали в мирянина. Певицу Цзиньбао приговаривали к пытке тисками и отправляли в казенное заведение, где она должна была служить чиновным особам.

Подручные подошли к Цзинцзи, грубо выпихнули его из залы и стали раздевать. Потом над связанным Цзинцзи взметнулись палки и под команду посыпались удары. И что удивительно! Чжан Шэн в это время с младенцем на руках наблюдал всю картину с террасы присутствия. Когда избивание началось, малыш потянулся ручонками к Цзинцзи. Из опасения, что их заметит начальник, Чжан Шэн поспешил унести ребенка, но тот громко расплакался. Он никак не мог успокоиться и тогда, когда Чжан Шэн протянул его Чуньмэй.^[1720]

– Почему он плачет? – спросила она.

– Его превосходительство приговор вынесли, – пояснил Чжан. – Даоса Чэня из обители преподобного Яня избивали, а он потянулся, к нему на руки запросился. Я его унес, а он и давай плакать.

Услыхав фамилию Чэнь, Чуньмэй легкими шажками, приподняв шелковую юбку, удалилась за ширму и, высунувшись из-за нее, стала всматриваться в сторону залы, желая узнать, кого бьют. По голосу и виду наказуемый походил на зятя Чэня. «Но как он мог стать монахом?», – недоумевала она и позвала Чжана.

– Как, ты говоришь, зовут приговоренного? – спросила она

– Он показал, что ему двадцать четыре года, – отвечал Чжан. – В миру звался Чэнь Цзинцзи.

– «Да, это он», – подумала Чуньмэй и велела Чжан Шэну пригласить мужа.

Тем временем заседание закончилось. Певице зажимали пальцы, а на Цзинцзи обрушился десятый удар, когда Чжоу Сю позвала жена.

– Довольно, обождите! – наказал он палачам и направился к Чуньмэй.

– Ты распорядился бить даоса? – спросила она. – А ведь он мой двоюродный брат. Прости его, прошу тебя!

– Что же ты мне раньше не сказала! – воскликнул Чжоу. – Ему уже досталось с десятков ударов. Как же быть?!

– Оставьте их в покое и отпустите! – выйдя к палачам, приказал начальник. – Певицу отправьте в заведение. Он подошел к Чжан Шэну. – Ступай позови того даоса, – наказал он потихоньку. – Пусть не уходит. Его моя жена хочет видеть.

Чуньмэй и сама только что послала Чжан Шэна за Цзинци, веля привести его в заднюю залу. Но тут она задумалась, ничего не сказала, а про себя подумала: «От нарыва пока избавишься, не будет покоя ни душе, ни телу».

– Нет, пусть идет, я его потом как-нибудь позову, – сказала она Чжан Шэну. – А ставленную грамоту при нем оставь.

После десятка палочных ударов Цзинци отпустили, и он поторопился в обитель. Между тем настоятелю Жэню уже успели рассказать про Цзинци.

– А ваш послушник Чэнь Цзунмэй, слышали, в какую историю попал? – говорили настоятелю. – В кабачке певицу Чжэн Цзиньбао откупил. Спрута Лю на грех навел. Тот его чуть до смерти не избил. Их с певицей связанных к начальнику гарнизона отвели. За такие его похождения и вас на допрос собираются вызывать. Ставленную грамоту отбирают.

Сильно удрученный таким известием, настоятель Жэнь немало перетрусил, а был он уже в годах да к тому же тучный. Бросился Жэнь что было сил наверх, открыл сундуки, а там пусто. Помутилось у него в голове. Так он и грохнулся на пол. Подбежали послушники, подняли наставника, пригласили врача. Тот прописал лекарства, но Жэнь, так и не приходя в себя, к полуночи, увы, испустил дух. Было ему шестьдесят три года.

На другой день после кончины настоятеля вернулся в обитель Чэнь Цзинци.

– И ты решаешься идти в обитель?! – удивились при встрече с ним соседи. – Да ведь из-за тебя именно этой ночью в третью стражу и представился настоятель.

После услышанного Цзинци бросился прочь от обители, точно бездомный пес, будто улизнувшая из сетей рыба, и воротился в уездный город Цинхэ.

Да,

И чжэнскому министру не постичь «оленьи устремленья»,
И Чжуан Чжоу не познать все бабочкины превращения.^[1721]

Тут наш рассказ раздваивается. Расскажем пока о Чуньмэй. Увидев Цзинци, она захотела с ним повидаться, но потом передумала и велела Чжан Шэну его отпустить, а сама пошла в спальню, сняла головные украшения и расшитые одежды и легла в постель. Сжимая руки на груди, она тяжело стонала, отчего всполошился весь дом – от мала до велика.

– Что с вами, матушка? – спрашивала Сунь Вторая. – Вы ведь были в добром здравии.

– Оставьте меня в покое, прошу вас, – проговорила Чуньмэй.

После окончания заседания к ней пошел воевода. Он застал ее в постели. Она тяжело вздыхала.

– Что с тобой? – беря ее за руку, спрашивал муж.

Чуньмэй молчала.

– Может, тебя кто обидел?

Она не проронила ни слова.

– Или тебе неприятно, что я приказал бить твоего брата, а?

Она по-прежнему молчала.

Расстроенный воевода вышел из спальни и обрушился на Чжан Шэна с Ли Анем.

– Вы ведь знали, что он двоюродный брат матушки Старшей, – выговаривал Чжоу Сю. – Почему же мне не сказали, а? Вот наказал его, а теперь матушка сама не своя. Я ж распорядился его не откупать. С ним матушка хотела повидаться, а вы? Зачем его отпустили? Ждете, чтобы я вас вразумил, да?

– Я докладывал матушке, – оправдывался Чжан Шэн. – Матушка велела отпустить, я и отпустил.

Он пошел к Чуньмэй и со слезами на глазах обратился:

– Матушка, прошу вас, замолвите за нас слово его превосходительству, а то нас наказать собираются.

Чуньмэй открыла засверкавшие, как звезды, глаза и, подняв очаровательные брови, позвала мужа.

– Я просто себя плохо чувствую, – заявила она. – И они тут вовсе не при чем. А брат у меня непутевый. Даосом заделался. Пусть поскитается. Я еще успею его повидать. Он мне потом покается.

Чжоу оставил Чжана и Ли в покое. Но Чуньмэй продолжала охать и стонать. Тогда Чжоу велел Чжану пригласить врача, чтобы тот проверил пульс.

– Ваша супруга страдает от шести желаний и семи страстей,^[1722] – заключил врач. – Кто-то нарушил ее душевный покой.

Он прописал лекарство, но Чуньмэй не пожелала его принимать.

Служанки к ней подходить не решались и попросили хозяина. Чуньмэй пропустила глоток и отставила лекарство. Чжоу вышел из спальни.

– Матушка, примите! – просила ее Юэгуй.

Чуньмэй взяла лекарство и выплеснула его прямо в лицо служанке.

– Ах ты, рабское твое отродье! – заругалась Чуньмэй. – Что ты мне горечь-то подсовываешь! Чем ты меня напоить собираешься, а?

Она велела Юэгуй встать на колени.

– За что матушка поставила Юэгуй на колени? – поинтересовалась Сунь Вторая.

– Она лекарства дала, – пояснила Хайтан, а матушка сказала, чем, мол, меня поить собираешься, вот и наказала.

– Матушка, вы ведь нынче ничего в рот не брали, – говорила Сунь. – А Юэгуй ничего не знала. Не бейте ее, прошу вас. Простите на сей раз. – Сунь обернулась к Хайтан и продолжала. – А ты ступай на кухню, приготовь матушке отвару.

Чуньмэй отпустила Юэгуй. Хайтан удалилась на кухню и принялась старательно варить из отборного риса отвар, потом приготовила четыре блюда легких закусок и на подносе, куда положила палочки слоновой кости, понесла только что снятые с огня горячие кушанья в хозяйкину спальню.

Чуньмэй, отвернувшись к стене, спала. Хайтан не решилась ее тревожить и ждала, пока она не повернется.

– Матушка, я вам отвару принесла, – сказала она наконец пробудившейся Чуньмэй. – Кушайте, матушка!

Чуньмэй лежала с закрытыми глазами и не промолвила ни слова.

– Не остыл бы отвар, – проговорила Хайтан. – Матушка, привстали бы да покушали.

– Вы ничего не ели, матушка, говорила стоявшая рядом Сунь Вторая. – Ведь вам полегчало немного. Встали бы да покушали. Себя подкрепили бы немножко.

Чуньмэй не выдержала и, вскочив с постели, велела кормилице подать лампу. Она взяла рисовый отвар, попробовала и бросила чашку на пол. Та разбилась бы вдребезги, если б ее не успела подхватить кормилица, но тут Чуньмэй громко закричала.

– Вот ты твердишь: встань да покушай! – кричала она Сунь. – Сама погляди, что наварила эта негодяйка, рабское отродье! Я, небось, не на сносях. Что это за похлебка! Как зеркало, хоть смотришь! – Она обернулась к Цзиньгуй. – А ну-ка, дай ей, рабскому отродью, четыре пощечины.

Цзиньгуй послушно ударила Хайтан по лицу.

– Что же вы хотите, матушка? – спрашивала Сунь. – Вы же голодны.

– Кушай, говоришь? А я не могу, – отвечала Чуньмэй. – Мне в горло не лезет.

Через некоторое время она позвала Ланьхуа.

– Хочу навару из куриных крыльев, – проговорила Чуньмэй. – Ступай на кухню, скажи потаскухе, рабскому отродию, чтобы руки хорошенько вымыла. Да пусть ростками бамбука как следует приправит. Острого захотелось.

– Вели Сюээ приготовить! – наказала Сунь. – На что у вас аппетит, матушка, то как лекарство исцелит.

Ланьхуа не стала мешкать и удалилась на кухню.

– Матушка тебе наказала приготовить навару из куриных крыльев, – обратилась она к Сюээ. – Давай быстрее! Матушка ждет.

В такой навар шли, надобно сказать, только мелко нарубленные пястные кости и цыплячьи грудки. Сюээ прежде чем взяться за дело вымыла руки и почистила ногти. Потом она резала двух цыплят, ощипала и, отрезав концы крыльев, изрубила их ножом. Навар был приправлен перцем, луком, тмином, солеными ростками бамбука и маслом с соей. Его разлили в две чашки и поставили на красный лаковый поднос. Когда Ланьхуа принесла его в спальню хозяйки, от него шел пар. Чуньмэй осмотрела его при огне, попробовала и громко заругалась.

– Ступай и скажи этой потаскухе! Что она, рабское отродье, намешала! Преснятина какая-то! Никакого вкусу! Все потчуют да потчуют, а сами только на грех наводят.

Ланьхуа, испугавшись, что хозяйка ее накажет, бросилась на кухню.

– Навар матушке показался чересчур пресным, – сказала она Сюээ. – Как она ругалась!

Сюээ сдержалась и, не сказав ни слова, опять засуетилась у котла. Когда новый навар, в который она прибавила перца и пряностей, был готов, от него шел аппетитный аромат. Ланьхуа понесла его в спальню. Чуньмэй он показался слишком соленым, и она выплеснула его на пол. Ланьхуа чудом отскочила в сторону, а то содержимое чашки опрокинулось бы прямо на нее.

– Иди и скажи рабскому отродью, – закричала Чуньмэй, – чтобы она готовила, что ей велят, а не злилась. Куда это годится! Или она хочет, чтобы я ее вразумила?

Когда Сюээ убедилась, что Чуньмэй никак нельзя потрафить, она

проговорила негромко:

– С каких это пор она так зазналась? Житья от нее никакого нет!

Ее сетования Ланьхуа тут же передала Чуньмэй. Не услышь этого Чуньмэй, все бы шло своим чередом, а тут она подняла свои тонкие, как ивовые листки, брови, вытаращила сверкавшие, словно звезды, глаза и застучала от злости белоснежными зубами. Напудренное лицо ее побагровело.

– Сейчас же приведите потаскуху, рабское отродье! – закричала она и послала кормилицу и служанок за Сюээ. Немного погодя они ввели в спальню Сюээ.

Чуньмэй в гневе схватила ее за волосы и сорвала головные украшения.

– С каких, говоришь, пор я зазналась? – закричала она. – Да, потаскуха, рабское твое отродье, не в доме Симэнь Цина меня возвысили! Нет! Я тебя купила и поставила служить мне! И не смей у меня гонор выказывать. Я приказала тебе приготовить навару, а не преснятины какой-то! Так ты мне соль живую подаешь?! Да еще служанке заявляешь, с каких, дескать, пор она так зазналась? Житья, мол, от нее нет, загоняла? Какой в тебе прок? Зачем ты мне нужна!

Чуньмэй пригласила мужа, а Сюээ велела вывести и поставить во дворе на колени, потом крикнула Чжан Шэна с Ли Анем и велела им наказывать ее тридцатью палками. По обе стороны около Сюээ встали слуги с ярко горящими фонарями. Чжан Шэн и Ли Ань подняли палки. Сюээ воспротивилась, когда ее стали раздевать, как того потребовала Чуньмэй. Хозяин, не желая ее раздражать, стоял молча.

– Наказывать, матушка, наказывайте, но раздевать донага не следует, – уговаривала Чуньмэй стоявшая рядом Сунь Вторая. – Хотите, чтобы она перед всеми слугами раздетой предстала? Да и батюшку в неловкое положение поставите. Будьте снисходительней, матушка, если она и провинилась.

Но Чуньмэй стояла на своем и требовала, чтобы Сюээ сейчас же раздели.

– Я прежде сына прикончу, себе веревку на шею накинута, тогда только ее оставлю в покое, а вы можете ставить ее на мое место, – заявила Чуньмэй и упала, ударившись головою об пол, отчего потеряла сознание.

К ней подбежал встревоженный хозяин.

– Ну пусть наказывают так, как ты желаешь, – говорил он, поднимая ее. – Только не надо из себя выходить.

Тут бедную Сюээ бросили на землю, раздели и нанесли три десятка

палочных ударов, от которых на теле появились кровоточащие рубцы. Подручные начальника были посланы за тетушкой Сюэ. Ей велели увести Сюэ из дому и продать. Чуньмэй подошла к свахе и стала шептаться.

– Сколько ты за потаскуху возьмешь – твое дело, – говорила она. – Мне больше восьми не нужно. Но продай ее, рабское отродье, только в кабачок певицей, слышишь? Если узнаю, что она не в кабачке, лучше мне на глаза не показывайся!

– Я вами живу, дорогая! – воскликнула сваха. – Как посмею нарушить вашу волю!

Она увела Сюэ. Горемыка проплакала до самого рассвета.

– Не плачь! – уговаривала ее сваха. – Не повезло тебе. Судьба соперниц света. А хозяин к тебе вроде относился неплохо, но вот беда – с ней у вас еще с тех пор вражда началась. Вот она на тебе и выместила. Тут уж хозяин ничем не мог помочь. Ничего не поделаешь – у нее сын. И матушке Сунь Второй потесниться пришлось. Как говорится, пустили мышь в крупу. Да что и говорить! А ты не плачь! Успокойся!

Сюэ утерла слезы и поблагодарила тетушку.

– Одного хочу, – говорила она, – попасть бы в такое место, где сыта буду.

– Она мне строго-настрого наказала, чтобы тебя в кабачок отправить, – поделилась сваха. – Но я мать, и у меня есть сердце. Погоди, я тебя бездетной паре продам или какого мелкого торговца подыщу. Будет тебя кормить.

Сюэ опять стала на все лады благодарить сваху. Прошло дня два. К хозяйке постучалась соседка-торговка мамаша Чжан.

– Кто это у тебя, соседushка, так горько плачет? – спросила она.

– Зайди, соседushка, посиди, – пригласила Сюэ. – Да вот она. Из богатого дома. С хозяйкой не ужилась. У меня пока. Замуж выдаю. Хотелось бы бездетной паре просватать, чтобы ругани потом не было.

– Остановился у меня, соседushка, один шаньдунский торговец ватой, – заговорила Чжан. – Зовут Пань Пятый, тридцати семи лет. Подводы с ватой при нем. Частенько у меня останавливается. На днях у нас разговор зашел. Мать у него старая, за семьдесят, болеет, а жену с полгода как похоронил. Некому хозяйством заниматься. Посватать просил, да подходящей не находится. А она, я гляжу, годами подошла бы. Вот и выдать бы за него.

– Я тебя, дорогая соседushка, обманывать не хочу, – начала Сюэ. – Из богатого дома она. Мастерица. И шьет и вышивает. А как стряпает,

говорить не приходится. Сделает навар – пальчики оближешь. Тридцать пять лет ей.^[1723] Всего за тридцать лянвов отдают. Я бы за приезжего выдала.

– А как насчет приданого? – поинтересовалась Чжан.

– Только переодеться есть да украшения кое-какие, а сундуков с корзинами не имеется.

– Ладно, я с ним поговорю. Пусть сам придет посмотрит.

Соседка выпила чаю и ушла, а вечером поговорила с гостем. На другой день после обеда она привела его на смотрины. Сюээ была молода и хороша собой. Пань Пятый без разговору выложил двадцать пять лянвов серебра и дал лян свахе. Она не стала торговаться. Тут же составили брачное свидетельство. Под вечер Сюээ была взята, а на другой день молодые пустились в путь.

Сваха попросила переписать свидетельство и пошла к Чуньмэй.

– В кабачок продала, – вручая восемь лянвов, сказала она Чуньмэй.

Пань только ночь провел с Сюээ и на другой же день в пятую предутреннюю стражу, отблагодарив мамашу Чжан, отбыл в Линьцин.

Шла шестая луна. Дни стояли длинные. Когда лошади добрались до пристани, близился закат. Остановились в кабачке. А насчитывалось их в Линьцине больше сотни. В них содержались привезенные со всех краев певицы. В один такой кабачок и попала Сюээ. Ее ввели в небольшую комнату с каном. На нем сидела женщина лет шестидесяти. На краю кана играла на лютне девица лет восемнадцати, в шелковом платье, напудренная, с намаженными губами. У нее блестели намасленные волосы, собранные в большой пучок.

Сюээ так и заголосила, поняв, наконец, что Пань Пятый не кто иной, как торговец живым товаром, который для того и купил ее, чтобы сделать певицей. Сюээ дали имя Юйэр – Яшмовая. А девицу звали Цзиньэр – Золотая. Каждое утро она выходила с гонгом на улицу и зазывала в кабачок посетителей, к которым приходили потом певицы. Вот какой промысел ждал Сюээ.

Появился Пань Пятый и, ни слова не говоря, избил Сюээ. Дня два он позволил ей отоспаться, давая ей по две чашки рису в день. Потом заставил учиться играть и петь, а когда у нее не получалось, бил, отчего тело ее стало багровым. Когда она стала преуспевать, он нарядил ее в шелка, разрешил пудриться и намаживаться. Ее заставили выходить к воротам дарить улыбки, строить глазки и шутить с прохожими.

Да,

Благие перемены в ней,
как видно, вовсе неспроста,
Ведь и пион-цветок пышней,
лишь на ухоженных кустах.^[1724]

Тому свидетельством стихи:

Бежать куда – тупик?! Где сыщется приют?
По северу кружить – и броситься на юг.
Угаснуть где в ночи цветастым облакам?
Сон месяцу вослед уносит к кабакам.

Так Сюээ оказалась в кабачке, но и тут Небо не забыло ее. Однажды начальник Чжоу направил Чжан Шэна закупить несколько десятков даней дрожжей, намереваясь запастись на зиму вином. Лю Спут, едва узнав о прибытии зятя, сейчас же велел прибрать в кабачке. Наверху, в одном из лучших номеров, на столе стояли закуски и вино, чарки и блюда со свежими фруктами. Вино было припасено лучшее, ждала своего часу живая рыба.

Чжан Шэна пригласили занять почетное место на возвышении. Кабатчик подогревал вино.

– Кого из певец изволите позвать дядя Лю? – спросил он Спрута.

– От Вана позови Старшую сестрицу, – перечислял Спут, – от Чжао – Цзяоэр, а от Паня – Цзиньэр с Юйэр. Пусть они ублажают зятюшку Чжана.

– Слушаюсь! – отозвался кабатчик и спустился вниз.

Немного погодя на лестнице раздался смех. Наверх поднялись четыре певицы. Разодетые в тонкие яркие шелка, они пестротой нарядов напоминали букет цветов. Они отвесили по четыре низких поклона гостю, грациозно склоняясь, будто ветки под тяжестью цветов. Развевались их расшитые узорами пояса. Они встали в сторонку, и Чжан Шэн вперил в них свой свирепый взор. И что удивительно! Одна из певиц живо напомнила ему Сюээ – кухарку с кухни его господина, которую прогнала его Старшая госпожа. «Но как она могла попасть в певицы?» – подумал он. – «Как она очутилась в этих краях?». Сюээ, взглядевшись, тоже узнала Чжан Шэна, но молчала.

– Откуда вон та певица? – спросил он Спрута.

– Не скрою, зятюшка, – отвечал тот. – Это Юйэр и Цзиньэр из дома Паня Пятого. А вон эта – Ван Старшая. Та – Чжао Цзяоэр.

– Ван Старшую я знаю, – проговорил Чжан. – Но мне знакомо лицо Юйэр. – Он подозревал ее и спросил шепотом. – Ты не Сюээ из дома его

превосходительства? Как ты сюда попала?

– В двух словах не расскажешь, – проговорила она, и слезы потекли у нее из глаз. – Меня тетушка Сюэ продала сюда обманом за двадцать пять лянов. Тут обучили служить на пирах и принимать гостей.

Чжан Шэн давно заглядывался на красивую Сюэ, а теперь влюбился в нее. Сюэ всячески старалась услужить гостю. Их беседа становилась все интимней и откровенней. Немного погодя они с Цзиньэр взяли лютни и, пока Чжан осушал кубок, спели ему романс на мотив «Четыре слитка золотых»:

Казалось, в любви задолжала ему,
Но пропасть меж нами – любовь ни к чему.
Ланиты в слезах. Как коварное море,
Непреодолимо глубокое горе.
Что ныне осталось от пламенных клятв?!
Лишь гарь пепелища и в воздухе чад.
За что мне, предатель, мучения эти?
Ведь я же люблю всех сильнее на свете!

Певицы умолкли, и взметнулись чарки, заходили кубки. Чжан Шэн, казалось, пировал среди букетов ярких цветов. Незаметно он захмелел. Ведь деньги, женщины и вино – кто перед ними устоит!

Влюбленный Чжан Шэн два вечера оставался у Сюэ. И на ложе она шептала ему клятвы, старалась ублажить как только могла. Они резвились, словно рыбы в воде, так что их улады невозможно описать.

Утром, когда Чжан Шэн умылся и причесался, Лю Спрут загодя велел накрыть стол, желая подкрепить зятя после бурной ночи. На столе его ожидало вино и кушанья в больших блюдах и чашах. После обильной трапезы Чжан Шэн стал собираться в путь. Досыта накормили лошадей, и, нагрузив поклажу, сопровождаемый слугами Чжан Шэн пустился в обратный путь. Сюэ он оставил три ляна серебра.

– Смотри за ней, чтобы никто у меня ее не обижал! – наказал он Спруту.

С тех пор всякий раз когда Чжан Шэн приезжал на пристань, он останавливался в кабачке у Сюэ. По несколько лянов серебра перепало от него ежемесячно Паню Пятому. Потом Чжан откупил возлюбленную. Сюэ перестала принимать гостей. Лю Спрут, стараясь изо всех сил ублажить зятя, не брал с нее платы за жилье. Обирая

других певичек, он стал сам выплачивать откупные за Чжан Шэна, а помимо того снабжал Сюээ пропитанием и дровами.

Тому свидетельством стихи:

Когда мы лукавим,
у сильных идем в поводу,
Не беды нас ищут —
мы сами накличем беду.
Как часто,
коль плотским желаньям в себе потекаешь,
Красотка не дразнит —
ты голову сам потеряешь.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ

ПИНЪАНЬ КРАДЕТ ЗАЛОЖЕННЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

ТЕТУШКА СЮЭ ОКАЗЫВАЕТСЯ ЛОВКОЙ ЗАСТУПНИЦЕЙ

*Афоризмы гласят:
В дни благоденствия
будь умерен и сдержан;
Страшно, когда разорен ты,
судьбою отвержен.
В пору могущества
в меру пользуйся властью;
Силы лишась,
ты познаешь обиды, напасти.
Оберегай же
и счастье свое и достаток,
Срок полномочия
вдруг да окажется краток!..
Силы, богатство,
нам кажется, неистощимы,
Но исчезают
быстрее, бесследнее дыма.*

Итак, Сунь Сюээ была продана в кабачок певицей, но не о том пойдет речь.

А пока перенесемся в дом Симэнь Цина. После того как покончила с собою Симэнь Старшая и У Юэнян подала на Чэнь Цзинци жалобу властям, умер Лайчжао, а его жена, Шпилька, оставшись с сыном

Тегунем на руках, была выдана замуж. Привратником теперь стал Лайсин. Сючунь ушла в монастырь и стала послушницей у монахини Ван. Лайсин со смертью Хуэйсю жил вдовцом. Когда кормилица Жуи брала к себе Сяогэ, к ней навещался Лайсин. Они вдвоем пили вино, которое он приносил, шутили и смеялись, пока не сошлись. Не раз Жуи появлялась в покоях хозяйки румяная. Юэнян, догадываясь в чем дело, сначала обрушивалась на кормилицу с бранью, но ведь сор из избы не выносят. В конце концов хозяйка дала ей набор одежды, четыре шпильки, серебряную заколку с монограммой «Долголетие», чесалку и в благоприятный день выдала замуж за Лайсина. Днем Жуи служила на кухне и присматривала за Сяогэ, а на ночь уходила к мужу.

Настал пятнадцатый день восьмой луны. Юэнян справляла свой день рождения. В гостях у нее были невестки – жены У Старшего и У Второго, а также три монахини.

Пировали в дальней зале, а вечером все перешли в отведенный гостям для ночлега флигель Юйлоу. До второй ночной стражи монахини услаждали хозяйку житиями из «Драгоценных свитков». Чай им должна была заваривать Чжунцю, но когда Юэнян крикнула служанку, никто не явился. Тогда Юэнян самой пришлось пойти в девичью. Там она застала Дайяня и Сяоюй. Они лежали на кане в обнимку и предавались любовным усладам. Едва завидев хозяйку, Дайянь с Сяоюй до того растерялись, что не знали куда деваться.

– Ах ты, вонючка проклятая! Где чай, я тебя спрашиваю? Наставницы жития читают, пора чай подавать, а вы тут чем занимаетесь?! – не желая поднимать шум, только и проворчала Юэнян.

– Чжунцю на кухне дежурит. Я ей велела чай заваривать, – опустив голову, проговорила Сяоюй и поспешно вышла.

Дайянь, минуя внутренние ворота, тоже улизнул к себе.

Через два дня, когда Юэнян проводила обеих невесток и монахинь, она велела Дайяню перейти жить к Лайсину, а Лайсина перевела в помещение, которое занимал прежний привратник Лайчжао. Дайяню были заказаны две кровати, новая одежда, шапка, туфли и чулки. Сяоюй получила от хозяйки сетку для волос, серебряные и золотые головные украшения, четыре серебряных с позолоченными головками шпильки, серьги, кольца и прочие безделки, а также два набора одежд из узорного шелка и атласа. В благоприятный день ее выдали замуж за Дайяня. Днем она служила в покоях Юэнян, а на ночь перед закрытием внутренних ворот уходила ночевать к Дайяню. Каких только лакомств не таскала мужу Сяоюй. Юэнян знала об этом грешке своей горничной, но виду не подавала. Ведь, как говорится, кто любит, тот

не замечает; кого любишь, тот не надоест; где одни едят, а другие глядят, там не жди ни мира, ни покоя; у сварливой хозяйки ропщут служанки.

А пока расскажем о Пинъане. У него на глазах Юэнян заметно выделила Дайаня – не только одела и обула, но женила и дала отдельное жилье. А двадцатидвухлетний Пинъань, будучи на два года старше Дайаня, жил по-прежнему вместе с остальными слугами, и хозяйка не собиралась его женить.

Однажды Пинъань оказался в закладной лавке и стал свидетелем того, как приказчик Фу принял у посетителя в заклад за тридцать лянов серебра набор золотых головных украшений и позолоченный крючок для занавески, которые тот обещал через месяц выкупить, включая проценты. Приказчик Фу и Дайань, ничего не подозревая, положили драгоценности в шкаф. У Пинъаня глаза разгорелись на золото. Выкрал он драгоценности вместе со шкатулкой и отправился в заведение, где хозяином был У Длинноногий, державший певиц Сюэ Цуньэр – Заботливую и Баньэр – Компанейскую. Две ночи провел с ними Пинъань. Он швырял деньгами, что не ускользнуло от зоркого глаза вышибалы. Доглядев в шкатулке у Пинъаня золото, вышибала сделал вид, будто отправляется за вином и покупками хозяйке, а сам пошел да шепнул сыщику. Задержанного Пинъаня наградили пощечинами и повели под стражу.

И надо же было тому случиться! Как раз в это время по улице верхом на коне проезжал У Дяньэнь. Он был недавно назначен приставом и над головой у него висела дщица-мандат.

– Кого задержал? – спросил он.

– Докладываю! – опустившись на колени, говорил сыщик. – Задержан подозрительный. Ночует у певиц. Имеет при себе золотые дамские украшения.

– Приведи ко мне! – распорядился У Дяньэнь. – Сам допрошу.

Пинъаня доставили в участок. За столом сидел У Дяньэнь. По обеим сторонам выстроились рядами вооруженные подручные. Сыщик ввел связанного Пинъаня, который сразу узнал У Дяньэня. «Да это же наш бывший приказчик, – подумал Пинъань. – Он меня отпустит».

– Меня зовут Пинъань, – обратился он. – Я из дома Симэнь Цина.

– Если ты слуга, то зачем ходишь к певицам? – спрашивал У Дяньэнь. – А золото как к тебе попало?

– Матушка Старшая одалживала своей родственнице золотые украшения, – пытался объяснить Пинъань. – Меня за ними послала. Возвращался я поздно. Городские ворота закрыли. Пришлось

заночевать у певицы. Тут меня и задержали.

– Не ври, рабское отродье! – заругался У Дяньэнь. Неужели у твоей хозяйки столько золота и серебра, что она доверяет его какому-то слуге, чтобы тот ночевал с ним у певиц! Украл ты эти украшения! Так и говори! Не то пытаться велю.

– Правда, родственнице одалживали, – настаивал слуга. – Меня хозяйка за ними послала. Зачем мне вас обманывать!

У Дяньэнь вышел из себя.

– Вот разбойник, рабское отродье! Видать, без пыток от него правды не добьешься! – закричал пристав и крикнул подручных. – А ну-ка несите тиски! Пытать негодяя!

Пальцы Пинъаня зажали в тиски. Он орал как резаный.

– Батюшка! Пощадите, не надо! – кричал он. – Всю правду скажу.

– Скажешь правду, пощажу!

– Набор золотых головных украшений и позолоченный крючок я в закладной лавке украл, – признался Пинъань.

– Зачем же ты их украл, а?

– Мне двадцать два года, батюшка. Хозяйка обещала мне невесту подыскать, а женила другого слугу, Дайаня. Он же на два года меня моложе. Зло взяло, вот и украл ...

– Должно быть, хозяйка с этим Дайанем путалась, вот и поспешила его женить, так что ли? – выпытывал У Дяньэнь. – Не бойся, правду говори! Скажешь, как есть, отпущу.

– Вот этого я не знаю, – промолвил Пинъань.

– Не скажешь, так тисков у меня отведаешь.

Подручные опять приспособили тиски.

– Батюшка! Пощадите! – умолял Пинъань. – Все скажу.

– Ну то-то же! – протянул У Дяньэнь и распорядился повременить с тисками. – Говори и выйдешь на свободу.

– Да, моя хозяйка в самом деле жила со слугой Дайанем, – заявил он. – Дайань хотел жениться на горничной Сяююй, и хозяйка, ни слова не говоря, одарила горничную нарядами, украшениями и выдала за Дайаня.

Тут У Дяньэнь велел писарю записать показания Пинъаня, а его самого оставить под стражей впредь до ареста и допроса У Юэнян, Дайаня и Сяююй.

Но перенесемся пока в закладную лавку. Когда приказчик Фу обнаружил пропажу золотых вещей, на нем не было лица. Он стал спрашивать Дайаня.

– Но я ничего не знаю, – отвечал тот. – С меня лавки

лекарственных трав хватает, а закладная на твоей ответственности.

– Я помню, как положил шкатулку в шкаф, – недоумевал Фу – куда она могла деться?

Стали разыскивать Пинъаня, но его и след простыл. Приказчик Фу в панике клялся и божился, что ума не может приложить, куда пропали золотые вещи.

– Не нашли еще ваших вещей, – только и отговаривался он, когда в лавке появился владелец. А приходил он не раз. Получая все тот же ответ, владелец поднимал у дверей лавки крик и шум.

– Я им на месяц закладывал, – кричал он. – Я с ними сполна расплатился и проценты вернул, а они не хотят мне вернуть вещи! Мои украшения и крючок стоят семьдесят-восемьдесят лянов серебра, не меньше!

Когда Пинъань не пришел ночевать, приказчику Фу стало ясно, чьих это рук дело. Во все концы были посланы слуги на розыски Пинъаня, но обнаружить его не удалось, а владелец заложенных ценностей опять поднял шум. Приказчик Фу, переговорив с хозяйкой, готов был выплатить полсотни лянов, но тот и слушать не хотел.

– Одни украшения стоят шестьдесят лянов, – говорил он. – Да крючок с камнями и жемчугом – десять лянов. Мне семьдесят лянов причитается.

Приказчик прибавил еще десять лянов, но владелец стоял на своем, и между ними начался спор. Пока они торговались, Юэнян доложили:

– Ваш слуга Пинъань пойман с украденными золотыми украшениями в кабачке у певицы. Он находится под стражей в распоряжении пристава У. Скорее пошлите кого-нибудь опознать вещи.

– У Дяньэнь стал приставом? Это же наш бывший приказчик! – воскликнула Юэнян и пригласила старшего брата на совет.

Без промедления составленная доверенность была передана приказчику Фу, который на другой же день отправился к приставу за драгоценностями. Ведь будь они возвращены своему хозяину, сразу успокоились бы и он, и закладчик, прекратились бы крики и шум у лавки. Приказчик полагал, что У Дяньэнь вспомнит прошлое и отдаст золотые вещи.

– Ах ты, старый пес, рабское отродье! – неожиданно набросился на приказчика У Дяньэнь и приказал подручным схватить его, раздеть и бить.

Приказчика Фу раздели и долго держали нагим. Наконец-то пристав смилостивился.

– Мне ваш слуга свидетельствовал, – заявил У Дяньэнь. – Ваша хозяйка, урожденная У, состояла, оказывается, в тайной связи со слугой Дайанем. Я доложил властям. Вот выдам ордер на арест госпожи Симэнь и устрою очную ставку. А ты, старый хрыч, собачья кость, еще смеешь вещи требовать!

У Дяньэнь продолжал ругать приказчика, обзывая рабским отродьем и старым псом, после чего отпустил. Перепуганный Фу бросился домой. Скрывать случившееся он не посмел и обо всем доложил У Юэнян.

Не услышь такого Юэнян, все бы шло своим чередом, а тут воистину:

На восемь частей разлетелись опорные сваи,
И снег, как из бочки, и лед прямо глыбами валит.

Руки-ноги онемели от неожиданности. Да вдобавок владелец вещей опять поднял крик.

– Где мои украшения? – во весь голос ворчал он. – Ни вещей не дают, ни серебра. Только завтраками кормят: нынче принесем да завтра отдадим. Но где же они, где, я вас спрашиваю? Совсем обнаглели!

Приказчик Фу, упрасывая как только мог, старался увести его от дому.

– Ну обождите уж еще денек-другой, – умолял он. – Вернем вам вещи. А нет, хорошую цену дадим.

– погоди, я главе нашего дома доложу, – проговорил он. – Что он скажет.

С этими словами владелец вещей удалился. Юэнян ходила хмурая. Одна беда за другой свалилась на ее голову.

– Ступай дядю У Старшего пригласи! – наказала она слуге. – Посоветоваться надо.

– Может, тебе сходить да самому попросить У Дяньэня уладить дело, а? – предложила брату Юэнян.

– Похоже, так его не упросишь, – отозвался У Старший. – Взятки ждет.

– А когда его в чин производили, так сам, покойник, за него хлопотал, – не унималась Юэнян. – Помню сотню лянов серебра ему преподнес и расписку не взял. Так-то он, выходит, за добро оплачивает?

– Что говорить, сестра! – воскликнул У. – Удивляться не приходится. Доброе забывается. Разве он один такой!

– Брат, будь добр, сделай одолжение! – упрасивала Юэнян. – Подумай, как бы это сунуть ему несколько десятков лянов. Только бы вещи получить да избавиться от неприятностей.

Она угостила брата и проводила до ворот.

И надо ж было случиться! Вот совпадение! Как раз в это время у ворот проходила тетушка Сюэ с корзиной цветов на руке. Она вела с собой девочку-подростка. Юэнян окликнула сваху.

– Далеко ли, тетушка Сюэ, путь держишь? – спрашивала Юэнян. – Что к нам не заглядываете?

– Хорошо вам говорить, матушка, – отозвалась сваха. – А я эти дни совсем закружилась. Как нарочно, то одно то другое. Младшая госпожа сколько раз за мной присылала! А я так и не выбралась.

– Ну, пошла городить! Уж и Младшая госпожа тут как тут появилась!

– Не Младшая она теперь, а хозяйкой дома стала полновластной, – уточнила Сюэ.

– Как же это так? – удивилась Юэнян.

– А вы разве не слыхали, почтеннейшая сударыня? – удивилась сваха. – Счастье ей подвалило, да какое! Сын у нее родился. А хозяйка скончалась. Господин начальник гарнизона ее хозяйкой и сделал. Титулованной дамой стала. Сунь Вторая ей место уступила. Она двух кормилиц завела, четырех горничных купила. Двух любимиц-певиц в покоях держит. Его превосходительство, правда, с ними делит ложе. Стоит ей только наказать кого, палками избивают. И тут уж сам хозяин ничего не может поделать, потому что боится ей не угодить. На днях как-то, не знаю уж из-за чего началось, только досталось от нее госпоже Сюэ. Аж волосы летели! Средь ночи за мной послала, чтобы я ее из дома взяла. За восемь лянов продать велела. У Сунь Второй одна горничная, Хэхуа, и осталась, а у нее целых четыре да две кормилицы. И все твердит – мало. Матушка Вторая ни в чем ей не перечит, так около нее и ходит, во всем потрафляет. В прошлый раз сказала: «Тетушка, говорит, нашла бы ты мне молоденькую служанку. А то моя, говорит, ни шить, ни стряпать не умеет. А работы у нее всякой – хоть отбавляй». Вот и нынче. Я еще спала, а Младшая госпожа за мной чуть свет присылала. Да не один раз. Велит прийти без задержки. Требуется у меня пару отделанных бирюзою наколок в форме плывущих облаков и брошь с девятью серебряными фениксами. Чтобы в клювах держали нить жемчуга, а внизу ее украшала золотая дщица и с подвесками из сапфиров и рубинов. Пять лянов дала, а как они улетели, и сама не пойму. До сих по заказ не отнесла. Захожу вот

тут к ней, так она меня отчитала! Служанку ей веду.

– Зайди! Надо поглядеть, что за наколки, – пригласила ее Юэнян и проводила в дальние покои.

Сюэ проследовала в гостиную, села и достала из корзины украшения. Они поражали тонкостью отделки. В четыре пальца шириною наколка накрывала всю прическу. Ярko блестело золото, красиво переливалась обильная бирюза. У девяти фениксов в клювах красовалась нить редкостных жемчугов. Изумительная филигранная выделка!

– Эта брошь мне встала в три с половиной лян серебра, – говорила Сюэ, – а наколка – в полтора. Так что я ни медяка не заработала.

Пока они разговаривали, явился Дайань.

– Опять за украшениями приходил, – доложил он. – Кричал, требовал. До каких, дескать, пор я ждать буду. Если, говорит, завтра не будет вещей, приказчика куда надо доставлю. Там разберут. Дядя Фу расстроился и ушел домой. Тот тоже пошумел исчез.

– Что случилось, матушка? – поинтересовалась сваха.

Юэнян тяжело вздохнула.

– Видишь ли, дело-то какое! – начала она. – Пингань украл из закладной лавки золотые головные украшения и позолоченный крючок. С ними скрылся за городом в кабачке. Там его задержал пристав У и посадил под стражу. А теперь владелец вещей нам покою не дает, крик поднимает. Да тут еще пристав решил воспользоваться нашими затруднениями, вещи задерживает, вымогательством занимается. Приказчика Фу избил, денег требует. Как заполучить драгоценности, прямо ума не приложу. Со смертью хозяина все беды свалились. До чего же тяжело сносить все обиды!

Юэнян прослезилась.

– Дорогая вы моя матушка! – обратилась к ней Сюэ. – А почему бы вам не воспользоваться еще одной возможностью? Написали бы Младшей госпоже записочку, а я бы от себя попросила. Пусть его превосходительство пошлет к приставу посыльного. Он ему не то что одни – десяток украшений выдаст.

– Да ведь начальник гарнизона Чжоу – чин военный, – отвечала Юэнян. – Подчинится ли ему пристав?

– А вы разве не слышали, матушка?! – воскликнула Сюэ. – Императорский Двор дал господину Чжоу самые широкие полномочия. Речные пути, довольствие войска и конницы – все теперь в его ведении, борьба с разбойниками и пиратами тоже под его началом.

– Тогда я попрошу тебя, дорогая, будь добра, передай от меня поклон госпоже Пан и просьбу мою выскажи, – обратилась к свахе Юэнян. – Пусть она замолвит господину Чжоу. Как говорится, один проситель двух хозяев не беспокоит. Может, он распорядится, пристав и вернет украшения. Я тебе пять лянов серебра не пожалую.

– Деньги, моя дорогая матушка, дело второстепенное, – сказала Сюэ. – Могу ли я отказать вам, почтеннейшая, видя, до какой степени вы встревожены! Велите написать просьбу! Я даже пить чай не буду. Сейчас же пойду и поговорю с госпожой Пан. Если мне удастся вам помочь, я вам немедленно дам знать, матушка.

Юэнян велела Сяюй угостить сваху чаем.

– Нет, не буду, – отказалась Сюэ. – Поздно уже. Лучше велите записочку написать, да пойду я. Ведь, знаете, все заботы на мне.

– Знаю, но ты целый день на ногах, – не унималась хозяйка. – Перекуси хоть немножко.

Сяюй накрыла стол, подала чай и закуски. За компанию с Сюэ села Юэнян. Тетушка Сюэ угостила сладостями девочку-служанку.

– Сколько ей лет? – спросила Юэнян.

– Двенадцать.

Немного погодя Дайань составил письменную просьбу. Сваха, покончив с чаем, спрятала ее в рукав и откланялась. С корзиной цветов на руке она вышла за ворота и, петляя из переулка в переулок, направилась прямо к дому начальника гарнизона.

Чуньмэй еще нежилась в постели, когда к ней вошла горничная Юэгуй.

– Тетушка Сюэ пришла, – доложила она.

Чуньмэй наказала Цуйхуа открыть окна. Яркие лучи солнца залили спальню.

– Вы все еще почиваете, матушка? – проговорила вошедшая к ней сваха и, поставив корзину, отвесила земной поклон.

– Вины за тобой вроде нет, чего же челом-то бить! – говорила Чуньмэй. – А я что-то неважно себя чувствую. Вот и пролежала. Ну, а как наколка и брошь?

– Вещи эти затраты немалого труда требуют, – начала Сюэ. – Только вчера вечером от ювелира получила. Собралась к вам, матушка, а вы уж за мной прислали.

Тетушка Сюэ достала украшения. Наколка не вызвала у Чуньмэй особого восторга. Она убрала драгоценности в коробку и велела Юэгуй положить их на место, а тетушку Сюэ угостила чаем. Сваха крикнула девочку.

– Земной поклон матушке! – приказала сваха.

– А эта еще откуда? – спросила Чуньмэй.

– Матушка Вторая не раз меня просила, – отвечала сваха. – Хэхуа у нее на кухне занята. Надо, говорит, девочку подыскать, рукоделию обучить. Вот и привела. Двенадцать годков, из деревни девчонка. Сойдет, думаю, на худой конец. Такую только шитью и учить, как щенка дрессировать.

– Уж брат, так брат городскую, – заметила Чуньмэй. – Все порасторопнее. А деревенским хоть кол на голове теши. Мне вот тут как-то мамаша Чжан двух деревенских привела – Шэнцзинь, Золотой Самородок, одиннадцати лет и Хобао, Живое Сокровище, – двенадцати. Ну никуда! И просила-то всего по пять лянов. Мать у ворот серебро ждала. Ладно, говорю, оставь, посмотрю, как служить будут. Пусть, говорю, завтра за деньгами приходит. Служанки их рисом и мясным наваром накормили. И что же? Слышу: на рассвете у них там шум поднялся. В чем дело, спрашиваю. Оказывается, Шэнцзинь всю постель обгадила, а Хобао в штаны напрудил. И смех и грех. Дождалась я мамашу Чжан и велела увести девонок. А за эту сколько просят?

– Немного, матушка, – сказала Сюэ. – Всего четыре ляна. Отец у нее в солдаты идет.

– Отведи ее в покои матушки Второй, – распорядилась Чуньмэй горничной Хайтан. – А за деньгами пусть завтра придет. – Хозяйка кликнула Юэгуй: – Ступай подогрей большой кувшин. Там должно быть чжэцзянское вино. Да коробку сладостей прихвати. А то тетушка Сюэ скажет: с раннего утра, мол, одним вином потчуют.

– Не стоит мне вина подогревать, сестрица Юэгуй! – проговорила Сюэ. – Мне еще надо с твоей хозяйкой поговорить. И меня уже покормили.

– Кто же это тебя угощал, а? – поинтересовалась Чуньмэй.

– Я ж только что от Старшей госпожи! – воскликнула сваха. – Она меня и угощала. А как она плакала, когда про беду свою рассказывала. Горе-то у нее какое! – И сваха поведала о неприятности, случившейся с Юэнян. – Пинъань, выкрыв заложенные головные украшения и позолоченный крючок, скрылся за городом у певицы, был задержан приставом и отведал тисков, а тем временем владелец свои вещи требовал, шум подымал. Матушка Старшая за вещами посылала приказчика Фу, но пристав У приказал его бить, обругал и выгнал. Приказчик чуть живой домой пришел. А ведь пристав У служил когда-то в приказчиках у покойного батюшки Симэня. Он же ему и чин-то

выхлопотал. А тот все милости забыл: благодетелей поносит, слугу наказывает, хозяйку грозит под стражу взять, а вещи возвращать и не думает – деньги вымогает. Вот Старшая госпожа и попросила меня низко вам кланяться, матушка. Не мог бы, говорит, его превосходительство войти в ее положение, сжалиться над беззащитной вдовой. Если, конечно, пристав состоит в подчинении его превосходительства. Она очень меня просила поговорить с вами, матушка. Умоляла замолвить слово его превосходительству. Ей только бы заполучить вещи да вернуть владельцу. Она сама хотела прибыть с выражением сердечной вам благодарности, матушка.

– Думаю, ее волнения напрасны, – сказала Чуньмэй. – Как только муж вернется со службы нынче вечером, я с ним поговорю. А она мне написала?

– Просила вручить письменную просьбу, – Сюэ достала из рукава записку.

Чуньмэй пробежала ее глазами и положила на подоконник.

Немного погодя на столе появились разнообразные закуски и рис. Юэгуй поставила огромные серебряные кубки, наполнила один из них до самых краев и поднесла свахе.

– Матушка, дорогая вы моя! – воскликнула Сюэ. – Да мне такой и не осилить!

– Ничего, осилишь! У твоего старика, небось, побольше, да справляешься, – пошутила Чуньмэй. – Ради меня осиль. А то велю Юэгуй, она в тебя силой опрокинет.

– Прежде закусить бы не мешало, – проговорила сваха. – Подкрепиться немножко.

– Чего ж ты меня обманывала, а? – подхватила Чуньмэй. – То говоришь – поела, а теперь выходит – натошак пришла.

– Да я всего-то пару пирожков пропустила, да в какую рань!

– Выпейте, мамаша, кубок, – потчевала Юэгуй. – Потом я вам сладостей подам. А то моя матушка решит, что от меня нет никакого проку и накажет.

Тетушке Сюэ ничего другого не оставалось, как осушить кубок, после которого в груди у нее так и запрыгало, словно ей туда резвого олененка посадили. Чуньмэй дала знак Хайтан. Та наполнила большой кубок и поднесла свахе.

– Матушка, дорогая вы моя! – отставляя кубок, взмолилась Сюэ. – Да мне больше ни капли не выпить.

– Вы, мамаша, Юэгуй отказали, не откажите мне, – не унималась Хайтан. – Матушка меня накажет.

Тетушка Сюэ тут же встала из-за стола и упала на колени.

– Ну ладно уж! – смилостивилась Чуньмэй. – Угости-ка мамашу вон теми пирожками. Тогда и вино пойдет.

– Кто еще так позаботится о вас, мамаша, как я! – воскликнула Юэгуи. – А какие я вам пирожки-розочки припасла! С фруктовой начинкой. Кушайте, мамаша!

С этими словами горничная подала целое блюдо нежных пирожков, но тетушка Сюэ отведала только один. А остальные Чуньмэй велела ей захватить с собой.

– Самого угостишь, – добавила хозяйка.

От вина тетушка зарделась и, прикрывая лицо, начала вываливать из блюда в пакет жареное мясо, соленую и копченую гусятину. Потом она завернула пакет в холстину и спрятала узел в рукав. Хайтан все же удалось всеми правдами и неправдами заставить сваху пропустить еще полкубка. Ее потчевали до тех пор, пока она не поперхнулась. Тут только от нее отступили и убрали со стола.

– За ответом завтра приходи, – наказала Чуньмэй. – За девчонку расплачусь.

Чуньмэй послала Хайтан узнать у Сунь Второй, намерена ли она оставить служанку.

– Матушка Вторая берет девочку, – передала, воротившись, Хайтан. – Просила вас заплатить.

Тетушка Сюэ откланялась.

– Мамаша! – окликнула ее перед уходом Чуньмэй. – Только не прикидывайся, будто знать не знаешь, ведать не ведаешь! Наколка мне не нравится. Завтра другие показать принеси.

– Помню, помню, матушка, – отозвалась сваха. – Может, велите проводить? Как бы собака за ногу не схватила.

– У меня собака знает кого кусать – заметила шутя Чуньмэй. – Если и схватит, так отпустит.

Чуньмэй велела Ланьхуа проводить сваху за калитку, однако хватит пустословить.

На закате со смотра войск возвращался столичный воевода Чжоу. Он восседал на боевом коне, над которым несли мандат начальника гарнизона и голубое знамя. Его сопровождал отряд воинов, вооруженных скрестившимися секирами. Начальник проследовал в дальнюю залу дома, где служанки помогли ему раздеться, а оттуда в спальню к Чуньмэй и сыну. У него было хорошее настроение. Когда он сел, Юэгуи и Хайтан подали чай. Он рассказал, как прошел смотр.

Немного погодя на столе появились кушанья. После трапезы

зажгли огни и подали вино.

– Дома все в порядке? – спросил хозяин.

Чуньмэй подала ему принесенную свахой записку.

– Видишь ли, дело какое, – начала Чуньмэй. – Пинъань, слуга У Юэнян, украл головные украшения, был схвачен приставом и заключен под стражу. Но пристав У не хочет возвращать вещи. Под пытками он принудил Пинъаня оклеветать хозяйку в тайной любовной связи, а теперь требует деньги, грозит передать дело уездным властям.

– Так это же дело подлежит разбирательству у меня! – воскликнул Чжоу, прочтя просьбу. – Причем тут уездные власти! Вот негодяй, этот пристав! Завтра же выдам ордер на его арест. Да! У Дяньэнь, кажется, служил у них в приказчиках, возил подношения императорскому наставнику в столицу, оттого и получил чин. Как же он смеет возводить клевету на свою бывшую хозяйку?!

– Вот так получилось! – поддержала мужа Чуньмэй. – Ты уж помоги ей.

На том и закончился вечер.

На другой день У Юэнян было предложено составить жалобу. Начальник гарнизона написал свое решение и вложил в пакет, на котором значилось:

«Ставка начальника Шаньдунского гарнизона в связи с расследованием дела о хищении приказывает доставить в ее распоряжение как похитителя, так и пристава с конфискованным вещами. Выполнение возлагается на предъявителей сего распоряжения Чжан Шэна и Ли Аня».

Получив пакет, Чжан Шэн и Ли Ань направились первым делом к У Юэнян. Она угостила их вином и закусками и одарила каждого на туфли лянном серебра.

Поскольку приказчик Фу все еще не вставал с постели, к У Дяньэню отправился У Второй.

Тем временем Пинъань сидел под стражей уже несколько дней, а от хозяйки никто не появлялся. У Дяньэню позвал писаря и велел ему писать бумагу властям. Но тут прибыли посыльные от начальника гарнизона и предъявили У Дяньэню пакет, на котором красной тушью предписывалось доставить его, пристава, а равно и похитителя с конфискованными вещами. В пакете У Дяньэнь обнаружил жалобу Юэнян и, придя в замешательство, принялся ни с того ни с сего угождать Чжан Шэну и Ли Аню, сунув каждому по два лян серебра, затем без промедления составил бумагу, переправил в ставку Пинъаня

и направился туда сам.

Долго ему пришлось ждать разбирательства. Наконец, начальник Чжоу открыл присутствие. По обеим сторонам от него стояли рядами его подчиненные. Ввели доставленных. Пристав У вручил начальнику бумагу.

– Это дело подлежит рассмотрению здесь! – прочитав ее, заявил Чжоу. – Почему не доложил сразу? Почему не переправил похитителя, а? С какой целью тянул до сих пор? Взятки ждал, да?

– Ваше превосходительство! – заговорил У Дяньэнь. – Я только что составил бумагу с намерением переправить дело вам, ваше превосходительство, но тут ко мне явились с распоряжением...

– Ах ты, сукин сын! – закричал Чжоу. – Да кто ты такой есть! Что у тебя за чин, что за звание! Как ты посмел так бесцеремонно попирать закон и порядок! Как ты дерзнул бросать вызов тем, кто стоит над тобой! Эдиктом Его Императорского Величества Двора мне велено обеспечить покой здешних мест. Я обязан заниматься искоренением разбойников и пиратов на водных путях, а равно надзирать за состоянием войск. Мои обязанности четко определены и тебе известны, но ты все-таки присваиваешь себе чужие prerogatives. Почему ты не известил меня о краже? Ты взял на себя право судить и пытаться преступников. Ты возводишь поклепы на невиновных. И все с целью вымогательства и лихоимства.

Выслушав его у ступеней, пристав У Дяньэнь снял чиновничью шапку и принялся бить челом.

– Мне надлежало бы наказать тебя, сукин ты сын, но я прощаю тебя на этот раз, – предупредил Чжоу. – Если же замечу подобное в дальнейшем, разделаюсь по всей строгости закона. Так и попомни!

Вызвали Пинъаня.

– Ну, а ты рабское отродье, – обратился к нему начальник. – Мало того, что обокрал, да еще и оклеветал хозяйку. А ну как остальные начнут с тебя пример брать, тогда никому и слуг держать не захочется. – Чжоу кликнул подручных. – Всыпать три десятка больших батонов палок! А вещи опечатать и вручить владельцу.

Начальник вызвал У Второго. Тот протянул доверенность на получение вещей, которые и были ему возвращены. До дома Симэнь Цина У Второго сопровождал с визитной карточкой Чжан Шэн.

Довольная таким оборотом дела Юэнянь угостила Чжан Шэна и одарила лянном серебра. Чжан Шэн по возвращении доложил начальнику Чжоу и Чуньмэй, как его приняла Юэнянь.

Приставу У Дяньэню этот арест Пинъаня обошелся в кругленькую

сумму.

Юэнян возвратила владельцу его головные украшения и позолоченный крючок.

Убедившись, что это те самые заложенные вещи, он ни слова не говоря ушел. А приказчик Фу от расстройства схватил лихорадку и, хотя чем его только ни лечили, дней через семь, увы, испустил дух. После пережитой неприятности Юэнян решила распродать вещи по собственной цене их владельцам и закрыла лавку. Теперь на повседневные расходы у нее осталась только лавка лекарственных трав, где управлялись брат У Второй и Дайань, но не о том пойдет речь.

Однажды У Юэнян послала за тетушкой Сюэ и, когда та явилась, она вручила ей три лян серебра.

– Я не возьму, – отказывалась сваха, а то узнает матушка, обидится на меня.

– Я не могу тебя отпустить с пустыми руками, – говорила Юэнян. – Сколько я тебе хлопот доставила! А ты ей не говори.

Юэнян купила четыре блюда закусок, свиную тушу, жбан южного вина и кусок шелку, чтобы отблагодарить Чуньмэй, и попросила тетушку Сюэ сопровождать Дайаня. Слуга, одетый в темное шелковое платье, нес в крашеной золотом шкатулке лист подношений. Они проследовали в дальнюю половину дома. Сюэ провела Дайаня в залу, куда к ним вышла Чуньмэй. На голове у нее красовались золотые шпильки, брошь-феникс и шапка с золотым «мостиком».^[1725] Одета она была в узорную кофту и парчовую юбку. Ей прислуживала целая свита горничных и кормилиц.

Дайань пал ниц и бил челом. Чуньмэй распорядилась накрыть стол, чтобы угостить Дайаня.

– Но что я такого сделала! – говорила она. – Напрасно так беспокоилась твоя матушка. Сколько всего прислала! Ввела я ее в расходы! Господин Чжоу наверняка не решится принять столь щедрые подношения.

– Из-за Пинъаня моей матушке пришлось причинить вам с батюшкой столько хлопот, – говорил Дайань. – Примите, прошу вас, эти скромные знаки признательности. Они вам сгодятся угостить слуг.

– Неудобно как-то, – заметила Чуньмэй.

– Если вы не примите, дорогая моя, на меня тамошняя хозяйюшка обидится, – сказала сваха.

Чуньмэй пригласила мужа. Решили принять свиную тушу, вино и закуски, а кусок шелка отправили назад Юэнян. Дайань поручил в

награду платок и три цяня серебра, носильщикам дали два цяня.

– Как себя чувствует хозяйкин малыш? – спросила Чуньмэй.

– Резвый мальчик и такой игрун! – отвечал Дайань.

– А ты давно стал носить мужскую прическу? Когда вас с Сяоюй поженили?

– В восьмой луне.

– Кланяйся своей матушке и поблагодари за щедрые дары, – наказала Чуньмэй. – Я была бы рада видеть ее у себя в гостях, но господин Чжоу, к сожалению, должен уехать по служебным делам. Я бы хотела в первой луне навестить матушку, в день рождения ее сына.

– Я непременно передам ваше намерение, – заверил ее Дайань. – Матушка будет вас ждать.

На этом Чуньмэй отпустила Дайаня.

– Ты ступай, а мне еще с госпожой поговорить надо, – сказала ему сваха, когда они вышли за ворота.

Дайань со шкатулкой вернулся домой.

– Видите ли, матушка, – обратился он к Юэнян, – господин Чжоу принял только свиную тушу, вино и закуски, а шелк вернул. Госпожа Чуньмэй меня в дальние покои пригласила, чаем и сладостями угощала. Справлялась о здоровье Сяогэ, про дом расспрашивала. Мне платок и три цяня дала, а носильщикам – два. Просила вас отблагодарить, матушка, за щедрые дары. Сперва брат не хотела, потом мы ее с тетушкой Сюэ уговорили. Ей хотелось бы вас пригласить в гости, матушка, но господин Чжоу на днях уезжает по делам. Она собирается вас навестить после Нового года, в первой луне, когда будет рождение Сяогэ. Она пять комнат занимает, разодета в шелка и парчу. Носит шапку с золотым «мостиком». Пополнела и вроде выше ростом стала. Горничные да кормилицы так за ней и ходят.

– Что, она действительно ко мне в гости собирается? – переспросила Юэнян.

– Да, так и сказала.

– Тогда надо будет кого-то послать, чтобы ее встретили. А где же тетушка Сюэ?

– Она там осталась, – отвечал слуга. – С хозяйкой у нее разговор. С тех пор дружба между обоими домами не прекращалась.

Да,

Бывает меж людьми
или тепло, иль холод.

Кто низменен и подл,
кто дум высоких полон.

Тому свидетельством стихи:

Нам по жребию достаются
то ли гибель, то ль процветанье;
Срок земного существования
не продлить, если весь он прожит.
Человек своего добьется,
если есть у него желанье;
Но когда в мошне его пусто,
и талант ему не поможет.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ

ЧУНЬМЭЙ ПРОГУЛИВАЕТСЯ ПО САДУ ПРЕЖНЕЙ УСАДЬБЫ

НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА ПОСЫЛАЕТ ЧЖАН ШЭНА НА ПОИСКИ ЦЗИНЦЗИ

*Возможно ль, чтоб при тощем кошельке
пиры большие часто задавались?
На людное застолье изведешь
вина и снеси давние припасы.
Не до гостей, когда и конь твой пал,
и слуги постепенно разбежались;
В осевший дом веселье не войдет,
смех не звенит у рухнувшей террасы.
Все земли, что в аренду ты забрал,
к землевладельцу отойдут обратно;
Кто золото и жемчуг промотал,
тот и жену свою продаст, пожалуй.
За ссудой обратиться к богачу
в душе уже решившись, вероятно,
Вдруг рта не смеешь от стыда раскрыть:
нет, лезть в долги, конечно не пристало.*

Так вот. Быстро шло время. Словно челноки, проносились дни и месяцы. Настал двадцать первый день первой луны. После совета с начальником гарнизона Чжоу Чуньмэй приготовила жертвенный стол, всевозможные блюда, жбан вина и отослала их У Юэнян с домочадцем Чжоу Жэнем, чтобы почтить третью годовщину смерти Симэнь Цина и день рождения Сяогэ. Юэнян приняла подношения и одарила Чжоу

Жэня платком и тремя цянями серебра, а Дайяня послала с приглашением, которое гласило:

«Милостивейшей госпоже Чжоу.

С благоговением и благодарностью приняла Ваши щедрые дары, милостивая государыня, чем тронута до самой глубины души. Устраивая скромное угощение в знак сердечной признательности Вам, я была бы невыразимо счастлива радость лицезреть Вас в моем бедном доме. С трепетом ожидаю прибытия Вашего высокого экипажа. Примите, умоляю, сие приглашение.

С низким поклоном благородная Симэнь, урожденная У».

Чуньмэй прочитала приглашение и прибыла на пир только к полудню. В ее прическе, украшенной золотыми шпильками, сверкали жемчуг и бирюза, а в серьгах переливались заморские перлы. На ней был карминовый халат с вышивкой спереди, сзади и на рукавах, украшенный благовещим единорогом-цилинем, на которого почтительно взирают животные всех четырех стран света. Чуть пониже талии свисал пояс-обруч с яшмовыми бляхами в золотой оправе. Из-под халата виднелась изумрудная юбка, затканная множеством разнообразных цветов. Мелодично звенели умеряющие шаг подвески. Обута была Чуньмэй в карминовые шелковые туфельки на толстой белой подошве, вышитые яркими цветами. Четверо носильщиков несли ее в огромном паланкине. Он был обтянут темным атласом и отделан золотом. Вооруженные дубинками воины окриками разгоняли с дороги зевак. Паланкин сопровождали домочадцы и слуги, несшие на носилках корзины с ее нарядами. Поезд замыкали два малых паланкина со служанками.

Для приема гостьи Юэнянь пригласила свою невестку У Старшую и двух певичек. Когда ей доложили о прибытии Чуньмэй, она вместе с невесткой проследовала в переднюю залу. Юэнянь тоже блистала нарядами, хотя на них и лежала печать траура. Ее голову венчала шапка с пятью мостиками,^[1726] но золото и бирюза украшали прическу не в таком обилии, как у Чуньмэй. В серьгах у нее сверкали только по две жемчужины. Одета она была в белую шелковую кофту и отделанную золотом нежно-голубую со шлейфом атласную юбку. На ней были бледно-зеленые, цвета яшмы, туфельки на толстой подошве.

Чуньмэй вышла из паланкина, когда он миновал внутренние ворота. Ее тотчас же окружила целая свита горничных и служанок, в сопровождении которых она и проследовала к зале, где, грациозно склонившись, приветствовала хозяйку. Юэнянь ответила ей тем же.

– Причинила я вам в тот раз немало хлопот, сестрица, – повторяла

Юэнян. – А вы и шелк не приняли. На сей раз вы так щедро меня одарили и прислали жертвенную снедь, за что я вам бесконечно благодарна.

– Что вы, матушка! – воскликнула Чуньмэй. – Мне неловко, что в доме начальника гарнизона не нашлось ничего более достойного, чем такие ничтожные знаки внимания. Я давно собиралась пригласить вас в гости, матушка, но мой муж все время в отъездах.

– Когда ваш счастливый день, сестрица? – спросила Юэнян. – Я бы хотела навестить вас и поднести подарки.

– Мой день рождения двадцать пятого в четвертой луне.

– Вот тогда я и засвидетельствую вам свое почтение.

Чуньмэй низкими поклонами выразила признательность хозяйке, после чего поклонилась супруге У Старшего. Та пыталась ответить гостье тем же.

– Не утруждайте себя, тетенька, прошу вас! – удержала ее Чуньмэй.

– Что было, то было, – отвечала У Старшая. – Теперь у вас совсем другое положение, сестрица. Иначе я оказалась бы в неловком положении.

Она в конце концов приветствовала гостью полупоклоном. Сели. Юэнян и госпожа У заняли хозяйские места. К ним стали подходить горничные, служанки и кормилица. Чуньмэй заметила Жуи с Сяогэ на руках.

– Сынок! – позвала его Юэнян. – Подойди и почти тетю земным поклоном. Поблаговари тетю, что пожаловала на твой день рождения.

Жуи опустила мальчика на пол.

– Спасибо, тетя! – проговорил Сяогэ, обращаясь к Чуньмэй, и кивнул головой.

– Разве так приветствуют тетю! – возразила Юэнян. – А земной поклон кто за тебя класть будет?

Чуньмэй достала из рукава парчовый платок и золотую брошь с изображением восьми счастливых предзнаменований,^[1727] которую приколола на шапочку Сяогэ.

– Опять мы вводим вас в расходы, сестрица, – благодарила гостью хозяйка.

Потом земные поклоны Чуньмэй отвесили Сяюю и кормилица Жуи. Сяюю получила золотую шпильку, а Жуи – пару веточек серебряных цветов.

– А вы слышали, сестрица? – вставила Юэнян. – У Лайсина жена померла. Я за него кормилицу выдала.

– Вот и хорошо! – воскликнула Чуньмэй. – Она всегда хотела в

доме остаться.

Подали чай.

– Прошу вас, сестрица, пройдемте в гостиную, – предложила хозяйка. – Холодно вато тут.

Чуньмэй проследовала в гостиную. Перед дщицей Симэнь Цина горели свечи.

На столе стояли жертвенные блюда. Чуньмэй сожгла жертвенные деньги и прослезилась.

Их ждал обставленный со всех сторон ширмами столик восьми бессмертных.^[1728] Около него в жаровне горел уголь. На белоснежных серебряных подносах подавали чай лучших сортов, а к нему на золотых с резьбою блюдцах изысканные сладости, редкостные изделия из фруктов и лакомые закуски. Перед гостьей и хозяйками лежали палочки слоновой кости.

После того как Юэнян и У Старшая угостили Чуньмэй, ей предложили пройти в спальню переодеться. Чуньмэй сняла халат. Ее служанки, суетившиеся у корзин с туалетами, помогли ей переодеться. К столу Чуньмэй явилась в зеленой с узорами парчовой кофте и расшитой золотом юбке цвета лиловой гвоздики.

Пир продолжался в покоях Юэнян. Опять завязался разговор.

– Как себя чувствует ваш сынок? – немного погодя осведомилась хозяйка. – Что же вы не взяли его с собой? Пусть бы порезвился.

– Я бы взяла, – отвечала Чуньмэй. – Мне хотелось, чтобы он почтил вас, матушка, земным поклоном, но, видите ли какое дело. Муж опасается, как бы он не простудился в такую холодную погоду. А потом мальчик он очень непоседливый. На месте не усидит – будет рваться гулять. А эти дни ему что-то нездоровится. То и дело плачет.

– А за тобой не гоняется?

– Нет, за ним две кормилицы по очереди присматривают.

– Господин Чжоу доволен, небось, – продолжала Юэнян. – В годах уж, а взял тебя и потомством обзавелся. Какое ты ему счастье принесла! А у госпожи Сунь Второй дочке который годик пошел?

– Четыре годика. Ее зовут Юйцзе – Яшмовая сестричка, а моего – Цзиньгэ – Золотой братец.

– Говорили, у господина Чжоу две девицы содержатся ...

– Да, две молоденькие музыкантши, лет по шестнадцати, – отвечала Чуньмэй. – И капризные, как дети.

– И частенько к ним господин Чжоу наведывается?

– Да где ему, матушка, на них время выкраивать! Он и дома редко бывает. Все больше в отъездах. Нынче то тут грабеж, то там разбой.

Эдиктом Двора на него столько обязанностей возложено! И местность охраняй, и водные пути инспектируй, и разбойников вылавливай, и пеших с конными обучай. Что бы только ни случилось, выезжать приходится. Достается ему!

Сяоюй подала чай.

– Матушка! – обратилась к хозяйке Чуньмэй после чаю. – Не могли бы вы прогуляться со мной по саду, посмотреть насыпную горку, возле которой жила моя госпожа?

– Дорогая моя сестрица! Что теперь осталось от прежнего сада и горки! После кончины хозяина некому следить за садом. Все запущено и приходит в ветхость. Развалилась каменная горка, засохли деревья. Я в сад и не заглядываю.

– Ничего! – не унималась Чуньмэй. – Я хочу посмотреть, где жила моя матушка.

Как ни отговаривала ее Юэнян, ей все-таки пришлось послать Сяоюй за ключами от сада и грота. Отперли садовую калитку, и Чуньмэй, сопровождаемая Юэнян и госпожой У Старшей, долго гуляла по саду.

Только поглядите:

Осыпались стены, покосились средь деревьев террасы. Мох зазеленел на галерее расписной. На тропинках меж цветного камня пробилась нежно изумрудная трава. От горки осталась груда причудливых камней. Куда исчезли величавые утесы! В беседках на прохладных ложах от сырости истлели одеяла, сгнили окна, двери. Паук опутал шелковую нитью расщелину, ведущую в каменный грот. В пруду, где водилась рыба, теперь кишмя кишат лягушки. В беседке Спящих облаков себе ночлег нашли лисицы. Мыши заселили грот Сокровенной весны. Сюда, видно, никто не приходил уже не первый год. Тут, ясно, целый день витают облака.

Оглядела Чуньмэй сад и первым делом пошла к покоям Ли Пиньэр. В тереме наверху валялись поломанные скамейки, стулья и стол. Запертый на замок низ был пуст. Пол зарос бурьяном. В тереме ее бывшей хозяйки, Пань Цзиньянь, наверху грудой лежали лекарственные травы и благовония, а внизу, в спальне, стояли только два шкафа, кровати не было.

– А куда же девалась матушкина кровать? – спросила гостя у Сяоюй. – Что-то ее не видно.

– Когда выдали замуж матушку Третью, ей и отдали, – пояснила горничная.

Тут к Чуньмэй подошла Юэнян.

– В свое время, – заговорила она, – когда выдавали замуж падчерицу, покойный батюшка отдал ей широкую кровать сестрицы Мэн. Потому-то когда настал черед выдавать ее замуж, мне пришлось отдать ей кровать твоей матушки.

– Мне говорили, – продолжала Чуньмэй, – что после кончины госпожи Симэнь кровать была возвращена вам.

– Из-за нехватки денег, – отвечала Юэнян, – пришлось продать за восемь лянов главе судейского приказа.

Чуньмэй кивнула головой, и ее засверкавшие, точно звезды, глаза оросились слезами. Она смолчала, но про себя подумала: «Да, моя матушка умела на своем постоять. Эту кровать она у батюшки выпросила. Как бы я хотела ее приобрести на память о моей хозяйке! Но она досталась другим». Будто нож полоснул по сердцу Чуньмэй.

– А где же кровать с перламутровой отделкой? – спросила она.

– Длинная история! – вздохнула Юэнян. – С кончиной батюшки у нас ведь одни расходы, доходов никаких. А раз дело встало, нет проку держать золото в сундуках. Жить было не на что, и пришлось продать.

– За сколько же продали?

– Всего за тридцать пять лянов.

– Только-то! – воскликнула Чуньмэй. – Жаль, жаль! Помнится, батюшке она встала в шестьдесят. – Если б знала, что вы продаете, я бы сорок лянов заплатила.

– Дорогая моя сестрица! – воскликнула Юэнян. – Так-то вот в жизни и бывает. Если бы знать загодя ...

Чуньмэй и Юэнян вздохнули.

Тут за хозяйкой явился слуга Чжоу Жэнь.

– Батюшка просит вас не задерживаться, матушка, – обратился он к хозяйке. – Сынок плачет, вас зовет.

Чуньмэй поспешила в покои, а Юэнян велела Сяюй запереть сад и тоже проследовала в гостиную. Там за ширмой с павлином и занавесками из лучшего шелка их ждал пиршественный стол, неподалеку от которого стояли певички. Одна держала инкрустированную серебром цитру, а другая – лютню. Юэнян пригласила Чуньмэй занять гостевое кресло на возвышении, но та пожелала разделить почетное место только с тетушкой У Старшей. Юэнян села за хозяйку. Подали вино, закуски, горячие блюда и сладости. Чуньмэй наказала слуге Чжоу Жэню наградить поваров тремя цянями серебра. Не описать всего обилия изысканных яств и золотом пенящихся вин!

Взметнулись над столом кубки, заходили чарки. Пир продолжался

почти до самого заката, когда от начальника Чжоу прибыли воины с фонарями, чтобы сопровождать Чуньмэй. Но Юэнян никак не хотела отпускать гостью и позвала певиц. После земных поклонов они стали опять улаживать пирующих пением.

– Спойте для госпожи Чжоу что-нибудь получше, – наказала им хозяйка и велела Сяюй наполнить гостье большой кубок. – Сестрица! Будьте любезны, закажите им что вам по душе, – обратилась Юэнян к гостье, когда перед той поставили кубок. – Пусть они уладят ваш слух, а вы выпейте, сестрица!

– Я больше не могу, матушка, – отвечала Чуньмэй. – Наверно, сын по мне соскучился там.

– Соскучился? – удивилась хозяйка. – За ним кормилицы посмотрят. Да и время еще есть. А ты, я знаю, пить можешь.

– А как зовут этих певичек? – спросила Чуньмэй. – Откуда они?

Певички опустили на колени.

– Меня зовут Хань Юйчуань – Нефритовый Браслет, – отвечала одна. – Младшая сестра Хань Цзиньчуань – Золотой Браслет. А ее зовут Чжэн Цзяоэр – Прелестница. Она племянница Чжэн Айсян.

– А вы знаете романс «Охоты нет мне брови подводить»? – спросила гостья.

– Да, матушка, извольте приказать, – отвечала Юйчуань.

– Тогда поднесите госпоже Чжоу вина и спойте, – распорядилась Юэнян.

Сяюй без промедления наполнила кубок. Певицы заиграли – одна на цитре, другая на лютне – и запели:

Когда любимого забуду?
Развеял ветер листьев грудь.
Весну не прожила – уж осень.
Нутро не верит, неги просит.
Сама, мерцая, таю свечкой,
Пишу не пальцами – сердечком.
Пишу не тушью, но слезами.
Законно ль Неба наказание?!

Чуньмэй осушила кубок, и Юэнян велела Чжэн Цзяоэр еще налить гостье вина.

– И вы, матушка, выпейте со мной, – предложила Чуньмэй.

Перед гостьей и хозяйкой поставили полные кубки. Певицы запели:

Ах, из-за тебя, мой сокол,

я лишилась счастья.
Над стрехой кричит сорока
в слякоть и ненастье.
Только встреч желанных сроки
не в сорочьей власти.^[1729]
Уготованы мне роком
горести-напасти.

– Матушка! – обратилась Чуньмэй к хозяйке. – Пусть и тетушка У Старшая осушит кубок.

– Нет, ей столько не выпить, сказала Юэнян. – А чарочку она за компанию с вами пропустит.

Юэнян велела Сяюй наполнить невестке маленькую чарку.
Певицы запели:

Ах, из-за тебя, мой лебедь,
я убита горем.
Помнишь, крыльями на небе
мы сплетались в споре.
Не любить мне, не делять,
жду кончины вскоре.
Солнце, слышишь мой молебен,
день твой тенью чёрен.

Перед Чуньмэй стояла Сяюй с большим кубком вина, и гостья велела ей выпить.

– Не выпить ей, – заметила Юэнян.

– Да она три таких кубка осушит, матушка, – говорила Чуньмэй. – Мы с ней бывало не раз пировали.

И Сяюй поднесли кубок. Певицы запели:

Ах, из-за тебя, мой аист,
высохла, поблекла.
Провожая птичью стаю,
расстаюсь навек я.
У одра любовных таинств —
бесполезен лекарь.
Жизнь расплавилась и тает
в смертоносном пекле.
Жили парой соловьиной,
в облаке кружа.
Небо пало слёз лавиной

и земля чужа.

Почему, спросишь ты, дорогой читатель, Чуньмэй заказала именно этот романс? Да потому, что никогда не выходил у нее из головы исчезнувший Чэнь Цзинцзи, с которым она мечтала встретиться. А любовь к нему прочно укоренилась в ее сердце. Вот отчего она была так тронута пением и вздыхала. Ей было приятно задушевное исполнение певичек, которые так ухаживали за ней, называя ее матушкой, и старались как только могли ее ублажить. Она подозвала Чжоу Жэня, достала два узелка и велела слуге наградить певиц. Каждая получила два цян серебра. Девушки положили инструменты и грациозными земными поклонами поблагодарили за награду.

Немного погодя Чуньмэй встала из-за стола. Юэнян не удалось уговорить ее посидеть еще. Чуньмэй откланялась и, сопровождаемая свитой и слугами с фонарями, за воротами села в большой паланкин. В малых носилках расположились горничные и служанки. Четверо слуг с фонарями сзади и спереди освещали путь, воины окриками отгоняли с дороги зевак.

Да,

Отвернется удача – потускнеет и злато.

Повезет – и железо засверкает богато.

Тому свидетельством стихи:

Губки-вишенки лукавы,

Феникс-друг засвиристел,

Эхом песнь подружки-павы,

Ласточка – в былом гнезде.

Итак, после пира в прежнем доме Чуньмэй затосковала по Чэнь Цзинцзи. Она не знала, где он скитается, и целыми днями не вставала с постели. Скверно было у нее на душе.

– Может, с братом повидаться захотела? – догадываясь, в чем дело, спрашивал ее муж. – Соскучилась по нему?

Начальник гарнизона Чжоу позвал Чжан Шэна и Ли Аня.

– Когда еще я приказывал вам разыскивать шурина! – говорил он. – Почему тянете до сих пор?

– Мы, батюшка, везде искали, – отвечали подручные. – но на след не попали. Так и матушке докладывали.

– Даю пять дней сроку, – заявил Чжоу. – Не найдете, наставлю на путь истинный!

С унылыми лицами вышли от хозяина Чжан и Ли. Обшарили они все улицы и переулки, кого только не спрашивали, но не о том пойдет

речь.

А теперь расскажем о Чэнь Цзинци. После того как ему удалось отделаться от начальника гарнизона, он хотел было воротиться в обитель преподобного Яня, но там ему сказали, что из-за него настоятель Жэнь ушел на тот свет.

– Когда тебя забрали к начальнику гарнизона, – говорили Чэню, – отец наставник решил проверить сундуки. Он так тяжело воспринял исчезновение серебра и драгоценностей, что в полночь преставился. И ты после этого решаешься идти в обитель! Да тебя послушники убьют!

Цзинци с перепугу остановился. Показываться на глаза почтенному Вану было тоже неловко. Так и бродил он целыми днями по улицам, а на ночь забирался в ночлежку.

Как-то Цзинци стоял на улице. И надо ж было тому случиться! Как раз навстречу ему ехал на осле Ян Железный Коготь. Сверкали серебром седло и сбруя. Сам ездок, в новой креповой шапке, был облачен в белую шелковую куртку, поверх которой красовался подбитый пухом черный атласный халат. На блестящие белые сапоги были напущены цвета алоэ чулки. Его сопровождал слуга.

Цзинци сразу узнал Ян Гунъяня. Он выбежал на дорогу и, схватив под уздцы, остановил осла.

– А, брат Ян! – начал Цзинци. – Давненько не видались! А ведь дружили, вместе за товаром ездили. Помнишь, как джонку с шелками в Цинцзянпу ставили. Я тогда в Яньчжоу поехал сестру навестить, да в беду попал. Пока меня судили и под стражей держали, ты мои товары украл и был таков. Я к тебе потом по-хорошему приходил, а твой братец, Гуляй Ветер, голову себе черепицей разбил да ко мне в ворота ломился, избить грозился. Довел ты меня до нищенства. Я теперь гол как сокол, а ты живешь в свое удовольствие.

Свысока поглядел Железный Коготь на нищего Цзинци и усмехнулся.

– Провались ты пропадом, проклятый! – заругался он. И надо ж было встретить шелудивого! Да ты ж бродяга! Как ты с голоду не подох, побируха несчастный! Какие тебе шелка?! А ну-ка, отпусти осла! А то плеткой перетяну.

– Разорился я, – продолжал Цзинци. – Ты богат. Дай мне хоть немножко серебра на прожитие. А то я тоже знаю, куда мне обратиться. Тут Ян соскочил с осла и, бросившись к Цзинци, хватил его плеткой.

– А ну, угости-ка наглеца! – крикнул он слуге. – Убить мало побируху!

Слуга изо всех сил ударил Цзинци, отчего тот отлетел в сторону и рухнул на землю. Тут к нему подскочил Ян и начал отвешивать пинков.

На крик Цзинци сбежалась целая толпа. Из нее выступил стоявший в стороне мужчина в высокой черной шапке с платком вокруг шеи. На нем были лиловая куртка, белый холщовый жилет и тростниковые сандалии на босу ногу. Над глубоко запавшими глазами щетками нависали густые брови. Он был ширококорт, с багровым цветом лица. На руках у него играли мускулы. Вино распирало его, и он с горящими глазами и поднятыми кулаками подступил прямо к Железному Когтю.

– Разве, брат, можно! – крикнул он. – Он молод и нищ, а ты бьешь его. За что?! Как говорится, кто с улыбкой, тот пощечин не получает. Чем он тебе помешал, что плохого сделал? Если у тебя есть деньги, так помоги ближнему, поделись, а нет, так поезжай своей дорогой. Чего ты к человеку пристал! Как говорится, когда сгущаться начинает мгла, ищут свечу или лучину.

– Он сам ко мне пристал, – отвечал Ян. – Я, говорит, у него полджонки товаров украл. А какой у него может быть товар, когда он голь перекатная!

– А мне кажется, он из состоятельного рода, – продолжал багроволицый. – Раз судьба довела его до такой нищеты, а вас, ваше сиятельство, так вознесла и сделала богачом, то было бы, по-моему, всего справедливее тебе, брат почтенный, как-то поделиться с бедняком, дать немного на расходы, а?

Выслушал его Железный Коготь, достал из рукава платок, в котором был завернут небольшой слиток серебра цяней на четыре-пять, и протянул его Цзинци. Потом, махнув рукой незнакомцу, Ян забрался на осла и поспешил удалиться.

Цзинци пал ниц перед заступником. Когда же он поднял голову и взгляделся в лицо незнакомца, то оказалось, что это был не кто иной, как его старый друг по ночлежке Хоу Линь. Тот самый Взмывший К Небу Демон, который спал с ним на одной циновке. Теперь Хоу Линь собрал артель человек в пятьдесят и нанялся на работу к настоятелю Сяююэ – Предутренний Месяц из буддийской обители Неземной чистоты, где возводились храмовые постройки.

– А, брат! – воскликнул он и схватил Цзинци за руку. – Хорошо я подоспел, а то не видать бы тебе пол-ляна серебра! Ловко я ему, разбойнику, мозги вправил, а! Вовремя опомнился. Я б его угостил. Ну, пойдем в кабачок да выпьем.

Они зашли в небольшой кабачок, сели за столик и заказали два больших кувшина вина и четыре блюда закусок. Немного погодя половой старательно протер стол и подал закуски. Появились четыре блюда, небольшие блюдца и два больших кувшина свежей расхожей оливковой настойки. Пили не чарками, а большими фарфоровыми чашками.

– Брат, тебе лапши или риса? – спросил Хоу.

– У нас только лучшая лапша и отборный рис, – вставил половой.

– Давай лапши, – отвечал Цзинцзи.

Подали в чашках лапшу. Хоу Линь съел чашку, Цзинцзи обе остальных. Принялись за настойку.

– Нынче ты у меня переночуешь, – обратился Хоу Линь к Цзинцзи, – а завтра я тебя провожу в загородный монастырь Неземной чистоты. Мы у настоятеля Сяюэ работаем, храмовые постройки и кельи возводим. У меня под началом артель в полсотни человек. Тяжелого я тебя делать не заставлю. Несколько корзин земли перенесешь, и вся твоя работа. Четыре фэня серебра в день платит. А я комнату сниму. Будем жить вместе, ладно! И готовить можно будет самим. Я тебе ключи и все хозяйство передам. Все лучше чем в ночлежке с бродягами прозябать да в колотушку бить, правда? И солиднее как-то.

– Лучше и желать не надо! – воскликнул Цзинцзи. – Я был бы тебе очень благодарен. Но надолго ли хватит этой стройки?

– Да всего месяц назад начали, – успокоил его Хоу. – К десятому месяцу вряд ли закончим.

Так за разговором пропускали они чашку за чашкой оливковую настойку, пока не осушили оба кувшина. Половой подал счет на один цянь и три с половиной фэня серебра. Цзинцзи уже хотел было достать только что обретенные пол-ляна, но его удержал Хоу Линь.

– Не дури, брат! – проговорил он. – Неужели я допущу, чтобы ты тратился! У меня есть деньги.

Он достал узелок и отвесил полтора цяня серебра. Хозяин вернул ему полтора фэня сдачи, которые он спрятал в рукав. Потом Хоу Линь обнял Цзинцзи, и они направились домой спать. Оба были навеселе. Как только они легли, Хоу Линь приступил к «охоте за цветком с заднего двора». «Дорогой братец», «милый мой», «муженек мой ненаглядный», «милостивый батюшка» – какими только ласкательными именами не называл его за ночь Цзинцзи!

Когда рассвело, они отправились за город на юг в монастырь, где Хоу Линь и в самом деле снял неподалеку небольшую комнату,

которая обогревалась каном, накупил посуды и всего, что было необходимо в хозяйстве.

С утра они ходили на работу. Смазливый белолицый малый лет двадцати пяти сразу бросился всем в глаза. Никто в артели не сомневался, что Хоу Линь нашел себе наложника, и по адресу Цзинцзи посыпались колкости и шутки.

– Эй ты, малый! – крикнул один. – Как тебя зовут?

– Меня? Чэнь Цзинцзи.

– А, Чэнь Цзинцзи – умей ложе трясти!

– Ты же совсем молод! – заметил другой. – По твоим ли силенкам хомут? Чего доброго, раздавит.

– Ишь, голь перекатная! – цыкнул на зубоскалов Хоу Линь и разогнал толпу. – Ну чего вы к нему пристали!

Тут он раздал кирки и лопаты, корзины и коромысла. Одни принялись таскать землю, другие – готовить известь, а третьи – забивать сваи.

Жил-был в обители монах Е. Вот ему-то, надобно сказать, и поручил настоятель Сяюэ кормить рабочую артель. Кривому монаху было уже лет пятьдесят. Ходил он босой, в длинном черном халате, перетянутом плетеным из тесьмы потрепанным поясом. Читать не умел, а молитвы знал хорошо, но славился он гаданием по лицу способом Наставника в Рубище,^[1730] за что в артели его прозвали Пророком.

Как-то однажды после работ накормил монах работников, но те не расходились: одни стояли, другие присели на корточки, третьи расположились прямо на земле. Тут к Пророку Е подошел Цзинцзи и попросил налить чаю. Пророк оглядел его с головы до пят.

– Этот малый у нас новичок, – пояснили повару. – Ты б ему будущее предсказал.

– Да-да! Погадай-ка ему! – поддержал другой. – Чем-то он наложника напоминает.

– Какого наложника?! – подхватил третий. – Двусбруйный он.

Пророк Е велел Цзинцзи подойти поближе, взгляделся в лицо и сказал:

– Нежного цвета лица и женственных манер мужчине надлежит остерегаться. Женоподобный голос и нежный нрав – дурное совпадение. Когда у старца нежный цвет лица, он испытания себе готовит. Коли юнец с нежным лицом, он на всю жизнь останется и слаб и мягкотел. Страдаешь ты от нежности лица. У тебя никогда не будет недостатка в поклонниках. В восемь лет, восемнадцать и

двадцать восемь, как явлено с обеих сторон чела – снизу горной основой, сиречь переносицей, сверху власами, подвержены распаду сами истоки средств существования твоего. В тридцать лет,^[1731] смотри, остерегайся, как бы злого духа не занести в клеймения палату – межбровье. В блеске глаз твоих светится талант, таятся в сердце ловкость и удача. Ученую премудрость не постигнув, ты и без нее достойным можешь стать. Твои проделки всем милы, приятны. Пусть даже голову морочишь ты другим, тебе все верят. Не обижайся, но по натуре ты крайне резв и весьма ловок. Поклонницы не раз твои дела поправят. А сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– И как только сумел ты пережить год позапрошлый! – воскликнул Пророк. – Клеймения палата у тебя очень узка: терять детей и хоронить жену. Нависший вал – желвак под мочкой – темноват: сулит утрату близких, разоренье. Зубы губами не прикрыты: будешь всю жизнь причиною раздоров и вражды. Ноздри твои – словно печные чела: личного богатства не видать. В тот год попал в судебный переплет: не стало дома, дело развалилось. Такое пережил?

– Да, пережил, – подтвердил Цзинци.

Пророк Е продолжал:

– И вот чего тебе еще скажу. Твоя горная основа недобрую имеет перемычку. Наставник в Рубище о сем сказал:

«Коли на горной основе видна перемычка, познаешь и дряхлость и раны

Дело отцов – будто ветер развеет, с семьею расстанешься рано».

В молодые годы суждено тебе потерять добро, которое нажили деды и отец. Как бы велико ни было состоянье, из твоих рук оно уйдет бесследно. У тебя короткий верх лица – от бровей и длинный низ – от носа: много побед, немало поражений. Ты останешься без медяка, но потом опять обзаведешься тугой мошной. Словом, в конце концов сохранить дом и семью тебе будет так же нелегко, как трудно уберечь лед в знойный летний день. А ну-ка пройдишь, я посмотрю!

Цзинци сделал пару шагов.

– Шагая, держишь голову впереди, – продолжал Е. – Тебе сперва улыбалась удача, но под вечер жизни ждет бедность, нищета. Ступнями землю не печатаешь, стало быть, распродав поля и уголья, уйдешь в другие края. Не унаследовать тебе занятия предков. Грядущее сулит тебе и радость: трех жен тебе иметь. Одну уже пережил, не правда ль?

– Да, пережил, – проговорил Цзинци.

– С тремя встречаться предстоит. Лицо твое пунцовым пламенем пылает, как персика цветок. Хотя еще ты с детством не расстался, однако жаждешь лишь вина, да плотских наслаждений, веселья да забав. Но поостерегись! Среди красоток горечи хлебнешь. Когда ж тебе за тридцать перевалит, почувешь, что перестаешь справляться. Гуляй тогда пореже в цветниках и по аллеям ив. Будь осторожнее, смотри!

– А ты, Пророк, все же в гадании ошибся, – заметил один из работников. – Какие у него могут быть три жены, когда он сейчас тут одному женой служит?

Все громко расхохотались.

Тут настоятель Сяюэ ударил в колотушку, и работники, забрав кирки и лопаты, корзины и коромысла, пошли работать.

Так проработал Цзинци в монастыре Неземной чистоты около месяца. И вот однажды, примерно в середине третьей луны, Цзинци таскал землю. Только он присел на корточки у монастырской стены, чтобы при солнце поискать вшей, как показался всадник на кауrom коне с корзинкой цветов на руке. На нем была четырехугольная шапка с золотым кольцом на затылке, темная облегающая тело куртка, лиловый набрюшник. Талию стягивал пояс, на ногах красовались сапоги. Завидев Цзинци, всадник тотчас же остановил лошадь и спешился.

– Дядя Чэнь? – поспешно приблизившись и отвесив поклон, громко спросил он. – Где я только не искал вас, дядя Чэнь! А вы вот где.

Ошарашенный Цзинци вскочил на ноги и тоже раскланялся.

– Кто ты будешь, брат? – спрашивал он.

– Я – Чжан Шэн, – отвечал всадник. – Доверенный слуга его превосходительства господина Чжоу. Знаете, дядя, как вас тогда отпустили, так наша матушка занемогла и до сих пор сама не своя. Сколько раз мне батюшка наказывал разыскать вас, дядя! Вот не знал, что вы сюда попали! Вот и теперь. Я ведь тут ехал случайно. Не пошли меня матушка в поместье за вот этими пионами, я так бы вас и не увидал. Значит, тому быть. Вот и ко мне пришла удача! Но довольно время терять. Садитесь-ка, дядюшка, на коня. Я вас должен его превосходительству без промедления доставить.

Работники, не смея рта раскрыть, только переглядывались. Чэнь Цзинци передал Хоу Линю ключи, сел на лошадь и, крепко прижавшись к Чжан Шэну, помчался в усадьбу начальника гарнизона.

Да,

Так случается, что в юности
человеку повезет;
Этой ночью где пристанище
ясный месяц наш найдет?!

Тому свидетельством стихи:
Средь булыжников прячется белый нефрит,
Слиток золота грязью бывает покрыт,
Из толпы простолюдия знатный выходит.
По ступеням на Небо Девятое всходит.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ

ЦЗИНЦЗИ УСТРАИВАЕТСЯ В УСАДЬБЕ НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА

ТЕТУШКА СЮЭ ХЛОПОЧЕТ О БРАКЕ ПО РАСЧЕТУ

*Семь раз по десять лет
прожить нам суждено,
К чему же день и ночь
заботами терзаться?
Конец земным делам
наступит все равно...
Блеск, роскошь – дым пустой,
смешно за ними гнаться.
Богатство ль, нищета ль –
все Небом нам дано.
Те празднуют весну,
те осени боятся.
Ты душу распахни,
пей радости вино.
Зачем же унывать
и смерти дожидаться.*

Итак, прискакал Чэнь Цзинцзи в усадьбу начальника гарнизона и спешился. Чжан Шэн первым делом доложил Чуньмэй. Она распорядилась, чтобы его проводили пока в сторожку, нагрели корыто ароматной воды и вымыли. Кормилице было велено отнести узел одежды, чтобы Цзинцзи переоделся в новое платье. Чжан Шэн помог Цзинцзи раздеться и забросил его старые грязные лохмотья в угол

сторожки, потом доложил хозяйке. Пока начальник был занят в присутствии, Чуньмэй пригласила Цзинци в заднюю залу. Она явилась в роскошном наряде. Цзинци, войдя в залу, почтил ее восемью поклонами. Чуньмэй остановила его, и они, усевшись друг против друга, начали разговор с общих фраз, потом коснулись долгой разлуки и прослезились.

Чуньмэй опасалась прихода мужа, а потому, улучшив момент, подмигнула Цзинци.

– Если хозяин спросит, – тихо проговорила она. – Скажи, что ты мой двоюродный брат по материнской линии, ладно? Я на год старше тебя. Мне двадцать пять, родилась в полдень двадцать пятого дня четвертой луны.^[1732]

– Понимаю, – отозвался Цзинци.

Немного погодя служанка подала чай.

– А как ты ушел из дому и стал монахом? – спросила за чаем Чуньмэй. – Тебя здесь потом били. Недоразумение вышло. Муж не знал, что ты мой родственник, позже сильно раскаивался. Да я бы и тогда тебя оставила, если б не жила у меня негодница Сюэ. А при ней неудобно было тебя пристроить. Пришлось тебя отпустить. Но как только я отделалась от Сюэ, тут же послала за тобой Чжан Шэна. Где он только тебя ни искал! А ты на работах за городом, оказывается, был. И что тебя заставило лямку тянуть?

– Длинная история! – вздохнул Цзинци. – Не скрою, сестрица, после нашей разлуки я ведь на Шестой^[1733] собрался жениться. Поехал в столицу да там с похоронами отца задержался, а когда вернулся, жениться не пришлось – У Сун ее убил. Дошли до меня слухи, что по доброте душевной ты похоронила ее у монастыря Вечного блаженства. Я тоже был у нее на могиле и возжигал жертвенные деньги. Потом умерла мать. С похоронами управился и поехал за товаром, но в пути меня обокрали. Воротился домой. Тут жена скончалась. Теща, потаскуха, на меня подала жалобу, а женино приданое к себе перевезла. Меня судили. Дом пришлось продать. А когда с властями разделался, вышел гол как сокол. Спасибо отцову другу Вану из Хижины в Абрикосах. Он мне помог. Он-то и проводил меня в обитель преподобного Яня. Вот так я и стал монахом. Тут меня один негодяй избил, сюда, к его превосходительству, отвел. Десятком палок угостили. Некуда мне было податься, никто руку помощи не подал – ни друзья, ни близкие. Осталось одно – на работу в монастырь наниматься. Я тебя, сестрица, благодарить должен, что сжалилась надо мной, Чжан Шэна на поиски послала. Эту твою милость в жизнь не

забуду и щедро тебя отблагодарю.

Трогательный был его рассказ, и она прослезилась.

Пока шла беседа, присутствие закрылось, и в дальних покоях появился хозяин. Слуги отдернули дверную занавеску. Чэнь Цзинци предстал перед Чжоу и склонился в земных поклонах. Хозяин тотчас же ответил ему приветствием.

— А, почтенный шурин! — воскликнул он. — Я тогда даже не подозревал о вашем существовании. Может, от меня скрыли подчиненные ... Я очень сожалею о случившемся. Не сердитесь на меня, дорогой шурин, пожалуйста, прошу вас!

— Это я виноват перед вами! — заверил его Цзинци. — Я был до того неучтив, что не пришел в свое время засвидетельствовать вам свое почтение как родственник, за что прошу покорно меня простить. Цзинци опять стал отвешивать земные поклоны, но его удержал хозяин и пригласил занять почетное место на возвышении. Цзинци был достаточно сметлив и, перенеся кресло пониже, сел сбоку. Чжоу Сю занял место хозяина. За компанию с ними к столу присела и Чуньмэй. Подали чай.

— Сколько вам лет, дорогой шурин? — после чаю поинтересовался Чжоу. — Куда вы пропали с тех пор? Почему стали монахом?

— Впустую прожито двадцать четыре года, — отвечал Цзинци. — Сестра на год старше меня, родилась в полдень двадцать пятого в четвертой луне. Я лишился родителей, дело пришло в упадок. Потом потерял и жену. Вот и ушел монахом в обитель Яня. Не знал, что моя сестра стала супругой вашего превосходительства, и не нанес вам визита ...

— После вашего тогда исчезновения, — продолжал Чжоу, — ваша сестра не находила себе покоя ни днем, ни ночью. Охала и вздыхала вплоть до нынешнего дня. Сколько раз слуг на поиски посылала. И вот наконец-то вы свиделись. Это для нас счастье великое!

Чжоу распорядился накрыть стол и подавать вино.

Немного погодя на столе появилось обилие блюд и кубков. Были тут куры и утки, гуси и свиные ножки, мясо парное и жареное, отвары, рис и сладости. Вино подали в серебряном кувшине. Золотом искрилось оно в яшмовых кубках.

Беседу поддерживал хозяин. Пировали до самого вечера. Когда зажгли фонари, Чжоу Сю велел слуге Чжоу Жэню навести порядок в западном кабинете, где стояла кровать с пологом и было все необходимое. Чуньмэй дала пару тюфяков, одеяло и подушки. В услужение Цзинци был послан слуга Сизэр, который отнес в кабинет

целый узел шелковых одежд, чтобы Цзинци мог переодеться. Столовался Цзинци в дальних покоях у Чуньмэй.

Да,

Судьба ему явила щедрость вдруг,
Но не было к тому его заслуг.

Быстро летело время, как челноки, сновали дни и луны.
Только поглядите:

Недавно, на закате года
цветеньем сливы любовались,
И вот уже остался в прошлом
чудесный Праздник фонарей.
А вот отяжелели ветви
от сочных, спелых абрикосов.
Еще мгновение – и лотос
так дивно на воде расцвел.

Прожил Цзинци в усадьбе начальника гарнизона больше месяца. И вот настал двадцать пятый день четвертой луны – рождение Чуньмэй. У Юэнян купила подарки: по блюду персиков и лапши – символов долголетия, два вареных гуся, четыре свежих курицы, два блюда фруктов, жбан южного вина, которые были отосланы с одетым в черное платье Дайанем.

Чжоу Сю сидел в зале, когда ему доложил привратник. Внесли подарки. Дайань протянул визитную карточку Юэнян и отвесил поклон.

– Как я обязан твоей матушке за хлопоты! – воскликнул Чжоу, пробежав глазами лист подношений. – Стоило ли тратить?!

Он велел слугам принять подарки, а Дайаня угостить чаем.

– Визитную карточку дяде отнесите, – распорядился хозяин и приказал наградить Дайаня платком и тремя цянями серебра, а носильщика – сотней медяков.

– Передай матушке низкий поклон и благодарность, – заключил он, обращаясь к Дайаню. – Обожди ответ.

Чжоу Сю оделся в парадное платье и отбыл с визитом. Дайань же остался ждать у залы ответа. Через некоторое время из калитки вышел молодой человек в шапке с ребристыми, как черепица, верхом, черном креповом халате, летних туфлях и белых чулках. Передав слуге ответную карточку и наградные, он тотчас же удалился. И вот, что странно! «До чего он похож на зятя Чэня! – сразу мелькнуло в мыслях

Дайаня. – Но как он тут очутился?!» Молоденький слуга вручил Дайаню платок и деньги, и тот вышел за ворота. По возвращении он доложил Юэнян. Надпись на карточке гласила: «С низким поклоном и благодарностью от госпожи Чжоу, урожденной Пан».

– А саму сестрицу не видал? – спросила Юэнян.

– Сестрицу не видал, а вот зятя лицезреть привелось.

– Ах ты, арестант! – засмеялась Юэнян. – Ты уж и зятем, оказывается, успел обзавестись? Господин Чжоу немолод. А ты называешь его зятем!

– Я не о нем говорю, матушка, – пояснил Дайань. – Я видел вашего зятюшку Чэня. К моему приходу господин Чжоу сидел в зале. Я вошел, вручил визитную карточку и земно поклонился. Я, говорит мне господин Чжоу, очень признателен твоей матушке за щедрые подношения. Потом приказал угостить меня чаем, а визитную карточку, говорит, передайте дяде. Пусть, говорит, наградит платком и тремя цянями серебра, а носильщика – сотней медяков. Распорядился, облачился и верхом отбыл с визитом. Долго я ждал ответа. Вижу, выходит он из калитки, передает слуге ответ с чаевыми, а сам исчезает. Тут мы с носильщиком и покинули дом господина Чжоу. А ответ вынес он, точно он.

– Вот арестант! Не городи чепуху! – воскликнула Юэнян. – Этот молокосос, небось, милостыню кланчит где-нибудь. А скорее всего замерз или с голоду ноги протянул. Что ему делать у начальника гарнизона! И потом господину Чжоу хорошо известно, что это за скотина. Его и близко-то не подпустят.

– Давайте поспорим, матушка! – не унимался Дайань. Я ж его своими глазами видел. Это он, я уверен. Его-то я узнаю, пройди он хоть огни и воды.

– А одет он в чем? – спросила Юэнян.

– В новой шапке с ребристым верхом. Золотая шпилька торчит. В темном креповом халате, летних туфлях и чистых носках. Холеный такой, упитанный.

– Нет, нет! Не верю! – стояла на своем хозяйка.

Однако не будем больше говорить об этом.

А пока расскажем о Чэнь Цзинцзи. Когда он вошел в покои Чуньмэй, она сидела у зеркала и подводила свои очаровательные брови. Цзинцзи показал ей визитную карточку Юэнян.

– Почему она прислала тебе подарки? – спросил он.

Чуньмэй рассказала ему, как они случайно встретились в день поминовения усопших за городом в монастыре Вечного блаженства,

как потом слуга Пинъань выкрал из закладной лавки драгоценности, был задержан приставом У и под пытками дал показания о прелюбодеянии У Юэнян, как тетушка Сюэ просила заступиться за Юэнян, и начальник гарнизона прекратил дело.

– Потом в знак благодарности прислала мне подарки, – продолжала Чуньмэй. – А в первой луне я была у нее на дне рождения Сяогэ. Так вот и знаемся до сих пор. Она обещала прибыть ко мне на день рождения.

Цзинци слушал ее и морщил брови.

– Нет, сестрица, у тебя никакого самолюбия! – заключил он. – Неужели ты забыла, как она, потаскуха, всех сестер из дому поразгоняла! Из-за нее и Шестая на тот свет пошла. Нет, я дал слово ни в жизнь с ней не встречаться. А ты за нее хлопочешь?! Ну и пусть У Дяньэнь вынуждает Пинъаня заявлять о прелюбодеянии. Пусть бы ее, потаскуху, на веревке в суд притащили, пусть бы посрамили, нам-то какое до этого дело! Если б она не путалась с Дайанем, с какой бы ей стати выдавать за него Сяоюй, а? Нет, будь я тут, ни за что бы не дал тебе за нее хлопотать. Враг она нам с тобой, а ты с ней знаешься, дружбу водишь.

Выслушала его Чуньмэй и примолкла.

– Дело прошлое, – проговорила она наконец. – А у меня сердце доброе. Я зла не помню.

– В наше время за добро злом отплачивают, – заметил Цзинци.

– Раз она подарки прислала, нельзя же ее без ответа оставить, – заявила Чуньмэй. – Она приглашение ждать будет.

– Порви ты с этой потаскухой! – настаивал Цзинци. – Только не хватало приглашение посылать!

– Не приглашать неудобно! Нет, приглашение я pošлю. А придет она или нет, дело ее. Если придёт, ты ей на глаза не показывайся. У себя в кабинете побудь. А больше я ее звать не буду.

Недовольный Цзинци молча удалился в кабинет, написал приглашение, и Чуньмэй отправила его со слугой Чжоу И.

Разодетую Юэнян сопровождал малый паланкин, в котором несли кормилицу Жуи с сыном Сяогэ. Провожал хозяйку Дайань. Навстречу гостье вышли Чуньмэй и Сунь Вторая, которые проводили ее в дальнюю залу, где после взаимных приветствий гостья и хозяйки заняли свои места. Немного погодя с Сяогэ на руках появилась Жуи и отвесила земные поклоны. Цзинци отсиживался у себя в кабинете.

Хозяйки угостили гостью чаем, после которого начался пир. Пели приглашенные певицы – Хань Юйчуань и Чжэн Цзяоэр, но говорить об

этом подробно нет надобности.

Дайаня угощали в переднем флигеле. Он заметил молоденького слугу. Тот вынес из дальних покоев поднос с отваром, рисом и сладостями и направился прямо к калитке, за которой располагался западный кабинет.

– Это ты кому? – спросил Дайань.

– Дяде.

– А как его зовут?

– Дядя Чэнь.

Дайань потихоньку последовал за слугой к кабинету. Мальчик отдернул дверную занавеску и исчез в помещении, а Дайань подкрался под окно и заглянул внутрь. На кровати лежал зять Чэнь. Когда слуга принес еду, Цзинцзи вскочил с постели и сел за стол. Дайань незаметно проскользнул через калитку и вернулся во флигель.

Когда стало темнеть и зажгли огни, Дайань сопровождал паланкин Юэнян домой, а по возвращении подробным образом рассказал хозяйке обо всем увиденном.

– А зять Чэнь точно у нее проживает, – сообщил он.

После этой встречи Чуньмэй, послушавшись Цзинцзи, перестала поддерживать отношения с Юэнян.

Да,

Так преграду меж ними воздвиг
этот неблагодарный юнец.

Только вспомнишь – обида и гнев, –
давшей дружбы бесславный конец.

С тех пор Цзинцзи вступил в тайную связь с Чуньмэй, о чем никто в доме не подозревал. В отсутствие мужа Чуньмэй приглашала к себе Цзинцзи, и они обедали или пировали у нее в спальне, а на досуге играли в шашки, шутили, смеялись и чего только себе не позволяли. Когда же хозяин был дома, Чуньмэй наказывала служанке или слуге отнести ему кушанья в кабинет. Частенько среди бела дня Чуньмэй подолгу засиживалась в кабинете у Цзинцзи. Их все больше и больше влекло друг к дружке, но говорить об этом подробно нет надобности.

Как-то начальник гарнизона во главе конного отряда отправился в инспекторскую поездку. Настала пятая луна и праздник лета. Чуньмэй велела накрыть стол вблизи от западного кабинета в беседке среди цветов. С Чуньмэй пировали Сунь Вторая и Чэнь Цзинцзи. Они пили крепкое с добавлением реальгара^[1734] вино, лакомились завернутыми в тростниковые листья пирожками-цзунцзами^[1735] и весело проводили

время. Горничные и служанки ухаживали за ними с обеих сторон стола. Какое прекрасное это было пиршество в цветах!

Только поглядите:

В горшках зеленеют ивовые ветки, в вазах алеют гранаты. Свисают криветочные усы – хрустально прозрачные занавески, павлинами пестреет ширма из перламутра. Аир пронзает нефрит. Красавицы, улыбками даря, в багряных кубках, как заря, поднимают вино. Клиновидные пирожки грудятся на злате. Прислужницы высоко, словно на подставках, держат яшмовые тарелки. Ели вареные деликатесы, угощались свежими плодами. В прическах красовались амулеты – тигрята из полыни^[1736]. Плечи и руки переплетали разноцветные ленты. Справляли в каждом доме праздник лета, повсюду шли веселые пиры. Гуляют все, и целый мир во хмелю. Кувшин вина помогает коротать досуг и возбуждает веселье. Сколько мелодичного звона раздается от яшмовых подвесок на платьях красоток! Как тихо колышется белый шелк вееров у чаровниц в нежных руках!

Услаждали пирующих по приказанию Чуньмэй певицы Хайтан и Юэгуй. Когда солнце стало склоняться к западу, а после небольшого дождичка повеяло прохладой, Чуньмэй подняла большой золотой кубок-лотос и предложила выпить. Вино уже обошло несколько кругов, и захмелевшая Сунь Вторая удалилась к себе в спальню, оставив Чуньмэй наедине с Цзинцзи в беседке среди цветов. Они продолжали провозглашать один тост за другим и играли на пальцах. Через некоторое время служанка внесла обтянутый газом фонарь. Кормилицы Цзиньгуй и Юйтан унесли Цзиньгэ, которому было пора спать.

После проигрыша Цзинцзи, не осушив штрафного кубка, удалился к себе в кабинет. Чуньмэй послала за ним Хайтан, но он не появлялся. Тогда она наказала Юэгуй:

– Если не пойдет, притащи. А то десяток пощечин у меня заработаешь.

Когда Юэгуй вошла в кабинет, Цзинцзи уже успел лечь поперек кровати навзничь и громко храпел. Как она ни старалась, ей так и не удавалось его добудиться.

– Вас матушка приглашает, – повторяла она. – Пойдемте, а то мне из-за вас попадет.

Наконец Цзинцзи что-то пробурчал себе под нос.

– Ну и попадет, а мне-то что! – проговорил он. – Я пьян, с меня хватит.

Юэгуй потянула его к себе.

– Я вас доведу, дядя, – толкая Цзинци, говорила она. – У меня силенки хватят – не из слабого десятка!

От толчков в голове у того прояснилось. Однако он, уже прикидываясь совсем пьяным, будто в шутку заключил Юэгуй в свои объятия и, благо было темно, поцеловал.

– Его зовут по-хорошему, – повышенным голосом заговорила служанка, – а он себе вон что позволяет! Не совестно ли!

– Дитя мое! – обратился к ней Цзинци. – Если ты не против, то зачем к совести взывать!

Он еще раз поцеловал Юэгуй, и они пошли к беседке.

– Мне приказано вас привести, дядя, не то от матушки достанется, – говорила Юэгуй.

Чуньмэй велела Хайтан наполнить большие кубки и села с Цзинци играть в шашки, а кто проигрывал, тот обязан был осушать кубок. Пока они играли одну партию за другой, зевавшие служанки удалились на покой. Остались только Хайтан и Юэгуй, которых Чуньмэй послала за чаем, и они с Цзинци остались в беседке одни. Пояс с подвесками ослаб и обнажился ее стан – нефритовое изваяние. Алые уста источали нежнейшее благоуханье.

Да,

Сколько тенистых террас
освещали косые лучи!
Фениксов пара неслась
в круговерти любовных пучин.
Тому свидетельством стихи:
В беседке меж цветов
они полны истомы,
блестят как светлячки
росинки на виске.
Не заноси часов
в глубинные хоромы,
попробуй, отличи
клюв соловья в цветке.

Они как раз предавались любовным усладам, когда Хайтан внесла чай.

– Матушка, вас к Цзиньгэ просят, – сказала служанка. – Мальчик проснулся. Плачет, вас зовет.

Чуньмэй с Цзинци осушила еще два больших кубка, потом

прополоскала рот чаем и удалилась в дальние покои. Служанка стала убирать посуду, а Сизэр, поддерживая Цзинцзи, повел его в кабинет на покой, но не о том пойдет речь.

Однажды Его Императорским Величеством был издан эдикт, согласно которому начальнику гарнизона Чжоу с пешими и конными войсками приказывалось присоединиться к частям правителя Цичжоуской области Чжан Шуе и вместе отправиться в карательный поход на гору Лян с целью истребить разбойников во главе с Сун Цзяном.^[1737]

– Береги сына! – наказывал начальник Чуньмэй перед самым отбытием. – Да позови сваху. Надо будет брату твоему найти подходящую пару. А я его имя на всякий случай в воинскую часть внесу. Если все пойдет удачно и мы вернемся с победой, государь император не оставит нас своими милостями. И ему, смотришь, чин какой перепадет. И тебе будет лестно и приятно.

Чуньмэй в знак согласия кивнула головой. Дня через два или три вещи были собраны, и воевода Чжоу во главе пехоты и конницы отправился в поход. Взял он с собой только Чжоу Жэня, а Чжан Шэну с Ли Анем поручил присматривать за домом, но не о том пойдет речь.

Однажды Чуньмэй позвала тетушку Сюэ.

– Вот дело-то какое, – начала хозяйка. – Батюшка перед отъездом просил меня позаботиться о женитьбе моего брата. Нашла бы ты ему подходящую пару, девушку лет шестнадцати или семнадцати. Только чтобы собой хороша была, умна и расторопна. А то у него нрав сама знаешь какой!

– Как не знать! – воскликнула сваха. – Лучше не говорите, дорогая! Он и первой-то своей недоволен был.

– Смотри, не угодишь, пощечин у меня заработаешь! – предупредила Чуньмэй. – Ведь она ко мне в дом невесткой войдет. Дело нешуточное!

Чуньмэй велела служанке угостить сваху чаем. Тут к ним вошел сам Чэнь Цзинцзи и сел за стол.

– А, это вы, зятюшка Чэнь! – воскликнула сваха и поклонилась. – Давненько не видались. Где пропадали, почтеннейший? А вам счастье улыбается. Матушка только что распорядилась вам невесту подыскать. Чем же вы, почтенный сударь, благодарить меня будете?

У Цзинцзи вытянулось лицо. Он не проронил ни слова.

– Иль у тебя язык отнялся, зятюшка, – продолжала сваха.

– Да не называй ты его зятем! – встала Чуньмэй. – Что было, то прошло. Он – дядя Чэнь, так его и зови!

– Виновата, матушка! – спохватилась сваха. – Опять проклятый язык не так повернулся. Больше не буду. Стану тебя звать дядюшкой.

Цзинцзи не выдержал и, прикрывая полный рот, засмеялся.

– Вот это другое дело! – глотая еду, говорил он. – По душе, приятно слышать.

Тетушка Сюэ вошла в раж и в шутку шлепнула Цзинцзи.

– Вот старый бродяга! – засмеялась она. – Ему, видишь ли, по душе. Не лести уж! Чай, я не зазноба твоя!

Тут рассмеялась и Чуньмэй.

Немного погодя Юэгуй подала чай и закуски. После чаю сваха забрала свою корзину и стала откланиваться.

– Уж я для вас постараюсь, матушка, ног жалеть не стану, – проговорила она. – Как только найду хорошую девицу из порядочной семьи, приду скажу.

– Насчет подарков, нарядов, украшений и всего, что полагается, пусть не волнуется, – заметила Чуньмэй. – Только бы из хорошего дома была да собой недурна. Как присмотришь, приходи.

– Хорошо, матушка! – заверила ее сваха. – Мне бы только вам угодить, матушка!

Через некоторое время Цзинцзи закончил обед и удалился к себе, а тетушка Сюэ все еще мешкала с уходом.

– Когда же это он к вам пожаловал, матушка, – спросила она, едва Цзинцзи скрылся за дверью.

Чуньмэй рассказала свахе, как Цзинцзи сделался монахом, и продолжала:

– Долго я его разыскивала. Двоюродным братом объявить пришлось.

– Умно придумали! Предвидели, матушка, что впереди-то будет, – похвалила ее сваха. – Говорят, к вам на день рождения бывшая ваша хозяйка визит нанесла.

– Сперва она прислала мне подарки, потом я отправила слугу с приглашением, – пояснила Чуньмэй. – Целый день у меня провела.

– Занята я была тогда, – говорила сокрушенно тетушка Сюэ. – Тут одной молодой девушке свадебный обряд устраивала – постель для новобрачных убирала. Весь день прохлопотала, а рвалась поздравить вас, матушка. И дядя Чэнь с ней видался?

– Что ты! Он ее видеть не может! Из-за приглашения мне целую сцену устроил. Упрекал, что с ней знаюсь, что хлопочу за нее. Нет, говорит, у тебя никакого самолюбия. Пусть У Дяньэнь слугу пытается, тебе-то что за дело. А ее надо к суду привлечь. Что ты, говорит, о ней

беспокоишься, забыла, как она с нами обращалась?

– Его тоже, конечно, можно понять, – заметила сваха. – Но с другой стороны, нельзя же столько времени злобу таить.

– Раз я приняла от нее подарки, значит, уже не могла отказать ей в приглашении. Пусть ее мучит совесть, а я неучливой прослыть не собираюсь.

– Доброй вы души человек, матушка! – воскликнула сваха. – Потому-то вы и счастливы в жизни.

Тут сваха подхватила свою корзину с украшениями и, откланявшись, ушла.

Дня через два она явилась к Чуньмэй.

– Вот у тысяцкого Чжу есть молоденькая дочка, – сказала сваха. – Пятнадцати лет. Пара подходящая. Правда, мать умерла, сиротка она.

– Нет, слишком молода, – отвечала Чуньмэй.

Тогда тетушка Сюэ заговорила о второй дочери Ин Боцзюэ, двадцати двух лет от роду.^[1738] Но и от нее отказалась Чуньмэй под тем предлогом, что самого Ин Боцзюэ уже не было в живых, а выдавать ее будет дядя, и за ней никакого приданого не получишь. Так обе девицы получили отказ.

Прошло еще несколько дней, и тетушка Сюэ принесла цветы. Она достала из рукава визитную карточку от родителей невесты. На ярко-красном атласе было написано: «Старшая дочь владельца атласной лавки именитого горожанина Гэ, двадцати лет от роду. Появилась на свет в год под знаком курицы, пятнадцатого дня одиннадцатой луны в полуночный час под первым знаком цзы».^[1739]

– Ее зовут Цуйпин – Зимородковая Ширма, – пояснила сваха. – Девица – картинка. Стройная и ростом взяла. Овальное лицо. Изысканные манеры, нежна и обходительна. Умна и расторопна. А какая рукодельница, и говорить не приходится. Живет с отцом и матерью, а у них десятки тысяч связок монет. Целое состояние. Атласная лавка на Большой улице. В Сучжоу, Ханчжоу и Нанкин по торговым делам ездят. Прекрасная семья. Лучше и не сыскать. Кровать с пологом, корзины и сундуки приданого – все в Нанкине заказывали.

– Если так, я согласна, – решила Чуньмэй и велела свахе отнести письменное согласие родителям невесты, что та незамедлительно и исполнила.

Да,

Если хочешь залучить
красотку из светлицы, –
Лучше свахи красный лист

поможет пожениться.^[1740]

Тому свидетельством стихи:

Там в небесных чертогах тончайшие ткутся шелка.

Свяжут нитью блестящею суженных издалека.

Как на небе Ткачиху нашел Волопас,

На земле ум и нежность слились в добрый час.

Так сваха Сюэ стала посредницей между двумя домами. Узнав, что жених из дома начальника гарнизона, богатый горожанин Гэ проникся желанием с ним породниться и послал со своей стороны сваху Чжан, которая занялась сватовством вместе с тетушкой Сюэ.

Чуньмэй уже приготовила подарки – два короба чая, яства, сладкие пирожки и фрукты к чаю. На смотрины и сговор попросила поехать Сунь Вторую. Та отбыла в дом Гэ в паланкине и вернулась с кольцами.

– Да, девушка действительно хороша собой! – говорила она Чуньмэй. – Пара будет отличная. Она нежна как цветок. И семья вполне порядочная.

Чуньмэй позаботилась о выборе благоприятного дня для отправки свадебных даров – шестнадцати подносов отваров, плодов и сладостей к чаю, двух коробок головных украшений, двух – жемчуга и бирюзы, четырех ящиков с вином и пары бараньих туш. Невесте были преподнесены также волосник, полный набор золотых и серебряных головных украшений, шпильки, кольца, а помимо того креповый и атласный халаты, наряды на все времена года, цветное полотно, холст и двадцать лянов серебра, о чем говорить подробно нет надобности. Астролог установил для переезда невесты восьмой день в шестой луне.

– А у невесты будет своя служанка? – спросила Чуньмэй у свахи.

– Кровать с пологом, туалетный столик, крапленые золотом сундуки – все имеется, вот только служанки никак нет, – отвечала Сюэ.

– Тогда надо купить девочку лет тринадцати или четырнадцати, – наказывала Чуньмэй. – В спальне прислуживать. И ночное ведро вынести, и воды утром подать. Без прислуги неудобно.

– В двух домах девочек продают, – заметила Сюэ. – Я завтра же приведу.

На другой день сваха Сюэ и в самом деле привела к Чуньмэй девочку.

– Ей тринадцать лет, матушка, – говорила Сюэ. – До этого она у подрядчика Хуана Четвертого служила. Но Хуан Четвертый растратил казенные деньги и вместе с Ли Третьим был посажен в тюрьму. С

ними и Лайбао попал. Под стражей больше года. Все имущество спустили, дом продали. Ли Третий в заточении умер. Тогда его сына, Ли Хо, посадили. А Сэнбао, сын Лайбао, скитается по чужим краям, погонщиком стал.

– Лайбао, говоришь? – переспросила Чуньмэй.

– Он теперь называет себя Тан Бао.

– Значит она у Хуан Четвертого служила, – проговорила Чуньмэй. – Сколько же за нее просят?

– Деньги им нужны, в казну долг вносить, – говорила сваха. – Всего четыре с половиной лян просят.

– Ишь чего захотели! – воскликнула Чуньмэй. – За три с половиной возьму.

Было отвешено три с половиной лян белоснежного казенного серебра и свахе передали купчую. Девочке дали имя Цзиньцзянь, однако хватит пустословить.

Вот и настал восьмой день шестой луны. Голову Чуньмэй венчала украшенная жемчугами и бирюзою парадная фениксова шапка. Карминовый халат, богато расшитый вплоть до рукавов, дополнял нежно-голубой нефритовый в золотой оправе пояс. Ее огромный паланкин несли четверо носильщиков. Сопровождаемый барабанщиками и слугами с фонарями поезд двигался к дому Гэ за невестой. Чэнь Цзинцзи восседал на статном белом коне. Отливали серебром седло и сбруя. Одетые в черное воины окриками разгоняли с дороги зевак. Цзинцзи был в шапке ученого, в темном с круглым воротником атласном халате и в черных сапогах на белой подошве. Шапку его украшали две воткнутой ветви золотых цветов.

Да,

Было сухо, безотраднo –

Благодатный дождик вдруг,

А в чужом краю внезапно

Повстречался старый друг.

Уж невесту окружали

Мириады грез ночных:

Его имя на скрижалях!^[1741]

Стоит человеку помыться и переодеться, как он становится совсем другим.

У ворот дома начальника гарнизона Чжоу из паланкина вышла молодая, скрытая под ярко-красным карминовым покрывалом. Неся свадебную вазу, наполненную безделушками и зерном, она вошла в

ворота. Астролог ввел ее в ярко декорированную залу, откуда после положенных при встрече церемоний она проследовала в спальню новобрачных. Чуньмэй усадила молодых на край ложа под пологом и покинула спальню. Когда на постель были брошены деньги и раскрашенные плоды, астролога с наградными отпустили домой. Разошлись и барабанщики.

Посидев немного на краю ложа рядом с Гэ Цуйпин, Цзинци верхом, сопровождаемый слугами с фонарями, отправился к тестю с благодарственным визитом. Вернулся сильно выпившим.

А вечером насладились счастьем новобрачные, забавляясь игрою дождя и тучки.

Да,

Не раз увлажнен благовонной росой
был персика алый цветок,
И иву изящную с кроной густою
согнул удалой ветерок.

Тому свидетельством стихи:

Прелестницу игривую
У озера под ивою
Раз повстречаешь невзначай –
Забудешь всю свою печаль.
Едва подует ветерок –
И Ле-цзы спрячется в тени,^[1742]
Качнется ивовый листок –
Красотка юная манит.

В ту ночь Цзинци и Цуйпин отдались любви. Слились на брачном ложе красавица и талант будто пара неразлучных уток, словно пара фениксов, и резвились как рыбы в воде.

На третий день после свадьбы Чуньмэй распорядилась по-праздничному ярко убранную дальнюю залу и накрыть пиршественные столы. На встречу съехались родные и близкие жениха и невесты. Пирующих развлекали музыкой и пением, но говорить об этом подробно нет надобности.

Каждый день Чуньмэй приглашала к себе на обед молодую чету. Чуньмэй и Цуйпин целые дни проводили вместе, величая друг дружку невесткой и золовушкой, и никто в доме – ни служанки с кормилицами, ни жены слуг не смели им перечить.

Чуньмэй, надобно сказать, отдала молодым трехкомнатный

западный флигель, где и разместились их спальни, сверкавшая чистотою, точно снежный грот. На дверях были опущены занавески, на окнах свисали шторы. К флигелю примыкал западный кабинет, где занимался Цзинци. Там тоже стояли тахта, столики, лежали старинные книги. Через руки Цзинци проходила вся переписка начальника Чжоу: не только письма, поздравления и визитные карточки, но также распоряжения и донесения с мест. Одни подлежали регистрации, на другие ставилась казенная печать, поэтому в кабинете имелись кисти, тушь, бумага и все необходимое. Все полки были до отказа уставлены отдельными книгами и сериями томов.

Чуньмэй то и дело заходила туда и подолгу болтала с Цзинци, а тайком и не раз они позволяли себе и большее.

Да,

Утром – пировал в долине золотистой,^[1743]

Ночью – целовал прозрачный локоток.

Жизни наслажденья – как родник игристый,

Жизнь – иссякнет мигом, как один глоток.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ

ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ ОТКРЫВАЕТ КАБАЧОК В ЛИНЬЦИНЕ

ХАНЬ АЙЦЗЕ ВСТРЕЧАЕТ ЛЮБОВНИКА В БИРЮЗОВОМ ТЕРЕМЕ

*Сильный человек и волевой
слышит аромат и кочерыжки.
Если на душе твоей покой,
так уютно и на жестком ложе.
Благо тем, кто полон сострадания
к мира суете, его излишкам.
Безучастность к чувства излишня —
вот, однако, что всего дороже,^[1744]
Если богатеет человек,
разоряя своего соседа,
Ворота сыщется иной —
преградит дорогу душегубу.
Ныне ты вознесся высоко,
у тебя победа за победой,
В будущем грозит тебе удар —
ты кулак судьбы познаешь грубый.*

И вот однажды начальник гарнизона Чжоу и правитель Цзинани Чжан Шуе во главе пеших и конных войск, отправившись в карательный поход на гору Лян, покарали тридцать шесть главарей под водительством Сун Цзяна. Десять с лишним тысяч разбойников были принуждены сдаться, и на земле снова воцарились мир и покой. О победе доложили Его Величеству. Высочайшим указом Чжан Шуе

возводился в чин цензора и назначался старшим комиссаром Шаньдуна. Начальник гарнизона Чжоу Сю был назначен командующим пехотой и конницей Цзинани,^[1745] в чьи обязанности входили инспекции водных путей и борьба с разбойниками и пиратами. Остальные отличившиеся в походе военачальники, им подчинявшиеся, получили повышение на один ранг. Поскольку имя Цзинци тоже значилось в списке личного состава, он был удостоен чина войскового советника с месячным пайком в два даня риса.^[1746] Теперь к великому своему удовольствию он как лицо чиновное мог носить парадную шапку и пояс.

С императорским эдиктом Чжоу Сю во главе пехоты и конницы возвращался домой к середине десятой луны, о чем заблаговременно дали знать Чуньмэй.

До глубины души обрадованная Чуньмэй послала Чэнь Цзинци и Чжан Шэна с Ли Анем за город встретить хозяина. В зале готовился в его честь пир. Ждали приезда военачальников. Невозможно было перечислить всех прибывавших с поздравлениями и подношениями.

Чжоу Сю спешил и направился в дальнюю залу, где его встретили положенными поклонами Чуньмэй и Сунь Вторая. Потом хозяйина приветствовала молодая чета – Чэнь Цзинци и Гэ Цуйпин. Цзинци облачился в парадное платье – перетянутый роговым поясом карминовый с круглым воротом халат и чиновничью шапку. На ногах у него были черные сапоги. Цуйпин понравилась хозяину, и он одарил ее набором нарядов, десятью лянками серебра и головными украшениями, но не о том пойдет речь.

Вечером Чуньмэй и Чжоу Сю пировали в спальне. Речь невольно коснулась и домашних дел.

– А я брата женила, – говорила Чуньмэй. – Ввел он нас в немалые расходы.

– Что ты говоришь! – воскликнул муж. – Он же не чужой человек – брат твой. А раз мы его приютили, значит, должны были ему пару подыскать да о будущем его позаботиться. Нет, на это денег жалеть не следует.

– А ты и о его карьере позаботился, – проговорила она. – О большем он и не мечтал.

– Указом Его Величества мне на этих днях надлежит занять пост в Цзинани, – пояснил Чжоу. – А тебе придется пока остаться, за домом присмотреть. Надо будет выделить твоему брату денег. Пусть приказчика наймет и откроет какую-нибудь торговлю. Раз в три или пять дней будет ходить счета проверять, а прибылей хватит им на

прожитие.

– Лучшего нельзя и придумать! – поддержала его Чуньмэй.

Этой ночью муж и жена отдались любви, о чем нельзя вдаваться в подробности.

Чжоу Сю пробыл дома дней десять. В начале одиннадцатой луны он собрался в Цзинань, взяв с собою Чжан Шэна и Ли Аня, а Чжоу Жэню и Чжоу И поручил смотреть за домом. Чэнь Цзинци проводил их до загородного монастыря Вечного блаженства.

Однажды Чуньмэй держала с Цзинци совет.

– Видишь ли дело-то какое, – говорила она. – Муж советовал заняться тебе в низовье реки торговлей. Нанял бы ты приказчика, а прибыль вам на жизнь пошла бы.

Такое предложение сильно обрадовало Цзинци. Шел он как-то по улице да присматривался кого бы нанять в приказчики. И надо же тому быть! Попался ему старый друг Лу Биньи, которого он звал брат Лу Второй.

– А, брат! – протянул Лу. – Что-то давно я тебя не видал!

Цзинци рассказал ему, как похоронил жену, попал под суд и как Ян Гуанъянь украл у него полдзонки товаров.

– Он меня нищим по миру пустил, – продолжал Цзинци. – На счастье сестру выдали замуж за начальника гарнизона, а потом и меня женили. Я теперь ношу шапку и пояс чиновного лица – войсковым советником стал. Торговлей решил заняться, да никак приказчика не найду.

– Значит, это тебя Железный Коготь обокрал? – переспросил Лу Биньи. – А он кабачок в Линьдине открыл. На паях с Се Третьим. Деньгами ворочает, ссуды дает. Все тамошние певички у него в долгах. Огромные барыши огребают. Одет с иголочки, ест чего только пожелает. На осле разъезжает. Раз в три или пять дней заявляется. Счета проверит и барыши в карман положит. На прежних друзей никакого внимания! А брат у него игорный дом открыл. Псарню держит, петушинные бои устраивает, и никто им не смеет перечить.

– Я его в прошлом году как-то встретил, – говорил Цзинци. – Отвернулся он от меня. Чуть не избил. Хорошо друг подрос. Ненавижу я его до мозга костей.

Тут он повел Лу Биньи в ближайший кабачок. Они поднялись наверх, заняли столик, а когда подали вино и закуски, стал держать совет.

– Как бы мне с ним разделаться, а? – начал Цзинци. – Отплатить ему за все прошлое.

– Как говорится, благороден не тот, кто ненавидит слабого; муж не тот, кто не помнит зла, – изрек Лу. – Я с ним поговорю как следует, а то он пока гроб не увидит, слезы не прольет. Я ему по-хорошему предложу, но он мое предложение безусловно отвергнет. И тебе, брат, никакого дела открывать не придется. Надо будет только подать на него жалобу, к суду его привлечь. Пусть вернет тебе украденное. Отберешь у него по суду кабачок, добавишь капиталу и войдешь с Се Третьим в пай. Я буду с братом Се на пристани трудиться, а тебе, брат, придется раз в три или пять дней наведываться, счета проверять. По сотне с лишним лянов в месяц получать будешь. Это я тебе ручаюсь. А где ты еще такие барыши выколотишь?!

Да, дорогой читатель! Не посоветуй тогда Лу Бинъи, не погибли бы люди не своей смертью. Какой страшный конец ждал Чэнь Цзинци! И другой погиб невинно. Плохо они кончили, как Ли Цунсяо, живший в эпоху Пяти династий, или Пэн Юэ, описанный в «Истории Ханей».

[1747]

Да,

Бедна назначена судьбой,
И не при чем тут мы с тобой.

– А ты брат, дело говоришь! – выслушав его и поклонившись, воскликнул Цзинци, – Я только с зятем и сестрой посоветуюсь. Если нам удастся, то я поставлю тебя приказчиком. Вместе с братом Се делом займешься.

Они допили вино и, спустившись вниз, расплатились с хозяином. – Смотри, никому ни слова! – предупредил друга Цзинци. – Награда за мной.

– Понимаю, – отвечал Лу Бинъи.

На этом они расстались.

Дома Цзинци изложил задуманное Чуньмэй.

– Но как решать без хозяина? – спрашивала Чуньмэй.

– Не волнуйтесь! – вмешался в разговор стоявший рядом старый слуга Чжоу Чжун. – Пусть дядя составит жалобу, укажет, сколько было похищено серебра и товаров. Приложите к жалобе визитную карточку батюшки, а я подам пакет судебным надзирателям в управу. Привлекут они Яна к суду, порку устроят. Все серебро выложит, будьте покойны.

Довольный Цзинци составил жалобу, запечатал ее в пакет вместе с визитной карточкой начальника Чжоу и передал Чжоу Чжуну.

Когда Чжоу Чжун подошел к управе, там уже началось слушание дела, и оба надзирателя были на своих местах.

– От его превосходительства командующего гарнизоном господина Чжоу посыльный с письмом, – объявил привратник.

Тысяцкий Хэ и его помощник Чжан Второй велели впустить Чжоу Чжуна. После расспросов о повышении хозяина и назначении на новый пост они распечатали пакет, где нашли визитную карточку и жалобу. Желая угодить командующему, они тотчас же подписали ордер на арест Ян Гуанъяна из Нижнеречья,^[1748] куда и были немедленно посланы полицейские, а Чжоу Чжуну вручили свои визитные карточки.

– Передай низкий поклон твоему батюшке и матушке, – наказали они. – Мы сообщим вам, как только будет возвращено украденное серебро.

Чжоу Чжун рассказал Чуньмэй о встрече с надзирателями и передал их визитные карточки.

– Об аресте тут же распорядились, – добавил он. – Как только будет серебро, с посыльным сообщат.

Цзинцзи взял визитные карточки. На одной было написано:

«С низким поклоном Ваш ученик Хэ Юншоу»,

а на другой:

«С низким поклоном Ваш ученик Чжан Маодэ».

Цзинцзи остался доволен таким оборотом дела. Не прошло и двух дней как полицейские вернулись из Нижнеречья с арестованными Ян Гуанъянем и его братом Яном Вторым Гуляй Ветер. В управе на основе жалобы Чэнь Цзинцзи им учинили допрос, а после порки держали несколько дней в заключении. Арестованные вернули три с половиной сотни лянов серебра и сто бочек вина. Кроме того, имущество кабачка было оценено в полсотни лянов. Но в жалобе Цзинцзи указывалась сумма в девятьсот лянов серебра, недоставало еще три с половиной сотни. Дом Яна был продан за полсотни лянов, пустили с молотка и все имущество. Так Цзинцзи оказался владельцем кабачка и компаньоном толстяка Се. Чуньмэй дала ему пятьсот лянов, после чего капитал его составил тысячу лянов серебра. Лу Бинь стал приказчиком.

После ремонта кабачок стал неузнаваем. Все сверкало свежим лаком, всеми цветами переливалась роспись. Блестели перила, на балках играли блики. Красовались чистотою аккуратно накрытые столики.

Настал день открытия кабачка. Барабанный бой и музыка неслись к

самым небесам, стройно пели флейты и свирели. Отовсюду собрались заезжие и торговые гости. На сей случай созвали со всех концов певиц. Цзинцзи принес в жертву свинью и возжег жертвенные деньги.

Как говорится:

Откупорили жбан,
И на версты вокруг
Чудо-благоуханье разлито.
Лишь за чарку вина
Небожитель отдаст
Все свои жемчуга и нефриты.
А сановник с себя
Снимет все соболя,
Вынет золото царская свита.

Цзинцзи поднялся наверх. Кругом в окна кабачка струился яркий свет. Блестели зеленью перила. Со всех сторон открывался вид на далекие гряды покрытых облаками гор. На горизонте сливалась с небом водная гладь. Прямо на востоке устремлялась ввысь окутанная синеватою дымкой похожая на раковину громада горы Тай. Прямо на западе за плотной стеной голубоватой мглы скрывался престольный град. На севере и тут и там ярусами высились красные терема. На юге протянулась белой шелковой лентой полноводная река Хуай.^[1749] Вверху и внизу насчитывалось более сотни отдельных комнат, и тут и там гостей ублажали музыкой, танцами и песнями. Не описать всех яств, от которых ломились столы, и вин, которые лились рекой.

Да,

Персиковый веер
прохладу навевал,
Песни, игры, пляски —
прилунный карнавал.

С середины первой луны, когда на пристани в Линьцине Чэнь Цзинцзи открыл кабачок, он приносил ему за день от тридцати до пятидесяти лянов серебра.

Всеми делами заправляли Толстяк Се и приказчик Лу Бинъи. Дня через три-четыре в Нижнеречье для подведения счетов навещался Цзинцзи. Он прибывал верхом в сопровождении молодого слуги Цзяна. И всякий раз Лу Бинъи и Толстяк Се готовили ему комнату наверху — стелили постель и накрывали стол. Аккуратно убранная, комната походила на снежный грот. На столе стояли закуски и вино.

Чтобы Цзинцзи не было скучно, звали самых красивых певичек. Чэнь Третий служил виночерпием.

И вот однажды, а дело было в прекрасную пору третьей луны, когда светила яркое солнце, благоухали цветы и травы, бирюзовой стеной росли по берегам нежные ясени и ивы, а благоухающие персики и абрикосы алели, как парча, Чэнь Цзинцзи стоял наверху, облокотившись на зеленые перила, и любовался чудными картинами природы. Какое же царило ликование!

Тому свидетельством стихи:

В дымке стяги парчовые,
Благодать на земле,
Ветры вешние, новые,
Дни длинней и длинней.
Хмель придаст парню храбрости —
Губы в прямой слюне,
Дарит девице радости,
Пляской нот на зурне.
Ивы душатся росами,
Тополей липок сок,
Близ садов абрикосовых
Покосился флажок.
Не попал на просцениум?
Плюнь! Пивной городок
Одарит исцелением
Бренных чувств парадокс.

Глядел Цзинцзи сверху в окно и заметил, как к берегу причалили две джонки, груженные сундуками, корзинами и домашней утварью. Человек пять после разгрузки вместе со всем скарбом направились прямо к нему в кабачок и заняли пустовавшую комнату. На джонке оставались две женщины. Одна средних лет, высокая, со смуглым лицом, а другая еще молодая, лет двадцати с небольшим, казалась миловидной и холеной. Лицо ее было подпудрено и нарумянено. Когда и они проследовали в кабачок, Цзинцзи спросил у Се:

— Это что за люди? Почему занимают помещение без спросу?

— Эти женщины прибыли из Восточной столицы навестить родственника, — пояснил Се. — Но не нашли его и остались под открытым небом. Они просились к соседу Фаню. Им дня на два, на три остановиться. Я только что хотел с вами посоветоваться, сударь, а вы сами подошли.

Цзинцзи готов был выйти из себя, но тут молодая женщина, робея и смущаясь, выступила вперед и отвесила Цзинцзи глубокий поклон.

– Не гневайтесь, сударь, прошу вас! – обратилась она. – Ваш управляющий нисколько не виноват. Это мы набрались смелости. Но нам некуда деваться, поверьте, сударь. Вот и дерзнули зайти к вам, не спросясь. Будьте так добры, простите, пожалуйста. Мы долго не задержимся. Какие-нибудь дня три-четыре. А за жилье, вы не беспокойтесь, мы уплатим все, что полагается.

Убедившись, что женщина бойка на язык, Цзинцзи глаз с нее не спускал. Она тоже украдкой поглядывала на него. Их взгляды встретились, и они не в силах были подавить душевное волнение. Цзинцзи молчал, но, оглядев женщину с головы до ног, про себя подумал: «А ведь я с ней где-то встречался. Что-то знакомое.» Высокая средних лет женщина тоже уставилась на Цзинцзи.

– Вы, сударь, случайно не зятюшка Чэнь из дома господина Симэня? – спросила она наконец.

Цзинцзи был поражен.

– А ты откуда меня знаешь? – спросил он.

– Не скрою, зятюшка, я жена бывшего вашего приказчика Хань Даого, – проговорила женщина средних лет. – А это моя дочь Айцзе.

– Но вы жили в столице, – недоумевал Цзинцзи. – Как же попали сюда? А где сам хозяин?

– Он в джонке остался, вещи сторожит.

Цзинцзи наказал виночерпию сейчас же пригласить Хань Даого. Немного погодя вошел Хань и поклонился хозяину. Время посеребрило ему виски и бороду.

– Государев наставник Цай, главнокомандующие Тун, Чжу и Гао, правый министр Ли и дворцовый смотритель Ли были осуждены выходцем из университета Чэнь Дуном^[1750] в докладе на высочайшее имя, – объявил Хань Даого. – Доклад одобрил прокурор, и государь указом повелел арестовать всех шестерых. Их дело разбирала судебная коллегия трех управлений, и по приговору их отправили в места пагубных миазмов^[1751] на пожизненную ссылку. А начальника ведомства обрядов Цай Ю, сына государственного наставника, предали казни и конфисковали все имущество. Вот мы втроем и решили спастись бегством. Думали у моего младшего брата в Цинхэ пока укрыться, а он дом продал и куда-то исчез. Тогда нам пришлось нанять джонки. Так мы и добрались сюда. Мы счастливы, как никогда, что встретили вас, зятюшка. А вы, зятюшка, все у господина Симэня живете?

Цзинцзи рассказал о себе и продолжал:

– Так что и я у него больше не живу. Я вошел зятем в дом начальника гарнизона Чжоу. Чинюм обзавелся – войсковым советником стал. А для прожития кабачок на пристани открыл. Вот двоих приказчиков нанял. Раз уж нам с вами довелось встретиться, и оставайтесь у меня, устраивайтесь поудобнее и живите, сколько хотите.

Ван Шестая и Хань Даого в знак благодарности поклонились Цзинцзи, потом перенесли из джонки в кабачок оставшуюся там домашнюю утварь. Зуд нетерпения одолевал Цзинцзи, и он послал слугу Цзяна с Чэнем Третьим помочь им поскорее перебраться.

– Не волнуйтесь, зятюшка, – упрасивала Ван Шестая. – Прибавили мы вам хлопот.

И прибывшие и хозяин были очень довольны.

– Мы ведь с вами – одна семья! – воскликнул Цзинцзи в ответ. – К чему же нам считаться!

Близился закат, шел предвечерний час под девятым знаком шэнь, [1752] и Цзинцзи надо было торопиться домой.

– Давай-ка угости их чаем и сладостями, – распорядился он приказчику и, оседлав лошадь, в сопровождении слуги пустился в путь.

Всю ночь у Цзинцзи учащенно билось сердце. Всем его существом овладела Хань Айцзе.

Прошел день, другой. А на третий день рано утром Цзинцзи вырядился в парадное платье и в сопровождении слуги Цзяна поспешил в кабачок, посмотреть, как там идут дела.

Хань Даого послал полового пригласить Цзинцзи на чашку чаю, Цзинцзи и сам намеревался навестить постояльцев, но тут к нему явился половой. Цзинцзи не заставил себя ждать.

Навстречу вышла Хань Айцзе. Она улыбалась и была очаровательна.

– Прошу вас, сударь, присаживайтесь, проговорила она, кланяясь.

Цзинцзи проследовал в комнату и сел. К нему присоединились Ван Шестая и Хань Даого. Немного погодя подали чай. Завязался разговор, вспоминали прошлое. Цзинцзи не мог оторваться от Хань Айцзе. Она тоже смотрела на него широко открытыми, сверкающими, как звезды, глазами с поволокой. Их взгляды становились все более многозначительными.

Тому свидетельством стихи:

Туфли остроносы,
До чего изящны!

Сколько стати, лоска,
Страсть в глазах блестящих
С томной поволокой.
Тело, словно яшма,
Грудь ее высока,
Аромат – манящий.

Хань Даого немного погодя спустился вниз.

– Как много весен встретили вы, сударь? – спросила Айцзе.

– Впустую прожито двадцать шесть лет, – отвечал он. – А вы, барышня?

– Нас с вами свел случай, сударь! – воскликнула Айцзе. – И мне двадцать шесть.^[1753] Мы с вами в доме батюшки еще встречались. И вот на счастье опять оказались рядом. Да, кому суждено, те свидятся, хоть и за тысячи ли.

Когда разговор их стал более интимным, Ван Шестая будто бы по делу последовала за мужем, оставив их одних. Игривыми речами Айцзе совсем заворожила Цзинци. Он, с юных лет познавший женщин, сразу, конечно, понял, к чему она клонит, и сел, обернувшись в ее сторону. Поскольку Хань Айцзе, как и ее матери, еще во время переезда из столицы не раз приходилось идти проторенной дорожкой, а в бытность свою наложницей дворецкого Чжая в имении императорского наставника Цай Цина чему ее только ни научили – сочинениям всех философов, стихам и романсам, песням и одам, потому, сразу уловив отклик на свои завлечения и убедившись, что в комнате нет посторонних, она подсела к нему вплотную и, прильнув к его плечу, залепетала игриво и притворно.

– Дайте мне посмотреть вашу золотую шпильку, сударь, – проговорила она.

Только было Цзинци протянул руку, как Айцзе положила свою руку ему на голову и, вынув из прически шпильку, встала перед ним.

– Пройдемте наверх. Мне вам надо кое-что сказать, – проговорила она и стала удаляться.

Цзинци, разумеется, проследовал за ней.

Да,

Пускай хитрее и коварней бесов многих,
Ты вылакаешь то, чем я омою ноги.

Цзинци поднялся за ней наверх.

– Что вы хотели сказать мне, барышня? – спросил он.

– Нас связывают давние узы любви, – говорила Айцзе. – И ты,

пожалуйста, не притворяйся. С тобой хочу разделить ложе, порхать, как птица.

– Но нас могут увидеть, – возразил было Цзинцзи. – Как же быть?

Айцзе пустила в ход все свои чары и, заключив Цзинцзи в объятия, тонкими и нежными, как нефрит, пальчиками начала отстегивать ему пояс. В них огнем пылала неумная страсть, и Айцзе, сняв с себя одежды, опустилась на ложе. Они слились в любви.

Да,

Где страсти пламень до небес, там страха нет!

Под пологом любви приют на сотни лет.

– И которая же ты будешь в семье? – спросил он.

– Я родилась в праздник лета,^[1754] – отвечала она. – Меня зовут Пятая, а по имени – Айцзе.

Немного погодя они завершили игру и, прильнув друг к дружке, сели рядышком. Она поведала ему о своих житейских невзгодах.

– Когда мы покинули столицу и не нашли родню, нам жить стало нечем. Если у тебя найдется пять ляннов, будь добр, одолжи отцу. Я долго не задержу. Верну с процентами.

– Что за разговор! – воскликнул Цзинцзи. – Раз просишь ты, я дам пять ляннов.

Получив согласие, Айцзе вернула ему золотую шпильку. Они еще посидели рядом. Из боязни пересудов Цзинцзи выпил чашку чаю, а от обеда в обществе Айцзе отказался.

– Нет, дела у меня есть, – сказал он. – А на расходы я тебе дам серебра.

– А я вина приготовлю, – говорила она. – Только не отказывайтесь, сударь. Вечерком посидим.

Цзинцзи пообедал в кабачке и вышел пройтись. На улице ему повстречался Цзинь Цзунмин, монах из обители преподобного Яня, и начал кланяться. Цзинцзи рассказал ему о себе.

– Не знал я, брат, что ты в доме начальника гарнизона живешь, – проговорил Цзунмин. – И женился, кабачок открыл. Прости, что не пришел поздравить.

Завтра же пришлю с послушником чаю. А выберешь время, прошу, в обитель заглядывай.

Монах пошел своей дорогой, а Цзинцзи воротился в кабачок.

– А вас почтенный Хань приглашал, – обратился к нему Лу Бинъи. – Только что половой опять приходил. И нас обоих звали. Больше никого не будет.

Цзинцзи и Лу Бинъи направились к Ханям, где был уже накрыт стол. Стояли всевозможные закуски: рыба, мясо, и овощные блюда.

Цзинцзи занял высокое место гостя, Хань Даого сел за хозяина. По обеим сторонам разместились Лу Бинъи и Толстяк Се. Ван Шестая и Айцзе пристроились поодаль. Половой внес подогретое вино. Когда оно обошло несколько кругов, приказчики, смекнув, к чему идет дело, встали из-за стола.

– Вы, сударь, оставайтесь, – обратились они к Цзинцзи, – а мы вниз пойдем, делом займемся.

Цзинцзи много пить не мог. И на сей раз, после ухода приказчиков, осушив с Ханями несколько кубков подряд, он почувствовал, как голову туманит хмель.

– Вы, сударь, нынче, конечно, домой не поедете, – сказала Айцзе.

– Да, поздно уж, не доберешься, – согласился он. – Завтра успею.

Немного погодя Ван Шестая и Хань Даого спустились вниз. Цзинцзи достал из рукава пять лянов серебра и вручил Айцзе. Она отнесла серебро матери, и они продолжали пировать вдвоем. В обществе ярко разодетой красавицы он пил до позднего вечера. Потом Айцзе сняла с себя наряды и предложила Цзинцзи остаться у нее. Чем он только не клялся ей на ложе, какие только заверения в любви не давал под узорным пологом! А она щебетала без умолку, как иволга, свиристела непрестанно, словно ласточка. Как они только ни наслаждались! Всего и не описать. В бытность свою наложницей дворцового Чжай Цяня, живя в усадьбе государева наставника Цая, Айцзе приходилось служить и почтенной госпоже-хозяйке. При ней-то она и обучилась музыке и пению, чтению и письму. Узнав обо всем этом от Айцзе, Цзинцзи едва сдерживал восторг. Ведь Айцзе так напомнила ему Цзиньянь. По душе пришлась она Цзинцзи, и он наслаждался ею целую ночь. Наконец, они заснули.

Проснулся Цзинцзи поздно, к обеду. Ван Шестая загодя напекла ему для подкрепления сил мясных пирожков. Он пропустил также несколько чарок подогретого вина, а немного погодя его пригласили приказчики, тоже устроившие ему угощение.

Цзинцзи умылся, причесался и оделся. После трапезы у приказчиков он еще раз заглянул на прощание к Айцзе. Она никак не хотела его отпускать и плакала.

– Дня через три-четыре я к тебе приеду, – уговаривал ее Цзинцзи. – Не сердись на меня.

И, оседлав лошадь, сопровождаемый молодым слугою, он отбыл домой.

– Смотри у меня, про Ханей ни слова! – наказывал он по дороге слуге Цзяну.

– Понимаю, отозвался тот. – Не извольте беспокоиться.

Дома Цзинцзи сослался на дела.

– Пока со счетами провозился и не заметил, как за вечерело. Ехать было поздно, вот и пришлось заночевать. Он передал Чуньмэй тридцать лянов чистой выручки и направился к жене.

– Где же это ты ночевал, сударь? – ворчала Цуйпин. – Небось, под ивами в цветах с красоткой развлекался, а? А меня бросил. Спи, мол, в пустой спальне одна-одинешенька, да? Меня, небось, и не вспомнил.

Цуйпин дней семь или восемь не отпускала Цзинцзи в кабачок, а за выручкой был послан слуга Цзян.

Айцзе страдала в разлуке. Хань Даого наказал жене подыскать дочери нового поклонника или торгового гостя какого к себе зазвать, чаем угостить, вина поставить. На такие дела Хань Даого был большой мастер. Ведь за счет жены ел, пил и богател. А Ван Шестой хотя и было лет сорок пять,^[1755] как говорится, полвека прожила, а кокетства она все еще не теряла. А тут и дочка подросла, мать сменила. Так что промысел не только не загдох, но даже расцвел пуше прежнего. Ведь человеку без чина, без звания и пути-то другого нет. Одно в жизни остается: пустить в расход жену, тем и зарабатывать. Бывало это называлось: «завести негласную певичку», а теперь говорят: «частное гнездышко».

Цзинцзи не появлялся, и Чэнь Третий стал сватать Айцзе торгового гостя господина Хэ. Было этому хучжоускому купцу уже за пятьдесят, ворочал он тысячами лянов серебра, торгуя шелками и парчой. Его-то и подговорил Чэнь Третий пригласить Айцзе, но ее сердце было отдано Цзинцзи. Она всякий раз отказывала ему ссылаясь на плохое самочувствие. Хань Даого выходил из себя. А купец Хэ тем временем обратил внимание на высокую, с овальным, как тыквенное семечко, смуглым лицом Ван Шестую, на ее подведенные брови, удлинённые накладные букли, а особенно на ярко-красные губы и сверкающие, как звезды, смазливые глаза. Она показала ему женщиной весьма кокетливой и игривой. Он выложил лян серебра, выпил у них вина и остался на ночь с Ван Шестой. Хань Даого удалился спать в другое помещение. Айцзе не показалась купцу.

С тех пор раз в два-три дня навещался торговец к Ван Шестой, а выходил от нее веселый и разгоряченный, будто его на горящие угли сажали. Немало денег выудил у него Хань Даого.

Больше десяти дней не появлялся Чэнь Цзинцзи. Айцзе тосковала.

Каждый день, ей казалось, тянулся целых три осени, каждая ночь – не меньше пол-лета. Она страдала от «глаза», что у «дерева», от «сердца», что ниже «поля».^[1756] Наконец, она послала в город вышибалу. Подошел он к дому начальника гарнизона Чжоу и стал ждать. Через некоторое время показался слуга Цзян.

– Что с господином? – спросил его потихоньку вышибала. – Почему он к нам не заглядывает?

– Нездоровится ему, – отвечал Цзян. – Никуда из дому не отлучается.

Вышибала доложил Айцзе. После совета с Ван Шестой они купили пару свиных ножек, пару жареных уток, две свежих рыбы и коробку печенья. Айцзе у себя в тереме растерла тушь и, разложив украшенную цветами бумагу, написала письмо. Короб с подарками и письмо были переданы вышибале.

– Постарайся повидаться с самим господином Чэнем, – наказала Айцзе. – Ему в руки передай да ответа дождись.

Вышибала спрятал за пазуху послание и с подарками отправился в город. Не будем говорить, как он туда добирался.

Перед домом начальника гарнизона Чжоу он присел у придорожной каменной террасы и стал ждать. Из дому вышел слуга Цзян.

– Мне самого господина Чэня надо повидать, – заговорил посыльный. – Я подарки принес, и дело есть. Я тут обожду, а ты доложи.

Слуга удалился. Немного погодя из дому с беспечным видом, покачиваясь, вышел Цзинци. Время стояло жаркое – пятая луна,^[1757] и Цзинци был в креповом легком халате и шапке с ребристым верхом, украшенной золотой шпилькой. На ногах у него были летние туфли и светлые чулки.

– Как ваше драгоценное здоровье, сударь? – низко кланяясь, спросил вышибала. – А меня к вам Хань Айцзе послала. Просила письмо передать и подарки.

– Как себя чувствует барышня? – беря письмо, спросил Цзинци.

– Она грустит, сударь, – говорил посыльный. – Вы так давно ее не навещали. Просила вам низко кланяться. Как скоро вы собираетесь навестить нас, сударь?

Цзинци распечатал конверт и стал читать.

«Возлюбленному моему господину Чэню
с нижайшим поклоном от ничтожной наложницы Хань Айцзе.
Милостивый Государь!

С того момента, как я перестала лицеизреть Вас, моим сердцем овладела неизбывная тоска. Душа моя терзается постоянной думой о Вас. Вы удостоили меня обещанием встречи, и, к двери прислонясь, я застыла на месте, пристально вглядываясь вдаль. Однако Вы снизошли до моей убогой хижини. Я посылая вышибалу справиться о Вас, но он вернулся ни с чем. Дошел до меня слух, будто Вы недомагаете, чем я сильно опечалена и отчего не нахожу утешения. Я терзаюсь наяву и во сне, что нет у меня крыльев, на которых я прилетела бы к Вашим стопам. У Вас же, сударь, рядом очаровательная любящая супруга. Разве Вы хотя бы вспомнили обо мне, наложнице! Меня Вы выплюнули словно косточку плода. К сему прилагаю короб со съестным, весьма скромным, к чаю. Надеюсь, Вы примите скромные знаки внимания, а равно и искреннее пожелание скорейшего выздоровления. О своей любви распространяться не стану.

P.S. Посылаю мешочек для благовоний из узорной парчи с изображением пары неразлучных уток и прядь волос как выражение моих сердечных чувств.

Ваша ничтожная наложница Айцзе
с поклоном посылает в середине лета двадцатого дня».

Цзинци прочитал письмо и рассмотрел мешочек с прядью ее волос. На нем выделялись пара уток-неразлучниц и надпись:

«Его милости возлюбленному господину Чэню».

Цзинци сложил письмо и вместе с мешочком спрятал в рукав.

Около их дома находился кабачок. Туда он и велел слуге Цзяну проводить посыльного от Айцзе.

– Угости его вином, – наказал Цзинци. – А я пока ответ напишу. Подношения ко мне в спальню отнесешь. Если матушка спросит, скажи: приказчик Се, мол, из кабачка прислал.

Слуга незамедлительно понес в дом подношения, а Цзинци проследовал к себе в кабинет, где тайком написал ответ и запечатал в пакет вместе с пятью лянами серебра. Потом он направился в кабачок.

– Тебя угостили? – спросил он посыльного.

– Благодарю вас, сударь, за доброе вино, – отозвался вышибала. Я сыт и мне пора в путь.

Цзинци вручил ему пакет с ответом и серебром.

– Поблагодари от моего имени барышню Айцзе. – наказал он. – А пять лянов серебра ей на расходы сгодятся. Дня через три я сам ее навещу.

Вышибала спрятал пакет и стал спускаться вниз. Цзинци проводил его за дверь кабачка.

Когда Цзинци вошел в спальню, Гэ Цуйпин встретила его вопросом:

– Кто это тебе прислал?

– Толстяк Се, приказчик, узнал, что мне нездоровиться, гостинцы собрал.

Цуйпин поверила мужу, и они решили утку, рыбу и свиные ножки отнести в задние покои Чуньмэй, для чего к хозяйке с подносом была послана служанка Цзиньцян.

У Чуньмэй тоже не возникло никаких подозрений, когда ей сказали, что это из кабачка от приказчика, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о вышибале. Воротился он на пристань вечером и тут же вручил пакет Хань Айцзе. Она при свете лампы распечатала его и принялась читать.

Ответ гласил:

«Моей любимой Хань Пятой с поклоном отвечает Цзинци.

Милостивая Государыня!

Вы удостоили меня посланием и щедрыми дарами, за что выражаю Вам мою сердечную благодарность. Я постоянно помню о тех уладах, той пылкой любви, которую Вы мне подарили. Памятуя о нашем уговоре, я жаждал свидания с Вами, но из-за непредвиденного недомогания моего пришлось Вас разочаровать в Ваших ожиданиях. Мне доставили огромное удовольствие любезно присланные Вами яства и искусно вышитый мешочек, за что я Вам бесконечно благодарен и признателен. Дня через два-три обо всем поговорим с глазу на глаз.

P.S. Дабы как-то выразить мое почтение, шлю пять лянов серебра и набивной платок. Искренне надеюсь, что придется Вам по душе.

С поклоном Цзинци».

Айцзе прочла письмо, потом стала разглядывать платок. На нем было написано четверостишие.

Оно гласило:

Мой сучжоуский платок причудлив узором.

Четкой кисти мазок, изящный и скорый.

Полон сладостных чувств Хань Пятой в подарок.

Пары фениксов пусть союз будет жарок.

После чтения стихов Айцзе отдала пять лянов серебра Ван Шестой. И мать и дочь с нескрываемой радостью стали ждать приезда Цзинци, но не о том пойдет речь.

Да,

С гостем любезным

беседу вовек не нарушу.
С другом сердечным
вдвоем лишь отводим мы душу.

Тому свидетельством стихи:

Сердечные думы бумаге она поверяла,
Писала красавица – дух ее в высях парил.
В руке ее ловкая кисть трепетала, порхала.
Пойми: это крик приглушенный души ее был.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ

ПЬЯНЫЙ ЛЮ ВТОРОЙ ОБРУШИВАЕТСЯ С БРАНЬЮ НА ВАН ШЕСТУЮ

РАЗГНЕВАННЫЙ ЧЖАН ШЭН УБИВАЕТ ЧЭНЬ ЦЗИНЦЗИ

Изречения гласят:

Все огорченья наши, все волненья —

От неуменья перенести лишенья.

При пораженье не теряй терпенья,

Глядишь — и низойдет к тебе прозренья.

Наставит слово Будды нас в морали,

Конфуций держит от вражды подале.

Желает каждый жизни бестревожной,

Но век прожить бесечно невозможно.

Так прошло еще два дня, а на третий приходилось рождение Чэнь Цзинцзи. Чуньмэй в его честь устроила пир в дальней зале. Веселились всем домом целый день.

— Давно я на пристань не заглядывал, — сказал он на следующее утро Чуньмэй. — Делать мне сегодня нечего, надо съездить в кабачок. И счета пора подвести, и от жары отдохнуть. Я скоро вернусь.

— Возьми паланкин, — посоветовала Чуньмэй. — Легче будет добираться.

Чуньмэй велела двоим солдатам нести паланкин, а слуге Цзяну сопровождать Цзинцзи в кабачок на пристань, однако не станем говорить, как они туда доберались.

Было уже за полдень, когда Цзинцзи вышел из паланкина и проследовал в кабачок. Его встретили приветствиями оба приказчика.

– Как ваше драгоценное здоровье, сударь? Полегчало немного? – спрашивали они Цзинци.

– Благодарю вас за заботу, – отвечал он, все мысли которого были заняты Айцзе.

Цзинци присел ненадолго и встал.

– Счета пока приготовьте, я приду и проверю, – наказал он и направился во внутрь кабачка, где его встретил вышибала и доложил Ван Шестой.

Хань Айцзе, облокотившись на перила, сверху всматривалась и кистью выводила стихи, чтобы отогнать душевную тоску, когда ей сказали о прибытии Цзинци. Она тотчас же, приподняв подол юбки, засемила своими лотосами-ножками и торопливо спустилась из терема вниз. При встрече с Цзинци она и ее мать расплылись в улыбке.

– Дорогой сударь! – воскликнули обе. – Редкий вы у нас гость. Каким ветром вас принесло, какими судьбами!

Цзинци приветствовал их поклонами. Они вошли в комнату и сели. Немного погодя Ван Шестая заварила чаю.

– Прошу вас, сударь, пройдите ко мне в спальню наверх, – пригласила его после чаю Айцзе.

Цзинци поднялся в терем. Они резвились, как рыбки, обретшие воду. Казалось, их прилепили друг к дружке, лаком склеили. В задушевной беседе они только и говорили о нежной любви и крепких узах, их связывающих.

Айцзе достала из письменного столика разрисованный цветами лист бумаги и показала его Цзинци.

– Это я писала здесь, в тереме, пока ждала тебя, чтобы отогнать тоску, – пояснила она. – Тревожит одно: не оскорбили бы они твой слух.

Цзинци принялся читать. Вот какие стихи написала Айцзе:

Весна

Золотою форзицией сад пробуждён.

Только я неумыта и прячусь от света.

Ты ушел, моей нежности нету ответа.

Изнываю в ночи и стыжусь себя днём.

Лето

Я с заоблачной башни гляжу в никуда.

Ароматные розы пред нею коврами...

Я перила до блеска натру рукавами...

Теплый ветер... И только в душе – холода.

Осень

Лотосы вымерзли, вымок весь дом.
Ложе – слезами, крылечко – дождем.
Сумрак не кончится сутками.
Бросил любимый и жутко мне.

Зима

Назло холодам зацвела слива-мэй,
Изводит меня и горда и жеманна.
Я ставни закрою – пусть станет темней,
А зеркало брошу в сугроб. Не желанна!

Цзинцзи прочитал стихи и долго ими громко восторгался.

Немного погода наверх с поносом поднялась Ван Шестая. Она отодвинула в сторону зеркало и расставила на туалетном столике вино и закуски. Цзинцзи и Айцзе сели рядышком. Айцзе наполнила кубок и обеим руками поднесла Цзинцзи.

– Вы так давно у нас не были, сударь, – говорила она, низко кланяясь. – А я постоянно думала о вас, посылала узнать. Вы были так любезны и помогли нам деньгами, за что мы всей семьей бесконечно вам благодарны.

– Мне нездоровилось, – объяснял он, беря кубок и отвечая поклоном. – Оттого и не смог явиться в назначенный срок. Не обижайся на меня, сестрица. А по случаю встречи и я хочу поднести тебе чарку вина.

Айцзе осушила чарку, и они опять сели рядом. Пир продолжался. Вскоре к ним присоединились Хань Даого и Ван Шестая. Правда, после нескольких чарок, ссылаясь на дела, они удалились вниз, оставив молодых наедине. Те продолжали пировать и за разговорами о долгой разлуке захмелели.

Когда в них пламенем разгорелась страсть, они, как и раньше, отдались безмерным усладам любви. Потом, одевшись и приведя себя в порядок, снова сели за стол. После нескольких чарок у них помутилось в глазах и опять вспыхнуло желание. Молодой любовник настрадался дома. Отдав сердце Айцзе, он давно избегал встреч с женою, а тут вдруг свиделся с возлюбленной, и страстное вожеление, понятно, не давало ему покоя.

Да,

Кого в жизни и смерти связала любовь,
Как пятьсот лет назад, стали счастливы вновь.^[1758]

Цзинцзи был прямо-таки заморожен красавицей Айцзе и через

некоторое время опять разделил с нею ложе. Тут он почувствовал во всем теле такую истому, побороть которую оказался не в силах. Отказавшись от обеда, он повалился в постель и заснул.

И надо же было случиться беде!

В кабачок неожиданно пожаловал торговец шелками Хэ. Его угощала внизу Ван Шестая. Пока Хань Даого ходил за съестным и фруктами, купец наслаждался с его женой. Потом к ним за стол сел и Хань Даого.

Близился вечер, когда в кабачок ворвался в дым пьяный Лю Второй по прозвищу Спрут. Рубашка на нем была расстегнута и виднелась багровая грудь.

– Где тут этот заезжий болван Хэ? – заорал он, потрясая кулаками. – Подать его сюда! Я его сейчас угощу.

Приказчики всполошились. Боясь, что он разбудит спавшего наверху Цзинцзи, они поспешно оставили счета и радушно поклонились Спруту.

– К нам никакой Хэ не приходил, брат Лю, – говорили они.

Но Спрут их и слушать не хотел, а прошагал прямо в комнату Хань Даого, сорвал дверную занавеску и увидел купца Хэ, пирующего с Ван Шестой. Зло охватило Спрута.

– Ах, разбойники, сучьи дети! – набросился он на купца. – Стебал я мать вашу! Обыскался. Вот ты где, оказывается! В моем кабачке двумя красотками завладел. Сколько ночей переспал, а где деньги? Два месяца за жилье не платишь, а еще бабу заводишь?

– Не сердись на меня, брат, – успокаивал его купец Хэ, поспешно вставая из-за стола. – Я сейчас уйду.

– Уйдешь, говоришь, ебарь собачий! – заорал Спрут и одним ударом засветил ему под глазом фонарь.

Купец бросился наутек. Тогда Спрут ногой опрокинул пиршественный стол. Зазвенела осколками рухнувшая на пол посуда.

– Откуда тебя принесло, негодяй? – закричала на него Ван Шестая. – Врывается в женские покои и учиняет погром. Чтоб тебе сгинуть на этом самом месте, разбойник! Я ведь тоже не робкого десятка!

Спрут Лю пнул Ван Шестую ногой, и она упала навзничь.

– Да ебал я мать твою, шлюха! – ругался Спрут. – А ты кто такая есть – без роду, без племени! Тайное логово тут устроила. А кто за тебя у его превосходительства разрешение брать будет, кто, я тебя спрашиваю? И чтоб я дал тебе у меня в кабачке богатых обирать, да? Не выйдет! Убирайся отсюда! Не то кулаков у меня отведаешь.

– Да откуда тебя, негодяя, сюда принесло? – не унималась Ван. – Я близких лишилась, а ты смеешь оскорблять меня, женщину? Погубить решил, да?

Ван упала на пол и залилась слезами.

– Я тебе все кишки выпущу шлюха! – ругался Спрут. – Ишь расшумелась. Его превосходительства, должно быть, не знаешь.

На шум в кабачок сбежались соседи и прохожие. Собралась целая толпа, плотным кольцом окружившая Спрута и Ван Шестую.

– Госпожа Хань, – обратился один из стоявших в стороне, – вы тут недавно. Должно быть, не знаете, что перед вами Лю Второй по прозвищу Спрут. А доводится он шурином Чжан Шэну, доверенному его превосходительства господина начальника гарнизона. Он мастер избивать певичек, первый разоритель заезжих гостей. Уступи ему, а то горя не оберешься. Тут ни один не смеет ему перечить.

– Небось, найдется и на него управа, – проговорила Ван. – С какой стати спускать негодяю!

Расвирепевшего Спрута и так и эдак уговаривали приказчики Лу Бинъи и Толстяк Се, пока он, наконец, не ушел из кабачка. А Чэнь Цзинцзи спал тем временем в тереме. Когда до него снизу донесся грохот и шум, он вскочил с постели. Вечерело.

– Что там за крики? – спросил он у Хань Даого, но того не было видно.

Тут по лестнице вбежала вся включенная и растерзанная Ван Шестая.

– Дело-то какое! – начала она. – Заявился негодяй, разыскивает какого-то посетителя и ни с того ни с сего набрасывается на меня с пинками. Шурин, говорят, Чжан Шэна, Спрут по кличке. Я его отругала – ушел. Сколько посуды перебил! – говорила она с причитаниями и слезами.

Цзинцзи позвал приказчиков спросить в чем дело. Оба они стояли перед ним, поглядывая друг на друга исподлобья.

– Это шурин Чжан Шэна приходил, – сказал, наконец, более разговорчивый Лу Бинъи. – Господина Хэ искал. Два месяца, говорит, за жилье ему не платили. И за ночлег требовал. А когда узнал, что господин Хэ в комнате пирует, сорвал занавес и полез с кулаками. Гость с испугу убежал. Тогда он на госпожу Хань набросился, ногами стал пинать. Шум поднял такой, что народ с улицы сбежался.

Было уже поздно вмешиваться, и Цзинцзи наказал приказчикам выпроводить посторонних.

– А где Лю Второй? – спросил он.

– Уговорили его кое-как – ушел, – отвечали те.

Цзинцзи запомнил случившееся.

– А вы, – он обратился к Ван Шестой и Айцзе, будьте спокойны. Раз я тут, вам бояться нечего. И живите, как жили. А я знаю, как его утихомирить.

Приказчики вручили Цзинцзи прибыль и проводили к лошади. Он отбыл верхом в сопровождении слуги.

Когда они въехали в город, было уже совсем темно. Вернулся Цзинцзи злой, передал серебро Чуньмэй и удалился к себе в спальню. Как прошла ночь, рассказывать не будем.

На другой день Цзинцзи так и подмывало рассказать о случившемся Чуньмэй. Однако, поразмыслив, он решил повременить. «Надо будет уличить Чжан Шэна, – говорил он себе. – Тогда я и попрошу сестрицу пожаловаться на него мужу. Следует с ним разделаться. Чтобы я еще терпел его издевательства! Посмеет ли он тогда на меня вину свалить! Его же обвинять будут».

Да,

Ты мести страшишься, если сам был жесток,

И планов далеких в час счастья не строй.

Зря ищешь – сотрешь сто чугунных сапог,

Успех своенравен – придет сам собой.

Приехал как-то Цзинцзи на пристань в кабачок, повидался с Ван Шестой и Айцзе.

– Перепугались тогда, а? – спросил он их и, обратившись к Лу Биньи, продолжал. – Больше Лю Второй не показывался?

– С тех пор не появлялся, – отвечал приказчик.

– А господин Хэ? – расспрашивал Цзинцзи у Айцзе. – Тоже не заглядывал?

Цзинцзи пообедал, подвел счета и поднялся наверх к Айцзе. После душевной беседы и любовных усад Цзинцзи вышел от Айцзе и позвал виночерпия Чэня Третьего.

– Видишь ли дело-то какое, – начал Цзинцзи. – Может, ты что-нибудь знаешь про Чжан Шэна или Лю Второго? Надо бы под них подкопаться.

Чэню Третьему никак не следовало бы говорить, но он все-таки рассказал Цзинцзи: и как Чжан Шэн откупил Сюэ, которая стала в кабачке певицей, после того как ее продала Чуньмэй, и какие высокие проценты берет Лю Спрут, ссужая частных певичек, чем и тот и другой подрывают престиж его превосходительства начальника

гарнизона Чжоу. Цзинцзи запомнил сказанное.

Наградив Айцзе двумя или тремя ляннами серебра и захватив чистую выручку, он верхом отбыл домой, однако довольно вдаваться в мелочи.

Долгое время Цзинцзи вынашивал свой замысел. А ведь роковая встреча рано иль поздно должна произойти. Вот так и настигает человека беда.

Неожиданно до имперского двора в Восточную столицу стали доходить крайне тревожные вести. Сперва докладывали о нарушении границ Империи полчищами пехоты и конницы чжурчжэней Цзинь, [1759] потом о чинимых ими грабежах уже в Центральных землях Китая. Охваченный смятением Сын Неба Хуэй-цзун созвал совет высших сановников, на котором решено было отправить к чжурчжэням посла для переговоров о мире. Императорский двор изъявил готовность выплачивать северному соседу ежегодную дань золотом, серебром и узорной парчою стоимостью в несколько миллионов ляннов. На престол был возведен наследник, принявший имя Цинь-цзун, [1760] а следующий год [1761] был провозглашен первым годом Мира и Благополучия. Хуэй-цзун же назвал себя Великим Даосским Владыкою и удалился во Дворец Драконовой Добродетели [1762] Двор назначил Ли Гана начальником военного ведомства, вменив ему в обязанности расстановку всех боевых сил Империи. Чжун Шидао стал главнокомандующим и нес ответственность за военные действия как внутри, так за пределами Империи.

Однажды в областную управу в Цзинани пришел высочайший указ, согласно которому Чжоу Сю назначался на пост командующего десятью тысячами пехоты и конницы Шаньдуна. Его ставка переводилась в областной центр Дунчан, где он обязан был, соединившись с войсками старшего комиссара Чжан Шуе, остановить нашествие чжурчжэней и защитить рубежи Отечества. Чжоу Сю заседал в Цзинаньской управе, когда ему доложили о высочайшем указе.

– Ваше превосходительство! – обратился к Чжоу посольный. – Извольте выслушать высочайшую волю.

Чжоу без промедления встал на колени у стола и велел одному из своих приближенных огласить императорский эдикт.

Он гласил примерно следующее:

«Государь, волею Неба наследовавший престол,
полагает нижеследующее:

Мы знаем, что чины штатские несут Отчизне порядок, чины военные

даруют Отечеству покой. Три древнейших владыки^[1763] правили, полагаясь на обряды и музыку. Пять древнейших правителей^[1764] устроили Поднебесную, карая супостатов. Они угождали покорным и боролись с мятежниками. Ведь есть люди мудрые и глупые. Мы приняли по наследству священный и нерушимый престол Наших августейших предков.

Император-родитель уступил Нам трон, и ко всякому деянию Мы приступаем с благоговейным трепетом. Шуню приходилось бороться четырьмя злодеями, Тану – карать вождей племени мяо.^[1765] Так ведется испокон веков: без борьбы невозможно одолеть врагов, без военной мощи нельзя обрести покоя. Войско – это клыки и когти Отечества. Оружие утверждает и охраняет рубежи Отчизны.

Ныне бедствие угрожает Поднебесной. Нарушают порядок псы-мятежники. Орды киданей Ляо совершают набеги с запада, полчища конницы чжурчжэней Цзинь вторгаются с юга. Мы глубоко опечалены страданиями народа.

Цзинаньский командующий Чжоу Сю – закаленный в боях талантливый военачальник, не раз свершавший поразительные подвиги на полях сражений с врагами и проявивший стойкость в обороне наших рубежей. Он служит образцом верности и мужества, превосходным полководцем и стратегом. Назначенный командующим пехоты Шаньдуна, он несет ответственность за охрану безопасности Империи с четырех направлений. Ему приказано совместно с войсками старшего комиссара Шаньдуна Чжан Шуе двинуть пехоту и конницу на защиту заставы Гаоян,^[1766] где, поступив в распоряжение главнокомандующего Чжун Шидао, отрезать и разбить по частям вражьи полчища, избавить от угрозы осквернения жертвенники духам земли Отечества и очистить воздух Отчизны от зловонного духа разбойников.

Внемлите зову, мужи способные и даровитые! Послужите на благо и спасение Родины. Ведь ринуться навстречу опасности и не щадя сил своих поддержать правителя – вот в чем долг верноподданного сына Отечества. Чтить за добродетели, награждать по заслугам, воодушевлять на подвиги – вот в чем суть Великого Уложения Двора. Да явит каждый всю верность и преданность свою, дабы быть единомышленным с Нами. Быть по сему!

Таков Наш указ от первого года правления Мира и Благополучия^[1767] девятого, осеннего, месяца ... дня»

Чжоу Сю выслушал указ, отпустил посыльного и позвал своих доверенных Чжан Шэня с Ли Анем. Им поручено было упаковать шелка и утварь и на подводах переправить домой. За год службы в Цзинани у Чжоу Сю, надобно сказать, скопилась огромная сумма

золота и серебра.

– Все передадите по описи, – наказывал доверенным Чжоу, когда драгоценности были тщательно уложены в сундуки. – Да будьте осторожны, ночью дом караульте. А мне надо будет с комиссаром Чжаном отдать приказ войскам, и на днях я заеду в Цинхэ.

Доверенные слуги с драгоценным грузом пустились в путь. Как они добирались до дому, говорить не станем. Наконец, они прибыли с подводами в Цинхэ и вручили драгоценности хозяйке, а ночами установили караул, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о Чэнь Цзинци. Когда вернулся Чжан Шэн и со дня на день ждали назначенного командующим Чжоу, Цзинци загорелся желанием поведать Чуньмэй о том, что долго таил в себе. Вот тогда-то, рассуждал он, мы и выведем Чжан Шэна на чистую воду.

Как-то Гэ Цуйпин отбыла навестить родителей, и Цзинци оставался в кабинете один. С утра к нему незаметно проникла Чуньмэй. Служанок не было, и они, раздевшись, отдались любви. Проходивший тем временем с колотушкой Чжан Шэн завернул в калитку. Когда он очутился у кабинета, ему послышался женский голос и смех. Чжан Шэн убрал колотушку, подкрался под окно и прислушался. Там он обнаружил Чуньмэй в объятиях Цзинци.

– Вот проклятый Чжан Шэн! – жаловался Цзинци. – Как же он меня притесняет. Сам ведь меня разыскал. За это я ему благодарен. А потом в присутствии слуг унижает. Вот тут. Узнал, что я на пристани кабачок завел, так шурина своего, Лю Спрута, подослал, а тот, прикрываясь именем зятя, мужа твоего, певичек заводит, ссуды им дает. Сам Сюээ откупил, а тебе, сестрица, ни слова не говорит. Он шурина Спрута подговорил, а тот ко мне в кабачок ворвался. Всех посетителей разогнал. Я все терпел, не решался тебе сказать. А теперь решил посоветоваться. Ведь скоро зять приедет. Надо, думаю, загодя предупредить, а то так распояшется, что кабачок придется закрывать.

– Да как он смеет, паршивец! – воскликнула Чуньмэй. – Я же продала негодницу Сюээ. Как он смеет ее содержать!

– Он попирает не только меня, – продолжал Цзинци, – но выказывает непочтение и тебе, сестрица.

– Погоди, приедет хозяин, он с ним, негодяем, сам разделается, – заключила Чуньмэй.

Как говорится, раз и у стен есть уши, так почему же лазутчику не таиться под окном. Пока они с негодованием осуждали Чжан Шэна, он стоял под окном. Узнав весь их план до мельчайших подробностей, он промолчал, а про себя подумал: «Пусть мне капкан расставляют, я с

ними раньше расправляюсь». Бросил он колотушку и направился в сторожку за кинжалом. Не так рассказ спорится, как скоро дело делается. Поточил он о камень кинжал и бросился прямо в кабинет.

Однако не суждено было Чуньмэй погибнуть от руки Чжан Шэна. Видать, само Небо послало ей служанку Ланьхуа.

– Матушка! – вбежав встревоженная в кабинет, заговорила она. – Цзиньгэ в судорогах бьется. Пойдемте скорее.

Перепуганная Чуньмэй устремила в дальние покои.

Только она исчезла из кабинета, как туда с поднятым кинжалом ворвался Чжан Шэн. Не найдя Чуньмэй, он очутился перед лежащим под одеялом Цзинци.

– Ай-я! – воскликнул он, заведя Чжана. – Ты зачем пожаловал?

– Убить тебя! – отвечал рассвирепевший Чжан. – Чего ты наговаривал этой потаскухе, а? Меня погубить задумал? Я ж тебя разыскивал, а ты все забыл, мне яму роешь? Так ты, значит, за добро платишь? Верно говорится, спаси подлеца – он тебя проглотит. Ни с места! Моего кинжала отведай сначала. Ровно через год в этот самый день по тебе поминки будут править.

Цзинци лежал совершенно нагой. Спрятаться ему было некуда, и он закрылся было в одеяло, но Чжан Шэн сорвал его и, откинув в сторону, вонзил Цзинци в бок кинжал. Брызнула кровь. Цзинци забился в предсмертных судорогах. Тогда убийца нанес ему еще удар в грудь. Цзинци испустил дух. Чжан схватил его за волосы и отрезал голову.

Да,

Пока живем – потребностей немало,

А смерть пришла – и все ненужным стало.

Бедный Цзинци! Погиб он насильственной смертью, не достигнув и двадцати семи годов.^[1768] А Чжан Шэн с поднятым кинжалом обежал кровать, но и там Чуньмэй не было видно. Тогда он крупными шагами направился в дальнюю залу. У внутренних ворот ему повстречался Ли Ань с колокольцем в руке. Он совершал сторожевой обход. Бежавший с кинжалом Чжан Шэн казался свирепее злого духа.

– Ты куда? – спросил его Ли Ань.

Чжан Шэн, не проронив ни слова, продолжал свой путь. Когда Ли Ань хотел удержать его, Чжан замахнулся кинжалом.

– Мне смелости не занимать! – говорил Ли Ань. – У меня дядя – знаменитый Шаньдунский демон Ли Гуй.^[1769]

Тут он выбросил вперед правую ногу. Раздался глухой удар, и

кинжал выпал из руки убийцы. Чжан заметался. Слуги схватились драться. Ли Ань прижал Чжан Шэна ногой к земле, быстро расстегнул пояс и связал им убийцу. Крики донеслись до дальней залы.

– Я Чжан Шэна связал, – доложил Ли Ань. – Он хотел с кинжалом ворваться в дальние покои.

Чуньмэй только что удалось привести в чувство Цзиньгэ, когда ей доложил слуга. От испуга она сделалась белой, как полотно, и побежала в кабинет, где застала убитого Цзинци. На полу стояли лужи крови. Чуньмэй не удержалась и громко зарыдала.

Послали сообщить жене Гэ Цуйпин. Она приехала от родителей без промедления, увидала мужа и в слезах, потеряв сознание, рухнула на пол. Чуньмэй помогла ей подняться и уговорами привела в себя. Тело убитого было вынесено из кабинета. Чуньмэй распорядилась купить гроб. Цзинци обрядили и положили в него. А Чжан Шэна бросили в острог впредь до распоряжения командующего Чжоу, которого ждали со дня на день.

Вскоре положение в стране обострилось. Гонец доставил депешу. Командующему предписывалось срочно отдать приказ войскам. Комиссар Чжан уже ждал его в Дунчане, где должны были соединиться их войска. Чжоу Сю заехал домой. Чуньмэй рассказала мужу об убийстве Цзинци, а Ли Ань, выложив перед хозяином кинжал и опустившись на колени, доложил, как было дело.

Чжоу Сю был вне себя от гнева. Заняв место в присутствии, он приказал ввести убийцу и без допроса велел пяти палачам дать Чжан Шэну сотню палок. Чжан Шэн не выдержал наказания и протянул ноги. На пристань был тотчас отправлен гонец с ордером на арест Лю Второго. Когда его схватили, Сунь Сюээ решила, что и ей несдобровать, удалилась в спальню и наложила на себя руки. Чжоу Сю приказал казнить Спрута тоже сотней палок, чего тот не вынес и умер. Весть о конце Чжан Шэна и Лю Спрута потрясла уездный центр Цинхэ, всколыхнула всю пристань Линьцин.

Да,

Обманывали Небо, зло на земле творили,
И Небеса их злодеянья теперь вознаградили.

Тому свидетельством стихи:

На свете не прожить коварством да обманом,
Кругом свой дух являют Небеса нам.
Когда бы силы свыше злодеев не карали,
Они бы на земле других людей сжирали.

Так командующий Чжоу забил насмерть обоих насильников, и жители вздохнули спокойно. Ли Аню было приказано вернуть кабачок на пристани прежнему хозяину, а вложенное в него серебро привезти домой. Хозяин наказал Чуньмэй справить по Цзинцзи седмицу и, выбрав благоприятный день, предать тело земле в загородном монастыре Вечного блаженства. Ли Аня с Чжоу И оставили присматривать за домом, а Чжоу Чжуна с Чжоу Жэнем командующий взял с собой денщиками.

Вечером Чуньмэй и Сунь Вторая устроили в честь мужа прощальный пир.

– Вы уезжаете, господин наш, – обратились они к мужу и не смогли сдержаться слез. – Кто знает, как долго мы не встретимся снова. Будьте осторожны на поле битвы. Дикари жестоки. С врагами шутить нельзя.

– Раз вы остаетесь дома, – отвечал Чжоу Сю, – будьте спокойны и умерьте свои чувства. Берегите сына, а обо мне не тревожьтесь. Мне оказана высокая честь Его Величеством, и я обязан самоотверженно служить Отечеству. Останусь в живых или голову сложу на поле брани – на то воля Неба.

Чжоу переночевал дома, а на другой день поспешил к пешим и конным войскам, ожидавшим его в пригороде. Его взору предстали четко выстроенные войска.

Только поглядите:

Вьются по ветру ленты стягов и знамен. Звучат разукрашенные барабаны и медные литавры. Над головами воинов сверкают, словно осенний иней, трезубцы и пятизубые вилы. Белоснежные копья и медные пики пляшут в небе, словно благовещие снежинки. Щитоносцы с узорными щитами и лучники – вот рати авангард. Огнестрельные орудия и на колесницах пушки, тяжелые секиры и сабли замыкают строй. В седле сам главный полководец – яростный, как тигр южных гор. И каждый воин полон решимости ринуться в бой. Всадники, точно драконы северных морей, способны и готовы на подвиг бранный. Копья и пики в их руках стремительны, как бурное течение вод. И в самом деле они, будто вихрь, неуловимы.

Однако не станем говорить, что было в пути.

И вот однажды командующий Чжоу, встав под голубой штандарт с иероглифом «Указ», повел войска в город. Когда вестовой доложил о прибытии Чжоу Сю, комиссар Чжан Шуе с областным правителем Дунпина Да Тяньдао выехали его встретить и, сопроводив в присутствие, после положенных приветствий держали военный совет. Донесения шли тревожные и срочные, поэтому на другой же день они

двинули войска на защиту заставы, но не о том пойдет речь.

А пока расскажем о Хань Айцзе. Когда до нее дошли слухи об убийстве Чэнь Цзинцзи, она плакала дни и ночи напролет, перестала пить и есть, хотела одного – тотчас же отправиться в город и оплакивать убиенного Цзинцзи, а потом можно и умереть спокойно. Мать с отцом и все, кто был рядом, отговаривали ее, но она и слушать не желала. Пришлось Хань Даого посылать в город вышибалу. Цзинцзи, как оказалось, похоронили за городом у монастыря Вечного блаженства. Когда вышибала доложил об этом по возвращении, Айцзе решила непременно побывать на могиле Цзинцзи и возжечь жертвенные деньги. Она опять дала волю слезам. Ведь они были так близки. Родители ничего не могли поделать и, дав согласие, наняли дочери паланкин.

В монастыре Айцзе обратилась к настоятелю. Тот позвал послушника и велел проводить к свежей могиле за храмом. Выйдя из паланкина, Айцзе проследовала до могилы. Там она с поклонами предала огню жертвенные деньги и заголосила:

– Мой милый! Дорогой мой! Мечтала я с тобой прожить до старости в любви и согласии. Но так случилось, что тебя не стало вдруг!..

Айцзе громко разрыдалась и, лишившись сознания, упала, ударившись головою о землю. Перепуганные Хань Даого и Ван Шестая поспешно бросились к дочери, стараясь привести ее в себя и поднять, но она не подавала никаких признаков жизни. Родители испугались еще больше.

Это был третий день после похорон. Чуньмэй и вдова Гэ Цуйпин тоже прибыли на могилу в отдельных сопровождаемых слугами паланкинах. Они привезли с собой жертвенных животных и бумажные деньги. У могилы их взору предстала молодая особа. Она лежала в обмороке и около нее хлопотали мужчина и женщина средних лет.

– Кто вы будете? – спросила удивленная Чуньмэй.

Мужчина и женщина отвесили подошедшим поклоны и рассказали, в чем дело.

– А это наша дочка Айцзе, – заключил Хань Даого.

Имя Айцзе напомнило Чуньмэй дом Симэнь Цина, где они когда-то встречались. Узнала она и Ван Шестую. Хань Даого рассказал, как они вынуждены были покинуть дом государева наставника Цая и выехать из Восточной столицы.

– А дочка моя с господином Чэнем близка была, – продолжал он. – Как узнала, что с ним беда случилась, могилу захотела посетить,

жертвы принести, а тут вот с ней обморок приключился.

Они долго еще отхаживали Айцзе. Потом у нее появилась пена на устах и она пришла в себя. Плакать она была уже не в силах и только всхлипывала, а когда поднялась с земли, приблизилась к Чуньмэй и Цуйпин.

— Мы были близки, хотя и не состояли в браке, — грациозно склонившись в поклоне, говорила Айцзе. — Он давал мне клятвы любви и верности до гроба. И я надеялась, что мы будем жить до смерти в любви и согласии. Но, видно, так было угодно Небу. Его не стало, и я брошена одна-одинешенька. Он ведь подарил мне сучжоуский шелковый платок с любовными стихами. Я знала, что у него есть жена и была согласна служить ему для услаждения. Может, вы сомневаетесь?

Айцзе достала из рукава платок и показала Чуньмэй и Цуйпин. На платке они прочитали четверостишие:

Мой сучжоуский платок причудлив узором.

Четкой кисти мазок, изящный и скорый.

Полон сладостных чувств Хань Пятой в подарок.

Пары фениксов пусть союз будет жарок.

— А я подарила ему маленький парчовый мешочек для благовоний, — продолжала Айцзе. — Он носил его на поясе. На мешочке пара неразлучных уток и с обеих сторон двуглавые лотосы, а у каждого лепестка вышит иероглиф. Вся надпись гласит: «Его милости возлюбленному господину Чэню».

— Почему же я не видала этого мешочка? — спросила Чуньмэй у Цуйпин.

— Он носил его на жилете, — подтвердила Цуйпин. — Я ему в гроб положила.

После принесения жертв на могиле Чуньмэй с Цуйпин пригласили Айцзе и Ван Шестую в монастырь, где, испив чаю, все сели за трапезу.

Близился закат. Родители стали торопить дочь, но она не спешила.

— Не хочу я идти к отцу с матерью, — опустившись на колени перед Чуньмэй и Цуйпин, со слезами говорила Айцзе. — Мне хотелось бы остаться с вами, сестрица, чтобы вместе нам блюсти траур по мужу. Ведь и я удостоилась его милости. Я была его наложницей и желаю умереть рядом с его дщицей.

Цуйпин не проронила ни слова.

— Но ты еще совсем молода, сестрица! — отвечала ей Чуньмэй. — А жизнь вдовья нелегка. Смотри, не упустить бы лучшую пору.

– Что вы, матушка! – возразила Айцзе. – Да пусть мне грозят глаза выколоть или нос отрезать, я все равно ему верной останусь. Я поклялась замуж не выходить. – Айцзе обернулась к родителям и продолжала. – А вы, батюшка и матушка, поезжайте домой. Я с госпожой и сестрицей останусь.

У Ван Шестой на глаза навернулись слезы.

– А мы-то надеялись на тебя, – с плачем говорила она. – Думали, ухаживать за нами в старости будешь. Едва мы спасли тебя из пасти тигра, как ты бросаешь нас.

– Не пойду с вами, – только и промолвила Айцзе. – А заставите, смерть на себя накличу.

Убедившись в твердом намерении дочери, Хань Даого и Ван Шестая громко зарыдали. Со слезами они простились с Айцзе и отбыли на пристань в Линьцин к себе в кабачок. А Хань Айцзе вместе с Чуньмэй и Цуйпин отправилась к ним в паланкине. Ван Шестая всю дорогу тяжело вздыхала, будучи не в силах смириться с мыслью, что их покинула дочь. Мать то и дело давала волю слезам. Вечерело. Хань Даого поспешил нанять двух лошадей, и они пустились в путь.

Да,

Сердце разрывается от боли,
долог путь, а конь нетороплив.
Словно ряска на воде проточной,
путник нынче здесь, а завтра там.
Месяц поднялся по небосклону,
у ворот столичных осветив
Тех, кого разлука истерзала,
кто печально истомился сам.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

ГЛАВА СОТАЯ

ХАНЬ АЙЦЗЕ НАХОДИТ РОДИТЕЛЕЙ В ХУЧЖОУ

НАСТАВНИК ПУЦЗИН МОЛИТСЯ О СПАСЕНИИ ДУШ ВСЕХ ОБИЖЕННЫХ

*Афоризмы гласят:
Чтобы славным стать героем,
одного желанья мало:
Этот человек талантлив,
а другой, увы, бездарен.
Преградит дорогу тигру
зверь не менее свирепый,
И страшатся даже змеи
ядовитой сколопендры.
Чжунгэ Ляном семикратно
был пленен Мэн Хо когда-то,^[1770]
Дважды туго приходилось
Гуань Юю от Люй Мэна.^[1771]
Не терял Ли Ань рассудка,
он разумным оказался:
Побороть сумел соблазны,
избежал беды великой.*

Итак, Хань Даого и Ван Шестая вернулись на пристань в кабачок Се. Но лишившись дочери, они лишились и доходов, оказавшись перед угрозой полного разорения. Тогда послали они Чэня Третьего за купцом Хэ. Теперь, когда не стало Лю Спрута и бояться было некого, купец как и раньше зачастил к Ван Шестой.

– Раз ваша дочка Айцзе решила блюсти траур и не собирается возвращаться домой, – обратился как-то купец Хэ к Ханю, – тогда давайте так договоримся. Я распродам товары, получу деньги и возьму вас обоих к себе в Хучжоу. Вы согласны? Чем тут в нужде-то жить...

– Вы так добры, сударь! – воскликнул Хань Даого. – Лучшего и желать не приходится.

И вот однажды, распродав товар и получив деньги, купец нанял джонку и вместе с Ханем и Ван Шестой отправился в Хучжоу.

А Хань Айцзе тем временем оставалась вместе с Гэ Цуйпин. Обе они пребывали в трауре, близко сошлись и звали друг дружку сестрами. Целыми днями просиживали они в покоях у Чуньмэй. Цзиньгэ к тому времени исполнилось шесть лет,^[1772] а Юйцзе, дочке Сунь Второй, уже пошел десятый.^[1773] Делать молодым женщинам было нечего, вот они и забавлялись с детьми.

С гибелью Чэнь Цзинцзи и отбытием в поход командующего Чуньмэй продолжала вкушать редкие яства и рядиться в шелка и парчу. В прическе у нее, как и раньше, переливался жемчуг, блестели золото и серебро. Все было бы хорошо, если бы не длинные ночи, которые ей приходилось коротать в одиночестве, когда вождение так и жгло ей сердце. Тут-то она и обратила внимание на Ли Аня. Был он недурен собой, а после расправы с Чжан Шэном караулил вокруг дома с большим старанием.

Настали зимние дни. Ночевал как-то Ли Ань у себя в сторожке. Вдруг слышит стук в заднюю дверь.

– Кто там? – тут же спросил он.

– Открой-ка, послышалось в ответ.

Ли Ань торопливо отпер дверь. В сторожку промелькнула фигура. Только при свете он узнал кормилицу Цзиньгуй.

– А, это ты! – протянул Ли Ань. – Что тебя привело в такой поздний час?

– Не от себя пришла, – говорила Цзиньгуй. – Матушка прислала.

– Зачем же я матушке понадобился?

– Какой ты несообразительный! – засмеялась кормилица. – Хочет знать, спишь ты или все еще бодрствуешь. Наказала вот кое-что тебе передать. – Тут она положила перед ним узел, который принесла за спиной и продолжала. – Это тебе одеться и кое-что женское, для твоей матушки. Досталось, говорит, тебе, когда батюшкино добро-то вез. Ты ведь матушке жизнь спас, а не то расправился бы с ней насильник Чжан Шэн.

Кормилица оставила узел и удалилась, но вскоре вернулась.

– Да, самое главное-то чуть было не забыла, – проговорила она и, вручив Ли Ань слиток в полсотни лянов, поспешно ушла.

Ли Ань переночевал в сторожке, а рано утром отнес узел домой и передал матери.

– Это у тебя откуда? – спросила она.

Ли Ань рассказал, как было дело.

– Не к добру это, сынок, – заключила мать. – Сперва Чжан Шэн провинился – до смерти забили, теперь она тебя вещами одаривает. Что бы это могло значить, а? Мне ведь за шестьдесят. После смерти отца на тебя вся моя надежда. Случись с тобой беда, на кого мне, старухе, положиться? Не ходи больше туда.

– А прийдет за мной, что буду говорить?

– Я за тебя отвечу. Простудился, скажу, лихорадку подхватил.

– Не пойду, а ну-как хозяин на меня разгневется?

– Поезжай-ка ты в Шаньдун к дяде Ли Гую, – посоветовала мать. – У него и поживи пока, а там приедешь, увидишь, как дело обернется.

Будучи послушным сыном, Ли Ань последовал совету матери. Собрал он вещи и отправился в Цинчжоу к своему дяде Ли Гую по прозвищу Шаньдунский демон.

Вскоре Чуньмэй обнаружила исчезновение Ли Аня. Много раз посылала она за ним слуг. Мать все ссыалась на болезнь сына, но когда посыльный настоятельно пожелал увидеть Ли Аня, мать призналась, что он выехал в родные края за деньгами. Чуньмэй затаила на Ли Аня обиду, но не о том пойдет речь.

Быстро летело время, как челноки проносились дни и месяцы. Миновала зима, и наступили солнечные дни. Давно уж стояло под Дунчаном двенадцатитысячное войско Чжоу. И вот в первых числах первой луны отправил он с Чжоу Чжуном домой письмо, а в нем распоряжение, чтобы Чуньмэй и Сунь Вторая вместе с Цзиньгэ и Юйцзе, слугами и домочадцами переезжали к нему в Дунпин. Дома он приказал оставить Чжоу Чжуна, а за восточным поместьем просил приглядеть своего младшего брата Чжоу Сюаня, который, надобно сказать, и жил в поместье. Так Чжоу Чжун остался дома, а к Чжоу Сюаню в поместье переехали Гэ Цуйпин и Хань Айцзе. Чжоу Жэнь с отрядом солдат сопровождал отбывающих в Дунпин. Не ради личной славы и почестей покидали они родной край. Кто знал тогда, что большинству из них не суждено будет увидеть его вновь!

Вот панегирик, как раз воспевающий полководческий гений командующего Чжоу, который в лихую годину мечтал уничтожить варваров и избавить Отчизну от полчищ насильников.

Только поглядите:

С четырех сторон, как осиный рой, налетели разбойники. Пляшут сигнальных факелов огни, бушующее пламя обогрило небеса небеса. Едва вырвется гнев из груди полководца – и начисто развеет скотскую вонь, с лица Поднебесной варвары сгинут, как ветром их сдует. Он давно уж о личном забыл, отдаваясь служенью Отчизне. Отечеству он посвящает себя, не щадя живота. Копье золотое, затмившее Солнце, – наградой ему за сражение. Его подвиги первого места достойны в палате Единорога-цилиндра^[1774]. Неистовый ветер осенний встречает его за заставою Дикий гусей^[1775]. Он в латах железных закованный дремлет под холодной луною. В ратных трудах на неутомимом скакуне, потеющем кровью^[1776], он двадцать лет жизни провел. Истомил его стук колесниц монотонный, и виски – словно снег. Обозревает Сын Неба всевидящим оком земли Китая, простирающиеся за десятки тысяч ли. Не раз полководца заслуги государь поощрял хвалебною грамотой. Украшает ее печать золотая, с небесный Ковш величиной^[1777]. Поражений не знает, он грозен, солиден, высок!

И вот однажды добрались жены с детьми и служанки с домочадцами, сопровождаемые Чжоу Жэнем, в областной центр Дунпин. Сильно обрадовался их благополучному прибытию командующий. Поселились они рядом с ним в задних пристройках. Чжоу Жэнь доложил хозяину о том, что господин Чжоу Сюань согласился присматривать за восточным поместьем, а в доме остался его, Чжоу Жэня, отец Чжоу Чжун.

– А где же Ли Ань? – спросил Чжоу Сю.

– И ты еще справляешься об этом негодяе! – воскликнула Чуньмэй. – Я-то его от души поблагодарить решила, одеждой наградила и матери его кое-что собрала. От Чжан Шэна, думаю, человек спас. А он во время ночного караула в дальнюю залу проник. Видит, лежит на столе узелок с полусотней лянов серебра. Их деверь от продажи зерна выручил, из поместья привез. Стащил негодяй серебро и был таков. Сколько раз я слуг за ним посылала. То говорили болеет, а потом оказалась, к себе в Цинчжоу скрылся.

– А ведь я ему доверял! – проговорил Чжоу Сю. – Вот значит чем он отплатил за добро. Ну ладно, он от меня все равно не уйдет.

Про Хань Айцзе Чуньмэй промолчала.

Прошло несколько дней. Командующий Чжоу был все время занят решением стратегических задач. Всеми помыслами своими, ревностно служил он государю и Отечеству. Ему даже поесть времени не

оставалось, не говоря уж про интимные радости, до которых у него давным-давно не доходил черед. Видя такую его занятость, Чуньмэй стала засматриваться на Чжоу И, второго сына Чжоу Чжуна. Девятнадцатилетний малый, он был хорош собой. Ему она и начала строить глазки, мало-помалу завлекла парня, и они тайно сблизились. И утром и вечером можно было застать их вдвоем у нее в спальне. Они и выпивали, и развлекались шашками. Только хозяин ничего не подозревал.

Однажды северный сосед Китая – император чжурчжэней Цзинь уничтожил киданей Ляо.^[1778] Тем временем на престол в Восточной столице был возведен Цинь-цзун. Тогда чжурчжэньский император собрал несметное войско варваров и, разбив его на два направления, вторгся в пределы Срединной равнины, дабы посеять смуту в стране. Стотысячное войско чжурчжэньской пехоты и конницы, возглавляемое главнокомандующим Нянмохэ, двигалось в направлении Тайюани, в Шаньси, и Цзинсина, чтобы оттуда нанести удар по Восточной столице. Войско же помощника главнокомандующего Валиба должно было напасть на заставу Гаоян из Таньжоу. Не устояли перед их натиском пограничные части. В замешательстве начальник военного ведомства Ли Ган и главнокомандующий Империи Чжун Шидао звездной ночью рассылали срочные приказы и депеши-молнии командующим войсками в Шаньдуне и Шаньси, Хэнани и Хэбэе, Гуандуне и Шэньси. Им предписывалось занять важнейшие стратегические позиции и, не уступая ни пяди родной земли, биться до последней капли крови. В Шэньси войсками Яньчжоуского и Суйчжоуского направлений командовал Лю Яньцин, в Гуандуне войска Фэньчжоуского и Цзянчжоуского направлений вел Ван Бин, в Хэбэе войсками Вэйчжоуского и Бочжоуского направлений командовал Ван Хуань, в Хэнани войска Чжанчжоуского и Вэйчжоуского направлений вел Синь Синцзун, в Шаньси войсками Цзэчжоуского и Лучжоуского направлений командовал Ян Вэйчжун, а в Шаньдуне войска Цинчжоуского и Яньчжоуского направлений вел Чжоу Сю.

Когда командующему Чжоу вручили депешу-монию о появлении крупного соединения чжурчжэней, он без промедления приказал своим закованным в латы, вооруженным пехотинцам и конникам строиться колоннами. Несколькими путями повел командующий войска навстречу противнику. Когда его головные части достигли заставы Гаоян, туда уже успели пробиться полчища Валиба. В бою войско Чжоу Сю понесло неисчислимые жертвы.

Было начало пятой луны. Страшный ураган поднимал тучи песка, который застилал воинам глаза. Чжоу Сю продолжал вести воинов вперед, но тут на них напала конница Валиба. Они оказались отрезанными. Шальная стрела внезапно пронзила горло полководцу. Чжоу Сю замертво пал с коня. Налетели было чжурчжэни, стремясь железными крюками и проволокой захватить командующего, но тут подоспели командиры и воины и отбили павшего военачальника. Его подняли на коня и увезли в ставку. Многие были ранены в жестоком бою. И как прискорбно, что погиб командующий Чжоу. Было ему сорок семь лет.^[1779]

Да,

Так империя потеряла
выдающегося полководца,
Но в сражении кровь бездарных
вместе с кровью мудрейших льется.

Предки наши, будучи не в состоянии сдержать печаль, сложили такие трогательные стихи:

Не предвидит воин в сраженье,
быть победе иль пораженью;
То ль война, то ль мир наступает —
провиденье одно решает,
Не дожил до триумфа воин,
пал, — он памяти нашей достоин.
Мы скорбим, а речные воды
мчатся мимо долгие годы.

А вот романс о нем на мотив «Турачьи небеса»:^[1780]

Он был твердыней оборонной,
Отчизны и опорой твердой,
Мечтал в порыве благородном
Рассеять вражеские орды.
Борьбу за родину считал он
Своею кровною борьбою,
Знал тайны «Сокровенных планов»,^[1781]
Тигровый знак^[1782] носил с собою.
Несметны варварские орды,
Их даже не окинуть глазом,
А наше войско непокорно
Невежд напыщенных приказам...

На поле битвы пало знамя —
То полководец умирает,
Но гнева праведного пламя
В его душе навек пылает.

Как только комиссар Чжан Шуе узнал о гибели в бою командующего Чжоу, он отдал приказ бить отступление. После выяснения числа убитых и раненых войска были отведены на оборонительные рубежи под Дунчан. Той же ночью комиссар доложил о положении императорскому двору, но не о том пойдет речь.

Воины доставили тело убитого командующего в Дунчанскую ставку. Все домочадцы от мала до велика во главе с Чуньмэй, сотрясая громкими воплями небо, присутствовали при положении во гроб останков хозяина. Они возвратили в ставку мандаты и печати командующего, а потом Чуньмэй и Чжоу Жэнь перевезли гроб для погребения в Цинхэ, но не о том пойдет речь.

Тут наш рассказ делится. Расскажем пока о Гэ Цуйпин и Хань Айцзе. После отъезда Чуньмэй они, продолжая хранить верность покойному мужу, жили скромно: пили жидкий чай и довольствовались постной пищей.

Прошла весна и наступило лето. Обновилась природа. Дни стояли длинные, и молодые женщины, утомившись за рукоделием, на досуге не спеша вышли в сад. Близ западного кабинета вокруг беседки пышно распустились букеты цветов, щебетали иволги и шептались ласточки. Ликующая природа ранила сердце. У Гэ Цуйпин родилось желание излить душу, а Хань Айцзе, охваченная тоскою по возлюбленному Чэнь Цзинци, была настроена меланхолично, и все, что она видела вокруг себя, только усиливало ее скорбь и печаль. Ведь уста глаголют то, что волнует сердце, а изливают волнение в песнях или стихах.

Первой начала декламировать Цуйпин:

На рассвете в тихом дворе цветы,
В доме комнаты просторны и чистоты.
Серебрит мне ширму трепетный восход,
Мерно иволга на ясене поет.

Ей вторила Айцзе:

Отцвела моя весна, в разгаре лето.
Пополудни вышла в сад полуодета.
Наряжаться лишь на кладбище теперь,
Только духам открывать глухую дверь.

Цуйпин продолжала:

С удовольствием смотрюсь я в зеркала,
Брови тонкие изящно подвела,
Но куда мне легкой поступью идти —
Лишь гранат увядший встанет на пути.

Айцзе декламировала дальше:

Почему судьба скупа и так сурова?!
Пред кем покрасоваться мне обновлениях?
Перед кем мне обнажить свою красу?
Яшму белую в могилу унесу.

Цуйпин продолжала:

Статный вяз меж лебеды и мотыльков,
Семена ронял горстями медяков
Вместе с ивою кудрявою молодой
Спал, листьями зелены её ладонь

Айцзе заключила:

Как туман, как сон-дурман растаял ты.
Не достичь сердцам небесной высоты.
Не поднять нам к светоносам головы,
Мы навеки две поблекшие вдовы.

Излив думы в стихах, Цуйпин и Айцзе не удержались и заплакали. Вошедший к ним Чжоу Сюань, младший брат Чжоу Сю, стал их уговаривать:

— Не надо так убиваться, сестрицы! Бодритесь! Мне последнее время снится нехороший сон. Вижу знамя, Поломанное древко, а на нем висит лук. Не знаю, к чему такой сон.

— Может, на границе с его превосходительством что неладное... — заметила Айцзе.

Пока они строили догадки, к ним вбежал, запыхавшись, одетый в траур Чжоу Жэнь и сообщил о случившейся беде.

— Вот какое несчастье! Седьмого дня в пятой луне на пограничной заставе в бою пал наш хозяин. Хозяйки с прислугой привезли останки убитого.

Чжоу второпях распорядился прибрать в передней зале, где был установлен гроб и расставлены жертвы. Рыданиями огласился дом. Плакали все — от мала до велика. Справляли поминальные седмицы. Для отпевания покойного приглашали буддийских и даосских

монахов. Цзиньгэ и Юйцзе, одетые в холщовые платья, блюли глубокий траур.

Проститься с покойным приходило много народу. Потом в благоприятный день были устроены похороны. Тело Чжоу Сю погребли на родовом кладбище, но говорить об этом нет надобности.

А пока расскажем о Чжоу Сюане, младшем брате командующего. Выступая от имени шестилетнего племянника Цзиньгэ, он обратился с письменным прошением ко Двору. В нем он испрашивал у Императора почтить память павшего полководца и жаловать его сына чином по наследству. Государь передал прошение военному ведомству, ответ коего гласил:

«Покойный Чжоу Сю, командующий пехотой и конницей, отдал жизнь, защищая Отчизну, пал смертью храбрых на службе государевой. За преданность и отвагу он заслуживает высоких наград. Посланцу Его Величества поручается свершить поминальный обряд с жертвоприношением и возвести посмертно в чин главнокомандующего. Его сын, как полагается, будет находиться на особом обеспечении казны, а по достижении совершеннолетия получит должность по наследству».

Чуньмэй продолжала жить в довольстве, и неумная страсть в ней разгорелась пуще прежнего. То и дело оставляла она у себя в спальне Чжоу И, ни на шаг не отпуская от себя. Целые дни проводили они вместе. Безмерные плотские наслаждения довели Чуньмэй до истощающей лихорадки и чахотки. Она потеряла аппетит, принимала всевозможные лекарства, но жизненные силы покидали ее. Она высохла, как щепка, однако похоть не давала ей покоя.

И вот однажды, когда прошел день ее рождения и настал шестой месяц, период летней жары,^[1783] Чуньмэй с утра отдалась усладам в постели с Чжоу И. Но после истечения семени, из носа и рта вышло холодное дыханье, излилась в избытке телесная влага и стекла через нижнее устье. Так испустила она дух, распластавшись на Чжоу И. Год смерти был двадцать девятым в ее жизни.^[1784]

Убедившись, что Чуньмэй мертва, Чжоу И, не чуя своих рук и ног, достал у нее из сундука золото, серебро и драгоценности и, прихватив с собой сколько мог, скрылся. Горничные и кормилицы не решились скрывать пропажи и доложили Чжоу Сюаню. Тот распорядился впредь до обнаружения похитителя задержать его отца Чжоу Чжуна. И что странно! Чжоу И укрылся не где-нибудь, а у своей тетки, откуда его, связанного, и привели. Выяснив обстоятельства смерти хозяйки, Чжоу Сюань решил их скрыть, чтобы, как говорится, сор из избы не

выносить и не вредить будущей карьере Цзиньгэ. Чжоу И ввели в залу и без допроса выпороли четырьмя десятками больших батоков. Он не выдержал и протянул ноги.

Цзиньгэ был отдан на воспитание Сунь Второй. Чуньмэй похоронили на родовом кладбище Чжоу рядом с мужем. Кормилиц и горничных Хайтан и Юэгуй выдали замуж. Только Гэ Цуйпин и Хань Айцзе, как их ни уговаривали, не хотели покидать дома.

И вот однажды орды чжурчженей заняли Восточную столицу Бяньлян.^[1785] Отрекшийся от престола император-отец и правящий государь Мира и Благополучия, плененные, были увезены на север. Срединная равнина^[1786] оказалась без правителя. Кругом царили беспорядки и смута. Повсюду шли бои и сражения. Жители искали спасения в бегстве. Простые люди обливались слезами, терпя невообразимые муки.

А несметные полчища варваров тем временем докатились до рубежей Шаньдуна. Мужья теряли жен, а жены – мужей. Стенали демоны, и плакали боги. Отец не мог позаботиться о сыне, а сын – помочь отцу. Гэ Цуйпин взяли к себе родители, а Хань Айцзе идти было некуда. Пришлось ей собрать кое-какие пожитки и, одевшись в скромное дорожное платье, покинуть уездный центр Цинхэ. Она направилась к пристани Линьцин в кабачок Се Третьего, где думала найти своих родителей.

Кабачок оказался закрыт. Даже хозяин и тот бежал. Случайно повстречалась она с Чэнем Третьем.

– А твои родители еще в прошлом году отбыли в Хучжоу, – сказал он. – Их господин Хэ с собой увез.

И Айцзе отправилась в Хучжоу. По дороге она играла на лунной цитре^[1787] и пела. Ее мучили голод и жажда. На ночь останавливалась, а с рассветом снова пускалась в путь. Бежала, будто бездомная собака, торопилась, как ускользнувшая из сети рыба. Но как тяжело и мучительно было ей передвигаться в изогнутых вверх крошечных туфельках!

Через несколько дней Айцзе добралась до Сюйчжоу. Вечерело, когда она очутилась в одинокой заброшенной деревне. Зашла в дом. На кане толкла рис старуха. Шел ей восьмой десяток. Белые, как лунь, виски. На макушке торчал пучок. Айцзе приблизилась к старухе и поклонилась.

– Я из Цинхэ, – проговорила она. – На севере все разорено войной. Я иду в Хучжоу. Там у меня родители. Темнеет уж, нельзя ли мне у вас переночевать, бабушка? А рано утром я уйду. За ночлег заплачу, не

беспокойтесь.

Старуха оглядела Айцзе. Не похожа она была на простолюдинок. Ее манеры отличались изысканностью, а по внешности угадывалось, что она не из простых.

Только поглядите:

Сбилась на бок немного волос ее черная туча. Должно быть, в былые дни она в богатом доме жила. Очертание ее бровей напоминало контуры далеких гор. Когда-то, видно, знатностью, богатством наслаждалась, но нынче ночью она бредет во мгле. А месяц едва пробивается сквозь туч густую пелену. Толстым слоем пыли покрылся нежного пиона цветок.

– Раз пришли переночевать, барышня, прошу, присаживайтесь на кан, – пригласила хозяйка. – А я пока ужин варить буду. Землекопы с реки ужинать придут.

Старуха подложила дров и через некоторое время сняла с огня целый котел круто сваренной каши из петушьего проса с бобами. Потом она нарезала два больших блюда овощного салата и только успела посолить кушанья, как на пороге показались очищавшие русло реки землекопы в фартуках и коротких до колен штанах. Волосы у них были всклоочены, а босые ноги покрыты слоем ила и песка.

– Бабуся! – крикнули они, ставя коромысла, мотыги и лопаты. – Ужин готов?

– Готов, готов! – отозвалась хозяйка. – Идите ешьте!

Землекопы разобрали еду и, пристроившись кто где, принялись ужинать. Одному среди них, с багровым лицом и выцветшими волосами, было лет тридцать пять.

– А это что у тебя, бабуся, за гостя такая на кане восседает, а? – спросил он хозяйку.

– Барышня родом из Цинхэ, – поясняла старуха. – Отца с матерью идет в Хучжоу искать. Время позднее, переночевать попросилась.

– Как тебя зовут, барышня? – спросил багроволицый.

– Моя фамилия Хань, – отвечала Айцзе. – А отца зовут Хань Даого.

– Да ты никак моя племянница Хань Айцзе? – подойдя к ней поближе, воскликнул землекоп.

– А вы, похоже, мой дядя – Хань Второй, – проговорила Айцзе.

Дядя и племянница обнялись и дали волю слезам.

– А где ж у тебя отец с матерью? – выспрашивал Хань. – Ты ж в столице жила. Как сюда попала?

Айцзе рассказала дяде все по порядку и продолжала:

– Я последнее время в доме начальника гарнизона жила, потом муж

умер. До сих пор ему верность храню. А родители с господином Хэ уехали в Хучжоу. Вот я их и разыскиваю. Время военное. Кто проводит! Так одна и бреду. Песнями кормлюсь. Никак не думала вас тут встретить, дядя.

– А мне с отъездом вашим жить стало нечем, – рассказывал в свою очередь Хань Второй. – Продал я дом, а сам вот на реку работать нанялся. Русло мы очищаем, землю носилками носим. Так чашку рису и зарабатываю. Тогда я с тобой пойду. Вместе будем твоих родителей искать.

– Значит, вы меня не оставите, дядя? – обрадовалась Айцзе. – Мне лучшего и не придумать!

Дядя наложил блюдце каши и племяннице. Она попробовала. Каша была грубая и не лезла в горло.

Айцзе съела половину и отставила блюдце. Не будем рассказывать, как прошла та ночь. На другой день на рассвете землекопы ушли на работу, а Хань Второй расплатился с хозяйкой и увел с собой Айцзе. Им предстоял долгий путь.

Айцзе, надобно сказать, стала за эти годы изнеженной и хрупкой. У нее были крохотные ножки, да к тому же она несла с собой кое-какие мелкие вещицы – гребни, шпильки и прочее, которые в пути продавала себе на пропитание. Добравшись до Хуайани, они наняли джонку и долго петляли по рекам, пока не достигли Хучжоу.

Там они нашли дом купца Хэ. Настала долгожданная встреча дочери с отцом и матерью. Сам купец, как оказалось, к тому времени умер. Жены у него не было, и Ван Шестая сделалась полновластной хозяйкой, которой приходилось растить шестилетнюю дочку купца. Он оставил после себя рисовое поле площадью в несколько сот му. [1788] Не прошло и года, как не стало Хань Даого. А Ван Шестая ведь и раньше была близка с деверем, а потому приняла его в дом. Так и стали они жить рисовым полем.

Сынки хучжоуских богачей сразу обратили внимание на умную и красивую Хань Айцзе. Ее сватали многие из них. Дядя Хань не раз уговаривал племянницу дать согласие, но Айцзе обрила волосы и, отвратив взор от мирского, ушла в монахини. Исполняя обет никогда больше не выходить замуж, она и скончалась в монастыре. Было ей тогда тридцать два года.

Да.

Целомудренно тело
не в подземных пределах,
Сей страдалицы дух

в небе звездном потух.

Впоследствии Ван Шестая и Хань Второй стали жить как жена и муж. Кормило их рисовое поле, которое досталось им от купца Хэ, но не о том речь.

Между тем пехота и конница чжурчжэней пробилась в Дунчан и вот-вот должна была ворваться в Цинхэ. Облеченные властью лица в чинах высоких и низких спасались бегством. Ни днем, ни ночью не отпирались городские ворота. Народ был обращен в бегство. Бежали и стар и млад.

Только поглядите:

Окуталась мглой земля со всех концов. Затмилось облаками пыли солнце. В смертельной схватке сцепились вепри и змеи, сразились в поединках драконы и тигры. В городских предместьях всюду развевались белые стяги и алели знамена. Наполнился воздух стенаниями и плачем. В каждом доме трепетали со страху. Несметной саранчой налетели вражьи орды – варваров полчища. Как заросли густые бамбука, стояли короткие мечи и длинные копья. Куда ни глянь, везде лежали тела убитых и вдоль и поперек. Валялись обломки сабель и мечей после резни жестокой и кровавой. Детей спасая, родители их крепче прижимали к сердцу. Хозяева держали на запоре все двери и ворота. Из каждого десяти домов по девять пустовало. Где была деревушка, где город – становилось все труднее отличить. Разбежались жители во все концы. Куда исчезли музыка, обряды, ритуал!

Да, сколько

Плакало женщин, гаремных девиц.

В бегстве не видно ни званий, ни лиц.

В то время У Юэнян, оставаясь в доме Симэнь Цина, стала очевидицей приближения чужеземных орд. Жители запирали дома и спасались бегством. Юэнян тоже пришлось захватить с собой кое-какое золото, жемчуг и драгоценности и, заперев дом, вместе с братом У Вторым (У Старшего уже не было в живых), Дайанем, Сяюй и пятнадцатилетним сыном Сяогэ^[1789] направиться ради спасения в Цзинань к Юнь Лишоу. У него она прежде всего надеялась укрыться от вражьего нашествия, а кроме того договориться о женитьбе сына.

Всюду на дорогах они встречали толпы охваченных смятением беженцев. Ими владел страх. Бедная У Юэнян в обыкновенном дорожном платье вместе с домочадцами и братом влилась в людской поток и, очутившись за городскими воротами, продолжала

продвигаться дальше. В поле на перекрестке дорог им повстречался буддийский монах в лиловой рясе и плетеных сандалиях. Он опирался на отделанный девятью кольцами посох. За плечами он нес холщовый мешок со священными сутрами. Монах крупными шагами зашагал навстречу Юэнян и поклонился.

– Куда путь держишь, женщина из рода У? – спросил он громким голосом. – Пришла отдать мне ученика?

Юэнян с испугу побелела, как полотно.

– О каком ученике вы говорите, отец наставник? – удивленная, спросила она.

– Разве не знаешь, не ведаешь?! А помнишь, что случилось десять лет назад на восточной вершине горы Тай? Преследуемая Инь Тяньси, ты нашла тогда ночлег у меня в горной пещере. Я и есть тот самый монах из Снежной пещеры, чье имя в монашестве Пуцзин. Ты пообещала мне тогда сына в ученики, а теперь не желаешь?

– Вы оставили мир суеты, отец наставник, и должны бы войти в наше положение, – вступил в разговор У Второй. – Видите, какое тяжелое время мы переживаем! Все ищут спасение в бегстве. А у нее единственный сын, которому надлежит впоследствии убирать могилы родителей. Может ли она отдать его в монахи?!

– Значит, ты не согласен? – спросил монах.

– Не будем больше вести пустые разговоры, отец наставник, – заключил У Второй. – Того и гляди чужеземцы нагрянут, а вы нас задерживаете. Время торопит, не знаешь, доживешь ли до вечера.

– Раз не отдаете, тогда пойдемте со мной в обитель, – предложил монах. – Заночуете, а утром пораньше выйдете. Поздно уж в дорогу пускаться. А войска, не беспокойтесь, сюда не дойдут.

– В какую обитель? – спросила Юэнян.

– А вон в ту, что у дороги, – указал он пальцем и повел путников.

Они оказались у монастыря Вечного блаженства. Юэнян узнала обитель, в которой ей довелось как-то побывать. На этот раз настоятель и добрая половина братии покинули монастырь. В нем оставалось лишь несколько иноков – приверженцев учения чань, которые, поджав ноги, неподвижно сидели в зале для медитаций в заднем приделе храма.

Перед Буддою горел огромный глазурный светильник. Из курильницы струился фимиам. День клонился к закату.

Только поглядите:

У развилки дорог светильник ярко горит. Аромат вьется дымкой и раздается колокола звон из храма Девяти светил^[1790]. Ясного месяца

диск висит в небесах. Редкие звезды мерцают на чистом небосклоне. В воинском полку – чу! – на расписном рожке играет горнист. На башнях часовых в клепсидах считают мерно время падающие капли. Туман окутал все кругом. Во мглу погружены веселья терема и террасы. Густою пеленой укрыты рынки и базары. У богачей в домах зашторенные плотно окна. Под пологи расшитые красавицы идут. Свой кабинет ученый покидает.

У Юэнян, а вместе с нею брат, Дайань, Сяюй и Сяогэ остались ночевать в монастырских кельях. Их узнали послушники и накормили беженцев. Наставник Пуцзин сел, поджав скрещенные ноги подошвами вверх, на лежанку в зале для медитаций и, ударяя в деревянную рыбу, творил молитвы. Юэнян с Сяогэ и Сяюй легли на кровать. Отдельно расположились дядя У и Дайань.

Сильно уставшие путники вскорости крепко заснули. Только Сяюй не брал сон. Она встала и, приоткрыв дверь кельи, вышла. Ее внимание привлек погруженный в молитву наставник Пуцзин. Пошла третья ночная стража, а он все молился.

Потянуло с запада холодным ветром, луна над самым горизонтом подернулась густою мглой. Затихли людские голоса и тишина опустилась над очагами. Померк, едва мерцал большой светильник перед изваянием Будды. От глубокого сострадания сжималось сердце наставника Пуцзина при виде чужеземного нашествия, невообразимых бедствий народа и неисчислимых жертв на полях сражений в Поднебесной. И явилось у него желание свершить великое благодеяние. В молитве, обращенной к Будде, он творил заклинания из «Канона о пресечении возмездий»,^[1791] ходатайствовал перед Досточтимым Владыкою об устроении неприкаянных душ, молился о прекращении меж людьми вековой вражды и о всех до сих пор пребывающих в преисподней, дабы пали преграды и даровано им было перерождение.

Когда монах Пуцзин сто десять раз повторил псалмы о спасении, подул со свистом зимний ветер, пробирал леденящий холод, и явились десятками внять слову наставника искалеченные и обезображенные. Шли обгоревшие с обугленными черепами, с лицами в грязи и вздыбленными волосами, с переломанными или отрубленными руками. У одних были выпущены кишки или вырваны сердца, у других —отрублены ноги или головы, третьи были закованы в колодки или выделялись рубцами от петли на шее. Двумя рядами встали они перед монахом.

– Смертные! Когда же прекратится меж вами взаимная вражда?

Когда вы перестанете мстить друг другу? – обратившись к ним, вопрошал наставник в медитации. – Так внимайте же слову моему, и пусть каждый из вас после прозрения вернется на землю в перерождении.

Псалом-гатха гласит:

Ни с ближним, ни с дальним, с нужной, без нужды, —
Я увещаю: не нужно вражды.
Однажды озлобясь, накликаешь бед,
А их не избыть и за тысячу лет.
Кто местью снедаем, кто с камнем в руке, —
Себя тот погубит, как снег в кипятке.
Кто местью снедаем, злу злом отвечает, —
Как волк, скорпиона когда-то встречает.
Охваченных злобой, ослепших сердец
Я видел не раз безотрадный конец.
Враждуя, поверьте, не снести головы.
Но вижу теперь я: в раскаянье вы.
Враждебность стихает, как пламени шум,
Прозрения свет озаряет ваш ум.
С глубокою верой во славу Учения
Молюсь я за грешных, снискать им прощенье.
Пусть больше не будет ни злобы, ни мщенья,
Да будет даровано перерождение.
Войдите же в круговращение жизни,
Вражду позабыв на полуночной тризне.

Искалеченные поклонились наставнику в знак благодарности и удалились. Подсматривавшая их Сяюй не нашла в толпе ни одного знакомого.

Немного погодя к наставнику вошел рослый мужчина – человек солидный, внушительной наружности. Он был в полном боевом облачении со стрелой, пронзившей ему сверху грудь.

– Командующий Чжоу Сю, – представился он. – Пал на поле брани с чужеземцами. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет Шэнь Шоушанем, вторым сыном Шэнь Цзина.

Не успел он договорить, как явился холеный мужчина в белых одеяниях.

– Богатый горожанин Симэнь Цин их уездного центра Цинхэ, – назвался он. – Умер от кровоистечения. Прошу вашего ходатайства,

наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет Шэнь Юэ, вторым сыном богатого горожанина Шэнь Туна.^[1792]

Сяюй узнала в нем своего хозяина, но охваченная страхом, не решилась открыть рта.

За Симэнем вошел окровавленный с отрубленной головой, которую он нес в руках.

– Чэнь Цзинци, убитый Чжан Шэном, – отрекомендовался он. – Помолитесь за меня и походатайствуйте, отец наставник, прошу вас. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет сыном в роду Вана.

Вслед за ним явилась женщина. Она тоже несла голову в руках. Вся грудь у нее была залита кровью.

– Я – урожденная Пань, жена У Чжи, младшая жена Симэнь Цина, – сказала она. – Была убита насильником У Суном. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет дочерью в роду Ли.

За нею вошел низкорослый человек со смуглым лицом.

– У Чжи, – представился он. – Отравлен женою Пань по наущению старухи Ван. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Сюйчжоу, чтобы в перерождении явиться на свет сыном деревенского жителя Фаня.

После него вошла еще одна женщина, с желтым лицом и впалыми щеками. Она истекала кровью.

– Я – урожденная Ли, жена Хуа Цзысюя, младшая жена Симэнь Цина, – представилась она. – Умерла от обильного истечения кровей. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет дочерью квартального Юаня.

Потом появился мужчина.

– Хуа Цзысюй, – сказал он. – Был доведен до смерти женою. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет сыном тысяцкого Чжэна.

Вошла женщина, шея у которой была затянута ножными бинтами.

– Я – урожденная Сун, жена слуги Лайвана из дома Симэнь Цина, – заявила она. – Покончила с собой, повесившись. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет дочерью в роду Чжу.

Вслед за ней появилась другая женщина – бледная и похудевшая.

– Пан Чуньмэй, жена командующего Чжоу, – представилась она. – Умерла от истощения плотскими уладами. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет дочерью семейства Кун.

Вошел раздетый волосатый мужчина, весь исполосованный до крови.

– Чжан Шэн, – сказал он. – Запорот до смерти. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в Восточную столицу, чтобы в перерождении явиться на свет сыном бедняка Гао с улицы Великого процветания.

За ним последовала женщина с веревкой на шее.

– Сунь Сюэ, младшая жена Симэнь Цина, – назвалась она. – Повесилась. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в предместье Восточной столицы, чтобы в перерождении явиться на свет дочерью бедняка Яо.

Потом явилась тоже женщина, еще совсем молодая. Шея у нее была обмотана ножными бинтами.

– Симэнь Старшая, дочь Симэнь Цина, жена Чэнь Цзинци, – представилась она. – Повесилась. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в предместье Восточной столицы, чтобы в перерождении явиться на свет дочерью сыщика Чжун Гуя.

Вошел малый.

– Чжоу И, – сказал он. – Запорот. Прошу вашего ходатайства, наставник. Направляюсь в предместье Восточной столицы, чтобы в перерождении явиться на свет Гао Лючжу, сыном Гао.

Проговорил он и тотчас же исчез.

Сяоюй со страху дрожала всем телом. «Значит, монах разговаривал с душами умерших?» – прошептала она и поспешила к постели, чтобы поведать о виденном хозяйке, но та крепко спала.

Однако Юэнян не уклонилась от задуманного. Вместе с братом и остальными домашними, имея при себе сотню заморских жемчужин и осыпанный драгоценными камнями браслет, она продолжала держать путь в Цзинань, где намеревалась пережить тревожное время у свата Юнь Лишоу и женить сына Сяогэ. В дороге беженцы страдали от голода и жажды. Останавливались на ночь, а с зарею снова пускались в путь.

В Цзинани им повстречался старик.

– Где будет дом советника Юня? – спросили они.

– А вон там, – Старец указал пальцем. – Две с чем-нибудь ли отсюда будет крепость Линби. Она построена на берегу реки, а с

другой стороны ее прикрывают горы. Там для защиты города стоит наготове тысяча пеших и конных воинов, а комендантом ее и служит войсковой советник Юнь.

Когда путники достигли крепости и представились, их впустили в ворота. Узнав о прибытии У Юэнян с намерением женить сына, советник Юнь Лишоу принял гостей как родных. Хозяин и приехавшие обменялись положенными приветствиями.

Юнь Лишоу, надобно сказать, не так давно похоронил жену и потому попросил сходить за соседкой Ван, чтобы та составила Юэнян компанию. Женщин угощали в дальней зале. Пиршественный стол ломился от яств. У Второго с Дайанем принимали отдельно.

После разговора о тяготах военного времени Юэнян завела речь о женитьбе детей и поднесла Юнь Лишоу в качестве чайного подарка сотню жемчужин и драгоценный браслет. Хозяин подарки принял, но насчет женитьбы упорно молчал. Вечером он велел соседке Ван остаться на ночь, чтобы не было скучно госте. Соседка постаралась разговаривать Юэнян, желая выведать ее планы и намерения.

– Хотя Юнь Лишоу – лицо военное, но человек он образованный и благородный, – говорила Ван. – После помолвки ваших детей он никогда не забывал вас, сударыня. А тут у него внезапно скончалась супруга и живет он один-одинешенек. Конечно, служить в глухой горной крепости не ахти как интересно, но зато на боевом коне он командует войском, а, спешившись, правит здешним населением. Судьбы окрестного люда в своих руках держит. Если вы его не отвергаете, сударыня, он с удовольствием разделит бы с вами радости супружеской жизни. Вы бы одним выстрелом двух зайцев убили! И сынок ваш породнился бы с ними, как заключили когда-то союз царства Цинь и Цзинь.^[1793] А с наступлением мирных дней успел бы и домой воротиться.

Пораженная ее речами, Юэнян побелела, как полотно, и была не в состоянии вымолвить слово. Соседка Ван доложила о своем разговоре хозяину.

На другой день вечером Юнь Лишоу опять устроил в дальней зале пир и пригласил на него Юэнян. Она охотно откликнулась на приглашение, так как думала, что разговор пойдет о женитьбе детей. Но когда она села за стол, хозяин обратился к ней с такими словами:

– Не глядите, что вы в горной крепости, сестрица. В моем подчинении, да будет вам известно, находится целое войско. Золота, серебра и всяких драгоценностей у меня предостаточно. В одежде я тоже не нуждаюсь, и состояние у меня имеется. Нет вот только в доме

хозяйки. Давно вы у меня из головы не выходите, сударыня. Желал вас, как жаждет путник глотка воды, как в жару мечтают о прохладе. И вдруг вы сами являетесь ко мне, чтобы женить детей. Кажется, Небо ниспослало мне такое счастье. Давайте же одним выстрелом убьем двух зайцев! Станем и мы с вами мужем и женой. Весело жить будем. И что нам может помешать!

Гнев охватил Юэнян от таких слов Юнь Лишоу.

– Никогда я не думала, Юнь Лишоу, что у тебя за приятной наружностью скрывается звериное нутро! – воскликнула она. – Ведь мой покойный муж никогда с тобой дурно не обходился. Как же ты позволяешь себе грубить со мной, по-скотски!

Юнь Лишоу захихикал и, подойдя к Юэнян, обнял ее.

– Сударыня! – умоляющим голосом заговорил он. – Жили бы там у себя, к чему вам понадобилось приезжать сюда! Как исстари ведется: кто с товаром входит в дом, у того и торговля бьет ключом. Не знаю, что со мной. Только увидал я вас, и отняли вы у меня и душу и сердце. Сам не свой. Нечего тянуть, давайте свадьбу играть.

Он принес вина и хотел выпить с Юэнян.

– Пойди позови брата, – велела Юэнян. – Мне надо с ним переговорить.

– Какого брата! – Лишоу засмеялся. – Я их обоих с Дайанем прикончил. – И он крикнул подручных. – Покажите сударыне.

Те в одно мгновение поднесли к зажженному светильнику окровавленные головы У Второго и Дайяня. Юэнян побелела от ужаса и без памяти упала на пол. Ее поднял подбежавший Юнь Лишоу.

– Не бойтесь, сударыня! – успокаивал он ее. – Вашего брата больше нет в живых. А вы станете моей женой. Я – военачальник, вашу честь не запятнаю.

«Разбойник загубил брата и слугу, – размышляла Юэнян. – Он, чего доброго, и меня прикончит, если противиться буду». И Юэнян с деланной улыбкой сказала:

– Я согласна стать вашей женой, но с условием.

– Каким? – спросил он. – Говори!

– Давай сперва соединим узами брака наших детей, а потом свою свадьбу сыграем.

– Согласен! – воскликнул Лишоу и велел позвать барышню Юнь и Сяогэ.

Их поставили рядом и велели выпить свадебный кубок вина. Так соединив свои сердца узами брака, они стали мужем и женой. После этого Юнь Лишоу схватил Юэнян и потащил было на постель, но

Юэнян решительно воспротивилась его грубым домогательствам.

– Ах ты, негодница! – заорал он, выйдя из себя. – Меня обманывать, да? Думаешь, если твой сын женат на моей дочери, так я не решусь с ним разделаться, а?

Он достал меч и, подлетев к Сяогэ, одним взмахом отсек ему голову. На несколько шагов вокруг брызнула кровь.

Да.

Лишь над головою блеснул острый меч,
Как вырвалась кровь из груди, будто смерч.

Увидев обезглавленный труп сына Сяогэ, Юэнян всплеснула руками, пронзительно закричала... и проснулась. На счастье, то был только сон. После пережитого кошмара вся она покрылась потом.

– Вот странно, вот странно! – повторяла она.

– Отчего вы плачете, матушка, что с вами? – спрашивала разбуженная ее криком лежавшая рядом с ней Сяоюй.

– Мне приснился дурной страшный сон, – проговорила Юэнян и рассказала его служанке.

– А мне, матушка, что-то не спалось, – поведала в свою очередь Сяоюй. – Приоткрыла я потихоньку дверь и подсмотрела монаха. Он же, оказывается, целую ночь с душами умерших разговаривал. Приходили к нему покойный батюшка, матушка Пятая, матушка Шестая, зять Чэнь, начальник Чжоу, Сунь Сюэ, жена Лайвана и госпожа Симэнь. Сама только что видала. Поговорил с ними монах, и они исчезли.

– Ведь многие из них тут рядом, за монастырем, похоронены, – пояснила Юэнян. – Как им не приходить! Это все больше казенные да самоубийцы. Только наступит ночь, и улягутся люди, так они из могил и выходят.

На этом их разговор и кончился.

Пробили последнюю ночную стражу. Запели петухи. У Юэнян умылась и причесалась, а потом проследовала в залу для медитации, где она сотворила молитву и воскурила благовония перед изваянием Будды.

– Урожденная У! – громко позвал ее монах Пуцзин, остававшийся в медитационной позе. – Ну как? Озарило тебя нынче прозрение?

Юэнян опустилась на колени и отвесила наставнику земной поклон.

– Досточтимый наставник! – обратилась она к монаху. – Разве могла я, ваша ученица из рода У, простая смертная, увидеть в вас, отец

наставник, досточтимого будду!?! Сон этой ночи дал мне прозрение.

– Тогда не ходи туда, куда путь держала, – сказал монах. – Ибо там ждет тебя то, что видала. Ни один из вас пятерых не уцелеет в живых. А сыну твоему на роду написано было встретиться со мной. Потому что семена добра посеяла ты в дни жизни прошедшие. Не посеешь ты их, тебе грозило бы неминуемое расставание с сыном своим. Твой покойный супруг Симэнь Цин творил зло, отвергал добро. В это дитя воплотился он и в перерождении явился на свет у тебя. Он развеял бы в прах состояние твое и уничтожил дело твое, а умер бы обезглавленный, но я пришел спасти его. Я беру его себе в ученики. Как говорится, уйдет в монахи один, а девять предков вознесутся на небо. Тогда и грехи твоего мужа будут ему отпущены. Если ты сомневаешься, иди за мной. Я тебе сейчас покажу.

Пуцзин быстрыми шагами направился в келью, где все еще спал Сяогэ. Монах слегка коснулся своим посохом головы Сяогэ, тот повернулся, и Юэнян увидела лежащего в постели Симэнь Цина. Шея у него была закована в тяжелую колодку, а тело опутано цепями. Монах опять коснулся спящего своим посохом, и перед Юэнян снова лежал Сяогэ. Юэнян громко зарыдала. Стало быть, Сяогэ и есть Симэнь Цин в перерождении, поняла она.

Через некоторое время Сяогэ пробудился. К нему подошла мать.

– Ты последуешь за отцом наставником и станешь монахом, – сказала она сыну.

Перед изображением Будды монах Пуцзин совершил над Сяогэ обряд пострижения. Сяогэ принес монашеский обет и получил о себе пророчество. Бедная Юэнян обняла сына и опять разрыдалась. Тяжело ей было смириться с уходом Сяогэ. Ведь отнимали у нее родного сына, которого она растила и лелеяла до пятнадцати лет. Рушились ее надежды – она теряла наследника и продолжателя рода. Дядя У Второй, Сяюй и Дайань были тоже не в силах подавить овладевшую ими скорбь.

Так монах Пуцзин взял к себе Сяогэ и дал ему монашеское имя Минъу, то есть Просветленный. Перед уходом Пуцзин наказывал Юэнян:

– А вам советую вернуться домой. Ведь не пройдет и десяти дней, как отступит чужеземное войско, разделится страна на Север и на Юг и Срединная равнина вновь обретет императора. Утихнет брань, и воцарится мир. Так что возвращайтесь домой и живите спокойно.

– В который же год и день дано будет вновь свидеться матери с сыном после обращения его в монахи? – спросила Юэнян.

Она еще раз обняла сына и громко зарыдала.

– Не оплакивай сына, женщина! – проговорил монах. – Гляди! Вон явился вам другой почтенный инок.

Юэнян и ее спутники повернули головы, а монах Пуцзин тем временем обратился в порыв ветра, и взяв с собою ученика, исчез.

Да,

Так, смертных трижды посетив,

вознесся он мгновенно,

Незримый на Восточный пик

горы Тайшань священной.

Однако оставим Пуцзина и обращенного им в монахи Сяогэ.

Расскажем про У Юэнян, ее брата У Второго и остальных беженцев. Не прожили они в монастыре Вечного блаженства и десяти дней, как чжурчжэньское царство Цзинь и в самом деле возвестило о воцарении в Восточной столице Чжан Банчана, которого величало императором. Были также объявлены имена тех, кто назначался на высшие гражданские и военные посты в стране. Пленных императоров Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна отправили на север.

Князь Кан, оседлав статую коня, переправился через реку Янцзы.^[23] и взошел на престол в Цзянькане^[24] Его провозгласили императором Гао-цзуну. Цзун Цзэ был пожалован пост верховного главнокомандующего.

Пришло освобождение и на земли Шаньдуна и Хэбэя. В Поднебесной воцарился мир, и народ вернулся к повседневному мирному труду. Воротилась и У Юэнян со своими спутниками. Когда они отперли ворота и двери дома, то все – имущество, вещи и утварь – оказались на своем месте.

Впоследствии наследником Симэнь Цина стал Дайань. Юэнян дала ему имя Симэнь Ань, а в народе его величали господин Симэнь Младший. Он и ухаживал за хозяйкой в старости. В семьдесят лет У Юэнян тихо скончалась. Таково было воздаяние за ее добрые дела и молитвы.

Тому свидетельством стихи:

Книга эта может принести
разочарованье, отрезвление.
Стало непреложным, как закон,
вечное людей коловращенье.
Необуздан был Симэнь в страстях —
не продлил он собственного рода.
И Цзинцзи беспутный сам себя
к гибели привел в молодые годы.
Юэнян, Юйлоу много лет
праведно на свете жили.
А судьба Пиньэр или Чуньмэй? —
Рано их излишества сгубили.
Злою карой взыскана Цзиньянь,
что жила несправедно, лукаво.
Странно ль, что из уст в уста идет
много лет о ней дурная слава.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке](#)
[Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Это «Предисловие к “Цзинь Пин Мэй цыхуа”» предпослано только к обнаруженному в 1932 г. наиболее раннему, признаваемому ныне первоначальным, тексту романа, который и положен в основу данного перевода.

2

Под семью страстями подразумеваются: радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и сладострастие.

3

То есть касается женских покоев и интимных сторон жизни.

4

Лирическая песня, открывающая «Книгу песен» («Ши цзин»).

5

Цитата из «Изречений» Конфуция (гл. III), говорящая об отношении Конфуция не только к данной песне, но и другим лирическим песням «Ши цзина».

6

Певцами скорби образно называют в Китае поэтов. Метафора связана с первым поэтом Цюй Юанем, автором поэмы «Скорьбь изгнанника».

7

Авторство сборника «Новые рассказы под оправленной лампой» («Цзянь дэн синь хуа») долгое время оставалось спорным. Теперь установлено, что его автором был Цюй Ю (1341–1427).

8

Сборник Чжао Би (XV в.) «Убогое подражание» («Сяо пинь цзи») представляет собою подражание стилю Цюй Ю. Состоит из новелл, сюжеты которых заимствованы у народных рассказчиков.

9

В критике XV–XVI вв. автором-составителем героической эпопеи «Речные заводи» называется обычно Ло Гуаньчжун.

10

втор сборника «О любви» («Чжун цин ли цзи») Цю Цзюнь умер в 1495 г.

11

Сборники «Думы о любви» («Хуай чунь я цзи») и «Чистые беседы при свечах» («Бин чжу цин тань») созданы в XV в.

12

«Повесть о Жуи» («Жуи цзюнь чжуань») и «Юйху» (полное название: «О том, как Чжан Юйху по недоразумению остался на ночлег в женском даосском монастыре» («Чжан Юйху у су нюй чжэн гуань цзи»)) – произведения XVI в.

13

Яо и Шунь – прославленные правители легендарного «золотого» века в конфуцианской традиции.

14

Данное «Предисловие», подписанное неким Весельчаком (нераскрытый псевдоним), не датировано. Из него стало известно, что автором романа был некий Насмешник из Ланьлина (тоже до сих пор нераскрытый анонимный автор). Существует предположение, что Насмешник и Весельчак – одно и то же лицо.

15

То есть в правление под девизом Цзя-цзин (1522–1566).

16

«Первоучитель» Конфуций, которому приписывается традицией составление «Книги песен» называл любовные песни царства Чжэн «ненавистными», позднее такое отношение было перенесено и на песни царства Вэй. Однако и те и другие не были изъяты из канонизированного свода, что служило постоянным аргументом прогрессивно мыслящих писателей и издателей в защите от нападок властей на произведения демократического направления, в частности, отстаивающих право человека на личное счастье.

Двадцатиштриховый (Нянь гун) – один из псевдонимов Юань Хундао (1568–1610), передового поэта, эссеиста и мыслителя, активного защитника романа. «Послесловие» не датировано.

18

Данное «Предисловие» также предпослано самому раннему из известных списков романа. Но оно обнаруживается и в ряде более поздних переработанных изданий.

19

Юань Шигун – Юань Хундао. Здесь речь идет, по-видимому, о высокой оценке «Цзинь, Пин, Мэй», высказанной Юанем в полемических заметках «Правила для бражников» (1607 г.), а также в вышеприведенном «Послесловии».

20

Будучи драматургом, автор этого предисловия намеренно прибегает к театральной терминологии (амплуа – «разрисованное лицо» – цзин, чаще отрицательный персонаж, комик-чоу и пр.), но тут же подчеркивает, что герои романа – не театральные маски, а живые люди.

21

Речь идет о гегемоне Сян Юе, впоследствии покончившим с собой на берегу Уцзяна. Представление, по-видимому, было посвящено ночному пиру гегемона с любимой красавицей Юй.

Играющий жемчужиной из Восточного У, как предполагают некоторые исследователи, это Фэн Мэнлун – известный прозаик и драматург, много сделавший для распространения и создания демократической литературы в конце XVI – первой половине XVII в. Указанный по китайскому летосчислению год – 1617.

23

Романс — имеется в виду поэтический жанр цы, связанный с музыкой. Стихи в жанре цы должны были соответствовать определенному мотиву, который имел свое название (напр. «Перепелка» и пр.).

24

Острова Бессмертных (в китайском тексте: Инчжоу – название острова и горы) – одно из мест обетования бессмертных (иначе зовется Область Душ), как Пэнлай, Фанчжан. По легендам, здесь находилась пучина, в которой жила гигантская рогатая рыба и птица, схожая с фениксом, которая во время пения роняла из клюва жемчужины.

25

Уский (от названия местности У в древнем Китае) крюк – название изогнутого, словно серп, меча.

26

Лю Бан (Лю Цзи, 256/247-195 до н. э.) – основатель династии Хань (206 до н. э. 220 н. э.), вступивший на трон под именем Гао-цзу (Высокий предок).

Сян Юй (Сян Цзи, 232–202 до н. э.) – один из военачальников, сокрушивших династию Цинь (246–207 до н. э.), боровшийся затем за власть и с Лю Баном, провозгласив себя гегемоном западной части царства Чу.

В конце III в. до н. э. в Китае, объединенном под эгидой династии Цинь (246–207 гг. до н. э.), всю фактическую власть захватил жестокий евнух Чжао Гао.

На юге страны против тирана выступил Сян Юй, бывший чиновник из царства Чу, в Шаньдуне собрал войска и пошел походом против всесильного временщика Лю Бан. Лю Бан захватил циньскую столицу, но ее отбил у него Сян Юй, и после этого борьба шла уже между двумя военачальниками. В конце концов Лю Бану удалось разбить войско Сян Юя, и тот вместе со своей возлюбленной Юй Цзи бежал к реке Уцзян и там покончил с собой. История взаимоотношений Лю Бана, провозгласившего себя основателем династии Хань, и его любимой наложницы Ци описана далее в тексте самого романа. Лю Бан обезглавил Белую змею. По преданию, эта змея была сыном божественного Белого императора, которому поклонялись государи династии Цинь. Убив ее, Лю Бан тем самым положил конец правлению этой династии.

29

Династия Цзинь правила с 265 по 425 г.

Речь идет о Ван Жуне (234–305) – знаменитом поэте и мыслителе, входившем в содружество «Семь мудрецов из Бамбуковой рощи». В сборнике Лю Ицина «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» (V в.) приводится такая история: «У Ван Жуна умер сын по имени Ваныцзы. Шань Цзянь (сын другого из Семи мудрецов, Шань Тао) пришел утешить его. Ван Жун, казалось, был не в силах справиться со своим горем. Цзянь сказал: “Как можно так убиваться из-за грудного младенца!” Ван Жун ответил: “Совершенномудрые забывали о чувствах, а глупцы вовсе чувствовать не могут. Я сам – средоточие чувства”. Шань Цзянь был покорен его словами и еще более растрогался.»

Названия легендарного оружия (мечей). Мое и Гань-цзян представляют собой символическую инь-янскую пару мечей и упоминаются в даосских текстах начиная с «Чжуан-цзы». Гань Цзян – имя легендарного мастера, жившего в древнем царстве У и изготовлявшего мечи по заказу правителя Хэ-люя (правил: 514–495 гг до н. э.). Мое – название, производное от имени его жены Мое, которая ради успешного исполнения этого заказа была готова принести себя в жертву богу огня, кинувшись в плавильную печь. История этих персонажей описана в главе «Официальная биография Хэ-люя» «Летописи

У и Юэ» («У Юэ чунь-цю») ханьского историка Чжао Е (?-83). Тайэ – один из самых знаменитых легендарных мечей (своего рода меч-кладенец). Это название встречается во многих литературных памятниках. По преданиям, его выковали в эпоху Чуньцю (Весен и Осеней, VIII–V вв. до н. э.) плавильщик Оу (Оу-ецзы) и кузнец Гань Цзян.

Шихуан, или Цинь Шихуан (правил с 246 по 210 г. до н. э.), известен в истории Китая как жестокий тиран, объединивший разрозненные древние царства в единую империю, которая, однако, просуществовала всего около сорока лет.

33

Имеются в виду пять горных хребтов: Даюйлин, Цитяньлин и Дупанлин, Мэнчжулин и Чэньюэлин – на границах современных провинций Хунань, Цзянсу и Гуандун.

Имеется в виду Великая китайская стена, которая была возведена при Цинь Шихуане, когда стены, окружавшие отдельные древние царства, были соединены на севере в единую стену с целью защитить китайские земли от набегов кочевников сюнну (гуннов).

Как предполагают японские комментаторы, автор романа здесь, видимо, не совсем точен. Речь идет о событиях двадцать восьмого года правления Шихуана, когда он послал в море экспедицию для поисков мифических островов, будто бы населенных бессмертными. Думается, однако, что скорее всего здесь заключен намек на один из вариантов народной легенды о верной жене Мэн Цзянньюй (подробнее о ней см. примеч. к гл. XV), которая предпочла броситься в море, чтобы не достаться императору Цинь Шихуану. Разгневанный государь приказал передвинуть горы и засыпать море, чтобы отыскать утопленницу. Море стало мелеть, и тогда дочь царя драконов, владыки моря, приняла облик Мэн Цзянньюй и предстала перед Цинь Шихуаном.

Дворец Эфан (или Эпан) – гигантское сооружение длиной чуть ли не в километр, только в верхних залах которого могло будто бы поместиться десять тысяч человек.

Цинь Шихуан еще в бытность свою просто Циньским князем завоевал шесть царств: Чу, Янь, Ци, Чжао, Хань и Вэй, – объединив страну под своим началом.

Цинь Шихуан, как сообщают летописцы, повелел сжечь в 213 г. до н. э. все конфуцианские сочинения, так как они использовались для пропаганды идеи возврата к древним формам гуманного правления.

Поднебесной в древние времена китайцы называли свое государство. Под ее разделом имеются в виду временные разделения, происшедшие в период борьбы за власть в стране между Сян Юем и Лю Баном.

40

Хунгоу – буквально «Громадная канава», название пограничной реки между царствами Хань и Чу.

Фань Цзэн (275–204 гг. до н. э.) – один из военначальников Сян Юя, прославившийся своим умением составлять хитроумные планы. В романе сказано, якобы он разбил Лю Бана в семьдесят второй в его жизни схватке, что, вероятно, является трансформацией того факта, что когда Сян Юй сделал Фань Цзэна военначальником, тому было уже около 70 лет, а прежде он и вовсе не состоял на службе, о чем говорится в гл.7 «Основные записи о деяниях Сян Юя» «Исторических записок» Сыма Цяня.

Хань Синь – имя полководца, одного из участников междоусобной борьбы в конце эпохи Цинь и в начале эпохи Хань.

43

Имеется в виду поэт IX в. Ху Цзэн, написавший целую серию стихов на исторические темы.

Начальник подворья – по-китайски «начальник тина». В древности административная единица тин входила в состав сян – волости (десять тинов составлял одну сян). В свою очередь один тин состоял из десяти ли – деревень.

Сы-шан – буквально: «кверху от Сы» – название реки Сы-шуй и уезда в провинции Шаньдун, где частично происходили события романа.

Чи – мера длины около 30 см.

Императрица Люй (Люй-хоу), жена Лю Бана, после смерти которого правила страной около восьми лет. Оставила след в истории как жестокая и коварная правительница, инициатор разных дворцовых интриг.

48

Чжан Лян (ум. в 189 г. до н. э.) – знаменитый политический деятель, один из главных помощников и советников Лю Бана.

49

В древности наследным принцам давали поместные уделы (в данном случае Чжао). Имя княжича Жуи буквально: «Желанный».

В «Исторических записках» Сыма Цяня (II—I в. до н. э.) говорится, что из любимой наложницы государя сделали «человека-свинью»: ей отрубили руки и ноги, выкололи глаза, проткнули уши, дали выпить снадобья, вызвавшего немоту, и поместили жить в отхожее место.

Желтый источник – обитель мертвых, загробный мир.

Уезд Цинхэ находился в провинции Хэбэй и частично в Шаньдун.

Вершина Хуа – то есть гора Хуашань в нынешней провинции Шэньси, одна из пяти священных вершин древнего Китая.

Хуэй-цзун – император династии Сун, правивший с 1100 по 1125 г., в 1111 г. провозгласил в качестве девиза своего правления эру Чжэнхэ – эру Мира и Порядка. В 1118 г. он вновь сменил свой девиз.

Фавориты Гао Цю... – крупные сановники двора Гао Цю, Тун Гуань и другие исторические личности, оставившие недобрую память в китайской истории. Прославились как политические интриганы и предатели национальных интересов («группа злодеев» или «шесть разбойников», как их величали). В знаменитой средневековой эпопее «Речные заводи» они фигурируют как основные оппоненты героям-повстанцам типа Сун Цзяна.

Речь идет о предводителях повстанцев: Сун Цзяне, Ван Цине, Тянь Ху и Фан Ла, которых в старом Китае в истории и литературе обычно именовали просто разбойниками. Все эти главари повстанцев описываются в эпосе Ши Найяня «Речные заводи» (XIV в.)

Сун Цзян – главный герой эпопеи «Речные Заводы». Он боролся с царедворцами типа Гао Цю, стараясь защитить честь трона и страны, а поэтому «не расходился с велением Неба», хотя традиционно характеризовался как разбойник в официальной историографии.

В тексте У Чжи зовется Даланом, то есть Старшим. Его брат У Сун был У Вторым.

Хэнхайский округ Цанчжоу – в эпоху Сун хэнхайская волость (или округ) и Цанчжоу (пров. Хэбэй) были названиями равнозначными.

Правитель Мэнчана – могущественный князь древности (III в. до н. э.) и прославленный хлебосол, при дворе которого, называемом Малой Поднебесной, всегда кормилось несколько тысяч гостей.

61

Чай Ши-цзун, император Чжоуской династии – имеется в виду император династии Поздняя Чжоу (951–960 гг.) Чай Ши-цзуна (правил 955–959 гг.)

Ли – мера длины около полукилометра.

63

Лян – мера веса около 30 г. В старом Китае, кроме мелких медных монет, в ходу было серебро в слитках. Мерой веса серебра служил лян. Слитки серебра поэтому взвешивались, а когда нужно было, и разрубались на части.

Китайцы делили сутки на двенадцать двухчасовых страж, отсчет которых начинался с 23 часов. Соответственно время с шестой по восьмую стражу – это период от 9 до 15 часов.

65

Согласно китайскому лунно-солнечному календарю, начало года приходится на январь-февраль, начало десятой луны приходится на октябрь-ноябрь, конец – на ноябрь-декабрь.

По древним китайским представлениям считалось, что тигр, как зверь, ассоциирующийся с Западом, повелевает ветрами, а дракон – символ Востока и хозяин водной стихии – насыляет тучи и дождь.

Бянь Чжуан – знаменитый силач древности (VIII–V вв. до н. э.), победивший в схватке сразу двух тигров.

Храбрец Ли Цуньсяо (X в.) прославился тем, что убил тигра, похищавшего овец. Когда об этом узнал отец будущего императора династии Поздняя Тан, он взял его к себе в качестве приемного сына. История Ли Цуньсяо описана в драме XIII–XIV вв. «Цуньсяо убивает тигра у заставы Яньмэньгуань».

По представлениям китайцев, съев сердце крокодила, печень барса и львиные лапы, человек мог сам стать храбрым и сильным, поскольку, например, печень (и особенно желчный пузырь) считались вместилищем храбрости.

70

Золотая лилия (точнее, золотой лотос) – общепринятый поэтический образ маленьких бинтованных ножек.

Полководец Ван — в китайском тексте должность называется чжаосюань, буквально: «призванный возвестить» — высокий военный чин во времена династии Сун — генерал.

Здесь и далее говорится о двух музыкальных инструментах: пипа и чжэн. Первый на русский язык часто переводится как лютня. Чжэн – щипковый инструмент, который кладут перед собой, с тринадцатью-четырнадцатью струнами, переводится на русский язык обычно как цитра.

В Китае раньше было широко распространено представление, связанное с буддизмом, о том, что после смерти душа человека переселяется либо в другого человека, либо в какое-либо животное; чем больше человек совершил грехов, тем хуже его участь в следующем перерождении.

В Китае было принято сочинять слова на уже известные мелодии, существовал даже особый поэтический жанр – цы, все произведения которого представляли собой стихи, созданные на заранее данные мелодии. «Овечка на горном склоне» – мелодия постоянно встречающаяся в старинных драмах, на нее поются различные арии.

Цзинь — китайский фунт, считается равным десяти лянам (см. примеч.). Как и другие меры длины и веса, не был одинаковым в разные периоды, в настоящее время составляет 500 г.

Впустую прожито – образец этикетного языка, ответ на вопрос о возрасте дается в оттенком уничижения, так, например, человек о своей фамилии говорил: «моя ничтожная фамилия» и т. д.

Согласно традиционному этикету расположение людей за столом было строго регламентировано. На центральное место («верхнее место» или «верхняя циновка») усаживали почетного гостя, лицо которого было обращено на восток (поэтому есть выражение «западный гость», то есть «сидящий на западе»). Напротив него (у дверей) сидел хозяин (поэтому образное название хозяина – «восток дома» – «фандун»). Сбоку усаживались менее значительные люди. Домочадцы часто сидели за отдельным столом («снизу»). Так, в главе 24 зять Чэнь сидит за отдельным столиком с восточной стороны – самое незначительное место.

В старину китайцы-простолюдины повязывали голову длинным куском ткани, чтобы защитить ее от палящего солнца, либо, скрутив кусок материи в жгут, обматывали голову так, чтобы пот не стекал в глаза, а темя обдувал ветер.

С древних времен облака и дождь были у китайцев символом любовного свидания. Это связано с легендой о князе Сян-ване, которому во сне явилась фея горы Шаманов (Ушань) и поделила с ним ложе. Уходя, фея сказала князю: «Я рано бываю утренней тучкой, а вечером поздно иду я дождем».

Снег – символ влаги, а значит и доброго урожая, поэтому он часто назывался «счастливым знаком» (сянжуй).

81

Ван Цзыю, или Ван Хуэйчжи (IV в.) – сын знаменитого каллиграфа и художника Ван Сичжи. Однажды снежной ночью Ван Цзыю на лодке отправился в гости к знаменитому художнику и скульптору Дай Кую, но, подъехав к самым воротам его, вдруг повернул обратно. Когда люди спросили, почему он так поступил, Ван Цзыю ответил: «Было настроение, и я поехал, не стало его, и я вернулся».

Люй Мэнчжэн (946-1011), согласно тексту официального жизнеописания, в юности вместе со своей матерью, которую невзлюбил отец, был изгнан из родного дома и ютился в заброшенной пещере. Впоследствии Люй Мэнчжэн сдал экзамены в столице и получил высокий пост. Судьба его, хотя и несколько по-другому, описана в пьесе великого драматурга XIV в. Ван Шифу «Люй Мэнчжэн в пургу ночует в разрушенной пещере».

В Китае тяжести обычно переносились в коробах или корзинах, которые подвешивались к изогнутому шесту-коромыслу.

60 В переводе конец главы дается, как «Приходите в другой раз». Более точно сказовая формула переводится: «А вот теперь послушайте разъяснения в следующей главе» или «О том, что же произошло в дальнейшем, послушайте в следующей главе» (или «в следующий раз»).

Лунный дед, или Подлунный старец – божество бракосочетания в китайской народной мифологии. Считалось, что он связывает жениха и невесту красной нитью.

Восточной столицей (Дунцзин) в эпоху Сун именовался город Бяньлян, нынешний Кайфэн.

В годы Мира и Порядка, описываемые в романе, командующий дворцовой гвардией – самый высокий военный пост в государстве.

Студент Чжан – герой знаменитой пьесы Ван Шифу «Западный флигель», прославившийся своей приятной наружностью.

Пань Ань (или Пань Юэ) – знаменитый китайский поэт III в., прославившийся своей удивительной красотой. По преданию, когда он шел по улице, девушки бросали в него фрукты, желая обратить на себя внимание.

В китайском тексте здесь и далее используется слово «фэнлю» – «ветротекучий» («ветер-поток») – образ свободного в своем поведении, порой легкомысленного и блудливого человека. «Фэнлю» – своего рода представители старой богемы.

91

Двойная шестерка — игра, при которой, бросая кости, двигают фигуры на доске.

Иероглифические загадки – загадки, отгадкой в которых является один иероглиф, состоящий из нескольких значимых отдельно элементов.

Левый гарнизон – в старом Китае понятия «левый» и «правый» часто использовались для указания должности (например, «правый министр», «левый гарнизон» и т. д.)

Певичек звали Ли Цзяоэр, что буквально значит «Прелестница» и Чжо Дюэр, буквально «Потерянная».

«Ветер и луна» – образ вольготной жизни, полной утех и увеселений, обычно в кругу певичек-гетер.

Великий князь тьмы Яньло (Яма) – владыка загробного мира в китайской народной мифологии, образ которого был заимствован из буддизма.

Полководец Пяти дорог – божество, управляющее жизнью и смертью в даосской мифологии. Согласно древним верованиям, он считался военачальником при божестве Восточной Горы Дунъюэ, ведавшим людскими судьбами. Поэтому в литературе он нередко ассоциируется с Владыкой ада Янь-ваном (Яньло). Легенды также говорят, что это был бог-покровитель разбойного люда. Пять Путей – это пути святости, отваги, справедливости, мудрости и человеколюбия.

Хуайский гость – торговец, приехавший с реки Хуай.

Здесь игра слов, основанная на созвучии слова «слива» – «мэй» слову «сваха» – «мэй» и близости звучания слова «суань» – «кислый» слову «цуань» – «завлекать», «соблазнять».

В Китае счет годам велся по двенадцатилетнему животному циклу. Год свиньи – последний год такого цикла. Знать, под знаком какого животного родился человек, обычно важно для гадания о вступлении в брак и т. п.

Суп брачного согласия полагалось есть во время брачной церемонии в честь божества согласия и единения Хэ-Хэ.

Лу Цзя и Суй Хэ (III–II вв. до н. э.) – знаменитые острословы, обладавшие блестящими дипломатическими способностями, соратники ханьского правителя Лю Бана в его борьбе за центральную власть в Поднебесной, славные своими успешными переговорами с правителями других царств и их военачальниками о добровольном подчинении дому Хань. В частности, Суй Хэ привел на поклон к Лю Бану Хуайнаньского правителя Ин Бу, а Лу Цзя – правителя Южного Юэ. Кроме того Лу Цзя, будучи политическим мыслителем, историком и литератором, с конфуцианских позиций утверждал закономерность неминуемого падения Цинь и воцарения Хань. Ему принадлежат сочинения «Новые речения» («Синь юй») и «Летопись

Чу и Хань» («Чу Хань чунь-цю»). Биография Лу Цзя приводится в гл.097 «Жизнеописание Ли Шици, Лу Цзя и Сун Цзяня» «Исторических записок» Сыма Цяня и в гл.043 «Жизнеописание Ли Шици, Лу Цзя, Чжу Цзяня, Лоу Цзина и Шу Суньтуна» «Истории Хань» Бань Гу.

Имеются в виду шесть древнекитайских царств, которые постоянно находились в сложных отношениях друг с другом, что и дало возможность правителю царства Цинь завоевать их и провозгласить себя Шихуаном – «Первым государем».

Речь идет о трех областях, на которые в конце III – начале II в. до н. э. было разделено бывшее царство Ци на территории полуострова Шаньдун.

Яшмовый владыка, или Нефритовый государь – Юй-ди – верховное божество даосского пантеона, ставшее объектом общегосударственного культа.

Богиня Сиванму – Хозяйка Запада в даосской мифологии.

Архат – буддийский святой, освободившийся от бесконечной цепи перерождений.

Имеется в виду Небесный царь Ли (Ли-тяньван) – первый министр небес, хранитель небесных врат в китайской народной мифологии.

Мать демонов – буддийское божество, первоначально богиня зла, породившая пятьсот бесов, но потом покоровшаяся Будде и ставшая монахиней. Ее изображения имелись во всех женских буддийских монастырях.

Фэншэ — даосский святой.

Фея Магу – даосская богиня, в легендах обычно помогает страждущим.

Согласно древнекитайским мифам, Чанъэ, жена Стрелка И, похитила у мужа снадобье бессмертия и, приняв его, улетела на Луну, где и осталась жить навсегда в тоске и полном одиночестве.

Имеется в виду легенда о князе, к которому во сне явилась фея горы Ушань. (См. примеч. к гл. I).

Дэн Тун был любимым сановником ханьского государя Вэнь-ди (правил с 180 по 157 г. до н. э.). Император подарил ему Медную гору в провинции Сычуань и разрешил чеканить монеты, что и принесло Дэн Туну несметные богатства. Его имя стало нарицательным.

Учэн-ван («Победоносный князь») – титул, присвоенный легендарному стратегу древности Цзян Шану в VII в., когда был построен роскошный храм в его честь, где, кроме того, были помещены изображения и многих других великих полководцев. Тем самым старуха Ван намекает на то, что ее, может быть, и не зачислят в число великих стратегов.

По преданию, великий теоретик военного искусства Сунь-цзы (VI в. до н. э.) собрал девиц из княжеского гарема и обучал их военному искусству в присутствии князя.

В старом Китае люди обычно обращались к гадалкам, и те выбирали по календарю счастливые дни для начала того или иного дела (для отправления в путь, свадьбы и т. п.)

Речь идет о портретах сановников, имевших заслуги перед государем, помещенных в павильоне Линъяньгэ в столице танского Китая городе Чанъань (VII в.).

Окрестности озера Дунтин славятся своими мандаринами.

В старину в одежде китайцев карман находился в рукаве.

Северным Ковшом китайцы называли ковш Большой Медведицы.

Зять Симэня имел фамилию Чэнь, а имя Цзинцзи, что значит примерно «Деляга» (в настоящее время это слово означает «Экономика»), таким образом в этом имени, как и в прочих, заложен определенный образ.

123

Имеется в виду впервые сообщенная Сыма Цянем (II–I вв. до н. э.) любовная история Чжо Вэньцзюнь – дочери богача, молодой вдовы, тайно бежавшей из дома с бедным тогда поэтом Сыма Сянжу (179–117 гг. до н. э.).

«Изогнутые перила» (гоулань) – так назывался квартал певичек-гетер при династии Сун, поскольку домики, в которых они обитали, соединялись замысловатыми (изогнутыми) балюстрадами и переходами.

Чжоу Синь (XI в. до н. э.), государь древней династии Инь, был влюблен в красавицу Дацзи и потакал всем ее прихотям. Тогда У-ван поднял войска и разгромил армию Чжоу Синя. Чжоу Синь покончил с собой, а Дацзи была казнена. Ее голову привязали к белому знамени в знак того, что именно она погубила царство Чжоу Синя и династию Инь.

Князь царства Юэ (V в. до н. э.) подарил красавицу Си Ши правителю царства У, тот увлекся ее и забросил все дела правления, тогда войска Юэ вторглись в У и разгромили его.

Здесь под «алтарем» имеется в виду «Алтарь отечества» (шэцзи), который рухнул по вине красавицы Си Ши.

128

Цунь – мера длины около 3 см., равна $1/10$ чи.

Имеется в виду особая маска из тонкого шелка, которая защищала глаза от пыли.

Тыква-горлянка – особый вид тыквы, обычно в виде небольшой бутылочки, суженной посередине. Высушенные плоды такой тыквы обычно использовались для хранения лекарств и разных снадобий, иногда из нее делали черпачки. Образ горлянки в китайской культуре ассоциирован также с женскими половыми органами.

Янь Хуэй (521–490 гг. до н. э.) – один из любимых учеников Конфуция, находивший удовольствие в бедной и спокойной жизни. В книге «Беседы и суждения», составленной учениками Конфуция, говорится, что Янь Хуэй довольствовался в день одной плетеной корзиночкой риса и одним ковшом питья.

В древности мудрец Сюй Ю жил отшельником на берегу реки Иншуй. Стареющий император Яо послал людей, чтобы пригласить его принять бразды правления над девятью уделами. Сюй Ю не пожелал слушать эти предложения и демонстративно принялся промывать уши речной водой. Потом он удалился в горы Цзишань. У него не было даже чашки, и он пил воду прямо из ладоней. Какой-то человек подарил ему ковшик из тыквы-горлянки. Сюй Ю повесил его на дерево и слушал, как гудит в нем ветер. Потом монотонный гул ему надоел, и он выбросил ковшик.

Китайцы носили матерчатые туфли, украшенные вышивкой, чулки, сшитые из шелковой материи.

Речь идет об особой лепешке, круглой по форме, приготовленной из ароматного чайного листа и душистой маслины. Такую лепешку клали в рот после еды и перед сном для того, чтобы освежить рот.

Китайские фамилии за редким исключением состоят из одного иероглифа. Фамилия Симэнь названа двойной, ибо содержит два иероглифа, что отличает ее от всех прочих.

Имеется в виду дух преисподней – Сяньдаошэнь, к которому обращались с мольбой перед началом похорон.

Намек на измену жены. Селезнем называют рогоносца.

Град безвременной гибели, или Град невинно убиенных, (Ван-сы-чэн), в котором, согласно даосским представлениям, пребывали души всех умерших неестественной смертью

В экземпляре романа, обнаруженном в Японии осенью 1962 г. в коллекции Мори Наритака (так называемый «Экземпляр Мори») конец главы предстает в сравнении с положенным в основу данного издания, так называемым, «пекинским экземпляром» в несколько сокращенном виде. Отклонения в стиле в последнем говорят, вероятнее всего, о более раннем его происхождении, ибо он остался как бы в «сыром», незавершенном виде, тогда как «экземпляр Мори», по-видимому, уже подвергся в данном случае стилистической правке и был доведен до принятой в романе концовки. В «экземпляре Мори» конец выглядит следующим образом:

– У Чжи умер, – сказала вошедшая Цзиньянь, – и ты теперь единственная у меня опора.

– Ну, зачем ты так говоришь?

– Теперь главное – следователь Хэ Девятый, – прервала их старуха. – Человек он опытный и осторожный. Будут подозрения, и хоронить не даст.

– А, ерунда! – засмеялся Симэнь. – Я с ним сам поговорю. Пусть только попробует против меня пойти!

– Тогда нечего мешкать, сударь, идите и договаривайтесь.

Да, Змея среди бамбуков скрыта,

И жалом хвост осы грозит –

Но это все не так страшит,

Как сердце женщин ядовито.

Если хотите узнать, что случилось потом, приходите в другой раз.

(перевод выполнен по факсимиле конца данной главы, помещенному в журнале «Дайан», 1963, N 5, стр. 34–35.)

Под похоронными принадлежностями здесь имеются в виду бумажные повозки, кони, паланкины, фигурки людей, макеты домиков, а также специальные бумажные деньги. Все это сжигалось перед захоронением покойника в надежде, что потом, в ином мире, пригодится ему.

Поскольку китайцы верили в то, что души покойников могут насыщать беду или даровать счастье, то перед похоронами обычно приглашались особые гадатели – геоманты, выбиравшие наиболее благоприятное время и место похорон.

Белый цвет – цвет траура в Китае.

В китайских храмах или домашних алтарях устанавливали особые деревянные дощечки с именами покойных предков, перед которыми ставили жертвенные предметы и совершали моления.

Турачи – птицы семейства фазановых. «Турачы небеса» («Чжэ-гун-тянь») – с X в. существуют две мелодии с таким названием, обе на основе стихов «люй» или «ши». Одна – южная, шестая в тонике гун (сянь-люй-гун), должна исполняться в качестве вступительной арии «инь-цзы», однако после XIV в. часто стала использоваться для эпилогов музыкальных драм. Другая – северная, вторая в тонике «шан» («да-ши-дяо»), исполняется в циклах или в качестве малой песенки «сяо-лин». В романе, вероятно, имеется в виду «сяо-лин» на северную мелодию.

У и Юэ – древние царства, постоянная вражда которых стала притчею во языцех.

Праздник начала лета торжественно отмечался пятого числа пятого лунного месяца.

Дух горы Тайшань считался духом-повелителем мертвых.

В оригинале игра слов: «хуа» – «цветок» созвучно части слова «хуацзы» – «нищий», «нищенка».

Речь идет о высочайших вершинах в Китае, считавшихся священными.

Имеются в виду реки Янцзы, Хуайхэ, Хуанхэ и Цзишуй.

Красная свеча – символ свадьбы, супружеского соединения.

Члены семьи, слуги, певички часто зовут Симэня «де», что значит «родитель», «батюшка», то есть «хозяин-батюшка».

Речь идет о могущественных сановниках древнего Китая (III–II вв. до н. э.) – первом министре Чжан Ляне и полководце Хань Сине.

Китайцы ставили около ворот особый экран, будто бы защищающий дом от злых духов, которые, по их представлениям, могли ходить только по прямой линии и были не в силах обойти стоящий прямо перед входом экран.

Гуаньинь – буддийское божество, бодхисаттва Авалокитешвара, изображавшееся в Китае в женском облике. Среди прочих тридцати трех ее изображений большой популярностью в народе пользовались картины, на которых Гуаньинь любуется отраженной в воде луной. Считалось, что подобные изображения имеют благопожелательный смысл.

Отрок Шаньцай – один из учеников Будды, все время находит различные драгоценности, – отсюда и имя его «Удачливый в сокровищах».

С древних времен в Китае была распространена игра гоуху – метанье в вазу. Игрок должен был попасть стрелой в узкое горлышко вазы. Особо популярна эта игра была на различных пирах, и победителю обычно подносили вино.

Фуцзянь — одна из южных провинций Китая.

Фэнь — мелкая денежная единица, одна сотая ляна (см. выше, примеч. к гл. I), или десять медяков.

160

То есть кусок длиной около 3 см.

«Сделать прическу» — выражение, обозначающее своего рода конфирмацию — переход девушки в статус женщины.

Единорог — сказочный зверь цилинь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого чешуей, считается символом доброты, счастья и таланта. Его изображения были одними из самых распространенных в традиционном Китае.

Цзюйжэнь – вторая ученая степень в старом Китае, которую присуждали после успешной сдачи экзаменов в главном городе провинции.

В старом Китае муж имел законное право продать неугодную ему жену.

Выражение: «Спит среди цветов, ночует под ивами», – содержит намек на то, что Симэнь Цин все время проводит в веселых домах. Цветок – символ красавицы, ива – символ гетеры, связанный с именем возлюбленной танского поэта Хань Хуна.

Прославляя вдов, кончающих с собой после смерти мужа, а также тех, кто остается верной покойному супругу и отказывается от вторичного брака, конфуцианская мораль осуждает последний.

Южная столица (Наньцзин) – в эпоху Сун это город Интяньфу в центральном Китае. Впоследствии южной столицей называли Нанкин, который действительно был столицей империи в разные времена.

Хуннян – героиня пьесы Ван Шифу «Западный флигель», служанка, которая помогла студенту Чжану и своей хозяйке барышне Инъин устраивать любовные свидания.

В старину в Китае преступников перед казнью сажали на деревянного осла и прибивали к нему гвоздями.

Мандаринские уточки – символ супружеского согласия.

На это намекает в стихе выражение «яшмовая башня» (юйлоу).

В тексте игра слов «Бу Чжидао» по-китайски значит – «не знаю».

Восемь сокровищ — древние благожелательные символы: стилизованные изображения носорожьего рога, каменного гонга — цин (омоним слова «счастье»), слитка серебра (символа богатства), свитка живописи или каллиграфии, коралла как символа неисчислимых богатств моря, квадратных амулетов, круглых амулетов, напоминающих китайские монеты с дыркой посередине, головки жезла «жуи» (буквально: «по вашему желанию», то есть «да исполнится все по вашему желанию»).

Речь идет о древнекитайской даосской концепции бытия, согласно которой всякое состояние, дойдя до наивысшей точки своего развития, переходит в свою противоположность. В тексте приводятся слова из трактата «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.).

«Лотосовая сутра» – одно из наиболее популярных буддийских сочинений в Китае.

Имеется в виду панихида, которую сочинил лянский император У-ди (правил с 502 по 549 г.), в память о покойной императрице, после того, как она стала пугать его во сне, являясь ему, по преданию, то змеей, то драконом.

Три Будды (Сань-фо), точнее Три способа бытия (три тела) будды (санскр.: Трияка) В Махаяне – это 1 – феноменальное (то, в котором будда мог появляться на земле); 2 – тело блаженства (образ бодхисаттвы); 3 – тело закона, или космическое тело (внеиллюзорная персонификация абсолютной истины). Вероятнее всего речь идет об амидаистском сань-фо, то есть Шакьямуни, бодхисаттва Гуаньинь, будда Амида. Амидизм, или «школа чистой земли» – одно из ведущих направлений буддизма на Дальнем Востоке.

В старом Китае монахи брили головы, что было предметом постоянных насмешек над ними в народе.

Су Дунпо (Су Ши, 1036–1101) – известный поэт, ученый и государственный деятель. Приводимая здесь сентенция – скорее всего плод фольклора, освещенный авторитетом с целью замаскировать выпад против монашества.

Краб воспринимается как провокатор-возбудитель мужской сексуальности.

Бумажным конем китайцы называли цветное изображение божества, нарисованное на бумаге. Название, видимо, связано с представлением о том, что все духи возносятся в небеса верхом на коне. Там они докладывают обо всех земных делах небесному государю. Сожжение такой картинки считалось как бы началом пути духа на небо.

В старину богатый дом китайского горожанина не был просто домом в привычном для нас смысле этого слова. Эта была обширная городская усадьба, целый комплекс строений и двориков, обнесенных высокой, вровень с крышами, стеной, скрывающей все происходящее внутри от посторонних глаз. Такого рода усадьбы еще сохранились во многих городах Северного Китая. Дело в том, что в Китае последних семи или восьми столетий постройки делались по определенной, освященной традицией схеме. Окруженный стеной участок представлял собой прямоугольник, вытянутый с юга на север. Внутри этот прямоугольник обычно делился на «отсеки» стенами, идущими с востока на запад или параллельными им зданиями, образующими ряды. Главный вход в такую усадьбу – большие ворота находились обычно в выходящей на улицу южной части стены, ближе к восточному ее углу. Каждое отдельное строение в подобной усадьбе имело, как правило, три глухие стены и одну легкую под длинным скатом крыши – либо с окнами и входом, либо даже совсем открытую, на манер нашей веранды. Вдоль этой открытой «стены» шли опорные столбы, количество которых примерно равно количеству имеющихся в таком доме перегородок и, соответственно, комнат. Если крышу поддерживало два столба, то дом называли трехкомнатным, если четыре, то пятикомнатным. Однако перегородок могло и вовсе не быть, и тогда все строение представляло собой как бы отдельную залу. В Китае зала всегда отдельное не разделенное перегородками строение, своеобразный дом-зала.

Усадьба, подобная той, которой владел Симэнь Цин в уездном городе Цинхэ, всегда имела одно центральное строение, перегораживающее весь замкнутый стенами прямоугольник как бы поперек. Оно строилось так, чтобы быть обращенным на юг, в сторону благих вейний. В нашем случае это покои старшей жены Симэнь Цина – У Юэнян. По бокам двора перед этим строением расположены восточный флигель – покои второй жены хозяина – Ли Цзяоэр и западный, где живет третья жена – Мэн Юйлоу (восток, где восходит солнце, по старинным китайским представлениям, почетнее, чем запад, где оно заходит). Так в расположении покоев жен Симэнь Цина

выражается традиционная иерархия семейных отношений. Жилые отсеки усадьбы разделены сложной системой стен с различными боковыми проходами и своеобразными «проходными залами», которые в таких домах, и у Симэнь Цина тоже, обычно выполняли роль своеобразных гостиных. Именно такая «проходная» зала замыкала в усадьбе Симэнь Цина с юга дворик, в котором жили первые три жены героя. Позади покоев старшей из них – Юэнян, находился еще один небольшой дворик, в который выходили кухня и покои четвертой жены хозяина Сунь Сюэ, ведавшей приготовлением всех изысканных блюд, которые подавались в доме Симэнь Цина. Перед «проходной» залой в больших резиденциях (а таковой и была усадьба Симэнь Цина) располагался еще один дворик с флигелями, опять-таки с востока и с запада. В восточном флигеле здесь жила дочь его со своим мужем Чэнь Цзинцзи, который играет в романе хоть и второстепенную, но существенную роль, а в западном спал сам Симэнь Цин в тех случаях, когда не хотел идти в покои ни одной из жен.

У наружной стены, выходящей непосредственно на улицу, находились в доме Симэнь Цина две двухэтажные постройки, в которых жили две самые младшие по рангу жены Симэнь Цина: пятая госпожа – Пань Цзиньлянь и шестая – Ли Пиньэр. Они жили в наибольшем удалении от покоев старшей жены хозяина. К тому же часть помещения Цзиньлянь была занята под хранение аптекарских товаров, а к домику Ли Пиньэр примыкал склад вещей, заложенных в закладной лавке. Поскольку Симэнь Цин был торговцем и усадьба его выходила на улицу не глухой стеной, а, как и было положено торговцу, лавками – большая часть переднего помещения была занята лавкой лекарственных трав, а несколько меньшая – закладной лавкой.

Сад в резиденции большой китайской семьи обычно находился в северной части усадьбы, подальше от уличной южной стены. У Симэнь Цина же он, наоборот, находился на юге, перед внутренними, так называемыми церемониальными воротами. В этом саду происходит действие многих любовных, интимных сцен романа. Именно к саду примыкали у Симэнь Цина покои любвеобильной Цзиньлянь и хрупкой, изнеженной Пиньэр. Не исключено, что автор романа не случайно нарушил традиционную схему старинного архитектурного ансамбля. Может быть, он хотел таким способом подчеркнуть все бесстыдство поведения Симэнь Цина, сделавшего развлечения, особенно любовного характера, фактически своим основным занятием и даже не попытавшегося скрыть это, как делали

другие, в глубине усадьбы.

По представлениям китайцев, пятнадцатого числа восьмой луны — в Праздник середины осени — на небе бывает самая круглая и ясная луна.

Тайсуй – китайское название планеты Юпитер, божество этой звезды почиталось как всемогущий повелитель Времени (дней, месяцев, лет).

В китайском тексте говорится о «беседке фужунов». Фужун – название растения, которое имеет два объяснения. Во-первых, это одно из названий лотоса. Во-вторых, это так называемый «древний фужун» – тип кустарника, цветущего розовыми цветами.

«Ясное небо» – образ честного и неподкупного чиновника-судьи.

Хуанди – легендарный правитель, якобы правивший в XXVI в. до н. э. В китайском тексте говорится о драгоценном треножнике, который является символом величия страны.

Сянчжоу — местность на юге Китая, в провинции Гуандун, недалеко от Гуанчжоу.

Жемчужина Хэпу – имеется в виду известная легенда о потерянной жемчужине, которая в конце концов вернулась к своему владельцу. Хэпу – название уезда в провинции Гуандун.

Цзяочжоу – местность в провинции Шаньдун.

Редкостная древняя утварь, а также яства среди которых и фантастические, наподобие «птичьего молока», нарочито перечисляются в описании пиршественного стола, подчеркивая роскошь, царящую в доме преуспевающего Симэня, и вместе с тем контраст между ним и его жертвой У Суном.

Драконов глаз (лун-янь) — лонган, или драконов глаз (*Euphoria Longan* (Lour) Stend, Sapindaceae), плоды его обладают целебным действием и часто применялись в китайской медицине.

Плоды личжи – южные плоды с мягкой ароматной сердцевинкой и в твердой скорлупе. Они очень ценились при дворе и в богатых домах.

См. примеч. к гл. I.

Ши Чун (249–300) – крупный чиновник, неслыханно разбогатевший на заморской торговле. Имя его стало нарицательным, как богатейшего человека в Китае.

Придворный смотритель (по-китайски «тайцзянь» – «великий смотритель») – должность дворцового евнуха. В романе смотритель-евнух Хуа – дядя Хуа Цзысюя. Иногда его величают «гугуном» – обращение к пожилым и почтенным людям, а также к тестю. В старом Китае гугуном величали дворцовых евнухов – тайцзяней.

Дамин – буквально «Большое имя», в тексте «Область Большого имени». В эпохи Сун так назывался Пекин.

Праздник фонарей отмечался в конце второй недели после Нового года (Праздника Весны). Им заканчивались новогодние торжества.

Ли Куй – один из персонажей «Речных заводей», герой-удалец, отличавшийся необузданным нравом.

200

Гуаньань – название уезда в южной провинции Юаньань, где служил евнух Хуа.

Лиловая аллея и красный терем – символы земной суетной жизни.

«Игра на свирели» в данном контексте обряд, обозначающий фелляцию.

Волчатник – кустарник, цветущий белыми с ало-лиловым оттенком цветами.

Лотосовые лепешки – обычно делались со сладкой (например, медовой) начинкой. Получили такое название, потому что делались в форме лотоса. В одной из глав говорится (гл. LIX), что это изделие «белоснежного цвета и похоже на полную луну».

По мусульманским обычаям, каждый верующий должен молиться в мечети пять раз в день в строго определенное время.

Речь идет о Сунь Сюээ.

Уездный гадатель – обычно это ворожей-геомант, который помогал в уездной управе правильно справлять всевозможные церемонии.

Грушевый сад – название училища для актеров, созданного при дворе танского императора Сюань-цзуна (правил с 712 по 756 г.) С тех пор актеров стали именовать служителями Грушевого сада.

Циньский дворец, как и Чуский – образные названия домов, где живут певицы и танцовщицы.

Китайские кастаньеты (баньцзы) представляют собой деревянные плашки которые при ударе в них издают звонкие звуки. Ими пользовались актеры, певички, уличные сказители.

211

Цянь – мера веса, равная десятой части ляна, или десяти фэням.

Имена певичек — это обычно прозвания, поэтому они несут определенный образ. Иньэр значит «Серебряная», Гуйцзе — «Коричная сестрица».

Имеется в виду вторая жена Симэня Ли Цзяоэр, бывшая певичка.

Се Цычунь – второе имя друга Симэня – Се Сиды.

Лю Лин (221–300) – один из содружества «Семи мудрецов из Бамбуковой рощи», знаменитый бражник. Все стихотворения почти полностью совпадает со стихами поэта Ли Хэ (789–816) «Будем пить!».

Южные напевы – мелодии из популярных в XVI в. пьес жанра куньцзюй, распространенных в районе нынешнего Шанхая.

Перемена прически у Гуйцзе означает не утрату девственности, а новое «замужество» – знакомство с новым клиентом.

В шестнадцать лет юноше полагалось сменить прическу, поскольку он становился взрослым.

«Окутанные дымкою цветы», буквально: «дымные цветы» – образ певичек-гетер, которые обитали в особых кварталах – «пещерах дымных цветов».

Госпожа Пятая, то есть Пань Цзиньянь. Она имела статус пятой жены. Однако, поскольку первая жена, родившая Симэню дочь, умерла, и Старшая У Юэнян, могла быть названа Второй, нумерация всех последующих жен могла быть сдвинута на единицу. Таким образом, Пань Цзиньянь может быть названа и Пань Пятой и Пань Шестой. Оба этих наименования встречаются в тексте.

Игра на пальцах заключается в том, что два человека быстро выбрасывают несколько пальцев, называя при этом цифру в пределах десяти. Отгадавший сумму показанных пальцев выигрывает, проигравший должен выпить штрафную чарку вина. Существуют и другие варианты этой игры; например, один из участников зажимает в кулаке арбузное или лotosовое семечко, черную или белую фишку и т. п., а другой должен отгадать, что у него в руке: четное или нечетное число предметов, их количество, цвет и т. п.

Сын Неба – образное название государя.

Златая лилия – буквальное значение имени Цзиньянь.

Фань Гуай – выдающийся полководец III–II вв. до н. э.

Китайские пилюли, замешанные на смолистых веществах, обычно представляют собой шарики черного цвета.

Настой имбиря – популярное средство при разного рода недугах – отравлениях, простудах и т. д.

Восемь знаков – имеются в виду знаки, обозначающие годы жизни человека – его гороскоп. Они обозначались четырьмя парами циклических знаков, которые говорили о годе, месяце, дне и часе рождения.

Парным циклическим знакам гэн-чэнь, гэн-инь, и-хай, цзи-чоу соответствуют числа 17, 27, 12, 26, из чего следует, что Цзиньлянь родилась в 1100 г.

Установление весны — первый из 24 сельскохозяйственных сезонов, на которые делится год в китайском календаре.

Цзыпин – астролог XIII в., которого гадатели по восьми знакам почитали как основателя своего учения.

Дерево, а также упоминаемые далее металл, вода и земля – четыре из пяти первоэлементов (пятый – огонь), соотносимых китайскими учеными и оккультистами с циклическими знаками.

Баран – как восьмой элемент двенадцатиричного звериного цикла, видимо символизирует ранее выделенное число «8», а также намекает на будущую соперницу Пань Цзиньянь – Ли Пинъэр, родившуюся в год барана (см. гл. XIII).

Здесь своеобразная игра слов: месячные истечения обозначены сочетанием циклического знака «гуй» и иероглифа «вода».

Циклическому символу «цзя-чэнь» соответствует 1124 г.

Имеют в виду циклические знаки «хай» (12-й из 12) и «гэн» (7-й из 10) как символы зодиакальных секторов неба.

...свяжу фигурки... красными шелковыми нитями... – То есть поступлю подобно божеству бракосочетания – Лунному старцу.

«Полынь» – «ай» звучит по-китайски как слово «ай» – «любовь».

См. примеч. к гл. IV.

В тексте говорится о «трех бабках». Как правило это обобщенный образ женщин, занимающихся скупкой, перепродажей, сводничеством, ворожбой. В Сун так называли торговцев цветами. Иногда речь идет о кормилицах, врачевательницах и повитухах. В литературе часто встречается понятие «три тетки, шесть бабок», которое имеет тот же смысл.

Все души Симэня... – здесь говорится о душах хунь и по: «Души хунь улетели в Поднебесье, души по рассеялись по девяти небесам». Согласно традиционным верованиям, человек имел три души хунь и семь душ по, каждая из которых определяла духовные и физиологические функции организма человека. Души могли «улетать в поднебесье» и «рассеиваться» от страха, неожиданности и т. д. При смерти они исчезали, однако не сразу, но иногда возвращались из потустороннего мира, если человеку не пришел срок полной смерти.

Под богиней милосердия имеется в виду богиня Гуаньинь.

Праздник осени, или праздник двух девяток — девятого числа девятого месяца по лунному календарю — отмечался как праздник урожая.

Поскольку друзья считались названными братьями, жен друг друга они называли невестками.

Речь идет об упоминавшихся выше студенте Чжане (Чжан Цзюньжуне) и барышне Цюй Инъин – героях новеллы Юань Чжэня (779–831) «Жизнеописание Инъин» и основанной на новелле пьесы Ван Шифу «Западный флигель».

Сун Юй – великий поэт древнего Китая (жил в III в. до н. э.) в одной из своих поэм описал любовное свидание чуского князя с небесной девой, явившейся ему во сне. (См. примеч. к гл. I).

См. примеч. к гл. XII.

Волшебница Горы шаманов – упоминавшаяся выше небесная фея, будто бы явившаяся во сне древнему князю. (См. примеч. к гл. I).

Поэт Сун Юй славился своей красотой.

Речь идет о знаменитом поэте Сыма Сянжу (II в. до н. э.), который своей игрой на цитре прельстил молодую вдову Чжо Вэньцзюнь, и та ночью бежала с ним из дома отца. (См. примеч. к гл. III).

Покойный родственник — дворцовый евнух Хуа дядя Хуа Цзысюя.

Старый вельможа – евнух Хуа.

Багровая (или красная) пыль – буддийский образ человеческой жизни, полной страстей и страданий. Красный (багровый) цвет ассоциируется с человеческими страстями.

Год гуй-вэй – 1103.

Цзиньши (буквально: «продвинутый муж») – высшая ученая степень, которая присваивалась после успешных экзаменов в столице. В тексте встречаются также другие, более низкие ученые звания: сюцай и цзюйжэнь.

Шесть служб (люфан) – шесть отделов уездной управы, которые занимались разными административными делами: уездная канцелярия, дела населения, ритуалы, уголовные дела, строительные и военные дела. Часто это обобщенный образ административных служб в китайском ямэне.

Разбойник Чжи – древний персонаж, описанный, в частности, в философском трактате «Чжуан-цзы» (IV–III вв. до н. э.) как мудрец, побеждающий в споре самого Конфуция.

В Китае по обычаю правят заупокойные службы по истечении каждой недели (седмицы) после кончины близкого до исхода семи седмиц (49 дней), в течение которых родные обязаны строго блюсти траур.

В наряде Пинъэр отчетливо прослеживаются черты, указывающие на то, что она носит траур по умершему мужу. Об этом свидетельствует и белая накладка на голове, и обруч, украшенный опять-таки белым жемчугом, и отсутствие характерных для богатых женщин золотых заколок в волосах. Белая кофта, хотя и была обычным женским нарядом в то время, но по цвету точно подходила именно к трауру. И только юбка выдавала тайные устремления героини. Юбка была синего цвета, то есть цвета траура, но не глубокого, а носимого обычно по дальним родственникам, то, что юбка заткана золотом, никак не вяжется с трауром.

Лисы, швыряющие кирпичи и черепицу – образ нечистой силы.
Лисица в китайской традиции – символ бесовства.

Култ Нефритового императора, или высшего Патриарха, являлся общегосударственным. Его день рождения (9-й день 1-й луны) сопровождался пышными службами, особенно в построенных в его честь храмах.

В старину китайцы верили в то, что рельеф местности может защитить людей от злых духов. Приступая к рытью колодца, постройке дома, разбивке сада, устройству родового кладбища, они специально приглашали геоманта, который по расположению местности, строению почвы, течению реки и прочим данным определял, например, удачное место для постройки.

Праздник фонарей отмечается в пятнадцатый день первой луны года.

Распространенная в Китае длинная лапша также символизирует долголетие.

Сюцай (прекрасный, или цветущий талант) – низшая ученая степень.

Мэн-цзы (327–289 гг. до н. э.) — знаменитый философ, последователь наиболее авторитетного мудреца древности Конфуция (551–479 гг. до н. э.). Оба они — основатели ортодоксального конфуцианства.

Мэн Цзян – Старшая Цзян, т. е. старшая дочь из правившего в царстве Ци рода Цзян, – поэтический образ знатной женщины и прекрасной девушки, ведущий свое происхождение из «Канона стихов» («В тутах» – I, IV, 4; «Дева вместе со мной в колеснице» – I, VII, 9).

Под этим же именем может подразумеваться Мэн Цзян-нуй (Старшая дева Цзян) – героиня популярной легенды, сформировавшейся в эпоху Тан (618–906), но имеющей более древние корни, восходящие к отраженной в «Записках о благопристойности» («Ли цзи», гл. 2/4 «Тань гун», ч. 2) и «Мэн-цзы» (VI Б, 6) истории 553/552 г. до н. э. о верной до чудотворного самопожертвования вдове Ци Ляна, военачальника того же царства Ци. Хотя впервые прямое обозначение вдовы Ци Ляна именем Мэн Цзян-нуй зафиксировано в фольклорных текстах Дуньхуана (VI–XI вв.), время возникновения этой истории близко к эпохе создания того раздела «Канона стихов», в котором фигурирует Мэн Цзян («Нравы царств» – «Го фэн», VIII–VII вв. до н. э.), поэтому не исключено что в данном случае имеет место не контаминация, деривация и трансформация одного и того же образа. Так или иначе, в средневековой (начиная с Тан) фольклорной традиции Мэн Цзян-нуй сразу после свадьбы (а по некоторым вариантам ее жениха даже до свадьбы) угнали на строительство Великой китайской стены. Мэн Цзян-нуй долго ждала его, а потом сшила теплую зимнюю одежду и отправилась в длинный и опасный путь на поиски мужа. Придя к месту строительства, она узнала, что муж погиб и останки его замурованы в стене. Мэн Цзян-нуй принялась горько плакать и слезами своими подточила стену. Узнав об этом, жестокий император Цинь Шихуанди велел схватить женщину и доставить ее в столицу. Прельщенный ее красотой, государь предложил ей стать его женой, но Мэн Цзян-нуй, храня верность погибшему супругу, предпочла смерть: она бросилась в море и утонула.

История буддийского монаха Юэмина и спасенной им певички Люцуй была очень популярна. Существуют драмы и повести на эту тему.

Чжун Куй – ученый муж, ставший устрашающего вида загробным судьей, он же покровитель провалившихся на экзаменах.

Лю Хай – бог монет и помощник бога богатства Цай-шэня. Как писал академик В.М. Алексеев, Лю Хая обычно изображали на народных лубках в виде «смеющегося юноши с распущенными и растрепанными волосами, с открытыми вислыми грудями и животом, одетого у чресел в лиственный покров и босого. Он высоко вздымает ногу как бы для сильного и резкого движения, описывает вокруг головы дугу, держа в руках шнур, на котором нацеплены одна за другой медные деньги – чохи. За последнюю из этих монет на конце шнура держится, кусая ее, трехлапая жаба». Следует пояснить, что жаба (по-китайски «чань») ассоциируется со словом «цян» (в диалектах также «чань») – «деньги». Изображение Лю Хая с жабой имели благопожелательный смысл – дарование несметного богатства.

Зеленый лев – символ мусульманства. Китайские мусульмане часто изображали его, например, на вышивках, играющим с расшитым мячом.

Белый слон — символ буддизма; здесь, однако, и символ мусульманства — зеленый лев, и символ буддизма — белый слон, «приспособлены» для одной и той же цели — приношения в дар сокровищ, богатства; эта идея пронизывала все виды народного прикладного искусства в старом Китае.

Семь праведников – семь учеников даосского учителя Ван Чжунчжяна (1112–1170 гг.), основателя школы «Совершенно-истинного Пути» (цюань-чжэнь-дао). К ним причислены: Праведный киноварного ян – Ма Юй; Праведный долгой истины – Тань Чудуань; Праведный долголетия – Лю Чусюань; Праведный долгой весны – Цю Чуцзи; Праведный нефритового ян – Ван Чуи; Праведный из Гуаннина – Хао Датун и Тихий бездельник Сунь Буэр. Их жизнеописания приведены в «Сокровищнице Дао» («Дао-цзан»), в трактате «Летопись Семи праведников» («Ци-чжэнь нянь-пу»).

Речь идет о пяти патриархах, духах пяти стихий: духе металла (богине Сиванму), духе дерева (Му-гуне), духе воды (Шуйцзинцзы), духе огня (Чицзинцзы), и духе земли – Желтом старце (Хуан-лао). Эти духи, якобы, были среди первых существ, появившихся на земле. Под сокровенными книгами здесь подразумеваются сочинения по алхимии, столь популярные у даосов.

Пэнлайские сады – Пэнлай – остров и гора – по легендам одно из знаменитых мест обетования бессмертных, который находился в Восточном море. Согласно преданиям, здесь в горах разбросаны золотые и нефритовые камешки, которые служат едой небожителей. В водоемах здесь вода ледяная и клокочущая. Тот, кто ее выпьет, сможет прожить тысячу лет.

Сюаньцзан (VII в.) – буддийский монах, совершивший паломничество в Индию за священной буддийской литературой, которую потом в большом количестве перевел на китайский язык, – герой легенд, драм и романа У Чэньэня (XVI в.) «Путешествие на запад».

См. примеч. к гл. X.

Многие из упомянутых здесь легендарных, сказочных и других персонажей, а также птицы и звери, как и связанные с ними атрибуты, широко известны в народе по повериям и легендам, а также лубочным картинкам.

Прилипалы (цзя-эр; буквально: «подпорки») – прихлебатели в веселых заведениях, которые под предлогом оказания мелких услуг клиентам, вытягивали из них деньги.

Шэн – мера объем жидких и сыпучих тел чуть больше 1 литра.

В старом Китае еду обычно носили в деревянных либо лубяных коробах.

Здесь содержится намек на историю с чуским князем Сян-ваном, к которому во сне явилась фея горы Ушань и поделила с ним ложе. Подробнее см. примеч. к гл. I.

Драконова слюна — продукт, извлеченный из чрева кита и используемый в качестве благовония — амбра. Фигурный уголь (буквально: «зверовидный уголь») — слепленные из влажной угольной крошки фигурки животных, которые клались в курильницу.

Игра в домино – вариант игры в кости. Китайское домино представляет собой фишки разных цветов и рисунков, из которых полагалось составлять определенные комбинации.

Сычуань — юго-западная провинция Китая. Гуаньдун — юго-восточная.

Царевич Цзинь – сын чжоуского царя Лин-вана (VI в. до н. э.), искусный флейтист, ставший, по легенде, даосом-небожителем.

Предать огню табличку – значит, видимо, покончить навсегда с жертвоприношениями у домашнего алтаря перед дощечкой с именем покойного, считавшейся как бы воплощением его души.

Чжао, Цянь... – произвольно взятые фамилии типа Петров, Сидоров...

К Празднику начала лета в Китае было принято плести из полыни изображения тигров или просто прикреплять к воротам пучки полыни, считавшейся средством, избавляющим от наваждений и напастей. Заклинания, приклеиваемые на воротах, по представлению китайцев, должны были защитить дом от нечисти. Обычно они писались на красной бумаге, так как китайцы верили, нечисть боится красного цвета.

Имеются в виду праздничные пирожки, цзунцзы, — сладкий рис, завернутый в тростниковые листья в форме конуса, — которые готовили пятого числа пятого лунного месяца в память о великом поэте древности Цюй Юане, бросившемся в реку Мило и утонувшем там. С тех пор в день его кончины было принято готовить цзунцзы и бросать их в реку в качестве жертвы.

Восемнадцать сыновей (ши-ба-цзы) – традиционная иероглифическая загадка – три иероглифа, вместе образующие иероглиф «ли» – слива. Кроме того «Ли» – это фамилия, что в результате, создается двойную игру слов – Ин Боцзюэ намекает или на Ли Гуйцзе, или на Ли Пинъэр.

Ханьский У-ди – могущественный государь (правил с 141 по 87 г. до н. э.). В его гареме было более трехсот красавиц, с которыми он должен был встречаться в строгой очередности, за этим наблюдала его сестра. Здесь в романе использовано определение «покоряющая государства и города» из гл.097-1 «Жизнеописание после Ци. Дочерне почтительная к У госпожа Ли» «Истории Хань» Бань Гу, где рассказана следующая история. Император У-ди был покорен искусным певцом и танцором Ли Яньнянем, и как-то раз тот спел ему песню о прекрасной девушке, одним лишь взглядом покоряющей государства и города. «На свете есть ли подобная красавица?!» – воскликнул император. И ему ответили: «Это младшая сестра Ли Яньняня». Взглянув, убедился У-ди в истинности этих слов: и хороша собой, и танцует чудесно юная Ли. С тех пор она стала его любимой наложницей.

См. примеч. к гл. I.

В Китае в летнюю жару спят обычно на циновках.

Южная тюрьма – одна из шести тюрем при центральной управе Палаты наказаний.

Канга — тяжелая деревянная доска с дыркой посередине, надевавшаяся на шею преступнику.

Сюнчжоу – очевидно имеется в виду город в провинции Хэбэй, который стал объектом нападения северных соседей – государство Ляо и Цзинь.

Имеются в виду прокурорское, уголовное и кассационное управления.

«Столичные ведомости» – официальное ежедневное издание, типа газеты, выходившее в Китае, начиная с VIII в.

При династии Чжоу (1027-256 гг. до н. э.) на земли китайцев неоднократно нападали различные кочевые племена, в том числе сяньюнь – предки гуннов.

При династии Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.) с севера Китай не раз подвергался набегам сунну (гуннов), от которых его не спасала и специально построенная Великая стена.

В начале правления династии Тан (618–907 гг.) на Китай нападали различные тюркские племена, но в 630 г. китайцы разгромили независимое ханство восточных тюрков, бывшее на территории Монголии, а немного спустя подчинили себе и западных тюрков, живших в пределах современной провинции Синьцзян.

После падения в 907 г. династии Тан начался так называемый период Пяти династий, сменявших одна другую в течение пятидесяти лет.

В начале X в. у северных и западных границ Китая появляются кочевники — кидане, народность монгольского происхождения. В 916 г. предводитель киданей, подчинивших к тому времени тюркские и маньчжурские племена, создал централизованное кочевое государство, которое с 947 г. стало называться Ляо-Железным. С 995 по 1004 г. сунский Китай ведет безуспешную войну с киданями, закончившуюся поражением китайцев.

Бянь Цяо (VI в. до н. э.) – знаменитый лекарь древности, живший в царстве Лу, обожествленный в качестве одного из покровителей медицины.

По одним версиям, связанным с буддизмом, речь идет о девяти небесах, по другим, восходящим к древнекитайской космогонии, это девять частей неба, соответствующих восьми направлениям (север, юг, восток, запад, северо-восток и т. п.) и центру, которому соответствует властитель.

Речь идет о переговорах, которые Цай Цзин вел с туфаями (тибетскими племенами), вторгшимися в пределы областей по рекам Хуанхэ и Хуаншуй. Переговоры эти не увенчались успехом, и Китай был вынужден уступить туфаям три области в Северо-западном Китае, в пределах современной провинции Ганьсу.

Го Яоши – полководец у киданей, позднее сдался сунскому двору, после чего перешел на сторону чжурчжэней, возглавил их войска и пошел походом на Китай.

Ван Фу – глава Военного ведомства при императоре Хуэй-цзуне.

Как предполагают японские комментаторы, в тексте явная ошибка. В сунских сочинениях Чжан Да не упоминается. Военачальник с таким именем жил при династии Мин в годы Цзяцзин (1522–1566) и погиб в одном из сражений.

Имеются в виду хищники, гады, губительные миазмы, малярийные комары и другие возбудители смертельных болезней.

По китайским поверьям, лисы имеют способность к оборотничеству и могут высасывать из людей жизненные соки и кровь. Такие представления легли в основу знаменитых новелл писателя XVII в. Пу Сунлина, известных у нас по сборнику «Лисьи чары» и др.

Традиционная китайская медицина различает пульсы различных внутренних органов.

Шесть желаний – буддийский термин, обозначающий впечатления, производимые на чувства предметами, красивой внешностью, величественным видом, речью и голосом, хитростью и людскими мыслями. Семь страстей – радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, желания.

«Белого риса пятьсот даней...» – Белый рис – метафорическое обозначение серебра. Дань – иероглиф, способный обозначать различные меры объема и веса. Стандартно это объем, приблизительно равный 103 л. (10 доу; 100 шэнов см. примеч. к гл. XV), кроме того это мера веса, равная 120 цзиням (см. примеч. к гл. I), а так же единица чиновничьего оклада, равная примерно 0,35 доу риса. Здесь «дани» иносказательно употреблены вместо «лянов» – меры серебра.

Происхождение этого выражения связывают с таким эпизодом. При минском императоре Сяо-цзуне на рубеже XV–XVI столетий евнух Ли Гуан был уличен в преступлениях перед двором. Ли Гуан покончил с собой, по приказу государя в доме у него произвели обыск и нашли тетради с записями: от такого столько-то тысяч даней желтого риса, от такого-то столько-то тысяч даней белого риса. Государь изумился, зачем столько риса одинокому евнуху, но приближенные объяснили, что это условность: желтый рис – взятки золотом, белый рис – серебром.

Небесный Поток – астрономическое название Млечного Пути.

Фамилия Симэнь записывается иероглифами «си» – «запад» и «мэнь» – «ворота», а Бань Ян соединил стоящие друг над другом при характерном для китайцев письме сверху вниз два знака в один фамильный знак «цзя», состоящий из «си» – «запада» сверху и «бэй» – «раковины» снизу, что легко было сделать, учитывая некоторое сходство иероглифов «мэнь» и «бэй».

В древнекитайской мифологии Фусан — гигантское дерево, на котором будто бы живут солнца, имеющие вид золотых воронов. Здесь жизнь Симэнь Цина сравнивается с солнцем, которое закатилось за западные хребты, а потом вновь возшло из-за дерева Фусан.

Имеется в виду особый буддийский Праздник магнолии в седьмом лунном месяце, когда полагалось делать подношения Будде и монахам в память о покойных висельниках, не оставивших потомства, а также вообще за упокой бесприютных голодных душ. Таких дней поминовения усопших в году несколько.

В тексте неоднократно встречается выражение «своей штукой добывать огонь, находясь за горным хребтом», обозначающее способ совокупления, при котором женщина встает на четвереньки, а мужчина располагается сзади нее. Ягодицы женщины называются «горным хребтом», так как отделяют мужчину от ее влагалища. Добывание огня ассоциируется с трением, поскольку, согласно преданию, мифический персонаж Суй-жэнь впервые добыл огонь именно таким образом.

В русском тексте используется слово «бельведер» для обозначения сооружения «тай» – возвышающейся над землей площадки (иногда просто земляной насыпи), на которой часто возводились открытая беседка – «се». Поэтому часто говорится о «тайсе», то есть «беседке на насыпи» (платформе). Это сооружение предназначалось для созерцания природы, для проведения театральных представлений и пиршеств.

«Яшмовые лошадки» – очевидно, сорт вишни.

Любовный «дар Цзиндуна» и наконечник любострастья «мечта красоти» – сексуальные приспособления.

Угорь, копье, черепашня головка – обозначения фаллоса.

В старом Китае бродячие уличные торговцы обычно созывали народ звуками какого-нибудь музыкального инструмента, каждой специальности полагался свой инструмент.

Вэньхуэй – официальное имя Чжуншаня.

Планка-ордер (по-китайски «пайцзы») – бамбуковая бирка, которую уездный начальник использовал для исполнения своего приказа (ареста, обыска, наказания).

По традиции, персик в Китае считается символом бессмертия, а длинная лапша (иногда более метра) – символом долгой жизни.

В Китае обычно брали с собой на свадьбу или новоселье вазу с ценными предметами и зерном.

Тридцать Третий небесный ярус – согласно верованиям, небо состояло из многих (часто говорится о тридцати трех) сфер или ярусов.

Вино из приморской провинции Чжэцзян, которая уже в средние века славилась своим виноделием.

Гуаньинь в средневековом Китае почиталась особо как богиня-чадоподательница, лотосы тоже считались символом деторождения. В просьбе Пиньэр сделать именно такие украшения явно скрыт намек на желание иметь ребенка – наследника Симэнь Цина.

Под женскими добродетелями, по конфуцианским понятиям, подразумеваются: затворничество, безропотность, стесненность манер и трудолюбие.

Молодого слугу звали Циньтун – «отрок Цинь» («цинь» – название музыкального инструмента). Такие имена и прозвания (сравни Шутун – «Книжный отрок») обычно давались наиболее приближенным слугам в богатых домах. Они отвечали за состояние домашней библиотеки, занимались увеселениями и т. д.

Под «гитарой» имеется в виду щипковый инструмент саньсянь – трехструнка. «Четырехструнный хуцинъ» – другой щипковый инструмент.

Видимо, намек на драму «Мэн Хаожань идет по снегу за цветами сливы-мэй» (XIV в.).

Иностранцы воспринимались «дикарями» и «варварами», даже если человек был не из слишком далеких краев, как здесь.

Квадратная шапка была введена в качестве головного убора для простолюдинов в знак того, что во всех четырех сторонах света наступил мир.

Первая ночная стража – время от 19 до 21 часа.

Духи Северного ковша – то есть духи звезд Большой Медведицы, которые, согласно представлениям китайцев, записывали все деяния человека, как хорошие, так и дурные, и в зависимости от этого убавляли ему отведенный срок жизни или, наоборот, удлиняли его.

См. примеч. к гл. XII.

Три Светила – Солнце, Луна, звезды.

Шаньси – северозападная провинция Китая.

Кан – отапливаемая лежанка.

Яшмовая дева и Нефритовый дракон – духи, повелители стихий.

Вокруг озера Тайху (в центральном Китае) в древности добывали камни причудливых форм. Название «камень с Тайху» стало общим понятием декоративных камней, которые располагали в садах и парках.

Имеется в виду училище для сыновей привилегированных родителей, открытое в Китае еще в IV–V вв., то есть академия Гоцзыцзянь.

Пасынок – буквально: сын наложницы.

Имеется в виду обримость монахини.

«Западный флигель» — здесь видимо имеется в виду название стиха, сложенного на определенный мотив. В последствии так называлась известная пьеса, которая восходила к более ранним музыкальным пьескам-речитативам.

Ян Гуйфэй – наложница императора, одна из самых знаменитых китайских красавиц (VIII в.)

См. примеч. к гл. I.

Три правила пять принципов – основные конфуцианские нормы поведения, регламентирующие жизнь людей в семье и обществе.

В китайском языке «уксус» и «ревность» совмещаются как значения одного и того же иероглифа. В этой игре слов содержится намек на бушевающую Цзиньянь ревность.

Имя Хуэйлянь буквально обозначает Благоухающий лотос. Родилась она в год лошади, который в описываемый отрезок времени приходился на год гэн-у, или седьмой в шестидесятеричном цикле, по григорианскому календарю соответствующий 1090 г. (подробнее см. примеч. к гл. XXIX). Судя по указанию на возраст героев завязка романа происходит в 1113 г. (см. гл. X: обвинительное заключение У Суну составлено в восьмой луне третьего года под девизом Чжэн-хэ – 1111–1117 гг., то есть 1113) Отрезок времени, разделяющий X и XXII главы, составляет два года (см. последовательность смены времен года и сезонных праздников), таким образом, действие гл. XXII приходится на конец 1115 г. (день рождения Мэй Юйлоу – 27 день 11 луны). Следовательно, Хуэйлянь в настоящее время должно быть 25 лет. В данном случае, рассказчик, видимо, вернулся назад, на год или чуть больше, в то время, когда 24-летняя Хуэйлянь попала в дом Симэня, дабы пояснить происхождение этого нового, вводимого им персонажа.

Прислуге вообще не полагалось носить одежду ярких цветов.

Узор «радость встречи» – представляет собой изображение двух бабочек в замкнутом кольце, напоминающих летучих мышей – символ счастья. Орнамент «радость встречи» считался символом супружеского счастья, а цветы четырех времен года (мэй-хуа, лотос, хризантема и бамбук) – вечной жизни, которую несет с собой любовь.

Имеется в виду традиционный дальневосточный Праздник Весны (Чуныцзе) – начало нового лунного года.

Вино цзиньхуа – вино, вырабатываемое в округе Цзиньхуа в центре провинции Чжэцзян.

Лю-ань – один из сортов чая провинции Аньхуэй; буквально лю-ань означает «шесть спокойствий».

Согласно легенде, когда у Ван Сяна (184–268) заболела мачеха и ей нужно было достать свежую рыбу, Ван Сян, движимый чувством сыновней почтительности, лег на лед, растопил его теплом своего тела и добыл двух живых карпов. Впоследствии этот случай почитался как один из двадцати четырех образцов сыновней почтительности.

Чжурчжэни – название полукочевого народа на северо-западе страны.

Имеется в виду красавица Лю (Ива), возлюбленная танского поэта Хань Хуна, жившая в столице тогдашнего Китая, городе Чанъани на Чжантайской дороге, где с давних пор обитали певички.

О каком Хане идет здесь речь, установить не удалось; возможно, именно о поэте Хань Хуне, который был влюблен в Чжантайскую Иву.

Серебряная Река – другое название Млечного Пути.

В старом Китае замужние женщины собирали волосы в узел, покрывавшийся специальной сеточкой для волос. Снять сеточку значило как бы «разжаловать» из замужних женщин.

Восемь преград, или трудностей, — даосско-буддийский термин, обозначающий этапы совершенствования человека на пути постижения истины.

Святой Гуань – знаменитый полководец эпохи Троецарствия Гуань Юй (?-219 гг.), позднее обожествленный и включенный в буддийский пантеон.

Речь идет о разных видах потешного огня.

369

Военный комендант (дуцзянь) — военный чин в эпоху Сун (960-1279) — время действия романа.

Примерно через полтора месяца после Праздника фонарей наступает Праздник ясности и чистоты – Цинмин – День поминовения усопших (третьего числа третьего лунного месяца), когда полагалось посещать могилы умерших предков, утирать их и совершать подле них жертвоприношения.

Жуны – обобщенное название племен, обитающих на севере.

Здесь в оригинале следует эпизод, почти дословно повторяющийся в главе XXVII. Представляется более логичным тут его опустить, а сохранить полностью, с внесением некоторых, лишь в данном месте упоминаемых деталей, в гл. XXVII, как и поступили китайские редакторы романа (Чжан Чжупо, напр.), тем более, что по ходу развития сюжета он более уместен там, хотя есть некоторый соблазн сохранить его и в этой главе (что и сделали японские переводчики Оно Синобу и Тида Куити, оговорив противоречия оригинала в примечании). При повторении эпизода выходит, хотел того автор или нет, что Симэню приходится посылать подарки ко дню рождения Цай Цзина дважды, ибо первый раз их в столице посчитали вознаграждением за освобождение соляных купцов. Вот этот эпизод в оригинале:

«На дом были приглашены ювелиры, которые изготовили набор из четырех статуэток высотой в один с лишним чи (чи – 32 см.) каждая. Это были изумительно тонкой работы человеческие фигурки, изображавшие подношение символов процветания и долгой жизни. Тут же стояли два кувшина с отлитыми из золота знаками многолетия и два набора нефритовых чарок, изваянных в форме персиковых цветков. Лежал на два халата раскрой ханчжоуской парчи, на ярко-красном расшитом поле которого красовались драконы и змеи. Для пошива не хватало двух кусков особого черного холста и легкого красного шелка. Симэнь посылал купить, нигде не нашли.

– У меня есть раскрой на халаты, я пойду посмотрю, – сказала, наконец, Пиньэр.

Симэнь Цин поднялся к ней в терем. Она вынула раскрой – два полотнища легкого красного шелка и два куска черного холста, расшитые яркими драконами и змеями с золотой тесьмой по кайме. Их выделка и расцветка во много раз превосходила ханчжоуские изделия, что привело Симэнь Цина в неописуемый восторг».

Девятихвостая лисица — мифологическое существо-оборотень, символ коварства. Девятихвостой лисицей, например, считалась красавица Да-цзи, согласно древней легенде, погубившая последнего царя династии Шан, Чжоу Синя (см. примеч. гл. IV).

Так зашифровано именуется сотня лянов серебром (ср. примеч. к гл. XVIII).

Большие батоги – во время экзекуции в ямэне – судебно-уголовной управе – использовались большие и малые батоги (обычно бамбуковые палки разной длины и разного веса), что зависело от меры наказания.

В оригинале здесь и далее в этой главе – Юэань. Но знак «юэ» по написанию близок знаку «дай». Поскольку слуга по имени Юэань в романе не появляется ни до этого эпизода, ни после, считаем возможным исправить по более позднему, тщательнее отредактированному варианту «Подлинный „Цзинь, Пин, Мэй“» (Изд. «Литература и искусство», Шанхай, 1936). В пользу такого исправления говорит и логика развития образа Дайяня в романе.

Яшма фаворитки Чжэнь – образ редкостной драгоценности. В средневековых текстах встречаются разные его варианты, например: «яшма фаворитки Сян» или «яшма Сянчжу». Аромат ханьшу – ароматическое вещество имеющее также название «куриный язычок».

Цзяочжи — местность на юго-восточной окраине Китая. Пахучая трава из Цзяочжи отличается сильнейшим ароматом, напоминающим мускус, то есть представляет собой одно из средств возбуждения чувственности.

Зимородковый павильон – название это имеет скрытый смысл. Из зимородковых перьев в Китае изготавливались женские украшения, цвет перьев зимородка – метафорическое обозначение женской прически и женщины вообще, кроме того это еще и эротический образ, название одной из поз при совокуплении и т. д. Так в названии павильона подчеркивается суть его владельца Симэнь Цина, который думает только о женщинах и у которого, кстати, в кабинете, помещении, предназначенного для книг и ученых занятий, есть альков с роскошной кроватью, а книги валяются грудой в шкафу вперемежку с кусками шелка. Сами книги завернуты в платки. Дело в том, что в эпоху Мин в среде чиновничества вошло в обычай дарить книги, завернутые в куски материи типа платков. Тем самым автор романа подчеркивает, что книги у Симэнь Цина – это подарки разных людей, а не его собственные приобретения.

Связку составляла тысяча медяков-вэней, общее ее достоинство — один лян.

В старом Китае, как правило, заключенные должны были кормиться за свой счет. Обычно еду им присылали родственники.

То есть в ссылку.

Дицзан – буддийское божество, бодисатва, один из четырех особо почитаемых буддийских святых. Он являлся сподвижником будды Шакьямуни, охранителем буддийских законов. Дицзан в буддийской религии воспринимался также как спаситель живых существ и охранитель от бед и несчастий в преддверии появления будды Майтрейи. В то же время он, как и владыка преисподней Янь-ван (он же Яньло, см. примеч. гл. II), определял число отведенных людям лет жизни, поэтому его местопребыванием был Дворец Изумрудных Облаков в загробном мире. По предания Дицзан пришел в Китай во времена династии Тан (618–907 гг.) и избрал местом своего затворничества горы Цзюхуаньшань? (Девяти Цветов) в провинции Аньхуэй.

Зеленый (синий) дракон – обозначение восточного квадранта неба, символ востока и весны. Белый тигр – обозначение западного квадранта неба, символ запада и осени. Встреча с Зеленым драконом – предвестие счастья, так как этот дракон – воплощение восхода солнца и возрождения природы. Белый тигр, поскольку он связан с осенним увяданием природы, закатом солнца и западом, где лежит страна мертвых, соответственно, – предвестник беды, и цвет его недаром траурно бел.

Имеется в виду Воевода Пяти Путьей. См. примеч. к гл. II.

Чжун Куй – см. примеч. к гл. XV.

В оригинале этот эпизод гласит:

«Покончив с Сун Хуэйлянь, Симэнь отвесил триста лянов серебра и золота для выделки подарков ко дню рождения императорского наставника Цая и нанял ювелира Гу с артелью мастеров. Они расположились на крытой террасе и занялись изготовлением набора из четырех статуэток, высотой в один чи каждая. Серебряные фигурки изображали подношение символов процветания и долгой жизни. Тут же сверкали два кувшина с отлитыми из золота знаками многолетия, стояло два набора нефритовых чарок, изваянных в форме персиковых цветков. Не прошло и полмесяца, как ювелирные работы были полностью закончены.

Симэнь достал привезенный Лайваном раскрой ханчжоуской парчи, расшитой драконами и змеями. Для пошива халатов не хватало двух полотнищ особого черного холста. Симэнь посылал слуг купить, но те обошли все лавки и не нашли ничего подходящего. Пришлось довольствоваться тем, что было.» (Ср. примеч. к гл. XV).

Период летней жары. В китайском тексте говорится о трех самых жарких и душных декадах лета, получивших названия «футянь» — «давящее небо». Это время отличает большая влажность воздуха, вызванная непрерывными дождями.

Буквально здесь говорится о том, что сезон «Большая жара» (по григорианскому календарю соответствует интервалу от 24 июля до 7 августа) не выходит за пределы шестого и седьмого месяцев, обозначенных циклическими знаками «вэй» и «шэнь», а сезон «Большой холод» (по григорианскому календарю соответствует интервалу от 20 января до 3 февраля) не выходит за пределы двенадцатого и первого месяцев, обозначенных знаками «чоу» и «инь». В основе параллелизма этих диаметрально противоположных сезонов лежит и нумерологическая закономерность – равенство сумм от сложения номеров спаренных месяцев: $6+7=13=12+1$.

Повелитель жары – бог огня, юга и лета в древнекитайской мифологии, по имени Чжужун. Дракон огня, Огненный дракон – дракон, тело которого пышет жаром.

В стихах поэта X в. Ван Гу говорится: «Чжужун с юга пришел и бичует дракона огня, сверкают языки пламени, докрасна раскалено небо». Именно эти строки и позаимствовал у своего предшественника автор романа «Цзинь, Пин, Мэй».

Китайцы представляли солнце в виде огромного огненного колеса, катящегося по небу. Образ этот также позаимствован из стихотворения Ван Гу.

Пять гор – пять наиболее высоких и священных гор древнего Китая: Тайшань – на востоке, Хуашань – на западе, Хошань – на юге, Хэншань – на севере и Суншань – в центре страны, в провинции Хэнань.

Имеется в виду одно из водяных божеств Ян-хоу – князь Ян, будто бы реальный древний удельный князь, совершивший преступление и в отчаянии бросившийся в воды реки. Его дух потом стал почитаться в качестве божества волн.

Дуаньси – местность в провинции Гуанси, славящаяся выделкой тушечниц.

Цанцзе – мифический изобретатель китайской письменности.

Цай Янь (II–III вв.) прожила 20 лет у гуннов, затем вернулась на родину. Она писала письма отцу – Цай Юну, может быть отсюда и выражение «почтовая бумага Цай Янь», хотя, возможно, должно быть бумага Цай Луня, ибо Цай Лунь (I–II вв.) по традиции считается изобретателем бумаги.

Раковые (или креветочные) усы – легкий полупрозрачный занавес или полог, сплетенный из тонких волокон. Творение подводных мастеров – кисея, сравниваемая с немокнущим тонким полотном, которое по поверью ткut подводные существа.

Мотив романса – «Лянчжоу суй». Назван так по округу Лянчжоу (буквально: область, или островок, прохлады). Суй – прелюдия, вступление.

Хрустальный шнур (буквально: «Нефритовый шнур» – Юйшэн) – название двух звезд к северу от Большой Медведицы.

По народным представлениям, за всем, что происходит в доме, внимательно следит один из наиболее почитавшихся в Китае богов-покровителей – бог очага Цзао-ван. Его изображения вывешивались в каждом доме рядом с очагом. На них Цзао-ван – белобородый старец в одеянии чиновника – восседает в кресле. Рядом стоит его супруга, кормящая шесть домашних животных: коня, вола, свинью, барана, собаку и курицу. По обеим сторонам – их слуги, держащие эмблему власти, печать, и кружки с надписями «хорошее» и «дурное». В эти сосуды бог очага опускает свои записки отметки о хорошем и дурном, подсмотренном им в доме. Двадцать четвертого числа двенадцатого месяца он отправляется на Небо к верховному владыке – Нефритовому Государю, где вскрывает эти кружки и докладывает о том, чего заслужила за истекший год та или иная семья. Чтобы задобрить его накануне «отлета» на Небо, ему нередко мазали губы сладким сиропом. Считалось, что от его взора не может укрыться ничто из происходящего в доме.

Западными землями в тогдашнем Китае называлась Индия.

Сестры Цяо – известные красавицы эпохи Троецарствия.

Метать стрелы в живую вазу – Симэнь затевает эротически интерпретированную традиционную игру гоуху, описанную в седьмой главе (см. примеч.), в которой игрок должен попасть стрелой в вазу с узким горлышком, а, попав, выпить кубок. Здесь в роли подобной вазы выступает то, что она собственно и символизирует в иносказательной китайской традиции – женское лоно.

Золотое ущелье (Цзинь гу) – название древнего (III–V вв.) парка, прославившегося роскошными пирами; в нарицательном смысле обозначение всякого подобного места.

Имеется в виду знаменитая фаворитка танского императора Сюаньцзуна (правил с 712 по 756 г.) Ян Гуйфэй, которая вошла в историю Китая как символ красавицы, покоряющей мир. В одной из популярных старинных драм описывалось опьянение Ян Гуйфэй, которая одиноко пила вино в дворцовом парке, грустя о том, что встречи ее с государем стали редкими.

Инъин – героиня драмы «Западный флигель» (см. примеч. к гл. XIII) молится за упокой души своего отца.

В оригинале – Юэань. См. примеч. к гл. XXVI.

Столичный воевода (шоубэй) – чин V ранга начиная с эпохи Мин (1368–1644 гг.) – время создания романа. В эпоху Сун такой чин, исходя из данных словаря «Хань-юй да цы-дянь», т. III, с. 1305 (Шанхай, 1989) отсутствовал. Здесь и далее шоубэем почтительно называют командующего уездными войсками (шуай-фу) господина Чжоу Наньсюань (он же Чжоу Сю).

Имя астролога Сюй Цзыпина уже упоминалось в тексте гл. XII (см примеч.).

«Канон Дракона» – видимо, особое геомантическое сочинение.
Ветер и вода (фэн-шуй) – термин, обозначающий геомантию. См.
примеч. к гл. XIV.

Пять светил – пять планет, соответствующих пяти первоэлементам:
планета металла – Венера, планета дерева – Юпитер, планета воды –
Меркурий, планета огня – Марс, планета земли – Сатурн.

412

Три предопределения – имеются в виду три цикла в гадании: из десяти циклических знаков, двенадцати и из пяти первоэлементов; либо три судьбоносных числа, соответствующих году, месяцу и дню рождения.

413

Чэнду – древний город западной провинции Сычуань. Имеется в виду профессиональный гадатель, кормящийся за счет своего ремесла, буквально: «человек, продающий гадание».

Пурпурная пустота (цзы-суй) – образ заоблачных чертогов Небесного владыки. Тяньтай (буквально: Небесная Башня) – знаменитые горы в провинции Чжэцзян, место паломничества китайских буддистов и последователей даосизма. В эпоху средневековья в Китае и Японии в буддизме существовало целое направление, именуемое «тяньтай».

Уезд Цинхэ, где происходит действие романа находится с той же провинции Шаньдун, что и священная гора Тайшань. Описание перемещений Бессмертного У, с одной стороны, содержит указание на конкретные географические пункты, которые относятся к категории наиболее значимых в религиозно-культурном аспекте и, таким образом, свидетельствуют о нем, как о бывалом паломнике, а с другой стороны, может быть понято в следующем символическом смысле, отражающем его духовный рост и возвышение над бренной действительностью: «В обители Пурпурной чистоты на горе Небесной башни покинул. Облаком унасился в вышние страны, затем возвращался к истокам бытия – началу вселенских перемен, дабы исследовать Путь-дао. Пути-дороги привели и в ваше почтенное место». Последняя фраза комплементарно вводит место жительства Симэня в вышеуказанный пространственно-временной ряд.

Одетый в рубище, или в пеньковое платье – прозвание известного физиогномиста Чэнь Тунаня. «Физиогномика Одетого в рубище», или «Физиогномика Наставника в пеньковом платье» – самое популярное среди гадателей-физиогномов сочинение, в котором описываются все приметы, связанные с формой глаз, носа, рта, расположением родинок и т. д. Рассказывают, что во времена династии Сун один человек повел сына учиться. По дороге им встретился даос в рубище (пеньковом платье), который долго смотрел на мальчика, после чего предсказал ему блестящее будущее. Говорят, с тех пор геомантов в Китае стали называть «Наставниками в пеньковом платье».

В старом Китае, помимо цифровых иероглифов, в качестве числовых символов выступали два набора циклических знаков – десять «небесных стволов» и двенадцать «земных ветвей», которые, кроме того, в парных сочетаниях друг с другом составляли набор знаков шестидесятиричного цикла, использовавшегося прежде всего для счисления времени. В гадательной практике дата рождения определялась «восемью иероглифами», то есть четырьмя парами таких циклических знаков (ср. гадание в гл. XII, примеч.), указывающих год, месяц, день и час, а точнее двухчасовой отрезок суток, или стражу (см. примеч. к гл. I). Для понимания самого общего символического смысла этих знаков следует иметь в виду, что «земные ветви» соотнесены с двенадцатью зодиакальными животными: 1-цзы – крыса, 2-чоу – бык, 3-инь – тигр, 4-мао – заяц, 5-чэнь – дракон, 6-сы – змея, 7-у – конь, 8-вэй – баран, 9-шэнь – обезьяна, 10-ю – петух, 11-суй – собака, 12-хай – свинья, а «небесные стволы» попарно – с пятью первоэлементами: 1-цзя, 2-и – дерево; 3-бин, 4-дин – огонь; 5-моу, 6-цзи – земля (почва); 7-гэн, 8-синь – металл; 9-жэнь, 10-хай – вода.

Из названных Бессмертным У чисел явствует, что Симэнь родился в 1086 г., ознаменовавшемся началом правления нового императора Чжэ-цзуна под девизом Изначальная поддержка (Юань-ю, 1086–1093 гг.).

Хотя в ксилографическом экземпляре «Цзинь, Пин, Мэй», хранящемся в Санкт-Петербурге, в указанном месте стоит знак «моу-инь» – год 15-ый шестидесятиричного цикла, мы оставляем датировку бин-инь, или третий, повторяющуюся в дальнейшем в гл. XXXIX и более соответствующую времени действия романа, определенному в первой главе, как время правления императора Хуэй-цзуна (1101–1125 гг.).

Видимо, также ошибочным, возможно намеренно, для указания на неграмотность гадателя-шарлатана является предпринятое в гл. XII определение года рождения Цзиньлянь как гэн-чэнь, или семнадцатый, соответствующий 1100 г. (см. примеч.). Далее, в гл. XXXIX этот год определяется как моу-чэнь, или пятый, что соответствует 1088 г. (см. примеч.).

Обозначающему год рождения Симэня сочетанию циклических знаков бин-инь соответствует образ красного тигра, поскольку первый из них является символом огня и красного цвета, а второй – зодиакального тигра. В нижеследующем предсказании обыгрывается взаимная противоположность тигра и обезьяны, то есть знаков инь и шэнь, представляющих собой противоположные концы диаметра, делящего пополам зодиакальный круг.

Белые росы – один из 24 периодов (сезонов) года, который начинается в конце седьмого месяца и кончается осенним равноденствием, что по григорианскому календарю примерно соответствует интервалу от 8 до 22 сентября. (Ср. примеч. к гл. XII и примеч. к гл. XXVII).

419

Знак «шэнь» соответствует числу девять и седьмому месяцу, то есть как раз тому, в который родился Симэнь.

Фраза о «вершине городской стены» (чэн тоу) не вполне понятна и отсутствует в тексте главного комментатора «Цзинь, Пин, Мэй» Чжан Чжупо (см. корпус предисловий в т. I). Возможно, «вершина городской стены» – это не просто формант образа «земли», противоестественно вознесшейся вверх и оторвавшейся от почвы, но и специальный гадательный термин.

Описываемые события происходят в 1116 г., соответствующем тридцать третьему циклическому знаку бин-шэнь. Нижеследующее предсказание касается тридцатого года жизни Симэнь Цина и в конце маркируется указанием на седьмой месяц, в котором ему как раз исполняется тридцать лет.

Красный феникс – счастливая звезда, благовествующая о браке.

Медведь – в народной религии воспринимался как символ мощи, а поэтому и мужской силы. Не удивительно, что его изображение использовалось при рождении мальчика. Образ медведя был связан со светлой (мужской) стихией ян. Знаком девочки была змея, которая живет в темных щелях, что соответствует стихии инь.

Има — буквально: почтовая лошадь, перекладная — персонаж китайской астрологии, дух путешествий, благоприятствующий отрезкам времени под знаками 3-инь, 6-сы, 9-шэнь, 12-хай.

Предсказание Бессмертного У, с одной стороны, точно указывает на возраст, в котором Симэня настигает смерть, то есть между 30 и 36 годами, а с драгой стороны, символически обозначает ее причину – чрезмерное воздействие женского начала, или темной силы инь, соответствующей числу 6, которое здесь еще и возведено в квадрат. Сочетание «темный человек» (инь-жэнь), как правило, обозначает именно женщину, традиционно ассоциируемую с темной силой инь, стихией воды и четным числом 6.

Пять демонов в народной религии часто воспринимались как злые существа, мешающие нормальной жизни людей и, в частности, нарушающие судопроизводство. Существует образное выражение: «Пять демонов мешают судье».

«Внешнее выражение» и «внутренний дух» – в китайском тексте выражены соответственно иероглифами «сян» (облик, образ, подобие) и «синь» (сердце, душа, ум). В буддизме и даосизме, а Бессмертный У является представителем оккультной практики, впитавшей в себя оба эти учения, оппозиция сян – синь передает противопоставление формы и содержания, явления и сущности.

В китайской физиогномике разные части лица имеют свои наименования, например: Небесный двор (Тянь-тин) – область лба между бровей, а Земной чертог (Ди-гэ) – нижняя часть лица. Физиоманты этим двум частям придавали особое значение.

Три светлых меридиана (сань-ян) — три основных линии сосредоточения акупунктурных точек на теле человека, относящихся к сфере ян (тай-ян, шао-ян, ян-мин).

Образ ветра и пыли означает жизнь падшей женщины, проститутки, певички из веселого квартала.

В оригиналн говорится о «трех станциях» (сань-тин), то есть верхней, средней и нижней частях, на которые физиогномы делили все тело или только лицо. Их равенство истолковывалось как благой знак.

Шесть кладовых (лю-фу), или шесть внутренностей человека, — печень, желудок, кишечник, мочевой пузырь, дыхательный и пищевой тракты.

Юэбо – астрологический объект, девятое из одиннадцати главных светил, имеющее девятилетний цикл обращения на небе.

Обозначение любовного свидания, восходящее к стихотворению
«В тутах» из «Книги песен».

Год курицы (петуха) и год собаки (пса) – 10-ый и 11-ый в двенадцатеричном цикле. Бессмертный У указывает Ли Пинъэр на возможные тяжелые переживания в 27-ой год ее жизни (год трех девяток), который приходится на период от 15-ого дня первой луны (дата рождения Пинъэр) года дин-ю, или 34-ого, непосредственно следующего за годом гадания и по двенадцатеричному циклу соответствующего знаку петуха, до 15-ого дня первой луны года моу-суй, или 35-ого, по двенадцатеричному циклу соответствующего знаку пса.

Тыква-горлянка имела магический смысл. Это своего рода вместилище тайн, не случайно бывшее атрибутом бога долголетия Шоусина, даосского бессмертного Лю Дунбиня – покровителя магов. См. также примеч. к гл. IV.

Черенок метлы — эвфемизм мужского полового органа, совмещающий фаллическую символику удлиненного и твердого предмета, обрамленного волосами, с образом пыли, знаменующей бренность мира.

Некоторые сорта вин китайцы пьют только в подогретом виде, подавая их на стол в чайнике.

Вершина Ян (Ян-тай – буквально: Солнечная башня) – терраса на южном склоне горы Ушань – место легендарного свидания во сне Чуского Сян-вана с небесной феей (см. примеч. к гл. I). Яшмовая гора (Юй-шань) – образ женских прелестей и чарующей красоты.

...ведь змее нипочем не удастся слона проглотить – образ, восходящий к древней поэзии – так называемым «Чуским строфам», где говорится о гигантской змее, пытавшейся проглотить слона. Впоследствии этот образ стал как бы ходячим, на нем основана популярная китайская пословица: «Ненасытный человек подобен змее, пытающейся проглотить слона».

Фамильное кладбище богатого китайца-горожанина служило и местом увеселений, которые следовали за церемониями поминания усопших – уборкой могил, жертвоприношениями и прочим.

В тексте каламбур, основанный на буквальном значении фамилии героя: си-мэнь значит западные ворота, дун-мэнь, соответственно – восточные ворота.

Дверец Драгоценного Знамени – здесь название даосского храма.

Чины тысяцкого, как и темника, то есть командующего десятью тысячами солдат, а также сотника, то есть командующего сотней, возникли в войске монголов при Чингис-хане. Впоследствии они были унаследованы и при династии Мин. В тексте намеренный анахронизм (во времена династии Сун, к которой отнесено действие, таких чинов не было), показывающий, что автор романа реально стремился описать современное ему общество (ср. чин «столичный воевода» – примеч. к гл. XXIX).

У Дяньэнь, приказчик Симэнь Цина, пользуясь тем, что он носит такую же фамилию, как и старшая жена хозяина, а также удобным моментом, выдает себя за ее брата, шурина Симэнь Цина.

В Китае почтовая связь была налажена по всей стране очень рано. В эпоху Мин была учреждена и специальная должность начальника почтовой станции, который следил за отправкой почты, ведал встречей и проводами проезжающих чиновников и т. п.

Толочь в ступе чеснок — популярный словесный образ, передающий торопливое и суматошное действие.

Цилинь – мифический единорог (см. примеч. к гл. VII) – здесь как метафора редчайших сказочных яств (ср. примеч. к гл. X).

Имеются в виду самые пышные и торжественные жертвоприношения, совершавшиеся в течение нескольких ночей в честь верховного небесного правителя Шан-ди и других высших божеств небесных светил. В таких случаях готовилось специальное питье, всяческие ритуальные яства, приносились в храм дорогие ткани, воскурялись благовония. Считалось, что в таких случаях на зов молящихся нисходит сам Шан-ди, дабы исполнить их просьбу и взять под свое покровительство.

Здесь в китайском тексте дается странная датировка рождения Гуаньгэ: четвертый год под девизом Всеобщего согласия, моу-шэнь, или 45-ый. Четвертый год под девизом Всеобщего согласия (Сюаньхэ – 1119–1124 гг.) приходится, соответственно, на 1122 г., меж тем как 45-ый шестидесятиричного цикла, или моу-шэнь, должен соответствовать 1128 г., который выходит за пределы эры правления Великих Сунов (960-1127 гг.). Вероятно это ошибка. Далее в главах XXXIX и LIX называется иная дата рождения Гуаньгэ, более соответствующая общей хронологии романа – девиз Порядка и Гармонии (Чжэн-хэ 1111–1117 гг.), год бин-шэнь, или 33-ий, то есть 1116 г. Согласуюсь с этим, считаем возможным внести исправление.

Слуги, поступающие на работу в богатый дом, часто меняли свои имена, получая от хозяина более, по его мнению, благозвучное.

Гуаньгэ – буквально: чиновничий братец, барич.

Чиновничий пояс в старом Китае, как и носимая на нем печать, был главным символом чиновничьей власти. Пояс этот был особой конструкции. Он представлял собой твердый негнувшийся обруч, обтянутый кожей и украшенный в соответствии с рангом нефритовыми, золотыми или роговыми пластинами, расположенными через определенные интервалы. Такой пояс не стягивал халата, а держался свободно на специальных петлях, пришитых к халату.

Час чэнь – время с 7 до 9 часов утра.

Город Сучжоу находится в центральном Китае, в районе Южноречья, то есть по отношению к Северной столице Кайфэну он был южным.

Шутун – буквально: Книжный отрок, так как он должен был вести «кабинетные дела».

Цитун – буквально: Шахматный отрок, так как он должен был помогать хозяину в его развлечениях, в частности, он играл с ним в шашки и шахматы. Такие «Функциональные» имена слуг часто встречались в домах именитых людей.

Как чиновнику пятого ранга Симэнь Цину полагалось носить на халате нашитый квадрат с изображением сказочного медведя – сюнпи, он же носит халат с вышитым львом – знаком различия чиновников высшего первого и второго рангов, незаконно возвышая самого себя. Чин Симэнь Цина относился к военным чинам, в качестве знаков различия у которых были в эпоху Мин животные: для первого и второго ранга – лев, для третьего – тигр, для четвертого – барс, для пятого – сказочный медведь, для шестого и седьмого – тигренки, восьмого – носорог, девятого – фантастический морской конь. У гражданских чинов на одежде вышивались не звери, а птицы, соответственно: журавль, золотистый фазан, павлин, дикий гусь, серебристый фазан, цапля, мандаринская утка, иволга, перепелка. Следует сказать, что нарушение субординации и ношение знаков различия высших рангов чиновниками низших рангов в конце династии Мин было явлением нередким, вот, видимо, почему автор романа, с известной иронией описывая возвышение своего героя, говорит о присвоении им неположенных по уставу регалий.

При династии Мин чиновники под официальным верхним халатом носили еще особый нижний, ворот которого намного выступал из-под круглого ворота верхнего халата.

460

Ван Миллионщик – здесь как образ очень богатого человека.

Евнухи, именовавшиеся дворцовыми (гаремными) смотрителями, нередко получали административную должность в провинции. В данном случае евнух Лю назначен смотрителем гончарен.

Великий придворный смотритель – старший дворцовый евнух, имеющий чин IV класса – тайцзянь.

Моток ниток как и монеты с выбитым на них знаком долголетия «шоу» символизировали долгую жизнь и удачу.

При династии Мин на одежде сановников вышивались такие большие драконы, что голова и части тела дракона умещались на груди, а хвост оказывался уже сзади, на спине. Переходя через плечо, дракон как бы охватывал шею человека, подобно огромному змею.

Речь идет о евнухах. В XV–XVI вв. в Китае придворные евнухи нередко прибирали к рукам власть в стране, становились полновластными временщиками и вместе со своими приверженцами, часто также из евнухов, вершили судьбы страны. Передовые ученые того времени подавали императору бесчисленные петиции, призывая его отстранить евнухов от власти. И в 1567 г. евнухи были удалены с высших государственных постов, а на их место были назначены конфуцианские ученые. Впоследствии, однако, не раз евнухи вновь оказывались у власти.

Актеры имели разные амплуа, различавшиеся, в частности, гримом и одеждой. В тексте говорится об амплуа вайбань – буквально: внешнее одеяние – мелкие служащие, Понятие «вай» означало второстепенную мужскую или женскую роль.

В китайском традиционном театре актер, впервые появлявшийся на сцене, в своем вступлении объяснял зрителям, кто он, чем занимается, какое место в обществе занимает и т. д.

Отрок ростов в три чи – по преданиям поэт Ван Бо (648–675) сочинил свои знаменитые стихи «Беседка Тэнского князя» в возрасте четырнадцати лет. В эти юные годы он сдал тронные экзамены и получил самую высшую ученую степень – цзиньши, то есть стал знаменит. В предисловии к «Беседке Тэнского князя» говорится: «Непрочная судьба была у Ван Бо, всего в три чи». Существуют различные толкования этого места. По всей вероятности речь идет не о его росте (три чи – около метра), а о коротком сроке его жизни – менее трех десятков лет. На этой двусмысленности и построена комическая сценка.

Наньчан – город и округ в современной провинции Цзянси на юго-востоке Китая. Согласно древнейшим представлениям китайцев, география и административнотерриториальное деление страны координируется с космографическим делением неба на 4 дворца, 9 небосводов и 28 зодиакальных секторов («станций»), включающих в себя одноименные созвездия. Созвездие Крыло (И) – шестое из семи в южном квадранте неба, символизируемом Красной птицей, соответствуют звездам Чаши и Гидры. Созвездие Повозка (или Колесница – Чжэнь) – последнее из 28 и седьмое в южном квадранте, соответствует звездам Ворона. В гл. XXV «Исторических записок» Сыма Цяня (II–I вв. до н. э.) сказано: «

Чжэнь говорит о том, что вся существующая тьма вещей становится пышнее и обильнее ...

И говорит о том, что вся тьма существ обретает перья и крылья». Ковш (Доу) – первое из семи созвездий северного квадранта, символизируемого Черной черепахой, соответствует звездам Стрельца. Корова (или Бык – Ню) – девятое из 28 созвездий и второе в северном квадранте, соответствующее звездам Козерога.

Сюй Жу (Сюй Чжи) – исторический персонаж периода Восточной династии Хань (I–III вв.), биография которого описана в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу»), образец соблюдения правил этикета и норм ритуала (ли). Когда его принимал правитель области Чэнь Фань, ему пришлось ночевать на специально сооруженной плетеной лежанке, то есть в неприемлемых условиях, которые он благопристойно снес. История Сюй Жу – распространенный сюжет китайской литературы, который встречается, в частности, у более знаменитого, чем Ван Бо, танского поэта Ду Фу (712–770 гг.).

Незадачливый сюцай, продекламировав четыре (в переводе – пять) первых строки поэмы, опускает несколько последующих и берет две из середины.

Имеются в виду три времени: прошлое, настоящее и будущее.

Жизнь плывущая – популярный буддийский образ эфемерной суетной жизни, постоянно меняющейся и неуловимой, как воды реки.

«Чэнь Линь с коробом помады и белил» – название пьесы, созданной в XIII–XIV вв. В ней рассказывается о сунском государе Чжэнь-цзуне, который правил с 997 по 1021 г., и двух его наложницах: Ли и Лю. Когда у красавицы Ли должен был родиться ребенок, хитрая и коварная Лю подкупила повитуху и велела ей подменить младенца ободранной дохлой кошкой. Новорожденного же велено было немедленно утопить. Но служанка, которой было поручено избавиться от младенца, пожалела его и, встретив верного сановника государя евнуха Чэнь Линя, рассказала ему о хитром замысле Лю. Чэнь Линь взялся вынести младенца из дворца в коробе с помадой и белилами. Так был спасен наследник. Сюжет этот впоследствии был обработан и Ши Юй-кунем в романе «Трое храбрых, пятеро справедливых» (М., «Художественная литература», 1974). Совершенно очевидно, что история с подменой наследника дохлой кошкой мало подходила для исполнения по случаю рождения сына Симэнь Цина. Вместе с тем эта драма упомянута здесь не случайно. Дальнейшие события в романе: нелюбовь коварной Цзиньлянь к Пинъэр и ее сыну, план Цзиньлянь – дрессировка кота с тем, чтобы он напугал насмерть ребенка, – явно перекликаются с сюжетом драмы о Чэнь Лине, хотя в «Цзинь, Пин, Мэй» все кончается трагически.

«Тринадцать напевов» — название драмы.

Здесь игра слов. Фамилия Гуйцзе – Ли, что буквально значит «слива».

Четыре уездных начальника – основные административные чины в уезде: начальник уезда, его помощник, архивариус и секретарь-канцелярист.

Поскольку китайцы верили, что черти и прочая нечисть боятся красного цвета, то детей старались одевать в ярко-красные одежды. Вот почему евнух Сюэ дарит по случаю рождения сына Симэнь Цина именно огненно-красный атлас.

Шоусин – бог звезды долголетия и Южного полюса в китайском народном пантеоне. Его изображали на картинах в виде старца с шишкой на черепе и смеющимся лицом, сидящего верхом на олене (олень – символ карьеры), и журавлем (символом долголетия) рядом. Очень популярны в Китае и статуэтки с изображением Шоусина. Серебряные изображения восьми сокровищ (см. примеч. к гл. VIII) обычно прикрепляли к шапке ребенка. Они соответствуют восьми основным органам тела и, согласно поверью, отгоняют недуги.

Стол восьми бессмертных – так назывался квадратный стол на восемь приборов по два с каждой стороны. Восемь – традиционно почитаемое число, символизирующее богатство. Восемь даосских бессмертных излюбленные персонажи народной религии и искусства, считается, что они открыли секрет бессмертия и могут помочь человеку продлить года жизни, кроме того они покровительствующие различным ремеслам и искусствам и способны творить всякие чудеса. Они же – восемь веселых пьяниц поэтов и бездельников.

«Хань Сянцзы вступает в сонм бессмертных» – пьеса минского драматурга Чжу Юдуня (ум. в 1439 г.). Хань Сянцзы – племянник знаменитого писателя и государственного деятеля IX в. Хань Юя, ставший отшельником и обожествленный в качестве одного из восьми бессмертных; почитается как покровитель музыкантов. Рассказывают, что он неоднократно пытался уговорить своего сановного дядю бросить службу и уйти в отшельники, но тот отказывался.

В тексте евнух Сюэ называется «внутренним вельможей» (нэй-сян) – так именовали придворных евнухов, носящих титул тайцзянь (см. примеч. к гл. XXXI).

Регалия с тигровой головой – древний, восходящий к середине I тыс. до н. э., изготавливавшийся из драгоценных материалов – нефрита, бронзы, золота, верительный знак, символ военной власти.

.

Хучжоу – город в южной провинции Чжэцзян уезд Усин.

Отсчет ночных страж иной, нежели общее, описанное выше деление суток на двухчасовые отрезки по циклическим знакам (см. примеч. к гл. I), Темный период суток от 7 часов вечера и 5 утра делился китайцами на пять страж-гэн (в отличие от циклических страж, обозначаемых иероглифом «ши» – «час»). Таким образом «до второй, а то и до третьей ночной стражи» – это до девяти а то и до одиннадцати вечера (ср. примеч. к гл. XXI).

В этой песне персонажи предстают в аллегорических образах деревьев, и в частности главная героиня называет себя сливой, а соперницу, далее, хурмой.

В слово цин-цуй, переведенное здесь как «изумрудный», входит знак «цуй», являющийся обозначением зимородка, что способствует созданию дополнительных эротических аллюзий: цветы – аллегория красоток, а «зимородок» – наименование одной из эротических поз.

Хохолок журавля стал багровым... – красная макушка у журавля (хэ дин хун) считается наполненной ядом. В данном случае, видимо имеется в виду, что от горечи в душе скопился яд, который собственно и выливается в последующей брани.

Пятнистый бамбук — один из видов бамбука, образ которого ассоциируется со слезами.

Сороки в традиционном Китае считались птицами счастья, способными соединять любящих, так именно сороки протягивают мост через Небесную Реку (Млечный Путь) для двух влюбленных звезд Волопаса (Альтаир) и Ткачихи (Вега), встречающихся лишь раз в год в седьмой день седьмой луны.

Форзиция – по-китайски буквально: весенний цветок. Эротичность данного названия очевидна.

Дереза – в китайской традиционной медицине дереза применялась в качестве возбуждающего средства.

Хуннян-цветок – видимо намек на служанку Хуннян из «Западного флигеля», имя которой стало нарицательным как верной служанки (см. примеч. к гл. VIII).

Игра в цветы – то есть любовная игра.

Иносказательно в «цветочной форме» обыгрывается сцена любовной близости.

Цветок граната – по смыслу этот образ может соответствовать плодам граната – благому символу обильного потомства.

Розы на кусту — буквальное китайское название мелких кустарниковых роз: десять сестер.

Мелкие китайские монеты имели круглую форму с квадратной дыркой посередине и нанизывались на веревки, образуя связки.

Маленький Яо – то есть маленькое подобие Великого Яо – совершенномудрого легендарного правителя древности.

500

Шкура навозного жука – иронично-метафорическое название для пышного одеяния, не соответствующего реальному положению человека.

В Китае вокруг больших городов часто располагаются небольшие усадьбы с каким-либо заведением или лавкой. Расположенные, как в данном случае, на расстоянии пяти ли (около полукилометра) от города, они называются «Заведение в пяти ли» (У ли дянь), в десяти – «Заведение в десяти ли» (Ши ли дянь).

По мнению китайского историка У Ханя, здесь содержится намек на кражу императорского леса, то есть огромных бревен, заготавливавшихся в разных концах страны для гигантских дворцовых построек. У Хань связывает это упоминание о заготовках леса с работами по восстановлению разрушенных в 1583 и 1596 гг. императорских дворцов.

Следует напомнить, что по традиции судебные чиновники относились в Китае к разряду военных, а не гражданских чинов.

Тайчжоу – здесь город в провинции Цзянсу. Ляодун – полуостров на северо-востоке Китая.

Костюм Шутуна описывается в романе второй раз с явной целью показать, насколько преуспел Шутун в своей «карьере». Об этом свидетельствует, в частности, его головной убор – шапка со складным «навесом». До получения чиновничьего поста в такой шапке в романе ходил только сам Симэнь Цин как богатый торговец и горожанин.

См. примеч. к гл. XXIII.

Хэцинское вино – вино, вырабатываемое в уезде Хэцин провинции Юньнань.

508

Праздник летнего солнцестояния приходится на пятнадцатый день седьмой луны, справляется у буддистов.

См. примеч. к гл. XXVI.

Возьмутся мяч гонять – то есть станут бездельниками-игроками, развлекающими завсегдаев веселых домов (ср. игры в мяч в «Прекрасной весне» – т. 1, гл. XV).

Имеется в виду окончание особого трехдневного периода после свадьбы (в данном случае племянника У Юэнян), в течении которого, в частности, не гасили свечей и не играли музыки, дабы подчеркнуть всю серьезность празднующегося события.

Фениксовые плитки (фэн-бин) – название одного из высших сортов ароматного чая, выпускаемого в виде сухих плиток с тисненым изображением феникса.

Нефритовый стебель (юй-цзин) – эвфемизм мужского полового органа.

Громовержец – имеется в виду буддийское божество Цзинган – дух-стражник, охраняющий храм веры, вооруженный ваджрой, символизирующей пучок молний. В данном случае, трехногий Цзинган – образ чего-то редкостного, таинственного и страшного.

Речь идет о регулярном ритуале поклонения Конфуцию, культ которого, приравненный к императорскому, при Сун (X–XIII вв.) стал обязательным для всех состоящих на службе.

Под академиком здесь и далее подразумевается высшая в традиционном Китае ученая степень цзиньши, буквально: «продвинутый муж» (см. примеч. к гл. XIV).

То есть цензор Цзэн был утвержден в звании цзиньши в 1115 г. — лишь за год до событий, описываемых в гл. XXIII–XXXIX.

Дунчан – название города и области в провинции Шаньдун.

Вновь упоминается (см. примеч.) божество – держатель ваджры Цзинган (он же – Ваджрапани). Устрашающего вида статуи Цзингана стоят перед входами практически во все буддийские храмы, внутри которых, в свою очередь, нередко встречаются изображения Будды лежащего, то есть отошедшего в идеальное, высшее небытие – нирвану – цель всех целей, причину всех причин и, соответственно, истинным источником карающих молний-ваджр может являться лишь он, недвижимый Будда, а не его стражник-исполнитель Цзинган.

Упомянув жареную утку и цзиньхуаское вино, Цзиньлянь намекает на прием Ли Пиньэр слуги, чем и смущает ее.

В игре на каждом этапе упоминаются персонажи или ситуации из «Западного флигеля» Ван Шифу, уже не раз возникавшие в романе (см. главы II, VIII, XIII, XXI, XXVIII, XXXIII).

Здесь в китайском тексте Цзиньянь названа, согласно ее официальному статусу не пятой, а шестой женой (см. примеч. к гл. XII).

Под лауреатом здесь и далее имеется в виду человек, получивший почетную степень чжуаньюаня – первейшего. Это звание присваивалось лучшим из сдавших экзамены на степень цзиньши (см. примеч. к гл. XIV и примеч. к гл. XXXV). Чжуаньюани были первыми кандидатами на занятие государственной должности.

Река Цзянь протекает в южной провинции Чжэцзян

Дикий гусь у китайцев считается символом весточки, письма. Древнее предание рассказывает, что полководец Су У был отправлен китайским императором послом к гуннам. Те пытались переманить его на свою сторону, но Су У остался верен родине. Тогда гунны сослали его в далекие северные земли. Там Су У восемнадцать лет пас баранов. Однажды он увидел дикого гуся, оторвал кусок материи от своей ветхой одежды, написал кровью письмо китайскому государю и послал его с гусем, который принес будто бы его послание ко двору. Благодаря этому император смог добиться у гуннов освобождения Су У. С тех пор дикий гусь стал-де символом письма.

Имеется в виду первый день после начала одного из 24 солярных периодов (сельскохозяйственных сезонов) года «установления осени» – 7-22 августа (ср. примеч. к гл. XII, примеч. к гл. XXVII и примеч. к гл. XXIX).

С цзиньши-академиками, а особенно с лауреатами-чжуаньюань обычно стремились породниться сановники и именитые люди провинции, а потому наперебой сватали им своих дочерей. Их прежние жены становились либо наложницами, либо оставались в доме со свекром и свекровью.

«Мешочек с благовониями» – пьеса драматурга XV в. Шао Цаня.

Лоян – одна из древнейших столиц Китая, расположен в провинции Хэнань.

Айцзе, что буквально значит Любимая сестренка. Как сказано выше, она родилась в год лошади, который в описываемый промежуток времени приходится на год жэнь-у, или 19-ый в шестидесятеричном цикле, соответствующий 1102 г. Таким образом если, действие гл. XXX-XXXIX приходится на 1116 г. (см. примеч. к гл. XXX), то Айцзе действительно пока 14, а 15 только если вести отсчет от года зачатия. Подобная практика также существовала в традиционном Китае.

В старом Китае прежде, чем заключить брак, родители жениха и невесты обращались к гадателю, который на основании подробных данных о времени рождения жениха и невесты давал заключение о том, будет ли брак счастливым.

По обычаю, девушка перед свадьбой сама шила себе несколько пар туфелек, украшая их искусной вышивкой. Это была как бы проверка мастерства невесты.

Речь идет о главной героине уже не раз упоминавшихся новеллы Юань Чжэня «Жизнеописание Инъин и пьесы Ван Шифу „Западный флигель“, храброй девушке Инъин, тайно ходившей на свидания к своему возлюбленному студенту Чжану Цзюньжюу (см. также примеч. к гл. II, примеч. к гл. VIII, примеч. к гл. XIII). Чжо Вэньцзюнь – молодая вдова, которую увлек игрой на цитре знаменитый поэт Сыма Сянчжу, уговоривший ее бежать с ним из дома отца (см также примеч. к гл. III, примеч. к гл. XIV).

Если Ван Шестая родилась в год змеи, то это должен быть 18 год цикла – синь-сы, соответствующий 1189, таким образом если действие происходит на 9-10 месяц 1116 г. (отъезд Айцзе состоялся на 10 день 9 луны), то Ван Шестой полных не более 27 лет, или 28 от зачатия и идет 29-ый. Она на три года младше Симэнь Циня, на один год – Цзиньянь и на два старше Пиньэр.

Си Ши – одна из знаменитых красавиц древности (см. примеч. к гл. IV).

Лушань, полное имя Ань Лушань (? – 757) – тюрк по происхождению, бывший на китайской службе. Он возглавлял войска, действовавшие против киданей, но в 755 г., недовольный притеснениями, повернул свои войска против китайского императора, занял г. Кайфэн, где устроил резню, а затем захватил столицу танского Китая – г. Чанъань. Только призвав за высокую плату уйгурскую конницу, Императорскому Двору удалось подавить мятеж.

Великосущная фаворитка (Тайчжень-фэй) – Ян Гуйфэй, знаменитая красавица, любимая наложница танского императора Сюань-цзуна (712–756), воспетая в литературе и искусстве Китая; погибла во время мятежа Ань Лушаня, когда вместе с государем вынуждена была бежать из столицы. (см. также примеч. к гл. XXI и примеч. к гл. XXVIII).

Цзюньжуй – он же студент Чжан из «Западного флигеля» (см. примеч.).

Согласно древнекитайской легенде, на небе, к востоку от Млечного Пути, жила Ткачиха, дочь Небесного государя, которая круглый год ткала из облаков небесное платье. Отец пожалел ее и отдал замуж за Пастуха, жившего к западу от Небесной Реки (Млечного Пути). Выйдя замуж, Ткачиха перестала ткать, тогда Небесный государь разгневался, велел дочери вернуться домой и видаться с мужем всего раз в год, в ночь седьмого числа седьмого месяца, когда слетавшиеся со всего мира сороки строили из своих хвостов мост через Небесную Реку, где и встречались супруги.

Легенда гласит, что Жуань Чжао и Лю Чэнь (эпоха Поздней династии Хань – I–III вв. н. э.), уйдя в горы, повстречали двух дев, которые повели их в грот, где накормили кунжутом. Когда они вернулись, их внуки были уже стариками.

540

Молодец Цуй (Цуй-лан) – танский поэт Цуй Хао, прославившийся своими любовными стихами о «женских покаях». Сюэ Красотка (Цюнцун) – известная гетера.

Шуан Цзянь – сунский ученый, литератор и чиновник. В период Цин-ли (1041–1048) получил высшую ученую степень цзиньши. Су Крошка (Сяосяо) – известная герера.

Аоцао – Би Аоцао, сексуальный герой, персонаж апокрифической и эротической литературы, в частности повести «Жизнеописание господина Удовлетворителя желаний». («Жуи-цзюнь чжуань»). Около 30 лет от роду он был найден в Лояне для удовлетворения ненасытной чувственности правившей самостоятельно императрицы У Цзэтянь (684–704), которой уже перевалило за 70. В беллетристической версии развратная связь переросла в искреннюю любовь.

Люй Чжи – Люй-хоу, жена первого ханьского императора Лю Бана (Гао-цзу, 206–195), правившая самостоятельно и прославившаяся своими интригами (см. также примеч. к гл. I). Шэнь Жэнь – видимо, Шэнь Ицзи, высокопоставленный сановник, фаворит Люй Чжи.

Девять небес (цзю-тянь) – образ всей совокупности небесных сфер, которые представлялись древним китайцам разделенными, как и земля, на девять областей, соответствующих восьми странам и полустранам света и центру, то есть по модели девятиклеточного магического квадрата (ло-шу), преобразованного в круг.

Принимать с заднего двора, срывать цветы на заднем дворе — метафора анального сношения.

Игра на свирели – метафора орального сношения.

Горы Чу – область гоы Ушань – места свидания небесной феи с Сян-ваном (см. примеч. к гл. I).

Старинное предание рассказывает о молодом ученом Пэй Хане, который однажды проезжал мимо Ланьцяо – Голубого моста. Он увидел у дороги бедную хижину, крытую тростником, а возле хижины – старую женщину, сучившую пряжу. Пэй Хан попросил напиться. Старуха кликнула свою дочь Юнь-ин и велела принести питье. Девушка была настоящей красавицей, а питье показалось юноше божественным нектаром. Он попросил отдать ему девушку в жены, но старуха ответила: «Вчера один бессмертный подарил нам чудесное снадобье, теперь нужны нефритовая ступка и пест, чтобы растереть его». Пэй Хан добыл ступку и пест и женился на красавице, впоследствии они вместе ушли к бессмертным.

Янский пик (Ян-тай) – терасса горы Ушань (см. примеч. к гл. XXIX и примеч. к гл. I).

У-ди – император династии Хань (правил с 141 по 88 г. до н. э.), увлекался поисками снадобья бессмертия, окружил себя магами и кудесниками. Он мечтал найти чудотворную росу, которой якобы питались бессмертные, или добыть чудесные персики, отведав которые можно приобщиться к вечной жизни.

Имеется в виду Маолин – место захоронения У-ди, вместе с ним, по тогдашнему обычаю, было положено в могилу и его оружие (У-ди в переводе значит: «Воинственный государь»).

Имеются в виду каменные изваяния коней, которые ставились обычно у могил государя.

Нефритовый владыка – Юй-ди, верховное божество в китайской народной религии. Китайцы представляли его сидящим на троне в императорском облачении, расшитом драконами, и государевом головном уборе со свисающими нитями цветных шариков.

В Китае праздник Весны (Новый год) всегда был одним из самых пышных и торжественных. К нему готовились заранее. Перед ним полагалось рассчитаться со всеми долгами, на ворота и двери домов вешались дощечки или полоски бумаги с различными заклинаниями против злых духов и пожеланиями добра и благополучия. Этой же цели служили и расклеиваемые по случаю Нового года яркие народные лубки.

555

Имеются в виду молитвенные обращения к богу домашнего очага, который следит за всем, что происходит в доме в течение года.

Изменение имени в детстве связано с желанием родителей отвести от ребенка нечтстуб силу, которая может навлечь на него беду. Имя изменялось для того, чтобы обмануть злых духов.

У китайцев было принято давать человеку несколько имен. В детстве сразу после рождения ребенка нарекали детским именем, в некоторых случаях ему могли дать и второе имя. Когда человек вырастал, то родители или учитель выбирали ему взрослое имя, кроме этого, он сам мог взять себе какое-либо второе имя, а также всевозможные псевдонимы и прозвания. В тексте романа здесь, очевидно, имеется в виду не просто второе детское имя, а даосское имя, которое могло даваться не только при пострижении в монахи, но и просто в качестве благого пожелания. О том же свидетельствует и дарование младенцу даосских одежд.

«Книга Нефритового ларца» – старинное астрологическое сочинение, приписываемое даосскому наставнику – праведнику Сюю.

Под «всеми благами» подразумеваются долголетие, богатство, здоровье, склонность к добрым делам и смерть в глубокой старости.

560

Три сокровенных дара — великий путь-дао, священные книги и наставники в вере.

Речь идет о маленьких листиках желтой бумаги, символизирующих деньги. Их сжигали перед изображениями богов, разбрасывали по дороге на кладбище специально нанятые люди, шедшие впереди похоронной процессии.

Имеется в виду арка, стоявшая на дороге, ведущей в храм, на ней вешались доски с фамилиями именитых жертвователей.

Горные ворота – образное название монастырских врат, образ монашеской обители.

Въезжать на коне на территорию храма строго запрещалось. Перед воротами обычно ставились невысокие столбики с надписью: «Сойди с коня».

Врата Трех небес – по средневековым китайским представлениям, было три неба: небо как небесный свод, по которому шествуют светила, небо как закон, как некий высший судья, осуществляющий порядок на земле, и небо как верховное божество – Шанди – Высший владыка.

Лилоу – мифический персонаж, один из помощников первопредка китайцев Желтого государя, Хуанди, обладавший удивительной зоркостью. Шихуан – легендарный музыкант древности, жил в царстве Цзинь. Однажды, рассказывает предание, цзиньцам стало известно о приближении войска царства Чу. Но Шихуан успокоил своих соотечественников, сказав: «Не страшно! Я собирал и пел северные мелодии и южные мелодии. Южные мелодии (а на юге и находилось царство Чу – Б.Р.) не сравнятся с северными, в них много звуков смерти. Поход чусцев наверняка не будет иметь успеха». Фигуры Лилоу и Шихуана иногда ставились у входа в даосские храмы как своеобразные стражи – всевидящий и всеслышащий.

Четыре министра (Сы сян), или Четыре министра из небесных палат (Тянь фу сы сян) – 1) министр внутренних дел (нэй сян) Небесной пружины (Тянь цзи – созвездие Ковш – Доу) Лу Тун; 2) министр без портфеля (ши сян) Небесной основы (Тянь шу – Дубхе, первой звезды Большой Медведицы) Сюй Сунь; 3) первый министр (шан сян) Великого сокровенного (Тай сюань – т. е. Неба) Чжан Даолин (см. о нем примеч., к гл. LXV и примеч. к гл. LXVI.); 3) первый министр Нефритовой чистоты (Юй цин, т. е. Неба) Инь Сы. Согласно китайской традиции они соотнесены по сторонам света, первоэлементам и временам года (повелители весны и деревьев; лета и огня; осени и металла; зимы и воды).

Девять сановников – созвездие из трех звезд в Деве (одна звезда – три сановника), считавшееся, в соответствии со своим названием, «управляющим тьмой дел». Названия этих божеств свидетельствуют, что небесная иерархия в китайской мифологии точно копировала терминологию земной.

Ритуальный головной убор китайских государей; в средние века украшавший и изображения высших божеств, представлял собой шапку с особым навесом в виде положенной сверху дощечки, с которой спереди и сзади свешивались двенадцать нитей с нанизанными жемчужинами или нефритовыми шариками. Почему в тексте романа сказано, что этих нитей одиннадцать, не совсем ясно, может быть, это просто описка резчика досок для ксилографа. На известных изображениях Нефритового Владыки нитей всегда двенадцать.

569

Ланьтянь — уезд на северо-западе Китая, в провинции Шэньси, славившийся драгоценными камнями.

Восемь триграмм (ба-гуа) – универсальная классификационная схема, состоящая из восьми фигур, представляющих собой весь набор комбинаторно возможных сочетаний двух видов черт (целой, символизирующей светлую, активную, мужскую силу ян, и прерванной, символизирующей темную, пассивную, женскую силу инь) в трех позициях (снизу вверх). Каждой триграмме присущи имя, образ, понятие. Эти наглядные, геометризированные символы, охватывающие любые аспекты действительности, использовались в самом широком диапазоне – от философской теории до гадательной практики.

Девять дворцов (цзю-гун) – своеобразная мандала, круговая или квадратная схема расположения восьми триграмм по странам и полустранам света с выделенным центром. Каждому из девяти дворцов соответствует число от 1 до 9 в порядке, образующем магический квадрат 3х3 (ло-шу).

Три драгоценности (сань бао) – буддийский термин, обозначающий наставника Учения – Будду, буддийский закон и буддийская община – церковь. Пять запретов – пять деяний, которых должен должен избегать последователь Учения – это убийство живой твари, воровство, распутство, обман, виновозлияние.

Желтый путь (хуан-дао) и движущийся по нему золотой экипаж – это эклиптика и солнце. Девять небосводов – девять небес (см. примеч. к гл. XXXVII).

Девять громов – понятие, которое использовалось в магической практике заклинателей и волхвов. «Громы» изображались в виде сложных ломаных линий и кружков, обозначающих созвездия, а также триграммами. Такие знаки часто украшали одежду волхвов.

В даосской магии большую роль играла идея преобразования и вознесения обращенного человека в небесные выси. Не случайно даосские маги украшали одежду перьями птиц, например, аиста или журавля. Существовало понятие «перьевое одеяние». Кончина человека, приобщившегося к даосской святости, называлась «перьевым преобразованием» (юй хуа).

В тексте явная ошибка; речь идет о двадцати восьми созвездиях, почитаемых в человеческом образе. Духи этих созвездий считались учениками даосского патриарха Тунтянь-цзяочжу – «Проникающего в тайны небес Учителя веры»; вот, видимо, почему они изображены на одеянии даосского наставника.

Аист в соснах – аллегория даоса-отшельника.

Терем Желтого аиста (журавля) — известное архитектурное сооружение — башня, которая существует и сейчас в г. Учане провинции Хубэй. По преданиям башня была воздвигнута в эпоху Троецарствия (III в.н.э.) и ее сооружение связано с легендой о небожителе Цзы Ане, который вознесся в небо на желтом журавле. Идея небожительства в связи с этой башней воспета многими поэтами, в том числе великим Ли Бо (VIII в) и упомянутым выше поэтом Цуй Хао (см. примеч. к гл. XXXVII).

Младенца нарекли именем У Инъюань, что буквально значит У Согласный-изначальному. Характерно, что младенцу изменили даже фамилию предсказателя, чтобы вконец запутать нечистую силу.

Дух Тайи – один из шестнадцати помощников Небесного государя, повелевающий ветром, дождями, засухой, мором, голодом, войнами и почитаемый в качестве бога Судьбы. Считается обитающим у Полярной звезды и движущимся по девяти дворцам (см. примеч.).

Год бин-инь, или третий, соответствует 1086 г. (ср. примеч. к гл. XXIX); год моу-чэн, или пятый, соответствует 1088. Это же и год рождения Цзиньлянь, ровестницы У Юэнян (см. гл. III).

581

Год синь-вэй, или восьмой, соответствует 1091 г.

Год бин-шэнь, или 33-ий соответствует 1116 г. (Ср. примеч. к гл. XXX).

Три создания (сань цай) – Небо, Земля и Человек.

Третий год под девизом Всеобщего согласия (Сюань-хэ – 1119–1125 гг.), соответственно 1121 г. – явное календарное несоответствие. Год, начинающийся в гл. XXXIX должен быть назван седьмым под девизом Порядка и Гармонии (Чжэн-хэ – 1111–1118), он же – следующий за бин-шэнь, годом рождения Гуаньгэ, год дин-ю, или 34-ый (ср. примеч.).

В даосской магии существовало множество божеств-звезд и созвездий, а также небесных воителей и полководцев. Обширный сонм богов постоянно присутствовал в гадательной практике. Кроме того этот синкретический пантеон предполагал терпимость к двум другим основным вероучениям – к конфуцианству и буддизму, о чем прямо свидетельствуют ссылки на моление «святым духам трех вероучений (сань-цзяо)».

Пятая молитва в оригинале отсутствует.

Пятицветные облака – благовещий символ.

Яшмовая дева и Золотой отрок – второстепенные божества даосского пантеона. Оба они выполняли функции прислужников при крупных важных богах (например при богине Сиванму). Их изображения воспринимались как символы благополучия и счастья, а потому развешивались в домах людей. В эпоху Средневековья оба этих божества являлись популярными персонажами пьес и повестей с волшебными сюжетами, причем в литературных памятниках они выступают в разных видах и образах. Например, известен сюжет о государе древности Чжоу-гуне и фее Персиковых цветов.

Три предела мироздания (сань-цзе) – земной, наземный и небесный миры или в специальном буддийском смысле три сферы бытия: страстей, форм и бесформенного, то есть чистого духа.

Святые полководцы надзиратели алтаря (Цзянь тань шэнь цзян) – устрашающие предалтарные фигуры стражей закона. При сооружении даосских храмов или монастырей перед открытием скита происходит ритуал молитвенного призыва этих полководцев покровителей веры, дабы они прибыли для его защиты от дурных воздействий и злых духов.

Министр заслуг (Гун цао) – *(В материале по которому создавался fb2 файл эта сноска оборвана. Имеющий возможность исправить и дополнить файл может выложить исправленную версию)*

Имеется в виду знаменитый эпизод из времен борьбы Лю Бана и Сян Юя за власть в стране после разгрома Циньской империи в конце III в. до н. э., о чем шла речь на первых страницах романа. После того как Лю Бан занял Сяньян, циньскую столицу, Сян Юй преисполнился зависти к нему, и решил заманить его на пир в местечке Хунмэнь и убить его. Во время пира один из приближенных Сян Юя позвал силача Сян Чжуана, двоюродного брата Сян Юя, велел ему исполнить танец с мечом и, приблизившись к Лю Бану, зарубить его. Но другой родственник Сян Юя – младший брат его отца, не желавший этого кровопролития, тоже поднялся с мечом и пустился танцевать, все время прикрывая собой, словно крыльями, Лю Бана и не давая Сян Чжуану нанести удар. В это время в шатер, разметав стражу, вошел богатырь Фань Куай – телохранитель Лю Бана – и гневно уставился на Сян Юя; волосы на голове его поднялись торчком, зрачки расширились так, что казалось, глаза вот-вот лопнут. Лю Бану в сопровождении грозного Фань Куая удалось выйти из шатра и бежать в свой лагерь. План Сян Юя не удался.

«Повествование о Западных Ханях» – цикл сказов о падении династии Цинь и начале династии Хань (на рубеже III и II вв. до н. э.), рассказываемый в течение многих дней. Сохраняется в репертуаре народных сказителей с XI–XII вв. и до нашего времени.

Желтый пояс — принадлежность даосского одеяния.

Имеется в виду богиня-чадоподательница и покровительница детей Суньцзы-няннан (буквально: внуков и сыновей), нередко ассоциировавшаяся у китайцев с бодхисаттвой Гуаньинь (Авалокитешварой), к которой тоже обращались с мольбой о ниспослании потомства.

Выше, в этой же главе она именуется с перестановкой иероглифов Цзысунь-няннан в перечне с иными святыми, связанными с деторождением, а именно: Небу равный, великий рождающий божественный совершенномудрый Государь Великой Восточной горы и Совершенномудрая мать-предводительница, надзирающая за рождениями и охраняющая дома.

Буддийский монах носил хламиду коричневого или оранжевого цвета и был бритоголов. Платье даосского подвижника мало чем отличалось от мирской, причем даосы не брили голов, поэтому в отличие от буддистов они походили на обычных мирян.

Цзиньянь называет сына Пинъэр маленьким духом, намекая на то, что ему предстоит перейти в иной мир.

Чжэн Энь (X в.) – влиятельное лицо при дворе основателя династии Сун Чжао Куанъиня (Тай-цзу).

Тридцать второй патриарх Запада – 32-й общебуддийский и 5-й чаньский патриарх Хунжэнь (606–671 гг., происходивший из уезда Хуанмэй (Желтая слива) провинции Хубэй. Исполняемый монахиней отрывок воспроизводит самую раннюю версию «Драгоценного свитка о Пятом Патриархе из Хуанмэй» («Хуан-мэй У-цзу бао-цзюань»).

Танский император Гао-цзун правил в 649–683 гг. Третий год его правления под девизом Всеобщего Блаженства – 672. Очередной явный анахронизм, поскольку главный герой исполняемого «драгоценного свитка» – богач Чжан, становящимся 32-м (5-м чаньским) патриархом, в качестве последнего должен был уже почитать в 671 г. Более того, ниже описывается его встреча с 4-м патриархом, который отошел в мир иной еще на 20 лет раньше, в 651 г.

600

Область Линнань (буквально: к югу от хребта) – одно из названий южной провинции Гуандун.

601

Обитель Желтой сливы – монастырь в провинции Хубэй.

Брахма – бог-демиург в индийской мифологии, основной персонаж религии брахманизма, в преображенном виде присутствует также и в буддийском вероучении. Понятие брахмы в терминах китайского буддизма порой сливается и практически отождествляется с понятием будды в его сакральной сущности.

Четвертый Патриарх чаньский наставник – патриарх Даосинь, в миру носивший фамилию Сыма (580–651 гг.).

Ведана — бодхисаттва Вэйто, защитник учения Будды, иногда отождествляемый с Индрой, изображается в виде вооруженного воина в главном зале буддийского храма.

Амида (Амитабха, кит: Амитофо) – популярное божество буддийского пантеона, которое имело множество ипостасей и названий: Будда Западного мира Высшей Радости (так как он вводил посвященных в Чистую Землю Западных краев) Будда Беспредельного долголетия, Беспредельного света и Непрестанного сияния.

Шесть внутренностей, или шесть кладовых — см. примеч. к гл. XXIX. Семь дыр — семь отверстий на человеческом теле: глаза, уши, ноздри и рот.

Звезда Тайбо – китайское название планеты Юпитер. У гадалей и магов это звезда Рока, символ враждебной силы, поэтому существовало выражение: «не задевать звезды Тайбо», дабы не навлечь на себя бед.

Три управителя (Сань гуань) – духи, управляющие небом, землей и водой.

Четыре совершенномудрых (Сы шэн) – звездные духи четыре совершенномудрых из небесных палат (тянь фу сы шэн): Тяньпэн, находящийся в подчинении у Великого владыки Северного Ковша, связанный с первоэлементом дерево; Тянью,

Дицзан – см. примеч. к гл. XXVI.

«Толкование “Алмазной сутры”» – буддийское сочинение, представляющее собой пересказ основных положений буддизма с пояснениями для непосвященных. «Драгоценные свитки» (баоцзюань) – жанр своеобразного песенно-повествовательного сказа, в котором прозаическое повествование перемежается с поющими стихотворными отрывками. Исполнение баоцзюань было весьма популярно в XV–XVII вв. и в более позднее время. Исполняя баоцзюань, монахи стремились внушить своим слушательницам буддийские идеи о воздаянии за добро и зло, о необходимости самосовершенствования, о спасении из суетного мира бесконечных страданий и т. п. Само слушание драгоценных свитков считалось делом благим и сулящим счастье и благополучие дому, где их исполняют, и тем, кто внимает праведному слову.

Сестрица Шестая – в данном случае Цзиньянь (см. примеч. к гл. XII). К тому же имя Пань Шестая подходит Цзиньянь как шестой дочери в семье отца (см. начало романа).

Ван Дао (276–339) – сановник времен правления династии Цзинь (265–420). Постепенно он сосредоточил в своих руках практически всю гражданскую и военную власть в стране. Могущество его было столь велико, что когда в 317 г. Сыма Жуй, опираясь на северную и южную знать, основал династию Восточная Цзинь, а в следующем (318 г.) провозгласил себя императором, и в первый же день восшествия на престол он пригласил Ван Дао занять место рядом с ним. «Ван Дао и Сыма вместе правят Поднебесной», – говорили тогда в народе. Ван Дао занимал высшие посты при трех цзиньских государях.

Ши Чун – см. примеч. к гл. X.

Ученый – в китайском тексте говорится об обладателе второй ученой степени цзюйжэнь (см. примеч. к гл. VII).

615

Шунь – мифический совершенномудрый император древности, согласно легенде, был изобретателем свирели.

Весь этот цикл романсов заимствован из драмы Цяо Цзи (1280–1345 гг.) «Любовный союз Юйсяо в двух жизнях», произведения более позднего, нежели время действия романа «Цзинь, Пин, Мэй».

Цветок Лояна – одно из названий пиона.

618

Гунсунь Хун – советник императора Уди (140-87 гг. до н. э.) в Восточном дворце содержал ученых, сам отличался непостоянством характера.

Сыма Сянжу – романтическая история любви Чжо Вэнцзюнь и поэта Сыма Сянчжу (179–117 гг. до н. э.), вызвавшая гнев отца Вэньцзюнь, Вансуня (см. примеч. к гл. III, примеч. к гл. XIV, примеч. к гл. XXXVII), вызывала восхищение современника Ланьлиньского Насмешника, просветителя Ли Чжи и широко дискутировалась в творчестве китайских литераторов XVI в.

Имеются в виду юаньсяо – круглые пирожки из клейкого риса с начинкой из сахара, которые едят в новогоднюю ночь.

Драконов глаз – см. примеч. к гл. X.

Личжи – см. примеч. к гл. X.

В темное платье одевались слуги и посыльные.

Четырехугольные шапки носили люди образованные.

Пирожки юаньсяо обычно делались во время праздника Фонарей, который также называется праздником Юаньсяо.

Багряное послание (буквально: «Киноварное послание» – дань-шу) – счастливое знаменье. Его толкование различно. В древней книге «Весны и Осени господина Люй» («Люй-ши чунь-цю») рассказывается о красной птице, которая в клюве принесла «багряное послание» со счастливым знамением для рода Чжоу. В другой легенде говорится, что во времена мифического Юя, умирившего потоп, из вод реки Лошуй показалась священная черепаха, которая поринесла это послание духов. В последствии слово «даньшу» стало обозначать государеву бумагу, дарующую привелегии или амнистии. У магов это понятие означало заклятие, способное отвадить нечисть, благодаря волшебной силе киновари (дань).

Восемь бессмертных – популярные даосские божества, каждый из которых символизирует некую таинственную силу.

Местные чины ежемесячно первого и пятнадцатого числа совершали обряд поклонения императору — по-видимому своеобразный церемониал присяги на верность трону.

Имеется в виду даосский молебен духу Неба, который совершается 15 числа первой луны о здравии государя и процветании народа.

Сестрица Шестая – в данном случае Цзиньянь.

Сестрица Вторая – вторая жена Симэня, Ли Цзяоэр, тетка певицы
Ли Гуйцзе.

Область Восточного Оу примерно соответствует области Вэньжоу провинции Чжэцзян. «Песенка» – имеется ввиду особый классический музыкальный жанр «лин».

Лян Шаньбо и Чжу Интай – персонажи популярной легенды, ставшей хрестоматийным литературным сюжетом. Юноша Лян и его возлюбленная Чжу, не будучи в состоянии соединиться, вместе умерли от горя и превратились в пару неразлучных бабочек.

Белый зверь – видимо имеется в виду мифическое существо – веший зверь байцзэ, с которым встретился мифический государь Хуанди на берегу реки. Изображение этого существа, напоминающего драгона и тигра, использовалось как эмблема на парадном платье чиновника.

Единорог – фантастическое животное цилинь похоже одновременно и на корову (туловищем) и на дракона (мордой). Его изображение служило в то время знаком различия, полагавшимся командующим пяти тысячными отрядами и их женам (напомним, что Симэнь Цин имел чин только помощника тысяцкого). Вместе с тем цилинь считался в Китае существом, приносящим сыновей. На многочисленных вышивках и благопожелательных лубках постоянно изображали цилиня, несущего сына хозяину дома. Все это позволяет увидеть в костюме Юэнян намек на то, что ей предстоит родить Симэнь Цину наследника, который должен будет искупить грехи отца.

Таким образом для торговца Симэнь Цина открывается возможность породниться с будущей императрицей.

Сянчжоу – см. примеч. к гл. X.

Жемчужина Хэпу – см. примеч. к гл. X.

Грушевый сад – образ таэтра. Первоначально так называлось место театрального действия во дворце Танского императора Сюань-цзуна. В его Запретном Дворце был сад, в котором триста актеров учились театральному мастерству. В театральных представлениях участвовали также шестьсот певичек, которые проживали в специально отведенном для них месте дворца – в Северном дворе Согласия Весны (см. также примеч. к гл. XI).

Лофу – красавица, фея реки Ло, дочь мифического императора Фуси, супруга речного божества Хэбо. Лирическая история любви феи изложена в поэме Цао Чжи (III в.), по ее мотивам был создан знаменитый свиток Гу Кай-чжи (IV в.) «Фея реки Ло».

Чанъэ – мифическая красавица, богиня луны, см. примеч. к гл. II.

641

В оригинале в имени героини вместо иероглифа «юэ» (луна) ошибочно стоит сходный иероглиф «жи» (солнце).

Смысл данной строки не вполне ясен. Буквально в ней речь идет о публичном свидетельстве любовных отношений героини, представленной в стандартном образе иволги, в некоем храме духа моря (хай-шэнь). Последний упоминается уже в «Исторических записках» Сыма Цяня (в гл. VI) как вредоносное человекообразное существо, явившееся во сне императору Цинь Шихуан-ди. По видимому, в данном стихе так или иначе содержится угроза героини утопиться и тем самым обесчестить своего неверного возлюбленного.

Созвездия Орион и Люцифер (или Скорпион) – здесь в качестве европейского соответствия созвездиям Шэнь и Чэнь. Шэнь (Триада) – это часть созвездия Орион, согласно китайской астрономической системе, 21-ое из 28 зодиакальных созвездий, одно из составляющих Белого Тигра (Бай-ху), то есть западного сектора неба. Чэнь – пятый циклический знак из 12 «земных ветвей» (см. примеч. к гл. XXIX), означающий также 5-ое из 28 зодиакальных созвездий – Синь (Сердце, китайский аналог Скорпиона), одно из составляющих Синего Дракона (Цан-лун), то есть восточного сектора неба. Созвездия Шэнь и Синь (Чэнь) образуют основную небесную ось восток – запад. Расположенные в противоположных секторах неба, они никогда не встречаются, поэтому выражение «жить как Шэнь и Чэнь» означает существование в вечной и неизменной разлуке.

Клецки — имеются в виду напоминающее клецки популярное мучное блюдо хуньтунь.

Далийский мрамор – цветной мрамор, добывавшийся в местности Дали провинции Юньнань. В древности Дали – одно из южных царств. Из каменных плит разного цвета и рисунка делались богато украшенные предметы обихода. Особо ценились мраморные экраны, которые ставились на специальную подставку или подвешивались к раме. Иногда к раме дополнительно подвешивались бронзовые колокольцы, гонги, металлические барабанчики.

Судя по функциям, которые Ламэй выполняет, это с большей вероятностью должен быть мальчик, однако имя Ламэй – зимняя мэй, или зимоцвет (*Chimonanthus*), больше подходит девочке. Переводчик В.С.Манухим, явно не зная какому из двух вариантов отдать предпочтение, в гл. XLV указывает, что это служанка, а позже, в гл. LXVIII – слуга. Второй вариант мы все же считаем более обоснованным. Видимо речь идет о совсем еще юном мальчике с ласкательным детским прозвищем.

Символы-гуа – мантические фигуры, образующие два набора: 8 триграмм (см. примеч. к гл. XXXIX) и 64 гексаграммы (каждая из которых образована двумя триграммами во всех комбинаторно возможных сочетаниях, то есть состоит из черт двух видов: инь и ян в шести позициях). Происхождение символов-гуа связано с древнейшей (II тыс. до н. э.) гадательной практикой, осуществлявшейся путем обжига панцыря черепахи и истолкования появившихся трещин (скапулимантия). Описанная ниже упрощенная процедура гадания ничем, кроме своего обозначения не напоминает древний образец.

Цитата из «Ли-цзи» («Записки о благопристойности»), гл. «Юэ-цзи» («Записки о музыке»). См.: «Ши-сань-цзин» («Тринадцатиканоние»), с. 1604; перевод: Музыкальная эстетика стран Востока. – М., 1967, с. 184–208.

Золотой ворон — колченогий ворон — солярный символ в древнекитайской мифологии; яшмовый заяц — символ луны. Одно из наиболее ранних изображений этой пары известно по знаменитому погребальному стягу из погребения в Мавандуй II в. до н. э.

650

Сбор овощей (тяо-цай) — праздник сбора дикорастущей зелени, отмечавшийся во второй день второй луны.

Описываемый далее способ гадания основан на использовании маркированных символами-гуа карт-каблогграмм, соотнесенных с главными мантическими схемами, в том числе циклическими знаками «небесных стволов» (1-цзя, 2-и, 3-бин, 4-дин, 5-моу, 6-цзи, 7-гэн, 8-синь, 9-жэнь, 10-гуй) и «земных ветвей» (1-цзы, 2-чоу, 3-инь, 4-мао, 5-чэнь, 6-сы, 7-у, 8-вэй, 9-шэнь, 10-ю, 11-суй, 12-хай), пятью первоэлементами (вода, огонь, дерево, металл, земля-почва; см. также примеч. к гл. XXIX), 12 судьбоносными «палатами» (или «дворцами»: судьбы-предопределения, богатства, жилища, потомства, слуг, жен, напастей, службы, счастья, облика), астрономо-астрологическими объектами и др., а также выступающей в качестве «чудотворной черепахи» (лин-гуй) специально изготовленной из дерева фигуры или фишки, которая крутилась и местом своей остановки указывала на соответствующую карту и пространственно-временную позицию в указанной схематике.

Год большого дракона – соответствующий наибольшему числу из пяти «драконьих» знаков (чэнь) в шестидесятичном цикле, а именно 53-ий, или бин-чэнь, в описываемый период приходился на 1076 г., в свою очередь год малого дракона соответствует 5-ому, или моу-чэнь, в описываемый период – 1088 г. Время действия гл. XLVI приходится на 1117 г., следовательно, У Юэнян называет свой возраст – 30 лет, вычисленный не от появления на свет, а от появления в утробе матери. Таков стандартный китайский способ подсчета годов жизни, которому соответствуют два свысла иероглифа «шэн» – «быть зачатым» и «родиться».

Соседние циклические знаки моу-чэнь, пятый, и цзи-сы, шестой (см. примеч. к гл. XXIX), соответствуют двум годам – 1088 и 1089. Здесь и в двух дальнейших гаданиях, Юйлоу и Пинъэр, к циклическому знаку года рождения прибавляется соседний – последующий (у Юйлоу) или предыдущий (у Пинъэр), что обусловлено внутренней взаимосвязью десято «небесных стволов», образующих пять пар; 1. цзя-и, 2. бин-дин, 3. моу-цзи, 4. гэн-синь, 5. жэнь-гуй. В свою очередь эти пары стандартно соотносятся с пятью первоэлементами в следующем порядке «порождения»: 1. дерево, 2. огонь, 3. земля-почва, 4. металл, 5. вода. В данном случае использована более сложная система соотнесения циклических знаков с пятью первоэлементами, которая называется «введением звуков» (на-инь) и соответственно связана с музыкальной теорией, а точнее координацией 60 звуков (5 базовых тонов пентотоники, умноженные на 12 ступеней хроматического звукоряда) и элементов 60-ричного цикла. В этой системе 60 циклических знаков также разбиты на 30 пар, каждая из которых имеет собственное название из трех иероглифов с включением обозначения одного из пяти первоэлементов. В описанных в тексте трех гаданиях фигурируют названия соответственно третьей, первой и четвертой пары: «дерево большого леса», «металл в море», «земля (почва) при дороге».

Здесь перевод следует изданию Чжан Чжупо, в тексте же «цыхуа» иной вариант: «... виднеется нечто драгоценное (гуй)».

Появление на свет Мэн Юйлоу в год цзя-цзы, или первый в шестидесятеричном цикле соответствует 1084 г. Действие же гл. XXXIX–LXXVII приходится на 1117 г., следовательно, Юйлоу, как и Юэнян, отсчитывает свой возраст, 34 года, от зачатия.

Три наказания (сань-син) – оформившаяся в начале VII в. мантическая процедура сопоставления 12 «земных ветвей» с расположенными по странам света пятью первоэлементами. Три наказавния, предвещающими несчастье, считались следующие сочетания циклических знаков: 1. цзы – мао (1–4), 2. инь – сы – шэнь (3–6 – 9), 3. чоу – суй – вэй (2 – 11 – 8). Шесть бедствий (лю-хай) – один из трех стандартных способов (наряду с шестью соответствиями, лю-хэ, и шестью противопоставлениями, лю-чун) сопоставления друг с другом «земных ветвей», образующих неблагоприятные сочетания в следующих парах: 1. цзы – вэй (1–8), 2. чоу – у (2–7), 3. инь – сы (3–6), 4. мао – чэнь (4–5), 5. шэнь – хай (9 – 12), 6. ю – суй (10–11).

657

Год малой овцы – соответствующий наименьшему числу из пяти «овечьих» знаков (вэй) в шестидесятиричном цикле, то есть синь-вэй, восьмой, или 1091 г. Возраст Ли Пиньэр – 27 лет вычислен от зачатия.

Перевод отражает редакцию Чжан Чжупо; в тексте «цыхуа» говорится не о «демоне» (гуй), а о «парне» (эр).

Кету (Хвост Леопарда) и Раху (Желтая Хоругвь) – два мнимых астрономо-календарных объекта (звезды или созвездия), заимствованных китайцами у индийцев вместе с буддизмом в начале VIII в. Кету (в китайской транскрипции Цзиду) и Раху (в китайской транскрипции Лохоу), входя в состав девяти светил (вместе с Солнцем, Луной и пятью основными планетами), соответствуют пересечениям орбиты Луны с эклиптической и в астрологии считаются распорядителями бедствий и катастроф. Ссылаясь на зловещую «звезду» Кету, гадалка предупреждает Ли Пиньэр о возможной в этом году смерти и точно указывает на время гибели ее сына – восьмой месяц по лунному календарю. Нижеследующее заявление гадалки о грозящих плачем седьмой и восьмой луне обусловлено числами 7 и 8 – значениями циклических знаков гэн-у и синь-вэй, выведенных из даты рождения Пиньэр.

660

Гань Ло был знаменит тем, что уже в двенадцать лет был принят на официальную службу. Жил при династии Цинь (III в. до н. э.).

Цзы-я, или полностью Цзян Цзы-я, наоборот, пошел служить чжоускому князю Вэнь-вану уже семидесятилетним стариком. Рассказывают, что однажды во сне добродетельному князю Вэнь-вану явился Небесный правитель, стоявший у переправы через реку. За его спиной был виден старец с седыми усами и бровями. небесный правитель сказал, что дарует князю мудрого советника. Князь проснулся и стал думать о том, как же отыскать этого старца. Однажды во время охоты он подъехал к реке и увидел старика, невозмутимо удившего рыбу. Он был очень похож на того, которого князь видел во сне. Вэнь-ван пригласил старца в свою колесницу и сделал своим советником. Старца звали Цзян Цзы-я.

Янь Хуэй – ученик Конфуция, умер 32 лет от роду (см. также примеч. к гл. IV).

Пэн-цзу (Пэнский предок) – мифический персонаж, китайский Мафусаил, сподвижник легендарного государя Яо, проживший будто бы более 800 лет. В даосских текстах часто выступает в качестве наставителя в «искусстве внутренних покоев», знаток сексуальных практик, за счет которых он и продлял свою жизнь.

Фань Дань – по-видимому, имеется в виду Фань Дань, живший в середине II в., который долгое время не мог найти себе чиновничье место.

Под югом здесь имеется в виду район Южноречья, Янчжоу – обширный район к югу от реки Янцзы – был крупным торговым центром и областью.

Архат (санскр. «достойный», кит. транскрипция: «лохань») — буддийский святой, то есть человек, достигший наивысшего уровня духовного самосовершенствования и освободившийся от бесконечной цепи перерождений. В эту категорию включаются сам Будда, его ближайшие ученики и последователи. Статуи архатов, нередко позолоченные, украшают в Китае буддийские храмы, где их число далеко превосходит каноническое (16 или 18) и достигает 500.

Цзюйжэнь — вторая после сюэя ученая степень (см. также примеч. к гл. VII).

Перефразированные слова из «Ли-цзи» (ср. примеч. к гл. XLVI).

Выездной цензор, или прокурор (юйши) — особый чиновник, который назначался дворцом для проверки дел на местах — расследование фактов лихоимства и других преступлений.

670

Год и-вэй, или 32-ой соответствует 1115 г., то есть за два года до описываемых событий.

В китайском тексте говорится о «гласной таблице» (гаопай), которую вносили в залу присутствия, что означало начало слушания дела.

Красные ступени, или красная площадка — особое место перед присутственной залой, где люди передавали свое прошение властям. В переносном смысле: судебное присутствие.

Чанъань – столица Китая при династии Тан (618–907 гг.), крупный город Северо-западного Китая, ныне Сиань.

Ци и Лу – названия древних царств, находившихся на территории Шаньдуна. В средневековом Китае употреблялись как метафорическое обозначение земель на полуострове Шаньдун, именно в этом значении употреблены они здесь.

675

В День Поминовения усопших – то есть третьего числа третьего лунного месяца.

«Весны и Осени» («Чуньцю») – древнейшая китайская летопись, в которой описывались события, происходившие в царстве Лу. Создание ее приписывается Конфуцию.

Ся Яньлин – официальное имя Ся Лунси.

В старом Китае женщинам не полагалось праздно разгуливать по улицам. Женщины из богатых домов обычно ездили в паланкинах.

Зала Высокого правления – дворцовое учреждение, занимающееся делами государственного правления. Здесь зала (дянь) – имеется в виду административное учреждение, управа.

Гун – высший, после императора, титул в империи, соответствует первому министру.

«Шу-цзин» — «Книга исторических преданий» — входит в конфуцианский священный канон.

Годы правления под девизом «Благородного умиротворения» (Чуннин) – 1102–1106 гг., «Великого зрелища» (Да-гуань) – 1107–1110 гг., – весь этот период входит в эпоху правления императора Хуэй-цзуна (1101–1125 гг.).

Цай Ю – сын Цай Цзина, императорский фаворит. См. гл. XVIII.

См. гл. XXXVI; XXXVII.

Сечжи – фантастическое животное. На вышивках его изображали похожим одновременно и на льва и на собаку, но с одним большим рогом. В древней «Книге божественного и удивительного», приписываемой ученому и магу Дунфан Шо (II в. до н. э.), говорится: «В пустынных землях Северо-востока есть животное, похожее на корову, шерсть зеленая, четыре ноги. Одновременно оно похоже и на медведя. Увидит дерущихся – бодает виноватого. Услышит спорящих – бодает неправого». Поэтому именно мифическое животное сечжи стало в Китае своеобразным символом правосудия, и его изображения украшали знаки различия на цензорских халатах. Цензорам в старом Китае вменялось в обязанность следить за соблюдением законов и отправлением правосудия.

Черные туфли, как и черная шапка из флера, входили в официальный наряд чиновника. В других случаях, – например, при отправлении жертвоприношений, – надевались церемониальные туфли красного цвета.

Дуаньси – местность в провинции Гуандун, где добывали особый камень, который применяли для растирания туши. Материал этот отличался большой прочностью и имел красивую окраску.

Сыцюань – прозвание Симэнь Цина.

Ань Фэншань (он же Ань Чэнь) — см. гл. XXXVI.

Трехгорье – три острова-горы, обитель бессмертных (см. примеч. к поэтическому эпиграфу, примеч. к гл. XV).

Речь идет о поэте Тао Юаньмине (365–427 гг.), воспевавшем хризантемы.

Написанием прозвища «Лайбао» в форме «Лай Бао» переводчик показывает, что в визитной карточке оно должно восприниматься фамилия Лай и имя Бао.

Се Ань (IV в.) – крупный сановник, имевший обыкновение гулять в горах с компанией певиц.

Ван Сичжи (303–379 гг.) – поэт и каллиграф, автографы которого стали высшим эталоном в искусстве каллиграфии.

Лю Чэнь и Жуань Чжао (I–II вв.), согласно древнему преданию, они однажды отправились на охоту в Тяньтайские горы (провинция Чжэцзян) и увидели стадо горных козлов, которых стали преследовать. Вскоре они оказались у протока с переброшенным брошенным через него каменным мостом. Они прошли по мосту, и перед ними открылась просторная долина, где травы и деревья дивно благоухали. Лю Чэнь и Жуань Чжао пришли в восторг. Их встретили две удивительные красавицы-феи, которые зазвали их к себе в грот, угостили сезамом и позволили возлечь с ними на ложе. Когда же оба героя вернулись домой, то их встретили потомки в седьмом поколении.

Сяомань – певица и танцовщица, которую воспел Бо Цзюйи.

Волопас и Ткачиха – см. примеч. к гл. XXXVII.

Дао-цзянь – означает «В-вере-утвердившийся».

Деревянная рыба (му-юй) — буддийский ритуальный предмет, состоящий из била в форме рыбы и колотушки с шарообразным набалдашником. Имеет две разновидности: округлую — для выбивания ритма при чтении сутр, или молитв, и вытянутую — для созыва на трапезу или монастырское собрание. Подобная форма этого ритуального предмета вызвана верой в то, что рыбы ни днем ни ночью не смыкают глаз, чему должны следовать взывающие истину буддисты.

700

Самадхи (кит.: дин) – буддийский термин, обозначающий высшую духовную упроченность, состояние сосредоточенного и очищенного сознания, точно фиксированного на объекте медитации и дающего просветление.

701

Гора Сумеру – в буддийской космографии центр мироздания.

Лао-цзы (VI–IV в. до н. э.) – буквально: Старец-мудрец или Старец-молодец, полуполюгендарный персонаж китайской древности, предполагаемый родоначальник даосизма, которому приписывается знаменитый и загадочный трактат «Дао-дэ-цзин» («Канон пути и благодати»), ставший основополагающим текстом для даосской философии и религии, эротологии и медицины. В религиозном даосизме и народных верованиях Лао-цзы был деифицирован и представлен как высшее божество, имевшее различные ипостаси в разные времена и в разных местах, в частности тождественное Будде. Одно из оккультных воплощений Лао-цзы – хранитель алхимических и медико-эротологических тайн.

Мать Владычица Запада (Сиванму) – особо почитаемый даосами персонаж древнейшей китайской мифологии. По преданию, она обитала в западных горах Куньлунь, где росли чудесные персики бессмертия. В эротологических трактатах выступает как хранительница тайн искусства «внутренних покоев», впервые открывшая их людям (ханьскому императору У-ди).

703

Ли – мера веса, одна тысячная ляна, то есть около 0,04 г.

Нефритовая гора – образ прекрасного человека. Киноварные поля (дань-тянь) – даосское обозначение трех парафизиологических органов, центров жизненной энергии, расположенных внутри тела человека: в нижней части живота, в области пупка и в голове.

Пневма (кит.: ци) – специфический термин китайской медицины, обозначающий основной вид жизненной энергии организма, а также совокупность функций его внутренних органов и тканей. Согласно традиционным китайским представлениям, все четыре организмических компонента: дух, семя (сперматическая эссенция), пневма и кровь имеют единую духовно-материальную, витально-энергетическую субстанцию и потому могут преобразовываться друг в друга, чему, в частности, и учит та эротологическая теория, отзвуки которой слышны в словах монаха.

В китайской медицине почки считались носителями сексуальной энергии и даже объединялись с тестикулами общим наименованием посредством одного иероглифа «шэнь». Отсюда понятно их сближение со «средоточьем ян», то есть мужским половым органом.

Весенний цвет (чунь-сэ) – китайский эквивалент термина «эротика», в буддийском контексте – «чувственная цветоформа (рупа)».

Понимающий толк – это буквально: знающий музыкальные звуки (чжи-инь-кэ). Музыка в Китае считалась главным воплощением и регулятором сексуальности, о чем свидетельствует само обозначение одним и тем же иероглифом как музыки, так и радости-наслаждения. Симэнь свое «знание музыкальных звуков» (фигурально: профессионализм) обнаруживает и самым конкретным образом, используя такие сексуальные приспособления, как «бирманский бубенчик» и «звонкоголосая чаровница».

Чжан – мера длины равная десяти чи (см. примеч. к гл. I), или приблизительно 3,2 м.

Девять зон – буквально: девять округов и областей. Из глубокой древности исходит космологическое представление о нормативном делении территории Китая на девять областей в соответствии с аналогичным делением неба и по модели девятиклеточного магического квадрата (ло-шу). Таким образом, выражение «девять областей» стало синонимом «всего Китая».

Бодхисаттва (санскр.: существо, стремящееся к просветлению; кит. транскрипция: пуса) – буддийский святой, совершенная личность, достигшая высшего состояния – нирваны и статуса будды, но самоотверженно верующая в круг перерождений, в бренный мир ради помощи в спасении другим живым существам.

Великая Сокровищница Канонов (кит.: Да-цзан-цзин; санскр.: Трипитака, буквально: Три корзины) – полное собрание священных текстов буддизма, состоящее из тысяч томов.

713

Имеется в виду узелок с набором сексуальных приспособлений.

Имеется в виду Ли Пинъэр, которая хотя формально являлась седьмой женой Симэнь Цинь, но по причине смерти первой могла носить «титул» Шестой.

Имеется в виду Ли Цзяоэр, также реально являвшаяся третьей женой.

Т.е. праздник Дуанью лодок-драконов – один из трех самых больших праздников старого Китая, справлявшийся в разгар лета, пятого числа пятого месяца по лунному календарю (в зависимости от даты начала года начало пятого месяца может приходится на конец мая-конец июня), обычно на воде. Символизировал он апогей мужской силы ян, после которого неминуемо должно наступить торжество женской силы инь, что сопровождается трагическими перетурбациями. Поэтому, в частности, и происхождение праздника связывается с самоубийством бросившегося в реку величайшего поэта древности – Цюй Юаня (IV–III вв. до н. э.).

Цзунцзы – пирожки, традиционно готовящиеся в праздник драконовых лодок (см. примеч. к гл. XVI).

718

Сюэ – одна из монахинь, пришедшая на день рождения Ли Цзяоэр.

Монахи, как и монахини брили головы.

Чужеземное снадобье – в китайском тексте имеется в виду снадобье некоего иноземного монаха. Слово «иноземный» выражено словом «ху», то есть иноземец с Запада.

Лошадиная пасть – выходное отверстие семепотока на мужском половом члене.

«Звонкоголосая чаровница», или снасть с вибрирующим звуком, — одно из сексуальных приспособлений Симэня.

Серебристый фазан — знак различия гражданских чиновников пятого ранга в эпоху Мин.

Неточная цитата из гл. XXIII «Гэнсан Чу» основополагающего даосского трактата «Чжуан-цзы».

На-мо — буддийская молитвенная формула, обязательно повторяющаяся в молитвах и имеющая сакральное назначение.

Учение Великой пустоты – т.е. Учение буддизма, который проповедовал в качестве идеала абсолютное ничто, небытие.

Три сокровища (сань-бао, санскр.: триратна) будда, учение (дхарма), монашеская община (сангха).

Бай, цянь, вань цзе — буквально: «сотни, тысячи, десятки тысяч цзе». Цзе (санскрит — «кальпа») — в буддийской космологии цикл существования, один поворот колеса времени во Вселенной. В конце каждой кальпы Вселенная разрушается и все начинается сначала. Причина мирового цикла — грехи живых существ. Кальпы будут сменять друг друга до тех пор, пока все живые существа не встанут на путь спасения. Тогда мир окончательно перестанет существовать.

Шакьямуни (санскр. буквально: «мудрец из рода Шакья») — вероятно, реальное историческое лицо, жившее в VI–V вв. до н. э. в северной Индии. Согласно буддийской догматике, не первый земной будда, но тот, чья проповедь положило начало распространению учения на земле, тот, кто указал живым существам путь перехода в идеальное состояние будды.

Покинул мир (чу цзя) – отошел в идеальное небытие, или возможен иной, буквальный, смысл – ушел из семьи, стал монахом.

Сын Брахмы (Фань-ван-цзы) – это определение будды может быть переведено двояко: и как «сын индийского царя», кем реально и являлся Гаутама Шакьямуни и как «сын Брахмы». Брахма – см. примеч. к гл. XXXIX.

731

То есть на Гималаи.

В эпоху Сун будда Шакьямуни получил наименование «Золотой святой Великого просвящения» (Да-цзюэ Цзинь-сянь).

Применена формула «на-мо» (см. примеч.).

Большая колесница (да-чэн; санскр.: махаяна) – ветвь буддизма, получившая основное распространение на Дальнем Востоке. Проповедует путь спасения для всех, не только для узкой касты монахов. Цель махаяны – достижение состояния бодхисаттвы, т. е. добровольная отсрочка личного спасения ради проповеди и содействия в спасении всем живым существам. Помощи бодхисаттв отводится главенствующая роль в спасении. Согласно махаяне будда Шакьямуни есть воплощение сверхестественного извечного мирового принципа будда=брахма и его орудие. Общее число будд бесконечно, вместе с бодхисаттвами они составляют сложный пантеон махаяны.

735

Великое Просвещение (да-цзюэ) – высшее просветление, т. е. достижение состояния Будды.

Украшение (чжуан-янь) – термин религии амидаизма – формы махаяны, наиболее распространенной на Дальнем Востоке, признающей главным буддой – будду-Амиду (санскр.: Амитабха, кит: Амитофо), эманацией которого является бодхисаттва Гуаньинь (санскр.: Авалокитешвара), а земным воплощением – Гаутаму Шакьямуни. Украшение – это достижение славы, реализации духовной красоты (в моральной и медитативной сферах), способности управления силами добра и зла и т. д. В амидаистском рае установлено 29 форм «украшения».

Небесный путь (тянь-дао) – высший из шести путей спасения, область радости, святости и доброй кармы, развития к великолепному состоянию бодисатвы.

В китайской версии Гуаньинь в земной жизни была третьей дочерью царя Чжуан Яня (иероглифы его имени совпадают с термином «украшение»).

Принцесса прелести и добра (Мяо-шань-чжу) – Гуаньинь.

740

Или Ароматные горы. В традиции связываются с горами Куньлунь.

741

Буквально: «сидела, поджав скрещенные ноги подошвами вверх»
(символ: будда не ходит мирскими путями).

В оригинале, вероятно, случайная или намеренная ошибка и имеются в виду 52 превращения, или 52 ступени восхождения – путь к состоянию будды, т. н. «путь бодхисаттвы».

743

Опять повторяется формула «на-мо».

Гуаньшинь – равнозначно Гуаньинь.

Чань (санскр.: дхяна, яп.: дзэн, буквально: духовное) – одно из влиятельных и оригинальных направлений в китайском буддизме, основной практикой которого является медитация. Основателем учения считается полулегендарный двадцать восьмой прямой преемник мудрости Будды выходец из Индии – Бодхидхарма, а реально оно было сформировано шестым, китайским патриархом Хуэйнэном (Мудрейший-всемогущий) по фамилии Лу (638–713 гг.).

«Не твори письменных поучений» — один из четырех основополагающих принципов чань-буддизма. Мудрость Будды передается непосредственно от учителя к ученику, от сердца к сердцу. Вместо писаных догм в чань-буддизме широко использовали портреты патриархов, в лицах которых, считалось, воплощено учение во всей его полноте.

Дхарма – высшая реальность, единый закон мироздания, учение Будды.

748

Описывается девятилетняя непрерывная медитация, в результате которой Хуэйцзэн достиг просветления.

Тигр и дракон – аллегория природных стихий составляющих пару по принципу инь и ян: вода и огонь, дождь и ветер и т. д.

Т.е. стал странствующим проповедником-учителем. В чань-буддизме культ учителей приобрел особую значимость.

751

На-мо.

Будда Вайрочана (кит. Пилу) – будда света. Наиболее раннее его изображение в Китае датируется 662–675 гг. и находится в пещерном храме монастыря Лунмэнь (пров. Хэнань). Это колоссальная статуя из известняка высотой 17 м. В средневековом Китае культ Вайрочаны часто сливался с культом будды Амиды.

Отшельник (цзюй-ши) – последователь будды, не принявший пострига, верующий мирянин. Пан цзюй-ши – это поэт Пан Юнь (IX в.), который прославился тем, что добровольно утопил свои сокровища.

754

Прямое воздаяние (чжэн-го) – буддийский термин, обозначающий форму следующего перерождения, заслуженную в течении жизненного пути.

Цзюй-ши – (см. примеч.).

Буддийский термин «познавший глубочайшую мудрость (»шань чжи-ши») обычно применяемый для описания праведного и мудрого монаха.

757

Буквально: ночевал подобно коням и ослам.

758

На-мо.

759

Прекрасный путь – мяо-чэн, прекрасное учение – мяо-фа (санскр.: саддхарма) – путь и учение, согласующиеся с Лotosовой сутрой.

Восемь драгоценностей (или сокровищ) – см. примеч. к гл. VIII.

Серное кольцо и серебряная подпруга – два предмета из набора сексуальных приспособлений Симэня. Конструкция второго предмета, по-видимому, представляющего собой нечто вроде подпирающего кронштейна или подносика не вполне ясна. Напротив, функции и конструкция пенисного кольца хорошо известны. Сдавливая половой орган, кольцо увеличивает эрекцию и, кроме того, производит дополнительную стимуляцию вульвы. В нем может иметься дырочка для привязывания к телу и полусферический (жемчугоподобный) выступ для давления на клитор. Проблему лишь составляет эпитет «серное». Сера тут предназначена или для возбуждающего раздражения кожи, или для сужения «нефритовых врат» женщины, или для того и для другого.

День жэнь-цзы – сорок девятый ($49 = 7 \times 7$) в шестидесятеричном цикле отсчета дней, накладывающемся на их помесечный отсчет. Монахиня явно не случайно называет этот день. Дело в том, что циклический знак «жэнь» звучит также, как слово «жэнь» – «беременность», а циклический знак «цзы» имеет одновременно и значение – «сын». Тем самым, учитывая любовь китайцев к игре слов, словосочетание «жэнь-цзы» может быть понято здесь и как омонимическое «понести сына».

Ли Цзинь и Хуан Нин – доверенные слуги-домочадцы, первый – Ли Чжи, а второй – Хуана Четвертого.

День гэн-суй – сорок седьмой в шестидесятичном цикле. В универсальной систематике китайского мироописания ему соответствуют из пяти элементов – металл, из двенадцати зодиакальных животных – пес. Лоу («Оковы») – шестнадцатое, из двадцати восьми, зодиакальное созвездие, входящее в «западный дворец» – сектор неба и тождественное альфе, бете, гамме – трем звездам Овна.

Текст от слов «– Какая прелесть! – воскликнул Боцзюэ...» и до указанного места в переводимом пекинском экземпляре отсутствует. В данном переводе он заимствуется из найденного в Японии «экземпляра Мори» (воспроизводится по факсимиле данных страниц в журнале «Дайан», 1963, N 5, с. 36–39).

766

В оригинале буквально: «повстречал утро цветов, вечер луны» — аллегория прекрасного и благого — а в следующей строфе: «Я напрасно провела раннюю весну».

Киноварь (дань) – священное вещество в даосской алхимии и медицине. Специальная ее обработка приводит к получению эликсира бессмертия. Хотя термином «дань» традиционно могли называться любые лекарственные препараты, однако в данном случае его употребление тесно соотносится с главным сакральным назначением киновари, ибо рождение сына рассматривалось как одно из достойных действий, способствующих продлению жизни.

Песок – иероглиф «ша» с ключевым элементом «камень» обозначает как просто крупный песок, гравий, так и особый, киноварный песок, расщепленную киноварь, проходящую процесс сублимации с целью выявления и усиления ее чудесных свойств. Поэтому данная строка со ссылкой на мифологическую героиню Чанъэ, которая добралась до луны с помощью эликсира бессмертия, указывает на первый компонент описываемого снодобья, а именно: киноварь.

Пятнистый дракон (бань-лун) – пятицветный дракон, которого, по преданиям, бессмертные и духи, в частности Сиванму, запрягали в свои колесницы. переносное значение данного словосочетания – «олень» прозрачно намекает на второй компонент снодобья – олений рог, не только играющий роль фаллического символа, но и широко применяемый в китайской медицине биостимулятор половой сферы.

Хань-ди — это ханьский император У-ди (141-87 гг.). Третий компонент снадобья — цветы персика (тао-хуа), символизирующие женское начало и вообще эротику, в таком же значении используются и в китайской медицине.

Лян-ван – Сяо-ван (Лю У, II в. до н.э.), князь удела Лян, располагавшегося в современной провинции Хэнань. Прославился устройством грандиозного парка близ города Кайфэна, где собирал знаменитых мужей того времени. Бамбуковые листья (чжу-е), символ мужского начала, – четвертый компонент снадобья, широко использовавшийся в китайской медицине для приготовления одноименной настойки.

Слову «баловство» в оригинале соответствует сочетание четырех иероглифов: «снег», «цветы», «ветер», «луна» (сюэ-хуа-фэн-юэ), которые составляют своеобразную эротическую формулу, встречающуюся, в частности, на распространенных монетовидных амулетах с изображением четырех поз при совокуплении.

Почернение седой бороды – стандартный признак омоложения с помощью особой сексуальной практики или тонизирующих («восполняющих семя») снодобий. Фраза о рождении ребенка могла иметь два смысла: физическое зачатие нового организма и психофизическое (парафизиологическое, мистическое) самозачатье, формирование в киноварном поле смертного тела зародыша бессмертного («красного младенца»).

Волшебный порошок – буквально: иней нефритового песта (юй-чи-шуан). Это выражение сдержит намек на широко известный мифологический образ лунного зайца (см. примеч. к гл. XLVI), толкущего нефритовым пестом в ступе волшебное зелье, а также обозначает конкретное лекарство – растертое в порошок сушеные очищенные клубни ямса (*Dioscorea*), считающегося в китайской медицине биостимулятором.

Бессмертия элексир – буквально: россыпь священного терема
(шэнь-лоу-сань)

Синий дракон (цан-лун) – здесь символ мужской силы, Летящая ласточка (фэй-янь) – женской привлекательности. Прозвище Летящая ласточка имела знаменитая красавица древности Чжао, возлюбленная ханьского государя Чэн-ди (33-7 гг. до н. э.), ставшая императрицей.

День жэнь-цзы был рекомендован монахиней Сюэ (см. примеч. к гл. LII) Как нечетный (49-ый), то есть подчиненный силе ян, он, согласно рецепту, благоприятен для зачатия ребенка мужского пола.

«Гуаньинь в белом облачении» – буддийская бодхисаттва Гуаньинь (санскр. Авалокитешвара) почиталась в Китае в женской ипостаси и считалась богиней-чадоподательницей. К ней обычно обращались с молитвой женщины в надежде родить ребенка. Вот почему Юэнян читает в такой день именно эту сутру. Гуаньинь обычно изображали в белом одеянии, сидящей на белых лотосах, отсюда и название сутры.

Высказывание Конфуция («Лунь-юй», гл. II, параграф 22).

Дух-покровитель городских стен – буквально: городские стены и рвы (чэн-хуан), божество, патронирующее определенный город. Дух земли (Полевик) – буквально: почва-земля (ту-ди), божество, чья власть считалась распространяющейся на один небольшой район. В каждой местности почитался свой дух. Существовали посвященные ему особые храмы, но нередко его статуи водружались и в буддийских храмах. В таких случаях дух земли изображался в виде бодхисаттвы, сидящего, скрестив ноги, на лотосе и держащего в руках вазу с напитком бессмертия. По всей вероятности, Симэнь Цин молится буддийскому духу земли не случайно. Он просит даровать исцеление сыну Пиньэр (то есть «Вазы») и обращается к божеству, атрибутом которого является именно ваза.

См, примеч. к гл. XLVI.

Великие символы (да-сян) – мантические образы и истолкования взятых в целом гуа, то есть гексаграмм или триграмм, в отличие от малых символов (сяо-сян) – образов и истолкований их отдельных черт (яо). Такие же названия – «Великие символы» и «Малые символы» – носят комментирующие гексаграммы тексты, входящие в первоисточник гуа, классический трактат «Чжоуские перемены» (или «Книга перемен»). В описываемой гадательной процедуре, как и ранее, в случае с Бессмертным У, специальные термины «гуа» («три-, гексаграмма»), «яо» («черта»), «сян» («символ») и др. употребляются в более широком мантическом омысле, порой далеко уходящем от изначального. В частности, «великим символом» здесь называется сам пракаленный черепаший панцирь, а «чертами» – появившиеся на нем от огня трещины, то есть «счастливые и несчастливые линии».

Красная птица (хун-цюэ) – обозначение южного квадранта неба, дух и символ юга, лета, огня, верха. Применительно к прокаленному и ориентированному по странам света черепашьему панцирю речь может идти о линиях, относящихся к югу или верху.

Гадатель предлагает проделать обычную экзорцистскую процедуру, то есть изгнать бесов болезни, представленных в виде двух ранящих младенца существ, мужского и женского пола, которых следовало изготовить из соломы или бумаги. «Сплавление» их на юг соответствует пространственному значению проявившейся в гадании Красной птицы.

Вылепленные из глины — то есть бутафорские предметы, применяемые при жертвоприношениях наряду с бумажными деньгами, не имевшими никакой реальной ценности.

Речь идет о популярном у буддистов, которые верят в перевоплощение и переселение души умершего в иную оболочку, обряде оставления в живых или выпуска на волю различных живых существ. Считается, что подобное благое деяние будет зачтено при определении дальнейшей судьбы человека.

Шагать по звездам Большой Медведицы (бу-ган) – даосский образ восшествия на небо, предполагающий в то же время нумерологически выверенную поступь, или количественно и геометрически рассчитанную последовательность шагов по земле.

Таинственная (темная) пустота (сюань-суй) – даосский термин, обозначающий либо первозданную непроявленность бытия, либо Путь-дао как исходную и всеобщую закономерность мироздания.

Пещера (дун) – даосский термин, соединяющий в себе идеи сокровенного вместилища и глубинного проникновения (постижения тайн), также обозначает собрание священных для даосизма книг.

790

Великое начало (тай-юань) – даосское обозначение космического пространства, а также духа той части человеческого тела, которая к нему наиболее приближена, то есть волос на голове.

Восемь стран света – четыре основных и четыре промежуточных направлений горизонта, традиционно осмыслявшиеся китайцами как определяющие структуру Вселенной на всех уровнях – от земли до неба и соответственно имеющие своих представителей в мире духов.

Естество, или естественность (цзы-жань), категория даосизма, выражающая идею спонтанности, безыскусного и непринужденного следования природе, в том числе своей собственной.

Одухотворенные драгоценности (лин-бао) – даосский термин, обозначающий атрибуты Области высшей чистоты (Шан-цин-цзин) – второй из трех сакральных сфер мироздания, соответствующих трем «началам» (юань) и трем «пещерам» (дун); остальные две: вышестоящая – Область нефритовой чистоты (Юй-цин-цзин) и нижестоящая – Область великой чистоты (Тай-цин-цзин).

Девять небес — см. примеч. к гл. XXXVII.

Гандхарвы (кит: ганьло) – согласно буддийской мифологии, духи, обитающие на Ароматной горе (сакскр.: Гандха-мадана, кит, Сяншань) и питающиеся только ароматами и благовониями. Они выступают также в качестве музыкантов бога Индры и ассоциируются с различными формами экстаза, эротикой, наркотическим напитком сома, а также медициной и луной, выступают в качестве покровителей невест и игроков в кости.

Ташасавана (кит.: Дана) – монастырь, в котором проходил собор 500 архатов.

Великая тайна (тьма) (тай-сюань) — категория даосизма, выражающая сокровенную подоснову мира. Ей посвящен специальный трактат знаменитого философа Ян Сюна (53 г. до н. э. — 18 г.н. э.) «Канон Великой тайны» («Тай-сюань-цзин»).

Срединными горами китайцы называли горы, расположенные на Срединной равнине, то есть в Центральном и Северо-западном Китае.

См примеч. к гл. XXVII.

800

Восемь морей — моря, окружающие мировой материк и соотносящиеся с восьмью странами и полустранами света.

801

Владыка Мара (кит: Мо-ван) – согласно буддийской мифологии, повелитель шестого неба области желаний, князь многочисленных демонов.

Следует пояснить, что вся сцена моления в храме свидетельствует о характерном для позднесредневекового Китая религиозном синкретизме. В заклинании, например, с буддийскими божествами соседствуют явно даосские. Сам монах одет в буддийский монашеский плащ-сангхати, но на голове у него громоносный обруч, как у даоса, а поверх него еще шапка-доска, то есть древне-китайский ритуальный головной убор, который ему, как буддийскому монаху, носить не полагалось. Не мудрено поэтому, что женщины вообще принимают его за даоса, то есть даосского монаха, тем более что обычно именно даосы занимались изгнанием нечисти, отвращением болезней и прочими магическими обрядами.

803

Тридцать шесть тысяч дней – это длительность века, высчитанная с традиционным нумерологическим округлением года до трехсот шестидесяти дней.

Ясная столица – обителище Небесного владыки Тянь-хуана.

Великий китайский поэт Цюй Юань (ок. 340–277 гг. до н. э.), будучи не в силах противостоять интригам клики приближенных правителя царства Чу, покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку Мило.

См. примеч. к гл. XLIX.

Меридиан печени (гань-цзин) – располагающаяся на ногах линия акупунктурных точек категории Цзюэ-инь, связанная с деятельностью печени. Последняя в китайской медицине считается хранящей кровь и управляющей нормальным течением пневмы.

Три обогревателя (сань-цзяо) — относящаяся к категории шести внутренних полых органов (лю-фу, см. примеч. к гл. XXIX), специфическая система, которая отвечает за прохождение пневмы и жидкостей и координирует функции трех комбинаций внутренних органов: 1. сердца и легких, 2. селезенки и желудка, 3. печени, почек, мочевого пузыря, тонкого и толстого кишечника. Местами локализации трех обогревателей считаются: 1. проход в желудок, 2. желудочный тракт, 3. проход в мочевой пузырь.

Огонь – как один из пяти первоэлементов считается в китайской медицине движущей силой жизнедеятельности организма и, в то же время, в качестве жара – одним из патогенных факторов.

810

Дерево преодолело землю – в китайской медицине, исходящей из теории пяти первоэлементов, это выражение означает, что гиперфункция печени (дерева) отрицательно сказывается на деятельности селезенки и желудка (земли-почвы).

811

Воде не под силу справиться с огнем – означает такое соотношение первоэлементов в организме, при котором или вода почек в недостатке и не способна ограничить избыточный огонь сердца, или же внутри почек янско-мужская сила огня преодолевает иньско-женскую силу воды, одним из результатов чего является ненормально повышенное половое влечение.

Пилюли из корневища наперстянки с добавками (Цзя-вэй ди-хуан вань) – по всей вероятности имеется в виду рецепт из гл. 90 трактата Сюй Чуньфу «Полное собрание древнего и современного медицинского наследия» («Гу-цзинь и-тун да-цюань»), изданого в 1556 г. Применяется для восполнения (бу) печени и почек, для питания семени и крови. Согласно данному трактату, одна доза составляет: примерно 120 г. прокаленного корневища наперстянки (различные вариации Ремании клейкой – *Rehmania glutinosa*, *Scophulariaceae*); 60 г. семян лекарственного кизила (*Cornus officinalis*, *Sieb. et Zucc.*, *Cornaceae*); 60 г. сушеных очищенных клубней ямса (*Dioscorea batatas*, *Dche.*, *Dioscoreaceae*, ср. примеч. к гл. LIII); 30 г. сушеного корневища частухи восточной (*Alisma orientale* Juzе Р.); 15 г. сухой коры корня древовидного пиона (*Paeonia suffruticosa*, *Andr.*); 15 г. сушеного белого гриба-трутовика (*Poria cocos* Wolf.); 6 г. поджаренных оленьих пантов; 6 г. сухого корня соломоцвета двузубого (*Acharanthes bidentata*, *Bl.*) или лекарственной циатулы (*Syathula officinalis*, *Kua'n*). Большинство составляющих данного лекарства являются сильнодействующими биостимуляторами.

Примерно в XII–XIII вв. в Китае сложилось представление о восьми бессмертных, группе святых, почитавшихся в даосской мифологии. Старшим из них считался Чжунли Цюань – мастер всяческих превращений, изображавшийся обычно с голым животом – символом полной обеспеченности. Затем следовали Ли Тегуай – «Ли с железным костылем», изображавшийся в виде горбатого и хромого нищего; Люй Дунбинь – обожествленный философ VIII в. (в народных верованиях владетель «священного меча», разрубающего нечисть); Цао Гоцзю – обожествленный брат одной из сунских императриц, жены государя Жэнь-цзуна (XI в.), изображавшийся обычно с кастаньетами в руках; Хань Сянцзы – племянник знаменитого литератора IX в. Хань Юя, ставший отшельником и научившийся творить чудеса; мудрый старец Чжан Голао; богиня Хэ Сяньгу, изображавшаяся с волшебным лотосом или персиком долголетия в руках; и, наконец, юный покровитель садоводства Лань Цайхэ (в фольклоре порой превращающийся в фею цветов). Все восемь обычно изображались пирующими, что являло собой символ беспечной и вольной жизни.

По древним мифологическим представлениям, существовало десять солнц, которые были рождены от Сихэ, жены верховного божества Ди-цзюня. Солнца появлялись на небе по очереди, одно сменялось другим. Солнца везла по небу в колеснице, запряженной шестью драконами, их мать Сихэ.

815

Разбросанный пульс (сань-май) – опасный симптом, проявляющийся в том, что при легком надавливании пальцами биение пульса слабое и рассеяное, а при более сильном – почти исчезающее, что свидетельствует об истощении пневмы-ци и критическом развитии болезни.

Лубовина пробкового дерева (хуан-бо) – для приготовления лекарственных препаратов в основном используются два вида дерева семейства Rutaceae – Бархат китайский (*Phellodendron chinenses*, Scheid.) и Б. амурский (*Ph. amurense*, Scheid.). Корневище анемархены (чжи-му) – *Anemarrhena asphodeloides*, Bge., Liliaceae. Корневище наперстянки (ди-хуан) – см. примеч. к гл. LIV. Очищенный корень шлемника (хуан-цинъ) – имеются в виду различные вариации байкальского шлемника (*Scutellaria baicalensis*, Labiatae). Названные препараты, за исключением корня шлемника, являются биостимуляторами.

В этой главе повторяется в несколько измененном виде эпизод с доктором Жэнем, далее же намеченная в предыдущей главе последовательность эпизодов нарушается, как смещается и время событий.

818

Легкий паланкин – то есть прохладный, летний паланкин, который со всех сторон продувается ветром.

Магу (буквально: Конопляная дева) – одна из бессмертных фей в даосской мифологии. В одной из легенд говорится, что в древности некая женщина занималась ворожбой на горе Гуюй (она же Гусу, расположена на юго-западе уезда У провинции Цзянсу) помогала людям. В годы правления Хуэй-цзуна Магу была возведена в ранг святых. Ее изображали обычно с персиком бессмертия, сосудом с вином, дарующим долголетие и другими (впервые упоминается в гл. II, см. примеч.).

Знаменитый танский полководец, сановник Пэй Ду (IX в.), уйдя на склоне лет от политической жизни, построил загородную усадьбу близ Лояна, назвав ее «Палаты Зеленой поляны (или Зеленых полей)», где пировал с друзьями, именитыми мужами империи, слагал стихи. Зеленые поляны, или поля, (люй-е) – это выражение имеет глубокий смысл, связанный с религиозно-философскими концепциями, оно ассоциировалось с некоей обителью небожителей. В XVIII в. в Китае появился роман «Следы бессмертных в зеленых просторах (полях)», где многие персонажи имели божественную сущность.

Дворец Линъянь (буквально: дворец Хладных паров) был воздвигнут высочайшим указом для выдающихся сановников в 643 г.н. э.

Отрезвляющий камень – редкостный камень, который установил знаменитый сановник IX в. Ли Дэюй в своей загородной усадьбе близ Лояна, называвшейся Ровный источник (Пин-цюань). Посещение этого места воспел Бо Цзюйи в стихотворении «Опьянев, гуляю. Ровный источник». Ли Дэюй имел обыкновение, выпив, садиться на свой любимый камень – отсюда его название.

Игуан (буквально: Восточный свет) – прозвище знаменитой красавицы древности Си Ши, происходившей из восточного царства Юэ (см. также примеч. к гл. XXXVII).

Хунфу (буквально: Красная мухогонка) – красавица, героиня танской новеллы «Жизнеописание человека с курчавой бородой», а также драмы Чжан Фэнъи (1527–1613) «Записки о Хунфу». Согласно преданию, она некогда была служанкой сановника Ян Су (конец VI в.). Однажды к Ян Су явился Ли Цзин, впоследствии, при династии Тан, ставший видным государственным деятелем. Среди женщин в доме Ян Су была удивительная красавица, которая глаз не могла оторвать от Ли Цзина. Она держала в руках красную мухогонку (хунфу). Когда Ли Цзин ночью собрался в обратный путь, красавица выбежала к нему и сказала: «Я – певица Хунфу, Красная мухонка из дома Яна, я хочу бежать вместе с вами». Ли Цзин согласился и увез ее с собой.

Ритуальные бронзовые сосуды эпохи Шан (XVIII–XI вв. до н. э.) и бронзовые треножники, то есть котлы на трех ножках для варки пищи, которыми пользовались также как жертвенными сосудами в эпохи Шан и Чжоу (XI–III вв. до н. э.), ценились в Китае как редчайшие антикварные предметы. Чжоускими треножниками называли еще девять огромных треножников, отлитых будто бы мифическим государем Юем, усмирителем потопа, которые хранились при династии Чжоу в г. Лояне, а потом исчезли в водах реки Хуанхэ.

Четыре моря (сы-хай) – наряду с образом девяти округов, метафорическое наименование всей китайской земли.

Туфли, украшенные жемчугом – образ, восходящий к «Историческим запискам» Сыма Цяня (145-86 гг. до н. э.), где в жизнеописании первого министра царства Чу по имени Хуан Се, известного под титулом правителя Чуньшэня, говорится: «В доме правителя Чуньшэня было более трех тысяч гостей, наиболее знатные из них носили туфли, украшенные жемчугом».

Шесть палат (или ведомств) – в средневековом Китае: палата церемоний, палата финансов. военная палата, палата чинов, палата наказаний и палата общественных работ.

Гусинное перышко, пронесенное тысячу ли – автор романа перефразирует здесь известную китайскую пословицу: «Из-за тысячи ли прислали гусиное перо, легок подарок – дорого (буквально: „весомо“) внимание».

Южная гора – традиционный символ долголетия, входящий в стандартные благопожелательные формулы.

Алойное (орлиное) дерево (ци-нань-сян) – вероятно мало употребляемое название дерева рода *Aquilaria*. В Китае оно произрастает лишь один его вид – на южном побережии и на Хайнани – *A. chinensis* (Lour.) Gild., другой же, *A. agallocha* Roxb. провозится из стран Южных морей. Застывшая смола алойного дерева (чэнь-сян) применяется в традиционной китайской медицине в качестве активного биостимулятора, в частности для приготовления лекарственных вин.

Мускус и стиракс (кит. буквально: соединенный аромат) – ароматические вещества, здесь, возможно растительного происхождения, так как существовала так называемая «мускусная трава», которая использовалась как благовоние. В одном из китайских комментариев говорится, что имеются в виду мешочки с благовониями.

В крупных портовых городах существовали особые конторы которые за известную плату выделяли телохранителей для охраны от грабителей торговых гостей и перевозимые товары.

Речь идет о Фан Ши и Чжан Хао, древних сановниках, преданная дружба которых стала легендой.

Говорится о дереве хайтан – то есть один из видов яблони-райка, в поэтических текстах это образ женской грациозности и красоты, недаром он ассоциировался с облазом прекрасной наложницы Ян Гуйфэй (см. примеч. к гл. XXI), которую прозвали Яблонькой.

Хуагу-палата – буквально: палата Цветущего ущелья.

«Солнечные весны» («Ян-чунь») – древняя мелодия, уже в эпоху Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) считавшаяся классической и трудноисполнимой, по выражению известного поэта Сун Юя (III в. до н. э.), «доступной лишь нескольким десяткам людей во всей стране». Позднее ее название стало носителем образа классической изысканности в музыке и литературе.

Ода о высях (буквально: «Ода и высокой Тан») – имеется в виду произведение поэта Сун Юя (см. упоминания о нем в примеч. к гл. XIII), традиционно ассоциируемое с образом любовного свидания.

«Песни (буквально: ветры или нравы) царства Бинь» — раздел древнейшего поэтического канона, «Книги песен» («Ши-цзин»).

Цанлан — древней название реки Ханьшуй или Сяшуй, упоминаемое в классических трактатах и связываемое прежде всего с вошедшим в сборник «Чуские строфы» произведением Цюй Юаня «Отец-рыбак», где оно ассоциируется с образом отшельничества и очищения, что в свою очередь проясняет смысл нижеследующего заключительного стиха.

«Белые снега» («Бай-сюэ») – древняя классическая мелодия, парная «Солнечным веснам» и упоминаемая в аналогичном смысле (см. примеч.).

В III в. н. э. всемогущий сановник Дун Чжо фактически захватил власть в свои руки и вознамерился свергнуть императора. В двухстах шестидесяти ли от столицы он заложил крепость Мэйу, на строительство которой повелел согнать двести пятьдесят тысяч крестьян. Стены крепости по высоте и толщине не уступали стенам, окружавшим тогдашнюю столицу. В Мэйу были сооружены прекрасные дворцы и запасено провианта на двадцать лет вперед. Дун Чжо выбрал восемьсот самых красивых девушек, нарядил их в золото и парчу, украсил жемчугами и нефритом и вместе с родными поселил в своих дворцах. В столицу Дун Чжо наезжал один-два раза в месяц. Он придумывал страшные казни для пленных воинов, по его приказу им отрубали руки и ноги, выкалывали глаза, отрезали языки, варили в котле. А Дун Чжо весело пировал и смеялся под вопли истязаемых. Чаша терпения сановников, преданных государю, переполнилась и тогда был придуман хитрый план убийства Дун Чжо. Один из сановников пообещал отдать красавицу Дяо-чань сперва Люй Бу – приемному сыну Дун Чжо, а потом самому Дун Чжо. В припадке ревности Люй Бу убил Дун Чжо. Крепость и дворцы Дун Чжо были разрушены, а труп Дун Чжо сожжен.

Кладом для Дэн Туна оказались его медные горы, благодаря которым он и стал первым богачем (см. примеч. к гл. III).

Речь идет о Бао Шу-я – друге знаменитого государственного деятеля и мыслителя Гуань Чжуна (Гуань-цзы), жившего в VII в. до н. э. и прославившегося успешным политико-экономическим реформаторством, что отражено в названном его именем энциклопедическом трактате «Гуань-цзы». В молодости Бао Шу-я и Гуань Чжун вместе занимались торговлей. Зная, что Гуань Чжун обладает талантами, но не имеет денег, Бао Шу-я отдал ему всю выручку.

Пан-гун – в эпоху Троецарствия (III в.н. э.) жил некий Пан Цзянь, который еще в детстве потерял отца. Однажды он в своем колодце обнаружил клад и стал богачем. Как-то он приобрел пожилого слугу, который вдруг заявил, что мать Паня, старая госпожа, – это его жена и ее зовут Ай Ахун. Так Пан снова обрел отца. В последствии Пан-гун, как и упоминаемый в тексте Бао Шуя, стал восприниматься как символ благородного человека.

«Смерти» в тексте оригинала соответствует выражение «у-чан», означающее непостоянство – это понятие эфимерности существования на земле. Согласно буддийским представлениям, когда человек умирает, за его душой из преисподний приходят вестники смерти – демоны непостоянства У-чан-гуй.

В оригинале «могиле» соответствует выражение «е-тай», которое буквально означает «ночная площадка» и представляет образ потустороннего мира, последнего пристанища человека.

848

Речь идет о китайском медяке – круглом с квадратным отверстием посередине.

Сыма Цянь (145-86? гг. до н. э.), автор «Исторических записок» («Ши-цзи») и Бань Гу (32–92 гг. н. э.), составитель «Истории Хань» («Хань-шу») – знаменитые историографы древнего Китая, прославившиеся также как ученые-энциклопедисты и литераторы.

850

Му – мера площади, 1/16 га.

Использованная в поэтическом послании специфическая игра слов основана на слиянии двух знаков «шэ» — «хижина» и «гуань» — «чиновник» в аморфный последнему иероглиф «гуань», имеющий среди прочих значение: «жить уроками», быть домашним учителем».

В Китае, где вся официальная жизнь была пронизана догмами конфуцианского ритуала, одежда, в частности головной убор, служили основным признаком, определявшим сословную принадлежность подданного. Головная повязка, как и обыкновенная шапочка, надеваемые по достижении совершеннолетия, были головным убором простолюдинов. Студенты, готовившиеся к сдаче экзаменов, открывавших путь к карьере, носили студенческую шапочку. Шапки же из черного флера являлись привилегией только чиновников разных рангов.

Большие состязания – местные экзамены – проводились раз в три года. На них выявлялась подготовленность чиновников, а из студентов выдвигались в училища те, кто выдерживал экзамены.

Ян Сюн (53 г. до н. э. – 18 г. н. э.) – известный философ, ученый и литератор, отличавшийся энциклопедическими познаниями, автор «Канона великой тайны» («Тай-сюань-цзин») и «Образцовых речений» («Фа-янь»).

«Сутра заклинаний-дхарани (санскр.: „Дхарани-питака“; кит.: „Толо-цзин“) – собрание магических формул и молитвенных призывов, предназначенных для индивидуального употребления буддистом, стремящимся к утверждению во благе и отречению от зла.

Согласно распространенным в Китае буддийским верованиям, любой человек мог дать обет из милосердия к живым существам спасать их от прегрешений перед ликом Будды. Считалось, что Будда в таких случаях сам возлагает на голову дающего обет руку и как бы пророчествует присвоение ему в будущем звания бодхисаттвы, то есть буддийского святого. Таких желающих стать бодхисаттвой всегда бывало немало, но причислялись простые смертные к лику святых крайне редко.

857

Второй год под девизом Всеобщего Благополучия (Пу-тун) лянского императора У-ди соответствует 521 г. по европейскому летоисчислению.

Старец Вань-хуэй (буквально: Возвратившийся десять тысяч ли) – высокопоставленный буддийский монах VII в. по фамилии Чжан, которому приписывалась способность творить чудеса. В романе он представлен преодолевающим пространственные и временные преграды, в течение дня перемещающимся за 10000 ли и обратно, действующем в VI и даже IV веках (ср. примеч.) и основавшим в VI в. чаньский монастырь Вечного Блаженства, т. е. до реального оформления религии чань-буддизма.

Ляодун (см. примеч. к гл. XXXIV) – в древности этот район воспринимался как своего рода край света. Там строились военные поселения против кочевников и он считался местом ссылки.

860

Шиху (буквально: Каменный тигр) – прозвище некоего Ши Цзилуна (правил: 334–348). Он сверг законного царя Ши Хуна и, узурпировав власть, возвестил себя императором. Поздняя династия Чжао существовала всего 33 года.

Преданное огню тело Будды, согласно легенде обратилось в драгоценные камни, похожие на жемчужины. Они становились достоянием лишь достойнейших последователей учения Будды.

Великий князь Гуань – бог воинской доблести и покровитель наук
Гуань-ди.

По древним и средневековым китайским представлениям, страны, путь в которые тогда пролегал через западные районы Китая, объединялись в общее понятие Западный Край, куда входили Средняя Азия, Индия, Афганистан и даже далекие земли на берегах Африки.

Зыбучие пески — обобщенное обозначение пустынь, расположенных на западных окраинах Китая, и в частности Гоби.

Звездное море — область в северо-западной провинции Цинхай, где, по представлениям древних китайцев, брала начало река Хуанхэ. Считалось, что ее многочисленные (до ста с лишним) истоки при взгляде с близлежащих гор напоминают звездную россыпь. Слияние же их подобно морю. От этого образа и происходит название данной местности.

В соответствии с указанными географическими ориентирами и общим вектором движения монаха с запада на восток «обильно орошенные земли» должны означать долину Хуанхэ.

Срединная Цветущая империя – одно из названий Китая.

Сидение лицом к стене было одним из распространенных в китайском буддизме способов сосредоточения на чистом созерцании и мыслимом постижении сути вещей (ср. молитву о Шестом патриархе в гл. LI).

Сун Силянъ — он же Сун Пань, см. гл. XLIX. Правда речь там шла о проводах в монастыре инспектора Цяя.

Сто восемь жемчужин — имеются в виду четки, которые у буддийских монахов состояли из ста восьми «бусинок» — по одной на каждую из ста восьми сутр, составлявших определенный обязательный набор молитвенных чтений.

Подобные волосы с лиловым отливом были, по легенде, у Будды.

870

Четыре сокровища кабинета – бумага, кисть, тушь и тушечница.

871

Особая тушь, употребляемая императором.

В старом Китае гражданская служба традиционно почиталась выше военной и к гражданским чиновникам относились с большим уважением. Характерно, что невежественные богачи-выскочки, подкупом приобретавшие чины, становились, как правило именно военными. Штатские же чиновные посты занимались преимущественно получившими образование и выдержавшими экзамены.

Согласно преданию, в 60-ые гг.н.э. два буддийских монаха Кашьяпа Матанга и Гобхарана (Дхармаракша, кит. имя: Чжу Фалань) первыми начали миссионерскую деятельность в Китае, прибыв в столичный Лоян ко двору императора Мин-ди (57–75 гг. н. э.) с буддийскими образами и книгами, которые они привезли на белой лошади.

Под «сектой (цзун-мэнь) созерцателей» подразумевается наиболее китаизированное направление буддизма – чань, ставящее во главу угла внутреннее постижение истины, принципиально независимое от внешних условий и в том числе ритуалистики (см. также примеч. к гл. LI).

Джетавана — располагавшийся вблизи Шравасты парк принца Джеты, сына правителя Шравасты, царя Пасенаджита. Этот парк был передан принцем богачу Анатхапиндаде, который щедро помогал обездоленным и стал известен под именем Вспомоществователя сирым. Последний в свою очередь подарил парк с устроенным в нем храмом Будде Шакьямуни, у которого он стал любимым местом отдыха.

876

Сюй Фэйцюн – бессмертная фея, одна из прислужниц Хозяйки Запада Сиванму.

По-видимому имеются в виду служанки Матери-Владычицы Запада (Сиванму), поскольку о дочерях Хозяйки Запада в китайских мифах ничего не говорится.

878

Речь идет о Будде Гаутаме, который долгое время бродил по Снежным горам – Гималаям.

Кашьяпа — один из ближайших учеников Будды, среди которых было пятеро с таким именем.

По-видимому речь идет о втором из буддийских патриархов в Китае, наставнике Хуэйкэ (IV в.).

Чистая земля (санскр.: Сукхавати, кит.: Цзин-ту) – своеобразный буддийский рай, сотворенный буддой Амитабхой, важнейший мифологический образ амидаизма. По-видимому, в сопряжении этой счастливой страны бодхисаттв и праведников с западом скрыто противопоставление раю Индры, считавшемуся расположенным на востоке.

Третье и Четвертое небо созерцания – две высшие райские области мира форм, включающие в себя соответственно три и девять сфер, или «небес», достигаемых медитативным путем.

Трайястримшас – связанная с мифической горой Шумеру область обитания тридцати трех богов-дева, которой управляет Индра и в которой пребывал Будда.

Тушита – обитель блаженных небожителей, будд и бодхисаттв, в которой пребывает грядущий будда Майтрейя.

Небо Великой Сети – даосский образ наивысшего, тридцать шестого яруса небосвода.

Небо Бучжоу – по-видимому, связано с одноименной горой, согласно древнекитайской мифологии расположенной где-то на северо-западе по соседству со священной горой Куньлунь, райской обителью даосских божеств.

883

Семь сокровищ – несколько варьирующийся набор типа: золото, серебро, глазурь, раковина тридакны, агат, жемчуг, биотит.

884

Йоджана (кит. юсюнь) — древнеиндийская погонная мера, составляющая примерно 15–17 км., или 30–40 ли.

Колесо перерождений – закон бесконечной трансформации бытия, перехода души из одной телесной оболочки в другую, в зависимости от деяний в предыдущем или нынешнем рождении.

В Китае была распространена ксилография — печатание с деревянных досок, на которых вырезался текст или рисунок.

Сунцзян – территория в восточной провинции Цзянсу.

Ду Фу (712–770 гг.) и Хэ Чжичжан (659–744 гг.) – поэты эпохи Тан; Хуан Тинцзянь (1045–1105 гг.) и Су Дунпо (1036–1101 гг.) – эпохи Сун.

Красная стена – место известного в древности сражения, которое произошло на реке Янцзы между войсками Чжоу Юя и Лю Бя, с одной стороны, и Цао Цао – с другой. Эта битва произошла в эпоху Троецарствия (IV в.) и воспета многими поэтами, в частности, которые указаны здесь.

Голубой мост – воспетое в литературе место встречи возлюбленных. См.: примеч. к гл. XXXVIII.

Согласно древним легендам, жены мифического государя Шуня так оплакивали его смерть, что на бамсбуке, росшем по берегам реки Сян, остались крапинки слез.

Экзамены на высшую ученую степень цзиньши проводились раз в три года.

«Книга Перемен» («И-цзин») – самый авторитетный и оригинальный трактат древнекитайской классической литературы, сочетающий в себе черты гадательного и философского текста, во многом загадочный и труднопостижимый.

Имеется в виду четвертая жена Симэнь Цина – Сунь Сюээ.

Речь идет, по-видимому, о драме Лу Цзиньчжи, полное название которой «Богач Чэнь, прозрев, достигает Пэнлая. Хань Сянцзы ведет его на пир бессмертных».

895

Дань – мера веса сыпучих тел, равная 103,5 л.

«Бой перепелов» («Доу ань-чунь») – название это соответствует двум северным мелодиям: третьей в тонике гун (чжун-люй-гун), используемой посредине соответствующих циклов и первой в тонике шан (юэ-дяо), используемой в начале циклов. В LXI-й и LVIII-й главах романа исполняются циклы, начинающиеся «Боем перепелов» типа «юэ-дяо», и оба раза по зачину дается название всему циклу. В гл. LXI экземпляра «цы-хуа» вместо иероглифа «ань» ошибочно стоит сходный иероглиф «цзи», в экземпляре Чжан Чжу-по этот эпизод отсутствует.

Золотистая долина, или золотое ущелье (см. примеч. к гл. XXVII) – в саду с таким названием устраивал пышные пиршества знаменитый богач эпохи Цзинь (III–V вв.) Ши Чун (см. примеч. к гл. X). Выражение «золотистая долина» в китайской литературе нередко используется для передачи образа роскошной и красивой, но быстротекучей жизни.

Вечер седьмого дня седьмой луны, по легенде, единственный день в году, когда встречаются разлученные супруги – Ткачиха и Волопас.

899

«Пожар» – наименование как созвездия Скорпион, так и одиночной звезды Антарес.

900

Мост через Небесную Реку, который строят сороки в ночь встречи звезд Ткачихи и Волопаса на седьмой день седьмой луны.

Речь идет о распространенных в то время медных зеркалах

Шэн – мера объема сыпучих тел, немного превышающая литр.

Имеются в виду горы Ушань; фея этих гор являлась во сне чускому князю и, оборотясь тучкой, проливала на землю дождь – вот почему в стихотворении говорится о каплях дождя.

Намек на знаменитую поэму Сун Юя «Ветер», в которой описываются ветры разной силы.

Башуй – река, протекавшая в древней столице Китая г. Чанъани, славившемся своей красотой.

Су Дунпо, или Су Ши (1036–1101) – знаменитый китайский поэт и каллиграф. Образ его привлекал к себе внимание современников. Мягкая шапка с полями, загнутыми вверх, и разрезом спереди вошла в моду и называлась шапкой Су Дунпо; кресло из причудливых корней, в котором он любил сидеть, впоследствии тоже стали называть креслом Су Дунпо. Напомним, что такое кресло стояло в кабинете Симэнь Цина.

Персиковый источник – земля обетованная – утопия, созданная поэтом Тао Юаньмином (365–427 гг.). Столь же чудесен и Лунный чертог, царство женской и любовной стихии: обитель Чанъэ.

Любование луной (ай-юэ) – совпадает с именем хозяйки Айюэ.
Подпись поэтому может означать и «Веранда Айюэ».

У Даоцзы (VIII в.) – один из наиболее знаменитых китайских художников, которого называли Совершенномудрым наставником живописцев ста поколений.

Мао Яньшоу – известный художник середины I в. до н. э., который по поручению государя Юань-ди рисовал портреты многочисленных императорских жен и наложниц. По этой своеобразной картотеке государь потом выбирал себе подругу на ночь. Все наложницы наперебой давали Мао Яньшоу взятки, чтобы он сделал их на портретах красивее. И только красавица Ван Чжаоцзюнь не пожелала подкупать художника, и он изобразил ее дурнушкой. Впоследствии по портрету государь выбрал ее для того, чтобы отдать в жены гуннскому князю. Когда же государь узрел женщину перед отъездом, он был поражен ее красотой, но сделать уже ничего было нельзя. Имя Мао Яньшоу вошло в историю как имя придворного живописца, рисовавшего красавиц.

Циньский терем и чусский двор (...цинъ-лоу,... чу-гуань) — образное выражение, означающее жилище певички, дом проститутки.

Хэ-ян – буквально: солнечная сторона реки. Выражение, обозначающее обращенный к солнцу северный берег реки Хуанхэ.

913

Ван Вэй (701–761) – знаменитый поэт, музыкант и художник, почитающийся как первый китайский пейзажист.

В знаменитой пьесе драматурга X в. Цзи Цзюньсяна «Сирота из рода Чжао» (широко известной и в Европе благодаря переделке Вольтера – «Китайская сирота») рассказывается о полководце древности Туань Гу, который враждовал с сановником Чжао Дунем. Когда князь Ли-гун подарил ему пса, он начал дрессировать его, заставляя бросаться на чучело, своим видом похожее на Чжао Дуня, и добился успеха, погубив противника.

Год тридцать третий, или бин-шэнь под девизом правления Порядка и Гармонии (Чжэн-хэ) соответствует 1116 г., а тридцать четвертый, или дин-ю – 1117 г. (ср. примеч. к гл. XXXIX).

Этим указание выносится запрет на присутствие при положении во гроб Юэнян и Циньянь, которые родились под знаком дракона, Юйлоу, родившейся под знаком крысы и кормилицы Гуаньгэ Жуи – зайца.

Чертоги Драгоценной вазы – часть небосвода в созвездии Водолея, где, согласно китайской астрономо-астрологической номенклатуре, располагаются созвездия Нюй (Дева, N 10) и Сюй (Пустота, N 11), скоординированные с территорией древнего царства Ци, бывшего колыбелью китайской цивилизации и, занимавшего полуостров Шаньдун вместе с землями, на которых происходят описываемые события. Среди циклических знаков этому фрагменту общей корреляции сфер неба и земли соответствует как раз «небесный ствол» жэнь (N 9) и «земная ветвь» цзы (N 1) (см. примеч. к гл. XXIX).

Яньчжоу — местность в провинции Шаньдун, также на территории древнего царства Ци.

Чжэнчжоу – местность в провинции Хэнань, расположенной к западу от провинции Шаньдун.

920

Три вида жертвенных животных – бык, баран, кабан.

Сурангама-сутра (кит.: «Лэньян-цзин») – один из тантрических тайных канонов, переведенный Парамити в 705 г.

Якши – в китайском буддизме злобные божества преисподней, посланцы и слуги Янь-вана. Некоторые из них кровожадны – едят живых людей и пьют кровь младенцев.

923

Чжан – мера длины около 3,2 км.

Дух бродящий днем (жи-ю-шэнь) – дух Зла в китайских народных верованиях. Речь в заклинании идет о том, что дух Зла казнит духа умершего и тот не будет более являться к родным и пугать их.

Слова из «Большого предисловия» (II в. до н. э.) к «Книге песен».

Третий раз алеют сливы у Шаманской высоты... – Строка имеет двойной смысл: выражение «цветы сливы цветут второй (или третий) раз» означает второе (или третье) совокупление за ночь; указание на Шаманскую высоту (гора Ушань) также не случайно (см примеч. к гл. I).

Познал цветы — так же двусмысленно: цветы — это и юные красотки, и очки в игре в кости.

Четверокнижие (Сы-шу) – набор классических конфуцианских книг, сформированный неоконфуцианцами в эпоху Сун (960-1279 гг.) в дополнение к ассимилированному древними конфуцианцами Пятиканонию. В состав Четверокнижия входят: «Да-сюэ» («Великое учение»), «Чжун-юн» («Срединное и неизменное»), «Лунь-юй» («Суждения и беседы»), «Мэн-цзы» («Учителя Мэна»).

Двуглавый лотос – пара цветков лотоса на одном стебельке – образ нежных супругов, тот же образ создают и неразлучные утки-мандаринки.

930

Красна краса – буквально: обличием исходно красная – видимо имеется в виду распускающийся в ночи цветок мирабилиса (предположительно: *Mirabilis jalapa* L.).

Зимоцвет (кит.: ла-мэй) — возможны три буквальных перевода названия этого цветка: «восковая мэй», «декабрьская мэй» (иероглиф «ла» по лунному календарю обозначает третий день после зимнего солнцестояния или, в различных устойчивых выражениях — просто конец года) и «заостренная мэй». Речь идет о зимоцвете раннем (*Chimonanthus praecox* Link., *Calycanthaceae*), цветет крупными воронковидными цветами лиловыми, или коричневатыми снаружи и бело-желтыми внутри.

Четыре реки (здесь: Сы-чуань хэ) — буквально: реки Четырех потоков, или юго-западной провинции Сычуань.

Восемь бессмертных – см. примеч. к гл. LV.

Журавль (сянь-хэ, буквально: священный журавль), и персик сакрально связаны между собой, оба они являются атрибутами божества бессмертия Шоусиня.

Под «сирым (одиноким) красавцем» подразумевается красная фишка с числом один.

Школьный инспектор (ти-сюэ) – начальник провинциального управления по делам образования.

Пара девушек (эр гу) – имеется в виду фишка с числовым эквивалентом два.

Вельможа – в оригинале стоит обобщающее сочетание «гун-цин», в древности обозначавшее особо знатных людей.

Буквально: за лотосом и водяным орехом.

940

Три силка (сань ван) – образ фишки-тройки.

В оригинале указан чин помощника правителя области.

942

Четверка красавцев, аналогично сирому красавцу, соответствует красной четверке.

Удельный князь — малопонятное сочетание ху-хоу (буквально: князь двара).

944

Молопонятое сочетание ку-чжу (буквально: горький корень).

Владыка Пяти гор – пяти священных вершин Китая (см. примеч. к гл. XXVII), здесь – фишка-пятерка.

Зелень темная – фишка-шестерка. Китайские кости имеют световые обозначения, которые играют особую роль в игре.

Канцелярист (чжао-мо) — в эпохи Юань-Цин (XIII-XX вв.) чин правителя канцелярии, делопроизводителя.

948

Шесть обернулось зарею востока – изменение цветовой ориентации фишки шесть-зелень на четыре-краснота, что обыгрывается в дальнейшем тексте стихотворения.

Хуннян и Инъин – служанка и хозяйка героини пьесы «Западный флигель» (см. более ранние примечания), здесь обыгрывается буквальный смысл их имен: Хун-нян – красная дева – соответствует фишке четыре, а Ии-ин – двойная иволга – фишке два (ср. со второй строфой предыдущего стихотворения). Таким образом от шестерки, оставляя (вычитая) два, игрок берет (обнимает) и остается с четверкой.

950

Братом Ин Боцзюэ называет Симэня.

Имеется в виду весенний праздник чунъян, справлявшийся девятого числа девятого лунного месяца. В этот день было принято подыматься в горы и пить вино с лепестками хризантем, дабы таким образом отвратить несчастья и избавиться от влияния злых духов. В это время пускали бумажных змеев, устраивали пиры, состязания в стрельбе из лука.

Дикий гусь, или, точнее, лебедь (хун) – образ письма – послания, отправленного на родину или полученного из родных мест. Кроме того, лебедь передает идею одиночества и скитания, а также угасания жизни – образ улетающей осенней птицы, поэтому он здесь сочетается с картиной осени и закатных лучей солнца.

Распространенный жанр китайской поэзии цы (переводится словом «романс», поскольку, как правило, сочетается с музыкой) имел много разновидностей, различавшихся размером, формой и манерой исполнения. В данном случае речь идет о малых цы (сяо-цы) – небольших стихах-куплетах.

В новелле Юань Чжэна «Жизнеописание Инъин» рассказывается, что студент Чжан поехал в город Пу (крупный в танские времена город Пучжоу на территории современной провинции Шаньси), к востоку от которого находился монастырь под названием «Обитель Всеобщего Спасения». Чжан остановился в монастыре и встретил там прелестную Инъин, которую полюбил.

Намек на ту же историю любви студента Чжана и Инъин. В новелле Юань Чжэна рассказывается о том, как студент Чжан влез на дерево и перебрался через стену, чтобы попасть к западному флигелю монастыря, где остановилась с матерью Инъин.

Название романа «Четыре сна и восемь опустошенностей» («Сы-мэн ба-кун») формально обусловлено четырехкратным повторением в его тексте иероглифа «мэн» («сон», «сновидение») и восьмикратным – «кун» («опустошенность»).

Сон о Нанькэ (Южной ветви), то есть о микроскопическом государстве в дупле дерева, которое на яву оказалось муравейником – утопический сюжет средневековой китайской литературы, наиболее детально разработанный в одноименной пьесе Тан Сяньцзу (1550–1616), одного из предполагаемых авторов «Цзинь, Пин, Мэй».

Сон на горе Ушань — упоминавшийся не раз сюжет о небесной фее и князе Сян Ване.

Сон о бабочке – притча из классического даосского трактата «Чжуан-цзы» (IV–III вв. до н. э.), в которой автор указывает на иллюзорность мира вопросом: ему ли снилось, что он бабочка, или бабочке снится, что она – это он.

960

Сон о Янтай (Яшмовой башне) – эротический сон, ассоциируемый с чудным явлением на горе Ушань.

Семь страстей – радость, гнев, грусть, забота, огорчение, страх, испуг, как долговременные и сильные эмоции, ставшие патогенными факторами, вызывающими расстройство системы функционирования пневмы, крови и внутренних органов.

Пять внутренностей – сердце, печень, селезенка, легкие и почки.

963

Шесть проявлений пульса – в традиционной китайской медицине данные пульсовые диагностики по трем точкам Цунь, Гуань, Чи на запястьях обеих рук.

Восточная вершина (дун-юэ) – одно из названий загробного мира.

В классическом амидаизме (см. примечания к гл. LI) существует понятие Западного рая Будды Амиды, как идеального обиталища будд и бодхисаттв, в которое попадали и смертные праведники. Бодхисаттва Западного рая – это эманация Амиды, бодхисаттва Авалокитешвара, в китайском варианте – Гуаньинь.

966

Посланец Погребальных Врат (Санмэнь) – зловещее созвездие вокруг Юпитера, символизирующее всевозможные беды и несчастья, а также соответствующее божество

Бяньцюэ (в другой транскрипции Бянь Цяо) – Цинь Юэжэнь по прозвищу Луский целитель (см. также примеч. к гл. XVII).

Специфический термин китайской философии и медицины «цзин» обозначает одновременно дух и семя (женское и мужское, то есть сперму). Этот вид жизненной энергии, как и пневма-ци, считался разносимым кровью и в своей материальной ипостаси преобразуемым в нее. Физиологически близки друг к другу источники цзин и крови, соответственно почки (вместе с тестикулами) и печень. Описанный здесь отрыв семенной энергии – цзин от своего материального носителя – крови рассматривается как патогенный фактор, влияющий и на соматические, и на психические функции организма.

Второй отрок (Эрлан) – божество народного пантеона, согласно легенде, он был вторым сыном некоего Ли Бина и уже в отроческом возрасте отличался особой отвагой, победив страшного дракона и свирепого тигра.

970

Прозвище лекаря – Даогуй, что буквально значит «строить каверзы», «чинить пакости». В игровом ключе назван и его адрес, включающий перечисление цифр 1, 2, 3 и 4.

971

Жуфу – округ в провинции Хэнань.

Ван Шухэ (III в.) – глава императорской Коллегии медиков династии Западная Цзинь (265–316 гг.), был крупным специалистом по изучению пульса, автор трактата «Канон пульса» («Май-цзин»), повествующего о 24 его видах.

Старец из Дунъюань (он же Ли Гао, 1180–1251 гг.) – известный медик, автор «Трактата о селезенке и желудке» («Пи-вэй лунь»), „Трактата о различении внутренних и внешних поражений“ („Нэй-вай шан бянь-хо лунь“), „Открытие медицины“ („И-сюэ фа-мин“) и др., основоположник школы „укрепления желудка и селезенки“, учившей, что все болезни возникают от внутреннего повреждения этих органов.

«Исконные (или Простые) вопросы Хуан-ди» («Хуан-ди су-вэнь») – первая общетеоретическая часть «Канона о внутреннем императора Хуан-ди» («Хуан-ди нэй-цзин») – древнейшей авторитетнейшей медицинско-философской книги, составленной неизвестным автором в IV–II вв. до н. э. и обобщившей богатый опыт предшествующей медицинской традиции

«Канон трудностей» («Нань-цзин») – один из основополагающих трактатов китайской медицины, был создан на рубеже III–II вв. до н. э. неизвестным автором под псевдонимом Цинь Юэжэнь. Представляет собой собрание вопросов и ответов по наиболее трудным проблемам «Канона о внутреннем».

«Книга исцеления», буквально: «Книга воскрешения человека» («Хо-жэнь шу») – под этим названием может подразумеваться либо изданная в 1116 г. „Наньянская книга воскрешения человека“ сунского медика Ли Чжисяня, либо изданные в 1337 г. „Показанные на ладони воскрешения человека от поражения холодом“ юаньского медика У Ну. Наньян (Южное солнце) – историческое название трех областей современной провинции Хэнань. „Поражение холодом“ (шан хань) – медицинский термин, означающий экзогенные, т. е. вызванные внешними причинами лихорадочные состояния организма.

Свод «Главное из принадлежащего Даньси» («Даньси цзуань яо») был составлен Лу Хэ из высказываний известного врача Чжу Чжэньхэна (Чжу Даньси, прибл. XIV в.).

«Профессиональные тайны Даньси» («Даньси синь-фа») – книга Чжу Чжэньхэна, отредактированная и изданная его учениками, а затем исправленная и дополненная Чэн Юнем (издание 1481 г.) В трактате отражена теория, согласно которой светлое, теплое начало ян в человеческом организме обычно присутствует в избытке, а темного, влажного инь – недостаточно.

«Тайны пульса старца Цзегу» («Цзегу лао май цюэ») – старец Цзегу (он же Чжан Юаньсу) – лекарь династии Цзинь (1115–1234 гг.), известный созданием многих новых рецептов.

«Тринадцать неизменных рецептов» («Цзя-цзянь ши-сань фан») – собранные минским медиком Чжу Жихуй основные предписания по всем тринадцати специальным дисциплинам – медик эпохи Мин. В эпохи Юань и Мин таковыми считались: педиатрия, генекология, стоматология, массаж, иглоукалывание и прижигание, окулистика, лечение болезней дыхательных путей, повреждений костной ткани, гнойных болезней, лихорадки, внутренняя терапия, закливание и военная медицина. Под тринадцатью рецептами, видимо, подразумеваются основные предписания по всем указанным дисциплинам. «Неизменный» (цзя-цзянь, буквально: прибавить – убавить, плюс – минус) – стандартное определение для ряда традиционных китайских рецептов, например: «неизменный пульсовосстанавливающий отвар» («цзя-цзянь фу-май тан»), состоящий из корней ремании, солодки, пиона, офиопогона, семян конопли и желе из ослиной кожи.

«Рецепты сильнодействующих составов ценою в тысячу золотых» («Цянь-цзинь ци-сяо лян-фан») – фармакологический сборник, реминисцирующий название («Рецепты ценою в тысячу золотых») классической фармакопеи китайского «царя лекарств» Сунь Сымяо (581–682 гг.).

«Чудодейственные рецепты предельного долголетия» («Шоу-юй шэнь-фан») – неидентифицированный сборник рецептов.

«Священные рецепты с моря» («Хай-шан фан») – это не только наименование божественных предписаний для преодоления смерти, за которыми посылали в морские плаванья императоры Циньский Шихуан-ди (221–209 гг. до н. э.) и Ханьский У-ди (141-87 гг. до н. э.), но и конкретной книги некоего праведника Суня выполненных в стихотворной форме предписаний для лечения 120 болезней, по 7 на каждую.

Силы света и тьмы — инь и ян, в китайской медицине универсальная пара противоположных категорий, выражающих оппозиции субстанции и функции, влажности и сухости, холода и тепла и т. д. Шесть видов пневм в природе — это ветер, холод, жар, влага, сушь, огонь. Шесть видов пневм в человеческом теле — это семя (цзин), пневма (ци), слюна (цзинь), телесная жидкость (е), кровь (сюэ) и пульсы (май).

Всякие там внешние и внутренние признаки – буквально: «семь внутренних, восемь внешних» (ци бяо, ба ли). В китайской медицинской диагностике используются восемь парных категорий (ба ган) для определения состояния человеческого организма: силы инь и ян, внешнее и внутреннее (бяо – ли), холод и жар (хань – жэ), недостаток и избыток (сюй – ши). В данном случае называется пара «внешнее и внутреннее», характеризующая локализацию и степень заболевания. Фраза построена в ироничном тоне, поскольку выражение «семь ... – восемь...» означает некоторый множественный хаос, беспорядочность, недопустимую для врача и ученого мужа.

Разъединяющий пульс (гуань-гэ) – указывающий на угрожающее несогласие начал инь и ян, может быть поверхностным, то есть указывающим на поверхностный источник заболевания, и глубинным, то есть указывающими на внутреннее расположение болезни.

Ветер (фэн) – в традиционной китайской медицине один из пяти патогенных факторов (у-се), вызывающих болезни пяти внутренностей (у-цзан, примеч.), среди которых также: холод, влага, туман и вред, приносимый пище.

Недостаточность (сюй) – общий синдром пониженной сопротивляемости организма, ослабленности всех его функций всех его функций, сил инь и ян, связанный с недостаточностью «истинной» пневмы.

Холод (хань) – синдром, связанный с патогенным переохлаждением организма, ослаблением его сопротивляемости и ненормальным превалированием инь над ян.

Жар (жэ) – синдром, связанный с патогенным перегревом организма, ненормальным превалированием ян над инь, чрезмерной функциональной активностью и повышенным обменом веществ.

Струнный пульс – прямой, длинный и напряженный на ощупь, как натянутая струна, бывает при болях, задержке жидкости в организме, болезнях печени и желчного пузыря; наводняющий – полный и сильный при приходе, как набегающая волна, и слабый при уходе, бывает при наличии жара; лукообразный – плавучий, большой и мягкий, пустой внутри, как зеленый лук, бывает после сильных кровотечений. Окаменелый пульс – нечто неизвестное китайской медицине, более того сочетание двух соответствующих иероглифов, «ши» и «май» имеет совсем иное значение – это прожилки на каменной породе. Видимо, здесь насмешка над неграмотным лекарем-каверзником.

Бубенчик был важным атрибутом странствующего врачевателя, в который он звонил, чтобы привлечь внимание людей.

990

Осмотри, принюхайся-прислушайся, расспроси, ощупай (ван, вэнь, вэнь, це) – четыре диагностических метода традиционной китайской медицины (сы-чжэнь).

Сюй Цзыпин (XIII в.) – гадатель по восьми знакам рождения, который сопоставлял их со звездными явлениями (см. примеч. к гл. XII, к гл. XXIX). Пять небесных тел (или пять планет) – см. примеч. к гл. XXIX.

В буквальном переводе данный рецепт звучит следующим образом:

Корень солодки (гань-цао) (солодка уральская (*Glycyrrhiza uralensis* Fisch.) или солодка голая (*Glycyrrhiza glabra* L.), применяется при всех болезнях) и клубень гань-суй (*Euphorbia kansui* Liou, применяется при болезнях почек и кишечника) – с нашатырем,

Трава черемицы (ли-лу) (черемица черная (*Veratum nigrum* L.) – трава противoinфекционного применения) и семя кротона (ба-доу) с волчника пыльцой (юань-хуа), (*Daphne genkwa* Sieb. et Zucc., применение противoinфекционное) –

Говорят, они гармонизируют жизненную основу в середине лета;

Корневище аконита (у-тоу) (один из видов аконита (*Aconitum carmichaeli* Debx.,) применение универсальное), абрикоса семена (син-жэнь) (*Prunus armeniaca* Luag. ansu Maxim., применяются при простуде и кишечных заболеваниях), корневище гастории (тянь-хуа) (*Gastrodia elata* Bl., применяется при болезнях печени), –

Вот эти несколько компонентов.

Смешать их, добавляя лук и мед,

Слепить, соединив в одну пилюлю,

И принять ранним утром, запивая подогретым вином.

Горы Удан, или Уданшань, расположены в провинции Хубэй, являются одним из священных мест религиозного даосизма, центром эзотерической практики.

Истинный Воин (Чжэнь-у) — дух-хранитель Севера, представляемый как соединение двух священных животных — черепахи, обвитой змеей, его основными атрибутами являются вода и черный цвет.

Связанные с «Книгой Перемен» триграммы, гексаграммы, числа и другие символы представляются в схемах двух типов — «преднебесном» (сянь-тянь) и «посленебесном» (хоу-тянь), самое общее смысловое различие которых можно выразить такими парами современных категорий, как «генотип» и «фенотип», «априорное» и «апостериорное».

Точнее Пингэр идет двадцать седьмой год от рождения. Полных 27 ей должно исполниться в первом месяце следующего, 1118 года,

Пояс и печать – принадлежности лиц чиновного звания.

Ср. гадание по восьми знакам Симэнь Цину в гл. XXIX, где в качестве определяющих выделялись года с семеркой – 7 лет, 17 и т. д.

В сочетании циклических знаков дин-ю «небесный ствол» (см. примеч. к гл. XXIX) дин соответствует огню, а в обозначающем день рождения Пиньэр сочетании синь-мао «небесный ствол» синь – металлу. Согласно традиционной теории взаимных преодолений, или поражений, пяти элементов, огонь поражает металл, что представляется образом его плавления.

1000

Кету – см. примеч. к гл. XLVI.

1001

Дракон родился — появился сын-наследник.

1002

«Чертог куриный» — как одно из двенадцати символических животных курица соответствует знаку «ю», десятому в двенадцати «земных ветвях», а он в свою очередь входит в обозначение года дин-ю. Иначе говоря, «чертог куриный» — это одно из наименований несчастливой для Пинъэр 1117 г.

1003

Упомянув о неясной тени, Ли Пинъэр говорит о своем умершем муже Хуа Цзысюе, и Симэнь понимает это.

1004

Пять священных гор (см. примеч. к гл. XXVII) – места достижения даосского просветления и бессмертия, приобщения к тайнам Вселенной.

1005

Пять громов из сердца небес – особый магический прием изгнания нечисти, который применяли служители даосского культа.

«Канон об очищении от крови» («Сюэ-пэнь-цзин») – написанное в Китае популярное буддийское произведение, опубликованное в эпоху Тан (VII–X вв.) и широко распространившееся в народе, но как апокрифическое не включенное в китайскую «Трипитаку» («Да-цзан-цзин», см. примеч. к гл. L). Обычно читалось на панихидах по женщинам, умершим от гинекологических заболеваний.

1007

Имеется в виду евнух Хуа, см. гл. X.

1008

Чжан, Ли, Ван – перечисление наиболее распространенных фамилий типа Иванов, Петров, Сидоров.

1009

Пять ночных страж (у гэн) – два последних и три первых двухчасовых отрезка суток (ши), делящихся по двенадцати циклическим знакам (см. примеч. к гл. I и сцену гадания в гл. XLVI). Первая ночная стража приходится на промежуток от 19 до 21 часа (ср. примеч. к гл. XXI и примеч. к гл. XXXIII), то есть на час суй, или одиннадцатый, отмеченный знаком собаки.

1010

Темно-коричневая или черная ряса – наиболее распространенное одеяние даосов.

1011

Буквально: веер «пяти просветлений» (у-мин) – ритуальный атрибут, изготовление которого приписывалось мифическому императору Шуню и который в III–V вв. использовался только в императорском эскорте, а затем стал принадлежностью даосских монастырей.

1012

Особые, соразмерные с движением небесных светил, магические шаги даоса-заклинателя, которые символизируют отбытие на небо с докладом.

1013

Фэнду – мифическая столица загробного мира.

1014

Час под первым знаком цзы, или час крысы, приходится на полночь (отрезок времени с 11 до часу ночи), что соответствует центральной, третьей, ночной страже-гэн.

1015

Зеленый дракон, Белый тигр, Красная птица, Черный воин — изображения символизирующие страны света, соответственно: восток, запад, юг, север.

1016

Три балдахина – здесь, видимо, символизируют главные области небесной сферы, согласно древнекитайской астрономии, так называемые «три алтаря» (сань-тань).

1017

Три мира – все основные уровни космического бытия: Небо, Земля, Человек.

1018

Согласно древнему мифу, Чанъэ, вознесшаяся на Луну, превратилась там из красавицы в жабу.

1019

Ле-цзы – один из полуполегендарных основателей даосизма (V–IV вв. до н. э.), позднее включенный в даосский пантеон.

Речь идет о буддийских сутрах «О спасении обиженных чад» («Цзе-юань-цзин»), «Сердце премудрости просветленной» («Ми-до-синь-цзин» – «Prajnaparamita-hrdaya-sutra»), «Сурангама-сутра» («Лэньянь-цзин» – «Surangama-sutra», см. примеч. к гл. LIX), «Канон исцелителя» («Яо-ши-цзин» – «Bhaisajya-guru-vaidurya-prabhasa-sutra»).

1021

Мантра – магическая формула, призывающая и заклинаящая божественные силы.

Великоскорбящая (Махакаруна) – бодхисаттва Гуаньинь, хотя этот эпитет может быть также отнесен ко всем буддам и бодхисаттвам.

В данном случае Сюй как служитель ямэня исполняет чисто административную функцию – освидетельствует тело покойной с целью захоронения.

1023

Каждая из длившихся по два часа пяти ночных страж подразделялись также на пять частей по 24 минуты. Указанная в оригинале вторая часть пятой стражи, соответствующая интервалу от 3:25 до 3:48 ночи, в переводе представлена как «второй удар». Послеполуночному часу под вторым знаком чоу, или часу быка, соответствует четвертая ночная стража и время от часу до трех ночи.

1024

Годы правления под девизом Высокого Покровительства (Юань-ю, – 1086–1093 гг.) Году синь-вэй соответствует 1091 г.

1025

Годы правления под девизом Порядка и Согласия (Чжэн-хэ) – 1111–1117 гг. Году дин-ю соответствует 1117 г.

1026

Таким образом указывается, что при положении во гроб не должны присутствовать Юэнян и Цзиньянь, родившиеся под знаком дракона, кормилица Жуи – под знаком зайца, и, главное, Симэнь Цин, родившийся под знаком тигра.

Двадцать шестой час цзи-чоу – месяца, дни и часы также, как и года раскладывались по знакам шестидесятиричного цикла (см. примеч. к гл. XXIX). Каждые пять суток, или 60 двухчасовок составляли полный законченный цикл.

Согласно данным «черной книги», дух Пинъэр попадает в ту же область, что и дух ее сына Гуаньгэ (см. примеч. гл. LIX).

1029

Биньчжоу — местность в провинции Шаньдун, на территории древнего царства Ци.

Белый цвет в Китае – траурный.

Пеньковые халаты – траурные.

1032

Дворец Всеобщего Согласия (Сюань-хэ) – дворец эпохи Сун, название которого совпадает с девизом завершающего периода правления династии Северная Сун (1119–1125 гг.) и наименованием сложившейся в это же время живописной школы.

Цитата из последнего, посвященного похоронам близких, раздела классической конфуцианской книги «Канона сыновней почтительности» («Сяо-цзин»). Эти слова о разумной умеренности траура высказываются Конфуцием, который в свою очередь возводит их к принципам древнейших совершенномудрых правителей.

Драконовы усы (лун-сю) – сочетание, общее для обозначения некоторых лекарственных препаратов, например: спаржа лекарственная (*Asparagus officinalis* L.), плаунок крючковатый (*Selaginella uncinata* Spring.), ситник сомнительный (*Juncus decipiens* Nakai), слилак Зибольда (*Slimax sieboldii* Miq.) и слимакс уссурийский (*S. riparia* DC var. *ussuriensis* Kitag.) и т. д.

Медвежья желчь (сюн-дань) – один из сильнодействующих биостимуляторов восточной медицины.

Фигурки служанок клали в могилу; предполагалось, что они будут прислуживать умершей на том свете.

1036

Траурный обряд подразумевал сооружение навеса или балагана, под которым располагался алтарь, ставились столы для даров и жертвоприношений, курильницы и т. д.

1037

Гонги – речь идет о своеобразном музыкальном инструменте цин, который представлял собой каменные или металлические изогнутые пластины, подвешенные к раме. Монахи били в них, как в гонг, специальными билами при совершении церемоний.

1038

Чэнь Цзинцзи выступал на похоронах в качестве зятя покойной Ли Пинъэр и выполнял долг сыновней почтительности.

Имеются в виду семь звезд Большой Медведицы, которые, по китайским повериям, оказывают большое влияние на судьбу человека.

1040

Явный анахронизм: император Чжэнь-цзун правил в 998-1022 гг., то есть за сто лет до описываемых событий.

1041

Место гроба Ли Пиньэр определялось как «погост („цзю“), то есть временное пристанище, занимаемое до похорон, назначенных на определенный благоприятный день.

1042

«Канон Цветка Учения» – другое название «Лотосовой сутры».

Самадхи – достигаемое медитацией и снятием субъект-объектного барьера, состояние духовного просветления, приводящее к нирване. Осуществляется путем сосредоточения на 40 объектах, одним из которых является вода.

1043

То есть 1117 г., седьмой год под девизом Мира и Гармонии (Чжэн-хэ, 1111–1118 гг.).

1044

Созвучие гуслей (сэ) и арфы (цинъ) – одна из стандартных метафор гармонии и согласия.

1045

«Насладись едою» – то есть вкуси принесенное в жертву – этой формулой, обращенной к духу, обычно заканчивался текст поминальной молитвы.

1046

Заоблачный, или облачный, щит (юнь-бань) – особая деревянная или металлическая доска с изображением плывущего облака, в которую били биллом при погребальных службах.

Хайянь – уезд в провинции Чжэцзян, на юго-восточном побережье Китая. «Хайянь» буквально означает «морская соль». Хайяньские пьесы как особый вид драматического искусства зародились там в XV–XVI вв. и пользовались большой популярностью в эпоху Мин.

Речь идет либо о пьесе «Записки о нефритовом браслете» («Юй хуань цзи»), драматурга XV–XVI вв. Ян Жоушэна, либо об аналогичном предшествующем произведении на тот же сюжет «Любовь девицы Юйсяо в жизни минувшей и после возрождения» («Юйсяо-нью лян ши инь юань», в дословном переводе – «Любовный союз девицы Юйсяо в двух жизнях», ранее, в гл. XLI из него был заимствован цикл романсов, см. примеч.) более известного автора Цяо Цзи (1280?-1345). В тексте романа названия обеих пьес слиты в единую формулу. В свою очередь их общий сюжет восходит к истории, изложенной литератором IX в. Фань Шу в авторском сборнике жанра би-цзи «Дружеские отчеты Юань Си» («Юаньси ю и»), а также близком по времени появления анонимном «Повествовании о Юйсяо» («Юйсяо чжуань») в жанре сяо-шо, и повествующий о любви танского полководца Вэй Гао и дочери содержательницы веселого дома девицы Юйсяо. Молодой Вэй Гао уезжает в столицу сдавать экзамены. Юйсяо хранит ему верность и ждет его, но, не дождавшись, умирает с тоски. По прошествии изрядного времени, когда Вэй Гао уже занимает высокий пост, ему опять встречается Юйсяо в новом воплощении, и они уже заключают брак. От этой мистической коллизии происходит название пьесы Цяо Цзи, а заглавие Ян Жоушэна связано с тем, что Вэй Гао дарит Юйсяо на память нефритовый браслет. Данный сюжет, как считают исследователи, был использован Ланьлинским насмешником в гл. II «Цзинь, Пин, Мэй», где описывается любовь Симэнь Цина к молоденькой певице Ли Гуйцзе. Эту аналогию замечает и сама Гуйцзе, присутствующая при данном представлении после смерти Пиньэр. Она со смехом говорит о сходстве сводника Бао в пьесе и Ин Боцзюэ, дружка Симэня, который помог ему добиться ее расположения. Вообще подобные внутренние переключки очень характерны, как для стиля «Цзинь, Пин, Мэй», так и вообще для китайской литературы.

1049

В оригинале – Бао Чжиму, в более поздних вариантах – Бао Чжибэнь. Исправлено по тексту драмы Ян Жоушэна, где фигурирует Бао Чжишуй.

1050

Фея Магу – см. примеч. к гл. LV.

1051

Даосские напевы (дао-цин) – музыкально-поэтическая форма, сложившаяся на основе даосских поучительных притч и повествований, бытовавших в виде песнопений. Исполняется в сопровождении бамбукового барабанчика.

1052

Цитата из конфуцианского канона IV в. до н. э. «Мэн-цзы» (гл.3А, разд.4).

1053

Цзяньчан – уезд в северо-восточной провинции Ляонин.
Чжэньюань – местность в провинции Гуйчжоу возле реки Чжэньян.
Оба места славились тем, что здесь росли деревья с очень прочной древесиной. Из нее делались доски для особо долговечных гробов.

1054

Янсюаньский вяз – вид дерева, растущего в провинциях Аньхуэй и Шэньси.

1055

Хугуан – объединяющее название двух провинций центрального Китая – Хунань и Хубэй. Улин – утопический образ земли обетованной из рассказанной Тао Юаньмином (365–427 гг.) легенды о «Персиковом источнике». Дерево из этих мест – своеобразная метафора абсолютной долговечности, неподверженности тлену.

1056

Ин Боцзюэ, желая прослыть начитанным, приводит утопию Тао Юаньмина «Персиковый источник», но путает ее с легендой о бессмертных девах, которых встретили Жуань Чжао и Лю Чэнь в горах Тяньтай (I–II вв.), и относит историю к эпохе Тан (618–907 гг.).

1057

Хайянь — уезд в юго-восточной провинции Чжэцзян, диалект которого значительно отличается от шаньдунского, родного для Симэнь Цина и его гостей.

1058

Ци – древнее царство на территории Шаньдуна, диалект которого отличался от соседних китайских царств.

1059

Лю Чжиюань (895–948 гг.) – в период раздробленности, эпоху Пяти династий (907–960 гг.), основатель эфемерной династии Поздняя Хань (Хоу Хань, 947–950 гг.), под именем Гао-цзу правил в 947–948 гг. Образ его запечатлен во многих пьесах театрального репертуара.

1060

Речь идет о Хань Юе (768–824) – философе и литераторе, предтече неоконфуцианства в Китае, резко выступавшем против засилия буддизма и даосизма в стране. Указанное произведение, по-видимому, связано с эпизодом его ссылки за антибуддийский доклад императору «О кости Будды».

В разговоре отражены некоторые эпизоды внешнеполитической ситуации на северных границах империи Сун в критический период ее истории. В 1115 г. предки маньчжур, чжурчжэни образовали на северо-западе Китая государство Цзинь (Золотое), которое захватом северной части Срединной империи вызвало крах династии Северной Сун в 1127 г. и само пало в 1234 г. в результате монгольского нашествия. В описываемый момент (1117 г.) сунские власти начали переговоры с Цзинь и предприняли попытки заключить с ним союз против другого враждебного государства на севере – киданьского Ляо (916-1125 гг.). Цай Цзин (1046–1126 гг.) – первый министр Сун, который руководил этой реформаторской политикой и действия которого позднейшая официальная историография признала первоисточником гибели государства Сун, что как анахронизм здесь отражено эпитетом «разбойник». При нем сановник Тун Гуань подал императору доклад с планом возвращения отторгнутых киданями северных территорий и завоевания северо-запада путем соглашения с Цзинь и обращения совместных сил против Ляо.

День становления зимы (ли-дун) – по григорианскому календарю приходится на восьмое ноября, это начало одноименного, двадцать второго из 24 сезонов солнечного цикла, на которые, по китайской традиции, делится год (ср. примеч. к гл. XII, примеч. к гл. XXVII, примеч. к гл. XXIX и примеч. к гл. XXXVI).

1063

Кисляк (суань-цзы) — уничижительный образ никчемного книжника, «прокисшего» в никому не нужных знаниях.

1064

В оригинале игра слов, основанная на том, что один и тот же иероглиф «ван» означает и наиболее распространенную фамилию (вроде русской «Иванов») и государя, императора.

1065

Великий китайский поэт Ли Бо (701–762 гг.) славился своим пристрастием к вину. Возможно, здесь имеется в виду знаменитая история о том, как Ли Бо в пьяном виде написал ответ, устроивший правителя соседнего царства Бохай, который прислал китайскому государю письмо на своем языке, непонятном никому при дворе. Ли Бо, не выдержавший экзамены (он не пожелал дать взятку), не только прочел его, но и написал суровый ответ.

1066

В данном случае, это, разумеется, механическое повторение поминальных формул, ибо реально родители Симэня давно умерли.

1067

Жертвенные слитки — изображения золотых и серебряных брусочков, сделанные из бумаги, которые использовались в качестве жертвенных денег в ритуальных церемониях.

1068

В тексте оригинала называется третий день после кончины, видимо ошибочно, и речь идет о тринадцатом дне и полной панихиде по случаю конца второй седмицы.

1069

Цзичжоу – область Шаньдуна на территории современных уездов Цзинин, Цзюйе, Чипин.

Гэнь — одна из восьми триграмм, символизирующая гору и в пространственной ориентации триграмм по восьми странам и полустранам света соотносимая с северо-востоком (в оригинале ошибочно стоит схожий с «гэнь» знак «лянь»). Иероглиф «юэ» означает «гора, пик», а сочетание «Гэнь-юэ» — «Северо-восточная гора». Такое название это искусственное сооружение, воздвигнутое в 1117 г. по повелению императора Хуэй-цзуна в подражание Фениксовой горе (Фэнхуан-шань) из провинции Чжэцзян, получило благодаря своему расположению на северо-востоке от столицы Кайфэна. Гора имела два пика, восточный и западный, наибольший из них достигал тридцатиметровой высоты (90 чи), а вокруг располагался почти шестикилометровый (10 с лишним ли) парк. Позднее Гэнь-юэ была переименована в гору Долголетия (Шоу-юэ или Ваньшоу-шань). По совету государева наставника Цай Цина, а также Тун Юаня и Чжу Мяня император Хуэй-цзун воздвиг роскошные дворцы и парки. По его указу производились поиски необычных камней (цветного мрамора) и была введена особая повинность — работы по добыче и доставке камня в столицу. Перевозка мрамора для этой искусственной горы осуществлялась на лодках по Великому каналу, руководил всеми этими работами действительно полководец Чжу Мянь (ум. в 1126 г.). Крестьяне, оторванные от своего хозяйства быстро разорялись и нередко вынуждены были даже продавать своих детей. В стране неоднократно вспыхивали восстания.

1071

Цзяннань (буквально: Южноречье) – обширный район в центральном Китае, который простирается вдоль реки Янцзы. Озеро Дунтинху и впадающая в него река Сянцзян расположены в южной провинции Хунань. Река Хуай – течет с запада на восток параллельно и между Хуанхэ и Янцзы.

1072

В Китае желтый цвет – императорский.

1073

Шан Лютан, отец ученого Шана, согласно более ранним указаниям уже 2 года как умер – его похороны упоминаются в гл. XXII. Здесь же о нем опять говорится как о живом.

См. примеч. к гл. VIII.

1075

«Павлинья сутра» – полное название «Сутра Великого прародителя Будды Павлиньего царя» – популярное буддийское произведение, посвященное Павлиньему царю – четырехрукому бодхисаттве, едущему на золотистом павлине и считающемуся одним из предшественников Будды.

См. примеч. к гл. XXIX.

Небесный наставник (Тянь-ши) Чжан – полулегендарный даосский патриарх Чжан Даолин (34-157 гг.?), согласно преданию, бывший сначала конфуцианским ученым, а затем ставший анахоретом-алхимиком и получивший эликсир бессмертия. Он явился основателем исторически первой в даосизме религиозно-политической организации «пути небесных наставников» (тянь-ши дао), которая во II–III вв. установила теократическое правление в провинции Сычуань. В народных культах и фольклоре Чжан Даолин предстает как целитель и экзорцист.

1078

Чжун Куй – дух, уничтожающий бесов и отгоняющий нечистую силу (см. также примеч. к гл. XV). В основе пьесы, судя по названию, лежит каноническая легенда о Чжун Куйе, явившемся в 713 г. во сне заболевшему императору эпохи Тан Мин-хуану (712–756 гг.) Чжун Куй растерзал зловредного бесененка-вора и сообщил о себе, что он – мелкий чиновник, провалившийся на очередных экзаменах и от стыда покончивший жизнь самоубийством, но удостоенный чести быть похороненным в официальном облачении и потому давший обет очищать Поднебесную от всякой нечисти. Проснувшись, император почувствовал себя выздоровевшим и повелел выдающемуся художнику У Даоцзы написать картину «Чжун Куй хватает бесененка». Это изображение, чудесным образом точно отразившее сон императора, в дальнейшем стало широко воспроизводиться как талисман против злых духов, а его сюжет стал неотъемлемой частью китайского фольклора.

Застава Хань, или Ханьгу – горный проход на западе провинции Хэнань. Через него, согласно преданию, Лао-цзы покинул Китай, уходя на запад и оставив начальнику заставы текст «Канона о пути и благодати» – «Дао-дэ-цзин» (см. примеч. к гл. XLIX).

1080

«Шесть разбойников» – буддийский термин, обозначающий препятствующие постижению истины образы, рождаемые мышлением и пятью органами чувств. Майтрея – ожидаемый будда будущего.

Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы) снится бабочка — см. примеч. к гл. LXI.

Возможно, имеются в виду два произведения: «Небесный царь нисходит на землю» и «Воды, огонь и ураганы». Небесный царь (кит.: тянь-ван, санскр.: махараджа) – в буддизме существует представление о четырех высших божествах, махараджах, хранителях четырех стран света. В китайских народных верованиях с титулом «небесного царя» фигурирует знаменитый генерал VII в. Ли Цзин, который якобы умел влиять на природные силы, в частности вызывать дождь, и после смерти был обожествлен, а к IX в. уже представлялся в качестве владыки небесных духов (см. примеч. к гл. II). Постепенно его образ слился с образом владыки севера, махараджи Вайшрованы, который в индуизме тождествен Кубере, повелителю злых духов и богу богатства (кит.: Цай-шэнь)

Люй Дунбинь – один из восьми бессмертных (см. примеч. к гл. LV). Согласно преданию, Люй Янь (второе имя Дунбинь означает «Гость-из-пещеры») родился в 798 в. в провинции Шаньси. В зрелые годы встретил еще одного из восьми бессмертных Чжунли Цюаня и стал его учеником. От него же Люй получил чудесный меч, с которым научился великолепно обращаться и как с боевым, и как с магическим оружием. С этим мечом он путешествовал по стране, убивая драконов и тигров, избавляя людей от горя и зла. В традиционных изображениях его неотъемлемый атрибут – меч. Иногда он изображается с мальчиком на руках – пожелание иметь многочисленных сыновей, в этом качестве святого-чадоподателя Люя чтили китайские ученые. Дунбинь был канонизирован при жизни Симэнь Цина, в 1111 г.

1084

Чжао Тай-цзу (буквально: Чжао Великий предок) – Чжао Куанъинь, основатель династии Сун (годы правления 960–976). В мистерии он провожает одну из своих скончавшихся жен – Цзиннян.

1085

Час чэнь, или час дракона приходится на отрезок времени с 7 до 9 часов утра.

1086

Дух-путеводитель (Кай-лу-шэнь) — имеющий грозный и воинственный вид дух пути, который охраняет душу умершего от злых сил на пути к могиле.

1087

Дух опасного пути, или Дух, устраняющий опасности с пути (Сянь-дао-шэнь), – его функции сходны с Духом-путеводителем, в народе их нередко путали.

Черепаша и журавль – священные животные, два традиционных символа долголетия, обычно изображались рядом с бессмертными гениями. Здесь знаменуют собой землю и небо, куда, по китайским поверьям, отходят после смерти две разновидности человеческой души «хунь» и «по», бывшие едиными при жизни.

Девы-затворницы (буквально: четыре волосатые девы) – известно лишь об одной из них. Согласно преданиям, некогда из гарема Цинь Шихуан-ди (III в. до н. э.) бежала красавица Юйцзян. Она укрылась в горах, где ела одни сосновые иглы. Тело ее будто бы поросло густой шерстью, откуда и пошло ее прозвище.

1090

Сумеру (кит.: Сюйми) – мифическая гора в буддийской мифологии, стоящая будто бы в центре земли. На ней обитают божества и духи. Она моделирует мир, подразделяясь, в частности, на «четыре вершины», соответствующие сторонам света.

«Повелеваю» — то есть иероглиф «лин», изображавшийся на ритуальных стягах и хоругвях — это «повеление» волхва духам, дабы те исполнили тот или иной его приказ.

1092

Возможно, речь идет об одном из восьми бессмертных Чжан Голао, которого часто изображали переходящим через мост и везущим тяжелую тачку с камнями.

1093

Годы под девизом Высокого Покровительства (Юань-ю) – 1086–1093 гг. в правлении императора Чжэ-цзуна, прямого предшественника Хуэй-цзуна. Год синь-вэй, то есть 1091, является таким образом шестым годом данного правления.

Ланьтянь — см. примеч. гл. XXXIX

1095

Синьюань Пин – астролог и политик II в. до н.э., согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня, предсказавший аномалию в движении солнца и обнаружение утраченного державного символа – треножника династии Чжоу. Под его влиянием Ханьский император Вэнь-ди в 163 г. до н.э. изменил календарь и объявил начало новой эры правления. Однако в том же году Синьюань Пин был обвинен в шарлатанстве и казнен вместе с тремя поколениями родственников.

1096

«Основоположник сокровенного учения» — титул, присвоенный Лао-цзы в начале VII в.

1097

Лиловые чертоги – согласно даосским представлениям, небесное обиталище бессмертных.

1098

Семеро истинносущих (Ци-чжэнь) – даосские патриархи Мао Ин, Мао Гу, Мао Сы (II–I вв. до н. э.), Сюй Сюнь, Сюй Май, Ян Си, Го Пу (IV–V вв. н. э.).

1099

Четыре основанья мира (буквально: четыре великих – сы-да) – согласно буддийским представлениям, основные элементы мира явлений: земля, вода, огонь, ветер, которые также формируют человеческое тело.

1100

То есть в пяти ли от города (см. примеч. к гл. XXXIV).

В песнях-плачах «Вдовец идет на могилу» обычно говорится о вдовце, который видит дома туфельки покойной жены, – «туфли здесь, а той, что их носила, уж нет», – и это усугубляет его печаль. Этот традиционный образ использован и здесь.

1102

Здесь образ орхидеи – реминисценция знаменитой поэмы «Скорбь» («Лисао», строфа 13) Цюй Юаня (IV–III вв. до н. э.)

1103

Девять истоков – так же как и девять бездн преисподней или желтый источник (см. примеч. к гл. I) образ загробного мира.

То есть шоу-бэй (столичный воевода) Чжоу Сю (см. примеч. к гл. XXIX).

1105

«Пэй Цзиньский князь возвращает пояс» – одна из классических драм в жанре цза-цзюй (музыкальное фарсовое представление), ее автор – Гуань Ханьцин или Цзя Чжунмин (XIII в.), а полное название «В храме Духа гор Пэй Ду возвращает пояс» (сокращенно – «Пэй Ду возвращает пояс»). В давшей название пьесе центральной сцене главный герой, будущий ученый-цзиньши, и высокопоставленный чиновник, крупный государственный деятель эпохи Тан – Пэй Ду (765–839 гг.), получивший титул Цзиньского князя (Цзинь-гун), спасает свою будущую жену и собственную жизнь, возвращая девушке забытый ею драгоценный яшмовый пояс.

1106

Нань-люй – мелодия пятой категории в тонике гун.

1107

Двадцать девятому в шестидесятилетнем цикле году жэнь-чэнь соответствует 1112 г.

1108

Лоянский парк – прославленное древнее место отдыха, известное еще со времен Ханьской империи.

Башня Сян-вана (Сян-ван тай) – аналог террасы Ян на горе Ушань (см. примеч. к гл. XXIX), а также образ природной оппозиции мужской башни и проносящихся вод – женской стихии и образа феи-дождя (см. примеч. к гл. I).

1110

Дух Весны – буквально: Правитель Востока (Дун-цзюнь), божество, управляющее всем рядом коррелятивных явлений, связанных в пространстве с востоком, а во времени – с весной.

1111

Трое Пречистых (ранее, в гл. XXXIX – Высокие духи Трех чистых миров) – Изначальный небесный повелитель Нефритовой Чистоты, Вершащий дао государь духовных драгоценностей Высшей Чистоты и Наивысший старый государь Великой Чистоты – правители небесных эмпиреев, высшей обители бессмертных. Им соответствуют три неба, то есть эмпирейные области: Нефритовой Чистоты, Высшей Чистоты, и Великой Чистоты (см. также примеч. к гл. LIII), образовавшиеся путем разделения мирообразующей изначальной пневмы и находящиеся за пределами доступного обычным людям небосвода, но предназначенные соответственно для возносящихся туда трех категорий даосских святых: совершенномудрых (шэн), истинносущих (чжэнь) и бессмертных (сянь).

Четыре Владычествующих (Сы юй, ранее, в гл. XXXIX – четыре владыки) – здесь, вероятно, имеются ввиду божества, стоящие рангом ниже Трех Пречистых: Великий владыка нефритовый император, Великий владыка центрального созвездия Пурпурного Таинства из Северного предела, Высший правитель небесный император из высшего дворца созвездия Крюковидного Строя (Гоу-чэнь) и Дух земли император почвы.

Но также этому клише могут соответствовать и управляющие четырьмя странами света: севером – Великий правитель созвездия Пурпурного Таинства (Цзы-вэй) из Северного предела, ведающий тьмой звезд; югом – Великий правитель продления жизни из Южного предела, ведающий тьмой душ; западом – Великий правитель изначальный император из Великого предела, ведающий тьмой медитаций; востоком – Великий правитель земного цветения из Восточного предела, ведающий тьмой рабов.

1113

Досточтимый небесный повелитель, спаситель от бед и напастей, дух звезды Тайи – заботящееся о душах умерших божество, являющееся ипостасью Высшего владыки бездонной сини из Восточного предела, который также именуется Досточтимым небесным повелителем и спасителем духовных драгоценностей всех десяти сторон пространства (то есть восьми стран и полустран света, верха и низа).

1114

Восточный пик – один из пяти великих пиков Китая, гора Тайшань, расположенная на востоке страны, в провинции Шаньдун. Согласно даосским верованиям, здесь обретаются души умерших и духи, управляющие людскими судьбами. Во главе этих духов стоит Великий владыка Восточного пика, которому подведомственны восемнадцать подземных темниц ада и семьдесят пять управлений, ответственных за сроки жизни и смерти.

1115

Фэнду — уезд в западной провинции Сычуань, в котором расположена горная местность с пещерами, освоенными даосами, считающими эту территорию одним из семидесяти двух достопримечательных мест — преддверием подземного ада, носящего такое же название. В качестве западного ада Фэнду составляет пространственную оппозицию с Восточным пиком.

1116

Считалось, что в подземной преисподней разноуровнево расположены десять дворцов с князьями и девять бездн, размещенных по странам и полустранам света и в центре.

1117

Надзиратели алтаря (Цзянь тань, болное наименование, использованное ранее в гл.39 и ниже в гл.66 – Святые полководцы надзиратели алтаря – Цзянь тань шэнь цзян) – устрашающие предалтарные фигуры стражей закона. При сооружении даосских храмов или монастырей перед открытием скита происходит ритуал молитвенного призыва этих полководцев покровителей веры, дабы они прибыли для его защиты от дурных воздействий и злых духов.

1118

Два предводителя Волшебного тигра – мифологические персонажи Шэнь-шу и Юй-люй, якобы живущие на горе Душо в Восточном море и управляющие Волшебным тигром, который пожирает злых духов.

1119

Четыре великих небесных господина Хуань, Лю, У и Лу – жившие в разное время вплоть до эпохи Сун, даосские святые, достигшие бессмертия и вознесения на небо, Хуань Кай, Лю Хоу, У Бэнь и Лу Фэн.

1120

Владычица великой тьмы, или Божественная госпожа великой силы инь (Тай инь шэнь-хоу) – народное название широко почитаемой даосской святой Лунных чертогов – Царственной госпожи великой силы инь Белого светила (Юэ фу су яо тай инь хуан цзюнь), господствующей над Луной и Юпитером, и составляющей пару с мужским божеством Солнечного дворца – Монаршим господином великой силы ян Палящего света (Жи гун янь гуан тай ян ди цзюнь), властелином Солнца.

1121

Семеро истинносущих — набор даосских святых, в который разными авторитетами включались различные имена (см., например, примеч. к гл. LXV).

1122

Светлые и темные души усопших – по традиционным представлениям, человеческая душа состоит из трех светлых (янских) частей (хунь), по смерти возносящихся на небо, и семи темных (иньских) частей (по), после смерти опускающихся в землю.

1123

«Нефритовые строки о рождении духа» – даосское произведение о духовном преобразовании после смерти, упоминавшееся ранее в гл. LIX и в гл. LXV (под сокращенным названием «Строки о рождении духа») и фигурирующее далее (под более полными названиями «Драгоценный образец рождения духа в девяти переворотах» и «Канон о рождении духа в девяти небесах») в аналогичных контекстах, связанных с похоронами. Его полное наименование – «Канон нефритовых строк о рождении духа в девяти небесах подлинного естества духовного богатства, проникающего в сокровенное» («Дун-сюань лин-бао цзы-жань цзю-тянь шэн-шэнь юй-чжи цзин»).

1124

Стерегающий Восток – божество, управляющее востоком и всеми коррелятивными явлениями, в том числе утренним временем.

1125

Пурпурный чертог (цзы-фу) – обитель с золотыми кроватями и нефритовыми столами, первая, в которой оказываются бессмертные, попав на небо.

1126

Управляющий Югом — божество юга и всех соответствующих явлений.

1127

Багряные холмы (чжу-лин) – одно из 36 мест, благоприятных, согласно даосским представлениям, для проникновения на небо. Расположено в центральном Китае, в районе одного из пяти великих пиков – горы Хэн-шань (провинция Хунань).

1128

Драконья строка (лун-чжан) – особым образом начертанный даосский магический текст.

1129

Синий дворец (цин-гун) – местопребывание Владыки Востока.

«Канонические реестры из Великой пещеры небесного царства Высшей Чистоты» – основополагающее произведение одного из направлений даосизма – Школы Высшей Чистоты (или Мао-шань), сформировавшейся во второй половине IV в. Традиционно считается, что данный трактат, состоящий из 31 «свитка», был составлен даосом Ян Си в 364 г., а позднее значительно дополнен. Основная цель адептов этой школы – обретение бессмертия и вознесение в «небесное царствие Высшей Чистоты» с помощью различных алхимических и психофизических методов. Употребленный в названии трактата термин «реестр» (лу) обозначает земное свидетельство о накоплении небесных богатств.

1131

Золотые чертоги (цзинь-цюэ) – дворец Небесного владыки.

1132

Святые полководцы надзиратели алтаря (Цзянь тань шэнь цзян) – см. примеч.

Посланцы трех миров (Сань цзе фу ши) – имеются в виду посланцы высших сил, переносящие грамоты-талисманы и тем самым связующие три сферы мироздания: небесную, земную и водную.

1133

Подразумеваются духи, отвечающие за передачу на небо сообщений, содержащихся в ритуально сжигаемых посланиях высшим силам, и распределяющиеся по четырем временным параметрам проводимого ритуала: году, месяцу, дню, и часу (точнее – двухчасью).

См. примеч. к гл. LIII.

1135

Небесный воевода Тяньпэн – звездный дух, находящийся в подчинении у Великого владыки Северного Ковша, один из упомянутых в гл. XXXIX Четырех совершенномудрых из небесных палат, связанный с первоэлементом деревом.

Нефритовый аршин (юй-чи) – волшебное орудие, которым измеряются способности людей.

1136

В даосской магической практике использовался меч с инкрустированными в его лезвии семью звездами, представлявшими центральное на небосводе и потому наиважнейшее созвездие Северного Ковша.

1137

В даосской иерархии 36 небес три неба занимают второе по высоте, после неба Великой Сети (ди-ло тянь), положение и являются ничем иным, как областями действия Трех Пречистых (см. примеч. 2).

1138

Десять земель – десять «кругов ада», то есть уровней преисподней, управляемых десятью князьями (см. примеч.).

1139

Столица преисподней Лофэн, как и Фэнду, считалась имеющей земное воплощение в виде расположенной на севере одноименной горы.

1140

Тайхуа – буквально: Великая Хуа – расположенная на западе, в провинции Шэньси гора Хуа-шань, одна из пяти великих пиков Китая.

«Внечувственное (у-лоу, санскр.: анасрава) небо» – буддийско-даосский термин для обозначения высшей сферы мироздания, куда не проникают никакие чувственные влияния, где не действует закон перерождения и где пребывают достигшие нирваны бодхисаттвы и бессмертные.

1142

Подразумевается, что данному талисману подчинены все громы и молнии, исходящие из четырех стран света и центра.

Возможно, имеется в виду «Канон о возрождении душ на небесах», в полном наименовании: «Канон о возрождении душ на небесах и достижении дао, изъясненный Высокочтимым правителем Первого Начала» («Юань-ши тянь-цзун шо шэн-тянь дэ-дао цзин»), входящий в состав крупнейшего собрания даосской литературы «Сокровищницы дао» («Дао-цзан»)

1144

Возможно, имеется в виду «Нефритовый канон Волшебного тигра», также входящий в «Сокровищницу дао».

1145

Описанного в гл.17 ареста сановников Ван Фу и Ян Цзяня в 1115 г. не было. Так же умер его превосходительство Ян не 29.09.1117, как сказано здесь, а в 1121 г. и не от мук заточения, а естественной смертью.

1146

Лу Бань (точнее Луский Бань, он же, по некоторым версиям, Гуншу Бань) — легендарно прославленный плотник древности, персонифицированный символ плотницкого мастерства.

1147

Южный дворец – область небосвода, связанная с созвездием Южный Ковш, или просто Ковш, которое состоит из 6 звезд и соотносится со Стрельцом. Оно считалось ответственным за долголетие и проводящим прибывшие к нему души в область бессмертных.

1148

Таинственный император (Сюань-хуан) — одно из высших божеств даосского пантеона.

Небесный наставник Праведного единства Чжан Даолин (I–II вв.) – основатель древнейшего религиозного организованного, ритуализированного направления в даосизме, именуемого «путем Небесных наставников», или «путем Праведного единства» (см. также примеч. к гл. LXV).

1150

Львиный трон — седалище Будды, в более широком смысле — божественный трон.

1151

Дерево воздушной зелени (кун-цин) по виду напоминает восковницу красную и считается целебным, в частности его соком лечили слепоту. В даосских текстах оно фигурирует как волшебное дерево.

1152

Три управителя (сань-гуань) – властители трех миров, небесного, земного и водного, называемые также «Тремя первейшими» (сань-юань).

«Канон о пяти кормильцах» – сокращенное название даосского произведения «Канон о пяти кормильцах в изъяснении Лао-цзы» («Лао-цзы шо у-чу цзин»), комментарий на который, составленный в эпоху Тан (VII–X вв.), входит в «Сокровищницу дао».

1154

Согласно даосской космогонии Высшее Небо Великой Сети «породило», то есть эманировало три пневы (сань ци) – таинственную (сюань), первичную (юань) и изначальную (ши), которые образовали небеса Трех Пречистых, а те в свою очередь вновь произвели по три пневы каждое, что в итоге привело к появлению девяти небес.

1155

Град Великой Тайны (Тай-вэй-юань) – в китайской астрономии одна из трех центральных областей неба, распространяющаяся на созвездия Льва, Волос Вероники, Девы и Сектанта.

«Талисман соединения души» (цзе-лин) и «талисман сгущения в форму» (юй-и) – даосские мантические формулы, связанные с идеей духовно-телесного преобразования человека после смерти, то есть нового рождения из элементарной материально-духовной субстанции, в которую переходят как телесные, так и духовно-душевные компоненты его организма. В этом процессе основополагающую роль играют противоположные силы инь и ян, важнейшими ипостасями которых являются вода и огонь. Кроме того, в данном случае возможна контаминация с мифологическими представлениями о лунном и солнечном духах Цзе-лине и Юй-и. Имя последнего полностью совпадает с иероглифами оригинала, а второго – отличается в одном иероглифе («линь» вместо «лин»). Эти духи – бессмертные, вознесшиеся на соответствующие светила, которые в свою очередь также представляют оппозицию сил инь и ян, воды и огня, внутреннего и внешнего, духовного и телесного.

1157

Единица – символ нечетности и небесного, мужского начала (ян);
двойка —символ четности и земного, женского начала (инь).

1158

Три сокровища даосской веры – путь-дао, каноны и наставники, что с известной долей условности можно сопоставить с откровением, преданием и церковью.

1159

Красный Свет (чи-мин) – принятое в религиозном даосизме обозначение одного из начальных периодов в становлении мироздания.

Владыка бездонной сини – одна из ипостасей небесного божества Тайи (см. примеч. к гл. XXXIX).

1161

Истинносущий Линь – знаменитый даос Линь Линсу, подвизавшийся при дворе Хуэй-цзуна в качестве составителя биостимулирующих снадобий.

1162

Река Башуй течет в провинции Шэньси и впадает в известную, воспетую литераторами реку Вэйшуй.

1163

Год зайца, в данном случае, соответствует дин-мао, или четвертому, а по европейскому летоисчислению – 1087. Таким образом, 1117 – это 31-ый год жизни Жуи.

Ли Пинъэр явилась Симэнь Цину в той одежде, в которой ее положили в гроб, то есть в белой юбке и коричневой кофте (белый – цвет траура и символический цвет Запада, страны мертвых, а коричневый – цвет Севера, хотя и не основной, а как бы промежуточный, Север же, по китайским представлениям, был страной мрака). Не исключено, что здесь использован не основной символический цвет Севера – черный, а промежуточный потому, что связь души Пинъэр с этим миром еще не оборвалась окончательно – она является Симэню во сне и явится еще не раз.

См. примеч. к гл. LXII.

В «Персиковом источнике» великого китайского поэта Тао Юаньмина (365–427 гг.) рассказывается о рыбаке из Улина, который однажды плыл по речушке в лодке и незаметно оказался вдали от дома. Внезапно перед ним возник лес цветущих персиковых деревьев. Лес кончился у источника, питавшего речку. За ним была гора, а в горе – вход в пещеру. Рыбак вошел в нее и очутился в цветущей долине, где счастливо жили люди, бежавшие чуть ли не шестьсот лет назад от тирании первого Циньского государя Шихуана. Вернувшись, рыбак рассказал о чудной долине правителю области. тот отрядил людей и велел им съездить в долину. Но рыбак заблудился и больше не мог отыскать дорогу (см. также примеч. к гл. LXIV).

1167

«Сутра цветочной гирлянды» (кит.: «Хуа-янь-цзин», санскр.: «Аватамсака-сутра») – основополагающий текст одной из ведущих буддийских школ Китая хуаянь. В силу особой значимости и авторитетности Сутра трижды переводилась на китайский язык, впервые в 418 г.

Тридцать пять будд – идентифицируемый с разными списками имен набор будд, которым необходимо приносить покаяние за те грехи, что сопряжены с опасностью наказания бесконечными страданиями. «Просветляющая сутра тридцати пяти будд» («Сань-ши-у фо мин-цзин»), более точное наименование которой «Покаянный молитвослов тридцати пяти будд» («Сань-ши-у фо мин ли-чань-вэнь»), была переведена Букуном в эпоху Тан (VII–X вв.) и вошла в состав китайской «Трипитаки» («Да цзан цзин»).

1169

Голодный дух, изрыгающий пламя (янь-коу) – служитель ада. Обряд его кормления входит в цикл отпевания покойного.

1170

Деревянная рыба (му-юй) – см. примеч. к гл. XLIX.

1171

Шесть корней – органы чувств и мышление, ответственные за связь человека с миром.

1172

В оригинале использована транскрипция санскритского термина «danapati» – «донатор», жертвователь, податель милостыни.

1173

День лун-хуа приходится на восьмое число четвертой луны, когда буддийские монахи кропят ароматной водой святыне образы и якобы собираются под дерево с драконьими цветами (лун-хуа шу, санскр.: пушпаанага), под которым должно произойти просветление (бодхи) будды будущего Майтреи.

1174

Цапля — знак отличия чиновников шестого ранга. Характерная примета эпохи Мин.

1175

Ань Чэнь беспорядочно перечисляет уезды и округа всей страны. Гуачжоу – древнее название уезда и города Дуньхуан провинции Ганьсу; Наньван – возможно, имеется в виду Нанкин; Гутоу – какой местности соответствует данное название установить не удалось, возможно, верховье реки Гу, однако в Китае существуют две реки с таким названием – в Шаньдуне и в Хэбэе; Юйтай – уезд и город округа Цзинин провинции Шаньдун; Сюйпэй – чему соответствует это название также установить не удалось, возможно, его нужно понимать как болота Сюй или как два уезда – Сюй и Пэй; Люйлян – округ в провинции Шаньси; Аньлин – малое княжество на территории царства Вэй (провинция Хэбэй); Цзинин – округ, уезд и город провинции Шаньдун; Суцзян – уезд и город округа Хуайань провинции Цзянсу; Линьцин – уезд и город округа Ляочэн провинции Шаньдун; Синьхэ – уезд и город провинции Синьцзян;

1176

Квадратные нашивки как знаки различия, то есть буфаны, обычно не прикреплялись на повседневные мужские халаты с косым запахом, поскольку нашивать их при таком покрое неудобно. Мужчины носили буфаны только на официальных глухих халатах. То, что Симэнь Цин украсил львом свой повседневный халат, свидетельствует о кичливости, желании выставить напоказ свой ранг.

«Наслаждаясь искусством на Срединной равнине» – цикл из 13 арий на тему «Западного флигеля», посвященный начальной сцене встречи студента Чжана (главный исполнитель) и Инъин и входящий в собранную Го Сюнем (1475–1542 гг.) антологию извлечений из музыкальных пьес «Благозвучные песни-юэфу» («Юн-си юэ-фу», издана в период Цзя-цзин, 1522–1568 гг.). В оригинале ошибка, следует читать: «один акт». Срединная равнина – Китай.

1178

Сюцай цитирует слова Конфуция, приведенные в «Каноне перемен» («Чжоу и», комментарий к пятой черте гексаграммы No.1 Цянь).

1179

«Тьма солдат-бунтовщиков» – цикл из 16 арий на тему «Западного флигеля», в котором Хуннян (главная исполнительница) уговаривает студента Чжана отправиться на банкет и который также входит в антологию «Благозвучные песни-юэфу».

1180

Ин Боцзюэ перечисляет названия различных эротических поз.

В различных редакциях и главах текста эти персонажи названы по-разному. Так, Юй Куань – это и Цзы Куань, и, вероятно Юй Чунь из гл. XV; Шан Третий называется также Хэ Третьим, а в одном случае даже Ша Третьим; Не Юэ, безусловно, тождественен Цин Неюэ из гл. XV (вероятно, сочетание трех иероглифов «цин», «не» и «юэ» следует понимать как «цинец Не Юэ», то есть родом из округа Цинчжоу провинции Шаньдун).

1182

Имеются в виду половые органы.

1183

Дворец Вэйян, или Полуночный дворец, – роскошная резиденция Ханьских императоров, выстроенный основателем династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) Гао-цзу (206–194 гг. до н. э.) на седьмой год его правления для устройства богатых приемов и увеселений.

В метафорическом хаосе переплетены сюжеты встречи Сян-вана с Чуской девой (см. примеч. к гл. I) и любовных походов студента Чжана из «Западного флигеля» (см. примеч. к гл. XIII).

1185

Шатун – речъ идет о бариче Ване Третъем.

1186

Сыма — знаменитый поэт Сыма Сянжу (см. примеч. к гл. XIV).

Свидание в тутах – образное обозначение любовного свидания, восходящее к поэзии «Книги песен» – «Ши-цзин», I, IV, 4 (см. также примеч. к гл. XXIX).

Люся – по-видимому, имеется в виду сановник VII в. до н. э. Чжань Цинь, прославившийся своей стойкостью и мужественностью и даже причисленный к категории совершенномудрых. Он известен под именем Люся Хуэй, в котором Люся – название города, отданного ему в кормление, а Хуэй – посмертный титул. В китайском оригинале поэтического зачина главы фигурирует только один иероглиф «лю» из этого имени.

1189

Год свиньи – отмеченный циклическим знаком «хай». В данном случае, видимо, имеется в виду последний, шестидесятый год цикла – гуй-хай, или 1083. Он, согласно лунному календарю, был первым годом жизни госпожи Линь, и хотя она появилась на свет в самом его конце – в 15 день 11 месяца (см. ниже), наступивший вскоре 1084 г., по китайской традиции, мог уже считаться вторым в ее жизни. Таким образом, в гл.69 подходящий к концу 1117 г. для нее – тридцать пятый, однако полных лет ей на днях исполняется только 34.

1190

Праздник Холодной пищи (хань-ши) – приходится на начало третьего месяца лунного календаря, знаменуя собой торжество любви, время сватовства и веселых игр на открытом воздухе. Одним из широко распространенных его элементов были качания на подвешенных к деревьям качелях. В эти дни ели свежие овощи и ярко красили яйца.

1191

Исправлено, согласно экземпляру Чжан Чжупо, так как в «Цыхуа» возраст Симэня слегка преувеличен, там сказано, что ему 34–35 лет. В действительности завершающийся 1117 г. – это тридцать второй в его жизни, а полных годов ему 31.

1192

В китайском оригинале здесь ошибочно сказано: «девятнадцатый день», но ниже он в соответствии с хронологией данной главы назван девятым.

1193

Биньян (в экземпляре Чжан Чжупо фигурирует сочетание Баньян, идентифицировать которое не удалось) – не вполне понятный топоним. Это или уезд Биньян округа Наньнин провинции Ганьси, в наименование которого входит другой омонимичный иероглиф «бинь», или два древнейших княжества Бинь и Ян – одно на территории провинции Шэньси, другое – Шаньдун, ваном (в переводе: князем) которых был Ван Цзинчун.

Тайюань – город, административный центр провинции Шаньси.

Князь Гуань, он же Святой Гуань, или Гуань-ди, – см. примеч. к гл. XXIV и примеч. к гл. LVII.

1195

Головная сетка на госпоже Линь — знак ее принадлежности к высшей аристократии. Подобная сетка упоминается лишь у Ли Пинъэр, невестке дворцового смотрителя Хуа, но и у той она — серебряная.

Описание госпожи Линь строится на явных контрастах: внешнее целомудрие и необузданная страсть – вот ее черты, подчеркнутые в описании. Белизна кофты – целомудрие, вдовий траур, а пурпур юбки под ней – намек на сладострастие. Высмеивая буддийское благочестие, автор с помощью оксюморона «блядующая бодхисаттва», по-видимому, проводит мысль о том, что самозабвенная любовь этого божества к погрязшему в грехах миру может завести слишком далеко, вплоть до полного погружения в пучину плотских пороков.

См. примеч. к гл. LV.

1198

Пятая, последняя ночная стража – это время до рассвета – с 3 до 5 утра.

1199

Хуайцин – видимо, местность или город в провинции Хэнань, в которой расположен и столичный город Кайфэн.

1200

Наньхэ — так с древности именуется часть русла Хуанхэ на территории Хэнани от мелких притоков и до основного разветвления.

1201

Фань Куай (?-189 г. до н.э.) – выдающийся полководец и мужественный непобедимый вояка периода создания империи Хань, соратник, земляк и свойственник Лю Бана (императора Гао-цзу), по первоначальной профессии собаковод-живодер. В романе не раз использована формула: «сам Фань Куай не проломит», происходящая из в гл. 95 «Жизнеописание Фань Куая, Ли Шана, Ся-хоу Ина и Гуань Ина» «Исторических записок» Сыма Цяня и повторенная в одноименной гл. 41 «Истории Хань» Бань Гу. Лю Бан заболел, велел запереть двери и никого не пускать. Из приближенных никто не посмел ослушаться, кроме Фань Куая, который, проломив дверь, ворвался в Запретный город.

1202

Ми Юаньчжан, он же Ми Фэй (1051–1107 гг.) – художник и каллиграф, образцы надписей которого всегда ценились очень высоко.

1203

Чэньцан — горная местность в провинции Шэньси, в районе нынешнего города Баоцзи. Подразумевается исторический эпизод III в. до н. э., когда основатель династии Хань Лю Бан (см. примеч. к гл. I) применил обманный маневр: начав открыто сооружение горных настилов, тайно провел войска через Чэньцан. Этот прием стал образцом китайской военной стратегии.

1204

Истинносущий человек не обнаруживает свой облик – древнейшее выражение, восходящее к даосской философии и, в частности, представлению о скрытой, а потому чуждой любой афишируемости, природе всех подлинных процессов.

1205

Небесная вершина – знаменитая Тяньтай, место паломничества китайских буддистов и последователей даосизма (см. также примеч. к гл. XXIX). Три горы (сань-шань) – мифические горные острова в восточном море, на которых обитают бессмертные. Один из них – знаменитый Пэнлай (см. также примеч. к поэт. эпиграфу и примеч. к гл. XV).

1206

Две последние строки представляют собой цитату из связанного с романтической историей стихотворения «Посвящаю усланной служанке» танского поэта Цюй Цзяо (стал сюцаем между 806 и 820 гг.). У тетки Цюй Цзяо была красивая служанка, с которой он имел любовные отношения. Однако ее продали вельможе, правителю области. Однажды в праздник Холодной пищи (6 или 7 апреля) они случайно встретились, после чего Цюй Цзяо сочинил свое горестное стихотворение. Впрочем история имела счастливый конец, ибо познакомившийся с этим стихотворением вельможа вернул поэту предмет его страсти. Образ влюбленного в последней строке передан ставшим нарицательным именем собственным Сяо-лан (буквально: Юный Молодец), которое в молодые годы носил император династии Лян, У-ди (502–549 гг.).

1207

В оригинале эта клишированная фраза отсутствует. Основание конъектуры – очевидная случайность пропуска.

1208

Слово «пестун» передает китайское сочетание «тай-бао», что буквально значит: «великий покровитель», под которым имеется в виду попечитель и наставник членов императорской фамилии, в частности, наследника престола.

1209

Ся Яньлин – официальное имя Ся Лунси. Ср. эти характеристики Ся и Симэня с данными цензором Цзэном в гл. XLVIII.

1210

Ци – то есть Шаньдун (по названию располагавшегося в этих землях древнего удельного княжества).

1211

Имеется в виду искусственная гора Гэнь-юэ (см. гл. LXV).

1212

Речь идет о перевозках мрамора для дворцовых построек.

1213

Линь Чэнсюнь – официальное имя Линь Цанфэна, упоминавшегося в предыдущей главе.

1214

Слову «граф» соответствует иероглиф «бо», обозначающий третий из пяти высших титулов.

1215

Данный сан соответствует основателю или высшему иерарху даосской церкви и здесь употреблен весьма условно.

1216

В тексте использовано сочетание «юй-кэ» («оперенный гость»), обозначающее даосского подвижника.

1217

Имеется в виду праздник зимнего солнцестояния, приходящийся на 22 декабря по григорианскому календарю и сопровождаемый грандиозным карнавалом.

1218

Шоууй – буквально означает: Придерживающийся простоты.

1219

Цитата из трактата «Мэн-цзы», гл. 2 «Гунсунь Чоу», 1, ч. 2, пар., где приводится пословица жителей княжества Ци: «Разум – хорошо, но счастливый случай – еще лучше, мотыга – хорошо, но подходящее время – еще лучше».

1220

Журавль — знак отличия гражданских чиновников первого (высшего) ранга.

1221

Доуню — драконообразная корова, украшала нагрудные знаки высших чиновников государства. Право носить такой знак с начала XVI в. даровалось гражданским и военным чиновникам первого ранга за особые заслуги. Таким образом наставник государя Цай Цзин, будучи высшим сановником страны, мог носить одежду с изображением как дракона о четырех когтях, так и журавля и доуню.

«Высшая Чистота» и «Драгоценный реестр» – даосские понятия. Согласно даосскому учению, в вышине, за пределами видимого неба, существуют еще три сферы, три высших мира – Три чистоты: Нефритовая, Высшая и Великая (см. примеч. к гл. LIII и примеч. к гл. LXVI). Драгоценным реестром даосы называют особый список с заклинаниями (см. примеч. к гл. LXVI). Такие мандаты носили с собой и сжигали при богослужениях, надеясь в ином мире получить начертанный на них чин.

1223

Крылышками цикады, расположенными в виде лепестков, и хвостами соболя украшали особый сетчатый колпак, надеваемый на церемониальный головной убор высших сановников государства, носителей аристократических титулов. Однако общее описание одеяния Чжу Мяня свидетельствует о характерном для эпохи Мин, а не Сун смешении всех форм и регалий: наряд на Чжу Мяне повседневный, а шапка украшена крылышками цикады и хвостами соболя, что нарушало этикет, ибо такие украшения полагалось носить только на церемониальном платье.

1224

Замок в форме рыбы, висящий на поясе сановника, символизировал сохранение государственной тайны, то есть предполагалось, что сановник не смыкал глаз ни днем, ни ночью, как рыба.

1225

Муж Светлых заслуг (гуан-лу да-фу) – титул начальника дворцовой стражи.

1226

Имеется в виду особый институт «тени», дававший привилегии и потомкам заслуженных людей.

1227

Тигровые мандаты и яшмовые бирки — знаки государева доверия и вызова ко двору.

1228

Чжэн-гун – первая из семи типовых тональностей (мелодий-ладов) первого в китайской пентатонике тонального класса гун. Использовалась в народной музыке.

1229

Реминисценция «Дао-дэ-цзина», где сказано: «Небесная сеть всеохватна – редка, но ничего не упускает» (73).

1230

Чжао Гао – министр Цинь Шихуана, отличавшийся коварством и склонностью к интригам, в конечном счете казненный.

См. примеч. к гл. LIX.

1232

Ван Ман (45 г. до н. э. — 23 г. н. э.) — реформатор, основавший новую династия Синь (9-25 гг.) и вызвавший восстание Краснобровых, в китайской исторической традиции трактуется как отрицательный персонаж, злодей-узурпатор законной власти императоров Ханьской династии.

1233

Дун Чжо – узурпатор и тиран конца II в. н. э., один из персонажей романа-эпопеи «Троецарствие».

1234

Намек на продажного царедворца Цай Цзина.

1235

Оба берега реки Хуай – район низовья реки Хуай-хэ, занимающий центральную часть провинции Цзянсу.

Две части Чжэцзяна – восточная и западная с включением при династии Сун и южной части современной провинции Цзянсу.

1236

Западная Лун – соответствует современной провинции Ганьсу.

1237

Третий год под девизом Всеобщего Согласия соответствует 1121. Цинь-цзун – старший сын, престолонаследник Хуэй-цзуна, вступил на престол в 1126 г., однако на следующий же год был свергнут вторгшимися иноземцами-чжурчжэнями, провозгласившими новую династию Цзинь (1115–1234 гг.). Гао-цзун – младший сын Хуэй-цзуна, основавший на свободном от завоевания юге династию Южная Сун (1127–1279 гг., сам он правил до 1162 г.)

1238

Шесть разбойников – так в эпоху Сун называли всемогущих сановников: Цай Цзина, Тун Гуаня, Ван Фу, Лян Шичэна, Ли Яня и Чжу Мяня, фактически захвативших власть в стране. Смелый сановник Чэнь Дун подал на высочайшее имя доклад, в котором, перечисляя шестерых разбойников, просил государя казнить их. Именно эта знаменитая фраза использована в данном стихотворении.

1239

Автор стихов здесь как бы забегает далеко вперед, только в последних главах романа говорится о вторжении племен чжурчжэней и бегстве государя. В 1125 г. чжурчжэни выступили в поход против Китая; Тун Гуань, которому было поручено командование войсками на севере, бежал в столицу, сам государь Хуэй-цзун в панике отменил приказ о сборе и доставке цветного мрамора, издал манифест, в котором по конфуцианской традиции, взял всю вину за происходящие события на себя, а власть передал своему сыну, который известен под именем Цинь-цзун. В январе 1126 г. Хуэй-цзун с Цай Цзином, Тун Гуанем, Чжу Мянем и двадцатью тысячами отборных воинов бежал на юг. Впоследствии и он, и его сын Цинь-цзун оказались в плену у чжурчжэней.

1240

Смысл этой сцены в том, чтобы показать всевластие прислужника государевой наложницы, который дарит ничтожному торговцу, выскочке Симэнь Цину, халат с одной из высших государственных регалий. Незаконность этого жеста становится особенно понятной, если привести выдержку из официальной «Истории династии Мин», где в записи под 1501 г. говорится: «Обладатели высших титулов гун, хоу, бо, а также высшие гражданские и военные чиновники и начальники гарнизонов в нарушении правил домогаются права носить одежду с драконами о четырех когтях и летающей рыбой. Надлежит по этому поводу произвести тщательное расследование и виновных подвергнуть тяжелому наказанию».

1241

Ложе дракона – то есть ложе императора, который в Китае также именовался Великим Драконом.

1242

Феникса палаты (фэн-лоу) – прекрасный терем, часто – покои императрицы.

1243

Девять ярусов небесных (цзю-чун) – термин, помимо небесных высей (ср. примеч. к гл. XXXVII) также обозначающий императорский дворец.

1244

Свет и тьма, твердь и отверстие, все стихии и все дали – буквально: Цянь и Кунь на 10000 ли (вань-ли цянь-кунь). Цянь и Кунь – первая и вторая гексаграммы «Канона перемен», соответствующие высшим проявлениям светлой, твердой мужской стихии ян – творчество, небо, отец, обозначаемой сплошной линией и темной, мягкой, женской инь – исполнение, земля, мать, обозначаемой прерывистой линией; иными словами, полюса, между которыми заключен весь мир.

1245

Медный зверь — имеется в виду медная эмблема на воротах с дверным кольцом — колотушкой.

1246

Чжао Старший – император, основатель династии Сун, Чжао Куанъинь Тай-цзу (960–997 гг.). Вершина долголетия (вань-суй шань) – возможно, по аналогии с Дворцом долголетия (вань-суй гун) – одно из традиционных наименований императорской резиденции.

1247

Три князя – три самых могущественных сановника в государстве, занимающие вторую после Сына Неба, ступень в иерархии власти.

Трипитака-монах – почтительное прозвище танского монаха Сюаньцзана (см. примеч. к гл. XV). «Трипитака» (санскр.; кит.: «Саньцзан») – «Три сокровищницы» – полное собрание священных текстов буддизма.

1249

Толкование строк, в оригинале – книг (цзян шу) – здесь можно также понимать как толкование «Книги преданий» (цзян «Шу»)

1250

Дворец Вэйян – см. примеч. к гл. LXVIII.

1251

Цзиньян – приграничная резиденция в период Тан (618–907 гг.)

1252

Покрывало двух фениксов – то есть брачное покрывало.

1253

Меж четырех морей – см. примеч. к гл. LV.

1254

Три твердыни и пять правил (сань-ган у-чан) – три фундаментальных основы общества: почитание государя подданными, отца сыном, мужа женой; и пять правил добродетели: гуманность, справедливость, благопристойность, взаимопонимание и благонадежность.

1255

В традиционном Китае существовала оппозиция гражданского (вэнь – буквально: письменность, культура) и военного (у) начал, при большем почтении к первому. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) – центральная фигура в китайской «письменной» культуре. Сформулированные им и его последователями концепции были основой идеологии китайского общества.

1256

«Предания» («Шу») – то же, что и «Книга исторических преданий» («Шу-цзин»), древнейший исторический текст (см. примеч. к гл. XLVIII).

«Обрядник», или «Записки о ритуале» («Ли-цзи») – текст, датируемый IV–I вв. до н. э., наряду с «Книгой песен» («Ши-цзин»), «Книгой исторических преданий» («Шу-цзин»), «Книгой перемен» («И-цзин») и летописью «Весны и осени» («Чунь-цю») входил в состав конфуцианского «Пятиканония» («У-цзин») – основу китайской учености.

«Песни» – тоже, что и не раз упоминавшаяся «Книга песен» («Шичзин»).

1259

«Летопись» – исторические анналы «Весны и осени» («Чунь-цю»), которые, согласно традиции, скомпилировал сам Конфуций.

1260

Юй – легендарный император древности, основатель первой китайской династии Ся (XX–XVI вв. до н. э.). Чэнтан – легендарный основатель династии Шан (XVI–XI в. до н. э.). Вэнь-ван – отец У-вана, считается одним из создателей «Книги перемен» («И-цзин»). У-ван – основатель династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.).

1261

Яо и Шунь – мифические совершенномудрые правители древности, эталон гуманности и добродетели.

1262

Фан Сюаньлин и Ду Жухуэй – ближайшие сподвижники императора династии Тан (618–907 гг.) Тай-цзуна (627–659 гг.).

1263

Сяо Хэ и Цао Шэнь – верные соратники основателя Ханьской империи Гао-цзу (206–194 гг. до н. э.).

1264

«Изречения» — основополагающий конфуцианский трактат «Лунь-юй» (см. примеч. к гл. LX).

1265

Невестка – то есть жена того, к кому герой обращается как к брату (ср. примеч. к гл. XIII).

1266

В кавычках слова, сказанные ханьскому императору Гуан-у-ди (25–58 гг.) его приближенным, на тот момент уже женатым на женщине из небогатой семьи, сановником Сун Хуном, когда государь решил выдать за него свою овдовевшую сестру. В китайской традиции Сун Хун стал почитается как образец супружеской верности.

1267

Согласно преданию, Лян Хун (I в. н. э.) взял в жены некрасивую, но умную односельчанку Мэн Гуан.

1268

И Инь – первый министр при императоре династии Шан, Тайцзя, прославившийся своей мудростью. Когда император предался разврату, И Инь отправил его на три года в пещерный дворец, после чего, когда тот исправился, опять призвал на трон.

1269

Лю Су – согласно современным китайским комментариям к «Цзинь, Пин, Мэй» под Лю Су подразумевается Лю Чун (иероглифы «су» и «чун» сходны в написании). Лю Чун, он же Лю Мин (895–954 гг.) – основатель эфемерной династии Северная Хань (951–979 гг.), в Тайюань – центральном городе провинции Шаньси – в 951 г. провозгласивший себя императором. Посмертное царское имя – Шичзу.

1270

Фениксовы пропилеи, буквально: ворота киноварного феникса — императорский дворец.

1271

Шандан — город в провинции Шаньси

1272

Перечисляются правители периода раздробленности, так называемой эпохи Пяти династий и десяти царств (У-дай ши-го, 907–979 гг.).

Цянь-ван – один из правителей южного государства У-Юэ (907–978 гг.), образовавшегося на месте двух этих древних царств. Государством У-Юэ управлял дом Цянь, представители которого прибавили к своему имени титул «ван». Здесь, вероятно, имеется в виду последний из царей У-Юэ – Цянь Чу, который правил в 948–978 гг. и, будучи покорен сунским Тай-цзу, поклонился дому Сун. Впоследствии, уже шестидесятилетним, он был отравлен по приказу Тай-цзу в собственный день рождения.

Ли-ван – один из правителей дома Тан периода распада империи, так называемого Южного государства Тан (Нань Тан, 937–975 гг.), располагавшегося на юго-востоке Китая. Вероятно, имеется в виду Последний Государь (Хоу-чжу) Ли Юй (правил в 961–975 гг.), который проводил время среди красавиц и пиров, писал стихи и был захвачен, а затем отравлен Тай-цзу.

Лю Чан – последний правитель государства Южная Хань (Нань Хань, 917–971 гг.), располагавшегося на юге Китая между У и Южной Тан. Правил в 958–971 гг. и, так же как Ли и Цянь, был захвачен войсками Сун.

Мэн Чан – второй и последний правитель Позднего государства Шу (Хоу Шу, 933–965 гг.). Правил в 934–965 гг., был разбит и уничтожен Тай-цзу.

1273

Юг – речь идет о территории древнейших царств У и Юэ (ср. примеч.), во времена распада империи каждое из подобных царств стремилось повысить свое влияние – вначале отделиться, чтобы потом, возможно, объединить под своей эгидой весь Китай.

1274

Цзиньлин (Золотой холм) – старое название города Нанкин.

1275

Цяньтан – часто в песнях так именуется город Ханчжоу, таково же название известной реки, протекающей в тех местах.

1276

Имеются в виду опасные горные дороги провинции Сычуань, получившие название «Западных потоков» (Си-чуань).

1277

Буквально: ядовитых испарений земли южных варваров.

1278

Бяньлян — столица Сунской империи Кайфэн.

1279

Лингянь – императорский дворец в Кайфэне.

1280

Данный цикл посвящен подвигам и добродетелям основателя Сунской династии Тай-цзу и одновременно воспринимается как славословие его потомку и продолжателю Хуэй-цзуну.

Высказывание Конфуция из «Суждений и бесед», гл. VIII, параграф 14.

1282

Час инь, или третий приходится на пятую ночную стражу – время с 3 до 5 утра.

1283

В слитке 50 лянов серебра.

1284

Согласно данным «черной книги» душа Пинъэр должна была переселиться в дочь командующего Юаня из Восточной столицы (см. свидетельство геоманта Сюя в гл. LXII).

1285

Инъин и Хуннян – госпожа и служанка, героини «Западного флигеля» (см. примечания к предыдущим главам).

Пэнлай – остров бессмертных, см. примеч. к гл. XV.

Дщицы, или дощечки, из дерева или слоновой кости в руках сановников — символы готовности придворных в любой момент записать указ государя.

Булавки и кисти – регалии на шапках чиновников.

1289

Золотой Чертог – здесь обитель обожествленного родоначальника даосизма Лао-цзы (см. также примеч. к гл. LXVI).

Нефритовый царь – см. примеч. к гл. II; примеч. к гл. XXIX.

У мифического идеального правителя древности Яо будто бы были восьмицветные брови: конфуцианские интерпретаторы истолковывали этот признак Яо как символ мудрости, прозорливости, умения разбираться в движении небесных светил.

1292

У другого мифического правителя древности, Шуня, в глазах будто бы было по два зрачка, что считалось символом его прозорливости.

1293

Мифический правитель Великий Юй был известен своим неустойчивым трудом по борьбе с потопом.

Па древним преданиям, из каждого плеча мифического правителя Чэнь Тана будто бы росло по две руки, что также считалось символом его трудолюбия. Вообще следует подчеркнуть, что император Хуэйцзун описан здесь с помощью обычных сравнений – клише, употреблявшихся для описания государей в китайской повествовательной прозе. При этом необходимо учесть, что мифические правители, с которыми он сопоставляется, считались идеальными правителями, а Юй и Тан почитались как основатели легендарной династии Ся (XXIII в. до н. э.) и первой исторической династии Шан, или Инь (XVIII в. до н. э.).

1295

Сюэ Цзи – знаменитый каллиграф и художник VIII в.

1296

Три учения – конфуцианство, даосизм, буддизм.

Имеются в виду каноны конфуцианцев, даосов, натурфилософов (школы инь-ян), легистов, номиналистов (школы имен), моистов, политологов (школы продольных и поперечных союзов), эклектиков (или энциклопедистов) и аграрников.

1298

См. примеч.

1299

Чэнь Хоу-чжу (буквально: последний государь Чэнь) – последний правитель эфемерной династии Чэнь, правил в 583–589 гг. Своей расточительностью, жестокостью и развратом довел династию до гибели. Упоминание его здесь явно не случайно, оно как бы призвано снять гиперболическое восхваление сунского Хуэй-цзуна, сделанное несколькими строками выше, и напомнить читателю, что и он своей расточительностью и безволием доведет до гибели династию Северная Сун, которая падет под ударами чжурчжэньского войска.

1300

Девизы правления менялись либо в ознаменование важных событий, либо неудач — экономических или политических, с целью провозглашения новой светлой эры.

1301

Девизы «Цзянь-чжун Цзин-го» – 1101 г.; «Чун-нин» («Величественное Спокойствие») – 1102–1106 гг. (в оригинале ошибочно «Чун-цзянь» – «Величественное Созидание»); «Да-гуань» – 1107–1110 гг.; «Чжэн-хэ» – 1111–1117 гг. – время основного действия романа. В приближающемся в гл. LXXI новом, 1118 году происходит установление следующего девиза «Чун-хэ» – «Двойная Гармония». Позднее Хуэй-цзун установит последний девиз «Сюань-хэ» – «Всеобщего Согласия» (1119–1125 гг.). Выражение «пять раз менял правления девизы» может означать пять переходов от первого девиза к последнему.

1302

В экземпляре «Цыхуа» указан первый год под девизом Сюань-хэ (см. предыдущее примечание). Исправлено по экземпляру Чжан Чжупо.

1303

Фэнду – столица загробного мира.

1304

Фраза о Чанъэ и Ле-цзы в точности повторяет пассаж из гадания об умирающей Пинъэр из гл. LXII (см. примеч.).

1305

Ван – удельный князь, член императорской фамилии, самый высокий из ряда других аристократических титулов в средневековом Китае.

1306

Гусь служил свадебным подарком жениха невесте.

1307

Реплика Юйлоу в тексте «Цы-хуа» отсутствует. Заимствована из поздних вариантов.

Шэнь Миллионщик (Шэнь Ваньсань) – знаменитый богач XIV в. Шэнь Чжунжун, чье имя стало нарицательным в эпоху Мин. Его неоднократное упоминание (см., например, гл. XXXIII) персонажем эпохи Сун – очередной анахронизм романа.

1309

Местечко, где ива гниет – указанная ранее в этой же пословице (гл. XXXIII) Сухостойная излучина (Ку-шу-вань), в которой, согласно легенде, было открыто золото, пошедшее на строительство Пекина в эпоху Мин.

1310

Буквально: три светоноса, то есть Солнце, Луна и звезды с планетами.

1311

Восьмигранный городок (Ба-цзяо-чжэнь) — находился в провинции Шаньдун.

1312

Цитата из «Суждений и бесед» Конфуция, гл. XIII, параграф 11.

1313

Речь идет про пир, устраиваемый по случаю вступления на пост.

1314

Восемнадцатое число здесь, видимо, фигурирует ошибочно, ибо реально описываемое в этой же главе вступление в должность происходит через день, то есть 26.11.

1315

Девятиречье (Цзю-цзян) – район, лежащий на стыке провинций Цзянсу и Цзянси.

1316

Парадная шапка – буквально: «шапка верности и спокойствия» – парадный головной убор высокопоставленных чиновников, ученых и военных, введенный в употребление при минском императоре Шичзуне (правил в 1522–1567 гг.), то есть в данном случае текст содержит очередной анахронизм.

1317

Намек на некоего Чжао Шисюна (VI–VII вв.), который повстречал девицу на горе Лофу, пировал с ней, а когда пробудился, девица исчезла.

В стихотворении эзотерическим языком описывается зимний пейзаж и дополняется эротическим подтекстом. Яшмовое дерево (цюн-шу) – дерево долголетия, рождающее красную яшму. Нефритовый дракон (юй-лун) – привычный поэтический образ ветки в снегу, и кроме того он может выступать как символ мужского начала и даже означать мужской половой орган. Багряное облако, буквально: киноварное (дань-юнь) – и таинственная жемчужная тьма (чжу-сюань) – слияние двух противоположных цветовых начал. И «жемчужная тьма», и «пахучие врата» – термины, означающие женские половые органы. Отточием в тексте обозначен пропуск в оригинале двух иероглифов.

«Цветок нарцисса» («Шуй-сянь-цзы») – типовая северная мелодия, или четвертая во второй тонике шан (шуан-дяо), или седьмая в первой тонике гун (хуан-чжун-гун), использовавшаяся для исполнения коротких арий в 8 или 9 строк по 3–7 иероглифов в каждой. Принятый перевод достаточно условен, поскольку сочетание «шуй-сянь-цзы», с одной стороны, может пониматься сугубо терминологически как обозначение конкретной мелодии, а с другой стороны – содержит в себе достаточно богатый семантический ряд, включающий понятия и образы: «нарцисс», «бессмертный», «владыка вод, водяной», «дети водяного (певички-гейши, живущие на джонках на озере Си-ху)». Отсюда – использованный в гл. XXI альтернативный перевод «Бессмертный – украшение вод».

1320

«Опустился дикий гусь» и «Победная песнь» – типовые северные мелодии, принадлежащие к четвертой категории в тонике шан (шуандяо). Обычно используются в паре при исполнении коротких арий из 4 строк по 5 иероглифов и 8 строк по 2 или 5 иероглифов. Исполнение может сопровождаться аккомпанементом на зурне или малом деревянном рожке.

Ранее в гл. LXII в этом же цикле «Вешние воды» фигурировал мотив «Седьмой брат» (буквально «Седьмой старший брат» – «Ди ци сюн»), вероятно идентичный данному (в буквальном переводе «Семь младших и старших братьев» – «Ци ди сюн»). Разночтение могло быть вызвано перестановкой и легким видоизменением иероглифа «ди».

Южноречье (Цзяннань) – правобережье реки Янцзы.

1323

Сюаньюань – первопредок Желтый император – Хуан-ди (см. примеч. к гл. X).

1324

Фу Шэн (III–II вв. до н. э.) – конфуцианский ученый, древнейший толкователь «Книги исторических преданий» («Шу-цзин»), текст которого он схоронил (в обоих смыслах), замуровав в стене своего дома в период гонений на конфуцианцев и сожжения их классики при династии Цинь в 213 г. до н. э.

1325

Бин Цзи (ум. до 55 г. до н. э.) – придворный сановник ханьских императоров от У-ди до Сюань-ди, первый министр при дворе императора Сюань-ди (правил: 73–48 гг. до н. э.), прославившийся жаждой познаний, которых искал всюду, даже расспрашивая вола.

Сун Цзин – неустановленный персонаж. Однако по аналогии с сюжетами предыдущих картин, герой данной должен быть достаточно известным лицом. Не исключено, что тут имеет место ошибочная подмена иероглифа похожим знаком. В таком случае речь может идти о знаменитом комментаторе древней классики Сун Чжуне (II в. н. э.), имя которого «Чжун» графически напоминает иероглиф «цзин». Поскольку Сун Чжун специально занимался трудом Сыма Цяня, сокращенно называемым «Историей», наименование можно перевести и как «Сун Чжун исследует „Исторические“».

Прозвание Вана Третьего – Саныцюань (Три Источника, или Третий Источник) по сравнению с прозвищем Симэнь Цина – Сыцюань (Четыре Источника, или Четвертый Источник) воспринимается как принадлежащее более старшему (ср. аналогичные прозвища Старшая, Вторая, Третья и т. д.), что, разумеется, не очень понравилось Симэню.

Люаньский чай – называемый так по имени округа Люань (или в неточной транскрипции Луань) провинции Аньхуэй – считался лучшим сортом чая (см. также примеч. в гл. XXIII).

Гинкго (тянь-э) – дерево семейства Ginkgoaceae, гинкго двулопастный (*Ginkgo biloba* L.). Душистая олива (му-си) – дерево семейства Oleaceae, вероятно, имеется в виду османтус душистый (*Osmanthus fragrans* Lour.). В традиционной китайской медицине семена гинкго и кора оливкового дерева имеют несходные области применения, за исключением одной: оба эти препарата применяют для лечения грибковых заболеваний женских половых органов.

1330

Дата рождения сына Ин Боцзюэ определяется здесь как 28.10, хотя, согласно хронологии гл. LXVII, его рождение произошло 26.10.

Чжуан-цзы (или Чжуан Чжоу) – знаменитый даосский философ, живший в царстве Чу в IV–III вв. до н. э. «Чжуан-цзы дорожит мгновеньем», буквально: «дорожит вершком тени» (си цунь инь) – даосская формула первичной ценности времени, сформулированная в трактате II в. до н. э. «Хуайнань-цзы», глава «Юань-дао сюнь» («Толкование изначального дао»): «Посему совершенномудрый человек не ценит сантиметра (чи) яшмы, но дорожит вершком тени. Время трудно схватить, но легко упустить.»

Афоризм ранее, в гл. LI, цитированный Пань Цзиньянь, а здесь приведенный с синонимичным изменением одного иероглифа, принадлежит имевшему степень цзиньши ученому и литератору XII в. Шэнь Цзочжэ. В настоящее время включающий этот афоризм текст сохранился в книге циньского ученого, также имевшего степень цзиньши, Чжао И (1727–1814) «Собрание исследований предпринятых на досуге» («Гай-юй цун-као»).

«Сладкоголосая чаровница» — один из сексуальных атрибутов Симэня, которые он носил в специальном узелке (см. гл. XXXVIII). По-видимому, это механический стимулятор, издающий вибрирующие звуки и аналогичный «бирманскому бубенчику». Из данного контекста следует, что к нему еще прилагалось специальное возбуждающее снадобье.

1334

Реальгар (сюн-хуан, буквально: сера-самец) – оранжево-красный минерал гидротермального или вулканического происхождения, по химическому составу – сульфит мышьяка (AsS), является мышьячной рудой. В китайской медицине применяется в качестве противоядия и паразитицидного препарата. Входящий в его название иероглиф «сюн» – «самец» был основанием высказанной далее веры в то, что использование реальгара приведет к рождению ребенка мужского пола.

1335

Нарушается прослеживаемая в течении полугода ориентация дней на знаки шестидесятеричного цикла: в гл. LIII 49-ый день жэнь-цзы приходится на 23.04 (день зачатия Сяогэ); в гл. LIX – соответственно, на 23.08 (дата смерти Гуаньгэ); в гл. LXII 17.09 – на 13-ый бин-цзы; в гл. LXIII 22.09 – на 18-ый синь-сы; в гл. LXIV 25.09 – на 21-ый цзя-шэнь; в гл. LXV 08.10 – на 34-ый дин-ю и 12.10 – на 38-ой синь-чоу. Исходя из этого 49-ый жэнь-цзы был более месяца назад 23.10 и вновь ожидается почти через месяц 23.12, а 29.11 должно соответствовать другому, а именно 25-му знаку моу-цзы.

1336

То есть возродиться ей даже не в облике животного, а в еще более низком презренном виде.

Кукушкин цвет (цзюань-хуа, или ниже: ду-цзюань-хуа) – буквальный перевод китайского названия индийского рододендрона (*Rhododendron indicum* Sw.), а также обобщающего названия некоторых растений из вересковых и пасленовых, обладающих тычинками с отверстиями на верхушках пыльников и являющихся сильнодействующими наркотиками, как то: Азалия, Андромеда, Рододендрон и Хиоскиамус. Кукушкины цветы – излюбленный мотив полихромной живописи и прикладного искусства и, кроме того, это символ прекрасного пола. Здесь использован в иносказательном смысле как образ дефлорации.

Попал, как Чжу Бацзе в холодную лавку, – сравнение, указывающее на посрамление. Речь идет о персонаже знаменитого романа «Путешествие на Запад» – кабане, который систематически попадал впросак.

Переводчик В.С.Манухин считает, что здесь имеется в виду дворец Мэнчан-цзюня (он же – Тянь Вэнь, IV–III вв. до н. э.) – знаменитого в древности покровителя воинов и прославленного хлебосола (см. также примеч. гл. I). В гл. 75 «Жизнеописание Мэнчан-цзюня» «Исторических записок» Сыма Цяня (см. русский перевод: Сыма Цянь. Исторические записки, т. 7, с. 173–184. М., 1996) о Тянь Вэне рассказана следующая история. В 299 г., прослышав о его мудрости циньский Чжао-ван назначил его своим советником-сяном, но затем отстранил от дел и даже намеревался казнить. После побега в 298 г. Тянь Вэнь стал сяном у себя на родине при циском Минь-ване но также не надолго, ибо в 284 г., будучи уже сяном вэйского Чжао-вана участвовал в совместном нападении четырех княжеств на Ци. С 283 г. в Ци пришел к власти Сян-ван и, опасаясь Мэнчан-цзюня заключил с ним союз как с равным.

1340

Речь идет о Вэнь Цзяо (IV в. н. э.), которому посвящена драма Гуань Ханьцина (ок.1210 – ок.1298 гг.) «Нефритовый зеркальный столик Вэнь Тайчжэня». Здесь содержится намек на обычай, по которому муж и жена в разлуке сохраняют половинки зеркала. Соединить их – означает встретиться после разлуки.

Задержать или повернуть назад экипаж Чжо Вэньцзюнь – означает сохранить верность жене на склоне лет. Связан этот образ с эпизодом из жизни Сыма Сянжу, который в пожилом возрасте решил взять наложницу, но после протеста Чжо Вэньцзюнь в поэме «Плач по седидам» отказался от этой мысли.

Пик Солнца (Ян-тай) – см. примеч. к гл. XXIX.

1343

Определение «южный дикарь» (нань-цзы), контрастирующее с образованностью сюая Вэня, указывает на его происхождение с юга Китая (ср. примеч. к гл. XX).

1344

Эта пословица имеет следующий смысл: мужчина способен добиваться своего, как собака, а женщина для обольщения мужчины достанет даже фениксово перо.

1345

Имеется в виду Цзиньянь.

«Выродки Лю Чжэня» – уничижительное обозначение ненужных родителям дочерей. Лю Чжань – исторический персонаж рубежа V–VI вв., чье имя стало нарицательным, как безжалостного убийцы собственных дочерей.

1347

В сотый день, как и в седьмую седмицу, проводились заупокойные службы по усопшим.

По мнению японского ученого Савада Мидзухо, монахиня Сюэ здесь исполняет песенно-повествовательное произведение в жанре бао-цзюань («драгоценный свиток») под названием «Драгоценный свиток о чаньском Наставнике Пяти Заповедей» («У-цзе чань-ши бао-цзюань»). Чань-буддизм – см. примеч. к гл. LI.

1349

Железное древо (те-шу) – в широком смысле: пальма. Образ пальмовых цветов связан с идеей редкости и трудности достижения.

1350

Эра Порядка и Спокойствия – Чжи-пин (1064–1067 гг.) приходится на период правления сунского императора Ин-цзуна (1064–1067 гг.).

Достичь полного прозрения – то есть познать истину и отойти в идеальное небытие, здесь – эвфемистическое обозначение смерти.

1352

Ставленная грамота — казенное разрешение на пострижение в монахи, дававшее освобождение от налогов и повинностей.

Самадхи – см. примеч. к гл. LXIII.

Драгоценные принадлежности ученого мужа – бумага, кисти, тушь и тушечница именуются четырьмя драгоценностями кабинета ученого.

Три святыни, или три сокровища, — см. примеч. к гл. LI.

1356

Су Лаоцюань (Су Сюнь, 1009–1065 гг.) – известный литератор и блестящий стилист, конфуцианец по своим воззрениям, отец знаменитого поэта Су Ши (он же Су Дунпо, см упоминания о нем: примеч. к гл. VIII; примеч. к гл. LVII; примеч. к гл. LIX).

«Жалобы в течение пяти ночных страж» – начиная с сунского времени и до XX в. в Китае были широко распространены песни, в которых описывалась грусть в разлуке, причем каждый куплет или часть песни как бы соответствовали одной из пяти ночных страж. Нередко в таких песнях описывается человек, которому во сне является любимая или любимый, они счастливы, но наступает утро, герой просыпается – вокруг пустота. Считается, что такие грустные песни зародились в эпоху Сун среди солдат, несших охранную службу по ночам и изливавших в них тоску по семье и дому.

1358

Поэт Шэнь Юэ (441–513 гг.) – получив отказ от императора в назначении на пост, он жаловался в стихах, что с горя похудел.

Чжантайская Ива — см. примеч. к гл. XXIV.

Средь дымных цветов – то есть среди певичек-гетер (см примеч. к гл. XII).

Смысл данной строки, содержательно повторяющей стих из гл. XLIV (исполняемый Ли Гуйцзе на мотив «Резвится дитя»), не вполне ясен. Буквально в ней речь идет о публичном свидетельстве любовных отношений героини, представленной в стандартном образе иволги, в некоем храме духа моря (хай-шэнь). Последний упоминается уже в «Исторических записках» Сыма Цяня (в гл. VI) как вредоносное человекообразное существо, явившееся во сне императору Цинь Шихуан-ди. По видимому, в данном стихе так или иначе содержится угроза героини утопиться и тем самым обесчестить своего неверного возлюбленного.

Эпизод этот должен вызывать в памяти китайского читателя хрестоматийную историю о том, как мальчик Лу Сюй (III в.) на пиру спрятал в рукав апельсин для больной матери. Апельсины в ту пору были большой редкостью. Будучи пойман с поличным, мальчик извинился и объяснил, что совершил кражу лишь для того, чтобы доставить радость больной матери. министр простил его, а имя его вошло в список наиболее почтительных сыновей. В данном же случае у Цюцзюй нет никакого оправдания ее поступку.

1363

Восемь бессмертных – см примеч. к гл. LV.

Золотой треножник – один из древнейших китайских символов бессмертия.

1364

Струна арфа – видимо, уздечка полового члена.

1365

Здесь увольнение служанок Ли Пинъэр приравнивается к разбазариванию ее имущества.

«Весенняя песнь», точнее «Песня начала весны» («И чунь лин») – особый классический музыкальный жанр «лин». Сочетание «и-чунь» – девиз встречи первого дня четвертого солярного цикла «становления весны» (ли-чунь, по григорианскому календарю соответствует 4 февраля). Здесь воспроизводится в сокращенном виде сцена «Приглашение в Восточный павильон» из драмы Ван Шифу «Западный флигель». Многоточия обозначают пропуски реплик героя – студента Чжана.

Ткачиха и Волопас — имеются в виду две влюбленные звезды (см. примеч. к гл. XXXVII).

1368

«Двое верных» – драма Яо Моуляна (XV в.), указание на нее здесь – очередной анахронизм.

В реплике Цая заключено сложное переплетение литературных реминисценций. С одной стороны, он цитирует (с искажением одного знака) две строки из стихотворения Ду Фу (712–770 гг.) «Провожая военного советника Чжана Двадцатого, направляющегося в область Шу по представлению императорского цензора Яна Пятого»: «Императорский цензор на новом пегом коне, // Военный советник по-прежнему в рыжих усах». С другой стороны, упоминается «почтенный Лю» (Лю-лан), под которым могут подразумеваться несколько исторических и легендарных персонажей. Почтенный Лю уже возникал в оригинале заключительного стихотворения гл. VI, где он представляет собой контаминацию двух образов: исторического – поэта Лю Юйси (772–842 гг.) и легендарного – Лю Чэня (I в. н. э.). Их там объединяет тема невозвратности бытия. Лю Юйси в стихотворении 815 г. описывает путешествие в сказочную страну Сюаньду и чудесное цветение персиковых деревьев, посаженных неким даосом. В стихотворении-реплике 829 г., посвященном такому же путешествию, поэт уже вопрошает: куда делись все деревья и посадивший их даос? Легенда же о Лю Чэне и Жуань Чжао из провинции Чжэцзян гласит, что, отправившись за целебными травами на гору Тайшань, они заблудились и оказались опять-таки среди цветущих персиковых деревьев, где повстречали двух фей, у которых провели полгода. А по возвращении домой обнаружили, что прошло гораздо больше времени и там уже живет седьмое поколение их потомком. Отправившись вновь на Тайшань, они не смогли найти и фей, которых также след простыл (см. также примеч. к гл. XXXVII).

Следовательно, в поэтических аллюзиях Цая содержится намек на путешествие в некий иной мир (например, в рамках аппозиции столица – провинция) и противопоставление старого состояния новому. С «императорским цензором на новом коне», видимо, он отождествил себя, а с представителями старого состояния: почтенным Лю и «рыжеусым военным советником» – «трех господ», то есть своих хозяев; Суна, Аня и Симэня. Однако, исходя из совпадения названий должности «императорский цензор» (юй-ши) у Яна Пятого в стихотворении Ду Фу и персонажа романа Суна, а также, вероятно, из

того, что в редакции Чжан Чжупо фраза Цая начинается другим иероглифом, благодаря чему в ней возникает имя Суна – Сунъюань, В.С.Манухин предложил иной перевод, правда, не вполне понятный и несколько усеченный: «Это не столько ко мне относится, сколько к вам, Сунъюань, – засмеялся Цай Сю. – Про вашего цензорского скакуна поется. А третий господин похож на счастливчика Лю». Текст Чжан Чжупо в данном случае еще одним иероглифом отличается от оригинала Ду Фу, определяя усы (пропущенные переводчиком) как «закрученные», а не «рыжие».

1370

Заключительные строки из поэмы Бо Цзюйи «Лютня» («Пипа», 815 г.). «Цзянчжоуский конюший» – это сам Бо Цзюйи, сосланный в провинцию на эту должность (сы-ма), реальное значение которой – помощник правителя области. Основа минорной тональности поэмы – тема разлуки, ее зачин – проводы гостя. Замечательно совпадение дат написания этой поэмы Ду Фу и отмеченного в предыдущем примечании стихотворения Лю Юйси.

1371

В Китае особо славилась красотой именно уроженцы города Сучжоу в Центральном Китае (недалеко от современного Шанхая).

Невестушки – то есть жены Симэня. Поскольку они с Ин Боцзюэ считались названными братьями, жен друг друга они называли невестками (ср. примеч. к гл. XIII).

В оригинале использован термин «шраманера» (śramaṇa, кит.: ша-ми), обозначающий буддистов низшего уровня посвящения, давшим обет придерживаться десяти основных запретов.

Далее воспроизведен полный текст одного из своеобразных произведений китайского буддизма в жанре «бао-цзюань» («драгоценный свиток»).

Закон (кит.: фа, санскр: дхарма) – см. примеч. к гл. LI. Путь (кит.: дао, санскр.: марга) – благородный срединный путь адептов буддизма. Тело Закона (кит.: фа-шэнь, санскр.: дхармакая) – одно из трех, космическое, тело Будды (см. примеч. к гл. VIII). Восемь образов (ба-сян) – восемь ипостасей проявления Тела Закона: образы Снисшедшего с Неба, Вселившегося во чрево, Пребывающего во чреве, Рождающегося из материнского лона, Ушедшего в отшельники, Достигшего просветления, Проповедующего Слово Будды и Погружающегося в нирвану.

1376

Миг (кит.: ча-на, санскр.: кшана) – согласно общепуддийской концепции каждый элемент, каждое тело существует лишь миг-кшану, являясь точкой во времени и пространстве.

Четыре великих субстанции (кит.: сы-да, санскр.: махабхута) – в буддийской терминологии четыре главных компонента, образующих человеческое тело, а именно: земля, вода, огонь и ветер, выступающие как носители соответствующих качеств: твердости, влажности, теплоты, и подвижности.

«Нет постоянства», или «непостоянство» (у-чан) – состоящий из двух иероглифов китайский эквивалент санскритского термина «анитья», означающего отсутствие постоянства, то есть постоянное движение от рождения к смерти, как одно из фундаментальных свойств бытия (см. также примеч. к гл. LVI).

1379

Десять стран света — восемь стран и полустран света, зенит и надир. Восемь — те же, за исключением двух последних.

1380

Обитель (Да-чжэ) – Небо и Земля.

Врата Пустоты – врата буддийского учения, храм Будды (ср. примеч. к гл. LI)

Праздник Драконьих цветов (лун-хуа) – см примеч. к гл. LXVIII.

1383

Обитель души, или алтарь души (кит.: лин-тай) – восходящее к «Чжуан-цзы» обозначение сердца.

В оригинале говорится о «пяти омрачениях» (кит.: у-чжо, санскр.: рапса kasayah) и «шести корнях» (лю-гэнь). Пять омрачений – это негативные характеристики второй (чжу-цзе) из четырех кальп в кругообороте бытия: 1. омрачение всей кальпы, 2. омрачение мировоззрений, 3. омрачение чувств, 4. омрачение живых существ, 5. омрачение судеб. «Шесть корней» – органы чувств и мышление, см. примеч. к гл. LXVIII.

1385

Тайная дверь (сюань-мэнь) — сокровенное учение, таинства буддизма.

1386

Западные скалы, или Западные горы (си-шань) – образ иного мира (ср. примеч. к гл. XXXIX; примеч. к гл. LVII).

Тысячи кальп (вань-цзе) – см. примеч. к гл. LI.

1388

Сансара (санскр., буквально: блуждание, круговорот; кит.: ку-хай, буквально: горькое море) – живой мир рождений, умираний и вечного страдания. Противопоставляется идеальному покою и небытию – нирване, которая есть исход из сансары и высшая цель всех живущих.

1389

Указ (и-фэн-шу) – в древности царский вердикт, в эпоху Мин – судебное распоряжение. Таково же название одной из стандартных южных мелодий.

Явленное тело Будды (кит.: ин-шэнь, санскр.: нирманакая) – одно из трех, феноменальное тело Будды, в амидаизме представляемое в образе человека Гаутамы Шакьямуни (см. также примеч. к гл. VIII).

1391

Сорок восемь клятв (сы-ши-ба юань) – обет отречения от собственного блаженства в нирване до тех пор, пока все живое не постигнет истину Учения, путь бодхисаттвы.

Чудесные плоды дерева бодхи — образ достижения высшего просветления. Именно под этим деревом Шакьямуни познал свет Учения, оно является буддийским вариантом мирового древа.

1393

Лотосовый рай («хуа цзан» – сокр. от: «лянь-хуа цзан ши-цзе») – идеальные сферы буддийского инобытия, мир лотосорожденных – местопребывание будд и бодхисаттв. Лотос – священный символ буддизма.

1394

Западные чистые земли Амиды (Амитабхи) – Западный рай, см. примеч. к гл. XXXIX; примеч. к гл. LVII; примеч. к гл. LXI.

1395

Три сокровища — Будда, дхарма (закон), сангха (монашеская община).

1396

Первые четыре строки псалма повторяют первый псалом из гл. LI, см. там же к нему примеч.

1397

Цаочжоу — уезд в провинции Шаньдун на месте древнего удельного княжества Цао.

1398

Здесь в тексте говорится о четырех детях, хотя везде в других местах упоминаются только трое. Возможно, ошибка в оригинале.

Яньло, он же Янь-ван, он же Яма – см. примеч. к гл. II.

1400

Подлунный мир – в китайских терминах буквально: мир солнца, или мир световой мужской активной стихии ян (ян-цзянь), образ живого суетного мира, который противопоставлен миру теневому, или темной женской пассивной стихии инь (инь-цзянь), царству мертвых.

1401

Начиная от слов «На запад обратясь...» и до конца данного пассажа оригинальный китайский текст представляет собой чередование рифмованных строк, состоящих из шести и четырех иероглифов, что передано в переводе чередованием шестистопных и четырехстопных ямбических строк.

1402

Якша (санскр., кит.: е-ча) – кровожадный посланец ада.

1403

Третья ночная стража соответствует полночи.

1404

Ностальгическая башня, или терраса (сян-тай) – согласно верованиям, находится в загробном мире с нее можно видеть оставленный дом.

1405

Произносит, как прозу – в китайском тексте стоит иероглиф «бай», означающий в театральных действиях, что актер говорит прозой без подчеркнутой декламации. Однако произносимый им текст может быть ритмически организован и с соблюдением рифм, как и в данном случае, когда нижеследующий пассаж представляет собой стихотворение, с рифмой и соблюдением равной длины всех строк – по шесть иероглифов, что в переводе передано шестистопным ямбом.

1406

Най-хэ — река крови, в которой пребывают грешники в аду.

1407

Золотой мост через Най-хэ предназначен для прохождения праведников.

1408

Невинно убиенных град (ван-сы-чэн) — область преисподней, в которой пребывают души безвинно погибших до срока.

В вопросе о выделенных местах, особенно способствующих духовному просвещению личности, Яньло употребляет сочетание «дянь-хуа», буквально: «точки, преображающие». Отвечая, Хуан, видимо, предполагая иной омонимичный иероглиф «хуа» – «черта в иероглифе», называет количество вообще всех точек и черт, из которых состоят иероглифы, образующие текст сутры.

«Сущность» (жу, санскр.: татха, буквально: таковость) – термин, используемый в буддизме для определения подлинной и необусловленной природы всех вещей, абсолютной реальности.

«Карма» (санскр., кит.: син, буквально: действие, деятельность, обязанность) – имеется в виду только сознательная деятельность и, даже в первую очередь, деятельность сознания и желаний, которая формирует необходимость и характер будущих жизней. Любые деяния личности создают карму, воздаяние которой приходит как в этой жизни, так и в будущих. Полностью уничтожить, изжить свою карму – это значит окончательно умереть, отойти в нирвану.

1411

«Долг и бремя» (хэ-дань) – сочетание из двух синонимичных иероглифов, буквально означающее: нести на спине (плечах) ношу, бремя (возможно, ответственности).

1412

Драконий лик (лун-янь) – стандартный эпитет для царственной особы.

1413

Крашенное (жань) – в буддизме является одним из определений греховного, ибо ценится простота и безыскусность.

1414

Ниже повторяется размер с чередованием строк по шесть и четыре иероглифа (ср. примеч.).

1415

Бодхисаттва милосердия – стандартный эпитет Гуаньинь.

1416

Мир дхармы (фа-цзе) – китайский эквивалент санскритского термина «дхармадхату», обозначающего как всю совокупность вещей в мире, либо какую-то часть материального универсума в том или ином состоянии, так и определяющую этот универсум сверхестественную реальность.

1417

«Наделенное чувством» (ю-цин) – термин, обозначающий все живое.

1418

Да вручим себя Будде (на-мо) – стандартная молитвенная формула
(ср. буддийские чтения в гл. LI – примеч.).

1419

Чудесная гора (лин-шань или лин-цзю-шань) – гора Гиджахакута в Индии, являвшаяся, согласно преданию, местом проповеди Будды Шакьямуни.

1420

Четыре зачатя (сы-шэн) – утроборожденные, яйцерожденные, влагорожденные и явившиеся из ничего, как в начале мира.

1421

Искорка будды – (и-дянь лин-гуан) – имеется в виду святое начало в душе каждого живого существа, его потенциальная способность стать буддой.

1422

Каждая строка этого пассажа начинается иероглифом «бао» («обет, благодарение») в сочетании с числительным от 1 до 6, а заканчивается (кроме последней) иероглифом «энь» («милость»).

1423

Душам тех, чьи тела схоронили до срока ... — имеются в виду так называемые «бесприютные духи» (гу-гуй) умерших неестественной смертью (см. примеч.) склонные ко мщению живым.

«Мудрость величава во спасенье – Маха праджня парамита» – в оригинале дана китайская транскрипция этой санскритской молитвенной формулы, которая буквально означает: «Велика мудрость перехода на тот берег». «Парамита» («переход на тот берег, переправа») – это средство спасения как достижения нирваны. Таковых буддисты насчитывали шесть разновидностей: милостыня (дана), обеты (шила), терпение (кшанти), старание (вирья), медитация (дхьяна) и, наконец, мудрость (праджня).

1425

«Повесила портрет» («Гуа чжэнь-эр») – южная музыкальная пьеса, состоящая из четырехсот с лишним строф и более известная под названием «Повисшая ветвь» («Гуа чжи-эр»). Указание на нее – очередной анахронизм, поскольку она появилась в конце XVI в.

Вэнь-ван, буквально: Просвещенный государь (XI в. до н. э.) – согласно традиции один из родоначальников китайской культуры, участвовавший в создании китайской библии «Книги перемен» (см примеч. к гл. LVIII), отец основателя Чжоуского государства У-вана – Государя Воинственного.

1427

В сутках двенадцать часов – по китайскому обычаю, суточное время делится на двухчасовые отрезки.

1428

Поскольку действие гл. LXXV приходится на конец года дин-ю (1117), Симэню идет тридцать второй год от появления на свет и, следовательно, его возраст назван считая от зачатия.

1429

Иносказательное обозначение 200 лянов серебра (ср. примеч. к гл. XVIII).

1430

Три демона дурных страстей – буквально: духи трех трупов (сань-ши), которые, согласно даосским представлениям, находятся в голове, груди и ногах человека.

Романс на мотив «Застряла в решетке южная ветка» («Со нань чжи») упоминался в романе в главах XLIV и LXI. Здесь же в экземпляре «Цы-хуа» он назван с заменой первого иероглифа «со» на омонимичный и сходный в написании. «Со нань чжи» – типовая южная мелодия, четвертая в тонике шан (шуан-дяо), используемая при исполнении коротких арий из 9 строк по 3–7 иероглифов в каждой.

1432

Шестая – здесь Пань Цзиньянь.

1433

Юэнян намекает на то, что Симэнь Цин регулярно хоронит жен: в 1110 или в 1112 г. умерла первая жена, урождения Чэнь, мать Симэнь Старшей (данные глав III и X противоречивы, см. т. 4, кн. 2, Приложение, «Календарь „Цзинь, Пин, Мэй“»); в 1113 г. умерла Чжо Дюэр, бывшая третьей женой Симэня; и теперь, в 1117 г., – Ли Пинъэр.

1434

Речь идет о почетной чиновничьей должности, которую можно было приобрести за деньги

Фея с Лофу – см. примеч. к гл. LXXII.

Богиня Луны (Чанъэ) – см. примеч. к гл. II.

1436

Наложница Чжэнь (Чжэнь-фэй) – славившаяся красотой наложница, потом ставшая императрицей, жила в царствование Ляоского императора Ши-цзуна (X век).

1437

В Китае врач, проверяя пульс больного, кладет его руку на специальную подушечку.

Речь идет о Цзиньянь.

1439

Однорогий олень – сказочное животное, якобы узнающее правых и виноватых, было символом цензоров и судей.

«Цзиньский князь возвращает пояс» – см. примеч. к гл. LXV.

1441

«Времена года» – драма Шэнь Цая (прибл. XV в.), состоящая из четырех самостоятельных актов, соответствующих временам года. Героями актов выступают: весеннего – поэт Ду Фу (712–770 гг.), летнего – каллиграф Се Ань (320–385 гг.), осеннего – поэт Су Ши (1036–1101 гг.), зимнего – ученый и литератор Тао Гу (903–970 гг.). Хань Сицзай (902–970 гг.) – государственный деятель, литератор и художник, имевший степень цзиньши.

1442

Так обозначена плата в 30 лянов серебром за приобретение почетного чина.

Начало эры Двойной Гармонии (Чун-хэ) приходится на 1118 г. (см. примеч. к гл. LXXI). Високосный год, с добавочным месяцем – в китайском лунно-солнечном календаре два раза в пять лет к 12 месяцам года прибавлялся 13-ый – эмболисмический. Здесь в оригинале «Цы-хуа» содержатся сразу две ошибки. Во-первых, вместо Двойной Гармонии, что соответствует общему контексту и редакции Чжан Чжупо, так же, как и в гл. LXXI (см. примеч.), названа последующая эра Всеобщего Согласия (Сюань-хэ, 1119–1125 гг.), переносящая действие на год вперед. Во-вторых, сказано, что вставной месяц – первый в году, хотя в 1118 г. таковой был десятым, точнее, занимающим промежуточную позицию между обычными девятым и десятым месяцами. Вообще вставные месяцы в хронологии романа не отражены.

Имеется в виду герой популярных сказов и романа «Путешествие на запад» кабан Чжу Бацзе (см. примеч. к гл. LXXIII).

1445

Здесь слуга обыгрывает прозвание сющая Вэня – Бигу (Любитель старины), называя его Вэнь Пигу (Задолюб).

1446

В кавычки заключена усеченная в оригинале на один иероглиф цитате из «Книги песен» («Ши-цзин», III, III, 1, 1), где говорится о том, что большинство людей не способны следовать благому предопределению, ниспосылаемому им Небом.

1447

В оригинале эта клишированная фраза отсутствует. Основание конъектуры – очевидная случайность пропуска.

1448

Цзюйжэнь (буквально: выдвинутый муж) – вторая из трех ученая степень.

Сунь Вэньсян – шури́н подрядчика Хуана Четвертого (см. гл. LXVII–LXVIII).

1450

Корзина с цветами – традиционная торговая вывеска для шелковой лавки.

1451

Благодатный снег – своевременный и способствующий урожаю.

Фея с вершин Лофу – см. примеч. к гл. LXXII.

Богиня с Уских гор – см. примеч. к гл. I.

1453

Жун Цзяоэр — согласно данным современных китайских комментаторов, это тот же персонаж, что и певичка Дун Цзяоэр, хотя в романе говорится, что дом певичек Дун стоит на Второй аллее Цинхэ, а Жун Цзяоэр живет на Большой улице

1454

Осиные усы – метафора взлохмаченных женских волос.

1455

Плиточный чай с теснением в форме дракона употреблялся при дворе.

1456

Рыба и дикий гусь — поэтические символы восточки, письма.

1457

Имеются в виду поэты Ду Фу, Хань Юй и Лю Цзунъюань (773–819 гг.).

1458

Имеются в виду поэт-красавец Пан Ань (247–300 гг., см. примеч. к гл. II) и поэт Шэнь Юэ (441–513 гг., см. примеч. к гл. LXXIII).

Голубой мост – воспетое место любовного свиданья (см. примеч. к гл. XXXVIII).

1460

«Красавица любит луну» – «любоваться луной» (ай-юэ) – значение имени певицы, поэтому название картины имеет второй смысл «Красавица Айюэ».

Золотая долина, или ущелье – см. примеч. к гл. LVIII.

Цай Янь (172?-220? гг.) – поэтесса, автор «Песни скорби». Благодаря стойкости в трагических обстоятельствах многолетнего плена, в том числе у варваров сюнну, ставшая образцом душевной чистоты (см. также примеч. к гл. XXVII).

1463

Чжо Вэньцзюнь – супруга поэта Сыма Сянжу, также писавшая стихи (ср. примеч. к гл. LXXIII).

Саньцюань и Сыцюань – см. примеч. к гл. LXXII.

1465

Сяосюань (домик) – так часто называли небольшие ресторанчики, чайные заведения.

1466

Фея Чуских гор – то же, что фея горы Ушань. Солнца пик (Ян-тай)
– см. примеч. к гл. XXIX.

Из этого контекста также следует, что «сладкоголосая чаровница» использовалась как афродизиак (ср. примеч. к гл. LXXIII). В таком случае название этого орудия страсти следует понимать как «вызывающее стоны у красавиц».

«Оленьи устремленья» (лу-фэнь) – видимо, метафора судьбы государства и трона, а чжэнский министр – знаменитый государственный деятель и мыслитель древности Цзы Чань (V в. до н. э.), прославившийся своим мудрым правлением в качестве первого министра в родном царстве Чжэн и создателем основ политико-правовой теории в Китае.

«Чжуан Чжоу не познать все бабочкины превращения» – намек на сон Чжуан Чжоу (он же Чжуан-цзы) о бабочке (см. примеч. к гл. LXI).

1469

Имеются в виду служащий управы тысяцкий Фань Сюнь и командующий местным ополчением дядя Чэнь Цзинцзи, Чжан Кай.

1470

Однорогий олень, или олень-единорог – см. примеч. к гл. LXXVI.

1471

Свойственника – то есть шурина У Кая.

1472

Красные яблочки (хуа-хун) – плоды яблони-китайки.

Праздничные свитки (чжоу-вэнь) – традиционные праздничные поздравительные надписи, оформленные в виде свитков, часто парных.

1473

Дщицами из персикового дерева – служили в качестве амулетов для отпугивания злых духов.

1474

Чжунцю – вначале горничная Симэнь Старшей, затем, уже после смерти Симэнь Цина – Сюээ (см. гл. ХС).

1475

Первый год правления под девизом Двойной Гармонии (Чун-хэ) – 1118 г. (см. провозглашение Хуэй-цзуном новой эры в гл. LXXI).

1476

Рождение Е Пятой, жены Бэнь Дичуаня, таким образом, приходится на 1087 г., и она является ровесницей Жуи (ср. примеч. к гл. LXVII). Наступивший 1118 г. – это 32-ой лунный год ее жизни.

Гадать с продетою иглой – женский обряд ворожбы и молений на седьмой день седьмой луны, во время ежегодного любовного свидания двух звезд – Ткачихи и Волопаса (см. примеч. к гл. XXXVII), во время которого девушки выставляли во дворе своего дома фрукты и бахчевые овощи, просили даровать им чудо-мастерство Ткачихи и ждали предзнаменований о грядущей судьбе.

1478

В нарядах как Юэнян, так и Юйлоу с Цзиньлянь помимо праздничности и претензии на высокопоставленность, отраженной в использовании пурпурной ткани, также отмечается превалирование белого цвета и бледных тонов – дань общесемейному трауру.

1479

Основатель ныне царствующего дома – Сунский Тай-цзу (X в.).

1480

Ван Аньши (1021–1086 гг.) – знаменитый государственный деятель, министр-реформатор и философ.

1481

Цин – мера площади более 6 га.

Лю-лан – см. примеч. к гл. VII к гл. LXXIV.

В гл. LXXVIII экземпляра «Цы-хуа» жена Юнь Лишоу фигурирует под девичьей фамилией Су, однако в соответствующем месте текста Чжан Чжупо указание ее фамилии отсутствует. Далее же в гл. LXXXVII в обоих экземплярах она же представлена как Фань, в соответствии с чем и вносится унифицирующее исправление. Возможно, разночтение объясняется простой ошибкой, поскольку иероглифы «су» и «фань» имеют некоторое сходство в написании.

Речь идет о Гуань Юэ – полководце эпохи Троецарствия (III в., см. примеч. к гл. XXIV и примеч. к гл. LVII). Канонизированный он изображался грозным богом войны или гонителем нечисти.

1485

Пять старцев (у-лао) – духи планет и соответствующих им первоэлементов. Согласно некоторым преданиям, они обитают в западном созвездии Мао (Утиное Гнездо), которое соответствует Плеядам.

1486

Сунцзян (буквально: Сосновая река) – город и уезд в районе современного Шанхая.

Дворец Драгоценных реестров царства Высшей чистоты – см.
примеч. к гл. LXX.

1488

Сюань (Тай-сюань – Небесная сфера, или Небесное лекало) – звезда, известная на Западе как Мерак, то есть бета Большой Медведицы, в китайской астрономии и астрологии считалась одним из важнейших небесных ориентиров.

1489

Шанские треножники и чжоуские жертвенные сосуды — см. примеч. к гл. LV.

Ханьские печати – печати эпохи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) с особыми стилизованными иероглифами стиля «чжуань». С глубокой древности в Китае печать, изготавливаемая, как правило, из нефрита, была символом чиновничьей власти. На печатях, обычно квадратных, вырезались соответствующие иероглифы, иногда стилизованные и под древнейшие пиктограммы.

1491

Циньские курильницы – курильницы для возжигания благовоний, изготовленные в период династии Цинь (220–207 гг. до. н. э.).

1492

Каменные барабаны – речь идет о древних надписях на камнях, отесанных в форме барабанов, среди которых встречаются и стихотворные. Подобные «барабаны» известны VII–III вв. до н. э. Датировка же их эпохой Чжоуского правителя Сюань-вана (827–782 гг. до н. э.) здесь носит скорее метафорический характер.

1493

Согласно даосским представлениям, бессмертные обычно питаются сладкой росой, собираемой в горах. Считается, что человек, ею питающийся, тоже может достичь бессмертия.

1494

Четверо животных — дракон, тигр, птица черепаха, главные зооморфные символы четырех стран света и времен года.

Ши Чун — см, примеч. к гл. X и примеч. к гл. LVIII.

Мифэй – дочь Фуси (см. примеч. к гл. XLIII).

1497

«Крошка Тяньсян возносит полуночную молитву Всевышнему» — пьеса, впервые опубликованная в годы Сюань-дэ (Всеобщая Благодать, 1426–1435 гг.). В основе ее сюжета история известной певички-проститутки Крошки Тяньсян – Небесный Аромат, которая сначала вышла замуж, а потом после смерти мужа обратилась в даосскую веру и отправилась на гору Тайшань.

1498

Согласно средневековым представлениям китайцев, у Владыки подземного царства тьмы существуют списки всех людей с отметкой, сколько лет жизни отпущено каждому из них. В зависимости от образа жизни сроки эти могут корректироваться – легко в сторону уменьшения и крайне не просто в сторону увеличения.

Люйчжу (Зеленый жемчуг) – прославленная красавица, любимая жена упоминавшегося выше богача Ши Чуна. Когда последнего арестовали она выбросилась из терема и разбилась. Этот эпизод присутствует в рассказе «Вражда» («Чоу си») из сборника «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» («Ши шо синь юй») и в «Биографии Ши Чуна» из «Книги о Цзинь» – гл. 78.

1500

Под тутами – образ любовного свидания, восходящий к «Книге песен» (см. примеч. к гл. XXIX). Лофу – см. примеч. к гл. LXXII.

1501

Шао Яофу – Шао Юн (1011–1077 гг.), выдающийся китайский ученый и философ, один из основоположников неоконфуцианства, создатель оригинального нумерологического учения на основе теории «Книги перемен» («И-цзин»).

Цзиндун – местность в самой южной китайской провинции Юньнань. «Любовный дар Цзиндуна» – ранее упоминавшееся сексуальное приспособление, которое использовал Цзян Чжушань для потрафления Ли Пиньэр наряду с «любострастным наконечником – мечта красоты» (гл. 19, т. I, с. 380, в примечании 3 на с. 445 эти снасти неточно названы афродизиаками, коими являются указанные перед ними «веселящие и бодрящие составы»). В названиях предметов, аналогичных «любовному дару Цзиндуна» фигурируют золото и слоновая кость. Географическая привязка к Юньнани, граничащей с Бирмой (ср. «бирманский колокольчик», или, точнее, «бубенчик», гл. 38, т. II, с. 337), свидетельствует о вере китайцев в южно-варварское происхождение эротических атрибутов.

1503

Имеется в виду одно из сексуальных приспособлений Симэня – вываренная в снадобье белая шелковая лента (см. гл. XXXVIII), аналог которой изготовила для Симэня Цзиньянь (см. гл. LXXIII).

1504

Черная тень – видимо, предвещающий беду злой дух, о котором идет речь в нижеследующем стихотворении.

Иноземный монах, наделяя Симэня этим снадобьем, предупреждал о том, что опасно принимать его большими дозами (см. гл. XLIX). И кроме того он говорил о желательности максимального ограничения семяизвержения. Согласно эзотерической сексуальной теории, распространенной на Дальнем Востоке, половые акты лишь тогда ведут к продлению жизни и омоложению, когда сопровождаются удерживанием семени-цзин, которое считается тонкой ипостасью общеприродной субстанции – пневмы-ци. Такая особая сексуальная техника получила название «возвращение семени для восполнения мозга» («хуань-цзин бу-нао»). И кардинальной ошибкой Симэня, таким образом, было не то, что он спал со многими женщинами, а то, что идя на поводу у них, отдавал им свое семя и тем самым растрачивал свою жизненную энергию.

1506

Ртуть, буквально: жидкое серебро (шуй-инь), – священное янское вещество, одно из составляющих киновари (см. примеч. к гл. LIII), ипостасью которого в мужском организме выступает сперма. Кровь же воплощает женскую, иньскую, форму киновари как эссенции жизни. Кровь и сперма – иньская и янская пневмы человеческого организма, с иссяканием которых кончается и жизнь.

1507

Красный финик – большой, или китайский, финик; *Fructus ziziphi, Jujobae*; сушеный плод которого в традиционной китайской медицине применялся как универсальное целебное средство, а в особенности для укрепления селезенки и желудка.

См. сюжеты о красавицах древности в примеч. к гл. I; примеч. к гл. IV.

1509

В детстве Цзиньянь была продана полководцу Вану, у которого и воспитывалась в качестве певички вплоть до смерти хозяина, после чего была перепродана богачу Чжану (см. гл. I).

1510

В оригинале говорится о патогенном огне.

1511

Разгорание вверху опустошающего огня (сюй-хо-шан-янь) — заболевание, вызываемое, согласно традиционной китайской медицине, недостаточностью силы инь в печени и почках.

1512

Истощение почечной воды (шэнь-шуй-ся-цзе) – заболевание, вызываемое избытком, воплощающего собой силу ян, огня в сердце, который истощает почечную жидкость, воплощающую собой силу инь и жизненный дух цзин, что выражается, в частности, в сперматорее.

Идея согласованного взаимодействия сердца и почек выражена в оригинале специфическим термином «цзи-цзи», несущим в себе понятие конечного благоприятного результата и являющимся названием предпоследней, 63-й гексаграммы «Книги перемен». Для имени этого основополагающего символа, состоящего из шести черт (*#), принят русский перевод «Уже конец». Согласно теории «Книги перемен», для янских (целых) черт гармонично положение на нечетных позициях, а для иньских (прерванных) – на четных (считая снизу вверх), что в полной мере и реализует именно данная гексаграмма – символ абсолютной гармонии. Кроме того, ее две половины – триграммы (*) и (#) символизируют ян и инь, огонь и воду, сердце и почки соответственно. И они также расположены на адекватных позициях. В соотнесении с анатомическим взаиморасположением сердца, находящегося у человека выше, и почек, находящихся ниже, гексаграмма «Уже конец» демонстрирует благотворное проникновение силы ян из сердца вниз для поддержки янского элемента в почках и, наоборот, подъем почечной силы инь для поддержки иньского элемента в сердце.

(*#) – вставка гексаграммы: инь-ян-инь+ян-инь-ян

(*) – вставка триграммы: инь-ян-инь

(#) – вставка триграммы: ян-инь-ян

1514

В китайской медицинской теории мокротная лихорадка (тань-хо) считается результатом долговременного угнетения пневмы-ци, трансформирующейся в избыточный огонь, который превращает внутрителесные жидкости во флегму.

Меридианы (цзин) и коллатерали (ло) – основополагающая для китайской медицины и особенно иглотерапии система каналов в организме, по которым циркулирует пневма-ци и кровь-сюэ и которые являются средоточием акупунктурных точек. Меридианы суть основные, глубоколежащие магистрали, а коллатерали – поверхностные ответвления, образующие сеть перекрещивающихся и охватывающих все тело энергопроводящих путей.

1516

Расстройство взаимодействия между сердцем и почками — нарушение физиологической координации между силой ян в доминантном органе всего тела, сердце и силой инь в отвечающем за половую функцию органе, почках. Недостаточность инь в почках и избыточность янского огня в сердце при этой патологии появляются в виде душевного беспокойства, бессонницы, сердцебиения и сперматореи.

1517

В оригинале речь опять-таки идет о патогенном огне.

1518

Птенцы голубей – одно из изысканных китайских лакомств.

1519

Великий предел (тай-цзи) – термин, восходящий к «Книге перемен» и в общефилософском смысле означающий первоисток всей тьмы вещей, а в медицинском – сердце или почки.

В оригинале буквально говорится, что «болезнь проникла в гао-хуан», то есть в промежуток между жиром околосердечной сумки и диафрагмой, который китайские медики считали зоной, недоступной для действия лекарств. Поэтому данное выражение обозначает неизлечимое состояние.

1521

В оригинале говорится о рассмотрении двух последних циклических знаков – десятого «небесного ствола» гуй и двенадцатой «земной ветви» хай, которые вместе соответствуют завершающему в шестидесятиричном цикле числу 60, а в подразумеваемой здесь координации с пятью первоэлементами оба соотносятся с водой.

Расстроенное положение (шан-гуань) – технический термин китайской нумерологии, учения о пяти первоэлементах и силах инь-ян, означающий взаимную противоположность по этим параметрам. В данном случае имеется в виду, что Симэнь Цин родился в день под знаком седьмой «земной ветви» «у», который соответствует иньскому огню, а текущий год находится под знаком пятого «небесного ствола» «моу», который соответствует янской земле. Силы инь и ян не только взаимно противоположны, но и порождают друг друга. Аналогичным образом земля считается порождением огня. Подобное соотношение взаимно порождающе-противоположных первоэлементов, иньского огня и янской земли, и называется «расстроенным положением».

1523

Преодоление (кэ) – термин китайской нумерологии, означающий следующую круговую последовательность пяти первоэлементов: дерево преодолевает землю, земля – воду, вода – огонь, огонь – металл, металл – дерево, дерево – землю ..., что противоположно круговой последовательности из порождения: дерево порождает огонь, огонь – землю, земля – металл, металл – воду, вода – дерево, дерево – огонь ... В соотнесении с «небесными стволами» земля соответствует пятому «моу», а вода – девятому «жэнь». В данном же случае текущий год, отмечен знаком «моу», и следовательно связан с землей, а судьба Симэня отмечена знаком «жэнь», относящимся к месяцу его рождения и в свою очередь связанным с водой.

1524

«Столкновение» (чун) – еще один нумерологический термин, обозначающий парную связь первых шести «земных ветвей» с последующими шестью: цзы – у, чоу – вэй, инь – шэнь, мао – ю, чэнь – суй, сы – хай, и первых четырех «небесных стволов» с последними четырьмя: цзя – гэн, и – синь, бин – жэнь, дин – гуй. В таком же соотношении находятся центральный «небесный ствол» пятерка моу с центральной парой «земных ветвей» чэнь – суй. У Симэня знак моу присутствует в обозначении месяца рождения, года смерти (текущего года) и первого месяца этого года, то есть трижды, а чэнь – в обозначении часа его рождения.

1525

Погадать по тварям и созвездиям — один из способов предсказания по соотношению 12 зодиакальных секторов неба с 36 символическими животными.

1526

В описываемом гадании используется соотнесение символов трех родов: 28 зодиакальных созвездий, 7 «основ» (солнце, луна и 5 первоэлементов) и 36 символических животных. Конкретно указаны два сочетания: 1) пятое в восточном квадранте созвездие Сердце, состоящее из трех звезд, соответствующих альфе (Антарес), сигме и тау Скорпиона, – луна – лисица, 2) первое в восточном квадранте созвездие Рог (Угол), состоящее из двух звезд, соответствующих альфе (Спика) и эте Девы, – дерево – однорогий водяной дракон (цзяо). Среди разных значений первого сочетания есть прямое указание на разврат.

В оригинале буквально говорится, что его «не спасут все духи Большой Медведицы». Согласно даосским верованиям, Большая Медведица управляет 72 звездами, на каждой из которых располагается свой дух. Эти духи считались способными изгонять бесов, о чем к ним и взывали в специальных посланиях-талисманах.

Великий медик – принятое на основе комментария современного китайского исследователя Вэй Цзыюня (1987 г.) понимание не вполне ясного сочетания «ван-шань» (или «ван-чань»), которое В. С. Манухин, по-видимому, ошибочно счел относящимся к Будде.

1529

Восьмиугольное зеркальце (лин-хуа-цзин) – металлическое зеркало в форме цветка водяного ореха.

1530

Белый тигр – символ Запада, страны смерти.

Дух Утраты (Сан-мэнь) – дух несчастья, неурожая, нищеты, зла, а также похорон.

Матушка, или Государыня (Няннян), – общее название нескольких богинь чадоподательниц: Тайшань-няннян (Матушка Великой горы), Сунцзы-няннян (Матушка, приносящая сыновей, см. примеч. к гл. XXXIX, или Государыня покровительница детей – Цзысунь-няннян), Цуйшэн-няннян (Матушка, ускоряющая роды), Яньгуан-няннян (Матушка божественного зрения, то есть охраняющая младенцев от глазных болезней) и др. В данном случае, как явствует из дальнейшего изложения (см. гл. LXXXIV), имеется в виду первая из них, главная покровительница детей, именуемая также Изначальной государыней лазурных облаков (см. примеч. гл. LXXXIV).

1532

Девять истоков – образ загробного мира.

1533

Архивариус Хуа – возможно, ошибка, так как архивариус Хуа покинул Цинхэ в 1116 г. (см. гл. XXXI) и на посту его сменил архивариус Жэнь (см. гл. XXXII; LXV).

1534

Сяогэ – означает Почтительный сын, но также и Рожденный в трауре.

1535

Моления духам воды и суши (шуй лу), ранее упоминавшиеся в гл. VIII, а в гл. LXIII – более полным термином (шуй лу дао чан) – каноническое чтение сутр, якобы освобождающее от дурных воздействий всех существующих духов и чертей, и в частности предназначенное для спасения умерших душ. Происходит оно регулярно с 7 по 49 (7х7) день шестидесятиричного цикла, и этот период так и называется «воды и суши». Считается, что традиция эта восходит к Лянскому императору У-ди (правил: 502–550).

1536

Вши и гниды – видимо, намек на Ин Боцзюэ и компанию нахлебников, которым так потакал Симэнь Цин.

«Убитая собака помогает вразумить мужа» (полное название: «Госпожа Ян убивает собаку, чтобы образумить мужа») – анонимная драма; возможно, принадлежащая кисти Сяо Дэняна (XIII–XIV вв.), или более позднего автора Сюй Чжэня. Главные персонажи – купец Сунь Жун и несправедливо третируемый им его младший брат Сунь Хуа, реабилитироваться которому помогает жена Сунь Жуна, госпожа Ян, выдающая для этого собачий труп за человеческий.

1538

В предыдущей главе геомант предписал рыть могилу позднее, шестнадцатого числа. Все остальные указанные им сроки выдержаны.

1539

Желтые истоки – образ загробного мира.

1540

По обряду жертвенный таз разбивает перед выносом сын покойного, в роли которого, как и на похоронах Пиньэр, выступает зять Чэнь Цзинцзи.

1541

Первая уборка и поправка могилы новопреставленного совершалась, согласно обычаю, на третий день после погребения.

1542

Ли Цзяоэр, видимо, родилась в год второй, или и-чоу, под знаком быка, то есть в 1085 г., и, как это явствует из гл. XLIX, в 17 день 4 луны

1543

Упоминание о девице Чуюнь в тексте «Цы-хуа» отсутствует.
Заимствовано из других вариантов (см. приложение к т. IV).

1544

Среди цветов под ивами – то есть в публичных домах.

1545

Согласно гл. LXVII в начале зимы Хань Даого с Лайбао еще были в Цинхэ и в конце первого зимнего месяца только отбыли на юг.

1546

Упоминание о Чуюнь и реплика Мяо Цина в тексте «Цы-хуа» также отсутствует. Заимствованы из других вариантов.

1547

Служанке Ли Пинъэр, Инчунь, в гл. XIII (1114 г.) шел 17-й лунный год, следовательно гл. LXXXI (начало 1118 г.) приходится на ее 21-й лунный год, в течение которого ей исполняется полных 20 лет, и значит никак не может быть меньше 19-й.

Так говорят о пятнистом бамбуке (ср. примеч. к гл. XXXIII), на котором, согласно преданию, остались следы слез овдовевшей жены Шуня, ставшей впоследствии феей реки Сян, что протекает в провинции Хунань.

1549

Дудник, или дягиль китайский, – растение семейства зонтичных (*Angelica chinensis* Diels., Umbelliferae). В лекарственных целях, в частности при гинекологических недугах и заболеваниях крови, используется его корень.

1550

Пинеллия – *Pinellia ternata* Breit., Araceae. В медицине, в частности в гастроэнтерологии, используются очищенные клубни растения.

1551

Нашатырь лиловый – здесь буквально: лилово-красная каменная соль (цзы-хун ши-янь), одно из традиционных названий природного хлорида натрия (NaCl), который вырабатывается из каменной соли – галита. Служит для приготовления пищевых приправ, применяется в китайской медицине, в частности при простудах и в гастроэнтерологии, в качестве лекарственного аналога нашатыря, то есть хлорида аммония (NH_4Cl).

1552

Пальмовое зернышко — семена пальмы *Arecas catenhu* L. Применяются как глистогонное, а также при прочих инфекционных повреждениях желудочно-кишечного тракта.

1553

Корень безудержной страсти (лан-дан гэнь) – видимо, метафора пениса, так как растения или медицинского препарата с таким названием найти не удалось.

1554

Перечный веник (би-ма) – очевидно, семенная метелка растения семейства перечных *Piper longum* L. (кит.: би-ба), применяется при лечении желудочно-кишечного тракта, вытянутой формой напоминает эрегированный пенис, последний, кстати нередко обозначается термином «веник».

Семя гвоздики (му дин-сян) – здесь игра слов: в китайской медицине используются два препарата из пряного гвоздичного дерева, то есть евгении гвоздиколистной (*Eugenia caryophyllata* Trunb.), – приготовляемый из бутонов, который принято называть «гун дин-сян», буквально: «гвоздика-самец», и из семян «му дин-сян», буквально: «гвоздика-самка». Оба этих препарата являются биостимуляторами. Здесь же – «гвоздика-самка», явно парная «перечному венику».

1556

Конопляный цветок (да-ма хуа) – имеется в виду растение *Cannabis sativa* L., Moraceae. В медицине применяются семена. Правда в большом количестве они имеют своеобразный эффект – способны вызывать поллюцию. Он ее и вызывает в романсе, т. е. «фонтан серебристой ртути» (семени).

1557

Ртуть, буквально: жидкое серебро (шуй-инь) – священное янское вещество, одно из составляющих киновари (см. примеч. к гл. LIII), играло важную роль в даосской алхимии. В медицине применялось в качестве наружного противоядия. Здесь же, как и в гл. LXXIX (см. примеч.), создает образ истекающего семени.

1558

Цитрусовая кожура (чэнь-пи) – кожица плодов мандарина или апельсина, препарат, применяемый в китайской медицине, в частности при лечении заболеваний дыхательных путей.

«Драгоценный свиток о красном пологе» («Хун-ло бао-цзюань») – буддийское сочинение в жанре бао-цзюань, известное также под названием «Драгоценный свиток об освобождении девы» («То-нян бао-цзюань») и по своему сюжету подобное ранее упомянутому аналогичному произведению о праведной Хуан.

1560

Нефритовый шнур (юй-шэн) – см. примеч. к гл. XXVII.

1561

Яшмовая башня (юй-лоу) – намек на хозяйку шпильки Мэн Юйлоу.

Дух Восточной горы (Дун юэ) – имеется в виду дух горы Тай-шань – восточной среди пяти вершин (у юэ). Выше в гл. XXXIX он присутствует в перечне божеств, связанных с деторождением (таких как Суныцзы-няннан и Совершенномудрая мать-предводительница, надзирающая за рождениями и охраняющая дома) и именуется Небу равный, великий рождающий божественный совершенномудрый Государь Великой Восточной горы – (Дун юэ тянь ци да шэн шэнь шэн ди). Определение «небу равный» закрепилось за этим духом горы, возвышающейся до небес, с танских времен. А при юаньском Ши-цзу (1271–1295), благодаря своей способности управлять рождениями и смертями, он впервые был назван «государем» (ди), «великим рождающим» (да шэн), «гуманным совершенномудрым» (жэнь шэн). В гл. XXXIX «Цзинь, Пин, Мэй» воспроизводится вся эта титулатура с заменой иероглифа «жэнь» (гуманный) на «шэнь» (дух).

1563

Седьмой лунный месяц в старом Китае считался месяцем голодных духов умерших, начиная с пятнадцатого числа этого месяца и до тридцатого полагалось посещать могилы умерших предков и родных и приносить туда еду, деньги и всевозможные вещи, сделанные из бумаги, например, одежду, коляски и многое другое, необходимое якобы душе покойного в загробной жизни.

«Обвилася повилика» («Цзи шэн цао») – буквально: «травы-паразит». Романс на этот мотив встречался ранее в главах VIII и LXXXII. Здесь же в его названии иероглиф «цао» («травы»), видимо ошибочно, заменен на «яо» («лекарство»).

1565

Праздник Середины осени связан со сбором урожая и справляется в центральный, пятнадцатый день восьмой луны (по китайскому календарю осенний сезон охватывает 7-ой, 8-ой и 9-ый месяцы).

1566

Данное стихотворение, цитирующее Цуй Цзяо, воспроизводит приведенное ранее, в гл. LXIX (см. примеч.), с разницей всего лишь в два начальных иероглифа, к тому же аналогичных по смыслу.

1567

То есть от любовной тоски. Здесь использован широко распространенный в Китае ребус – прием разложения знаков на составные значимые части: элементы «дерево» и «глаз» образуют иероглиф, означающий «взаимность», а «поле» и «сердце» – «думу, тоску», что в сочетании становится обозначением любовного томления.

1568

«Опустился сокол» («Ин-эр ло») – возможно, вместо иероглифа «ин» в названии должен стоять «янь» и имеется в виду северная мелодия четвертой категории в тонике шан (шуан-дяо) «Опустился дикий гусь» («Янь-эр ло»), присутствовавшая в главах LV и LXXII в паре с «Победной песней».

Двуглавый лотос — см. примеч. к гл. LX.

1570

Здесь, видимо содержится намек на древнекитайский миф, согласно которому дух вод Гунгун разрушил гору, служившую опорой небу, а богиня Нюйва, убив гигантскую черепаху, отрубила ей лапы, чтобы подпереть ими небо.

1571

«Шестая госпожа из Хэ-си» – мелодия, вероятно, идентична «Шестой госпоже» из глав XXI и LXXXII. Хэ-си – топоним, обычно обозначающий земли к западу от Хуан-хэ, но здесь, согласно комментарию современного специалиста из КНР Чжу Миньминя, – территорию, прилегающую к Великому каналу в районе современного уезда Ляочэн провинции Шаньдун.

«Дух, насылающий пять поветрий, что развеет любовную тоску» — цитата из драмы Ван Шифу «Западный флигель». Имеется в виду дух, управляющий пятью видами эпидемий среди людей.

1573

В оригинале здесь снова повторяется 15 день восьмой луны, который был еще до разлуки. Исправлено по более поздним вариантам романа.

1574

Кресло хмельного старца – глубокое кресло с покатой спинкой и изголовьем, напоминающее шезлонг и предназначенное для отдыха сидя и полулежа.

1575

Этот альбом некогда принадлежал Ли Пингэр (см. гл. XIII).

1576

Хань Шоу – знаменитый красавец III в. Состоя в помощниках у придворного, оказался предметом увлечения его дочери и тайно с ней сблизился, за что она одаривала Хань Шоу редкими благовониями, которые крала у отца. Когда тайна раскрылась, сановник выдал дочь за Хань Шоу.

Этот поэтический эпиграф, посвященный прославлению женских добродетелей по конфуцианским понятиям и одновременно отражающий даосскую тему искусства продления жизни, обращен к У Юэнян, моральная стойкость которой все время сравнивается с вечнозеленой сосной, хотя последняя прямо не называется, а обозначается при помощи иносказательных формулировок.

На самом деле обет этот был дан на случай выздоровления Симэня (см. гл. LXXIX). И паломничество в данном случае связывается не только с умершим, но и с новорожденным, что точно соответствует главной роли божественной Матушки как покровительницы детей (подробно см. ниже примеч.). Не случайно и то, что участь ребенка Симэня решается на обратном пути из храма.

Область Тайань – ныне одноименный уезд провинции Шаньдун, где расположена знаменитая гора Тайшань, на вершину которой и отправляется в паломничество У Юэня.

Великая гора Тай (или Тайшань) – гора в провинции Шаньдун, одна из главных священных вершин Китая, где находились многочисленные храмы. У подножья горы был построен огромный храм Владыки Восточного пика – высшего судьи душ умерших, напоминавший запретный императорский город в Пекине. От этого храма начиналась длинная лестница, ведущая к самой вершине горы. Восхождение на гору занимало обычно несколько дней. На горе было множество храмов, посвященных богине-чадоподательнице Сунцзы-няннан, богине Запада Сиванму и прочим, в основном даосским божествам. Храмы эти привлекали всегда массу паломников.

1580

Земли Ци и Лу – архаизированное обозначение Шаньдуна. В эпоху Чунь-цю (VIII–V вв. до н. э.) так назывались два, расположенных на этой территории удельных княжества, бывших колыбелью китайской цивилизации.

Мертвящая вода (Жо-шуй) – река в провинции Ганьсу, символизирующая западные окраины китайской ойкумены. Согласно мифологическим представлениям, запечатленным в «Каноне гор и морей» («Шань-хай цзин», IV–I вв. до н. э.), она окружает Олимп китайских богов, центр западного рая – волшебную гору Куньлунь.

Пэнлай – см. примеч. к гл. XV.

Золотой ворон и яшмовый заяц — см. примеч. к гл. XLVI.

1584

Глаза Шуня, брови Яо, плечи Тана, спина Юя – см примеч. к гл. LXXI.

Девять небес — см. примеч. к гл. к гл. XXXVII.

Пояс из ланьтяньских самоцветов – см. примеч. к гл. XXXIX.

1587

Семьдесят два – одно из кардинальных чисел китайской нумерологии, при разложении на множители обнаруживающее в своей основе главные числовые символы инь и ян – 2 и 3 ($72 = 23 \times 33$) и, таким образом, выражающее идею количественной полноты любого множества явлений. Соответственно под «72 службами» подразумеваются «все службы» данного уровня. (Ср. примеч. к гл. LXXIX.)

1588

Полынь-гора (Хао-ли-шань) – южное предгорье Тайшань, местопребывание душ почивших, отсюда образ кладбища или загробного мира.

Байцзэ — фантастический рогатый лев с головой дракона, наделенный человеческой речью и сверхъестественными знаниями, сумевший этим поразить самого первого императора Хуан-ди (см. также примеч. к гл. XLIII).

Двадцать четыре сезона – см. примеч. к гл. LXIV.

Полководец пяти путей – см. примеч. к гл. II.

Ритмическое описание монастыря содержится в 120-главом издании «Речных заводей», гл. XXIV. Некоторые детали исправлены В. С. Манухиным по тексту эпопеи.

1593

Обитель эта, расположенная на самой вершине горы, была посвящена богине Бися-юаньцзюнь – Изначальной государыне лазурных облаков (или лазоревой зари), полный титул которой – Восточного пика Великой горы небесная фея яшмовая дева государыня лазурных облаков (Дунъюэ-Тайшань-тяньсянь-юйнюй-бися-юаньцзюнь) и которая более кратко именуется также Матушкой Великой горы (Тайшань-няннян), а в данном тексте просто – Матушкой (Няннян). Согласно основной мифологической версии, она считается дочерью бога Великой горы, на которой соответственно особенно расцвел ее культ, прослеживающийся там с эпохи Хань (III в до н. э. – III в. н. э.). Богиня – чадоподательница и покровительница детей (но также и лисица). В храме по бокам ее трона обычно располагаются изображения помощниц: Матушки, приносящей детей (Сунцзы-няннян) и Матушки божественного зрения (Яньгуан-няннян). В ее окружении присутствуют еще шесть богинь, патронирующих разные периоды детства и его особенности.

1594

Час дракона – с 7 до 9 утра, час обезьяны – с 3 до 5 дня.

1595

Сун Цзян – появляющийся ниже в данной главе благородный повстанец, герой «Речных заводей».

1596

«Дунбинь наслаждается белым пионом» – речь, видимо, идет о картине-аллегии. Под именем Дунбинь можно подразумевать даоса Люй Дунбиня (см. примеч. к гл. LXV), который наслаждается цветком, а можно – Янь Дунбиня, мага эпохи Сун, который своим оккультным искусством увлек певицу по имени Белый Пион.

1597

Динчжоуский фарфор (дин-цы) – особая марка и способ обжига фарфора в период Сун, производившегося в округе Динчжоу (территория современной провинции Хэбэй).

1598

Героями (или молодцами) с озер и рек в Китае называли благородных разбойников, иногда повстанцев.

1599

Горы Лян (Лян-шань) расположены в той же провинции Шаньдун, где живут герои романа. В этих горах, в озерных плавнях, находился стан повстанцев во главе с Сун Цзяном – реальным историческим персонажем. Борьба Сун Цзяна и его молодцов с правительственными чиновниками и войсками описывается в эпосе Ши Найяня «Речные заводи» (русский перевод – тт. I, II, М., 1959; Рига, 1992).

1600

Юньчэн — уезд провинции Шаньдун.

«Тринадцать неизменных рецептов», или точнее «Тринадцать видов неизменных рецептов», – трактат медика XVI в. Чжу Жихуэя. Об этом произведении, а также «Чудодейственных рецептах предельного долголетия» и «Священных рецептах с моря» см. примеч. к гл. LXI.

1602

Разные внутренние болезни – один из 13 разделов традиционной китайской медицины, выделенных при династии Юань (XIII–XIV вв.). Уже к XIV в. данной тематике были посвящены более 20 специализированных собраний рецептов (цза-чжэн-фан).

1603

Чудесный меридиан Жэнь (Жэнь-май) – один из основных энергопроводящих путей (или акупунктурных линий) в человеческом организме, начинающийся в области половых органов и заканчивающийся около глаз. Он связан со всеми иньскими меридианами, и нарушения его деятельности выражаются, в частности, в гинекологических заболеваниях, связанных с бесплодием, выкидышем и влагалищными кровотечениями.

1604

Цветы красной астры (хун-хуа) – трубчатые цветки растения семейства сложноцветных (Compositae), или астр, – *Carchamus tinctorius* L., или же семейства касатиковых (Iridaceae) – шафрана (*Crocus sativus* L.), противопоказанные при беременности как способные нанести вред плоду стимуляцией маточного кровотечения.

1605

«Луна над Западной рекой» – музыкальная пьеса эпохи Тан (VII–X вв.), название которой произошло от стихотворения Ли Бо.

1606

Соломоцвет (ню-си) – корень и листья соломоцвета двузубого (*Acharanthes bidentata* Bl.), являющегося биостимулятором, активизатором плодоотделения и менструального кровотечения. Уже древнейшие в Китае фармацевтические трактаты отмечали abortивное действие соломоцвета. Аналогичным свойством, в той или иной мере, обладают и нижеследующие компоненты.

Дендробиум – крабья клешня – в оригинале использован один термин «клешня краба» (се-чжао), который может быть понят в прямом смысле, поскольку эта конечность ракообразного животного считается китайскими медиками обладающей кровоотворяющим и абортивным действием, но может и означать растение – плоскостебельчатый дендробиум, которому соответствуют виды *Dendrobium nobile* Lind. (Д. благородный) и *D. linawianum* Reich. и у которого в китайской фармации используется стебель. Поэтому в переводе отражены оба варианта трактовки текста, возможно заложенные в него самим автором.

1608

Молочай (гань-суй) – используемые в китайской медицине клубни растения семейства молочаевых (Euphorbiaceae) – *Euphorbia kansui* Liou. (см. также примеч. к гл. LXI).

1609

Чистотел (да-цзи) — корень растения семейства молочаевых — молочая пекинского (*E. pekinsia* Rupr.) или другого растения того же семейства — *Knoxia corimbosa* Willd.

1610

Железняк (чжэ-ши) – природный красный железняк – гематит, то есть окись железа (Fe_3O_4).

1611

Тушка мушиная (бань-мао) – одно из названий лекарственного препарата из тельца насекомого рода *Mylabris* (*M. phalerata* Pall., *M. cichorii* L.).

Волчник (юань-хуа) – см. примеч. к гл. LXI.

1613

Мирабилит, или глауберова соль (ман-сяо), – природный кристаллогидрат натрия ($\text{Na}_2\text{SO}_4 \cdot \text{H}_2\text{O}$), также применялся как лекарственный препарат.

1614

Ртуть (шуй-инь) – в китайской медицине употребляется наружно как противоядие и паразитицид (см. также примеч. к гл. LXXIX).

1615

Магнетит (дин-цы) – применяемый, в частности, в качестве биостимулятора природный магнетит, то есть минерал, являющийся сложным окислом с включением железа.

1616

Зернышко персика (тао-жэнь) — вылущенные ядра персиковых косточек, согласно китайской медицине, улучшают кровообращение и кишечную деятельность.

1617

Тетрапанакс из бумаги (тун-цао) – лекарственный препарат из ствола тетрапанакса бумажного (*Tetrapanax papyosifolium* K.Koch.).

1618

Мускус (шэ-сян) – применяется в китайской медицине как биостимулятор и активизатор кровообращения, а также как abortивное и противозачаточное средство.

1619

Узорный пояс (вэнь-дай) – неизвестное название, возможно имеется в виду препарат «вэнь-гуань» (буквально: «узорная шапка») – из ветвей растения *Xanthoceras sorbifolia* Bunge.

1620

Текома (лин-хуа, точнее лин-сяо хуа) – применяемый в китайской медицине препарат из цветов кампсиса китайского (*Campsis chinensis*), или текомы крупноцветковой (*Tecoma grandiflora*).

1621

Китайские фармацевты в приготовлении лекарств активно использовали несколько видов уксуса: винный, хлебный, финиковый и рисовый. Последний считался наиболее крепким.

1622

Хэ Сяньгу – единственная женщина среди широко почитаемых восьми бессмертных (см. примеч. к гл. LV). Согласно преданию, она жила при династии Тан на рубеже VII и VIII вв. и дала обет безбрачия.

Голубой, или Синий, мост (лань-цяо) — см. примеч. к гл. к гл.
XXXVIII.

1624

Яшма с Цзинских гор (Цзин-шань юй) – яшма добывавшаяся в древности в горах царства Чу. Здесь – метафора совершенного человека-сокровища.

1625

Чаочжоу – город в современной провинции Гуандун.

1626

Финальное стихотворение (в оригинале – двустишие) повторяет окончание гл. XXVI (см. примеч.).

1627

Ваша матушка Вторая – имеется в виду Ли Цзяоэр.

1628

В оригинале гл. LXXVIII жена Юнь Лишоу названа урожденной Су (см. примеч. к гл. LXXVIII).

1629

Действие гл. LXXXVII приходится на конец 1118 г., соответственно это конец 31 года жизни Цзиньлянь и возраст назван от зачатия.

1630

В Китае с древних пор весьма почитались духи – стражи ворот, в качестве которых были обожествлены два полководца VII в. Предание рассказывает, что танскому императору Тай-цзуну как-то нездоровилось и слышалось, что за дверьми спальни кто-то швыряет кирпичи, громыкает черепицей, что воют призраки и бесы... Государь испугался и рассказал об этом сановникам. Полководец Цинь Шубао выступил вперед и доложил: «Ваш подданный всю жизнь рубил врагов так легко, словно разрезал ножом тыквы. Убитых мною врагов – как муравьев в куче. Неужели я испугаюсь как призраков и бесов? Разрешите мне и полководцу Ху Цзиндэ в полном вооружении стоять у ваших дверей в карауле.» Тай-цзун согласился. Следующая ночь и в самом деле прошла спокойно. Император обрадовался, приказал живописцам нарисовать обоих полководцев и на каждую створку двери повесить по портрету. С тех пор и вошло в обычай вешать на дверях и воротах лубочные раскрашенные изображения грозных духов ворот и дверей – мэн-шэней.

1631

Действие гл. LXXXVII приходится на конец 1118 г., канун провозглашения нового девиза правления Всеобщей Гармонии (Сюань-хэ, 1119–1125 гг.). Объявление же наследника престола, по данным романа (см. гл. LXX), произошло на третий год Сюань-хэ, в 1121 г. Насколько эта датировка справедлива, установить не удалось, но, интересно, что для последующих глав будет вообще характерна странная передвижка датировок на три года.

1632

Палаты чашоб и тенет (Сэнь-ло-дянь) – обителище загробного владыки Яньло, куда первоначально попадают души усопших.

1633

Семь низших (или темных) духов (или душ) по и три высших (или светлых) духов (или душ) хунь – см. примеч. к гл. LXVI.

Град непрерывных страданий (У-цзянь-чэн) – последнее из восьми отделений буддийского ада, в котором испытываются беспрестанные муки (avīci). В редакции Чжан Чжупо указано другое адское место – Град безвременной гибели, или Град невинно убиенных, (Ван-сы-чэн), в котором, согласно даосским представлениям, пребывали души всех умерших неестественной смертью (см. также примеч. к гл. LXXIV).

1634

Чжан Цин – разбойник, который вместе со своей женой заманивал упитанных людей, убивал, разделывал и торговал их мясом. В романе «Речные заводи» он прячет У Суна, после того, как тот убивает не только свою невестку, отравившую брата, но и ее любовника Симэнь Цина.

Гора Лян (Лян-шань, или Лян-шань-бо) – гора в провинции Шаньдун, округ Дунпин, где располагался лагерь разбойников – героев романа «Речные заводы» (см. примеч. к гл. LXXXIV).

1636

В старом Китае хоронить умерших полагалось на родовом кладбище или на принадлежащем семье участке земли. Если человек умирал далеко от дома, то его тело в массивном и чрезвычайно плотном деревянном гробу везли в родные места и там хоронили. Гробы обычно делались настолько герметичными, что долгое время могли стоять не зарытыми в землю.

1637

В оригинале: Ян Второй по прозвищу Железный Коготь. Однако в дальнейшем Железным Когтем назван Ян Старший, а Гуляй Ветром – его младший брат, в соответствии с чем и внесено исправление.

1638

По данным гл. X Яо Второй взял на воспитание У Инъэр 15.08.1113 г., следовательно она прожила у него не четыре, а более пяти лет, пока ее не забрал вернувшийся в конце 1118 г. из ссылки У Сун.

1639

По китайским поверьям, души самоубийц или умерших насильственной смертью становятся голодными бесприютными духами – «гуй». Все боятся их мести (см. также примеч. к гл. LXXIV).

1640

Цзиньянь называет Чуньмэй по фамилии, так как она стала знатной дамой.

Три будды – Амиабха, Шакьямуни и Авалокитешвара-Гуаньинь
(см. также примеч. к гл. VIII).

1642

Пятигорье — одна из священных гор, расположенная в провинции Шаньси, на которой стоит множество буддийских монастырей различных школ и направлений.

Западный край (или рай) – см примеч. к гл. XXXIX, примеч. к гл. LVII.

1644

Бодхисаттвы в миру – то есть обретшие полную святость, но оставшиеся в миру для спасения всех живых тварей святые.

Согласно буддийской мифологии, в огромном тысячекилометровом парке цветущих деревьев пройдут три схода миллиардных масс адептов, которых будет просвещать восседающий под деревом бодхи с драконьими цветами будда будущего Майтрея, после чего участники собрания обратятся в архатов (см. также примеч. к гл. LXVIII, примеч. к гл. XLVII). В своем комплиментарном обращении монах причисляет увиденных им женщин к участникам первого такого схода, то есть избранным людям первой категории.

1646

Десять Владык – правители десяти областей загробного мира в мифологии китайского буддизма.

Три сокровища – 1) религиозные изображения и атрибуты как образ Будды, 2) книги и письмена как воплощение закона, 3) материальные ценности как средства существования сангхи (монашеской общины), синтетическим проявлением которых выступает буддийский храм.

1647

Десять концов света – восемь стран и полустран света, зенит и надир.

1648

Реплика Сюээ, вероятно, обусловлена тем, что Чуньмэй находится в доме начальника гарнизона не более трех месяцев (хотя хронология глав несколько путана). Следовательно, четырех-пятимесячная беременность – результат ее взаимоотношений с Чэнь Цзинци.

1649

Смысл этого двустишия в том, что часто из пустяков вырастают ссорящие людей пересуды.

1650

Вспомнила прошлогодний снег – в оригинале буквально: «Шестнадцатого января наклеивает духов-хранителей врат». Смысл данной фразы – в заведомом опоздании, поскольку изображения этих духов принято было приклеивать у дверей перед Новым годом.

1651

День Хладной трапезы, или праздник Холодной пищи (хань-ши) – см. примеч. к гл. LXIX.

1652

В стихотворении известного поэта Ду Му (803–852 гг.) топоним «деревня Абрикосов» (или «селение Цветов абрикоса» вблизи Нанкина) был использован как обозначение места, где есть винная лавка, после чего он приобрел в литературе соответствующий нарицательный смысл пункта, связанного с винопитием. Ассоциация со стихотворением Ду Му подчеркнута тем, что оно называется «В праздник поминовения усопших» («Цин-мин»), а события настоящей и начала следующей главы, где содержатся упоминания на деревню Абрикосов, разворачиваются именно в это время, что даже специально отражено в подзаголовке гл. LXXXIX.

1653

Предместье «трех ли» (сань ли) и предместье «пяти ли» (у ли) – см примеч. к гл. XXXIV.

Брахма, или «Будды отец» – см. примеч. к гл. XXXIX и примеч. к гл. LI.

1655

Деревянная рыба — колотушка с изображением рыбы, употребляемая во время службы.

1656

Наставник и Патриарх – Бодхидхарма (ум. в 528 г.), основатель школы чань-буддизма в Китае, прибывший туда из южной Индии в 520 г.

Мать демонов (Hariti, кит.: Гуй му) – буддийское божество, некогда бывшее женщиной-дьяволицей в столице индийского государства Магадха, городе Раджагриха, поклявшейся сожрать всех местных чад. Переродившись в ведьму-ракшаси, она родила 500 детей и поедала по одному в день. Согласно другой версии, она родительница 500 демонов. Так или иначе, в итоге она покорила Будде, став покровительницей детей и непременным персонажем буддийских женских монастырей (см. также примеч.. к гл. II).

1658

Веры (или закона, дхармы) небесные духи хранители (Ху фа чжу тянь) – множество разнообразных буддийских божеств, защищающих мир и людей от демонов и злых сил. Среди них, например, Небесные отороки хранители дхармы (Ху фа тянь тун), Мать демонов (см. предыдущее примечание), Упрочивающие земные духи (Цзянь-лао ди ци) и восходящие к индийской традиции локапалы – «четыре небесных царя» (Сы тянь ван), охраняющие страны света: Дхритараштра – восток, Вирудхака – юг, Вирупакша – запад, Вайшравана – север.

1659

Досточтимый Укротитель демона Мары – то есть Будда. Мара – злой дух, владыка бесов, персонифицирующий погибель, искушал Будду и был им побежден.

1660

См. гл. LVII.

1661

Западный край – здесь Индия.

1662

Лиловые чертоги (Цзы-фу) — местопребывание даосских бессмертных, ближайшая сфера при вознесении на небо (см. также примеч. к гл. LXV).

1663

Дворец цветов (Жуй-гун), или Цветочно-жемчужный дворец, — небесное обиталище даосских бессмертных в области Высшей Чистоты, а также метафорическое обозначение даосского монастыря.

1664

В оригинале говорится о высоте в три чи (чи – около 30 см).

1665

Императорское училище Сынов Отечества (Гоцзыцзянь) – привилегированное высшее учебное заведение, своего рода государственный университет, в котором студенты готовились к экзаменам на вторую ученую степень цзюйжэнь «выдвинувшийся человек» (см. примеч. к гл. VII). Поступить в него имели право особо отличившиеся обладатели первой ученой степени сючай («прекрасный талант»), сыновья заслуженных чиновников и те, кто был способен внести достаточно высокую плату. Студенты государственного училища проходили три степени – «внешнюю» (нисшую), «внутреннюю» (среднюю) и «высшую» (см. также примеч. к гл. XXI).

1666

Указанные в оригинале Южная и Северная столицы (Нанкин и Пекин) – анахронизм, отражающий ситуацию эпохи Мин, а не Сун.

1667

Расположенный в провинции Хэбэй монастырь Шаолинь славился как колыбель высокоразвитой школы боевого искусства.

1668

В оригинале использован образ Чжантайской ивы (см. примеч. к гл. XXIV).

1669

По китайским обычаям, чиновник после смерти отца должен был испросить отпуск и вернуться домой на весь срок траура (максимально – до трех лет), только после этого он мог снова отправиться к месту службы.

1670

Здесь в оригинале Лайчжао назван Лючжао.

1671

Светлая область – территория округа Нинбо провинции Чжэцзян, где в начале X в. при династи Лян (907–923 гг.) прославился странствующий монах Чантин-цзы по прозвищу Монах-с-холщовой-торбой-за-плечами (Будай-хэшан). Согласно описаниям он имел грубую внешность: сморщенный лоб и отвисший живот, был косноязычен, бродил с нищенским мешком за плечами и спал где придется. Образ этого чаньского юродивого, иногда отождествляемый с воплощением бодхисаттвы Майтреи, обрел большую популярность в иконографии дальневосточного буддизма, особенно много его изображений в храмах и монастырях Ханчжоу.

1672

Сваха указывает на то, что бариц Ли родился в начале года седьмого, или гэн-у, что под знаком лошади, то есть 1090 г. Судя по косвенным указаниям глав 89 и 90 действие гл.91 должно приходиться на середину 1119 г., в котором барицу Ли исполнилось 29 полных лет, идет 30-й год по лунному календарю и 31-ый от зачатия. Однако при свадьбе, смерти и прочих важнейших событиях жизни человека, как правило, принят официальный подсчет возраста по лунному календарю. Для Ли, таким образом, 31-ым лунным годом должен быть 1120. Возможность датировать гл. ХСІ 1120-ым годом подтверждается указанием на возраст Мэн Юйлоу (см. примеч.) и упоминаниями о текущих событиях в гл. ХСІІ, действие которой приходится на 1122 г.

1673

Цзюйжэнь – вторая ученая степень (см. примеч. к гл. XC). Цзиньши – высшая ученая степень (см. примеч. к гл. XIV).

1674

В старом Китае нередко в честь какого-либо отличившегося человека (главным образом своим добродетельным поведением) посреди города или просто на дорогах у въезда в его родное селение ставились деревянные триумфальные ворота с надписью наверху. В особых случаях они «жаловались» специальным императорским указом.

1675

Барич Ли младше Юйлоу, родившейся в конце 1084 г., на пять лет и два месяца. Если свадьба происходит в середине 1119 г., то Юйлоу полных 34 года, должно исполниться 35, идет 36-ой год по лунному календарю и 36 от зачатия, если же в середине 1120 г., то ей полных 35 и это ее 37-ой лунный год (ср. примеч.). Приведенная здесь дата рождения Юйлоу разнится с названной в гл. XLVI сдвигом на более ранний час: с третьего двухчасья инь (3:00 – 5:00) на первое цзы (23:00 – 1:00).

1676

Печать и пояс – атрибуты чиновного лица.

1677

Четыре оплота (сы-цюань) – так гадатели называют год, месяц, день и час рождения.

1678

Описанное выше, в гл. XLVI, гадание на символах-гуа о судьбе Мэн Юйлоу в целом совпадает с данным, в частности, вполне сбылось предсказание о ее третьем муже – ученом-сюцае, однако в вопросе о ребенке результаты принципиально разошлись: ранее гадалка предрекала рождение дочери, а здесь гадатель говорит о сыне.

1679

В оригинале говорится о «фениксовом пруде» (фэн-чи), что является образным обозначением Запретного города, местопребывания императора.

1680

В оригинале дословно «третий раз в алом шелке», то есть содержится намек на то, что этот брак Мэн Юйлоу уже третий.

1681

Год четвертый дин-мао соответствует 1087 г.

1682

Согласно соотнесению десяти небесных стволов по пяти первоэлементам, определяющий год рождения невесты знак «дин», или четвертый, соответствует стихии огня, а определяющий год рождения жениха знак «гэн», или седьмой, – стихии металла (см. подробнее примеч. к гл. XXIX).

1683

Поля Голубые – имеется в виду уезд богатый самоцветами
Ланьтянь (см. примеч. к гл. XXXIX).

1684

Чайный подарок (ча-бин, буквально: чай и блины) — преподносимые женихом чай и сладости, которые семья невесты пересылала своим родственникам и друзьям.

Шапка с «мостиком» (лян-гуань) – народный головной убор чиновника. Давший ему название основной конструктивный элемент «мостик» первоначально (до эпохи Хань включительно) представлял собой полосу легкой газовой ткани, натянутую на каркас и, подобно округлому или угловатому мосту, проходящую спереди назад над узлом волос на макушке, который оставался открытым по бокам. Количество таких полос знаменовало социальный статус носителя этого головного убора. Впоследствии он развился в цельную шапку, закрытую со всех сторон и снабженную околышем, но разделяющие его продольные борозды «мостики» сохранили свою знаковую функцию социального выделения и дифференциации по рангам. В данном случае речь идет или о каком-то варианте шапочки чиновника, которую может водрузить на себя его жена для пущей важности, или о названной так по аналогии особо пышной модели украшения женской прически – сетки для узла или пучка волос.

1686

В старину на невесту, когда ее везли к жениху, накидывали покрывало. Выезд невесты или новоселье сопровождалось перенесением так называемой драгоценной вазы, в которую клали драгоценности и зерно.

Празднование третьего дня после свадьбы – см. примеч. к гл. XXXV.

1688

Возрасты служанок не соответствуют тем, что были названы в гл. VII: Ланьсян – 15 лет, а Сяолуань – 12. С тех пор прошло шесть лет (гл. VII – 1113 г.; гл. XCI – 1119 г.), возможно, такой синхронный перепад в числах объясняется различными отсчетами: полных и неполных лет, от появления на свет и от зачатья.

Лю Хай – см. примеч. к гл. XV.

1690

Китае все крупные реки текут с запада на восток, к Тихому океану.

1691

Линьцин – город на северо-западе провинции Шаньдун, стоящий на Великом (Императорском) канале – Юньхэ и благодаря своей важной географической позиции в торгово-транспортной коммуникации называемый «ключевым соединением Севера и Юга».

1692

Терем Ласточки (Янь-цзы-лоу) – терем выстроенный танским министром Чжан Цзяньфэном (VIII в.) для его любимой жены Гуань Паньпань в уезде Туншань провинции Цзянсу. После смерти мужа Гуань Паньпань не вступала больше в брак и более десяти лет одиноко прожила в этом тереме, который таким образом стал символом верной супружеской любви. Соответствующий образ лег в основу стихотворения Бо Цзюйи «Терем Ласточки».

1693

Фея Улин – согласно легенде одна из двух фей с реки Улин, что однажды повстречались Жуань Чао и Лю Чэню (см. примеч. к гл. XLIX).

1694

Правитель Ли Чанци правил в Цинхэ начиная с 1118 г., поскольку в гл.77, действие которой приходится на конец 1117 г. еще правит его предшественник – приятель Симэня Ли Датынь, а Чанци впервые упоминается в качестве нового правителя в гл. LXXXVIII, то есть в конце 1118 г. Следовательно трехлетний период его службы в Цинхэ должен был окончиться к 1121 г., когда его и перевели в Чжэцзян. Таким образом описываемые события также происходят не ранее чем в 1121.

1695

По преданию, на Луне живет яшмовый заяц, который толчет в ступе снадобье бессмертия, а Солнце – это золотой ворон, летящий днем по небу, а на ночь опускающийся отдыхать на дерево Фусан (см. также примеч. к гл. XLVI).

1696

Полководец пяти дорог (или пяти путей – божество, управляющее жизнью и смертью в даосской мифологии. Подробнее см. примеч. к гл. II.

Чжун Куй – повелитель бесов в китайской народной мифологии. Подробнее см. примеч. к гл. LXV.

1697

Данное стихотворение, заканчивающееся слегка видоизмененной цитатой из Цуй Цзяо, является третьей вариацией на одну и ту же тему разлуки, сходным образом поэтически запечатленную в гл. LXIX (см. примеч.) и LXXXIII (см. примеч.).

1698

По словам Юйлоу, уже второй год (или два года), как ее не было в Цинхэ, следовательно, действие происходит не ранее 1122 или даже в 1123 г., что находится в явном противоречии с указаниями последующих XCIV и XCVI глав (ср., например, примеч. к гл. XCIV).

1699

Здесь слова Мэн Юйлоу относят события начала 91-й главы ко времени после ее женидьбы на бариче Ли или, возможно, даже после отъезда, хотя сватовство ее описывается лишь во второй части той же главы.

1700

По-видимому, имеется в виду плиточный чай, своей формой изображающий фигуры мужчины и женщины в интимной позе, и призванный вызывать соответствующие любовные ассоциации.

1701

Ближайший ко времени действия романа год под сорок седьмым циклическим знаком гэн-суй приходится на 1070 г., то есть или Сюй Фэн получил высшую ученую степень очень давно, более чем за полвека до описываемых событий и, следовательно, находится в весьма почтенном возрасте, или в тексте очередная хронологическая ошибка.

1702

Возраст Симэнь Старшей упоминался в гл. VII, посвященной событиям 1113 г., в канун ее свадьбы, и тогда она была названа 14-летней. Действие же гл. ХСII можно отнести как к 1119 (если основываться на хронологических указаниях в главах ХС, ХСIII, ХСIV и ХСVI), так и к 1122–1123 гг. (см. примеч.), в первом случае Симэнь Старшей должно быть 20 лет, во втором – 23 или 24 (видимо, по лунному календарю). Таким образом, по данным о ее возрасте действие должно происходить в 1123 г. Симэнь Цину, в этом году было бы полных 37 лет и 6-й год после его смерти.

1703

Уезд Хуанган на востоке центральной провинции Хубэй. Хугуан – образованная при династии Юань, то есть позднее описываемых событий, обширная провинция, охватывавшая территорию «двух Ху» – Хубэй и Хунани, а также Гуанси и Гуйчжоу (см. также примеч. к гл. LXIV).

1704

Возраст Юэнян соответствует 1121-му г., если он назван по лунному календарю, или 1122-му, если в исчислении полных лет от рождения.

1705

В датировках событий происходит сбой приблизительно на 2 месяца. Как сказано выше, Цзинцзи отправился в Яньчжоу в Праздник середины осени, то есть в 15 день 8 луны, возвращался он уже в конце осени – в поздней 9-й луне. Исходя из этого домашние скандалы по возвращении и самоубийство Симэнь Старшей должны быть датированы 10-й луной, а не 8-ой, как сказано в тексте оригинала.

1706

Белая дщица – судебная повездка, ордер на задержание или арест.

1707

Фамилия левого соседа Фань соответствует редакции Чжан Чжупо, в издании же «Цы-хуа» 1935 г. стоит фамилия Ман.

1708

Большие батоги – тяжелые палки (подробнее см. примеч. к гл. XXVI).

Голубой мост – см. примеч. к гл. XXXVIII.

1710

В глубокой древности у мифического царя Гаосина было два сына, которые постоянно враждовали между собой. В конце концов Небесный царь повелел им поселиться на двух звездах – Шан и Шэнь, первая из которых расположена на восточной стороне неба, а вторая – на западной. С тех пор выражение «звезды Шан и Шэнь» стало означать удаленность друг от друга, невозможность встречи.

1711

Фань Куай (?-189 г. до н. э.) – выдающийся полководец, соратник, земляк и свойственник первого императора династии Хань, отличался большим личным мужеством и не останавливался ни перед какими препятствиями (подробнее см. примеч. к гл. LXIX).

Ср. примеч. гл. LXXXIX.

1713

Преподобный Янь (Янь-гун) – благое божество водной стихии, успокаивающее волны. Был канонизирован при первом императоре династии Мин, Тай-цзу (1368–1398 гг.). См. также примеч. к гл. XXVII.

1714

Царь драконов (лун-ван) – особо крупный дракон, повелитель своих более мелких собратьев. Его образ сложился под влиянием принесенного буддистами в Китай образа нагараджа – царя змей-нагов. Царей драконов насчитывалось четыре (соответственно странам света), восемь или десять (согласно буддийским источникам). Приведенное здесь число 12 (и-ши-эр) – либо фантазия автора, либо простая ошибка. Определенным подтверждением последнего предположения может служить издание «Цы-хуа» 1935 г., в котором переставлены цифры 10 и 2, в результате чего текст допускает более «правильное» прочтение: «один за другим десять изваяний» (и-эр ши-цзунь).

1715

Если судить по указаниям ХСIV и ХСVІ глав, действие гл. ХСІІ приходится на начало 1120 г., в котором Цзинцзи действительно 24 года (ср. упоминание его возраста в момент женидьбы в гл. ІІІ – 1113 г., где ему 17 лет). Если судить по указаниям гл. ХСІІ – на начало 1123-го (или даже 1124-го), В таком случае ето должно быть 27–28. Однако в обоих случаях дата рождения никак не может приходиться на год лошади (1090 или 1102), ибо тогда в момент женидьбы на Симэнь Старшей ему шел 24-ый или 12-ый год, а нынешний год – это или 1113-1114-й, или 1125-1126-й. В зависимости от того, по какому отсчету назывался возраст героя, дата его рождения должна приходиться на промежуток 1096–1098 гг., расположенных под знаками крысы, быка и тигра.

1716

Первый иероглиф имени (цзун – «род»), как было принято в Китае для братьев, – общий, второй же у каждого свой и означает: у старшего – «разумный» (мин), у младшего – «послушный» (шунь), а у Чэня – «прекрасный» (мэй).

1717

«Оленьи рога» – амулет военных, якобы хранящий от врагов.

1718

Указание на полугодовой возраст сына Чуньмэй вновь возвращает нас к первой половине 1120 г., поскольку известно, что та попала в дом воеводы Чжоу в 11 луне 1118 г. и практически сразу же оказалась беременна. Соответственно сын у нее родился в 8 луне 1119 г. Таким образом хронология ХСII и ХСIV глав находятся в противоречии, ибо, если судить по ХСIV-й, события ХСII-й следует относить к 1119 г., то есть на три года раньше, чем там указано (ср. примеч. к гл. ХСII).

1719

Лунная Корица – имя, связанное с мифологическим образом коричневого дерева, произрастающего на Луне.

1720

Этот эпизод с «удивительным» поведением ребенка построен на том, что он является сыном Чэнь Цзинцзи (ср. примеч. к гл. LXXXVIII). На тоже намекает и описанная выше замечательная красота ребенка.

1721

Повторено двустишие из гл. LXXVII.

Шесть желаний и семь страстей (лю-юй ци-цин) – основные чувственные реакции (чувства жизни и смерти, слух и зрение, вкус и обоняние) и эмоции (радость, гнев, грусть, забота, огорчение, страх, испуг). Согласно китайской медицине, они способны как патогенные факторы нанести ущерб и внутренним органам, и пневменно-кровенной системе, и психике (см. также примеч. к гл. LXI).

1723

Опять явный анахронизм. Согласно тексту гл. IX, излагающей события 1113 г., Сюээ было тогда около двадцати, а с тех пор прошло лишь 7 или 10 лет.

1724

Повторено двустишие из гл. LXV.

Шапка с золотым «мостиком» — см. примеч. к гл. ХСІ.

Шапка с пятью «мостиками» (у-лян-гуань) – согласно китайскому специалисту Ван Вэйлину, ошибочное написание «шапки с золотым „мостиком“» (см. примеч. к гл. ХСІ). Возможно, однако, она символизирует пятый чиновный ранг, которым обладал Симэнь.

Восемь счастливых предзнаменований (ба-цзи-сян) на подошвах Будды, или разновидности семи образов (ци-сян) – это: колесо закона; раковина; зонт; балдахин (считается также, что это флаг); лотос; кувшин; рыба; мистический бесконечный узел. Эти изображения из дерева или из глины ставят на алтарях в буддийских храмах, кроме того, их используют в орнаментальном украшении различных предметов.

Столик восьми бессмертных – см. примеч. к гл. XXXII.

1729

Сороки в традиционном Китае считались вестницами счастья, способными соединять любящих. Именно они протягивают мост через Небесную Реку (Млечный Путь) для двух влюбленных звезд Волопаса (Альтаир) и Ткачихи (Вега), встречающихся лишь раз в год в седьмой день седьмой луны.

1730

Наставник в Рубище – см. примеч. к гл. XXIX.

1731

Пророк Е делает предостережения относительно того возраста, когда Цзинци уже не будет в живых.

1732

Указание на возраст Чуньмэй не вполне согласуется с изначальным: в гл. X ее называют ровестницей Инчунь, которой, как сказано в гл. XIII, идет семнадцатый год (время действия гл. XIII приходится на 1114 г.); далее, в гл. XXIX, приходящейся на 1116 г., Чуньмэй названа восемнадцатилетней. На основе этих двух дат, год ее рождения определяется как 1098 (если же за основу взять лишь данные гл. XXIX, имея в виду, что речь идет о возрасте по лунному календарю, то как 1099). Меж тем как Цзинцзи было 17 лет уже в 1113 г. (гл. III). Таким образом не Чуньмэй, а Цзинцзи должен быть старше на год (или два). И в гл. XCVII – в 1121 г. – Чуньмэй должно исполниться 23 (22) и идти 24-ый (23-ий) год. Указанные же 25 лет могут быть справедливы, если учесть техлетнюю сдвижку в хронологии романа и принять текущий год за 1124-ый (см. гл. XCII–C и примеч. к ним), но тогда ей вскоре должно исполниться полных 26 (или 25), а Цзинцзи должно быть не 24, а 26 и вскоре исполниться 27.

1733

То есть на Пань Шестой – Цзиньянь.

Реальгар – см. примеч. к гл. LXXIII

Цзунцзы – см примеч. к гл. XVI.

1736

Тигренок из полыни – амулет, оберег от нечисти.

См. примеч. к гл. LXXXIV.

1738

Вторая дочь Ин Боцзюэ в гл. LXVII (конец 10 луны 1117 г.) называлась тринадцатилетней. Нынешнее ее 22-летие возможно только в том случае, если она родилась в 11–12 луне 1103 г. и в гл. LXVII называются ее полные года, хотя ей вскоре уже должно исполниться 14 и идет 15-ый лунный год ее жизни, а в гл. XCVII назван ее лунный год и действие отнесено не к 1121, а к 1124 г., что подтверждают и лета Гэ Цуйпин (см. примеч.).

1739

Опять датировка, не согласующаяся с общей хронологией романа: Симэнь умер в году тридцать пятом, или моу-суй (1118), чему недавно отмечали трехлетнюю годовщину (см. гл. XCVI), следовательно, идет год тридцать восьмой, или синь-чоу (1121). Знак же курицы приходился на года: десятый, или гуй-ю (1093), – тогда невесте 28 полных лет; двадцать второй, или и-ю (1105), – тогда ей 16. Двадцатый год по лунному календарю ей может быть, согласно двойной хронологии, если данный год считать 1124-ым (ср. хронологию гл. ХСII–С).

1740

Образ красного листа, как посредника, связующего влюбленных, восходит к историческому эпизоду IX в., когда императорская наложница Хань написала стихотворное послание и пустила по Великому каналу, а оно было подобрано сановником Юй Ю, который ответил ей тем же. Потом они поженились, т. е. свахой стал красный листок.

1741

Скрижаль государя золотая – список выдержавших экзамены на высшую ученую степень цзиньши.

См. примеч. к гл. LXII.

См. примеч. к гл. XXVII.

1744

Третья и четвертая строки этого вводного стихотворения представляют собой трансформацию двух последних стихов из четверостишия, завершающего гл. LXXII.

1745

Цзинань – главный город провинции Шаньдун.

1746

Дань – мера объема немногим более ста литров, или один большой куль риса.

Ли Цуньсяо – ранее упоминавшийся в гл. I (примеч.) храбрец и богатырь Ань Цзинсы (?-894), прославившийся тем, что голыми руками убил тигра, похищавшего овец. Об этом узнал вождь окраинного тюркского государства Шато в составе Танской империи – Ли Кэюн (856–908), известный своим участием в подавлении знаменитого восстания Хуан Чао. Он взял Ань Цзинсы к себе в качестве приемного сына, пожаловав ему августейшую фамилию Ли, которую в свою очередь получил его отец от танского И-цзуна (Ли Цуй, правил: 860–874). Впоследствии Ли Цуньсяо был оклеветан и убит другим приемным сыном Ли Кэюна – Ли Цуньсинем (см. «Синь Тан шу» – «Новая история Тан»). История подвига Ли Цуньсяо описана в драме XIII–XIV вв. Чэнь Ижэня (?) «Цуньсяо убивает тигра у заставы Яньмэньгуань». В тексте гл. ХСVIII «Цзинь, Пин, Мэй» ошибочно сказано, что Ли Цуньсяо жил в период Пяти династий, видимо в связи с тем, что он оказался «приемным братом» Ли Цуньсюя – основателя династии Поздняя Тан (923–936), Чжуан-цзуна (885–926).

Пэньюэ (Чжун Пэньюэ, III–II вв. до н. э.) – занимали высокие, близкие к трону, посты и пользовались благосклонностью правителей, но впоследствии были казнены.

1748

Нижнеречье (хэ-ся) – вообще, нижнее течение реки Хуанхэ, проходящее по центру провинции Шаньдун. Но здесь, видимо имеется в виду противоположная от Цинхэ северная, более равнинная, сторона ее русла.

1749

Вероятно, ошибка в оригинале, т. к. южнее Линьцина в провинции Шаньдун протекает река Хуан (Хуанхэ), а менее значительная Хуайхэ далека от этих мест.

1750

Чэнь Дун по прозвищу Шаоян (1086–1127) обвинил шесть сановников Хуэй-цзуна в седьмом году под девизом Сюань-хэ, т. е. в 1125 г. (в 1126 г. Цай Цзин скончался). Имена сановников названы не вполне верно, так, например, обвинен был не Гао Цю, умерший своей смертью на покое от болезни в 1126 г., а Ван Фу, который вовсе не был арестован в 1115 г., как сказано в гл. XVII романа; не правый министр Ли, а Лян Шичэн, ни разу в романе не упоминавшийся.

1751

Места пагубных миазмов – окраинные территории, места ссылок, насыщенные влагой и ядовитыми испарениями, где свирепствует малярия и др. болезни.

1752

Предвечерний час под девятым знаком шэнь – время от 15 до 17.

1753

Опять, частый для последних глав романа случай анахронизма: Айцзе, родившаяся в год лошади (1102 г.), что подтверждено и гл. XXXVII (см. примеч.), никак не может быть ровесницей Цзинцзи, ибо ей в 1116 г. (гл.37) шел 15-ый год, а Цзинцзи уже в 1113 г. (гл.3) – 17-ый. То есть Цзинцзи должен быть старше Айцзе на пять лет, и если ему 26, то ей – 21, но ежели действие приходится на 1126 г., то Айцзе идет 25-ый, а не 26-й и Цзинцзи идет 30-й.

1754

Праздник лета (дуань-у), или праздник лодок-драконов – 5 день 5
месяца (см. примеч. к гл. LI).

1755

Ван Шестая, родившаяся в 17 день 4 луны 1089 года под знаком змеи, была на год младше Цзиньянь и на три – Симэнь Цина (см. примеч. к гл. XXXVII и гл. XLIX), таким образом в 1126 году ей должно быть полных 37 лет и идет ее 38-й год по лунному календарю, поэтому указание на ее 45-летний возраст кажется странным.

1756

«Глаз», что у «дерева», «сердце», что ниже «поля» — см. примеч. к гл. LXXXIII.

1757

Выше сказано, что первая встреча Цзинцзи с Айцзе произошла в третьей луне, повторная – через три дня после первой, Цзинцзи провел в Линьцине одну ночь и с тех пор прошло немногим более десяти дней, однако действие конца главы сдвинуто вперед на два месяца.

1758

В этом двустишии сила любви выражена идеей ее возникновения в предшествующем существовании, которое историзированно мыслящие китайцы соотносили с периодом в пятьсот лет. Историсофскую теорию пятисотлетней цикличности выдвинул Мэн-цзы (IV в. до н. э.), а разработал Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.), назвавший этот период «великим изменением».

1759

Государство чжурчжэней Цзинь – см. примеч. к гл. LXIV. Исторические события в романе предстают в обратном порядке, соответственно относя действие гл. XCVIII к 1126 г., а гл. XCIX – к 1125 г., ибо в действительности вначале произошло нападение чжурчжэней на Сун и Тун Гуань встал во главе объединенных войск империи, но затем бежал и был казнен в числе «шестерых разбойников» (событие, в результате которого семья Хань Даого оказалась в Линьцине – см. примеч. к гл. XCVIII).

1760

Император Цинь-цзун – см. примеч. к гл. LXX. Вступил на престол в конце 1125 г. – седьмого года Сюань-хэ.

1761

В оригинале: «седьмой год под девизом Сюань-хэ», что исторически неверно, так как эра Мира и Благополучия (Цзин-кан, 1126 – нач.1127) была провозглашена по окончании семилетия Сюань-хэ.

1762

Драконовой — то есть императорской.

1763

Три древнейших владыки – в китайском мифологии и традиционной историографии приводятся различные списки первых легендарных правителей, культурных героев, например: Владыка неба, Владыка земли, Владыка людей или Фу-си, Шэнь-нун, Хуан-ди.

1764

Пять древнейших правителей – это либо мифологические небесные государи, соотнесенные с четырьмя сторонами света и центром, либо полумифологические идеальные правители в нескольких различающихся наборах, например: Яо, Шунь, Юй, Чэн Тан, Вэнь-ван.

1765

Четыре злодея – мифические персонажи, вожди племен, или главы родов, которых, согласно преданию, Шунь выслал на окраины империи по четырем сторонам света. В разных древнекитайских источниках («Шу-цзин», гл.2; «Цзо-чжуань», Вэнь, 18 г.; «Ши-цзи», гл.1 и др) этот эпизод биографии древнего правителя представлен как одна или две истории, связанные соответственно с двумя наборами «злодеев», которые могут взаимно идентифицироваться: Гунгун, Хуаньдоу, вождь племен сань-мяо (буквально: трех мяо), Гунь или Цюнци (Странный), Хуньдунь (Беспорядочный), Таоте (Жадина), Таоу (Упрямец). Позднее Чэн Тан (нач. II тыс. до н. э.) также усмирал варварские племена мяо, жившие на юго-западе страны.

1766

Гаоян – уезд и город в провинции Хэбэй у озера Гаоян.

1767

То есть 9 луна 1126 г. Из текста следует, что Цинь-цзун издал этот указ, когда войска Цзинь уже почти вплотную подошли к столице Сунской империи, за месяц до ее осады, которая в романе случается лишь спустя год (см. гл.100). Таким образом назначение Чжоу Сю вернее было бы отнести либо не 9-й, а 1-й луне, либо к 9-й луне, но не 1-го года Цзин-кан, а 7-го Сюань-хэ (которые, кстати, в романе ошибочно идентифицированы – см. примеч.) и, соответственно не к Цинь-цзуну, а к Хуэй-цзуну.

1768

Возраст Цзинцзи не соответствует хронологии романа: если речь идет о числе его годов по лунному календарю, то не наступивший 27-й год его жизни – это или 1128 (при рождении в 1102 г., как сказано в гл. ХСIII), или 1123 (при рождении в 1097, что следует из гл. III); если же речь идет о полных годах, то 27 ему должно исполниться либо в 1129, либо в 1124. Исходя из данного набора лет, гибель Цзинцзи можно датировать концом 1127, 1122, 1128 и 1123, но никак не 1125, что соответствует историческим событиям, описанным в гл. ХСIX.

1769

Ли Гуй – Шаньдунский демон – знаменитый силач, цирковой жокей (см. гл. XC).

1770

Знаменитый полководец III в. Чжунгэ Лян семь раз брал в плен князя южных инородцев Мэн Хо и семь раз отпускал его в надежде, что тот сам поймет, насколько китайское войско сильнее его собственного, перестанет сопротивляться и покороится Чжунгэ Ляну. Эпизод этот подробно описан в исторической эпопее Ло Гуанчжуна «Троецарствие» (XIV в.).

1771

Полководец царства У по имени Люй Мэн (III в.) дважды окружал знаменитого полководца царства Шу бесстрашного Гуань Юя, что также описано в романе «Троецарствие».

1772

Судя по формулировке: «фан нянь лю суй» («сравнился годами с шестилетием», или «перешел годами через шестилетие»), речь идет о полных шести годах жизни Цзиньгэ, исчисляемых от рождения. Поскольку он родился в восьмой луне 1119 г., следовательно начало сотой главы приходится на конец 1125 г. (ср. примеч. к гл. ХСІХ).

1773

Сообщение о возрасте Юйцзе переведено в соответствии с указаниями гл. XCVI (начало 1121 г.), где ей четыре годика, когда Цзиньгэ уже год от рождения шел второй а по лунному календарю – даже третий (первый – 1119 г., см. гл. XCIV). Таким образом Юйцзе не должна быть старше своего брата более, чем на три года. Поэтому двузначное выражение «чжан нянь ши суй» считаем нужным переводить как «достигла в годах десятилетия», а не «достигла в годах десяти лет».

1774

Палата Единорога-цилия — была сооружена при ханьском императоре У-ди (141-87 гг. до н. э.) по случаю якобы изловления им этого благовещего животного, которое своим изображением на ней и дало ей имя. В дальнейшем она стала своеобразным пантеоном, где помещались портреты выдающихся деятелей.

1775

Застава Диких гусей – важный оборонительный пункт на горном перевале в северо-западной части уезда Дайсянь провинции Шаньси. Через него пришлось бежать на север упоминаемому далее императору Цинь-цзуну (1125–1127 гг.), спасаясь от наступавших на Кайфэн чжурчжэней.

1776

Скакун, потеющий кровью – согласно древнекитайским преданиям, отраженным в «Исторических записках» (гл. 24 и 123) и «Истории ранней династии Хань» (гл. 6), в конце II века до н. э. китайцы совершили завоевательный поход на запад, в Среднюю Азию, в царство Давань (Фергану), где обнаружили эту породу осорбо ценных лошадей, пробегающих в день тысячу ли. Считалось, что они происходят от «небесных коней». В дальнейшем этот образ стал символом боевой доблести и ратных заслуг.

1777

Ковш – одно из 28 зодиакальных созвездий, см. примеч. к гл. XXXI.

1778

Действие хронологически направлено вспять, ибо государство Ляо пало в 1125 г., а о вступлении на трон Цинь-цзуна, произшедшем в том же году, уже сообщалось в предыдущей главе.

1779

Согласно сказанному Бессмертным У в гл. XXIX, Чжоу Сю, супруг Чуньмэй, погибнет в конце третьего десятилетия последней. Если дату ее рождения относить к 1098 г., то это должно было случиться не позднее 25 дня четвертой луны 1125 г., если к 1099–1126 г. (см. примеч. к гл. XCVII). Возможно, 5 луна названа ошибочно, вместо 2-ой или 3-ей, тем более, что речь о наступлении лета, т. е. 4 месяца идет позже (ср. примеч.).

1780

«Турачи небеса» («Чжэ-гу тянь») – с X в. существуют две мелодии с таким названием, обе на основе стихов «люй» или «ши». Одна – южная, шестая в тонике гун (сянь-люй-гун), должна исполняться в качестве вступительной арии «инь-цзы», однако после XIV в. часто стала использоваться для эпилогов музыкальных драм. Другая – северная, вторая в тонике шан (да-ши-дяо), исполняется в циклах или в качестве малых песенок «сяо-лин». В главах VI, XXXVIII и LXXII романа эта мелодия упоминалась под названием «Куропатка» и, вероятно, имелась в виду «сяо-лин» на северную мелодию, а здесь, вероятно, южная в качестве эпилога. Турачи – птицы семейства фазановых.

1781

«Сокровенные планы» – знаменитый древний военный трактат.

1782

Тигровый знак – то же, что тигровый мандат (см. гл. LXX, примеч.), воинский символ – известный с середины I тысячелетия до н. э. медный верительный знак, изображающий тигра и состоящий из двух частей, одна из которых вручалась государем полководцу.

1783

День рождения Чуньмэй приходится на 25 день четвертой луны, то есть до гибели мужа, если, конечно, она произошла в 5 луне (ср. примеч.).

1784

В китайском тексте говорится, что шел двадцать девятый лунный год жизни Чуньмэй. Поскольку он пришелся на 1126, ее рождение следует отнести к 1098 (год под знаком тигра, тем же, что и Симэня, умершего по аналогичной причине). Хотя этот год, в который погиб и Чжоу Сю, должен быть годом ее 27-летия, то есть 28-ым по лунному календарю (ср. примеч.)

1785

Бяньлян – Кайфэн, см. примеч. к гл. LXXI. Цзиньские войска окружили столицу в 11 луне 1126 г. В первый месяц по лунному календарю 1127 г. Хуэй-цзун и Цинь-цзун были пленены и обращены в подданных, а в третьем месяце – отправлены на север.

1786

Срединная равнина – одно из самоназваний Китая.

1787

Лунная цитра — четырехструнный инструмент с круглым или восьмигранным корпусом.

1788

Сто му – приблизительно 6,15 га.

Названный здесь пятнадцатилетний возраст Сяогэ – одно из самых загадочных искажений внутренней хронологии романа. Согласно всем приведенным историческим фактам описываемые события должны происходить в начале 1127 г, а следовательно, сыну Симэня не может быть больше 9-10 лет. Однако указание на его 15 лет сделано и далее в этой главе, а также повторено в редакции Чжан Чжупо. Определенную рационализацию такого возраста юного героя предает сюжетный ход, связанный с его женитьбой, хотя для Китая вполне приемлемы и очень ранние браки. Но, очевидно, главнейшая мотивировка этой возрастной аномалии — пророчество буддийского монаха Пуцзина в гл. LXXXIV о приеме только что родившегося младенца Сяогэ к себе в ученики через 15 лет (данное число там названо трижды). Повторно появляющийся в гл. С (см. ниже) монах напоминает о своих словах, но самое поразительное, что при этом он совершенно правильно указывает на десятилетний, а не пятнадцатилетний разрыв между двумя встречами. Объяснить подобное расхождение на соседних страницах, явно не вызванное простой небрежностью или погрешностью можно только особым символическим характером чисел в китайской культуре.

1790

Девять светил – Солнце, Луна и семь звезд Большой Медведицы.

Заклинания из «Канона о пресечении возмездий» (Цзе-юань-цзин чжоу) – видимо связаны с тем же текстом, который упоминался в гл. LIX и был там переведен как «Заключая, отводящие злых духов» (Цзе-юань чжоу). Хотя в обоих аналогичных контекстах речь идет о буддийских культовых действиях, приведенные названия являются краткими формами заглавий двух даосских произведений, входящих в «Дао цзан»: «Сокровенный канон сказанного Высочайшим носителем дао о пресечении возмездий и освобождении от бренности» (Тай-шан дао-цзюнь шо цзе-юань ба-ду мяо-цзин) и «Канон сказанного Высочайшим о полном и высшем пресечении возмездий» (Тай-шан шо тун-чжень гао-хуан цзе-юань цзин).

1792

Позже перерождением Симэнь Цина объявляется Сяогэ. Подобное «двойное» перерождение представляется странным.

1793

В эпоху Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.) правящие роды соседних царств Цинь и Цзинь традиционно заключали между собой браки, отчего сочетание их названий стало матримониальным символом.

1794

По преданию, девятый сын императора Хуэй-цзуна, князь Кан, будучи больным, будто бы переплыл на глиняном коне реку Янцзы, после чего сразу выздоровел.

1795

Цзянькан – нынешний Нанкин.